

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ СХХІХ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІХ.

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1912

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
ЮЛЬ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1912 г.

СТРАВ.

I. Жена министра. (Романъ). Часть первая. I—VI. (Продолженіе). Н. А. Лаппо-Данилевской.	5
II. Изъ мемуаровъ. I—IV. В. А. Волжина.	40
III. Въ волчьей пасти. (Картина съ натуры). Г. Н. Ольшанскаго.	64
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). III. (Окончаніе). В. Б. Бертецова.	96
V. Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883). (Окончаніе). П. А. Россіева.	111
VI. «Ученикъ мудрости». (А. Э. Лабзинъ и его литературная дѣятельность). Н. А. Державина.	137
VII. На выставку. М. С. Семенова.	176
VIII. Первая стычка. Н. Н. Несмѣлова.	204
IX. Неудачный опытъ. (Зубатовщина). В. И. фонъ-Штейна.	223
X. Святыня вологодской тюрьмы. Г. У. Васишка.	256
Иллюстрація: Икона въ вологодской тюрьмѣ.	
XI. М. П. Петровскій. Д. А. Корсакова.	262
Иллюстрація: Мемновъ Петровичъ Петровскій.	
XII. Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. XIV—XXI. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	271
XIII. Охрана памятниковъ старины. (По поводу новаго «общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины»). В. Е. Рудакова.	305
XIV. Поѣздка въ Тавризь. Б. М. Гурьева. (Окончаніе).	310
Иллюстраціи: 1) Ниточная фабрика Шюнемана.—2) Остатки Синей мечети.—3) Католическая церковь въ Тавризь.—4) Аркъ.—5) Русское генеральное консульство въ Тавризь.—6) Наказаніе по пяткамъ.—7) Курды.—8) Персидскій шахъ Ахметъ.	

(См. слѣд. стран.).

XV. Критика и библиография. 338

1) Н. В. Никольскій. Христіанство среди чувашъ средняго Поволжья въ XVI—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. Казань. 1912. Священника А. Иванова. — 2) Н. Новомбергскій, профессоръ императорскаго томскаго университета. «Слово и дѣло» государевы. Процессы до изданія уложенія 1649 года. Т. I. Москва. И. С. Б. — 3) Черниговская ученая архивная коммисія. Отчетъ о дѣятельности за 1910 годъ. Черниговъ. 1911. Д. Б. — 4) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1911. Книга третья. Дѣсти тридцать восьмая. Издава подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911. В. Р.—ва.— 5) Наказъ отъ жителей гор. Чухломы депутату въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія. Москва. 1911. М. и — ва.— 6) I. Гольдцингеръ, проф. въ Будапештѣ, членъ-корреспондентъ петербургской академіи наукъ. Лекція объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери: «Культурное движеніе среди русскихъ татаръ». Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Черновой. 1912. пант.— 7) Нижегородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ. Иллюстрированная памятка кадета-аракчеевца. 1912. л. н.— 8) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1910 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1910. В. Р.—ва.— 9) И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. На память о генераль-фельдмаршалѣ Дмитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ. Спб. 1912. л. н.— 10) В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, биографическій очеркъ и прижизненія С. Н. Бравловскаго. Изданіе А. С. Суворина, Спб. 1912. н. — 11) Собраніе сочиненій С. А. Венгеровъ. Т. III. Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Спб. 1912. в. Данилова. — 12) К. Тандеръ. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. I. Спб. 1912. н. А.—ва.— 13) Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, подъ редакціей Е. Ѳ. Карскаго. Варшава. 1911. п. с.— 14) Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Одесса. Спб. 1911. м.—д.— 15) А. Луговой. Стихи. Спб. 1911. А. Фаресова.— 16) П. А. Прокошевъ, профессоръ томскаго университета. Религіозный кризисъ на Западѣ-Европы. (Модернизмъ). 1911. Вит. Ткачука. — 17) Н. И. Карвевъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Спб. 1912. п. б.— 18) А. А. Кирѣевъ. Сочиненія. Часть I. Церковно-богословскія статьи. Подъ редакціей прот. Д. Н. Явнича, настоятеля церкви при императорской російской миссіи въ Дрезденѣ. Часть II. Политика и полемика. Славянофилы и славянскій вопросъ. Русско-польскія отношенія. Государственная Дума. Объ образованіи. О дуэляхъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. н. Ландера.— 19) Профессоръ географіи софійскаго университета Иширковъ. Болгарія. Переводъ съ болгарскаго К. Масиркова. Одесса. 1912. в. г.— 20) Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Сибирскій 6—15 іюня. Составилъ М. Ф. Суперанскій. 1912. А. М.—скаго.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 363

1) Кто-что изъ археологій и исторіи.— 2) Иностранцы о русскихъ писателяхъ.— 3) Русскій балетъ въ Парижѣ.— 4) Смерть герцога Файфъ, великаго герцога Люксембургскаго, Фредерика VIII, короля Дании, принца Кумберландскаго.

XVII. Смѣсь. 383

1) Открытіе памятника императору Александру III.— 2) Въ еясть взаимопомощи литераторовъ.— 3) Открытіе музея антропологій и этнографіи.— 4) Актъ въ императорскомъ петербургскомъ археологическомъ институтѣ.— 5) Археологическій институтъ въ Москвѣ.— 6) Полулѣтній юбилей Н. И. Гродекова.— 7) Чествованіе А. Г. Небольсина.— 8) Чествованіе Х. Д. Алчевской въ Харьковѣ.— 9) Новыя пріобрѣтенія музея изящныхъ искусствъ.— 10) Конкурсъ на премію имени С. Я. Надсона.— 11) Конкурсъ на премію имени митрополита Макарія.

XVIII. Некорлоги. 394

1) Алмедингенъ, А. Н.— 2) Высоковичъ, В. В.— 3) Зодотаревъ, А. М.— 4) Лукашевичъ, С. В.— 5) Михневичъ, А. П.— 6) Прокофьевъ, І. П.— 7) Сапуновъ, Н. Н.— 8) Чириковъ, А. Д.— 9) Яковлевъ, С. И.

Приложенія: 1) Портретъ Александра Ѳеодоровича Лабзина.— 2) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНИЕ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

ИЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ 1912 года.

Памяти А. С. Суворина. С. Н. Шубинскаго	1—2
Иллюстрація: Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.	
А. С. Суворинъ. (Биографическій очеркъ). Б. Б. Глинскаго	3—60
Иллюстраціи: 1) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. — 2) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ своемъ кабинетѣ за работой.	

	СТРАН.
Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. Б. Б. Глинскаго	I—XLVII
Иллюстрація: Карта Отечественной войны 1812 года (Отъ Нѣмана до Москвы).	
Жена министра. (Романъ). Часть первая. I—XVI. Н. А. Лаппо-Данилевской	5, 401, 786
Изъ мемуаровъ. В. А. Волжина	40, 443
Въ волчей пасти. (Картина съ натуры). Г. Н. Ольшанскаго	64
За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). (Окончаніе). В. Б. Бертенсона	96, 505, 825
Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883). (Окончаніе). П. А. Россіева	111
«Ученикъ мудрости». (А. Θ. Лабзинъ и его литературная дѣятельность). Н. А. Державина	137
Иллюстрація: Могила А. Θ. Лабзина.	
На выставку. М. С. Семенова	176
Первая стычка. Н. Н. Несмѣлова	204

Неудачный опыт. (Зубатовщина). Ф. И. фонъ-Штейна.	223
Святыня вологодской тюрьмы. Г. У. Васишна.	256
<i>Иллюстрація: Икона въ вологодской тюрьмѣ.</i>	
М. П. Петровскій. Д. А. Корсакова.	262
<i>Иллюстрація: Мемнонь Петровичъ Петровскій.</i>	
Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ. XIV — XXVII. (Продолже- ніе). Б. Б. Глинскаго.	271, 659
<i>Иллюстраціи: 1) Николай Христіановичъ Бунге. — 2) Иванъ Алексѣ- вичъ Вышнеградскій. — 3) Сергій Юльевичъ Витте.</i>	
Охрана памятниковъ старины. (По поводу новаго «общества защиты и со- храненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины»). В. Е. Руда- нова.	305
Поѣздка въ Тавризь. (Окончаніе). Б. М. Гурьева.	310
<i>Иллюстраціи: 1) Ниточная фабрика Шюнемана. — 2) Остатки Синей же- чети. — 3) Каголическая церковь въ Тавризь. — 4) Аркъ. — 5) Русское гене- ральное консульство въ Тавризь. — 6) Наказаніе по пяткамъ. — 7) Бурды. — 8) Персидскій шахъ Ахметъ.</i>	
Двуногій звѣрь. (Изъ челоѳческихъ документовъ). I — II. В. В. Уманова- Каплуновскаго.	475
За други своя. (Разсказъ изъ аграрныхъ волненій). И. Попова-Пермскаго.	517
Памяти принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. И. В. Мѣщанинова. . .	548
<i>Иллюстрація: Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.</i>	
Отрубленный палець. (Эпизодъ изъ эпохи Отечественной войны). Князя Б. А. Щетинина.	569
Муниципалитетъ и комиссары Москвы, учрежденные французами въ 1812 году. М. В. Ключкова.	582
Шпіонъ Наполеона въ ссылкѣ. В. М—ова.	615
Томскій заговоръ. К. К—шова.	622
Петергофская дача № 2. М. М. Мариной.	645
<i>Иллюстрація: Аванасій Даниловичъ Соломка.</i>	
Изъ путевого альбома. Н. Н. Лендера (Путника).	694
<i>Иллюстраціи: 1) Протоіерей А. П. Мальцевъ, настоятель русской по- сольской церкви въ Берлинѣ. — 2) Тегель около Вердина. — 3) Общій видъ Карлсбада. — 4) Гиршеншпрунгъ. — Памятникъ возникновенія Карлсбада. — 5) Русская церковь въ Карлсбадѣ. — 6) Карлсбадъ. — Галерея Мюльбрунна. 7) Карлсбадъ. — Галерея Шпруделя. — 8) Alte Wiese — мѣсто прогулокъ въ Карлсбадѣ.</i>	
Давніе эпизоды. Манускрипты композитора Глинки. Н. А. Энгельгардта. . .	858

Воспоминанія инсургента. С. С. Окрейца.	880
Императрица-кума. А. П. Съдого.	914
Воспоминанія о В. П. Далматовѣ. К. Н. Михайлова.	928
Воспоминанія потѣшнаго павловца (1871 года). Г. Метцнера.	973
Чортова кукла. Н. Н. Сергіевскаго.	981
Воспоминанія американца о портсмутской конференціи. В. ф.-Ш.	989
Памятники Н. П. Слѣпцову. (По случаю 60-лѣтія со дня его кончины). П. Л. Юдина.	1009
Иллюстраціи: 1) Николай Павловичъ Слѣпцовъ. — 2) Памятникъ надъ могилой Слѣпцова въ станицѣ Слѣпцовой.	
Памяти Н. Ѳ. Анненскаго. Б. Б. Глинскаго.	1026
Иллюстрація: 1) Николай Федоровичъ Анненскій.	
Кавказскій музей. А. С. Матіасевича.	1047
Иллюстраціи: 1) Кавказскій музей. — 2) Этнографическій отдѣлъ Кав- казскаго музея. — 3) «Прометей». Картина художника Зимма.	
Критика и бібліографія.	338, 723, 1067

- 1) Н. В. Никольскій. Христіанство среди чувашъ средняго Поволжья въ XVI — XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. Казань. 1912. Священника **А. Иванова.** — 2) Н. Новомбергскій, профессоръ императорскаго томскаго университета. «Слово и дѣло» государевы. Процессы до изданія уложенія 1649 года. Т. I. Москва. И. С. Б. — 3) Черниговская ученая архивная коммисія. Отчетъ о дѣятельности за 1910 годъ. Черниговъ. 1911. Д. Б. — 4) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1911. Книга третья. Дѣтсти тридцать восьмая. Издава подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911. В. Р.—ва. — 5) Наказъ отъ жителей гор. Чухломы депутату въ коммисію для составленія проекта новаго уложенія. Москва. 1911. М. И.—ва. — 6) I. Гольдцингеръ, проф. въ Вудапештѣ, членъ-корреспондентъ петербургской академіи наукъ. Лекція объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери: «Культурное движеніе среди русскихъ татаръ». Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Черновой. 1912. Пант. — 7) Нижегородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ. Иллюстрированная памятка кадета-аракчеевца. 1912. л. н. — 8) Труды вятской ученой архивной коммисіи. 1910 годъ. Вып. II—III. Вятка. 1910. в. Р.—ва. — 9) И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. На память о генераль-фельдмаршалѣ Дмитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ. Спб. 1912. л. н. — 10) В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Вранловскаго. Изданіе А. С. Суворина, Спб. 1912. м. — 11) Собраніе сочиненій С. А. Венгеровъ. Т. III. Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Спб. 1912. в. Дамилова. — 12) К. Тандеръ. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. I. Спб. 1912. м. А.—ва. — 13) Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, подъ редакціей Е. Ѳ. Карскаго. Варшава. 1911. п. с. — 14) Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Одесса. Спб. 1911. м.—о. — 15) А. Луговой. Стихи. Спб. 1911. А. Фаресова. — 16) П. А. Прокопьевъ, профессоръ томскаго университета. Религіозный кризисъ на Западѣ Европы. (Модернизмъ). 1911. Вит. Тиучуна. — 17) Н. И. Карѣвъ, Собраніе

сочиненій. Т. I. Спб. 1912. п. б.—18) А. А. Кирѣевъ. Сочиненія. Часть I. Церковно-богословскія статьи. Подъ редакціей прот. Д. Н. Якипча, настоятеля церкви при императорской россійской миссіи въ Дрезденѣ. Часть II. Политика и полемика. Славянофилы и славянскій вопросъ. Русско-польскія отношенія. Государственная Дума. Объ образованіи. О дуэляхъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. н. лендера.—19) Профессоръ географіи софійскаго университета Иширковъ. Болгарія. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1912. в. г.—20) Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6—15 іюня. Составилъ М. Ф. Суперанскій. 1912. А. м.—снаго.—21) П. Андриановъ. Преддверіе великой головщины. Борьба Россіи съ Франціей до Отечественной войны. Одесса. 1912.—Петръ Ниве. Великая Отечественная война. 1812 годъ. М. 1912.—Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ Отечественной войны съ предисловіемъ проф. С. О. Платонова. Съ портретами, рисунками, картами и съ приложеніемъ картины И. Е. Рѣпина «Защитники Кремля». Спб. 1912.—«Двѣнадцатый годъ». М. 1912.—К. А. Военскій. Годъ славы народной. Отечественная война 1812 года. Съ семью снимками съ гравюръ и картинъ. Спб. 1912. б. Глинскаго.—22) Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г. (Въ XXXVII томѣ актовъ, издаваемыхъ вилинскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Вильна. 1912. в. Руданова.—23) П. А. Ниве. Отечественная война. Пять томовъ. М. Соколовскаго.—24) Военная галерея 1812 года. Спб. 1912. г.—25) Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ. Составилъ секретарь комитета И. И. Францискевичъ-Лновскій. Петрозаводскъ. 1912. в. Р—ва.—26) Александръ Родныхъ. Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ двѣнадцатомъ году при помощи воздухоплаванія. Изъ «исторіи воздухоплаванія и летанія въ Россіи». Съ 19 снимками со старинныхъ рисунковъ. Спб. 1912. б. б.—27) А. Е. Заринъ. 1812 годъ. Историческій очеркъ Отечественной войны. Съ 35 портретами и 25 рисунками. Спб. 1912.—Его же. Незабвенный годъ. Двѣнадцать рассказовъ о нашествіи Наполеона на Россію въ 1812 году. Съ 130 рисунками и портретами. Спб. 1912. в. Р—ва.—28) Ефименко, А. Я., проф. «1812 годъ». Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Спб. 1911. д. п. Богданова.—29) Альбертъ Вандаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Томъ II. Переводъ съ шестого французскаго изданія В. Шиловой. Спб. 1911. а. б.—30) 1812 годъ въ басняхъ Крылова. Силуэты Егора Нарбута. Съ приложеніемъ вступительной статьи и примѣчаній Н. О. Лернера. Спб. 1912. г.—31) Н. Н. Трубицынъ. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Спб. 1912. в. Данилова.—32) Собраніе сочиненій въ стихахъ Елизаветы Шаховой. Спб. 1912. а. Фаресова.—33) М. Г. Веселкова-Кильштетъ. Колычевская вотчина. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1912.—го. 34) И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Спб. 1912. м—о.—35) Новый энциклопедическій словарь. (С.-Петербургъ). Т. I—VII. Спб. 1910—1912. Старога сотрудника «Словаря».—36) Труды перваго съѣзда врачей Кубанской области. Екатеринодаръ. 1912. Бор. Городецаго.—37) Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка, ч. I и II. М. 1912. м. Ключова.—38) Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ. Описаніе дѣлъ вѣдомства департамента, хранящихся въ архивѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Вып. II. Дѣла учреждений, вѣдавшихъ государственныхъ имущества до образованія департамента государственныхъ имуществъ. 1763—1811 гг. Спб. 1912. в. Руданова.—39) А. И. Воргманъ Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Ч. I. До Петра Великаго. Изд. «Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912.—Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Ч. I. До Петра Великаго Изданіе «Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912. к. м—ва.—40) Спаарій, Н. Г. Описаніе перваго части вселеннаго именуемой Азіи, въ ней же состоитъ Китайское государство съ прочими городами

и провинціи. Церковно-славянскій текстъ, по рукописи, принадлежащей О. Т. Васильеву, съ біографіей Н. Г. Спаарія, написанной А. И. Яцимирскимъ, съ описаніемъ рукописи, сдѣланнымъ А. А. и съ предисловіемъ и указателемъ Н. О. Катанова. Съ 4-ми таблицами. Казань. 1912. н. и. к. — 41) Д. Лавровъ. Святый страстотерпецъ, благоверный князь угличскій царевичъ Дмитрій, московскій и всея Россіи чудотворецъ. Сергіевъ посадъ. 1912. в. р.—ва.—42) В. Ф. Троцанскій. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарскаго. Казань. 1912.— Эд. Пекарскій и Вл. Цвѣтковъ. Пріаянскіе тунгузы. Спб. 1912. А. Фаресова.—43) Извѣстія саранульскаго земскаго музея. Вып. I. Сарануль. 1911. Вып. II. Сарануль 1912. Д. Зеленина.—44) Труды черниговской ученой архивной комиссіи. Выпускъ восьмой. Черниговъ. 1911. В. Рудакова.—45) Матеріалы по этнографіи Гродненской губернии. По порученію управленія вилнскаго учебнаго округа редактировалъ Е. Р. Романовъ. Вып. I. Вильна. 1911. Вып. II. Вильна. 1912. в. д.—46) С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Томъ первый. Спб. 1912. В. Рудакова.—47) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. X (съ 1738 г. по 24 ноября 1741 г.). Царствование государыни императрицы Анны Іоанновны. Правленіе бывшаго герцога курляндскаго. Правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Спб. 1911.—Т. III (1746—1752 гг.). Царствование императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1912 г.—Т. I (1762—1772 гг.). Царствование государыни императрицы Екатерины II. Спб. 1910. м—лова.—48) Исторія іезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ, отчасти не изданнымъ, документамъ аббатамъ Геттэ. Т. I, книги 1—3. Переводъ О. А. Циклинской. Москва. 1912. пант.—49) Профессоръ М. В. Довнар-Запольскій. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Т. I. Кіевъ. 1912. в. р.—ва.—50) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912. н.—51) Толстовскій музей. Т. I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Спб. 1911. л.—52) Профессоръ Н. И. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вѣковъ. Кіевская искусственная литература XVII—XVIII вѣковъ, преимущественно драматическая. Кіевъ. 1911. в. д.—53) В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. О. Рылѣва. Кіевъ. 1912. Андрея Сиротинина.—54) Сборникъ въ честь Пирогова, подъ редакцію профессора Е. А. Воброва. Варшава. 1912. профессора М. Красномена.—55) А. К. Вороздинъ, проф. Русская литература въ XIX в. (Сто лѣтъ литературнаго развитія). Спб. 1912. я. Бирюнова.—56) Сборникъ памяти Л. М. Мацѣвича. (1 января 1877 г.—24 сентября 1910 г.). Біографическій очеркъ, воспоминанія, газетныя статьи, телеграммы и т. д. Спб. 1912. м—но.—57) Lexikon Baltischer Künstler. Herausgegeben von Dr. Wilhelm Neumann. А. Э. Мальмгрена.

Заграничныя историческія новости и мелочи 363, 747, 1105

1) Кое-что изъ археологіи и исторіи.—2) Иностранцы о русскихъ писателяхъ.—3) Русскій балетъ въ Парижѣ.—4) Смерть герцога Файфъ, великаго герцога Люксембургскаго, Фредерика VIII, короля Дании, принца Кумберлендскаго.—5) Воспоминанія французовъ о 1812 годѣ.—6) Неизданныя письма Верлюза.—7) Смерть Рапизарди, Джованни Пасколи, Лабушера, Стѣда.—8) Неизданныя воспоминанія о походѣ французовъ въ Россію въ 1812 году.

Смѣсь 333, 769, 1114

1) Открытіе памятника императору Александру III.—2) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ.—3) Открытіе музея антропологіи и этнографіи.—4) Актъ въ императорскомъ петербургскомъ археологическомъ институтѣ.—5) Археологическій институтъ въ Москвѣ.—6) Полулѣтній юбилей Н. И. Гродекова.—7) Чествованіе А. Г. Небольсина.—8) Чествованіе

Х. Д. Алчевской въ Харьковѣ. — 9) Новыя пріобрѣтенія музея изящныхъ искусствъ. — 10) Конкурсъ на премію имени С. Я. Надсона. — 11) Конкурсъ на премію имени митрополита Макарія. — 12) Открытіе памятника М. Д. Скобелеву. — 13) Юбилей штаба гвардіи. — 14) Похороны праха ген.-лейт. Д. П. Невѣровскаго. — 15) Подувѣковъ юбилей статьи-секретара А. Н. Куломзина. — 16) Археологическая находка. — 17) Милліонный кладъ. — 18) Домикъ старца Теодора Кузьмича. — 19) Покупка бывшаго нѣвня И. С. Тургенева. — 20) Отъ комиссіи по народной словесности. — 21) Темы на премію имени К. Т. Солдатенкова. — 22) Открытіе памятника великому князю Владимиру Александровичу. — 23) Степендіи двѣнадцатаго года. — 24) Письмо императора Александра I объ ополченіи. — 25) Открытіе памятника профессору М. К. Турскому. — 26) Интересная находка. — 27) Гибель музея Плюшкина. — 28) Находка. — 29) Археологическія находки. — 30) Домъ Лермонтова. — 31) Подписка на учрежденіе стипендіи имени В. О. Ключевскаго.

Некрологи 394, 778, 1121

1) Альмедингенъ, А. Н. — 2) Высоковичъ, В. В. — 3) Золотаревъ, А. М. — 4) Лукашевичъ, С. В. — 5) Михневичъ, А. П. — 6) Прокофьевъ, І. П. — 7) Сапуновъ, Н. Н. — 8) Чириковъ, А. Д. — 9) Яковлевъ, С. И. — 10) Везобразовъ, Н. М. — 11) Вильдерлингъ, А. А. — 12) Георгій, архіепископъ. — 13) Греверъ, Р. А. — 14) Дубасовъ, Ф. В. — 15) Искуль-фонъ-Гильденбандтъ, баронъ А. А. — 16) Барановскій, М. Н. — 17) Ващенко-Захарченко, М. Ф. — 18) Жемчужниковъ, Л. М. — 19) Жуковскій, П. В. — 20) Знаменская, Р. С. — 21) Каратыгина, А. А. — 22) Позняковъ, Г. А. — 23) Станкевичъ, А. В. — 24) Струве, О. А. — 25) Сыртлановъ, А. А. — 26) Тимирязевъ, В. А. — 27) Хухановъ, А. С.

Замѣтки и поправки 783, 1132.

1) Воспоминаніе о князѣ Голицынѣ, Л. Сипягиной. — 2) Къ очерку «Святая вологодская тюрьма». С. Новаля. — 3) Покупеніе на Наполеона передъ войной 1812 г. С. Фарфоровскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Александра Теодоровича Лабзина. — 2) императора Александра I. — 3) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛАБЗИНЪ.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ВЪ ПРОСТОРОМЪ и уютномъ кабинетѣ съ комфортабельной мебелью, у большого письменнаго стола, заваленнаго казенными бумагами и книгами, сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла съ газетой въ рукахъ, плотный блондинъ, хорошо сохранившійся, лѣтъ со-рока пяти-семи, съ обыкновеннымъ лицомъ типичнаго бюрократа, ничѣмъ по наружному виду не отличавшійся отъ сотни себѣ подобныхъ; его нельзя было назвать ни красивымъ, ни некрасивымъ; близорукий, въ пенснэ въ черной оправѣ, съ грузной походкой, съ высокимъ, порой даже выкрикивающимъ звукомъ голоса, онъ тѣмъ не менѣе умѣлъ производить выгодное впечатлѣ-нiе. Читая газету, онъ пилъ свой утреннiй кофе, аккуратно сервированный подлѣ кресла на небольшомъ краснаго дерева столикѣ со стекляннымъ верхомъ. Газету онъ читалъ обстоя-тельно, какъ дѣлалъ все, за что бы ни брался. Выпивъ кофе и от-ложивъ прочитанный номеръ газеты, онъ поглядѣлъ на часы, по-звонилъ лакея, сдѣлалъ распоряженiя относительно отправки бумагъ и вышелъ на утреннюю получасовую прогулку. Утро было ясное, слегка морозное,

Владимиръ Ивановичъ Башиловъ бодро шагаль по набережной, заложивъ руки назадъ и щурясь близорукими глазами на ослѣпительную поверхность льда, озаренную алымъ блескомъ холоднаго петербургскаго солнца. Въ морозномъ воздухѣ, прозрачномъ, какъ хрусталь, рѣзко и отчетливо вырисовывались контуры пышныхъ дворцовъ и противоположная набережная неподвижной, искрящейся на солнцѣ миллиардами блесокъ Невы. Острый шпигъ Петропавловской крѣпости ярко блестѣлъ на фонѣ голубого неба и придавалъ невыразимо-элегантную легкость окрестностямъ рѣки. Башиловъ вдыхалъ полной грудью морозный воздухъ и, при видѣ давно знакомыхъ и любимыхъ картинъ нарядной столицы, въ его душу вливалася бодрящая струя энергіи и надеждъ на свѣтлое будущее, когда онъ силой своего ума и ловкости добьется высшихъ и, быть можетъ, головокружительныхъ ступеней власти.

Вчера онъ вернулся изъ дальпей командировки и былъ очень доволенъ ея результатами: онъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ N-скаго губернатора излишній либерализмъ, сильное тяготѣніе къ лѣвымъ, отъявленнымъ врагомъ которыхъ былъ министръ, покровительство евреямъ и смѣлость сужденій, порицаемую губернскими консервативными кругами.

Владимиръ Ивановичъ, ловкій карьеристъ, сразу сообразилъ, что эта командировка можетъ послужить ему удобнымъ предлогомъ выдвинуться передъ начальствомъ своей дѣловитостью и строго-консервативнымъ направлениемъ. Теперь онъ обдумывалъ планъ доклада министру. Ловко составленный докладъ долженъ былъ подчеркнуть важность усматриваемыхъ недочетовъ въ управленіи N-ской губерніи и тѣмъ самымъ послужить фономъ рельефно выставленныхъ административныхъ способностей докладчика. Владимиръ Ивановичъ, углубленный въ проектъ доклада, хотѣлъ еще разъ завернуть за уголь, какъ вдругъ вспомнилъ о дѣловомъ свиданіи, вчера по телефону имъ самимъ назначенномъ въ одиннадцать часовъ какой-то свѣтской дамѣ. Перспектива этого визита слегка раздражала его, такъ какъ, энергично настроенный, онъ хотѣлъ до службы просмотрѣть кое-какія бумаги, но зналъ по опыту, какъ много отнимаютъ времени многорѣчивыя и докучливыя дамы въ изложеніяхъ своихъ дѣлъ. Едва онъ вошелъ въ свой кабинетъ и расположился у стола, какъ раздался въ передней звонокъ, и лакей подалъ визитную карточку. «Евгенія Михайловна Данцова, рожденная баронесса Бемъ»—прочелъ на ней Башиловъ и пошелъ навстрѣчу посѣтителницѣ, которая, пользуясь хорошими отношеніями къ Башилову общаго знакомаго, шла просить у него протекціи по дѣлу развода.

Небрежно закинувъ ногу за ногу, близорукими смѣющимися глазами Владимиръ Ивановичъ минуту спустя разглядывалъ сидѣвшую противъ него красивую, еще молодую женщину съ матовымъ

цвѣтомъ лица и глубокими мечтательными глазами. Упорный взглядъ собесѣдника немного смущалъ ее и въ то же время придавалъ ей надежду, что къ ея просьбѣ отнесутся внимательнѣе, чѣмъ это случается обыкновенно.

— Если вы скажете князю, то онъ, конечно, исполнитъ ваше желаніе: я знаю, что онъ съ вами очень друженъ,—продолжала она излагать свою просьбу.

— Вы это знаете? Кто же это вамъ сказалъ?—шутливо прервалъ Владимиръ Ивановичъ и безцеремоннымъ взглядомъ скользнулъ по всей фигурѣ Данцовой.

— Слухомъ земля полнится,—слегка покраснѣвъ, отвѣтила она и отвела глаза въ сторону.

— Такъ-съ. Извольте-съ. Я скажу князю и надѣюсь, что онъ дѣйствительно мнѣ не откажетъ. А вы рѣшили этотъ вопросъ безповоротно?

— О да, разумѣется. У меня съ нимъ все кончено.

— Когда женщина сжигаетъ за собой корабль прошлаго, это признакъ, что ея сердце...

— Не договаривайте, генераль, вы ошиблись: мое сердце совершенно свободно, и мысль о новомъ бракѣ меня даже пугаетъ.

— Для чего же бракъ? Существуютъ свободныя связи...

— Нѣтъ, не хочу...

— Не хотите? Зарокъ дали?

Послышался въ передней звонокъ. Данцова поднялась съ кресла.

— Простите, генераль, я вамъ не хочу мѣшать.

— Помилуйте, я очень радъ счастливому случаю познакомиться съ вами. Мы еще не все переговорили.

Вошелъ лакей.

— Ваше превосходительство, курьеръ за бумагами.

— Возьми все это и передай ему. Никого не принимать до завтрака—я занятъ. Можешь идти. Пожалуйста присядьте: я сегодня свободенъ лишній часъ и прошу васъ посвятить меня болѣе подробно въ обстоятельства вашего дѣла.

Евгенія Михайловна толково и сжато передала всѣ подробности своего бракоразводнаго дѣла, и каждый разъ, какъ она поднимала глаза, ея взглядъ встрѣчался съ смѣющимся и безцеремоннымъ взглядомъ «генерала», который давно уже пересталъ ее слушать и обдумывалъ способъ, какъ бы поскорѣе познакомиться съ этой хорошенькой и свободной женщиной, которая влекла его къ себѣ своей свѣжестью, своимъ томнымъ взглядомъ черныхъ очей, своей кокетливой улыбкой.

— Такъ-съ. Понимаю. Будетъ сдѣлано-съ,—отрывисто произнесъ Владимиръ Ивановичъ, отчеканивая и ударяя на букву с, которую онъ имѣлъ привычку ставить въ концѣ словъ. Завтра же

повидаюсь съ княземъ и буду имѣть честь увѣдомить васъ о результатахъ. Когда васъ можно просить къ себѣ?

— Для дѣла—всегда... когда прикажете... я такъ буду благодарна вамъ...

— Да видите ли, я-то человѣкъ очень занятой-сь. Однимъ словомъ, я скомбинирую, и мы по телефону стоворимся.

Евгенія Михайловна съ благодарностью протянула ему руку. Онъ крѣпко сжалъ ее, отвернулъ край длинной перчатки и крѣпко поцѣловалъ обнаженную часть руки немного ниже локтя. Евгенія Михайловна вспыхнула, рука ея слегка вздрогнула, взгляды встрѣтились, что-то промелькнуло, что-то зажглось и потухло. Владимиръ Ивановичъ проводилъ ее въ переднюю, самъ помогъ надѣть шубку и еще разъ крѣпко сжалъ руку, когда она вышла на лѣстницу.

«Хорошенькая... и неглупа... невредная»... Плотоядная улыбка пробѣжала по его чувственнымъ губамъ.

Женщинъ Владимиръ Ивановичъ любилъ страстно, какъ нѣкоторые любятъ спортъ или карты, но никогда ни одна женщина не нарушала теченія его мыслей и порядка его занятій. Свою сухость и крайнюю осторожность въ отношеніяхъ къ нимъ онъ мастерски облекалъ въ привычку къ правдивости. Ему нравилось ослѣплять женщинъ энергіей завоевателя, широтой замысловъ; ему нравилось внушать имъ восхищеніе и поклоненіе своей особѣ. Общества мужчинъ онъ избѣгалъ, такъ какъ въ отвлеченныхъ разговорахъ участія не принималъ, его же личными дѣлами мало кто интересовался. Владимиръ Ивановичъ былъ когда-то женатъ, развелся съ женой, имѣлъ сына, кончающаго лицей, привыкъ къ полной свободѣ, но изрѣдка начиналъ уже подумывать о женитьбѣ, какъ о необходимомъ дополненіи къ своей служебной карьерѣ.

Съ помощью телефонной трубки къ вечеру онъ уже имѣлъ всѣ точныя свѣдѣнія объ Евгеніи Михайловнѣ, и все, что онъ узналъ, еще болѣе возбудило въ немъ желаніе притянуть къ себѣ эту хорошенькую женщину. На другой же день онъ повидалъ своего знакомаго спеціалиста по бракоразводнымъ дѣламъ и отъ него узналъ, что и безъ вмѣшательства князя разводъ можно ускорить и добиться желаемыхъ результатовъ: такимъ образомъ онъ удовлетворилъ просьбу Евгеніи Михайловны безъ визита къ князю, съ которымъ вовсе друженъ не былъ и не могъ рассчитывать на его услугу. Присяжный повѣренный Дорманъ, очень ловкій дѣлецъ, связанный съ Владимиромъ Ивановичемъ кое-какими общими интересами, съ удовольствіемъ взялся подвинуть дѣло Евгеніи Михайловны, сейчасъ же смекнувъ, что Башиловъ приметъ это за личную услугу и въ свое время оплатитъ ему тѣмъ же.

— Хорошенькая женщина... какъ же не помочь? Я, знаете ли, всегда къ услугамъ хорошенькихъ женщинъ,—шутливо закончилъ Башиловъ свой разговоръ съ Дорманомъ.

Прошло два дня. Данцова въ черномъ шелковомъ платьѣ съ легкимъ вырѣзомъ вокругъ шеи, тоненькая и воздушно-граціозная, съ гладко зачесанной на уши классической прической, очень шедшей къ ея изящнымъ и правильнымъ чертамъ лица, стояла передъ ярко освѣщеннымъ, большимъ зеркаломъ своего будуара и, въ послѣдній разъ оглядывая себя съ головы до ногъ, натягивала бѣлыя перчатки на красивыя, обнаженныя руки.

Раздался звонокъ телефона, и черезъ минуту горничная доложила, что ее просятъ переговорить по дѣлу. Не сгѣша Евгенія Михайловна прошла въ переднюю и осторожно, оберегая свѣжія перчатки, взялась за трубку.

— Ахъ, это вы, monsieur Башиловъ,—я васъ слушаю. Какъ же мнѣ быть?.. Я ѣду сейчасъ на парадный обѣдъ... позвольте, я обдумаю... въ восемь часовъ я не освобожусь... да, да, я понимаю, что дѣла важнѣе всего... я вамъ такъ благодарна... завтра утромъ вы никакъ не можете?.. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, я буду сегодня же у васъ къ десяти, прямо съ обѣда. Хорошо, я захвачу бумаги... Не нахожу словъ благодарить васъ... Вы находите?.. Развѣ телефонъ сохраняетъ тембръ голоса?.. Мерси за комплиментъ... вы очень любезны... до свиданія, значить... Да, конечно, безъ измѣненія...

Данцова отошла отъ телефона; изъ-подъ опущенныхъ густыхъ рѣсницъ томный взглядъ блеснулъ искрой, и легкая улыбка скользнула по лицу. Въ ея воображеніи всплылъ образъ самодовольнаго, властнаго человѣка, котораго она, какъ ее научили, въ угоду ему называла «генераломъ», и глаза котораго, ласково скользившіе по всей ея фигурѣ, немного смущали и волновали ее. Она не ожидала, чтобъ онъ такъ скоро исполнилъ ея просьбу... какой онъ славный! Черезъ три часа она его увидитъ и въ благодарность крѣпко пожметъ его руку...

Во время параднаго обѣда, несмотря на то, что сосѣдь Данцовой велъ съ ней оживленный разговоръ, она ни на минуту не забывала о предстоящемъ визитѣ, интересъ котораго, очевидно, не ограничивался только дѣловой стороной. Съ большимъ трудомъ ей удалось вырваться, и было почти десять, когда лакей раскрылъ передъ ней двери «генеральскаго» кабинета. Она остановилась у порога, немного запыхавшаяся, съ раскраснѣвшимся отъ мороза лицомъ, въ большой черной шляпѣ, нарядная, красивая, съ мягкой улыбкой, скользившей по губамъ и отражавшейся во взглядѣ большихъ, слегка прищуренныхъ, темныхъ глазъ.

— Я опоздала. Простите. Едва вырвалась.

Башиловъ почтительно поцѣловалъ ея руку, любуясь ею, и молчалъ. Она подошла къ письменному столу и опустилась въ то же мягкое глубокое кресло сбоку стола, въ которомъ сидѣла два дня тому назадъ. Башиловъ сѣлъ напротивъ; на столѣ попрежнему были раскинута бумага, министерскія записки и томы законовъ. Каби-

нетъ былъ тотъ же; она пришла по тому же дѣлу, но все казалось инымъ. Комната потеряла свой дѣловой видъ, благодаря мягкому освѣщенію высокой электрической лампы, уютно озарявшей ее сквозь оранжевый шелковый абажуръ. Каминъ ярко пылалъ, и послѣ шумнаго обѣда съ нарядной толпой Евгеніи Михайловнѣ показалось здѣсь такъ тихо, уютно и хорошо, что она невольно высказала это, мечтательно оглядывая всю комнату.

— Вамъ правится мой кабинетъ? Я очень радъ, такъ какъ я самъ его очень люблю...

Немного разгоряченная послѣ выпитаго за обѣдомъ шампанскаго, Евгенія Михайловна попала съ морознаго воздуха въ теплую и тихую комнату, въ общество человѣка, во взглядѣ котораго отгадывалась невысказанная мысль... Она сразу почувствовала себя не то ослабѣвшей, не то уставшей; ей надо было собрать свои мысли и успокоиться. Шляпа мѣшала облокотить голову о спинку кресла; Башиловъ замѣтилъ ея движеніе и, настойчиво попросивъ снять шляпу, предупредительно подложилъ ей подушку подъ голову и опять сѣлъ противъ, не спуская съ нея глазъ и тревожа ее этой настойчивостью. Данцова овладѣла собой и начала разговоръ о дѣлѣ. Башиловъ взялъ бумаги, просмотрѣлъ ихъ и отложилъ въ сторону.

— Такъ вотъ-съ, Евгенія Михайловна, дѣло ваше я сдѣлалъ; у князя былъ все обѣщано, задержки не будетъ-съ. А для дальнѣйшаго хода я переговорилъ съ полезнымъ для васъ человѣкомъ, къ которому, если вамъ будетъ угодно-съ, вы съѣздите завтра же. Онъ мною предупрежденъ, человѣкъ ловкій, маху не дастъ, и потому вы можете быть совершенно увѣрены въ благополучномъ исходѣ.

Данцова взволнованно протянула Башилову свою маленькую изящную ручку въ длинной перчаткѣ.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, Владимиръ Ивановичъ?

— А вотъ разрѣшите ручку поцѣловать, снимите перчатку...

Смѣясь, она быстрымъ жестомъ сдернула перчатку и протянула черезъ уголь стола обнаженную руку, которую Башиловъ взялъ ладонью кверху и прижалъ губы сперва къ ладони, а потомъ къ стибу локтя. Данцова слегка вздрогнула, сильно смутилась, хотѣла отдернуть руку, но Башиловъ крѣпко ее сжималъ въ своей сильной и широкой рукѣ.

— Пусть мои слова не покажутся пошлыми: я долженъ ихъ сказать вамъ; если не сегодня, то все равно это будетъ завтра... я... я... боленъ вами, я захваченъ вами до такой степени, что эти два дня мысль о васъ меня не оставляла ни на минуту.

— Я... я... поражена... не знаю, что отвѣтить...

— Вы вошли въ душу мою: я самъ себя не узнаю...

Башиловъ опять завладѣлъ рукой Данцовой, тихо гладилъ ее и покрывалъ поцѣлуями. Она, склонивъ голову на протянутую вдоль стола руку, сидѣла безмолвная и неподвижная.

— Евгенія Михайловна, что съ вами? Вымолвите хоть словечко.

Евгенія Михайловна подняла свое взволнованное и поблѣднѣвшее лицо.

— Знаете ли, случилось нѣчто поразительное, нѣчто очень странное... Представьте себѣ, что передъ дѣловой встрѣчей съ вами я, по настоянію одной знакомой, ради штуки пошла съ ней къ очень извѣстной хироманткѣ, и та предсказала мнѣ все это... по описанію это вы, конечно, вы..

-- Что же она предсказала вамъ?

— Все, что вы сказали сейчасъ и, кромѣ того, неминуемую...

— Связь? — докончилъ Башиловъ.

Данцова густо покраснѣла, вырвала руку и поднялась съ кресла.

— Я этого не сказала.

— Но я угадалъ и... это будетъ, потому что этого хочу я и... вы хотите. Развѣ вы сами не сознаете, что мы оба околдованы, что мы уже связаны, что насъ влечетъ другъ къ другу, что это наша судьба... Кто же эта хиромантка, если это не секретъ?

— Степанова, Анна Ивановна...

— Степанова?

— Вы ее знаете?

— Знаю. Однажды она и мнѣ многое предсказала, и все сбылось... Такъ она вамъ нагадала встрѣчу со мной? Дѣйствительно, странно... и намъ не миновать другъ друга.

У Данцовой кровь прилиwała и отливала отъ сердца. Ея мечтательная, слабая натура безъ протеста вступала въ область фантастической сферы, навѣянной страннымъ совпаденіемъ предсказанія и страстными рѣчами «генерала», глаза котораго, однако, попрежнему оставались наблюдательно-спокойными и смѣющимися въ то время, какъ испуганные, опущенные густыми рѣсницами черные глаза Данцовой томно закрывались или, загораясь, метали искры и становились еще прекраснѣе.

Казалось, что послѣ всего сказаннаго что-то опредѣлилось, стало яснымъ, безповоротнымъ. Волненіе улеглось. Шутя и смѣясь пили чай, поданный въ кабинетѣ, и было за полночь, когда Башиловъ проводилъ Евгенію Михайловну, при прощаніи напомнивъ ей, что въ двѣнадцать дня Дорманъ ждетъ ее къ себѣ.

Данцова долго не могла заснуть въ эту ночь: ее и пугала, и прельщала необычность и стремительность вырвавшегося съ обѣихъ сторонъ чувства. Уже давно она жила одинокой и пустой для сердца жизнью. Мечтательная, кроткая и пугливая по натурѣ, несчастная въ супружествѣ, она сторонилась близости мужчинъ, сознавая, что если ее захватитъ чувство, то она будетъ безсильна бороться съ нимъ: мысль о свободной связи пугала ее, воспитанную въ строгихъ традиціяхъ патріархальной семьи, и представлялась ей всегда чѣмъ-то скандальнымъ и обиднымъ. Башиловъ неожиданно принялъ живое уча-

стіе въ ея судьбѣ и показался ей такимъ сильнымъ, ласковымъ и добрымъ; она рѣшила высказаться ему откровенно и попросить его не смущать ея покоя, но... вѣдь хиромантка предсказала ей именно связь. Когда она испуганно стала отрицать возможность такого факта, Анна Ивановна серьезно и грустно покачала головой.

— Сердце имѣетъ свои законы... придетъ часъ, и вы вспомните, что я вамъ теперь говорю; будетъ встрѣча... для васъ роковая; человѣкъ этотъ—ваша судьба; связь неминуема, она закончится бракомъ, но не скоро.

II.

На слѣдующій день Данцова вошла въ пріемную Дормана. Къ ней вышелъ высокій, щегольски одѣтый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ очень холоднымъ, официальнымъ лицомъ, тщательно зачесанными на проборъ волосами, въ высококомъ, подпираломъ подбородокъ воротникѣ, изысканномъ галстукѣ, съ выхолещеными руками, низкимъ металлическимъ голосомъ и холодными глазами.

Сейчасъ же приступили къ дѣлу, которое Дорманъ отчасти уже зналъ отъ Башилова. Дорманъ, большой знатокъ женщинъ, понималъ, почему Башиловъ принималъ такое живое участіе въ судьбѣ Данцовой: онъ нашелъ ее очень интересной и пожалѣлъ, что дѣловыя отношенія съ Башиловымъ лишаютъ его возможности перебить у него эту женщину. Насколько Башиловъ былъ, выражаясь вульгарно, «бабникъ», безъ утонченныхъ требованій и безъ эстетическаго пониманія женской красоты, настолько Дорманъ былъ цѣнителемъ женщинъ и любилъ ихъ, какъ хорошее вино; онъ мѣнялъ ихъ, какъ перчатки, безъ всякаго участія сердца, но любилъ липію и пластичность даже въ пьяномъ видѣ. Онъ нашелъ Евгенію Михайловну слишкомъ красивымъ экземпляромъ для мало утонченнаго вкуса Владимира Ивановича.

Послѣ получасоваго свиданія Дорманъ, какъ было условлено, проѣхалъ прямо къ Башилову, чтобы за завтракомъ переговорить объ ея дѣлѣ.

— Ну, что скажете, Николай Карловичъ?—встрѣтилъ его Башиловъ и сейчасъ же провелъ въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ завтракъ.

— Прелестъ, прелестъ! Прямо съ картины итальянскихъ художниковъ. Проста и изящна. Я бы на вашемъ мѣстѣ серьезно пригладѣлся къ ней: эта хороша не только для забавы; украсить какой хотите салонъ, нигдѣ не стыдно подъ руку показаться... кровь видна, а въ женщинѣ это первое. Да, впрочемъ, что я вамъ говорю: вы все равно не поймете...

— Нѣтъ-съ, на этотъ разъ понялъ; такъ что ужъ вы, Николай Карловичъ, всякія тамъ поползновенія оставьте, а то, пожалуй, и

поссоримся... ну, а если будете пріятелемъ и дѣло ея оборудуете, то я у васъ въ долгу-съ, и ваше рязанское предпріятіе поддержу, насколько въ силахъ. Такъ-съ! Значить, мой вкусъ одобренъ?

— Вполюбѣ, вполюбѣ. Протянула свою пожку лакею съ такимъ видомъ маленькой принцессы, что я позавидовалъ моему Петру. Дѣло ея несложное; затрудненій не будетъ.

Этотъ отзывъ о Данцовой очень польстилъ самолюбію Башилова, и у него мелькнула мысль, что она была бы очень мила не только въ роли любовницы, но даже и въ роли сунруги.

— Такъ вы полагаете, что она не для забавы? Да чортъ ихъ знаетъ этихъ бабъ: съ виду кротость ангела и чистота младенца, а стоитъ порыться въ прошломъ и не оберешься сюрпризовъ...

— Такъ вамъ же снѣшнѣе некуда—наведите справки. Во всякомъ случаѣ это женщина общества; совѣтую вамъ не протяздѣть...

— Такъ-съ... Ну, это не убѣжить... А что вы мнѣ скажете относительно Тульского банка? Какъ дѣла обстоятъ? Вы понимаете прекрасно, что не въ моихъ интересахъ открывать карты. Пусть думаютъ, что я ворочаю сотнями тысячъ; отъ вашей ловкости зависить поставить дѣло такъ, чтобы мнѣ не пришлось итти на уступки, ибо тогда они поймутъ, что наличнаго капитала у меня нѣтъ. Въ случаѣ же удачи тутъ пахнетъ хорошимъ кушемъ, который мнѣ въ данный моментъ крайне нуженъ. И пусть этотъ олухъ Піотровскій не сылается на министерство... тамъ сидятъ такіе же олухи, какъ и онъ самъ. На прошломъ засѣданіи я ихъ всѣхъ подсеидѣлъ: послѣ голосованія я преподнесъ статью закона, по которой ни Бурцевъ, ни Васильевъ права голоса не имѣютъ; такимъ образомъ, мой проектъ о коллективности банковъ прошелъ цѣлкомъ; позеленѣли оба со злости, а пришлось уступить.

— По всѣмъ даннымъ, дѣло въ Тулѣ выгорить; они считаютъ васъ капиталистомъ и въ силѣ...

— Такъ-съ... ну, это не вредно!—Башиловъ самодовольно улыбнулся, осушая стаканъ краснаго вина. Дорманъ, далеко протянувъ ноги подъ столомъ и заложивъ руки въ карманы, затягивался дорогой сигарой и щурился на клубы дыма.

Переговоривъ о дѣлахъ и перейдя снова къ деталямъ бракоразводнаго дѣла Данцовой, Башиловъ предложилъ Дорману подвезти его въ своихъ щегольскихъ саняхъ домой, самъ же проѣхалъ въ министерство, гдѣ его ожидалъ секретарь съ кинной бумагой.

Несмотря на трехлѣтнюю давность, Башиловъ каждый день, входя въ свой просторный служебный кабинетъ, испытывалъ горделивое чувство человѣка, перешагнувшаго служебный перевалъ, за которымъ открываются заманчивые горизонты почестей. Роль труженика-мастерового была окончена: теперь нужна была роль артиста и завоевателя. Чутье Башилова подсказывало ему, что на этомъ поприщѣ ему предстоитъ больше трудностей и борьбы,

чѣмъ на предыдущемъ. Онъ сознавалъ, что доступъ въ высшія сферы зависитъ не отъ одной только работоспособности и энергіи.

Въ первый же пріемный день Данцовой Башиловъ былъ у нея. Она встрѣтила его вся сіяющая, ласковая и влюбленная. Съ видомъ побѣдителя и покровителя онъ поцѣловалъ ея похолодѣвшія отъ волненія руки, удобно расположился въ креслѣ, безцеремонно оглядѣлъ небольшую и уютную гостиную и съ удовольствіемъ наблюдалъ смущенное волненіе робкой женщины, которая, какъ онъ ясно это видѣлъ, была уже въ его власти. Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную Евгеніи Михайловны вошелъ господинъ лѣтъ за тридцать шесть, со сдержанными манерами, очень корректный въ обращеніи, плотный, изысканно одѣтый, давнишній знакомый хозяйки баронъ Штаденъ. Обмѣнявшись официальнымъ поклономъ съ Башиловымъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на Данцову, и отъ него не ускользнуло взволнованное и радостное выраженіе ея и приподнятость настроенія; онъ перевелъ взглядъ на Башилова и, медленными глотками отпивая изъ поданнаго ему стакана чай, холодно и внимательно разсматривалъ новаго гостя.

— Я только что заѣзжалъ къ Еленѣ Павловнѣ; у нея сегодня засѣданіе по поводу благотворительнаго вечера.

— Много народу?

— Масса. Просила передать, что въ кіоскъ съ вами будетъ продавать цвѣты нѣкая madame Бергъ, жена губернатора.

— Жена губернатора? Любовь Петровна?

— Да, кажется.

— Я съ ней встрѣчался, знаю ее; гдѣ же это она будетъ участвовать въ продажѣ цвѣтовъ?—спросилъ Башиловъ, обращаясь къ барону.

— Моя пріятельница Елена Карцева устраиваетъ благотворительный вечеръ,—поспѣшила отвѣтить Данцова, такъ какъ баронъ Штаденъ почему-то медлилъ отвѣтомъ и принялъ такой холодно-официальный видъ, что она незамѣтно для Башилова бросила ему укоризненный взглядъ. Бесѣда не клеилась. Башиловъ поднялся первый, намѣренно долго прикладывался къ рукѣ Данцовой и крѣпко и многозначительно ее пожалъ.

— Откуда вы пріобрѣли это новое знакомство, Евгенія Михайловна?—спросилъ баронъ, едва Башиловъ удалился.—Это что же—флиртъ?

— Какіе пустяки...—Данцова густо покраснѣла.—Знакомство чисто на дѣловой почвѣ...

— А на какой подкладкѣ?

— Что за экзамень, баронъ? Вамъ-то что до этого? Почему вы приняли съ нимъ такой холодный тонъ?

— Потому что въ гостиной на женщину не смотрять такими глазами, какими онъ смотрѣлъ на васъ; у него скверныя манеры... вы этого не замѣтили?

— Нѣтъ...

— Странно. Вы, такая щепетильная въ выборѣ знакомствъ, такая строгая, такая *prude*...

— Да что съ вами?.. Онъ первый разъ у меня съ визитомъ... Очень милый человѣкъ...

— Берегитесь, Евгенія Михайловна...—пошутить баронъ, погрозивъ пальцемъ.

— Чего?

— Ваше взволнованное лицо и блестящіе глаза выдаютъ васъ; я пожалуюсь Еленѣ Павловнѣ.

— Ну, это ужъ глупо.

— Юпитеръ, ты сердишься—значить...

— Ну, довольно на эту тему, баронъ... Расскажите лучше про Елену.

— Елена Павловна все та же: веселится, смѣется, окружена, хлопочетъ о своемъ вечерѣ... вотъ ужъ неизсякаемая энергія,—на все хватаетъ.

— Да, Елена счастливая... положеніе наше одинаковое, а насколько она счастливѣе меня...

— Слѣдуйте ея примѣру.

— Это невозможно. У меня нѣтъ ея смѣлости, ея широкаго размаха. Она дѣлаетъ съ жизнью все, что хочетъ, а я подчиняюсь... вопросъ характера.

Когда баронъ распрощался и уѣхалъ, Данцова съ волненіемъ стала припоминать его слова: какъ, неужели лицо ее выдало, и баронъ прочелъ на немъ то, въ чемъ она сама себѣ еще боялась признаться? Она рѣшила впредь быть насторожкѣ, надѣвъ для общества маску полного безразличія по отношенію того, кто такъ неожиданно заглянулъ ей въ сердце.

Однажды Башиловъ по телефону настойчиво просилъ Евгенію Михайловну пріѣхать въ тотъ же день къ нему въ министерство, говоря, что онъ страшно занятъ, но хочетъ съ ней сегодня же переговорить объ ея дѣлѣ.

Въ послѣднее время она видѣлась съ Башиловымъ мало, такъ какъ онъ, ссылаясь на вечернія засѣданія, къ ней пріѣзжалъ рѣдко, къ нему же на домъ она отказывалась пріѣзжать; Башилова начинало сердить это упорство въ такой кроткой и слабовольной женщицѣ, и онъ рѣшилъ его сломить и опредѣлить отношенія съ ней въ желаемой для него формѣ. Экспромтомъ въ головѣ его родился планъ, который онъ немедленно привелъ въ исполненіе, какъ это дѣлалъ обыкновенно. Всѣ его замыслы и ихъ выполненіе отличались стремительностью, которую можно было бы назвать необдуманностью, если бы Владимиръ Ивановичъ не обладалъ удивительной быстротой соображенія въ дѣлахъ выгоды. Срывался, впрочемъ, онъ не разъ, но только въ сферѣ не дѣлового характера.

Данцова, немного смущенная любопытными взглядами курьеровъ и писцовъ, прошла рядъ пріемныхъ и предъ ней почтительно распахнули дверь кабинета; Башиловъ съ самодовольной улыбкой польщеннаго въ своемъ самолюбіи чловѣка намѣренно развязно всталъ ей навстрѣчу, подчеркивая передъ раскланивавшимся чиновникомъ свои дружескія отношенія съ элегантною и красивой женщиной. Когда дверь за чиновникомъ закрылась, Башиловъ взялъ руки Данцовой, снялъ перчатки и попеременно сталъ цѣловать то одну, то другую, подвинулъ кресло, усадилъ и зажгеть подлѣ нея электрическую лампу:

— Какая вы интересная, просто прелесть!

Данцова улыбалась и вся сіяла.

— У васъ хорошо тутъ, только ужъ очень официально.

— Что прикажете дѣлать, дѣловой кабинетъ! Такъ-съ... А я, кромѣ кое-какихъ дѣлъ, откровенно говоря, просто повидать васъ хотѣлъ—соскучился безъ васъ; не прогнѣвайтесь, что вызвать осмѣлился...

— Ну, что вы!.. я сама рада видѣть васъ...

— За это спасибо. Кромѣ того, хотѣлъ предложить вамъ вмѣстѣ въ театръ поѣхать на этихъ дняхъ, а оттуда заѣдемъ поужинать... Евгенія Михайловна молчала.

— Что вы на это скажете? Не одобряете?

— Какъ вамъ сказать? Это будетъ не совсѣмъ удобно... у меня гібель знакомыхъ... разводъ не конченъ... увидятъ насъ вмѣстѣ... билетны пойдутъ, тѣмъ болѣе, что я очень осторожна, терпѣть не могу рисковать...

— Пожалуй, вы правы... оставимъ театръ, а все-таки отобѣдаемъ гдѣ-нибудь, чокнемся за нашу дружбу... Это разрѣшается?

— Владимиръ Ивановичъ, лучше безъ ресторана... такія эсканады не въ моемъ вкусѣ.

— Ну, полно, что за щепетильность: вамъ не пятнадцать лѣтъ.

— Вопросъ не въ лѣтахъ, а въ принципѣ,—нерѣшительно возразила Евгенія Михайловна.

— Преклоняюсь передъ вашей добродѣтелью, а все-таки разрѣшите заѣхать... можно?

Владимиръ Ивановичъ горячимъ взглядомъ упорно смотрѣлъ въ глаза Евгениі Михайловны; она старалась подъ улыбкой скрыть смущеніе.

— Ну, пожалуй... я согласна...

— Евгенія Михайловна, сдѣлайте мнѣ небольшое одолженіе: съѣздите отъ себя къ вашей хироманткѣ Степановой; въ былое время она часто мнѣ по картамъ гадала и удивительно всегда вѣрно. Попросите ее погадать на меня... что она вамъ скажетъ? У меня кое-какія осложненія, заботы... скоро ли это все кончится?.. Я, знаете, съ ней повздорилъ по одному дѣлу; давно это было и съ тѣхъ поръ

изъ виду ее потерялъ; а вы вотъ напомнили, и пришла въ голову фантазія. Такъ съѣздите?

— Извольте. А вы не боитесь, что секреты ваши выдастъ?

— Какіе у меня секреты, я человѣкъ прямой-съ; говорю, что думаю. Вотъ и вамъ сказалъ, что изволили меня очаровать, совѣмъ завладѣли мной...

Черезъ полчаса Данцова простился съ Башкиловымъ. Проводивъ ее черезъ рядъ пріемныхъ, онъ вернулся въ свой кабинетъ и не медля позвонилъ по телефону.

— Да, это я... маленькое дѣло къ вамъ, голубчикъ. По-дружески окажите услугу. Вы гадали что-то одной премиленной женщиной; ну, а я, какъ знать изволите, съ благоговѣніемъ смотрю на красивыхъ женщинъ. Она собирается къ вамъ на дняхъ; пожалуйста, и на меня гадать вздумаетъ, такъ вы ужъ короля червошаго положите къ ея ногамъ, скажите, что весь въ ея власти... да оно такъ и есть... Что такое?.. не вѣрите?.. почему?.. несправимъ?.. Да вы что?.. ревнуете?.. ну, то-то!.. Ей-Богу, заваленъ дѣлами... Ахъ, по-приятельски поболтать... Некогда, голубчикъ... Такъ вотъ-съ... пожалуйста... Ну, разумѣется, не знаетъ... не для чего! Сказалъ, что знавалъ васъ давно... Да... да... Ну, до свиданія... Такъ общаете?.. Забѣду... поблагодарю...

Вошелъ курьеръ.

— Ихъ превосходительство товарищъ министра просятъ къ себѣ.

Башкиловъ захватилъ бумаги, и мгновенно у него отлетѣли всѣ мысли, которыми онъ былъ только что занятъ; въ данный моментъ его ничто не интересовало, кромѣ доклада, который былъ имъ составленъ сжато и толково.

Башкиловъ года четыре тому назадъ встрѣтилъ однажды Анну Ивановну Степанову въ какомъ-то маскарадѣ. Она его ловко интриговала. Поѣхали ужинать. Она сняла маску и домино, и Владимиръ Ивановичъ съ удовольствіемъ обнялъ за талію довольно красивую голубоглазую блондинку съ пухлыми бѣлыми руками и пышной грудью. Тутъ же за ужиномъ она по линіямъ руки удивительно отчетливо рассказала все его прошлое и еще поразительнѣе всего ближайшее будущее... Владимиръ Ивановичъ полусхвату увѣрялъ, что она его приколдовала. Умная, ловкая и очень лукавая, она три года была въ связи съ нимъ, и хотя эта связь не мѣшала ему пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы побѣждать сердца, однако порвать съ Анной Ивановной ему не удавалось, настолько она завладѣла имъ. Наконецъ она нашла себѣ болѣе удобнаго покровителя, такъ какъ Владимиръ Ивановичъ особенной щедростью не отличался, и они разошлись безъ тѣни вражды. Въ трудные моменты жизни онъ продолжалъ заѣзжать къ ней съ просьбой погадать, и не было случая, чтобы ея совѣты не оказались полезными. Въ благодарность отъ

времени до времени онъ посылалъ ей пышные букеты алыхъ розъ, которые наполняли благоуханіемъ ея небольшую, очень хорошенькую пріемную.

Полъ Петербурга знало Анну Ивановну. Официально она принимала только дамъ; у нея были часы, когда принимались и мужчины, но на другой квартирѣ, гдѣ она и жила сама. Съ мужчинами она брала второе дорожке и связывала ихъ честнымъ словомъ сохранять въ тайнѣ визиты къ ней; такимъ образомъ мало-по-малу въ рукахъ Анны Ивановны собиравшсь нити многихъ семейныхъ драмъ, въ которыхъ она воочию знала всѣхъ участвующихъ лицъ. Мужья приносили фотографіи женъ, жены—мужей и любовниковъ. Тѣдили къ ней люди высшего разряда. Бывали зачастую и сановники, которымъ она безошибочно предсказывала повышенія и паденія, указывала враговъ и друзей, давала дѣльные совѣты. Никому и въ голову не приходило, что, имѣя въ рукахъ концы многихъ нитей, Анна Ивановна зачастую создавала желаемыя положенія, за что получала благодарности. Такъ, напримѣръ, былъ одинъ сановникъ, который щедро благодарилъ Анну Ивановну каждый разъ, какъ она направляла въ его кабинетъ хорошенькую просительницу... И не такія еще дѣла обдѣлывала умная и ловкая хиромантка!

На другой же день послѣ свиданія съ Башиловымъ въ его директорскомъ кабинетѣ Данцова поѣхала къ Степановой. Таинственно пріоткрылась дверь въ переднюю, сдерживаемая цѣпью.

— Вы записаны?—предложила горничная обычный вопросъ раньше, чѣмъ впустить. Маленькая пріемная была полна одуряющаго запаха гіацинтовъ и розъ, огромный кустъ которыхъ красовался на столѣ. Данцовой и въ голову не пришло, что эти цвѣты были изъ того же источника, что и въ ея будуарѣ, и что предназначеніе ихъ—заставить ее скользнуть въ ту пропасть, къ которой она не хотѣла близко подходить. Анна Ивановна съ первыхъ же словъ догадалась, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, такъ какъ Данцова заговорила первая о вѣрности ея предсказанія.

— Вы мнѣ нагадали одну роковую встрѣчу,—она произошла; но меня страшитъ будущее... Могу ли я вѣрить этому человѣку?

Анна Ивановна разложила карты. Ея пронизательные голубые глаза словно читали въ душѣ довѣрчивой влюбленной женщины.

— Да... да... это правда... это такъ...—шентала Данцова.—Что же дальше будетъ? Я боюсь...

— Эготъ человѣкъ весь въ вашей власти... онъ очарованъ вами, пологъ мыслью о васъ... если связи нѣтъ—она будетъ... это неминуемо...

— Ахъ... не надо, не хочу!—вырвалось у Данцовой.

— Да... да... связь неминуема и затѣмъ кончится бракомъ... вы будете счастливы... Эготъ человѣкъ дастъ вамъ все, что надо вашему сердцу.

Данцова сидѣла взволнованная и испуганная. Слово «связь» навѣвало на нее что-то чуждое и враждебное ея честной и чистой природѣ.

— Пожалуйста, разложите карты на него...—попросила Данцова.

Степанова вложила въ душу робкой женщины полное довѣріе къ мало знакомому человѣку, усыпила ея страхъ и внушила ей, что «роковая» встрѣча—ея судьба, ея счастье, къ которому она неминуемо придетъ путемъ связи. Когда Данцова уѣхала отъ хиромантки, то ей показалось, что ея воля отнынѣ парализована властью слѣпой судьбы, которую ей указала гадалка, и что теперь ей остается только итти навстрѣчу этой судьбѣ.

Въ назначенный вечеръ Данцова обѣдала съ Башиловымъ въ отдѣльномъ кабинетѣ «Медвѣдя». Она была очаровательна въ строгомъ черномъ платьѣ, съ вздрагивавшими рѣсницами своихъ прекрасныхъ глазъ. Башиловъ обдавалъ ее потоками страстныхъ взглядовъ и словъ. У нея туманилась голова, а незамѣтно подливаемое въ бокалъ шампанское ослабляло мысль и волю.

Когда Башиловъ, внезапно поднявшись съ своего мѣста, запрокинулъ ей голову и началъ цѣловать ее въ губы, отчетливая мысль «предсказаніе сбудется» пронеслась у нея въ головѣ, и она почти безъ протеста согласилась послѣ обѣда ѣхать пить чай къ нему. Лакей оказался отпущеннымъ; Башиловъ открылъ входную дверь американскимъ ключомъ, изъ предосторожности повернулъ ключъ въ двери кабинета и, когда подошелъ къ безмолвно стоявшей Данцовой, она взглянула на него испуганнымъ и растеряннымъ взглядомъ и, тихо ахнувъ, закрыла руками поблѣднѣвшее лицо...

III,

У Елены Павловны Карцевой былъ пріемный день. Просторная и нарядная гостиная, убранная съ большимъ вкусомъ, была ярко освѣщена люстрой. На большомъ кругломъ столѣ былъ сервированъ чай. Хозяйка дома, высокая, хорошо сложенная шатенка, съ открытымъ, радостнымъ и энергичнымъ лицомъ, не столько красивая, какъ удивительно интересная оригинальностью своего типа и характера, входила въ гостиную въ ту минуту, какъ изъ передней лакей распахнулъ дверь передъ барономъ.

— Баронъ, я рада!

Елена Павловна протянула руку.

— А я въ восторгѣ, что мы одни... позвольте... покажите глаза.

Баронъ шутливо заглядывалъ ей въ лицо.

— Въ чемъ дѣло? Не понимаю...

— Изволили кутить вчера?.. Миѣ все извѣстно.

— И не думала; вы ошиблись: отложено на сегодня. Поѣдемте въ компаніи!...

— Къ какой компаніи? Кто устраиваетъ?

— Конечно, я, всегда я... ѣдетъ Людомирова безъ мужа, Бергъ съ мужемъ, генераль Орловъ, Женя, Жоржъ Юрьевъ, я и вы. Какъ разъ четыре пары. Въ двѣнадцать часовъ всѣ сѣзжаются у Кюба. Жоржъ распорядитель. Ну, что вы раздумываете? Я за васъ говорю—да.

— Да какой мнѣ интересъ ѣхать? Набрали своихъ поклонниковъ, а я что буду дѣлать? Людомирову я совсѣмъ не знаю, съ Бергъ два слова сказалъ...

— Обѣ прейинтересныя женщины. Я васъ посажу съ Людомировой...

— И рядомъ съ собой?

— И рядомъ съ собой...

— Въ такомъ случаѣ, *mon ange*¹⁾, я вамъ уступаю въ надеждѣ, что придетъ часъ, когда и вы мнѣ уступите...

— А вы сомнѣваетесь?—и Карцева звонко разсмѣялась.

— Кто васъ знаетъ? Въ святость вашу я не вѣрю, да и никто не вѣритъ, а подловить не удается...

— И не удастся...

— Посмотримъ... дѣлайте, что хотите, а я на стражѣ психологическаго момента...

— Кто знаетъ: можетъ, и дождетесь!

— Вы вѣдь знаете мои воззрѣнія: я безъ драмъ и безъ сентиментальностей... Наша *amitié amoureuse*²⁾ должна наконецъ...

— Бросить меня въ ваши объятія?

— Ну, конечно...

— Посмотримъ... Я тоже безъ сентиментальностей и безъ драмъ.

Вошелъ высокій, курносый, гладко выбритый генераль, церемонно раскланялся передъ Еленой и заговорилъ сладкимъ голосомъ, слушая собственную рѣчь и растягивая слова:

— Жена поѣхала къ *madame* Людомировой и непременно собирается сегодня же быть у васъ; я же урвалъ минутку, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе и поцѣловать вашу ручку.

Фонъ-Бергъ, иѣмецъ по происхожденію, исполнительный, аккуратный, педантичный и крайне скучный, ждалъ назначенія генераль-губернаторомъ и пріѣхалъ въ Петербургъ нажать всѣ винты для полученія освобождавшейся вакансіи. Кто-то долженъ былъ замолвить о немъ въ высшихъ вліятельныхъ сферахъ, и такъ какъ Бергъ отличался особеннымъ умѣніемъ во-время соглашаться, во-время негодовать и безапелляціонно слѣдовать начертаніямъ выс-

¹⁾ Мой ангель.

²⁾ Влюбленная дружба.

шаго начальства, то шансы его для назначенія на отвѣтственный постъ были очень сильны.

Бергъ церемонно и чопорно сѣлъ на предложенный стулъ къ сервированному столу и, придерживая фуражку рукой, обтянутой въ безукоризненной бѣлизны перчатку, и глядя въ упоръ сквозь пенсне не мигающими глазами, началъ монотоннымъ голосомъ какой-то длинный и скучный рассказъ, который былъ прерванъ приходомъ Данцовой. Черезъ часъ въ гостиной Елены было уже довольно многочисленное общество. Приѣхала и жена Берга—Любовь Петровна, улыбающаяся, съ ямочками на щекахъ, пачинающая полнѣть, рыжеватая, влюбленная въ себя. Среди изысканной обстановки Елениной гостиной и въ обществѣ женщинъ, туалеты которыхъ отличались элегантной простотой, Бергъ казалась немного провинціальной въ своей вычурной шляпкѣ, въ тяжеломъ, обшитомъ мѣхомъ платьѣ. Съ замашками провинціальной губернаторши она попробовала импонировать Еленѣ своимъ положеніемъ, но въ первый же визитъ, услышавъ у нея нѣсколько звонкихъ именъ, увидя ея нарядную обстановку и узнавъ, что Елена обладаетъ крупными средствами, она сдѣлалась съ нею очень любезна и мила.

Любовь Петровна Бергъ была давнишней подругой Людомировой; послѣдняя съ нѣкоторыхъ поръ очень льнула къ Еленѣ и даже, вопреки Еленинымъ привычкамъ, заставила послѣднюю выпить съ ней на «ты» послѣ какого-то шумнаго ужина за веселымъ разговоромъ. Людомирова вела «grand train»¹⁾, но въ салонахъ ея роскошнаго особняка недоставало Еленинаго необъяснимаго обаянія, которому подвергались всѣ: Еленинъ живой умъ дѣлалъ ея гостиную крайне интересной. Людомирова въ глубинѣ души завидовала ей, открыто же направо и налево говорила о своей искренней дружбѣ съ нею.

Когда Елена, умѣло поддерживая общій разговоръ, разливая чай и привѣтливо улыбаясь направо и налево, взглянула въ сторону Людомировой, то съ удивленіемъ замѣтила, что всегда молчаливый и туго знакомившійся баронъ стоялъ съ нею немного поодаль отъ стола и оживленно разговаривалъ, несмотря на то, что былъ ей представленъ лишь полчаса тому назадъ.

Людомирова была высокая блондинка, необыкновенно богато, эксцентрично, но стильно одѣтая, моложе среднихъ лѣтъ; ея лицо можно было бы назвать красивымъ, если бы оно не было повтореніемъ безконечнаго количества такихъ же лицъ съ прямыми носами, голубыми мало-выразительными глазами, продолговатымъ оваломъ лица и, главное, слишкомъ обильнымъ употребленіемъ косметики. Полузакрывая лицо громадной соболевою муфтой, Людомирова, слушая барона, чему-то звонко смѣялась, изгибаясь слегка корпу-

¹⁾ Жизнь на широкую ногу.

сомъ, и Елена, отлично знавшая всѣ ея замашки, поняла тотчасъ же, что она уже заинтересована барономъ.

Вокругъ стола оживленной темой былъ оккультизмъ; Елена просила высокаго, красиваго сенатора, изучившаго эту область, много видѣвшаго и прекраснаго говоруна, поддержать ея мнѣніе и защитить противъ нападокъ Берга. Монотонную, будто заученную рѣчь послѣдняго, въ которой онъ доказывалъ, что все нереальное— абсурдъ, вѣжливо прервалъ сенаторъ съ сѣдыми, на сторону расчесанными баками и рассказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ своего посѣщенія всѣмъ извѣстнаго оккультиста въ Парижѣ. Петръ Михайловичъ Поповъ, всѣмъ извѣстный въ столицѣ сановникъ, обладалъ широкой эрудиціей; благодаря изумительной памяти, онъ умѣло пересыпалъ свою рѣчь цѣлыми цитатами изъ самыхъ разнородныхъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ; зная въ совершенствѣ языки, онъ пользовался ими съ той элегантностью, которая доступна очень немногимъ. Дамы высшаго свѣта, увлекающіяся заманчивыми тайнами спиритизма и оккультизма, осаждали извѣстнаго своими многосторонними въ этой области свѣдѣніями Попова безконечными просьбами разрѣшать ихъ сомнѣнія, пополнять скудные знанія, объяснять непонятныя мѣста Апокалипсиса и зачастую такъ досаждали и докучали всегда занятому, погруженному въ дѣла и книги сановнику, что въ дамскомъ обществѣ онъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ на модныя темы объ оккультизмѣ, проникающемъ все глубже и глубже въ высшія сферы.

— Оккультизмъ,—заговорилъ Поповъ, красиво скандируя слова и умѣло пользуясь модуляциями своего низкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ яркаго голоса,—какъ и всякая наука, требуетъ очень серьезнаго и многосторонняго изученія, и только посвященный въ ея скртыя, оккультныя тайны можетъ вполне ее постичь. Перлы ея сокровищницы,—продолжалъ онъ,—хранятся въ устномъ преданіи и не довѣряются любопытной массѣ, могущей употребить во зло эту силу. Легкомысленно-насмѣшливый взглядъ на эту глубокую область изъ далекихъ временъ сохранившейся науки доказываетъ, какъ пренебрегали мы мудростью протекшихъ вѣковъ и насколько Востокъ всегда былъ глубже проникнутъ сознаніемъ, что оккультная сторона нашей духовной жизни должна быть утонченно развита и играть первенствующее значеніе въ нашемъ бытіи. Сохранились данныя, что Спаситель провелъ многіе годы въ Индіи среди умудренныхъ наукой старцевъ.

— Петръ Михайловичъ лично знакомъ съ извѣстнымъ оккультистомъ С. и много интереснаго рассказывалъ мнѣ о немъ,—замѣтила хозяйка дома, желая поддержать и продлить интересующую всѣхъ тему разговора.

— Расскажите и намъ, это такъ интересно!—въ одинъ голосъ просили дамы.

Красивый сенаторъ не особенно охотно подчинился ихъ желанію: онъ не любилъ удовлетворять праздное любопытство ни во что серьезно не вѣрующей публики разсказами изъ области, которую онъ многосторонне изучилъ и потому зналъ многое, недоступное массѣ.

— Свидѣтелемъ одного изъ наиболѣе интересныхъ опытовъ г-на С. я былъ не такъ давно, когда въ многолюдномъ обществѣ на вязанку дровъ, принесенную лансеемъ и положенную тутъ же среди зала, послѣ непродолжительныхъ пассовъ, онъ извлекъ цѣлый снопъ огня изъ пространства, огонь спустился сверху, и дрова загорѣлись.

— Это просто невѣроятно! Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

— Этому, какъ и многіе другіе опыты, основанъ на принципѣ единства матеріи. Путемъ долгаго изученія оккультныхъ наукъ возможно проникнуть въ законы колебанія атомовъ и ихъ притягательной силы; волевымъ вліяніемъ человѣка возможно измѣнять эти законы и такимъ образомъ воздѣйствовать на матерію.

Все слушали съ большимъ интересомъ, кромѣ барона, продолжавшаго тихій разговоръ съ Людомировой въ сторонѣ отъ общей группы. Вергъ отъ времени до времени бросалъ въ ихъ сторону никому не замѣтные взгляды. Когда Людомирова стала прощаться съ хозяйкой дома, Вергъ поднялся тоже и вышелъ вездѣ за ней. Баронъ на минуту подѣлалъ къ Данцовой

— Какъ поживаете? Что вашъ флиртъ?

— У меня флирта нѣтъ.

— Тогда назовемъ это романомъ...

— Это еще менѣе удачно.

— Евгенія Михайловна, ну, что вы притворяетесь? Вѣдь я же могла, — вы это знаете. Какъ видите сами, я даже Еленѣ Павловнѣ ни слова не сказала... а вамъ, если позволите, посоветую все-таки быть осторожной съ этимъ не салоннымъ генераломъ вашимъ, такъ какъ слышала, что онъ невысокой пробы человѣкъ: настоящій бабникъ, возится съ актрисами, большой нахаль и въ службѣ пролаза.

Данцова слегка покраснѣла и сейчасъ же сдѣлала равнодушное лицо.

— Ну, что же... мнѣ это безразлично.

— Я говорю вамъ на всякій случай. *Les amis de nos amis sont nos amis*¹⁾... только потому и позволилъ себѣ.

— Я очень цѣню ваше сердечное отношеніе, баронъ... и увѣрена, что все ваши наблюденія по отношенію меня вы, конечно, оставляете при себѣ. А теперь о другомъ: вы ѣдете сегодня ужинать къ Кюба?... Вотъ отлично. Сознаюсь, я ѣду не очень охотно... я предпочитаю рано лечь и почитать въ кровати, чѣмъ кутить до утра въ ресторанѣ...

¹⁾ Друзья друзей—наши друзья.

Это Елена всёхъ подбила по просьбѣ Людомировой, которой хочется повеселить прѣвзкую подругу madame Бергъ.

Когда баронъ прощался съ Еленой, она луково взглянула ему въ глаза:

— Теперь я, кажется, могу быть увѣрена, что вы не измѣните вашего рѣшенія быть вечеромъ съ нами у Кюба. Я отгадала?

— Отгадали... буду непременно... хотя это меня сегодня и не особенно устраиваетъ.

— И знаю, съ кѣмъ васъ посадить...

— Да вы умница—это я давно зналъ.

Данцовой дѣйствительно не хотѣлось ѣхать въ ресторанъ; она была такъ захвачена нахлынувшимъ на нее потокомъ безконечной любви и преданности къ очаровавшему ее Башилову, который искусно сумѣлъ взобраться на пьедесталъ всевозможныхъ благородныхъ жизненныхъ основъ, что все то, что не соприкасалось съ нимъ, стало для нея чуждымъ и неинтереснымъ. Всё его затѣи коммерческаго характера, въ которыхъ онъ принималъ якобы косвенное участіе, представлялись ей комбинаціями поразительной изобрѣтательности и энергій; страсть къ наживѣ онъ ловко маскировалъ потребностью расходовать свои силы. Иногда онъ повѣрялъ ей свои дѣла и проекты, желая прозондировать ея умъ; Данцова, краснѣя и волнуясь, давала совѣты и они были разумны и практичны, «генералъ» былъ доволенъ, цѣловалъ выхолещенную ручку и мысленно укрѣплялся въ намѣреніи перемѣнить въ скоромъ будущемъ ея роль послушной любовницы на роль послушной же супруги, поклоняющейся высокимъ талантамъ своего властелина и мужа. Уѣзжая отъ Елены Павловны, она попробовала отговориться отъ поѣздки къ Кюба, но Елена горячо запротестовала.

— И безъ того тебя почти не видно... ты куда-то отъ меня прячешься; нѣтъ, Женичка, на этотъ разъ я не уступлю; не разстраивай компаніи. Ровно въ одиннадцать съ половиною за тобою заѣдетъ Орловъ—будь готова.

Данцова сдалась. Приѣхавъ домой, она по телефону увѣдомила Башилова, что вечеромъ ѣдетъ въ компаніи ужинать и что дѣлаетъ это очень неохотно. Заодно она пожаловалась, что очень соскучилась, не видя его цѣлую недѣлю, и просила назначить день свиданія. Башиловъ отвѣчалъ очень односложно, торопливо, уклончиво и вскорѣ извинился тѣмъ, что у него дѣловой визитъ, и что онъ обо всемъ переговоритъ завтра. Тонъ его голоса былъ почти officialный.

Данцова съ тоской повѣсила трубку—ей такъ хотѣлось хоть по телефону сказать и услышать нѣсколько ласковыхъ словъ. Если бы Данцова могла видѣть на разстояніи, то сердце ея болѣзненно сжалось бы и забило тревогу: въ кабинетѣ Башилова сидѣла рыжеватая, улыбающаяся женщина съ ямочками на щекахъ, въ широкомъ

платъѣ фасона стріге безъ корсета, съ обнаженными выше локтя пухлыми руками; она, полудежа на оттоманкѣ, приводила въ порядокъ разсыпавшуюся прическу.

— Кто это говорилъ, Воля?

— Да все по поводу моихъ коммерческихъ предпріятій... надоѣли. Хоть трубку спймай... продолжай, я тебя слушаю.

— Такъ говоритъ, что вчера трое его поздравили съ ближайшимъ назначеніемъ. Министръ очень долго говорилъ съ нимъ и былъ, какъ ему показалось, пріятно удивленъ, что онъ такъ хорошо знаетъ условія этого края... Дай-то Богъ, Волчичка, чтобы надежды оправдались; вотъ ужъ скажу, что повезло...

— Что повезло, это вѣрно, а все же и я кое-чему помочь; послѣ двухъ послѣднихъ ревизій столько наговорилъ объ его распорядительности, административныхъ способностяхъ и образцовомъ порядкѣ, что тогда же его замѣтили.

— Да, я помню, ты говорилъ мнѣ... теперь, значить, за мной чередъ; если только назначеніе состоится, то ручаюсь тебѣ за мѣсто губернатора.

— Если здѣсь не будетъ движенія впередъ, то, разумѣется, для меня это можетъ быть удобнымъ...

Башиловъ, заложивъ руки за спину, ходилъ вдоль кабинета грузной походкой, наклонивъ голову впередъ и минутами останавливаясь передъ Бергъ.

— Сегодня я была съ Маришей у Карцевой; слыхаль про такую? Елена Павловна.

— Что-то припоминаю... красивая женщина?

— Мужчинамъ правится, а я не нахожу... лицо какъ у вакханки.

— Что жъ, это хорошо... Кто жъ тамъ былъ?

— Много было; не помню фамилій... какой-то сенаторъ, прекрасно говорившій объ оккультизмѣ, Трубецкой-толстякъ, все время рассказывавшій анекдоты, какой-то баронъ, вѣроятно, слабость Мариши, двѣ-три дамы... одна изъ нихъ, кажется, на ты съ Карцевой; очень хорошенькая брюнетка съ великолѣпными томными глазами, фамиліи не помню, кажется, Евгенія Михайловна. Мариша Людомирова говорила, что она была очень несчастна съ мужемъ, который пропустилъ полсостоянія на женщинъ и кутежи, а теперь требуетъ развода и афишируетъ себя связью съ какой-то кокоткой. Вотъ ужъ дуракъ! Эта Евгенія Михайловна премиленькая женщина: что ему еще надо! Онъ, говорятъ, красавецъ, хорошо образованъ, но все общество на ея сторонѣ, и его перестали принимать.

— Такъ-съ...—Башиловъ не моргнулъ при упоминаніи знакомаго имени.—Сегодня, значить, ты кутишь?

— Да, въ этой же компаніи... жаль, что тебя не будетъ.

— Нѣтъ ужъ, голубчикъ, ты меня уволь... Никого я тамъ не знаю, кромѣ этой твоей Мариши, которую, долженъ сознаться, терпѣть не могу: сплетница и дурища...

— Ну, это ужъ слишкомъ... ты ее вѣдь совсѣмъ не знаешь.

— Довольно было того разу, что вмѣстѣ ужинали... я такихъ женщинъ не люблю..

— Какихъ же ты любишь? Меня любишь?.. полушопотомъ спросила Бергъ, томно потягиваясь и откидывая голову на подушку оттоманки.

— Да какъ тебѣ сказать? —Башиловъ остановился передъ ней, закладывая руки въ карманы.—Я собственно говоря никого не люблю, ни одну женщину... я могу быть увлеченъ, охваченъ... къ тебѣ я привыкъ за эти четыре года и, знаешь ли, привыкъ сильно; тебѣ этого мало?

— Мало, потому что я тебя люблю.

— Удивительный вы всѣ женщины народъ; вы никогда не хотите довольствоваться простыми чувствами, непременно вамъ надо бурныя страсти...

— Ахъ, пожалуйста, Воля! Не воображайся ли ты, что я цѣпляюсь за тебя? Это ужъ слишкомъ; я не такъ глупа и не такъ стара... повернусь и уйду...

Бергъ первымъ движеніемъ стала поправлять растрепавшуюся прическу и поднималась съ дивана.

— Ты что это—разсердилась?

— Конечно.

— Надолго?

— Могу и на всегда.

— Ну, этому я не вѣрю,—отъ добра добра не ищутъ.

— А ты увѣренъ, что мнѣ съ тобой такъ хорошо?

— Хорошо, и очень хорошо... ну, погляди... ну, дай губы...

Башиловъ насильно привлечь ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ. Бергъ закрыла глаза, стала совсѣмъ безвольной, опустила опять на диванъ и вдругъ притихла и опечалилась.

— Воля, отчего мнѣ кажется, что ты меня обманываешь?

— Ужъ это я не знаю отчего. Чисть передъ тобой, какъ хрусталь. Да и некогда мнѣ съ бабами возиться; занятъ я очень.

— Воля, я откажусь отъ сегодняшняго ужина; Мариша меня выгородитъ; поѣдемъ куда-нибудь вдвоемъ; черезъ нѣсколько дней я опять уѣду; мы такъ мало видимся...

— Нѣтъ, голубчикъ, сегодня не могу никакъ; у меня засѣданіе, окончится поздно, а завтра надо рано встать; ужъ ты, пожалуйста, своихъ плановъ не измѣняй; завтра часа на два я вырвусь, побѣдаемъ вмѣстѣ, и ты мнѣ расскажешь всѣ подробности сегодняшняго вечера. А теперь, голубчикъ, прощай; скоро сынъ пріѣдетъ, да и дѣла мнѣ надо кое-какія кончить.

Бергъ съ сожалѣніемъ поднялась и у простѣночнаго зеркала стала надѣвать шляпу. Въ зеркалѣ отражалось ея цвѣтущее, какъ у юной дѣвушки, лицо съ яркимъ румянцемъ, немного вздернутый хорошенькій носикъ и большіе черные глаза, которые составляли оригинальный контрастъ съ рыжими волосами.

Башиловъ издали наблюдалъ за ней и мысленно сравнивалъ ея расплывающуюся отъ непривычки къ корсету фигуру съ изящнымъ силуэтомъ воздушной Данцовой, и, конечно, сравненіе было не въ ея пользу. Когда Людомирова указывала ей на преждевременную полноту и совѣтовала принять мѣры и почаще ходить въ корсетѣ, Бергъ лѣнивымъ жестомъ закидывала руки за голову и потягивалась какъ кошка.

— Ахъ, Мариша, для чего я стану себя мучить, если мужчины меня и безъ того любятъ и сходятъ съ ума по мнѣ.

Влюбленная въ себя, она не отличала ухаживанія за ней, какъ за губернаторшей, отъ искренняго увлеченія, и ея женское тщеславіе часто раздувало въ пожаръ мимолетно брошенную искру.

Отъ Башилова Бергъ проѣхала прямо къ Людомировой, у которой онѣ сговорились вдвоемъ пообѣдать, такъ какъ оба супруга отсутствовали, и онѣ съ удовольствіемъ пользовались случаемъ побыть наединѣ и поболтать.

Обѣ подруги тотчасъ же прошли въ столовую. Въ громадной строгого стиля Henri IV комнатѣ, завѣшанной фамильными портретами и гобеленами и ярко освѣщенной люстрой, на большомъ тяжеломъ столѣ сиротливо выдѣлялись два прибора. Говорили мало; Бергъ не щеголяла знаніемъ иностранныхъ языковъ, и интимная бесѣда была отложена на послѣ обѣда, когда присутствіе лакея не будетъ стѣснять. Перебирали впечатлѣнія дня; Людомирова явила по адресу почти всѣхъ и подъ кажущейся сердечностью и сочувствіемъ скрывала немало ехидства и пошлаго любопытства. Кофе и ликеръ былъ поданъ въ маленькую голубую гостиную—настоящую игрушку Louis XV. Обѣ пріятельницы удобно расположились у камина другъ подлѣ друга. Бергъ, размякшая, усталая, глубоко забила въ кресло, и полузакрывъ глаза, смотрѣла на яркій огонь камина: она переживала мысленно свиданіе съ Башиловымъ и не могла отдѣлаться отъ безотчетной грусти. Четырехлѣтняя связь глубоко укрѣпилась въ ея сердцѣ: она любила Башилова, вѣрила ему и годъ тому назадъ была почти готова разойтись съ мужемъ и выйти за Башилова. Почему-то это не состоялось. Бергъ не отдавала себѣ отчета, что не допустилъ до этого самъ же Башиловъ, хотя на словахъ увѣрялъ ее, что готовъ на бракъ съ ней, когда бы она этого ни пожелала. За послѣдній годъ Бергъ хотя и часто пріѣзжала въ Петербургъ, но все случалось какъ-то такъ, что она его видѣла мало; онъ говорилъ, что заваленъ службой по горло, вѣчныя засѣданія, комиссіи...

Онъ какъ будто бы позволялъ любить себя, самъ же давалъ страшно мало, и Любовь Ивановна, вспоминая минувшіе годы, задумывалась и страшилась развязки. Никто изъ воображаемыхъ ею безумно влюбленныхъ въ нее поклонниковъ не могъ замѣнить ей привычную связь, которую она очень ловко отъ всѣхъ скрывала, и даже Людомирава была въ заблужденіи относительно истиннаго положенія вещей.

— Я такъ устала, Мариша, что мнѣ совсѣмъ неохота ѣхать сегодня къ Люба,—обратилась она къ Людомировой.

— Усиѣшь отдохнуть... для тебя же я затѣяла эту поѣздку— ты должна ѣхать. Ты какъ будто бы не въ духѣ; случилось что-нибудь? поссорилась?

— О, нѣтъ... и не думали. Влюбленъ попрежнему.

— Неужели ты думаешь, Люба, что онъ тебѣ не измѣняетъ?

— Ахъ, Мариша, ты не знаешь, что говоришь; онъ совершенно неспособенъ на это, онъ весь у моихъ ногъ...

— Ну, я бы на твоемъ мѣстѣ не была такъ довѣрчива. Разъ онъ могъ себѣ позволить такую штуку со мной...

— Какую штуку?

— Ты забыла исторію съ галошами, послѣ ужина у «Медвѣдя»?..

— Ну, что за ерунда, Мариша! Ты все это преувеличиваешь... Скажи мнѣ, ты давно знакома съ Карцевой? Я отъ тебя не слыхала раньше ея имени. Кто она и что она?

— Я съ нею знакома сравнительно недавно—второй годъ; на «ты» мы съ ней совершенно случайно; какъ-то полусутья выпили за веселымъ ужиномъ. Интересная женщина. Чертовски умна, такъ и лѣзетъ къ мужчинамъ въ душу. Она въ Петербургѣ живетъ лѣтъ пять—со времени своего вдовства. Массу выѣзжаетъ, много принимаетъ; про нее всякую всячину рассказываютъ; очень окружена, флиртъ направо и налево и въ то же время, представъ себѣ, что любовника у нея нѣтъ. Ужъ какъ тамъ ни хитри, а шила въ мѣшкѣ не утаишь... Или же одно остается предполагать, что имъ числа нѣтъ, что она ихъ мѣняетъ, какъ перчатки... Но нѣтъ, это невѣроятно; сами мужчины выдали бы... Вообще, ловкая особа! Я предполагаю, что она должна быть очень развратна. Представъ себѣ, что когда мы въ прошломъ году ѣздили съ мужемъ въ Парижъ, она предложила мнѣ сдѣлать списокъ всѣхъ самыхъ интересныхъ мѣстъ закулисной парижской жизни. Когда я этотъ списокъ показала одному знакомому въ Парижѣ,—онъ просто ахнулъ! Онъ вѣрить не хотѣлъ, что его дала Елена, и увѣрялъ, что онъ составленъ просто по наслышкѣ. Я ей это передала; она ничуть не смутилась и въ присутствіи нѣсколькихъ мужчинъ подтвердила, что нѣтъ уголка, котораго бы она не посѣтила въ свою бытность въ Парижѣ, то есть между 18-ю и 22-мя годами. Она тамъ жила совершенно самостоятельно; посѣщала университетъ, имѣла квар-

тиру въ Картіе Латенъ, была на товарищеской ногѣ со студентами и изучала въ ихъ же обществѣ жизнь и нравы Парижа. Это будучи дѣвушкой! Ты можешь себѣ это представить? Тамъ же въ Парижѣ она встрѣтила своего мужа, который послѣ смерти оставилъ ей хорошее состояніе.

— Правда, что въ нее Орловъ влюбленъ?

— Товарищъ министра? Совсѣмъ погибаетъ бѣдный старикъ; и любить, и ненавидить—все вмѣстѣ.

— Ну, а этотъ Жоржъ Юрьевъ, морякъ, какую тамъ роль играетъ?

— Ну, что касается Юрьева, то я и сама не понимаю: или Елена дьявольски ловка, или... или онъ дуракъ.

— Мариша, а баронъ интересенъ!..—лукаво глядя на подругу и лѣниво потягиваясь, замѣтила Вергъ.

— Ты про барона Штадена? Да, у него, знаешь, есть что-то притягивающее. Должна тебѣ сказать, что я имъ несколько не заинтересована; хочется подразнить Елену. Надо ее немного позлить и хорошенько увлечь его.

— Что за охота! Мнѣ всѣ эти мужчины такъ надоѣли, такъ надоѣли!.. отбою нѣтъ...

Подруги долго еще вели интимную бесѣду, въ которой пытались разоблачить закулисную жизнь и интересы окружающихъ, зорко оберегая свои собственные и даже прибѣгая ко лжи, лишь бы они оставались тайной одна для другой.

Разставаясь, онѣ нѣжно обняли другъ друга. Людомирова обѣщала къ двѣнадцати заѣхать за подругой въ собственномъ щегольскомъ моторѣ.

IV.

Было около половины одиннадцатаго, когда Жоржъ Юрьевъ, красивый морякъ, съ черными, какъ уголь, глазами, вьющимися густыми волосами и почти классической чистой линіей профиля, бодрый и веселый, сбросилъ на руки лакея пальто и вошелъ безъ доклада во вторую, болѣе интимную гостиную Елены Карцевой, зажегъ электрическую высокую лампу, опустился въ кресло, досталъ портсигаръ и, закуривъ папироску, въ удобной позѣ, съ откинутой на спинку кресла головой, молча погрузился въ неподвижное и безразличное созерцаніе давно знакомыхъ, висящихъ напротивъ картинъ.

— Георгій Александровичъ—вы? —раздался изъ отдаленной комнаты звонкій голосъ Елены.

— Есть!—отозвался Юрьевъ.

— Если очень хотите чаю, то идите въ столовую и пейте, а если нѣтъ, то подождите минутъ десять; я скоро буду готова. Въ нашемъ распоряженіи еще цѣлый часъ.

— Слушаю-сь и ожидаю. Елена Павловна, можно велѣть подать краснаго вина? Я умираю отъ жажды.

— Разумѣется... Пейте вино и думайте обо мнѣ... или, нѣтъ, о Женичкѣ, или все равно, о комъ хотите.

— Елена Павловна,—шутливо-плаксивымъ голосомъ протянулъ Юрьевъ:—да одѣвайтесь же скорѣе...

Лакей подаль вино, которое Юрьевъ, не измѣняя позы, пилъ медленными глотками, курилъ, морщился отъ дыма, перекладывалъ ногу на ногу и продолжалъ созерцать Айвазовскаго и Шишкина.

Шелестя шелкомъ, вошла Елена въ гладкомъ черномъ платьѣ, съ открытыми плечами и обнаженными руками, блистательная своеобразной красотой, стройная, гибкая, смѣющаяся и захватывающая, холодная и невыразимо привлекательная.

— Ой!.. сразили!..—Юрьевъ сорвался съ кресла, пошатнулся и дурачливо упалъ на колѣни.

— Не вѣрю... напрасно...—Елена, улыбаясь, застегивала брашлетъ; ей не удавалось, и она протянула руку Юрьеву. Пока тотъ, нагнувшись надъ ея рукой, старался справиться съ мудреной застежкой, Елена, загадочно улыбаясь, тихонько провела рукой по его волосамъ, потомъ нагнулась и, едва прикасаясь къ нимъ губами, поцѣловала.

— Елена Павловна, не шалите... ей-Богу, не застегну.

— О, застегнете... — въ голосѣ прозвучала насмѣшливая нотка.

— Вы думаете?

— Увѣрена.

Прошли въ столовую.

— Ну, расскажите, что дѣлали сегодня?

— Былъ на службѣ, два визита сдѣлалъ, обѣдалъ съ товарищами у «Медвѣдя», а теперь предсталъ предъ ваши ясныя очи.

— А настроеніе?

— Сносное... А вы какъ?

— Я все то же... Обликъ вакханки и сердце монахини.

— Славная вы, хорошая...

— Чѣмъ, Юрочка? чѣмъ, коварный лейтенантъ?

— Всѣмъ. Съ вами какъ-то удивительно тепло и уютно.

— Въ особенности если влить въ себя три стакана краснаго вина послѣ обѣда у «Медвѣдя» и передъ ужиномъ у Кюба.

— Это ужъ зло, Елена Павловна.

Въ это время послышался въ сосѣдней комнатѣ звонъ шпоръ, и вошелъ генералъ Орловъ, высокій и сухощавый, съ маленькой, совершенно лысой головой, голубыми пронзательными глазами и сильно развитой нижней челюстью; прямой, бодрый, съ военной молодцоватой выправкой, онъ казался моложе своихъ шестиде-

сяти лѣтъ. У Елены при входѣ его дрогнули уголки губъ. Она ласково протянула ему руку, которую тотъ крѣпко сжалъ, поднося къ губамъ. Съ Юрьевымъ онъ поздоровался сдержаннѣе обыкновеннаго и, не владея мимикой, съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица сѣлъ къ столу.

— Михаилъ Михайловичъ, если вы посѣтили меня мимоходомъ,—я очень рада; но если черезъ двадцать минутъ вы не поѣдете къ Женѣ, то я протестую...

— Слушаю-съ, Елена Павловна, но вѣдь было условлено, что я заѣзжаю за вами...

— Милый генераль, опять вы перепутали... это ужасно! Вы должны были заѣхать за Женей, а Георгій Михайловичъ за мной...

— Я тутъ—налицо...

— Позвольте, господа, это было говорено вчера, а сегодня, когда я откланивался вамъ въ шесть часовъ и сказалъ, что я заѣду къ вамъ, вы...

— Мнѣ и въ голову не пришло, что это обозначало перемѣну плановъ.

— Такъ я тутъ ни при чемъ... Въ такомъ случаѣ позвольте откланиваться.

Орловъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ отодвинулъ стулъ, официально откланивался и вышелъ. Елена громко разсмѣялась и, догнавъ его въ гостиной, проговорила вполголоса, кладя ему руку на рукавъ:

— Послушайте, голубчикъ, вотъ вы и разобидѣлись. Вы не правы: не могу же я отправлять къ Женѣ Юрьева, разъ было условлено, что вы за ней пріѣдете—это вышло бы неудобно и по отношенію ея...

— Да, да, разумѣется... и вамъ удобнѣе, очевидно, пріѣхать съ Юрьевымъ.

— Неостроумно...

Орловъ еще разъ щелкнулъ шпорами, сухо поклонился и исчезъ за дверью. Елена вернулась въ столовую.

— Генераль изволилъ разсердиться. Какъ бы мнѣ за ужиномъ не влетѣло.

— Не влетитъ. Я возьму васъ, Юрочка, подъ свою защиту. Добрый онъ человѣкъ, но бываетъ невыносимъ.

— Я не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ: полюбить въ его годы—это пытка.

— Во всякіе годы, Юрочка...

— А вы развѣ любили, Елена Павловна? Ну, по правдѣ... хоть одинъ разъ?..

— Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, и не полюблю ни за что, ни за что. Это пытка и мука, а я не хочу страдать.

— Охъ, попадетесь, Елена Павловна... право, попадетесь.

— Ни за что!

— Вспомните меня... и если попадетесь, то ужь во всю.

— Ну, Юрочка, мой коварный лейтенантъ, я вамъ даю честное слово, что если со мной случится такая бѣда, то я открою вамъ свою душу, и вы будете меня спасать. Хотите?

— Согласенъ.

— А мнѣ васъ спасать не надо, Юрочка? Все идетъ хорошо? Видитесь часто?

— Почти каждый день.

— Она благосклонна?

— О, да.

— И пшан тоже?

— Съ этой стороны я спокоенъ...

— А въ меня вы больше не влюблены, ни-ни?

— Влюбленъ теперь? Нѣтъ. Я васъ люблю.

— Какъ друга, какъ сестру... Ахъ вы бѣдненькій. Мнѣ жаль васъ. Очевидно, и вы попались, и вамъ надо пройти весь путь иллюзий и мечтаній, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ карта за картой началъ бы распадаться вашъ карточный домикъ. Клятвы, увѣренія, высокіе идеалы семейныхъ устоевъ—все подточится, и опять вы станете, Юрочка, пылкимъ, коварнымъ лейтенантомъ. Но это ничего не значитъ: каждому надо пройти одинъ и тотъ же путь; чередъ за вами—идите.

— Вы меня мало знаете; я сумѣю сохранить нетронутыми и ся и свою любовь.

— Старая пѣсня, всёми пѣтая... И все-таки это лучше одиночества...

Елена опустила подбородокъ на скрещенные пальцы и на минуту закрыла глаза.

— Вы одиноки?

— Ужасно!..

— Васъ тяготитъ?

— Минутами.

— Васъ такъ многіе любятъ:

— Что мнѣ до этого? Я никого не люблю и не могу, и не хочу полюбить... да и некого. Однако пора собираться,—встрепенулась Елена.

Движеніемъ головы она какъ будто стряхнула грустныя думы, навѣяшныя откровеннымъ разговоромъ; исчезла складка между темныхъ характерныхъ бровей, лицо оживилось, потухшіе на минуту глаза ожили и заискрились.

— Ъдемъ же, а то ждаты будутъ, и Орловъ будетъ язвить весь ужинъ.

Елена не ошиблась. Когда она вошла въ заранѣе заказанный отдѣльный кабинетъ, вся компанія была въ сборѣ. Лакеи серви-

ровали посреди комнаты большой столъ, уставляя его утонченными закусками и винами.

— Прибавьте свѣжей шорки... салатъ à la Parisienne... да раковыхъ шеекъ не забудь, голубчикъ»...—суетился Юрьевъ подлѣ стола, взявшій на себя заботу составленія мению.

Изъ открытаго окна пестлѣли звуки румыскаго оркестра; въ ярко освѣщенной комнатѣ съ поддѣльными большими гобеленами по стѣнамъ пахло духами; лица дамъ были оживлены; всѣ стояли отдѣльными группами, говорили не громко, смѣялись сдержанно, скользили улыбки, срывались полуслова. Подъема не было, но чувствовалось, что съ первымъ же бокаломъ шампанскаго пизъ окна, выходящаго въ общій залъ, гдѣ игралъ оркестръ, постепенно вольется атмосфера приподнятаго настроенія, съ откровеннымъ признаніемъ въ некряхшихся глазахъ, съ шумною рѣчью, кокетливымъ смѣхомъ и мимолетными тайными рукопожатіями.

Поздоровавшись, Елена шаловливо обвела всѣхъ глазами.

— Господа, здѣсь чувствуется романъ... и продолжающійся, и зарождающійся... и очень опасный...

Ея взглядъ скользнулъ по лицу барона.

— Что жъ тутъ удивительнаго: гдѣ вы, тамъ и любовное настроеніе,—это нераздѣльно.

Орловъ подошелъ къ Еленѣ и съ упрекомъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Я не о себѣ говорю, ваше превосходительство...

— А я исключительно о васъ. Ловко меня спроводили...—выполголоса проговорилъ онъ, косясь на Юрьева.—Красивый мальчикъ. Давно у васъ въ плѣну?

— Какъ это скучно, Михайлъ Михайловичъ!

Елена покачала плечами и отошла къ группѣ барона, Людомировой и Бергъ, который, очевидно, чувствовалъ, что мѣшаетъ, и все-таки упорно оставался подлѣ.

Она взяла его подъ руку и, кокетливо смѣясь и болтая, отвела въ сторону, успѣвъ бросить лукавый взглядъ невозмутимому съ виду, почти апатичному барону.

Юрьевъ, руководившій ужиномъ, попросилъ всѣхъ къ столу, обильно уставленному всевозможными блюдами: свѣжая икра въ большомъ хрустальномъ боченкѣ, устрицы на серебряныхъ подносахъ, покрытыхъ льдомъ, лангуста, шо-фруа, балыкъ, осетрина, всевозможные салаты, свѣжіе огурцы, редиска—все было красиво подано, съ желаніемъ угодить изысканнымъ вкусомъ избалованныхъ гурмэ. Лакеи безшумно сповали взадъ и впередъ; дамы стягивали свои длинные перчатки, мужчины потирали руки, освѣдомляясь о вкусахъ дамъ, звенѣли рюмки, пожи и вилки, пахло вкусными блюдами. Настроеніе постепенно поднималось,

становилось шумно и весело. Людомирова послѣ первыхъ же двухъ бокаловъ слегка опьянѣла. Ея продолговатые, сильно подведенные глаза краснорѣчивымъ взглядомъ отвѣчали на упорные взгляды невозмутимаго, очень корректнаго въ рѣчахъ и манерахъ барона.

Бергъ, сидѣвшій рядомъ по другую сторону, замѣтно волновался, тщетно пытаясь отвлечь вниманіе Людомировой отъ сосѣда. Орловъ, подѣ влияніемъ двухъ-трехъ ласковыхъ словъ Елены, успокоился и велъ тихій разговоръ о Еленѣ съ Евгеніей Михайловной, которая почти не пила и мысленно была далеко отъ шумной компаніи. Юрьевъ занималъ Любовь Петровну Бергъ, какъ мальчишка, хохоталъ и дурачился и поминутно спрашивалъ шепотомъ, близко нагибаясь къ плечу Елены:

— Елена Павловна, я приличенъ? Дерните меня за рукавъ, если я не того...

Елена была очень оживлена. Она со всеѣми смѣялась и кокетничала. Шампанское туманило голову; хотѣлось выкинуть какую-нибудь опасную шалость.

Лакеи незамѣтно подливали въ узкіе бокалы ледяную струю шампанскаго; въ окна, открытыя въ общій залъ, врывались безшабашные цыганскіе мотивы румынскаго оркестра; запахъ утонченной кухни, сигаръ и духовъ, сдержанный гомонъ нарядной кутящей и веселящейся заповоемъ до утренней зари публики, неожиданный веселый взрывъ женскаго смѣха—все это взвинчивало и безъ того приподнятое настроеніе собравшейся компаніи.

— Юрочка,—громко шептала Елена:—нагнитесь; ближе, ближе, я васъ умоляю, будьте молодецъ и поцѣлуйте меня вотъ тутъ, подлѣ уха... Ну, что вамъ стоитъ?..

— Что вы говорите? Орловъ не спускаетъ глазъ... вы рискуете...

— Чѣмъ? Вотъ ерунда... Вы думаете, я не знаю, что про меня говорить? Мнѣ безразлично. Тутъ ничего нѣтъ дурнаго... Ну, Юрочка, не будьте же трусомъ... это такъ легко... нагнитесь и... я жду...

Елена заливалась громкимъ смѣхомъ. Юрьевъ колебался. Все время чьи-нибудь глаза были устремлены въ ихъ сторону. Елена наступила каблукомъ на носокъ Юрьева и настойчиво давила ему ногу, тотъ морщился, охалъ, хохоталъ и громко вскрикивалъ. «Утро туманное... утро сѣдое... страстные рѣчи, такъ жадно ловимыя»... Лились изъ зала опьяняющіе звуки скрипки и зажигали неясныя желанія въ возбужденномъ и разгоряченномъ мозгу. Въ ту минуту, какъ Елена, перегнувшись мимо Юрьева черезъ уголокъ стола, что-то рассказывала Любовь Петровнѣ, онъ изловчился и быстро поцѣловалъ ея шею. Она ахнула и, откинувшись на спинку стула, залилась звонкимъ смѣхомъ. Людомирова и ея подруга

Бергъ переглянулись; очевидно, обѣ успѣли перехватить мимолетный поцѣлуй.

Было поздно. Пользуясь минутой разѣзда, баронъ отвелъ Елену въ сторону:

— Дорогая моя, завтра въ часъ мы ѣдемъ завтракать въ Hôtel de France. Если вы не поѣдете, madame Людомирова ни за что не поѣдетъ. Я прошу васъ не откажите,—я скажу ей сейчасъ, что мы уже стоворились. Да?

Елена сощурилась и вызывающе посмотрѣла въ глаза барона.

— О, да! И съ большимъ удовольствіемъ.

Черезъ минуту возлѣ Елены стояла Людомирова; дѣлая видъ, что поправляетъ выбившійся локопъ, она, вся разгоряченная виномъ и усиленнымъ флиртомъ съ барономъ, съ затуманившимися, подведенными глазами, быстро зашептала на ухо подругѣ:

— Ради Бога, сдѣлай такъ, чтобы баронъ провожалъ тебя; я должна ѣхать съ Бергомъ, его жену твоей морякъ провожаетъ...

— Что такое? Мой морякъ?—Елена звонко размѣялась.

— Тише, ради Бога. Если ты не отвлечешь барона, будетъ непріятность; Бергъ мнѣ очень нуженъ.

— Хорошо, Мариша... вѣдь я говорила тебѣ передъ ужиномъ, что готова быть добрымъ геніемъ... Баронъ, на минуту, пожалуйста сюда. Такъ какъ Маришу провожаетъ Бергъ и такъ какъ я остаюсь безъ кавалера, то прошу васъ сопровождать меня... тѣмъ болѣе, что у насъ есть кое о чемъ еще переговорить... Михайль Михайловичъ,—кликнула она Орлова, кончавшаго расчеты съ Юрьевымъ,—прошу васъ, доставьте Женичку домой цѣлой и невредимой: мнѣ предлагаетъ свои услуги неотразимый баронъ...

Орловъ криво усмѣхнулся. Когда спускались съ лѣстницы, онъ подаль ей руку.

— Я отлично все понимаю... Вы нарочно меня устраниваете...

— Я ни при чемъ; такъ надо было сдѣлать.

— Было бы глупо съ моей стороны вамъ вѣрить, Елена Павловна. Я играю дурацкую роль и глубоко сожалѣю, что согласился принять участіе въ этомъ ужинѣ.

— Фу ты, Господи, какъ скучно!

Елена высвободила руку и прошла впередъ.

VI.

На другой день Людомирова подкатила къ подъѣзду Еленинаго дома около часу дня и, нетерпѣливо поглядывая изъ окна автомобиля, волновалась, смотрѣла на часы и начинала раздражаться, когда наконецъ распахнулась тяжелая дверь, и Елена, оживлен-

ная, свѣжая, безъ признаковъ утомленія, сошла со ступенекъ крыльца.

— Какъ ты задерживаешь, Елена. Скорѣе! мы и то опоздали. Баронъ ждетъ.

— Это не важно, можетъ и подождать.

— Дѣло не въ баронѣ, а я боюсь въ этотъ часъ натолкнуться на мужа или еще хуже на моего мучительнаго поклонника Берга. Вотъ ужъ не понимаю, чего онъ ждетъ отъ меня? Вѣдь онъ скученъ, какъ только можетъ быть скученъ влюбленный нѣмецъ. Я ему тысячу разъ повторяю, что ни на какія уступки я не пойду, что я цѣню его дружбу и только... Эти мужчины понять не могутъ, что существуютъ честныя женщины, совершенно неспособныя унижать себя...

— И ѣздить на свиданіе съ барономъ Штаденомъ,—невозмутимо докончила Елена.

Людомирова вспылила.

— Я неспособна ни на какія двусмысленныя свиданія; доказательствомъ служить то, что я категорически отказала ѣхать съ нимъ одна.

— Ты поступила предусмотрительно, такъ какъ не знаешь барона; я его знаю давно и хорошо, и могу тебя впередъ освѣдомить, что это джентльменъ съ головы до ногъ, и если бы тебѣ вздумалось ѣхать сегодня одной, то повѣрь, что никто не узналъ бы объ этомъ, ни даже я, а вѣдь мы съ нимъ большіе друзья.

— Къ чему ты мнѣ это все говоришь? Баронъ нисколько меня не интересуешь; онъ такъ умолялъ меня пріѣхать, что я просто изъ любопытства ѣду.

— Ахъ, Мариша, перестань ты меня морочить. Какое мнѣ дѣло до твоихъ отношеній къ Бергу и къ барону, и къ пятому, и десятому? Чего ты боишься? Передъ кѣмъ ты оправдываешься? Кому это нужно? Живи, какъ считаешь возможнымъ жить, имѣй хоть пять связей за разъ, но будь искренна и хоть себѣ не лги, считая себя непорочною въ то время, какъ тебѣ надо прятаться отъ мужа и еще отъ кого-то другого, чтобы ѣхать на свиданіе съ третьимъ.

Людомирова всыхнула; ея глаза зло сверкнули.

— Если я такъ поступаю, то лишь изъ разумной предосторожности, чтобы изъ-за пустяка не нарушать чужого спокойствія; да и то я ѣду не одна. Не суди, пожалуйста, по себѣ. Ты связи допускаешь, и даже по нѣскольку сразу, а я на это смотрю иначе. Ты свободна, дѣлаешь, что хочешь, а у меня есть мужъ, и я не могу слѣдовать твоимъ принципамъ, которые, впрочемъ, мало кто можетъ раздѣлять.

Людомирова приняла видъ оскорбленной въ своемъ достоинствѣ женщины.

— Ни о моихъ принципахъ, ни о моей жизни ты судить не можешь, такъ какъ ни того, ни другого не знаешь,—спокойно отвѣтила

Елена, но въ душѣ ея шевельнулось чувство презрѣнія къ трусливой, лживой и показной морали, которой Людомирова хотѣла прикрыть свое поведеніе. Елена заранѣе была увѣрена, что баронъ безъ труда добьется ея благосклонности, и понимала, что пріятельница будетъ вести двойную игру по отношенію ея, такъ какъ ея дружба съ барономъ была извѣстна Людомировой, и она боялась, очевидно, сразу ему довѣриться. Елена предвидѣла для себя скучную роль посредницы и, бросая на Людомирову слегка насмѣшливый взглядъ, мысленно рѣшила содѣйствовать скорѣйшей развязкѣ. Обѣ молчали. Людомирова не могла успокоиться отъ задѣвшихъ ея самолюбіе замѣчаній Елены. Она достала изъ сумочки зеркальце и осталась собой очень довольна: волненіе вызвало на ея щеки яркій румянецъ, а глаза утратили утомленный видъ и блестѣли. Она ловко подправила краснымъ карандашомъ линію губъ, слегка напудрила лицо, подрисовала брови и съ волненіемъ выскочила изъ автомобиля, едва онъ остановился у подъѣзда Hôtel de France. Баронъ ждалъ ихъ въ вестибюлѣ и быстро провелъ въ ближайшій кабинетъ.

— Мои милые друзья,—заявила Елена, едва они сѣли за столъ и былъ поданъ завтракъ:—согласитесь сами, что я тутъ играю весьма глупую и неинтересную роль, а потому предупреждаю, что буду развлекаться, иначе мнѣ будетъ скучно.

— Что ты называешь—развлекаться?—Людомирова насторожила уши; она слегка побаивалась Елены, инстинктивно чувствуя въ ней какую-то силу и неуязвимость, противопоставить которой она ничего не имѣла.

— Я даю себѣ право говорить все, что мнѣ вздумается.

— По отношенію тебя самой—конечно; но я не даю тебѣ права говорить обо мнѣ.

— Я и не собираюсь, ты напрасно такъ испугалась. О себѣ же и о баронѣ я буду говорить, что хочу. Юрій Александровичъ, вы разрѣшаете?

— Наша дружба является полной для меня гарантіей, что вы не скажете ничего, что могло бы дискредитировать меня въ глазахъ Маріи Константиновны.

— Bravo, баронъ. Вы говорите мало, но всегда хорошо и выгодно для себя. Итакъ, чокнемся за тройственный союзъ и чтобы Мариша заразилась вашимъ къ ней чувствомъ...

— Елена, перестань, ты говоришь ерунду; баронъ можетъ Богъ знаетъ что подумать...

Елена отпивала шампанское маленькими глотками; оно ее почти не пьянило; Людомирова по обыкновенію легко пьянѣла, и ея глаза уже горѣли ненормально-сухимъ блескомъ. Баронъ чувствовалъ себя прекрасно. Не теряя давно вкоренившагося глубокаго чув-

ства влюбленной дружбы къ Еленѣ, онъ отдавался неожиданному влеченію къ захватившей его Людомировой.

— Милый мой баронъ,—обратилась къ нему Елена, шаловливо придвигаясь къ нему и кладя ему руку на плечо.—Нашъ флиртъ оконченъ съ того момента, какъ я оказалась вамъ нужной помощницей для свиданія съ другой женщиной; вы отошли отъ меня, не дождавшись ни одного поцѣлуя... И теперь, когда ваши уста жаждутъ иныхъ устъ,—теперь мнѣ жаль, и я плачу объ его утратѣ.

— О, за чѣмъ же дѣло стало?—вдругъ сорвалась съ своего мѣста Людомирава. Ея продолговатые глаза метали искры; она была сильно возбуждена; слегка опьянѣвшая, подрисованная, вызывающе одѣтая, она смахивала на кокетку и была почти красива.—Если баронъ хочетъ выиграть въ моемъ мнѣніи, то онъ обязанъ поцѣловать тебя; послѣ такого вызова для мужчины нѣтъ другого исхода.

— Что же, баронъ, выбирайте: или цѣлуйте меня и подымайте свои акціи въ ея глазахъ, теряя въ моихъ, такъ какъ я буду знать, что мой поцѣлуй берется въ угоду Маршѣ, или же вытравывайте въ моихъ глазахъ и теряйте съ той стороны?

— Елена Павловна, вы не правы, такъ какъ вы прекрасно знаете, что я былъ бы счастливъ поцѣловать васъ такъ же, какъ и...

— Какъ и Маршцу? Bravo! Тогда я согласна.

— Я не согласна... съ какой стати!

— Какъ съ какой стати? Ты допускаешь возможнымъ цѣловать меня, почему же не тебя?

— Я не желаю...

— Юрій Александровичъ, если вы рѣшитесь поцѣловать меня, то за вашу храбрость васъ ждетъ награда; если же двѣ дразнящія васъ женщины уѣдутъ отсюда съ сознаниемъ, что вы трусъ... это дѣло ваше...

Елена не успѣла докончить фразы, какъ баронъ оставилъ бокаль, быстро перегнулся и, охвативъ Елену за талію, крѣпко поцѣловалъ ее въ губы. Она, ничуть не смущаясь, приняла ожидаемый поцѣлуй. Людомирава ахнула и закрыла лицо салфеткой.

— Баронъ, если только вы посмѣете... если вы посмѣете только, то помните, что мы видимся въ послѣдній разъ,—неестественно испуганнымъ голосомъ лепетала Людомирава. Баронъ смутился. Елена гнѣвно поднялась со стула.

— Марша, это нечестно.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу... я не позволю... второй разъ видимся и вдругъ... про меня можно будетъ Богъ знаетъ что подумать... баронъ, не смѣйте, я запрещаю...

— А я приказываю... Вы слышите:—я при-ка-зы-ва-ю, иначе это оскорбленіе.

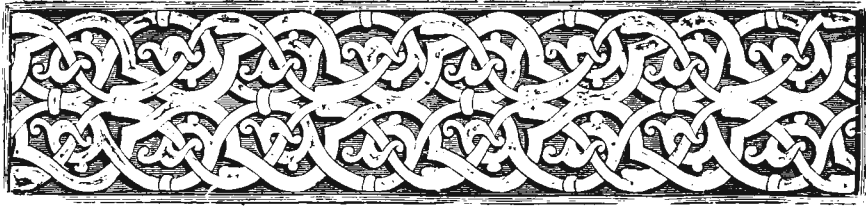
Баронъ взглянулъ на Елену и увидѣлъ такіе гнѣвные, негодующіе прекрасные глаза, такое надменное, слегка поблѣднѣвшее лицо,

что немедленно поднялся съ своего мѣста, рѣшительно подошелъ къ Людомировой, отдернулъ салфетку и почти безъ сопротивленія прильнулъ къ ея губамъ. Поцѣлуй длился долѣе, чѣмъ этого требовала Елена; она отвернулась и сдѣлала видъ, что поправляетъ у зеркала прическу. Послѣ завтрака Елена убѣдила Людомирову уступить ей впередъ свой автомобиль, чтобы не опоздать по какому-то дѣлу. Она распростилась съ влюбленной парой, едва сдерживая улыбку и очень довольная, что впередъ уже не будетъ нужно ея вмѣшательство.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ В. А. ВОЛЖИНА.

Vita nostra brevis est...

(Студенческая «Gaudeamus»).

I.

ОМУ МОЖЕТЪ быть интересна моя жизнь и въ правѣ ли я утруждать вниманіе читателей историческаго журнала? Я не былъ ни министромъ, ни даже начальникомъ отдѣльной части, ни крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Я не изъ тѣхъ, которые «дѣлали» или попали въ исторію Россіи. Я—только дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже сошедшій съ арены службы, бывшій членъ омской судебной палаты. А подобныхъ мнѣ отставныхъ генераловъ со стапцелавовскою звѣздою или безъ звѣздъ великое множество... И все-таки рѣшалось кое-что написать о себѣ или, вѣрнѣе, о томъ времени, а подъ конецъ и о лихомъ безвременьи, которое пришлось мнѣ пережить, и о нѣкоторыхъ событіяхъ и лицахъ, съ которыми сталкивала меня судьба, отразившаяся такъ трагически на моей жизни... А нѣкоторою извѣстностью въ обществѣ я все-таки пользовался, потому что былъ не только судебнымъ чиновникомъ, но и много «пописывалъ», по выраженію Салтыкова, въ области прессы, за что и самъ нерѣдко попадалъ «подъ прессъ», такъ какъ мнѣ много и доставалось... главнымъ образомъ отъ начальства...

Если и не будучи профессиональнымъ и заправскимъ литераторомъ и занимаясь службою, я все-таки удосужился написать и выпустить въ свѣтъ для печати всего пока 13 книгъ, то, думается, почему бы и мнѣ не причислить себя къ сонму писателей. Нашлось

бы въ журналахъ и газетахъ разбросаннаго матеріала еще для нѣсколькихъ томовъ моихъ писаній, но издавать ихъ отдѣльными книгами я не намѣренъ. Довольно!—и не время ли сложить оружіе—перо? А, впрочемъ, втянувшемуся въ литературу человѣку нельзя же замереть и умереть на «чортовой дюжинѣ» по счету уже вышедшихъ и издающихся книгъ, когда еще кое-что уже написано по беллетристикѣ и остается только, перекрестившись, послать для напечатанія... Говорю такъ потому, что хотя я и старикъ, но въ силахъ еще работать, а безъ труда, въ чемъ бы онъ ни проявлялся, не могу жить. Въ оправданіе своего авторства скажу, что писалъ я только потому, что какая-то могучая внутренняя сила заставляла меня писать и я надѣялся быть полезнымъ даже такимъ орудіемъ, какъ перо...

Я родился 23-го января 1845 г. во Львовскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Паикѣевѣ. У моего отца и матери, урожденной Бобарыкиной, было триста «крѣпостныхъ душъ», и, будучи мальчикомъ, я засталъ еще эпоху крѣпостного права или, вѣрнѣе, безправія. Вопреки излишнимъ, преувеличеннымъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и часто несправедливымъ нареканіямъ на дворянъ-крѣпостниковъ, могу засвидѣтельствовать, что мои родители очень хорошо обращались съ крѣпостными и заботились о нихъ, и я не знаю случаевъ, чтобы и окрестные помѣщики поступали со своими людьми жестоко и наказывали бы ихъ на конюшнѣ и т. д. Но и это время, когда многіе помѣщики жили прииѣваячи, прожигая на жизнь и удовольствія доходы отъ крѣпостного труда, а впоследствии и выкупныя за крестьянскіе надѣлы, для моихъ родителей уже было эпохою начавшагося дворянскаго оскуднѣнія, о которомъ такъ много вѣрнаго, интереснаго и поучительнаго писалъ Терпигоревъ (Атава). Мои предки были богаты, нѣкоторые служили въ кавалергардахъ и владѣли многими имѣніями, а я—нынѣ уже безземельный потомокъ стариннаго и обѣднѣвшаго дворянскаго рода... Но и теперь еще мои племянники ведутъ хозяйство въ своемъ имѣніи—во Львовскомъ уѣздѣ.

Усадьба на горѣ, а подъ горою рѣчка съ постепенно зараставшимъ у плотины прудомъ, котораго зеркальная поверхность обыкновенно цѣлыми полосами или огромными простынями струилась и серебрилась при свѣтѣ какъ бы медленно плывущаго по небу мѣсяца; обширный садъ съ старинными липовыми аллеями и всякими фруктовыми деревьями вперемежку съ таинственными уголками, гдѣ была какая-то точно лѣсная глушь,—невольны возбуждали дѣятельность фантазій. А въ дѣтствѣ я любилъ слушать розсказни о домовыхъ, лѣшихъ и привидѣніяхъ...

Не буду пускаться въ особыя подробности. Нѣкоторыя біографическія черточки и свѣдѣнія о мнѣ можно было бы почерпнуть изъ моей повѣсти «Предъ эпохой освобожденія», помѣщенной въ «Наблюдателѣ» Пятковского и затѣмъ вошедшей въ мою книгу «Заговорила совѣсть», озаглавленную такъ по помѣщенному въ ней роману.

Хотя въ этой повѣсти я описывалъ, главнымъ образомъ, моего очень талантливаго старшаго брата-неудачника (самоучка-композиторъ, написавшій до 300 романсовъ, но не успѣвшій за смертью издать своихъ сочиненій) подъ именемъ Саши Рокотова, но здѣсь же описано и мое дѣтство, которое прошло въ играхъ съ братьями и сестрами, когда въ деревенскомъ домѣ у насъ проживали какія-то гувернантки и появлялись иногда какіе-то педагоги, немногому насъ научившіе, и материны экономки и компаньонки, а вѣрнѣе—приживальщицы.

Тогда учили насъ по-старинному и о звуковомъ способѣ понятія не имѣли: буки—рцы—азъ выходило «бра», и мы кое-какъ болтали по-французски.

Уже и тогда меня интересовали книжки и въ особенности съ разными вишѣтками и рисунками. Мы сами порядочно рисовали карандашомъ и красками. Братъ Николай, не учась, могъ съ натуры хорошо рисовать портреты. А я, будучи девяти-десяти лѣтъ, уже сочинялъ стишки.

Стихи я продолжалъ писать уже и въ юношескомъ возрастѣ, но устыдился и бросилъ упражненія этого рода, предпочитая прозу. Книгъ у насъ было довольно въ отцовскихъ шкапахъ краснаго дерева; но многія книги были мнѣ не по возрасту, и я только съ почтеніемъ разглядывалъ надписи на томахъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ. Въ числѣ ихъ былъ въ хорошемъ изданіи Жуковскій, какія-то «Открытія древнихъ магиковъ», «Алексисъ или домикъ въ лѣсу», «Битва русскихъ съ кабардинцами», «Япанча», анекдоты о Петрѣ Великомъ, «Танцевенный монахъ» и проч.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе на меня производили: много-томный «Лѣсной бродяга», романъ наподобіе Майнъ-Ридовскихъ твореній, когда этого автора еще не существовало, «Ледяной домъ» Лажечникова, «Три мушкетера», «Графъ Монте-Кристо» Дюма, «Вѣчный жидъ» Евг. Сю, «Патфайндеръ», «Дирслейеръ» Купера, «Робинзонъ» Даніэля Фоз, путешествія Араго, Дюмонъ-Дюрвиля и другія.

Отецъ, служившій въ молодости въ Кронштадтѣ, кажется, въ моряхахъ и водившій дружину въ 1812 году, былъ достаточно образованъ для того времени и любилъ охоту, будучи превосходнымъ стрѣлкомъ, садоводство и чтеніе. Онъ игралъ на скрипкѣ и самъ настраивалъ фортепіано. Въ то время у насъ дома приготовляли яблочную пастилу, всякое варенье, пѣнистый медъ и превосходныя наливки. Мать была очень талантлива и получила свѣтское образованіе и воспитаніе. Я помню еще моду, когда барыни ходили въ капорахъ и кринолинахъ и въ употребленіи были салныя свѣчи.

— *Mouchez la chandelle!*—говорили тогда, когда слѣдовало снять щипцами нагаръ со свѣчи.

Однажды я случайно увидалъ, какъ поваръ рѣзалъ козу. Эта сцена до того потрясла и возмутила мою дѣтскую душу, что нѣсколь-

ко лѣтъ послѣ этого я не могъ ѣсть мяса. Не могъ видѣть, какъ рѣжутъ курь... Но съ лѣтами очерствѣла душа, отрубѣли нервы, и мнѣ самому даже приходилось добывать подстрѣленного зайца или птицу, — лишь бы скорѣе прекратить ихъ страданія... Подъ старость же и не находя для себя оправданія, я бросилъ охоту и любилъ ходить въ лѣсъ по ягоды и по грибы.

Когда умеръ отецъ, мать отвезла меня въ Курскъ и помѣстила на хлѣба къ учителю исторіи А. М. Бѣлозерову. Подготовившись у него, я поступилъ въ первый классъ гимназіи и щеголялъ въ мундирѣ съ краснымъ или говьяжьимъ воротникомъ, какъ тогда острили. А старшая сестра Аня училась и проживала тогда въ курскомъ аристократическомъ пансіонѣ пѣткой французки Луизы Ивановны де-Викъ. Эта особа, всегда державшаяся, какъ *grande dame*, была маленькаго роста, очень толстая и ходила, кажется, въ парикѣ. У Луизы Ивановны были прехорошенькія классныя дамы, и одна изъ нихъ, А. И. Евсавлева, впоследствии вышла замужъ за учителя Бѣлозерова.

Бѣлозеровъ былъ еще молодой и очень почтенный педагогъ; но я у него мало учился, потому что онъ вскорѣ сдѣлался инспекторомъ гимназіи и затѣмъ умеръ въ должности директора въ Воронежѣ. Меня же помѣстили въ дворянскій пансіонъ при гимназіи, когда тамъ директорствовалъ очень извѣстный и хорошій педагогъ Д. Г. Жаворонковъ, импонировавшій намъ своимъ Станиславомъ на шеѣ, украшеннымъ короной.

Въ то время достопримѣчательностями Курска для насъ, школьниковъ, были: лазаретный садъ, превосходная кондитерская Левашкевича, конкурировавшая съ кондитерскою Пфистера, и архіерей, служившій въ мужескомъ монастырѣ въ раззолоченной митрѣ съ своею многочисленною свитою и великолѣпными пѣвчими.

Торговки расхаживали тогда по городу и сидѣли на углахъ улицъ съ корзинами на коромыслѣ черезъ плечо, выкрикивая нараспѣвъ:

— Ну-те орѣховъ спѣлыхъ! ну-те орѣ-ховъ!—Сливы! сливы! Дули! дули! безсѣмянки! бергамоты!

И такія выкрикиванья и изобиліе плодовъ земныхъ всегда мнѣ были пріятны и веселили мое сердце.

А ученіе въ курской гимназіи, уваровскаго типа, было все-таки поставлено плохо. Надзиратели и нѣкоторые учителя, по традиціямъ, еще драли учениковъ за уши, были въ употребленіи удары «палаями» (линейки); ставили провинившихся на колѣни, сажали въ карцеръ и оставляли безъ обѣда. Впрочемъ, на себѣ я этихъ наказаній не испытывалъ и подъ конецъ моего пребыванія въ гимназіи они стали выводиться.

Были подчасъ очень странные и удивительные учителя. Изъ преподавателей математики и физики одинъ, напимѣръ, полякъ

былъ почти бѣшенный и, казалось мнѣ, сумасшедшій, а другой полякъ былъ тупица: начнетъ писать алгебраическую формулу на доскѣ, собьется въ задачѣ и никакъ не можетъ поправиться, оставляя себѣ и намъ это удовольствіе до слѣдующаго урока... Но я съ благодарностью вспоминаю преподавателя русскаго языка Н. В. Сибилева, который заставлялъ насъ, школьниковъ, ежедневно переписывать въ тетрадь одну-двѣ страницы изъ какой-нибудь хрестоматіи, а чрезъ это самое я научился орфографіи. Одно время въ старшихъ классахъ, за неимѣніемъ спеціального латиниста, Сибилевъ преподавалъ латынь. А у меня были прекрасныя лингвистическія способности, такъ что по корнямъ словъ и мало справляясь съ лексикономъ, я больше чувствую, по какому-то инстинкту и смекалкѣ, удачно переводилъ трудныхъ авторовъ. Впрочемъ, латынь начиналась тогда только съ четвертаго класса и основательно пройти и проштудировать весь курсъ и ознакомиться съ другими авторами, кромѣ Корнелія Непота, Юлія Цезаря, Саллюстія, Овидія и отчасти Горация, не было времени и возможности. Я удивлялся и не понималъ, какъ это и для чего мои товарищи записываютъ и зазубриваютъ слова... Всякое зубреніе мнѣ было противно и казалось унизительнымъ. Когда никто уже въ классѣ не могъ перевести труднаго мѣста, Сибилевъ обращался ко мнѣ:

— Ну, а вы, г. Волжинъ, какъ переведете?

И я удачно переводилъ. Занятія латынью съ комментаріями относительно исторіи, обычаевъ и жизни римлянъ мнѣ даже нравились. А громадный и толстый лексиконъ Кронеберга, въ который я иногда заглядывалъ, съ цитатами изъ авторовъ, возбуждалъ во мнѣ глубокое уваженіе къ учености составителя.

Однако, какъ и многіе русскіе люди, своихъ филологическихъ способностей я не развивалъ. Да и когда же этимъ было заниматься?

Однажды, въ присутствіи товарищей, я съ успѣхомъ состязался въ знаніи хронологіи съ обладавшимъ громадною памятью М. М. Войновымъ, впоследствии извѣстнымъ профессоромъ офтальмологіи въ московскомъ университетѣ. Онъ былъ тогда старше меня однимъ классомъ. Замѣчательно, что, еще будучи студентомъ, Войновъ имѣлъ уже врачебную практику. Изрѣдка навѣщая Войнова въ Москвѣ, какъ сотоварища по гимназіи, у заставлялъ у него пациентовъ.

Очень интересенъ былъ по своей оригинальной личности учитель-французъ Я. К. Балень-де-Балю, превосходно объяснявшійся по-русски. Говорили, что онъ былъ жестокъ съ проживавшими у него нахлѣбниками-учениками. Очень вспыльчивый и почти бѣшенный въ раздраженіи, онъ иногда умилялся душою и любилъ рассказывать въ классѣ выдающіеся или загадочные эпизоды изъ русской исторіи: кто были самозванцы и каково ихъ значеніе въ исто-

рїи; какъ, напримѣръ, задушили въ постели императора Павла, о чемъ еще не смѣли писать ни въ одномъ изъ учебниковъ; какъ Наполеонъ попалъ въ Москву, а потомъ на островъ св. Елены, — и рассказывалъ увлекательно. Тогда на время этихъ повѣствованій мы уже не занимались склоненіями, спряженіями, неправильными глаголами и переводами по руководству Марго. Мы только слушали и слушали, забывая шалить и пускать въ классъ бумажныя стрѣлы... А воображеніе у меня работало.

Но сочиненій отъ насъ, къ сожалѣнію, почти не требовали. Кажется, во весь гимназическій курсъ я написалъ не болѣе трехъ сочиненій, — и эта сфера творчества, въ особенности въ области печати, казалась мнѣ тогда доступною развѣ только немногимъ избраннымъ субъектамъ, отмѣченнымъ перстомъ Провидѣнія. Тогда мнѣ и на мысль не приходило, что я самъ сдѣлаюсь писателемъ и потеряю даже счетъ своимъ многочисленнымъ журнальнымъ и газетнымъ трудамъ.

II.

Въ четвертомъ классѣ учителемъ словесности былъ И. М. Назаровъ, маленькій господинъ въ очкахъ и съ длинными волосами, сразу внушившій мнѣ къ себѣ уваженіе по своей важности, серьезности и учености. Скучновато было только схоластическое изученіе славянской грамматики по учебнику Перевлѣскаго. Впрочемъ, тогда меня уже интересовалъ Буслаевъ съ своимъ историческимъ изслѣдованіемъ русскаго языка. Впослѣдствіи я замѣтилъ у Грота важныя пробѣлы и ошибки въ его руководствѣ русскаго правописанія.

Темою для сочиненія Назаровъ предложилъ намъ, школьникамъ, описать что-либо изъ нашей жизни до поступленія въ гимназію.

Покончивъ съ уроками и отдохнувъ, я вдругъ почувствовалъ, что меня осябло какое-то настроеніе, а пожалуй — и вдохновеніе...

Очень живо и картинно описалъ я старый помѣщичій домъ съ хорами для музыкантовъ въ сельцѣ Панкѣевѣ, уже полуразрушенный, съ изразцовыми печами — остатками величія монаховъ предковъ, представлявшій собою теперь жилище несмѣтныхъ стай галокъ, гнѣздившихся подъ стропилами. Описалъ, какъ учитель изъ семинаристовъ, Аѳанасій Кирилловичъ, приходилъ въ этотъ домъ и игралъ тамъ на скрипкѣ, а встревоженные музыкой и не признававшія искусства галки стаями поднимались и съ крикомъ носились надъ домомъ... Раздавалось и перекатывалось въ звукахъ эхо отъ скрипки... Что-то особенное, чарующее и таинственное проявлялось въ этомъ домѣ, куда я боялся одинъ заглядывать и ни за какія коврижки не осмѣлился бы пойти ночью, и рѣшался ходить туда для осмотра и игры не иначе, какъ съ братьями и сестрами...

Эта одна изъ первыхъ моихъ литературныхъ работъ была выполнена, какъ я теперь понимаю, не по шаблону или по обычнымъ образцамъ.

Учитель Назаровъ, возвращая мнѣ тетрадку съ отмѣткою пять съ плюсомъ, ничего мнѣ не сказалъ, но только внимательно, съ какимъ-то любопытствомъ и испытующе посмотрѣлъ на меня, какъ бы говоря:

— Это что за гусь?—и почему же онъ написалъ такъ, какъ вообще не пишутъ школьники его возраста?..

Къ сожалѣнiю, и Назаровъ не задавалъ намъ больше писатъ сочиненiй и вскорѣ умеръ.

Хотя я чувствовалъ немало изъяновъ и пробѣловъ въ своемъ ученiи, но въ классахъ не оставался, получалъ похвальные листы и исполнялъ перѣдко обязанности старшаго въ классѣ, то есть рапортовалъ о числѣ учениковъ въ наличности и о причинахъ ихъ неявки, когда входилъ директоръ, маршировалъ по-офицерски впереди своего класса, когда ученики строились по двое въ рядъ, умѣлъ направо примыкать, поворачиваться налѣво кругомъ и проч. Маршировкѣ обучалъ унтеръ-офицеръ Андрей, которому инспекторъ-малороссъ иногда говорилъ, замѣчая длинные волосы у гимназиста:

— Андрей, острыгы этого бездѣльника!

Имя мое и фамилiю записывали на красную доску и изъ девяти человѣкъ я оказался въ числѣ троицъ, окончившихъ курсъ съ правомъ поступленiя въ университетъ. Никто тогда медали не получилъ. На бѣду у меня стали болѣть глаза,—вѣроятно, оттого, что приходилось много читать и готовиться къ урокамъ по вечерамъ при тускломъ освѣщенiи отъ укрѣпленныхъ на потолокѣ лампъ съ огромными абажурами.

Изъ болѣе серьезныхъ книгъ интересовали меня тогда сочиненiя Вѣлинскаго. Восхищался писанiями Гоголя и почитывалъ Вальтеръ Скотта, Диккенса и Теккерея.

Окончилъ курсъ, и теперь я студентъ, а житейской опытности и знанiя людей и жизни—ни малѣйшихъ. Даже и въ лавкахъ-то очень рѣдко доводилось бывать. Дорого ли, дешево ли съ меня просили за товаръ—я не зналъ и въ этомъ отношенiи я мало отличался тогда отъ институтки, которая сама же мнѣ призналась въ томъ, что, просидѣвъ лѣтъ семь въ институтскихъ стѣнахъ, не выѣзжая къ роднымъ изъ Москвы, она была такъ наивна, что однажды, въ сердечной простотѣ, сказала въ магазинѣ:

— Что это у васъ такъ дешево? Вы не ошибаетесь ли въ цѣнѣ?

Конечно, приказчики хотели послѣ того, какъ эта институтка ушла изъ ихъ магазина съ покупками.

Съ гимназическими товарищами особенно близко я не сходилъ, да меня часто и не интересовало то, что для нихъ было важно.

Изъ нихъ выдѣлялся своею даровитостью **И. Е. Бѣлявскій**, впоследствии оперный артистъ. Онъ могъ хорошо играть на сценѣ и въ особенностях комическихъ роли, прекрасно шлъ басомъ, читалъ въ церкви апостольскія посланія и управлялъ пѣвчими.

Зачислился на медицинскій факультетъ и изъ Курска поѣхалъ на лошадахъ въ Москву. Тогда желѣзной дороги еще не было, ѣзда была утомительная, съ попутчиками, на передаточныхъ лошадахъ нѣкогого Камушкина, и въ трое сутокъ я доѣхалъ до Москвы.

Впечатлѣнія въ Бѣлокаменной отъ безчисленныхъ церквей, громадныхъ зданій, шума и движенія на улицахъ съ выѣсками подчасъ на французскомъ языкѣ были очень сильныя. Я сразу почти ошалѣлъ и цѣлыми днями расхаживалъ по улицамъ, площадямъ и переулкамъ, приглядывался къ порядкамъ и кипучей жизни первопрестольной столицы съ ея Кремлемъ, Румянцовскимъ музеемъ, храмомъ Спасителя, университетскими зданіями и проч.

Въ Успенскомъ соборѣ молодой, съ усиками и прилично одѣтый жуликъ на моихъ глазахъ шарилъ въ карманахъ брюкъ у одного толстяка, только что приложившагося къ выставленному для чествованія образу. Но кажется, что онъ тамъ ничего не нашель. Когда же карманникъ замѣтилъ мой пристальный взглядъ на него, то сдѣлалъ мнѣ кулаками угрожающій жестъ. Указывать на него и заявлять объ этомъ было бы бесполезно и рискованно: навѣрное, у карманника тутъ же были товарищи, и вышелъ бы только шумъ въ храмѣ. Это было одно изъ моихъ первыхъ впечатлѣній, и я впервые увидалъ, какъ ловко работаютъ прославленные московскіе жулики.

Вскорѣ же по приѣздѣ въ Москву я чуть не задохнулся ночью отъ дыма и гари и поплатился халатомъ за неосторожность моего товарища, который, возвратясь въ нашъ номеръ и будучи выпивши, легъ спать на диванъ, укрылся моимъ халатомъ и закурилъ... Когда я почувствовалъ во снѣ, что задыхаюсь отъ гари, — въ тотъ же мигъ вскочилъ и стащилъ тлѣвшій халатъ на полъ... Тогда показалось пламя, которое я затопталъ и залилъ водою, принесенною мною изъ комнаты прислуги. При этомъ я никого не потревожилъ. Отъ огня нѣсколько пострадало бѣлье на моемъ товарищѣ, но онъ не получилъ ожоговъ и сперва только бормоталъ:

— Ну, что вамъ за дѣло! Сторю ежели, то сторю!

Послѣ, отрезвившись, онъ благодарилъ меня за то, что я разбудилъ его и стащилъ горѣвшій халатъ.

Существовали тогда въ университетѣ инспекторъ **Ив. Ив. Красовскій**, субъ-инспектора, профессоръ богословія **Сергіевскій**, объяснявшій съ философской точки зрѣнія сотвореніе міра путемъ эволюціи въ теченіе огромныхъ періодовъ времени, которые по библейскому сказанію означены днями творенія, и многіе пользовавшіеся славой профессора: **Н. И. Крыловъ**, **В. Н. Чичеринъ**, **С. М. Со-**

ловьевъ, Буслаевъ, Тихонравовъ, Бабеть, Мюльгаузенъ и др. А формы для студентовъ никакой. Никакихъ волненій и беспорядковъ въ университетахъ тогда не было.

Ходилъ въ анатомическій театръ, но самъ не рѣзаль труповъ и больше интересовался лекціями ботаники... Изъ желудка одного покойнаго при мнѣ извлекли мѣдный пятакъ.

Занятія и карьера медика мнѣ не понравилась и, потерявъ годъ, перешель въ юристы.

Глаза продолжали болѣть, такъ что я и пяти минутъ не могъ читать подъ рядъ, и меня выручали только память и способности. вмѣсто посѣщенія лекцій часто предстояло ходить въ глазную больницу, гдѣ Г. И. Браунъ прижигалъ мнѣ краснѣвшія вѣки. А тутъ еще надо было поддерживать свое существованіе заработками отъ уроковъ.

Нельзя же было, когда шевелились еще деньги въ карманѣ, не ходить въ театры, но записнымъ театраломъ я не былъ. Садовскій, Шумскій, Живокини въ комедіяхъ Островскаго, Онорэ въ роли Вани въ «Жизни за царя» или Азучены въ «Трубадурѣ» и балетъ съ его волшебной обстановкой и фееріей поражали меня силою впечатлѣнія... И какіе же были тогда люди и таланты!

Въ числѣ моихъ товарищей по университету были впоследствии очень извѣстные: графъ Комаровскій (профессоръ), Вл. Вл. Верховскій (членъ госуд. сов.), Н. В. Давыдовъ (предсѣд. моск. окр. суда и проф.), князь Оболенскій, С. Н. Мартыновъ (сынъ убитаго Лермонтова на дуэли) и др., но близкаго знакомства и общенія, при разрозненности тогда студентовъ, не было.

Содержавшій на Моховой, въ домѣ Воейкова, кухню при *chambres garnies* поваръ обходилъ по утрамъ квартирантовъ для своихъ хозяйственныхъ соображеній и спрашивалъ меня, напримѣръ:

— А что, баринъ, — кушать нынче будете, что ли?

И глаза его лукаво и какъ будто насмѣшливо глядѣли.

Увы! тогда часто бывали у меня дефициты, и въ карманѣ, кромѣ мелочи, подчасъ ничего не было.

И подъ разными приличными предлогами я отказывался отъ удовольствія пообѣдать. Тогда приходилось уже пробавляться сужожденіемъ, оставаясь на пищѣ св. Антонія, и питаться филипповскими калачами или савостьяновскими сайками съ чаемъ, а иногда сыромъ и колбасой и какими-нибудь миногами...

III.

Незамѣтно прошли и годы студенчества. Поживъ нѣкоторое время въ деревнѣ у брата Николая, принявшаго на себя хозяйство въ самое тяжелое время разоренія помѣщиковъ, я рыскалъ по боло-

тамъ и лѣсамъ, увлекаясь охотою и рыболовствомъ, и глаза мои значительно поправились.

Вотъ я уже и кандидатъ на судебныя должности при орловскомъ окружномъ судѣ. Въ Орлѣ и въ Кромскомъ уѣздѣ проживали мои родственники по матери Бобарыкины.

Начало моей службы и дальнѣйшая уже слѣдовательская дѣятельность описаны въ изданной Мартыновымъ моей книжкѣ «Изъ воспоминаній судебного слѣдователя». Здѣсь, съ нѣкоторыми лишь отступленіями отъ истины въ отношеніи увлеченій и интимной стороны жизни, я описалъ вполне правдиво, какъ мнѣ, на первыхъ порахъ неопытному кандидату, доводилось доходить до всего своимъ умомъ... А посоветоваться тогда было не съ кѣмъ и въ то время совѣтъ не было той школы, которою теперь пользуются кандидаты, командируемые для занятій въ гражданскія и уголовныя отдѣленія суда и въ помощь къ слѣдователю. Моему самолюбію въ особенности льстило, когда мнѣ удавалось лично самому и часто безъ всякой помощи даже со стороны полиціи открывать преступленія и изобличать виновныхъ. Это былъ мой слѣдовательскій спортъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ, напримѣръ, описано, какъ мнѣ удалось раскрыть,—уже тогда я служилъ въ Пензѣ,—дѣло о трехъ шулерахъ, братьяхъ Волковыхъ, въ дѣйствительности же о братьяхъ Строковыхъ, и какъ мнѣ удавалось открывать убійцъ и изобличать воровъ. Предсѣдатель Н. Н. Мясоѣдовъ, впослѣдствіи первоприсутствующій въ сенатѣ, заинтересовался дѣломъ о шулерахъ и самъ предсѣдательствовалъ. Обвинителемъ выступилъ товарищъ прокурора І. А. Поджіо и двухъ старшихъ братьевъ присяжные обвинили. Вѣдь я же по обыску, одѣпивъ полиціей трактиръ Строковыхъ, нашель у нихъ шулерскія карты. Все это въ дѣйствительности совершилось, и не напрасно же я гордился своею сообразительностью, ловкостью и дѣятельностью. Да, я чувствовалъ тогда себя Лекокомъ и отдавалъ всю душу, всю энергію и способности своему излюбленному дѣлу—раскрытію преступленій.

Я былъ заваленъ работой и читать, а тѣмъ болѣе писать для печати тогда было некогда. Напрасно лежали у меня на полкахъ выписываемыя мною «Отечественныя Записки» и другіе журналы, въ ожиданіи того счастливаго времени, когда я буду имѣть возможность читать... Время же быстро летѣло. Работы все прибавлялось, а груды книгъ, впослѣдствіи пожертвованныхъ мною въ Лермонтовскую бібліотеку, все увеличивались безъ возможности прочтенія. Зато какое же нравственное удовлетвореніе получалъ я, когда, странствуя дней по пяти и даже по недѣлѣ по своему участку и переѣзжая для этого изъ села въ село, я видѣлъ и сознавалъ, что моя служба дѣйствительно полезна обществу! Сколько разъ крестьяне горячо благодарили меня за то, что я переловилъ съ помощью полиціи, рабо-

тавшей по моимъ указаніямъ, всѣхъ конокрадovъ и профессиональныхъ воровъ въ моемъ участкѣ!

И, Боже мой!—какое же было тогда время! Какой былъ подъемъ духа! И надъ стремленіями къ идеалу и правдѣ тогда не смѣялся... Вѣдь судебные уставы 20 ноября 1864 г. были введены въ дѣйствіе, хотя и далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи,—всего какихъ-нибудь пять-шесть-семь лѣтъ. Мы, молодежь, вѣрили тогда въ эти уставы, еще не испорченные судебными бюрократами подъ вліяніемъ тяжелой памяти талантливаго М. Н. Каткова, проф. Леонтьева и другихъ реакціонеровъ, теперь уже ретроградовъ. Вѣру молодежи раздѣляли еще и многіе старики, свидѣтели воспріятія судебныхъ уставовъ отъ купели. И въ самомъ дѣлѣ: какой это былъ великолѣпный законодательный памятникъ, обезсмертившій великаго и гуманнаго императора Александра II, Царя-Освободителя! Недаромъ же и Григорій Джаншіевъ какъ бы воспѣлъ этотъ памятникъ въ своей знаменитой книгѣ объ эпохѣ великихъ реформъ... Какое тогда было уваженіе и преклоненіе предъ мудростью и силою закона! Не такъ уже много было и противорѣчивыхъ рѣшеній кассационнаго сената, впоследствии завалившихъ и начавшихъ даже сбивать суды съ толку... А какія и выходили руководящія рѣшенія, то это были труды великихъ юристовъ, дѣйствительно разъяснявшихъ, а не запутывавшихъ только примѣненіе законовъ. Все мелкое, пошлое и личное въ жизни, кажется, любого судебного дѣятеля, какъ бы ни было скромно его служебное и общественное положеніе, исчезало и не могло проявляться, когда чуть ли не всѣ, даже и дѣятели зрѣлаго и стараго возраста, были проникнуты одною мыслью—служить правдѣ, закону, правительству и интересамъ раскрѣпощеннаго народа, не щадя живота, какъ говорится въ присягѣ.

И я, подобно другимъ, не щадилъ своего живота. Часто, по дѣльнымъ днямъ занятый слѣдствіями, я не обѣдалъ, питаясь урывками кое-чѣмъ. Сколько разъ я отдыхалъ ночью на сѣновалѣ или на столѣ въ волостномъ правленіи, во вѣзжей или какой-нибудь иной избѣ, въ отраженіе себя отъ клоповъ и таракановъ! Временами я бывалъ совершенно измученъ работой... Но мысли о карьерѣ тогда еще не западали въ голову, орденами не интересовались, и всѣ почти работали не столько за страхъ, сколько за совѣсть. А великіе и гуманные судебные уставы, еще не искаженные нечистымъ и бездарнымъ прикосновеніемъ нѣкоторыхъ бюрократовъ, сіяли во всемъ своемъ величіи и чистотѣ, пока еще не искалѣченные разными новеллами, надклейками, дополненіями и изытіями въ видѣ чуть не алгебраическихъ знаковъ подъ тѣми же статьями, какъ неудобочитаемыя *prima*, *secunda* и т. д. Теперь и тѣ же, какъ будто, уставы, да не тѣ,—иное въ нихъ содержаніе и окраска, иной духъ... Хотя и Оедоть, да не тотъ.

И люди были тогда какъ бы другіе. И не потому же я ихъ хвалю и прославляю, что старикамъ свойственно брюзжать и бранить настоящее, восхваляя лишь прошлое, когда они и сами-то изображали собою нѣчто и были молоды... Для меня истина всегда была дорога и теперь она дороже всего.

Не могу, напримѣръ, не вспомнить талантливаго товарища предѣдателя орловскаго окружнаго суда Н. Ф. Христіановича. Я восхищался его резюме и умѣніемъ вести уголовныя засѣданія съ присяжными засѣдателями. Боязнь погрѣшнить и осудить невиннаго съ мудрымъ знаніемъ жизни такъ и сквозила въ его образцовыхъ панутствіяхъ присяжнымъ. А мнѣ, еще юному кандидату на судебныя должности, Христіановичъ,—точно священнодѣйствовавшій и мудрый жрецъ Ѡемиды,—казался тогда какимъ-то идеаломъ, недостижимымъ при подражаніи ему. Какое благородство во взглядахъ, тонкая психологія и какаѣ во всемъ истинно-просвѣщенная гуманность, такъ необходимая для судьи и въ особенности въ роли предѣдателя.

Чуть ли не послѣ второго же моего выступленія въ роли защитника я шелъ изъ окружнаго суда обѣдать въ дворянскій клубъ съ опущенною головою, размышляя о томъ, не сдѣлалъ ли я какой ошибки въ защитѣ. Меня догналъ предѣдательствовавшій въ тотъ день Христіановичъ и сказалъ:

— А вѣдь вы, г. Волжинъ, были совершенно правы, когда отвергли въ своей рѣчи наличность взлома при кражѣ. И вы видѣли, что я самъ старался въ резюме подчеркнуть это же самое присяжнымъ, но ничего не вышло... Какіе попался идіоты!

Христіановичъ въ этотъ разъ былъ явно возбужденъ и недоволенъ судьями совѣсти изъ народа. А мнѣ было очень лестно такое вниманіе на первыхъ же шагахъ моей судебной дѣятельности.

Послѣ нѣсколькихъ защитъ Христіановичъ сказалъ мнѣ:

— Выбирайте, что для васъ лучше! Или попадете въ помощники секретаря, или же васъ командируютъ въ Карачевъ исправлять должность слѣдователя по второму вакантному участку.

Я поблагодарилъ и отвѣтилъ, что предпочту заняться слѣдственною практикою.

И вотъ я въ Карачевѣ.

Дѣлъ принялъ очень много отъ важнаго и напыщеннаго слѣдователя перваго участка М. А. Розова. Поговоривъ съ нимъ, я сейчасъ же понялъ, что мнѣ не придется пользоваться его совѣтами по самой его замкнутости и недоступности. А учиться слѣдственному дѣлу по производствамъ моего предмѣстника Зимовскаго, изъ старыхъ канцеляристовъ, не было никакой возможности: до того онъ былъ невѣжественъ и путалъ производство, не будучи въ состояніи даже правильно опредѣлить составъ преступленія и под-

судность. Думаю: плохо мое дѣло!—работать при такихъ грустныхъ условіяхъ! Какъ бы еще мнѣ самому не напутать!...

Да и самыя названія дѣлъ для меня были загадками Эдипа. «О передержательствѣ двороваго человѣка», «О всплывшемъ, повидимому, монахѣ на поверхность озера», «О нападеніи на садъ кунца Кулабухова» и т. д.

«Что сей сонъ означаетъ?» думалъ я, читая явно чепушное производство Зимовскаго. Но, къ сожалѣнію, это былъ не сонъ, а написанные перомъ и чернилами протоколы. Какой это еще таинственный монахъ, для чего-то всплывшій на поверхность озера? Не для того ли онъ и всплылъ, чтобы только появленіемъ разложившагося трупа смущать меня, неопытнаго кандидата?... А нападеніе на садъ? Разбой ли это? грабежъ ли и какой: съ насиліемъ ли, или безъ насилія? Можетъ быть, только кража, или же обыкновенное, подсудное мировому судѣ, расхищеніе яблокъ у Кулабухова въ видѣ самовольнаго пользованія чужими плодами?... Но мой Эдипъ въ бумажной оболочкѣ съ напечатаннымъ на ней словами: «Дѣло судебного слѣдователя 2 уч. Карачевскаго уѣзда», и со странными заголовками и названіями этихъ дѣлъ—безмолствоваль.

Приходилось—путемъ подчасъ нѣкоторыхъ промаховъ—доходить и разбираться въ грудяхъ дѣлъ своимъ умомъ. Но зато, попавъ сразу въ огонь,—когда мнѣ не на кого было надѣяться, какъ только на самого себя,—туть-то я и пріобрѣлъ опытъ, слѣдовательскій нюхъ и наострился.

Когда, для ускоренія дѣла между отцомъ и сыномъ о побояхъ, я счелъ излишнимъ отсылать производство къ мировому судѣ для склоненія сторонъ въ миру и составилъ протоколъ о томъ, что стороны въ моемъ присутствіи помирились и просятъ о прекращеніи дѣла,—мой товарищъ прокурора П. А. Капнистъ, впоследствии графъ и попечитель московскаго учебнаго округа,—возвратилъ мнѣ изъ Орла это дѣло для точнаго соблюденія 35 ст. уст. угол. суд. чрезъ мирового судью.

Впоследствии въ одной изъ первыхъ же моихъ статей въ «Криминалистѣ»: «Необходимо ли примирительное разбирательство?»—я, смѣю думать, вполне доказалъ, что примирительный обрядъ не иначе, какъ чрезъ мирового судью, только тормозитъ слѣдственный процессъ и долженъ быть отмѣненъ съ возложеніемъ этой обязанности на самого же слѣдователя. А чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого я имѣлъ утѣшеніе видѣть, что и самъ законодатель сталъ на эту же точку зрѣнія, и эта 35 статья была замѣнена 303¹ ст. уст. угол. суд. Затѣмъ восторжествовалъ наконецъ въ судебной практикѣ и мой взглядъ о необходимости усилить наказаніе за конокрадство, высказанный мною въ 1882 году въ «Криминалистѣ»—въ статьѣ «Къ вопросу о конокрадствѣ».

Прошло всего какихъ-нибудь лѣтъ семь со введенія въ жизнь судебныхъ уставовъ. Хотя первые же дѣятели оказались на надлежащей высотѣ, но еще свѣжи были въ раскрѣпощенномъ населеніи преданія о недавнихъ «порядкахъ», о «неправдѣ черной» и необходимости давать всякому начальству взятки.

Одна старуха, потерпѣвшая отъ преступленія, дала мнѣ двугривенный.

— Вишь ты, ваше великое величество,—наивно сказала она:— сколько трудовъ ты положилъ!—послѣ того, какъ ея показаніе, очень важное для дѣла, мнѣ пришлось изложить въ протоколѣ больше чѣмъ на цѣломъ листѣ.

— Нынче, бабушка, судейскіе денегъ не берутъ!—сказалъ я, возвращая двугривенный.

— А ты, миленькій, не взыщи! Что мы, глупыя, деревенскія, знаемъ! У насъ всегда даютъ писарю благодарность...

Я засмѣялся и отпустилъ старуху съ миромъ.

Въ другой разъ старикъ соваль мнѣ въ руку нѣсколько кредитныхъ билетовъ, какъ благодарность. Сколько тамъ было денегъ—я не посмотрѣлъ и возвратилъ, сказавъ:

— Никому, старикъ, не давай взятокъ! Нынче не то время.

А вздумалъ старикъ меня ублажить за то, что изъ-за мужичьяго невѣжества я долженъ былъ выѣхать изъ Карачева за 40 верстъ послѣ метели, въ сильнѣйшій морозъ, съ врачомъ и даже съ двумя верховыми проводниками: ни одного саннаго слѣда еще не было проложено и дороги совсѣмъ не было видно. Издали въ полѣ и въ темнотѣ, какъ движущіея и поворачивающіея фонари, свѣтились фосфорическимъ блескомъ волчьи глаза... Недалеко были задворки деревни и лаяли собаки.

Когда мужики мѣнялись лошадьми, «разводились поводами» и перепились,—одинъ изъ нихъ отъ водки неожиданно умеръ, сидя за столомъ въ компаніи. Наиболѣе трезвый и умный изъ крестьянъ, чтобы не быть въ отвѣтѣ, предложилъ сдѣлать на покойникѣ боевые знаки и бросить «мертвое тѣло» въ оврагъ: дескать, шель пьяный и самъ упалъ и разбился...

Такъ все и было сдѣлано. Возни было много. Пришлось для вскрытія отганвать трупъ въ колодѣ вмѣсто большого корыта,—и дѣло, конечно, разъяснилось: преступленія не было и теперь нужно было направить производство къ прекращенію.

Когда, закончивъ слѣдствіе, я укоризненно сказалъ мужикамъ:

— Вотъ, миленькіе, изъ-за вашей глупости какое безпокойство вы себѣ и намъ надѣлали! Только напрасно потревожили полицію, доктора и меня, слѣдователя.

— Не взыщи, кормилецъ!—сказалъ мнѣ старикъ, участникъ пиршества, окончившагося такъ печально:—мы къ тебѣ съ великою

благодарностью. Народъ-то мы больно темный!—и подалъ мнѣ деньги, которыя я ему возвратилъ.

Въ концѣ года я до того усиленно работалъ, что не было времени пойти въ казначейство за полученіемъ жалованья,—и это необходимое въ жизни удовольствіе я отложилъ до января, когда мнѣ ужъ очень понадобились деньги. А въ результатѣ вышелъ печальный для меня по своимъ послѣдствіямъ курьезъ. Свое трудовое жалованье я проворонилъ... За половину ноябрю и декабрь мнѣ предстояло получить 250 рублей. А когда я пришелъ за жалованьемъ въ январѣ, казначей сказалъ, что теперь уже поздно: мое жалованье зачислено имъ въ остатки отъ переведеннаго кредита на годъ, и я могу сдѣлаться только кредиторомъ казны. Но и въ качествѣ кредитора казны я все-таки этихъ денегъ не получилъ... Какъ отвѣтили предсѣдателю орловскаго окружнаго суда Ильиашенку изъ Петербурга, причитавшіеся мнѣ деньги уже израсходованы въ министерствѣ,—ушли, стало быть, на награды департаментскимъ чиновникамъ... Господа департаментскіе, конечно, аппетитно кушали сваливагося имъ съ неба рождественскаго гуся и попивали вино за мой счетъ.

Но гдѣ наше не пропадало!—подумалъ я въ качествѣ еще мало опытнаго русскаго человѣка и махнулъ рукою. Зато былъ нѣкоторое время въ званіи «кредитора казны»!...

Послѣ продолжительной командировки въ Карачевъ я сдалъ участокъ назначенному изъ министерства черезъ 9 мѣсяцевъ слѣдователю и былъ командированъ въ Брянскъ.

IV.

Пріѣхалъ изъ Пензы въ Брянскъ товарищъ прокурора С. Д. Онгирскій повидаться съ своими прежними сослуживцами—слѣдователями. А я дѣйствовалъ тогда за слѣдователя, и Онгирскій, уже познакомившійся со мною, какъ разъ засталъ меня во время допросовъ и писанія протоколовъ. Извинившись, я предложилъ ему пока заняться газетой.

Окончилъ я работу, отпустилъ людей и сталъ бесѣдовать съ гостемъ.

— Что вамъ за охота служить въ Орлѣ?—спросилъ Онгирскій:—перебирайтесь въ нашъ новый судъ въ Пензу. Я отрекомендую васъ прокурору Н. И. Ростовскому, чтобы онъ взялъ васъ къ себѣ въ секретари. А нашимъ секретаремъ Мачинскимъ мы всѣ крайне довольны. Совсѣмъ онъ неподходящій канцеляристъ!

Я отвѣтилъ, что никому не желаю садиться на голову. А если рѣшено перемѣнить секретаря, то согласенъ ѣхать въ Пензу, но съ тѣмъ, чтобы это мѣсто навѣрняка было предоставлено мнѣ.

Иначе нѣтъ смысла и расчета перемѣщаться послѣ двухлѣтняго кандидатства въ Орлѣ.

И вотъ я въ помѣщицѣей и толстопятой Пензѣ, которую отчасти описывалъ въ своихъ сатирахъ Салтыковъ. Въ той самой Пензѣ, въ которой когда-то губернаторствовалъ извѣстный Панчулидзевъ съ своимъ знаменитымъ оркестромъ и гдѣ задавали шпы и тонъ обществу Араповы. Въ пензенскихъ палестинахъ безобразничалъ Емелька Пугачевъ. Въ Пензѣ имѣется улица съ оригинальнымъ названіемъ «Козье болото», но козъ и чертей въ этомъ болотѣ, насколько мнѣ извѣстно, не водилась... развѣ только въ донсторическія времена.

Часть пути въ Пензу, по отсутствію желѣзной дороги, пришлось сдѣлать на лошадахъ. Мнѣ довелось тогда переночевать въ Чембарѣ, что въ переводѣ съ мордовскаго означаетъ будто бы портки, въ довольно-таки скверныхъ и грязныхъ, но единственныхъ въ городѣ, номерахъ Аптюшина.

Итакъ, въ Пензу я поѣхалъ волею судьбы и благодаря вниманію и рекомендаціи Онгирскаго.

Это былъ очень талантливый обвинитель, веселый, живого темперамента и общительный господинъ, пользовавшійся у женщинъ успѣхомъ. Его крупныя достоинства значительно превышали такіе, напимѣръ, недостатки, какъ крайнее самолюбіе, влюбленность въ себя, влюбчивость въ женщинъ и несдержанность. Будучи католикомъ изъ литовскихъ дворянъ, онъ по характеру напоминалъ легкомысленнаго француза и впоследствии, передъ женитьбой на дѣвицѣ Гранъ, перешелъ въ православіе. Но Онгирскій по праву считался наиболѣе интереснымъ человекомъ и львомъ пензенскаго общества.

Видную роль въ обществѣ игралъ и аристократъ, превосходившій Онгирскаго образованіемъ и свѣткостью, баронъ А. Л. Корфъ, умный и некрасивый товарищ прокурора.

Онгирскій, баронъ Корфъ и я устроились вмѣстѣ на одной квартирѣ. Впоследствии Корфъ поссорился съ Онгирскимъ, и барона въ этомъ обществѣ замѣнилъ товарищ прокурора В. И. Сіяльскій, любимецъ и бывшій секретарь С. С. Жихарева,—увы! потомъ застрѣлившійся въ Кіевѣ, состоя тогда въ должности предсѣдателя департамента судебной палаты по перемѣщеніи изъ Ташкента, гдѣ онъ былъ старшимъ предсѣдателемъ. А Онгирскій, имѣвшій въ жизни немало романовъ, окончилъ свои дни отъ чахотки въ Ялтѣ, гдѣ еще раньше скончалась отъ чахотки же одна изъ прежнихъ дамъ его сердца... Онгирскій умеръ въ должности члена тифлисской судебной палаты, а въ Тифлисъ его, повидимому, выпроводилъ изъ Твери съ должности прокурора Н. В. Муравьевъ, бывшій тогда прокуроромъ московской судебной палаты. По крайней мѣрѣ, когда я бесѣдовалъ съ Н. В. Муравьевымъ, пожелавшимъ познакомиться со мною

лично, въ его квартирѣ, въ зданіи судебныхъ мѣстъ,—онъ сказалъ мнѣ:

— А у меня въ округѣ служить вашъ сослуживецъ.

— Вы изволите говорить,—отвѣтилъ я,—о В. Н. Семеновѣ?

— Нѣтъ, я сказалъ бы, что это мой товарищъ... Я говорю о тверскомъ прокурорѣ Онгирскомъ... Онъ что-то психически ненормаленъ.

Я крайне удивился такому сужденію.

— Эту ненормальность надо понимать въ смыслѣ неуживчивости и несдержанности?—спросилъ я.

Онгирскій изъ Пензы послѣ нѣкоторыхъ непріятностей и столкновений былъ перемѣщенъ прокуроромъ въ Тверь.

— Да, онъ перессорился со своими товарищами, и у него исторія съ начальникомъ тюрьмы... А, впрочемъ, это неважно!—спохватился Муравьевъ, сообразивъ, что неудобно же ему, въ положеніи прокурора палаты, отзываться такъ о подчиненномъ ему прокурорѣ.

Тогда я понялъ, что дни Онгирскаго по службѣ въ Твери сочтены. И мнѣ было искренно жаль Онгирскаго: я его такъ любилъ...

Мои ожиданія и опасенія за Онгирскаго оправдались. Онъ вскорѣ же былъ славленъ Муравьевымъ въ члены тифлисской судебной палаты.

Но замѣчательно, какъ судьба иной разъ играетъ и подсмѣивается надъ людьми. Отъ этого же самаго Онгирскаго, по-пріятельски, я слышалъ не разъ такія сужденія, когда онъ былъ еще товарищемъ прокурора:

— Чтobъ я попалъ когда-либо въ коллегію—въ члены суда или въ члены судебной палаты?—да никогда этого не будетъ... Моя дорога и назначеніе служить только по прокуратурѣ.

Уѣзжая изъ Пензы въ Петербургъ, прокуроръ Ростковскій поручилъ барону Корфу назначить меня въ секретари. Самъ онъ не хотѣлъ подписывать отставку своему же товарищу по школѣ Мачинскому.

Я отвѣтилъ барону Корфу, что не желаю, чтобы изъ-за моего назначенія въ секретари увольняли семейнаго человѣка. Но баронъ возразилъ, что Мачинскій во всякомъ случаѣ подлежитъ увольненію, а при моемъ отказѣ будетъ назначенъ другой въ секретари.

— Вотъ вашъ преемникъ по должности секретаря!—сказалъ баронъ Мачинскому, позвавъ его въ кабинетъ, и указалъ на меня.

— А я думалъ, что Николай Ивановичъ утвердитъ меня въ должности секретаря!—протестовалъ несчастный Н. М. Мачинскій, въ послѣдствіи умершій въ Саратовѣ отъ того, что, когда онъ служилъ тамъ по полиціи, понеслась лошадь, и онъ ударился головою о тумбу.

Итакъ, теперь я прокурорскій секретарь съ окладомъ въ тысячу рублей жалованья.

Присмотрѣвшись къ дѣлопроизводству, я увидалъ совѣмъ излишнюю медленность и сложность: многія прокурорскія бумаги переходили безъ надобности изъ одного стола въ другой.

Я устроилъ канцелярію совѣмъ на новыхъ началахъ, на какихъ она и нынѣ существуетъ, и выработалъ даже очень удобные печатные бланки для предложенія дѣлъ суду, для объявленія о прекращеніи дѣла и по исполненію приговоровъ.

Прокуроръ Ростовскій совѣмъ уже не вмѣшивался въ мои дѣла по канцеляріи. А я, будучи секретаремъ, фактически замѣнялъ для него и камернаго товарища прокурора, составляя бумаги по сношеніямъ съ присутственными мѣстами, съ прокуроромъ палаты и съ министерствомъ. Въ видахъ быстроты, чтобы не залеживались дѣла по прокурорской камерѣ, я взялъ на себя веденіе реестра исходящихъ бумагъ, наблюденіе и всю переписку по исполненію приговоровъ, а веденіе настольнаго реестра и составленіе всякихъ вѣдомостей я возложилъ на горбуна—очень умнаго, способнаго и ретиваго канцеляриста, изъ семинаристовъ, П. М. Артоболевскаго, котораго я же впоследствии отрекомендовалъ Ростовскому въ свои преемники на должность секретаря. Какъ писецъ же съ отвратительнымъ почеркомъ, Артоболевскій шкуда не годился.

Могу сказать, что и канцелярію, и прокурора Ростовскаго я забралъ въ руки. По крайней мѣрѣ, онъ ничего не предпринималъ по службѣ, не совѣтуясь со мною. А прежде, чѣмъ итти объясняться съ прокуроромъ, полицейскіе и тюремные чиновники, слѣдователи и просители объяснялись со мною. Такимъ образомъ, я всегда былъ въ курсѣ всякихъ вопросовъ и всякаго дѣла по камерѣ прокурора. По просьбамъ же Ростовскаго, я ходилъ объясняться и спорить съ судьями по разнымъ недоразумѣніямъ изъ-за предлагаемыхъ суду дѣлъ и по примѣненію, на примѣръ, законовъ о прекращеніи производства. Случалось даже, что въ очень деликатной формѣ, чтобы не задѣть самолюбія, я указывалъ нѣкоторымъ товарищамъ прокурора на необходимость исправить вкрапшуюся ошибку по примѣненію законовъ въ ихъ обвинительныхъ актахъ.

Ростовскій очень цѣнилъ и уважалъ мою дѣятельность, расхваливалъ меня и графу Палену, пріѣхавшему однажды въ Пензу для ревизіи. Министръ, при представленіи, удостоилъ меня рукопожатіемъ. Говорили даже, что Ростовскому хотѣлось выдать за меня свою дочку, но эта дочка въ то время меня мало интересовала.

Я объявилъ прокурору, что ни въ какіе слѣдователи, кромѣ какъ по участку въ Пензѣ, я не пойду, — и вскорѣ же я былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ 1 уч. Пензенскаго уѣзда. У меня была половина города съ присутственными мѣстами и половина уѣзда, прилегавшая къ Саратовской губерніи.

Вотъ тутъ-то и закипѣла моя работа. Какъ всякому живому и полезному для населенія дѣлу, я отдался производству слѣдствій со всей энергіей и пыломъ молодости. Я самъ чувствовалъ, что полезенъ обществу, когда меня горячо благодарили мужики за то, что я ихъ «вызволилъ» тѣмъ, что пересажалъ въ острогъ всѣхъ конокрадовъ и лихихъ людей въ моему участкѣ. Зато читать книги, журналы и газеты было уже некогда.

Бывали иногда со мною курьезные случаи.

Во время моихъ допросовъ какой-то жуликъ,—конечно, изъ моихъ же кліентовъ по слѣдственнымъ дѣламъ,—укралъ у меня же изъ незапертаго чулана хорошіе охотничьи сапоги. Посланный мною въ догонку плутоватый разсыльный, возвратясь, доложилъ, что никакъ не могъ догнать вора.

Когда я былъ уже товарищемъ прокурора, имѣлъ неосторожность повѣсить на чугунной лѣстницѣ хорошую лампу съ бронзовыми украшеніями и фарфоровымъ колпакомъ. Она поднималась и опускалась на шнуркѣ, привязанномъ къ периламъ лѣстницы. Воръ среди бѣла дня ловко перегрызъ шнурокъ и утащилъ лампу, понавшись уже на улицѣ разсыльному мирового судьи, жившаго внизу. Разсыльный тысячу разъ видѣлъ эту лампу, но не догадался задержать съ нею вора, а полиція ничего не нашла...

На балу въ дворянскомъ собраніи мнѣ наскучило таскать съ собою шареанъ слаке, а я долженъ былъ участвовать въ танцахъ,—и я положилъ шляпу тутъ же въ залѣ на окно. Но этотъ мой складной цилиндръ, только что пріобрѣтенный отъ Брюно съ моими же инициалами, очевидно, соблазнилъ какого-то франта, не различавшаго своего отъ чужого, и мнѣ взамѣнъ была оставлена дрянная шляпчонка, которую я, конечно, не взялъ, и уѣхалъ домой въ данной мнѣ В. А. Панчулидзевымъ шапкѣ. И хорошо еще, что у него была другая въ запасѣ.

Таковы уже у насъ нравы... Украсть чужую собаку, зачитать чужую книгу, занять денегъ безъ отдачи, проѣхать по желѣзной дорогѣ безъ билета или съ чужимъ билетомъ—самое обыкновенное дѣло и никого не удивляетъ. Но замѣчательно, что на балъ дворянства понали только нѣкоторые счастливицы по приглашеніямъ билетамъ изъ вышаго круга общества.

Однажды ночью со станціи Канаевки я ѣхалъ въ Городище на мировой съѣздъ на парѣ лошадей, въ телѣжкѣ. И хорошо еще, что выѣхалъ тогда на вокзалъ мужичокъ для заработковъ; иначе пришлось бы разыскивать лошадей.

Была поздняя осень и по дорогѣ ни души. Только высокія сосны, какъ сторожевые исполины, окаймляютъ путь.

— Баринъ!—сказалъ мнѣ возница:—гляньте, на дорогѣ лежить человѣкъ... Кто его знаетъ! Не лихой ли какой разбойникъ? Воля ваша, а я не поѣду дальше... Боязно!

— Надо поглядѣть!—отвѣтилъ я:—можетъ быть, это убитый, раненый или умирающій, и мы отвѣтимъ, ежели проѣдемъ мимо, не посмотримъ и не пособимъ.

— Какъ угодно будетъ, а я не поѣду... Что у него на умѣ?

— А я все-таки слѣзу и посмотрю.

— А припасъ съ вами есть?

— Есть и припасъ!—отвѣтилъ я и, слѣзши, пошелъ впереди лошадей съ револьверомъ въ рукѣ.

— Эй! что за человѣкъ?—грозно окрикнулъ я.—Вставай! Стрѣлять буду.

Молчаніе, и только слышу сладкое сонніе съ присвистомъ и храпомъ.

«Можетъ быть, притворяется!—подумалъ я:—хочетъ только задержать остановкой; а у него товарищъ гдѣ-нибудь прячется въ засадѣ за деревомъ».

— Вставай!—крикнулъ я:—стрѣлять буду.

— Господи, гдѣ же это я?—пробормоталъ человѣкъ, поднимаясь съ дороги. А шапка его лежала въ двухъ шагахъ.

— Самъ видишь: въ лѣсу! Кто ты таковъ и зачѣмъ здѣсь валяешься? Вѣдь волки тебя съѣдятъ!...

— А гдѣ дьячокъ?—спросилъ меня вмѣсто отвѣта этотъ человѣкъ.

Недоразумѣніе тутъ же выяснилось.

Это былъ церковный сторожъ изъ села Мордовскаго Ишма. Онъ ѣздили въ городъ на базаръ съ дьячкомъ, оба напались какъ не слѣдуетъ, и церковный сторожъ незамѣтно для своего спутника дьячка свалился съ телѣжки, а дьячокъ уѣхалъ...

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я попалъ изъ слѣдователей въ товарищи прокурора. Въ то время министръ графъ Паленъ считалъ прокуратуру своею гвардіею и попасть въ товарищи прокурора было трудно, — легче было попасть въ члены суда. Самъ я объ этомъ назначеніи никого не просилъ, потому что всѣми помыслами души и сердца интересовался и даже увлекался слѣдственною работою. Мнѣ было лестно, когда лично я самъ, своими успліями и сообразительностью раскрывалъ темныя и запутанныя дѣла и обнаруживалъ злодѣевъ. Но въ то же время было лестно и пріятно состоять въ рядахъ прокурорской гвардіи.

Въ этой роли я дѣйствовалъ болѣе семи лѣтъ, исправляя не разъ должность прокурора. Энергію проявилъ я и здѣсь, возбудивъ, между прочимъ, очень щекотливое слѣдствіе о подкупѣ присяжныхъ засѣдателей въ гор. Керенскѣ по дѣлу о кр. Осипѣ Косенковѣ. Порча судебныхъ уставовъ разными охранителями консерватизма въ духѣ М. Н. Каткова и тогдашними черносотенцами, еще не носившими этой клички, уже началась... Отразилась эта порча и на нравахъ обывателей, и на присяжныхъ.

По моей инициативѣ, неожиданно для всѣхъ, по окончаніи сессіи окружнаго суда, въ одномъ изъ трактировъ въ гор. Керенскѣ былъ произведенъ В. Н. Змѣевскимъ обыскъ въ моемъ присутствіи и подъ моимъ руководствомъ. Дознаніе о подкупѣ было произведено мною лично до моего предложенія о производствѣ слѣдствія. По обыску была найдена записъ объ отпускѣ пива и другого угощенія присяжнымъ «въ счетъ Осипа Косенкова», на судѣ ими оправданнаго, хотя уликъ для обвиненія его въ присвоеніи денегъ отъ продажи свинины Максютова было болѣе чѣмъ достаточно. Городской голова Л. Г. Викторовъ, купецъ Гр. Земецкій, кр. Ал. Лыковъ и др. на время слѣдствія были заключены въ тюрьму. На меня посыпались жалобы отъ вліятельныхъ заступниковъ за городского голову и др. Но дѣйствія мои были признаны правильными прокуроромъ палаты княземъ Сонцовымъ-Засѣкинскимъ и министерствомъ, и на меня же было возложено наблюденіе за производствомъ слѣдствія о присяжныхъ командированнымъ изъ Саратова слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Стравинскихъ послѣ того, когда все уже было раскрыто. Нѣкоторые присяжные были посажены на скамью подсудимыхъ, но въ концѣ концовъ это дѣло прошло кое-какъ на судѣ и окончилось оправданіемъ присяжныхъ. Думаю, что здѣсь не обошлись. власть имѣющіе безъ соблюденія судебной политики: ужь очень тяжело было бы заклеить самихъ присяжныхъ засѣдателей обвиненіемъ въ несправосудіи и тѣмъ сыграть въ руку Каткову, который уже кричалъ со Страстного бульвара въ «Моск. Вѣдом.» о необходимости немедленно похерить опасный, будто бы, «судъ улицы».

Я же, дѣйствуя за прокурора, возбудилъ дѣло о старшемъ нотаріусѣ П. Д., который былъ устраненъ и осужденъ за взяточничество.

Получивъ въ Пензѣ телеграмму отъ мокшанскаго исправника, что за Мокшаномъ по дорогѣ въ Инсаръ найденъ убитый, я пріѣхалъ на мѣсто раньше, чѣмъ судебный слѣдователь, и руководилъ дознаніемъ. Сообразивъ по паспорту, что убитъ бурлакъ, возвращавшійся съ заработковъ, и догадавшись, что онъ убитъ для ограбленія своимъ же товарищемъ, я предложилъ исправнику немедленно командировать чиновника въ погоню за убійцей и указалъ ему для этого на помощника исправника К. В. Биглова, который, однако, уклонялся взять на себя это порученіе, ссылаясь на свой магометанскій постъ.

— И вы, представитель полиціи,—возразилъ я,—отговариваетесь своими обрядами и постомъ, когда убійцу вы можете и должны задержать въ пути, пока онъ не успѣлъ еще доѣхать до своего дома?! Прошу васъ не медлить ни минуты.

Бигловъ послѣ этого сейчасъ же поѣхалъ и по дорогѣ въ предѣлахъ Краснослободскаго уѣзда задержалъ убійцу—бурлака

Ещанова. Я расхвалилъ Биглова прокурору и губернатору. Биглову дали орденъ.

И сколько другихъ, подчасъ самыхъ ужасныхъ преступленийъ было раскрыто моею энергіею и при моемъ участіи!

Однажды въ Пензѣ, на окраинѣ города, въ лачугѣ, я увидаль сразу семь труповъ задушенныхъ дѣтей... Потерявъ право на аренду мельницы, отецъ въ отчаяніи передушилъ дѣтей, пока жена его и старшая дочь находились въ банѣ, а самъ оказался послѣ этого въ селѣ Рамзаѣ, на чьей-то свадьбѣ, и здѣсь подъ сараемъ повѣсился... Несчастный злодѣй не пощадилъ даже и ребенка, лежавшаго въ колыбели.

Вотъ трупъ купчихи-красавицы. Она покушала соленой рыбки, на видъ превосходной... А экспертиза не могла обнаружить въ ея внутренностяхъ присутствія рыбнаго яда. Что такое колбасный, сырный, рыбный и иной органическій ядъ и каковы его свойства— въ то время, а, пожалуй, и теперь, для пензенскихъ врачей было неразрѣшимую загадкою. А гениальный Пастеръ еще только опубликовалъ свои великія открытія.

Иногда въ глубинѣ совѣсти возникали сомнѣнія въ томъ, всегда ли я правильно дѣйствовалъ въ качествѣ обвинителя на судѣ.

Присяжные засѣдатели въ Керенскѣ, согласно съ моими доводами, обвинили одного крестьянина въ грабежѣ, признавъ, что онъ съ корыстною цѣлью открыто сорвалъ съ головы и похитилъ чужую шапку. Окружный судъ нашель, что обвиненъ цвинный, и передалъ это же дѣло на другой составъ присяжныхъ. Но обстоятельства дѣла не измѣнились на судѣ при вторичномъ разбирательствѣ, и другіе присяжные по тѣмъ же моимъ доводамъ вынесли подсудному обвинительный вердиктъ... А суровое наказаніе какъ будто и не соответствовало степени вины по самой ничтожности похищенія. Но я успокоилъ свою совѣсть тѣмъ соображеніемъ, что у меня все-таки не было достаточно основанія отказаться отъ обвиненія.

Тяжела и отвѣтственна роль обвинителя. Но, по счастью, въ то время людей почти никогда не вѣшали и не разстрѣливали. Правда, былъ одинъ случай, когда обыкновенное убійство въ Пензенской губерніи было передано на разбирательство военного суда.

Въ одномъ крупномъ имѣніи управляющій Станиславскій озлобилъ противъ себя крестьянъ. Выстрѣломъ въ толпу онъ кого-то ранилъ, а послѣ этого былъ самъ убитъ. Въ этомъ убійствѣ Катковъ усмотрѣлъ опасное для государства потрясеніе основъ и возопилъ гласомъ великимъ... Подъ вліяніемъ его передовницъ въ «Моск. Вѣдом.» дѣло было изъято изъ компетенціи «суда улицы»—присяжныхъ—и передано въ военный судъ, который болѣе 20 крестьянъ приговорилъ къ повѣшенію... Но, по конфирмаціи приговора, во дворѣ пензенскаго тюремнаго замка были повѣшены только сельскій староста и сотскій; остальные же сосланы въ каторгу. Многіе изъ го-

рожанъ не могли заснуть, зная, что на разсвѣтъ будутъ повѣшены два мужика...

Но если мнѣ и не доводилось быть очевидцемъ удавленія людей на висѣлицѣхъ во имя закона, то все же и перѣдко, въ качествѣ товарища прокурора, приходилось отбывать тяжелую обязанность по наблюденію за публичнымъ исполненіемъ на базарной площади обряда политической смерти.

Въ то время подрядчикъ, съ торговъ отъ губернскаго правленія, обязывался устраивать эшафотъ и обзаводился позорной колесницей съ возницей и парой лошадей. Въ назначенный день и часъ на эту колесницу сажали какъ бы въ политическомъ смыслѣ умершаго арестанта, лишенаго по приговору всѣхъ правъ состоянія, а на спинѣ или на груди у него красовалась доска съ надписью: «За убійство» или «За поджогъ», или «За святотатство» и т. д. Осужденный выѣзжалъ на этой колесницѣ отъ тюремнаго замка на площадь, подъ конвоемъ и съ барабаннымъ боемъ, въ сопровожденіи распорядившагося и наблюдавшаго за казнью товарища прокурора, въ мундирѣ, въ треуголкѣ и со шпагой. Преступника вводили на сооруженный заранѣе эшафотъ съ позорнымъ столбомъ. Секретарь окружнаго суда, въ мундирѣ, читалъ приговоръ во всеуслышаніе, а священникъ напутствовалъ осужденнаго. Иногда надъ головою бывшаго дворянина ломали шпагу. А товарищъ прокурора съ часами въ рукѣ наблюдать, чтобы осужденный пробылъ на эшафотѣ у позорнаго столба четверть часа...

На базарную публику этотъ, нынѣ уже отмѣненный, обрядъ съ нѣскольکو театральной обстановкой, конечно, никакого устрашающаго дѣйствія не производилъ, причиняя казнѣ только значительные убытки и потерю времени для должностныхъ лицъ, и скорѣе вызывалъ къ осужденному чувство жалости. Ему бросали на эшафотъ мѣдныя деньги...

Эта процедура для меня была до того омерзительна, что однажды, сядя въ извозничью дрожки, чтобы ѣхать въ тюрьму, въ нервномъ состояніи, я случайно сѣлъ на подвернувшуюся собственную шпагу и переломилъ ее...

Однако мнѣ пришлось ужь очень долго служить въ такомъ захолустномъ городѣ, какъ Пенза. Протекціи и заручекъ въ Питерѣ у меня не было и мудрено было надѣяться попасть въ прокуроры.

Два раза меня единогласно выбирали въ судьи и послѣ вторичнаго избранія я согласился и былъ назначенъ въ члены суда.

Когда неожиданно для пензенскаго общества застрѣлился предсѣдатель суда Д. П. Георгіевскій, незадолго передъ тѣмъ женившійся на молоденькой и красивой дочери полковаго священника, я написалъ обширный некрологъ, помѣщенный въ «Новостяхъ» и въ «Пензенскихъ Губ. Вѣдомостяхъ». Сестры Георгіевскаго, которыхъ я никогда не видалъ, прислали мнѣ благодарственное письмо.

Въ некрологѣ, между прочимъ, я высказалъ, что Д. П. Георгіевскій, какъ судья, постановилъ въ первый разъ въ жизни явно несправедливое рѣшеніе въ отношеніи самого себя, прибѣгнувъ къ револьверу...

Нѣсколькими годами раньше этого времени я женился на М. В. Семеновѣ, саратовской институткѣ. Ученица Лейбна, она была очень музыкальна и выдѣлялась въ обществѣ умомъ, своею вышностью и умѣніемъ одѣваться. Но весною она простудилась и 10 іюня 1890 г. умерла.

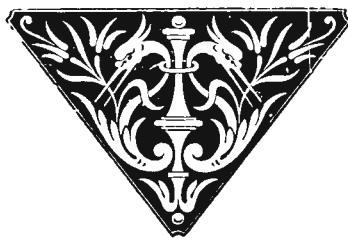
Послѣднія слова умирающей, когда я находился у ея постели, были:

— Что мнѣ сказать тебѣ? Ты всегда былъ честнымъ и хорошимъ человекомъ... Имъ же и останешься.

На похороны пришлось сдѣлать заемъ, а дѣти были уже въ томъ возрастѣ, когда ихъ надо было учить.

В. А. Волжинъ.

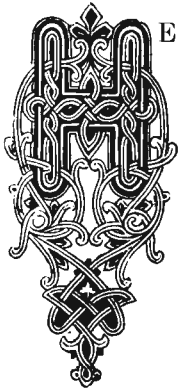
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ВОЛЧЬЕЙ ПАСТИ.

(Картина съ натуры).

Б КАЖДЫЙ изъ насъ можетъ похвастаться тѣмъ, что въ числѣ своихъ друзей и знакомыхъ онъ встрѣчалъ людей съ сильною волею, особенно при сознаниіи долга; но пріятель мой Александръ Николаевичъ Каменевъ былъ человѣкъ изъ ряду вонъ: гордый, смѣлый, рѣшительный, онъ знать не хотѣлъ великаго искусства подлаживанія, столь распространеннаго въ нашей странѣ, и шелъ по житейской дорогѣ, подобно ледоколу по замерзшей рѣкѣ. И какъ будто никто не мѣшалъ ему въ этомъ, какъ не мѣшаютъ часто у насъ творить самыя вопіющія гадости. Сдѣлавъ въ ранней молодости блистательную карьеру, онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ отъ разрыва сердца; но въ ту пору, о которой идетъ нашъ рассказъ, онъ и не думалъ о смерти, а былъ молодымъ и жизнерадостнымъ офицеромъ, недавно окончившимъ одно изъ специальныхъ училищъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, и уже заканчивавшимъ свой искусь, предшествующій поступленію въ военную академію.

Всякій знаетъ, что такой искусь не сладокъ: бросить не законченнымъ образованіе, столичную обстановку и привычныхъ друзей и ѣхать въ глухую провинцію, устраивать себѣ временное существованіе, неизвѣстно для чего и зачѣмъ, не представляетъ никакой радости, не говоря уже о томъ, что большая часть удаляемыхъ не возвращалась обратно, задержанная разными житейскими обстоятельствами, а то и просто спившаяся отъ тоски. Но пріятель

мой былъ не таковъ: онъ и не думалъ спиваться, а очень удобно устроился въ первопрестольной столицѣ, гдѣ у него были близкіе родственники и знакомые.

Въ то время Москва, какъ ни страшно вымолвить это слово, была совершенно не то, что теперь. «Москва, какъ много въ этомъ звукѣ для сердца русскаго слилось!» восклицалъ патетически Глинка, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе другіе поэты, до авторовъ цыганскихъ пѣсенъ включительно. И пѣли они вовсе не потому, что имъ это было приказано, а потому, что Москва дѣйствительно была сердцемъ Россіи, отъ котораго волны національнаго самосознанія разливались по всей Руси и къ нему же возвращались обратно. И дѣйствительно, глядя на эти многочисленные памятники прошлыхъ вѣковъ, на эти массивныя стѣны и башни, глубоко уходящія въ московскую почву, каждый россіянинъ имѣлъ основаніе надѣяться, что за этими тайниками и стѣнами лежали неисчерпаемыя залежи силъ русскаго духа, которымъ ни края, ни конца не предвидѣлось... И надѣющіеся были правы отчасти, такъ какъ изъ-за стѣнъ видѣлись и люди. Положимъ, что эпоха Мининыхъ и Пожарскихъ и даже Филаретовъ, Грановскихъ и Гаазовъ уже прошла, но все же въ Москвѣ еще оставались: Катковъ и Леонтьевъ, Хомяковъ и Аксаковъ, Милютинъ и Самаринъ, Островскій и Садовскій, Кокоревъ и Губонинъ, Боткинъ и Захарьинъ,—все это были московскіе люди, коихъ можно было критиковать какъ угодно, но каждый обязанъ былъ согласиться, что, не исключая даже столь безжалостно побитаго каменьями московскаго пророка Ивана Яковлевича Корейши, всѣ они представляли собой нѣчто, а не ничто. И каждый провинціалъ, пріѣзжавшій въ Москву, считалъ долгомъ поклониться памятникамъ былой старины и порадоваться на ея живое наслѣдье, ожидая въ будущемъ, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... Да и помимо того въ Москвѣ жилось каждому такъ привольно, какъ трудно и представить себѣ въ настоящее время. Широкое московское радушіе и гостепріимство, не разъ описанное у старыхъ писателей, вовсе не миѡ, а неотъемлемая принадлежность тогдашняго московскаго общества, открывавшаго не только свои двери, но и сердца первому встрѣчному. Всеобщее веселое настроеніе, превосходный московскій столъ, а въ особенности обиліе красавицъ-невѣстъ, изъ которыхъ за каждую можно было смѣло ручаться, дѣлало пребываніе въ Москвѣ сущимъ раемъ, а у Каменева, кромѣ всего, имѣлись еще и родственныя привязанности, въ лицѣ родной тетки и двухъ прелестныхъ кузинъ, собиравшихъ вокругъ себя дружелюбное общество.

И вотъ однажды, когда, уже освоившись въ этомъ раю, Каменевъ сидѣлъ у окна своей небольшой, но уютной квартирки, къ подъѣзду подкатила коляска, въ которой оказалась его тетушка съ какой-то другой пожилой дамой.

— Вотъ какъ у насъ!—радостно сказала себѣ молодой хозяйнѣ, выскочивъ на подъѣздъ принимать столь важныхъ особъ. Но радость его быстро разсѣялась, какъ только онъ поближе присмотрѣлся къ своимъ посѣтительницамъ: глаза у тетки были сильно заплаканы, а на ея спутницу и посмотрѣть было страшно: съ лицомъ, выражавшимъ полное отчаяніе, и глазами, совершенно распухшими отъ слезъ,—она всей фигурой свидѣтельствовала о какомъ-то ужасномъ несчастіи. Съ величайшимъ трудомъ удалось ловкому офицеру вынуть ее изъ коляски и довести до диванчика, на который она и упала, какъ подкошенная. Только тутъ Каменевъ узналъ въ своей гостьѣ давнишнюю свою знакомую, Екатерину Васильевну Варгунину, московскую домовладѣлицу и вдову генерала, въ радушной семьѣ которой онъ часто проводилъ веселые вечера. Екатерина Васильевна была закадычнымъ другомъ его тетки, а ея взрослые дочери—подругами его кузинъ.

— Господи! Что съ вами такое?—вмѣсто привѣтствія воскликнуть пораженный Каменевъ.

— Саша пропала!—однимъ словомъ отвѣтила тетка.

— Саша? Какая Саша?

— Что за вопросъ!—оборвала тетка съ неожиданнымъ раздраженіемъ,—Александры Яковлевны не знаешь! Если вздумалъ шутить—такъ намъ теперь не до шутокъ!

Каменевъ вытаращилъ глаза.

— Шутить я...—произнесъ онъ медленно, собираясь съ духомъ:—я и не думаю. Но согласитесь сами: если это Александра Яковлевна—то куда жъ ей было пропасть?

— Такъ и пропала,—печально передавала тетка, видимо, уже сознавая несправедливость своего раздраженья.—Вчера утромъ еще была дома, и ничего по ней не было видно такого... а потомъ ушла и не возвратилась домой. Посылали вездѣ искать... и вчера, и сегодня весь день,—и нигдѣ пайти не могли... точно канула въ воду.

Каменевъ слушалъ и не понималъ ничего.

— Мы, видишь, пріѣхали къ тебѣ потому,—продолжала тетка, уже начавшая плакать:—что Катерина Васильевна совершенно безпомощна въ этомъ случаѣ. Сынъ ея еще не имѣетъ никакого положенія, а мои сыновья, самъ знаешь, малы... и обѣ мы вдовы... а обратиться къ чужимъ—нельзя. Ты у меня, вѣдь, все равно, что родной,—такъ вотъ я и привезла ее къ тебѣ...—заклчила тетка, утирая глаза.

— Все это, тетушка, весьма хорошо,—отвѣтилъ племянникъ, помимо искренняго сочувствія, весьма польщенный и тѣмъ, что дамы въ немъ видятъ защитника:—но надо же знать что-нибудь. Александра Яковлевна не иголка... Если кто-нибудь увезъ ее по любви, то... при чемъ же я тутъ?..

— Любви никакой не было,—выговорила через силу Варгунина:—я за это ручаюсь. А что сбивали ее дурочку... больше всего у Волошиных,—и зачѣмъ я только ее пускала туда!—говорили, что надо быть независимой... и что стыдно развитой дѣвушкѣ жить на чужихъ хлѣбахъ, ничего не дѣлая, а надо своимъ трудомъ... И давно уже слышала эти рѣчи,—думала, шутятъ... А теперь вотъ чѣмъ кончилось: навѣрно, куда-нибудь увели ее... а развѣ это легко?!

И несчастная мать разразилась отчаянными слезами. Каменевъ начиналъ понимать. Саша, несмотря на рѣдкую красоту, была настоящею дурочкой, которую, если польстить, можно было увѣрить въ чемъ только угодно.

— Да,—произнесъ онъ въ раздумьи:—это всего вѣроятнѣе! Что жъ? Времени терять вамъ нельзя; поѣдьте сейчасъ къ генераль-губернатору. Я, кстати, недавно являлся къ нему... онъ, навѣрно, приметъ участіе.

Громкія рыданія были отвѣтомъ на эти слова.

— Стыдно... —едва можно было разобрать сквозь рыданія.— Позоръ!... Разыскивать черезъ полицію, какъ преступницу!...

И въ конецъ разбитая несчастьемъ почтенная женщина покати-лась безъ чувствъ на диванъ.

Положеніе было затруднительное; но глубокая жалость овла-дѣла моимъ пріятелемъ, и онъ рѣшился помочь бѣдной матери во что бы то ни стало.

— Слушайте, тетушка,—властно обратился онъ къ своей родственницѣ:—больше вамъ дѣлать у меня нечего. Я сейчасъ позову соседнюю горничную, и мы вдвоемъ перенесемъ несчастную въ экипажъ. Отвезите ее домой и успокойте; а я, клянусь вамъ Богомъ, постараюсь сдѣлать все возможное и даже невозможное, если понадобится, хотя и самъ не знаю еще, что буду дѣлать. Да... если вы не хотите огласки, то нужны хоть деньги, по крайней мѣрѣ, а у меня такихъ нѣтъ... Не дадите ли пока сколько-нибудь изъ своихъ?...

— Мы объ этомъ подумали,—сказала тетка, вынимая и кладя на столъ пачку сторублевыхъ бумажекъ.—Тутъ пять тысячъ, а если еще понадобится,—приходи и бери, сколько хочешь: Екатерина Васильевна ничего не пожалѣетъ для этого... Боже мой, какое несчастье!

Проводивъ обѣихъ дамъ, Каменевъ возвратился обратно и бро-сился на тотъ самый диванъ, на которомъ только что сидѣли и пла-кали его неожиданныя посѣтительницы.

«Нечего сказать, хорошенькая исторійка вышла!—думалъ онъ съ глубокимъ огорченіемъ.—Особаго несчастья, быть можетъ, и не случится; но все же какой скандалъ для такой почтенной семьи. А у нихъ еще другая взрослая дочь на рукахъ... И надо же было этакое придумать: независимость... своимъ трудомъ!... Хороши

будутъ сбереженія отъ такого труда!—продолжалъ онъ, съ ужасомъ глядя на кучу новенькихъ сторублевокъ, сверкавшихъ на столѣ всѣми цвѣтами радуги. Онъ съ ненавистью схватилъ ихъ и заперъ въ письменный столъ.—Пожалуй, еще не хватить!—мелькнуло у него въ головѣ.—Но кому же давать ихъ, кому? и что вообще тутъ можно подѣлать?... Несчастливая Катерина Васильевна!

И совершенно разстроенный Каменевъ схватился руками за голову.

II.

Увлеченный порывомъ своего горячаго сердца, офицеръ далъ торжественное обѣщаніе; но, какъ ни старался онъ придумать какой-либо планъ, ничего путнаго не приходило ему на мысли. Такъ промучился онъ весь вечеръ, большую часть ночи и заснулъ только къ утру. Кратковременный сонъ нѣсколько освѣжилъ его, и онъ сталъ думать спокойнѣе. «Что жъ дѣлать,—говорилъ онъ себѣ:—плетью обуха не перешибешь! Если у меня нѣтъ никакого средства помочь имъ,—то незачѣмъ и обнадеживать ихъ понапрасну. Поѣду къ нимъ сегодня же, извинюсь и возвращу деньги,—пусть дѣлаютъ сами, что знаютъ... Но кто же имъ поможетъ тогда: вѣдь у нихъ совсѣмъ никого нѣтъ?» поднялся снова внутренній голосъ. Ему вспомнилась всегда привѣтная и ласковая Екатерина Васильевна, горькія слезы которой били прямо по сердцу; вспомнилась и Саша, свѣженькая, хорошенькая брюнетка съ розовыми щечками и голубыми глазами, юная прелесть которой не разъ вызвала у него восхищеніе... Семья у нихъ была большая, но состояла изъ женщинъ и дѣтей. Кромѣ Саши, была еще старшая дочь, Вѣра, дѣвушка весьма серьезная и разсудительная, и двѣ дѣвочки-малолѣтки. Имѣлся, правда, и единственный сынъ съ весьма страннымъ именемъ Дормидонта, крайне избалованный недоросль 18-ти лѣтъ, вѣчно державшій экзамены во всѣ существующія учебныя заведенія и никогда нигдѣ не выдерживавшій; но этотъ, очевидно, для дѣла совсѣмъ не годился... Что же они предпримутъ въ своемъ затруднительномъ положеніи? Оставить Сашу на волѣ нельзя: она хотя и приняла вѣру въ женскую эмансипацію, но была неопытна, какъ ребенокъ, и часто объ этой эмансипаціи разсуждала такимъ образомъ, что самые усердные развиватели покатывались со смѣху. Разумѣется, яркая красота и ожиданіе солиднаго приданого не давали замѣтить ея безпомощность, пока она жила у матери; но какъ же отпустить ее на волю одну? Каменевъ сильно привыкъ къ этой доброй дѣвочкѣ, несмотря на полное отсутствіе въ ней такта, и мысль покинуть ее на произволъ судьбы казалась ему преступленіемъ. «Нѣтъ, я не сдамся такъ скоро!—порѣшилъ онъ послѣ долгой борьбы:—все равно имъ терять нечего, а деньги возвратитъ я всегда успѣю...

Но что же дѣлать? Хоть бы посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь,—да вотъ бѣда, что и сказать-то никому объ этомъ нельзя... Ба!—вско-чилъ онъ со стула:—а полиція-то на что? Кто же не знаетъ того, что единственное прибѣжище всѣхъ обиженныхъ россиянь—есть полиція, та самая полиція, которую въ обыкновенномъ положеніи мы столько ненавидимъ и презираемъ. Пойду-ка и я, хоть посовѣтоваться въ полицію!»

Каменевъ взялся за шапку, однако изъ комнаты не ушелъ, а сталъ прохаживаться по ней большими шагами, искоса поглядывая на свой письменный столъ. Прогулявшись такимъ образомъ нѣ сколько разъ, онъ вынулъ изъ кармана свой серебряный портсигаръ, положилъ его на этотъ столъ и еще нѣсколько разъ прогулялся. Затѣмъ, подойдя быстро къ столу, онъ отперъ его и, неизвѣстно зачѣмъ оглянувшись по сторонамъ, вытащилъ изъ кучи двѣ стору-блевки... подумалъ, подумалъ и вынулъ еще одну. Положивъ бу-мажки сверхъ папирось, онъ надѣлъ шапку и быстрыми шагами вышелъ на улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ полицейскомъ участкѣ.

— Что вамъ угодно?—встрѣтилъ его гладко выбритый господинъ среднихъ лѣтъ въ почти офицерской формѣ и съ бѣгающими черными глазками на заплывшемъ жиромъ лицѣ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ,—отвѣтилъ хо-датай.

Господинъ любезно пригласилъ его въ кабинетъ, обставленный чуть не съ роскошью, но совершенно безъ всякой системы. На столѣ, за которымъ они помѣстились, валялось множество и доро-гихъ и дешевыхъ бездѣлушекъ, пріобрѣтенныхъ, повидимому, слу-чайно.

— Что прикажете?..—снова спросилъ господинъ.

Каменевъ съ горячностью рассказалъ сущность дѣла; господинъ снисходительно улыбнулся.

— Вамъ, поручикъ, должно быть, такой случай въ диковинку, а мы уже давно привыкли къ этому,—сказалъ онъ.—А позвольте спросить: что она—совершеннолѣтняя эта барышня?

— Кажется... нѣтъ.

— Ну, если несовершеннолѣтняя, то еще пожалуй... А вы кто же ей будете? братецъ, или женихъ, можетъ быть?

— Нѣтъ, просто знакомый.

— Такъ зачѣмъ же вы пожаловали сюда? Вы тутъ ничего не можете сдѣлать. Пусть придетъ папаша или мамаша и подадутъ заявленіе... Только, по совѣсти вамъ скажу,—и тогда ничего тоже не выйдетъ. Такіе примѣры уже бывали не разъ: спрячутъ куда-нибудь,—а Москва велика—не скоро разыщешь! Да и разыщешь—такъ она опять спрячется.... арестовывать права мы не имѣемъ...

— Что жъ дѣлать?—съ отчаяніемъ вскричалъ посѣтитель.

— Ужъ, право, не могу вамъ сказать. Вотъ развѣ, по знакомству, у генераль-губернатора попросить... тогда еще можетъ что-нибудь выйти.

— Да поймите, что у нихъ есть другая дочь, и огласки они страшно боятся.

— А боятся—такъ пусть помолчатъ. Скоро сама воротится: будьте покойны!

— Вы подумайте, что вы говорите,—убивался ходатай:—вы представьте себѣ, что это ваша родная дочь!

Полицейскій неожиданно обидѣлся и даже покраснѣлъ отъ негодованія.

— Моя дочь, милостивый государь,—заявилъ онъ,—никогда этого сдѣлать не можетъ, потому что воспитана въ страхѣ Божіемъ и понимаетъ, что значить семейный долгъ! А, конечно, какъ бываютъ нынѣ, прочія...

Каменевъ вспылилъ, въ свою очередь; но, вспомнивъ, что отъ его поведенія зависитъ участь семьи, заставилъ себя смириться.

— Полноте, дорогой... полковникъ,—выговорилъ онъ спокойнымъ голосомъ:—зачѣмъ сердиться! Я вовсе не хотѣлъ васъ обидѣть... Вы лучше позвольте мнѣ покурить, а сами подумайте, какъ помочь несчастной семьѣ: я увѣренъ, что вы что-нибудь да придумаете.

— Да и думать тутъ нечего...—началь было «полковникъ»; но Каменевъ уже на него не смотрѣлъ; ему казалось, что онъ идетъ на штурмъ впередъ цѣлой колонны, а кругомъ свистятъ непріятельскія картечи и пули. Съ развязностью, удивившею его самого, молодой человѣкъ вынулъ свой портенгаръ изъ кармана и, взявъ въ руку лежавшія сверху кредитки, обратился къ хозяину съ любезнымъ вопросомъ:

— Какая миленькая у васъ шкатулочка! Это изъ настоящихъ раковинъ, что ли?

— Настоящихъ...—прохрипѣлъ хозяинъ, тараща на него глаза съ изумленіемъ.

— Очень миленькая... надо будетъ непременно завести и себѣ такую...

Полюбовавшись шкатулкой, поручикъ поставилъ ее обратно на столъ; въ рукахъ у него ничего не было.

Прошло нѣсколько минутъ. Нетерпѣнье полковника какъ будто разомъ исчезло, и онъ сидѣлъ неподвижно, углубленный внутрь самого себя. Поручикъ тоже не волновался; онъ курилъ, ласково улыбался своему хозяину и, кажется, снова мечталъ. Въ мечтахъ ему представлялось, что онъ взошелъ на валъ непріятельской крѣпости и водрузилъ на немъ побѣдный флагъ... Правда, еще могли быть подведены мины... но это уже дѣло второстепенное...

Мечты его были прерваны хозяиномъ, быстро поднявшимся съ своего мѣста.

— Я позволю себѣ сказать, господинъ поручикъ,—произнесъ съ чувствомъ послѣдній:—что хотя вы еще и очень молоды, по видно, что вы человѣкъ благородный, и въ большомъ умѣ отказать вамъ нельзя. Я готовъ служить вамъ отъ всего сердца, только прямымъ путемъ мы ничего не добьемся, а позвольте дать вамъ совѣтъ. Сегодня вечеромъ не уходите изъ дома,—я пришло къ вамъ нашего лучшаго сыщика, Алексѣева. Поговорите съ нимъ и, что онъ скажетъ вамъ, то и сдѣлайте. А я, съ своей стороны, будьте увѣрены, исполню все, что только возможно.

Распростившись съ любезнымъ полковникомъ, столь сильно его обнадежившимъ, Каменевъ, однако, не былъ доволенъ собой. Возвратившись домой, отъ обѣда онъ отказался и, къ крайнему удивленію своего денщика, швырнулъ на полъ дорогой портсигаръ, нектати попавшійся ему подъ руку. Но къ вечеру онъ уже снова набрался духу и, сидя за стаканомъ чая съ булкою, вмѣсто обѣда, терпѣливо поджидалъ обѣщаннаго посѣтителя.

Вошелъ денщикъ и доложилъ, что его спрашиваетъ какой-то военный.

— Вѣдь я же тебѣ сказалъ не принимать никого!—раздражительно крикнулъ поручикъ.

— Они говорятъ, что они вамъ родственникъ, и что имъ непременно нужно васъ видѣть...

Офицеръ хотѣлъ еще что-то сказать, но настойчивый посѣтитель уже оказался передъ глазами.

Это былъ худенькій, низенькій, сильно потертый человѣчекъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ, однако, замѣтно было нѣчто отталкивающее. Судя по надѣтому на немъ военному сюртуку безъ погоновъ, его можно было принять за отставнаго интенданта, а иначе онъ бы смѣло сошелъ за одного изъ тѣхъ елейныхъ ростовщиковъ, которыхъ было такъ много въ Москвѣ. Только въ глазахъ нежданнаго посѣтителя, сквозь тяжелыя, золотыя очки, горѣлъ какой-то особый огонь, сразу остановившій горячность хозяина.

«Ладно, — подвигивалъ себя офицеръ, весьма недовольный такимъ гипнотическимъ дѣйствіемъ и принявшій своего гостя за пахальнаго попрошайку.—Вотъ уйдетъ денщикъ—такъ я уже тебѣ покажу и родство, и почтеніе сразу». Но не успѣлъ денщикъ скрыться за дверью, какъ незнакомецъ бросился къ ней и немедленно заперъ на ключъ.

«Сумасшедшій!» мелькнуло въ головѣ у Каменева, и онъ уже совсѣмъ приготовился къ оборонѣ, какъ вдругъ услышалъ слѣдующія слова:

— Сыщикъ Алексѣевъ, къ вашимъ услугамъ!

Каменевъ опустился на стулъ.

— Фу, какъ вы меня испугали!—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ.—И зачѣмъ это романтическое переодѣванье? Вѣдь я чуть было не схватилъ васъ за горло!

Посѣтитель, въ отвѣтъ на это, не спѣша опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ изъ него лаковую табакерку, понюхалъ съ видимымъ удовольствіемъ; затѣмъ онъ ласково размѣялся.

— Хе-хе-хе, что жъ дѣлать, сударь,—выговорилъ онъ жидкимъ теноромъ:—по нашей должности всяко бываетъ. А что до переодѣванья—такъ это вы, сударь, напрасно... меня здѣсь каждая собака въ городѣ знаетъ. Мы слѣдимъ—и за нами слѣдятъ... Будетъ ли вамъ пріятно, если на завтра по всему кварталу станеть извѣстно, что вы меня принимали? Нѣтъ ужъ, сударь, такъ, пожалуй, что лучше-съ!

Каменевъ поспѣшилъ согласиться.

— Меня послали къ вамъ Николай Прокофьевичъ,—продолжалъ сыщикъ,—и говорили, что порученіе будетъ платное... Можно такъ понимать это дѣло?

— Совершенно вѣрно.

— Такъ соблаговолите, пожалуйста, все объяснить...

Выслушавъ внимательно разсказъ хозяина и записавъ фамиліи, сыщикъ объявилъ, что съ розыскомъ онъ явится денька черезъ два, за что надѣется получить триста рублей.

— За что же такъ много?—рѣшился поторговаться Каменевъ.

Сыщикъ покачалъ головой.

— Вотъ и видно, сударь, что вы еще очень молоды! Разыскать, конечно, невелика штука, да вѣдь гдѣ придется разыскивать-то! Вѣдь не на площади и не въ храмѣ Божіемъ, а, пожалуй, въ такихъ мѣстахъ, откуда если и выскочишь живъ,—такъ навѣки калѣкой останешься... Такъ развѣ за это триста рублей много?

Каменевъ сконфузился и обѣщаль деньги.

— Будьте покойны, сударь,—любезно раскланивался посѣтитель,—будьте покойны: ужъ я васъ не надую! Я и теперь уже догадываюсь, гдѣ онѣ должны быть, да только, извѣстно, надо узнать навѣрное...

И сыщикъ, щелкнувъ ключомъ, исчезъ за дверью.

Время, по уходѣ сыщика, тянулось для моего пріятеля мучительно долго. Онъ забросилъ всѣ свои развлечения и знакомства, мало ѣлъ, плохо спалъ и выходилъ изъ квартиры только на службу, боясь пропустить приходъ единственнаго своего помощника въ трудной миссіи, подобной которой у него никогда еще не было. Такъ прошли три безконечные дня; на четвертый сыщикъ снова явился.

— Дѣло сдѣлано, сударь!—сказалъ онъ своимъ добродушно-ласковымъ тономъ, въ то время, какъ его удивительные глаза, казалось, пронизывали насквозь измученнаго кліента.

— Гдѣ же она?—торопливо спросилъ офицеръ.

— Въ «общжитіи», сударь; много у васъ такихъ мѣстъ на Москвѣ,—вродѣ какъ бы меблированныя комнаты, что ли. Платятъ тамъ дешево, а живутъ отставные студенты, барышни, которыя изъ новыхъ, ну, и такъ себѣ разный бездомный народъ. Начальство очень этими помѣщеніями недоволено... да вѣдь и то сказать: надо же имъ гдѣ-нибудь жить,—вотъ и терпятъ, пока не случилось чего особеннаго... Такъ вотъ въ этихъ комнатахъ и находится наша барышня; узелочекъ при нихъ съ собой, и номеръ отдѣльный онѣ занимаютъ... На улицу никуда не выходятъ—боятся, а гости у нихъ часто бываютъ, и что такое дѣлаютъ тамъ—это ужъ неизвѣстно.

— Но какъ же вызволить ее оттуда?

— Не могу вамъ сказать. Если бы онѣ противъ воли,—такъ я бы давно вывелъ, а то вѣдь онѣ по согласію... Веселая такая: все смѣется.

— Это ужасно! Вы поймите, что ей нельзя оставаться тамъ долго!

— Какъ, сударь, не понять,—мѣсто для дѣвицы вовсе не подходящее! Да вѣдь что же подѣлаешь, когда онѣ сами желаютъ-съ? Поговорите съ Николаемъ Прокофьевичемъ, а то, можетъ, у мамаша протекція есть... Оцѣпить бы сразу весь домъ да и перебраться всѣхъ по настоящему: ужъ чего бы, кажется, не нашли тамъ!.. А я, сударь, здѣсь ничѣмъ помочь не могу.

Каменевъ заломилъ руки.

— Да поймите же вы, поймите,—вскричалъ онѣ съ отчаяніемъ:—что на огласку мать никогда согласиться не можетъ, а дѣвушку въ такомъ положеніи тоже оставить нельзя! Научите! Придумайте! Возьмите еще столько же денегъ, но только придумайте что-нибудь.

Сыщикъ потеръ руки и снова понюхалъ изъ табакерки.

— Хе-хе-хе, сударь, мы не доктора, чтобы за совѣтъ деньги брать!—замѣтилъ онѣ добродушно.—Только что же вамъ присовѣтовать? Развѣ вотъ что: нѣтъ ли у васъ вѣрнаго человѣка, на котораго можно бы положиться вполне? Ну, и человѣкъ долженъ быть не изъ робкихъ...

— Нѣтъ такого. А если бы былъ,—тогда что?

— Можно бы послать его тутъ къ одному... господину Триединскому. Такъ этотъ, пожалуй, поможетъ.

— Кто же это такой, Триединскій?

— А Богъ его вѣдаетъ! Онѣ у нихъ же тамъ и живетъ... Господинъ образованный, говорятъ, что изъ Вятки пріѣхалъ. Не служитъ нигдѣ и ничѣмъ не занимается, а деньги, видно, имѣетъ... по крайней мѣрѣ часто бываетъ въ ресторанахъ и прочихъ мѣстахъ. Кто жъ его знаетъ: можетъ, фальшивую монету дѣлаетъ!...

— Такъ зачѣмъ же онѣ нуженъ?

— А изволите видѣть, опъ тамъ въ большомъ почетѣ у всѣхъ, все равно какъ начальникъ: что онъ ни скажетъ—то прочіе всѣ и дѣлають... Такъ ежели ему хорошо заплатитъ—барышня сама воротится въ домъ безъ всякой обиды...

— Вы думаете?

— Вполнѣ увѣренъ-съ! Конечно, найдутся такіе, что будутъ препятствовать, да вѣдь съ Аристархомъ Петровичемъ не стоворишь: онъ ловкій!

И сыщикъ снова понюхаль и тихохонько разсмѣялся.

— Вотъ вы бы и взялись: на что же лучше!

Сыщикъ чуть не выронилъ табакерку изъ рукъ.

— Что вы, сударь?! Я еще не собираюсь руки на себя накладывать,—у меня двѣ дочери есть! Вы думаете, меня тамъ не знаютъ?

Каменевъ поняль, что промахнулся.

— Такъ хоть посовѣтуйте кого-либо!

— И совѣтовать не могу. Хорошій человѣкъ не пойдетъ, а плохого и посылать вовсе не стоитъ. Поговорите съ Николаемъ Прокофьевичемъ...

На этомъ и кончился разговоръ.

III.

Разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на сыщика, пріятель мой снова сидѣль въ горькомъ раздумьѣ, крайне опечаленный неудачей. Онъ истратилъ чужія деньги и осрамилъ себя, какъ никогда не ожидалъ этого, а все же не подвинулся ни на шагъ въ своихъ предпріятіяхъ. «Что пользы,—думаль онъ:—что я узналь, гдѣ живеть дѣвушка! Не могу же я пойти и сказать матери: ваша дочь находится въ такомъ мѣстѣ, куда самъ сыщикъ ходитъ боится... А какъ ее взять оттуда? Пресловутый Николай Прокофьевичъ, прежде всего, потребуетъ формальнаго заявленія, безъ котораго онъ и начать ничего не можетъ... Вѣрнаго человѣка!—вспомнилъ онъ слова сыщика:—гдѣ же они такого достануть? Не послать же имъ Дормидонта, хотя, въ сущности говоря, это его прямая обязанность...» При мысли о Дормидонтѣ Каменевъ даже плюнулъ съ досады. «Нѣтъ, видно, добромъ это дѣло не кончится! Но что же мнѣ дѣлать теперь? Пойти къ нимъ и рассказать все?—на это духу, пожалуй, не хватитъ... Отправиться туда самому?... въ этотъ вертепъ? офицеру? Нѣтъ, это, кажется, будетъ уже черезчуръ... Что я имъ, отецъ, что ли?» И Каменевъ порѣшилъ предоставить дѣло судьбѣ.

Но передъ глазами его снова сталъ образъ убитой горемъ матери, и ея отчаянныя рыданія снова зазвучали въ его ушахъ. Ему снова представилась жизнерадостная красавица Саша, всегда столь ласковая къ нему, невзирая даже на офицерскій мундиръ... Онъ вспомнилъ, какъ, бѣгая съ нею по церковному саду въ горѣлки и увле-

ченный ея плѣнительной красотой, неожпданно осмѣлился подѣловать ее, за что получилъ порядочный ударъ, къ счастью, пришедшійся по рукѣ; а потомъ она цѣлый мѣсяць сердилась... Какая будетъ участь этой дѣвочки? Печего говорить, что никакой порядочной дѣятельности она найти тамъ не можетъ, а только измучается, разочаруется и сдѣлается похожей на одну изъ тѣхъ «передовыхъ» барышень, какихъ онъ уже немало видѣлъ на своемъ вѣку. Растрепанные, усталыя, съ заострившимся носомъ и окруженными спией каймой глазами,—онѣ представляли явный образчикъ личности, выбитой изъ колѣн и потерявшей подъ собой всякую почву. «Итъ, что тамъ ни говори,—разсуждалъ самъ съ собой офицеръ,—а жизнь есть прежде всего борьба; борьба грозная и беспощадная, и никакіе идеалы отъ нея не освобождаютъ! Но для борьбы нужны силы, а какія силы у Саши? Не знаю, что выйдетъ тамъ у другихъ, но Саша непременно кончитъ лишь тѣмъ, что сдѣлается жертвою перваго попавшагося дурака или негодая, потерявши и здоровье, и счастье. Что же будетъ съ несчастной матерью? Какъ она перенесетъ это? Нѣтъ! Такъ оставить это дѣло нельзя! Пусть будутъ жертвы—я не въ силахъ остановить этого; но я не хочу, чтобы Саша была въ числѣ ихъ!» Характеръ укрѣплялся въ немъ все больше и больше, и онъ снова почувствовалъ тотъ подъемъ духа, который часто приходилъ къ нему въ минуты опасности. «Будь, что будетъ,—закончилъ онъ свои мысли:—а я доведу свои хлопоты до конца и отправлюсь въ этотъ проклятый вертепъ съ готовностью на все, что угодно. Опасается,—припомнилъ онъ свой разговоръ съ сыщикомъ.—Ну, конечно, его дѣло такое... Но почему же и я вмѣстѣ съ нимъ опасаться обязанъ? Я не сыщикъ и будь у нихъ хоть семь пядей во лбу, такъ не я у нихъ, а они у меня отнимаютъ... Такъ почему же не они меня, а я ихъ долженъ бояться?! Но какъ же итти мнѣ туда? переодѣться?» При этомъ вопросѣ кровь бросилась ему въ голову; быстро схватилъ онъ самый новый сюртукъ, опоясалъ сверху саблю по формѣ и вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же ѣхать по указанному сыщикомъ адресу.

Извозчикъ долго томилъ его, однако ни разу не сбился съ дороги: отыскиваемое имъ мѣсто знала, кажется, вся Москва. Былъ восьмой часъ вечера, когда они подѣхали къ длинному двухэтажному дому, окрашенному сѣрой краской и съ облупившеюся штукатуркою на стѣнахъ. Расплатившись съ извозчикомъ, Каменевъ позволилъ у наружныхъ дверей; но, такъ какъ никто не вышелъ къ нему, направился черезъ ворота на грязный дворъ, весь залитый помоями и заваленный всякаго рода отбросами, испускавшими оцутительный запахъ. Дворъ освѣщался лишь рѣдкими огоньками, мелькавшими въ обонихъ этажахъ, да широкою полосою свѣта, струившагося изъ двухъ раскрытыхъ настѣжъ, несмотря на осеннюю пору, оконъ, откуда раздавались громкіе голоса многочис-

наго общества и даже пѣсни. Побродивъ нѣсколько времени по двору, съ явной опасностью сломать себѣ шею, Каменевъ снова вышелъ на улицу и изо всѣхъ силъ сталъ стучать въ первую попавшуюся дверь. На его отчаянный стукъ послышались сверху шаги, и наконецъ дверь отперла какая-то женская личность.

— Что вамъ здѣсь надо?—грубо спросила она, не снимая предохранительной цѣпи.

— Мнѣ нужно видѣть г. Триединскаго. Здѣсь онъ живетъ?

— Никакого у насъ Триединскаго нѣтъ!—отвѣтила женщина, собираясь снова запереть дверь.

Каменевъ оторопѣлъ; но за него заступился стоявшій рядомъ извозчикъ:

— И что ты, матушка, врешь, и чего боишься!—сказалъ онъ вразумительно и степенно. — Видишь, это не полицейскій, а простой офицеръ, должно быть, по своему дѣлу. Не похвалить тебя Аристархъ Петровичъ за твою дурость!

Женщина сконфузилась и сняла цѣпочку, а обрадованный Каменевъ поднялся по грязной лѣстницѣ вверхъ.

Помѣщеніе, представившееся взорамъ предприимчиваго пiонера, была почти точная копія карцеровъ, какъ по наружному виду, такъ и по беспорядку и духотѣ, свойственнымъ помѣщеніямъ этого рода. Вдоль длиннаго коридора, когда-то выбѣленнаго известкой, тянулся по обѣ стороны рядъ захватанныхъ и грязныхъ дверей, ведущихъ, должно быть, въ отдѣльные номера, передъ которыми на, никогда, должно быть, не метенномъ, грязномъ полу валялась масса папиросныхъ окурковъ и прочаго мусора. Коридоръ этотъ освѣщался тусклыми висячими лампами, а по концамъ его, вѣроятно, для большаго сходства съ тюрьмой, стояли помятые мѣдные умывальники. Изъ однихъ дверей, по срединѣ, раздавались тѣ же шумные возгласы, какіе Каменевъ слышалъ еще на дворѣ. Посѣтитель прошелся по этому коридору разъ и другой, но не нашелъ никого, отъ кого могъ бы узнать что-нибудь. Отъ времени до времени отворялись двери изъ номеровъ, и изъ-за нихъ выглядывали растрепанныя мужскія и женскія головы, скрывавшіяся, однако, гораздо раньше, чѣмъ можно было подойти къ нимъ. Наконецъ изъ ближайшаго номера выскочилъ кто-то, сильно похожій на портретъ писателя Добролюбова, и хотѣлъ было юркнуть обратно, но Каменевъ успѣлъ загородить ему дорогу. Портретъ, видимо, испугался,

— Вы... чего?..—спросилъ онъ пискливымъ фальцетомъ.

— Мнѣ нужно видѣть г. Триединскаго. Покажите мнѣ, пожалуйста, его номеръ.

— Вы что? Полицейскій вы, что ли?

— Съ ума вы сошли! Не видите развѣ, что нѣтъ!

— Такъ кто жъ вы такой?

— Офицеръ N-ой бригады.

Портретъ началъ приходить въ себя, одновременно приходя въ совершенно противоположное настроеніе.

— Допустимъ это, синьоръ!—произнесъ онъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:—но почему же вы думаете, что я обязанъ исполнять ваши желанія?

И онъ нагло прищурился на своего собесѣдника.

Послѣднему очень хотѣлось поступить съ этимъ портретомъ такъ, какъ иногда поступаютъ съ настоящими портретами шаловливыхъ дѣти; но обстоятельства требовали полного хладнокровія, и потому онъ не отвѣтилъ ни слова.

— А зачѣмъ вамъ понадобился сей субъектъ?—продолжалъ допрашивать портретъ Добролюбова.

— Много будете знать,—скоро состаритесь, сэръ!—отвѣтилъ ему въ тонъ Каменевъ.

— Да, можетъ быть, вы шпионъ!—выпалилъ нахально портретъ.

Вся природная сила характера понадобилась бѣдному офицеру, чтобы не ударить своего оскорбителя, однако онъ удержался и, плюнувъ прямо подъ ноги вопрошавшему, хотѣлъ отойти отъ него. Но послѣдній схватилъ его за руку, быстро повлекъ по коридору, прямо къ той двери, откуда слышался шумъ, и, распахнувъ ее на обѣ половинки, втолкнулъ своего собесѣдника въ комнату. Номеръ, куда такъ внезапно попалъ Каменевъ, былъ очень большой и казался еще больше отъ почти совершеннаго отсутствія мебели. Онъ былъ оклеенъ пестрыми обоями, но, повидимому, очень давно, такъ какъ послѣдніе во многихъ мѣстахъ отстали и висѣли ключьями по стѣнамъ. Въ комнатѣ стояли двѣ или три кровати и, кромѣ того, большой деревянный столъ, весь занятый какими-то свертками и бутылками съ водкой и пивомъ. На кроватяхъ и на простыхъ табуретахъ вокругъ стола сидѣла компанія челоуѣкъ въ пятнадцать, преимущественно мужчинъ, хотя кое-гдѣ виднѣлись и женщины. Послѣднія были всѣ съ коротко обрѣзанными волосами и въ черныхъ люстриновыхъ платьяхъ, придававшихъ имъ видъ монастырскихъ послушницъ; можетъ быть, по причинѣ костюма, всѣ онѣ казались такими же худыми и измученными, какими рисовались въ недавнихъ мечтахъ моего героя. При входѣ Каменева съ его проводникомъ компанія испуганно отшатнулась.

— Вотъ, братцы,—счелъ нужнымъ ободрить ихъ пришедшій товарищъ:—залетѣла къ намъ птица: не то ворона, не то попугай. Птица красивая и говоритъ, будто, Аристархъ Петровичъ, къ тебѣ на поклонъ. Что ты скажешь на это?

— Петровскій, ты глупъ!—раздался изъ-за стола рѣзкій голосъ.

— Да, да, это вѣрно!—отозвались, какъ эхо, въ разныхъ углахъ.

Каменевъ посмотрѣлъ на говорившаго. Это былъ высокій, плотный мужчина съ безцвѣтнымъ рябымъ лицомъ, точно выдѣланнымъ долотомъ, съ черною бородкою подъ галстукомъ и густою копною такихъ же волосъ на головѣ. Мужчина вперилъ на пришедшаго свои острые, какъ гвозди, глаза. Каменевъ стоялъ неподвижно.

— Вы, гражданинъ, кого-то ищете здѣсь?—сказалъ, наконецъ, Брюнетъ послѣ продолжительнаго молчанья.—Не знаю, что собственно васъ побуждаетъ; но, должно быть, вы не робкаго десятка, если рѣшились, въ нашемъ мундирѣ, войти прямо въ пасть волка!

— Не понимаю, при чемъ тутъ волкъ,—кратко отвѣтилъ Каменевъ.—Волкъ есть животное перазумное, бросающееся безъ причины на каждаго; а я полагаю, что нахожусь среди людей развитыхъ и разумныхъ...

— Не глупъ!—замѣтилъ какой-то женскій голосъ.

— Все это такъ, дражайшій,—возразилъ Брюнетъ:—но дикіе звѣри охотятся на насъ самихъ. Чѣмъ вы поручитесь намъ, что не принадлежите къ числу тѣхъ же звѣрей, какъ видно по вашей формѣ, и не пришли съ какой-нибудь подлою цѣлью?

— Да вашимъ же собственнымъ разсудкомъ, я думаю,—отвѣтилъ холодно Каменевъ.—Если бы я имѣлъ такія, какъ вы выражаетесь, цѣли,—то развѣ бы я такъ пришелъ къ вамъ? Наконецъ, я ничего не добиваюсь отъ васъ; я только хочу видѣть господина Триедническаго.

— Малаго захотѣли!—проворчалъ Брюнетъ съ самодовольной улыбкой.

— Полно тебѣ ломаться, Аристархъ!—отозвался красивый блондинъ съ окладистой бородой съ самой дальней кровати.—Развѣ не видишь—артиллеристъ; изъ нихъ бывають весьма развитые и мыслящіе люди... Вѣрно, по нашему дѣлу хочетъ поговорить съ тобой, а ты его отталкиваешь: какой же смыслъ въ этомъ?

Брюнетъ поежился.

— Ну, разъ вамъ уже назвали меня—то печего дѣлать! Говорите: въ чемъ ваша надобность?

— При всѣхъ—не могу. Вы должны знать, что бывають разговоры, требующіе бесѣды наединѣ...

— А оружіе свое вы оставите?

Каменевъ улыбнулся и, отстегнувъ свою саблю, положилъ ее на столъ между бутылкокъ.

— Какая хорошенькая ленточка!—тронула рукой одна изъ дѣвицъ помоложе повенкій темлякъ на саблѣ.

Аристархъ косо взглянулъ на нее и, взявъ своего гостя фамиллярно подъ руку, повелъ его въ свой собственный номеръ.

Помѣщеніе «начальника», состоявшее изъ двухъ комнатъ, вѣроятно, было гораздо лучше другихъ номеровъ, но безпорядка и грязи здѣсь тоже имѣлось достаточно. Хозяинъ указалъ гостю на

мягкое кресло, но послѣдній прежде, чѣмъ сѣсть, занеръ двери на ключъ.

— Это вы зачѣмъ же?—изумился хозяинъ.

— Развѣ вы забыли, что насъ не долженъ слышать никто?—спокойно отвѣтилъ Каменевъ.

Хозяинъ развелъ руками и впился глазами въ своего гостя.

— Въ вашей компаніи,—началь безъ предисловія гость,—скрывается дѣвица Варгунина, бѣжавшая отъ матери. Мать ея женщина съ большими связями и, если узнаетъ объ этомъ, то вамъ всѣмъ будетъ плохо...

Аристархъ отшатнулся, какъ отъ удара.

— Это вы съ какою же цѣлью, синьоръ?—вопросилъ онъ невѣрнымъ голосомъ.

— Главнымъ образомъ съ цѣлью ее выручить!—отвѣтилъ Каменевъ, не моргнувъ глазомъ.

Аристархъ засопѣлъ.

— Послушайте, дражайшій, — сказалъ онъ: — я уже говорилъ вамъ, что вы человѣкъ не робкій, однако падо и честь знать. Стоитъ мнѣ свистнуть, — и вы едва ли благополучно уберетесь отсюда...

— Я это предвидѣлъ,—холодно замѣтилъ Каменевъ,—но свистѣть вамъ, пожалуй, и не расчетъ. Во-первыхъ, вы лишитесь денежной выгоды; а, во-вторыхъ,—прибавилъ онъ, чувствуя, точно чья-то рука схватила его за сердце,—во-вторыхъ, я тогда разобью вамъ голову этимъ вотъ преспанье и вылѣзу вотъ по этой трубѣ на улицу. Будьте увѣрены, что я сумѣю это исполнить!

Аристархъ засопѣлъ еще больше и, вынувъ изъ кармана платокъ, обтеръ себѣ лобъ.

— Говорите: какая выгода?—произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Старуха Варгунина дала мнѣ на розыски тысячу рублей, изъ коихъ я часть ужъ истратилъ. Теперь я долженъ или выдать ей васъ, или возратить деньги обратно. Если дѣвица возвратится домой,—указаніе мѣста не будетъ имѣть значенія и денегъ отдавать будетъ не нужно... Хотите пополамъ эту тысячу?

Аристархъ хрипло расхохотался.

— Ну, батюшка, смѣлостью васъ Богъ дѣйствительно не обидѣлъ, а умишка не мѣшало бы немного прибавить! Вишь съ какими турусами вы подѣхали! Нѣтъ, синьоръ,—дама, я знаю, очень богата, и на этомъ можно построить нѣчто гораздо большее...

Каменевъ посмотрѣлъ на него и повертѣлъ преспанье между пальцами.

— Дѣйствительно, я не особенно опытенъ въ такого рода дѣлахъ,—согласился онъ равнодушно:—но все-таки не могу понять, что вы думаете на этомъ построить. Переборку всей вашей компаніи, что ли?

— Зачѣмъ переборку! Можетъ состояться женитьба... наконецъ, мать не пожалѣетъ и больше; говорятъ, онѣ очень богаты...

— То-то и есть, что не очень! Но положимъ и такъ; положимъ даже, что состоится женитьба, и съ приданнымъ... Что же прибудетъ вамъ отъ того? Вы думаете, что женившійся останется подъ вашимъ началомъ? А за деньгами вы пошлете кого, или сами получать будете?.. Видите—все это на водѣ писано! Да если и получите деньги,—такъ надо раздѣлить ихъ на сто частей,—развѣ вамъ больше достанется? То-ли дѣло положить полтысячи въ карманъ безъ хлопотъ! Подумайте-ка!

Аристархъ покрутилъ головой и поморгаль глазами.

— Дайте тысячу!—сказаль онѣ.

— Не могу! Надо что-нибудь и себѣ оставить.

— Такъ возьмите еще!

— Нельзя. Тогда придется раскрыть все дѣло; а это едва ли будетъ вамъ выгодно.

— Ну, нечего съ вами дѣлать: вы, должно быть, изъ раннихъ. Давайте деньги.

И начальникъ протянулъ волосатую руку ладонью вверхъ.

— Удивляюсь!—покачалъ головой Каменевъ.—Неужели вы думали, что я возьму деньги съ собой?

— Такъ когда же вы передадите мнѣ ихъ?

— Въ день возвращенія дѣвицы домой... если оно совершится благополучно.

— И я долженъ этому вѣрить?

— Разумѣется. Въ случаѣ обмана, вы всегда можете отомстить, если не мнѣ—такъ дѣвицѣ. И будьте увѣрены, что, хотя бы ради ея, я никогда не рѣшусь на это.

— Что жъ она—невѣста вамъ, что ли?

— Можетъ быть...

— Ну, это дѣло ваше. Такъ какъ же съ деньгами?

— Въ день, когда она уѣдетъ отъ васъ, приходите ко мнѣ на квартиру и сейчасъ же получите.

— А если вы мнѣ ловушку подставите?...

Каменевъ разсмѣялся.

— Подумайте: за что же васъ будутъ ловить у меня, если до сихъ поръ здѣсь не поймали? Вѣдь вы дѣла свои, навѣрно, чисто ведете...

Аристархъ тряхнулъ головой.

— Ладно! пусть будетъ по-вашему. Я всегда говорилъ, что это бабѣ только дѣлу мѣшаетъ,—такъ эдакъ-то оно, пожалуй, и лучше... Ну, прощайте, дражайшій! Очень радъ, что вы выходите благополучно изъ пасти волка.

— И я радъ, что у него зубы цѣлы остались... Прощайте!

Собесѣдники вышли на коридоръ, Аристархъ потребовалъ саблю и проводилъ гостя до лѣстницы, послѣ чего возвратился къ своей компаніи.

— Дѣльный малый и развитой!—съ важностью заявилъ онъ присутствовавшимъ, хотя таковые уже едва ли имѣли возможность понимать что-нибудь:—онъ открылъ мнѣ весьма интересныя перспективы, хотя надо еще подумать...

Но публика продолжала свое и на рѣчи жокака на сей разъ не обратила никакого вниманія.

А Каменевъ, добравшись домой, бросился на постель и заснулъ, какъ убитый.

IV.

Въ это время виновница всей передраги мирно сидѣла въ своей маленькой каморкѣ въ одно окно, въ обществѣ своихъ новыхъ друзей. Покинувъ родной домъ и привычную обстановку, дѣвушка была какъ въ чадѣ и рѣшительно не сознавала, что такое съ ней происходитъ. Многіе увѣряли ее, что она героиня, и это было единственное, что она понимала въ своемъ положеніи, какъ будто ожидала награды за свое геройство. Но награды не приходило, и она чувствовала нѣкоторое недоумѣніе. Впрочемъ, задумываться ей пока не было времени: въ номерахъ существовало множество празднаго люда, день и ночь устраивавшаго безконечныя и горячіе дебаты рѣшительно обо всемъ; а какъ занятіе подобнаго рода производило дѣйствіе наркотическаго зелья, то, принимаемое безъ отдыха, въ непомерномъ количествѣ, оно окончательно опеломляло бѣдную дѣвочку и не давало ей ни минуты одуматься. Вотъ и теперь въ гостяхъ у нея сидѣло четверо сотоварищей, высыпавшихъ какъ изъ мѣшка цѣлую массу иностранныхъ терминовъ и словъ, только недавно еще принятыхъ въ русскую рѣчь и далеко еще не усвоенныхъ. Дѣвушка чуть не жмурилась отъ этого умственного фейерверка, вполнѣ, однакожъ, увѣренная, что все это чрезвычайно возвышенно и умно. Болѣе всѣхъ отличалась дѣвица Крымская, старая знакомая Саши, много содѣйствовавшая какъ ея просвѣщенію вообще, такъ и принятому за послѣднее время рѣшенію. Кромѣ нея, въ комнатѣ находились: бывший студентъ Маньковъ, повивальная бабка Мироненко и еще одинъ гость, имени котораго хозяйка не знала.

Крымская представляла собой вполнѣ созрѣвшій уже и даже нѣсколько закиспій фруктъ моднаго насажденія и осуществляла все то, что предстояло осуществить ея ученицѣ въ далекомъ будущемъ. Она тоже когда-то, какъ говорила она, бросила сытое буржуазное общество для того, чтобы проложить себѣ и другимъ новые пути женской эмансипаціи и прогресса, хотя это было уже такъ давно, что провѣрить настоящія причины не представля-

лось никакой возможности; но, какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ ветеранка свободы подвизалась лѣтъ пятнадцать на поприщѣ независимаго труда, хотя еще не успѣла найти таковой въ видѣ какой-нибудь платной профессіи. Зато бесплатнаго труда у нея было болѣе, чѣмъ достаточно. Во-первыхъ, она изучала естественныя науки и перечла по этой отрасли знаній рѣшительно все, что только выходило въ русскомъ переводѣ, но главнымъ ея занятіемъ была дѣятельность политическая и соціальная, занимавшая чрезвычайно много времени. Помимо теоретическаго распространенія духовнаго свѣта, что было въ столь неподвижной средѣ дѣло далеко нелегкое,—она положительно не имѣла свободной минуты, бѣгая по устройству всевозможныхъ учреждений, кооперацій и обществъ, необходимыхъ для будущаго блага народа, хотя въ настоящемъ не дававшихъ рѣшительно ничего. Чѣмъ она кормилась—одинъ Богъ вѣдалъ; тѣмъ не менѣе энергія ея не изсякала, она не нуждалась ни въ чемъ и считалась однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ здѣшняго общества. По наружности это была когда-то довольно красивая, но теперь уже совершенно поблекшая брюнетка, съ дряблымъ тѣлосложеніемъ и болѣзненнаго вида лицомъ, хотя и не безъ претензіи нравиться. Съ Сашей она познакомилась у одной изъ своихъ подругъ, случайно вышедшей замужъ за акцизнаго чиновника; но чиновникъ этотъ былъ не простой: обдѣлывая свои дѣлишки весьма прозаическимъ образомъ, онъ въ то же время въ отвлеченныхъ привязанностяхъ къ новымъ вѣяніямъ не уступалъ не только своей либеральной супругѣ, но и самой Крымской, и принималъ выдающихся дѣятелей прогресса съ одинаковымъ радушіемъ, какъ и нужныхъ людей по службѣ. Непонятно, какъ могли совмѣщаться въ одномъ человѣкѣ два такія противоположныя свойства, тѣмъ не менѣе они совмѣщались, и въ домѣ у Волошиныхъ, на ряду съ сомнительными дѣльцами всякаго рода, собирались не менѣе сомнительные просвѣтители, въ родѣ Крымской. Пока Саша жила у матери, то какъ Волошины, такъ и Крымская поражали ее своимъ вниманіемъ и преданностью; но съ тѣхъ поръ, какъ она, по настойчивымъ убѣжденіямъ той же Крымской, переѣхала въ номера, послѣдняя значительно измѣнила свое обращеніе и съ каждымъ днемъ дѣлалась холоднѣе, хотя, повидному, никакихъ причинъ къ тому не было.

Акушерка Мироненко, высокая, весьма плотная особа лѣтъ сорока, по виду болѣе походила на типичную московскую купчиху, чѣмъ на носительницу высокихъ идей женскаго труда и свободы; но она также жила въ этихъ номерахъ и считалась членомъ здѣшняго общества. Вывѣски у ней никакой не было, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы она являлась такой же неудачницей, какъ большинство ея сотоварищей; напротивъ, слава Мироненко гремѣла среди бѣднаго люда всего околотка, и ее тревожили день и

ночь, присылая постоянно за помощью. Зарабатывала она, должно быть, не особенно много, однако все же вполне достаточно для того, чтобы нанять себя болѣе удобную квартиру и завести вывѣску; но она даже и не думала объ этомъ. Попавъ сюда, лѣтъ десять назадъ, совершенно случайно, она до такой степени сжилась съ обстановкою этого удивительнаго дома, что считала себя одною изъ необходимыхъ его принадлежностей. Неизвѣстно, что побуждало ее сходитьсь съ людьми, съ которыми, по складу своего характера, она имѣла весьма мало общаго; тѣмъ не менѣе она видѣла въ этихъ людяхъ чуть не родныхъ и, питаясь при своемъ каторжномъ трудѣ лишь колбасою и булкою, отдавала весь заработокъ на помощь нуждающимся и обездоленнымъ, какихъ здѣсь было, что называется, непочатый уголь. Въ этомъ, кажется, и заключалась разгадка всего поведенія Мироненко: будучи совершенно одинокой и имѣя отъ природы глубокопѣжное сердце, требовавшее привязанности во что бы ни стало, она должна была непременно заботиться о комъ-нибудь и, разъ найдя множество предметовъ для своего попеченія, уже не могла ихъ оставить. Такими предметами бывали въ разное время и мужчины и женщины; всѣ они часто мѣнялись, по большей части оплачивая своей благодѣтельницѣ самой черной неблагодарностью; но благодѣтельница не смотрѣла на это и, разочаровавшись въ одномъ, сейчасъ же съ какою-то жадностью накидывалась на другого, для того, чтобы снова разочароваться. Последнимъ такимъ предметомъ теперь сдѣлалась для нея Саша, встрѣтивъ которую на коридорѣ, акушерка сразу почувствовала къ ней самую горячую нѣжность, и съ тѣхъ поръ уже не отходила отъ нея. Привыкнувъ къ постоянной ласкѣ въ родительскомъ домѣ, избалованная дѣвочка находила весьма естественной такую привязанность со стороны совершенно посторонней женщины и принимала ее, какъ должное.

Третій изъ гостей, сидѣвшихъ у Саши, бывший студентъ Маньковъ, также принадлежалъ къ числу прежнихъ знакомыхъ нашей барышни и, въ дни своего студенчества, нерѣдко бывалъ у нихъ въ домѣ. Это былъ добродушный бѣлокурый малый, лѣтъ двадцати пяти, ничѣмъ особеннымъ не отличавшійся, за исключеніемъ непомерной, чисто собачьей преданности неизвѣстнымъ руководителямъ, которая и являлась причиною всѣхъ его злоключеній. Маньковъ былъ далеко не глупъ, а живой открытый характеръ и горячее, вѣрное сердце привлекали къ нему весьма многихъ; но эта несчастная преданность портила все: за нее онъ «пострадалъ» въ университетѣ, за нее же онъ страдалъ и теперь, не столько отъ административныхъ мѣропріятій, сколько отъ принужденія къ такого рода дѣламъ, какихъ не всегда могла выносить его чуткая совѣсть. Занимался онъ гдѣ-то въ конторѣ и еще получалъ

помощь отъ какого-то богатаго родственника, но за этой помощью ходилъ только въ крайности, такъ какъ она сопровождалась всегда весьма неприятными сценами. Одно время ему сильно нравилась Саша, но, понявъ, что изъ этого ничего выйти не можетъ, онъ успокоился. Теперь онъ чувствовалъ къ ней лишь глубокую симпатію и жалость и старался угодить, чѣмъ только было возможно.

Кромѣ вышеописанныхъ лицъ, здѣсь присутствовалъ еще какой-то странный субъектъ еврейскаго типа, повадившійся ходить къ Сашѣ неизвѣстно зачѣмъ. Въ разговорахъ онъ почти не участвовалъ, а по большей части молчаливо сидѣлъ въ углу, перебѣгая по всѣмъ присутствовавшимъ своими мышиными черными глазками. Никто не сходилъ съ нимъ изъ жильцовъ этого дома, и всѣ отъ него сторонились; только съ Трѣдинскимъ у него существовали какія-то особыя отношенія. Сашу сильно стѣсняло постоянное присутствіе такого гостя, но сказать ему о томъ она не рѣшалась; что же касается до Мироненко, то она относилась къ нему съ явной враждебностью, совсѣмъ даже непонятной въ такой добродушной особѣ.

Дебаты велись обо всемъ и наконецъ перешли на разные виды интеллигентнаго труда, въ которомъ необходимо было принять участіе новой адепткѣ.

— Свободный трудъ для женщины—это все!—напыщенно ораторствовала Крымская:—онъ даетъ ей значеніе въ обществѣ и цѣль въ жизни; особенно, если направленъ къ разрушенію деспотизма и на пользу народной свободы. Кромѣ того, онъ даетъ женщинѣ высшее благо—независимость, независимость въ проявленіи самыхъ основныхъ потребностей человѣческой природы, которыя при нашемъ крѣпостническомъ строѣ извращены и подавлены до невозможности. Почему мужчина въ правѣ проявлять всѣ свои склонности, а женщина не только лишена такихъ правъ, но еще и обязывается къ лицемерному притворству, будто вовсе такихъ не имѣетъ?! Попробуй я, напримѣръ, подойти къ буфету и спросить себѣ рюмку водки,—на меня посмотрятъ какъ на нарушительницу общественныхъ основъ и, пожалуй, еще арестуютъ, а между тѣмъ это самая невинная потребность каждаго человѣка. А почему это происходитъ? Потому, что женщина не хочетъ трудиться вообще, не хочетъ бороться за свою независимость и предпочитаетъ жить лѣнливой рабой. Разрушить такое несправедливое положеніе дѣль—есть задача всякаго честнаго человѣка!

— Ну, матушка, ты ужъ, кажется, очень далеко уѣхала,—замѣтила Мироненко, говорившая почти каждому ты.—Тутъ дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, чтобы Сашенькѣ было можно прожить чѣмъ-нибудь... Напрасно вы, Сашенька, уѣхали отъ матери,—обратилась она къ дѣвушкѣ:—въ благородствѣ вашихъ намѣре-

ній я, конечно, не сомнѣваюсь, а только, ей-Богу, напрасно.. Если бъ вы знали, какъ тяжело жить одинокому человѣку!

— Какой вздоръ вы говорите, Мироненко!—возразила съ раздраженіемъ Крымская:—послушать васъ, такъ мыслящей дѣвушкѣ ничего больше не остается, какъ подлое тунеядство и подчиненіе деспотическому насилію. Замѣчательно, какъ это умно!

— Эхъ, матушка! Какое можетъ быть насиліе отъ родной матери! А если своихъ силъ нѣтъ—такъ поневолѣ подчиняться будешь на всякомъ мѣстѣ... Вотъ ты только такъ говоришь, а еще какъ подчиняешься своему Николаю Павловичу!

— Прошу васъ, Мироненко, въ личныя мои дѣла не мѣшаться!—вспыхнула, какъ огонь, проповѣдница.—Я давно знаю ваши допотопныя взгляды... Удивляюсь только, какъ при такомъ образѣ мыслей васъ могутъ принимать въ нашемъ обществѣ.

— Э, голубушка! Я не требую, чтобъ меня принималъ кто-нибудь,—я сама вездѣ принимаю,—добродушно сострила Мироненко.—А все же скажу, что грѣхъ вамъ было сбивать ребенка. Что она станеть дѣлать теперь?

— Позвольте, почтеннѣйшая Настасья Ивановна,—вмѣшался въ разговоръ Маньковъ:—никто Варгунину съ пути не сбивалъ, и вовсе она не ребенокъ. А если благородная и мыслящая дѣвушка стремится къ честному труду и разумной жизни,—такъ не намъ ее отговаривать!

— Знаемъ мы это!—махнула рукою Мироненко.—Да чѣмъ она жить-то будетъ? Ты это пойми!

— Нельзя же останавливать свѣтлое призваніе изъ-за матеріальныхъ расчетовъ. Средства найдутся: уроки, переводы, наконецъ, корректуру можно держать...

— Оно и видно! Вотъ ты ей и найди это все!

— И найду! Дайте время: нельзя же все сразу...

— А до тѣхъ поръ что? умирать съ голоду, что ли? Вѣдь она изъ дому ничего съ собой не взяла.

— Зачѣмъ умирать? Наше общество должно поддержать Варгунину. Вы забыли, что на это есть особыя средства.

— Какъ же, поддержать! Сунься-ка ты къ Аристарху,—увидишь, что онъ тебѣ запоеть!

— Аристархъ не одинъ въ обществѣ, есть и другіе... Вотъ, Крымская, поговорили бы вы... съ Локтевымъ, напримѣръ,—его послушаютъ многіе...

Крымская съ неудовольствіемъ отвернулась.

— Не хотите? Гм... понимаю! А что вы говорили на сей счетъ у Волошиныхъ—позабыли? Ну, если такъ, то обойдемся безъ васъ: Варгунина сама скажетъ Локтеву.

— Я вовсе не отказываюсь,—возразила раздражительно Крымская:—я только нахожу, что невозможно съ первыхъ же дней

сѣсть на шею обществу; и, признаюсь, не ожидала того, что безъ помощи мамыши Варгунина должна умереть съ голоду,—прибавила она, презрительно взглянувъ на недавнюю свою пріятельницу.

Саша покраснѣла и хотѣла что-то сказать, но въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Николай Павловичъ Локтевъ, тотъ самый красивый блондинъ, который противорѣчилъ «начальнику» во время посѣщенія Каменева. Онъ дѣйствительно былъ красивъ, хотя и одѣтъ крайне неряшливо; но во всей фигурѣ его, равно и въ наглой манерѣ, съ какой онъ обращался со всѣми, постоянно держа руки въ карманахъ своихъ сѣрыхъ брюкъ, чувствовалось что-то весьма непріятное. Сашѣ, за которой онъ начиналъ явно ухаживать, часто казалось, что онъ весь сырой и даже издастъ запахъ сырого мяса. Дома она не пустила бы его къ себѣ на глаза, но здѣсь принуждала себя относиться къ нему терпѣливо и даже выслушивать его любезности, такъ какъ знала уже, что послѣ Трѣдинскаго Локтевъ считался первымъ лицомъ въ обществѣ. Отличительною особенностью этого человѣка было умѣнье говорить такъ, что никто не могъ разобрать: серьезно ли онъ говорить, или шутить. Войдя въ комнату, онъ брезгливо прищурился, какъ будто встрѣтилъ неожиданное разочарованіе, а Крымская, при входѣ его, вспыхнула и завертѣлась на стулѣ.

— Миръ вѣльнымъ и просвѣщеннымъ гражданамъ!—сказалъ пришедшій, здороваясь съ Сашей и не выпуская ея руки, которую она тщательно хотѣла отнять.—О чемъ дебатируете, возлюбленные соотечественники, въ настоящее время?

— Мы только что говорили о васъ,—поспѣшилъ отвѣтить за всѣхъ Маньковъ,—и рассчитываемъ на ваше содѣйствіе...

— Въ чемъ это? Если идти въ народъ,—то я еще подожду немного...

— Нѣтъ, не въ народъ, а мы... насчетъ денегъ...

— Денегъ! И ты, Брутъ. Нѣтъ, гражданинъ, денегъ у меня для васъ нѣтъ!

— Да я не для себя,—страшно сконфузился юноша:—а вотъ, видите, Варгунина теперь находится въ затрудненіи, и мы бы желали...

— Для милой барышни?—перебилъ Локтевъ.—Для милой барышни деньги всегда найдутся. Сколько вамъ, а?—обратился онъ къ Сашѣ.

— Да позвольте же вамъ разъяснить...—напрасно старался Маньковъ.

— Какія тутъ разъясненія, гражданинъ! Къ чему излишнія словопренія! Дѣвочки нужны деньги,—и, стало быть, необходимо ихъ выдать. Вотъ!—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана бумажки и подавая ихъ Сашѣ.

Саша покраснѣла, какъ ракъ, и оттолкнула бумажки.

— Удивляюсь тебѣ, Николай Павловичъ,—съ укоромъ покачала головою Мироненко:—ты называешь себя порядочнымъ человѣкомъ, а ведешь себя, какъ пьяный сапожникъ. Развѣ можно позволять себѣ такое невѣжество?

— Чѣмъ же я провинился, достопочтенная мать-игуменья?—какъ будто бы удивился блондинъ.—Вы, вѣрно, не слышали предыдущаго разговора?

— Нѣтъ, это ты не слышалъ! Мы говорили о томъ, чтобы общество оказало временную поддержку Варгунинной, а вовсе не о томъ, чтобы ты доставалъ деньги для нея изъ кармана...

— Ну, такъ что же, почтенная мать? Всѣ мы здѣсь составляемъ общество и обязаны помогать другъ другу... Я полагалъ, что это вопросъ уже рѣшенный, тѣмъ болѣе, что среди насъ находится и кассиръ общества,—прибавилъ Локтевъ, указывая на Крымскую, блѣдное лицо которой уже давно покрылось красными пятнами.

— Какъ? Крымская нашъ кассиръ?—вскочилъ Маньковъ со стула.

— Разумѣется, а вы не знали этого? Боже! какъ всѣ вы еще юны и неопытны!

— Какъ же вы, Крымская, теперь объясните свое поведеніе?—продолжалъ приставать Маньковъ.

— Нечего мнѣ объяснять!—вскричала съ бѣшенствомъ Крымская.—Локтевъ подличаетъ, какъ всегда. Но если онъ хочетъ дѣлать подарки разнымъ дѣвчонкамъ, то я не въ правѣ отдавать общественыя деньги на это!

— Что вы! опомнитесь...—началъ Маньковъ, но его предупредила Мироненко.

— Ты это что же, сударыня?—поднялась она во весь свой громадный ростъ, вся красная отъ негодованія.—Ты пришла сюда въ гости затѣмъ, чтобы изъ-за своей дурацкой ревности оскорблять неповиннаго ребенка? Вонъ! Сюю же минуточку—воцъ, чтобы и духу твоего здѣсь не было!

Крымская зашипѣла и собралась было возражать; но, взглянувъ на боевой видъ и пылающія щеки своей противницы, презрительно пожала плечами и поспѣшила выйти за дверь. Слѣдомъ за ней удалились и всѣ мужчины; а Саша, бросившись на шею къ Мироненко, плакала горько и долго на широкой груди утѣшавшей ее заступницы.

V.

Первою мыслью глубоко огорченной дѣвушки было немедленно возвратиться домой; но прошла ночь, и мысли ея перемѣнились. Молодость и природное легкомысліе заставили ее забыть вчерашнее огорченіе, а фальшивое самолюбіе и ложный стыдъ снова вступили въ свои права. Что скажутъ прежнія подружки и всѣ ея старыя и

повые знакомые, которые должны были видѣть въ ней что-то особенное, а теперь уже ровно ничего не увидятъ?.. Саша рѣшилась остаться. Утромъ пришла къ ней Мироненко, принесла стаканъ молока и пожелала узнать о дальнѣйшихъ ея намѣреніяхъ. Узнавъ, что Саша раздумала возвращаться, она печально покачала головой и стала снова ее уговаривать; однако рѣшительное упорство любимицы, видимо, не доставило ей особаго неудовольствія; напротивъ, она сильно воодушевилась и торжественно пообѣщала «разбить морду» всякому, кто только осмѣлится обидѣть ея «милую дѣточку». Саша осталась и начала снова надѣяться и мечтать.

Но жизнь шла своимъ чередомъ, и роковой экономической вопросъ, о которомъ Саша раньше не имѣла никакого понятія, возставала передъ ней въ своей ужасающей наготѣ. Несмотря на усиленныя настоянія Крымской, денегъ изъ дому она не взяла ни копейки и, такимъ образомъ, сразу стала въ безвыходное положеніе. Къ счастью, въ ея узелкѣ нашлись кое-какія золотыя бездѣлушки, которыя, заложенныя при участіи Мироненко, дали возможность заплатить впередъ за квартиру, такъ какъ никакой кредитъ въ этомъ домѣ не допускался. Наслышавшись отъ подругъ о разныхъ сортахъ интеллигентнаго труда, Саша думала, что этотъ трудъ явится къ ней по первому требованію; однако оказалось, что это не такъ то легко. Время шло, деньги, вырученныя отъ залога вещей, несмотря на крайнюю осторожность, приходили къ концу, а никакого труда не было видно. Сначала она боялась выходить изъ квартиры и надѣялась, что тотъ или другой изъ ея новыхъ товарищей-единомышленниковъ доставитъ ей какую-нибудь работу на домъ, но вскорѣ увидѣла, что товарищи не только не думали доставлять ей никакого заработка, но и сами грызлись за него, какъ собаки. Несмотря на опасенія быть открытой, бѣдной дѣвочкѣ пришлось бѣгать самой по объявленіямъ, но и тутъ результатъ получился крайне печальный; вездѣ, гдѣ она ни показывалась въ своемъ единственномъ платьѣ,—ее какъ-то странно оглядывали и либо отказывали наотрѣзъ, либо дѣлали такія предложенія, отъ которыхъ она сама съ ужасомъ убѣгала. Мироненко долгое время не осмѣливалась ей предложить ничего; но, послѣ исторіи съ Крымской, съ громкимъ плачемъ потребовала, чтобы «дѣточка» взяла у ней займы что-нибудь. Саша сама горько плакала и цѣловала добрую женщину, но взять деньги не согласилась. Тогда рѣшено было уполномочить Манькова поставить ребромъ вопросъ о помощи на первомъ собраніи и, если окажется нужнымъ, произвести формальную революцію съ помощью Локтева. Послѣдствія такого рѣшенія обнаружались весьма скоро.

Разъ, выйдя на коридоръ, Саша встрѣтила Триединскаго, видимо, ее поджидавшаго. Онъ не далъ ей дороги и, заложивъ руки въ карманы, сталъ нагло смотрѣть ей прямо въ лицо.

— Что, милая барышня, христорадничать собрались?—выпалить онъ въ упоръ.

Саша остолбенѣла.

— Развѣ не понимаете,—продолжалъ онъ съ тѣмъ же нахальствомъ:—что у насъ вовсе не такое заведеніе, чтобы выдавать барышнямъ деньги за красоту? Касса дѣйствительно существуетъ, но для чего? Для поддержки общаго дѣла, на помощь больнымъ и увѣчнымъ, а также оказавшимъ особыя услуги обществу. А ваши какія услуги? Вы еще не успѣли явиться, какъ завели интриги и смуты; изъ-за васъ чуть не подрались Мироненко съ Крымской, а потомъ у послѣдней вышла и настоящая драка съ Локтевымъ, съ которымъ вы завели шуры-муры... Что вы на это скажете, а?

Бѣдная дѣвушка ничего не отвѣтила, но едва имѣла силы добраться до своей комнаты, гдѣ упала на постель съ глухими рыданіями. Долго она лежала и плакала, какъ несправедливо побитый ребенокъ, безъ всякаго сознанія своего положенія и безъ надежды помочь себѣ,—какъ вдругъ незапертая дверь отворилась. Думая, что это Мироненко, дѣвушка вскочила навстрѣчу, въ намѣреніи выплакать передъ ней свое горе. Но, вмѣсто Мироненко, въ комнату вошелъ Локтевъ. Пораженная дѣвушка поторопилась застегнуть свое платье, которое разстегнула отъ душншихъ ее спазмъ; Локтевъ противно усмѣхнулся на это.

— Напрасно беспокоитесь, милая барышня: тамъ ничего запрещеннаго нѣтъ, а, напротивъ, одно пріятное, — сказалъ онъ, безъ церемоніи усаживаясь на диванъ.

Саша глядѣла на него во всѣ глаза

— Послушайте, Варгунина,—продолжалъ онъ спокойно и разсудительно:—вѣдь должны же вы понимать, что разъ вы выступили борцомъ за свободу личности, такъ надо вамъ всѣ буржуазныя выдумки бросить... Вотъ именно объ этомъ я и пришелъ поговорить съ вами. Дѣло наше трудное; но трудность его заключается не въ добываніи жизненныхъ средствъ, о чемъ вы такъ сильно печалитесь, а въ переустройствѣ общественныхъ отношеній, сдѣлавшихся для разумнаго человѣка совсѣмъ невозможными. Поэтому задача каждаго честнаго дѣятеля, прежде всего, есть искорененіе общественныхъ предрасудковъ, хотя бы цѣною нѣкоторыхъ усилій и даже потерь. Вы рѣшились идти по этой дорогѣ, а между тѣмъ ни въ чемъ не хотите переменить прежнихъ вѣрованій и держитесь за дурачкія выдумки, какъ за послѣдній якорь спасенія... Нечего сказать, хорошее занятіе для борца за свободу!

Саша молчала, чувствуя позывъ ко сну, какой всегда вызывали въ ней сложныя разсужденія.

— Да, вамъ еще много придется надъ собой поработать!—продолжалъ невозмутимо ораторъ:—но для того, чтобы достигнуть успѣха, необходимо, во-первыхъ, разорвать навсегда со всѣми

безсмысленными внушеніями своего прошлаго; а, во-вторыхъ, упорядочить всё отправленія вашего организма, чтобы лишенія не доводили васъ до истерики по самому ничтожному поводу, какъ сейчасъ, и не мѣшали бы предстоящей дѣятельности. Замужъ за какого-нибудь филистера, вы, конечно, не собираетесь; посвящать себя аскетизму тоже,—стало быть, вамъ слѣдуетъ выбрать себѣ мужчину!

Дѣвушка вспыхнула, какъ огонь, и не понимала, что съ ней такое творится.

— Вотъ онѣ, наши русскія прогрессистки!—воскликнулъ патетически проповѣдникъ, увидѣвъ смущеніе дѣвушки:—на словахъ онѣ готовы на все; а чуть дойдетъ до дѣла, то окажется, что онѣ такія же вѣрующія ретроградки, какъ и ихъ бабушки! Зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, пришли къ намъ, и какъ же вы будете работать для женской свободы, когда даже напоминанія о нормальной жизни боитесь?!

— Я не понимаю, зачѣмъ вы говорите такія глупости,—наконецъ рѣшилась вымолвить дѣвушка, подавляя спазмы, подступавшіе ей къ самому горлу.—Да не трогайте меня! какъ вы смѣете!—вскричала она, рѣзко сбрасывая руку своего собесѣдника, которую тотъ для большей убѣдительности вздумалъ ей положить на плечо.

Локтевъ всталъ и съ волненіемъ прошелся по комнатѣ.

— Вы, я вижу, вовсе не подготовлены къ своей роли,—сказалъ онъ съ великимъ огорченіемъ,—и не въ состояннн даже понять меня. А между тѣмъ я возлагалъ на васъ большія надежды и хотѣлъ способствовать какъ вашему матеріальному положенію, такъ и дальнѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ сознательной жизни. Мнѣ бы слѣдовало махнуть рукою на васъ, но я питаю къ вамъ большую симпатію и оставить васъ не могу. Что же мнѣ съ вами дѣлать?

— Никакихъ мнѣ вашихъ симпатій не нужно. Оставьте меня, пожалуйста!—отвѣтила дѣвушка дрожащимъ голосомъ.

— Прелестный отвѣтъ!—иронически замѣтилъ Локтевъ:—точь-въ-точь, какъ говорятъ господскія горничныя кучерамъ или лакеямъ. И это послѣдовательница великихъ идей!

— Не знаю, при чемъ тутъ идеи. Уходите отъ меня ради Бога!—молила Саша.

— Вы думаете, что мнѣ надо уйти? Ну, нѣтъ! Я не отдамъ такъ легко васъ на жертву постыдной реакціи. Подготавливать васъ теоретически было бы черезчуръ долго,—такъ я попробую сдѣлать это практически...

И, крѣпко схвативъ пораженную дѣвушку въ свои объятія, онъ началъ осыпать ее поцѣлуями.

Сначала Саша ничего не помнила: голова у ней закружилась, и какой-то горячій туманъ охватилъ ее всю. Но вдругъ съ отчаян-

нымъ крикомъ она вырвалась изъ рукъ своего соблазнителя и изо всѣхъ силъ ударила его по лицу.

Развирѣпѣвшій мужчина снова бросился къ ней, но она успѣла уже раскрыть окно и высунуться изъ него до половины. «Помогите, помогите!» кричала она на улицу, не помня себя.

Неизвѣстно, что бы случилось при другихъ обстоятельствахъ; на улицѣ не было никого, кромѣ нѣсколькихъ возовъ съ дровами, провожатые коихъ и не подумали остановиться. Но если Сашу не услышали на улицѣ, зато прекрасно слышали въ номерахъ. Отъ сильнаго удара ногой дверь распахнулась, и на порогѣ появился самъ Триединскій въ сопровожденіи толпы испуганныхъ сателитовъ. Увидя толпу, Локтевъ немедленно ступешался, а дѣвушка безъ чувствъ грянулась на полъ.

Триединскій сталъ надъ ней въ позу трибуна, съ поднятой высоко рукой.

— Вы видите, господа,—обратился онъ къ присутствовавшимъ съ громовою рѣчью въ то время, какъ предательская улыбка радости выступала у него въ лицѣ:—вы видите, къ чему ведутъ упадокъ разумной дисциплины въ нашемъ обществѣ и всѣ наши несогласія и раздоры. Члены нашего общества зовутъ полицію съ улицы для рѣшенія своихъ частныхъ недоразумѣній, ту самую полицію, появленія коей мы имѣемъ столько причинъ опасаться... Вотъ до чего дошло! Кто рекомендовалъ эту дѣвушку?

— Я рекомендовала,—выступила впередъ Крымская:—но я никакъ не думала, что...

— То-то не думала!—внушительно сказалъ Триединскій:—а вамъ-то именно и слѣдовало бы подумать!... Ну, господа,—обратился онъ къ окружающимъ:—полагаю, что всѣ вы согласны, что въ нашемъ обществѣ этой барышнѣ вовсе не мѣсто... Петровскій! Сапожниковъ! выбросьте на улицу вещи этой особы, да и ее, кстати, проводите туда же!

Въ это время, запыхавшись, прибѣжала Мироненко и бросилась къ Сашѣ.

— Не распространяйся такъ, Аристархъ Петровичъ,—грозно сказала она, прикрывая собой лежавшую дѣвушку:—домъ-то вѣдь не твой, и за померъ у ней заплачено!

— Какъ?—вскричалъ Триединскій, чувствуя, что столь удачно поддержанное вліяніе снова выскальзываетъ у него изъ рукъ.—Вы хотите противиться постановленію всего общества? Можетъ быть, тоже полицію позовете?

Какъ ни любили Мироненко въ обществѣ, но стадное начало оказалось сильнѣе, и въ защиту ея не раздалось ни одного голоса. Между тѣмъ изъ толпы выступило нѣсколько фанатиковъ-сателитовъ съ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго. Акушерка даже и не поглядѣла на нихъ.

— Будьте вы прокляты!—закричала она, припадая къ безчувственной дѣвушкѣ.—Ничему я противиться не хочу: я сама сейчасъ выѣзжаю; только не смѣйте трогать мою бѣдную птичку, она и безъ васъ найдетъ дорогу въ родное гнѣздо.

Публика зашумѣла; но Тріединскій, довольный ужъ тѣмъ, что все идетъ, какъ по маслу, остановилъ ихъ движеніемъ руки и величественно вышелъ изъ номера. За нимъ послѣдовали и всѣ остальные.

VI.

Уже четвертый день, сидя въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, Каменевъ ожидалъ прихода Тріединскаго, но послѣдній не приходилъ. «Ну, а если совсѣмъ не придетъ,—что это будетъ значить тогда?» съ удивленіемъ раздумывалъ мой пріятель. Отъ Варгуниныхъ онъ никакихъ извѣстій не получалъ, и самъ имъ не передавалъ ничего, разсчитывая, что передавать что-нибудь раньше времени значить только огорчать ихъ понапрасну. Но когда-нибудь они должны будутъ спросить,—что жъ онъ отвѣтитъ имъ въ случаѣ неудачи? Такія размышленія волновали его до того, что онъ чуть не заболѣлъ отъ досады. Безхарактерные люди обыкновенно плачутся на судьбу; но Каменевъ не имѣлъ подобной привычки и во всемъ винилъ себя самого. «Хорошъ я!—говорилъ онъ себѣ:—ходилъ чортъ знаетъ куда и принесъ ничего... неужели же, въ самомъ дѣлѣ, я испугался? Вишь, что выдумали черти—пугать: видно, не наскочили еще на кого слѣдуетъ!.. Но какъ бы то ни было—игра моя почти что проиграна: за пятьсотъ рублей они не отдадутъ ее. Надо было сдѣлать что-либо другое: или исколотить его, доведя дѣло до слѣдствія и суда, или отдать ему всѣ эти проклятыя деньги; ужъ если жалѣтъ ихъ—такъ не слѣдовало ихъ и брать!...» При мысли объ испытанныхъ оскорбленіяхъ и угрозахъ вся кровь прилиwała ему въ голову, и онъ готовъ былъ снова бѣжать въ общезитіе, чтобы схватиться тамъ съ цѣлой компаніей. Однако, поразмысливъ, онъ овладѣлъ собой и далъ себѣ слово ждать еще цѣлыхъ три дня, а затѣмъ, во что бы то ни стало, показать этимъ господамъ, что шутить съ нимъ не полагается. Принявъ такое рѣшеніе, онъ значительно успокоился и равнодушно шагаль по своей квартирѣ, больше уже не думая ни о чемъ. Такъ прошло время до вечера, какъ вдругъ раздался звонокъ.

— Неужели Тріединскій!—чуть не вскричалъ Каменевъ, чувствуя, что сердце у него совсѣмъ перестало биться. Но вмѣсто Тріединскаго появился сіяющій Дормидонтъ. Каменевъ посмотрѣлъ на него бессмысленными глазами.

— Я къ вамъ на минуточку, Александръ Николаевичъ,—поспѣшилъ заявить пришедшій:—только сообщить вамъ пріятную вѣсть:

Саша вчера возвратилась, и все у насъ, слава Богу, попрежнему. Мамаша не совсѣмъ здорова еще, но сильно меня торопила заѣхать къ вамъ и сказать, чтобы вы не беспокоились... все устроилось прекрасно само собой.

Каменевъ бросился въ кресло и вздохнулъ какъ бы послѣ тяжелой болѣзни.

— Очень, очень радъ,—проговорилъ онъ съ трудомъ:—значить, почтенная Екатерина Васильевна безпокоилась понапрасну... Я весьма радъ—передайте это вашей мамашѣ и скажите, что на дняхъ лично заѣду поздравить...

Гость раскланялся и направился къ выходу, а хозяинъ снова вздохнулъ съ облегченіемъ. Но вдругъ взгляды его упали на писменный столъ.

— Стойте, стойте!—закричалъ онъ черезъ окно:—стойте—еще не все!

Дормидонтъ возвратился.

— Ваша мамаша оставила мнѣ на расходъ деньги...

— Да, она говорила, пять тысячъ...

— Говорила? Это прекрасно!—воскликнулъ Каменевъ, подойдя къ своему столу.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ:—пожалуйста, передайте ей эти деньги... Но, увы! Пяти тысячъ я, къ сожалѣнію, возвратить не могу; здѣсь только три тысячи девятьсотъ!

— Все равно, возвратите потомъ,—сказалъ Дормидонтъ съ кислой улыбкой.

Каменевъ передернулъ плечами.

— Вы такъ полагаете?—медленно вымолвилъ онъ, какъ будто о чемъ-то раздумывая.—Ну, а я весьма сомнѣваюсь, чтобы могъ когда-нибудь возвратить эти деньги...

Дормидонтъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Не удивляйтесь, мой другъ! Видите ли, тамъ, гдѣ замѣшаются эти проклятыя деньги, тамъ уже не можетъ быть ничего добраго! Видите Богъ, что я не хотѣлъ посвящать никого въ подробности дѣла, которое, какъ вы говорили, устроилось само собою... но эти несчастныя деньги меня вынуждаютъ. Поэтому передайте вашей мамашѣ, что, согласно ея порученію, тысяча сто рублей израсходована мною слѣдующимъ образомъ: триста рублей я заплатилъ приставу за руководство, триста выдалъ сыщику, который разыскалъ вашу сестру, а пятьсотъ я долженъ буду сегодня же передать тому, что выжилъ ее изъ убѣжища, гдѣ она до сихъ поръ помѣщалась... Если подождете немного, то можете даже увидѣть это лицо... Не хотите? Въ такомъ случаѣ до свиданья! Я душевно радъ, что все кончилось благополучно; но, какъ видите, денегъ больше мнѣ возвращать не придется.

Держа бумажки въ рукахъ и ротъ совершенно раскрытымъ, гость снова вышелъ на улицу; а хозяинъ остался въ глубокой задумчивости.

Странная вещь! Трудное, можно сказать, безнадежное дѣло кончилось у него такъ удачно, а пріятель мой все еще былъ недоволенъ собой, даже гораздо болѣе, чѣмъ тогда, когда оно вовсе не ладилось. Кто-то шепталъ ему на ухо, что горячился онъ понапрасну и что въ результатѣ всѣхъ тяжелыхъ усилій и принесенныхъ жертвъ получится лишь недоумѣніе, а, пожалуй, и неудовольствіе именно со стороны тѣхъ, для кого онъ всего больше старался. «Вотъ что значить мѣшаться въ чужія дѣла!—съ грустнымъ разочарованіемъ раздумывалъ офицеръ. — Кажется, какъ будто иначе и поступить было совсѣмъ невозможно; а между тѣмъ что же изъ всего этого вышло? То, что знаетъ Дормидонтъ, разумѣется, узнаетъ и Саша; какъ же она отнесется къ моему непрошеному вмѣшательству въ ея судьбу, особенно, если услужливыя развивательницы направятъ ее какъ слѣдуетъ? Конечно, впоследствии, когда она выйдетъ замужъ и окончательно излечится отъ своего гипноза, она взглянетъ на все дѣло иначе; но съ какой стати мнѣ дожидаться до этого?! Опять же и Катерина Васильевна!... Ожидая бѣды, она готова была пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ, а теперь;—я почти увѣренъ,—не разъ пожалѣетъ о *напрасно* истраченныхъ мною тысячахъ ста рубляхъ... Женщины!... Да и вообще, если присмотрѣться какъ слѣдуетъ, то человѣческая душа довольно-таки дрянная вещь!» И пріятель мой и сердился и смѣялся; но все же, какъ виноватый, не рѣшался показаться въ ту самую семью, гдѣ бы онъ, навѣрно, былъ желаннымъ гостемъ теперь, ловко отказавшись отъ всякаго участія въ затруднительномъ дѣлѣ. Однако черезъ недѣлю онъ получилъ любезное приглашеніе отъ Екатерины Васильевны, съ ласковымъ упрекомъ, что его до сихъ поръ не видно. Дѣлать нечего, надо было идти, приготовить заранѣе къ возможнымъ случайностямъ со стороны Саши. Но Саша встрѣтила его весьма радушно и была такая же розовая и жизнерадостная, какъ и прежде. Происшествіе, видимо, нисколько не повліяло на легкомысленную барышню; но кавалеръ сдѣлался осторожнѣе и держалъ себя на чеку.

— Знаете, Александръ Николаевичъ,—обратилась къ нему Саша за чайнымъ столомъ:—я нахожу въ васъ большую переменну къ лучшему. Вы уже больше не спорите и не высказываете прежнихъ ретроградныхъ идей. Должно быть, вы много читали за это время: чтеніе всегда развиваетъ...

— Да, я прочелъ весьма полезную книгу и пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія,—кратко отвѣтилъ Каменевъ.

— Вотъ и прекрасно!—одобрительно замѣтила барышня:—вы еще слишкомъ молоды для того, чтобы всю жизнь оставаться при

дикихъ понятіяхъ время крѣпостного права; все это годится только для выжившихъ изъ ума стариковъ...

Въ это время почтенная Екатерина Васильевна ставила на подносъ чашку, принятую у одной изъ гостей. Но рука старухи дрогнула, и чашка полетѣла на полъ, рассыпавшись въ мелкія дребезги.

— Ахъ, какая ты неловкая, мама!—воскликнула барышня съ неудовольствіемъ.

Григорій Ольшанскій.

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній ¹⁾).

III.

Странное происшествіе. — Турецкое посольство въ Петербургѣ за послѣднія 20—25 лѣтъ. — Шакиръ-паша. — Гузни-паша. — Прїѣздъ Фуада-паши. — Побѣдка въ Константинополь. — Тевфигъ-паша. — Турханъ-паша. — Имамъ посольства. — Фуадъ-бей.

ВЪ ГОДЪ безвременной гибели П. И. Чайковскаго со мною случилось довольно курьезное происшествіе, могущее при извѣстномъ складѣ мыслей нѣкоторыхъ людей навести ихъ на странныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, серьезныя размышленія.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1893 года трое моихъ хорошихъ знакомыхъ и я вздумали, воспользовавшись прекрасною погодою, проѣхать на финляндскомъ пароходѣ въ Гельсингфорсъ. Для вѣщаго подтвержденія нижеписанныхъ моихъ словъ, привожу фамиліи ѣхавшихъ со мною лицъ: С. Э. Зволянскій (нынѣ сенаторъ), В. А. Романовъ (нынѣ генераль-лейтенантъ въ отставкѣ) и недавно умершій членъ горнаго совѣта Сорокинъ. Сѣли мы на пароходъ «Деббелнъ», направлявшійся изъ Петербурга въ Стокгольмъ, съ заходомъ въ Гельсингфорсъ и Або. Главный контингентъ палубныхъ пассажировъ оказались гельсингфорскіе пѣвцы-студенты. Въ числѣ, кажется, сорока человѣкъ, они возвращались домой послѣ концерта, даннаго ими въ Петербургѣ. Русскихъ было немного; кромѣ насъ четверыхъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 800.

оказалось еще двое молодоженовъ. Ъхали они изъ Москвы въ Стокгольмъ въ свадебное путешествіе.

Привлекательность этой молодой женщины, ея хорошенькое личико и удивительно красивые глаза, чистые и наивные, вмѣстѣ съ постояннымъ пѣніемъ капеллы студентовъ, такъ наэлектризовали нашъ дружескій квартетъ (а мы, какъ водится на пароходахъ, всѣ тотчасъ же перезнакомились), что мы почти до глубокой ночи не отходили отъ своихъ новыхъ знакомыхъ москвичей.

Въ числѣ прочихъ пассажировъ оказались еще два англичанина, на взглядъ пріятели, возвращавшіеся черезъ Швецію домой въ Англію. Одинъ изъ нихъ вполне корректный и воспитанный человѣкъ, другой, «нагрузившійся», повидимому, еще въ Петербургѣ, какъ противоположность первому, въ особенности подъ вліяніемъ шведскаго пунша, который то и дѣло подносили ему финляндскія «фрекенъ», замѣнявшія лакеевъ, былъ грубъ и невоспитанъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ бриттъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, въ свою очередь, подъ вліяніемъ симпатичной г-жи Найденовой (оказавшейся женою сына извѣстнаго московскаго коммерсанта), записались въ свиту ея почитателей и сговорились тѣмъ или другимъ способомъ быть ей пріятными.

Извѣстно, что первое условіе для устраненія соперниковъ по даже самому невинному ухаживанію, какъ въ настоящемъ случаѣ, — необходимо такихъ соперниковъ сдѣлать въ глазахъ правящейся имъ женщины смѣшными.

Именно такой системы хотѣлъ, повидимому, держаться англичанинъ, такъ неумѣренно и неосторожно обращавшійся со спиртными напитками.

Началь онъ свои подшучиванія, къ сожалѣнію, почему-то съ меня. Долго я крѣпился и почти не отвѣчалъ привязавшемуся ко мнѣ пахалу, но наконецъ пришлось отвѣтить. На протягиваемую имъ мнѣ съ грубымъ хохотомъ руку съ предложеніемъ опредѣлить по пульсу, разъ я врачъ, сколько времени ему остается жить, раздосадованный, я взялъ его за руку и серьезно, глядя ему все время въ лицо, медленно произнесъ слѣдующее:

— Вы умрете черезъ двадцать четыре часа!

Въ отвѣтъ на это пьяный англичанинъ кисло улыбулся, но затѣмъ ушелъ отъ насъ и заперся въ своей каютѣ.

Когда рано утромъ вся наша прежняя компанія снова собралась около супруговъ Найденовыхъ, причемъ молодая угощала насъ чудеснымъ московскимъ чаемъ, я, замѣтивъ, что вчерашняго намозолившаго всѣмъ глаза англичанина съ нами нѣтъ, спросилъ его пріятеля, отчего его не видно?

— Онъ что-то нездоровъ и, вѣроятно, не выйдетъ цѣлый день.

Высадившись днемъ въ Гельсингфорсѣ, мы на другой день были вечеромъ снова въ Петербургѣ.

Англичанинъ, которому я такъ неудачно предсказалъ скорую смерть, какъ это ни страшно, умеръ дѣйствительно на другой день отъ холеры, заразившись ею, вѣроятно, въ бытность еще въ Петербургѣ!.. Оказывается, что онъ тяжело захворалъ еще съ ночи. Днемъ, послѣ нашего отъѣзда и ухода парохода изъ Гельсингфорса въ Або, холерныя явленія сдѣлались у заболѣвшаго настолько рѣзки, что бѣднягу пришлось высадить на какой-то островокъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько часовъ и отдалъ Богу душу.

Случай этотъ произвелъ на меня крайне тягостное впечатлѣніе. Въ качествѣ утѣшенія я могъ удовольствоваться извѣстными словами Гамлета: «Есть, другъ Гораціо!...»

Болѣе двадцати пяти лѣтъ состоялъ я врачомъ турецкаго посольства. За это время мнѣ пришлось познакомиться довольно близко съ тремя послами: Шакиромъ-пашою, Гузни-пашою, представлявшими Турцію Абдуль-Гамида, и Турханомъ-пашою—ставленникомъ новаго турецкаго режима—и однимъ чрезвычайнымъ посломъ, Фуадомъ-пашою, пріѣзжавшимъ во главѣ большой и пышной свиты для поздравленія императора Николая II съ восшествіемъ на престолъ.

Кромѣ того, я, разумѣется, зналъ всѣхъ военныхъ агентовъ, совѣтниковъ, секретарей, состоявшихъ въ періодъ этого времени въ посольствѣ.

Насколько Шакиръ-паша, вскорѣ послѣ турецкой войны 1877—1878 гг. сдѣлавшійся у насъ посломъ, былъ милымъ, любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, настолько его преемникъ, Гузни-паша, восемнадцать лѣтъ представлявшій собою Турцію, былъ только съ виду человѣкомъ любезнымъ, на самомъ же дѣлѣ это былъ во всѣхъ отношеніяхъ далеко не корректный человѣкъ, мелкій интриганъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянный скаредъ, за исключеніемъ одного или двухъ официальныхъ обѣдовъ въ годъ, никогда и никого не принимавшій и, кажется, отъ скупости никогда настоящимъ образомъ не обѣдавшій. Гузни-паша въ этомъ отношеніи былъ совершенная противоположность Шакиру-пашѣ, жившему открыто, дававшему очень часто обѣды, державшему двухъ поваровъ (француза и турка) и почти ежедневно посѣщавшему театры.

За время пребыванія Гузни-паши въ Петербургѣ великолѣпное помѣщеніе посольства, (Дворцовая набережная домъ Ратькова-Рожнова) въ концѣ долготѣшняго пребыванія этого посла представляло, особенно въ парадныхъ комнатахъ, одну мерзость запустѣнія; только прибытіе Турхана-паши измѣнило эту неприглядную обстановку. Всю мудрость повседневной жизни Гузни-паша черпалъ изъ знаменитаго французскаго энциклопедическаго словаря Ларусса.

Даже совѣтуясь со мною по поводу своего здоровья, онъ иногда, пока я пилъ неизмѣнно подававшійся турецкій кофе съ

гуцию, убѣгалъ въ свою спальню и тамъ на ходу просматривалъ своего друга Ларусса... Только набравшись необходимыхъ свѣдѣній, онъ возвращался въ кабинетъ и тогда подчасъ вступалъ со мною, какъ ему казалось, въ чисто медицинскій разговоръ...

Благодаря ловкости и такту Шакира-паши и его дипломатическимъ способностямъ, тяжелая война наша 1877—1878 гг. съ турками вскорѣ была ими какъ будто бы забыта и наши отношенія въ тѣ поры не оставляли желать ничего лучшаго.

Шакиръ-паша имѣлъ двухъ сыновей, мальчиковъ лѣтъ десяти и одиннадцати, Недимъ и Нанмъ беевъ, при которыхъ для изученія французскаго языка онъ держалъ еще нестарую гувернантку-французженку.

Но каково было его удивленіе, когда, зайдя случайно въ учебную комнату своихъ сыновей, Шакиръ-паша засталъ одного изъ нихъ съ гувернанткою въ позѣ, положительно исключавшей общепринятые раціональные методы изученія не только французскаго, но и всякаго другого языка.

Послѣдствіемъ этого была отдача, съ разрѣшенія султана, обоихъ сыновей въ нашъ морской корпусъ, гдѣ мальчики пробыли до отозванія изъ Петербурга ихъ отца.

Одного изъ сыновей Шакира-паши я встрѣтилъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ уже кавалерійскимъ офицеромъ и флигель-адъютантомъ султана.

Въ годъ восшествія на престолъ императора Николая II почти одновременно въ Петербургъ прибыло два чрезвычайныхъ посольства: турецкое и персидское. Оба посольства, какъ это вообще принято, были гостями русскаго императора.

Помѣщеніе имъ отвели въ Европейской гостиницѣ, но прислуга и лошади были отъ высочайшаго двора.

Во главѣ персидскаго посольства стоялъ какой-то персидскій принцъ, близкій родственникъ шаха. Главою же турецкаго посольства былъ храбрый маршалъ Фаудъ-паша, арабъ по происхожденію, одинъ изъ участниковъ нашей войны съ турками 1877—1878 гг. Впослѣдствіи, въ самые послѣдніе годы царствованія Абдуль-Гамида, незадолго до провозглашенія турецкой конституціи, онъ во время извѣстной рѣзни армянъ выступилъ въ качествѣ представителя молодой Турціи и, защищая армянъ, самъ былъ по приказанію султана арестованъ, судимъ и сосланъ куда-то.

Когда я съ нимъ познакомился, Фаудъ-паша былъ бравый, элегантный, нѣсколько суховатый мужчина, великолѣпно говорившій по-французски. Выразительное его лицо и блестящіе черные глаза неволью располагали въ его пользу.

При немъ былъ назначенъ состоять теперешній нашъ начальникъ генеральнаго штаба, генералъ отъ-кавалеріи Жилинскій, тогда только полковникъ генеральнаго штаба. На второй день пріѣзда въ

Петербургъ Фуадъ-паша заболѣлъ и, по моему совѣту, долженъ былъ поэтому просидѣть нѣсколько дней дома. Хотя аудіенція у государя еще не была назначена, тѣмъ не менѣе Фуадъ-паша очень беспокоился о своемъ здоровьи, разумѣется, главнымъ образомъ изъ-за того, будетъ ли онъ въ состояніи въ назначенный день аудіенціи явиться къ государю императору. Въ виду усиленной просьбы Фуада-паши я заѣзжалъ къ нему по два раза въ день, просиживая у него по нѣсколько часовъ. О потраченномъ тогда времени я, впрочемъ не пожалѣлъ и вотъ почему.

Во время моихъ усиленныхъ посѣщеній заболѣвшаго Фуада-паши я имѣлъ случай убѣдиться, какъ относятся турки къ расѣ, по ихъ мнѣнію, низшей, какою они считаютъ персовъ, и къ намъ—русскимъ.

Какъ-то старшій сынъ Фуада-паши, майоръ, состоявшій при своемъ отцѣ въ качествѣ адъютанта, не смѣвшій безъ разрѣшенія отца сѣсть и все время поэтому стоявшій передъ нимъ на вытяжку, былъ вызванъ въ переднюю и затѣмъ доложилъ отцу о прибытіи чрезвычайнаго персидскаго посольства.

Фуадъ-паша въ разстегнутомъ домашнемъ сюртукѣ, не слѣша, докончилъ завтракъ и затѣмъ, застегнувъ для приличія одну пуговицу, приказалъ просить посольство. Только когда персидскій принцъ почти вплотную подошелъ къ Фуаду-пашѣ, послѣдній всталъ, пожалъ принцу руку и выждалъ представленія персидской свиты, не подавъ, впрочемъ, никому изъ нихъ руки.

Персидская свита была очень большая; среди нихъ были и какой-то генералъ и полковники, при чемъ уже тогда нѣкоторые офицеры были почти въ русской формѣ недавно сформированной казачьей бригады.

Минуть черезъ пять аудіенція была окончена.

Не то я увидѣлъ не дальше, какъ черезъ день...

Мы только окончили съ Фуадомъ-пашою и членами его посольства завтракъ, какъ вошедшій камеръ-лакей доложилъ о пріѣздѣ нашего министра двора, графа Воронцова-Дашкова. Что тутъ сдѣлалось съ Фуадомъ-пашою?! Куда дѣвалось его величественное, даже скорѣе надменное выраженіе лица и въ разговорахъ съ персами, и съ чинами своей собственной свиты, не исключая родного сына...

Какъ стрѣла, кинулся онъ въ спальню, быстро смѣнилъ свой архалукъ на сюртукъ и съ подобострастно-почтительнымъ лицомъ пошелъ навстрѣчу своему высокому гостю...

Когда въ послѣдствіи аудіенція у государя произошла и Фуадъ-паша послѣ бывшаго уже у него ордена св. Александра Невскаго, къ удивленію своему, получилъ Вѣлаго Орла, но зато, не въ примѣръ прочимъ, украшеннаго брилльянтами, то онъ въ первое время не зналъ, какъ отнести къ этой наградѣ!

Онъ, конечно, не могъ не знать, что Бѣлый Орель дается раньше Александра Невскаго.

Это его такъ обезпокоило, что онъ по этому поводу долго совѣтовался и съ состоявшимся при немъ полковникомъ Жилинскимъ и нѣсколько разъ со мною.

Только послѣ увѣренія, что Бѣлый Орель въ такомъ антуражѣ ему одному дали, какъ особенно высокое отличіе, онъ успокоился.

Разстались мы съ Фуадомъ-пашою большими друзьями. Взявъ съ меня слово, что я навѣщу его въ ближайшемъ будущемъ въ Константинополь, Фуадъ-паша, въ то время отчаянный руссофилъ, просилъ прислать ему портреты не только всѣхъ дѣятелей войны 1877—1878 гг., но и всѣхъ сподвижниковъ императора Александра III.

Къ сожалѣнію, большая коллекція просимыхъ имъ фотографій, съ трудомъ мною составленная, которую я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ затѣмъ отослалъ въ Константинополь, не дошла до него. Предупредительная турецкая таможня, съ благословенія, вѣроятно, турецкой полиціи конфисковала слишкомъ большое количество такихъ важныхъ гяуровъ и во славу Аллаха предала ихъ, хотя нѣсколько поздно, лютой казни.

Лѣтомъ, кажется, слѣдующаго года я, желая посѣтить Венгрію, поѣхалъ туда кружнымъ путемъ черезъ Одессу и Константинополь, въ которомъ я кстати не былъ лѣтъ пятнадцать. Отъ турецкаго посла въ Петербургѣ, Гузни-паши, я запасся рекомендательнымъ письмомъ къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Тевфику-пашѣ. Остановился я въ Константинополь въ прекрасной гостиницѣ «Repa Palace» и въ тотъ же день послалъ Фуаду-пашѣ, жившему на берегу Босфора въ Кадыкой, въ имѣніи, подаренномъ ему султаномъ, депешу о своемъ прибытіи.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. «Милый мой докторъ,—отвѣчалъ мнѣ Фуадъ-паша:—если бы вы знали, какое вы мнѣ доставите удовольствіе, если пріѣдете ко мнѣ завтра раздѣлить мой скромный завтракъ».

На другое утро сѣлъ я на одинъ изъ пароходовъ, поддерживающихъ сообщеніе между Константинополемъ и Буюкъ-Дере, на пути котораго находилась мѣстность Кадыкой, гдѣ жилъ Фуадъ-паша.

На пароходѣ, то и дѣло останавливавшимся на безчисленныхъ станціяхъ, то на правомъ, то на лѣвомъ берегу Босфора, и удивительно мѣтко пристававшимъ ко всѣмъ пристанямъ, находился между прочими пассажирами одинъ турецкій офицеръ.

Присмотрѣвшись къ нему и убѣдившись, что на погонахъ у этого офицера нашита врачебная эмблема (змѣя), я, отрекомендовавшись, подсѣлъ къ нему и завязалъ съ нимъ разговоръ.

Долженъ сказать, что этотъ военный врачъ, занимавшій, какъ впоследствии выяснилось, въ турецкой арміи относительно высокую медицинскую должность, на рядъ моихъ вопросовъ отвѣчалъ вначалѣ неохотно.

— А вы куда и къ кому ѣдете?—задалъ наконецъ и мнѣ вопросъ мой новый знакомый.

Я удовлетворилъ его любопытство.

— Къ Фуаду-пашѣ,—переспросилъ онъ меня:—а зачѣмъ?

Я отвѣтилъ, что ѣду къ нему въ гости, приглашенный на завтракъ.

— Только на завтракъ,—уже съ нѣкоторою тревогою въ голосѣ спросилъ меня мой турецкій коллега.—Вѣдь я тоже ѣду къ Фуаду-пашѣ, моему корпусному командиру, для участія въ консилиумѣ. Кромѣ меня, еще раньше вызваны туда еще два военныхъ врача. Больна первая жена Фуада-паши.

Успокоенный моими словами, что я и посейчасъ не имѣю никакого понятія о заболѣваніи одной изъ супругъ Фуада-паши, корпусный врачъ сталъ ко мнѣ относиться гораздо любезнѣе, чѣмъ раньше.

Когда мы сошли на кадикюскую пристань, тамъ, кромѣ одной элегантной коляски, не оказалось ни одного возницы. Перспектива прогуляться по ужасному солнцепеку (былъ конецъ іюля) по невѣроятной мостовой до мѣста жительства Фуада-паши, находившагося, по словамъ пріѣхавшаго вмѣстѣ со мною доктора, въ полторѣ километрахъ отъ пристани, мнѣ отнюдь не улыбалась.

Оказалось, однако, что именно эта коляска прислана Фуадомъ-пашою за мною.

Я этому очень обрадовался, но такъ какъ мой турецкій коллега до мѣста назначенія, видимо, собирался пойти пѣшкомъ, то мнѣ долго пришлось его уламывать поѣхать вмѣстѣ со мною. Отъ такой съ моей стороны естественной любезности онъ все-таки долго отказывался, говоря, что экипажъ присланъ не за нимъ, а только за мною.

Наконецъ я его уговорилъ, и мы вскорѣ въѣхали въ обширное помѣстье Фуада-паши. Только я переступилъ порогъ передней, Фуадъ-паша вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, извинившись, что въ виду постройки новаго дома, который совершенно неготовъ, онъ, къ сожалѣнію, долженъ принять меня, такъ сказать, на бивакахъ.

Низкая комната, въ которую насъ ввели, исправлявшая, вѣроятно, роль кабинета, была уставлена сплошь турецкими диванами; по стѣнамъ кое-гдѣ висѣли небольшіе гобелены рядомъ, впрочемъ, съ дешевенькими картинами, чуть ли не олеографіями; дорогіе бронзовые подсвѣчники чередовались на стѣнахъ съ дешевенькими имитаціями...

Въ столовой, куда мы не замедлили перейти, обстановка, въ свою очередь, представляла смѣсь дорогого съ дешевымъ. Видно было,

что хозяинъ былъ отнюдь не настоящій любитель хорошихъ вещей, которыя имъ прибрѣтались, повидному, случайно.

Завтракъ былъ хорошій, поданный по-европейски, хотя сервировка и прислуга оставляли желать многого.

Такъ, въ числѣ подававшихъ людей былъ одинъ чуть ли не въ туфляхъ и въ какомъ-то домашнемъ одѣяніи, но зато за столомъ самого Фуада-паши стоялъ негръ такого великолѣпнаго и истуканнаго вида, что въ первую минуту я думалъ, не съ манекеномъ ли я имѣю дѣло?!

За завтракомъ, кромѣ корпуснаго врача и еще двухъ другихъ военныхъ врачей, не проронившихъ, впрочемъ, ни слова, были еще нѣсколько сыновей Фуада-паши, между прочимъ его любимецъ, воспитанникъ Сенъ-Сирской военной школы, красивый, рослый молодой человекъ лѣтъ восемнадцати, блондинъ съ удивительно симпатичнымъ лицомъ.

Послѣ завтрака, пригласивъ меня и остальныхъ врачей въ свой кабинетъ, Фуадъ-паша, оставивъ стоять двухъ младшихъ врачей, сказалъ мнѣ слѣдующее: въ виду серьезнаго недомоганія его «первой» жены, онъ желалъ бы выслушать мое мнѣніе объ ея болѣзни, и кетати и о томъ, хорошо ли ее лечить?!...

Обрадовавшись случаю попасть въ гаремъ и увидѣть въ первый разъ въ жизни турчанку, хотя, по всей вѣроятности, и немолодую, и пропустивъ безъ замѣчанія вторую часть предложенія Фуада-паши, я было всталъ, чтобы вмѣстѣ со своими коллегами направиться къ больной, но былъ рѣзко остановленъ Фуадомъ-пашою.

— Видѣть мою жену нельзя, — сказалъ онъ мнѣ сухо. — Этого не позволяетъ коранъ; вы вѣдь христіанинъ. Сובлаговолите поэтому сказать свое мнѣніе по тѣмъ даннымъ о болѣзни, которыя вамъ прочтутъ эти господа.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Фуада-пашу.

— Имѣйте въ виду, — проговорилъ я наконецъ: — что у насъ не только не принято заглазно давать большымъ совѣты, но по медицинской этикѣ критика врачей врачами въ ихъ присутствіи не допускается.

Недобрые огоньки показались тогда въ глазахъ Фуада-паши, но онъ, видимо, сдержался...

Но тутъ на помощь Фуада-пашѣ поспѣшилъ корпусный врачъ.

— Вы, многоуважаемый докторъ, — обратился онъ ко мнѣ, — напрасно объ насъ беспокоитесь. Мы нисколько не обидимся, выслушавъ ваше мнѣніе. Напротивъ, мы все будемъ этому очень рады...

Тогда, не желая быть болѣе ролястомъ, чѣмъ король самъ, я, во избѣжаніе конфликта съ Фуадомъ-пашою согласился выслушать исторію болѣзни его жены и по заглазнымъ даннымъ ея осмотра одобрить и ея леченіе...

Послѣдующіе разговоры съ сыновьями Фуада-паши, а въ особенности съ его архитекторомъ-грекомъ, который уже нѣсколько лѣтъ строилъ по плану Фуада-аши его новый домъ и затѣмъ по его же приказанію постоянно разрушилъ уже выстроенное, мои разговоры съ нѣсколькими офицерами изъ его же свиты по поводу дикихъ распоряженій въ ввѣренныхъ ему войскахъ, его домашній деспотизмъ, — доказали мнѣ, что въ Фуадѣ-пашѣ сидитъ еще закоренѣлый фанатикъ-турокъ, турокъ переходя нагс времени, слегка только тронутый вѣшнимъ лоскомъ европейской культуры.

Громадное честолюбіе и желаніе всегда и вездѣ играть политическую роль заставило его, на старости лѣтъ, присоединиться къ младотуркамъ и начать новую политическую игру.

Впослѣдствіи, по сверженіи Абдуль-Гамида освобожденный изъ заточенія, Фуадъ-паша вернулся въ Константинополь триумфаторомъ, но младотурки, зная его замашки, не дали ему никакой активной роли, и теперь онъ доживаетъ свои дни, кажется, въ томъ же Кадыкюѣ.

Послѣ моего визита къ Фуаду-пашѣ я на другой день около 9¹/₂ часовъ утра отправился нѣшкомъ въ помѣщеніе, занимаемое министромъ иностранныхъ дѣлъ, находившееся тогда въ двухъ шагахъ отъ «Pera Palace».

Мнѣ хотѣлось узнать, когда министръ можетъ меня принять, и вмѣстѣ съ тѣмъ вручить ему письмо турецкаго посла въ Петербургѣ. Передавъ вышедшему ко мнѣ человѣку вмѣстѣ съ письмомъ и мою карточку, я сталъ въ приемной ожидать отвѣта. Вернувшійся вскорѣ лакей сказалъ мнѣ, что министръ только что всталъ, но если я самъ то лицо, про которое пишетъ Гузни-паша, то его превосходительство готовъ меня принять, какъ только одѣнется.

Въ ожиданіи выхода Тевфика-паши я сталъ разглядывать залъ, въ который меня ввели. Это была очень чистая довольно большая, но очень скромно меблированная комната, съ мебелью, разставленною по стѣпамъ, двумя деревянными трюмо и дешевенькими часами подъ стекляннымъ колпакомъ, стоявшими на одномъ изъ трюмо.

Минутъ черезъ 10—15 вошелъ Тевфикъ-паша. Это былъ очень высокаго роста, стройный, державшійся совершенно прямо, бодрый и красивый человѣкъ, съ довольно большимъ, точно выточеннымъ носомъ, въ сѣромъ, элегантнаго покроя пиджачномъ костюмѣ, съ фескою на головѣ.

Онъ привѣтливо подалъ мнѣ руку. Поговоривъ минутъ десять о томъ, нравится ли мнѣ Константинополь, и о томъ, что всѣ русскіе хорошо говорятъ по-французски, министръ перешелъ на то, много ли у меня отнимаютъ времени мои докторскія функціи, какъ врача турецкаго посольства.

Поговоривъ еще немного, Тевфикъ-паша, какъ бы съ нѣкоторою осторожностью, спросилъ меня: какого мнѣнія въ Петербургѣ о Гузни-пашѣ, и довольны ли имъ тамъ?

— Желаете ли вы, ваше превосходительство, — промолвилъ я: — чтобы я отвѣтилъ вамъ на вашъ вопросъ, какъ дипломатъ, какъ состоящій все-таки на службѣ и у его величества султана, или вы желаете, чтобы я вамъ сказалъ все на чистоту.

Тевфикъ-паша разсмѣялся.

— Пожалуйста, только не будьте дипломатомъ, — сказалъ онъ. — Я и безъ того слышу довольно дипломатическихъ отвѣтовъ.

Тогда я передалъ Тевфику-пашѣ все, что мнѣ самому пришлось замѣтить несимпатичнаго у Гузни-паши, все пелестное, что мнѣ сообщили о немъ члены турецкаго посольства въ Петербургѣ, привелъ рассказъ Фуада-паши о томъ, какъ ему пришлось вытянуть хлыстомъ по физиономіи Гузни-пашу за выказанную послѣднимъ трусость во время русско-турецкой войны 1877—78 годахъ; рассказалъ про его необыкновенную скупость, жадность и т. д.

Закончилъ я свою «филиппику» словами, что Гузни-паша, по общему мнѣнію, вовсе не на своемъ мѣстѣ, въ особенности въ виду того, что онъ старѣйшина дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ.

— Что же вы будете съ нимъ дѣлать! — отвѣтилъ мнѣ Тевфикъ-паша. — Про неудачный выборъ Гузни-паши мнѣ уже конфиденціально не разъ писали изъ Петербурга другіе дипломаты. Но дѣло въ томъ, что Гузни-паша ставленникъ самого султана и его большой любимецъ. Всѣ мои представленія объ отозваніи этого господина не имѣютъ у его величества никакого успѣха.

Вскорѣ послѣ низверженія султана Абдуль-Гамида въ Петербургъ на смѣну Гузни-пашѣ былъ назначенъ посломъ Турханъ-паша. Необходимость сразу же замѣстить столь важный постъ, какъ петербургскій, и была, какъ говорятъ, настоящею причиною назначенія Турхана-паши, не совсѣмъ удобнаго младотуркамъ, до поры до времени фактическихъ правителей обновленной страны Ислама.

Правда, новый посолъ былъ для петербургскаго двора *persona grata* (при Абдуль-Гамидѣ онъ въ 1905 г. пріѣзжалъ въ Ливадію въ качествѣ чрезвычайнаго посла для привѣтствія Государя Николая II), но слишкомъ долгая служба на весьма высокихъ административныхъ постахъ, особенно при царившемъ безправіи во времена салонискаго узника, и невозможность скората аккредитированія болѣе молодого дипломата, явнаго сторонника новаго режима, сдѣлало такое назначеніе возможнымъ.

Турханъ-паша дипломатъ *par excellence*, очень высокій, худощавый, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, весьма представительный и любезный человекъ, лѣтъ 63, своимъ пріѣздомъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ своей единственною супругою и миловидною ма-

ленькою дочерью сдѣлалъ въ турецкихъ нравахъ и обычаяхъ настоящую эру.

Какъ извѣстно, до провозглашенія въ Турціи конституціи турецкія женщины не могли проживать внѣ ихъ родины.

Г-жа Турханъ-паша, еще молодая женщина, по типу оказалась совершенно непохожею на турчанку.

Уроженка, кажется, Константинополя, маленькаго роста, рыжеватая блондинка, лѣтъ 37—38, получившая, хотя и природная мусульманка, вполне европейское образованіе, говорившая прекрасно по-французски и по-англійски, ведемъ своимъ обликомъ и манерой обращенія вовсе не напоминала своихъ въ общемъ еще нецивилизованныхъ соотечественницъ.

Большинство же турчанокъ, хотя теперь и не заперты въ гаремахъ, но, по словамъ Турханъ-паши, несмотря на конституцію, и до сихъ поръ вовсе не пользуются, но чисто религіознымъ соображеніямъ, тою свободою, о которой онѣ мечтали.

Только за границею проживаніе ихъ, въ особенности съ мужьями, совершенно свободно.

Въ прежнее же время, внѣ своего отечества, могли жить только дѣвочки до 10—12 лѣтъ. При наступленіи времени, когда онѣ по физиологическому закону изъ дѣтей превращались въ взрослыхъ дѣвушекъ, онѣ должны были немедленно уѣзжать на родину.

Помню я то время, когда у Шакира-паши, тогдашняго турецкаго посла въ Петербургѣ, жила, подъ присмотромъ французженки-турчанки, его малолѣтняя дочь.

Общая любимица, очень умная отъ природы, она, къ великому сожалѣнію всѣхъ бывавшихъ у посла, должна была въ одинъ прекрасный день уѣхать въ Константинополь.

Только впоследствии мнѣ удалось отъ самого Шакира-паши узнать причину ея внезапнаго отъѣзда.

Непринадлежность Турханъ-паши къ какому-нибудь опредѣленному лагерю, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ, работа не въ избранномъ и полезномъ, по его мнѣнію, для Турціи направленіи заставляла его съ перемѣною политическихъ взглядовъ у заправилъ турецкаго правительства, вмѣсто отстаиванія своихъ политическихъ убѣжденій, только мѣнять фронтъ и плыть по теченію...

Еще недавно руссофилъ, горячій поборникъ русско-турецкаго соглашенія, если не союза, въ особенности до посѣщенія Петербурга турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рифаатъ-пашою, къ слову сказать, великолѣпно говорящимъ по-русски, Турханъ-паша старался потомъ заслужить благодарность младотурокъ защитою политической комбинаціи, въ которой участіе Турціи въ тройственномъ союзѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ и реорганизаціею ея армій и въ особенности флота все-таки не должно было, по его словамъ, показаться угрозою для Россіи...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ у того щедринскаго обывателя, про котораго въ секретномъ архивѣ полиціи, въ смыслѣ его политической благонадежности, было сказано успокоительно только два слова: «всего опасается»,—Турханъ-паша усиленно боялся... русскіхъ шпионовъ.

Такъ, вспоминается мнѣ случай, происшедшій съ нимъ, кажется, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда его въ Петербургъ.

Какіе-то богачи татаре, предварительно заручившись его согласіемъ, вздумали ему и всему посольству дать обѣдъ.

Обѣдъ былъ заказанъ у Донона и назначенъ въ 8 часовъ вечера.

Въ день торжества, пачиная съ 7 часовъ, изъ турецкаго посольства начали звонить ко мнѣ по телефону. Оказывается, что посольство заболѣло и проситъ меня къ нему пріѣхать.

Такъ какъ меня въ это время не было дома, то попалъ я въ посольство только къ 9 часовъ вечера.

— Пожалуйста, осмотрите меня, — сказала мнѣ Турханъ-паша:—я чувствую себя нехорошо; я только васъ и ждалъ, чтобы послать пригласившей и ждущей меня въ ресторанъ татарской депутаціи отказъ.

Исполнивъ желаніе посла, я заявилъ ему, что, по-моему, онъ совершенно здоровъ.

Тогда Турханъ-паша, слегка понизивъ голосъ, сказалъ мнѣ, что онъ, строго говоря, и самъ того же мнѣнія, но что онъ не желаетъ ѣхать на обѣдъ, такъ какъ опасается, какъ бы участіе въ обѣдѣ, данномъ въ честь его татарами, не вызвало со стороны русскаго правительства присылки филеровъ и, какъ послѣдствіе, написанія объ этомъ въ Константинополь...

На высказанныя опасенія я заявилъ послу, что командированіе сыщиковъ едва ли могло имѣть мѣсто. Затѣмъ я убѣдилъ Турханъ-пашу не обижать отказомъ людей, вѣроятно, сильно потратившихся на парадный обѣдъ, и все-таки ѣхать къ Донону.

Наконецъ Турханъ-паша согласился со мною. Въ ресторанъ онъ попалъ только къ 10¹/₄ часамъ (хорошъ обѣдъ!).

Но и тутъ посольство приняло, какъ ему казалось, мѣры предосторожности. Усѣвшись въ карету, онъ прежде всего оставилъ своего шассера дома. Иначе по одному присутствію шассера даже наружная полиція могла бы, какъ онъ предполагалъ, догадаться объ его присутствіи на обѣдѣ...

Изъ персонала турецкаго посольства, съ которымъ мнѣ, какъ врачу, за много лѣтъ всего чаще приходилось встрѣчаться, наиболѣе цѣльнымъ человѣкомъ, скажу даже весьма симпатичнымъ, оказался имамъ (священникъ).

Быть можетъ, въ такомъ утвержденіи имѣло значеніе то незавидное положеніе, въ которое былъ поставленъ этотъ вѣрный служитель Аллаха.

И не удивительно. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ этотъ бѣдняга былъ, строго говоря, мученикомъ, просидѣвъ, такъ сказать, въ заточеніи лѣтъ двадцать.

Дѣло въ томъ, что имамъ, хотя и проживавъ въ домѣ, нанимаемомъ посольствомъ, но въ такой темной комнатѣ, такъ невозможно расположенной, что изъ единственнаго окна, выходящаго на противоположную глухую стѣнку, вълѣдствіе удивительной близости этой стѣны, можно было созерцать только ее одну...

За все время, которое провелъ имамъ на службѣ въ турецкомъ посольствѣ, онъ почти никогда въ теченіе дня не выходилъ на улицу. Его смущалъ, главнымъ образомъ, костюмъ, до сверженія Абдуль-Гамида обязательный для всѣхъ турецкихъ священнослужителей и за границую.

Для дѣлаемыхъ, по моему совѣту, въ виду его толщины, прогулокъ, онъ пользовался обыкновенно или очень ранними часами, когда, кромѣ дворниковъ, сметающихъ съ мѣста на мѣсто кучи грязи и массу пыли и запоздалыхъ гулякъ, никого не было, или же онъ выбиралъ поздніе часы, изъ-за темноты, мѣшавшей разсмотрѣнію, на нашъ взглядъ, его странно одѣтой фигуры.

А фигура у бѣднаго имама была дѣйствительно курьезная. Представьте себѣ небольшого, совершенно шарообразнаго человѣка, съ крулою, густо растущею, начинающеюся подъ самыми глазами, окладистою бородою и громаднѣйшимъ тюрбаномъ на головѣ, съ длиннѣйшею рясою, подвязанною широчайшимъ поясомъ, и вы будете имѣть точное о немъ понятіе.

Готовилъ себѣ имамъ обѣдъ почти всегда самъ, впрочемъ, при помощи приставленнаго къ нему обыкновенно мѣстнаго татарченка. Главнымъ его напиткомъ былъ кофе, сваренный по-турецки (съ гущею). Приспособленная для этого маленькая жаровня цѣлый почти день не сходила у него съ огня.

Все свободное время, котораго у имама было довольно, такъ какъ частыхъ обязательныхъ службъ, за исключеніемъ очень большихъ праздниковъ, въ посольствѣ не полагалось, онъ проводилъ при свѣтѣ постоянно горѣвшей лампы въ чтеніи корана, турецкихъ газетъ, питьѣ кофе и куреніи безъ конца. Изрѣдка такое чтеніе разнообразилось думами, изъ которыхъ одна о величій ничтожества и объ ничтожествѣ величія не разъ, вѣроятно, приходила на умъ этому восточному философу...

Во времена Гузни-пашаи совѣтникомъ посольства состоялъ умный и европейски-образованный Фуадъ-бей, передъ самымъ объявленіемъ итальянско-турецкой войны 1911 г. изъ посланниковъ въ Бѣлградѣ назначенный посломъ въ Римъ, но волею судьбы оставленный въ томъ же Бѣлградѣ.

Окончивъ прекрасно лицей въ Константинополѣ, говорившій превосходно по-французски и по-нѣмецки, Фуадъ-бей передъ сво-

своимъ назначеніемъ въ Петербургъ совѣтникомъ турецкаго посольства, былъ нѣсколько лѣтъ секретаремъ посольства въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Молодой этотъ дипломатъ пріѣхалъ въ Россію не одинъ, а вмѣстѣ съ одною искренно его любившею, высоко-нравственною, молодою и миловидною особою, уроженкою Берлина, владѣвшею, къ сожалѣнію, только однимъ нѣмецкимъ языкомъ.

При моихъ довольно частыхъ посѣщеніяхъ ихъ совмѣстнаго жилища, гдѣ подруга Фуада-бея, г-жа Г., съ большимъ достоинствомъ играла роль хозяйки (а хозяйка она была великолѣпная), приглашая меня къ себѣ въ гости или сообщая о своемъ здоровьи (она часто хворала), естественно, писала мнѣ письма на нѣмецкомъ языкѣ.

Однажды Фуадъ-бей на такомъ письмѣ приписалъ по-французски фразу: *vu rag la censure*.

Пріѣхавъ затѣмъ къ нимъ, заинтересованный этою припискою, я спросилъ Фуада-бея, что могло вызвать такую съ его стороны приписку.

Вотъ тутъ-то совершенно неожиданно выяснилось, что Фуадъ-бей не могъ изъ письма г-жи Г. прочесть ни одного слова.

Оказалось, что, выучившись за время пребыванія въ Берлинѣ и Вѣнѣ очень бойко болтать по-нѣмецки, онъ совершенно не научился ни читать, ни писать на этомъ языкѣ!..

Фуадъ-бей, съ которымъ я все время его пребыванія поддерживалъ самыя дружескія отношенія, одинъ изъ всѣхъ относился къ бѣдному затворнику-имаму болѣе чѣмъ хорошо.

Закутанный зимою въ громадный башлыкъ, имамъ очень часто пріѣзжалъ по вечерамъ къ Фуаду-бею (послѣдній только официально жилъ въ посольствѣ) и тамъ съ нимъ и со мною проводилъ время въ дружеской бесѣдѣ.

За долгое время пребыванія въ Петербургѣ имамъ, несмотря на затворничество, выучился, неизвѣстно какимъ образомъ, хотя, разумѣется, съ грѣхомъ пополамъ, говорить по-русски.

При болѣе серьезныхъ бесѣдахъ разговоръ у насъ съ нимъ обыкновенно кончался съ его стороны по-турецки, и тогда переводчикомъ являлся Фуадъ-бей.

Хотя магометанамъ вино запрещено, но, каюсь, мнѣ нѣсколько разъ удавалось уговорить имама, впрочемъ, не безъ участія Фуадъ-бея, выпить съ нами шампанскаго. Мы увѣряли этого добряка, что во времена Магомета шампанскаго не существовало и потому пить его дозволено, разъ оно не перечислено въ запрещеніи.

Болѣлъ имамъ довольно часто. Въ этихъ случаяхъ я обыкновенно заѣзжалъ къ нему въ посольство, но разъ или два ему пришлось все-таки пріѣхать ко мнѣ и днемъ. Сопровождаемый тогда татарченкомъ, онъ для скрѣпя своего сана навьючивалъ на себя (дѣло было

зимою), помимо знаменитаго башлыка, столько платковъ и шалей, что, открывая двери, моя прислуга долго сомнѣвалась, пустить ли ей въ домъ такую необыкновенную фигуру, или нѣтъ?!

Только во время переменъ турецкаго режима, уже въ бытность посломъ Турхана-паши, бѣдный имамъ былъ наконецъ отпущенъ въ Константинополь, гдѣ онъ и остался.

Присланный на смѣну новый имамъ, хотя и поселился, кажется, въ прежней комнатѣ, но, одѣтый по-европейски, повель, разумѣется, не прежнюю жизнь, нисколько не отличаясь отъ другихъ членовъ посольства.

В. Б. Бертенсонъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АРТИСТИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ ВЪ МОСКВѢ ¹⁾,

(1865—1883 г.г.).

IV.

1872-ой годъ: 200-лѣтіе русскаго театра.—Юбилей А. Н. Островскаго.—Смерть Прова М. Садовскаго.

ВУХСОТЛѢТНЮЮ годовщину русскаго театра артистическій кружокъ отпраздновалъ 17-го февраля спектаклемъ, представившимъ исторію нашей драматургіи рядомъ отрывковъ изъ произведеній ея знаменитыхъ дѣятелей. Началось прологомъ изъ мистеріи временъ царя Алексея Михайловича, а за нимъ шли сцены: трагедіи Сумарокова «Хоревъ», изъ фонвизинскаго «Педоросля», изъ озеровской трагедіи «Дмитрія Донской». За этими — послѣднее дѣйствіе «Горе отъ ума» и наконецъ сцена изъ третьяго акта «Ревизора».

А въ эпилогѣ, на бѣломъ фонѣ декораціи, былъ помещенъ портретъ Федора Григорьевича Волкова съ сіяющей надписью: «200-лѣтіе русскаго театра», по сторонамъ которой указаны были «1672» и «1872» года.

Возлѣ декораціи, представляя живую картину, стояли на возвышеніи музы со скрижалями въ рукахъ. На одной скрижали были написаны, а на другой изображены среди цвѣтовъ: Сумароковъ,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 878.

убѣдиться, что изъ всѣхъ драматургическихъ именъ имя творца «Ревизора» зажигаетъ толпу наибольшимъ восторгомъ ¹⁾).

Въ плеядѣ свѣточей театра не было Островскаго. Первая вспышка—Сумароковъ, послѣдняя звѣзда—Гоголь. Бытописатель «темнаго царства», движась къ безсмертію, еще не достигъ пантеона, хотя и оказала литературѣ и соотечественникамъ такія услуги, что уже являлась потребность у общества поблагодарить благодѣтеля. Въ 1872 году какъ разъ стукнуло 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ А. Н. Островскій «сталъ считать себя русскимъ писателемъ и уже безъ сомнѣнія и колебаній повѣрилъ въ свое призваніе».

Юбилейныя празднества скромно начались въ Петербургѣ, а болѣе торжественно вспыхнули и завершилась въ Москвѣ, въ стѣнахъ артистическаго кружка. 17-го февраля Е. Н. Жулева поставила въ свой бенефисъ «Дмитрія Самозванца», о постановкѣ котораго въ Петербургѣ Островскій долго хлопоталъ. Спектакль шелъ въ Марининскомъ театрѣ, и артисты намѣревались воспользоваться случаемъ и публично чествовать заслуженнаго драматурга, но на это не послѣдовало разрѣшенія, и чествованіе произошло за кулисами, безъ участія публики. Режиссеръ А. А. Яблочкинъ, отъ имени всѣхъ артистовъ петербургской драматической труппы, поднесъ юбиляру художественно исполненный М. О. Микѣшинымъ адресъ, золотой вѣнокъ и выразилъ отъ всѣхъ артистовъ благодарность за все, что Островскій сдѣлалъ въ теченіе 25 лѣтъ для русскаго искусства и для оживленія русской сцены.

Московскія торжества взяли исходнымъ пунктомъ 14-е марта, потому что именно въ этотъ день въ 1847 году появилась подписанная А. О. «Картина семейнаго счастья» въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ». Чествованіе юбиляра начали ближайшіе собратья—драматурги; собраніе ихъ и артистическаго кружка поднесли Александру Николаевичу адресъ и великолѣпный альбомъ сазиковской работы, на верхней крышкѣ котораго, въ серединѣ, помѣщенъ былъ золотой щитъ въ лавровомъ вѣнкѣ, съ короною; на щитѣ видѣлся рѣзной вензель, а по сторонамъ его: «1847» и «1872», внизу: «14-е марта». По краямъ альбома, въ широкой серебряной каймѣ, славянскою вязью были вырѣзаны слѣдующія слова: «Александру Николаевичу Островскому отъ собранія драматическихъ писателей на память двадцатипятилѣтняго славнаго служенія русской сценѣ». Вокругъ были вырѣзаны названія всѣхъ пьесъ Островскаго. На оборотной крышкѣ, въ серединѣ, находилась лира изъ матоваго Фонвизинъ, Озеровъ, Капнистъ, Шаховской, Грибоѣдовъ и Гоголь. Артисты-любители по очереди произносили оды въ честь Волкова и драматурговъ, и если тѣнь Гоголя присутствовала на сценѣ, то могла

¹⁾ «Суфлеръ», № 4, 1880.

серебра, трагическая и комическая маски съ кинжаломъ и головой Момуса и свитки.

Послѣ обѣда въ Тѣстовскомъ трактирѣ А. Н. Островскій отправился въ артистическій кружокъ, который еще наканунѣ приглашалъ дорогого юбиляра, именемъ 55 дѣйствительныхъ членовъ, на вечеръ. Старшины кружка встрѣтили Островскаго на лѣстницѣ и пригласили занять почетное мѣстѣ въ залѣ. На сценѣ были исполнены нѣкоторыя сцены изъ «Грозы», послѣ которыхъ троекратно вызванному автору-юбиляру была устроена искренняя и продолжительная овація. Затѣмъ Пр. М. Садовскій прочиталъ конецъ перваго дѣйствія изъ комедіи «Свои люди—сочтемся», и снова овація, которую А. Н. раздѣлил со своимъ другомъ-чтецомъ. Вечеръ завершился подписнымъ ужиномъ, съ рѣчами и привѣтствіями виновнику торжества. Первымъ говорилъ М. С. Мостовскій, заключившій свою рѣчь здравицей за юбиляра, какъ литератора, художника и основателя кружка ¹⁾. На это А. Н. Островскій отвѣтилъ:

— Милостивые государи! приношу вамъ искреннюю и глубокую благодарность за честь, которой вы меня удостоиваете. Общество, въ которомъ я въ настоящую минуту имѣю удовольствіе присутствовать, давно мнѣ близко. Позвольте мнѣ, милостивые государи, пожелать вашему обществу успѣха въ достиженіи тѣхъ цѣлей, съ которыми оно было основано, и въ осуществленіи тѣхъ намѣреній, которыя одушевляли насъ, его учредителей, а главное, позвольте пожелать, чтобы ваше общество въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи не встрѣчало болѣе препятствій и помѣхъ въ достиженіи своихъ возвышенныхъ цѣлей и въ исполненіи своихъ благородныхъ намѣреній. *Concordia res parvae crescunt!.. Viribus unitis!* Государства брали эти изреченія своими девизами и чекалили эти девизы на своемъ золотѣ, на своихъ червонцахъ, и надо сказать, что эти девизы стоили того золота, на которомъ они были чекапены ²⁾.

Послѣ этого профессоръ М. Я. Киттары (предсѣдатель комисіи по устройству народнаго театра въ Москвѣ, по случаю предстоящаго торжества 200-лѣтія рожденія Петра I указалъ на счастливое совпаденіе дня настоящаго юбилея съ починомъ въ сооруженіи перваго зданія народнаго театра: въ этотъ именно день положены первыя кокоры для остова зданія театра ³⁾). П. М. Садовскій, развивая тему о будущемъ народномъ театрѣ, высказалъ мысль о томъ, что каковъ бы ни былъ этотъ театръ въ будущемъ, первымъ представителемъ народнаго театра всегда будетъ А. Н. Островскій. Одинъ изъ провинціальныхъ актеровъ, Чистяковъ, прочелъ и поднесъ Островскому адресъ актеровъ провинціальныхъ театровъ.

¹⁾ Сочиненія А. Н. Островскаго, изд. 9-е, 1890, т. I, стр. XXVII—XXVIII.

²⁾ «Русск. Вѣдом.» № 60, 1872.

³⁾ Модестъ Яковлевичъ Киттары (сконч. 1880); первый народный театръ строилъ арх. Гартманъ (сконч. 1872.)

— Не надо быть пророкомъ,—сказалъ въ отвѣтъ на это привѣтствіе Островскій;—чтобы предеказать провинціальнымъ театрамъ прекрасную будущность. Съ развитіемъ образованія въ провинціяхъ жажда изящныхъ удовольствій усиливается, и публика, посѣщающая театры, увеличивается. Съ другой стороны, провинціальныя труппы и управленіе ихъ изъ году въ годъ улучшаются.

В. И. Родиславскій помянулъ добрымъ словомъ дѣятельность провинціальныхъ актеровъ и въ особенности Соленика и Млотковскаго ¹⁾. Присутствовавшій на ужинѣ актеръ Бергъ ²⁾ благодарилъ отъ лица своихъ собратьевъ за симпатіи, высказанныя юбиляромъ и присутствовавшими, къ дѣятельности провинціальной сцены ³⁾.

¹⁾ Карпъ Трофимовичъ Соленикъ—«малорусскій Мартыновъ» и счастливый соперникъ М. С. Щенкина въ малороссійскихъ пьесахъ. Это былъ замѣчательный комическій актеръ, рано сгорѣвшій на огнѣ провинціально-театрального быта. Гоголь и Шевченко восхищались талантомъ Соленика, который подвизался въ южной Россіи и умеръ и погребенъ въ Харьковѣ; К. Т. Соленикъ сконч. на 40-мъ году отъ рожденія, 7 октября 1851 г. «Соленикъ былъ... мнѣ извѣстенъ, какъ первоклассный актеръ на комическія и особенно малороссійскія роли» (Ив. Ив. Лавровъ, «Сцена и жизнь въ провинціи и въ столицѣ», стр. 132).—«Талантъ у него былъ огромный, но ролей онъ никогда не училъ. Выидеть, бывало, на сцену и начнетъ всю роль своими словами говорить, суфлера не слушаетъ, о репликахъ и знать не хочетъ; держитъ только въ головѣ ходъ дѣла по пьесѣ». (Воспоминанія Вас. Игн. Живокини). О Соленикѣ подробности въ «Южномъ Краѣ», № 2749, 1888 г.

Млотковскій, въ молодости плохой актеръ, оставилъ по себѣ добрую память какъ насадитель драматическаго искусства въ провинціи. Въ 30-хъ годахъ Млотковскій производилъ «сильное впечатлѣніе на неприсохливыхъ зрителей, хотя все трагическое искусство его сводилось къ дикимъ крикамъ, которые смѣнялись какимъ-то свистящимъ шопотомъ, причѣмъ артистъ пощелкивалъ зубами, выворачивалъ глаза, а въ сильномъ пафосѣ со всего размаху бросался во весь ростъ на полъ». («Кіевлянинъ», № 14, 1867). Въ концѣ концовъ Млотковскій поселился въ Харьковѣ, гдѣ выдалъ свою дочку за П. Н. Дюкова.—См. П. И. Черняевъ, «Харьковскій театральныи иллюстрированный альманахъ».

²⁾ Константинъ Федоровичъ Бергъ, съ именемъ извѣстнаго провинціального артиста, успѣшно игралъ въ Народномъ театрѣ на московской политехнической выставкѣ 1872 г., послѣ чего получилъ дебютъ въ Маломъ театрѣ, гдѣ освободилось амплуа Пр. М. Садовскаго. Въ январѣ 1873 г. Бергъ очень успѣшно выступилъ послѣдовательно въ роляхъ: Городничаго, Любима Торцова (въ Большомъ театрѣ) и Подхалюзина и былъ принятъ въ труппу Малаго театра, въ которой онъ оставался до своей кончины. Онъ умеръ 12 февраля 1881 г. и погребенъ на Ваганьковомъ кладбищѣ. Глестящее начало карьеры Б. не увѣчалось такимъ же концомъ: П. Д. Боборыкинъ, напримѣръ, отзывался: «я рѣшительно затрудняюсь назвать хоть одну роль за эти послѣдніе 3—4 зимнихъ сезона, которую бы г. Бергъ сыгралъ художественно. Онъ могъ бы быть полезенъ въ труппѣ, если бы сразу не занялъ неподходящаго къ его таланту и приемамъ мѣста перваго актера для бытового репертуара. За нимъ останутся: продолжительный трудъ, карьера, созданная 30-лѣтней работой, «легкій» путь, по которому проходитъ всякій провинціальный актеръ, добившійся выгоднаго положенія на столичномъ театрѣ». («Русск. Вѣдом.» № 49, 1881). Добавимъ, что Бергъ въ роли городничаго первый сталъ выпроваживать слугу не фразой: «пошелъ вонъ, тебѣ пришло», а—«прес!» («Ревизоръ», д. 2-е, явл. IX).

³⁾ Сочиненія А. Н. Островскаго, изд. 9-е, 1890, т. I, стр. XXVII—XXVIII.

На юбилеѣ «старика» (какъ называли Островскаго въ артистическомъ кружкѣ) Провъ Михайловичъ Садовскій говорилъ о будущемъ народномъ театрѣ, который грезился всегда и Островскому, а смерть подкарауливала славнаго артиста. Черезъ четыре мѣсяца онъ умеръ у себя на дачѣ, именно 16 іюля, въ девять часовъ утра. «О смерти Садовскаго никто не зналъ,—писали «Московскія Вѣдомости»,—и наканунѣ похоронъ онъ еще числился больнымъ на афишѣ. Распорядители похоронъ не потрудились даже извѣстить редакціи газетъ объ его кончинѣ. Нѣкоторые присоединились къ погребальному шествію, случайно узнавъ, что хоронятъ Садовскаго. Вотъ причина, почему на похороны Садовскаго собралось сравнительно небольшое число почитателей его таланта».

Артистическій кружокъ отдалъ послѣдній долгъ своему сочлену и устами того же М. С. Мостовскаго выразилъ благодарность покойному за все, что онъ сдѣлалъ для кружка. Въ церкви Благовѣщенія, гдѣ отпѣвали тѣло Прова Михайловича, мѣсто, на которомъ стоялъ гробъ, было уставлено цвѣтами и тропическими растеніями—приношеніе артистическаго кружка. Такъ же хоронилъ кружокъ 20 января 1874 года и Василія Игнатьевича Живокинни.

М. С. Мостовскій произнесъ на могилѣ такую рѣчь:

«Сегодня мы собрались, милостивые государи, отдать послѣдній долгъ нашему дорогому любимцу, имя котораго неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ сердцѣ каждаго, кому знакома была сценическая дѣятельность покойнаго. Провъ Михайловичъ служилъ русскому театру слишкомъ 30 лѣтъ. Нужно ли говорить, что скорбь объ этой утратѣ глубоко чувствуется не только почитателями его таланта, но и всею образованною публикою? Утрата эта, ощутительная для театра, не менѣе ощутительна и для учрежденія, къ которому съ неизмѣннымъ сочувствіемъ относился Провъ Михайловичъ и гдѣ, окруженный своими друзьями и почитателями, проводилъ свободные отъ трудовой жизни часы. Я говорю объ артистическомъ кружкѣ. Кружокъ не забудетъ, что Провъ Михайловичъ въ числѣ прочихъ членовъ былъ основателемъ его; не забудетъ, что онъ положилъ краеугольный камень сценической дѣятельности и былъ руководителемъ молодыхъ талантовъ, подвизающихся на сценѣ кружка; не позабудетъ и того обстоятельства, какъ Провъ Михайловичъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, исключительно только своимъ участіемъ поддержалъ распадавшееся учрежденіе: оживлялъ своимъ присутствіемъ, привлекалъ сотни людей и тѣмъ содѣйствовалъ упроченію его благосостоянія. Не юбилейный вѣнокъ привѣта, не лавровый вѣнокъ восторга, сопровождаемый аплодисментами, предлагаемъ мы тебѣ, нашъ дорогой, безцѣнный другъ: намъ суждено приготовить прощальный вѣнокъ, который и приноситъ тебѣ осиротѣлая семья, какъ достойному представителю, какъ талантливому артисту, какъ любимому человѣку. Примни же прощальный

привѣтъ, нашъ геніальный артистъ, наша душа, нашъ дѣятель! Земля беретъ въ нѣдра свои драгоценный самородокъ, отнимаетъ у насъ наше богатство, нашу славу, нашу гордость, но память о тебѣ долго будетъ жить среди любящихъ тебя; занято будетъ мѣсто твоей сценической дѣятельности, но не легко замѣнить тебя, и едва ли придется сказать: «мы приобрѣли второго Садовскаго».

Ораторъ возложилъ на гробъ вѣнокъ. «Земля приняла въ нѣдра свои прахъ «драгоценнаго самородка» съ прощальнымъ вѣнкомъ. Падаютъ на гробъ и вѣнокъ горсти земли и капли горькихъ слезъ многихъ изъ присутствующихъ.

V.

Послѣ ухода Н. Е. Вильде.—И. В. Везовскій (Шпажинскій).—Н. Х. Рыбаковъ.—Театральная дѣла.—Возвращеніе Вильде.—Угасаніе артистическаго кружка.—Разладъ въ драматической группѣ.—Неудача Вильде (1871—1877).

Послѣ ухода Н. Е. Вильде артистическому кружку возвратили членскіе билеты: Е. Н. Васильева, Д. В. Живокини, В. П. Кашперовъ ¹⁾, Н. И. Музиль ²⁾ и М. А. Рѣшимовъ ³⁾. Каждый изъ нихъ принялъ близко къ своему сердцу обиду, нанесенную Николаю Евстафьевичу кружкомъ вообще, а въ частности оппозиціей съ княземъ Евгеніемъ Петровичемъ Урусовымъ во главѣ ⁴⁾.

Въ группѣ также началось броженіе. Любительницы и любители драматическаго искусства не получали жалованья, но Вильде установилъ «пособія» по 50—75 рублей въ мѣсяць, не считая оплаты извозчиковъ и гардероба. И вотъ стоило ему уйти, какъ любители предъявили къ старшинамъ кружка опредѣленные требованія; на примѣръ, О. О. Лазарева пожелала: 120 рублей ежемѣсячнаго жалованья, гарантированный 250 руб. бенефисъ и заключенія съ нею условія на пять мѣсяцевъ ⁵⁾. Князь Е. П. Урусовъ, до сихъ поръ распоряжавшійся танцами, а теперь взявшій въ свое завѣдываніе сцену, вѣроятно, почувствовалъ всю «сладость» новой обязанности, которая, судя по замѣткамъ тогдашнихъ газетно-журнальных хро-

¹⁾ Дмитрій Васильевичъ Живокини (сынъ знаменитаго Василія Игнатьевъ.) артистъ московскаго Малаго театра, сконч. 8 января 1890, 64 лѣтъ. Свыше 45 лѣтъ прослужилъ на сценѣ. Послѣдній представитель фамиліи Живокини.

²⁾ Владимиръ Никитичъ Кашперовъ (род. 1820, сконч. 26 іюня 1894), композиторъ, авторъ оперы «Гроза» на сюжетъ Островскаго, былъ въ то время профессоромъ московской консерваторіи.

³⁾ Николай Игнатьевичъ Музиль (род. 1841, сконч. 26 іюня 1906), извѣстный артистъ московскаго Малаго театра, другъ А. Н. Островскаго.

⁴⁾ Князь Евгеній Петровичъ Урусовъ (род. 19 мая 1842, сконч. 30 сентября 1878) былъ членомъ-основателемъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ; онъ обладалъ комическимъ даромъ, который выдѣлялъ его изъ среды многихъ на сценѣ. Извѣстенъ былъ и какъ знатокъ танцевъ.

⁵⁾ «Русскія Вѣдомости».

никеровъ, поставила его чуть что не въ явно враждебныя отношенія къ труппѣ. Во всякомъ случаѣ о *concordia* которою и, *res parvae crescunt*, не можетъ быть и рѣчи. Артистическая молодежь могла охотно подчиняться и подчинялась авторитету признанныхъ и видныхъ артистовъ, каковы были Васильева и Вильде, но князь Урусовъ... Въ глазахъ ея онъ только потому и капраль, что палку взялъ! На счастье князя, сцена артистическаго кружка была слишкомъ привлекательнымъ огонькомъ, который такъ и манилъ къ себѣ многочисленныхъ артистическихъ мотыльковъ и бабочекъ. Эту сцену поставили высоко соединенныя старанія Вильде, Васильевой, Живокини, Островскаго и Пр. Садовскаго. Отъ кандидатовъ въ труппу не было отбою. Наконецъ, второго столь же серьезнаго и интереснаго, въ смыслѣ близости къ корифеямъ литературы и искусствъ, театральнаго предпріятія не было въ городѣ. Около Е. Н. Васильевой возникла была семья «любителей драматическаго и музыкальнаго искусства», позже преобразовавшаяся въ общество, но существованіе его оказалось кратковременнымъ. Нѣсколько «исполнительныхъ собраній», на которыхъ давались драматическія произведенія, не оставили слѣда, едва ли даже поспособствовали «развитію вкуса и любви къ изящному» у горсти москвичей и только развѣ прибавили лишній штрихъ энергій къ артистическому портрету Васильевой, перваго и послѣдняго директора этого общества...

Молодой задоръ князя Урусова сдерживался Островскимъ, Пр. Садовскимъ и В. И. Живокини; они по возможности сглаживали шероховатости взаимоотношеній и двигали впередъ сценическую сторону артистическаго кружка, который до 1872 года не имѣлъ соперниковъ и блисталъ. Годовой оборотъ равнялся ста тысячамъ рублей и все росъ, такъ какъ «артистовъ», стремившихся стать членами кружка, въ Москвѣ было весьма много. Фельетонистъ петербургской газеты однажды представилъ составъ двухъ первыхъ рядовъ зрителей членскаго спектакля: «на крайнемъ стулѣ сидѣлъ одинъ изъ московскихъ аристократовъ; рядомъ съ нимъ два еврей-закладчика, далѣе возсѣдалъ учитель гимназіи, имѣвшій подлѣ себя подмастерья отъ французскаго портного, потомъ слѣдовали по порядку: нѣмецъ-булочникъ, лавочникъ, въ длинномъ кафтанѣ, съ Таганки, модистка, смотритель одной изъ московскихъ больницъ, два армянина съ Ильинки, секретарь одного изъ присутственныхъ мѣстъ и шорникъ изъ Каретнаго ряда ¹⁾. Ясно что въ этомъ списокѣ членовъ артистическаго кружка было одинъ-два, остальные же появились въ залѣ «подъ видомъ членовъ», необходимые для бюджета учрежденія; несомнѣнно ихъ отсутствіе въ кружкѣ въ Татьянины дни, когда въ немъ гремѣло радостное «*Gaudeamus*» и произ-

¹⁾ «Голось», № 200, 1872.

носились горячія рѣчи въ память Бѣлинскаго, Грановскаго, Кудрявцева и другихъ дѣятелей литературы, науки и искусства.

Наступилъ 1872-й годъ. Въ Москвѣ открылась политехническая выставка, на время которой высочайше разрѣшено было устроить «Народный» театръ съ особымъ репертуаромъ исключительно изъ правоучительныхъ пьесъ. «Что значило тогда, при существованіи казенной монополіи театровъ, получить подобное разрѣшеніе, трудно и представить себѣ въ настоящее время!» говорилъ въ 80-хъ годахъ А. Ф. Оедотовъ¹⁾. Талантливый архитекторъ (Гартманъ) построилъ красивое зданіе на Варварской площади, и Мельпомена вошла въ него. Посѣтившій Москву императоръ Александръ Николаевичъ пожаловалъ однажды въ Народный театръ на представленіе «Ревизора» и хотя пожелалъ театру дальнѣйшаго успѣха, однако театръ былъ закрытъ съ окончаніемъ выставки, несмотря на всевозможныя ходатайства объ его продолженіи. Впрочемъ, годъ спустя онъ былъ дозволенъ князю Ѳ. М. Урусову и С. В. Тапѣву и назвался «Общественнымъ частнымъ». Въ качествѣ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи они оказались счастливѣе и добились того, въ чемъ было отказано въ 1871 г. обществу попеченія о рабочихъ, а въ слѣдующемъ—городской думѣ, разработавшей даже проектъ московскаго частнаго театра.

Некимъ образомъ, явился частный театръ Тапѣва и князя Урусова. Принято называть его «первымъ частнымъ театромъ въ столицѣ»²⁾. Это не совсѣмъ точно. Вѣдь, развѣ не народнымъ былъ театръ у Краснаго пруда, гдѣ теперь вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, состоявшій подъ управленіемъ М. М. Хераскова? На сценѣ его подвизались Иванова, Михайлова и Т. М. Троепольская; студентъ Ден. И. Фонвизинъ, Базилевичъ Булатниціи и Пушкинъ. Кромѣ этого, послѣ Наполеонова шествія, московская, преимущественно купеческая, молодежь устроила частный театръ у Калужскихъ воротъ. О немъ сохранились смутныя воспоминанія. Неизвѣстно въ точности, когда этотъ театръ открылся и прекратилъ существованіе. Старожилы Москвы, въ 70-хъ годахъ, говорили, что онъ дѣйствовалъ въ 20-хъ годахъ и ставилъ выдающіяся драматическія произведенія современныхъ писателей; онъ же подготовилъ для императорскаго Малаго театра Волкова, Третьякова и В. И. Рязанцева.

Изъ «птенцовъ» артистическаго кружка, окрыленныхъ его сценою и режиссерами, даровитая А. А. Дюбюкъ, В. А. Макшеевъ и М. П. Садовскій, которому не давали хода на императорской сценѣ, вошли въ труппу выставочнаго Народнаго театра, пригласившаго такихъ талантливыхъ и извѣстныхъ артистовъ, какъ Очкина, Мак-

¹⁾ «Издѣніе», изд. редакціи «Будильника».

²⁾ «Театраль», № 114, 1897, стр. 40.

лакова, Линовская, Писаревъ, Яковлевъ, Н. Х. Рыбаковъ и др ¹⁾. Неблагопріятная молва предшествовала пріѣзду Рыбакова въ Москву, о которомъ говорили, что онъ уже не тотъ чародѣй, который плѣнялъ своимъ талантомъ публику. Онъ-де на закатѣ ²⁾... По Николаю Хрисанфовичу явился и скоро доказать, какъ еще бодръ и силенъ его талантъ. Даже Д. В. Аверкиевъ, не говоря уже о болѣе экспансивныхъ судьяхъ, отдавалъ полную дань уваженія отчетливости, выдержанности и искусству заслуженнаго артиста, ни единого раза не намекнулъ (въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ онъ писалъ) на то, что Рыбаковъ будто бы «на ущербѣ», хотя и отрицалъ у него комизмъ, какъ бы не свойственный таланту его. Въ самомъ дѣлѣ, обладалъ ли Н. Х. Рыбаковъ комизмомъ? Отвѣтомъ можетъ служить многократное указаніе разными лицами на мастерское исполненіе имъ тоголевскихъ Земляники и Ячницы и фонвизинскаго Скотинина.

Закрытіе Народнаго театра и возрожденіе его подъ названіемъ Общедоступнаго заставило артистическій кружокъ насторожиться и принять мѣры, которыя подсказываетъ соперничество. Прежде всего кружокъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи ему публичныхъ спектаклей и получилъ разрѣшеніе на устройство десяти. Теперь онъ открывалъ свой зрительный залъ для членовъ и не членовъ. Но въ составъ первой группы Общедоступнаго театра входили: П. А. Стрепетова, Н. П. Кудрина, Стрѣлкова, Струкова, В. П. Далматовъ, А. П. Ленскій, В. А. Макшеевъ, П. М. Медвѣдевъ, Н. Х. и К. Н. Рыбаковы и др. «Подобрался», какъ говорятъ за кулисами, «такой составчикъ», что сборы стали падать даже въ домѣ Щенкина». А если публика охладѣла къ Малому театру съ Е. П. Васильевой, Н. А. Никулиной, Г. Н. Оедотовой, М. П. Ермоловой, Н. М. Медвѣдовой, съ Самаринымъ, Шумскимъ, Никифоровымъ, Рѣшиновымъ, Вильде, то артистическому кружку будущее рисовалось болѣе мрачнымъ. Только что

¹⁾ Е. Д. Линовская въ 1890-хъ годахъ пользовалась въ провинціи извѣстностью комической и драматической старухи.

В. П. Маклакова (сконч. въ Москвѣ 10 февраля 1909 г.), по окончаніи московской музыкальной школы, поступила въ хоръ Большаго театра, а нѣсколько лѣтъ спустя перешла въ Малый и здѣсь играла комическихъ старухъ. Умерла пенсионеркой. До поступленія въ Малый театръ она и подвизалась на частныхъ сценахъ. Маклакова играла и за предѣлами Москвы.

Очкина, умершая въ почтенныхъ лѣтахъ, лѣтъ 20 слишкомъ назадъ, была выдающею артисткою. Москва знала и любила ее, какъ комическую и драматическую старуху; дѣятельность ея закончилась въ театрѣ О. А. Корна, въ сезонѣ 1887—88 г. г.

Модестъ Ивановичъ.

М. А. Яковлевъ (отецъ покойнаго извѣстнаго по театрамъ О. А. Корна А. М. Яковлева) былъ разнообразный актеръ, которому особенно удавались дореформенные типы чиновниковъ, мѣщанъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ и т. п.

²⁾ «Русская Сцена», № 45, 1865 года: «Рыбаковъ замѣтно дряхлѣетъ и утрачиваетъ свои средства».

окрѣпшему, ему предстояло вступить въ борьбу съ театромъ князя Ѳ. М. Урусова и С. В. Тапѣва и во что бы то ни стало выдержать ее или сойти на пѣтъ, повторивъ слова поэта: «миѣ время тлѣть, тебѣ—цвѣсти». Кружокъ предпочелъ борьбу и выдержалъ ее. Общедоступный театръ просуществовалъ до 7-го января 1877 года; артистическій кружокъ пережилъ его, правда, немногими годами.

Вступая въ борьбу, кружокъ долженъ былъ опираться прежде и послѣ всего на сцену, т. е. на труппу и на репертуаръ. Обстоятельства скоро показали, что въ репертуарѣ соперничества быть не можетъ: подъ давленіемъ Малаго театра Общедоступный измѣнилъ репертуаръ, отступивъ отъ бытового и классическаго и отдавшись такъ называемымъ обстановочнымъ пьесамъ (мелодрамамъ и фееріямъ) преимущественно французскаго происхожденія. Въ этомъ отношеніи Общедоступный театръ обособился. Артистическій кружокъ не мечталъ никогда о произведеніяхъ въ родѣ «Убіство Коверлей» или «Вокругъ свѣта въ 80 дней». По репертуару кружокъ примыкалъ къ Малому театру, да и то не всецѣло, такъ какъ близость и вліяніе Островскаго рѣшали выборъ пьесъ для сцены артистическаго кружка. «Старикъ» не скрывалъ своего нерасположенія къ иностраннымъ драматургамъ, доказывалъ, что и Шекспиръ и Шиллеръ—роскошь, которую, поэтому, надо позволять себѣ порѣже, и старался всеми силами содѣйствовать успѣху отечественныхъ писателей для сцены, въ особености—молодыхъ ¹⁾.

Итакъ, по своему репертуару артистическій кружокъ приближался къ Малому театру, но труппа его уступала и Малому и Общедоступному театрамъ. Было очевидно, что однѣхъ любительскихъ силъ недостаточно и что необходимо пополнить труппу кружка провинціальными артистами съ именемъ. Эги «устои» или сами являлись въ Москву и предлагали свои услуги, или ихъ брали изъ Общедоступнаго театра. Соперничество театровъ, выражаясь технически, «взмывало» оклады артистовъ, дѣлало изъ нихъ новыхъ «перелетовъ» и, само собою разумѣется, страшно увеличивало бюджеты театровъ. Оклады въ 400, 500 рублей въ мѣсяцъ «первымъ сюжетамъ» становились заурядъ, и артистическій кружокъ, напрімѣръ, долженъ

¹⁾ Покойный П. М. Городецкій, близко стоявшій къ артистическому кружку и литературной Москвѣ, сообщилъ, что А. Н. Островскій, ставши директоромъ репертуара московскихъ театровъ, «явно выражалъ свое несочувствіе постановкѣ въ бенефисъ г-жи Ермоловой шиллеровской трагедіи «Марія Стюартъ», подготовленной ранѣе его официальнаго поступленія на постъ директора, не посѣтилъ ни одной репетиціи трагедіи и не сдѣлалъ буквально ни одного замѣчанія по поводу ея постановки, предоставивъ бенефицианткѣ самой заботиться объ успѣхѣ трагедіи. Когда С. А. Юрьевъ, бывшій съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, пріѣхалъ къ нему просить его содѣйствія къ возможно лучшей постановкѣ переведенной имъ трагедіи Шекспира «Антоній и Клеопатра», избранной г-жой Ѳедотовой для своего юбилейнаго бенефиса,—вмѣсто сочувствія, онъ встрѣтилъ со стороны покойнаго драматурга просьбу посоветовать г-жѣ Ѳедотовой избрать для своего бенефиса пьесу одного молодого писателя». («Словозъ», 1887, вып. I)

быль, въ концѣ концовъ, ассигновывать ежемѣсячно тысячь по семи на содержаніе своей труппы.

«Первые сюжеты» перелетывали съ Варварской площади на Театральную и наоборотъ: изъ артистическаго кружка въ Общедоступный театръ и такимъ образомъ являлись «Маскоттами» то того, то другого театра. Впрочемъ, въ смыслѣ выставки талантовъ старый другъ—артистическій кружокъ,—быль выгоднѣе Общедоступнаго театра: у него было нѣкоторое духовное родство съ Малымъ театромъ; въ его стѣнахъ издавна собирались провинціальныя актеры и производили смотръ артистамъ на такъ называемыхъ генеральныхъ репетиціяхъ, а въ сущности плохо замаскированныхъ спектакляхъ. Да и репертуаръ артистическаго кружка отличался такимъ просторомъ, какого не даютъ актеру-мыслителю, актеру-вѣителю, актеру-художнику ни феерія, ни мелодрама.

Злые языки журналистовъ-семидесятниковъ говорили: «на сценѣ кружка начали пробивать себѣ дорогу произведенія такихъ капитальныхъ писателей, какъ г.г. Аверкіевъ, Тарновскій, С. Райскій и проч., и проч.¹⁾»... Эга иронія не находила себѣ оправданія, ибо произведенія Аверкіева и Тарновскаго («С. Райскаго») до кружка пробили себѣ дорогу на сцену Малаго театра; но, разумѣется, и артистическій кружокъ ставилъ ихъ на ряду съ произведеніями Островскаго, Чаева, Боборыкина, Писемскаго, покойныхъ классиковъ: Гоголя, Грибоѣдова, Мольера, Шекспира и др. Въ сезонъ 1874—75 годовъ москвичи знакомятся въ артистическомъ кружкѣ съ новымъ, нигдѣ еще не игранымъ, твореніемъ А. Н. Островскаго, со «сценами изъ жизни захолустья» «Трудовой хлѣбъ», а въ 1876 году въ кружкѣ вспыхнуло новое литературное дарованіе: молодой начинающій писатель Везовскій сочинилъ драму «Вопросъ жизни» которую В. А. Макшеевъ взялъ для своего бенифиса, но литературно-театральный комитетъ не одобрилъ пьесы, и она была представлена на сценѣ артистическаго кружка. Драма имѣла большой успѣхъ. Автора послѣ перваго представленія вызвали нѣсколько разъ; такимъ образомъ, въ артистическомъ кружкѣ принялъ драматургическое крещеніе тотъ, кто впоследствии приобрѣлъ извѣстность въ качествѣ творца драмы «Майорша», трагедіи «Чародѣйка» и комедіи «Фофанъ» и занимаетъ нынѣ кресло Островскаго въ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Это—Ипполитъ Васильевичъ Шпажинскій.

Сезонъ 1872—73 годовъ сцена артистическаго кружка обслуживается слѣдующими артистами и артистками (въ большинствѣ любителей): Бакиной, Бахметевой, Богдановой, Верховской, Давыдовой, Дольской, Ивановой, Казиной, Капыловой, Путята, О. О. Садовской, Струйской, Чернышевой, Чистяковой, Борисовскимъ,

¹⁾ «Театральная Газета», 1887 г.

Васильевымъ 2, Гречухинымъ, Зарудкиимъ, княземъ Имеретинскимъ, Лазаревымъ, Леонтьевымъ, княземъ Мещерскимъ, Михайловымъ (М. П. Садовскій ¹), Осиновымъ, Павловымъ, Петровымъ, Поздняковымъ, Путияю, Суровицковымъ, княземъ Е. Урусовымъ, Яковлевымъ... Это еще не корона, сплошь унизанная крупными алмазами артистическихъ талантовъ, но это похоже на корону, и любой знатокъ театра, взглядыаясь въ алмазы, найдетъ среди нихъ выдающіеся и скажетъ, что, шлифуясь на московской сценѣ, на-примѣръ, Чистякова, Казина, Борисовскій, Путията станутъ провинціальными знаменитостями; Чистякова вѣдь будущая Т. И. Поппозовская ²), а Яковлевъ—это М. Яковлевъ, даровитый сыпъ славнаго трагика.

Въ слѣдующемъ сезонѣ труппу дополнили собою: А. А. Дюбюкъ, возвратившаяся послѣ недолгаго пребыванія въ провинціи, Загорскій, Григоровскій, Протасовъ, Шелапутинъ ³) и Н. Х. Рыбаковъ.

Знаменитый прообразъ Несчастливцева, «представитель русской вольной сцены», опъ съ удовольствіемъ окупился въ любимый имъ репертуаръ Островскаго, преобладавшій въ кружкѣ, и въ продолженіе сезона 1873—74 годовъ и въ слѣдующій опъ далъ нѣсколько яркихъ тпшовъ. Случалось, и ворчалъ старый орелъ сцены,—тогда пополнялась копилка театральныхъ анекдотовъ и курьезовъ. Объ этомъ стоитъ вспомнить. Въ этихъ анекдотахъ Рыбаковъ стоитъ во весь ростъ, со всейпрямолинейностью и «грубостью» своей природы, которыя, однако, не лишаютъ его нисколько обаятельности.

Сезонъ 1872—73 года открылся въ кружкѣ «Бѣдною невѣстою» Островскаго, причемъ Мерича игралъ актеръ-литераторъ Д. А. Хотевъ-Самойловъ, Милашина—Калугинъ, а Марью Андреевну мастерски исполнила О. О. Садовская. Для открытія сезона 1873—74 г.

¹) Великимъ постомъ 1873 г. М. П. Садовскій, которому не даютъ ходу въ Маломъ театрѣ, великолпно играетъ въ артистическомъ кружкѣ Счастливцева («Лйсь»). Несчастливцевъ—Волгинъ, «правдоподобная и характерная» Улита—О. О. Садовская.

М. П. Садовскій играетъ подъ именемъ «Михайлова», «Волгинъ»—Н. Х. Рыбаковъ.

²) Татьяна Ивановна Поппозовская, начавъ съ *ingénue dramatique*, переходила постепенно на амиду героини и пожилыхъ *grandes dames*. Въ 80-хъ годахъ имя ея уже стояло высоко. Въ 90-хъ годахъ, кромѣ артистической, она уже занималась и антрепренерской дѣятельностью. При сценической вышности, Т. И. Поппозовская обладала силою чувства и способностью къ глѣбкѣ литературныхъ образовъ. Она умерла, имѣя около 60 лѣтъ отъ рожденія и прослуживъ некуству 38 лѣтъ,—10 июля 1909 г. въ Москвѣ, гдѣ и погребена на Ваганьковомъ кладбищѣ.

³) И. А. Григоровскій (сконч. 14 іюня 1891) оставилъ память о себѣ, какъ о талантливѣйшемъ разсказчикѣ-чтецѣ.

П. Г. Протасовъ, начавшій свою дѣятельность въ Харьковѣ, отпраздновалъ 6 октября 1895 г. 50-лѣтіе артистической службы въ Саратовѣ. Яркій комизмъ его памятенъ старымъ театральямъ обѣихъ столицъ и почти всей провинціи, особенно же юга и Поволжья.

кружокъ выбралъ «Самоуправцевъ» Писемскаго ¹⁾. Кромѣ «Самоуправцевъ», была поставлена еще «Горькая Судьбина». Ананія взялся сыграть самъ Писемскій; роль бурмистра Калистрата поручили Рыбакову.

Во время спектакля Николай Хрисанеовичъ начинаетъ выходить изъ себя. Гримировались и одѣвались они съ Писемскимъ въ одной уборной, но знакомы почему-то не были, и Рыбаковъ даже не замѣчалъ виднаго во всѣхъ отношеніяхъ писателя. Послѣ второго дѣйствія Рыбаковъ входитъ взбѣшенный въ уборную.

— Ну, ужъ и пьеса, чортъ бы ее дралъ!

— А что?—спокойно говоритъ «Ананій Яковлевъ».

— Да это отлобля какая-то! Языкъ занозишь объ эдакаго дьявола! Взялъ бы и автора-то за языкъ повѣсилъ, чтобъ не писалъ никогда!

— Авторъ вѣдь я.

Рыбаковъ быстро взглянулъ на уемѣхающагося Писемскаго и, подобно ему, спокойно отвѣтилъ:

— Что жъ вы мнѣ раньше не сказали? Ну, сами и виноваты, что выругалъ.

Дальнѣйшій репертуаръ мало чѣмъ отличался отъ репертуара императорскаго Малаго театра и первыхъ временъ Общественнаго. «Не такъ живи, какъ хочется» (Груня—О. О. Садовская), «Минимый больной», ²⁾ «Горячее сердце», «Не все коту масленица» ³⁾, «Въ людяхъ ангель—не жена», «Замужество—лучшій докторъ», «Смерть и честь», «Свадьба Фигаро» ⁴⁾, «Блуждающіе огни», «Каширская старина», «Донъ-Жуанъ», «Свекровь»; словомъ: Островскій, Мольеръ, Бомарше, Антроповъ, Аверкиевъ, Чаевъ и Н. Полевой ⁵⁾ въ угоду Рыбакову. Старикъ, онъ продолжалъ «чудить». На репетиціи «Каширской старины» суфлеръ подаетъ ему какъ Парфену Коркину: «Поди-де къ Ивану-де Силычу и сказки-де: Парфенъ Семенычъ-де просить-де»...

Рыбаковъ прерываетъ суфлера:

¹⁾ Распредѣленіе ролей: князь Плат. Ил. Имшинъ—Григоровскій; княгиня, жена его,—Дюбюкъ; князь Сергѣй Ил. Имшинъ—Суровицковъ; Дѣвочкинъ—князь Е. П. Урусовъ; Рыковъ—Протасовъ; управитель—Чижовъ; Кадушкинъ—Борисовскій.

²⁾ Рецензенты отмѣчали «вполнѣ комичное» исполненіе Пургона Ольгинимъ (М. П. Садовскій) и Аргана Макшеевымъ, который опять не разъ появляется на афишахъ артистическаго кружка.

³⁾ Агнія—О. О. Садовская; ея мать—Давыдова; Аховъ—Рыбаковъ; Ипполитъ—«Ольгинъ» (Садовскій), Феона—Дюбюкъ. Въ этомъ же спектаклѣ (3-го февраля 1874 г. М. П. Садовскій представился въ первый разъ въ качествѣ переводчика съ французскаго языка «оперы-фарса» «Волшебникъ поневолѣ» (Крокиньоль—Макшеевъ, пастишка Розинетта—Садовская).

⁴⁾ Фигаро—М. П. Садовскій.

⁵⁾ Его драма «Смерть и честь».

— Ты, милушка, вычеркни «де». Что за «де»! Я такъ выворочу «де», что всё изъ театра убѣгутъ.

Когда ставили «Свекровь» Н. А. Чаева, то ему досталась роль боярина Ратиши. Во время чтенія пьесы Н. Х. слушалъ-слушалъ, морщился, сдвигалъ брови, не выдержалъ наконецъ и заявилъ, что онъ не можетъ «этихъ Кофеевыхъ стиховъ выучить; ихъ патащакъ и не выговоришь».

— Это стихи, Николай Хрисанѳовичъ,—не Кофеева, а Чаева.

— Да хоть будь они Сахарова,—крикнулъ Рыбаковъ:—дери ихъ горой, коли ими языкъ переломишь!

При постановкѣ мольеровскаго «Донъ-Жуана» онъ разсердился не на шутку. Въ вечеръ спектакля надо поднимать занавѣсъ, актеръ же, изображавшій нищаго, не явился. Антрактъ затянулся, публика стала выражать нетерпѣніе; распорядитель сцены князь Урусовъ сбился съ ногъ въ поискахъ, кѣмъ бы замѣнить отсутствующаго,—нѣтъ никого! Вдругъ Н. Х. Рыбаковъ на глаза...

— Ради Бога, выручите, Николай Хрисанѳовичъ, сыграйте нищаго: ролька небольшая...

Рыбаковъ поморщился, но согласился.

Суфлеръ, не желая излишне затруднять его, оставилъ ему одну первую тираду, «смазавъ» всё другія фразы, и подалъ знакъ уйти со сцены. За кулисами Рыбаковъ обращается къ помощнику режиссера съ вопросомъ: много ли у нищаго разговора въ слѣдующемъ, четвертомъ, актѣ?

— Ваша роль кончена,—отвѣтилъ помощникъ режиссера.

Рыбаковъ загорѣлся и гнѣвомъ, и досадою, и обидою.

— Позовите сюда старшину Урусова!!

Явился.

— Послушайте, князь, я васъ покорнѣйше прошу впередъ не давать мнѣ ролей эдакихъ святыхъ нищихъ, а то я васъ съ ними пошлю къ чорту ¹⁾.

Въ сезонъ 1874—75 годовъ видимъ въ труппѣ Н. С. Стружкина и Шуберть ²⁾, причемъ главою театра становится А. Н. Островскій;

¹⁾ Въ свой бенефисъ Н. Х. Рыбаковъ поставилъ «Короля Лира».—«Невозможно забыть того впечатлѣнія, по словамъ Н. М. Городецкаго, какое производилъ Н. Х. въ 3-мъ актѣ шекспировской трагедіи, когда обезсиленный Лиръ склоняется къ изголовью въ напашѣ Тома и голосомъ, полнымъ любви и тяжелой скорби, восклицаетъ: Корделія! Корделія! Два десятилѣтія протекло съ тѣхъ поръ, но это восклицаніе звучитъ въ нашихъ ушахъ, какъ будто вчера мы слышали его». (Дневникъ артиста, № 8, 1893).

²⁾ Николай Сергѣевичъ Стружкинъ (род. 8 ноября, сконч. въ Москвѣ 8 февраля 1889) былъ значительный комическій актеръ; кромѣ того, онъ выступалъ лекторомъ по вопросамъ сценическаго искусства, сочинялъ для театра, оставилъ «Записки актера». Собраніе стихотвореній, печатавшихся большею частью въ «Московск. Листкѣ», издано отдѣльною книгою.

Александра Ивановна Шуберть сконч. въ Москвѣ на 82 году жизни, въ ночь на 11 января 1909 г. Извѣстная артистка.

въ 1875 г. на сценѣ артистическаго кружка появляется Полина Антиповна Стрепетова, уже выступавшая въ 1873 году на подмосткахъ Общедоступнаго театра, а тамъ видится и М. И. Писаревъ, одинъ изъ столповъ бывшаго Народнаго театра при политехнической выставкѣ. А. О. Писемскій писалъ И. С. Тургеневу въ октябрѣ 1876 года: «... въ артистическій кружокъ приглашенъ провинціальный драматическій актеръ Писаревъ, молодой еще человѣкъ, обладающій прекрасною наружностью и довольно сильнымъ внутреннимъ огнемъ¹⁾. Коротко сказать, и численно, и качественно труппа кружка все растетъ. Онъ обзаводится и своимъ оркестромъ, да такимъ, что исполняетъ цѣлыя симфоніи. Въ 1873 году въ артистическомъ кружкѣ впервые выступилъ, какъ композиторъ-дирижеръ, П. А. Щуровскій съ неоконченной оперой; артистическій кружокъ выдвинулъ впередъ и капельмейстера Золотаренка²⁾.

Увлеченіе театромъ и забвеніе замысловъ, обозначенныхъ въ уставѣ, совершенно распатало благополучіе кружка; передъ наступленіемъ 1876 года онъ представлялъ сказочную жену рыбака, сидящую у разбитаго корыта. Не только уже не было капитала, но 20-тысячный долгъ. Артистическій кружокъ опять висѣлъ на волоскѣ и, ради своего спасенія, долженъ былъ обратиться все къ тому же «варягу» Вильде. Въ юмористическихъ журналахъ появляются карикатуры, на которыхъ Вильде сбрасывается съ пьедестала для того, чтобы поѣхать на тѣхъ, кто его сбросилъ. Возвращенію его въ кружокъ предшествовало возвращеніе ушедшихъ вслѣдъ за нимъ Кашперова, Васильевой, Музиля, Рѣшимова и Живокини. Кашперовъ подаетъ мысль объ устройствѣ въ кружкѣ музыкальных «послѣдѣльниковъ» чисто домашняго характера; составляетъ хоръ изъ любителей пѣнія и беретъ на себя обученіе ихъ; Е. Н. Васильева участвуетъ въ послѣднемъ весеннемъ «литературно-музыкальномъ вечерѣ» 1874 года и исполняетъ съ Суровщиковымъ сцены изъ «Не сошлись характерами». Н. И. Музиль выступаетъ съ комическими куплетами, и публика провожаетъ его оглушительными рукошеска-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій А. О. Писемскаго, т. I, 1895.—А Дм. Вас. Аверкиевъ писалъ въ № 175 «Московск. Вѣдом.» 1872 года: «Писаревъ... обнаружилъ задатки весьма крупнаго и серьезнаго дарованія, притомъ дарованія сравнительно рѣдкаго: на сильныя драматическія роли; или я жестоко ошибаюсь, или при внимательномъ изученіи, при правильномъ развитіи таланта изъ г. Писарева образуется замѣчательный актеръ на трагическія роли. Въ манерѣ его игры, въ его жестахъ много изящнаго благородства». М. И. Писаревъ род. 1844, сконч. 30 сентября 1905 г. въ Петербургѣ.

²⁾ Неоконченная опера была—«Кузнецъ Вакула».

Петръ Петровичъ Золотаренко сконч. 17 октября 1895 г. въ Москвѣ и погребенъ на Ваганьковомъ кладбищѣ; это былъ честный человѣкъ, добрякъ и даровитый дирижеръ. Послѣ службы въ императорскихъ театрахъ онъ перешелъ во вновь основанный О. А. Коршемъ русскій драматическій театръ и оставался въ немъ на службѣ до своей кончины.

ніями ¹⁾ .Наконецъ вотъ и Вильде. Вступаетъ въ старшины и принимаетъ въ полное завѣдываніе хозяйство кружка съ тѣмъ, чтобы по прошествіи четырехъ лѣтъ представить артистическій кружокъ на твердыхъ устояхъ и безъ копейки долга. Вновь закипаетъ работа въ хилѣющемъ учрежденіи: одно появляется, другое пріобрѣтается, увеличивается сцена, прибавляется новая пристройка... Въ кружкѣ будутъ даваемы драматическіе и оперные спектакли. Французскіе и прѣмечскіе спектакли не привились и прекратились.

Обновленный кружокъ открылъ свои двери въ половинѣ сентября 1875 года. Ярко сверкаетъ талантъ Стрететовой... Дѣлаетъ робкіе шаги С. П. Волгина, новая жрица Мельпомены, восхищаютъ О. О. Садовская, М. П. Садовскій подъ прозрачными псевдонимами, А. И. Шубертъ, Н. С. Стружкинъ и другіе... И полились съ этой же сцены мелодіи оперныхъ композиторовъ: представляются цѣлые акты изъ «Жизни за Царя», «Фауста», «Русалки», «Руслана и Людмилы» Гроновой (сопрано), Цоховой (контральто), Богатыревымъ (теноръ), Бѣлявскимъ (басъ). Свой хоръ и оркестръ, и капельмейстеръ—Левій.

Вильде, какъ будто, не останавливается ни передъ чѣмъ, лишь бы артистическому кружку вернуть бывшее благополучіе. Для сезона 1876—77 годовъ приглашаются двѣ труппы: драматическая и оперетная; образуется удивительный букетъ: Н. А. Борисовскій, С. А. Бѣльская, М. Л. Гусевъ, А. Давыдовъ, чета Дольскихъ, Козловская, Леонидовъ, А. М. Максимовъ, Пашкова, М. И. Писаревъ, П. Г. Протасовъ, В. И. Родонъ, О. О. Садовская, П. А. Стрететова. ..Попытка ставить отрывки изъ оперъ не привилась,—такъ да здравствуетъ игривая, слегка легкомысленная, но прелестно-мелодичная оперетта! Въ ней Бѣльская, а немного спустя и Зорина, Давыдовъ и Родонъ дѣлать успѣхъ съ О. О. Садовской. Но героическія усилія Вильде и благоуханіе многихъ, названныхъ выше, талантовъ уже не въ состояніи придать крови дряхлѣющему организму. Безхозяйственность, какъ смерчъ, закружила артистическій кружокъ съ первыхъ же дней и въ продолженіе десяти лѣтъ ослабила его окончательно. Ни одинъ клубъ не управлялся такъ безалаберно и не увлекался, закрывая глаза на наличность своихъ средствъ, какъ артистическій кружокъ. Онъ былъ дитятею у семи нянекъ. И онѣ сдѣлали его бѣднымъ уродомъ.

Очевидно, для артистическаго кружка настала унылая осень послѣ неблагопріятнаго лѣта. Вильде нечего было жать. Клубокъ разстроенныхъ дѣлъ не распутывался. За кулисами все чаще происходятъ недоразумѣнія съ артистами изъ-за денегъ. Самъ по себѣ кружокъ становится слишкомъ шумливымъ и веселымъ: улица во-рвалась въ него... Что же, онъ нашелъ, можетъ быть, опору въ тѣхъ, кого мы выше назвали со словъ фельетониста «Голоса»? Нѣтъ!

¹⁾ 27 января 1874 г.

Въ началѣ 1877 года выяснилось, что и «варягъ» Вильде безпленъ что-либо сдѣлать на пользу артистическаго кружка. Больше того: изъ избы былъ вынесенъ соръ наружу: Путята, Борисовскій, Гусевъ 1)... Стрепетова и Писаревъ открыто заявили протестъ, что ихъ трудъ служить поживой только для Вильде, между тѣмъ они сами ничего за него не получаютъ. На требованіе уплаты жалованья Вильде отвѣтилъ имъ тѣмъ, что воспретилъ бывать въ кружкѣ. Газеты подхватили «инцидентъ», и артистическій кружокъ сдѣлался печальной причтой во языцѣхъ.

Общій Другъ (Д. Д. Минаевъ) писалъ въ «Петербургской Газетѣ»:

МОСКОВСКАЯ ЛОГИКА.

Въ артистическомъ кружкѣ
Вильде въ родѣ падишаха:
— «Коль нѣтъ денегъ въ кошелькѣ,
Заявляетъ онъ безъ страха,—
Всѣхъ артистовъ (счетомъ пять),
Нужно жалованье коимъ,
Въ клубъ отнынѣ не пускать,
Чѣмъ ихъ гнѣвъ мы успокоимъ.
Гонораръ имъ за игру
Хоть и нуженъ, безъ сомнѣнья,
Но я клубъ для нихъ запру
За «дурное поведеніе»...
Такъ кружка глава и цвѣтъ
Порѣшилъ безъ дальнихъ споровъ:
«Коль не жалую актеровъ,
Имъ и жалованья нѣтъ».

Артисты послѣ этого пріютились въ Нѣмецкомъ клубѣ, который неожиданно приобрѣлъ очень хорошую труппу, усиленную еще присоединившимися А. И. Шубертъ, А. А. Дюбюкъ, Загорскимъ, Левиной и Верховской.

Артистическій кружокъ остался безъ корифеевъ и, слѣдовательно, совсѣмъ уже въ горестномъ положеніи. Поставщики провизіи и винъ требовали уплаты по счетамъ; прислугѣ не было заплачено жалованья около трехъ тысячъ рублей. Кружокъ разваливался. Годъ войны—1877-ой—закрывъ Общедоступный театръ князя О. М. Урусова и С. В. Тагѣева; конецъ пришелъ, казалось, и артистическому кружку, худосочіе котораго такъ явно все увеличивалось, но онъ легко не сдавался. Уже нарождались повья птицы съ повыми,

1) Н. А. Борисовскій—извѣстный артистъ.

Д. А. Путята—талантливый, преждевременно скончавшійся артистъ.

М. А. Гусевъ. Послѣ смерти С. В. Шумскаго недолго служилъ въ Маломъ театрѣ. 9 января 1896 г. въ Елисаветградѣ праздновалось 30-лѣтіе артистической дѣятельности Мих. Льв. Гусева.

красиво-задорными и даже оглушительными пѣснями, но нашъ кружокъ продолжалъ цѣпляться за жизнь и не только это, но даже кое-что, какъ увидимъ ниже, затѣвать.

VI.

Новые артисты.—Н. К. Милославскій.—Появленіе О. А. Правдина. — Поступленіе О. О. Садовой на сцену Малаго театра.—Театральные курсы при артистическомъ кружкѣ.—Новые театры.—Конецъ артистическаго кружка (1878—1883).

И все-таки вертится!

Артистическій кружокъ «вертѣлся» потому, что уже широко открывалъ двери всѣмъ, какъ просто театральное предпріятіе въ клубной обстановкѣ, махнувъ рукой на многіе параграфы своего устава, и еще потому, что былъ биржей артистическаго труда. Провинціальные актеры и актрисы попрежнему только здѣсь заключали условія съ антрепренерами, показывали свое искусство на «генеральныхъ репетиціяхъ» и взлетывали отсюда до заманчивыхъ сценъ казеннаго или солидныхъ частныхъ столичныхъ театровъ съ губернаторскими окладами.

Въ залѣ холодновато; Вильде, полагаясь на посѣщеніе кружка «теплыми ребятами», скупился отапливать помѣщеніе. Антрепренеръ П—въ, прозванный «Червончикомъ», обращается къ пріятелю-актеру:

— Голубчикъ, нѣтъ ли дешевенькаго резонерчика, но съ теплотой? Всю труппу набралъ, а резонерчика нѣтъ.

— Да вонъ, въ углу-то сидитъ М.

— Резонерчикъ?

— Резонеръ.

— И съ теплотой?

— Да, разумѣется, съ теплотой, иначе онъ давно бы замерзъ въ этомъ ледникѣ.

Послѣ ухода въ нѣмецкій клубъ пяти лицъ, въ артистическомъ кружкѣ осталась только одна выдающаяся артистка—О. О. Садовская; она предана ему и измѣнить только ради «дома Щепкина, Садовскаго и Островскаго». Но вотъ наступилъ Великій постъ, и «генеральныя репетиціи» въ артистическомъ кружкѣ проходятъ при участіи такихъ артистовъ, что, видя ихъ, публика на время забываетъ и про «Мочалова въ юбкѣ», какъ называлъ П. А. Стрелетову А. О. Писемскій. Вѣдь, напримѣръ, въ этомъ же 1877-мъ году на сценѣ артистическаго кружка появляется знаменитый Н. К. Милославскій, затѣмъ—чета Чарскихъ, А. М. Максимовъ, А. Э. Бураковскій, Литвина ¹⁾. Милославскій выступаетъ въ своихъ корон-

¹⁾ М. А. Чарская пользовалась успѣхомъ какъ комическая старуха. Супругъ ея Владиміръ Васильевичъ Чарскій (скон. въ Москвѣ 5 марта 1910 г.), извѣстный еще въ

ныхъ роляхъ: Ришелье, Ополъевъ («Старый баринъ») и президентъ («Коварство и любовь»), и публика видитъ наконецъ тѣ типы, тѣ оригиналы, болѣе или менѣе удачныя копіи съ которыхъ являлись въ Москвѣ неоднократно въ лицѣ многихъ провинціальныхъ артистовъ. Въ Милославскомъ артистическій кружокъ показалъ московской публикѣ звѣзду, которая долго украшала собою провинциально-театральное небо и, не утрачивая яркости, уже близка была къ паденію въ вѣчность: пять лѣтъ спустя Милославскій умеръ ¹⁾).

Однако временный успѣхъ великопостныхъ спектаклей не поправилъ дѣлъ кружка; Вильде не могъ исполнить данныхъ имъ въ 1875 году обѣщаній и пересталъ быть «варягомъ». Старшины артистическаго кружка приняли отъ него «державство», какимъ-то чудомъ спасли отъ продажи съ публичнаго торга имущество и рѣшили возвратиться къ тому, съ чего кружокъ началъ, именно: вмѣсто дорого стоящихъ артистовъ, которые въ послѣдніе годы подвизались въ кружкѣ, пригласить преимущественно любителей, лицедѣйствовавшихъ доселѣ въ Солодовниковскомъ, Нѣмчиновскомъ и Секретаревскомъ театрахъ, а чтобы артисты составляли меньшинство.

Оперетта оставлена была на лѣтній сезонъ (Бѣльская, Зорина, О. О. Садовская, Волховской и друг.), но осенній сезонъ 1877 года начался въ кружкѣ скромненько, и хотя репертуаръ состоялъ изъ драмъ, комедій и оперетокъ, да уже безъ С. А. Бѣльской и В. В. Зориной. Вслѣдствіе ухода Вильде и перехода сцены въ завѣдываніе Н. М. Городецкаго, въ труппу вошли опять Путята и Гусевъ, а изъ провинціи пріѣхалъ О. А. Правдинъ.

Вмѣстѣ съ Богдановой, Ленской, Нѣмовой, Садовской, Соколовой, Бородинымъ, Гусевымъ, Пугятой и др. онъ играетъ и въ дра-

самомъ началъ 1870-хъ годовъ артистъ трагическаго амплуа, «воспитывавшійся» для артистическихъ успѣховъ Н. К. Милославскимъ. Въ 80-хъ годахъ Чарскій еще былъ яркъ, въ половинѣ 90-хъ слава его уже значительно померкла. Ко дню 45-лѣтія артистической дѣятельности (25 января 1909 г.) у Чарскаго осталось имя. Намъ онъ очень памятенъ какъ выразительный и проникновенный «Отелло».

Александръ Максимовичъ Максимовъ, серьезный комическій актеръ, чье имя извѣстно по долголѣтней службѣ М. въ столицахъ и въ провинціяхъ. Въ 60-хъ годахъ онъ режиссировалъ въ Воронежѣ кадетскими спектаклями, въ одномъ изъ коихъ появился питомецъ Михайловскаго корпуса Владимиръ Машоновъ, будущій В. А. Макшеевъ.

Александръ Захаровичъ Бураковскій, извѣстный артистъ, выступилъ впервые на сценѣ въ 1865 г., въ петербургскомъ театрѣ Пассажа, давно уже не существующемъ. Умеръ въ Москвѣ 10 іюля 1910 г., оставивъ о себѣ много анекдотовъ. Бураковскій былъ талантливъ, но на серьезную работу и кропотливую отдѣлку ролей его неоставало.

Литвина, скончавшаяся въ 90-хъ годахъ, даровитая артистка; она служила въ артистическомъ кружкѣ.

¹⁾ О Н. К. Милославскомъ (1811—1882) писалось много за и противъ. Безъ сомнѣнія, ему подражали очень многіе и притомъ видные артисты, напримѣръ, недавно (весною 1910 г.) умершій въ Петербургѣ Н. С. Вехтеръ. Милославскій доживалъ въ Одессѣ и «въ послѣднее время, — по сообщенію «Одесскаго Листка», — впалъ въ немощное полудѣтское состояніе. Въ прошломъ (1881) году скончалась подруга его жизни, и съ тѣхъ поръ Николай Карловичъ сталъ хирѣть да хирѣть».

махъ, и въ опереттахъ, и артистическій кружокъ опять-таки служить тѣмъ, что Малый театръ пополняетъ свою труппу новымъ талантливымъ артистомъ: 5-го марта 1878 года Правдинъ выступилъ въ качествѣ дебютанта въ Маломъ театрѣ, а 4-го апрѣля заключилъ контрактъ съ дирекціей императорскихъ театровъ, которая довольно пріемотрѣлась къ нему за зиму и еще въ кружкѣ оцѣнила его живой и разнообразный комическій талантъ, если въ чемъ нуждавшійся, такъ это въ дисциплинѣ ¹⁾).

Въ слѣдующемъ году въ Малый театръ пришла дебютантка, обязанная развитіемъ и расцвѣтомъ своего недюжиннаго таланта исключительно сценѣ артистическаго кружка,—О. О. Садовская. Она блеснула на казенныхъ сценахъ въ роляхъ: Евгеніи («На бойкомъ мѣстѣ»), Пульхеріи («Старый другъ лучше новыхъ двухъ») и Варвары («Гроза»). Въ «храмъ Мельпомены» она привела съ собою ея созданные типы русскихъ женщинъ; въ «домъ Островскаго» она вошла, подготовля передъ именемъ «хозяйина», будучи илѣнена образами, сотворенными его фантазіей, наблюдательностью и талантомъ...

Труппа Малаго театра сдѣлалась теперь чрезвычайно бѣдна женщинами,—читаемъ мы въ ноябрьскомъ номерѣ «Театральной Библиотеки» 1879 года:—стоило заболѣть г-жамъ Ильинской и Шумской ²⁾, и некому поручать молодыхъ ролей на драматическія и комическія *ingénues*. А заболѣй, хоть на время, г-жа Ермолова, репертуаръ совсѣмъ разстроится. На пожилыя роли сравнительно больше актрисъ, но и тутъ есть недочетъ, именно на амплуа еще не старыхъ женщинъ въ бытовыхъ пьесахъ: купчихъ, мѣщанокъ и кумушекъ всякаго рода. На это именно амплуа желаетъ поступить дебютпровавшая уже нѣсколько разъ въ Маломъ театрѣ г-жа Садовская. Она долго играла на клубныхъ сценахъ и въ театрѣ Буффъ³⁾, гдѣ даже въ опереткахъ умѣла создавать очень забавныя, комическія лица... Г-жа Садовская будетъ положительно полезна въ труппѣ. Это еще не старая женщина съ очень выработанными сценическими средствами для выполненія своего амплуа. У ней большое разнообразіе интонацій въ бытовыхъ роляхъ, есть юморъ, есть смѣлость въ комическихъ мѣстахъ и постоянное чувство мѣры. На сценѣ держитъ она себя свободно, безъ рѣзкостей и владѣетъ прекрасно тѣмъ особеннымъ московскимъ жаргономъ, который сказывается не въ одномъ только употребленіи словъ и выраженій, а также въ звукахъ голоса и въ своеобразной мимикѣ лица. Такіе дебюты

¹⁾ Первый дебютъ въ пьесѣ «Мужья одолѣли». 15 октября 1909 г. въ Москвѣ торжественно отпраздновано 40-лѣтіе артистической дѣятельности О. А. Правдина, род. въ Петербургѣ 16 іюня 1849 г.

²⁾ Покойная дочь Сергѣя Васильевича Шумскаго.

Ильинская, Марья Васильевна, покинувшая сцену, очень талантливая артистка.

³⁾ Буффъ-театръ и садъ—служилъ лѣтнимъ помѣщеніемъ артистическаго кружка.

не представляютъ собою обмана для публики; мы имѣемъ предъ собою уже сложившуюся актрису, она насъ не увлекаетъ надеждами, она намъ дастъ дѣйствительно то, что въ ней есть, хотя мы и въ правѣ ожидать, что съ годами изъ нея выработается еще болѣе яркая и пріятная актриса. Такъ характеризовалъ О. О. Садовскую, стоящую на порогѣ образцоваго театра, журналъ стараго театралла П. М. Шаповалова, имя котораго встрѣчается въ области театральной исторіографіи еще въ началѣ 50-хъ годовъ. Согласимся, что характеристика артистки полная и не устарѣла до настоящаго времени.

Въ труппу императорскихъ театровъ О. О. Садовская вступила 30 іюня 1881 года.

Между тѣмъ, любители вмѣсто заправскихъ артистовъ хотя и способствовали уменьшенію расхода, но не повлияли нисколько въ смыслѣ улучшенія матеріальной стороны артистическаго кружка, который поэтому вынужденъ былъ опять пригласить артистовъ. Въ зимній сезонъ 1879—80 годовъ москвичи имѣли, кромѣ Малаго театра, еще двѣ драматическихъ сцены: въ Пѣмецкомъ клубѣ и въ артистическомъ кружкѣ; въ этомъ послѣднемъ Москва знакомится съ очень молодой, еще не сложившейся артисткой, которая, однако, несмотря на то, что она, повидимому, находится подъ вліяніемъ таланта М. Г. Савиной, съ каждымъ разомъ приводитъ зрителей все въ болѣе восторгъ. Эта прелестная въ комедіяхъ и водевиляхъ ingénue—Г. И. Мартынова. Рядомъ съ нею стоитъ отличная комическая старуха Очкина, далѣе: героиня Аграмова, драматическая ingénue Погонина, premier Чернявскій, Волковъ-Семеновъ, Тарховъ, Любимовъ, Арскій, Протасовъ, Волховской. Режиссеръ Аграмовъ 1).

Сезонъ сошелъ, но сѣренькіе дни не смѣнялись солнечными, да такъ и не смѣнились: артистическій кружокъ метался, какъ птица, попавшая въ клѣтку. Значеніе его упало; самый смыслъ существованія дѣлался все туманнѣе. «Это театръ при буфетѣ!» язвили журналисты. Отживающее учрежденіе, впрочемъ, не мирилось съ этимъ, но которому все въ прошломъ; хотѣло продолжать быть арти-

1) Аграмова не была крупною артистическою силою, но очень полезною актрисою, съ представительною фигурою и красивымъ лицомъ.

Чернявскій передъ тѣмъ съ успѣхомъ игралъ въ Петербургѣ. Вдумчивый артистъ. Волковъ-Семеновъ впоследствии служилъ у г. Корша; оставивъ сценическую дѣятельность, имѣлъ театральную бібліотеку въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ. Удачно выступалъ въ «рубашечныхъ» роляхъ.

Любимовъ игралъ простаковъ.

Тарховъ (ученикъ Самарина) служалъ впоследствии у Корша и обладалъ недурнымъ баритономъ.

Арскій, впоследствии служившій у Корша,—хорошій исполнитель благородныхъ отцовъ, резонеровъ и т. п.

П. Волховскій и драматическій, и оперетный комикъ.

М. В. Аграмовъ, одинъ изъ лучшихъ драматическихъ режиссеровъ, сконч. въ Севастополѣ на Пасхѣ 1893 г. (Былъ отставной офицеръ артиллеріи).

стическимъ кружкомъ, хотѣло повторять: «*é pur si mouvel!*».. Думалось, до новыхъ ли затѣй ему? Но стоило Г. Н. Новосельскому ¹⁾, скорбѣвшему объ упадкѣ русскаго сценическаго искусства и задумавшему устроить на чисто научныхъ основаніяхъ драматическо-сценическую школу,—стоило Новосельскому напомнить артистическому кружку, что, по уставу, онъ имѣеть задачу развитія сценическихъ дарованій, и при кружкѣ скоро составился изъ дѣйствительныхъ и членовъ-соревнователей особый драматическій отдѣлъ, въ которомъ начались еще съ начала 1879 года постоянныя занятія по изученію дикціи, декламации, пѣнія, мимики, патетики, теоріи изящнаго, исторіи драмы и театра. Къ драматическимъ курсамъ присоединили консерваторскіе курсы. Горячее участіе въ дѣлѣ преподаванія принялъ зачинатель Новосельскій, но смерть скоро оборвала дѣятельность этого идейнаго человѣка. Послѣ него преподаваніе повели, кромѣ другихъ специалистовъ, П. Д. Боборыкинъ ²⁾, Алексѣй Н. Веселовскій и Э. А. Готвальдъ, ученый, читавшій на курсахъ анатомію. Сбылось, хотя и поздно, желаніе А. Н. Островскаго: артистическій кружокъ, бывшій до сихъ поръ практической школою для молодыхъ талантовъ, сталъ наконецъ и теоретической школою.

Существованіе театральныхъ курсовъ было кратковременно и всецѣло зависѣло отъ существованія артистическаго кружка, а онъ вскорѣ долженъ былъ почувствовать невозможность дѣйствовать вслѣдствіе открытія артисткой А. А. Левенсонъ-Бренко такъ называемаго Пушкинскаго театра. Не кружку было соперничать съ нимъ, который порою затмевалъ своимъ ансамблемъ даже Малый театръ; А. А. Brenko собрала великолѣпную труппу; тутъ были и Стрелцова, и А. Я. Глама-Мещерская, и Андреевъ-Бурлакъ, и Н. П. Кирѣевъ, и Писаревъ... Вмѣстѣ съ *diis minoribus* они вернули москвичамъ золотые дни Общедоступнаго театра князя Урусова и Танѣева, когда посѣтители «убѣждались съ каждымъ днемъ, что самый ансамбль въ исполненіи ничѣмъ не уступаетъ ансамблю любимаго Малаго театра», а режиссеръ «дома Щепкина» терзался муками ревности. Въ печати подчеркивалось то обстоятельство, что драматурги охотнѣе отдавали свои новыя произведенія Пушкинскому, чѣмъ Малому театру. Дѣйствительно, И. В. Шпажинскій, напримѣръ, назадъ тому пять лѣтъ начинающій, а теперь извѣстный писатель, явно тяготѣлъ къ дому Малькиеля на Тверской и, отдавая образцо-

¹⁾ Григорій Наумовичъ Новосельскій (скон. 27 марта 1879, на 64 году отъ роду) былъ талантливою натурою: поэтъ и художникъ, законовѣдъ и музыкантъ, пѣвецъ и медикъ. Написалъ, между прочимъ, оперу «Женитьба поневолѣ», которая была представлена въ Общедоступномъ театрѣ 1875 г., и основалъ съ Н. Л. Шаповаловымъ журналъ «Театральная Библиотека» (вышло 6 №№).

²⁾ Вступительная лекція П. Д. Боборыкина напечатана въ № 3-мъ «Театр. Библиотеки» 1879 г. Боборыкинъ читалъ лекціи на курсахъ до 1881 г. включительно, когда писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о театрѣ.

вой труппѣ своего «Фофана», у Бренко ставилъ въ то же время «Кручину»... И молодого писателя не упрекали, его понимали. Еще бы, такой Недыхляевъ, какъ Андреевъ-Бурлакъ, такой Ревякинъ, какъ Писаревъ, такая Марья Ильинична, какъ Глама-Мещерская!

Пушкинскій театръ существовалъ недолго. Основное зло міра то, что Богъ создалъ мало денегъ, сказалъ Гейне. Разбросанность и обремененіе бюджета очень высокими окладами, такъ какъ, кромѣ выше названныхъ, у Бренко служили: *Ө. П. Горевъ, Н. С. Стружкинъ, В. П. Далматовъ, А. И. Южинъ, Н. Д. Рыбчинская, А. А. Немирова-Ральфъ*, довели дѣло до катастрофы. Антрепризу *А. А. Бренко* смѣнило товарищество тѣхъ же артистовъ. Это было весною 1882 года. Они пріютились было на мѣсто въ ужасномъ театрѣ у Нижняго Прѣсенскаго пруда, бились, какъ рыбы объ ледъ, но радости не знали, подобно *А. Ф. Өедотову*, который за годъ передъ тѣмъ маялся въ «ботаническомъ отдѣленіи» Зоологическаго сада, боролся съ равнодушіемъ публики и не могъ его осилить, несмотря на то, что труппа изобиловала талантами и дарованіями.

Надъ развалинами театральнаго предпріятія *А. А. Бренко* всходила звѣзда *Ө. А. Корша*: 30 августа 1882 года торжественно открытъ его Русскій драматическій театръ, получившій почти все созвѣздіе Пушкинскаго театральнаго небосвода и артистическія силы, на которыя опирался артистическій кружокъ, какъ, напимѣръ, *Очкина, А. Я. Романовская, М. П. Васильевъ-Гладковъ, Г. И. Мартынова, Н. П. Волковъ-Семеновъ, С. П. Волгина, Протасовъ, Арскій, Тарховъ* и т. д. ¹⁾

Послѣдніе годы, съ 1880-го и до половины 1883-го, артистическій кружокъ уже былъ только «клубнымъ театромъ». Онъ пѣлъ лебединую пѣсню, каждый звукъ которой отдавался глуше, все тише, все менѣе увлекательно. Денегъ не было. Тонъ утрачивался. Можно дивиться, что, находясь въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, кружокъ все-таки имѣлъ такія труппы, какъ: *Волгина, Н. А. Кузьмина, Т. Стрѣлкова, Протасовъ, Грубинъ П. К. Красовскій, Чернявскій* и др. въ сезонъ 1880—1881 г. и *Романовская, М. А. Самарова, Кузьмина, Маньковская, Ленская, П. М. Свободинъ, Осокинъ, Грубинъ, Ленскій, Васильевъ-Гладковъ, Протасовъ*—въ

¹⁾ *А. Я. Романовская* сдѣлалась сразу любимицей москвичей, выступивъ въ «Ошибкахъ молодости» и изобразивъ княгиню Рѣзцову превосходнѣе, чѣмъ даже *Г. Н. Өедотова*. Талантливая артистка давно играетъ въ театрѣ *Ө. А. Корша*, гдѣ 9 января 1909 г. достойно отпразднованъ полулѣтній юбилей ея.

Мих. Павл. Васильевъ-Гладковъ (сконч. 14 сентября 1886 г.) до поступленія на сцену состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ какой-то южной губернии. Великолѣпный изобразитель характерныхъ и бытовыхъ ролей. Серьезный комикъ-реперъ. Благодаря голосу, очень отгвнялъ роль гуслара въ чаяевской «Сверлопѣ».

1881—82 г.г. ¹⁾). Нѣтъ-нѣтъ, да участвовали въ спектакляхъ О. О. и М. П. Садовскіе; нѣтъ-нѣтъ, и появлялись дебютантки. Умирающій кружокъ обращаетъ вниманіе москвичей на граціозное дарованіе Б. Э. Кошевой и на артистическую звѣздочку И. П. Уманецъ-Райской, потомъ принятой въ труппу Малаго театра ²⁾). Въ 1881 году видимъ режиссеромъ артистическо-кружковской сцены извѣстнаго артиста И. Н. Грекова. Но осенью 1882 года уже Немцова-Ральфъ руководить сценой. А сцена передвинулась—въ Каретный рядъ, въ домъ Мошнина. 14-го ноября, въ день 18-ой годовщины, артистическій кружокъ справлялъ «послѣднее новоселье». Оно было грустное. Смерть стояла за плечами тѣхъ, кто поднималъ заздравныя чаши, и дышала на артистическій кружокъ. Новый режиссеръ едва-едва склеилъ два-три спектакля до Новаго года, и они почти не остановили на себѣ ничьего вниманія. У театралной Москвы на устахъ былъ театръ г. Корша... «Тамъ чудеса!» А артистическій кружокъ—что такое! У него все въ прошломъ. Богъ съ нимъ!

М. В. Мазуровская, русско-польская артистка, болѣе прекрасная, чѣмъ талантливая, была послѣднею достойною упоминанія жрицей въ покинутомъ Мельпоменю ея храмѣ при артистическомъ кружкѣ. И онъ долѣвалъ свою пѣсню. Онъ привѣтствовалъ, хотя и печальными аккордами, ея весну 1883 года, но первое дыханіе осени навсегда погасило его огни. Артистическій кружокъ пережилъ одного изъ своихъ учредителей, Н. Г. Рубинштейна, но другой главный устроитель, А. Н. Островскій, пережилъ его...

Съ 1883 года воды много утекло. Ни одно изъ зданій, ни домъ Полякова, ни домъ Ивановскаго монастыря, ни домъ Шелапутнина, ни Мошнинскій театръ не сохранились совершенно въ томъ видѣ, какъ были, когда въ нихъ помѣщался артистическій кружокъ. Съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ ряды его бывшихъ дѣйствительныхъ

¹⁾ Н. А. Кузьмина—симпатичное комическое и драматическое *ingénue*.

Т. И. Стрѣлкова—недожинная драматическая артистка. Замѣчательно играла «Свекровь».

П. К. Красовскій—извѣстный комикъ, умеръ въ 80-хъ годахъ.

Маньковская и Ленская занимали амплу старухъ, причемъ первая, кажется, перешла въ малороссійскій театръ.

А. А. Ленскій—даровитый *jeune premier*, печально кончившій въ слѣдствіе невоздержной жизни.

Осокинъ—впослѣдствіи артистъ императорскихъ петербургскихъ театровъ, а Грубинъ—недолгое время московскихъ. П. М. Свободинъ—покойный извѣстный артистъ Александринскаго театра.

²⁾ Ираида П. Уманецъ-Райская, нынѣ артистка императорскихъ театровъ (въ отставкѣ) и преподавательница драматическаго искусства, дебютировала въ лѣтнемъ «саду на Нижне-Прѣсеневскомъ пруду», гдѣ играла труппа подъ управленіемъ Петра Михайловича Медвѣдева,—9 мая 1881 г.

членовъ и соревнователей; и много ли уже ихъ осталось! Память же о кружкѣ живеть и, несомнѣнно, будетъ жить еще очень долго, потому что съ нимъ связана исторія московскихъ театровъ второй половины XIX вѣка, и не только театровъ, но также литературы и искусствъ. Невозможно сравнить съ артистическимъ кружкомъ ни одинъ изъ московскихъ клубовъ, существующихъ или существовавшихъ, такъ какъ онъ одинъ дѣйствительно соединялъ въ своихъ стѣнахъ: актеровъ, литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и пѣвцовъ. Всегда находясь наканунѣ краха, онъ все же просуществовалъ безъ малата 18 лѣтъ и за такой короткій срокъ сдѣлалъ больше, чѣмъ все московскіе клубы, вмѣстѣ взятые, за все столѣтнее ихъ бытіе: онъ не только служилъ мостомъ, по которому талантливые артисты переходили отъ провинціального прозябанія къ столичному уюту и славѣ,—онъ служилъ питомникомъ, гдѣ ходились и расцвѣтали выдающіеся таланты. Онъ былъ практической школой для артистовъ, а подъ конецъ и образовательной школой.

Въ стѣнахъ артистическаго кружка, какъ нигдѣ больше, чувствовалась вся связь искусства съ литературой. Два близкихъ прекрасныхъ дерева, они сплетались живыми вѣтвями и подъ благодатный сѣнью ихъ отдыхали усталые, веселились, смѣялись, восхищались. Здѣсь горѣли признанныя звѣзды, здѣсь вспыхивали новыя звѣздочки, свои и иноземныя. Развѣ не въ артистическомъ кружкѣ впервые въ Москвѣ издала чарующіе звуки скрипка Оле Буля¹⁾?

Въ стѣнахъ артистическаго кружка зародилась свобода частныхъ театровъ, мысль объ актерской взаимопомощи, о законной защитѣ авторскихъ правъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Эти благія мысли не упали на камни, но пали на почву общественной отзывчивости, и театральное общество, нынѣ такое значительное, находитъ свои корни именно тамъ, гдѣ пало зерно, брошенное сѣятелемъ—артистическимъ кружкомъ. И такъ называемыя театральныя агентства возникли въ силу необходимости, которой до нихъ удовлетворялъ кружокъ, бывшій биржей актерскаго труда и «выставкой» амилуа и талантовъ. Онъ пересталъ существовать—и актерская братія очутилась въ положеніи птицъ, у которыхъ разорилъ гнѣзда. Тогда владѣлецъ театральной библіотеки С. И. Напойкинъ завелъ у себя книгу для записи адресовъ и фамилій артистовъ, но малая польза отъ этого скоро стала очевидной и способствовала возникновенію агентства Е. Н. Разсокиной.

¹⁾ Оле Борнеманъ Буль, знаменитый скрипачъ, умеръ на своей бергенской виллѣ въ 1880 г. и торжественно, при салютѣ орудій, погребенъ 11 августа въ Молеенъ. Бергсонъ сказалъ рѣчь. Любопытно, что 20-тысячная толпа вся была въ траурныхъ одеждахъ.

Въ послѣднюю свою поѣздку въ Каиръ Оле Буль являлся къ пирамидамъ, освѣщеннымъ луною, и игралъ на скрипкѣ.

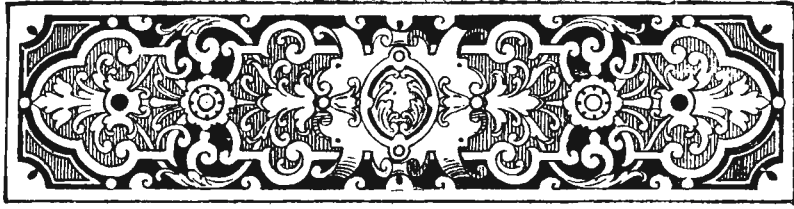
Въ стѣнахъ артистическаго кружка собиралась болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ клубѣ, интересная публика: денежные тузы, служившая интеллигенція, свободные художники, писатели... Здѣсь К. А. Трутовскій ставилъ живыя картины изъ малорусскаго быта, который переносился имъ на полотно; сыпалъ экспромтами и островами П. В. Шумахеръ; до упаду смѣшилъ И. О. Горбуновъ; потѣшалъ Провъ Садовскій или В. И. Живокини; звучали народныя пѣсни, исполнявшіяся мастерами по части ихъ Радонежскимъ, Демидовымъ и Лавровымъ. Здѣсь Островскій, Чаевъ и Писемскій превосходно читали свои новыя произведенія въ то время, какъ И. В. Шпажинскій еще острилъ перо; «плѣнял» молодежь А. Н. Плещеевъ; здѣсь спорили о задачахъ искусства драматурги-критики Д. В. Аверкіевъ и Л. Н. Антроповъ. Журналисты противоположныхъ лагерей мирно сходились и сообщая коротали вечера. Здѣсь «былой западникъ» И. В. Самаринъ, мотиканъ Малаго театра, появился-таки 30 января 1879 г., въ 50-ю годовщину со смерти Грибоѣдова, и прочиталъ изъ «Горе отъ ума» и потрясенъ былъ рукоплесканіями. Здѣсь старшіе богатыри «Щепкинской» сцены говорили, глядя на Садовскихъ, Макшеева и имъ подобныхъ:

— Это наши соперники!

Здѣсь во-истину собиралась соль Москвы и артистическая соль всей Русской земли. Здѣсь долго свѣтились русскіе таланты и чувствовался русскій умъ.

П. А. Россіевъ.

„УЧЕНИКЪ МУДРОСТИ“.

(А. Θ. Лабзинъ и его литературная дѣятельность).

I.

ВЪ МОСКВѢ, въ Румянцовскомъ музеѣ, среди портретовъ, принадлежащихъ кисти извѣстнаго художника конца XVIII и начала XIX вѣка, В. Л. Боровиковскаго, есть портретъ, изображающій сановное лицо въ бархатномъ мундирѣ со стоячимъ воротникомъ, съ орденомъ на шеѣ и звѣздой на лѣвомъ борту мундира. Моложавое лицо съ правильнымъ носомъ, красиво очерченными губами и сильно развитымъ подбородкомъ какъ-то не вяжется ни съ бархатнымъ мундиромъ, ни съ орденомъ, ни со звѣздой. Сановное лицо изображено въ шаблонной для тогдашнихъ портретистовъ позѣ: вполборота, съ глазами, устремленными отъ зрителя въ сторону, и съ рукой, опирающейся на книгу. Отъ всего портрета вѣетъ такой, если можно только такъ выразиться, историчностью, что рѣдкій-рѣдкій изъ посѣтителей Румянцовскаго музея заинтересовывается, вѣроятно, кого изображаетъ этотъ портретъ. Заглянувшій же въ каталогъ и встрѣтившій тамъ имя А. Θ. Лабзина только пожалѣетъ о потраченномъ времени, такъ какъ оно не скажетъ ему ничего и никому оно почти неизвѣстно теперь, кромѣ записныхъ библиографовъ да лицъ, интересующихся вопросами мистики и исторіей масонства въ Россіи. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью возобновить въ памяти со-

временнаго читателя крайне интереснѣйшій образъ этого одного изъ первыхъ пионеровъ масонства въ Россіи и его полную рѣзкихъ колебаній судьбу, трагически закончившуюся въ затерянномъ на берегу Волги Симбирскѣ.

Александръ Ѳеодоровичъ Лабзинъ родился въ Москвѣ 28-го апрѣля 1766 года, въ бѣдной дворянской семьѣ, владѣвшей всего-навсего четырьмя душами дворовыхъ людей. Изъ періода ранняго дѣтства его извѣстно только то, что онъ рано выучился читать и имѣлъ сильное влеченіе къ чтенію священнаго писанія и изученію математики. Еще до поступленія въ школу онъ нѣсколько разъ прочиталъ Четыри-Миниен и, какъ самъ впоследствии говорилъ, «ребяческии образомъ обрекъ себя на служеніе Богу». Математику же онъ началъ изучать, будучи еще шестилѣтнимъ ребенкомъ, потому только, что учитель, который приходилъ учить его письму, въ разговорѣ сказалъ ему, что можно узнать, сколько разъ обернется колесо экипажа по дорогѣ отъ Москвы до Петербурга и сколько уляжется въ рядъ игловокъ на этой дорогѣ. Такія диковинныя для ребенка слова показались ему невѣроятными. Учитель отвѣтилъ недоумѣвающему ученику, что есть особая наука, для которой нѣтъ никакихъ невозможныхъ исчисленій.

— Какъ называется эта наука?—спросилъ Лабзинъ.

— Ариметика,—отвѣтилъ учитель.

— Можно ли ей научиться?

— Можно.

— Можете ли вы научить меня этой наукѣ?

— Могу.

— Батюшка,—обрадовался ребенокъ,—научи меня ариметикѣ!

Съ тѣхъ поръ въ теченіе долгаго времени математика была любимымъ предметомъ Лабзина.

Въ 1766 году Лабзинъ, десяти лѣтъ отъ роду, поступилъ въ гимназію при московскомъ университетѣ, гдѣ основательно изучилъ латинскій языкъ, и черезъ два года «за блестящіе успѣхи и отличное поведеніе» былъ переведенъ въ университетъ, имѣя отъ роду только двѣнадцать лѣтъ. Въ университетѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ. О первыхъ двухъ годахъ его пребыванія въ университетѣ неизвѣстно почти ничего, кромѣ увлеченія его новѣйшими французскими и другими писателями—Гельвеціемъ, Вольтеромъ, Руссо, Ла-Метри и Дидро по преимуществу. Увлеченіе литературою не прошло для талантливаго юноши безслѣдно: развивъ въ себѣ прекрасный даръ слова, усвоивъ легкій стиль въ изложеніи своихъ мыслей и проникнувъ въ тайны стихосложенія, Лабзинъ сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ, переводя произведенія иностранныхъ писателей и сочиняя оригинальныя. Насколько эти первыя литературныя попытки его были удачны, можно судить по тому, что значительная часть ихъ была напечатана въ «Вечерней Зарѣ»—сже-

мѣсячномъ изданіи, заключавшемъ въ себѣ лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ писателей и издававшемся Антоновскимъ, Макариновичемъ, Давыдовскимъ и др. въ 1782 году, то-есть, когда Лабзину было только пятнадцать лѣтъ.

Изученіе новѣйшей литературы и, въ особенности, сочиненій тогдашняго «властелина думъ завѣтныхъ» Вольтера поколебало отчасти религіозныя убѣжденія Лабзина. Однако колебанія его въ религіозныхъ вопросахъ продолжались недолго. Въ самый разгаръ увлеченія питомцевъ университета моднымъ невѣріемъ, почерпнутымъ ими изъ произведеній философовъ-энциклопедистовъ, профессоръ Шварцъ устроилъ у себя на квартирѣ рядъ лекцій-бесѣдъ по вопросамъ религіозно-философскаго характера. Обладая прекраснымъ даромъ слова, онъ прежде всего постарался внушить своимъ ученикамъ, что пужно ко всякому, выражаясь по-современному, «новому слову» относиться критически, а не принимать на вѣру безусловно все его тезисы. Разбирая и сравнивая произведенія Вольтера, Гельвеція, Спинозы, Руссо, Ла-Метри и др. съ произведеніями противныхъ имъ философовъ, Шварцъ обращалъ вниманіе своихъ юныхъ слушателей на все противорѣчія и недостатки тѣхъ и другихъ, прививая студентамъ критическое отношеніе къ читаемымъ ими произведеніямъ. Успѣхъ лекцій профессора Шварца былъ небывалый. Все то, что раньше казалось студентамъ непрерываемою истиной, представало предъ ними во всей своей условности, натянутости и фальши. И, наоборотъ, то, что раньше считалось, «пустыми розказнями», «выдумками поповъ», явилось предъ ними во всемъ величій правды и непрерываемости. Вспоминая впоследствии профессора Шварца, Лабзинъ говорилъ: «Онъ явился, какъ ангель-благовѣстникъ, и, какъ солнце, расточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія». По словамъ Лабзина, періодъ устройства Шварцемъ лекцій-бесѣдъ религіозно-философскаго характера явился лучшимъ воспоминаніемъ его жизни и опредѣлилъ направленіе всей его дѣятельности.

Подъ вліяніемъ лекцій профессора Шварца настольной книгой студентовъ московскаго университета стала Библія, подобно тому, какъ раньше такою книгою были произведенія французскихъ писателей-энциклопедистовъ. У студентовъ выработалась даже своего рода обязанность хоть что-нибудь прочитывать изъ нея въ свободное отъ занятій время. Въ числѣ такихъ студентовъ былъ и Лабзинъ. Не довольствуясь чтеніемъ Библии, онъ тщательно изучалъ творенія святыхъ отцовъ церкви, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ своею цѣлью изъясненіе Священнаго Писанія, а также философскія произведенія древнихъ мудрецовъ. Чтеніе этихъ произведеній еще болѣе убѣдило его въ справедливости словъ профессора Шварца о достойной оцѣнкѣ сочиненій писателей-энциклопедистовъ по ихъ номиналу. Случайно прочтя однажды Цицероновское рассу-

жденіе «О должностяхъ», Лабзинъ былъ пораженъ его чистыми понятіями о нравственности и, обратившись къ чтенію другихъ древнихъ авторовъ, съ удивленіемъ замѣтилъ, насколько древніе вообще были ближе къ понятіямъ и истинамъ христіанскимъ, чѣмъ современное Лабзину общество, имѣющее писанное Евангеліе и носящее наименованіе христіанъ. Въ другой разъ, прочтя опроверженіе Оригена на возраженія противъ христіанства Цельса, Лабзинъ убѣдился, насколько малоубѣдительно и малодоказательно опроверженіе христіанства Вольтеромъ сравнительно съ возраженіями Цельса, и какъ неосновательно мнѣніе поклонниковъ Вольтера о томъ, что Вольтеровы насмѣшки и порицанія христіанства неопровержимы, тогда какъ Цельсовы, несравненно сильнѣйшія, достаточно были уже опровергнуты Оригеномъ. «Возвратясь послѣ Цицерона къ чтенію древнихъ философовъ,—писалъ по этому поводу впоследствии Лабзинъ,—я пересталъ удивляться новымъ и думаю, что крайнее уваженіе къ нимъ происходитъ либо оттого, что за кучами ново-выходящихъ книгъ древнихъ не читаютъ, либо отъ того, что ихъ не понимаютъ».

Изученіе древнихъ философовъ и твореній святыхъ отцовъ церкви произвело глубокой переворотъ въ духовной природѣ Лабзина, и онъ призналъ въ истинной философіи единственную науку, распространяющуюся на всѣ знанія. Нравственное самоусовершенствованіе, стремленіе къ добродѣтели и братской любви стали девизами его жизни. Обладая хотя и твердымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ «строптивымъ» характеромъ, Лабзинъ не надѣялся преобразовать свою натуру въ духъ только что отмѣченныхъ стремленій. Онъ зналъ, что только какой-нибудь правильно организованный кружокъ съ широко развитой дисциплиной могъ повліять на такое преобразование. Какъ разъ въ это время, благодаря стараніямъ Новикова, князя Трубецкого, Татищева, Шварца и др., въ Россіи получили широкое распространеніе масонскія ложи. Это было какъ разъ то, о чемъ мечталъ Лабзинъ. 23-го апрѣля 1783 года онъ, послѣ предварительнаго искуса, былъ принятъ въ русскую ложу масоновъ-мартинистовъ, послѣдователей французскаго философа Сень-Мартена, являвшагося въ своихъ сочиненіяхъ: «О заблужденіяхъ и Истинѣ», «О соотношеніи между Богомъ, человѣкомъ и вселенной» и др.—провозвѣстникомъ мистическихъ идей и противникомъ матеріализма и сенсуализма. Черезъ пять дней послѣ своего вступленія въ ложу, 28-го апрѣля, въ день своего рожденія, Лабзинъ вторично и уже «не ребяческимъ способомъ» даетъ торжественный обѣтъ посвятить себя на служеніе Богу.

Въ 1784 году Лабзинъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и поступилъ на службу въ московское губернское правленіе на должность переводчика, гдѣ въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ губернскіе секретари. Черезъ два года (въ 1787 году),

въ чинѣ коллежскаго секретаря, Лабзинъ перешелъ на должность переводчика при конференціи московскаго университета. Лѣтомъ этого года императрица Екатерина II, возвращаясь изъ своего путешествія въ Крымъ, прибыла въ Москву, которая устроила ей торжественную встрѣчу. Профессора и воспитанники московскаго университета, благороднаго университетскаго пансіона, славяно-греко-латинской академіи и перервинской семинаріи привѣтствовали императрицу специально сложенными въ честь ея пріѣзда одами. Лабзинъ также привѣтствовалъ ее одой, которая носила длинное, характерное для того времени заглавіе: «Торжественная пѣснь Екатеринѣ II императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской на вождельннѣйшее Ея Величества прибытіе въ столичный градъ Москву изъ предпринятаго путешествія въ пріобрѣтенную, въ благословенное Ея царствованіе, Тавриду и другія области, во всерадостный день восшествія на всероссійскій императорскій престоль, совершающій двадцатипятилѣтіе преславнаго Ея царствованія». Императрица обратила на автора оды вниманіе и неоднократно награждала его въ свое царствованіе денежными наградами. Въ томъ же 1787 году Лабзинъ прекраснымъ, по тому времени, стихомъ перевелъ пятиактную комедію Бомарше «Женитьба Фигаро», а въ слѣдующемъ—комедію Мерсье «Судья».

Въ 1789 году членъ общества масоновъ-мартинистовъ Ѳ. П. Ключаревъ, занимавшій видный постъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, предложилъ Лабзину перейти на службу въ петербургскій почтамтъ. Лабзинъ предложеніе принялъ и былъ принятъ на службу въ секретную экспедицію петербургскаго почтамта. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ неожиданный случай привелъ его къ мысли, что Высшимъ Промысломъ онъ предназначенъ къ религіозной проповѣди для поднятія упавшей религіи. Моея однажды въ банѣ, Лабзинъ разговорился о догматахъ вѣры съ однимъ невѣрующимъ, какихъ въ то время, подъ вліяніемъ французскихъ философовъ-энциклопедистовъ, немало было въ Россіи. Онъ такъ горячо защищалъ догматы христіанской вѣры и такъ убѣдительно говорилъ, что собесѣдникъ во время бесѣды раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и даже больше того,—пожелалъ отдать все свое имущество Лабзину и уйти въ монастырь. Происшествіе это было такъ неожиданно и такъ поразило Лабзина, что онъ снова подтвердилъ свой обѣтъ о служеніи Богу, причемъ у него, какъ онъ самъ впослѣдствіи писалъ, невольно вырвались слова молитвы: «Не вѣри мя человѣческому представительству». Случай обращенія атеиста онъ счелъ чудомъ и, разумѣется, отказался отъ предложенія обращеннаго взять его имущество.

Прослуживъ въ петербургскомъ почтамтѣ десять лѣтъ, Лабзинъ весною 1799 года, въ чинѣ статскаго совѣтника, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, переведенъ былъ въ государственную коллегію иностран-

ныхъ дѣлъ, а осенью того же года, кромѣ того, былъ назначенъ конференцъ-секретаремъ императорской академіи художествъ, причемъ ему поручено было составленіе исторіи ордена святого Іоанна Іерусалимскаго, которая и была издана Лабзиннымъ въ промежутокъ времени съ 1799 года по 1801 годъ. Императоръ Павелъ I, особенно стѣдившій за выходомъ въ свѣтъ этого изданія, пожаловалъ Лабзину 2000 рублей, двѣ табакерки съ брильянтами и, кромѣ того, 1-го января 1801 года назначилъ его исторіографомъ этого ордена. Оставаясь конференцъ-секретаремъ, въ 1804 году Лабзинъ былъ переведенъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ министру военныхъ и морскихъ силъ директоромъ департамента, а въ апрѣль слѣдующаго года—назначенъ членомъ государственнаго адмиралтейскаго департамента.

II.

Служа по двумъ вѣдомствамъ, Лабзинъ не переставалъ заниматься литературной дѣятельностью, причемъ послѣдняя, подъ непосредственнымъ влияніемъ случая предъ отъѣздомъ его изъ Москвы, приняла исключительно религіозно-просвѣтительный характеръ. Онъ дѣятельно занимался переводомъ и изданіемъ всевозможныхъ сочиненій религіознаго характера, преимущественно Эккартсгаузена. Такъ, въ 1803 году онъ перевелъ «Отрывки», «Путешествіе молодого Костиса отъ востока къ полудню», выдержавшее три изданія, «Наставленіе мудраго испытанному другу», выдержавшее два изданія; въ 1804 году—«Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ», «Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ», «Ключъ къ таинствамъ природы», «Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца» и сочиненіе Делиля: «Днѣчрамъ на безсмертіе души»; въ 1805 году онъ приступилъ къ переводу Штиллинга, и прежде всего появились: «Краткія правоучительныя правила на каждый день для друзей христіанства» и «Приключенія по смерти». Однако эта переводная литература мало удовлетворяла его: его смущало то, что въ числѣ книгъ, трактующихъ о благочестіи и религіи, нѣтъ ни одной, которая была бы сообразна съ духомъ книгъ Священнаго Писанія, за исключеніемъ книгъ мистическихъ. Въ нихъ онъ находилъ все, что нужно для внутренней жизни человѣка или, какъ онъ выражался,—все, что «научаетъ соединяться внутренно съ Богомъ, входитъ въ самого себя, отрекаться отъ всего,—не слегка перевязывать рану, но доходить до корня зла».

Глубоко огорчало Лабзина и то, что въ русскомъ обществѣ имѣли малое распространеніе книги духовно-нравственнаго содержанія, которымъ предпочитались переводные романы съ любовной интри-

гой, запутанной фабулой и трагическими или, наоборот, «благополучными» развязками. Лабзинъ съ горечью разсказывалъ читателямъ издававшагося имъ впоследствии журнала «Сіонскій Вѣстникъ», какъ одинъ любитель чтенія, придя въ Москвѣ въ университетскую книжную лавку купить новыхъ «хорошенькихъ» книжекъ и найдя въ ней только творенія блаженнаго Августина, Оомы Кемпійскаго и т. п., съ досадой началъ выговаривать содержателю типографіи, почему онъ не печатаетъ «хорошихъ книгъ». — «Какія же вы подъ этимъ названіемъ подразумѣваете?» спросилъ любителя «хорошихъ книгъ» содержатель типографіи. — «Напримѣръ: «Маркизъ Глаголь», «Клевеландъ», «Желѣзная маска», «Дѣвица Гарви», — отвѣтилъ тотъ. Содержателю типографіи пришлось скромно отвѣтить: «Что дѣлать? Мы печатаемъ то, что переводчики намъ принесли, а теперь они такихъ книгъ къ намъ не приносятъ».

Естественно, что при такихъ условіяхъ изданіе духовныхъ книгъ грозило подлѣйшимъ крахомъ издателямъ. Тѣмъ не менѣе Лабзинъ упорно издавалъ одну книгу духовно-нравственнаго содержанія за другой, придерживаясь пословицы древнихъ: «Капля долбитъ камень не силой, а частымъ паденіемъ». И труды его не пропали даромъ: явились читатели, но ихъ было сначала очень немного; большинство же читающей публики или оставалось равнодушнымъ къ изданіямъ Лабзина, или злобно подсмѣивалось надъ ними, продолжая увлекаться сочиненіями западныхъ «вольтерьянцевъ». По этому поводу Лабзинъ писалъ: «До изобрѣтенія книгопечатанія одни творенія великихъ умовъ или особенныхъ гениевъ разносились въ народѣ и сохранялись въ памяти, преданіяхъ и лѣтописяхъ; прочія же рѣдко пользовались сею честью. Тогда писалъ только тотъ, кто имѣлъ особенныя дарованія, и тогда книга была плодомъ глубокаго размышленія и опыта, и была, дѣйствительно, подаркомъ для человѣчества: чувство и истина были видны на каждомъ листѣ ея. Поэтому-то сіи книги пережили вѣки, несмотря на политическія превратности, несмотря на разность обычаевъ и языковъ разныхъ народовъ». Перейдя къ вопросу объ удешевленіи книгоиздательства, вслѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія, Лабзинъ порицаетъ злоупотребленіе книгопечатаніемъ, которое (т.-е. злоупотребленіе), по его словамъ, «увѣковѣчило развратъ и глупости, посрамляющія человѣчество, и воздвигло имъ памятники. Все, что только исходитъ изъ разгоряченной головы какого-либо бумагомарателя, все то печатается, обнародывается, разсылается и идетъ во всѣ стороны свѣта заражать и будущее потомство отдаленныхъ краевъ. Одному вздумается ниспровергнуть вѣру, другой захочетъ потрясти столбы законовъ, третій передать свои грезы, четвертый—порочныя ощущенія сердца, и все это читается и поглощается, — читается слабыми умами, поглощается страстными сердцами». Обсуждая далѣе вопросъ о мѣрахъ, которыя должны распространяться въ противовѣсъ

вліянію вредныхъ книгъ, онъ находить, что «клинь клиномъ выбивать должно». «Когда есть книги или соблазнительныя, или развратныя, — говорить онъ: — пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противохристіанскія, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше!» Подъ вліяніемъ такого рода мыслей Лабзинъ задумалъ издавать журналъ, который долженъ былъ проводить въ массы христіанскія идеи въ противовѣсъ идеямъ «вольтерьянскимъ» и какому, кстати сказать, ни въ одной христіанской странѣ еще не было.

Лабзинъ началъ хлопотать о разрѣшеніи изданія такого журнала въ Россіи. Хлопоты сопровождались большими затрудненіями, изъ которыхъ главнымъ было то, что изданіе должно было стать въ полную зависимость отъ духовенства, которое, не принимая въ то время никакого участія въ обсужденіи вопросовъ религіи путемъ печатнаго слова, могло сильно тормозить дѣло, чего, разумѣется, Лабзинъ не хотѣлъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ очевидцемъ далеко не безпристрастнаго отношенія духовной цензуры къ книгамъ духовно-нравственнаго содержанія, издававшимся свѣтскими книгоиздателями. Нерѣдко случалось, что очень хорошія религіозно-нравственныя книги не пропускались духовною цензурою только потому, что онѣ были написаны или переведены свѣтскими лицами, тогда какъ духовенство, само не писавшее въ то время почти ничего, считало изданіе духовныхъ книгъ исключительно своимъ правомъ. Иногда не пропускались духовною цензурою книги духовно-нравственнаго содержанія и потому, что въ нихъ обнаруживались мысли, противныя философіи Вольфа или богословію Буддея, которыя тогда преподавались во всѣхъ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и заставляло Лабзина устранить свое изданіе отъ духовной цензуры, что въ концѣ концовъ и удалось ему, благодаря тому, что онъ сумѣлъ убѣдить сановныхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло разрѣшеніе изданія, въ томъ, что противодѣйствіе антирелигіозному ученію, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, было начато не духовенствомъ, а людьми свѣтскими. Въ качествѣ примѣровъ онъ указывалъ на голландское «общество для защищенія христіанской религіи», ежегодно устраивавшее конкурсы на соисканіе премій за сочиненія, защищающія и объясняющія христіанство; на сильное распространеніе масонства въ Россіи и, наконецъ, на англійское библейское общество, состоявшее преимущественно изъ людей свѣтскихъ и дѣйствовавшее съ величайшимъ единодушіемъ и успѣхомъ. Въ концѣ концовъ изданіе религіознаго журнала съ предварительной гражданской цензурой было разрѣшено Лабзину при условіи, что въ издаваемомъ имъ журналѣ не будетъ ничего противнаго высочайшей власти, гражданскимъ законамъ, хри-

стіанской религій, церковнымъ установленіямъ, благоустройности и общественной безопасности.

Получивъ разрѣшеніе, Лабзинъ уселенно принялся за работу по изданію журнала. Не располагая большими денежными средствами и занимая двѣ административныя должности, онъ неписывалъ по нѣскольку листовъ въ день, самъ хлопоталъ въ типографіи и цензурѣ и, наконецъ, 1-го января 1806 года выпустилъ въ свѣтъ первую книжку своего журнала, названнаго имъ «Сіонскій Вѣстникъ». Въ особой руководящей статьѣ Лабзинъ объяснилъ цѣль и задачи своего журнала: обѣщая посвятить свой журналъ разработкѣ вопросовъ религій и изясненію Священнаго Писанія, онъ заявлялъ, что содержаніе журнала будетъ припособлено ко вкусамъ читателей трехъ категорій: ученыхъ, которымъ христіанство не противно и которые желали бы въ немъ увѣриться; ученыхъ, которые вѣрятъ христіанству и любятъ его, и просто вѣрующихъ, которымъ все то, что говорится о Спасителѣ, пріятно, угодно и любезно. Первая книжка «Сіонскаго Вѣстника» имѣла большой успѣхъ и разошлась въ значительномъ количествѣ. Даже духовенство приняло новый журналъ съ восторгомъ. Епископъ Теофилактъ калужскій до выхода въ свѣтъ первой книжки, по одному только объявленію, подписался на 30 экземпляровъ; митрополитъ петербургскій Амвросій выразилъ свое сочувствіе журналу; будущій митрополитъ московскій Филаретъ, бывший тогда еще въ Сергіевой лаврѣ, собственноручно переписывалъ себѣ журналъ Лабзина, не имѣя возможности его купить; митрополитъ кіевскій Евгеній, знаменитый ученый того времени, хотя и находилъ въ журналѣ нѣкоторыя недостатки, но тѣмъ не менѣе, по собственному признанію, читалъ его «часто до чувствительнаго умиленія и даже до благодарности Богу, вложившему мысли г. Лабзину издавать сей журналъ! Онъ многихъ обратилъ, если не отъ развращенія жизни, то, по крайней мѣрѣ, отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религій, а и это уже великое благодѣяніе человѣчеству». Извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій писалъ про Лабзина: «Сему идолу-человѣку кланялось начальство петербургской духовной академіи и синодъ его читалъ».

Въ свѣтскомъ обществѣ успѣхъ «Сіонскаго Вѣстника» былъ еще грандіознѣе. Краснорѣчіе, ясность и страстность изложенія привлекли къ себѣ вниманіе почти всего тогдашняго образованнаго общества. Книжки «Сіонскаго Вѣстника» быстро расходились, и Лабзинъ въ правѣ былъ сказать, что не обманулся въ своихъ предположеніяхъ относительно того, что любители христіанскаго чтенія есть въ Россіи и найдутся еще. Однако по выходѣ въ свѣтъ третьей книжки журнала его ждала непріятность. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій призналъ, что «Сіонскій Вѣстникъ», какъ по своему названію, такъ и по статьямъ, содер-

жающимъ разсужденія о религіи, долженъ подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры, и поручилъ попечителю петербургскаго учебнаго округа Новосильцеву предписатьъ о томъ цензурному комитету. Пока между Завадовскимъ и Новосильцевымъ шла переписка по вопросу о подцензурности «Сіонскаго Вѣстника», цензурный комитетъ отослалъ апрѣльскую книжку журнала на просмотръ митрополиту Амвросію, который не встрѣтилъ никакого препятствія къ ея выпуску въ свѣтъ. Встрѣтивъ затрудненіе въ изданіи, Лабзинъ намѣренъ былъ прекратить журналъ, разъ, по мнѣнію Завадовскаго, журналъ его, вмѣсто «чаемой имъ существенной пользы, приноситъ мнимый вредъ», однако, получивъ одобрителный отзывъ митрополита Амвросія, опять приступилъ къ изданію. Между тѣмъ гроза надъ журналомъ собиралась все больше и больше. За «Сіонскимъ Вѣстникомъ» стали тщательно слѣдить и находили въ немъ много отступленій отъ ортодоксальнаго ученія православной церкви. Стѣдя за страницами и строчками журнала, противники Лабзина находили въ его статьяхъ много мѣсть, болѣе или менѣе противорѣчащихъ ортодоксальнымъ истинамъ, приводящихъ къ недоумѣнію, рождающихъ сомнѣнію, и все накопившіяся замѣчанія отсылали къ тогдашнему оберъ-прокурору синода, князю А. Н. Голицыну. Послѣдній, съ молодыхъ лѣтъ вольтерьянецъ и поклонникъ идей французскихъ энциклопедистовъ, получивъ отъ императора Александра I портфель оберъ-прокурора синода, volens volens долженъ былъ ознакомиться съ лежащими на немъ обязанностями и съ ученіемъ православной церкви, и однако до конца своей жизни не могъ понять догматы христіанской религіи въ совершенствѣ. Въ то же время, когда началось преслѣдованіе «Сіонскаго Вѣстника», онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ ними, и потому ему поневолѣ приходилось подчиниться чужому вліянію и смотрѣть на журналъ чужими глазами, о чемъ онъ впоследствии нескренно сожалѣлъ. Думая вполне убѣжденно, что все то, «что непонятно или не существуетъ, принадлежитъ къ мистикѣ—слово, которое міръ не любитъ и все, что ему противно, симъ словомъ знаменуется»,—Голицынъ предположилъ, что «Сіонскій Вѣстникъ» является проводникомъ идей какого-нибудь тайнаго общества, «нищутаго вредить религіи, а, можетъ, и правительству», а потому сдѣлалъ докладъ императору Александру I, въ которомъ доказывалъ о необходимости, въ цѣляхъ интересовъ церкви, запрещенія журнала Лабзина. Императоръ поручилъ графу Завадовскому и Новосильцеву ближе ознакомиться съ изданіемъ. Затрудненія въ изданіи журнала стали принимать для Лабзина все болѣе и болѣе ощутительную форму, и наконецъ онъ рѣшился отказаться отъ продолженія изданія. Выпустивъ сентябрьскую книжку, онъ объявилъ подписчикамъ, что продолжать изданіе не можетъ—«по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ его воли зависящимъ».

Еще въ мартѣ, предчувствуя конецъ журнала, Лабзинъ, рядомъ съ изданіемъ «Сіонскаго Вѣстника», переводилъ и издавалъ ежемѣсячно сочиненія иностранныхъ писателей, въ томъ числѣ: «Угрозы» Штиллинга, «Преосвященный пастухъ» Флейшера, «О самопознаніи», «Пастырское посланіе», «Начальныя основанія дѣятельнаго христіанства» и «Браткія правила на каждый день года». Преслѣдуя одну и ту же цѣль — выпустить какъ можно болѣе книгъ религіознаго содержанія, онъ трудился неутомимо. Достаточно сказать, что три типографіи работали на него въ одно и то же время. Непосильные труды и перенесенныя при изданіи «Сіонскаго Вѣстника» огорченія надорвали крѣпкую натуру Лабзина, и онъ тяжело заболѣлъ первнымъ разстройствомъ.

III.

Будучи отъ природы энергичнымъ, Лабзинъ, едва оправившись послѣ перенесенной имъ болѣзни, онятъ всецѣло предался своей дѣятельности — проведенію идей Христовыхъ въ массы. Прекращеніе изданія «Сіонскаго Вѣстника» не только не лишило его энергій, но, наоборотъ, заставило еще болѣе отдаться дѣлу «служенія Богу». На этотъ разъ Лабзинъ обратилъ свою дѣятельность на возстановленіе масонства въ его первоначальномъ, неиспорченномъ видѣ. Послѣдователь Новикова и ученикъ Шварца, онъ съ грустью смотрѣлъ на современное ему направленіе, принятое масонствомъ, и рѣшилъ открыть особую ложу, или, вѣрнѣе сказать, особое масонское братство.

Проникнувъ впервые въ Россію (въ Москву) въ 1762 году, масонство укрѣпилось въ ней въ 70-хъ и 80-хъ годахъ позапрошлаго столѣтія, когда во главѣ его стали такія лица, какъ Новиковъ, Трубецкой, Татищевъ и Шварцъ. Въ это время, когда масонство было во всей чистотѣ своихъ стремленій, дѣятели его принесли огромную пользу религіи, дѣлу воспитанія юношества, распространенію просвѣщенія, помощи страждущимъ и благотворному противодѣйствію сильнымъ въ то время идеямъ французскихъ философъ-энциклопедистовъ. Однако желаніе Новикова легализовать масонство въ Россіи окончилось неудачей, и онъ самъ, какъ извѣстно, навлекши на себя подозрѣнія императрицы Екатерины II, подвергся преслѣдованію. Въ началѣ прошлаго столѣтія масонство имѣло уже другой характеръ, чѣмъ при Новиковѣ. Въ масонскія ложи вступили многія лица, занимавшія высокія мѣста въ служебной іерархіи, а слѣдствіемъ этого явилось то, что многіе стали вступать въ число братьевъ масонскихъ ложъ исключительно изъ-за расчета получить черезъ своихъ высокопоставленныхъ «единомышленниковъ» выгодныя должности, чины и ордена. Дошло до того, что

въ Петербургѣ открылось нѣсколько масонскихъ ложъ, подъ управленіемъ гросмейстеровъ, не знавшихъ даже самыхъ элементарныхъ правилъ масонскаго катихизиса и ритуала и болѣе невѣжественныхъ въ вопросахъ мистицизма, чѣмъ только что вступившіе въ ложу ученики. Пирушки съ шампанскимъ заставили забыть этихъ новоявленныхъ поклонниковъ масонства про ничтожество ихъ собраній.

Лабзинъ, естественно, не могъ сочувствовать такому направленію и образовалъ особое братство на началахъ истиннаго масонства, на которое онъ смотрѣлъ какъ на продолженіе апостольской проповѣди о Христѣ и Его ученія, а не какъ на дѣтскую игру или на маску, прикрывающую честолюбивыя стремленія. Въ составъ членовъ его ложи вошли: Поздѣвъ, графъ Разумовскій, князь Гагаринъ, Звѣревъ, Граббе, законоучитель академіи художествъ Сперанскій, пасторъ Эвенгофъ, законоучитель морского кадетскаго корпуса Іовъ, извѣстный артистъ А. П. Мартыновъ и др. Секретаремъ ложи былъ Бѣляевъ отецъ декабриста, другъ и пріятель Лабзина. Видя въ масонствѣ только первыя ступени, по которымъ человѣкъ могъ бы возвыситься до нравственнаго усовершенствованія и внутренняго очищенія, Лабзинъ, какъ глава, какъ гросмейстеръ своего небольшого кружка, всю свою дѣятельность направилъ на истолкованіе и разъясненіе этихъ двухъ важнѣйшихъ элементовъ духовной жизни человѣка. Дисциплина въ братствѣ Лабзина была строжайшая: Лабзинъ не могъ, по своему твердому убѣжденію о высококомъ предназначеніи масонства, допустить въ своемъ кружкѣ тѣхъ легкомысленныхъ поступковъ псевдомасоновъ, о которыхъ мы говорили выше, а потому всѣ символическіе обряды масонства соблюдались во время засѣданій его кружка самымъ строгимъ образомъ.

Около десяти лѣтъ послѣ прекращенія изданія «Сіонскаго Вѣстника» дѣятельность Лабзина сводилась къ службѣ по двумъ вѣдомствамъ и расширенію дѣятельности основаннаго имъ братства. Между тѣмъ, въ отношеніяхъ правительства къ мистицизму вообще и масонству въ частности произошли существенныя перемѣны, по отношенію къ которымъ Лабзинъ не могъ относиться равнодушно. Уже векорѣ послѣ прекращенія изданія «Сіонскаго Вѣстника» онъ замѣтилъ, что труды его не пропали даромъ и отразились какъ въ настроеніи образованной части общества, тамъ и въ литературѣ, не исключая и духовной. Отголоски мистицизма, по словамъ историковъ той эпохи, особенно слышны были въ тогдашнихъ проповѣдяхъ, о чемъ можно судить по многочисленнымъ рукописямъ, оставшимся въ духовныхъ семействахъ, и отчасти по изданнымъ въ печати сборникамъ. Многія духовныя лица успѣшно усваивали языкъ мистиковъ и нерѣдко очень близко подражали въ своихъ проповѣдяхъ статьямъ «Сіонскаго Вѣстника». Наиболѣе самобыт-

нымъ проповѣдникомъ въ этомъ направленіи былъ Филаретъ, впоследствии митрополитъ московскій, а въ то время бывший іеромонахомъ въ Александро-Невской лаврѣ. Самое избранное общество ѣздило въ лавру, чтобы послушать увлекательныя проповѣди молодого проповѣдника, полныя возвышеннаго мистицизма. И вообще, нужно замѣтить, что мистическое движеніе захватывало въ то время главнымъ образомъ образованное и преимущественно аристократическое общество, которое пошло за нимъ съ особеннымъ рвеніемъ послѣ тяжелыхъ испытаній Отечественной войны 1812 года. Последняя, какъ извѣстно, въ томъ же направленіи подѣйствовала и на самого императора Александра I, который въ добровольно сожигаемыхъ селахъ, городахъ и, наконецъ, въ заревѣ Москвы увидѣлъ всевеличіе своего народа и преклонился предъ нимъ и тѣмъ болѣе передъ «перстомъ Божіимъ», указавшимъ народу русскому преданность религіи, родинѣ и царю. «Пожаръ Москвы,—говорилъ императоръ,—освѣтилъ мнѣ душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ». Онъ принялся за чтеніе библіи и, по его словамъ, тогда-то онъ позналъ Бога, понялъ Его волю и Его законъ, и въ немъ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славы. «Я пожиралъ библію,—говорилъ Александръ,—находя, что слова ея вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный, миръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь по благодати своей даровалъ мнѣ духомъ своимъ разумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію обязанъ я всѣми духовными благами, пріобрѣтенными мною при чтеніи божественнаго слова,—вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ Святаго Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія». Счастливый исходъ войны, превышавшій самыя смѣлыя предположенія, естественно, приписанъ былъ божественной силѣ, дѣйствовавшей наперекоръ земнымъ расчетамъ, и на медали, вычеканенной въ память Отечественной войны, императоръ Александръ приказалъ начертать: «Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу». Глубокое чувство благодарности къ Богу за исходъ войны привело государя къ самоуглубленію, къ внутренней молитвѣ,—словомъ, къ мистицизму. Большую поддержку въ этомъ онъ нашелъ въ товарищѣ своего дѣтства, князѣ Голицынѣ, который также сдѣлался ярымъ мистикомъ. Не понимая разностей догматическихъ, каноническихъ и обрядовыхъ, раздѣляющихъ между собою различныя исповѣданія, Голицынъ признавалъ только христіанъ въ общемъ значеніи этого слова. Фанатизмъ, религіозная нетерпимость и мертвое благочестіе обряда и внѣшней формы религіи были ему противны, а потому стремленіемъ его было вывести русскій народъ изъ того усыпленія и равнодушія въ дѣлѣ вѣры, которое казалось ему повсюднымъ, пробудить

въ немъ высшіе духовные инстинкты и черезъ распространеніе священныхъ книгъ ввести въ него живую струю внутренняго пониманія христіанства. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ императоръ Александръ основалъ знаменитое «Библейское общество», помогая ему денежными средствами въ значительныхъ размѣрахъ. (Однимъ изъ секретарей общества былъ, между прочимъ, и Лабзинъ). Пребываніе государя во главѣ религіознаго движенія имѣло огромное вліяніе на русское общество. Въ гостиныхъ заговорили о внутреннемъ соединеніи челоуѣка съ Богомъ, внутреннемъ возрожденіи и внутреннемъ хожденіи по пути религіи и нравственности; число выходящихъ въ свѣтъ мистическихъ книгъ съ каждымъ годомъ значительно увеличивалось: выходили какъ новыя изданія прежде изданныхъ мистическихъ сочиненій, такъ и новыя переводы и сочиненія; появились новыя мистическіе журналы: «Другъ юношества» (1807—1816 гг.) и «Духовный годъ жизни христіанина» (1816 г.). Прежнее вольнодумство было покинуто обществомъ, и кто не былъ истинно благочестивъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, старался казаться такимъ. Религіозное настроеніе охватило многихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи, не исключая и духовныхъ іерарховъ, сочувствовавшихъ дѣятельности тѣхъ, кто своимъ служебнымъ вліяніемъ или путемъ литературы распространяли идеи мистицизма. Признавая благотворное вліяніе религіознаго движенія на русское общество, нельзя не отмѣтить, однако, и его отрицательныхъ сторонъ: истины вѣры нерѣдко трактовались лицами, несвѣдущими или мало свѣдущими въ вопросахъ религіи, превратно, что послужило причиной основанія нѣсколькихъ тайныхъ сектъ, изъ числа которыхъ можно назвать секту извѣстной Татариповой. Проникая въ народъ, эти секты искажали вѣроученіе еще больше и нерѣдко включали въ свой ритуальъ такіе обряды и дѣйствія, что правительство вынуждено было считать ихъ вредными и преслѣдовать. Въ послѣдовавшей скорѣ ликвидациі мистическаго движенія эти секты сыграли печальную роль: ликвидациа всецѣло обязана своимъ возникновеніемъ имъ.

Лабзинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ религіозномъ движеніи, охватившемъ русское общество. Какъ мы видѣли уже, онъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ представителей Библейскаго общества. Кромѣ того, онъ принималъ самое ближайшее участіе въ переводѣ и изданіи оригинальныхъ мистическихъ сочиненій. Достаточно сказать, что въ десятилѣтіе съ 1813 по 1823 годъ въ Россіи вышло до 60 мистическихъ сочиненій, изъ которыхъ едва ли не четверть переведена и написана имъ. Библейское общество, однимъ изъ секретарей котораго былъ Лабзинъ, быстро распространялось и, въ видѣ помѣстныхъ отдѣленій, охватило почти всю Россію. Въ короткое время самыя отдаленныя уголки ея были переполнены изданными имъ книжками и брошюрами. Однако, изданныя безъ

всякихъ вѣроисповѣдныхъ примѣчаній, онѣ не имѣли большого значенія для народа, въ виду чего среди членовъ библейскаго общества возникла мысль, не нарушая устава общества, имѣть въ сторонѣ отъ него руководящій органъ, который давалъ бы необходимыя объясненія основъ религiи, давалъ бы тонъ и направленiе дѣятельности Библейскаго общества и объяснялъ бы дѣятельность библейскихъ обществъ. По мнѣнiю Лабзина, такимъ органомъ могъ бы служить возобновленный подъ его редакцiей «Сiонскiй Вѣстникъ», и въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлалъ князю Голицыну предложенiе, при чемъ увѣрялъ его, что ничего болѣе не желаетъ, какъ только получить право и свободу проповѣди читателямъ слова Божiя и тѣмъ самымъ реабилитировать свою честь, несправедливо запятнанную осужденiемъ перваго изданiя «Сiонскаго Вѣстника». «Если осужденiе это правильно,—говорилъ онъ Голицыну,—тогда пусть оно такъ и останется; если же нѣтъ, то справедливость требуетъ снять клеймо, которое тяготитъ меня, и снять такимъ же гласнымъ образомъ, какимъ оно было наложено. Если нельзя возвратить потерянное, то пусть останусь живымъ свидѣтелемъ того, какъ легко нанести другому долговременный вредъ и какъ трудно оный вознаграждать при всемъ добромъ желанiи». Голицынъ, бывшiй въ это время, какъ мы уже сказали, однимъ изъ приверженнѣйшихъ адептовъ мистицизма, считая себя виновникомъ несчастья Лабзина, давно уже шедшаго по тому пути, который имъ, Голицынымъ, только въ послѣднее время признанъ былъ единственно правильнымъ въ жизни каждаго христiанина,—взялъ у Лабзина всѣ книжки «Сiонскаго Вѣстника» за 1806 годъ и, познакомившись по нимъ ближе съ характеромъ и направленiемъ журнала, долженъ былъ сознаться, что сдѣлалъ большую ошибку, требуя десять лѣтъ тому назадъ прекращенiя, по его теперешнему мнѣнiю, такого полезнаго изданiя. «Перечитавъ всѣ мѣста, на кои указано было въ замѣчанiяхъ, сдѣланныхъ цензурѣ,—писалъ Голицынъ императору Александру, ходатайствуя о возобновленiи «Сiонскаго Вѣстника»:—я ужаснулся, сколько отъ невѣжества моего въ духѣ Св. Писанiя отяготилъ я судьбу неповиннаго. Не имѣлъ я никакой личности тогда, но считалъ, что исполняю свою должность; одна тому причина, что былъ во тьмѣ, слѣдовательно, и дѣлалъ все оцупью. Свѣтъ Господень просвѣтилъ меня, и я ясно увидѣлъ, что гналъ то, что церковь апостольская и древнiе отцы учили. Я оставляю правосудiю вашему, всемилостивѣйшiй государь, разсудить, слѣдуетъ ли возвратить доброе имя тому, у кого оно невинно отнято». Государь не только далъ разрѣшенiе на возобновленiе «Сiонскаго Вѣстника», но пожелалъ даже матеріально способствовать постановкѣ журнала на должную высоту (въ издательскомъ отношенiи) и, кромѣ того, по представленiю князя Голицына, желавшаго такъ или иначе загладить неприятность, причиненную имъ Лабзину десять лѣтъ тому назадъ, награ-

диль Лабзина орденомъ св. Владимира второй степени, который препровожденъ былъ при слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ, составленномъ княземъ Голицынымъ: «Признавая истинною заслугою обществу всякій подвигъ, совершаемый для распространенія и укорененія въ народѣ истинъ, служащихъ къ ихъ временному и вѣчному благу, съ особеннымъ удовольствіемъ обратили мы вниманіе на добровольную ревность и неусыпные труды, употребленные и употребляемые вами для изданія на отечественномъ языкѣ многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религій, единымъ твердымъ и истиннымъ. Вслѣдствіе сего, всемілостивѣйше жалуя вамъ знаки второй степени ордена святого равноапостольнаго князя Владимира, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Въ увѣреніи, что сіе изъясненіе нашего благоволенія вновь утвердитъ васъ въ упражненіяхъ вашихъ, и что вы продолжите способствовать соотечественникамъ различными стезями познанія умудряться во всеобъемлющую простоту христіанства, пребываемъ императорскою нашею милостію къ вамъ благосклонны».

Въ высшей степени ободренный вниманіемъ государя и его одѣлкой предыдущей его дѣятельности по изданію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, Лабзинъ усердно готовился къ выпуску журнала. Онъ проектировалъ изданіе на широкихъ началахъ, и потому возбудилъ рядъ ходатайствъ о дарованіи возобновляемому журналу нѣкоторыхъ привилегій, въ виду того, что изданію журнала симпатизируетъ самъ императоръ. Такъ, напримѣръ, онъ просилъ предоставить «Сіонскому Вѣстнику» тѣ же привилегіи, которыя даны были «Сѣверной Почтѣ», «Русскому Инвалиду» и «Исторіи Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина, а именно: чтобы журналъ былъ избавленъ отъ предварительной цензуры и чтобы типографія, въ которой будетъ печататься «Сіонскій Вѣстникъ», не останавливала печатаніе его книжекъ, «за другими встрѣчающимися дѣлами». Кромѣ того, считая одобренное государемъ изданіе журнала предпріятіемъ уже не частнымъ, а дѣломъ государственнымъ, предпріятымъ въ интересахъ общественной пользы, онъ находилъ своевременнымъ и неотложно-необходимымъ учредить при министерствѣ просвѣщенія или при главномъ управленіи духовными дѣлами особый департаментъ для изданія духовныхъ книгъ. Наконецъ, опасаясь, что силы не позволятъ теперь обходиться при изданіи журнала собственными только трудами, какъ это было въ 1806 году, Лабзинъ просилъ причислить къ министерству народнаго просвѣщенія или департаменту духовныхъ дѣлъ слѣдующихъ лицъ, которыхъ онъ избиралъ себѣ помощниками въ дѣлѣ изданія журнала: коллежскаго асессора Егора Чилева, титулярнаго совѣтника Алексея Иконникова, второго кадетскаго корпуса поручика Юрія Бартевева, того же корпуса волонтера Василія Спичакова и статскаго совѣтника Василія Кожина.

Не дожидаясь результата возбужденных ходатайствъ, Лабзинъ приступилъ къ изданію. Такъ какъ разрѣшеніе на изданіе журнала послѣдовало въ самомъ концѣ 1816 года, то Лабзинъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ начать изданія съ январской книжки, а потому рѣшилъ въ первые три мѣсяца 1817 года разослать своимъ подписчикамъ переведенную имъ біографію Юнга Штиллинга, въ пяти книгахъ, и только съ апрѣля мѣсяца начать собственно изданіе «Сіонскаго Вѣстника». По приказанію императора, Лабзину было выдано, въ качествѣ вспомошествованія на изданіе журнала, 15000 руб. «Исполнить волю моего монарха,—писалъ по этому поводу Лабзинъ,—есть долгъ для меня священнѣйшій. Быть полезнымъ братьямъ моимъ есть обязанность для сердца моего сладостная. Молю Бога, да подастъ онъ мнѣ вопстиню обрѣсти того небеснаго вѣстника, который бы приносилъ отъ Сіона глаголы истины. Я уже счастливымъ себя почту, если и моя малая лепта въ даръ Богу и ближнему послужитъ для той цѣли, для которой я готовъ трудиться до изнуренія силъ и до истощенія всей моей возможности. Итакъ, дѣло сіе по волѣ царя земного да совершится во славу Царя Небеснаго». Несмотря на то, что у Лабзина были помощники, большая часть статей журнала писалась имъ самимъ. Скрываясь въ первомъ изданіи своего журнала, въ 1806 году, подъ псевдонимомъ «Теопемпта Мисанлова» (имена Теопемпта и Мисаила въ переводѣ означаютъ «Богомъ посланный» и «Богомъ укрѣпленный») или подъ инициалами «У. М.», обозначавшими его масонское имя «Ученикъ мудрости», онъ не имѣлъ теперь уже нужды скрывать свое настоящее имя тѣмъ болѣе, что оно сдѣлалось всеѣмъ уже извѣстнымъ, и потому подписывалъ статьи или инициалами своего имени и фамиліи, или полными словами—«Александръ Лабзинъ». Направленіе журнала было прежнее—строго-религіозное. Въ своихъ статьяхъ Лабзинъ и его сотрудники стремились развить въ читателяхъ «Сіонскаго Вѣстника» внутреннее, сердечное и искреннее благочестіе, которое не ограничивается исполненіемъ внѣшнихъ дѣлъ благочестія, но стремится достигнуть чистоты души и сердца и благодатнаго освященія всего человѣческаго существа.

Изданіе возобновленнаго «Сіонскаго Вѣстника» встрѣчено было еще большимъ восторгомъ, чѣмъ въ 1806 году. Въ спискѣ подписчиковъ его на первомъ мѣстѣ стояли имена императора Александра, великаго князя Константина Павловича, князя Голицына, сенатора Хитрово, графовъ Разумовскихъ, графини Гурьевой и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Затѣмъ шель длинный рядъ духовныхъ лицъ-подписчиковъ: архіереевъ, архимандритовъ, ректоровъ академій, семинарій, отдѣленій библейскихъ обществъ, университетовъ и проч. Одна только петербургская духовная академія во главѣ съ ректоромъ ея Филаретомъ выписывала 11 экземпляровъ. По Россіи журналъ расходился, находя себѣ подписчиковъ въ самыхъ

отдаленныхъ уголкахъ ея: отъ Архангельска до Астрахани, Херсона и Одессы, отъ царства Польскаго до Екатеринбурга и отсюда до Иркутска, Нерчинска и Троицкосавска. Его читали съ увлеченіемъ и свѣтскіе и духовные. Духовенству нравилось направление журнала, его полемика съ вольнодумствомъ и возвышенное увлекательное пониманіе христіанства, лицамъ свѣтскимъ—ясное изложеніе основъ христіанства, образный увлекательный слогъ, чистота и нравственность идей и умѣлый подборъ статей, дававшій пріятный матеріалъ для чтенія. Слѣдующей книжки журнала и тѣ и другіе ждали съ нетерпѣніемъ.

Первый годъ изданія возобновленнаго «Сіонскаго Вѣстника» явился едва ли не лучшимъ періодомъ жизни Лабзина. Благоволеніе императора, восторги аристократіи и обожаніе остальной читающей публики—все это льстило самолюбивому характеру Лабзина, который великолѣпно сознавалъ пользу своей дѣятельности, а потому и принималъ многочисленныя похвалы съ достоинствомъ, какъ должную дань своимъ заслугамъ. Въ довершеніе всего, 12 января 1818 года Высочайшимъ указомъ онъ былъ назначенъ на почетную должность вице-президента академіи художествъ. Поставленный на этотъ высокій постъ, онъ принималъ горячее участіе въ судьбахъ русскаго искусства и его дѣятелей. Родители поручали ему своихъ дѣтей, какъ родному отцу, и Лабзинъ, принимая все мѣры для успѣшнаго образованія учениковъ, старался развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному. Съ этой цѣлью онъ устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ, несмотря на свой почтенный возрастъ (ему шелъ въ то время 52 годъ), игралъ и самъ, сочиняя легкія пьесы въ стихахъ. Назначеніе Лабзина на постъ вице-президента академіи художествъ было послѣднимъ событіемъ, которымъ заканчивался періодъ его славы и вліянія. Дальше судьба готовила ему «волчцы и тернія».

IV.

Поставивъ главною задачею своего журнала изясненіе вопросовъ христіанской нравственности, Лабзинъ и его сотрудники все свои статьи посвящали вопросу о самоусовершенствованіи человѣка, при помощи котораго, по мнѣнію «Сіонскаго Вѣстника», можно достигнуть общенія съ міромъ небеснымъ. На этомъ основаніи Лабзинъ и его сотрудники по журналу признавали только одно таинство—возрожденія, т.-е. приближенія человѣка къ Богу, и совершенно отрицали благодатную силу всехъ остальныхъ таинствъ, признавая за ними одно лишь символическое (обрядовое) значеніе. Точно также отрицалъ «Сіонскій Вѣстникъ» и монашество, считая посты, поклоны, власяницы, верити и «прочее сему подобное» мѣрами недействительными въ дѣлѣ созиданія «внутренняго человѣка», жи-

вущаго вѣрою, надеждою и любовью къ Богу и людямъ. Распространяя далѣе ученіе мистиковъ со всѣми его тонкостями, Лабзинъ говорилъ въ своемъ журналѣ, что вся религія и нравственность должны въ сущности сводиться только къ внутреннему общенію и соединенію человѣка съ Богомъ, помимо всѣхъ внѣшнихъ формъ и обрядностей. Вѣра Христова, говорилось въ журналѣ, не знаетъ никакихъ раздѣленій вѣрующихъ отъ невѣрующихъ, ветхаго человѣка отъ новаго. И у самого Иисуса Христа «мы не найдемъ никакихъ толковъ о догматахъ и таинствахъ церковныхъ, а однѣ практическія аксіомы, поучающія, что дѣлать и чего удаляться, и возвѣщающія смерть плотскому мудрованію разума и злой волѣ, или собственной жизни человѣка». Отсюда—выводъ: нѣтъ никакихъ основаній къ раздѣленію христіанъ на различныя исповѣданія, такъ какъ истиннымъ христіаниномъ можетъ быть названъ всякій, кто, отвергшись отъ міра, имѣетъ своей цѣлью одного Христа, для чего опять-таки не нужны никакіе обряды, потому что всякій въ своей совѣсти найдетъ путь къ истинному спасенію. Нѣтъ нужды говорить, насколько такой взглядъ на религію разнился отъ взгляда на тотъ же предметъ господствующей церкви. Полное безразличіе вѣроисповѣданій, проповѣдывавшееся мистиками, привело ихъ къ убѣжденію, что истинная религія, т.-е. стремленіе къ общенію человѣка съ Богомъ, существовала отъ сотворенія міра, и что не было ни язычниковъ, ни идолопоклонниковъ. Кромѣ того, этотъ же путь привелъ ихъ къ раздѣленію церкви на внѣшнюю и внутреннюю, изъ которыхъ они видѣли спасеніе только въ послѣдней, не признающей никакихъ обрядовъ и таинствъ, кромѣ упомянутаго уже таинства возрожденія, не требующаго никакихъ внѣшнихъ обрядовъ. Развивая эту мысль, Лабзинъ говорилъ, что «никакая книга не можетъ ни дать, ни отнять опытнаго дознанія внутренней, сокровенной жизни. Чтобы истинно познать Христа, надобно самому начать жить Его жизнью, и мы постольку будемъ познавать, поскольку этой жизни будетъ пребывать въ насъ. Все это достигается только внутреннею церковью, а внѣшняя—это толпа оглашенныхъ, низшихъ христіанъ, имѣющая видъ грѣха, подобно Іову на гноищѣ. Поэтому-то «внѣшняя церковь», со всѣми своими таинствами и обрядами, оказывалась, по ученію мистиковъ, совершенно ненужною и не признавалась «Сіонскимъ Вѣстникомъ». Такое ученіе мистиковъ, несогласное съ ученіемъ православной церкви, разумѣется, не прошло для нихъ безслѣдно: спустя недолгое время послѣ возобновленія «Сіонскаго Вѣстника», живое вниманіе къ нему со стороны духовныхъ лицъ смѣнилось недоумѣніемъ, затѣмъ разочарованіемъ и, наконецъ, протестомъ. Возникшая по этому поводу агитація духовенства о подчиненіи «Сіонскаго Вѣстника» духовной цензурѣ закончилась тѣмъ, что Лабзинъ опять принужденъ былъ прекратить изданіе, и на этотъ разъ—навсегда.

Однимъ изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ «Сіонскаго Вѣстника» явился Филаретъ. Признавая всю пользу мистическаго ученія въ духѣ православія, Филаретъ былъ противникомъ всякаго уклоненія его отъ этого направленія. Онъ ясно понималъ, что въ мистикѣ самый важный вопросъ—это отношеніе ея къ церкви и церковнымъ учрежденіямъ. Всякая обособленность, по его мнѣнію, могла принести только вредъ, а отнюдь не пользу. Поэтому, замѣтивъ уклоненіе общества отъ господствующей религіи, Филаретъ употреблялъ всѣ силы, чтобы возвратить его на путь православія. Правда, самъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ, особенно раннихъ, являлся чистѣйшимъ мистикомъ, о чемъ могутъ свидѣтельствовать самыя темы его проповѣдей—о возрожденіи духовномъ, о дѣйствіяхъ Св. Духа въ сердцахъ вѣрующихъ, о просвѣщеніи внутреннимъ свѣтомъ и проч., но въ то же время всѣ проповѣди его были строго православны: онъ постоянно повторялъ въ нихъ о необходимости получать утѣшеніе именно въ храмѣ Божіемъ, въ богослуженіи церковномъ и порицалъ тѣхъ, кто считаетъ возможнымъ приблизиться къ Христу и соединиться съ Нимъ помимо церкви. Вслѣдъ за протестомъ со стороны духовенства, порицавшаго крайнее направленіе «Сіонскаго Вѣстника», обнаружился протестъ и со стороны свѣтскихъ лицъ, считавшихъ себя ревнителями православія. Такъ, напримѣръ, М. М. Сперанскій находилъ, что современный ему мистицизмъ зашелъ слишкомъ далеко, считая, что открылъ какой-то особый путь къ истинѣ, наиболѣе удобный и наиболѣе чистый, чѣмъ тотъ, который представляетъ намъ церковь со всѣми своими установленіями. Сперанскій видѣлъ въ этомъ заблужденіе мистиковъ, «и гордое, и плачевное». «Какъ будто,—писалъ онъ,—отвергнувъ слова, фигуры, формы и изображенія, церковью принятыя, мудрецы сін не принуждены были ввести также свои слова, формы и изображенія, церковью не принятыя; какъ будто передъ Богомъ метафизическая наша истина всегда словами, т.-е. формами и умственными начертаніями, представляется чище и Ему угоднѣе, нежели обряды церковныя, и какъ будто сей чистѣйшій Духъ понимаетъ метафизическое наше лепетаніе и имъ измѣряетъ наши предъ Нимъ достоинства. Установленія церковныя поистинѣ удовлетворяютъ всѣмъ человѣческимъ положеніямъ. Одна литургія Іоанна Златоустаго или Василія Великаго можетъ занять на всю жизнь и даже поглотить въ себѣ всѣ размышленія самаго глубокомысленнаго испытателя, если только онъ будетъ размышлять съ надлежащимъ совѣсти и духа очищеніемъ».

Подъ вліяніемъ крайняго направленія, взятаго «Сіонскимъ Вѣстникомъ», многія лица, не только духовныя, но и свѣтскія, стали обращаться къ оберъ-прокурору св. синода, князю Голицыну, съ просьбой подчинить означенный журналъ духовной цензурѣ, при чемъ представляли обширныя критическія разборы статей «Сіон-

скаго Вѣстника», перечисляя въ нихъ всѣ неправославныя мнѣнія и мысли, находившія себѣ мѣсто на его страницахъ. Изъ сохранившихся въ синодальномъ архивѣ рукописей этихъ критическихъ разборовъ видно, что ревнителями православія выдвигались противъ Лабзина слѣдующія обвиненія: «Сіонскій Вѣстникъ» не только не признаетъ христіанскую религію единственнымъ путемъ къ спасенію, но даже не даетъ ей никакого преимущества предъ всѣми остальными вѣроисповѣданіями; насмѣхается надъ словомъ «воплощеніе», вошедшимъ въ православную богословскую терминологию; вопреки евангельскому свидѣтельству, увѣряетъ своихъ читателей, что Іисусъ Христосъ не говорилъ ничего о догматахъ и не устанавливалъ таинствъ; отрицаетъ таинства евхаристіи, крещенія, миропомазанія и уничтожаетъ евангельскую проповѣдь; таинство священства называетъ внѣшнимъ обрядомъ, вселяетъ недоувѣріе къ пастырямъ и осмѣиваетъ чинъ монашескій; очень прозрачно намекаетъ на то, что не признаетъ догмата объ исхожденіи Св. Духа и готовъ думать, что католическое ученіе «Filioque» болѣе соотвѣтствуетъ истинѣ и, наконецъ, называетъ апостола Павла сатаною (sic!) и надъ нимъ насмѣхается. Справедливость требуетъ сказать, что далеко не всѣ перечисленныя обвиненія были справедливы. Такъ, напримѣръ, послѣднее обвиненіе относительно того, что Лабзинъ называетъ апостола Павла сатаною и насмѣхается надъ нимъ почерпнуто составителемъ критическаго разбора изъ слѣдующаго мѣста статьи «Іоаннъ Бюніанъ», помѣщенной въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ»: «Я повергся передъ Господомъ и вошялъ: Господи! Сатана говоритъ, будто милости Твоей и крови Христовой не довольно для спасенія моего. Вѣрять ли ему, Господи? Я вѣрую, что Ты можешь и хочешь спасти меня». Нужно обладать черезчуръ смѣлой фантазіей, чтобы приписать употребленное здѣсь слово «сатана» по отношенію къ апостолу Павлу. Изъ духовныхъ лицъ, являвшихся противниками «Сіонскаго Вѣстника», кромѣ Филарета, слѣдуетъ назвать священника Полубенскаго и ректора петербургской семинаріи, архимандрита Іннокентія (Смирнова). Послѣдній написалъ по поводу направленія «Сіонскаго Вѣстника» обширное писъмо князю Голицыну, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «Вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее». Но князь Голицынъ вполне раздѣлялъ въ то время ученіе мистиковъ, и потому всѣ писъма и критическіе разборы, касавшіеся журнала Лабзина были «оставлены безъ движенія».

Между тѣмъ партія противниковъ Лабзина росла и, съ выходомъ каждой новой книжки, его все болѣе и болѣе упрекали въ проповѣдываніи богоотступнаго ученія. Но Лабзинъ мало обращалъ вниманія на упреки и, продолжая пользоваться сочувствіемъ къ нему князя Голицына, издавалъ книжку за книжкой. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока нѣкто Степанъ Смирновъ, состоявшій въ должности переводчика императорской медико-хирургической ака-

демин, не подалъ одному изъ самыхъ ярыхъ противниковъ Лабзина— князю С. А. Ширинскому (впослѣдствіи іеромонахъ Аникита въ Юрьевскомъ монастырѣ) докладной записки съ перечисленіемъ всѣхъ неправославныхъ мнѣній Лабзина, иллюстрированныхъ выписками и выдержками изъ статей «Сіонскаго Вѣстника». Князь Ширинскій-Шихматовъ, давно уже зорко слѣдившій за всѣмъ, что помѣщалось въ журналѣ Лабзина, рѣшилъ дѣйствовать. Онъ убѣдилъ извѣстнаго дѣятеля эпохи Александра I, А. С. Стурдзу, сто-ропника православія, выступить на защиту православія. Стурдза, ознакомившись съ рукописью Смирнова, убѣдился въ справедливости его мнѣній относительно неправославія мнѣній Лабзина и, пользуясь расположеніемъ къ нему князя Голицына, написалъ ему обвинительный актъ противъ переводовъ и сочиненій Лабзина, въ которомъ выписками изъ книгъ и статей доказывалъ, что переводчикъ виновенъ не только въ переводѣ книгъ, враждебныхъ церкви, но и въ усиленіи и искаженіи подлинниковъ. Стурдза убѣждалъ князя Голицына въ необходимости положить конецъ такому соблазну, которому цензура, очевидно, потворствуетъ. Во время аудіенціи у князя Стурдза предложилъ ему ознакомиться съ докладной запиской Смирнова и самому лично прочесть тѣ мѣста изъ сочиненій Лабзина, которыя инкриминируются этой запиской. Чтеніе началось. Каждая страница рукописи Смирнова провѣрялась подлинными статьями. Голицынъ горячо вступался за мысли Лабзина, стараясь придать имъ благопріятный смыслъ, но это ему не всегда удавалось. Наконецъ они дошли до одного мѣста, гдѣ Лабзинъ невѣрно истолковывалъ значеніе и силу таинства евхаристіи, основываясь на словахъ Спасителя: «Глаголы Моя духъ есть... плоть не пользуется ничесозже». Толкованіе Лабзинымъ этого текста шло такъ вразрѣзъ съ ученіемъ церкви, что Голицынъ былъ смущенъ и прямодушно сознался, что сдѣлалъ большую ошибку, принявъ цензуру «Сіонскаго Вѣстника» на себя. Однако онъ считалъ неудобнымъ запретить Лабзину изданіе духовныхъ книгъ, въ виду того, что правительство совсѣмъ еще недавно провозгласило Лабзина первымъ духовнымъ писателемъ въ Россіи, пожаловавъ ему орденъ св. Владимира второй степени, и, кромѣ того, предполагалъ, что погрѣшаетъ онъ ненамѣренно. Стурдза отвѣтилъ, что думаетъ о Лабзинѣ совершенно иначе, и предложилъ Голицыну средство для «узнанія истины», которое прекратитъ-де соблазнъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оградитъ честь и достоинство правительства. Средство это заключалось въ томъ, чтобы Голицынъ, съ вѣдома и согласія государя, заявилъ Лабзину, что ему ставится въ обязанность обращаться впередъ за разрѣшеніемъ выпускать книжки «Сіонскаго Вѣстника» въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ. Если Лабзинъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то мнѣніе о ненамѣренномъ искаженіи имъ ученія православной церкви будетъ оправдано;

если же онъ, наоборотъ, будетъ протестовать и противиться, то «злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей». Князю Голицыну средство А. С. Стурдзы понравилось, и онъ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ о необходимости подчиненія «Сіонскаго Вѣстника» духовной цензурѣ. Государь докладъ утвердилъ. Голицынъ поручилъ попечителю петербургскаго учебнаго округа сообщить высочайшемъ повелѣніи Лабзину, а петербургскому генералъ-губернатору—наблюдать, чтобы типографіи принимали книжки «Сіонскаго Вѣстника» къ печатанію не иначе, какъ по одобреніи ихъ духовной цензурой.

Распоряженіе это привело Лабзина въ самое удручающее настроеніе. «Врагамъ моимъ отдали меня,—говорилъ онъ.—Не пойду на судъ людямъ, которые затворяютъ дверь царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда». Тонъ его писемъ къ знакомымъ носилъ въ это время желчный, непріятный характеръ. «Вотъ наше христіанство,—писалъ онъ одному изъ своихъ знакомыхъ,—и даже мірская честность! Заставить человѣка дѣлать дѣло и послѣ за то его винить. Ежели я нехорошо исполняю сдѣланное мнѣ порученіе, то слѣдовало бы меня отъ онаго уволить и препоручить оное другому, а не отдавать меня въ руки враговъ моихъ, ибо я не самъ затѣялъ журналъ мой, а по явному повелѣнію. Чѣмъ же я виноватъ? Все это сдѣлано тайно, не призвавъ меня и не предупредивъ о томъ, а чтобы болѣе уязвить меня, послано такое же отношеніе и къ министру полиціи, дабы наблюдать по типографіямъ, чтобы я не сталъ печатать безъ цензуры. Итакъ, я сталъ hors de loi, и преслѣдствія моей дѣлаютъ меня мошенникомъ». Пытаясь избавиться отъ духовной цензуры, Лабзинъ обратился къ князю Голицыну, указывая ему, что духовная цензура установлена для учебныхъ книгъ, а его журналъ—не учебная книга. Въ своемъ обширномъ письмѣ на имя князя Голицына Лабзинъ, между прочимъ, объяснялъ, что въ объясненіи догмата о церкви онъ руководствовался актомъ Священнаго союза 1815 года, по которому подписавшіе его три монарха согласились «оказывать другъ другу услуги и почитать себя членами единаго народа христіанскаго», такъ какъ «христіане всѣхъ вѣроисповѣданій суть только отрасли одного семейства». Въ отвѣтномъ письмѣ князь Голицынъ писалъ Лабзину, что въ передачѣ «Сіонскаго Вѣстника» въ вѣдѣніе духовной цензуры виноватъ онъ самъ, «ибо... какое правительство и въ какомъ государствѣ согласилось бы попустить, чтобы наружныя установленія церкви и духовной власти, коими необходимо поддерживается въ общемъ составѣ народномъ привязанность ко всему тому, что до религіи касается, было судимо, критикуемо и отвергаемо въ публичныхъ сочиненіяхъ, и еще въ такихъ, кои суть духовнаго содержанія? Христіанство не позволяетъ намъ судить никого, кольми паче установленную власть, духовную ли то, или гражданскую.

А что издатель сего журнала къ тому наклоненъ, то доказываетъ и самое нынѣшнее ваше письмо, въ которомъ, между прочимъ, жалуетесь на порученіе журнала вашего духовной цензурѣ, называя сіе преданіемъ васъ въ руки главныхъ противниковъ, которые будто бы и сами не идутъ и хотящимъ возбраняютъ... Когда вы не имѣете намѣренія возставать противъ установленій церкви, на что вамъ почитать и членовъ духовной власти противниками своими? Ибо и они, по крайней мѣрѣ, не менѣе всякаго другого готовы поспѣшествовать распространенію истиннаго духовнаго вѣдѣнія и духа христіанства». Въ письмѣ своемъ князь Голицынъ опять повторилъ, что изданіе «Сіонскаго Вѣстника» можетъ быть продолжаемо не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной цензуры. Такимъ образомъ, «Сіонскій Вѣстникъ» и официально былъ признанъ изданіемъ вреднымъ, а Лабзинъ — человѣкомъ, «потрясающимъ основы» православной церкви.

Не желая подчинить журналъ духовной цензурѣ и тѣмъ самымъ обезличить его, Лабзинъ осенью 1818 года помѣстилъ въ газетахъ объявленіе о прекращеніи изданія, послѣ чего «Сіонскій Вѣстникъ» вторично, и на этотъ разъ уже навсегда, по выраженію Лабзина, «пелустилъ свой духъ». Противники журнала праздновали паденіе его, какъ особое событіе. Это указываетъ на то значеніе, какое Лабзинъ имѣлъ въ современной ему духовной литературѣ и на трудность борьбы съ нимъ путемъ полемическимъ.

V.

Переутомленіе отъ усиленныхъ трудовъ по изданію «Сіонскаго Вѣстника» и испытанныя огорченія при закрытіи его сильно разстроили здоровье Лабзина, и онъ сталъ страдать сильнымъ нервнымъ расстройствомъ, принимавшимъ нерѣдко признаки эпилепсін. По совѣту врачей и просьбамъ родныхъ, онъ рѣшилъ весной 1819 года отправиться для леченія на воды. Прося у назначеннаго незадолго передъ тѣмъ на должность президента академіи художествъ А. П. Оленина отпуска на полгода, съ сохраненіемъ содержанія, Лабзинъ прибавлялъ, что по ограниченности средствъ онъ можетъ ѣхать лишь на Андреопольскія воды Кушелева въ Тверскую или на Семеновскія Нащокина въ Московскую губернію. Оленинъ отвѣтилъ Лабзину, что отпускъ разрѣшенъ ему не только съ сохраненіемъ содержанія, но что государь пожалованъ ему сверхъ того три тысячи рублей на путевыя издержки. Въ маѣ Лабзинъ отправился на воды, однако ни отдыхъ, ни леченіе водами не улучшили его здоровья. Припадки эпилепсін повторялись все чаще и чаще, нервы подъ вліяніемъ слагавшейся обстановки разстраивались все сильнѣе и сильнѣе.

Между тѣмъ, въ политикѣ правительства по отношенію къ масонству и мистицизму произошли значительныя перемѣны. Борьба православія съ мистицизмомъ явно клонилась въ пользу православія. Правда, когда князь Голицынъ стоялъ еще на своемъ видномъ посту министра народнаго просвѣщенія, ревнители православія нерѣдко терпѣли чувствительные удары. Такъ, напримѣръ, когда ректоръ петербургской семинаріи Иннокентій, исполнявшій въ то же время должность духовнаго цензора, вскорѣ послѣ прекращенія «Сіонскаго Вѣстника» пропустилъ въ печать противомистическое сочиненіе пѣкоего Станевича—«Бесѣда на гробѣ младенца», Голицынъ страшно разсердился на него за «такую дерзость» и сдѣлалъ комиссіи духовныхъ училищъ грубый выговоръ за то, что цензоръ пропустилъ въ печать книгу, наполненную «защитеніемъ наружной церкви противъ внутренней и противную началамъ, руководствующимъ наше христіанское правительство». Иннокентій былъ удаленъ изъ Петербурга епископомъ въ Пензу. Жертвой въ борьбѣ противъ мистицизма палъ, какъ извѣстно, и самъ митрополитъ петербургскій Амвросій. Преемникъ его Михаилъ не сдѣлался жертвой лишь потому, что послѣ своей жалобы на «слѣпотствующаго министра» вскорѣ скончался. Тамъ продолжалось до того времени, когда на борьбу съ мистицизмомъ выступили извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій и Аракчеевъ. Борьба съ ними Голицыну оказалась не подъ силу, и въ 1824 году онъ долженъ былъ оставить постъ министра народнаго просвѣщенія и выйти въ отставку. Съ господствомъ Голицына окончилось и господство мистицизма. Однако первыя трещины въ зданіи мистицизма появились раньше. Приблизительно съ 1820 года изданіе религіозно-мистическихъ книгъ стало подвергаться болѣе строгой цензурѣ, чѣмъ раньше, многіе мистическія секты подверглись гоненію, а въ 1822 году послѣдовало закрытіе масонскихъ ложъ. Всѣмъ начальствующимъ лицамъ поручено было отобрать отъ подчиненныхъ имъ лицъ свѣдѣнія, кто и въ какой ложѣ состоялъ, и взять съ нихъ подписку, что никто ни къ какому тайному обществу на будущее время принадлежать не будетъ. Оленинъ, какъ президентъ академіи художествъ, устроилъ по этому поводу спеціальное засѣданіе членовъ, на которомъ былъ прочтенъ высочайшій указъ о запрещеніи ложъ. Лабзинъ пріѣхалъ послѣ чтенія указа, Оленинъ хотѣлъ повторить чтеніе, но онъ сказалъ, что содержаніе указа ему уже извѣстно, и немедленно передалъ свою подписку.

Ударъ за ударомъ, сыпавшіеся на Лабзина послѣ закрытія «Сіонскаго Вѣстника», сдѣлали изъ него подъ конецъ жизни желчнаго и вѣчно раздраженнаго брюзгу. Онъ сталъ подозрительнымъ и не только по отношенію къ своимъ противникамъ, но и доброжелателямъ. Рѣзкія выраженія то и дѣло пестрятъ въ его письмахъ, относящихся къ этому періоду. Все это, конечно, объяснялось его

болѣзнию—нервно-возбужденнымъ состояніемъ, вызваннымъ перемѣною обстоятельствъ, лишившихъ его возможности продолжать свою религіозно-литературную дѣятельность. Въ концѣ концовъ желчность и раздражительность Лабзина привели его къ тому, что онъ не только былъ отстраненъ отъ должности вице-президента академіи художествъ, но сосланъ на жительство въ глушь Симбирской губерніи. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство, которое, по письмамъ Лабзина и его современниковъ, можно воспроизвести теперь въ болѣе или менѣе подробномъ видѣ.

Услышавъ стороной, что Оленинъ намѣренъ сдѣлать въ академіи художествъ публичное собраніе, Лабзинъ заявилъ ему, что въ текущемъ (1822 г.) году такое собраніе будетъ бесполезно, такъ какъ, въ виду неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, воспитанники академіи не создали ничего выдающагося, что можно было бы выставить для обозрѣнія публики. Оленинъ согласился съ доводами Лабзина и назначилъ на 13-е сентября собраніе не публичное, а чрезвычайное, на которое были приглашены только почетные любители и члены. Предметомъ обсужденія намѣченъ былъ вопросъ объ избраніи на открывшіяся вакансіи новыхъ почетныхъ любителей и членовъ. Лабзинъ опять замѣтилъ Оленину, что вакансій въ академіи мало, а желающихъ занять ихъ очень много, и потому предложилъ назначить предварительное собраніе, на которомъ по общему согласію намѣтитъ новыхъ почетныхъ любителей и членовъ, чтобы въ чрезвычайномъ собраніи не произошло никакой остановки. Оленинъ опять согласился съ доводами Лабзина и назначилъ предварительное засѣданіе на 12 сентября. Въ назначенный день засѣданіе открылось пересмотромъ списка почетныхъ любителей и оказались свободными всего только три вакансіи, тогда какъ кандидатовъ было человекъ до десяти. Нѣкоторые предложили это званіе самому президенту, но Оленинъ отказался. Тогда предложили избрать графа Аракчеева, Гурьева и Кочубея. Оленинъ выразилъ неудовольствие, говоря, что всѣ трое предложенныхъ кандидатовъ его непріатели. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что неловко обойти князя П. В. Лопухина и графа М. А. Милорадовича. Кто-то предложилъ избирать по чинамъ, но собравшіеся отвергли вопросъ о выборѣ по старшинству. Тогда Лабзинъ предложилъ избрать тѣхъ, кто является болѣе или менѣе виднымъ любителемъ и покровителемъ художествъ. Для примѣра онъ указывалъ на Д. П. Татищева, подарившаго академіи оригинальную картину испанской школы и включеннаго за то, за неимѣніемъ вакансіи почетнаго любителя, въ число почетныхъ членовъ академіи, Д. А. Нарышкина, открывшаго у себя на дому цѣнную картинную галерею, и графа А. А. Аракчеева, показавшаго любовь къ художествамъ сооруженіемъ въ своемъ Грузинскомъ имѣніи памятника императору Павлу I и изваяніемъ для тамошняго

собора статуи апостола Андрея Первозваннаго. Скульптуръ Мартосъ настаивалъ на избраніи Аракчеева, Гурьева и Кочубея. Лабзинъ съ проніей спросилъ его:

— Почему вы отдаете имъ преимущество передъ другими?

— Они близки къ государю,—отвѣтилъ, не смущаясь, Мартосъ.

Желая показать всю несообразность такого отвѣта, Лабзинъ сказалъ:

— Тогда можно предложить въ члены академіи и Илью кучера, потому что и онъ близокъ къ государю.

Такъ какъ все это происходило въ присутствіи болѣе чѣмъ двадцати художниковъ, и слова Лабзина были произнесены въ присутственной комнатѣ, то, желая придать словамъ Лабзина шуточный характеръ, Оленинъ спросилъ его:

— А развѣ Илья вамъ знакомъ?

— Хотя и незнакомъ,—отвѣтилъ, всплывъ, Лабзинъ:—но въ моемъ понятіи всякій честный человѣкъ, вѣрно служащій своему государю и хорошо исполняющій свою должность, во всякомъ словѣ достоинъ уваженія; а какъ кучеръ есть тотъ человѣкъ, у котораго часто бываетъ въ рукахъ не только здоровье, но и жизнь наша, то для того, кому здоровье государя дорого, и кучеръ Илья—человѣкъ почтенный. Къ тому же по табели о рангахъ императорскій лейбъ-кучеръ положенъ въ чинѣ полковника.

— Но онъ мужикъ,—замѣтилъ Мартосъ.

— Кулибинъ былъ мужикъ,—отвѣтилъ рѣзко Лабзинъ:—однакоже членъ академіи наукъ. Власовъ, также изъ крестьянъ, былъ членомъ медико-хирургической академіи.

Оленинъ опять, желая замять обостряющійся разговоръ, шуточно замѣтилъ:

— Я не премину извѣстить новоизбранныхъ членовъ въ почетные любители о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Федоровичъ предложеніемъ къ совмѣстному съ ними выбору кучера Ильи!

Раздался общій взрывъ хохота. Лабзинъ «съ сердцемъ» отвѣтилъ Оленину:

— Я отъ васъ этого не ожидаю, а, впрочемъ, если вамъ угодно, то дѣлайте свое дѣло, а я сихъ господъ не боюсь. Въ самодержавномъ государствѣ нѣтъ причины кого-либо бояться, кромѣ одного государя, и сами сии господа, если дойдеть до нихъ сей извѣтъ, будутъ столь великодушны, что либо презрять оный, либо, по крайней мѣрѣ, не осудятъ меня по одному пустому слуху и сплетнямъ, которыми кто не поддадалъ иногда?

Однако на слѣдующій же день послѣ засѣданія по Петербургу пошли сплетни, искажавшія слова Лабзина до невѣроятности. Говорили, что, когда въ собраніи было предложено выбрать въ почетные любители Аракчеева, Гурьева и Кочубея, то онъ будто бы отозвался о нихъ въ томъ смыслѣ, что «этихъ людей онъ не знаетъ и о

достоинствахъ ихъ не слыхалъ», а когда назвали графа Кочубея, то онъ выразился еще болѣе рѣзко: «Кочубей и двухъ копеекъ не стоитъ: сей человѣкъ надутый и ничего незначащій». Слухи о сплетняхъ дошли и до Лабзина, и онъ рѣшился разъяснить возникшее недоразумѣнiе. Онъ запросилъ о существованiи сплетенъ Оленина, причѣмъ писалъ ему: «Выносить прежде времени то, что въ какихъ-либо совѣщательныхъ собранiяхъ происходило, самыми законами воспрещено, и разсѣвающій слухи во вредъ другого, особливо съ ложными прибавками, въ самыхъ законахъ называется клеветникомъ и похитителемъ чести другого и признается за оскорбителя». Оленинъ отвѣтилъ ему въ томъ смыслѣ, что и самъ неоднократно замѣчалъ, какъ все, происходящее въ академiи, разглашалось по городу и что слухи о сплетняхъ справедливы, такъ что генераль-губернаторъ М. А. Милорадовичъ затребовалъ отъ него, какъ президента академiи, письменнаго доклада о происшествiи. Такимъ образомъ, дѣло приняло офiціальный характеръ. Препровождая докладъ Оленина императору Александру, бывшему въ то время въ Веронѣ, Милорадовичъ, не выслушавъ объясненiй Лабзина, приложилъ и свою записку, въ которой изложилъ все городскiя сплетни, ходившiя по поводу словъ Лабзина въ собранiи. Лабзинъ оспаривалъ справедливость сдѣланнаго на него доноса и просилъ суда, обѣщая доказать на немъ свою невинность въ приписываемомъ ему молвою чуть ли не «потрясенiи государственныхъ основъ». Просьба Лабзина не была удовлетворена, и 20 октября 1822 года послѣдовалъ указъ сенату, въ которомъ законически было сказано: «Вице-президентъ академiи художествъ дѣйствительный статскiй совѣтникъ Лабзинъ отставляется отъ службы». Князю Голицыну повелѣно было сдѣлать выговоръ Оленину за неумѣнiе сохранить порядокъ въ засѣданiи и недонесенiе, а графу Милорадовичу выслать Лабзина изъ столицы въ его деревню съ запрещенiемъ выѣзда изъ нея безъ особаго на то разрѣшенiя, въ случаѣ же, если у Лабзина нѣтъ никакого помѣстья, по соглашенiю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ избрать одинъ изъ уѣздныхъ городовъ отдаленной губернiи, куда и сослать его на жительство подъ особенный надзоръ съ запрещенiемъ выѣзжать безъ высочайшаго разрѣшенiя. Никакихъ помѣстiй у Лабзина не оказалось и, по случайному ли совпаденiю, или намѣренно, управляющiй министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей избралъ мѣстомъ ссылки для него городъ Сентилей, Симбирской губернiи, изъ которой какъ разъ былъ родомъ злополучный для Лабзина кучеръ Илья.

VI.

Когда 7-го ноября 1822 года Лабзинъ узналъ о постигшемъ его несчастiи, онъ былъ крайне удивленъ чрезмѣрнымъ наказанiемъ за поступокъ, въ которомъ не признавалъ себя виновнымъ. Все случив-

шееся онъ приписывалъ интригамъ Мартоса, который, по его мнѣнію, рассчитывалъ и надѣялся черезъ Оленина получить вице-президентское мѣсто въ академіи художествъ. Однако приходилось покориться необходимости, еще болѣе ужасной потому, что у Лабзина рѣшительно не было никакихъ средствъ на поѣздку въ Сѣнгилей, затерявшійся на окраинѣ Европейской Россіи. Лабзинъ сообщилъ объ этомъ Милорадовичу, но оставшіеся доброжелатели Лабзина снабдили его необходимыми средствами. Первымъ пришелъ къ нему на помощь Оленинъ, передавшій ему черезъ третье лицо свое мѣсячное жалованіе — 300 рублей. Получивъ деньги, Лабзинъ такъ и не узналъ имени своего перваго и самаго искренняго благотворителя, котораго онъ, заблуждаясь, считалъ однимъ изъ виновниковъ разразившейся надъ нимъ катастрофы. Велѣдъ за тѣмъ князь Голицынъ, имѣвшій всегда отъ государя нѣкоторую сумму для оказанія помощи бѣднымъ, прислалъ ему 2000 рублей на путевыя издержки. Знакомая супруги Лабзина дѣвица принесла ей 800 рублей, а бывший ученикъ академіи—200 руб. и съ этими деньгами Лабзины отправились въ далекій путь 13-го ноября, въ два часа пополудни.

Въ каретѣ, предоставленной Лабзину однимъ пріятелемъ, онъ вмѣстѣ съ супругой Анной Евдокимовной и воспитанницей Софьей Мудровой, въ сопровожденіи полицейскаго офицера, отправился въ Москву черезъ Тверь. Подъ Москвою карета опрокинулась въ ровъ, съ Лабзинымъ случился припадокъ эпилепсін, а его супруга повредила себѣ ногу. Въ Москвѣ Лабзинъ съ семействомъ остановился у доктора Мудрова, обязаннаго Лабзину помощью во время своего студенчества и занятій за границей. Будучи масономъ, Мудровъ былъ связанъ съ Лабзинымъ самой тѣсной дружбой и даже отдалъ ему на воспитаніе свою племянницу. У Мудрова Лабзины переночевали одну ночь, такъ какъ явившійся на утро полицеймейстеръ, несмотря на состояніе здоровья А. Е. Лабзиной, которую носили по комнатамъ на креслѣ, и порчу кареты, приказалъ Лабзину немедленно выѣхать изъ Москвы. Замѣнивъ карету двумя санными повозками, изгнанники отправились въ дальнѣйшій путь, представлявшій собою неимоверныя трудности, такъ какъ санный путь еще не установился: приходилось тащиться по голой землѣ, переправляться черезъ рѣки по зыбкому еще льду и прочее.

Въ Симбирскѣ Лабзины прибыли въ началѣ декабря и были встрѣчены симбирскимъ обществомъ, предупрежденнымъ о пріѣздѣ знаменитаго масона письмомъ одного знакомаго Лабзина, дружески. Многіе обыватели Симбирска просили тогдашняго симбирскаго полицеймейстера Кирьякова увѣдомить ихъ тотчасъ, какъ пріѣдетъ Лабзинъ, и едва онъ въѣхалъ въ гостиницу, какъ къ нему стали являться посыльные съ вопросами о его нуждахъ и съ предложеніемъ услугъ своихъ. Губернаторъ баронъ А. П. Уманецъ также

встрѣтили его крайне радушно и, думая, что онъ самъ избралъ себя мѣстомъ жительства Сентилей, удивился такому «странному выбору» и предлагалъ даже Лабзину возбудить ходатайство о позволеніи жить ему въ Симбирскѣ тѣмъ болѣе, что въ Симбирскѣ живутъ грузинскіе князья, высланные съ родины и болѣе «опасные», чѣмъ онъ, Лабзинъ. Однако послѣдній, опасаясь, «какъ бы благо-расположеніе къ нему добрыхъ сердець не раздражило паче сердца его гонителей», отказался отъ любезнаго предложенія Уманца.

Черезъ нѣсколько дней Лабзинъ и его супруга прибыли въ Сентилей—маленькій городишко, въ которомъ и теперь еле-еле насчиташь 6000 жителей, а въ описываемое нами время это былъ небольшой поселокъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ съ одной церковкой. Здѣсь Лабзинымъ пришлось помѣститься въ избѣ, состоявшей изъ одной комнаты, имѣвшей аршинъ восемь въ квадратъ, и кухни, откуда вѣчно несся чадъ и ползли тараканы. О какихъ-либо удобствахъ изгнанникамъ-супругамъ не приходилось и думать. Въ первые дни послѣ пріѣзда, при тринадцатиградусномъ морозѣ они сидѣли въ нетопленной комнатѣ и дрожали, и не потому, чтобы дровъ не было или кунить ихъ было не на что, а только потому, что въ городѣ не нашлось печника, который починилъ бы лопнувшую трубу. За печникомъ пришлось посылать въ одно помѣстье, отстоявшее отъ Сентилей верстъ за тридцать пять, а въ ожиданіи его пріѣзда мерзнуть. Правда, въ Сентилей многое можно было получить тогда даромъ или за безцѣнокъ, но зато часто и на вѣсь золота нельзя было купить необходимыхъ предметовъ и припасовъ. Хорошо еще, что симбирскій помѣщикъ П. П. Тургеневъ по старинной масонской дружбѣ прислалъ Лабзину возъ домашнихъ и другой—лекарственныхъ припасовъ, безъ которыхъ обходиться было трудно. Когда, вскорѣ послѣ пріѣзда Лабзина въ Сентилей, ему стало нездоровиться, то за докторомъ, а послѣ его прібытія—за лекарствами пришлось посылать за семьдесятъ верстъ, въ Симбирскъ, такъ что прошло нѣсколько дней прежде, чѣмъ больной получилъ первую помощь. Естественно, что при такихъ условіяхъ дешевизна жизни въ Сентилей являлась во сто кратъ хуже дороговизны въ какомъ-либо другомъ городѣ, но тѣмъ не менѣе Лабзинъ съ полною покорностью и смиреніемъ относился къ посланному ему испытанію. «Ахъ, какая разность,—писалъ онъ въ январѣ мѣсяцѣ Хвостову,—между тѣмъ, чтобы учить и давать другимъ совѣты и исполнять то самому. Можно полагать на другихъ бремена тяжка, а самому и пальчикомъ не пошевелить. Я самъ около 40 лѣтъ проповѣдывалъ другимъ о крестопошеніи: можетъ быть, востребовалось отъ меня показать тому примѣръ на практикѣ самымъ дѣломъ, и что же, да будетъ воля Его! я обнимаю крестъ, а не бѣгу отъ него. Слава Ему, слава Ему преблагому». «Я становлюсь историческимъ лицомъ,—писалъ въ другомъ письмѣ Лабзинъ,—о которомъ судить будутъ потомки. Господь укрѣпляетъ

немощныя мои силы, и я твердо положилъ: что бы со мною ни послѣдовало и хотя бы стало еще хуже, никого изъ человѣковъ, и особливо изъ великановъ земли объ облегченіи участи моей не просить, предавая себя въ полную волю Отца моего Небеснаго и доказывая имъ на опытѣ, что вѣрующій и безъ ихъ милостей жить можетъ». Лабзинъ прожилъ въ Сентилеѣ около полгода, и въ маѣ, по ходатайству князя Голицына и сестеръ своихъ Анны и Елизаветы, оставшихся въ Петербургѣ, переведенъ былъ въ Симбирскъ, съ назначеніемъ ежегодной пенсіи въ размѣрѣ 2000 рублей.

Симбирскъ създавна былъ гнѣздомъ масонства. Еще въ концѣ XVIII вѣка симбирскій помѣщикъ, бригадиръ И. П. Тургеневъ (отецъ Александра, Андрея и Николая Тургеневыхъ) организовалъ въ Симбирскѣ масонскую ложу подъ предсѣдательствомъ перваго симбирскаго вице-губернатора Голубцова, бывшаго впоследствии (съ 1807 по 1809 гг.) министромъ финансовъ. Въ 1817 году другой симбирскій помѣщикъ, князь М. П. Баратаевъ, открылъ въ Симбирскѣ вторую масонскую ложу, подъ названіемъ «Ключъ къ добродѣтели», подчинявшуюся въ своемъ управленіи великой ложѣ «Астрея». Самъ Баратаевъ съ 1817 по 1822 годъ состоялъ управляющимъ мастеромъ открытой ложки. Цѣль «Ключа къ добродѣтели», какъ и вообще всѣхъ масонскихъ ложъ, заключалась «въ строгомъ соблюденіи всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, въ истинномъ почитаніи и выполненіи закона Божественнаго, въ вѣрноподданнической преданности государю, въ повиновеніи властямъ и въ любви къ ближнему и самому себѣ». Исполненіе этой цѣли достигалось: нравственными поученіями, читаемыми въ собраніяхъ, въ истолкованіи обязанностей человѣка какъ къ самому себѣ, такъ и къ другимъ, въ стараніи, повѣряя свои поступки, какъ можно болѣе приближать себя къ Великому Существо, образовавшему человѣка по образу и подобию своему, гнущаяся страстей и пороковъ и прикрѣпляться къ добродѣтели». Вслѣдствіе уваженія, которымъ пользовался князь Баратаевъ, всѣ лучшіе представители современнаго ему симбирскаго общества старались попасть въ члены управляемой имъ ложки. Впрочемъ, не всѣ оправдывали довѣріе, оказанное имъ принятіемъ въ ложу, и нѣкоторые изъ нихъ подвергались остракизму: такъ, напримѣръ, дворянинъ С. былъ изгнанъ изъ ложки за то, что разболталъ какой-то секретъ. Собранія ложки происходили въ особомъ гротѣ, специально устроенномъ въ саду имѣнія князя Баратаева—с. Баратаевки (въ одиннадцати верстахъ отъ Симбирска). Остатки грота стоятъ еще въ баратаевскомъ саду до сихъ поръ. Положеніе этой подземной залы среди густой поросли сада, въ уединенномъ мѣстѣ, какъ нельзя болѣе отвѣчало ея мистическому назначенію. По своимъ размѣрамъ это круглое помѣщеніе со сводомъ, при вышинѣ около пяти аршинъ, имѣло въ діаметрѣ три сажени. Свѣтъ проникалъ туда черезъ три круглыхъ окна. По словамъ со-

временника Баратаева, князя В. И. Баюшева, во время засѣданій въ гротѣ ставился гробъ и на особомъ столѣ раскладывались: евангеліе, мечъ, черепъ, представлявшій собою голову Адама, и разные символическіе знаки, а по стѣнамъ развѣшивались мантіи отсутствующихъ братьевъ ложы и масонскіе атрибуты. Къ сожалѣнію, фамильный архивъ князей Баратаевыхъ не сохранился до настоящаго времени, и всѣ бумаги и документы, касающіеся масонства, были уничтожены въ 1822 году,—въ періодъ паники, охватившей такъ или иначе прикосновенныхъ къ масонству лицъ при извѣстіи объ официалномъ закрытіи масонскихъ ложъ въ Россіи.

Лабзинъ прибылъ въ Симбирскъ какъ разъ вкорѣ послѣ разгрома масонскихъ ложъ и былъ встрѣченъ весьма радушно бывшими масонами тѣмъ болѣе, что князь М. П. Баратаевъ приходился ему нѣсколько сродни. Симбирскіе масоны относились къ Лабзину съ большимъ уваженіемъ, видя въ немъ мученика за идею, старались предупредить его желанія, но, раздражаемый несчастіями и изможденный болѣзнію, Лабзинъ не ко всѣмъ относился такъ же доброжелательно и на многихъ смотрѣлъ съ недовѣріемъ, подозрительностью и принималъ ихъ не особенно ласково. Рассказываютъ, что, когда симбирскій губернскій почтмейстеръ Лазаревичъ, желая хоть чѣмъ-нибудь услужить знаменитому «Ученику мудрости», предложилъ Лабзину, во избѣжаніе различныхъ недоразумѣній, получать и отправлять письма черезъ него, то онъ заподозрѣлъ и въ этомъ невинномъ предложеніи дурной умыселъ.

— Если вамъ, батюшка,—отвѣтилъ онъ Лазаревичу,—угодно быть надо мной шпіономъ, вамъ никто не мѣшаетъ.

Лазаревичъ не оскорбился такимъ отвѣтомъ, да и вообще, по словамъ М. А. Дмитриева, «надобно отдать справедливость тогдашнимъ жителямъ Симбирска, они терпѣливо переносили первоначальную раздражительность изгнанника и добились его искренней признательности и искренняго чувства дружества. Они берегли его, какъ больного ребенка, какъ бѣдную душу, оскорбленную судьбой, и много помогали ему, но такъ искусно, что онъ и самъ никогда не догадывался».

Во время пребыванія своего въ Симбирскѣ Лабзинъ два лѣта провелъ въ с. Ундорахъ, отстоявшемъ отъ Симбирска въ тридцати пяти верстахъ и принадлежавшемъ одному изъ древнѣйшихъ симбирскихъ родовъ—Ивашевымъ. Въ это село, славившееся «изрядными садами и оранжереями», съѣзжалось высшее общество, не только симбирское, но и другихъ губерній. Большинство пріѣзжало сюда повеселиться, а остальная часть лечится водами минеральнаго источника, протекавшаго по имѣнію, свойства котораго, впрочемъ, не были изслѣдованы научно.

Въ Симбирскѣ прожилъ Лабзинъ немного больше полутора года. Изможденный болѣзнію, онъ постепенно слабѣлъ, дряхлѣлъ и,

Могила А. Э. Лабзина.

наконецъ, 26-го января 1825 года знаменитый «Ученикъ мудрости» отошелъ въ вѣчность, на пятьдесятъ девятомъ году отъ рожденія. Онъ похороненъ въ Симбирскомъ Покровскомъ мужскомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ его пріятель, архимандритъ Серафимъ, на кладбищѣ, являющемся сздавна мѣстомъ вѣчнаго упокоенія представителей именитѣйшихъ симбирскихъ родовъ. На могилѣ его поставленъ былъ крестъ изъ дикаго камня, и на немъ помѣщены вырѣзанные на бронзовой дощечкѣ посвященные его памяти стихи племянника извѣстнаго поэта карамзинской эпохи, также поэта, М. А. Дмитріева. Въ настоящее время на могилѣ Лабзина пышно разросся кустъ желтой акаціи и часть его могилы занята подъ другое погребеніе. Надпись на жестяномъ листочкѣ, замѣнившемъ собою бронзовую дощечку, неизвѣстно куда исчезнувшую, и прибитомъ на тыловой сторонѣ креста гласитъ:

«Вице-президентъ
Императорской Академіи Художествъ
Александръ Ѳедоровичъ

ЛАБЗИНЪ

скончался 26-го января 1825 года.

Всю жизнь онъ вѣренъ былъ ученію Христову,
Какъ вѣровалъ, такъ жилъ,
И братьямъ путь открылъ къ Спасителю слову,
Онъ западъ дней своихъ страдаемъ освятилъ.

Надпись эта возобновлена по постановленію симбирской архивной комиссіи 5-го мая 1897 года»

VII.

Въ заключеніе нашего очерка считаемъ нужнымъ привести характеристику, составленную на основаніи отзывовъ его современниковъ, и краткую оцѣнку его дѣятельности.

Лабзинъ былъ человѣкъ средняго роста, съ пріятнымъ продолговатымъ лицомъ, полный и хромоногій. Первое, что обращало на себя вниманіе при встрѣчѣ съ нимъ, это необыкновенно прекрасный даръ слова и увлекательность рѣчи. В. И. Панаевъ говоритъ, что, придя однажды въ гости къ Г. Р. Державину, у котораго собралось до тридцати человѣкъ, онъ былъ пораженъ даромъ слова одного изъ гостей, заставлявшимъ всѣхъ его слушать. — «Кто это?» спросилъ Панаевъ. Ему отвѣтили: «Лабзинъ». Своимъ краснорѣчіемъ и обширными познаніями онъ оказывалъ огромное вліяніе на окру-

жавшихъ его лицъ и вообще на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. М. А. Дмитріевъ говоритъ: «Судьба послала мнѣ человека, который впоследствии имѣлъ большое вліяніе на настроеніе души моей и вообще на мой образъ мыслей. Это былъ А. О. Лабзинъ». Страстный, увлекательный въ разговорѣ, Лабзинъ переносилъ эту страстность и увлекательность и въ письма и въ статьи. Словно гипнотизеръ, онъ всецѣло подчинялъ читателя своимъ доводамъ и доказательствамъ. Своевременно мы говорили о томъ успѣхѣ, какой имѣли его статьи въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ». Вотъ еще два примѣра. Одинъ офицеръ, совершенно незнакомый съ Лабзинымъ, пишетъ, что, находясь подъ арестомъ въ Витебскѣ, онъ случайно взялъ въ руки «Сіонскій Вѣстникъ», увлекся напечатанными въ немъ статьями, и все его прежнее вольнодумство какъ рукой сняло. Ученикъ Лабзина по академіи художествъ, лютеранинъ Витбергъ говорилъ: «Сужденія Лабзина объ обрядахъ греко-россійской церкви имѣли на меня большое вліяніе, и я рѣшительно увидѣлъ, что ежели для церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви». Другой наиболѣе характерной чертой въ Лабзинѣ была твердость воли. Самъ пройдя суровый дисциплинарный искусь въ масонской ложѣ, Лабзинъ и въ другихъ старался развить твердость воли и непреклонность убѣжденій путемъ суровой дисциплины. Рассказываютъ, что, будучи гросмейстеромъ основанной имъ ложи, онъ заставилъ сочлена ложи, извѣстнаго артиста А. П. Мартынова играть на сценѣ въ тотъ день, когда онъ получилъ извѣстіе о смерти отца. «Мужчинѣ стыдно поддаваться грустному чувству», сказала онъ Мартынову. Такой поступокъ возбуждалъ страхъ въ молодомъ тогда С. Т. Аксаковѣ, который видѣлъ въ ложѣ Лабзина какой-то католическій фанатизмъ, напоминающій тайныя инквизиторскія судилища среднихъ вѣковъ. Самъ Лабзинъ былъ другого мнѣнія о своемъ обращеніи съ подчиненными и видѣлъ въ немъ тотъ «тяжкій млатъ», который, «дробя стекло, куетъ булатъ». Какъ логическіе выводы, изъ твердаго характера Лабзина вытекали: независимость, прямота сужденія и непреклонность. Обходясь внѣ служебныхъ отношеній съ подчиненными себѣ вѣжливо и ласково, Лабзинъ со всѣми, кто стоялъ по служебной лѣстницѣ выше его, обращался, какъ съ равными, а иногда и грубо, за что и пострадалъ впоследствии. Правду онъ всѣмъ говорилъ въ глаза, не смущаясь тѣмъ, пріятна или непріятна эта правда. Постигшая его подъ конецъ жизни невзгода ничуть не измѣнила въ немъ этой черты характера. Изъ Симбирска уже онъ писалъ князю Голицыну: «Я предвижу, что и симъ письмомъ не угрожу вашему сіятельству, но что же мнѣ дѣлать? Не отвѣчать на благосклонное письмо ваше было бы невѣжливо, а отвѣчать не то, что у меня въ сердцѣ и головѣ, для меня совѣстно. Бывъ всю жизнь мою служителемъ истины, подъ старость приниматься за лицемѣріе и лесть мнѣ уже поздно. Я знаю, что мы всѣ,

не только цари и вельможи, не любимъ возраженій, а любимъ только поддакиваніе; слѣдовательно, для пріобрѣтенія благосклонности чьей бы то ни было, по мірскому суду, нужно было бы послѣднее, особливо въ моемъ положеніи. Но, ежели я, и зная свою выгоду, жертвую оною даже съ рискомъ, то сіе самое не показываетъ ли, что я движимъ вышнимъ какимъ-то побужденіемъ, а не однимъ своекорыстіемъ. По мнѣнію вашего сіятельства, оправдываться есть какъ бы грѣшно; неужели же обвинять человѣка, не изслѣдовавъ дѣла до прѣма, душеспасительно?» Дальше, основываясь на томъ, что и Христосъ на судѣ у Анны и Каіафы требовалъ справедливости, заявивъ архіерейскому слугѣ, безвинно ударившему Его по ланитѣ: «Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли же ни, что мя біеши»,—Лабзинъ заявлялъ, что онъ не видитъ справедливости въ высылкѣ его изъ столицы, хотя и «готовъ все переносить и терпѣть по гробъ, безъ ропота». Изъ отрицательныхъ чертъ характера слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ грубости, его болѣзненное самолюбіе, заставлявшее, на примѣръ, его настойчиво требовать во время періода славы и вліянія чина «хоть съ сенаторствомъ, хоть безъ сенаторства». Впрочемъ, такое упорное желаніе имѣть чинъ объясняется тѣмъ, что онъ видѣлъ въ немъ справедливое возмездіе за свои труды и зато «безчестіе», которое было причинено ему закрытіемъ «Сіонскаго Вѣстника» въ 1806 году. «Не знаю,—писалъ Лабзинъ въ 1817 году директору департамента духовныхъ дѣлъ В. М. Понову,—можно ли почесть достаточнымъ воздаяніемъ за претерпѣнное данные мнѣ знаки второй степени Владимира, когда я и Анну съ брилліантами и третьяго Владимира давно уже имѣлъ, и когда тѣ же знаки даны Уварову, который не только всѣмъ меня моложе, но не имѣлъ еще никакого ордена; когда Жуковскому въ то же время за писательство дана пенсія въ 4000 рублей; когда Карамзину даны чинъ, лента и 60,000 рублей, несмотря на то, что онъ исторію свою писалъ, получая за это жалованье, а я трудился на своихъ хлѣбахъ». Желаніе Лабзина, какъ извѣстно, было удовлетворено назначеніемъ его на должность вице-президента академіи художествъ. Точно также льстили самолюбію Лабзина и тѣ многочисленныя похвалы, которыя онъ получалъ по поводу изданія «Сіонскаго Вѣстника» и которыя онъ принималъ съ достоинствомъ, какъ справедливую дань своимъ заслугамъ. «О «Сіонскомъ Вѣстникѣ» я долженъ вамъ сказать правду,—говорилъ онъ князю Голицыну,—такого журнала ни на какомъ языкѣ нѣтъ. Это хвастливость съ моей стороны, скажутъ мнѣ. Хвастливость ли, трусливость ли,—все порокъ. Но во внутреннихъ моихъ чувствованіяхъ я отвѣчаю только Богу,—люди же должны меня судить по самому дѣлу: такъ ли это, или нѣтъ». Сознавая самъ недостатки своего характера, Лабзинъ часто говорилъ: «Если бы не вѣра и не благодать Господа, то я былъ бы подобенъ сатанѣ». Впрочемъ, по отзыву современниковъ, «его неукротимый

характеръ нисколько не вліялъ на прекрасныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его стремлений». Страстный по природѣ, Лабзинъ не могъ любить въ половину, предавался человѣку весь, но зато и самъ требовалъ себѣ всего человѣка. Онъ искренно любилъ Россію и все русское. Талантливый и образованный, Лабзинъ неутомимо трудился на пользу своего отечества и, несомнѣнно, принесъ ему значительную пользу. Онъ оставилъ множество переводовъ и оригинальныхъ трудовъ, которые въ значительной степени способствовали обогащенію стилия и прибавили въ лексиконъ русскаго языка много научныхъ терминовъ, созданныхъ имъ или истолкованныхъ яснѣе.

Заслуги Лабзина были оцѣнены еще его современниками, и въ концѣ своей жизни онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, воспитавшаго его.

VIII.

Говорить о значеніи Лабзина въ исторіи умственнаго движенія русскаго общества значить—говорить о значеніи мистицизма для Россіи вообще, и наоборотъ.

Формулируя «средо» мистиковъ, Лабзинъ говорилъ: «Во всѣхъ своихъ дѣянiяхъ мистики сообразуются съ справедливостью, все дѣлаютъ безкорыстно для Бога, ближнимъ служатъ усердно, искренно, охотно, не съ другимъ какимъ намѣреніемъ, какъ только, чтобы исполнить волю Божию. Они живутъ тихо, уединенно и въ свои надежды устремляютъ къ небесному отечеству. Строги къ себѣ, снисходительны къ другимъ; они не выставляютъ себя, но и не прячутся, когда ихъ ищутъ. Послушны начальству, добродѣтельны и услужливы друзьямъ и врагамъ, малымъ и великимъ; совѣстливы въ своихъ поступкахъ, осторожны противъ всѣхъ нечистыхъ побужденій и небесное уважаютъ болѣе земного. Языкъ ихъ простой, безъ искусства, не ученый, языкъ увѣренности и правды. Мистическія писанія объясняютъ, что происходитъ въ душѣ человѣка, который рѣшится истинно вступитъ на сей путь, показываютъ распутія, которыхъ избѣгать должно, обманы и искушенія, которымъ подвергается путникъ, и какъ поступать съ ними. Они остерегаются отъ пагубныхъ оболещеній духовной гордости, подкрѣпляютъ малодушныхъ, умножаютъ духовныя силы. Одно у нихъ всего важнѣе и о семъ одномъ настоятъ они, какъ о главномъ дѣлѣ, а именно: о совершенномъ преданіи своего сердца и воли Богу, о безпредѣльномъ упованіи на Бога, крайней недовѣрчивости къ самимъ себѣ и къ собственнымъ силамъ, черезъ что укрѣпляются они въ постоянномъ бдѣніи и молитвѣ. Вотъ ученіе такъ называемыхъ мистиковъ. Читайте ихъ писанія, и вы сами въ томъ увѣритесь. Каждый истинный христіанинъ есть мистикъ, и каждый мистикъ есть христіа-

нинь». Нѣтъ нужды говорить, что, если бы хотя десятая часть этого «credo» была воспринята русскимъ обществомъ, жизнь его была бы болѣе привлекательной, чѣмъ она есть теперѣ. И, какъ мы уже въ своемъ мѣстѣ говорили, «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина, увлекающая нашихъ предковъ простотою изложенія, доступною пониманію каждому, имѣлъ благотворное вліяніе на ихъ нравственность: «облагораживалъ душу и смягчалъ сердце». Примѣры благотворнаго вліянія «Сіонскаго Вѣстника» мы приводили въ предыдущей главѣ.

Лабзину ставили въ вину, что онъ шелъ противъ духовенства, открыто называя его своимъ врагомъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что, называя духовныхъ лицъ своими врагами, Лабзинъ, вообще уважавшій всѣ религіи и ихъ представителей, имѣлъ въ виду то пристрастіе, которое оказывали духовные цензоры къ духовнымъ книгамъ, издаваемымъ свѣтскими лицами. Сочувствуя свободѣ совѣсти, Лабзинъ говорилъ: «Когда есть книги или соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противохристіанскія, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше, не станемъ сердиться, кто осудитъ наше». Между тѣмъ духовенство начала XIX вѣка, само не издавая духовныхъ книгъ, препятствовало изданію ихъ свѣтскими лицами, считая изданіе духовныхъ книгъ своимъ правомъ. Вообще, по мнѣнію тогдашнихъ издателей книгъ религіознаго содержанія, передача рукописи въ духовную цензуру была равносильна ея уничтоженію. И. И. Лопухинъ писалъ объ одной своей книгѣ графу А. К. Разумовскому: «Въ духовную цензуру не отдамъ для того, что это бы все равно было, какъ въ огонь манускриптъ бросить. Она, между нами сказать, только прилежно смотреть, чтобы какъ-нибудь не пробился благій духъ въ сердце. Нынѣ уже за что хватилась: не только того не пропускать, что по ихъ недостаточному, превратному или мрачному понятію о истинной духовности кажется противнымъ, но что-де бы и можно и хорошо, да свѣтскимъ писано, а это-де бы намъ писать, такъ это намъ безчестіе,—не пропустимъ. Вотъ какая жалость!» Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго въ томъ, что Лабзинъ всячески старался избѣгать отдачи своихъ книгъ въ духовную цензуру.

Гораздо важнѣе обвиненіе Лабзина въ высказываніи неправославныхъ мнѣній. Однако опять-таки не слѣдуетъ забывать, что его журналъ явился въ эпоху распространенія въ Россіи атеистическихъ идей философовъ-энциклопедистовъ единственнымъ протестомъ противъ безбожія и, какъ умѣлъ, звалъ русское общество къ Богу. Люди, смотрѣвшіе на его журналъ трезво, какъ, на примѣръ, Филаретъ, митрополитъ московскій, понимали заслуги Лабзина въ этомъ отношеніи и цѣнили его. «Онъ былъ добрый человѣкъ, только

съ нѣкоторыми особенностями въ мнѣніяхъ религіозныхъ,—говорилъ про Лабзина митрополитъ Филаретъ.—Мы ему говорили: сколько прекрасныхъ вещей, которыя бы можно было напечатать съ пользою для другихъ, не касаясь особенностей религіозныхъ. Но онъ отвѣчалъ: всякая птица своимъ голосомъ Бога хвалить». И Лабзинъ хвалилъ его, какъ умѣлъ, и его «Сіонскій Вѣстникъ» многимъ открылъ путь къ познанію Бога и христіанства и, если не уничтожилъ совсѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, значительно пошатнулъ вліяніе вольтеріанства и энциклопедизма въ русскомъ обществѣ ¹⁾.

Н. Державинъ.

¹⁾ Источниками и пособиями при составленіи настоящаго очерка служили письма А. Ѳ. Лабзина и его современниковъ, печатавшіяся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, монографія Н. Ѳ. Дубровина «Наши мистики-сектанты», «Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I» П. Знаменскаго и изысканія симбирской ученой архивной комиссіи. Н. Д.

НА ВЫСТАВКУ.

I.

По деревнямъ.

ТКРЫВШЕЕСЯ въ нашемъ городѣ общество сельскаго хозяйства въ юномъ своемъ порывѣ, при содѣйствіи земства, взялось устроить поуѣздную сельско-хозяйственную выставку.

Устроение подобныхъ выставокъ стало повсемѣстнымъ и моднымъ явленіемъ. Онѣ дѣйствительно возбуждаютъ въ населеніи интересъ къ хозяйству и промышленности, даютъ «образцы» того и другого, служатъ показателемъ силы и талантности края. Инертное и пассивное населеніе пробуждается такимъ нагляднымъ представительствомъ своего края и начинаетъ съ большею энергіею присматриваться къ его нуждамъ. Но за этой красивой и показной стороной выставокъ скрываются, однако, малоизвѣстныя подготовительныя работы къ нимъ, въ которыхъ участвуютъ наиболѣе живыя силы народа и наиболѣе характерныя для его быта. Мнѣ удалось быть участникомъ въ мѣстной выставкѣ, которая типична для всѣхъ подобныхъ выставокъ на Руси.

Не полагаясь на объявленія и извѣщенія чрезъ волостныя правленія и земскихъ начальниковъ, земство порѣшило пропагандировать выставку чрезъ специально командированныхъ лицъ. Уѣздъ былъ раздѣленъ на четыре района и каждый районъ поручено объѣхать два раза.

Миссію эту возложили на земскихъ учителей, съ ихъ, конечно, добровольнаго согласія, давъ имъ особья инструкціи и необходимыя средства.

Первый разъ они должны были собрать только свѣдѣнія и по возможности дать широкую огласку, а во второй объѣздъ сдѣлать осмотръ намѣченныхъ экспонатовъ.

— Такимъ образомъ, исходъ выставки въ вашихъ рукахъ,—пошутить одинъ изъ членовъ земской управы.

Измученныя лѣтнимъ зноемъ, заморенныя лошади мои еле передвигали ноги. Покачиваясь отъ одолѣвающей дремоты, мы втащились въ деревню Большіе Ивановы, Заклинокъ тожъ. Стояла страшная жара, и деревня точно вымерла. Не знаешь, къ кому обратиться съ разспросами и узнать, гдѣ живетъ деревенскій старшина или сельскій староста.

Въ ближайшей къ намъ калиткѣ высунулась лохматая головка маленькой дѣвочки, въ одной пестрядницѣ и тотчасъ скрылась.

Мы направились туда.

— Сходи-ка, братъ, на счастье, нѣтъ ли тамъ кого?—обратился я къ возницѣ-ямщику.

Тотъ лѣниво слѣзъ съ козель, для чего-то оправилъ сбрую на лошадяхъ, понуро опустившихъ головы и лѣниво отмахивавшихся отъ надоедливой мошкары.

— Только маемся понапрасну,—ворчалъ недовольно онъ.— Цѣлый день попусту таскаемся... Въ пятую деревню пріѣхали и хоть бы кто!...

— Эй, кто тамъ есть?—крикнулъ онъ съ улицы въ открытое окно.

— Тятки дома нѣтъ. И никово дома нѣтъ,—послышался шискливый, жиденскій, испуганный голосокъ.

— А гдѣ же тятка?—желая завязать разговоръ, спросилъ я.

— Въ Енницѣ кося,—отвѣтилъ все тотъ же голосъ, и вслѣдъ за нимъ, не преодолевъ любопытства, высунулась курчавая головка спутанныхъ волосъ.

— А кто же у васъ дома?

— Никóво.

— А въ деревнѣ-то?

— И въ деревнѣ никóво.

— А бабы?

— Жнутъ!

— Какъ же намъ быть...—обратился я въ раздумѣ къ возницѣ:— развѣ послать?.. Какъ ты думаешь? Далеко эта Ленница-то, дѣвочка?

— Эва, хватили!—за дѣвочку отвѣтилъ возница:—даль-то такую. Версты три или четыре безпремѣнно будетъ, да и кого пошлешь-то?

Повозку нашу со всѣхъ сторонъ облѣпила дѣтвора, съ любопытствомъ прислушивавшаяся къ нашему разговору и разематри-

вавшая незнакомыхъ людей. Наконецъ и ребята вмѣшались и стали давать совѣты, кто что. Въ концѣ концовъ выяснилось, что намъ слѣдуетъ ѣхать на тотъ край въ «хоромы» съ «тесовымъ свѣсомъ», тамъ лежитъ «нездоровъ» дѣдъ «Митруля», который все и «скаже».

«Митруля», или Дмитрій Петровъ, это лѣто занеможился, а потому волей-неволей сидитъ дома.

— Болѣзнь-то у меня какая-то дивная,—на каждомъ словѣ покашливая и задыхаясь, началъ Митруля:—то нигдѣ не болитъ, то поясницу схвате, а то подъ дыханье запре...

— Ты бы лечился.

— Пробовалъ, кхе-кхе. И у вашихъ докторей и у своихъ. Все легче нѣтъ. Ваши-то намъ вѣдь настоящаго лекарства не дадутъ, а воды-то и дома вволю...

И началось изліяніе своихъ печалей и недовольства на докторовъ, земство, попа и урядника—обычная исторія!..

Узнавъ, въ чемъ заключалось мое дѣло, дѣдъ посовѣтовалъ послать «на покосы» за мужиками и «на жнитво» за бабами.

— У насъ народъ промышлѣнный... кхе-кхе!.. Лучше нашихъ телѣгъ, тарантасовъ, саней али колесъ рѣдко гдѣ найдешь, а насчетъ деревянной посуды и толковать нечего. Бабы наши тоже большія рукодѣльницы. Нашу деревню, братъ, Заклинокъ-то, всѣ знаютъ,—устало закашлялся, сторбившись, опираясь на лавку обѣими руками и уставивъ на меня свои слезящіяся отъ удущья глаза, говорилъ дѣдъ.

Я такъ и сдѣлалъ, какъ совѣтовалъ Дмитрій Петровъ, а самъ отправился въ сарай, съ удовольствіемъ растянулся на душистомъ сѣнѣ, расправляя свои ошѣмѣвшіе члены. За день безплоднаго скитанья по деревнямъ на душѣ противъ кого-то накопила злоба. За крадывалось сомнѣніе въ удачѣ милаго сердцу предпріятія.

«Исходъ выставки въ вашихъ рукахъ»... пронеслось въ памяти. Въ нашихъ?... Нѣтъ, братъ, извини. Не въ нашихъ, а въ вашихъ рукахъ... Мы все сдѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ, а вотъ посмотримъ, что у васъ сдѣлано?! Что вы выставите на показъ. Выставка—экзаменъ сельскому хозяйству. Посмотримъ, много ли васъ явится на экзаменъ. Какъ вы его выдержите? Выставляя свои богатства, вы выставите и свое убожество...»

«Ты и убогая»... припомнилось сквозь сонъ.

II.

У надѣльныхъ крестьянъ.

Вечерняя прохлада спускалась на землю, когда я проснулся отъ говора нѣсколькихъ голосовъ.

— По пустякамъ... на выставку... слышали ужъ. Что жъ мы будемъ выставять?.. Быдто нечего,—доносилось до меня довольно яв-

ственно.—Да и ни къ чему, —продолжалъ все тотъ же голосъ:—господская забава это только...

— И такъ-то нашему брату пришло тѣсно, —послышался другой голосъ.—Такъ-то тѣсно, что, кажись, заглядѣль бы вотъ махонькую тюшечку (дырочку), такъ бы туда и кинулся. Совсѣмъ просвѣту не видно, а тутъ еще съ выставкой. На нашего же брата всю эту господскую притиху (прихоть) разложить, да еще отъ работы отрывають.

— Цѣлую виражку сегодня спортили, а чего она мужику «стоя».

— Здравствуйте, —не подавая виду, что слышалъ ихъ разговоръ, привѣтствовалъ я собравшихся.

— Здравствуй, —неласково отвѣтили мнѣ.

— Вотъ что, братцы, вы ужъ на меня не сердитесь, что я васъ потревожилъ въ такое время, —прямо приступилъ я.

— Да что ужъ... наше дѣло привычное, ладно, говори...—все такъ же сурово и недружелюбно продолжали они.

— Можеть быть, вы слышали, зачѣмъ я къ вамъ пріѣзжалъ, —началъ я излагать цѣль и причину моего пріѣзда.—Такъ вотъ я и хочу узнать отъ васъ, что у васъ есть показать людямъ и чему у васъ можно научиться.

— Научи, такъ отъ насъ и послѣдній кусокъ хлѣба отнять.

— Да налогомъ обложить, —подхватилъ другой.

Точно какая муха укусила всѣхъ, такъ они загалдѣли. Среди шума и гама только и можно было разобрать: «не будешь», «не надо», «выставка», «налоги», «подати». Иногда вырывались крѣпкія словца, покрываемыя выкриками и взвизгиваніями бабъ. Одни ребятишки, вѣроятно, по привычкѣ, не обращая ни на что вниманія, играя, шмыгали въ толпѣ, прятались въ подолы материнскихъ юбокъ, другіе же, болѣе взрослые, засунувъ палецъ въ ротъ, съ поразительнымъ безучастіемъ слушали толпу. Вдругъ все затихло, точно оборвалось.

— Такъ какъ же, братцы?

— А такъ, милый баринъ, —отдѣлился изъ толпы среднихъ лѣтъ, невысокаго роста мужчина.—Такъ что мы міромъ порѣшили, чтобъ никому, потому что это для насъ вновѣ, никогда не бывалое...

— Такъ, значить, не хотите?

— А что такое?—и сквозь толпу протискался, тоже среднихъ лѣтъ, плотный дѣтина.—Извини, баринъ, я запоздалъ и никакъ не могу разобрать, въ чемъ дѣло.

Толпа опять затихла.

Я началъ снова толковать о цѣли моего пріѣзда. Опять всѣ внимательно слушали. Только зоркій мужиченко, шныряя въ толпѣ, что-то нашептывалъ и показывалъ пальцемъ то на меня, то на прішедшаго.

— Такъ?..—раздумчиво говорилъ пришедшій.—Такъ ли я тебя понялъ? Выходить, что въ городѣ будутъ показывать навродѣ какъ невѣстину красу. Это у насъ обычай такой: передъ вѣнцомъ невѣста всѣ свои наряды выставляетъ на показъ: «Гляди, женихъ, глядите, всѣ сваты, глядите и вы, люди добрые, на мою красу дѣвичью, чѣмъ я въ дѣвкахъ красовалася, какая я богачка и рукодѣльница».

— Вѣрно, братъ, это очень похоже. Только на выставкѣ долженъ всякъ свое показать, а не купленное.

Толпа опять загудѣла. Опять слышно: «подати», «выставка», «налогъ», «ѣсть нечего».

— Полно зря болтать, коли не понимаете, —прикрикнулъ на толпу только что пришедшій.—Затвердила сорока Якова, да хоть бы не про всякова. Подати, налогъ!.. Это до выставки вовсе не касается. Это вродѣ какъ бы ярманка, только на ярманкѣ главное продать, а тутъ главное показать.

— Сунься, сунься, такъ тебѣ покажутъ,—ввернулъ свое юркій мужиченко.—Узнаешь Кузькину мать.

— Рудый, замолчи, коли не понимаешь. Вотъ что, баринъ, я понялъ теперь, въ чемъ дѣло, и сосѣди, какъ хотять, а я согласенъ на выставку.

— Погоди, выставлять тебя, покажутъ невѣстину красу,—не унимался Рудый.

— Рудый, спрячься!

— Только вотъ что, уговоръ дороже денегъ: я тебѣ покажу телѣги, колеса, одры, сани, все, что у меня есть, только, братъ, расходы твои.

Мы пошли къ «Мозгатуму»—такъ прозывался мой неожиданный помощникъ—во дворъ. За нами неохотно, подталкиваемые любопытствомъ, побрели пять-шесть человѣкъ—сосѣдей Мозгатаго. Осматривая его производство, я толковалъ, записывалъ и отмѣчалъ пригодное.

— Зашель бы и ко мнѣ поглядѣть, може что и есть,—подошелъ ко мнѣ другой.

Пошли и къ нему. Его молодуха вынесла холсты.

Красота и чистота ручной домашней работы такъ и бросалась въ глаза. Невольно дѣлалось стыдно и больно, что мы, имѣя такія огромныя залежи способностей, оставляемъ ихъ не использованными, грубо проходимъ мимо, отыскивая какихъ-то воображаемыхъ богатствъ на сторонѣ.

— Только я не знаю, какъ же я тебѣ дамъ, а вдругъ пропаде?

Я завѣрилъ женщину. Подъ конецъ дѣло наладилось. Одинъ за другимъ крестьяне предлагали: «а зашелъ бы и ко мнѣ».

За чаемъ у Дмитрія Петрова мы ужъ и совсѣмъ настроились добродушно.

-- А изъ хлѣбовъ вы ничего не можете?

И я рассказалъ, что требуется.

— Нѣтъ, гдѣ же, мы землей только про себя, тѣснота у насъ. Курицу выпустить некуда.

— Не для жиру, быть бы живу,—сыронизировалъ Рудый.

— Вѣдь у насъ, кабы не наше ремесло,—съ голоду пропали бы!

— Ну, скоть же есть?

— Тоже и скоть... Какой же скоть у насъ... для позему.

— Да и возня—далече...

— Вѣдь занимаетесь же вы хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

— Для себя только что. Земли-то у насъ умаленіе... Пашемъ, конечно...—нехотя переминались они.

— Многополье заводите.

— Слыхали!—заговорило разомъ нѣсколько голосовъ:—въ деревнѣ развѣ разведешь? Одинъ хоче, другой—нѣ.

— Ну, на хутора...

— Да на одной-то душинѣ (надѣль) развернешься на хуторѣ?...

— У банка возьмите, тамъ пятнадцать десятинъ даютъ.

— Да, свяжись съ банкомъ, такъ и свою землю потеряешь!..

— Не статья намъ,—вмѣшался Мозгатый.—У банка хутора разбираютъ больше все такіе, кому своя деревенская земля подъ рукой. Тѣмъ удобно. А на однѣхъ-то пятнадцати десятинахъ изъ банка ужаси трудно приспособиться!—со скотомъ неспособно. Да и то возьми во вниманіе. Пятьдесятъ лѣтъ земля у тебя не своя, а банковая, да и самъ-то ты, какъ бы тебѣ это сказать половше... самъ въ себѣ не воленъ.—Это бы еще все не бѣда, а главная статья—неподручно. Вотъ и бьемся на своемъ надѣлѣ съ нашимъ промысломъ. Перебиваемся съ кости на камень...

— Живемъ худо, дожидаемъ хуже,—ввернулъ Рудый.

Всѣ почему-то замолчали. Этотъ разговоръ невольнo наводилъ на мысль о прикрѣпленіи хуторянъ къ банку, обнажая его тѣневую сторону.

— Кхе-кхе! Прости ты меня, баринъ,—прерывая тишину, заговорилъ Дмитрій Петровъ:—кхе-кхе, что я тебя спрошу. Ты все записывалъ, что получше сдѣлано, почище, кхе-кхе, да поакуратиѣ... А можно вотъ это выставить?—И онъ закашлялся сильнѣе, показывая мнѣ издали кусокъ чего-то темнаго: не то сѣрая глина, не то—торфъ.

— Это что же?..

— Это, баринъ, кхе-кхе, мы хлѣбъ такой кхе-кхе... ѣдимъ.

Наступила томительная пауза. Десятки глазъ вперлись въ меня, видимо, забавляясь моимъ смущеніемъ. Дѣдъ задыхался отъ кашля и не разобрать было: рыдалъ онъ, или зло смѣялся.

— Видите ли,—съ трудомъ справляясь отъ смущенія, разсматривая хлѣбъ и чувствуя какую-то досадную тоскливость на душѣ:—видите лп...—а что-то клубкомъ поднималось къ горлу...

— И такой хлѣбъ можно выставить!

— Можно?! удивились всѣ.

— Конечно, можно, —отказываясь отъ чаю и вставая, сказалъ я:— но только ужъ очень стыдно будетъ передъ другими...

— А-а! то и стыдно! Неужто и вамъ бываетъ стыдно?!—раздались злорадства.

— Да, братцы, стыдно, не потому, что одни ѣдятъ хлѣбъ, какъ ситный, а вы мякину, скорѣе похожую на коровій навозъ, а потому, что, имѣя земли гораздо больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ о такомъ хлѣбѣ не слыхали, —мы до сихъ поръ не можемъ научиться обойтись безъ мякины... Этотъ хлѣбъ надо выставить рядомъ съ хорошимъ и сдѣлать надпись: «по коню и кормъ».

III.

По хуторамъ.

Быстрый ростъ населенія и развивающееся малоземелье являлись лучшею побудительною силою къ развитію интенсивнаго хозяйства, и мнѣ хотѣлось провѣрить это на хуторахъ. На надѣльных земляхъ хуторянъ въ моемъ районѣ еще не было, а потому я отправился по хуторамъ крестьянскаго поземельнаго банка.

На хуторѣ Гривка отъ д. Наумково я нашелъ только глухую старуху съ малолѣтними.

— Ее хоть въ ухо вдарь, не услышитъ, —сказалъ мнѣ хозяинъ хутора Красный, старикъ лѣтъ 70—80.

На мой вопросъ: «Какъ привыкаешь, дѣдушка, на новомъ хозяйствѣ?» онъ разразился цѣлою репликой.

— Гдѣ жъ тутъ привыкнешь! Что хорошаго надумали. Въ праздничный день, старое дѣло, выйти некуда, поговорить не съ кѣмъ. Не хватило чего въ хозяйствѣ—серпа ли, брусокъ или чего тамъ, и бѣжи за семь верстъ киселя хлебать. Я своему-то и говорю, сыну-то старшему: ты захотѣлъ на хуторъ, —иди, говорю, коли меня на старости лѣтъ не жалѣешь, иди. Взялъ это я у бабы своей бѣлой точки (холста). «На, говорю, строй амбары, говорю: на хуторъ пойдемъ жить, засѣки (закрома) сдѣлаешь, хлѣбъ ссыпать».

— Какъ же это?

— А шей, говорю, три торбы и иди по міру. Вотъ тебѣ и засѣки. Первую торбу къ боку—куски класть; вторую торбу за плечи—на запасъ, а третью маленькую для денегъ. Ты только подумай, милый человѣкъ, день-деньской корову и лошадь на привязкѣ держимъ. Да что корову, —овцу и ту надо привязать. Охъ, ужъ мнѣ эти затѣвы!.. Траву сѣять начали! Слыхано ли, чтобы человѣкъ траву сѣялъ? Божье дѣло траву-то сѣять! Трава отъ Бога, Богъ ее

съяль на потребу. Скоро выше Бога захотимъ быть. Зато все такъ и выходе.

Сильно наболѣло у старика, и онъ радъ былъ, что представился случай излить свою тоску и горе. Такъ я отъ него ничего и не добился.

— И не добьешься,—сказаль возница. — Коли про хуторъ съ нимъ заговорилъ, такъ и поидеть про амбары, засѣки, волю. Какъ перешли изъ деревни на хуторъ, такъ и сталъ старикъ заговариваться. А какой былъ человѣкъ—дубъ!

Страда деревенская была въ полномъ разгарѣ. Мы рисковали цѣлый день проѣздить безъ всякаго результата.

Недалеко отъ проселочной дороги мы замѣтили молодого крестьянина, къ которому и направились прямо по пахотѣ.

Михаилъ Петровичъ Михеевскій оказался хозяиномъ хутора Надеждино отъ дер. Михеево. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ оставилъ свою работу и отправился съ нами.

— Что жъ это вы свои орудія не прибрали?

— А кто же ихъ возьметъ? Съ дороги не видно, а сосѣди далеко. Это не въ деревнѣ. Тамъ самъ не приберешь, такъ за тебя приберутъ, что потомъ съ урядникомъ не разыщешь. Вѣдь мы хуторяне,—улыбнулся онъ.

— Ну, какъ же вамъ живется?

— А слава Богу, баринъ. Одно есть: земли маловато, выгона нѣтъ, а то жизнь была бы просто «на свѣтѣ». Ну, да и къ этому скоро приспособимся.

— А вотъ дѣдъ въ Красномъ не хвалить.

— Небось, онъ вамъ про амбары рассказываль. Помѣшался старикъ. Ему простительно—старъ. Какъ придеть на старое гнѣздо,—плачетъ, говорятъ, бранится. «Разрушители, затѣвчики», вишь. А я такъ въ этомъ вижу одно добро. Хоть пятнадцать десятинъ, да полный ты надъ ними хозяинъ. Самъ и баринъ, самъ и работникъ. А въ деревнѣ весь ты зависѣлъ отъ деревни: вродѣ какъ бы вольный-подневольный. Ну, вотъ общественную маслодѣльную уже на хуторѣ мы не могли устроить, а устроили въ деревнѣ Атафоновѣ. Да вотъ,—разсмѣялся онъ,—баба моя съ непривычки плачетъ: къ мамкѣ далеко бѣгать. А я смѣюсь: не къ мамкѣ, а на ключу не съ кѣмъ лоскотать...

— А какъ же вы съ банкомъ?

Лицо хуторянина померкло.

— Что жъ ты подѣлаешь, коли другого выхода нѣтъ. «Купилъ бы село, да денегъ мало». Такъ и наше дѣло. Дѣйстви-тельно, трудно. Бѣда, если неурожай: прямо хотъ пропадай. Такъ вѣдь въ сельскомъ хозяйствѣ и всѣ такъ живутъ. Сегодня сытъ, а завтра что Богъ дастъ. Съ помощью-то частныхъ рукъ еще труднѣе купить. Тутъ я плачу процентъ и знаю, что выплачиваю и долгъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ она будетъ моя, а тамъ хотъ весь вѣкъ плати

проценты, а земля все чужая.— Сюда, поправѣ-то, милый,— обратился онъ къ ямщику.— Да въ тяжелый годъ,— продолжалъ онъ,— банкъ поможетъ, подождетъ или что другое, все-таки надежда есть, ну, а отъ «богатаго-то дяди» (кредитора) не дожидай милости— съ концомъ слопаеть! Вотъ и пріѣхали. Милости прошу на новоселье!

Хуторъ Надеждино всего третій годъ какъ устраивается, а потому былъ далеко не законченъ. Противъ избы съ сѣнями о бокъ былъ поставленъ хлѣвъ, слегка прикрытый соломой. Сѣно сложено подъ хворостяной навѣсъ, а саженьяхъ въ тридцати одиноко стояло недостроенное гумно.

— Неуютно у васъ.

— Трудно въ два года обстроиться, да и тяжело. На щѣлину сѣли. Вотъ завожу многополье. Клевера-то видите сколько! За сотню не отдамъ и свою пару лошадей прокормлю, а прежде въ деревнѣ прикупалъ.

Онъ повелъ насъ въ поле. Посѣянный послѣ клевера лень росъ буйно. Хозяинъ любовно провель по немъ рукою.

— Ишь подати-то какъ растутъ,— лукаво ухмыльнулся онъ.

Ячмень и овесъ только что выколосились и обѣщали хорошій урожай, рожь была сложена въ стога. Неуютно, правда, но на всемъ лежалъ отпечатокъ такой заботливости и любви, что невольно заражаешься тою увѣренностью, которою дышала вся фигура Михеевскаго.

Отъ выставки онъ не отказался, такъ какъ на его участкѣ мѣстнымъ агрономомъ были поставлены опыты съ туками.

— А такъ у меня нечего выставить. Смѣшно мнѣ! Всѣ кричатъ: хуторъ, хуторъ! точно, какъ перейдешь на хуторъ, такъ къ тебѣ вотъ вся милость Господня и повалится. Вотъ поживемъ, поприспособимся, пообживемся, ну, тогда и хуторное можемъ показать. А теперь вѣдь все старинное, только слава, что съ хутора... Знаешь, братъ,— перебилъ онъ себя:— отъ сумы не отпирайся, говорили старики, а я вѣрю твердо, что, коли Богъ здоровьемъ не обидитъ, мнѣ не придется собирать хлѣбъ въ «закрома» дѣда краснинскаго,— сказалъ онъ, прощаясь со мною.

Послѣ разъѣздовъ по деревнямъ надѣльныхъ крестьянъ, гдѣ во всемъ была видна полная безнадежность, мнѣ пріятно было встрѣтить на хуторахъ зарождающуюся на новыхъ началахъ жизнь, полную надеждъ и упованій.

IV.

По погостамъ.

Въ воскресенье послѣ полудня улица ломилась отъ народа, когда мы вѣхали въ погостъ N.

Возница нехотя остановился противъ раскрытыхъ дверей поповскихъ воротъ и спросилъ:

— Что жъ, заворачивать, или къ кому другому заѣдемъ?

— Отчего же не заворачивать?

— Мнѣ все равно, и къ батюшкѣ, такъ къ батюшкѣ!—какъ-то особенно ухмыльнулся онъ.

Мы въѣхали во дворъ священника. Покосившіяся постройки, полураскрытыя крыши и дворъ, заросшій крапивой, совсѣмъ не гармонировали съ окружающимъ. Съ трудомъ поднявшись по крылечку, ступени котораго жалобно скрипѣли подъ мои ноги, я вошелъ въ кухню. Куры съ цыплятами шарахнулись въ стороны, а надъ неубраннымъ столомъ поднялся туманъ отъ спугнутыхъ мухъ. Грязный полъ, грязный столъ, стѣны, блестѣвшія отъ разбѣгающихся таракановъ, и пустота производили ошеломляющее впечатлѣніе. Не раздѣваясь, я прошелъ въ среднюю, покашливая и умышленно стуча ногами. На мой голосъ вышла дѣвочка лѣтъ восьми-десяти. Все въ ней говорило, что это не прислуга.

— Извините, мамы нѣтъ дома, уѣхала въ гости въ одно село, тутъ недалеко, а папу я сейчасъ позову. Садитесь, пожалуйста.

Какой-то особый отпечатокъ серьезности лежалъ на лицѣ этого милаго ребенка.

— Вамъ папа по дѣлу нуженъ?

— Да, дѣтка, мнѣ всего на нѣсколько минутъ.

— У васъ что же, треба, или къ боли?—дѣловымъ голосомъ спросила она.

— Нѣтъ, дѣтка,—неволью лаская ее, сказала я:—мнѣ поговорить о выставкѣ...

— Хорошо, я сейчасъ скажу.

Я сѣлъ. Я слыхалъ кое-что о жизни священника погоста N, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Такого безпорядка, какой я встрѣтилъ здѣсь, и при желаніи больше не заведешь. Точно люди только что переѣхали на квартиру и не успѣли разобраться. Всюду пыль и грязь. Не прибранное дѣтское бѣлье, части мужского и женскаго туалета виднѣлись изъ-подъ рваной и грязной занавѣски, отдѣлявшей спальню отъ кабинета. Ко всему этому невозможно спертый, кислый и прогорклый воздухъ непровѣтриваемыхъ комнатъ.

— Папа сегодня не можетъ къ вамъ выйти,—раздался у самого уха нѣжный дѣтскій голосокъ. И глазки ребенка особенно тоскливо уставились въ меня.

— Прощай, дѣтка!—сказалъ я, направляясь къ выходу. Дѣвочка проводила меня до повозки.

Я чувствовалъ за собою тоскливый взглядъ малютки и мнѣ становилось страшно не по себѣ. «И для чего ты заѣзжалъ сюда,—казалось, говорили безвременно изстрадавшіеся милые глазки дитяти?—Не можетъ быть, чтобы ты не зналъ, чѣмъ боленъ мой бѣдный папа и куда ѣздитъ моя мать... Люди такъ злы, что, вѣроятно,

тебя во все посвятили. Ты, можетъ, больше меня знаешь, а все-таки пріѣхалъ самъ посмотреть. И ты такой же, какъ и всѣ!»

— Говорилъ я, что нечего здѣсь дѣлать,—ворчалъ возница:—вздумалъ нехачь выставку у Н-скаго попа... Ихъ бы выставить... одинъ съ утра до вечера пьянъ, а другая...

— Да перестань ты!..

— Чаво перестань, коли правду говорю... А Любушку-то видѣлъ? Родится же такое дите у этакихъ родителей!.. Десятый годокъ ребенку, а ума-то! Большой занять можетъ, да еще на дюжину останется. Вѣдь весь домъ, все хозяйство на ней лежитъ. Пошлетъ же Господь такой таланъ ребенку!.. Куда жъ мы теперь?—перебивая самъ себя, обратился ко мнѣ возница.

— Поѣдемъ къ отцу М. въ Z., можетъ быть, тамъ заночевать придется.

— Не выставилъ бы онъ насъ съ тобою?

— Поѣзжай, полно вздоръ молоть!

Ямщикъ задергалъ вожжами, ухарски взмахнулъ кнутомъ, лихо свистнулъ, но лошади отнеслись къ этому съ возмутительнымъ равнодушіемъ и такъ же спокойно плелись шагомъ. Я и не замѣтилъ, что мы ѣдемъ совершенно по другой дорогѣ.

— А не все равно намъ,—флегматично отвѣтилъ ямщикъ:—къ которому мы перво пріѣдемъ—къ этому аль къ тому.

— И то правда. Поѣзжай.

— По крайности къ этому смѣло ѣдемъ противъ ночи. Знаю, что приметъ насъ и заберегетъ. И тебѣ и живому (лошади) будетъ. Благочестивый челоуѣкъ! Прямо—святой! И на службу, и на все ему Богъ далъ! Сколько народу со стороны къ нему ходитъ молебны служить—страсть!

— Хорошій челоуѣкъ?

— Хор-рошій! Прямо Иванъ Кронштадтскій, да и все!

Мы пріѣхали. Вечерѣло. Ямщикъ, не задумываясь, открылъ ворота и въѣхалъ во дворъ.

— Надо бы спросить батюшку.

— Ну, выдумалъ еще, впервой, что ли, мнѣ? Сколько народу сюда перевозено. Ужъ я знаю, что дѣлаю.

По чистенькому, точно выметенному двору, заложивъ руки за спину, похаживалъ батюшка, мурлыкая что-то божественное. Разбуженный отъ думъ стукомъ колесъ, онъ поднялъ голову и, внимательно разсматривая пріѣзжихъ, пошелъ навстрѣчу.

— Извините, батюшка, что безпокою васъ въ поздній часъ...

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—размашисто благословилъ въ воздухѣ батюшка и пожалъ по-свѣтски руку.

— Кто вы, не знаю, но пріѣзду вашему радъ. Матушка! прими гостя,—крикнулъ онъ въ домъ.—А ты, Семень, ставъ лошадей подъ навѣсъ и устраивайся. Тебѣ не впервой.

Я пошелъ въ домъ. Семень бросилъ лошадей и, снявъ шапку, подошелъ подъ благословеніе.

— Ты кого же привезъ?—доносилось до меня. Семень съ открытой головой что-то почтительно говорилъ.

— А-а-а! Вотъ что!—снова донеслось до меня. И въ тонѣ голоса я скорѣ почувствовалъ, чѣмъ разслышалъ, какой-то холодокъ.

За чаемъ мы разговорились.

— Батюшка не можетъ... вмѣшалась попадья рѣшительнымъ тономъ.

— Обремененъ службою,—пояснилъ батюшка:—едва ли могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ,—безъ прежняго радушія продолжалъ онъ.—А въ приходѣ у меня бѣднота одна... Сирыхъ и убогихъ развѣ показать вамъ,—пошутилъ батюшка, и вся тощая и елейная фигурка его всколыхнулась.—Не знаю... не знаю. Мать, ты какъ?

— Телочку отъ «Ярославны» не выставить ли?—въ отвѣтъ ему сказала матушка.—Далеко только... Стоитъ ли возиться...хлопотъ много, а получишь или нѣтъ что, неизвѣстно!.. Тамъ и безъ насъ, я думаю, есть кому дать? Давно ждутъ...

— Да, да!—въ унисонъ поддакивалъ батюшка.

— Ну, а еще что же у насъ?—трещала матушка:—овесъ, ленъ, рожь, огородное — все это у насъ такое же, какъ у другихъ, можетъ быть, лучше, можетъ быть, похуже.

— Да, да, мать, вѣрно!

— Да и никчемное это дѣло,—неожиданно рѣшила она.

— Да, да!

— Что вы! Общественное дѣло...

— Охъ-хо-хо! оно, конечно, такъ,—теребилъ бородку батюшка, и вся приглаженная фигурка его какъ-то съежилась:—только суета это!..

— Ну, утро вечера мудренѣе,—сказала попадья, поднимаясь:—вотъ завтра посмотримъ и поговоримъ, а теперь, пожалуй, и на боковую пора.

— Охъ-хо-хо! грѣхи, грѣхи,—позѣвывая и крестясь на иконы, поднялся батюшка.

Утромъ батюшка повелъ меня по хозяйству.

— Это у меня все попадья. Самъ-то я сугубо обремененъ дѣлами, ну, а она у меня домосѣдка и хозяйка. Охъ-хо-хо! Суета суетъ!

Дѣйствительно, во всемъ былъ виденъ хозяйственный глазъ и забота, всего было въ изобиліи. Полонъ дворъ скота, амбары ломились отъ всякаго добра, но все это было самое обыденное, мужицкое. Точно вы осматривали домовитаго зажиточнаго крестьянина-собственника или богатаго надѣльника. Все было хорошо, но все по разъ навсегда выработанному вѣками шаблону. Знаменитая телушка оказалась самою обыкновенною упитанною телкою отъ

ярославки-метиски, прозванной «Ярославною», и мѣстнаго быка. Лошади были сытыя, поповскія, мѣстныя.

Я почти доволенъ былъ, что батюшка съ матушкою за ночь все обдумали и категорически отказались отъ участія въ выставкѣ, считая чуть не за грѣхъ выставлять на показъ «отъ благъ земныхъ».

Часа черезъ два мы подъѣхали къ дому третьяго священника погоста Z.

Изъ коридора я попалъ прямо къ кабинетъ батюшки.

— Кто тамъ?—раздался громкій голосъ и послышался лязгъ посуды.

— Можно войти?

— Обождите тамъ, пока выйду! — все такъ же громко отвѣтилъ мужской голосъ.—Марья! Марья! Сколько разъ говорилъ тебѣ, чтобы меня не смѣли беспокоить, когда я занятъ... «Не слыхала, не видала!» Всѣ вы не слышите, и не видите, когда надо! Поди, посмотри и скажи, что сейчасъ выйду.

— Батюшка просятъ васъ подождать, они сейчасъ выйдутъ,— притворивъ дверь, доложила мнѣ работница.

Я сѣлъ. Сразу видно, что находишься въ кабинетѣ дѣловаго чело-вѣка. На письменномъ столѣ бумаги не разбросаны, книги раз-ставлены на этажеркахъ и по полкамъ въ порядкѣ. На одномъ концѣ стола лежала вѣтка яблони съ увядшими листьями и садо-вый ножъ, на раскрытой книгѣ «Райскіе цвѣты церковнаго сада»— успѣлъ я прочесть—лежали образцы сѣмянъ ржи. На стѣнѣ ви-сѣлъ барометръ и множество пучковъ засушенной ржи, овса, ячменя, льна, клевера, еще какой-то травы. На одной этажеркѣ я замѣтилъ коллекціи бабочекъ и модель улья Успенскаго, а на другой мо-дель «курушки» и ловушка для матокъ. На гвоздяхъ задней стѣны развѣшаны нѣкоторыя пчеловодныя принадлежности и садовые инструменты, а надъ входною дверью—чучело парящаго орла.

— Чѣмъ могу служить?—раздалось громко возлѣ меня.

Я отрекомендовался.

— Здравствуйте, — по-свѣтски поздоровался батюшка: — что угодно?

Я сказалъ.

— Что-о?! Ха-ха-ха! У насъ выставка!

— Развѣ вы не слыхали, батюшка?

— Да, слышалъ, слышалъ, только не повѣрилъ,—грохотала иерихонская труба батюшки.—Кто же это устраиваетъ?

Я сказалъ.

— Охъ ужъ мнѣ это земство! Вотъ оно гдѣ у меня сидитъ,— указалъ батюшка на затылокъ.

— Что вы такъ противъ земства?

— А то, что они больше говорятъ да обѣщаютъ, чѣмъ дѣлаютъ. Да кабы я былъ въ земствѣ...

— У васъ вѣдь свой представитель въ земскомъ собраніи есть.

— Что вы мнѣ говорите, точно я не знаю! Кого онъ представляеть?

— Насколько я знаю, земство очень много сдѣлало: школы, больницы, дороги, телефонъ...

— Да ну васъ!—отмахнулся онъ, очевидно, затрудняясь, что возразить.—Что вы будете выставлять,—наступалъ онъ, все еще не приглашая меня сѣсть:—ну, скажите, что вы выставите? Вотъ у Сидора Петрова въ Голодушѣ ребятъ много, а въ деревнѣ Заклиннокъ хлѣбъ похожъ на коровій навозъ—это вы выставите?

— Что же, мы будемъ стараться выставить, что найдется замѣчательнаго.

— За этимъ васъ и послали собирать экспонатовъ, искать ихъ днемъ съ фонаремъ.

— Да, конечно! Мы и разыскиваемъ экспонаты. Если же ничего не выставимъ, такъ всѣ и будутъ знать, что у насъ въ уѣздѣ такъ плохо, что и показать нечего. Въ 40 приходоухъ уѣзда нѣтъ священника, діакона и псаломщика, у которыхъ можно было бы позаимствоваться прихожанину.

— Не вѣрю я вашимъ всѣмъ этимъ выставкамъ! Вотъ что!

Батюшка, какъ укушенный, заметался по кабинету. Только развѣвчалась его роскошная шевелюра отъ быстрой ходьбы.

— Былъ я въ У, Н, А, В, С—и ничего не нашелъ тамъ, но у васъ найду, я въ этомъ увѣренъ. Вы напрасно такъ безнадежно смотрите!

— Ну, ну,—оставился батюшка своими пытливыми глазами.

— Я объѣхалъ четверть уѣзда и знаю положеніе вещей.

— А я, вы думаете, не знаю!—вскипѣлъ батюшка:—вотъ погодите, приѣду я на вашу выставку—и посмѣюсь же я!

— Чему же вы посмѣетесь?

— Убожеству!

— Ну, батюшка, надъ убожествомъ не смѣются. Да и не вѣрю я вамъ. По вашей обстановкѣ видно!..

— Посмотримъ, посмотримъ, — началъ смягчаться батюшка.

— Вы позволите вручить вамъ афишу и программу выставки?

— Ну, что же, давайте, давайте, — устало произнесъ онъ.— Да что же мы не сядемъ.

Я послѣдовалъ его примѣру и произнесъ:

— Можетъ быть, вы найдете возможнымъ повліять на своихъ прихожанъ. Я у нѣкоторыхъ былъ, но какъ-то плохо налаживается.

— Посмотримъ... Посмотримъ...—раздумчиво твердилъ батюшка, просматривая данные листки.

— Можетъ быть, въ другой разъ позволите заѣхать къ вамъ, или сейчасъ что-нибудь сдѣлаемъ.

— Пойдемте по моему хозяйству,—порывисто вскочилъ онъ.

— И все-таки я не могу уяснить себѣ,—началь вдумчиво батюшка, направляясь въ поле:—не могу уяснить себѣ, какая можетъ быть выставка при нашемъ бессистемномъ хозяйствѣ? Все у насъ какъ-то шиворотъ на выворотъ, все случайно. Урожай у насъ случайность, а недородъ—система. Роскошный ленъ случайность; зерно съ куриное яйцо,—намекая на брошюру Толстого «Зерно съ куриное яйцо», улыбнулся батюшка,—случайно; породистый жеребенокъ—случайность. Случайность, случайность и случайность. Это какъ бы идешь по берегу рѣки, видишь—человѣкъ тонетъ, вскочилъ, вытащилъ и дадутъ тебѣ медаль. Тутъ хоть есть за что: я собою жертвую. А вѣдь ленъ-то я сѣялъ на авось—либо родится, либо нѣтъ. Случайно онъ уродился, случайно попалъ на выставку и случайно дали мнѣ за него награду. Другое дѣло у помѣщика. Помните, горскій управляющій получилъ золотую медаль за благотворное вліяніе на окружающихъ. Это мнѣ понятно: разсадникъ культуры. А вѣдь тутъ рутинна, рутинна и больше ничего!—махнулъ рукою батюшка.

— Вы напрасно такъ смотрите на вещи. Важно показать народу, что худо и что хорошо. Что надо дѣлать и чего не слѣдуетъ.

— Да, такъ все это!—съ какимъ-то стономъ вырвалось у него.— Все это такъ, да вѣдь тьма-то какая. Поймите вы меня—тьма-то, тьма-то!—установился онъ на меня.—Вѣдь это болото, трясина,—теребилъ онъ меня за пуговицу пальто.—Бросьте вы въ трясину камень—далеко ли пойдутъ круги? Утонетъ камень, и не найдете его.

— Ну, другой бросимъ, третій, много, и расшевелится пучина.

— Ахъ, не то это! не то, не то!—заломилъ руки батюшка.

— Такъ что же?

— Какую пользу извлечетъ изъ выставки Кузьма Ивановъ, если у него полнадѣла земли, одна корова и лошади нѣтъ?

— Конечно, выставка не для такихъ.

— Такъ для кого же?

— Для того, кто хочетъ, можетъ и не знаетъ.

— Все для однихъ и ничего для другихъ?

— Другіе пусть отъ нихъ берутъ, что могутъ. Нельзя же изъ-за отсталыхъ немногихъ всѣмъ останавливаться. Жизнь не приостановишь.

— Да лучше ли это, что она не приостанавливается?...

Долго мы бродили съ батюшкой по полямъ и толковали о выставкѣ. Кажется, всѣ закоулки своего образцоваго хозяйства показали онъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ выписалъ двухъ коровъ ярославокъ и теперь старается сбывать на племя телятъ крестьянамъ. Лошади у него доморощенные, отъ казенныхъ жеребцовъ. Съ прошлаго года завелъ рациональное пчеловодство, и на его пасѣкѣ можно было ви-

дѣть ульи всевозможныхъ системъ. Въ саду яблокъ и ягодъ было изобиліе.

— Да ваше хозяйство все надо перенести на выставку!

— Что жъ, служимъ, какъ умѣемъ, — улынулся батюшка:— одно меня огорчаетъ—черезполосица. Никакъ не могу заарендовать отъ сослуживцевъ землю. Хоть на многополье-то согласились и то слава Богу!

— Вотъ я у батюшки въ погостѣ У.—смотрѣлъ...

— Ну, захотѣли у фарисея... — сорвалось невольно у него.

— А въ N...

— Не будемъ говорить о другихъ,—какъ-то отмахнулся онъ.— Знаете, что...—въ раздумьѣ говорилъ батюшка.— На выставкѣ я, можетъ быть, и не буду участвовать, но приѣхать приѣду. Не посмѣяться—нѣтъ! Это я погорячился тогда,—а такъ, любопытно ужъ очень. Поѣдете вторично, заѣзжайте почевать, — протягивая руку на прощаніе, говорилъ батюшка:—можетъ быть, и столкнемся. Сильно насъ рутина заѣла!—махнулъ онъ рукой вдогонку.

V.

У самоучекъ.

Торговое село Башево состоитъ изъ 100—150 дворовъ. Большинство жителей его торговцы и ремесленники.

На постояломъ дворѣ мнѣ указали, гдѣ живетъ Рудольфъ Петровичъ Лерманъ, къ которому мы держали путь.

— Нашъ башевскій Эдиссонъ, — говорили про него.

«Входъ въ мастерскую», прочелъ я, входя въ помѣщеніе, передѣланное изъ старой заброшенной бани. На скрипъ отворившейся двери ко мнѣ обернулась высокая сухошавая фигура хозяина. Это и былъ «башевскій Эдиссонъ». Красивое когда-то лицо было изрыто морщинами, которыя особенно рѣзко выдѣлялись отъ вѣвшейся годами копоти. Онъ сдвинулъ очки на лобъ, и на меня вопросительно уставились черные, съ юношескимъ блескомъ глаза. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ.

Мы познакомились и разговорились. Я съ любопытствомъ осматривалъ обиталище Лермана, представлявшее собою арсеналъ всевозможныхъ орудій. По угламъ лежали груды разныхъ вещей, принесенныхъ въ починку, а на стѣнахъ развѣшаны инструменты.

— Слышалъ я и съ удовольствіемъ выставлю, что могу, — сказалъ онъ.—Вотъ не хотите ли, только на дняхъ закончилъ граммофонъ. Тутъ, кромѣ пластинки, все сдѣлано мною: мембрана, внутренній механизмъ ящика и прочее...

— Во что же онъ вамъ обошелся?—спросилъ я.

— Да рублей двадцать..

— Для чего же вы его дѣлали, вѣдь фабричной работы лучше и не дороже?

— Такой ужъ характеръ у меня. Если узнаю о какомъ-либо диковинномъ изобрѣтеніи, до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не сдѣлаю.

— Гдѣ же вы учились?

— Нигдѣ. Тутъ въ Башевѣ родился, въ башевской школѣ грамотѣ научился и дальше Башева нигдѣ не былъ. Отецъ мой былъ бѣденъ, а у насъ гдѣ научишься? Граммофонъ-то я на выставку не повезу. Въ немъ я ничего своего не открылъ. Правда, мембраны у меня разныхъ сортовъ: слюду я замѣнялъ рогомъ, жестью, целлулоидомъ, аллюминіемъ, скрипичными струнами, деревомъ—все онѣ играютъ, но одна слабѣ другой и хуже слюды. Онѣ не дороги, да и не стоятъ ничего!—разсмѣялся онъ.—Вотъ я теперь обдумываю устроить модель особаго двигателя, чтобы въ немъ при наименьшихъ затратахъ была большая производительность.

Онъ началъ объяснять устройство какого-то двигателя, у котораго отработанный паръ долженъ былъ, превратившись въ воду, возвратиться опять въ котель, гдѣ снова превращается въ пары.

— Какъ жаль, что вы не изучили теоріи. Можетъ, вы бьетесь надъ тѣмъ, что ученые люди уже забросили?

— Не говорите! Теорія одна—а практика другое. Я много читаю и журналы разные выписываю.

— Ну, а съ электричествомъ знакомы?

— Господи! еще бы! И телефонъ и телеграфъ—все это знакомо. Мнѣ ужасно жаль, что не по средствамъ провести къ себѣ телефонъ. Я все думаю, что устроилъ бы такъ, что и безъ слуховой трубки можно было бы обойтись.

Мнѣ невольно сдѣлалось жаль, что такія могучія силы не могли развернуться во всей ихъ красѣ. Богъ знаетъ, что могъ бы дать этотъ зарытый въ башевскихъ болотахъ талантъ, если бы какая-нибудь случайность выбросила его на берегъ.

Заручившись отъ него согласіемъ принять участіе въ выставкѣ, я отправился въ деревню Дреблино, гдѣ познакомился съ другимъ механикомъ-самоучкою. Восемнадцатилѣтній юноша никакъ не можетъ вырваться изъ деревни, а отецъ ни за что не соглашается отпустить его въ городъ. Онъ показалъ мнѣ стѣнные часы, гдѣ все части изъ дерева; имъ сдѣланный локомобиль и массу инструментовъ домашняго обихода, гдѣ имъ что-нибудь измѣнено къ лучшему. На Петербургъ онъ возлагаетъ большія надежды.

— Вотъ Любинскій, Василій Михайловъ, побывъ въ Питерѣ, прослужилъ на электрической станціи, а теперь съѣздите-ка къ нему, посмотрите... А Егоръ Канинскій—лучшаго кузнеца въ округѣ не сыщешь.

— Не всѣмъ Петербургъ въ пользу,—сказалъ я.

— Питеръ кого полюбить — шубу купить, а разлюбить — и остальную слупить, — вмѣшался отецъ, старикъ лѣтъ шестидесяти. — Вотъ умру, такъ дѣлай, какъ знаешь, а до тѣхъ поръ и не помышляй о Питерѣ.

Василій Михайловъ Лабинскій, къ которому я заѣхалъ по пути, еще съ дѣтства почувствовалъ склонность къ разнымъ «штукамъ» изъ области открытій и изобрѣтеній. Съ согласія родителей онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ при помощи своихъ добрыхъ знакомыхъ дворниковъ и рабочихъ попалъ на электрическую фабрику. Увлекающійся юноша, проработавъ года два, попалъ «въ забастовку» и былъ высланъ. Теперь онъ работаетъ дома. Въ настоящее время онъ трудится надъ электрическимъ фонаремъ, который при малыхъ затратахъ давалъ бы продолжительное и сильное освѣщеніе.

— Въ существующихъ торговыхъ фонаряхъ батарею приходится очень часто перемѣнять, — пояснилъ онъ: — я же хочу добиться, чтобы она работала, если не вѣчно, то какъ можно дольше безъ замѣны свѣжею.

Прощаясь, онъ съ паѳосомъ сказалъ:

— Съ тринадцати лѣтъ я работаю. Всѣ силы мои направлены къ тому, чтобы провести эту могучую энергію силы и свѣта въ нашу сѣрую деревню и сдѣлать ее доступною богатому и бѣдному.

Я поѣхалъ далѣе и невольно думалъ:

«Сколько погибаетъ въ деревнѣ такихъ талантовъ — одному Богу извѣстно!»

Въ дни моей юности, когда я былъ сельскимъ учителемъ, большія надежды подавалъ мой любимый ученикъ Петръ Семеновичъ Дублинскій, съ которымъ я не видался около десяти лѣтъ и къ которому я держалъ теперь путь.

Какъ пчелы изъ улья, хлынули воспоминанія и безпокойнымъ роємъ обступили меня при видѣ дорогихъ сердцу мѣстъ, гдѣ я провелъ въ школѣ лучшіе годы моей жизни. Точно живой стоялъ предо мною маленькій худенькій Петръ Семеновъ Дублинскій.

Былъ погожий майскій воскресный день. Мы съ женою, покончивъ съ экзаменами, благодушествовали на обвитомъ дикимъ виноградомъ школьномъ крылечкѣ.

— Никакъ это къ намъ, — указала она на дорогу, по которой шелъ мальчикъ въ школьномъ возрастѣ.

— Ну, теперь и калачомъ къ намъ никого не заманишь, — шутилъ я.

— Такъ и есть къ намъ, больше некуда.

Къ крыльцу школы подошелъ мальчикъ съ немного раскосыми глазами и трясущейся головою. Подойдя ко мнѣ, а потомъ къ женѣ, онъ сказалъ:

— Здравствя вамъ! Я Петька Дублинскій, слышали?

— Слышали, какъ не слышать, — разсмѣялись мы.

«истор. вѣстн.», июль 1912 г. т. сxxix.

— Ну, вотъ! Знаешь ли, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ? Понимаешь ли, я хочу въ школу, такъ вотъ, знаешь ли, я и пришелъ потолковать. Только ты мнѣ громче говори, я, знаешь ли, глухой...

Голова его больше закачалась...

— Ты мнѣ книжку дай. Я сейчасъ-то, знаешь ли, только буквы знаю, а за лѣто, понимаешь ли, научусь читать, а ты меня и прими во второе отдѣленіе. А то, понимаешь ли, мамка меня въ школу не хочетъ пустить. Тятка-то мой, знаешь ли, ничего, а мамка-то, понимаешь ли, говорить, что жъ ты даромъ будешь лапти бить.

— А у кого же ты будешь лѣтомъ учиться?

— А въ своихъ ребятъ, въ школьникахъ. Они, знаешь ли, покажутъ.

— А деньги у тебя есть?

— Какія деньги?—удивился онъ.

— За книгу-то вѣдь надо деньги заплатить.

— Ишь ты. А я, знаешь ли, и не зналъ,—затрясъ онъ головою, и на его глазахъ навернулись слезы.—Вотъ такъ разъ. Ну, значить, понимаешь ли, мнѣ не рука. Ишь-ты, горе-то какое. Ну, прощайте.

— Погоди, Петя,—вскочила жена и скрылась за дверью.

Петя остановился въ недоумѣніи, бокомъ выжидательно глядя на меня и поводя головою. На одно ухо онъ былъ глухъ и все старался выставлять здоровое, оттого и образовалась у него привычка поводить головою. Смотрѣлъ онъ бокомъ и во время разговора имѣлъ обыкновеніе ударять рука объ руку ладонями вверхъ и кстати и некстати прибавлялъ: «знаешь ли, понимаешь ли».

— Вотъ, Петя, тебѣ книжка безъ денегъ.

— И вправду? даромъ?... Ну, за это, знаешь ли, спасибо. Вѣкъ не забуду. Я тебѣ отработаю. Не надо ль чего починить, я могу.

— А что жъ ты можешь?—вмѣшался я.

— А што хошь.

— Поправь замки въ дверяхъ, не закрываются.

— Покажь.

Мы пошли. Петя взялъ отвертку, вынулъ изъ двери замокъ французской работы и началъ разсматривать.

— Такихъ-то замковъ я еще не видывалъ, знаешь ли... А-а, вотъ гдѣ... нашель! — И онъ указалъ мнѣ на порчу и разъяснилъ все устройство замка.—Я, братъ, и револьверы починялъ, а кому и часы могу...

Учасъ осенью у меня въ школѣ, Петя нашель въ амбарѣ у помѣщицы старинные часы, починилъ ихъ и придѣлалъ будильникъ. Такъ какъ при его глухотѣ обыкновенный будильникъ не имѣлъ значенія, то онъ провелъ отъ часовъ проводъ въ другую комнату къ своей кровати, прилаживая его къ своей рукѣ. При помощи особаго механизма проводъ натягивался и поднималъ руку спавшаго. Потомъ онъ сдѣлалъ всю изъ дерева швейную машину. «Мѣшки-

то пить можно, — смѣялся онъ: — ну, а больше ничего». По окончаніи курса онъ все порывался сдѣлать мнѣ такой планетарій, чтобы небесныя свѣтила совершали свой путь, какъ въ дѣйствительности.

— Кабы меня учиться отдать? — раздумчиво говорилъ онъ. — Бѣдность у насъ. Вѣдь вотъ горе, что и въ солдаты-то меня не возьмутъ, а то я бѣ выбился.

По окончаніи курса имъ я потерялъ его изъ виду и ничего о немъ много лѣтъ не слыхалъ.

— Вотъ и пріѣхали... Къ твоему Петру Семенову, — произнесъ ямщикъ, подъѣзжая къ осунувшейся избушкѣ.

У воротъ стоялъ кряжистый, неладно скроенный, взлохмаченный мужикъ, съ раскосыми немного глазами.

Онъ былъ пьянъ... Узнавъ меня и о цѣли моего пріѣзда, онъ закричалъ во всю улицу:

— Знаешь ли? Пожилъ я всяко: былъ богатъ, былъ и босякомъ. Изъ Питера этапомъ привели домой... Всего насмотрѣлся на бѣломъ свѣтѣ и со всякими людьми встрѣчался. Все точку опоры искалъ. Ъли мое тѣло воши, но тѣ воши, которыя ѣли мое сердце, въ тысячу разъ лишѣе. Любилъ я тебя всею душою, вѣрилъ какъ Богу, а теперъ вотъ что скажу: извѣрился я въ людяхъ... даже... въ Богѣ усомнился! Перегорѣло у меня. Не бери ты на себя грѣха, не бередь ты мою душу. Спитъ она. Понимаешь, я придумалъ для себя будильникъ, а ты для моей души не придумаешь. Брось ты Петьку. Забудь. Онъ померъ. Того Петьки, что все мечталъ сдѣлать тебѣ какой-то мудреный планетарій, нѣтъ, а есть другой. Не нашель я точки опоры и не перевернуть мнѣ землю, — горько улыбнулся онъ. — Видишь, я справился идти въ «праздничное» водку пить...

Онъ развелъ руками и отвернулся. Голова его тряслась. Плечи вздрагивали. Я пошелъ къ лошадямъ обратно...

VI.

У помѣщиковъ.

Усадьба Сеньково принадлежала помѣщику средней руки, Олегу Петровичу Лагину, моему давнишнему пріятелю. Было уже поздно, и я рѣшилъ у него заночевать. Я рассчитывалъ кое съ кѣмъ у него встрѣтиться, что значительно могло бы сократить мои однообразные и крайне утомительные разѣзды по устроению выставки.

— Эй, ты, новый Діогенъ, вставать пора! Мы уже второй разъ поѣсть захотѣли, а ты все еще спишь, — входя въ мою комнату, весело кричалъ хозяинъ на другой день.

Я взглянулъ на часы.

— Что, братъ, небось двѣнадцать скоро? А я уже успѣлъ съ мужиками побраниться. Да какъ же, — переживая еще не улегшееся вол-

неіе и торопясь выложить все разомъ, говорилъ онъ:—развелось, прости Господи, этихъ новыхъ помѣщиковъ, прямо отъ нихъ житья нѣтъ.

— Это отъ кого же?

— Да все отъ хуторянь, будь имъ неладно,—нахмурился онъ.— Вся деревня сосѣдней волости расселилась на хутора, обстроились кругомъ моей земли, что мухи облѣпили, а теперь отъ поправъ не отбиться. Тѣснота у нихъ. Человѣкъ выпелъ на пять десятинъ. Ну, что онъ будетъ дѣлать на нихъ? Курицу выпустить некуда. Кругомъ все чужое. Поневолѣ къ барину въ покосъ или въ розк скотину втравить.

— Вѣдь они и раньше были близко?

— Были близко, да вся деревня. Присмотру больше, да и къ одной сторонѣ. Удобно было слѣдить за ними. А теперь облѣпили кругомъ, хоть пропадай,—развелъ онъ руками.

— Леша, завтракъ подашь, идите...

— Экъ я заболтался,—разсмѣялся онъ, тряхнувъ головою и отгоняя докучливую мысль о хуторянахъ.—Ну, идемъ, идемъ! Это тебя нашъ пошъ прозвалъ Діогеномъ: днемъ съ фонаремъ, говорить, людей разыскиваетъ...

За столомъ уже сидѣли только что пріѣхавшіе священникъ, молодой купецъ Николай Петровичъ Пудринъ и страховой агентъ.

— А, собиратель земли русской,—привѣтствовалъ меня своимъ богатырскимъ голосомъ батюшка: —ну, какъ успѣваете? На выставку людей собираетъ,—обращаясь къ куцу, пояснилъ онъ.

Разговоръ завертѣлся около предстоящей выставки. Дѣло было новое, всѣ имъ интересовались, стараясь предугадать исходъ.

— Я выставкѣ придаю большое значеніе съ показательной стороны,—сказалъ хозяинъ:—если она будетъ хорошо обставлена и разумно организована, то, значить, она достигнетъ своей цѣли.

— Съ показательной-то стороны ее сумѣють устроить,—раздалась іерихонская труба отца М. Только какъ смотрѣть на эту показную сторону?.. Если на ней видно будетъ, къ чему мы должны стремиться и чего не надо дѣлать, то я первый согласенъ привѣтствовать выставку; если же она будетъ говорить, что у насъ все, слава Богу, обстоитъ благополучно, то нѣтъ на это мосто благословенія,—слабо улыбулся онъ.

— По витринѣ въ магазинѣ нельзя судить о торговыхъ дѣлахъ,—вставилъ Пудринъ:—бываетъ, чѣмъ ближе конецъ, тѣмъ лучше показная сторона магазина.

— Я полагаю, что выставка должна больше носить воспитательный характеръ,—вставилъ батюшка.

— Конечно, конечно,—согласились всѣ.

— Предстоящая выставка,—вмѣшалась, слегка краснѣя, хозяйка дома,—уже тѣмъ мнѣ мила, что взбудоражила наше болото.

Всѣ зашевелились и какъ-то начинаютъ подтягиваться, точно къ экзамену готовятся. Прошу извинить, господа,—сказала она, вставая и тѣмъ давая знать, что завтракъ конченъ.

Всѣ встали и перешли въ гостиную. Разговоръ сдѣлался общимъ.

— Ваше замѣчаніе о витринѣ совершенно справедливо,—подождалъ батюшка къ купцу.—Я вотъ и боюсь, что предстоящая выставка будетъ только показная, только «замазываніе рта», чтобы не смѣли говорить, что у насъ все плохо. «А вы на выставкѣ были?» скажутъ. «Нѣтъ». «Ну, такъ и не говорите»... Вотъ если бы на выставкѣ,—указалъ на меня батюшка,—онъ прочелъ рефератъ о своихъ побѣздахъ,—тогда другое дѣло... Вы поговорите-ка съ нимъ, спросите-ка, что онъ видѣлъ... Тогда выставка не будетъ показателемъ благосостоянія уѣзда. Изъ уѣзда возьмутъ все лучшее, цвѣтки, а обратная-то сторона останется подъ спудомъ. Если бы показать все, что они видѣли и слышали, то получилось бы нѣчто сѣрое, безцвѣтное, безотрадное.

— Батюшка, очевидно, вы недостаточно уяснили цѣль выставки?

— Можетъ быть, можетъ быть, —вздыхнулъ онъ и умолкъ.

— Вѣдь ты гласный земства, ты вотъ и подними вопросъ,—вдругъ раздался голосъ хозяйки, обращенный къ мужу.

— Непремѣнно. Наше земство отзывчивое. Непремѣнно...

— Что такое?—всѣ смотрѣли на хозяина выжидательно.

— Да вотъ она,—отвѣтилъ хозяинъ, указывая на жену,—просить уже давно, чтобы я поднялъ вопросъ на очередномъ земскомъ собраніи о самоучкахъ и самородкахъ въ нашемъ уѣздѣ...

Батюшка вскочилъ. Львиная грива его развѣвалась отъ волненія. Заложивъ подъ рясою руки за спину, онъ бѣгалъ по гостиной, что-то обдумывая.

— Это было бы очень хорошо,—сказалъ онъ хозяину.—Только не надѣюсь я на ваше земство.

— Вы бы, батюшка,—повернулся къ нему купецъ:—обратились къ своему епархіальному начальству, оно, можетъ, отзывчивѣе.

Отца М. точно кто пришибъ. Всѣ невольно улыбнулись. Батюшка сѣлъ и какъ-то беспомощно по-дѣтски улыбался. Смѣшно и тяжело было видѣть его мощную, точно въ воду опущенную, фигуру.

— Ну, если нашъ предсѣдатель управы увидитъ, что все это такъ, какъ мы говоримъ, ужъ такъ не бросить...

— Повторяю,—раздался пріятный, слегка дрожащій голосъ хозяйки послѣ наступившей тишины:—выставка уже тѣмъ цѣнна, что будитъ уснувшую мысль, дремлющія силы. Это школа. Все то, что рассказываетъ о самородкахъ нашъ «Діогенъ»,—улыбнулась она въ мою сторону:—это же ужасъ! кошмаръ какой-то! Гигантскія силы гибнуть и гложутъ среди насъ, а мы даже не подозреваемъ о нихъ. Въ томъ кошмарномъ мракѣ, который окружаетъ насъ, выставка

пробьеть брешь, и я твердо вѣрю, не сегодня—завтра, черезъ годъ, хлынуть въ эту брешь волны свѣта и зальютъ своими живительными и благотворными лучами нашу милую родину и пробудятъ ее къ новой, иной жизни.

Всѣ притихли.

Батюшка первый не выдержалъ. Весь взволнованный, онъ бросился къ хозяйкѣ, размахисто благословилъ ее и поцѣловалъ въ голову. Купецъ жалъ руку.

— Иди-ка ты въ дѣтскую, жена ты моя милая!—обдавая горячимъ взглядомъ, нѣжно обнимая рукою ея упругій станъ, ласково выпроваживалъ ее мужъ къ дѣтямъ.

Послѣ ухода хозяйки разговоръ какъ-то не клеился. Всякій заговаривалъ о своихъ дѣлахъ. Батюшка пріѣхалъ просить у хозяйина новую молотилку, купецъ посмотрѣть льняное сѣмя. Я вышелъ въ садъ, гдѣ меня и напелъ хозяйинъ.

— Я очень радъ, что ты ко мнѣ пріѣхалъ,—обнимая меня за талию, сказалъ онъ.—Ну, какъ тебѣ мое хозяйство нравится,—перебивая себя, спросилъ онъ:—ничего, кажется?

— Много у тебя земли?

— То-то и горе мое, что земли маловато, а то бы я показалъ себя. Пятьсотъ десятинъ всего.

— Хуторъ порядочный.

— Да-а,—улыбнулся онъ.—А какъ ты думаешь, сколько я получаю? Тысячи четыре,—не ожидая отвѣта, сказалъ онъ.—А со временемъ надѣюсь получить больше.

— Ну-у?..

— Вотъ тебѣ и ну! А ты думаешь какъ же? Одинъ садъ среднимъ числомъ даетъ мнѣ рублей пятьсотъ чистоганчикомъ. Чего же ты глаза-то выпучилъ? Да у моего сосѣда одно молочное хозяйство даетъ до шести тысячъ валовыхъ.

— Такъ тамъ болѣе пяти тысячъ десятинъ.

— А у меня пятьсотъ... Вотъ и горе мое.

— Ну, а какъ же съ выставкой?

— Ну, конечно, я на выставкѣ буду, да, вѣроятно, и всѣ мы, помѣщички, будемъ участвовать. Мы отлично понимаемъ цѣль выставки. Это батюшка, какъ будто, боится ее...

На обратномъ пути мнѣ хотѣлось на минутку завернуть въ имѣніе Трутнево.

По дорогѣ я догналъ мужиковъ и спросилъ ихъ, какъ проѣхать въ усадьбу.

— А вы по какому жъ дѣлу?—полюбопытствовали они.

Я сдержалъ лошадь и рассказалъ.

Мужики разсмѣялись.

— Ну, туда-то можно и не ѣздить. Развѣ самого его выставить. Что ты тамъ найдешь? Ты не гляди, что имѣніе большое, а онъ бѣд-

нѣе насъ. Часто самому ѣсть нечего. По имѣнію-то что Мамай прошесть. Только званье, что баринъ.

— Чѣмъ же онъ занимается?

— Жре, пьетъ, дѣвокъ любя и спитъ. А коли не спитъ, то по деревнямъ «соча» (ищеть) денежнаго мужика, чтобы землю продать. Евъ, тебѣ Гараня лучше расскаже, — указали они мнѣ на мужика Герасима Петрова.

Онъ рассказалъ мнѣ обыкновенную исторію. Жить въ деревнѣ мужику было тѣсно, банковскія имѣнія далеко. Онъ сторговалъ у Трутневскаго барина пятьдесятъ десятинъ по сту пятидесяти рублей, съ переводомъ долга въ банкъ. Далъ задатку пятьсотъ рублей. Дѣло тянулось два года. Мужикъ и справки наводилъ, и самъ ѣздилъ въ банкъ. Наконецъ, нынѣшней весной былъ полученъ отвѣтъ. Въ ссудѣ было отказано. По договору деньги баринъ засчиталъ въ аренду, предоставивъ мужику пять лѣтъ пользоваться землею. Изъ разсказа мужика я понялъ, что такихъ, какъ онъ, много. Всѣмъ, кто купилъ землю въ Трутневѣ, сдѣлки не утверждались, а они лѣзли, точно мухи на медъ.

— Вотъ и вездѣ намъ такъ. Про выставку-то и не вздумашь. Самихъ вездѣ обставляютъ.

— А вы бы на хуторъ.

— Плохо, баринъ, на хутора, коли и въ деревнѣ тѣсно. На хуторѣ-то еще тѣснѣй.

— А «въ Самарскую» не пробовали ¹⁾?

— Уѣхали нѣкоторые, да и оттуда пишутъ плохо... вездѣ, баринъ, мужику плохо стало. Въ деревнѣ худо, на хуторѣ тѣсно, самарскія земли далеко, хлѣбъ пересталъ родиться. Куда ни кинь, все клинь. Совсѣмъ пропадать пришло. Все стало дорого. Взять хошь бы лѣсъ. Дровины взять негдѣ. Своего-то лѣса въ собаку бросить нечѣмъ, а купить—не докупиться, все еврей захватилъ.

— А вы бы въ казенномъ.

— И тамъ то же стало. Торги-то отмѣнили, а вздумали какіе-то конверты подавать. А гдѣ жъ намъ конверты писать, коли мы неграмотные? Еврей вездѣ пронюхалъ. У него вездѣ найдено. Онъ знаетъ, что написать, а ты какъ ни пиши, все дѣлянки лѣса за нимъ останутся. Во всемъ такъ мужику стало. Тебѣ вотъ сюда въ Трутнево-то, — указали они, давая дорогу на поворотѣ. Я хлестнулъ лошадку и уже не поѣхалъ въ Трутнево.

¹⁾ Всѣ переселенческія губерніи въ нашемъ краѣ зовутъ Самаріей или Самарской губ. «Куда переселился?»—«Въ Самарскую губернію», хотя бы самъ уѣзжалъ въ Сибирь.

VII.

На выставкѣ.

Открытие выставки совпало съ базарнымъ днемъ въ городѣ. День выдался погожій, и по улицамъ «провороту» не было отъ народу. Послѣ молебна, къ которому собрались тысячи народа, предсѣдатель комитета выставки сказалъ приличную случаю рѣчь, въ которой старался выяснитъ задачи сельско-хозяйственнаго общества и значеніе выставки. Оркестръ мѣстнаго пожарнаго общества сыгралъ національный гимнъ, и выставка была объявлена открытою. Распорядители не пожалѣли собственныхъ силъ и съ внѣшней стороны обставили выставку на славу. Отъ нечего дѣлать я бродилъ изъ отдѣла въ отдѣлъ. Осматривая скотъ, мнѣ невольно пришлось подслушать разговоръ столпившейся кучки мужиковъ.

— Намъ не выставку устраивать, а вотъ кабы начальство способіе выхлопотало. А эти-то господскія забавы не къ нашей пользѣ.

— Ну, братъ, этого-то не дождешься. Все способіе да способіе.

— Какъ будемъ перебиться, если не помогутъ? Ъсть нечего, травы пропали.

— Вотъ бы на выставку всю бѣ худобу нашу! А то все хорошее да хорошее.

Замѣтивъ меня, мужики посторонились.

— Ну, какъ?—обратился я къ нимъ.

— Да ничего, баринъ, вотъ посмотримъ.

— Что жъ—нравится?

— Нравится-то нравится, да тутъ не все выставлено.

— Тамъ другіе отдѣлы есть, — указалъ я. — Чего же тутъ вы не зайдете?

— А нужды нашей не видно.

Кучка какъ-то особенно осклабилась.

Я пошелъ.

— Это кто жъ?

— А что выставку собиралъ...

— А-а,—донеслось до меня.

— Ну, и порозь!—дивился мужикъ въ другомъ мѣстѣ, указывая на быка голландской породы:—не нашава стоя. Видѣлъ я мужицкихъ коней-то... Одры одрами. А тутъ выставлены!..

— Да-а-а...

— А што, Тимоха, кабы такого пороза да въ наше стадо? Всю бѣ скотину потратилъ.

— Да, братъ, этотъ нашимъ коровамъ не подходя.

Чувствую, кто-то толкаетъ подъ руку. Обернулся. Юркій рыжій мужиченко снялъ шапку и, заискивающе осклабившись, низко кланяется.

- Не узнали, баринъ?
- А-а, Рудый, — вспомнилъ я.
- Узнали! — обрадовался мужиченко: — ну, и память же у вашего благородія.
- Ты, что же, посмотрѣть пріѣхаль?
- По случаю ярманки мы. Ну вотъ, товарищъ-то свой, благодаритъ Господа, продали да и сюда зашли. Добро все это.
- Что добро?
- А выставлено-то... Ишь флаки разные! Столобки-то все кумачомъ, все кумачомъ... А добрины-то навезено! Одной одежины на пяти возахъ не увезешь. Машины всякія. Скотина-то все добрѣющая и много же ея понагнали. Господи ты, Боже мой! Какое есть богатство въ людяхъ, не то что у насъ. Хлѣбъ-то у людей растетъ что «въ Малороссіи»... Добро! Прямо добро. Гляди и учись уму-разуму, — юлилъ Рудый.
- Что же тебѣ больше всего нравится?
- Все понравилось. А больше всего машина, что меля, да часы деревянные.
- Ну, а ленъ, жито (ячмень), овесъ, рожь — это какъ?
- Это что жъ... Это все хорошее, только тутъ дивнаго ничего нѣтъ... По колоску да по соломинкѣ, по зернышку да по травинкѣ мы и въ Заклинкѣ своемъ собираемъ. Это не диво: съ селового-то поля просто!
- Дивлюсь я господамъ, — вмѣшалась баба. — Смотрю это, мѣшокъ лежитъ. Мѣшокъ какъ мѣшокъ. Такихъ-то и у меня много. Я бъ кабы знала, что принимаютъ...
- Да вѣдь онъ не спитый, понимаешь, безъ шва, прямо тканый, — говорю я.
- Да што ты? а я и не вчмяла. Вотъ разиня-то! — хлопала баба себѣ по бокамъ.
- А ничего новенькаго не слыхать, баринъ? — перебилъ Рудый бабу, таинственнымъ полушопотомъ.
- Что такое?
- Да вишь быдто... да это, я полагаю, зря болтають...
- Да говори ты.
- Какъ думаешь, намъ податей не прибавятъ?
- Съ чего ты взялъ?
- А слышно, будто отъ царя министръ пріѣдетъ смотрѣть.
- Ну?
- Ну, увидить, что еще у мужичка всякаго-то добра много, и прибавятъ налоговъ.
- Смотри, Рудый, не попадись уряднику съ такими разговорами, то не бывать тебѣ сегодня дома.
- Подавляя поднимающуюся досаду, я продолжалъ смотреть.
- Въ отдѣлѣ плодоводства мнѣ понравилось запеканіе изъ плодовъ. Спрашиваю: «что стоитъ фунтъ такихъ фруктовъ?»

- Не того...
- Сколько же?
- Не снай, мы не ститаль—отвѣчаетъ чухонецъ.

Досадно.

Подхожу къ группѣ, обступившей рамочный улей. «Центрофужированный медь въ рациональномъ пчеловодствѣ бываетъ жидокъ, потому что не дозрѣлъ»... слышу объясненіе. Махнулъ рукою и пошелъ въ отдѣлъ полеводства. «Примѣненіе удобрильныхъ туковъ, или по-крестьянски торговый навозъ, въ рациональномъ хозяйствѣ»... Опять «рациональный»! Не дослушалъ, пошелъ прочь. Употребленіе словъ: «центрофужированный», «рациональный», «туки»—съ людьми, которые слово «суперфосфатъ» замѣнили словомъ «сушостать»,—по меньшей мѣрѣ «не рационально», думалось мнѣ. Между тѣмъ чувствовалось, что многіе сюда пришли, какъ къ источнику живой воды, но живого слова не было. Его забыли выставить или замѣнили непонятными для мужика словами. Не оттого ли всѣ лекціи нашихъ агрономовъ, инструкторовъ по луговодству, торфобѣдѣнію, садоводству, маслосѣлію и прочія и прочія или совсѣмъ не посѣщаются крестьянами, а если и посѣщаются, то самымъ ограниченнымъ числомъ слушателей.

Я замѣтилъ, однако, что выставка на многихъ произвела пріятное впечатлѣніе. Всѣ ожидали отъ нея худшаго. Встрѣтилъ батюшку М. и подошелъ къ нему.

— А, собиратель!—загремѣлъ онъ на своей трубѣ. — Ну, что жь, довольны выставкой?

— А вы?

— Да какъ вамъ сказать? и доволенъ, и нѣтъ. По первому впечатлѣнію какъ будто и желать лучше не надо. Вотъ жожу, смотрю и стараюсь анализировать. Ошеломляющее-то прошло, а теперь начинаю разбираться. Кустарный отдѣлъ хорошъ, въ отдѣлѣ полеводства есть чему поучиться, есть надъ чѣмъ и задуматься—и все-таки я не удовлетворенъ... Тутъ выставлены хлѣба разныхъ сортовъ отъ помѣщиковъ, хуторянъ, а отъ соли-то земли Русской, отъ надѣльнаго мужика—разъ-два и все. Отъ хуторянъ есть, но все съ опытныхъ полей. Тутъ надо бы къ ярлыкамъ прибавить: «и отъ агрономовъ»...

Мы отправились къ другому отдѣлу. Навстрѣчу, замѣтивъ насъ, шла Марія Петровна Лагина, весело улыбаясь. Глаза ея искрились, на лицѣ сіяло удовольствіе.

— Кого искала, того и встрѣтила. Вотъ-то я рада! Для меня сегодня особый, новый день. Мнѣ такъ хотѣлось встрѣтить васъ обоихъ и непременно вмѣстѣ. Ну, говорите скорѣе о выставкѣ. Что же вы?

— Ахъ вы, золотое сердце! Что же васъ на выставкѣ особенно порадовало?—спросилъ батюшка.

— Да все, понимаете ли все! Во-первыхъ, сама выставка, обстановка, новизна дѣла, экспонаты, неожиданность, вообще все, все! Ну, понимаете ли вы меня?—досадуя на наше спокойствіе, горячилась Марія Петровна.

— Понимаемъ, понимаемъ.

— Какое огромное воспитательное значеніе она имѣетъ для края, для всѣхъ насъ. Я прямо вся заполнена, захвачена, даже складно говорить разучилась. Въ ней все воспитываетъ: неудачи и промахи устроителей, экспонаты, экспоненты, публика—все, все. Вы въ кустарномъ отдѣлѣ были?—продолжала она.—Что за прелесть! Какое обиліе матерій, какое разнообразіе узоровъ въ ткань. Какая чистота отдѣлки. Сколько вкуса! Какія кузнечныя, столярныя работы, прелесть!... Понимаете ли вы, чему это насъ учить? А самоучку-механика съ его локобилемъ и деревянными часами—видѣли? Вѣдь это же кладъ. Неужели эксперты пройдутъ мимо этой драгоцѣнности и не оцѣнятъ его по достоинству? Это будетъ прямо ужасно. А замѣтили вы, что на этой выставкѣ очень мало мѣстнаго купечества?

— Да они насъ, земцевъ, не жалуютъ, —отвѣтилъ подошедшій къ намъ предсѣдатель выставочнаго комитета.

— Такой антагонизмъ непонятенъ,—сказалъ батюшка.

— Я ничѣмъ иначе не могу объяснить это, какъ косностью или личнымъ нерасположеніемъ купцовъ къ земству,—произнесъ тотъ же предсѣдатель.—Ихъ и въ обществѣ сельскаго хозяйства мало. Это не антагонизмъ и не консерватизмъ, а чортъ знаетъ, что такое. Что-то... купецкое! Ну, какъ выставка правится?—обратился онъ къ знакомому ему крестьянину.

— Да какъ вамъ сказать? Она-то хороша... да вотъ несподручна. Вотъ кабы въ нашъ бы Заклинокъ ее... или въ Башево. По крайности весь бы нашъ край посмотрѣлъ.

— Вотъ вамъ и результатъ,—сказала радостно Марія Петровна.— У мужика уже зародилась мысль о передвижной выставкѣ. Вотъ вамъ и новая забота въ будущемъ,—обратилась она къ намъ.

— Хорошая мысль,—отвѣтилъ предсѣдатель комитета.—И я уже объ этомъ думалъ, но средствъ нѣтъ.хлопотно очень и дорого.

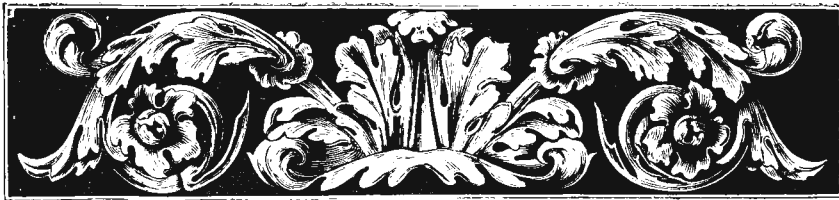
— Это было бы прекрасно,—сказалъ батюшка.—А въ сравненіи съ тѣми результатами, которые осуществленіе этой идеи обѣщаетъ, затраты ничтожны, такъ какъ окупятся въ другомъ.

— Вотъ вы бы, батюшка,—вернулся къ нему предсѣдатель:— не одни, а все духовенство—пришли къ намъ на помощь.

Батюшка вмѣсто отвѣта только вздохнулъ и махнулъ рукою.

— Извините, господа, мнѣ надо!—вдругъ заторопился предсѣдатель.—Я надѣюсь, что вы останетесь до конца выставки и раздѣлите съ нами скромную трапезу, послѣ закрытія... И вы, батюшка!

М. С. Семеновъ.

ПЕРВАЯ СТЫЧКА.

А ВОСТОЧНОЙ вѣткѣ Китайской желѣзной дороги, среди дремучей, малопроезжимой тайги и островерхихъ сопкокъ, въ небольшой долиникѣ, кругомъ сдавленной лѣсомъ и горами, раскинулась станція Хань-даохэдзы. Это крушѣйшая станція на восточной вѣткѣ, гдѣ сосредоточено нѣкоторое управление дороги въ главѣ инженеровъ-начальниковъ участковъ, а также расположенъ штабъ бригады пограничной стражи.

Сюда въ 1903 году, на разсвѣтѣ яснаго, погожаго іюльскаго дня я прїѣхалъ изъ Россіи, по переводу въ пограничную стражу. Проснавъ всю ночь, я проснулся у какого-то разъѣзда и былъ пораженъ неожиданной красотой дикаго пейзажа, окружающаго желѣзнодорожный путь, который, послѣ утомительной для глазъ дороги до Харбина, особенно манилъ къ себѣ и заставлялъ глазъ отдыхать на дикихъ хотя, но безспорно красивыхъ кудрявыхъ сопкахъ, на дремучей тайгѣ, чуть тронутой топоромъ для проложенія желѣзной дороги, и на кристально-прозрачныхъ горныхъ ручейкахъ, которые то низвергались со скалъ, окрашенныхъ во всѣ цвѣта радуги, то тихо струились въ маленькихъ долинкахъ, маня къ себѣ своей чистотой и окружающей ихъ сочной зеленью травы и деревьевъ. А могучіе кедры и другія деревья невиданныхъ породъ манили подъ свою тѣнь изъ душнаго вагона, въ которомъ пришлось провести болѣе четырнадцати сутокъ.

Проѣхали разъѣзды Лида-хеза и Вѣра-хеза (говорятъ, названные такъ строителями-инженерами въ память дамъ ихъ сердца,

времени постройки), проѣхали знаменитую «петлю», гдѣ поѣздъ выбирается на кручу по рельсамъ, уложеннымъ петлею, и, сдѣлавши нѣсколько крутыхъ поворотовъ, остановились у временнаго вокзала Ханьдаохэдзы.

Все было необычайно. И огромные пульмановскіе вагоны, бронированные до оконъ, представлявшіе собою круѣпость, въ случаѣ нападенія хунхузовъ, и охрана поѣзда изъ десятка-другого бравыхъ пограничниковъ, и спующіе кругомъ китайцы—все это было такъ непохоже на оставленное только что Забайкалье, а тѣмъ болѣе—Россію, что невольно манило къ себѣ оригинальностью и новизной. Вдобавокъ и мѣстность—хаосъ сопокъ, нагроможденныхъ другъ около друга, со сверкающей, какъ стальная лента, рѣчкой Хантахезкой, стремительно бѣгущей по извилистой и узкой долинѣ,—поражала невиданностью формъ, и глазъ было трудно оторвать отъ новыхъ картинъ, отъ всего того, о чемъ приходилось раньше лишь читать, а нынѣ—быть самому въ центрѣ тайги, китайцевъ и новой, видимо, боевой, обстановки.

Однако быстроногіе «ходи» не дали мнѣ возможности долго наслаждаться новыми впечатлѣніями. Цѣлая толпа ихъ, оборванныхъ, грязныхъ и жалкихъ, бросилась ко мнѣ и, не взирая на грозные окрики полицейскаго-китайца, одѣтаго въ красную «курму» (куртку), и на внушительное помахиваніе имъ толстой палкой, атаковала меня съ явной цѣлью завладѣть моимъ багажомъ.

— Капитанъ, шанго, капитанъ, моя твоя вещь таскай...—выпрашивала эта толпа, хватая багажъ, вырывая его у меня изъ рукъ и яростно выдергивая его у завладѣвшихъ счастливыхъ. Ихъ было такъ много, багажа такъ мало, что я растерялся, считая мой багажъ уже навсегда для меня потеряннымъ. Однако блюститель порядка, неожиданно для меня, да, кажется, и для себя самого, заработавъ дубинкой нещадно, колотя ею по спинамъ и головамъ людей, и черезъ мгновеніе человекъ шесть китайцевъ, успѣвшихъ захватить мой багажъ, гуськомъ потянулись со станціи, имѣя меня въ хвостѣ этого оригинальнаго шествія, причемъ весь багажъ съ успѣхомъ могли бы снести и двое.

Тогда же меня крайне удивило отношеніе китайцевъ къ расправѣ полицейскаго. Ни возмущенія, ни криковъ, ни жалобъ не было изъ этой толпы; даже наоборотъ, при каждомъ удачномъ ударѣ толпа, да и самъ потерпѣвшій кричали «хао» (хорошо), одобрительно улыбаясь. И какъ только я пошелъ со станціи, всѣ эти ходи дружно разговаривали съ тѣмъ же полицейскимъ, который только что нещадно ихъ билъ. Удивительный народъ, странныхъ противорѣчій! Потомъ, наблюдая этотъ народъ и въ повседневной жизни, и въ боевыхъ столкновеніяхъ, и въ страшные моменты смертной казни, я всегда былъ удивленъ, что высокое мужество идетъ рука объ руку съ поражающей трусостью, составляя всегда особенности одного и

того же человѣка, который только что бѣжалъ, уклоняясь отъ палки или отъ перестрѣлки, или, наоборотъ, спокойно, съ улыбкой на губахъ подставляя свою голову подъ тяжелый «тау» (мечъ) палача...

Выйдя со станціи, я попалъ въ небольшой поселокъ, образовавшійся изъ ряда домовъ довольно оригинальной архитектуры, въ которыхъ, какъ оказалось, жили служащіе станціи, инженеры и рабочіе. Тутъ же видѣлись магазины знаменитыхъ на Дальнемъ Востоку «Кунстъ и Альберсъ», Чурина и другіе, гдѣ, видимо, можно было достать многое, и это меня порадовало.

Напротивъ желѣзнодорожнаго поселка, на другой сторонѣ полотна и за рѣчкой Хантахезкой, раскинулся значительно большой поселокъ русскихъ, а дальше—поселились китайцы. Эти поселки напоминали собой уже небольшой городокъ и, въ противоположность станціонному, выстроенному сплошь изъ кирпича, съ затѣйливыми черепичными крышами съ драконами на конькахъ, имѣли въ своемъ составѣ лишь деревянные и даже досчатые дома.

Мои посыльчики быстрымъ шагомъ людей, привыкшихъ много ходить, свернули, на шоссе, и я покорно направился за ними, въ увѣренности, что ходи доставятъ меня куда слѣдуетъ.

Пройдя довольно далеко отъ станціи, я рѣшилъ какъ-нибудь узнать, много ли итти до штаба, но всѣ мои познанія въ китайскомъ языкѣ ограничивались словомъ «ходя» и потому, какъ ни ломалъ я языкъ, въ наивной надеждѣ быть понятымъ, другого отвѣта не получалъ, какъ: «далеко нѣтъ», и покорился необходимости слѣдовать за своими носильщиками, оживленно болтавшими и все время скалившими зубы.

А дорога вилась то вдоль полотна, то мимо депо, гдѣ мрачно гудѣли паровозы, то поднимаясь въ гору, и все время среди лѣса, мѣстами вырубленнаго, вѣроятно, на дрова. Часто рѣзко свистѣлъ паровозъ, и громкое, даже поразительно громкое эхо десятки разъ передавало эти звуки.

Но вотъ послѣ поворота показался небольшой поселокъ изъ пятнадцати-двадцати хорошенькихъ кирпичныхъ домовъ съ верандами, двумя прямыми улицами, садиками и аллеями, и я понялъ, что это офицерскій поселокъ штаба бригады и я у цѣли своего далекаго путешествія. Скоро мы вышли на улицу, и наконецъ отлично освѣдомленные ходи остановились у зданія, которое оказалось офицерскимъ пріютомъ (т.-е. домомъ, гдѣ останавливаются пріѣзжіе въ штабъ офицеры, какъ ведется во всей пограничной стражѣ).

Черезъ минуту весело галдящіе ходи отправились обратно, и я остался на верандѣ дома передъ закрытой дверью, одинъ, среди своего багажа, съ тщетной надеждой попасть внутрь дома, такъ какъ звонка было не видно. Однако, обойдя кругомъ, я нашелъ спящаго солдата, сторожа пріюта, и скоро, не взирая на пятый часъ утра, вещи были сложены въ уютной комнатѣ, а я самъ пилъ чай,

сидя за столомъ и не чувствуя вагонной тряски, къ чему такъ привыкъ за время пути, а словоохотливый солдатъ посвящалъ меня въ особенности станціонной жизни.

— Такъ что ихъ высокоблагородіе командиръ изволилъ быть въ штабѣ часовъ въ десять, гг. офицеры сейчасъ тоже спятъ, а къ десяти всѣ соберутся въ штабѣ. Штабъ еще не готовъ, новый-то, а пока, временно, канцелярія помѣщается рядомъ съ пріютомъ,—докладывалъ мнѣ солдатъ.

— А есть здѣсь, въ Ханьдаохэдзы, какія-нибудь части?—спросилъ я.

— А какъ же, ваше благородіе, здѣсь двѣнадцатая сотня да сороковая рота, т.-е. ихъ командиры здѣсь, да человѣкъ по сорокъ солдатъ, а всѣ остальные на линіи.

— Что же, ты не боишься хунхузовъ, вѣдь васъ тутъ мало?

— Зачѣмъ ихъ бояться, они народъ жидкій... я весь китайскій походъ провель, ихъ достаточно навидался, да и здѣсь, что ни мѣсяцъ, они нападаютъ на поселокъ, попукаютъ изъ ружьишекъ, какого «купезу», что побогаче, заберутъ, да и въ сопки. А какъ наши доспѣютъ, такъ много ихняго брата наколотятъ.

— А самъ ты бывалъ въ дѣлахъ?

— Такъ точно, въ 1900 году, еще въ охранной стражѣ, почитай, всю Манчжурію прошелъ, дрались мы съ хунхузами часто...

Въ это время наша бесѣда прервалась стукомъ въ дверь и голосомъ: «можно войти?»

— Пожалуйста,—отвѣтилъ я.

Въ дверяхъ появился офицеръ довольно внушительной вѣщности и, протягивая руку, отрекомендовался:

— Акимовъ. Не спалось мнѣ что-то,—услышалъ, что новый офицеръ пріѣхалъ, хотѣлось свѣжаго человѣка увидать. Вы не въ претензіи?

— Помилуйте, очень радъ. Садитесь, чайку, можетъ быть, выпьете?

— Охотно.

Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ о мѣстѣ прежней службы, о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Манчжуріей, разспросавъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, я почувствовалъ себя въ обществѣ штабъ-ротмистра отлично, и бесѣда наша стала очень оживленной.

— Вотъ и живу здѣсь,—продолжалъ Акимовъ,—уже скоро второй годъ. Перевезъ и семью, напуганную ранѣе, что въ Манчжуріи жить нельзя изъ-за хунхузовъ, и теперь чувствуемъ себя здѣсь, какъ въ Тамбовской губерніи. Служу въ штабѣ, былъ въ двѣнадцатой сотнѣ, куда, вѣроятно, зачислятъ и васъ. Слонялся по тайгѣ—искалъ хунхузовъ, охотился и, право, совершенно доволенъ.

— Слава Богу,—вырвалось у меня:—а мнѣ такъ много нехорошаго наговорили про Манчжурію,—однако и здѣсь жить можно.

— Э, тутъ, батенька, не только можно служить, но смѣю увѣрить, что въ Россіи, гдѣ нельзя проявить инициативу и негдѣ дать размаху, служить куда хуже. Тутъ вамъ дадутъ и самостоятельность и отличать, если увидятъ, что вы работаете. Я часто вспоминаю ту армейскую среду изъ глухого уголка Западнаго края, откуда я попалъ сюда, и правду скажу, искренно радуюсь, что служу на Востокѣ, гдѣ и событій впереди пропасть, да и ежедневная жизнь куда интереснѣе.

— А какъ вамъ понравилась Ханьдаохэдзы?—перебилъ самого себя Акимовъ.

— Прелестный уголокъ,—отвѣтилъ я:—мнѣ особенно нравится оригинальная, дикая природа, напоминающая мнѣ Закавказье, люди, тайга—все такое новое и невиданное... Хочется поскорѣе самому войти и въ службу, и въ жизнь здѣсь, уже не въ качествѣ зрителя, а участника.

— Да что мы сидимъ,—сказалъ, подымаясь, Акимовъ.—Если не устали послѣ дороги, пройдемтесь, я покажу вамъ сотню, роту, китайскій поселокъ и вообще наши достопримѣчательности. А придемъ, тогда вы явитесь по начальству.

— Отлично, идемте,—отвѣтилъ я, и черезъ минуту мы вышли на улицу.

Было совсѣмъ тепло. Яркое солнце заливало своими горячими лучами хорошенькій поселокъ, золотило вершины кедровъ и переливалось алмазами въ хрустально-чистой рѣчкѣ. Еще ощущалась утренняя свѣжесть, но можно было чувствовать, что день будетъ жаркій. Только что оставленный югъ Крыма напоминалъ себя въ Манчжуріи... По улицѣ поселка еще не было движенія, и только дозоръ изъ четырехъ пограничниковъ мѣрными шагами направлялся по аллеѣ, напоминающая, что мы въ центрѣ Манчжуріи, а не въ мирномъ уголкѣ Россіи.

— Вотъ здѣсь живутъ штабные—адъютантъ, здѣсь казначей, дальше прочіе офицеры. Вотъ квартира вашего будущаго командира сотни,—любезно знакомилъ меня Акимовъ съ рядами одинаковыхъ, довольно красивыхъ домиковъ, выстроенныхъ двумя линиями вдоль улицы.

— Здѣсь,—продолжалъ онъ,—квартира командира бригады. Всѣ живутъ съ семьями и нельзя сказать, чтобы скучно. Каждый вечеръ мы по очереди бываемъ другъ у друга, а когда собираемся у командира, то тамъ даже и танцуемъ... Вотъ и сегодня собираемся у него, вы сразу и познакомитесь со всѣмъ обществомъ.

— Очень радъ. По правдѣ сказать, я не думалъ, что въ Манчжуріи возможна такая жизнь. Я представлялъ ее какъ сплошной военный лагерь и вдругъ попалъ въ совершенно европейскую обстановку,—сказалъ я.

Акимовъ улынулся и замѣтилъ, что вообще въ Россіи неправильный взглядъ на Манчжурію.

Незамѣтно мы вышли на полотно желѣзной дороги и пошли вдоль рельсовъ. Сдѣлавши нѣсколько поворотовъ, мы подошли къ огромному зданію въ одинъ этажъ, но въ два свѣта, со стекляннымъ колпакомъ вдоль всей крыши. Зданіе было выстроено капитально и довольно красиво.

— Вотъ вамъ и казарма полусотни двѣнадцатой сотни,—сказалъ Акимовъ, указывая на эту постройку.—Здѣсь сейчасъ, кажется, человѣкъ тридцать-сорокъ, остальные на линіи.

Мы обошли зданіе, зашли въ конюшню, гдѣ нѣсколько десятковъ лошадей, отлично содержимыхъ, стояли по стойламъ. Конюшня была построена по всѣмъ правиламъ этого дѣла и поражала обиліемъ воздуха, чистотой и отличной отдѣлкой. Видимо, строилось все безъ стремленія «загнать экономію» и было выстроено образцово.

Лошади,—вообще въ Заамурскомъ округѣ пограничной стражи забайкальской породы, обыкновенно далеко некрасивыя, малорослыя и мохнатыя,—въ двѣнадцатой сотнѣ были подобраны томской породы, приближающейся по экстерьеру къ европейскимъ лошадямъ, какъ ростомъ, такъ и сложеніемъ, а потому особенно выгодно отличались отъ видѣнныхъ мною ранѣе.

Словомъ, отъ сотни у меня осталось наилучшее впечатлѣніе, особенно, когда на уборку лошадей прибылъ молодцоватаго вида вахмистръ съ двумя «Георгіями», да и на груди у нѣкоторыхъ рядовыхъ серебряные крестики весело поблескивали на солнцѣ.

Изъ сотни мы направились къ китайскому поселку. Словоохотливый Акимовъ обращалъ мое вниманіе на все, встрѣчаемое нами, и я уже чувствовалъ себя достаточно освѣдомленнымъ о жизни въ Ханьдаохэдзы.

Черезъ жиденькій деревянный мостикъ мы перешли Хантахезку и попали въ русскій поселокъ.

— Вотъ вамъ фотографія. Ее держитъ японецъ,—говорятъ, капитанъ генеральнаго штаба,—сказалъ Акимовъ, указывая на жалкій балаганъ, надъ которымъ висѣла надпись: «Фотографія».

— Говорятъ, что всѣ наши японцы—прачки (здѣсь мужчины), парикмахеры, содержатели всякихъ заведеній—офицеры японской арміи. Трудно, конечно, провѣрить это, но я вѣрю—большіе они пролазы и больно интересуются всѣмъ, относящимся до нашей боевой готовности. Съ фотографомъ я знакомъ, и онъ производитъ впечатлѣніе совершенно интеллигентнаго человѣка. Между прочимъ, наши инженеры давали ему снимать сооруженія дороги... поступокъ, едва ли достойный подражанія.

— Но неужели за ними не установлено наблюденіе?

— Наблюдаемъ...—протянулъ Акимовъ:—имѣемъ шпіоновъ-ходей, платимъ имъ гроши, за что они и сообщаютъ намъ всякую чушь.

Пройдя русскій поселокъ, представляющій собою кучу деревянныхъ, довольно жалкаго вида домовъ, мы по широкой грунтовой дорогѣ подошли къ китайскому поселку. Здѣсь, при входѣ, какъ всегда принято у китайцевъ, расположилась небольшая, но чистенькая кумирня съ нѣсколькими богами и высокими шестами, украшенными рѣзьбой. Какой-то китаецъ, сжимая хлопущки, призывалъ на себя вниманіе божества, передъ которымъ медленно курилась тоненькая желтая свѣчка.

Оставивъ боговъ съ ихъ страшными фізіономіями и позами, мы вышли на главную улицу поселка, состоящую сплошь изъ лавокъ со всевозможной китайской рухлядью. Кругомъ неистово кричали бродячіе брадобреи, позванивая въ особую доску, чтобы на нихъ обращали вниманіе; оживленно жестикулируя, громко разговаривали китайцы; тутъ же пекли лепешки на отвратительномъ бобовомъ маслѣ, готовились пельмени, «купезы» расхваливали свои товары и вообще, послѣ тихаго русскаго поселка, шумъ и гамъ стояли невообразимые.

Фанзы китайцевъ, отступая отъ принятаго обычая, были въ большинствѣ случаевъ деревянные, т.-е. въ видѣ временныхъ бараковъ, и поражали своимъ убожествомъ такъ же, какъ и большинство обитателей, одѣтыхъ въ невообразимыя лохмотья, часто полуголыхъ и вообще невѣроятно грязныхъ. Всѣ они, по словамъ Акимова, были рабочіе на желѣзной дорогѣ.

Зашли, по приглашенію Акимова, въ одну изъ фанзъ-«ресторановъ», она же и курильня опиума. На канахъ (родъ лежанокъ вдоль стѣнъ) человекъ двадцать китайцевъ сидѣли, поджавъ ноги, и играли въ какую-то игру.

— «Банковка»,—пояснилъ Акимовъ.—Это такая игра, что китайцы себя даже въ рабство проигрываютъ. Борются съ этимъ зломъ русскія власти, да ничего не сдѣлаешь,—чрезвычайно китайцы азартны. И вотъ сидятъ, вѣроятно, еще съ вечера, и досидятъ до того, что кого-нибудь прикончатъ этой самой банковской, такъ какъ половина играющихъ, а главное хозяинъ банковской—шулера.

Я подошелъ ближе. На небольшомъ столѣ была разложена скатерть, подѣленная на поля, и на каждомъ полѣ лежали деньги. По серединѣ скатерти стояла «банковка»—довольно массивная мѣдная колонка, а въ пустотѣ колонки вдвинута пластинка, у которой одна сторона бѣлая, другая—черная. Когда игроки поставятъ свои ставки, то хозяинъ банковской покрываетъ ее мѣдной крышкой, входящей до основанія, повертываетъ нѣсколько разъ, и выигрышъ и проигрышъ зависитъ отъ направленія бѣлой и черной стороны пластинки. Приспособленіе крайне благодарное для шулеровъ, и можно только удивляться довѣрью и наивности китайцевъ, позволяющихъ себя очищать до нитки.

Игроки почти не замѣтили нашего прихода: они дикими, выпученными глазами молчаливо уперлись въ закрытую колонку и трепетно ждали момента, когда крышка ея поднимется. И въ тотъ моментъ одни молчаливо хватали выигранныя деньги, другіе съ кригомъ и гамомъ ставили новыя ставки.

Зрѣлище было непривлекательно, въ фанзѣ душно—пахло всевозможными, чисто китайскими запахами, и мы, выйдя на улицу, съ удовольствіемъ вдохнули въ себя воздухъ, который хотя и былъ насыщенъ противнымъ запахомъ бобоваго масла, но все же чище воздуха въ фанзѣ.

Изъ китайскаго поселка сокращенной тропой мы направились обратно.

— Вотъ вамъ и Хантахеза,—сказалъ Акимовъ:—осмотрѣли ее всю, теперь можно и домой. Вѣроятно, въ штабѣ всѣ собрались, вы какъ разъ успѣете переодѣться, да и являетесь.

Онъ потянулся, досталъ папиросу и сѣлъ на срубленный пенъ у сверкающей, хрустально-чистой рѣчки.

— Покуримъ,—продолжалъ онъ, протягивая мнѣ портсигаръ.

Мы закурили. Кругомъ было тихо, и только слабое журчаніе рѣчки нарушало тишину лѣса. Но вотъ раздался мощный свистокъ паровоза, десятки разъ отдавшійся по ущельямъ сопокъ, и товарный поѣздъ медленно выплылъ прямо изъ тайги. И какъ странными показались этотъ носитель культуры среди дикой природы тайги, только что оставленнаго китайскаго поселка, живущаго жизнью Срединной имперіи, такой же, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, и два русскихъ офицера, заброшенныхъ въ эту глушь...

Какъ бы на мои мысли, Акимовъ, попыхивая дымомъ толщенной папирасы, проговорилъ, указывая на поѣздъ.

— «Дорога къ Тихому океану»,—какъ это красиво звучитъ!..—наконецъ-то мы пошли по этой дорогѣ.

— Дадутъ ли итти,—размахъ больно широко!

— Да, давно говорятъ, что встать намъ не дадутъ, или, по крайней мѣрѣ, будутъ препятствовать. Знаете,—поднялся Акимовъ,—война неизбежна. Весь вопросъ во времени и, какъ говорятъ японцы, въ концѣ этого года разыграются военныя дѣйствія, и, быть можетъ, и мы примемъ въ нихъ участіе. А пока у насъ довольно и своей боевой практики. У насъ что ни день, то гдѣ-нибудь стычка: то нападутъ на станцію, то на постъ, то пристрѣлятъ патруль въ погонѣ за нашими трехлинейками, то уведутъ въ солпки мирныхъ китайцевъ. Словомъ, мелкая волна у насъ ежедневно, да и вамъ, вѣроятно, придется ее скоро испытать...

Перейдя полотно желѣзной дороги, мы какъ-то незамѣтно вышли въ офицерскій поселокъ. Онъ, видимо, уже давно проснулся, такъ какъ на нѣкоторыхъ верандахъ пили чай, въ садикахъ играли дѣти и вообще проявлялась жизнь.

Разставшись съ Акимовымъ, я отправился къ себѣ переодѣться. Бойкій «охранникъ» уже давно разложилъ всѣ принадлежности парадной формы, вынувъ ихъ изъ чемодана. Одѣвшись, я вышелъ на улицу и направился въ штабъ бригады.

II.

Въ штабѣ собралось человѣкъ десять офицеровъ, съ которыми я тутъ же познакомился. Командиръ, полковникъ N, въ высшей степени любезный и симпатичный, искренно любимый всей бригадой за свою простоту, обласкалъ меня своимъ чарующимъ обращеніемъ и, поразспросивъ кое о чемъ, назначилъ въ двѣнадцатую сотню, какъ и предсказывалъ Акимовъ.

Поболтавши въ штабѣ съ офицерами, я отправился по визитамъ и скоро чувствовалъ себя отлично, быстро войдя въ новую семью пограничниковъ. Въ гостепріимной семьѣ командира бригады меня приняла совершенно тепло, и тамъ я засидѣлся, а, уходя, получилъ приглашеніе быть у нихъ сегодня же на вечерѣ.

Утомленный впечатлѣніями дня, я вернулся въ свой пріютъ въ надеждѣ нѣсколько отдохнуть. Едва снялъ съ себя парадные доспѣхи, какъ въ дверь постучали, и въ комнату вошелъ мой командиръ сотни, ротмистръ O., которому я представлялся еще утромъ.

— Радъ, что вы еще не спите, у меня къ вамъ дѣло,—сказалъ O., присаживаясь на диванъ.—Вотъ, только что получилъ телеграмму изъ Харбина, надо ѣхать въ штабъ округа. Вамъ придется остаться за меня на время моего отъѣзда, принять бразды правленія,—шутливо добавилъ O., видя мое недоумѣніе.

— Вотъ ужъ этого я не ожидалъ. Подумайте, Аркадій Алексѣевичъ, вѣдь я здѣсь человѣкъ совершенно новый!...

— Ну, это пустяки, берите фуражку и идемъ въ сотню; я васъ сейчасъ познакомлю съ нижними чинами, увидите, какіе у насъ порядки, и сразу почувствуете себя на мѣстѣ. Идемте.

Дѣйствительно, больше ничего не оставалось дѣлать, какъ идти. Одѣвъ пашку, я вышелъ вмѣстѣ съ ротмистромъ, и скоро по знакомой уже дорогѣ мы пришли въ сотню.

Была уборка лошадей. Изъ видѣнной мною днемъ конюшни выводились недурныя лошади, и солдаты, привязавъ ихъ у коновязи, начинали свою привычную работу.

— Вотъ, вахмистръ, къ намъ новый офицеръ, корнетъ H. На значъ-ка къ нимъ денщика. Имѣй въ виду, что я уѣзжаю на два дня въ Харбинъ, почему корнетъ останется за меня.

Вахмистръ, серьезный, чернобородый казакъ съ двумя георгіевскими крестами на груди, приложилъ руку къ козырьку и, сказавъ: «слушаю-съ», повернулся кругомъ и отправился въ казарму.

Мы вошли въ казарму. Внутри, въ идеальномъ порядкѣ стояло тридцать кроватей, отлично убранныхъ и покрытыхъ красивыми одѣялами. По стѣнамъ, въ пирамидахъ, стояли винтовки, висѣли шашки и аммуниція. Все поражало чистотой, особой щеголеватостью и порядкомъ.

Зашли въ канцелярію. Здѣсь командиръ сотни ознакомилъ меня съ текущей перепиской, изъ канцеляріи направились въ цейхгаузъ, и скоро я чувствовалъ себя не новичкомъ.

Выйдя на дворъ, я осматрѣлъ манежъ и плацъ для ученія, кухню и всѣ хозяйственныя постройки. Время подходило къ солдатскому ужину. Большинство нижнихъ чиновъ прибиралось послѣ уборки лошадей, и дворъ понемногу пустѣлъ. Только нѣсколько бородачей-«охранниковъ», менѣе торопливыхъ, гуторили въ уголку, искоса поглядывая на меня и, вѣроятно, изучая новаго офицера. Я подошелъ къ нимъ.

— За что у тебя Георгій?—спросилъ я одного бородача-урядника.

— За Геокъ-Тепе, ваше благородіе, еще съ генераломъ Скобелевымъ въ походѣ были.

— Ого, ты ужъ давно на службѣ.

— Такъ точно, мы льготные были, да какъ предложеніе вышло въ Манчжурію, пошли въ охранную стражу. Скоро уже кончаемъ службу,—весело прибавилъ онъ.

— А что, развѣ не нравится?—спросилъ я:—навѣрно, въ Оренбургъ, въ свою станицу потянуло?

— Отчего не нравится, нѣтъ, здѣсь служить ничего, да больно китаецъ надоѣлъ. Подчасъ такъ домой тянетъ—просто немоготу. Еще какъ въ развѣздѣ болтаешься по сопкамъ, то ничего, а вотъ какъ сидишь безъ дѣла въ Хантахезѣ—просто пропадай... Иной разъ прямо Бога молишь, чтобы хоть хунхузовъ послалъ, все веселѣе...

— А съ хунхузами тоже бывалъ въ дѣлахъ?

— А какъ же. Нестоящій народъ эти хунхузы. Наша сотня въ 1900 году въ какихъ только дѣлахъ не была, да и вашему благородію, вѣроятно, скоро придется,—сказалъ урядникъ:—ихъ вѣдь тутъ хотя прудъ пруди. Вонъ, небось, «ходя» идетъ,—сказалъ онъ, указывая на проходящаго китайца:—анъ, можетъ, это хунхузъ, кто его разбереть. Такъ и въ сопкахъ: стоитъ такой ходя въ синей юбкѣ, проѣдешь мимо, анъ смотришь—пальнулъ тебѣ велѣдъ. Ну, извѣстно, сейчасъ туда, сюда,—анъ ихъ и въ поминѣ нѣтъ, а черезъ минутъ пять какъ шарахнутъ изъ лѣса, и опять никого... Трудно за ними въ тайгѣ охотиться. Бывало, придешь, на становище ихъ наткнешься,—еще каша чумизная горячая, а кругомъ ни души—учуяли... А въ открытый бой идутъ рѣдко, развѣ когда нашихъ ужъ мало больно, — сообщалъ мнѣ разговорчивый урядникъ.

— Да, вѣроятно, это не легкое дѣло гоняться за хунхузами,— проговорилъ я.— Вотъ, братцы, я, еще человѣкъ не обстрѣлянный,— попалъ къ вамъ, людямъ боевымъ,— пріѣхалъ учиться. Ужъ вы меня учите...

— Гдѣ же намъ учить ваше благородіе,— проговорилъ другой урядникъ, видимо, довольный моимъ обращеніемъ:— вотъ какъ въ тайгу поѣдемъ, сами научитесь.

— Радъ буду съ такими лихими молодцами итти въ походъ,— вырвалось у меня:— съ такими, какъ вы, города можно брать!..

Вдругъ звонкой нотой залилась въ вечернемъ воздухѣ трель кавалерійскаго сбора, тысячу разъ отдаваясь среди сопокъ. Пошли на ужинъ и мои новые пріятель.

— Николай Николаевичъ! Ѣдьте на вокзалъ,— крикнулъ мнѣ ротмистръ О.— Проѣдемся, меня проводите, а обратно васъ мои лошади доставятъ.

— Съ удовольствіемъ,— отвѣтилъ я:— съ сотней я уже немного познакомился.

— Ну, и какъ?

— Въ восторгѣ!

— И отлично, радъ, что мои молодцы вамъ понравились. Поживете, привыкнете, живо полюбите,— народъ славный. Ну, ѣдемъ!

У крыльца казармы, позвякивая бубенчиками, стояла пара лошадей, запряженная въ небольшой, довольно изящный экипажъ. Ротмистръ, отдавъ нѣсколько приказаній вахмистру, усѣлся, съѣлъ и я, и мы покатали по отличному шоссе.

Въ разговорѣ съ ротмистромъ я не замѣтилъ, какъ мы подъѣхали къ вокзалу, гдѣ вышли изъ экипажа и, отправившись въ буфетъ, расположились за однимъ изъ столиковъ, гдѣ и потребовали чаю.

Въ буфетѣ было порядочно народа, преимущественно служащихъ на желѣзной дорогѣ и мелкихъ подрядчиковъ—русскихъ и китайцевъ. Рѣдко кто пилъ чай. Большинство, невзирая на то, что часъ былъ несоотвѣтствующій, пили водку, и на многихъ столикахъ красовались бутылки съ рѣдкой въ Россіи водкой Смирнова, которую, однако, отлично поддѣлывали японцы, т.-е. не самую водку, а этикетки и бутылки, паливая ихъ водкой харбинскаго производства. Въ общемъ публика, наполнявшая буфетъ, не внушала къ себѣ довѣрія и была мало симпатична.

— Если,— продолжалъ ротмистръ нашу бесѣду,— безъ меня здѣсь что случится—нападеніе, или пошлютъ васъ на развѣдку въ тайгу, такъ вы обращайтесь къ опытности вахмистра. Это, если вы облечете въ тактичную форму, не будетъ ронять вашего авторитета, а послѣ, когда присмотритесь, то будете дѣйствовать совершенно самостоятельно. Я говорю вамъ это потому, что здѣсь нравы, служба и понятіе о дисциплинѣ далеко не такъ понимаются, какъ въ

Россіи. Охранники, которыхъ въ моей сотнѣ порядочно, народъ немолодой, съ огромными недостатками въ мирное время, но пезамѣнимые—въ военное. Съ этимъ приходится считаться..

— Да, они поразили меня своей оригинальностью,—сказалъ я.— Отъ этихъ охранниковъ нахнуло старымъ, легендарнымъ уже казачествомъ, и я въ восторгѣ, что мнѣ пришлось столкнуться съ такими оригинальными типами.

— Народъ они славный. Недостатокъ ихъ, и очень крупный,—это пьянство. Подумайте, что рядовой казакъ получаетъ двадцать рублей, урядникъ тридцать рублей и вахмистръ сорокъ рублей на всемъ готовомъ, жены ихъ продаютъ на станціяхъ и въ поселкахъ всякую снѣдь, держатъ коровъ и вообще зарабатываютъ до трехъ рублей въ день. Да и инженеры баловали казаковъ во время постройки дороги, давая по сто рублей конвойному казаку, или развлекааясь стрѣльбой казаковъ по висящимъ бутылкамъ, въ которыя клали также по сторублевой бумажкѣ. Нельзя скрывать, что и китайскій походъ 1900 года многимъ принесъ капиталыцы, собранные изъ китайскихъ «ямбовъ» (слитки серебра) и «долларовъ». Такимъ образомъ, у всѣхъ охранниковъ имѣются деньги, водка здѣсь 45 копеекъ четверть, слѣдовательно, и идетъ пьянство, пока стоять на линіи, и только на развѣдкѣ, гдѣ въ тайгѣ ничего не дастанешь,—казаки не пьютъ.

И много они пьютъ?...

— Пьютъ! Нѣтъ, батенька, это выраженіе не подходитъ—просто такъ хлещутъ,—отвѣтилъ, улыбаясь, ротмистръ.—Да вотъ, на станціи Хай-линь, гдѣ стоитъ взводъ моей сотни, есть казакъ Сухорукъ. Маленькаго роста, сѣдой, уже старикъ, онъ ежедневно выпиваетъ четверть водки и, представьте, настоенную на камфарѣ, и увѣряетъ, что хорошо отъ ревматизма. Что ни дѣлали со старикомъ, ничего не выходитъ, махнули рукой,—пьяный, онъ совершенно безобидный—выпьетъ и идетъ спать.

— Порція... а говорятъ доктора, что три бутылки чуть не смертельная доза...

— Не знаю,—засмѣялся ротмистръ:—какая доза водки для охранника смертельна. Пьютъ они страшно, но умираютъ рѣдко.

Между тѣмъ народу въ буфетѣ прибавлялось. Уже стемнѣло, «бойки» (прислуга—китайцы) зажгли лампы, и мухи, этотъ бичъ Манчжуріи, закружились вокругъ насъ сотнями. Скоро послышался звонокъ—подходилъ поѣздъ. Мы вышли на платформу.

Распростившись съ командиромъ сотни, я поѣхалъ въ поселокъ. Уже спустилась ночь, и миллионы звѣздъ, гораздо болѣе яркихъ, нежели въ Россіи, зажглись въ темномъ небѣ. Внизу рѣдкими огнями обозначались русскій и китайскій поселки, позади тремя фонарями ярко горѣлъ паровозъ. Тишина наступила какая-то особенная, и только тайга изрѣдка шумѣла отъ слабого вѣтерка.

Подъѣзжая къ офицерскому поселку, я неожиданно услышалъ звуки піанино, которые лились изъ квартиры командира бригады, и вспомнилъ, что приглашенъ на вечеръ, почему велѣлъ кучеру остановиться около командирскаго дома.

Сильный мужской голосъ пѣлъ: «далеко, далеко степь за Волгу ушла, въ той степи широко буйна воля жила»... и слова могучей пѣсни, такъ подходящей къ обстановкѣ и къ жизни, неслись въ тихомъ воздухѣ и ласкали ухо...

«Видитъ Богъ, промежъ насъ битва честная шла» — заливался голосъ, грустилъ: — «но кистень угодилъ молодцу между глазъ» — и плакалъ: «и убилъ оттого, что ужъ сильно любилъ»...

Я, какъ очарованный, стоялъ у окна — такъ хороша была ночь, такъ хороша была удалая пѣсня Разина, звавшая къ битвамъ, опасностямъ, къ любви...

Черезъ минуту я входилъ въ квартиру командира. Въ гостиной было уже порядочно офицеровъ съ ихъ семействами. Въ сосѣдней комнатѣ шла игра въ винтъ, а молодежь пѣла и танцевала. Высокій офицеръ, поручикъ Скачковъ, спѣлъ еще разъ пѣсню Разина и опять навѣялъ на мою душу настроеніе, которое охватило меня при входѣ.

Скоро я свыкъся съ новыми людьми. И казалось, что я въ далекой Россіи, среди обычной обстановки, среди тѣхъ же близкихъ моему сердцу людей, съ которыми я выросъ, къ которымъ привыкъ. Не вѣрилось, что это милое общество собралось въ маленькомъ поселкѣ, заброшенномъ среди дикихъ сопокъ, около кумиренъ со страшными божествами, среди чуждаго и страннаго народа... А только что окончившая институтъ дочь командира и кадетъ, его сынъ, еще болѣе убѣждали, что я въ Россіи, и Манчжурія — лишь сонъ, странный и интересный...

Время летѣло. Уже было часовъ двѣнадцать ночи, когда мы направились въ столовую, гдѣ шумно разсѣлись за изящно сервированнымъ столомъ. Радужные хозяева поддерживали всеобщее веселье, которое не прекращалось ни на минуту, и за столомъ все время стоялъ смѣхъ.

— Пѣсню, пѣсню, господа, — сказалъ командиръ: — побольше веселья, побольше смѣху...

— Пѣсню, — закричали кругомъ. — Нина Владимировна, просимъ, просимъ, — раздались голоса, и всѣ обратились къ дочери командира: — нашу, пограничную...

Нина Владимировна сконфуженно отпѣкивалась, но наконецъ уступила просьбамъ. Настала тишина, и вдругъ красивое сопрано запѣло старую кавказскую пѣсню, передѣланную для похожей на былую кавказскую теперешней манчжурской жизни...

«Тамъ, гдѣ потоки Сунгари шумятъ, тамъ посты мирно въ рядъ по границѣ стоятъ», — звенѣли слова запѣвалы. — «Сторонись отъ дороги той, лѣшій, конный не пройдетъ живой» — подхватилъ хоръ, и

казалось и вѣрилось, что посты въ твердыхъ рукахъ, что смѣло стоять стража и горе тѣмъ, кто захочетъ пройти...

Въ это время ко мнѣ подошелъ солдатъ и, склонясь къ уху, доложилъ, что изъ сотни пришелъ по слѣшному дѣлу урядникъ. Извинившись, я всталъ и вышелъ въ переднюю.

Тамъ стоялъ урядникъ, котораго я уже видѣлъ въ сотнѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Такъ что, ваше благородіе,—началъ докладывать запыхавшійся урядникъ:—сейчасъ на станцію напали хунхузы, перестрѣлка идетъ, желѣзнодорожные рабочіе перестрѣливаются...

Меня отъ этихъ простыхъ словъ точно пронизалъ электрическій токъ.

«Уже, — подумалъ я, — уже перестрѣлка, то, о чемъ я мечталъ всю жизнь, можетъ быть, отличіе, — можетъ быть, — смерть...» и невольно, противъ желанія, холодокъ пошелъ по спинѣ, стали какія-то неловкія ноги, и въ душѣ что-то оборвалось...

— Хорошо, — сказалъ я, — бѣги въ сотню, скажи, что я приказалъ сѣдлатъ всѣмъ, сейчасъ я приду, бѣги скорѣе.

Казакъ вышелъ. И въ тотъ же моментъ меня охватила какая-то особенная, яркая радость, точно прилились новыя силы и перваго чувства страха—какъ не бывало...

Незамѣтно вызвалъ командира. Я доложилъ ему о нападеніи.

— Эге, батенька, это неважно. Теперь у васъ человѣкъ тридцать, не болѣе. Ну, да, вѣроятно, нападеніе изъ обыкновенныхъ—на китайскій поселокъ. Сюда они врядъ ли отважатся прійти, хотя чего не случается,—задумчиво добавилъ командиръ.

— Бога ради,—добавилъ онъ,—не показывайте вида, въ чемъ дѣло, а то будетъ съ нашими дамами истерика... Съ Богомъ, дорогой, я тутъ за васъ что-нибудь выдумаю... да пришлите, на всякій случай, писарскую команду да вашихъ человѣка три...

— Слушаю,—отвѣтилъ я уже съ крыльца и сбѣжалъ на дорогу.

III.

Послѣ свѣтлой столовой было невѣроятно темно, и глазъ ничего не могъ различить. Огни въ поселкѣ, до котораго было версты три, уже погасли. Я прислушался, и вдругъ, сначала рѣдкіе, а послѣ болѣе частые выстрѣлы донеслись до моего уха.

«Вотъ оно, началось!» пронеслось у меня въ головѣ, и я побѣжалъ по направленію къ сотнѣ.

А изъ оконъ командирской квартиры неслась пѣсня, и тяжело дѣлалось на душѣ отъ сознанія, что горсть писарей да три солдата изъ сотни и нѣсколько офицеровъ—единственные защитники женщинъ и дѣтей отъ дикихъ хунхузовъ въ эту темную ночь...

«Вотъ тебѣ и Тамбовская губернія,—промелькнуло у меня въ мозгу:—вѣдь это похуже войны, здѣсь женщины и дѣти...»

Я сбѣжалъ съ шоссе и направился по тропинкѣ, которую примѣтилъ днемъ, сокращавшей путь. Вдругъ около меня что-то шарахнулось, кто-то отбѣжалъ, и я услышалъ звукъ открываемаго затвора винтовки.

«Смерть», пронеслось у меня въ головѣ, и я машинально схватился за единственное свое оружіе—шашку...

— Стой. Стрѣлять буду!—крикнулъ кто-то дикимъ голосомъ:—стой!..

— Свой, свой, офицеръ,—обрадовался я:—ты кто?

— Часовой, ваше благородіе, тутъ у цейхгауза. Напугался я здорово, чуть было въ васъ не садануль... хунхузы, видно, напали, какая жарня идетъ...

— Ничего, сейчасъ погонимъ,—уже весело сказалъ я и побѣжалъ дальше.

Черезъ нѣсколько минутъ я прибѣжалъ на сотенный дворъ. На дворѣ человѣкъ тридцать солдатъ уже сидѣли на коняхъ, построеныя въ двѣ шеренги. Едва я вбѣжалъ, какъ мнѣ подали коня, и черезъ секунду, безъ всякихъ командъ, мы понеслись по шоссе, не знаю, какимъ стрѣмъ. Со мною рядомъ скакали вахмистръ и урядникъ, такъ поправившійся мнѣ днемъ.

— Давно напали?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, десяти минутъ не будетъ,—отвѣтилъ вахмистръ:—это они не на русскихъ, а на китайскій поселокъ, а по станціи стрѣляютъ, чтобы испугать, пока они какого-нибудь «купезу» забираютъ.

Мы продолжали скакать, уже давно сойдя съ шоссе и вытянувшись рядами. Иногда переходили на шагъ, иногда брали какія-то препятствія, совершенно того не замѣчая.

Наконецъ проѣхали русскій поселокъ. На дорогѣ какой-то рабочій съ винчестеромъ въ рукахъ пускалъ пулю за пулей на огоньки съ тайгу. Я остановилъ взводъ.

— Къ нѣшему строю слѣзай!—скомандовалъ я и соскочилъ съ лошади. Моему примѣру послѣдовали казаки.

— Винтовки!—и вслѣдъ за командой раздался лязгъ примыкаемыхъ штыковъ.

— Откуда стрѣляютъ?—спросилъ я рабочаго.

— Пedaлеко, тутъ сейчасъ, лѣвѣе китайскаго поселка,—быстро отвѣтилъ рабочій.—Слава Богу, вы прискакали, теперь уже фунфу-замъ крышка...

— Ваше благородіе,—проговорилъ вахмистръ:—побѣжимте впередъ къ деревьямъ: оттуда хорошо на огоньки стрѣлять.

— Хорошо,—отвѣтилъ я:—за мной, бѣгомъ!..

Мы побѣжали, перескакивая черезъ плетни. Хунхузы поддерживали рѣдкій огонь, видимо, дѣлая лишь демонстрацію. Въ китайскомъ поселкѣ слышны были крики и выстрѣлы.

— Правѣе, правѣе, ваше благородіе, — проговорилъ вахмистръ: — мы забѣжимъ справа, оттуда не ждутъ насъ фунфузы.

Пробѣжавъ еще съ сотню шаговъ, я остановилъ взводъ. Шагахъ въ трехстахъ отъ насъ шумѣлъ, какъ встревоженный улей, китайскій поселокъ, а чуть лѣвѣе его раздавались рѣдкіе выстрѣлы. Вотъ, казалось, совсѣмъ близко, надъ самымъ ухомъ, провизжала шальная пуля.

— Ну, что, вахмистръ, пора стрѣлять, по-моему? — сказалъ я.

— Такъ точно. Пуганемъ этихъ застрѣльщиковъ, да и въ шашки на поселокъ, кони уже подошли.

Выждавъ появленіе новыхъ огоньковъ отъ выстрѣловъ, я тихо скомандовалъ, и вдругъ частый и сухой звукъ трехлинейекъ разрѣзалъ воздухъ.

Въ поселкѣ поднялся невообразимый галдежъ, а велѣдъ за тѣмъ какая-то фанза ярко вспыхнула и загорѣлась, какъ костеръ, освѣщающая невдалекѣ отъ себя кучу людей.

— Винтовки, по конямъ! шашки къ бою! — скомандовалъ я, садясь на коня и вынимая шашку. — Маршъ, маршъ!...

И взводъ понесся на поселокъ. Частый огонь хунхузовъ былъ безвреденъ, лошади неслись, и что-то сильное и смѣлое заливало душу, сердце трепетало въ упоеніи скачкой, рука сжимала эфесь шашки, а глаза искали врага...

Мигомъ пронеслись пограничники короткое разстояніе, что раздѣляло насъ отъ поселка, вотъ уже и улица, по которой, освѣщаемые пламенемъ пожара, бѣжали какіе-то люди. Вотъ вахмистръ взмахнулъ шашкой, и кто-то свернулся подъ его ударомъ, вотъ еще какой-то казакъ поразилъ высокаго хунхуза съ винтовкой въ рукахъ... Кто-то выстрѣлилъ, кто-то крикнулъ дикимъ голосомъ. Еще нѣсколько выстрѣловъ, и скакавшій неподалеку казакъ крикнулъ и остановился... Взводъ разсѣялся — я, вахмистръ и человѣкъ пять казаковъ скакали рядомъ, остальные разошлись по всему поселку, ловя хунхузовъ. Китайцы, жители поселка, разбѣжались при появленіи взвода, прекратился и галдежъ, и выстрѣловъ было не слышно..

Мы остановились и шагомъ стали возвращаться къ пожарницѣ. Выстрѣлы хунхузовъ смолкли, и только казаки, по собственной инициативѣ, осыпали пулями тайгу, надѣясь, что пуля найдетъ виноватаго.

— Играй сборъ, — приказалъ я трубачу, и переливчатые звуки пронеслись въ воздухъ. Сейчасъ же со всѣхъ сторонъ стали собираться казаки, спѣшиваясь около меня. Нѣкоторые вели за косы китайцевъ, которыхъ скоро набралось пять человѣкъ.

— Хунхузы?—спросилъ я вахмистра.

— Сейчасъ узнаемъ,—отвѣтилъ тотъ и съ нѣсколькими казаками подошелъ къ одному изъ китайцевъ.

— Твоя хуза ю?—грозно спросилъ онъ трепещущаго отъ страха китайца.

— Моя хуза мою, мою (я не хунхузъ),—жалобно залопоталъ тотъ:—моя канходи, моя лаборай (я рабочій),—продолжалъ онъ.

— А, ты канходи!—прорычалъ вахмистръ и, развернувшись, отвѣсилъ страшную затрещину китайцу, — «канходи!»—крикнулъ онъ и «далъ» еще разъ...—Говори, чортовъ сынъ, хуза ю—мою?

Тутъ подскочили еще два-три казака, мгновенно заработали нагайки, и избиваемый китаецъ оралъ дикимъ голосомъ: «хуза ю! хуза ю!»

Я не выдержалъ и бросился къ китайцу.

— Что вы дѣлаете, какъ вы смѣете бить,—сейчасъ бросьте!

— А что, ваше благородіе, у насъ всегда такъ, а то какъ узнаешь, гдѣ ихняя шайка,—отвѣтилъ мнѣ вахмистръ, а казаки неодобрительно поглядывали на меня, видимо, удивляясь неожиданному вмѣшательству, однако оставили китайца, который всхлипывалъ и говорилъ:

— Моя хуза мою, моя машинка мою (я не мошенникъ), моя далеко нѣту, моя Вейсухэ живи...

Въ этотъ моментъ нѣсколько казаковъ привели еще двухъ китайцевъ, а впереди бѣжалъ толстый «купеца», который упалъ передо мною на колѣни и что-то быстро залопоталъ.

— Въ чемъ дѣло, что ему надо?—спросилъ я.

— Купеца онъ, ваше благородіе, вотъ эти два его въ сопки тащили, да мы ихъ схватили, одного Михинъ шашкой немного попортилъ.

— Ой, капитанъ, шанго татады капитанъ!—вопилъ «купеца»:—ой хуза ю, моя ломайло!.. Капитанъ пришла, хуза мою, хуза кантами (голову долой), моя спасибо,—кричалъ онъ, видимо, безконечно счастливый освобожденіемъ изъ плѣна.

— Ваше благородіе, Петрова задѣло,—доложилъ мнѣ вахмистръ:—только пустое, кость не тронуло,—добавилъ онъ, показывая на здороваго казака, стоявшаго около меня.

— Куда тебя ранило?—спросилъ я.

— Руку задѣло, ваше благородіе, не извольте беспокоиться — пустяки,—поспѣшно добавилъ казакъ:—я пока платочкомъ перевязалъ.

Я осмотрѣлъ рану. Дѣйствительно, пуля удачно скользнула по лѣвой рукѣ выше локтя, не тронувъ кости.

— Больше никого не тронуло?—спросилъ я вахмистра.

— Никакъ нѣтъ, всѣ тутъ, а вотъ фунфузовъ штукъ пять повалили, да може и въ сопкахъ кого пулей задѣло...

Постепенно начали собираться китайцы—жители поселка. Я выслал дозоры (о преслѣдованіи въ тайгѣ ночью—нечего было и думать), написал донесеніе командиру бригады на клочкѣ китайской бумаги и, собравъ плѣнныхъ, началъ спрашивать ихъ чрезъ предложившаго свои услуги добровольнаго переводчика изъ жителей поселка.

Конечно, всѣ они, по ихъ словамъ, мирные ходи, но галдящая толпа мѣстныхъ аборигеновъ доказывала, съ плѣной у рта, что это извѣстные хунхузы. Особенно старался освобожденный «купеца», показывая на одного, какъ на хунхузскаго «старшинку» (начальника).

Плѣнные—грязные, оборванные, жалкаго вида китайцы, одѣтые въ однообразные синіе костюмы съ типичной хунхузской повязкой на головѣ,—стояли понурившись и неохотно отвѣчали на вопросы. Въ фанзѣ, куда ихъ ввели, зажгли огонь, который освѣтилъ ихъ суровыя лица таежниковъ—звѣрей тайги, попавшихся въ капканъ, и видъ ихъ былъ—видъ затравленнаго звѣря.

И въ душѣ поднималось чувство жалости къ этимъ людямъ, судьба которыхъ, послѣ страшныхъ пытокъ китайскихъ тюремъ, погибнуть подъ тяжелымъ «тау» палача. И казалось, что мы напрасно вмѣшались въ распрю этихъ желтыхъ людей, которые—одни грабятъ, чтобы жить, какъ хунхузы, а другіе—«купеца»—живутъ, чтобы грабить...

Какъ бы на мои мысли, старый хунхузъ, котораго «купеца» называлъ старшинкой, заговорилъ:

— Зачѣмъ лусскій капитанъ хуза ловить. Хуза лусскій не тлогай, хуза желѣзная дорога шибко шанго, тамъ хуза ходи, ходи, тамъ хуза лаботай... лусскій капитанъ жалованье получай, хуза жалованье мею, хуза китайскій купеца ломайло дѣлай, лусскій не тлогай... Хуза сопка живи, живи—лусскій дорога живи...

— Ишь ты что говорить,—вмѣшался вахмистръ, поглаживая бороду.—Вы тутъ безобразія творите, народъ убиваете... Это какой же порядокъ? Связать ихъ надо, ваше благородіе, а то незамѣтно какъ убѣгутъ,—неожиданно добавилъ онъ.

— Ну, связывайте, если это надо.

Сейчасъ же нѣсколько казаковъ связали хунхузамъ руки ихъ же поясами, а косы ихъ привязали одна къ другой такъ, что хунхузы стали гуськомъ.

Странные люди! И теперь и позже, приглядываясь къ жизни китайцевъ, я никакъ не могъ найти ихъ косѣ другого назначенія, какъ лишь служить веревкой, когда они плѣнные, хватать за нее, когда они дерутся, и тянуть за нее помощнику палача, когда имъ рубятъ головы.

Стало свѣтать. Оставивъ человѣкъ десять сторожить плѣнныхъ, мы отправились по поселку. На улицѣ въ разныхъ положеніяхъ раскинулись четыре убитыхъ хунхуза со страшными шашечными

ранами. Прибывшіе, когда все окончилось, китайскіе полицейскіе стащили въ кучу трупы, ругаясь и толкая ихъ ногами и палками. На сопкахъ, въ тайгѣ, нашли еще одинъ трупъ съ огнестрѣльной раной и много слѣдовъ крови. Тамъ же валялось много китайскаго добра—матерій и одѣяль, которыя не удалось унести хунхузамъ изъ разграбленной лавки.

Усталые отъ бессонной ночи, полные впечатлѣній стычки, мы собрались домой, когда стало совсѣмъ свѣтло. Плѣнные хунхузы, ставшіе еще болѣе несчастными при утреннемъ свѣтѣ, потянулись гуськомъ, а мы, эскортируя эту странную процессію, медленно направились домой, гдѣ надо было сдать хунхузовъ для опроса въ развѣдочное отдѣленіе штаба бригады, а послѣ—въ русско-китайское бюро для отправленія въ городъ Нингуту на судъ и казнь.

Несмотря на ранній часъ, весь русскій поселокъ высыпалъ на встрѣчу. Намъ рассказали, что случайная пуля хунхузовъ попала въ паровозъ, что жители были перепуганы, что рабочіе отстрѣливались до самаго нашего прихода и благодарили солдатъ за стычку, съ сожалѣніемъ относясь къ нашему раненому.

Казакъ подтянулся, запѣвало махнулъ рукой... «По дорогѣ ныль клубится, слышны выстрѣлы порой... То съ набѣга удалого ѣдутъ сунженцы домой»—подхватилъ хоръ, и мы торжественно вступили въ русскій поселокъ.

Такъ кончился первый день моей жизни въ Манчжуріи...

Н. Несмѣловъ.

НЕУДАЧНЫЙ ОПЫТЪ.

(Зубатовщина).

АВОЧІЙ классъ въ новѣйшей исторіи болѣе или менѣе вездѣ является безпокойнымъ элементомъ.

Частыя стачечныя движенія, которыя начали проявляться въ Россіи въ концѣ XIX вѣка и особенно участились на зарѣ XX вѣка, предвѣщали, что, при благоприятныхъ условіяхъ, особенно по распространеніи социалистической пропаганды въ средѣ рабочихъ, эти послѣдніе неминуемо выступятъ въ качествѣ сознательныхъ и бессознательныхъ добытчиковъ политической свободы.

При такихъ условіяхъ рабочій или социальный вопросъ требовалъ отъ бюрократіи продуманныхъ и обстоятельныхъ экономико-политическихъ воздѣйствій, но имъ почему-то предпочли рискованные эксперименты «полицейскаго социализма». Освѣтить эти опыты, вылившіеся въ форму «Зубатовщины», мы и попытаемся преимущественно на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній и частью официальныхъ записокъ, хотя и напечатанныхъ, но мало извѣстныхъ публикѣ. **В. Ф. Ш.**

1.

Тогда какъ социальный вопросъ въ Западной Европѣ издавна вызывалъ всестороннее освѣщеніе и правительственныя споспѣшествоющія мѣропріятія направленные къ улучшенію и регламентаціи быта рабочихъ, у насъ онъ долгое время упорно игнориро-

вался подъ тѣмъ предлогомъ, будто русскіе рабочіе—тѣ же земледѣльцы, органически связанные съ землею и на фабричныя занятія идущіе только ради подсобнаго заработка, не порывая живой связи съ деревнею.

Мой сотоварищъ по «Историческому Вѣстнику» Б. Б. Глинскій въ своихъ интересныхъ очеркахъ дѣятельности подпольныхъ организацій, подготовившихъ освободительное движеніе, съ полнымъ знаніемъ дѣла и подробностями освѣтилъ тѣ приемы, какіе соціально-демократическіе кружки примѣняли для уловленія рабочаго элемента въ свои сѣти.

Здѣсь же достаточно отмѣтить, что отчасти ради парализированія соціалистическихъ происковъ правительство, лишь по настояніямъ статсъ-секретаря Н. Х. Бунге, въ 1882 году выступило съ закономъ о работѣ и обученіи малолѣтнихъ; затѣмъ послѣдовало изданіе законовъ о работѣ подростковъ и женщинъ, правилъ о наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры, постановленій объ урегулированіи взаимоотношеній между фабрикантами и рабочими и объ установленіи надзора за заведеніями фабрично-заводской промышленности, въ лицѣ чиновъ фабричной инспекціи и присутствій по фабричнымъ дѣламъ.

Въ дальнѣйшемъ министерство финансовъ неоднократно выступало съ попытками законодательнаго расширенія сферы дѣятельности фабричнаго законодательства, но внесенный, напримѣръ, въ 1893 году на уваженіе государственнаго совѣта проектъ о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ увѣчье отъ несчастныхъ случаевъ, былъ отклоненъ «по несоотвѣтствію его потребностямъ времени», законъ о старостахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ былъ государственнымъ совѣтомъ существенно урѣзанъ и, благодаря этому, въ промышленной жизни пріобрѣлъ значеніе совершенно ничтожное; точно также провалился выработанный министерствомъ финансовъ проектъ о предоставленіи рабочимъ права союзовъ и свободѣ стачекъ и т. д.

Благодаря такимъ препятствіямъ, мѣшавшимъ своевременному удовлетворенію повседневныхъ потребностей рабочаго быта въ Россіи, на зарѣ XX столѣтія нельзя было и думать о такой постановкѣ дѣла, которая бы въ будущемъ обеспечивала правильное и законмѣрное его развитіе. По свидѣтельству добросовѣстнаго и объективнаго изслѣдователя фабричнаго строя¹⁾, наше фабричное законодательство далеко отъ совершенства, содержитъ массу неопредѣленнаго, недоговореннаго, отсталаго отъ жизни и нуждается въ коррективахъ. Созданное едва ли не исключительно въ цѣляхъ охраненія порядка, оно съ положительною помощью рабочимъ выступаетъ лишь тамъ, гдѣ это совпадаетъ съ тѣми же цѣлями, или когда

¹⁾ С. Гвоздевъ. Записки фабричнаго инспектора—изъ наблюденій практика. Москва, 1911. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

самая жизнь особенно настойчиво выставляет свои властные требования. Такъ, долгое время законъ не вводился въ дѣйствіе изъ-за отсутствія инструкцій; въ иныхъ фабричныхъ округахъ по нѣсколько лѣтъ отсутствовали обязательныя постановленія объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ, а дѣятельность инспекторовъ парализовалась тѣмъ, что на засѣданіяхъ губернскихъ фабричныхъ присутствій почти всегда принимались рѣшенія, угодныя губернатору, ибо всѣ члены присутствія, за исключеніемъ фабричнаго инспектора, считались только съ желаніями начальниковъ губерній.

Отрицательное, а порою и враждебное отношеніе иныхъ губернаторовъ къ инспекціи не могло, конечно, встрѣчать одобренія со стороны министерства финансовъ, но послѣднее избѣгло рѣшительной защиты отъ враждебныхъ нападеній черезчуръ рьяныхъ чиновъ всеильнаго министерства внутреннихъ дѣлъ, во избѣжаніе междувѣдомственныхъ конфликтовъ.

Что касается отношеній фабрикантовъ-предпринимателей къ инспекціи, то порою они слагались неблагопріятно. Иные мелкіе предприниматели эксплуатировали рабочихъ, относились къ нимъ какъ къ кабалнымъ и всемѣрно старались сохранить за собою и впредь право на прежній произволь, для этого не пренебрегая ничѣмъ; констатированы, на примѣръ, такіе случаи, что въ захо-лустѣ, слыша ямской колокольчикъ и заподозрѣвъ, что ѣдетъ начальство, заводовладѣльцы-кулаки попросту выгоняли рабочихъ изъ заведенія, послѣднее запирали на замокъ, а сами скрывались. Но гораздо чаще и обычнѣе сказывались попытки со стороны фабрикантовъ задабривать инспекцію любезностями и стараніями сдѣлать инспектора своимъ человѣкомъ, подобно тому, какъ у фабрикантовъ бывали свои ставовые, исправники и т. д. Отъ *carnatio benevolentiae* инспекторовъ съ помощью взятокъ иные предприниматели бывали тоже не прочь, но институтъ инспекторовъ былъ подобранъ тщательно, и репутація ихъ въ отношеніи мздоимства всегда оставалась виѣ подозрѣнія.

Въ своемъ обращеніи къ чинамъ фабричной инспекціи, при введеніи закона 14 марта 1894 г., тогдашній министръ финансовъ С. Ю. Витте, разъясняя имъ нравственное содержаніе ихъ обязанностей, возлагалъ всѣ свои надежды на нравственный авторитетъ инспекторовъ, предлагая прибѣгать не столько къ примѣненію каръ за нарушеніе закона, сколько къ разумнымъ совѣтамъ и толковымъ указаніямъ, и озабочиваться въ одинаковой мѣрѣ объ интересахъ какъ рабочихъ, такъ и фабрикантовъ (инструкція чинамъ фабричной инспекціи отъ 11 іюня 1894 г.).

Отсюда видно, что фабричное наше законодательство и вся совокупность соціально-политическихъ условій русской жизни складывались своеобразно и центръ тяжести въ дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ, какъ защитниковъ интересовъ рабочихъ, за бесси-

ліемъ закона переносился на самую личность инспекторовъ, на ихъ добрую волю и умѣніе,—словомъ, единственно на нравственный ихъ авторитетъ.

Вмѣсто цѣлесообразной органической эволюціи фабричнаго законодательства уже въ 1898 г. тогдашній помощникъ шефа жандармовъ генераль-лейтенантъ Пантелѣевъ въ особой запискѣ доказывалъ необходимость созданія института особыхъ «свѣдущихъ лицъ», по указаніямъ конхъ фабрикантамъ вмѣнялось бы въ обязанность улучшать бытъ рабочихъ, и приходилъ къ тому выводу, будто только подчиненіе фабричной инспекціи министерству внутреннихъ дѣлъ дастъ фабрично-полицейскому дѣлу болѣе цѣлесообразный и уснѣшный характеръ.

При разсмотрѣніи записки генераль-лейтенанта Пантелѣева въ междувѣдомственномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Побѣдоносцева единогласно было признано, что существующій фабричный законъ ломки не требуетъ, а тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ сгермейстеръ Снягининъ, по обзорѣніи губерній промышленнаго района, въ 1901 году призналъ, что въ дѣлѣ организаціи надзора за фабриками и заводами кругъ вѣдѣнія, отмежеванный фабричной инспекціи и обще-административной власти, вполне обезпечиваетъ спокойное и здоровое развитіе промышленной жизни въ строгомъ согласованіи ея бытовой стороны съ общимъ укладомъ государственнаго строя.

За всеѣмъ тѣмъ, благодаря неустойчивости принциповъ государственнаго управленія, экономическая политика внезапно и рѣшительно сошла на путь рискованныхъ опытовъ «полицейскаго социализма».

Инициаторомъ новаго вѣянія явился, какъ ни странно это звучитъ, скромный и незамѣтный начальникъ охраннаго отдѣленія при канцеляріи московскаго оберъ-полицеймейстера С. В. Зубатовъ.

Сначала студентъ, вращавшійся въ радикальныхъ кружкахъ московской молодежи, затѣмъ негласный сотрудникъ охраны и наконецъ чиновникъ, ех offiціо сдѣлавшійся властнымъ воротилою по дѣламъ политическаго сыска, Зубатовъ заручился большимъ вліяніемъ надъ Д. О. Треповымъ.

По внушеніямъ Зубатова, въ апрѣлѣ 1898 г. Треповъ въ докладѣ, представленномъ августѣйшему генераль-губернатору его императорскому высочеству Сергію Александровичу, выставилъ принципъ, что пока революціонеръ проповѣдуетъ чистый социализмъ, съ нимъ еще можно справиться однѣми репрессивными мѣрами, но когда онъ начинаетъ эксплуатировать въ свою пользу мелкіе недочеты существующаго законнаго порядка, однѣхъ репрессій оказывается уже недостаточно, а надлежитъ немедленно вырвать изъ-подъ ногъ агитаторовъ самую почву, т.-е. надо открыть и указать рабочему законный выходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его по-

ложения. Чѣмъ занять революціонеръ, разсуждалъ Треневъ, тѣмъ обязана интересоваться и полиція. Если въ послѣднее время агитаторъ ведетъ свои происки на почвѣ законности, эксплуатируя недочеты дѣятельности фабричной администраціи, то въ интересахъ неотступнаго и безустаннаго созиданія преградъ его проискамъ, полиція принуждена зорко слѣдить за порядками фабрично-заводскихъ заведеній и вообще за всѣмъ, что имѣетъ касательство до личности и обихода рабочаго.

Планъ этотъ былъ одобренъ великимъ княземъ, а, благодаря авторитетности московскаго генерала-губернатора въ высшихъ сферахъ, Зубатовъ получилъ *carte blanche* по своему усмотрѣнію «регулировать рабочее движеніе, дифференцировать проявленія движенія и опредѣлять, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться и что нужно только направлять».

Первый опытъ примѣненія къ практикѣ этихъ принциповъ Зубатовымъ былъ испробованъ подъ рукою въ Минскѣ.

Въ іюнѣ 1898 года центральный комитетъ бунда, т. е. союза еврейскихъ рабочихъ, уже тогда достигшаго широкаго развитія въ Польшѣ и Западномъ краѣ, отлсали, что охранный отдѣленіе въ Москвѣ приступило къ выслѣживанію бундовскихъ организацій; уже 26 іюля того же года одновременно командированными изъ Москвы агентами, при содѣйствіи полиціи и мѣстныхъ жандармскихъ управленій, было заарестовано въ разныхъ мѣстахъ до 70 человекъ, захвачена въ Бобруйскѣ подпольная типографія съ только что отпечатанными 9 и 10 номерами «*Arbeiterstimme*» и какъ арестанты, такъ и всѣ документы, добытые выемками, были направлены въ Москву. Разъ основавшись со своими агентами въ районѣ дѣятельности еврейскаго бунда, Зубатовъ захватилъ въ свои руки общее направленіе и руководство дѣломъ борьбы съ еврейскими социалистами.

Очень бойкій, начитанный и экспансивный тамъ, гдѣ показною откровенностью можно было выудить нужныя свѣдѣнія, Зубатовъ съ первыхъ же дней водворенія заарестованныхъ бундистовъ въ Таганской тюрьмѣ участилъ вызовы къ себѣ тѣхъ, кого имѣлъ основаніе считать главарями; съ чувствомъ удовлетворенія показывалъ онъ имъ заарестованную литературу, шрифты, снимки съ помѣщеній типографій, рассказывалъ о количествѣ заарестованныхъ, хвасталъ, будто все знаетъ и захватилъ уже всѣ пяти организаціи, впервые поставивъ въ Россіи дѣло слѣжки такъ идеально, что никакія мелочи въ дѣятельности революціонеровъ не могутъ отъ него ускользнуть. На арестованныхъ это производило впечатлѣніе и порождало угнетенное состояніе ума, которое Зубатовъ умѣло использовалъ. Не возлагая особенныхъ надеждъ на продажныхъ сотрудниковъ, Зубатовъ старался среди арестантовъ наберовать себѣ идейныхъ пособниковъ. Не предлагая никому предавать то-

варищей или поступать на службу охраннаго отдѣленія, Зубатовъ старался заинтересовать своихъ собесѣдниковъ своими планами и соображеніями, широко снабжалъ арестантовъ книгами изъ своей бібліотеки и успѣшно создавалъ атмосферу довѣрія, участливо относясь къ интересамъ своихъ подневольныхъ знакомцевъ, удовлетворяя ихъ просьбы, оказывая денежную помощь нуждающимся и даже отпуская на свой страхъ арестантовъ на прогулки, въ театры и т. д.

Дальновидный расчетъ Зубатова заключался въ томъ, чтобы умственно и нравственно сблизиться съ арестантами и заставить ихъ смотрѣть на него не только какъ на полицейскаго, но какъ на носителя идеи, искренно, безъ заднихъ мыслей имъ исповѣдуемой.

Зубатовъ кстати и успѣшно использовалъ кризисъ, который въ этотъ именно моментъ переживался бундомъ. Дѣло въ томъ, что отъ агитаціи и борьбы чисто экономической за интересы рабочихъ, уже доставившей результаты, соотвѣтственные идеалу благополучія, о которомъ тогда мечтали задавленные нуждою и хозяйскимъ гнетомъ еврейскіе рабочіе, будъ, по невозможности предъявлять дальнѣйшія экономическія требованія къ хозяевамъ, искалъ отвлечь интересы рабочихъ въ сторону политики и организовать своихъ сторонниковъ въ политическую и революціонную партію.

Въ противодѣйствіе бунду Зубатовъ при помощи вліятельныхъ въ радикальныхъ минскихъ кружкахъ Ю. Волина и Вѣры Вильбушевичъ создалъ «еврейскую независимую рабочую партію», которая въ 1899 г. выступила въ Минскѣ уже съ манифестомъ; здѣсь заявлялось, что никакая теорія не настолько могущественна и неопровержимо вѣрна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести бессознательную массу къ цѣли, которой масса не понимаетъ; что еврейскій рабочій классъ нынѣ требуетъ только хлѣба и знаній и эти-то требованія подлежатъ прежде всего удовлетворенію; что преступно близкіе и осязательные интересы рабочаго класса приносить въ жертву цѣлямъ политическимъ, которыя ему чужды; что рабочій, какъ всякій человѣкъ, въ правѣ быть сторонникомъ любой политической партіи, сохраняя право защищать свои экономическіе интересы, и, наконецъ, что участіе въ экономическихъ и культурныхъ организаціяхъ является для рабочихъ необходимою и самодовлѣющею цѣлью, такъ какъ ими регулируются экономическіе его интересы и доставляются ему знанія, а ассоціаціи могутъ преуспѣвать только тогда, когда не будутъ служить орудіями политическихъ партій.

Ставя *conditio sine qua non* уклоненіе отъ политическихъ цѣлей и объединеніе рабочихъ любыхъ политическихъ взглядовъ исключительно въ цѣляхъ развитія экономической и культурной дѣятельности, Зубатовъ сумѣлъ еврейскую независимую рабочую партію под-

чинить себѣ, суля ей легализацію профессиональныхъ союзовъ, кассъ, союзовъ и пр., такъ какъ если правительство и борется немумолимо съ революціею, то это ему нисколько не воспрепятствуетъ столкнуться съ профессиональнымъ движеніемъ.

Проповѣдь независимцевъ давала отпоръ бундовскимъ лозунгамъ и гегемоніи бунда надъ еврейскимъ пролетаріатомъ, всегда тяготеющимъ къ утилитарнымъ и матеріалистическимъ цѣлямъ.

Помню страстно-полемическаго характера проповѣдей, дѣйствовавшихъ на еврейскую рабочую массу заразительно, независимцы обезпечили себѣ свободу дѣйствій, создавъ тайнственное бюро сношеній съ Зубатовымъ, московскимъ охраннымъ отдѣленіемъ и минскимъ жандармскимъ управленіемъ и широко используя посредничество Вѣры Вильбушевичъ, которая была вхожа не только къ Зубатову, но и къ Лопухину, и къ Шлеве.

В. М. Вильбушевичъ же добилаась отъ минскаго жандармскаго управленія согласія не производить нѣкоторое время арестовъ въ революціонныхъ организаціяхъ, дабы не давать лишняго орудія противникамъ, которые воспользовались бы неприкосновенностью независимцевъ, какъ доказательствомъ особаго имъ покровительства, оказываемаго полицейскою властью; она же выпросила разрѣшеніе на устройство всероссійскаго сіонистскаго съѣзда въ Минскѣ по тому мотиву, что Поалэй-Ціонъ проповѣдывалъ равнодушіе къ политическимъ судьбамъ Россіи и признавалъ только законность правомѣрной экономической борьбы.

«Съ разрѣшенія властей, рассказываютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній Минска начали собираться сперва рабочіе по дереву для обсужденія въ присутствіи жандармскаго полковника своихъ нуждъ; предполагалось устроить рабочій клубъ, но утвержденіе устава замедлялось, а пока что рабочіе образовывали собранія, куда постепенно входили разнородныя профессиональныя группы».

Когда же устройство собраній для выясненія вопросовъ ремесль оказалось неудобнымъ, созданъ былъ такъ называемый «ферейнъ», который невозбранно просуществовалъ болѣе года, такъ какъ значительное содѣйствіе его устройству оказалъ начальникъ мѣстной жандармской полиціи полковникъ Васильевъ¹⁾.

Вскорѣ рабочій ферейнъ въ Минскѣ занялъ совершенно исключительное положеніе, такъ какъ независимцы были вознесены на положеніе привилегированныхъ счастливыхъ и среди всеобщаго безправія пользовались всѣми свободами, поскольку то допускалъ полковникъ Васильевъ.

Если конфликты рабочихъ съ хозяевами не разрѣшались, какъ повелѣвалъ ферейнъ, то послѣдній обращался къ полковнику Ва-

¹⁾ «Спб. Вѣдомости», № 1, 1902 г. и № 226, 1903 г.

силеву, который призывалъ хозяевъ мастерскихъ и лавокъ, гдѣ возникали тренія или стачки, и угрозами понуждалъ ихъ уступать рабочимъ. Хозяиничаніе ферейна и полковника Васильева настолько терроризировало Минскъ, что когда нашелся смѣльчакъ-лавочникъ, предложившій Васильеву удалиться изъ лавки въ отвѣтъ на домогательства полковника объ удовлетвореніи требованій приказчиковъ, то объ этомъ рассказывалось въ городѣ, какъ о геройствѣ.

Связь между независимцами и минскимъ жандармскимъ управленіемъ такъ мало скрывалась, что полковникъ Васильевъ на партійныхъ собраніяхъ иногда выступалъ даже въ качествѣ оратора, а независимцы печатно заявляли, что жандармы ничѣмъ не отличаются отъ иныхъ правительственныхъ чиновниковъ, и если позволительно обращаться съ прошеніями и жалобами къ фабричной инспекціи, то не слѣдуетъ осуждать общенія и съ жандармеріею.

Запугиванія ферейна и полковника Васильева съ приказчиками и поощреніе послѣднихъ укоротить рабочій день захватнымъ правомъ (въ іюнѣ 1902 г.) вызвали наконецъ жалобу со стороны мѣстнаго губернатора петербургскимъ властямъ на слишкомъ уже беззашапную ретивость Васильева.

Одновременно съ этимъ противъ независимцевъ рѣзко ополчился бундъ, который, громя Зубатова и объявляя его единомышленниковъ измѣнниками и провокаторами, изобличалъ независимую еврейскую рабочую партію въ интимной связи съ охранниками и предостерегалъ рабочихъ отъ посѣщенія ея собраній и собесѣдованій, такъ какъ явканіе съ независимцами можетъ только стучать атмосферу политическаго разврата.

Кампанія, открытая противъ независимцевъ съ двухъ сторонъ, и губернаторомъ, и бундомъ, въ 1903 г. привела независимую еврейскую рабочую партію, утратившую популярность въ средѣ рабочихъ, къ крушенію, тѣмъ болѣе понятному, что заведенныя ею артели проявили нежизнеспособность, профессиональные союзы и клубы администраціею не утверждались, чтеніе затѣянныхъ лекцій прекратилось, а вырванныя у хозяевъ уступки оказались недолговѣчными, и рабочіе разочаровались въ могуществовъ своихъ покровителей ¹⁾.

II.

Въ Москвѣ исторія зубатовскихъ начинаній, какъ находившихся подъ дискреціоннымъ покровительствомъ оберъ-полицеймейстера Тренова и августѣйшаго генералъ-губернатора, выяснена далеко не во всѣхъ подробностяхъ ²⁾.

¹⁾ Весьма подробное изложеніе зубатовской эпопеи въ Минскѣ даетъ статья Б. М. Фрумкина «Зубатовщина и еврейское рабочее движеніе», напечатанная въ т. III сборника «Пережитое», Спб., 1911.

²⁾ Любопытный фактическій, хотя и отрывочный, матеріалъ въ этомъ отношеніи дала статья, напечатанная въ Шапаровскомъ «Русскомъ Дѣлѣ» за 1905 г.: «Какъ устроили въ Москвѣ рабочей вопросъ» (№№ 3, 4, 5).

Зубатовъ и его агенты, «рабочіе» Аѳанасьевъ, Слѣповъ, Красивскій, Жилкинъ, Чибриковъ, Яченокъ и другіе, съ открытыми листами, выданными московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, какъ предѣвателемъ московскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, появлялись на фабрикахъ, вопреки запрету владѣльцевъ и фабричной инспекціи, и вступались здѣсь за рабочихъ передъ фабричною администраціею, импонируя рабочимъ своею неприкосновенностью и безнаказанностью.

На фабрикѣ, напримѣръ, французскаго подданнаго Гужона весною 1902 г. агенты Зубатова, подъ угрозою забастовки, предъявили претензію къ заводууправленію отъ имени рабочихъ, въ размѣрѣ 40,000 рублей, будто бы недополученныхъ рабочими. Фабрика отказала въ удовлетвореніи этой претензіи, тогда рабочіе забастовали, а полиція начала угрожать Гужону арестомъ и высылкою, если онъ не выполнитъ требованій рабочихъ.

Потребовалось вмѣшательство французскаго посла и дипломатическія сношенія, чтобы положить конецъ этому столкновенію, обратившему на себя вниманіе петербургскихъ сферъ.

Хотя Зубатову и внушено было сдерживать свой пылъ, тѣмъ не менѣе у него въ рукахъ былъ уже серьезный козырь. По почину августѣйшаго генераль-губернатора и помимо сношеній съ министерствомъ финансовъ, былъ утвержденъ 14 февраля 1902 года уставъ «общества взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ»; уставъ этотъ, несомнѣнно, представлялъ исключительное явленіе въ исторіи русской общественности. Въ то время, какъ всякимъ вообще союзнымъ организаціямъ, будь то рабочихъ, крестьянъ или интеллигентовъ, ставились препоны, одни только механическіе рабочіе Москвы, по волѣ высочайшаго генераль-губернатора, удостоились такой привилегіи.

Причины покровительственнаго отношенія къ новому обществу со стороны московскихъ властей убѣдительно объясняются содержаниемъ устава общества.

Московское общество взаимнаго вспомошествованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ—гласилъ § 1 устава—имѣть цѣлью оказывать помощь своимъ дѣйствительнымъ членамъ и ихъ семействамъ. Помощь оказывается въ видѣ пособій; пособия выдаются въ томъ случаѣ, если членовъ и ихъ семьи постигаетъ какое-нибудь бѣдствіе, или если они будутъ находиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, причиненныхъ смертью, болѣзнию, безработицею, пожаромъ и т. п. (§ 35).

Объ устраиваемыхъ обществомъ собраніяхъ доводится до свѣдѣнія начальника мѣстной полиціи (прим. къ § 4).

Въ члены-соревнователи принимаются лица, изъявившія готовность оказывать обществу и его членамъ безвозмездныя услуги, а именно священно- и церковнослужители, лица, принадлежащія

къ составу фабричной администраціи и инспекціи, и чины полиціи.

Рабочіе лишаются права на пособіе, если утратятъ заработокъ вслѣдствіе принятыхъ по отношенію къ нимъ административныхъ мѣръ (прим. 1 къ § 35).

Правленіе общества составляется изъ 8 выборныхъ, но «каждое избирающее членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ общее собраніе выбираетъ таковыхъ по 12 по каждому изъ отдѣловъ, а изъ нихъ уже московскій оберъ-полицеймейстеръ утверждаетъ по своему усмотрѣнію 8 человѣкъ» (§ 43).

Должностныя лица, избираемыя правленіемъ изъ своей среды, подлежатъ также утвержденію оберъ-полицеймейстера (§ 44).

Ревизія дѣлъ и суммъ общества во всякое время можетъ быть производима по распоряженію оберъ-полицеймейстера (§ 53).

Въ общихъ собраніяхъ участвуютъ лишь дѣйствительные члены, но въ случаѣ надобности московскій оберъ-полицеймейстеръ можетъ командировать чиновъ полиціи для присутствованія въ общихъ собраніяхъ (§ 51).

Обсужденію собранія могутъ подлежать только такіе вопросы, о коихъ доведено до свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера (§ 62).

Оберъ-полицеймейстеру же принадлежитъ право вносить отъ себя вопросы на обсужденіе и рѣшеніе общаго собранія, и въ этомъ отношеніи голосъ оберъ-полицеймейстера приравнивается 20 голосамъ членовъ (§ 68).

Всѣ инструкціи, преподаваемыя общимъ собраніемъ должностнымъ лицамъ общества, предварительно представляются на одобреніе оберъ-полицеймейстера, и въ случаѣ несогласія его съ ихъ содержаніемъ разсматриваются общимъ собраніемъ вновь въ связи съ сдѣланными оберъ-полицеймейстеромъ замѣчаніями (примѣчаніе къ § 66).

По этимъ вышкамъ изъ устава совершенно очевидно, что оберъ-полицеймейстеръ, или скрывавшійся за его высокимъ званіемъ Зубатовъ, могъ направлять дѣятельность общества въ ту сторону, какая отвѣчала видамъ московскаго охраннаго отдѣленія.

Зубатову самому незачѣмъ было выставляться впередъ, но его агенты, въ лицѣ уполномоченныхъ должностныхъ лицъ пресловутаго общества, невозбранно и при полицейской властной поддержкѣ переходили съ фабрики на фабрику, предъявляя къ фабричной администраціи безцеремонно требованія объ отводѣ помѣщеній подъ устройство отдѣленій союза. Арестованный, на примѣръ, на одной изъ фабрикъ Московскаго уѣзда рабочій Янченковъ заявилъ: «Рабочіе объ отводѣ имъ помѣщеній (для отдѣленій союза) спрашивать не станутъ разрѣшеній ни у хозяина, ни въ конторѣ, ни у становаго пристава, а выберутъ сами подходящее мѣсто и будутъ тамъ собираться. Въ случаѣ же притѣсненій они прямо обратятся къ мини-

стру Булыгину,—похвалялся Янченковъ:—вѣдь митрополитъ московскій Владимиръ первымъ вступилъ въ члены союза, а московскій оберъ-полицеймейстеръ пожертвовалъ рабочимъ печатный станокъ, на которомъ и печатаются теперь разные листки и брошюры». Въ заключеніе Янченковъ объявилъ, что «прошло время, когда были рабовладѣльцы и рабы и когда рабы, уподобляясь «пчеламъ», кормили своихъ господъ «задарма»,—теперь и рабы будутъ жить, какъ господа»... Что сорвавшійся съ петель рабочій, почувявъ позади себя властныхъ покровителей, могъ наболтать излишняго, конечно, не удивительно, но примѣчательно, что когда Янченковъ и его сотоварищи, Чибриковъ и Васютинъ, были арестованы жандармами и препровождены въ Москву, то тамошнее полицейское начальство тотчасъ же ихъ освободило.

Безъ всякихъ стѣсненій полицейско-рабочіе агенты остріе агитаціи направляли противъ фабрикантовъ и ихъ «эксплоататорской» дѣятельности—къ этому сводится-де единственная бѣдственнаго положенія трудящихся. Разоблачая мнимые и дѣйствительные грѣхи предпринимателей, агитаторы противопоставляли разрушительной и вредной ихъ власти благожелательность правительства, разбивающуюся объ эгоистичное противодѣйствіе представителей капитала. Агенты шли даже дальше и увѣряли рабочихъ, будто правительство не замедлитъ отобрать у капиталистовъ фабрики и передать послѣднія рабочимъ. Подобныя увѣренія не могли казаться рабочимъ несбыточными, потому что разыгрывавшіеся на ихъ глазахъ факты сами говорили за себя: несмотря на запрещеніе закономъ забастовокъ, союзовъ и агитаціи, всѣ эти дѣянія, исходя отъ довѣренныхъ общества, не влекли за собою ни для нихъ, ни для ихъ кліентовъ никакой кары, а при иныхъ выступленіяхъ, какъ, напримѣръ, при забастовкѣ на фабрикѣ Гужона, забастовщикамъ даже выдавалось изъ таинственной кассы союза по 250 рублей въ недѣлю. Всемѣрно поддерживая рабочихъ въ ихъ столкновеніяхъ съ работодателями, полиція въ то же время сохраняла увѣренность, что «общество» не выйдетъ изъ повиненія ей, такъ какъ, по самому уставу, право рѣшающаго голоса по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ принадлежало оберъ-полицеймейстеру.

Отчеты фабричной инспекціи вводятъ подробно въ курсъ зубатовской программы и выставленныхъ на ея основѣ требованій.

Всѣ жалобы рабочихъ (утверждаетъ инспекція) составлялись по одному шаблону, съ перечисленіемъ почти тождественныхъ требованій, незаконныхъ зачастую по существу и выражаемыхъ въ грубой, заносчивой формѣ. Требованія эти обусловливали:

1. Улучшеніе условій труда вообще, путемъ измѣненія условій договора о наймѣ, крупнаго повышенія заработной платы и одновременно съ этимъ сокращенія продолжительности рабочаго дня.

2. Возмѣщеніе за нѣсколько минувшихъ лѣтъ уплаты за прогулы—не по винѣ рабочихъ—и за потерю времени при пріемкѣ матеріаловъ и сдачѣ готовыхъ издѣлій, за проносъ ихъ къ мѣстамъ пріемки и пр.

3. Установленіе болѣе точнаго способа пріемки товара, такъ какъ въ иныхъ производствахъ при пріемкѣ вершки отбрасываются или набавляются.

4. Отмѣну взиманія платы за воду и дрова на артельныхъ кухняхъ, а равно за пользованіе помѣщеніями столовыхъ, спаленъ и квартиръ, а равно отмѣну правила, установившагося на иныхъ фабрикахъ, по которому истребленіе клоповъ въ спальняхъ возлагалось на обязанность рабочихъ.

Рабочіе не стѣснялись требовать отъ хозяевъ доплаты имъ за истребленіе, напримѣръ, клоповъ до 200 рублей, за бутылки подъ керосинъ по 150 рублей и стремились содрать по любому поводу съ хозяевъ возможно болѣе денегъ въ свою пользу, что проходитъ красною нитью черезъ всѣ жалобы, которыми рабочіе засыпали инспекцію въ теченіе января—апрѣля 1902 года.

Подъ давленіемъ агитаціи зубатовскихъ агентовъ на фабрикахъ, по признанію фабричныхъ инспекторовъ, «многіе фабриканты вынуждены были измѣнять распорядки вообще».

Одновременно съ фабричною агитаціею организаторы новаго курса задумали широкую открытую пропаганду, которая своими размѣрами и легальностью не могла не импонировать рабочимъ—при обществѣ взаимнаго вспоможенія рабочихъ было открыто чтеніе лекцій сначала московскими профессорами, а когда для нихъ выяснилась полицейская подкладка дѣла, лекторами обще-образовательныхъ чтеній явились уже лица, ютившіяся подъ крылышкомъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ то же время, чтобы подчеркнуть благонамѣренность поднятаго рабочаго движенія, зубатовскіе агенты инсценировали внушительную манифестацію, приведшую къ подножью памятника Александра II въ Кремлѣ пятидесятитысячную толпу во время торжественнаго молебствія 19 февраля 1902 года.

Московскіе рабочіе не преминули послать генералу Е. В. Богдановичу патріотическое посланіе, а генераль отвѣчалъ на него патріотическою же брошюрою, при чемъ московская газета со свойственнымъ ей пафосомъ умилялась по поводу этихъ изліяній: «Таковъ вѣчный, твердый голосъ истинной національной Россіи и настоящихъ русскихъ людей, среди которыхъ и у князей и рабочихъ—одинъ общій совѣтъ».

Эти широковъщательныя восхваленія не могли, конечно, нисколько успокоить фабрикантовъ и заводчиковъ, которымъ приходилось ежедневно считаться съ нарушающими здравые экономическіе принципы фактами вмѣшательства московскаго охраннаго отдѣ-

ленія во внутренніе фабричныя распорядки и диктованія хозяевамъ вздорныхъ подчасъ требованій яко бы отъ имени рабочихъ.

Невыносимость положенія заставила московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ обратиться за защитою къ министерству финансовъ съ запискою¹⁾, въ которой, между прочимъ, съ осторожностью высказывалось то, что игнорировала администрація.

«Хотя выборъ рабочими на отдѣльныхъ фабрикахъ представителей для сношенія съ завѣдывающими фабриками не можетъ представлять вреда, но, напротивъ, можетъ служить къ большому удобству при установленіи взаимныхъ соглашеній между хозяевами и рабочими, тѣмъ не менѣе объединеніе принадлежащихъ къ различнымъ фабрикамъ рабочихъ, состоящихъ изъ разныхъ слоевъ рабочаго класса, является крайне опаснымъ, особенно въ томъ настроеніи, когда они зададутся разборомъ уже вопросовъ характера государственнаго. Если же въ предоставленіи имъ известной организаціи преслѣдуется цѣль отвлечь ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается вовлеченіе рабочихъ въ дѣятельность антикапиталистическую, которая, несомнѣнно, имѣетъ политическое значеніе, тѣмъ болѣе, что справиться съ массами, увлеченными успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ въ послѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если не совершенно невозможнымъ».

Въ то же время московскіе заводчики и фабриканты 8 іюля 1902 года сочли себя вынужденными довести и до свѣдѣнія охраннаго отдѣленія московскаго оберъ-полиціймейстера, что почитаютъ сложившееся положеніе чрезвычайно опаснымъ.

На это заявленіе Зубатовъ отвѣчалъ приглашеніемъ заинтересованныхъ на бесѣду. Приглашеніе было принято, и въ духѣ московскихъ нравовъ 26 іюля 1902 г. собесѣдованіе между Зубатовымъ и московскими фабрикантами состоялось въ трактирѣ Тѣстова.

Зубатовъ, ничтоже сумняшеся, заявилъ собесѣдникамъ, что дѣятельность революціонной пропаганды, охватившая всю Россію, поставила-де полицейскую власть въ необходимость отвратить вліяніе пропаганды отъ фабричнаго рабочаго класса путемъ пріятія экстраординарныхъ мѣръ къ улучшенію его быта.

Принимаемыми внѣзаконными мѣропріятіями охранное отдѣленіе имѣетъ надежду снискать довѣріе рабочихъ, которые убѣдятся воочію, что каждый униженный и оскорбленный находитъ въ охранномъ отдѣленіи отеческое вниманіе, совѣтъ и поддержку.

Воодушевившись, Зубатовъ выложилъ предъ фабрикантами цѣлкомъ свою программу въ 16 пунктахъ,—гласила она слѣдующее:

¹⁾ Записка эта предана гласности пр. И. Х. Озеровымъ въ статьѣ его «Рабочіи вопросъ», напечатанной въ газетѣ «Русь», №№ 26 и 28 за 1905 г.

1. Вслѣдствіе, во-первыхъ, неправильной постановки школъ фабричныхъ, а въ особенности школъ технического общества и школъ воскресныхъ, руководимыхъ неблагонадежными учителями, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе односторонняго и пристрастнаго направленія печати—явной и подпольной, россійское торгово-промышленное сословіе поставлено нынѣ въ обособленное отъ всѣхъ сословій положеніе и рабочій классъ, интеллигенція и духовенство смотрять уже на представителей этого сословія, говоря вообще, какъ на мошенниковъ.

2. Кромѣ преступнаго направленія школъ и печати, само торгово-промышленное сословіе виновато въ томъ, что давало поводы къ установленію такого на него взгляда со стороны рабочаго класса, интеллигенціи и духовенства, допуская, вслѣдствіе лицепріятныхъ поощреній со стороны чиновъ фабричной инспекціи, обиды, штрафы, обмѣры, плохое харчеваніе и инья дѣйствія, извѣстныя подъ названіемъ эксплуатаціи рабочаго люда. Въ то же время это сословіе, заботясь по собственному побужденію объ улучшеніи быта рабочихъ, не сдѣлало ничего, чтобы предать возможно широкой гласности все, что было имъ предпринимаяемо по этой части ¹⁾.

3. Нынѣ торгово-промышленное сословіе можетъ найти искреннее сочувствіе и защиту своихъ законныхъ правъ только въ охранномъ отдѣленіи канцеляріи московскаго оберъ-полицеймейстера, которое, сознавая всю трудность положенія этого сословія, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ предупрежденію и пресѣченію преступленій, направляемыхъ противъ него, какъ представителя капитала, со стороны рабочаго класса и интеллигенціи; но къ великому сожалѣнію, само это сословіе, не будучи посвящено во всѣ изгибы дальновидной и прозорливой политики правительства, не только не сочувствуетъ его предначертаніямъ, какъ бы этого можно было ожидать отъ вѣрнопогоданныхъ, но, по-видимому, противодействуетъ этимъ начинаніямъ.

4. Причиною такого поведенія торгово-промышленнаго сословія служатъ ложные слухи, распускаемые французскимъ гражданиномъ Ю. Гужономъ, который въ минувшемъ мартѣ не допустилъ къ себѣ на фабрику агентовъ московскаго оберъ-полицеймейстера, подозрѣвая въ нихъ подстрекателей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они имѣли приказаніе его превосходительства предупредить готовившуюся на фабрикѣ стачку. Не взирая на то, что г. Гужонъ подлежалъ строгой отвѣтственности, онъ все-таки не былъ привле-

¹⁾ Обвиненіе это имѣло нѣкоторое основаніе, какъ то подтверждаютъ записки и Гвоздева и Янжула, но злоупотребленія чинили отдѣльные лишь хозяева и унять ихъ стязательные инстинкты, конечно, могла бы и фабричная инспекція, если бы ей были развязаны руки.

ченъ къ оной ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ ¹⁾).

5. Нынѣ законъ возлагаетъ охрану законныхъ правъ хозяевъ и рабочихъ на фабричную инспекцію, но, по мнѣнію охраннаго отдѣленія, это учрежденіе оказалось безсильнымъ въ своей области, утративъ въ глазахъ рабочихъ довѣріе вслѣдствіе разныхъ лицепріятныхъ попущеній, кои были имъ практикуемы въ отношеніи хозяевъ. Поэтому охранное отдѣленіе, по соображеніямъ государственной важности, не только рѣшилось принять на себя ту часть обязанностей фабричной инспекціи, которая обнимаетъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ, но почти склонно поставить крестъ на фабричной инспекціи, какъ на анахронизмъ.

6. Возлагая на себя бремя этихъ обязанностей, охранное отдѣленіе, незнакомое со всѣми особенностями фабрично-заводскаго быта, приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы проникнуть въ глубину этихъ новыхъ своихъ обязанностей; по изслѣдованіи ихъ оно пришло къ непоколебимому убѣжденію, что единственнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить погромы капиталовъ и частной собственности, подобныя тѣмъ, что произошли минушею осенью въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, является расширеніе правъ фабричныхъ рабочихъ, по отнюдь не въ порядкѣ законодательномъ, какъ на томъ настаиваетъ министръ финансовъ, представившій недавно законопроектъ о свободѣ стачекъ и о представительствѣ рабочихъ, а въ порядкѣ, такъ сказать, внѣзаконномъ (т.-е. полицейскаго усмотрѣнія).

7. Расширеніе правъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (вопреки уставу о предупрежденіи и пресѣченіи) должно состоять въ объединеніи рабочихъ каждой фабрики въ отдѣльное цѣлое, имѣющее свой комитетъ, состоящій изъ членовъ, добровольно выбираемыхъ изъ своей среды рабочими обоюга пола. Эти комитеты имѣютъ намѣчать желательныя для рабочихъ измѣненія въ расцѣнкахъ, таксахъ, распредѣленіи рабочаго времени и вообще въ правилахъ внутренняго распорядка. Хозяинъ имѣетъ вѣдаться впредь съ своими рабочими не непосредственно, а только чрезъ комитетъ. Комитеты отдѣльныхъ фабрикъ данной округи состоятъ между собою въ общеніи ради достиженія однообразія дѣйствій. Общій надзоръ за комитетами сосредоточивается въ охранномъ отдѣленіи, которое назначаетъ въ сихъ цѣляхъ особыхъ агентовъ изъ среды опытныхъ и благонадежныхъ рабочихъ, умудренныхъ долгимъ опытомъ въ искусствѣ управлять народными громадами.

¹⁾ Какъ мы имѣли случай уже говорить, претензіи рабочихъ къ Гужону были совершенно неосновательны и раздуты именно науськиваніями полицейскихъ агентовъ, а отпоръ, данный Гужономъ оберъ-полицеймейстеру, только потому и прошелъ для него безнаказанно, что этотъ французскій подданный, лицо вообще видное, вліятельное и имѣвшее связи, могъ заручиться поддержкою своего посла.

8. Дабы утвердить это обоюдопользное для хозяевъ и рабочихъ учрежденіе, чтобы грядущія событія не застали ихъ врасплохъ, охранный отдѣленіе озаботилось не только подысканіемъ благонадежныхъ и испытанныхъ въ забастовкахъ рабочихъ (даже изъ бывшихъ въ административной ссылкѣ), но и устройствомъ питомника (лабораторіи) для образованія будущихъ дѣятелей, руководимаго также людьми, искусными въ этой области. Всѣ эти учителя и руководители получаютъ приличное вознагражденіе, въ видѣ жалованья, харчевыхъ, проездныхъ и наградныхъ.

9. Средства для поддержанія сего учрежденія доставляются «обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическихъ мастерскихъ», учрежденнымъ 14 февраля 1902 г., гдѣ участвуютъ, въ качествѣ членовъ, тысячи рабочихъ обоюго пола и даже подростки. Кромѣ того, поступаютъ пожертвованія отъ высокопоставленныхъ особъ, интеллигенціи, духовенства и разныхъ лицъ, исключая, впрочемъ, кушцовъ и промышленниковъ ¹⁾.

10. Дабы рабочіе могли уяснить себѣ возможно основательнѣе свои права и обязанности, истекающія изъ новаго порядка вещей, охранный отдѣленіе открыло лекціи, привлекивъ къ этому дѣлу его высокопреосвященство московскаго митрополита, который, по приглашенію гражданскаго начальства, уже приступилъ къ новому дѣлу проевѣщенія рабочихъ свѣтомъ Христова ученія, произнеся слово на собраніи, бывшемъ въ политехническомъ музеѣ 10 іюня 1902 г.

11. Въ видѣ перваго опыта,—такъ сказать, генеральной репетиціи управленія народными громадами,—былъ произведенъ 19-го минувшаго февраля охраннымъ отдѣленіемъ сборъ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ Московской губерніи, безъ различія сословій, къ памятнику Царя-Освободителя, гдѣ выборные возложили вѣнокъ.

Этотъ внезапный сборъ пятидесятитысячной толпы, произведенный вопреки закону о рабочемъ времени, вызвалъ глубокое умиленіе его императорскаго высочества августѣйшаго генераль-губернатора и его превосходительства г. московскаго оберъ-полицеймейстера, не предполагавшаго, чтобы такая громада могла оставаться спокойною безъ надзора за нею чиновъ полиціи.

12. Кромѣ лекцій и репетицій сказаннаго свойства, образованіе рабочихъ подъ руководствомъ опытныхъ людей производится въ народныхъ домахъ и чайныхъ московскаго столичнаго попечительства о народной трезвости, содержимыхъ на средства, отпускаемая министромъ финансовъ. Рабочіе, посѣщающіе эти собранія, хотя и не брегутъ закономъ о продолжительности рабочаго дня, но со временемъ это явленіе будетъ устранено.

¹⁾ По утвержденіямъ газетъ, за эпоху одного Свиягинскаго управленія начинанія Зубатова обоглились казны около 2 милліоновъ рублей.

13. Благодаря такимъ порядкамъ, Москва избавлена была нынѣшнюю 1902 г. весной и лѣтомъ отъ многихъ изъ приготовлявшихся безпорядковъ, кромѣ Гужоновскаго, который, впрочемъ, вызвалъ по своему упорству самъ Гужонъ, и Даниловскаго, имѣющаго всѣ признаки политическаго, а не экономическаго ¹⁾. Тогда какъ въ Петербургѣ безпорядки не прекращались въ теченіе всего лѣта, и тамъ дѣйствовали нагайки и штыки, въ Москвѣ дѣйствуетъ прозорливая предусмотрительность попечительнаго начальства.

14. Предпочтеніе внѣзаконному пути проведенія въ жизнь новыхъ условій бытія фабричнаго рабочаго, а не законодательному, дано по соображеніямъ высокой государственной важности, но и, кромѣ того, въ случаѣ утвержденія новыхъ условій быта въ законодательномъ порядкѣ, какъ того желаетъ министръ финансовъ, и при недостаточной наличности способныхъ и обученныхъ дѣятелей, можно испортить столь благое начинаніе въ самомъ началѣ, что, само собою разумѣется, весьма нежелательно для рабочихъ, а въ особенности для хозяевъ.

15. Всѣми перечисленными мѣропріятіями охранное отдѣленіе успѣло въ короткій срокъ снискать искреннѣйшее довѣріе рабочихъ, и нынѣ даже музей труда, учрежденный при императорскомъ техническомъ обществѣ, повидимому, сталъ терять подъ собою почву.

16. Представителямъ торгово-промышленнаго сословія, при существующемъ положеніи вещей, остается лишь замкнуть ту цѣпь, отдѣльными звеньями которой являются рабочій классъ, интеллигенція и духовенство, и такимъ образомъ облегчить въ значительной степени нелегкую задачу проведенія въ жизнь не только Москвы и Московской губерніи, но и всей Россіи—хотя и внѣзаконнаго, но спасительнаго порядка взаимоотношеній между хозяевами и рабочими.

Если бы это Зубатовское изліяніе не было тогда же записано на мѣстѣ дословно для конфиденціального сообщенія въ министерство финансовъ, трудно было бы повѣрить, чтобы второстепенный чи-

¹⁾ И тутъ Зубатовъ очень безцеремонно отклонился отъ истины и хотѣлъ своимъ собесѣдникамъ, какъ говорится, втереть очки—фабриканты прекрасно знали, какъ обстоитъ дѣло въ случаяхъ, упоминавшихся Зубатовымъ, ибо объ этомъ писали въ своей запискѣ: «21 февраля прекращена работа ткачами на фабрикѣ товарищества шелковой мануфактуры Гужона и Мусси, вслѣдствіе чего 936 человекъ ткачей уже разочтены и, кромѣ того, должны будутъ прекратить работу еще около 600 человекъ... Поводомъ къ остановкѣ послужило, по инициативѣ главарей-представителей общества механическаго производства (не имѣющихъ къ товариществу шелковой мануфактуры никакого отношенія), требованіе о возвышеніи платы (т. е. измѣненіи договорныхъ отношеній). Фабричная инспекція явилась въ этомъ дѣлѣ совершенно безсильной. На дняхъ готовится, смотря по исходу названнаго дѣла, такое же требованіе на соседней фабрикѣ товарищества Бѣляева, имѣющей около 600 рабочихъ; въ такомъ же положеніи очутились уже и нѣкоторыя другія крупныя фабрики... Положеніе чрезвычайно опасное». Выдавать эти инциденты за политическую забастовку могъ только Зубатовъ въ своихъ видахъ.

новникъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера могъ представителей именитаго московскаго купечества, ворочающаго сотнями милліоновъ, безцеремонно третировать мошенниками и съ умиленіемъ вѣщать, что полицейскій произволъ верхъ мудрости, диктуемой государственными соображеніями, недоступными пониманію купечества,—пусть же оно расплачивается своими боками за заигрыванія Зубатова съ рабочими и вѣрить, что все это совершается на благо и пользу капиталистовъ!

III.

Смѣнившій въ 1902 г. Сипягина В. К. Плеве по началу не проявлялъ особенной склонности потакать Зубатову и отнесся къ полицейскому социализму съ нѣкоторою подозрительностью, признавъ возможнымъ лишь допустить дальнѣйшую дѣятельность уже разрѣшеннымъ въ надлежащемъ порядкѣ московскому обществу взаимнаго вспомошествованія рабочимъ въ механическомъ производствѣ и обществу взаимнаго вспомошествованія рабочимъ текстильнаго производства.

Характерныя свѣдѣнія объ исканіяхъ В. К. Плеве въ этой области сообщаетъ почтенный академикъ И. И. Янжуль.

Въ 1902 г., пользуясь въ Швеціи, у Вестерлунда, леченіемъ, И. И. Янжуль досуги болѣзни посвятилъ размышленіямъ объ уврачеваніи экономическихъ и политическихъ золъ Россіи, а назначеніе статсъ-секретаря Плеве министромъ внутреннихъ дѣлъ съ широкими полномочіями окрылило И. И. Янжула идеалистическимъ планомъ. Признавая В. К. Плеве за умнаго и способнаго человѣка, И. И. Янжуль надѣялся, что Плеве легко пойметъ, насколько необходимо, отбросивъ проторенные пути бюрократическихъ препонъ и препятствій, испробовать новые способы къ достиженію благополучія Россіи. «Въ воздухѣ въ то уже время пахло революціею, чувствовалась близость большихъ смуть, которыя вскорѣ и осуществились велѣдъ за японскою войною. Правительство, думалось мнѣ, чтобы остановить и обезвредить грядущую бѣду, признаки которой были для всѣхъ ясны, должно пойти навстрѣчу народному недовольству и ослабить, устранить поводъ къ смутѣ и тѣмъ предупредить ее».

«Для меня,—пишетъ И. И. Янжуль,—выкристаллизовалась ясно и опредѣленно необходимость поспѣшить съ широкимъ развитіемъ правъ русскаго рабочаго и важность слѣпнаго созданія для него лучшихъ условій существованія: получивши незадолго передъ этимъ... права на голое существованіе, на свой заработокъ и время (благодаря вступившимъ въ дѣйствіе нормамъ фабричнаго законодательства), рабочій естественно вошелъ во вкусъ новыхъ, лучшихъ условій». Короче, И. И. Янжуль полагалъ, что правительство, дабы вырвать одинъ изъ зубовъ у будущей революціи, должно

завладѣть симпатією рабочихъ и выдвинуть изъ нихъ болѣе тихіе, консервативные элементы, и потому обязано не останавливаться на распутьи, а наперекоръ вождѣльнѣямъ фабрикантовъ дать рабочимъ право стачекъ и право союзовъ съ необходимыми, конечно, ограниченіями на первыхъ шагахъ и высшимъ надзоромъ со стороны государства.

Черезъ Н. А. Звѣрева добившись отъ В. К. Плеве аудіенціи, И. И. Янжулъ изложилъ министру свои соображенія для завершенія начатаго фабричнымъ законодательствомъ дѣла переустройства фабрично-заводскаго быта.

Для этого И. И. Янжулу представлялось необходимымъ:

1) Созданіе союзовъ въ защиту интересовъ рабочихъ и для улучшенія экономическихъ условій труда и вообще ихъ быта.

2) Свободное разрѣшеніе рабочимъ стачекъ или забастовокъ, кромѣ случаевъ, гдѣ этому противорѣчатъ важные государственные или экономическіе интересы.

3) Такъ какъ министръ финансовъ долженъ заботиться о возможномъ удовлетвореніи интересовъ фабрично-промышленнаго класса предпринимателей и въ то же время о наилучшемъ устройствѣ и удовлетвореніи интересовъ представителей труда, что часто несовмѣстимо, то всего удобнѣе раздѣлить кругъ этого вѣдѣнія и заботу о наилучшемъ удовлетвореніи выгодъ рабочихъ перенести и возложить на вѣдомство, которому довѣрено созданіе и наблюденіе за порядкомъ и благополучіемъ цѣлаго народа, т.е. на министерство внутреннихъ дѣлъ.

В. К. Плеве съ существомъ предположеній И. И. Янжула вполне согласился и изъявилъ желаніе привлечь инициатора къ дальнѣйшей совмѣстной работѣ въ этомъ направленіи.

Судя по словамъ И. И. Янжула, В. К. Плеве задумывалъ центральный статистическій комитетъ преобразовать въ центральное вѣдомство для труда, возможно расширить права рабочихъ и удовлетворить важнѣйшія изъ ихъ требованій; вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ завѣдыванія рабочимъ законодательствомъ предполагалось поставить И. И. Янжула, но уже въ январѣ 1903 г. министръ, помимо будто бы собственной воли, принужденъ былъ отказаться отъ мысли создать департаментъ труда, и рабочій вопросъ получилъ совсѣмъ другой оборотъ ¹⁾.

Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ почтенный академикъ. Но можно предположить и другое:—въ программѣ, намѣченной И. И. Янжуломъ, В. К. Плеве могъ усмотрѣть научное обоснованіе и оправданіе зубатовскихъ начинаній, но, конечно, ихъ удобнѣе и проще было проводить съ помощью охранныхъ отдѣленій, чѣмъ привле-

¹⁾ Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг. Вып. II, стр. 47, 48, 53, 54, 67 и 68 *passim*.

истор. вѣстн., июль 1912 г., т. сxxix.

каты къ дѣлу авторитетнаго ученаго и приводить въ дѣйствіе сложный аппаратъ «департамента труда», напоминавшій хоть по имени совершенно чуждыя русскому духу американскія учрежденія этого рода.

Уже въ 1902 г. В. К. Плеве измѣняетъ свое по началу сдержанное отношеніе къ зубатовскимъ затѣямъ: въ Москвѣ разрѣшаются организаціи ткачамъ, пуговичникамъ, кондитерамъ, парфюмерамъ и табачникамъ, а принимая 7 апрѣля 1903 г. въ Москвѣ депутатовъ отъ этихъ производствъ, министръ внутреннихъ дѣлъ хвалитъ одного изъ депутатовъ за статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и «Правительственный Вѣстникъ» (№ 83, 1903 г.) перепечатываетъ изъ тѣхъ же «Вѣдомостей» «полный неподдѣльной искренности рассказъ о знаменательномъ днѣ 7 апрѣля».

Зубатовъ, переведенный на службу въ Петербургъ на должность начальника особаго отдѣла въ департаментѣ полиціи, получаетъ теперь возможность еще болѣе расширить насажденіе полицейскаго социализма.

Дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1903 г. въ Одессѣ и происходитъ учрежденіе начальникомъ розыскаго отдѣленія Васильевымъ «независимыхъ» союзовъ».

Въ Одессѣ зубатовщина вылилась въ формы, совершенно неожиданныя для инициатора и которыя, казалось бы, должны были убѣдить хотя бы и близорукаго администратора, насколько опасно искусственно возбуждать движеніе среди такого подвижнаго и легко воспламенимаго общественнаго элемента, какимъ вездѣ и всегда являются рабочіе.

Донесенія старшаго фабричнаго инспектора Херсонской губерніи даютъ краснорѣчивое описаніе событій, разыгравшихся въ Одессѣ среди 1903 года.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1903 г. были организованы въ Одессѣ «независимые» союзы рабочихъ.

Союзы эти руководились начальникомъ розыскаго отдѣленія жандармскимъ ротмистромъ Васильевымъ, ближайшими же организаторами и руководителями ихъ оказались мѣщанинъ Хуна Шаевъ Шаевичъ, 24 лѣтъ, именовавшій себя докторомъ философіи, помощникъ его Сашка Черковецкій и нѣкоторые изъ наиболѣе подготовленныхъ къ тому рабочихъ.

Градоначальникъ и начальникъ жандармскаго управленія въ Одессѣ получили изъ Петербурга лишь краткія предложенія не препятствовать Шаевичу въ устройствѣ собраній рабочихъ, съ цѣлью развлеченій, чтеній и обсужденія ихъ нуждъ, болѣе же подробныя указанія насчетъ оборудованія этого предпріятія даны были ротмистру Васильеву.

Союзы проявляли свою дѣятельность тѣмъ, что принуждали рабочихъ къ прекращенію работъ насиліями агитаторовъ-«независимцевъ».

Полиція не оказывала обижаемымъ товарищами рабочимъ

должной защиты и покровительствовала союзамъ; высшая администрація относилась къ союзамъ нерѣшительно, но даже и. д. градоначальника, помощникъ его т. с. Старковъ, принималъ депутатовъ отъ союза и забастовщиковъ, входилъ съ ними въ переговоры и выражалъ сочувствіе союзамъ.

Старшій фабричный инспекторъ, съ своей стороны, не упускалъ случаевъ для разъясненія какъ отдѣльнымъ рабочимъ, такъ и цѣлымъ группамъ неправильности, незаконности и убыточности для нихъ самихъ такого рода дѣйствій, но нерѣдко въ ихъ взорахъ читалось только недоувѣріе къ увѣщаніямъ инспектора.

Союзы рабочихъ въ Одессѣ устраивали рядъ стачекъ нерѣдко по самымъ нелѣпымъ поводамъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903 г. дѣятельность Шаевича и союзовъ распространилась на матросовъ и кочегаровъ торговаго флота, которые послѣ нѣкотораго колебанія были приняты Шаевичемъ въ союзъ, — на поденщиковъ по ремонту судовъ, пагрузкѣ пароходовъ и вагоновъ и на служащихъ конно-желѣзной дороги.

Съ 4 іюля забастовали рабочіе по пагрузкѣ пароходовъ разныхъ обществъ и компаній, требуя увеличенія платы и сокращенія рабочаго дня.

Послѣ короткаго перерыва стачка матросовъ и кочегаровъ, повидному, скрытно разжигаемая подстрекателями, приняла болѣе упорный характеръ. Движеніе пароходовъ пріостановилось, и только 16 іюля отошли нѣсколько пароходовъ, обслуживаемыхъ военными матросами, которые были отряжены изъ Севастополя для временной замѣны забастовавшихъ экипажей.

Съ 15 іюля рабочее движеніе, очевидно, руководимое извнѣ, стало проявляться въ разныхъ частяхъ города. Первая забастовка въ городѣ въ этотъ день произошла среди кондукторовъ и кучеровъ конно-желѣзныхъ дорогъ и сопровождалась попытками воспрепятствовать выходу вагоновъ изъ депо на линіи. Потомъ были прекращены работы на желѣзнодорожныхъ станціяхъ Пересынь и Тираспольская застава, а также на городскихъ каменоломняхъ.

Такъ какъ среди рабочаго населенія замѣчалось особое возбужденіе, то градоначальникъ просилъ командующаго войсками о безотлагательномъ вызовѣ въ Одессу изъ Тирасполя 8-го донскаго казачьяго полка, но штабъ округа увѣдомилъ его о невозможности выполненія такого наряда въ виду инфекціонныхъ заболѣваній въ конскомъ составѣ полка и приготовленій къ ожидаемому смотру генераль-инспектора кавалеріи.

Впрочемъ, вслѣдствіе возраставшей опасности и недостаточности въ городѣ военной силы, состоявшей изъ одной сотни казаковъ и одной дежурной роты (кромѣ карантинной стражи, занятой въ порту) по настояніямъ градоначальника вечеромъ 16 іюля были изъ лагеря переведены въ городъ еще 4 роты пѣхоты.

Вечеромъ 16 іюля градоначальникомъ были получены свѣдѣнія, что всѣ забастовавшіе рабочіе предполагаютъ рано утромъ 17 іюля собраться въ предмѣстьи Бугаевка и оттуда направиться въ городъ для уличныхъ демонстрацій. Градоначальникъ приказалъ полицеймейстеру предупредить эту сходку, а если она соберется, то окружить толпу казаками и пѣхотой и задержать участниковъ, направивъ ихъ въ участки или на приготовленные въ порту баржи. Ко времени прибытія утромъ 17 іюля отряда, по объясненію полицеймейстера, на сходкѣ оказалась многотысячная толпа, превысившая всякія ожиданія, почему приказаніе градоначальника въ точности исполнено не было, а были приняты лишь мѣры къ разсѣянію собравшихся.

На этой сходкѣ дѣлались попытки нѣкоторыми лицами къ произнесенію противонаправительственныхъ рѣчей и разбрасывались прокламаціи; какъ передавали очевидцы, толпа, соглашаясь на требованія свободы сходокъ, печати и конституціи, протестовала противъ ограниченія самодержавія и избивала зарывавшихся ораторовъ.

Какъ бы по условленному сигналу, съ утра 17 іюля по всему городу возгорѣлась всеобщая забастовка. Бастовавшіе рабочіе, толпами въ 200—500 человекъ, въ сопровожденіи массы любопытныхъ, расхаживали по улицамъ, врываясь по пути въ торгово-промышленныя заведенія, принуждали тамъ путемъ угрозъ и насилій прекращать работы и торговлю, не исключая гостиницъ, ресторановъ, хлѣбопекаренъ, парикмахерскихъ, построекъ и пр., и заставляли снимаемыхъ съ работы рабочихъ примыкать къ толпѣ.

Вторгаясь въ первоклассные рестораны и гостиницы, толпа разгоняла обѣдавшую публику, угрожая ей, при неповиновеніи, побоями.

Къ полудню уже были прекращены работы болѣе чѣмъ на 40 фабрикахъ съ шестью тысячами рабочихъ, а къ вечеру произошла полная пріостановка въ городѣ торгово-промышленной дѣятельности. Равнымъ образомъ прекратился на два дня выходъ и всѣхъ мѣстныхъ газетъ, и только officialный органъ «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» продолжалъ, хотя и съ затрудненіями, появляться, такъ какъ градоначальникъ, признавъ необходимымъ имѣть во всякое время для распубликованія объявленій хотя бы нѣсколькихъ типографскихъ рабочихъ, особымъ карауломъ охранялъ казенную типографію и задержалъ въ ней рабочихъ.

Разгулявшимся толпамъ полиція, къ сожалѣнію, въ должной мѣрѣ не противодѣйствовала; иногда даже при появленіи толпы полиція убѣждала фабрикантовъ и хозяевъ заведеній, во избѣжаніе возможныхъ дракъ и насилій, распускать рабочихъ добровольно. Полицеймейстеръ, хотя и имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительный нарядъ городскихъ, конныхъ стражниковъ и солдатъ, только сопровождалъ манифестировавшихъ рабочихъ, присутствовалъ при

насильственной остановкѣ работъ на фабрикахъ, но не пытался или не могъ удержать толпу отъ насилій и безчинствъ. Утверждаютъ, что были даже случаи освобожденія полицеймейстеромъ манифестантовъ, захваченныхъ войсками, такъ какъ у нѣкоторыхъ оказывались охранныя свидѣтельства отъ розыскаго отдѣленія, что подтвердилъ и генераль Каульбарсъ (командующій войсками).

Безчинствовавшія толпы, повидимому, были дисциплинированы и повиновались, какъ можно было замѣтить, распоряженіямъ отдѣльныхъ лицъ. Самого Шаевича видѣли въ толпѣ, подошедшей около 12 часовъ дня къ мастерскимъ русскаго общества пароходства и торговли, рабочіе котораго составляли, такъ сказать, гвардію союза, которая и встрѣтила своего вождя привѣтственными кликами. Позднѣе, около 5 часовъ Шаевича видѣли впереди толпы, шедшей изъ порта по Канатной улицѣ, и неоднократно—среди толпы кондукторовъ у депо конки.

Фабриканты и мирные рабочіе были охвачены паникою и въ большинствѣ случаевъ безпрекословно подчинялись требованіямъ о закрытіи заведеній, безъ всякихъ попытокъ къ сопротивленію. Старшій фабричный инспекторъ тщетно пытался убѣдить нѣкоторыя толпы прекратить беспорядокъ и не трогать рабочихъ, не желавшихъ бастовать. На многихъ фабрикахъ дѣти и женщины были напуганы до слезъ и истерики; приходилось успокаивать ихъ и ободрять фабрикантовъ. Иногда по уходѣ толпы рабочіе обращались съ вопросомъ, нельзя ли возобновить работы; иногда по собственному почину и принимались за работу, но набѣгала новая толпа и разгоняла штрейкбрехеровъ угрозами.

Впрочемъ, какъ выяснилось впоследствии, въ иныхъ случаяхъ самими рабочими оказывалось сопротивленіе толпѣ и даже удавалось ее отогнать; равнымъ образомъ не приостанавливались работы и въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, до которыхъ толпа почему-либо не докатывалась.

Движеніе конно-желѣзной дороги по городу и паровознаго трамвая на дачныя мѣстности совершенно не производилось, а желѣзнодорожное и паровозное движеніе поддерживались съ трудомъ и усиліями только при содѣйствіи военной силы.

Къ градоначальнику отовсюду притекали ходатайства правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій и просьбы отъ частныхъ лицъ объ охраненіи ихъ имущества и помѣщеній, но удовлетворить эти требованія не представлялось возможности за недостаткомъ полицейской и военной силы, что еще болѣе усугубляло угнетенное настроеніе городского населенія.

Въ началѣ беспорядковъ оказалось возможнымъ лишь охранить городской водопроводъ, скотобойни, поля орошенія, станцію электрическаго освѣщенія, телефонныя станціи и газовый заводъ, а позднѣе городскую и одну частную хлѣбопекарню, поставляв-

шія хлѣбъ: первая для городскихъ больницъ и благотворительныхъ заведеній, а вторая—для военного госпиталя.

Несмотря на поставленную охрану или до прибытія охраны, толпа пыталась дѣлать нападенія и на эти учрежденія, чтобы, захвативъ ихъ въ свои руки, лишитъ городъ воды, хлѣба, мяса, освѣщенія, возможности сношеній и отравитъ воздухъ нечистотами (поля орошенія), поставитъ чрезъ это городъ въ безвыходное положеніе и заставитъ администрацію и предпринимателей подчиниться всеѣмъ требованіямъ побѣдителей. При нападеніи на электрическую станцію толпа бросала въ солдатъ, охранявшихъ ее, камнями и изувѣчила пятерыхъ солдатъ, отправленныхъ въ лазаретъ. Въ отвѣтъ на это нападеніе было произведено пять выстрѣловъ, не причинившихъ, впрочемъ, никому вреда, но затѣмъ толпа прорвалась чрезъ охрану, завладѣла станціею и прекратила электрическое освѣщеніе.

По мѣрѣ распространенія безпорядковъ настроеніе толпы принимало все болѣе и болѣе возбужденный характеръ. Угрозы ея предпринимателямъ и штрейкбрехерамъ начали переходить въ нападенія и побой.

Можно предположить, что поднятое Шаевичемъ рабочее движеніе превзошло его ожиданія и выскользнуло изъ-подъ его власти. Каждый независимецъ теперь уже сдѣлался и самъ маленькимъ Шаевичемъ, возбуждавшимъ свой кружокъ, Несомнѣнно, противоправительственная партія не могла не использовать такого благоприятнаго случая для своего выступленія и, поспособствовавъ усиленію движенія и до нѣкоторой степени принявъ надъ нимъ руководительство, превратила его въ формальный бунтъ.

Въ концѣ безпорядковъ Шаевичъ, быть можетъ, и пытался удержатъ дальнѣйшее ихъ распространеніе и даже уговаривалъ, какъ передавали очевидцы, забастовавшихъ рабочихъ стать на работы, но его уже не слушались.

Въ ночь на 18-е іюля были расклеены по городу печатныя объявленія отъ градоначальника о томъ, что всякій безпорядокъ будетъ немедленно же подавляться военною силою. Это же объявленіе было напечатано въ «Вѣдомостяхъ Градоначальства». Городъ и эту ночь оказался уже безъ электрическаго освѣщенія, при слабомъ газовомъ, дѣйствовавшемъ за счетъ запаса, остававшагося еще на газовомъ заводѣ. По счастью, городскіе фонарики не примкнули къ забастовкѣ.

10-го же іюля жизненные продукты начали быстро подниматься въ цѣнѣ—особенно же ржаной хлѣбъ, вздорожавшій въ 2—3 раза; за бѣлую пятикопеечную булку въ нѣкоторыхъ случаяхъ платили до 50 копеекъ. Въ виду общей забастовки пекарей градоначальникъ предложилъ городскому головѣ озаботиться заказомъ хлѣба для нуждъ населенія въ сосѣднихъ городахъ. Въ-стѣ съ тѣмъ въ виду крайне тревожнаго положенія градоначаль-

никъ сдѣлалъ распоряженіе занять городъ войсками, вызванными, по его настойчивой просьбѣ, изъ мѣстъ лѣтнихъ стоянокъ, и повторительно приказалъ полицеймейстеру принять самыя рѣшительныя мѣры къ подавленію беспорядковъ въ городѣ и порту. Къ сожалѣнію, и это приказаніе не было выполнено въ надлежащей мѣрѣ— толпа опять прорвалась, напала на пароходы Добровольнаго флота и Русскаго общества и принудительно сняла съ нихъ грузчиковъ и вольнонаемныхъ матросовъ.

Градоначальникъ въ этотъ день неоднократно и лично выѣзжалъ для наблюденія и отдачи необходимыхъ распоряженій.

Повсемѣстная охрана города войсками, которыми командовалъ генераль Иванъ, и аресты не подчинявшихся военнымъ распоряженіямъ лицъ прекратили хожденіе рабочихъ по городу, хотя попытки къ сходкамъ на окраинахъ продолжались, и войска не вездѣ успѣвали своевременно разгонять толпы. Впрочемъ, скопленіе манифестантовъ, пытавшееся воспрепятствовать отходу поѣзда, было разогнано солдатами съ помощью ударовъ прикладами. Кондуктора и кучера конки, ложившіеся на рельсы и не выпускавшіе вагоновъ конки изъ депо, были сняты казаками и арестованы.

Это дало возможность пустить вечеромъ поѣзда парового трамвая на лиманъ и Большой фонтанъ, при чемъ первые поѣзда ходили подъ охраною солдатъ.

На слѣдующій день, 19 іюля, были уже пущены конные вагоны и по городу; съ 19-го же іюля Одесса начала принимать постепенно обычный видъ. Около полудня, правда, была сдѣлана на одной изъ площадей опять новая попытка съ помощью толпы снять съ работы пекарей, но войска пресѣкли ее въ корнѣ, арестовавъ около 100 человекъ, которыхъ безуспѣшно старалась отбить новая, внезапно набѣжавшая толпа.

Значительная часть рабочихъ, введенныхъ, по ихъ увѣреніямъ, въ заблужденіе лживыми заявленіями ихъ главарей, сулившихъ имъ полную безнаказанность и внушавшихъ, будто и войско, и гражданскія власти на ихъ сторонѣ, такъ какъ получили якобы приказъ свыше содѣйствовать всемѣрно улучшенію экономическаго положенія рабочихъ, отрезвилась и убѣдилась наконецъ въ незаконности и запретности своихъ дѣяній и вызванныхъ ими безчинствъ и теперь начала становиться на работу.

На посылавшіяся въ дни беспорядковъ телеграфныя донесенія министру внутреннихъ дѣлъ только 17 іюля получена была отъ В. К. Плеве телеграмма, предлагавшая градоначальнику принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію беспорядковъ и задержанію подстрекателей и демонстрантовъ, не исключая и «независимцевъ».

Основываясь на этой телеграммѣ, градоначальникъ настаивалъ на арестѣ Шавевича, но полицеймейстеръ Головинъ и начальникъ

розыскного отдѣленія шт.-ротм. Васильевъ утверждали, что этотъ арестъ вызоветъ, будто бы, новый острый взрывъ беспорядковъ. Одновременно съ телеграммою министра была получена еще телеграмма и отъ директора департамента полиціи, который предлагалъ градоначальнику предоставить забастовщикамъ разбиться на профессиональныя группы, избрать по группамъ депутатовъ для предъявленія ихъ требованій или ходатайствъ, по возможности претензій рабочихъ удовлетворить и тѣмъ дать исходъ ожесточенію массы. Въ виду послѣдней телеграммы градоначальникъ счелъ умѣстнымъ вновь запросить министра телеграммою о разрѣшеніи арестовать Шаевича; директору же департамента полиціи былъ посланъ отвѣтъ съ указаніемъ на невозможность выполнить предлагаемое предписаніе по той причинѣ, что при самомъ прекращеніи работъ рабочіе никакихъ требованій не заявляли, а преобладающее большинство ихъ было принуждено покинуть работы только вслѣдствіе угрозъ и насилій.

Въ пятницу 18-го іюля, поздно вечеромъ на Лѣсной улицѣ, у дома собранія рабочихъ была собрана сходка союзниковъ, которой Шаевичъ и объявилъ съ балкона о необходимости прекратить беспорядки и о временной пріостановкѣ дѣятельности союза. Повидимому, Шаевичъ былъ освѣдомленъ о предписаніи директора департамента полиціи градоначальнику или извѣщенъ первымъ непосредственно, потому что предложили немедленно же предъявить отъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ къ хозяевамъ и къ градоначальнику (минуя фабричную инспекцію) требованія, которыя будто бы немедленно будутъ удовлетворены. Тутъ же ночью эти требованія писались въ толпѣ по одному шаблону, который передавался изъ рукъ въ руки.

Въ субботу 19-го іюля и въ понедѣльникъ 21 іюля рабочіе, по подстреканіямъ Шаевича, заявили письменныя свои требованія хозяевамъ и въ то же время представили ихъ градоначальнику. Претензій оказались чрезмѣрными: рабочіе безо всякаго основанія требовали огудьнаго повышенія платы (отъ 10 до 200%), сокращенія рабочаго дня (съ 10 до 8 час), установленія вѣжливаго обращенія; нѣкоторыя группы, кромѣ того, заявляли требованія объ участіи въ прибыляхъ, объ увольненіи товарищей не иначе, какъ съ согласія сходки рабочихъ, объ удаленіи съ заводовъ и фабрикъ неугодныхъ рабочимъ мастеровъ и т. п. Градоначальникъ эти требованія оставилъ безъ послѣдствій, а фабриканты, собравшись въ заводскомъ отдѣлѣ императорскаго технического общества и обсудивъ требованія, заявленныя рабочими, признали, что рабочіе все время своимъ бытомъ были довольны, никакихъ претензій не выражали и что, очевидно, теперешнія требованія навѣяны рабочимъ извнѣ, а потому не подлежатъ ни обсужденію, ни удовлетворенію.

Наконецъ послѣдовавшіе 19 іюля, по приказу министра внутреннхъ дѣлъ, арестъ и высылка изъ Одессы Шаевича, лишивъ рабо-

чихъ главнаго вожака и вдохновителя, показали забастовщикамъ дѣйствительное отношеніе правительственной власти къ производеннымъ беспорядкамъ и способствовали прекращенію послѣднихъ.

Знаменательно еще и то, что всѣ распоряженія по арестованію Шаевича были сдѣланы, по настоянію градоначальника, полицеймейстеромъ, не выходя изъ кабинета градоначальника и въ его присутствіи.

Въ 4-дневный затѣмъ срокъ (съ 19-го по 23 іюля) на всѣхъ уже фабрикахъ возобновились работы, установилась правильная навигація, при чемъ заведенія, подчиненныя инспекціи, дѣятельность открыли на прежнихъ условіяхъ, и только въ единичныхъ случаяхъ немногіе струсившіе предприниматели сдѣлали рабочимъ ничтожныя уступки (въ родѣ сокращенія рабочаго времени на полчаса или четверть часа или повышенія заработной платы на нѣсколько копеекъ).

Въ заключеніе фабричный инспекторъ подчеркиваетъ, что въ общемъ тогдашнее положеніе рабочихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ Одессы, размѣръ заработной платы, величина рабочаго дня и отношеніе работодателей къ служащимъ были достаточно удовлетворительны и отнюдь не могли оправдать произведенныхъ беспорядковъ.

Общее число бастовавшихъ лѣтомъ 1903 г. въ Одессѣ рабочихъ всякаго рода, принимавшихъ дѣятельное участіе въ беспорядкахъ, находившихся въ толпѣ или по какой-либо причинѣ покинувшихъ работы, исчислялось свыше чѣмъ въ 30.000 человекъ; потеря фабричныхъ на ихъ заработкѣ въ дни забастовки опредѣлялась въ 50.000 руб., сокращеніе же производства на фабрикахъ за тѣ же дни вычислялось въ 600.000 руб., помимо потерь на испорченномъ матеріалѣ. Что касается убытковъ, понесенныхъ конками, строительными, портовыми и т. п. работами, а равно матросами, грузчиками и кондукторами конокъ и трамвая, то они остались не выясненными.

Совершенно необычныя для той поры явленія, разыгравшіяся лѣтомъ 1905 г. въ Одессѣ и не чуждыя, какъ то подчеркиваетъ мѣстный фабричный инспекторъ, участія крайнихъ партій и въ общемъ тождественныя съ формами, въ какія впослѣдствіи вылилась всеобщая политическая октябрьская забастовка 1905 г. (захватъ и прекращеніе дѣятельности водопроводовъ, хлѣбопекаренъ, скотобоенъ, электрическаго и телефоннаго сообщенія, городского освѣщенія и отравленіе воздуха нечистотами путемъ прекращенія біологической очистки полей орошенія), наводятъ на нѣсколько рискованную мысль: можно, пожалуй, допустить, что истинный *raison d'être* одесскихъ рабочихъ выступленій въ томъ и заключался, чтобы провѣрить пригодность новыхъ пріемовъ борьбы съ капиталистическимъ строемъ, которые

на амстердамскомъ социалистическомъ партійномъ съѣздѣ объ эту пору намѣчались подробно, хотя только теоретически, въ спеціальному рефератѣ социаль-демократки Роландъ Гольбель ¹⁾.

IV.

За время пятилѣтняго примѣненія (съ 1898 по 1903 г.) опытовъ «полицейскаго социализма» они въ достаточной уже мѣрѣ опредѣлили тѣ возможности, какія могли обезпечить администраціи ²⁾.

Несмотря на безшабашное использование этихъ опытовъ *in anima vili*, въ Минскѣ попытка вооруженія еврейской независимой рабочей партіи на борьбу съ социалистическою организаціею бунда только наглядно показала, что удовлетвореніе требованій рабочихъ по голому произволу полиціи, виѣ примиренія интересовъ труда и капитала путемъ компромиссовъ, опирающихся на неизбѣжные экономическіе законы, плодитъ недоразумѣнія и взаимное ожесточеніе между борцами; въ Москвѣ осуществленіе зубатовской программы, вылившейся въ нѣчто цѣльное и законченное, благодаря исключительной возможности оказывать административныя, виѣзаконныя воздѣйствія, нисколько не стѣняясь требованіями справедливости, возбудило всеобщее недовольство въ средѣ торгово-промышленнаго сословія, которому Зубатовъ, точно глумясь надъ представителями капитала, изложилъ свое *sredo*, — предприниматели не безъ основанія могли жаловаться на то, что домогательства рабочихъ удовлетворяются Треповымъ и Зубатовымъ, при чемъ не принимаются вовсе въ расчетъ ни наличныя условія производства и конкуренціи, ни закономѣрныя правъ работодателей на охраненіе государствомъ и ихъ интересовъ; наконецъ, одесскіе безпорядки, созданные безъ достаточнаго основанія «независимыми союзами», вообщю и краснорѣчиво показали, что осуществленіе полицейскаго социализма далеко не всегда остается подъ контролемъ инициаторовъ и, ускользая изъ-подъ власти полицейскихъ органовъ, можетъ выродиться въ волненія, граничація съ революціонными вешышками.

Такимъ образомъ, зубатовщина была испытана на практикѣ во всѣхъ своихъ стадіяхъ и на взглядъ непредубѣжденнаго наблюдателя явно обнаруживала свою несостоятельность, — казалось бы, дальше въ этомъ направленіи итти было некуда и незачѣмъ, но В. К. Плеве, повидимому, пребывавъ въ оптимистическомъ увлеченіи зубатовскими миражами *quand tème* и распространилъ ихъ дѣйствіе и на Петербургъ.

¹⁾ Рефератъ этотъ былъ опубликованъ на нѣмецкомъ языкѣ особымъ изданіемъ въ 1904 году.

²⁾ Самъ Зубатовъ навлекъ на себя въ 1903 или 1904 гг. немилость В. К. Плеве и, удаленный со службы, былъ даже высланъ изъ Петербурга.

По свѣдѣніямъ газеты «Свѣтъ» (ноябрь 1902 г.), по инициативѣ столичныхъ заводскихъ рабочихъ В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанина, Д. В. Старожилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахомова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одницова въ мѣстномъ фабрично-заводскомъ населеніи получила распространѣніе мысль о возможности серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней сословной самостоятельности и взаимопомощи.

«Съ вѣдома столичной администраціи 10 ноября въ трактирѣ «Выборгъ» на Финляндскомъ проспектѣ инициаторы дѣла имѣли по этому предмету частное совѣщаніе съ нѣсколькими товарищами, а 13-го ноября ими было подано прошеніе и д. сб. градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрѣшеніи товарищескаго собранія.

«Со стороны г. Фриша рабочіе встрѣтили самое внимательное и сочувственное отношеніе къ ихъ ходатайству и получили обѣщаніе, что оны́ окажетъ зависящее содѣйствіе къ удовлетворительному разрѣшенію предпринятаго ходатайства.

«Ободренные пріемомъ В. Э. Фриша и успѣшнымъ началомъ дѣла, рабочіе отправились въ департаментъ полиціи. Директоръ департамента ст. сов. А. А. Лопухинъ выразилъ рабочимъ свое сочувствіе и готовность помочь осуществленію ихъ намѣреній.

«Вслѣдствіе этого 17 ноября въ томъ же трактирѣ «Выборгъ» состоялось официально уже разрѣшенное собраніе рабочихъ, а 21 ноября рабочіе имѣли честь быть принятыми г. министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, который выслушалъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собираться на товарищескія собесѣдованія по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода и высказалъ свое намѣреніе поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи».

Дѣйствительно, по соглашенію, состоявшемуся между департаментомъ полиціи и сб. градоначальникомъ, дальнѣйшія собранія рабочихъ были разрѣшены и впредь «на общемъ основаніи» (!?), съ учрежденіемъ, впрочемъ, за ними «особенно бдительнаго надзора» и подъ условіемъ, «чтобы въ собраніе рабочихъ открытъ былъ свободный доступъ полиціи».

Петербургскіе рабочіе не могли удовлетвориться разрѣшенными имъ собесѣдованіями, и, по сношеніи съ московскими товарищами, дѣло объединенія рабочихъ было двинуто дальше. Къ почтенному предсѣдателю общества распространенія просвѣщенія въ духѣ православной церкви о. Орнатскому явилась депутація отъ московской организаціи фабричныхъ рабочихъ, слывшихъ во мнѣніи администраціи за вполнѣ благонадежныхъ и благонамѣренныхъ, съ просьбою организовать среди петербургскихъ рабочихъ релігіозно-нравственныя чтенія, на что статсъ-секретарь В. К. Плеве не пре-

минуль дать соизволеніе. Затѣмъ къ В. К. Плева явилась депутація отъ рабочихъ съ Грингмутомъ и Е. В. Богдановичемъ во главѣ, съ просьбою о созданіи въ Петербургѣ рабочихъ организацій по примѣру московскихъ. Инициаторы обратились за содѣйствіемъ и къ князю В. П. Мещерскому, который, судя по дневнику «Гражданина» отъ 4 февраля 1903 г., велъ съ рабочими даже диспуты о наилучшей формѣ организаціи взаимопомощи для рабочихъ, хотя князь тогда уже оговаривался: «долженъ признаться съ полною откровенностью, что продолжаю чувствовать себя совѣтъ не дома, какъ только вхожу въ область тѣхъ мечтаній о взаимопомощи, которыя сюда прилетѣли изъ Москвы».

Скептическое отношеніе къ зубатовскимъ «мечтаніямъ», несмотря на плачевный опытъ, преподнесенный одесскими «независимцами», оказалось не достаточно сильнымъ, чтобы помѣшать В. К. Плева утвердить 15 февраля 1904 г. «уставъ собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ гор. С.-Петербурга».

Собраніе учреждалось, согласно его уставу:

а) для трезваго и разумнаго провѣденія членами собранія свободнаго отъ работъ времени съ дѣйствительною для нихъ пользою, какъ въ духовно-нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ;

б) для возбужденія и укрѣпленія въ средѣ членовъ-рабочихъ русскаго національнаго самосознанія;

в) для образованія и развитія въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и права рабочихъ;

и, наконецъ, г) для проявленія членами собранія самостоятельности, способствующей законному улучшенію условій труда и жизни рабочихъ.

Средствами къ осуществленію намѣчаемой цѣли объявляются:

а) приобрѣтеніе полезныхъ изданій газетной и журнальной печати въ Россіи, основаніе библіотеки, устройство читальни, образованіе изъ среды сочленовъ духовнаго и свѣтскаго хора и музыкальныхъ кружковъ, устройство какъ въ постоянномъ помѣщеніи собранія, такъ и въ наемныхъ помѣщеніяхъ концертовъ, семейныхъ и литературно-вокальныхъ вечеровъ;

б) еженедѣльные кружковые и общія собранія членовъ для разумно-всесторонняго обсужденія своихъ нуждъ и для своего самообразованія;

в) устройство бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера, а также чтеній съ поясненіями;

г) организація съ надлежащаго разрѣшенія лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ, въ особенности по родоповѣднію и въ частности по рабочему вопросу, которыя бы указывали и разъясняли рабочему его правовое положеніе и законные пути выйти изъ невѣжества и грязи къ свѣту;

д) учрежденіе капитала взаимопомощи на случай болѣзни, безработицы и особой нужды своихъ членовъ;

е) учрежденіе на основаніи особо выработаннаго и утвержденнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ устава похоронной кассы, а также открытіе, съ особаго каждый разъ разрѣшенія подлежащей власти, и другихъ учреждений, способствующихъ усилению заработка и обезпечивающихъ взаимопомощь при наступленіи матеріальныхъ затрудненій и вообще всякихъ тяжелыхъ обстоятельствъ;

ж) устройство въ помѣщеніи «собранія» чайной (съ закуской), а съ развитіемъ дѣлъ общества—открытіе и своей потребительской лавки.

Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ и утвержденъ настоятель тюремной церкви о. Георгій Гапонъ, съ благословенія митрополита и министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ В. К. Плеве, по особой инструкціи, Гапонъ получилъ право, не присвоенное даже градоначальнику, а именно самостоятельно и невозбранно открывать по всему Петербургу отдѣлы собранія, число коихъ вскорѣ возросло до 11.

Торжественное открытіе собранія состоялось 11 апрѣля 1904 г.

По отчету о первомъ засѣданіи «собранія», напечатанному въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», одинъ изъ ораторовъ-рабочихъ «въ доступной формѣ выяснилъ своимъ товарищамъ идеи русскаго національнаго самосознанія и самодѣятельности, другой ораторъ подробно остановился на историческомъ обзорѣ попытокъ русскихъ рабочихъ организовать въ правильныя, закономъ разрѣшенныя сообщества; третій отмѣтилъ отличіе новаго устава ото всѣхъ прочихъ, его широкія правомочія и, главное, довѣріе правительства къ рабочимъ, только что объединившимся въ открытомъ собраніи».

Самъ Гапонъ распространился о томъ, что уставъ собранія впервые въ Россіи даетъ рабочимъ возможность дѣйствительнаго объединенія внѣ какого-либо вмѣшательства администраціи. Все основано на глубокомъ довѣрїи, а главное на идейномъ, безкорыстномъ и трезвомъ служеніи интересамъ рабочихъ.

Первые шаги «собранія» давали основаніе вѣрить, что рабочіе оправдаютъ возложенныя на нихъ надежды. Засѣданіе сопровождалось изъявленіями всеподданнѣйшихъ чувствъ рабочихъ къ престолу и отечеству, неоднократнымъ повтореніемъ «Боже, царя храни» и восторженными кликами «ура».

Вокругъ личности довѣреннаго руководителя рабочихъ Гапона сложились уже легенды, весьма противорѣчивыя: однѣ аттестуютъ Гапона какъ восторженнаго и самоотверженнаго печальника и пѣстуна обездоленныхъ, задавагося цѣлями вполнѣ благонамѣренными, но коварно обойденнаго эсдеками и эсерами, сумѣвшими незамѣтно проникнуть въ среду «собранія» и развратить его; въ глазахъ другихъ Гапонъ рисовался безконечно ловкимъ пройдохой,

работавшимъ на два фронта и сумѣвшимъ съ удивительнымъ искусствомъ провести какъ Плеве, Трепова и Рачковского, такъ и многочисленныхъ полицейскихъ агентовъ, чинившихъ наблюденіе за «собраніемъ», и убѣдить всѣхъ въ благонамѣренности преслѣдуемыхъ имъ и «собраніемъ» цѣлей, втайнѣ же Гапонъ объединилъ возлѣ себя цѣлое ядро хорошо вымуштрованныхъ политическихъ агитаторовъ, а тѣ, въ свою очередь, распропагандировали исподтишка массу рабочихъ и подготовили ее къ политическому выступленію.

О сознательности въ дѣйствіяхъ большой массы рабочихъ, конечно, едва ли можно говорить. Въ этомъ отношеніи весьма цѣненъ выводъ, дѣлаемый г. Гвоздевымъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ рабочими при разныхъ условіяхъ времени и мѣста. Онъ утверждаетъ, что въ дѣйствительности на каждой фабрикѣ можно повстрѣчать не болѣе 2—3 истинно-развитыхъ, много читавшихъ, вдумчивыхъ, прекрасно понимающихъ настоящее положеніе вещей рабочихъ, не увлекающихся несбыточными мечтами, дѣйствующихъ сдержанно и корректно; вмѣстѣ съ тѣмъ они же являются лучшими, наиболѣе цѣнными работниками, постоянно трезвыми и строго исполняющими свои обязанности. Къ этой кучкѣ примыкаетъ многочисленная группа такъ называемыхъ «сознательныхъ» рабочихъ. Это сплошь эсдеки. Они прониклись духомъ классового самосознанія, но о реальномъ положеніи имѣютъ представленіе весьма смутное. Иные стануть вамъ рассказывать о новозеландскомъ фабричномъ законодательствѣ, русскіе же фабричные законы перевираютъ совершенно невѣжественно; такіе субъекты мечтаютъ чрезъ годъ-другой завоевать социалистическій рай и въ то же время на каждомъ шагу поступаютъ правами, ограждающими ихъ интересы и принадлежащими имъ уже теперь по закону, и даже не замѣчаютъ этого. Рѣзкіе въ выраженіяхъ, щеголяющіе мало понятными имъ иностранными терминами, безразсудные въ требованіяхъ, они нерѣдко являются лодырями въ работѣ, а подчасъ злоупотребляютъ и спиртными напитками. Относится вполне отрицательно къ этой группѣ и винить ее за пороки, конечно, неправильно,—они не виноваты въ томъ, что только за годъ, за два передъ тѣмъ раскрыли глаза и взглянули дальше своихъ станковъ и каморокъ, не виноваты и въ томъ, что имъ достались такіе учителя ¹⁾.

Вполнѣ понятно, что подобный элементъ забрать въ руки и направить по произволію Гапонъ и его приспѣшники могли безъ особеннаго труда. Затѣмъ для исторіи довольно безразлично, представляла ли личность Гапона типъ яркаго демагога, или провокатора съ катилинарными замашками,—въ результатъ за свою слѣпоту и неосвѣдомленность заплатились только рабочіе, но не ихъ вожакіи.

¹⁾ Записки фабричнаго инспектора, стр. 257—258 *passim*.

Какъ бы ни было, правительственное сообщеніе послѣ роковой манифестаціи 9 января 1905 г. признало, что истинная возлагавшаяся на «собраніе рабочихъ» задача сводилась именно къ «отвлеченію рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды»; на дѣлѣ же результаты получились противоположные, собраніе «вступило само на путь пропаганды явно революціонной» (квалификація правительственнаго сообщенія), причемъ с.-петербургское телеграфное агентство, въ своемъ циркулярѣ панвно заявляло, что полиція, какъ показали событія, не была въ состояніи предотвратить рабочее движеніе или руководить имъ, ибо «рабочіе пошли по пути политическихъ требованій», а комитетъ министровъ, въ засѣданіи 11 января 1905 г., призналъ, что «рабочіе союзы, образованные при помощи полицейскаго усмотрѣнія, явились угрозою общественному спокойствію». Особенно при этомъ назидательнымъ представлялось заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго, что столичной администраціи, почти вплоть до развязки 9 января 1905 г., оставался совершенно неизвѣстнымъ истинный характеръ рабочаго движенія, а предшествовавшее ему кажущееся спокойствіе рабочихъ приводилось именно какъ очевидное доказательство цѣлесообразности спланивавшей ихъ организаціи.

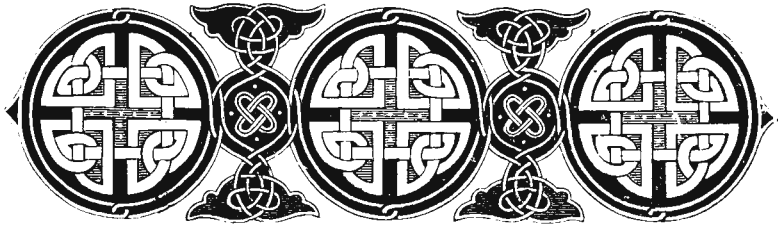
Такимъ образомъ, только роковыя событія 9 января 1905 г. осудили зубатовскіе эксперименты и положили имъ конецъ.

Въ статьѣ о зубатовщинѣ, напечатанной въ 1905 г. въ «Образованіи», г. М. Григорьевскій замѣчаетъ: «Правительство, десятки лѣтъ опиравшееся на промышленную буржуазію и имѣвшее въ ней дѣйствительнаго защитника установленнаго строя, въ своихъ неудачныхъ опытахъ полицейскаго социализма выступило противъ промышленной буржуазіи. Взамѣнъ нѣсколькихъ тысячъ захваченныхъ въ руки полицейской агентуры рабочихъ, политическая благонадежность которыхъ для бюрократіи представляла еще неизвѣстную и неиспытанную величину, правительство собственными руками отчуждало отъ себя «людей порядка», толкая капиталистовъ на путь политической оппозиціи».

Дѣйствительно, именно зубатовщина создала въ эпоху освободительнаго движенія среди промышленной буржуазіи противоправительственное теченіе,—по крайней мѣрѣ въ большинствѣ записокъ, опубликованныхъ фабрикантами и обслуживающими ихъ техниками, именно зубатовщинѣ отводится едва ли не главное мѣсто въ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ противъ дореформенной бюрократіи.

В. И. ф. Штейнъ.

СВЯТЫНЯ ВОЛОГОДСКОЙ ТЮРЬМЫ.

ВЗГЛЯНУВЪ на заголовокъ, нѣкоторые читатели могутъ сказать:

— Какая можетъ быть святыня въ тюремѣ—домѣ, гдѣ собраны одни лишь пороки и только одна олицетворенная человѣческая преступность?

Но, какъ ни страннымъ кажется этотъ заголовокъ, онъ вполне соответствуетъ дѣйствительности.

Хотя, впрочемъ, какихъ чудовищныхъ странностей не создавала исторія нашихъ «застѣнковъ», «кунць-камеръ бывшаго Третьяго Отдѣленія» и прочихъ «воспитательныхъ» учрежденій доброй старины и даже еще не такъ далекаго прошлаго?..

Святыня же вологодской тюрьмы имѣетъ глубокое историческое прошлое и настолько почитается всѣми вѣрующими жителями обширной Вологодской и сосѣднихъ съ нею губерній, что рѣдко кто изъ нихъ, бывая въ Вологдѣ, не придетъ въ губернскую тюрьму поклониться и помолиться чудотворной иконѣ Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Этимъ именно тюремная церковь въ Вологдѣ рѣзко отличается отъ церквей другихъ тюремъ нашей имперіи, такъ какъ здѣсь постоянно во время церковной службы увидите не только однихъ арестантовъ, но и массу частныхъ вѣрующихъ богомольцевъ, колѣнопреклоненно молящихся предъ Богоматерью, часто и очень часто со слезами на глазахъ.

Исторія этой святыни слѣдующая.

Великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ III, по политическимъ расчетамъ, были 22-го сентября 1490 года заточены въ переяславльскую темницу родные его племянники, дѣти удѣльнаго князя Андрея Васильевича Угличскаго, князя Іоаннъ, тринадцати лѣтъ, и Дмитрій—двѣнадцати лѣтъ. Но такъ какъ Переяславль находится недалеко отъ Москвы и на самой дорогѣ изъ нея къ Угличу, бывшему мѣсту княженія Андрея, то, чтобы не напоминать народу объ узникахъ и не возбуждать въ немъ сожалѣнія къ нимъ, нарушая этимъ спокойствіе въ княжествѣ, малолѣтнихъ князей перевели раньше въ Бѣлоозеро, а затѣмъ, въ 1493 году—въ темницу города Вологды.

Они были круглыми сиротами, такъ какъ отецъ ихъ, посаженный тѣмъ же своимъ братомъ Иваномъ въ московскую темницу, умеръ тамъ 6-го ноября 1493 года, а мать скончалась еще до заточенія дѣтей. Обѣ эти невинныя жертвы княжеской политики удѣльнаго времени содержались въ вологодской темницѣ до конца дней своихъ подъ строгимъ надзоромъ, въ тѣсномъ заключеніи и при суровой обстановкѣ. Дѣти были заключены даже въ оковы, а родственникамъ и постороннимъ лицамъ запрещено было посѣщать узниковъ—маленькихъ князей. Въ тюремный казематъ имъ не дали взять никакихъ съ собой вещей: бѣлье, верхняя одежда и постель полагались отъ темницы и были самыя простыя. Лишь одно разрѣшили имъ оставить у себя: это образъ Божьей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости—благословеніе ихъ благочестивыхъ родителей. Насколько была тяжела жизнь узниковъ въ вологодской тюрьмѣ въ то время, можно судить по тому, что, по имѣющимся историческимъ даннымъ, уже «въ 1694 году, при Петрѣ Великомъ, многіе умирали въ вологодской тюрьмѣ отъ голода, тѣсноты и духоты». Каково же было въ ней за 200 лѣтъ ранѣе, когда содержались тамъ маленькіе князья? Но какъ ни старалась тюремная администрація обставать таинственностью содержаніе князей, мѣстные жители узнали объ этомъ и относились съ полнымъ сочувствіемъ къ горю дѣтей, сожалѣя объ участи этихъ невинныхъ страдальцевъ.

И народная молва заговорила, что это «Божьи страдальцы».

А дѣти, въ сердца которыхъ еще въ самомъ раннемъ возрастѣ были брошены сѣмена благочестія и высокой религіозности ихъ родителями, возрастая при такихъ условіяхъ и обстановкѣ, въ темничной тиши и уединеніи, постепенно все болѣе и болѣе предавались религіозному настроенію. Стараясь безропотно переносить всѣ тяготы своего заключенія, они почти все время проводили въ молитвѣ предъ родительскимъ благословеніемъ—иконой Богоматери—и въ душевнеспасительныхъ бесѣдахъ между собою.

Это также не могло остаться тайной отъ вологодскихъ обывателей того времени.

Князь же Іоаннъ незадолго до своей смерти, на сорокъ пятомъ году отъ рожденія, принялъ схиму и при постриженіи игуменомъ Прилукскаго монастыря (въ двухъ верстахъ отъ Вологды) Мисаиломъ наречень именемъ Игнатія.

Какъ сохранилось преданіе, онъ скончался тихо, послѣ принятія святыхъ таинъ, со словами: «Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!»

Это было 19 мая 1522 года. Такимъ образомъ, князь Іоаннъ томился въ темницѣ около тридцати трехъ лѣтъ, изъ которыхъ былъ въ вологодской тюрьмѣ почти тридцать лѣтъ.

Вѣсть о смерти его съ быстротой молніи облетѣла всѣхъ жителей, какъ города Вологды, такъ и ея окрестностей. Высокое же положеніе и такое продолжительное страданіе въ темницѣ необходимо должны были послужить къ тому, что каждый смотрѣлъ на Іоанна, какъ на «князя-мученика», какимъ онъ въ дѣйствительности и былъ.

Отъ мала до велика всѣ вологжане и жители даже отдаленныхъ отъ Вологды поселковъ явились проводить тѣло почившаго до Прилукскаго монастыря, гдѣ оно покоится и нынѣ. Благоговѣвшая уже предъ прахомъ толпа вѣрующихъ смотрѣла теперь на князя, какъ на святого, а общая народная молва сказала, что только постоянная его молитва предъ родительскимъ благословеніемъ, т.-е. образомъ Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, дала ему возможность прожить столько лѣтъ въ темницѣ, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ и такъ хорошо сохраниться: лицо его было совершенно спокойное, не свидѣтельствовавшее о какихъ-либо страданіяхъ, и въ гробу лежалъ онъ, словно живой.

Во время похороннаго шествія изъ Вологды въ Прилукскій монастырь, какъ говоритъ преданіе, многіе больные, цѣловавшіе руку покойника и даже только прикасавшіеся къ его тѣлу, получили исцѣленіе отъ болѣзней...

И общей народной молвой князь Іоаннъ тогда же былъ причисленъ къ лику святыхъ, а икона Богоматери Всѣхъ Скорбящихъ Радости стала извѣстна всѣмъ жителямъ и начала почитаться, какъ «заступница и покровительница князя-узника».

По смерти брата князь Дмитрій долго не могъ свыкнуться съ полнѣйшимъ темничнымъ своимъ одиночествомъ. Падая предъ иконою Богоматери, онъ просилъ скорѣе послать ему смерть, чтобы соединиться для вѣчной жизни съ любимымъ братомъ.

Но черезъ пять съ лишнимъ лѣтъ послѣ кончины Іоанна, а именно въ 1528 году, въ Вологду пріѣхалъ для поклоненія мѣстнымъ святынямъ двоюродный братъ узниковъ, великій князь Василій Ивановичъ. Пріѣздъ этотъ возбудилъ въ князѣ Дмитріи надежду на освобожденіе его изъ темницы. Но несчастный былъ обманутъ: великій князь не только не облегчилъ участи своего родственника, но даже не поинтересовался видѣть его и освѣдомиться объ его суще-

Икона въ вологодской тюрьмѣ.

ствованіи, хотя, съ одной стороны, въ то время слава о святости и чудесахъ гроба князя Іоанна уже широко была распространена среди мѣстнаго населенія, а, слѣдовательно, и великій князь не могъ не знать какъ объ этомъ, будучи въ Прилуцкомъ монастырѣ, такъ и о томъ, ящемся въ вологодской тюрьмѣ Дмитріи; съ другой же стороны, князь Дмитрій былъ тогда уже совершенно безсиленъ

для Василія Ивановича, какъ соревнователь на княжескій тронъ: и русскій народъ, и правящіе круги въ теченіе этого времени давно уже его забыли, а почти сорокалѣтнее сидѣніе въ застѣнкѣ, да еще въ цѣпяхъ, сдѣлало Дмитрія совершенно неспособнымъ къ какой бы то ни было дѣятельности. Такъ что, принимая во вниманіе эти два обстоятельства въ соображеніе, становится совершенно непонятнымъ такое безсердечіе и черствая жестокость со стороны великаго князя Василія къ мученіямъ родственнаго своего брата, и она можетъ быть объяснена только «духомъ времени».

Но какъ бы то ни было, это обстоятельство настолько повліяло на князя Дмитрія, что онъ впалъ въ совершенный мистицизмъ и предался исключительно молитвѣ предъ родительскимъ благословеніемъ—образомъ Всѣхъ Скорбящихъ Радости, въ то же время строго соблюдая принятіе лишь самаго ограниченаго количества пищи, заключающейся только въ хлѣбъ и водѣ. Скоро и объ этомъ проникли слухи въ народъ.

При такой подвижнической темничной жизни князь Дмитрій пробылъ въ вологодской тюрьмѣ еще двѣнадцать лѣтъ, скончавшись въ 1540 году. Такимъ образомъ, онъ былъ въ заточеніи цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, доживъ до шестидесятилѣтняго съ лишнимъ возраста. Свое родительское благословеніе—икону Божіей Матери, предъ которой всю жизнь свою молились въ темницѣ оба брата, князья-узники,—Дмитрій оставилъ въ наслѣдіе узникамъ же. Похороненъ онъ также въ Прилукскомъ монастырѣ, у ногъ своего брата. Митрополитъ Евгений помѣстилъ ихъ обонхъ въ списки «утѣдниковъ Божіихъ», а народная молва причислила къ лику святыхъ; икону же Божіей Матери—къ чудотворнымъ. На ней Богоматерь изображена съ младенцемъ, въ царской одеждѣ, съ короною на главѣ и скипетромъ въ рукахъ. Предъ нею предстоять заключенные въ темницѣ, нищіе, больные, калѣки и вообще обиженные судьбой, которыхъ обѣими руками благословляетъ Господь Саваоотъ, находящійся въ верху изображенія.

Преданіе не сохранило свѣдѣній, какъ помѣщалась эта святыня въ древнихъ вологодскихъ тюрьмахъ, но прибывшій въ 1821 году въ Вологду губернаторъ Брусиловъ нашель, что икона при вологодскомъ острогѣ привлекаетъ множество поклонниковъ и что на обильныя приношенія ихъ можно содержать острожную церковь. Святѣйшій синодъ съ этимъ согласился, и въ 1822 году вмѣсто часовни, въ которой помѣщалась икона, была построена въ вологодской тюрьмѣ первая церковь во имя Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, гдѣ икона находится и нынѣ.

Въ 1859 году церковь расширена вдвое и теперь представляетъ собою обширный и богато украшенный храмъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, при содѣйствіи губернатора Хоминскаго и вологодскаго преосвященнаго Христофора, разрушенъ въ тюремную церковь

свободный доступъ стороннимъ богомольцамъ въ воскресенье и высокаторжественные дни отъ половины десятаго до двѣнадцати часовъ дня, а также въ среду и пятницу каждой недѣли. Храмъ всегда бываетъ переполненъ молящимися.

Теперь, именно въ эти дни, икона участвуетъ въ крестномъ ходѣ вокругъ города, а въ день кончины князя Юанна крестный ходъ, съ нею во главѣ, шествуетъ въ Прилукскій монастырь, къ покоящимся мощамъ князей-узниковъ.

Такова исторія этихъ вологодскихъ святынь.

Въ заключеніе надо добавить, что исторія древней старины Вологодской губерніи создала немало святынь: по историческимъ сказаніямъ о жизни подвизавшихся въ Вологодской епархіи святынь, ихъ числится во всѣхъ уѣздахъ губерніи семьдесятъ пять. И имена ихъ всѣхъ, а въ особенности нѣкоторыхъ, чрезвычайно почитаются всѣми вѣрующими обывателями губерніи.

Гр. Ул. Васишко.

М. П. ПЕТРОВСКІЙ.

ПРѢЛЯ 13-го сего года скончался въ Казани бывшій профессоръ казанскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи, Мемнонь Петровичъ Петровскій, на восьмидесятомъ году отъ роду. Почившій имѣеть серьезную ученую и литературную репутацію среди славяновѣдѣвъ, но имя его едва ли извѣстно такъ называемой «широкой русской публикѣ», потому что Петровскій жилъ и писалъ въ провинціи. Вслѣдствіе этого я, какъ слушатель Петровскаго и хорошо его знавшій, считаю необходимымъ по мѣрѣ силъ познакомить русскую публику съ человѣкомъ, скромно, но плодотворно поработавшимъ въ области славяновѣдѣнія въ теченіе пятидесяти слишкомъ лѣтъ. Считаю весьма полезнымъ сдѣлать это именно теперь, когда русское общество, послѣ продолжительнаго безучастнаго отношенія къ славянскому міру, начинаетъ склоняться къ общенію съ нимъ.

М. П. Петровскій происходилъ изъ нижегородскихъ потомственныхъ дворянъ и родился въ Васильсурскѣ, уѣздномъ городѣ Нижегородской губ., 29-го января 1833 г. Среднее образованіе получилъ онъ въ нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ, а высшее на историко-филологическомъ факультетѣ казанскаго университета, въ которомъ и кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1855 г. Въ то время самымъ выдающимся профессоромъ на этомъ факультетѣ былъ знаменитый

славистъ, одинъ изъ основателей въ Россіи научной дисциплины, извѣстной подъ именемъ славяновѣдѣнія—В. И. Григоровичъ. Онъ былъ первымъ преподавателемъ этой науки въ нашемъ университетѣ и оказалъ громадное вліяніе на даровитаго студента Петровскаго. Мемнонь Петровичъ увлекся славянскимъ міромъ—его прошлымъ и настоящимъ, его языками и литературами. Но не сразу рѣшился онъ посвятить себя славяновѣдѣнію. По окончаніи курса въ университетѣ, онъ поступилъ учителемъ латинскаго языка въ первую казанскую гимназію, оказавъ широкія свѣдѣнія и въ области классической филологіи, въ особенности латинской, благодаря профессорамъ Благовѣщенскому и Ордынскому, слушателемъ которыхъ онъ былъ въ университетѣ. Степень своей освѣдомленности въ латинскомъ языкѣ и римской литературѣ М. П. Петровскій доказалъ впоследствии прекрасными стихотворными переводами комедій Теренція («Братья») и Плавта («Эпидикъ» и «Кубышка»), напечатанными въ «Ученыхъ Запискахъ» казанскаго университета 1873 г. и въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1884 и 1888 гг. Учителемъ латинскаго языка Петровскій пробылъ недолго, а именно до 1859 г. включительно. Сдавъ затѣмъ магистерскій экзаменъ по славяновѣдѣнію, онъ 1-го сентября 1860 г. былъ избранъ сверхштатнымъ преподавателемъ казанскаго университета по кафедрѣ исторіи и литературы славянъ. До исхода февраля 1863 г. Петровскій находился въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью, впервые лично знакомясь съ славянами, южными и западными, и изъ послѣднихъ главнымъ образомъ съ чехами. Въ исходѣ 1863 г. В. И. Григоровичъ покинулъ казанскій университетъ, перейдя въ только что открывшійся новороссійскій, въ Одессѣ, и Петровскій остался единственнымъ представителемъ въ нашемъ факультетѣ всѣхъ отраслей славяновѣдѣнія. Въ 1864, 1866 и 1867 гг., печаталась въ «Ученыхъ Запискахъ» казанскаго университета его магистерская диссертация «Матеріалы для славянской діалектологіи». По отзывамъ специалистовъ, этотъ трудъ отличается большими научными достоинствами, но почтенный его авторъ, по свойственной ему, если можно такъ выразиться, ученой мнительности по отношенію къ самому себѣ, не докончилъ его и не представилъ къ защитѣ. Вслѣдствіе этого, какъ не имѣющій магистерской степени, Мемнонь Петровичъ нѣсколько лѣтъ находился на своей кафедрѣ подъ скромнымъ наименованіемъ «преподавателя». Тщетно члены казанскаго историко-филологическаго факультета неоднократно убѣждали его докончить диссертацию, и только въ 1875 г. они, хорошо зная его ученныя заслуги, представили въ совѣтъ университета о возведеніи Петровскаго въ степень доктора славянской филологіи *honoris causa*.

Въ 1882 г., послѣ избранія въ ректоры казанскаго университета декана историко-филологическаго факультета Н. Н. Булича, Пет-

ровскій былъ единогласно избранъ деканомъ факультета, но отказался принять эту должность, такъ какъ вообще не любилъ выставять на показъ свою личность и былъ чуждъ всякой официальнойности. По введеніи университетскаго устава 1884 г., какъ только исполнилось двадцать пять лѣтъ его ученой службы въ гимназій и университетѣ, онъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ 6-го октября 1885 г. Насколько мнѣ извѣстно, главнѣйшими побужденіями оставить кафедру для Петровскаго послужили: уставъ 1884 г., введившій въ университетскую жизнь бюрократическій режимъ, съ одной стороны, и «новыя вѣянія» среди студентовъ—съ другой. Въ то время въ казанское студенчество уже стали проникать, хотя не въ особо ясныхъ чертахъ, такъ называемый «марксизмъ», главнымъ образомъ въ формѣ историческаго или экономическаго «матеріализма». Отрицаніе значенія личности и элемента національности въ историческомъ процессѣ и обоснованіе этого процесса преобладающими, если не исключительными, матеріальными, экономическими явленіями въ человѣческихъ обществахъ не могли найти отклика въ идеалистической, поэтически-настроенной душѣ Петровскаго, ученика и послѣдователя Григоровича, придававшего по справедливости большое значеніе «народнымъ» основамъ у всѣхъ славянъ и въ томъ числѣ у русскаго народа какъ самой многочисленной отрасли славянскаго племени.

Съ исхода 1885 г. до самой кончины, въ теченіе 26 слишкомъ лѣтъ, Петровскій жилъ, такъ сказать, за кулисами университетской науки, не переставая плодотворно работать въ области славяновѣдѣнія. Онъ былъ большой библіофилъ, собралъ себѣ прекрасную, обширную библіотеку, дававшую ему возможность научно работать у себя дома. На ученые труды Петровскаго обратили должное вниманіе два высшихъ ученыхъ учрежденія въ Россіи и въ Австріи: въ декабрѣ 1895 г. петербургская академія наукъ избрала его въ свои члены-корреспонденты по отдѣленію русскаго языка и словесности, а черезъ четыре года—въ заграничные члены чешская академія наукъ, словесности и искусствъ въ Прагѣ, имени императора Франца-Иосифа.

Женатъ былъ М. П. Петровскій на Эммѣ Генриховнѣ Ге (род. 1840 году и здравствующей доселѣ), происходящей изъ швейцарской семьи (отъ отца швейцарскаго нѣмца и матери-француженки). Почтенная супруга Мемнона Петровича была постоянной и дѣятельной помощницей его въ ученыхъ и литературныхъ трудахъ. Она изучила многія славянскія нарѣчія и прекрасно переводила съ нихъ на русскій языкъ. Особенно выдается ея переводъ разсказа чешской писательницы Божены Нѣмцовой— «Бабушка».

Въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей императорскаго казанскаго университета», изданномъ подъ редакціей покойнаго профессора Н. П. Загоскина къ столѣтнему юбилею этого университета въ 1905 г. (I. с. 149—152), помѣщенъ спи-

сокъ печатныхъ трудовъ М. П. Петровскаго съ 1859 по 1903 гг. Въ этомъ списокѣ находится 54 нумера. Послѣ 1903 г. до 1912 г. Петровскимъ напечатано еще 14 статей и замѣтокъ. Съ перваго взгляда этотъ списокъ можетъ показаться небольшимъ для столь продолжительнаго времени учено-литературныхъ занятій. Конечно, Пет-

Мемнонь Петровичъ Петровскій.

ровскій могъ напечатать гораздо больше за все время своей учено-литературной дѣятельности, но онъ былъ очень разборчивъ и строгъ къ самому себѣ въ дѣлѣ обнародованія своихъ писаній. Въ этомъ отношеніи онъ былъ также ревностнымъ послѣдователемъ своего учителя В. И. Григоровича. Списокъ печатныхъ трудовъ Петровскаго можетъ служить только намекомъ на то, что зналъ и чѣмъ интересовался почившій. Но при небольшомъ количествѣ печатныхъ тру-

довъ Петровскаго невольно поражаешься разнообразіемъ его ученыхъ и литературныхъ интересовъ.

Печатные труды Петровскаго могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики: 1) публицистическія статьи о славянахъ вообще и австрійскихъ славянахъ въ частности; 2) статьи по славянскому языкознанію; 3) переводы изъ славянскихъ поэтовъ и беллетристовъ; 4) переводы ученыхъ славянскихъ монографій (какъ, напримѣръ, «Исторія сербо-хорватской литературы Ягича, перев. съ сербо-хорватскаго языка»); 5) библиографическія и критическія замѣтки о славянскихъ литературныхъ памятникахъ; 6) тоже о славянскихъ ученыхъ и публицистахъ (главнымъ образомъ о В. И. Григоровичѣ и Хомяковѣ); 7) монографіи, касающіяся русскихъ литературныхъ памятниковъ, древнихъ и новыхъ, и по исторіи русской образованности. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя замѣтки, касающіяся Казани и казанской книжности. О переводахъ съ латинскаго была рѣчь выше.

Свои произведенія Петровскій рѣдко издавалъ отдѣльно—большинство изъ нихъ печатались въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ русскихъ и славянскихъ. Не станемъ перечислять ихъ всѣ—это было бы слишкомъ утомительно для «широкой» публики. Замѣтимъ только, что они обнимаютъ собою двадцать восемь названій русскихъ повременныхъ изданій и три славянскихъ. Относительно русскихъ изданій слѣдуетъ замѣтить, что Петровскій, помѣщая въ нихъ свои монографіи, замѣтки и переводы, не придерживался какого-нибудь опредѣленнаго «направленія» журнала или сборника. На ряду съ учеными спеціальными изданіями, петербургскими и провинціальными, онъ сотрудничалъ и въ славянофильскихъ «Русской Бесѣдѣ» и «Днѣ», и въ «Русской Мысли», и въ «Вѣстникѣ Европы». Но это обстоятельство не можетъ служить показателемъ «безразличія» его общественнаго міросозерцанія. Оно было, какъ мы увидимъ ниже, очень опредѣленно. Участіе Петровскаго въ русскихъ журналахъ различнаго направленія обуславливалось характеромъ его произведеній. Въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Русской Мысли» помѣщались свои переводы славянскихъ поэтовъ и беллетристовъ.

Специалистамъ-славяновѣдамъ принадлежитъ по праву научная оцѣнка трудовъ Петровскаго въ этой области, я же въ настоящемъ очеркѣ остановлюсь на его стихотворныхъ переводахъ изъ славянскихъ поэтическихъ произведеній и представлю посылно общую характеристику его научныхъ и общественныхъ воззрѣній.

Стихотворныя произведенія Петровскаго только отчасти собраны въ отдѣльныя изданія; очень много изъ нихъ разсѣяно по разнымъ журналамъ 1870—1878 годовъ.

Первый сборникъ стихотворныхъ переводовъ Петровскаго, подъ заглавіемъ: «Отголоски славянской поэзіи», появился въ Москвѣ въ 1861 г.; затѣмъ очень много такихъ переводовъ вошло въ со-

ставъ «Поэзіи славянъ», хрестоматіи, изданной Н. В. Гербелемъ въ Петербургѣ въ 1871 г. Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ помѣщено тридцать пять стихотворныхъ переводовъ Петровскаго съ разныхъ славянскихъ языковъ, а именно изъ народныхъ юго-славянскихъ и западно-славянскихъ пѣсней и изъ поэтовъ сербскихъ, хорутанскихъ, чешскихъ и польскихъ. Во всѣхъ этихъ переводахъ схватывается вся историческая судьба южныхъ и западныхъ славянъ и поэтическая настроенія ихъ поэтовъ. Самостоятельная поэтическая жизнь сербовъ и болгаръ, а затѣмъ ихъ борьба съ турками, религіозная и культурная жизнь западныхъ сербовъ (далматинцевъ и хорватовъ), чеховъ и поляковъ и лирическія мотивы поэтовъ, главнымъ образомъ чешскихъ и польскихъ. Для насъ, русскихъ, особенно интересно и поучительно въ переводахъ Петровскаго отмѣтить отношеніе его къ полякамъ. Особенно поучительно это для теперешнихъ такъ называемыхъ «союзниковъ» русскаго народа и «націоналистовъ», самозванно присвоющихъ себѣ выраженіе русскихъ національныхъ воззрѣній и чувствъ. Приводимъ извлеченія изъ двухъ стихотвореній польскихъ поэтовъ, переведенныхъ Петровскимъ и помѣщенныхъ въ хрестоматіи Гербеля.

Первый изъ этихъ поэтовъ Эд. Желиговскій (родился 1820, г., умеръ въ 1864 г.), извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Антона Сова, въ стихотвореніи «Друзьямъ славянамъ» выражаетъ въ очень поэтической формѣ родственную связь между всѣми славянскими племенами и необходимость всѣмъ имъ сплотиться и дѣйствовать дружно во имя этой связи.

О братья! Хоть у насъ отъ самаго рожденья
И вѣра, и языкъ—отдѣльные, свои,
Мы составляемъ всѣ единой цѣпи звенья,
Всѣ дѣти мы одной разрозненной семьи.

Такъ начинается поэтъ свое стихотвореніе.

Припоминая затѣмъ взаимныя распри славянъ, ихъ взаимное недружелюбіе, уподобляя это недружелюбіе «Гудину сребреннику» и «осужденію Каіафы», Желиговскій продолжаетъ:

Не изречемъ суда и мрачнымъ въ нихъ страницамъ,
Припомнимъ, что грѣшитъ порою весь народъ,
Народы цѣлые, подобно частнымъ лицамъ:
То вспышка, произволъ, преданій старыхъ гнетъ!
Nunciamus est! Простимъ! Но то для сердца больно,
Что помрачатся дѣянія людей,
Какой-то злобный духъ надъ ними своевольно
Распространяетъ мракъ темнѣе и темнѣй.
Такъ, знамя грубой лжи считается народнымъ
И вызываетъ въ насъ бессмысленный восторгъ,
Святое все слыветъ отверженнымъ, бесплоднымъ,
И честь дешевая выносятся на торгъ.

И дерзко демоны въ добро рядиться стали,
 Во знамени креста предвидя свой успѣхъ;
 Но святотатство ихъ мы повяли, сознали,
 И кровью и слезой мы свой омыли грѣхъ.

Гдѣ же выходъ изъ этой братоубійственной вражды?

Въ водвореніи братской любви между славянскими народами,— отвѣчаетъ поэтъ. «Счастье племень»—это насущный хлѣбъ для всѣхъ славянъ; лозунгомъ ихъ должна быть «братская къ собратіямъ любовь».

Желиговскій такъ заключаетъ свое стихотвореніе:

И демоны тогда глумиться перестанутъ
 Надъ вѣчной правдою, устроившею міръ;
 И братья, братьями поверженные, встанутъ
 И дружно потекутъ на всеславянской пиръ.

Второй изъ польскихъ поэтовъ—это знаменитый польскій писатель-патріотъ, поэтъ, историкъ и беллетристъ Юзефъ-Игнатій Крашевскій (родился въ 1812 г., умеръ въ 1887 г.). Петровскій перевелъ изъ его многочисленныхъ произведеній одно небольшое, но характерное стихотвореніе: «Славянскій поэтъ русскому».

Привѣтствуя «молодого русскаго гѣвца», слова котораго «миліоны братій ловятъ» (повидимому—это Пушкинъ), Крашевскій обращается къ нему съ слѣдующимъ призывомъ:

И если обо мнѣ ты вспомнишь—о чужомъ,
 О злой судьбѣ твоихъ забытыхъ братій,
 Прошу тебя, молю я только объ одномъ:
 Не насылай на насъ своихъ проклятій...
 Довольно жаркій бой кипѣлъ въ странѣ родной,
 Довольно ихъ легло—поверженныхъ безъ славы.
 Пусть пѣснь согласія звучитъ надъ той страной,
 Которую мочилъ такъ долго дождь кровавый.
 Такъ пой—и пусть тебя признательный народъ
 Рукоплесканьями, участіемъ встрѣчаетъ!
 А насъ—насъ за труды иная доля ждетъ:
 Насъ только смерть безславная вѣнчаетъ...

Въ приведенныхъ выдержкахъ ясно видно отношеніе Петровскаго къ славянскимъ народностямъ вообще и къ польскому народу въ частности. И дѣйствительно, настроеніе Желиговскаго и Крашевскаго являлось отзвукомъ душевнаго строя Петровскаго. Въ немъ не было ни религіозныхъ и историческихъ предубѣжденій, ни, тѣмъ паче, шовинистическихъ инстинктовъ о якобы исторической миссиі Россіи сокрушить самобытность поляковъ. Петровскій ясно сознавалъ значеніе русскаго народа и русскаго культуры среди другихъ славянскихъ народностей, но всегда стоялъ за свободное развитіе культуры всѣхъ славянъ. Такимъ образомъ, въ его воззрѣніяхъ на славянскій міръ были черты того воззрѣнія, которое принято называть «панславизмомъ».

Но былъ ли Петровскій «славянофиломъ»?—вотъ вопросъ, который невольно возстаетъ теперь передъ нами.

Да, если хотите, онъ былъ славянофиломъ, въ томъ смыслѣ, что онъ любилъ славянъ, но онъ далеко не всецѣло раздѣлялъ доктрины московскихъ славянофиловъ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. Петровскій исповѣдывалъ различіе міра германо-романскаго и славянскаго, различіе, выражавшееся въ культурномъ складѣ и въ исторической судьбѣ того и другого, отдавалъ должное заслугамъ Хомякова, братьевъ Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ и Самарина, но не раздѣлялъ ихъ исключительной вѣронсповѣдной точки зрѣнія и тѣхъ излишествъ, въ которыя впадали нѣкоторые изъ нихъ, опредѣляя верховенство Россіи надъ всеми славянами и руководящую историческую роль Москвы въ ихъ судьбахъ и въ судьбахъ русскаго народа. Всѣхъ выше изъ московскихъ славянофиловъ Петровскій ставилъ Хомякова но онъ придавалъ особое значеніе лишь его историческимъ и публицистическимъ воззрѣніямъ, а не богословскимъ трактатамъ. Петровскій ясно сознавалъ великое значеніе для юго-славянъ такъ называемаго «восточнаго вопроса» и исторической натискъ нѣмцевъ на западныхъ и южныхъ славянъ.

Помню очень живо, какъ Мемнонь Петровичъ внимательно слѣдилъ въ 1876 году за подвигами генерала Черняева съ его добровольцами въ Сербіи и за начавшейся влѣдъ затѣмъ русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Его волновали всѣ событія на Балканскомъ полуостровѣ; онъ радовался Сень-Стефанскому договору и мучительно скорбѣлъ по поводу Берлинскаго конгресса и нашего позора, нанесеннаго намъ Биконсфильдомъ и «желѣзнымъ канцлеромъ». Государственный строй «освобожденныхъ» Александромъ II сербовъ и болгаръ приводилъ его въ уныніе, особенно онъ печалился за болгарскую «конституцію», которая, какъ извѣстно, была скопирована нашими дипломатами съ бельгійской. Въ послѣдніе годы жизни Петровскій сильно былъ возмущенъ «аннексіей» Босніи и Герцеговины къ имперіи Габсбурговъ.

Исходной точкой нѣмецкаго натиска на славянъ былъ, какъ извѣстно, родоначальникъ нѣмецкаго имперіализма Карлъ Великій въ IX вѣкѣ, а завершеніемъ—переживаемое въ наши дни все болѣе и болѣе усиливающееся пресловутое нѣмецкое «*Drang nach Osten*».

«Nechvalno nám (т.-е. славянамъ) v nemcech iskat' pravdu;
U nas pravda po zákonu svatu,
Juze prinesechu otcí nasi
V seze...».

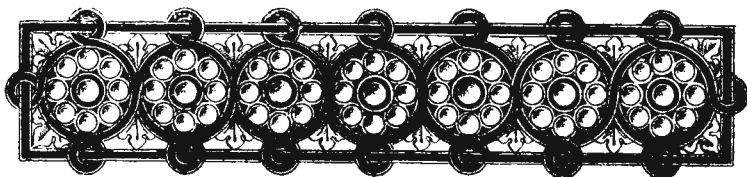
Эти извѣстныя строки изъ «Суда Любуши» могутъ быть почтены его «credo» по отношенію славянъ къ нѣмцамъ. Петровскій отчетливо видѣлъ, какъ въ теченіе тысячелѣтія нѣмцы съѣдали одну

славянскую народность за другой, начиная съ береговъ Эльбы и Одера и кончая Вислой. Петру Великому онъ не могъ простить его крутого и рѣзкаго пособничества той же германизациі верхнихъ слоевъ русскаго народа, вслѣдствіе чего произошелъ разрывъ между русскими правящими сферами съ значительной частью ея образованныхъ классовъ и преобладающей массой нашего народа. Онъ былъ врагъ всякаго насилія и террора, гдѣ бы они не проявлялись, сверху или снизу. Ему очень нравилось извѣстное стихотвореніе на эту тему К. С. Аксакова «Петръ Великій».

Какъ ученый, Петровскій былъ филологомъ въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого термина. Онъ изучалъ духовную жизнь всѣхъ славянъ, въ томъ числѣ и русскихъ, на основаніи ихъ языка, преданій, литературныхъ памятниковъ, исторіи и быта; а по годамъ, въ которые онъ жилъ и трудился, принадлежалъ къ поколѣнію людей пятидесятихъ годовъ, выступившихъ дѣятелями русскаго просвѣщенія на смѣну людей сороковыхъ годовъ. Значеніе въ исторіи русской культуры и общественности «людей пятидесятихъ годовъ» не нашло еще себѣ должной оцѣнки, которая выпала на долю предшествовавшего ей поколѣнія, но ихъ заслуга на пользу родины имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ людей сороковыхъ годовъ. Столь же пламенные идеалисты, какъ ихъ учителя, люди сороковыхъ годовъ, люди пятидесятихъ годовъ отличаются отъ первыхъ меньшими теоретизмомъ и абстракціей въ мышленіи и болѣе фактическимъ изученіемъ культуры и общественности въ прошломъ и настоящемъ русскаго народа и его взаимныхъ отношеній къ западнымъ романо-германскимъ племенамъ и къ соплеменнымъ намъ славянамъ. Они такъ же, какъ и ихъ предшественники, въ предѣлахъ Великороссіи, могутъ быть раздѣлены на два противоположныхъ направленія—западниковъ и анти-западниковъ, или «неославянофиловъ», а въ южной Россіи среди людей пятидесятихъ годовъ возникаетъ особая группа изслѣдователей южно-русской народности и старины.

Во всѣхъ трехъ указанныхъ группахъ находится немало крупныхъ именъ русскихъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей. Для примѣра припомнимъ изъ числа «западниковъ» пятидесятихъ годовъ: Б. Н. Чичерина, Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовскаго, а изъ числа «неославянофиловъ»—К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова, О. Э. Миллера, В. И. Ламанскаго, П. А. Лавровскаго. Къ почтеннымъ дѣятелямъ послѣдней категоріи принадлежалъ Мемнонь Петровичъ Петровскій, сохраняя и среди «неославянофиловъ» свою духовную независимость.

Д. Корсаковъ.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ¹⁾.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ.

XIV.

БЫ ДАЛИ въ предыдущихъ главахъ обзоръ мѣропріятой въ области внутренней политики за десятилѣтіе 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Прежде, чѣмъ продолжить наши изслѣдованія той эпохи, позволимъ себѣ познакомить читателей съ очень важнымъ документомъ, еще не обнародованнымъ въ нашей литературѣ и принадлежащимъ перу сподвижника императора Александра III, бывшаго нѣкоторое время при немъ министромъ финансовъ и засимъ предсѣдателемъ комитета министровъ—Николая Христіановича Бунге. Этотъ видный государственный дѣятель, устраненный съ поста министра вліятельною въ тѣ дни національно-шовинистическою группою, о чемъ мы будемъ говорить дальше, подъ конецъ своей жизни, послѣ смерти императора Александра III, составилъ записку о государственныхъ преобразованіяхъ почившаго монарха, причемъ рядомъ съ фактическимъ изложеніемъ событій очень осторожно и тонко представилъ своего рода критику этихъ преобразованій и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ цѣлую систему государственныхъ начинаній, долженствующихъ обновить Россію и придать ей тотъ соціально-

¹⁾ Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. СХХVIII, стр. 564.

политическій укладъ, основываясь на которомъ она могла бы не опасаться угрожающихъ ей смуть, придать ей характеръ духовной и экономической мощи и поставить ее въ рядъ культурныхъ государствъ Запада. Эта записка нашего экономиста настолько знаменательна, какъ явленіе общественной жизни своего времени, настолько любопытна, какъ своего рода политическое и духовное завѣщаніе, что мы считаемъ въ серіи нашихъ очерковъ необходимымъ выдѣлнить ее особо и посвятить ей исключительно настоящую статью, приведя въ будущемъ ее въ связь съ послѣдующими нашими очерками.

Н. Х. Бунге, обозрѣвая царствованіе императора Александра III, опредѣляетъ, что онъ имѣлъ въ виду въ періодъ своего царствованія разрѣшить слѣдующія задачи:

1. Освободить нашу внѣшнюю политику отъ опеки иностранныхъ державъ.
2. Удовлетворить народному чувству, по которому Россія должна принадлежать русскимъ.
3. Упорядочить и скрѣпить внутренній строй управленія, чего требовали пробѣлы въ преобразованіяхъ прошлаго царствованія.
4. Развить духовныя и матеріальныя силы народа.

Отмѣтивъ, что нестроеніе Россіи въ значительной степени должно быть отнесено къ царствованію императора Николая I, обрисовавъ въ краткихъ словахъ, что было сдѣлано для поправки этого нестроенія въ эпоху великихъ реформъ, съ указаніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ начинаній въ этой области, авторъ записки говоритъ, что сынъ Царя-Освободителя принялъ на себя тяжелое бремя правленія и прежде всего обратилъ вниманіе на общіе принципы нашей внѣшней и внутренней политики. По первому пункту Бунге говоритъ:

«Цѣль государя освободить Россію отъ опеки иностранныхъ державъ выяснилась сразу, безъ торжественныхъ заявленій. Россія долго шла рука объ руку съ Пруссіей къ явному ущербу своихъ интересовъ. Какъ государство болѣе сильное, Россія предъявляла иногда категорическія требованія (напримѣръ, въ 1850 г., во время разлада между Австрією и Пруссією) и за это навлекала на себя нерасположеніе германскаго народа. Но когда Пруссія разгромила сначала Данію, потомъ Австрію и Францію, а затѣмъ достигла объединенія Германіи подъ своимъ владычествомъ, тогда Германія перестала довольствоваться дружбою Россіи, а стала искать преобладанія въ союзахъ, которые сначала должны были сковывать Россію, а затѣмъ—лишить ее вліянія на европейскія дѣла.

«Хотя Бисмаркъ, послѣ оставленія имъ должности канцлера, много говорилъ о своихъ усиліяхъ поддержать дружбу Германіи съ Россією и о томъ, насколько онъ этому способствовалъ, но средства,

избранныя имъ для поддержанія этой дружбы, когда онъ находился у власти, были очень своеобразны. Къ числу ихъ относился прежде всего союзъ съ Австріей 1879 г., заключенный за спиною Россіи, потомъ тройственный союзъ съ Россіею, который въ сущности лишалъ послѣднюю свободы дѣйствій и служилъ интересамъ одной Германіи. Наконецъ, по выходѣ изъ тройственного союза Россіи, по вступленіи въ него Италіи, при содѣйствіи Криспи, лучшаго друга Бисмарка, приготовленія, въ видахъ «упроченія мира», войны на два фронта послужили увѣнчаніемъ Бисмарковской политики. Все это мало походило на усилія скрѣпить дружбу между Германіей и Россіей ¹⁾. Не въ одной крупной политикѣ высказывалась враждебность Бисмарка къ Россіи, но также въ безконечныхъ придирахъ: по поводу мнимаго нарушенія границы таможенною стражею, въ запрещеніи имперскому банку выдавать ссуды подъ русскія государственныя бумаги, въ походѣ противъ нашего бумажнаго рубля и т. п.

«Возобновленіе послѣ Бисмарка тройственного союза нашло отвѣтъ императора Александра III въ сближеніи Россіи съ Франціею, которое, ослабивъ преобладаніе Германіи въ Европѣ, дало удовлетвореніе русскому народному чувству. Сближеніе это представлялось давно желательнымъ, но казалось невозможнымъ влѣдствіе неустойчивости внутренняго положенія республики. Страна, въ которой даже самая форма правленія боролась за свое существованіе, страна, въ которой нѣсколько разъ въ теченіе года мѣнялись министерства, а самъ глава государства рѣшительнаго вліянія на ходъ внѣшней и внутренней политики не имѣлъ, могла ли считаться надежною союзницею? Коалиціи между партіями, часто безъ другаго повода, кромѣ желанія захватить власть, могли ли дать увѣренность въ томъ, что дѣло, улаженное съ однимъ министерствомъ, не будетъ отвергнуто другимъ? Нѣкоторыя изъ этихъ опасеній устранены разумною и твердою политикою Карно; но несомнѣнно, что возобновленіе тройственного союза «силою вещей» создало сближеніе Россіи съ Франціею, которое способствовало водворенію въ послѣдней болѣе твердаго и прочнаго порядка.

«Приведенныя опасенія оказались преувеличенными, и императору Александру III удалось успѣшно разрѣшить задачу относи-

¹⁾ Возобновленіе этого тройственного союза послѣ Бисмарка надо, конечно, приписывать не враждебному настроенію германскаго правительства къ Россіи, а желанію его имѣть первенствующее значеніе въ Европѣ. Что же касается вступленія въ этотъ союзъ Австріи и Италіи, то Австріи выгодно оградить себя отъ попользованія Италіи на итальянскій Тироль и, при разноплеменности своего населенія, продолжать опираться на нѣмецкій элементъ, между тѣмъ какъ Италіи желательно добиться расширенія вліянія на Средиземномъ морѣ, пока не наступитъ время для осуществленія плановъ ея ирриденцистовъ.

Примѣчаніе Н. Х. Бунге.

тельно освобожденія Россіи отъ иноземной опеки въ дѣлахъ внѣшней политики.

«Сохранивъ дружескія отношенія съ правительствомъ и народомъ, не выходя изъ стези мира и относясь равнодушно къ задору заграничныхъ газетъ, не увлекаясь планами, которые могутъ незамѣтно вовлечь въ войну, Россія, занятая дѣломъ внутренняго переустройства, облечена возможностью собраться съ силами, окрѣпить и приготовить на случай надобности выдержать натискъ врага.

«Вся сила сближенія между Россіею и Франціею основывается на политикѣ. Для Франціи важно быть увѣренной въ невозможности новаго разгрома; для Россіи быть свободной отъ вліянія сосѣдней Германской имперіи—не только прямого, но и косвеннаго, не выходя изъ отношеній дружественнаго государства».

По мнѣнію Н. Х. Бунге, Александръ III рѣзко поставилъ начало: «Россія должна принадлежать Русскимъ», и этимъ самъ пошелъ навстрѣчу современнымъ стремленіямъ русскаго общества. Авторъ записки утверждаетъ, что новый вѣщеносецъ «справедливо призналъ, что въ Русскомъ государствѣ должны господствовать: русская государственность, т. е. русская государственная власть и русскія учрежденія (конечно, примѣненные къ бытовымъ условіямъ для инородцевъ и окраинъ), русская народность, т. е. освобожденіе послѣдней отъ иноплеменнаго обладанія, русскій языкъ, какъ общій государственный, и, наконецъ, уваженіе къ вѣрѣ, исповѣдуемой русскимъ народомъ и его государемъ.

«Но смѣю думать,—говоритъ Бунге,—что по мыслямъ Его Величества, во-первыхъ, государственная власть должна владычествовать надъ иноплеменниками не какъ власть завоевателя, которой повинуются побѣжденные до той поры, пока они не могутъ свергнуть ее, но что иноплеменники должны со временемъ сдѣлаться сынами, а не оставаться вѣчными пріемышами страны. Многіе изъ нихъ, разсѣянные на территоріи государства, а равно не имѣющіе историческаго прошедшаго и развитой общественности, должны слиться съ кореннымъ населеніемъ.

«Во-вторыхъ, государственныя русскія учрежденія и законы не должны насильственно ломать во что бы то ни стало исторически сложившійся строй жизни иноплеменниковъ въ ущербъ ихъ благосостоянію и безъ пользы для всего государства, но должны способствовать сближенію инородцевъ и иноплеменниковъ съ кореннымъ населеніемъ, упрочивать единство государственное, укрѣплять уваженіе къ правительству и его авторитетъ. Область государственной дѣятельности столь обширна и многостороння въ настоящее время, что страны съ наиболѣе разнообразнымъ составомъ населенія, даже при федеративномъ устройствѣ, какъ, напримѣръ, Швейцарія, вынуждены имѣть общіе законы, общія учрежденія. Тѣмъ настоятельнѣе эта потребность тамъ, гдѣ менѣе высокій уровень цивили-

защиты исключаетъ возможность установить договорное, свободное соглашеніе, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ такія соглашенія несомвѣстны съ политическою жизнью страны.

«Въ-третьихъ, государственнй языкъ долженъ быть господствующимъ, но это господство должно быть послѣдствіемъ существующей въ немъ общей потребности, а не языкомъ, которымъ имѣется въ виду насильственно искоренить всѣ другіе языки и нарѣчія инородцевъ и иноплеменниковъ. Такія попытки, по общему правилу, оказываются безплодными.

«Въ-четвертыхъ, господствующая церковь должна быть ограждена и уважаема, не стѣсня притомъ свободы совѣсти иновѣрцевъ и даже сектантовъ, отпавшихъ отъ нея по религіознымъ заблужденіямъ. Преслѣдованіе ересей возбуждаетъ только фанатизмъ и обостряетъ его проявленіе. Господствующей церкви слѣдуетъ опираться на подвижничество ея представителей, а не на полицейскую власть. Не силою внѣшнею, а убѣжденіемъ, примѣромъ, доблестною жизнію духовенства могутъ быть пріобрѣтены новые сыны церкви или возвращены ея отпавшіе. При употребленіи противъ нихъ каръ закона они сочтутъ себя страдальцами, которые терпятъ за пріобрѣтенную ими истину. Итти наперекоръ этимъ умѣреннымъ требованіямъ значило бы ослаблять силу государства и создавать ему безъ всякой нужды внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ».

Исходя изъ этихъ общихъ принциповъ, которые Бунге устанавливаетъ, какъ общіе принципы русской политики 80-хъ годовъ, онъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на то, что было сдѣлано въ царствованіе Александра III по отношенію инородцевъ и иноплеменниковъ, очень деликатно, въ видѣ опредѣленныхъ desideria, отмѣчая недостатки въ этой области внутренней политики.

XV.

Обозрѣвая эти вопросы, авторъ записки не столько констатируетъ сдѣланное здѣсь въ положительномъ смыслѣ, съ ясно и опредѣленно полученными результатами, сколько намѣчаетъ въ кругу этихъ вопросовъ задачи, какъ онѣ должны были быть осуществлены и какъ на самомъ дѣлѣ онѣ были искажены начинаніями внутренней политики подъ руководствомъ знаменитаго и могущественнаго тріо того времени—Побѣдоносцева, графа Толстого и Каткова, а также послѣдующими представителями власти.

По мнѣнію Н. Х. Бунге, иностранная колонизація послѣ упраздненія крѣпостного права получила сильный толчокъ. Хотя и прежде колонисты владѣли обширными, купленными ими пустопорожними землями, но съ появленіемъ свободной, незаселенной помѣщичьей собственности покупка значительно усилилась, и съ одной стороны началась усиленная колонизація, преимущественно нѣмцами, южною

стенной Россіи, а затѣмъ царства Польскаго и Волынской губерніи; въ послѣдней явилось много переселенцевъ, нѣмцевъ изъ Польши и чеховъ, которымъ отведены были мѣста для поселенія на казенныхъ земляхъ. Эти новые колонисты, не принимая даже русскаго подданства, основывали цѣлыя поселенія на русскои землѣ и оставались членами другого государства, которое призывало ихъ къ отправленію воинской повинности. Широкія льготы относительно податей, повинностей, самоуправленія, школы и церкви и пр., предоставленныя всѣмъ колонистамъ вообще, восполнялись иногда покровительствомъ иностраннаго посла. Колонисты благоденствовали и богатѣли, но, находясь въ полномъ отчужденіи отъ русскаго населенія, не имѣли почти никакого вліянія на сельское хозяйство русскихъ крестьянъ. Изъ этого явствуетъ, говоритъ Бунге, — «что запрещеніе колонистамъ или, какъ они у насъ называются, иностраннымъ поселенцамъ, выходцамъ и проч. пріобрѣтенія недвижной собственности и подчиненіе ихъ общему управленію было крайнею необходимостью. Въ этихъ видахъ, по высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 14-го марта 1888 года, въ 21 губерніи, т. е. въ 10 губерніяхъ царства Польскаго и въ 11 губерніяхъ западной полосы Россіи, запрещено иностранцамъ владѣніе и пріобрѣтеніе земельной собственности, а, по высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта 15 іюня 1888 года, иностранные поселенцы въ Юго-Западномъ краѣ присоединены или къ городамъ, или къ волостямъ, причемъ, однако, за русскимъ населеніемъ сохранено исключительное право занимать должности волостныхъ старшинъ и писарей. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1892 года сдѣланъ еще дальнѣйшій шагъ относительно Волынской губерніи.

«Признавая необходимымъ остановить заселеніе иностранцами западной стороны Россіи по соображеніямъ, предписываемымъ государственной безопасностью, а затѣмъ считая всякія исключительныя права и льготы, предоставляемыя иностраннымъ поселенцамъ въ ущербъ туземному населенію, положительно вредными, нельзя, однако, не замѣтить, что принятія мѣры сами по себѣ недостаточны. Притокъ иностранцевъ остановленъ, пріобрѣтенію ими земель въ пограничной полосѣ положенъ конецъ, вліяніе общаго управленія на колонистовъ распространено, но, повидимому, для русскои школы и для русскаго языка у принявшихъ русское подданство иностранцевъ сдѣлано мало.

Сущность изданныхъ законовъ чисто отрицательная, они разсчитаны на противодѣйствіе вторженію иноземнаго элемента, но они не способствуютъ обрусѣнію иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, и могутъ даже привести къ выселенію колонистовъ изъ Россіи и къ упраздненію той доли культуры, которая была ими занесена. Желая воспрепятствовать заселенію западной полосы

иностранцами, мы въ то же время затрудняемъ возможность пользования тѣми техническими силами, которыми мы не богаты. «Россия для русскихъ» должно оставаться нашимъ девизомъ, но почему не пользоваться тѣми, что могутъ дать иностранцы. Ни одна страна въ мѣрѣ не гонитъ отъ себя иностранные капиталы и таланты. Во всемъ есть мѣра».

Отмѣтивъ ошибки русской политики въ прибалтійскихъ губерніяхъ при императорѣ Николаѣ I и Александрѣ II, Бунге свидѣтельствуешь, что только Александръ III «впервые твердою рукою взялся за остзейскій вопросъ; при немъ русскій языкъ сдѣлался господствующимъ въ школахъ, въ дѣлопроизводствѣ, въ сношеніяхъ мѣстныхъ учреждений съ мѣстными центральными управленіями; наконецъ, проведены реформы судебныя и административныя. «Нельзя однако, сказать, что въ прибалтійскомъ вопросѣ все было сдѣлано и окончено,—говоритъ нашъ ученый экономистъ.—Необходимо, чтобы разъ принятая мѣра и введенныя законоположенія исполнялись на мѣстахъ съ разумною энергіею. Недостаточно предписать употребленіе русскаго языка,—надо, чтобы это предписаніе точно исполнялось, но безъ мелочной придирчивости; недостаточно установить новыя учрежденія: полицію и судъ,—надо, чтобы превосходство ихъ было признано и поддерживалось умѣлыми дѣятелями; недостаточно, чтобы губернаторы выказывали постоянное воинственное настроеніе въ сношеніяхъ съ иноплеменными элементами,—надо, чтобы они спокойно и твердо дѣлали свое дѣло, при уваженіи и сочувствіи мѣстнаго населенія. Но независимо отъ этого есть еще одинъ крупный вопросъ—религіозный, который не менѣе важенъ, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, и мѣстныя власти, и само правительство болѣе занимались возвращеніемъ въ лоно православія отпавшихъ отъ него эстовъ и латышей и наказаніемъ пасторовъ, которые вѣнчали такихъ прихожанъ или крестили и конфирмировали ихъ дѣтей, чѣмъ вопросомъ о разнѣмеченіи лютеранства.... Нѣмецкимъ преподаваніемъ закона Божія, нѣмецкою проповѣдью и нѣмецкимъ богослуженіемъ будетъ искусственно поддерживаться германизмъ не только между дворянствомъ Прибалтійскаго края, но и между лютеранами эстами и латышами.

«Было время около 40 лѣтъ тому назадъ, когда лютеране и ихъ пасторы желали введенія въ лютеранское богослуженіе русскаго языка, но этому стремленію не было дано хода изъ опасенія отпаденія православныхъ въ лютеранство, а теперь, послѣ объединенія Германіи, настроеніе между пасторами совершенно иное: они не считаютъ себя русскими, говорящими на нѣмецкомъ языкѣ, а чѣмъ-то вродѣ иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи; они сами не желаютъ введенія русскаго языка въ богослуженіе и въ этомъ отношеніи идутъ далѣе католицизма, который смотритъ на языкъ, какъ на органъ вѣры, а не какъ на орудіе политики. И внутри Россіи

германизмъ поддерживается единственно языкомъ лютеранской вѣры и непременно исчезнетъ вмѣстѣ съ отмѣною обязательности нѣмецкаго языка въ лютеранскомъ богослуженіи.

«Опасенія, что лютеранство при употребленіи русскаго языка въ катехизисѣ, въ проповѣди и въ богослуженіи будетъ распространяться въ ущербъ православію, едва ли основательно. Надо полагать, что браки (смѣшанные) между православными и лютеранами, въ настоящее время нерѣдкіе, будутъ встрѣчаться еще чаще, и самый фанатизмъ лютеранства ослабѣетъ, когда послѣдній перестанетъ быть нѣмецкимъ. Ссылаются, конечно, на штундизмъ, приписывая его вліянію лютеранъ, но забываютъ, что штунда возникла противъ лютеранства и что проповѣдникъ штунды уже въ послѣдствіи обратился къ пропагандѣ между православными. Наконецъ, достаточно вдуматься въ то, что ни католицизмъ, ни лютеранство не занимались въ теченіе XIX вѣка пропагандою, а если занимались, то значеніе этой пропаганды было ничтожно въ сравненіи съ появленіемъ раскольничьихъ толковъ и съ ихъ распространеніемъ. Число раскольниковъ разныхъ толковъ считается милліонами, тогда какъ число совращенныхъ въ лютеранство и въ католицизмъ составляетъ всего, быть можетъ, нѣсколько десятковъ тысячъ».

Обстоятельно останавливается въ своей замѣчательной запискѣ Н. Х. Бунге на вопросахъ польскомъ, финляндскомъ, мусульманскомъ и въ особенности на вопросѣ еврейскомъ. Его разсужденія тутъ настолько характерны по существу принциповъ тогдашней внутренней политики, что мы отведемъ каждому изъ этихъ вопросовъ особое мѣсто.

XVI.

Отмѣтивъ, что русская политика въ польскомъ вопросѣ представляетъ рядъ непрерывныхъ колебаній, и прослѣдивъ эти колебанія по царствованіямъ Николая I и Александра II, Бунге приходитъ къ выводу, что по польскому вопросу до вступленія Александра III на престолъ было сдѣлано все возможное, такъ что новому государю досталось въ удѣлъ лишь болѣе строгое и послѣдовательное примѣненіе законовъ, имѣвшихъ цѣлью ослабить польское землевладѣніе. Къ началу 1892 года автору записки казалось, что польскій вопросъ вступилъ въ новый періодъ, полный крупныхъ затрудненій въ будущемъ. «Главная коренная мѣра,—говоритъ онъ,—освобожденіе крестьянъ отъ повинностей въ пользу помѣщиковъ за пользованіе землею и обращеніе этого пользованія въ право собственности, а также надѣленіе безземельныхъ крестьянъ участками казенной земли—привязали крестьянъ къ правительству. Благосостояніе землевладѣльцевъ быстро возросло, населеніе умножилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число безземельныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ,

милость, оказанная царемъ, постепенно утрачиваетъ свое значеніе, заработная плата понижается, и крестьянинъ попадаетъ снова въ зависимость отъ работодателя-помѣщика». Изъ этого положенія, по мнѣнію Бунге, возможенъ только одинъ выходъ—переселеніе. Переселеніе въ Бразилію было остановлено самимъ правительствомъ, конечно, изъ видовъ челоѣколюбія, но такъ какъ ничего не придумано относительно обезпеченія избытка населенія въ видахъ его прокормленія, то самое стѣсненіе выхода переселенцевъ могло возбуждать лишь нерасположеніе къ правительству. Эмиграція въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты продолжается, и многіе изъ переселенцевъ, заработавъ нѣкоторыя средства, возвращаются домой, но едва ли это передвиженіе населенія желательно въ государственнхъ интересахъ. Возвращающіеся переселенцы приносятъ съ собою новыя понятія, которыя не легко мирятся съ порядками и условіями нашей жизни. Поднимался вопросъ о переселеніи избытка польскаго населенія въ восточныя губерніи и въ наши азіатскія владѣнія, но если усиленіе польскаго и католическаго элемента нисколько не желательно въ пограничныхъ съ Польшею губерніяхъ, то едва ли также можно совѣтовать устройство польскихъ поселеній въ юго-восточной Россіи и въ азіатскихъ владѣніяхъ. Умѣстно ли создавать польско-католическія поселенія тамъ, гдѣ русской стихіи приходится бороться съ инородцами и магометанами и гдѣ никакъ нельзя разсчитывать на слитіе польско-католическаго населенія съ русскимъ православнымъ, тѣмъ болѣе, что наша политика относительно католиковъ направлена къ поддержанію полонизма?

«Остается покровительствовать выселенію избытка населенія на Западъ въ возможно широкихъ размѣрахъ, не смущаясь соображеніями, хорошо ли будетъ переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ. Не должно забывать, что переселеніе очень часто соединено съ жертвами и лишеніями, и что было бы неразумно обнаруживать большее сочувствіе къ переселенцамъ-полякамъ, направляющимся въ Америку, чѣмъ къ русскимъ, направляющимся въ Сибирь. Такимъ образомъ, нищета гонитъ обѣднѣвшее населеніе въ лоно социализма, а богатое дворянство видитъ въ Австріи условія возрожденія Польши.

«Употребленіе русскаго языка въ школахъ, въ администраціи, въ судѣ и даже въ публичномъ обиходѣ, въ кондитерскихъ, въ магазинахъ послѣ 1864 г. сдѣлало спачала очень быстрые успѣхи, но это длилось недолго, и то подъ вліяніемъ страха. Обязательное употребленіе русскаго языка въ школахъ и какъ учебнаго, и какъ разговорнаго между учениками и наставниками и даже между самими учениками не только не способствовало его распространенію, но усилило къ нему и ко всему русскому глубокую ненависть.

«Относительно польскаго языка были сдѣланы двѣ крупныя ошибки. Во-первыхъ, въ 1863—1864 гг., послѣ возстанія, правительство задалось мыслию обрусить царство Польское и отчасти его денационализировать. Офранцузженіе Эльзаса, послѣ присоединенія его къ Франціи, онѣмеченіе Познани въ первой половинѣ XIX вѣка, повидимому, указывали на возможность достигнуть этой цѣли; но въ Познани замѣтенъ уже поворотъ къ распространенію полонизма. Что же касается нашихъ мѣръ, то когда поляки увидѣли, что ихъ дѣтямъ воспрещается говорить по-польски, тогда возникла у нихъ мысль, что русское правительство имѣеть въ виду упразднить родной ихъ языкъ.

«Въ этомъ заключается одинъ изъ главныхъ поводовъ ненависти поляковъ къ Россіи, а между тѣмъ самое обрусѣніе представляется весьма мало вѣроятнымъ, потому что польскій языкъ не есть простой народный говоръ, а языкъ выработанный, литературный, искорененіе котораго есть пустая и вредная мечта. Если въ Германіи, несмотря на школу, проводящую около вѣка литературный нѣмецкій языкъ въ народныя массы, сохранились доселѣ разныя нарѣчія, которыя иногда понятны только мѣстнымъ жителямъ, то какъ ожидать, чтобы одинъ литературный языкъ легко могъ уступить мѣсто другому, хотя бы и отъ одного корня происходящему, языку. Можно только стремиться къ тому, чтобы русскій языкъ, какъ государственный, занялъ такое же мѣсто въ Польшѣ, какъ и другіе языки и нарѣчія, на которыхъ говорятъ народы разныхъ окраинъ Россіи.

«Вмѣсто того, чтобы запрещать дѣтямъ говорить между собою въ школахъ по-польски, слѣдовало бы умножить число народныхъ школъ мужскихъ и женскихъ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, но безъ исключенія польскаго, и слѣдовало бы для того, чтобы пріохотить дѣтей къ изученію польскаго языка, соединить съ этимъ какія-либо преимущества относительно государственной и общественной службы.

«Другая ошибка состояла въ отождествленіи католицизма съ польскимъ языкомъ. Пока проповѣдь, молитва и изученіе Закона Божія католиками не будутъ допускаемы на русскомъ языкѣ даже тамъ, гдѣ коренное католическое населеніе бѣлорусское или малорусское говоритъ нарѣчіями, имѣющими большее сродство съ русскимъ языкомъ, чѣмъ съ польскимъ, дотолѣ польскій языкъ сохранитъ свое господство въ семьѣ и послужитъ даже къ ополяченію не польскаго населенія.

«Къ сожалѣнію, наше правительство отнеслось несочувственно къ введенію русскаго языка въ католическое богослуженіе, на чемъ такъ энергически настаивали покойные М. Н. Катковъ и П. Н. Батюшковъ,—лица, которыхъ нельзя заподозрѣть ни въ недостаткѣ патріотизма, ни въ близорукости. Изъ замѣчаній, со-

общенныхъ комитету министровъ графомъ Д. А. Толстымъ на всеподданнѣйшій отчетъ генераль-губернатора Каханова и на представленную послѣднимъ записку, явствуетъ, что при императорѣ Николаѣ I положень было запретъ на употребленіе русскаго языка въ иновѣрческихъ церквахъ, что въ 1866 году графъ Д. А. Толстой, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ, согласившись употреблять русскій языкъ въ католическомъ богослуженіи, предупредилъ совѣщаніе, что мѣра эта будетъ мечомъ обоюдоострымъ, и наконецъ, что въ 1885 г. графъ Толстой категорически возсталъ противъ предложенія генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края относительно введенія въ католическое богослуженіе какъ мѣстныхъ нарѣчій, такъ и русскаго языка, ссылаясь, между прочимъ, на то, что синодъ, разрѣшивъ произносить въ костелахъ проповѣди на русскомъ языкѣ, высказался противъ отпечатанія ихъ на этомъ языкѣ, опасаясь, что «отпечатаніе на русскомъ языкѣ проповѣдей, проникнутыхъ духомъ римско-католическаго ученія, о догматахъ вѣры, при извѣстномъ стремленіи римско-католическаго духовенства къ пропагандѣ своего ученія, имѣло бы послѣдствіемъ распространеніе ихъ не только въ Западномъ краѣ, но и во всей имперіи, преимущественно въ средѣ простого народа, и такимъ образомъ послужило бы въ пользу латинской пропаганды и во вредъ церкви православной».

Съ такого рода постановкой вопроса Бунге, какъ и при разсмотрѣніи лютерано-германской пропаганды, несогласенъ, и полагаетъ, что опасность заключается не въ окатоличеніи населенія, а въ распространеніи тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ сектъ, которыя къ тому времени уже въ обиліи народились и утвердились на югѣ Россіи. Невесело смотритъ онъ и на положеніе униатовъ въ царствѣ Польскомъ, видя въ искусственно созданныхъ рамкахъ религіозной жизни благопріятныя условія для развитія среди нихъ религіознаго индифферентизма.

Разсматривая польскій вопросъ подъ угломъ соціальнаго зрѣнія, онъ говоритъ: «Поляки не могутъ, конечно, оспаривать того, что они вообще употребляли, сколько могли, всѣ способы для колонизаціи западныхъ губерній и для господства надъ православнымъ населеніемъ въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Достоверенъ фактъ, что, за исключеніемъ не занимавшихся политикою (число такихъ всегда было незначительно), поляки смотрѣли на государственную службу и на общественную дѣятельность, какъ на средства для служенія польскому дѣлу. Поэтому установленіе правительствомъ тѣхъ или иныхъ ограниченій нельзя считать ничѣмъ не оправдываемымъ притѣсненіемъ, но при всемъ томъ неоспоримо, что такое положеніе ненормально и требуетъ также выхода...» Признавая, что удовлетворительное рѣшеніе инородческихъ и инородческихъ вопросовъ путемъ

борьбы и истребленія не только нежелательно, но и невозможно, онъ полагаетъ, что надо, «очевидно, пріискать такой складъ жизни, при которомъ поляки могли бы примириться съ русскими и прійти къ убѣжденію, что равноправность ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ зависитъ отъ ихъ образа дѣйствій».

Одной изъ существенныхъ мѣръ къ такого рода примиренію Бунге считаетъ введеніе въ царствѣ Польскомъ земскихъ учрежденій и открытіе полякамъ правъ государственной службы. Изъ мѣстныхъ земскихъ учреждений, утверждаетъ онъ, могли бы со временемъ избираться лица для государственной службы, по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ преобладающаго польскаго населенія. «Единственное возраженіе, по его мнѣнію, которое можно сдѣлать противъ этого, состоитъ въ томъ, что земство сплотитъ поляковъ и облегчитъ для нихъ достиженіе политическихъ цѣлей, а государственная служба дастъ въ руки ихъ власть, которая будетъ употреблена противъ Россіи. Первое невѣрно, потому что заговоры составлялись и составляются внѣ общественныхъ и правительственныхъ учреждений и избираютъ для себя центрами дѣятельности такія общества и учрежденія, которыя не могутъ быть запрещены, на примѣръ, общества агрономическія, кредитныя, благотворительныя, промышленныя, наконецъ, церкви, бывшія въ 1863 г. излюбленнымъ мѣстомъ революціонной дѣятельности. Второе справедливо, но опасность наступаетъ только въ томъ случаѣ, если поляки занимаютъ государственныя должности среди польскаго населенія и притомъ такія должности, которыя даютъ имъ власть или возможность дѣйствовать противъ Россіи!

XVII.

Финляндскій вопросъ не рисовался автору записки въ томъ сгущенно-сумрачномъ освѣщеніи, каковымъ онъ отливаеъ въ нынѣшней нашей публицистикѣ, отмѣчающей промахи русской политики на окраинахъ. По мнѣнію Бунге, русскіе государи, начиная съ Александра I, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и великими князьями финляндскими, съ одной стороны, признавали и подтверждали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ права и преимущества, дарованныя Финляндіи, а съ другой—ничѣмъ не стѣснялись относительно проведенія въ жизнь тѣхъ или другихъ преобразованій, признаваемыхъ ими необходимыми. Пока созванія сейма не были періодичны, пока одно правительство вносило новые проекты законовъ на его разсмотрѣніе и пока самыя преобразованія касались скорѣе расширенія правъ и преимуществъ Финляндіи, до тѣхъ поръ со стороны финляндцевъ не поднималось вопроса о нарушеніи правъ великаго княжества Финляндскаго; но когда сеймы начали созываться на

основаніи закона въ опредѣленные сроки, когда членамъ сеймовъ дано было право вносить проекты новыхъ законовъ и дѣлать предположенія, когда пришлось улаживать отношенія между государствомъ и областью безъ ущерба для государства, тогда, очевидно, должны были возникнуть жалобы относительно нарушенія дарованныхъ Финляндіи правъ, подтверждаемыхъ государями при восшествіи на престолъ. «Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III не могъ не усмотрѣть въ отношеніяхъ между Финляндіею и всею Имперіею аномалій, требующихъ устраненія. Въ Русскомъ государствѣ оказалась область, въ которой русскому нельзя было шагу сдѣлать безъ знанія шведскаго (бывшаго государственнаго) или финскаго (народнаго) языка и въ которой правительство ограничилось учрежденіемъ одной русской гимназіи, собственно для русскихъ, проживающихъ въ Финляндіи, а для ознакомленія финляндцевъ съ русскимъ языкомъ ничего не дѣлало, хотя было достаточно распоряженій генераль-губернатора для того, чтобы русскій языкъ преподавался въ школахъ. Равнымъ образомъ съ установленіемъ для Финляндіи металлической денежной единицы русскія бумажныя деньги перестали служить платежнымъ средствомъ, ихъ принимали въ Финляндіи не по соотвѣтствующему вексельному курсу, а только по желанію покупателей и продавцовъ. Почта, которая нѣкогда въ независимыхъ другъ отъ друга германскихъ государствахъ была объединена, въ Финляндіи до послѣдняго времени сохраняла свою самобытность.

«Императоръ Александръ III своею властью устранилъ нѣкоторыя изъ этихъ аномалій: въ 1891 году установлено было единство почтоваго управленія и сдѣланъ обязательный пріемъ русскихъ кредитныхъ рублей по опредѣленному курсу. Наконецъ, впереди стоитъ рѣшеніе вопросовъ о финляндской арміи, о таможенной линіи, отдѣляющей Финляндію отъ Россіи, и проч. Какъ принятыя, такъ и ожидаемыя мѣры не могли не возбудить неудовольствія въ финляндцахъ, которые, пока верховная власть расширяла ихъ права, молчали и не жаловались на независимость распоряженій правительства, но когда дѣло коснулось общихъ государственныхъ интересовъ, то возопили, ссылаясь на нарушеніе дарованныхъ имъ привилегій. Къ сожалѣнію, наша печать, оказавшая дѣйствительно большую услугу русскому дѣлу въ Финляндіи, не удержалась въ предѣлахъ благоразумія: страстные ея выходки противъ финляндскихъ домогательствъ носили характеръ не справедливаго требованія, а вызова, сдѣланнаго сильнымъ слабому».

Ученый экономистъ полагаетъ, что прежде всего необходимо устранить всякія предположенія насчетъ обрусенія и насчетъ подчиненія Финляндіи административному устройству и законамъ, дѣйствующимъ въ центральныхъ губерніяхъ имперіи. Языкъ нельзя переродить, но только слѣдуетъ озаботиться распространеніемъ

языка обще-государственнаго; равнымъ образоомъ нѣтъ надобности касаться административнаго устройства княжества и дѣйствующихъ въ немъ законовъ. «Тотъ, кто, хотя немного, знакомъ съ Финляндіею, не можетъ не признать, что это страна благоустроенная, съ населеніемъ грамотнымъ, твердымъ въ религиозныхъ убѣжденіяхъ и что нѣтъ повода ломать существующіе въ ней порядки для того, чтобы подвести ихъ подъ общій уровень порядковъ, существующихъ въ остальной Россіи. Послѣдніе требуютъ еще немало улучшеній и усовершенствованій и во многомъ отстаютъ отъ тѣхъ началъ, которыя обуславливаютъ гражданственность и внутреннее благоустройство Финляндіи».

Бунге подчеркиваетъ разницу между государственными отношеніями Россіи къ Польшѣ и Финляндіи и предупреждаетъ, чтобы мы изъ Финляндіи не создали искусственно революціонной Польши 1863 года. Въ этихъ видахъ, по его мнѣнію, прежде всего необходимо установить твердый порядокъ относительно проектированія, разсмотрѣнія и утвержденія закоповъ, предназначенныхъ къ дѣйствию въ Финляндіи, и затѣмъ приступить къ составленію сводовъ дѣйствующихъ постановленій и къ преобразованіямъ тѣхъ законовъ и учрежденій, которые оказываются устарѣлыми. «Доселѣ,—утверждаетъ онъ,—законодательная дѣятельность правительства въ Финляндіи не имѣла твердо установленныхъ формъ. Формы эти должны быть различны: во-первыхъ, для постановленій, касающихся собственно Финляндіи и ея внутреннихъ интересовъ, и, во-вторыхъ, для постановленій, касающихся не одной Финляндіи, но и всей Русской имперіи.

«Первые, т. е. законы, касающіеся собственно Финляндіи, за исключеніемъ лишь административныхъ предписаній, основанныхъ на дѣйствующихъ законахъ, слѣдовало бы, по надлежащемъ разсмотрѣніи финляндскими сеймомъ и сенатомъ и по сношеніи министра статсъ-секретаря по дѣламъ великаго княжества Финляндскаго съ министрами имперіи по принадлежности, повергать на высочайшее усмотрѣніе. Упомянутыя сношенія должны выяснить, не касаются ли проектируемые законы всего государства (въ этомъ случаѣ необходимъ особый порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія законовъ) и нѣтъ ли по этому предмету разногласія между министромъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ великаго княжества и министрами, съ которыми онъ сносился, каковыя разногласія должны подлежать разсмотрѣнію комитета министровъ.

«Вторые, т. е. законы, касающіеся не одной Финляндіи, но и всей имперіи, какъ, напримѣръ, опредѣляющіе права жителей въ Финляндіи въ остальныхъ частяхъ имперіи и, наоборотъ, жителей послѣднихъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, относительно пріобрѣтенія имущества, правъ службы и т. п., слѣдовало бы проводить черезъ государственный совѣтъ или комитетъ министровъ,

при участіи финляндскихъ сенаторовъ и членовъ финляндскаго сейма, назначенныхъ для сей цѣли къ присутствію или для дачи объясненій верховною властью. Законопроекты, составленные по инициативѣ сейма и статсъ-секретаря великаго княжества или даже министровъ имперіи, по полученіи мнѣній сейма и сената и по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ или въ комитетѣ министровъ, подлежали бы затѣмъ высочайшему утвержденію.

«Однажды установленный порядокъ законодательной дѣятельности облегчилъ бы и кодификацію, т. е. сведеніе въ одно цѣлое финляндскихъ законовъ, въ связи съ пересмотромъ устарѣвшихъ постановленій. Фикція неизмѣняемости законовъ въ смыслѣ правъ и преимуществъ, подтвержденныхъ верховною властью, должна вступить мѣсто началу постепенныхъ измѣненій, требуемыхъ жизнью, и если при этихъ измѣненіяхъ будетъ выслушанъ голосъ общественнаго мнѣнія, взвѣшены интересы мѣстные и интересы сословій, то, кажется, не будетъ и повода къ неудовольствію среди народа, который доселѣ былъ безполезною составною частью въ числѣ ста племенъ, населяющихъ Русское царство».

Очередными текущими реформами Бунге считаетъ необходимость войсковой реформы, реформы таможенной и точное опредѣленіе обоюдныхъ правъ, которыми должны пользоваться русскіе и финляндцы, имѣющіе осѣдлость въ Финляндіи, и финляндцы, поселившіеся въ другихъ областяхъ Имперіи. Особенное вниманіе онъ рекомендуетъ обратить на финновъ, обитающихъ въ губерніяхъ Петербургской и Олонецкой, гдѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ народъ не только не говоритъ, но даже не понимаетъ по-русски.

Такую же заботу о распространеніи русскаго языка онъ высказываетъ и въ отношеніи другой нашей окраины—Бессарабіи, гдѣ часто старшины и старосты также не понимаютъ русской рѣчи. Такого рода явленія Бунге относитъ на счетъ крайняго небреженія администраціи и отсутствія заботливости относительно распространенія народныхъ школъ. «Впрочемъ,—съ горечью замѣчаетъ онъ,— въ Бессарабіи были забыты не одни народныя училища, но была совершенно забыта возвращенная Россіей по Берлинскому трактату часть Бессарабіи, въ которой болѣе 12 лѣтъ послѣ заключенія мира сохранились всѣ румынскія учрежденія».

Относительно восточныхъ окраинъ съ мусульманскимъ населеніемъ составитель записки находитъ, что здѣсь русскою властью допущено немало ошибокъ. «Не слѣдуетъ забывать,—говоритъ онъ,— что русская государственная власть не должна господствовать на окраинахъ, какъ власть завоевателя, а какъ власть, которую все населеніе должно считать дарованнымъ ему благомъ; что русская государственность должна опираться на признаніе превосходства русскихъ государственныхъ учрежденій; что иноплеменное населеніе должно созрѣвать не только необходимостью, но и пользою отъ употре-

бленія русскаго языка; что уваженіе господствующей церкви должно имѣть своимъ источникомъ духъ христіанской кротости и любви, какъ пасущихъ, такъ и пасомыхъ, къ каждому человѣку. Только при такихъ условіяхъ можно разсчитывать на тѣсную связь окраинъ со всѣмъ государствомъ».

По мнѣнію автора записки, наша внутренняя политика на окраинахъ всегда страдала крайностями. Такъ, при завоеваніяхъ русская власть почти всегда отличалась необыкновенною мягкостью, даже болѣе: покоренные народы не только не чувствовали въ началѣ какого-либо гнета, но находили въ новомъ правительствѣ покровительство и защиту, которой нельзя было ожидать отъ прежней власти. Эта мягкость доходила до того, что побѣжденные относились къ побѣдителямъ-русскимъ, какъ господствующая раса; такъ было съ поляками въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ и въ самомъ царствѣ Польскомъ, такъ было въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи и даже на мусульманскомъ Востокѣ, гдѣ мы строили мечети и поддерживали вакуфы; даже евреи не составляли исключенія: при польскомъ владычествѣ они, конечно, были болѣе угнетаемы. Затѣмъ съ теченіемъ времени наступалъ моментъ, когда инородческія притязанія—жить не только независимо, но на счетъ цѣлаго государства, относясь даже съ нѣкоторымъ высокомеріемъ ко всему русскому,—становились нестерпимыми. Тогда пробуждалось народное русское чувство, и являлись внезапно требованія безпрекословнаго подчиненія и немедленнаго измѣненія установившихся въ теченіе многихъ лѣтъ и даже цѣлаго столѣтія отношеній, что возбуждало въ инородцахъ враждебныя чувства къ Россіи. «Такимъ образомъ,—говоритъ Бунге,—за одною крайностью слѣдовала другая, за мягкостью, можно сказать, распущенностью, слѣдовала суровая настойчивость для наверстанія всего потеряннаго вслѣдствіе ряда послабленій. Правда, эта настойчивость не всегда оказывалась долговѣчною, но зло заключалось не въ однихъ только колебаніяхъ правительства, а главнымъ образомъ въ условіяхъ, при которыхъ оно дѣйствовало и въ образѣ его дѣятельности. Дѣйствія его сопровождалісь трескучими газетными изліяніями, способствовавшими обоюдному раздраженію, а мѣры, которыя оно принимало, не всегда носили печать спокойствія и послѣдовательности. Отсюда жалобы на преслѣдованія, на гнетъ и проч., жалобы, не лишеныя основанія въ томъ смыслѣ, что упомянутыя мѣры имѣли иногда характеръ порывистый и страстный».

XVIII.

Особое вниманіе удѣляетъ нашъ ученый сановникъ столь остро стоящему нынѣ еврейскому вопросу, выдвинувшемуся на авансцену русской жизни въ началѣ 80-хъ годовъ. Отмѣтивъ поло-

женіе евреевъ въ Россіи при Николаѣ I, онъ говоритъ, что въ царствованіе Александра II льготы евреямъ были даны широкія, но фактически онѣ расширились за предѣлы дарованныхъ правъ. Во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ торговыхъ, городскихъ и промышленныхъ мѣстностяхъ явились массы евреевъ, имѣвшихъ и неимѣвшихъ по закону тутъ право жительства. Въ особенности евреи въ силу особыхъ законодательныхъ условій переполнили собою высшія учебныя заведенія и подавили здѣсь учащихся-христіанъ. Уже при Александрѣ II на эти обстоятельства было обращено особое вниманіе и послѣдовали безъ достаточной, однако, систематичности въ отношеніи ихъ репрессіи, которыя, впрочемъ, не достигли намѣченной цѣли и создали еврею даже особое могущество въ имперіи. Въ такомъ положеніи дѣло оказалось при вступленіи императора Александра III на престоль. «Хотя евреи и проникли въ администрацію въ очень небольшомъ числѣ, по ихъ оказалось много въ свободныхъ профессіяхъ: число евреевъ-медиковъ, аптекарей, присяжныхъ повѣренныхъ, литераторовъ и журналистовъ быстро возрастало,—свидѣтельствуешь Бунге.—Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ они заняли первыя мѣста. Крупная торговля повсемѣстно, а мелкая въ особенности въ районѣ постоянной осѣдности, въ большей или меньшей мѣрѣ оказалась въ ихъ рукахъ. Питейная продажа и мелкое ростовщичество, преимущественно въ районѣ постоянной осѣдности, ставили массу народа въ полную зависимость отъ евреевъ. Такимъ образомъ возникъ фактическій гнетъ, который вызвалъ еврейскіе погромы въ началѣ 81-го года, возмутительные по своему проявленію, но обнаружившіе ненормальность установившихся отношеній между евреями и остальнымъ населеніемъ. Погромы еврейскіе напрасно ставятъ въ укоръ Россіи. Это явленіе въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ не было рѣдкостью въ Пруссіи, въ Австріи и въ Румыніи. Напрасно относить печальныя событія къ релігіозной нетерпимости; причина ихъ чисто общественная и экономическая».

Въ силу такой ненормальности въ отношеніяхъ уже при министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Игнатьевѣ комитетъ министровъ 3-го мая 1882 года, послѣ высочайшаго утвержденія, постановилъ: 1) Въ видѣ временной мѣры и до общаго пересмотра въ установленномъ порядкѣ законовъ объ евреяхъ воспретить имъ впредь вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ, съ допущеніемъ въ семъ отношеніи исключенія только относительно существующихъ нынѣ еврейскихъ колоній, занимающихся земледѣліемъ; 2) пріостановить временно совершеніе купчихъ крѣпостей и закладныхъ на имя евреевъ, а равно и засвидѣтельствованіе на имя евреевъ арендныхъ договоровъ на недвижимое имущество, находящееся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, и довѣренностей на управленіе и распоряженіе сими имуществами; 3) воспретить евреямъ торговлю въ воскресные дни

и двенадцатые христіанскіе праздники съ тѣмъ, чтобы относительно самаго закрытія въ указанные дни торговыхъ помѣщеній, принадлежащихъ евреямъ, соблюдался тотъ же порядокъ, какой установленъ въ отношеніи закрытія вообще торговыхъ помѣщеній у христіанъ; 4) изложенныя въ §§ 1 и 3 мѣры примѣнять лишь въ губерніяхъ постоянной осѣдлости евреевъ.

Вслѣдъ за изданіемъ этихъ постановленій образована была комиссія для разработкы законовъ о евреяхъ, состоявшая долгое время подъ предѣлательствомъ графа Палена, но, повидимому, не кончившая своихъ работъ и, за выбытіемъ графа Палена, бывшая подъ предѣлательствомъ фонъ-Шлеве. «Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой относился къ еврейскому вопросу довольно индифферентно; повидимому, евреевъ онъ хорошо не зналъ, но нѣкоторыя изъ высшихъ должностныхъ лицъ смотрѣли иначе на еврейскій вопросъ, и этотъ взглядъ не въ пользу евреевъ поддерживался очень энергично генераль-губернаторами и губернаторами Сѣверо- и Юго-Западнаго края».

Къ наиболѣе серьезнымъ мѣрамъ, принятымъ въ царствованіе императора Александра III, относятся: 1) по исполненію рекрутской повинности - распространеніе набора на льготныхъ, если подлежащіе набору не явились или скрылись; 2) ограниченіе числа евреевъ, поступающихъ въ гимназіи, извѣстнымъ процентомъ (особаго закона по этому предмету не состоялось); 3) устраненіе евреевъ изъ земскаго и городского управленія, впредь до пересмотра законовъ о евреяхъ.

«Но наиболѣе чувствительными,—утверждаетъ Бунге,—оказались не столько новыя постановленія, сколько административныя распоряженія, въ видахъ болѣе строгаго исполненія какъ старыхъ, такъ и новыхъ законовъ, по большей части примѣнявшихся въ прежнее время очень слабо. Удаленіе не имѣвшихъ права на жительство евреевъ изъ Москвы послѣдовало въ формахъ крайне суровыхъ. По разсказамъ лицъ, сочувствующихъ антисемитизму, евреямъ не дано было даже времени выбраться изъ города и такъ какъ ихъ ни въ какія гостиницы не принимали, то они вынуждены были проводить холодныя ночи передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ подъ открытымъ небомъ на еврейскомъ кладбищѣ. Затѣмъ, когда началось между евреями переселенческое движеніе въ царствѣ Польскомъ, то въ началѣ ихъ не пускали за границу. Если въ западныхъ губерніяхъ распоряженіе относительно восстановленія силы постановленій о евреяхъ примѣнялось иногда съ большою мягкостью, то лишь потому, что продажность полиціи смягчала суровость исполнителей законовъ, которые, однакожъ, такъ или иначе проводились въ жизнь. Проѣзжающіе нынѣ черезъ западную нашу границу могутъ убѣдиться въ отсутствіи евреевъ мѣняль и контрабандистовъ, которые недавно еще на желѣзно-

дорожныхъ станціяхъ предлагали свои услуги путешественникамъ. Наконецъ энергическія дѣйствія вольнскаго губернатора привели къ тому, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совершенно исчезли еврейскія лавки, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только вздорожали покупаемые крестьянами товары, но въ такихъ товарахъ оказался совершенный недостатокъ. Это, между прочимъ, было удостовѣрено самимъ циркуляромъ вольнскаго губернатора, который рекомендовалъ крестьянамъ завести общественныя лавки, не понимая, что этотъ совѣтъ, данный крестьянамъ, не могъ имѣть никакого практическаго значенія».

Въ дальнѣйшей части своихъ разсужденій Бунге бросаетъ взглядъ на міровое прошлое еврейства и старается опредѣлить, въ чемъ состоитъ сущность зла, причиняемаго еврействомъ. И, подчеркнувъ тенденцію еврейскаго племени къ эксплуатаціи прочихъ элементовъ населенія и его солидарность въ историческіе моменты, вызывающіе ихъ на борьбу за существованіе, онъ говоритъ: «Ограниченіе правъ евреевъ на повсемѣстное жителство, удаленіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ изъ сель, а въ другихъ изъ городовъ, запрещеніе пріобрѣтать недвижимую собственность, въ особенности земельную, устраненіе евреевъ отъ участія въ акціонерныхъ компаніяхъ (что практикуется у насъ въ послѣднее время особенно часто) и другія ограниченія относительно занятій промыслами и торговлею, прегражденіе евреямъ пути къ образованію въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, запрещеніе вступать въ службу государственную и участвовать въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія и т. п. въ губерніяхъ со значительнымъ еврейскимъ населеніемъ—оказывались столь же неэффективными или не достигавшими цѣли, какъ и полное уравненіе евреевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Всѣ ограничительныя мѣры вызывали со стороны евреевъ усиленную борьбу за существованіе, увеличивали ихъ нищету, фанатизмъ, отчужденіе отъ остальнаго населенія, однимъ словомъ, увеличивали вредъ, который они причиняли государству и народу. Изгоняемые изъ сель, евреи переполняютъ городскія поселенія бѣднѣйшимъ пролетаріатомъ; изгоняемые изъ большихъ городовъ, они увеличиваютъ нищету въ малыхъ».

XIX.

По мнѣнію Николая Христіановича, наше законодательство въ отношеніи евреевъ очутилось въ закодированному кругу: все, что предпринималось здѣсь, вело или къ торжеству, или къ страданію еврейства, но ни отъ того, ни отъ другого коренному населенію не было лучше. «Несомнѣнно, однако,—утверждаетъ онъ,—что средство для борьбы со зломъ, которое заключается въ еврействѣ, существуетъ. Не слѣдуетъ только полагать, что характеръ племени, разсѣявша-

гося по всему земному шару, съ социальнымъ, религіозно-гражданскимъ строемъ, признаваемымъ святынею и упроченнымъ въ теченіе тысячелѣтій, можетъ быть передѣланъ законами и распоряженіями въ непродолжительное время. Не годы, не десятки, но, быть можетъ, многія сотни лѣтъ потребуются для достиженія замѣтныхъ результатовъ и то лишь тамъ, гдѣ хорошо обдуманная мѣра будутъ проводиться безъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону».

Онъ думаетъ, что прежде всего надо оставить всякую мысль о выселеніи евреевъ изъ Россіи, такъ какъ такого рода мысль принадлежитъ къ числу химеръ, которымъ никогда не дано будетъ осуществиться. Затѣмъ, по его мнѣнію, необходимо охранить населеніе и преобразовать самое еврейство. Первое невозможно безъ ограниченія правъ евреевъ. Эти ограниченія не должны, однако, простирались далѣе необходимаго, и то, что однажды предоставлено евреямъ, слѣдуетъ обезпечить за ними, не позволяя имъ перехода за черту дозволеннаго, а администраціи—суживанія этой границы произвольными распоряженіями. Евреевъ болѣе, чѣмъ кого-либо, надо приучить къ уваженію закона, который они сами всегда считали себя въ правѣ обойти, тѣмъ болѣе, что власть, обязанная блюсти законъ, этого не исполняла.

«Преобразованія должны быть направлены къ упраздненію всего, что обособляетъ еврейство. Такъ какъ сила еврейства заключается въ нравственно-юридическомъ кодексѣ, освященномъ религіей въ социальномъ строѣ, то этотъ строй, по возможности, долженъ быть упраздненъ. Еврейскія учрежденія, еврейскій кагалъ и связанное съ нимъ существованіе еврейскихъ финансовъ и еврейскаго самоуправленія, казенные еврейскіе раввины, особыя еврейскія школы—вотъ что подлежитъ отмѣнѣ. Не странно ли, что всѣми этими учрежденіями, которыя оберегаются нашими законами, поддерживается еврейскій духъ, что самое еврейство ограждается правительствомъ отъ ересей! Появленіе такихъ евреевъ въ духѣ болѣе человѣчнымъ, чѣмъ талмудъ, даже желательно и, быть можетъ, утилитарный характеръ еврейства открылъ бы такимъ ересямъ болѣе широкое поле.

«Установленіе общихъ началъ, конечно, гораздо легче, чѣмъ облеченіе ихъ въ форму закона, а тѣмъ болѣе исполненіе ихъ.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что предоставленіе евреямъ права повсемѣстнаго жительства въ Россіи въ настоящее время было бы преждевременнымъ и даже свободный выборъ мѣстности въ чертѣ осѣлости долженъ подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока характеръ еврейства сколько-нибудь не измѣнится. Говорятъ, что если еврейство зло, то приуроченіе его къ извѣстной полосѣ, и притомъ западной пограничной, влечетъ за собою отдачу въ жертву этому злу той части имперіи, въ которой важнѣе всего водворить русскую народную силу. Это справедливо, но нѣтъ расчета также распространять зло на все государство, тѣмъ

болѣе, что при сосредоточеніи его на болѣе ограниченномъ пространствѣ несравненно легче вести съ нимъ борьбу. Тѣ права, которыя предоставлены евреямъ на жительство внѣ черты ихъ постоянной осѣдности, достаточны.

«Затѣмъ, что касается евреевъ, живущихъ въ предѣлахъ разрѣшенной имъ осѣдности, то нельзя не признать, что въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ классъ мелкихъ торговыхъ посредниковъ въ значительной степени состоитъ изъ евреевъ; тамъ, гдѣ нѣтъ евреевъ, — въ деревняхъ ничего нельзя достать, кромѣ производимаго крестьянами, да и то не всегда. Далѣе, хотя нѣтъ сомнѣнія, что евреи въ средѣ городского населенія менѣе вредны, чѣмъ среди сельскаго, которое попадаетъ въ ихъ руки, какъ скупщиковъ, ростовщиковъ и кабатчиковъ, но и переполненіе городскихъ поселеній евреями, которые въ мѣстечкахъ, посадахъ, въ уѣздныхъ и даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ не находятъ средствъ къ существованію въ ремеслахъ и торговлѣ, составляетъ зло, и искусственное перемѣщеніе евреевъ въ города можетъ привести къ образованію пролетаріата, опаснаго и въ экономическомъ, и санитарномъ и даже въ политическомъ отношеніяхъ. Допустивъ, что нищенства между евреями не будетъ, какъ бы ни велика была ихъ скученность и ихъ бѣдность, должно признать, что съ уменьшеніемъ возможности существовать правильнымъ заработкомъ увеличится эксплуатація евреями остальныхъ жителей. При господствующей еврейской нищетѣ нельзя требовать, чтобы въ переполненныхъ евреями городахъ санитарныя условія были сколько-нибудь удовлетворительны. Наконецъ, изъ массы, доведенной до крайней бѣдности и отчаянія, будутъ выходить люди озлобленные или самою нуждою, или ея зрѣлищемъ, люди, которые пойдутъ въ ряды посягающихъ на законы, общественную безопасность и порядокъ.

«Такимъ образомъ, изъ предыдущаго слѣдуетъ: во-первыхъ, что совершенное удаленіе евреевъ изъ сель, освобождая крестьянъ отъ эксплуатаціи, было бы соединено нерѣдко съ неудобствами для поселянъ относительно сбыта своихъ произведеній и покупки предметовъ обрабатывающей промышленности и, во-вторыхъ, что переполненіе городовъ и мѣстечекъ евреями посредствомъ переселенія ихъ изъ сель ухудшило бы положеніе тѣхъ средоточій общестственности, въ которыхъ безопасность, порядокъ и благоустройство обращаютъ на себя особое вниманіе правительства и требуются не только мѣстными, но и общегосударственными интересами.

«Если эти соображенія связать съ высказанною выше увѣренностью въ тщетѣ надежды на выселеніе евреевъ изъ Россіи въ такомъ числѣ, которое сдѣлало бы уменьшеніе ихъ въ составѣ населенія замѣтнымъ, то очевидно, что необходимо устроить положеніе евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдности такъ, чтобы дѣятельность ихъ была наиболѣе полезна для населенія и чтобы они были подчинены не только об-

щему, но и мѣстному управленію на разныхъ его ступеняхъ. Что касается городовъ, то всесословное ихъ самоуправленіе, хотя и съ включеніемъ представительства еврейскаго (по новому городскому положенію), не устраняетъ евреевъ отъ пользованія остальными правами городскихъ жителей, насколько эти права обезпечены за ними законами, но въ селеніяхъ дѣло представляется въ иномъ видѣ.

«Мірскіе и волостные сходы, старосты, старшины, волостной судъ, волостное правленіе ничего не могутъ постановлять объ евреяхъ, какъ о членахъ сельскихъ или волостныхъ обществъ. Поэтому сельскія общества не могутъ привлекать евреевъ къ исполненію повинностей общественныхъ, въ особенности натуральныхъ. Волостной судъ не разбираетъ дѣлъ, касающихся евреевъ. Волостное правленіе не наказываетъ ихъ. Какъ ни зависимы кажутся евреи отъ общей полиціи и администраціи, но въ отношеніи къ крестьянамъ они являются въ привилегированномъ положеніи—они не подчинены мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ.

«Для того, чтобы выйти изъ этого ненормальнаго положенія, надо распространить права крестьянскихъ учрежденій на другихъ проживающихъ въ волости лицъ, а такъ какъ права этимъ лицамъ на представительство не могутъ быть даны, то въ волостномъ правленіи или въ волостномъ судѣ должно быть для сего назначено лицо, уполномоченное отъ правительства, но собственно для разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся евреевъ. Очевидно, что эта мѣра представляетъ существенное неудобство, но если еще нельзя дать евреямъ права быть избирателями и избираемыми, то замѣнить ее чѣмъ-либо другимъ было бы очень трудно.

«Второе ограниченіе правъ евреевъ въ чертѣ ихъ постоянной осѣдности заключается въ приобрѣтеніи правъ собственности. Относительно земельной собственности не можетъ быть сомнѣнія; приобрѣтеніе ея евреями, пока евреи земли не пашутъ, нисколько не въ интересахъ земледѣлія, промышленности и даже государства. Еврейское земледѣліе въ Австро-Венгріи еще не сказало своего послѣдняго слова, а положеніе дѣлъ уже начинаетъ возбуждать опасеніе, не лишнее, кажется, основанія. Но иное дѣло приобрѣтеніе домовъ съ огородами и садами, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ. Евреямъ съ прочною осѣдлостью, находящимся въ зависимости отъ сельскаго волостного правленія, нельзя не отдать предпочтенія, конечно, передъ евреями, скитающимися изъ одного мѣста въ другое. Желательно даже, чтобы такимъ осѣдлымъ евреямъ, въ особенности имѣющимъ при своихъ участкахъ небольшіе воздѣлываемые ими огороды, даны были нѣкоторыя преимущества.

«Третье ограниченіе—установленіе въ составѣ учащихъ опредѣленнаго процента для евреевъ, допускаемыхъ въ учебныя заведенія, желательно замѣнить мѣрою, которая побуждала бы итти евреевъ

въ учебныя заведенія ради образованія, а не другихъ постороннихъ цѣлей, а главное, чтобы самое образованіе не служило для усиленія еврейства.

«Не остававшись на другихъ ограниченіяхъ въ видахъ охраненія мѣстнаго населенія отъ пагубнаго вліянія еврейства, должно замѣтить, что всѣ они требуютъ пересмотра. Надо, чтобы они достигали цѣли и не имѣли характера ни общественнаго, ни религіознаго гнета, между тѣмъ какъ въ настоящее время они отличаются именно этими свойствами и походятъ на гоненія, впрочемъ, совершенно безцѣльные. Несравненно труднѣе принятіе коренныхъ мѣръ для ослабленія специфической силы еврейства. Прежде всего должно быть обращено вниманіе на религію. Правительство не можетъ, да и не призвано къ тому, чтобы сочинять для евреевъ новое, менѣе фанатическое и болѣе разумное вѣроученіе, но обязано заботиться о томъ, чтобы изъ общихъ учебныхъ заведеній выходили евреи болѣе просвѣтившіеся и возможно менѣе связанные съ фанатическимъ еврействомъ. Этой цѣли можно, быть можетъ, достигнуть, сдѣлавъ доступными для евреевъ низшія и среднія учебныя заведенія, преимущественно съ первыхъ классовъ и подъ условіемъ, чтобы еврейскій законъ Божій преподавался по разрѣшеннымъ правительствомъ руководствамъ на русскомъ языкѣ и учителями, выдержавшими установленныя испытанія. Можно предоставить составленіе руководствъ и образованіе преподавателей лучшимъ знатокамъ еврейской вѣры, сохраняя, однако, за правительствомъ право общей цензуры и общаго надзора. Надо смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ одобренныя руководства ничего не проникало антиправительственнаго и безнравственнаго. При соблюденіи приведенныхъ правилъ число евреевъ, поступающихъ въ общія учебныя заведенія, по всей вѣроятности, уменьшится; отъ образованія будутъ по возможности устранены фанатики и затѣмъ не будетъ надобности въ установленіи извѣстнаго процента допускаемыхъ въ учебныя заведенія евреевъ. Всѣ исключительно еврейскія школы, если только онѣ могутъ быть терпимы, не должны давать никакихъ правъ.

«Упраздненіе особыхъ еврейскихъ обществъ и ихъ учреждений, а также казенныхъ раввиновъ составляетъ вторую очень важную задачу. Для еврейскихъ браковъ, рожденій и смерти должно завести особую регистрацію, административную. Особые еврейскіе финансы не должны быть терпимы; что же касается специальныхъ еврейскихъ общественныхъ учреждений, больницъ, богадѣленъ и проч., то казалось бы желательнымъ соединить ихъ съ иновѣрческими, а если евреи на это не пойдутъ, то пусть такія учрежденія будутъ дѣломъ частныхъ обществъ, состоящихъ изъ евреевъ и неевреевъ или же однихъ евреевъ, пожелавшихъ участвовать вкладами или пожертвованіями, но не совокупностью цѣльныхъ еврейскихъ обществъ-кагаловъ, хотя бы и не носящихъ послѣднее названіе.

Такія общества должны быть подчинены надзору общей или мѣстной администраціи.

«Наконецъ, самое главное—это общественное устройство евреевъ, порядокъ причисленія ихъ къ городскому или сельскому населенію и предоставленіе имъ извѣстныхъ правъ, болѣе ограниченныхъ, нежели тѣ, которыми пользуется не-еврейское мѣстное населеніе, но не лишающихъ ихъ законныхъ средствъ существованія. Въ настоящее время евреевъ перегоняютъ съ одного мѣста на другое, даже въ чертѣ дозволенной для нихъ осѣдности, и ограничиваютъ не только незаконное, но и законное пріобрѣтеніе ими средствъ къ жизни. Такимъ образомъ, создаются милліонныя массы пролетаріевъ и не устраняется, а усугубляется зло, заключающееся въ еврействѣ».

XX.

Н. Х. Бунге составлялъ свою записку почти за 20 лѣтъ до установленія у насъ представительнаго строя, т. е. въ то время, когда царилъ въ полной силѣ система полицейско-бюрократическаго управленія и когда ни о какихъ конституціонныхъ вѣяніяхъ невозможно было громко говорить. Тѣмъ не менѣе въ его критикѣ установившейся государственной системы управленія встрѣчаются такія любопытныя указанія, что мы считаемъ нужнымъ ихъ отмѣтить здѣсь, какъ интересное знаменіе своего времени, поскольку выразителемъ его являлся такой видный представитель нашей государственности, какъ предсѣдатель комитета министровъ. Онъ въ деликатной формѣ отмѣчаетъ, что нужды страны и общественное мнѣніе доходило до государей не всегда въ правильномъ освѣщеніи и шло къ нимъ лишь тремя довольно узкими путями. Во-первыхъ, черезъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, которыя подавали свои и чужія безыменные записки и искали въ этомъ средство подчинить себѣ волю монарха. Если такой способъ давалъ опредѣленные результаты въ началѣ царствованія Александра III, то въ послѣдніе годы своей жизни онъ совершенно эмансипировался отъ этихъ, часто неправильныхъ, давленій на его волю. Во-вторыхъ, черезъ министровъ,—въ особенности черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ рукахъ котораго находятся: а) вся мѣстная администрація, губернаторы и вице-губернаторы, б) корпусъ жандармовъ съ его мѣстными губернскими органами, в) перлюстрація писемъ и г) печать.

«Если не на дѣлѣ, то по существу,—говоритъ Бунге,—это самый могущественный министръ (внутреннихъ дѣлъ), фабрикантъ того, чего хочетъ Россія, потому что при извѣстной энергіи онъ можетъ заставить: губернаторовъ — писать въ своихъ всеподданныхѣйшихъ отчетахъ то, что онъ желаетъ; полицію вообще и корпусъ жандармовъ въ частности выставлять состояніе общества въ томъ

свѣтъ, какъ ему нужно для того, чтобы внушать опасенія или успокаивать ихъ, устранять своихъ противниковъ и поддерживать своихъ друзей. Той же цѣли служить перлюстрація, которую въ Бозѣ почившій императоръ считалъ источникомъ весьма ненадежнымъ».

Въ-третьихъ, благодаря нѣкоторой свободѣ печати. Последняя, по мнѣнію Бунге, пользуется нынѣ большею степенью независимости, но, однакоже, насколько допускаетъ цензура, которая вся въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ, оказывающаго при этомъ покровительство солидарнымъ съ нимъ министерствамъ. Отсюда полная возможность свободного осужденія дѣйствій однихъ министерствъ и неприкосновенность другихъ. Если становится извѣстнымъ, что государь читаетъ одну газету, то она дѣлается вліятельной, въ редакторахъ занескиваютъ лица, имѣющія власть, и даже начальство самой цензуры. Бунге отмѣчаетъ, что наша періодическая печать въ погонѣ за матеріальными успѣхами перѣдко уклоняется отъ своего просвѣтительнаго назначенія и становится иногда средствомъ подпольной борьбы, происходящей между министрами ко вреду успѣшнаго проведенія тѣхъ или другихъ задуманныхъ мѣръ. Иногда она служитъ для администраціи, вліяющей на печать, средствомъ исказить факты и вводить въ заблужденіе государя, раздражая въ то же время просвѣщенные слои общества, которые видятъ явный обманъ, но обличить его не могутъ; иногда, и это, конечно, наименьшее изъ золъ, періодическая печать создаетъ легкомысленный, поверхностный взглядъ на самыя важныя общественныя и государственныя задачи. Такого рода явленія встрѣчаются и въ Западной Европѣ, но тамъ свободная печать является болѣе независимымъ выраженіемъ противоположныхъ сужденій и мнѣній, стѣсняемыхъ цензурою.

Мы уже говорили о положеніи печати при Оеоктисовѣ и графѣ Д. Толстомъ, а потому вѣское мнѣніе Бунге достаточно освѣщаетъ вопросъ о правильности отраженія явленій жизни Россіи передъ лицомъ царскаго престола въ 80 и 90 гг. прошлаго столѣтія.

Авторъ записки съ симпатіей относится къ вызову въ Петербургъ свѣдущихъ людей, призываемыхъ къ выраженію болѣе или менѣе свободного голоса земли, какъ равно сочувствіе его было и на сторонѣ тѣхъ тенденцій, которыя были направлены къ реформѣ государственнаго совѣта. Но онъ отмѣчаетъ, что «со времени вступленія графа Толстого въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросъ о какихъ-либо новыхъ «пріемахъ» при вызовѣ представителей или экспертовъ для обсужденія правительственныхъ мѣръ былъ, можно сказать, окончательно упраздненъ, какъ равно замолкли и слухи о преобразованіи государственнаго совѣта. Между тѣмъ несомнѣнно, что настояла и настоитъ необходимость имѣть такой составъ государственнаго совѣта, при которомъ бы основательно, съ участіемъ экспертовъ, разрабатывались законы».

Государственный совѣтъ того времени не заключалъ въ себѣ достаточнаго числа лицъ, знакомыхъ съ общими государственными вопросами и имѣющихъ мѣстные свѣдѣнія, а потому, по мнѣнію автора записки, хотя и не было необходимости значительно увеличивать личный составъ совѣта, но нѣкоторое увеличеніе его все-таки необходимо: введеніе въ его составъ ежегодно одного или двухъ лицъ изъ дворянъ, принимающихъ ближайшее участіе въ земскихъ учрежденіяхъ, принесло бы несомнѣнную пользу. Еще важнѣе было бы привлеченіе изъ разныхъ мѣстностей экспертовъ для участія въ сужденіяхъ государственнаго совѣта только по опредѣленнымъ спеціальнымъ дѣламъ съ правомъ голоса, хотя бы въ департаментахъ государственнаго совѣта.

Отсюда мы усматриваемъ, что Бунге по существу своихъ государственныхъ воззрѣній приближался къ типу тѣхъ скромныхъ и умѣренныхъ «конституціоналистовъ», каковыми мы видѣли въ свое время графа Валуева, великаго князя Константина Николаевича и графа Лорисъ-Меликова.

Онъ не только критикуетъ постановку вопроса о составѣ государственнаго совѣта, но достаточно отрицательно относится ко всей системѣ законодательной дѣятельности совѣта, какъ равно считаетъ совершенно неправильнымъ пути разсмотрѣнія законопроектовъ, вносимыхъ разными министерствами. Наболѣе существенно тутъ реформою онъ считаетъ: «если бы предварительно внесенія законопроектовъ въ государственный совѣтъ испрашиваемо было министромъ у Его Величества разрѣшеніе обсудить основанія проекта въ совѣтѣ министровъ. Это было бы особенно умѣстно при крупныхъ законодательныхъ работахъ и преобразованіяхъ. Изученіе основаній закона и краткой приложенной къ нимъ записки, принятіе этихъ основаній съ тѣми или другими измѣненіями въ совѣтѣ министровъ, наконецъ разрѣшеніе государя императора разработать проектъ на принятыхъ основаніяхъ или по указаніямъ, преподаннымъ высочайшею властью, устранили бы тѣ недостатки въ законодательныхъ работахъ, которые такъ свѣжи еще въ памяти у всѣхъ». Такого рода постановка вопроса значительно выиграла бы на характерѣ и качествахъ работъ государственной канцеляріи».

Недостаточно по своей постановкѣ дѣла считаетъ онъ и работу нашихъ отдѣльныхъ министровъ, которые часто, относясь отрицательно къ мнѣніямъ своихъ собратьевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ являются безапелляціонными судьями въ собственномъ дѣлѣ. Если высшія учрежденія рисовались ему, какъ учрежденія чрезвычайно несовершенныя, то не менѣе недостатковъ находилъ онъ въ постановкѣ работы мѣстныхъ губернскихъ властей, дѣятельность которыхъ являла собою какой-то конгломератъ дореформенныхъ и пореформенныхъ учрежденій. «Губернаторы, вице-губернаторы, губерніскія правленія,—свидѣтельствуетъ Бунге,—перестали быть, чѣмъ были

прежде, но не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ по духу новыхъ преобразованій имъ слѣдовало быть: они видѣли только, что съ возникновеніемъ новыхъ судовъ, новыхъ акцизныхъ управленій, что съ стремленіемъ каждаго министерства къ большей самостоятельности и независимости, а другихъ министерствъ въ сферѣ подчиненнаго имъ губернскаго управленія, а главное съ предоставленіемъ самоуправленія крестьянамъ, съ появленіемъ земскаго и городского положенія — умалаялась ихъ власть. По крайней мѣрѣ имъ представлялось такъ, потому что положеніе ихъ власти не было выяснено; были и очевидныя доказательства: съ учрежденіемъ акцизныхъ управленій доходы администраціи, т. е. полиціи, губернскихъ правленій и самихъ губернаторовъ изсякли. Губернаторовъ смущало и то, что явился судъ, дѣйствующій именемъ государя и требующій соблюденія законности, чѣмъ отрицалось ихъ право домашней расправы по обычаю. Имъ казалось аномаліею, что въ городѣ, гдѣ они имѣютъ постоянное мѣсто пребыванія, распоряжаются хозяйствомъ мѣстные жители; что эти кушцы, лавочники и домовладѣльцы рѣшаютъ, какія улицы замостить, въ какихъ мѣстахъ усилить освѣщеніе, гдѣ устроить школу, откуда провести воду, не спрашивая ихъ позволенія. Наконецъ, имъ представлялось невыносимымъ, что есть какія-то земскія учрежденія, которыя въ подвѣдомой имъ губерніи составляютъ смѣты доходовъ и расходовъ, собираютъ доходы и производятъ расходы, между тѣмъ какъ они могутъ остановить эти распоряженія только въ томъ случаѣ, если сенатъ найдетъ, что протестъ губернатора имѣетъ законное основаніе, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, надо въ подобныхъ случаяхъ принимать въ соображеніе не законъ, а усматриваемую ими пользу, не усмотрѣнную или непонятую земствомъ и городами.

«Всѣ эти жалобы, сѣтованія и проч. не были лишены основаній: положеніе центральной губернской власти не было достаточно опредѣлено, а былъ установленъ только *modus vivendi*, что для администраціи совершенно непригодно. При преобразованіи земскихъ учрежденій въ 1890 г. на неправильную постановку губернаторской власти было обращено вниманіе, но надо сознаться, что главная задача ускользнула отъ вниманія правительства — именно, какъ слѣдуетъ поставить губернаторскую власть, а сосредоточено было вниманіе на ея усиленіи, что не одно и то же. Сила административной власти заключается не въ неограниченности ея полномочій, ея усмотрѣнія или произвола, а въ точности и опредѣленности предѣловъ предоставленныхъ ей правъ по контролю надъ всѣми отраслями правительственной администраціи и мѣстнаго управленія».

Для того, чтобы поставить губернаторскую власть на необходимую степень высоты, слѣдуетъ, по мнѣнію Бунге, чтобы она въ большей или меньшей мѣрѣ имѣла отношеніе ко всѣмъ отраслямъ

государственнаго и мѣстнаго управленія, а не была однимъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, хотя, конечно, обязанности ея по отношенію къ послѣднему представляются наиболѣе важными и существенными. «Въ этихъ видахъ, — говоритъ онъ, — необходимо, чтобы губернаторы избирались изъ кандидатовъ, представляемыхъ не только министромъ внутреннихъ дѣлъ, но и министрами вообще, и представлялись для назначенія черезъ комитетъ министровъ государю императору и чтобы увольненіе ихъ по требованію министра внутреннихъ дѣлъ или другого министра шло также черезъ комитетъ министровъ. Тогда только осуществится дѣйствительное усиленіе власти, но значеніе губернатора, тогда какъ и теперь, если только онъ не имѣетъ прямой защиты у самого министра, то долженъ пресмыкаться въ Петербургѣ не только передъ директорами департаментовъ и ожидать у нихъ въ переднихъ, но чувствовать свою зависимость и подчиненность передъ чиновниками, посылаемыми министромъ внутреннихъ дѣлъ въ губернію. Конечно, противъ такой перемѣны въ назначеніи губернаторовъ будетъ возставать министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ скажетъ, что ему не надъ кѣмъ будетъ начальствовать; но это несправедливо. Нельзя сказать, чтобы опредѣленіе и увольненіе мировыхъ посредниковъ сенатомъ стѣснило власть губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ или что правила по опредѣленію и увольненію лицъ судебнаго вѣдомства, ограничивающія личный произволъ министра юстиціи, не были болѣе полезны для юстиціи, чѣмъ стѣснительны для дѣятельности министра.

«Если губернаторъ долженъ быть дѣйствительнымъ начальникомъ губерніи, т. е. имѣть въ большей или меньшей степени надзоръ за разными отраслями управленія, а не числиться лишь чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то необходимо установить и соотвѣтствующія учрежденія; и теперь уже есть немало такъ называемыхъ «присутствій», въ которыхъ разсматриваются, рѣшаются или контролируются дѣла разныхъ министерствъ; стоитъ только дать окончательное устройство этимъ присутствіямъ и образовать изъ нихъ совѣтъ, состоящій изъ представителей всѣхъ отраслей государственнаго управленія: внутреннихъ дѣлъ, военнаго, финансоваго, государственныхъ имуществъ, государственнаго контроля, земскаго, городскихъ и сельскихъ обществъ, — совѣтъ, обязанный входить въ разсмотрѣніе дѣлъ, касающихся не общаго государственнаго управленія, но мѣстныхъ дѣлъ, напр., относящихся къ охраненію безопасности лицъ и имуществъ, къ отбыванію воинской повинности, къ расквартированію войскъ, къ мѣрамъ по взиманію налоговъ, къ извлеченію доходовъ изъ государственныхъ имуществъ, къ устройству школъ, къ повѣркѣ ревизій, счетовъ и суммъ разныхъ вѣдомствъ, учреждений (главнымъ образомъ земскихъ и городскихъ) и обществъ, постановленіямъ земскихъ управъ и городскихъ думъ,

къ болѣе крупнымъ дѣламъ сельскаго управленія, ихъ смѣтамъ и расходамъ. Этотъ совѣтъ долженъ замѣнить собою множество разныхъ учреждений и присутствій, въ которыхъ и нынѣ председательствуетъ губернаторъ. Совѣтъ долженъ давать свои мнѣнія по дѣламъ, восходящимъ въ высшія учреждения: министерства, сенатъ и проч., а равно и по дѣламъ, требующимъ въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшенія губернаторской власти. Равнымъ образомъ въ совѣтѣ должны были бы быть разсматриваемы свѣдѣнія по губерніи, входящія во всеподданнѣйшій отчетъ губернатора, причемъ, конечно, послѣднему должно быть предоставлено право изложить въ особомъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ свои замѣчанія по разнымъ отраслямъ управленія, не представляя ихъ совѣту. Но дѣла чисто исполнительныя, административныя и полицейскія, на основаніи закона, должны быть изъяты изъ вѣдѣнія совѣта для того, чтобы не внести медленности въ то, что требуетъ быстрого и рѣшительнаго исполненія.

«По типу губернскихъ совѣтовъ слѣдовало бы организовать уѣздныя присутствія съ болѣе ограниченнымъ числомъ предметовъ вѣдѣнія, съ болѣе ограниченными полномочіями. Элементы для уѣзднаго присутствія существуютъ: земскій исправникъ, податной инспекторъ, почтмейстеръ, уѣздные земскіе начальники, мировые судьи въ городахъ, председатель или членъ уѣздной управы, лица отъ учебнаго вѣдомства.

«Въ вышеизложенномъ не предлагается никакого усложненія процедуры, никакого новаго учрежденія; предполагается только установить правильный контроль, объединить разныя коллегіальныя учреждения и замѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ словеснымъ обсужденіемъ письменныя сношенія между разными вѣдомствами, сношенія, поглощающія немало трудовъ и нисколько не ускоряющія разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ».

Такова реформа мѣстнаго административнаго управленія, проектируемая Бунге и имѣющая въ виду связать начинанія, положенныя въ основу эпохи великихъ реформъ, съ коррективами къ ней, какъ таковыя были предсказываемы опытомъ прошлаго.

XXI.

Въ своемъ политическомъ *profession de foi* Н. Х. Бунге высказываетъ также пожеланія относительно расширенія компетенціи мѣстныхъ учреждений, земскихъ, городскихъ и сельскихъ. По его мнѣнію, правительство должно оставить за собою широкое право контроля и привлеченія къ отвѣтственности выборныхъ, на которыхъ возлагаются обязанности по мѣстному хозяйству, но само должно воздер-

живаться отъ непосредственнаго участія въ мѣстномъ управленіи, — оно должно искать не увеличенія своей отвѣтственности, а расширенія своихъ правъ по привлеченію къ отвѣтственности выборныхъ для завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ. Мѣстное управленіе должно быть поставлено въ этомъ отношеніи, насколько позволяютъ обстоятельства, самостоятельно, но безъ права и возможности переступать опредѣленную закономъ черту или направлять ввѣренное ему дѣло несогласно съ общими государственными интересами.

Находя проектъ о земскихъ начальникахъ графа Толстого въ основной мысли правильнымъ, Бунге отмѣчаетъ въ немъ и немало погрѣшностей. Онъ утверждаетъ, что контроль надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ былъ необходимъ, но нужно было установить главное то, что подлежить контролю, т. е. опредѣлить для сельскихъ установленій законный порядокъ отношеній въ селеніяхъ. Онъ въ противность голосамъ либеральной части общества того времени находитъ, что соединеніе въ одномъ лицѣ административныхъ полномочій съ судебною властью было мыслью практически удачною, но сожалѣетъ только о томъ, что участковые земскіе начальники обращены исключительно въ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, по его мнѣнію, ошибочно обращеніе должности участковыхъ земскихъ начальниковъ въ дворянскую привилегію. «Это, — проронически говоритъ онъ, — противорѣчитъ всѣмъ прежнимъ примѣрамъ нашей исторіи — Меншиковъ, Безбородко, Разумовскій, Сперанскій, не заслуживали бы даже чести быть участковыми земскими начальниками».

Благодаря такой «дворянской» постановкѣ вопроса, вскорѣ оказалось, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ не нашлось даже достаточнаго числа дворянъ, а въ другихъ пришлось остановить выборъ на «недоросляхъ», не удовлетворяющихъ самымъ скромнымъ требованіямъ образованія. Наконецъ въ Вятскую губ. пришлось назначить участковыхъ земскихъ начальниковъ не изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а набирать ихъ по всей Россіи. Онъ полагаетъ, что совершенно достаточно было бы оставить право на занятіе мѣстъ участковыхъ начальниковъ за мѣстными землевладѣльцами или даже домовладѣльцами, обставивъ только ихъ выборъ надлежащими гарантіями.

Обращаясь къ вопросу о развитіи духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа, онъ отмѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи мы въ значительной степени отстали отъ Западной Европы. Какъ знатокъ учебнаго дѣла, онъ полагаетъ, что наши учебныя заведенія должны быть раздѣлены на 5 разрядовъ: 1) народныя школы; 2) низшія училища; 3) среднія учебныя заведенія (гимназіи, спеціальныя учебныя заведенія); 4) лицей и 5) университеты и спеціальныя высшія учебныя

заведенія съ высшими курсами для самостоятельныхъ научныхъ занятій. При этомъ, хотя онъ и констатируетъ, что въ царствованіе Александра III значительно увеличенъ бюджетъ на народное образованіе, тѣмъ не менѣе въ этотъ періодъ уровеньъ знаній и науки палъ до чрезвычайности, въ особенности въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь его взглядовъ на экономическую политику того времени и desideria по сему предмету, такъ какъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ той эпохи нами будетъ посвященъ отдѣльный очеркъ. Укажемъ лишь, что при всей своей компетентности въ области политической экономіи онъ не рѣшался вступить на широкій путь экономическихъ реформъ, на который вскорѣ вступилъ второй его замѣститель С. Ю. Витте. Начинанія Бунге касались частичныхъ сторонъ нашей финансовой политики, отмѣченныя печатью нерѣшительности и компромисса между его фритредерскими идеалами и вѣяніями сильной дворянской партіи. Немного матеріала даетъ онъ и по вопросу о развитіи социализма у насъ и, относясь къ социалистическимъ утопіямъ отрицательно, спрашиваетъ: «Если социализмъ такое зло, отъ котораго гибнуть нравственность, долгъ, свобода, личность, то неужели же потеряна всякая надежда на успѣшную борьбу съ социализмомъ, и общество должно погибнуть отъ тѣхъ золь, которыя его зарождаютъ, или отъ золь, въ немъ заключающихся?» На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, жизнь есть борьба, и все, что возможно, это обезвреживанье социализма. Отсюда въ человѣческихъ обществахъ потребность въ верховной власти и въ ея защитѣ. Но верховная власть не можетъ дѣйствовать непосредственно, она нуждается въ агентахъ, въ содѣйствіи самаго общества и, наконецъ, въ законахъ и учрежденіяхъ, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворить потребностямъ минуты относительно водворенія возможной справедливости на землѣ, справедливости, равной для всѣхъ и каждаго, тѣми средствами, которыя въ данное время представляются наиболѣе пригодными. Другими словами, задача верховной власти и ея учрежденій состоитъ въ облегченіи для каждаго условій пріобрѣтенія собственности и капитала, для сохраненія свободы и въ соперничествѣ и въ томъ, что сдерживаетъ гнетущую силу соперничества въ ассоціаціяхъ».

Изъ сказаннаго, по его утвержденію, явствуетъ, какъ трудна борьба съ социализмомъ и какъ легко попасть правительству на опасный путь. «Во-первыхъ,—говоритъ онъ,—при настоящихъ условіяхъ религиозныхъ, нравственныхъ и хозяйственныхъ нельзя дѣятельности государства или хозяйственно-организованныхъ общинъ съ общимъ имуществомъ, общимъ производствомъ и общимъ потребленіемъ замѣнить личную собственность, личное хозяй-

ство и потребленіе. Если область государственнаго и общественнаго хозяйства въ теченіе послѣдней половины настоящаго столѣтія значительно расширилась (обращеніе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ въ государственныя предпріятія; устройство городами водопроводовъ, освѣщенія, общественныя предпріятія паровозныхъ, конно-желѣзныхъ дорогъ и т. д.) и еще большее расширеніе предвидится въ болѣе отдаленномъ будущемъ, то сдѣланные опыты замѣны свободнаго частнаго хозяйства принудительнымъ хозяйствомъ государственнымъ или общественнымъ не сказали еще своего послѣдняго слова, и эти формы еще не упразднили частнаго хозяйства, а съ тѣмъ вмѣстѣ личности и свободы человѣка.

«Правительство вступило бы на опасный путь, если бы оно предпріяло занятіе тѣми отраслями, которыя съ успѣхомъ велись частною промышленностью, если бы оно вздумало монополизировать горные промыслы, фабрики и заводы. Если уже при установленіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ правительство становится въ трудное положеніе предпринимателя, который долженъ заботиться не только о выгодѣ, но и объ удовлетвореніи желаній своихъ кліентовъ, доставляя имъ извѣстныя преимущества или облегченія относительно привоза необходимыхъ для нихъ товаровъ или сбываемыхъ ими произведеній, то понятно, что назначеніе заработной платы въ фабричныхъ и заводскихъ предпріятіяхъ, установленіе цѣнъ сырымъ матеріаламъ, пріобрѣтаемымъ казною, и произведеніямъ, отдаваемымъ въ продажу,—представляютъ огромныя трудности. Вторженіе государства въ фабричную и заводскую предпріимчивость положило бы начало неограниченной власти администраціи относительно назначенія цѣнъ, власти, доселѣ неизвѣстной, и которая, конечно, будетъ могущественнѣе всѣхъ возможныхъ коалицій капиталистовъ.

«Но можно возразить, что эта власть не будетъ одностороннею, что она будетъ имѣть въ виду справедливость и общее благо. Конечно, это необходимо для того, чтобы государственное хозяйство могло существовать, но всегда ли это будетъ? Можно ли требовать отъ казеннаго управленія, которое при дурномъ веденіи хозяйства не отвѣчаетъ своимъ карманомъ въ такой степени, какъ частное, чтобы оно было по природѣ своей и справедливо, и интеллигентно, и разумно? Не послѣдуетъ ли при немъ то ослабленіе пружины человѣческой дѣятельности, которое неизбѣжно при всякомъ коммунистическомъ хозяйствѣ? Не наступитъ ли упадокъ духа изобрѣтательности и стремленія къ улучшеніямъ и нововведеніямъ? Съ какими бы ограниченіями ни допускались эти пессимистическія предположенія, но весьма мало вѣроятія, чтобы государство могло во всемъ и вездѣ успѣшно замѣнить частную предпріимчивость.

«Есть государства, гдѣ казенное хозяйство можетъ получить примѣненіе болѣе обширное, но есть такія, въ которыхъ необходимо остерегаться его введенія. Главное условіе успѣха—хорошо дисциплинированная, честная администрація. Гораздо свободнѣе можетъ дѣйствовать государство въ области законодательной, устранивая или способствуя устроению обществомъ всего, что прямо или косвенно способствуетъ пріобрѣтенію недвижимой собственности (дома для жилья и земля) и накопленію капитала, охраненію рабочаго труда дѣтей, женщинъ и взрослыхъ (законъ о рабочихъ). Всего этого, однако, мало: нужны еще права, духъ семейный для противодѣйствія социализму въ его грубѣйшихъ формахъ, извѣстная мѣра довольства настоящимъ».

Въ заключеніе Н. Х. Бунге утверждаетъ: «На социализмъ надо смотрѣть не какъ на нѣчто, могущее быть искорененнымъ, но какъ на нѣчто, требующее введенія въ извѣстныя границы, причемъ общественная жизнь получаетъ болѣе правильное и нормальное теченіе. Нельзя искоренить социализмъ, какъ нельзя искоренить микробовъ. Безъ желанія счастья и стремленія къ нему застыла бы самая жизнь. Вопросъ въ томъ, въ чемъ заключается счастье! Для успѣшной борьбы съ социализмомъ необходимы права, учрежденія и законы, упрочивающіе нравственное и матеріальное благосостояніе всѣхъ и каждого, какъ классовъ, владѣющихъ недвижимыми имуществами, такъ и рабочихъ. Необходимо возможное пробужденіе и развитіе семейнаго духа, необходимо возможное распространеніе частной собственности и учрежденія, обеспечивающія союзность и соглашеніе интересовъ какъ въ средѣ отдѣльныхъ категорій населенія, такъ и между этими категоріями (учрежденія земледѣльческихъ, промышленныхъ и др. обществъ), для успѣшнаго веденія каждымъ своего дѣла и для достиженія общихъ цѣлей соединенными силами (пока осуществлено одно страхованіе имуществъ и жизни). Необходимо суды для разбора интересовъ, приходящихъ въ столкновеніе, хотя бы ничье формальное право нарушено не было. Необходимо предупредить сосредоточеніе недвижимой собственности въ немногихъ рукахъ и облегчить для каждого накопленіе капиталовъ и пользованіе кредитомъ для цѣлей производства, а не потребленія».

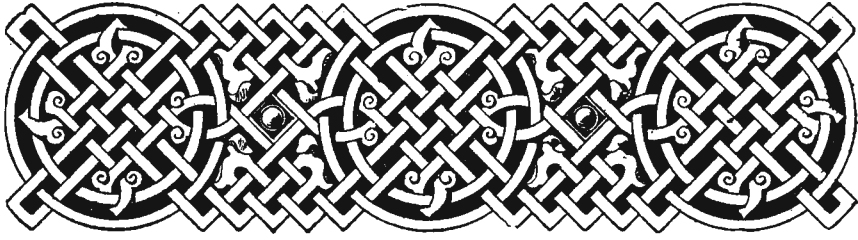
Этими разсужденіями закапчивается записка Николая Христіановича, причемъ онъ, касаясь вопросовъ социализма вообще и борьбы съ нимъ, ни однимъ словомъ не обмолвливается относительно русскаго революціоннаго движенія. Въ его лицѣ мы видимъ любопытнаго дѣятеля эпохи Александра III, который, широко смотря на насущные вопросы русской жизни, развертывая свою реформаціонную политическую программу, стоитъ какъ бы въ сторонѣ отъ причинъ сподвижниковъ Царя-Миротворца и, воздавая должное многимъ

начинаіямъ своего монарха, имѣть смѣлость собственнаго сужденія, прозрѣвая грядущія судьбы Россіи, а не гоняясь за тѣмъ или инымъ частичнымъ вопросомъ государственнаго дня. Къ его личности намъ еще придется вернуться, когда рѣчь пойдетъ о той закулисной борьбѣ, жертвой которой онъ явился, какъ министръ финансовъ, съ высокой оцѣнкой, однако, его въ качествѣ предѣдателя комитета министровъ, пользующагося высокимъ довѣріемъ своего государя.

Б. Глинскій.

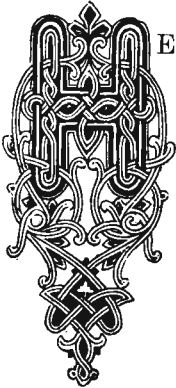
(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИНЫ.

(По поводу новаго «общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины»).

БЕСОМНѢННО, что на необъятномъ пространствѣ нашей матушки-Руси много еще памятниковъ старины, хотя всеразрушающее время и рука злого и невѣжественнаго человѣка безпощадно губили ихъ. До послѣдняго времени на это роковое обстоятельство обращали очень мало вниманія. Въ нашихъ провинціяхъ историко-археологическія общества стали возникать не ранѣе, какъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, и, дѣйствуя съ очень ограниченными денежными средствами, при маломъ количествѣ дѣятельныхъ и знающихъ работниковъ и нерѣдко при большомъ противодѣйствіи со стороны губернаторской власти, они, естественно, не могли добиться осуществленія и части своихъ главнѣйшихъ задачъ, въ особенности по сохраненію ветшающихъ памятниковъ мѣстной старины.

Въ послѣднее десятилѣтіе на помощь мѣстнымъ изслѣдователямъ явились историко-археологическіе съѣзды, которые въ то же время сыграли видную роль, какъ распространители въ широкихъ кругахъ мѣстнаго общества знаній и интереса къ предметамъ старины. Возбужденный ими интересъ къ нашимъ главнѣйшимъ и наиболѣе многочисленнымъ памятникамъ церковной археологіи вызвалъ къ жизни рядъ новыхъ церковныхъ историко-археологическихъ комитетовъ и обществъ, поставившихъ себѣ главною задачею озна-

комплеіе и сохраненіе того, что еще удѣлѣло въ нашихъ церквахъ и монастыряхъ.

Рядомъ съ этимъ, какъ извѣстно, еще ранѣе провинціальныхъ обществъ дѣйствовали и дѣйствуютъ столичные императорскія общества и коммисіи, при которыхъ въ самые послѣдніе годы возникли даже особыя официальные коммисіи по охраненію памятниковъ старины, но ясныхъ результатовъ ихъ работы пока еще не видно и даже не слышно.

Поэтому для всѣхъ, любящихъ свою родину и цѣнящихъ ея старинныя памятники, должно быть отрадно появленіе новаго частнаго общества, которое за первый же годъ своего существованія успѣло совершить много полезнаго.

Я разумѣю здѣсь возникшее въ концѣ 1910 года общество защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Вотъ какъ формулируетъ это новое общество свои задачи: «препятствовать разрушенію и способствовать сохраненію въ Россіи всѣхъ памятниковъ, имѣющихъ художественную или историческую цѣнность, независимо отъ эпохи созданія ихъ. Архитектурныя постройки, памятники кладбищъ, картины, бронза, фарфоръ, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности—все это, составляющее культурное состояніе Россіи, подлежитъ сохраненію и защитѣ».

«Съ этою цѣлью,—читаемъ далѣе въ только что изданномъ «Отчетѣ»,—общество рѣшило предпринять широкую пропаганду для развитія въ массахъ уваженія и любви къ предметамъ старины и искусства, издавать брошюры и художественныя изданія, читать лекціи и устраивать выставки. Въ случаѣ предстоящей опасности какимъ-либо памятникамъ искусства и старины общество рѣшило выступить въ защиту ихъ, какъ ходатайствомъ передъ соответствующими вѣдомствами и учрежденіями, такъ и сборомъ пожертвованій и путемъ воззваній въ газетахъ и журналахъ».

Послѣдній пунктъ осуществленія задачъ общества особенно симпатиченъ: онъ сильно оживитъ дѣятельность общества, а ожививъ и увеличивъ ее, дастъ немало благихъ результатовъ для исторіи культуры въ Россіи. Вѣдь другого общества съ подобными планами у насъ пока не было и нѣтъ. Императорская археологическая коммисія, единственная вѣдавшая защиту памятниковъ древней Руси, во-первыхъ, ограничивается, по своему уставу, охраной памятниковъ до 1725 года, и, во-вторыхъ, при маломъ числѣ дѣйствительныхъ членовъ и сравнительно ограниченныхъ денежныхъ средствахъ, не можетъ одна обслуживать даже древнѣйшіе и болѣе выдающіеся памятники всей необъятной матушки-Руси.

И въ первый же годъ своего существованія общество, на нашъ взглядъ, блестяще выполнило свою задачу защиты и сохраненія памятниковъ искусства и старины. На страницѣ 11—13 «Отчета» о дѣя-

тельности общества до 1-го января 1912 года, между прочимъ, читаемъ: послѣ доклада Г. К. Лукомскаго о батуринскомъ дворцѣ, нѣкогда принадлежавшемъ графамъ Разумовскимъ и представляющемъ, по словамъ докладчика, «цѣнность одного изъ лучшихъ памятниковъ возрожденнаго классическаго стиля въ Россіи», была образована для его реставраціи особая коммиссія, подъ предѣдательствомъ свѣтлѣйшаго князя М. К. Горчакова, которой и поручено было заняться реставраціонными работами и собраніемъ на этотъ предметъ особыхъ средствъ. «Благодаря щедрому дару графа Камилла Разумовскаго, свѣтлѣйшихъ князей К. А. и М. К. Горчаковыхъ, графини М. Ф. Шереметевой, А. В. Нарышкина и В. П. Кочубея были собраны 7.600 рублей, на которые и начата въ 1911 году предварительная реставрація дворца. По высочайшему повелѣнію дворецъ, находившійся въ вѣдѣніи военно-инженернаго вѣдомства, переданъ обществу защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Въ теченіе лѣта 1911 года архитекторъ А. Е. Вѣлогрудъ предпринялъ работы по реставраціи дворца, стѣны коего укрѣплены и предохранены крышею отъ дальнѣйшаго разрушенія и, такимъ образомъ, дворецъ, бывший наканунѣ гибели, спасенъ». (Въ нынѣшнемъ году производится дальнѣйшая реставрація).

Другая коммиссія, подъ предѣдательствомъ князя А. В. Оболенскаго, занялась реставраціей Оерапонтова монастыря, основаннаго въ XIV вѣкѣ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Повгородской губерніи преподобнымъ Оерапонтомъ, сподвижникомъ святого Кирилла Бѣлозерскаго. «Монастырь этотъ, пользовавшійся въ древнія времена поддержкой великихъ князей и царей московскихъ, представляетъ много связанныхъ съ ними историческихъ воспоминаній и рядъ замѣчательныхъ для русскаго искусства художественныхъ цѣнностей. Особого вниманія заслуживаетъ соборъ Рождества Богородицы (XV столѣтія) не только по своимъ архитектурнымъ формамъ, но также и по превосходной живописи, принадлежащей кисти извѣстнаго иконописца Діонисія и его школы. Роспись эта, законченная въ 1502 году, представляетъ рѣдчайшій образецъ живописнаго искусства того времени. Къ сожалѣнію, соборъ находился въ полномъ упадкѣ съ конца XVIII столѣтія: доколы обветшали и вывѣтривались, мѣстами даже обсыпались стѣны и образовались трещины, доходящія до купола».

Коммиссіи, подъ предѣдательствомъ князя А. В. Оболенскаго, удалось въ минувшемъ году «собрать четыре тысячи рублей частныхъ пожертвованій и получить разрѣшеніе святѣйшаго синода на всероссійскій кружечный сборъ, имѣющій быть 27-го мая 1912 года». Къ работамъ же и именно къ поддержанію тѣхъ частей, которымъ грозитъ наибольшая опасность, приступлено весной 1912 года.

Въ минувшемъ году были образованы при обществѣ еще двѣ коммиссіи: одна, подъ предѣдательствомъ генерала-отъ-инфантеріи

Д. М. Рѣзвого, для реставраціи ямбургскаго собора, а другая, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго губернатора, графа А. В. Адлерберга, для реставраціи памятниковъ въ Петербургской губерніи. Обѣ эти комиссіи успѣли уже приступить къ работамъ, но о результатахъ ихъ дѣятельности будетъ сообщено въ отчетѣ за 1912 годъ.

Наконецъ, общество, вступивъ съ ходатайствами въ различныя учрежденія для спасенія памятниковъ, которымъ грозила гибель, успѣло «предохранить отъ разрушенія московскія триумфальныя ворота въ Иркутскѣ, на поддержаніе которыхъ мѣстной городской думой отпущено 6.000 рублей. Благодаря вмѣшательству общества, «были спасены и иконы Боровиковскаго въ церкви села Державина, Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи, при чемъ мѣстный священникъ отецъ Николай Никольскій на собственный счетъ реставрировалъ рамы иконъ и укрылъ ихъ подъ стекла». Обществомъ ассигнована и нѣкоторая сумма псковскому археологическому обществу для ремонта насыпи псковскаго дѣтинца.

Такова реставраціонная дѣятельность общества за минувшій 1911 годъ, но ей предшествовала и шла затѣмъ рука объ руку съ нею другая—просвѣтительная, заключавшаяся, во-первыхъ, въ чтеніи цѣлаго ряда докладовъ, во-вторыхъ, въ устройствѣ двухъ художественныхъ выставокъ, въ-третьихъ, въ устройствѣ спектакля, дважды повтореннаго. На немъ была разыграна комедія Загоскина «Урокъ матушкамъ», вся постановка которой явилась «опытомъ сценическаго возсозданія русской провинціальной жизни тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія». Спектакль этотъ, стоившій большихъ трудовъ цѣлой группѣ лицъ, при большихъ расходахъ (5.593 рубля), далъ, однако, чистой прибыли 4794 рубля 40 копеекъ.

Выставки, устроенныя, благодаря ходатайству августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Николая Михайловича, въ Бѣлоколлонномъ залѣ музея императора Александра III, были посвящены А. Г. Венеціанову и О. А. Кипренскому; на первой было собрано 54 его картины изъ частныхъ коллекцій Петербурга и Москвы, а на второй—около 150 картинъ, присланныхъ не только изъ обѣихъ столицъ, но и другихъ городовъ и мѣстностей. Попутно были изданы составленныя барономъ Н. Н. Врангелемъ монографіи о Венеціановѣ и Кипренскомъ, съ репродукціями со всѣхъ картинъ этихъ художниковъ, находящихся у частныхъ лицъ.

Чтобы судить о характерѣ читанныхъ на засѣданіяхъ общества докладовъ, приведемъ названія хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) «Батуриискій дворець», Г. К. Лукомскаго (напечатанъ отдѣльной брошюрой); 2) «Фрески собора Терапонтова Бѣлозерскаго монастыря», В. Т. Георгіевскаго; 3) «О соборѣ Терапонтова монастыря», К. К. Романова; 4) «О ямбургскомъ соборѣ», А. П. Аплаксина; 5) «О самаркандскихъ мечетяхъ», М. И. Дворжицкаго; 6) «О раскопкахъ въ Новгородѣ», Н. Е. Макаренко; 7) «Объ археологическомъ

институтѣ въ городѣ Ани», К. К. Романова; 8) «О домѣ Александра I въ городѣ Вознесенскѣ», С. А. Чураева, и др.

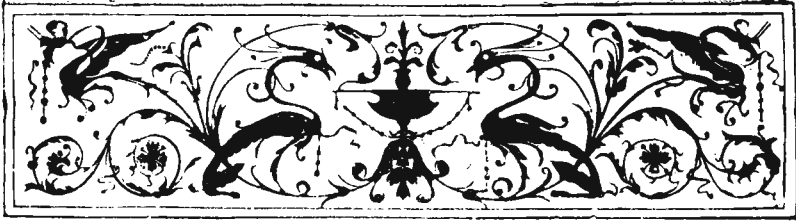
Общество защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, состоящее подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича (товарищи предсѣдателя: А. Н. Бенуа и Е. Н. Волковъ и секретарь баронъ Н. Н. Врангель), къ 1-му января 1912 года насчитывало въ своемъ составѣ свыше 380 членовъ и располагало въ отчетномъ году суммою въ 21.038 рублей, изъ которыхъ израсходовано—16.577 рублей.

Составъ и средства новаго общества довольно уже значительны, но совѣтъ общества, справедливо признавая, что въ Петербургѣ сосредоточить охрану памятниковъ всей Россіи «весьма трудно и даже невозможно», рѣшилъ расширить поле дѣятельности образованіемъ провинціальныхъ отдѣленій, каковыя уже существуютъ въ Смоленскѣ, Тулѣ, Казани, Вильнѣ и Ростовѣ Великомъ.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность этого новаго, безпримѣрнаго по своимъ задачамъ общества за минувшій 1911 годъ, и намъ остается только пожелать ему въ дальнѣйшемъ наибольшаго расширенія его работъ, дѣйствительно клонящихся къ возсозданію и сохраненію нашихъ памятниковъ старины.

В. Рудаковъ.

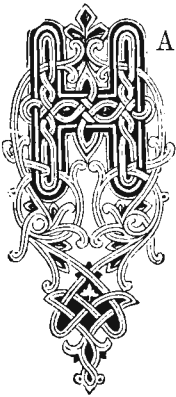

ПОЪЗДКА ВЪ ТАВРИЗЪ ¹⁾.

IX.

Поѣздка на фабрику Шюнемана.—Г. Шюнеманъ.—Русскій военный отрядъ въ Та-
вризѣ.—Приписанная имъ польза Тавризу.

А СЛѢДУЮЩІЙ день, который приходился въ пятницу, 9-го сентября (въ этотъ день праздникъ у мусульманъ, какъ у насъ воскресенье, и банкъ не работаетъ), къ намъ пріѣхалъ А. І. Трескинскій, и мы всѣ четверо, т.-е. управляющій банка, контролеръ, инж. Трескинскій и я, поѣхали на фабрику Шюнемана. Фабрика, какъ сказалъ въ клубѣ Шюнеманъ, будетъ работать.

Минуть черезъ пятнадцать ѣзды мы уже подъѣзжали къ воротамъ фабрики. Къ фабрику отъ воротъ ведетъ широкая аллея, направо отъ которой находится большой бассейнъ. Около фабрики насъ встрѣтилъ Шюнеманъ и повелъ осматривать фабрику. Шюнеманъ мнѣ очень понравился.

Средняго роста, худенькій, изящно одѣтый, съ умными живыми глазами, весь самъ живой въ движеніяхъ, онъ производитъ впечатлѣніе очень дѣятельнаго человѣка. Изъ его же разговора выяснилось, что онъ поставилъ себѣ опредѣленную цѣль и твердо идетъ къ ея осуществленію. Именно, цѣлью его является, какъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХVIII, стр. 972.

онъ и самъ подтвердилъ высказанное мною ему предположеніе, оказать содѣйствіе развитію персидскихъ производствъ путемъ устройства для каждаго изъ производствъ соотвѣтствующихъ фабрикъ. Напримѣръ, данная фабрика выдѣлываетъ нитки для ковровъ. Поэтому мнѣ кажется, что сообщенія, бывшія въ печати, что нѣмцы хотятъ устроить въ Тавризѣ ковровую фабрику, не совсѣмъ точны. Едва ли нѣмцы станутъ возстаповлять противъ себя персовъ, отнимая отъ нихъ давнишній ихъ главный заработокъ.

Фабрика Шюнемана работала при нашемъ посѣщеніи полнымъ ходомъ. Рабочими на фабрикѣ являлись болѣею частью мальчишки-персы, которые очень внимательны къ своимъ работамъ. Интересно было смотрѣть, какъ эти маленькіе рабочіе, стоя у станковъ, внимательно слѣдили за катушками и быстро перебѣгали отъ одной къ другой, гдѣ рвалась нитка.

Фабрика Шюнемана довольно большая, но оборудована машинами устарѣлой конструкціи. Работаетъ фабрика день и ночь, и гудокъ ея разносится по всему Тавризу. Каждый разъ, слыша фабричный гудокъ, мнѣ какъ-то дѣлалось не по себѣ отъ чувства досады, что не мы, вліяніе которыхъ въ сѣверной Персіи исключительное, устроили здѣсь фабрику.

Съ фабрики г. Шюнеманъ повелъ насъ къ находящимся напротивъ нея, черезъ улицу, зданіямъ, одно изъ которыхъ являлось домомъ г. Шюнемана, а другое—второй фабрикой этого предпринимчиваго и энергичнаго нѣмца.

Почему-то въ печати мнѣ не приходилось читать объ этой второй фабрикѣ г. Шюнемана, между тѣмъ, по-моему, она имѣетъ значеніе гораздо болѣе, чѣмъ первая.

Эта фабрика представляетъ собою высокій одноэтажный домъ, раздѣленный на шесть или восемь отдѣленій. Въ каждомъ изъ отдѣленій поставлены новѣйшей конструкціи небольшія машины для выработки того или другаго изъ производствъ. Г. Шюнеманъ подмѣтилъ, какія изъ фабрикъ наиболѣе необходимы для персовъ, и соотвѣтственно потребностямъ таковыя оборудовалъ.

Такъ, напримѣръ, у него имѣется лѣсопилка, машины для выдѣлки столярныхъ издѣлій, слесарныхъ, а также мельница.

Интересный, между прочимъ, фактъ выяснился, когда мы пришли въ отдѣленіе, гдѣ находилась мельница. Здѣсь стояли мѣшки съ мукой. Я спрашиваю, чья это мука—персовъ? «Нѣтъ,—отвѣчаетъ г. Шюнеманъ,—это мука тавризскаго отряда». Такимъ образомъ, оказывается, что тавризскій отрядъ вынужденъ молоть свою муку на фабрикѣ Шюнемана, который представляетъ для насъ серьезнаго конкурента въ Тавризѣ.

Я говорю «вынужденъ» потому, что, какъ мнѣ сообщилъ А. И., у тавризскаго отдѣленія нашего банка имѣется также мельница,

но, какъ потомъ оказалось при осмотрѣ ея, она не работаетъ, такъ какъ камни жернововъ перетерлись и надо купить новые. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснили мнѣ персы-работчіе на мельницѣ.

Вторая осматрѣнная нами фабрика Шюнемана безусловно представляетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ первая. Она включаетъ въ себѣ нѣсколько, такъ сказать, показныхъ маленькихъ фабрикъ, которыя, можно предполагать, будутъ вскорѣ не въ одномъ Тавризѣ въ Персіи.

Когда мы вышли изъ фабрики, то насъ всѣхъ, вмѣстѣ съ Шюнеманомъ, А. І. снялъ у фабрики.

Въ это время германскій флагъ гордо развѣвался надъ домомъ Шюнемана и какъ бы говорилъ намъ о тѣхъ успѣхахъ, которыхъ можетъ достигнуть энергичный и предпріимчивый нѣмецъ и что германское правительство умѣетъ цѣнить подобныхъ своихъ подданныхъ.

Мнѣ рассказывали въ Тавризѣ, что первоначально дѣла Шюнемана съ фабрикой шли очень плохо. На фабрикѣ работа машинъ все не налаживалась, деньги у Шюнемана изсякли и кредитъ ему въ Тавризѣ закрылся. Тогда Шюнеманъ весною 1911 года отправился въ Германію, былъ принятъ чуть ли не самимъ императоромъ Вильгельмомъ; правда это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ вернулся съ деньгами. Привезенный имъ опытный техникъ быстро наладилъ фабрику, и вотъ теперь она работаетъ полнымъ ходомъ.

Въ разговорѣ со мной Шюнеманъ сообщилъ, что онъ выписалъ изъ Германіи двадцать пять различныхъ нѣмецкихъ мастеровъ для обѣихъ фабрикъ.

Послѣ осмотра фабрикъ Шюнеманъ предложилъ намъ чай. Во время общей бесѣды за чаемъ Шюнеманъ спросилъ контролера банка Фердинанда Фердинандовича Фогта, кто я такой и почему интересуюсь его фабриками.

Послѣдній объяснилъ ему цѣль моего приѣзда въ Тавризъ. Тогда Шюнеманъ спросилъ опять г. Фогта, не пишу ли я въ газетахъ. Тотъ отвѣтилъ, что да, иногда. Послѣ этого Шюнеманъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Вы не говорите въ Петербургѣ, что Германія является конкурентомъ Россіи въ Тавризѣ въ отношеніи торговли, мы не можемъ конкурировать здѣсь съ Россіей въ этомъ отношеніи, здѣсь все русскіе товары, я хочу,—пояснилъ Шюнеманъ,—своими фабриками оказать содѣйствіе къ развитію персидскихъ кустарныхъ производствъ».

То-есть, напримѣръ, деревья въ Персіи пилятся на доски самымъ примитивнымъ способомъ; одинъ стоитъ наверху бревна, положеннаго на козлы, а другой внизу и такъ пилятъ. Шюнеманъ же на своей лѣсопилкѣ можетъ въ нѣсколько минутъ напилить персамъ необходимыя для ихъ работъ доски.

Затѣмъ Шюнеманъ высказалъ мнѣ, что было бы очень хорошо, если бы Россія проложила скорѣе желѣзную дорогу къ Тавризу. На это я отвѣчалъ ему: «Кому же будетъ хорошо, что желѣзная дорога пройдетъ къ Тавризу? Едва ли самой Россіи. Русское правительство затратить деньги на дорогу, а барыши будутъ получать другіе, но не русскіе». Въ этомъ случаѣ я разумѣлъ Шюнемана и другихъ иностранцевъ, работающихъ въ Тавризѣ. «Кромѣ того, — продолжалъ я, — сами же иностранцы, если Россія проложитъ желѣзную дорогу, будутъ кричать, что Россія хочетъ захватить Тавризь».

Ниточная фабрика Шюнемана.

Шюнеманъ на мой отвѣтъ ничего не возразилъ и только какъ-то двусмысленно улыбнулся.

Затѣмъ мы вскорѣ распрощались съ г. Шюнеманомъ и отправились домой. Я поѣхалъ съ Ферд. Ферд. Фогтомъ, и разговоръ нашъ естественно былъ исключительно о Шюнеманѣ и его фабрикахъ.

Ранѣе о фабрикахъ Шюнемана въ Тавризѣ почему-то циркулировали слухи, что фабрика не работаетъ и вообще ничего не стоитъ. Когда мнѣ это говорили и убѣждали, что ѣхать смотрѣть фабрику не стоитъ, я отвѣтилъ, что мнѣ все-таки интересно посмотрѣть, что хотѣлъ сдѣлать г. Шюнеманъ, считающійся здѣсь нашимъ конкурентомъ. По моему мнѣнію, при существованіи противника,

надо ознакомиться не только съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, но и предполагать сдѣлать, а уже потомъ игнорировать его или пѣть.

И вотъ изъ нашего посѣщенія г. Шюнемана оказалось, что дѣятельность его весьма успѣшна, что базарные слухи были ложь и г. Шюнеманъ представляетъ для насъ очень и очень серьезнаго противника.

Чтобы знать всю энергію и пастойчивость Шюнемана, надо сказать про тѣ трудности, которыя ему пришлось преодолѣть при оборудованіи своихъ фабрикъ.

Наша Тавризская дорога потребовала съ него громадную плату за провозъ машинъ,—Шюнеманъ уплатилъ; первый его механикъ на фабрику пустилъ съ чего-то обратнымъ ходомъ всѣ машины и всѣ перепортилъ,—Шюнеманъ выгналъ его и привезъ новаго механика; компаньонъ Шюнемана Моссигъ сталъ, затѣмъ, также къ нему недоброжелателемъ,—Шюнеманъ компанію его отъ себя отстранилъ и т. д.

Вообще, казалось бы, энергичнаго человѣка, твердо идущаго къ опредѣленной цѣли, трудно задержать въ ея осуществленіи возвышенными платами и т. п., да и это малокультурный пріемъ борьбы. Борьба съ такимъ конкурентомъ возможна только тѣмъ, чтобы стараться перещеголять его, но, къ сожалѣнію, нашихъ русскихъ коммерсантовъ трудно заманить на какое-нибудь новое дѣло. Они получаютъ съ избыткомъ барыши въ Россіи, а идти на Востокъ, особенно въ Персію, гдѣ теперь идетъ междуусобная борьба,—Боже упаси!

Въ тотъ же день я сдѣлалъ визитъ дѣлопроизводителю нашего банка и въ нашъ отрядъ, начальнику его полковнику Чаплину.

Необходимо сказать въ данномъ случаѣ нѣсколько словъ про нашъ отрядъ.

Много было когда-то нареканій въ печати, не только въ иностранной, но иногда и среди нашей же русской, именно въ лѣвыхъ газетахъ, на присутствіе въ Персіи нашихъ воинскихъ частей.

Подъ вліяніемъ нападокъ персидскаго меджлиса, мы вывели свой отрядъ изъ Казвина. Однако, казалось бы, персы-то сами не только не смѣютъ изъяслять претензіи на пребываніе нашихъ воинскихъ частей въ Персіи, но, напротивъ, должны насъ за эти взятые на себя расходы и заботы благодарить.

Дѣйствительно, напримѣръ, въ Тавризѣ, только благодаря присутствію нашего отряда, городъ этотъ имѣлъ возможность вести торговлю и вообще существовать болѣе или менѣе спокойно.

Вѣдь надо видѣть сначала, какая такая революція въ Персіи, прежде, чѣмъ порицать наши тамъ дѣйствія! Происходитъ слѣдующее: захватившій власть, въ лицѣ настоящихъ персидскихъ министровъ или губернаторовъ, начинаетъ первымъ дѣломъ грабить народъ, такъ какъ, съ одной стороны, такой правитель не увѣренъ въ продолжительности своей власти, съ другой, въ силу врожденной у перса къ тому склонности.

Кромѣ того, революцію персидскую много дѣлають наши кавказскіе «товарищи», являющіеся сюда въ погонѣ за легкой наживой. Общее убѣжденіе было во время моего пребыванія въ Тавризѣ, что въ случаѣ перевѣса сторонниковъ эхъ-шаха персы первымъ дѣломъ кинутся на армянскій кварталъ, который жилъ тамъ подѣ страхомъ погрома.

Самъ персидскій народъ жаждетъ лишь спокойствія, такъ какъ настоящіе правители совсѣмъ его обобрали. Мнѣ неоднократно говорили на базарѣ, что спасибо русскимъ, благодаря вашему отряду мы еще можемъ жить. Что же было бы въ Тавризѣ, если бы тамъ произошла рѣзня! Мы знаемъ, что улицы Тавриза представляютъ собою каменный лабиринтъ, и поэтому здѣсь спокойствіе самимъ персамъ было бы невозможно возстановить, а если оно и возстановилось бы, то лишь тогда, когда половина населенія Тавриза была бы вырѣзана.

Между тѣмъ въ Тавризѣ имѣются и наши и иностранныя консульства, два банка, много русскихъ подданныхъ, намъ же ввѣрена охрана иностранцевъ, и потому подобной рѣзни въ городѣ мы не можемъ и не должны допустить.

Товарищи могутъ кричать что угодно, а самъ персидскій народъ въ душѣ въ высшей степени благодаренъ намъ.

Напримѣръ, также, сообщеніе на Тавризской дорогѣ возможно только благодаря охранѣ ее нашими казаками. Не будь послѣднихъ, то и по этому пути, какъ и на прочихъ, прекратилось бы движеніе и пассажировъ и товаровъ.

Расположенный въ Тавризѣ нашъ отрядъ состоялъ при мнѣ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Всего насчитывалось около тысячи человекъ.

Къ сожалѣнію, не могу сказать, по какой причинѣ солдаты наши очень болѣютъ тифомъ и много изъ нихъ умираетъ. Какъ-то я проходилъ садъ, гдѣ помѣщается отрядъ, и увидѣлъ тамъ приготовленные деревянные гробы для тѣхъ изъ солдатиковъ, на выздоровленіе которыхъ уже была потеряна надежда. Зрѣлище это, тяжелое для меня, является, мнѣ думается, еще тяжелѣе для солдатъ отряда.

На эту эпидемію у солдатъ тифа надо было бы обратить особое вниманіе, если она все еще продолжается.

X.

Персидская почта.—Таможня.—Иностранная маловѣсная посылка (colis postaux).—
Управленіе Тавризской дороги.—Стивенсы—отецъ и сынъ.

10-го сентября. Въ этотъ день я осматривалъ въ Тавризѣ персидскую почту, таможню и зашелъ на базаръ познакомиться съ Стивенсами.

Я каждый день первоначально ѣхалъ съ г. Анастасинскимъ въ банкъ и оттуда, взявъ одного изъ персидскихъ служителей банка за проводника, служившаго мнѣ въ то же время переводчикомъ, отправлялся знакомиться съ интересовавшими меня учрежденіями и мѣстами.

Персидская почта въ Тавризѣ находится въ завѣдываніи армянина, владѣющаго хорошо французскимъ языкомъ, но совершенно не говорящаго по-русски. Почта оборудована съ вѣшной стороны довольно хорошо. Въ посѣщеніи почты мною руководило главнымъ образомъ желаніе ознакомиться здѣсь, въ Тавризѣ, съ вопросомъ о маловѣсныхъ посылкахъ. На мой вопросъ объ этомъ начальникъ почты сообщилъ мнѣ, что эти посылки привозятся прямо въ таможену, но что онъ знаетъ этотъ вопросъ и самъ удивляется, какая большая торговля производится посредствомъ этихъ посылокъ иностранными товарами и что Россіей не выработано какихъ-нибудь особыхъ условій о пересылкѣ въ Персію заграничныхъ маловѣсныхъ посылокъ.

Онъ затѣмъ мнѣ сказалъ, что написалъ недавно нашему посланнику въ Тегеранѣ относительно чрезвычайно малаго количества русскихъ маловѣсныхъ посылокъ, присылаемыхъ въ Персію, что, по его мнѣнію, помимо прочихъ условій, зависитъ также отъ незнакомства русскихъ отправителей съ технической стороной пересылки этихъ посылокъ. Такъ, иностранные коммерсанты пишутъ на своихъ *colisp ostaux*: «Perse Taurise poste restante», и посылки съ подобною надписью досматриваются въ Тавризѣ, а русскіе отправители пишутъ: «Джульфа Тавризъ, такому-то», вслѣдствіе чего наши посылки досматриваются въ Джульфѣ, т.-е. въ первомъ пограничномъ персидскомъ пунктѣ, и тамъ задерживаются.

Дѣйствительно, это является одной изъ главныхъ причинъ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться при ознакомленіи съ вопросомъ о пересылкѣ маловѣсныхъ посылокъ на мѣстѣ, что, при одинаковой цѣнности русскаго и иностраннаго товаровъ, выписывающей его въ Персію предпочитаетъ послѣдній въ виду скорѣйшей его доставки.

Затѣмъ начальникъ почты направилъ меня въ таможену, чтобы посмотреть тамъ эти посылки, и любезно обѣщалъ, въ случаѣ надобности, прислать мнѣ въ Петербургъ означенную его записку.

Таможня въ Тавризѣ, которая, какъ и всѣ остальные въ Персіи, какъ уже указывалось, оборудована бельгійцами, и съ вѣшной стороны, и въ отношеніи постановки дѣла произвела на меня прекрасное впечатлѣніе.

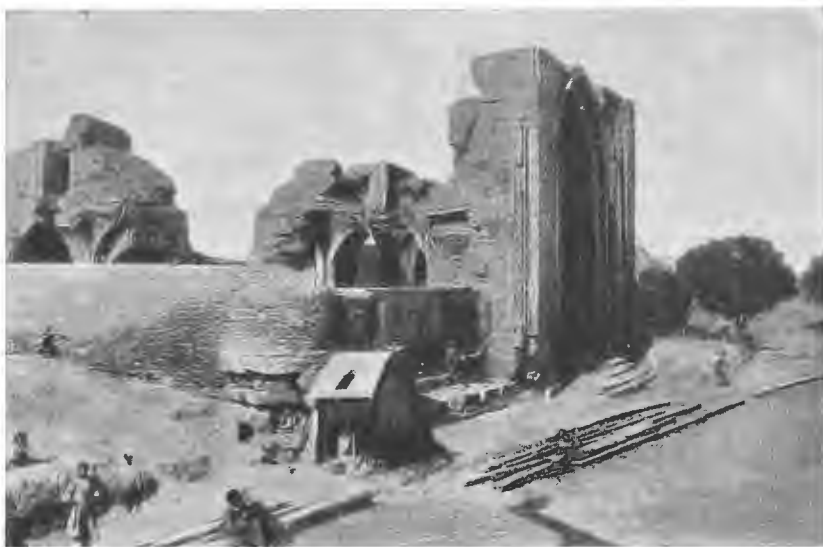
Начальникъ таможни былъ столь любезенъ, что ознакомилъ меня обстоятельно съ ходомъ работъ въ таможнѣ. Всѣ отчетныя книги таможни ведутся такъ, что вы при первомъ вашемъ желаніи можете получить данныя о количествѣ прошедшихъ черезъ

эту таможенную товарную, включительно до послѣдняго дня. Книжки эти на одной сторонѣ имѣют рубрики съ французскими оглавленіями, на другой—съ персидскими.

Осмотрѣвъ дѣлопроизводство таможенныя, мы направились въ таможенные склады.

Большинство кладовыхъ были пусты. Въ нѣкоторыхъ лишь находился нашъ русскій сахаръ.

Тогда я спрашиваю начальника таможенныя: «гдѣ же ваши товары?» Начальникъ таможенныя улыбнулся и повелъ меня къ желѣзнымъ дверямъ одной изъ кладовыхъ. Когда намъ ихъ открыли, то оказалось, что въ этой кладовой были исключительно иностранныя

Остатки Синей мечети.

маловѣсныя посылки. «Вотъ теперь главные наши товары», сказалъ мнѣ начальникъ таможенныя.

Нѣкоторыя изъ посылокъ были повреждены и можно было видѣть заключавшійся въ нихъ товаръ.

Такъ, въ одной изъ посылокъ были блестящія бѣлыя пуговицы, а въ другой французскія булавки.

Дѣйствительно, полученіе изъ-за границы товара посредствомъ этихъ посылокъ чрезвычайно удобно, и въ этомъ отношеніи наши соотечественники, живущіе въ Персіи, находятся въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ мы, живущіе у себя въ Россіи.

Именно, живя въ Персіи, вы выписываете, напримѣръ, шляпу панаму и платите лишь два франка за ея пересылку и 5⁰/₁₀₀ взимаемой персами пошлины. Подобная же выписка въ Россію обой-

дется, навѣрное, не менѣе, чѣмъ въ 50% стоимости товара, если не дороже.

По условіямъ международной вашингтонской конвенціи 1897 г., подтвержденнымъ затѣмъ римской конвенціей, маловѣсныя посылки должны быть не свыше 12 фунтовъ 7 лотовъ, а плата за ихъ пересылку должна взиматься два франка.

Осмотрѣвъ еще устроеннавшееся въ таможенѣ новое вѣсовое отдѣленіе, я распрощался съ любезнымъ ея начальникомъ и отправился обратно въ банкъ.

Въ этотъ день я былъ приглашенъ А. І. Трескинскимъ на завтракъ и потому, побывъ нѣкоторое время въ банкѣ, отправился въ управленіе нашей Тавризской дороги, гдѣ А. І., какъ управляющій дорогою, и живетъ.

Названное управленіе помѣщается въ домѣ, въ которомъ ранѣе находился нашъ банкъ, и, когда для банка было выстроено новое помѣщеніе, это зданіе было отведено управленію.

Около всѣхъ нашихъ учреждений въ Тавриздѣ: у консульства, банка и управленія дороги дежурятъ или наши солдаты, или казаки.

Въ управленіи все время работаетъ телефонъ, соединяющій Джульфу съ Тавризомъ.

Этотъ телефонъ оказываетъ неоцѣнимую намъ пользу. Телефонъ проходитъ рядомъ съ Тавризскимъ шоссе. Проѣзжая по послѣднему, вы на любой изъ станцій можете узнать, что дѣлается въ Джульфѣ или въ Тавриздѣ и спокойно ли на дорогѣ. При моемъ проѣздѣ въ Тавриздѣ и обратно нашъ телеграфный проводъ не работалъ, а у индо-европейскаго телеграфа работалъ лишь одинъ изъ трехъ проводовъ, такъ какъ два провода были порваны и наши учрежденія въ Тавриздѣ для сношеній съ Джульфой пользовались телефономъ, къ какому способу, какъ указывалось, прибѣгъ и я.

Кромѣ того, должно отмѣтить, въ самомъ Тавриздѣ для сношеній нашихъ учреждений между собой имѣется телефонъ.

А. І. Трескинскій ознакомилъ меня съ помѣщеніемъ управленія дороги, а также сообщилъ нѣкоторыя данныя о грузо-пассажирскомъ автомобильномъ движеніи на дорогѣ.

Послѣднее столь быстро развилось, что трудно было ожидать. Въ настоящее время у дороги имѣется четыре автомобиля-грузовика и три пассажирскихъ. Автомобили-грузовики даютъ доходу около шестисотъ рублей въ день, а насколько велико пассажирское движеніе на автомобиляхъ, можно судить по тому, что при мнѣ для того, чтобы выѣхать на пассажирскомъ автомобилѣ изъ Тавриза, надо было записываться чуть не за двѣ недѣли вперед¹⁾.

¹⁾ Съ 1 января 1911 г. по 30 ноября того же года пассажировъ было перевезено: на автомобиляхъ пассажирскихъ 3442 чел., на грузовикахъ 3664, итого 7106; груза же было перевезено 91200 пудовъ.

Пассажирскіе автомобили изъ Джульфы въ Тавризъ и обратно ходятъ три раза въ недѣлю, но въ большинствѣ случаевъ чаще, такъ какъ слишкомъ большой наплывъ пассажировъ, особенно будущихъ изъ Тавриза.

Управляющій нашей дороги—прекрасный фотографъ. У него имѣются великолѣпные снимки, изъ которыхъ наиболѣе интересны стереоскопическіе.

На обратномъ пути, идя черезъ базаръ, я зашелъ познакомиться со Стивенсами въ ихъ контору.

Стивенсы—отецъ и сынъ—не произвели на меня впечатлѣнія опасныхъ для насъ конкурентовъ и ясно видно, что далеко имъ до Шюемана.

Возвратясь въ банкъ, я сговорился съ однимъ служащимъ здѣсь нашимъ восточникомъ и дѣлопроизводителемъ банка идти на слѣдующій день, который приходился въ воскресенье, осматривать Синюю мечеть, упоминавшуюся мною въ описаніи исторіи города Тавриза, а затѣмъ католическую и протестантскую церкви, католическую школу и больницу, аркъ и станцію индо-европейскаго телеграфа.

XI.

Синяя мечеть.—Протестантская церковь.—Католическая церковь.—Станція индо-европейскаго телеграфа.—Пріемный покой Тавризской дороги.—Аркъ.—Панихида въ консульской церкви по П. А. Столыпинѣ.—Наша церковь.—Впечатлѣніе убійства П. А. Столыпина.

Взявъ съ собою слугу-перса, я съ В. М. Кудрявцевымъ (упоминавшійся мною нашъ восточникъ, служащій банка) отправились 11-го сентября къ Синей мечети.

Дѣйствительно, постройка ея, хотя чуть не совсѣмъ въ настоящее время развалившаяся, великолѣпна. Чрезвычайно красива синяя ея мозаика. Несмотря на то, что было пасмурно и трудно было надѣяться, что что-нибудь выйдетъ, я не удержался ее снять. Въ это время я особенно пожалѣлъ, что нѣтъ еще изобрѣтенія цвѣтной фотографіи. Во многихъ мѣстахъ, особенно пониже, гдѣ навѣрное и скорѣе и удобнѣе, мозаика на мечети отколота. Какъ это ни является варварствомъ, мнѣ очень также хотѣлось имѣть кусочекъ этой дивной мозаики. Говорили, что можно заказать и за плату потихоньку отобьютъ кусокъ мозаики, но мнѣ какъ-то совѣстно было явиться и съ своей стороны соучастникомъ въ разрушеніи этой мечети.

Отъ Синей мечети мы направились къ дому дѣлопроизводителя банка И. Ю. Штомпфа и, захвативъ его съ собой, а также его фотографическій аппаратъ, такъ какъ у меня уже всѣ привезенныя пленки были истрачены, отправились къ находящейся по близости протестантской церкви.

Въ послѣдней, когда мы вошли, шло богослуженіе.

Пасторъ произносилъ проповѣдь, говоря на прекрасномъ мѣстномъ языкѣ.

(Въ Тавризѣ говорятъ на азербейджанскомъ нарѣчїи, которое очень походитъ на турецкій языкъ).

Въ церкви почти всѣ скамейки были заняты молящимися, среди которыхъ было много и персовъ.

Послѣдніе съ большимъ вниманіемъ слушали произносимую пасторомъ проповѣдь. Посидѣвъ минутъ пятнадцать, мы вышли и отправились къ католической церкви. Послѣдняя, какъ и протестантская, обращаетъ на себя вниманіе своей красивой постройкой. Внутри обѣ церкви также очень хорошо отдѣланы. Особенно же красивъ внутренній видъ католической церкви.

Обѣ церкви, ихъ прекрасныя постройки и внутреннее устройство—произвели на меня сильное впечатлѣніе. Проникаешься какимъ-то особеннымъ уваженіемъ къ обоимъ вѣроисповѣданіямъ, представители которыхъ въ Тавризѣ, безъ всякихъ политическихъ побужденій, выстроили столь прекрасныя церкви, желая лишь имѣть соотвѣтствующіе достоинству своихъ исповѣданій храмы. Эта лишь идейная сторона глубоко тронула всѣхъ насъ троихъ и особенно потому, что наша православная церковь въ Тавризѣ заставляеть лишь всѣхъ русскихъ, живущихъ тамъ, возмущаться и краснѣть за ея видъ.

Послѣднюю мнѣ пришлось видѣть въ тотъ же день вечеромъ, на панихидѣ въ нашемъ консульствѣ по безвременно погибшемъ П. А. Столыпинѣ, о чемъ, вмѣстѣ съ описаніемъ впечатлѣнія въ Тавризѣ происшедшаго въ Кіевѣ злодѣйскаго акта, я расскажу, какъ принято теперь выражаться, «въ порядкѣ дня».

По осмотрѣ католической и протестантской церковей мы отправились на станцію индо-европейскаго телеграфа. Послѣдняя, соединяющая своими проволоками почти весь земной шаръ, великолѣпно оборудована.

Одинъ этотъ телеграфъ во время моего пребыванія въ Тавризѣ обслуживалъ всю Персію.

У телеграфа, какъ уже упоминалось, работалъ всего одинъ проводъ, такъ какъ два другихъ нечаянно или намѣренно со стороны персовъ, трудно сказать, были порваны. Завѣдывающій тавризской станціей телеграфа сообщилъ намъ, что онъ послалъ къ Шуджа-уд-Доулэ, осаждавшему Тавризъ, нарочнаго, чтобы тотъ далъ возможность исправить телеграфъ.

Какой отвѣтъ былъ данъ на это—мнѣ неизвѣстно.

Индо-европейскій телеграфъ легко узнать повсюду по его внѣшнему виду, которымъ онъ выгодно отличается отъ любого другого.

Столбы этого телеграфа всѣ желѣзные, трубчатые, и онъ почти вездѣ имѣеть только три провода.

Католическая церковь въ Тавризѣ.

Однако цѣна за пользованіе этимъ телеграфомъ чрезвычайно дорога. Такъ, послать телеграмму изъ Тавриза въ Россію стоитъ около пятидесяти копеекъ слово.

Можно себѣ представить, сколько расходуютъ наши консульства и другія учрежденія въ Персіи на телеграммы, когда нашъ телеграфъ бываетъ порванъ, что, кстати сказать, случается весьма часто.

При этихъ обстоятельствахъ незамѣнимую пользу оказываетъ телефонъ Тавризской дороги, посредствомъ котораго содержаніе телеграммы передается въ Джульфу, и отсюда уже посылается телеграмма въ Россію.

Всего лишь 135 верстъ разстоянія, а стоимость слова уменьшается въ десять разъ, такъ какъ изъ Джульфы за телеграмму берется по пяти копеекъ слово.

Затѣмъ, послѣ станціи индо-европейскаго телеграфа, мы осматривали нашу больницу въ Тавризѣ. Точное ея названіе, какъ оно написано на воротахъ больницы: «Пріемный покой Тавризской дороги».

Больница устроена главнымъ образомъ для служащихъ дороги, но оказываетъ медицинскую помощь и обращающимся въ нее персамъ. Въ больницѣ имѣется нѣсколько кроватей, которыя предоставляются, если не заняты, также персамъ. У самихъ персовъ нѣтъ никакой больницы, а также докторовъ, и въ случаѣ необходимости они обращаются къ своимъ знахарямъ.

Къ сожалѣнію, намъ не удалось сдѣлать хорошаго снимка зданія нашей больницы, такъ какъ цвѣты, растущіе около нея, были слишкомъ высоки и препятствовали этому.

Кромѣ русской больницы, въ Тавризѣ имѣется еще католическая больница, а также школа. Говорятъ, что та и другая поставлены очень хорошо, но мнѣ, когда мы пошли въ тотъ же день туда, удалось видѣть лишь внѣшній видъ зданія.

Также не удалось намъ попасть въ тотъ день внутрь арка. Аркомъ въ Тавризѣ называются развалины древней крѣпости, гдѣ энджуменцы при мнѣ хранили свое оружіе. Проникнуть въ него намъ не удалось потому, что одинъ изъ моихъ компаньоновъ поссорился передъ этимъ съ какимъ-то изъ энджуменцевъ, находящимся при аркѣ, такъ что пройти безъ разрѣшенія намъ, навѣрное, не позволили бы, обращаться же за разрѣшеніемъ къ энджумену не хотѣлось во избѣжаніе различныхъ возможныхъ подозрѣній.

Поэтому мы ограничились внѣшнимъ осмотромъ арка, съ какой стороны онъ главнымъ образомъ интересенъ, такъ какъ внутри мы могли видѣть, если что и интересное, такъ только упомянутое оружіе.

По осмотру всѣхъ указанныхъ учреждений и достопримѣчательностей Тавриза и позавтракавъ въ русскомъ клубѣ, я напра-

вился скорѣе домой, чтобы переодѣться, такъ какъ въ этотъ день (11-го сентября) въ нашемъ консульствѣ была назначена панхида по П. А. Столыпинѣ.

Тогда-то я и увидѣлъ нашу церковь въ Тавризѣ.

Послѣдняя, какъ и само консульство, можно сказать, помѣщается, буквально, въ какой-то ямѣ. Поэтому-то я и не замѣтилъ нашей церкви, когда прїѣзжалъ въ первый день своего пребыванія въ Тавризѣ съ визитомъ къ консулу. Церковь, какъ и само зданіе консульства, совершенно съ улицы не видны, такъ какъ загорожены высокою стѣною, окружающею консульство.

Мнѣ хотѣлось сдѣлать снимокъ нашей церкви въ Тавризѣ, но въ виду того, что домъ консульства очень близко находится

Аркъ.

къ церкви, снимокъ этотъ, по моему мнѣнію, едва ли бы вышелъ такъ, какъ мнѣ этого хотѣлось, а, можетъ быть, и совершенно не вышелъ.

Поэтому мнѣ пришлось ограничиться лишь снимкомъ одного консульства.

Въ консульствѣ я встрѣтилъ только что вернушагося изъ объѣзда областей, захваченныхъ турками у Персїи, въ пространствѣ отъ малоазіатской границы и почти до Урмійскаго озера, драгомана нашего посольства въ Тегеранѣ Вл. Ѳед. Минорскаго.

Съ послѣднимъ я былъ знакомъ еще по Петербургу. Наше знакомство съ г. Минорскимъ произошло на моемъ докладѣ въ ноябрѣ 1910 г. о «Русской торговлѣ съ Персїей и проектѣ Великаго Инді-

скаго пути», при преніяхъ по содержанію котораго Вл. Оед. выступилъ моимъ оппонентомъ относительно проекта о необходимости проложенія нами желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Персіи и моего предложенія, что если бы проектъ Великаго Индійскаго пути осуществился, то вести желѣзную дорогу на Тавризь, а отсюда на Тегеранъ, а не по побережью Каспійскаго моря отъ Баку на Эззелі, какъ предполагалъ проектъ.

Г. Минорскій высказывался вообще противъ проложенія желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Персіи, а на приводимыя мною основанія къ направленію Великаго Индійскаго пути на Тавризь,— что Тавризская дорога почти совершенно готова къ прокладкѣ по ней желѣзнодорожнаго пути,—сообщилъ, что, по его мнѣнію, эта дорога далеко не совершенна.

Такимъ образомъ, послѣ лично совершенной мною поѣздки въ Персію, меня очень интересовало побесѣдовать съ г. Минорскимъ, а также узнать у него возможные свѣдѣнія изъ интересной его командировки.

Къ сожалѣнію, въ этотъ день мнѣ пришлось побесѣдовать съ г. Минорскимъ очень мало, такъ какъ вскорѣ же по приѣздѣ въ консульство началась панихида по скончавшемся П. А. Столыпинѣ.

Безвременная трагическая кончина Петра Аркадьевича произвела въ Персіи впечатлѣніе, что какъ будто бы престижъ Россіи палъ, Россія чѣмъ-то ослабла...

Вспоминая дѣятельность погибшаго П. А. и смотря на нашу церковь, невольно думалось, что, будь живъ покойный и знай это, онъ не оставилъ бы этотъ вопросъ безъ вниманія.

Дѣйствительно, какъ-то стыдно и больно становится за Россію, сравнивая нашу православную церковь въ Тавризѣ съ великолѣнными зданіями католической и протестантской церквей.

Между тѣмъ вѣдь здѣсь наше вліяніе исключительно.

Изъ консульства мы заѣхали съ однимъ визитомъ и затѣмъ направились домой.

Въ этотъ вечеръ ожидалось всѣми мусульманами новолуніе и вмѣстѣ съ нимъ окончаніе поста разамана.

Однако увидѣть въ Тавризѣ въ этотъ вечеръ луну казалось довольно труднымъ, такъ какъ все небо было покрыто тучами. Кромѣ того, въ тотъ же вечеръ поднялся сильнѣйшій вѣтеръ, который, какъ мнѣ сказала А. И. Анастасинскій, подымается почти всегда передъ землетрясеніемъ. Такимъ образомъ, я могъ ожидать познакомиться и съ этимъ въ Тавризѣ.

На горахъ, какъ видно было изъ оконъ нашего дома, поблескивали ружейные выстрѣлы, и мы предполагали, что навѣрное Шуджа-уд-Доулэ воспользуется такой ночью и погодой, чтобы напасть на энджуменцевъ, какъ это затѣмъ и случилось.

XII.

Сраженіе Шуджа-уд-Доулэ съ энджуменцами.— Байрамъ. — Персидскій военный оркестръ.—Энджуменскіе всадники.—Мельница тавризскаго отдѣленія банка.

Я проснулся 12-го сентября въ три часа ночи, слыша какіе-то удары. Впросонкахъ думаю: землетрясеніе это, или пушечная стрѣльба? Сталъ ждать... Слышу, что стрѣляютъ изъ пушекъ... Всего я насчиталъ семь выстрѣловъ, а затѣмъ заснулъ.

Утромъ, часовъ около восьми, меня позвалъ А. И. прійти на крышу дома посмотрѣть происходившую въ горахъ перестрѣлку. Въ бинокль можно было разглядѣть скакавшихъ по горамъ всадниковъ.

Когда мы въ этотъ день пріѣхали въ банкъ, за зданіемъ послѣдняго, во дворѣ тавризскаго губернатора, которымъ числился при мнѣ Имамъ-Кули-Мирза, владѣлецъ Урмійскаго озера, почему его имя часто упоминалось въ печати въ связи съ этимъ вопросомъ, происходило какое-то празднество. Въ это время въ банкѣ кому-то сообщили, что Шуджа-уд-Доулэ порядкомъ побилъ ночью энджуменцевъ. Говорили, что онъ убилъ сто пятьдесятъ человѣкъ солдатъ. Поэтому сначала всѣ думали, что энджуменцы хотятъ замаскировать передъ жителями Тавриза свое пораженіе и показать, что они побѣдили, однако, какъ потомъ оказалось, это предположеніе было ошибочнымъ; въ этотъ день былъ байрамъ (празднество по случаю окончанія поста рамазана).

Во дворѣ губернатора послышалась духовая музыка; я не утерпѣлъ и скорѣе отправился туда посмотрѣть, что тамъ происходитъ.

Придя во дворъ, я увидѣлъ разсѣвшихся на стульяхъ персовъ—это были энджуменцы и различные начальники, которые о чемъ-то важно между собою бесѣдовали, а передъ ними стоялъ оркестръ и во всю дулъ въ трубы; говорю такъ потому, что музыка персидская была ужасная какофонія.

На этомъ же дворѣ оказались энджуменскіе всадники, которые приготовлялись отправиться въ горы противъ Шуджа-уд-Доулэ. У всадниковъ были только хорошія лошади, сами же по себѣ они представляли порядочный сбродъ. Каждый одѣтъ по-своему и кое-какъ. Адъютантъ на мою просьбу далъ согласіе ихъ снять.

Затѣмъ этотъ любезный персъ повелъ насъ посмотрѣть отправляющуюся энджуменцами противъ Шуджа-уд-Доулэ пушку.

Оказалось, что этотъ сторонникъ эксъ-шаха отнял въ пропешедшемъ въ то утро сраженія у энджуменскихъ солдатъ три пушки.

Мы подошли къ такъ называемому арсеналу, и при насъ оттуда выкатили большую мѣдную блестящую пушку и зарядный ящикъ.

Персы, болѣе тысячи человекъ, окружили эту пушку, причѣмъ тутъ же, у заряднаго ящика, и курили.

Когда я собрался уходить, адъютантъ сообщилъ мнѣ, что къ вечеру привезутъ трупы убитыхъ Шуджа-уд-Доула, и приглашалъ прійти посмотреть.

Я поблагодарилъ, но пойти не пошелъ, такъ какъ все равно ночью снять ничего невозможно да и разглядѣть что-нибудь трудно.

Вернувшись въ банкъ и рассказавъ о своихъ впечатлѣнiяхъ, я послѣ завтрака пошелъ смотрѣть нашу мельницу, о которой мнѣ говорилъ А. П. при посѣщенiи нами фабрики Шюнемана.

Мельница эта находится минутахъ въ двадцати ходьбы отъ банка черезъ базаръ. Послѣднiй въ этотъ день былъ закрытъ, за исключенiемъ лавокъ со съѣстными припасами и кахвэ-ханэ (кофейныхъ), и празднично подчищенъ.

Мельница наша имѣетъ довольно большое помѣщенiе, но все находится въ очень запущенномъ видѣ.

Спрошенные мною бывшiе на мельницѣ два рабочихъ-перса, работаетъ ли мельница, отвѣтили, что плохо, такъ какъ жернова перетерлись и надо купить новые. Вообще же машины на мельницѣ очень хорошия и даже имѣется электрическiй моторъ. По своему же состоянiю мельница наша ясно показываетъ, что хозяева мало интересуются ею.

Вслѣдствiе этого и получается, что нашъ тавризскiй отрядъ принужденъ молоть себѣ муку на мельницѣ нашего конкурента Шюнемана, несмотря на то, что у насъ въ Тавризѣ же имѣется своя мельница.

Если это дѣйствительно наша мельница, такъ какъ мнѣ прямо самому не вѣрится то, о чемъ приходится сейчасъ говорить, хотя вѣдь самъ г. Анастасiнскiй сказалъ мнѣ на фабрикѣ Шюнемана, что это банковая мельница, то стыдно, позорно намъ за возможность подобнаго факта.

Теперь мнѣ оставалось осмотрѣть въ Тавризѣ еще персидскую и русскую школы и ковровую фабрику и больше интереснаго смотрѣть тамъ было нечего.

ХIII.

Персидская школа.—Русско-персидское училище.—Ковровая фабрика.—Перемирiе энджуменцевъ съ Шуджа-уд-Доула.—Парадъ энджуменскихъ солдатъ.—Энджуменскiя войска.

Послѣднее я осматривалъ на слѣдующiй день, 13-го сентября.

Сначала я пошелъ въ персидскую школу, которая называется по-персидски «мэдресе-и-сеадеть». Въ школѣ шли уроки. Завѣдывающiй школой персъ любезно разрѣшилъ мнѣ пойти въ классы и ознакомиться съ преподаванiемъ.

Русское генеральное консульство въ Тавризь.

Я поднялся во второй этажъ и вошелъ въ первый попавшійся классъ. Въ немъ шелъ урокъ русскаго языка, который преподавалъ армянинъ. Послѣдній показалъ мнѣ тетрадки для диктовокъ и вызвалъ нѣсколькихъ учениковъ. Классъ этотъ былъ одинъ изъ младшихъ; однако диктовки мальчиковъ были довольно хорошо написаны, и они уже хорошо знали этимологию. Весь курсъ персидской школы, судя по сообщенію мнѣ завѣдывающей школой, приближается къ нашему гимназическому.

Изъ персидской школы я отправился въ нашу школу. Точное ея названіе «русско-персидское училище».

Наша школа имѣетъ хорошее помѣщеніе съ большимъ дворомъ, на которомъ, когда я пришелъ, бѣгали ученики, такъ какъ была перемѣна.

Смотрителемъ училища состоитъ бывшій воспитанникъ эриванской учительской семинаріи Кази-задэ. Сейчасъ я не помню, кто онъ по національности, но только не персъ и не армянинъ.

Кази-задэ очень любитъ свою профессію, отдается ей всей душой, и потому наше училище въ Тавризѣ находится въ цвѣтущемъ состояніи.

По программѣ училище соотвѣтствуетъ нашимъ городскимъ училищамъ. Въ немъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, персидскій языкъ, арабскій языкъ, ариѳметика, геометрія, естествовѣдѣніе и физика, исторія, географія, чистописаніе, черченіе и рисованіе и сверхъ того пѣніе и гимнастика.

Училище состоитъ въ вѣдѣніи россійскаго императорскаго генеральнаго консульства въ Азербейджанѣ, но, къ сожалѣнію, на него отпускается слишкомъ недостаточно средствъ, чтобы развить и еще лучше поставить училище.

Желающіе ученики училища могутъ носить форму, которая состоитъ изъ черной или сѣрой тужурки съ серебряными пуговицами и серебряныхъ эпюлетъ, на которыхъ написано «Русск.-перс. учил.».

Поздоровавшись съ смотрителемъ училища, съ которымъ я еще раньше познакомился въ банкѣ, я пошелъ слушать уроки.

Занятія въ училищѣ послѣ лѣтнихъ каникулъ еще только начинались, и потому ученики не были еще раздѣлены окончательно на группы.

Неудобство преподаванія въ училищѣ заключается въ томъ, что поступаютъ нѣкоторые ученики взрослые, которые хорошо знаютъ по-персидски преподаваемые предметы, но не знаютъ русскаго языка, для изученія котораго они въ нашу школу главнымъ образомъ и поступаютъ. Въ то же время въ училище поступаютъ мальчики ничего не знающіе, и потому очень трудно подобный составъ учениковъ подраздѣлить на соотвѣтствующіе классы.

Я присутствовалъ на урокахъ во всѣхъ классахъ, и отвѣты нѣкоторыхъ учениковъ были очень хороши.

Интересно было слушать преподаваніе двоюроднымъ братомъ эксъ-шаха Мохаммеда-Али русскаго языка въ младшемъ классѣ посредствомъ нагляднаго обученія по картинкамъ.

Хотя педагогомъ былъ и персъ, но онъ очень хорошо примѣнялся къ способностямъ своихъ учениковъ, и тѣ быстро усваивали его объясненія.

Очень оригинально было также слушать, какъ ученики-персы читали стихотвореніе «Осень» А. С. Пушкина.

Когда входитъ въ классъ смотритель училища, то на его привѣтствіе всѣ ученики хоромъ отвѣчаютъ: «здравія желаемъ, нашъ дорогой учитель!»

Всего учениковъ въ училищѣ насчитывается около ста человѣкъ.

Побывавъ на всѣхъ урокахъ, я затѣмъ осмотрѣлъ небольшую библиотечку при училищѣ и имѣющіеся физическіе приборы. Всего этого хотя очень немного, но содержится въ высшей степени аккуратно.

Изъ библиотечки Кази-заде любезно далъ мнѣ небольшую книжечку,—переводъ на персидскій языкъ разсказа Л. Н. Толстого:

Наказаніе по пяткамъ.

«Чѣмъ люди живы», который, какъ онъ мнѣ сообщилъ, особенно нравится персамъ. Такихъ книжечекъ здѣсь лежала цѣлая пачка для раздачи ученикамъ.

Затѣмъ Кази-заде снабдилъ меня экземпляромъ свидѣтельства училища, фотографіей перваго выпуска учениковъ училища, который состоялся въ этомъ году, ученики же эти поступили въ 1906 г., и далъ также выпускныя работы этихъ учениковъ по русскому языку.

Темами, заданными для выпускныхъ учениковъ на этомъ экзаменѣ, были: для одного написать содержаніе комедіи «Ревизоръ», для другого «по случаю пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ въ Россіи» и для третьяго на тему о комедіи императрицы Екатерины II «О время».

Всего учениковъ было шесть, я же упоминаю три сочиненія въ виду того, что столько получилъ отъ Кази-задэ. Всѣ три сочиненія написаны очень хорошо не только для перса, но и для нашего ученика городского училища.

Кази-задэ былъ въ высшей степени доволенъ, что я ознакомился съ училищемъ, такъ какъ оказалось, что я былъ чуть ли не первый русскій изъ прїѣзжающихъ въ Тавризь, который посѣтилъ русское училище.

Вообще, въ этомъ отношеніи удивителенъ характеръ нашихъ русскихъ людей. Многіе живутъ въ Тавризѣ по нѣскольку лѣтъ и, какъ оказывается, и половины того не знаютъ, съ чѣмъ я ознакомился.

Особенно же меня удивляютъ въ этомъ отношеніи корреспонденты газетъ. Послѣднимъ-то, казалось бы, особенно необходимо было бы со всѣмъ этимъ ознакомиться.

Можно интересоваться и сенсационными извѣстіями, но надо знать и положеніе вообще.

Вслѣдствіе этого происходятъ такіе случаи, что нѣкоторые корреспонденты, по незнакомству ли съ истиннымъ положеніемъ вещей, или гонясь за рекламой, прїѣзжая въ Тавризь, начинаютъ произносить энджуменцамъ рѣчи о ихъ «маршрутѣ» (конституціи) и, хваля энджуменцевъ, получаютъ прозвище «яхши мухбиръ», т.-е. «хорошій вѣстникъ», или, по-нашему, корреспондентъ.

Затѣмъ, въ тотъ же день я осмотрѣлъ персидскую ковровую фабрику. Лучшей и ближайшей фабрикой мнѣ указали Мамедова, съ сыномъ котораго я познакомился въ русскомъ клубѣ.

Изъ имѣющихся на фабрикѣ нѣсколькихъ отдѣленій для выработки ковровъ работы происходили лишь въ одномъ. Причиной этого, какъ мнѣ объяснилъ владѣлецъ фабрики, является настоящая междоусобная смута въ Персіи.

Всего ковровъ дѣлали на фабрикѣ четыре, изъ которыхъ одинъ былъ очень большой и дѣлался по рисунку, снятому съ Синей мечети.

Мамедовъ сказалъ мнѣ, что этотъ коверъ стоитъ пять тысячъ тумановъ, т.-е. на наши деньги десять тысячъ рублей и что англичане уже предлагали ему три тысячи тумановъ, но онъ не согласился продать за эту цѣну.

Картина выдѣлки ковровъ очень интересна. На валикахъ около стѣнъ натянуты нитки. На возвышеніяхъ, доскахъ, сидятъ мальчики, выдѣлывающіе ковры. Около нихъ лежитъ разноцвѣтная пряжа, а въ рукахъ какія-то палочки. Внизу сидитъ персъ, по обѣимъ сторонамъ котораго лежитъ по рисунку и по тетраджѣ. Сначала онъ читаетъ для однихъ ковровщиковъ, затѣмъ оборачивается на противоположную сторону и начинаетъ читать для другихъ. Мальчики-ковровщики удивительно быстро работаютъ надъ своими коврами.

Послѣ осмотра фабрики я вернулся въ банкъ. Это было послѣднимъ моимъ въ немъ пребываніемъ, такъ какъ на слѣдующій день я хотѣлъ выѣхать изъ Тавриза. Въ послѣднемъ осматривать мнѣ болѣе уже было нечего, что же касается борьбы между энджуменцами и осаждавшимъ Тавризь Шуджа-уд-Доулэ, то какъ разъ въ этотъ день между обѣими сторонами было заключено перемиріе. По случаю

К у р д ы.

перемирія энджуменцы устроили празднованіе и парадъ своихъ войскъ.

Послѣдній состоялъ въ томъ, что по аллеѣ, идущей вокругъ двора губернатора, ходили попарно персидскіе солдаты, предшествуемые оркестромъ музыки. Въ серединѣ же двора сидѣли начальники этихъ персидскихъ войскъ и смотрѣли своихъ солдатъ.

По большей части форма солдатъ была крайне разнообразна. Были пары, въ которыхъ рядомъ съ солдатомъ-мальчикомъ шелъ уже солдатъ-старикъ. Сами персидскіе начальники расхаживали съ выраженіемъ чувства собственнаго достоинства.

Вообще весь этотъ смотръ, вся эта напускная важность персиковъ заставляли насъ хохотать отъ души. (Я и нѣкоторые служащіе банка стояли на крышѣ зданія и оттуда все это наблюдали).

Дѣйствительно, все это была какая-то комедія, какъ и вся происходившая война съ Шуджа-уд-Доулэ.

Иностранцы, какъ мнѣ передавали, открыто говорили: «хотя это комедія, но ее пора уже прекратить».

Чтобы не казаться голословнымъ, приведу слѣдующіе факты.

Какъ разъ въ тотъ же день, когда мы сѣли въ экипажъ, чтобы ѣхать изъ банка домой, казакъ нашъ, который всегда ѣздилъ съ нами на козлахъ, кромѣ своей винтовки, смотримъ, везетъ еще вторую.

Г. Анастасинскій спрашиваетъ казака:

— Откуда у тебя вторая винтовка?

— Да, вотъ, — отвѣчаетъ казакъ, — сегодня энджуменцы заключили съ Шуджою перемиріе, такъ ихъ солдаты пришли на базаръ свои винтовки продавать.

Кромѣ того, какъ мнѣ сообщали, энджуменскіе солдаты во время самой войны съ «Шуджой» получаютъ по пятидесяти или по сту патроновъ итти стрѣлять противъ Шуджи, пойдутъ въ горы, выстрѣлятъ разъ по пятнадцати, по двадцати, а затѣмъ скорѣе возвращаются на базаръ, чтобы здѣсь продать остальные, такъ какъ эти же патроны перекупалъ довольно дорого Шуджа.

Ну, не комедія ли все это!

Само перемиріе было заключено на слѣдующихъ условіяхъ, какъ это хорошо объяснялъ Авакъ-ханъ: «будемъ смотрѣть, — сказали персюки другъ другу: — что будетъ въ Тегеранѣ: если Саларъ-уд-Доулэ возьметъ Тегеранъ, то мы сдадимъ тебѣ, Шуджа, Тавризь; если нѣтъ, то ты отъ насъ уходи».

Однако ясно было, что это перемиріе лишь притворное, и Шуджа на него согласился, навѣрное, въ виду того, что у него въ своихъ деревняхъ были какія-нибудь дѣла.

Такъ потомъ и оказалось, потому что вскорѣ же Шуджа снова сталъ осаждать Тавризь. Шуджа, навѣрное, давно бы взялъ Тавризь, если бы нами не было запрещено сражаться въ городѣ, о чемъ былъ извѣщенъ и Шуджа.

Почему же допускать сраженія въ городѣ невозможно, мною было указано выше.

Населеніе Тавриза, какъ, навѣрное, и всей остальной Персін, чрезвычайно измучено этой междоусобной борьбой, которой и конца не видно. Мнѣ говорили, что когда въ первое время возвращенія эксъ-шаха Мохаммеда-Али въ Персію жители Тавриза узнали объ этомъ, то 95% населенія было за шаха. Всѣ энджуменцы и «товарищи» въ то время сразу стушевались.

Когда же первый моментъ прошелъ и въ Тавризѣ не нашлось человѣка, энергично выступившаго за шаха, эти господа персовъ снова подняли головы.

Персидскій шахъ Ахметъ.

Очень многіе желали въ то время, чтобы эксъ-шахъ явился въ Тавризь. Послѣдній былъ уже однажды столицей Персіи, да и сейчасъ представляетъ въ Персіи, какъ указывалось вначалѣ, вторую нашу Москву.

Поэтому, приходи сюда Мохаммедъ-Али, Тегерану ничего было бы не подѣлать и Тавризь правилъ бы одной половиной Персіи, а Тегеранъ до поры до времени другой.

XIV.

Возвращеніе въ Джульфу. — Спускъ отъ станціи Ямъ къ Маранду. — Дерадизское ущелье. — Есауль Удовенко. — Убіенство русскимъ солдатомъ перса въ Джульфѣ. — В. Ф. Жарскій. — Армянское кладбище. — Армянская Джульфа. — Мостъ Александра Македонскаго черезъ р. Араксъ.

Съ полученной мною массою свѣдѣній и впечатлѣній я на слѣдующій день, 14-го сентября, рѣшилъ выѣхать изъ Тавриза обратно въ Джульфу. Хотя въ этотъ день шелъ лишь автомобиль-грузовикъ, но я хотѣлъ испытать и этотъ способъ переѣзда по Тавризской дорогѣ.

Поблагодаривъ А. И. Анастасіинскаго за любезное гостепрїимство и распрощавшись еще наканунѣ со служащими нашего банка, я 14-го сентября поѣхалъ къ Аджичайской заставѣ, отъ которой отходятъ автомобили.

Здѣсь стояла платформа автомобиля-грузовика, накрытая брезентомъ, подобно шалашу.

Со мной вмѣстѣ ѣхалъ, кромѣ пассажировъ-персовъ, начальникъ консульскаго конвоя въ Тавризѣ поручикъ Ивановъ и завѣдывающій нашимъ почтовымъ отдѣленіемъ въ Урміи чиновникъ Меликовъ.

Мы трое сѣли на переднюю скамейку автомобиля, который вскорѣ же тронулся отъ заставы.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы увидѣли блестящее вдали Урмійское озеро. Особенно оно было видно хорошо отъ станціи Софьянъ.

Здѣсь мои спутники любезно предложили мнѣ закусить взятыми ими съ собою припасами.

Недалеко отъ станціи виднѣлись двѣ хорошенькихъ бѣлыхъ палатки. Я не утерпѣлъ, чтобы не пойти посмотреть ихъ. Оказалось, что онѣ принадлежали нашему вице-консулу въ Мосулѣ г. Кирсанову, съ которымъ я познакомился еще въ Тифлисѣ у г. Коханоевскаго. Онъ возвращался на мѣсто своей службы въ Мосулъ, отправляясь черезъ Хой, Дильмендъ въ Урмію. Это очень рискованное для жизни путешествіе г. Кирсанова раздѣляла его супруга. Всего имъ предстояло проѣхать верхами около трехъ или четырехъ тысячъ верстъ.

Г. Кирсановъ прїѣхалъ въ Тавризъ незадолго до моего оттуда отъѣзда и, встрѣтивъ меня въ консульствѣ, предлагалъ ѣхать съ нимъ до Урміи, но противъ этой моей поѣздки категорически высказался нашъ генеральный консулъ, и потому мнѣ пришлось вѣдѣть лишь издали Урмійское озеро.

Обѣ палатки, принадлежавшія г. Кирсанову, были очень хороши и изящны. Оказывается, ѣхавшій съ нимъ переводчикъ ждалъ у

Софьяна его пріѣзда изъ Тавриза, чтобы отсюда отправиться всеѣмъ на Урмію.

Отъ станціи Ямъ намъ пришлось ознакомиться съ Ямскимъ переваломъ. Последнимъ называется довольно крутой спускъ съ множествомъ зигзаговъ, идущій на протяженіи двѣнадцати или тринадцати верстъ.

Автомобиль нашъ на всеѣхъ тормозахъ перелетѣлъ это разстояніе въ десять минутъ.

Я и все сидѣвшіе на автомобилѣ невольно ѣхали все это разстояніе, заатаивши дыханіе. Малѣйшая оплошность шофера на поворотѣ, и мы бы все разбились на смерть. Шоферомъ на автомобилѣ былъ персъ, по имени Сулейманъ.

Когда мы проѣхали этотъ опасный переваль, все облегченно вздохнули. Вотъ при проложеніи желѣзной дороги этотъ Ямскій переваль дѣйствительно представить большое затрудненіе. Его придется какимъ-нибудь способомъ обойти.

Часовъ въ семь вечера мы уже подъѣзжали къ Деразизскому ущелью. Здѣсь-то я и познакомился съ начальникомъ охраны Тавризской дороги есауломъ Удовенкомъ. Мы все трое порядкомъ промерзли, такъ какъ къ вечеру сдѣлалось очень холодно, а наши пальто были убраны. Выѣзжая утромъ изъ Тавриза, при прекрасной погодѣ, мы не ожидали такого холода къ вечеру.

Есауль Удовенко повелъ насъ къ себѣ отогрѣваться. За нѣсколько минутъ нашего у него пребыванія мы съ нимъ успѣли очень хорошо познакомиться и многое узнать.

Этотъ чистосердечный казакъ-офицеръ обратилъ мое вниманіе на тѣ стѣсенія, которыя ставитъ управленіе Тавризской дороги проѣзду по ней персамъ. Для движенія по дорогѣ, какъ сообщилъ Удовенко, выработаны особыя правила, въ случаѣ нарушенія которыхъ на виновныхъ налагаются штрафы.

— Прямо хоть по воздуху лети персамъ, — такъ охарактеризовалъ есауль эти стѣсенія.

Я отъ души смѣялся оригинальному разсказу мнѣ есаула Удовенка. Но надо было ѣхать.

Мы сердечно распрощались, даже расцѣловались съ въ высшей степени симпатичнымъ есауломъ и поѣхали на автомобилѣ дальше.

Часовъ въ десять автомобиль пріѣхалъ въ Джульфу. Еще на дорогѣ, по телефону, В. Фр. Жарскій приглашалъ меня остановиться переночевать у него, что я и сдѣлалъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ относительно этого энергичнѣйшаго и самоотверженнаго русскаго дѣятеля въ персидской Джульфѣ.

Здѣсь, какъ я говорилъ, В. Фр. занимаетъ, помимо должности начальника станціи, еще должность нашего консульскаго агента.

За ту и другую свою дѣятельность В. Фр. пользуется глубокимъ уваженіемъ персидскаго населенія этой Джульфы.

Такъ, напримѣръ, на слѣдующій день по моемъ сюда возвращеніи произошелъ слѣдующій печальный инцидентъ.

Находящаяся въ персидской Джульфѣ наша рота солдатъ производила въ полѣ учебную ружейную стрѣльбу. Черезъ это поле въ свою таможенную пожелали пройти персы, чтобы не идти по дорогѣ, какой путь немного дальше перваго. Нашъ часовой остановилъ ихъ. Тогда персы, собравшись въ большомъ количествѣ, около пятисотъ человѣкъ (должно отмѣтить, что движеніе по Тавризской дорогѣ очень оживленное и даже ночью), начали кидать камнями въ часового, а одинъ персъ хотѣлъ выхватить изъ рукъ часового винтовку и схватилъ ее за штыкъ. Произошла борьба, въ результатѣ которой персъ попалъ грудью на штыкъ, причемъ рана оказалась настолько серьезной, что раненый тутъ же и умеръ.

В. Фр., какъ услышалъ о происшедшемъ недоразумѣніи, побѣжалъ къ мѣсту столкновенія, но пока прибѣжалъ (это было версты двѣ), персъ лежалъ уже мертвымъ.

Я встрѣтилъ В. Фр. на дорогѣ очень опечаленнымъ этимъ случаемъ и спросилъ его, что онъ намѣренъ предпринять.

— Подожду сначала, пусть все уляжется, а потомъ поговорю со стариками—отвѣтилъ мнѣ В. Фр.

Позавтракавъ у В. Фр., я сталъ собираться переправиться изъ персидской Джульфы на русскую сторону.

В. Фр. пошелъ со мной. Когда мы проходили по базару, онъ увидѣлъ одного изъ персовъ, имѣющихъ здѣсь вліяніе, подозвалъ его и сталъ бесѣдовать по поводу происшедшаго инцидента. Вокругъ нихъ собралась толпа персовъ.

Все персы соглашались, что убитый персъ поступилъ неблагоразумно, пытаясь выхватить у часового солдата ружье.

Результатомъ этой бесѣды В.Фр. съ персами было, что черезъ нѣсколько времени къ нему пришли нѣсколько персидскихъ стариковъ, прося написать «мирный протоколъ», т.-е. чтобы инцидентъ былъ исчерпанъ.

Такимъ образомъ, благодаря такту В. Фр., этотъ случай, который могъ разрастись въ большую непріятную для насъ исторію, былъ быстро и мирно улаженъ.

Говорятъ, что В. Фр. очень не любятъ «товарищи»-кавказцы и въ первые годы персидской революціи неоднократно покушались его убить.

Въ нашей Джульфѣ я опять остановился въ учетно-ссудномъ банкѣ Персін.

Въ тотъ же день, когда я сюда переправился (15-го сентября), я поѣхалъ въ находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторону нашей Закавказской желѣзной дороги армянскую Джульфу, чтобы

посмотрѣть ее, а также древнее армянское кладбище и остатки моста, построеннаго, по преданію, Александромъ Македонскимъ при переходѣ рѣки Араксъ.

Въ армянской Джульфѣ, благодаря ея расположенію у самаго подножія кончающихся здѣсь крутымъ обрывомъ Кавказскихъ горъ, дающихъ ей тѣнь и защищающихъ отъ вѣтровъ, которые проносятся надъ нею, есть довольно достаточно растительности. Эта Джульфа, вслѣдствіе указанныхъ условій, служитъ дачнымъ мѣстомъ для обитателей русской Джульфы, несмотря на то, что находится отъ послѣдней въ разстояніи всего пяти верстъ.

Мостъ Александра Македонскаго дѣйствительно доказываетъ вѣрность даннаго ему названія «Великій». Этотъ мостъ представляетъ собой грандіозную каменную постройку, начинающуюся съ одной стороны съ горъ.

Повидимому, съ этихъ горъ Александръ Македонскій спускался въ Персію.

Самый переходъ черезъ эти горы, въ виду ихъ высоты, представляется прямо изумительнымъ.

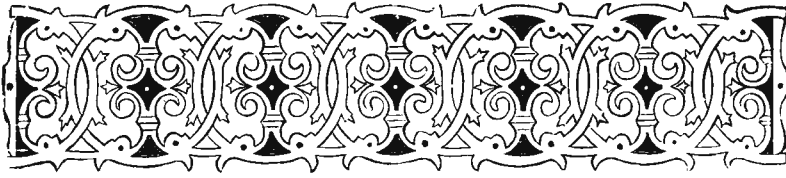
Армянское кладбище, хотя, говорятъ, замѣчательно своими памятниками, но, кажется, оно болѣе достопримѣчательно своими черными скорпионами, укусы которыхъ въ большинствѣ случаевъ смертельны.

Поѣздку эту я совершилъ верхомъ и къ ночи вернулся домой. Теперь въ Джульфѣ также былъ весь осмотръ мною конченъ. Я вполне могъ уже уѣзжать, но задержался еще на 16-ое сентября, чтобы присутствовать на засѣданіи комитета по постройкѣ православнаго храма въ Джульфѣ. Засѣданіе это специально было устроено при мнѣ, чтобы я, какъ выразившій этому проекту горячее сочувствіе, могъ ознакомиться съ членами комитета и его дѣятельностью.

На означенномъ засѣданіи 16-го сентября меня почтили избраніемъ въ члены комитета по осуществленію этого важнаго дѣла на нашей границѣ съ Персіей. Въ тотъ же вечеръ я распрощался съ глубоко симпатичными для меня нашими скромными русскими дѣятелями въ урочищѣ Джульфѣ и на слѣдующее утро выѣхалъ на Тифлисъ.

Вспоминая всю эту свою поѣздку, я счелъ бы теперь однимъ изъ наиболѣе значительныхъ ея результатовъ, если бы колоколь православнаго храма, соответствующаго достоинству православной вѣры и величію Россіи, заблаговѣстилъ бы въ нашемъ урочищѣ Джульфѣ.

Борисъ Гурьевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. В. Никольскій. Христіанство среди чувашъ средняго Поволжья въ XVI—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. Изданіе общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ. Казань. 1912. Стр. 415. Ц. 2 р. 50 к.

НИГА, заглавіе которой приведено выше, написана преподавателемъ казанскихъ инородческихъ миссіонерскихъ курсовъ Н. В. Никольскимъ. Она составлена на основаніи документальныхъ данныхъ, болышею частью рукописныхъ. При изученіи исторіи христіанства среди чувашъ авторъ пользовался, главнымъ образомъ, документальными данными, хранящимися въ различныхъ архивахъ, преимущественно въ архивахъ св. синода, казанской и нижегородской духовныхъ консисторій, поволжскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, губернскихъ статистическихъ комитетовъ и другихъ. Для составленія своего труда авторъ собиралъ нужныя ему свѣдѣнія очень усердно, какъ пчела, рылся въ различныхъ архивахъ и не опускалъ безъ вниманія ничего, что относится къ исторіи христіанства среди чувашъ. На основаніи добытыхъ имъ отрывочныхъ свѣдѣній и документовъ онъ составилъ цѣлую исторію распространенія христіанства среди чувашъ, жившихъ въ среднемъ Поволжьѣ въ XVI—XVIII вѣкахъ. Несмотря на множество цитатъ, книга читается съ большимъ интересомъ. Въ научномъ отношеніи книга Никольскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія. Содержаніе книги распадается на пять главъ.

Въ первой главѣ своего труда авторъ даетъ краткія этнографическія свѣдѣнія о чувашахъ, о современномъ мѣстожителствѣ и количествѣ ихъ къ 1912 году.

Современныя мѣстожителства чувашъ находятся въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Саратовской, Оренбургской, Томской, Тобольской, Пензенской, Нижегородской, Пермской, Енисейской, Вят-

ской, Астраханской, Тамбовской и въ областяхъ: Акмолинской, Тургайской Семипалатинской и Семирѣченской, всего въ пятнадцати губерніяхъ и четырехъ областяхъ.

Всѣхъ чувашъ по даннымъ 262 волостныхъ правленій за 1911 годъ обоего пола 998,689 человекъ. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи чувашани дѣлятся на православныхъ (981,338), язычниковъ (14,734), магометанъ (2328), старообрядцевъ (100), сектантовъ (183).

По языку чуваша принадлежатъ къ тюркскому племени.

Во второй главѣ подробно излагаются условія христіанскаго просвѣщенія чувашъ со второй половины XVI вѣка до начала XVIII вѣка. Христіанство начинаетъ проникать среди чувашъ послѣ покоренія Іоанномъ Грознымъ Казанскаго царства, когда усиливается притокъ русскаго населенія въ области средняго Поволжья.

По словамъ князя Курбскаго, чуваша доставляли провіантъ войску Іоанна Грознаго, шедшему подъ Казань въ 1551 г. Арскіе чуваша явились въ самую Казань съ оружіемъ въ рукахъ и кричали: «отчего не бить челомъ государю», т. е. московскому царю.

Во время войны русскихъ съ казанцами горные чуваша держали сторону русскихъ и даже билась съ казанцами.

Первымъ христіанскимъ просвѣтителемъ чувашъ былъ св. Гурій, архіепископъ казанскій. По мысли св. Гурія разсадникомъ христіанскаго просвѣщенія въ краѣ должны стать монастыри, въ лицѣ старцевъ. На нихъ онъ хотѣлъ возложить проповѣдь христіанства инородцамъ. Намѣренія св. Гурія получаютъ полное одобреніе со стороны царя Іоанна IV. Грозный видѣлъ смыслъ монастырей въ учительствѣ и благотворительности. Съ согласія царя святитель завѣлъ школу въ Зилантовомъ монастырѣ. Еще были открыты школы въ Свіязскомъ и Спасо-Преображенскомъ монастыряхъ.

Къ сожалѣнію, грамотность чувашскихъ дѣтей въ этихъ школахъ не заходила далѣе механическаго чтенія и письма, потому что незнакомство чувашскихъ мальчиковъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, а учителей съ чувашскимъ языкомъ служило большимъ тормозомъ и не позволяло школамъ осуществить свою миссіонерскую задачу.

Вообще просвѣщеніе чувашъ-язычниковъ въ XVI—XVII вѣкахъ было очень трудное, потому что то и дѣло происходило среди нихъ броженіе. «То сами инородцы взбунтуются, какъ, напримѣръ, въ 1610—1611 гг., то явятся сюда казацкія, нагайская и прочія шайки и производятъ опустошительныя набѣги на мирныхъ обывателей. При томъ миссіонерская работа не была обезпечена ни духовными, ни матеріальными средствами. Въ документахъ XVII вѣка нѣтъ ни одного упоминанія о постоянной работѣ среди инородцевъ кого-либо изъ духовенства (высшаго и низшаго) или русскаго народа. Вся христіанская просвѣтительная работа въ среднемъ Поволжьи носитъ отпечатокъ какой-то случайности, частичности.

Языкомъ богослуженія и проповѣди XVII вѣка былъ церковно-славянскій. Для русскаго духовенства, даже столичнаго, церковно-славянскій языкъ былъ гѣмъ же, чѣмъ для латинянъ языкъ Вульгаты. Инородческая масса совершенно

не понимала ни разговорнаго русскаго языка, ни тѣмъ менѣе церковно-славянскаго языка христіанской проповѣди и богослуженія. При такихъ условіяхъ даже самая ревностная дѣятельность не могла дать очевидныхъ результатовъ.

Глава третья разсматриваетъ миссію среди чувашъ съ начала XVIII вѣка до 1740 года; глава IV-я посвящена изученію исторіи распространенія христіанства среди чувашъ за время существованія ново-крещенской конторы (1740—1761); глава пятая излагаетъ исторію христіанства среди чувашъ съ 1764 по 1800 годъ.

— Въ XVIII вѣкѣ начинається оживленіе миссіонерскаго дѣла среди чувашъ средняго Поволжья.

Миссіонерское дѣло разсматривается, какъ дѣло государственной важности. Христіанская основа считается единственно прочной для насажденія здѣсь русской гражданственности. Для завѣдыванія дѣломъ обращенія подбираются люди образованные и понимающіе всю важность миссіи. Чтобы расположить инородческую массу къ крещенію, издается рядъ указовъ о льготахъ ново-крещенымъ, открываются для нихъ приходы и школы, строятся храмы и часовни, но, къ сожалѣнію, все это не давало миссіонерству развиваться, за неимѣніемъ подходящихъ миссіонеровъ. Инородческая масса, воспитанная на языческихъ и магометанскихъ пачалахъ, требовала себѣ такихъ проповѣдниковъ, которые знали бы ея языкъ, вѣрованія, умѣли бы разрушить вѣковое зданіе язычества и мусульманства и на разрушенномъ мѣстѣ искусною рукою воздвигнуть новое зданіе христіанства. Ни Казань, ни Нижній не имѣли лицъ, подготовленныхъ къ миссіонерскому служенію, потому что подготовка вѣроучителей не соответствовала нуждамъ инородческаго края.

Большую надежду возлагали въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ на школы, черезъ нихъ надѣялись возвысить духовный міръ инородцевъ, выработать изъ самихъ инородцевъ людей, готовыхъ и способныхъ ити на проповѣдь слова Божія къ своимъ соплеменникамъ, но за неимѣніемъ лицъ, «которые умѣли бы правильно воспитать чувашъ для будущей дѣятельности», надежды не оправдались.

Лучшіе люди XVIII вѣка, на примѣръ, императоръ Петръ Великій, В. П. Татищевъ, высказывались о необходимости употребленія роднаго языка для просвѣщенія инородцевъ. Петръ Великій въ 1724 году далъ такую инструкцію относительно крещенія, на примѣръ, калмыковъ: «склонять владѣльцевъ и законниковъ ихъ къ христіанскому ученію и гадесел и книги нужныя перевести на ихъ языкъ» (полн. собр. закон. т. VII, № 4427).

По мысли Татищева, весьма нужно было школы устроить такъ, чтобы русскіе младенцы могли изучать инородческій языкъ, а инородческіе младенцы русскій языкъ и Законъ Божій. Черезъ это легко было инородцевъ привести къ христіанству и благочестивому житію. Шведы, въ видахъ просвѣщенія лапландцевъ, напечатали для нихъ даже книги на ихъ родномъ языкѣ. Наши русскіе инородцы: мордва, чуваша, черемисы, вотяки, тунгусы и пр., менѣе культурны, чѣмъ лапландцы, тѣмъ не менѣе ничего подобнаго не сдѣлано. Въ цѣляхъ просвѣщенія инородцевъ для духовнаго лица знаніе инородческаго языка болѣе

важно, чѣмъ быть «лучшимъ теологомъ, или риторомъ: при незнаніи языка ничего полезнаго учинить для инородцевъ невозможно».

Такимъ образомъ, по Татищеву, основной законъ миссіонерскаго дѣла есть знаніе инородческаго языка. Надо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно больше было школъ, дающихъ это знаніе.

Пожеланія эти не выполнялись на протяженіи всего періода.

16-го января 1740 года спеціально для чувашскихъ и другихъ ново-крещенскихъ приходоѡ казанской епархіи правительство предполагало обучить тридцать человекъ въ Петербургѣ. 1-го мая указъ этотъ разсматривался св. синодомъ. Мѣстомъ для приготовленія этихъ миссіонероѡ была назначена Казань. Предварительнымъ условіемъ для нихъ ставилось лишь умѣніе читать и писать и «знаніе инородческихъ языковъ». 1-го сентября 1740 г. и 2 іюня 1742 г. къ этому присоединяется желаніе видѣть въ ново-крещенскихъ приходоѡ духовенство изъ самихъ же инородцевъ. Всѣ эти пожеланія относительно ново-крещенскаго духовенства на дѣлѣ не осуществились. Чувашскіе приходоѡ замѣщались священнослужителями русскаго происхожденія, не знавшими языка своихъ прихожанъ, которые при бесѣдахъ прибѣгали къ помощи толмачей и мимики. Казанскій архіепископъ Гавріилъ въ 1760 году распорядился, «чтобы священники склоняли не знающихъ русскаго языка къ покаянію черезъ приличныя къ тому знаки, т. е. возведеніемъ очесъ, возведеніемъ рукъ на небо и изображеніемъ на себѣ часто крестнаго знаменія, подобно какъ читается исповѣдь нѣмымъ, или глухимъ, или въ великихъ горячкахъ обезьязычившимся». Вообще не подготовленное къ прямому учительству среди новокрещенныхъ чувашъ духовенство лишено было фактической возможности вліять на нихъ.

Новокрещенскія школы не могли принести желаемой пользы. Объ нихъ авторъ излагаетъ очень подробно. Школы эти, за неимѣніемъ средствъ и лицъ, находились въ плачевномъ состояніи.

Христіанскому просвѣщенію чувашъ много препятствовала магометанская пропаганда, такъ что многіе чуваша, даже принявшіе крещеніе, переходили въ магометанство.

Магометанская пропаганда особенно усилилась съ 1775 года, когда императрица Екатерина II секретно объявила всѣмъ губернаторамъ и губерискимъ канцеляріямъ свою волю о свободѣ вѣроисповѣданія, когда мусульманству была дана такая организація, какой исламъ никогда не имѣлъ и не могъ имѣть при недостаточномъ и болѣе глубокомъ отношеніи къ исламу со стороны законодателей.

Въ концѣ пятой главы авторъ сообщаетъ о результатахъ работы разныхъ слоеѡ общества по просвѣщенію чувашъ за XVIII вѣкъ.

Въ концѣ книги имѣются 24 приложенія (194—404), двѣ географическія карты и указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ. Приложенія заключаютъ въ себѣ весьма интересные документы, имѣющіе цѣнное значеніе въ научномъ отношеніи.

Книга г. Никольскаго заслуживаетъ широкаго распространенія, особенно среди духовенства поволжскихъ епархіѡ.

Священникъ А. Ивановъ.

Н. Новомбергскій, профессоръ императорскаго томскаго университета. «Слово и дѣло» государевы. Процессы до изданія уложенія 1649 года. Томъ I. Москва. Стр. 593. Цѣна 3 руб.

Хотя прямыми матеріалами для изслѣдованія «слова и дѣла» въ XVII столѣтіи и должны бы, казалось, служить документы приказа тайныхъ дѣлъ, но, судя по настоящему труду профессора Новомбергскаго, значительное ихъ число нашлось и въ столбцахъ разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ виду того, что въ этомъ приказѣ было сосредоточено все административно-военное дѣло Россіи, захватывавшее даже судебную сторону, профессоръ Новомбергскій правильно полагаетъ, что «въ разрядѣ сливались всё отзвуки жизни государства того времени», въ числѣ которыхъ было и не мало такихъ, которые такъ или иначе относились къ процессу «слова и дѣла». Настоящій трудъ представляетъ собою приложение къ подготовляемому авторомъ историко-юридическому изслѣдованію по сему предмету, формулированному въ предыдущемъ его трудѣ («Слово и дѣло государевы», Томскъ, 1909 г.). Выводы же о матеріальныхъ и процессуальныхъ формахъ, примѣнявшихся къ производствамъ о «словѣ и дѣлѣ», а также выводы о личномъ отношеніи къ этимъ дѣламъ московскихъ царей, членовъ ихъ семействъ, о бытовомъ обстановкѣ, изъ которой создались процессы, въ достаточной мѣрѣ и весьма широко даетъ разсматриваемый нами трудъ.

Авторъ добросовѣстно обработалъ 327 столбцовъ московскаго, владимирскаго, бѣлгородскаго, новгородскаго и приказнаго столовъ разряднаго приказа, захватывающихъ по ихъ датѣ 1614—1649 годы, но на самомъ дѣлѣ передающихъ иногда подробности, восходящія и къ болѣе раннему времени. Г. Новомбергскій въ сжатомъ и краткомъ пересказѣ передаетъ содержаніе каждаго изъ 327 извлеченныхъ имъ изъ столбцовъ дѣлъ. А содержаніе это, не говоря уже о юридическомъ богатствѣ, цѣнно и историческими матеріалами за всю первую половину XVII столѣтія: о воеводскомъ управленіи, городскомъ устройствѣ, отношеніи сословій другъ къ другу, о казачествѣ, военномъ дѣлѣ, иноземцахъ, кружечныхъ дворахъ, отношеніи монашества къ мѣстному населенію, о народныхъ суевѣріяхъ и предрасудкахъ, о хозяйствѣ, о тюремной жизни, состояніи народнаго просвѣщенія, о семейномъ бытѣ и по многимъ другимъ вопросамъ. Такъ какъ во время пытокъ, сопровождавшихъ «слово и дѣло», большею частью раскрывалась душа русскаго человѣка, то сборникъ профессора Новомбергскаго даетъ чрезвычайно цѣнные матеріалы для сужденія о психологическомъ настроеніи нѣкоторой части русскаго общества въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Мы, съ своей стороны, обратили вниманіе на матеріалы, касающіеся исторіи самозванцевъ въ Россіи. Намъ кажется, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ окончательно вопросъ о томъ, кто же царствовалъ въ Россіи подъ именемъ Дзедимитрія Перваго, вся исторія смутнаго времени не будетъ имѣть фундамента для дальнѣйшихъ выводовъ. Можно сказать, что «тѣнь Димитрія» вплоть до половины XVII вѣка волновала и московское правительство и современное общество. Стоитъ вспомнить хотя бы исторію съ домогательствами въ

Польнѣ о выдачѣ въ Москву Лубы, называвшагося «Разстригинымъ сыномъ»¹⁾, чтобы видѣть, насколько этотъ вопросъ былъ серьезенъ. Въ первомъ же документѣ, напечатанномъ въ трудѣ г. Новомбергскаго, въ Вѣдгородѣ въ 1614 г. въ гостяхъ у попа сынъ боярскій Забусовъ въ бесѣдѣ съ бывшимъ «вожемъ» Телятниковымъ сказалъ про вновь избраннаго царя, чтобы былъ здоровъ государь Михайль Ѳеодоровичъ, на что Телятниковъ отвѣтилъ: «Нѣтъ-де, здоровъ бы былъ царь Димитрій». Теляникова у пытки 6-го февраля 1614 г. спрашивали: «съ кѣмъ у него объ тѣхъ словахъ было умышленье, нѣтъ ли у него ссылки въ Астрахань съ Маринкою и Иванкомъ Заруцкимъ?» Телятниковъ отвѣтилъ, что онъ былъ пьянъ, и того не упомянуть, что про царя «Дмитрія бредитъ съ хмелю». Это происходило вдали отъ столицы, на южной окраинѣ, а ближе къ Москвѣ, въ Коломнѣ, въ 1625 году, въ июнѣ мѣсяцѣ крестьянинъ Иванка Стрига сказалъ, что онъ въ деревнѣ Бачмановой близъ Голутвина монастыря въ избѣ крестьянина Денисова слышалъ, какъ бывший въ избѣ крестьянинъ же, котораго звали «Прѣвзимъ», говорилъ непригожее слово про царя Михаила Ѳеодоровича, что «ему нельзя жениться, потому что еще живъ тушинскій воръ, который называется царевичемъ Дмитріемъ». Другой крестьянинъ Парфенко, прозвище Батракъ, сказалъ, что «быть-де войнѣ великой, что воръ, который называется царевичемъ Дмитріемъ, живъ». «Прѣвзжаго» не нашли, потому что онъ уже умеръ, а Стригу послѣ допроса отдали на поруку, чтобы «его до смерти не убить, руки и ноги не переломить и ничѣмъ не изувѣчить». Въ 1624 г. въ Новосильскомъ уѣздѣ пушкаръ Дубенецъ въ бесѣдѣ съ служилыми людьми молвилъ: «Былъ бы здоровъ государь, князь Дмитрій Ивановичъ всея Русіи». Въ Сапожкѣ Рязанской губ. казакъ Титко Ивановъ въ 1625 г., когда ему стали говорить, что «въ старину хорошо бились даже бросалками, а пищали завели при Разстригѣ», Ивановъ возразилъ, что однако послѣдняго называли «всея Русіи». За эту вину Титку Иванова велѣно публично наказать кнутомъ въ Сапожкѣ у сѣвѣжія избы (приказн. стола столб. 14).

Жаль, что къ книгѣ г. Новомбергскаго, полной личныхъ и географическихъ названій, нѣтъ указателей: въ такомъ архивномъ изданіи они необходимы.

И. С. В.

Черниговская ученая архивная комиссія. Отчетъ о дѣятельности за 1910 годъ. Черниговъ. 1911. Стр. 32.

За четырнадцать лѣтъ своего существованія комиссія издала восемь выпусковъ своихъ «Трудовъ», Любецкій синодикъ, каталогъ музея и нѣскольکو отчетовъ о своей дѣятельности. Въ 1911 г. вышли изъ печати восьмой выпускъ «Трудовъ» и разсматриваемый нами «Отчетъ» за 1910 годъ.

«Дѣятельность комиссії въ 1910 г. выражалась въ засѣданіяхъ, въ разсмотрѣннй предназначенныхъ правительственными учрежденіями къ уничтоженію архивныхъ дѣлъ, а также описей симъ дѣламъ, въ археологическихъ изысканіяхъ

¹⁾ «Исторія Россіи», Соловьева, т. 9, стр. 1286—1291.

и раскопкахъ, въ наблюдѣніи за охраной и поддержаніемъ памятниковъ старины, въ содержаніи своихъ музея, архива и библіотеки».

Главнымъ образомъ въ отчетномъ 1910 г. комиссія была занята разсмотрѣніемъ описей дѣлъ и книгъ казенныхъ палатъ (и казначействъ) Черниговской, Минской и Волынской губерній. Въ своемъ отчетѣ комиссія жалуется на обременительность и малопродуктивность разсмотрѣнія описей архивныхъ, а не самыхъ дѣлъ, считая его утомительнымъ, кропотливымъ, а главное малопродуктивнымъ. Съ послѣднимъ нельзя не согласиться, такъ какъ знакомство съ описями не даетъ еще понятія о самомъ дѣлѣ, и вообще, какъ замѣчено комиссіей на практикѣ, часто заголовокъ дѣла самъ по себѣ даетъ больше, чѣмъ содержаніе, — и наоборотъ, добавимъ мы отъ себя.

Раскопки производились комиссіей на Болдиныхъ горахъ, возлѣ Троицкаго монастыря, но оказались безрезультатными: «если не считать нѣсколькихъ желѣзныхъ гвоздей, не дали ничего».

Волѣе интересны результаты осмотра такъ называемой «Татарской горки», песчаной розсыпи въ двухъ верстахъ отъ рѣки Десны и Чернигова. Изъ найденныхъ предметовъ безусловно заслуживаютъ вниманія: «серебряный денарій (?) императора Адриана (117—138 г.г. по Р. Шр.), разломанный еще въ древности (sic) на двѣ части», — «бронзовое зеркало въ видѣ диска, съ одной стороны гладкаго и отполированнаго, а съ другой — орнаментированнаго четырьмя группами выпуклыхъ линій, по три въ каждой, крестообразно идущими отъ слегка возвышенныхъ краевъ къ центру, гдѣ помѣщено маленькое ушко», и т. д.

При производствѣ работъ по сооруженію желѣзнодорожной линіи Бахмачъ—Одесса комиссія допустила невольную ошибку, не списавшись ранѣе съ кѣмъ слѣдуетъ и не уполномочивъ официально дѣйствовать отъ ея имени проживающаго въ районѣ работъ члена комиссія К. И. Самбускаго, которому изъ всего богатства, открытаго при земляныхъ работахъ, удалось «добыть лишь шесть сосудовъ: разбитый горшокъ средней величины съ маленькимъ дномъ...; сосудъ нанодобие вазы съ однимъ ухомъ, которое отсутствуетъ; маленькій горшечекъ и три небольшихъ мисочки; одна изъ нихъ сдѣлана безъ помощи гончарнаго круга». Въ мѣстечкѣ Верхъ Ичня, по преданію, когда-то стоялъ татарскій стѣпъ. Мѣстность возвышенная, съ курганами. При проведеніи въ означенномъ мѣстѣ полотна желѣзной дороги понадобилось снять часть земли. На глубинѣ отъ трехъ четвертей до двухъ аршинъ здѣсь обнаружены довольно многочисленныя погребенія. Костяки, плохой сохранности, были обращены головами на сѣверъ. Почти возлѣ каждаго костяка были находимы черной и желтой глины сосуды разной формы и величины — отъ маленькихъ мисочекъ и горшечковъ до громадныхъ размѣровъ того же вида; нѣкоторые имѣли подобіе современныхъ цвѣточныхъ вазъ, другіе украшены всевозможной орнаментировкой, попадались гладко отшлифованные..., были рюмки черепяныя и синяго стекла... Всѣхъ сосудовъ обнаружено болѣе 50».

Архивъ комиссія увеличился главнымъ образомъ присылкою дѣлъ мѣстною казенною палатою и казначействами Черниговской и Волынской губерній. «Кромѣ того, поступила часть рукописей изъ собранія П. М. Добровольскаго». Но въѣдъ обществу интересно знать, что это за рукописи поступили, хотя бы

это были даже П. М. собственные работы и матеріалы, а составители отчета, къ сожалѣнію, ограничились только указаніемъ на фактъ поступленія рукописей П. М. Кстати необходимо замѣтить, что рукописи вообще есть принадлежность бібліотеки комиссіи, но никакъ не архива ея, и составляютъ собою рукописное отдѣленіе бібліотеки.

Къ отчету приложенъ портретъ П. М. Добровольскаго, правителя дѣлъ комиссіи, умершаго въ отчетномъ году 21-го августа. Д. В.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 г. Книга третья. Двѣсти тридцать восьмая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911. Стр. 60 + IX + 128 + 213 + VI + 160 + 64 + 48. Цѣна 3 руб.

Довольно богатое содержаніе третьей книги вышеназванныхъ «Чтеній» открывается работою С. В. Веселовскаго, который сообщилъ: «Смѣтные росписи государевымъ людямъ всѣхъ полковъ и перечневая выписка о сборѣ полуполтинныхъ денегъ 171 года» (т. е. 1663 г.). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено до 19 разныхъ документовъ, преимущественно «росписей», заимствованныхъ изъ не описаннаго еще отдѣла разряднаго приказа, въ 8 столбцѣ денежнаго стола (въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи).

Далѣе слѣдуютъ «Сотницы, грамоты и записи» (выпускъ шестой) С. А. Шумакова. Здѣсь, прежде всего, приводятся «противни съ писцовыхъ книгъ землямъ Троице-Сергіева монастыря», по городамъ Кашину, Казани и Свияжску, взятыя изъ грамотъ коллегіи экономіи. Затѣмъ идутъ заимствованные изъ алексинскихъ столбцовъ помѣстнаго приказа «официальные акты 1627—1708 гг.» и «частныя акты 1643—1700 гг.» А въ концѣ выпуска находимъ четыре указателя: именъ личныхъ, географическихъ, учреждений и классовъ и разрядовъ населенія какъ къ настоящему изданію, такъ и къ другимъ работамъ С. А. Шумакова по столбцамъ, разработкѣ которыхъ посвящено настоящее изданіе.

Послѣ продолженія извѣстной работы братьевъ В. И. и Г. И. Холмогоровыхъ «Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вѣковъ. Выпускъ XI. Верейская, Дмитровская и Троицкихъ вотчинъ десятины. II. Дмитровская десятина», помѣщенъ какъ бы посмертный трудъ А. А. Титова—«Іосифъ, архіепископъ коломенскій. (Дѣло о немъ 1675—1676 гг.)». Въ предисловіи А. А. Титовъ сообщаетъ краткія біографическія данныя, которыя вообще очень скудны, объ архіепископѣ Іосифѣ, одномъ изъ «усерднѣйшихъ гонителей патріарха Никона» и подпавшемъ заключенію въ монастырь за хулу на царя Алексѣя Михайловича, патріарха Іоакима и жестокое обращеніе съ своими подчиненными. «Дѣло» объ архіепископѣ Іосифѣ, много лѣтъ уже напечатанное въ V томѣ «Историческихъ актовъ», теперь приводится въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ.

Въ отдѣлѣ «иностранныхъ матеріаловъ» помѣщено «Путешествіе его княжескаго свѣтлости герцога Ганса Шлезвигъ-Гольштинскаго въ Россію въ 1602 г.», сообщенное Ю. П. Щербачевымъ. Герцогъ Гансъ Шлезвигъ-Гольштинскій былъ,

какъ извѣстно, женихомъ царевны Ксеніи Борисовны Годуновой, пріѣхалъ въ Москву въ 1602 году и здѣсь вскорѣ же умеръ. «Путешествіе», извлеченное изъ копенгагенскаго государственнаго архива, представляетъ собою дневникъ Акселя Гюльденстерне, старшаго изъ пословъ, сопровождавшихъ герцога. Дневникъ, за время съ 1-го августа 1602 г. по 21 февраля 1603 г., довольно интересенъ по многимъ подробностямъ и до сихъ поръ не былъ полностью использованъ нашими историками.

Въ заключеніе нельзя не указать на помѣщенную въ отдѣлѣ «Смѣсь» интересную работу С. А. Вѣлюкова—«Надгробныя плиты XVI вѣка въ селѣ Образцовѣ Московской губерніи», гдѣ довольно много свѣдѣній о первыхъ владѣльцахъ с. Образцова Хабаровыхъ и сообщенныя Н. П. Оглоблинымъ «Письма А. П. Муравьева» (1861—1870), рисующія своеобразныя отношенія этого «защитника православія» къ кievскому духовенству. В. Р.—въ.

Наказъ отъ жителей гор. Чухломы депутату въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія. Изданіе 2-е. В. Юдина. М. 1911. Цѣна 1 руб.

Настоящее изданіе представляетъ собою точный цинкографическій снимокъ наказа, даннаго жителями Чухломы 18-го мая 1767 г. купцу Алексѣю Ивановичу Юдину (Юдину), избранному въ качествѣ депутата въ знаменитую Екатерининскую комиссію. Снимку предшествуетъ транскрипція наказа, исполненная извѣстнымъ знатокомъ, архивистомъ И. С. Вѣляевымъ, и предисловіе, въ которомъ г. Вѣляевъ сообщаетъ свѣдѣнія о депутатѣ Юдинѣ и о его праправнукѣ, красноярскомъ библіофилѣ Г. В. Юдинѣ, благодаря которому были собраны и изданы, кромѣ настоящаго «Наказа», многіе весьма цѣнные матеріалы по исторіи Чухломы, важные во многихъ отношеніяхъ и для всего Костромскаго края.

Изданіе «Наказа», помимо содержанія, любопытно въ томъ отношеніи, что оно точно воспроизводитъ памятникъ, съ помѣтами, съ подписями жителей и скрѣпой по статьямъ рукою «головой, а чухломской ратуши бургомистра Якова Юдина», чѣмъ дается яркое представленіе о формѣ тогдашнихъ документовъ. Отъ такого изданія вѣетъ ароматомъ эпохи, здѣсь прошлое воскрешается въ наглядныхъ образцахъ.

«Наказъ» посвященъ издателемъ памяти покойнаго историка-юриста В. И. Сергѣевича, который впервые напечаталъ наказъ въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества», а затѣмъ руководилъ работой фотографа при съемкѣ документа въ его натуральную величину.

Можно только радоваться, что такіе памятники, какъ «Наказъ», усиліями частныхъ лицъ воспроизводятся въ ихъ подлинномъ видѣ.

М. К.—въ.

І. Гольдцингеръ, проф. въ Будапештѣ, членъ-корреспондентъ петербургской академіи наукъ. Лекціи объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери «Культурное движеніе среди русскихъ татаръ». Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Черновой. Изданіе «Брокгаузъ-Ефронъ». 1912. Стр. XI+302. Цѣна 2 рубля.

«Современное человѣчество»—такъ называется новая серія книгъ, въ составъ которой входитъ трудъ Гольдцингера. Полный комплектъ этой серіи составитъ «библіотеку общественнаго», которая будетъ содержать около трехъ десятковъ томовъ разныхъ иностранныхъ авторовъ и весьма разнообразнаго содержанія; редактировать это новое издательское предпріятіе будетъ г. Бикерманъ. Какъ ни велики, быть можетъ, его заслуги въ качествѣ журналиста, но навязанное ему руководство серьезной и дорогой коллекціей книгъ по весьма широкой программѣ представляется дѣломъ весьма рискованнымъ. Разобраться въ великомъ богатствѣ западно-европейской научной литературы и выбрать подходящія для русскаго читателя труды о современномъ человѣчествѣ—было бы болѣе подѣлъ стать цѣлой коллегіи ученыхъ специалистовъ, чѣмъ скромному журналисту. Что даютъ для познанія современнаго человѣчества «Лекціи объ исламѣ»? Очень мало. Читатель жестоко ошибется, понадеясь при помощи этой книги заглянуть за кулисы современнаго броженія мусульманскихъ народовъ. Лишь нѣсколько замѣчаній Гольдцингера и особенно приложенная къ его лекціямъ статья Вамбери затрагиваютъ эту тему. Въ цѣломъ же трудъ будапештскаго профессора совсѣмъ другого поля ягоды: его книга прекрасная монографія по исторіи религіи. Именно съ этой стороны и слѣдуетъ рекомендовать ее читателямъ. Кто интересуется религіознымъ сознаніемъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, кто привыкъ къ серьезному чтенію и хотя бы въ общихъ чертахъ знакомъ съ прагматической исторіей магометанства, для того изслѣдованіе Гольдцингера окажется очень интереснымъ. Авторъ большой знатокъ ислама и строго объективный изслѣдователь. Самимъ пророкомъ и происхожденіемъ ислама Гольдцингеръ интересуется очень мало: первая глава его труда («Магометъ и исламъ») самая короткая во всей книгѣ и носитъ характеръ «введенія». Все свое вниманіе авторъ сосредоточиваетъ на дальнѣйшемъ развитіи заложенныхъ Магометомъ началъ. Читатели послѣдовательно знакомятся съ развитіемъ закона и догматовъ (II-ая и III-я главы), съ мусульманскимъ аскетизмомъ (глава IV), съ сектами (глава V). Послѣдняя глава посвящена новѣйшимъ явленіямъ магометанской религіозной мысли. Въ наше время, какъ и прежде, исламъ не перестаетъ бродить, выдвигая изъ своей среды новыхъ пророковъ и реформаторовъ и вмѣстѣ съ этимъ принимаясь по временамъ за усиленную пропаганду своихъ идей. Пророкъ Абдъ-аль-Беха—нашъ современникъ. «Много американскихъ дамъ,—разсказываетъ Гольдцингеръ,—совершали паломничество къ персидскому пророку у подошвы Кармела, чтобы принести на свою родину на Западѣ слова спасенія, выслушанныя ими въ непосредственной близости изъ устъ самого провозвѣстника ихъ». (Стр. 258).

Праведники ислама и его мученики, ученые и схоластики, инквизиторы и

свободные мыслители, реакціонеры и реформаторы—все они проходят передъ читателями, очерченные безъ французскаго блеска, безъ художественной выпуклости, но умѣло и интересно. Издана книга сѣро и дорого.

Цвѣт.

Нижегородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ. Иллюстрированная памятка кадета-аракчеевца. 1912. Спб. Цѣна 50 к.

Аракчеевскій кадетскій корпусъ, открытый по волю императора Николая I въ 1834 г., былъ первымъ провинціальнымъ корпусомъ, такъ какъ все остальные корпуса были въ столицахъ. Корпусу, расположенному въ военныхъ поселеніяхъ, было передано имѣніе графа Аракчеева и его движимое имущество, въ томъ числѣ библіотека въ 10.000 томовъ, а также значительный капиталъ (300,000 р.), предназначенный для воспитанія въ корпусѣ дѣтей дворянъ Новгородской губерніи, къ числу которыхъ принадлежалъ Аракчеевъ. При первыхъ директорахъ, весьма способныхъ педагогахъ и людяхъ воли, корпусъ былъ поставленъ весьма хорошо въ научномъ и воспитательномъ отношеніи, далъ арміи немалое число достойныхъ офицеровъ и постоянно привлекалъ къ себѣ вниманіе государя и великаго князя Михаила Павловича, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ всехъ военно-учебныхъ заведеній. Последній, по случаю смерти своей дочери Маріи Михайловны, въ 1846 году, удалившись изъ столицы, провелъ въ уединеніи, въ стѣнахъ корпуса, четыре дня, выходя только два раза въ корпусную церковь на панихиды. Впослѣдствіи корпусъ былъ переведенъ изъ Новгородской губерніи въ Нижній Новгородъ и праздновалъ тамъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Памятка заключаетъ въ себѣ много портретовъ и видовъ и издана изящно; доходъ отъ продажи книжки назначается на благотворительную цѣль (для общества вспоможенія бывшихъ аракевцевъ).

Л. Н.

Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1910 годъ. Выпускъ II—III. Вятка. 1910. Стр. 79 + 151 + 136 + II + 21. Цѣна 1 р.

Главное содержаніе настоящей книжки «Трудовъ» вятской архивной комиссіи составляетъ «Переписная книга церковныхъ посадскихъ дворовъ города Котельничя и дворовъ въ волостяхъ тяглаго и оброчнаго стана переписи Михаила Петровича Воейкова и подьячаго Ѳедора Прокофьева (186) 1678 года». «Переписная книга» даетъ цѣнный матеріалъ для опредѣленія количества населенныхъ пунктовъ и числа жителей въ гор. Котельничѣ и его уѣздѣ, свидѣтельствующій о томъ, что къ концу XVII вѣка этотъ уѣздъ сильно колонизовался: по сравненію съ переписью 1629 г.—число жителей съ 405 возросло до 4080 человекъ. Напечатана книга по рукописи, снятой А. А. Спицынымъ. Интересно затѣмъ и дѣло, извлеченное изъ вятской духовной консисторіи, «О поселеніи архіерейскихъ крестьянъ на земляхъ дворцовой слободы Кукарки», которое сообщилъ В. И. Шабалинъ, равно какъ и нѣкоторые другіе имъ представленныя документы, но при этомъ нельзя не пожалѣть,

что; сообщая документы, редакция воздерживается от какого бы то ни было ихъ освѣщенія и опредѣленія.

Изъ трехъ статей разсматриваемаго выпуска: «О необходимости изученія Вятскаго края въ археологическомъ отношеніи», г. Емельянова, «Къ вопросу о сохраненіи памятниковъ церковной старины», г. Васильева, и «Иконописцы и книгопродавцы по Вятской и Пермской провинціямъ во второй половинѣ XVIII столѣтія», нѣкоторый интересъ, конечно, должна имѣть послѣдняя. Авторъ ея и въ то же время редакторъ «Трудовъ», замѣнившій рѣдкаго мѣстнаго труженика-исслѣдователя А. С. Верещагина, В. Д. Емельяновъ по даннымъ консисторскаго архива называетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ иконописцевъ и указываетъ на исполненныя ими работы; говоритъ о «цензурѣ», которая была установлена синодскими указами для свидѣтельствующаго образовъ и иконописцевъ, о призывѣ лучшихъ мастеровъ изъ Москвы для болѣе крупныхъ работъ и, наконецъ, приводитъ имена иконопродавцевъ, по преимуществу суздальцевъ, которые, по полученіи изъ духовной консисторіи разрѣшительныхъ билетовъ, разбѣзжали по городамъ и селамъ, распространяя произведенія своихъ земляковъ.

Нельзя не отмѣтить еще того, что вятская архивная комиссія находится наканунѣ открытія при ней музея для храненія мѣстныхъ церковно-археологическихкихъ древностей.

В. Р—въ.

И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. На память о генералъ-фельдмаршалѣ Дмитріи Алексѣевичѣ Милютинѣ. Спб. 1912.

Двѣ названныя выше брошюры, посвященныя памяти покойнаго фельдмаршала, касаются отчасти общей его дѣятельности, какъ военнаго министра, государственнаго человѣка и ученаго, а главнымъ образомъ его спеціальнаго участія въ военно-воспитательномъ дѣлѣ. Извѣстно, что военно-учебныя заведенія были любимымъ дѣтищемъ графа Дмитрія Алексѣевича; придавая огромное значеніе воспитанію и образованію юношей, готовящихся себя къ военной службѣ, онъ провелъ и выполнилъ коренныя реформы въ военно-воспитательномъ дѣлѣ, выразившіяся въ преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи и въ подготовкѣ учительскаго и воспитательнаго персонала. При немъ были учреждены четыре новыя военныя гимназіи, образованы педагогическіе курсы, учрежденъ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, основанъ «Педагогическій Сборникъ» и проч. Насколько живое участіе принималъ Милютинъ въ успѣхахъ новыхъ военныхъ гимназій, видно изъ слѣдующаго приводимаго авторомъ факта: узнавъ изъ расписанія экзаменовъ, что въ 7-мъ классѣ всѣхъ петербургскихъ военныхъ гимназій назначены письменныя испытанія по математикѣ, русскому и иностраннымъ языкамъ, графъ Д. А. приказалъ прислать къ себѣ для просмотра всѣ означенныя работы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были представлены учениками въ день испытаній. Разсмотрѣвъ лично всѣ работы въ одинъ вечеръ, графъ Д. А. прислалъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній толстую тетрадь, въ которой съ свойственною ему ясностью

указали замѣчательныя достоинства и недостатки работъ, а затѣмъ собралъ начало военно-учебныхъ заведеній и въ живой рѣчи передалъ имъ свои впечатлѣнія.

Но не одними военно-учебными заведеніями интересовался этотъ замѣчательный государственннй дѣятель, онъ широко смотрѣлъ на дѣло просвѣщенія, провелъ свои взгляды въ уставъ о воинской повинности, вопреки желаніямъ тогдашняго министра Д. А. Толстого, такъ что въ обществѣ его называли истиннымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Л. Н.

В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Браиловскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912. Стр. 2 нн. + 434. Цѣна 3 руб.

Романтику пушкинской эпохи В. Туманскому, въ сравненіи съ другими представителями Пушкинской плеяды, можно сказать, повезло. У насъ нѣтъ мало-мальски порядочнаго и полнаго изданія такого большого поэта, какъ Баратынскій, а Туманскій былъ старательно собранъ и изданъ еще тридцать лѣтъ назадъ. Послѣ появленія этого изданія были найдены какъ его редакторомъ, графомъ Г. А. Милорадовичемъ, такъ и С. Н. Браиловскимъ, новыя матеріалы, а затѣмъ г. Браиловскій занялся пересмотромъ всего написаннаго Туманскимъ, и въ результатѣ получилась новая, тщательно исполненная редакція произведеній Туманскаго, съ внимательно составленнымъ историко-литературнымъ и текстуальнымъ комментариемъ и біографическимъ очеркомъ. Поэзія Туманскаго имѣетъ свою, хоть небольшую, абсолютную цѣнность и особенно типична для Пушкинской эпохи. Справедливо сказалъ одинъ критикъ, что на поэмъ «отразилась лучшая, свѣжая, здоровая сторона Пушкинской школы и Пушкинскаго вліянія». Упроченію его имени помогло также дружеское сочувствіе Пушкина, удѣлившаго ему строфу въ «Опѣгінѣ». Книга издана красиво.

Н.

Собраніе сочиненій С. А. Венгерова. Т. III. Передовой боець славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Изданіе «Прометей». Спб. 1912. Стр. 247. Ц. 1 р. 50 к.

Застрѣльщикъ славянофильскаго лагеря «Вѣлинскій славянофильства», какъ остроумно величаютъ К. С. Аксакова С. А. Венгеровъ, а помимо того человекъ идейнаго закала высшей цѣнности и необычайной глубины нравственныхъ стремленій, К. С. Аксаковъ въ книгѣ почтеннаго историка русской литературы встаетъ во весь свой идейно-нравственннй ростъ. И хотя самъ авторъ далекъ отъ какого-либо соприкосновенія со славянофильскимъ міровоззрѣніемъ, по къ личности К. С. Аксакова и его убѣжденности онъ относится съ чувствомъ глубокаго уваженія, даже больше того, съ преклоненіемъ. «Въ его лицѣ,—оканчиваетъ свою книгу С. А. Венгеровъ,—мы имѣемъ дѣло съ пророкомъ настоящимъ, до мозга костей воодушевленнымъ своими идеями, съ глашатаемъ правды, исповѣдуемой съ такою горячею искренностью, съ такою

святою чистотою, что онъ будятъ хорошія чувства въ каждомъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. Вотъ почему литературная дѣятельность Константина Аксакова не замыкается тѣснымъ кругомъ славянофильской доктрины, а имѣетъ значеніе для всей русской литературы».

Данный трудъ С. А. Венгерова издавался уже три раза. Теперь онъ выходитъ значительно дополненнымъ. Такъ, освѣщено подробно участіе К. С. Аксакова въ «Молвѣ», близкаго представленія о которомъ не имѣлъ даже хранитель славянофильскихъ воспоминаній П. И. Бартеневъ, издатель и «составитель» «Русскаго Архива». По поводу этого участія К. С. Аксакова въ «Молвѣ» считаю не лишнимъ замѣтить, что всегда правдивый писатель нѣсколько былъ неточенъ, когда заявлялъ въ номерѣ девятнадцатомъ газеты: «Считаю своею обязанностью объявить, что я не принадлежу къ редакціи» (63 стр.). С. Т. Аксаковъ очень опредѣленно писалъ М. А. Максимовичу: «Война загорѣлась кровавая! Не за литературныя мнѣнія, а за убѣжденія душевныя: народныя и политическія. Покуда дѣло идетъ хорошо; но когда мы съ Константиномъ переѣдемъ въ деревню, то оно неминуемо испортится. Разумѣется, Константинъ каждую недѣлю дня на два будетъ прѣзжкать въ Москву, но это все уже будетъ не то. Отвѣтственный редакторъ (С. М. Шилевскій) неопытный юноша, и ему не справиться съ такой обузой» (цит. по оригиналу).

Изъ прежнихъ біографическихъ свѣдѣній о К. С. Аксаковѣ А. С. Венгеровъ разрушаетъ легенду объ его идеальномъ увлеченіи берлинской цвѣточницей, оказавшейся дѣвицей самыхъ реальныхъ возжелѣній. Оказывается, К. С. Аксаковъ въ Берлинѣ пробылъ всего четыре дня, и развиться какому-либо роману, среди бѣготни по музеямъ, было даже невозможно.

Къ книгѣ приложена исчерпывающая библиографія, касающаяся К. С. Аксакова, которая занимаетъ четырнадцать страницъ мелкой печати, и, что особенно важно, въ концѣ книги перепечатана брошюра его: «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя «Похожденія Чичикова», которой извѣстенъ только одинъ экземпляръ въ императорской публичной библіотекѣ. За перепечатку этой рѣдкой брошюры, на которую напрасно нападали Вѣлискій и другіе современники, историкъ русской литературы принесетъ самую искреннюю благодарность С. А. Венгерову.

В. Даниловъ.

К. Тиандеръ. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. I. Спб. 1912 Стр. IV+166. Цѣна 1 р.

Послѣ солиднаго изслѣдованія, диссертациі «Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море» (1906) и «Очерка исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи» (1911), К. Тиандеръ началъ новую серію историко-литературныхъ работъ. Онъ будутъ приняты критикой, несомнѣнно, съ такимъ же интересомъ, какъ и первая по времени крупная его работа. Первый выпускъ состоитъ изъ нѣсколькихъ очерковъ, объединенныхъ очень удачно, хотя, казалось бы, связь ихъ почти механическая.

Первый очеркъ — «Лабиринтъ» Ваггенса и «Цисьяма русскаго путешествен-

ника» Карамзина. Какъ извѣстно, датскій и русскій писатели были знакомы, встрѣчались въ Цюрихѣ и Женевѣ, посѣщали одинъхъ и тѣхъ же знаменитостей, а у Лафатера были даже вмѣстѣ, и т. д. Ихъ рассказы, естественно, дополняютъ другъ друга, а различный характеръ впечатлѣннй дѣлаетъ еще болѣе интересными наблюденія автора надъ каждой мелочью, которая не можетъ не броситься въ глаза внимательному критику. Это много сходства въ «Письмахъ» Карамзина и въ «Лабиринтѣ» Баггесена въ литературномъ стилѣ, въ пониманіи красотъ природы, памятниковъ искусства и т. д. К. Тиандеръ шгъ за шагомъ слѣдитъ за точками соприкосновенія у обоихъ писателей, которыхъ судьба свела вмѣстѣ на чужбинѣ, находитъ очень похожія черты, но не забываетъ, между прочимъ, и того важнаго обстоятельства, что оба они подражали «Сентиментальному путешествію» Стерна. Поэтому кажущееся на первый взглядъ сходство объясняется иной разъ просто одинаковымъ литературнымъ образцомъ. Статья заканчивается красивой сравнительно характеристикой русскаго и датскаго путешественниковъ, а въ началѣ ея авторъ даетъ интересный историко-литературный очеркъ о письмахъ, какъ особомъ жанрѣ, столь неразрывномъ съ представленіемъ о XVIII вѣкѣ. «Въ 1713 году въ кофейнѣ на Ковентъ-Гарденѣ въ Лондонѣ былъ поставленъ ящикъ подъ львиной головой съ раскрытой пастью, куда всѣ желающіе могли опускать письма, предназначенныя для напечатанія или обсужденія въ журналѣ Аддисона.

«Все, что левъ проглотитъ, я переварю для пользы публики»,—писалъ редакторъ.

Дѣйствительно же поступало столько писемъ самаго разнообразнаго содержания, что не было никакой возможности печатать ихъ и отвѣчать на нихъ въ предѣлахъ издаваемаго журнала. Когда же умеръ Аддисонъ, въ 1725 году появились въ печати два тома подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Оригинальныя и подлинныя письма, которыя посылались «Волтуну» и «Зрителю» во время изданія ихъ сочиненій, и изъ которыхъ ни одно не было напечатано ранше». Такихъ писемъ оказалось около 300. Если принять во вниманіе, что литераторы, участвовавшіе въ «Волтунѣ» и «Зрителѣ», также весьма часто прибѣгали къ формѣ писемъ, то получимъ яркую иллюстрацію того, какъ тѣсно тогда соприкасались литература и частное письмо. Последнее отличалось литературными достоинствами, а, съ другой стороны, писатель-профессіоналъ считалъ письмо «одной изъ наиболѣе удобныхъ и выгодныхъ для себя формъ».

Припомнимъ романы въ письмахъ, какъ «Памела», «Клариса» и «Грандисонъ» Ричардсона, которые служатъ подтвержденіемъ того большого значенія, которое имѣло письмо въ жизни общества XVIII столѣтія. Другой видъ перехода частнаго письма въ литературу—это путевыя письма. Образцами могутъ служить «Сентиментальное путешествіе» Стерна, «Письма» Карамзина и «Лабиринтъ» Баггесена.

Вторая статья «Датско-русскихъ изслѣдованій» вводитъ читателя въ кругъ тѣхъ же моментовъ прошлаго нашей литературы. Карамзинъ видается въ Швейцаріи съ графомъ Мольтке, говоритъ о немъ, даетъ общую характеристику этого «наиблагороднѣйшаго человѣка на землѣ» и «виука министра», говоритъ объ ихъ общихъ знакомыхъ. К. Тиандеръ собралъ цѣнныя свѣдѣнія

о Мольтке, его дружбѣ съ Баггесеномъ, заграничномъ путешествіи, студенческихъ годахъ, выступленіи на литературное поприще и т. д.—и, нѣсколько разъ оставиваясь на отзывахъ Карамзина, подчеркивается, какія стороны характера Мольтке бросались въ глаза русскому путешественнику. Кромѣ отношенія къ Карамзину, этотъ очеркъ представляетъ интересъ и самъ по себѣ. Мольтке—яркая фигура, образованный писатель; въ немъ всегда боролся темпераментъ и «разумъ», и всегда въ жизни онъ оставался аристократомъ и джентльменомъ, что такъ удачно подмѣтилъ авторъ «Писемъ».

Личность случайнаго спутника Карамзина и названныхъ раньше датскихъ писателей, Готфрида Беккера (1767—1845 г.г.), составляетъ предметъ третьяго очерка. Сынъ придворнаго копенгагенскаго аптекаря, Беккеръ учился въ Берлинѣ и задумалъ путешествовать нѣшкомъ по Германіи. Впрочемъ, довольно скоро онъ долженъ былъ продолжать путь уже въ экипажѣ. Между Страсбургомъ и Базелемъ его встрѣтилъ Карамзинъ и «со свойственной ему наблюдательной и тонкой ироніей» занесъ въ «Письма русскаго путешественника» «одно изъ тѣхъ милыхъ приключеній, которыя путешественникъ едва помнитъ до слѣдующей остановки». Ихъ связываетъ и встрѣча съ Софіей Галлеръ и прогулка по Рейнскому водопаду, пребываніе въ Цюрихѣ, Женевѣ, Фернеѣ, Парижѣ. Карамзинъ привязывается къ Беккеру больше, чѣмъ къ остальнымъ датчанамъ, и весь очеркъ этотъ читается, какъ живо написанные мемуары.

Послѣдняя статья—«Отношенія Баггесена къ Александру I». Сначала Баггесенъ увлекался Наполеономъ и этимъ заплатилъ перѣдкую дань времени. Но когда въ 1804 году Наполеонъ «облачился въ императорскую мантию, растопталъ свободу», поэтъ разочаровался, написалъ «Исторію французской революціи» въ стихахъ, которая заканчивается словами:

А въ замѣшательствѣ теперь
Явился узурпаторъ.
Сказать ужасно!—вѣрь, не вѣрь,
Но худшій императоръ.

И вотъ Баггесенъ отворачивается отъ «варварскаго сына самаго проклятаго времени», обращаетъ взоры уже къ Александру I, вѣритъ, что русскій царь утвердитъ ту конституціонную свободу, которую погралъ Наполеонъ. На коронацію Александра I датскій поэтъ пишетъ оду, съ обычнымъ паэосомъ, съ традиціонной дѣланностью—стильную оду. Покорены уже Германія, Голландія, Италия, Швейцарія, Франція рыдаетъ на развалинахъ разрушеннаго храма. Европа взываетъ: «Возстань, Александръ II! Деспотъ обманутаго народа, Наполеонъ всѣ земли заполоняетъ подкупленными рабами. Только ты, князь князей можешь спасти достоинство человѣчества! Не медли! Избавь отъ новаго ига землю прежде, чѣмъ общее міровое возстаніе порветъ оковы!... Уже драконъ украсился императорской короной... Уже Олимпъ дрожитъ предъ титаномъ вплоть до твоего трона. Только Посейдонъ поднимаетъ треножникъ морской бездны,—но къ чему заботиться ему о моряхъ, когда материкъ склоняетъ свою шею подъ его желѣзной пятой и каждый герой опускаетъ предъ нимъ свое копьё... Возстань, Александръ-Зевсъ! Разгрома своими лучами ночное войско

и уничтожь послѣднюю мощь старыхъ небокрушителей вмѣстѣ съ ханомъ этихъ новыхъ вандаловъ».

Сторонникъ гражданской свободы, Ваггесенъ колеблется въ своемъ отноше-
ніи къ Наполеону и Александру I, что обусловливается переменой взглядовъ
того и другого. Но въ сущности онъ всегда остается вѣрнѣе тѣмъ лозунгамъ, ко-
торыя закидали его въ молодости. «Когда Ваггесенъ—уже на краю могилы—
привѣтствуетъ испанскихъ революціонеровъ и освободительную борьбу элли-
новъ, онъ намъ кажется юнымъ и восторженнымъ,—какимъ его зналъ и опи-
саль Карамзинъ».

Этими словами заканчивается очеркъ. К. Тиандеръ сумѣлъ найти интерес-
ные для русскаго прошлаго моменты въ такой, казалось бы, далекой отъ насъ
литературѣ, какъ датская XVIII вѣка. Серьезный специалистъ въ области скан-
динавскихъ литературъ, авторъ набросалъ нѣсколько очень цѣнныхъ штриховъ,
за которые должны быть благодарны ему историки русскаго литературъ.

И. А.—въ.

**Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, издаваемый
подъ редакціей Е. О. Карскаго. 1911. Варшава.**

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» за истекшій годъ сравнительно обѣденъ
статьями, содержаніе которыхъ представляло бы интересъ для библиографіи
нашего журнала. Большинство статей его посвящено языковѣднн, хотя и
въ этой области кое-что не лишено общаго интереса. Такова, напр., статья
И. И. Огненка: «Къ вопросу объ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ рус-
скій языкъ при Петрѣ Великомъ». Оказывается, что еще до Петра встрѣчается
слово «аффектъ», хотя, вѣроятно, употреблявшій послѣднее придавалъ ему не
иное содержаніе, чѣмъ купецъ, говорившій, что петербургскіе купцы бьются
на аффектъ и не имѣютъ московской основательности. Изъ той же области
могутъ разсчитывать на общій интересъ изслѣдованія А. И. Соболевскаго;
почтенный академикъ проявилъ вкусъ къ такимъ словамъ, какъ: по морда-
самъ, дурында, дуралей, мазурикъ, олухъ. Такъ, послѣднее слово онъ объ-
ясняетъ изъ волухъ, т. е. пастухъ волонъ; а такъ какъ еще Стародумъ говорилъ,
что самаго глухого мужика выбираютъ въ селѣ пастухомъ, то волухъ—олухъ
стало синонимомъ дурака.

Изъ сочиненій по исторіи литературы «Русская комедія до появленія А. П.
Островскаго» Э. П. фонъ-Верга тянется черезъ весь годъ. Вопросъ очень зани-
мательный, но, къ сожалѣнію, разрабатывается авторомъ по упрощенному
методу хронологическаго пересказа содержанія комедій, каковой участи не
избѣжали даже комедіи Фонвизина, вѣроятно, по пословицѣ: «изъ пѣсни слова
не выкинешь». Понятно, какія научныя цѣли подобныхъ работъ: не есть ли
эта «Русская комедія» просто предполагаемая диссертация на соисканіе степени?
Тогда все понятно. Къ тому же роду комическихъ «изслѣдованій» относится
статья ординарнаго профессора поворооссійскаго университета В. Н. Мочуль-
скаго: «М. В. Ломоносовъ, какъ драматургъ». На двадцати печатныхъ страни-
цахъ г. профессоръ буквально только излагаетъ одно содержаніе трагедій Ло-

моносова «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ», не дѣлая никакихъ историко-литературныхъ изысканій. Но и это переложеніе грѣшитъ неправильностями. Такъ, г. профессоръ пишетъ: «Муметь обѣщаетъ устроить бракъ съ возвращеніемъ Парсима», тогда какъ тутъ возможно лишь сказать: по возвращеніи; слово «тенденціи» г. профессоръ неправильно употребляетъ вмѣсто «сентенціи». словомъ, переложеніе написано на тройку.

Изъ другихъ статей вѣстника отмѣтимъ: М. Н. Сперанскаго, «Къ исторіи сборника пѣсенъ Кириши Данилова»; В. В. Данилова, «Къ библиографіи драматическихъ передѣлокъ изъ Гоголя», «Н. И. Надеждинъ въ Одессѣ въ 1838—1842 годахъ», гдѣ представлена исторія жизни и научной дѣятельности знаменитаго учителя Вѣлинскаго въ Одессѣ по окончаніи ссылки, при чемъ авторъ пользуется не изданными матеріалами, и его же: «Жизненные мотивы въ поэзіи М. В. Ломоносова»—юбилейная школьная рѣчь, почему и напечатана въ педагогическомъ отдѣлѣ журнала. А. В. Круковскому принадлежитъ очеркъ о Фетѣ: «Лирика природы и лирика чувства», г. А. Некрасову—«Любовная лирика Франческо Петрарки», В. П. Адриановой—«Къ исторіи текста «Аристотелевыхъ вратъ» и С. А. Щегловой—«Къ исторіи изученія сочиненій преп. Максима Грека». Хотя двѣ послѣднихъ работы принадлежатъ дамамъ, но оживленія, вносимаго съ собою прекраснымъ полемъ, въ нихъ нѣтъ: особенно первая работа для не буквоѣда—«иго неудобъ носимое».

В. Д.

Алексѣй Плетневъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Парижскіе уголки.—Страницы жизни. Стр. 294. Ц. 1 р. 25 к. Томъ II. Упитанные и отъѣвшіеся.—Милліонщикъ.—Клубъ зротомановъ.—Исповѣдь революціонера. Стр. 214. Ц. 1 р. Воспоминанія. Стр. 49. Ц. 40 к. Одесса. 1911 г.

«Странныя бываютъ встрѣчи, когда много шатаешься по бѣлому свѣту»,—говоритъ г. Плетневъ въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ разсказовъ. Это случайное, мимоходное замѣчаніе автора, можетъ быть, совершенно нечаяно сорвавшееся съ кончика пера его, можно поставить эпиграфомъ къ его недавно вышедшему «собранію сочиненій». Вотъ эти-то встрѣчи, случайныя и нечаяныя, отдѣльныя личности и отдѣльныя, обыденныя явленія, мимо которыхъ, ничего не замѣчая, проходятъ сотни обыкновенныхъ туристовъ, и составляютъ содержаніе очерковъ г. Плетнева. Его сочиненія—это настоящій кинематографъ зиграничной жизни, и особенно жизни французской, въ частности парижской. Отсюда ихъ правдивость, ихъ безыскусственная простота.

Описывая дѣйствительную жизнь, не сочиненную и не прикрашенную, г. Плетневъ нерѣдко сообщаетъ своему читателю совершенно анекдотическіе эпизоды, настолько рѣдкіе, единичные и настолько, кажется, выходящіе за предѣлы возможнаго, что имъ невольно не вѣрится. Напр.: «Человѣкъ-рыба» и пр. Но вѣдь чего не бываетъ въ жизни? И только подкупающая безхитростная простота и правдивость другихъ разсказовъ заставляютъ довѣряться автору.

Г. Плетневъ хорошо знаетъ Парижъ, а потому почти во всѣхъ его разсказахъ мѣстомъ дѣйствія всегда является шумный, огромный, таин-

ственный Парижъ. «Съ самаго моего дѣтства мнѣ пришлось жить и бывать въ Парижѣ почти безпрерывно до послѣдняго времени, — говоритъ авторъ, какъ бы въ объясненіе къ этой сторонѣ своихъ произведеній.—Я въ немъ жилъ то въ качествѣ мирнаго парижскаго гражданина, «citoyen de Paris», какъ прозвали меня мои петербургскіе знакомые, то въ качествѣ корреспондента русскихъ газетъ, а именно: «Новаго Времени», «Гласности», «Россіи» (перваго ея изданія) и др. За этотъ долгій періодъ времени, живя въ блестящемъ центрѣ западной цивилизаціи, мнѣ довелось встрѣчаться и видѣть не только многихъ знаменитыхъ личностей, но и быть свидѣтелемъ крупныхъ историческихъ событій, совершавшихся во Франціи со времени паденія императора Наполеона III. Между прочимъ мнѣ удалось увидѣть въ Парижѣ всѣ бывшія въ немъ четыре всемірныя выставки 1867, 1878, 1889 и 1900 гг. Но самое интересное въ Парижѣ, по моему мнѣнію, это не столько внѣшнія событія, его касающіяся, сколько самый духъ парижской жизни, то, что составляетъ самую душу парижскаго населенія, его идеалы, его нравы, его характеръ, радости и печали. Эту сторону жизни можно узнать только долгимъ пребываніемъ въ Парижѣ и благодаря совершенному знакомству съ французскимъ языкомъ.

Затѣмъ есть у г. Плетнева нѣсколько произведеній изъ родной русской жизни, провинціальной и петербургской.

Заключиваются «собраніе сочиненій» воспоминаніями Плетнева, подраздѣляющимися на «Воспоминанія дѣтства», «Парижскія воспоминанія», «Встрѣча съ русскими эмигрантами въ Швейцаріи» и «Среди парижскихъ студентовъ». Наибольшій интересъ представляютъ «Воспоминанія дѣтства», сообщающія много интереснаго объ отцѣ автора, Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ, редакторѣ «Современника» и ректорѣ петербургскаго университета; домъ П. А. составлялъ въ свое время видный центръ литературнаго движенія, гдѣ часто собирались многие представители тогдашней литературы и науки. Особенно цѣнны сообщенныя авторомъ свѣдѣнія о пребываніи его отца въ Парижѣ и его послѣднихъ дняхъ.

М—о.

А. Луговой. Стихи. Спб. 1912. Стр. 166. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Луговой болѣе извѣстенъ какъ романистъ, а между тѣмъ онъ одновременно и поэтъ. Правда, онъ самъ признается въ томъ, что онъ шелъ не всегда «обдуманнѣмъ путемъ» и противопоставляетъ ему служеніе «свободной красотѣ», но тѣмъ не менѣе эта красота въ литературѣ всегда находится въ тѣсной зависимости отъ внутренняго смысла ея образовъ. Чѣмъ крупнѣе идеалы поэта и возвышеннѣе его чувства, тѣмъ и поэзія его «красивѣе».

Стихи г. Лугового въ этомъ смыслѣ достаточно содержательны; одни изъ нихъ исполнены тихой печали за ближнихъ, другіе—напротивъ—полны энтузіазма и вѣры въ лучшее будущее. Стихотворенія «Опять на Волгѣ», «Отпусти меня, родная»—напоминаютъ Некрасова, а это уже много значить въ современномъ поэтѣ, который умѣетъ плакать надъ судьбой бурлака и начертать въ своей душѣ «гнѣвную скорбь» о судьбахъ родины. Прекрасны по формѣ и содержанію стихотворенія «Жалко Гусса», «Проклятіе палачу» и т. д.

Кромѣ гражданскихъ мотивовъ, Луговой не чуждъ и объективнаго воспріятія красотъ природы и лирическихъ чувствъ къ женщинѣ. Нельзя не отмѣтить «Крымскіе пейзажи», «Кавказъ», «Мой лѣсъ», «Въ майскую ночь», «Если бы ты умерла» и т. д. Столь же поэтичны и стихи, посвященные имъ «Поздней страсти».

Вмѣстѣ съ этимъ, для болѣе полнаго облика поэта слѣдуетъ указать у него же націоналистическаго содержанія стихи («Русь») съ патриотическими гимнами «мощнодержавной Руси» и восхищеніемъ «Грознымъ», когда тотъ на колѣняхъ кричитъ боярамъ:

..... Холопъ,
Молчи! Я унижаться волею,
Я царь! Судья моеи души
Лишь Богъ, а ты...
Соболѣзновать не смѣй!

Не менѣе гнѣвны и самъ поэтъ на «чужеземца дерзкаго», который является непрошенымъ судьей» «среди русскаго страданья» и которому поэтъ также отвѣчаетъ въ защиту родины:

Не нужно жалости твоей:
Ты въ эти скорбныя мгновенья
Ни изрекать ей осужденья,
Ни соболѣзновать не смѣй!

Помимо оригинальныхъ стихотвореній, у Лугового въ сборникѣ помѣщено очень много переводныхъ стиховъ изъ В. Гюго, Гейне, Фрейлиграта, Шелли, Ришпела, Ады Петри и др.

А. Фаресовъ.

П. А. Прокошевъ, профессоръ томскаго университета. Религіозный кризисъ на Западѣ Европы. (Модернизмъ). 1911.

Появленіе въ литературѣ настоящей брошюры является весьма своевременнымъ. Вопросы религіи въ послѣднее время особенно сильно занимаютъ мыслящее общество, и интересъ къ этимъ вопросамъ вызвалъ въ свѣтъ немало книгъ и брошюръ на темы, связанныя съ этими вопросами. Но брошюра профессора Прокошева, въ которой онъ касается послѣдовательнаго развитія религіознаго кризиса на Западѣ Европы, выдѣляется среди ряда изданій по аналогичнымъ вопросамъ.

Начало религіознаго кризиса на Западѣ профессоръ Прокошевъ относитъ къ концу XIX вѣка, когда по всему континенту Западной Европы прокатились раскаты грома негодованія папы Пія X, проклинавшаго современную реалистическую науку, свободу научнаго изслѣдованія, стремленіе къ научнымъ открытіямъ, исканіе новыхъ формъ жизни,—потому что все это не отвѣчало стремленіямъ папы и рѣзко шло противъ его ученій. Недаромъ пѣмецкій ученый Вармундъ выразился о Піи X, что онъ хотѣлъ «надѣть кандалы не только на тѣло, но и на душу» каждаго католика.

Воинственные выступления папы были не без повода: они знаменовали, что приближается финаль той тысячелѣтной трагедіи, которую, по словам де-Скроховскаго, «создала гордыня человѣческая въ лицѣ папы—мнимаго наместника Величайшаго Смирненника — Христа».

Вѣчно ищущая, вѣчно стремящаяся впередъ душа человѣка не въ состояніи безконечно пребывать въ мертвящихъ путяхъ формализма и догматизма. Она ищетъ новыхъ путей, гдѣ бы свободно проявлялись ея стремленія, гдѣ нашла бы просторъ критическая мысль. Но папа знаетъ одинъ только девизъ: никакого довѣрія человѣческому разуму, никакого мѣста свободному критическому изслѣдованію, а взамѣнъ всего этого—«слушаться папу и не возбуждать вопросовъ».

Естественно, что прогрессивная мысль на Западѣ не могла въ концѣ концовъ не вынести протеста противъ столь стѣснительныхъ поползновеній папы. Появилось новое движеніе, захватившее своими волнами не только территоріи западно-европейскихъ государствъ, но и территорію великой сѣверо-американской республики. Это новое движеніе рѣзко отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ религіозныхъ движеній, такъ какъ въ идеѣ своей посягаетъ на руководящую роль папы въ области религіи. Это движеніе, именуемое модернизмомъ, является сознательнымъ и бурнымъ протестомъ противъ того, къ чему стремится папская власть. Въ противовѣсъ папскому авторитету, модернисты выдвигаютъ начала индивидуальной совѣсти. Не голосъ папы, а болѣе властный голосъ совѣсти долженъ быть рѣшающимъ въ вопросахъ религіи. По ученію модернистовъ, религія находится въ процессѣ непрерывной эволюціи, сообразно съ мѣняющимися социальными условіями жизни и различными направленіями человѣческаго духа, и поэтому ее нельзя подчинить мертвымъ формамъ схоластики и догматизма: религія должна быть той религіей духа, въ которой примиряются безъ компромиссовъ требованія разума съ требованіями совѣсти...

Вотъ, въ общихъ фразахъ, содержаніе чрезвычайно интересной брошюры профессора Прокошева, которую можно отнести къ научно-историческимъ работамъ по вопросу о религіозномъ кризисѣ на Западѣ—вообще, и въ частности—о борьбѣ живой мысли со схоластикой. Къ взятой на себя задачѣ—освѣтить возможно ярче и подробнѣе существующее и продолжающееся развиваться новое движеніе въ религіозной жизни Запада Европы—профессоръ Прокошевъ отнесся съ большимъ вниманіемъ и объективностью, при чемъ въ доказательство тѣхъ или иныхъ выводовъ и посылокъ онъ приводитъ факты научно-проверенные, и, такимъ образомъ, изслѣдованіе профессора Прокошева является цѣннымъ трудомъ для специалистовъ. Однако и не специалистами брошюра эта прочтется съ интересомъ,—этому способствуетъ живой, увлекательный языкъ и образныя сравненія, къ которымъ профессоръ Прокошевъ прибѣгаетъ для болѣе нагляднаго поясненія своей мысли...

Вит. Ткачукъ

Н. И. Карѣвъ. Собрание сочиненій. Т. I. Спб. 1912.

Профессоръ Карѣвъ переиздаетъ свои старыя статьи, которыя, однако, не устарѣли и не потеряли интереса. Въ первый томъ вошли статьи о теоретическихъ воззрѣнiяхъ исторической науки, о задачахъ социологiи, о теорiи прогресса и свободѣ воли. Авторъ не сторонникъ экономическаго матеріализма, хотя, какъ всякій разумный историкъ, признаетъ, конечно, значеніе экономическихъ факторовъ. Онъ не думаетъ, что исторiя движется роковымъ путемъ влiянія человѣческой личности. Напротивъ, онъ признаетъ, что событія не сами собой текутъ въ извѣстномъ направленiи, а мы ихъ направляемъ; въ ихъ стихійное и роковое теченіе постоянно вторгается прерывающая ихъ слѣпой ходъ личная дѣятельность, сама отъ нихъ независимая. Вся книга посвящена философи исторiи, и профессоръ Карѣвъ старается доказать, что исторiя—наука, имѣющая свои спеціальныя задачи, свой методъ и свои законы. Все то, что онъ пишетъ о прогрессѣ, о смыслѣ человѣческой жизни и смыслѣ исторiи, не требуетъ для пониманiя спеціальной подготовки и можетъ быть прочтено широкой публикой.

П. В.

А. А. Кирѣвъ. Сочиненія. Часть I. Церковно-богословскія статьи. Подъ редакціей прот. Д. Н. Якшича, настоятеля церкви при императорской российской миссіи въ Дрезденѣ. Часть II. Политика и полемика. Славянофилы и славянскій вопросъ. Русско-польскія отношенія. Государственная Дума. Объ образованіи. О дуэляхъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912 г.

«Кто будетъ писать исторію церкви за вторую половину девятнадцатаго и начало двадцатаго вѣка, тотъ не сможетъ обойти молчаніемъ дѣятельности А. А. Кирѣва, особенно много сдѣлавшаго для старо-католицизма и маріавитовъ». Такъ говоритъ редакторъ первой части сборника протоіерей Д. Н. Якшичъ въ своемъ предисловіи къ этому изданію. А. А. Кирѣвъ еще въ бытность свою адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича, которому было поручено управленіе царствомъ Польскимъ, близко сталъ къ духовной жизни польскаго общества и находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ главными руководителями старо-католическаго движенія и съ западными приверженцами сближенія съ православной церковью Деллингеромъ, Лангеномъ, Рейшомъ, Шульте, Рейнкенсомъ и друг.. Съ ними онъ велъ оживленную переписку по богословскимъ и церковнымъ вопросамъ, волновавшимъ старо-католиковъ и ихъ друзей въ Россіи. Не было ни одного выдающагося богослова и церковнаго дѣятеля, который не зналъ бы А. А. Кирѣва. Оширная и неутомимая литературная дѣятельность А. А. Кирѣва была посвящена, кромѣ церковно-богословскихъ вопросовъ, вопросамъ политическимъ. Въ политическихъ вопросахъ А. А. Кирѣвъ являлся убѣжденнымъ славянофиломъ, какъ въ церковно-богословскихъ православнымъ мыслителемъ и знаткомъ духовной литературы и каноновъ. Главныя статьи и очерки его посвящены ордену іезуитовъ, его организаціи, ученію, дѣятельности исторiи, ватиканизму и пропагандѣ ватиканизма на

Востокъ, усѣхамъ старо-католицизма въ Австріи, воссоединенію церквей, а также созыву вселенскаго и помѣстнаго соборовъ. Большой интересъ представляютъ очерки и статьи А. А. Кирѣева, посвященные славянскому движенію. Уже въ свои юношескіе годы авторъ сблизился съ вожаками славянофильства. Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Самаринъ и другіе представители славянофильства были постоянными посѣтителями дома его родителей и оказали сильное вліяніе на впечатлительнаго юношу. А. А. Кирѣевъ самъ подготовилъ къ изданію настоящій сборникъ своихъ статей, вышедшихъ уже послѣ его смерти. Въ немъ проходитъ картина разнообразнѣйшихъ вопросовъ, волновавшихъ мыслящую Россію. Авторъ послѣдовательно касается сближенія славянъ, крупныхъ событій во внутренней жизни славянскихъ странъ, оцѣниваетъ союзниковъ и противниковъ славянской идеи, оцѣниваетъ положеніе Россіи на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ, много пишетъ о русско-польскихъ отношеніяхъ, о парламентаризмѣ, о реформѣ нашего образованія и, наконецъ, о дуэляхъ. Въ послѣднемъ вопросѣ покойный А. А. Кирѣевъ, какъ извѣстно, считался знаткомъ. Какъ уроженецъ Москвы, воспитанный подъ вліяніемъ славянофильскаго кружка, А. А. Кирѣевъ въ своихъ публицистическихъ трудахъ смотритъ на славянофильство, какъ на систему, безусловно удовлетворяющую всѣмъ религіознымъ, философскимъ и политическимъ потребностямъ культурнаго, патріотически настроеннаго русскаго общества. Онъ самъ говоритъ о себѣ такъ: «На склонѣ лѣтъ я даже болѣе прежняго сталъ убѣжденнымъ сторонникомъ положеній славянофильства, провѣривъ отвлеченныя теоріи своимъ разностороннимъ долгимъ житейскимъ опытомъ». Славянофильство, по мнѣнію А. А. Кирѣева, заняло уже сильное и опредѣленное положеніе въ мыслящемъ русскомъ обществѣ. «Бурный первоначально потокъ славянофильства превратился въ тихую рѣку, постепенно расширяющуюся и проникающую въ глубь народнаго самосознанія. Что могутъ сдѣлать славянофилы въ настоящую минуту?—спрашиваетъ А. А. Кирѣевъ и отвѣчаетъ: «Видѣ славянофильскаго ученія нѣтъ вѣрнаго пути для Россіи и видѣ его она не достигнетъ своего предназначенія. Къ счастью, истины, нами проповѣдуемая, начинаютъ находить и практическое примѣненіе и принимаются во вниманіе при рѣшеніи религіозныхъ, государственныхъ и общественныхъ вопросовъ». Книга А. А. Кирѣева заключаетъ цѣлую лѣтопись славянской жизни за послѣдній періодъ съ чуткими откликами на вопросы и событія, волновавшіе славянскій міръ, и рисуетъ А. А. Кирѣева, какъ одного изъ выдающихся знатоковъ и усердныхъ работниковъ на почвѣ вопросовъ церкви и славянскаго единенія, какъ главныхъ основъ величія и силы Россіи.

Н. Лендеръ.

Профессоръ географіи софійскаго университета Иширковъ. Болгарія. Переводъ съ болгарскаго Н. Мисирнова. Одесса. 1912. Стр. 234. Цѣна 1 р. 20 к.

Переводъ книги проф. Иширкова заполняетъ существенный пробѣлъ въ русской литературѣ. Болгарія, облитая русской кровью, близка намъ въ воспоминаніяхъ прошлаго, но и въ настоящее время она не утратила для насъ своего жизненнаго интереса. Болгарія это естественный нашъ союзникъ на Балканскомъ по-

дуостровъ, возможный рынокъ для произведеній нашей промышленности. Поэтому болѣе подробное знакомство со страной имѣть далеко не одно теоретическое общеобразовательное значеніе. Кстати приходится отмѣтить и ту особенность книги г. Ипиркова, что она, помимо этнографическихъ, геологическихъ и прочихъ чисто научныхъ свѣдѣній, сообщаетъ много данныхъ бытового практическаго характера. Въ этомъ отношеніи особенно интересны страницы, посвященныя культурнымъ растеніямъ, скотоводству, промышленности, торговлѣ, путямъ и средствамъ сообщенія. Во введеніи дается общій очеркъ Балканскаго полуострова съ указаніемъ особенностей его смѣшаннаго пестраго населенія. Между прочимъ проф. Ипирковъ опредѣляетъ Македонію, какъ область, гдѣ соприкасаются всѣ балканскіе народы. Съ этимъ взглядомъ горячо спорить переводчикъ книги г. Мисирковъ, доказывающій, что Македонія по племенному своему составу чисто болгарская страна. Книжка снабжена многочисленными иллюстраціями и картой болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ. Переводъ выполненъ добросовѣстно, но мѣстами попадаются шероховатости. Жаль, что переводчикъ не прибѣгъ къ редакторской помощи, хотя бы кого-либо изъ профессионаловъ-литераторовъ, который дѣловитости и точности перевода придалъ бы блескъ изложенія.

В. Г.

Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6 — 15 июня 1912 г. Составилъ М. Ф. Суперанскій.

Эта выставка, несмотря на свои скромные размѣры, представляла значительный интересъ, какъ первая попытка привести въ извѣстность и, по возможности, собрать предметы, имѣющіе отношеніе къ жизни и дѣятельности Гончарова. Выставка, конечно, не отличалась желательной полнотой, такъ какъ далеко не всѣ гончаровскія реликвіи могли быть разысканы и доставлены въ Симбирскъ. Но нельзя не признать значительнымъ успѣхомъ и того, что сдѣлано, особенно если принять во вниманіе, что еще 5 лѣтъ назадъ матеріалы для біографіи Гончарова почти совершенно не были извѣстны даже авторамъ, специально изучавшимъ этого писателя. Устроителямъ выставки удалось собрать свыше 200 предметовъ, изъ которыхъ многіе, если не большинство, весьма цѣнны для изученія личности Гончарова. Къ числу такихъ предметовъ относятся, прежде всего, его бюстъ работы Л. Беренштама и портреты (ихъ на выставкѣ было 27). Среди послѣднихъ останавливаютъ на себѣ вниманіе портретъ, писанный масляными красками художникомъ Н. А. Майковымъ (отцомъ поэта и критика) и принадлежащій вдовѣ слуги Гончарова—А. И. Трейгульть, и два фотографическихъ портрета съ автографами писателя, принадлежащіе одинъ М. Н. Григоровичъ, а другой—А. Ѳ. Кони.

Очень большой интересъ представляютъ также портреты нѣкоторыхъ родственниковъ Гончарова и другихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Таковы, напримѣръ, портреты: его матери—Авдотьи Матвѣевны, крестнаго отца—Н. Н. Трегубова, сестеръ—Александры Александровны (по мужу—Кирмаловой) и Анны Александровны (въ замужествѣ—Музалевской) и няни—

Анны Михайловны. О своей матери, по случаю ее смерти, Гончаровъ писалъ сестрѣ: «Геркулесъ, благодарю Бога за то, что имѣлъ подобную мать. Ни о чемъ и ни о комъ у меня мысль такъ не свѣтла, воспоминаніе такъ не свято, какъ о ней».

Трегубовъ, выведенный Гончаровымъ въ очеркѣ «На родинѣ» подъ именемъ Якубова, имѣлъ большое вліяніе на воспитаніе Ивана Александровича и былъ очень имъ любимъ.

Съ сестрами Гончаровъ поддерживалъ постоянныя сношенія и принималъ живѣйшее участіе въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, являя же очень любилъ и не забывая «кланяться и обнимать» ее въ письмахъ къ сестрѣ, у которой та доживала свой вѣкъ. Пріѣхавъ въ Симбирскъ въ 1862 г., онъ просилъ сестру привезти сюда изъ деревни и «старую Аннушку». Желаніе его было исполнено, онъ былъ радъ ее пріѣзду и снялъ съ нея ту самую фотографію, которая имѣется на выставкѣ.

Изъ принадлежавшихъ Ивану Александровичу вещей заслуживаетъ особаго вниманія кресло, стоявшее въ его кабинетѣ и принадлежавшее ранѣе Н. А. Некрасову. Теперь оно—собственность А. И. Трейгульта.

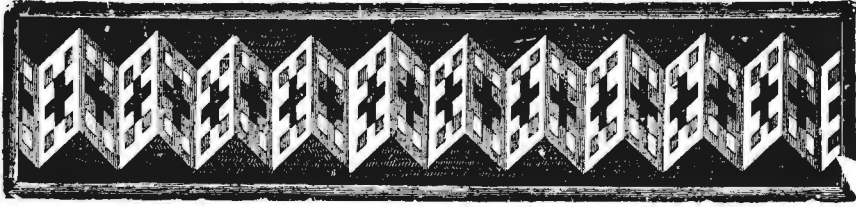
Крупный литературный интересъ представлялъ на выставкѣ отдѣлъ рукописей (большинство ихъ, правда, уже напечатаны или описаны). Здѣсь имѣются письма Гончарова къ А. Г. Троицкому, А. А. Кирмаловой, А. А. Музалевской, Е. А. Гончаровой, В. М. Назаревскому, гр. П. А. Волкову и П. А. Ефремову, письмо И. С. Тургенева къ И. А. Гончарову отъ 14 (26) марта 1864 г. изъ Парижа и др.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о довольно большой коллекціи печатныхъ изданій сочиненій Ивана Александровича съ его собственноручными то сердечными, то шутовскими надписями (большинство книгъ принадлежитъ Л. П. Стасюлевичъ). Эти надписи, при всей своей краткости, удивительно вѣрно характеризуютъ личность Гончарова,—въ общемъ пѣжкую и деликатную, но не чуждую юмора и даже сарказма. Въ послѣднемъ отношеніи любопытна имѣющаяся на выставкѣ статуэтка Ѳ. В. Булгарина, которую Ив. Ал. прислалъ своему зятю М. М. Кирмалову при письмѣ отъ 17 декабря 1849 г. «Какъ карикатура (писалъ Гончаровъ), она выражаетъ его (т.-е. Булгарина) какъ нельзя болѣе. Булгаринъ имѣетъ рѣдкое свойство—походить наружно и на человѣка, и вмѣстѣ на свинью. Художникъ схватилъ это какъ нельзя лучше,—и, кромѣ свиньи и человѣка, изобразилъ и Булгарина. Это одно изъ лучшихъ его произведеній».

Въ высшей степени желательнаго, чтобы Гончаровская выставка послужила основаніемъ Гончаровскому музею, который долженъ помѣщаться въ народномъ домѣ имени писателя, заложеномъ въ Симбирскѣ 6 июня,—въ столѣтнюю годовщину со дня его рожденія.

Каталогъ составленъ очень толково, снабженъ краткими, но существенными для біографіи Гончарова примѣчаніями и въ этомъ отношеніи имѣетъ интересъ даже для тѣхъ, кто не видалъ самой выставки. Изданъ роскошно и снабженъ изящной вишкеткой, рисованной симбирскимъ художникомъ-самоучкой Платовымъ.

А. М.—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

В О Е-Ч Т О изъ археологіи и исторіи.—Во всѣ вѣка человѣчество, беспомощно блуждавшее правтвенно, захватывалось за вѣру, какъ утопающій за соломинку. И чѣмъ менѣе оно было развито, тѣмъ представленіе о божествѣ было менѣе сложно и народныя массы жили со своимъ божествомъ въ близкомъ общеніи. Оно, какъ имъ казалось, знало всѣ ихъ помысленія, миловало ихъ и казнило неудачами, болѣзнями и даже смертью. И какъ въ позднѣйшія времена, такъ и въ самыя древнія боги были чувствительны къ раскаленію грѣшниковъ, когда послѣдніе проявляли его какимъ-нибудь вещественнымъ приношеніемъ. Въ этомъ отношеніи древніе египтяне выказывали особое усердіе, и берлинскій музей обогатился такимъ подношеніями въ видѣ памятниковъ.

А. Эрманъ ¹⁾, въ отчетѣ берлинской академіи наукъ, описываетъ эту черту набожности у жителей Фивъ. На большомъ фивскомъ кладбищѣ, расположенномъ на гурне-мурайскихъ холмахъ, жили не одни мертвые, но и живые люди. Это были рисовальщики, живописцы, скульпторы, рѣзчики, завѣдывавшіе похоронами, сторожа и прочія лица, причастныя къ кладбищенской службѣ. Ихъ должностъ переходила отъ отца къ сыну; ремесленники готовили своихъ дѣтей въ преемники своего ремесла, а другія лица исполняли ритуальную часть. Служащіе, исполнявшіе грубыя работы, жили тутъ же на кладбищѣ, остальные селились въ незатѣпливыхъ кирпичныхъ домахъ въ двухстахъ метрахъ далѣе вокругъ храма Тутмосиса IV и нѣсколькихъ святилищъ.

Всѣ эти люди крѣпко вѣрили въ милосердіе и кару божества и въ минуты бѣды, посылаемыхъ, какъ имъ казалось, за ихъ прегрѣшенія, смягчали его гнѣвъ

¹⁾ Denksteine aus der Thebanischen Graeberstadt. A. Ermann. Berlin.

вещественными приношеніями въ видѣ памятниковъ. Они были то самыя неза- тѣйливыя, то тщательно отдѣланныя или самимъ приносящимъ даръ, или зна- комымъ искуснымъ скульпторомъ.

Одинъ изъ такихъ памятниковъ былъ сдѣланъ живописцемъ Набрійей въ царствованіе Рамзеса III, съ цѣлью умиловить божество, неисправившее за его грѣхи смертельную болѣзнь его сыну, Накхитаману. Набрійя отправился въ храмъ и тамъ смиренно просилъ божество о помилованіи; а такъ какъ не чуждъ былъ литературныхъ способностей, то сложилъ въ его честь поэтической гимнъ въ стихахъ. Какъ во все время молящійся уповалъ на милосердіе божества и, не замѣчая самъ, ему льстилъ, такъ и въ этомъ гимнѣ нѣтъ недостатка въ лести. Молитва древняго египтянина такъ же, какъ и позднѣйшихъ народовъ, была полна отчаянія, мольбы, надежды и убѣдительности. Душа египтянъ такъ же нравственно страдала, какъ и у нашихъ современниковъ, поэтому въ своемъ гимнѣ Набрійя изливаетъ страданія. Между прочимъ, онъ говоритъ приблизительно слѣдующее: «О, ты, Амонъ, владыка умолкнувшихъ, приди на голосъ несчастнаго, если я взываю къ тебѣ въ мой бѣдѣ,—ты придеши меня спасти. Ты заставишь вздохнуть того, кто согнулся отъ печали. Ты спасеши меня угнетеннаго, ты, Амонъ, властитель Оивъ, который спасаетъ и который въ аду. Ибо ты милосерденъ и, когда къ тебѣ взываютъ, ты приходиши издалека. Если естественно, чтобы рабъ согрѣшилъ, то одинаково естественно, чтобы владыка былъ жадостливъ. Властитель Оивъ не вынесетъ цѣлаго дня въ гнѣвѣ, но если онъ въ гнѣвѣ, то лишь въ теченіе одного момента, а затѣмъ ничего болѣе не останется: возбужденіе переходитъ въ спокойствіе и къ Амону возвращается сознаніе. Клянусь твоимъ двойникомъ, если ты смиловившись, то, что ты отворотилъ, болѣе не произойдетъ».

Такъ убѣдительно молился Набрійя, и Амонъ наконецъ подался на его убѣжденія, смиловившись и исцѣлилъ ему сына. Растоганный Набрійя поклялся воздвигнуть ему памятникъ и надписать на немъ гимнъ. «Я почувствовалъ, что владыка боговъ приближалъ, какъ сѣверный вѣтеръ, предшествуемый своимъ нѣжнымъ дыханіемъ, и что онъ спасетъ Накхитамана живописцу Амона!» говоритъ онъ. Этотъ памятникъ въ настоящее время находится въ берлинскомъ музеѣ. Онъ довольно красивый и замѣчательнъ по композиціи. Онъ изображаетъ гигантскую дверь храма Амона и его двѣ башни: фигура самого Амона представлена сидящей предъ фасадомъ храма и принимающей поклоненіе Набрійя, а внизу помѣщено описаніе совершившагося чуда.

Но не все памятники, подносимые богу Амону, такъ красивы, какъ этотъ. Большинство приносившихъ даръ люди небогатыя, и счастливы были тѣ изъ нихъ, которые могли предложить ему простую дощечку изъ извести, гдѣ случайный рѣзчикъ грубой и пеловкой рукой вырѣзалъ сцену моленія божества. Изъ большого количества надписей, довольно пошлыхъ, найдется не болѣе десятка своеобразныхъ. Между послѣдними есть даръ какого-то Натабу, одного изъ служащихъ «истиннаго мѣста», какъ называлось кладбище, который удивительно легко возстановлялъ противъ себя боговъ, и сохранившіеся памятники передаютъ объ его распрѣ съ божествами Маритсакрой и Огяхомъ. Послѣдній не пользовался такимъ большимъ авторитетомъ въ Оивахъ, какъ въ Мем-

фисѣ, но тѣмъ не менѣе лучше было жить съ нимъ на дружеской ногѣ. Патабу этого не разсчиталъ и не оказывалъ ему вниманія. Это раздражило божество, и у Патабу внезапно произошло острое воспаленіе глазъ, отъ котораго онъ ослѣлъ на нѣсколько дней. Патабу изливаетъ свою благодарность за избавленіе его отъ наказанія въ слѣдующемъ обращеніи: «Я существо, зря клявшееся Отахомъ, владыкой Истины, и которое онъ заставилъ увидѣть тьму среди дня. Я восною его души предъ тѣмъ, кто ихъ не знаетъ, и предъ тѣмъ, кто ихъ знаетъ, предъ малышами и взрослыми: берегитесь вы хорошенько Отаха, владыки Истины, ибо онъ не пропуститъ ни одного дѣйствія, человѣка; воздержитесь произносить имя Отаха зря, ибо, кто его произноситъ зря,—уничтожаетъ. Онъ меня сдѣлалъ похожимъ на уличную собаку, ибо я былъ въ его рукахъ; онъ сдѣлалъ изъ меня зрѣлище для людей и боговъ, потому что я былъ существомъ, совершившимъ, что было противно моему господину. Онъ былъ правъ, Отахъ, владыка истины, относительно меня; онъ наказалъ меня, и теперь я вернулъ его милость и я вижу твое милосердіе». Эта страсть къ божѣ осталась по наслѣдію и у современныхъ египтянъ. При малѣйшей ссорѣ мусульмане или христіане тотчасъ сыплютъ своимъ «уаллахи-ель азимъ» (клянусь великимъ богомъ), направо и налѣво и это у нихъ самое обыкновенное дѣло, на которое никто, даже самъ произносящій не обращаетъ вниманія. Это они унаслѣдовали отъ своихъ предковъ, и случай, какой былъ съ Патабу, не рѣдкость у древнихъ египтянъ, съ языка которыхъ не сходили во время брани имена боговъ или фараоновъ. Поэтому приглашенный врачъ, которыхъ три четверти были или самый жрецъ, или его помощникъ, малѣйшее нездоровье приписывалъ гнѣву боговъ. Испѣлая его традиціоннымъ снадобьемъ, онъ въ то же время требовалъ и очищенія души въ видѣ подношенія божеству.

Такая же ссора произошла у Патабу съ богиней Маритсакрой—«Подругой молчанія», которая, судя по наименованію, была особой не изъ любезныхъ, и ей приписывали сумрачный характеръ. По происхожденію она была гениемъ-покровителемъ холмовъ Та-Тахнитъ, «челомъ» Оивъ, мѣстности, въ настоящее время извѣстной подъ названіемъ Шеихъ-Абдъ-ель-Гурнахъ. Съ XVIII династіи ея жилище сдѣлалось самымъ моднымъ кварталомъ некрополи, отчего и она сама возвысилась и встала въ рядъ съ богиней Гаторой. Ее изображали съ тройной головой—женщины, ястреба и змѣи, и если ее боготворили, то еще болѣе спасались. Впрочемъ, она была способна на состраданіе, и когда обидѣвъ ее, виновный каялся предъ нею, то она смягчалась. «Я былъ,—сказалъ Патабу,—невѣжественный безумецъ, не знавшій ни добра ни зла; я поступилъ противъ Чела, и эта богиня меня наказала, ибо я былъ въ ея рукахъ, какъ день, такъ ночь я оставался сидѣть на кирпичахъ, и я призывалъ воздухъ, но онъ не шелъ ко мнѣ и я повторялъ всемогущему «Челу Запада», всѣмъ богамъ и богинямъ: вотъ я скажу большимъ и малымъ среди рабочихъ некрополя: «Берегитесь вы Чела, ибо въ Челѣ есть левъ, онъ наноситъ ударъ, левъ чарователь, и онъ преслѣдуетъ того, кто идетъ противъ него. Когда я воззвалъ къ госпожѣ, я почувствовалъ, что она придетъ ко мнѣ въ видѣ пріятнаго дыханія, и она успокоила меня и показала свою длань, и она пришла ко мнѣ миролюбивая и заставила меня познать то зло, которое во мнѣ, ибо Чело миролюбива,

когда къ ней взываютъ. Слушайте, всѣ живущія на землѣ уши: «бойтесь Чела» Вѣроятно, у Матабу была астма или грудная жаба, такъ какъ египтяне давно замѣтили, что звѣри и люди, укушенные змѣею, гибнутъ отъ удушья, и въ похоронномъ ритуалѣ находятъ божественныя змѣи, чтобы они вернули дыханіе мертвецамъ въ иномъ мірѣ. Когда Матабу почувствовалъ, что задыхается, онъ обратился къ Маритсакрѣ, «Западному Челу», такъ какъ кто же лучше излечитъ болѣзнь, симптомы которой походили на симптомы отъ укушенія змѣи; она одна была способна нейтрализовать ядъ, который сама же вливала въ жилы больного. Среди египтянъ были также неисправимые грѣшники, которые едва успѣвали оправдаться въ одномъ грѣхѣ, какъ впадали въ другой. Поэтому пѣкій художникъ Пайя долженъ былъ безконечно каяться и подносить вещественныя доказательства своего раскаянія различнымъ божествамъ. Да и какъ же было не грѣшить, когда милостивые боги послѣ каждаго прегрѣшенія посылали новый запасъ силъ и здоровья.

Эти вѣрованія такъ далеки отъ насъ и въ то же время такъ близки. То же убѣжденіе: не согрѣшишь, не покаешься, то же покровительство нѣсколькихъ святыхъ одному лицу, какъ бываетъ въ католициствѣ, то же покровительство особаго святого тому или другому ремеслу. У французовъ покровитель садовниковъ святой Фіакръ, живописцевъ—святой Люкъ, мужей—святой Иосифъ. Но всего интереснѣе, что даже объяденіе, противъ котораго предупреждали апостолы, имѣетъ покровителемъ святого Лаврентія. Не потому ли,—замѣчаетъ остроумно г. Грангуаръ въ «*Cagnet Heroicque*», что этотъ святой былъ сожженъ живымъ? Со временъ Каролинговъ въ средніе вѣка и до нашихъ дней этому святому всегда оказывали честь. Но наравнѣ съ нимъ считаются покровителями кулинарнаго искусства святой Фортунатъ и святая Радегонда. Первый родился около 530 года въ Сенэда, близъ Тревизы. Его настоящее имя Венанцій-Гонорій-Клементій-Фортунатъ. Это былъ поэтъ, котораго сравнивали съ Каталломъ. Въ Пуатье, куда Фортунатъ пришелъ на поклоненіе, онъ познакомился съ Радегондой, дочерью Клотаря I. Когда она, покинувъ тайно короля, основала монастырь, присоединившись къ святой Агнессѣ, Фортунатъ сначала сдѣлался повѣреннымъ обѣихъ святыхъ женщинъ, а затѣмъ исповѣдникомъ въ ихъ монастырѣ? Съ этого момента онъ посвятилъ себя исключительно священной поэзіи, «поэзіи обжорства». Нѣкоторые изъ его гимновъ до сихъ поръ извѣстны «*Vexilla Regis*», «*Pange Lingua*» и особенно «*Tantum ergo sacramentum*». Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ благодаритъ Радегону и святую Агнессу за вкусныя блюда, которыя онѣ приготавливали ему. Онъ говорилъ, что среди столькихъ разнообразныхъ лакомствъ онъ то засыпалъ, то ѣлъ или пилъ, и его умъ становился мало-по-малу смутнымъ. «Вѣрьте мнѣ, дорогія сестрицы, что минутами я думалъ, не плавать ли мой столъ въ морѣ настоящаго вина. И, несмотря на это, я съ нѣжностью начерталъ эти нѣсколько стиховъ, съ наслажденіямъ. Любовь, питаемая къ вамъ, вдохновила мнѣ то, что рука едва могла написать. Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ: «Кремь, который ты присылаешь мнѣ, слаще, чѣмъ подносить королю. Будь радостна, дорогая сестра». Святая Радегонда скончалась въ 587 году въ основанномъ ею монастырѣ, и въ Пуатье до сихъ поръ показываютъ могилу этой святой. Святой Фортунатъ умеръ въ 609 году. Удивительно лишь, какъ французы не справляютъ день ихъ смерти веселой трапезой».

— Иностранцы о русских писателях.—Прежде Россия возбуждала в иностранцах только любопытство, но теперь со времени освободительного движения ею уже стали интересоваться. Прежнее поверхностное отношение к появившимся за границей переводам произведений наших лучших писателей изменилось в настойчивое желание ознакомиться с их личностью, характером, мировоззрением, а главное проникнуть в политические взгляды писателя. Когда в Париж появился «*Roman Russe*» друга России Мельхиора Вогюэ, прилагавшего все старания сблизить свою страну с последней, он ограничился лаконическим предупреждением о политических взглядах Достоевского: «Вот идет скинъ, настоящий скинъ, который перевернет все наши интеллектуальные привычки». И хотя Вогюэ, с симпатией относившийся к Достоевскому, добросовестно исследовал его и особенно выдѣлил ту пропасть, которая отдѣляет его от западных людей, но, касаясь его политических убѣждений, сухо замѣтилъ: «Иностранцу нечего дѣлать в этихъ спорахъ». Достоевскій казался даже Мельхиору Вогюэ настолько специфически-русскимъ и только русскимъ, что онъ отказался ввести в его политическія воззрѣнія французскаго читателя. И читатели этимъ удовлетвоались: Достоевскаго имъ представили какъ романиста и только романиста. Но такъ было четверть вѣка тому назадъ; теперь наступило другое время: для иностраннаго читателя—русскій писатель не прежній механическій создатель романовъ и повѣстей, и читатель дѣлаетъ запросъ о личности писателя, объ его политическихъ убѣжденіяхъ, и объ этомъ уже нельзя замалчивать. Поэтому недавно появившаяся въ Парижѣ критика на Достоевскаго также не коснулась этого вопроса, хотя въ краткой біографіи нашего романиста ея авторъ Андрэ Сюарэ¹⁾ и говорить: «Съ 1875—1877 гг. Достоевскій издаетъ періодическую брошюру, которой онъ былъ единственнымъ редакторомъ и которая внезапно составила его славу. «Дневникъ писателя» достигъ громаднаго успѣха. Онъ сдѣлалъ для Достоевскаго во сто разъ болѣе, чѣмъ все его образцовыя произведенія вмѣстѣ. Въ пятьдесятъ шесть лѣтъ онъ сдѣлался голосомъ самой Россіи. Онъ—національный писатель своей страны. Это умалчиваніе о Достоевскомъ-политикѣ вызвало протестъ Мориса Мюра, и онъ высказываетъ свой взглядъ на него въ «*Hebdo Débats*». Нетерпимость иностранцевъ, а главное ненависть къ католичеству—вотъ главные несимпатичныя стороны Достоевскаго, по его мнѣнію. Онъ говоритъ, что Россія теперь приблизилась къ Франціи: она интересуется французомъ, она привлекаетъ ихъ, какъ никогда прежде. «Мы хотимъ ее знать во всехъ ея великихъ людяхъ, во всехъ видахъ,—замѣчаетъ онъ.—Несомнѣнно, что политическія воззрѣнія такого лица, какъ Достоевскій, всегда покажутся намъ странными, и мы плохо понимаемъ, какъ они создали ему успѣхъ. Но во всякомъ случаѣ у нихъ есть нѣчто болѣе того непроницаемаго характера, какой имъ приписывалъ Мельхиоръ Вогюэ».

Иначе отнеслись къ изданію Достоевскаго нѣмцы. Мюнхенскій издатель Пиперъ и К°, предпринявшій полное изданіе сочиненій Достоевскаго, напечаталъ специальный томъ его лучшихъ статей, гдѣ онъ представленъ какъ публи-

¹⁾ Dostoievky. Cahier de la quinzaine. Huitième cahier de la treizième serie.

цисть въ двухъ видахъ: отъ 1873—1874 и съ 1876—1877, когда онъ велъ вмѣстѣ съ братомъ Михайломъ «Время» и въ «Запискахъ писателя», т. е. во время русско-турецкой войны. Это былъ моментъ, когда его патріотическій мистицизмъ доходилъ до высшей степени.

Онъ даетъ слѣдующую характеристику Достоевскаго. По его словамъ, хотя Достоевскій провель на Западѣ нѣсколько лѣтъ своей жизни, западные народы его ужасали. Особенно онъ ненавидѣлъ Англію и Францію за ихъ идеаль прогресса и свободы, который они силились, достойнымъ порицанія способомъ, пропагандировать во всемъ свѣтѣ и навязать москвитамъ. Для Достоевскаго— Россія—не Европа и никогда не будетъ Европой. Она единственная въ своемъ родѣ страна со своимъ специальнымъ темпераментомъ. Она гармонически разовьется лишь при условіи сопротивленія вліянію своихъ сосѣдей и осуществленія помимо ихъ ея личной судьбы. Достоевскій питалъ къ обезевропейшимся русскимъ непримиримую ненависть. Онъ не упустилъ случая отпустить на ихъ счетъ эпитеты «ренегатовъ», «измѣнниковъ». Да какъ бы ни были строги доктрины Достоевскаго, онѣ кажутся на Западѣ замѣчательно хрупкими. Какъ бы онъ ни увѣрялъ противное, но онъ черпалъ ихъ мѣтѣ изъ дѣйствительности, чѣмъ изъ своихъ предрасудковъ. У него не было ни историческаго смысла, ни просто здраваго смысла, ни холоднаго разсудка, такъ необходимаго публицисту, достойному этого имени. Это мучительное неистовство, которое занимаетъ первое мѣсто въ его психологическихъ созерцаніяхъ въ романѣ, то же самое, которое вдохновляетъ его политическіе взгляды, почему онъ и производилъ такое сильное вліяніе на своихъ соотечественниковъ: вотъ почему его мнѣнія о международныхъ событіяхъ такъ подлежатъ предостереженіямъ и, по признанію самихъ наиболѣе прозорливыхъ русскихъ, такъ ошибочны. Романы и драмы Достоевскаго написаны мистикомъ, газетныя статьи также. Все его ученіе сводится къ тому убѣжденію, что Россія получила отъ самого Неба специальную миссію по особому благоволенію. По его мнѣнію, въ то время, какъ слова Христа были искажены римскимъ католицизмомъ и различными протестантскими церквями, они сохранились нетронутыми въ православіи. Подлинныя христіане лишь одни православныя; поэтому Иисусъ Христосъ возвыситъ русскую націю. Пусть она ожидаетъ свой часъ въ божественномъ созерцаніи. Если протестанты требуютъ отъ религіи правила практичной жизни, православныя требуютъ у нея средства спасти свою душу. Искаженное панствомъ, продавшимъ Христа за земныя блага, христіанство на Западѣ потеряло довѣріе народа, между тѣмъ какъ въ Россіи массы остались вѣрующими. Слѣдовательно, Россіи выпадаетъ задача вновь привести къ христіанству Европу и даже весь свѣтъ посредствомъ православія. Авторъ при этомъ приводитъ слова Достоевскаго: «Когда пробьетъ нашъ часъ...» и т. д. Православный демократъ и мистикъ, какъ въ политикѣ, такъ и въ религіи, Достоевскій вкладываетъ всѣ свои надежды въ эти два элемента русской мощи: въ царя и въ мужика. Культъ народа къ своему государю, идея, что царь—отецъ своихъ подданныхъ, характеризуетъ русскій народъ, по Достоевскому, одинаково, какъ и православіе. Россія умерла бы, не признавъ этихъ вѣчныхъ истинъ.

Напомнимъ, что Достоевскій въ молодости былъ приговоренъ къ смертной казни, которая по высочайшей милости была замѣнена ссылкой въ Сибирь, онъ говоритъ, что оттуда Достоевскій вывезъ «Записки изъ Мертваго дома» и морально и политически преобразованную душу. Въ культъ царя Достоевскаго-публициста тотъ же мистицизмъ, слегка болѣзненный, какъ и въ братскихъ чувствахъ къ мужику. «Россія—народъ,—не переставалъ онъ повторять:—Россія—не Австрія». Достоевскій проповѣдывалъ возвращеніе къ мужику, какъ Руссо проповѣдывалъ возвращеніе къ природѣ. Только соприкосновеніе съ народомъ можетъ излечить въ корень русскую націю, отравленную западнымъ социализмомъ.

Достоевскій дѣйствительно ненавидѣлъ революціонный социализмъ европейцевъ не менѣе, чѣмъ ихъ католицизмъ, или, вѣрнѣе, онъ питалъ къ этимъ двумъ бичамъ одинаковое отвращеніе, тѣмъ болѣе одинаковое, что они представляли одинаковую ошибку. Мюрэ никакъ не можетъ согласиться съ Достоевскимъ, что революція и анархія—результатъ католицизма. Достоевскій выказываетъ въ романахъ глубокую психологию, подобной которой нѣтъ; но когда онъ примѣняетъ къ политикѣ свои способности анализировать и свой критическій даръ, то онъ далекъ отъ того, чтобы возбуждать восхищеніе. Отъ этого его успѣхъ, какъ публициста, не менѣе великъ, по восхищеніе, возбуждаемое имъ, кажется незаслуженнымъ.

Касаясь Достоевскаго, упомянемъ, что попытка примѣнить къ сценѣ его произведенія не удастся въ Парижѣ, какъ въ Лондонѣ съ Чеховымъ. Выкрошенная изъ «Вѣчнаго мужа» пьеса «L'Esprit souterrain» Савуара и Позьера, недавно опять возобновленная, вызвала замѣтку театральнаго критика въ «Journal» Абеля Эрмана, что онъ все еще думаетъ, насколько химерично надѣяться, что Достоевскаго можно водворить на сценѣ. «Его психологія,—говоритъ онъ,—увлекаетъ внимательнаго читателя и озадачиваетъ зрителя. Чудесное въ его искусствѣ то, что необъяснимое онъ объясняетъ, если я могу такъ сказать—несобъяснимымъ, а это, конечно, не манера для театральнаго выраженія. Трудность выполненія роли для француза, по его мнѣнію, въ томъ, что въ этомъ произведеніи Достоевскаго странная души Ординова съ трудомъ понятна французамъ: она проявляется иначе, чѣмъ у нихъ. Ординовъ возбуждаетъ въ нихъ только любопытство, имъ непонятно, зачѣмъ онъ нравственно мучаетъ ради своего развлеченья бѣдную публичную дѣвушку. «Не то, что у насъ во Франціи нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, примѣровъ садизма,—говоритъ онъ:—но именно разница двухъ способностей чувствовать—очевидна, когда сравнить Ординова и Вальмона».

Литература о Толстомъ увеличилась на три его письма къ Бернарду Шоу, въ которыхъ ясно вырисовывается міросозерцаніе Льва Николаевича. Въ 1908 г. Бернардъ Шоу черезъ англійскаго переводчика сочиненій Толстого Мэнда послалъ ему брошюру своей пьесы «Man and Superman». Толстой былъ тронутъ и поблагодарилъ Шоу, но сдѣлалъ осторожное замѣчаніе относительно недостатка серьезнаго отношенія въ обсужденіи такой важной темы. Авторъ «Man and Superman» отвѣтилъ, оставаясь юмористомъ, какимъ онъ всегда хотѣлъ быть, и его оцѣнка, конечно, пришлась не по вкусу Льву Николаевичу. Это вызвало три письма, которыя «Grande Revue» помѣстила на своихъ страницахъ. Въ

первомъ письмѣ Толстой ласково обращается къ Шоу, начиная съ привѣтливой фразы «Dear Mr Show!» (Дорогой мистеръ Шоу). Онъ извѣщаетъ, что ему очень нравится его манера разсматривать цивилизацію и прогрессъ, но онъ позволить себѣ сдѣлать ему два упрека: первый, что онъ недостаточно серьезенъ: не слѣдуетъ говорить шутками о такомъ сюжетѣ, какъ судьба человѣческой жизни, также какъ и о причинахъ разврата и зла, наполняющихъ жизнь нашей эпохи. Второй упрекъ состоитъ въ томъ фактѣ, что вопросы, поднятые Шоу, такой большой важности, что люди, понимающіе такъ глубоко все зло нашей жизни и обладающіе такимъ большимъ талантомъ писателя, какъ онъ, могутъ скорѣе повредить, чѣмъ способствовать рѣшенію этихъ вопросовъ, превращая ихъ въ сюжетъ для сатиры. Но Шоу посмотрѣлъ на это иначе и отправилъ въ Ясную Поляну экземпляръ маленькой комедіи «The Shewing up of Blanco Posnets». «Shewing up», объяснилъ онъ въ письмѣ, выраженіе на американскомъ арго, означающее обнаружить лицемеръ. «Это родъ пьесъ, какой вы такъ хорошо составляете, добавилъ онъ. Вы сказали, что въ той книгѣ моя манера недостаточно серьезна, что я заставляю людей смѣяться въ самые важные моменты. Но почему же не дѣлать этого? Почему смѣхъ и юморъ должны быть исключены? Предположите, что міръ просто одна изъ шутокъ Господнихъ, развѣ вы меньше работали бы, чтобы сдѣлать изъ дурной шутки хорошую». Это уже переходило всякія границы, и Толстой послалъ лаконическій отвѣтъ уже не съ привѣтливый обращеніемъ «Dear Mr Show» (дорогой мистеръ Шоу), а просто: «Бернаръ Шоу». «Что касается вашихъ размышленій о Богѣ и злѣ,—писалъ онъ:—повторяю слова, которыя я писалъ относительно «Man and Superman», а именно, что вопросъ о Богѣ, добрѣ и злѣ слишкомъ важенъ, чтобы говорить о немъ въ шутливомъ тонѣ. Вотъ отчего, откровенно признаюсь, конечныя слова вашего письма произвели на меня тяжелое впечатлѣніе»...

Этимъ закончилась ихъ переписка.

Русскій балетъ въ Парижѣ.—Интересъ къ русскому балету еще не угасъ у парижанъ, но какая-то тѣнь пробѣжала между публикой и артистами. Послѣ восторженныхъ пріемовъ, оказываемыхъ нашимъ артистамъ, въ русскихъ газетахъ стали появляться различные слухи о скандалахъ и неблагоприятныхъ отзывахъ. Среди происшедшей шумихи трудно разобраться, въ чемъ дѣло, но въ журнальных рецензіяхъ «Hebdo Débats», «Hebdomadaire», «La Revue», какъ и газетныхъ, не видно, чтобы балетные артисты съ Дягилевымъ во главѣ возбудили противъ себя критику до скандала. Первое ихъ появленіе въ этомъ сезонѣ привѣтствовало критикъ «Hebdo Débats», называя: «наши добрые друзья, русскіе танцовщики». Дѣйствительно, недовольство русскими проглядывало среди любезностей, и въ этомъ виноваты отчасти сами русскіе. «Въ этомъ году,—говоритъ критикъ «Hebdo Débats»—эта танцующая компанія, повидимому, позаботится ступешать неприятное впечатлѣніе, какое она оставила въ прошедшемъ году, не станцовавъ ни одного балета французскаго композитора, которыхъ она изъ учтивости помѣстила въ свою программу. Послѣднимъ же сказать, что афиши 1912 г. лучше сдержатъ свои заманчивыя обѣщанія, чѣмъ афиши 1911 г.

Въ первый вечеръ былъ поставленъ балетъ «Le Dieu bleu», сочиненіе Кокто

и Мадрацо, музыка Рейнальдо Гань. Критикъ отнесся безпристрастно къ балету, говоря, что съ него и слѣдовало начинать, такъ какъ далѣе только можно было прогрессировать. Дѣйствительно, этотъ балетъ, разь отъ него отнять декорации и костюмы, къ которымъ Бакстъ примѣнилъ свою фантазію и обычные рѣзкіе тона, напоминаетъ все то, что уже давнымъ-давно извѣстно по части музыки и танцевъ. Въ этомъ балетѣ Фокинъ оказался ниже того, что онъ дѣлалъ обыкновенно. «И даже танцоры, которыми мы обыкновенно восхищались,—говорить критикъ Адольфъ Жюльенъ,—совсѣмъ не находятъ случая въ этомъ пошломъ балетѣ выказать свою обычную удачу. Конечно, госпожа Карсавина по-прежнему очень трогательная и страстная молодая пѣвица; Нижинскій, Сиднй Богъ, прыгаетъ, по обыкновенію, какъ можно выше; госпожа Нижинская также выказываетъ легкость въ роли баядерки, госпожа Нелидова мимируетъ съ благородствомъ богиню, которую могла бы играть синей, а она бѣлая. Но все это не далеко ведетъ и оставляетъ насъ холодными».

Вотъ первая критика и совершенно не на почвѣ патріотизма. Затѣмъ былъ поставленъ балетъ «Тамара», музыка Балакирева, который привелъ въ восторгъ того же самаго критика. «Г-жа Карсавина,—говоритъ онъ,—представила намъ самую сладострастную, самую жестокую Тамару. Музыка Балакирева онъ нашла колоритной. «Что музыка Балакирева, уже настолько чарующая сама по себѣ и такого яркаго восточнаго колорита, можетъ что-нибудь выиграть отъ этихъ золотозарныхъ декораций, отъ этихъ беспорядочныхъ танцевъ—я этого не утверждаю. Но и то хорошо, что она не потерялась и дѣлаетъ честь хореографу Фокину и декоратору Баксту, что они такъ хорошо сумѣли войти въ духъ музыкальнаго произведенія, которое взялись истолковать. Одинаково достойна похвалы и г-жа Карсавина, что олицетворила царицу Тамару самымъ захватывающимъ образомъ, придавъ ей такую трагическую физиономію. Въ общемъ «Тамара», по его мнѣнію, во всемъ имѣетъ сходство съ Шехеразадой».

Третья новинка «Prélude à l'Après-midi d'un Faune», сочиненіе Дебюсси, которая такъ же часто давалась, какъ и «Тамара», была поставлена Нижинскимъ, впервые выступившимъ въ Парижѣ въ качествѣ хореографа. Нижинскій слишкомъ многое наобѣщавъ заранѣе, и въ этомъ была его ошибка. Онъ не только хотѣлъ идти по стопамъ своего учителя Фокина, но и превзойти его и «создать совершенно новую пластическую, ритмическую композицію. Не вдаваясь въ техническія подробности, передадимъ лишь результатъ его стараній. Въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ всѣ прекрасныя теоріи Нижинскаго приближаются къ живому представленію античныхъ фресокъ. Всѣ движенія танцующихъ автоматичны, въ нихъ нѣтъ никакого оживленія, и кажется, что танцы исполняются механическими куклами». По истинѣ, странный прогрессъ!

Эту попытку критикъ находитъ все-таки любопытной для наблюденій, какъ всякую попытку искусства, серьезно предпринятую. «Во всякомъ случаѣ достаточно видѣть, согласно какимъ правиламъ и при какихъ условіяхъ она произошла, чтобы убѣдиться, что танцовщикъ-хореографъ не поколебался пожертвовать собою ради своихъ идей, такъ какъ онъ отъ этого потерялъ, ограничивъ себя ролью мима, по крайней мѣру половину своихъ драгоцѣнныхъ качествъ. Исключая одного единственнаго прыжка, и то довольно нерѣшительнаго, въ своемъ

костюмъ фавна онъ только оставался недвижимъ въ довольно уродливыхъ и странныхъ позахъ».

Музыка Дебюсси, легкая и воздушная, мало согласовалась съ безконечно-рѣзкой мимикой, ни съ декорациями Бакста въ грубыхъ тонахъ. Какъ это Бакстъ, котораго не пугаетъ смѣлость, не сговорился лучше если не съ музыкантомъ, то по крайней мѣрѣ съ хореографомъ, который руководился нѣкоторыми указаниями Малармэ, написанными въ заголовкѣ программы: «Надо танцовать «L'Après midi d'un Faune» среди пейзажа съ деревьями изъ цинка». «Это еще придется,—ироически восклицаетъ критикъ:—но уже намъ дали деревянныхъ персонажей, разставленныхъ по одной линіи, какъ маріонетки, съ волосами изъ желѣзной проволоки: это недурно для начала».

Парижане не могутъ долго восхищаться однимъ и тѣмъ же, даже Резанъ и Сарра Бернаръ—ихъ любимицы—по временамъ удаляются изъ Парижа въ турнэ. Русскіе танцуютъ въ Парижѣ шестой сезонъ и новаго ничего не показали парижанамъ. «Что-то они приберегли намъ на 1913 г.?» спрашиваетъ критикъ.

Собственно скандалъ возбудила Ида Рубинштейнъ. Въ первой рецензіи другой критикъ говоритъ: «Парижскій Grande Saison—новое предприятие, которое собираетъ для пышныхъ представленийъ первобытныхъ снобовъ съ чужеземными племенами». Для открытія спектаклей въ Шатлэ давалась «Hélène de Sparte». Главнымъ украшеніемъ является красивая худощавая русская танцовщица, у которой въ горлѣ вмѣсто словъ перекатываются булыжники, и она хрипитъ дурно, плохо понятый текстъ гнусавымъ голосомъ. Къ дикой легендѣ Бакстъ сдѣлалъ дикую декорацию. Однако критикъ хвалитъ двѣ вещи: великолѣпный рисунокъ и призрачное исполненіе. Вторая похвала относится къ костюмамъ, фантастическимъ и живописнымъ. Критикуя голосъ и незнаніе французскаго языка г-жи Рубинштейнъ, отъ нея не отнимаютъ таланта танцовщицы съ ея позами, напоминавшими Энгра.

Смерть герцога Файфъ, великаго герцога Люксембургскаго, Фредерика VІІІ, короля Даніи, принца Кумберлендскаго.—Первая половина текущаго года была неблагополучна многимъ государствамъ, вырвавъ изъ политическаго, научнаго, художественнаго и литературнаго міра выдающихся представителей. И отличительной чертой нѣкоторыхъ изъ этихъ потерь являются исключительныя причины, вызвавшія смерть, прямо или косвенно произошедшую отъ несчастныхъ случаевъ или при необыкновенной обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи особенно не посчастливилось членамъ королевскаго дома Англіи. Въ концѣ января, когда лондонцы готовились къ блестящей встрѣчѣ своего короля изъ его триумфальной поѣздки въ Индію для торжественнаго коронованія короной Индіи, праздника омрачились печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ герцога Файфъ, зятя короля Георга V и мужа его сестры, принцессы Луизы. Тѣмъ болѣе грустное впечатлѣніе произвела эта смерть, что незадолго предъ этимъ, въ началѣ декабря герцогъ былъ на волосокъ отъ смерти и благополучно спасся. Вообще не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, онъ по этому случаю отправился съ женою и дѣтьми въ болѣе мягкій климатъ, а именно въ Египетъ. Пароходъ «Dehly», на которомъ они находились, потерпѣлъ аварію, лишившись трехъ матросовъ-британцевъ.

Герцогиня съ дѣтьми съ трудомъ были спасены, герцогъ же попалъ въ воду и, мокрый, дрожавшій отъ холода, схватилъ воспаленіе легкаго. Прибывъ въ Танжеръ, онъ слегъ въ постель. Однако, собравшись съ силами, онъ продолжалъ путешествіе на востокъ, въ Верхній Египетъ; въ Ассуанъ, гдѣ 29-го января скончался.

Герцогъ Александръ-Вильямъ-Джорджъ Дуффъ маркизь Макдуффъ родился 10-го ноября 1849 г. въ семьѣ шотландцевъ стариннаго происхожденія, но не имѣвшей въ жилахъ и капли аристократической крови, хотя они считали своимъ предкомъ тана Макдуана, противника Макбета. Фамиліи Дуффъ положили основаніе въ XV вѣкѣ ловкій купецъ, торговавшій шерстью, по фамиліи Дуффъ. Никто не предвидѣлъ, что со временемъ это имя сдѣлается аристократическимъ. Его отпрыски не переставали увеличивать свое состояніе, такъ что въ концѣ XVII вѣкѣ съ появленіемъ Вильяма Дуффа это были самые богатые люди во всей Шотландіи, и скончавшійся въ 1722 году Вильямъ Дуффъ оставилъ наслѣдникамъ 750,000 франковъ золотомъ. Получивъ такое наслѣдство, его сынъ не могъ удовольствоваться положеніемъ просто капиталиста и сталъ добиваться выдающагося положенія въ обществѣ. Зная, что въ большинствѣ случаевъ деньги универсальный ключъ, который одинъ открываетъ все замки, какъ двери хижины, такъ и дворцовъ, смѣтливый отпрыскъ Вильяма Дуффа прибѣгнулъ къ этому способу. Когда въ 1745 г. вспыхнула послѣднее возстаніе якобитовъ, онъ щедрой рукой выдавалъ субсидіи англійской арміи на защиту Галловской династіи, и англичане разбили шотландскія войска въ битвѣ при Куллоденѣ. Дуффъ добился своей цѣли: его сдѣлали ирландскимъ дворяниномъ графомъ Файфъ. Этотъ титулъ былъ измѣненъ въ баронскій въ 1857 г., когда отецъ скончавшагося герцога, женился на внучкѣ короля Вильгельма IV и актрисы мистриссъ Джордамъ. По другимъ свѣдѣніямъ, титулъ былъ дарованъ впоследствии за участіе въ войнахъ съ Испаніей, а именно за битву при Талаверѣ и Кадиксѣ.

При жизни отца герцогъ подъ именемъ виконта Мардуффа получилъ обыкновенное аристократическое воспитаніе въ знаменитомъ Этонскомъ колледжѣ. Затѣмъ онъ занялъ мѣсто въ рядахъ либеральной партіи и палатѣ Эльгибскаго графства. При дворѣ Викторіи онъ считался вполне свѣтскимъ человѣкомъ, однако ни дворянскій титулъ, ни положеніе въ рядахъ либеральной партіи въ 1874—1879 г.г. не заставили принца Уэльскаго обратить вниманіе на шестаго Ирль-Файфъ. Если же Эдуардъ VII согласился на бракъ своей старшей дочери съ нимъ, то лишь потому, что не хотѣлъ брака съ иностранцами. Эдуардъ VII, «дядя всей Европы», болѣе всего хотѣлъ націонализировать британскую династію, поэтому онъ выбиралъ мужей и женъ для своихъ дѣтей изъ рядовъ англійской аристократіи. Такую политику вполне одобряло англійское общественное мнѣніе, и ни одинъ бракъ не былъ такъ популяренъ, какъ бракъ по любви принцессы Луизы съ герцогомъ Файфъ. За этимъ бракомъ вскорѣ послѣдовалъ бракъ герцога Юркскаго, тепершняго Георга V, съ Мэй Тэкъ. Титулъ герцога Файфъ онъ получилъ при вступленіи въ бракъ съ принцессой Луизой. Отъ этого брака родились двѣ дочери, Александра и Модъ. Герцогъ числился почетнымъ полковникомъ одного артиллерійскаго полка и чрезвы-

чайню интересовался военными и колониальными вопросами. Король Эдуардъ былъ очень расположенъ къ герцогу Файфъ и вполне ему доверялъ, и потому безъ официальныхъ титуловъ онъ пользовался бы значительнымъ влияніемъ при англійскомъ дворѣ. Герцогъ Файфъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Согласно законамъ и обычаямъ англійской аристократіи, этотъ титулъ остается въ собственности вдовы, даже послѣ ея вторичнаго замужества. Она по-прежнему будетъ носить его, если даже выйдетъ вторично замужъ за простаго дворянина, титулованнаго или нѣтъ; но если она изберетъ вторымъ мужемъ принца королевской крови съ титуломъ королевскаго высочества, какаго у нея нѣтъ, хотя она и королевская внучка и племянница, то прежняго титула герцогини—она уже не носить. Въ Англійи женщины не передаютъ титуловъ своимъ мужьямъ, хотя сами съ замужествомъ не теряютъ ни одного изъ нихъ, какъ и привилегій. Часто случается, что если второй мужъ младшій въ семьѣ и просто эсквайръ, жена сохраняетъ имя своего перваго титулованнаго мужа.

Вторымъ печальнымъ событіемъ для англійскаго королевскаго дома, а главное для вдовствующей королевы Александры, была смерть короля Даніи Фредерика VIII, ея роднаго брата, скончавшагося въ ночь съ 15-го на 16-ое мая, если и не отъ несчастнаго случая, то все-таки въ необычайной для короля обстановкѣ на улицѣ Гамбурга отъ паралича сердца. Подобный случай внезапнаго нездоровья на улицѣ былъ съ нимъ и въ Копенгагенѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, когда онъ лишился сознанія, и съ тѣхъ поръ его здоровье сильно пошатнулось. Однако все-таки надѣялись, что семья Гольштинъ-Глюксбургская отличается долговѣчностью и король поправится. Затѣмъ онъ заболѣлъ инфлуэнцой, бросившейся на сердце, и когда миновалъ острый періодъ, короля отправили въ Ниццу на поправку, гдѣ онъ оставался всю зиму и настолько окрѣпъ, что еще наканунѣ своей смерти радовался вернуться бодрымъ и здоровымъ къ датчанамъ. Начавшаяся въ Ниццѣ жара заставила его вернуться въ Данію, но здѣсь произошло то же, что съ герцогомъ Файфъ: одна опасность миновала, но подкралась другая, когда менѣе всего ея ожидали. Нѣмецкія газеты подробно рассказываютъ, при какихъ драматическихъ обстоятельствахъ скончался Фридрихъ VIII. 13-го мая онъ прибылъ въ Гамбургъ съ королевой, дочерьми, принцессами Дагмарой и Тирой и принцемъ Густавомъ. Онъ путешествовалъ инкогнито подъ именемъ графа Кронберга и остановился въ гостиницѣ «Hamburger Hof». На другой день король очень хорошо себя чувствовалъ, былъ съ большимъ аппетитомъ, послѣ завтрака отправился въ Зоологическій садъ, гдѣ долго бесѣдовалъ съ извѣстнымъ торговцемъ хищными звѣрями, Карломъ Гагенбекомъ. «Мнѣ шестьдесятъ восемь лѣтъ», сказалъ Гагенбекъ, бесѣдуя о лѣтахъ и здоровьѣ. «А мнѣ шестьдесятъ девять,—возразилъ король:—въ наши годы мы должны каждый день благодарить Бога за каждый часъ отсрочки, который онъ намъ предоставляетъ». Король пообѣдалъ въ гостиницѣ вмѣстѣ съ семействомъ и нисколько не казался усталымъ. «Давно уже я не чувствовалъ себя такъ хорошо», сказалъ онъ королевѣ, улыбаясь. Послѣ обѣда около десяти часовъ вечера онъ вышелъ одинъ на обычную коротенькую прогулку въ нѣсколько сотъ метровъ отъ гостиницы, почувствовалъ себя дурно,

пошатнулся и упалъ бы, если бы его не поддерживалъ стоявшій на посту городской, съ помощью котораго онъ сѣлъ на ступеньки мясной лавки рядомъ съ Café de l'Opera. Всю эту сцену увидѣлъ выходявшій изъ театра докторъ Зелигманъ. Подойдя къ королю, онъ спросилъ, гдѣ онъ живетъ. Въ «Hamburger Hof», отвѣтилъ король, съ трудомъ поднимаясь, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, снова тяжело упалъ на землю. Къ нему бросился докторъ Зелигманъ, приподнял его и удостовѣрился, что пульсъ пересталъ биться. Тогда съ помощью городского онъ перенесъ его въ автомобиль и велѣлъ отвезти въ госпиталь, чтобы оказать медицинскую помощь. Было безъ четверти одинадцать, когда автомобиль тронулся въ путь. Когда они подъѣхали къ дверямъ больницы, король былъ мертвъ. Онъ умеръ отъ закупорки артерій. Тѣло отнесли въ покойницкую, служившую временнымъ моргомъ для утопленниковъ, личность которыхъ не установлена. Здѣсь король провелъ всю ночь на мраморномъ столѣ, рядомъ съ другими восемью трупами, личность которыхъ также не установлена.

Тѣмъ временемъ королевская семья переживала тревожныя минуты. Уже былъ часъ ночи, а король все не возвращался. Тогда спросили управляющаго гостиницы, не говорилъ ли король, выходя, куда онъ идетъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, было рѣшено отправиться на поиски, и только въ полчаса четвертаго его нашли въ мертвецкой больницы. Тѣло перевезли въ гостиницу и выставили въ парадномъ залѣ, превращенномъ въ часовню. Въ такой необычайной обстановкѣ провелъ послѣднія минуты земного существованія король Даніи. На другой день утромъ его тѣло было перевезено съ воинскими почестями на вокзалъ для отправленія въ Травемюнде, гдѣ его перевезли на королевскую яхту «Daneborg», и датскій народъ встрѣтилъ не поправившагся и свѣжаго короля, а его мертвое тѣло.

Король Фредерикъ VIII родился 3-го іюня 1843 года и вступилъ на престолъ 30-го января 1906 года, процарствовавъ, такимъ образомъ, только шесть лѣтъ, безъ блеска, скромно, спокойно, свято соблюдая вѣрность конституціи и упрочивъ въ Даніи парламентскій режимъ. Послѣ блестящаго царствованія короля Христіана, привлекавшаго къ себѣ вниманіе Европы своими несчастіями, благодаря Пруссіи, оторвавшей двѣ наиболѣе цвѣтущія провинціи Даніи, славными союзами самой судьбой поставленнаго въ ряды видныхъ европейскіхъ личностей, Фредерику VIII трудно было выдвинуться на видное мѣсто, и онъ довольствовался одной цѣлью—заслужить любовь народа. Эта задача для него была также менѣ легкой, чѣмъ для его отца: съ самаго момента восшествія на престолъ онъ столкнулся съ вопросомъ національнаго интереса относительно національной защиты. Кромѣ того, ему приходилось вести борьбу съ сепаратистскими намѣреніями исландцевъ. Но самымъ тяжелымъ случаемъ въ его царствованіе былъ финансовый скандалъ министра Альберти, возбуждавшій страну и приведшій на скамью подсудимыхъ прежнихъ министровъ Христіансена и Зигурда О-Берга.

Король оставилъ большое потомство въ бракѣ съ дочерью короля Швеціи и Норвегіи Карла XV—принцессой Ловизой (въ 1869 г.): четырехъ сыновей и трехъ дочерей. Старшій сынъ, принцъ Христіанъ, родился въ 1870 году, Карлъ въ 1872 году, Гарольдъ въ 1876 году, Густавъ въ 1887 году, принцессы: Инге-

боргъ въ 1878 году, Тира въ 1880 году и Дагмара въ 1890 году. Принцесса Ингеборгъ вышла замужъ въ 1897 году за герцога Остроготскаго, брата короля Швеціи; второй сынъ Карль 18-го ноябрю 1905 года сдѣлался королемъ Норвегіи Гаакономъ VII и женатъ на дочери короля Эдуарда VII принцессѣ Модъ. Наслѣдный принцъ, теперешній государь, провозглашенный королемъ Христіаномъ X, женился 26-го апрѣля 1898 года въ Копенгагенѣ на родной сестрѣ жены германскаго кронпринца, дочери княгини Анастасіи Михайловны, принцессѣ Мекленбургской Александрѣ, у которыхъ два сына: тринадцатилѣтній Фридрихъ, будущій наслѣдникъ, и Кюльдъ. Покойный король былъ въ родствѣ съ большей частью королевскихъ домовъ въ Европѣ: онъ отецъ короля Норвегіи, братъ короля Греціи, братъ вдовствующей императрицы Маріи Теодоровны и вдовствующей королевы Англии Александры, принцессы Кумберлендской, принца Вальдемара, своякъ короля Швеціи Густава V, дядя государей Николая II, Георга V, принца Максимилиана Баденскаго и великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго.

Покойный король получилъ званіе доктора правъ оксфордскаго университета и былъ шефомъ третьяго драгунскаго Сумскаго полка, а также прусскаго, великобританскаго и другихъ полковъ. По цивильному листу король получалъ одинъ милліонъ кронъ. Хотя покойный король вступилъ на престолъ только шесть лѣтъ тому назадъ, но, будучи наслѣдникомъ, управлялъ государственными дѣлами по желанію отца съ первыхъ дней воцаренія послѣдняго, т. е. съ 1863 года, когда наслѣдникъ только что вернулся изъ Оксфорда, гдѣ слушалъ лекціи. Кромѣ того, въ отсутствіи короля онъ исполнялъ обязанности регента.

Извѣстіе о смерти короля поразило датчанъ, но, объявивъ съ балкона дворца, что король Фредерикъ VIII скончался, министръ-президентъ Берндсенъ, согласно обычаю, добавилъ: «Да здравствуетъ король Христіанъ XI», и народъ въ отвѣтъ громко отвѣтилъ: «Ура!» Король вышелъ на балконъ и произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, обѣщалъ народу «счастье, свободу и самостоятельность». Народъ привѣтствовалъ эти его слова восторженнымъ «ура», и въ Даніи воцарился Христіанъ X.

Третье несчастье въ англійской королевской семьѣ было—смерть племянника англійской королевы Мэри, принца Джорджа Вильяма Кумберлендскаго. По дорогѣ на похороны своего дяди со стороны матери короля Даніи съ нимъ произошло несчастье, стоившее ему жизни. Онъ выѣхалъ изъ Праги въ Шверинъ, откуда рассчитывалъ отправиться въ Копенгагенъ. При немъ находились его лакей и шоферъ, хотя автомобилемъ онъ управлялъ самъ. Двигаясь съ быстротой 90 километровъ въ часъ, близъ станціи Фризакъ автомобиль наскочилъ на препятствіе. Принцъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы направить машину, но при такой быстротѣ это было невозможно, и автомобиль у опушки лѣса ударился о дерево. Ударъ былъ настолько сильный, что вырвалъ дубъ. Принцъ былъ убитъ на мѣстѣ: онъ разбилъ себѣ черепъ и придавилъ грудь. На шумъ и трескъ, происшедшій во время катастрофы, прибѣжалъ лѣсничій и съ помощью шофера, у котораго, по счастью, оказалась только сломана рука и нѣсколько контузій на тѣлѣ, былъ найденъ врачъ. Но это было излишнимъ:

принцъ уже умеръ, а его слуга въ то время кончался. Оба тѣла были перенесены въ имѣніе фонъ-деръ-Гагена, а утромъ въ церковь при деревнѣ Наккель. Находившіеся въ Дрезденѣ родители покойнаго герцога, отправившіеся также въ Копенгагенъ, получивъ такое печальное извѣстіе, немедленно вернулись въ Прагу со своей свитой.

Покойный принцъ Джорджъ-Вильямъ Кумберлэндскій герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій, сынъ герцога Эрнеста-Августа и герцогини, урожденной принцессы Тиры датской, родился 28-го октября 1870 года въ Гмунденѣ. Слабого здоровья, онъ долженъ былъ отказаться отъ активной военной службы и лишь считался почетнымъ капитаномъ 42-го полка австрійской артиллеріи.

Наименѣ неожиданной явилась смерть великаго герцога Люксембургскаго въ концѣ февраля, который въ сущности уже восемь лѣтъ велъ растительное существованіе, умирая постепенно. Вильгельмъ-Александръ Нассау, великій герцогъ Люксембургскій, родился въ Биебрихѣ на Рейнѣ 22-го апрѣля 1852 г. и былъ старшимъ сыномъ великаго герцога Адольфа Нассаускаго и принцессы Аделаиды Ангальтъ-Десауской. Судьба этого монарха была очень печальная съ самыхъ юныхъ лѣтъ до старости. Изгнанный изъ Германіи вслѣдствіе событій 1866 г., стоившихъ его родителямъ престола, онъ провелъ юношескіе годы въ Австріи и Россіи, служа послѣдовательно въ арміяхъ обѣихъ странъ. Затѣмъ онъ женился на принцессѣ Маріи-Аннѣ Браганцой инфантъ, династія которой когда-то царствовала въ Португаліи. За три года до смерти Вильгельма III король Голландіи и государь Люксембурга передалъ велико-герцогскій тронъ его отца въ силу договора фамиліи Нассау, признанной и санкціонированной Вѣнскимъ трактатомъ. Будущій великій герцогъ имѣлъ довольно времени, чтобы изучить свою новую родину. Въ 1902 г. его отецъ, уже захворавшій, привлекъ его къ управленію страной, и три года спустя онъ наслѣдовалъ ему. Объ его внутреннемъ управленіи страной нечего сказать: оно было, повидимому, спокойно. Главной своей заботой онъ считалъ обезпеченіе будущности своей династіи и выборъ полезныхъ для страны дѣятелей. Въ 1907 г. для устраненія претендента, графа Меренберга, происходившаго отъ мorganатическаго брака Николая Нассау и Натальи Пушкиной, онъ обнародовалъ специальный фамильный статутъ, утвержденный палатой, по которому права на корону закрѣплялись исключительно за домомъ Люксембургъ-Нассау. Это тѣмъ болѣе требовалось сдѣлать, что отъ его брака съ Маріей-Анной родились только дѣвочки: Марія-Аделаида, Шарлотта-Гильда, Антонія-Елисавета-Софія, и что согласно старому условію фамиліи Нассау женщины были исключены отъ наслѣдованія трона. Годъ спустя послѣ того, какъ палата приняла эти измѣненія въ престолонаслѣдіи, великій герцогъ принужденъ былъ сложить съ себя власть въ виду угрожавшаго прогрессивнаго паралича, мало-по-малу захватывавшаго его мозгъ. Онъ еще могъ видѣть, что его ожидаетъ, и во время передалъ женѣ управленіе государствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ ноябрѣ палата преобразовала этотъ титулъ въ титулъ регентши. Такимъ образомъ, его восемнадцатилѣтняя дочь принцесса Марія-Аделаида была провозглашена наслѣдницей престола, а черезъ нѣсколько дней его жена объявлена регентшей. Въ это время

у герцога все рѣже и рѣже были свѣтлыя минуты. Несмотря на самыя тщательныя ухаживанія и леченіе сначала въ Гогенбургѣ въ Баваріи, а затѣмъ въ замкѣ Кольмарбергѣ, великій герцогъ понемногу угасалъ и наконецъ 25-го февраля скончался въ Кольмарбергѣ. Его смерть не измѣнитъ политическаго статута страны. Будущая судьба Люксембурга въ рукахъ юной правительницы, и онъ находится въ такомъ же положеніи, какъ Голландія въ 1890 г. Вокругъ принцессы начнется борьба партій, часть которыхъ старается отмѣчить страну, хотя и маленькую, но занимающую важную роль, благодаря своему положенію на французской границѣ.

Политическій и дипломатическій міръ сравнительно въ короткій срокъ лишился двухъ дѣятелей, игравшихъ видную роль въ европейскомъ концертѣ державъ, графа Эренталя и Анри Бриссона. Графъ-Лекса Эренталь, австрійскій премьеръ-министръ и бывший австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, по однимъ источникамъ, происходилъ изъ еврейской семьи. По крайней мѣрѣ чешскія газеты увѣряютъ, что его дѣдъ былъ чешскимъ евреемъ, поставлялъ припасы союзнымъ арміямъ въ 1813 году и оказывалъ услуги Россіи, а его фамилія Лексъ, сокращенная отъ Александръ Лѣмецки. Баронскій же титулъ для него выхлопоталъ Кутузовъ; французскіе источники все это отрицаютъ. По ихъ свѣдѣніямъ, покойный графъ Эренталь происходилъ изъ старинной семьи крупныхъ лѣмецкихъ землевладѣльцевъ въ Богеміи, католиковъ, очень давно разбогатѣвшихъ, но возведенныхъ въ дворянство только въ 1790 г. Первымъ дворяниномъ этой семьи былъ Іоганнъ-Антоній Лекса, прадѣдъ покойнаго министра, и онъ первый, который завелъ въ Чехіи страхование отъ огня, наводненій и града. Отецъ послѣдняго былъ баронъ Іоганнъ Эренталь. Графъ Алексѣй Эренталь родился въ Гроссъ-Скаль 27 сентября 1854 г. По окончаніи курса пражскаго университета онъ отправился въ Боннъ, гдѣ оставался нѣсколько семестровъ. Затѣмъ въ 1877 г. вступилъ на дипломатическое поприще сначала въ качествѣ временнаго секретаря посольства. Его окончательный дебютъ на этомъ поприщѣ состоялся въ Петербургѣ въ 1878 г., послѣ Берлинскаго конгресса. Но это была лишь подготовка, окончательно же секретаремъ посольства онъ былъ назначенъ въ Петербургъ въ 1881 г., послѣ чего онъ отправился въ Бухарестъ въ качествѣ посланника и оказалъ своему правительству немалую услугу, заключивъ австро-венгерскую военную конвенцію, и оставался тамъ до 1889 года, а потомъ вернулся въ Вѣну въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ въ 1900 г. онъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ уже въ качествѣ посланника и оставался здѣсь около семи лѣтъ, прилагая всѣ усилія сблизить какъ можно тѣснѣе русское правительство съ австро-венгерскимъ. Онъ былъ *persona gratissima* при русскомъ дворѣ, и Европа считала его за искренняго друга Россіи. Во все время его пребыванія въ Петербургѣ онъ пользовался большимъ почетомъ при австрійскомъ дворѣ: австрійское правительство возлагало на него большія надежды на устройство болѣе тѣснаго сближенія обѣихъ странъ, но впоследствии балканская политика показала обратное. Его пребываніе въ Петербургѣ длилось семь лѣтъ и было прервано новымъ назначеніемъ на постъ премьеръ-министра иностранныхъ дѣлъ вмѣсто графа Голуховскаго, принужденнаго отказаться отъ портфеля министра вслѣдствіе энергичной оппозиціи венгерскаго

кабинета Векерле как лично против Эрентала, так и против его политики. Граф Эренталь как нельзя болѣе подходилъ для новаго поста по отношеніи будапештскаго кабинета. Обладая качествами чрезвычайно обворожительнаго человѣка, графъ незадолго до своего новаго назначенія женился на венгерской аристократкѣ, графинѣ Паулинѣ Сечени, происходящей изъ семьи крупнаго венгерскаго патріота, что еще болѣе способствовало скорѣйшему осуществленію согласно желанію Франца-Иосифа первой статьи его программы—примиренію обоихъ враждебныхъ государствъ. Францъ-Иосифъ былъ ему безконечно благодаренъ за этотъ первый значительный успѣхъ. Съ этихъ поръ онъ поддерживалъ его во всемъ, иногда даже въ рискованныхъ положеніяхъ. Графъ Эренталь отличался необыкновенной точностью, работоспособностью. Требовательный къ себѣ и другимъ, очень способный и энергичный, новый министръ заслуживалъ широкой защиты со стороны своего императора. Съ конца 1907 г. внѣшняя политика совершенно овладѣла графомъ Эренталемъ. И съ этого времени онъ поразилъ Европу переменой отношеній къ Россіи. Европа считала его за искренняго друга Россіи, поэтому ожидали, что его болѣе озабочиваетъ дружба Россіи, чѣмъ симпатіи тройственниковъ, и нѣмецкія газеты непріязненно къ нему относились за это. Что касается тройственнаго союза, то онъ требовалъ для своей страны болѣе широкихъ правъ и болѣе дружескаго отношенія съ Италіей и дружественнаго улаживанія всѣхъ инцидентовъ, которые могутъ встрѣтиться въ странѣ.

Покойнаго графа называли вторымъ Бисмаркомъ. Былъ ли онъ вторымъ Бисмаркомъ—отвѣтъ находится въ балканской политикѣ и въ анексії Босніи и Герцеговины. Зная желаніе престарѣлаго монарха жить миролюбиво съ сосѣдними державами, онъ до послѣдней минуты оставался неизмѣнно вѣренъ идеѣ поддержанія мира и прилагалъ всѣ силы для борьбы съ воинствующей частью австрійскаго общества. Онъ ясно видѣлъ, насколько популярны становились въ монархіи идеи войны, но, поддерживаемый императоромъ, онъ, къ досадѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда, добился отставки начальника главнаго штаба Гетцендорфа, выражавшаго непріязнь къ Италіи, и это былъ послѣдній успѣхъ, который выпалъ на его долю. Но было слишкомъ очевидно, что онъ самъ не очень надѣялся на прочность своей задачи, и отчаяніе играло нѣкоторую роль въ преждевременной его кончинѣ. На смертномъ одрѣ онъ съ тревогой ожидалъ узнать, кто будетъ его замѣститель, и тогда только успокоился, когда узналъ, что преемникомъ будетъ его другъ графъ Берхтольдъ.

14-го апрѣля новаго стиля республиканская Франція лишилась единственнаго въ своемъ родѣ политическаго дѣятеля, одного изъ главъ партіи радикаловъ, президента палаты Анри Бриссона. Передать въ нѣсколькихъ словахъ жизнь этого политическаго дѣятеля такъ же нелегко, какъ изложить исторію Франціи за сорокъ лѣтъ, но описать его личность, судя по иностраннымъ отзывамъ, нѣтъ ничего легче: это былъ исключительно-честный, неподкупный человѣкъ, пережитокъ 48-го года, эпохи борьбы французовъ съ Наполеономъ III, затерявшійся среди практичныхъ дѣятелей современной Франціи.

Анри Бриссонъ родился 31 іюля 1835 г. въ семьѣ адвоката, жестоко боровшагося противъ имперіи. Приѣхавъ въ Парижъ для окончанія юридическаго обра-

зованія, онъ увлекся политикой, и это былъ первый этапъ его жизни. Отъ адвокатуры онъ перешелъ къ журналистикѣ и основалъ съ Пеллетаномъ и Марэномъ «L'Avenir», первый республиканскій журналъ, появившійся въ Латинскомъ кварталѣ. Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Temps», «Avenir National» и создалъ съ Гамбеттой и Шальмэ-Лакуромъ «Revue Politique», черезъ годъ прикрытую за одну статью. Послѣ революціи 4 сентября, будучи помощникомъ мэра Парижа, Бриссонъ былъ избранъ 8-го февраля 1871 г. представителемъ 19 округа національнаго собранія. Впервые онъ былъ избранъ въ президенты палаты 347 голосами на мѣсто Гамбетты 3-го ноября 1881 г., а въ апрѣлѣ 1885 г. ему предложили портфель министра юстиціи. Въ это время Бриссону исполнилось 46 лѣтъ, и ему пришлось бороться съ крайней лѣвой, упрекавшей его за колониальную политику. Это былъ моментъ занятія Тонкина, и Бриссонъ отказывался покинуть анексированную территорію. Въ это время шли выборы президента республики, и Бриссонъ рассчитывалъ быть преемникомъ Греви. Но послѣдній принялъ возобновленіе своихъ полномочій, и Бриссонъ получилъ только 88 голосовъ. Его кабинетъ вышелъ въ полномъ составѣ. На выборахъ 1889 г., въ самый буланжистскій періодъ Бриссонъ послѣ горячей борьбы былъ избранъ въ президенты палаты, одержавъ верхъ надъ генераломъ Тибодэномъ. Въ это время его занималъ морской вопросъ, но съ 1894 г.—1898 онъ посвятилъ себя исключительно обязанностямъ президента палаты. Наступило дѣло Дрейфуса, и въ самый кризисъ, порожденный этимъ дѣломъ, Бриссона призвали составить министерство, которое должно слѣдовать послѣ министерства Милена. Онъ оставался у власти до слѣдующаго 1-го ноября, и это было самое тревожное время его политической дѣятельности. Бриссонъ девятнадцать разъ выполнялъ обязанности президента палаты съ 1876—1912 г.г. въ теченіе тридцати шести лѣтъ.

Съ 1856 г. онъ состоялъ членомъ франкмасоновъ. Бриссона французы не любили, они боялись его прямолинейности, но уважали. Преданный рыцарь своей идеи, свободы Франціи, Бриссонъ всемъ жертвовалъ ради нея: республика замѣняла ему все, и онъ остался всю жизнь холостякомъ. Въ то время, какъ другіе политическіе дѣятели составляли себѣ состояніе, Бриссонъ, жившій во дворцахъ во время своего министерства, переезжалъ въ скромныя, почти бѣдныя квартиры, какъ та, гдѣ онъ скончался. Правительство оцѣнило его заслуги и взяло на себя похороны, которыя состоялись самыя пышныя.

Наученный міръ лишился двухъ выдающихся дѣятелей: англійскаго хирурга, изобрѣтателя антисептики лорда Листера и знаменитаго норвежскаго ботаника, открывшаго бактерію проказы—Ганзена.

Первый началъ научную дѣятельность профессоромъ клинической хирургіи въ Глазговѣ, затѣмъ въ Единбургѣ. Подъ впечатлѣніемъ открытій Пастера, указавшаго, что истеченія гноя изъ ранъ работа микробовъ, онъ доказалъ, что, принявъ всѣ предосторожности оздоровленія держа рану въ полной чистотѣ, промывая инструменты и руки оператора, можно вылечить и спасти массу раненыхъ, слишкомъ часто умиравшихъ послѣ операціи. Онъ возродилъ хирургию и сдѣлалъ ее славой современной науки, за что заслужилъ прозвище «благодѣтеля человѣчества». Всего лучше охарактеризовалъ его дѣятельность американскій

посланникъ Англїи, обратившійся къ нему съ памятливыми словами: «Милордъ, васъ привѣтствуютъ не профессионалы, не нація, а само человѣчество».

Гергардъ Армауэръ Ганзенъ, скончавшійся 12-го февраля, родился въ Бергенѣ 9-го іюля 1841 г. Окончивъ естественный факультетъ въ Христїани, онъ нѣсколько лѣтъ занимался въ качествѣ врача въ лепрозорїи Бергена. До послѣднихъ лѣтъ, несмотря на всѣ мѣры, Норвегія одна изъ странъ Европы, гдѣ проказа существуетъ въ спорадическомъ состоянїи. Этой научной борьбѣ съ ужаснымъ бичомъ человѣчества посвятилъ свою жизнь молодой ученый. Въ 1870 г. онъ отправился въ Германїю, совершенствовалъ свои познанїя въ боннскомъ университетѣ, а потомъ въ медицинскихъ лабораторїяхъ Вѣны. Затѣмъ онъ вернулся въ Бергенъ и примѣнилъ свои познанїя къ этой болѣзни. Въ 1875 г. онъ былъ назначенъ директоромъ лепрозорїи. Мало-по-малу бактериологическія открытїя Пастера, д-ра Ру и ихъ учениковъ окончательно вывели его на дорогу, и онъ не замедлилъ въ 1881 г. окончательно изолировать бактерію проказы. Въ то же время, благодаря его усилїямъ, леченіе болѣзни замѣтно улучшилось, и прокаженные были изолированы, чтобы не разносить заразы. Эти мѣры строго стало выполнять норвежское правительство, и отсюда получился полный успѣхъ. Съ 1898 г. уже уменьшилось число прокаженныхъ, и двѣ изъ самыхъ главныхъ лепрозорїй можно было закрыть, бергенскую и больдскую. Тогда Ганзенъ, уже колеблясь, объявилъ, что если будутъ вполне примѣняться эти предохранительныя мѣры, въ 1920 г. проказа совершенно исчезнетъ въ Норвегіи. Въ борьбѣ съ этимъ бичомъ онъ предпринималъ вмѣстѣ съ Кохомъ, Лассаромъ и Элеромъ рядъ лекцій о проказѣ по Германїи. Въ благодарность за столь великія услуги предъ человѣчествомъ городъ Бергенъ воздвигъ ему въ 1901 г. памятникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его ботаническія работы одинаково были извѣстны, и онъ состоялъ президентомъ бергенскаго музея.

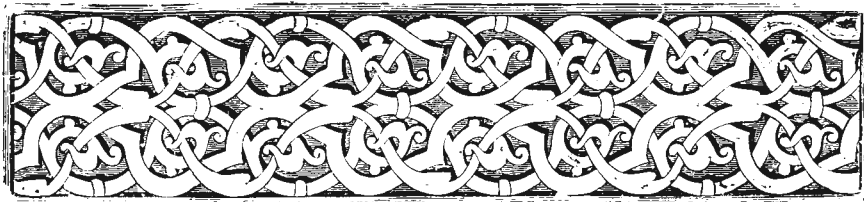
Къ благодѣтелямъ человѣчества можно отнести «великаго старца», извѣстнаго апостола мира Фредерика Пасси, скончавшагося на 91 году жизни въ Нельи 30-го мая утромъ. Свой долгій вѣкъ,—онъ родился въ 1822 г.,—Пасси посвятилъ службѣ одному идеалу: братству людей и народовъ, и его главной цѣлью было оказывать пользу обществу, и лучшимъ средствомъ для этого служили его старанїя водворить миръ во всѣхъ странахъ. Въ молодости онъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ, а съ 1860 г. читалъ лекціи по социальнымъ и политико-экономическимъ вопросамъ. На его духовный міръ имѣли сильное воздѣйствіе два человѣка: его дядя Ипполитъ Пасси и Мишель Шевалье, пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ политической экономїи. Горячій сторонникъ свободы. Пасси съ упорствомъ боролся съ имперскимъ режимомъ и только въ 1881 г. принялъ депутатское кресло, которое ему тщетно предлагали съ 1869 г. Но его тянуло къ другой общественной дѣятельности.

Краснорѣчивый ораторъ, для котораго было готово первое мѣсто въ палатѣ, онъ отвергъ его ради скромной дѣятельности апостола общественнаго мира. Въ 1867 г. Пасси основалъ международную лигу мира, объявившую войну самой войнѣ, а въ 1888 г. съ Рандаль Кремеромъ онъ организовалъ междупарламентскій союзъ третейскаго разбирательства и мира и вслѣдъ за тѣмъ былъ избранъ въ члены бернскаго комитета международнаго бюро мира. Съ 1881 г. по

1889 г. Пасси былъ членомъ палаты депутатовъ отъ сенскаго департамента и здѣсь онъ повелъ горячую пропаганду мира. Онъ былъ избранъ членомъ академіи моральныхъ и политическихъ наукъ, а въ 1901 г. получилъ Нобелевскую премию мира, Почетный Легионъ, но всѣ эти почести не соблазнили его. У него было одно желаніе—быть полезнымъ обществу, и онъ часто повторялъ: «лишь бы я могъ быть еще полезенъ». Онъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ предать огню его тѣло и устроить самыя скромныя похороны, а на гробъ возложить вѣнокъ съ надписью: «Миръ».

Но особенно много вышло изъ строя литературной рати—писателей. Слишкомъ длинный рядъ именъ литераторовъ всѣхъ странъ, краткія біографіи которыхъ будутъ помѣщены въ слѣдующихъ некрологахъ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТІЕ памятника императору Александру III. Въ Москвѣ 30-го мая съ необыкновенною торжественностью въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ состоялось освященіе памятника императору Александру III, воздвигнутаго въ скверѣ храма Христа Спасителя на всенародныя пожертвованія. Погода вполне благоприятствовала торжеству: стоялъ ясный, солнечный день; жаръ умѣрялся близостью Москвырѣки и легкимъ вѣтеркомъ. Съ утра народъ вереницами сталъ стекаться на Берсеневскую набережную, что противъ храма Христа Спасителя, по пути царскаго проѣзда изъ Кремля и по всѣмъ прилежающимъ къ соборному скверу улицамъ. Толпы народа заняли Большой Каменный мостъ. Отъ Кремля выстроены были шпалерами войска; на набережной у храма Христа Спасителя размѣстились учащіеся въ разныхъ столич-

ныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ половинѣ одиннадцатаго часа въ храмъ Христа Спасителя стали прибывать августѣйшія особы. Въ 10 часовъ 45 минутъ восторженное «ура» возвѣстило объ отбытіи изъ Кремля Государя Императора. Народные клики сливались со звуками военной музыки. Его Императорское Величество изволилъ направиться по фронту войскъ, выставленныхъ по набережной у храма Христа Спасителя для участія въ торжествѣ. Государь Императоръ здоровался съ войсками, музыка играла походъ. вмѣстѣ съ войсками были выстроены съ правой стороны учащіеся, восторженно привѣтствовавшіе Монарха. Затѣмъ Его Величество вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной и великими князьями изволилъ прослѣдовать въ храмъ Христа Спасителя, гдѣ былъ встрѣченъ при входѣ высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, съ духовенствомъ, со крестомъ и святой водой. По встрѣчѣ Высочайшихъ особъ изъ храма Христа Спасителя вы-

ступилъ крестный ходъ чрезъ южныя двери къ памятнику императору Александру III. Съ ближайшихъ церквей раздался колокольный звонъ; войска по командѣ отдали установленную честь; хоры музыки исполнили «Коль славы». При приближеніи Ихъ Величествъ къ мѣсту предъ памятникомъ, приготовленному для богослуженія, сюда прибыла Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ его императорскимъ высочествомъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, бывшимъ въ формѣ стрѣлковъ императорской фамилии. Сюда же собрались и прочіе члены царствующаго дома. За августѣйшими особами слѣдовали придворныя дамы, придворныя чины и кавалеры, особы свиты Его Императорскаго Величества и ихъ императорскихъ высочествъ и собравшіяся въ храмѣ особы. У помоста Ихъ Величества были встрѣчены комитетомъ по сооруженію памятника съ августѣйшимъ предсѣдателемъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Государыни Императрицы, великія княгини и княжны вошли въ особо устроенную царскую палатку, украшенную короной и государственными гербами. Государь императоръ и великіе князья и другія особы императорской фамилии изволили занять мѣста впереди палатки. Съ лѣвой стороны палатки размѣстились придворныя дамы; далѣе ихъ—первыя и вторыя чины двора и придворныя кавалеры. Слѣва отъ памятника стали лица государевой свиты. На правой сторонѣ отъ монумента размѣстились: предсѣдатель и члены совѣта министровъ, особы второго класса, предсѣдатель государственнаго совѣта и предсѣдатель государственной думы и главноуправляющіе. По вступленіи крестнаго хода на помость началось благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, которое было совершено высокопреосвященнымъ Владимиромъ соборнѣ съ архіепископомъ Алексіемъ, всѣми епископами и духовенствомъ, участвовавшимъ въ крестномъ ходѣ. Пѣлъ синодальный хоръ, бывший въ свѣтлыхъ парадныхъ кафтаняхъ. Какъ только началось молебствіе войскамъ, было скомандовано «на молитву». При чтеніи особо положенной молитвы Ихъ Величества и всѣ августѣйшія особы, а также всѣ собравшіяся на торжество у памятника опускались на колѣна. Въ концѣ молебствія по воспѣтіи многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и всему царствующему дому, протоіакопъ К. В. Розовъ возгласилъ «вѣчную память» въ Бозѣ почившему императору Александру III. Государь Императоръ, Государыни Императрицы, наслѣдникъ цесаревичъ и всѣ августѣйшія особы преклонили колѣна; всѣ присутствовавшіе послѣдовали высочайшему примѣру. По возгласеніи вѣчной памяти императору Александру III всѣ войска по личной командѣ Его Императорскаго Величества отдали честь. Сейчасъ же раздалась орудейная салютационная пальба; всего было произведено 360 выстрѣловъ. Хоры музыки исполняли Преображенскій маршъ. Одновременно матросы стали снимать покрывало съ монумента, что имъ не сразу удалось. Взоры всѣхъ были устремлены на памятникъ; на помощь матросамъ пришли офицеры и покрывало было сдернуто послѣ большихъ усилій. Открытіе памятника было привѣтствовано долго не смолкавшимъ восторженнымъ «ура». Предъ взорами открылся величественный монументъ, изображающій Царя-Миротворца воссѣдающимъ на тронѣ въ порфирѣ и коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ. Порфира спускается справа однимъ концомъ на пьедесталь, исполнен-

ный изъ краснаго гранита. На пьедесталѣ надпись: «Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю Нашему Императору Александру Александровичу всея Россіи. 1881—1894». Гранитный пьедесталь возвышается на такомъ же массивномъ постаментѣ, по угламъ котораго помѣщены выдающіеся по своимъ размѣрамъ и исполненію бронзовые двуглавые орлы съ распростертыми крыльями; постаментъ имѣетъ три ступени. Украшеніемъ пьедестала служатъ гербы, прекрасно исполненные. У памятника съ южной стороны устроена гранитная баллюстрада и лѣстница, спускающаяся на набережную. Массивные фонари украшаютъ площадку. Около памятника разбитъ уже цвѣтникъ съ клумбами. Съ боковыхъ сторонъ устроена невысокая стѣнка изъ сѣраго гранита, отдѣляющая монументальную площадку отъ общаго соборнаго сквера. Высокопреосвященный Владимиръ окропилъ памятникъ святой водой, обойдя его по постаменту кругомъ; за митрополитомъ слѣдовалъ Государь Императоръ. По возглашеніи многолѣтня всероссійскому воинству и всѣмъ вѣрноподаннымъ митрополитъ, осѣнивъ крестомъ войска и всѣхъ присутствующихъ, возвратился съ духовенствомъ въ храмъ Христа Спасителя. Его Императорское Величество спустился по лѣстницѣ на набережную, гдѣ къ этому времени войска перестроились къ церемониальному маршу. Послѣ церемониальнаго марша Государь Императоръ снова поднялся къ памятнику. Его Величество удостоилъ академика Опекушина милостивой бесѣдой о памятникѣ. Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, наслѣднику цесаревичу и прочимъ августѣйшимъ особамъ были поднесены выбитыя по случаю открытія и освященія памятника медали. У памятника съ лѣвой стороны выстроился весь составъ комитета по его сооруженію съ августѣйшимъ предсѣдателемъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ во главѣ; сюда же приблизились городской голова, члены управы и гласные городской думы. Государь Императоръ изволилъ приблизиться къ этому мѣсту у памятника; за Его Величествомъ подошли Государыни Императрицы, наслѣдникъ цесаревичъ и августѣйшія особы. Товарищъ августѣйнаго предсѣдателя комитета по сооруженію памятника гофмейстеръ А. Г. Булыгинъ прочиталъ текстъ акта о передачѣ памятника въ вѣдѣніе городского управленія, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Государь Императоръ 2-го марта сего года Высочайше повелѣтъ соизволилъ сооруженный въ гор. Москвѣ памятникъ въ Бозѣ почившему императору Александру III передать въ завѣдываніе московскаго городского управленія. Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія нынѣ, въ день торжественнаго освященія памятника, созданнаго на всенародныя обильныя пожертвованія, стекавшіяся со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, и въ присутствіи Его Императорскаго Величества, комитетъ по сооруженію памятника передаетъ его гор. Москвѣ. Въ удостовѣреніе сего составленъ настоящий актъ, для вѣчнаго храненія при дѣлахъ московскаго городского управленія, на которое отнынѣ Монаршею милостію возложена забота объ этомъ драгоцѣнномъ народномъ достояніи. Предсѣдатель комитета Михаилъ. Члены комитета: Дмитрій Арсеньевъ, Алексѣй Воронцовъ-Вельяминовъ, Иванъ Рербергъ, Александръ Булыгинъ, Владимиръ Истоминъ, Александръ Адриановъ, Владимиръ Джунковскій, Александръ Самаринъ, Николай Гучковъ, Степанъ Протопоповъ». Чтеніе акта было покрыто

кликами «ура». Актъ начертанъ на пергаментѣ, украшенномъ художественнымъ орнаментомъ. Великій князь поднесъ пергаментъ Государю Императору, и Его Величество изволилъ вручить его городскому головѣ Н. И. Гучкову. Городской голова обратился къ Его Величеству со слѣдующими словами: «Ваше Императорское Величество! Городъ Москва—сердце Россіи—съ чувствомъ глубочайшей признательности пріемлетъ изъ драгоценныхъ рукъ Вашего Императорскаго Величества сооруженный русскимъ народомъ памятникъ своему великому Царю-Миротворцу. Ваше Императорское Величество и русскій народъ могутъ быть вполне увѣрены въ томъ, что этотъ памятникъ—это драгоценное народное достояніе—будетъ храниться въ вѣрныхъ надежныхъ рукахъ». Гласные городской думы покрыли слова городского головы кликами «ура». Актъ заключенъ въ изящный ларецъ. Августѣйшій предсѣдатель комитета великій князь Михаилъ Александровичъ поднесъ букеты государынямъ императрицамъ отъ комитета по сооруженію памятника. Въ началѣ перваго часа дня Ихъ Императорскія Величества и ихъ высочества, послѣ осмотра памятника, отбыли съ торжества въ Кремль. По всему пути народъ восторженно привѣтствовалъ высочайшихъ особъ. Какъ только отбыли высочайшія особы, со всѣхъ сторонъ присутствовавшіе на торжествѣ устремились ближе къ памятнику для его обозрѣнія. Съ разныхъ сторонъ можно было слышать похвалы новому величественному монументу, украсившему Москву. На сооруженіе его повсемѣстная подписка дала съ паросими процентами 2.338,586 руб. По отбытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ съ мѣста торжества началось возложеніе вѣнковъ къ подножію памятника. Красиво продефилировали около памятника свыше 80 депутацій.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ. Годовое общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ состоялось 26-го мая. Рассмотрѣны отчеты кассы за 1911 г. и докладъ ревизіонной комиссіи. Отчетъ отмѣчаетъ одну изъ характерныхъ чертъ въ дѣятельности кассы—это абсентеизмъ членовъ на общихъ собраніяхъ, сдѣлавшійся обычнымъ явленіемъ за послѣдніе годы, и увеличеніе недоимочности членовъ кассы. Всѣ общія собранія, за исключеніемъ одного, въ 1911 г. созывались каждый разъ вторично. Печальнымъ явленіемъ, тормозящимъ нормальный ростъ и развитіе кассы, является поражающая по своимъ размѣрамъ недоимочность членовъ центральнаго отдѣленія и выражающаяся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ рублей, тогда какъ недоимки провинціальныхъ отдѣленій кассы едва достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ рублей. Единственныя причины накопленія недоимокъ это—полное забвеніе со стороны членовъ своихъ обязанностей, небрежность и слабое сознаніе долга, полное отсутствіе сознанія своей профессиональной солидарности. Поэтому въ отчетномъ году за невзпосъ въ установленные сроки платежей отчислено отъ кассы 11 членовъ основной группы и 6—параллельной; кромѣ того, 37 наиболѣе упорнымъ недоимщикамъ послано предупрежденіе. Въ отчетномъ году пенсіями пользовались 18 лицъ, которымъ было выдано 6.315 руб., ссудою въ 28 р. 36 коп. воспользовалось одно лицо; отъ обязательныхъ платежей были освобождены 13 членовъ на сумму 562 р. 40 к. Въ основной группѣ состояли членами 469 лицъ и въ параллельной—385. Отчетный годъ для основной группы былъ довольно тяжелымъ: эта группа дала 15 случаевъ смерти или инвалидности. Такое накопленіе платежей

повлекло за собою нѣкоторую неисправность въ поступленіи обязательныхъ взносовъ въ возмѣщеніе произведенныхъ кассою порозрядныхъ выдачъ. Касса не довыручила по расходному капиталу основной группы около 3,000 рублей. Общій итогъ недоимокъ по балансу составляетъ 28,297 руб. 27 к. Балансъ кассы 291, 371 р. 60¹/₄ коп. Въ члены правленія взаменъ выбывшихъ по очереди избраны кандидаты А. А. Исаевъ, Н. В. Насоновъ и И. В. Скворцовъ. По окончаніи годового собранія состоялось чрезвычайное, на которомъ были рассмотрѣны доклады правленія по вопросу о недоимкахъ и о старшемъ предѣльномъ возрастѣ для вступленія въ кассу. Въ виду важности вопроса о недоимкахъ собраніе постановило этотъ вопросъ пока оставить открытымъ и поручило правленію избрать для рѣшенія его комиссію. Что касается предѣльнаго возраста, то признавъ таковымъ сорокапятилѣтній включительно, при чемъ ограниченіе это не распространяется на лицъ, хотя бы и старше 45 лѣтъ, по которымъ желаютъ участвовать въ кассѣ исключительно изъ сочувствія къ ея общественнымъ задачамъ, отказавшись отъ доставляемыхъ ею матеріальныхъ выгодъ; для перехода изъ одной группы въ другую установленъ предѣльный возрастъ въ 55 лѣтъ. Кроме того, рѣшено ассигновать на 1912 г. 1,000 р. для освобожденія отъ обязательныхъ платежей. Въ числѣ текущихъ дѣлъ былъ заслушанъ докладъ Э. К. Пекарскаго о дѣятельности его совмѣстно съ г-жой Чебышевою-Дмитріевою въ качествѣ уполномоченныхъ отъ кассы въ совѣтѣ по управленію домомъ писателей имени Голубева и о нежеланіи ихъ обоимъ оставаться долѣе въ этомъ совѣтѣ. Главный мотивъ отказа, по заявленію обоимъ уполномоченныхъ, разногласіе между другими членами совѣта, являющимися представителями отъ литературнаго фонда, и сведеніе дѣятельности совѣта къ нулю. Правленіемъ кассы докладъ г. Пекарскаго предварительно былъ рассмотрѣнъ и правленіе дало общему собранію свое заключеніе, въ которомъ оно одобрило и находило правильной дѣятельность г. Пекарскаго и Чебышевой-Дмитріевой, какъ представителей кассы въ совѣтѣ по управленію домомъ писателей, причемъ признало дѣйствіе литературнаго фонда, избравшаго въ майскомъ собраніи особую комиссію для разслѣдованія инцидента по поводу увольненія экономки, неправильными, такъ какъ на повѣсткѣ фонда не было поставлено вопроса о выборѣ комиссіи. Выслушавъ докладъ г. Пекарскаго и заключеніе правленія, общее собраніе кассы приняло то и другое къ свѣдѣнію.

Открытіе музея антропологии и этнографіи. 20-го мая состоялось торжественное открытіе новаго помѣщенія музея антропологии и этнографіи имени Петра Великаго при академіи наукъ и освященіе образованнаго при музеѣ памятнаго Петровскаго отдѣла. На открытіи присутствовали представители министерства народнаго просвѣщенія, академіи наукъ, Эрмитажа, Русскаго музея Александра III и др. Среди присутствовавшихъ были: товарищъ министра народнаго просвѣщенія В. Т. Шевяковъ, вице-президентъ академіи наукъ П. В. Никитинъ, директоръ музея антропологии и этнографіи В. В. Радловъ, хранитель памятнаго отдѣла Петра Великаго Э. К. Пекарскій, директоръ Эрмитажа Д. И. Толстой, хранители этнографическаго отдѣла Русскаго музея Александра III Н. М. Могиланскій и А. А. Миллеръ, начальникъ юридической академіи генералъ М. М. Бородинъ, профессоръ Браунъ, секретарь русскаго географіи-

ческаго общества А. А. Достоевскій, В. А. Рышковъ и др. Памятный отдѣлъ Петра Великаго образованъ изъ переданныхъ въ музей коллекцій, хранившихся въ Петровской галереѣ Эрмитажа. Памятный отдѣлъ находится въ третьемъ этажѣ музея антропологии и этнографіи, выстроенномъ на средства, пожертвованныя инженеромъ Ф. Ю. Шотлендеромъ. Кромѣ памятнаго отдѣла, въ новомъ третьемъ этажѣ размѣщены археологическія коллекціи и отдѣлы центральной и южной Африки. Передъ открытіемъ памятнаго отдѣла реставрированы цѣныя историческія памятники: одежда на бюстѣ Петра Великаго, модели памятниковъ Полтавской побѣды изъ слоновой кости, комната Петра Великаго, гравюры на шелку и т. д. Хранителемъ памятнаго отдѣла Э. К. Пекарскимъ приведена въ порядокъ бібліотека Петра. При памятномъ отдѣлѣ недавно началъ функционировать попечительный совѣтъ, въ составъ котораго входятъ: предсѣдатель В. В. Радловъ, князь А. Г. Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій, Ф. Ю. Шотлендеръ, баронъ Ф. В. Мейендорфъ, В. В. Святловскій, докторъ Германъ Мейеръ, Г. Г. Леманъ и Л. Я. Штернбергъ. Музей антропологии и этнографіи ведетъ свое начало отъ кунсткамеры, основанной въ 1714 г. Въ 1837 г. изъ кунсткамеры были выдѣлены этнографическіе и антропологическіе предметы и образованы музей этнографіи и анатомическій кабинетъ. Въ 1879 г. оба музея были соединены въ музей антропологии и этнографіи. Въ 1902 г., по случаю 200-лѣтія Петербурга, музей получилъ названіе имени Петра Великаго

Актъ въ императорскомъ петербургскомъ археологическомъ институтѣ состоялся 14 мая, въ присутствіи товарища министра народнаго просвѣщенія В. Т. Шевакова, директора института Н. В. Покровскаго, профессора П. И. Весселовскаго и другихъ лицъ. Директоромъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности института за 1911 г. Въ составъ института въ почетные члены избранъ въ отчетномъ году академикъ М. П. Ваткинъ. Скопчалось 5 почетныхъ членовъ. Къ концу года число почетныхъ членовъ достигло 70, дѣйствительныхъ членовъ—518, членовъ-сотрудниковъ—513. Число слушателей къ началу отчетнаго года равнялось—90 и вольнослушателей—181. Принято осенью 1911 г. дѣйствительныхъ слушателей—98 и вольнослушателей—157. Всего на обоихъ курсахъ къ концу отчетнаго года состояло 526 лицъ. Издательская дѣятельность института заключалась въ выпускѣ XXI-го тома «Вѣстника археологии и исторіи», содержаніемъ котораго служили изслѣдованія и матеріалы, относящіеся къ археологии и исторіи Новгорода. Томъ этотъ посвященъ XV археологическому съѣзду, состоявшемуся въ Новгородѣ. По окончаніи экзаменовъ институтомъ организована была поѣздка въ Новгородъ. Въ теченіе отчетнаго года состоялся также рядъ общихъ собраній профессоровъ, членовъ и слушателей института, гдѣ читались и обсуждались доклады по различнымъ археологическимъ вопросамъ, сопровождавшіеся преніями. Приходъ суммъ института въ теченіе отчетнаго года составлялъ 30,912 р. 76 к., расходъ—24,872 р. 61 к. На 1 января институтъ владѣлъ капиталомъ 31,170 р. 36 к. Въ іюль—августъ 1911 г. институтъ принималъ участіе въ работахъ XV всероссійскаго археологическаго съѣзда въ Новгородѣ. Библіотека института увеличилась 101 названіемъ въ 387 томахъ. Къ концу отчетнаго года институтъ владѣлъ 6,918 названіями въ 180,004 томахъ. Затѣмъ директоромъ института оглашены были результаты экзаменаціонныхъ испытаній текущаго года. Окончили съ званіемъ дѣйстви-

тельного члена 24 слушателя, съ званіемъ сотрудниковъ—10 лицъ, въ томъ числѣ два члена Государственной Думы. Профессоръ П. М. Каринскій прочелъ затѣмъ рѣчь о псковской письменности XV вѣка.

Археологическій институтъ въ Москвѣ. 28-го мая въ археологическомъ институтѣ состоялось торжественное засѣданіе, на которомъ происходило чествованіе княгини М. К. Тенишевой, пожертвовавшей институту музей древностей російскихъ въ Смоленскѣ. На засѣданіи предсѣдательствовали почетный попечитель института великій князь Александръ Михайловичъ. Здѣсь находился сынъ великаго князя князь Андрей Александровичъ. Засѣданію предшествовало молебствіе, совершенное высокопреосвященнымъ Владимиромъ, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ. Среди присутствовавшихъ находились оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода В. К. Саблеръ, министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ и другія почетныя лица. По открытіи засѣданія директоръ института А. И. Успенскій привѣтствовалъ великаго князя Александра Михайловича рѣчью. Присутствовавшіе прочли «Боже, царя храни!» Затѣмъ А. И. Успенскій обратился съ рѣчью къ княгинѣ М. К. Тенишевой, въ которой выразилъ благодарность за щедрое пожертвованіе институту. Послѣ рѣчи г. Успенскаго великій князь Александръ Михайловичъ поднесъ княгинѣ М. К. Тенишевой золотую медаль, выбитую въ честь ея. Затѣмъ привѣтствовали княгиню управляющій архивомъ министерства юстиціи Д. В. Цвѣтаевъ, приватъ-доцентъ археологическаго института Г. Р. Тельбергъ, городской голова Н. И. Тучковъ, профессоръ томскаго университета В. Я. Новомбергскій и другіе. Получены были привѣтственныя телеграммы и среди нихъ отъ предсѣдателя совѣта министровъ В. Н. Коковцова и министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо. Закончилось засѣданіе рѣчью члена военнаго совѣта генерала-отъ-инфантерій В. Р. Глазова. Въ помѣщеніи института были выставлены пожертвованныя княгиней М. К. Тенишевой замѣчательныя въ историческомъ отношеніи эмалевыя двери.

Полувѣковой юбилей Н. И. Гродекова. Въ среду 13-го іюня исполнилось пятидесятилѣтіе дѣятельности въ офицерскихъ чинахъ члена гос. совѣта ген.-отъ-инф. Николая Ивановича Гродекова, извѣстнаго не только своей боевой дѣятельностью, какъ сподвижникъ М. Д. Скобелева, но также административной и литературной. Во время хивинскаго похода 1873 г. онъ былъ начальникомъ Мангишлякскаго отряда и за боевыя заслуги получилъ золотое оружіе. Когда по окончаніи русско-турецкой войны 1877—78 гг. затянулись переговоры на Берлинскомъ конгрессѣ и Англія угрожала намъ войной, выставивъ свои войска на границѣ Индіи, въ Туркестанскомъ краѣ былъ предпринятъ походъ къ Джаму, на границѣ Бухарскаго ханства. Руководителемъ похода былъ г.-ад. М. Д. Скобелевъ, юбиляръ состоялъ начальникомъ его полевого штаба. По окончаніи демонстраціи Н. И. предпринялъ рискованную поѣздку верхомъ на лошади для изслѣдованія невѣдомыхъ русскимъ странъ черезъ сѣверный Афганистанъ и сѣверо-восточную Персію. Изъ Самарканда до Асхабада онъ сдѣлалъ около 2,000 верстъ. Въ 1880 г. хищническія орды туркменъ напали на наши границы и вызвали извѣстную ахаль-текинскую экспедицію М. Д. Скобелева. Ген. Гродековъ былъ начальникомъ скобелевскаго штаба. Онъ не только отличился по изысканію провіанта для отряда, доставивъ его въ критическую минуту изъ

Персін, но и выдающагося храбростію и мужествомъ при осадѣ и взятіи укрѣпленія Геокъ-Тепе, за что награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Административная дѣятельность юбиляра была сосредоточена въ первое время въ Туркестанскомъ краѣ. Будучи военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Сыръ-Дарьинской области съ 1883 г. въ теченіе десяти лѣтъ, онъ особенно заботливо отнесся къ развитію народнаго благосостоянія и къ образованію мѣстнаго населенія. Лучшимъ памятникомъ его туркестанской дѣятельности являются русскія поселенія. Имъ образовано около 50 селеній съ 18,000 населенія, всѣ они прекрасно устроены и обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Въ 1901 году ему пришлось принять участіе въ подавленіи боксерскаго возстанія въ Китаѣ. Эта его послѣдняя боевая дѣятельность отмѣчена золотой, бриллиантами украшенной шапкой съ надписью: «За побѣду въ Сѣверной Манчжуріи», и производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1902 г. Н. И. былъ назначенъ членомъ гос. совѣта, одновременно съ 1905 г. былъ постояннымъ членомъ совѣта государственной обороны, съ 1906 г. былъ командующимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ съ правами главнокомандующаго и съ 1906 г. по 1908 г. — туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Литературная дѣятельность юбиляра выразилась въ цѣломъ рядѣ военно-историческихъ трудовъ: «Хивинскій походъ», «Черезъ Афганистанъ» (переведенъ на англійскій, французскій и нѣмецкій языки), «Война въ Туркменіи» и др., а также во множествѣ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Новомъ Времени» и др. изданіяхъ. Генералу Гродекову въ настоящее время 68 лѣтъ, онъ получилъ образованіе въ Константиновскомъ военномъ училищѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Чествованіе А. Г. Небольсина. 20-го мая состоялось торжественное засѣданіе русскаго техническаго общества, посвященное чествованію А. Г. Небольсина по случаю исполнившагося 25-лѣтія его предсѣдательства въ комиссіи по техническому и профессиональному образованію при русскомъ техническомъ обществѣ. Юбилей этотъ совпадаетъ съ 40-лѣтіемъ государственной службы А. Г. Къ часу дня въ большомъ залѣ Солянаго Городка собрались представители различныхъ просвѣтительныхъ учреждений министерства народнаго просвѣщенія, министерства торговли и промышленности, гласные городской думы, учащіе и учащіяся школъ технического общества и др. Залъ былъ красиво декорированъ матеріей и украшенъ зеленью. Присутствовали В. И. Тимирязевъ, сенаторъ С. В. Ивановъ, попечитель спб. учебнаго округа графъ А. А. Мушинъ-Пушкинъ, бывший городской голова Н. А. Рѣзцовъ, проф. Ѳ. Д. Ватюшковъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, бывший попечитель рижскаго учебнаго округа Д. М. Левшинъ, Э. Л. Нобель и др. Предсѣдатель русскаго технического общества В. И. Ковалевскій произнесъ рѣчь, въ которой подробно охарактеризовалъ дѣятельность А. Г. Небольсина въ качествѣ долготѣняго предсѣдателя комиссіи по техническому образованію. Онъ указалъ, что вся дѣятельность юбиляра отмѣчена стойкимъ и послѣдовательнымъ служеніемъ общественнымъ идеаламъ и работой на пользу широкихъ слоевъ населенія. В. И. Ковалевскій сообщилъ, что русское техническое общество постановило въ ознаменованіе долготѣней и неустанной работы А. Г. Небольсина въ обществѣ присудить

ему почетную медаль и назвать его именемъ одно изъ учебныхъ заведеній, находящееся въ вѣдѣніи общества. Затѣмъ юбиляра привѣтствовали делегаты отъ постоянной комиссіи по техническому образованію при русскомъ техническомъ обществѣ, общества народныхъ университетовъ, литературнаго общества, общества охраненія народнаго здравія, вольнаго экономическаго общества, городской комиссіи по народному образованію, спб. общества грамотности, отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, многочисленныхъ профессиональныхъ школъ русскаго техническаго общества, общества распространенія коммерческихъ знаній, общества морской, военной и сельской техники, провинціальныхъ отдѣленій техническаго общества и др. Въ адресахъ, прочитанныхъ депутаціями, указывается на постоянную отзывчивость юбиляра къ нуждамъ просвѣщенія, на его неустанныя заботы о развитіи профессиональнаго и техническаго образованія и т. д. Членъ гос. совѣта С. П. Глезмеръ, привѣтствовавшій А. Г. Небольсина отъ общества фабрикантовъ и заводчиковъ, сообщилъ, что общество въ ознаменованіе юбилея А. Г. собрало 14,565 руб. на расширеніе школьной дачи, учрежденной техническимъ обществомъ, и на устройство при этой дачѣ пріюта. Въ ознаменованіе юбилея А. Г. Небольсина многія школы техническаго общества постановили учредить стипендіи имени юбиляра и вывѣсить въ своихъ помѣщеніяхъ его портретъ. На собраніи были оглашены многочисленныя привѣтственныя телеграммы, въ томъ числѣ отъ предѣдателя совѣта министровъ А. Н. Кокцова, министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, министра народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, графа С. Ю. Витте, А. О. Кони и др. Телеграфныя привѣтствія получены также отъ многочисленныхъ просвѣдительныхъ и литературныхъ учреждений, въ томъ числѣ отъ общества вспоможенія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, литературнаго фонда и др.

Чествованіе Х. Д. Алчевской въ Харьковѣ. Въ воскресенье 20-го мая состоялось публичное торжественное чествованіе Х. Д. Алчевской по случаю 50-лѣтія ея педагогической и просвѣдительной дѣятельности. Собраніе было устроено въ актовомъ залѣ университета. Предѣдательница распорядительнаго комитета по организациі юбилейнаго чествованія М. П. Конева доложила собранію, что университетъ въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея постановилъ организовать попечительство при харьковской частной воскресной женской школѣ для заведыванія матеріальной стороною дѣла, о чемъ давно мечтала юбилярша. Кромѣ того, организованъ фондъ имени Х. Д. Алчевской, проценты съ котораго предназначены для болѣе нуждающихся воскресной школы. Юбиляршѣ поднесъ рядъ привѣтствій и адресовъ. Первымъ привѣтствовалъ ее заступающій мѣсто харьковскаго городского головы В. И. Кравцовъ. Онъ отмѣтилъ громадную пользу, которую принесла Алчевская родному городу, давъ ему 15 тысячъ взрослыхъ грамотныхъ женщинъ. Городекая дума постановила увѣковѣчить имя ея стипендіей ея имени въ гимназій, постановкой портретовъ въ городскихъ школахъ и открытіемъ 4-классной женской школы имени Алчевской. Потомъ были прочитаны адреса отъ харьковскаго университета, отъ общественной бібліотеки, отъ общества трудящихся женщинъ, отъ московскаго общества грамотности, отъ московской комиссіи воскресныхъ школъ, отъ первой московской

школы имени Пѣвѣтковой и еще цѣлаго ряда общественныхъ предпріятій и учреждений. Юбиларша по окончаніи чествованія обратилась къ собранію съ рѣчью, въ которой отмѣтила, что чувствуетъ большое нравственное удовлетвореніе, видя труды своихъ рукъ, плодъ долголѣтнихъ усилій, и особенно благодарила крестьянъ, которые за сотню верстъ явились сказать ей свое ласковое слово.

Новыя пріобрѣтенія музея изящныхъ искусствъ. Музей изящныхъ искусствъ имени Александра III получилъ почти наканунѣ своего торжественнаго открытія новое пожертвованіе, значительно украсившее его великолѣпныя коллекціи по эпохѣ Возрожденія. В. В. Якушиковъ принесъ музею въ даръ пять работъ художника Н. Н. Лохова, посвятившаго много лѣтъ упорнаго и любовнаго труда на постиженіе тайнъ техники старинныхъ мастеровъ живописи и затѣмъ приступившаго къ воспроизведенію ея величайшихъ образцовъ. Въ музей поступили воспроизведенія «Благовѣщенія» Фра Анжелико, «Паллады» Боттичелли, «Фарината дельи Уберти» Андреа Кастанья, «Аллегоріи» («Sacra Conversazione») Джіованни Беллини и портрета папы Юлія II Рафаэля Санціо. Н. Н. Лоховъ воспроизвелъ оригиналы, не дѣлая всегда болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ ихъ реставрировать, стереть съ нихъ печать времени; не скрывъ слѣдовъ разрушенія, художникъ передалъ благородную патицу, прелесть которой неотдѣлима для насъ отъ художественнаго обаянія этихъ совершенныхъ произведеній искусства. Теперь, поднимаясь по лѣстницѣ дворика христіанскаго искусства, посѣтитель музея видитъ наверху на площадкѣ, отдѣланной, какъ и весь дворикъ, съ изящнымъ богатствомъ ренессанса, фреску Фра-Анжелико. До иллюзии точно передашь видъ живописи на камнѣ, кое-гдѣ въ поврежденныхъ временахъ мѣстахъ протлывающемъ сквозь краску. Рядомъ справа «Паллада» Боттичелли; эта знаменитая картина мало доступна даже для лицъ, посѣщающихъ Флоренцію, такъ какъ хранится въ королевскихъ апартаментахъ дворца Питти, а не въ музеѣ. Въ противоположномъ концѣ площадки-галереи дворика—портретъ Фарината дельи Уберти, копія хранящагося въ флорентинскомъ музеѣ Кастанья (иначе «Сенасою С.-Арролюціо») оригинала, на которомъ великій художникъ сохранилъ потомству суровыя черты «освободителя Флоренціи», извѣстнаго всему образованному міру по разсказу Данте въ X пѣснѣ «Ада». Эти три произведенія, очень крупныя по размѣрамъ, и въ будущемъ, вѣроятно, останутся на отведенныхъ для нихъ теперь мѣстахъ. Вопросъ о помѣщеніи копій аллегорической картины Беллини и «Юлія II» Рафаэля еще нерѣшенъ. Музей уже обладаетъ воспроизведеніями античной живописи работы Е. Н. Самаринной, копіями фресокъ древне-христіанской эпохи Ф. Н. Реймана и копіями бар. Маудонъ съ фресокъ Андреа-дель-Сарто. Поступленіе работъ Н. Н. Лохова открываетъ вопросъ о составленіи такихъ же систематическихъ коллекцій воспроизведеній лучшихъ образцовъ живописи, какія уже составлены по скульптурѣ и архитектурѣ. Музей обладаетъ и многими цѣнными оригиналами старыхъ итальянцевъ; недавно получилъ драгоцѣнное собраніе рисунковъ. Но едва ли можно рассчитывать на возможность создать систематическія, отвѣчающія назначенію музея коллекціи путемъ случайныхъ пожертвованій оригиналовъ. Поэтому въ ряду очередныхъ задачъ музея на одно изъ главныхъ мѣстъ выдвигается эта непредусмотрѣнная первоначальнымъ планомъ задача.

Конкурсъ на преміи имени С. Я. Надсона. Московское общество дѣятелей періодической печати и литературы объявило конкурсъ лирическихъ стихотвореній на русскомъ языкѣ на соисканіе преміи имени С. Я. Надсона, пожертвованной А. К. Энгельмайеромъ. Цѣль конкурса оказать поддержку начинающимъ авторамъ. Вопросъ о томъ, является ли данный авторъ начинающимъ, разрѣшается жюри конкурса. За лучшія стихотворенія будутъ присуждены пять премій: одна въ 100 руб. и 4 по 50 руб. Кроме того, будутъ присуждаться одобрительные отзывы. На конкурсъ принимаются лишь оригинальныя (не переводныя и не заимствованныя) произведенія, нигдѣ раньше не напечатанныя и не опубликованныя. Стихотворенія, представленныя на конкурсъ, должны заключать въ общей сложности не болѣе 200 стиховъ (строкъ). Срокъ представленія стихотвореній истекаетъ 1-го ноября 1912 г. Результаты конкурса будутъ опубликованы не позже 1-го февраля 1913 года. Стихотворенія должны быть доставлены по адресу канцелярии общества (Москва, литературно-художественный кружокъ, Б. Дмитровка, д. Вострякова).

Конкурсъ на премію имени митрополита Макарія. Учебнымъ комитетомъ при св. синодѣ открытъ XVI конкурсъ для соисканія премій имени покойнаго московскаго митрополита Макарія. Полныя преміи опредѣлены въ 1,000 руб. каждая, а неполныя—въ 500 руб. Къ соисканію премій допускаются: 1) сочиненія ученыхъ по всѣмъ отраслямъ богословскихъ наукъ и знаній, способствующія возвышенію и усиленію богословской учености въ духовенствѣ и распространенію основательныхъ познаній о предметахъ вѣры и духовныхъ наукъ въ отечествѣ; 2) сочиненія учебныя системы наукъ, учебники, руководства и пособія по предметамъ не только богословскаго, но и общаго образованія, преподаваемымъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, написанныя съ цѣлью содѣйствовать возвышенію и успѣхамъ просвѣщенія въ сихъ заведеніяхъ, и, наконецъ 3), сочиненія популярныя, духовно-назидательнаго содержанія, соединяющія съ общедоступностью изложенія основательность и силу убѣжденія и имѣющія своею задачею способствовать религіозному воспитанію русскаго общества и народа ближайшимъ ознакомленіемъ ихъ съ ученіемъ вѣры и православіемъ отечественной церкви.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЬМЕДИНГЕНЬ, А. Н. 9-го мая скончался директор высших торговс-промышленных курсовъ, инженеръ-технологъ Александръ Николаевичъ Альмедингенъ. Покойный пользовался извѣстностью въ научно-популярной литературѣ, какъ авторъ множества работъ по химіи и сельскохозяйственной технологии. Ему принадлежатъ: «Руководство къ техно-химическому анализу по новѣйшимъ даннымъ», «Руководство къ приготовленію искусственныхъ минеральныхъ водъ, лимонадовъ и фрукто-ягодныхъ шипучихъ напитковъ», «Руководство для приготовленія горькихъ водокъ, ликеровъ и наливокъ домашнимъ способомъ», справочная книга «Спутникъ химика» и рядъ другихъ работъ. Въ 1887 году покойный предпринялъ изданіе журнала «Русскій Винодѣль», посвященнаго вопросамъ виноградарства и винодѣлія, но по недостатку средствъ долженъ былъ черезъ два года прекратить это изданіе. Въ 90-хъ годахъ онъ выступилъ противъ фальсификаціи натурального вина. Нѣсколько его статей по вопросамъ винодѣлія было напечатано въ «Новомъ Времени», другія вышли отдѣльными брошюрами: «О натуральномъ винѣ и его поддѣлкѣ», «Что можно дѣлать съ винограднымъ сусломъ и виномъ, чего нельзя» и другія. Сельскохозяйственная технология была излюбленной областью для работъ покойнаго. Наибольшую же часть своей дѣятельности онъ посвятилъ преподаванію химіи и товаровѣдѣнія. Онъ преподавалъ товаровѣдѣніе въ Ксеніинскомъ институтѣ и руководилъ имъ же основанной практической химической школой. Умеръ онъ пятидесяти четырехъ лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», № 12991).

† **Высоновичъ, В. В., профессоръ.** Вслѣдъ за тревожными извѣстіями о серьезной болѣзни популярнѣйшаго кievскаго профессора В. В. Высоновича

телеграфъ приноситъ печальную вѣсть объ его смерти. Уроженецъ юга Россіи, профессоръ Высоковичъ родился въ 1854 году и началъ свою ученую дѣятельность въ Харьковѣ, гдѣ онъ окончилъ университетъ, и гдѣ имъ основанъ хорошо извѣстный своею обширною дѣятельностью бактеріологическій институтъ при харьковскомъ медицинскомъ обществѣ. Институтъ этотъ, обслуживающій своими продуктами (вакцинами, сыворотками и т. п.) многія земства, существуетъ и въ настоящее время, руководимый бывшими учениками профессора Высоковича—профессоромъ Коршуномъ и докторомъ Недригайловымъ. Въ началѣ своей научной карьеры профессоръ Высоковичъ занимался за границей и здѣсь написалъ одну изъ самыхъ крупныхъ и интересныхъ своихъ работъ— «О судьбѣ впрыснутыхъ въ кровь микроорганизмовъ». Большой научный интересъ представляетъ и другая его работа, относящаяся къ этому времени, — «Къ патологической гистологіи золотухи». Въ Кіевѣ профессоръ Высоковичъ занялъ кафедру патологической анатоміи на медицинскомъ факультетѣ. Здѣсь покойнымъ профессоромъ былъ опубликованъ цѣлый рядъ научныхъ работъ и статей по патологической анатоміи и основанъ патолого-анатомическій институтъ. Въ 1897 году профессоръ Высоковичъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ чумы профессоромъ Д. К. Заболотнымъ, былъ командированъ во главѣ русской экспедиціи для изученія чумы въ Индію. Въ результатѣ этой командировки явилось нѣсколько работъ въ области патологической анатоміи и бактеріологіи чумы. Послѣ этой командировки, оказавшейся чрезвычайно удачною и продуктивною въ научномъ отношеніи, профессоръ Высоковичъ неоднократно получалъ командировки для борьбы съ эпидеміями внутри Россіи. Такъ, въ 1902 году онъ былъ командированъ для борьбы съ чумой въ Одессу, нѣсколько ранѣе былъ командированъ въ Поволжье и принималъ самое живое участіе въ изученіи вопросовъ эпидеміологіи и патологической анатоміи холеры и туберкулеза. Въ 1910 году профессоръ Высоковичъ снова былъ призванъ въ Одессу для борьбы съ холерой и чумой и направилъ здѣсь безалаберную работу «толмачевской компаніи» по нормальному пути. Къ сожалѣнію, здѣсь ему пришлось столкнуться съ самодурствомъ одесскаго градоначальника и не удалось провести намѣченныхъ мѣръ (о чемъ было сообщено имъ на съѣздѣ бактеріологовъ въ Петербургѣ). Благодаря частымъ командировкамъ для борьбы съ эпидеміями и полученному имъ громадному опыту, научная дѣятельность профессора Высоковича вполне естественно приобрѣла общественную окраску. И, стоя всегда совершенно въ сторонѣ отъ политики, профессоръ Высоковичъ всегда съ рѣдкой прямою и честностью отстаивалъ необходимость широкихъ общественныхъ мѣръ. Такой же безукоризненной точностью, чистотой и аккуратностью онъ отличался и въ своихъ научныхъ трудахъ. Крайне осторожный и осмотрительный въ научныхъ выводахъ, онъ сохранилъ навсегда почетное, достойное уваженіе и благодарности имя. И благодарность эта неоднократно воздавалась ему многочисленными учениками, для которыхъ имъ написанъ, между прочимъ, очень популярный въ Россіи учебникъ патологической анатоміи. Къ двадцатипятилѣтнему юбилею его въ Кіевѣ былъ изданъ его учениками посвященный ему сборникъ научныхъ трудовъ по патологической анатоміи. (Некрологъ его: «Рвчъ» 1912 г., № 131).

† **Золотаревъ, А. М.** 19-го мая скончался заслуженный профессор императорской Николаевской военной академіи, сенаторъ, генераль-лейтенантъ Акимъ Михайловичъ Золотаревъ, пользовавшійся извѣстностью знатока статистики и военной географіи. Покойный родился въ области войска Донского въ 1853 г., по окончаніи въ повочеркасской классической гимназіи прошелъ курсъ повочеркасскаго казачьяго юнкерскаго училища. Службу началъ хорунжимъ въ л.-гв. Атаманскомъ полку. Въ 1883 г. А. М. кончилъ курсъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, педого былъ старшимъ адъютантомъ перваго армейскаго корпуса и съ 1886 г. сосредоточилъ свою дѣятельность въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ которой былъ сперва адъютантъ-профессоромъ, затѣмъ профессоромъ по кафедрѣ статистики и военной географіи. Въ это время имъ опубликованъ рядъ цѣнныхъ работъ по избранной имъ специальности. Въ 1885 г. вышли его «Записки военной статистики Россіи», выдержавшія повторное изданіе, затѣмъ «Военный статистическій очеркъ Персіи», «Военно-статистическій очеркъ Финляндіи», «Военно-географическій очеркъ окраинъ Россіи», «Матеріалы по военной статистикѣ въ Россіи» и другія. Одновременно, со дня основанія интендантскихъ курсовъ, онъ читалъ также военную географію и статистику слушателямъ этихъ курсовъ издавъ цѣныя записки по своей специальности примѣнительно къ потребностямъ слушателей—будущихъ интендантовъ. Какъ знатокъ статистики, покойный былъ привлеченъ въ 1896 г. къ работамъ по первой всероссійской переписи, принялъ участіе въ центральномъ статистическомъ комитетѣ и съ 1904 г. въ теченіе семи лѣтъ въ качествѣ директора этого комитета являлся главнымъ его руководителемъ и представителемъ русской статистики на международныхъ статистическихъ конгрессахъ въ Парижѣ, Копенгагенѣ, и другихъ. По его инициативѣ комитетъ предпринялъ изданіе «Ежегодника Россіи», въ которомъ печатались цѣныя матеріалы для выясненія экономической жизни Россіи; при немъ статистическіе курсы министерства внутреннихъ дѣлъ предполагалось преобразовать въ высшее учебное заведеніе. Въ 1911 г. А. М. былъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ во второмъ департаментѣ сената, будучи одновременно членомъ статистическаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Какъ націоналистъ, покойный особенно интересовался окраинной политикой и въ 1906 г. явился однимъ изъ учредителей и организаторовъ русскаго окраиннаго общества, въ которомъ былъ до конца своей жизни товарищемъ предѣдателя. Николаевская академія генеральнаго штаба отмѣтила заслуги покойнаго избраніемъ его въ почетные члены академической конференціи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12998).

† **Лукашевичъ, С. Б.** На шестьдесятъ третьемъ году жизни скончался заслуженный профессоръ института гражданскихъ инженеровъ, инженеръ-архитекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. Б. Лукашевичъ. Покойный въ послѣдніе годы лекцій въ институтѣ не читалъ и числился лишь членомъ совѣта его. Окончивъ въ 1873 г. строительное училище (нынѣ институтъ гражданскихъ инженеровъ), С. Б. былъ назначенъ воспитателемъ этого училища и въ то же время состоялъ студентомъ института инженеровъ путей сообщенія. Въ 1882 году онъ былъ избранъ на должность экстраординарнаго

профессора института гражданских инженеров, а спустя восемнадцать лѣтъ— на должность ординарнаго профессора. Покойный читалъ лекціи по строительной техникумѣ, по желѣзнодорожному строительству и другимъ предметамъ. (Некрологъ его: «Слѣб. Вѣдомости», 1912 г., № 113):

† **Михневичъ, А. П.** 28-го мая скончался постоянный членъ педагогическаго комитета главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, генераль-лейтенантъ Александръ Петровичъ Михневичъ. Покойный большую часть своей службы посвятилъ военно-педагогическому дѣлу, причемъ его главная дѣятельность была связана съ Александровскимъ кадетскимъ корпусомъ, въ которомъ онъ трудился болѣе двадцати лѣтъ, сперва воспитателемъ, потомъ помощникомъ инспектора и инспекторомъ классовъ. Въ 1893 г. А. П. временно разстался съ Александровскимъ корпусомъ, но въ 1900 г. вновь вернулся, будучи въ этотъ прерывъ преподавателемъ географіи и естественныхъ наукъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и химіи въ Константиновскомъ военномъ училищѣ. Окончательно покойный покинулъ корпусъ въ 1906 г., когда былъ перемѣщенъ на должность генерала, состоящаго для особыхъ порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. Въ этомъ званіи А. П. председательствовалъ въ книжной комиссіи главнаго управленія, былъ членомъ педагогическаго комитета и конференціи педагогическихъ курсовъ, а также членомъ экзаменной комиссіи учебно-воспитательнаго комитета педагогическаго музея. Досуги службы покойный посвящалъ наукѣ и литературѣ. Имъ напечатанъ разборъ множества сочиненій и учебниковъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ», «Развѣдчикѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и другихъ, а также обработанъ дѣльный рядъ статей по словесности, исторіи литературы, географіи и естественнымъ наукамъ. Неоднократно участвуя въ литературныхъ чтеніяхъ, А. П. въ послѣднее время принялъ участіе въ народныхъ чтеніяхъ Солянаго Городка, гдѣ особый успѣхъ имѣло его чтеніе—«Японія или страна Восходящаго Солнца» (1910 г.). Онъ отзывался также и на современные школьные вопросы («Убыль души»). Помимо многихъ стихотвореній, написанныхъ по случаю различныхъ корпусныхъ торжествъ, А. П. издалъ въ 1897 г. полное собраніе переведенныхъ съ греческаго пѣсень Анакреона, затѣмъ три книжки стиховъ о любви (подъ псевдонимомъ А. Тамбовскаго): «Безграничное море любви», «Проклятіе» и «Тріумфъ любви». Въ 1891 г. вышелъ его поэтический ежедневникъ—«Бездна мысли», въ 1894 г. напечатаны его драматическая хроника «Архангельскій мужикъ» и «Разказы маленькимъ дѣтямъ по естественной исторіи». Другая его историческая хроника «Восшествіе на престолъ Михаила Феодоровича Романова»—еще въ 1889 г. была помѣщена въ литературныхъ приложеніяхъ къ «Гражданину». Изъ драматическихъ произведеній: «Основаніе Петербурга», комедіи «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ» и трагедіи «Смерть Пушкина» напечатанъ послѣдній актъ «Смерти Пушкина» въ «Юбилейномъ Пушкинскомъ сборникѣ» въ 1899 г. Покойный родился въ Тамбовѣ 30-го августа 1853 г. Съ третьяго курса института инженеровъ путей сообщенія онъ перешелъ въ петербургскій университетъ, на естественное отдѣленіе, работалъ въ лабораторіи Д. И. Менделѣева и окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Военную службу началъ вольноопредѣляющимся въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13,008).

† **Прокофьевъ, І. П.** На Смоленскомъ кладбищѣ похороненъ 3-го мая генералъ-лейтенантъ Іосифъ Петровичъ Прокофьевъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ области морского инженернаго искусства, неумоимо работавшій въ течение сорокадвухлѣтней своей службы на пользу роднаго флота. Покойный родился 26-го января 1849 г., окончилъ первымъ курсъ въ бывшемъ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ морского вѣдомства въ Петербургѣ (нынѣ морское инженерное училище императора Николая I въ Кронштадтѣ). Выпущенный въ 1868 г. въ кондукторы корпуса инженеръ-механиковъ, онъ плавалъ сперва въ Тихомъ океанѣ младшимъ механикомъ на клиперѣ «Всадникъ», затѣмъ во внутреннемъ плаваніи—старшимъ инженеръ-механикомъ на клиперѣ «Наѣздникъ» и канонерской лодкѣ «Туча»; въ 1872 г. І. П. поступилъ въ морскую академію, которую окончилъ въ 1874 г. первымъ; съ 1874 по 1878 г. служилъ на адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводахъ помощникомъ главнаго инженеръ-механика и принималъ участіе въ постройкѣ машинъ для клипера «Джигитъ». За защиту диссертаци «О паровыхъ машинахъ современнаго типа» онъ былъ командированъ отъ морской академіи на два года въ Америку, Англию и Францію. По возвращеніи въ Россію былъ начальникомъ Балтійскаго судостроительнаго и механическаго завода М. И. Кази—въ качествѣ конструктора. Это было въ то тяжелое для завода время, когда онъ существовалъ еще на частныхъ основаніяхъ, при очень неблагоприятныхъ условіяхъ и крайне незначительныхъ матеріальныхъ и техническихъ средствахъ. Конструктивная и механическая часть находилась тогда въ рукахъ англійскихъ мастеровъ. М. И. Кази удалось организовать и оборудовать заводъ на новыхъ началахъ, поднять его на высокую степень работоспособности и совершенства. Въ этомъ отношеніи І. П. явился ему дѣятельнымъ помощникомъ по своей специальности. Въ течение шестнадцатилѣтней службы на заводѣ І. П. самостоятельно спроектированы чертежи и по нимъ выстроены миллионной стоимости машины, каковы, напримеръ, для эскадреннаго броненосца «Императоръ Александръ III» (8,500 силъ), бронированнаго крейсера «Рюрикъ» (13,000 силъ), эскадренныхъ броненосцевъ «Пересвѣтъ» и «Ослябя» (каждый по 15,000 силъ) и прочіе. На долю І. П. выпалъ также трудъ организовать впервые съ 1896 г. въ морской академіи курсъ проектированія морскихъ машинъ; кафедры по этому важному спеціальному предмету ранѣе въ академіи не было. Профессоромъ покойный состоялъ почти тринадцать лѣтъ. Изъ его научныхъ теоретическихъ трудовъ интересны многія статьи въ «Морскомъ Сборникѣ», а также книги «О крѣпости частей паровыхъ морскихъ машинъ» (1874 г.) и «Руководство къ изученію пракческаго проектированія морскихъ машинъ и котловъ для военнаго и коммерческаго флотовъ» (1905г.) Ему принадлежитъ также изобрѣтеніе автоматическаго индикатора числа оборотовъ вала машины—весьма важнаго прибора при испытаніи механизмовъ. Въ 1910 г. покойный вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Скончался онъ на шестьдесятъ четвертомъ году отъ грудной жабы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12,991).

† **Сапуновъ, Н. Н.** Около двухъ часовъ ночи на 15 іюня въ Теріокахъ, на взморьѣ Финскаго залива, погибъ молодой, талантливый художникъ-декораторъ Н. Н. Сапуновъ, 30 лѣтъ. Покойный въ компаніи съ поэтомъ М. Кузь-

минимъ, писателемъ П. Потемкинымъ, художницею Я. и двумя дѣвущками до часу ночи оставался въ теріокскомъ «Казино», а затѣмъ всѣ отправились на морскую прогулку по Финскому заливу. П. Потемкинъ остался на берегу, такъ какъ лодка была не особенно велика. Погода благопріятствовала, и молодые люди быстро уплыли въ море за нѣсколько верстъ отъ берега. Во время катанія на лодкѣ молодые люди неоднократно переходили съ одного конца на другой. Неожиданно во время одного изъ такихъ переходовъ лодка опрокинулась, и всѣ оказались въ водѣ. Послѣ продолжительныхъ усилій и борьбы молодые люди успѣли выбраться изъ-подъ накрывшей ихъ лодки и ухватиться за одинъ бортъ, но лодка вслѣдствіе перевѣса одной стороны вскорѣ вновь перевернулась. Въ это время на помощь погибавшимъ молодымъ людямъ подплыли матросы теріокскаго яхтъ-клуба и спасли всѣхъ, кромѣ Сапунова. Сапуновъ утонулъ до прибытія помощи. Какъ предполагаютъ, онъ былъ накрытъ лодкою во второй разъ и, несмотря на усилія, не могъ выбраться и пошелъ ко дну. Н. П. быстро выдвинулся изъ среды молодежи и пошелъ своимъ путемъ, ни на кого не похожій, привлекавшій къ себѣ съ каждымъ годомъ все большее вниманіе и большій интересъ. Онъ поступилъ 16 лѣтъ въ училище живописи и быстро обратилъ на себя вниманіе преподавателей и товарищей: удивлялись его работоспособности,—не отвлекаясь, не сходя съ мѣста, часами водилъ кистью по полотну, счицалъ, снова накладывалъ краски, самъ весь въ краскѣ, «купался» въ нихъ... Такъ изъ года въ годъ воспринималъ «тоны», не увлекаясь рисункомъ и формой самими по себѣ. У Левитана писалъ цвѣты, не лепестки ихъ, не сочетанія линій, а красочныя пятна, восхищая Левитана красотой и гармоніей ихъ. По окончаніи поступилъ въ академію къ пейзажисту Киселеву, но мастерскую не посѣщалъ: сухое копированіе этюдовъ и академическая атмосфера не привлекали его. Киселевъ, понимавшій силу дарованія своего «непутеваго» ученика, оказывалъ ему всякія льготы и не взыскивалъ за «бездѣлье». Въ это время Н. П. писалъ декорации и выставлялъ въ «союзѣ», а потомъ въ «Мірѣ Искусства» свои красочныя сочетанія. Сильный, здоровый талантъ спасалъ его отъ крайностей послѣднихъ теченій и властно выводилъ на путь истиннаго искусства. Его декорации были оригинальны, его картины искренни и поэтичны, написанныя особой, только ему свойственной техникой: гармоничные тоны точно рождались изъ нѣсколькихъ основныхъ красокъ, множились и разсыпались по полотну чудеснымъ своеобразнымъ цвѣтникомъ... Къ формѣ и рисунку онъ шелъ отъ красокъ и все больше овладѣвалъ ими. Въ противоположность современной молодежи, не только невѣжественной, но и отрицающей знаніе, Н. П. убѣжденно и настойчиво стремился къ постиженію средствъ искусства и особенно въ послѣдніе годы старался пополнить недостатокъ подготовки, слабость школы, полученной имъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. (Некрологъ его: «Новое Время», № 13024).

† **Чириковъ, А. Д.** Харьковскій университетъ понесъ еще новую утрату. Послѣ продолжительной болѣзни тамъ скончался профессоръ Андрей Дмитриевичъ Чириковъ. Въ 1877 г. А. Д. занялъ должность лаборанта при харьковскомъ университетѣ, гдѣ въ 1880 г. получилъ степень провизора. Въ 1882 г. онъ получилъ званіе приватъ-доцента фармаціи и фармакогнозіи въ томъ же универ-

ситетѣ, а въ 1883 г. за диссертацию «Исслѣдованіе химическаго состава и физическихъ свойствъ каменныхъ углей и антрацита Донецкаго бассейна» удостоенъ степени магистра фармаціи. Въ 1888 г. А. Д. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ. Покойнымъ изданъ рядъ капитальныхъ трудовъ и напечатано много статей въ специальныхъ журналахъ. Въ послѣднее время А. Д. въ университетѣ лекцій не читалъ, но состоялъ помощникомъ директора и лекторомъ женскаго медицинскаго института харьковскаго медицинскаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13011).

† **Яковлевъ, С. И.** Артистъ императорскихъ театровъ Степанъ Ивановичъ Яковлевъ, скончавшійся 16 мая, былъ однимъ изъ талантливейшихъ молодыхъ сценическихъ силъ труппы Александринскаго театра. Дарованіе выдѣляло покойнаго изъ среды со товарищей по сценѣ, какъ превосходнаго исполнителя комическихъ и характерныхъ ролей, а также ролей простаковъ. Его вдумчивая игра, его замѣчательная передача психологическихъ особенностей, присущихъ комическимъ натурамъ, его всегдашнее серьезное отношеніе къ обрисовкѣ изображаемыхъ характеровъ,—все это заставляло предполагать, что покойный вскорѣ займетъ подобающее своему таланту мѣсто среди первыхъ персонажей казенной труппы. Однако смерть унесла его въ могилу въ расцвѣтѣ дарованія на 42 году его жизни. Страсть покойнаго къ театру сказалась рано. Въ старшихъ классахъ пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго, соотвѣтствующаго по курсу реальному училищу, его тянуло къ сценѣ, онъ еще тогда являлся постояннымъ участникомъ пріютскихъ домашнихъ спектаклей и уже имѣлъ успѣхъ, играя Подколесина въ Гоголевской «Женитьбѣ». По окончаніи пріюта С. И. поступилъ на драматическіе курсы при театральномъ училищѣ и закончилъ ихъ курсъ подъ ближайшимъ руководствомъ В. Н. Давыдова, отмѣтившаго недюжинныя артистическія способности покойнаго приглашеніемъ его участвовать въ своей артистической поѣздкѣ по югу и центру Россіи. Это было въ 1891 году. Съ тѣхъ поръ Степанъ Яковлевъ выступалъ на сценѣ съ возрастающимъ постепенно успѣхомъ. Удачна была его сценическая служба въ Вильнѣ, затѣмъ въ Москвѣ и при созданіи театра Литературно-Художественнаго общества въ Петербургѣ. Въ послѣднемъ онъ игралъ кузнеца въ «Ганелѣ», водяного въ «Потонувшемъ колоколѣ» и рядъ другихъ ролей. Потомъ былъ приглашенъ вторично въ труппу Александринскаго театра (впервые былъ въ этомъ театрѣ тотчасъ по выходѣ съ драматическихъ курсовъ) и уже не разставался съ нею, играя всевозможныя роли: Лопахина въ «Вишневомъ саду», учителя въ «Трехъ сестрахъ», въ пьесахъ Островскаго «На всякаго мудреца довольно простоты», «Не было ни гроша» и др., В. А. Тихонова «Великая грѣшница», въ водевилѣ «Соломенная шляпка» и пр. Покойный съ особеннымъ успѣхомъ имитировалъ комизмъ В. Н. Давыдова, можно сказать, заразился его талантомъ, и часто въ послѣдніе годы дублировалъ давыдовскія роли. Какъ человекъ, С. И. отличался необычайной мягкостью, сердечностью и добродушіемъ. Его всѣ любили и цѣнили, онъ не зналъ враговъ. Въ послѣдніе годы его артистическая уборная была общей съ В. П. Далматовымъ, относившимся особенно дружественно къ нему, и Яковлевъ не на много пережилъ своего старшаго друга. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 12995).

Ей было трудно ладить съ Пфистермапомъ. Духовникъ засыпалъ ее вопросами, министр-президентъ съ жадностью ждалъ на нихъ отвѣта. Но Пфистерману никакъ не удавалось вырвать у Бьянки какія-либо признанія. Все то, что говорилъ ей ея мечтательный другъ о своихъ взглядахъ и планахъ въ искусственно-лунныя ночи въ своемъ зимнемъ саду или въ свѣтло-голубой музыкальной комнатѣ дворца,—все это она берегла въ самомъ сокровенномъ уголкѣ своего сердца.

Пфистерманъ въ разговорахъ съ молодой женщиной задавалъ ей прямыя вопросы о привычкахъ и планахъ герцога. Отвѣта на нихъ не было, мимо нихъ проходили, къ нимъ не прислушивались. Въ тиши исповѣдальни духовникъ нашептывалъ молодой дѣвушкѣ такія вещи, отъ которыхъ краска стыда бросалась ей въ лицо и которыя она, всецѣло захваченная мыслью о своемъ другѣ, тѣмъ не менѣе жадно впитывала въ себя.

Но изъ нея ничего нельзя было вытянуть, рѣшительно ничего такого, что стоило бы сообщать Бауманну-фонъ-Брандту и что представляло бы для послѣдняго какой-нибудь интересъ.

— Это, дѣйствительно, человекъ безъ плоти и крови,—процѣдиль сквозь зубы Бауманшъ-фонъ-Брандтъ, услышавъ эти ничего не говорящія новости.

Несмотря на всѣ неудачи, онъ, однако, не разувѣрился въ томъ, что онъ знаетъ людей. Бьянка, сама того не замѣчая, медленно, но неуклонно шла по тому пути, который долженъ былъ привести къ цѣли министра-президента.

Альфредъ былъ слишкомъ довѣрчивъ, слишкомъ невиненъ и преисполненъ сознаниемъ своей герцогской и художественной мисси и не замѣчалъ, какой опасности подвергалъ онъ своими ночными бесѣдами женщину, которую онъ уважалъ, и въ какой опасности находился онъ самъ. У него передъ глазами была только одна цѣль—исполнить свое обѣщаніе и создать храмъ новаго искусства. Роскошное созданіе со жгучими черными очами было для него не женщиной, но одухотворенной красотой, на службѣ которой онъ находился. Такъ онъ смотрѣлъ на нее, такъ онъ чувствовалъ ее въ тихіе вечера и глубокія ночи, когда свѣтъ искусственнаго солнца заливалъ весь его зимній садъ. Онъ обыкновенно садился вмѣстѣ съ нею въ членокъ, который везли лебеди, и въ отдаленныхъ уголкахъ пальмовой рощи она должна была пѣть для него. Какъ увѣряли придворные слухи, онъ въ самомъ дѣлѣ носилъ серебряные доспѣхи и чувствовалъ себя настоящимъ рыцаремъ Грааля въ эти ночи, которыя, по мнѣнію Пфистермана и министра-президента, проводились имъ въ сладострастныхъ ласкахъ.

Пожирающій огонь въ черныхъ глазахъ Бьянки онъ принималъ за чистое пламя воодушевленія. Занятый всецѣло своими мыслями и образами, онъ не замѣчалъ лихорадочнаго румянца, вспыхивав-

шаго на щекахъ молодой женщины всякій разъ, какъ онъ взглядывалъ на нее. Мечтая о томъ, какъ онъ создастъ храмъ новаго искусства, онъ въ сотый разъ просилъ ее спѣть ему, спрятавшись за деревья, пѣсню Эльзы.

Глаза Бьянки подернулись влажнымъ блескомъ.

— Ваше высочество любите, повидимому, только одно произведение этого маэстро. Всегда одно и то же.

— Въ сравненіи съ рыцаремъ лебедя все остальное не имѣетъ для меня значенія,—пробормоталъ онъ.

— Однако,—прошептала Бьянка какимъ-то страннымъ, хриплымъ голосомъ, котораго онъ раньше никогда не слыхалъ, —не слѣдуетъ пренебрегать и другими произведеніями маэстро, въ которыхъ благодатнымъ дождемъ проливаются чудеса любви. Самъ маэстро рядомъ съ Эльзой поставилъ и Венеру.

Альфредъ задумчиво, какъ будто не понимая, посмотрѣлъ на Бьянку.

— Венера,—повторилъ онъ тихо.

Становясь все смѣлѣе и смѣлѣе она схватила его за руку, которую онъ не отнималъ.

— Да, герцогъ,—пробормотала она.—Для смертныхъ гротъ Венеры перѣдко больше значить, чѣмъ святая гора Граали. Разрѣшите мнѣ пройтъ въ музыкальной комнатѣ первый актъ этой оперы?

Она тихо поднялась съ мраморной скамьи, на которой они такъ часто сидѣли на берегу озера въ зимнемъ саду. Онъ, какъ во снѣ, послѣдовалъ за нею.

Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно, какъ будто что-то манило его, манило что-то такое, чего онъ былъ осужденъ избѣгать всю свою жизнь. Но это что-то неотразимо притягивало его въ эту минуту, какъ притягиваетъ къ себѣ бездонная пропасть.

Бьянка шла впередъ по аллеѣ, украшенной японскими цвѣтами и ведшей въ апартаменты герцога. Альфредъ слѣдовалъ за ней. Черезъ нѣсколько шаговъ они были уже въ голубой музыкальной комнатѣ, въ которой нѣсколько недѣль тому назадъ струны того же инструмента пѣли подъ рукой маэстро «Пѣснь любви и смерти». Тонкая тетрадка, которую онъ подарилъ своему царственному другу, еще лежала на почетномъ мѣстѣ.

Дрожащими руками Бьянца пробѣжала по клавишамъ.

— Въ гротѣ Венеры,—тихо сказала она про себя, и ея взоры обратились къ задумчивому юношѣ, который опустился противъ нея на диванъ. Мысли его были далеко, и онъ думалъ не о ней, а о маэстро и о храмѣ новаго искусства.

Чарующіе, сладкіе звуки, какихъ онъ никогда еще не слыхалъ, наполнили комнату. Они захватили его грудь, онъ пересталъ дышать, они терзали его сердце, которое напрасно оборонялось противъ того, что несла съ собой эта женщина въ ея сверхчеловѣческой борьбѣ

за обладаніе мужчиной. Прочь чистота рыцаря Грааля, прочь святая пѣснь того, кто пришелъ защитить гонимую невинность. Что-то другое жило въ этихъ звукахъ, что, однако, родилось въ душѣ того же маэстро, который называлъ себя Атасѳеромъ, Молохомъ, быкомъ Миноса.

Рыданія потрясли Альфреда. Онъ не могъ понять, что происходитъ въ немъ. Словно какой-то волшебной силой тянуло его во власть этихъ могучихъ звуковъ, къ той, которая, словно бѣснующійся демонъ, вцѣпилась въ глубочайшія раны его сердца.

Вдругъ все смолкло.

Случайно или намѣренно, черные, какъ смоль, волосы Бьянки разметались. Словно дивный, мягкій, какъ шелкъ, плащъ, подъ которымъ нужно было скрыть это дуновение жизни и любви, они рассыпались вокругъ ея стройной фигуры. Она встала и протянула къ нему свои обнаженныя руки. На ея открытой шеѣ и бѣлоснѣжной груди, на которую онъ сегодня впервые залюбовался, сіяло брильянтовое ожерелье, которое онъ подарилъ ей нѣсколько недѣль тому назадъ въ благодарность за прекрасныя пѣсни Эльзы.

«Чѣмъ же мнѣ вознаградить ее за пѣсни Венеры?» какъ молнія, блеснуло у него въ мозгу.

Но мысль эта потухла. Этотъ часъ, когда воля плоти, влеченіе къ женщинѣ стало всемогущимъ — все стало однимъ искуше-ніемъ!

Ихъ взоры, заражающіе, ищущіе другъ друга, встрѣтились. Она бросилась около него на диванъ. Пфистерманъ и министр-президентъ были забыты. Ихъ тѣло, полное крови и жизни, трепетало.

И однако онъ не схватилъ ее въ свои объятія.

Какъ передъ святой, стоялъ онъ передъ ней на колѣняхъ и, рыдая, пряталъ свою голову у нея на колѣняхъ. Ея губы нашли его губы. Она осыпала его жгучими поцѣлуями, словно змѣи, обвилась ея бѣлая рука вокругъ его стройнаго тѣла.

— Герцогъ, герцогъ, — лепетала она въ нѣмомъ восторгѣ.

А онъ не обнималъ ее.

Холодъ уединенной вершины, на которой онъ стоялъ, сковывалъ его.

Она встала и направилась къ двери, за которой, какъ она знала, стояла кровать герцога — золоченая кровать одинокаго герцога, о дивной работѣ которой говорилъ весь Кронбургъ.

Съ губъ Альфреда сорвался крикъ.

Онъ въ ужасѣ смотрѣлъ на нее.

Блѣдный, какъ полотно, сталъ онъ передъ нею и молча, движеніемъ руки, онъ указалъ ей на дверь, ведущую къ выходу изъ дворца.

Она поняла.

Все исчезло. Исчезла мечтательная дружба, которую онъ подарилъ одной ей. Для любви у него не было силы.

Она двинулась къ выходу, зная, что никогда уже не вернется сюда, а онъ, рыдая, упалъ на полъ.

VIII.

Передъ исповѣдальной Пфистермана въ придворной церкви Всѣхъ Святыхъ стояла на колѣняхъ женщина. По обширной церкви мистически разливался полупомеркшій вечерній свѣтъ, выходившій неизвѣстно откуда.

Надъ богато украшеннымъ и позлащеннымъ алтаремъ, гдѣ сіяла одиноко мерцавшая вѣчная лампада, на огромномъ крестѣ висѣло изможденное тѣло Искушителя. Золотые лучи заходящаго солнца играли на шипахъ вѣнка и на ранѣ, нанесенной Богочеловѣку копьемъ римскаго воина. На потемнѣвшемъ уже отъ смерти лицѣ свѣтитса кротость, всепрощеніе даже врагамъ какъ будто сіяетъ изъ этихъ уже закрытыхъ глазъ.

Къ Нему возносить Бьянка Монтебелло свой подернутый печалью взоръ.

Церковь пуста. Она дождалась, пока ушли всѣ.

Благоговѣніе и раскаяніе заставили ее повергнуться ницъ передъ образомъ Распятаго и молиться до тѣхъ поръ, пока не удалился послѣдній изъ духовныхъ дѣтей Пфистермана.

Глазъ исповѣдника давно уже замѣтилъ ее въ числѣ богомольцевъ, се, которая по цѣлымъ недѣлямъ не бывала въ церкви. Онъ почувалъ, что въ этотъ вечеръ онъ откроетъ тайну, которую онъ рѣшился уже сообщить своему другу, могущественному министру-президенту Баумапну-фонъ-Брандту. И эта тайна должна быть первымъ его шагомъ на трудной дорогѣ къ епископской кathedrѣ въ Кронбургѣ.

— Ты ищешь утѣшенія церкви, дочь моя,—уловило ухо Бьянки голосъ исповѣдника.—Давно ты не приближалась къ этому святому мѣсту, которое одно можетъ дать тебѣ отпущеніе и прощеніе грѣховъ. Ты шла по пути блеска и удовольствія въ роскошныхъ залахъ герцогскаго дворца. Что ты имѣешь сказать мнѣ, дочь моя, отъ какихъ прегрѣшеній плоти хочешь ты спасти свою безсмертную душу?

Словно легкое духовеніе вѣтра, коснулся чуткаго уха іезуита тихій голосъ Бьянки.

— Искушеніе плоти внесла я въ душу чистаго,—шептала ему въ ухо молодая, чудной красоты женщина. Ея дыханіе смѣшивалось съ его, онъ плотно прислонилъ голову къ рѣшеткѣ, которой почти касалась ея уста.

— Твореніе новаго маэстро, которымъ полна душа его, я хотѣла использовать въ своихъ цѣляхъ. Я пѣла пѣсню Венеры тому, кто

не хотѣлъ слышать ничего, кромѣ благословенія рыцаря Грааля. Ему, который принималъ меня за святую, за чистую, одушевленную искусствомъ подругу и которая всеѣмъ чувствомъ своимъ стремилась только завладѣть имъ для плотскихъ наслажденій.

Исповѣдника бросило въ жаръ при этихъ словахъ.

— Да, теперь я хочу повѣдать скорбь моей измученной души на ухо служителю моего Избавителя, которому въ силу его сана дана власть отпускать грѣхи, и который слышитъ меня, какъ Самъ Всевѣдущій. Передъ этими очами, которыя открыты, какъ очи Самого Всевидающаго, хочу я обнажить раны души моей: со всей силой молодости одного его любила, того, который теперь навѣки потерянь для меня.

Пфистерманъ не смѣлъ прерывать исповѣди. Онъ боялся, что она утаитъ отъ него что-нибудь важное, и рѣшился предоставить ей высказываться.

— Грѣхомъ плоти началось, когда я впервые увидѣла его возлѣ моей матери въ домѣ министра-президента. Я притворялась, что я люблю этого новаго маэстро и его творенія, думая такимъ путемъ найти дорогу въ его объятія. И однако я знала, что я не могу владѣть имъ честно, ибо онъ мой государь и герцогъ. Мнѣ посчастливилось. Онъ обратилъ свой сѣющій взоръ на мою ничтожную личность, возвысилъ меня подъ сотней другихъ придворныхъ, и я стала участникомъ его высокихъ плановъ, повѣренной его могучихъ мыслей...

— Какихъ плановъ? какихъ мыслей?

Вопросъ невольно сорвался съ устъ Пфистермана.

— О, вы ихъ не знаете. А я, я, которая одна знаю ихъ, я потеряла его навсегда по моей собственной винѣ. Можетъ ли быть отпущенъ грѣхъ, когда чувственный и низкій человѣкъ приближается къ святому?

— Дочь моя, сатана водилъ въ пустыню самого Спасителя и тамъ искушалъ его. Онъ ставилъ его на кровлю храма іерусалимскаго, но Спаситель не впалъ во искушеніе, ибо онъ былъ чистъ.

— Онъ также чистъ,—восторженно вскрикнула Бьянка:— а я проклята...

— Плотскіе грѣхи, дочь моя, мы можемъ прощать, ибо никто изъ смертныхъ не свободенъ отъ нихъ, чистъ только Тотъ, Кого влекли въ пустыню и который, грѣхъ ради нашихъ, былъ распятъ на крестѣ. Никто на землѣ, даже и тотъ не свободенъ отъ этого грѣха. И онъ не заглушитъ голоса своей совѣсти, и онъ придетъ, ибо онъ такъ же грѣшенъ, какъ и ты.

— Нѣтъ. Онъ не грѣшенъ. Онъ чистъ, какъ свѣтъ солнца, отецъ. Когда онъ увидѣлъ меня и мои желанія, онъ выгналъ меня отъ себя. Я чувствую, что никогда не вернусь къ нему, горячо любимому. Онъ изгонитъ меня отъ своего двора и съ горечью будетъ вспоминать обо мнѣ, ибо онъ вѣрилъ въ мою чистоту и думалъ, что нашелъ

во мнѣ помощницу для своего великаго дѣла. Изумитесь вы, изумитесь весь міръ, когда на вершинѣ горъ онъ построитъ храмъ новому искусству.

— Храмъ новому искусству?

— Да. А я не могу уже принять участія въ его святомъ дѣлѣ, ибо въ порывѣ дикаго желанія я осмѣлилась наложить святотатственную руку на него самого. И только тогда, когда онъ оттолкнулъ меня, только тогда познала я все величіе того, чѣмъ я владѣла и что потеряла. Есть ли такой грѣхъ, отецъ мой, когда человѣкъ прикасается запятой рукой, съ нечистымъ сердцемъ и грѣхонными мыслями къ помазаннику Божию?

— Ты должна выразаться яснѣе, дочь моя,—прозвучалъ голосъ исповѣдника. —Я не могу даровать тебѣ прощенія грѣховъ, пока не узнаю, что все это значитъ—его чистота, его миссія, его храмъ новаго искусства. Онъ, конечно, государь и герцогъ этой страны, помазанникъ Божій, получившій корону милостію Божіей... Конечно, конечно... Но что онъ святой... человѣкъ, который подобно другимъ подверженъ плотскому грѣху...

— Ты ошибаешься, отецъ. Онъ получилъ миссію, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, когда мы въ полномъ цѣломудріи проводили съ нимъ ночи. Эта миссія совершенно иная, чѣмъ была у его отца и дѣда. Она даже больше, чѣмъ миссія герцога.

— Я не понимаю тебя, дочь моя.

— Я думаю, что необходимо узнать его самого, необходимо самому слышать его рѣчи, какъ слышали ихъ мы—я и маэстро.

— Какой маэстро?

— Создатель новой музыки, который между прочимъ написалъ и пѣсню Венеры. Ею-то я и пыталась соблазнить герцога. Онъ хочетъ создать храмъ новаго искусства. Высоко надъ городомъ должно подниматься это величавое зданіе изъ мрамора. Отъ дворца къ этому чудному созданію искусства пойдетъ новая улица. Здѣсь будетъ алтарь Прекрасному. Понимаешь ли ты меня?

— Ты слышала объ этихъ планахъ отъ него самого, дочь моя?

— Да, я говорю объ этомъ для того, чтобы очистить себя отъ грѣха передъ нимъ. Укажи мнѣ средство снова вернуть его чистую душу, дружбу, укажи мнѣ такой путь, по которому я опять могла бы приблизиться къ нему послѣ того, какъ онъ со слезами изгналъ меня отъ себя въ глухую ночь!

— Сила благодатной церкви можетъ отпустить тебѣ такой грѣхъ, слышишь ли ты? Я отпускаю тебѣ грѣхъ твоего вождельнія, плотскаго вождельнія твоего государя. Понимаешь ли ты меня?

Бьянка поднялась.

Ею овладѣло какое-то странное настроеніе.

Подъ высокими сводами придворной церкви стало уже совсѣмъ темно. Только отъ тѣла Искушителя, сдѣланнаго изъ слоновой кости, исходилъ слабый мерцающій свѣтъ.

Задумчиво шла Бьянка по оживленнымъ улицамъ Кропбурга къ дому своей матери. Вдругъ ей пришло въ голову, что она, быть можетъ, выдала и измѣнила своему царственному другу.

Она остановилась. Ей казалось, что она должна спѣшить обратно къ Пфистерману и умолять его не говорить никому ни одного слова изъ того, что она сказала подъ покровомъ исповѣди.

Подъ покровомъ исповѣди!

При этой мысли она вдругъ успокоилась.

Онъ не посмѣетъ ничего сказать. И все-таки ей было какъ-то страшно.

Вечеромъ у министра-президента былъ пріемъ.

Обѣщали прибыть герцогъ Альфредъ и князь Филиппъ.

Были приглашены и Бьянка съ матерью.

Послѣ закуски его высочество изволилъ сѣсть за столъ. Онъ былъ въ какомъ-то странномъ, особенномъ настроеніи, и это не укрылось отъ Бауманна-фонъ-Брандта.

Во время обѣда, онъ противъ обыкновенія, не разговаривалъ ни съ кѣмъ. Его глаза блестѣли какъ-то мрачно. При взглядѣ на Монтебелло, болтовня которой, по расчету министра-президента, должна была произвести перемѣну въ настроеніи герцога, на его чело ложилась гнѣвная тѣнь.

Что онъ замышляетъ? Объ этомъ ломали голову не только министр-президентъ, но и весь дворъ.

Во время обѣда герцогъ подозвалъ къ себѣ лакея и приказалъ ему сдвинуть со стола всѣ цвѣты, которые были передъ нимъ. Образовалась гора листвьевъ и цвѣтовъ, за которой его почти не было видно.

Музыка во время стола гремѣла безъ умолка. Инструменты заглушали разговоръ гостей. Альфредъ цѣлый вечеръ не проронилъ ни одного слова.

Послѣ обѣда въ гостиной онъ едва открывалъ ротъ и лишь молча протягивалъ руку то тому, то другому.

Когда Бьянка подошла къ нему съ глубокимъ поклономъ, онъ отвернулся и отошелъ отъ нея.

Министръ-президентъ бросилъ испуганный видъ на Пфистермана. Неужели онъ такъ ошибся въ своемъ средствѣ?

Вечеръ кончился довольно рано. Около девяти часовъ неожиданно былъ поданъ экипажъ герцога.

Стали расходиться.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ былъ въ полномъ смущеніи, такой образъ дѣйствій въ его домѣ почти равнялся немилости.

Онъ тихонько поманилъ Пфистермана къ себѣ и далъ ему понять, чтобы онъ остался, когда всѣ разъѣдутся.

— Знаете что, — началъ онъ, когда они остались наконецъ вдвоемъ и сидѣли за бутылкой вина. — Замѣтили ли вы, что сегодня

онъ не выказалъ Монтебелло ни одного знака вниманія и благосклонности. Что бы это могло значить?

— Это значить, ваше превосходительство, что съ его высочествомъ нельзя поступать, какъ съ обыкновеннымъ молодымъ человекомъ его возраста и положенія. Пышной грудью тутъ ничего не добьешься, и я боюсь...

— Чего?

— Не рѣшаюсь сказать.

— Говорите откровенно.

— Если вы этого требуете, хорошо. Я боюсь, что дни настоящаго министерства будутъ зависѣть отъ тѣхъ неслыханныхъ вещей, которыя замышляетъ его высочество.

— Какія неслыханныя вещи? Вы, стало быть, знаете больше, чѣмъ я?

— Но тайна исповѣди...

— Благо государства стоитъ выше тайны исповѣди.

— Вы такъ думаете?

— Да.... Того же мнѣнія и епископская кафедра въ Кронбургѣ... Его преосвященству идетъ уже восемьдесятъ первый годъ.

— Ваше превосходительство изволите забывать достоинство церкви.

— Мнѣ кажется, я уже достаточно сказалъ вамъ. Итакъ, что вы знаете?

— Будьте на сторожѣ, ваше превосходительство. Раззолоченные молчаливые покои, зимній садъ и озеро, по которому плаваютъ лебеди,—все это кажется мнѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ скоропреходящія затѣи мальчика, какъ вы еще недавно называли все это. Намъ грозитъ огромная опасность.

— Огромная опасность?

— Да. Его высочество склоняетъ свой слухъ только къ одному, который держитъ его въ фантастическомъ царствѣ грёзъ. Вы понимаете, про кого я говорю?

— Вы бредите, достопочтенный отецъ! Вы говорите объ этомъ музыкантѣ, объ этомъ набитомъ дуракѣ?

— Да, о немъ. Если бы я считалъ васъ за вѣрующаго христианина, я бы сказалъ, что этотъ дуракъ состоитъ на службѣ самаго сатаны. Позвольте предостеречь васъ, ваше превосходительство, будьте на сторожѣ. Недалеко то время, когда намъ придется пережить удивительныя вещи. Его высочество хочетъ выстроить для этого музыканта храмъ, а къ нему проложить улицу, которая будетъ стоить миллиономъ. Онъ хочетъ сковать рѣку и перекинуть черезъ нее мосты. Что вы скажете о такихъ мечтаніяхъ мальчика, ваше превосходительство?

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сжалъ кулаки.

— Этого не будетъ. Мы еще пока здѣсь. Я потяну его за собой. Нужно гнуть молодыя деревья, ваше преподобіе.

— Если только они не сломаются, ваше превосходительство.

IX.

Лѣто настало. Предстояло переселеніе герцогскаго двора изъ столицы въ замокъ Турмъ. Директору театра фонъ-Глаубаху дѣла было по горло: представленіе новой оперы было назначено Альфредомъ на послѣднее воскресенье передъ отъѣздомъ изъ столицы.

Наконецъ наступилъ этотъ знаменательный день.

Уже нѣсколько недѣль въ Кронбургѣ и во всемъ королевствѣ только и рѣчи было, что объ этомъ музыкально-художественномъ событіи.

Въ рѣшительный вечеръ въ партерѣ и ложахъ кронбургскаго театра собралась избранная публика со всей страны. Альфредъ вмѣстѣ съ маэстро былъ на генеральной репетиціи. Декораціи были написаны по его указаніямъ, и костюмы были изготовлены по его собственнымъ наброскамъ.

Побѣда была полная.

Несмотря на то, что признанные знатоки музыки и критики морщили чело, несмотря на предубѣжденіе театралныхъ завсегда-таевъ противъ самого маэстро, котораго герцогъ боготворилъ почти съ увлеченіемъ мальчика, побѣда была полная. Уже послѣ перваго акта раздался громъ рукоплесканій, послѣ второго и въ концѣ оперы рукоплесканія превратились въ бурныя оваціи. Альфредъ блаженствовалъ: его вѣра въ композитора одержала побѣду.

Словно какой-нибудь богъ, стоялъ онъ въ голубомъ мундирѣ лейбъ-гвардейскаго полка со всѣми орденами у барьера своей ложи, той самой, гдѣ онъ когда-то въ полномъ уединеніи впервые услышалъ рыцаря съ лебедемъ и принялъ на себя миссію св. Грааля. Возлѣ него былъ его другъ, котораго онъ вынесъ изъ мрака отчаянія и неизвѣстности. Онъ кланялся изъ ложи тысячеголовой толпѣ, бѣсновавшейся въ крикахъ энтузіазма.

— Ты побѣдилъ, Обновитель, — шепнулъ ему на ухо Альфредъ, въ полномъ упоеніи.

Послѣ представленія оба они долго сидѣли въ герцогскомъ зимнемъ саду, полные упованія на свѣтлое будущее этого дремлющаго генія. Альфредъ былъ преисполненъ своей миссіей даровать міру новое искусство и его храмъ и развивалъ передъ другомъ свою идею, которую онъ въ часы благоволенія пріоткрылъ Монтебелло.

Онъ разложилъ передъ глазами маэстро планъ Кронбурга и чертежи, сдѣланные однимъ архитекторомъ-художникомъ.

— Прими за все, что ты сдѣлалъ, — торжественно говорилъ онъ, — мою герцогскую, — нѣтъ, королевскую благодарность. Смотри сюда. По срединѣ столицы я велю проложить триумфальную улицу въ честь твоей побѣды и славы. Мѣдью и мраморомъ она должна будетъ говорить о тебѣ отдаленнымъ поколѣніямъ черезъ сотни, тысячи лѣтъ. Дѣйствующія лица изъ твоихъ оперъ будутъ отлиты колоссальными статуями. Моя улица дойдетъ до рѣки... Я велю заключить ее въ новое каменное одѣяніе, подобно тому, какъ ты заковываешь въ звуки своей музыки дикихъ звѣрей. А на той сторонѣ, на высотѣ около высокаго монумента, который воздвигъ мой покойный отецъ въ славу своего народа, будетъ стоять мраморный храмъ искусства. Прежде всего мое правительство потребуетъ отъ сейма отвода мѣста и денегъ.

Лучистые голубые глаза маэстро пожирали Альфреда, который стоялъ передъ нимъ, стройный, какъ сосна.

— Какъ мнѣ благодарить, ваше высочество, если осуществится все это и люди со всѣхъ странъ будутъ приходить сюда въ Кропбургъ, въ этотъ огромный городъ, каждый годъ все новыми и новыми толпами. Мысль о моемъ уединенномъ храмѣ у подошвы лѣсистыхъ горъ превращается въ ничто передъ этими гигантскими проектами, которые увлекутъ человѣчество по дорогамъ къ твореніямъ будущаго. Малодушный, я цѣлыми недѣлями и мѣсяцами въ годы невзгодъ былъ въ отчаяніи. Теперь надо мной возшло солнце вашей герцогской милости, а вмѣстѣ съ нею и звѣзда моей славы!

Охваченный всепокоряющей дружбой, Альфредъ бросился на грудь горячо любимаго, боготворимаго имъ маэстро.

— Скажи мнѣ, — кричалъ онъ: — какими фигурами изъ твоихъ твореній населить храмъ твоего новаго искусства. Ты новый Гезіодъ и Гомеръ, дарующій Олимпу новыхъ боговъ.

— Я работаю теперь надъ новымъ произведеніемъ, которымъ можно было бы открыть храмъ новаго искусства. Но эта опера — еще слабый отголосокъ того, что дремлетъ въ глубинѣ, того, что я берегу для этого храма. Религія и поэзія, богослуженіе и сцена должны въ этой оперѣ слиться въ одно, если человѣчество сумѣетъ увидѣть въ вѣнцѣ моего творенія мистерію собственнаго искупленія. То, что рыцарь съ лебедемъ далъ почувствовать лишь чистой душѣ вашего высочества, то будетъ явлено въ моемъ произведеніи всему народу.

— Грааль? — съ разстановкой спросилъ Альфредъ.

Маэстро кивнулъ головой.

— Но то, что я хочу написать сначала, будетъ лишь возвеличеніемъ и защитой чистаго искусства противъ его враговъ. Въ центрѣ дѣйствія я поставилъ благороднаго пѣвца, произведенія котораго всѣмъ извѣстны, но не могутъ возбуждать ни зависти, ни недоброежелательства, ибо на его сторонѣ народъ съ своими лучшими пред-

ставителями. Я поведу новое время черезъ средневѣковой храмъ, потомъ черезъ готику на залитый солнцемъ жизни лугъ, гдѣ народъ, благословляя, стоитъ на колѣняхъ передъ своимъ маэстро. Только этотъ озаренный народъ осмѣлится идти со мною на высоту. Нагруженные сокровищами, погребенными на днѣ Рейна, мы поведемъ его черезъ лѣса къ хижинѣ Гупдинга. Я вижу своей душой, какъ несутся германскія валькиріи на своихъ буйныхъ коняхъ, а древніе боги вступаютъ въ Валгалу по семицвѣтной радугѣ подъ звуки моей музыки.

— Это будетъ достойнымъ завершеніемъ!—воскликнулъ герцогъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала маэстро.—Это еще не завершеніе, не очищеніе въ высшемъ смыслѣ слова моего новаго искусства. Нѣтъ! Я не знаю, гдѣ, но гдѣ-нибудь въ далекихъ горныхъ лѣсахъ нѣмецкой земли стоитъ одинокая скала. Какъ свѣча, поднимается она, прислонившись къ несущимся къ небу горамъ и господствуя надъ равниной и всей низменностью.

Альфредъ слушалъ съ удивленіемъ.

То, что рисовалъ маэстро, нисколько не походило на мѣловыя горы его Готенарбурга, гдѣ онъ провелъ свои юношескіе годы, раздумывая въ глубинѣ своей юной души надъ своимъ царственнымъ призваніемъ.

— Что же это за скала?—вдругъ спросилъ онъ.—Я знаю такую скалу въ предѣлахъ моего герцогства.

— Нѣтъ, герцогъ,—последовалъ твердый отвѣтъ маэстро.—Въ дѣйствительности она не можетъ быть тамъ. Ея чистота слишкомъ высока и нельзя оквернить ее человѣческими руками. Онъ стоитъ одиноко въ далекомъ царствѣ фантазіи, подъ безоблачнымъ небомъ искусства. И здѣсь, на этой скалѣ покоится вѣнецъ моего творенія. Извилистые, какъ въ лабиринтѣ, пути открываются только чистому сердцемъ, грѣшному же они недоступны. На вершинѣ этой скалы, герцогъ, стоитъ градъ св. Грааля. Удастся ли исполнить мнѣ это, не напрасно ли мы строимъ храмъ новаго искусства,—кто можетъ сказать это теперь? Я хочу это сдѣлать—и на сегодня довольно и этого.

— Ты хочешь это сдѣлать и ты можешь сдѣлать,—въ восторгѣ сорвалось съ губъ Альфреда.—Да, ты можешь это!

— Надѣюсь,—отвѣчала маэстро слегка печальнымъ голосомъ.— Но...

Долго смотрѣлъ онъ на царственного юношу, стройный образъ котораго какъ будто застылъ въ складкахъ его голубого плаща. Въ глазахъ его какъ будто свѣтилось пламя.

— Что ты смотришь на меня?—робко спросилъ Альфредъ.— Я терпѣть не могу, когда на меня такъ смотреть.

— Я долженъ былъ сдѣлать это, ваше высочество,—отвѣчала художникъ.—Мучительная мысль, которую я не могу скрывать

отъ васъ, даже рискуя навлечь на себя вашу немощь, овладѣла мной. Послушай предостерегающаго голоса дружбы, герцогъ! Послушай того, кто больше всѣхъ изъ смертныхъ чтитъ тебя!

— Въ чемъ же дѣло?—съ испугомъ спросилъ герцогъ.

— Нѣтъ, не такъ ты долженъ спрашивать меня. Не съ такимъ крикомъ ужаса, не съ такимъ пламенемъ въ глазахъ!

— Говори,—сказалъ Альфредъ.

Маэстро молчалъ.

— Странно!

— Вы оказали мнѣ милость, ваше высочество, и показали мнѣ вашъ зимній садъ въ первые же дни, когда я имѣлъ счастье пріобрѣсти ваше расположеніе! Теперь вы позволяете мнѣ неожиданно бросить взглядъ на ваши планы и желанія. Мѣловая скала у подножія вашихъ горъ пугаетъ меня, герцогъ! Она можетъ быть началомъ чего-то непонятнаго, недоступнаго.

— Она будетъ опорой моему граду св. Грааля.

Альфредъ сказалъ эти слова твердымъ тономъ, какъ будто сердце его въ эту минуту закрылось.

— Герцогъ, герцогъ, послушай меня! Еще никто изъ смертныхъ не прикасался къ истинѣ, къ тайнѣ св. Грааля, не уготовавъ себѣ гибель. Вы вступаете на путь къ Божеству. По вашимъ глазамъ, по вашему лицу я вижу, что вы замышляете нѣчто гигантское, неслыханное, сверхчеловѣческое. Но еще не поздно! Одумайтесь! Пусть не скажутъ, что даже вашъ лучший другъ, питающій къ вамъ безграничное довѣріе и уваженіе, не предостерегалъ васъ! Оставьте эту мысль! Никто изъ смертныхъ въ дѣйствительности не видитъ ни бѣлыхъ лебедей, ни святого Грааля.

— А я хочу ихъ видѣть. Я уже видѣлъ ихъ, маэстро!

То были слова упрямаго ребенка, и тонъ ихъ былъ ребяческій. Маэстро собирался уйти.

— Могу просить, ваше высочество?...

Альфредъ утвердительно кивнулъ головой.

— И онъ, и онъ,—громко и горько зарыдалъ онъ.—И онъ оставилъ меня.

Солнце надъ свѣтлымъ озеромъ зимняго сада погасло. Альфредъ нажалъ кнопку. Въмѣсто него появилась луна и освѣтила его одушевленное, вдругъ осунувшееся, блѣдное, какъ полотно, лицо.

X.

Уже нѣсколько лѣтъ въ Кронбургѣ издавалась небольшая газетка, подъ заглавіемъ: «Герцогство». Ея издатель, докторъ Штейнъ, горячій мѣстный патриотъ и католикъ, былъ довѣреннымъ лицомъ герцогскаго духовника Пфистермана.

Эту газету читали во всѣхъ слояхъ населенія. Люди съ положеніемъ, желавшіе считаться интеллигентами, не подписывались на нее открыто, но пробѣгали ее втихомолку. Во всѣхъ пивныхъ и кафе газета эта не выходила изъ рукъ и дешево продавалась во всѣхъ кіоскахъ и вокзалахъ. Старъ и младъ находили въ ней удовольствіе, ибо, кромѣ самыхъ фантастическихъ мнѣній самого издателя, выдающееся мѣсто занимали здѣсь городскія и придворныя сплетни.

Докторъ Штейнъ, по наущенію герцогскаго духовника, самъ того не подозрѣвая, сталъ играть въ руку министру-президенту—и первый поднялъ бурю противъ фантастическихъ проектовъ герцога.

Въ свойственномъ ему сильномъ тонѣ онъ написалъ статью, подъ заглавіемъ: «Герцогство, ввѣренное рукамъ мечтателя», которая возбудила общее вниманіе.

Здѣсь довольно почтительно говорилось о юности и стоящей съ ней въ связи мечтательности и впечатлительности герцога Альфреда. Но тѣмъ свирѣпѣе становился этотъ сахарный стиль, когда авторъ говорилъ о композиторѣ новыхъ оперъ, который вызвалъ неисцѣлимую путаницу въ головѣ юнаго монарха. Pamфлетъ такъ и пестрѣлъ поповскими выраженіями. Штейнъ называлъ великаго художника колдуномъ, шарлатаномъ и обманщикомъ. Хуже всего было то, что въ статьѣ были не только намеки, но и совершенно вѣрныя подробности относительно плановъ Альфреда, который желаетъ всѣми средствами своей власти соорудить храмъ въ честь искусства этого композитора и проложить улицу отъ сада своего дворца черезъ рѣку до холма на той ея сторонѣ.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ очень ловко устроилъ такъ, что номеръ газеты попалъ въ руки герцога.

Альфредъ пришелъ въ ярость. Въ первый разъ послѣ восшествія своего на престолъ онъ словно преобразился. Лакеи и придворные чины трепетали при одной мысли подойти къ нему. Еще сегодня утромъ онъ едва не размозжилъ графиномъ черепъ своему старому камердинеру Мертенсу, который выбѣжалъ отъ него съ окровавленной головой, внѣ себя отъ страха и боли.

Теперь Альфредъ сидѣлъ въ своемъ раззолоченномъ кабинетѣ и, мрачно погрузившись въ себя, думалъ и соображалъ, какія мѣры ему принять. Во главѣ всѣхъ его соображеній стояла одна горькая мысль о томъ, что его предали. Какимъ образомъ могло случиться, что его сокровенные планы и намѣренія раньше времени стали достояніемъ гласности? Кто его выдалъ? Враги вездѣ—въ Кронбургѣ, на ступеняхъ его трона, въ самомъ сердцѣ его королевства, вездѣ, вездѣ! Это было видно по всему тону этой хамской статьи, остріе которой было обращено именно противъ него.

Маэстро предостерегалъ его. Что онъ подумаетъ о немъ, если сегодня и ему въ руки попадетъ эта статья?

Кому нужно приписать это вѣроломство, это нарушеніе секрета? Не можетъ быть, чтобы тутъ былъ замѣшанъ архитекторъ, которому онъ поручилъ разработку своего великаго плана!

И вдругъ онъ вспомнилъ о женщинѣ, вѣроломной женщинѣ, которой онъ оказалъ свое довѣріе, которая такъ безстыдно предлагала ему себя въ музыкальной комнатѣ. Монтебелло была единственнымъ довѣреннымъ лицомъ его сердца. Это она изъ мести предала его въ припадкѣ бѣшенства первому встрѣчному. За это она поплатится, поплатится смертью!

Жестокая тираническая черта его натуры, скрывавшаяся до сихъ поръ подъ слоемъ преувеличенной сентиментальности, сразу выступила во всей своей силѣ.

Почему онъ не былъ Нерономъ и не могъ раздавить тѣхъ, которые становятся на дорогѣ его планамъ. Эта зависимость, эти министры и сановники, съ которыми онъ долженъ всегда совѣщаться, а подчасъ и спорить! О, онъ покажетъ имъ зубы! Онъ былъ способенъ на это, если только взялъ себѣ въ голову провести то, что онъ задумалъ.

— Храмъ и улица будутъ устроены!—громко сказалъ онъ самъ себѣ. Схвативъ золотой колокольчикъ, онъ позвонилъ и приказалъ позвать адъютанта, ожидавшагося въ передней.

Не безъ опасенія вошелъ Ласфельдъ въ кабинетъ. Вѣсть о графинѣ, разбитомъ о голову камердинера, съ быстротою молніи распространилась по всему дворцу.

— Передайте министру-президенту Бауманну-фонъ-Брандту приказаніе явиться ко мнѣ сейчасъ же. Слышите, сейчасъ же, Ласфельдъ.

— Его превосходительство ожидаютъ уже въ пріемной. Я долженъ былъ доложить о прибытіи его превосходительства, но...

— Но...—глухо повторилъ Альфредъ.

— Ваше высочество...

— Живо, живо,—перебилъ его Альфредъ.

Ласфельдъ исчезъ.

Герцогъ большими шагами ходилъ по своему кабинету, когда въ него вошелъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ.

— Садитесь,—услышалъ онъ повелительный голосъ Альфреда. Министръ тотчасъ же повиновался.

— Я долженъ выразить вамъ величайшее мое неудовольствіе,—началъ герцогъ.

— Ваше высочество...—льстиво и подобострастно заговорилъ было министръ-президентъ.

— Да, величайшее мое неудовольствіе,—повторилъ Альфредъ.— Съ какихъ это поръ позволяется распространять путемъ печати оскорбленія противъ главы государства, ваше превосходительство?

— Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ ваше высочество изволите говорить.

— Читайте!

Словно ядовитую гадину отбросилъ отъ себя Альфредъ газету, которая полетѣла въ лицо министру.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сдержалъ свой гнѣвъ на такое обращеніе и якобы погрузился въ чтеніе статьи, которую онъ и безъ того хорошо зналъ.

— Ну?—послышался голосъ Альфреда.

— Эта статья направлена вовсе не противъ вашего высочества. Она говоритъ только объ опасности, которой ваше высочество, а за вами и вся страна подвергаетесь отъ этого авантюриста.

— Вы смѣете это говорить?

Словно раскѣпистый громъ собирающейся грозы, поразилъ министра этотъ возгласъ. Изумленно смотрѣлъ онъ на лицо герцога, отъ котораго какъ будто отлила до послѣдней капли вся кровь.

— Вы заодно съ этими господами!—кричалъ Альфредъ внѣ себя отъ ярости.—Это государственная измѣна!

Министръ оставался спокоенъ и холоденъ.

— Я совершенно не понимаю васъ, ваше высочество!

— Автора этой статьи выслать, а семью Монтебелло арестовать вслѣдствіе государственной измѣны.

— Монтебелло? Что же общаго между Монтебелло и авторомъ этой статьи?—спросилъ, притворно удивляясь, Бауманнъ-фонъ-Брандтъ.

Одну минуту Альфредомъ овладѣло раздумье. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, этотъ авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ другого источника?

— Какія мѣры вы посоветуете мнѣ принять?—вдругъ спросилъ Альфредъ.

— Самыя спокойныя и хладнокровныя, ваше высочество, — невозмутимо отвѣтилъ министръ-президентъ.— Не можетъ быть и рѣчи ни о незаконномъ и невозможномъ изгнаніи этого доктора Штейна, ни объ арестѣ баронессы фонъ-Монтебелло. Не знаю, какая можетъ быть связь между ею и этой статьей.

— Что такое?

— Да, не можетъ быть и рѣчи ни о томъ, ни о другомъ. По законамъ герцогства, которымъ ваше высочество, насколько я помню, изволили уже присягать, каждый журналистъ можетъ писать и печатать, что ему угодно, если только все написанное и напечатанное имъ не противно нашему уложенію о наказаніяхъ. А эта статья, какъ на нее ни смотри, не можетъ считаться преступной.

— Онъ можетъ писать, что ему угодно? Даже противъ своего герцога?

— Даже противъ своего герцога, если только онъ облекаетъ статью въ приличную форму. Авантюристъ, шарлатанъ, обманщикъ—все это относится въ статьѣ не къ вамъ, а къ этому просла-

вленному музыканту, все возрастающее вліяніе котораго при дворѣ вашего высочества я самъ наблюдаю со страхомъ и тоскою. Какое отношеніе имѣеть ко всему этому дѣлу Монтебелло, этого я не знаю. Объ этомъ можете судить вы одни, ваше высочество.

При этихъ словахъ хитрая улыбочка скользнула по гладко выбритымъ губамъ министра-президента.

— Во всякомъ случаѣ будетъ неловко и недипломатично давать почувствовать свою месть дамѣ, которой ваше высочество передъ всѣмъ дворомъ оказывали ваше милостивое вниманіе.

Что-то горячее, какъ кипятокъ, поднялось внутри Альфреда.

— Мы не понимаемъ другъ-друга, г. министръ,—сказала она.— Да и никогда не понимали.

— Можетъ быть, — холодно промолвилъ Бауманнъ-фонъ Брандтъ.— Я ждалъ въ пріемной вашего высочества—добавилъ онъ:— ждалъ, какъ послѣдній изъ лакеевъ, надѣясь, что вашему высочеству потребуется, быть можетъ, мой совѣтъ. Наконецъ черезъ фонъ-Ласфелда меня позвали сюда. Для чего я здѣсь?

— Для чего вы здѣсь? Для чего же вы министръ? Дайте мнѣ совѣтъ, какъ мнѣ поступить съ этими государственными измѣнниками?

— Ваше высочество, вы дѣлаете роковую ошибку, вы вступаете на ложный путь, на совершенно ложный путь,—повторялъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ серьезнымъ, почти отеческимъ тономъ.— Ваше высочество не должны бросать на вѣтеръ хорошо обдуманнѣйшій совѣтъ вашего усерднаго и опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ слуги. Я видѣлъ стараго слугу Мертенса.

Альфредъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

— Гнѣвъ ослѣпилъ меня, и я хочу просить у него прощенія.

— Рана, которую вы ему нанесли, гораздо опаснѣе для вашего высочества, чѣмъ для этого честнаго слуги, посѣдѣвшаго на вашей службѣ. Эта рана поражаетъ самое сердце народа, къ которому принадлежитъ этотъ человекъ. Угодно вамъ выслушать мой совѣтъ?

— Говорите!

— Удалите вы этого шарлатана...

— Что такое? Вы осмѣливаетесь?

— Я говорю объ этомъ музыкантѣ, ваше высочество... Удалите его какъ можно скорѣе отъ двора, иначе я ни за что не отвѣчаю.

— Никогда!

— Ваше высочество, подумайте хорошенько! Послѣ нѣсколькихъ часовъ зрѣлыхъ размышленій вы, можетъ быть, дадите мнѣ болѣе благопріятный отвѣтъ. Неужели эта статья говорить правду, и ваше высочество дѣйствительно замышляете нѣчто неслыханное, на что никогда не дадутъ согласія ни палаты, ни министръ финансовъ, ни городское управленіе Кронбурга?

— Мой министръ финансовъ, а не вашъ, ваше превосходительство, мой министръ финансовъ внесетъ предложеніе объ ассигно-

ваніи нужныхъ для моихъ плановъ суммъ, мой министръ финансовъ будетъ защищать на основаніи моихъ соображеній передъ палатами этотъ проектъ и проведетъ его. Понимаете.

Но честолюбивый, мнящій себя всемогущимъ, министръ-президентъ все еще не хотѣлъ понять его.

— Я долженъ предостеречь ваше высочество, — началъ онъ снова. — Эта статья, навлекшая на себя неудовольствіе вашего высочества, является симптомомъ. Въ народѣ идетъ броженіе, и я не отвѣчаю ни за что. Слѣдствіемъ такихъ необычайныхъ распоряженій можетъ быть бунтъ, возстаніе, которое не только разразится на улицахъ Кронбурга, но не остановится и передъ воротами дворца вашей свѣтлости. Народъ не пожелаетъ жертвовать милліоны на осуществленіе раздутыхъ идей этого музыканта. Народъ не пожелаетъ, — благоволите понять меня, какъ слѣдуетъ, ваше высочество.

Послѣднимъ усиліемъ воли Альфредъ овладѣлъ собою.

Онъ хотѣлъ дослушать до конца того, кого онъ ненавидѣлъ, ему хотѣлось знать, до чего дойдетъ его дерзость.

— Говорите спокойно до конца, г. министръ, — повторялъ онъ.

— Я не накладываю нарочно мрачныхъ красокъ, ваше высочество. Настроеніе широкихъ общественныхъ круговъ мнѣ хорошо извѣстно. Уже одни представленія этой оперы легли тяжестью въ сто тысячъ марокъ на вашъ цивильный листъ. Ночныя представленія для одного васъ не встрѣтили одобренія въ обществѣ, а тутъ еще этотъ планъ...

— Какимъ образомъ этотъ планъ сталъ извѣстенъ? Какимъ образомъ могли о немъ провѣдать? — заскрипѣлъ Альфредъ зубами.

— Этого я не могу сказать, ваше высочество. Но такого рода планъ, который касается тысячи лицъ, цѣлаго города, наконецъ цѣлаго государства, такой планъ не можетъ остаться неизвѣстнымъ.

— Измѣнники!

— Надѣюсь, что ваше высочество не причисляете къ числу ихъ вашего преданнѣйшаго слуги. Ваше высочество обдумаете на досугѣ и придете къ убѣжденію въ невозможности исполненія вашего неслыханнаго плана, пожелаете жить въ мирѣ съ своимъ народомъ и не возьмете на себя отвѣтственность за бурю возстанія, которое разразится на тихихъ улицахъ столицы. Благоволите обдумать со всѣхъ сторонъ мой совѣтъ удалить какъ можно скорѣе отъ двора этого музыканта. Дѣло идетъ о спокойствіи страны, ваше высочество, за которое я не могу ручаться. Умоляю ваше высочество вспомнить о судьбѣ вашего дѣда, который также вслѣдствіе скандала изъ-за театра долженъ былъ отказаться отъ короны въ пользу вашего покойнаго отца!

— Довольно! Мой министръ финансовъ въ самомъ непродолжительномъ времени займется этимъ вопросомъ. Не задерживаю васъ болѣе.

Величавымъ жестомъ Альфредъ указаль на дверь.

— Какъ прикажете понимать это, ваше высочество?

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше превосходительство.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ задрожаль всѣми членами. Неужели онъ дѣйствительно такъ ошибся въ этомъ юношѣ? Онъ не хотѣль этому вѣрить.

— Какъ прикажете понимать?—пробормоталь онъ еще разъ.

— Я уже вамъ сказалъ, какъ вамъ будетъ угодно.

— Ваше высочество продолжаете держаться за этотъ фантастическій планъ?

— Да, ваше превосходительство. Осуществленіе его будетъ первой задачей моего новаго министра финансовъ.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ пошатнулся.

— Ожидаю сегодня же вашего прошенія объ отставкѣ. Оно будетъ принято.

XI.

Внезапное паденіе министерства Бауманна-фонъ-Брандта, всѣми считавшагося всемогущимъ, возбудило величайшее изумленіе во всей странѣ. Со всѣхъ концовъ столицы неслись невѣроятные слухи о какихъ-то планахъ и намѣреніяхъ юнаго герцога и распространялись, какъ огонь на пожарѣ. Всѣ сложившіяся отношенія, казалось, вдругъ перевернулись, какъ бы возвѣщая новый курсъ герцогскаго правительства.

Переселеніе двора въ замокъ Турмъ, о чемъ уже было отдано распоряженіе, было отложено на неопредѣленное время. Словно чреватая бѣдами непогода, налегла на Кронбургъ и всю страну упрямая воля юнаго герцога. Въ рядахъ наиболѣе видныхъ чиновъ двора, которые получили свои должности еще при отцѣ герцога, стали происходить крупныя перемѣны, очевидно, вызванныя капризнымъ характеромъ Альфреда.

Никто изъ тѣхъ, которые стояли близко къ герцогскому двору, не чувствовалъ себя больше въ безопасности и не зналь, будетъ ли солнце герцогскаго благоволенія свѣтить для него завтра. Только самые смѣлые рѣшались опереться на волю герцога, но они должны были заплатить за это со временемъ.

Фонъ-Ласфельдъ былъ единственнымъ лицомъ, которое осталось на своемъ мѣстѣ. Этотъ бывший адъютантъ наслѣдника теперь неожиданно приобрѣль довѣріе своего государя. Съ нимъ однимъ совѣщался Альфредъ цѣлыми часами въ кабинетѣ, обсуждая составленіе новаго министерства и намѣчая новыхъ придворныхъ чиновъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ паденія министерства на столицу изъ гражданскаго и военнаго кабинета его высочества хлынулъ цѣлый дождь новыхъ назначеній. И все это произошло не-

жданно-негаданно, настолько быстро, что даже самъ герцогъ не успѣлъ ознакомиться съ образомъ мыслей тѣхъ, кому онъ оказалъ почести. Онъ игралъ и распоряжался людьми, словно маріонетками.

На мѣсто Бауманна-фонъ-Брандта былъ назначенъ по волѣ его высочества командиръ перваго армейскаго корпуса генераль Галлереръ. Извѣстіе о своемъ назначеніи, лично сообщенное ему герцогомъ, старый солдатъ принялъ, какъ приказъ. Теперь правительство должно дѣйствовать по-военному! Такъ указалъ самъ монархъ! И старый генераль сталъ подбирать себѣ министровъ отдѣльных частей, словно людей, идущихъ въ партуль.

— Они должны быть войскомъ въ рукахъ вашего превосходительства,—сказалъ Альфредъ старому рубакѣ.

Министерство, которое онъ создавалъ себѣ, было въ сущности тѣнью министерства, толпой чиновниковъ безъ воли и сопротивленія, которая могла противопоставить упрямой волѣ герцога слѣпое повиновеніе.

Пфистерманъ переживалъ дни величайшей тревоги. Съ паденіемъ Бауманна онъ не только лишился всякихъ надеждъ получить епископскую кафедру въ Кронбургѣ, но и получилъ извѣщеніе черезъ одного изъ придворныхъ лакеевъ, что герцогъ болѣе не нуждается въ его услугахъ исповѣдника и что по приказанію его высочества на это мѣсто назначенъ другой. Директоръ театра фонъ-Глаубахъ и гофмаршалъ графъ Штосъ получили отставку. На мѣсто послѣдняго былъ назначенъ командиръ герцогской лейбъ-гвардіи. За ночь Кронбургъ получилъ новаго начальника полиціи въ лицѣ бывшаго уланскаго ротмистра фонъ-Заара. На него была возложена охрана принца на улицахъ Кронбурга. На людей, не посвященныхъ въ дѣло, первыя его распоряженія произвели ошеломляющее впечатлѣніе. Было объявлено о высылкѣ изъ предѣловъ герцогства графини Монтебелло и ея матери на томъ основаніи, что онѣ обѣ итальянскія подданныя. Стало извѣстно также объ арестѣ нѣсколькихъ совершенно невинныхъ нумеровъ газеты д-ра Штейна вслѣдствіе возбужденнаго противъ редактора обвиненія въ оскорбленіи величества.

Во дворцѣ князя Филиппа вдругъ появился ординарецъ съ собственноручнымъ письмомъ герцога. «Переселиться въ замокъ Лаубельфингелъ и избѣгать герцогской столицы» — таковъ былъ приказъ.

Выѣзды герцога ознаменовывались для изумленныхъ жителей столицы усиленіемъ полиціи и появленіемъ цѣлыхъ отрядовъ охраны. Его высочество носился по улицамъ столицы въ закрытой каретѣ, сопровождаемой двумя охранителями сзади и спереди. Ѣздилъ онъ всегда крупной рысью, какъ будто кто-нибудь его преслѣдовалъ. Начальникъ полиціи фонъ-Зааръ издалъ особый приказъ по поводу выѣздовъ герцога.

«Всѣ экипажи должны останавливаться, пока карета его высочества не скроется изъ виду», гласилъ этотъ приказъ.

Смотрѣть на такія сцены было довольно дико. Огромное движеніе на улицахъ Кронбурга вдругъ, словно по какой-то невидимой командѣ, останавливалось. Каждый кучеръ давалъ при помощи хлыста знакъ другому, и такимъ образомъ всѣ знали, что гдѣ-нибудь вблизи несется наглухо закрытая карета герцога. Онъ мелькалъ, словно молнія. Словно злой духъ, онъ носился съ одного конца столицы на другой, распространяя на нѣсколько минутъ панику и тишину на улицахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ.

Всѣ должны были знать и чувствовать, кто теперь царствуетъ въ герцогствѣ!

По личному приказанію Альфреда министромъ финансовъ былъ назначенъ камергеръ Вернеръ-фонъ-Лензингъ. Герцогъ цѣлыми часами работалъ вмѣстѣ съ нимъ въ его покояхъ. Дѣло шло о постройкѣ храма для любимаго художника и проложеніи новой улицы къ нему. Фонъ-Лензингъ былъ какъ воскъ въ рукахъ герцога, какъ Альфредъ самъ рекомендовалъ фонъ-Галлереру. Но даже Галлереръ качалъ своей сѣдой головой, слыша о чудовищномъ планѣ, который юный государь велѣлъ архитектору спроектировать, не считаясь ни съ какими практическими соображеніями.

«Должно быть сдѣлано!»—вотъ единственный отвѣтъ, который давалъ герцогъ на всѣ авторитетныя техническія возраженія специалистовъ. Въ стѣнахъ министерства Лензингъ зналъ свое дѣло.

Галлереръ былъ всемогущъ, но тѣ, кто былъ призванъ имъ, плясали по его дудкѣ и знали, что онъ только рупоръ его высочества. Въ случаѣ надобности онъ готовъ былъ управиться и съ ландтагомъ и добиться увеличенія цивильнаго листа, но... при отпускѣ денегъ на осуществленіе герцогскихъ плановъ пужно было согласіе еще одной инстанціи, а при томъ возбужденіи, которое образовалось въ столицѣ противъ герцога, было болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы настроеніе этой инстанціи совпало съ желаніями герцога. Дѣло шло о полной перестройкѣ большей части города. Городское самоуправленіе и жители Кронбурга, въ высшей степени раздраженные послѣдними распоряженіями, должны были подумать о томъ, слѣдуетъ ли отнестись съ вниманіемъ къ планамъ герцога, или нѣтъ. Объ этотъ подводный камень все могло разбиться, если бы даже министерство и ландтагъ оказались преисполненными усердія. По бывшимъ примѣрамъ еще нельзя было судить о томъ, до какого упорства можетъ дойти герцогъ.

Чувствовалось броженіе. Надъ Кронбургомъ и всѣмъ герцогствомъ носились грозовыя тучи. Всѣ знали и чувствовали, что городское управленіе не замедлитъ дать герцогу отпоръ по этому дѣлу въ отместку за его поведеніе и необычайныя распоряженія.

Хуже всего было, что этотъ тлѣвшійся огонекъ старался раз-

дуть. Прежде всего тутъ былъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, служившій теперь своими знаніями прессѣ. Какъ человекъ, не занимавшій служебнаго положенія, онъ не боялся подвергать распоряженія герцога и мѣропріятія новаго министерства самой ожесточенной критикѣ.

Газетныя статьи день ото дня становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Ихъ читали и проглатывали тысячи, въ воображеніи которыхъ личность новаго государя должна была слагаться очень некрасиво. То была кампанія клерикально-іезуитской партіи, къ услугамъ которой были Штейнъ и Пфистерманъ. Этотъ послѣдній явился источникомъ, изъ котораго можно было черпать свѣдѣнія о качествахъ новаго герцога.

Изгнанный по капризу изъ столицы, князь Филиппъ обдумывалъ въ своемъ замкѣ Лаубельфингелъ планъ мщенія и тайно совѣщался съ Бауманномъ-фонъ-Брандтомъ, который послѣ смерти герцога Бернгарда самовольно вернулъ его въ столицу. Теперь этотъ Бауманнъ сталъ чуть не ежедневнымъ гостемъ смертельно обиженнаго родственника герцога.

Куда ни взгляни, въ эти чреватые мрачными послѣдствіями дни и недѣли все уже и уже становились петли сѣти, изъ которой воля герцога могла вырваться только какимъ-нибудь энергичнымъ смѣлымъ дѣяніемъ. Все то, чѣмъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ старался его напугать, теперь дѣйствительно осуществилось: благодаря своему грубому поведенію, онъ сразу потерялъ любовь своего народа и своей столицы и утратилъ довѣріе гражданъ къ мѣропріятіямъ правительства. Съ неслышнымъ ропотомъ возстаніе уже выползло на улицы Кронбурга всякій разъ, какъ герцогская карета проносила, словно молнія, среди внезапной мертвой тишины.

Постъ директора театровъ, который занималъ Глаубахъ, оставался еще не замѣщеннымъ. Эту должность пока исправлялъ главный режиссеръ Ашеръ. Со времени исполненія новой оперы герцогъ пересталъ и думать о своемъ придворномъ театрѣ. Занявшіеся проектомъ новаго храма искусства, онъ какъ будто потерялъ всякій интересъ къ старинному почтенному зданію, которое было выстроено его предками.

При такихъ обстоятельствахъ наступалъ день рожденія маэстро.

Въ этотъ день рано утромъ въ его квартиру прибылъ адъютантъ фонъ-Ласфельдъ съ собственноручнымъ письмомъ герцога. Этимъ письмомъ маэстро назначался директоромъ королевскаго театра и придворной музыкальной капеллы.

Какое-то тяжелое чувство шевелилось въ душѣ адъютанта, когда онъ поднимался по широкой мраморной лѣстницѣ виллы, которую герцогъ приказалъ отвести для него въ Кронбургъ.

Никто не ожидалъ его здѣсь.

Онъ долженъ былъ позвонить нѣсколько разъ прежде, чѣмъ ему открыли дверь. Появившійся откуда-то старый дворецкій сообщилъ герцогскому адъютанту изумительную вещь: нѣсколько недѣль тому назадъ маэстро незамѣтно уѣхалъ изъ Кронбурга. Онъ будто бы выѣхалъ за границу и строго-настрого приказалъ держать въ секретѣ его адресъ.

Сильный страхъ овладѣлъ Ласфельдомъ. Какъ онъ осмѣлится передать герцогу такое извѣстiе, которое, несомнѣнно, подѣйствуетъ на его удручающе? Моментально передъ нимъ пронесся образъ старика-лакея Мертенса, который однажды выскочилъ весь въ крови изъ апартаментовъ герцога. Альфредъ разбилъ графиню съ водой объ его голову.

— Нужно, конечно, держать это въ тайнѣ отъ всѣхъ,—повторялъ про себя Ласфельдъ.—Но вы знаете меня, я здѣсь по приказанiю его высочества. Вамъ извѣстенъ адресъ маэстро?

Старикъ, которому было поручено стеречь виллу, сначала закачалъ было головой. Но Ласфельдъ, настойчиво уговаривая, успѣлъ, однако, вывѣдать отъ него пужный адресъ. Не разузнавъ о мѣстѣ пребыванiя маэстро, бѣдный адъютантъ никогда бы не рѣшился предстать передъ своимъ государемъ.

— Онъ за границей,—промолвилъ наконецъ старикъ.—Прошу васъ обождать.

И онъ принесъ клочокъ бумаги съ точнымъ адресомъ бѣглеца.

— Вотъ.

На радостяхъ Ласфельдъ сунулъ въ руку старика золотой и отправился въ тяжелый обратный путь въ герцогскiй дворецъ.

Нетерпѣливо ждалъ его Альфредъ. Ему страшно хотѣлось знать, какъ принялъ маэстро новое доказательство его довѣрiя и милости.

— Ну,—крикнулъ онъ Ласфельду.—Что сказалъ маэстро, гдѣ онъ теперь; не думаетъ ли онъ явиться, чтобы лично поблагодарить меня?

Ласфельдъ поблѣднѣлъ.

— Что съ вами?

— Ваше высочество, разрѣшите сказать вамъ всю правду?

— Ну?

Со страхомъ и нетерпѣнiемъ герцогъ вперилъ свой взоръ въ лицо Ласфельда.

— Маэстро нѣтъ въ Кронбургѣ...

— Нѣтъ въ Кронбургѣ?

— Онъ бѣжалъ изъ предѣловъ герцогства, ваше высочество!

Тяжелая чернильница изъ лаписъ-лазури, лежавшая на столѣ передъ Альфредомъ, со страшнымъ трескомъ ударилась въ стѣну, оставляя послѣ себя черную полосу на вышитомъ золотомъ коврѣ.

— Негодяи!—вырвалось у герцога, который метался по комнатѣ, какъ бѣшеный звѣрь.—Негодяи! Что они со мной сдѣлали! Ихъ нужно колесовать за это, отдать на четвертованiе!

Ласфельдъ былъ радъ-радешенекъ, что гнѣвъ его высочества палъ не на него, сообщившаго такую вещь и что государь вѣрно понималъ, кто виноватъ въ этомъ бѣгствѣ маэстро.

— Вамъ извѣстно, Ласфельдъ, гдѣ онъ теперь, гдѣ онъ скрывается отъ этого неблагодарнаго города?

— Вотъ.

Ласфельдъ передалъ герцогу записку—ту самую, которую онъ получилъ изъ рукъ старика.

— Обождите!—говорилъ Альфредъ, читая записку.—Подождите, Ласфельдъ.

Герцогъ долго подробно что-то обдумывалъ и наконецъ сказалъ:

— Да, да, такъ.

И позвонилъ въ колокольчикъ.

— Позвать сюда камердинера Модлера.

— Слушаю, ваше высочество.

Прошло нѣсколько минутъ.

Герцогъ не достаивалъ Ласфельда ни словомъ, ни взглядомъ. Онъ подошелъ къ окну и грозилъ кулаками своей столицѣ, которую онъ теперь ненавидѣлъ.

Онъ смѣялся про себя. Смѣялся надъ карауломъ своего дворца, который какъ разъ смѣялся въ эту минуту, смѣялся надъ этими куклами, нити отъ которыхъ онъ держалъ въ своей рукѣ.

Вошелъ Модлеръ.

— Уложите въ чемоданъ все, что необходимо для поѣздки, Модлеръ. Я ѣду сегодня вечеромъ.

— Слушаю, ваше высочество. Гофмаршальская часть уже...

— Я ѣду—поняли—сегодня вечеромъ. При чемъ тутъ гофмаршальская часть?

— Но... придворный поѣздъ...

— Я поѣду съ обыкновеннымъ поѣздомъ, и горе тебѣ и всѣмъ, если объ этомъ кто-нибудь узнаетъ. Я могу поѣхать, куда мнѣ угодно. Ты поѣдешь со мной, Модлеръ, и вы тоже, Ласфельдъ.

— Куда, ваше высочество?

— Это ты узнаешь на вокзалѣ заблаговременно, а теперь ступай.

Модлеръ исчезъ.

— Вы должны быть здѣсь въ восьмомъ часу, Ласфельдъ. Вы будете меня сопровождать. До вокзала я дойду пѣшкомъ.

Съ минуту онъ что-то обдумывалъ, потомъ покачалъ головой. Казалось, имъ овладѣло что-то въ родѣ страха.

— Съ вами будетъ оружiе, Ласфельдъ?

— Какъ прикажете, ваше высочество.

— Итакъ, до вечера.

И онъ снова подошелъ къ окну и погрозилъ кулакомъ Кронбургу.

XII.

Поѣздка Альфреда оказалась безуспѣшной. Онъ разыскалъ за границей любимаго маэстро, но всѣ его просьбы и уговоры не могли склонить оскорбленнаго артиста вернуться въ Кронбургъ. Онъ упорно стоялъ на своемъ и твердилъ одно:

— Меня преслѣдуетъ судьба. Она съ ожесточеніемъ гонится за мною по пятамъ и захватываетъ всѣхъ, кто приближается ко мнѣ. Я предупреждалъ васъ, ваше высочество. Позвольте мнѣ въ уединеніи истечь кровью отъ недавно нанесенныхъ ранъ.

Альфредъ долженъ былъ уѣхать отъ него и черезъ два дня вернулся ни съ чѣмъ въ Кронбургъ.

Дѣла здѣсь шли хуже, чѣмъ онъ ожидалъ. Враждебная ему партія широко истолковала его необъяснимое отсутствіе.

Въ газетѣ д-ра Штейна, которому хотѣлось отомстить за процессъ объ оскорбленіи герцога, появилась довольно злая статья, которую съ нетерпѣніемъ проглотили всѣ въ Кронбургѣ. Называлась она: «Герцогство, разыскивающее своего герцога».

Альфредъ замкнулся въ себѣ. Цѣлый день онъ проводилъ въ полномъ уединеніи въ роскошныхъ покояхъ своего дворца, а ночи просиживалъ безъ сна въ своемъ сіяющемъ зимнемъ саду, всецѣло погрузившись въ прекрасную мечту, отъ которой онъ никакъ не могъ оторваться. Его упрямая воля упорно сосредоточивалась на одной мысли—проложить новую великолѣпную улицу и постронть новый храмъ искусства.

Сессія ландтага была въ полномъ ходу. Хотя министру финансовъ и удалось провести законопроектъ объ увеличеніи гражданского листа герцога, однако онъ не скрывалъ отъ себя, что, несмотря на это увеличеніе гражданского листа, игра еще только начинается.

Противъ герцога и его дружбы съ маэстро, его расточительныхъ плановъ возсталъ не одна газета Штейна. Во всей прессѣ объ этомъ стали говорить совершенно явно. Личность маэстро весьма дерзко представлялась въ карикатурахъ и памфлетахъ, которые грозили разрушить любимые планы Альфреда о будущности маэстро и его твореній.

Лензингъ отлично понималъ всю тяжесть и непрочность своего положенія при сложившихся обстоятельствахъ. Онъ имѣлъ продолжительные переговоры съ министромъ-президентомъ фонъ-Галлереромъ, но и тотъ не находилъ въ себѣ мужества подготовить его высочество къ тому, чтобы отказаться пока отъ своего плана и терпѣливо выжидать болѣе благоприятнаго времени, когда успокоится общественное настроеніе. Онъ зналъ, что на всѣ подобныя предложенія герцогъ отвѣтитъ: нѣтъ.

Альфредъ былъ всецѣло во власти этой одной мысли. Онъ далъ маэстро торжественное обѣщаніе и поручился своимъ герцогскимъ словомъ. Поэтому вещи должны идти своимъ порядкомъ, хотя бы это стоило отставки десяти кабинетамъ.

Разговоры о герцогѣ и его затѣяхъ можно было слышать каждый день во всѣхъ ресторанахъ и пивныхъ. Кронбургъ раздѣлился на два лагеря. Въ одномъ, который былъ поменьше, стояли энтузіасты новаго искусства; въ другомъ, большемъ, собрались всѣ, кто противился всякимъ новшествамъ и въ искусствѣ, и въ другихъ областяхъ жизни. Тутъ же были и тѣ, которые съ появленіемъ новаго генія, озареннаго королевскою милостію, видѣли, что ихъ собственныя звѣзды клонятся къ закату. Средніе обыватели Кронбурга, отъ которыхъ зависѣло уступить мѣсто для задуманной герцогомъ постройки и разрѣшить проведеніе новой улицы, охотно присоединились къ противникамъ этихъ новыхъ затѣй, которыя казались все неудобнѣе и неудобнѣе.

Сидя вечеромъ за пивомъ, они читали другъ другу свою придворную газету, въ которой критики наперебой высмѣивали музыку маэстро, какъ преступленіе противъ святаго искусства, какъ порожденіе полоумнаго честолюбца... Это нравилось ремесленникамъ и кушцамъ, которые играли главную роль въ препіяхъ въ городскомъ управленіи. Ихъ бросало въ жаръ при мысли, что по капризу герцога придется бросить милліоны ради какой-то чисто идеалистической затѣи. Каждому казалось, что онъ уже чувствуетъ, какъ нажимаетъ на него податной прессъ.

Такимъ образомъ, благодаря герцогу, маэстро и его новая музыка сдѣлались общественнымъ событіемъ не только Кронбурга, но и всей страны, задолго до того, когда городскому управленію дѣйствительно пришлось заняться разсмотрѣніемъ проектовъ герцога. Приговоръ надъ этимъ гигантскимъ дѣломъ, которое стало достояніемъ публики, благодаря нескромности Монтебелло, былъ уже давно готовъ въ этихъ филистерскихъ умахъ, пока Альфредъ все еще носился со своими планами и надеждами.

Подъ руководствомъ фонъ-Лензинга министерство финансовъ выработало законопроектъ, который возбудилъ большую сенсацію въ средѣ городского самоуправленія Кронбурга. Вопросъ шелъ о томъ, склонно ли управленіе войти въ разсмотрѣніе плана герцога и согласится ли оно снести старый кварталъ, прилегавшій къ берегу рѣки. Всѣ, конечно, понимали, что сносъ этого стараго квартала означаетъ начало осуществленія герцогскихъ затѣй въ честь маэстро.

Альфредъ не находилъ себѣ покоя въ тотъ день, когда разсматривался этотъ вопросъ. Ему не сидѣлось въ его апартаментахъ. Видѣли, какъ экипажъ герцога разъ десять промчался по самымъ старымъ улицамъ Кронбурга отъ дворца къ городской ратушѣ, въ большой залѣ которой происходило рѣшающее засѣданіе.

Альфредъ сгоралъ отъ нетерпѣнія. Онъ въ умѣ уже набрасывалъ телеграмму, которой хотѣлось осчастливить далекаго маэстро. Несмотря на всѣ препятствія, онъ все же не сомнѣвался, что его великіе планы удадутся. Онъ не вѣрилъ, чтобы осмѣлились бросить ему перчатку и поставить крестъ на всѣхъ его замыслахъ. Вслѣдствіе его молодости и фанатизма въ томъ, что ему захотѣлось, онъ и понятія не имѣлъ о томъ, съ какимъ упорнымъ народомъ ему придется имѣть дѣло.

Тѣмъ болѣе сокрушительнъ былъ ударъ.

Городское управленіе отклонило шестьюдесятью шестью голосами противъ пяти предложеніе обсудить желаніе его высочества.

На министра финансовъ, который лично присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, пала тяжелая задача сообщить герцогу о результатѣ голосованія, который уничтожалъ всѣ его планы.

Выйдя изъ высокаго подъѣзда ратуши, онъ сталъ искать взглядомъ герцогской кареты, которая стояла здѣсь цѣлый день подъ охраной отряда полицейскихъ. Но теперь ея не было и слѣда. На главномъ полицейскомъ посту министру сказали, что его высочество, вставъ въ нетерпѣніе и гнѣвъ, изволилъ полчаса тому назадъ вернуться во дворецъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ двинулся туда министръ. Альфреда онъ засталъ въ его рабочемъ кабинетѣ. На столѣ передъ нимъ лежалъ развернутый атласъ проекта новой великолѣпной улицы и театра. Онъ такъ погрузился въ разсматриваніе будущаго сооруженія, что почти не замѣтилъ министра, который послѣ неоднократныхъ попытокъ доложить о себѣ рѣшился наконецъ войти самъ.

Увидавъ наконецъ его, Альфредъ воскликнулъ:

— Это будетъ великолѣпно, Лензингъ! Если представить себѣ этотъ храмъ новаго искусства на зеленомъ холмѣ, у подножія котораго протекаетъ шумная рѣчка, то это затмитъ памятникъ славы, воздвигнутый моему отцу.

Лензингъ не зналъ съ чего начать.

Наконецъ онъ набрался смѣлости.

— Ваше высочество,—залепеталъ онъ:—въ виду только что состоявшагося постановленія городского управленія этимъ прекраснымъ мечтамъ суждено, повидимому, остаться мечтами.

Альфредъ поблѣднѣлъ.

— Какое же состоялось постановленіе? Какое постановленіе осмѣлились они принять?—кричалъ онъ, трясаясь отъ гнѣва.

— Ваше высочество, соблаговолите выслушать вашего покорнаго слугу спокойно.

— Говорите, Лензингъ, говорите скорѣй!

— Городское управленіе столицы вашего высочества постановило оставить предположенія вашего высочества безъ разсмотрѣнія.

Альфредъ громко разсмѣялся въ отвѣтъ.

Одну минуту министр боялся, не сошелъ ли герцогъ съ ума.

— Ваше высочество! ваше высочество! — пытался онъ успокоить его.

Вдругъ Альфредомъ овладѣло ледяное спокойствіе. Насмѣшливая улыбка скользнула по его гордымъ устамъ.

— Я никого не хочу принуждать къ счастью, тѣмъ болѣе это гнѣздо воронъ Кронбургъ. Вотъ вамъ мой герцогскій приказъ! Идите и обнародуйте этотъ приказъ въ моей официальной газетѣ для свѣдѣнія Кронбурга и всей страны, но напечатайте такъ буквально. Понимаете? Буквально! Я не стану напрасно стараться превратить беотійцевъ въ аеиняпъ. Я не хочу метать бисера передъ свиньями, Лензингъ. Вы можете напечатать это, если хотите. Поняли?

Онъ подошелъ къ столу, схватилъ планы и разорвалъ ихъ на тысячи кусковъ.

— Покорно благодарю мою столицу, — горько засмѣялся онъ. — Пусть она омужичится, если не хочетъ стать лучшей. Мое государство не будетъ имѣть съ нею ничего общаго. Мы будемъ учиться управлять грозowymi тучами издали, изъ нашего одиночества.

Лензингъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Издали? — повторялъ онъ. — Что ваше высочество изволить подразумѣвать подъ этимъ?

— Подобно божеству, которое управляетъ грозowymi тучами и лѣтомъ въ душную жару поражаетъ хижину виновнаго и невиновнаго. Я держалъ въ рукахъ хлѣбъ и мясо и хотѣлъ раздать ихъ. Но они оттолкнули меня съ оскорбительной неблагодарностью. Какъ принялъ посольство старинный библейскій царь?

— Ваше высочество разумѣете...

— Скажите народу: мой отецъ наказывалъ васъ лозами, я буду наказывать васъ скорціонами. Кажется, такъ? Это золотыя слова для моей страны. Скорціоны Кронбургу, молніи владыки изъ гремящихъ облаковъ, которыя носятя недостижимо высоко надъ вашими головами. Передайте имъ это!

Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на дворець.

Министръ стоялъ, выжидая.

Потомъ онъ сдѣлалъ низкій поклонъ и удалился.

Онъ хотѣлъ бы подождать до утра, пока не успокоятся нервы его высочества.

Черезъ минуту слышался рѣзкій звонокъ герцога.

— Позвать гофмаршала! — быстро кинулъ онъ въбжавшему лакею.

Прошла добрая четверть часа прежде, чѣмъ явился новый гофмаршалъ камергеръ фонъ-Лейтгофенъ, назначенный послѣ паденія Бауманна-фонъ-Брандта.

Былъ вечеръ. Его пришлось вызвать изъ итальянскаго посольства, куда онъ былъ приглашенъ на какое-то празднество.

— Вы готовы?—спросилъ гофмаршала Альфредъ, какъ только тотъ появился.

— Къ чему, ваше высочество?

— Ъхать со мной.

— Ъхать?.. куда?

— Я уѣзжаю изъ Кронбурга сегодня ночью. И навсегда, г. гофмаршалъ.

— Ваше высочество...

— Что такое? Я васъ спрашиваю: готовы ли вы ъхать?

— Какъ прикажете, ваше высочество. Прикажете заказать придворный поѣздъ? Куда изволите ъхать?

— Нѣтъ. Я поѣду въ обыкновенномъ вагонѣ. Сегодня же ночью. Въ замокъ Турмъ. Приготовьте все, что пужно. Когда я могу ъхать?

— Я долженъ по телеграфу дать распоряженія въ замокъ Турмъ, ваше высочество. Переѣздъ двора былъ объявленъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Поэтому все готово. Необходимо только телеграфное распоряженіе вашего высочества.

— Отлично. Позаботьтесь объ этомъ. Отнынѣ мы будемъ [править изъ замка Турмъ. Поняли?

— Ваше высочество изволили задумать совѣмъ и навсегда переселиться въ замокъ Турмъ? А какъ же... священныя традиціи герцогскаго дома?...

— Поняли вы меня, или нѣтъ? Сколько времени я пробуду въ замкѣ Турмъ, это васъ не касается, да и не можетъ кого-либо касаться. Я переселяюсь въ замокъ Турмъ и притомъ сегодня же ночью. Я отвертываюсь отъ Кронбурга. Довольно этого съ васъ?

— Совершенно, ваше высочество.

— Карауль долженъ быть снятъ. Теперь десять часовъ. Около двухъ часовъ мы можемъ быть уже въ Турмѣ.

— Слушаю.

Лейттофенъ вышелъ.

— Теперь закатилось солнце моей милости,—прошепталъ про себя Альфредъ.—Вернусь ли я когда-нибудь обратно?..

Черезъ часъ въ темную ночь герцогскій вагонъ выѣзжалъ изъ столицы. Съ затаенной злобой покидалъ герцогъ свою неблагодарную столицу.

ХІІІ.

Замокъ Турмъ лежалъ на западномъ берегу голубого озера, которое тянется въ горахъ среди сосновыхъ лѣсовъ всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Кронбурга. Противъ него расположена старинная резиденція герцоговъ Лаубельфингель. Длинный, разбитый во французскомъ стилѣ паркъ, засаженный буками и дубами, тя-

нется по берегу озера и окружаетъ старое простое зданіе, которое Альфредъ назначилъ для пребыванія своему дядѣ, князю Филиппу.

Жаркій безоблачный іюльскій день царилъ надъ озеромъ и паркомъ. Изъ зеленыхъ глубинъ герцогскаго парка неслись звонкіе, какъ колокольчики, голоса двухъ дѣвушекъ.

То были двѣ дочери князя Филиппа отъ перваго брака—двадцатилѣтняя принцесса Матильда-Маргарита и ея сестра Адельгейма-Эмма, которая была моложе ея на два года. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда князь Филиппъ былъ еще въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ зятемъ, покойнымъ герцогомъ Бернгардомъ, день рожденія обѣихъ принцессъ весело справлялся всей столицей. Но когда онъ женился на его золовкѣ Паулѣ-Александрѣ, надъ этой боковой линіей герцогскаго дома разразилось несчастье. Первая жена князя Филиппа, ухаживая за своей старшей дочерью, сама схватила дифтеритъ. Юная принцесса была спасена искусной операцией, которую ей сдѣлалъ придворный врачъ, но мать, не достигшую еще и двадцати пяти лѣтъ, снесли въ тихій герцогскій склепъ. Цѣлый годъ горевалъ князь Филиппъ по своей обожаемой женѣ. Потомъ онъ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ придворнаго театра, и вдругъ въ одинъ прекрасный день въ столицѣ разнесся слухъ, что князь Филиппъ, который при малолѣтствѣ герцога Альфреда могъ имѣть виды на престолъ, увлекся опереточной дивой Юліей Веллино, отличавшейся изумительной красотой, и отдалъ ей свое сердце.

Герцогъ Бернгардъ старался всѣми доступными ему средствами отвлечь князя отъ мысли жениться на этой пѣвичкѣ. Но вдовецъ, мучимый чувствомъ одиночества, упорно стоялъ на своемъ желаніи вступить съ Юліей въ мorganатическій бракъ. Герцогъ Бернгардъ, наконецъ принужденъ былъ согласиться на это, но съ однимъ условіемъ. Князь Филиппъ долженъ былъ покинуть Кронбургъ и не возвращаться въ него. Послѣ этого онъ уже не появлялся при герцогскомъ дворѣ и жилъ вдали отъ столицы въ качествѣ частнаго человѣка. Юлія Веллино стала называться госпожой фонъ-Вальдау. Первое время послѣ женитьбы князь Филиппъ жилъ въ Парижѣ и на Ривьерѣ. Маленькія его дочери воспитывались у сестры его первой жены вмѣстѣ съ ея единственнымъ сыномъ Альфредомъ. Мало-по-малу княземъ овладѣла сильная тоска по родинѣ. Но всѣ его представленія, всѣ его просьбы о разрѣшеніи вернуться въ столицу остались безрезультатны. Только послѣ смерти герцогини, которая никогда не могла простить того, что Юлія такъ быстро вытѣснила ея сестру изъ сердца князя Филиппа, герцогъ Бернгардъ разрѣшилъ ему поселиться въ предѣлахъ герцогства въ замкѣ Лаубельфингелъ. Отсюда его и вызвалъ въ столицу Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сейчасъ же послѣ смерти стараго герцога, не спросивъ даже объ этомъ новатаго герцога.

Неравный бракъ съ госпожой фонъ-Вальдау принесъ не много счастья герцогу. Юлія оказалась кокеткой. Привыкнувъ къ театральнымъ триумфамъ, она, ставъ невѣсткой герцога, не могла отказаться отъ удовольствія покорять мужчинъ къ своимъ ногамъ. Ревность и гордость князя Филиппа не могли долго мириться съ этимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ князь по собственному желанію и по приказанію герцога разошелся со своей второй женой. О формальномъ разводѣ, по католическимъ церковнымъ законамъ, не могло быть и рѣчи. Госпожа фонъ-Вальдау жила въ Парижѣ, а ея мужъ поселился вмѣстѣ съ дочерью въ отведенномъ ему замкѣ Лаубельфингелъ.

И вотъ теперь его снова привело сюда паденіе министерства Буманна-фонъ-Брандта и послѣдовавшій затѣмъ приказъ герцога Альфреда.

Слѣдуя примѣру своего покойнаго отца, Альфредъ принялъ на счетъ своего гражданского листа расходы по содержанію скромнаго двора своего дяди и его дочерей. Матильда-Маргаритта и Адельгейда-Эмма, подъ надзоромъ гофмейстерины, графини фонъ-Шанцингъ, довольствовались входившей въ моду англійской игрой въ мячъ. Онѣ смѣялись, шутили и не могли наиграться въ эту игру, требующую большой граціи и ловкости.

Обѣ были истинными отпрысками герцогскаго рода, славившагося своей вошедшей въ поговорку красотой. Ихъ сходство съ двоюроднымъ братомъ, красивымъ, какъ самъ Аполлонъ, бросалось въ глаза. Въ особенности была похожа на него старшая, Маргаритта-Матильда, у которой, какъ и у Альфреда, были большіе, темные, загадочные глаза и пышные, волнистые каштановые волосы. Адельгейда-Эмма казалась привѣтливѣе и любезнѣе своей сестры. Свѣтлые голубые глаза придавали ея тонкому, обрамленному темными волосами лицу привѣтливое выраженіе и отнимали у него ту неприступность, которая замѣтна была у ея сестры.

— Что съ тобой сегодня, ты не отразила ни одного шара!— вскрикнула звонкимъ голосомъ Адельгейда.

— Не знаю,—отвѣчала старшая сестра.—У меня какое-то странное, пожалуй, даже печальное настроеніе.

— Печальное?

И Адельгейда разсмѣялась серебрянымъ смѣхомъ.

Графиня фонъ-Шанцингъ подошла съ озабоченнымъ видомъ къ Матильдѣ и спросила:

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше высочество чувствуете себя нехорошо?

— Наоборотъ, отлично, добрѣйшая графиня. Физически я чувствую себя превосходно.

— А въ другихъ отношеніяхъ?

— Говоря откровенно, Лаубельфингелю предстоятъ вещи, которыя меня очень безпокоятъ, кромѣ шутокъ!

— Что вы хотите сказать?—продолжала допрашивать ее Шандингъ.

— Вы легко могли бы догадаться объ этомъ и сами. Посѣтители, которые здѣсь принимаются, приводятъ меня въ ужасъ.

— Какіе посѣтители? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, кто бываетъ у отца,—со смѣхомъ замѣтила Адельгейда.—Положительно не понимаю, въ чемъ ты видишь опасность?

— Ты еще слишкомъ молода, Адельгейда. Этотъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ предвѣщаетъ опасность. Дня не проходитъ безъ того, чтобы его безбородое птичье лицо не появилось въ залахъ замка или въ аллеяхъ парка! А вѣдь онъ уволенъ въ отставку и въ немилости у герцога. Его присутствіе въ Лаубельфингелѣ накличетъ бѣду для отца и для насъ.

— Съ которыхъ поръ ты стала заниматься политикой? Это дѣло Альфреда и его министровъ.

— Ты слишкомъ легко ко всему относишься, Адельгейда! Сверженный министр, которому хочется втянуть отца въ Богъ вѣсть какіе планы, не одинъ. Сюда заглядѣваютъ и другіе. Не даромъ же они пріѣзжаютъ сюда!

— Ты говоришь о кронпринцѣ Карлѣ, который пріѣзжалъ сюда недѣли двѣ тому назадъ? Конечно, онъ былъ здѣсь не безъ причины, не безъ цѣли.

Матильда вдругъ густо покраснѣла.

— Кронпринцъ? Да, конечно... Я говорю и о немъ... но...

— А про кого же еще?

— Меня безпокоитъ старый князь Лейхтенштейнъ.

— Да онъ годится намъ въ дѣдушки.

— Тѣмъ болѣе это страшно. Ты понятія не имѣешь о томъ, какъ обыкновенно пристраиваютъ принцы своихъ дочерей.

— Перестань, пожалуйста.

— Да, именно пристраиваютъ. Вчера отецъ мимоходомъ сказалъ, что помѣстья которыми князь владѣетъ въ Россіи, и богатства, которыя ежегодно онъ получаетъ отъ нихъ, способны оздоровить финансы цѣлаго государства.

— Ну, если это сказалъ отецъ, то дѣйствительно стоитъ объ этомъ подумать.

— Кромѣ того, и принцъ Карлъ бывалъ здѣсь не даромъ... Онъ глазъ не спускалъ съ насъ обѣихъ. Потомъ...

— Что потомъ?

— Потомъ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу, Переговоры, по видимому, разбились о какія-то препятствія. Это ужасно—чувствовать себя предметомъ какой-то торговли.

— А развѣ ты чувствуешь себя имъ?

— Да. Вотъ уже года два-три, какъ я потеряла всякое спокойствіе и увѣренность. Въ каждомъ посѣтителѣ Лаубельфингеля я вижу покупателя.

— Фу, зачѣмъ ты называешь это такъ?

Графиня Шанцингъ, которую начиналъ тяготить этотъ разговоръ, удалилась.

— Ты начиталась новѣйшихъ книгъ, Матильда, не слѣдуетъ выражаться такимъ образомъ.

— Почему же не слѣдуетъ? Можетъ быть, ты воображаешь, что я испугаюсь этого имени, какъ оно ни противно. Хитрый дипломатъ этотъ пройдоха Бауманнъ не даромъ здѣсь. А о чемъ же можетъ идти рѣчь, какъ не о рукѣ какой-нибудь изъ принцессъ? Я нахожу это отвратительнымъ. Всякій разъ, какъ я вспомню объ этомъ старомъ Лейхтенштейнѣ, меня бросаетъ въ холодный потъ.

— А когда ты думаешь о кронпринцѣ Карлѣ, тогда во что тебя бросаетъ?

— Ты плохо воспитана Адельгейда.

— Можетъ быть, но зато, несмотря на свою молодость, правильнѣе понимаю вещи. Ты думаешь, я не замѣтила вашихъ взглядовъ. Ну, я жалуя тебѣ княжескую корону. Она отлично пойдетъ къ твоимъ каштановымъ волосамъ. Уступаю тебѣ влюбленнаго принца, ибо я...

И она вдругъ смолка.

— Не бойся Лейхтенштейна, это нелѣпо и глупо.

— Собственно говоря, ты права. Чего я боюсь? Переговоры еще не кончены. Карлъ вернется. Перестанемъ вспоминать объ этомъ старомъ Лейхтенштейнѣ. Ну, а ты какъ?

— Я? Что ты хочешь сказать?

— Ты сказала, что...

— Развѣ я что-нибудь сказала о себѣ?

— Сказать не сказала, а такъ намекнула, что ты уступаешь мнѣ Карла и княжескую корону, ибо ты сама...

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты жестоко ошибаешься. Я еще такъ молода. Въ княжескихъ домахъ соблюдается очередь, какъ у древняго Лавана.

— Ты хорошо помнишь библейскую исторію!..

— Слава Богу, въ теченіе десяти лѣтъ намъ только ее и читали и въ восемнадцать лѣтъ трудно ее и забыть, какъ слѣдуетъ. Смотри, смотри!

Она взглянула на озеро и бросилась по дорожкѣ герцогскаго сада, которымъ онъ отдѣлялся отъ улицы.

Матильда быстро послѣдовала за нею.

— Что тамъ такое?

— Лебедь, лебедь!

По серединѣ озера шель небольшой пароходъ, держа направленіе на крошечный островокъ, расположенный между Турмомъ и Лаубельфингелемъ.

— Кто это?—серьезно спросила Матильда.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

ЕВСЕВЪ, П. Записка о научномъ изданіи славянскаго перевода Библии и проектъ означеннаго изданія. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ПЕРВЫЙ всероссійскій съездъ православныхъ старообрядцевъ (единоверцевъ). Спб. 1912. Ц. 2 р.

ГЛАДКОВЪ, Б. Притча о невѣрномъ управителѣ. Спб. 1912. Ц. 15 к.

Философія, психологія, логика.

ВВЕДЕНСКІЙ, А. Воскресеніе Христова, какъ торжество вѣры, правды, смысла жизни, культуры и безсмертія. Одесса. 1912. Ц. 10 к.

— Библия и наука по вопросу о происхожденіи міра и человѣка. Одесса. 1912. Ц. 35 к.

ВУНДТЪ, В. Очерки психологій. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ГЛАГОЛЕВЪ, С. О происхожденіи человѣка. Разборъ теоріи Васманна. Сергеевъ-Посадъ. 1912. Ц. 80 к.

ДЕССУАРЪ, М. Очеркъ исторіи психологій. Ц. 1 р.

КАССИРЕРЪ, Э. Познаніе и дѣйствительность. Ц. 3 р.

БРАТА РЕПОА, или посвященіе въ древнее тайное общество египетскихъ жрецовъ. Ц. 25 к.

КРУПИЦКІЙ, З. Хасидизмъ, его происхожденіе, философская сущность и культурно-историческое значеніе. Кіевъ. 1912. Ц. 40 к.

ЛЮТЕРЪ, М. Къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи объ улучшеніи христіанскаго состоянія. Харьковъ. 1912. Ц. 50 к.

МАКОВЕЛЬСКІЙ, А. Въ поискахъ за абсолютной достовѣрностью. Казань. 1912. Ц. 35 к.

СЕЛЛИ, Д. Педагогическая психологія. Москва. 1912. Ц. 3 р.

СОЛОВЬЕВЪ, В.І. Собраніе сочиненій. Т. 7-й. Ц. 2 р.

СТЕКЕЛ. Причины нервности. Москва. 1912. Ц. 40 к.

СТОЛІЦА, З. Выработка характера. Ц. 40 к.

ТРИЗНА, Д. Законы души и ея жизни. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.

УСПЕНСКІЙ, П. Символы таро, философія оккультизма въ рисункахъ и чистахъ. Ц. 70 к.

ЭМЕРСОНЪ, Р. Избранія изъ сочиненій. Москва. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- ВЕНГЕРОВЪ, С. Собрание сочиненій. Т. 3-й. Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Спб. 1912. Цѣна 1 р. 50 к.
- ВИШНЕВСКІИ, П. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. Н.-Новгородъ. 1912. Ц. 40 к.
- ГУРЕВИЧЪ, Л. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Москва. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- КОГАНЪ, П. Хрестоматія по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. 2-й. Москва. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- ПЕРЕВЕРЗЕВЪ, В. Творчество Достоевскаго. Критическій очеркъ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- САЛОМОНЪ, М. Метерлинкъ. Его творчество и міросозерцаніе. Юрьевъ. 1912. Ц. 60 к.
- СИМАКОВЪ, В. Деревенскія пѣсни чапушки Архангельской, Вологодской, Вятской, Ярославской, Новгородской и Псковской губ. Ц. 5 к.
- ТІАНЦЕРЪ, К. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. 1-й. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АККЕРЪ, П. Солдаты Бернаръ. Спб. 1912. Ц. 1 руб.
- АЛЬМОНИ, П. На берегахъ Нила. Историческая повѣсть изъ жизни евреевъ въ Александріи. Одесса. 1911. Ц. 30 к.
- АМФИТЕАТРОВЪ, А. Закатъ стараго вѣка. Романъ. Продолженіе романа «Десятилетіи». Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- АНДРЕЕВЪ, Л. Собрание сочиненій. Т. 10-й. Черныя маски и др. Ц. 1 р. 25 к. — Океанъ. Трагедія. Ц. 60 к.
- АНУХТИНЪ, А. Сочиненія. Изд. 7-е. Спб. 1912. Ц. 4 р.
- БАЛЬМОНТЪ, К. Полное собраніе стиховъ. Т. 9-й. Птицы въ воздухѣ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- БАНГЪ, Г. На пути. Романъ. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- БЕЗОБРАЗОВА, М. Изъ одного альбома. Спб. Ц. 80 к.
- БЕЗПРИОТНБЫЕ и другіе рассказы разныхъ авторовъ. Съ рисунками Н. Живаго, А. Петрова и др. Москва. 1912. Ц. 85 к.
- БЕКОНСФИЛЬДЪ, Л. Давидъ Альрой. Историческій романъ. Одесса. 1912. Ц. 60 к.
- БЛОКЪ, А. Собрание стихотвореній. Кн. 3. Сиби́рская почта. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- БУДЫЩЕВЪ, А. Съ горъ вода. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
- БУНИНЪ, И. Рассказы и стихотворенія 1907—10 гг. Изд. 2-ое. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- БЪРНСТЕРНЕ-БЪРНСОНЪ. Молодая жизнь. Романъ. Ц. 1 р.
- ВАСИЛЬЕВА, М. Записки крѣпостной дѣвки. Новгородъ. 1912. Ц. 50 к.
- ВЕГА. Апокрифическія сказанія о Христѣ. I. Книга Никодима. Спб. 1912. Ц. 75 коп.
- ВЕРБИЦКАЯ, А. Духъ времени. Романъ. Книга 2-я. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- ВОЛЖИНЪ, В. Во имя правды. Рассказы. 1912. Ц. 1 р.
- ВЪ ЗАТНШЬ. Студенческой сборникъ. Май. 1912. Ц. 20 к.
- ГАЛПЕРИНЪ, М. Мерцанія. Собрание стиховъ. Кн. 1-я. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ГУМІЛЕВЪ, Н. Чужое небо. Третья книга стиховъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ДЯДЯ ЯША (Онъль Якаль). Морщинки смѣха. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ЗЕМЛЯ. Сборникъ девятый. Арциба-
- шевъ. Сильѣе смерти. Москва. 1912. Цѣна 1 р. 50 к.
- ЗЛАТОВРАТСКІИ, Н. Сочиненія. Т. 5-й. Золотыя сердца. Ц. 1 р. 50 к.
- ИВАНОВЪ, В. Сгоръ арденъ. Часть 2-я. Любовь и смерть. Москва. 1912. Ц. 2 р.
- КОВАЛЕВСКІИ, П. Стихи и воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.
- КОЛЛОНТАИ, А. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.
- КОХАНОВСКІИ, В. Рассказы. Т. 2-й. Цѣна 1 р. 25 к.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). На соседней планетѣ. Романъ. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛОНДОНЪ, Д. Собрание сочиненій. Т. 2-й. Обреченные. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- Богъ отовъ. Рассказы. Цѣна 1 р.
- МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Дикое счастье. Романъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- МАРГЕРИТЪ, В. Молохъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- МАЧТЕТЬ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 9-й. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- МУПЖЕЛЬ, В. Собрание сочиненій. Т. 8-й и 9-й. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
- МЮЛАН-ФОНЪ, Е. Исцѣль глупой женщины. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- ПО, Э. Собрание сочиненій. Т. 4-й, въ перев. К. Бальмонта. Ц. 2 р.
- ПОДЪЯЧЕВЪ, С. Рассказы. Кн. 3-я. Цѣна 1 р. 25 к.
- ПОТЕМКИНЪ, П. Герань. Книга стиховъ. Ц. 1 р. 50 к.
- РАДИМОВЪ, П. Полевые псалмы. Стихи. Казань. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- РОПШИНЪ, В. Конь блѣдный. Изд. 2-е. Цѣна 90 коп.
- СЕМЕНОВЪ, С. Крестьянскія пѣсни для народнаго театра. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- СЕМІЛУЦКАЯ, Л. Смѣна воли. Стихотворенія. Т. 1-й. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- СОЛОВЬЕВА, П. Тайная правда и другіе рассказы. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ТВЭНЪ, М. Избранные рассказы. Кн. 3-я. Ц. 1 р. 25 к.
- ТОЛСТОП, ЛЕВЪ. Посмертныя записки старца Федора Кузмича, умершаго 20 янв. 1864 г. въ Сибири. Ц. 15 к.
- ШАХОВА, Е. ЛИС. Собрание сочиненій въ стихахъ. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- ЭБЕРСЪ, Г. Исусъ Навинъ. Ц. 50 к.
- ОМІНЪ, А. Чтець-декламаторъ. Махровые цвѣты. Стихотворенія. X. 1912. Ц. 75 к.

Исторія, біографія и археологія.

АРСЕНЬЕВЪ, В. Къ родословію потомства Аслана-Мурзы-Челебея. М. 1912. Ц. 25 коп.

БАРСКОВЪ, Я. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ 11 табл. снимковъ. Спб. Ц. 2 р.

БРОДСКІЙ, Н., МЕЛЬГУНОВА, П., и др. Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и худож. произведеніяхъ. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

БРѢВЪ, В. Императоръ Александръ I. Его жизнь и дѣятельность. Альбомъ. Н.-Новгородъ. 1912. Ц. 1 р.

— Императоръ Александръ I и его сподвижники. Цѣна альбома 1 руб.

— Въ память трехсотлѣтія Нижегородскаго ополченія 1611—1612 гг. Альбомъ картинъ. Цѣна 1 р. 30 к.

ГРУШЕВСКІЙ, МИХ. Культурно-национальный рух на украинъ въ XVI и XVII вѣс. Київ. 1912. Ц. 1 р. 35 к.

ЖЕРВЕ, В. Герои-солдаты въ борьбѣ русскаго народа съ Наполеономъ. М. 1912. Ц. 5 к.

— Славные партизаны 1812 года. Цѣна 10 к.

ЛЕВИ, А. Наполеонъ Бонапартъ. Москва. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ЛОЖЪЕ, Ц. Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 г. Москва. 1912. Ц. 80 к.

ЛУЧИЦКІЙ, И. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа. 1789—1793. Київ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

МИНЦЛОВЪ, С. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. 2 и 3. Новгородъ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

МЯТЛЕВА, Т. Наполеонъ Бонапартъ и Россія. 1812 годъ. Ц. 30 к.

ОВСЯННИКОВЪ, Н. Эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого. Ц. 30 к.

ОЧЕРКИ по исторіи Византии. Подъ

ред. и съ предисл. В. Бенешевича. Вып. 1-й. Спб. 1912. Цѣна по подпискѣ за три выпуска 3 р. 50 к.

ПИСАНКО, А. Вяземскій бой 22 октябрю 1812 г. Москва. 1912. Ц. 35 к.

РУССКІЙ біографическій словарь. Шаповъ-Юшневскій. Спб. 1912. Ц. 3 р.

САБЛУКОВЪ, Н. А. Записки о временахъ Императора Павла и кончинѣ этого Государя. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ къ 40-лѣтію С.-Петербургскаго Общества вспомоществованія бывшимъ студентамъ Киевскаго университета 1871—1911 гг. Вып. 1-й. Ц. 1 р.

СОЛЛОГУБЪ, Е. Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ 1905—1909 гг. Указатели. Москва. 1912. Ц. 1 р.

СТРУСЕВИЧЪ, А. Богатырь Скобелевъ. Популярный очеркъ съ картами. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

УЧАСТІЕ харьковскаго дворянства въ Отечественной войнѣ. 1812 г. Ц. 1 р.

ФЕДОРОВЪ, В. Москва въ эпоху Отечественной войны. Москва. 1911. Ц. 15 к.

ФЕДОЧЕНКО, А. Тиверій на Капри. Историческій очеркъ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ФЛОРОВСКІЙ, А. Новый взглядъ на происхожденіе Русской Правды. Одесса. 1912. Ц. 25 к.

ФУНКЪ-БРЕНТАНО. Бастилія, ея легенды и архивы. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЧЪМЪ И КАКЪ мы жили въ дни освободительнаго движенія. Изъ дневника обывателей гор. Омска. Томскъ. 1911. Ц. 10 к.

ШПАКОВЪ, А. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Федора Ивановича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Ч. I-я. Одесса. 1912. Ц. 2 р.

ЮБИЛЕЙНЫЙ АЛЬБОМЪ Отечественной войны (12 картинъ въ краскахъ). Цѣна 3 р.

ЯКИМАХЪ, А. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и 2-й французской кампаніи. Київъ. 1912. Ц. 30 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АЛМАЗОВЪ, А. Проклятіе преступника псалмами. Одесса. 1912. Ц. 35 к.

БАБОВЪ, А. Къ вопросу объ открытіи высшаго учебнаго заведенія въ гор. Тифлисѣ. Тифлисъ. 1911. Ц. 20 к.

БЕРЛИНЪ, А. Право необходимой обороны. Исслѣдованіе. Ярославль. 1911. Ц. 1 руб.

БОГРОВЪ, А. Преступный аффектъ и вѣнность. Одесса. 1912. Ц. 70 к.

БУЛАЦЕЛЬ, П. Борьба за правду. Томъ 2-й. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

БУТЫРСКІЙ, Д. Уставъ строительный. Изд. 3-е, доп. Москва. 1912. Ц. 3 р.

ВАКАНДАРЪ, А. Вопросъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Київъ. 1912. Ц. 25 коп.

ГАВРИЛЪ, ЕПИСКОПЪ. Голосъ архипастыря въ выборамъ въ четвертую Государственную Думу. Замѣтка о дѣйствіяхъ различныхъ партій въ современной общественной жизни со времени изданія закона о свободахъ. Спб. 1912. Ц. 15 к.

ГАГЕНЪ, В. Западно-европейскій обдѣянь. Варшава. 1912. Ц. 4 руб.

ГЕССЕНЪ, Ю. Кровавый навѣтъ въ Россіи. Къ процессу Юдинскаго. Ц. 10 к.

ГИНЦБУРГЪ, Б. Логическія выводы о народномъ представительствѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

ГРАБАРЪ, В. Начало равенства государствъ въ современномъ международномъ правѣ. Спб. 1912. Ц. 30 к.

ГРУНВАЛЬДЪ, П. Объ уголовной отвѣтственности за несчастные случаи съ рабочими и служащими лицъ, завѣдывающихъ горными работами на золотыхъ присахъ Олекминскаго и Витимскаго горныхъ округовъ. Спб. Ц. 40 к.

ЖЕСКОВЪ, С. Сборникъ узаконеній для фабрикантовъ и заводчиковъ. Справочная книга. Минскъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЖИДЪ, Ш. Потребительныя общества. Москва. 1912. Ц. 40 к.

ЗАГОРСКІЙ, К. Частное желѣзнодорожное строительство и гарантія желѣзнодорожныхъ акцій. Ц. 40 к.

ЗАЛѢССКІЙ, В. Въ чемъ спасеніе Россіи? Проектъ полного искорененія пьянства. Казань. 1912. Ц. 20 к.

ЗОМВАРТЪ, В. Крещеніе евреевъ. Москва. 1912. Ц. 85 к.

КАЗАНСКІЙ, П. Народность и Государство. Одесса. 1912. Ц. 20 к.

КОЗИНА, А. Мысли и думы о женщинѣ и ея роли въ жизни. Спб. Ц. 40 к.

КОРНИЛОВИЧЪ, М. Толкованіе крестьянскаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго. Люблинъ. 1912. Ц. 2 р. 65 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ исторіи философіи права. Составл. по курсу проф. Шершеневича. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

КУШЕЛЕВЪ, Ю. Монголія и монгольскій вопросъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЛЕОНТЬЕВЪ, В. Объ изученіи положенія рабочихъ, приемы изслѣдованія и материалы. Ц. 60 к.

ЛОСИЦКІЙ, А. Распаденіе общины. Распаденіе общины до указа 9 ноября. Укрѣпленіе надѣловъ въ личную собственность. Выходы на хутора и отруба. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ЛЯНЧЕНКОВЪ, М. Кассационныя рѣшенія Правительствующаго Сената по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ общаго и частнаго пользованія, трамваевъ, подъѣздныхъ путей, пароходн. общ. и др. предприятий. Спб. 1912. Ц. 2 р.

МЕНЬШИКОВЪ, И. Къ волюсу о бытѣ чиновъ корпуса лѣсничихъ. На основаніи анкеты 1910 г. Спб. 1912. Ц. 25 к.

МИХАЙЛОВЪ, П. Обычный институтъ старонидства и крѣпостное право. Ц. 40 к.

НЕОБХОДИМОСТЬ переименованія устава о воинской повинности въ уставъ о воинской службѣ. Ц. 15 к.

ОБЩІЯ замѣчанія къ проекту орошенія Закаспійской области. Ц. 75 к.

ОСНОВНЫЯ начала русскаго гражданскаго процесса. По Цыговичу, Малышеву и др. Харьковъ. 1912. Ц. 1 р.

ПОПОВЪ, М. Арсеній Магѣвич и его дѣло. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ записка къ ходатайству о пересмотрѣ положенія о техникахъ путей сообщенія. Спб. 1912. Ц. 60 к.

РУБАШЕВА, А. Судъ для малолѣтнихъ и общество. Москва. 1912. Ц. 10 к.

САЗОНОВЪ, Г. Лѣсное государственное хозяйство. Отчетъ по камадировкѣ 1894 г. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ узаконеній и распоряженій по мелкому кредиту. Спб. 1912. Ц. 2 р.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ Россійской Имперіи. Томъ 5-й. Сводъ уставовъ объ акцизныхъ сборахъ. Ц. 60 к.

— Сводъ уставовъ о пошлинахъ. Цѣна 80 коп.

СЕГАЛЬ, Г. Крестьянское землевладѣніе въ Закавказьѣ. Тифлисъ. 1912. Ц. 1 р.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ежегодникъ на 1912 годъ. Ц. 4 р.

ФЭЙ, Ч. Кооперация въ Западной Европѣ. Ц. 2 р.

ХВОЛЬСОНЪ, Д. Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь. Кіевъ. 1912. Цѣна 20 к.

ЮРЬЕВСКІЙ, Б. Земля и общество. Спб. Ц. 20 к.

ИСНОПОЛЬСКІЙ, Л. Очерки русскаго бюджетнаго права. Историческій обзоръ составленія нашихъ государственныхъ росписей и бюджетная реформа Татаринова. Москва. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

Искусство.

АДАРЮКОВЪ, В. Очеркъ по исторіи литографіи въ Россіи. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 коп.

БЕНУА, А. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Вып. I. Спб. Ц. по подпискѣ на 30 выпусковъ 54 р., при полученіи 1-го выпуска взимается 5 р. 40 к.

ВАНЪ-ОСТАДЕ, А. Полное собраніе гравюръ. 221 фототипія безъ ретуши. Собралъ Д. А. Ровинскій. Предисловіе Н. Д. Чечулина. Спб. 1912. Цѣна альбома 40 р.

ВЕЛЬФЛИНЪ, Г. Классическое искусство. Введеніе въ изученіе итальянскаго воз-

рожденія. Спб. 1912. Ц. 8 р., въ перепл. 10 руб.

ГРАБАРЬ, И. Исторія русскаго искусства. Выпускъ 14-й. Ц. по подпискѣ за 40 вып. 80 р.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ Театровъ. Вып. II. 1912. Спб. Ц. 1 р.

КРЕГЪ ГОРДОНЪ. Искусство театра. Ц. 2 руб.

ЛУКОМСКІЙ, Г. О художественной архитектурѣ провинцій. Спб. 1912. Ц. 1 р.

РОЛАНЪ, Р. Жизнь Бетховена. Ц. 1 р.

ФРЕЙДЪ, З. Леонардо да-Винчи. Москва. 1912. Ц. 50 к.

Естествознаніе и математика.

АРМАШЕВСКІЙ. Конспектъ лекцій по минералогіи. Кіевъ. 1912. Ц. 55 к.

АРРЕНІУСЪ, С. Судьба планетъ. Цѣна 45 к.

БАДЕ, Э. Террариумъ, его устройство и содержаніе. Спб. 1912. Ц. 1 р.

БЕККЕРЕЛЬ, Ж. Эволюція матеріи и міровъ. Ц. 30 к.

БОБРОВСКІЙ, С. Статика. Ч. 1-я. Статика неизмѣяемой системы, ученіе о центръ тяжести. Спб. 1912. Ц. 3 р.

ГАТТЕРМАНЪ, Л. Практическія занятія по органической химіи. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ГУГО ДЕ-ФРИСЪ. Мутации и періоды мутаций при происхожденіи видовъ. Спб. 1912. Ц. 35 к.

ЕРОФЬЕВЪ, С. Руководство къ практическимъ занятіямъ по элементарному качественному химическому анализу. Курскъ. 1912. Ц. 90 к.

КАВТАРАДЗЕ, П. Спутникъ молодого натуралиста. Практ. руковод. для наблюденія природы и составл. ест.-историч. коллекцій. Спб. 1912. Ц. 50 к.

КАСАТКИНЪ, Н. Исторія авіаціи и ея современное состояніе. Старица. 1912. Цѣна 50 к.

КЕМПБЕЛЛЪ, Н. Современная электрическая теорія. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ЛЕВЕДИНСКІЙ, В. Электричество и магнетизмъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.

ЛЕВИНСОНЪ-ЛЕССИНГЪ, Ф. Рудныя мѣсторожденія. Спб. 1911. Ц. 3 р. 60 к.

МАЙКЕЛЬСОНЪ, А. Свѣтовые волны и ихъ примѣненія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

МІЭ, Г. Жизнь и ея проявленія. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

МОРОЗОВЪ, Н. Функція. Наглядное изложеніе дифференц. и интегр. исчисленія и нѣкоторыхъ ея приложений къ естество-

знанию и геометрии. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 коп.

ОСТВАЛЬДЪ, В. Основы коллоидной химии. Ч. 1-я. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ПЕТРОВИЧЪ, С. Курсъ теоретической механики. Ч. 1-я. Кинематика. Спб. 1912. Ц. 3 р.

РИГИ, А. Кометы и электроны. Ц. 45 к.
СУСЛОВЪ, Г. Основы аналитической механики. Т. 1-й. Ч. 3-я. Динамика системы. Изд. 2-е. Киевъ. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
ЯМПОЛЬСКИЙ, Л. О составлении химических уравнений. Спб. 1912. Ц. 35 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

ВАЛУЕВА, А. По великой русской рѣкѣ. Очерки и картины Поволжья. Съ рисун. худ. Т. Никитина. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.

ТЕЛЕСНИЦКІЙ, В.И. На яхтѣ «Наяда» изъ Петербурга въ Ростовъ-на Дону по Невѣ, Тихвинской системѣ, Волгѣ и Дону. Описание путешествія. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

БОГДАНОВЪ, Е. Откармливаніе сельскохозяйственныхъ животныхъ. Москва. 1911. Ц. 4 р.

БРОУНОВЪ, П. Полевая культура и погода. Къ вопросу о приспособленіи сель-

скихъ хозяйствъ къ климатическимъ условіямъ. Спб. 1912. Ц. 60 к.

СЫТИНЪ, Л. Основанія оцѣнки торфяныхъ болотъ. Москва. 1912. Ц. 1 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВАЛАЕВЪ, А. Сбытъ хлѣба и участие въ немъ земскихъ и кооперативныхъ организаций. Белебей. 1912. Ц. 50 к.

ГРУНВАЛЬДЪ, П. Причины неустойчивости крупныхъ золотопромышленныхъ предприятий Лексанаго края. Спб. 1912. Цѣна 60 к.

КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ, М. Птицепромышленность и торговля продуктами птицеводства. Спб. 1912. Ц. 50 к.

САКСЪ, И. Русско-нѣмецко-англо-французскій словарь выраженій и оборотовъ, свойственныхъ торговой корреспонденціи. Москва. 1912. Ц. 5 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АБРАМОВЪ, Н. Испытаніе металловъ. Новочернаскъ. 1912. Ц. 75 к.

АНУЛОВЪ, К. Судходные каналы и ихъ устройство. Спб. 1912. Ц. 3 р. 40 к.

ВОШЕ, Г. Дѣйствіе, уходъ и разборка двигателей внутреннего сгорания. Ц. 40 к.

ВЕРСЕ, А., ИНЖ. Обыкновенныя дороги, ихъ устройство, содержаніе и ремонтъ. Курсъ 2 класса школы десятниковъ строителн. дѣла. Одесса. 1911. Ц. 2 р.

— Строительные материалы. Курсъ младшаго класса. Ц. 3 р.

ГДАНСКІЙ, Л. Какъ устроить небольшой крахмальный заводъ. Съ 9 рис. Ц. 35 коп.

ГРАСГОФЪ-ЛЕШЕРЪ, Р. Регушн раскрашваніе фотографій. Спб. 1912. Ц. 85 к.

ГРИНЕВИЧЪ, К. Руководство къ винокурению. Теорія и практика винокурения въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 1912. Ц. 2 р.

ЕНШЪ, А. Оаодорваніе городовъ. Т. 3-й. В. I. Скотобойни и ихъ оборудованіе. Спб. 1912. Ц. 2 р.

ЕСЪМАНЪ, I. Центробѣжные насосы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КОНВИЦКА, Г. Стереофотографическій аппаратъ и работа съ нимъ. Ц. 30 к.

КОРОБИЦЫНЪ, Л. Какъ освѣтить электричествомъ комнату при помощи одного элемента и какъ самому изготовить такой элементъ. Ц. 60 к.

ЛАМТЕВЪ, Н. Выборъ камеры и экспозиціи. Ц. 30 к.

ЛАЩИНСКИЙ, А. Расчетъ мощности электродвигателя для шахтнаго подъема. Спб. 1912. Ц. 35 к.

МИХАЙЛОВЪ, В. Руководство къ собственноручному изготовленію прибора для золоченія и серебрения вещей. Ц. 20 к.

ПОЛЬГАУЗЕНЪ, А. Паровыя машины. Ч. 6-я. Регулированіе поршневыхъ паровыхъ машинъ. Ц. 1 р. 50 к. Ч. 7-я. Типы и главныя части поршневыхъ паровыхъ машинъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

РАТМІРОВЪ, С. Устройство небольшой мастерской для обработки каучука, изготов. штемпелей и пр. Ц. 30 к.

ФОГЕЛЬ, Е. Карманный справочникъ по фотографіи. Ц. 1 р. 25 к.

ЧЕРМАКЪ, Л. Универсальный фрезерный станокъ Броунъ и Шарпа и работы на немъ. Ц. 1 р.

ЧЕРНЕЦОВЪ, Н. Подборъ профилей двутавровыхъ балокъ для обыкновенныхъ половыхъ перекрытій безъ какихъ бы то ни было вычисленій. М. 1912. Ц. 50 к.

ШАПОШНИКОВЪ, В. Общая технология водонястныхъ и красящихъ веществъ. Введеніе къ специальному изученію химической технологии отдѣльнаго красильнаго и печатнаго производства. Киевъ. 1912. Ц. 5 р.

ШМИДТЪ, Ф. Руководство моментальной фотографіи. Ц. 40 к.

Медицина, гигиена, анатомия, физиология и хирургия. Ветринария.

- БЛЮМЕНТАЛЬ, Ф.** Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. Историч. очеркъ развития и современное состояние вопроса. Ч. 1-я. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
- ВИТТЪ, Е.** Гоноррея женщинъ. Патология и терапия гоноррейныхъ заболѣваний женскихъ половыхъ органовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- HUTCHINSON.** Курсъ дѣтскихъ болѣзней. Спб. 1912. Ц. 2 р. 75 к.
- ДОМАШНІЙ траволечебникъ.** Состав. врачами специалистами по источн. проф. Осборна и др. Ц. 20 к.
- ЗАГОРОВСКІЙ, П.** Микроскопическая гистология. Кіевъ. 1912. Ц. 60 к.
- ЗОЛОТНИЦКІЙ, В.** Путеводитель по кумысо-лечебнымъ мѣстамъ. Изд. 2-е, дополн., съ 2 картами и рис. Ц. 75 к.
- ИСАЕВЪ, С.** Краткое руководство по патологической анатоміи (общей и частной). Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.
- КОБРАКЪ, Ф.** Испытаніе функций уха. Исслѣдованіе слуха и функций полукружныхъ каналовъ. Спб. Ц. 75 к.
- НИКИТИНЪ, В.** Очерки частной тера-
- пи болѣзней внутреннихъ органовъ. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- ПИРОГОВЪ** Николай Ивановичъ и его наслѣдіе. Пироговскіе съѣзды. Юбилейное изданіе, подъ ред. М. М. Гранъ, З. Г. Френкеля и А. И. Шингарева. Спб. 1911. Цѣна въ перепл. 10 руб.
- РУССИНЪ, М.** Какъ уберечь себя и другихъ отъ чахотки? Ц. 50 к.
- САВЕЛЬЕВЪ, М.** Краткій курсъ гигиены. Одесса. 1912. Ц. 1 р.
- Краткій курсъ эпизоотологии съ ветеринарной полиціей. Одесса. 1912. Ц. 40 коп.
- СМИРНОВЪ, А.** Почему не должно употреблять спиртные напитки? Очеркъ дѣйствія алкоголя на человѣческой организмъ. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- ШВАРЦМАНЪ, Я.** Очерки функциональной діагностики сердца. 1912. Ц. 90 к.
- ШЕПЕРДЪ, Е.** Молодымъ дѣвушкамъ и матерямъ для дочерей. Москва. 1912. Ц. 45 коп.
- ЯКИМОВИЧЪ, М.** Общій очеркъ психіатріи, составл. по студенческимъ запискамъ. Саратовъ. 1912. Ц. 45 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководствa.

- АКУЛИНИНЪ.** Учебникъ для народныхъ школъ и потѣшныхъ ротъ: «Юный воинъ». Въ учебникъ помѣщены всѣ свѣдѣнія, знаніе которыхъ желательна для молодого поколѣнія. Одесса. 1912. Ц. 75 к.
- АЛВА.** Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- БАРТРАМЪ, Н.** Игрушка—радость дѣтей. Родителями и дѣтямъ объ игрушкѣ. Москва. 1912. Ц. 1 р.
- БОРГМАНЪ, А.** Русская исторія. Ч. 1-я. До Петра Великаго. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Изданіе «Товарищества А. С. Суворина»—«Новое Время». Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- Учебная книга по русской исторіи. Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебн. зав. Ч. 1-я. До Петра Великаго. Изданіе «Товарищества А. С. Суворина»—«Новое Время». Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ВАРБУРГЪ, Э.** Учебникъ опытной физики. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- ДЕФЕКТИВНЫЯ дѣти и школа.** Сборникъ статей И. Воскобойникова, В. Кашенко. Москва. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ЕЖЕГОДНИКЪ Глуховскаго Учительскаго Института.** Кіевъ. 1912. Ц. 2 р.
- ЕМЕЛЬЯНЕНКО, П.** Школьный аваріумъ, его устройство, уходъ за нимъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ВЪ ШКОЛѢ.** Сборникъ № 1. Ц. 80 к.
- ИЛЬИНСКІЙ, Л., и ПУТИНЦЕВЪ, А.** Хрестоматія по теоріи словесности. Вып. 2-й. Лиріка. Казань. 1912. Ц. въ перепл. 45 коп.
- ИНДРИКОНЪ, Ф.** Учебникъ физики для средней школы. Вып. 3-й. Магнитная и электрическая энергія. Спб. 1912. Ц. 1 руб.
- КОРИКЪ, Г.** Темы сочиненій по русскому языку, предложенныя на испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ и на конкурсныхъ испытаніяхъ въ спец. учебн. зав. Одесса. 1911. Ц. 30 к.
- КУРТИДИ, Х.** Краткое руководство къ изученію французской орфографіи. Одесса. 1912. Ц. 35 к.
- ЛАМБЕКЪ, Г., и КОПЕЛЬМАНЪ, А.** Нѣмецко-русскіе разговоры. Систематическая фразеологія. Ц. 50 к.
- Французско-русскіе разговоры. Ц. 50 коп.
- МИЛЛЕРЪ, А.** Нѣмецко-русскій словарь съ точнымъ указаніемъ произношенія. Одесса. 1912. Ц. 1 р.
- МИРТОВЪ, А.** Латинскія спряженія. 3 таблицы съ объяснительнымъ текстомъ. Ц. 40 к.
- НИКОЛАЕВИЧЪ, А.** Гимнастика въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и дома. Одесса. 1912. Ц. 40 к.
- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ поѣздки въ средней школѣ.** Съ 12 иллюстр. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- РОЛЕДЕРЪ, Г.** Основы сексуальной педагогики. Москва. 1912. Ц. 70 коп.
- РОШАЛЬ, Е.** Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учащихся и учащихся. Ц. 20 к.
- «Дворянское гнѣздо». Ц. 25 к.
- «Сентиментализмъ». Ц. 15 к.
- «Капитанская дочка». Ц. 25 к.
- «Пѣсня про царя Ивана Васильевича». Ц. 15 к.
- «Герой нашего времени». Ц. 20 к.
- Баллады Жуковскаго. Ц. 20 к.
- «Тарасъ Бульба». Ц. 20 к.
- «Ревизоръ». Ц. 20 к.
- «Мертвыя души». Ц. 35 к.
- СТРАЖЕВЪ, В. и СПАССКІЙ, В.** Первоцвѣтъ. Хрестоматическое пособие при изученіи теоріи словесности въ средней школѣ, съ иллюстр. Ц. 1 р. 30 к.
- ЧЕЛЬЦОВЪ, М.** Православно-христіанское вѣроученіе. Учебное руководство по Закону Божію. Спб. 1912. Ц. 68 к.
- ШМЕЙЛЬ, О.** Очерки по методикѣ естествознанія. Спб. 1912. Ц. 90 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БУШЪ, В. Веселый вороненокъ и двѣ собаки. Съ 200 рисунками. Перев. въ стихахъ Н. Ратомскаго. Спб. 1912. Ц. 60 к.

БЮСНАХЪ, В. Своими силами. Исторія покинутого мальчика. Съ 17 рис. худ. Дель-Доссо. Спб. 1912. Ц. 35 к.

ВЕРИГО, М. Какъ занять дѣтей дошкольнаго возраста. Бесѣды, игры, занятія. Съ рисунками и черт. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ГОФМАНЪ и ГРИММЪ. Миръ волшебныхъ сказокъ. Собрание самыхъ знаменитыхъ и интересныхъ сказокъ для дѣтей средняго возраста. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 20 к.

ЗАРИНЪ, А. Царь Михаилъ Осодоровичъ Романовъ. Смутное время, избраніе на царство и царствованіе. Съ рис. и портр. Историческій очеркъ. Спб. 1912. Ц. 15 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Дѣтскіе годы. Сборникъ рассказовъ. Москва. 1912. Ц. 50 к.

— Босоногая команда. Повѣсть изъ недавняго прошлаго. Рисунки Т. Никитина и др. Спб. 1912. Ц. 40 к.

МНДЪ, А. Дѣвичій мірокъ. Исторія одной школы. Перев. съ англ. М. Ялинной, съ рис. въ текстѣ и на отдѣл. листахъ. Спб. 1912. Ц. въ папкѣ 1 р.

Спортъ, охота и игры.

ГОФМАНЪ. Бриджъ. Правила игры. Ц. 35 коп.

ЕЖЕГОДНИКЪ Всероссийскаго Союза Лаунъ-Теннисъ клубовъ за 1911—12 гг. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

АБРАМОВЪ. Полный словарь русскихъ риомъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

АДРЕСНАЯ КНИГА. Справочникъ торговаго міра. Указатель торгово-промышленныхъ фирмъ Россіи и за границей, имѣющихъ торговьяя сношенія съ Россіей. Одесса. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

БЫСТРОВЪ, З. Новѣйшія программы мужскихъ гимназій и прогимназій. М. Нар. Просв. Ц. 60 к.

ВАЖИНСКІЙ, С. Правила поединка. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

ВСЯ ОДЕССА. Адресная и справочная книга на 1912 г. Ц. въ перепл. 3 р.

ГЕРСБАХЪ, Р. Дрессировка полицейскихъ собакъ. Собаки-сыщики. Собаки-санитары на войнѣ. Лечебникъ собакъ. Съ 20 рисунками. Спб. 1912. Ц. 1 р.

КРУГОВЫЯ поѣздки по Россіи. Правила. Маршруты и цѣны поѣзда. Введены съ 15 апрѣля 1912 г. Ц. 30 к.

КУЗМИНСКІЙ, П. Курьеръ. Практическій путеводитель для русскихъ по го-

родамъ и курортамъ Западной Европы и по Египту. 1912. Ц. въ пер. 3 р. 30 к.

КУРОРТЫ Сѣвернаго Кавказа. Анапа. Курортъ и климатическая станція Кубанской области. Ростовъ-Донъ. 1912. Ц. 40 к.

МОСКВИЧЪ, Г. Иллюстрированный путеводитель по Черноморскому побережью. Ц. 1 р.

НЕНАШЕВЪ, А. Русский въ Финляндіи. Москва. 1912. Ц. 40 к.

ПЛАНЪ города Гельсингфорса. Ц. 30 к.

РУССКІЙ БЕДЕКЕРЪ. Вѣна, Тироль и австрійскіе курорты. Карлсбадъ, Франценсбадъ, Мариенбадъ, Грисъ, Меранъ и др. Ц. 1 р. 35 к.

СПУТНИКЪ ПО РОССИИ лѣтній. 1912 г. Изданіе Н. Киммеля. Рига. Ц. 80 к.

СПУТНИКЪ ЭКСКУРСАНТА, № 1. Бородино. Москва. 1911. Ц. 45 к.

УКАЗАТЕЛЬ мѣстъ хранения дѣлъ частей войскъ, штабовъ, управленій и заведеній, по описямъ, доставленнымъ Архиву Главнаго Штаба въ 1885 г. Спб. 1912. Ц. 60 коп.

Разныя книги.

ПАПЮСЪ. Предсказательное таро, или влючъ всякаго рода карточныхъ гаданій. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ НИЖНИХЪ МАГАЗИНАХЪ

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

The title page is highly decorative, featuring a central oval frame with floral and scrollwork patterns. Two female figures in classical attire stand on either side of the frame, one holding a book. The background is filled with intricate woodcut-style patterns and floral motifs. At the bottom, a white banner contains the date information.

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
АВГУСТЪ, 1912 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1912 г.

СТРАВ.

Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. Б. Б. Глинскаго. I—XLVII	
иллюстрація: Карта Отечественной войны 1812 года (Отъ Немана до Москвы).	
I. Жена министра. (Романъ). Часть первая. VII—XI. (Продолженіе). Н. А. Липпо-Данилевской.	401
II. Изъ мемуаровъ В. А. Волкина. (Окончаніе).	443
III. Двуногій звѣрь. (Изъ челоѳческихъ документовъ). I—II. В. В. Уманова-Каплуовскаго.	475
IV. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). IV. (Продолженіе). В. Б. Бертенсона.	505
V. За други своя. (Разсказъ изъ аграрныхъ волненій). И. Попова-Чермскаго.	517
VI. Памяти принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. И. В. Мѣщанинова.	548
иллюстрація: Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.	
VII. Отрубленный палець. (Эпизодъ изъ эпохи Отечественной войны). Князя Б. А. Щетинина.	569
VIII. Муниципалитетъ и комиссары Москвы, учрежденные французами въ 1812 году. М. В. Ключова.	582
IX. Шпіонъ Наполеона въ ссылкѣ. Ф. М.—ова.	615
X. Томскій заговоръ. К. К.—шова.	622
XI. Петергофская дача № 2. М. М. Маринной.	645
иллюстрація: Аванасій Давыловичъ Соловья.	
XII. Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. XXII—XXVII. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	659
иллюстраціи: 1) Николай Христіановичъ Вунге. — 2) Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій. — 3) Сергій Юльевичъ Витте.	
XIII. Изъ путевого альбома. Н. Н. Лендера (Путника).	694
иллюстраціи: 1) Протоіерей А. П. Мальцевъ, настоятель русской полевой церкви въ Берлинѣ. — 2) Тегель около Верлина. — 3) Общій видъ Карлсбада. — 4) Гиршеншпрунгъ. — Памятникъ возникновенія Карлсбада. — 5) Русская церковь въ Карлсбадѣ. — 6) Карлсбадъ. — Галерея Игольбрунна. 7) Карлсбадъ. — Галерея Шпруделя. — 8) Alte Wiese — мѣсто прогулокъ въ Карлсбадѣ.	

(См. слѣд. стран.).

XIV. Критика и библиографія.

- 1) П. Андриановъ. Предверіе великой головщины. Воряба Россіи съ Франціей до Отечественной войны. Одесса. 1912.—Петръ Ниве. Великая Отечественная война. 1812 годъ. М. 1912.—Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ Отечественной войны съ предисловіемъ проф. С. О. Платонова. Съ портретами, рисунками, картами и съ приложеніемъ картины И. Е. Рѣпина: «Защитники Кремля». Спб. 1912.—«Двѣнадцатый годъ». М. 1912.—Е. А. Военскій. Годъ славы народной. Отечественная война 1812 года. Съ семью снимками съ гравюръ и картинъ. Спб. 1912. Б. Глинскаго.—2) Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г. (Въ XXXVII томѣ актовъ, издаваемыхъ вилинскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Вильна. 1912. В. Руданова. — 3) П. А. Ниве. Отечественная война. Пять томовъ. М. Соколовскаго. — 4) Военныя галерея 1812 года. Спб. 1912. г.—5) Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ. Составилъ секретарь комитета И. И. Францискевичъ-Яновскій. Петроаводскъ. 1912. В. Р. ва.—6) Александръ Родныхъ. Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ двѣнадцатомъ году при помощи воздухоплаванія. Изъ «исторіи воздухоплаванія и летанія въ Россіи». Съ 19 снимками со старинныхъ рисунковъ. Спб. 1912. Б. Б.—7) А. Е. Заринъ. 1812 годъ. Историческій очеркъ Отечественной войны. Съ 35 портретами и 25 рисунками. Спб. 1912.—Его же. Незабвенный годъ. Двѣнадцать раскрасокъ о нашествіи Наполеона на Россію въ 1812 году. Съ 130 рисунками и портретами. Спб. 1912. В. Р. ва.—8) Ефимово, А. Я., проф. «1812 годъ». Ученіе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Спб. 1 11. Д. П. Богданова.—9) Альбертъ Вандаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Томъ II. Переводъ съ шестого Французскаго изданія В. Шиловой. Спб. 1911. А. Б.—10) 1812 годъ въ басняхъ Крылова. Силуэты Егора Варбута. Съ приложеніемъ вступительной статьи и примѣчаній Н. О. Лернера. Спб. 1912. г.—11) Н. Н. Трубицынъ. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Спб. 1912. в. Дамилова.—12) Собраніе сочиненій въ стихахъ Елизаветы Шаховой. Спб. 1912. А. Фаресова.—13) М. Г. Веселкова-Кильштетъ. Колычевская вотчина. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1912.—го. 14) И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Спб. 1912. м—с.—15) Новый энциклопедическій словарь. (С.-Петербургъ). Т. I—VII. Спб. 1910—1912. Старого сотрудника «Словаря». — 16) Труды перваго съѣзда врачей Кубанской области. Екатеринодаръ. 1912. Бор. Городецкаго.

V. Заграничныя историческія новости и мелочи. 747

- 1) Воспоминанія Французовъ о 1812 годѣ.—2) Незданныя письма Берлюза.—3) Смерть Рапизарди, Джованни Пасколи, Лабушера, Стѣда.

XVI. Смѣсь. 769

- 1) Открытіе памятника М. Д. Скобелеву.—2) Юбилей штаба гвардіи.—3) Похороны праха ген.-лейт. Д. П. Невѣровскаго.—4) Полувѣковій юбилей статьи-секретаря А. Н. Куломзина.—5) Археологическая находка.—6) Миллионный кладъ.—7) Домикъ старца Теодора Кузьмича.—8) Покупка бывшаго имѣнія И. С. Тургенева.—9) Отъ комиссіи по народной словесности.—10) Темы на преміи имени К. Т. Солдатенкова.

XVII. Некрологи. 778

- 1) Везобразовъ, Н. М.—2) Вильдерлингъ, А. А.—3) Георгій, архіепископъ.—4) Грекеръ, Р. А.—5) Дубасовъ, Ѳ. В.—6) Искуль-фонъ-Гильденбандтъ, баронъ А. А.

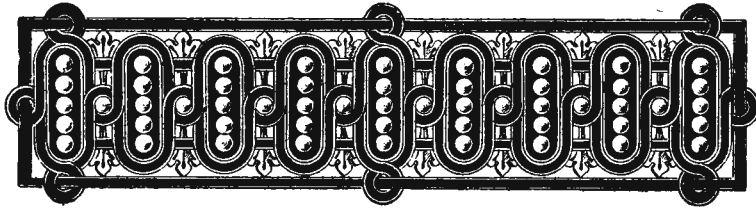
XVIII. Замѣтки и поправки. 783

- Воспоминаніе о князѣ Голицынѣ, л. Сипагиной.

Приложенія: 1) Портретъ императора Александра I.—2) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штальгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. XIV—XIX. (Продолженіе).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ТОРЖЕСТВО РОССИИ ВЪ БОРЬБѢ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ.

(Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны).

В ИСХОДУ XVIII вѣка на горизонтѣ западно-европейской жизни появилась фигура выдающагося военачальника, къ которому, въ связи съ тогдашними событіями во Франціи, приковывалось общее вниманіе и съ именемъ котораго связывались смѣлыя и удачныя начинанія въ области военной и государственной. Этою личностью былъ Бонапартъ Наполеонъ, проявившій уже въ молодомъ возрастѣ всѣ признаки военной гениальности и въ 1793 году оказавшій французскому республиканскому правительству значительныя услуги при взятіи Тулона, отложившагося отъ республики и предавашагося англичанамъ. Послѣ паденія якобинской диктатуры, приверженцемъ которой на первыхъ порахъ былъ Бонапартъ, онъ временно ступевывается, но засимъ ходъ политическихъ событій Франціи снова выкидываетъ его на поверхность взбаламученнаго государственнаго моря, и онъ становится любимцемъ директоріи. Исполняя ея велѣнія, Бонапартъ подавляетъ внутренніе мятежи и въ награду за это получаетъ командованіе надъ французской арміей, дѣйствовавшей въ то время противъ Италіи, и покрываетъ себя вскорѣ неуваждаемой славой великаго полководца. Онъ становится кумиромъ арміи, и молва о немъ, какъ о непобѣдимомъ полководцѣ, рѣшительномъ, смѣломъ и новаторѣ въ военномъ дѣлѣ, проникаетъ далеко за предѣлы Франціи и Италіи, возбуждая вездѣ удивленіе, любопытство и желаніе помѣряться съ нимъ силами. Уже успѣвшій соскучиться

«Истор. вѣстн.», августъ 1912 г., т. сxxix.

1

безъ дѣйствія нашъ гениальный полководецъ старикъ Суворовъ, взирая съ завистью на размахъ крыльевъ молодого коренканца и его высокой полетъ, начинаетъ докучать своей матушкѣ-царицѣ: «Матушка, пошли меня бить французовъ!» Въ старомъ, посѣдѣломъ въ бою русскомъ воинѣ сказывалось въ данномъ случаѣ профессиональное соревнованіе и ненависть къ той демократической силѣ, которая начала потрясать престолами, опрокидывать былыя традиціи старины и являть собою загадочное еще начало будущей политической жизни европейскихъ народовъ. Но Екатерина, хотя уже напуганная ходомъ дѣлъ въ республиканской Франціи и порвавшая связи со своимъ недавними друзьями, представителями революціонной философіи, совершенно не склонна была вмѣшиваться въ дѣла былой имперіи Людовиковъ и только принимала нѣкоторыя мѣры противъ вторженія республиканской заразы въ предѣлы Россійской имперіи.

А тѣмъ временемъ политическая звѣзда Наполеона ярко разгоралась, симпатіи населенія все сильнѣе къ нему прикрѣплялись, и въ немъ дальновидные умы начинали прозрѣвать ту грядущую силу, которая неминуемо должна смести съ лица Франціи шаткое и неустойчивое правительство. Въ самомъ Наполеонѣ, бывшемъ якобинцѣ, нынѣ умѣреннымъ республиканцѣ, уже назрѣвалъ опредѣленный процессъ, который въ его воображеніи въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ его вывести на болѣе широкую и блестящую дорогу служенія всесвѣтной славѣ Франціи и во главѣ ея его самого. Онъ ужъ проговаривался приближеннымъ, заявляя: «Неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими правами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это химера, которой французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетворить ихъ тщеславіе, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ». Тутъ же онъ высказывался и о своей будущей роли въ грядущихъ, ожидаемыхъ имъ судьбахъ Франціи: «Если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало—груша еще не созрѣла». Въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду присвоить себѣ ту гражданскую власть, которая, опираясь на армію и сдѣлавшись всемогущею и выше даже самой арміи, при содѣйствіи воли народной, тѣмъ самымъ приобрѣла бы всѣ нужныя ей атрибуты націоналистическаго имперіализма.

Директорія начинала догадываться о честолюбивыхъ замыслахъ своего итальянскаго главнокомандующаго и, когда онъ для возвеличенія славы Франціи задумалъ грандіозный походъ въ Еги-

петь, дабы нанести рѣшительный ударъ врагу Франціи въ лицѣ Англіи, правительство санкціонировало этотъ походъ, съ желаніемъ, между прочимъ, удалить отъ народа ея новый кумирь. Но образовавшаяся противъ Франціи коалиція изъ Австріи, Россіи и Англіи и побѣдоносное шествіе по Швейцаріи и Сѣверной Италіи суворовскихъ «чудо-богатырей» съ ихъ престарѣлымъ вождемъ во главѣ, создаетъ во Франціи новый государственный переворотъ, и ставшая у кормила правленія умѣренная буржуазная партія подъ руководствомъ Сіеса подыскиваетъ себѣ для задуманнаго переворота героическаго полководца. Таковымъ и явился Наполеонъ Бонапартъ, вернувшійся изъ своего знаменитаго египетскаго похода. «Богъ счастья, богъ войны», какъ самъ себя именовалъ Наполеонъ, оправдываетъ возлагаемыя на него надежды, и жизненный путь его развертывается въ томъ направленіи, каковое онъ себѣ предначертывалъ еще недавно во время итальянскихъ походовъ.

Сначала просто консулъ на десятилѣтній срокъ, онъ въ 1802 году превращается въ пожизненнаго консула, и въ 1804 году Наполеонъ, по единогласному почти народному рѣшенію, увѣренно и смѣло надѣваетъ на себя императорскій вѣнецъ, принявъ въ соотвѣтствіи съ актомъ вѣнчанія всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы къ этому вѣнцу не протянулась никакая дерзновенная рука. «Моя власть рушится, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь осмѣливался что-либо предпринимать, немедленно же не подавляя, съ своей стороны, этого предпріятія. Я не могу позволить, чтобы мнѣ угрожали, самъ не нанося удара тѣмъ, кто вздумалъ бы это дѣлать. И внутри, и вѣкъ я царствую въ силу внушаемаго мной страха. Если бы я не ставилъ этого въ систему, меня не замедлили бы низложить съ престола. Вотъ мое положеніе и мотивы моего поведенія».

Грозный и великій Наполеонъ даетъ своей странѣ внутренній гражданскій миръ, ведетъ ее по пути демократическаго прогресса, создаетъ изъ нея державу-повелительницу надъ всѣми западноевропейскими народами и ставитъ цѣлью своей жизни міровое могущество и господство Франціи, господство реальное, матеріальное, ибо иного господства онъ, чуждый какихъ-либо нравственныхъ потребностей, не признавалъ. «У меня одна лишь страсть,—говорилъ онъ:—это—Франція; она при мнѣ неотлучна и никогда не измѣняла мнѣ». И вотъ, ради удовлетворенія этой страсти, новый вѣнценосецъ заливаетъ европейскія поля кровью своего народа въ упованіи, что каждая пролитая капля броситъ на его народъ и на него самого новый лучъ славы. Онъ не признаетъ для себя невозможнаго, и только легенды древности смущаютъ его гордый умъ. «Да, конечно, моя карьера прекрасна, но какая же разница съ античнымъ міромъ! Посмотрите на Александра Великаго: покоривъ Азію, онъ объявилъ себя сыномъ Юпитера. Весь Востокъ

ему повѣрилъ, а если я объявлю себя сегодня сыномъ Предвѣчнаго Отца и захочу возблагодарить его, какъ таковой, меня освищутъ все торговки на рынкѣ. Народы стали черезчуръ просвѣщенными, въ настоящее время больше нечего дѣлать». Но если это сверхъестественное тщеславіе не находило себѣ удовлетворенія въ обожествленіи, то земная страсть—Франція и ея судьба—давала выходъ доходящей до высшаго кипѣнія его тревожной мысли. Все народы у ея подножія—такова становится намѣченная цѣль жизни. Ради выполненія этой цѣли онъ спутываетъ расположеніе всехъ политическихъ картъ Европы и обращаетъ послѣднюю въ сплошной вооруженный лагерь, гдѣ стародавніе друзья и братья, связанные между собою договорами и узами родства, бросаются другъ на друга въ смертоносную борьбу. Россіи въ этой борьбѣ и особенно въ заключительной ея части пришлось сыграть выдающуюся роль и положить конецъ всесвѣтнымъ завоевательнымъ планамъ «великаго коренканца» и вернуть Европѣ утраченные ею «честь и миръ».

До половины XVIII столѣтія Россія не принимала почти никакого участія въ политическихъ событіяхъ въ Западной Европѣ. Послѣ того, какъ ея государственная физіономія при Великомъ Преобразователѣ вполне опредѣлилась и армія ея стала въ рядъ съ лучшими вооруженными силами Европы, наше отечество, какъ и въ московскій періодъ ея исторической жизни, долгое время вынуждено было бороться за безопасность своихъ границъ. Войны съ турками, персами, поляками и шведами занимали все ея военное время и подъ грохотъ орудій, подъ руководствомъ выдающихся вождей, мы постепенно, но настойчиво укрѣпляли свои естественныя границы и осуществляли великіе завѣты государственнаго строительства, поставленные къ осуществленію геніальнымъ даремъ-плотникомъ. Мы пріобрѣли Балтійское море на западѣ, прочно поставили русское вліяніе въ Польшѣ на юго-западѣ и явились грознымъ врагомъ Турціи на югѣ. Такая политика продолжалась при его ближайшихъ преемникахъ, но со значительными видоизмѣненіями и, главнымъ образомъ, въ томъ, что она подъ вліяніемъ получившихъ къ тому времени руководящую власть иностранцевъ теряетъ свой національный характеръ. Россія втягивается по инициативѣ Бироно въ интересы династіи Габсбурговъ и, такимъ образомъ, создаетъ себѣ на континентѣ затрудненія и враговъ въ лицѣ Франціи и Швеціи, а также оказывается въ фальшивомъ одновременномъ союзѣ двухъ враждующихъ между собой сторонъ—и Пруссіи и Австріи. Доставшаяся по наслѣдію Елизаветѣ Петровнѣ шведская война была ею ликвидирована не особенно выгодно для русскихъ интересовъ, и вслѣдъ за симъ въ скоромъ времени Россія, захваченная потокомъ европейскихъ событій, вынуждена была принять участіе въ европейскихъ войнахъ и вести упорную борьбу съ Пруссіей, подъ названіемъ Семилѣтняя война. Эта война не дала ближайшихъ реальныхъ

результатовъ выгоды для Россіи, но косвенныя выгоды отсюда были несомнѣнны: эта война явилась хорошей школой для будущихъ «екатерининскихъ орловъ», показала Европѣ мощь русской арміи и настолько ослабила Пруссію, что Сѣверной Семипириды въ послѣдствіи не были уже страшны возросшіе къ тому времени завоевательные аппетиты пруссаковъ.

Нѣмецъ по происхожденію, Петръ III отдалъ во власть прусскаго посла въ Петербургѣ Гольца судьбы русской дипломатіи, а самъ сталъ на запятки политической колесницы боготворимаго имъ Фридриха Великаго. Только въ голштинскомъ вопросѣ онъ, какъ голштинецъ по происхожденію, расходился со своимъ кумиромъ, желая во имя интересовъ Голштиніи вступить въ борьбу въ Даніей, дабы отнять отъ послѣдней Шлезвигъ для округленія государственной границы герцогства, что вызывало неудовольствіе русскихъ людей, справедливо находившихъ оскорбительнымъ и безцѣльнымъ тратить русскія средства и проливать русскую кровь ради какихъ-то голштинскихъ интересовъ.

Екатерина II, во всемъ, что касалось государственныхъ и политическихъ интересовъ Россіи, стремившаяся подражать Петру Великому, и въ области внѣшней политики поставила себѣ ближайшею задачею исключительно реальные интересы, придавъ имъ яркій національный характеръ. Борьба со шведами, поляками и турками становится очередною задачею, и если Петръ Великій благополучно разрѣшилъ борьбу со шведами, то Екатерина довела до благопріятнаго для Россіи конца борьбу съ турками и поляками. Россія завоевала Крымъ и берега Чернаго моря, а также отторгнула отъ Польши всѣ исконныя русскія области за исключеніемъ Галиціи.

Стремясь сохранять по отношенію европейскихъ державъ нейтралитетъ и, по собственному выраженію, «ведя себя со всѣми государями Европы, какъ искусная кокетка», она, однако, не могла и не сумѣла удержать въ полной мѣрѣ свою позицію независимости отъ европейскихъ политическихъ теченій, происковъ и замысловъ. Система, родившаяся въ головѣ русскаго дипломата нѣмца Корфа и разработанная Панинымъ подъ своеобразнымъ наименованіемъ «сѣвернаго аккорда», становится тою политическою ловушкою, въ которую невольно попадаетъ ея кокетливый дипломатическій умъ. Задача этого «аккорда» заключалась въ томъ, чтобы «на Сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ державъ» изъ Россіи, Пруссіи, Польши, Англии и другихъ сѣверныхъ государствъ и съ цѣлями вѣчнаго мира противопоставить его австро-французскому союзу. Конечно, такая задача въ силу входившихъ въ нее слишкомъ многочисленныхъ политическихъ ингредиентов была утопіей, и государства, имѣвшія между собою стародавніе историческіе счеты, не могли на долгое время сплотиться въ какой-либо основательный

и прочный союз; непосредственнымъ же результатомъ идеи «сѣвернаго аккорда» былъ разрывъ традиціоннаго союза съ Австріей и вступленіе въ союзъ съ врагомъ Австріи—съ Фридрихомъ прусскимъ, котораго лично, въ сущности, Екатерина очень не долюбила. Но необходимость балансировать между интересами Пруссіи и Австріи съ одной стороны, необходимость же вмѣшиваться усиленно въ польскія дѣла, на ряду съ раздѣломъ Польши, громкое счастье въ борьбѣ съ Турціей и знаменитый греческій проектъ Потемкина создали по отношенію Россіи въ Западной Европѣ очень сложную психологическую атмосферу, гдѣ начала страха передъ нею, боязни ея военнаго и міроваго могущества проглядываютъ все ярче и сильнѣе. Участіе Россіи въ западно-европейскихъ коалиціяхъ становится обязательнымъ, и отъ ея вѣскаго слова начинается зависѣть наклонъ политическихъ вѣсовъ въ ту или другую сторону.

Раскатившаяся французская революція, казнь Людовика, истребленіе знати и борьба не на животь, а на смерть новаго демократическаго начала съ отживающимъ патріархальнымъ старымъ произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ умы. Въ поступательномъ движеніи революціи вѣнценосцы Европы видѣли себѣ угрозу, и ихъ охватывалъ страхъ, чтобы «зараза революціи» не охватила своимъ «ядовитымъ дыханіемъ» подвластные имъ народы и царства. Кокетничавшая со всѣми государями Екатерина, какъ извѣстно, немало покетничала и съ представителями свободной французской мысли; но когда эти свободныя мысли изъ области теоретической стали реализоваться опредѣленными фактами, состарившаяся русская государыня также испытала немалый страхъ, поспѣшила порвать связи со своими недавними друзьями-философами и широко открыла двери своего государства разнымъ французскимъ эмигрантамъ изъ среды высокопоставленной и знатной. Послѣдніе дни ея царствованія ознаменовываются вступленіемъ Россіи въ наступательный союзъ съ Австріей, Пруссіей и Англійей въ цѣляхъ безопасности европейскихъ престоловъ, обузданія буйной дерзости французовъ и возстановленія французской монархіи. Такое положеніе вещей застаютъ Павель при своемъ вступленіи на престолъ.

На первыхъ порахъ этотъ государь провозглашаетъ принципъ невмѣшательства въ европейскія дѣла и заявляетъ, что «остается въ твердой связи со своими союзниками», но отказывается отъ прямой войны съ Франціей, ибо Россія, будучи въ «непрерывной» войнѣ съ 1756 года, пуждается въ отдохновеніи. Но эти прекрасныя слова остаются простыми звуками, и измѣнчивый характеръ Павла во все время его короткаго царствованія бросаетъ его то въ войну съ Франціей, то въ союзъ съ ней, то въ обширныя приготовленія къ борьбѣ съ Англійей на Дальнемъ Востокѣ. Произвольная политика Франціи въ періодъ директоріи убѣдила Павла въ неуваженіи

Французскаго правительства къ началамъ международнаго права. Приготовленіе къ египетской экспедиціи Наполеона, арестъ русскаго консула на Ионическихъ островахъ, покровительство польскимъ эмигрантамъ, слухи о намѣреніяхъ французовъ напасть на сѣверный берегъ Чернаго моря—побуждаютъ Павла примкнуть къ коалиціи 1799 года изъ Англій, Австрій, Турціи и Неаполя противъ Франціи. Русскій флотъ распускаетъ свои паруса въ Средиземномъ морѣ и везетъ десантъ въ Италію на помощь Фердинанду VI, королю неаполитанскому; «чудо-богатыри» Суворова свершаютъ свой знаменитый швейцарскій походъ и наполняютъ Европу славою русскаго оружія. Но знаменитый австрійскій военный совѣтъ (гофскригератъ) путаетъ военныя карты Суворова, тормозитъ его побѣдоносное шествіе и сводитъ кампанію русскихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій къ очень незначительнымъ результатамъ, вслѣдствіе чего императоръ Павелъ разрываетъ союзъ съ Австріей, какъ равно разрываетъ и союзъ съ Англійей, недовольный отношеніемъ британскаго правительства къ вспомогательному русскому отряду, боровшемуся въ Голландіи противъ французовъ. Этимъ настроеніемъ сѣвернаго монарха ловко пользуется Бонапартъ и склоняетъ его къ заключенію мира съ Франціей, союза съ ней и къ подготовкѣ къ борьбѣ съ ея вчерашними союзниками. Павелъ Петровичъ вступаетъ въ договоръ съ Пруссіей противъ Австрій и въ союзъ съ Пруссіей же, Швеціей и Даніей противъ Англій. Донское казачье войско, подъ начальствомъ Платова, по мановенію сѣвернаго монарха движется по направленію Индіи съ цѣлью нанести «владычицѣ морей» ударъ по ея большому и опасному мѣсту: колоніи должны быть отрѣзаны отъ метрополіи и колониальной торговлѣ Англій долженъ быть положенъ конецъ. Бя финансовый и экономическій уронъ неминуемо, по плану Наполеона, сводилъ ее на степень второстепеннаго государства и обращалъ въ послушное орудіе завоевательной политики знаменитаго консула. Трагическій конецъ Павла снова спутываетъ политическія шашки Западной Европы, и ходъ событій здѣсь получаетъ вскорѣ интенсивный характеръ. Вся Европа обращена въ вооруженный лагерь, и клубы порохового дыма заволакиваютъ вдоль и поперекъ весь европейскій континентъ.

Кровавая ночь 11-го марта 1801 года въ Михайловскомъ замкѣ неожиданно вручила Александру, любимому внуку Екатерины, бразды русскаго верховнаго правленія. И эта неожиданность сыграла въ военный періодъ царствованія Александра I крупную роль, о чемъ будетъ рѣчь далѣе.

Вѣдшнія событія европейской жизни того времени складывались такъ. Подобно своему отцу, и Александръ I сначала намѣтилъ

себѣ по отношенію европейскихъ державъ, не исключая Франціи, политику миролюбія, но это мирное настроеніе продолжалось недолго, и Россія оказалась въ водоворотѣ бурныхъ политическихъ событій, руководимыхъ Наполеономъ. Несмотря на заключенный Павломъ договоръ съ Франціей, таковой пришлось скоро нарушить, и хронологическій перечень событій складывается вкратцѣ слѣдующимъ образомъ. Наполеонъ обратился къ Австріи и къ Англіи съ предложеніемъ покончить борьбу, но это предложеніе съ его стороны было только ловкій маневръ, чтобы оттянуть развитіе событій и выиграть время, потребное для подготовки къ новой войнѣ. Державы согласились, но требовали возстановленія на французскомъ престолѣ прежней династіи Людовиковъ и возвращенія Франціи къ прежнимъ границамъ. Отвѣтомъ на это со стороны Наполеона было рядъ новыхъ боевыхъ дѣйствій, гдѣ воспитанные въ его суровой школѣ генералы одерживаютъ при Маренго (въ Ломбардіи) и при Голлиндѣ блестящую побѣду, открывая свободную дорогу для наступленія на Вѣну. Австрія ищетъ мира, который заключается при Люневилѣ. Ломбардія превращается въ Италійскую республику, избирающую своимъ президентомъ Наполеона, и границами Франціи опредѣляются Рейнъ и Эць. Нѣмецкія княжества, какъ Баварія, Ваденъ, Виртембергъ и пр., раньше другихъ заключившія союзъ съ Франціей, были властью консула увеличены въ своихъ владѣніяхъ; болѣе мелкія княжества были сокращены въ своихъ границахъ. Оставалось справиться съ Англіей, неуязвимой съ моря, но и эта послѣдняя, утомленная войною и испытывая нѣкоторое денежное затрудненіе, вконецъ соглашается со своей континентальной соперницей на миръ, который и заключается въ Амьенѣ (1802 г.). Наполеонъ становится какъ бы вершителемъ мировыхъ событій и, твердо вѣруя въ свою счастливую звѣзду, начинаетъ высокоумно обращаться съ нѣмецкими княжествами, съ Италіей и Швейцаріей, перекраивая по своему усмотрѣнію границы владѣній и устанавливая то тамъ, то тутъ желательныя ему формы правленія. Онъ захватываетъ связанный договоромъ съ Англіей Ганноверъ, въ Голландіи и Швейцаріи устанавливаетъ свой протекторатъ, Италію онъ превращаетъ изъ республики въ королевство и провозглашаетъ себя королемъ ея. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ дѣйствій, какъ провозглашеніе себя императоромъ Франціи, убійство герцога Англенскаго, презрительное отношеніе ко всѣмъ своимъ новымъ союзникамъ, вѣчное интриганство въ цѣляхъ ихъ политической ссоры между собой, — все это вмѣстѣ взятое побуждаетъ главнѣйшія державы Европы составить противъ Наполеона новую коалицію для обузданія его и низложенія съ престола. Въ эту коалицію входятъ Австрія, Англія, Россія, Швеція и Неаполь, коалиція достаточно опасная для французскаго императора. Тогда онъ пускаетъ въ ходъ всю силу своей дипломатической и военной тактики. Онъ дѣлаетъ видъ,

будто собирается обрушиться всею своею войсковою тяжестью на Англiю и высадиться тамъ, на дѣлѣ же со страшною быстротою, подобно урагану, увлекшему за собой второстепенныя нѣмецкія княжества, врывается въ Германію. Въ битвѣ при Ульмѣ австрійская армія капитулируетъ передъ нимъ, затѣмъ была захвачена Вѣна и, наконецъ, 2-го декабря 1805 года произошла знаменитая Аустерлицкая битва, изъ которой Наполеонъ выходитъ побѣдителемъ. Австрія лишилась Тироля и Венеціанской области по Пресбургскому миру, и, такимъ образомъ, пробилъ послѣдній часъ «Священной Римской имперіи германской націи». На мѣсто ея Наполеонъ образуетъ подъ своимъ протекторатомъ Рейнскій союзъ князей и даруетъ въ новообразованныхъ королевствахъ короны своимъ братьямъ Иосифу и Людвигу. Въ побѣдоносномъ шествіи Наполеона къ міровому могуществу встрѣчаются только два препятствія. При Трафальгарѣ адмиралъ Нельсонъ разбиваетъ на голову французскій флотъ, и Англiя, такимъ образомъ, ускользаетъ изъ-подъ его давленія, сохраняя за собою морское могущество и вліяніе на экономическую жизнь на континентѣ по ввозу и вывозу товаровъ. Сохраняетъ свою независимость и Россія, союза съ которой до 1807 года ему не удается заключить. Какъ бы въ отмщеніе судьбѣ, не дающей ему полностью осуществить свою политику завоеванія, онъ набрасывается на Пруссію, игравшую въ предшествовавшихъ событіяхъ двусмысленную роль, но не державшую активно выступить противъ французскаго императора, и подвергаетъ ее ряду оскорбленій. Въ отвѣтъ на эти послѣднія Пруссія рѣшается потребовать отъ Наполеона очищенія южной Германіи и образованія Сѣверно-Германскаго союза съ нею во главѣ. Въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, несмотря на участіе въ нихъ русскихъ войскъ, Пруссія теряетъ свою независимость и становится послушною игрушкою въ рукахъ державнаго властелина Франціи. Тильзитскій миръ (1807 г.), гдѣ впервые Александръ I протянулъ руку Наполеону, далъ послѣднему еще одно удовлетвореніе: Наполеонъ добился союза съ русскимъ царемъ на выгодныхъ для себя основаніяхъ. Пруссія была урѣзана въ своихъ владѣніяхъ; было образовано новое Вестфальское королевство съ братомъ Наполеона Иеронимомъ во главѣ, Саксонія и рядъ другихъ нѣмецкихъ княжествъ примкнули къ Рейнскому союзу. Наполеонъ провозглашаетъ, какъ средство будущей гибели Англiи, никому невыгодную, кромѣ него, континентальную систему, по которой всѣ европейскіе порты должны были быть закрыты для англійской торговли. Несогласныхъ примкнуть къ этому континентальному союзу, какъ Швецію и Данію, онъ принуждаетъ къ тому силою союзнаго оружія.

Рядомъ съ этимъ онъ проникаетъ все въ тѣхъ же цѣляхъ борьбы съ Англiей и распространенія своего всесвѣтнаго вліянія и въ такія государства, какъ Испанія и Португалія.

Въ 1808 году состоялось новое свиданіе Наполеона и Александра въ Эрфуртѣ для показанія Европѣ чувствъ дружбы этихъ государей, а на слѣдующій годъ произошелъ новый разгромъ Австріи, взятіе Вѣны и заключеніе съ нею въ Шенбрунѣ тяжкаго мира, по которому она лишилась многихъ владѣній, какъ Зальцбургъ, западной и части восточной Галиціи, Крайны, Триеста и другихъ. Побѣдитель австрійскаго императора, доведшій его до крайней степени политическаго униженія, представитель демократическихъ принциповъ новой Франціи, нѣкогда именуемый «коварный корсиканецъ» и попросту Бонапартъ, получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и аристократическую руку дочери главы Габсбургской династіи, послѣ того, какъ ему было отказано въ рукѣ Екатерины Павловны, сестры Александра I. Честолюбивыя мечты нововѣнчаннаго выходца изъ народа получаютъ широкое осуществленіе. Онъ глава колоссальнѣйшей имперіи, въ составъ которой, кромѣ Франціи, входили Бельгія, Голландія, часть сѣверной Германіи до Балтійскаго моря съ устьями Рейна, Везера и Эльбы, весь лѣвый берегъ Рейна, часть Швейцаріи, Пьемонтъ, Тоскана, Панская область, гдѣ власть пресвященника была уничтожена, онъ носитъ на себѣ корону Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ захватываетъ Иллирію. Онъ настоящій повелитель Западной Европы, свободно распоряжающійся судьбами всѣхъ областей, которыя не вошли въ границы Франціи; онъ родственникъ старѣйшаго аристократическаго дома Европы, онъ настоящая угроза восточному европейскому матеріку и угроза Англій со стороны ея торговаго могущества...

Но всему земному бываетъ конецъ, и поиски мірового могущества великаго человѣка обрѣли также свой предѣлъ: они разбились о борьбу за родину восточно-славянскаго племени со своимъ царемъ во главѣ, борьбу, столѣтнюю годовщиною которой мы нынѣ празднуемъ и которой посвящена настоящая статья.

Мы видѣли изъ предыдущаго, что Александръ I, подобно своему отцу, на первыхъ порахъ желалъ избѣгнуть вмѣшательства въ европейскія дѣла, но затѣмъ съ головою окунулся въ нихъ и въ связи съ ними, особенно послѣ Тильзитскаго и Эрфуртскаго свиданій, какъ будто совершенно устранился отъ дѣлъ внутренняго управленія, а послѣ 1813 г. Россія начинала казаться ему и совершенно скучной, и неинтересной. Если еще во время отъ 1800 до 1805 годовъ ему удастся устраниваться отъ борьбы между собой западно-европейскихъ сосѣдей и въ этотъ періодъ дать Россіи хоть нѣкоторыя реформы въ области внутренняго управленія, то въ слѣдующій періодъ, по 1813 годъ включительно, событія Запада цѣликомъ его поглощаютъ, и онъ обращается въ своего рода космополитическаго императора, занятого спасеніемъ Европы противъ посягательствъ

на нее узурпатора французскаго престола. Вначалѣ, какъ бы по наслѣдію отъ отца, онъ относится къ Наполеону скорѣе даже сочувственно, усматривая въ немъ тотъ военный геній, который туманить воображеніе и гипнотизируетъ взоры современниковъ. Но, когда Наполеонъ властною рукою осѣнилъ свое чело французскою короною и облачился въ императорскую мантию, аристократическое чувство внука Екатерины было возмущено, и онъ воскликнулъ: «Завѣса упала, нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи!» Борьба съ этимъ тираномъ становится его завѣтною мечтою, и положеніе: «Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но мы вмѣстѣ царствовать не можемъ», это положеніе становится къ началу 1811 году путеводною звѣздою его европейской политики.

Хотя нѣкоторыя черты въ обоихъ принципиальныхъ врагахъ были общія—хитрость, тонкость дипломатическаго ума, жестокость и коварство, но, какъ представители верховной власти, они на міровой сценѣ были антиподами. Одинъ—Александръ—былъ представителемъ старой аристократіи, связанной съ европейскими дворами узами родства и дружбы, носитель старинныхъ царственныхъ традицій, какъ бы ниспосланный самимъ Небомъ для счастья своихъ близкихъ; другой—Наполеонъ—носитель демократической доктрины, цѣликомъ обязанный всему самому себѣ, тотъ новый человекъ, рожденный революціей, для котораго никакія традиціи, никакія чувства не имѣли никакого реальнаго значенія и который стремился перекроить обветшавшую Европу на новыхъ началахъ и при помощи новыхъ людей. Поэтъ Ѳ. Тютчевъ характеризовалъ его такъ:

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
 Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ:
 Не одолѣлъ ее твой геній самовластный!..
 Бой невозможный, трудъ напрасный:
 Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!..
 Два демона ему служили,
 Двѣ силы чудно въ немъ слились:
 Въ его главѣ—орлы парили,
 Въ его груди—змѣи вились....
 Ширококрылыхъ вдохновеній
 Орлиный, дерзостный полетъ,
 И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
 Змѣиной мудрости расчетъ!
 Но освящающая сила,
 Непостижимая уму,
 Его души не озарила
 И не приблизилась къ нему....
 Онъ былъ земной, не Божій пламень!
 Онъ гордо плыль, презритель волнъ!
 Но о подводный вѣры камень
 Въ щепы разбился утлый челнъ!

Наполеонъ, пылкій и смѣлый, смѣлый до непонятной дерзости, былъ лично независимъ и опирался, съ одной стороны, на обожавшую его армію, съ другой—на ослѣпленные его военною славою, не знающіе неудачъ, широкіе слои французскаго народа. Таковъ былъ прочный фундаментъ, имѣя который подъ собою, онъ на все дерзалъ.

Сдержанный, холодный, замаскированный любезной улыбкою, свѣрхный монархъ не имѣлъ въ себѣ дерзновенія своего противника, дерзновенія ни въ дѣлахъ внутренней политики, ни въ политикѣ вишней. Въ первомъ случаѣ кровавая ночь 11-го марта 1801 года ложилась тяжелымъ камнемъ на его душу и ставила его въ зависимость отъ той вліятельной части дворянства, которая вручила ему обрызганный кровью скипетръ отца. Это дворянство не вызывало его довѣрія, какъ равно и онъ не внушалъ довѣрія дворянству, которому онъ ничѣмъ не сумѣлъ отплатить за такъ рано доставшійся ему высокій удѣлъ. Фронтоникъ въ душѣ, подобно своему дѣду и отцу, онъ не былъ боевымъ дѣятелемъ изъ ряда тѣхъ, которые являются въ глазахъ арміи кумиромъ. Онъ самъ съ грустью сознавался: «Прискорбно, что я не полководецъ, такъ какъ воспитался при дворѣ, а не отданъ былъ на воспитаніе Румянцову или Суворову». Зависимый отъ высшаго, привилегированнаго сословія, не связанный крѣпкими нитями съ войскомъ, онъ въ вопросахъ вишней политики былъ опутанъ родственными связями, которыя онъ считалъ долгомъ защищать и которыя ставилъ ни во что его противникъ. Традиція дружбы и съ Пруссіей, и съ Австріей создавала ему тоже подчасъ фальшивое положеніе и бросала на пути побѣдоноснаго шествія Наполеона къ міровому могуществу. Ближайшимъ образомъ заинтересованный въ сокрушеніи сосѣдней Англіи, Наполеонъ вмѣстѣ съ тѣмъ на каждомъ шагѣ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны Александра. Поэтому униженіе и уничтоженіе послѣдняго ставится съ 1811 года его задачею и, перекинувъ свои полчища за Нѣманъ, онъ самопадѣнно говоритъ:

«Покончивъ съ Россіей, я сумѣю покончить и съ Австріей. Но я еще не рѣшилъ, кому отдамъ Польшу. Что же касается Пруссіи, то участь ея не подлежитъ сомнѣнію. И иду на Москву. Одна или двѣ битвы рѣшатъ все. Императоръ Александръ на колѣняхъ будетъ просить мира. Я сожгу Тулу: вотъ Россія и обезоружена. Меня ждутъ. Москва—сердце имперіи. Я буду вести войну, проливая кровь поляковъ. Безъ Россіи континентальная система—глухость».

Передѣлавъ границы Россіи и подчинивъ ея судьбу своей волѣ, только тогда сокрушеніе Англіи рисовалось ему осуществимымъ.

Собственно говоря, для серьезнаго вмѣшательства Россіи въ военныя событія 1805 года не было прямыхъ серьезныхъ оснований, если не считать тонкихъ проскоковъ Наполеона на Востокъ и его стремленія вызвать и въ Турціи, и въ Австріи недовѣріе къ Рос-

ей и страхъ передъ ея наступательными дѣйствіями въ кругу восточнаго вопроса. Александръ I понималъ, что въ лицѣ новаго французскаго императора онъ имѣеть замаскированнаго личиною дружбы опаснаго политическаго врага, съ которымъ рано или поздно столкновение неизбѣжно въ виду его властолюбивой политики. Поэтому русскій императоръ вступаетъ въ составъ новой коалиціи и для защиты средне-европейскихъ владѣній, которымъ со стороны Наполеона грозили потрясенія, двигаетъ свои войска за предѣлы Россіи. Для союзниковъ, въ составѣ Россіи, Австріи, Англій, Швеціи и Неаполя, не было сомнѣнія, что въ такомъ составѣ вооруженныхъ силъ надменной политикѣ французскаго императора будетъ положенъ легкій и скорый конецъ. Русскіе военачальники и офицерство вообще рвались въ бой, и желаніе помѣриться силами съ геніальнымъ французскимъ императоромъ охватывало ряды русскаго воинства. По недалковидности и, пожалуй, нѣкоторому легкомыслію походъ противъ французовъ рисовался въ видѣ пріятной и славной своими трофеями военной прогулки, и побѣда надъ «антихристомъ», какъ тогда уже начали поемногу именовать Бонапарта, казалась богоугоднымъ и провиденціальнымъ дѣломъ. Но этимъ надеждамъ суждено было вскорѣ разлетѣться прахомъ, и, вмѣсто ожидаемыхъ громкихъ побѣдъ, Россію въ равнинахъ средней Европы ожидали небывалый еще въ лѣтописяхъ ея военной исторіи новаго времени разгромъ и систематическія неудачи.

Хотя Александръ I освободилъ русскую армію отъ педантизма прусскихъ уставовъ, которыми сковалъ ее Павелъ Петровичъ, тѣмъ не менѣе и сынъ его сохранилъ вѣру въ военный авторитетъ нѣмецевъ, пренебрегая новыми положеніями въ военномъ искусствѣ, которыя ярко опредѣлились въ военной школѣ Наполеона. Поэтому и русская армія въ походѣ 1805 года подъ начальствомъ Кутузова и Беннигсена оказалась въ путахъ австрійскихъ стратеговъ. Кромѣ того, на несчастіе Россіи самъ Александръ Павловичъ, не будучи полководцемъ, вмѣшивался въ распоряженія Кутузова и своими требованіями, которымъ престарѣлый сподвижникъ Суворова не смѣлъ противорѣчить, только содѣйствовалъ успѣхамъ военной тактики Наполеона и урону родной арміи. Послѣдовали знаменитые бои подъ Шенграбеномъ, Аустерлицемъ, гдѣ ярко возсіяла звѣзда Наполеона и гдѣ у ногъ побѣдителя легла униженная имъ армія и имперія Габсбурговъ. Русское войско, хотя понесло значительный уронъ, однако, благодаря талантливой тактикѣ Кутузова, спасло свою честь и избѣгло неминуемаго пораженія, которое ему грозило вслѣдствіе безталанности австрійскихъ стратеговъ. Въ Пресбургѣ Австрія заключила невыгодный для себя миръ съ Наполеономъ, а русскимъ войскамъ уже въ 1806 году пришлось итти на выручку Пруссіи. Хотя послѣднюю Александру Павловичу и не удалось спасти и участи разгрома она не миновала, однако

въ эту кампанію впервые армія Наполеона встрѣтила со стороны русскихъ такое сильное сопротивленіе и отпоръ, какого до сихъ поръ французскій императоръ не видалъ въ своей военной практикѣ. Онъ впервые подъ Прейсшъ-Эйлау познакомился съ доблестями русскаго солдата и, восторженно любуясь имъ, говорилъ окружающимъ: «Его мало убить, его убитаго еще надо повалить». Послѣ этой битвы, гдѣ превосходство оказалось на сторонѣ русскихъ, обѣ арміи отошли на зимнія кваритры, озабоченныя своимъ новымъ комплектованіемъ и снабженіемъ себя продовольственными запасами. Этой послѣдней заботѣ о продовольствіи арміи Наполеонъ придавалъ громадное значеніе и полагалъ, что судьба всей Европы ставится въ зависимость отъ этихъ запасовъ. Онъ предвидѣлъ, что, имѣя противъ себя такого врага, какъ Россія, къ тому же вышедшаго изъ-подъ опеки австрійскихъ военныхъ теоретиковъ, война неминуемо должна принять затяжной характеръ и ему, отошедшему далеко отъ своей имперіи, можетъ прійтись плохо. Въ періодъ перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ зимою 1807 года Наполеону удается овладѣть двумя важными моментами: онъ захватываетъ крѣпость Данцигъ и вынуждаетъ Турцію на новую войну съ Россіей. Послѣднее обстоятельство побудило Россію раздѣлить свои силы отвлеченіемъ довольно значительной ихъ части противъ турокъ, послѣ чего мы могли противопоставить французамъ армію всего въ 125 тысячъ человекъ, въ то время какъ въ распоряженіи Наполеона было войска 170 тысячъ солдатъ.

Усматривая, что въ періодъ 1805, 1806 и 1807 гг. русскимъ войскамъ за предѣлами своего отечества не удастся сломить стойкаго врага, наши общественныя силы рѣшаются прійти на помощь своей государственности. Возникаетъ идея народныхъ ополченій, которой нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ предшествуетъ высочайшее повелѣніе о новомъ рекрутскомъ наборѣ. Однако, признавая народное ополченіе явленіемъ по необходимости желательнымъ, Александръ Павловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ не относится къ нему съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, съ одной стороны, опасаясь, чтобы большія скопища крѣпостныхъ не обрушились на дворянство и, съ другой, чтобы это самое дворянство, опираясь на своихъ крѣпостныхъ, не получило право диктовать ему тѣ или иныя мѣропріятія въ области внутренней политики. Такъ, когда составилось смоленское ополченіе и графъ Панинъ, участникъ кровавыхъ часовъ 11-го марта 1801 года былъ избранъ дворянствомъ главою этого ополченія, онъ не утвердилъ его въ этомъ званіи и вычеркнулъ даже изъ состава ополченія. Оскорбленный этимъ, графъ Панинъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему вступить въ ряды дѣйствующей арміи хотя бы въ роли простаго воина, но Александръ I и этого ему не позволилъ и вернулъ ему прошеніе по сему предмету съ «надбраніемъ». Какое было настроеніе вліятельной и враждебной всякимъ новше-

ствамъ части дворянства, всего нагляднѣе усматривается изъ письма къ императору графа Ѳ. В. Ростопчина отъ 17-го декабря 1806 года, написаннаго въ періодъ перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣ Прейсишъ-Эйлау. Ростопчинъ, характеризуя взгляды дворянства на значеніе переживаемаго тогда историческаго момента, писалъ:

«Сіе знаменитое сословіе, одушевляемое духомъ Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всею отечеству и гордится лишь титуломъ россиянь. Милліція учредится въ срокъ и сила ея поставитъ несомнѣнную преграду врагу всемірному и конецъ желанію войти въ хранимую Богомъ землю, кою сто лѣтъ нога непріятели поинрать не дерзала.

«Но все сіе усердіе, мѣры и вооруженія, досель нигдѣ неизвѣстныя, обратятся въ мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной истребленіемъ дворянства, что есть во всехъ бунтахъ и возмущеніяхъ единственная цѣль черни, къ чему она нынѣ еще успѣшнѣй устремится по примѣру французовъ и бывъ къ сему уже пріуготовлена несчастнымъ просвѣщеніемъ, кою неизбѣжныя слѣдствія суть гибель законовъ и царей.

«... Присяга и совѣсть повелѣваетъ мнѣ исполнить долгъ святой, представивъ истину предъ лицо ваше въ томъ видѣ, какъ я представлялъ оную въ то время, когда сердце ваше отдавало справедливость нелицемѣрной любви моей, и для сего [заклинаю васъ именемъ Божиимъ, подумайте о прошедшемъ и о настоящемъ, о пзмѣнѣ Степанова ¹⁾, о расположеніи умовъ, о философахъ, о мартинистахъ и о выборѣ начальника московской милліціи ²⁾]. Явитесь на нѣсколько дней въ городъ сей и возжгите пакн въ сердцахъ любовь, совѣмъ почти погасшую изъ несчастныхъ происшествій и презрѣнія къ министерству».

Дешифрируя внутренній смыслъ настоящаго письма, мы видимъ, что Ростопчинъ въ немъ говоритъ, что государь только тогда завоюетъ симпатіи дворянства, если онъ откажется отъ космополитическихъ тенденцій, симпатій къ конституціонализму и свято сохранитъ институтъ крѣпостнаго права.

Вступая, хотя и съ нѣкоторымъ отѣнкомъ недовѣрія, въ союзъ съ общественными элементами, Александръ I вмѣстѣ съ тѣмъ охотно разрѣшаетъ въ печати всяческое поношеніе Наполеона и санкціонируетъ предписаніе св. синодомъ духовенству спеціальныхъ церковныхъ проповѣдей съ яркимъ въ нихъ элементомъ фанатизма, гдѣ французскій императоръ изображался въ качествѣ нечистой силы и сошедшаго на землю антихриста. Откуда и съ какого времени появилась на сцену легенда о тожествѣ Наполеона

¹⁾ Интендантскій чиновникъ, осужденный на каторгу за выдачу французамъ въ 1806 г. свѣдѣній о размѣщеніи войскъ.

²⁾ Намекъ на извѣстнаго конституціоналиста Мордвинова.

съ антихристомъ, нельзя точно установить, но до чего она была популярна даже среди интеллигентныхъ круговъ, усматривается изъ посланія дерптскаго профессора Вильгельма Гецеля, адресованнаго въ 1812 году командующему первой арміей Барклаю-де-Толли. Ученый профессоръ писалъ, основываясь на уже къ тому времени готовой легендѣ, слѣдующее:

«М. г.! Если бы можно было вселить въ императорское руссійское воинство то увѣреніе, что оно Провидѣніемъ избрано къ прекращенію въ нынѣшнемъ 1812 году тѣхъ бѣдствій, кои Наполеонъ навлекъ на всю Европу, то сіе бы усугубило бодрость духа и облегчило бы одержаніе побѣды.

«Таковое увѣреніе можетъ произведено быть въ дѣйство черезъ прилагаемое при семъ кабалистическое изъясненіе двухъ мѣстъ Апокалипсиса св. апостола Іоанна, т. е. гл. 13, ст. 18 и 5, если полковые священники благоразумно разгласятъ его».

Кабалистическое толкованіе Апокалипсиса заключалось въ слѣдующемъ. Переложивъ буквы, составляющія имя Наполеонъ, въ цифры (по способу еврейскаго числоизложенія), профессоръ Гецель получилъ число 666, т. е. то именно число, которымъ въ Апокалипсисѣ означенъ Звѣрь (антихристъ). Предѣлъ славы Звѣря определенъ числомъ 42. Отсюда профессоръ Гецель дѣлалъ выводъ, что 1812 годъ, въ которомъ антихристу-Наполеону исполнялось 43 года, будетъ годомъ его паденія.

«А какимъ образомъ сіе всячески достопамятное изъясненіе должно быть въ войскѣ разгласено, — продолжаетъ профессоръ Гецель, — раздачею ли печатныхъ листовъ на руссійскомъ языкѣ, или только изустнымъ отъ духовенства внушеніемъ, то предоставляю вашему благоусмотрѣнію».

Непобѣдимость Наполеона и неуспѣхи русскаго оружія въ борьбѣ съ нимъ, новая рекрутчина, всегда встрѣчаемая населеніемъ съ воплемъ и плачемъ, какъ народное бѣдствіе, фанатическая проповѣдь духовенства и агитация дворянства о необходимости защиты отечества противъ грознаго врага, несомнѣнно, фанатизировали населеніе, которое и начало воспринимать идею о пришествіи антихриста во образѣ Наполеона за реальный фактъ. Въ 1806 году эта идея и сказанное фанатическое настроеніе начинаютъ только мерцать съ тѣмъ, чтобы въ 1812 году зажечься яркимъ пламенемъ и въ особенности послѣ появленія на небѣ кометы признаннаго какъ грозное предзнаменованіе.

Открывшаяся весной 1807 года кампанія началась съ удачнаго для насъ дѣла при Гельсбергѣ, но результатами нашей удачи главнокомандующій князь Горчаковъ не сумѣлъ воспользоваться, давъ Наполеону черезъ нѣсколько дней усилиться, послѣ чего онъ заставилъ насъ принять въ невыгодной для нашей арміи обстановкѣ бой подъ Фридландомъ, окончившійся для русскихъ войскъ сильнымъ пораженіемъ. 12-го іюня было заключено между враждую-

щами сторонами перемиріе; 27-го числа того же мѣсяца состоялось свиданіе двухъ императоровъ-соперниковъ при Тильзитѣ и подписаніе Тильзитскаго мира. Тутъ впервые встрѣтились лицомъ къ лицу, два представителя новаго вѣка, къ личностямъ которыхъ приковывалось тогда вниманіе всей Европы. Началась тонкая игра двухъ искусныхъ дипломатовъ, дружески обнявшихся при встрѣчѣ, очаровавшихъ другъ друга и порѣшившихъ на словахъ дальнѣйшую судьбу всей Европы. По существу дѣла въ выигрышѣ оказался Наполеонъ; его новый царственный союзникъ призналъ все перемѣны, сдѣланныя имъ въ Европѣ, какъ равно призналъ и новоспеченныхъ королей, братьевъ Наполеона, которымъ были отданы судьбы Неаполя, Голландіи и Вестфалии. Добился Наполеонъ и разрыва союза Россіи съ Англіей и побудилъ Александра признать континентальную систему съ закрытіемъ для англійскихъ товаровъ всѣхъ европейскихъ рынковъ. На долю Россіи выпало лишь обладаніе Бѣлостокской областью и обѣщаніе содѣйствовать окончанію нашей войны съ Турціей, причемъ буферъ, образованный изъ отнятыхъ у Пруссіи польскихъ областей, въ видѣ герцогства Варшавскаго, сталъ для Россіи неутѣшительнымъ реальнымъ фактомъ. Для всѣхъ было очевиднымъ, что Александръ I капитулировалъ передъ Наполеономъ, какъ бы призналъ свое второстепенное значеніе и расписался въ проигрышѣ послѣдней кампаніи.

Это угнетающе подѣйствовало на войско, и свидѣтель блестящей встрѣчи и послѣдовавшихъ за ней торжествъ и увеселеній Денисъ Давыдовъ впослѣдствіи говорилъ о настроеніи арміи такъ: «Что касается до насъ, одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ монарховъ въ мірѣ занимало всѣхъ насъ въ высшей степени, но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество французовъ намъ ни къ чему не служило: ни одинъ изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ старанія... 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по локоть».

Тильзитскій миръ произвелъ удручающее впечатлѣніе и на русское общество: въ политикѣ Александра I вліятельное дворянство увидало не только оскорбленіе національнаго достоинства, но и угрозу благоденствію помѣщичьихъ хозяйствъ.

Главная удача тильзитскихъ переговоровъ для Наполеона заключалась, какъ уже сказано выше, въ принятіи Александромъ I континентальной системы, которая всей тяжестью ложилась на помѣщичьи хозяйства и народный обиходъ: выгодный сбытъ сырья въ Англію этимъ самымъ прекращался, какъ равно прекращался ввозъ изъ Англіи предметовъ роскоши, именно потребля-

емыхъ дворянствомъ и высшимъ сословіемъ. Этимъ воспользовались всяческіе спекулянты, и сразу цѣны на все продукты, особенно въ столицахъ, возросли. Графиня Шуазель въ своихъ запискахъ о томъ времени, характеризуя новыя экономическія условія жизни, наступившія для Россіи, повѣствуетъ: «Континентальная система, произвольно навязанная Наполеономъ для Россіи, сдѣлалась ей въ тягость и внушила серьезныя безпокойства императору Александру I. Со всехъ концовъ имперіи, среди дѣйствительнаго и мнимаго богатства, раздавался голосъ нищеты, такъ какъ прекратился всякій отъездъ за границу, все порты были закрыты и ощущался недостатокъ въ необходимѣйшемъ народномъ для Россіи продуктѣ—соли. Можно было обойтись безъ сахара, вина, но не безъ соли и сельдей, которыя составляютъ ежедневную пищу въ теченіе продолжительныхъ постовъ, а ихъ-то нельзя было достать или это продавали по баснословно дорогой цѣнѣ, недоступной для бѣднаго народа. Англійскій кабинетъ тайно работалъ для возбужденія всеобщаго неудовольствія. Императоръ Александръ I видѣлъ мечъ, повѣшенный надъ его головою на англійской веревкѣ».

Послѣдовавшее за тильзитскимъ эрфуртское свиданіе подкрѣпило все договорныя основы свиданія въ Тильзитѣ, и вся Европа какъ бы оказалась раздѣленною на двѣ части: одна, западная, осѣненная властью Наполеона, а другая восточная—властью Александра I. Но, конечно, послѣднее положеніе оставалось фикціей, такъ какъ ни Турція, ни Швеція своей зависимости отъ Россіи признавать не желали и, защищая свои политическіе интересы, вступили въ новую съ нами борьбу, гдѣ активная помощь намъ отъ Наполеона ничѣмъ существеннымъ не проявилась.

Россія оказалась безъ старыхъ союзниковъ и въ очень сомнительной связи съ Франціей, каковая связь, какъ то и видѣли современники, рано или поздно должна была рушиться. вмѣстѣ съ тѣмъ былая популярность внука Екатерины уменьшалась, и его возвращеніе на берега Невы было встрѣчено нѣкоторыми придворными кругами и русскимъ обществомъ болѣе чѣмъ хладнокровно. Презкіе друзья и единомышленники, какъ Новосильцевъ, Кочубей, его покидаютъ и на мѣсто ихъ вліянія выдвигаются на первое мѣсто, съ одной стороны, вліяніе Аракчеева, съ другой—Сперанскаго. Оба приходятся не по душѣ официальнымъ сферамъ. Одинъ своимъ фронтowymъ отношеніемъ ко всему окружающему, другой, благодаря своей «французоманіи», руководясь которой онъ создавалъ бюрократическій обликъ Россіи.

Начавшаяся въ 1809 году новая война Наполеона съ Австріей, въ которой Россія должна была, согласно заключенному договору съ Наполеономъ, выступить противъ своей стародавней союзницы, также немало послужила къ уменьшенію популярности Александра I. Онъ уже запрещаетъ представителямъ общественности и

духовенства порочить въ статьяхъ и проповѣдяхъ еще недавняго «антихриста» и двигаетъ противъ Австріи тридцатитысячный корпусъ вяло дѣйствующихъ, однако, въ этой непонятной для Россіи войнѣ войскъ. Послѣдовавшій разгромъ Австріи въ 1809 году, правда, далъ Россіи по Шенбрунскому миру часть Галиціи, но эта подачка не вызвала особой радости въ Россіи, а только открыла глаза Александру I на то, что онъ игрушка въ рукахъ Наполеона и что онъ вынимаетъ изъ раскаленной европейской печи лишь каштаны для удовлетворенія политическаго аппетита ненасытнаго французскаго императора. Что касается самого Наполеона, то въ кампанію 1809 года онъ остался недоволенъ вялостью дѣйствій русскихъ войскъ и въ этой вялости усмотрѣлъ нѣчто вроде двойной игры Александра I. Эрфуртское свиданіе было послѣднимъ солнечнымъ днемъ ихъ случайной дружбы; вслѣдъ затѣмъ легкія тучи набѣгаютъ на горизонтъ, бросаютъ тѣни на лики обонхъ властителей, и они начинаютъ уже косо и съ недоувѣріемъ поглядывать другъ на друга. Польскій вопросъ, гдѣ Наполеонъ, посылая любезныя улыбки Александру I, вмѣстѣ съ тѣмъ велъ явно фальшивую политику, внушалъ Россіи серьезныя опасенія. Французскій императоръ туманилъ головы поляковъ намеками и косвенными обѣщаніями на возможность возстановленія Польскаго королевства, и поляки начинали уже бредить именемъ Наполеона, долженствующаго вернуть имъ ту политическую свободу и государственную независимость, о которой они, начиная съ перваго раздѣла, мечтали и которая являлась конечнымъ пунктомъ ихъ историческихъ вождедѣній. Это обстоятельство ставило Россію и Александра I въ очень фальшивое положеніе и ближайшимъ образомъ не позволяло польскимъ областямъ прочно цементироваться съ коренной русской землею.

Цѣлый рядъ событій болѣе второстепеннаго порядка, какъ-то: отказъ Наполеону въ рукѣ Екатерины Павловны, изданіе нами новаго таможеннаго устава и т. д.,—все болѣе и болѣе рождало въ Наполеонѣ сознаніе, что въ ходѣ его міровой властной политики Россія стоитъ у него поперекъ дороги и что съ нею надо покончить. Рядомъ съ этимъ и Александръ начинаетъ прозрѣвать, что всѣ обѣщанія французскаго императора въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ остаются мыльными пузырями и что всѣ основы дружбы съ Наполеономъ имѣютъ въ корнѣ лишь его честолюбіе и самовластье. Открывается послѣдовательность дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, явно другъ другу враждебныхъ. Наполеонъ безъ всякихъ серьезныхъ причинъ лишаетъ герцога Ольденбургскаго, дядю русскаго государя, его родовыхъ владѣній. Александръ протестуетъ, но тщетно. Его протестъ не заслуживаетъ вниманія Наполеона. Сознавая все причиняемое Россіи зло континентальной системой, Александръ ее нарушаетъ. Императоръ французскій протестуетъ, а русскій государь отвѣчаетъ уклончиво и не только не идетъ навстрѣчу предъявляемому ему

и*

требованію, но даже наноситъ французской торговлѣ въ интересахъ русской промышленности явный ущербъ, налагая на одну категорію французскихъ товаровъ запретъ ввоза, а другую облагая высокою пошлиною. Такая политика русскаго государя привѣтствуется на родинѣ, какъ освобожденіе отъ французской опеки и возвращаетъ ему утерянныя было симпатіи соотечественниковъ. Политическія струны между Сеной и Невою начинаютъ натягиваться, въ воздухѣ слышится приближеніе грозы, и первые раскаты ея проносятся на рубежѣ 1811—1812 г., послѣ того, какъ въ теченіе періода 1810—1811 гг. обѣ стороны успѣли сдѣлать громадныя военныя приготовленія и придвинуть къ Вислѣ обширныя вооруженныя полчища. Видя натянутость отношеній между обоими монархами, Англія тайно соглашается на субсидію Россіи деньгами въ ея военныхъ приготовленіяхъ. Соотношеніе этихъ полчищъ было къ описываемому времени таково съ показаніемъ ихъ отдѣльныхъ частей:

Составъ и численность русскихъ войскъ въ 1812 году.

1-я западная армія генерала-отъ-инфантеріи Барклая-де-Толли.

1-й пѣхот. корпусъ графа Витгенштейна	23	тыс.
2-й » » » ген. Багговута	17	»
3-й » » » Тучкова 1-го	18 ¹ / ₂	»
4-й » » » гр. Шувалова, потомъ гр. Остер- мана-Толстого)	15 ¹ / ₂	»
5-й пѣхот. корпусъ вел. кн. Константина Павловича	20	»
6-й » » » ген. Дохтурова	17	»
1-й резерв. кав. корпусъ Уварова	3	»
2-й » » » бар. Корфа	4	»
3-й » » » гр. Палена	2 ¹ / ₂	»
Летучій казачій отрядъ Платова	7	»

Итого 127¹/₂ тыс. при 558 орудіяхъ.

2-я западная армія генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона.

7-й пѣхот. корпусъ ген. Раевского	16	тыс.
8-й » » » Бороздина	16	»
4-й резервный кав. корпусъ Сиверса	3 ¹ / ₂	»
Летучій казачій отрядъ Иловайскаго	4	»

Итого 39¹/₂ тыс. при 180 орудіяхъ

3-я резервная обсервационная армія графа Торماسова.

Корпусъ графа Каменскаго	10 ¹ / ₂	тыс.
» » Маркова	15 ¹ / ₂	»
» барона Сакена	8	»

Кавалерійскій корпусъ графа Ламберта	5 тыс.
9 казачьихъ полковъ	5 »

Итого 43 тыс. при 168 орудіяхъ.

Всего 210 тыс. при 910 орудіяхъ.

Перечень корпусовъ «великой арміи» съ показаніемъ ихъ первоначальной численности:

Гвардія (маршалы Лефевръ, Мортъе и Бессьеръ)	47 ¹ / ₂ тыс.
I корпусъ маршала Даву	72 »
II » » Удино	37 »
III » » Нея	39 ¹ / ₂ »
IV » вице-короля Италіи Евгенія (Итальянскій).	45 »
V » маршала кн. Понятовскаго (Польскій)	36 ¹ / ₂ »
VI » » Сень-Сира (Баварскій)	25 »
VII » » Ранъе (Саксонскій).	17 »
VIII » » Вандама, потомъ Жюно (Вестфаль- скій)	18 »
X » » Макдональда (Прусскій)	32 ¹ / ₂ »
XII » » кн. Шварценберга (Австрійскій)	34 »

Резервная конница короля неаполитанскаго Мурата.

1-й резервн. кавал. корпусъ Нансути	12 тыс.
2-й » » » Монбрена	10 ¹ / ₂ »
3-й » » » Груши	9 ¹ / ₂ »
4-й » » » Латуръ-Мобура	8 ¹ / ₂ »

Итого 448 тыс. при 1200 оруд.

Кромѣ того, два корпуса, оставлены въ тылу для охраны сообщеній; изъ нихъ одинъ (IX) впоследствии былъ притянутъ на театръ войны:

IX корпусъ маршала Виктора	34 тыс.
XI » » Ожеро	60 »

Итого 94 тыс.

Всего 552 тыс. при 1200 орудіяхъ.

Настоящія данныя о численности войскъ обѣихъ сторонъ свидѣтельствуютъ о значительномъ перевѣсѣ силъ Франціи надъ Россіей. Въ составъ «великой арміи» Наполеона входили почти что всѣ видныя государства Европы, тѣ «двадцать языкъ», объ избавленіи отъ которыхъ молила въ ту годину испытанія православная церковь. Громадныя запасы продовольствія были сосредоточены въ Пруссіи,

въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ ближайшихъ къ русской границѣ крѣпостяхъ по рѣкамъ Одру и Вислѣ. Вся «великая армія» была раздѣлена на двѣнадцать пѣхотныхъ корпусовъ и четыре резервныхъ кавалерійскихъ корпуса и, кромѣ того, молодая и прославленная въ походахъ Наполеона старая гвардія. Составъ корпусовъ былъ неодинаковъ, отъ двухъ до пяти дивизій. Во главѣ корпусовъ поставлены испытанные маршалы, какъ-то: холодный умомъ, твердый волей и рѣшительный въ дѣйствіяхъ Даву, пылкій, храбрый и боготворившій своего императора Ней, блестящій представитель коннаго строя—неаполитанскій король Мюратъ и др. Французы, составлявшіе немного менѣе половины арміи, были воодушевлены увѣренностью въ скорой и блестящей побѣдѣ; поляки пылали счастьемъ будущихъ побѣдъ и готовы были во имя великаго императора на всяческія безразсудства, не щадя безъ всякой надобности своихъ животовъ. Союзники шли слѣдомъ въ мрачномъ повнновеніи, но скованные желѣзною волею узурпатора ихъ власти и какъ бы предчувствуя, что съ паденіемъ Россіи ихъ участь станетъ еще горшею. Въ концѣ апрѣля 1812 года прибылъ къ войску сосредоточенный, точно застывшій въ своей военной славѣ Наполеонъ, но полный увѣренности въ своей скорой и неминуемой побѣдѣ надъ сѣвернымъ колоссомъ. Его мозгъ горѣлъ широкими планами: быстрымъ натискомъ принудить Россію къ миру, присоединить ея войска къ своимъ и, овладѣвъ Турціей, утвердить въ Константинополѣ «престолъ восточной и западной имперіи», которыя онъ соединитъ подъ своею властью. Въ это время силы, которыми онъ располагалъ въ Италіи, Иллиріи и на Ионическихъ островахъ, онъ двинетъ въ Египетъ. И наконецъ онъ направитъ громадныя силы черезъ Малую Азію въ Бенгалію, для нанесенія окончательнаго удара Англіи».

Бесѣдуя съ своимъ посломъ Коленкуромъ, онъ заговорилъ съ нимъ о своемъ планѣ военныхъ дѣйствій. Коленкуръ высказалъ опасеніе, что Русскіе будутъ отступать хотя бы до Камчатки.

— Нѣтъ,—возразилъ Наполеонъ,—черезъ два мѣсяца Александръ попроситъ у меня мира. Его заставятъ сдѣлать это помѣщики. Къ тому же въ моихъ рукахъ будетъ Польша. Какой стыдъ для Александра потерять ее безъ битвы! Это значитъ покрыть себя позоромъ въ глазахъ подьяковъ.

Его увѣренность въ математически точномъ выполненіи военнаго плана была настолько сильна, что онъ въ самомъ началѣ открывшихся военныхъ дѣйствій, обращаясь къ своей арміи и польскимъ войскамъ, провозгласилъ:

«Солдаты! Я васъ поведу противъ Россіи. Въ началѣ іюля вы будете въ Петербургѣ. Прусскій король обѣщалъ мнѣ свою дружбу. Его армія уже находится въ моемъ распоряженіи. Пруссаки не чувствуютъ болѣе къ намъ ненависти. Они ведутъ себя хорошо»...

Къ полякамъ обращались слѣдующія слова:

«Я вамъ дамъ короля. Вы будете націей болѣе великой, чѣмъ въ правленіе Станислава. Я въ Петербургѣ передѣляю границы Россіи. Вашимъ королемъ будетъ мой дядя, великій герцогъ Вирдбургскій».

Въ это время русскія военныя силы еще въ точности не были освѣдомлены, несмотря на всѣ сдѣланныя военныя приготовленія, разыграется ли настоящая война, или все обойдется простымъ военнымъ походомъ. Настроеніе государя, прибывшаго также въ апрѣлѣ къ западной арміи и обосновавшагося въ Вильнѣ, было, хотя твердое, но не лишенное надежды, что возможно будетъ обойтись безъ братоубійственнаго кровопролитія. Еще въ самомъ началѣ мая онъ говорилъ представителю Наполеона:

— Я не ослѣбляюсь мечтами. Я знаю, въ какой мѣрѣ императоръ Наполеонъ великій полководецъ, но на моей сторонѣ, какъ видите (тутъ онъ указалъ на разложенную карту Россіи), пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ нѣтъ такого отдаленнаго угла, куда я не могъ бы отступить. Нѣтъ такого пункта, который я не сталъ бы защищать прежде, чѣмъ согласиться заключить постыдный миръ. Я не начну войны. Но я не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ будетъ находиться въ Россіи.

Обѣ стороны, какъ бы затягивая начало военныхъ дѣйствій, пытаются на первыхъ порахъ свалить вину въ будущей борьбѣ другъ на друга. Такъ, въ своемъ первомъ военномъ бюллетенѣ Наполеонъ писалъ:

«Въ концѣ 1810 г. Россія измѣнила свою политическую систему: англійскій духъ подчинилъ ее своему вліянію; торговый указъ (31-го декабря 1810 г.) былъ первымъ актомъ. Въ февралѣ 1811 г. пять русскихъ дивизій, покинувъ Дунай, форсированнымъ маршемъ двинулись въ Польшу. Этимъ движеніемъ Россія жертвовала Молдавіей и Валахіей. И въ то время, когда русскія арміи соединились и сформировались, Россія обратилась ко всѣмъ державамъ съ протестомъ противъ дѣйствій Франціи, причемъ она не хотѣла даже сохранить обычныхъ приличій. Всѣ средства къ примиренію были употреблены Франціей. Все оказалось бесполезнымъ. Въ концѣ 1811 г., спустя шесть мѣсяцевъ, Франція увидѣла, что все это не можетъ окончиться иначе, какъ войной. Она стала готовиться. Гарнизонъ Данцига былъ усиленъ до 20,000 человекъ. Всѣ предметы продовольствія, пушки, ружья, порохъ, аммуниція, погонные экипажи были направлены къ этому мѣсту. Громадныя деньги были предоставлены въ распоряженіе инженернаго вѣдомства, чтобы закончить необходимыя укрѣпленія. Армія была поставлена на военную ногу. Въ мартѣ 1812 г. былъ заключенъ союзный договоръ

съ Австріей. Въ предшествующемъ мѣсяцѣ былъ подписанъ трактатъ съ Пруссіей».

Съ своей стороны, Россія устами посланника графа Румянцова по поводу одной политической ноты утверждала, что Россія свято соблюдала условія Тильзитскаго договора и что Франція первая ступила на путь непріязненныхъ дѣйствій. «Допущеніе Россіей у себя нейтральной торговли и изданіе тарифа 1811 г. нисколько не противорѣчитъ Тильзитскому договору, между тѣмъ, какъ Франція дѣйствительно нарушила этотъ договоръ, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Ольденбургское герцогство, которое по ст. 12 трактата должно было быть возвращено въ полную и неприкосновенную собственность герцогу Ольденбургскому. Въ настоящее время Франція въ качествѣ одной изъ причинъ надвигающейся войны выставляетъ усиленное вооруженіе Россіи. Но оно является только отвѣтомъ на вооруженіе и продолженіе захватной политики самой Франціи. Что же касается до обвиненія Россіи въ намѣреніи ея присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство Варшавское, то оно ни на чемъ не основано, кромѣ простыхъ подозрѣній. Но если бы дѣже и дѣйствительно было съ ея стороны такое намѣреніе, то оно оправдывалось бы желаніемъ прекратить волненія среди поляковъ, ея подданныхъ, которые возбуждались вліяніемъ герцогства. И обвинять Россію въ этомъ ея намѣреніи могъ бы въ такомъ случаѣ кто угодно, но лишь не Франція, которая только и дѣлала, что, вопреки договорамъ, присоединяла къ себѣ чужія владѣнія».

Пока шли эти пререканія, обѣ стороны составляли свои диспозиціи, причемъ со стороны Россіи ея первая армія, подъ командою Барклая-де-Толли, военнаго министра и въ то же время военачальника, была размѣщена по Нѣману отъ Россіенъ до Лиды, растянувшись на двѣсти верстъ по фронту. Вторая армія, подъ командою князя Багратиона, любимаго ученика и сподвижника Суворова, стояла между Нѣманомъ и Западнымъ Бугомъ. На Вольни и Подоліи расположилась третья армія генерала Тормасова, и, такимъ образомъ, всѣ наши войсковыя силы, не объединенныя единою властью главнокомандующаго, были растянуты по линіи отъ Ковны до Луцка на протяженіи 500 верстъ. Кавалерія, поставленная во второй линіи за пѣхотой, была лишена возможности развѣдывать дѣйствія непріятелей и обречена на бездѣйствіе.

Въ то время, какъ Наполеонъ придавалъ наступающимъ днямъ самое серьезное значеніе, въ главной императорской квартирѣ въ Вильнѣ наблюдается настроеніе, свидѣтельствующее о непонятномъ легкомысліи и безпечности. Такъ, В. И. Бакунина рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ тѣ дни «въ Вильнѣ главнымъ образомъ занимались разводами, праздниками и волокитствомъ, отъ старшихъ до младшихъ, по пословицѣ: «игуменя за чарку, сестры за ковши»; молодые офицеры пьютъ, играютъ и прочее.

Все въ бездѣйствіи, которое можно назвать почти столбнякомъ, когда подумаешь, что непріятель, самый хитрый, самый счастливый, искуснѣйшій полководецъ въ свѣтѣ, исполнинскими шагами приближается къ предѣламъ нашимъ».

Точно также и Шишковъ повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее:

«Въ нашей главной квартирѣ, несмотря на близость непріятеля, продолжало царить веселье и безпечность. На дняхъ генералы и флигель-адъютанты обратились къ императору Александру съ просьбой о разрѣшеніи имъ устроить для виленскаго общества балъ. Государь охотно разрѣшилъ и далъ имъ на расходы 300 червонцевъ.

— Если вы хотите устроить праздникъ,—сказалъ онъ:—то постарайтесь, чтобы онъ былъ блестящій, потому что виленскія дамы—знатоки въ этомъ дѣлѣ.

Графиня Беннигсенъ предложила для устройства бала свой домъ въ Закретѣ.

«Молодежь, состоящая въ свитѣ государя,—разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ графиня Шуазель-Гуфье,—нашла, что помѣщеніе въ загородномъ домѣ графини Беннигсенъ не довольно обширно, но, не желая разстаться съ прекрасной мѣстностью этой дачи, придумала построить для танцевъ на лугу легкую галерею съ колоннами. Постройкой галереи занялся архитекторъ Шульцъ.

«Сегодня государь призывалъ къ себѣ директора военной полиціи де-Санглена и сказалъ ему:

«— Съ полчаса тому назадъ я получилъ отъ неизвѣстнаго записку, въ которой меня предостерегаютъ, что строящаяся галерея не надежна и должна рушиться завтра, во время танцевъ. Поѣзжай и осмотри подробно.

«Де-Сангленъ немедленно отправился въ Закретъ. Когда онъ вошелъ въ паркъ, раздался сильный грохотъ. Галерея рухнула, уцѣлѣлъ одинъ лишь полъ. Архитекторъ въ отчаяніи бросился въ Вилію и утонулъ.

«Выслушавъ донесеніе де-Санглена, государь сказалъ:

«— Такъ это была правда! Поѣзжай и прикажи полъ немедленно очистить. Мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ.

«Въ то самое время, когда въ главной квартирѣ шли дѣятельныя приготовленія къ закретскому балу, подѣзжалъ къ Вильнѣ изъ Петербурга графъ Огинскій. Сегодня вечеромъ онъ пріѣхалъ на станцію Румнишки, въ 70 верстахъ отъ Вильны.

«— Я былъ пораженъ,—разсказывалъ онъ потомъ,—увидѣвъ большіе огни по другой сторонѣ Нѣмана въ герцогствѣ Варшавскомъ. Смотритель станціи мнѣ сказалъ, что уже три дня, какъ они видятъ такіе огни по той сторонѣ Нѣмана, и что они ежедневно ожидаютъ вторженія французскихъ войскъ въ Литву. Я былъ совершенно пораженъ.

«Но ему пришлось спустя нѣсколько часовъ по прїѣздѣ въ Вильну поразиться еще болѣе, когда оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой вручилъ ему билетъ на балъ въ Закретѣ».

Въ то время, какъ въ русской главной квартирѣ, гдѣ пребывалъ государь, царило такое легкомысленное настроеніе, въ то время, какъ наша армія, растянутая въ показанномъ направленіи, при подобныхъ условіяхъ совершенно была лишена возможности дать отпоръ непріятелю, Наполеонъ въ ночь на 12-ое іюня однимъ мановеніемъ властной руки перекинулъ свои полчища черезъ Пѣманъ и объявилъ по войскамъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты!—ишитеь отъ въ приказѣ.—Вторая польская война началась. Первая окончилась подъ Фридрихсборгомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила клятву. Она не хочетъ давать никакихъ объясненій въ своихъ страшныхъ дѣйствіяхъ до тѣхъ поръ, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, принеся ей въ жертву нашихъ союзниковъ. Россія увлечена рокомъ! Она не уйдетъ отъ своей судьбы. Неужели она полагаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины дустерлицкіе? Она ставитъ насъ между безчестіемъ и войною: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, впередъ! Перейдемъ черезъ Пѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ прочнѣе и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

Одновременно съ этимъ воззваніемъ Наполеонъ выпустилъ второй бюллетень великой арміи, который долженъ былъ всѣхъ увѣрить въ томъ, что зачинщицей войны является Россія.

«Никакими средствами нельзя было прійти къ соглашенію между обѣими имперіями! Тотъ духъ, который господствовалъ въ русскомъ кабинетѣ, толкалъ его къ войнѣ».

Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о вторженіи Наполеона на закретскомъ балу, съ котораго поспѣшилъ въ Вильну, гдѣ на слѣдующій день въ приказѣ, составленномъ Шишковымъ, обратился къ войскамъ съ слѣдующими словами:

«Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемого нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими сред-

ствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Заступника правды, всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу! Я съ вами. На зачинающаго Бога!»

Онъ посылаетъ къ Наполеону Балашева съ письмомъ, гдѣ пытается установить возможность мирныхъ отношеній послѣ того, какъ русскіе очистили Вильну и отступили своей первой и второй арміями по направленію къ Дриссѣ. Занявшій къ тому времени Вильну, Наполеонъ принялъ здѣсь Балашева, и между ними произошелъ слѣдующій знаменательный разговоръ, въ которомъ французскій императоръ далъ волю своимъ накипѣвшимъ чувствамъ.

— Очень радъ познакомиться съ вами, генераль,—началъ разговоръ Наполеонъ.—Я знаю, что вы одинъ изъ искрѣннѣйшихъ друзей Александра. Поэтому буду съ вами откровененъ. Мнѣ очень жаль, но у вашего государя дурные совѣтники. Чего онъ ждетъ отъ этой войны? Я занялъ уже, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, лучшую его провинцію, а между тѣмъ ни онъ, ни я до сихъ поръ не знаемъ, изъ-за чего же собственно мы будемъ сражаться?

— Ваше величество,—отвѣчалъ Балашевъ.—Не русскій императоръ начинаетъ войну. Ваши войска перешли черезъ нашу границу. Говорятъ, что вы рѣшили воевать вслѣдствіе требованія нашимъ посломъ княземъ Куракинымъ своихъ паспортовъ. Но князь Куракинъ не былъ на это уполномоченъ и онъ подвергся уже строгому замѣчанію. Мой государь готовъ еще войти въ соглашенія съ вашимъ величествомъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ваши войска немедленно вышли изъ Россіи.

— Какъ можетъ императоръ Александръ увѣрять, что не онъ началъ войну?—прервалъ его Наполеонъ.—Развѣ не я просилъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, чтобы со мной объяснились? Развѣ не вашъ посолъ вручилъ мнѣ оскорбительную ноту съ извѣщеніемъ, что со мной объяснятся только послѣ того, какъ я выведу свои войска изъ Пруссіи? Развѣ не вы первые начали вооружаться? Развѣ не вашъ императоръ первымъ прибылъ къ арміи?

Наполеонъ продолжалъ говорить, съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе горячась. Въ это время вѣтеръ хлопнулъ форточкой. Наполеонъ наскоро затворилъ ее, но она тотчасъ же раскрылась снова. Тогда онъ оторвалъ ее и вышвырнулъ за окно, не переставая въ то же время говорить:

— Я отложилъ поѣздку въ Испанію; произвелъ громадныя затраты; сдѣлалъ большія приготовленія, и теперь я второе сильнѣе васъ. У Александра очень дурные совѣтники. Какъ ему не стыдно приближать къ себѣ такихъ подлыхъ людей, какъ Армфельдъ, по-

рочный интриганъ и врагъ Россіи, или какъ Штейнъ, этотъ изгнанный изъ своего отечества негодяй. Беннигсенъ, говорятъ, одаренъ отчасти военнымъ талантомъ, котораго я за нимъ не признаю, но у него руки въ крови... Я не знаю Баклая-де-Толли, но, судя по его первымъ шагамъ, у него очень скромное дарованіе. Зачѣмъ-то онъ отдалъ безъ боя Вильну, зачѣмъ-то сжегъ такъ много магазиновъ. Не понимаю, для чего ихъ въ такомъ случаѣ устраивали?

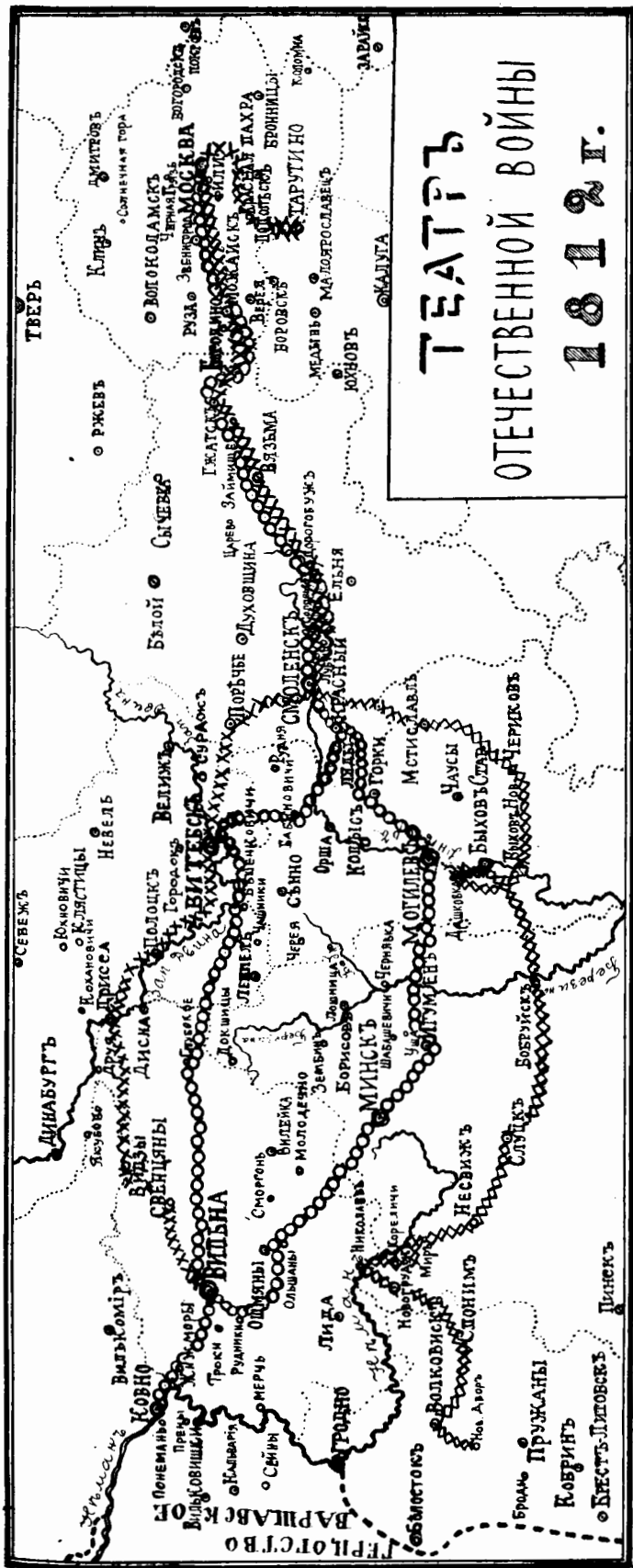
Нѣкоторое время затѣмъ Наполеонъ говорилъ о превосходствѣ своихъ силъ, объ энтузіазмѣ поляковъ, о русско-турецкихъ отношеніяхъ.

— Господи!—продолжалъ онъ.—Какая блестящая перспектива была у Александра въ Тильзитѣ и особенно въ Эрфуртѣ. Я отдалъ ему Финляндію, согласился на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи и со временемъ уступилъ бы ему герцогство Варшавское. Онъ самъ испортилъ свое царствованіе, слушаясь людей, желающихъ ему зла. Интересно, какъ можно управлять военными дѣйствіями совѣтомъ? У меня среди ночи рождается хорошая мысль. Я въ четверть часа отдаю приказаніе, которое черезъ полчаса приводится уже на аванпостахъ въ исполненіе. А у васъ Армфельдъ предлагаетъ, Беннигсенъ разсматриваетъ, Барклай обсуждаетъ, а Пфуль сопротивляется. Всѣ же вмѣстѣ ничего не дѣлаютъ и только теряютъ время. Итакъ, передайте императору Александру, что война начата, но что я не противъ мира. Что я хотѣлъ чистосердечно объяснитьсь съ нимъ, но что меня не хотѣли слушать. Приготовившись къ войнѣ, я сдѣлалъ послѣднюю попытку: потребовать, чтобы Лористонъ былъ допущенъ въ Вильну. Его не пожелали видѣть. Я послалъ Нарбонна. Это сочли ничѣмъ. Я полагаю, что Армфельдъ даже посмѣивался надъ нимъ. Наконецъ, я въ Вильнѣ, но я все же не прочь начать переговоры. Увѣрьте императора Александра, что мои чувства къ нему остались прежнія. Боже мой! Боже мой! Какое было бы дивное его царствованіе, если бы онъ не разошелся со мной!

Наконецъ, онъ отпустилъ Балашева, пригласивъ его черезъ Дюрока къ обѣду. За обѣдомъ онъ разспрашивалъ Балашева объ императорѣ Александрѣ и о Россіи, причемъ Балашеву удалось два раза задѣть Наполеона намеками на пораженія французовъ въ Испаніи и на судьбу Карла XII. Послѣ обѣда Наполеонъ снова заговорилъ о начавшейся войнѣ и о совѣтникахъ Александра.

— Для чего допускать въ свое общество какого-то Штейна, Армфельда, Винцингероде! Развѣ у васъ недостаточно русскихъ дворянъ, которые, безъ сомнѣнія, будутъ преданыѣ Александру, чѣмъ эти наемники. Я еще понимаю, что можно поручить Армфельду управленіе Финляндіей, но приближать его къ свсей себѣ—тъфу!

Поговоривъ затѣмъ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи и Швеціи, Наполеонъ сказалъ:

Отъ Нѣмана до Москвы.

Движенія русскихъ войскъ обозначены — XXX; французскихъ — ооооо.

Отъ Вильны къ Смоленску (черезъ Свеняны, Дриссу и Витебскъ), шла 1-я армія (Барклай-де-Толли).
 Отъ Волковыска къ Смоленску (черезъ Бобруйскъ и Мстиславль) двигалась 2-я армія (кн. Багратіонъ).
 Отъ Смоленска обѣ арміи шли вмѣстѣ. Наполеонъ шелъ къ Смоленску черезъ Глубокое, Вышенковичи и Красный. Маршалъ Даву-
 Манскъ, Игумень и Могилевъ. Отъ Смоленска до Москвы они двигались вмѣстѣ, вслѣдъ за отступающими русскими арміями.
 Отростепенныя движенія отдельныхъ корпусовъ главныхъ армій, а также движенія боковыхъ войскъ на картѣ не обозначены.

— Готовы ли лошади для генерала? Дайте ему моихъ: ему придется далеко ѣхать.

«Этимъ,—пишетъ Балашевъ,—окончилась моя поѣздка».

Такимъ образомъ, посольство Балашева оказалось неудачнымъ, и дальнѣйшія событія потекли своимъ естественнымъ ходомъ. Мы не станемъ возстановлять въ памяти нашихъ читателей въ подробностяхъ этого хода: онѣ общезвѣстны, а забывшихъ ихъ отсылаемъ къ той обширной библиографіи, которую читатель найдетъ на обыкновенномъ мѣстѣ настоящаго нумера журнала. Кромѣ того, въ интересахъ нагляднаго изображенія отступленія русскихъ войскъ и наступленія полчищъ Наполеона, мы предлагаемъ специальную карту. Отметимъ лишь, что во весь періодъ нашего движенія отъ Вильны до Смоленска наблюдается плохая организованность полномочій командующихъ первой и второй арміями, причемъ роль самого государя носила какой-то неопредѣленный характеръ: онъ какъ будто предоставлялъ полную власть главнокомандующимъ, которые, къ слову сказать, между собой не ладили, и рядомъ съ этимъ вмѣшивался во всѣ ихъ распоряженія приказами, сводилъ ихъ волю на иѣтъ и обращалъ ихъ въ послушныхъ исполнителей своего велѣнія.

Уже съ самаго пріѣзда государя въ Вильну среди сановниковъ и высшаго военнаго начальства возникло сомнѣніе въ томъ, кто является дѣйствительнымъ главнокомандующимъ первой арміей—императоръ или Барклай-де-Толли. Послѣдній продолжалъ именоваться главнокомандующимъ, но власть сосредоточивалась въ рукахъ государя. Въ случаяхъ разногласій одерживало верхъ, конечно, мнѣніе Александра. Такое ненормальное положеніе дѣла внушало опасенія многимъ приближеннымъ къ государю. Но больше всѣхъ беспокоился А. С. Шишковъ. Ему давно уже, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, пришла мысль склонить государя оставить армію и уѣхать въ Москву или въ Петербургъ. Съ этой цѣлью онъ составилъ письмо къ государю, но вручить его въ какое-то время не рѣшался. Однажды онъ вспомнилъ, что государь какъ-то сказалъ Балашеву:

— Вы бы трое (подразумѣвая Аракчеева, Балашева и Шишкова) сходились иногда и что-нибудь между собой разсуждали.

На основаніи этихъ словъ государя Шишковъ рѣшилъ уговорить Аракчеева и Балашева подписаться вмѣстѣ съ нимъ подъ его письмомъ и въ такомъ видѣ, за тремя подписями, представить его императору. Балашевъ немедленно присоединился къ мысли Шишкова и подписалъ письмо, но Аракчеевъ оказался упрямѣй и на всѣ доводы Шишкова и Балашева отвѣчалъ словами:

— Что мнѣ до отечества, а скажите мнѣ, не будетъ ли въ опасности государь, оставаясь долѣе при арміи?

— Конечно,—поспѣшилъ отвѣтить Балашевъ,—ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, то что тогда будетъ съ государемъ?

Послѣ этого Аракчеевъ уже ничего не возражалъ и подписалъ письмо. Вечеромъ онъ самъ положилъ его на письменный столъ государя. Вотъ экстрактъ изъ этого письма:

«Государь и отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другого не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему, сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ отечеству царь, столько же царю нужно отечество. Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войска наши раздѣлены; непріятель, имѣя во власти своей все польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Счастье у судьбы въ рукахъ. Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Необходимость требуетъ скорого и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ. Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболеѣ нужно присутствіе государя, при войскахъ ли или внутри Россіи?»

Далѣе по пунктамъ доказывается, что государю слѣдуетъ «поручить войска въ полное распоряженіе главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ», потому что «нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединилась къ одной только части войскъ, оставляя все прочія силы и части государственнаго управленія другимъ». Также «и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается. Феофанъ о Петрѣ I, вдавшемся опасности на ряду съ прочими сказалъ: вострепетала Россія единого смертію вся умерти боящися. Ежели прямой долгъ царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство». Главное же—это то, что «императоръ, находясь при войскахъ, не предводительствуетъ ими, но и главнокомандующій въ присутствіи его величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ (т.-е. главнокомандующимъ) съ полной отвѣтственностью».

Къ чести Александра I, онъ послушался голоса сановниковъ и отбылъ изъ арміи, сказавъ на прощанье Барклаю: «Поручаю вамъ мою армію; не забывайте отнюдь, что у меня нѣтъ другой». Эти слова побудили главнокомандующаго первой арміей, являвшагося какъ бы главнокомандующимъ и всехъ прочихъ военныхъ силъ, быть еще осторожнѣе и еще крѣпче держаться системы отступленія и завлеченія Наполеона во внутрь Россіи, поборникомъ которой онъ былъ еще задолго до начала войны съ Наполеономъ, но, однако, въ предвидѣніи ея. Покидая армію, Александръ I послалъ графу Ростопчину воззваніе къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи. Въ этомъ воззваніи говорилось:

«Первопрестольней столицѣ Нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое Наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ

ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломыслие; однакоже, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, наипервыя обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она всегда изливала изъ ігдырь своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вѣщней надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуетъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и наша православная церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыхъ силъ и да умножится оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего всей столицы и въ другихъ государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими путь врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобождаемая отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи»...

Въ манифестѣ объ ополченіи между прочимъ говорилось:

«При всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ зываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ— Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ; никакія силы чело-вѣческія васъ не одолѣютъ».

Одновременно съ этимъ манифестомъ Александръ шлетъ въ Петербургъ графу Салтыкову обширное письмо, гдѣ, отмѣтивъ серьезность переживаемаго историческаго момента и опасность, грозящую русскому могуществу, онъ высказываетъ заботу относительно сѣверной столицы и предписываетъ озаботиться ея богатствами.

Государь писалъ Салтыкову:

«Рѣшиться на генеральное сраженіе столько же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться, въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но, потерявъ сраженіе, трудно будетъ исправиться для продолженія кампаніи. На негосіаціи намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели, и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать, съ помощью Божіей, перебороть его. Всѣ сіи обстоятельства заставляютъ помыслить заблаговременно о предметѣ разговора нашего незадолго передъ моимъ отъѣздомъ, то-есть о возможности непріятели пробраться до Петербурга. Я бы желалъ, чтобы ваше сіятельство внимательно подумали о семъ предметѣ и, по крайней мѣрѣ, чтобы уже рѣшено было по здоровомъ размысленіи все то, что надобно будетъ увезти изъ Петербурга, и о способахъ сего увоза. Въ торопяхъ сіе будетъ сдѣлано съ замѣшательствомъ и неосновательно. При семъ прилагаю реестръ того, что мнѣ на первой случай на память пришло. За симъ, ваше сіятельство, бывъ на мѣстѣ, болѣе имѣете способъ сообразить сей важный предметъ, нежели я. Само собою разумѣется, что вы будете исправно извѣщены о всемъ происходящемъ здѣсь, и я уповаю на Всевышняго, что онъ отвратитъ отъ насъ сіи послѣдствія. Въ прочемъ если бы они должны случиться, то отъ произшествія здѣсь могущаго быть, до прибытія непріятели въ Петербургъ дней двадцать необходимо пройти. Но я считаю необходимымъ заранѣе все промыслить и приготовить, дабы не въ торопяхъ все дѣлалось. Я твердо считаю на привязанность вашего сіятельства ко мнѣ и отечеству, и что въ семъ важномъ случаѣ вы мнѣ докажете оную вашимъ дѣятельнымъ содѣйствіемъ.

Пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательнымъ

Александръ.

Нужно вывезти изъ Петербурга:

Совѣтъ. Сенатъ. Синодъ. Департаменты министерскіе. Банки. Монетный дворъ. Кадетскіе корпуса. Заведенія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Императр. Маріи Феодоровны состоящія. Арсеналь. Архивы. Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Кабинетской. Изъ прочихъ всѣ важнѣйшія бумаги. Изъ придворнаго вѣдомства: серебро и золото въ посудахъ. Лучшія картины Эрмитажа, также и камни рѣзные, хранящіяся также въ вѣденіи придворномъ одежды прежнихъ государей. Сестро-репчій заводъ съ мастеровыми и тѣми машинами, которыя можно будетъ абрать.

По достовѣрнымъ извѣстіямъ Наполеонъ въ предположеніи вступить въ Петербургъ намѣревается увезти изъ онаго статую Петра Великаго, подобно какъ онъ сіе учинилъ уже изъ Венеціи, вывозомъ извѣстныхъ четырехъ коней бронзовыхъ съ плаца Св. Марка, и изъ Берлина триумфальной бронзовой колесницы съ конями съ воротъ, называемыхъ Бранденбургскими, то обѣ статуи Петра I большую, и ту, которая передъ Михайловскимъ замкомъ, снять и увезти на судахъ, какъ драгоценности, съ которыми не хотимъ разставаться.

Восковое изображеніе имп. Петра I, въ академіи наукъ хранящееся, и всѣ вещи къ оному принадлежащія. Изъ Монплезира также всѣ вещи, сему великому государю принадлежащія. Я бы думалъ также разобрать бережно домъ его, возлѣ крѣпости состоящій, и равномѣрно на галіотѣ увезти—всѣ трофеи, хранящіеся въ крѣпости, въ Исакиевской церкви, въ арсеналѣ, въ Петергофской слободской церкви. Богатства Александровской лавры. Если можно, то и мощи.—Направленія всему

сему другаго дать нельзя, какъ Казань, куды и императорская фамилия можетъ отправиться въ нужномъ случаѣ черезъ Ярославль.

Везти можно всё сии предметы водою по Маринскому каналу и частью, что можно, сухимъ путемъ, въ наряженныхъ подводахъ.—Кромѣ тѣхъ судовъ, которыя можно будетъ найти нарядомъ, взять можно отъ маркиза Траверсе 60 судовъ плоскодонныхъ, которыя были построены олонеккимъ губернаторомъ.—Статую Суворова съ Царицынскаго луга. Лучшія мраморныя статуи изъ Таврическаго дворца.

Съ момента рѣшенія покинуть армию и отправки сказанныхъ посланій въ Москву и въ Петербургъ и манифеста объ ополченіи Александръ Павловичъ, въ единеніи со всіми классами населенія, становится настоящимъ народнымъ царемъ, который всё упованія свои возлагаетъ на любовь народа къ отечеству и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы призываетъ всю страну не только къ борьбѣ за свою независимость, но и на спасеніе всей христіанской Европы отъ грозящаго ей рабства и братоубійственной борьбы, начатой по волѣ Наполеона и заливающей лицо земли потоками человѣческой крови.

И народъ сразу откликнулся на призывъ своего царя: отозвалась церковь, откликнулось дворянство, купечество, сѣрый простой народъ, дотолѣ не допускаемый къ вершителству судебъ Россіи, который подымается съ топорами, вилами, дубинами во весь свой колоссальный ростъ и посылаетъ царю на помощь своихъ героевъ-борцовъ за вѣру, царя и отечество.

Еще до отъѣзда Александра Павловича изъ арміи смоленскіе дворяне, не зная о рѣшеніи государя созвать всеобщее ополченіе, составили на его имя прошеніе о разрѣшеніи вооружить 20,000 крестьянъ «въ подкрѣпленіе войскъ на защиту губерніи отъ нашествія непріятельскаго, иногда случиться могущаго». Эти вооруженные крестьяне, по мысли просителей, должны были «оставаться при своихъ жилищахъ до востребованія къ мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время. Если же розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніи въ деревняхъ своихъ, могутъ при свободномъ времени обучить надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до полученія ружей дозволить разобрать хоть оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ».

Равнымъ образомъ и великая княгиня Екатерина Павловна, которая давно уже сознавала необходимость созыва народнаго ополченія, обратилась къ императору Александру съ просьбой разрѣшить ей образовать изъ крестьянъ ея удѣльныхъ имѣній особый батальонъ и содержать его на свой счетъ въ продолженіе войны. Императоръ получилъ ея письмо и тотчасъ же далъ свое согласіе.

За ними послѣдовали начинанія дворянъ въ другихъ губерніяхъ, посыпались значительныя денежныя пожертвованія купечества, и вскорѣ Россія наполнилась многочисленными ополченіями, въ составъ которыхъ вошли и видные представители нашей интеллигенціи, напримѣръ, поэты Батюшковъ, Жуковский, князь Вяземскій, С. Глинка и многіе другіе. Составились ополченія изъ семинаристовъ, и почти все духовенство, захваченное театромъ военныхъ дѣйствій, не только не уклонилось отъ участія въ развернувшейся народной войнѣ, но и наравнѣ съ прочими сословіями выдѣлило изъ своей среды немало героевъ, какъ, напримѣръ, рославльскаго дьячка Крастелева, священника Смоленской церкви Мурзакевича, священника Якова Соколова, московскаго священника о. Вельяминова, монаха Вонифатія и многіхъ другихъ.

Святѣйшій Синодъ разослалъ, велѣдъ за манифестомъ государя, слѣдующее воззваніе по епархіямъ:

По благодати, дару и власти, даннымъ намъ отъ Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Его великимъ и сильнымъ Именемъ, взываемъ ко всемъ благовѣрнымъ чадамъ Россійской церкви.

Съ того времени, какъ ослѣпленный мечтою вольности народъ французскій ниспровергнулъ престоль единодержавія и алтари христіанскіе, метаящая рука Господня видимымъ образомъ тяготѣла сперва надъ нимъ, а потомъ, черезъ него и вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе отстугленію его послѣдовали. За ужасами безначалія слѣдовали ужасы угнетенія. Одна брань рождала другую, и самый миръ не приносилъ покоя. Богомъ спасаемая церковь и держава Россійская до селѣ была, по большей части, сострадающею зрительницей чуждыхъ бѣдствій, какъ бы для того, чтобы тѣмъ болѣе утвердилась во упованіи на Промыслъ и тѣмъ съ большимъ единодушіемъ приготовилась встрѣтить годину искушенія.

Нынѣ эта година искушенія касается насъ, Россіяне. Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій алтарей врагъ, дыша столь же ядовитою лестию, сколько лютотою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаетъ домамъ нашимъ и на благолѣпіе храмовъ Божіихъ еще издалеча простираетъ хищную руку.

Сего ради взываемъ къ вамъ, чада церкви и отечества. Примите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и охраните вѣру отцовъ нашихъ. Прикосите съ благодареніемъ отечеству тѣ блага, которыми отечеству обязаны. Не шадите временнаго живота вашего для покоя церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Израіля и дѣла предковъ нашихъ, которые о имени Божіемъ съ дерзновеніемъ повергались въ опасности и выходили изъ нихъ со славою.

Взываемъ къ вамъ, мужи именитые, стяжавшіе власть или право на особенное вниманіе своихъ соотечественниковъ: предшествуйте примѣромъ вашего мужества и благородной ревности тѣмъ, которыхъ очи обращены на васъ. Да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолеваяющихъ наглость Амалика, новыхъ Судей, спасающихъ Израіля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ цари многи и возвеселяющихъ Іакова въ дѣлахъ своихъ.

Наипаче же взываемъ къ вамъ, пастыри и служители алтаря. Якоже Моисей во весь день брани съ Амаликомъ не восхотѣлъ опуститъ рукъ, воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ваши къ молитвѣ до толѣ,

доколѣ не оскудѣють мышцы борющихся съ нами. Внушайте сынамъ силы упованіе на Господа силь. Вооружите словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Всѣхъ научайте словомъ и дѣломъ не дорожить никакою собственностію, кромѣ вѣры и отечества. И если кто изъ сыновъ левитскихъ, еще не опредѣлившихся къ служенію, возревнуетъ ревностію брани, благословляется на сей подвигъ отъ самая церкви.

Всѣмъ же и каждому, о имени Господа нашего, заповѣдуемъ и всѣхъ умоляемъ блюститься всякаго неблагочестія, свосволія и буихъ шатаній, предъ очами нашими привлечшихъ гнѣвъ Божій на языки; пребывать въ послушаніи законной, отъ Бога поставленной власти, соблюдать безкорыстіе, братолюбіе, единопущіе и тѣмъ оправдать желанія и чаянія взывающаго къ намъ, вѣрноподаннымъ своимъ, Богомъ помазаннаго Монарха Александра.

Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и не христоролюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не престанетъ отъ всея кротости своея вопіять ко Господу о вѣщахъ побѣдныхъ для доблестныхъ подвижниковъ и о благахъ нетлѣнныхъ для тѣхъ, которые душу свою положатъ за братію свою. Да будетъ, какъ было всегда, и утвержденіемъ, и воинственнымъ знаменіемъ россиянъ сіе пророческое слово: о Бозѣ спасеніе и слава».

Равнымъ образомъ имъ разослана была для чтенія въ церквахъ во время богослуженія слѣдующая молитва объ избавленіи отъ супостатовъ.

Господи, Боже силь, Боже спасенія нашего. Призри нынѣ въ милости и щедротахъ на смиренныя люди Твоя, и человѣколюбиво услыши, и пощади, и помилуй насъ. Се врагъ, смущающій землю Твою и хотяй положить вселенную всю пугу, возста на ны; се люди беззаконніи собравшеся, еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, возлюбленную Твою Россію; осквернитъ храмы Твои, раскопаетъ алтари и поругатся святыни нашей. Доколѣ, Господи, доколѣ грѣшници восхвалятся? Доколѣ употреблять имать законопреступный власть?

Владыко Господи, услыши насъ, молящихся Тебѣ, укрѣпи силою Твоею благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Павловича; помяни правду Его и кротость, воздаждь ему по благи его, ею же хранитъ ны Твой излюбленный Израиль. Благослови его совѣты, начинанія и дѣла; утверди всемогущею Твоею десницею царство его и подаждь ему побѣду на врага, якоже Моисею на Амаліка, Гедеону на Мадіама и Давиду на Голиафа. Сохрани воинство его; положи лукъ мѣдянь мышцамъ во имя Твое ополчившихся и препояши ихъ силою на брань. Приими оружіе и щитъ и возстани на помощь нашу; да постыдятся и посрамятся мыслящія намъ злая, да будутъ передъ лицемъ вѣрнаго Ти воинства, яко прахъ передъ лицемъ вѣтра, и ангель Твой сильный да будетъ оскорбляяй и погоняяй ихъ; да придетъ имъ сѣть, юже не свѣдуютъ, и ихъ ловитва, иже сокрыта, да обидитъ ихъ; да падутъ подъ ногами рабовъ Твоихъ и въ поспраніе воемъ нашимъ да будутъ. Господи, не изнеможетъ у Тебе спасати во многихъ и въ малыхъ: Ты еси Богъ, да не превозможетъ противу Тебе чловѣкъ.

Боже отецъ нашихъ! Помяни щедроты Твоя и милости, яже отъ вѣка суть; не отвержи насъ отъ лица Твоего, ниже вознущайся недостойнствомъ нашимъ, но по величѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ презри беззаконія и грѣхи наша. Сердце чисто созижди въ насъ, укрѣпи вѣрою въ Тя, утверди надеждою, одуши истинною другъ къ другу любовію, вооружи единопущіемъ на праведное защищеніе одержанія,

еже даль еси намъ и отцамъ нашимъ, да не вознесется жезлъ нечестивыхъ на жребій освященныхъ.

Господи Боже нашъ, въ Него же вѣруемъ и на Него же уповаемъ, не посрами насъ отъ чаянія милости Твоея и сотвори знаменіе во благо; яко да видятъ ненавидящіе насъ и православную вѣру нашу и посрамятся и погибнуть: и да увѣдятъ всѣ страны, яко имя Твое Господь, и мы людіе Твои. Яви намъ, Господи, нынѣ милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ; воззавши сердце рабовъ Твоихъ о милости Твоей, порази враги наша и сокруши ихъ подъ ноги вѣрныхъ Твоихъ вскорѣ. Ты бо еси заступленіе, помощь и побѣда уповающихъ на Тя, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Система методическаго отступленія во внутрь страны съ непрерывными боями во всѣхъ главныхъ городахъ отъ Вильны до Москвы, усвоенная Барклаемъ-де-Толли, въ которыхъ постепенно таяла армія непріятели, не была справедливо и достойно оцѣнена ни войскомъ, ни обществомъ. Противъ него сыпались обвиненія въ трусости, невѣжествѣ, неспособности проникнуться традиціоннымъ духомъ мужества русской арміи. Настроеніе войска нашло въ послѣдствіи прекрасное изображеніе въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова «Бородино». Поэтъ устами стараго солдата говоритъ:

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

Но, конечно, во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ не было и тѣни справедливости. Система Барклая была единственною, которая могла дать въ руки русской арміи одолѣніе Наполеона. На всемъ пути главнокомандующему первой арміей дѣйствительно не попадалось удобной позиціи, гдѣ бы онъ могъ принять генеральное сраженіе, котораго такъ жадно искалъ Наполеонъ; Барклай не считалъ войсковыя части достаточно сконцентрированными для боя и обезпеченными нужными продовольствіями и тѣми ополченіями, которыя только что начали формироваться и назначеніе которыхъ, главнымъ образомъ, заключалось въ несеніи побочныхъ службъ во время боя и послѣ него. Кромѣ того, командующій первою арміею чувствовалъ себя въ фальшивомъ положеніи, благодаря тому двоевластію, которое было установлено. Багратіонъ въ большинствѣ случаевъ былъ съ нимъ не солидаренъ. Когда Барклай одобрилъ позицію у Усвятыя, по его мнѣнію, пригодную для генеральнаго сраженія, Багратіонъ ее осудилъ; наоборотъ, когда послѣдній указалъ на Дорогобужъ, какъ на удобную позицію, Барклай нашелъ ее не подходящею. Такъ, пререкаясь и противорѣча другъ другу, продолжали наши полчища отступать

до Вязьмы. Ропоть въ войскахъ достигалъ широкихъ размѣровъ, по рядамъ арміи пронеслось зловѣщее слово «измѣна», и подчасъ главнокомандующему перестали оказывать подобающія ему воинскія чести. Багратионъ рѣшилъ апеллировать къ Аракчееву и тѣмъ явился какъ бы выразителемъ голоса страны: Барклая надо убрать! Онъ не годится въ герои.

Драматическое положеніе послѣдняго и его психическое состояніе прекрасно обрисовано въ стихотвореніи Пушкина «Полководецъ». Наблюдая портретъ Барклая въ военной галереѣ Зимняго дворца, поэтъ говоритъ:

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
 Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
 Непрошимаемый для взгляда черни дикой,
 Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслию великой;
 И въ имени твоёмъ, звукъ чуждый не влюбя,
 Своими криками преслѣдуя тебя,
 Народъ, таинственно спасаемый тобою,
 Ругался надъ твоей священной сѣдиною;
 И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
 Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ.
 Ты былъ непоколебимъ предъ общимъ заблужденіемъ;
 И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
 Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
 И власть, и замысль, обдуманнѣе глубоко,
 И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
 Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
 Свища веселый свистъ слышавши впервой,
 Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
 Вотще!

Письмо Багратиона къ Аракчееву было доведено до свѣдѣнія государя, и послушный въ то время общественному голосу Александръ Павловичъ рѣшилъ установить единовластіе въ арміи, поставить во главѣ ея популярнаго военачальника, въ каковыхъ видахъ и согласился на назначеніе графа Голенищева-Кутузова на этотъ постъ, несмотря даже на личную антипатію къ нему и невысокое о немъ мнѣніе, какъ о полководцѣ. Александръ не могъ простить Кутузову аустерлицкаго инцидента, гдѣ мы проиграли битву главнымъ образомъ потому, что императоръ не согласился съ планами и указаніями главнокомандующаго и настоялъ на осуществленіи своего плана, подсказываемаго ему нѣмецкими теоретиками. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что государь считалъ всѣхъ своихъ военачальниковъ вообще довольно бездарными и стоящими много ниже маршаловъ Наполеона.

Кутузовъ, кромѣ того, заслужилъ немилость своего царя тѣмъ, что онъ, вѣрный своей системѣ извлекать наивысшую пользу изъ военныхъ событій съ минимальными жертвами русскихъ жизней, слишкомъ медленно велъ ликвидацію турецкой кампаніи и не то-

ропился, какъ казалось, съ заключеніемъ мира. Вслѣдствіе этого онъ даже былъ отставленъ отъ участія въ русско-турецкихъ переговорахъ и замѣненъ адмираломъ Чичаговымъ; но старикъ-главнокомандующій не доставилъ Александрѣ Павловичу удовольствія видѣть миръ заключеннымъ съ турками своимъ замѣстителемъ. Къ времени пріѣзда послѣдняго хитрый Кутузовъ покончилъ съ турецкимъ миромъ, и на долю Чичагова выпали лишь второстепенныя дѣйствія.

Когда Кутузовъ вернулся на родину, повсюду шла дѣятельная работа по формированію ополченій, и петербургское дворянство поспѣшило вручить ему бразды власти надъ добровольными сѣверными дружинами. Сознывая необходимость послушаться недовольнаго голоса арміи, императоръ рѣшилъ поставить Кутузова во главѣ ронщащаго войска и тѣмъ дать удовлетвореніе взбудораженному общественному мнѣнію. Съ этого момента противъ Наполеона стояли несокрушимыя силы: народный царь, народный вождь и самъ народъ русскій, постепенно и понемногу окружавшій великую армію грознымъ и сплоченнымъ кольцомъ, какъ бы собираясь задушить и раздавить ее въ тискахъ этого кольца. Наполеонъ наступалъ, передъ нимъ отступала объединенная единою властью вражеская армія, нынѣ одушевленная вѣрою въ побѣду, въ тылу и по бокамъ его уже открыли свои дѣйствія легкіе партизанскіе отряды съ ихъ знаменитыми начальниками во главѣ, сзади которыхъ, какъ черныя тучи, ползли полчища народныя. Гроза близилась, и Наполеонъ это чувствовалъ. Когда до него дошло свѣдѣніе о прибытіи Кутузова, онъ припомнилъ, какъ эта, по его выраженію, «лисица» лишила его блеска Аустерлицкаго сраженія, и ясно созналъ, что его военному гению противопоставляется не только легендарная стойкость русскаго солдата, но и хитрость посѣдѣлаго въ бояхъ военачальника.

Съ прибытіемъ Кутузова къ войску пронесся общей крикъ: нынѣ отступленія не будетъ, пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ! И хитрый главнокомандующій, въ интересахъ созданія благопріятной психологической обстановки, пожертвовалъ репутаціею своего предшественника, осудивъ его систему отступленій и заявивъ, что съ такимъ доблестнымъ воинствомъ преступно отступать. Это эффектное выступленіе произвело свое дѣйствіе, а взвившійся надъ арміей въ моментъ ея встрѣчи съ новымъ главнокомандующимъ орелъ былъ принятъ, какъ счастливое предзнаменованіе будущихъ успѣховъ. И хотя Кутузовъ осудилъ на первыхъ порахъ систему отступленій, сдѣлалъ даже распоряженіе о принятіи сраженія на позиціи, выбранной Барклаемъ, однако въ душѣ призналъ, что роковой часъ не пробилъ, и далъ приказъ о дальнѣйшемъ отступленіи черезъ Гжатскъ на Бородино. Здѣсь позиція была признана имъ болѣе благопріятною и 26-го августа 1812 года грянулъ знаменитый бой, Бородинскій бой, гдѣ въ титанической борьбѣ двухъ полчищъ впервые счастливая

звѣзда Наполеона подернулась дымкою и гдѣ надъ русской землею и съ нею вмѣстѣ надъ всей Европой поднялась заря освобожденія. Стремленію французскаго императора къ всемірному владычеству кладется съ того времени предѣлъ, и на его мѣсто въ качествѣ героя времени ярко выступаетъ на фонѣ міровыхъ событій образъ его тильзитскаго союзника и врага въ единоборствѣ за періодъ 1812—1813 года.

День 26-го августа не за горами; готовящіяся русскія юбилейныя торжества напомнимъ русскому обществу имена тѣхъ, кто подъ грохотъ битвы вѣрой и правдой служилъ своему царю и отечеству и слагалъ свою жизнь за честь родины. Поминая ихъ имена историческою признательностью, помянемъ здѣсь какъ ихъ, такъ равно и всѣхъ вообще героев Отечественной войны, «покрытыхъ славою чудеснаго похода и вѣчной памятью двѣнадцатаго года». Вотъ они:

Князь М. И. Кутузовъ, князь М. Б. Барклай-де-Толли, князь П. И. Багратіонъ, графъ А. П. Тормасовъ, графъ М. И. Платовъ, Д. С. Дохтуровъ, графъ М. А. Милорадовичъ, графъ П. П. Коновницынъ, Н. Н. Раевскій, Д. Н. Невѣровскій, графъ П. X. Витгенштейнъ, Я. П. Кульневъ, А. П. Ермоловъ, П. В. Чичаговъ, Е. Виртембергскій, Тучковы, графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, баронъ Ф. Ѳ. Винцингероде, К. Ф. Толь, графъ Ѳ. П. Уваровъ, К. Ѳ. Богговуть, графъ А. И. Остерманъ-Толстой, князь А. И. Горчаковъ, князь М. С. Воронцовъ, князь Ф. В. Остенъ-Сакенъ.

Рядомъ съ именами героев-полководцевъ пусть воскреснуть въ нашей памяти и имена героев-офицеровъ, заслуга передъ родной и извѣстность которыхъ какъ будто бы заволоклась дымкою забвенія. Пусть и ихъ имена будутъ помянуты нашими читателями съ чувствомъ благоговѣнія и признательности. Вотъ эти герои-офицеры:

Ротмистръ Кемпфертъ, подполковникъ Сухозанетъ, полковникъ Крейцъ, поручикъ баронъ Офенбергъ, ротмистръ Галевъ I-й, полковникъ Воейковъ, полковникъ князь Мадатовъ, полковникъ Альбрехтъ, поручикъ Цытлядзевъ, командиръ 25-го егерскаго полка Денисовъ, штабсъ-капитанъ Нольде, майоръ Тарбѣевъ, подпоручикъ Дружининъ, полковникъ Ридигеръ, поручикъ Мишковскій, полковникъ Ершовъ, поручики Вальмовичъ и князь Шаховской, корнеты Велецкой и Окуневъ, майоръ Семека, ротмистръ Дядковъ, подполковникъ Силинъ, полковникъ Ротъ, майоры Сибирцевъ и Ильинскій I, подполковникъ Петровъ, штабсъ-капитаны Бутовичъ, Косовъ и Рудинскій, поручикъ Шалыгинъ, прапорщикъ Мержневецкій, полковникъ Захаржевской, капитанъ Геркенъ, штабсъ-капитанъ Христовуловъ, полковникъ Букинскій, штабсъ-капитанъ Островскій и подпоручикъ Филаровъ, капитанъ Сеславинъ, поручикъ фонъ-Визинъ, адъютантъ Ермолова, штабсъ-капитанъ Полѣшко, полковникъ Балабинъ 2-ой, есаулъ Зазерсковъ, сотники Хоперсковъ 6-ой, Галдинъ, Свиридовъ, хорунжіе Гульцовъ, Ма-

каровъ 2-й, полковникъ Емануель, полковникъ Толбузинъ 1-й, полковникъ Бистромъ, полковники Карпенко, Вуичъ, полковникъ Гавердовскій, мичманъ Лермонтовъ, полковники Шитиловъ, Буксгевденъ, полковникъ Манохтинъ, Бибииковъ, адъютантъ Милорадовича, генералъ Лихачевъ, баронъ Корфъ, полковникъ Левенвольде, корнетъ князь Голицынъ 4-й, полковникъ Храповицкій, А. П. Кутузовъ, полковникъ Ефремовъ, поручикъ Щербининъ, полковникъ Юзефовичъ, полковникъ Полль, полковникъ Никитинъ, губерпскій секретарь Петровъ, полковникъ Коцебу, полковникъ Дибичъ, впослѣдствіи графъ Забалканскій, свѣтлѣйшій князь Чернышевъ.

Но герои-полководцы и герои изъ дѣйствующей арміи не исчерпывали собою общей картины тогдашняго героизма русской земли. Непосредственно за ними слѣдуетъ длинный рядъ героевъ изъ народа и интеллигенціи, какъ-то: партизаны изъ дворянъ и офицеровъ: Ден. Давыдовъ, Ефремовъ, Прендель, Фитнеръ, Сеславинъ, Дороховъ, князь Кугушевъ, Бенкендорфъ, князь Вадбольскій, графъ Винцингероде, фонъ-Визинъ, Чернышевъ, Чаплицъ, Фиглевъ, солдатъ-партизанъ Ермолай Четвертакъ; представители разныхъ сословій: московскій городской голова Куманинъ, смоленскій дворянинъ Энгельгардтъ, жители Сычевскаго уѣзда, знаменитые «сычевцы», вступившіе въ борьбу съ непріателемъ во главѣ съ предводителемъ дворянства Нахимовымъ и исправникомъ Богуславскимъ, бывше суворовскіе герои—отст. майоръ Емельяновъ и юхновскій предводитель дворянства Храповицкій, городской голова Рославля Полозовъ, князь Тенишевъ, гусаръ Самусъ изъ Гжатскаго уѣзда, начальникъ московскаго ополченія князь Голицынъ, голова Вельяминовской волости Иванъ Андреевичъ, сотенный села Лучинскаго Павелъ Ивановичъ съ сыновьями, крестьянинъ Богородскаго уѣзда Куринъ, тверской помѣщикъ Цызыревъ, начальникъ петербургскаго ополченія Бибииковъ. Весь составъ нижнихъ чиновъ представлялъ собою сплошной лагерь героевъ, костями ложившихся за царя и вѣру и являвшихся въ ту годину истинными героями всей трагедіи борьбы съ Наполеономъ. Рядомъ съ мужчинами становились и героини-женщины, за собственный страхъ принявшія участіе въ борьбѣ, мстившія за гибель мужей и сыновъ и влетшія для назиданія потомству свои имена въ лавровый побѣдоносный русскій вѣнецъ. Дѣвица-кавалеристъ Надежда Дурова, кружевница Прасковья, дѣвушка Анеиса съ подругами, старостиха Василиса—вотъ тѣ женщины-героини, имена которыхъ запечатлѣла на своихъ скрижаляхъ благодарная и памятливая исторія. А сколько осталось именъ неизвѣстныхъ, чьи кости истлѣли въ невѣдомыхъ трущобахъ, прилежавшихъ къ пути движенія великой арміи Наполеона! 26-го августа сего года мы вознесемъ и за нихъ свои молитвы, какъ за брани убіенныхъ и помогшихъ также своей родинѣ спасти свою честь и завоевать міровую и оенную славу.

Ко дню Бородинской битвы общая численность нашихъ силъ простиралась до 103 тысячи регулярныхъ войскъ, изъ нихъ пѣхоты 72 тысячи и 17 тысячъ конницы, при 640 орудіяхъ. Сосредоточію такой значительной артиллеріи къ моменту генеральнаго сраженія Россія обязана Аракчееву; это обстоятельство недостаточно учтено нашей исторіей и не оцѣнено неблагодарнымъ потомствомъ и современниками, которые за общою ненавистью къ «временщику» упустили изъ виду эту положительную страницу его біографіи. Къ общему составу нашихъ военныхъ силъ слѣдуетъ прибавить 7000 казаковъ и 10,000 московскаго и смоленскаго ополченій. Противъ войска въ такомъ составѣ Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 150 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ пѣхоты двѣ трети и 587 орудій. Такимъ образомъ, превосходство въ силахъ было на его сторонѣ, причемъ необходимо имѣть въ виду, что въ нашихъ рядахъ было не менѣе 15,000 едва обученныхъ рекрутъ; у Наполеона же вся армія была закалена въ прежнихъ бояхъ и представляла собою великолѣпно дисциплинированную массу и стройное единство, гдѣ явнымъ раздорамъ между военачальниками не было мѣста. Нельзя того же сказать о русской арміи, въ которой, независимо отъ ея стойкости и храбрости, все же царил интрига между начальниками отдѣльныхъ частей и стремленія порою выдѣлнить собственное достоинство въ ущербъ сопернику. Интриговали порою и противъ самого главнокомандующаго, но старикъ Кутузовъ относился къ всѣмъ проискамъ подчиненныхъ полупрезрительно, съ излишнею порою дозою снисходительности, крѣпко вѣруя въ силы всего народа, а также въ то, что время и пространство, терпѣніе и осторожность въ дѣйствіяхъ—вѣрная могила для арміи Наполеона.

Бородинскій бой кончился безъ явнаго преимущества для обѣихъ сторонъ, но съ громадною потерей въ людяхъ, какъ французовъ, такъ и русскихъ. У французовъ выбыло изъ строя до 50 тысячъ человѣкъ, т. е. около трети всѣхъ силъ; у насъ до 58 тысячъ, причемъ во второй арміи изъ 34 тысячъ выбыло 20 тысячъ; въ сводной гренадерской дивизіи Воронцова осталось, напримѣръ, налицо всего на всего 300 человѣкъ. Наполеонъ могъ бы одержать явную побѣду, если бы рѣшился пустить въ дѣйствіе старую гвардію, но это было бы слишкомъ большой ставкой, съ которой былъ связанъ опасный рискъ. Оцѣнивая Бородинскую битву, онъ говорилъ, что изъ пятидесяти данныхъ имъ битвъ его войсками подъ Бородиномъ было выказано наиболѣе воинской доблести, а получено взаимнѣе наименьшее количество благопріятныхъ результатовъ. Кутузовъ считалъ, что битва подъ Бородиномъ—была нашей побѣдой надъ врагомъ, и говорилъ: «Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской». Но состояніе войска, удостовѣренное обѣхавшимъ его генераломъ Толемъ, не позволило осуществить этого намѣренія, и по войску былъ данъ приказъ объ

отступленіи къ Москвѣ. Во время этого отступленія онъ еще не рисовалъ себѣ возможнымъ сдачи безъ боя нашимъ врагамъ Первопрестольный, но, когда на знаменитомъ совѣщаніи при Филяхъ выслушалъ мнѣніе командировъ главныхъ частей и учелъ всѣ обстоятельства историческаго момента, онъ принялъ на себя великій отвѣтъ передъ народомъ. Кутузовъ объявилъ на совѣтѣ, что отступаетъ на рязанскую дорогу и отдаетъ Москву во власть непріятели. Спасеніе арміи — считалъ онъ — главная цѣль отступленія; тутъ вмѣсто невѣдомаго военнаго будущаго онъ получитъ возможность укомплектовать свое войско, дать ему нужный отдыхъ и снабдить его необходимымъ провіантомъ изъ не разоренныхъ еще войною частей имперіи.

Уступка Москвы и отступленіе нашей арміи вызвало своего рода панической страхъ при дворѣ и въ интеллигенціи, но народъ вѣрилъ въ своего вождя и одновременно съ нимъ покинулъ «златоглавую» «священную» Москву, предоставивъ французскому императору право распоряженія столицею. Этого обстоятельства не предвидѣлъ Наполеонъ и говорилъ, увидя зарево московскаго пожара: странная война, странный народъ, не жалѣющій ни своихъ городовъ, ни своего имущества, война, въ которой принимаютъ участіе старики, женщины, дѣти!..

Въ отдѣлѣ «Новостей и мелочей» читатели найдутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о времени пребыванія французовъ въ Москвѣ, почему мы въ настоящемъ очеркѣ не будемъ касаться этой позорной для Наполеона и его войска страницы тогдашней жизни. О томъ же свѣдѣнія найдутъ они и въ статьяхъ г.г. Ключкова и князя Щетинина.

Кому первому обязана Москва своимъ пожаромъ, трудно въ точности опредѣлить. Повидимому, графу Ростопчину, тоже поднявшемуся въ тѣ дни своимъ умѣніемъ вселять въ Россіи вообще и среди московскихъ жителей въ частности бодрость и вѣру, на степень народнаго героя и виднаго представителя національнаго самосознанія. И вотъ въ это время, какъ Наполеонъ въ чертѣ опустѣлаго и погорѣвшаго города пытается навести порядокъ, а также удержать въ тискахъ дисциплины деморализовавшееся мародерствомъ свое войско, въ это время Кутузовъ, давъ отдохнуть своей арміи, находитъ выгодныя позиціи на артеріяхъ, соединяющихъ его войско съ центрами русскихъ житницъ, начинаетъ переходить отъ системы отступленій и выжидательной политики къ политикѣ активной и наступательной. Послѣдовало сраженіе при Тарутинѣ, гдѣ мы одержали уже явный перевѣсъ надъ врагами. Это была первая видимая ласточка, которая явилась предвѣстникомъ наступающей гибели великой арміи. А заснѣмъ до свѣдѣнія главнокомандующаго доходить радостная и столь ожидаемая имъ вѣсть: Наполеонъ покидаетъ Москву, и армія его отступаетъ. Вспомнимъ

дивныя описанія графа Толстого въ «Войнѣ и мирѣ» этого торжественнаго момента въ жизни старика-главнокомандующаго—оно лучше всякихъ изслѣдованій разъясняетъ намъ и психологію старика, и значеніе привезенной вѣсти: Россія была спасена, и врагъ погибъ.

Но прежде, чѣмъ рѣшиться на отступленіе и на выѣздъ изъ Москвы, Наполеонъ дѣлаетъ попытку вступить съ русскимъ императоромъ въ переговоры и склонить его на нужный уже теперь ему миръ, безъ котораго,—онъ теперь это понималъ,—его арміи предстоитъ горькая доля. Вотъ его письмо, посланное имъ 20-го сентября.

Мой братъ.

Москва, 20-го сентября, 1812 г.

Узнавъ, что братъ министра вашего императорскаго величества изъ Касселя находится въ Москвѣ, я призвалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ нѣкоторое время. Я просилъ его отправиться къ вашему императорскому величеству и сообщить вамъ мои взгляды.

Чудный и раскопанный городъ Москва больше не существуетъ: Ростопчинъ сжегъ его. Четыреста поджигателей были схвачены на мѣстѣ преступленія и всѣ они заявили, что поджигали по приказанію губернатора и директора полиціи: ихъ всѣхъ разстрѣляли. Теперь огонь какъ будто бы стихъ. Три четверти домовъ сожжено, осталось только четверть. Такое поведеніе жестоко и безцѣльно. Имѣетъ ли оно цѣлью лишить насъ провіанта, но провіантъ находился въ погребахъ, которыхъ не достигъ огонь.

Но, кромѣ того, какъ погубить одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ міра и работу столькихъ столѣтій, чтобы достигнуть такихъ слабыхъ результатовъ! Эта тактика, которой держались со Смоленска и которая разорила шестьсотъ тысячъ семействъ. Городскіе обозы были сломаны или увезены, часть оружія въ арсеналѣ даны грабителямъ, что заставило сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ по Кремлю, чтобы ихъ оттуда выселить. Гуманность, интересы вашего императорскаго величества и интересы этого народа заставили судьбу передать его на храненіе мнѣ, такъ какъ онъ былъ покинутъ арміей; но тамъ надо было оставить администрацію, чиновниковъ и полицію.

Такимъ образомъ поступили въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ и Мадридѣ; такъ же поступили и мы въ Миланѣ при вступленіи туда Суворова. Пожары поощряютъ грабительство солдатъ, когда они спасаютъ имущество отъ огня. Если бы я предполагалъ, что подобныя вещи дѣлаются по приказанію вашего величества, я не сталъ бы писать этого письма, но считалъ невозможнымъ, что съ вашими принципами, вашимъ сердцемъ и прямою вашихъ взглядовъ вы приказали такія безумства, недостойныя великаго государя и великой націи. Въ то время, какъ увозили изъ Москвы пожарные обозы, въ ней оставили 150 пушекъ, 60.000 новыхъ ружей, 16.000 патроновъ пушечныхъ, болѣе четырехсотъ фунтовъ пороха, триста фунтовъ селитры, столько же сѣры и д. д. Я вѣлъ войну съ вашимъ императорскимъ величествомъ безъ вражды: записка отъ васъ передъ и послѣ послѣдняго сраженія остановила бы мое наступленіе и я желалъ бы имѣть возможность принести вамъ въ жертву это мое преимущество.

Если ваше величество сохранило еще какіе-нибудь остатки своихъ прежнихъ дружественныхъ чувствъ, то примите дружески это письмо.

Въ общемъ вы можете только быть довольны, что я вамъ даю отчетъ о состояніи Москвы. Послѣ всего вышезложеннаго я прошу Бога, мой братъ, чтобы онъ принялъ подѣ свое святое покровительство ваше императорское величество.

Добрый братъ
Наполеонъ.

Но письмо это не возымѣло ожидаемаго дѣйствія, и государь остался глухъ къ прельщеніямъ Наполеона и его посланца. Александръ пребылъ вѣрнымъ къ словамъ своего манифеста: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». Судьба Наполеона была рѣшена, и его армія, преслѣдуемая по пятамъ русскимъ воинствомъ, облѣпленная тревожащими ее партизанскими отрядами, сдавливаемая вышесказаннымъ кольцомъ народныхъ ополченій и обремененная награбленнымъ въ Москвѣ добромъ, печально двинулась въ обратный путь по направленію къ Смоленску и Вильнѣ. Пройти на другія дороги, кромѣ старой, гдѣ вѣкругъ все было опустошено, выжжено и усѣяно костями своихъ и чужихъ воиновъ, не представлялось возможнымъ. Поднявшіяся къ тому времени мятели, зимняя стужа и снѣжные вихри грозно запѣли отступающей арміи ея отходную, и вскорѣ правильное отступленіе обратилось въ позорное и полное ужаса бѣгство. Описанія пережитыхъ арміей тяжелыхъ дней нашли себя яркое выраженіе въ письмахъ французскихъ офицеровъ на родину и въ запискахъ современниковъ. Такъ, одинъ изъ французовъ, баронъ Ларрея, писалъ съ дороги своей женѣ:

«Никогда еще такъ не страдалъ. Египетскій и испанскій походы были ничто въ сравненіи съ теперешнимъ, и все-таки злоключенія наши далеко еще не окончились. Я чувствовалъ себя очень дурно по пріѣздѣ сюда, по двадцать четыре часа отдыха помогли мнѣ прійти опять почти въ то же самое состояніе, въ которомъ я былъ при выѣздѣ изъ Москвы. Притомъ же я могу сказать все-таки, что здоровъ, а потому не безпокойся. Какъ и товарищи мои, я потерялъ почти все, и мы не имѣемъ никакой надежды на вознагражденіе. Нерѣдко приходилось намъ радоваться кусочкамъ мяса отъ павшихъ лошадей, попадавшихъ намъ по пути. Изъ подкаривали на угольяхъ, и въ этомъ заключалась вся наша пища».

Въ отдѣлѣ «Новостей и мелочей» по сему предмету помѣщены также нѣкоторыя характерныя свѣдѣнія.

11-го октября Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, а въ началѣ декабря Кутузовъ увѣдомлялъ уже государя о занятіи имъ Вильны и о бѣгствѣ непріятеля за предѣлы Россіи. Главнокомандующій доносилъ въ Петербургъ: «исполнены слова Вашего Императорскаго Величества: усѣяна дорога костями непріятельскими. Да вознесетъ всякій россиянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ благодарственной судьбой исполнителемъ воли Вашего Императорскаго Величества».

Государь поспѣшилъ прибыть изъ Петербурга въ Вильну, издалъ два манифеста по случаю изгнанія врага изъ Россіи и вновь сталъ во главѣ арміи, чтобы слѣдовать по стопамъ своего соперника за предѣлы нашей родины. Встрѣча императора съ побѣдоноснымъ войскомъ была торжественная, носила сердечный характеръ, и въ данномъ случаѣ Россія какъ бы поклонилась своему самодержцу, признавая народность его политики въ теченіе 1812 года и какъ бы благодаря его за то, что онъ свое личное я, свое личное самолюбіе, какъ руководителя арміей, принесъ въ жертву государственной необходимости. Болѣе холодной была встрѣча царя съ народнымъ вождемъ, и хотя Кутузовъ былъ должнымъ образомъ награжденъ за свой великій подвигъ, тѣмъ не менѣе Александръ Павловичъ не умѣлъ скрыть нѣкотораго своего неудовольствія престарѣлымъ военачальникомъ. И отдача Москвы въ руки непріятели, фактъ, который нынѣ исторія признаетъ за актъ величайшей стратегической и политической мудрости, и выжидательная система послѣ Бородинскаго боя, имѣвшая своимъ основаніемъ увѣренность Кутузова, что естественная гибель Наполеона не за горами, что не слѣдуетъ предупреждать событій и ради нихъ жертвовать людьми, и отсутствіе рѣшительныхъ дѣйствій Кутузова при переправѣ полчищъ Наполеона черезъ Березину, благодаря чему Чичаговъ и Витгенштейнъ своими неумѣлыми дѣйствіями выпустили Наполеона изъ рукъ,—все это нѣсколько раздражало государя и создавало между нимъ и Кутузовымъ холодъ, который не укрывался отъ наблюденія окружающихъ. Быть можетъ, въ душѣ Александра I въ данномъ случаѣ подымалось и личное нерасположеніе къ видному представителю русскаго воинства, имѣвшее свои глубокіе корни въ прошедшемъ и подогрѣтое еще и тѣмъ обстоятельствамъ, что на протяженіи послѣднихъ мѣсяцевъ старая и грузная фигура фельдмаршала заслоняла передъ взорами Россіи и всей Европы чарующій образъ вѣчнаго плѣнителя сердець, Александра I—этого, по выраженію современниковъ, «неразгаданнаго сфинкса до гроба». Кромѣ того, на рубежѣ Россіи и Европы явно сказалась разность въ политическихъ взглядахъ обоихъ представителей русскаго народа—вѣнценоснаго съ одной стороны и носителя фельдмаршальскаго жезла съ другой. «Я или онъ, мы царствовать одновременно не можемъ»,—эти слова остались руководящею нитью дѣйствій Александра Павловича по отношенію Наполеона. Онъ искалъ не только сокращенія врага, не только изгнанія его за предѣлы Россіи, но и полного его уничтоженія и прекращенія его активнаго бытія на всемірномъ историческомъ торжищѣ. Александръ I горѣлъ желаніемъ мести «дерзкому корсиканцу» за всю ту массу униженія, въ которую этотъ [послѣдній] ввергъ старую аристократическую Европу, а пышные дворы, съ ихъ блестящими представителями.

Русскій императоръ опасался, что, не уничтоживъ Наполеона, пользуясь его теперешнимъ разгромомъ, онъ дастъ ему возможность оправиться и снова стать владыкою не въ далекомъ будущемъ западнаго материка. Въ этомъ онъ усматривалъ чреватость будущихъ событій, которыя еще неизвѣстно какъ могутъ отразиться и на судьбѣ его самого, Александра I, и на судьбѣ Россіи. Въ виду этого онъ рѣшилъ перенести борьбу съ своимъ соперникомъ за предѣлы родины.

Иначе смотрѣлъ на дѣло старикъ Кутузовъ. Онъ считалъ, что Россія сдѣлала свое дѣло, что дальнѣйшая война за границей ей не только бесполезна, но и вредна. Въ своемъ громадномъ житейскомъ опытѣ, своей далекой проникательностью онъ какъ бы предвидѣлъ все то лукавое, что принесетъ русской государственности вмѣшательство Россіи въ европейскія дѣла. Онъ не вѣрилъ въ искренность предстоящихъ союзовъ съ нами европейскихъ державъ и боялся, чтобы изысканные въ интригахъ и политическихъ комбинаціяхъ европейскіе дипломаты не затянули Россію и ея верховнаго вождя въ свои сѣти. Въ этихъ видахъ онъ даже не хотѣлъ совершеннаго уничтоженія власти Наполеона. Это мнѣніе народнаго героя было не одинокимъ исключеніемъ, къ нему примыкали и мнѣнія многихъ другихъ соотечественниковъ, также полагавшихъ, что Россія выполнила свою историческую миссію.

Но наступилъ 1813 годъ, и русскія войска, имѣя во главѣ своего царя, потекли за предѣлы Россіи. Замелькали по полямъ европейской равнины закоптѣлыя въ пороховомъ дыму русскія знамена, заблестали въ лучахъ вѣшняго солнца легендарныя казачскія шкири, и подъ звуки трубъ и барабановъ широко понеслась удалая русская тогда сложенная военная пѣсня:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда,—

Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть пустилъ туда.

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней,
Но не жирны кулебяки,—
Ѣли кошекъ и мышей.

Напоследокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать,
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получать честно
За Москву платежъ враги.

Побывать въ столицѣ—слава,
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать.

Въ настоящей юбилейной статьѣ, посвященной спеціально 1812 году, «году русской славы», мы не будемъ возстановлять передъ читателями историческихъ событій послѣдующаго времени, ни блестящихъ битвъ, ни отчаянной борьбы Наполеона за свой престолъ, за свой вѣнецъ и міровую славу Франціи. Въ программу настоящей статьи не входитъ описаніе блестящихъ конгрессовъ, празднествъ, дипломатической борьбы европейскихъ политиковъ, которой такъ боялся Кутузовъ, ни дальнѣйшей трагической судьбы французскаго императора, на гибели котораго создалась военная слава нашего отечества. Менѣе всего бросимъ мы ему какой-либо упрекъ и слово недоброжелательства, слѣдуя завѣту поэта, сказавшаго:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его тоскующую тѣнь.

Не бросимъ мы упрека и тѣмъ, кто, ослѣпленный воинскими доблестями французскаго императора, покорно впрягъ въ его торжественную колесницу своего государственнаго коня, кто, подобно полякамъ, на згучиѣлой русской кровью почвѣ мнилъ создать свое государственное величіе. Всему забвенью, всѣмъ историческое прощенье!.. И въ нынѣшніе юбилейные дни, озирая минувшее спокойнымъ взоромъ историка, мы, вознося молитвенное благодареніе за побѣду надъ врагами и одолѣніе ихъ, не преисполнимся злобнаго чувства къ тѣмъ, кто когда-то поработалъ намъ на гибель. Съ любовью и благодарностью обратимся лишь памятью къ тѣмъ, кто въ ту годину испытаній создалъ нашу военную и политическую славу, кто выдвинулъ Россію на первое мѣсто среди другихъ государствъ и далъ міру необычайное лицезрѣніе великаго подъема народныхъ силъ, гдѣ послѣдній русскій поселянинъ вмѣстѣ съ своимъ самодержцемъ слились воедино и представили собою ту мощную народную твердыню, о которую разбилаь грозная коалиція «двадцати языкъ».

Да будетъ память объ этомъ путеводною звѣздою въ нашей исторической современности и въ нашемъ историческомъ будущемъ во вѣки вѣковъ!

Б. Глинскій.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ).¹⁾

VII.

ПОШЛО нѣсколько дней. Елена Карцева, утомленная сутолокой, проводила вечеръ въ одиночествѣ за книгой въ маленькой любимой гостиной. Было довольно поздно, когда неожиданно, безъ доклада, шумно вошла Мариша Людомирова и велѣдь за ней генераль Бергъ. Елена была удивлена позднему визиту въ особенности Берга, котораго знала сравнительное недавно. Съ ловкостью свѣтской женщины она скрыла свое удивленіе; Людомирова была очень оживлена и развязна; отъ нея пахло виномъ и духами, прическа казалась измятой подъ эксцентричной шляпой съ цѣлымъ каскадомъ сѣрыхъ перьевъ. Бергъ, заминая ей въ глаза, въ одной рукѣ держалъ ея сумочку, на другой было перекинута длинное соболье боа.

— Мы къ тебѣ на часокъ,—выпить чашку чаю; Оттонъ Александровичъ стѣснялся, но я настояла... я обѣдала у нихъ; Люба экспромтомъ уѣхала въ театръ, а я рѣшила заѣхать къ тебѣ, тѣмъ болѣе, что вышла ужасная путаница... мы въ сущности собирались нагрязнуть къ тебѣ обѣдать; я не успѣла предупредить мужа, что планъ разстроился... онъ на охоту поѣхалъ... по телефону узнала,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СХХІХ, стр. 5.
«Истор. вѣстн.», августъ, 191' г., т. СХХІХ.

что вернулся и, вѣроятно, сюда заѣдетъ... ты понимаешь?..—скороговоркой бросала Людомирова, немного путаясь и не договаривая. Елена сейчасъ же поняла, что отъ нея требовалось не отрицать, что обѣдали у нея, если бы этотъ вопросъ былъ поднятъ Людомировымъ. Бергъ имѣлъ слегка смущенный видъ; притворно-слащавымъ голосомъ называлъ Людомирову «фазаночка», ловилъ каждый ея жестъ и взглядъ, угадывалъ мысли.

— Фазаночка была неумолима сегодня; я предлагалъ поѣхать въ театръ, предлагалъ наконецъ вамъ протелефонировать, чтобы поѣхать вмѣстѣ, но она закапризничала, — я не смѣлъ послушаться и позволилъ себѣ явиться къ вамъ непрошеннымъ, — говорилъ Бергъ, претенціозно растягивая слова и не спуская восхищеннаго взгляда съ Людомировой, у которой, очевидно, еще кружилась голова отъ пережитого угара.

Черезъ полчаса явился и Людомировъ, свѣжій, здоровый брюнетъ съ живыми карими глазами, словоохотливый и добродушный, ограниченный и довѣрчивый. Онъ предоставлялъ жепѣ дѣлать ему карьеру, вѣря въ ея умъ и способности завлекать на лукулловскіе обѣды въ ихъ особнякъ нужныхъ и вліятельныхъ особъ и расточать имъ плѣнительныя улыбки. Несмотря на то, что ему нужно было камергерство и видный постъ, его занимали всего болѣе передвижныя койки для раненыхъ собственнаго изобрѣтенія; разговоромъ на эту тему онъ занималъ каждого, чье вниманіе ему удавалось привлечь къ себѣ. Людомирову эти койки бѣсили до того, что она не могла скрывать раздраженія, когда заходила объ нихъ рѣчь. Елена была довольна, что ей не пришлось лгать: Людомировъ много говорилъ объ охотѣ, не касаясь протекшаго дня.

— Скажи, пожалуйста, Елена, давно у твоей подруги съ лицомъ цѣломудренной мадонны романъ съ Башиловымъ?—спросила Людомирова, отведя Елену въ сторону.

— О комъ ты говоришь? О Женѣ?

— Ну, разумѣется.

— У нея романъ? Съ какимъ Башиловымъ? Первый разъ слышу... не можетъ этого быть.

— Она обѣдала съ нимъ въ ресторанѣ.

— Когда?

— Сегодня.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Это безразлично кто.

— Это ложь: я хорошо знаю Женю; она ни за что и ни съ кѣмъ не поѣдетъ.

— А я тебѣ повторяю, что ее видѣли сегодня выходящей съ нимъ изъ отдѣльнаго кабинета... и ясно было, что она боялась быть узнанной.

— Это кто же? Ты ее видѣла?

Людомирова покраснѣла и отвѣтила, что не она, но Елена поняла, что она солгала.

— Въ такомъ случаѣ это злая сплетня. Кто такой Башиловъ? Я его имени никогда не слыхала отъ Жени.

— А вотъ ты поразспроси ее и скажи ей, что Башиловъ занятъ; онъ давно у ногъ Любы Бергъ и, конечно, не порветъ съ ней для твоей мадонны; я его знаю немного и не считаю человѣкомъ порядочнымъ; пусть будетъ осторожна... клянется въ безумной любви одной, а самъ возится съ другой...

Елена было поражена: подозрѣвая въ Людомировой склонность къ интригамъ, она все же не могла допустить, чтобы все сказанное ею было сплошнымъ вымысломъ. Данцову, съ которой ее связывало чувство дружбы съ дѣтскихъ лѣтъ, она любила горячо; судьба ихъ разлучала и вновь соединяла, и отношенія неизмѣнно оставались тѣ же; Елена относилась къ ней, какъ къ младшей сестрѣ: оберегала, успокаивала, утѣшала и помогала мириться съ жизненными обидами. Онѣ были полной противоположностью, но это не мѣшало имъ понимать одна другую. Елена испугалась за свою робкую и дѣйствительно по натурѣ цѣломудренную подругу; если фактъ ресторана не былъ вымысленъ, то это доказывало, что въ жизни ея случилось нѣчто необычайное, что она скрыла даже отъ своей единственной подруги, съ которой была всегда откровенна. Елена вспомнила, что не такъ давно на ея мимолетный вопросъ, гдѣ она была весь вечеръ наканунѣ, Данцова почему-то густо покраснѣла. Потомъ ей припомнился букетъ алыхъ розъ, которымъ она залюбовалась, заѣхавъ какъ-то къ ней.

— Чудныя розы. Гдѣ ты ихъ купила? — спросила Елена.

Данцова назвала магазинъ и опять покраснѣла. Весь вечеръ Елена была занята мыслью о подругѣ и рѣшила завтра же вызвать ее на откровенность. Людомировой очень хотѣлось сообщить и Любови Ивановнѣ Бергъ пикантный эпизодъ встрѣчи Башилова въ ресторанѣ съ Данцовой, но, обдумавъ, она рѣшила пока умолчать, такъ какъ для нея это оказывалось невыгоднымъ. Супруги Бергъ собирались черезъ нѣсколько дней уѣхать, что было для нея очень на руку, такъ какъ Бергъ ходилъ за ней по пятамъ, требовалъ свиданій, мѣшалъ ей ужасно и могъ испортить только что начавшійся и сильно захватившій ее романъ съ барономъ. Барону она очень ловко намекнула, что Бергъ ея давнишній и потерявшій надежду обожатель, что дружбой его, какъ человѣка, ей преданнаго, она дорожить, и что, кромѣ того, у него есть кое-какія связи, очень нужныя въ данный моментъ для полученія камергерства мужемъ, который пальцемъ не шевельнетъ, если она сама не похлопочетъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Людомирова знала, что Любовь Ивановна дорожила отношеніями съ Башиловымъ болѣе, чѣмъ это хотѣла показать, и боялась, что сообщенная новость о Евгеніи Михайловнѣ

может встревожить подругу настолько, что она задержится въ Петербургъ подь первымъ попавшимся предложомъ, а съ ней вмѣстѣ отсрочить отъѣздъ и ея мужъ. Сообразивъ все это, Людомирова предпочла пока молчать.

Елена на другой же день была у Данцовой; та собиралась выйти, но, радостно встрѣтивъ подругу, скинула шляпку и близко подсѣла къ ней.

— Женичка, какъ ты похорошѣла за это время; у тебя такой радостный видъ... Случилось что-нибудь хорошее?

— О, ровно ничего. Все то же.

Елена помолчала. Потомъ рѣшительно взяла подругу за обѣ руки и пристально посмотрѣла ей въ глаза.

— Женья, я не хочу хитрить съ тобой и должна тебѣ сказать, что прѣехала съ тобой переговорить. Я знаю, что въ твоей жизни совершается что-то особенное; ты за послѣднее время немного отстранилась отъ меня и стала менѣе откровенна.

Въ одно мгновеніе Данцова поняла, о чемъ будетъ говорить Елена. Признаться ей въ связи съ Башиловымъ она чувствовала себя не въ силахъ. Эта связь терзала и давила ея душу, несмотря на всю ея пылкую, непредѣльную, рабскую любовь; она съ трепетомъ сердца ждала дня, когда наконецъ Башиловъ предложитъ ей узаконить эти отношенія, и съ каждымъ новымъ свиданіемъ надежда ея росла, такъ какъ Башиловъ былъ влюбленъ попрежнему, очень интересовался дѣломъ развода и торопилъ его, издали намекая ей о готовности жениться. Данцова, несмотря на всю слабость характера, умѣла иногда не измѣнять разъ принятому рѣшенію. На этотъ разъ она твердо рѣшила даже отъ Елены утаить свой романъ до тѣхъ поръ, пока Башиловъ опредѣленно не предложитъ ей руку; она не сомнѣвалась, что желанный день близокъ, и эта увѣренность придавала ей силу и выдержку.

— Кромѣ развода, ничего особеннаго; я не знаю, что ты подразумеваешь?

— Женья, я знаю, что ты влюблена...

— Въ кого?—Данцова спокойно улыбнулась.

— Въ какого-то Башилова.

— Это кто же тебѣ сказалъ? Баронъ?

— Честное слово—нѣтъ. Развѣ ты не знаешь, что баронъ не способенъ на сплетни?

— Онъ однажды видѣлъ у меня Башилова и поддразнилъ меня имъ, но онъ ошибся: между нами, кромѣ дѣловыхъ отношеній, ничего нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ Башиловъ мнѣ совсѣмъ не нравится; онъ мнѣ нуженъ для дѣла развода,—вотъ и все.

— Тебя видѣли съ нимъ вчера, въ ресторанѣ... Это правда?

Данцова на секунду смутилась, но овладѣла собой и, спокойно улыбаясь, отвѣтила:

— Да, это правда.

— Какъ? Ты, ты была въ ресторани въ отдѣльномъ кабинетѣ? Женя, я тебя не узнаю...

— Я была по дѣлу. Я поняла, что за бокаломъ шампанскаго скорѣе удастся добиться услуги отъ этого господина, и я поѣхала; онъ, пожалуй, и увлеченъ мною слегка, но я нисколько.

— Но въ такомъ случаѣ, Женя, вѣдь это же страшный рискъ. Тебя видѣла Людомирова въ ту минуту, какъ вы выходили изъ кабинета; ты ее не замѣтила,—она, вѣроятно, шла сзади; Мариша можетъ быть опасна: она не умѣетъ молчать...

— Да, это некстати...

— Женя, это совсѣмъ на тебя не похоже; я до сихъ поръ не знаю, вѣрить ли тебѣ.

— Мой повѣренный убѣдилъ меня, что если Башиловъ похлопочетъ то дѣло будетъ окончено скоро и выгодно для меня; съ Башиловымъ я немного знакома; онъ человѣкъ серьезный и порядочный; дѣло свое вчера я, кажется, уладила; но скверно, что Людомирова меня видѣла. Ради Бога, Елена, поговори съ ней и разубѣди ее. Могу тебя увѣрить, что я совершенно равнодушна къ Башилову и между нами нѣтъ даже намека на флиртъ.

Данцова была такъ невозмутимо хладнокровна, что даже проницательная Елена повѣрила ея словамъ и у нея отлетѣла отъ сердца тревога за подругу. Въ передней, обнимая Данцову, Елена еще разъ вернулась къ тревожившему ея вопросу.

— Слава Богу, Женичка, что предположенія Мариши ошибочны. Я непременно переговорю съ ней. Я даже испугалась за тебя, такъ какъ Людомирова не очень хвалила этого господина, и главное, скажу тебѣ по секрету, что ея подруга Бергъ въ связи съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ, для него она и прѣзжаетъ сюда; ты понимаешь, какъ это было бы ужасно для тебя. Ну, до свиданія. Не скрывай отъ меня ничего, Женя; ты знаешь, какъ я люблю тебя и какъ могу понять все, что касается тебя.

Елена скрылась за дверь. Евгенія Михайловна, смертельно поблѣднѣвшая, прислонилась къ стѣнѣ. Такъ вотъ что значать всѣ дѣла и комисси, которыми Башиловъ все это время заваленъ до того, что они видятся урывками. Вотъ объясненія его недовольнаго тона, когда недавно ей вздумалось безъ предупрежденія заѣхать къ нему довольно поздно вечеромъ; вотъ разгадка его непонятной озабоченности, его частыхъ отлучекъ изъ дому по вечерамъ. Когда бы она ни позвонила по телефону, испытывая непреодолимое желаніе хотя бы услышать его голосъ, его не оказывалось дома.

Данцовой показалось, что на нее надвинулась грозная туча, заполнившая все ея существованіе. Она почувствовала себя маленькой, слабой, обиженной, неспособной не только бороться, но даже безсильной что-либо предпринять для своего спасенія. Она провела

весь день съ безумной тревогой въ сердцѣ, не отдавая себѣ отчета, что дѣлаетъ, о чемъ думаетъ. Образъ Башилова неотступно стоялъ передъ ней... она почти слышала его голосъ, видѣла его открытое, улыбающееся лицо. Она не могла допустить, чтобы этотъ сильный, смѣлый и прямой человѣкъ могъ быть способенъ на обманъ; это такъ не совмѣщалось съ представленіемъ о всей его личности, что, несмотря на всѣ мучительныя сомнѣнія, гдѣ-то далеко въ глубинѣ души у нея таилось убѣжденіе, что въ его поведеніи относительно нея кроется, вѣроятно, что-то невыясненное, что-то недоговоренное, о чемъ она должна имѣть храбрость заговорить первая, и она это сдѣлаетъ, какъ только съ нимъ увидится.

Было поздно, когда Евгенія Михайловна съ заплаканными глазами, измученная горькими сомнѣніями, собиралась ложиться спать, какъ раздался звонокъ телефона, и она, вся похолодѣвъ отъ волненія, съ безумно бьющимся сердцемъ приблизила ухо къ трубкѣ. Говорилъ Башиловъ; какъ обыкновенно, онъ говорилъ съ ней въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, не измѣняя разъ принятой на всю жизнь привычкѣ не давать ни одной женщинѣ всѣхъ козырей на руки, сохраняя всегда путь къ отступленію; однако въ тонѣ его было много ласки, онъ сѣтовалъ, что не видалъ ее нѣсколько дней, обратилъ вниманіе на взволнованный голосъ, спросилъ, здорова ли, просилъ беречь себя и обѣщалъ черезъ дня два или три освободиться на весь вечеръ и провести его вмѣстѣ.

«Такъ лгать человѣкъ не можетъ», сказала себѣ Данцова и, слегка успокоенная лаской любимаго голоса, прошла въ свою спальню, опустила на колѣни и долго и горячо молилась, прося простить ея грѣхъ.

Въ это же самое время поздней ночи въ отдѣльномъ и обширномъ кабинетѣ, обставленномъ съ утонченнымъ вкусомъ любителя и знатока, у большого письменнаго стола, озареннаго неяркимъ свѣтомъ лампы, сливался съ полумракомъ худощавый силуэтъ старика Орлова. Опершись локтемъ о край стола и опустивъ на руку голову, престарѣлый сановникъ давно сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза на стоявшій передъ нимъ портретъ женщины. Какія мысли роились въ головѣ его? Почему, самъ того не замѣчая, изъ глазъ его скатилась слеза и расплылась на листкѣ продушеннаго, исписаннаго мелкимъ почеркомъ письма? Который разъ перечитывалъ онъ сегодня это письмо и все-таки не находилъ словъ для отвѣта, не находилъ въ его строкахъ той желаемой теплоты, которой жаждало его еще полное жизненныхъ запросовъ сердце. За какія прегрѣшенія онъ наказанъ? Зачѣмъ этой мучительной страстью, этой ревнивой любовью полно все его существо? Онъ жалокъ самъ себѣ, онъ дѣлаетъ все, чтобы подавить роковое чувство: онъ уѣзжалъ, чтобы не видѣться, проклиналъ день встрѣчи, хотѣлъ привязаться къ другой—все было тщетно. Чувство, захватившее его, было

похоже на страшный шкваль, который сметает на пути своемъ все, что было пережитаго въ сердцѣ за всю долгую жизнь, и не оставляетъ въ немъ ни одного образа, ни одного воспоминанія о быломъ. И когда шкваль пронесется, сердце его будетъ подобно пустынѣ, голой, мучительно безплодной пустынѣ. Съ такимъ сердцемъ, гдѣ сметено все прошлое и гдѣ унылая старость съ навязчиво-холоднымъ и насмѣшливымъ разсудкомъ не въ состояннн отразить ни одного свѣтлаго луча, ни одной горячей искры,—съ такимъ сердцемъ жить будетъ нельзя... Кругомъ встануть еще угрюмѣе призраки одинокой старости и ничего, ни одного цвѣтка изъ пройденнаго длиннаго пути, гдѣ было столько пышныхъ розъ, столько яркихъ лучей, столько солнца. Господи! Да гдѣ же, гдѣ же вся жизнь его? Одна эта женщина... и если исчезнетъ и она съ пути его—настанетъ глубокой мракъ ненужной и безцвѣтной жизни. О, пусть лучше муки ревности и вѣчныхъ сомнѣннй, чѣмъ эта непроглядная ночь, погрузиться въ которую для него хуже, чѣмъ умереть, потому что умирають отжившіе, а онъ, несмотря на свои годы, полонъ жизненной энергн и его сердце, какъ и въ молодые годы, тревожно бьется и ищетъ отвѣта на безразсудную страсть. Эта неустанная борьба съ самимъ собою, вѣчное напряженіе всего существа губительно отзываются на его здоровьи,—онъ проводитъ безсонныя ночи и губитъ послѣдннй остатокъ силъ. Бываютъ минуты, что онъ ненавидитъ всей душой ту, предъ которой готовъ молиться, которая составляетъ весь смыслъ его жизни. Вѣдь она жестока и неблагодарна, она не понимаетъ, что однимъ словомъ, однимъ движеніемъ глазъ она причиняетъ ему нестерпимыя муки или невыразимое счастье. Передъ нимъ встаетъ картина его первой встрѣчи съ Еленой Карцевой за границей годъ тому назадъ въ ресторанъ-вагонѣ, когда поѣздъ мчался среди ущелій, надъ обрывами и потоками Альпійскихъ горъ. Онъ уступилъ ей мѣсто свое у окна; съ благодарной и ласковой улыбкой она имъ воспользовалась, прильнула къ окну и, захваченная сказочной красотой панорамы съ изумруднымъ потокомъ, перекинутымъ черезъ него игрушечнымъ мостикомъ и старинной готической церковкой вдали на склонѣ горъ, восторженно обратилась къ нему:

— Какая волшебная сказка... точно забытая греза далекихъ мечтаннй...

Его тогда же поразила вся ея внѣшность; въ ней было что-то удивительно мягкое, что-то чарующее; матовый цвѣтъ лица, рѣзкій изгибъ темныхъ бровей, носъ съ небольшимъ горбикомъ, яркія губы и громадныя овальные глаза, загадочныя и притягивающіе. Прекрасно одѣтая, стройная, она такъ завладѣла его воображеніемъ, что онъ всю дорогу былъ занятъ только ею. Въ разговорѣ нашли общихъ знакомыхъ и связи; онъ былъ доволенъ, что она охотно приняла всѣ его маленькія услуги и очень весело согласилась

воспользоваться его предложеніемъ показать ей всѣ лучшіе уголки Тироля, куда, какъ оказалось, они оба направлялись.

Мало-по-малу онъ сдѣлался ея чичероне. Изъ Швейцаріи поѣхали въ Италію; она была тамъ впервые, онъ же зналъ Италію вдоль и поперекъ. Совмѣстныя прогулки, экскурсіи, посѣщенія музеевъ, дворцовъ и храмовъ, подъ его руководствомъ и при его широкомъ знаніи и умѣломъ толкованіи, сблизили ихъ до такой степени, что она полушутя объявила, что если ему безразлично, то она ничего лучшаго не желаетъ, какъ то, чтобъ онъ сопутствовалъ ей въ ея дальнѣйшемъ путешествіи въ Испанію.

Въ угоду ей и влекомый еще непонятной ему самому силой, онъ измѣнилъ весь свой маршрутъ и три мѣсяца неотступно слѣдовалъ за ней, взявъ на себя всѣ заботы объ отеляхъ, багажѣ и билетахъ.

Съ широкимъ и многостороннимъ образованіемъ, умная, энергичная, живая, какъ ртуть, впечатлительная и отзывчатая, какъ эхо, она была незамѣнимой собесѣдницей и товарищемъ для путешествія.

Когда по истеченіи трехъ мѣсяцевъ они подѣхали къ Петербургу, и онъ, усадивъ ее въ карету, распрощался, чтобы черезъ нѣсколько дней быть у нея, и пріѣхалъ въ эту самую свою квартиру, она показалась ему пустой и неуютной.

На другой же день онъ былъ у нея. Она встрѣтила его радостно, — протянула обѣ руки:

— Милый чичероне, я такъ привыкла къ вамъ и къ вашимъ бесѣдамъ, что мнѣ положительно васъ недостаетъ...

Онъ помнитъ съ какой силой забилося его сердце отъ этихъ словъ; въ эту минуту онъ понялъ, что вся его жизнь въ ея власти, что онъ ея рабъ, ея вѣрный и преданный рабъ... Въ свѣтлый смѣхъ наполнялъ его душу давно забытой радостью.

Онъ началъ бывать у нея все чаще и чаще. Она всѣмъ рассказывала съ воодушевленіемъ и подробностями ихъ встрѣчу, ихъ совмѣстное путешествіе и свою эгоистическую эксплуатацію какъ просвѣщеннаго чичероне.

Онъ не сомнѣвался, что ей были понятны его чувства, и она ихъ не отталкивала... Наконецъ онъ заговорилъ съ ней совершенно откровенно и, едва владея собой, сознался, что съ той минуты, какъ ее встрѣтилъ, онъ живетъ только для нея и что безъ нея жить не можетъ. Она серьезно выслушала его, заглянула глубоко въ глаза и призналась, что и се влечетъ къ нему непонятная для нея сила, что подлѣ него ее охватываетъ состояніе глубокаго покоя души, какаѣ-то увѣренность, что рядомъ съ нимъ ея не коснется ничто злое или печальное. На его просьбу соединить ихъ жизни, чтобы онъ имѣлъ законное право охранять ее и молиться ей съ благодарностью за дарованное ему на склонѣ лѣтъ счастье, она отвѣ-

тила, что не говорить ему нѣтъ, но сейчасъ не хочетъ еще разстаться со своей полной свободой и что если рѣшится вторично выйти замужъ, то только за него,—пока же считаетъ каждого изъ нихъ свободнымъ, ничѣмъ не связаннымъ, кромѣ взаимнаго чувства.

Оставленная надежда давала ему силы пережить несбывующуюся мечту. И съ тѣхъ поръ онъ былъ прикованъ къ ней. Къ ея ногамъ онъ сложилъ все сокровища своей души, своего сердца, все свои помыслы.

Прошелъ годъ, и какъ многое уже измѣнилось! Вотъ передъ нимъ портретъ, подаренный ему въ путешествіи. Она сидитъ, слегка откинувшись въ кресло, лѣвая рука свободно покоится на ручкѣ, нога закинута на ногу, улыбка скользитъ по губамъ... ея чарующая, слегка насмѣшливая улыбка, глаза что-то говорятъ... ему ли? или кому-нибудь другому? Нѣтъ, нѣтъ, она теперь не та, она измѣнилась, что-то въ ней ускользаетъ отъ него. Онъ видитъ ея прежнему часто, онъ слѣдитъ за ней съ мучительной ревностью и подозрѣніями... О эти глаза... эта улыбка... Или все это должно быть для него, или...

Орловъ схватился за голову и глухо застоналъ. Онъ не видѣлъ ея цѣлую недѣлю, нарочно избѣгалъ послѣ ужина у Кюба, когда она дважды задѣла его самолюбіе и вмѣсто того, чтобы успокоить и объяснить, вырвала руку и уѣхала съ этимъ барономъ, имя котораго вызываетъ въ немъ чувство вражды и злобы. Но она поняла, что онъ оскорбленъ; вотъ ея письмо... О, какъ она умѣетъ писать эти заманчивыя письма, гдѣ все есть и ничего нѣтъ... она зоветъ его къ себѣ завтра вечеромъ, «чтобы помириться», пишетъ она... Помириться? Что это значитъ? Опять будетъ она смотрѣть на него своими большими радостными глазами, будетъ успокаивать и увѣрять, что она все та же... Но что таится за этимъ взглядомъ? Какія мысли роятся за этимъ матовымъ красивымъ лбомъ? Для кого бьется ея сердце? Такая пылкая, порывистая, страстная въ рѣчахъ, во всемъ, что бы ни дѣлала, развѣ она можетъ жить безъ любви? Что таится въ ея прошломъ? Отчего она мало говоритъ о немъ? Нѣтъ ли въ этомъ прошломъ тайной любви, которую она оберегаетъ отъ всего міра? Съ ея умомъ и ловкостью это возможно. Что значать возлѣ нея эти поклонники, постоянные и смѣняющіеся? Сколько разъ онъ раньше слышалъ, что она принадлежитъ къ тѣмъ смѣлымъ женщинамъ, которыя дѣлаютъ, что хотятъ, и притомъ умѣютъ это дѣлать такъ, что имъ все прощается. Теперь при немъ о ней не говорятъ; его любовь ни для кого не тайна, и знаютъ, что за одно лишнее слово противъ нея онъ станетъ къ барьеру съ кѣмъ угодно.

За эту недѣлю, что онъ ее не видѣлъ, его душа совершенно измучилась безсильной борьбой съ самимъ собою, и вотъ передъ нимъ ея письмо, она зоветъ его, и онъ послушно придетъ, чтобы повѣрить ей и потомъ опять мучиться сомнѣніями...

Не отрывая глазъ отъ портрета, долго еще сидѣлъ этотъ человекъ подь давленіемъ безотраднѣхъ мыслей и никто не зналъ, что онъ, закаленный жизнью, суровый въ исполненіи своихъ обязанностей, съ непреклонной волей, доходящей до жестокости, могъ плакать и проводить безсонныя ночи передъ портретомъ любимой женщины.

VIII.

На другой день, въ назначенный часъ Орловъ входилъ въ гостиную Елены. Лицо его было блѣдно, глаза смотрѣли строго и печально. Елена сразу замѣтила происшедшую въ немъ перемену, но промолчала.

— Вы желали меня видѣть, Елена Павловна?

— Да, Михайль Михайловичъ, намъ надо о многомъ переговорить, потому что, вы сами знаете, не въ моемъ характерѣ недомолвки и недоразумѣнія. Садитесь, мы можемъ спокойно говорить, — намъ никто не помѣшаетъ.

— Я очень радъ вашему рѣшенію выяснитъ нѣкоторые тягостныя для меня вопросы; я не люблю ходить впотѣмахъ.

— Михайль Михайловичъ, за что вы дуетесь? Отчего у васъ оскорбленный видъ?

— Гм... вы спрашиваете? Вы отлично сами знаете.

— Да, я догадываюсь, потому что за этотъ годъ хорошо васъ изучила; вы меня ко всѣмъ ревнуете, вы перестали довѣрять моимъ словамъ... я права?

— Отчасти...

— Нѣтъ, совсѣмъ. Мой дорогой другъ, что измѣнилось за этотъ годъ? Все то же самое. Я осталась такъ же свободна и независима, живу, какъ жила раньше, и жизнь моя настолько открыта, что никакимъ подозрѣніямъ нѣтъ мѣста. Мы съ вами не связаны никакими общаніями; почему же я должна измѣнить свою жизнь и свои привычки?

— Весь вопросъ въ томъ, что вы измѣнились ко мнѣ.

— Я измѣнила обращеніе съ вами за это послѣднее время потому, что въ васъ чувствуется ревнивое и безпокойное выслѣживаніе каждаго моего взгляда или жеста, раздраженное отношеніе ко всѣмъ, кто подлѣ меня, и какая-то болѣзненная подозрительность...

Орловъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, сдерживая взрывъ раздраженія и ища мягкихъ и убѣдительныхъ словъ. Хотѣлось въ рѣзкихъ выраженіяхъ излить боль усталого сердца, но онъ боялся вспышки со стороны вспыльчивой Елены, боялся, чтобы вмѣсто ожидаемаго примиренія не послѣдовалъ разрывъ. Елена ждала отвѣта. Онъ молчалъ.

— Михайль Михайловичъ, я придумала вотъ что: задавайте мнѣ вопросы; о чемъ бы вы меня ни спросили, я обязуюсь честнымъ

словомъ отвѣтитъ вамъ правду. Можетъ быть, такимъ путемъ намъ будетъ легче объясниться.

— Я согласенъ. Вы даете мнѣ право касаться всѣхъ сторонъ вашей жизни?

— Да, Михайль Михайловичъ, я знаю, что по отношенію женщины вы рыцарь и довѣриться вамъ можно.

— Елена Павловна, какую роль въ вашей жизни играетъ баронъ Штаденъ, имя котораго, я не разъ самъ слышалъ, соединяютъ съ вашими?

— Мы съ нимъ два хорошихъ товарища, причемъ онъ всегда былъ слегка влюбленъ въ меня и всегда желалъ и желаетъ меня; я это знаю, и меня немного занимаетъ его настойчивость; одно время и я интересовалась имъ, но не настолько, чтобы увлечься. Что бы ни случилось, мы всегда останемся съ нимъ друзьями... Такъ его имя соединяютъ съ моимъ? Ну, а имя Юрьева съ моимъ тоже соединяютъ?

— И вы скажете, что для этого нѣтъ основанія?

— Пища для злословія есть всегда, и меня это очень мало трогаетъ. Люди злословятъ отъ бездѣйствія и отъ глупости... Про Юрьева данныхъ къ злословію, пожалуй, больше, такъ какъ въ данный моментъ я имъ заинтересована больше, чѣмъ онъ мной...

— Позвольте, Елена Павловна, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ искалъ встрѣчь съ вами; я не разъ перехватывалъ его взгляды...

— Это было когда? Мѣсяца два тому назадъ... Теперь многое измѣнилось... онъ интересуется меня, но я совѣмъ не влюблена въ него, какъ и ни въ кого... я вамъ говорила, мой дорогой другъ, что на влюбленность я не способна. Я могу питать хорошія и прочныя чувства, но ни о какой страсти не можетъ быть и рѣчи....

— Елена Павловна, простите, но я этому не вѣрю, и никто не повѣритъ, кто хоть немного васъ знаетъ. Развѣ вы можете жить безъ любви, безъ экзальтаціи? Вы съ первой же встрѣчи произвели на меня впечатлѣніе женщины, очень смѣло относящейся къ жизни. Кто знаетъ, моя дорогая, не таится ли въ вашемъ прошломъ то, чего я больше всего боюсь...

— Договаривайте...

— Отъ всѣхъ скрытая любовь.

Елена улыбнулась.

— Отъ кого же мнѣ надо ее скрывать? Вы забываете, что я свободна, какъ вѣтеръ, матеріально независима и могу дѣлать со своей жизнью все, что мнѣ угодно. Нѣтъ, дорогой другъ, вы ошиблись. Замѣтили ли вы, что если умная и ловкая женщина искренна и правдива, то никто не вѣритъ этой правдивости и въ ея прямотѣ ищутъ двойной игры. Такъ всѣ изолгались и такъ трусливы, что боятся сдѣлать лишній шагъ, боятся невинной смѣлой шутки, зная, что подобные же имъ трусы и лгуны закидаютъ ихъ злосло-

вѣсьмъ и грязными подозрѣніями. Однѣ женщины боятся потерять своихъ мужей, другія—своихъ любовниковъ, третьи—боятся потерять матеріальное благосостояніе, соединенное съ однимъ или съ другимъ, нѣкоторыя же боятся злой молвы толпы, которую не уважаютъ, презираютъ и стремятся обмануть въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ; слишкомъ хорошо зная цѣну людской молвы, я не боюсь ея. Уважая сама себя, я заставляю и ее относиться ко мнѣ съ уваженіемъ. Открыто никто и ничто не посмѣетъ обо мнѣ сказать сквернаго, а если женщины и злословятъ на мой счетъ, то вѣдь ихъ злословія сводятся къ однѣмъ догадкамъ. Вы отлично и сами понимаете, что въ ихъ злословіи большая доза зависти къ смѣлости моихъ открытыхъ поступковъ. Теперь садитесь. Я рѣшила рассказать вамъ мое прошлое, о которомъ многіе судятъ вкривь и вкосъ и въ сущности никто ничего не знаетъ. Если я вамъ не рассказывала его раньше, то причиною этому было эгоистическое желаніе сохранить вашу идеализацію меня, какъ женщины. Я вамъ расскажу все безъ утайки. Хотите? Не бойтесь?

— Елена Павловна, я готовъ ко всему; увѣренность лучше сомнѣній.

— Итакъ, до 16-ти лѣтъ я училась въ Лозаннѣ въ коллежѣ. Родителей я потеряла рано; отъ времени до времени меня навѣщаль мой опекунъ, троюродный дядя, очень добрый, слабохарактерный *bon vivant*. Въ дѣлѣ воспитанія онъ понималъ мало, а потому исполнялъ все, что бы я ни пожелала. Къ счастью, я любила науку, и въ то время, какъ мои подруги мечтали о балахъ и побѣдахъ, я стремилась къ самообразованію. Въ шестнадцать лѣтъ я поступила въ женевскій университетъ, но Швейцарія съ ея меркантильностью мнѣ надоѣла, и я съ согласія дяди перешла въ парижскій университетъ; устроилась совершенно самостоятельно и принялась за науку. Вскорѣ у меня была цѣлая компанія товарищей-студентовъ всѣхъ сословій и состояній. Вы не можете себя представить, что такое студенческая среда и ея жизнь въ Парижѣ. Это нѣчто совершенно обособленное. Такъ какъ я пользовалась хорошими средствами, имѣла просторную квартиру и хорошій столъ, то мало-помалу эта квартирка въ Латинскомъ кварталѣ обратилась въ нѣчто вродѣ даровой столовой, гдѣ ежедневно товарищи-студенты могли во всякое время утолить свой голодъ, а ночью, если это было нужно кому-нибудь; то и переночевать. Меня страшно занимала эта новая, интересная жизнь. Я была недурна, интересна, хорошо одѣта, но слишкомъ товарищескія отношенія, общіе интересы и увлеченіе наукой исключали всякое ухаживаніе. Я не находила стѣснительнымъ или опаснымъ для себя предоставлять бѣдному или запоздалому товарищу свободную комнату на ночь, хотя бы рядомъ со своей спальней. Мы переговаривались, лежа въ кровати, припоминали курьезы дня, весело смѣялись, а на утро въ щелку двери я

протягивала обнаженной рукой то полотенце, то кусок мыла. Мой полъ былъ совершенно забытъ. Однажды, весело отужинавъ у меня, небольшая компанія студентовъ собралась провести ночь въ какомъ-то кабарэ съ очень двусмысленной репутаціей. Я сказала, что иду съ ними; ихъ очень забавила моя мысль, и мы отправились. Меня нисколько не поражало и не коробило все то, что я тамъ увидала. Кокотки пили вино стаканами, говорили вульгарныя слова, обнимали и цѣловали тѣхъ, кто ихъ угощалъ. Я пила очень мало, но мнѣ было весело. Подъ утро меня проводилъ домой самый безшабашный, талантливый, веселый, рѣдкаго ума, никогда не пьянбющій и ни въ какихъ случаяхъ не теряющій голову Пьеръ Пакенъ. Онъ обѣщаль показать мнѣ всѣ скабрзные закоулки, которые можетъ знать только парижанинъ. Съ этого памятнаго для меня вечера я начала вести странную для моихъ юныхъ лѣтъ жизнь. Днем—наука, а ночью—кабарэ или даже притоны, поражавшіе мое неподготовленное знаніемъ жизни воображеніе.

«Гдѣ только я ни была и чего только я ни видѣла! Самый утонченный развратъ испорченнаго цивилизаціей мозга проходилъ передъ моими глазами, и, какъ это ни странно, оставался для меня только интереснымъ объективнымъ явленіемъ, нисколько не смущая моего душевнаго равновѣсія и, что еще удивительнѣе, не возбуждая даже намека на чувство стыда. Я на это смотрѣла, какъ на невиданное, не совсѣмъ понятное для меня явленіе человѣческой природы, совершенно чуждое моей.

«Въ одномъ притонѣ, гдѣ мы видѣли невѣроятную оргію, Пакенъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ удалиться, если моя скромность и стыдъ страдаютъ отъ этихъ циничныхъ картинъ. «Ничуть,—отвѣтила я:—это очень забавно, и я не испытываю ни малѣйшей неловкости».

Орловъ ахнулъ; съ жестомъ негодующаго отчаянія поднялъ руки къ небу и сорвался со своего мѣста. Елена, не обративъ на него вниманія, продолжала свой рассказъ:

— Между безстыдствомъ и цѣломудріемъ одинъ шагъ,—сказалъ Пакенъ.—Мнѣ васъ жаль. Очевидно, ваша природа въ корнѣ лишена тѣхъ элементовъ, которые создаютъ половое влеченіе; вы безстрастны, а потому цѣломудренно-безстыдны». Онъ началъ за мной наблюдать, ища причины такого непонятнаго для него явленія, какъ отсутствіе стыда въ юной и неиспорченной натурѣ. Въ моей неиспорченности онъ сомнѣваться не могъ, такъ какъ мы были не только товарищи, но и друзья, и онъ хорошо зналъ мою жизнь. Желая во что бы то ни стало возбудить во мнѣ проявленіе стыдливости, онъ спускался со мной въ такіе притоны разврата, куда женщины не допускались, и я, ловко замаскированная юношей, рука объ руку, съ безпечной улыбкой наблюдателя опускалась въ омутъ человѣческой грязи.

«Его слова запали мнѣ въ душу, и впервые у меня зашевелились мысли о полномъ отсутствіи сердечныхъ запросовъ въ моей жизни. Я была окружена молодежью, между которыми были люди очень интересные, умные и красивые; я знала, что все они безъ исключенія любили женщинъ, что любовь и наука шли у нихъ рука объ руку; я бывала очень часто повѣреннымъ ихъ романическихъ исторій; когда не было денегъ на подарокъ или букетъ для какой-нибудь Jeanne, Marion или Louise, то деньги занимались у меня; я все это знала, и оставалась совершенно въ сторонѣ съ моей цвѣтущей юностью и интереснымъ лицомъ, которымъ многіе любовались и восхищались. Такъ прошло четыре года. Я окончила университетъ. Мой опекунъ поселился въ Парижѣ, устроился на широкую ногу и предложилъ жить вмѣстѣ. Я охотно согласилась и вскорѣ изъ Латинскаго квартала, Монмартра и студенческой компаніи попала въ высшій свѣтъ; опекунъ имѣлъ въ Парижѣ связи и съ гордостью вводилъ меня въ блестящіе салоны парижской аристократіи. Мнѣ было 22 года, когда я встрѣтила Карцева, служившаго въ дипломатическомъ корпусѣ. Умный, блестящій, очень симпатичный, но изжившійся преждевременно, онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, такъ какъ ему нужна была блестящая жена для дальнѣйшей карьеры. Опекунъ убѣдилъ меня, что партія вполне подходящая. Карцевъ былъ мнѣ симпатиченъ, я не видѣла причинъ для отказа. Мы съ нимъ прожили четыре года и жаловаться на нихъ я не могу; я имѣла полную свободу и его довѣріе, которымъ не злоупотребляла, потому что мнѣ это было и не нужно. Онъ умеръ отъ разрыва сердца, оставивъ мнѣ свое состояніе, добрую память о себѣ и очень смутное понятіе о брачной жизни, такъ какъ на отношенія болѣе интимныя, чѣмъ дружескія, насъ обоихъ не влекло: меня—по странности моей натуры, его—благодаря использованной жизни черезъ край. Изъ Парижа я не уѣхала. Меня окружила блестящая толпа поклонниковъ, у меня была полная свобода и расцвѣтъ молодости. Въ сферѣ роскоши, бездѣйствія и отсутствія запросовъ интеллекта и духа люди жили исключительно чувственной жизнью. Кромѣ какъ о любви и утонченномъ развратѣ, никто ни о чемъ и не думалъ и ни къ чему не стремился. У меня были пріятельницы; главной ихъ заботой было сохраненіе своей наружности ради любви; онѣ всегда были гонимы изъ объятій въ объятія, какимъ-то непонятнымъ для меня ураганомъ страсти; сцены ревности, коварства, измѣнъ, примиреній и драмъ калейдоскопомъ смѣнялись въ ихъ жизни, совершенно меня не затрагивая. Я стояла въ сторонѣ съ моими интересами высшаго порядка. Но однажды я вдругъ почувствовала скуку и зависть не только къ пріятельницамъ, но даже къ моей горничной, которая обманывала меня, чтобы уѣхать по ночамъ на свиданія, и въ зависимости отъ своихъ сердечныхъ дѣлъ бывала болтлива и весела, какъ умѣютъ быть парижанки, или же молчала,

вздыхала и скрывала набѣгавшія слезы. Въ одинъ прекрасный день я рѣшила побороть свою природу и найти въ объятіяхъ любви то счастье и смыслъ жизни, которымъ все вокругъ меня были преисполнены. Мой первый и послѣдній опытъ былъ неудаченъ: я не испытала никакихъ упоеній, о которыхъ столько говорилось въ будорагахъ моихъ легкомысленныхъ пріятельницъ, и безъ всякаго стѣсненія прервала связь, такъ какъ оставалась совершенно безучастной ко всемъ стараніямъ моего партнера разбудить во мнѣ хоть искру страсти или желаній, и кончилось тѣмъ, что мы разошлись, не зная, на какой почвѣ поддерживать взаимныя отношенія, въ которыхъ я начинала испытывать скуку и разочарованіе, а мой партнер смущеніе и раздраженіе противъ меня. Для меня стало яснымъ, что я убила въ себѣ въ самомъ зародышѣ все элементы любви: едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, не понимая жизни ни въ ея красивыхъ проявленіяхъ въ формѣ истинной, глубокой любви, освящающей связь двухъ половъ, ни въ ея уродливыхъ и порочныхъ эксцессахъ, гдѣ люди оскверняютъ природой вложенный инстинктъ влеченія, я атрофировала въ себѣ это влеченіе, когда первая познанія о человѣческой природѣ черпала въ кабарэ и притонахъ, гдѣ порокъ беззащитно и цинично срывалъ все покровы. Но не зная ничего о любви, объ ея положительныхъ красивыхъ сторонахъ, я не понимала и ея уродливыхъ, отрицательныхъ сторонъ и съ чувствомъ безстрастнаго зрителя наблюдала все, что проходило передъ моими глазами, не затрагивая моего «я», созданнаго въ этомъ отношеніи по какой-то необычной мѣркѣ.

«Послѣ смерти мужа, не стѣсняемая рамкой его служебнаго положенія и гарантированная кличкой «glacéon» ¹⁾ отъ подозрѣній въ распущенности моихъ нравовъ, я усвоила себѣ настолько широкую свободу въ поступкахъ, что это граничило съ дерзкимъ вызовомъ по отношеніи парижскаго общества, которое многіе напрасно считаютъ открыто распущеннымъ. Съ толпой молодежи, добивающейся благосклонности богатой, блестящей вдовы, я устраивала шумныя пирушки, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ поздней ночи.

«Какъ сейчасъ помню одну затѣю: послѣ оперы небольшой компаніей мы поѣхали ужинать; былъ и Пьеръ Пакэнъ, выдвигавшійся уже въ научномъ мірѣ своими способностями и обширнымъ умомъ. Наука не мѣшала ему любить жизнь, и никто не умѣлъ предаваться такому непосредственному, заразительному веселью, какъ онъ, никто не умѣлъ быть лучшимъ компаньономъ во всехъ шумныхъ затѣяхъ, даже безчинствахъ. Было раннее утро; мы высыпали на улицу, возбужденные виномъ и весельемъ. Никому не хотѣлось спать.

¹⁾ Ледяшка.

«— Что же мы теперь предпримем? Мадамъ Эленъ, будьте избобрѣтательны,—обратился онъ ко мнѣ.

«-- Ведите насъ въ такой уголокъ Парижа, котораго бы я еще не знала... что-нибудь особенное.

«-- Извольте, но предупреждаю, что мы рискуемъ не только нашими карманами, часами и вашими драгоценностями, но даже и жизнью.

«Мы отправились. Въ трущобной части Парижа, въ темномъ зданіи, пропитанномъ зловоніями нищеты, порока и преступленій, находилось нѣчто въ родѣ пріюта для голодной и преступной братіи, гдѣ за четыре су можно было получить нѣчто въ родѣ супа изъ лука, стаканъ отвратительнаго краснаго вина и всякую гадость, которую можетъ принимать въ свой желудокъ только голодающій по нѣсколько сутокъ человѣкъ. Столы, на которыхъ сало, жиръ и грязь лежали слоями, были все заняты странными людьми; большая часть изъ нихъ были кандидаты на каторгу. Оборванные, грязные, посинѣвшіе отъ холода, истощенные апаши, сравнительно чисто одѣтые, блѣднолицые, озлобленные, цинично-грубые и нахальные «таес», убійцы, поджигатели, все это были люди, которые, какъ кроты, прятались отъ свѣта и выползали ночью, гонимые фуріями зла на совершеніе своихъ дикихъ и кровавыхъ замысловъ. Чуть начинающее брезжить утро сквозь маленькія стекла, продѣланныя подъ самымъ потолкомъ, заглядывало во внутренность этого «tripot» и казалось, что съ улицы глядятъ чьи-то мутные, безцвѣтные глаза остановившіеся. застывшимъ въ испугѣ взглядомъ. Угаръ вина и веселья разомъ соскочилъ со всехъ насъ. Меня пробирала дрожь, и я невольно крѣпко схватилась за руку Пакэна.

«— Будьте хладнокровны, не имѣйте такого испуганнаго вида— здѣсь это очень опасно; мы должны держать себя на равной ногѣ съ ними. Меня здѣсь хорошо знаютъ, и я надѣюсь, что мы выйдемъ невредимыми,—дѣлая безпечное и улыбающееся лицо, прошептала мнѣ Пакэнь, отнимая руку и останавливаясь передъ незанятымъ столикомъ. Намъ подали грязные стаканы съ краснымъ виномъ, Пакэнь, къ моему ужасу, велѣлъ подать себѣ супъ изъ лука и преспокойно его ѣлъ, запивая виномъ; кромѣ него, мы все чувствовали себя такъ, какъ будто за спиной нашей кто-то крадся съ ножомъ въ рукѣ. Наше появленіе не вызвало ни малѣйшей сенсаціи; циничные взгляды, угрожающіе жесты, дикій смѣхъ продолжали стоять въ воздухѣ, и въ нашу сторону едва-едва поворачивались лица, съ выраженіемъ презрительнаго любопытства или самодовольнымъ сознаніемъ своего превосходства и полной зависимости отъ ихъ минутнаго каприза нашей жизни или смерти. Я видѣла, какъ за отдаленнымъ столомъ молодой, красивый парень въ прорванныхъ на колѣняхъ панталонахъ, съ фуражкой, сбитой на затылокъ, заложивъ одну руку въ карманъ, въ небрежной позѣ, полной собственнаго достоин-

ства, дѣлили, очевидно, краденную добычу въ небольшой группѣ своихъ испитыхъ и оборованныхъ «*aminches*». За другимъ столомъ, затаивъ дыханіе, сидѣли люди съ красными, напряженными лицами и со вниманіемъ слушали уродливаго старика, съ наружностью кретина; онъ говорилъ вполголоса, озирался, дико косилъ глаза, и въ его движеніяхъ и жестикуляціи было столько ужаснаго, преступнаго смысла, что, не слыша его, было ясно, что рѣчь идетъ о совершенномъ или намѣченномъ преступленіи. Вдругъ я почувствовала, что блѣднѣю и что руки мои дрожать; неподалеку отъ насъ, развалиясь въ нахальной и вызывающей позѣ, опрятно одѣтый, съ щегольски закрученными усами, съ перстнемъ на рукѣ, съ сигарой въ зубахъ, сидѣлъ довольно интересной наружности сильный брюнетъ и, не спуская съ меня глазъ и пересышая свою рѣчь парижскимъ «*argot*», разговаривалъ съ сидящимъ рядомъ съ нимъ «*aminches*» настолько громко, что его слова долетѣли до меня:

«— Oh, oh, c'est de la haute! Relugue moi c'te gonzesse, elle est rudement bath, pige moi ces orifles. Tiens, j'vas me faire casquer mon quille par le gonze, et s'il ne marche pas, je lui fais sa toquante.

«— C'est peut être de la rousse?

«— Alors, mon colon, je sors ma langue et je les descends. Son morlingue doit-être plein de braise et la colombe sera à la joie de me passer ses orifles. Nous l'inviterons à bambocher avec nous. Marches-tu? ¹⁾.

«Съ другого конца какой-то апашъ, не стѣсняясь, *me faisait du-plet* ²⁾ такого циничнаго содержанія, что даже я краснѣла.

«Какая-то «*marmitte*» подошла къ нашему столу, жалкая и безобразная, полулыбая, неряшливая и циничная, съ предложеніемъ *de nous gasiller quelques goualantes* (спѣть скабрѣзныя пѣсни)».

— Что за циничный языкъ! Какія отвратительныя, непонятныя слова.

Орловъ былъ въ негодованіи. Елена улыбнулась.

— Это парижскій «*argot*», я его отлично знаю.

— Ради Бога не повторяйте, это омерзительно...

— Пакэнь, между тѣмъ, кому-то пожалъ руку, съ кѣмъ-то весело раскланялся, тому одолжилъ сигаретку, другому далъ два франка. Не было притона, гдѣ бы его не знали; его веселый, добродушный нравъ и широкая идея равенства дѣлали изъ него добраго товарища

¹⁾ — Ого, это изъ важныхъ! Погляди-ка на эту женщину, она очень красива; взгляни на ея серьги. Я заставляю заплатить господина за мой стаканъ вина, а если онъ не согласится, я у него стащу часы.

— Можетъ быть, это тайная полиція?

— Тогда, товарищъ, я вынимаю мой ножъ, чтобы угостить. Его кошелекъ долженъ быть полонъ денегъ, и ихъ подруга испытаетъ радость подарить мнѣ свои серьги и кутнуть съ нами. Идетъ?

²⁾ Говорилъ любезности.

среди людей всякаго сословія, потому что въ обликѣ человѣка онъ уважалъ живую душу, не отягощая своей совѣсти ролью учителя или судьи.

«Было уже совѣтъ утро, когда мы, наконецъ, покинули этотъ страшный притонъ. Я была потрясена, и долго еще меня преслѣдовали во снѣ кошмарныя видѣнія страшныхъ обликовъ, на которыхъ злоба преступленій наложила неизгладимую печать. Случалось, что внезапно на улицѣ меня охватывалъ страхъ встрѣчи съ человѣкомъ, глаза котораго загорались жаднымъ огнемъ при видѣ моихъ жемчуговъ, и я, боясь итти пѣшкомъ, нанимала фіакръ. Несмотря на эти жуткія впечатлѣнія, я была благодарна Пакэну, что ему пришла въ голову мысль повести насъ въ тотъ притонъ; въ минуты раздумья эти люди вызываютъ не страхъ и отвращеніе, а глубокое состраданіе и ужрекъ человѣчеству, несовершенный интеллектъ котораго породилъ озлобленіе, вырылъ глубочайшія пропасти между слоями общества, разъединилъ взаимные интересы и стремленія, создалъ аристократа и плебея, богача и нищаго...»

— Дорогая моя, вы проповѣдуете утопію... Что за мысли?.. я глубоко потрясенъ; у меня крутомъ голова идетъ отъ всего, что я слышался отъ васъ. Это чудовищно и невѣроятно. Сопоставить васъ и всю ту грязь и омутъ, въ который вы окунались чортъ знаетъ для чего!

Орловъ, схватившись за голову, бѣгалъ по комнатѣ, отмѣряя ее широкими, военными шагами; его высокая, худая фигура, поблѣднѣвшее отъ волненія лицо, маленькая голова съ лысымъ черепомъ, сѣдые, длинные усы, жесты отчаянія и негодованія вызывали въ Еленѣ и сочувствіе, и смѣхъ. Какъ малое дитя, онъ готовъ былъ сердиться и плакать, что яркій мыльный пузырь лопнулъ, и осталась одна реальная жизнь, реальная женщина, съ непонятнымъ для него складомъ характера, а не безплотная, мечтательная фея, путь которой былъ усыпанъ бѣлыми, нѣжными лиліями и грезами лунной сказки.

— Вы поражены, мой бѣдный другъ; я это предвидѣла, но вы сами вызвали меня на излишнюю откровенность.

— Да, вы были жестоко откровенны, вы разбили вдребезги мою грезу, но такъ лучше. Зачѣмъ жить обманчивой мечтой. Я хотѣлъ быть вашимъ хранителемъ, хотѣлъ оберегать васъ отъ прозы жизненной, хотѣлъ изъ своей любви создать вамъ сказочный замокъ, въ который бы ни проникла никакая жизненная пошлость и грязь, а, оказывается, вы жизнь знаете лучше меня, и изъ какихъ источниковъ, въ какой компаніи? О, я увѣренъ, что вы мнѣ многое и не рассказали. Чего-чего вы не пережили за четыре года вашей отвратительной студенческой жизни и затѣмъ за годы вашего вдовства въ Парижѣ! Ужасно! невѣроятно! И это вы?—вы такая чистая и честная... Да, лучше бы было и не встрѣчаться.

Орловъ опустился въ кресло и сидѣлъ нѣсколько минутъ, весь сгорбившись, закрывъ лицо руками.

— Какія же чувства вы питаете ко мнѣ? Послѣ всего слышаннаго я совершенно теряюсь...

— Я глубоко уважаю, цѣню и люблю васъ.

— Быть можетъ, какъ друга?

— Разумѣется, какъ самаго близкаго мнѣ друга.

— Благодарю васъ покорно за эти высокія чувства, но отъ любимой женщины я желалъ бы иныхъ...—рѣзко проговорилъ Орловъ.

Елена ласково дотронулась до его руки:

— Михаилъ Михайловичъ, я была съ вами откровенна, я вамъ сказала, что я не способна ни на какія страсти, я ихъ никогда не испытала и, навѣрно, не испытаю; вамъ я отдаю все, что у меня есть въ сердцѣ, и когда вы заговорили о бракѣ, то я не предполагала, что вы ищете пламенныхъ чувствъ; въ вашей жизни вы имѣли всего этого вдоволь; сердечныя отношенія и связь духовная прочище и глубже.

— А-а! Вы считаете, что старику слишкомъ много и того, что вы удѣляете въ сердцѣ вашему въ то время, какъ за вами ухаживаетъ цѣлая серія вздыхателей.

— Что жъ изъ этого? Вы отлично знаете, что ухаживанія ихъ ни къ чему не ведутъ.

— Найдется другой Пьеръ Пакэнъ,—чтобъ его чортъ побралъ!—который просвѣтитъ ваши чувства и...

— Михаилъ Михайловичъ, когда онъ найдется, то я вамъ скажу, зачѣмъ заглядывать впередъ?

— А я долженъ этого ожидать? Благодарю покорно: это не жизнь, а каторга.

— Такъ чего же вы хотите, Михаилъ Михайловичъ?

— Несмотря на страшный переворотъ въ душѣ моей, вызванный вашей жестокой исповѣдью, я не могу вырвать васъ изъ своей жизни; я знаю, что у васъ честная и прямая натура и вы неспособны на обманъ, несмотря на всю вашу испорченность...

— Испорченность? Въ чемъ же она выражается?

— Конечно, испорченность. Женщина, выдавая такіе виды, какъ вы, неминуемо скатится въ глубокую пропасть при первомъ же шагѣ съ прямого пути. И для васъ такой шагъ будетъ, конечно, гибелью.

— Михаилъ Михайловичъ, вы меня не знаете.

— Моя дорогая, я останусь при своемъ убѣжденіи... и вотъ я еще разъ и, конечно, въ послѣдній, предлагаю вамъ свою руку, чтобъ любить, охранять и сдѣлать васъ счастливой. Я жду вашего отвѣта.

— Я отвѣчу то же, что и раньше: сейчасъ я не хочу лишать себя свободы; если же я выйду замужъ, то только за васъ.

Ни слова не говоря, Орловъ поднялся, сдѣлалъ официально-сухое лицо, поклонился и направился къ двери.

— Михаилъ Михайловичъ, вѣдь я говорю о временной отсрочкѣ?..

Орловъ въ отвѣтъ еще разъ поклонился и скрылся за дверью.

Елена сидѣла въ глубокой задумчивости; ей было жаль добраго и преданнаго друга, но, не провѣривъ себя, она боялась безповоротнаго рѣшенія и въ то же время ей было грустно и не хотѣлось терять рыцарски-преданное ей сердце.

Черезъ три дня она узнала, что Орловъ взялъ отпускъ на три мѣсяца и уѣхалъ за границу.

Берги тоже уѣхали изъ Петербурга. Любовь Ивановна наканунѣ отъѣзда была у Елены и общалась въ слѣдующемъ мѣсяцѣ на два дня пріѣхать въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ продажѣ цвѣтговъ на благотворительномъ вечерѣ, который устраивала Елена.

IX.

Башиловъ въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ Любови Ивановны былъ съ ней очень сердеченъ, и она уѣхала почти успокоенная въ своихъ предчувствіяхъ. Людомирова при первомъ же свиданіи съ Еленой заговорила о глупой довѣрчивости своей подруги Бергъ, которую она не предупредила о продѣлкахъ ея друга, якобы исключительно изъ чувства состраданія, изъ нежеланія разбить ея глубокое довѣріе и любовь къ Башилову, котораго она, Людомирова, терпѣть не можетъ и будетъ очень рада, если онъ попадетсѣ. Елена пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе и ловкость, чтобы разубѣдить Людомирову относительно отношеній Башилова къ Данцовой. Людомирова засмѣялась:

— Ахъ, перестань, пожалуйста! Вѣрь мнѣ, что тамъ нечисто. Я Башилова знаю мало, но отгадала его сразу; это человѣкъ, способный вести не только двойную, но и тройную игру не хуже Рихтера, который стоитъ ему на пути и котораго онъ терпѣть не можетъ, но они одного поля ягоды. Башиловъ радъ бы развязаться съ Любовью Бергъ, я это замѣтила, но его удерживаютъ какія-то комбинаціи чисто практическаго характера, а за твоей Данцовой онъ волочитсѣ отъ скуки, отъ привычки не пропускать ни одной юбки. Я тебѣ говорила, что этотъ человѣкъ способенъ вести интригу хоть съ двѣнадцатью женщинами.

— Башилова я не знаю, но съ Женей настолько дружна, что если бы съ ея стороны было малѣйшее увлеченіе, она бы мнѣ сказала.

— Твоя Женя, эта напуганная мадонна, попалась ему въ лапы и не смѣетъ пикнуть, если онъ ее просилъ сохранять въ тайнѣ ихъ отношенія. Онъ страшно властолюбивъ и можетъ импонировать

и не такой слабовольной, какъ Евгенія Михайловна. Но въ концѣ концовъ я его накрою; онъ этого стоитъ.

— Ты, кажется, Мариша, противъ него зубъ имѣешь?

— Да, я его терпѣть не могу. Осенью мы какъ-то экспромтомъ поѣхали въ театръ: Люба съ мужемъ, я и онъ; это было первое наше съ нимъ знакомство. Въ ложѣ онъ все время за спиной Любы перегибался ко мнѣ, шепталъ всякую ерунду, пожималъ руку, такъ что становилось просто неприличнымъ; кончилось тѣмъ, что это замѣтилъ Оттонъ Александровичъ, сдѣлалъ кислое лицо и началъ дуться.

— А ему какое дѣло?

— Ахъ, Господи. Да непріятно же видѣть... ну, просто его это раздражало...

Людомирова слегка смутилась...

— Да, да, Мариша, я вѣдь забыла, что онъ безнадежно влюбленъ въ тебя, а ты его сурово отвергаешь.

Въ тонѣ Елены Людомирова не уловила насмѣшливой нотки.

— Послѣ театра поѣхали ужинать. Любочкинъ герой сперва занимался упорнымъ разглядываніемъ рядомъ сидѣвшихъ дамъ, потомъ началъ подливать мнѣ вино и подъ скатертью искать моей руки. Люба ровно ничего не замѣчала; я просто изъ силъ выбивалась, чтобы отвлечь ея вниманіе. При разѣздѣ онъ отстранилъ лакея и самъ сталъ мнѣ одѣвать ботики; пользуясь, что тутъ же стояли Любочка и Оттонъ Александровичъ, и что я должна была промолчать, онъ позволилъ себѣ жать мнѣ ногу чуть не у самаго колѣна, точно онъ имѣлъ дѣло съ какой-нибудь кокоткой.

Елена разразилась громкимъ смѣхомъ.

— И что же ты на это?

— Какъ что? Очевидно, я должна была сдѣлать видъ, что не замѣчаю; но едва мы сѣли въ карету, какъ я это рассказала Любѣ и просила ему передать, что если онъ когда-либо позволитъ себѣ со мной что-нибудь подобное, то я его проучу и онъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣеть дѣло. И представь себѣ, этотъ нахаль не счелъ нужнымъ быть у меня съ визитомъ. Кстати, скажи, пожалуйста, какое странное совпаденіе, что ты, ничего не зная, пригласила Любу продавать цвѣты въ одномъ кіоскѣ съ Евгеніей Михайловной.

— Я тебѣ повторяю, Мариша, что никакого тутъ совпаденія нѣтъ, одни дѣловые отношенія.

— Да, какъ же! Будетъ онъ ради однихъ дѣлъ ѣздить къ Медвѣдо съ красивой женщиной. Я его хорошо раскусила. Навѣрно, Люба настоитъ, чтобы онъ былъ на твоёмъ вечерѣ, и я же изведу его этимъ кіоскомъ. Воображаетъ, что тонко ведетъ свои дѣла.

— Не понимаю, Мариша, что тебѣ за охота путаться въ чужія дѣла, да еще такого щекотливаго свойства.

— О, такихъ нахаловъ надо наказывать, пусть не воображаетъ...

Елена замолчала. Она знала, что если Людомировой хотѣлось кому-нибудь насолить, то никакіе доводы помочь не могли. Любовь къ интригѣ и чужимъ дѣламъ занимали большую часть ея личной жизни.

Послѣ отъѣзда Берговъ, въ первое же свиданіе Башилова съ Данцовой, она, волнуясь, путаясь въ словахъ, краснѣя и блѣднѣя, приступила къ объясненію. Башиловъ поднялъ брови, насторожился, заложилъ обѣ руки въ карманы, остановился передъ чуть не плачущей Данцовой и, пока она лепетала обвиненія и упреки, сдѣлалъ мысленный обзоръ своего довольно критическаго положенія. Принявъ во вниманіе безграничное къ себѣ довѣріе, безумную влюбленность Евгеніи Михайловны и полное ея безмолвіе, онъ рѣшилъ пока солгать; имѣя въ виду въ скоромъ времени сдѣлать ей предложеніе и надѣясь привести Бергъ къ разумному согласію на этотъ бракъ, онъ разсчитывалъ, такимъ образомъ, сохранить дружескія отношенія будущей генераль-губернаторши и продолжать, можетъ быть, нужное ему знакомство. Онъ придерживался разумнаго правила въ жизни—никогда съ женщинами не ссориться и имѣть въ ихъ лицѣ своихъ союзниковъ.

— Видишь ли, дружокъ мой, изъ всего, что ты мнѣ сказала, подтверждается, что подруга Любовь Ивановны, эта ея Мариша, зловредная особа и круглая дура. Если бы даже и правда, что Любовь Ивановна имѣла со мной связь, то изъ дружбы къ ней она могла бы воздержаться это распространять; разъ она такъ поступаетъ, грошъ ей цѣна, и довѣрять ей порядочный человекъ не будетъ. Она злится на меня, что я къ ней съ визитомъ не ѣду; но, ей-Богу, меня не занимаетъ ея общество! напыщенная дура и ничего больше: Удивляюсь, какъ можетъ съ ней дружить эта твоя Елена Карцева, о которой ты всегда отзываешься, какъ объ очень умной и порядочной женщинѣ.

— Елена знаетъ ей цѣну и только дѣлаетъ видъ, что принимаетъ дружбу, сама же ей не очень довѣряетъ.

Башилову безъ особеннаго труда удалось убѣдить Данцову, что, кромѣ дружескихъ отношеній, между Любовью Ивановной и имъ никогда ничего не было, что онъ цѣнитъ въ ней ея доброту, съ которой она не только баловала его сама, но даже не разъ выводила его, Башилова, изъ затруднительнаго положенія; когда ему нужно было отлучаться на цѣлое лѣто въ командировки, она приглашала сына къ себѣ въ деревню и возилась съ нимъ; однажды, когда тотъ былъ боленъ въ его отсутствіи, она нарочно пріѣхала въ Петербургъ, навѣщала и ходила за нимъ, какъ родная. Можно ли не цѣнить такое сердечное отношеніе? И если иногда случается, что она надоѣдаетъ своей излишней заботливостью, приглашеніями на праздники или просьбами поѣхать лишній разъ съ нимъ въ театръ или въ ресторанъ, то у него языкъ не поворачивался отказывать. Вотъ кар-

тина ихъ отношеній, которую при желаніи сплетничать дура Людомирова исказила, чтобы сдѣлать ему какую-нибудь гадость въ отместку за его пренебреженіе къ ея салону. Ко всему сказанному Башиловъ прибавилъ еще, что супруги Бергъ живутъ очень дружно, что Людомирова цѣпляется къ Бергъ, который надъ ней просто насмѣхается и терпитъ ради жены; Людомирова же распускаетъ слухи объ его влюбленности, такъ какъ ей до смерти хочется слыть интересной женщиной, которую мужчины не могутъ равнодушно видѣть, чтобы не упасть къ ея ногамъ.

— Ну, положимъ, я слыхала, что Людомирова очень многимъ нравится, и поклонники у нея есть,—вставила Данцова.

— Она что-то и про меня тамъ наболтала Любовь Ивановнѣ; будто и я сраженъ ея чарами,—вскользь добавилъ Владимиръ Ивановичъ, желая, на всякій случай, и съ этой стороны предупредить Евгению Михайловну.

Объ эпизодѣ съ надѣваніемъ галошъ и объ его заигрываніяхъ Людомирова не лгала. Если она пожаловалась подругѣ, то только изъ трусливаго опасенія, чтобы самъ Башиловъ какъ-нибудь не рассказалъ этого ей самъ или, что еще хуже, Оттону Александровичу.

Данцова разсталась со своимъ другомъ еще болѣе влюбленная и вполне счастливая и успокоенная.

Х.

Была страшная метель; улицы такъ заметало снѣгомъ, что дворники не успѣвали расчищать. Карцеву томила непреодолимая тоска; ей никого не хотѣлось видѣть, и она весь день вплоть до вечера полулежала на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ, которая не разъ выскальзывала и падала. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда ее осаждали унылые вопросы о суетности и бесполезности ея жизни, вопросы съ неразрѣшимой загадкой, которая таится въ душѣ каждаго человѣка, и, какъ жало змѣи, наполненное ядомъ, отравляетъ желанія, парализуетъ энергію и туманитъ радость. Окидывая взглядомъ свое прошлое и настоящее, Елена не могла найти ни одной свѣтлой точки, которая хоть бы слабымъ свѣтомъ озаряла унылую и бессодержательную пустоту. Колесо ея жизни, пущенное по извѣстному пути, катилось неуклонно впередъ. Жизнь ей не давала ни страданій, ни особыхъ радостей, ни страстей, ни тихихъ привязанностей, ни преданности наукъ или искусству. Ее окружали люди, жадно спѣшившіе взять отъ жизни какъ можно больше благи и ощущавшіе въ своей погонѣ такую же, какъ и она, пустоту и неудовлетворенность. Зачѣмъ жить? Къ чему жить? Чтобы состарѣться никому не нужной и одинокой, исчерпать свою жизнерадостность на балы, пикники и банкеты? Къ чему весь этотъ вихрь дней, яркихъ,

как мыльные пузыри, и таких же пустых и безцѣльных? Къ чему она училась? Къ чему окончила университетъ? Помнится, были въ юности запросы другой жизни, другихъ стремлений,—и ничего отъ нихъ не осталось. Единственный другъ, правда, отжившій, мало ее понимающій, но истинный и сердечный, и того она не сумѣла удержать. Пусто въ сердцѣ, пусто въ душѣ... Есть же люди, которые находятъ въ жизни неуловимый для нея смыслъ, черпаютъ силы изъ самихъ себя и идутъ впередъ навстрѣчу старости и смерти, торжественно спокойные, какъ боги... Такъ думала Елена, окутанная сумерками одинокой, нарядной комнаты, гдѣ протекала вереница шумныхъ вечеровъ со смѣхомъ, шумомъ, пустыми разговорами, пелѣными, на показъ высказанными мыслями, лишенными всякой искренности и сердечности. Кто сложилъ такъ уродливо всю эту жизнь, сдѣлавшуюся ея сферой? Отчего она не протестовала? Отчего, свободная и имущая, не сумѣла создать себѣ болѣе разумной жизни? Но какой же? Что надо сдѣлать, чтобы вложить смыслъ и разумъ? Уйти, уѣхать? Куда? Съ кѣмъ и для чего? Вездѣ все то же, все та же дикая погоня за благами, которыя, какъ дымъ, расплываясь въ прошедшемъ, ничего не оставляютъ для настоящаго... Тоска сдавила грудь Елены. Это случалось съ ней не впервые. За послѣдній годъ тоска стала чаще закрадываться въ толстыя штофныя портьеры, въ уютные и роскошные углы всей ея квартиры и непрошенная выползала оттуда, какъ сѣрое, неотвязчивое привидѣніе, и, заглядывая въ глаза Елены своими мутными, слезящимися глазами, туманила ихъ блескъ, покрывала блѣдностью щеки, обрывала веселую рѣчь и звонкій смѣхъ. Въ квартирѣ становилось на нѣсколько дней и тихо, и пусто... Елена, ссылаясь на мигрень, никого не принимала, стараясь силою логики отогнать непрошенную гостью, которая уходила, чтобы спустя нѣкоторое время вернуться снова.

Въ этотъ вечеръ Еленѣ пришла мысль вызвать по телефону Юрєва; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые во всякое время и при всякомъ настроеніи умѣли не быть лишними. Съ нимъ не надо было насиловать своей воли, не надо было поддерживать разговоръ и стѣсняться молчаніемъ. Чѣмъ интимнѣе была обстановка, тѣмъ онъ былъ уютнѣе.

На звонокъ Елены Юрєвъ отвѣтилъ, что второй день сидитъ дома съ ознобомъ во всемъ тѣлѣ и легкимъ недомоганіемъ. Елена съ тоской готовилась опустить трубку, какъ услышала нерѣшительную, странную просьбу:

— Елена Павловна, я одинъ и такъ же, какъ и вы, сегодня полонъ раздумья. Одѣньте густую вуаль, если боитесь, и пріѣзжайте ко мнѣ. Будемъ пить чай, разговаривать, молчать и, быть можетъ, вамъ удастся возстановить душевное равновѣсіе... Что же вы молчите?

Послѣ минутнаго раздумья Елена отвѣтила:

— Приѣду черезъ часъ.

Пренебрегая осторожностью, она, не скрывая лица подъ вуалью, въ указанное время поѣхала къ Юрьеву, совершенно не считаясь ни съ общепринятыми правилами условности, ни съ могущими произойти случайностями; ни на минуту у нея не промелькнуло сомнѣнія въ порядочности Юрьева, въ которому ее влекла его выходящая изъ ряда простота въ отношеніяхъ съ людьми, безхитрость и добродушіе, за которыя многіе его считали страннымъ, чуднымъ и недалекимъ.

На звонокъ Елены дверь открылъ лакей. Пока она снимала шубку, вышелъ Юрьевъ, красивый въ своей морской тужуркѣ.

— Вотъ добрая, славная, спасибо вамъ.

Прошли въ кабинетъ. Въ разставленной неумѣлой рукой мебели чувствовалось отсутствіе женщины. Груда журналовъ и книгъ была свалена въ углу прямо на полу. На столѣ передъ диваномъ стояла красивая лампа, тутъ же лежала щетка для чистки платѣевъ, открытая коробка съ табакомъ, бутылка недопитого краснаго вина, свернутыя въ комокъ, предназначенныя для чистки перчатки. На стѣнахъ двѣ-три картины. Во весь ростъ, почти въ настоящую величину, прекрасный портретъ масляными красками сильной брюнетки съ милостивымъ и изящнымъ лицомъ, въ которой не трудно было узнать мать Юрьева: тѣ же глаза, носъ и овалъ лица. Небольшая тахта, два-три мягкихъ кресла, письменный столъ со множествомъ фотографическихъ карточекъ, нѣсколько листовъ исписанной бумаги. Елена съ любопытствомъ осматривала комнату.

— У васъ было бы уютно, милый лейтенантъ, если бы было немного больше порядку. Ну, зачѣмъ всѣ эти книги на полу? Переставьте этотъ столъ вотъ сюда, кресло сюда, лампу на этотъ маленький столикъ сбоку подлѣ тахты... вотъ такъ... и сейчасъ будетъ уютнѣе. Это ваша сестра, которая умерла?.. Какое дивное лицо! Какая скорбь въ глазахъ. Бѣдная дѣвушка, какъ она много пережила за свою короткую жизнь. Впрочемъ, нѣтъ, она была счастливая, потому что много сдѣлала въ своей жизни. Да, теперь я припоминаю: ея имя часто упоминалось во время японской войны. Какъ могли ее арестовать и посадить въ тюрьму послѣ того, какъ она всецѣло принесла себя въ жертву людямъ... Вы говорите, что она умерла кроткая и спокойная; это понятно: ей не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ раскаиваться; ея путь былъ широкъ и прямъ.

Елена долго не выпускала изъ рукъ рамки, изъ которой выглядывало печальное и красивое лицо молодой дѣвушки въ костюмѣ сестры милосердія.

— Послѣ чаю я вамъ прочту кое-что изъ рукописей моего брата. Вотъ уже больше года, какъ мы не знаемъ, гдѣ онъ. Послѣднія свѣдѣнія были изъ Саратовской губерніи. Сестра ѣздила его отыскивать, но слѣдъ пропалъ.

— Юрочка, расскажите о вашемъ братѣ подробнѣе...

— Я самъ очень мало что знаю о немъ; онъ лѣтъ на десять старше меня; бросилъ морскую службу безо всякой видимой причины; сперва уѣхалъ въ деревню и заперся тамъ, никого не видя и ни съ кѣмъ не желая имѣть никакихъ сношеній; даже съ нами не переписывался. А затѣмъ, говорятъ, пѣшкомъ, съ небольшою котомкой на плечахъ ушелъ изъ деревни и больше не возвращался. Черезъ годъ онъ прислалъ намъ короткую записочку съ Урала, что здоровъ и счастливъ, найдя въ общеніи съ бѣднымъ народомъ и природой тотъ смыслъ, котораго не находилъ и мучительно искалъ всю предыдущую жизнь. Два года тому назадъ его видѣла сестра, которая теперь въ Москвѣ; она говорила, что, онъ неузнаваемъ; что и физически и морально это совсѣмъ другой человѣкъ; она преклонилась передъ нимъ. Сестра узнала, что, уходя изъ деревни, онъ не взялъ съ собою ни копейки; питался подаяніемъ и поденной работой въ деревняхъ, мимо которыхъ шелъ; пасъ стада, работалъ въ полѣ, спалъ въ лѣсу... Прямо не укладывается въ моемъ мозгу такое представленіе объ Александрѣ, котораго я помню одѣтаго всегда съ иголки, изящнаго, замѣтнаго въ каждой гостиной. Онъ прислалъ мнѣ черезъ сестру, то есть два года тому назадъ, рукописи, изъ которыхъ я хочу вамъ кое-что прочесть.

— Юрочка, и онъ, и ваша сестра покойная, и та, что въ Москвѣ, про которую вы мнѣ говорили, у нихъ у всѣхъ тѣ же идеи и стремленія,—очевидно, это духовный складъ всей вашей семьи; одинъ вы стоите въ сторонѣ и безопасно берете жизнь съ ея радостями и забавами. Скажите мнѣ, вамъ понятно то, что произошло въ душѣ брата? Вамъ понятна его теперешняя жизнь? Вы преклоняетесь передъ его отреченіемъ отъ всего, чѣмъ живемъ всѣ мы?

— Какъ вамъ сказать? Это мысли, которыя не разъ осаждаютъ меня, и окончательно разрѣшить ихъ мнѣ не удастся... Это очень сложно. Поступокъ брата—есть ли это высшее смиреніе и простота, или не кроется ли въ немъ утонченная гордость и безсознательная рисовка? Зачѣмъ онъ порвалъ со всѣми? Зачѣмъ эта бродяжническая жизнь? Зачѣмъ это отрепанное платье? Не надѣлъ ли онъ, всегда гордый и самолюбивый, другой мундиръ, увѣшанный иными орденами отличія?..

— Что вы говорите, Юрочка! Развѣ жизнь его съ момента ухода не есть добровольный путь лишеній, къ которому ему было невыносимо трудно привыкать? Для человѣка, избалованнаго обстановкой, спать гдѣ попало, зачастую въ грязи, ѣсть что попало, работать на ряду съ мужиками, подвергать себя, быть можетъ, грубому обращенію—вѣдь это такая ломка, для которой нуженъ громадный запасъ духовныхъ силъ съ твердо намѣченной цѣлью высокой идеи. При чемъ тутъ гордость или неискренность, если онъ порвалъ съ міромъ, исчезъ изъ него и ушелъ такъ далеко

въ свою идею, что даже родные потеряли его изъ виду и не знаютъ, ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ. Нѣтъ, голубчикъ, я чувствую, что тутъ кроется исполинская сила возродившагося духа. Намъ, тонущимъ въ сферѣ мелочныхъ интересовъ, среди забавъ и роскоши нашей головокружительной обманчивой жизни, намъ трудно понять и оцѣнить такой поступокъ.

Оба умолкли. Елена задумчиво и машинально перелистывала альбомъ. Юрьевъ курить.

— А какъ вамъ кажется, Юрочка, вы бы могли сдѣлать то же, что и вашъ братъ и сестра?

— Н-не знаю... Быть можетъ, въ другой формѣ. Теперь я захваченъ жизнью, какъ никогда. То, что я считалъ поконченнымъ, безвозвратно ожило опять; я весь полонъ счастья и надеждъ и, сознаюсь, очень далека отъ мысли о жизни, которую себѣ создалъ братъ, но я знаю, что деньги, карьера и всѣ блага не имѣютъ для меня ровно никакого значенія. Я никогда не испытываю ни малѣйшаго раздраженія, ни даже легкаго неудовольствія, когда у меня въ кошелькѣ бываетъ пусто, когда я бываю принужденъ отказывать себѣ въ удовольствіяхъ. По натурѣ я крайне нетребователенъ; если я ищу чего-нибудь въ жизни, такъ это искренней и неизмѣнной привязанности. Меня тяготитъ холостая жизнь и одиночество... а васъ что тяготитъ, Елена Павловна? Отчего ваша тоска?..

— Бываютъ дни, вродѣ теперешнихъ, когда меня тяготитъ все, когда мнѣ ничего не нужно и въ то же время у меня недостаетъ чего-то главнаго.

— Вамъ недостаетъ привязанности; чтобъ вы сами полюбили.

— Ахъ, нѣтъ, для меня это не нужно; вы меня не знаете...

Послѣ чаю Юрьевъ, по просьбѣ Елены, принялся читать рукопись брата. Это были отдѣльные наброски, не имѣвшіе общей связи, писанные, очевидно, въ разбивку, подъ впечатлѣніемъ настроенія.

«Мой младшій братъ, мой дорогой Жоржъ, прости меня и ты, какъ пусть простятъ меня всѣ, кого я зналъ и кого не зналъ. Съ кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ, съ новымъ обликомъ души, пишу я тебѣ эти строки изъ моего мирнаго и тихаго уединенія, гдѣ вся жизнь моя проходитъ передъ моими духовными очами; жизнь, подобная выплеснутому безцѣльно драгоценному напитку. Что сдѣлалъ я изъ нея для другихъ и для себя? Чѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ глубже заблуждался. Отрекаясь отъ всей моей протекшей жизни, я хочу сказать тебѣ, дорогой братъ, то, до чего дошелъ годами горькаго и тяжелаго раздумья, часами покаянныхъ, орошенныхъ слезами молитвъ. Жоржъ, нѣтъ жизни, кромѣ жизни въ исканіи Бога, то есть добра, той великой мудрой силы, которую мы собственной слѣпой волей отталкиваемъ, оглушенные мірской суетой. Не страшись, Жоржъ, ни людской силы, ни злословія, ни ихъ могущества, ни ихъ кары—все это ничтожно, мелко и ложно, все это одно глупо-

чайшее заблужденіе, внушающее жалость и страхъ за людей съ той минуты, какъ въ душу человѣческую проникнетъ лучъ смиренія и жажда непреложной правды. Нельзя передать словами ощущенія какого-либо чувства тому, кто этого чувства не испыталъ. Такъ и я не умѣю передать тебѣ, дорогой братъ, того чувства блаженной, какъ солнце, яркой радости, которымъ исполнена душа моя съ тѣхъ поръ, какъ я отошелъ отъ жизни богатыхъ, великихъ, гордыхъ, честолюбивыхъ и самолюбивыхъ. Какъ далекій, охваченный заразой, окутанный туманомъ городъ, является въ воображеніи моемъ покинутая мною жизнь. Вы всѣ далекіе, милые мнѣ братья, скованные пудовыми цѣпями ложныхъ обязательствъ, ложныхъ клятвъ, ложныхъ вопросовъ чести, вы всѣ взяли на себя непосильную тяжесть, ибо душа наша, стремящаяся къ свѣту и добру, бьется ежедневно въ борьбѣ за свою свободу, и вы, не прислушиваясь къ ея воплямъ, не понимая ея зова, но чувствуя, какъ опускаются ея крылья, понять не можете унылой печали, идущей по пятамъ вашимъ и въ уединеніи, и въ собраніяхъ, и на попойкахъ, и на балахъ, и въ объятіяхъ любви. Жизнь кочеваго труженика, рабочаго, пастуха, которую я добровольно и сознательно избралъ, является мнѣ жизнью спокойной и радостной, ибо не тяготѣютъ надо мной никакія заботы, кромѣ заботы о душѣ моей, никакія обязательства, кромѣ добровольнаго стремленія къ добру и милосердія къ моему ближнему, ко всему живому. Когда прояснилась душа моя, то я ужаснулся той бездны, въ которую бросаетъ насъ затемненный ложной цивилизаціей разумъ и идущая въ разрѣзъ съ сердцемъ культура. Когда намъ указываютъ на убійцу, намъ кажется, что весь обликъ его покрытъ тѣнью, что на челѣ его лежитъ печать злой силы; инстинктивно мы сторонимся его, и душа его намъ кажется темной, злой и скорбной, потому что слова заповѣди «не убій» являются естественнымъ крикомъ всякой живой души. Имя Каина, поднявшаго руку на брата своего, съ первыхъ временъ созданія міра и до сей поры передается изъ преданія въ преданіе, изъ народа въ народъ, какъ содѣлавшаго уродливое, противестественное злодѣяніе. Мы же, дорогой Жоржъ, гордые своей культурой, члены просвѣщенныхъ націй, которыя дарятъ человѣчеству великихъ поэтовъ, философовъ, художниковъ и теологовъ, мы не только идемъ стройными рядами убивать, рѣзать, колоть подобныхъ намъ, но мы еще насилуемъ волю меньшей братіи нашей, заставляя ее силой гнуснаго закона становиться въ ряды утонченныхъ убійць... и того, кто подымаетъ руку на большее количество братьевъ своихъ, не сдѣлавшихъ ему никакого зла, того мы провозглашаемъ героемъ... и томится душа такого героя въ страшныхъ, кошмарныхъ воспоминаніяхъ пролитой крови неповиннаго брата своего, и молитва застываетъ на устахъ его, и въ глубокихъ тайникахъ души своей онъ испытываетъ жалость и великую скорбь, но не смѣетъ открыть лю-

дямъ этого чувства и насилуетъ себя, кичась именемъ убійцы. Повѣрь мнѣ, дорогой братъ, что только тѣ поступки наши достойны уваженія и не лягутъ бременемъ на душу нашу, въ которыхъ сердце играетъ главную роль. Сердце, озаренное лучомъ разума, безошибочно приведетъ насъ къ пути, который откроетъ намъ широкіе горизонты высшаго разума, яснаго пониманія истинной жизни...»

Юрьевъ, читавшій рукопись брата глубокимъ, задушевнымъ голосомъ, отложилъ ее на минуту и взглянулъ на Елену.

— Вамъ нравится?

— Очень... ахъ, очень, Юрочка. И это вашъ братъ, вашъ родной братъ? Вамъ не кажется, что онъ открылъ какую-то невѣдомую намъ дверь и оттуда льются въ вашу комнату яркіе горячіе лучи? Они согрѣютъ васъ въ годину отчаянія и сомнѣній... вы позовете его, и онъ придетъ за вами и поведетъ васъ туда, куда ушелъ одинокій, быть можетъ, непонятый, осмѣянный. Я завидую вамъ, что у васъ есть такой братъ. Это все равно, что имѣть мостъ, перекинутый черезъ глубокую пропасть.

— Но вѣренъ ли путь, который онъ избралъ? Нѣтъ ли здѣсь заблужденій экзальтаціи?

— Здѣсь нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. О какой экзальтаціи вы говорите? О той, которая пробудила его инертную волю, которая толкнула его на путь отреченія? Такъ вѣдь это же и есть та благодать высшей силы, которая породила великихъ подвижниковъ христіанства. Нѣтъ, Юрочка, заблужденій не можетъ быть тамъ, гдѣ человѣкъ отъ роскоши идетъ къ нищетѣ, отъ гордости къ смиренію, отъ самолюбія къ отреченію своего я.

— Развѣ нужно для этого уходить изъ міра? Отчего онъ не остался среди насъ проводить свои идеи добра и отреченія?

— Вы требуете невозможнаго. Чтобы человѣкъ, зараженный міровой болѣзью, могъ излечиться, онъ долженъ изолировать себя, ежеминутно наблюдать за собой, неуклонно закалять свой организмъ противъ вкоренившейся болѣзни и только тогда можетъ вернуться въ зараженную среду, когда, сильный и недоступный для заразы, сможетъ самъ врачевать больныхъ, указывая пройденный имъ путь исцѣленія. Нужно самому проникнуться смиреніемъ и состраданіемъ къ ближнему, чтобы люди внимали ему какъ проповѣднику, а не какъ болтуну. Знаете изреченіе: «вѣра безъ дѣлъ—мертва есть»... Прочтите еще что-нибудь. Меня это успокаиваетъ.

«...Невѣдомымъ странникомъ живу я среди низкихъ и бѣдныхъ, и въ душѣ моей тихо и торжественно, какъ въ храмѣ. Я ненавижу ложную красу и мракъ покинутыхъ мною навсегда вашихъ городовъ, и ваши храмы, и ваши тюрьмы я отвергаю; ваша вѣра и знанія подобны грузу: душа томится и изнемогаетъ подъ ихъ тяжестью. И я бѣжалъ изъ тюрьмы къ свободѣ, къ моимъ роднымъ полямъ, покрытымъ ковромъ цвѣтовъ, къ изумруднымъ лугамъ, къ рощамъ,

осѣненнымъ красою заходящихъ солнечныхъ лучей, къ лѣсамъ и горамъ, милымъ рѣчкамъ съ отлогими берегами, ко всѣмъ пташкамъ, къ звѣрямъ, ко всему, что создалъ Господь и что вы отвергли въ безуміи своемъ, и что отвергалъ и я, не зная истинной радости въ созерцаніи созданной Имъ красоты. Прекрасно лишь то, что не знаетъ своей красоты. Дорогой братъ мой, узнаешь ли ты меня, невѣдомаго странника земли? Я иду днемъ и утромъ, и подъ вечеръ безъ котомки на плечахъ, безъ всякой заботы, съ пѣсней на устахъ, съ широкимъ открытой душой и сердцемъ. Въ глухой деревушкѣ тихо раскрывается окно бѣдной избы, и блѣднолицая кроткая женщина подаетъ страннику ломоть хлѣба или зазываетъ его на ночлегъ. Мирно и убого въ курной избѣ. Тихо теплится и трещитъ лучина. Ото всѣхъ угловъ вѣетъ покорной нищетою, и набѣгаютъ слезы на глаза странника отъ горячей любви къ этимъ братьямъ, нищимъ духомъ и плотью, ибо ихъ есть Царствіе Небесное. Передъ глазами моими встаетъ вереница позорныхъ ночей, проведенныхъ мною въ залитомъ огнями и позоромъ Вавилонѣ, гдѣ вижу я тебя, мой братъ, и сердце сжимается тоской и скорбью, и съ умиленіемъ я преклоняюсь передъ нищетою этихъ, по-вашему темныхъ людей, никогда не знавшихъ нашего роскошнаго и позорнаго разврата. Я говорю съ ними, и они слушаютъ и понимаютъ меня, какъ понимаю и я ихъ, ибо рѣчи ихъ разумны и просты, какъ ихъ жизнь. Они не знаютъ мудреныхъ словъ, и имъ невѣдомы наши науки, но мысли многихъ изъ нихъ близки къ той истинѣ, до которой вѣками додумывались ученые. Я отдыхаю среди нихъ, я снимаю съ души моей все бремя безумныхъ условностей, и сонъ мой спокоенъ и ясенъ, безъ тревогъ о завтрашнемъ днѣ, безъ ничтожныхъ печалей. Наразсвѣтъ я покидаю семью, благословляя ее, и, творя крестное знаменье, бодро иду навстрѣчу новому утру по росистой травѣ тропинки, которая ведетъ меня на широкій путь великаго торжества души моей...»

Долго читалъ Юрьевъ. Елена слушала, все слушала съ остановившимся взглядомъ, исполненнымъ глубокой задумчивости. Лицо ея стало блѣдно, между бровей легла морщинка. Было поздно, когда она поднялась съ дивана и протянула Юрьеву руку.

— Мнѣ пора домой. Никогда не забуду сегодняшняго вечера: какъ будто бы острый, тонкій лучъ далекаго, далекаго маяка проникъ въ темный уголъ моей жизни. Если бы вы знали, какъ мнѣ хочется встрѣтить когда-нибудь вашего брата! Дайте мнѣ дружеское честное слово, что если представится возможность, вы извѣстите меня, хотя бы я была на другомъ концѣ земного шара. Спасибо за сегодняшній вечеръ. Вы, Юрьевъ, добрый товарищъ. Прощайте.

Елена вернулась домой, и настроенная совершенно на особый ладъ. Безформенныя, неопредѣленныя мысли, какъ далекая гряда невѣдомыхъ горъ на далекомъ горизонтѣ, стояли неподвижно и упорно, заполняя своей гигантской тѣнью всѣ остальные помыслы и образы.

Словно кто-то невѣдомый и неслышный безшумно подошелъ къ двери ея души и тихо, тихо постучался въ нее, остановился и, насторожившись, приложилъ ухо.

XI.

На другое утро, едва Елена вышла въ столовую, какъ лакей доложилъ ей, что былъ телефонъ отъ Юрьева, и что онъ просилъ ее позвонить къ нему, какъ только она встанетъ.

Юрьевъ сообщалъ ей слѣдующее: едва она уѣхала, какъ его лакей передалъ ему записку отъ Людомировой, въ которой она просила его сегодня къ обѣду, и затѣмъ приглашала въ ложу балета. Лакей сказалъ ему, что записка была принесена часа два тому назадъ, но что, исполняя его приказаніе не являться безъ зова, когда у него кто-нибудь есть, онъ не посмѣлъ его послушаться и велѣлъ горничной обождать; что горничная не дождалась и ушла, прося Юрьева отвѣтъ сообщить по телефону. Такъ какъ лакей Юрьева хорошо зналъ Елену, къ которой его не разъ посылали съ порученіями, то Юрьевъ былъ увѣренъ, что въ долгой бесѣдѣ съ горничной онъ не преминулъ сообщить ей, что у барина находится барыня Карцева. Этого было достаточно, чтобы не сомнѣваться, что Людомировой извѣстно уже объ ея вчерашнемъ визитѣ, и онъ предупреждаетъ ее объ этомъ, боясь, чтобы не вышло какого-нибудь непріятнаго недоразумѣнія. Елена пожала плечамъ.

— Юрочка, благодарю васъ за тревогу обо мнѣ, но увѣряю васъ, что мой визитъ къ вамъ я не собиралась облекать тайной и Маришинъ языкъ мнѣ не страшень.

При первой же встрѣчѣ съ Еленой Людомирова, дѣлая равнодушное лицо, не преминула спросить, гдѣ она была въ субботу вечеромъ, что сколько разъ она къ ней ни звонила — отвѣта не было.

— Я провела вечеръ у Юрьева, — просто отвѣтила Елена, къ неописуемому удивленію Людомировой.

— Какъ у Юрьева? У него на квартирѣ?

— Да, на квартирѣ. Чему ты такъ удивляешься?

— Твоей неосторожности. Если кто-нибудь случайно объ этомъ узнаетъ, вѣдь будутъ Богъ знаетъ что говорить.

Елена улыбнулась.

— Если я такъ открыто признаюсь тебѣ, то, очевидно, мнѣ не страшны сплетни.

Людомирова вспыхнула и наговорила Еленѣ массу колкостей, къ которымъ всегда прекрасно владѣвшая собой Елена отнеслась съ полнымъ равнодушіемъ.

— Сколько разъ я тебѣ повторяла, Мариша, что мнѣ нечего скрывать, что я съ юности привыкла къ полной свободѣ своихъ поступковъ и слишкомъ во мнѣ развито чувство уваженія къ себѣ

самой, чтобы я считала нужнымъ скрывать ихъ; связи у меня нѣтъ ни съ кѣмъ, а если бы это и было, то и ее я открыто признавала бы. Ты забываешь, что мнѣ некого бояться, потому что некого обманывать.

Прошло немного времени, и многіе уже съ достовѣрностью утверждали, что Елена близка съ Юрьевымъ и водить его на веревочкѣ такъ же, какъ водить барона и этого бѣднягу Орлова, ошалѣвшаго отъ любви къ ней.

Между тѣмъ Башиловъ мысленно рѣшилъ къ веснѣ сдѣлать предложеніе Данцовой и назначить свадьбу къ осени. Онъ достаточно присмотрѣлся къ ней и понималъ, что болѣе послушной, разумной, влюбленной и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе подходящей жены онъ не найдетъ. Она принадлежала къ прекрасному обществу, ея репутація была безупречна, она нравилась ему какъ женщина, была изящна и красива, а главное смотрѣла на него снизу вверхъ, съ чувствомъ дѣтскаго обожанія и восхищенія къ его уму и силѣ. Сколько разъ Башиловъ ни обдумывалъ этотъ серьезный шагъ, каждый разъ приходилъ къ рѣшенію не откладывать дольше весны и разстаться съ Данцовой на лѣто не иначе, какъ сдѣлавъ ей формальное предложеніе. Съ Любовью Ивановной онъ осторожно и очень умѣло переходилъ на дружескій тонъ, подолгу не отвѣчалъ ей и избѣгалъ встрѣчи съ нею. Когда Бергъ пріѣхала въ Петербургъ для участія въ благотворительномъ вечерѣ Елены, то Башиловъ оказался въ кратковременномъ отпуску за границей по дѣлу, о чемъ она узнала отъ его сына, самъ же онъ такъ давно не писалъ ей, что уже не сомнѣніе закралось ей въ душу, а почти увѣренность въ неминуемомъ и близкомъ разрывѣ.

Наканунѣ благотворительнаго вечера Данцова написала записку, что чувствуетъ себя такъ скверно, что съ сожалѣніемъ отказывается принять участіе въ продажѣ цвѣтовъ. Елена была удивлена, поѣхала сама къ подругѣ, но, какъ ни упрашивала, та рѣшительно отказалась, ссылаясь на недомоганіе. Такимъ образомъ въ кіоскъ съ цвѣтами Любовь Ивановна оставалась безъ помощницы; Елена поѣхала просить Людомирову помочь ей найти кого-нибудь на мѣсто захворавшей подруги. Людомирова не повѣрила этой болѣзни; этотъ отказъ только подтверждалъ ея увѣренность, что между Башиловымъ и Данцовой существуютъ скрытыя отъ всѣхъ интимныя отношенія.

— Неужели, Елена, для тебя не ясно, что вся эта болѣзнь одна выдумка? Она не хочетъ сидѣть въ одномъ кіоскѣ съ Любой; это, разумѣется, было бы щекотливо для обѣихъ, и Башиловъ, не рассчитывая на тонкое чутье своей мадонны, заблаговременно скрылся за границу, чтобы его не потянула Люба на твой вечеръ. Очень жалѣю, что разстроился весь мой планъ. А я бы отъ души позабавилась на его счетъ.

Хотя и въ душу Елены закралось какое-то сомнѣніе насчетъ страннаго отказа подруги, но все же она была далека отъ той правды, въ которой Людомирова не сомѣвалась. Вечеръ прошелъ блистательно, далъ громадный сборъ, и о немъ много говорили. Бергъ была сильно огорчена отсутствіемъ Башилова и не умѣла скрыть отъ проницательной ко всякимъ интригамъ подруги своего разстроеннаго состоянія. На всѣ разпросы она отвѣчала уклончиво, не сознавалась, что отношенія Башилова къ ней сильно измѣнились, что онъ сталъ рѣдко писать и что уѣхалъ за границу, даже не предупредивъ ее.

— Что жъ, онъ попрежнему влюбленъ въ тебя?—допрашивала Людомирова.

— Конечно... Онъ страшно сожалѣлъ, что не могъ быть на вечерѣ и раскупить у меня всѣ цвѣты.

— А-а-а! А онъ зналъ, что Евгенія Михайловна должна была продавать съ тобой въ одномъ кіоскѣ?

— Кажется, зналъ; я ему вскользь говорила. Почему ты мнѣ задаешь этотъ вопросъ?

— Тебѣ, значить, извѣстно съ его знакомствѣ съ ней?

— О какомъ знакомствѣ? Онъ съ ней встрѣчался, и то очень мало, по дѣлу.

— Ну, это онъ тебя надуваетъ. Я кое-что знаю объ ихъ отношеніяхъ; знаю, что онъ съ ней ѣздитъ въ отдѣльные кабинеты...

Бергъ сильно поблѣднѣла, углы губъ опустились, и она готова была заплакать.

— Мариша, если это одна догадка, то ради Бога будь осторожна...

— Хотя ты и скрываешь отъ меня свои чувства къ нему, но я, Люба, не такъ проста; я отлично все вижу и рѣшаюсь изъ чувства дружбы предупредить тебя, что, кажется, твой возлюбленный играетъ двойную игру.

Бергъ была въ отчаяніи. Сердце подсказывало ей, что въ жестокихъ словахъ подруги есть правда, и въ то же время ей не хотѣлось вѣрить, хотѣлось найти путь къ спасенію своей привязанности или же, если спасенія нѣтъ, то узнать правду. Она не сумѣла сладить съ собой и горько расплакалась. Людомирова утѣшила ее, совѣтовала вызвать Башилова на откровенность и лучше разомъ покончить, чѣмъ жить сомнѣніями. Но Любовь Ивановна, какъ многія слабыя натуры, боялась итти навстрѣчу грозящей бѣдѣ и умоляла подругу найти какой-нибудь другой выходъ, чтобы разрѣшить сомнѣніе. Умъ Людомировой, изобрѣтательный на всякія комбинаціи съ фальшивой подкладкой, очень скоро ей помогъ.

— Изволь. Я придумала. Дождись его возвращенія и убѣди его въ необходимости сдѣлать мнѣ визитъ; это будетъ не трудно, если ты ему намекнешь, что у меня бываютъ нужные для его карьеры

люди; укажи ему на Орлова, который очень друженъ съ его министромъ, на самого министра, который, какъ и всѣ они, бываетъ на всѣхъ моихъ большихъ балахъ, укажи на предѣдателя государственной думы, на Рихтера, съ которымъ ему не мѣшаетъ сталкиваться въ салонахъ, чтобы поближе знать врага и его слабости, а вѣдь Рихтеръ ему можетъ стать поперекъ дороги. Словомъ, дай ему почувствовать, что мой салонъ ему можетъ быть полезенъ. Въ посту я тебѣ обещаю устроить грандіозный вечеръ со всѣми сильными міра сего; кстати это надо и въ видахъ службы мужа. Башилову я пошлю приглашеніе, ты же заранѣе сообщи ему, что по какимъ-нибудь причинамъ на балъ не прійдешь. Разумѣется, Евгенія Михайловна будетъ, а тѣмъ болѣе, когда узнаетъ, что и онъ приглашенъ. Ты же явишься на балъ совершенно неожиданно, какъ будто бы экспромтомъ. За ужиномъ я берусь устроить такъ, чтобы онъ, ты, Евгенія Михайловна и я оказались за отдѣльнымъ столомъ. Ты ему устроишь легкую сцену ревности, и, разумѣется, Евгенія Михайловна себя выдастъ; карты окажутся открытыми; многое будетъ зависѣть отъ твоей ловкости: важно, чтобы эта мадонна поняла, что ты имѣешь на него права и безъ борьбы его не уступишь; она пугливая размазня.

У Людомировой какъ будто выросли крылья при одной мысли о предстоящей интригѣ. Елена, разумѣется, не была посвящена въ этотъ планъ, и изъ осторожности Людомирова совершенно прекратила всякіе разговоры о Данцовой, чтобы Еленѣ не пришлось въ голову отсвѣтовать подругѣ ѣхать на ея балъ.

Не прошло и десяти дней послѣ разговора Любови Ивановны съ Людомировой, какъ въ одинъ изъ ея пріемныхъ четверговъ, щурясь близорукими глазами и отыскивая среди незнакомаго общества хозяйку дома, вошелъ въ ея гостиную Башиловъ.

— Любовь Ивановна мнѣ говорила, что вы изволите на меня гнѣваться, а я, знаете, смерть какъ боюсь гнѣва хорошенькихъ женщинъ. Вы меня Христа ради простите, что до сихъ поръ не былъ: занятой я очень человекъ, никакъ не выберешь свободнаго дня, — съ видомъ добродушнаго и простаго человека оправдывался Башиловъ передъ Людомировой, которая встрѣтила его очень любезно. Онъ попалъ на одинъ изъ ея наиболѣе интересныхъ по составу общества четверговъ. Гостиная, въ которую вошелъ Башиловъ, была голубого цвѣта, съ тяжелой золоченой мебелью въ стилѣ Louis XVI съ примѣсью госсоса и стильныхъ и нестильных вещей, которыя придавали салону блескъ и говорили о привычкѣ къ роскоши. Стѣны были обтянуты голубымъ же штофомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись зеркала и нѣсколько картинъ; окна были густо завѣшены; люстры и стѣнные бра ярко озаряли продолговатую и не особенно высокую комнату, гдѣ казалось душно и чувствовался смѣшанный запахъ увядающихъ цвѣтовъ и всевозможнымъ духовъ,

которые съ собой вносили одна за другой элегантныя посѣтительницы. На столикахъ были разставлены всевозможныя «канапэ» и «пети-фуръ», которыми Людомирова угощала дамъ, иногда мимоходомъ добавляя, что это тѣ самыя «пети-фуры», которыя такъ любить великая княгиня Марія Павловна. И дамы щурились въ лорнетъ, съ улыбкой, осторожно брали ихъ обтянутыми въ лайковыя бѣлыя перчатки пальчиками и непремѣнно, желая доставить удовольствіе хозяйкѣ, восхищались ими: «с'est exquis»¹⁾. Чай, сервированный на низенькомъ небольшомъ столѣ, стоялъ подъ рукой хозяйки дома; прекрасное старинное серебро артистической работы останавливало на себѣ вниманіе каждаго любителя и знатока старины. И чай, и вино, разлитое въ хрустальные графинчики, и «канапэ», и «пети-фуры», которыми хозяйка любезно потчевала гостей, подавались не для утоленія голода, а для уюта, для того, чтобы соединить иногда незнакомыхъ между собой посѣтителей... Общество разбилось на небольшія группы и повсюду шелъ оживленный разговоръ. Едва Башиловъ занялъ указанный ему подлѣ хозяйки стулъ, какъ въ гостиную усталой, колеблющейся походкой вошла худая, некрасивая женщина. На мертвенно-блѣдномъ лицѣ рѣзко выдѣлялись ярко окрашенныя въ кровавый цвѣтъ губы и обрисованные темной чертой миндалевидные глаза. На плечи была накинута темнаго стального цвѣта атласная длинная мантилья; громадная черная бархатная шляпа надвинута совсѣмъ на лобъ. На слегка открытой шеѣ художественной работы «plaque» изъ брильянтовъ и черныхъ жемчуговъ Людомирова поднялась къ ней навстрѣчу, протянула обѣ руки и заговорила по-французски:

— Какъ я вамъ благодарна, что вы пріѣхали... садитесь.

Блѣдная дама, томно вскидывая глаза и грассируя, говорила чистымъ парижскимъ акцентомъ:

— Oh, combien je suis lasse... cette direction! On nous éreinte; j'ai si froid dans votre pays²⁾.

Башиловъ съ любытствомъ разсматривалъ извѣстную артистку Михайловскаго театра madame Valmons, и его занимала и удивляла предупредительная любезность, съ которой Людомирова усаживала ее подлѣ себя. Valmons граціозно сѣла въ кресло и усталымъ жестомъ провела по глазамъ:

— Oh, j'ai les nerfs détraqués...

— Раувге chérie³⁾, они васъ замучили... это невозможно; я должна вамъ помочь. Я хороша съ женой директора императорскихъ театровъ; она очень милая и добрая женщина; на дняхъ же заѣду

¹⁾ Это восхитительно.

²⁾ О, какъ я устала... съ этой дирекціей! Насъ переутомляютъ; и я такъ ябну здѣсь у васъ!

³⁾ У меня разбиты нервы...—Бѣдняжка!

къ ней и попрошу ее повліять на мужа, чтобы онъ поберегъ васъ; онъ долженъ это сдѣлать для всѣхъ насъ; не правда ли, mesdames и messieurs? мы всѣ почитатели вашего таланта и не хотимъ васъ видѣть такой усталой.

— Oh, madame, c'est bien gentil de votre part!.. ¹⁾

Разговоръ продолжался на французскомъ языкѣ. Людомирова ласкала взглядомъ и старалась очаровать Valmons, которая была ей очень нужна. Нѣсколько дней тому назадъ, по совѣту Берга, она первая сдѣлала ей визитъ; ей надо было притянуть ее къ себѣ, сдѣлать своей союзницей, чтобы нѣсколько словъ, которыя ей въ скоромъ будущемъ броситъ генераль Бергъ, упали на подготовленную почву. Дѣло заключалось въ томъ, что Бергъ, будучи знакомъ съ графомъ генераломъ Эвеномъ, занимавшимъ видный постъ въ министерствѣ двора и во власти котораго было камергерство Людомирова, не разъ принималъ участіе въ его кутежахъ и ужинахъ и зналъ о связи мадамъ Вальмонъ съ графомъ; несмотря на некрасивую наружность, она очаровала графа своей кошачьей граціей, своимъ парижскимъ шикомъ и громадными требованіями, на которыя у него часто недоставало денегъ, и онъ дѣлалъ долги, гдѣ только могъ. Бергъ зналъ, что Эвенъ лѣзъ изъ кожи, чтобы не потерять благосклонности капризной французенки, и посовѣтовалъ Людомировой приручить къ себѣ Вальмонъ, которой онъ въ удобную минуту шепнетъ о желаемомъ камергерствѣ, а Эвену найти возможность въ изысканной формѣ поднести крупный кушъ, хотя бы, напримѣръ, въ видѣ устройства бенефиса для его возлюбленной.

— Вотъ вамъ идея, фазаночка; детали обдумайте сами; вы ловки и предприимчивы и, конечно, сумѣете тонко провести это дѣло я же въ свое время переговорю съ Вальмонъ.

Бергъ не ошибся. Людомирова очень ловко обдумала планъ, а Вальмонъ сама помогла ей, невольно вызвавъ у Людомировой намѣреніе переговорить съ директоромъ театра и добиться у него льготъ для артистки; такимъ образомъ, она имѣла въ рукахъ лишній козырь—благодарность французенки.

Между тѣмъ Башиловъ, разговаривая съ сосѣдомъ, высокимъ красивымъ брюнетомъ, предводителемъ дворянства и богатымъ помѣщикомъ одной изъ центральныхъ губерній и членомъ государственной думы Борисовымъ, отошелъ съ нимъ въ сторону и присоединился къ небольшой группѣ мужчинъ, гдѣ разговоръ принималъ почти острую форму. Одинъ изъ высшихъ чиновъ министерства юстиціи, высокий, коренастый, симпатичный человекъ, широко разставивъ ноги, заложивъ руки за спину и глядя поверхъ пенснэ на собесѣдниковъ, на минуту прервалъ споръ, чтобы вѣжливо пожать руку

¹⁾ О, сударыня, это очень любезно съ вашей стороны.

Башилова, котораго онъ не узнавалъ, такъ какъ встрѣтилъ его гдѣ-то всего однажды, и то мелькомъ.

— Вчера съ трибуны было сказано,—продолжалъ онъ прерванный разговоръ вѣскимъ, хладнокровнымъ голосомъ, обращаясь къ одному изъ видныхъ членовъ думы:—что господинъ Михайловъ форменный взяточникъ; это доказано документальными данными, которыхъ опровергать невозможно; на подобныя дѣла мы обязаны проливать свѣтъ.

— Позвольте, позвольте. Чѣмъ это доказано? Мы не принимаемъ въ расчетъ силетень... всѣ эти ваши документальныя данныя выѣденнаго яйца не стоятъ...—горячился тщедушный старичекъ, членъ государственнаго совѣта; у него былъ какъ будто сконфуженный видъ, и онъ забѣгалъ глазами въ сторону подошедшаго Башилова и Борисова, какъ бы ища ихъ поддержки.—Невозможно же, господа, допускать, чтобы на трибуну выносились всякія бабьи сплетни и тѣмъ самымъ роняли достоинство высокаго учрежденія. Это все равно, что самихъ себя обливать ушатомъ грязи...

— Задача нашего учрежденія проливать свѣтъ на грязныя дѣла, искоренять злоупотребленія.

— Но если съ трибуны будутъ забрасывать грязью поставленныхъ правительствомъ должностныхъ лицъ, то этимъ учрежденіе дискредитируетъ себя.

— А если эти лица мошенники?—съ ироніей вставилъ управляющій департаментомъ того министерства, которому имени еще не прискали и которое уже неоднократно мѣняло и свое направленіе и свое названіе.—Не можетъ же министръ покрывать своей властью людей, заподозрѣнныхъ во взяточничествѣ.

— Дума существуетъ не для того, чтобы съ ея трибуны, не разобравши дѣла, грязнили чортъ знаетъ кѣмъ и какъ заподозрѣнныхъ людей.

Старикъ покраснѣлъ, и въ его маленькихъ глазахъ вспыхнулъ злобный огонекъ.

— Нѣтъ ужъ, господа, въ моемъ присутствіи прошу не затрогивать и не ронять достоинства учрежденія.

Представитель юстиціи поверхъ очковъ выразительнымъ, тяжелымъ взглядомъ уставился на старика. Борисовъ, поглаживая выхолченную бородку, переводилъ красивые, черные, какъ у цыгана, глаза съ одного спорящаго на другого. Онъ былъ очень корректенъ, не любилъ острыхъ споровъ и искалъ удобнаго предлога отойти отъ группы, гдѣ споръ началъ принимать непріятный характеръ.

— А позвольте васъ спросить, почему министръ на запросѣ не былъ? скрывается?..—отчетливо донеслось въ другой конецъ гостиной до насторожившихся ушей хозяйки дома.

— Потому что считаетъ для себя неприличнымъ выслушивать всѣ сплетни, которыя ему бросаютъ въ лицо.

— Идіотское положеніе-съ!

— Мы, изволите ли видѣть, объясняемъ его отсутствіе невозможностью дать вѣскіе аргументы... Что и говорить: умень, смѣль... а самъ прячется.

— Вольно же вамъ такъ понимать! А кто сидѣлъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Графъ П.—круглая бездарность. Нарочно такихъ и подбираютъ, безъ колорита, безъ фізіономіи; тоже вѣдь изъ родни,—недавно назначенъ.

— Сущее безобразіе эти назначенія! Невозможно ихъ не осуждать,—заговорилъ Башиловъ.—Къ намъ въ губернію назначенъ губернаторомъ одинъ баронъ. Премилый малый, но это юноша, которому надо еще многому научиться. Какой онъ можетъ быть губернаторъ! У насъ губернія трудная-съ; нуженъ и опытъ, и твердость; необходимо знаніе жизни земской губерніи, мѣстнаго строя и вопросовъ дворянскаго самоуправленія. Что онъ въ этомъ понимаетъ? Развѣ онъ можетъ импонировать губерніи? Губернаторство не забава-съ. Начнетъ блажить, попадетъ чего добраго подъ вліяніе лѣвыхъ партій, и получится сумбуръ, который потомъ же здѣсь расхлебывать придется... такихъ назначеній дѣлать не слѣдуетъ-съ.

— Въ этомъ назначеніи министра винить нельзя; онъ прекрасно разбираетъ и знаетъ толкъ въ людяхъ; здѣсь виновата его супруга: и властолюбива, и родни много.

— Позвольте васъ спросить, какое дѣло странѣ до супруги министра? Отвѣтственнымъ передъ Россіей является только одинъ онъ.

Людомирова начинала сильно волноваться, она не хотѣла допустить, чтобы въ ея салонѣ такъ рѣзко спорили, и выжидала удобнаго момента, чтобы разъединить благородныхъ борцовъ за честь правительства и его учреждений; она отлично знала, что въ глубинѣ души они оставались совершенно равнодушными и къ вопросамъ чести, и къ вопросамъ всевозможныхъ злоупотребленій, въ которыхъ бывали и сами замѣшаны, если не лично, то косвенно.

— Князь, голубчикъ, я васъ давно жду, чтобы познакомить съ очаровательной *madame Valmons*; полно спорить, господа, идите, поухаживайте за ней. Теперь мнѣ понятно увлеченіе милѣйшаго графа Эвена; говорятъ, онъ у ногъ этой прелестной женщины. Поговорите съ ней—она и васъ очаруетъ...

Людомирова увела подъ руку распѣтушившагося старика и усадила его подлѣ Вальмонъ.

Представитель министерства юстиціи посмотрѣлъ на часы и сталъ поспѣшно прощаться. Башиловъ тоже собрался уходить: Людомирова, замѣтившая его движеніе, встала съ своего мѣста и подошла къ нему:

— Нѣтъ, я васъ не пускаю; отложите шляпу. Я васъ сейчасъ познакомлю съ интересной женщиной.

— Помилуйте, Марія Владимировна, съ меня достаточно и хозяйки дома; этакъ чего добраго и голова закружится съ непривычки.

— Что такое? Съ непривычки?—Людомирова насмѣшливо посмотрѣла ему въ глаза и громко разсмѣялась.

— Напрасно вы меня высмѣиваете. Одинокій, занятой человекъ, я забылъ, какъ и разговаривать съ красивыми женщинами,— боюсь ихъ.

— Ну, да, рассказывайте! такъ я вамъ и повѣрю.

Людомирова подвела его къ Еленѣ, стоявшей поодаль съ барономъ Штаденемъ.

— Елена представляю тебѣ большого поклонника женщинъ— Владимира Ивановича Башилова.

Елена, о чемъ-то вполголоса разговаривавшая съ барономъ, быстро обернулась, услышавъ имя, о которомъ столько говорилось за эту зиму. Она протянула руку, зорко и съ нескрываемымъ любопытствомъ всматриваясь ему въ глаза.

— Такъ это вы—Владимиръ Ивановичъ Башиловъ?

— Такъ точно-съ. Я, кажется, имѣю счастье возбуждать ваше любопытство?—проговорилъ Башиловъ и, не измѣняя своей обычной привычкѣ, принялся безъ стѣсненія оглядывать Елену съ головы до ногъ. Баронъ, холодно пожавшій ему руку, передернулъ плечомъ и хотѣлъ было продолжать съ Еленой прерванный разговоръ, но былъ отозванъ Людомировой, которая нарочно подвела Башилова къ Еленѣ, чтобы отвлечь барона: она ревновала его къ Еленѣ, несмотря на то, что баронъ былъ очень увлеченъ ею и изрѣдка даже подчинялся ея капризамъ и видѣлся съ Еленой рѣже обыкновеннаго; однако она не вполнѣ довѣряла ему, слѣдила за нимъ и страшно боялась Елены, которую считала злой кокеткой, способной отбить любимаго человекъ для минутной фантазіи. Она была убѣждена, что у барона были отношенія къ Еленѣ болѣе близкія, чѣмъ онъ увѣрялъ, и что въ ея власти вернуть ихъ.

— Да, мнѣ интересно познакомиться съ вами. Я много слыхала о васъ,—спокойно отвѣтила Елена, въ свою очередь, разглядывая Башилова.

— Хорошее или дурное?

— И то и другое.

— А вы не скажете, что именно?

— Нѣтъ не скажу... по крайней мѣрѣ теперь.

— Не заслужилъ, значить, довѣрія?

— Не заслужили.

Глаза Елены смѣялись. Въ ея короткомъ отвѣтѣ послышался Башилову какъ будто скрытый смыслъ.

— Могу ли надѣяться со временемъ заслужить это довѣріе?

— А вамъ это интересно?

— И очень-съ.—Башиловъ посмотрѣлъ въ лицо Еленѣ такимъ веселымъ, добродушнымъ, любующимся взглядомъ, что и она улыбнулась ему въ отвѣтъ, и съ этой минуты оба почувствовали взаимную симпатію. Моментально Башиловъ сообразилъ, что не мѣшаетъ вскользь упомянуть о Данцовой, такъ какъ весьма вѣроятно, что отошедшій баронъ можетъ при случаѣ сказать Еленѣ, гдѣ именно они встрѣтились.

— И я слыхалъ о васъ и не хочу скрыть, что слыхалъ много хорошаго.

Завязался разговоръ. Башиловъ ловко упомянулъ не только имя Евгеніи Михайловны, но даже и Любви Ивановны и говорилъ такъ просто и естественно объ этихъ двухъ женщинахъ, что Елена окончателно усомнилась въ правдивости словъ Людомировой. Елена была очень интересна, изящно и къ лицу одѣта и, какъ всегда, остроумно и умѣло вела бесѣду; Башилову она съ каждой минутой нравилась все больше и больше. Между тѣмъ Людомирова, увлекая барона подъ руку, направилась съ нимъ въ глубь гостиной, продолженіемъ которой былъ небольшой зимній садъ.

— Александръ Александровичъ, пожалуйста сюда, вы, кажется, любитель и знатокъ живописи; я вамъ покажу одинъ еще не законченный, но прелестный этюдъ, — обратилась она мимоходомъ къ средняго роста, моложавому брюнету, щеголеватому во внѣшности и манерахъ, фатоватому, съ холоднымъ и слегка надменнымъ выраженіемъ лица.

Они подошли къ небольшому полотну, съ котораго живо и рельефно глядѣло еще не законченное лицо хозяйки дома.

— Талантливо, очень талантливо... Много простоты и искренности... Нѣтъ злоупотребленія сиреневыми тонами... отчетливо схватилъ выраженіе вашихъ глазъ...—слегка шепелявя и щурясь, съ видомъ знатока говорилъ Александръ Александровичъ Рихтеръ, часто посѣщавшій салонъ Людомировой въ виду необходимыхъ для его карьеры встрѣчъ съ великими міра сего.

Рихтеръ былъ очень ловкій, обладающій государственнымъ умомъ, карьеристъ. У него было много свѣтскаго лоску, онъ зналъ языки, умѣлъ поддерживать оживленный разговоръ, умѣлъ острить, зналъ безконечное количество французскихъ шарадъ и *petits jeux* для дѣвицъ и для дамъ, былъ ловкимъ танцоромъ и потому въ гостиныхъ былъ принятъ очень охотно. Подъ наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ и любезностью таилась глубоко эгоистичная холодная, расчетливая и черствая натура бездушнаго карьериста. Занимая довольно высокое положеніе, онъ расчищалъ себѣ дальнѣйшій путь и если отгадывалъ на этомъ пути людей талантливыхъ, способныхъ соперничать съ нимъ, хотя бы въ будущемъ,—онъ ловко и хладнокровно ихъ устранялъ; не было той низости и жестокости, на которую не пошелъ бы Рихтеръ во имя достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Нѣсколько

разъ онъ былъ на краю большого скачка впередъ, но каждый разъ ему кто-то подставлялъ ногу, и назначеніе откладывалось. Многимъ онъ былъ опасенъ,—боялись, какъ бы онъ не сѣлъ на головы тѣмъ, передъ которыми теперъ изысканно вѣжливо склонялся. Опаснымъ соперникомъ съ нѣкоторыхъ поръ становился для него Башиловъ, быстро выдвигавшійся по службѣ и умѣвшій не хуже его пользоваться выгодными обстоятельствами, но Рихтера успокаивала мысль, что у его соперника недостаетъ важнаго преимущества, которымъ обладалъ онъ самъ: свѣтскости и обширнаго знакомства въ блестящихъ салонахъ. О Башиловѣ и его выдающихся способностяхъ говорили въ министерствахъ, въ комиссіяхъ, его доклады становились замѣтными, на него указывали, какъ на дѣльнаго, неутомимаго и энергичнаго службиста, но въ салонахъ его имя было неизвѣстно, онъ тамъ не бывалъ, и потому Рихтеръ былъ очень удивленъ, замѣтивъ его въ оживленной бесѣдѣ съ Карцевой, которая принадлежала къ высшему кругу и въ гостиной которой Рихтеръ любилъ бывать, встрѣчая у нея не только интересныхъ, но и нужныхъ людей.

— Баронъ, а ваше мнѣніе объ этомъ портретѣ?—обратилась Людомирова къ Штадену.

— Я не знатокъ въ живописи, но мнѣ нравится—много сходства.

— Удивительный человѣкъ! Вы знаете, Александръ Александровичъ, про что его ни спроси, онъ всегда отвѣчаетъ: я не знатокъ, я не компетентенъ... Въ концѣ концовъ что же вы любите, чѣмъ же вы увлекаетесь?

Штаденъ съ улыбкой пожалъ плечами.

— Очевидно, ничѣмъ.

— Я слыхалъ, что баронъ большой знатокъ и поклонникъ женщинъ.

— Знатокъ—можетъ быть, а поклонникъ—никогда въ жизни. Баронъ ничего больше, какъ себялюбивый эгоистъ.

— *Madame, de vous j'accepte tout* ¹⁾.

Штаденъ сдѣлалъ низкій и почтительный поклонъ.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ у барона Штадена, служащаго въ дипломатическомъ корпусѣ?—обратился Рихтеръ къ барону.

— Да, вѣроятно,—я тамъ бываю, это мой двоюродный братъ.

Между ними завязался разговоръ въ то время, какъ Людомирова поспѣшила навстрѣчу видной, еще очень интересной женщины—женѣ министра внутреннихъ дѣлъ; послѣдняя не особенно жаловала домъ Людомировой, куда ѣздили съ исключительной цѣлью—веселья или нужныхъ встрѣчъ.

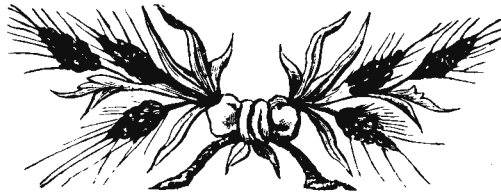
¹⁾ Сударыня, отъ васъ я принимаю все.

— Какой чудесный день. Я вышла из кареты и съ набережной прошла къ вамъ пѣшкомъ, — обратилась она къ хозяйкѣ дома, принимая изъ ея рукъ чашку чая.

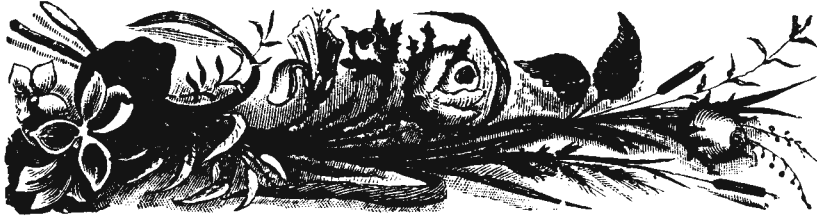
— Et moi qui grelotte dans mes fourrures¹⁾, — томно закатывая глаза и поводя плечами, низкимъ выразительнымъ тембромъ проговорила Вальмонъ, театрално-красиво поднялась со своего мѣста и, непринужденно раскланявшись со всѣми, удалилась той же усталой, слегка покачивающейся изъ стороны въ сторону походкой.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ А я зябну въ моихъ мѣхахъ.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ В. А. ВОЛЖИНА ¹⁾.

VI.

ОЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ дѣятельность случайно началась еще въ 1882 году. Меня всегда интересовали разные случаи коллизій закона съ жизнью. А опыта изъ судебной практики было много. При томъ же съ первыми досугами, когда я сдѣлался судьей, я усилленно принялся за чтеніе.

Получивъ, въ числѣ другихъ, приглашеніе отъ судебного слѣдователя Напіорковскаго, издававшаго въ Новгородѣ журналъ «Криминалистъ», участвовать въ его журналѣ, я послалъ ему статейку «Къ вопросу о самовольныхъ порубкахъ», напечатанную имъ въ номерѣ седьмомъ, а потомъ еще три, но уже болѣе обширныя статьи. Напіорковскій за первую же мою статью выслалъ мнѣ журналъ, какъ сотруднику, безъ подписки. И первые же мои литературные труды были замѣчены съ лестной для меня стороны только что возникшею тогда подъ редакціей Николаича «Судебною Газетою», которая въ своемъ обзорѣ отмѣтила ихъ, какъ болѣе другихъ интересныя и выдающіеся. Послѣ этого въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ я сотрудничалъ, и болышею частью безплатно, въ интересахъ поддержанія этой газеты, какъ судебного органа печати, до самаго ея прекращенія—незадолго до смерти редактора-издателя Ф. В. де-Веки.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 40.

Однимъ изъ наиболѣ видныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ означенной газеты былъ я, какъ это думается мнѣ безъ малѣйшаго желанія выставить себя. По крайней мѣрѣ, де-Веки очень дорожилъ мною и, случалось, неожиданно для меня, помѣщаль въ своей газетѣ передовицы изъ желанія ознакомить своихъ подписчиковъ съ тѣми воззрѣнiями на процессуальные и иные законы, которые высказываетъ въ юридическихъ журналахъ «нашъ извѣстный»—по его выраженiю—писатель и юристъ В. А. Волжинъ».

Де-Веки часто бомбардировалъ меня письмами, явно интересуясь моимъ очень для него выгоднымъ сотрудничествомъ, на которыя я ему изрѣдка, когда было время, отвѣчалъ. А когда я прiѣзжалъ въ Петербургъ, онъ всегда совѣтовался со мною, можно ли помѣстить статью такого-то автора, и помѣщаль ее не иначе, какъ съ моего одобренiя. Иногда де-Веки дѣлалъ мнѣ нѣкоторые презенты и присылалъ свои портреты.

Всегда очень любезно и внимательно относились ко мнѣ и редакторы другихъ газетъ и журналовъ. У меня сохранились кабинетные портреты съ автографами С. А. Муромцева, съ которымъ я поддерживалъ знакомство, пока онъ редактировалъ «Юридическiй Вѣстникъ», В. М. Володимирова, редактора «Журнала гражданскаго и уголовнаго права», «Вѣстника права» и др., очень дорожившаго моимъ сотрудничествомъ А. П. Пятковскаго, редактора-издателя «Наблюдателя» и газеты «Гласность», въ которой я участвовалъ по его письменному приглашенiю. Но газета эта вскорѣ же прекратилась.

Мнѣ было очень лестно услышать отъ С. А. Муромцева, что помѣщенную имъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» мою статью «Статистическiй листокъ о подсудимыхъ» вытребовали въ Парижъ.

Думалъ ли я, что моими литературными трудами могутъ интересоваться въ Парижѣ?

Н. Д. Сергiевскiй, редакторъ «Юридической Лѣтописи», котораго я посѣтилъ въ его квартирѣ на Васильевскомъ островѣ и засталъ, какъ настоящаго ученаго, въ кабинетѣ-библіотекѣ съ громаднымъ количествомъ книгъ на полкахъ, спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста! Вотъ уже второй годъ издаю журналъ... Кажется, я отзываюсь на вопросы судебной жизни и практикы... Но почему же моя «Лѣтопись» мало расходуется? Долженъ признаться, что судебная публика вообще мало читаетъ и удѣляетъ намъ мало вниманiя... Ну, а привезли ли вы мнѣ что-нибудь для журнала?

Въ отвѣтъ я показалъ ему бывшую при мнѣ рукопись. Тогда только что вышелъ новый законъ, и я подвергъ его критикѣ.

— Какъ нарочно, я заказалъ уже для своей «Лѣтописи» статью по этому же вопросу,—сказалъ профессоръ:—но оставьте у меня рукопись. Я прочту и дня черезъ два-три отвѣчу вамъ письмомъ,

будеть ли она принята. Конечно, помѣщу, если ваша работа окажется лучше заказанной мною.

И черезъ три дня, пока я еще не уѣхалъ изъ Петербурга, я получилъ отвѣтъ, что моя статья принята и будетъ помѣщена въ журналѣ.

Писалъ я нѣкоторое время у Нотовича въ «Новостяхъ», конкурировавшихъ тогда съ «Новымъ Временемъ». Немало было помѣщено моихъ, большею частью судебно-бытовыхъ, корреспонденцій П. А. Гайдебуровымъ въ «Недѣлѣ», безъ моей подписи. И мои корреспонденціи имѣли успѣхъ,—по крайней мѣрѣ ихъ всегда перепечатывали другія газеты. А старикъ Гайдебуровъ удостоивалъ меня письмами.

Одно время, по приглашенію лица, близко стоявшаго къ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», при Грингмутѣ, я помѣстилъ тамъ нѣсколько корреспонденцій.

— Намъ нужны отъ васъ не передовыя статьи,—говорило мнѣ это высокопоставленное лицо,—а ваши судебныя корреспонденціи.

Наконецъ я отказался отъ этого сотрудничества, не сочувствуя направленію «Московскихъ Вѣдомостей», когда замѣтилъ, что отъ меня желаютъ, чтобы я писалъ въ тошѣ этой газеты.

Сотрудничалъ я въ «Саратовскомъ Листкѣ», въ «Волжско-Камскомъ Краѣ» и въ другихъ органахъ печати. Одинъ мой рассказъ былъ помѣщенъ В. В. Комаровымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

А. М. Скабичевскій въ «Сынѣ Отечества» раскритиковалъ мой помѣщенный въ «Наблюдателѣ» романъ «Альтруистъ», посвятивъ ему обширный фельетонъ. Мнѣ поставлено въ вину, главнымъ образомъ, что героемъ романа я выставилъ такого маленькаго человѣка, какъ помощникъ бухгалтера въ банкѣ Персиковъ, да и свой альтруизмъ Персиковъ ничѣмъ почти не проявилъ. Но критикъ, удостоившій этотъ романъ своимъ вниманіемъ, конечно, упустилъ изъ вида главное: изъ самаго названія романа «Альтруистъ», съ поясненіемъ въ скобкахъ: «романъ незамѣтнаго человѣка», явствуетъ, что авторъ совершенно не задавался мыслью или цѣлью изобразить крупнаго и замѣтнаго въ обществѣ дѣятеля и филантропа,—такого, напримѣръ, какъ святой докторъ Федоръ Петровичъ Гаазъ въ біографіи его, превосходно и художественно изложенной А. Θ. Кони. Въ обществѣ преобладаютъ, въ массахъ, только маленькіе и мало замѣтные люди, а въ этой массѣ, или въ толпѣ, и оказался Персиковъ, терпѣвшій столько горя и неудачъ въ жизни именно по той причинѣ, что дѣлами своихъ ближнихъ, желая имъ быть полезнымъ, онъ всегда болѣе интересовался, чѣмъ своими личными, въ явный ущербъ своимъ же интересамъ.

Насколько трудно и почти невозможно съ успѣхомъ заниматься литературой автору, не пріобрѣтшему еще крупной извѣстности, если онъ служитъ въ провинціи, не имѣя поддержки, литератур-

ныхъ связей и знакомствъ въ крупныхъ центрахъ, можно заключить изъ того обычнаго явленія, что прежде всего не всякій редакторъ считаетъ себя обязаннымъ основательно ознакомиться съ адресуемыми ему рукописями да еще отъ неизвѣстнаго или мало ему знакомаго автора.

Однажды я послалъ въ редакцію «Русской Мысли» свою повѣсть «Присяжные оправдали». Отвѣта не получилъ, хотя и приложилъ марку. Надѣялся, что моя рукопись принята, потому что въ декабрьской книжкѣ журнала она не значилась въ числѣ тѣхъ не принятыхъ редакторомъ матеріаловъ, которые были опубликованы на одиннадцати страницахъ... Болѣе тысячи забракованныхъ рукописей, а въ числѣ ихъ были и труды уже печатавшихся авторовъ... Вотъ ужъ подлинно *embarras de richesse!*

Приѣхавъ въ Москву, я лично пошелъ справиться въ контору «Русской Мысли», знаю хорошо, что *habent sua fata libelli*...

— И ваша рукопись, должно быть, не принята!—обрадовала меня хорошенъкая конторщица.—У насъ еще не всѣ не принятая рукописи попали въ списокъ. Сейчасъ справлюсь.

И конторщица принесла мнѣ откуда-то рукопись, но безъ марки.

Мою повѣсть, очевидно, не читали, потому что рукопись оказалась сложенной въ томъ видѣ, какъ я ее послалъ по почтѣ,—и ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы она была въ рукахъ редактора. Совсѣмъ россійскіе порядки!

Такое невниманіе, граничащее съ недобросовѣстностью, мнѣ было обидно.

Эта самая повѣсть вскорѣ же была помѣщена А. П. Пятковскимъ въ двухъ книгахъ «Наблюдателя».

Странное явленіе: такое обиліе матеріаловъ въ редакціяхъ иныхъ журналовъ, а изъ того, что тамъ помѣщаютъ, часто и читать-то нечего! Не стоитъ тратить время... И многіе подписчики и читатели, конечно, остаются недовольными журналомъ.

У Пятковского былъ назначенъ одинъ часъ въ недѣлю для объясненій съ сотрудниками. Но для меня онъ дѣлалъ исключеніе и принималъ меня у себя въ кабинетѣ во всякое время, охотно со мною бесѣдуя. А говорилъ онъ превосходно... какъ профессоръ!

Однажды я дожидаясь возвращенія Пятковского въ его редакціонную конторѣ, такъ какъ мнѣ надо было съ нимъ поговорить. Шкапъ съ рукописями былъ полуоткрытъ.

— Что же это? Все матеріалы для журнала и уже прочитанныя рукописи?—спросилъ я конторщика или секретаря редакціи.

— Какъ вамъ сказать?! Это все не пойдетъ для журнала... Ежели мы васъ знаемъ и вы у насъ печатались, то редакторъ, конечно, прочтеть... А то мы только немножко и кое-что просмотримъ и—въ шкапъ! Настоящаго и полнаго прочтенія не бываетъ.

— Ну, это совсѣмъ неудобно и обидно для автора!—возразилъ я.

— Да ужъ очень много присылаютъ... И бываетъ плохой по-черкъ.

Пріѣхалъ Пятковскій.

— Вотъ ваша повѣсть «Бабій клубъ» давно у меня на столѣ!—сказалъ мнѣ Пятковскій.—Я очень хотѣлъ бы ее помѣстить,—еще и теперь раздумье беретъ,—но не могу... Прямо сказать—боюсь. У васъ выведенъ съ смѣшной стороны жандармскій полковникъ, а этихъ господъ намъ нельзя касаться... Замѣните полковника хоть полицеймейстеромъ!

— Этого, Александръ Петровичъ, нельзя—по ходу самаго разсказа.

— Очень жалъ... Не могу же я рисковать журналомъ. У меня разъ такія были непріятности изъ-за поэта Фофанова. Я помѣстилъ его стихотвореніе, въ которомъ онъ приписалъ Богородицѣ земныя чувства... Чуть не запретили мой журналъ. Хотѣли составить протоколъ, да я насилу ужъ отвертѣлся... Ежели не замѣните полицеймейстеромъ, то можете получить рукопись обратно. А вы не привезли ли мнѣ еще что-нибудь? Вотъ адвокатовъ вы ловко изобразили въ романѣ «Заговорила совѣсть». Ну, пародецъ! Хорошъ Пульхритудовъ!

Я взялъ отъ Пятковскаго рукопись,—и «Бабій клубъ» безъ всякихъ измѣненій былъ напечатанъ въ выпущенной мною въ свѣтъ книжкѣ моихъ повѣстей подъ общимъ названіемъ «Наши тулуновцы».

Когда я высказалъ Пятковскому претензію одного пензяка, которому онъ не отвѣтилъ и даже не возвратилъ рукопись,—Пятковскій сказалъ:

— Да этого никогда не было и не будетъ, чтобъ я сталъ себя связывать обязанностью переписываться съ авторами и отвѣчать имъ. Не напечаталъ,—стало быть, плохая вещь. И я этого господина не знаю.

— А почему же, Александръ Петровичъ, вы сразу стали меня печатать, когда я былъ вамъ неизвѣстенъ?

— А потому, что я уже васъ зналъ по вашимъ трудамъ, какъ юриста.

Очень не любилъ Пятковскій евреевъ, которыхъ онъ презрительно обзывалъ жидами...

— У меня пишутъ знатоки еврейскаго вопроса,—говорилъ онъ.—Я самъ изучалъ и написалъ книгу о жидахъ... Да вы только загляните въ ихній талмудъ и шулханъ-арухъ! Переводъ на русскій языкъ умышленно сдѣланъ невѣрно, чтобы обмануть правительство: вѣдь у нихъ тамъ всякія мерзости, и оправдываются ими всякія преступленія противъ гоевъ-русскихъ! Жида всегда замалчи-

вають мой журналъ... Они готовы меня отравить и со свѣту сжить! И все шпионятъ за мною... Безъ хвастовства скажу, что за сорокъ лѣтъ моей журнальной дѣятельности чрезъ мои руки, можетъ быть, перешло миллионъ рублей, а когда понадобился мнѣ кредитъ—двѣтри тысячи, то первымъ же дѣломъ жида закрыли мнѣ кредитъ въ банкахъ... Они скупили въ кіоскахъ все оставшіеся нумера моей газеты «Гласность», о чемъ я очень жалѣю. Теперь за нихъ бы дорого заплатили. Моя «Гласность» была имъ поперекъ горла. И все это только для того, чтобы не пустить эти нумера въ публику. Ну, да я не унываю. Самъ государь читаетъ мой журналъ. При дворѣ интересуются моими статьями по финляндскому и еврейскому вопросу. А читали ли вы у меня въ журналѣ о расхищеніи бакинскихъ нефтеносныхъ земель?

Я отвѣтилъ:

— Была статья Липранди...

— Ну вотъ,—она самая! Вѣдь я затрагиваю и обсуждаю вопросы государственной важности... Какъ же жидамъ не слѣдить и не считаться съ тѣмъ, что у меня появляется въ журналѣ и въ газетѣ? Не желаете ли заглянуть въ эту бумажку

И я прочиталъ, что по высочайшему повелѣнію министръ двора объявляетъ дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Петровичу Пятковскому благоволеніе Его Величества за прекрасное напругленіе журнала «Наблюдатель» и газеты «Гласность».

Когда же я замѣтилъ, что съ такимъ документомъ въ рукахъ въ любомъ банкѣ откроютъ кредитъ, Пятковскій сказалъ:

— Что же? Развѣ я стану себя рекламировать? Ну, если жида и вынудятъ меня прекратить журнальную дѣятельность здѣсь, въ Петербургѣ,—уѣду въ Парижъ и тамъ буду продолжать... А вы продолжайте писать!

Но продолжать не пришлось, потому что вскорѣ по прекращеніи газеты «Гласность» изъ-за отсутствія средствъ матеріальныхъ и кредита Пятковскій заболѣлъ и умеръ, оставивъ завѣщаніе въ пользу Софьи Мельницкой. А сундукъ Пятковского съ рукописями былъ отданъ на храненіе въ императорскую публичную бібліотеку, гдѣ я его и видѣлъ, разыскивая свои рукописи.

Юдофобства Пятковского, какъ и всякаго челоѣконенавистничества, я лично не раздѣлялъ и противъ евреевъ никогда ничего не писалъ, хотя при всей даровитости евреевъ, по моему мнѣнію, нельзя отрицать въ нихъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ-то симпатичныхъ расовыхъ свойствъ.

VII.

Въ Пензѣ я былъ однимъ изъ учредителей Лермонтовской бібліотеки и много лѣтъ состоялъ членомъ правленія этого и другихъ благотворительныхъ обществъ. Главную же и въ высшей степени

почтенную роль въ Лермонтовской библіотекѣ, въ качествѣ неизмѣннаго предсѣдателя, просвѣщеннаго и ретиваго дѣятеля, игралъ врачъ К. Р. Евграфовъ. Нельзя умолчать и о благородной на пользу просвѣщенія и самоотверженной работѣ остальныхъ членовъ правленія библіотеки и другихъ дѣятелей. Все это были люди, для которыхъ идеалы и идейные интересы что-нибудь да значили... Нельзя же служить только мамонѣ, работать исключительно для наживы и убивать время за зеленымъ столомъ... хотя бы и въ интересахъ воспитательнаго дома съ его доходами отъ картъ..

Неожиданно удостоился я чести—получилъ дипломъ по одностороннему избранію меня въ члены пензенскаго губернскаго статистическаго комитета, послѣ чего пожертвовалъ туда свои книги. А по настоятельной просьбѣ пензенскаго вице-губернатора Лопатина, незадолго до моего переселенія въ Омскъ, я неофициально редактировалъ судебный отдѣлъ губернскихъ вѣдомостей, помѣщая тамъ и свои статьи.

Однажды я вздумалъ устроить въ пензенскомъ соединенномъ собраніи литературный вечеръ въ пользу Лермонтовской библіотеки.

Получивъ на словахъ разрѣшеніе отъ вполне довѣрившаго мнѣ и бывшаго тогда губернаторомъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго (впослѣдствіи министра), которому я объяснилъ, что хочу прочесть по рукописи свою повѣсть «Бродяга», я сдѣлалъ уже все необходимое для этого вечера приготовленія. Князь, пользовавшійся симпатіями и уваженіемъ пензенскаго общества, по обыкновенію, и въ этотъ разъ былъ очень любезенъ и внимателенъ. Но каково же было мое удивленіе, когда въ самый день предстоявшаго чтенія, утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ управляющій канцеляріей губернатора и заявилъ, что князь очень извиняется: онъ долженъ взять свое разрѣшеніе обратно въ виду полученныхъ имъ свѣдѣній, что я, будто бы, кого-то описалъ въ этой повѣсти изъ пензенскаго общества... Впослѣдствіи, какъ я убѣдился изъ случайно обнаружившихся для меня фактовъ, противъ меня интриговали и сплетничали нѣкоторые мои же сослуживцы... Въ повѣсти «Бродяга» съ упоминаніемъ въ ней лишь о городѣ Чембарѣ не было даже и намекъ на кого-нибудь изъ пензенскаго общества,—и эта повѣсть безъ всякихъ пропусковъ и измѣненій текста, въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ моего пера, была вскорѣ же напечатана Пятковскимъ въ «Наблюдателѣ». Пятковскій еще тогда лично благодарилъ меня за эту повѣсть.

— Вы, — говорилъ онъ, — затронули очень важный бытовой вопросъ въ Россіи—бродяжество, какъ особенное, свойственное лишь Россіи социальное явленіе, и нашу паспортную систему.

Предсѣдателемъ окружнаго суда въ то время былъ почтенный М. В. Клименко, любитель вина и знатокъ цвѣтоводства, добро-

душевнѣй, но, къ несчастію, ужь очень дружнѣншій съ мѣстными поляками и подпавшій подъ ихъ вліяніе.

Я отвѣтилъ тогда управляющему канцеляріей, что поставленъ въ неудобное положеніе. Многіе уже взяли билеты и будутъ на меня въ претензіи. Но я вынужденъ подчиниться требованіямъ князя и прошу немедленно напечатать объявленіе, что литературный вечеръ не можетъ состояться по причинамъ, отъ устроителя и автора повѣсти не зависящимъ. Интриганы торжествовали...

Такъ все и было сдѣлано. А между тѣмъ многіе, еще не зная объ отмініи вечера, потянулись вечеромъ въ соединенное собраніе и стали роптать на меня за отміну чтенія.

Послѣ этого курьезнаго инцидента и не желая остаться въ долгу передъ обществомъ, я, съ разрѣшенія князя, объявилъ о литературномъ вечерѣ на другое число, и въ этотъ разъ прочиталъ свою повѣсть «Присяжные оправдали», изъ которой только первая половина тогда успѣла появиться въ «Наблюдателѣ». Но въ этотъ разъ моя аудиторія была уже немногочисленна и сборъ въ пользу библіотеки оказался незначительный.

Безъ всякой протекціи и заискиванія предъ начальствомъ, которое косилось на меня за писанія, въ сущности совершенно невинныя по содержанію и формѣ, въ такомъ захоластьѣ, какъ Пенза, прослужилъ я членомъ суда болѣе двадцати лѣтъ, болѣе двухъ земскихъ давностей, — говоря иначе, застрялъ... Утѣшался лишь мыслью, что моя служба и писанія все-таки полезны обществу.

— Ужь какъ мы были благодарны вамъ, — говорилъ мнѣ мой старый другъ Н. Т. Поповъ, бывшій председателемъ нижнеомовскаго съѣзда мировыхъ судей, всѣми уважаемый идеальный судья и на рѣдкость превосходный человѣкъ: — если бы я не прочиталъ вашу корреспонденцію о подвигахъ Сергѣя Сташевскаго, то выдали бы этому господину, какъ частному повѣренному, свидѣтельство на веденіе дѣла.

А Сташевскій судебнымъ приговоромъ былъ осужденъ за мошенничество, и моя корреспонденція, появившаяся въ «Новостяхъ» Нотовича, была очень кстати.

Послѣднія десять лѣтъ я председательствовала въ сессіяхъ суда и очень любилъ вести дѣла съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Я очень интересовался тѣмъ, какъ присяжные засѣдатели усваиваютъ и понимаютъ дѣло по судебному слѣдствію и при моихъ напутствіяхъ въ резюме. Кажется, присяжные очень охотно и внимательно меня слушали, и не могу пожаловаться на то, чтобы они рѣшали участь подсудимыхъ неправосудно. Лица, знакомыя съ этою моею дѣятельностью, какъ мнѣ приходилось узнавать стороною, высказывались въ томъ смыслѣ, что меня слѣдовало бы назначить въ товарищи председателя и въ этомъ положеніи я былъ бы въ своей роли.

Но и предсѣдательствуя, я быстро и очень много писалъ приговоровъ въ окончательной формѣ, а для ускоренія хода дѣла, объявляя приговоры въ залѣ суда и разъясняя порядокъ обжалованія, я произносилъ наизусть, согласно резолюціи, еще ненаписанные, иногда сложные приговоры въ окончательной формѣ, однако въ такомъ видѣ, въ какомъ они должны быть изложены.

Неожиданное для меня знакомство съ Н. В. Муравьевымъ началось при такихъ обстоятельствахъ.

Въ Москвѣ я получилъ телеграмму отъ моего двоюроднаго брата Н. М. Бобарыкина, который былъ тогда московскимъ нотаріусомъ и издателемъ «Русскаго Обозрѣнія». «Николай Валеріановичъ желаетъ тебя видѣть...» Миѣ было очень лестно и интересно познакомиться съ выдающимся по уму и талантамъ Н. В. Муравьевымъ, который былъ тогда прокуроромъ московской судебной палаты.

Неужели я увижу и буду говорить съ этимъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ?

И я пріѣхалъ съ Бобарыкинымъ въ квартиру Муравьева въ здании судебныхъ мѣстъ въ Кремлѣ, гдѣ Муравьевъ, въ поджакѣ и цвѣтномъ галстукѣ, очень любезно принялъ насъ въ кабинетѣ.

Его не совсемъ-то правильныя черты очень умнаго и нѣсколько квадратнаго лица произвели на меня впечатлѣніе.

— Я васъ уже давно знаю по литературѣ,—сказалъ Муравьевъ, приглашая сѣсть.—Все читаю, что вы пишете, и удивляюсь вашей смѣлости... Вамъ не было ли когда предостереженій отъ министерства?

— Никогда и никакихъ, потому что я всегда писалъ только правду, одну правду,—такъ сказать, съ документами въ рукахъ.

Муравьевъ улыбнулся.

— А вы думаете, у насъ, въ Россіи, всегда можно писать правду? Вотъ Кони пишетъ, я пишу... А вы думаете,—насъ за это хвалятъ?.. Французская республика дала миѣ почетное званіе officier... А теперь и по этому поводу будутъ острить, что Муравьевъ сдѣлался officier.

Я подумалъ: «Большая разница между тобою и мною. Ты—птица очень крупная... Изъ орловъ орель... А я—птица маленькая, членъ захолустнаго окружнаго суда... Съ тебя, важнаго и могущественнаго генерала, всякая напасть—какъ съ гуся вода, а миѣ всякое лыко ставить въ строку».

Въ то время многіе еще не знали, что Муравьевъ получилъ почетное званіе отъ президента Французской республики, и въ газетахъ объ этомъ еще не писали...

— Скажите, пожалуйста,—продолжалъ Муравьевъ:—это ваши фельетоны въ «Судебной Газетѣ» о томъ, какъ Погоняйка попалъ въ прокуроры, а Торопыгинъ состоялъ тогда по его участку судебнымъ слѣдователемъ? У насъ, въ палатѣ, говорили, что это вы писали.

Подъ фельетонами вмѣсто подписи были только мои инициалы. Я усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да, это я грѣшилъ...

— Ну, смотрите, какъ бы вамъ за Погоняйку не досталось. Это было сказано шутливымъ тономъ.

Затѣмъ Муравьевъ сталъ со мною разговаривать о моемъ прежнемъ сослуживцѣ, въ то время тверскомъ прокурорѣ Онгирскомъ.

Объ этомъ я сказалъ выше.

— Однако, что бы я для васъ могъ сдѣлать?—сказалъ Муравьевъ, хотя я ни о чемъ его не просилъ, явившись къ нему вполне приватно, въ черномъ сюртукѣ.—Назначить васъ товарищемъ прокурора въ Москву—это отъ меня зависитъ. Но у меня два оклада: большой и обыкновенный, а сразу я не могу вамъ предоставить увеличенный окладъ. Я долженъ проводить по службѣ семьдесятъ человекъ. Но вы были уже товарищемъ прокурора и въ Москвѣ дорого жить. Переходите въ мой округъ въ уѣздные члены,—вотъ, на примѣръ, въ Рыбинскъ. Списки пойдутъ черезъ меня и навѣрное получите это назначеніе, а черезъ годъ будете товарищемъ предсѣдателя.

Увы! никогда я не былъ карьеристомъ. На такое предложеніе слѣдовало бы немедленно отвѣтить согласіемъ. А я сказалъ:

— Реформа съ уѣздными членами и земскими начальниками фальшиво поставлена—съ извращеніемъ судебныхъ уставовъ. Предъ такимъ законодательнымъ памятникомъ, какъ судебные уставы, я благоговѣю и преклоняюсь, хотя часто и много критиковалъ отдѣльныя статьи закона. Но земскіе начальники—это нѣчто ужасное: не то онъ судья, не то онъ администраторъ!—и отсюда въ ихъ дѣятельности великій произволъ и безобразіе. А населеніе стонетъ отъ произвола и ненавидитъ земскихъ начальниковъ.

И я привелъ случай изъ пензенской жизни, когда уѣздный членъ суда Кондратовичъ, столкнувшись съ чембарскимъ предводителемъ дворянства Владыкинымъ, изъ офицеровъ, и будучи правъ, былъ перемѣщенъ.

— Если бы, въ качествѣ уѣзднаго члена, я былъ всецѣло предсѣдателемъ сѣзда,—тогда иное дѣло: я могъ бы завести свои, согласные съ закономъ, порядки и отвѣчать за все. А то я только буду замѣнять предводителя дворянства, когда онъ не пожелаетъ предсѣдательствовать и уѣдетъ, на примѣръ, на охоту... Я самъ дворянинъ и противъ дворянства не иду, но не желаю и не могу быть въ положеніи пѣшки.

— Вы правы,—отвѣтилъ Муравьевъ,—и я самъ жалѣю о порчѣ уставовъ. Но что же мы можемъ подѣлать съ земскими начальниками? Такова воля государя, и мы обязаны повиноваться и плыть по теченію...

— Конечно, разъ это законъ и воля государя,—никакихъ возраженій быть не можетъ.

— А вы подумайте,—сказаль Муравьевъ, прощаясь съ нами:— если рѣшите согласиться, то напишите мнѣ, и я все устрою.

Я поблагодарилъ и откланялся.

Впослѣдствіи я писалъ Муравьеву въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ о томъ, какъ я попалъ въ министерство, въ нашу Мекку, и видѣлъ тамъ директора департамента Каземъ-Бека, видѣлъ алчущихъ карьеры и «извивающихся» сановниковъ. А писалъ ему только потому, что, издавъ книги «Законъ и жизнь» и «Картинки изъ судебной жизни» въ Петербургѣ, послалъ ему одинъ экземпляръ ихъ въ презентъ. Тогда мнѣ и на мысль не приходило, что Муравьевъ сдѣлается министромъ юстиціи, хотя это всегда можно было ожидать. И вскорѣ же я былъ очень польщенъ, получивъ отъ Муравьева въ подарокъ всѣ его сочиненія съ автографами и даже рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенную имъ по поводу торжества въ Рувившиниковскомъ исправительномъ пріютѣ.

VIII.

Попавъ уже съ поста государственнаго секретаря въ министры юстиціи, Н. В. Муравьевъ оказалъ мнѣ великую честь, пригласивъ официальнымъ письмомъ къ участию въ трудахъ высочайше учрежденной 7-го апрѣля 1894 г. комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части на правахъ члена комиссіи по отдѣлу уголовнаго судопроизводства, подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. С. Таганцева.

Нечего и говорить, что это приглашеніе произвело эффектъ въ Пензѣ и въ особенности въ судебномъ мірѣ, возбуждая толки и не безъ примѣси зависти. Я сталъ получать томы и груды матеріаловъ на веленовой бумагѣ съ протоколами засѣданій комиссіи. Но напрасно поджидалъ я перемѣщенія меня въ Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, хотъ вызова туда на нѣкоторое время для работы съ временнымъ освобожденіемъ отъ служебныхъ занятій въ Пензѣ.

Когда я прибылъ въ Петербургъ и представился сенатору Н. С. Таганцеву, на мой вопросъ: почему же меня не вызываютъ сюда для занятій?—сенаторъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, вы—членъ комиссіи, а въ комиссію-то васъ и не просятъ... И другихъ провинціальныхъ членовъ комиссіи не вызываютъ... Причина въ сущности очень простая: у насъ нѣтъ денегъ на эти вызовы... Есть у насъ одинъ членъ, профессоръ Духовской. Онъ ѣздитъ изъ Москвы на свой счетъ къ каждому засѣданію комиссіи, но онъ человѣкъ богатый. Хотъ въ каждомъ засѣданіи участвуйте съ нами,—мы будемъ очень рады. Вотъ пожалуйте въ наше предстоящее засѣданіе.

И я явился.

Засѣданіе происходило внизу—въ юрисконсультскомъ помѣщеніи министерства, днемъ... и съ огнемъ! Мраченъ былъ тогда Петербургъ при своей нормальной погодѣ...

Боже мой! какіе же здѣсь тузы и свѣтила юриспруденціи! Рядомъ съ предсѣдательствовавшимъ Таганцевымъ оставлено мѣсто съ правой стороны. Кто-то его займетъ?! Уже во время начавшагося засѣданія пришелъ въ пиджакъ знаменитый А. О. Кони и сѣлъ на это мѣсто. По лѣвую руку предсѣдателя сидѣлъ прокуроръ петербургской судебной палаты В. О. Дейтрихъ, а съ нимъ рядомъ И. Г. Щегловитовъ, тогда прокуроръ петербургскаго окружнаго суда, а нынѣ министръ. Далѣе засѣдали Н. Д. Чаплинъ, И. Я. Фойницкій, К. К. Арсеньевъ, профессоръ В. К. Случевскій и В. Д. Спасовичъ. Я сидѣлъ напротивъ Н. Д. Чаплина, между Спасовичемъ и профессоромъ Вульффертомъ, съ которымъ я когда-то полемизировалъ въ печати, но здѣсь мы встрѣтились очень любезно. А сенаторъ Лихачевъ сидѣлъ между Вульффертомъ и сенаторомъ Кони.

Я успѣлъ представиться только Спасовичу, который прибылъ въ засѣданіе во фракъ, изъ сената, и затѣмъ—Кони.

— Мы и до сихъ поръ поучаемся отъ васъ, какъ отъ нашего знаменитаго профессора и оратора!—сказалъ я Спасовичу.

— Да я и теперь больше профессоръ,—отвѣтилъ Спасовичъ:—вотъ только сейчасъ пріѣхалъ изъ сената, какъ адвокатъ.

У Кони я освѣдомился, когда же выйдетъ второй томъ его рѣчей. А первый томъ у меня имѣется, и я его съ наслажденіемъ читалъ...

А. О. Кони любезно мнѣ что-то отвѣтилъ, проговоривъ:

— А вотъ скоро выйдетъ и второй томъ.

Обсуждались преюдиціальныя вопросы съ положенными на столъ предъ каждымъ членомъ комиссіи печатными записками или протоколами.

Шли дебаты о 27 ст. устава уголовнаго судопроизводства и 8 ст. устава гражданскаго судопроизводства, и этимъ важнымъ процессуальнымъ вопросамъ было посвящено это второе уже засѣданіе. Меня очень интересовало послушать, что скажутъ Кони и Спасовичъ. Но, къ сожалѣнію, они ограничились очень краткими мнѣніями или отвѣтами—въ двухъ-трехъ словахъ. Зато много, интересно и хорошо говорили И. Г. Щегловитовъ, Н. Д. Чаплинъ, И. Я. Фойницкій, К. К. Арсеньевъ, Случевскій и самъ предсѣдатель Н. С. Таганцевъ, который вдругъ обратился ко мнѣ:

— Валеріанъ Александровичъ,—сказалъ онъ:—вы такъ много писали и занимались судебною практикою, что намъ очень интересно знать ваше мнѣніе.

Высказывался я въ печати и по этимъ вопросамъ, а слѣдовательно предметы обсужденія и дебатовъ мнѣ были хорошо знакомы. Но я не зналъ, что было высказано въ первомъ засѣданіи, и рѣшилъ

въ умѣ, что всего лучше уклониться отъ выраженія своихъ взглядовъ, и, вставъ съ мѣста, я отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, въ такомъ блестящемъ собраніи нашихъ первоклассныхъ юристовъ и ученыхъ я чувствую себя недостаточно подготовленнымъ къ выраженію моихъ сужденій... Я недостаточно въ курсѣ этихъ вопросовъ, потому что не былъ въ предыдущемъ засѣданіи и сюда попалъ случайно. Позвольте мнѣ уклониться!..

— Очень жаль! очень жаль!—отвѣтилъ предсѣдатель:—а намъ было бы очень интересно васъ послушать...

Окончилось засѣданіе. Я не успѣлъ еще представиться остальнымъ членамъ комиссіи, какъ вдругъ удостоили меня своимъ вниманіемъ И. Г. Щегловитовъ и В. О. Дейтрихъ.

Они подошли ко мнѣ, и изъ нихъ, кажется, И. Г. Щегловитовъ сказалъ:

— А намъ дѣйствительно было интересно узнать ваши взгляды... Напрасно уклонились.

Я поблагодарилъ за вниманіе и отвѣтилъ, что вѣдь я же, случайно попавшій въ засѣданіе провинціалъ, совсѣмъ не въ курсѣ вопросовъ. А тутъ въ комиссіи все такія знаменитости... Конечно, я постѣнился что-либо говорить.

Послѣ засѣданія Н. С. Тагапцевъ просилъ меня участвовать и въ слѣдующемъ засѣданіи, но мнѣ надо было поскорѣе возвратиться въ Пензу.

Съ грустью и все болѣе и болѣе я сталъ убѣждаться въ постепенномъ паденіи, порчѣ и извращеніи судебныхъ уставовъ... Появились какія-то удивительныя прибавки и надставки къ статьямъ закона, какія-то плохо измышленныя и редактированныя повелѣныя... А знаменитый М. Н. Катковъ и по его стопамъ Грингмутъ, въ качествѣ какихъ-то вліятельныхъ публицистовъ, по съ приѣмами кликушь, продолжали вопить, язвить и лягать новые суды, требуя уничтоженія суда присяжныхъ и смѣняемости судей: зачѣмъ, молъ, существуетъ и терпится этотъ крамольный судъ улицы, то и дѣло оправдывающій явныхъ преступниковъ? Вѣдь тутъ чистѣйшее потрясеніе правительственныхъ основъ!..

Появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» глубоко возмущившая меня по своему нелѣпому содержанію статья сенатора Н. П. Семенова «Наши реформы», которую Катковъ почему-то и па удивленіе еще не свихнувшемуся съ ума всему міру расхвалилъ, какъ плодъ государственной мудрости, въ трехъ передовицахъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Высокопоставленный авторъ «Нашихъ реформъ» требовалъ даже уничтоженія адвокатуры... Одинъ судья въ засѣдающей коллегіи долженъ обвинять, а другой защищать... Въ прокурорахъ же, по его мнѣнію, нѣтъ никакой надобности...

Удивительно все просто въ такихъ проектируемыхъ сенаторомъ Семеновымъ судахъ, но зато и поразительно нелѣпо!

Такія сумбурныя въ отношеніи даже обыкновеннаго здраваго смысла реформы, предложенныя сенаторомъ и поддерживаемыя расхвалившимъ ихъ Катковымъ, вызвали меня на горячо написанный отвѣтъ. И вотъ появилась моя, какъ мнѣ думается, вполне основательная критика или отвѣдь Каткову и Семенову въ большой статьѣ «Наши реформаторы», которая вышла въ «Судебной Газетѣ», а затѣмъ включена въ первый томъ моей книги «Законъ и жизнь».

И судебныя дѣятели стали уже какъ будто не тѣ... Нѣкоторые замѣтно постарѣли, а иные одряхлѣли... Возникалъ въ литературѣ и, кажется, обсуждался въ министерствѣ даже вопросъ о предѣльномъ возрастѣ для судей.

Точно увяли, «облетѣли цвѣты! догорѣли огни!..» Всѣ священные идеалы, завѣты прошлаго и стремленія служить только закону, правдѣ и обществу пошли, что называется, по боку и на смарку. Духъ карьеризма и угодничества предъ министерствомъ и всякимъ крупнымъ начальствомъ сталъ развѣдать судебныя сферы... Получать съ казны по самовольнымъ командировкамъ подъ благовиднымъ предлогомъ ревизій или на поѣздки въ министерство по дѣламъ службы—для иныхъ не особенно совѣтливыхъ генераловъ ничего уже не стоило. Нищенскихъ теперъ уже окладовъ жалованья,—послѣдовали замѣтныя прибавки въ окладахъ лишь недавно, въ министерство И. Г. Щегловитова,—давно перестало хватать для обремененныхъ семьями лицъ судебного вѣдомства. Но о взяткахъ и крупныхъ злоупотребленіяхъ въ царствѣ замѣтно старѣвшей и подслѣповатой Оемиды, по счастью, еще не было слышно. За ничтожными исключеніями, въ общемъ, судебное вѣдомство еще не унизилось до этого. И я убѣжденъ или, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, что никогда въ этомъ отношеніи оно не унижится. Но какое-то разложеніе и мертвящій жизнь сухой формализмъ въ судебной практикѣ росли не по днямъ, а по часамъ. Появились вопросы судебной политики и необходимости соблюденія такта и такихъ отношеній къ администраціи, своего рода подхалимства, чтобы ни въ чемъ не противорѣчить губернаторамъ и другимъ властямъ. Лишь бы въ донесеніяхъ и въ перепискѣ по бумагамъ все обстояло благополучно. Только тотъ и считался хорошимъ предсѣдателемъ или прокуроромъ, кто умѣлъ ладить съ губернаторомъ, а если выходило, что немножко и не по закону, то это не важно... Всякихъ законовъ черезчуръ много и мудрено въ нихъ разобраться!.. Темна бываетъ вода во облацѣхъ... На всякій же затруднительный случай имѣются спасительные циркуляры... Какъ посмотрѣть,—съ одной стороны выходить—нельзя! а съ другой стороны—и очень даже возможно! Вѣдь то же самое замѣтилъ и Салтыковъ въ своихъ очеркахъ и сатирахъ.

Правовѣдамъ и свѣтскимъ шаркунамъ, конечно, вездѣ первое мѣсто. Они какъ бы самую судьбою, происхожденіемъ отъ генераловъ и связями, по всеѣмъ традиціямъ, предназначены начальствовать и быть орлами... Остальные же судебные чиновники, изъ университетовъ и безъ протекцій,—это не больше, какъ грачи, галки и скворцы,—можетъ быть, въ чемъ-либо и полезные, если они копаются въ землѣ и навозѣ и истребляютъ червей и мошекъ... А кликуши съ Страстного бульвара, пользуясь огромными доходами съ объявлений и субсидіями, продолжали вопіять... какъ будто отечество и въ самомъ дѣлѣ въ опасности! Окончился разсвѣтъ и расцвѣтъ судебныхъ уставовъ, и наступила засуха, а потомъ—тяжелая пора суверекъ и упадка...

ІХ.

Первая же моя повѣсть «Мать-преступница», появившаяся въ декабрьской книгѣ «Наблюдателя» за 1894 г., сильно повредила мнѣ по службѣ. Казалось бы, никакого отношенія къ моей службѣ она не имѣла и не должна имѣть.

Если бы эта повѣсть появилась послѣ «Воскресенія» Л. Н. Толстого, а не двумя годами раньше, то, конечно, объяснили бы, что содержаніе я отчасти заимствовалъ у великаго писателя. Съ Толстымъ я лично не былъ знакомъ, но онъ зналъ мою сестру А. А. въ Москвѣ, учительницу музыки, и, проживая въ Хамовникахъ, раза два навѣстилъ сестру, когда она была тяжело больна. По совѣту и предложенію Толстого, моя сестра А. А. В., не подписавъ своей фамиліи, составила для народа книжку, издавную Сытиннымъ.

Моя же повѣсть «Мать-преступница», въ которой рассказано, какъ мелкопомѣстному дворянину, въ качествѣ старшины присяжныхъ, довелось осудить свою же временную возлюбленную Аграфену Дидюрину по обвиненію въ томъ, что она утопила свою дочку въ Мокшѣ,—вызвала доносъ со стороны моего же сослуживца А. Ф. Эттингера. Онъ вообразилъ, что въ роли предѣдательствовавшего на судѣ я изобразилъ его.

Хотя повѣсть или романъ—это не корреспонденція и не отчетъ судебного засѣданія, тѣмъ не менѣе я получилъ письменный запросъ отъ директора департамента В. Р. Завадскаго, отъ 19-го февраля 1895 г., которымъ онъ, по порученію министра Муравьева, требуетъ свѣдѣній, какъ это я дозволилъ себѣ глумиться надъ товарищемъ прокурора (какимъ и въ чемъ выразилось глумленіе?—въ письмѣ не сказано) и рѣшился «столь рѣзко опозорить своего сослуживца Эттингера»... тремя-четырьмя цитируемыми въ письмѣ строками.

Увы! нынѣ уже покойный Эттингеръ, при жизни своей очень беспокойный, при всеѣхъ его достоинствахъ, отличался мелочностью,

завистливостью и былъ склоненъ къ интригамъ. Онъ сплетничалъ и доносилъ на меня старшимъ предсѣдателямъ судебной палаты— сперва одному, а потомъ другому, и мнѣ приходилось съ ними объясняться... Повидимому, Эттингеръ, какъ и нѣкоторые другіе, не перебаривалъ, какъ это я занимаюсь литературой, пользуюсь въ обществѣ авторитетомъ и даже попалъ въ члены комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ.

Будучи глубоко возмущенъ этими доносами, я рѣзко отвѣтилъ письмомъ Завадскому и въ этомъ письмѣ слегка подсмѣялся надъ странною обидчивостью Эттингера, а въ Петербургѣ, объясняясь съ министромъ, высказалъ ему, что еще Гоголь выразился, что стоитъ только написать объ одномъ титулярномъ совѣтникѣ, и всѣ титулярные совѣтники сейчасъ же обидятся... Вѣдь эта же повѣсть— не корреспонденція и не судебный отчетъ, а прежде всего— плодъ моей фантазіи и досуга.

Но министръ Муравьевъ все-таки остался при томъ убѣжденіи, что я описалъ Эттингера, и сказалъ мнѣ послѣ того, какъ онъ уже общалъ назначить меня въ члены палаты въ предѣлахъ Европейской Россіи:

— Вы прекрасно гладѣете перомъ, знаете и понимаете законы и хорошій судебный работникъ, но вамъ нельзя давать власть въ руки... Вотъ въ коллегію—въ члены судебной палаты—васъ можно назначить. Желаете быть членомъ Иркутской судебной палаты?

Тогда эта палата только что была предназначена къ открытію.

Предложеніе это до того было неожиданно,—а желѣзной дороги до самаго Иркутска тогда не было,—что я испугался, тѣмъ болѣе, что мнѣ, овдовѣвшему, мудрено казалось перемѣщать сына и трехъ дочерей изъ пензенскихъ гимназій въ Иркутскъ и ѣхать на долгихъ въ невѣдомую мнѣ Сибирь. Я отказался и, конечно, это не понравилось Муравьеву. А между тѣмъ почти всѣ иркутскіе члены судебной палаты вышли въ предсѣдатели суда.

Еще болѣе раздражилъ я министра тѣмъ, что въ «Юридической Газетѣ» появились мои статьи: «Замѣчанія на проектъ высочайше учрежденной комиссіи 7-го апрѣля 1894 г. по судоустройству» и по вопросу о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ.

Въ первой статьѣ я, по совѣсти и по степени своего пониманія, подвергъ критикѣ проектъ по судоустройству въ редакціи той комиссіи, въ которой и я имѣлъ честь состоять членомъ, а во второй статьѣ я взялъ, какъ примѣръ, въ видѣ иллюстраціи, пресловутое дѣло Тальма, обвинявшъ гося въ убійствѣ генеральши Болдыревой, и возникшее изъ него же впоследствии дѣло Карпова и др. По дѣлу Тальма я участвовалъ въ судебномъ засѣданіи съ присяжными, которое подъ предсѣдательствомъ В. М. Иванова и съ участіемъ въ качествѣ обвинителя А. О. Громницкаго разбиралось въ Пензѣ пять дней. Дѣло было очнь темное и сложное. Одинъ только обви-

нительный актъ въ моемъ чтеніи на судѣ потребовалъ два часа времени. При софщаніяхъ я настоялъ на томъ, чтобы судъ въ полномъ составѣ съ прокуроромъ, защитниками и присяжными засѣдателями отправился на мѣсто убійства для осмотра.

И оказалось, что въ этихъ статьяхъ я наступилъ для министерства на больныя мѣста...

Впослѣдствіи отъ С. С. Манухина, директора перваго департамента и затѣмъ преемника Муравьева, назначеннаго посланникомъ въ Римъ, я узналъ, что эти мои статьи были посланы Муравьеву въ Парижъ. Онъ тамъ ихъ и прочиталъ, и, возвратясь въ Петербургъ, вызвалъ меня сюда для объясненій.

По докладѣ Н. Д. Чаплинна о моемъ прибытіи изъ Пензы я былъ принятъ министромъ Муравьевымъ въ кабинетѣ.

Онъ подалъ мнѣ руку и предложилъ сѣсть. А предъ нимъ на столѣ лежали мои злосчастныя статьи съ подчеркнутыми краснымъ карандашомъ строками.

Министръ первичалъ, былъ въ раздраженномъ состояніи,—и я приготовился слушать, но не возражать, ибо съ министромъ въ моемъ положеніи спорить нельзя.

— Вотъ видите ли, г. Волжинъ (прежде Муравьевъ именовалъ меня по имени и отчеству), зачѣмъ я васъ вызвалъ. Если бы это не вы писали, а кто-нибудь другой,—особеннаго значенія не было бы придано. Но у васъ есть имя въ литературѣ, васъ знаютъ,—и намъ съ вами приходится считаться... Скажите, какая васъ злая муха укусила?! Вы, конечно, недовольны тѣмъ, что не получили назначенія... Знаете ли, у французовъ есть поговорка: *salomniez, salomniez! il en reste toujours quelque chose!*.. Я не говорю уже о себѣ: я былъ предсѣдателемъ комиссіи, но вѣдь вы и сами были членомъ той же комиссіи, а пишете противъ комиссіи. Могу васъ увѣрить, что назначенія происходятъ не такъ, какъ вы пишете... Въ этомъ самомъ кабинетѣ министръ, который не можетъ же всѣхъ лично знать, но знаетъ многихъ, обсуждаетъ съ участіемъ директоровъ и иныхъ лицъ, пользующихся его довѣріемъ, кого и на какую должность слѣдуетъ назначить... А вы пишете о силѣ протекціи, о nepотизмѣ, о существующей въ министерствѣ какой-то «книгѣ живота и смерти» съ аттестациями, неходящими отъ орловъ...

Затѣмъ Муравьевъ продолжалъ критиковать содержаніе статьи и перешелъ къ другой статьѣ.

— О дѣлѣ Тальма, которое такъ много возбуждаетъ толковъ въ обществѣ и надѣлало хлопотъ министерству, лучше было бы ничего не писать...

Я внимательно слушалъ прекрасную по формѣ рѣчь такого высокоталантливаго и переокласнаго оратора и рѣшился отвѣтить.

— Послѣ всего того, что я слышалъ отъ вашего высокопревосходительства, мнѣ остается выйти въ отставку и уничтожить мой

главный трудъ: «Замѣчанія на проектъ устава уголовного судопроизводства», который переданъ въ редакцію «Вѣстника Права» и долженъ бы появиться въ печати.

— Я не изъ тѣхъ министровъ, которые противъ пишущихъ, и не требую, чтобы вы уничтожали свои труды... Я самъ писалъ и поощрялъ пишущихъ. Вы прекрасно владѣете перомъ, но пишете черезчуръ рѣзко.

— По мѣрѣ моихъ силъ и степени пониманія вопросовъ, ваше высокопревосходительство!—по совѣсти и по правдѣ!—отвѣтилъ я, любуясь на умное лицо министра.

— Идите къ Сергѣю Сергѣевичу Манухину и отъ моего имени передайте ему все, что отъ меня слышали. А послѣ этого можете возвращаться въ Пензу.

Я представился въ кабинетѣ молодому тогда директору С. С. Манухину и передалъ ему о всемъ слышанномъ отъ министра. И директоръ, какъ и министръ, произвелъ на меня отличное впечатлѣніе.

Вотъ отъ него-то я и услышалъ, что мои статьи путешествовали къ Муравьеву въ Парижъ.

С. С. Манухинъ очень вѣжливо высказалъ мнѣ приблизительно то же, что и министръ, не касаясь только содержанія статей и порицая меня за излишнюю рѣзкость.

Послѣ этого я отправился къ редактору «Вѣстника Права» Г. Б. Сліозбергу и объяснилъ ему, что послѣ того, какъ меня разнесъ и распекъ министръ, я долженъ изъять свою статью изъ редакціи.

— А она предназначена для напечатанія,—сказалъ Г. Б. Сліозбергъ.—Но, разъ вы требуете ее назадъ, можете получить.

Проекты Муравьевской комиссіи, какъ извѣстно, не прошли въ государственномъ совѣтѣ... Послѣ меня и другіе авторы нападали въ печати на эти проекты. Полнаго осужденія проекты все-таки не заслуживали, потому что и въ нихъ были не все же одни только неудачныя законоположенія, на что я и указывалъ.

Большая половина моего труда, изъятаго мною отъ редактора Г. Б. Сліозберга, появилась въ семи передовицахъ «Судебной Газеты», въ нумерахъ 6—12 за 1905 г. подъ псевдонимомъ «Захолустный судья», а послѣдняя часть для пяти нумеровъ газеты осталась не напечатанною за прекращеніемъ «Судебной Газеты» и смертию ея редактора Ф. В. де-Веки, когда я уже служилъ въ Омскѣ.

X.

Мелочность, эгоизмъ и недостаточное знаніе законовъ и уголовного процесса привели очень представительнаго по внѣшности старика, товарища предсѣдателя В. М. Иванова, изъ канцеляристовъ, къ тому, что онъ былъ преданъ суду сенатомъ за важное

превышеніе власти. А меня, имѣвшаго несчастье засѣдать съ нимъ въ Чембарѣ по дѣламъ съ присяжными засѣдателями, и уѣзднаго члена А. В. Брюханова привлекли къ отвѣту, какъ соучастниковъ Иванова въ этомъ превышеніи—въ одну съ нимъ компанію, хотя никакой власти у насъ не было и поэтому уже превысить ее мы не могли, а соучастниками Иванова въ превышеніи имъ власти не были.

Я былъ глубоко убѣжденъ, какъ и нынѣ, въ томъ, что состава преступленія и никакого соучастія съ Ивановымъ въ нашихъ дѣйствіяхъ отрицательнаго свойства или, вѣрнѣе, въ нашемъ поведеніи на судѣ въ дѣйствительности не было, и самое преданіе насъ суду было явно неправильно и ошибочно. Но правительствующій сенатъ въ своемъ указѣ привелъ такіа, съ моей точки зрѣнія, не выдерживающія кассационной критики соображенія: въ дѣйствіяхъ Иванова, который не объявилъ перерыва и ушелъ изъ зала засѣданія, не выслушавъ заявленія товарища прокурора А. П. Садикова, и воспретилъ помощнику секретаря Голубеву записать о семъ въ протоколъ, заключается важное превышеніе власти. Дѣйствія Волжина и Брюханова, выразившіяся въ томъ, что они не пошли изъ зала засѣданія еслѣдъ за Ивановымъ и, оставаясь на судейскихъ мѣстахъ, продолжали слушать заявленіе товарища прокурора, подлежали слъ разсмотрѣнію судебной палаты въ дисциплинарномъ порядкѣ. А такъ какъ Ивановъ во всякомъ случаѣ подлежитъ суду палаты, то предать тому же суду Волжина и Брюханова...

Сенатъ, повидимому, не обратилъ вниманія на то, что разсмотрѣніе дѣла въ дисциплинарномъ порядкѣ, когда такое разбирательство происходитъ въ кабинетѣ, въ общемъ собраніи департаментовъ палаты и не публично,—далеко не одно и то же, что формальный по уставу судъ, когда приходится судиться въ той же палатѣ, но въ трехчленномъ составѣ суда, публично и въ залѣ съ зеркаломъ—на скамьѣ подсудимыхъ, да и порядокъ судопроизводства тутъ совсѣмъ иной. Я и Брюхановъ дѣйствовали или, лучше сказать, въ бездѣйствіи своемъ послѣ неожиданнаго и незаконнаго оставленія зала засѣданія предсѣдательствовавшимъ Ивановымъ были совсѣмъ не солидарны съ Ивановымъ,—какіе же мы соучастники въ проявленномъ имъ превышеніи власти?

Вся эта трагикомическая исторія вышла изъ-за того, что Ивановъ не подчинился постановленію большинства голосовъ: моего и Брюханова—въ отношеніи постановки вопросовъ и въ резюме утверждалъ предъ присяжными, что они должны рѣшить три вопроса, хотя въ дѣйствительности на ихъ разрѣшеніе было поставлено судомъ два вопроса, по дѣлу о поджогѣ, а затѣмъ не сталъ слушать заявленія товарища прокурора А. П. Садикова, требовавшаго занесенія дѣйствій предсѣдательствовавшаго въ протоколъ. При этомъ Ивановъ, самъ будучи кругомъ виноватъ и не безъ вліянія на него

Эттингера, интересовавшагося судебнымъ скандаломъ, падѣлать далѣе рядъ другихъ промаховъ, сообщивъ прокурору о дѣйствіяхъ товарища прокурора, а о моихъ и Брюханова дѣйствіяхъ—общему собранію суда; помощнику же секретаря Голубеву написалъ въ книгу предсѣдательскихъ приказовъ выговоръ за внесеніе происшедшаго на судѣ въ протоколъ. Голубевъ, обращавшійся ко мнѣ за совѣтами, обидѣлся, получивъ безъ своей вины выговоръ, и перешелъ на службу въ податную инспекцію.

Эта трагикомедія окончилась тѣмъ, что Ивановъ, присужденный палатою къ выговору, въ апелляціонной инстанціи—въ сенатѣ—былъ оправданъ, можетъ быть, и въ виду того, что онъ тогда уже находился на смертномъ одрѣ. Обвинителемъ тогда выступилъ въ судебной палатѣ прокуроръ А. А. Кобылинъ... Палата приговорила Брюханова къ замѣчанію, но онъ пропустилъ срокъ и не обжаловалъ этого приговора. А въ отношеніи меня, тоже приговореннаго къ замѣчанію, приговоръ палаты былъ утвержденъ сенатомъ.

Хотя у меня были великолѣпнѣйшіе поводы для кассированія приговора сената, какъ апелляціонной инстанціи, но на бѣду для такихъ дѣлъ не существуетъ кассационной инстанціи. Ни въ судебной палатѣ, ни въ сенатѣ я при разсмотрѣніи дѣла не былъ.

Мой защитникъ въ сенатѣ извѣстный присяжный повѣренный П. Г. Мироновъ любезно извѣстилъ меня, что ему по назначенію выпала честь защищать меня, совсѣмъ невиновнаго, въ сенатѣ и онъ только повторилъ въ своей рѣчи и развивалъ всѣ доводы, мною уже изложенные въ письменномъ объясненіи. Такой исходъ дѣла въ сенатѣ былъ совсѣмъ неожиданный для публики, слушавшей разбирательство дѣла, ибо всѣ ожидали, что я буду оправданъ, а Ивановъ все-таки останется обвиненнымъ. Но я порадовался, что старика, зарвавшагося въ засѣданіи, оправдали.

Никакого вреда по службѣ это курьезное дѣло мнѣ не причинило, и только судебный отчетъ объ этомъ засѣданіи сената попалъ во многія газеты... Очень странно! Члены суда оказались виновными въ томъ, что не ушли изъ зала засѣданія вслѣдъ за почему-то убѣжавшимъ оттуда предсѣдателемъ, который не объявилъ перерыва и не захотѣлъ выслушивать до конца заявленія товарища прокурора... Въ этомъ да еще съ записаніемъ всего происшедшаго въ протоколъ, что лежало на обязанности помощника секретаря, будто бы, и выразилось наше соучастіе съ Ивановымъ въ превышеніи власти...

Зѣло сіе удивительно и аки бы неимоверно! Подобныя грустныя явленія въ жизни судовъ оказались возможны только въ эпоху порчи судебныхъ уставовъ и поврежденія нравовъ. Урлекшись капризомъ: «праву моему не препятствуй!» Ивановъ, въ роли предсѣдателя, очевидно, забылъ, что судья, хотя бы и въ положеніи предсѣдателя, прежде всего слуга закона и никакой произволь здѣсь не

допускается. И, наконецъ, должны же соблюдаться судебныя приличія!

Въ свободное отъ службы время я продолжалъ заниматься литературой, много читалъ и интересовался музыкой. Никто мнѣ не показывалъ ни одной ноты на роялѣ, а все-таки, присмотрѣвшись къ нотамъ и разбирая ихъ, я дошелъ до того, что хотя и плоховато, но могъ играть для себя сонаты Бетховена, Моцарта, полонезы, ноктюрны и мазурки Шопена, пьесы Шумана, Бартольди и др. Музыка успокоивала мои нервы, и я тогда отдыхалъ.

Моя любовь къ красотамъ природы выражалась въ томъ, что я немало возился съ цвѣтами, а въ имѣньицѣ моей второй жены Е. В. въ Каширскомъ уѣздѣ, близъ Серпухова, на Окѣ, я самъ выкопалъ 80 ямъ для посадки яблонь. Но хозяйничать здѣсь было невозможно. Даже прислугу приходилось возить изъ Пензы. Распущенность, воровство и пьянство со всеми прелестями правовъ фабричнаго населенія здѣсь давали себя знать на каждомъ шагу. Какіе-то негодяи переломали деревца въ молодомъ березнякѣ на значительномъ пространствѣ и украли даже яблонки изъ сада, повытаскавъ ихъ съ мѣста посадки. Въ это имѣніе, скорѣе похожее на дачу, я могъ пріѣзжать только во время капикуль. Напрасно ходатайствовалъ я о перемѣщеніи въ тульскій окружный судъ, чтобы только быть поближе къ имѣнію съ красивою мѣстностью. На открывшуюся въ Тулѣ вакансію члена суда прислали изъ сената г. Моисеенка-Великаго. Смотрѣть за имѣніемъ, почти не приносившимъ дохода, было некому и пришлось его продать...

Въ Пензѣ пришлось пережить очень тяжелое время, когда холера съ ея нерѣдко смертельнымъ исходомъ свирѣпствовала и косила малокультурное населеніе. Кажется, тогда умерло не менѣе тысячи горожанъ. Не разъ доводилось мнѣ видѣть, какъ полицейскіе и обыватели на посліекахъ или на биржевыхъ извозчикахъ провозили мимо моей квартиры холерныхъ людей... Но дѣтей и прислугу я успокоилъ, сказавъ, что холерныхъ намъ нечего бояться, если въ квартирѣ и въ образѣ жизни всегда будутъ соблюдаемы и поддерживаемы строгая чистота и умѣренность.

Какъ-то вдругъ наступила въ лѣтнее время полоса страшныхъ и великихъ пожаровъ. Горѣли иногда сразу цѣлые кварталы, и пожары возникали даже одновременно въ разныхъ частяхъ города. Разъ, на Лекарской улицѣ, я не могъ окинуть взоромъ, гдѣ же оканчивается площадь пожара... Полиція и пожарные выбились изъ силъ, а трубы и другіе гасительные снаряды далеко не всегда были исправны. Я самъ видѣлъ, какъ второпяхъ пожарный рукавъ надѣвали не на ту кишку или трубу, къ какой его слѣдовало приспособить, и струя воды не могла подняться до верхняго этажа только что отстроеннаго желѣзнодорожнаго училища.

Паника была великая. Растерялось тогда, повидному, и начальство. Говорили въ городѣ и, кажется, не безъ основанія, что нѣкоторые представители полиціи, въ ожиданіи неминуемаго пожара, тайкомъ отправляли свои пожитки изъ города куда-нибудь въ деревню... Многіе обыватели тогда совсѣмъ не ложились спать, а погорѣльцы ночевали въ скверахъ и во временныхъ помѣщеніяхъ на площадкахъ наподобіе цыганскихъ шатровъ... Слухи и чьи-то предсказанія о томъ, что вотъ въ такой-то часъ вновь загорится, оправдывались. Очевидно, очень ловко работали какіе-то поджигатели, но ни одного изъ нихъ не нашли.

И я, по примѣру другихъ и въ ожиданіи неминуемаго пожара, распорядился, чтобы вещи: бѣлье, одежда, посуда и прочее,—были уложены въ ящики, узлы и корзины и чтобы все было наготовѣ, когда придется выноситься.

Когда же, послѣ такихъ приготовленій, я пришелъ въ окружный судъ для занятій, тамъ по причинѣ тревожнаго времени никого почти не было.

— Останьтесь здѣсь хоть вы,—сказала мнѣ членъ суда Е. И. Орлинскій:—вѣдь никого нѣтъ, а я уйду домой,—какъ бы не загорѣлось!

Я остался. А черезъ часъ уже ударили въ набатъ. И я вижу изъ окна канцеляріи суда, какъ повалилъ густой черный дымъ и взвилось пламя, кажется, надъ самой моей квартирой.

Извозчиковъ нѣтъ по близости, и я побѣжалъ черезъ скверъ у собора; но ноги что-то плохо работаютъ... Тутъ въ первый разъ въ жизни я пошлялъ всю справедливость и точность народнаго выраженія: «подкашиваются ноги»...

Часть Дворянской улицы предъ моей квартирой была запружена народомъ. Узнать и понять, что именно горитъ, было нельзя... пока я не протискался въ толпѣ. Промышлявшіе съ нѣкотораго времени вывозомъ вещей по случаю пожаровъ и очень много зарабатывавшіе подгородные крестьяне находились уже здѣсь съ своими телѣгами. Кто-то безъ меня распорядился вытащить изъ моей квартиры рояль, мебель, посуду и другое имущество. А горѣла за дворомъ, позади хозяйскаго флигеля, столярная мастерская дворянина Евграфова, гдѣ былъ большой складъ стружекъ высотой не менѣ полуаршина.

Я приостановилъ вытаскиваніе вещей, такъ какъ огонь былъ еще далеко, и расплатился съ возчиками. Кажется, отдалъ имъ за непрошенныя услуги рублей семь, а они просили съ меня двѣнадцать рублей за то, что мои нѣкоторыя вещи лежали на ихъ десяти телѣгахъ часа два-три.

Затѣмъ побѣжалъ на пожаръ и даже помогать качать воду, потому что пожарныхъ почти не было, а находившіеся при бочкѣ съ водой, возлѣ мастерской, два солдата отпрягли даже лошадь...

— Мы выбились изъ силъ,—говорили они:—и лошади съ какихъ поръ не ѣвши. Одежда казенная, а сапоги-то на насъ собственные, чего же намъ лѣзть въ огонь?!

Очень комиченъ былъ околотошный, который пытался заливать пожарище, прыскавая въ огонь изъ гидранульта. А городской почти напрасно взывалъ къ толпѣ зѣвакъ, требуя, чтобы качали воду въ насосъ. Нѣкоторые изъ зрителей баловались и обливались струею воды. Почему же изъ пожарной команды никого почти не было—не знаю. Можетъ быть, въ то время пожарные были на другомъ пожарѣ.

Безъ убытковъ не обошлось. Нѣкоторыя вещи у меня испортили, а другія украли.

Ночью залитое пожарище снова разгорѣлось. А гдѣ-то далеко,—можетъ быть, и за городомъ,—виднѣлось зарево...

XI.

Порча судебныхъ уставовъ продолжалась. Явился законъ 7-го июля 1889 г., объ учрежденіи особаго присутствія съ участіемъ сословныхъ представителей для нѣкотораго рода дѣлъ, суживающей юрисдикцію присяжныхъ засѣдателей. Цѣль закона—достигнуть большаго процента обвинительныхъ приговоровъ по сравненію съ судомъ присяжныхъ, на которыхъ, слѣдовательно, нельзя уже много полагаться...

Моя критика этого закона сперва въ журналѣ, а затѣмъ включенная въ первый томъ моей книги «Законъ и жизнь», вполне доказала, какъ мнѣ думается, всю несостоятельность его, ибо лучше было бы разбирать дѣла этого рода въ окружномъ судѣ безъ присяжныхъ. Но, къ сожалѣнію, особое присутствіе судебной палаты для дѣлъ этого рода, дѣйствительно мало доступныхъ для полнаго уразумѣнія присяжнымъ засѣдателямъ (по обвиненію должностныхъ лицъ въ растратахъ и подлогахъ, о незаконныхъ бракахъ и прочее), сохранилось и понышѣ. Но зачѣмъ тутъ сословные представители, безъ которыхъ и окружный судъ, въ случаѣ установленія подсудности этому суду, и судебная палата съ пользою для дѣла могли бы обойтись?..

Мѣнялись предсѣдатели и прокуроры, а судьи, если не умирали, продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ и киснуть, отъ времени до времени развлекаясь картами, сплетнями и даже интригами... Юридическіе журналы и другія изданія почти никого уже не интересовали, да и прежде-то ихъ мало читали.

Застрялъ и я на многіе годы въ должности члена суда. Я чувствовалъ себя обиженнымъ и далъ себѣ обѣщаніе, что отнышѣ моя нога не будетъ больше въ министерствѣ. Неужели долженъ кланяться

и кланчить въ министерствѣ я, бывшій членомъ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ и такъ много поработавшій въ юридической литературѣ, когда на мои самостоятельные, безъ всякихъ коммилляцій, труды ссылаются даже нѣкоторые профессора въ своихъ курсахъ и статьяхъ? Ну, что жъ! умру въ должности члена суда, а то и выйду въ отставку, но не буду унижаться.

И вотъ я поѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ объ изданіи своихъ книгъ и не взялъ съ собою мундира.

Вдругъ получаю тамъ телеграмму изъ Пензы, посланную въ Пензу директоромъ департамента Н. Д. Чаплинымъ. Въ телеграммѣ было сказано, что министръ предлагаетъ мнѣ должность члена судебной палаты въ Омскѣ, и отъ меня требуется отвѣтъ, согласенъ ли я.

Явившись къ директору департамента въ черномъ сюртукѣ, я извинился въ томъ, что не въ формѣ, потому что въ Петербургѣ я по своимъ частнымъ дѣламъ и не предполагалъ быть въ министерствѣ.

— Хотя министръ,—сказалъ я,—обѣщаль назначить меня въ члены палаты въ предѣлахъ Европейской Россіи, а затѣмъ предлагалъ мнѣ въ Иркутскѣ, но я не былъ назначенъ и отъ назначенія въ Иркутскъ по семейнымъ причинамъ долженъ былъ отказаться. Теперь же, подумавъ, принимаю предложеніе о назначеніи въ Омскѣ.

— Ну, такъ приказъ немедленно послѣдуетъ. Вы попадаете на вакансію въ уголовный департаментъ.

Министръ Муравьевъ, уходя съ своего поста въ послы въ Римъ, меня вспомнилъ. Но въ этотъ разъ и не имѣя при себѣ форменнаго костюма, я у него не былъ, о чемъ послѣ и пожалѣлъ. Все-таки Муравьевъ меня цѣнилъ, и я былъ очень огорченъ его внезапною кончиною въ Римѣ. Смерть такого выдающагося государственнаго дѣятеля—огромная потеря для Россіи.

Я откланялся Н. Д. Чаплину и вскорѣ же выѣхалъ въ Пензу. Это было въ началѣ нашей неблагополучной войны и пораженій отъ японцевъ. Сердце мое трепетало и обливалось кровью, когда приходилось читать объ этихъ пораженіяхъ... И какъ я боялся газетныхъ извѣстій и телеграммъ съ театра войны! И только одно было тогда радостное событіе—рожденіе его императорскаго высочества, наследника-цесаревича. Загремѣлъ салютъ съ Петропавловской крѣпости, и столица украсилась флагами.

Пришлось-таки переселиться въ далекую и невѣдомую мнѣ Сибирь.

Мои почтенные сослуживцы, съ предсѣдателемъ П. И. Потуловымъ во главѣ, 22-го октября 1904 г. почтили меня торжественнымъ обѣдомъ въ общественномъ собраніи. Раздались за обѣдомъ привѣтственные и прощальные рѣчи. Отвѣчалъ на нихъ и я, будучи глу-

боко тронуть незаслуженнымъ вниманіемъ. А млѣйшій товарищъ прокурора М. Ѳ. Кирсановъ тутъ же прочиталъ составленные имъ ad hoc стихи:

Много лѣтъ жилъ въ Пензѣ Волжинъ,
Очень много написалъ...
Но въ Сибирь уѣхать долженъ
Нашъ писатель-генералъ.

Долго онъ въ конкубинатѣ
Съ бѣдной Пензой мирно жилъ,
Но, присватавшись къ палатѣ,
Вдругъ старушкѣ измѣнилъ.

Жизнь открылась новой ширью
Предъ тобою, Валерьянъ,
Сочетался ты съ Сибирью—
Вотъ послѣдній твой романъ.

Не ропщи жъ за то на Бога!
Вѣрь пророческимъ словамъ:
Кто въ Сибирь сослалъ ужъ много,
Попадетъ туда и самъ.

Неудачной эпиграммой
Не хочу тебя смущать...
Но съ такою скверной дамой,
Какъ Сибирь, себя держать
Нужно очень осторожно
И подальше, если можно.

Больше не пиши романовъ,
Лучше письма намъ пиши.
Всѣ о томъ,—и я, Кирсановъ,
Тебя просимъ отъ души.

Тѣмъ мы рады, чѣмъ богаты.
А миѣ рѣчь кончать пора.
Здравствуй, новый членъ палаты,
Хоть не нашей, но... ура!

Я вырвался изъ Пензы, какъ изъ тусклой и душной тюрьмы, на свѣжій воздухъ; но въ концѣ концовъ миѣ все-таки было жаль ее покидать: до того уже я съ нею свыкся... Жаль было разставаться со знакомыми и со многими изъ моихъ сослуживцевъ. Сибирь же, по предсказанію Кирсанова, дѣйствительно оказалась для меня «скверною и опасною дамою». А я, какъ на грѣхъ, и позабылъ, въ какія тяжелыя времена мы живемъ,—во времена, ознаменованныя, въ довольно-таки гнусной формѣ, революціоннымъ движеніемъ, казнокрадствомъ и всевозможными преступленіями. Теперь легко можно, что называется, «влетѣть» въ бѣду и безъ вины сдѣлаться виноватымъ. Привыкнувъ думать о людяхъ лучше, чѣмъ они того заслуживаютъ и что въ дѣйствительности они собою представляютъ, доколѣ противное по ихъ дѣйствіямъ не доказано, я держалъ себя въ Сибири не очень-то осторожно и вѣрилъ въ возможность, пользу и силу гласности для общества... Но объ этомъ послѣ.

Я условился съ женою, что она съ вещами и горничной поѣдетъ въ Омскъ и принцетъ тамъ квартиру, оставивъ свой адресъ на вокзалѣ у начальника станціи. Я же приѣду на все готовое—въ эту квартиру, выѣхавъ изъ Пензы черезъ недѣлю послѣ ея отъѣзда.

Въ Омскъ я приѣхалъ ночью въ жестокой морозъ.

«Стало быть,—думаю такъ:—это матушка Сибирь... Нормальная, значить, температура».

Усиленное передвиженіе войскъ и прочая суета, конечно, отбили память у начальника станціи, который отъѣтилъ мнѣ, что никакого письма для меня ему не было оставлено.

Посильщикъ беретъ мои вещи, и я сажусь въ сани. Извозчикъ-киргизъ показался мнѣ какимъ-то дикаремъ изъ Африки или Полинезій.

Куда же ѣхать? Почти полная темнота. Кое-гдѣ тускло горятъ фонари, а путь до города далекой... нѣсколько верстъ.

— Куда, бачка?—спросилъ киргизъ.

— Вези въ полицію.

Подѣхали къ какому-то дому. Но въ темнотѣ нельзя сообразить и догадаться, что это именно необходимое и значное мѣсто—полиція. Начинаю даже сомнѣваться. Ни души на улицахъ и на большомъ пространствѣ ни одного фонаря. Но какъ же это при самой полиціи не зажжены фонари! Да и имѣются ли они хоть для вида? Стало быть, по-сибирски это такъ полагается. А входъ съ улицы запертъ.

Оставивъ на волю Божію вещи у киргиза въ саняхъ, пролѣзаю въ ворота и ощупью лѣзу по какой-то лѣстницѣ, гдѣ наверху свѣтится огонекъ... Начинаю догадываться, что лѣзу на балачу или на чердакъ,—и какъ бы еще не убиться! Осторожно спускаюсь и ощупью, отворивъ какую-то дверь, натыгаюсь на сладко храпящаго полицейскаго.

Разбудилъ полицмена.

— Это полиція?—спрашиваю я.—А гдѣ у васъ дежурный чиновникъ?

Растолкалъ и спавшаго дежурнаго чиновника.

Объяснивъ, кто я такой, и исходя изъ того соображенія, что если я не совѣмъ уже маленький чиновникъ въ генеральскомъ чинѣ, то полиція должна же знать адресъ моей жены, спрашиваю:

— Есть ли у васъ адресная книга?

— Есть, да только ее утромъ принесутъ въ полицію.

«Хороши, думаю, порядки! Вотъ такъ настоящая Азія. И это столица Западной Сибири!»

— Вези меня,—сказалъ я киргизу, по счастью меня не обокравшему,—куда-нибудь по номерамъ... Можетъ быть, разыщу, кого мнѣ нужно.

Долго я ѣздилъ во мракѣ по пустыннымъ улицамъ и перебивалъ во многихъ гостиницахъ и номерахъ. Наконецъ, нападаю на слѣдъ. Моя жена съ горничной остапавливалась въ «Коммерческихъ номерахъ», какъ оказалось по разспросамъ и примѣтамъ. Но, на бѣду, прислуга и поднятый мною съ постели хозяинъ номеровъ не могли объяснить, куда именно она переѣхала. Вотъ развѣ утромъ не пріѣдутъ ли извозчики, и отъ нихъ, пожалуй, можно будетъ узнать...

Я сильно озябъ.

— Ну, вези меня еще въ какіе-нибудь номера!—сказала я киргизу и, подѣхавъ къ какимъ-то меблированнымъ комнатамъ, занялъ номеръ съ двумя печами, но обѣ холодныя! А другого свободнаго номера не было.

— Прикажете истопить?—спросилъ меня померной.

— Это слѣдовало сдѣлать раньше, а не теперь... Еще нанустите угару...

Зажгли свѣчу. Дьявольскій холодъ. Сажусь среди комнаты на стуль—въ шубѣ, калошахъ и въ шапкѣ и дожидаясь свѣта въ самомъ мрачномъ настроеніи.

А вотъ и утро. Пошелъ опять въ полицію. Книгу съ адресами еще не привесли. Брожу по улицамъ, и вдругъ меня озарила счастливая мысль: не оставила ли адреса моя жена на почтѣ?

Дѣйствительно оставила. Тогда по этому адресу я пошелъ разыскивать квартиру, оказавшуюся близъ кадетскаго корпуса. Взялъ извозчика и поѣхалъ за вещами.

— Сколько вамъ слѣдуетъ съ меня за номеръ?—спросилъ я.

— Рублика полтора положьте!

— Это за то, что вы меня три часа морозили?

— Ну, извольте: уважимъ!—рубликъ съ четвертачкомъ.

Уплатилъ и переѣхалъ на квартиру.

А начальникъ станціи спохватился и въ этотъ же день прислалъ оставленное ему моею женою письмо съ ея адресомъ въ судебную палату, которую я едва разыскалъ въ мизерномъ наемномъ помѣщеніи на Любинскомъ проспектѣ. Сперва я прошелъ было мимо, принявъ это помѣщеніе по ввѣскѣ и входу за табачную лавочку...

Въ результатъ отъ ночныхъ поисковъ и ѣзды по городу—инфлуэнца. А тутъ надо же было спѣшить осмотрѣться и ознакомиться съ помѣщеніемъ палаты и моими новыми сослуживцами.

Зачислили меня въ гражданскій департаментъ. Ничего особеннаго противъ этого не имѣю, хотя предпочелъ бы работать въ уголовномъ департаментѣ. Затѣмъ неизбѣжные визиты и отвѣты на нихъ. А самый городъ?

Неужели это столица Западной Сибири? Какіе-то невзрачныя, большею частью одноэтажные дома съ окнами, которыя запираются

на ночь отъ воровъ ставнями. Немошныя улицы и вездѣ поразительное неряшество. А товары изъ многихъ лавокъ выставлены по-азіатски на улицу. Появляются иногда въ городѣ съ киргизами, одѣтыми въ полосатые халаты и капоры, издающіе гортанные и дикіе звуки верблюды...

Когда же весною началось таяніе снѣга и льда, я увидѣлъ, что на нѣкоторыхъ и даже центральныхъ улицахъ поставлены рогатки, какъ предостереженіе не ѣздить; иначе легко можно увязнуть и даже утонуть въ грязи. Вѣдь былъ же случай съ пріѣхавшей въ Омскъ изъ Томска барыней, которая чуть не захлебнулась въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ холодной грязи, вываленная извозчикомъ изъ таратайки на Почтовой улицѣ. А затѣмъ передаютъ люди, какъ достовѣрный фактъ, что утонула и погибла въ грязи свинья на Тарской улицѣ.

Одна же улица въ Омскѣ, гдѣ-то на окраинѣ, и до сихъ поръ именуется «Непроѣздная». Одинъ гласный городской думы предлагалъ эту улицу назвать улицей Остапенка—не потому ли, что Остапенко, пробывъ нѣсколько лѣтъ городскимъ головою въ Омскѣ, кажется, ничего хорошаго не сдѣлалъ для города, проявивъ поразительную бездѣятельность.

Но вотъ за нѣсколько лѣтъ моей службы въ Омскѣ все-таки начались нѣкоторыя улучшенія въ городѣ, благодаря вниманію и дѣятельности областного начальства. А, можетъ быть, повѣяло и духомъ времени. Въ городѣ много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, захватившихъ въ свои руки торговлю масломъ и земледѣльческими машинами. Образуется изъ поселковъ подъ городомъ, близъ Иртыша, на атаманскомъ хуторѣ Новый Омскъ. Городъ, такимъ образомъ, замѣтно разрастается съ населеніемъ, перевалившимъ за сотню тысячъ. Передвигаются черезъ Омскъ и переселенцы. Выстроены большіе дома, открылись громадныя магазины съ цѣнами и запросами втридорога на товаръ часто очень сомнительнаго и невысокаго качества и уже забракованный въ столицахъ. А въ общемъ жизнь при недостаткѣ числа квартиръ, устроенныхъ почти всегда безъ надлежащихъ удобствъ,—очень дорогая. Думаю, что въ Петербургѣ можно прожить на меньшую сумму денегъ и съ большими удобствами, чѣмъ въ Омскѣ. Нищихъ же, хулигановъ и всякихъ безобразій на улицахъ сколько угодно. А по ночамъ многіе боятся ходить. Полиціи почти не замѣтно, во многихъ даже людныхъ пунктахъ и въ ночное время расхаживаютъ и ѣздятъ по улицамъ конные, довольно-таки наивные, караульщики съ колотушками,— и не для того ли больше, чтобы будить обывателей, если начнется пожаръ? И не для того ли они сами нарушаютъ ночную тишину колотушками, чтобы воры знали, гдѣ находятся караульщики, и чтобы показать обывателямъ, что стража не спитъ и караулить больше сама себя?

ХІІ.

Однажды прихожу въ судебную палату.

— А вы опять начали писать въ газетахъ?—спрашиваютъ меня.

Я очень удивился. Оказалось, что въ омской газетѣ «Степь», теперь давно уже прекратившейся, какой-то г. Керстичъ, совсѣмъ неизвѣстный въ литературѣ, подписываетъ свои статьи моею фамилією.

Пошелъ объясняться съ редакторомъ.

— Ежели бы я самъ не занимался литературой,—сказалъ я:— то не былъ бы въ претензіи. А теперь чужія статьи приписываютъ мнѣ. На чужіе лавры не посягаю, но и не желаю, чтобы какого-то вашего сотрудника смѣшивали со мною.

Редакторъ А. И. Касаткинъ сталъ извиняться.

— Больше этого не будетъ. Да вошь этотъ самый господинъ!— указалъ онъ мнѣ на вошедшаго г. Керстича.

— Для чего же вы, милостивый государь, подписываетесь моею фамилією?—спросилъ я.

— Ваша фамилія мнѣ понравилась... А впрочемъ, извините,— больше подписываться такъ не буду.

Оказалось, что появившіяся въ Омскѣ мои четыре книжки по беллетристикѣ, изданныя у П. П. Сойкина, уже обратили на себя вниманіе кое-кого изъ публики и ихъ охотно читали.

Редакторъ просилъ меня оказать ему честь участіемъ въ газетѣ.

Не связывая себя обязательствами, я сталъ писать. Послѣ я пожалѣлъ объ этомъ, потому что корректоръ ничего не смыслилъ въ орѳографіи. А присылать мнѣ корректурные оттиски для исправленія было нельзя, такъ какъ чрезъ это задерживался бы выпускъ газеты. А завѣдывавшій хозяйственною частью редакціи бывшій чиновникъ областного правленія Г. И. Яхонтовъ, повидному, прикарманилъ причитавшійся мнѣ гонораръ—болѣе 182 рублей. Пригласивъ меня письмомъ для расчета, онъ заявилъ, что уплатить не можетъ за несведеніемъ счетовъ по конторѣ редакціи. Но и до сихъ поръ Яхонтовъ не уплатилъ мнѣ ни гроша, хотя, какъ увѣрялъ меня редакторъ, деньги были получены Яхонтовымъ для передачи мнѣ въ видѣ гонорара.

И за многими другими газетами и журналами сотнями рублей пропалъ мой гонораръ. Отданныя же въ разное время на комиссію по квитанціямъ мои книги пропали, по крайней мѣрѣ, за восемью книжными магазинами.

Въ книжныхъ лавкахъ на Литейномъ проспектѣ мнѣ доводилось видѣть выставленными для продажи мои книги.

— Откуда эта книга у васъ?—спросилъ я одного букиниста.

— Мы купили на аукціонѣ...

Но таковы у нас нравы, что можно продавать съ аукціона и покупать книги, отданныя на комиссію, въ сущности чужую собственность, за долги владѣльца книжнаго магазина.

Затѣмъ появились изданныя у А. С. Суворина книжки моихъ разказовъ: «Безъ прикрасъ» и «Разказы», написанныхъ въ Омскѣ. А по приглашенію редактора нынѣ прекратившейся томской газеты «Сибирскіе Отголоски» я сталъ писать въ этой газетѣ.

Вотъ тутъ-то и сбылось предсказаніе М. Ѳ. Кирсанова... Сибирь оказалась дѣйствительно для меня «опасной и скверной дамой».

Безъ малѣйшаго умысла порицать правительство, въ моемъ возрастѣ и положеніи, и одушевленный только мыслью избавить населеніе отъ эксплуатаціи его подпольными ходатаями и помочь бѣднякамъ въ возможности пользоваться за грошовую плату услугами патентованныхъ адвокатовъ, я написалъ статью въ №№ 25, 26 «Сибирскихъ Отголосковъ» за 1910 г.: «Необходимость бюро консультацій для населенія». Мнѣ и въ голову не приходило, что эта статья будетъ истолкована въ смыслѣ порицанія правительства, которому я всегда служилъ вѣрою-правдою и которое я всегда и всюду защищалъ въ сужденіяхъ въ обществѣ и отстаивалъ въ печати по мѣрѣ силъ. Уваженіе къ законности и польза обществу—вотъ мой девизъ. А мои политическія воззрѣнія и убѣжденія—безусловная необходимость для блага Россіи монархически-конституціоннаго строя. Я думалъ, что должны же быть уважаемы искренность, прямота и свобода мнѣнія и въ особенности послѣ высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 г. А по привычкѣ и не видя надобности прибѣгать къ псевдониму, я подписалъ эту статью своею фамиліею.

И что же? Я жестоко ошибся...

Во время моихъ каникулъ, по просьбѣ сестры, я сопровождалъ ее за границу. Черезъ Варшаву поѣхали въ Вѣну, оттуда въ Венецію, Миланъ, Лозанну, Женеву и Парижъ. Впечатлѣнія отъ этой поѣздки были мимолетныя, какъ въ кинематографѣ... У меня очень мало было времени. Сестра осталась въ Виши, а я черезъ Берлинъ и Варшаву добрался до станціи Чаадаевка, рассчитывая пробыть хоть нѣсколько дней на дачѣ у моего сына, товарища прокурора саратовскаго окружнаго суда. И вдругъ въ Чаадаевкѣ узналъ, что мой Саша умираетъ въ Саратовѣ отъ эпидеміи... Другимъ ударомъ, поразившимъ меня, было письмо изъ Омска отъ моей жены, которымъ она извѣщаетъ, что по ордеру министра юстиціи я подлежу, въ дисциплинарномъ порядкѣ, суду сената по 295² ст. учр. суд. устан. за статью о бюро, и, слѣдовательно, мнѣ угрожаетъ увольненіе отъ службы, такъ какъ я, въ качествѣ судьи, будто бы потерялъ уваженіе и довѣріе... Легко сказать!.. Въ дѣйствительности же ничего несовмѣстимаго съ достоинствомъ судьи, съ моей точки зрѣнія, я не совершалъ и никогда не терялъ уваженія въ обществѣ, которымъ и понынѣ пользуюсь.

Не отдохнувъ послѣ длиннаго пути, я съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ пробылъ у постели моего Саши нѣсколько дней и сообщилъ ему лишь предъ выѣздомъ въ Омскъ, что неожиданно попалъ подъ особый дисциплинарный судъ и чувствую себя безъ вины виноватымъ. Выразился рѣзко и неосторожно о томъ, что правительству не слѣдовало закрывать полезныя учрежденія — бюро консультацій, но ничего грязнаго и позорящаго меня, какъ судью, я не совершилъ.

Приѣхавъ въ Омскъ, написалъ и представилъ объясненіе въ сенатъ, а конію его при рапортѣ тому министру, который два года тому назадъ при моемъ представленіи ему высказалъ, что онъ радъ меня видѣть, спросилъ, какъ я поживаю и продолжаю ли писать, и сказалъ, что у него имѣются мои книги «Законы и жизнь». Но времена мѣняются, — и теперь этотъ же министръ возбудилъ въ сенатѣ противъ меня преслѣдованіе...

Пославъ чрезъ старшаго предсѣдателя палаты этотъ рапортъ министру, подумалъ: не страшень самъ по себѣ для меня судъ дисциплинарнаго присутствія, потому что совѣтъ моя чиста и тотъ же сенатъ можетъ меня оправдать, не найдя въ моей статьѣ о бюро состава преступленія... Но я — не одинъ. У меня семья и жена, заинтересованная въ возможности полученія мною приличной пенсін и эмеритуры, и... чрезъ старшаго предсѣдателя подалъ въ отставку. А когда прибылъ въ Петербургъ, министръ, хотя и принялъ меня въ кабинетѣ, но не пожелалъ говорить со мной о злополучной статьѣ.

Если министръ не желаетъ разговаривать о статьѣ, — пришлось почтительно замолчать, откланяться и окончить все объясненія.

Я получилъ нѣсколько сочувственныхъ мнѣ писемъ отъ лицъ, прикосновенныхъ къ литературѣ и очень мало мнѣ извѣстныхъ. Но мое положеніе отъ этого не стало лучше.

По долгу чести и присяги, не щадя живота, я прослужилъ болѣе сорока лѣтъ и высочайшимъ приказомъ отъ 31-го декабря 1910 г. уволенъ отъ службы согласно прошенію и по болѣзни съ мундиромъ.

Свой мундиръ я ничѣмъ не занявалъ и, пока еще не чувствую дряхлости, намѣренъ работать до конца моихъ дней.

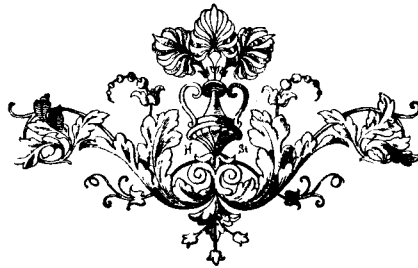
А сколько ихъ людей уже нѣтъ изъ тѣхъ когда-то дѣятелей, тѣни которыхъ мнѣ пришлось потревожить въ этихъ безхитростныхъ воспоминаніяхъ! Почти все эти люди сошли съ арены жизни, мирно покоятся во гробахъ, и лишь немногіе изъ нихъ попадутъ въ исторію. И, пока жили, — они добивались счастья и успѣховъ въ этомъ земномъ мірѣ, горѣли и трепетали ихъ сердца упованіями, радостями, горемъ и разочарованіемъ. А въ концѣ концовъ тѣла ихъ обратилась въ прахъ... Но бессмертныя души ихъ и людская память о нихъ? И неужели они все подлежатъ отъ людей, ихъ же братьевъ по духу и плоти, забвенію?

Смерть приноситъ покинувшимъ этотъ міръ людямъ вѣчное забвеніе и успокоеніе до наступленія всеобщаго воскресенія для жизни въ иное, лучшее и вѣчное міръ. Такъ учитъ наша православная церковь, и къ этому заключенію, вносящему свѣтъ и надежду въ наше безотрадное положеніе, приводятъ насъ вѣра въ Бога и религія. И тѣмъ не менѣе умершихъ пережившіе ихъ люди такъ быстро забываютъ въ этомъ земномъ мірѣ, какъ будто покойники никогда и не жили... Обидно и ужасно!

Не избѣжать этой горькой участи—забвенія отъ людей—и мнѣ. Скоро наступитъ и моя очередь сойти въ могилу...

Venit mors velociter, rapit nos atrociter... Nemini parceretur!..

В. А. Волжинъ.

ДВУНОГИЙ ЗВѢРЬ.

(Изъ человѣческихъ документовъ).

Одна правда и одинъ законъ у всѣхъ: и у солнца, и у вѣтра, и у волны, и у звѣрей, и только у человѣка—другая правда. Войся человѣческой правды!

Леонидъ Андреевъ («Океанъ»).

Вы притворяетесь людьми, но подъ перчатками я вижу когти, подъ шляпою—приплюснутый черепъ звѣря...

Леонидъ Андреевъ («Красный смѣхъ»).

Lupus est homo homini, non homo quom qualis sit non novit.

Плавтъ («Asinaria», с. 495).

Оггадчикъ скрытыхъ отраженій,
Взоръ острый часто открывалъ
Въ двуногомъ звѣрѣ взглядъ гнѣий
И тайныхъ хищниковъ оскалъ.
И въ каждомъ словѣ заглушенный
Мерещился голодный вой,
Какъ будто перевоплощенный
Стоялъ гнусавый волкъ лѣсной.
Какъ жадокъ мощный «царь природы»,
Несокрушимый звѣрь—двуногий
Рабъ страсти, въ немъ ли свѣтъ свободы!
Въ слѣдахъ крови—его чертогы...
И звѣрь бонся человѣка,
И человѣку страшенъ звѣрь...
Обломокъ каменнаго вѣка,
Душой онъ—камень и теперь.

В. Умановъ-Каплуновскій.

I.

Сонъ души.

(Прологъ).

ЕДЛЕННО надвигались сумерки, но въ комнатѣ съ турецкимъ диваномъ и разными восточными украшениями еще было довольно свѣтло.

Сидѣло двое—молодой и пожилой. Курили.

— Развѣ можно оклеветать жизнь?—спросилъ насмѣшливо второй тусклымъ какимъ-то, матовымъ голосомъ, и его черные глаза, полные затѣнной скорби, остановились на жизнерадостномъ лицѣ перваго, выражая изумленіе, граничащее даже съ испугомъ:— жизнь преподноситъ изъ дня въ день такіе сюрпризы, показываетъ такія гримасы, что всякій выдумщикъ позорно спасуетъ передъ ней. Не надо и фантази, только записывайте происшествія...

Такъ какъ молодой, вѣроятно, переваривая еще вкусный обѣдъ, упорно молчалъ, пожилой нервно разгладилъ длинные

волосы, значительно уже посеребрённые, и подошель къ выключателю.

Щёлкнулъ—и разлился пріятный голубоватый свѣтъ круглаго фонаря.

— Подумракъ располагаетъ къ мечтательности, а я этого не хотѣлъ бы. Позвольте овладѣть вашими мыслями, ну, на полчаса, не больше. Знаете, я веду своего рода лѣтопись событій. Ежедневно дѣлаю выдержки изъ газетъ и—вотъ посмотрите...

Онъ быстро направился въ сосѣдную комнату и сейчасъ же принесъ толстую книгу въ видѣ потпой тетради.

— Тутъ у меня дѣлая коллекція человѣческихъ документовъ (неопровержимыхъ!), ни единой выдумки, все—голая правда, не прикрашенная.

— Собственно зачѣмъ же это, Михаилъ Елисѣвичъ?—подавъ наконецъ голосъ и молодой, не измѣняя, впрочемъ, позы и показывая полнѣйшее хладнокровіе, будто вопросъ былъ заданъ имъ исключительно ради любезности.

— А чтобы не быть голословнымъ. Меня всегда занимала фигура человѣка въ ряду другихъ существъ, ну, и...

— Вы остановились? Я не обижусь... валяйте!

— Выводъ жестокій... да и не новый, подтверждающій прежнее. Помните, у Шиллера въ «Разбойникахъ»: «Люди, люди! лживое, коварное отродье крокодиловъ! вода—ваши очи, сердце—желѣзо; на уста—поцѣлуй, кинжалъ—въ сердце!..» А въ «Балладѣ редингской тюрьмы»¹⁾ тоже не лучше: «Каждый человѣкъ убиваетъ то, что онъ любитъ; одни это дѣлаютъ ненавистнымъ взглядомъ, другіе—льстивымъ словомъ; трусь это дѣлаетъ поцѣлуемъ, смѣлый—мечомъ».

— Чортъ возьми, да вы—прокуроръ въ отношеніи человѣчества!—воскликнулъ молодой гость, начиная волноваться:—но на какомъ же основаніи, э? вѣдь, и вы—человѣкъ, надѣюсь!

— По праву человѣка, отогцавшаго «сонъ души»,—долгій, мучительный сонъ. Вамъ, пожалуй, неинтересна моя болтовня? Я тогда замолчу и спрячу тетрадь.

— Какой вы! чуть что—и сердитесь... «Сонъ души» это—оригинальная болѣзнь.

— Человѣкъ очень ей подверженъ. Теперь она стала явленіемъ не только фізіологическимъ, но и бытовымъ. Большинство заражено ею. Должно быть, какой-нибудь грибокъ завелся...

Илья Ильичъ (молодой) посматривалъ исподлобья на своего собесѣдника и не могъ рѣшить—шутить онъ, или говорить серьезно.

Михаилъ Елисѣевичъ замѣтилъ этотъ наблюдательный взглядъ и криво усмѣхнулся, закусивъ губу.

¹⁾ Оскара Уайльда.

— Я не буду утруждать вашего вниманія продолжительнымъ чтеніемъ. Достаточно какихъ-нибудь двухъ десятковъ примѣровъ, взятыхъ наудачу...

Онъ началъ перелистывать тетрадь.

— Слушайте!

«Симферополь. Къ мѣстному приставу явился мальчикъ Андрей Х., десяти лѣтъ, и сообщилъ, что отецъ и мачеха задумали его убить и уже затопили печь, чтобы бросить его въ огонь. Онъ спасся какъ-то случайно. Полиція выяснила возмутительную картину изтязанія роднымъ отцомъ и мачехой—тронхъ дѣтей».

«Харьковъ. Въ селеніи Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда, звѣрски убитъ зажиточный крестьянинъ Д. и тяжело ранена его жена. Обыскавъ домъ и найдя въ немъ нѣсколько копеекъ, убійцы забрали ихъ и скрылись. Преступники оказались крестьянами соседней деревни, находившимися въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ Д.»

«Изъ заграничныхъ газетъ. Во Франціи, въ маленькомъ городкѣ Сенъ-Брикѣ, судили за убійство четырнадцатилѣтняго мальчика, зарубившаго топоромъ дѣвушку, почти ровесницу. Присяжные засѣдатели единогласно признали его виновнымъ и отвергли всякую мысль о снисхожденіи. Судъ приговорилъ юнаго убійцу къ смертной казни, и, что всего удивительнѣй, ни судьи, ни присяжные не пожелали ходатайствовать передъ президентомъ о смягченіи приговора».

«Полтава. Мѣстный кунецъ К. зарубилъ топоромъ свою жену. Драма произошла на почвѣ ревности».

«Изъ заграничныхъ газетъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ мѣстности Real's Island, существуетъ религіозная секта изувѣровъ, производящихъ человѣческія жертвоприношенія. Предупрежденные объ одной изъ такихъ церемоній шерифъ и депутаты накрыли двадцать послѣдователей секты, окружавшихъ жертвенникъ, на которомъ лежалъ семилѣтній мальчикъ, связанный по рукамъ и ногамъ, съ заткнутымъ ртомъ. Жрецъ уже готовился перерѣзать ему горло длиннымъ ножомъ».

«Изъ тѣхъ же газетъ. Въ итальянскихъ университетахъ до сихъ поръ сохранился средневѣковой обычай выбирать ректора путемъ кулачныхъ боевъ. Каждая партія старается отстоять своего кандидата кулаками, пуская также въ ходъ химическую обструкцію, тухлыя яйца, пакеты съ краской и проч. Разыгрывается настоящая битва, пока не будетъ водружено чье-нибудь знамя у главнаго университетскаго подѣзда».

«Ревель. Юноша заманилъ дѣвушку въ уединенный домикъ, прострѣлилъ ей голову, ослѣпилъ и затѣмъ, прикрывъ ужасныя раны обрывками боевъ, пытался изнасиловать окровавленную, умирающую жертву».

«Ковно. К., желая продать купцу М. корову, пригласилъ его въ хлѣвъ для осмотра. Здѣсь на купца набросились трое неизвѣстныхъ, забрали у него пятьдесятъ три рубля, послѣ чего выкололи ему глаза, отрѣзали уши, носъ, отрубилъ голову и спрятали взуродованный трупъ въ кучу мусора».

«С. Богородское. Близъ Лосинаго острова была найдена задушенной женщина, въ которой признали прачку Л. Наканунѣ убійства ее видѣли гуляющей съ плотникомъ С. Послѣдній и оказался убійцей. На вопросъ, за что онъ убилъ прачку, плотникъ отвѣтилъ:

«— Да такъ, стало жалко трешницы... Задарма прогулялъ съ бабой».

«С.-Петербургъ. Содержательница золотошвейной мастерской, Дарья К., убила топоромъ мужа своей крестной матери, восьмидесятилѣтняго старика-псаломщика, имѣвшаго нѣсколько тысячъ сбереженій, трупъ разрубилъ на части и уложила въ сундукъ, а голову бросила въ кухонную печку и приказала затопить кухаркѣ, за что подарила ей три выигрышныхъ билета, а дѣвочкамъ-мастерицамъ дала сто рублей за молчаніе. Когда человѣческая голова стала горѣть, потрескивая на угольяхъ, кухарка, по приказанію К., стала жарить на плитѣ яичницу, которую потомъ съ аппетитомъ съѣла вмѣстѣ съ хозяйкой».

«Изъ сибирскихъ газетъ. Въ глухой тайгѣ въ теченіе многихъ лѣтъ проживалъ Г. Д., девяностилѣтній старецъ, угрюмый на видъ и необщительный. Въ поздніе ночные часы въ его землянку иногда проникали людскія тѣни,—бѣлые каторжники, искавшіе временнаго пріюта. Хозяинъ принималъ ихъ, угощалъ вкусными пирожками съ мясомъ и затѣмъ укладывалъ у себя на постель. Выпивъ стаканъ чаю, куда примѣшивалось, вѣроятно, снотворное снадобье, пришлецъ обыкновенно погружался въ глубокій сонъ. Хозяинъ перерѣзывалъ спящему горло, изъ мяса убитаго приготовлялъ ѣду, а излишки солилъ впрокъ. Послѣ смерти старца въ погребѣ у него нашли нѣсколько кадокъ съ просоленнымъ человѣческимъ мясомъ».

«Черниговъ. Въ Кобыжскомъ хуторѣ мѣстный житель Иванъ Ш. звѣрски убилъ свою пятидесятилѣтнюю мать и трупъ швырнулъ въ колодець. Причиной убійства было желаніе ускорить полученіе наслѣдства».

«Ярославль. Въ Нерехтскомъ уѣздѣ на крестьянку Ж. напали въ лѣсу шесть парней, которые, совершивъ насиліе, стали ее избивать и, уходя, вбили ей въ животъ коль. Въ жестокихъ мученіяхъ по дорогѣ въ больницу Ж. умерла».

«Д. Бѣлая. Крестьянка Екатерина, оставшись послѣ смерти мужа съ тремя дочерьми, вышла вторично замужъ за своего бывшаго работника Л. Отлучаясь въ поле, она всегда оставляла дѣтей на

попеченіе мужа. Однажды, возвратясь съ работы, Екатерина заста-
ла мертвою свою любимицу, четырехлѣтнюю Ольгу. Ноги у дѣ-
вочки почернѣли, шея была сдавлена, изо рта, ушей и носа текла
красная пѣна. Рѣшили—надучая. Не прошло и трехъ недѣль,
та же участь постигла другую, семилѣтнюю дѣвочку. Умирающая
едва успѣла безсвязно прошептатъ матери:

«— Родимая... душиль и щекоталь вотчимъ... падалился камень...»

«Объяснилъ:— покойный мужъ (оборотень!) мститъ Екатеринбургъ. Но
когда и третья дочь, задыхаясь, дрожа отъ страха и боли, съ широ-
ко открытыми глазами, передъ смертью разсказала матери злесе-
тающимся языкомъ, какъ ее мучилъ вотчимъ,— злодѣй былъ аре-
стованъ. Слѣды крови на полу и одеждѣ выдали мужа Екатерины».

«Изъ заграничныхъ газетъ. Недавно во время вол-
неній въ Испаніи возмущенная толпа ворвалась въ женскій мона-
стырь, и то, что она тамъ увидѣла, заставило ее застыть въ ужасѣ.
Въ протившемъ отъ сырости помѣщеніи, куда едва пробивался
свѣтъ, оказалось нѣсколько изсохшихъ труповъ и скелетовъ. Въ
разныхъ закоулкахъ хранились всевозможныя орудія пытокъ... на-
примѣръ, желѣзная кровать съ цѣпнымъ одѣяломъ, которое за-
мыкало обреченныхъ, а подъ нею— пять газовыхъ трубъ съ много-
численными отверстіями, носившими явственные слѣды продол-
жительнаго накаливанія. Словомъ— настоящая адская сушильня
для поджариванья провинившихся на медленномъ огнѣ... И это въ
Барселонѣ!...»

«С.-Петербургъ. Убійцы домовладѣльца М., приговоривъ
его къ смерти, заключили письменный товарищескій договоръ на
преступленіе, который и подписали,— нѣчто совершенно новое, низ-
водящее тягчайшее изъ преступленій до степени простой амери-
канской сдѣлки. Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа,
свидѣтельствующаго объ озвѣрѣніи человѣка:

«1911 года, августа 20-го дня мы (такіе-то), порѣшивъ покон-
чить съ Н. А. М., обязуемся добытыя деньги вручить Н. Ж., а *ле-
вольверъ*, если таковой будетъ,— К. К. Въ случаѣ я, К., буду замѣ-
ченъ полиціею, долженъ покончить съ собою. Деньги тогда останутся
у Ж., и изъ нихъ онъ долженъ дать братьямъ по 200 рублей. Усло-
віе сіе сохранить свято и ненарушимо».

«Тула. Въ Венеѣ слушалось дѣло крестьянина З., обвиняе-
маго въ убійствѣ своей внѣбрачной трехлѣтней дочери. Выясни-
лось на судѣ, что отецъ постоянно истязалъ ее. По вскрытіи трупа
въ тѣлѣ дѣвочки найдено шесть булавокъ и одна шпилька».

«Ростовъ-на-Дону. Недалеко отъ поселка Иваново-Шам-
шинскаго былъ обнаруженъ трупъ молодой дѣвушки Ульяны К.,
четырнадцати лѣтъ отъ роду, съ признаками насильственной смерти.
На первомъ же допросѣ сознался убійца, отецъ дѣвушки, расска-
завъ, что, будучи вдовцомъ, онъ вступилъ съ дочерью въ сожитель-

ство, съ ея на то согласіи, когда ей исполнилось дѣнадцать лѣтъ. Въ послѣднее время къ ней кто-то сталъ ходить. Ему удалось подстеречь сосѣдскаго парня И. Между отцомъ и дочерью произошло бурное объясненіе, причемъ дѣвочка заявила, что любитъ парня, а жить съ отцомъ больше не хочетъ. Тогда онъ, дождавшись вечера, накинудся на нее и задушилъ, а трупъ вывезъ вмѣстѣ съ мусоромъ за поселокъ, гдѣ и бросилъ въ полѣ».

«Изъ заграничныхъ газетъ. Французъ Жанъ Каронъ заманилъ къ себѣ малолѣтнюю продавщицу газетъ и звѣрски умертвилъ съ цѣлю насытить свою болѣзненную страсть къ человѣческому мясу. На допросѣ онъ между прочимъ сообщилъ:

«— На меня по ей находило такое безумное желаніе отвѣдать живого, еще теплаго человѣческаго мяса, кровь приливала къ головѣ такой горячей волной, что я волей-неволей, пытаюсь сдержать себя, съѣдалъ куски собственнаго тѣла и упивался запахомъ не остывшей крови.

«При этихъ словахъ онъ сбросилъ одежду, и присутствующіе увидѣли громадную сплошную рану, тянущуюся отъ бедра до колѣна».

Михаилъ Елисеѣвичъ захопнулъ тетрадь и сердито отбросилъ ее на ближайшій круглый столъ, отдѣланный перламутровыми инкрустациями, такъ что едва не опрокинулъ пепельницы.

И гость, и хозяинъ молчали.

— Видите,—наконецъ проговорилъ послѣдній, ходя изъ угла въ уголь съ явными признаками возбужденія:—что представляетъ собою человѣкъ! Тутъ, вѣдь, у меня взяты вовсе не разбойники какіе-нибудь и не сумасшедшіе, а самые обыкновенные мирные люди, съ которыми сталкиваешься постоянно. Въ этомъ-то и кроется главный ужасъ! Я прочиталъ незначительныя выдержки, а такія происшествія встрѣчаются ежедневно... Прямо эпидемія, напасть... Знаменитый Фабръ въ своихъ «Энтомологическихъ воспоминаніяхъ», упоминая о навозныхъ жукахъ, этихъ санитаряхъ природы, утверждаетъ, что ихъ паразительные материнскіе и отцовскіе инстинкты нисколько не уступаютъ родительскимъ чувствамъ, которыя нужно искать на верхахъ жизни, у человѣка... Хороши «верхи жизни», нечего сказать!—и Михаилъ Елисеѣвичъ нервно расхохотался, но лицо его сейчасъ же приняло опять печальное выраженіе.

Илья Ильичъ, полуразвалившійся на диванѣ, усиленно затягивался папиросой, положивъ ногу на ногу, и странно улыбался.

— Я не подозрѣвалъ, что вы такъ озлоблены противъ человѣчества. Почему бы это? У человѣка много заслугъ,—нерѣшительно замѣтилъ онъ:—одинъ Эдиссонъ чего стоитъ!

Ему, видимо, не нравилось, что послѣобѣденный разговоръ принялъ такой рѣзкій характеръ да еще на тему, безразличную для него.

— У человѣка заслуги ума, но не заслуги сердца... Въ моемъ предположеніи, что человѣчество заболѣло новой болѣзью, «сномъ души»,—есть намекъ на оправданье, а вовсе не озлобленье. Иначе, чѣмъ же объяснить эту массовую озвѣрѣлость, возвратъ къ дикому первобытному хищнику и эту апатію общества?.. Вонъ въ Вятской губерніи до сихъ поръ существуетъ обрядъ языческихъ жертвоприношеній! Въ Духовъ день крестьяне какой-то деревни въ Глазовскомъ уѣздѣ «правятъ жертву», въ полѣ рѣжутъ быковъ, сдираютъ шкуры и варятъ въ котлахъ, воображая, что иначе Богъ дождя не дастъ и не будетъ урожая... Ну, съ такими темными людишками еще куда ни шло, а дикость среди насъ, интеллигентовъ, чѣмъ же оправдать, какъ не «усыпленіемъ» души?... Я два раза присутствовалъ при ужасныхъ зрѣлищахъ и, кажется, только послѣ этого и нашелъ въ себѣ силы, чтобы противодѣйствовать «сну», иначе такъ бы и пребывалъ въ безразличіи!

Михаиль Елисеѣвичъ какъ будто не собирался рассказывать объ этихъ случаяхъ и видъ имѣлъ крайне разстроенный, но гость вызывалъ его на откровенность.

— Нѣтъ ужъ, стали ораторствовать—такъ ораторствуйте, а то какой же вы проповѣдникъ!

— Польщенъ, если вамъ не скучно... Первый случай былъ въ Харбинѣ. Я служилъ тамъ въ то время. Мы узнали, что будутъ казнить хунхуза, и я отправился съ компаніей за поселокъ. Развлеченіе, видите ли! Никогда себѣ этого не прощу... Да-съ... Ну, такъ стоимъ это мы, балагуримъ (время выбрали!), анекдоты разные передаемъ другъ другу... съ часъ, пожалуй, прождали... Наконецъ приводятъ подъ звуки музыки осужденнаго, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, развязываютъ веревки и на колѣна ставятъ. Видъ у него былъ самый бессмысленный и безучастный, глаза—стѣкляные... Понималъ ли онъ, что готовилось? Потомъ мы узнали стороной, что смертниковъ китайцы всегда предварительно напиваютъ опійной водкой, чтобъ одурманить... Палачъ осмотрѣлъ свое орудіе,—пашку какую-то, затѣмъ размахнулся и сталъ рубить голову хунхузу, разъ пять ударялъ по шеѣ, какъ дерево срубаютъ, пока не отсѣкъ... Кровь—фонтаномъ. А солдаты и публика въ восторгѣ... «Хао, хао!»—кричатъ (по-нашему значитъ —«хорошо!») Поразила меня эта бойня, дрожь взяла, но я не уходилъ... Любопытство разыгралось во мнѣ... И, вѣрите ли, бытовая картинка, случившаяся послѣ казни, еще больше напугала, чѣмъ самая казнь! Какъ только палачъ небрежно этакъ оттолкнулъ ногой залитый кровью трупъ и сталъ вытирать потъ, градомъ катившійся по его лицу, а голову казненнаго тѣмъ временемъ поднимали на колъ, чтобы птицы склевали,—какой-то китайскій воинъ, по жребію, что ли, чортъ его знаетъ, выбѣгаетъ впередъ, подскакиваетъ къ трупу, срываетъ съ него платье и сразу вонзаетъ ножъ по самую рукоятку.

Мы такъ и ахнули. А онъ, вырѣзавъ изъ груди хунхуза трепещущій, кровавый кусокъ (сердце, какъ послѣ оказалось), съ жадностью начинаетъ его пожирать... И толпа опять одобряетъ: «хао, хао!» Онъ усмѣхается, доволенъ... весь ротъ—красный... Экая гадина! Это по-ихнему, знаете ли, вѣрный способъ закалить себя на долгую тысячелѣтную жизнь и стать неустрашимымъ храбрецомъ!... Меня била лихорадка, думалъ—заболѣю... Вспомнить и теперь не могу—ознобъ дѣлается... Вотъ и сейчасъ мурашки ползутъ по кожѣ.

— Смертная казнь всегда тяжела,—счель долгомъ вставить свое замѣчаніе Илья Ильичъ и медленно потянулъ окурокъ о пепельницу.

— Тяжела... и только?—протянулъ Михаилъ Елисѣевичъ;—однако какой вы... нейтральный... Васъ, извините, ничѣмъ не прошибешь... М-да... Не такъ давно въ Венгріи повѣсили извѣстнаго грабителя и убійцу, Стефана Снальму. Ну, повѣсили и, казалось бы, дѣло съ концомъ... Такъ пѣтъ же, зрители, это дикое чудовище—толпа, особенно элегантныя дамочки, прорвались черезъ кордонъ и бросились къ висѣлицѣ къ криками: «Давай веревку!» Палачъ не былъ дуракомъ, распродалъ ее по высокой цѣпѣ безъ остатка. И никто не отказывался, хватали по кусочку, чтобы добыть себѣ счастье въ игрѣ... Это, по-вашему, развѣ не «сонъ души?» Тогда что же это?.. Плоды просвѣщенія?.. Дѣтская наивность?..

Отношеніе гостя къ хозяину, видимо, измѣнилось вдругъ къ худшему.

Онъ засунулъ руки въ карманы и небрежно оглядывалъ его какъ-то снизу вверхъ.

— Это все чушь, милый мой, сантиментальничанье!—сказалъ ему покровительственно Илья Ильичъ:—ну, а насчетъ казни вы какъ же?... очевидно, противъ?..

Каждую фразу можно сказать такъ и этакъ.

Михаилъ Елисѣевичъ уловилъ затаенную обиду и слегка поблѣднѣлъ, но сдержался.

— Бернара Шоу изволили читать?

— Можетъ быть, а что?

— А то, что въ его «Справочникѣ разрушителя» есть хорошая мысль: «если человѣкъ собирается убить тигра, то называетъ это спортомъ; если же тигръ намѣревается его убить, то онъ называетъ это кровожадностью; такое же различіе существуетъ между преступленіемъ и наказаніемъ». Я больше ничего не прибавлю. Достаточно на сегодня.

— «Справочникъ разрушителя»... М-м... такъ, такъ!... Ну, съ вами еще какой-то тамъ казусъ произошелъ? Объ одномъ происшествіи мы узнали. Теперь чередъ за другимъ. Или передумали быть откровеннымъ? Почему бы это? Я—нѣмъ, вѣдь, какъ рыба, не бойтесь, милѣйшій...

Илья Ильичъ все время держался насмѣшливаго тона, а Михаилъ Елисѣевичъ все болѣе и болѣе нервничалъ и уже съ нескрываемою досадою смотрѣлъ то на гостя, то украдкой на часы.

— Что жь... такъ и быть, на прощанье... Слушайте, если есть охота во время процесса пицеваренія... Насчетъ же боязни это вы совершенно напрасно вернули... Сознайтесь!.. Итакъ, начинаю!.. Американскимъ судомъ Линча васъ, конечно, не удивишь?.. Тамъ заурядное явленіе, если громили окружать тюрьму, разобьютъ окна, двери, выволокутъ ненавистнаго негра и поджарятъ на импровизированномъ кострѣ среди улицы, какъ, напримѣръ, было въ Филадельфій. Гораздо диковиннѣй мой случай, свидѣтелемъ котораго мнѣ посчастливилось быть.

— Посчастливилось? Отъ васъ ли я слышу? Или это что-нибудь веселенькое?

— Да, посчастливилось, такъ какъ послѣ этого я окончательно сбросилъ съ себя цѣпи моего долгаго, позорнаго «спа»... Относительно же «веселенькаго» это вы потому, когда уйдете отъ меня...

Гостя передернуло, но онъ сдѣлалъ видъ, что не обратилъ вниманья на послѣднюю фразу Михаила Елисѣевича.

Друзьями они никогда не были, но до сихъ поръ считались хорошими знакомыми. Неожиданный оборотъ послѣобѣденной бесѣды постепенно превратилъ ихъ въ настоящихъ враговъ, хотя каждый скрывалъ это до поры—до времени, насколько могъ.

— Такъ будете слушать или ибѣть?—истеричливо вскричалъ хозяинъ и тотчасъ же приступилъ къ разсказу, понизивъ голосъ:— какъ-то присутствовалъ я на одномъ благотворительномъ вечерѣ, — великосвѣтскомъ, съ лотереей, рулеткой, лошадами и прочими приманками, придуманными супругой губернатора для пользы какого-то пріюта. Все шло какъ по маслу. И вдругъ среди общаго ликованія и великодушія жертвователей разнеслось съ быстротой молніи, что въ одномъ изъ японскихъ кіосковъ, гдѣ обильно продавалось шампанское хорошенькими монденками въ костюмахъ гейшъ, поймали вора. Одѣтый, какъ съ иголочки, въ модный фракъ съ бутоньеркой, онъ подошелъ къ кіоску и, когда протянулъ руку за бокаломъ, захватилъ съ блюда сторублевку и хотѣлъ спрятать въ рукавъ, но очень неудачно... Поднялся невообразимый переполохъ. Можете ли себѣ представить, его положительно смяли, стали топтать каблуками, бить... Расфранченныя дамы считали долгомъ если не ударить, то хоть ущипнуть его. И какъ бранились! Полиція едва отбила несчастнаго, окровавленнаго, покрытаго синяками, исцарапаннаго клептомана. Мнѣ впервые пришлось наблюдать такое внезапное одичанье блестящей публики, явившейся благотворительствовать... Звѣрь зашевелился и выпустилъ скрытые отточенные когти. Фраки, мундиры, декольтэ такъ и работали кулаками, не хуже любой уличной богемы. Бѣднягу волокли безъ во-

ротничка, растерзаннаго, блѣднаго, въ полуобморокѣ... Я убѣждалъ съ отвращеньемъ и тутъ же почувствовалъ, что начинаю выздоравливать.

— Развѣ вы были больны?—притворился изумленнымъ Илья Ильичъ:—ахъ, да! Я и забылъ про вашу фантастическій «сонъ души...» Теперь, господинъ прокуроръ, позвольте мнѣ откланяться. Ухожу несколько не убѣжденный...

— Неправду говорите. Уходите разсерженный, слѣдовательно, уязвленный. Люди непременно проснутся или погибнуть, съѣдятъ другъ друга, а можетъ—ихъ съѣсть кто-нибудь болѣе сильный, на примѣръ, четвероногіе отомстятъ двуногимъ хищникамъ за свои старыя обиды... Запомните! Это ужъ какъ дважды-два. Но я не хочу такъ... я хочу вѣрить, что люди проснутся...

Молодой ушелъ съ пренебрежительной усмѣшкой, а пожилой сѣлъ на диванъ и задумался; нахмурились брови, и глубокая морщина легла между ними.

Онъ, видимо, страдалъ, развѣнчивая человѣка, и былъ бы безконечно счастливъ, если бы имѣлъ возможность опять возвысить его и поклониться ему.

— Я до этого не доживу, — почти вслухъ прошепталъ онъ, и самъ испугался этого шопота:—жизнь полна ужасовъ... полна ужасовъ... и нѣтъ хищника страшнѣй человѣка... Надо жъ проснуться, — скорѣй проснуться!..

II.

Невинныя жертвы.

(Отрывки дневника).

5-го мая 1910.

Панялъ комнату у Никитиныхъ.

Въ этомъ же домѣ, но со двора, у нихъ какая-то посредническая контора съ трогательной клѣчкой: «Другъ животныхъ». Дружба, покупаемая за деньги... Не пропія ли?

«О, дружба, это—ты!..»

Здѣсь и морскія свинки, и кролики, и различныя рыбы, ящерицы, есть обезьяна... Чего только нѣтъ!

Они берутъ на прокормъ въ дачное время канареекъ, золотыхъ рыбокъ, попугаевъ, если ихъ владѣльцы куда-нибудь далеко уѣзжаютъ и некому присмотрѣть, и общають великолѣпный уходъ за ними.

— А что вы дѣлаете съ вашей коллекціей кроликовъ, свинокъ и такъ далѣе?—спросилъ я изъ празднаго любопытства, чуждый какихъ-либо лукавыхъ мыслей.

Никитина, полная, что называется—«сырая женщина», съ удивленіемъ выкатила глаза и, повидимому, заподозрѣла въ моемъ вопросѣ подвохъ.

— Продаемъ для медицинскихъ опытовъ, а куда же еще! Мы— не враги науки. Слыхали, небось, какъ плодятся хотя бы эти самые кролики?.. Коли не убивать, и намъ тѣсно будетъ на землѣ, вотъ что!.. Чего?.. Искали бы другую комнатку, ежели у насъ не по вкусу. Такъ-то! Мы—люди смиренные...

Я промолчалъ. Никогда, признаться, не задумывался надъ такими вопросами. Этотъ міръ оставался для меня какъ-то въ сторонѣ. Ощущаю пробѣлъ и въ душѣ сконфуженъ. Человѣческое горделивое самомнѣніе какъ будто слегка поколеблено.

«При чемъ же тутъ, однако, дружба?..»—вертѣлось у меня на языкѣ послѣ отвѣта хозяйшки, но вслухъ произнести не рѣшился.

6-го мая.

Рано проснулся. Не спалось на новомъ мѣстѣ.

Въ окнѣ горѣлъ золотой восходъ... Съ минуты на минуту я ждалъ, какъ земля вступитъ въ хвостъ кометы Галлея...

Что-то сжимало грудь, какое-то смутное безпокойство.

«Вотъ будетъ штука, если дѣйствительно воздухъ наполнится ціанистымъ газомъ, какъ писали въ газетахъ!» беззвучно внушалъ я самому себѣ, и въ концѣ концовъ чуть не расхохотался.

Какъ никакъ, а въ человѣкѣ есть-таки звѣриный страхъ смерти! Сегодня, хоть недолго, а я испыталъ это самъ, собственной персоной. Самочувствіе не изъ пріятныхъ.

Все чванство, хвастовство полетѣли къ чорту. Я доволенъ. Хорошій получилъ урокъ. Полезно.

Хозяева еще, навѣрно, спятъ. Зато ихъ коричневый пудель, Каптанъ, сидитъ у меня подъ окномъ, насторожилъ уши и подвываетъ довольно безцеремонно. Чувствуетъ, пожалуй, то же, что и я...

12-го іюня.

Измощенное, страдальчески-блѣдное лицо съ парой бездонныхъ глазъ и крючковатымъ носомъ, сгорбленная фигура, неустойчивая походка, дрожащія руки—вотъ портретъ Никитина.

Не говорить, а выкрикиваетъ, ежеминутно раздражается, спорить и когда бываетъ неправъ, и даже тогда, когда ему не собираются возражать. Тяжелый, пренепріятный типъ!

Его боится жена, и прислуга терпѣть не можетъ. Вѣрный пудель ползаетъ на лапахъ, какъ только завидитъ своего повелителя.

Я успѣлъ-таки изрядно поспорить съ Никитинымъ (у него, впрочемъ, слабость—прегрекаться со мной).

— Слово должно быть дѣломъ,—говорилъ я все по поводу его «дружбы» къ животнымъ:—а вы противорѣчите своимъ принципамъ

на каждомъ шагѣ, завлекая публику заманчивыми обѣщаньями да рекламами; вамъ вѣрять, а вы исключительно наживой заняты. Ваше сердце—не участникъ вашего предпріятія.

Разумѣется, въ отвѣтъ—цѣлый залпъ ненужныхъ, крикливыхъ фразъ.

— Ну, возьмемъ для примѣра вашего пуделя,—невозмутимо поддразниваю я:—онъ за васъ бросится въ огонь и въ воду, ловить отбѣнки голоса, малѣйшій вашъ взглядъ уже подмѣченъ имъ, а вы развѣ стараетесь оправдать эту дружбу къ вамъ хоть незначительнымъ знакомъ вниманья?.. Вы даже не лечите его, господинъ «другъ животныхъ»... смотрите-ка,—и я указаль рукой на расчески и красныя ссадины вдоль спины и на лапахъ Каштана.

Никитинъ нахмурился и сталъ ковырять во рту зубочисткой, съ которой обыкновенно не разстается.

— Этъ!.. О всемъ судите съ кондачка... Собакѣ—собачья жизнь. А о Каштанѣ я подумываль... И лечить-то не стоить—старость-матушка... умирать ему пора.

Пудель уныло опустилъ голову и забился подъ столъ, точно понимая, о чемъ говорятъ.

Меня взорвало.

— Совсѣмъ онъ не старей... Къ чему зубы заговариваете? Фарисейство! Просто жалѣете денегъ. Такимъ людямъ и собакъ не слѣдуетъ держать. Меньше поллости...

Сказаль и вышелъ.

Никитинъ хихикнулъ мнѣ вслѣдъ со злобой.

Мнѣ не нравится, что нервы мои пошаливаютъ. Зачастую не въ состоянн сдержаться и наговорю лишнее, потомъ сожалью. Лучше тихо, съ разстановкой поразить противника нѣсколькими мѣткими словами, чѣмъ накричать и не убѣдить.

26-го іюня.

Я такъ и зналъ!

Никитины сумѣли отдѣлаться отъ надоѣвшаго имъ Каштана и какъ предательски.

Я лишь на дняхъ былъ посвященъ въ эту «семейную тайну», а, вѣдь, думаль, что онъ въ больницѣ!

Горничная Катя выдала. Впрочемъ, иного отъ нихъ я и не ожидалъ.

Въ Парижѣ устроень домъ для безпріютныхъ собакъ, есть особое кладбище съ памятниками, гдѣ красуются сердечныя надписи,—последній долгъ благодарности за безкорыстную службу, а у насъ либо стрѣляютъ, или отравляютъ, либо заводятъ куда-нибудь въ глухое мѣсто, чтобы ненужный песъ не вернулся домой: отслужилъ, моль, и проваливай на всѣ четыре стороны.

Нинигины поступили по этой же упрощенной системѣ.

Сначала увела Каштана хозяйка, но, должно быть, недостаточно далеко: на слѣдующій день пудель возвратился обратно, голодный и пасмурный, полный сомнѣній относительно человѣческой дружбы.

Я не видѣлъ его тогда, но такимъ его представляю.

Катя сказала о немъ: «сумный».

Спустя недѣлю, выступилъ почтеннѣйшій «другъ животныхъ». Катя увѣряетъ, что «барыня», будто бы, упрашивала оставить собаку дома, а мужъ затопалъ ногами и выбранился.

И Каштанъ дѣйствительно уже не пришелъ къ своему хозяину...

Заблудился? Разочаровался? Попалъ куда-нибудь въ хорошее или въ дурное?..

Странно, но онъ не выходитъ у меня изъ головы.

Вспоминаю Теннисона: «Ты вдохнулъ жизнь въ человѣка и въ звѣря» (*Thou madest Life in man and brute*) и по-братски жалѣю бѣднаго, обманутаго Каштана.

Рѣшено. Свѣзжаю отъ Никитиныхъ. Противно!

18-го октября.

Установилась зимняя погода. Морозецъ. Надолго ли?

Выпалъ изрядный снѣгъ, но мѣстами, когда налетавшій вѣтеръ сдувалъ его съ замерзшей земли и относилъ прочь, казалось, будто стелется дымъ.

Я шлялся по улицамъ.

Бѣглыя мысли пронеслись въ разгоряченномъ мозгу, но всё онѣ сводились къ одному и тому же: человѣку чужда высшая справедливость, человѣкъ — самое лютое изъ всѣхъ земныхъ существъ.

Никитины навели меня на эту идею, ставшую прямо навязчивой.

До нихъ глаза мои смотрѣли и не видѣли, уши мои слушали и не слышали. А теперь все представляется въ иномъ свѣтѣ, на что прежде не обращалъ вниманья. Клубокъ разматывается и тянется въ бездну, гдѣ пируетъ на трупахъ человѣкъ-звѣрь.

Пускай дикое животное убиваетъ, чтобы найти пищу и поддержать свою жизнь. Тутъ есть хоть оправданье. Но человѣкъ убиваетъ не для этого только: онъ убиваетъ и для того, чтобы насладиться мученьемъ жертвы, и для того, чтобы мстить, и для того, чтобы удовлетворить свое тщеславіе, и для того, чтобы увѣнчать свою силу кровавымъ трофеемъ жестокой побѣды, и мало ли еще ради чего! Убийство для убійства...

Любой его шагъ ведетъ къ собираиью дани съ животныхъ, — съ того сдереть шкуру, съ того шерсть поснимаетъ, у третьяго — вырветъ перья, и, одѣтый въ ограбленное, шествуетъ по мертвымъ тѣламъ, величая себя царемъ природы и забывая, что у всѣхъ одинаковое право на существованье.

Будда училъ: «Все живое боится мученія и смерти; познай себя во всякомъ живомъ и не убивай». Но не таковъ человѣкъ. Вѣчно ненасытный, онъ съѣдаетъ безъ содроганья однихъ животныхъ—сваренныхъ живыми, другихъ—прямо живьемъ, иныхъ—еще за четверть часа п редъ тѣмъ бѣгавшихъ, летавшихъ, плававшихъ или, напротивъ, уже предавшихся трупному разложенію...

Если животныя—подданныя, а человѣкъ — царь природы, онъ, стало быть, царь, поѣдающій своихъ подданныхъ. Мало утѣшительный выводъ!

Крутился свѣтъ. Я бѣгалъ по улицамъ и былъ въ плѣну у своихъ мыслей, не желавшихъ меня выпустить изъ заколдованнаго круга.

Думы, какъ желѣзные звенья щѣпи, сковали меня.

5-го ноября.

«Сейчасъ тихо дремлетъ... но сердце слабѣетъ...» вотъ послѣднія извѣстія изъ Астапова о великомъ Левѣ Толстомъ.

Можетъ, завтра содрогнется міръ, застывшій пока въ невольномъ ожиданьи неизбежнаго. Можетъ, завтра навсегда замолчитъ тотъ, который «не могъ молчать»...

Съ благоговѣньемъ вспоминаю, какъ онъ осуждалъ вивисекцію, не признавая ея сомнительной необходимости, и умолялъ щадить животныхъ.

Какъ разъ теперь подошелъ я къ этому вопросу съ болью и страхомъ въ сердцѣ. Я колеблюсь. Съ одной стороны—свѣтъ науки, съ другой—воиющая несправедливость, кошмарный ужасъ уцѣлѣвшаго средневѣковья.

Но вотъ предо мной статья А. О. Кони: «Психіатрическая экспертиза» ¹⁾, и мысли мои начинаютъ принимать болѣе опредѣленные очертанья. Я читаю:

«Если стать на точку зрѣнія извѣстнаго Бирда, который считалъ антививисекціонизмъ однимъ изъ видовъ неврастеній, то Мержеевскій могъ бы считаться въ этомъ отношеніи неврастеникомъ. Но не надо забывать, что и Николай Ивановичъ Пироговъ, подводя въ своемъ дневникѣ итоги своей жизни, сожалѣлъ, что не можетъ изъ нея вычеркнуть тяготившее его воспоминанье о человѣческомъ, страдальческомъ и укоризненномъ взглядѣ собаки, медленно агонизировавшей подъ его ножомъ».

Пироговъ... Мержеевскій... Левъ Толстой...

Конечно! Развѣ они могли примириться съ выводомъ, что человѣкъ идетъ путемъ двуногаго звѣря?..

¹⁾ «Вѣстникъ Европы» (1910 г. № 2).

14-го ноября.

Вчера состоялся въ залѣ консерваторіи вечеръ въ память Толстого. Наша городская интеллигенція была тамъ налицо. Всѣхъ охватилъ общій порывъ поклоненія и скорби.

Но рѣчи вышли безцвѣтными: одни ораторы шамкали и проглатывали слова, другіе впадали въ ненужный паѳосъ, третьи считали тысячную толпу школой, а себя призванными поучать. Двѣ-три знаменитости совсѣмъ не явились, хотя ихъ имена красовались на афишахъ.

Я обмѣнивался впечатлѣніями съ докторомъ Просаковскимъ во время перерыва, когда въ коридорахъ, въ проходахъ, въ залахъ и на лѣстницѣ стояла страшная давка и нечѣмъ было дышать отъ спертаго воздуха, согрѣтаго обиліемъ разгоряченныхъ тѣлъ.

При удобномъ случаѣ я упомянулъ о томъ, что Толстой, при всемъ своемъ непротивленіи злу, былъ пламеннымъ противникомъ мучительныхъ опытовъ надъ животными.

О! Просаковского я не узналъ, такъ онъ вдругъ всполошился: поплѣднѣлъ, губы задрожали, голосъ охрипъ... Совсѣмъ не тотъ человѣкъ сталъ.

— Вы, батенька,—сказалъ онъ:—коснулись моего больного мѣста... Я и докторскую диссертацию писалъ на эту тему... Толстой, при всѣхъ его качествахъ гениальнаго писателя, не признавалъ науки... стало-быть, его выводы нужно на смарку...

— Мнѣ кажется, докторъ, тутъ не мѣсто...—началъ было я.

— Ну, батенька, я, вѣдь, не къ тому, сами понимаете, разъ я сюда пришелъ... Все же это старо, ей-ей такъ!.. Уже общества покровительства животныхъ распинались еще съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; сперва во Флоренціи, гдѣ дѣйствовалъ высокоталантливый нашъ собратъ Шиффъ, затѣмъ въ Англіи... Даже тамъ былъ изданъ ограничительный билль... Далѣе въ Германіи, но тамъ пресловутый Эрнстъ Веберъ потерпѣлъ поражение... Да и у насъ, батенька, въ Россіи, съ восьмидесятыхъ годовъ возронтало курляндское общество покровительства... подавало петицію, требуя вмѣшательства закона... Знаемъ мы это все!.. собаку съѣли на собакахъ, если разрѣшите покаламбурить, хе-хе-хе. Телерь Америка что-то мутить...

Я неоднократно пытался его прервать, но онъ такъ и напизывалъ фразу на фразу. Задѣло его мое замѣчаніе. Начало слѣдующаго отдѣленія прервало нашъ разговоръ. Просаковскій только успѣлъ промолвить тѣмъ же обиженымъ тономъ:

— Прежде, чѣмъ спорить, нужно самому кое-что изучить... Пошли бы да посмотрѣли, какое у насъ отношеніе къ испытуемымъ животнымъ... Васъ пустять... Наконецъ на меня сошлитесь... До свиданья.

Ушелъ съ видомъ человѣка, блестящимъ образомъ защитившаго диссертацию.

Я, конечно, только усмѣхнулся.

Но, несомнѣнно, нужно пойти туда, въ эти застѣнки суровой владычицы, Науки, требующей все новыхъ и новыхъ жертвъ на свой шаткій алтарь.

Вернувшись домой, нарочно раскрылъ Толстого ¹⁾, чтобы проконтролировать себя...

... «Въ доказательство плодотворности науки указываютъ на то, что она исцѣляетъ одну тысячную тѣхъ больныхъ, которые и заболѣваютъ-то только оттого, что наука не исполняетъ свойственнаго ей дѣла»...

... «Наша наука для того, чтобы сдѣлаться наукой и дѣйствительно быть полезной, а не вредной человѣчеству, должна прежде всего отречься отъ своего *опытнаго* метода, по которому она считаетъ своимъ дѣломъ только изученіе того, что есть, и вернуться къ тому единственному разумному и плодотворному пониманію науки, по которому предметъ ея есть изученіе того, какъ должны жить люди. Въ этомъ цѣль и смыслъ науки; изученіе же того, что есть, можетъ быть предметомъ науки только въ той мѣрѣ, въ какой это изученіе содѣйствуетъ познанію того, какъ должны жить люди».

... «Предъ судомъ строгаго логическаго мышленія царство законовъ Науки окажется лишь непровѣренной гипотезой, единообразіе природы—двусмысленнымъ выраженіемъ и достовѣрность нашихъ научныхъ выводовъ въ большей мѣрѣ лишь—заблужденіемъ».

Если Просаковскій помнить эти выдержки,—я понимаю его волненіе.

13-го декабря.

Въ ночь на 15-е всеобщая перепись населенія.

Я сегодня обходилъ квартиры въ своемъ районѣ и раздавалъ вопросыые листки.

Моросилъ дождь, перемѣшанный съ хлопьями снѣга. Настроеніе подавленное.

Останавливаюсь: передо мной на дверяхъ карточка Просаковскаго. Вотъ судьба!

Оказалось—дома; даже вышелъ ко мнѣ, но когда разглядѣлъ прищуренными глазами, кто у него, скрощъ кислую гримасу, хотя сейчасъ же затушеввалъ ее дѣланной улыбкой.

— А, и вы увлекаетесь переписью! Это хорошо, батенька... Ну, а *тамъ* были?—тутъ же спросилъ онъ, какъ бы вскользь, но въ зрачкахъ такъ и разлилось любопытство.

¹⁾ Предисловіе къ статьѣ Карпендера «Современная наука» и примѣчаніе къ ней (сочиненіе, ч. 15-я. 1898 г.).

Я притворился не понимающимъ (вѣдь онъ тоже актерничаль!).

— Какой вы, а еще оппонировали мнѣ!.. Вы ,стало быть, тогда не серьезно... шутили?.. Въ вивисекціонномъ отдѣленіи побывали?..

Онъ, видимо, успокоился на мой счетъ и уже не считалъ меня своимъ убѣжденнымъ противникомъ.

— Некогда! Но буду. Какъ же не быть!

— Ну, то-то же, батенька!.. Останетесь довольны. Экспериментаторъ не палачь... Положимъ, и мы не боги. Бываютъ психѣлессообразные опыты съ недостаточно обдуманымъ планомъ... И среди насъ есть обманщики, показывающіе, что знаютъ гораздо больше, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ... Эхъ, батенька! Этихъ проклятыхъ вопросовъ не оберешься въ жизни!.. Однако я васъ задержалъ. До пріятнаго свиданья. Такъ побывайте *тамъ!*

Вотъ какъ разошелся, едва подмѣтилъ, что я—«несерьезный» противникъ. Очевидно, у нихъ не все обстоитъ благополучно, если такія метаморфозы...

23-го декабря.

Трещать лютые морозы.

Усердно готовлюсь къ визиту *туда*. Пускай не примутъ за профана.

Мой бывшій университетскій товарищъ Горбуненко говоритъ, что былъ тамъ «по протекціи», такъ какъ иначе не пустятъ, если не врачъ.

Вотъ такъ штука!.. И это не въ ихъ пользу. Если все честно, къ чему же прятаться отъ людей?

Горбуненко сказалъ, что надо имѣть крѣпкіе нервы.

Возьму себя въ руки и виду не покажу, лишь бы убѣдиться воочию...

А ужасовъ, дѣйствительно, не перечесть по пальцамъ.

Вчера прочиталъ, какъ въ лабораторію одного парижскаго профессора была доставлена собачка для опытовъ. Сидя въ углу, она дрожала всѣмъ тѣломъ, наблюдая страшныя пытки, которымъ подвергалась другія ея «товарки».

Когда дошла до нея очередь, ее взяли, чтобы положить на операционный столъ, связали и вдругъ замѣтили, что она не движется...

Разрывъ сердца избавилъ ее отъ ожидаемыхъ мученій...

Еще любопытный образчикъ...

Нашелъ въ одномъ журналѣ картинку съ надписью: «Друзья человѣчества», а внизу текстъ, поясняющій, что въ Лондонѣ воздвигнутъ памятникъ въ честь собаки, на цоколѣ котораго выдѣляется слѣдующая замѣчательная эпитафія, достойная глубокаго размышленія:

«Памяти храбраго терьера, скончавшагося въ 1903 году въ лабораторіи университета послѣ того, какъ онъ два мѣсяца подвергался

мукамъ вивисекціи и переходилъ изъ рукъ одного хирурга къ другому, пока не умеръ», а внизу такая приписка:

«Памяти остальныхъ 232 собакъ, подвергнутыхъ вивисекціи въ 1902 году».

Тутъ, по крайней мѣрѣ, на чистоту: себя не пощадили.

30-го декабря.

На дняхъ иду.

Все разузналъ, какъ и что.

Морозъ ползетъ по кожѣ при одной мысли объ этомъ неизбежномъ осмотрѣ.

Была минута упадка, когда почти хотѣлъ отказаться, но самъ себя устыдилъ и осудилъ за такую нерѣшимость.

Пойду, пойду!..

Въ глубинѣ гдѣ-то невольно тлѣетъ искра бунтующаго задора... Въ самомъ дѣлѣ, по какому же праву происходитъ среди насъ вопиющая несправедливость?

Человѣкъ (почему?—невѣдомо) считаетъ себя хозяиномъ чужой жизни, помимо воли ея собственника, и пользуется ею для своихъ «человѣческихъ» цѣлей подчасъ съ неимоверной жестокостью хищника, прикрываясь мантией ученаго. Собаку онъ считаетъ своимъ другомъ и все же этого друга подвергаетъ различнымъ пыткамъ для достиженія своихъ «человѣческихъ» благъ... И, несмотря на все, чуткое сердце собаки продолжаетъ любить своего мучителя, хотя, можетъ, и не вѣритъ въ его преданность.

Для меня это еще большой вопросъ, вѣнецъ ли созданія—человѣкъ, и краткое изреченіе Максима Горькаго: «человѣкъ—вотъ правда!» звучитъ для меня лишь красивымъ пафосомъ, не задѣвая сердечныхъ струнъ, скорѣй вызывая улыбку сомнѣнья.

Природа, которая для насъ—все, иначе относится къ животнымъ, чѣмъ къ людямъ, а человѣкъ упорно считаетъ себя въ своей смѣшной гордынѣ ея царемъ!

Природа соединена съ животными таинственными нитями и неизмѣнно умѣетъ подавать имъ вѣсть о всѣхъ своихъ стихійныхъ трагедіяхъ... И въ то время, когда весь живущій міръ знаетъ, что близится, наприимѣръ, землетрясеніе, человѣкъ—глухъ и слѣпъ... Очевидно, природа относитъ насъ къ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы входить съ нами въ общеніе.

Но человѣкъ не замѣчаетъ этого, не хочетъ сдаваться и упрямо твердитъ: «Я—царь! я—царь!.. Все—для меня...»

Въ опьянѣннн онъ хватается за свою драгоценную жизнь и, губя другія жизни, думаетъ постигнуть тайну долгодѣтія. «Убивать, чтобъ исцѣлять»—принципъ доктора Брусса и рядомъ признаніе В. Вересаева въ «Запискахъ врача»: «Я ужаснулся, до чего человѣкъ

не защищенъ отъ случайностей, на какомъ тонкомъ волоскѣ виситъ всегда его здоровье!» Ахъ, голова пдетъ кругомъ!

Ну, хорошо, пускай будутъ единичныя жертвы въ видѣ исключенья! Какое-нибудь истинное, общепризнанное свѣтило науки провѣряетъ свои выводы, дѣлаетъ полезныя опыты и, дѣйствительно, «убивая—исцѣляетъ», а коновалы науки? Имъ нѣтъ числа, и нѣтъ числа ихъ безвиннымъ жертвамъ. Ужасъ леденитъ кровь, когда узнаешь, какъ, для удовлетворенія любопытства студентовъ, яко бы съ научной цѣлью, заставляютъ собаку задышаться въ окиси углерода...

А бываетъ, что и на людяхъ практикуются,—на людяхъ, которые не могутъ оказать сопротивленія!

Вотъ, хотя бы для примѣра, прочиталъ я въ газетѣ, какъ врачи пенсильванскаго медицинскаго факультета, въ видѣ опыта, привили новую антитуберкулезную сыворотку 160 дѣвушкамъ-сироткамъ, находившимся въ филладельфійскомъ госпиталѣ и еще въ какомъ-то убѣжищѣ, и 95 процентовъ, конечно, умерло... Точь-въ-точь, какъ при пергамскомъ царѣ Антипѣ III, испытывавшемъ яды и противоядія на преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни (на «смертникахъ»).

Но я знаю и васъ, мученики, кто безъ гѣни сожалѣнья принесъ въ жертву наукѣ свое здоровье, самихъ себя... Хвала вамъ и вѣчная вамъ память!

«Нетлѣнный лавръ, невянушія розы
Вамъ обовьютъ терновые вѣнцы»... ¹⁾

Только такихъ героевъ совсѣмъ мало...

Зато нѣтъ въ моей душѣ оправданья тѣмъ, кто бесполезно мучить другихъ и, какъ Просаковскій, считаетъ это дѣло научнымъ священнодѣйствіемъ, а не убійствомъ, требующимъ наказанія.

Сколько еще не использованныхъ силъ въ природѣ!.. Вѣдь, и радій открытъ случайно... А они воображаютъ, что достигнуть чего-то своими инквизиторскими орудіями...

Вѣрю, что ничего не достигнуть безъ той искры Божіей, которая освѣняетъ немногихъ избранниковъ,—просто, «на законномъ основаніи», увеличатъ число преступленій, а земля и безъ того насыщена кровью.

Чтобъ оставаться до конца послѣдовательными,—на себѣ пробуйте, если хотите, отдавайте себя въ добровольную жертву. Тутъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ участвовать злая воля, построенная на призрачномъ благѣ.

Можетъ быть, и это будетъ родъ безумства, но «безумству храбрыхъ поемъ мы славу»...

¹⁾ Слова Д. Мережковскаго.

10-го января 1911.

Быль...

Разбить, обезсилень... До завтра, до завтра!

Все запишу, все вспомню... Не упущу ни одной мелочи.

Какъ *они* свое дѣло считаютъ настоящимъ дѣломъ, такъ и я эту запись буду считать моею правдивою исповѣдью, крикомъ моею протестующей души...

До завтра!

15-го января.

Нѣсколько дней не имѣлъ силы взяться за перо.

Пускай скажутъ: «слабохарактерность», «сантиментальничанье». Меня этимъ трудно обидѣть. Еще большой вопросъ, кто побѣдитъ— тѣ сильные, которые горланятъ на всѣхъ перекресткахъ: «Рабство и тиранія излечиваются пожомъ», или слабые, что подають свой голосъ противъ всякаго убійства, противъ всякаго истязанья, даже и «научнаго».

Въ такомъ случаѣ я—слабый; но я горжусь этой слабостью. Какъ-то давно мнѣ приходилось видѣть въ какомъ-то захудаломъ кинематографѣ виброграммную картину изъ жизни пастеровскаго института при аншлагѣ: «Первыхъ просятъ удалиться». Это былъ опытъ прививки бѣшенства кролику, и я невольно слѣдилъ за его конвульсивными движеньями во время трепанациі черепа... Осталось надолго впечатлѣніе какихъ-то тяжелыхъ мукъ и вообще чего-то необычайно жестокосерднаго.

Теперь эта картина блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что мнѣ удалось понаблюдать и пережить.

День выпалъ какой-то дремотный.

Я «медленно спѣшилъ», умышленно давая себѣ нѣкоторую отсрочку.

Шель глухимъ, унылымъ переулкомъ, пока не достигъ тупика, гдѣ за чугуниной рѣшеткой—неограниченное царство экспериментовъ.

Я взялъ себя въ руки и мужественно отворилъ дверь въ пріемную, откуда меня и еще двухъ дожидавшихся проводили въ боковой коридоръ.

— Тутъ маленько пообождите, господа. Сю минутушку дежурный врачъ придуть,—нояснилъ намъ служитель.

Вошелъ рыжеватый господинъ въ бѣломъ халатѣ, съ маленькой остроконечной бородкой и опущенными книзу усами, односложно отрекомендовался:

— Докторъ Аркадій.

Мы тоже назвали себя.

— Что же васъ именно интересуеть у насъ?—обратился онъ сразу ко мнѣ, смотря поверхъ стальныхъ очковъ любопытно-недовѣрчивымъ взоромъ.

— Опыты надъ животными,—отвѣчала я твердо, выдерживая его взглядъ:—по понедѣльникамъ, вѣдь, у васъ показываютъ, не такъ ли?

— Вы—мой коллега? врачъ?..—спросилъ Аркадій и сталъ привѣтливѣй.

— Нѣтъ, я юристъ по образованію, а служу...—и я подалъ ему визитную карточку, на которой были обозначены всѣ мои должности, какъ казенная, такъ и частныя.

Лицо доктора опять вытянулось въ сухую непроницаемость.

— Трудно... очень трудно... Директоръ не любитъ, когда публика, специально не подготовленная...—мямлилъ онъ, разглядывая внимательно карточку.

Но я далъ рѣшительный отпоръ:

— Ахъ, не беспокойтесь, пожалуйста! Я не съ улицы... имѣю сколько угодно рекомендацій... Наконецъ, докторъ Просаковскій—мой знакомый. Чего же вамъ еще?

— А, это иное дѣло!—замѣтилъ Аркадій съ загадочной улыбкой и вкрадчиво заговорилъ насчетъ неподготовленности, слабыхъ нервовъ и прочее.

«Дипломатъ вивисекціи»,—подумалъ я.

Съ остальными двумя обошлось безъ недоразумѣній, такъ какъ одинъ былъ естественникомъ, другой медикомъ.

— Итакъ, давайте направимся. Тащи ключи, Еремѣевъ!

Мы двинулись.

«Какъ бы только не выдать себя, какъ бы не выдать!.. а то не покажутъ...»—вертѣлось у меня въ мозгу.

— Вотъ вамъ и наша такъ называемая «аптека» для укушенныхъ бѣшенными животными.

Онъ говорилъ ровно, увѣренно, съ легкимъ отгѣнкомъ насмѣшки, какъ человѣкъ, которому все это отлично извѣстно и даже отчасти уже надоѣло. Непогрѣшимость свѣтилась въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи доктора.

Очутились мы въ небольшой комнатѣ съ запумерованными проволочными клѣтками, гдѣ находились кролики въ различной стадіи болѣзни.

Спертый воздухъ на минуту одурманилъ меня.

«Обреченные смерти»,—мелькнула у меня тревожная мысль, и я сейчасъ же задалъ вопросъ, но, пожалуй, съ большей горячностью, чѣмъ слѣдовало бы:

— И какъ же это... безъ хлороформа?

Вѣроятно, въ моихъ глазахъ отразился ужасъ, такъ какъ Аркадій подозрительно покосился въ мою сторону и кашлянулъ.

— Да, подъ наркозомъ,—протянулъ онъ довольно кисло:—ядъ прививается подъ твердую мозговую оболочку... Операция переносится прекрасно, и нашъ благодѣтель-кроликъ неизбѣжно заболѣ-

васть... а тамъ параличъ ногъ и смерть... Вотъ всмотритесь, какой веселенькій послѣ трепанаціи, хоть бы что, а у этого уже помутнѣніе взгляда, а этотъ на боку лежитъ, какъ пласть... капуть!.. Мы вынимаемъ спинной мозгъ, высушиваемъ и пользуемся имъ, какъ вакциной... Не угодно ли взглянуть на эту банку...

Аркадій много пояснялъ, прибѣгая къ техническимъ выраженіямъ, но я больше слѣдилъ за испуганными глазами кроликовъ и, признавъ, не находилъ признаковъ той веселости, которую замѣчалъ докторъ.

— Значить, смертью кролика поддерживается жизнь укушеннаго человѣка?.. Это совершенно не устраиваетъ насъ... Злосчастные звѣрки!.. Я бы ни за что не согласился принять ихъ вынужденную жертву. А совѣсть?

— Кто не хочетъ—пускай умираетъ. Мы не принуждаемъ,—отрѣзаль Аркадій и нервно поправилъ очки, затѣмъ пощипаль бородку.

Спутники тоже, видимо, были смущены моимъ «непониманьемъ» такихъ простыхъ вещей, какъ значеніе прививокъ. Докторъ потомъ смягчился и снисходительно похлопаль меня по плечу.

— Съ непривычки это всегда такъ... пустое! Больные часто начнутъ вдругъ возмущаться, а черезъ пять минутъ умоляютъ: «прививайте!» да «прививайте!» Своя рубашка, знаете, ближе къ тѣлу. Зачѣмъ имъ вникать въ то, какъ мы беремъ и распинаемъ кролика на доскѣ, вытянувъ переднія ноги впередъ, а заднія—назадъ, сверлимъ черепъ и такъ далѣе? Молодой человѣкъ, повѣрьте мнѣ, пожилому, это только облагораживаетъ жизнь незамѣтныхъ кроликовъ, что они служатъ человѣку. Вы кушаете раковый супъ, а не вникаете же въ процессъ кипяченія живыхъ раковъ? Голодъ—не свой братъ... Публика до сихъ поръ вѣритъ повареннымъ книгамъ, что карась любитъ, когда его жарять въ сметанѣ...

Ясно, докторъ шутилъ, забавляясь моимъ «чуждечествомъ».

Медикъ и естественникъ сочувственно усмѣхались.

Я отвернулся, боясь, чтобы никто изъ нихъ не уловилъ выраженія моего лица,—слишкомъ оно было откровеннымъ. Показыванье библиотекъ, залы засѣданій, портретовъ, безлюдныхъ лабораторій съ пробирками, ретортами, открытыми и закрытыми банками, колбами, электрическими машинами, таблицами и т. п. не отвлекало моихъ мыслей отъ одного и того же «проклятаго» вопроса, хотя Аркадій и напрягалъ всѣ силы, чтобы заговорить насъ и, въ особенности, меня.

«Видишь, какъ мотыляетъ!» подумаль я.

— А насчетъ дифтерита какого вы мнѣнія?—внезапно спросилъ меня докторъ, когда мы подходили къ мѣсту, гдѣ содержались лошади, предназначенныя для выработки антитоксина, и насмѣшливо сжалъ губы.

— Плохая болѣзнь.

— То-то и оно!.. Вотъ мы и прибѣгаемъ къ помощи лошадокъ. Силу дифтеритнаго яда пробуемъ на морскихъ свинкахъ... Онѣ гибнутъ тысячами во славу бактериологін, но мы этимъ путемъ безошибочно устанавливаемъ точное мѣрило крѣпости токсина. Слѣдующая стадія—иммунизация лошади...

Аркадій увлекся и весь ушелъ въ объясненія, перегружая насъ самыми отборными терминами.

Живыя существа были для него просто механизмомъ для выработки «единиць антитоксина».

Я не выдержалъ и прервалъ сухую рѣчь доктора, начинавшую мнѣ надоѣдать.

— Въ результатѣ какъ же? Опять смерть?.. Смерть морской свинки, смерть лошади и, какъ апофеозъ,—жизнь человѣка, все же, однако, лишенная безсмертія?..

— На Западѣ, правда, имѣются лошади-ветераны, доживающія на пенсіи остатокъ трудовыхъ дней,—процѣдилъ сквозь зубы Аркадій, становясь все сумрачнѣй и пропуская мимо ушей мое замѣчаніе насчетъ безсмертія:—а у насъ нѣтъ... къ чему? Мы дѣлаемъ сразу глубокое кровопусканіе, смертоносное... беремъ необходимый намъ матеріалъ, и высшія функціи лошади закончены...

Онъ тутъ же съ любовью сталъ объяснять устройство лошадиного «эшафота». Иначе я не могу назвать это сооруженіе.

— Къ вамъ поступаютъ для подобныхъ опытовъ... старыя лошади?

— Наоборотъ, самыя хорошія, выносливыя, полныя силъ,—и докторъ бросилъ на меня косою взглядъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ, которые онъ обыкновенно предназначаетъ для уничтоженія противниковъ.

Наконецъ-то мы на чистомъ воздухѣ! Проходимъ по двору.

Выглянуло солнце, и на душѣ стало веселѣй. Благодать!

— Хорошая погода!—вырвалось у доктора, и лицо его потеряло недавнее выраженіе неудовольствія и профессиональной сухости:—пройтись бы по улицамъ, погулять, а тутъ—ничего не подѣлаешь... дежуръ цѣлый день. Каторжная работа!

Изъ пстукана онъ вдругъ превратился въ человѣка. На минуту это примирило меня съ нимъ.

Идемъ.

Вотъ намъ попалось нѣсколько собакъ, посаженныхъ на цѣпь, отчаянно лаившихъ и бросающихся на насъ.

— Что это за собаки?—спрашиваю.

— Не интересовался, признаться. Не вѣдаю, почему онѣ здѣсь. Можетъ, для опытовъ или для другихъ цѣлей... Не мой департаментъ.

— Кстати, докторъ, кто вамъ доставляетъ собакъ?

«истор. вѣстн.», августъ 1912 г., т. сxxix.

— О, у насъ имѣются особыя поставщики... за деньги, конечно. Общество покровительства животнымъ предпочитаетъ лучше убивать бездомныхъ, чѣмъ отдавать намъ.... Поразительная близорукость!

Вернулось прежнее боевое настроеніе, и онъ дѣлалъ засмѣялся, не снукая съ меня подозрительныхъ глазъ,—видимо, ожидалъ съчувствія.

— Мы расходимся съ вами во взглядахъ на этотъ предметъ. Я уважаю науку, но убѣжденъ въ слѣдующемъ: все, что нынче считается правильнымъ, непреложнымъ, черезъ пѣкоторый срокъ въ большинствѣ случаевъ теряетъ всякое значеніе, какъ ошибочное, и, стало быть, опять пойдутъ новыя опыты съ животными и новыя мученія... Зачѣмъ? Не пора ли, докторъ, прекратить безполезныя жертвы, или, хотя бы, сократить ихъ число до минимума?...

Аркадій такъ и вскипѣлъ. Ходуномъ заходили все мускулы лица. Но онъ все же сумѣлъ сдержаться. Положительно я приводилъ его въ ярость и, если бы могъ, онъ вышвырнулъ бы меня на улицу.

— Однако прогрессъ фізіологіи, хирургіи доказываетъ обратное... Опыты д'Альбера, Черни, Клода Бернара... Въ научномъ мірѣ вивисекція теперь въ громадномъ употребленіи. Она не нуждается въ защитникахъ. Да что тамъ! Вотъ видите—домикъ?—и Аркадій вытянулъ палецъ, указывая на небольшое строеніе:—къ сожалѣнію, туда нельзя входить постороннимъ. Тамъ ведутся опыты прививки лѹса обезьянамъ. Чудеса! Нужно шапку снять и поклониться, а вы...

Въ концѣ концовъ мнѣ сталъ жалокъ и смѣшонъ Аркадій со своимъ раболѣпствомъ передъ «авторитетами» и громкими именами.

— Бѣдныя обезьяны!.. Гм... Вы слышали, докторъ, что у обезьянъ весьма и весьма развита социальная жизнь? По изслѣдованію ученыхъ, онѣ живутъ пезначительными обществами и придерживаются высшихъ правилъ нашей общечеловѣческой нравственности, которой мы, впрочемъ, безбожно измѣняемъ: каждый членъ общины за всѣхъ и все за одного... У насъ хуже. Гарнеру можно повѣрить! Пожалуй, мы и не въ правѣ подвергать ихъ пыткамъ... Человѣкъ черезчуръ самоувѣренъ; его самомиѣнье безгранично...

Аркадій словно потерялъ почву подъ ногами и уже не зналъ—сердиться, смѣяться или не обращать на меня никакого вниманія. Онъ какъ-то безпомощно вращалъ зрачками то вправо, то влѣво и дергалъ себя за усы.

Медикъ и естествоиспытатель забавлялись нашимъ споромъ. Между тѣмъ мы уже добрались до другого зданія. Докторъ сперва колебался, постоялъ на мѣстѣ, потеръ лобъ, а потомъ махнулъ рукой и рѣшилъ, очевидно, не мѣшать моему дальнѣйшему осмотру.

«Горбатаго могила исправитъ», вѣроятно, думалъ онъ на мой счетъ.

Аркадій вдругъ заторопился и быстро промелькнулъ мимо операционной, дипломатично поясняя, что тамъ—ремонтъ, но я уловилъ какіе-то странные звуки, напоминающіе стоны, случайно вылетѣвшіе на свободу изъ-за толстыхъ дверей и стѣнъ.

На мигъ показалось, что эти звуки воплотились въ скорбныя живыя тѣни какихъ-то существъ, молящихъ о пощаждѣ...

Идемъ дальше.

По дорогѣ попадаетея намъ крохотная комнатка, гдѣ кто-то, одѣтый въ бѣлое, суетится надъ раскластанной морской свинкой съ привязанными лапками.

Онъ выстригаетъ спичку дрожащему, безсловесному звѣрку, приготавливая его къ какой-то хирургической расправѣ.

Аркадій мчится дальше, но я задерживаюсь, хотя тотъ и кричитъ мнѣ:

— Тутъ пустыки, а тамъ—главное... Идемте жс. Право, некогда.

— Что это?—бросаю я, какъ бы мимоходомъ, боясь, что не получу отвѣта.

Но меня, должно быть, принимаютъ за своего.

— Жертва науки... для доктора Шпруделя,—отвѣчаетъ сладкимъ голосомъ человѣкъ въ балахонѣ и беззаботно улыбается, будто приготавливаетъ что-то пріятное.

— Подъ хлороформомъ?

Разумѣется, я выдалъ себя съ головой.

— Какой тамъ хлороформъ!

— Да развѣ можно?—протестую я и весь загораюсь.

— Значить, для опыта вредно... Докторъ лучше понимаетъ.

Лечу вдогонку за Аркадіемъ и его спутниками.

«Обманщики! — какъ молотомъ, отбиваетъ у меня въ головѣ:— для опыта лучше... каково оправданье!»

Сообщаю волнующія меня мысли, и докторъ-проводникъ на минуту приостанавливается, серьезно смотритъ мнѣ въ глаза изъ-подъ стальныхъ очковъ и говоритъ медленно, съ передышкой, точно усталъ отъ непосильной работы:

— Милостивый государь, если вы и у доктора Милліона, куда мы направляемся, будете въ этомъ же духѣ продолжать,—достанется, вѣдь, мнѣ за то, что допустилъ васъ... А теперь могу только пояснить, что изслѣдованіе функций сердца, сосудистой системы, мозга—невозможно при наркозѣ... Жалко, но что же дѣлать!.. Я-то при чемъ? Вы меня понимаете?.. Расширеніе нашихъ познаній—на пользу страждущимъ—вотъ наше утѣшеніе.

— Что жъ, утѣшайтесь!—буркнулъ я:—впрочемъ, обѣщаю не подводить васъ у доктора Милліона, Господь съ вами.

16-го января.

Помѣшали вчера. Продолжаю описанье. Кажется, это самое тяжелое изъ всего, что мнѣ удалось видѣть. Едва вошли въ патологическое отдѣленіе,—уже клейкій, непріятный запахъ ударилъ въ носъ.

Разбѣгались глаза и дыханье захватило, а сердце такъ и заколыхалось.

Внизу молодое женское лицо... Женщина-врачъ фильтруетъ какую-то прозрачную жидкость,—желудочный сокъ, какъ потомъ узнаю. Страшно видѣть здѣсь женщину, среди пытокъ!

Цѣлый рядъ станковъ, къ которымъ привязаны собаки...

Я еще не успѣлъ освоиться съ окружающей обстановкой, какъ Аркадій подводитъ къ доктору Милліону и знакомитъ. Невзрачный, низкорослый, сутуловатый, съ головой мулата, онъ обнимаетъ насъ быстрымъ, колючимъ взглядомъ черныхъ, невѣроятно большихъ зрачковъ.

— Все врачи?.. товарищи?..—отрывисто спрашиваетъ онъ.

Обо мнѣ Аркадій говоритъ, какъ объ юристѣ.

— А, это труднѣе для насъ!—неопредѣленно восклицаетъ Милліонъ, почти повторяя слова Аркадія при нашей первой встрѣчѣ.

Я не хочу отступать.

— Но я слушалъ и судебную медицину, и психонатологию, и съ анатоміей знакомъ... Медицина и юриспруденція часто идутъ вмѣстѣ.

— Пожалуйста, пожалуйста... Я ничего...—поспѣшно соглашается онъ, переглядываясь съ Аркадіемъ, и съ механической улыбкой прибавляетъ:—мы не всегда въ дружбѣ съ юристами...

Оба посмѣиваются.

Но черезъ минуту потухшій было взглядъ доктора Милліона уже опять загорается огнемъ. Отрывистая рѣчь становится болѣе размѣренной.

— Назначеніе различныхъ органовъ мы выяснили благодаря vivisekціи. Это ея заслуга. Много пишутъ про страданія животныхъ. Пускай ихъ пишутъ!.. Вздоръ!.. Всѣ испытываемыя чувствуютъ себя великолѣпно, какъ у Бога за пазухой. Хотя мы и пользуемся больше низшими животными, но трудно отказаться и отъ высшихъ. Безъ собаки намъ не обойтись. Во-первыхъ, всеядная и ея пищеварительный аппаратъ напоминаетъ нашъ, во-вторыхъ, своей понятливостью, своимъ высокимъ нравственнымъ развитіемъ, послушаніемъ она способствуетъ удачному неходу опыта... Предъ каждой мучительной операціей мы пускаемъ въ входъ, если, впрочемъ, это возможно, наркотическія вещества... У насъ приволье, свѣтъ, уходъ... Развѣ лучше бродить по улицамъ и пропадать отъ голода подъ заборомъ?.. Вотъ мой лучший другъ... щенокъ... Ему около года... Я самъ его нашелъ на улицѣ у своего дома...

Милліонъ приблизился къ одной изъ собакъ, привязанной двумя ремнями къ верхней перекладинѣ станка, и съ грубой лаской сталъ гладить ее по головѣ и ударять по спиѣ тяжелой, мясистой рукой.

Щенокъ всякій разъ вздрагивалъ отъ такой ласки и покорно вытягивалъ длинную, узкую морду.

Въ желудкѣ у него зіялъ свищъ и по трубкѣ, вставленной туда, стекали въ стеклянный сосудъ капли какого-то вещества.

«Неужели этотъ несчастный щенокъ, — мелькнуло въ моемъ умѣ: — не видѣлъ никогда никакой радости, если даже подобная ласка, ласка мучителя, уже доставляетъ ему счастье?.. И пойманъ, вѣроятно, предательски...»

Милліонъ старательно показывалъ своихъ пациентовъ, то привязанныхъ къ станкамъ, то сидящихъ на цѣпяхъ. Большинство было съ желѣзными, пробуравленными стаканами, очевидно, замѣняющими намордники.

«Хорошъ свѣтъ! Хорошо приволье!.. До чего только не додумается человѣкъ...» — бродили во мнѣ ненослушныя мысли.

А Милліонъ раскраснѣлся, видимо, вдохновляясь своими трудами, взъерошилъ густые, въ мелкихъ завитушкахъ волосы и сверкалъ зрачками.

Аркадій подобострастно слушалъ его.

— Вотъ, господа, слюнный свищъ, а вотъ желудочный... Полость рта отдѣлена отъ желудка, такъ какъ на шеѣ перерѣзанъ пищеводъ, и пища отсюда вываливается... Это — мнимое кормленіе, доказывающее вліяніе нервной системы на желудочныя желѣзы. Мы вызываемъ также ложные рефлексы звуками или запахомъ, видомъ картины и проч. Тутъ вы усматриваете собаку безъ желудка; эта — безъ желчнаго пузыря; та вотъ — безъ поджелудочной желѣзы... Да что хмуритесь? Я уже давно наблюдаю, — съ неудовольствіемъ обратился вдругъ ко мнѣ докторъ, какъ оказалось, ревниво слѣдившій за каждымъ моимъ движеніемъ: — утверждаю, что онѣ чувствуютъ себя гораздо лучше, чѣмъ мы съ вами. Аппетиты — грандіозные. Съѣдаютъ въ одну секунду гору мяса, а отъ хлѣба-то умираютъ... Хлѣбомъ нельзя угощать. Молоко допустимо... въ умѣренныхъ дозахъ... Вы не смотрите, что нѣкоторыя какъ бы отошались... Онѣ почти такими же и раньше были.

Важно ронялъ онъ слово за словомъ и водилъ насъ отъ собаки къ собакѣ.

Уныло-страдальческій, запуганный видъ и худоба не свидѣтельствовали о томъ великолѣпномъ состояніи, въ какомъ находились животныя. Шерсть на бокахъ у многихъ была вытерта, должно быть, отъ подтягиванья ремнями въ теченіе ряда мѣсяцевъ; глаза гноились; нѣкоторыя собаки дрожали мелкой, лихорадочной дрожью, едва приближался ихъ «благодѣтель», докторъ Милліонъ.

— Мы на краю удивительныхъ открытій...—цѣдилъ онъ сквозь зубы, все болѣе проникаясь величіемъ:—мы уже добились того, что отрѣзаемъ ногу у одной собаки и замѣняемъ ее ногой, взятой у другой собаки, почки одного животнаго замѣняемъ почками, вынутыми у другого... Будемъ и съ людьми такъ поступать... Вотъ въ Америкѣ уже былъ случай, когда ткань, вырѣзанная изъ глаза собаки, замѣнила соответствующую часть роговой оболочки въ глазу человѣка... такъ-то, милостивые государи! Мы близки къ торжеству. Работаемъ не даромъ...

Меня подмывало немножко охладить его пылъ.

— Собака, разумѣется, окривѣла?—неожиданно спросилъ я.

— Со-бака? Тутъ не въ собакѣ дѣло, а въ человѣкѣ!—отрѣзалъ Милліонъ, повидимому, не раскусивъ моей проны, и насупился, что его перебили.

Аркадій глядѣлъ на меня, какъ на сумасшедшаго или на скандалиста. Мой спутникъ-медикъ тоже недовольно поджималъ губы и щурился, а естественникъ, ясно, былъ уже на моей сторонѣ.

Это я видѣлъ по выраженью его лица, поблѣднѣвшаго отъ близости чужихъ страданій.

— Похвастанюсь еще одной штучкой, на чемъ и покончимъ нашъ осмотръ...—самодовольно вновь заговорилъ Милліонъ, опять увлекаясь достигнутыми побѣдами:—иногда мы приобретаемъ къ умысленному удаленію отдѣльныхъ частей мозговыхъ полушарій, что вызываетъ выпаденіе или измѣненіе условныхъ рефлексовъ... Оперируемыхъ такимъ образомъ мы держимъ обыкновенно въ полотняныхъ койкахъ, иначе животныя сильно бьются головами и могутъ усилить и безъ того обильныя кровотеченія...

По его приказанію служитель вынулъ изъ койки коричневаго пуделя.

— Видите... одни круговыя движенія, постоянно падаетъ, на зовъ не откликается, никого не узнаетъ, не проситъ ѣсть, а ткнемъ въ носъ пинцу—будетъ глотать безъ всякаго пониманія... Живой мертвецъ... Можно жечь, колоть... Держимъ его для образца, такъ сказать.

Я подошелъ вплотную и наклонился къ бѣдному, изувѣченному пуделю.

Конечно, это былъ Каштанъ! Я не напрасно попалъ сюда.

Такъ вотъ куда доставилъ его «другъ животныхъ», господинъ Никитинъ! Благородная дѣятельность, чортъ возьми!... Чудная отплата за вѣрную службу и беззавѣтную привязанность!...

Руки мои дрожали, когда я погладилъ этотъ движущійся футляръ добраго, милаго Каштана, изъ котораго насильно вынули прекрасную, любящую душу...

Что даль наукѣ новаго этотъ жестокой опытъ?

Я гладилъ Каштана еще и еще. Собака оставалась безучастной.

— Вы какъ будто чѣмъ-то взволнованы?—раздѣлся петръ-ливый возгласъ Милліона надъ самымъ моимъ ухомъ.

«Неужели продолжать мотыльничать передъ этими?...»—подумалъ я прежде, чѣмъ отвѣчать.

— Миѣ знакома собака. Ее продалъ вамъ торгошъ Никитинъ? Какая подлость! Была умная и преданная... Я уйду отсюда съ очень тяжелымъ чувствомъ.

По лицамъ обоихъ докторовъ пробѣжало легкое замѣшательство. Они не привыкли къ такимъ выходкамъ постороннихъ посѣтителей.

Отвернулись.

— Я понимаю... если вы ее знали... неприятно... Итакъ, господа, позвольте проститься... Больше ничѣмъ не могу похвастаться,—поспѣшилъ подвести итогъ ученый вивисекторъ и соваль мясистую руку медику, естественнику, Аркадію, хотѣлъ и миѣ, но я вздрогнулъ отъ одной мысли прикоснуться къ ней и поспѣшилъ издали поклониться, затѣмъ бросилъ прощальный взглядъ на безпомощнаго, жалкаго Каштана, котораго уже поднялъ служитель и собирался обратно помѣстить въ койку. Нервный спазмъ сдавилъ миѣ горло. Я чувствовалъ, что готовъ разрыдаться.

Уходилъ безъ оглядки изъ ужаснаго переулка.

Вотъ подробная картина... Ничего не забыть... Каждое слово вспомнилъ.

31-го января.

Вычиталъ занимательный выводъ: человѣчество—не болѣе, какъ пылинка во вселенной. Здорово! Одна десятибиллионная часть массы земли. А самомѣнія-то сколько! Въ результатѣ: энергія человѣческихъ мускуловъ и всѣхъ придуманныхъ человѣкомъ машинъ можетъ задержать движеніе земнаго шара вокругъ солнца лишь на одну тысячную секунды... Вотъ вамъ и «царь природы!» Смѣхотворно...

13-го февраля.

Разстрѣлъ ручныхъ голубей великосвѣтскими охотниками для забавы, конечно, дикій пережитокъ варварства; собака, оставшаяся безъ пищи въ теченіе 32 дней, такъ какъ была заперта въ пустой квартирѣ по забывчивости разсѣяншимъ хозяиномъ (объ этомъ читалъ въ газетахъ),—прискорбная случайность, прибавляющая, однако, нѣсколько мрачныхъ штриховъ въ нашъ человѣческій аттестатъ; несомнѣнно, вѣтъ зловѣщимъ кошмаромъ и отъ исторіи сожженія кошекъ въ больничной кочегарнѣ и къмъ же?—сестрой милосердія!..

Но развѣ поступокъ Никитина лучше?

Сегодня, въ первый день когда-то широкой, а теперь потускнѣвшей и сузившейся русской масленицы, я столкнулся съ этимъ рѣдкимъ экземпляромъ людской разновидности.

Никитинъ шелъ съ супругой и о чемъ-то, какъ всегда, спорилъ.

Трудно было ускользнуть отъ встрѣчи, да я и не пытался; напротивъ, во мнѣ закипала кровь и волной подымалась ненависть.

Я едва притронулся къ мѣховой шапкѣ и сразу, не давая имъ опомниться, выпалилъ со свойственной мнѣ горячностью:

— Простите, что беспокою васъ, бывшая моя хозяйюшка. А, вѣдь, я отыскалъ вашего вѣрнаго Каштана! Господинъ «другъ животныхъ», пожалуй, не открылъ вамъ, что продалъ его по сходной цѣнѣ для опытовъ вивисекціи. Докторъ Милліонъ вырѣзалъ у него часть мозга изъ простаго любопытства, и бѣдный пудель никого уже не узнаеть...

Никитина, какъ будто, вздрогнула, опечалилась, стояла съ полусткрытымъ ртомъ, не находя словъ.

— Этъ! пойдѣмъ отъ него... Опъ все сочиняеть,—заворчалъ мужъ, подталкивая ее и семеня дрыгающими позжками:—стыдно интриговать!—уже отойдя на нѣсколько шаговъ, послалъ онъ мнѣ вдогонку.

Толпа разъединила насъ.

Хорошо бы никогда больше съ нимъ не встрѣчаться!.. А съ Процаковскимъ непремѣнно повидаюся и выложу ему всю правду, какъ понимаю ее. Пускай злится!

Я свернулъ за уголъ.

Была давка. Шумъ, говоръ, смѣхъ, мельканье, стукъ копытъ и звонъ трамваевъ...

И, навѣрно, никто не догадывался о томъ, что въ эти минуты гдѣ-то близко мучатся невинныя жертвы, обреченныя на гибель ради какой-то призрачной пользы,—собака-сторожъ, собака-пастухъ, собака-нянька, собака-спасительница на водахъ, въ горахъ, на пожарахъ, собака-поводырь, собака-ищейка воровъ и убійць, собака-другъ... Грустно!

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній)¹⁾.

IV.

Профессоръ Г. А. Захарьинъ.— О. П. Попова.— Мое столкновѣнiе съ Захарьинымъ.—
Ц. А. Кюп.— Графиня де-Мерси-Аржанто.— М. П. Мусоргскій.— Теноръ Равелли.—
Музыкально-драматическiй кружокъ.

ОТЧАСЪ по окончанiи медико-хирургической академiи я на нѣкоторое время попалъ въ Москву. Естественно, что послѣ выдающихся лекцiй по внутреннимъ болѣзнямъ Боткина и Эйхвальда мнѣ захотѣлось послушать и великаго московскаго клинициста Захарьина, о которомъ уже много лѣтъ ходили слухи не только какъ о выдающемся профессорѣ, но и не менѣе великомъ... чудакѣ (выражаясь мягко), оставившемъ послѣ себя не слишкомъ добрую память, какъ о человѣкѣ, бравшемъ чудовищные гонорары.

Должно сознаться, что Москва того времени, да пожалуй, и теперь, накладываетъ на нѣкоторыхъ своихъ людей особый отпечатокъ—отпечатокъ самодурства.

Конечно, это не могло броситься мнѣ въ глаза, какъ только въ университетскую аудиторiю вошелъ и сѣлъ за столъ, облокотившись на руку, профессоръ Захарьинъ, но съ его самодурствомъ, правда, много лѣтъ спустя, мнѣ лично все-таки, какъ увидятъ читатели, пришлося познакомиться.

¹⁾ Продолженiе. См. «Историческiй Вѣстникъ», т. СХХIХ, стр. 96.

Некрасивое и несимпатичное лицо Григорія Андреевича Захарьина съ подкрашеною, неправильно растущею жидкою бородою, неподвижный его взоръ, устремленный въ пространство, всё эти данныя, строго говоря, мало располагали въ его пользу.

Въ неподвижномъ положеніи Захарьинъ просидѣлъ минутъ 10. Вначалѣ тишина въ аудиторіи была значительная. Затѣмъ студенты, вѣроятно, въ ожиданіи, когда же наконецъ профессоръ соблаговолитъ начать чтеніе, стали сначала тихо, а потомъ довольно громко разговаривать.

Это вывело Захарьина изъ себя.

«Господа,—прикрикнулъ онъ на студентовъ довольно рѣзко:— прошу не шумѣть! Вы мнѣ не даёте возможности сосредоточиться!»

И въ медико-хирургической академіи, и позже во время моихъ посѣщеній лекцій въ различныхъ иностранныхъ университетахъ мнѣ ни разу не довелось видѣть профессора, картинно, на глазахъ внимающихъ ему студентовъ, чуть ли не по 15 минутъ сосредоточивающаго свои мысли.

Читалъ, однако, Захарьинъ очень хорошо, толково, хотя черезчуръ сжато; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣчь его отличалась слишкомъ большою прямолинейностью, въ ущербъ, пожалуй, истинѣ или доказательности сообщаемого.

Такъ, напримѣръ, въ своей лекціи о леченіи туберкулеза онъ, указывая на средства, способствующія уменьшенію лихорадки, такъ изнуряющей и безпокоящей туберкулезныхъ больныхъ, безапелляционно заявилъ: лихорадка у такихъ больныхъ непременно уступаетъ хинину, но хинину не въ большихъ дозахъ, а въ маленькихъ!..

Случай, гдѣ по отношенію ко мнѣ профессоръ Захарьинъ въ 1893 г. сыгралъ не только прискорбную, но даже не совсѣмъ добросовѣстную роль, главнымъ образомъ изъ-за моего нежеланія подчиниться его самодурству, мнѣ тогда же съ документами въ рукахъ очень хотѣлось огласить въ медицинской печати. Не сдѣлалъ же я этого своевременно изъ-за того, что ѣздилъ въ Могилевскую губ. къ больной, изъ-за которой весь сыръ-боръ загорѣлся, и затѣмъ повезъ ее въ Москву на консиліумъ къ Захарьину, не имѣя на эту поѣздку надлежащаго разрѣшенія...

Слѣдовательно, привлеки я на судъ врачей Захарьина и въ спорѣ съ нимъ, несомнѣнно, оказавшись правымъ, я навѣрно былъ бы обвиненъ своимъ медицинскимъ начальствомъ, чего я отнюдь не добивался...

Эпизодъ, разыгравшійся между профессоромъ Захарьинимъ и мною, приводится теперь цѣликомъ только на основаніи сохранившихся писемъ ко мнѣ близкихъ родныхъ тогдашней моей больной.

Вотъ въ чемъ было дѣло.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ умерла одна моя большая пріятельница и пациентка, Ольга Николаевна Попова, извѣстная издательница многихъ научныхъ книгъ и владѣтельница старѣйшей петербургской библіотеки для чтенія Черкесова.

Ольга Николаевна была удивительно одаренная натура. Прекрасно образованная, отлично говорившая на нѣсколькихъ языкахъ и знавшая эти языки основательно, много переводившая, написавшая нѣсколько комедій идейнаго характера, превосходная художница, она всю свою жизнь посвятила добру и неустанному труду. Принадлежа къ благородному типу людей, творящихъ добро не на показъ, она даже и въ то время, когда сама большими средствами не обладала, лишая себя часто самаго необходимаго, тѣмъ не менѣе воспитывала двухъ сиротъ. Только въ послѣдніе годы жизни она наслѣдовала отъ своей матери довольно большое состояніе, позволившее ей и жить и распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ она хотѣла...

У Ольги Николаевны Поповой еще до смерти матери былъ небольшой клочокъ земли въ Могилевской губерніи, на границѣ, кажется, Смоленской губерніи.

Туда должна была въ 1893 году пріѣхать на все лѣто ея мать М. К. фонъ-Баранова. Матери О. Н. было въ то время лѣтъ за 70. Эта женщина представляла собою весьма курьезную особу, холодную, чуждавшуюся и ненавидѣвшую людей и поэтому подчасъ даже ихъ боявшуюся.

Злая, сварливая, она рѣшительно никого не любила, даже свою единственную дочь. Не терпѣвшая дачъ и деревни, никогда на лѣто не уѣзжавшая, сидѣвшая почти всегда взаперти дома, она прожила такимъ образомъ всю свою долгую жизнь, никогда не хвораая, и только въ послѣдніе годы стала понемногу жаловаться на различнаго рода недомоганія. Это и было главною причиною, почему М. К. согласилась наконецъ, и то послѣ неоднократныхъ моихъ и ея дочери просьбъ и убѣжденій, побороть свою антипатію къ чистому воздуху и уѣхать въ деревню.

Приглашеніе мое, какъ врача, къ г-жѣ Барановой, этой, строго говоря, челоуѣконенавистницѣ, состоялось послѣ чуть ли не годичныхъ упрашиваній со стороны ея дочери.

Уѣхала М. К. Баранова въ деревню въ маѣ, а въ концѣ сентября я получилъ отъ О. Н. Поповой депешу: «Когда можете пріѣхать? Матери хуже». (Обо лѣзніи г-жи Барановой О. Н. мнѣ раньше писала). Попадъ черезъ нѣсколько дней въ Могилевскую губернію и осмотрѣвъ больную, я нашель, что склерозъ сосудовъ головного мозга, чѣмъ въ незначительной степени страдала больная уже послѣдніе годы, сдѣлалъ громадныя успѣхи.

Какъ послѣдствіе этого страданія, у больной стали появляться эпилептевидные припадки, подчасъ до того грозные, что въ каждую данную минуту могли быть причиною ея смерти.

Въ свѣтлые промежутки больная требовала, чтобы ее немедленно увезли въ Петербургъ.

На совѣщаніи съ мѣстнымъ земскимъ врачомъ, Д. Андреевымъ, было рѣшено отправить больную домой, но съ остановкою въ Москвѣ, не только для консилиума съ профессоромъ Захарьинимъ, но и для отдыха.

Въ Москвѣ, гдѣ родная сестра заболѣвшей, О. К. Рейтернъ, была начальницей Николаевскаго института и занимала великолѣпную казенную квартиру, это было сдѣлать не трудно.

Довезли мы больную въ Москву благополучно. Г-жа Рейтернъ, по своему положенію въ первопрестольной играющая довольно большую роль, вызвалась вмѣсто меня написать Захарьину (съ которымъ она давно была хорошо знакома) съ просьбой пріѣхать на консилиумъ какъ можно скорѣе. Въ отвѣтъ на письмо г-жи Рейтернъ Захарьинъ отвѣтилъ, что будетъ на слѣдующій день утромъ. За часъ до пріѣзда Захарьина явился его ассистентъ д-ръ Никулинъ, который подробно не осмотрѣлъ больную, а удовольствовался моими объясненіями.

Придя насчетъ діагноза къ обоюдному согласію, мы затѣмъ стали вмѣстѣ съ г-жою Рейтернъ и другими родными дожидаться пріѣзда великаго московскаго авгура.

Въ назначенное Захарьинимъ время затрещавшій изъ швейцарской звонокъ извѣстилъ о появленіи профессора.

Докторъ Никулинъ бросился въ переднюю.

Прошло нѣсколько минутъ, время, какъ намъ показалось, болѣе чѣмъ достаточное для снятія пальто, но Захарьинъ все еще не показывался. Встревоженная такимъ необычно долгимъ его пребываніемъ въ передней, зная захарьинскія причуды, г-жа Рейтернъ въ мягкой формѣ высказала мнѣ подозрѣніе, не обидѣлся ли онъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ д-ромъ Никулинымъ я не вышелъ къ нему навстрѣчу. Хотя я не могъ не удивиться такого рода предположенію, но тѣмъ не менѣе я рѣшился сходить и узнать причину непонятной захарьинской задержки...

Прихожу въ переднюю. Вижу Захарьинскую фигуру въ большихъ кожаныхъ галошахъ, въ тепломъ пальто, теплой шапкѣ, съ приподнятымъ каракулевымъ воротникомъ (дѣло было въ самомъ началѣ октября).

Я отрекомендовался. Захарьинъ, подавъ мнѣ руку, быстро заговорилъ:

— Вашу больную я сегодня смотрѣть не буду. Тутъ вышло недоразумѣніе. У меня не хватитъ нервной силы задавать не пользовавшему больную врачу лишніе вопросы и выслушивать такіе же отвѣты. Я пріѣду завтра въ 3 часа. Раньше больную осмотритъ мой ассистентъ, какъ оказалось, подробно не изслѣдовавшій ее.

Меня слова Захарьина возмутили.

— М. К. Баранову я лечу уже нѣсколько лѣтъ,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ я ему.—Хотя начала обостренія ея послѣдняго заболѣванія я и не видѣлъ (въ деревнѣ ее все время пользовалъ д-ръ Андреевъ), но ходъ болѣзни мнѣ вполнѣ извѣстенъ и самая болѣзнь для меня ясна. Прошу поэтому васъ, профессоръ, раздѣться и, разъ вы здѣсь, все-таки осмотрѣть больную. Съ своей стороны, я постараюсь отвѣчать вамъ безъ излишнихъ подробностей, коротко, ясно. Къ тому же,—добавилъ я,—пробыть еще лишній день въ Москвѣ я никакъ не могу. У меня вѣдь тоже есть служба и пациенты въ Петербургѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, остаться я никакъ не могу,—и съ этими словами Захарынь направился къ двери, оставивъ меня положительно въ недоумѣніи, какъ отнестись къ такому дикому и неколлегиальному поступку.

Разумѣется, я въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Петербургъ.

Характеръ у Маріи Карловны фонъ-Барановой былъ при ея большомъ умѣ властный и черствый. Сама она преклонялась только передъ силою. За тѣ немногіе годы, которые она находилась въ моемъ пользованіи, мнѣ стоило ужасныхъ усилій убѣдить эту властолюбивую и бездушную женщину въ необходимости строго исполнять не то, что она хочетъ, а только мои врачебныя предписанія.

Можно себѣ представить, что сдѣлалось съ нею, въ какой она вошла ражъ, когда на другой день моего отъѣзда къ ней явился Захарынь и послѣ тщательнаго осмотра сказала ей буквально слѣдующее: «Васъ до сихъ поръ не лечили, а только портили! Все средства, назначенныя вамъ д-ромъ Вертенсономъ, нужно выбросить за окно. Режимъ, котораго вы держитесь по его совѣту, нужно измѣнить отъ А до Z».

Профессоръ затѣмъ подробно сталъ перечислять тѣ болѣзненные симптомы и ощущенія, которые подъ вліяніемъ его леченія должны были постепенно пройти. Обѣщавъ навѣстить больную снова черезъ 2 дня, Захарынь уѣхалъ, оставивъ ее въ полномъ восхищеніи, не столько, впрочемъ, отъ своей особы, сколько обѣщаніемъ черезъ нѣсколько дней поставить ее на ноги.

Волшебныя средства, прописанныя для этого Захарынымъ, могущія повліять на разлитой склерозъ мозга, оказались: расширеніе діеты, питье 2 раза въ день по $\frac{1}{4}$ стакана минеральной воды Vichy и бромистые препараты...

По словамъ зятя больной (О. Н. Попова должна была, несмотря на тяжелую болѣзнь ея матери, по моему совѣту, изъ-за начинавшагося катара легкихъ немедленно уѣхать на югъ Франціи), державшаго меня въ курсѣ этой некрасивой исторіи, послѣ лестной аттестаціи о моемъ леченіи Захарына, она, разумѣется, слышать не могла моего имени.

Лечилъ Захарынь г-жу Баранову съ педѣлю. Когда же онъ прѣѣхалъ къ больной въ третій разъ, то неожиданно для всѣхъ признался ей, что въ ея діагнозѣ онъ ошибся, будто бы введенный въ заблужденіе врачами.

Вотъ часть письма О. Н. Поповой (письма, сохранившася у меня, какъ и всѣ прочія письма по этому же дѣлу), гдѣ она говоритъ о такомъ невѣроятномъ для Захарына событіи.

«Не могу вамъ сказать, до чего я обрадовалась, узнавъ про покаяніе Захарына и то, что онъ согласенъ теперь съ вами. Мой мужъ мнѣ пишетъ, что онъ храбро взялъ свои слова назадъ и сказалъ, что ошибся. Что же, это все-таки хорошая черта, и да простятся ему его прегрѣшенія. Всѣ лекарства и всю свою новую методу онъ тоже отбѣнилъ».

По словамъ мужа О. Н. Поповой, Захарынь послѣ признанія своей ошибки даже предложилъ войти со мною въ переписку для объясненія и своей ошибки и своего невѣроятнаго ко мнѣ отношенія. Но я отъ такой чести уклонился...

Финаломъ всей этой печальной исторіи было то, что больная возненавидѣла уже не меня, а Захарына, и, вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, снова обратилась къ моей медицинской помощи. Но лечить мнѣ ее пришлось очень не долго. Она умерла мѣсяца черезъ два.

Съ юношескихъ лѣтъ мнѣ пришлось вращаться въ музыкальной средѣ. Причиною этого была моя сестра, у которой очень рано оказались недюжинныя музыкальныя способности.

Покойная великая княгиня Елена Павловна, прослушавъ въ 1870 г. игру на роялѣ моей шестилѣтней сестры, тотчасъ приказала зачислить ее въ свои стипендіатки и поручила адъюнкту-профессору петербургской консерваторіи Бетгрову, брату знаменитаго нашего мариниста, тотчасъ же начать съ нею занятія.

Окончила сестра моя консерваторію не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ у Н. Г. Рубинштейна. Удивительный этотъ пианистъ, кумиръ Москвы, по художественной игрѣ не уступавшій своему гениальному брату, не разъ предсказывалъ моей сестрѣ блестящую музыкальную будущность.

Очень рано вышедшая замужъ, не имѣя возможности всецѣло отдаваться музыкѣ, потонувшая въ будничныхъ дрязгахъ семейной жизни, она, къ сожалѣнію, не была въ состояніи оправдать тѣхъ блестящихъ предсказаній, которыя сыпались на нее въ началѣ ея музыкальной карьеры.

Въ числѣ лицъ, принимавшихъ горячее участіе въ судьбѣ сестры и часто посѣщавшихъ нашу семью, былъ между прочимъ Ц. А. Кюи.

Будучи съ нимъ близко знакомъ около 40 лѣтъ, такъ сказать, съ дѣтства вскормленный на его красивыхъ романсахъ и цѣнившій его музыку вообще, горячій поклонникъ его талантливыхъ и остро-

умныхъ музыкальныхъ рецензій, времени «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», я коснусь Цезаря Антоновича пока только въ связи съ той выдающейся женщиною, иностранкою по происхожденію, значительно вліявшей на его творчество и, несомнѣнно, сыгравшей громадную роль въ исторіи развитія и распространенія новой русской музыки за границую.

Я говорю про графиню де-Мерси-Аржанто.

Странная судьба этой безспорно высокоталантливой и удивительно благородной женщины.

Рожденная княжна Караманъ-Шимъ, красавица, одаренная большимъ акварельнымъ талантомъ, прекрасно игравшая на фортепіано, помимо французскаго языка превосходно владѣвшая языками англійскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ и подъ конецъ жизни и русскимъ, она послѣ блестящихъ свѣтскихъ успѣховъ при дворѣ Наполеона III стала играть во время франко-прусской войны довольно большую политическую роль.

Въ 1871 году она отъ сидѣвшаго уже тогда въ плѣну у нѣмцевъ Наполеона III получила отъ него изъ Вильгельмстедт просьбу передать лично императору Вильгельму письмо, гдѣ Наполеонъ просилъ объ обмѣнѣ плѣнныхъ и о смягченіи мирныхъ условій.

Какъ извѣстно, миссія эта, однако, не увѣнчалась успѣхомъ. Императоръ Вильгельмъ, въ свою очередь, знавшій лично графиню, отвѣтилъ ей, что обмѣнъ плѣнныхъ онъ предложитъ рейхстагу, а условія мира смягчены быть не могутъ.

Послѣ паденія Наполеона, совершенно удалившись отъ свѣтской и политической жизни, графиня, живя большую часть года въ одномъ изъ своихъ замковъ, Аржанто (около Льежа), стала все свое время отдавать музыкѣ.

Въ 1882 году графинѣ случайно попались пародные танцы Направника. Это дало ей идею поближе познакомиться съ русской музыкой, о которой ни она, ни большая часть ея соотечественниковъ не имѣли никакого понятія.

Прочитавъ между прочимъ изданную по-французски брошюру Ц. А. Кюи «La musique en Russie» и переинтравъ массу русской музыки, она, какъ сама выразилась, увидѣла, что для нея открылась истинная золотая руда!

И дѣйствительно, семь послѣднихъ лѣтъ своей жизни она посвятила почти исключительно изученію, служенію и пропагандѣ русской музыки.

Чтобы лучше понять и оцѣнить русскую вокальную музыку, графиня начала изучать русскій языкъ и одна, съ помощью словарей Оллендорфа и Рейфа, достигла такихъ значительныхъ результатовъ, что могла свободно читать и переводить. Тогда она перевела

«Псковитянку» Римскаго-Корсакова, его же «Снѣгурочку», отрывки «Игоря» Бородина, 4 оперы Кюи, множество романсовъ и пр.

Разумѣется, первые опыты ея переводовъ вышли не совсѣмъ удачными. Но зато послѣдніе переводы превосходны; многіе изъ нихъ имѣются въ печати.

Съ этой же поры графиня занялась пропагандою нашей музыки въ Бельгій.

Теперь дѣло шло. Русской музыкѣ, какъ и вообще русскому искусству, широко раскрылись двери. Но тогда, когда графинѣ шагъ за шагомъ пришлось добывать себѣ новыхъ приверженцевъ среди людей, не понимавшихъ русской музыки, ни ея духа, дѣло это было въ высокой степени трудное.

Благодаря исключительной настойчивости графини, посвящавшей русской музыкѣ въ различныхъ городахъ Бельгій цѣлыя серіи концертовъ, тратившей на это значительныя деньги, ей удалось достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, что уже въ 1890 г. въ Брюссель для управленія русскими симфоническими концертами былъ специально приглашенъ Н. А. Римскій-Корсаковъ.

Послѣдніе три года своей жизни графиня провела у Ц. А. Кюи въ кругу его семьи, нѣжно любившей эту самоотверженную и прекрасную женщину.

Къ музыкѣ Кюи графиня де-Мерси-Аржанто питала особенную любовь. Это былъ родъ культа. Для того, чтобы видѣть, какъ Ц. А. работаетъ, имѣть возможность такъ или иначе въ его трудахъ оказать ему помощь, быть ему вообще полезной, графиня, имѣвшая громадныя средства, окруженная въ своихъ помѣстьяхъ роскошью, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ жила въ весьма скромной комнатѣ четвертаго этажа въ квартирѣ Цезаря Антоновича. И это въ то самое время, когда въ замкѣ графини Аржанто у каждаго изъ гостившихъ у нея гостей, среди роскошной обстановки, имѣлось только для нихъ услугъ по два лакея въ великолѣпныхъ ливреяхъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ!

Помню я вечеръ, когда Ц. А. Кюи, воспользовавшись присутствіемъ у него графини Аржанто, пригласилъ въ числѣ очень немногихъ ему близкихъ людей и меня послушать въ первый разъ исполненіе его оперы «Le Filibustier», тѣмъ болѣе интересное, что аккомпанировала (и чудесно) графиня, а всѣ партіи и мужскія и женскія нѣлъ самъ авторъ.

Надо было видѣть, какъ тогда священнодѣйствовала графиня, какъ она волновалась, какъ блѣднѣло и покрывалось потомъ ея красивое и благородное лицо, какъ она прислушивалась при малѣйшихъ замѣчаніяхъ Цезаря Антоновича!

Графиня владела очень хорошо и перомъ, плоды котораго она въ послѣдніе годы отдавала исключительно служенію русской музыкѣ. Намѣченные ею рядъ критическихъ очерковъ, посвященныхъ

русскимъ композиторамъ, начался съ критики сочиненій Ц. А. Трудъ этотъ былъ исключительный. Въ немъ ею были разобраны рѣшительно все сочиненія Кюп. Дальнѣйшія ея критическія работы были предназначены Бородину, но смерть настѣгла ее раньше, чѣмъ окончилось собираніе матеріаловъ объ этомъ чрезвычайно талантливомъ композиторѣ.

Графиня, живя хотя сравнительно недолго въ Россіи, такъ къ ней привыкла, такъ сжилась съ ея интересами, что невольно переносила и свою дружбу и любовь на людей, близкихъ въ особенности къ тому человѣку, ради изученія творчества котораго она почти покинула свое отечество.

Чту невольно память этой прекрасной женщины. Въ то время уже неизлечимо больная, она имѣла мужество проводить на кладбище зимою, въ ужасную распутицу, вдобавокъ пѣшкомъ, скончавшуюся въ 1879 году мою мать!

Умерла графиня Мерси-Аржанто въ Петербургѣ въ 1880 году. Похоронили ее въ Бельгін, въ замкѣ Аржанто, куда и отвезъ ея тѣло Ц. А. Кюп.

Миръ ея праху!

Модестъ Петровичъ Мусоргскій, увы, оказавшійся знаменитымъ только послѣ своей смерти, когда его чисто національный талантъ сдѣлался достояніемъ не одной Россіи, а почти всей Европы, для меня, въ пору моего студенчества, имѣлъ большую притягательную силу. Безъ Мусоргскаго, вообще говоря, не обходился ни одинъ благотворительный концертъ. Музыкальные же вечера въ 70-хъ годахъ, ежегодно устраиваемые студентами всехъ высшихъ учебныхъ заведеній въ пользу ихъ недостаточныхъ товарищей, были немислимы безъ его участія.

Акомпанировалъ Модестъ Петровичъ пѣвцамъ превосходно. Будучи самъ бѣденъ, какъ Іовъ, онъ, когда дѣло касалось благотворительности, все-таки за свой трудъ никогда не бралъ денегъ.

И вотъ какъ-то однажды зимою на мою долю выпала организація концерта въ пользу студентовъ-медиковъ. Уже педѣли за три до концерта я цѣлый день леталъ по разнымъ артисткамъ и артистамъ.

Кто разъ имѣлъ случай заняться устройствомъ благотворительнаго концерта, въ тѣ времена для артистовъ почти всегда безплатнаго, тотъ знаетъ, что почетная обязанность устроителя такого концерта отнюдь не была синекура.

Хотя я всеѣмъ участвующимъ смѣло заявлялъ, что акомпанировать будетъ М. П. Мусоргскій и тѣмъ сразу вліялъ на ихъ согласіе, но, каюсь, въ ту минуту мнѣ пришлось имъ соврать по неволѣ!

Дѣло въ томъ, что гениальный авторъ «Бориса Годунова», по слухамъ, будучи еще на службѣ въ блестящемъ Преображенскомъ полку, ниль горькую, поэтому просить его впередъ за три педѣли

объ участіи въ концертѣ, не зная, будетъ ли онъ вмѣняемъ въ это время, все равно ни къ чему бы не привело. Хотя согласіе его я бы навѣрно получилъ, но, разумѣется, безъ ручательства, что въ нужный день онъ не окажется такъ пьянъ, что не только не сможетъ аккомпанировать, но и не будетъ даже въ состояніи узнать родного отца.

Къ участію въ концертѣ въ видѣ особой приманки мнѣ удалось заполучить, кромѣ артистовъ русской оперы, еще великолѣпнаго тенора итальянской оперы Равелли, который пѣлъ у насъ въ то время въ Большомъ театрѣ.

На вѣроятный «бисъ» я попросилъ этого пѣвца разучить извѣстный романсъ Купшелевой «Скажите ей», не разъ исполненный знаменитымъ Тамберликомъ и въ то время еще не совсѣмъ позабытый.

За день до концерта Равелли заявилъ мнѣ, что, желая познакомиться со своимъ аккомпаниаторомъ, онъ проситъ его на другой день пріѣхать къ нему пораньше для репетиціи.

Получивъ еще наканунѣ согласіе Мусоргскаго и обрадованный, что попалъ къ нему въ свѣтлый періодъ, я снова поѣхалъ къ нему для исполненія порученія Равелли.

Но, къ моему ужасу, Мусоргскаго я нашелъ пьянѣе вина! Лепечущимъ голосомъ онъ сталъ меня увѣрять, почему-то по-французски, что ѣздить къ итальянцу не стоитъ, что онъ, молъ, справится и т. д.

Никакія увѣщанія и просьбы съ моей стороны на него не дѣйствовали, съ упорствомъ пьянаго человѣка онъ все твердилъ мнѣ: «non, monsieur, non; maintenant c'est impossible. Ce soir je serais exacte»...

Жилъ въ это время Мусоргскій въ маленькой, не убранной комнатѣ. На грязномъ столѣ стояли водка и какая-то жалкая снѣдь...

При прощаніи онъ съ трудомъ всталъ, но все-таки проводилъ меня до дверей и отвѣсилъ мнѣ поклонъ, хотя, быть можетъ, и не исполнилъ достойный Людовика XIV, но для «урѣзавшаго» человѣка исполнилъ изумительный, причемъ добавилъ: «Donc, à ce soir!»

Не солоно хлебавши, вернулся я къ своему тенору, сказавъ, что я Мусоргскаго не засталъ дома.

Какъ мнѣ ни было трудно, но все-таки въ концѣ концовъ мнѣ удалось убѣдить Равелли не отказываться изъ-за этого отъ участія въ концертѣ, тѣмъ болѣе, что аккомпаниаторъ у меня чудесный, который его всегда выручить.

Къ Мусоргскому же я тотчасъ же командировалъ одного товарища, который вызвался его стеречь съ обѣщаніемъ доставить его во всякомъ случаѣ задолго до начала концерта.

Дѣйствительно, Модестъ Петровичъ къ 7 часамъ былъ уже на мѣстѣ въ залѣ Кононова, гдѣ долженъ былъ состояться концертъ.

Въ артистической комнатѣ Мусоргскій, къ сожалѣнію, то и дѣло продолжалъ прикладываться къ стоявшимъ тутъ же разнымъ на-

питкамъ и все болѣе и болѣе пьянѣлъ. Вдругъ мой итальянскій теноръ, сдѣлавъ какую-то руладу, нашель, что у него сѣлъ голосъ, и потому рѣшилъ весь свой репертуаръ спѣть на полъ и даже при случаѣ на цѣлый тонъ ниже!

Этого только недоставало.

Подбѣгаю къ Мусоргскому и спрашиваю его, можетъ ли онъ продѣлать кунштюкъ, заданный ему Равелли. Вставъ съ нѣкоторою галантностью съ мѣста, Мусоргскій успокоилъ меня словами: «отчего же нѣтъ?» сказанными также по-французски (оказывается, что съ людьми интеллигентными Мусоргскій, даже слегка пьяный, разговаривалъ только по-французски).

Для вящаго доказательства своихъ словъ онъ предложилъ тенору спѣть *mezza-voce* весь свой репертуаръ.

Мусоргскій, который всю итальянщину, пропѣтую Равелли, слышалъ, вѣроятно, въ первый разъ, своимъ тонкимъ исполненіемъ и игрою въ любомъ тонѣ такъ очаровалъ итальянца, что тотъ началъ его обнимать, приговаривая: «*che artista!*» (какой артистъ).

И Равелли и Мусоргскій въ этотъ вечеръ имѣли громаднѣйшій успѣхъ, въ особенности пѣвецъ, несмотря на то, что въ романсѣ «Скажите ей» онъ что-то привралъ, но подъ влияніемъ мастерской игры Мусоргскаго вышелъ съ честью и изъ этого испытанія.

Бѣдный Мусоргскій, въ виду смѣлаго реализма его музыки съ удивительно яркою національною окраскою стоявшій въ ряду русскихъ композиторовъ какъ-то особнякомъ, нашедшій себѣ смерть въ петербургскомъ Николаевскомъ госпиталѣ, куда онъ, не имѣя во время своей смертельной болѣзни буквально пристанища, попалъ исключительно по ходатайству моего брата и то только въ качествѣ его денщика, — по общему мнѣнію, и жилъ и умеръ слишкомъ рано.

Живи онъ въ наше время, дѣятельность этого талантливаго самородка, вылившись при болѣе серьезномъ музыкальномъ образованіи въ иныя формы, была бы и при жизни совсѣмъ иная.

Пожалуй, А. Г. Рубинштейнъ правъ, говоря, что русскіе очень расположены къ музыкѣ и не бездарны въ ней, но по общему непросвѣщенію и по славянской небрежности одержимы непроходимымъ диллетанствомъ.

Опера Мусоргскаго «Хованщина», имѣвшая только въ 1911 году на сценѣ Мариинскаго театра такой кричащій успѣхъ, не только благодаря участию въ ней Шаляпина, въ своемъ родѣ тоже удивительнаго самородка, вмѣстѣ съ «Борисомъ Годуновымъ», еще болѣе выдвинувшіе русскую музыку и ея гениальнаго автора, въ особенности во Франціи, въ первые ряды искусства, еще въ 80-хъ годахъ обратила на себя вниманіе красотой своей музыки, глубиной музыкальныхъ задачъ, широтой національныхъ въ ней штриховъ — не присяжныхъ знатоковъ музыки, не дирекціи императорскихъ театровъ, а скромныхъ любителей музыки.

Во главѣ существовавшаго въ то время въ Петербургѣ музыкально-драматическаго кружка, помѣщавшагося тогда въ залѣ Кононова (нынѣ гостиница Регина), стояла группа истинныхъ любителей музыки, между ними артиллерійскій полковникъ Карминъ, большой любитель театра, самъ очень хорошій драматическій актеръ.

Благодаря, какъ кажется, главнымъ образомъ его любви къ музыкѣ и организаторскимъ способностямъ, опера «Хованщина» уже въ 1881 году, еще задолго до постановки ея въ Маринскомъ театрѣ, была оцѣнена этимъ кружкомъ по достоинству.

Музыкально-драматическій кружокъ, во время существованія котораго впервые увидѣли свѣтъ рамы не только «Хованщина», но и «Евгеній Онѣгинъ» (П. Чайковскаго), «Ферморсъ» (А. Рубинштейна) и нѣкоторыя другія оперы, заслуживаетъ, чтобы объ немъ не забыло потомство.

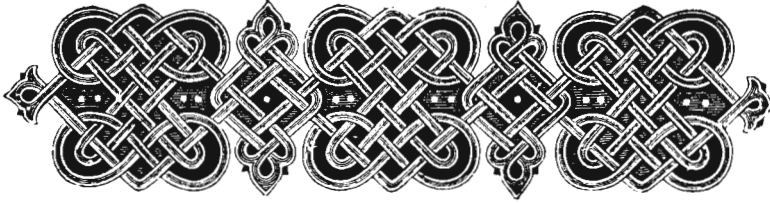
Почти все участники кружка были люди разнообразнѣйшихъ профессій, утромъ и днемъ занятые (военные всехъ родовъ оружія, инженеры, юристы, чиновники) и только вечера могущіе посвятить искусству. Во время постановки «Хованщины» оркестръ состоялъ изъ 60 лицъ, но профессионаловъ въ немъ было только семь человекъ. Остальные же любители: полковникъ Карминъ, напримеръ, игралъ на контрабасѣ (онъ же, между прочимъ, писалъ декораций), полковникъ Цвѣтковъ игралъ на литаврахъ и завѣдывалъ постановкою танцевъ, полковникъ лейбъ-гвардіи Уданскаго Ея Величества полка Ухинъ — на скрипкѣ, инженеръ Чекаловъ и Р. Бертенсонъ на альтѣ и валторнѣ, г-жа Кюне, впоследствии известная артистка и профессоръ петербургской консерваторіи, по мужу Вальтеръ-Кюне, — на арфѣ, и т. д.

Дирижировалъ оркестромъ и велъ всю трудную постановку «Хованщины» Э. Гольдштейнъ, окончившій лейпцигскую консерваторію, не только опытный дирижеръ, но и прекрасный пианистъ, братъ известнаго химика М. Гольдштейна, такъ трагически погибшаго въ Архангельскѣ въ 1905 году во время освободительнаго движенія и соединенныхъ съ нимъ революціонныхъ идей.

В. Б. Бертенсонъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

«ЗА ДРУГИ СВОЯ».

(Разсказъ изъ аграрныхъ волненій):

I.

ТЯЖЕЛОЕ время, батюшка, настало, скорбно. И чего это людямъ мало? Пошто такая злоба вездѣ? Откуда она идетъ?

— Забыли мы, Игнатій Савельевичъ, великую Христову заповѣдь: искреннюю любовь. Вотъ гдѣ причина всѣхъ нашихъ несчастій и неурядицъ,—увѣренно, сосредоточенно отвѣтилъ отецъ Борисъ Правдолюбовъ, молодой съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, священникъ.

— Это правильно. Любовь-то забыли. Людей теперича и узнать нельзя. Грубость большая кругомъ. Никакого уваженія къ старшему нѣту. И Бога и совѣсть потеряли. А какъ отвѣчать-то станемъ? Какой отвѣтъ дадимъ?

— Да, Божій судъ будетъ нелицеприятенъ,—подтвердилъ отецъ Борисъ:—безконечно милосердъ Господь, но и правосудіе Его безмѣрно.

— Охо-хо, а мы живемъ и думушки у насъ мало о своей-то душевкѣ. Ровно ея и нѣту, ровно и Божьяго суда не будетъ. Грѣшны мы оченно. Наказывать насъ и надо. Ужъ пушай лучше здѣсь Господь пошлетъ намъ скорби, а не тамъ...

Въ комнатѣ настала тишина. Самоваръ чуть-чуть дотягивалъ свою послѣднюю пѣсню и готовъ былъ совершенно умолкнуть. Черезъ окна лились красноватые лучи заходящаго солнца. Яркія

полосы ложилась на полъ, сообщая всему нѣжный, меланхолическій колоритъ.

Отецъ Борисъ чуть-чуть наклонилъ голову и молчалъ. На его лицѣ отразилась глубокая задумчивость. Въ ясныхъ, карихъ, добрыхъ глазахъ стояла затаенная скорбь. Прядь пепельныхъ волосъ змѣйкой свѣсилась съ уха. Собесѣдникъ, церковный староста, почтенный крестьянинъ лѣтъ за пятьдесятъ, послѣ окончанія своей фразы тяжело вздохнулъ и отодвинулъ отъ себя выпитый стаканъ.

— Покорѣйше благодарю васъ, батюшка и матушка.

— Кушай еще, Игнатій Савельевичъ,—предложила молодая красивая жена священника, Валентина Петровна.

— Лишнее будетъ.

— Кушай, кушай,—встрепенулся отъ своихъ думъ отецъ Борисъ.

— Развѣ только одинъ стаканчикъ.

— Сколько угодно.

Матушка налила стаканъ чаю и подала его старостѣ. Тотъ бережно принялъ и такъ же осторожно поставилъ на столъ.

— А вы со мной, батюшка, пошто не кушаете?

— Я уже сытъ.

— Для компаніи бы...

— Ну, хорошо. Налей, Валя. Надо ужъ Игнатія Савельевича поддержать...

По губамъ старосты промелькнула довольная улыбка.

— Батюшка, а много кругомъ бунту-то? Вы вѣдь читаете газеты. Вамъ все извѣстно.

Отецъ Борисъ съ грустью покачалъ головой.

— Да, голубчикъ, кругомъ волненія. Боюсь, какъ бы эта волна не подкатила и къ намъ.

— Избави и сохрани Господь!—перекрестился староста.

— Крестьяне жгутъ помѣщичьи усадьбы, рѣжутъ скоть, грабятъ имущество. Братъ возсталъ на брата. Христосъ забытъ и поруганъ. Бѣдствіе огромное...

— Ахъ, Боже мой, и когда только кончится вся эта неурядица,—горячо промолвила матушка,—Вѣришь, Игнатій Савельевичъ, ложусь спать и думаю: какъ бы что-нибудь не случилось ночью; встаю утромъ—опять та же мысль: не сегодня ли? Волнуюсь страшно. И правда: какъ не волноваться? Вездѣ безпорядки, грабежи, убійства... Люди теперь не разбираютъ: кто правъ и кто виноватъ. Страдаютъ и невинные. Читала я, что дѣлается обезумѣвшими мужиками.

— Это вѣрно, матушка. Нашъ братъ, ежели выйдетъ изъ себя, такъ все ему ни по чемъ, вали во всю: потому—необразование. А ты не бойся, не тужи... Мы васъ не выдадимъ. Коли понадобится—мой Степка станетъ ходить къ вамъ каждую ночь съ ружьемъ. Онъ парень здоровый, тронхъ мужиковъ побораетъ. Мы за васъ по-

стоимъ. Ежели какая обида, Боже избави, вамъ приключится,— всѣ поднимемъ. Тебя, батюшка, приходъ любить. Народъ ты не обижашь, лишнюю копейку не выжимаешь, службу ведешь исправно. Какъ же намъ за тебя-то не заступиться?

— Спасибо, большое спасибо, Игнатій Савельевичъ,—съ чувствомъ и слезами на глазахъ проговорилъ растроганный священникъ.

— Вотъ боюсь я, батюшка, только насчетъ Божьяго храма,— тревожно продолжалъ староста.

— Зачѣмъ?

— Какъ бы не ограбили его.

— Будемъ надѣяться, что Господь не допуститъ такого издѣвательства надъ своимъ домомъ. Вся злоба крестьянъ обрушивается главнымъ образомъ на помѣщиковъ. Все движеніе противъ нихъ. Я очень опасуюсь, вотъ, за нашего добрѣйшаго Сергѣя Николаевича. Ему можетъ угрожать серьезная опасность.

— Сохрани его Сама Царица Небесная,—искренно пожелалъ староста:—славный баринъ. Рѣдко такихъ въ наше время найдешь. Много онъ хорошаго для церкви сдѣлалъ. И паникадило кушилъ, и хоругви, и поль окрасилъ, и облаченіе завелъ.

— А школа?—перебила матушка:—вѣдь онъ выстроилъ ее на свой собственный счетъ. Это что-нибудь да значить? За одну школу всѣ должны быть ему благодарны.

— Правильно, матушка. Поклонъ за нее Сергѣю Николаевичу до сырой земли. И я, признаться, побанваюсь: какъ бы не избидили барина. Вѣрно, и они горюють?

— Еще бы не горевать. Лидія Михайловна даже заболѣла. Цѣлыя ночи не спитъ.

— До сна ли тутъ; не только сонъ—и здоровье потерять нелегко,—согласился староста.—Эхъ, и развелось же, прости Господи, такое злодѣйство на нашей землѣ! Жили себѣ люди тихо, смиренно, никого не боялись, никого не трогали, а теперича только и опасайся: какъ бы не убили, либо не ограбили. Прогнѣвали Создателя...

Дверь въ столовую открылась, и изъ-за нея высунулась голова кухарки.

— Что тебѣ, Пелагія?

— Псаломщикъ пришелъ.

— Пригласи его сюда.

Кухарка скрылась. Въ комнату быстро вошелъ молодой, здоровый, краснощекий псаломщикъ. Лицо его выражало волненіе и безпокойство. Видимо, онъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ.

— Это безобразіе, батюшка!—началъ прямо онъ послѣ обычныхъ привѣтствій и рукопожатій.

— Что случилось, Леонидъ Ивановичъ?—встревожились всѣ. Глаза матушки сверкнули испугомъ.

— Да помилуйте! Мы, быть можетъ, наканунѣ бунта...

— Какъ такъ? Откуда вы узнали?

Всѣ замерли въ ожиданіи.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Выслушайте. Сидимъ мы съ Власовымъ у казенной вишней лавки на скамейкѣ и мирно бесѣдуемъ. Въ это время подѣзжаетъ телѣга съ нашими парнями и требуютъ четверть водки. И съ чего это они раскутилпсь—не знаю. Власовъ отпустилъ. Они тутъ же откупорили четверть и начали пить. Вдругъ по дорогѣ ѣдетъ Лидія Михайловна съ дѣтьми и гувернанткой. Я съ Власовымъ, конечно, всталъ и раскланялся, а парни даже и ухомъ не повели. «Чего вы не кланяетесь?» спросилъ я, обозлившись. А они отвѣчаютъ: «Не важная барыня, не за что кланяться-то. Довольно они гнули наши спины да проѣдали наши копейки. Будетъ. Теперича наша воля. Пей, робя! Скоро сами будемъ бары. А ихъ-то мы»... И парень, не договоривъ, сжалъ кулакъ.

— Дурачье,—не утерпѣлъ и выругался староста.

— Прямо идіоты,—горячился псаломщикъ.— Но слушайте дальше. Одинъ парень, Федоръ Гвоздевъ, ухарски свистнулъ и прокричалъ: «Будетъ и на нашей сторонѣ праздникъ. Попировали господина и шабашъ. Дайте и намъ погулять. И мы не промахъ». Всѣ захохотали. А, каково? Что вы скажете на это, батюшка?

Отецъ Борисъ соскочилъ со стула, хрустнулъ пальцами и взволнованно заходилъ по комнатѣ.

— Дѣло дрянъ. Броженіе умовъ дошло и до насъ. Надо быть готовыми ко всему.

— Вотъ несчастье,—прошептала блѣдная матушка:—нельзя ли принять мѣры?

— Что же я, милая, подѣлаю съ цѣлымъ народнымъ движеніемъ?

— Ахъ, Боже мой, да неужели у насъ вспыхнетъ бунтъ? Что мы станемъ дѣлать?—всплеснула руками молодая женщина.

— А ты не бойся: васъ не потропуть, не пошевелять,—утѣшалъ ее староста:—вотъ развѣ плохо придется Сергѣю Николаевичу. Ему можно тужить. А за васъ мы станемъ горой. Я съ роду ружья не бралъ въ руки, а ежели надо будетъ,—возьму. Нужда все заставитъ дѣлать.

— Спасибо тебѣ, Игнатій Савельевичъ, за расположеніе. Но во время бунта иногда и невинный, а оказывается виноватымъ. Представь такую исторію. Пойдутъ громить Сергѣя Николаевича. Неужели я останусь къ этому равнодушнымъ? Неужели я не приму своихъ пастырскихъ мѣръ? Конечно, приму. Но ты самъ знаешь, какъ рискованно и опасно подходить со словомъ увѣщанія къ разъяренному человѣку. Злоба на все способна.

Знамо такъ. По злобѣ всякая пакость дѣлается.

— Но чего могут добиться крестьяне своими бунтами?—стукнуль псаломщикъ рукой о столъ въ порывѣ раздраженія. —Ну, взбунтуются, сожгутъ, предположимъ, усадьбу Бѣловѣжцевыхъ, спалить хлѣбъ, изрубятъ скоть, а дальше? Отвѣтъ одинъ: прикачутъ казаки, пойдутъ аресты, а тамъ и судъ. Вотъ и все. И дѣлать ничего не дѣлають, а себѣ повредятъ.

— Ты правильно, Левонитъ Ивановичъ, сказала. И ничего не дѣлають, а въ шею попадетъ. Темны мы очень, вотъ нами и крутятъ разные: краснобай. Отъ нихъ вся бѣда.

— Да, кетати,—перебилъ псаломщикъ:—мигъ передавали, что въ селѣ видѣли какихъ-то подозрительныхъ лицъ. Они все толковали о чемъ-то съ нашими парнями.

— Агитаторы!—невольно сорвалось съ губъ матушки.

Въ глазахъ священника сверкнуль тревожный огонекъ.

— Леопидъ Ивановичъ, метрики у васъ?

— У меня.

— Вы все вписали въ нихъ?

— Почти все. Остались самые пустяки.

— И отлично. Вы допишите сегодня и принесите метрики миѣ. Документы должны быть на всякій случай въ церкви. Церковь каменная, не сгорить.

— Господи мой, Господи, и до чего мы только дожили!—сокрушенно покачалъ головой староста:—и за Божій домъ бояся: какъ бы его не разбили.

— Я васъ прошу, Леопидъ Ивановичъ, разузнать кое-что о таинственныхъ личностяхъ, гдѣ они остановились и что собою представляютъ, съ кѣмъ ведутъ разговоры?

— Хорошо.

— Не съѣздитъ ли тебѣ къ Сергѣю Николаевичу?—спросила матушка.

— Предупредить его объ опасности? Отчего же? Завтра съѣзжу... Жаль Лидію Михайловну. Перепугается она.

— А ты будь остороженъ.

— Ну, понятно. За кого ты меня считаешь? Но все-таки фактъ остается фактомъ. Впрочемъ, они и сами вѣдь готовы ко всему. Все хорошо извѣстно. Да, тяжелое настало время. Нѣтъ мира среди людей. Дай Богъ, чтобы онъ насталь скорѣе.

— Дай Господи,—поддакнуль староста.

II.

— Что же мы теперь станемъ дѣлать?—не безъ тревоги въ голосѣ спросила матушка по уходѣ псаломщика и старосты.

Отецъ Борисъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Скажу одно: не смущаться, надѣяться на Бога и во всемъ положиться на Провидѣніе. Въ воскресенье призову во время проповѣди народъ къ миру и любви, хотя я и всегда склонялъ моихъ прихожанъ къ этому. Что же, кромѣ слова и убѣжденія, можетъ сдѣлать пастырь? Мнѣ данъ мечъ духовный: имъ я и долженъ отражать враговъ.

— Но мы-то съ дѣтьми куда дѣнемся въ случаѣ бунта?

— Бѣжать, Валя, и некуда, и невозможно. Не могу же я, какъ пастырь, покинуть стадо въ такое тяжелое, смутное время. Я долженъ быть на своемъ посту до послѣдняго вздоха. Не волнуйся, милая. Ты слѣпкомъ преувеличиваешь опасность. У страха глаза велики. Я надѣюсь, что все обойдется благополучно. Сергѣя Николаевича все такъ любятъ. Мало ли чего тамъ наболтали пьяные парни. Можно ли имъ вѣрить?

— А агитаторы?

— Но еще вопросъ: агитаторы ли явились? Быть можетъ, они окажутся простыми прохожими, далекими отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Правда вѣдь? Во всякомъ случаѣ ты преждевременно начала себѣ портить нервы. Иногда, знаешь, и мышъ родить гору. Иди, позаботься лучше объ ужинѣ.

— Онъ вотъ. Можешь черезъ пять минутъ сѣсть за столъ.

— Прекрасно.

Матушка вышла.

Отецъ Борисъ, оставшись одинъ, медленно продолжалъ ходить по кабинету, скрестивъ руки на груди. Въ глазахъ стояла напряженная, глубокая дума. Высокій лобъ прорѣзывали двѣ острия морщинки.

— Да, что ни говори, а дѣло плохо. Бунтъ зрѣеть въ воздухѣ. Опасность надвигается. Вотъ до чего доходятъ народное невѣжество и тьма. О, ужасъ нашего времени!..

Передъ иконами слабо свѣтилась лампадка. Ея красноватый отблескъ падалъ на большую гравюру—моленіе о чашѣ.

— Господи, спаси и избавь насъ отъ зла,—прошептали губы пастыря.

Во взорѣ вспыхнула вѣра. Надеждой оживилось лицо.

— Да будетъ Твоя воля. Пути Твои неисповѣдны. Ты все строишь къ лучшему.

Онъ подошелъ къ окну и распахнулъ его. Въ комнату влилась струя свѣжаго, пріятнаго воздуха. Цвѣла черемуха. Вѣтви ея касались почти самыхъ оконъ и задумчиво тянулись къ небу. Мимо дома съ грохотомъ промчалась запоздавшая телѣга. Въ селѣ слышался лай собакъ. Донеслось ржанье лошадей.

— И неужели къ моему селу подойдетъ волна народнаго движенія? Неужели мои мирныя до сихъ поръ овцы устремятся на гра-

бежи и наспля? Нѣтъ, это не можетъ быть! Это чудовищно-нелѣпно...
Боже, не допусти...

— Ужинъ готовъ,—раздался позади его голосъ жены.

— Иду.

— Вечеромъ любишься?

— Да, люблюсь.

— А у меня все еще на сердцѣ не покойно.

— Возьми же себя въ руки, Валя, и постарайся успокоиться.

— Это легко сказать, но не сдѣлать. Миѣ пришелъ, между прочимъ, въ голову слѣдующій проектъ. Думаю, ты одобришь его.

— Въ чемъ дѣло?

— Самъ знаешь, какое теперь опасное, тревожное время. Мало ли что можетъ случиться? Не благоразумнѣе ли намъ цѣнное уложить въ сундуки и поставить ихъ въ церковную кладовую? Что ты скажешь?

— Одобряю. Мысль во всякомъ случаѣ дѣльная.

— Вотъ и отлично. Послѣ ужина я займусь укладкой, а завтра вечеромъ перенесемъ сундуки.

Матушка съ жаромъ ухватилась за свою мысль. Уложивъ дѣтей спать, она дѣятельно принялась за работу вмѣстѣ съ мужемъ.

Въ сундуки было спрятано лучшее бѣлье, шубы, серебро и другія вещи, имѣвшія цѣнность.

— Не лучше ли, голубчикъ, препроводить сундуки въ церковь сейчасъ?—предложила матушка.

— Къ чему такая поспѣшность?

— А если завтра же случится несчастье?

— Богъ съ тобой, Валя. Тебѣ, кажется, на каждомъ шагу начинаетъ мерещиться бунтъ. Да ты не шути испортишь себя здоровье. Иди-ка, спи спокойно. Безъ воли Божьей ни одинъ волосъ съ головы нашей не спадетъ. Ты вѣришь этому?

— Охотно, но...

— А если вѣришь, то не сокрушайся и не падай духомъ. Никакихъ «но» быть не можетъ.

— Ну, пусть будетъ по-твоему. Сундуки перенесемъ и завтра.

Вдругъ у воротъ раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа. Супруги глянули въ окно. У палисадника стоялъ тарантасъ. Юркій, молодой парень, прыгнувъ на землю, подвязывалъ лошадь къ столбику.

— Кто это?—съ недоумѣніемъ спросила матушка.

— Сейчасъ узнаемъ.

Отецъ Борисъ распахнулъ окно.

— Кто пріѣхалъ?

— Отъ барина я, Сергѣя Николаевича. Письмо вамъ, батюшка.

Прчмчте-ка.

Парень ловко вскочилъ на фундаментъ и подалъ скомканый конвертъ.

— Что онъ пишетъ?—полюбопытствовала матушка.

— Баринъ велѣлъ подождать отвѣта.

— Хорошо. Зайди въ кухню. Валя, нужно впустишь гонца. Иди, разбуди Пелагію. Письмо прочтемъ вмѣстѣ.

Кухарка побѣжала отворять ворота.

— Странно: чѣмъ вызвалась такая экстренность? Не случилось ли какое несчастье?—тревожно проговорилъ отецъ Борисъ, разрывая конвертъ. Оттуда выпала сложенная вдвое бумажка. Почеркъ былъ неразборчивый. Очевидно, писалось торопливо, на скорую руку.

«Добрѣйшій батюшка,—началъ читать отецъ Борисъ:—Бога ради простите, что безпокою васъ такъ поздно. Сейчасъ получилъ извѣстіе, что разграблено имѣніе Огурцова. Это отъ насъ всего въ тридцати верстахъ. Несомнѣнно—общая участь не минуетъ и наше имѣніе. Жена страшно волнуется. Хотѣлъ ѣхать самъ, но не пустила. Есть до васъ великая просьба. Будьте добры пріѣхать съ посланнымъ, если возможно. Повѣрьте, только крайность заставила меня безпокоить васъ такъ поздно. Если нельзя сегодня, то пожалуйста завтра. Крѣпко жму вашу руку. Привѣтъ Валентинѣ Петровнѣ.

«Преданный вамъ С. Вѣловѣжцевъ».

— Боже мой! началось! Вотъ несчастье!—блѣдная, вскричала матушка, заломивъ въ отчаяніи руки.

— Валя, волненіе ожидалось съ часу на часъ,—рѣшительно заявилъ отецъ Борисъ:—это былъ вопросъ ближайшихъ дней. Мужайся и возьми себя въ руки ради меня и дѣтей.

Матушка заплакала.

— Ты поѣдешь?

— Конечно, поѣду.

— Ахъ, я буду страшно за тебя тревожиться!

— Успокойся. Богъ милостивъ. Я завтра въ церкви попробую убѣдить крестьянъ воздержаться отъ всякихъ насилій. Однако нужно выйти къ посланному.

Отецъ Борисъ направился въ кухню. При его входѣ поднялся рослый, здоровый парень и подошелъ на благословеніе

— Поѣдешь, батюшка, со мной, али нѣтъ?

— Да, поѣду. Присядь пока. Я только одѣнусь.

— Не усталъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ иди и заверни тарантасъ. Я черезъ минуту выйду.

— Ладно.

Парень вышелъ.

— Ты скорѣе возвращайся,—попросила матушка.

— Само собой разумѣется. Не въ гости вѣдь ѣду. Сдѣлаю, что нужно, и обратно.

— Вотъ и отлично. Пожалуйста, не вздумай ночевать. Лидія Михайловна, навѣрное, станетъ тебя просить.

— Будь покойна. Я скоро вернусь.

Онъ надѣлъ рясу, взялъ трость, поцѣловалъ жену и вышелъ на улицу.

Парень влѣзъ на «козлы». Отецъ Борисъ усѣлся на тарантасъ и плотно закутался рясой.

— Ёдемъ, братецъ.

Кучеръ тронулъ вожжами. Легкій экипажъ плавно покатишь по мягкой, черноземной дорогѣ.

— А пошто батюшка поѣхалъ къ барину ночью?—пытливо спросила Пелагія.

— Не знаю. Дѣло какое-то случилось,—уклонилась матушка отъ прямого отвѣта.

— Чудно што-то. Развѣ нельзя было подождать до утра?

Любопытство кухарки было задѣто въ сильной степени.

— Ежели бы съ тремой, то понятно. А то среди полночи...

— Онъ скоро вернется, Пелагія. Иди спать.

Матушка прошла въ комнату. Разграбленіе помѣщика Огурцова сильно ее взволновало. Сонъ бѣжалъ съ глазъ. Она рѣшила подождать возвращенія мужа.

— О, Господи, да неужели и насъ разграбить? Неужели народное озлобленіе коснется и моихъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей.

Она осторожно подошла къ кроваткѣ младшей дочери. Малютка спала тихимъ, безмятежнымъ сномъ, не вѣдая о людскомъ горѣ, людскихъ слезахъ и тревогахъ. На губахъ играла ангельская, невинная улыбка. Одна ручка лежала поверхъ одѣяла и казалась выточенной изъ слоновой кости.

— Милыя мои, дорогія, ненаглядныя... Да пронесетъ Господь мимо насъ эту тучу,—прошептала матушка, наклоняясь надъ ребенкомъ и крестя его. Изъ глазъ ея медленно выкатились двѣ слезинки и капнули на одѣяльце.

III.

Лошадь бѣжала крупной рысью. Тарантасъ нырялъ въ ухабахъ и тихо поскрипывалъ. Съ далекаго неба кротко свѣтила луна. И какъ очарованные стояли лѣса, облитые нѣжно-голубымъ луннымъ свѣтомъ.

Откуда-то изъ лѣсу прокричалъ филинъ.

— Фу, нечистой,—буркнулъ парень.

— Про кого это ты говоришь?—встрепенулся отецъ Борисъ.

— Я насчетъ филина. Не люблю его.

— Все хорошо, братецъ, на своемъ мѣстѣ. Всему творецъ—Богъ.

— Правда, батюшка; это, положимъ, вѣрно,—простодушно согласился тотъ: — ежели не Богъ все сотворилъ, такъ откуда же люди-то появились? Чай не изъ земли выросли.

— Ты грамотный?

— Грамотной.

— Читай Библию. Тамъ все сказано.

— Я читаю, когда есть время. Барыня мнѣ подарила.

— Лидія Михайловна?

— Она. Славная душа у этой барыни. Ежели нужда какая случится—поможетъ. Рѣдко такихъ господъ. Да и баринъ тоже славной. Нашего брата не обижаетъ. Вотъ я живу у него ужъ больше году, а ни единой копейкой не избидилъ. Къ Свѣтлому празднику и денегъ далъ на чай да на рубаху купилъ.

Парень выглядывалъ искреннимъ и добродушнымъ. И отцу Борису захотѣлось узнать его мнѣніе относительно крестьянскихъ волненій.

— Вотъ, голубчикъ, обижаютъ теперь помѣщиковъ. Нехорошо вѣдь?

Тотъ порывисто обернулся къ священнику.

— Ежели, подступятся къ нашему—первому голову сломлю,—рѣшительно заявилъ онъ.

— Да неужели?—искренно изумился отецъ Борисъ.

— Расшибу. Не лѣзь. Такихъ господъ, какъ наши, бить не зашто. Нѣтъ, шалить... Не пустимъ. Пуцай только сунутся. Живьемъ не сдадимся.

— Но, другъ мой, что же ты сдѣлаешь, если къ усадьбѣ подступитъ цѣлая толпа?

— Дратся буду. Вѣдь надо же, батюшка, постоять за своихъ хозяевъ, а?

— Голубчикъ, Христосъ велѣлъ и жизни своей не жалѣть для ближняго. А мы его ученики и послѣдователи.

Парень мотнулъ головой въ знакъ согласія.

— Такъ, такъ, это вѣрно. А за Сергѣя Николаевича мы заступимся. Я сильной. У меня есть хорошій кистень. Отъ дѣда достался. Постоянно надъ кроватью висить. Забѣжала какъ-то къ намъ во дворъ бѣшеная собака. Всѣ перепугались. Я схватилъ кистень, да какъ двинулъ по собакѣ—сразу на мѣстѣ осталась. Хорошая штука. Ну-у, милой,—крикнулъ онъ, тряхнувъ вожжами.

Скоро показалась крыша барскаго дома. Отъ села до имѣнія было около трехъ верстъ. Тарантасъ покотилъ по липовой аллеѣ и скоро остановился у параднаго подъѣзда.

Отца Бориса встрѣтилъ самъ владѣлецъ имѣнія, господинъ лѣтъ подъ сорокъ, съ небольшой русой бородой и коротко остриженными волосами.

— Тысячу извиненій, батюшка, что побезпокоилъ васъ ночью. Простите ради Бога,—эзволнованно заговорилъ онъ, крѣпко пожимая руку священника.

— Что за извиненія, Сергѣй Николаевичъ! Пожалуйста, не смущайтесь. Трудъ не великъ. Я всегда радъ служить вамъ, чѣмъ могу.

— Очень благодаренъ. Вѣрю въ вашу искренность. Но прежде всего позвольте предложить вамъ вопросъ: могу я надѣяться, что вы переночуете у насъ?

— Увольте: не могу. Жена очень беспокоится. Взяла съ меня слово, что скоро вернусь.

— Жаль, я думалъ было оставить васъ переночевать, чѣмъ возвращаться обратно.

— Когда-нибудь на слѣдующій разъ.

— Ну, хорошо. Ваше желаніе свято. Тимофеей, лошадь не распрягай. Отвезешь батюшку обратно. А пока иди, пей чай.

— Ладно.

— Милости прошу,—любезно продолжалъ Бѣловѣжцевъ, беря священника подъ локоть.—Мы ждали васъ съ большимъ нетерпѣніемъ. И, право, мнѣ очень совѣстно, что пришлось утруждать васъ.

— Ради самого Христа оставьте, Сергѣй Николаевичъ, эти извиненія. Располагайте, пожалуйста, мной безъ церемоніи.

Бѣловѣжцевъ повелъ отца Бориса въ гостиную. Тамъ встрѣтила ихъ сама хозяйка Лидія Михайловна. Это была небольшая, хрупкая, лѣтъ тридцати женщина съ тонкими, аристократическими чертами лица. Видъ ея выдавалъ сильное душевное волненіе. Въ глазахъ стоялъ испугъ, граничащій съ отчаяніемъ. Всѣ движенія были порывисты, нервны.

— Успокойтесь, голубушка Лидія Михайловна. Страшнаго пока ничего нѣтъ,—мягко проговорилъ отецъ Борисъ, слыша, какъ въ его рукѣ дрожала маленькая рука хозяйки.

— Господи, какъ же не волноваться!—вырвалось у ней:—каждую минуту жди бунта. Развѣ можно быть покойной, когда знаешь, что подъ тобой бочка пороху. Одна искра...

— Что за глупости, Лида,—перебилъ ее мужъ:—нужно же, наконецъ, взять себя въ руки. Быть можетъ, ничего ужаснаго и не случится, а ты успѣешь не шутя накликать какую-нибудь болѣзнь.

— Лидія Михайловна, вѣдь вы христіанка?—серьезно спросилъ отецъ Борисъ.

— Хочу быть ей.

— Вѣрите въ Бога и Его Божественный Промыслъ?

— Вѣрю.

— Вѣрите, что Богъ есть совершенная доброта, полнѣйшее отсутствіе зла? Признаете Его милосердіе?

— Охотно.

— Въ такомъ случаѣ положитесь на нашего Творца. Увѣряю васъ, это не шаблонныя фразы утѣшенія, но истинное положеніе дѣла. Знайте, что Богъ ведетъ насъ ко спасенію путями, часто намъ невѣдомыми, непонятными. И да будетъ чуждо вашему сердцу всякое смущеніе. Темно жить на свѣтѣ лишь людямъ невѣрующимъ, а для насъ все должно быть свѣтло. Мы, слава Богу, не язычники, вѣрующіе въ слѣпой лишь рокъ. Итакъ, долой все страхи и сомнѣнія. Успокойтесь. Предадимъ себя въ руки милосерднаго Бога.

Отецъ Борисъ набожно перекрестился.

— А вы выслушайте, какая окружаетъ васъ вѣрная, преданная стража.

— Что такое?

— Я хочу сказать о кучерѣ, который везъ меня сейчасъ къ вамъ.

— О Тимоѣѣ? А именно?

— Какого вы о немъ мнѣнія?

— Самаго отличнаго. Это честный, непьющій парень.

— И добавлю: готовый положить за васъ душу.

— Какъ такъ?—изумились хозяева.

Отецъ Борисъ передалъ свой разговоръ съ кучеромъ.

— Вотъ удивительно: не знаешь, гдѣ можно встрѣтить вѣрнаго, нескренняго человѣка,—развелъ руками Вѣловѣжцевъ,—Но, однако, не уютно ли вамъ, батюшка, чайку, или лучше что-нибудь закупить. Пожалуйте въ столовую. А потомъ поговоримъ и о дѣлѣ.

— Благодарю васъ. Я недавно поужиналъ.

— Но отъ чаю, падѣюсь, не откажетесь. Распорядись, Лида.

— Ну, конечно. Развѣ можно отпустить батюшку безъ чаю. Пожалуйте безъ протестовъ. Черезъ пять минутъ чай будетъ готовъ.

Она позвонила. Вошла горничная.

— Приготовь, Даша, чай. Да поторонись. Самоваръ вѣдь вскипѣлъ?

— Да, барыня.

— И отлично. Иди, поспѣши.

Горничная скрылась. Вѣловѣжцевы съ отцомъ Борисомъ прошли въ кабинетъ.

— Ахъ, батюшка, вы просто не повѣрите, какъ меня разстроило извѣстіе о разграбленіи Огурцовыхъ,—взволнованно начала Лида Михайловна:—вѣдь это наши сосѣди. Быть можетъ, завтра и насъ ожидаетъ та же участь. Что мы будемъ дѣлать? О, Господи, пощади ради дѣтей!...

Она въ отчаяніи сжала голову руками. На рѣсницахъ повисли двѣ крупныя слезинки. Лицо поблѣднѣло.

— Если насъ разграбятъ, сожгутъ имѣніе—мы разорены, мы пропали, мы окажемся нищими.

— Но вѣдь должны же крестьяне быть вамъ благодарны за церковь, школу и доброе, участливое отношеніе!—горячо отозвался отецъ Борисъ.

Бѣловѣжцевъ грустно усмѣхнулся.

— Признаться, я мало разсчитываю на крестьянскую благодарность. Во время народныхъ волненій виновать ужъ тѣмъ однимъ, что ты баринъ и человѣкъ бѣлой кости. Озлобленіе мужиковъ, поощряемое агитаціей, слѣпо и не знаетъ предѣла. Что ни говорите, а зажигательныя рѣчи, направленныя противъ насъ, помѣщиковъ, имѣють огромное вліяніе. Наэлектризованная толпа сдѣлаетъ то, чего она не сдѣлала бы и наканунѣ, когда властвуетъ еще разумъ. Главная ошибка крестьянъ та, что они поддаются агитаціи и вѣрятъ разнымъ проходимцамъ, которые городятъ имъ порой совершенную чепуху и нелѣпость. А сами знаете, какъ легко сбить съ толку необразованнаго мужика, перевернуть всю его логику кверху дномъ.

— Да, вы правы. Это горькая истина.

— И въ этомъ, батюшка, наше главное несчастье. Самая дикая ложь и утопія принимается мужиками порой за чистую монету. Самый жалкій, неотесанный странникъ выслушивается ими чуть ли не съ благоговѣніемъ. Нѣтъ еще у нашего мужика настоящаго анализа и критическаго чутья.

— Но что же мы предпримемъ въ случаѣ бунта?—спросила Лидія Михайловна.

Бѣловѣжцевъ пожалъ плечами.

— Бѣжать некуда. Будемъ надѣяться на благополучный исходъ. Авось мужики насъ и пощадятъ. Зла имъ съ нашей стороны не сдѣлано ни малѣйшаго. Это фактъ. Но главное, къ вамъ, батюшка, большая просьба. Вы—наша стѣна.

— Почему это?

— Мнѣ отлично извѣстно, что вашъ авторитетъ среди крестьянъ огромный. Ваше пастырское слово имѣетъ большое значеніе. Крестьяне любятъ и вѣрятъ вамъ. Въ этомъ секрета нѣтъ. Вы принадлежите, раздѣл за откровенность, къ той категоріи пастырей, которые безкорыстно преданы своему служенію и относятся къ долгу и обязанностямъ идеально. Я не хочу восхвалять и льстить вамъ, но хочу сказать, что если кого и послушаютъ крестьяне, то только васъ. А потому усердно прошу васъ, не откажите, въ случаѣ необходимости, въ своей помощи.

— Я всегда радъ служить вамъ, но не слишкомъ ли вы увеличиваете мое значеніе?—чуть улынулся отецъ Борисъ.

— О, нѣтъ, мужъ говорить правду!—съ жаромъ вскричала Лидія Михайловна.

— И вотъ эта-то правда и побуждаетъ меня обратиться къ вамъ со своими двумя просьбами, добрѣйшій нашъ батюшка.

— Слушаю.

— Дѣло вотъ въ чемъ. Во время бунтовъ никто изъ насъ не можетъ поручиться за свою жизнь. Надо быть ко всему готовымъ. Я написалъ духовное завѣщаніе. Подпишите пожалуйста.

— Съ полной готовностью.

Бѣловѣжцевъ досталъ изъ письменнаго стола завѣщаніе.

— Позвольте прочесть?

— Сдѣлайте одолженіе.

Хозяинъ быстро пробѣжалъ написанный листъ.

— Хорошо? Ничего не имѣете противъ изложенія?

— Конечно, ничего. Эта бумага въ жизни вообще не лишняя.

— Особенно въ наше время. Нужно же позаботиться о женѣ и дѣтяхъ.

— Сейчасъ подписать?

— Какъ хотите. Можете и сейчасъ. А затѣмъ будьте добры завѣщаніе взять съ собой и попросите пожалуйста подписать еще кого-нибудь, хотя бы псаломщика и сельскаго старосту.

— Отлично.

Отецъ Борисъ подмахнулъ завѣщаніе.

— Благодарю васъ, батюшка. А теперь, простите за назойливость, я имѣю къ вамъ еще одну, послѣднюю просьбу.

— Вѣрьте, я искренно готовъ быть вамъ полезнымъ всею, чѣмъ могу,—отъ всего сердца промолвилъ отецъ Борисъ.

— Да, мы вѣрнимъ вамъ, иначе не стали бы выдавать свой секретъ. Попрошу взять шляпу и слѣдовать за мной. А ты, Лида, поторопись съ чаемъ.

Бѣловѣжцевъ повелъ отца Бориса въ лѣсъ, который примыкалъ почти къ самому дому. Священникъ былъ удивленъ такой таинственностью и молча слѣдовалъ за своимъ спутникомъ. По сторонамъ дорожки росли бѣлоснѣжныя березы, задумчиво свѣсивъ свои вѣтви. Казалось, онѣ сосредоточенно думали какую-то думу, вѣдомую только имъ однимъ. Не шелестѣлъ листъ. Даже нѣжный зефиръ затихъ и примолкъ передъ всею величіемъ и прелестью лѣтней волшебницы ночи. Среди зелени стрекотали кузнечики. Ярко свѣтились Ивановскіе червячки, какъ брильянты, разсыпанные чьей-то щедрой рукой. Дивно хороша была ночь!

— Боже мой, какая благодать!—сорвалось у отца Бориса.

— Именно благодать. А вы любите такія ночи?

— О, да. Я большой поклонникъ природы. Только среди нея и можно жить, дышать и отдыхать. Здѣсь и Богъ кажется ближе къ намъ.

Они замолчали. Не хотѣлось больше говорить. Всякое человеческое слово становилось лишнимъ и ненужнымъ, нарушая общую гармонію.

— Сейчасъ придемъ,—произнесъ наконецъ Сергій Николаевичъ.

— Не кладь ли мы ищемъ?—пошутить отецъ Борисъ.

Вѣловѣжцевъ живо обернулся.

— Вы угадали: именно кладь.

— Какъ такъ?

— Минуту терпѣнія.

Помѣщикъ остановился у старой лнны.

— Дѣло, батюшка, въ слѣдующемъ. Вотъ здѣсь, въ дуплѣ этой лнны, я спряталъ шкатулку съ нашими драгоценностями. Въ ней есть и золото, и серебро, и камни. Общая цѣнность тысячи три. Съѣздить въ губернской городъ и отдать все это на сохраненіе въ государственныи банкъ я не имѣлъ возможности. Опасно было оставлять имѣніе въ такое смутное время, да и жена не отпускала. Въ случаѣ, если убьютъ и меня, и жену, то возьмите, пожалуйста, эти драгоценности и положите въ банкъ на имя дѣтей. Я вамъ вѣрюю все, что имѣю. Батюшка, исполните мою просьбу? Не обидите дѣтей?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Свидѣтельствую передъ Христомъ и своей совѣстью, что сдѣлаю все по вашему указанію. Будьте совершенно покойны. Я вамъ очень признателенъ за такое рѣдкое довѣріе: я его не заслужилъ.

На глазахъ отца Бориса блеснули слезы.

Вѣловѣжцевъ крѣпко пожалъ руку священника.

— Благодарю васъ, батюшка. Если бы я не надѣялся на васъ, я не открылъ бы вамъ свою тайну. Теперь я покоенъ. Съ моихъ плечъ точно свалился какой-то камень. Дѣло сдѣлано. Можно двинуться и обратно.

Въ столовой шумѣлъ уже самоваръ.

— Напрасно вы безпокоитесь съ чаемъ. Право, мнѣ совѣстно доставлять вамъ хлопоты среди полночи.

— Ахъ, какія хлопоты. Хлопоты доставили мы вамъ, а не вы намъ. Кушайте, батюшка. Вотъ вамъ сливки, вотъ печенье, если желаете—лимонъ, — радушно предлагала хозяйка.

— Благодарю васъ.

За чаемъ разговоръ все время вращался около животрепещущей темы: народнаго движенія. Лидія Михайловна волновалась, нервничала, а мужъ съ отцомъ Борисомъ старались ее успокоить.

— Если вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, то прошу васъ, Сергѣй Николаевичъ, немедленно извѣстить меня.

— Но что вы тогда можете сдѣлать?

— Авось, съ Божьей помощью, что-нибудь и сдѣлаю. Я беру съ васъ рѣшительное слово, что вы пошлете нарочнаго. Хорошо?

— Хорошо, пошлю.

— О, если бы буря прошла мимо насъ!—вырвалось у Лидіи Михайловны.

— Надѣйтесь на милосердіе Божіе: оно не обманетъ,—торжественно произнесъ вѣрующій пастырь.

Настала минута молчанія. Въ окно глядѣла луна. Со двора донесся стукъ колотушки. То ночные сторожа обходили дозоромъ имѣніе.

IV.

По селу начали циркулировать тревожные слухи. Атмосфера стужалась. На безоблачномъ небѣ встали грозовыя облака. Волна движенія подкатила, и послышался ея отдаленный гулъ. Въ селѣ появились какія-то незнакомыя личности. Инстинктивно чувствовалась опасность.

Матушка сильно волновалась. Кухарка и сторожа усиливали ея безпокойство, передавая разные зловѣщія слухи.

— Охъ, быть худу,—таинственно шептала Пелагія:—не пройдетъ это даромъ. Всѣ толкуютъ о бунтѣ. И сама я чуяла, какъ Микитка Овсяныхъ похвалялся своей удачью. Што станемъ дѣлать, матушка?

— Не знаю. Вся надежда на Бога. Я страшно боюсь.

— Знамо на Его. Ежели Господь не пособить—плохо придется.

— А ты чего, Пелагія, боишься? Твое дѣло вѣдь сторона. А вотъ мы да Сергѣй Николаевичъ можемъ тревожиться.

— А все же какъ-то боязно.

Церковные сторожа и близкіе прихожане тоже вносили немалое смущеніе своими разсказами.

— И съ какой бы причины, прости Господи, надо бунтовать!—возмущались они.—Заварить кашу легко, а иди-ка потомъ, расхлебывай ее. Все глупость наша виновата.

Отецъ Борисъ не дремалъ и дѣйствовалъ энергично. Онъ ходилъ по селу, увѣщевалъ народъ и доказывалъ бессмысленность и совершенную бесполезность всѣхъ этихъ бунтовъ.

— Братцы мои, прошу васъ, ради Бога, успокойтесь и не вѣрьте тѣмъ людямъ, которые хотятъ внести среди васъ смуту. Будьте истинными христіанами и не льстите на чужое добро. Господь Іисусъ Христосъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ взаимную горячую любовь. Сказано въ Священномъ Писаніи: «всякій, ненавидящій брата своего, есть челоуѣкоубійца» (Перв. посл. Іоанна, гл. 3, ст. 15). Вотъ видите, какой страшный грѣхъ ненависть! А между тѣмъ посмотрите, какую жестокость проявляютъ крестьяне къ помѣщикамъ. Жгутъ усадьбы, хлѣбъ, рѣжутъ скоть. Что сказали бы Христосъ, если бы Онъ внезапно явился среди бунтовщиковъ? Успокойтесь же, братцы мои...

Одну изъ подобныхъ рѣчей произнесъ отецъ Борисъ, сидя на скамейкѣ у одного крестьянина. Передъ нимъ стояла кучка челоуѣкъ съ десять. Всѣ слушали молча, понуро. Въ глазахъ нѣкото-

рыхъ сверкаль недобрый огонекъ. Видимо, слова священника приходились не по душѣ. Умы были уже смущены и отравлены.

— Тебѣ это, батюшка, ладно толковать, а каково намъ-то живется?—вдругъ возвысилъ голосъ одинъ невзрачный, съ черной бородой и плутовскими глазами мужикъ.—Ты самъ-то живешь по-барски, ѣшь, пьешь сладко, деньги есть, чего еще надо? А мы? Мы бьемся, какъ рыба объ ледъ, терпимъ голодъ...

— Дальше?—строго прервалъ его отецъ Борисъ:—ты хочешь сказать дальше, что намъренъ грабежомъ достать себѣ хлѣбъ? Не такъ ли? Хочешь съ топоромъ въ рукахъ идти громить амбары помѣщика? Стыдись, Михай! Что ты говоришь? Полѣзаетъ ли у тебя кусокъ хлѣба въ ротъ? А Богъ? А совѣсть? Это ты забылъ? Ахъ, братцы, братцы, да развѣ здѣсь на землѣ мы должны искать себѣ истинное счастье? Оно тамъ, тамъ...

О. Борисъ поднялъ руку къ небу.

— Хотя каждый изъ васъ прожилъ бы на землѣ и сто лѣтъ, однако настанетъ часъ, когда насъ позовутъ на самый праведный и въ то же время строгій судъ. И скажутъ: «Михей, что ты сдѣлалъ хорошаго въ жизни? Дай отчетъ. Какія за тобой есть добрыя дѣла? Заслужилъ ли ты рай, который приобрѣлъ для тебя Господь Иисусъ Христосъ своими страданіями?» Что скажешь ты, если дѣла твои были злы? Если на твоей душѣ числятся тяжелье, смертные грѣхи: убійство, грабежъ, воровство? Чѣмъ оправдаешься ты, Михай? Отвѣть-ка мнѣ, голубчикъ?

Михей молчалъ, потупясь въ землю.

— Правильно, батюшка, сказалъ,—раздались голоса:—сколь ни живи, а умирать надо. А тамо обо всемъ спросать, во всемъ давай отвѣтъ.

— Да, именно во всемъ. А чтобы отвѣчать было легко, для этого и жить нужно по-христіански. Тогда не страшенъ будетъ и судъ.

О. Борисъ, простившись, направился домой. Подходя къ своимъ воротамъ, онъ у калитки нашель бумажку, на которой было каракулями написано: «Если желаешь, пошь, остаться цѣлымъ, то замолчи. А иначе не обижайся. Не суйся не въ свое дѣло».

Отецъ Борисъ невольно поблѣднѣлъ.

— Господи, да развѣ можно молчать? Вѣдь молчаніе есть малодушіе, забвеніе долга, отрѣшеніе отъ Христа. Могу ли я молчать при видѣ насилій и зла?

На душѣ его сдѣлалось горько и обидно. Горько за поруганную правду, за насиліе надъ своимъ долгомъ и совѣстью. Онъ сунулъ записку въ карманъ и ничего не сказалъ женѣ изъ боязни ее напугать.

«Дѣло серьезное. Гроза виситъ въ воздухѣ,—размышлялъ отецъ Борисъ.—За себя не боюсь. Но жена, дѣти? Да, я могу избѣжать мести, если буду молчаливо, хладнокровно смотрѣть на со-

бытія. Но, Боже мой, въ силахъ ли я молчать? Развѣ я могу остаться пассивнымъ наблюдателемъ всѣхъ звѣрствъ? О, этого не будетъ никогда!»

Тутъ мысли его опять сосредоточились на семьѣ.

«Не уѣдетъ ли Валя съ дѣтьми въ городъ къ сестрѣ?—мелькнуло у него предположеніе:—хорошо, если бы она согласилась на эту поѣздку».

Выбравъ удобную минуту, онъ приступилъ къ женѣ съ вопросомъ:

— Валя, исполнишь мою просьбу?

— Какую?

— Поѣзжай съ дѣтьми къ сестрѣ.

— Это зачѣмъ?—изумилась та.

— Въ городѣ тебѣ будетъ покойнѣе. Здѣсь ты окончательно испортишь свои нервы. Подумай серьезно о моемъ предложеніи.

— Что ты говоришь!—вспыхнула матушка:—неужели я была бы способна покинуть тебя въ такое тревожное время? Однако ты обо мнѣ очень плохого мнѣнія. Вотъ не ожидала. И не думай, голубчикъ. Если смерть, то встрѣтимъ ее вмѣстѣ.

Отецъ Борисъ подошелъ къ женѣ, обнялъ ее и горячо расцѣловалъ.

— Милая моя, спасибо. Я хотѣлъ позаботиться о твоей безопасности.

— Повѣрь, тамъ, въ городѣ, я стала бы беспокоиться болѣе чѣмъ здѣсь.

— Ну, сама знаешь.

Настало воскресенье. Отецъ Борисъ былъ сильно огорченъ малочисленностью собравшихся въ церкви прихожанъ. Стояла кучка человѣкъ тридцать, да и то болѣе женщинъ.

Сердце пастыря сжалось невыразимой тоской.

«Вотъ плоды смуты», невольно подумалъ онъ.

— Гдѣ вы, други мои, гдѣ овцы мои?—съ горечью началъ онъ проповѣдь:—гдѣ причина ихъ отсутствія? Что удержало ихъ? Почему имъ не мила стала наша святая церковь? О, неужели они уклонились отъ истиннаго, праваго пути и пошли влѣдъ волковъ?..

Отецъ Борисъ говорилъ съ жаромъ и долго. Рѣчь его лилась свободно, непринужденно. Онъ весь былъ охваченъ энтузіазмомъ. Въ немъ горѣла ревность пастыря, всецѣло преданнаго своему долгу. Старушки плакали. У мужиковъ тоже блестѣли слезы. Да и самъ отецъ Борисъ взволновался до того, что голосъ его дрожалъ и глухія рыданія готовы были сорваться съ устъ.

— Намъ заставляютъ молчать,—воскликнулъ, между прочимъ, онъ:—но разсудите сами, други мои, можемъ ли мы, пастыри, молчать при видѣ совершающихся беззаконій и насилій? Какіе же мы будемъ пастыри, если сложимъ руки и начнемъ спокойно смотрѣть

на грабежи? Нѣтъ, нашъ долгъ не велитъ намъ молчать. Мы обязаны говорить о правдѣ, о любви, о Богѣ, о Божьемъ правосудіи.

Со слезами на глазахъ ушелъ онъ въ алтарь и едва окончилъ обѣдню. Руки его слегка тряслись, когда онъ преподалъ народу послѣднее благословеніе.

Вскорѣ послѣ обѣдин къ отцу Борису пришло нѣсколько вѣрныхъ, преданныхъ прихожанъ.

— Что скажете хорошаго, друзья мои?—радушно спросилъ священникъ, выходя въ кухню.

— Хорошаго мало, батюшка. Волнуется народъ, шумятъ парни. Не обойдется безъ бѣды.

— Вы думаете?

— Такъ считаемъ. А ты за себя не бойся. Мы пришли сказать тебѣ, што ежели случится какая бѣда—придемъ и ребятей своихъ приведемъ на твою защиту.

— Спасибо вамъ, братцы, за вашу любовь и расположеніе,—растрогался отецъ Борисъ.—Боюсь я очень за Сергѣя Николаевича. А подумайте: сколько онъ сдѣлалъ для васъ хорошаго. Неужели его разграбятъ? Неужели руки моихъ прихожанъ поднимутся на своего благодѣтеля?

— За другихъ поручиться не можемъ, а только смута большая въ народѣ стоитъ. Быть несчастью.

Мужики скоро ушли, оставивъ отца Борису съ женой въ большой тревогѣ.

— Чѣмъ же все это кончится?—прошентала матушка, какъ-то безнадежно опустивъ руки.

Отецъ Борисъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Поживемъ—увидимъ. Ждать не долго.

V.

Время близилось къ вечеру. Жаръ свалилъ. Лѣтній зной смѣнилась пріятная прохлада. Дышалось легко и бодро. Природа радостно приветствовала наступающій закатъ.

Отецъ Борисъ медленно прогуливался по аллеѣ своего садика, заложивъ руки за спину. Невеселы были его думы: все онѣ сосредоточивались на крестьянскомъ волненіи.

— Господи, пошли миръ и покой родинѣ,—тихо шептали его губы:—пощади ее за истинную вѣру. Будь милостивъ къ намъ! Дай мѣсто Твоему милосердію...

Солнце уже ярко-багровымъ шаромъ висѣло надъ горизонтомъ, сообщая всему пейзажу нѣжно-розовый колоритъ. На берегахъ весело заливались птицы, распѣвая свои пѣсенки. Съ полей несся ароматъ цвѣтовъ и травъ.

Вдругъ донесся неопредѣленный шумъ. Отецъ Борисъ невольно вздрогнулъ, остановился и внимательно прислушался. Шумъ донесся съ большей силой. Раздались крики, прозвучалъ вопль.

Сердце священника сильно стукнуло.

— Что это? Ужь не бунтъ ли?

Онъ поспѣшилъ домой. Черезъ минуту прибѣжалъ запыхавшійся, перепуганный сторожъ.

— Бѣда, батюшка, бунтъ! Парни казенную лавку разбили. Вино разграбили... Охъ, горе...

Отецъ Борисъ замеръ...

— Началось,—прошепталъ онъ, сжавъ голову руками.

Матушка вся затряслась отъ страха.

— О, что будетъ съ нами? Что намъ дѣлать?!—въ ужасѣ закричала она.

— Успокойся, ради Бога. Сейчасъ все узнаемъ.

Несмотря на свое стараніе быть спокойнымъ, онъ и самъ сильно заволновался.

— Ты говоришь, что разбили лавку?—переспросилъ онъ сторожа.

— Разнесли, батюшка. Все вино разобрали. Власова ранили. Теперича пируютъ. Кричатъ, што пойдуть бить Сергѣя Николаевича.

— Несчастные, они погубятъ себя!

— Знамо, губятъ.

— Я пойду.

— Куда?—прокричала матушка.

— Къ нимъ. Съ увѣщаніемъ.

— Ни за что не пущу. Тебя убьютъ. Нѣтъ, если любишь и меня и дѣтей—не пойдешь...

— Но, Валя...

— Ахъ, молчи. Я съ ума сойду.

— Батюшка, а куды ты пойдешь?—вмѣшался сторожъ:— вино все разграбили, всѣ ужъ разбѣжались. Куды ты пойдешь? Побудь лучше дома. Некого тебѣ уговаривать-то...

— И правда: не по дворамъ же итти,—подхватила матушка:— было время—ходить, увѣщевать, убѣждать, но, однако, не послушались. Ты чистъ душой. Ты не чудотворецъ. Нѣтъ, ты не пойдешь.

Въ это время примчался псаломщикъ.

— Слышали? Слышали?

— Да... Несчастье великое...

— Ну, не мерзавцы ли? Скажите пожалуйста, а? Какъ вамъ кажется? Вотъ дурачье... Накликаютъ бѣду на свою голову. Теперь имъ не сдобровать.

— Но неужели они придутъ къ намъ?—вымолвила матушка.

— Пусть-ка пожалуютъ. Мы имъ зададимъ хорошую встрепку,—погрозился псаломщикъ.—Кстати, чѣмъ врагъ не шутить—пойду

сейчасъ домой за револьверомъ. Береженаго и Богъ бережетъ. Я сію минуту вернусь.

Псаломщикъ быстро выбѣжалъ изъ кухни.

— Ты не знаешь, братецъ, сильно ранили Власова?

— Обидили немного. Онъ хотѣлъ было отбиться, да што подѣлаешь съ парнями? Ударили, окровавили человѣка.

— Иди скорѣе и узнай, каковъ онъ. Быть можетъ, нужно его причастить.

— Ладно. Я мигомъ схожу. Это недалеко.

— Скорѣе возвращайся, Спиридонъ,—умоляюще проговорила вслѣдъ ему Валентина Петровна.

— Не сумлѣвайся, матушка, я сейчасъ.

Отецъ Борисъ вернулся въ кабшеть и первно, порывисто зашагалъ изъ угла въ уголь. Жена послѣдовала за нимъ и въ изнеможеніи бросилась на кровать.

— Вотъ ужасъ,—прошептала она.

На ея рѣсницахъ повисли слезинки. Дѣти, чувствуя, что происходитъ что-то необычайное, присмирѣли и испуганно взглядывали то на отца, то на мать.

— Богъ намъ прибѣжище и сила!—торжественно проговорилъ отецъ Борисъ, крестясь:—вотъ все, что я могу тебѣ сказать въ данномъ случаѣ.

Скоро вернулся вооруженный псаломщикъ, а съ нимъ еще два крестьянина съ ружьями.

— Защищать мы тебя пришли, батюшка,—объявили они.

Отецъ Борисъ горячо пожалъ имъ руки.

— Спаси васъ Господь.

— Придутъ еще. Я звалъ кое-кого,—сообщилъ псаломщикъ:—падо быть все-таки паготовѣ.

Младшая дочь, при видѣ людей съ ружьями, заплакала отъ страха.

— Не плачь, дѣточка, не плачь; это дяди хорошіе,—успокаивала ее мать.

Дѣтей увели въ спальню.

Вернулся и Спиридонъ.

— Власовъ хотѣлъ самъ прійти къ тебѣ. У него выбили четыре зуба.

— Бѣдный,—искренно посочувствовала матушка.

— Могло случиться и хуже,—замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ.

Домъ принялъ видъ вооруженной крѣпости, точно ждали пріятеля. Пришелъ церковный староста съ сыномъ, здоровеннымъ парнемъ, геркулесовскаго тѣлосложенія. Забѣжалъ на минуту донести о случившемся и сельскій староста.

— И ума не приложу, какъ тутъ быть. Экая бѣда,—растерянно твердилъ онъ:—заварили кашу, какъ только они ее расхлебывать-то стануть. А каша, вѣрно, будетъ соленая.

— Да, за разграбленіе казенной лавки по головкѣ не поглядятъ,—пробурчалъ псаломщикъ.

— Боюсь, какъ бы они не бросились бить да грабить барина. Все посплелъ слухи, што собираются. Вотъ горе-то наше будетъ,—заохалъ староста.

— Неужели пойдутъ?—спросилъ отецъ Борисъ.

— Доподлинно не знаю, а болтали. Вѣдь сколь ты, батюшка, уговаривалъ не бунтовать, а вотъ возьми-ка ихъ: не послушались. Худой конѣ народъ пошелъ. Уваженья мало. Слушаютъ разныхъ тамока смутьяновъ, кои шатаются изъ деревни въ деревню. Ну, я пойду. Не дай Богъ, ежели што случится. Пропали наши головы...

Староста ушелъ, крайне озабоченный и встревоженный.

— Охо-хо, одначе и времечко настало,—покачалъ головой Игнатій Савельевичъ.

Псаломщикъ вскочилъ со стула.

— А кто виноватъ, кто? Кого винить? Сами во всемъ виноваты. Вотъ наѣдетъ полиція, сдѣластъ дознаніе, произведетъ аресты и отсиживай за буйство въ острогъ. Дѣло ясное. Если же пойдутъ еще грабить Сергѣя Николаевича, то не миновать и Сибири. Батюшка довольно трудовъ положилъ для вразумленія. Слушайся, что говорить умные люди. А не слушаешься, хочешь бунтовать—ну, на себя и пеняй.

— Знамо, надо слушаться, ежели своего ума мало.

— Само собой разумѣется.

Матушка все время была въ чрезвычайно напряженномъ, нервномъ состояніи. Она суетилась, волновалась и не находила себѣ ни покоя, ни мѣста. При каждомъ малѣйшемъ шумѣ на улицѣ она вздрагивала вѣсьмъ тѣломъ и пугливо взглядывала въ окно.

На столѣ зашумѣлъ самоваръ.

— Не до чаю теперича, батюшка. Мы вѣдь не за этимъ пришли,—отговаривались крестьяне на приглашеніе отца Бориса.

— Чай дѣлу не вредить. Кушайте на здоровье.

Вдругъ на улицѣ послышался лошадиный топотъ. Еще нѣсколько секундъ—и къ воротамъ подскакалъ всадникъ на взмыленной лошади.

Матушка первая кинулась къ окну. Съ лошади соскочилъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, бросилъ поводья и ныгнулъ въ калитку.

— Не отъ Сергѣя ли ужъ Николаевича?—предположилъ церковный староста.

Въ кухню быстро вбѣжалъ гонецъ и скинулъ фуражку.

—Что тебѣ?—спросилъ отецъ Борисъ.

— Письмо вамъ.

— Отъ кого?

— Отъ барина.

Мальчикъ сунулъ руку въ карманъ и подаль священнику скомканную записку. Въ пріотворенную дверь молча, вопросительно смотрѣли крестьяне.

— Бѣда, грабить насъ идутъ... Спалить, пожалуй,—скороговоркой докладывавалъ посланецъ.

Отецъ Борисъ съ замираемъ сердца выхватилъ записку. Последняя гласила: «Дорогой батюшка! Изъ деревень идутъ толны народа на мое имѣніе. Бога ради попросите вѣрныхъ крестьянъ прійти ко мнѣ на помощь, иначе я пропасть. Жена въ обморокъ. Вашъ Вѣловѣяцевъ».

— Что онъ пишетъ? Что случилось?—раздались восклицанія.

Блѣдный отецъ Борисъ задыхающимся голосомъ прочиталъ записку.

— О, Боже!—застонала матушка, закрывъ лицо руками.

— Вотъ несчастье... Вотъ несчастье... Вотъ горе!..—перепугались крестьяне.

Все были крайне взволнованы. Все какъ-то растерялись, хотя случившееся не являлось совершенной неожиданностью. Матушка походила на мраморную статую. Въ ея глазахъ стоялъ сплошной ужасъ.

— Мерзавцы!—вѣско выругался псаломщикъ.

Отецъ Борисъ энергично потряхнулъ головой, точно желая отогнать какія-то послѣднія, перѣшительныя робкія мысли. Во взорѣ сверкнула отвага и мужество. Лицо озарилось непреклонностью. Долгъ пастыря сильнымъ громовымъ аккордомъ прозвучалъ въ его душѣ, вытѣсняя все постороннія мысли и смущеніе.

— Я ѣду!—громко отчеканилъ онъ голосомъ, не допускавшимъ никакого возраженія.—Спиридонъ, живо бѣги, звони въ набатъ. Я не допущу до грабежа и насилія.

— Остановись! Что ты хочешь дѣлать!—вскричала матушка съ помертвѣвшимъ лицомъ:—ты погубишь и себя и насъ!

— Я не могу не ѣхать, дорогая. Я пастырь. Тамъ меня ждутъ. Я, быть можетъ, окажусь полезенъ. Да, ѣду. Игнатій Савельевичъ, потрудитесь скорѣе запрячь лошадь. Пусть твой сынъ останется здѣсь. А вы прочіе слѣдуйте за мной. Кому дорогъ Христосъ, кто меня уважаетъ—за мной. Спиридонъ—въ набатъ!

Сторожъ кинулся исполнить приказаніе. Матушка стояла точно помѣшанная. Все совершающееся казалось ей какимъ-то тяжелымъ страшнымъ кошмаромъ. Она не вѣрила. Голова шла кругомъ.

— Пожалѣй насъ!—зарыдала она, увлекая мужа въ кабинетъ.

— И жалѣю и люблю, но долгъ выше всего. Надо пожалѣть и тѣхъ, кто находится сейчасъ въ опасности и съ трепетомъ ждетъ моей помощи. Не бойся. Молись.

Тутъ молодая женщина не выдержала и, какъ подкошенная, свалилась на кровать. Все тѣло ея колыхалось отъ рыданій. Отецъ Бо-

рись и самъ готовъ былъ расплакаться при видѣ слезъ жены, но рѣшеніе его было непреклонно.

Въ домѣ поднялась суета. Пелагія не знала, куда и кинуться.

— Батюшка, я съ вами!—вскричалъ псаломщикъ:—я не остану отъ васъ ни на шагъ. Мнѣ дорожить нечѣмъ, я холостой. Враги доберутся до васъ только черезъ мой трупъ. Драться—такъ драться. Успокойтесь ради Бога, матушка. Все обойдется благополучно...

Съ колокольной раздались частые, тревожные звуки набата.

Крестьяне всполошились.

— Зачѣмъ звонять? Не пожаръ ли? У кого горить?

Къ церкви побѣжали мужики.

— Пошто звонять, батюшка?—закричали нѣсколько прихожанъ, видя идущаго къ нимъ священника.

— Братцы, кто вѣруеть въ Бога—за мной! Кто уважаетъ меня—садись на лошадь и гони на помощь къ Сергѣю Николаевичу! Его идутъ грабить. Мы не допустимъ этого. Мы должны стать на защиту брата. За мной!..

Крестьяне ахнули.

— Оказія. Ну, ребята, ежели батюшка велить—надо ѣхать. Мы сейчасъ,

Они бросились по домамъ.

А колоколъ продолжалъ торопливо, захлебываясь, отбивать ударъ за ударомъ.

Ворота распахнулись. На дорогу выѣхалъ тарантасъ.

— И я съ тобой, батюшка,—заявилъ Игнатій Савельевичъ, правя лошадей.

— Отлично.

Отецъ Борисъ побѣжалъ домой, надѣлъ на себя эпитрахиль и взялъ въ руки крестъ. Матушка со стономъ уцѣпилась за мужа.

— А если тебя убьютъ?—судорожно рыдала она.

— Надѣйся на Бога. Молись Царицѣ Небесной.

— Милый, что ты дѣлаешь? Подумай, подумай. А Соня, а Гриша?

— Дорогая моя, есть у пастыря обязанности, которыя должны быть выше всего земного. Я горячо люблю васъ, но мой долгъ, какъ служителя Христа, приказываетъ мнѣ ѣхать. Будь покойна. Я увѣренъ, за мной поѣдутъ многіе. Но помоги мнѣ теперь ты. Докажи свою любовь.

— Чѣмъ, чѣмъ?

— Иди, зови крестьянъ. Убѣждай ихъ, чтобы ѣхали. Дорога каждая минута.

Матушка вдругъ выпрямилась во весь свой ростъ. Ея грудь затрепетала. Лицо преобразилось. Отецъ Борисъ въ изумленіи отступилъ шагъ назадъ.

— Что съ тобой?

— Да, милый, ты правъ. Я должна не малодушничать, а помочь тебѣ. И ты увидишь, что я сдѣлаю все, что могу. Буду звать. Буду умолять, чтобы ѣхали за тобой...

— Иди, и да благословить тебя Господь, — перекрестилъ ее отецъ Борисъ.

Матушка крикнула кухарку.

— Пелагія, смотри за дѣтьми. Будь все время дома.

И, набросивъ платокъ, поспѣшно вышла.

Отецъ Борисъ сѣлъ на тарантасъ. Рядомъ съ нимъ помѣстился неагентъ.

— Ну, съ Богомъ, Игнатій Савельевичъ. Трогай.

Староста стегнулъ лошадь. Тарантасъ быстро помчался, оставляя за собой цѣлая облака пыли. А съ колокольни попрежнему продолжалъ гремѣть набать.

Крестьяне, наэлектризованные матушкой и самоотверженнымъ поступкомъ священника, быстро сдѣлали лошадей.

— Выручимъ батюшку! — кричали они: — не дадимъ его въ обиду! Берите, ребята, ружья и топоры. Гоните скорѣй!..

Черезъ четверть часа изъ села мчался отрядъ человекъ съ тридцать. Матушка, измученная, вернулась домой.

— Гдѣ, Пелагія, дѣти? Что съ ними? — былъ ей первый вопросъ.

— Плачутъ. Сонечка всю мнѣ душеньку надорвала.

— Милая дѣвчурка. Въ церковь, Пелагія, идемъ.

— Зачѣмъ?

— Помолиться. Двери затвори.

Дѣти повисли у матери на шеѣ и вновь заплакали.

— Не плачьте, милыя. Пойдемте лучше въ церковь и помолимся за папу.

— За папу? — утирая кулаченками глаза, всхлипывала Сонечка.

— Да, да, за папу, чтобы онъ вернулся къ намъ.

Матушка, поручивъ одному крестьянину смотрѣть за домомъ, взяла дѣтей и поспѣшила въ церковь. Тамъ она пала на колѣни предъ иконой Богоматери, и изъ ея груди воплемъ вырвалась молитва:

— Пресвятая Дѣва! Сохрани отца для малыхъ дѣтей!..

Своды храма огласилась громкими рыданіями измученной женщины и плачемъ дѣтей, не понимавшихъ еще всей разыгрывающейся трагедіи.

VI.

Стремительно бѣжала лошадь. Тарантасъ подбрасывало въ ухабахъ, и онъ скрипѣлъ всеми своими частями.

Солнце уже закатилось. На небѣ играла чудная заря. Вся природа отдыхала послѣ лѣтняго зноя. Въ рощахъ заливались птицы. До имѣнія оставалось съ версту.

Вдругъ изъ-за дѣса повалилъ густой дымъ.

— Пожаръ!—первымъ вскричалъ псаломщикъ

— Неужели подожгли домъ?—съ ужасомъ задалъ вопросъ отецъ Борисъ.

— Вотъ Иродово племя! Вотъ каторжники!—не удержался Игнатій Савельевичъ.

Всѣ напряженно слѣдили за дымомъ.

— Скорѣй впередъ!—скомандовалъ священникъ.

Староста сильно ударилъ лошадь.

Но на одной глубокой выбоинѣ случилась катастрофа: лопнула ось. Силой толчка староста слетѣлъ на землю. Отца Бориса съ псаломщикомъ сильно встряхнуло; но они остались въ тарантасѣ.

Все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ секундъ.

— Господи, вотъ несчастье!—съ отчаяніемъ вскричалъ отецъ Борисъ, хватая себя за голову.—Что съ тобой, Игнатій Савельевичъ? Ты ушибся?

— Ушибся малость, ну, да это пройдетъ. Бѣды большой нѣту,—отвѣчалъ тотъ, поднимаясь съ земли и потирая ушибленный бокъ.

— Однако, что же мы теперь будемъ дѣлать?—задалъ вопросъ псаломщикъ.

А вдали изъ-за дѣса выше и выше поднимались клубы дыма.

— Тамъ меня ждуть... О, Боже... Время не терпится... Леонидъ Ивановичъ, идемте нѣшкомъ. Вѣдь до усадьбы не болѣе версты.

— Я согласенъ. Идемте...

— Батюшка, за нами ѣдутъ!—вскликнулъ староста.

Отецъ Борисъ оглянулся. По дорогѣ во весь опоръ мчалось нѣсколько всадниковъ. То крестьяне слѣшили за своимъ пастыремъ.

Черезъ минуту они подскакали къ мѣсту катастрофы.

— Што случилось?—раздались возгласы.

— Ось сломалась.

Мужички ахнули.

— Какъ же теперича быть?

— Братецъ мой,—обратился отецъ Борисъ къ одному прихожанину:—уступи мнѣ лошадь. Я поѣду верхомъ. Время дорого. Видишь, тамъ уже горитъ.

— Садись, только хорошо ли сидѣть-то будетъ? У меня вѣдь безъ сѣдла.

— Съ Божьей помощью доѣду.

— А я сажусь, батюшка, на вашу лошадь,—послѣдно проговорилъ псаломщикъ:—отпрячь ее отъ тарантаса—дѣло секунды. Я отъ васъ ни на шагъ не отстану. Я клядусь матушкѣ.

— Ну, хорошо, спасибо вамъ. Ѣдемъ. А ты, Игнатій Савельевичъ, подожди здѣсь чей-нибудь телѣги. Ты ушибся. Тебѣ пужно скорѣе возвращаться домой.

— Ничего, батюшка, наше дѣло привычное. Ежели бы мнѣ лошадь—поѣхалъ бы. А вотъ мы съ Александромъ-то и такъ пойдемъ за вами. Пѣшкомъ.

— Ну, самъ знаешь.

Отецъ Борисъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ далѣе, сопровождаемый псаломщикомъ и нѣсколькими крестьянами. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ поводья, въ правой крестъ. Необыкновенно величественъ былъ видъ скачущаго верхомъ священника съ крестомъ въ рукѣ и энтрахилю. Чувствовались въ немъ и сила, и энергія, и мужество. Это былъ истинный пастырь, готовый душу свою положить за други своя.

Кавалькада понеслась впередъ. Изъ села доносился еще слабый звонъ. Впереди небо чернѣло отъ дыма.

— Намъ, батюшка, скоро будетъ подмога,—проговорилъ одинъ крестьянинъ, у котораго за спиной болталось ружье.

— И отлично. Помните, братцы, великую Христову заповѣдь: «любить больше той любви, какъ если кто положитъ за ближнихъ и самую жизнь». Впередъ и не робѣйте! Но избави васъ Боже вступать въ побоище и проливать кровь ближняго. Мы ѣдемъ не убивать кого-либо, но спасать Сергѣя Николаевича.

Лѣсъ разошелся, раздвинулся. Сверкнулъ своей зеленой крышей барскій домъ.

— Амбаръ горитъ!—вырвалось одновременно у всѣхъ восклицаніе.

Амбары стояли нѣсколько поодаль отъ дома. Одинъ изъ нихъ былъ охваченъ пламенемъ. Недалеко отъ пожара тянулся рядъ телегъ, съ награбленнымъ хлѣбомъ. Возлѣ нихъ суетились мужики.

Слышался трескъ дерева, свистъ пламени. Раздавались крики, брань.

— Го-го-го... Вали, ребята!

— Разбивай другой амбаръ!

— Тащи добро. Попируемъ. И домъ спалимъ!

— Теперича наша воля. Покуражкися и мы!

— Жги лишнее. Ни намъ, ни ему.

— Руби скотъ!..

Порой крики сливались въ одинъ общій ревъ и гулъ. Казалось, здѣсь былъ уголокъ ада.

Кровь застыла въ жилахъ у отца Бориса при видѣ этой картины.

«Гдѣ Сергѣй Николаевичъ? Что съ Лидіей Михайловной и дѣтьми? Гдѣ они?» молніей пронеслись у него вопросы.

— О, негодяи!—вскричалъ псаломщикъ, весь побагровѣвъ отъ волненія.

— Братцы, за мной!—обратился отецъ Борисъ къ спутникамъ.

Видъ скачущаго верхомъ на лошади священника, съ крестомъ въ рукѣ, въ энтрахили, произвелъ ошеломляющее дѣйствіе. Крики сразу стихли. Взоры всѣхъ устремились на отца Бориса.

— Опомнитесь, братцы мои, что вы дѣлаете!—загремѣлъ его голосъ.

Онъ высоко поднялъ крестъ и стянулъ поводья.

— Побойтесь Бога! Кто распять на этомъ крестѣ? Я спрашиваю васъ: Кто?

Молчаніе.

— Зачѣмъ вы снова распинаете Его своимъ преступнымъ поведеніемъ? Зачѣмъ вы дѣлаетесь врагами Христа-Спасителя? Зачѣмъ вы снова забиваете гвозди въ Его пречистыя руки и ноги? Братцы, умоляю васъ: идите отсюда. Разойдитесь. Не гнѣвите Господа. Не берите на совѣсть страшнаго грѣха!..

Голосъ священника звучалъ и властно, и повелительно, и любяще. Такъ могъ говорить только лишь истинный пастырь.

— Послушайте же меня, мои дорогіе: оставьте свой замыселъ. Кто вѣруетъ въ Бога, кому дорого спасеніе, тотъ удался отсюда съ миромъ и не поднимай руки на ближняго. Во имя Христа прошу васъ: разойдитесь!

— Не болтай пустое,—вдругъ раздался изъ толпы чей-то голосъ:—эй, граждане, не слушайте его. Чепуху онъ мелеть. Зажигайте другой амбаръ...

Отецъ Борисъ вздрогнулъ, какъ ужаленный, и обернулся въ сторону кричавшаго.

Крестьяне зашевелились и вышли изъ своего прежняго оцѣпенѣнія, наведеннаго на нихъ появленіемъ священника и его первыми громовыми словами. Моментъ былъ глубоко трагическій. Каждая секунда могла погубить все дѣло. Отецъ Борисъ понялъ это и рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ вѣззался въ толпу и громко вскричалъ:

— Перваго, кто броситъ спичку къ амбару,—проклянута! Именемъ Божіимъ проклянута! Вотъ вамъ свидѣтель Самъ Христосъ.

Толпа въ испугѣ шарахнулась. Нѣкоторые даже перекрестились.

Вдругъ въ это мгновеніе со свистомъ пролетѣлъ камень и ударился отцу Борису въ голову. Священникъ застоналъ и покачнулся на лошади.

«Рапили», пропеслось у него.

— Семень, поддержи батюшку!—заоралъ псаломщикъ:—я видѣлъ, кто бросилъ. Я его добуду, живого, или мертваго.

И, выхвативъ револьверъ, онъ яростно хлестнулъ лошадь. Та взвилась на дыбы.

— Не уйдешь, Иродовъ сынъ!—бѣшено ревелъ псаломщикъ.— Я тебя изловлю.

Преступникъ бросился къ свободной лошади. Но, видя, что скрыться невозможно, круто обернулся, выхватилъ, въ свою очередь, револьверъ и выстрѣлилъ въ псаломщика. Пуля прострѣлила шляпу.

— Сдавайся!—вскричалъ псаломщикъ, дѣлая, въ свою очередь, безрезультатный выстрѣлъ.

Рука дрожала отъ волненія и, естественно, дала промахъ.

— Ну, я тебя возьму иначе!

Онъ соскочилъ съ лошади и погнался за негодеемъ. Тотъ успѣлъ сдѣлать еще выстрѣлъ. Пуля взвизгнула около уха и ударилась о кору дерева. Псаломщикъ схватилъ убѣгавшаго въ свои могучія объятія.

— Теперь, голубчикъ, не уйдешь.

Онъ круто свернулъ ему руки за спину. Суставы хрустнули. Негодяй застоналъ.

— Руки вывихнуть, песь,—съ налившимися кровью глазами прошипѣлъ онъ.

— Самъ ты песь.

Псаломщикъ потащилъ его за собой.

Между тѣмъ, пока шла эта погоня, разыгралось слѣдующее.

Отецъ Борисъ, послѣ удара камнемъ въ голову, крѣпко сжалъ крестъ и весь замеръ. Онъ слышалъ, какъ его бережно обхватили чьи-то руки. Изъ разсѣченной раны струилась кровь. Отецъ Борисъ вытащилъ платокъ и приложилъ его къ ранкѣ.

— Братцы,—собравъ силы, крикнулъ онъ:—изъ любви къ вамъ пролилась моя кровь. И ради этого послушайте меня: идите отсюда. Не дѣлайте болѣе зла Сергѣю Николаевичу.

Онъ отнял платокъ отъ головы и потрянулъ имъ въ воздухѣ. Эффектъ получился необычайный. Впереди стоявшій крестьянинъ палъ на колѣни.

— Грѣшенъ, батюшка, каюсь. Лукавый попуталъ.

За нимъ опустились и другіе. Большинство бросилось вразсыпную.

— Слава Богу,—радостно прошепталъ вѣрный пастырь.

Онъ перекрестился и обезсиленный опустился на руки прихожанъ.

А вдали на лошадяхъ скакали нѣсколько десятковъ мужиковъ. Но помощь ихъ являлась уже излишней. Зло было побѣждено.

— Тушите пожаръ,—слабымъ голосомъ распорядился отецъ Борисъ.

Два прихожанина осторожно взяли его подъ руки и повели въ домъ.

Сергѣй Николаевичъ все время хлопоталъ около своей жены, только что очнувшейся отъ глубокаго обморока. На дворѣ стоялъ запряженный экипажъ для выѣзда, такъ какъ бунтовщики заявили, что они сожгутъ и усадьбу.

Сергѣй Николаевичъ видѣлъ, какъ проскакалъ священникъ верхомъ, и слабый лучъ надежды скользнулъ въ его душу. Тимоосей былъ командированъ наблюдать за происходящимъ.

И когда поджигатели разбѣжались, онъ стремительно влетѣлъ къ помѣщику и радостно закричалъ:

— Батюшка уговорилъ мужиковъ... Теперича тушать. Изъ села много народу ѣдетъ верхомъ.

— Слава тебѣ Господи!—съ сердечнымъ трепетомъ проговорилъ помѣщикъ и кинулся встрѣчать своего защитника.

Отца Бориса ввели. Лицо его было блѣдно. На эпитрахили виднѣлась кровь. Лѣвой рукой онъ крѣпко держалъ платокъ у раны.

— Молитесь Богу... Все обошлось благополучно,—прошептала онъ.

— Господи, вы ранены? И эта кровь пролилась изъ-за меня? Бѣловѣжцевъ зарыдалъ.

— О, какъ я долженъ благодарить васъ! Дорогой, славный батюшка... Душа моя безгранично предана вамъ...

Онъ обнялъ отца Бориса.

— Вамъ нужна помощь. Сейчасъ все устронмъ.

Священника провели въ кабинетъ. Рану, которая, къ счастью, оказалась не глубокой, промыли и перевязали марлей.

— Спасибо вамъ, Сергѣй Николаевичъ.

— И вы еще благодарите? Не я ли теперь вашъ должникъ на всю жизнь. Вы спасли насъ. Милый, великодушный!

Бѣловѣжцевъ горячо поцѣловалъ руку священника.

— Не надо, голубчикъ. Зачѣмъ это?—протестовалъ тотъ смущенно.

Лидія Михайловна, оправившись, пришла въ кабинетъ и зарыдала слезами радости и благодарности.

— Успокойтесь. Все страшное миновало. Возьмите себя въ руки и благодарите Бога, а не меня. Я тутъ рѣшительно ни при чемъ.

За отцомъ Борисомъ усердно ухаживалъ и псаломщикъ, сдавши сельскому старостѣ злоумышленника.

— Вы, конечно, переночуете у насъ сегодня, батюшка?

— Не могу. Жена осталась въ страшномъ волненіи. Надо успокоить и ее. Вы сами понимаете все. Я же чувствую себя достаточно крѣпкимъ.

И, несмотря ни на какія увѣщанія и просьбы, отецъ Борисъ уѣхалъ, выпивъ рюмку коньяку для поддержанія силъ.

Съ нимъ поѣхалъ и неразлучный псаломщикъ.

«Что съ Валей? Какъ-то она себя чувствуетъ?» гвоздемъ сидѣли у отца Бориса вопросы.

Жена не спала. Увидѣвъ подъѣхавшій экипажъ, она выбѣжала за ворота. Ночная темнота не позволяла ей разсмотрѣть блѣдность лица, но повязка потрясла ее до глубины души.

— Боже мой, ты раненъ?

— Не волнуйся. Это пустяки. Маленькая царапина. Какъ видишь, я невредимъ.

Отецъ Борисъ прошелъ въ свою комнату и обезсиленный свалился на кровать. Отдохнувъ немного, онъ разсказалъ женѣ всю исторію.

— Милый ты мой... славный мой...

Молодая женщина припала къ головѣ мужа и залилась теплыми, облегчающими слезами. Ея волненіе было настолько сильно, что она ничего болѣе не могла сказать.

— Слава Спасителю за все,—прошептала добрый пастырь.

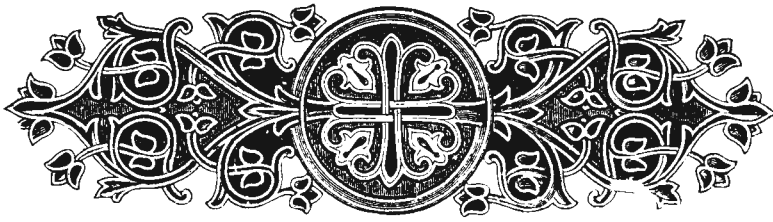
Его рука сдѣлала крестное знаменіе, и взоръ съ любовью и безграничной преданностью остановился на большомъ изображеніи Христа въ терновомъ вѣнцѣ.

Въ комнатѣ настала тишина. Ангель мира и любви бережно освѣтилъ своими крылами примѣрную, геройскую чету.

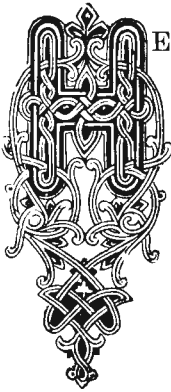
Передъ образомъ ярко свѣтилась лампада.

И. Поповъ-Пермскій.

ПАМЯТИ ПРИНЦА ПЕТРА ГЕОРГІЕВИЧА ОЛЬДЕНБУРГСКАГО.

Е МАЛО у насъ на Руси было людей выдающихся, вполне достойныхъ того, чтобы имена ихъ навѣки были запечатлѣны на страницахъ исторіи. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, очень скоро забываемъ ихъ; достаточно вспомнить хотя бы Гааза, того «затѣйливаго доктора» и «утрированнаго филантропа», память котораго воскресилъ А. Θ. Кони, посвятивъ ему рядъ лекцій и особую брошюру, вошедшую затѣмъ въ сборникъ «За послѣдніе годы».

Θ. П. Гаазъ, умѣвшій и успѣвшій «положить душу свою за други своя», представляетъ ту особенность, что, будучи весьма мелкою единицею въ административной машинѣ и имѣя въ рукахъ очень скудныя средства, онъ принесъ бѣдному и страждущему люду столько добра, что посильно было развѣ человѣку; если не съ крупнымъ капиталомъ, то, во всякомъ случаѣ, съ большою силою и большимъ вліяніемъ. Зато, въ свое время, бѣднота и чтила «святого доктора». Но умеръ онъ, похоронили его въ пятомъ разрядѣ московскаго католическаго кладбища, какой-то неизвѣстный другъ поставилъ на могилѣ скромную гранитную глыбу съ гранитнымъ же крестомъ, а затѣмъ его забыли, памятникъ развалился, и только черезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти и по воскрешеніи его памяти А. Θ. Кони мы достойно почтили этого дѣйствительно почти святого человѣка.

Я хочу напомнить о другой, тоже почти забытой нынѣ личности, о личности совсѣмъ иной сферы, иного круга. То былъ членъ царской семьи, съ милліоннымъ состояніемъ, по своему положенію ничего

общаго не имѣвшій съ тою бѣднотою, съ которою приходилъ Гаазъ въ столкновенія по своей службѣ; человѣкъ, которому все улыбалось, который могъ жить не стѣсняясь въ свое удовольствіе,—и вотъ этотъ самый человѣкъ, отказывая себѣ во многомъ, съ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости посвящаетъ себя на служеніе человѣчеству, отдаетъ ему значительную часть своего состоянія, всѣ свои силы, всю свою жизнь. Не слѣдуетъ забывать и того, что по отцу, религіи и серьезному воспитанію то былъ полуиностронецъ, но по своимъ симпатіямъ и чувствамъ это былъ настоящій русскій; онъ любилъ Россію, зналъ ея нужды, ея населеніе, ея языкъ и религію не хуже любого русскаго хорошо образованнаго человѣка.

Я говорю о принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ.

14-го августа 1912 года исполняется сто лѣтъ со дня рожденія принца, и мнѣ кажется вполне своевременнымъ и умѣстнымъ вспомнить здѣсь то, чѣмъ обязана Россія этому именитому, по то же въ своемъ родѣ «утрированному» филантропу.

Ольденбургскій домъ ведетъ свое начало съ глубокой старины; по древнѣйшимъ ольденбургскимъ лѣтописямъ, родоначальникомъ его по женской линіи считается Витекиндъ, знаменитый вождь саксовъ во время кровопролитныхъ войнъ ихъ съ Карломъ Великимъ; въ мужскомъ колѣнѣ главою дома признается графъ Элимаръ I, жившій въ началѣ XII вѣка.

Связь Ольденбургскаго дома съ русскимъ царствующимъ домомъ возникла при Петрѣ Великомъ, когда герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ отдался подъ покровительство Россіи и въ маѣ 1725 года вступилъ въ бракъ съ дочерью Петра Великаго Анною Петровною. Отъ этого брака родился Петръ-Ульрихъ, впоследствии императоръ Петръ III.

Въ теченіе вѣковъ Ольденбургскій домъ раздробился на семь линій, и къ одной изъ нихъ, а именно линіи Гольштейнъ-Готторпской принадлежитъ принцъ Петръ Георгіевичъ.

Не вдаваясь въ изученіе его родословной, я остановлюсь лишь на біографіи его дѣда и родителей, считая это безусловно необходимымъ для характеристики личности принца, памятуя, что каждый изъ насъ своимъ характеромъ и образомъ жизни въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ кровнымъ восходящимъ и тому воспитанію и тѣмъ началамъ, которыя они вложили въ насъ съ дѣтскаго возраста. Немногіе, очень немногіе изъ насъ сами передѣлали себя въ тѣхъ, какими стали въ зрѣломъ возрастѣ,—недаромъ говорится, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Дѣдъ принца герцогъ Ольденбургскій Петръ-Фридрихъ-Людовигъ, женатый на Фредерикѣ, родной сестрѣ императрицы Маріи Теодоровны, былъ, по описанію современниковъ, личностью выдаю-

щелся въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; онъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ Клопштокомъ, Фоссомъ и Лафатеромъ. Дѣтямъ своимъ Павлу-Фридриху-Августу и Петру-Фридриху-Георгу онъ избралъ воспитателемъ извѣстнаго тогда педагога и ученаго Христіана Крузо, а затѣмъ оба они поступили въ лейпцигскій университетъ, гдѣ слушали лекціи съ 1803 по 1805 г. По окончаніи образованія они отправились въ Россію, гдѣ Павелъ-Фридрихъ-Августъ былъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ, а Петръ-Фридрихъ-Георгъ—тверскимъ, ярославскимъ и повгородскимъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ директоромъ путей сообщенія. Это и былъ отецъ принца Петра Георгіевича.

Принцъ Георгъ получилъ хорошее образованіе; онъ былъ основательно знакомъ съ классическими языками, много занимался латинскимъ языкомъ и, между прочимъ, перевелъ оды Горация; онъ былъ немного и поэтъ; писалъ стихи, и уже послѣ его смерти былъ издавъ небольшой томикъ его стихотвореній.

18-го марта 1810 года онъ женился на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ; личность ея и исторія замужества настолько интересны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться.

Екатерина Павловна, дочь императора Павла I и супруги его Маріи Ѳеодоровны, судя по оставшимся портретамъ и описаніямъ, была очень хороша собою, имѣла живой, общительный характеръ и быстрое соображеніе; она была хорошо и многосторонне образована: знала французскій, нѣмецкій, латинскій и итальянскій языки, основательно была знакома съ географіей, математикой, изучала юридическія науки, недурно рисовала, занималась гравированіемъ и считалась прекрасной музыкантшею. 21 года отъ роду она между принцессами считалась самою желанною невѣстою и въ числѣ претендентовъ на ея руку былъ, между прочимъ, и Наполеонъ I. Извѣстно, что Коленкуръ, тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ, получивъ порученіе Наполеона развѣдать подъ рукою, какъ посмотрѣлъ бы русскій дворъ на его предложеніе, завелъ однажды разговоръ съ императрицею Марією Ѳеодоровною на тему о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ сновидѣніямъ, и добавилъ, что наканунѣ онъ видѣлъ во снѣ, будто Наполеонъ проситъ руки великой княжны Екатерины Павловны. Императрица отвѣтила тономъ, который не могъ не смутить Коленкура: «Вы знаете, господинъ посланникъ, что сны обыкновенно лгутъ», а сама Екатерина Павловна, узнавъ о возможности такого предложенія, сказала, что скорѣе пойдетъ замужъ за послѣдняго русскаго истопника, чѣмъ за этого корсиканца.

Около того же времени, въ 1807 году, возникъ вопросъ о выходѣ ея замужъ за только что овдовѣвшаго австрійскаго императора Франца, но и это предложеніе не осуществилось, а 18-го апрѣля 1809 года она была повѣнчана съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ.

То былъ вполнѣ счастливый бракъ: Георгъ питалъ къ своей супругѣ нѣжную любовь, которую порою изливалъ въ стихахъ. Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній въ дословномъ переводѣ съ нѣмецкаго:

Что мнѣ всѣ прелести волшебныхъ странъ,
О коихъ намъ твердятъ въ старинныхъ сказкахъ:
И безъ того я счастливъ, какъ дитя,
Когда передо мной моя жена
Со взоромъ свѣтлымъ и душою чистой.

Два счастливые года провели молодые супруги въ Твери; принцъ усиленно занимался службою, а великая княгиня слѣдила за всѣми повестями русской литературы, получая черезъ Карамзина выдающіяся произведенія; Карамзинъ руководилъ ея занятіями по русской исторіи, и она все время была съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и постоянной перепискѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ отъ 29-го января 1818 года она писала ему: «я слишкомъ стара, чтобы мѣнять старыхъ друзей на новыхъ, російскіе же мои друзья мнѣ всѣхъ милѣе». Между прочимъ, по ея предложенію и совѣту, Карамзинъ написалъ извѣстную записку «О старой и новой Россіи», и ея же стараніями было устранено въ послѣдствіи охлажденіе императора къ Карамзину, вызванное этою запискою.

Въ 1810 году у счастливыхъ супруговъ родился сынъ Александръ, а 14-го августа 1812 года—принцъ Петръ.

1812 годъ принесъ великой княгинѣ много волненій, заботъ и трудовъ, а затѣмъ и много горя. Горячо сочувствуя идеѣ московскаго дворянства, обязавшагося поставить на свой счетъ 80,000 ратниковъ, она сформировала изъ своихъ удѣльныхъ крестьянъ батальонъ въ 712 человекъ, взявъ на себя ихъ обмундированіе и содержаніе во все время войны,—въ то же время принцъ, ея супругъ, былъ занятъ сформированіемъ ополченія по Тверской, Ярославской и Новгородской губерніямъ и въ декабрѣ мѣсяцѣ, осматривая госпитали, сильно простудился. Зная его хилую натуру, врачи убѣждали его полечиться и посидѣть дома, но онъ не слушалъ ихъ и продолжалъ усиленно посѣщать госпитали, говоря: «я потому хочу непременно итти туда, что, быть можетъ, мнѣ удастся кому-нибудь облегчить страданія». Болѣзнь усилилась, и черезъ нѣсколько дней, а именно 15-го декабря, онъ скончался, какъ было установлено, отъ нервной горячки.

Уходъ за больнымъ и сильное потрясеніе страшно повліяли на здоровье великой княгини, ее отправили за границу, куда она и уѣхала въ мартѣ 1813 года съ сыномъ Александромъ, оставивъ маленькаго Петра у бабушки, императрицы Маріи Феодоровны.

Оправившись отъ болѣзни, великая княгиня конецъ 1813 года и начало 1814 года провела въ Швейцаріи, а затѣмъ побывала въ Голландіи и Англии. Во время этого путешествія она познакомилась

съ наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ Вильгельмомъ, и знакомство это закончилось свадьбою. Осенью 1815 года онъ просиль ея руки, а 15-го января 1816 года они повѣнчались.

Въ новой обстановкѣ великая княгиня продолжала очаровывать всѣхъ; въ Штутгартѣ, ея резиденціи, она вела жизнь зауряднаго обывателя: гуляла по улицамъ одна или съ мужемъ, какъ простая горожанка, сама ходила по лавкамъ за покупками и т. п. Поселившись въ Штутгартѣ, она взяла къ себѣ обоихъ сыновей отъ перваго брака и занялась ихъ воспитаніемъ, причемъ, настаивая на серьезномъ и нравственно-религіозномъ образованіи дѣтей, постоянно твердила воспитателямъ: «сдѣлайте изъ нихъ людей и не щадите въ нихъ принцевъ».

1816-й годъ принесъ судьбѣ ея большую переменъ. Въ октябрѣ этого года скончался король виртембергскій Фридрихъ, и 30-го октября ея супругъ, принцъ Вильгельмъ, вступилъ на престолъ. Годъ этотъ для Западной Европы былъ необыкновенно тяжелый: почти всю Европу постигъ небывалый неурожай, и наступила такая дороговизна, какой не помнили за послѣднія сто лѣтъ. Здѣсь королева обнаружила необычайную дѣятельность, писала воззванія къ населенію, открывъ рядъ благотворительныхъ обществъ съ народными кухнями, кассами для выдачи ссудъ нуждающимся, школами для дѣтей и проч. Она была неутомима; лично и неустанно посѣщала благотворительныя учрежденія, на свои средства построила домъ для школы бѣдныхъ дѣтей, образовала рядъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и на собственные средства открыла въ Штутгартѣ женскій институтъ по образцу устраиваемыхъ тогда въ Россіи императрицею Марією Ѳеодоровною институтовъ: «я буду для заведенія этого до конца дней моихъ заботливою попечительницею», говорила она при открытіи института и сдержала свое слово: она почти ежедневно посѣщала его.

Королева «торопилась дѣлать добро», работала неустанно и, какъ бы предчувствуя свою скорую кончину, говорила неоднократно: «я должна дорожить временемъ; конецъ можетъ наступить рано, а потому мнѣ не слѣдуетъ откладывать того, что можно еще сдѣлать».

Во все время пребыванія за границей и сдѣлавшись уже королевой, она продолжала горячо любить Россію и русскихъ, постоянно писала «домой» и сердцемъ переживала всѣ бѣды и торжества Россіи. По кончинѣ принца Георга она неустанно носила трауръ и сняла его лишь въ день полученія извѣстій о вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ. 31-го января 1812 года она писала Карамзину: «Россія была второю державою въ Европѣ, теперь и навѣки она первая, и скоро къ стопамъ ея прибѣгнутъ цари, моля о мирѣ и покровительствѣ. Веселитесь мыслью сею: она не мечта, а истина».

Въ декабрѣ 1818 года королева простудилась, слегла въ постель, съ которой и не вставала. Передъ смертью, въ бреду, она разгова-

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

ривала съ дѣтьми, грезя, что занимается съ ними; 29-го того же декабря она скончалась на 31 году жизни. День похоронъ ея былъ днемъ скорби, что прекрасно выразилъ поэтъ Уландъ въ своемъ стихотвореніи «къ почившей», а нашъ Жуковскій почтилъ ея память большою элегіею, въ которой, между прочимъ, есть слѣдующія строки:

Ты улетѣлъ, небесный небожитель,
Ты погостилъ недолго на землѣ.
Мечталось намъ, что здѣсь твоя обитель,
Навѣкъ своимъ тебя мы нарекли.

Пришла судьба, свирѣпый истребитель,
И вдругъ слѣдовъ твоихъ узъ не нашла.
Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ,
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Такова была мать принца Петра Георгіевича, великая княгиня, а затѣмъ королева виртембергская Екатерина Павловна. «У принца была чудная мать,—говорить князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ.—Ея душу, любящую и честную, отзывчивую и довѣрчивую, унаслѣдоваль принцъ Петръ Георгіевичъ во всей ея полнотѣ и эту-то душу прекрасную, высокую и чистую, какъ у младенца, онъ сохранилъ до старости».

Первые дѣтскіе годы принцъ Петръ Георгіевичъ провелъ подъ непосредственнымъ надзоромъ матери, которую нѣжно любилъ, и до самаго гроба свято чтилъ ея память. Ему шелъ восьмой годъ, когда скончалась мать; но кончинѣ ея принцы Петръ и Александръ переселились въ Ольденбургъ къ дѣду, престарѣлому герцогу Петру-Фридриху-Людвигу и, какъ видно изъ переписки его съ королемъ Вильгельмомъ, послѣдній внимательно слѣдилъ за успѣхами пасынковъ въ наукахъ и интересовался мельчайшими подробностями ихъ занятій, жизни, обстановки и даже дѣтскихъ игръ; со своей стороны, и юный принцъ Петръ взялъ въ привычку сообщать вотчиму всё происшествія своей дѣтской жизни, всё свои радости и печали.

Подъ руководствомъ опытныхъ и хорошихъ преподавателей принцъ Петръ получилъ блестящее образованіе: онъ свободно владелъ русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, англійскимъ, испанскимъ языками, недурно зналъ греческій и въ совершенствѣ латинскій. Въ архивѣ Ольденбургскаго дома хранятся школьныя тетради принца Петра Георгіевича на простой, грубоватой сѣрой бумагѣ; съ дѣтскихъ лѣтъ онъ имѣлъ привычку записывать въ нихъ все, что его интересовало. И, дѣйствительно, чего только тутъ нѣтъ: и латинскіе переводы, и задачи по арифметикѣ и геометріи, и классныя сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и черновыя письма къ роднымъ и знакомымъ, тутъ же замѣтки вродѣ древника и записки по исторіи и географіи. Послѣдніе годы пребыванія въ Ольденбургѣ принцъ занимался юридическими науками, изучалъ уголовное право и процессъ, церковное право, государственное и международное право и, какъ тогда называли, камеральныя науки, т. е. прошелъ полный курсъ наукъ юридическаго факультета.

Въ самый разгаръ занятій, 16-го ноября 1829 года умеръ его единственный кровный братъ Александръ, другъ его дѣтства, товарищъ дѣтскихъ игръ, и принцъ Петръ остался въ полномъ смыслѣ

слова круглымъ сиротой. При погребеніи пѣжно любимаго брата онъ присутствовать не пожелалъ и выѣхалъ на это время изъ Ольденбурга, распорядившись, чтобы тѣло покойнаго было предано землѣ безъ обычной пышной и торжественной церемоніи. Это давало сбереженіе около 11,000 талеровъ, которые принцъ Петръ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: $\frac{2}{5}$ онъ назначилъ институту глухонѣмыхъ въ Вильденстаузенѣ, а $\frac{3}{5}$ на образованіе фонда для выдачи пенсій учителямъ Ольденбурга, оставившимъ службу по болѣзни и старости. Поступая такъ, онъ говорилъ, что дѣйствуетъ вполнѣ въ духѣ покойнаго брата.

Въ концѣ 1830 года императоръ Николай I вызвалъ принца Петра Георгіевича на службу въ Россію, и 12-го ноября того же года онъ покинулъ Ольденбургъ. Принялъ его государь радушно и особенно сердечно, что въ значительной мѣрѣ объяснялось тѣмъ, что императрица Марія Ѳеодоровна въ оставленномъ ею духовномъ завѣщаніи поручила сыну озаботиться судьбою членовъ Ольденбургскаго дома.

1-го декабря 1830 года принцъ былъ зачисленъ въ наличные списки Преображенскаго полка, въ которомъ со дня рожденія числился полковникомъ. Осмотрѣвшись и освоившись съ окружающею обстановкою, принцъ ревностно принялся за служебныя занятія. Сохранилась собственноручно веденная имъ записная книжка, изъ которой видно, что въ первый періодъ своего пребыванія въ Петербургѣ онъ большую часть дня посвящалъ военной службѣ. Блестящая придворная жизнь и пиры николаевскаго двора не вскружили головы молодого принца и, какъ видно изъ той же книжки, онъ уже 25-го мая 1831 года слушалъ лекціи по русскому праву у извѣстнаго тогда академика Арсеньева.

На первыхъ же порахъ своей службы принцъ обратилъ вниманіе на положеніе солдатскихъ дѣтей, оставшихся безъ всякаго надзора и воспитанія. По его мысли и по его почину была открыта при Преображенскомъ полку полковая школа, послужившая образцомъ для появившихся затѣмъ въ гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ школъ солдатскихъ дѣтей.

Въ Преображенскомъ полку принцъ пробылъ пять лѣтъ, сначала командуя вторымъ батальономъ (30-го ноября 1831 г.—12-го сентября 1832 г.), а затѣмъ и полкомъ; 6-го августа 1832 году ему пожалованъ чинъ генераль-майора, а 6-го декабря 1834 года онъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ полку онъ оставилъ по себѣ благодарную память, посвящая ему всѣ свои заботы и все свое время. Доступный, общительный и всегда готовый прійти на помощь, онъ входилъ во всѣ нужды не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ. Между прочимъ, по его мысли и на его средства былъ устроенъ въ Красномъ Селѣ, гдѣ тогда были лагеря Преображенскаго полка, водопроводъ, и съ тѣхъ поръ войска красносельскаго лагеря поль-

зовались чистою водою, въ чемъ до сего ощущался большой недостатокъ.

Съ перваго года пребыванія въ Петербургѣ принцъ Петръ Георгиевичъ особенно сблизился съ наслѣдникомъ, впослѣдствіи государемъ Александромъ II и съ этого времени до самой кончины послѣдняго питалъ къ нему чувство неизмѣнной любви. Весьма характерны письма, которыми они обмѣнивались во время отлучекъ принца изъ Петербурга и во время путешествія по Германіи и Италіи. Поздравляя наслѣдника съ днемъ рожденія, принцъ въ апрѣлѣ 1833 года писалъ: «Люблю васъ всею душою, и потому вы, конечно, не усомнитесь, что день вашего рожденія особенный для меня праздникъ». Съ своей стороны, и Александръ II питалъ къ нему чувства нѣжной дружбы. Вотъ письмо его отъ 5-го іюля 1837 года: «письмо ваше доказало мнѣ, что вы не забыли искренно любящаго васъ друга, надѣюсь, что вы простите мнѣ, что я себя назвалъ этимъ именемъ. Вы знаете, какъ трудно найти друга вообще, а въ особенности нашему брату. Въ васъ, милый Петръ Егоровичъ, я смѣю надѣяться найти себѣ истиннаго друга».

23-го апрѣля 1834 года принцу повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, въ первомъ его департаментѣ¹⁾. Службу въ сенатѣ онъ началъ съ того, что, убѣдившись въ ничтожности получасоваго чинами канцеляріи сената содержаія, все свое жалованье распредѣлилъ между мелкими сенатскими чиновниками, а присмотрѣвшись далѣе, пришелъ къ заключенію въ необходимости облагородить службу по судебному вѣдомству, дать ему дѣятелей специально образованныхъ и притомъ изъ хорошихъ фамилій и съ этою цѣлью открыть особое, нарочито для того предназначенное, учебное заведеніе.

Всѣмъ памяты суды и вообще присутственныя мѣста того времени; за немногими исключеніями это былъ свободный торгъ правосудіемъ и правдою; все было продажное и прежде всего судъ. Судьи были въ рукахъ секретарей и новытчиковъ, великихъ практиковъ и знатоковъ дѣла, а эти, получая грошевое, недостаточное для существованія содержаніе, взяточничали и взятками наживали себѣ дома и состоянія. Къ сожалѣнію, не чужды этого былъ и сенатъ, конечно, не въ лицѣ сенаторовъ, добродушно и добросовѣстно подписывавшихъ все, что имъ дадутъ, а въ лицѣ тѣхъ чиновъ канцеляріи, которые непосредственно вѣдали дѣла. Каковы же были эти чины, можно судить хотя бы по извѣстному секретному наставленію Екатерины II генераль-прокурору Вязьмитинову: «Труднѣе

¹⁾ Вотъ слова подлиннаго указа: «Его свѣтлости принцу Петру Голштейн-Ольденбургскому всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ. Н и к о л а й».

Титуль императорскаго высочества пожалованъ принцу въ 1845 г.

всего,—говорить въ этомъ наставленіи императрица:—будеть вамъ править канцелярією сенатскою и не быть подчиненными обмануту».

Въ обществѣ чиновникъ-приказный пользовался общимъ презрѣніемъ, и порядочный помѣщикъ того времени не пускалъ такого представителя власти дальше прихожей.

Все это принцъ зналъ и, болѣя душой, преисполнился заботою дать судебному вѣдомству образованныхъ, честныхъ и хорошихъ слугъ. «Онъ долго разрабатывалъ и лелѣялъ въ душѣ эту идею,—говорить князь Мещерскій:—а затѣмъ пошелъ къ Николаю I и испросилъ разрѣшеніе ее осуществить». «Всѣ у насъ въ Россіи,—говорить В. Стасовъ,—хорошо понимали въ то время, что одна изъ нашихъ большихъ язвъ—это чиновничество; всѣ на него горько жаловались, всѣ поднимали его на зубокъ и въ романѣ и на сценѣ; разговоровъ было много, а все-таки никто ничего не предпринималъ, никто ничего не предлагалъ, чтобы помочь общей бѣдѣ. И вдругъ нашелся помощникъ, выступилъ впередъ смѣлый начинатель, придумавшій, что надо дѣлать, и въ ту же минуту энергично принявшійся за дѣло. То былъ двадцатитрехлѣтній юноша, едва лишь окончившій воспитаніе; то было для него самое время для веселой и беззаботной жизни, но онъ этого не хотѣлъ, отъ всего отказался и вмѣсто того задумалъ крупное дѣло, серьезное и важное, требовавшее всего человѣка, всего его времени, заботъ и помысловъ. Этотъ молодой человѣкъ, представлявшій такое необыкновенное исключеніе въ свои годы, былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій».

26-го октября 1834 года принцъ представилъ свои соображенія въ письмѣ государю. Въ письмѣ этомъ онъ говорилъ, что кратковременная служба въ сенатѣ убѣдила его въ необходимости поставить иначе канцелярію присутственныхъ мѣстъ, улучшивъ ея содержаніе и возвысивъ образовательный цензъ служащихъ; убѣжденіе это привело его къ мысли о необходимости открытія особаго училища правовѣдѣнія. Письмо кончается слѣдующими словами: «многіе изъ опытнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ вашихъ помышляли и прежде меня объ образованіи такого учрежденія, но значительныя издержки, необходимыя для устройства такого заведенія, исполненію сей мысли препятствовали. Вамъ, государь, принадлежитъ все, что я имѣю, и самая жизнь моя и если бы удѣленіемъ моего избытка могъ я содѣйствовать пользѣ службы вашего величества, могъ быть полезнымъ родинѣ, къ коей привязанъ душою, то почелъ бы себя безмѣрно счастливымъ. Побуждаемый сими чувствами, я желалъ бы пожертвовать сумму, потребную на приобрѣтеніе дома и на первоначальное обзаведеніе училища правовѣдѣнія».

Проектъ устава и штаты училища, выработанные принцемъ совмѣстно съ Сперанскимъ, были рассмотрѣны государственнымъ совѣтомъ и высочайше утверждены 29-го мая 1835 года, а 5-го декабря

того же года открыто училище «для образованія благороднаго юношества на службу по судебной части».

Сначала думали построить для училища особое зданіе, но потомъ было рѣшено купить домъ наслѣдниковъ сенатора Неплюева на Фонтанкѣ; домъ этотъ и былъ купленъ принцемъ за 700,000 рублей, а съ передѣлками и приспособленіями обошелся ему около милліона¹⁾

«Принцъ считалъ училище чѣмъ-то своимъ, роднымъ и близкимъ себѣ,—говоритъ В. Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾):—все свое время, всѣ заботы и помышленія онъ отдавалъ ему. Въ училище онъ пріѣзжалъ почти каждый день, а иногда по нѣсколько разъ въ день, присутствовалъ на лекціяхъ, бывалъ во время рекреаций, при обѣдахъ и ужинахъ. Даромъ, что самъ лютеранинъ, стоялъ нерѣдко обѣдно и всенощную въ училищной церкви; иногда онъ пріѣзжалъ даже ночью, возвращаясь изъ дворца или съ какого-нибудь неизбѣжнаго собранія, и всякій разъ оставался на нѣсколько часовъ и обходилъ всѣ этажи и всѣ залы. Вообще говоря, врядъ ли была такая потребность училищной жизни, которой онъ не видалъ бы собственными глазами и которую отъ него можно было бы скрыть или спрятать. При немъ въ училищѣ несравненно мало было казеннаго, формальнаго, рутиннаго, но было что-то, напоминающее семейство и домашнюю жизнь».

Вотъ одна изъ рѣчей принца, произнесенная въ училищѣ 25-го января 1848 года: «Воспитанники, я говорю съ вами не какъ начальникъ, а какъ отецъ съ дѣтьми своими, каковыми я васъ всегда почиталъ. Я гляжу на васъ, какъ на священный залогъ, вѣренный намъ родителями вашими, мѣсто которыхъ мы здѣсь заступаемъ».

Сыновей своихъ Николая, Александра, Георгія и Константина онъ заставилъ слушать лекціи въ училищѣ правовѣдѣнія вмѣстѣ съ прочими воспитанниками.

Прекрасными строками помянулъ принца старый правовѣдъ Алухтинъ въ юбилейномъ стихотвореніи «5-го декабря 1885 г.»:

Помянемъ же перваго принца Петра;
Для насъ это имя священо.
Онъ былъ намъ примѣромъ, онъ жилъ для добра,
Онъ другомъ намъ былъ неизмѣнно.

Чѣмъ обязана Россія этому училищу, доказывать много не приходится: оно облагородило судебное вѣдомство, дало ему людей хорошихъ дворянскихъ фамилій, возвысило образовательный цензъ его, проведя черезъ полный курсъ юридическаго факультета, и такимъ образомъ подготовило дѣятелей, вполне достойныхъ и пригодныхъ къ великой судебной реформѣ 1864 года.

Служебная карьера принца, вмѣстѣ съ военными чинами, шла быстро, что и неудивительно для особы царствующаго дома, но

¹⁾ Воспоминанія объ училищѣ правовѣдѣнія. «Русск. Старина», июнь 1881 г.

здѣсь поражаетъ то разнообразіе порученій и разнаго рода должностей, которыя возлагались на его особу, причемъ всѣ эти должности были не почетною синекурою, а требовали труда, знаній и постоянныхъ занятій. Вотъ перечень этихъ назначеній: какъ уже сказано, съ 1834 года онъ назначенъ сенаторомъ и присутствовалъ въ сенатѣ до 1838 года; въ 1835 году онъ назначается членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній; въ 1836 году—членомъ государственнаго совѣта; въ 1839 году—почетнымъ опекуномъ петербургскаго опекунскаго совѣта и членомъ совѣта воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена святой Екатерины; въ теченіе четырнадцати лѣтъ онъ непосредственно управлялъ хозяйственною частью этого училища и оставилъ его только въ 1853 году; въ 1841 году—президентомъ вольно-экономическаго общества; въ 1842 году—предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта; въ этой должности онъ оставался до дня кончины и принималъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ 1864 года и въ осуществленіи реформъ судебной и крестьянской; въ 1843 году—попечителемъ Александровскаго лицея; въ 1844 году—предсѣдателемъ опекунскаго совѣта; въ 1845 году—предсѣдателемъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній; въ 1860 году—управляющимъ учрежденіями вѣдомства императрицы Маріи и въ 1880 году—предсѣдателемъ основаннаго имъ русскаго общества международнаго права, въ запискѣ его объ учрежденіи котораго проведена основная идея: «гдѣ нѣтъ уваженія къ праву, тамъ нѣтъ и мира».

Изъ круга этой многообразной дѣятельности принца обращаютъ на себя особенное вниманіе его работы по преобразованію женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1846 году имъ подается записка о введеніи въ этихъ заведеніяхъ гимнастики, гдѣ, между прочимъ, излагается слѣдующее: «воспитаніе, по составу человѣка изъ тѣла и души, должно выражаться въ равномѣрномъ развитіи какъ силъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ, ибо при перевѣсѣ однихъ надъ другими послѣдствія бываютъ неминуемо вредныя: женщины, занятыя одними физическими работами, невольнымъ образомъ грубѣютъ въ понятіяхъ и въ чувствѣ, другія же, напряженныя одними умственными занятіями, ослабѣваютъ тѣлесно».

Затѣмъ въ запискѣ указывается цѣлая программа гимнастическихъ занятій въ присутствіи врача и подъ руководствомъ опытнаго учителя или учительницы, а сверхъ сего игры, прогулки и такія мелочи, какъ посѣщеніе бани не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, смѣна бѣлья два раза въ недѣлю, «ибо чистота и опрятность составляютъ весьма важное условіе къ сохраненію здоровья», рекомендуется «лѣтомъ купанье въ холодной водѣ, для чего надлежитъ устроить особыя купальни, для тѣхъ же, коимъ, по совѣту врача, могло бы принести пользу обливаніе холодною водою и зимою—

слѣдуетъ завести души или комнатныя ванны». Государь Николай Павловичъ въ общемъ записку эту одобрилъ, но противъ послѣднихъ ея строкъ отмѣтилъ: «эта статья мнѣ кажется лишней и притомъ лишней».

22-го февраля 1852 года принцъ составилъ наставленіе для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь даются общія начала умственнаго образованія дѣвицъ, предлагаются дидактическія указанія и методы преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ, исторіи, географіи, физики, ботаники, зоологіи, минералогіи, музыки, чистописанія, рисованія, танцевъ, гимнастики и рукодѣлія. Въ этомъ наставленіи, между прочимъ, говорится: «воспитаніе дѣвицъ имѣетъ двоякую цѣль: 1) воспитанница учится сама для себя, какъ будущій членъ общества; 2) она учится для того, чтобы впослѣдствіи могла быть наставницею дѣтей своихъ и тѣхъ, которыхъ она будетъ призвана обучать. Воспитаніе должно имѣть религіозно-нравственное направленіе, а главное назначеніе женщины—образованіе семьи».

За время 1841—1846 г.г. на средства принца и его супруги открыты: женскій институтъ принцессы Терезіи Ольденбургской, Свято-Троицкая община сестеръ милосердія и пріютъ имени принца П. Г. Ольденбургскаго.

Женскій институтъ открытъ въ 1841 году для дѣтей небогатыхъ родителей на средства принцессы, а по кончинѣ послѣдней его принялъ на свое попеченіе принцъ.

Свято-Троицкая община сестеръ милосердія открыта въ 1844 году; принцъ въ 1847 году сдѣлался ея попечителемъ, причемъ тотчасъ же внесъ 50.000 рублей на покупку дома; въ разное время имъ израсходовано на эту общину до 175.000 рублей.

Дѣтскій пріютъ открытъ въ 1846 году. Узнавъ, что въ Петербургѣ на Пескахъ существуетъ сиротскій ночлежный домъ, куда принимаются дѣти, брошенные на произволъ судьбы, принцъ представилъ государю проектъ о преобразованіи этого заведенія. На проектъ императоръ Николай I положилъ слѣдующую надпись: «Благодарю тебя, что ты не забылъ и несчастнѣйшихъ изъ смертныхъ». На устройство и оборудованіе этого пріюта принцъ употребилъ до 40.000 рублей собственныхъ денегъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, пріютъ этотъ представляетъ собою учебное заведеніе съ полнымъ курсомъ реального училища.

Около этого же времени по мысли принца, по его настоянію и на его средства открыта «дѣтская лечебница принца П. Г. Ольденбургскаго для больныхъ дѣтей всѣхъ сословій», преимущественно недостаточныхъ родителей.

10-го марта 1867 года на собственные средства принца открытъ въ Петербургѣ дѣтскій пріютъ на сто дѣтей подъ названіемъ: пріютъ въ память Екатерины и Маріи (скончавшихся дѣтей принца), при-

чемъ принцъ взялъ на себя обязанность попечителя; въ 1876 году, по кончинѣ его сына Георгія, приютъ получилъ названіе: «Дѣтскій приютъ въ память Екатерины, Маріи и Георгія».

Особенно горячую и оживленную дѣятельность проявилъ принцъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, куда онъ вступилъ сначала въ качествѣ почетнаго опекуна (1839 г.), а съ 1844 года сталъ во главѣ сего учрежденія. «Рѣдкія душевныя качества принца, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ, — его извѣстная доброта, отзывчивость и чуткость къ чужой бѣдѣ и горю, наконецъ, его прекрасное образованіе давали право считать его наиболѣе подходящимъ для этого дѣла». Здѣсь онъ работалъ, какъ никто. Послѣ него осталась масса собственноручныхъ восподаниѣйшихъ докладовъ, отчетовъ и записокъ, которые не потеряли значенія и въ настоящее время.

Начало серьезному женскому образованію въ Россіи положила императрица Марія Оеодоровна, принявшая въ свое завѣдываніе существовавшее тогда воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ съ состоящимъ при немъ мѣщанскимъ отдѣленіемъ; въ 1796 г., въ виду развитія этого дѣла, при императрицѣ была учреждена канцелярія, которая по кончинѣ ея была преобразована въ четвертое отдѣленіе собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріи. Ставъ во главѣ этого учрежденія, принцъ горячо занялся преобразованиемъ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ и воспитательныхъ заведеній и расширеніемъ ихъ сѣти. Достаточно сказать, что въ 1844 году въ вѣдомствѣ императрицы Маріи было 104 воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, а въ годъ кончины принца въ обѣихъ столицахъ и 86 городахъ имперіи ихъ было 496.

Весною 1858 году, по мысли и указаніямъ императрицы Маріи Александровны и благодаря исключительно дѣятельному участию принца, была открыта первая въ Россіи семиклассная гимназія для приходящихъ дѣвицъ, названная «Маріинскою». Принцъ былъ назначенъ ея попечителемъ, и съ легкой руки его стали открываться такія же гимназіи и въ другихъ городахъ, такъ что въ 1883 году ихъ было въ вѣдомствѣ императрицы Маріи уже 29.

Съ открытіемъ и увеличеніемъ числа женскихъ учебныхъ заведеній явилась потребность въ хорошо подготовленныхъ учительницахъ, и для этого въ 1863 году были учреждены педагогическіе курсы петербургскихъ женскихъ гимназій, представляющіе собою высшее педагогическое учебное заведеніе для приготовленія преподавательницъ, а недостатокъ въ учительницахъ французскаго языка, знающихъ въ то же время и русскій, внушилъ принцу Петру Георгіевичу мысль о необходимости открытія соответствующаго учебнаго заведенія и, по его почину и мысли, въ 1871 году былъ учрежденъ при Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ классъ французскаго языка съ двухгодичнымъ курсомъ, куда принимались воспитанницы институтовъ, окончившія курсъ съ первыми наградами.

Занимало его серьезно и общее художественное, а въ особенности музыкальное образованіе, и въ этихъ видахъ имъ открыты, при нѣкоторыхъ институтахъ спеціальныя музыкальныя классы, и это было въ то время, когда у насъ и мысли не было объ устройствѣ чего-нибудь въ родѣ консерваторіи.

Профессиональное женское образованіе тоже занимало принца: кромѣ полнаго и кореннаго преобразованія существовавшихъ при нѣкоторыхъ больницахъ школъ для повивальныхъ бабокъ, были открыты школы для приготовленія фельдшерницъ, акушеровъ, сидѣлокъ, сестеръ милосердія и нянь, сверхъ того исключительно принцу принадлежитъ мысль объ открытіи курсовъ счетоводства и бухгалтеріи для женщинъ.

Принцъ обратилъ вниманіе и на техническое образованіе. Съ 1830 года при московскомъ воспитательномъ домѣ существовало ремесленное училище, но шло очень плохо. Принцъ болѣлъ душою за это училище и при первой возможности занялся его преобразованіемъ: въ 1857 году при училищѣ было учреждено высшее техническое отдѣленіе съ кафедрами практической механики и химической технологіи, а въ 1863 году училище было совершенно преобразовано, и дѣло пошло такъ успѣшно, что предметы, выставленные училищемъ на всемірныхъ выставкахъ политехнической, вѣнской и филладельфійской, обратили на себя вниманіе специалистовъ. Въ ноябрѣ 1876 года американскій посолъ въ Петербургѣ Бокеръ сообщилъ принцу, что бостонскій технологическій институтъ желаетъ ввести у себя систему техническаго образованія по русскому методу, выработанному московскимъ техническимъ училищемъ, и просилъ доставить образцы работъ, объясняющихъ систему обученія. Посолъ представилъ письмо президента бостонскаго института, сообщавшаго, что «для института образцы эти были бы драгоцѣннымъ подспорьемъ при введеніи новой системы; что за Россіей признанъ полный успѣхъ въ рѣшеніи столь важной задачи техническаго образованія и что въ Америкѣ послѣ этого никакая иная система употребляться не будетъ».

Въ 1861 году по мысли принца было открыто при петербургской богадѣльнѣ отдѣленіе, гдѣ брошенные родителями и оставшіяся безъ крова и пищи дѣти могли бы находить призрачнѣе впредь до устройства ихъ судьбы. Заведеніе это, подъ именемъ «отдѣленія для брошенныхъ дѣтей», было открыто на двадцать кроватей, число которыхъ въ 1864 года увеличено еще на двадцать.

Въ 1864 г. при петербургскомъ воспитательномъ домѣ открыта учительская семинарія для подготовленія учителей сельскихъ школъ, а въ 1867 году въ подвѣдомственныхъ воспитательному дому округахъ открыто двадцать начальныхъ сельскихъ училищъ. Въ 1865 году на средства принца созданъ новый приютъ въ память цесаревича Николая.

11-го августа 1837 года принцъ вступилъ въ бракъ съ дочерью герцога Нассаускаго принцессою Терезіей-Вильгельминой-Фредерикой-Изабеллой-Шарлоттой. Эта и была та принцесса Терезія, именемъ которой называются съ тѣхъ поръ многіе пріюты и учебныя заведенія города Петербурга.

У принца было восемь человѣкъ дѣтей — сыновья: Николай, Александръ, Георгій, Константинъ, и дочери: Александра, Марія, Екатерина и Терезія. Изъ нихъ въ настоящее время здравствуетъ лишь одинъ: его высочество принцъ Александръ Петровичъ, родившійся 21-го мая 1844 года.

Принцъ былъ прекрасный семьянинъ; несмотря на блестящее и почетное положеніе, онъ и его супруга вели тихую, спокойную, семейную жизнь; онъ раздѣлялъ съ принцессою заботы о дѣтяхъ и, сверхъ занятій по службѣ, посвящалъ много времени музыкѣ и литературѣ. Какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся до сихъ поръ толстыя, сплошь написанныя рукою принца тетради, имъ положено много труда на изученіе юридическаго, политическаго и экономическаго положенія Россіи. Въ тетрадяхъ этихъ имѣется подробный очеркъ управленія Россіи съ Петра Великаго до середины XIX вѣка; полная исторія законодательства; записка объ учрежденіи правительствующаго сената о предметахъ его вѣдѣнія, отчеты о положеніи русскаго земледѣлія и т. п. Есть тетрадь, содержащая въ себѣ полный переводъ на французскій языкъ «Пиковою дамы» Пушкина. Интересно, что еще въ 1839 году принцъ пригласилъ извѣстнаго профессора Постельса прочитатъ ему и его супругѣ рядъ лекцій по физикѣ, ботаникѣ, зоологін и минералогін.

Домашняя жизнь велась скромно; за обѣдомъ обыкновенно собиралось все семейство, дѣти съ гувернерами и гувернантками, адъютанты принца и нерѣдко приглашенные гости. Вечера посвящались обыкновенно чтенію и нерѣдко музыкѣ. На музыкальныхъ вечерахъ принца бывали всѣ пріѣзжавшія въ Петербургъ свѣтила музыкальнаго міра, и тогда приглашались воспитанники училища правовѣдѣнія, а иногда извѣстные музыканты приглашались и въ училище, конечно, на счетъ принца. Онъ приглашалъ выдающихся музыкантовъ и не въ одно училище правовѣдѣнія. Такъ, въ дневникѣ Никитенка подъ 1842 годамъ записано, что принцъ пригласилъ въ Смольный монастырь знаменитаго Листа, гдѣ Никитенко и слушалъ его впервые въ жизни.

Такъ текла эта мирная, спокойная семейная жизнь. Въ 1871 году скончалась принцесса Терезія, и овдовѣвшій принцъ какъ бы старался усиленными занятіями заглушить свое горе. Проходили года, а съ ними подходила и старость; принцу шелъ шестьдесятъ девятый годъ; 26-го апрѣля 1881 года онъ, совершенно здоровый, по обыкновенію объѣхалъ разныя учебныя заведенія и цѣстилъ общество международнаго права. 28-го ему съ утра нездоровилось, но онъ

все-таки поѣхалъ въ Екатерининскій институтъ, гдѣ былъ, однако' не въ силахъ взойти на лѣстницу и его внесли на рукахъ. Несмотря на полный упадокъ силъ, онъ остался въ институтѣ и присутствовалъ при экзаменахъ, а вернувшись домой, легъ въ постель и уже не вставалъ. Положеніе его все ухудшалось, и чувствовалось приближеніе смерти. Пользовавшій его лейбъ-медикъ Боткинъ 2-го мая призналъ положеніе безнадежнымъ, о чемъ по категорическому требованію больного было ему объявлено. Принцъ встрѣтилъ эту вѣсть совершенно спокойно, приобщился святыхъ таинъ у своего духовника пастора Герценберга и сталъ готовиться къ смерти; сознаніе не покидало его ни на минуту; около его постели собралась вся семья, всѣ служащіе, вся прислуга; съ трудомъ выговаривая слова, онъ простился со всѣми, просилъ передать его привѣтъ отсутствующимъ и 2-го мая 1881 года, въ семь часовъ сорокъ пять минутъ вечера скончался.

Погребенъ онъ въ Сергіевой пустыни, въ семейной усыпальницѣ; на бѣломраморной плитѣ вырѣзана эпитафія, имъ самимъ незадолго до смерти написанная въ стихахъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ дословномъ русскомъ переводѣ эпитафія эта слѣдующая:

Правду я говорилъ безъ боязни властителямъ міра,
 Ближняго благо и горе были святынею мнѣ;
 О вразуми Ты, мой Богъ, и власти, и мудрость земную,
 Дай челоуѣчеству миръ, влей благодать въ людскія сердца.

5-го іюня 1889 года открытъ и освященъ на Литейномъ проспектѣ, у Маріинской больницы, сорокъ лѣтъ состоявшей подъ надзоромъ и попечительствомъ принца, памятникъ съ надписью: «Просвѣщенному благотворителю принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому». Барельефы памятника воспроизводятъ сцены: бесѣду принца съ правовѣдами, сцену посѣщенія имъ Свято-Троицкой общины сестеръ милосердія и сцену бесѣды съ воспитанницами учебныхъ заведеній.

Итакъ, 2-го мая 1881 года принца не стало. Юбилейная историческая записка 1883 года по случаю двадцатипятилѣтія петербургскихъ женскихъ гимназій посвящаетъ его памяти слѣдующія слова: «принца не стало, перестало биться любвеобильное сердце, прекратилась неутомимая дѣятельность маститаго члена царской семьи, но воспоминанія объ этой честной и неутомимой службѣ доброму дѣлу никогда не умрутъ въ Россіи».

Таковъ былъ принцъ Петръ Георгіевичъ, а вотъ какъ характеризуютъ его лица, такъ или иначе коснувшіяся его въ своихъ воспоминаніяхъ: «говоритъ онъ былъ не мастеръ, политикою и мудростью не занимался,—говоритъ князь Мещерскій:—но сердце и доброта его были безграничны. Вмѣстѣ съ тѣмъ была необыкновенна и его скромность: онъ самъ никогда ничего не ставилъ себѣ въ заслугу, ничего въ себѣ не цѣнилъ; съ утра до вечера отдавая себя службѣ и дѣлу, онъ не зналъ ни отдыха, ни покоя».

«Принцъ воспиталь въ себѣ человѣка,—говорить другой изслѣдователь (Попковъ).—Высоко религіозный, онъ былъ способенъ на всякія лишения для себя и всегда былъ готовъ согрѣть теплотою добра всякаго страждущаго. Въ мину́ту отдыха и веселья онъ не забывалъ бѣдноты; обыкновенно на другой день послѣ бала или вечера изъ конторы была отправляема въ учрежденія для бѣдныхъ точно такая сумма, какая была издержана на балъ. Онъ и умеръ съ мыслью о возможности всеобщаго мира и добра».

Изученію характера крупныхъ историческихъ личностей въ значительной мѣрѣ помогаетъ вдумчивое отношеніе къ мелочнымъ эпизодамъ жизни; такіе эпизоды нерѣдко освѣщаютъ личность лучше любого научнаго изслѣдованія. Поэтому я считаю вполне умѣстнымъ привести нѣсколько сохранившихся отдѣльныхъ анекдотовъ изъ жизни принца, показывающихъ отношеніе его къ нуждающимся и вообще къ бѣдному люду.

1) Возвращаясь изъ заграничныхъ поѣздокъ, принцъ обыкновенно приказывалъ представлять ему оставшіяся не издержанными иностранныя деньги въ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ. Эти монеты онъ складывалъ въ особый ящикъ своего письменнаго стола, называлъ ихъ «благоразумною экономіею» и, по мѣрѣ надобности, расходовалъ ихъ на дѣла благотворительныя. Во время завѣдыванія имъ четвертымъ отдѣленіемъ тамъ служилъ нѣкто Бутовскій. То былъ человѣкъ вполне порядочный, но не умѣвшій вести правильный образъ жизни, постоянно нуждавшійся и бывшій кругомъ въ долгу. Не разъ онъ обращался съ просьбами о пособіи въ четвертое отдѣленіе, гдѣ, благодаря добротѣ принца, ему не отказывали въ помощи. Однажды онъ является къ гофмейстеру двора Его Величества барону А. Ф. Гойнингенъ-Гюне и заявляетъ, что ему необходима извѣстная сумма, иначе онъ попадетъ на дняхъ въ долговую тюрьму. Баронъ объявилъ, что ему уже выдано въ разное время свыше трехъ тысячъ рублей и что на дальнѣйшія пособія отъ четвертаго отдѣленія онъ рассчитывать не можетъ. Бутовскій отправился къ принцу: о чемъ они говорили, неизвѣстно; дня черезъ три принцъ приказываетъ Гюне выдать пособіе Бутовскому, но, узнавъ о размѣрѣ полученной уже имъ суммы, соглашается съ невозможностью исполнить его приказаніе. «Я бы очень желалъ помочь ему изъ своихъ средствъ,—добавилъ онъ:—да боюсь, какъ бы его этимъ не оскорбить». Черезъ нѣсколько дней принцъ пріѣзжаетъ въ канцелярію четвертаго отдѣленія, входитъ въ кабинетъ Гюне, потирая руки, что служило признакомъ его особенно хорошаго настроенія.

— Чѣмъ вы такъ довольны, ваше высочество?—спрашиваетъ Гюне.

— Представьте,—отвѣчаетъ принцъ:—я вѣдь нашелъ способъ помочь бѣдному Бутовскому и, что главное, въ самой безобидной формѣ. Помогла на этотъ разъ моя благоразумная экономія: я даль

ему мѣшокъ иностраннаго золота и серебра, сказавъ, будто слышалъ, что онъ коллекціонируетъ иностранныя монеты и я прошу его принять этотъ мѣшочекъ въ его коллекцію.

2) Какъ-то, проѣзжая по улицѣ, принцъ встрѣтилъ скромныя и необычайныя по обстановкѣ похоропы: на дрогахъ везли некрашенный гробъ, а за нимъ шель только одинъ человекъ и то былъ священникъ. Принцъ пошелъ за гробомъ, проводилъ его до кладбища, простоялъ всю службу и, когда погребеніе было окончено, разспросилъ священника и узналъ, что онъ пріѣзжій издалека и хоронитъ свою единственную дочь, умершую въ Марининской больницѣ, на счетъ которой, въ виду крайней бѣдности отца, и совершаются похороны. Вернувшись домой, принцъ тотчасъ же садится за письменный столъ, пишетъ теплое, полное утѣшеній письмо, вкладываетъ въ него сто рублей и посылаетъ съ курьеромъ священнику, котораго наслу разыскали гдѣ-то на Ямской, въ заѣзжемъ домѣ.

3) Въ 1848 году въ учебныхъ заведеніяхъ стали появляться безпорядки политическаго характера; что-то въ родѣ этого было и въ училищѣ правовѣдѣнія; императоръ Николай I разгнѣвался и хотѣлъ закрыть училище. Говорятъ, что принцъ поѣхалъ къ государю и на колѣняхъ со слезами умолялъ его простить училище. Государь, тронутый до глубины души горемъ принца, исполнилъ его желаніе, хотя и держалъ училище въ опалѣ, не посѣщая его до 1853 года.

Не слѣдуетъ забывать, что и времена тогда были строгія и политическимъ преступленіемъ считалось то, что въ настоящее время свободно позволяютъ себѣ говорить самые благонамѣренные люди, Такъ, стоило одному воспитаннику рассказать своимъ товарищамъ, что онъ слышалъ дома, будто Франція болѣе не королевство, а республика и что тронъ короля сожженъ, — и воспитанника тотчасъ же исключили изъ училища; два другихъ воспитанника, во время обѣда съ товарищами въ ресторанѣ, позволили себѣ высказаться по дѣлу Петрашевскаго не въ пользу правительства и немедленно были отравлены, одинъ юнкеромъ на Кавказъ, а другой рядовымъ въ оренбургскіе батальоны.

4) Въ 1854 году одинъ изъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, по бѣдности родителей, вынужденъ былъ оставить училище и поступить въ военную службу. Принцъ вызвалъ его къ себѣ, принялъ, какъ сына роднаго, обласкалъ, расцѣловалъ, благословилъ и отпустилъ. Когда взволнованный юноша вышелъ изъ кабинета и спускался по лѣстницѣ, принцъ бѣгомъ догналъ его и, несвязно извиняясь, просилъ принять отъ него въ личное одолженіе небольшой пакетъ. Въ пакетѣ оказалась довольно крупная сумма, а, вручая пакетъ, принцъ нѣсколько разъ проговорилъ: «я какъ отецъ, какъ отецъ даю сыну».

5) Въ училищѣ правовѣдѣнія было введено въ качествѣ обязательнаго правила, чтобы воспитанники младшихъ классовъ передъ началомъ и окончаніемъ урока по Закону Божию подходили подъ благословеніе священника и цѣловали его руку. Воспитанники одного изъ классовъ, недовольные тогдашнимъ законоучителемъ протоіереемъ Богословскимъ за крайне строгую оцѣнку ихъ знаній, условились въ видѣ протеста не исполнять указаннаго выше правила. Раздраженный Богословскій, выходя изъ класса, сказалъ: «отнынѣ нога моя въ семь классѣ не будетъ». Когда объ этомъ было доложено принцу, тотъ сейчасъ же пріѣхалъ въ училище, разъяснилъ виновному классу все неприличіе его поступка и повелъ весь классъ въ квартиру священника. Здѣсь онъ сказалъ ему: «я привелъ къ вамъ блудныхъ дѣтей, я за нихъ извиняюсь предъ вами и прошу простить ихъ». Затѣмъ первый подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ руку Богословскаго. Черезъ весь классъ, — говоритъ князь Менцерскій, у котораго взятъ мною этотъ эпизодъ, — словно электрическая искра, прошелъ порывъ благоговѣйной любви къ принцу, и каждый изъ мальчиковъ поспѣшилъ подойти къ священнику со словами: «простите меня, батюшка».

6) Уже въ пожилыхъ годахъ, когда Преображенскимъ полкомъ командовалъ его сынъ, принцъ Александръ Петровичъ, Петръ Георгіевичъ, возвращаясь въ каретѣ изъ какого-то учебнаго заведенія, увидѣлъ на улицѣ совершенно пьянаго солдата Преображенскаго полка. Онъ вышелъ изъ кареты и, обратясь къ солдату, сказалъ: «Что ты, глупый, дѣлаешь? Узнаеть объ этомъ начальство и, спаси Богъ, узнаеть сынъ, — тебѣ, бѣдному, страшно достанется». Затѣмъ онъ приказалъ солдату сѣсть въ карету, велѣлъ кучеру отвезти его въ казармы и передать дежурному офицеру его просьбу сохранить все это въ глубокой тайнѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, благо до дворца было недалеко; когда вернулась карета, принцу было доложено, что пьяному солдату во время пути сдѣлалось дурно, его рвало и онъ испортилъ всю шелковую, свѣтлаго цвѣта, обивку кареты. Принцъ приказалъ немедленно отправить экипажъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ каретнику и запретилъ кому бы то ни было рассказывать о случившемся. Объ этомъ происшествіи домашніе узнали только послѣ кончины принца.

Моя задача кончена; я не имѣлъ въ виду дать подробное изслѣдованіе жизни и дѣятельности принца Петра Георгіевича; мнѣ хотѣлось лишь, пользуясь бывшими подъ руками матеріалами, напомнить объ этомъ выдающемся дѣятелѣ, въ виду истеченія ста лѣтъ со дня его рожденія. А личность эта дѣйствительно была выдающаяся, не трубящая о себѣ, не прибѣгающая къ шумной рекламѣ, а скромно и тихо творящая великое дѣло добра. Такіе люди встрѣ-

чаются не часто, они рѣзко выдѣляются изъ толпы и оставляютъ по себѣ надолго блестящій слѣдъ. Бываетъ, что по истеченіи извѣстнаго промежутка времени такихъ людей начинаютъ забывать, но достаточно кому-нибудь напомнить о нихъ, и общественная память воскресаетъ, передъ нами восстанавливается все хорошее, все доброе, что сдѣлано такимъ человѣкомъ, и мы начинаемъ цѣнить его по достоинству. «Особенно цѣнны,—по словамъ А. Э. Кони,—люди съ опредѣленнымъ нравственнымъ обликомъ, чей многосторонній и безкорыстный трудъ не можетъ проходить безслѣдно для общества. Чѣмъ шире и разносторонне дѣятельность такихъ людей, тѣмъ интереснѣ ихъ личность; чѣмъ богаче духовными дарами эта личность, тѣмъ глубже и благотворнѣ результаты ея дѣятельности». Эти слова А. Э. Кони, посвященные памяти Д. А. Ровинскаго, вполне примѣнны и къ воспоминаніямъ о плодотворной, крайне разнообразной, вполне безкорыстной дѣятельности принца, нравственный обликъ котораго преисполненъ доброты и любви къ ближнему.

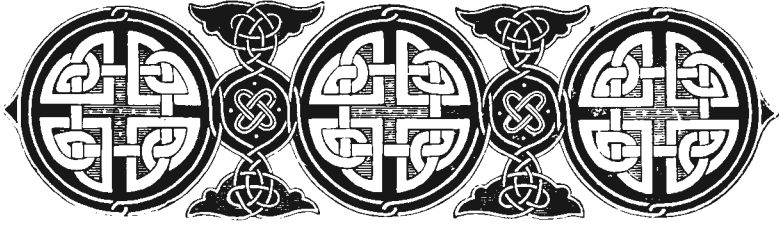
Я началъ свою статью сравненіемъ покойнаго принца съ докторомъ Гаазомъ, а на концу собственными словами Гааза. Этотъ «затѣйливый докторъ», неустанно повторявшій фразу: «торопитесь дѣлать добро», говорилъ слѣдующее: «самый вѣрный путь къ счастью не въ желаніи быть счастливымъ, а въ томъ, чтобы другихъ дѣлать счастливыми. Для этого слѣдуетъ вѣнчать нуждамъ людей, заботиться о нихъ, не бояться труда, помогать совѣтомъ, дѣломъ и словомъ, любить ихъ, причемъ чѣмъ чаще будетъ проявляться эта любовь, тѣмъ она будетъ сильнѣе, какъ сила магнита сохраняется и увеличивается отъ того, что онъ непрерывно находится въ дѣйствіи».

Думается, что эти самыя слова, столь же искренно и съ такимъ же правомъ, какъ Гаазъ, могъ сказать и покойный принцъ.

Да почтеть онъ съ миромъ, а мы сохранимъ о немъ надолго благодарную память. Съ увѣренностью можно сказать, что этотъ набожный и глубоко вѣрующій человѣкъ, разставаясь съ жизнью, съ спокойною совѣстью имѣлъ бы право повторить знаменитое изреченіе Руссо: «Пусть прозвучитъ труба послѣдняго суда: я предстану предъ Верховнымъ Судьею и скажу: вотъ что я дѣлалъ, вотъ что я думалъ и вотъ чѣмъ я былъ».

Ив. Мѣщаниновъ.

ОТРУБЛЕННЫЙ ПАЛЕЦЪ.

(Эпизодъ изъ эпохи Отечественной войны).

Е ТАКЪ давно, въ одно изъ своихъ воскресныхъ скитаній въ Москвѣ по «Сухаревскому» книжному рынку, роясь у букинистовъ, я случайно набрелъ на небольшую старенькую рукопись, которая сразу заинтересовала меня своимъ содержаніемъ: какой-то анонимный авторъ неуклюжимъ, безграмотнымъ языкомъ описываетъ любопытный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ въ 1812 году во время нашествія французовъ. Рукопись эту съ толстыми, синими, мѣстами уже совершенно пожелтѣвшими страницами, пахнущими затхлымъ воздухомъ сырого подвала, я внимательно прочиталъ отъ перваго до послѣдняго слова, подвергъ тщательной литературной обработкѣ и въ нижеслѣдующихъ строкахъ рѣшилъ представить на судъ читателей «Историческаго Вѣстника».

I.

Было 2-е сентября 1812 года. Надъ Москвой «великой, златоглавою» уже надвигались сумерки. Въ кровавомъ отблескѣ заката, которымъ сіяли куполы церквей и окна верхнихъ этажей домовъ, чувствовалась что-то зловѣщее. Улицы были пустыни. Москвичи давно разбѣжались по разнымъ городамъ и весямъ, напуганные близостью непріятельской арміи и со дня на день ожидая ея вторженія въ Бѣлокаменную. Даже въ центральной части города, на

Тверской и на Кузнецкомъ мосту, рѣдко встрѣчались пѣшеходы, еще рѣже проѣзжали экипажи. Все точно вымерло. Изрѣдка прогромыхаеть подвода, нагруженная скарбомъ, увозимымъ куда-нибудь въ деревенскую глушь, и опять станетъ тихо...

Изъ-за церковной ограды на углу одного изъ переулковъ Тверской-Ямской вынырнула низкорослая фигурка прилично одѣтаго молодого человѣка, который, поровнявшись съ небольшою часовенкой, истово на нее перекрестился три раза и почти бѣгомъ пустился по направленію къ Тверской заставѣ. У молодого человѣка былъ чрезвычайно озабоченный видъ, тревожныя тѣни пробѣгали по его блѣдному лицу, онъ что-то шепталъ про себя и пугливо озирался по сторонамъ. Повстрѣчавшійся съ нимъ прохожій чуть было не сшибъ его съ ногъ.

— Ахъ, это ты, Елеонскій!?—услыхалъ онъ знакомый голосъ пріятеля, служившаго вмѣстѣ съ нимъ въ управѣ благочинія, гдѣ оба они занимали должности писцовъ, получая за это по 12 рублей въ мѣсяцъ ассигнаціями.—Бѣги, бѣги, братецъ, спасайся, пока еще не поздно!

У Елеонскаго разомъ захолонуло сердце, и онъ еще больше поблѣднѣлъ.

— Куда, спасаться? Зачѣмъ?—произнесъ онъ упавшимъ голосомъ, чувствуя, какъ у него вдругъ отяжелѣли ноги.

— Да что ты, братецъ? Съ неба, что ли, свалился? Вишь, французы въ Москвѣ! Чай, слышишь, какъ идутъ сюда съ барабаннымъ боемъ... Вошь ужь они близко... Ахъ, ты, Господи! утекать нужно поскорѣй, а то неровень часъ: того гляди, попадешься къ нимъ въ лапы...

И онъ юркнулъ въ полуотворенную калитку ближайшаго дома.

А Елеонскій быстро зашагалъ дальше. Онъ рѣшилъ прямо итти навстрѣчу опасности. «Ну, и убьютъ: все равно одной смерти не миновать!» Его не столько безпокоила мысль о своей собственной участи, сколько о томъ, какъ бы въ его отсутствіе не произошло какое-нибудь несчастье дома, какъ бы не пострадала та, которая была для него дороже всего на свѣтѣ. Онъ только о ней и думалъ въ эту минуту: ни о комъ и ни о чемъ больше ему не хотѣлось думать. «Марѳа Даниловна... Марѳуша...» рѣзко шептали его запекшіяся отъ волненія губы, и онъ чувствовалъ, какъ его уносило домой, точно на крыльяхъ.

А между тѣмъ тамъ впереди все усиливался шумъ, и звуки барабана раздавались все громче и громче. Густое облако пыли уже совсѣмъ близко обволакивало улицу, уже явственно слышался топотъ коней. Вотъ пронеслось нѣсколько всадниковъ съ блестящими касками на головахъ, за ними другіе, а тамъ еще и еще. Вдали показалась пѣхота... Было ясно, что французы вступили въ Москву.

Елеонскій нѣсколько разъ украдкой перекрестился, зашепталъ про себя молитву и еще быстрѣе устремился впередъ, надѣясь, что въ общей суматохѣ ему удастся, можетъ быть, ускользнуть отъ вниманія непріятелей.

II.

Недалеко отъ Тверской заставы, при самомъ въѣздѣ въ Петербургскую слободку, стоялъ ветхій одноэтажный деревянный домишко, обнесенный съ лицевой стороны полуразвалившимся заборомъ, за которымъ скрывались густо разросшіеся кусты бузины и сирени. Къ заднему фасаду дома прилегалъ небольшой дворикъ со службами: погребомъ, сараемъ, курятникомъ и проч. Все это принадлежало вдовѣ коллежскаго регистратора Марѣ Даниловнѣ Голубкиной, поселившейся здѣсь почти безвыходно лѣтъ пять тому назадъ, послѣ смерти мужа. Будучи бездѣтной, она зажила тихой, однообразной, одинокой жизнью вмѣстѣ съ единственной своей работницей, дѣвочкой-сироткой Аксюшей, надъ которой она сжалилась когда-то и взяла ее къ себѣ въ домъ на воспитаніе. Аксюша помогала своей благодѣтельницѣ по хозяйству, и когда та разъ въ мѣсяцъ уѣзжала въ городъ получать въ казначействѣ крошечную пенсію, едва хватавшую ей на прокормленіе, — тринадцатилѣтняя дѣвочка вполнѣ замѣняла ее въ домѣ.

Такъ прошелъ у Марѣ Даниловны первый годъ вдовства. Однажды она сидѣла у окна своей спальни и наматывала на клубокъ шерсть, которую ей подавала Аксюша, держа передъ собой растопыренныя руки. На дворѣ была весна. Подъ горячимъ солнцемъ задорно и весело чирикали воробушки. Сновали прохожіе; въ раскрытое окно врывался уличный шумъ, слышалось громыханье колесъ... Машинально дѣлая рукой кругообразное движеніе, Марѣ Даниловна мечтательно поглядывала вдаль. Вдругъ ея вниманіе остановилось на незнакомомъ юношѣ, который раза три уже прошелся взадъ и впередъ мимо ея дома.

— Чудеса! — промолвила она, пожавъ плечами. — Все ходитъ мимо нашего двора, будто ищетъ чего-то... Видишь, Аксюша?

— Барчука-то въ сѣрой шляпѣ? Я ужъ его давно запримѣтила, — отвѣчала дѣвочка. — Чудный какой... Вошь опять заглянулъ сюда, остановился...

— Да, да... Сбѣгай-ка, Аксюша, узнать: можетъ, ему нужно что..

Босоногая Аксюша немедленно пустилась исполнять порученіе барыни и черезъ минуту уже вела въ домъ незнакомаго «барчука». Пока тотъ дожидался въ столовой, она звонкимъ голоскомъ, немного нараспѣвъ докладывала:

— Привела барчука-то... Спрашиваетъ, нельзя ли съ хозяйской потолковать: такое, говорить, у меня сурьезное дѣло есть, такое сурьезное...

Марѳа Даниловна послѣшила снять съ себя домашній капоть, принарядилась, надѣла новое барежевое платье и вся свѣжая и румяная, пышащая здоровьемъ и молодостью, несмотря на свои 40 лѣтъ, вышла къ неожиданному посѣтителю. Тотъ застѣнчиво расшаркался предъ ней и проговорилъ, запинаясь, съ густой краской смущенія на совѣмъ еще юномъ, безусомъ лицѣ:

— Извините, сударыня... Я... я слышалъ, что у васъ едается внаймы комната...

— А кто жъ вамъ такое сказалъ, молодой человѣкъ?—съ улыбкой спросила Марѳа Даниловна.

Юноша смутился еще болѣе и заговорилъ уже совѣмъ заплетаящимся языкомъ:

— Виповать-съ... Я отъ кого-то слышалъ... Кто-то изъ моихъ сослуживцевъ... Извините, что обезпокоилъ...

— Ничего, ничего,—промолвила она ласково ободряющимъ тономъ.—Все можетъ быть, что и слышали... Я и вправду хотѣла жильца пустить и даже билетикъ прилѣпила къ окошку, да народъ-то все здѣсь пехорошій: стали приходить зря, только безпокойство дѣлалн,—я билетикъ-то и сняла... А ежели бы жилецъ хорошій попался, я бы любую комнату уступила... Пожалуйста, молодой человѣкъ, присядьте, прошу покорно... Не знаю, какъ васъ звать-то..

— Николай Петровичъ Елеонскій...

— Очень пріятно... А меня Марѳой Даниловной зовуть,—прошу любить да жаловать... Что жъ, можетъ, и вправду будемъ друзьями, а? Николай Петровичъ!

Она сѣла рядомъ съ нимъ, не переставая улыбаться и весело тараторить, и въ ея голосѣ все время слышался тотъ шутливый, покровительственно-фамиллярный тонъ, какимъ разговариваютъ обыкновенно старшія сестры со своими братьями-подростками. У Елеонскаго, въ свою очередь, тоже развязался языкъ, и онъ скоро почувствовалъ себя съ Марѳой Даниловной такъ, какъ будто уже давно былъ знакомъ съ ней. Узнала она отъ него, что ему только что исполнилось 19 лѣтъ, что онъ учился въ духовномъ училищѣ, но курса не кончилъ, потому что умеръ его отецъ-псаломщикъ и, оставшись круглымъ сиротою, безъ всякихъ средствъ къ существованію, онъ долженъ былъ поступить на службу. Вотъ уже скоро годъ, какъ онъ на своихъ ногахъ, но жалованье получаетъ маленькое, такъ что за комнату и за столъ не можетъ платить дорого, и это обстоятельство его чрезвычайно стѣсняетъ.

— Полноте, сударь мой, я дорого и не возьму съ васъ,—послѣшила заявить Марѳа Даниловна:—что можете, то и дадите... О чемъ тутъ толковать? По рукамъ—и кончено дѣло...

И она подала ему руку, которую Елеонскій въ знакъ благодарности крѣпко пожалъ.

III.

Въ тотъ же день къ вечеру въ домикѣ Марѣы Даниловны появился жилецъ. Событіе это было для нея большою радостью. Она давно мечтала о «хорошемъ» человѣкѣ, который, поселившись у нея, хоть немного скрасилъ бы ея одинокое существованіе. И такимъ человѣкомъ она готова была считать Елеонскаго, какъ-то сразу ей понравившагося и наружностью, и характеромъ. «Славный онъ такой, тихій да скромный,—будто красная дѣвушка... Только ужъ больно молодъ... Почти мальчикъ... Ушки чуть пробиваются... А все-таки мужнина!» улыбнулась она своимъ мыслямъ и вдругъ обратилась къ Аксюшѣ съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Ну, что, дѣвонька, хорошъ у насъ жилецъ-то?

Аксюша стыдливо потушила глаза.

Марѣа Даниловна взяла се за подбородокъ и погрозила пальцемъ.

— Ужъ вижу, что тебѣ приглянулся барчукъ... Смотри ты у меня, дѣвка: на мужнина не заглядываться... Больно рано!

Дѣвочка удивленно вскинула рѣсницы и устремила на свою благодѣтельница-барыню ясный, невинный взглядъ. Но Марѣа Даниловна еще подозрительнѣе осмотрѣла ее всю, съ головы до ногъ, и почему-то лишь сейчасъ, впервые замѣтила, что изъ этой тщедушной, вертлявой фигурки уже стала формироваться взрослая дѣвушка съ красивымъ смуглымъ личикомъ. И она слегка поморщилась: что-то похожее на ревность шевельнулось въ ея душѣ. Но когда она подошла къ зеркалу и стала внимательно разсматривать свое полное и румяное, еще совсѣмъ не начинавшее старѣть лицо съ аппетитными,—какъ говаривалъ ея покойный мужъ,—ямочками на щекахъ, съ красиво очерченными сочными губами и съ ласковымъ блескомъ голубыхъ, слегка прищуренныхъ глазъ,—то почувствовала себя совершенно удовлетворенной и даже самодовольно улыбнулась, при чемъ у нея чуть было не вырвалось вслухъ восклицаніе:

— Батюшки-свѣты! Какая жъ я еще молодая да пригожая!

Марѣа Даниловна, дѣйствительно, на рѣдкость хорошо сохранилась для своего возраста: лицо чистое, свѣжее, безъ единой морщинки, въ темно-русыхъ волосахъ ни одного сѣдого волоска... «Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ!» промелькнула у нея въ умѣ игривая мысль, и она почему-то ясно и отчетливо припомнила себя въ подвѣчномъ платьѣ. Но, Боже, какъ это было давно! Лѣтъ двадцать тому назадъ. Свадьба была сыграна вотъ въ этомъ же самомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ ея отцу, довольно зажиточному торговцу колониальнымъ товаромъ. Впрочемъ, у него уже сгорѣла тогда лавка, и они сильно обѣднѣли, такъ что мелкій почтамтскій

чиновникъ Голубкинъ взялъ Марѳу Даниловну почти безъ приданаго. Жила она съ мужемъ счастливо, душа въ душу. Онъ баловаль ея, какъ ребенка, старался исполнять всё ея прихоти, и никогда она не слышала отъ него ни одного рѣзкаго слова, ни одного замѣчанія или упрека. Цѣня любовь его и ласку, она долго была ему вѣрной и преданной женою, и лишь подъ конецъ совместной жизни съ нимъ неизвѣстно по какой причинѣ вдругъ начала «пошалывать»: то съ однимъ, то съ другимъ мужчиной заведеть шашни, иногда даже съ первымъ встрѣчнымъ, который вздумаетъ проводить ее до дому. Сталъ замѣчать Голубкинъ, что неладное творится съ его женою, втихомолку слѣдилъ за ней и, когда узналъ, въ чемъ дѣло, почувствовалъ себя весьма и горько обиженнымъ; однако сценъ ревности ей не дѣлалъ и долгое время переносилъ обиду молча, безъ малѣйшаго протеста. Наконецъ не выдержалъ и запыль горькую. Пагубный порокъ все больше овладѣвалъ имъ, несчастный сталъ пить безъ удержу, безъ просыпу и, допившись до бѣлой горячки, въ одинъ изъ приступовъ этой страшной болѣзни бритвой перерѣзалъ себѣ горло.

Тутъ только опомнилась Марѳа Даниловна. Потрясенная смертью мужа, происшедшей по ея винѣ, она сразу остепенилась и стала вести скромный, почти затворническій образъ жизни.

IV.

Елеонскій съ перваго же дня почувствовалъ себя у Марѳы Даниловны такъ хорошо, такъ легко и свободно, какъ будто уже лѣтъ десять прожилъ въ ея домѣ. Онъ мысленно благословлялъ судьбу, которая занесла его сюда. Все было ему здѣсь по душѣ: и его маленькая, низенькая комнатка въ одно окошко, отдѣленная перегородкой отъ столовой, и простой, но всегда сытный и вкусный обѣдъ изъ двухъ блюдовъ, и ласковая предупредительность хозяйки, окружавшей его большимъ вниманіемъ и старавшейся ему всячески угождать, примѣняясь къ его вкусамъ и привычкамъ. Каждый день онъ уходилъ на службу и, вернувшись, съ удовольствіемъ замѣчалъ, какъ все у него тщательно было прибрано заботливой рукой Марѳы Даниловны: всякая вещь лежала на своемъ мѣстѣ, нигдѣ ни пылинки, все такъ чистенько и аккуратно. Если у него разорвется что-нибудь изъ бѣлья, она сейчасъ же починить и, не говоря ни слова, бережно спрячетъ починенное въ комодъ. Утромъ и вечеромъ собственноручно оправить ему постель и при этомъ задасть иногда вопросъ:

— Ну что, Николай Петровичъ, какъ изволили, сударь мой, почивать? Боюсь, не жестка ли перинка...

— Ахъ, что это вы, Марѳа Даниловна, — съ улыбкой возразить Елеонскій и, по обыкновенію, даже слегка покраснѣть: — я ни на

что не смѣю жаловаться и всѣмъ премного доволенъ... Вы такая добрая, внимательная...

А разъ онъ до того расчувствовался, тронутый ея нѣжной заботливостью, что даже воскликнулъ:

— Ахъ, Марѳа Даниловна, голубушка моя! Я по гробъ буду вамъ благодаренъ за все, за все... Вѣдь вы мнѣ совсѣмъ, какъ мать родная!

И на глазахъ у него заблестѣли слезы. Онъ дѣйствительно началъ питать къ ней что-то похожее на сыновнее чувство. Родной матери своей онъ не помнилъ, такъ какъ рано лишился ея, и отношенія къ нему Марѳы Даниловны, въ которыхъ сквозила порой настоящая материнская ласка, были для него диковиной. Когда она, бывало, близко подсядетъ къ нему и, какъ бы невзначай, положитъ ему руку на плечо, у него сладко замрало сердце. Но у него не было по отношенію къ ней «грѣховныхъ» мыслей. Вообще Елеонскій еще не зналъ близко ни одной женщины. Это былъ юноша скромный, застѣнчивый и въ полномъ смыслѣ слова цѣломудренный. Никакіе соблазнительные примѣры, свидѣтелями которыхъ онъ былъ еще въ училищѣ, не могли совратить его, и онъ остался дѣвственно-чистымъ. При этомъ онъ отличался большою набожностью и, какъ при жизни отца, такъ и послѣ его смерти, почти не пропускалъ ни одной церковной службы и всегда пѣлъ на клиросѣ. Голосъ у него былъ небольшой, но пріятный, хватающій за душу. Любилъ онъ и свѣтское пѣніе и зналъ много чувствительныхъ романсовъ; стихи тоже любилъ чувствительные и даже самъ пробовалъ ихъ сочинять, но неудачно: какъ онъ ни корпѣлъ надъ бумагой, у него почти никогда не выходило даже двухъ рифмованныхъ строкъ и онъ съ досадой бросалъ перо.

Однажды вечеромъ Елеонскій долго сидѣлъ въ своей комнатѣ за перепиской какихъ-то канцелярскихъ бумагъ. Порядкомъ утомившись, онъ рѣшилъ, наконецъ, ложиться спать, тѣмъ болѣе, что и свѣча уже догорала, какъ вдругъ отворилась съ легкимъ скрипомъ дверь и вошла Марѳа Даниловна.

— А я вамъ сорочки несю, сейчасъ только выгладила... Не помѣшала я вамъ?—обратилась она къ нему съ обычной своей ласковой улыбкой.

Юноша встрепенулся и, быстро вскочивъ съ мѣста, взялъ у нея изъ рукъ бѣлье.

— Ахъ, какая же вы, ей-Богу...—залепеталъ онъ сконфуженно.— Мнѣ совѣстно... Зачѣмъ это вы? Хорошая, милая... Какое я вамъ сдѣлалъ безпокойство! Вѣдь уже спать пора: одиннадцатый часъ...

Онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на эту чужую, постороннюю ему женщину, которая съ каждымъ днемъ становилась ему все милѣе и дороже, и не находилъ больше словъ, не зналъ, какъ еще благодарить ее...

— А Аксюшка-то моя ужъ давно хранить,—замѣтила Марѳа Даниловна и прибавила:—Ну, спокойной ночи, Николай Петровичъ!

Онъ взялъ ея руку и, крѣпко пожавъ ее, долго задержалъ въ своей.

— Какая теплая, бархатная ручка!—вдругъ проговорилъ онъ съ восхищеніемъ.—Не хочется выпускать...

И онъ впервые почувствовалъ во всемъ тѣлѣ незнакомое, еще ни разу не испытанное имъ волненіе, даже легкую дрожь.

Марѳа Даниловна насторожилась, въ глазахъ ея забѣгали огоньки... Еще секунда—и она вся подалась къ нему впередъ, какъ бы идя навстрѣчу его ласкамъ.

У Елеонскаго закружилась голова, захватило дыханье... Пьяный отъ внезапно охватившей его страсти, онъ вдругъ упалъ къ ея ногамъ, обнявъ ея колѣни и вылающимъ лицомъ прижался къ ея трепещущему тѣлу...

V.

Съ той поры Елеонскій и Марѳа Даниловна зажили вмѣстѣ, какъ мужъ съ женой. Проходили дни, мѣсяцы, годы—они все крѣпче и крѣпче привязывались другъ къ другу, и ихъ безоблачное супружеское счастье еще ни разу ничѣмъ не было омрачено. Одно только огорчало Елеонскаго, что Марѳа Даниловна ни за что не хотѣла выходить за него замужъ, несмотря на упорныя и даже слезныя его молебны.

— Подожди, Николаша, не торопись,—говорила она ему:—наше время еще не ушло... А сейчасъ не гоже намъ съ тобой идти подъ вѣнецъ...

— Да почему же?—недоумѣвалъ онъ.

Она молчала и въ отвѣтъ только загадочно улыбалась.

— Послушайте,—продолжалъ онъ настаивать, по привычкѣ обращаясь къ ней на «вы»:—вѣдь такъ же грѣшно жить... Надо жить по-Божьему, въ законѣ... Голубушка моя! Бога мы съ вами гнѣвимъ...

Марѳа Даниловна отрицательно покачивала головой. «Неровня онъ мнѣ,—думала она:—я ему замѣсто матери... приласкать, приголубить его—мое дѣло, а какая жъ я ему жена? Добрые люди смѣяться будутъ...».

Однако она не рѣшалась высказать ему своихъ затаенныхъ мыслей и все водила его за носъ, каждый разъ твердя одно и то же:

— Подожди, Николаша, не торопись... Потерпи еще годикъ, а тамъ, Богъ дастъ, и повѣнчаемся на Красную Горку...

Такъ и пролетѣло незамѣтно года четыре. Шель уже 1812 годъ, незабвенный въ лѣтописяхъ нашей многострадальной родины. Съ запада надвигалась на насъ грозовая туча въ лицѣ Наполеоновыхъ полчищъ. 12-го іюня, перейдя черезъ рѣку Нѣманъ, французы

вторглись въ предѣлы Россіи, и началась знаменитая Отечественная война. Но старушка Москва спокойно почивала въ это время на лаврахъ. Въ высшемъ свѣтѣ давались блестящіе балы, шла безконечная игра въ макао, рѣдкой лилось шампанское. Въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества также все шло своимъ обычнымъ порядкомъ: о надвигавшейся опасности никто и не думалъ, даже не считалъ ее возможной, тѣмъ болѣе, что съ театра войны то и дѣло доносились ложныя извѣстія о нашихъ побѣдахъ, хотя въ дѣйствительности русская армія, тѣсняемая непріятелемъ, давно уже отступила къ Смоленску.

— Марѳа Даниловна, а вѣдь Бонапартъ-то на Москву идетъ!— заявилъ однажды Елеонскій полусхотливымъ тономъ, ибо самъ не вѣрилъ своимъ словамъ.

— Ой, что это ты, Николаша!—вскричала бѣдная женщина въ испугѣ.—Помилуй Богъ, страсти какія!

И она испуганно начала креститься, потомъ спросила:

— Да кто тебѣ сказалъ-то?

— Пишутъ въ вѣдомостяхъ,—отвѣчала Елеонскій:—можетъ, и врутъ... Вы не бойтесь...

— Какъ не бояться, сударникъ мой! Ой, что я тогда буду дѣлать? Головушка моя бѣдная!

Она весь день не могла успокоиться и разстроенная легла спать.

Между тѣмъ стали доходить уже совсѣмъ неутѣшительныя вѣсти. Съ тревогой узнали москвичи, что двухсоттысячная французская армія подступила къ Смоленску и штурмомъ взяла этотъ городъ, отчаянно сопротивлявшійся подъ командой генерала Раевского. Уже ни для кого не было тайной, что русскія войска быстро отступили къ Москвѣ. Общая тревога росла, однако никому еще не хотѣлось вѣрить, что Москва въ опасности. Въ то же время стала распространяться дурная молва о главнокомандующемъ Барклайде-Толли. Кто-то пустилъ слухъ, что онъ измѣнникъ, что онъ продался Наполеону и отступаетъ нарочно, чтобы сдать французамъ Москву. Злая, ни на чемъ не основанная выдумка эта глубоко пустила корни въ русскомъ обществѣ и въ концѣ концовъ повела къ тому, что императоръ Александръ I, уступая общему желанію, назначилъ новаго главнокомандующаго.

Сіяющій вернулся домой Елеонскій и поспѣшилъ подѣлиться съ Марѳой Даниловной радостнымъ извѣстіемъ.

— Ну, голубушка, радуйтесь и веселитесь!—закричалъ онъ ей еще издали.—Пріятная новость!

— А что?—отозвалась она.—Чай, Бонапарта разбили? Такъ что ли? Говори скорѣй, Николаша!

Елеонскій улынулся.

— Ежели не разбили,—проговорилъ онъ съ увѣренностью:— такъ ужъ теперь разобьютъ нашего врага и супостата, какъ Богъ святъ... Вы знаете, кого главнокомандующимъ назначили?

— Кого, сударикъ мой?

— Князя Голенищева-Кутузова... Слышите ли? а Барклая по шанкѣ...

— Правда?

— Ей-Богу, правда: Барклая по шанкѣ... Такъ его и нужно, измѣнника, нѣмчуру проклятаго... А Кутузовъ—нашъ: онъ не допуститъ, чтобъ басурманы завладѣли сердцемъ Россіи.

Послѣднія слова Елеонскаго были несомнѣннымъ отраженіемъ лучшихъ надеждъ и упованій тогдашняго московскаго общества. На Кутузова, уже прославившагося своими боевыми подвигами, дѣйствительно готовы были смотрѣть, какъ на будущаго спасителя Москвы, возлагали на него преувеличенныя надежды.

Исходъ Бородинской битвы всѣхъ разочаровалъ. Началось повальное бѣгство москвичей. Черезъ всѣ заставы, кромѣ Дорогомиловской, ежедневно тянулись вереницы экипажей и подводъ, снизу и доверху наполненныхъ имуществомъ бѣглецовъ, направлявшихся кто по Владимирской, кто по Нижегородской, кто по Рязанской дорогѣ. Но были и такіе, которые упорно не хотѣли признавать никакой опасности и твердо вѣрили, что Москва не будетъ отдана непріятелю. Они сидѣли на своихъ мѣстахъ и спокойно ожидали дальнѣйшихъ событій. Къ разряду этихъ оптимистовъ принадлежалъ Елеонскій. Видя, какъ сильно тревожилась Марѳа Даниловна, безпрестанно охая и вздыхая, онъ всячески старался ее успокоить и говорилъ увѣжденнымъ тономъ:

— Голубушка, дорогая, напрасно беспокоиться изволите... Не видать французамъ Москвы, какъ своихъ ушей... Сами подумайте: развѣ Богъ допуститъ свершиться такому злему дѣлу? Господь съ вами! Басурманы не посмѣютъ даже близко подойти къ святынямъ нашего Кремля... Нѣтъ, нѣтъ, никогда этому не бывать, никогда! Царица небесная этого не допуститъ, она заступится за насъ!..

Поддаваясь увѣщаніямъ своего возлюбленнаго, Марѳа Даниловна немного успокаивалась и начала представлять себѣ близкое будущее уже не въ такихъ мрачныхъ краскахъ. «А, можетъ, и правду говоритъ Николаша,—думала она.—Не допуститъ этого Богъ... На все вѣдь Божья воля!». Но вдругъ прибѣгала со двора Аксюша, ставшая уже совсѣмъ взрослой дѣвушкой, и впопыхахъ начинала рассказывать, произнося попрежнему нѣкоторыя слова нарастающе:

— Сколько раненыхъ сейчасъ привезли—страастъ! И все, сказываютъ, съ Бородинскаго поля... Стра-а-шные такіе...

— Куда ихъ везуть-то?—испуганно спрашивала Марѳа Даниловна.

— А не знаю, матушка-барыня... Изъ Москвы, что ли, куда. Сказываютъ, будто французы ужъ совсѣмъ бли-изко, бли-изко, не нынче—завтра къ намъ пожалуютъ...

Послѣ подобнаго разговора съ Аксюшей бѣдная женщина уже окончательно падала духомъ и долго не могла прійти въ себя. Особенно она волновалась въ роковой день 2-го сентября. Подъ утро она видѣла страшный сонъ, послѣ котораго она съ крикомъ проснулась, дрожа всѣмъ тѣломъ. Ей чудилось, будто множество вооруженныхъ людей ворвались къ ней въ комнату и учинили надъ ней насиліе, и будто эти же самые люди начали ее потомъ душиить и рѣзать на куски. Потрясенная этимъ сномъ, она уже не слушала Елеонскаго, не отходившаго отъ нея ни на шагъ и всячески старавшагося ее успокоить, и все твердила:

— Нѣтъ, ужъ теперь кончено: бѣды не миновать... Охъ, головушка моя бѣдная! Не миновать намъ бѣды, охъ, не миновать!

А тутъ еще новое, ошеломившее ее извѣстіе: нашимъ войскамъ приказано отступить и оставить Москву. Марѳа Даниловна совсѣмъ потеряла голову. Прибѣжала Аксюша и еще больше ее напугала:

— Охъ, матушка, роди-и-менькая... Какое страженіе идетъ въ Дорогомилловѣ—стра-а-сть! Пушки такъ и пуляютъ, такъ и пуляютъ...

— Полно врать, Аксюша,—строго прервалъ ее Елеонскій.—Никакого сраженія нѣтъ... Это все бабы выдумали!

Однако и онъ уже началъ терять самообладаніе. Постепенно въ его душу закрадывался страхъ передъ надвигавшейся опасностью. Сердце его сжалось и ныло. Ни на одну минуту онъ не переставалъ мысленно возносить горячія молитвы къ Богу и наконецъ рѣшился: «схожу еще въ церковь, помолюсь Сергію преподобному, можетъ, святой угодникъ и заступится за насъ!».

И, не говоря ни слова Марѳѣ Даниловнѣ, такъ какъ боялся, что она его не отпуститъ отъ себя, онъ незамѣтно вышелъ изъ дому и большими шагами пошелъ по направленію къ Тверской-Ямской, гдѣ мы и застали его въ началѣ нашего разказа.

VI.

Елеонскій благополучно протискался мимо непріятельскихъ рядовъ, миновалъ заставу и уже приближался къ дому Марѳы Даниловны, какъ вдругъ ему показалось, что внутри его происходитъ что-то неладное. И дѣйствительно: у растворенныхъ оконъ столовой промелькнула незнакомая фигура, за ней другая, потомъ третья... «Что за люди?» Ужасъ охватилъ молодого человѣка, когда онъ бросился впередъ, какъ сумасшедшій, и услышалъ душу раздирающій крикъ... Это Марѳа Даниловна билась въ рукахъ двухъ дюжихъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ держалъ ее за горло, а дру-

гой пытался снять у нея съ руки два золотыхъ обручальныхъ кольца (одно изъ нихъ принадлежало ея покойному мужу).

Дѣло въ томъ, что незадолго до возвращенія Елеонскаго трое вооруженныхъ солдатъ, впущенные Аксюшей, которая отъ страху сейчасъ же убѣжала изъ дому, прямо подступили къ перепуганной Марѣ Даниловнѣ и стали требовать, чтобы она дала имъ пищи и денегъ. Такъ какъ они говорили на непонятномъ ей языкѣ, то она ничего не отвѣчала имъ и только безпомощно разводила руками. Одинъ изъ солдатъ оказался полякомъ и все кричалъ: «пенѣнзы, пенѣнзы». Другіе два были французами. Оба они энергично принялись обшаривать несчастную женщину, въ то время какъ ихъ товарищъ-полякъ сталъ рыться въ буфетѣ, гдѣ онъ нашелъ цѣлую французскую булку, нѣсколько домашнихъ пирожковъ, половину жареной курицы, оставшейся отъ обѣда, и полграфинчика краснаго вина. Онъ съ жадностью принялся все это уничтожать. Французы, между тѣмъ, продолжали расправляться со своей жертвой. Не найдя у нея ни денегъ, ни какихъ-либо драгоценностей, они уже хотѣли ее оставить и начать поиски въ другомъ мѣстѣ, какъ вдругъ замѣтили у нея на указательномъ пальцѣ лѣвой руки два золотыхъ кольца. находка эта чрезвычайно ихъ обрадовала, и одинъ изъ нихъ даже прицелкнулъ языкомъ отъ удовольствія. Но, увы, какъ они ни старались ею завладѣть, ничего не выходило: кольца точно приросли къ пальцу. Надо замѣтить, что Марѣ Даниловнѣ не снимала ихъ вотъ уже лѣтъ пять и въ теченіе этого времени ея пальцы могли, конечно, разтолстѣть. Какъ бы то ни было, но кольца совершенно не двигались съ мѣста. Это взбѣсило французовъ.

— А, чортъ... Нечего съ ней церемониться... Руби палецъ!—скомандовалъ тотъ самый французъ, который только что щелкнулъ языкомъ, и, схвативъ обомлѣвшую отъ страха женщину, потащилъ ее къ столу. Въ одинъ мигъ ея указательный палецъ оказался вытянутымъ на краю стола, а остальные прижатые къ ладони.

— Руби!—еще разъ скомандовалъ французъ, и въ рукахъ его товарища блеснула сабля.

Марѣ Даниловнѣ зажмурилась глаза и испустила отчаянный вопль...

Какъ разъ въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжала Елеонскій. Страшная картина представилась его глазамъ: Марѣ Даниловнѣ лежала безъ чувствъ на полу съ отрубленнымъ пальцемъ, и изъ изуродованной руки ея обильно текла кровь...

Трудно представить себѣ, что испыталъ молодой человѣкъ, когда увидѣлъ, какому чудовищному злодѣянью подверглась любимая имъ женщина. Не было границъ его ярости. Онъ готовъ былъ броситься на злодѣевъ и растерзать ихъ собственными руками. Но что онъ могъ сдѣлать, слабосильный и тщедушный? Эти здоровые, вооруженные люди въ одинъ мигъ зарѣзали бы его, какъ пыленка.

Нѣтъ, можно отплатить имъ только хитростью. И вотъ въ головѣ его неожиданно родился хитроумный планъ. Стараясь овладѣть собой и казаться какъ можно спокойнѣе, онъ обратился къ французамъ, частью объясняясь жестами, частью отдѣльными французскими словами, небольшой запасъ которыхъ ему былъ извѣстенъ,—обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Господа, вы мнѣ отдайте палецъ, отрубленный у этой женщины: кольца вѣдь недорого стоятъ... Я же вамъ покажу мѣсто, гдѣ вы найдете много драгоценностей: серебра, золота, камней... Хотите покажу?

У французовъ заискрились радостью глаза, они закивали головами въ знакъ согласія и отдали ему палецъ, который онъ поспѣшно сунулъ въ карманъ.

— Allez, messieurs... ici!—сказалъ Елеонскій, жестомъ приглашая ихъ слѣдовать за собой, и повелъ ихъ черезъ заднее крыльцо во дворъ.

Тамъ, прислонившись къ плетню, за которымъ начинался пустырь, принадлежавшій къ сосѣднему владѣнью, стоялъ небольшой сарайчикъ, наполненный разнымъ домашнимъ скарбомъ: старыми, заржавѣвшими ведрами, корытами, поломанной мебелью и проч. Сюда-то и привелъ Елеонскій своихъ спутниковъ. Чтобы не возбуждать никакихъ подозрѣнй, онъ первый вошелъ въ сарай.

— Voilà... ici, ici!—говорилъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ, дѣлая два-три шага впередъ и указывая куда-то въ уголь. Но лишь только всѣ трое солдатъ очутились около него, какъ онъ, незамѣтно попятившись назадъ, юркнулъ въ дверь, мигомъ захлопнулъ ее за собой и задвинулъ желѣзный засовъ...

— А! Попались, голубчики!—вскричалъ онъ злорадно-торжествующимъ голосомъ.—Посидите же здѣсь, собачьи дѣти... Злодѣи, душегубы!

Изъ сарая посыпались ругательства, поднялся шумъ и отчаянный стукъ въ дверь, которую солдаты пытались взломать изнутри, но всѣ усилія ихъ оказались тщетными.

Между тѣмъ Елеонскій не дремалъ. Онъ быстро приволокъ нѣсколько охапокъ соломы, одну за другой, обложилъ ею сарайчикъ и сразу поджегъ его со всѣхъ сторонъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ маленькое деревянное строеніе пылало сверху и донизу, похоронивъ подъ своими горящими обломками трехъ солдатъ «великой французской арміи».

Князь Б. А. Щетининъ.

МУНИЦИПАЛИТЕТЪ И КОМИССАРЫ МОСКВЫ, УЧРЕЖДЕННЫЕ ФРАНЦУЗАМИ ВЪ 1812 ГОДУ ¹⁾.

ВТОРОГО сентября послѣ полудня Наполеонъ съ вершины Поклонной горы съ восторгомъ любовался чудеснымъ видомъ Москвы въ то время, какъ передовые отряды его арміи безъ боя, какъ будто мирно, занимали русскую столицу. Но когда Наполеонъ узналъ, что Москва опустѣла и жизнь въ ней замерла, благодаря почти поголовному бѣгству жителей, и когда вмѣсто ожидаемой депутаціи горожанъ ему представлена была небольшая, случайно собранная группа иностранцевъ, то онъ пришелъ въ страшное волненіе, восторженный подъемъ смѣнился разочарованіемъ и раздраженіемъ, будущее омрачилось тревожными опасеніями. Онъ не рѣшился даже въѣхать въ этотъ день въ Москву и ночевалъ въ трактирѣ Драгомилловской слободы.

Приемъ, оказанный Наполеону со стороны Москвы, былъ знаменателенъ. Онъ указывалъ на то, что русскіе и при неудачахъ готовы, хотя и пассивно, тѣмъ не менѣе упорно сопротивляться. По-

¹⁾ Настоящая статья основана на матеріалахъ изъ дѣла (1-го отдѣленія 5-го департамента сената), хранящагося въ сенатскомъ архивѣ, подъ 1815 г., за № 942 (ср. «Опись документовъ и дѣлъ, хран. въ сен. арх.», Отечественная война, Спб., 1912 г., № 610; и ст. П. П. Гронскаго въ «Журн. мин. юст.», 1912 г., мартъ, 214—224).

Кромѣ того, нѣкоторыя данныя взяты изъ слѣдующихъ изданій: 1) «Русскій Архивъ» 1868, стр. 882—903 (ср. Н. Киселева); 1876 г., кн. II, А. Н. Попова «Французы въ Москвѣ въ 1812 г.»; 2) бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., собр. и изд. П. И. Щукинымъ, ч. I и II, М., 1897 г.; 3) «Отечественная война и русское общество», изд. т-ва И. Д. Сытина, т. IV, М. 1912 г. (ср. Ю. В. Готье, В. Я. Улацова и И. М. Ка-

добное же настроеніе ближайшимъ образомъ сказывалось и въ средѣ тѣхъ немногихъ русскихъ гражданъ, которымъ по неволѣ пришлось принять участіе въ новомъ управленіи, созданномъ французами въ Москвѣ.

Нужно сказать, что французы-завоеватели, считая себя призванными къ рѣшенію міровыхъ задачъ, несли съ собой къ подвластнымъ народамъ новыя идеи, новыя законы и новыя учрежденія. Въ Россіи такъ же, какъ и въ государствахъ Западной Европы, они создавали по своимъ образцамъ особыя учрежденія, пытались не только опереться на нихъ при установленіи порядка, но и укрѣпить ихъ въ сознаніи общества занятой страны.

Сначала въ польско-литовскихъ областяхъ, а потомъ въ Смоленскѣ и другихъ городахъ, по приказу Наполеона, были организованы въ городахъ муниципальные совѣты, а въ уѣздахъ полиція, состоявшая изъ особыхъ «комиссаровъ», съ «верховой комиссіей» во главѣ. Благодаря установившейся практикѣ, не было ничего удивительнаго и новаго въ томъ, что и въ Москвѣ, по примѣру другихъ городовъ, создается новый порядокъ управленія.

Управленіе гор. Москвы организуется такимъ путемъ: во главѣ, какъ и слѣдовало ожидать, ставятся французы, на которыхъ возлагается высшая административная власть въ городѣ, а въ подчиненные органы привлекаются мѣстные жители. Главнымъ начальникомъ гор. Москвы и московской провинціи, въ званіи генераль-губернатора, былъ назначенъ маршалъ Мортъе, герцогъ Тревизскій; его ближайшимъ помощникомъ по управленію гражданской частью, въ званіи «интенданта» (гражданскаго губернатора), состоялъ Лессепсъ, бывший генеральный консулъ въ Петербургѣ, считавшійся знатокомъ русскихъ порядковъ, по военной части, въ должности коменданта, генераль Мило.

Подъ ближайшимъ руководствомъ Мортъе и Лессепса должно было быть устроено городское управленіе и полиція изъ жителей гор. Москвы. Но эти послѣднія организаціи не могли быстро сложиться и начать свою дѣятельность: тому помѣшали страшные пожары, охватившіе Москву огненнымъ кольцомъ съ первыхъ же дней вступленія въ нее французовъ.

Уже къ вечеру 2-го сентября то здѣсь, то тамъ вспыхнули пожары. Ночью зловѣщее зарево высоко поднялось надъ осиротѣвшимъ городомъ и съ каждымъ часомъ разрасталось. Къ полудню 3-го сентября огонь былъ остановленъ на Солянкѣ близъ воспитательнаго

таева). Въ статьѣ В. Я. Уланова «Организація управленія въ занятыхъ французами русскихъ областяхъ» (стр. 121—140) сообщаются нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія о московскомъ городскомъ совѣтѣ и полиціи, но въ изложеніи автора, при незнакомствѣ его съ архивнымъ матеріаломъ, встрѣчается рядъ фактическихъ ошибокъ и неточностей. Настоящая статья имѣетъ цѣлью освѣтить и эту оставшуюся въ тѣни страницъ изъ событій 1812 года.

дома, который удалось отстоять служащимъ въ немъ, во главѣ съ начальникомъ Тутолминымъ; но наиболѣе опасный пожаръ въ Гостиномъ дворѣ на Красной площади съ страшной силой продолжался. По распоряженіи Наполеона и Мюрата, французскія войска принялись тушить пожаръ на Красной площади, такъ какъ огонь угрожалъ Кремлю, въ которомъ расположился Наполеонъ со свитой и помѣщены были артиллерійскіе снаряды, и за Яузскимъ мостомъ, гдѣ огонь угрожалъ роскошному дому Баташева, занятому Мюратомъ съ его свитой. Въ этихъ мѣстахъ пожаръ удалось ослабить, а мѣстами совсѣмъ прекратить, но тѣмъ временемъ въ другихъ концахъ города вновь вспыхивали строенія, и пламя бушевало съ удвоенной силой. Ближайшая же ночь, когда разразилась буря, довершила бѣдствіе: порывы вѣтра, мѣнявшаго направленіе, разносили огонь повсюду, весь городъ былъ охваченъ пламенемъ, горѣли и бѣдныя лачуги и великолѣпные дома, пылали церкви, земля и камни раскалялись до того, что не было силъ выдержать ихъ прикосновенія. Самъ Наполеонъ (4-го сентября) едва не погибъ, пробираясь «по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ¹⁾» изъ Кремля, который со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ бушующей стихіей и каждую минуту могъ вспыхнуть.

Городъ пылалъ и 5-го сентября, и лишь къ вечеру, когда вѣтеръ началъ стихать и пошелъ дождь, огонь ослабѣлъ; а 6-го пожары, залитые окладнымъ дождемъ, прекращались, хотя еще во многихъ мѣстахъ дымились пожарища и кое-гдѣ вспыхивалъ огонь.

Среди разъяренной стихіи, когда французамъ приходилось дрожать за свою жизнь и отстанвать отъ огня снаряды, пушки и имущество арміи, не было никакой возможности думать объ устройствѣ городского управленія и полиціи. Но какъ только ужасъ прошелъ, французскія власти энергично принялись за организацію мѣстнаго управленія. Это представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что послѣ пожара и беззастѣнчиваго грабежа, который на первое время былъ дозволенъ, необходимо было возстановить общественную тишину и спокойствіе въ интересахъ самихъ же завоевателей, тогда какъ въ этомъ дѣлѣ имъ нужна было прежде всего помощь со стороны населенія.

Лессенсъ, какъ главный гражданскій начальникъ, путемъ опроса выясняетъ, кто изъ русскихъ, оставшихся въ городѣ, могъ бы оказаться полезнымъ и свѣдущимъ въ дѣлахъ городского управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вырабатываетъ какъ бы инструкцію, въ которой кратко были изъяснены обязанности проектируемаго городского совѣта. Инструкція была представлена генераль-губернатору, который ее и утвердилъ 12-го сентября. Содержаніе ея слѣдующее.

¹⁾ Графъ Сегюръ.

Учреждаемый московскій временный муниципалитетъ долженъ заниматься:

- 1) расположеніемъ войскъ по квартирамъ,
- 2) продовольствіемъ города,
- 3) надзоромъ надъ госпиталями,
- 4) изысканіемъ помощи бѣднымъ,
- 5) содержаніемъ дорогъ, улицъ и мостовъ,
- 6) общей безопасностью и спокойствіемъ,
- 7) «наказательной полиціею» и мирнымъ содѣйствіемъ,
- 8) попеченіемъ о мастеровыхъ, какой бы націи они ни были, собраніемъ ихъ и назначеніемъ мѣста, гдѣ бы они могли свободно заниматься своимъ ремесломъ,
- 9) надсмотромъ надъ тѣмъ, чтобы «церкви были почитаемы» и богослуженіе въ нихъ происходило безпрепятственно,
- 10) опредѣленіемъ средствъ, какія городъ еще можетъ имѣть къ обезпеченію жителей продовольствіемъ, какъ въ настоящій моментъ, такъ и на будущее время.

11) Муниципалитету ставится въ обязанность «облегчить страданія» жителей, «смягчить безпокойства», подать помощь, ободрить на будущее время и «возвратить публичное довѣріе, которое есть единственное средство къ услажденію ихъ участи».

12) Онъ долженъ собираться дважды въ недѣлю для рѣшенія какъ всѣхъ указанныхъ выше дѣлъ, такъ и вообще для обсужденія дѣлъ, касающихся администраціи города.

Въ заключеніе инструкція призываетъ муниципалитетъ къ энергичной дѣятельности, говоря, что «возвращеніе порядка и спокойствія зависитъ единственно отъ старанія, ревности и дѣятельности отечественной администраціи». Если муниципалитетъ «хорошо вникнетъ въ общую пользу и свои обязанности», то этимъ онъ «исполнитъ виды (le vœu) его величества императора и короля» (л. 5 и 22).

Какъ видно изъ этого документа, французы ставили весьма широкія задачи учреждаемому городскому управленію, которое должно было обслуживать интересы населенія заботами о поддержаніи тишины, спокойствія и внѣшняго благоустройства, о снабженіи города съѣстными припасами, о привлеченіи ремесленного люда къ привычному роду занятій; даже по отношенію къ внутреннему міру русскихъ, дѣлу религіозной совѣсти, со стороны французскихъ властей, замѣтно по инструкціи бережное отношеніе: муниципалитету предписывалось имѣть попеченіе о церквахъ и о возстановленіи богослуженія. Въ этомъ Наполеонъ былъ вѣренъ своей широкой и дальновидной политикѣ, начавшейся заключеніемъ конкордата съ папой въ 1802 году.

Въ тотъ же день, когда утверждена была инструкція маршаломъ Мортье, Лессепсъ принимаетъ мѣры къ опредѣленію личнаго состава муниципалитета. Не легкая задача была найти среди напуган-

наго населенія Москвы, оставшагося въ ней при вступленіи французовъ, въ общемъ около 10,000 человекъ, достаточное число пользовавшихся хотя бы нѣкоторымъ общественнымъ уваженіемъ лицъ, которымъ можно было вручить общественное управленіе. Ни о какомъ избраніи членовъ муниципалитета своими согражданами не могло быть и рѣчи. Какъ происходила вербовка членовъ городского совѣта, объ этомъ можно судить изъ позднѣйшихъ показаній и рассказовъ разныхъ лицъ.

Фабрикантъ купецъ Котовъ сообщаетъ слѣдующее. 12-го сентября онъ вмѣстѣ съ купцомъ 1-й гильдіи П. Находкинымъ былъ призванъ въ домъ Дюлона; оказалось, что имена ихъ были записаны въ какой-то списокъ. Здѣсь предложили имъ вступить въ должности по городскому управленію, отъ которой они отказывались («отзывались»), но они къ тому «были принуждаемы». Котовъ, испугавшись, на другой день, рано утромъ, ушелъ изъ города на свою подмосковную фабрику, гдѣ и скрывался остальное время (л. 488). Находкинъ же, какъ оказалось, принужденъ былъ принять званіе городского головы (мэра).

Разсказываютъ, что, когда Лессепсъ объявилъ Находкину, что онъ назначается городскимъ головою, то Находкинъ отвѣчалъ: «Ваше превосходительство! Какъ честный человекъ, я долженъ прежде всего объявить вамъ, что никогда я ничего не сдѣлаю противъ моей вѣры и моего государя». Лессепсъ, нѣсколько удивленный рѣшительностью Находкина, будто отвѣчалъ: «Вражда императора Наполеона съ императоромъ Александромъ до васъ не касается, ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ города» («Рус. Арх.», 1876, II, 170)¹⁾.

Купецъ Козловъ, получивъ приказъ, явился къ Дюлону, гдѣ былъ представленъ послѣднимъ Лессепсу, въ рукахъ котораго оказался «реестръ», неизвѣстно кѣмъ писанный, съ именами лицъ, вошедшихъ въ муниципалитетъ. Козловъ, помимо воли, долженъ былъ войти въ составъ городского управленія (л. 491).

Членъ муниципалитета купецъ Кольчугинъ въ своей позднѣйшей «запискѣ» такъ разсказываетъ о своемъ вступленіи въ него. Печатными листами было объявлено, что учреждается временное городское правленіе, но такъ какъ вербовка членовъ муниципалитета происходила помимо его, то онъ и семья его были покойны. Однако спокойствіе продолжалось недолго. «Въ одинъ день,—раз-

¹⁾ Находкинъ въ своемъ показаніи объ этомъ не сообщаетъ, онъ разсказываетъ такъ: пришелъ къ нему посланный отъ Виллерса съ приглашеніемъ, чтобы явился я въ домъ Дюлона, гдѣ мнѣ было сообщено, что я назначенъ головою, а изъ дома Дюлона представили насъ въ квартиру Лессепса, гдѣ «по многимъ моимъ отзывамъ и отговоркамъ, избѣгая опасности жизни, принужденъ былъ на то согласиться». Лессепсъ сказалъ ему, что о его назначеніи головой извѣстно императору, а потому того назначенія онъ «отмѣнить не можетъ» (т. IV, листы 396 и 533).

сказываетъ Кольчугинъ — пришелъ въ нашъ домъ французскій офицеръ въ двумя рядовыми, по занискѣ, у него имѣвшейся, спросилъ меня и приказалъ идти съ собой къ интенданту Лессепсу».

«Я, родитель мой и семейство наше приведены были симъ взятіемъ въ чрезвычайный ужасъ, полагая, что, кромѣ смерти моей, ожидать неможно. Родитель мой послалъ со мной челоуѣка, если можно принести извѣстіе о послѣдствіи. Представили меня Лессепсу, который объявилъ мнѣ, что я избранъ въ муниципалитетъ и занялъ бы свое мѣсто. Я, выслушавши приказаніе, просилъ его объ увольненіи, представляя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и осмерыхъ дѣтей малолѣтнихъ и что домъ нашъ частію выгорѣлъ и весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ мнѣ, что онъ отмѣнить меня не можетъ, потому что выбранъ я не имъ, а вашими русскими и собственно для васъ, русскихъ. Я сталъ усиливаться просьбою; онъ, долго слушавъ и осердясь, сказалъ: «Что жъ вы много разговорились? Развѣ хотите, чтобъ я объ васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору, который, въ примѣръ другимъ, прикажетъ васъ разстрѣлять». Послѣ сего я не нашелся и не осмѣлился сказать уже ни слова».

Въ разсказѣ Кольчугина есть нѣкоторая доля преувеличенія, онъ кое-что забылъ и перепуталъ хронологическія даты въ разсказѣ о муниципалитетѣ, но въ фактѣ принужденія со стороны Лессепса едва ли можно сомнѣваться ¹⁾. Нѣчто подобное произошло съ иностранцемъ Генрихомъ Келлеромъ, которому «именемъ Лессепса было объявлено, что онъ—членъ муниципалитета», отъ этой должности «отказаться не можетъ, поелику Наполеонъ противорѣчій не любить».

Имя Наполеона не было однимъ только далекимъ пугаломъ. Наполеонъ интересовался устройствомъ городского управленія, самъ лично отдавая приказанія относительно его установленія. Такъ, Бестужевъ-Рюминъ разсказываетъ. Безпокоясь за судьбу вотчиннаго архива, онъ 16-го сентября явился къ маршалу Мортѣ, который сообщилъ ему: «какъ онъ (Бестужевъ) безъ всякаго дѣла, по волѣ его государя, чтобы онъ находился въ муниципальномъ совѣтѣ, на что и дано уже повелѣніе Лессепсу».

Но вниманіе Наполеона къ личному составу городского правленія не было постояннымъ, ближайшія же заботы о пополненіи муниципалитета должностными лицами лежали на управителѣ города, интендантѣ Лессепсѣ. Такъ, помимо того, что первый списокъ членовъ городского правленія прошелъ черезъ руки Лессепса, который почти каждому объявлялъ о его назначеніи въ составъ муниципали-

¹⁾ Надв. сов. Андрей Конюховъ при слѣдствіи показывалъ, что онъ, Конюховъ, «званіе члена муниципалитета принялъ по принужденію Лессепса, который угрожалъ смертью, если будетъ противиться».

тета, Лессенсъ и позднѣе опредѣлялъ своею властью новыхъ лицъ. Такъ, въ журналѣ засѣданія 24-го сентября сообщается, что «прибывшій въ засѣданіе управляющій назначилъ и ввелъ членомъ засѣданія Буржуа вмѣсто Лабата»; въ другомъ журналѣ, отъ 3-го октября, подобное же извѣстіе: «на мѣсто члена городского правленія Лардиона, который требовалъ отставки отъ должности, «назначенъ членомъ В. Шеметовъ».

Лишь одинъ случай наводитъ на мысль о томъ, что и въ это временное городское правленіе стали проникать принципы избранія. Въ журналѣ 2-го октября говорится, что купецъ Фе былъ «выбранъ казначеемъ градского правленія». Но и этотъ случай вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія: 1) Фе въ своемъ показаніи слѣдственной комиссіи опредѣленно заявилъ, что «назначилъ его казначеемъ муниципалитета» Лессенсъ, который и далъ ему 6000 рублей ассигнаціями на расходы; 2) Фе уже раньше былъ членомъ муниципалитета, въ который онъ попалъ благодаря назначенію Лессенса, и этотъ случай избранія, если бы онъ въ дѣйствительности и происходилъ, относится къ внутреннему распорядку муниципалитета, а не къ его первоначальному установленію.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что французскія власти, создавая въ Москвѣ городское управленіе, и не пытались даже установить хотя бы тѣнь какихъ-либо выборовъ со стороны населенія; ихъ задача сводилась лишь къ тому, чтобы поскорѣе путемъ назначенія сформировать изъ мѣстныхъ жителей какое-либо гражданское управленіе, которое могло бы послужить мостомъ между побѣдителями и побѣжденными, могло бы возстановить, хотя бы наружно, общественное довѣріе къ иноземной власти.

Кто же былъ привлеченъ въ составъ городского правленія? Конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы въ него вошли наиболѣе видные, привычные представители московскаго городского общества, ихъ въ Москвѣ не было. Приходилось довольствоваться тѣми, кто былъ налицо. Изъ расписанія членовъ муниципальнаго совѣта видно, что въ немъ поименовано 11 фабрикантовъ и купцовъ, два купеческихъ сына, одинъ именованый гражданинъ, шесть чиновниковъ, въ числѣ которыхъ былъ профессоръ университета, одинъ отставной офицеръ (ротмистръ), три иностранныхъ купца и одинъ швейцарской службы капитанъ-поручикъ ¹⁾. То были по возрасту люди по-

¹⁾ Точно мнѣ неизвѣстно общественное положеніе лишь одного члена—Лардиона.

Вотъ списокъ состава муниципалитета, имѣющійся въ слѣдственномъ дѣлѣ (л. 25) на французскомъ и русскомъ языкахъ: 1—мэръ Петръ Находкинъ; товарищи: 2—Дюлонъ (Dulong), 3—Петръ Коробовъ, 4—Меньель (Megnin), 5—Фракманъ, 6—Крокъ (Krook), 7—Бестужевъ-Рюминъ; члены: 8—профессоръ Штельцеръ, 9—Исаевъ, 10—Фе (Veh), 11—Кольчугинъ, 12—Коняевъ, 13—Бородинъ, 14—Находкинъ Павелъ, 15—Переpletчиковъ, 16—Кульманъ, 17—Конюховъ, 18—Козловъ, 19—

чтенные, почти половина состава была въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ и выше ¹⁾).

Въ подборѣ такого состава видна была забота французскаго правительства привлечь съ муниципалитетъ лицъ, пользующихся уваженіемъ въ обществѣ и способныхъ внушить къ себѣ довѣріе со стороны населенія. Но то тягостное положеніе, въ которое, благодаря войнѣ, поставлены были члены городского правленія, призванные вопреки своей совѣсти служить не только своему городу, но и врагу, самымъ невыгоднымъ образомъ отразилось на дѣятельности муниципалитета.

Послѣ утвержденія (12-го сентября) инструкціи муниципалитету дѣло съ устройствомъ его налаживалось довольно быстро. Уже 14-го сентября товарищи городского головы Дюлонъ и Крокъ писали Лессепсу: «Членами временнаго муниципалитета этого города намъ поручено извѣстить васъ, что, согласно вашимъ приказаніямъ, они постарались найти мѣсто, подходящее для ихъ засѣданій; они просятъ отдать нужныя приказанія, чтобы первый и второй этажъ выбраннаго ими зданія, которое теперь занято губернскимъ правленіемъ, было отведено въ ихъ распоряженіе... Это зданіе снабжено столами, стульями, бюро и другими необходимыми для канцеляріи предметами, которые ни въ какомъ случаѣ не должны быть разсѣяны по другимъ мѣстамъ».

Вскорѣ помѣщеніе для засѣданій муниципалитета было отведено, и 16-го сентября состоялось первое засѣданіе. Оно было открыто Лессепсомъ, какъ управляющимъ Москвой и его округой, и состояло главнымъ образомъ въ «введеніи въ должности головы, его товарищей и членовъ муниципальнаго совѣта», что было произведено тѣмъ же Лессепсомъ. Затѣмъ муниципалитетъ рѣшилъ собраться на другой день и «имѣть разсужденіе» объ опредѣленіи обязанностей каждому члену муниципалитета ²⁾).

Слѣдующее засѣданіе (17-го сентября) было посвящено вопросамъ внутренней организаціи городского правленія. Рѣшено было

Туссэнь Лардиллонъ (L'ardillon), 20—Мерманъ (Meermann), 21—Сушевъ, 22—Брионъ (de Brionne), 23—Допоровичъ, 24—Келлеръ, 25—(Бакакинъ—зачеркнуто) Дроновъ, 26—(Лабать—зачеркнуто) Буржуа (капитанъ-поручикъ); 27—переводчикъ (см. л. 69)—(Глинскій—зачеркнуто)—Крупницкій, секретари: 28—(Иванъ Семеновъ—зачеркнуто) Куеть (Couet), 29—Пелль.

¹⁾ П. Находкинъ 66 лѣтъ, Кульманъ 66, Коробовъ 62, Коняевъ 62, Исаевъ 61, Бородинъ 60, Келлеръ 60, Брионъ 55, Штельцеръ 54, Буржуа 53, Козловъ 51, Переплетчиковъ 50, Допоровичъ 48, Дюлонъ 48, Дроновъ 48, Фракманъ 45, Б.-Рюминъ 43, Колюховъ 43, Меньенъ 43, Сушевъ 42, Фе 38, Пелль 36, Мерманъ 34, Кольчугинъ 33, Крокъ 33, Куеть 30, Находкинъ 25.

²⁾ Первый журналъ муниципалитета отъ 16-го сентября подписали: Находкинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Дюлонъ, Менье, Фракманъ, Крокъ, П. Коробовъ и Куеть. Кольчугинъ же подписалъ журналъ не перваго засѣданія, какъ онъ сообщаетъ въ своей запискѣ, а второго, отъ 17-го сентября (л. 461).

раздѣлить муниципалитетъ на шесть отдѣленій, изъ которыхъ каждое должно быть составлено изъ одного товарища и трехъ членовъ муниципалитета, «заниматься особо назначеннымъ ему предметомъ».

1) Первое отдѣленіе, въ составѣ товарища Дюлона, Фе, Исаева и Коняева, должно смотрѣть за содержаніемъ дорогъ, улицъ и мостовъ.

2) Второе, въ составѣ товарища Коробова, Кольчугина, Кульмана и Козлова, должно имѣть надзоръ за госпиталями, попеченіе о богослуженіи.

3) Третье, изъ товарища Менье, Находкина (сына), Лардиліона и Доноровича, обязано было смотрѣть за ремесленниками, собрать ихъ и назначить удобное мѣсто для безпрепятственнаго занятія своими работами.

4) Четвертое, въ которое вошли товарищъ Фракманъ, Брионъ, Келлеръ и Бородинъ, вѣдало размѣщеніемъ войскъ.

5) Предметомъ пятаго отдѣленія, состоявшаго изъ товарища Крока, Штельцера, Мермана и Дронова, были общественная безопасность, спокойствіе и правосудіе.

6) Наконецъ, шестое, въ составѣ Бестужева-Рюмина, Колюхова, Переплетчикова и Суцева, должно было вѣдать продовольствіемъ бѣдныхъ и попеченіемъ о нихъ.

Если къ этому присоединить купца Находкина (отца), въ должности мэра, и секретаря общаго собранія, то этимъ и опредѣлится наличный составъ московскаго муниципалитета. Организациія его была такова, что главная руководящая роль принадлежала общему собранію, отдѣленія же, занимаясь каждое спеціально порученнымъ ему предметомъ, самостоятельной роли не играли, а должны были «представлять свои сужденія въ общѣе собраніе къ надлежащему заключенію».

Установивъ порядокъ въ муниципалитетѣ, собраніе 17-го же сентября опредѣлило оповѣстить черезъ частныхъ приставовъ обывателей «объ открытіи градскаго правленія» съ тѣмъ, чтобы всякій, имѣющій нужду, зная о томъ, могъ обращаться съ просьбами, не знаящимъ же грамотѣ рекомендовалось бы лично являться къ одному изъ членовъ, который будетъ записывать ихъ просьбы.

Объ этомъ написано было (19-го) письмо Лессепсу, а въ другомъ письмѣ (отъ того же числа) отъ муниципалитета сообщалось, что университетская типографія сохранена въ цѣлости, и она можетъ быть употреблена «для печатанія нужныхъ во всенародное извѣстіе актовъ» при условіи, если изъ нея предварительно будутъ выведены находящіеся въ ней больные (л. 77, 470).

На слѣдующій же день (18-го) рѣшено было извѣстить и «управляющаго губерніей», что «градское правленіе воспріяло свое начало». Послѣ этого было послано письмо Лессепсу, а 19-го числа уже была готова прокламація къ жителямъ города Москвы, которая и развѣшивалась на улицахъ ко всеобщему свѣдѣнію.

«Жители Москвы!—говорилось въ прокламаціи.—Несчастіе ваши жестоки, но его величество императоръ и король хотятъ прекратить теченіе оныхъ. Страшные примѣры васъ научили, какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленія. Строгія мѣры взяты, чтобы прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

«Отеческая администрація, избранная изъ самихъ васъ, составитъ вашъ муниципалитетъ или градское правленіе. Оное будетъ пещись о васъ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить чрезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверхъ онаго бѣлый поясъ. Но исключая время должности ихъ, они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

«Городовая полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшій существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ комиссаровъ или полицеймейстеровъ и двадцать комиссаровъ или частныхъ приставовъ, поставленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

«Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобы они въ нихъ находили помощь и покровительство, слѣдуемая несчастію.

«Сіи суть средства, которыя правительство употребило, чтобы возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобы достигнуть до того, нужно, чтобы вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобы забыли, если можно, ваши несчастія, которыя претерпѣли, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжная и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутъ на ваши особы и оставшіяся ваши имущества, а наослѣдокъ и не сомнѣвались, что оныя будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ.

«Жители, какой бы вы націи не были! возстановите публичное довѣріе, источникъ счастья государствъ, живите, какъ братья, съ нашими солдатами, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобы опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь воинскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течъ перестанутъ».

Таково содержаніе широковѣщательной и краснорѣчивой прокламаціи, выпущенной по случаю учрежденія въ Москвѣ муниципальнаго управленія и полиціи и приглашавшей населеніе къ «публичному довѣрію», взаимной братской помощи и повиновенію новому начальству.

Муниципальное управление учреждалось, конечно, прежде всего въ интересахъ завоевателей, которымъ важно было возстановить хотя какой-нибудь порядокъ въ городѣ и прежній мирный ходъ гражданской жизни, чего они безъ содѣйствія со стороны самого населенія никакимъ образомъ сдѣлать не могли; но также оно устанавливалось и въ интересахъ несчастныхъ жителей, лишенныхъ крова и пропитанія, переживавшихъ мучительный страхъ за каждую минуту своего существованія.

Въ ближайшихъ интересахъ французской арміи было правильно организовать квартирный постой и повинность относительно дорогъ, улицъ и мостовъ. Пожаръ, уничтожившій Москву болѣе, чѣмъ на три четверти, осложнилъ вопросъ о размѣщеніи войскъ по квартирамъ, тогда какъ въ Москву продолжали входить все новые и новые полки, которыхъ требовалось размѣщать такъ, чтобы не нарушать интересовъ уже расквартированныхъ. Благодаря этому, уже въ третьемъ засѣданіи (18-го сентября) муниципалитетъ постановилъ «истребовать (черезъ Лессенса) отъ полиціи свѣдѣнія, сколько осталось домовъ, удобныхъ для постоя войскъ». Надо полагать, въ связи съ этимъ комиссарами производился подробный осмотръ своего участка, опредѣленіе количества уцѣлѣвшихъ домовъ и сообщеніе о томъ главному комиссару.

Отдѣленіе, которому были поручены дороги, улицы и мосты, обратило вниманіе прежде всего на то, что повсюду валялись трупы палой скотины, тамъ же, гдѣ ихъ убрали съ улицъ, не закапывали въ землю, а складывали въ садахъ и дворахъ, что, конечно, заражало воздухъ смрадомъ.

А потому отдѣленіе съ своей стороны предложило слѣдующія мѣры къ освобожденію города отъ надшей скотины: 1) чтобы каждый хозяинъ или жилецъ домовъ немедленно увѣдомилъ полицію о палой скотинѣ, находившейся въ садахъ, на дворахъ и вообще въ окрестности его дома; 2) чтобы полиція поручила комиссарамъ каждой части собрать простой народъ, занимающійся большею частью «расхищеніемъ остального имущества», и употребить его на работы по зарыванію труповъ въ отдаленныхъ и пустыхъ мѣстахъ города, награждая за то платою деньгами или жизненными припасами. Отдѣленіе настаивало, въ виду приближающихся морозовъ, которые могли бы воспрепятствовать приведенію въ исполненіе рекомендованныхъ мѣръ, поспѣшить съ этимъ дѣломъ, иначе будущею весною могутъ появиться заразительныя болѣзни. Общее собраніе (23-го сентября) согласилось съ предложеніемъ отдѣленія, и тотчасъ же Лессенсу было послано письмо о томъ, чтобы частнымъ комиссарамъ приказано было выполнять рекомендованныя мѣры.

Помимо очистки улицъ и дворовъ отъ труповъ, муниципалитетъ былъ занятъ вопросомъ борьбы съ пожарами. Въ этомъ отношеніи онъ оказался почти безсильнымъ. Всѣ противопожарныя средства,

находившіяся въ московскихъ частяхъ, по приказанію Ростопчина, еще до вступленія французовъ въ Москву, были вывезены изъ города. Лишь при нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и частныхъ домахъ, разбросанныхъ по городу, остались пожарныя трубы. Вотъ относительно ихъ отдѣленіе общественной безопасности и спокойствія предложило собрать всѣ пожарныя трубы въ одно мѣсто, чтобы, въ случаѣ пожара, онѣ могли быть употреблены съ большей пользой. Предложеніе было принято (23-го сентября), и Лессенсу отъ муниципалитета послано письмо о принятіи мѣръ къ собранію пожарныхъ трубъ въ одно мѣсто (л. 86, 463).

Существеннѣе были заботы городского правленія о возстановленіи общественной тишины и спокойствія, о возобновленіи ремесленной и торговой жизни, о богадѣльняхъ, госпиталяхъ и церквахъ. Въ отношеніи общественнаго спокойствія муниципалитетъ самъ по себѣ былъ безсилецъ, но онъ не разъ напоминалъ Лессенсу, что для возстановленія гражданской жизни должна быть установлена личная и имущественная безопасность, войску слѣдуетъ дать приказъ ничего не брать безъ платы, жителей не обижать и грабежа не производить. Непосредственное же участіе въ возстановленіи порядка, тишины и спокойствія лежало на муниципальной полиціи, на комиссарахъ и ихъ помощникахъ, о чемъ сказано будетъ ниже.

Относительно ремесленниковъ уже 19-го сентября муниципалитетъ имѣлъ сужденіе, разбирая проектъ, представленный отдѣленіемъ. Рѣшено извѣстить черезъ частныхъ приставовъ (комиссаровъ) ремесленниковъ, живущихъ въ ихъ частяхъ, что «желающіе изъ нихъ вступить въ учреждаемыя для ремесленниковъ заведенія могутъ являться ежедневно въ градское правленіе» для сообщенія о своемъ намѣреніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ муниципалитетъ писалъ (20-го сентября) Лессенсу, что ремесленникамъ, начинающимъ свои занятія, ради успѣха дѣла, слѣдуетъ выдавать дневное пропитаніе до тѣхъ поръ, пока не откроется безопасная продажа на рынкахъ припасовъ, когда они уже сами будутъ въ состояніи себя прокармливать (л. 77, 83 об.).

Оповѣщеніе было сдѣлано, и нѣкоторые мастеровые и ремесленники или обращались въ городское правленіе, объявляя о своемъ желаніи начать работу и прося помощи у муниципалитета, или же на свой страхъ и рискъ возобновляли работы. Такъ, 28-го сентября въ засѣданіи муниципалитета были заслушаны просьбы перчаточника Робнера, сапожника Наумана и портного Ганемана, которые, заявляя о своемъ намѣреніи работать каждый по своей специальности, просили водворить ихъ въ домъ Бабукина, гдѣ они прежде жили и откуда были выселены егерями императорской гвардіи. Рѣшено было обратиться къ управляющему губерніей (Лессенсу) съ «мнѣніемъ» объ удовлетвореніи просителей, чтобы они могли про-

должать свои труды безъ помѣшательства, мотивируя это тѣмъ, что «труды ремесленниковъ всякаго рода привлекаютъ съ собой пользу жителямъ» (л. 80, 469).

Комиссаръ Фабръ изъ Пятницкой части 25-го сентября сообщалъ, что находятся «нѣкоторые жители, которые хотятъ начать ихъ ремесло, какъ-то хлѣбники, сапожники и проч.» (л. 418).

Нѣкоторые купцы тоже готовы были начать торговлю. Комиссаръ шестого дистрикта Прево отъ 4-го октября въ своемъ донесеніи сообщалъ: «Нѣсколько купцовъ являюся ко мнѣ съ просьбами открыть въ моемъ домѣ лавку съ разными товарами съ тѣмъ, чтобы они были подъ моею отвѣтственностью и совершенной защитой», онъ и просилъ позволенія удовлетворить ихъ просьбы (л. 302).

Члены муниципалитета, вѣдавшіе госпитали и богадѣльни, обходили ихъ и старались прійти на помощь. Въ Москвѣ осталось много русскихъ раненыхъ, которые были брошены на произволь судьбы, по приказанію Ростопчина. Положеніе ихъ было самое ужасное. Комиссаръ Маркъ 14-го сентября сообщалъ главному комиссару Вилдерсу, что въ его части (Прѣсененской) «многіе русскіе раненые и прочіе просятъ о помощи правительства въ продовольствіи ихъ; сто изъ числа сихъ несчастныхъ схоронены третьяго дня, а много другихъ умерло еще сегодня» (л. 419). Позднѣ (1-го октября) тотъ же комиссаръ въ своемъ рапортѣ писалъ: «Я приказалъ погребсти четырнадцать русскихъ солдатъ, которые умерли скорѣе отъ голода, нежели отъ ранъ» (л. 396). Госпитали осматривались членами муниципалитета не только по своей инициативѣ, но и по предложенію французскаго начальства. Такъ, 26-го сентября Лессенсъ пригласилъ городской совѣтъ командировать одного изъ своихъ сочленовъ для осмотра Екатерининской больницы и описанія того, въ какомъ состояніи она находилась. Это дѣло поручено было Лардилюну (л. 79), который, осмотрѣвъ больницу, черезъ два дня рапортовалъ о томъ уприсяженному.

Попеченія и заботы требовали какъ больные и раненые, такъ и призрѣваемые въ богадѣльняхъ. 20-го сентября муниципалитетомъ получена была просьба Андреевской богадѣльни оказать помощь тремстамъ разграбленнымъ бѣднымъ, которые пріютились въ этой богадѣльнѣ. Муниципалитетъ обратился къ Лессенсу съ письмомъ о вспоможеніи и защитѣ Андреевской богадѣльни (л. 77, 82).

Замѣтна была дѣятельность муниципальнаго управленія относительно возстановленія церковной службы. Въ первые дни объ этомъ не могло быть и рѣчи. Много церквей было уничтожено пожаромъ, иныя разграблены и превращены въ жилое помѣщеніе и даже въ конюшни, а нѣкоторыя послужили мѣстомъ убѣжища русскаго населенія. Но со второй половины сентября заботами городского правленія и полиціи, при содѣйствіи французскихъ вла-

стей, во многихъ мѣстахъ города открылись церкви и началось богослуженіе.

Одна простая женщина такъ разсказывала объ этомъ. Однажды утромъ «слышимъ, ударяють къ заутренѣ; мы перекрестились и пошли. Заутрени ужъ служили, и часы, и вечерни; а обѣдни еще нигдѣ не служили, потому что антиминовъ не было: всѣ были отобраны и увезены, чтобы не хватали ихъ нечистыми руками. Бонапарту хотѣлось, чтобы въ церквахъ служба была, въ тѣхъ, которыя остались чисты; а то въ другихъ стояли лошади, какъ въ конюшняхъ. Ну, такъ и велѣлъ Бонапартъ всѣхъ поповъ ловить, гдѣ ни попадутся; поймають дьякона вмѣсто попа, все равно, и тотъ годится, и велятъ ему обѣдню служить: французу все равно, ничего не понимаетъ. Такъ и начали служить въ церквахъ, гдѣ заутреню, гдѣ часы. Бонапартъ былъ доволенъ, лишь бы только была служба; а намъ какъ было отрадно, когда стали благовѣстить!»

Другой современный свидѣтель сообщаетъ, какія чувства волновали жителей при началѣ церковной службы. «Около восьми часовъ утра,—сообщаетъ онъ,—мы услышали отдаленный звонъ, и всѣ вприсилъно глядѣли другъ на друга, желая понять, что бы это могло значить». Нѣкоторые думали, что это французы потѣшаются, но отецъ разсказчика, вслушавшись, сказалъ: «это—благовѣсть, православные свываются на богослуженіе». Навели справки, и оказалось, звонили у церкви Петра и Павла (на Замоскворѣчьи) къ богослуженію, и богомольцы потянулись въ храмъ. «Съ радостнымъ трепетомъ, какъ божественнаго врачеванія, ожидали начала службы. Молились одни, преклонивъ колѣна и простерши руки; другіе, упавъ съ рыданіемъ на помость, а иные—неподвижно устремивъ взоры на распятаго Спасителя». Вышелъ священникъ съ крестомъ и евангеліемъ—народъ палъ ницъ. Когда же во время водосвятія заѣли: «Къ Богородицѣ прележно нынѣ притецемъ», весь храмъ огласился воплями и рыданіями. Матери, стоя на колѣняхъ, поднимая на рукахъ грудныхъ младенцевъ, взывали: «Пресвятая Дѣва, спаси невинныхъ дѣтей». По окончаніи обѣдни, приложась ко кресту, окропленные святой водой, богомольцы разошлись спокойные и довольные.

Заботы о возстановленіи богослуженія лежали какъ на муниципалитетѣ, такъ и на городской полиціи. Изъ рапортовъ комиссаровъ узнаемъ, какъ постепенно во многихъ мѣстахъ города началась церковная служба. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ: Новодѣвичьемъ, Рождественскомъ, Зачатіевскомъ богослуженіе прерывалось только на нѣсколько дней, на время пожара и грабежа. Но въ городскихъ приходскихъ церквахъ богослуженіе возстановлялось, хотя и съ большимъ трудомъ. Комиссаръ первой части (Городской) Морель въ рапортахъ (17-го и 18-го сентября) сообщаетъ, что, при осмотрѣ уцѣлѣвшихъ зданій, на Ильинской улицѣ «осталась только одна цер-

ковъ Николы, исключая колокольни, которая сгорѣла; на Варваринской улицѣ Знаменскій монастырь на половину сгорѣлъ, въ немъ церковь цѣла, но колокольня сгорѣла, во всемъ монастырѣ— два монаха; въ зданіи церковномъ на Троицкой улицѣ комиссаръ «нашелъ одного только дьякона Василья Ильина» (л. 342, 343). При такихъ условіяхъ, конечно, трудно было возобновить богослуженіе.

Изъ Рогожской части комиссаръ Бюшотъ 18-го сентября рапортовалъ: церковь (Вознесенья на Гороховомъ полѣ) и всѣ окружныя стропія отъ огня спасены, но священниковъ нѣтъ (л. 331). И позднѣе (1-го октября) тотъ же комиссаръ сообщалъ о жителяхъ, что «они очень послушны и требуютъ только возстановленія порядка и богослуженія» (л. 309). Комиссаръ Хамовницкой части доносилъ, что въ его «части состоятъ 7 церквей и 1 монастырь, но оныя находятся не въ распоряженіи жителей, поелику всѣ заняты войсками. Если бы позволено было богослуженіе, то весьма бы жителей удовлетворили» (л. 350). Изъ Мѣщанской части комиссаръ Меркуринъ (17-го сентября) писалъ, что въ его части есть «церковь, въ коей стоятъ лошади, просятъ, нельзя ли ее запретить» (л. 324). Зная о подобныхъ случаяхъ, муниципалитетъ въ засѣданіи 3-го октября постановилъ «написать управляющему, дабы онъ приказалъ вывести находящихся въ церквахъ солдатъ и лошадей» (л. 468).

Среди такихъ обстоятельствъ очистить церкви, найти священниковъ и возобновить церковную службу представлялось нелегкой задачей. О началѣ богослуженія имѣются такія свѣдѣнія. Комиссаръ Пречистенской части Реми 18-го сентября сообщалъ: кромѣ священника, о которомъ онъ писалъ въ прежнемъ донесеніи, къ нему явился еще другой, по имени «Николай Яковлевъ, находящійся при церкви Старого Вознесенья» (л. 351).

А 30-го сентября Реми писалъ, что богослуженіе совершается въ Зачатьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, «также началось сегодня въ одномъ изъ придѣловъ разоренной церкви Ивана Предтечи на Старой Конюшенной улицѣ» (л. 397). Изъ Прѣсенской части комиссаръ Маркъ 25-го сентября рапортовалъ, что къ нему явился русскій священникъ, который «просилъ о введеніи его въ права принадлежащаго ему дома и о дозволеніи отправлять службу, въ чемъ и былъ удовлетворенъ» (л. 377). Комиссаръ Новинской части доносилъ (19-го сентября), что «священники требуютъ для отправленія службы бѣлой муки и вина». Комиссаръ Шоркъ 1-го октября писалъ, что «въ Бутыркахъ церковь очищена и священникъ сегодня въ первый разъ совершаетъ обѣдню» (л. 450). По сообщенію комиссара, въ Пятницкой части 25-го сентября и 1-го октября на Покровъ служба совершалась въ четырехъ церквахъ. А въ Мясницкой, какъ доносилъ комиссаръ Визаръ 2-го октября, «13 церквей, въ которыхъ отправляется богослуженіе, и 12, которыя могутъ служить магазинами» (л. 446).

Однако, слѣдуетъ сказать, что, несмотря на поощреніе и покровительство властей, церковная жизнь никакимъ образомъ не могла быть вполнѣ возстановлена: молиться приходилось съ опаской, боясь вторженія въ церковь грубыхъ, разнузданныхъ солдатъ, опасаясь насилій надъ жителями; даже духовный санъ не спасалъ отъ насильственныхъ дѣйствій со стороны нижнихъ чиновъ французской арміи. Вотъ какой случай рассказываетъ въ своемъ рапортѣ (30-го сентября) комиссаръ Рѣде: «Священникъ церкви свв. Петра и Павла, что съ Большой Екиманской, шедши въ церковь для совершенія службы, былъ захваченъ на улицѣ гренадерами гвардіи и взятъ на поле для рытья и ноши картофеля; почему собравшійся въ церковь народъ долженъ былъ разойтись. Посему священники моей части просить выдать имъ какой-либо видъ, чтобы они могли исполнять свои обязанности безъ помѣшательства» (л. 416).

Но наиболѣе существеннымъ вопросомъ, подлежавшимъ обсужденію и рѣшенію муниципалитета, былъ вопросъ о снабженіи города съѣстными припасами. Пожаръ истребилъ огромные склады провіанта, жители, какъ тѣни, скитались среди обгорѣлыхъ стѣнъ и развалинъ, добиралась до складовъ и погребовъ, разыскивая хлѣбъ и овощи; французская армія тоже начала нуждаться въ хлѣбѣ, и передъ ней вставалъ еще неясный, тѣмъ не менѣе ужасный призракъ голода.

Зная о недостаткѣ провіанта, Наполеонъ далъ приказаніе, чтобы городское управленіе озаботилось о доставкѣ припасовъ, организовало отряды изъ русскихъ и разсылало ихъ по деревнямъ забирать продовольствіе съ уплатой за него денегъ. Онъ предполагалъ устроить при городскомъ управленіи складъ, изъ котораго продовольствіе должно выдаваться полицейскимъ чиновникамъ, воспитательному дому, русскимъ, находящимся въ госпиталяхъ, больнымъ и бѣднымъ жителямъ Москвы. Наполеонъ надѣялся, что организованные такимъ путемъ отряды, обходя окрестности, могутъ успѣшно снабжать госпитали всѣмъ необходимымъ. Лессепсу было поручено привести приказъ въ исполненіе, не теряя времени.

Въ согласіи съ приказомъ Наполеона было письмо Лессепа отъ 19-го сентября муниципалитету, который приглашался «заняться безотлагательно предметомъ продовольствія столицы и изыскать для сего всѣ средства, во власти онаго состоящія, а потомъ представить интенданту губерніи удобнѣйшія къ удовлетворительному содержанію города».

Въ тотъ же день, въ виду важности предмета, письмо было доложено въ общемъ собраніи и передано соответствующему отдѣленію съ порученіемъ представить на другой же день объ этомъ докладъ, который вскорѣ же отдѣленіемъ былъ изготовленъ, обсу-

ждевъ въ общемъ собраніи 21-го сентября и препровожденъ (23 сентября) къ управляющему городомъ Лессепсу.

Предложенія муниципалитета о лучшихъ средствахъ къ снабженію города съѣстными припасами сводились къ слѣдующему:

1) Издать прокламацію на 2-хъ языкахъ и возможно шире распространить ее среди жителей города и окрестныхъ деревень, чтобы тѣмъ внушить довѣріе къ новому правительству;

2) объявить, что проѣздъ черезъ заставы и воинскіе отряды будетъ свободенъ, и что каждый обыватель, рассчитывая на покровительство и не боясь расхищенія, можетъ провозить съѣстные припасы въ городъ на продажу;

3) настрожайше запретить, чтобы изъ повозокъ, проѣзжающихъ съ припасами черезъ заставы въ Москву, равно и на обратномъ пути, лошадей не отпрягали, послѣ чего можно надѣяться, что деревенскіе жители охотно будутъ привозить въ городъ нужную провизію;

4) защищать жителей, которые собираютъ овощи, и обезпечивать ихъ имущество, приглашая излишнее доставлять на продажу;

5) запретить отрядамъ, отправляющимся на фуражированіе въ окрестности города, забирать хлѣбъ снопами;

6) увѣрить обывателей, что банковыя ассигнаціи будутъ оставаться въ ихъ настоящей цѣнѣ;

7) такъ какъ большая часть жителей города не имѣетъ не только монеты, но даже и банковыхъ ассигнацій, то желательно было бы, чтобы правительство приняло скорыя мѣры къ воспомощствованію такимъ бѣднымъ людямъ раздачею пищи или денегъ;

8) опредѣлить къ сохранившимся солянымъ магазинамъ караулы и учредить раздачу соли по установленной цѣнѣ.

Наконецъ, городское правленіе рѣшительно заявляло, что «если не примутся настрожайшія мѣры къ безопасности рынковъ и къ личной защитѣ привозящихъ на продажу припасы», то всѣ старанія его къ восстановленію спокойствія останутся безрезультатными.

Самымъ существеннымъ изъ этого предложенія муниципалитета было то, чтобы путемъ прокламацій пригласить окрестныхъ жителей къ подвозу провіанта, обѣщая имъ безопасность и уплату денегъ за доставленные припасы. Это ли предложеніе подвинуло французское правительство, или оно дѣйствовало по своей инициативѣ, но только по окрестнымъ деревнямъ дѣйствительно были разосланы листы съ призывомъ доставлять припасы въ городъ. Разсказываютъ, что жители села Останкова, снабженные прокламаціями, на 30 подводяхъ пріѣхали въ Москву съ овсомъ и мукою. И въ самомъ дѣлѣ все привезенное у нихъ было закуплено и оплачено по хорошей цѣнѣ. Но когда они, возвращаясь домой, выѣхали за городъ, на нихъ напали солдаты, стали бить ихъ, отняли лошадей и, вернувъ

крестьянъ въ Москву; заставили ихъ работать на себя. Одинъ изъ иностранцевъ сообщаетъ такой случай: «Мы стояли у воротъ дома вмѣстѣ съ полковникомъ Домономъ и двумя французскими офицерами и увидѣли, что солдаты ведутъ къ намъ мужика. Онъ былъ блѣдный, слезы катились изъ глазъ, а въ рукахъ у него былъ печатный листъ бумаги... Онъ объяснялъ, что въ ихъ деревню были присланы печатныя объявленія на русскомъ языкѣ, которыми крестьяне приглашались привозить всякіе припасы въ Москву, съ обѣщаніемъ за все платить исправно. Мы съ братомъ, говорилъ бѣднякъ, повѣрили, нагрузили три воза и поѣхали къ Москвѣ; но подъ самымъ городомъ на насъ напали солдаты и ограбили. Братъ хотѣлъ защищать воза, и его убили; при этомъ онъ показалъ объявленіе, обогрѣнное кровью его брата».

Слухъ о томъ, какъ встрѣчены были въ Москвѣ слишкомъ добѣрчивые крестьяне, быстро распространился по окрестнымъ деревнямъ, и никто уже не рѣшался везти припасы въ Москву. И въ самомъ дѣлѣ чѣмъ дальше, тѣмъ опаснѣе было появляться на глаза французскихъ изголодавшихся солдатъ съ провизіей. Комиссаръ Меркуринъ 1-го октября сообщалъ своему начальству, что одинъ городской обыватель несъ вчера въ городъ 20 фунтовъ муки, но на заставѣ часовой (солдаты 1-го полка Помпонъ) отобралъ муку и взялъ ее себѣ на пищу.

Не довольствуясь приглашеніемъ крестьянъ привозить въ городъ припасы, муниципалитетъ, согласно приказанію Наполеона, организуетъ посылку своихъ сочленовъ для закупки провіанта. Дѣло происходило такъ. 24-го сентября въ засѣданіе муниципалитета явился Лессепъ и, сообщивъ о приказѣ Наполеона, приглашалъ назначить изъ своей среды 2 или 3 членовъ, для посылки съ тѣмъ, чтобы они внушили крестьянамъ довѣріе къ посланнымъ отрядамъ.

Городское правленіе немедленно назначило Ковлова, Коробова и Переплетчикова своими комиссарами, указавъ имъ, что при поѣздкѣ въ окрестныя деревни они могутъ соединиться съ купцами и другими лицами, имѣвшими связи съ крестьянами по части доставки продовольствія.

На другой день было написано Лессепсу, чтобы онъ снабдилъ командированныхъ прокламаціями, деньгами, паспортами и экипажами. Въ отвѣтъ 26-го Лессепъ снова явился на засѣданіе и сообщилъ приказъ принца Нейшательскаго о составленіи попеченіемъ муниципалитета русскаго отряда и о немедленной отпавкѣ его въ деревни для закупки жизненныхъ припасовъ, съ тѣмъ, чтобы изъ купленнаго были образованы «магазины для продовольствія жителей и госпиталей». Муниципалитетъ постановилъ, чтобы назначенныя имъ лица отпавились въ дорогу съ карауломъ, который имъ будетъ данъ, на другой же день. На покупку припасовъ Лессеп-

сомъ выдано было муниципалитету 3000 рублей, позднѣе (2-го октября) было прибавлено на тотъ же предметъ еще 2,000 рублей.

Это былъ первый опытъ посылки членовъ городского правленія для закупки хлѣба. По мысли Наполеона, если опытъ пройдетъ успѣшно, слѣдовало составить такихъ отрядовъ отъ 3-хъ до 4-хъ, которые будутъ развѣзжать по деревнямъ, скупать припасы и привозить все пужное въ Москву.

Каковы же результаты посылки членовъ муниципалитета. Послушаемъ ихъ рассказы. Козловъ сообщаетъ въ своемъ показаніи (л. 491 и сл.). Онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ купцомъ Штанниковымъ и двумя незнакомыми ему чиновниками Синицинымъ и Степановымъ, съ переводчикомъ Крупицкимъ, 10 жандармами и 1 унтеръ-офицеромъ чрезъ Преображенскую заставу. Онъ остановился въ 4-хъ верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Измайловѣ, гдѣ и пробылъ 5 сутокъ, развѣзжая въ близлежащія селенія и мельницы, но «нигдѣ не только хлѣба, но и жителей почти не видѣлъ». Все же въ Измайловѣ они купили 46 коровъ и 30 барановъ за 1,300 рублей ассигнаціями и около 97 рублей мѣдными; послѣ покупки у него осталось только 3 рубля съ копейками; афишки, врученныя ему при отъѣздѣ для раздачи крестьянамъ, онъ «по преданности къ отечеству истребилъ».

Переpletчиковъ два раза отправлялся въ окрестности для покупки хлѣба, съ 900 рублями. Въ первый разъ имъ было куплено 6 четвертей пшеницы за 150 рублей. Во второй же разъ онъ ничего не закупилъ, такъ какъ во время дороги въ лѣсу былъ прибитъ и ограбленъ отрядомъ (изъ 10 человекъ), который его сопровождалъ; такъ и принужденъ былъ вернуться ни съ чѣмъ.

Коробовъ (л. 489 и сл.) былъ посланъ съ 3 московскими мѣщанами и 850 руб. за карауломъ 10 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ Люберцахъ былъ взятъ казаками, доставленъ въ главную квартиру, гдѣ и разсказалъ о бѣдственномъ положеніи города и французской арміи.

Таковы были результаты широко задуманнаго Наполеономъ плана снабженія города съѣстными припасами. Неуспѣхъ плана зависѣлъ какъ отъ того, что близкія къ Москвѣ деревни были пусты, а болѣе отдаленныя защищены русскими войсками, такъ и отъ того, что члены муниципалитета весьма неохотно отправлялись въ эти экспедиціи и не прилагали никакихъ стараній къ дѣлу. Купецъ Кольчугинъ, на примѣръ, когда назначенъ былъ (28-го сентября) сопровождать повозки, отправляемыя за фуражомъ (л. 80 и 495), рѣшилъ всеми мѣрами избѣгнуть этого. О своихъ мысляхъ и чувствахъ Кольчугинъ рассказываетъ такъ. «Первый ужасъ представился ему: если сей конвой повстрѣчается съ русскими, то должно произойти сраженіе, а пули и картечи не разбираютъ, что русскій по волѣ или по неволѣ взятъ. Второй ужасъ: участвовать въ про

довольствіи непріятели было бы противъ присяги государю, отечеству и совѣсти. Уйти, если бы и нашелся случай: представлялось оставленное семейство, которому мстить могутъ». А потому онъ притворился больнымъ, во что повѣрилъ и присланный за нимъ французскій офицеръ; поѣздка Кольчугина не состоялась, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней и предполагавшаяся экспедиція была отмѣнена.

Наконецъ, можно отмѣтить, что муниципалитетъ, принимая мѣры къ тому, чтобы открыты были рынки и лавки съ съѣстными припасами, настаивая передъ властями на личной и имущественной безопасности продавцовъ, дѣлаеть соотвѣтствующія постановленія и по поводу отдѣльныхъ случаевъ. Такъ, два московскихъ жителя Шкаринъ и Грушевскій, желая открыть лавку для продажи съѣстныхъ припасовъ въ домѣ Бабукина, обратились въ муниципалитетъ съ просьбой дать имъ покровительство и защиту. Муниципалитетъ, по обсужденіи (28-го сентября) этого заявленія, обратился къ Лессепоу съ письмомъ, въ которомъ, «разсуждая объ общей пользѣ начатіемъ свободной торговли и полагая, что удовлетвореніе просителей и защита закономъ въ сохраненіи ихъ собственности и личности, можетъ послужить примѣромъ другимъ купцамъ и чрезъ то возстановитъ изобиліе сей столицы», просилъ дать разрѣшеніе на открытіе лавки, обезпечивъ продавцамъ личную и имущественную защиту (л. 80, 468 и сл.).

Къ муниципалитету обращались частныя лица съ разными просьбами. Такъ, на засѣданіи 30-го сентября была прочитана просьба Жана Дюпона о выдачѣ ему свидѣтельства въ томъ, что «магазинъ, бывшій Сентъ-Венъяна, расхищенъ и сожженъ». На это градское правленіе съ осторожностью отвѣчало: оно выдастъ лишь удостовѣреніе въ томъ, что домъ, въ которомъ проситель жилъ, сгорѣлъ, въ расхищеніи же вещей удостовѣренія дать не можетъ (л. 80, 466). Купецъ Находкинъ (городской голова) подалъ 1-го октября заявленіе, что во время вступленія французскихъ войскъ у него украдено солдатами векселей на 59,496 рублей, срокъ которымъ теперь минулъ и выдаватели которыхъ теперь въ отлучкѣ; онъ просилъ записать его заявленіе въ журналъ, чтобы тѣмъ сохранить свои права на взысканіе долговъ. Просьба была уважена. Аналогичныя прошенія подавали 1) иностранецъ Петръ Дешень (4-го октября) о векселяхъ на сумму 8,100 рублей и 2) московскій купецъ Мартинъ Шауеръ (6-го октября) о заемныхъ письмахъ и распискахъ на 8,766 рублей (л. 468).

Дѣловая осторожность муниципалитета въ разрѣшеніи спорныхъ дѣлъ сказалась въ слѣдующемъ случаѣ. Иосифъ Черничъ обратился къ градскому правленію съ просьбой, въ которой требовалъ обратно отъ иностранца Клауса вещи, отданныя ему во время по-

жара въ Москвѣ на сохраненіе. Прошеніе это разбиралось на засѣданіи 2-го октября, куда явились и тотъ и другой. Клаусъ сообщилъ, что во время пожара тѣ вещи пропали. Градское правленіе, выслушавъ ихъ обоихъ, опредѣлило: такъ какъ «Черничъ не въ состояніи обличить Клауса въ похищеніи, то и не можетъ оно удовлетворить его, и возвратило ему просьбу съ рѣшеніемъ» (л. 467 об.).

Если ко всему сказанному присоединить отвѣтъ муниципалитета на запросъ Бернарда, то этимъ и будетъ исчерпана дѣятельность московскаго муниципалитета по нашимъ документамъ. Бернардъ, главный казначей французской арміи, 19-го сентября обратился къ муниципалитету съ письмомъ, въ которомъ просилъ доставить ему «свѣдѣніе, какую цѣну имѣетъ російскій мѣдный рубль противъ серебрянаго, а сей противъ ассигнацій». На другой день Бернарда особымъ письмомъ извѣщали: до вступленія французской арміи въ Москву «серебряный рубль составлялъ 400 копеекъ, т. е. четыре рубля ассигнаціями или 400 копеекъ мѣдными; настоящій же курсъ опредѣлить невозможно по случаю совершеннаго пресѣченія всякихъ торговыхъ операцій» (л. 84, 462 об.).

Московскій муниципалитетъ собирался на засѣданія весьма часто, почти ежедневно, несмотря на то, что инструкция требовала лишь двухъ собраній въ недѣлю. Всего было 17 засѣданій, за время съ 16-го сентября по 6-ое октября, а именно засѣданія происходили 16-го сентября, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 1-го октября, 2, 3, 4 и 5-го. Собранія были довольно многолюдны, какъ на это указывалъ товарищъ мэра Дюлонъ, который при слѣдствіи заявилъ, что хотя журналы муниципалитета подписаны были немногими, но «сужденіе и заключеніе по всѣмъ дѣлаемо было всегда при всѣхъ или по крайней мѣрѣ при большемъ числѣ назначенныхъ въ члены» (л. 516). Впрочемъ, можно указать, что нѣкоторые члены, намѣренно уклоняясь отъ участія въ муниципалитетѣ или же будучи въ командировкѣ, рѣдко посѣщали засѣданіе, то были Кульманъ, Штельцеръ, Сущевъ, Доноровичъ, Исаевъ, Коняевъ, Бородинъ, Кольчугинъ, Переплетчиковъ и Петръ Коробовъ, всего десять человекъ.

Членамъ муниципалитета платилось жалованье. Любопытно отмѣтить, что 2-го октября было получено 4000 рублей на раздачу имъ жалованья, считая съ 3-го сентября по 3-е октября, очевидно со дня вступленія Наполеона въ Москву.

Городская полиція устраивалась одновременно съ муниципалитетомъ. Во главѣ ея были поставлены два главныхъ комиссара или полицеймейстера: магистръ московскаго университета, содержавшій пансіонъ для мальчиковъ, Виллерсъ и иностранецъ Пижо; подъ ихъ руководствомъ поставлено было во всѣхъ двадцати ча-

стяхъ города двадцать комиссаровъ ¹⁾; у каждаго комиссара былъ одинъ или два помощника.

Въ устройствѣ полиціи и въ назначеніи комиссаровъ принялъ весьма дѣятельное участіе Виллерсъ: онъ подыскивалъ нужныхъ лицъ, на которыхъ возможно было бы возложить обязанности комиссара или его помощника, убѣждалъ ихъ принять это званіе, прибѣгая иногда, по рассказамъ, къ принужденію и угрозамъ, составилъ списокъ лицъ, способныхъ занять полицейскія должности, и представилъ ихъ коменданту. Самъ Виллерсъ такъ объяснялъ (дѣло—т. II, л. 343 и сл., 544) свое участіе въ организаціи полиціи. По дѣламъ Маріинскаго госпиталя, гдѣ онъ съ семьей нашелъ убѣжище отъ огня и грабежа, явился онъ къ коменданту города Мило, который предложилъ составить списокъ иностранцевъ, живущихъ въ Москвѣ и владѣющихъ обоими языками, французскимъ и русскимъ, «для защиты жителей отъ грабежа»; онъ, Виллерсъ, предложеніе принялъ, списокъ составилъ и передалъ генералу Мило, а тотъ наверху списка вставилъ его имя и имя другого иностранца Пижо, объявивъ ему, что они будутъ главными комиссарами; такъ какъ полиція учреждалась въ интересахъ жителей Москвы, то онъ званіе принялъ; всякое утро въ восемь часовъ онъ подавалъ рапортъ о благосостояніи частей, объ успѣхахъ въ устройствѣ порядка и «всѣхъ внутреннихъ свѣдѣніяхъ»; должность исполнялъ четыре недѣли, жалованья получилъ пятьсотъ рублей (комиссарамъ по двѣсти). Итакъ, комиссары,

¹⁾ Списокъ комиссарамъ полиціи, опредѣленнымъ господами главными комиссарами 11, 12 и 13 сентября 1812 года къ частнымъ комендантамъ (л. 26):

Номера.	Названіе частей.	Имена комиссаровъ.
1—въ	Городской	Петръ Морель (Morel)
2—»	Пятницкой	Данило Фабръ (Fabre)
3—»	Серпуховской	Карль Купе (Coupey)
4—»	Екиманской	Иосифъ Рэде (Roede)
5—»	Мясницкой	Иванъ Визардъ (Visard)
6—»	Тверской	Александръ Прево (Prevot)
7—»	Пречистенской	Франсуа Реми (Remy)
8—»	Арбатской	Карль Лассанъ (Lassan)
9—»	Срѣтенской	Иванъ Борнъ (Born)
10—»	Яузской	Жоржъ Лалансъ (Lalance)
11—»	Хамовницкой	Клодъ Хіетъ (Huet) позднѣ Данкуръ
12—»	Новинской	Петръ Мерсанъ (Mersan)
13—»	Прѣсененской	Михайло Маркъ (Marc)
14—»	Сущевской	Венеславъ Шоркъ (Schaurek)
15—»	Мѣщанской	Антонъ Меркуринъ
16—»	Басманной	Хибертъ Дро (Drotz, Droz)
17—»	Таганской	Иосифъ Черничъ (Tschernitsch)
18—»	Рогожской	Иосифъ Бушотъ (Bouchotte)
19—»	Лефертовской	Жоржъ Паланъ (Palange)
20—»	Покровской	Фридрихъ Эльманъ (Elman).

при содѣйствіи Виллерса, были назначены комендантомъ. Товарищи же комиссара нерѣдко подыскивались самимъ комиссаромъ, во время отправления своей должности, и представлялись коменданту или главному комиссару.

Комиссарами въ подавляющемъ большинствѣ были иностранцы, проживавшіе въ Москвѣ. Нѣкоторые вступили въ эту должность охотно, считая, что они окажутъ этимъ помощь не только французамъ, но и русскимъ обывателямъ, другіе же принуждаемы были къ этому голодомъ или страхомъ и принимали должности, надѣясь черезъ то получить пропитаніе и защиту. Отставной прапорщикъ Паланжъ такъ объясняетъ принятіе имъ должности комиссара: «По разореніи его дома, когда онъ одиннадцать дней жилъ съ семействомъ въ полѣ и когда голодъ заставилъ его искать пищи, то, явись къ коменданту, (онъ) просилъ о дачѣ хлѣба и пристанища, а сей отправилъ его къ Виллерсу, по убѣжденію коего и по причинѣ голода принялъ званіе комиссара» (л. 498). Объ иностранцѣ Фабрѣ, который былъ комиссаромъ Пятницкой части, іеромонахъ Густъ, казначей Высокопетровскаго монастыря, показаль: во время нашествія французовъ зашелъ въ монастырь иностранецъ Фабръ «въ жалостномъ положеніи, весь разграбленъ и разбитъ, просилъ о подаяніи ему хлѣба, коего онъ три дня не ѣлъ, почему онъ, Густъ, далъ ему, сколько можно». Послѣ этого Фабръ, по его словамъ, по принужденію долженъ былъ принять должность комиссара (л. 501). Мерсанъ, по его показанію, принялъ званіе «по принужденію Виллерса, будучи приведенъ къ нему французскимъ пикетомъ». Лассанъ (изъ Дрездена) «вступилъ въ французскую службу частью отъ принужденія, а частью отъ обмана», ибо былъ ограбленъ и доведенъ до крайности; ища пропитанія, онъ пришелъ къ французскому офицеру, который «его отъ себя не выпустилъ иначе, какъ послалъ съ нимъ караульнаго; на что другихъ доказательствъ не имѣеть, кромѣ ужаса, который онъ противъ французовъ всегда имѣлъ» (л. 502). Коллежскій совѣтникъ Виноградовъ заявлялъ, что онъ «въ должность помощника комиссара вступилъ по обману Виллерса, который держалъ его одиннадцать дней подъ карауломъ».

Къ среднѣ сентября комиссары по частямъ были назначены и вступили въ отправление своихъ обязанностей. 20-го сентября муниципалитетъ предлагалъ Лессепсу присоединить ко вновь учрежденнымъ комиссарамъ оставшихся въ Москвѣ прежнихъ полицейскихъ офицеровъ, которые могутъ указать существенную помощь въ отваленіи ихъ обязанностей (л. 83, 462). Что служащіе при полиціи потомъ вступали въ новую полицію, видно изъ нѣкоторыхъ примѣровъ. Такъ помощникомъ комиссара Таганской части Чернича былъ А. Прокофьевъ, который прежде служилъ при полиціи унтеръ-офицеромъ (л. 326).

Инструкціи имъ до насъ не дошло, можетъ быть, ея совѣтъ и не было; а потому для характеристики ихъ дѣятельности приходится пользоваться рапортами ¹⁾, которые подавались комиссарамъ на имя главнаго комиссара или коменданта.

Дѣятельность комиссара состояла 1) въ осмотрѣ своей части, приведеніи въ извѣстность количества домовъ, годныхъ для жилья, и числа жителей, 2) въ помощи при размѣщеніи войскъ, 3) въ заботахъ о чистотѣ улицъ и дворовъ, 4) въ принятіи мѣръ противъ пожаровъ, 5) въ поддержаніи тишины и спокойствія, 6) въ разборѣ жалобъ и просьбъ жителей и 7) въ исполненіи разныхъ порученій муниципалитета и властей.

Комиссары, по вступленіи въ должность, прежде всего занялись осмотромъ той части, которая была имъ поручена. Комиссаръ Покровекой части Эльманъ въ рапортѣ отъ 14-го сентября сообщаетъ: «Сегодня утромъ въ восемь часовъ я представился коменданту этой части и показалъ ему мои бумаги по службѣ, послѣ чего я сопровождалъ его по округѣ около сѣверной и западной части, гдѣ мы нашли лавку съ сахаромъ, а другую—съ шелковыми матеріями, о чемъ ожидаемъ мы дальнѣйшихъ свѣдѣній, о которыхъ я не премину донести» (л. 317). Черезъ день (16-го) тотъ же комиссаръ писалъ: «Я сопровождалъ господина коменданта во время осмотра имъ сахарнаго завода (la fabrique de sucre), инвалиднаго дома, дома для сумасшедшихъ и двухъ домовъ для бѣдныхъ секты людей, называемыхъ въ Россіи раскольниками» (л. 319). А 19-го сообщалъ, что онъ «занимался узнать число жителей, оставшихся въ домахъ одной части квартала» (л. 346).

Комиссаръ Данкуръ 19-го сентября рапортовалъ: «Я освидѣтельствовалъ семнадцать домовъ въ Хамовникахъ, изъятыхъ отъ огня, съ показаніемъ имени каждаго хозяина. Сегодня я надѣюсь кончить въ этой части» (л. 323). Комиссаръ Морель (изъ Городской части) отъ 17-го сентября сообщилъ, что онъ описываетъ Ильинскую и Варваринскую улицы; «во время вчерашняго осмотра,—писалъ онъ,—я замѣтилъ восемь кипъ шерсти, изъ которыхъ нѣсколько отъ пожара повреждены; онѣ покнуты подъ сводомъ биржевого строенія; я полагаю, что можно оныя употребить, если никто ихъ не будетъ требовать, для занятія несчастныхъ, которые будутъ очень довольны имѣть работу и матерію для одежды». Черезъ день Морель докладывалъ: «Сегодня займусь остающимися частями города; вчера мнѣ въ томъ помѣшали разныя разысканія и жалобы жителей на обиды, причиняемая имъ солдатами» (л. 342, 343).

¹⁾ Рапорты на французскомъ языкѣ и лишь отъ одного комиссара Чернича на нѣмецкомъ; при нихъ современный переводъ, которымъ я и пользовался, исправляя его по подлиннику лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Визарь при осмотрѣ (19-го сентября) выяснилъ, что въ Мясницкой части, кромѣ домовъ, «остались цѣлы двѣ аптеки, одна на Покровкѣ, другая—на Лубянкѣ» (л. 345); домовъ же, удобныхъ для жилья, по рапорту 2-го октября, каменныхъ сто шестьдесятъ, деревянныхъ сто сорокъ восемь, церквей двадцать пять, сгорѣло домовъ сто двадцать (л. 446).

Меркуринъ сообщалъ (отъ 2-го октября), что въ его части въ первой Мѣщанской осталось въ цѣлости сорокъ домовъ и двѣ церкви, во второй—двѣнадцать домовъ, изъ которыхъ три весьма обширны, въ третьей—тридцать два дома, въ четвертой—шестнадцать домовъ, два института, Александровскій и Екатерининскій, и два госпиталя (л. 368). Дро изъ Басманной (отъ 2-го же октября) сообщалъ о двадцати шести цѣлыхъ домахъ, въ которыхъ можно жить, съ перечисленіемъ именъ владѣльцевъ.

Комиссаръ Реми въ своемъ первомъ рапортѣ отъ 14-го сентября писалъ, что онъ осматривалъ Пречистенскую часть 13-го сентября; «во время объѣзда замѣтилъ, что большая часть жителей скрылась въ погреба и церкви». Онъ многихъ опрашивалъ, и большинство изъ нихъ отвѣчали, что они терпятъ недостатокъ въ пищѣ, питаются «сырой рожью», которую имъ удалось собрать; «они объявили желаніе, чтобы имъ дано было письменное позволеніе выйти изъ города къ своимъ роднымъ, живущимъ внутри государства, или же въ деревни господъ своихъ». «Еще до моего вступленія,—писалъ Реми,—магазины съ жизненными припасами сгорѣли, погреба всѣ проломаны и опустошены» (л. 430).

Еще печальнѣе были свѣдѣнія, сообщенныя комиссаромъ Рогожской части Бушотомъ. Въ его рапортѣ отъ 15-го сентября читаемъ: «Я пробѣгалъ всю округу, подъ моимъ вѣдѣніемъ находящуюся; я нашелъ одинъ пепель и весьма мало домовъ, въ которыхъ можно было бы жить»; имѣется большое количество русскихъ плѣнныхъ» (л. 447).

Осмотръ комиссаровъ показалъ, какому страшному опустошенію подверглась Москва, благодаря пожарамъ и грабежу. Нелегкая задача вышла на долю комиссаровъ, которымъ приходилось наводить порядокъ послѣ разгрома, когда страсти французскихъ солдатъ не улеглись, а мѣстное населеніе испуганно пряталось по подваламъ, погребамъ и пустырямъ.

Комиссары оказывали помощь въ размѣщеніи войскъ по квартирамъ. Эльманъ изъ Покровской части въ рапортѣ отъ 15-го сентября сообщаетъ: «Сегодня я не могъ ничѣмъ заняться, поелику долженъ былъ помогать господину коменданту въ назначеніи квартиръ вступившимъ сегодня 18 и 93 полкамъ» (л. 455). Комиссаръ Рэде (Екиманской части) предлагалъ (3-го октября) перевести солдатъ изъ дома купца Будыгина въ другіе дома, находящіеся въ той же улицѣ, такъ какъ домохозяинъ въ своемъ домѣ «не имѣлъ ни одной комнаты для себя».

Поддержаніе чистоты на улицахъ, площадяхъ и дворахъ требовало довольно много времени и заботъ отъ комиссаровъ. Ихъ рапорты полны сообщеніями о томъ, что убрано столько-то мертвыхъ тѣлъ, зарыто столько-то падшихъ лошадей; это дѣло тормозилось за недостаткомъ рабочихъ рукъ и нужныхъ инструментовъ. Комиссаръ, напримѣръ, первой части Морель (15-го сентября) писалъ въ рапортѣ: «Мы уже три дня занимаемся чисткой главныхъ улицъ, прикосновенныхъ къ Кремлевскимъ воротамъ, но сіе дѣло идетъ несовершенно за недостаткомъ лопатъ и другихъ нужныхъ инструментовъ» (л. 450). Визаръ изъ Мясницкой даже 19-го сентября могъ написать въ рапортѣ, что «почти вся часть очищена отъ мертвыхъ тѣлъ и падшихъ лошадей, которыя въ оной находились» (л. 345). Въ тотъ же день и о Срѣтенской части доносили, что въ ней «очистка улицъ продолжается».

Когда же генеральная очистка улицъ закончилась, все равно комиссарамъ приходилось почти каждый день заниматься уборкой труповъ. Такъ, Маркъ (Прѣсененской части) 24-го сентября сообщалъ, что онъ приказалъ похоронить солдатъ, умершихъ въ Александровскомъ госпиталѣ; 1-го октября, что онъ приказалъ предать погребенію четырнадцать умершихъ русскихъ солдатъ; а 5-го октября снова доносилъ, что онъ распорядился «схоронить четырнадцать умершихъ тѣлъ» (л. 402). Паланжъ изъ 19-й части 5-го октября сообщалъ, что имъ погребено «пятьдесятъ девять найденныхъ въ казармахъ и погребяхъ мертвыхъ тѣлъ». При уборкѣ труповъ иногда даже поверхностный осмотръ указывалъ на причину смерти. Комиссаръ Морель 4-го октября доносилъ, что «вчера нашлось тѣло одного жигеля, лишившагося жизни отъ холода и болѣзни».

Меркуринъ (1-го октября) въ своемъ рапортѣ писалъ, что онъ приказалъ снести на кладбище трупъ, у котораго «отгнѣли ноги». Довольны часты въ рапортахъ указанія на уборку падшихъ лошадей. Такъ, напримѣръ, Лассанъ съ Арбата 1-го октября доносилъ: «Въ разныхъ частяхъ моей округи находится семь падшихъ лошадей, которыхъ я прикажу завтра убрать» (л. 363). Къ уборкѣ привлечены были, въ согласіи съ постановленіемъ муниципалитета, люди изъ простонародья, которымъ за ихъ трудъ платили деньгами.

Комиссаръ 16-й части 4-го октября обратился къ главнымъ комиссарамъ съ просьбой приказать выдать ему «нѣсколько денегъ для раздачи разнымъ крестьянамъ, которые закапывали падшихъ лошадей» (л. 408).

Комиссары внимательно слѣдятъ за цѣлостью зданій и всякій разъ сообщаютъ свѣдѣнія о пожарахъ, которые были довольно часты и послѣ общаго пожара въ началѣ сентября.

Данкуръ, комиссаръ Хамовницкой части, 19-го сентября сообщалъ: «Значительный пожаръ въ прошедшую ночь былъ по ту сторону рѣки за Нескушнымъ садомъ». Изъ Новинской части Мер-

сань, съ 16-го на 17-ое сентября доносились: «Вчера по полудни въ три часа загорѣлся домъ у предмѣстья Новинской или Драгомиловской слободы, сгорѣло четыре дома и одинъ былъ сломанъ. Усердіе и дѣятельность французскихъ солдатъ воспрепятствовали усилиться пламени» (л. 321). 2-го октября онъ же писалъ: «Вчерашнее утро въ предмѣстьи былъ пожаръ, два дома сгорѣло».

Комиссарамъ по порученію муниципалитета, было поручено собрать все пожарныя трубы, разбросанныя въ единичномъ числѣ по разнымъ мѣстамъ, ради борьбы съ пожарами. Можно также отмѣтить, что комиссары, по просьбѣ жителей, готовы были настаивать на примѣненіи мѣръ предосторожности противъ пожара. Такъ, комиссаръ Мясницкой части 24-го сентября въ рапортѣ доносилъ своему начальству: «Въ домѣ Татищева подъ № 193, позади дома, въ коемъ живетъ господинъ интендантъ Лессенсъ, квартируютъ у господина Дрейера нѣсколько офицеровъ и драгунъ императорской гвардіи. Означенный господинъ Дрейеръ жалуется, что по вечерамъ горятъ у нихъ свѣчи въ деревянныхъ копошняхъ, которыя набиты соломой; сверхъ сего такъ жарко топятъ печи, что невозможно существовать въ томъ сильномъ градусѣ жару. Неосторожность сія легко можетъ причинить пожаръ, который тѣмъ опаснѣе, что въ окрестности все строения и палисады деревянные. Почему господинъ Дрейеръ проситъ вмѣсто находящейся кавалеріи помѣстить инфантерію» (л. 328). Результатъ рапорта неизвѣстенъ.

Существенной стороною дѣятельности полицейскихъ властей было поддержаніе общественной тишины и спокойствія. Здѣсь имъ приходилось бороться съ беззастѣнчивымъ грабежомъ, производимымъ какъ французскими солдатами, такъ и московской чернью. Въ первые дни вступленія французской арміи въ Москву грабежъ официально былъ дозволенъ; онъ и происходилъ повсюду, не прекращаясь даже во время пожаровъ. Но начиная съ 13-го сентября слѣдуютъ одинъ приказъ за другимъ, которыми грабежъ запрещался. Однако на первое время солдаты не обращали вниманія на подобные приказы, тогда власти принимаютъ строгія мѣры противъ грабителей. Въ генеральномъ приказѣ 17-го (29-го) сентября, напечатанномъ къ всеобщему свѣдѣнію въ видѣ афиши, говорилось: «Не взирая на дашныя повелѣнія, чтобы прекратить грабежъ, однакожь оный въ нѣкоторыхъ частяхъ продолжается»; для установленія порядка предписано караульнымъ у заставахъ, разнымъ постамъ и патрулямъ въ городѣ арестовывать всякаго, кто будетъ нести припасы (въ приказѣ Менадье сказано: «вещи»), не происходящіе отъ регулярной раздачи; комендантамъ частей предписано, при содѣйствіи военныхъ отрядовъ, содержать полицейскій порядокъ, защищать жителей и крестьянъ, привозящихъ въ городъ припасы. «Солдаты, которые будутъ взяты подъ караулъ и которымъ будетъ доказано, что (они) продолжали грабежъ, будутъ преданы, считая отъ

завтрашняго дня, т. е. отъ 18-го (30-го сентября, воинскимъ комиссіямъ и будутъ суждены по строгости законовъ» (ср. такой же приказъ отъ 18-го (30-го) (л. 20). Приказъ, помимо объявленія, должно было нѣсколько дней подъ рядъ читать по ротамъ.

Къ прекращенію грабежа и установленію порядка призваны были, кромѣ военныхъ властей, и полицейскіе чиновники, какими были комиссары. Соединенными усиліями послѣ 18-го сентября грабежъ въ самомъ дѣлѣ удалось уменьшить, а мѣстами на время совсѣмъ прекратить; жители, благодаря этому, спокойнѣе стали относиться къ завоевателямъ и возвращаться къ привычному роду занятій. Комиссаръ Пятницкой части 24-го сентября рапортовалъ: «Въ части было гораздо спокойнѣе»; «жители начинаютъ привыкать къ новому правительству и надѣются отъ онаго всякаго благополучія» (л. 308).

Въ тотъ же день изъ Яузской части Лалансъ сообщалъ: «Порядокъ начинаетъ понемногу устанавливаться; но, несмотря на мою активность, я еще не могу помѣшать отдѣльнымъ грабежамъ (les vexations partielles), которые позволяютъ себѣ солдаты» (л. 310). Комиссаръ Рогожской части (отъ 1-го октября), хотя и сообщалъ, что «жители безпрестанно жалуются на войска, которыя грабятъ по ншчамъ вооруженною рукою», тѣмъ не менѣе заявлялъ: «все въ моей части спокойно» (л. 309).

Комиссаръ Пречистенской части 24-го сентября писалъ: «Жители начинаютъ менѣе жаловаться на грабительство, но безпрестанно жалуются на голодъ». Визаръ изъ Мясницкой въ тотъ же день доносилъ: «Хотя я наконецъ успѣлъ возстановить порядокъ во многихъ домахъ моего округа и имѣлъ счастье вселить довѣріе въ нѣхъ которыхъ жителей, намѣревающихся приказать привозить въ Москвѣ яственные припасы, но все-таки ежедневно дѣлаются шалости (des excès), которыя я не могъ воздержатъ и о коихъ я сдѣлаю послѣдующее донесеніе» «Я опасуюсь, что и впредь мои старанія будутъ бесплодны», добавлялъ онъ (л. 328). Слѣдуетъ подчеркнуть, что происходили лишь «эксцессы», но общій порядокъ стараніями комиссара, по его словамъ, былъ возстановленъ.

25-го сентября комиссаръ Яузской части рапортовалъ, что въ его округѣ «все было довольно спокойно». Рѣшительнѣе Маркъ, который въ доношеніи отъ того же 25-го числа относительно Прѣсенской части заявлялъ: «Порядокъ начинается существовать въ моей округѣ». Паланжъ 4-го октября доносилъ, что въ 19-й части «ночью было все спокойно», «никакихъ жалобъ не поступало» (л. 379).

О томъ, что въ общемъ порядокъ въ Москвѣ энергично поддерживался, можно заключить изъ слѣдующихъ фактовъ. По словамъ арбатскаго комиссара Лассана, комендантъ той части строго «запретилъ стрѣлять подъ опасеніемъ штрафа». Однажды (2-го октября) комиссаръ услышалъ, что произведенъ выстрѣлъ въ саду одного дома;

чтобы изобличить виновника, онъ пошелъ въ садъ изслѣдовать это происшествіе; оказалось, что стрѣлявшій скрылся, а на землѣ лежалъ пистолетъ, изъ котораго былъ произведенъ выстрѣлъ (л. 406). 5-го октября Паланжъ изъ Лефортовской части передавалъ о слѣдующемъ происшествіи. Купецъ Иванъ Дмитріевъ «выконалъ свои вещи, былъ взятъ здѣшной гвардіей, но, представивши свидѣтельство, за подписаніемъ горожанъ здѣшной части, что оныя вещи дѣйствительно ему принадлежать», получилъ ихъ обратно. Послѣдній случай говоритъ о томъ, что мирное теченіе жизни уже было восстановлено и охранялось властью.

Однако, несмотря на нѣкоторый порядокъ, полного восстановленія общественной тишины и спокойствія достигнуто не было. Прежде всего вновь вступавшія войска, изъ корысти и зависти, начинали грабить и опустошать то, что осталось въ цѣлости отъ прежняго расхищенія. Комиссаръ Фабръ въ рапортѣ отъ 4-го октября писалъ: «Со времени вступленія новыхъ войскъ безпорядокъ и грабительство снова начались и весьма сильно» (л. 304).

Затѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что при той массѣ войска, которая собралась въ Москвѣ, отдѣльные случаи нарушенія порядка и частныя грабежи были вполнѣ естественны, но властямъ съ ними возможно было бороться мѣрами строгости. 2-го октября комиссаръ Таганской части доносилъ: «Солдаты изъ монастырей Спаса на Новомъ и Покровскаго здѣшнихъ жителей весьма тревожили, но нами и нашимъ патрулемъ тишина тотчасъ была восстановлена» (л. 329). 5-го октября Паланжъ сообщалъ: «Двѣ женщины жаловались, что они были биты французскими солдатами, почему комендантъ сей части (Лефортовской) отправилъ вчера виновныхъ къ главному коменданту».

Комиссаръ Серпуховской части 3-го октября писалъ: «Доношу, что въ моемъ округѣ взятъ грабившій польскій солдатъ въ домѣ и одинъ вюртембергскій захваченъ патрулемъ съ разными вещами; оба солдата посланы г. комендантомъ къ главному коменданту графу Мило».

Но мѣры, принимаемыя властями къ поддержанію дисциплины въ войскѣ, къ установленію порядка, далеко не всегда были дѣйствительны. Многія обстоятельства содѣйствовали тому, что властямъ нрѣдко приходилось смотрѣть сквозь пальцы на поступки солдатъ и иныхъ чиновъ арміи. Данкуръ изъ Хамовницкой части доносилъ коменданту о слѣдующемъ безчинствѣ солдатъ: «Несмотря на точное приказаніе, которое я получилъ отъ васъ для передачи онаго воинской командѣ, расположившейся на бивуакѣ въ саду Всеволожскаго, несмотря даже на снисходительное приглашеніе вше, которое вы сами вчерашняго утра капралу сдѣлали относительно большого количества лошадей, которыхъ они изъ удо-

вольствіи убивали ружьями, беспорядокъ сей умножился спустя послѣ того черезъ два часа, и они еще повалили пять лошадей не стрѣляніемъ изъ ружья, но пересѣкая имъ ноги саблями. Итакъ, г. комендантъ, самыя ваши приказанія не были уважены, какъ и мое усердіе въ томъ вамъ помогать» (л. 350).

Паденію дисциплины и беспорядкамъ въ особенности содѣйствовалъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Солдаты рыскали всюду по домамъ, подваламъ и погребамъ, разыскивая хлѣбъ и овощи. Комиссаръ Таганской части Черничъ въ рапортѣ Виллерсу доносилъ (1-го октября): «Ищущіе пропитанія солдаты безпрестанно безпокоятъ, бьютъ и грабятъ жителей» (л. 326). Лалансъ съ Яузы еще 19-го сентября писалъ: «Подъ предлогомъ прогулки они (солдаты) пробѣгаютъ улицы съ обнаженной саблей, спрятанной подъ плащомъ, входятъ въ погреба и дома, и гдѣ найдутъ жителей, то, угрожая имъ саблей, отнимаютъ послѣднее у нихъ оставшееся и даже послѣдній кусокъ хлѣба». Даже часовой на заставѣ, какъ объ этомъ упомянуто выше, отобралъ у проходящаго муку и лишь послѣ вмѣшательства комиссара Меркурина въ это дѣло, когда постъ остановился у его квартиры, тотъ возвратилъ собственнику «нѣсколько хлѣба, оставшагося изъ той муки».

До чего была велика нужда въ съѣстныхъ припасахъ, показываетъ слѣдующее. Комендантъ города графъ Мило приказалъ воспретить ловлю рыбы, производившуюся въ Басманной части, въ прудѣ Кроткова, ради чего комиссаръ приказалъ поставить у того пруда часового. Сами комиссары и ихъ помощники испытывали крайнюю нужду въ хлѣбѣ; ихъ рапорты полны просьбами объ отпускѣ «раціоновъ». Приведу два примѣра. Въ запискѣ Фабра читаемъ: «Сдѣлайте милость, г. главный комиссаръ, увѣдомьте, получу ли я сегодня нѣсколько провизіи! Повѣрьте мнѣ, что вы меня тѣмъ до чрезвычайности обяжете» (л. 367). Комиссаръ Лассанъ писалъ 1-го октября): « Я прошу г. главныхъ комиссаровъ при раздачѣ хлѣба имѣть въ виду затруднительное положеніе, въ коемъ я и мой помощникъ находимся, коего аккуратность и усердіе требуютъ поощренія; мнѣ нужно четыре раціона хлѣба ежедневно, т.-е. два раціона мнѣ, одинъ для помощника и одинъ для разсылнаго, тотъ и другой женаты и имѣютъ обширныя семейства; изъ сего заключить можно, что я требую необходимо нужнаго». Въ концѣ приписка: «Въ случаѣ что посланный приметъ нѣсколько раціоновъ хлѣба, то я прошу г. главныхъ комиссаровъ приказать проводить его съ солдатомъ» (л. 363). Очевидно, опасно было безоружному появиться на улицѣ съ кускомъ хлѣба!

Въ грабежахъ и хищеніяхъ принимали участіе и русскіе. Комиссаръ Черничъ доносилъ: «Съ 1-го по 2-ое ничего новаго не происходило, кромѣ жалобы на одного московскаго жителя, показы-

вающаго солдатамъ мѣста для грабежа ¹⁾ и который вмѣстѣ съ ними у нѣкоторыхъ разбилъ стекла и посуду, и потомъ ихъ бѣдныхъ билъ; по объявленію тѣхъ, кон были биты, плѣнный былъ такъ пьянь, какъ и солдаты» (л. 371). Комиссаръ первой части 25-го сентября сообщалъ: «Я началъ, сколько возможно, воспрепятствовать грабительству, учиняемое жителями Москвы и деревень. Г. комендантъ части далъ вслѣдъ затѣмъ приказаніе на заставахъ ничего не пропускать за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ» (л. 420). Маркъ изъ Прѣсененской части доносилъ (4-го октября) о поимкѣ шести человекъ «воровъ изъ русскихъ» (л. 360).

Жители, терпя грабежи, побои и насилія, постоянно обращались съ жалобами къ комиссарамъ, которые, хотя и не имѣли силъ предупредить и прекратить подобныя поступки, тѣмъ не менѣе оказывали посильную помощь тамъ, гдѣ могли. Лалансъ, напримѣръ, передаетъ такой случай. «Саксонскіе и польскіе солдаты, стоящіе на бивуакахъ въ саду г. Баташова, близъ Яузы, ночью съ 24-го на 25-ое утромъ ограбили погребъ съ вещами пяти сосѣдственныхъ семействъ. Тотчасъ по полученіи о семъ извѣстія я отправился туда съ отрядомъ изъ шести солдатъ, но я нашелъ, что всѣ вещи были уже спрятаны». Комиссаръ Хамовницкой части Данкуръ (1-го октября) въ рапортѣ доносилъ: «Несмотря на ежедневныя приказы, солдаты въ нашей части задерживаютъ жителей на улицахъ и оставляютъ ихъ у себя для работы. Осмѣливаюсь говорить, что то дѣлаютъ съ дозволенія ихъ начальства и такимъ образомъ удерживаютъ у себя несчастныхъ отцовъ, имѣющихъ семейства и заботящихся объ ихъ прокормленіи. Вчера я долженъ былъ идти самъ и возвращать нѣкоторыхъ, въ числѣ коихъ были Поповъ и Котовъ, семейные люди» (л. 426). Комиссаръ Прѣсененской части 2-го октября сообщалъ, что ему «еще принесено нѣсколько жалобъ» на продолжающееся грабительство; «я постараюсь, увѣряя комисаръ, сегодня дать удовлетвореніе» (л. 335).

Если же комиссаръ почему-либо не могъ самъ удовлетворить жалобу, то онъ обращался къ главнымъ комиссарамъ за указаніями и содѣйствіемъ. Лассанъ съ Арбата писалъ (2-го октября) главнымъ комиссарамъ: «П. Разумовъ, бывший прежде сего секретаремъ коллегіи, пришелъ вчера, объявилъ, что онъ жилъ въ моей округѣ въ домѣ Бибикова на Козихѣ, который онъ по случаю пожара» «долженъ былъ оставить и находился со всѣми своими вещами въ сосѣдственномъ

¹⁾ Въ рапортѣ Лаланса 24-го сентября сообщалось: онъ «захватилъ и доставилъ коменданту восемь русскихъ солдатъ, бывшихъ прежде при полиціи и чрезъ то самое подозрительныхъ». Позднѣе при слѣдствіи Лалансъ объяснилъ, что онъ получилъ отъ жителей квартала многія жалобы на этихъ солдатъ, которыхъ обвиняли «въ показаніи непрятелю мѣста, гдѣ находилось закопаннымъ имущество», мѣста же тѣ солдаты знали, такъ какъ раньше служили въ томъ кварталѣ; въ виду этого онъ считалъ нужнымъ въ удовлетвореніе просителей задержать солдатъ и отправить ихъ къ коменданту (л. 314).

огородѣ. Люди (*des gens*), коихъ онъ въ лицо узнать можетъ, пришли туда его бить, причинили ему нѣсколько ранъ на головѣ и, связавъ его, привязали за шею къ дереву, гдѣ они его оставили въ теченіе ночи во время дождя, ограбили его комнаты и похитили все его вещи; послѣдствіемъ была «тяжелая болѣзнь», оправившись отъ которой, онъ 1-го октября вышелъ по дѣлу, и «тѣ же самые люди ограбили у него остатки».

«Разумовъ просить у правительства защиты и покровительства противъ сихъ разбойниковъ, коихъ жительство онъ показать можетъ». Если «нужно будетъ задержать обвиняемыхъ, — писалъ комиссаръ, я прошу главныхъ комиссаровъ назначить часъ, въ который я могу получить жандармовъ и въ какое мѣсто я долженъ обвиняемыхъ представить» (л. 341).

Въ этомъ дѣлѣ замѣшаны были московскіе жители, и комиссаръ намѣренъ былъ ихъ арестовать. Но если въ притѣсненіяхъ замѣшаны были французы, комиссары настаивали на удовлетвореніи потерпѣвшихъ. Кромѣ прежнихъ, приведу еще примѣръ. Комиссаръ Мясницкой части 25-го сентября сообщалъ: «Г. Дюпиръ (*Dupire*), инспекторъ жизненныхъ припасовъ 7-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, живущій въ домѣ дѣвицы Ирины Козиной, не довольствуясь отнятіемъ у своихъ хозяевъ всего того, что они имѣли, и лишивъ ихъ даже послѣднихъ средствъ къ пропитанію, билъ ихъ еще саблею. Несмотря на повторяемые мои приглашенія къ пресѣченію таковыхъ обидъ, несчастнымъ людямъ наносимыхъ, я ни малѣйше въ томъ успѣть не могъ... Я прошу главныхъ комиссаровъ доставить угнетеннымъ удовлетвореніе» (*justice aux opprimes* — л. 359).

Я думаю, изъ всего изложеннаго видно, что комиссары оказывали помощь населенію всякій разъ, какъ имѣли къ тому какую-либо возможность.

Комиссары выполняли разнаго рода порученія высшей власти. Они вывѣшивали прокламаціи къ свѣдѣнію жителей, заботились о сооруженіи и поставкѣ будокъ для часовыхъ, доставали телѣги и лошадей для нуждъ арміи и госпиталей, заботились о плѣнныхъ и раненыхъ. Визаръ, напримѣръ, по его сообщенію, послалъ (4-го октября) въ воспитательный домъ сорокъ крестьянъ для ухода за больными. Комиссары, какъ было выше упомянуто, заботились о возстановленіи богослуженія. Этимъ послѣднимъ указаніемъ и исчерпывается характеристика дѣятельности городской полиціи, насколько это возможно было сдѣлать по имѣвшимся въ моихъ рукахъ документамъ.

Заканчивая обзоръ, о муниципальномъ совѣтѣ и полиціи нужно сказать слѣдующее. Задуманныя по широкому плану и съ широкими задачами, эти учрежденія на первыхъ же шагахъ встрѣтили противодѣйствіе со стороны жителей гор. Москвы, которые разными

способами пытались уклониться отъ участія въ нихъ. Но та гуманная цѣль, ради которой они были учреждены, подкунала многихъ, и они отдались дѣятельности на пользу «несчастныхъ» жителей Москвы.

Оцѣнка дѣятельности московскаго муниципалитета дана была еще сенатомъ (въ 1814 году), въ опредѣленіи котораго по поводу лицъ, привлеченныхъ къ суду за участіе въ немъ, читаемъ: «Постановленія муниципалитета имѣли главнѣйшей цѣлью: одни сохраненіе казеннаго имущества, другія доставленіе соотечественникамъ безопасности и продовольствія, а иныя означаютъ одно только притворное повиновеніе для избѣжанія непріятельскаго мщенія»; «вообще же всѣ распоряженія не доставили непріятелю никакихъ злыхъ послѣдствій». Московскіе жители, бывшіе въ городѣ во время нашествія французовъ, тоже вспоминали добрымъ словомъ Находкина и другихъ членовъ городского совѣта. Такого же рода въ сущности и дѣятельность комиссаровъ.

Но дѣятельность муниципальнаго совѣта и городской полиціи протекала среди взбунтовавшихся грозныхъ стихій, овладѣть которыми и направить къ спокойному мирному теченію было невозможно, почему и результатъ дѣятельности этихъ учреждений былъ незначителенъ. Вслѣдъ за уходомъ французовъ изъ Москвы и учрежденія, созданныя ими, исчезли, а лица, принимавшія въ нихъ участіе, были преданы суду по обвиненію въ измѣнѣ и служенію непріятелю; однако позднѣе они были частью оправданы, частью освобождены отъ наказанія путемъ амнистіи.

М. Ключковъ.

ШПИОНЪ НАПОЛЕОНА ВЪ ССЫЛКѢ.

«Я научился понимать его (Наполеона),
онъ болѣе не обманетъ меня»...»

Императоръ Александръ I ¹⁾.

ВАДЦАТЬ ДЕВЯТАГО іюля 1815 года въ два часа по полудни вятскій губернаторъ Ѳ. И. фонъ-Брадке принялъ политическаго арестанта, доставленнаго подъ конвоемъ полицейскаго офицера и двухъ солдатъ; въ препроводительной бумагѣ отъ главнокомандующаго гор. Москвы генерала-отъ-кавалеріи Торماسова этотъ арестантъ именовался ²⁾ «однимъ изъ важнѣйшихъ шпионовъ Бонопартъ Карломъ Корнелиусомъ шефнеръ шевелье де-Варимонтомъ», а, какъ выясняется изъ послѣдующей его переписки, былъ дипломатическимъ агентомъ по разнымъ посольствамъ, служилъ нѣкоторое время капитаномъ въ гвардейскихъ егеряхъ герцога Бергскаго и Клевскаго и, кромѣ того, состоялъ кавалеромъ Почетнаго Легіона.

Мѣстная администрація уже имѣла нѣкоторыя свѣдѣнія о вновь прибывшемъ политическомъ преступникѣ: 28-го іюля 1815 года на имя губернатора было получено предписаніе изъ министерства полиціи.

Такъ какъ это предписаніе служить первой руководящей нитью для объясненія личности Варримона и даетъ нѣкоторое предвари-

¹⁾ Изъ словъ, обращенныхъ къ полковнику Мишо.

²⁾ И въ этой цитатѣ и ниже вездѣ сохранено правописаніе подлинника.

тельное освѣщеніе его дѣла, я считаю не лишнимъ привести его полностью.

«Господину вятскому гражданскому губернатору. Получивъ отъ его императорскаго высочества и великаго князя Константина Павловича уведомленіе объ отправленномъ на жительство въ Вятку, схваченномъ въ Варшавѣ шпіонѣ Бонапарта по имени Карлѣ Корнелисѣ шефнеръ шевалье до-Варримонъ, я предписываю вашему превосходительству, когда помянутый французъ къ вамъ доставленъ будетъ, учредить за нимъ строжайшій надзоръ, на содержаніе же его отпускать въ день по 50 коп. согласно прежнему моему о содержаніи присылаемыхъ изъ за-границы людей предписанію; когда же именно де-Варримонъ прибудетъ въ Вятку, не оставьте мнѣ довести.

«Подлинное подписалъ главнокомандующій Вязмитиновъ».

Такимъ образомъ, передъ губернаторомъ фонъ-Брадке предсталъ не заурядный военноплѣнный, какихъ по условіямъ того времени было очень много какъ въ самой Вяткѣ, такъ и во всей губерніи, но человѣкъ—совершенно иного порядка: загадочный по своему прошлому, опасный, какъ преступникъ! Дальнѣйшія указанія со стороны высшаго начальства только подтверждали первое впечатлѣніе; такъ, генераль Тормасовъ, между прочимъ, писалъ губернатору: «по доставленіи къ вашему превосходительству сего важнѣйшаго арестанта я прошу васъ, милостивый государь мой, назначить ему приличное мѣсто и имѣть строжайшій присмотръ, дабы шпіонство его во всякомъ отношеніи могло быть совершенно безвредно».

Само собою разумѣется, что, слѣдуя точному смыслу предписаній и разъясненій, Ѳеодоръ Ивановичъ фонъ-Брадке принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры строжайшаго надзора и проявилъ въ данномъ случаѣ энергичную распорядительность. Немедленно былъ отданъ приказъ вятскому городничему Полозову: помѣстить Варримона впредь до подысканія ему соответствующаго помѣщенія въ нижнемъ этажѣ своего дома и имѣть «строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы онъ не только ни съ кѣмъ не вель переписки, но и вообще поменьше входилъ съ кѣмъ бы то ни было и въ какое бы ни было общеніе». Кромѣ личнаго надзора городничаго, къ Варримону былъ приставленъ военный караулъ изъ трехъ рядовыхъ и одного ефрейтора, назначенныхъ по предписанію губернатора командиромъ вятскаго внутренняго батальона.

За такимъ крѣпкимъ карауломъ очутился кавалеръ Почетнаго Легіона.

Однако вятскому губернатору, помимо прямыхъ указаній начальства, приходилось позаботиться о томъ, чтобы придать хоть сколько-нибудь приличный внѣшній видъ присланному къ нему арестанту, такъ какъ этотъ бывшій дипломатическій агентъ и кавалеръ представлялъ самый типичный и въ то же время самый жалкій

примѣръ француза въ 1812 году; на немъ, по отзыву губернатора, «не было не только приличной, но почти никакой одежды»...

Приходилось прежде всего позаботиться объ его экипировкѣ: и вотъ на первыхъ порахъ, по словесному приказанію губернатора, для шевалье де-Варримона было куплено у продавцовъ двѣ рубашки съ портами за пять рублей, одни сапоги за четыре рубля и одинъ шейный платокъ за два рубля, а всего на 11 рублей».

Но на первыхъ же порахъ давала себя чувствовать и крайняя своеобразность положенія де-Варримона: такъ, казенная палата отказывала губернатору въ уплатѣ 11 рублей, мотивируя свой отказъ отсутствіемъ какихъ-либо положительныхъ предписаній на этотъ случай; съ другой стороны, по тѣмъ же мотивамъ, вятская квартирная комиссія отказывала «секретному иностранцу», переведенному уже къ этому времени въ домъ мѣщанина Гусева, въ выдачѣ дровъ и свѣчей. Словомъ, создалось такое положеніе, что изъ-за вопроса о разрѣшеніи самыхъ пустячныхъ ассигновокъ для де-Варримона мѣстная администрація должна была сноситься съ высшимъ начальствомъ: такъ, о затратахъ упомянутыхъ одиннадцати рублей губернаторъ долженъ былъ послать донесеніе главнокомандующему въ Петербургъ Вязьмитинову (5-го ноября 1815 года). Воплнѣ понятно, что положеніе де-Варримона, въ особенности въ первые годы ссылки, было очень тяжело и, разумѣется, прежде всего въ матеріальномъ отношеніи: вѣдь не нужно забывать, что онъ не могъ подобно другимъ военнопленнымъ имѣть какой бы то ни было заработка, такъ какъ находился въ одиночномъ заключеніи. На это именно онъ прежде всего и жаловался въ письмѣ голландскому министру кавалеру Верстольку, получивъ позднѣе (1820 г.) возможность переписки съ послѣднимъ. «Если полагають,—пишетъ онъ:—что политическія обстоятельства препятствуютъ моему освобожденію, пусть обратятъ по крайней мѣрѣ вниманіе на потребности, въ коихъ претерпѣваю крайнюю нужду».

Несомнѣнно, что именно такое несчастное положеніе таинственнаго узника вызывало сочувствіе къ нему со стороны добрыхъ гражданъ Вятки, о чемъ говоритъ де-Варримонъ въ письмѣ къ французскому посланнику (въ 1820 г.): «главнѣйшіе жители сего города (Вятки)... смѣю сказать съ гордостью, удостанавлиють меня своей пріязнью».

Кромѣ матеріальныхъ затрудненій, де-Варримонъ испытывалъ не мало и моральныхъ страданій. Зброшенный судьбой въ далекую Вятку, лишенный возможности общенія съ семьей и дѣтьми ¹⁾, онъ не могъ, какъ поднадзорный, отвести душу даже въ простой бесѣдѣ съ соотечественникомъ, и сверхъ того, какъ человѣкъ, который участвовалъ въ самомъ водоворотѣ европейскихъ событій,

¹⁾ См. ниже.

онъ, повидному, больше всего страдалъ отъ полной неосвѣдомленности въ текущихъ злободневныхъ вопросахъ: не даромъ онъ въ концѣ того же письма къ французскому посланнику графу де-ля-Ферроне добавляетъ: «Несчастіе имѣетъ права свои. Сіятельный графъ, основываясь на семъ, я осмѣливаюсь просить васъ удовлетворить одну просьбу, съ каковою бы въ другихъ обстоятельствахъ не осмѣлился къ вамъ прибѣгнуть: соблаговолите прислать мнѣ нѣсколько старыхъ французскихъ газетъ»...

Естественно, конечно, что въ столь тяжелыхъ обстоятельствахъ де-Варримонъ находитъ единственно возможный для себя выходъ—припасть къ стопамъ великодушнаго императора Александра I.

И вотъ онъ уже 15-го сентября 1815 г., т. е. всего лишь черезъ полтора мѣсяца по прибытіи въ ссылку, рѣшился отправить при посредствѣ вятскаго губернатора письмо на высочайшее имя; что касается самаго дѣла де-Варримона, то оно въ данномъ письмѣ, разумѣется, освѣщается всецѣло съ субъективной точки зрѣнія автора; правда, въ нѣкоторыхъ строкахъ звучатъ такія ноты, которыя, кажется, трудно заподозрѣть въ неискренности, но въ общемъ приходится считаться съ тѣмъ, что это письмо—орудіе самозащиты. Кромѣ того, это письмо чрезвычайно интересно и важно въ томъ отношеніи, что въ немъ, хотя, правда, самимъ потерпѣвшимъ, а, слѣдовательно, въ довольно пристрастномъ освѣщеніи, но все-таки приводятся такія важныя данныя, какъ судъ надъ де-Варримонемъ, самые мотивы его обвиненію и др. Но еще важнѣе другая сторона письма, а именно тѣ черты въ характерѣ Благословеннаго императора, которыя отмѣчаетъ авторъ: кротость, великодушіе, доброта,—къ этимъ сторонамъ характера императора съ большимъ тактомъ и апеллируетъ де-Варримонъ; и въ этомъ отношеніи его письмо приобретаетъ извѣстный объективный, историческій интересъ.

Именно въ виду историческаго интереса я и рѣшаюсь привести это письмо (а ниже и отвѣтъ на него отъ имени императора Александра I) полностью, въ сдѣланномъ въ то время русскомъ переводѣ.

«Всеимлостивѣйшій государь! Именемъ самаго справедливаго и самаго кроткаго изъ самодержцевъ, именемъ Вашего Величества наконецъ я былъ взятъ въ Варшавѣ въ декабрѣ 814 года; и потомъ черезъ семь мѣсяцевъ, содержась въ разныхъ мѣстахъ, послѣ всего осужденъ въ ссылку. Сколько ни просилъ я объявить мнѣ, какое мое преступленіе, но никто не отвѣчалъ на то. Между тѣмъ говорили, будто я былъ сужденъ, и кѣмъ?»

«Секретною комиссіею, которая безъ всякихъ доводовъ, безъ всякихъ отъ меня оправданій, по одному хитрому допросу вмѣнила мнѣ въ преступленіе самую вѣрность мою, какую я оказывалъ къ моему государю, въ то время, когда онъ признанъ былъ государемъ и отъ Вашего Величества, ибо извѣстно, Всеимлостивѣйшій Государь, что послѣ того, какъ Наполеонъ дѣлалъ въ Фонтенеблѣ отреченіе,

я не былъ болѣе въ его службѣ ни собственно говоря, ниже подъ какими скрытыми видами. Найденныя у меня бумаги ничего противъ меня не доказывали. Одно только, въ чемъ можно было упрекать меня, было то, что относится до происшествій бывшихъ въ 811-мъ и 812-мъ, 813-мъ годахъ.

«Но Всемилостивѣйшій Государь! я тогда былъ въ службѣ Наполеона, я долженъ былъ повиноваться. И не можетъ быть, чтобы когда Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше простили изъ подданныхъ вашихъ измѣнниковъ поляковъ, вмѣстѣ въ то же время повелѣли наказать одного бывшего француза за его вѣрность къ своему государю; вѣрность какъ такую добродѣтель, которую Ваше Величество столько внушаетъ подданнымъ черезъ ваши великіе таланты, что кажется она вѣрность священна и не предосудительна и въ самомъ чужомъ подданномъ. Что была бы Европа, Всемилостивѣйшій Государь! Если бы за всю службу у Наполеона, въ послѣдствіи послѣ его отреченія съ каждаго взыскать?

«Нигдѣ ничего бы не видѣли кромѣ казнителей и жертвъ. Но политика, слѣдя здравому смыслу, приговорила все забыть, все простить. Ваше Величество дали тому самый великій примѣръ. По какому же несчастному случаю могло то быть, что одинъ, пріѣхавшій въ Варшаву въ надеждѣ на заключенный трактатъ и на обѣщанное забвеніе всего прошлаго—я исключеніемъ сталъ изъ сего толь мудраго благотворительнаго правила?

«Всемилостивѣйшій Государь! я въ невинности моей осмѣливаюсь свидѣтельствоваться высокопочтеннымъ фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толліемъ. Онъ можетъ донести, сколь свободно и просто отвѣчалъ я на всѣ его вопросы; онъ можетъ донести даже и то, что самъ онъ отдалъ справедливость моему чистосердечному признанію. И по симъ-то, Всемилостивѣйшій Государь, отвѣтамъ моимъ даннымъ въ надеждѣ и по торжественному увѣренію, что они никогда не наведутъ погибельныхъ слѣдствій ни мнѣ, ни тѣмъ особамъ, кои мною упомянуты—по симъ-то отвѣтамъ даннымъ съ полнымъ надѣяніемъ на увѣренія, я былъ судимъ; наипаче по случаю отъѣзда фельдмаршала, который, конечно, никогда не позволилъ бы употребить такъ во зло данное имъ мнѣ увѣреніе.

«Сколько я ни старался представлять моему допросчику, что по трактату Парижскому страна моя отдѣлена отъ Франціи, что моя родня, моя жена и мои дѣти живутъ въ Лейденѣ, гдѣ я имѣю свой домъ и гдѣ даже родился. Но не вѣря сему меня причислили къ Франціи; хотя совершенно было извѣстно, что я перешелъ посему въ подданство короля. Поставили преступленіемъ также, что я въ 812-мъ году находился въ австрійской арміи. Но, Всемилостивѣйшій Государь, армія та въ сіе время была на содержаніи Франціи. А тотъ, кто ее содержалъ, неужели не имѣлъ права послать въ нее кого-нибудь, кто бы могъ удостовѣриться, точно ли она исполняетъ сообраз-

но намѣреніямъ ея содержателя? Сверхъ того; я никогда не былъ подъ секретомъ, я тамъ былъ въ службѣ, извѣстенъ былъ князю Шварценбергу, и почти каждый день его видѣлъ. Фельдмаршалъ Барклай-де-Толлій, а послѣ его отъѣзда изъ Варшавы и великій князь Константинъ всегда производилъ мнѣ на содержаніе мое по четыре флорина польскихъ. Послѣ же того, Всемилостивѣйшій Государь! какъ меня взяли въ Россію, я получаю только по 50 коп. мѣдью на день—сумма, которой можетъ быть для военно-плѣннаго и довольно было на дневное пропитаніе, такъ какъ каждый плѣнный могъ дѣлать себѣ пособіе своими какими нибудь талантами и такъ какъ онъ не принуждается все доставать себѣ черезъ чужія руки—но для политическаго арестанта она крайне недостаточна, такъ какъ запрещено ему всякое съ другими сообщеніе.

«Посему осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Величество убѣдившись моею невинностью повелите даровать мнѣ свободу и возвратитъ мнѣ мой дипломъ кавалерскій и другіе бумаги мои для всякаго другого ничего не значущіе, но для меня очень важныя. Или если по какому либо резону, коего не возможно мнѣ предвидѣть, нельзя даровать того, то по крайней мѣрѣ Ваше Величество, повелите облегчить участь мою или причисливъ меня къ обыкновеннымъ военно-плѣннымъ, или прибавивъ къ положенію на мое содержаніе.

«Удостойте же всемилостивѣйшій Государь! взоромъ благодати вашей на самого несчастнаго, такъ какъ и на самого всенижайшаго изъ Вашихъ слугъ и обожателей.

«Кавалеръ де-Варримонъ бывшій агентъ дипломатическій по разнымъ посольствамъ.

«15 сент. 815. Вятка».

Проходили одинъ за другимъ годы надежды и томительнаго ожиданія, а Варримонъ пребывалъ въ неизвѣстности о судьбѣ своего письма. Продолжался усиленный надзоръ за нимъ, о немъ справлялся корпусный командиръ внутренней стражи графъ Комаровскій. Новый градоначальникъ, смѣнившій Ѳ. И. фонъ-Брадке, Павелъ Михайловичъ Добринскій свидѣтельствовалъ передъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что де-Варримонъ ведетъ себя «скромно и трезво». Вятчане продолжали оказывать сочувствіе и состраданіе «несчастному французу» и дѣлали, по словамъ того же губернатора, «сноснымъ положеніе его по части экипировки». Наконецъ, въ 1820 году онъ ведетъ переписку съ французскимъ и нидерландскимъ посланниками, которую мы отчасти цитировали выше, посылаетъ письмо въ главный штабъ Его Императорскаго Величества, прося замѣнить ссылку въ Вяткѣ хотя бы переводомъ въ болѣе южные города.

И все-таки положеніе его нисколько не измѣнилось. Наконецъ, уже въ 1824 году было получено высочайшее повелѣніе, черезъ дежурнаго генерала главнаго штаба Дибича; ротъ что оно гласило:

«Г. вятскому гражданскому губернатору.

«Содержащійся въ Вяткѣ иностранецъ Карль Варримонъ, служащій передъ симъ капитаномъ въ гвардейскихъ егеряхъ герцога Бергскаго и Клевскаго, въ присланномъ ко мнѣ письмѣ просилъ о исходатайствованіи ему свободы, или перевести его на жительство въ Казань, Симбирскъ или Таганрогъ.

«По докладу моему всёхъ свѣдѣній до сего иностранца относящихся Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ объявить ему Варримону, что за подобные поступки за кои онъ содержится, въ другихъ краяхъ разстрѣливаютъ.

«О сей Высочайшей волѣ имѣю честь сообщить вашему превосходительству къ подлежащему исполненію.

«Подлинное подписалъ генераль-адъютантъ Дибичъ.

«6 генваря 1824 года».

Эта Высочайшая воля была объявлена де-Варримону подъ расписку. Казалось, послѣдній просвѣтъ въ судьбѣ ссыльнаго померкъ. Однако надежда на великодушіе великаго русскаго монарха въ концѣ концовъ не обманула Варримона: черезъ полтора года, а именно въ 1825 г., 18-го іюля, получено было всемилостивѣйшее Высочайшее разрѣшеніе Варримону отправиться на жительство въ одну изъ южныхъ губерній, и, кромѣ того, государь повелѣлъ выдать ему 500 рублей ¹⁾. Шевалье де-Варримонъ избралъ мѣстомъ новаго своего жительства Нижній Новгородъ, куда и отправился 11-го сентября того же 1825 года.

Такъ скрылся съ вятскаго горизонта этотъ таинственный плѣнникъ.

Быль ли этотъ печальный эпизодъ изъ жизни дипломатическаго агента Наполеона результатомъ простой судебной ошибки, вполне допустимой, конечно, по экстраординарнымъ условіямъ того времени, или въ немъ отразилась крайняя осторожность правительства Благословеннаго императора въ отношеніи къ всеильному корсиканцу и желаніе парализовать его козни въ самомъ зародышѣ, и иногда, можетъ быть, предупредить и самую ихъ возможность,—во всякомъ случаѣ эта страничка изъ прошлаго нашего отечества имѣетъ историческій интересъ, какъ характеристика того настроенія *sui generis*, которое какъ бы плаваетъ поверхъ преходящихъ событій и составляетъ ихъ психологическую сущность.

В. М—овъ.

¹⁾ Что послужило причиной такой рѣзкой перемѣны въ отношеніи императора Александра I къ де-Варримону, въ дѣлѣ арх. вятск. губ. прав. (№ по описи 106), послужившемъ источникомъ для даннаго историческаго очерка,—прямо не указано, поэтому авторъ, съ своей стороны, на основаніи тщательнаго изученія дѣла можетъ высказать лишь такое предположеніе: указанная перемѣна могла произойти, съ одной стороны, подъ вліянемъ ходатайствъ иностранныхъ посланниковъ (французскаго и голландскаго) при русскомъ дворѣ, а съ другой—благодаря отзывамъ о поведеніи плѣнника со стороны мѣстнаго вятскаго начальства.

ТОМСКІЙ ЗАГОВОРЪ.

ОБЫТІЯ Отечественной войны, глубоко взволновавшія русское государство и общество, повлекли за собою рядъ перемѣнъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ. Несмотря на то, что война 1812 года разыгралась, главнымъ образомъ, между Смоленскомъ и Москвою, волны этихъ событій докатились до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Россіи и даже, перейдя русскія границы, въ 1814 г. достигли самаго Парижа. Наполеонъ палъ. Но имя его долго еще продолжало оказывать свое дѣйствіе. Въ то время, когда величіе французскаго императора дождало свои послѣдніе дни и его счастливая звѣзда уже померкла, на одной изъ восточныхъ окраинъ Россіи произошло событіе, отразившее вліяніе имени Наполеона Бонапарте.

1-го мая 1814 года въ гор. Томскѣ совершенно неожиданно былъ раскрытъ грандіозный заговоръ ¹⁾ среди мѣстныхъ ссыльныхъ и военнопѣльныхъ поляковъ, высланныхъ сюда съ театра военныхъ дѣйствій и распределенныхъ на службу въ томскій гарнизонный батальонъ. Заговорщики ставили своей цѣлью захватить въ свои руки правительственную власть въ Томскѣ и, провозгласивъ основы новаго государственнаго строя, двинуться изъ Сибири во внутреннія губерніи Россіи, «на помощь Наполеону, который вторгнется въ Россію четырьмя арміями». Душою заговора былъ, повидимому, томскій ссыльный Мартынъ Вансовичъ. Возстаніе было назначено

¹⁾ Архивъ сената, дѣла I отд. 5 департамента сената, 1817 г., № 951.

на 9-го мая. Томскія власти, такимъ образомъ, узнали о заговорѣ почти наканунѣ его осуществленія и то благодаря тому, что въ средѣ самихъ заговорщиковъ нашелся предатель, который, изъ страха передъ наказаніемъ или по другимъ соображеніямъ, не выдержалъ и выдалъ довѣренную ему тайну. Это былъ Павелъ Костовскій.

Для производства слѣдствія по этому дѣлу была составлена коммиссія. Въ нее вошли: со стороны гражданскихъ властей—главный смотритель водворенія поселенцевъ Потылицынъ, губернской стряпчій Михновскій и томскій городничій Тимашевъ; со стороны военныхъ властей—подпоручикъ Федосѣевъ; во главѣ коммисіи въ роли предсѣдателя стоялъ томскій гражданскій губернаторъ Д. В. Илличевскій. Когда слѣдствіе это закончилось, и добытый имъ матеріалъ доставленъ былъ сибирскому генераль-губернатору П. Б. Пестелю, то послѣдній, въ виду необыкновенной важности дѣла, отослалъ его къ главнокомандующему въ Петербургъ (отъ 20-го октября 1814 года), съ подробнымъ изъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ заговора и съ запросомъ, вести ли судопроизводство обычнымъ судебнымъ порядкомъ, или на этотъ счетъ будутъ даны какія-либо особыя указанія. Главнокомандующій, освѣдомившись о мнѣніи комитета министровъ, возвратилъ дѣло для постановленія приговора въ томскую губернскую уголовную палату, съ тѣмъ, чтобы потомъ, не приводя приговора въ исполненіе, препроводить весь слѣдственный матеріалъ въ правительствующій сенатъ. Такъ и было сдѣлано.

Къ разсмотрѣнію результатовъ этого интереснаго слѣдствія мы теперь и обратимся. Прежде всего, какимъ образомъ заговоръ былъ обнаруженъ?

30-го апрѣля 1814 года одинъ изъ томскихъ ссыльныхъ, Павелъ Костовскій, сообщилъ отставному капитану Д. Лобачевскому, бывшему томскому частному приставу, что нѣкій ссыльный Мартынъ Вонсовичъ пытался вовлечь его, Костовскаго, въ противоправительственный заговоръ. Дѣло пронеходило, по его словамъ, такимъ образомъ. 29-го апрѣля Костовскій вышелъ изъ своего дома на рынокъ и едва спустился съ Соборной горы къ магистрату, какъ его встрѣтилъ давно ему знакомый М. Вонсовичъ, заявившій Костовскому, что имѣетъ къ нему дѣло. Оба отошли до половины горы, усѣлись, и между ними завязался оживленный разговоръ, въ которомъ Вонсовичъ убѣждалъ своего собесѣдника примкнуть къ ихъ организаціи. «До которыхъ поръ намъ здѣсь жить?—говорилъ онъ.—Надобно стараться отсюда освободиться. Средство къ тому придумано: человекъ 600 уже есть согласныхъ съ поляками и французами, находящимися въ Томскѣ». Далѣе ознакомилъ съ планами заговорщиковъ, рассказалъ многія подробности и назвалъ самый день, когда предположено возстаніе. Въ случаѣ удачи, соблазнял Вансовичъ, «будутъ они вольны и будутъ жить господски».

Убѣждая Костовскаго присоединиться къ общему числу заговорщиковъ, Вонсовичъ въ то же время рекомендовалъ ему вести энергичную агитацію въ этомъ же направленіи и среди остальныхъ ссыльныхъ, пообѣщавъ въ заключеніе показать какую-то бумагу, написанную на латинскомъ языкѣ. На другой день Костовскій уже самъ явился къ Вонсовичу и сообщилъ имена тѣхъ, кого ему удалось склонить къ участию въ заговорѣ. Но сдѣлалъ, будто бы, это притворно, съ намѣреніемъ все вывѣдать отъ заговорщиковъ.

Таковы факты, которые черезъ Костовскаго стали извѣстны Лобачевскому. На слѣдующій же день всѣ эти свѣдѣнія дошли до томскаго губернатора, до сей поры и не подозрѣвавшего о существованіи въ Томскѣ чего-либо подобнаго. Тотчасъ же принять былъ рядъ быстрыхъ мѣръ.

Кто именно успѣлъ предупредить Вонсовича, точно неизвѣстно, но когда пришли его арестовать, то его не оказалось дома. Данныя слѣдствія рисуютъ такую картину. Рано утромъ 1-го мая Вонсовичъ былъ разбуженъ своей женой, сообщившей, что пришелъ его знакомый Емельянь Сиринъ (ссыльный) и хочетъ переговорить съ нимъ по какому-то важному дѣлу. Ради чего именно приходилъ Сиринъ, слѣдствію такъ и не удалось выяснить, по словамъ же самого Сирина, онъ явился получить долгъ. Когда Вонсовичъ вышелъ къ своему посетителю, то сначала оба разговаривали въ горницѣ, въ присутствіи и нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ семьи хозяина, но затѣмъ вышли на крыльцо. О чемъ они здѣсь бесѣдовали, не слышалъ никто. Но вскорѣ послѣ того Вонсовичъ, одѣвшись въ сюртукъ, въ накинутомъ поверхъ «канотѣ», ушелъ изъ дому, объяснивъ, что ему необходимо отыскать свою потерявшуюся лошадь.

Цѣлыхъ четыре дня скитался онъ и бродилъ по окрестностямъ Томска. Прежде всего онъ отправился въ дер. Воронину, но, несмотря на то, что до нея было всего 14 верстъ, онъ показался здѣсь только въ сумеркахъ. Увидя около лѣса горящія костры, гдѣ мѣстные крестьяне обжигали уголь, онъ пошелъ на огонь. У костра Вонсовичъ нашелъ за работой двухъ крестьянъ, въ одномъ изъ которыхъ узналъ своего знакомаго, Герасима Михайлова. Удовлетворяя ихъ любопытству, онъ разказалъ, что поѣхалъ верхомъ на лошади искать корову, но лошадь, сбросивъ его, убѣжала. Затѣмъ, въ виду поздняго времени, Вонсовичъ расположился около угольной кучи почевать вмѣстѣ съ крестьянами подъ открытымъ небомъ.

Понутру онъ опять ушелъ на поиски лошади и только къ вечеру возвратился снова въ дер. Воронину. 3-го мая отсюда онъ направился уже дальше, въ дер. Посниково. Весь этотъ день для него былъ особенно тяжелымъ. По собственному признанію Вонсовича, онъ съ утра до самаго вечера бродилъ «въ полѣ по снѣгу, весь обмокъ» и, измученный и усталый, нашелъ наконецъ пріютъ у одного кре-

стьянина, гдѣ могъ обсушиться и отдохнуть. Теперь онъ уже объяснял причину своего появленія тѣмъ, что у него взяты подрядъ на поставку дровъ и что по этому дѣлу ему необходимо будетъ пойти въ дер. Киргизку. Дѣйствительно, переночевавъ, Вонсовичъ туда и отправился. Но здѣсь его скитанія кончились: онъ былъ задержанъ однимъ крестьяниномъ, заявившимъ, что томскимъ губернаторомъ велѣно его, Вонсовича, «остановить». Это было 4-го мая.

Арестованный бѣглець былъ отведенъ въ Томскъ и переданъ казачьему караулу. Человѣкъ, который, по представленіямъ томской полиціи, былъ главнымъ орудіемъ заговора, оказался въ рукахъ властей. Для слѣдствія настала самый важный и интересный моментъ.

Мартынъ Вонсовичъ происходилъ изъ шляхтичей Минской губерніи. Когда онъ предсталъ передъ судомъ, ему было 40 лѣтъ отъ роду. Въ Томскѣ Вонсовичъ занимался ремесломъ часовыхъ дѣлъ мастера. Онъ жилъ не нуждаясь, имѣлъ собственный двухъэтажный домъ, верхній этажъ котораго занималъ самъ, а нижній сдавалъ жильцамъ. Въ Сибирь его сослали на поселеніе за найденныя у него фальшивыя ассигнаціи, происхожденіе которыхъ онъ не сумѣлъ объяснить. Плетн ему были также знакомы, такъ какъ за нимъ числились и другія преступленія. Такъ, напримѣръ, онъ былъ преданъ суду за то, что передѣлалъ гербовую пуговицу въ печать и, выгравировавъ на ней слово «казна», пользовался ею для разныхъ частныхъ дѣлъ. Судилась также и его жена «за оказаніе грубости» городничему во время обыска въ ихъ домѣ. Для характеристики обоихъ супруговъ слѣдуетъ еще добавить, что за открытіе у нихъ притона карточной игры оба были наказаны 30 ударами «лозами».

Сначала Вонсовичъ упорно отрицалъ на допросѣ всѣ взводимыя на него обвиненія и подозрѣнія, но потомъ, по увѣщаніи, «послѣ долгихъ колебаній», заплакалъ и, упавъ къ ногамъ губернатора, увѣрялъ, что скажетъ наконецъ по истинѣ. Въ общихъ чертахъ рассказъ его, сопоставленный съ позднѣйшими показаніями нѣкоторыхъ другихъ лицъ, сводился къ слѣдующему.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ декабря 1813 года или въ началѣ января 1814 года, къ солдаткѣ Шмаковой, жившей на квартирѣ въ домѣ Вонсовича, зашли въ гости трое незнакомыхъ тогда Вонсовичу людей. Одинъ изъ нихъ былъ военноплѣнный польскій солдатъ (Андрей Пюнтковскій), двое другихъ—русскіе (въ томъ числѣ знакомый Шмаковой русскій солдатъ Василій Оборицовъ), Вонсовичъ, войдя по приглашенію Шмаковой къ ней въ комнату и увидавъ незнакомыхъ ему солдатъ, спросилъ: «зачѣмъ они пришли?» Тогда Пюнтковскій объяснилъ, что, будучи землякомъ Вонсовичу, «желаетъ имѣть съ нимъ знакомство и другъ другу подавать помощь». Вонсовичъ, въ рѣзкой формѣ заявивъ, что никакого желанія заводить съ ними знакомство у него нѣтъ, потребовалъ, чтобы они ушли и впредь къ нему въ домъ не являлись.

Но дѣло этимъ не кончилось. Возмущенный Пюнтковскій разсказалъ объ этой исторіи въ кругу своихъ друзей. И дня черезъ два-три послѣ описаннаго случая къ Вонсовичу пришелъ вмѣстѣ съ двумя товарищами Томасъ Доманскій, бывшій военноплѣнный, который, принявъ присягу на подданство Россіи, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Явившіеся грозили Вонсовичу за грубое обхожденіе съ плѣнными местию. Но и этихъ посѣтителей, по словамъ Вонсовича, постигла та же участь: онъ выслалъ ихъ изъ дому.

Вскорѣ послѣ этого, однако, у Вонсовича среди военноплѣнныхъ поляковъ завелись довольно обширныя знакомства. Къ нему заходятъ провести время то за карточной игрой, то за бутылкой вина, то просто повеселиться за танцами и музыкой. У него засиживаются «допоздна», при случаѣ остаются и ночевать. Часто приходятъ, между прочимъ, играть на скрипкѣ Барановскій, а также польскій солдатъ І. Коноповичъ, который Вонсовичу «рекомендовался въ дружбу». Какъ все это случилось, несмотря на нежеланіе Вонсовича съ ними знакомиться, неизвѣстно, и самъ онъ этого въ своемъ показаніи не объясняетъ.

Далѣе Вонсовичъ переходитъ къ разсказу о томъ, какъ въ ихъ средѣ возникла самая мысль о заговорѣ. Это произошло въ одинъ изъ дней пасхальной недѣли, когда у Ф. Чернецкаго, стараго ссыльнаго, собралась большая компанія гостей, состоявшая изъ военноплѣнныхъ поляковъ и ссыльныхъ, среди которыхъ оказался и Вонсовичъ. Въ исторіи развитіи томскаго заговора это событіе представляется весьма важнымъ моментомъ, и въ общемъ оно представляется въ такомъ видѣ.

Однажды во время пасхальныхъ праздниковъ, днемъ на улицѣ случайно собралось около 10—12 человекъ военноплѣнныхъ, которые, по предложенію П. Зеленскаго, отправились въ гости къ Ф. Чернецкому. Въ этой группѣ, кромѣ П. Зеленскаго, были еще: Яковъ Шульцъ, Михаилъ Вербицкій, Валентій Срединскій, Лука Малышко, Юганъ Вольчукъ, Матеусъ Ольшевскій, Матвѣй Рудницкій, А. Пюнтковскій и др.: Явившись къ Ф. Чернецкому, они застали уже тамъ пришедшихъ еще раньше І. Коноповича и Б. Зевельта (ссыльный). Былъ тамъ и Вонсовичъ. Посѣтителей у Чернецкаго, такимъ образомъ, набралось довольно много. Съ общаго согласія рѣшено было «въ складку» (въ складчину) купить вина, и въ оживленной бесѣдѣ за виномъ стали высказываться такія мысли, которыя раньше тщательно скрывались.

Отъ Чернецкаго Вонсовичъ пригласилъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ къ себѣ въ домъ, гдѣ всѣ и собрались вновь, причемъ Вонсовичъ, угощая гостей виномъ, «распоилъ одну осмину».

Подъ вліяніемъ выпитаго вина, одинъ изъ военноплѣнныхъ солдатъ не вытерпѣлъ и, поднявъ рюмку съ виномъ, высказалъ томившую его мысль:

— Мы пьемъ вино твое, а думаемъ о жизни нашей!

Дѣло кончилось тѣмъ, что въ разгарѣ вечеринки часть собесѣдниковъ, отдѣлившись отъ остальныхъ, вызвала Вонсовича къ двери на крыльцо, и здѣсь между хозяиномъ и гостями произошелъ нѣсколько странный разговоръ.

— Зачѣмъ у тебя на перекладинѣ положены жерди?—спросили Вонсовича.

— На жерди кладется сѣно,—пояснилъ тотъ:—чтобы не заносило снѣгомъ.

— Каково бы на этой перекладинѣ тебя повѣсить!—услышавъ онъ неожиданный отвѣтъ.

Затѣмъ съ Вонсовичемъ начали говорить о томъ, что «ихъ всѣхъ военнопленныхъ разослано въ Сибирскій край до 60 тысячъ, а здѣсь изъ нихъ человекъ до 100», и т. д. Послѣ того разговаривавшіе вернулись съ крыльца въ домъ, вновь присоединившись къ общей компаніи. Но не надолго. Вскорѣ Вонсовичъ вновь былъ отозванъ тѣми же лицами въ «боковую горницу», гдѣ ему сказали:

— Вотъ что, Вонсовичъ, мы наслышались, что здѣсь одинъ Стратиневичъ¹⁾, а другой Вонсовичъ да коноваль Чернецкій-старикъ...

И, окруживъ Вонсовича, начали горячо убѣждать его принять участіе въ ихъ «предпріятіяхъ». По словамъ Вонсовича, за отказъ ему пригрозили смертью, и тогда онъ, опасаясь за свою жизнь, принужденъ былъ дать свое согласіе. Заговорщики этимъ, однако, не ограничились и заставили его на колѣняхъ поклясться въ вѣрности. На случай измѣны ему напомнили, что онъ «пойдетъ дорогой Косаковского», т. е. будетъ повѣшенъ.

Кто именно изъ пленныхъ солдатъ заставилъ Вонсовича дать эту клятву, онъ на допросѣ сначала не назвалъ, заявивъ, что по имени онъ ихъ не знаетъ. Однако, если этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то по отдѣльнымъ намекамъ, которые удается ловить въ показаніяхъ подсудимыхъ, можно думать, что въ числѣ лицъ, уговаривавшихъ Вонсовича, были, между прочимъ, А. Пюнтковскій и М. Рудницкій.

Далѣе Вонсовичъ продолжаетъ, что, когда согласіе на заговоръ имъ было дано, то заговорщиками тутъ же былъ намѣченъ и приблизительный планъ ближайшихъ дѣйствій. Прежде всего было рѣшено, что Вонсовичъ удалить изъ своего дома всѣхъ «лишнихъ» людей, т.-е. жильцовъ. Эта мѣра, очевидно, подсказывалась соображеніями о необходимости конспиративности.

¹⁾ Именнымъ указомъ 18-го февраля 1808 года на имя томскаго гражданскаго губернатора сообщалось, что въ Томскъ будетъ доставленъ отставной ротмистръ Стратиневичъ, «для всегдашняго жительства, за противозаконные поступки его по жительству въ С.-Петербургѣ, обольщеніемъ должностныхъ чиновниковъ на не позволенные по службѣ дѣянія». Далѣе предписывалось имѣть за нимъ и его образомъ жизни «особенный» надзоръ. Въ Томскѣ ничего предосудительнаго за нимъ не замѣтили.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого Вонсовичъ своимъ постояльцамъ отъ квартиры отказалъ. И черезъ недѣлю послѣ Пасхи (жильцовъ уже не было) плѣнные поляки стали къ Вонсовичу заходить чаще, чѣмъ раньше, но всегда небольшими группами, по два-три человѣка. Разговоры шли о томъ же. Вонсовичу совѣтовали склонять и другихъ ссыльныхъ «посельщиковъ» для «вспомоществованія о выходѣ изъ Сибири». Между прочимъ, сообщалось и о томъ, что когда придетъ повелѣнiе отъ ихъ «главнаго начальника», то они должны быть уже «въ готовности». Имени этого «главнаго начальника», впрочемъ, не назвали, сказавъ лишь, что онъ извѣстенъ и Вонсовичу и «имѣетъ умъ министерскій», что это человѣкъ, на котораго они «надѣются и полагаются во всемъ».

На допросѣ Вонсовичъ подтвердилъ, что именно этого «начальника» онъ и «понынѣ не знаетъ».

Далѣе Вонсовичъ показалъ, что, по словамъ заговорщиковъ, въ соучастіи съ ними былъ также и одинъ «находящійся здѣсь по несчастью чиновникъ, который извѣстенъ былъ во Франціи и уѣхалъ оттуда, у котораго братъ находится въ російской службѣ генераломъ» ¹⁾.

Интересуясь личностью загадочнаго «главнаго начальника», Вонсовичъ не разъ пытался узнать что-либо о немъ путемъ разспросовъ, но получилъ въ отвѣтъ отъ военноплѣнныхъ совѣтъ о томъ, что не слѣдуетъ быть любопытнымъ. *Ciekawość pierwszy gradus do piekła*, отвѣчали ему пословицей (любопытство первый шагъ до ада).

Что касается другихъ, второстепенныхъ, такъ сказать, руководителей будущаго возстанія, «офицеровъ», то предполагалось, что на эту роль найдется достаточно кандидатовъ и среди военноплѣнныхъ. Въ числѣ соучастниковъ заговора, какъ слышалъ Вонсовичъ, находились также и бѣжавшіе изъ омской (или другой) крѣпости три человѣка, изъ которыхъ одинъ, артиллеристъ, умѣетъ обращаться съ пушками.

Кругъ знакомыхъ Вонсовичу заговорщиковъ въ это время былъ невеликъ. «Болѣе всѣхъ извѣстны» были ему двое Барановскихъ, Войцехъ и Николай, Юсифъ Коноповичъ, Яковъ Шульцъ и М. Вербицкій, всѣ—военноплѣнные.

І. Коноповичъ, по словамъ Вонсовича, иногда даже оставался у него ночевать, впрочемъ, съ позволенія фельдфебеля, который, по увѣреніямъ военноплѣнныхъ, также состоялъ въ заговорѣ. По поводу этого Я. Шульцъ какъ-то рассказывалъ Вонсовичу, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (1814 г.?), будучи поставленъ на караулъ у ба-

¹⁾ По поводу этого «чиновника» въ документѣ сдѣлано такое примѣчаніе: «извѣстно, что изъ находящихся здѣсь несчастныхъ майоръ Маркловскій былъ во Франціи, имѣетъ брата въ російской службѣ генераль-майорскаго чина»... Это лицо, или другое подразумевалось вышеприведенной фразой, Вонсовичъ сказать не могъ.

талоннаго цейхгауза «нарочито», по приказанію фельдфебеля, успѣлъ, якобы, изъ находящагося въ цейхгаузѣ пороха получить какимъ-то путемъ до 30 фунтовъ. Вонсовичу военноплѣнные говорили также, что «многіе изъ русскихъ солдатъ находятся съ ними въ согласіи, особливо присланные изъ дальнихъ полковъ и вновь набранные изъ рекрутъ».

Слѣдствіе этого, правда, не обнаружило. Но рядъ указаній даетъ поводъ думать, что районъ заговора во всякомъ случаѣ не предполагалось ограничивать однимъ только Томскомъ.

Если вѣрить Вонсовичу, то ему и ссыльному Бенедикту Зевельту I. Коноповичъ рассказывалъ о томъ, что «получилъ письмо изъ омской крѣпости, которое писано не чернилами, и кто секретъ не знаетъ», тому оно «покажется бѣлою бумагою», и что въ омской крѣпости «есть согласіе сдѣлать такое же возмущеніе, но только ожидаютъ, когда оно въ Томскѣ начнется, потому что здѣшніе плѣнники отъ Россіи самые дальніе, и когда отсюда пойдутъ, то въ омской и прочихъ крѣпостяхъ учинять возмущеніе и будутъ присоединяться въ совокупную команду». Судя по показаніямъ Вонсовича, среди военноплѣнныхъ была даже довольно фантастическая мысль о всеобщемъ возмущеніи, о чемъ они сговаривались еще до прибытія ихъ въ Томскъ, когда всѣ вмѣстѣ находились они въ пути къ мѣсту ссылки. Вонсовичъ передавалъ рассказъ военноплѣннаго Томаса Доманскаго, который якобы слышалъ, что изъ четырехъ тысячъ плѣнныхъ, отправленныхъ изъ Россіи, двѣ тысячи придутъ въ Томскъ, и можно полагать, по его мнѣнію, что плѣнные нарочно оказали неповиновеніе, чтобы, будучи сюда высланными, увеличить здѣсь собою число заговорщиковъ и тѣмъ по возможности обезпечить успѣхъ задуманнаго бунта. «Когда они соединятся съ прибывшими изъ Россіи, тогда сдѣлаютъ съ російской стороны заставы».

Въ связи съ этимъ стоитъ и не совсѣмъ ясное сообщеніе военноплѣнныхъ Вонсовичу о томъ, что какой-то «хорошій человекъ» уѣхалъ изъ Томска въ Россію и «будетъ по пути сказывать» объ ихъ намѣреніи, и хотя съ нимъ въ дорогѣ случилось «несчастье», но что это-де ничего, что у него «умъ изворотливый».

Въ дѣлѣ приведена по поводу этого указанія, повидимому, совершенно справедливая догадка, что здѣсь рѣчь идетъ о нѣкомъ Орестѣ Венецкомъ, который, дѣйствительно, уѣхалъ изъ Томска въ Петербургъ и, будучи задержанъ въ пути, «столько успѣвалъ изворачиваться», что разными путями и способами продолжалъ свою поѣздку отъ города до города, несмотря на всѣ воспрещенія.

Объ этомъ лицѣ въ слѣдственномъ матеріалѣ имѣется такая справка. Томская городская полиція отъ 12-го марта 1814 года донесла томскому гражданскому губернатору, что «компаніонъ содержателей питейныхъ сборовъ», коллежскій совѣтникъ Орестъ Венецкій, вопреки запрещенію ему выѣзда, тайно выѣхалъ изъ

города 9-го марта, оставивъ на имя губернатора письмо, датированное, однако, не безъ скрытой мысли 12-мъ марта, — числомъ, когда упомянутое письмо и было получено губернаторомъ. Венецкій писалъ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ, куда ему необходимо прибыть съ крайнею поспѣшностью. Полученныя о немъ полиціей свѣдѣнія подтверждаютъ, что онъ съ большою ловкостью успѣвалъ обходить всѣ затрудненія на пути и все болѣе приближался къ цѣли своей поѣздки, но неожиданно въ Екатеринбургѣ былъ задержанъ и отправленъ въ Пермь. Но и отсюда онъ сумѣлъ скрыться, вновь тайно выѣхавъ по тракту въ Петербургъ и оправдавъ, такимъ образомъ, мнѣніе о своей изворотливости. Ему удалось доѣхать до самой Костромы, и только здѣсь онъ былъ, наконецъ, снова захваченъ и отправленъ обратно въ Томскъ, черезъ Нижній Новгородъ.

Въ своемъ допросѣ Вонсовичъ заявлялъ, что о заговорѣ знаютъ, между прочимъ, ссыльные Францискъ Чернецкій и Бенедиктъ Зевельтъ; а послѣдній приводилъ также съ собой и ссыльнаго Семена Драгочинскаго, котораго рекомендовалъ, какъ человѣка, умѣющаго «сдѣлать трубы для конницы и лить пушки». Драгочинскій, по словамъ Вонсовича, подтвердилъ, что онъ дѣйствительно это умѣетъ, а также и «къ общему возмущенію примкнуть согласенъ». Позже Вонсовичъ вмѣстѣ съ Б. Зевельтомъ былъ у С. Драгочинскаго и заказалъ ему двѣ трубы, причемъ между ними велся разговоръ о количествѣ матеріала и денегъ, которыя на это потребуются.

Б. Зевельтъ въ своихъ показаніяхъ, отрицая упоминаніе про пушки, подтвердилъ, что Вонсовичъ дѣйствительно заказывалъ Драгочинскому валторну, будучи охотникомъ до музыкальныхъ инструментовъ. Драгочинскій же заявилъ, что Вонсовичъ просилъ его сдѣлать драгунскую трубу, но что о возмущеніи ему, Драгочинскому, ничего не извѣстно.

Что касается успѣха своей агитаціи, то Вонсовичъ указалъ, во-первыхъ, на старика Игнатія Тишевскаго (онъ служилъ работникомъ у Ф. Чернецкаго), даващаго ему обѣщаніе «набрать» конныхъ ссыльныхъ до двухсотъ человѣкъ, но оттягивавшаго исполненіе своего обѣщанія подъ предлогомъ продолжительной зимы и т. п. По показаніямъ самого Тишевскаго, можно думать, что на него оказалъ въ этомъ смыслѣ вліяніе совѣтъ Ф. Чернецкаго «не вмѣшиваться въ такое дѣло». «Хотя и дашь обѣщаніе, — говорилъ ему Чернецкій, — но не исполняй».

Кромѣ Тишевскаго, Вонсовичъ «подговорилъ» еще ссыльныхъ: Павла Костовскаго, Ивана Михайловскаго, Василя Бубнова, Николая Должникова, Гавр. Третьякова и «иностранца» Свитульскаго. Послѣдніе же, въ свою очередь, старались привлечь въ ряды заговорщиковъ другихъ лицъ. Такъ, П. Костовскій будто бы «пригласилъ» пятнадцать человѣкъ, В. Бубновъ — восемь, Н. Должниковъ — тридцать, Г. Третьяковъ — пятнадцать. Для регистраціи заговор-

щиковъ у Вонсовича имѣлась тетрадь, полученная, по его увѣреніямъ, отъ военнопленныхъ черезъ Барановскаго, который, явившись рано утромъ 1-го мая, взялъ эту тетрадь отъ Вонсовича обратно подъ предлогомъ, что она нужна для «сличенія количества заговорщиковъ», причѣмъ совѣтовалъ Вонсовичу уйти изъ города и скрыться на недѣлю или болѣе. Этимъ Вансовичъ и объясняетъ причину, побудившую его уйти изъ Томска.

Дѣло, однако, обстояло, повидимому, не такъ просто. Тетрадь же, будучи по своему содержанію, какъ увидимъ ниже, крайне интересной, имѣла и другое назначеніе.

О томъ, какъ Вонсовичъ провелъ время послѣ своего бѣгства изъ Томска до момента своего ареста, намъ уже извѣстно. Отмѣтимъ только здѣсь одну любопытную подробность въ показаніи Вонсовича. Когда онъ былъ уже пойманъ и его вели по городу къ губернатору, то «многіе пленные солдаты», повстрѣчавшись, подходили къ нему и, кашлянувъ, проговаривали по-польски: «ницъ», т. е. ничего, а прочіе говорили: «то байка», т. е. это шутка.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему выясненію плановъ и организаціи заговорщиковъ. Возстаніе назначалось на 9-го мая. Выборъ былъ удаченъ. Въ этотъ день томское населеніе торжественно справляло большой праздникъ въ честь святого Николая Чудотворца. Предполагалось, что въ то время, какъ жители будутъ заняты крестнымъ ходомъ, съ которымъ принесутъ въ городъ образъ сего святителя, и «народъ разгуляется», — пленные поляки постараются въ вечеру унести ружья и аммуницію отъ тѣхъ русскихъ солдатъ, съ которыми стоятъ на одной квартирѣ. Всѣ заговорщики соберутся въ лѣсъ. Съ наступленіемъ темноты, когда «народъ весь успокоится, уляжется» и все затихнетъ, ночью выступятъ въ городъ. Здѣсь разобьются на нѣсколько отрядовъ: одни укроются у моста и въ другихъ «потаянныхъ мѣстахъ, вблизи гауптвахты, чтобы наблюдать за ней, другіе отправятся къ «рабочему дому», гдѣ многіе изъ рабочихъ, будучи уже заранѣе привлечены къ участію въ заговорѣ, примкнутъ къ возставшимъ. Затѣмъ, «обмундировавъ» тѣхъ рабочихъ и вооруживъ ихъ, предполагалось итти къ тюремному острогу и, по снятіи тамъ караула, освободить колодниковъ, которые также присоединятся къ заговорщикамъ. Для обезпеченія успѣха дѣла заранѣе позаботятся о томъ, чтобы въ карауль у тюремнаго острога были назначены тѣ изъ русскихъ солдатъ, которые сочувствуютъ возстанію. («Въ томъ будутъ участвовать не только унтеръ-офицеры, но и фельдфебели»).

Отсюда пойдутъ опять отрядами: одни къ батальонному цейхаузу за оружіемъ и боевыми припасами, захватить тамъ ружья, порохъ и пр.; другіе же по распоряженію «главнаго начальника» арестуютъ полицейскія и прочія власти и завладѣютъ казначействомъ, учредивъ взамѣнъ собственную канцелярію и гауптвахту,

первую—въ зданіи уголовного и гражданскаго суда, а вторую тамъ, гдѣ помѣщается казначейство. На «выѣздахъ» тобольскомъ и иркутскомъ разставляютъ свои караулы, чтобы прервать всякое сообщеніе съ городомъ и никого изъ него не выпускать, арестуя даже почту. Въ заключеніе снимаютъ карауль у главной гауптвахты, причемъ отъ чиновниковъ будутъ отобраны мундиры и шпаги. Послѣ этого мятежники будутъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ главнаго начальника, въ котораго плѣнные «вѣруютъ, какъ въ Бога, и говорятъ», что онъ «большого ума, какъ министръ, и располагаетъ довести ихъ нынѣшнимъ лѣтомъ до Казани». Въ дальнѣйшемъ бунтовщики, въ случаѣ удачи ихъ возстанія, намѣревались выйти изъ Томска, предварительно захвативъ съ собою поставленные на лафеты пушки, и направиться къ Казани, причемъ выражали надежду, что по пути «будутъ приставать къ нимъ многіе, и они возьмутъ Казань и дадутъ помощь Бонапарту, который съ четырьмя арміями вступитъ въ Россію».

Такъ мечтали заговорщики осуществить свой проектъ. Разсмотримъ теперь, какими средствами располагали они для этой цѣли и какимъ образомъ подготовляли организацію своего рискованнаго предпріятія.

По разнымъ показаніямъ, можно установить, что военноплѣнные довольно часто собирались въ какомъ-то «тресихинскомъ питейномъ домѣ». Здѣсь бывалъ и Вонсовичъ. Въ этомъ же домѣ «на однѣхъ сѣняхъ» помѣщалась еще харчевня, содержавшаяся «посельщикомъ» изъ поляковъ, Іозефомъ (Савицкимъ). Харчевню плѣнные также навѣщали нерѣдко, а иногда даже развлекались здѣсь танцами и музыкой. Зналъ ли о заговорѣ и содѣйствовалъ ли ему Іозефъ—сказать трудно. Но, во всякомъ случаѣ, владея польскимъ языкомъ, онъ могъ, по мнѣнію Вонсовича, слышать и понимать разговоръ плѣнныхъ.

Но не въ одномъ только питейномъ домѣ и харчевнѣ могли совѣщаться заговорщики. Въ извѣстной степени безопаснымъ мѣстомъ представлялся и домъ Вонсовича. Частыя посѣщенія къ нему—часовыхъ дѣлъ мастеру—могли находить самое естественное объясненіе. И дѣйствительно, рядъ свидѣтельскихъ показаній доказываетъ, что эти посѣщенія такъ именно и объяснялись, не вызывая особенныхъ подозрѣній. Къ тому же приблизительно до апрѣля мѣсяца плѣнные къ Вонсовичу ходили не часто.

Если, однако, съ этой стороны заговору не грозила опасность быть раскрытымъ, то крайняя неосторожность и примитивность тѣхъ приемовъ пропаганды, которую пытался вести хотя бы Вонсовичъ, представлялась рискованной для всего предпріятія. Лицъ, которыхъ Вонсович хотѣлъ привлечь къ участию въ заговорѣ, онъ иногда просто зазывалъ къ себѣ и, угощая виномъ, начиналъ разговоръ на интересующую его тему, почти вовсе не зондируя тѣхъ

взглядовъ, какихъ держится его собесѣдникъ. Такъ было съ Васи-
ліемъ Бубновымъ, Иваномъ Михайловскимъ и почти то же по отно-
шенію къ Павлу Костовскому. Напримѣръ, Ив. Михайловскій
въ показаніи своемъ рассказываетъ, что Вонсовичъ сначала освѣ-
домился у него, «католикъ ли онъ», и, получивъ утвердительный
отвѣтъ, сразу спросилъ: «хочетъ ли онъ, Михайловскій, выбраться
изъ Сибири?» и затѣмъ тутъ же открыто сталъ убѣждать присоеди-
ниться къ заговорщикамъ. Когда тотъ все-таки не согласился,
то даже В. Бубновъ, присутствовавшій при этомъ, упрекнулъ Вон-
совича въ излишней неосмотрительности, сказавъ: «Эхъ, Вонсовичъ,
дѣлалъ бы, что дѣлаешь; да на что говорить?» Вполнѣ естественно
было ожидать, что эта неосторожность въ одинъ день могла погубить
всѣ планы заговорщиковъ. Мы видѣли, что такъ и случилось.

Интересно отмѣтить еще одну особенность. Если организаторы
возстанія рассчитывали увлечь за собою довольно большое количе-
ство людей, и не только военноплѣнныхъ но и ссыльныхъ, изъ ко-
торыхъ иные успѣли обжиться въ Томскѣ и обладали даже извѣст-
ной матеріальной обезпеченностью, если они надѣялись, что на
пути ихъ движенія на Казань къ нимъ будутъ примыкать все но-
выя и новыя толпы единомышленниковъ—то казалось бы естественно
предполагать, что цѣлью заговора не могло быть одно лишь «освобо-
жденіе» изъ Сибири участниковъ этого бунта, и что руководители
заговора поставятъ себѣ болѣе широкія задачи, рассчитанныя на
удовлетвореніе такихъ пожеланій, которыя окажутся близкими
и понятными народной массѣ.

Такъ и было въ дѣйствительности. Роль такой общей программы,
гдѣ были высказаны всѣ «*ria desideria*» заговорщиковъ, игралъ
распространявшійся среди нихъ «манифестъ», составленный отъ
имени Наполеона Бонапарта. Это въ высшей степени любопытный
документъ во многихъ отношеніяхъ. Вонсовичъ въ своемъ допросѣ
сначала о существованіи этого «манифеста» скрылъ, не желая, оче-
видно, осложнять свое и безъ того критическое положеніе, но «ма-
нифестъ», можно сказать, самъ нашелся и притомъ самымъ неожидан-
нымъ образомъ, чисто случайно.

Неизвѣстно, къ какимъ выводамъ пришло бы слѣдствіе по
этому дѣлу, если бы на имѣвшійся въ его распоряженіи слѣдствен-
ный матеріалъ не былъ пролитъ новый свѣтъ, благодаря находкѣ
этого документа. Косвенной виновницей этого обстоятельства
оказалась квартировавшая въ домѣ Вонсовича солдатка, по имени
Өекла Кузенева. вмѣстѣ съ прочими жильцами она намѣревалась
перемѣнить квартиру, но по просьбѣ большой Токмачевой, продол-
жавшей жить въ домѣ Вонсовича и послѣ ареста домовладѣльца,
согласилась на нѣкоторое время остаться «для способствованія
стоплять печь».

Однажды, рассказываетъ про себя Кузенева, она въ поискахъ
растопки на дворѣ, подъ сараемъ «отдернула» въ одномъ мѣстѣ

«драничку», изъ-подъ которой вдругъ выпала тетрадка изъ бумаги, исписанная. О находкѣ Кузенева сообщила женѣ Вонсовича, которая еще «подосадовала на нее», говоря: «чего онѣ ходять, ищуть да выкапываютъ!» и хотѣла тетрадь взять себѣ. Но Кузенева не отдала и на предложеніе сжечь тетрадь въ печи не согласилась, а, отправившись «въ часть», предъявила находку городничему. Эта тетрадь оказалась той самой, которая, по увѣреніямъ Вонсовича, была у него взята 1-го мая Н. Барановскимъ; въ ней-то какъ разъ и былъ помѣщенъ вышеупомянутый манифестъ.

То, что тетрадь съ «манифестомъ» очутилась въ рукахъ слѣдственной комиссіи, было большой неприятной неожиданностью для Вонсовича. Такъ или иначе, но ему приходилось теперь дать на этотъ счетъ свои объясненія. Онъ разсказалъ, что эта тетрадь прислана ему отъ военноплѣнныхъ черезъ Войцеха Барановскаго и попала въ его руки слѣдующимъ путемъ. Однажды одинъ знакомый ему ссыльный отъ имени военноплѣнныхъ пригласилъ Вонсовича въ извѣстный уже тресихинскій питейный домъ. Явившись туда, Вонсовичъ засталъ тамъ большую группу военноплѣнныхъ поляковъ, числомъ до пятидесяти человекъ, среди которыхъ у него оказался только одинъ знакомый—Барановскій. Поляки пили вино съ возгласами: «вивать! вивать, Наполеонъ!»

Здѣсь Вонсовичу показали «манифестъ», написанный по-французски, съ котораго предложили тутъ же сдѣлать переводъ на польскій языкъ.

Изъ осторожности Вонсовичъ, однако, отказался исполнить это въ харчевнѣ и вскорѣ послѣ «вечерней зари» ушелъ домой. Только спустя недѣлю къ Вонсовичу пришелъ Н. Барановскій, подъ диктовку котораго и былъ записанъ Вонсовичемъ русскій переводъ «манифеста» въ «тетрадь для записи заказчиковъ». Барановскій совѣтовалъ Вонсовичу распространять этотъ переводъ секретно среди ссыльныхъ, вслѣдствіе чего въ переводѣ и «помѣщены русскія выраженія для того, чтобы удобнѣе было читать манифестъ русскимъ ссыльнымъ для склоненія ихъ въ согласіе». Нѣкоторымъ ссыльнымъ Вонсовичъ этотъ «манифестъ» успѣлъ показать.

Къ своимъ объясненіямъ онъ сдѣлалъ еще интересное добавленіе о томъ, что въ этой тетради имена заговорщиковъ обозначались буквами: В—Бенедиктъ Зевельтъ, Т—Тарасъ Сергѣевъ, и. т. д. Значеніе нѣкоторыхъ буквъ, по словамъ его, должны объяснить Василій Бубновъ, П. Свитульскій, Гавр. Третьяковъ, П. Костовскій и Ник. Должниковъ.

Всѣ перечисленныя лица, за исключеніемъ Ник. Должникова, отрицали, однако, что имъ было что-либо извѣстно о существованіи этого «манифеста» и упомянутыхъ записей ¹⁾. «Манифестъ» этотъ гласитъ слѣдующее:

¹⁾ Въ подлинникѣ этотъ «манифестъ» имѣется лишь въ русскомъ переводѣ, причѣмъ переводъ (а, можетъ быть, и самый оригиналъ) написанъ довольно безграмотно.

МАНИФЕСТЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Н. В. 1).

Повелѣлъ истребить противное Богу. Сверхъ обыкновенно и изданнымъ законамъ, но черезъ республики повелѣно въ точности опровергнуть правленіе. Однимъ словомъ:

1. Позволяется всякому, князю, графу, дворянину, купцу, мѣщанину и крестьянину, во всякомъ званіи народа,—торговля безъ пошлинь или отъ купцовъ гильдейскихъ.

2. Повелѣваемъ подушныхъ денегъ отъ публикованія съ сего не платить.

3. Курка вина; словомъ, всякому вольно курить, также пивомъ и солью безъ денегъ имѣють пользоваться, ибо отъ Адамова колѣна взяты, и всё должны быть равны.

4. Да храму Божьяго, какъ кто вѣрилъ попрежнему, то такъ и вѣрить дозволяетъ, кромѣ любодѣянія не позволяетъ, но и празденство всякій можетъ по закону, которому во время литургіи молить Бога за (Н)аполеона.

5. Изъ дворянъ и господъ крестьянъ не будетъ имѣть, словомъ, помимо найма, никто. Также въ каретахъ шестью лошадьми всякій имѣеть право разѣзжать.

6. Судъ преступниковъ судить по формѣ суда, черезъ три дня по окончанію, въ силу соборнаго уложенія, не взирая ни на какое лицо.

7. Означенные суды по выбору по городамъ и уѣздамъ, селамъ и деревнямъ, въ родѣ магистратовъ, и то по выбору изъ лучшихъ людей. Въ четвертый день дѣла представить на разсмотрѣніе губернскому городу начальнику ко окончанію дѣла.

8. Днемъ или ночью, съ дозволенія, для увеселенія позволяетъ имѣть всякому въ домѣ комедіи, каморы, редуты и редутки и вечеринки, только съ тѣмъ, что, въ случаѣ неспокойной компаніи, ссоръ или дракъ, то будетъ имѣть право по губернскому городу гауптвахта забрать подъ арестъ для спокойствія, также и по уѣзду магистраты по селамъ и деревнямъ.

9. Обывательскій платежъ со всякаго званія и съ дому контрибуцій въ годичное время 2 р. 50 к. кромѣ духовныхъ и при церквахъ богадѣльщиковъ.

10. Повелѣно находить нужнымъ гербовую бумагу для дачи договоровъ, или контрактовъ, или вексельныхъ писемъ, расписокъ, на какой бы почтовой или голландской, на простой, только бы извѣстна была въ тѣхъ мѣстахъ магистрату о заключеніи точность,

1) Въ дѣлѣ сдѣлано поясненія, что эти буквы означаютъ: Наполеонъ Бонапарте.

также и отъ подачи пошлинъ приказовъ не имѣть, и ни подѣ какимъ видомъ никто не имѣеть требовать, кромѣ съ виновнаго положено будетъ по уставу.

11. Имѣеть право уѣхать, кто куда пожелаетъ, только съ тѣмъ, чтобъ имѣть свидѣтельство отъ магистрата, о хорошемъ поведеніи путешественника, или отъ господина; и то только будетъ стоить за написаніе заплатить.

12. Если бы кто по симъ пунктамъ не наблюдалъ и смѣлъ бы быть ослушнымъ и не хотѣлъ бы повиноваться или противорѣчить, то послѣ того поступка не будетъ болѣе жить двухъ дней.

Резюмируемъ вкратцѣ содержаніе приведеннаго «манифеста». Крѣпостное право уничтожается (п. 5), подушная подать отменяется (п. 2), провозглашается свобода совѣсти (п. 4), разрѣшается безпошлинная торговля (п. 1), отменяются гербовый сборъ (п. 10) и монополія на винокурение (п. 3), проводится принципъ выборности судей (п. 7) и т. д. Высказывается даже робкій намекъ на требованіе всеобщаго равенства («ибо отъ Адамова колѣна взяты, и всѣ должны быть равны» (п. 3). Взамѣнъ этого назначается «обывательскій платежъ со всякаго званія и съ дому», въ размѣрѣ двухъ рублей пятидесяти копеекъ въ годъ.

Тѣсныя предѣлы статьи не позволяютъ долго останавливаться на разборѣ этого «манифеста», но нельзя не отмѣтить, что на ряду съ нѣсколькими наивными требованіями, въ родѣ того, чтобы «въ каретахъ шестью лошадьми всякій имѣть право разѣзжать» (п. 5) и др. (п. 8), почти всѣ остальные пункты этой оригинальной политической программы говорятъ о стремленіи къ коренному измѣненію тогдашняго государственнаго строя. Кто именно составилъ этотъ документъ—опредѣлить невозможно, объ этомъ можно только гадать, но трудно отказаться отъ мысли, что составители думали не объ одномъ только освобожденіи изъ Сибири» (прямого указанія на это стремленіе въ «манифестѣ», собственно говоря, и не имѣется), а задавались болѣе серьезными цѣлями. «Манифестъ» во всякомъ случаѣ былъ составленъ такъ, что выставленныя въ немъ требованія могли объединить собою довольно значительный кругъ лицъ и явиться популярными въ широкихъ народныхъ слояхъ.

Для выясненія исторіи томскаго заговора очень интересно бы, конечно, знать, была ли заговорщиками сдѣлана попытка: во-первыхъ, повести пропаганду, помимо Томска, также и въ ближайшихъ отъ него селеніяхъ, и, во-вторыхъ, завязать сношенія съ военнопленными въ другихъ мѣстахъ Сибири. Что касается перваго, то за недостаткомъ данныхъ это рѣшить невозможно. Только одинъ фактъ, забытый слѣдствіемъ, касается какъ будто интересующаго насъ вопроса. Такъ, въ одной изъ близкихъ къ Томску деревень около 9-го мая ссыльный Власъ Хныковъ подговаривалъ нѣкоего Абрама Казанцева идти въ Томскъ на помощь взбунтовавшимся

«французамъ» (т. е. военноплѣннымъ). По доносу А. Казанцева сельскія власти арестовали и обыскали Хныкова, но ничего подозрительнаго не нашли.

Относительно второго вопроса, если не считать показанія одного изъ подсудимыхъ о томъ, что «манифестъ» полученъ Вонсовичемъ изъ города Тобольска, имѣется также весьма неопредѣленное указаніе касательно Омска. Именно, въ распоряженіи слѣдственной комиссіи оказалось письмо, написанное Винцентіемъ Щепановскимъ, но подъ диктовку В. Барановскаго, предполагавшаго это письмо переслать черезъ рядового Дм. Лапшина (конвойнаго) унтеръ-офицеру омской крѣпости Спасскому. Написано же послѣднему было слѣдующее:

«Любезный другъ!

«Въ надеждѣ старой съ тобой дружбы и знакомства еще въ Варшавѣ, вынуждаюсь нынѣ просить тебя сдѣлать одолженіе, не отказать сообщить о вашихъ похожденияхъ и свѣдѣніяхъ, которыя въ настоящее время для насъ, въ такомъ отдаленіи находящихся, чрезмѣрно нужны, т. е. относительно обращенія съ вами, обхожденія и соглашенія по принятію присяги и т. п. извѣстныхъ тебѣ обстоятельствъ. Ибо у насъ въ Томскѣ говорятъ, что въ скоромъ времени имѣть быть заключенъ съ Россіею миръ, и что мы будемъ выпущены на свободу, другіе же говорятъ, что насъ—въ заводы, а иные утверждаютъ, что мы имѣемъ быть обращены въ дома. По симъ невѣрнымъ разглашеніямъ мы не имѣемъ никакой достовѣрности, ни отрады; напротивъ того, вы, находясь тамъ въ большемъ числѣ, можете имѣть скорѣе вѣрнѣйшія свѣдѣнія, о которыхъ намъ не замедли доставить свѣдѣнія, ибо сія вещь для всѣхъ насъ есть интересна. Но ты, какъ мы слышали, находишься теперь въ больницѣ и ежели не можешь своеручно къ намъ написать, то сдѣлай одолженіе, постарайся хотя черезъ кого другаго, и сколько можно обстоятельнѣе. У насъ изъ 93 человекъ только 22 принять присягу осмѣлились. Что объяснивши, присоединяю увѣреніе

высокаго почтенія

Войцехъ Барановскій»

«При семь и я, по старому знакомству, ходивши вмѣстѣ съ тобою на варшавское пиво и служивши въ одной ротѣ, т. е. капитана Хижа или Гижа, присоединяю почтеніе

В. Щепановскій».

Марта 11-го 1814 г.»

Въ концѣ письма были поставлены еще три латинскія буквы m. p. p.

Несмотря на то, что слѣдственные власти были настроены крайне подозрительно къ этому письму и готовы были въ каждой

строкъ видѣть скрытый смыслъ, оба автора давали вполне удовлетворительныя объясненія. Особенно интригующей казалась фраза, въ которой Б. Барановскій проситъ сообщить ему свѣдѣнія относительно обращенія съ омскими плѣнными, «обхожденія и соглашенія по принятію присяги и т. п. извѣстныхъ тебѣ (т. е. Спасскому) обстоятельствъ», но и эта фраза была объяснена такъ же, какъ и остальные. Даже, казалось, загадочныя буквы т. р. р. обозначали просто: *mau progia*, т. е. собственной рукой.

По поводу этого письма въ омскую крѣпость былъ посланъ запросъ генераль-лейтенанту, инспектору 30-й дивизіи Глазенапу. По приказанію послѣдняго у Спасскаго былъ произведенъ обыскъ, но ничего компрометирующаго не было найдено.

Существованіе общаго плана дѣйствій между военноплѣнными города Томска и омской крѣпости, такимъ образомъ, не подтвердилось. По крайней мѣрѣ фактовъ, неоспоримо говорящихъ въ пользу этого предположенія, не было обнаружено.

Можно съ вѣроятностью предполагать лишь одно, что мечта освободиться изъ плѣна и уйти изъ Сибири, хотя бы и путемъ крайнихъ средствъ, была близка и дорога всѣмъ военноплѣннымъ. Невозможно опредѣлить, былъ ли Вонсовичъ душою заговора, или нѣтъ, да это и не важно, но что инициатива заговора принадлежала не ему, это, кажется, можно допустить, не рискуя впасть въ ошибку. Мы можемъ сомнѣваться въ утвержденіи Вонсовича, что военноплѣнный Войцехъ Барановскій былъ «главной пружиной» всего дѣла, но, можетъ быть, доля правды въ этомъ и есть. Настроеніе военноплѣнныхъ, высланныхъ въ Сибирь, было таково, что еще на пути къ мѣсту высылки, въ Ишимѣ, одна партія изъ нихъ, до 250 человекъ, собиралась «уйти къ киргизамъ», чтобы только избѣжать русскаго плѣна. Цѣлый рядъ показаній убѣждаетъ въ томъ, что обаяніе Наполеона среди плѣнныхъ поляковъ еще не померло, и крики: «вивать, Наполеонъ!» въ средѣ ихъ не переставали раздаваться. Надежды на скорое возвращеніе на родину высказывались нерѣдко. По рассказамъ одного военноплѣннаго, поляки были увѣрены, что «французы о нихъ не позабыли», а Наполеонъ, остававшійся побѣдителемъ въ войнѣ со всѣми державами, и на этотъ разъ останется побѣдителемъ и «возьметъ надъ Россіею поверхность». Подъ вліяніемъ, можетъ быть, необычайныхъ событій, порожденныхъ Отечественною войной, среди плѣнныхъ солдатъ появились даже прорицатели, предсказатели. Въ Ишимѣ, напримѣръ, былъ извѣстенъ одинъ такой «ворожей», по имени Іезефъ, по прозвищу Незвѣстный (онъ былъ высланъ въ омскую крѣпость). Это былъ человекъ «росту не малаго, лицомъ бѣлый, лѣтъ около тридцати пяти—сорока». Часто выходившій по ночамъ съ книгою въ рукахъ гадать по звѣздамъ, этотъ «прорицатель» казался загадочнымъ и на суетвѣрные умы производилъ огромное впечатлѣніе. Въ Ишимѣ онъ

«ворожиль» многимъ людямъ, угадывая ихъ прошлое и будущее, «смотря на руки или на карты», и пользовался большимъ вліяніемъ среди плѣнныхъ, которые готовы были вѣрить всему, что онъ предсказывалъ. А предвѣщалъ Іосифъ Неизвѣстный о томъ, что Наполеонъ побѣдитъ Россію, и всѣ они (т. е. поляки) весною 1814 г. непременно возвратятся изъ Сибири въ родныя мѣста; убѣждалъ ихъ сплотиться между собою и не позволять другъ съ другомъ раздѣляться, обѣщалъ счастливую судьбу тѣмъ, кто не присягнетъ на подданство Россіи.

Таково было настроеніе военноплѣнныхъ еще до прихода ихъ въ Томскъ. Чтобы закончить о нихъ свою рѣчь, остается еще упомянуть о той инструкціи, которая было положена въ основу поведения мѣстныхъ властей по отношенію къ военноплѣннымъ.

Согласно «общему наставленію» командира войскъ 30-й дивизіи генераль-лейтенанта Глазенапа, отъ 21-го сентября 1813 г., предписывалось: 1) никакого «притѣсненія или пренебреженія» плѣннымъ не оказывать, но наблюдать, чтобы и они вели себя «скромно и послушно», въ противномъ случаѣ подвергать ихъ наказанію по закону; 2) «службу налагать на плѣнныхъ между старыми русскими солдатами», чтобы первые, такимъ образомъ были у русскихъ солдатъ «подъ глазами», къ «интереснымъ» постамъ ихъ не ставить до тѣхъ поръ, пока не будетъ увѣренности въ ихъ благонадежности; 3) къ принятію присяги на подданство Россіи ихъ не принуждать, «но пристойными мѣрами соглашать ихъ къ оной»; 4) никакой переписки ни съ кѣмъ не позволять, въ случаѣ же необходимости кому-либо изъ нихъ «адресоваться», всѣ такія письма должны пройти открытыми черезъ руки командира.

Командующій тобольскимъ гарнизоннымъ полкомъ подполковникъ Кемпъ, сообщая содержаніе этой инструкціи томскому губернатору Илличевскому, подтвердилъ отъ себя, чтобы плѣнные были размѣщены по квартирамъ вмѣстѣ съ русскими старыми и испытанными рядовыми, чтобы на поведеніе плѣнныхъ было обращено «бдительное вниманіе» и отлучаться имъ безъ присмотра русскихъ солдатъ не позволялось.

Есть еще указаніе, что по предписанію министра полиціи отъ 26-го августа 1812 г. «во исполненіе высочайшей воли», были посланы въ Томскую же губернію шесть какихъ-то «иностранцевъ», въ числѣ которыхъ былъ и отставной майоръ полякъ Маркловскій, служившій ранѣе въ Екатеринославскомъ гренадерскомъ полку. Этихъ иностранцевъ приказано было поселить по уѣзднымъ городамъ Томской губерніи, съ предписаніемъ мѣстной полиціи имѣть за ними «строжайшій надзоръ», дабы они жили «тихо и смиренно, никакихъ къ нарушенію спокойствія предпріятій, вредныхъ разговоровъ и политическихъ разсужденій не дѣлали и переписки ни съ кѣмъ не имѣли». Эти лица, повидимому, считались правитель-

ствомъ крайне опасными людьми, такъ какъ о поведеніи ихъ мѣстными властями предписывалось «еженедѣльно» доносить министерству полиціи. Выше ужь упоминалось, что въ числѣ показаній М. Вонсовича было и такое, которое позволяло одного изъ этихъ иностранцевъ (Маркловскаго) подозрѣвать въ причастности къ заговору.

Для характеристики состава заговорщиковъ необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ изъ нихъ, которые были ссыльными. Прежде всего, это—не политическіе ссыльные.

По справкѣ въ томской канцеляріи о водвореніи поселенцевъ оказалось, что значащіеся по сему дѣлу ссыльные присланы въ Сибирь за нижеслѣдующія преступленія:

Павель Костовскій, изъ «церковниковъ» Тверской губерніи, за самовольную отлучку изъ семинаріи, безъ наказанія.

Емельянъ Сиринъ, изъ крестьянъ Черниговской губерніи, за воровство пчель, съ наказаніемъ плетью.

Мартынъ Вонсовичъ, изъ Виленской губерніи, а уроженецъ Минской, изъ шляхтичей, «по сомнѣнію въ найденіи у него фальшивыхъ ассигнацій и за недоказательство, отъ кого оныя получены», безъ наказанія плетью.

Бенедиктъ Зевельтъ, изъ мѣщанъ Минской губерніи, за кражу разныхъ вещей на сумму свыше 100 рублей; съ наказаніемъ плетью.

Семень Драгочинскій, польскій уроженецъ, былъ на русской военной службѣ сержантомъ, за «сочиненіе» фальшиваго паспорта наказанъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и клеймованіемъ; былъ 13 лѣтъ на каторжной работѣ, а по освобожденіи отъ нея остался въ качествѣ поселенца.

Василій Бубновъ, отъ помѣщицы Рязанской губерніи Воейковой, въ зачетъ рекрута.

Игнатій Тишевскій, изъ Подольской губерніи, «за развратное поведеніе и пьянство», безъ наказанія.

Николай Должниковъ, изъ унтеръ-офицеровъ, Тульской губерніи, за потерю данныхъ на отставку двухъ паспортовъ, безъ наказанія.

Иванъ Михайловскій, изъ шляхтичей Виленской губерніи, за покупку краденаго тулупа, съ наказаніемъ лозами.

Тарасъ Сергѣевъ, изъ крестьянъ Рязанской губерніи, за неповиновеніе помѣщицѣ своей, безъ наказанія.

Гавріиль Третьяковъ, званіе и преступленіе неизвѣстны.

Власъ Хныковъ, изъ Вятской губерніи, лишенъ чиновъ и дворянства за «несоотвѣтственные поступки».

Михаилъ Гарновскій, изъ мѣщанъ Подольской губерніи, за «воровство денегъ», съ наказаніемъ плетью.

Гавріиль Будыгинъ, изъ крестьянъ Могилевской губерніи, за укрывательство и побѣгъ, съ наказаніемъ плетью.

Шай Лейбовичъ, еврей изъ Виленской губерніи, за воровство, съ наказаніемъ розгами.

Вигдоръ Гершовичъ, еврей изъ Минской губерніи, «по незаписанію въ ревизію», безъ наказанія.

Шлойма Гершовичъ, изъ мѣщанъ Малоросс. Черниговской губерніи «за воровство муки и лошади», съ наказаніемъ плетью
Юсифъ Савицкій, изъ крестьянъ Минской губерніи, за воровство и бродяжничество.

Евдокимъ Петровъ, изъ церковнослужителей Тверской губерніи, «по сомнѣнію въ кражѣ денегъ», безъ наказанія; былъ въ Сибири, причисленъ въ крестьянское «званіе».

Георгій Стелловъ, изъ крестьянъ Новгородской губерніи, «за кражу денегъ, побѣгъ и перемѣну имени», съ наказаніемъ плетью.

Самой интересной личностью среди всѣхъ привлеченныхъ къ суду ссыльныхъ, несомнѣнно, былъ Францискъ Чернецкій. Это былъ старый, выдавшій виды человекъ. Когда онъ предсталъ предъ судомъ, ему было 79 лѣтъ. Прямого участія въ заговорѣ онъ, несомнѣнно, не принималъ, онъ держался въ сторонѣ отъ заговорщиковъ, однако не мѣшалъ ихъ дѣйствіямъ и иногда даже самъ высказывалъ сожалѣніе, что «дѣти его были прежде свободны, а теперь должны платить подать». вмѣстѣ съ нимъ по тому же дѣлу привлекались къ суду и его сыновья: Федоръ, 22 лѣтъ, и Юсифъ, 19 лѣтъ. Фр. Чернецкій жилъ со своей семьей, повидимому, не нуждаясь. Судьба его, какъ сейчасъ увидимъ, была необычайна, а скитальческая жизнь полна тревоженій.

Францискъ Чернецкій разсказалъ про себя, что онъ дворянскаго происхожденія, сынъ Григорія Чернецкаго, уроженца Венгріи, бывшаго полковникомъ на «цесарской службѣ», на которой и самъ Ф. Чернецкій, имѣя 19 лѣтъ отъ роду, состоялъ гусаромъ. Во время «воязырованія» по Римской имперіи императора Павла I, бывшаго еще въ то время наслѣдникомъ, Чернецкій былъ принятъ на службу въ придворныя конюшни и вмѣстѣ съ царской свитой прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь за искусство въ верховой ѣздѣ Чернецкаго назначили въ главную придворную конюшню «коноваломъ и борейторомъ», въ должности котораго онъ и находился лѣтъ восемь, пока не былъ уволенъ. Нѣсколько времени послѣ этого онъ провель въ Польшѣ, а затѣмъ, возвратившись въ Венгрію, вновь поступилъ тамъ на службу вахмистромъ.

Здѣсь въ его жизни произошло одно крупное событіе, оказавшее вліяніе на всю дальнѣйшую его судьбу. Было это, разсказываетъ судьямъ Ф. Чернецкій, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Однажды во время парада майоръ Бонгазіи за какую-то ошибку ударилъ Чернецкаго три раза тростью. Несправедливо оскорбленный вахмистръ вспы-

лѣлъ и, выхвативъ обнаженную саблю, «однимъ махомъ» отсѣкъ своему начальнику правую руку. Отрубленная рука вмѣстѣ съ тростью упала на землю. Тогда Ф. Чернецкій, сидѣвшій верхомъ на лошади, помчался во весь карьеръ къ берегу Чернаго моря, отъ котораго мѣсто парада находилось на разстояніи около пяти верстъ. Достигнувъ берега, бѣглець вскочилъ въ лодку и, оттолкнувшись отъ берега, поплылъ въ открытое море. Въ такомъ положеніи, безъ пищи онъ провелъ нѣсколько сутокъ, пока не присталъ къ острову близъ «Остердама», гдѣ нашель пріютъ у знакомаго ему купца Насвиди. Спустя приблизительно годъ, Чернецкій отсюда прошелъ въ Саксонію, въ Дрезденъ, а черезъ мѣсяць уже оказывается на прусской службѣ гусаромъ, но не надолго: скоро онъ перешель въ Варшаву, гдѣ въ конной бригадѣ дослужился до чина намѣстника (поручика). Получивъ отставку и имѣя паспортъ, выданный ему отъ князя Мартына Любомирскаго, Чернецкій провелъ послѣ того нѣсколько лѣтъ въ услуженіи у гетмана Браницкаго. Затѣмъ послѣдовательно служилъ въ русскомъ гусарскомъ полку генерала Древича, гдѣ получилъ чинъ подпоручика; въ кievскомъ кирасирскомъ полку генерала Энгельгардта, подъ начальствомъ котораго участвовалъ въ войнѣ противъ турокъ и былъ неоднократно раненъ; служилъ затѣмъ борейторомъ при конюшняхъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина и по смерти послѣдняго поселился въ Старо-Константиновкѣ (Подольской губерніи). Здѣсь женился на «шляхтянкѣ» и имѣлъ отъ нея дѣтей.

Въ Старо-Константиновѣ онъ находился около 13 лѣтъ на частной службѣ при дворѣ княгини Чарторыжской въ качествѣ берейтора, но затѣмъ, привлеченный по отовору одного лица къ суду, былъ обвиненъ въ воровствѣ и высланъ въ Сибирь.

Такъ повѣствуетъ о себѣ Ф. Чернецкій самъ. Справка, полученная о немъ томской полиціей отъ подольскаго губернатора, оказалась, однако, съ этими показаніями въ нѣкоторомъ противорѣчій. Этого противорѣчія слѣдствію такъ и не удалось разрѣшить.

Говоря о ссыльныхъ, приведемъ въ заключеніе одну очень любопытную бытовую подробность изъ ихъ жизни. Въ документѣ мимоходомъ сказано, что нѣкоторые изъ ссыльныхъ вмѣстѣ съ военноплѣнными поляками во время рождественскихъ святокъ «для забавы» носили въ городѣ по домамъ «кукольный вертепъ». Объ этомъ вертепѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Этотъ видъ духовно-театральныхъ представленій, изображающій событія, связанные съ Рождествомъ Христовымъ, распространенъ въ Малороссіи, Польшѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири. Самый вертепъ собственно представляетъ собою небольшой деревянный ящикъ или домикъ, въ два яруса: въ верхнемъ разыгрывается серьезная часть «дѣйствія» (духовная), а въ нижнемъ—интермедія. Рукою бойкаго «вертепщика», скрытаго позади, невидимо для зрителей приводятся

въ движеніе куклы и фигуры, за которыхъ «вертепчикъ» самъ говоритъ, измѣняя голосъ сообразно роли. Въмѣстѣ съ вертепомъ носятъ обыкновенно «звѣзду». Вертепное дѣйствіе поситъ на себѣ и слѣды народнаго юмора; такъ, въ лицѣ Ирода, воиновъ, избивающихъ младенцевъ, и волхвовъ перѣдко воплощаются типы чисто мѣстнаго характера. Въ Сибирь вертепъ, по всей вѣроятности, и занесенъ переселенцами или ссыльными.

Заканчивая изложеніе исторіи томскаго заговора, намъ остается теперь ознакомиться съ той мѣрой наказанія, которое постигло виновныхъ. Нужно замѣтить, что все это дѣло правительствомъ держалось въ секретѣ и тянулось нѣсколько лѣтъ. Будучи начато 1-го мая 1814 г., оно окончилось лишь 16-го ноября 1817 года. Всего привлекалось къ суду около 40 человекъ. И содержаніе окончательнаго приговора сводилось къ слѣдующему.

М. Вонсовича, какъ признаннаго виновнымъ въ преступномъ злоумышленіи и дѣйствіи «на вредъ государственной» и въ «нарушеніи общественной тишины», согласно закону надлежало подвергнуть наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и клеймованію, но, въ силу высочайшаго манифеста 30-го августа 1814 года, отъ «торговой казни» онъ освобождался, и, такимъ образомъ, его приговорили бы лишь сослать скованнымъ въ городъ Нерчинскъ, на вѣчныя каторжныя работы, если бы, находясь уже подъ слѣдствіемъ, онъ не совершилъ новаго преступленія. Дѣло въ томъ, что Вонсовичъ по прошествіи года, послѣ снятія съ него допроса, отказался вдругъ отъ своихъ прежнихъ показаній. Когда же его заставляли ихъ выслушать, онъ «съ грубостью» отвѣчалъ: «если судьямъ угодно слушать, пусть слушаютъ, а онъ слушать и знать о томъ не хочетъ». Прежнія свои показанія Вонсовичъ объяснялъ, какъ вынужденныя «пристрастными» допросами частнымъ приставомъ Воронковымъ, который подвергалъ, якобы, Вонсовича пыткамъ: приковалъ его къ стѣнѣ короткой цѣпью, такъ что невозможно было сидѣть, билъ его по головѣ кулаками и т. д. Судь, признавъ все взводимыя на Воронкова обвиненія клеветой, постановилъ мѣру наказанія относительно Вонсовича за его новые проступки усилить и, помимо ссылки его въ Нерчинскъ, дать ему еще 136 ударовъ плетми.

Относительно остальныхъ подсудимыхъ было постановлено:

Участовавшихъ съ Вонсовичемъ въ заговорѣ, но не донесшихъ правительственнымъ властямъ «инострнца» Свистульскаго (Свистульскаго) и ссыльных: Михайловскаго, Должникова, Тишевскаго и Ф. Чернецкаго—сослать на каторжную работу, но отъ тѣлеснаго наказанія, согласно манифесту 30-го августа, избавить.

Взвѣнныхъ поляковъ: Вэйцеха Барановскаго, Павла Зеленскаго, Юсіфа Коноповича, Андрея Пюнтковскаго и Винцентія Щепановскаго, за участіе въ заговорѣ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, какъ людей «неблагонадежныхъ, сумнительныхъ и

опасныхъ», сослать въ отдаленныя мѣста Иркутской губерніи на поселеніе, безъ тѣлеснаго наказанія (по манифесту 30-го августа).

Что касается остальныхъ военноплѣнныхъ, привлеченныхъ по этому дѣлу: Н. Барановскаго, В. Срединскаго, Л. Малышко, Матеуса Ольшевскаго и І. Вольчука, то ихъ рѣшено было возвратить «въ свои дома» и впредь имѣть подъ надзоромъ томской полиціи.

Ссылныхъ Зевельта и Бубнова сослать на поселеніе въ отдаленныя края Иркутской губерніи, а Сергѣева, Третьякова и Будыгина—въ отдаленныя мѣста Томской губерніи, точно такъ же, какъ Хныкова и Петрова; Савицкаго, Стеллова, Видгора Гершовича, Курганскаго, Сирина, сыновей Ф. Чернецкаго—Федора и Юсифа, и жень ссылныхъ—Прасковью Вонсовичъ и Чернецкую—освободить, оставивъ «подъ особымъ наблюденіемъ полиціи». Драгочинскаго выслать изъ города, Павла Костовскаго же совершенно не подвергать никакому наказанію.

Причастные къ сему дѣлу военноплѣнные: Доманскій, Вербицкій, Пацевичъ, Дмуховскій и Христіанчукъ, за недостаткомъ уликъ, были оправданы.

Этотъ приговоръ, прошедшій черезъ правительствующій сенатъ и государственный совѣтъ, въ окончательномъ видѣ былъ утвержденъ императоромъ Александромъ I 16-го ноября 1817 года.

И проектъ томскихъ заговорщиковъ получилъ свою ликвидацію.

К. К—шовъ.

ПЕТЕРГОФСКАЯ ДАЧА № 2.

I.

Внѣшній видъ дачи.—Бельведеръ.—Комната бабыньки, какъ фамилный музей.—
Теремъ моей тети.—Лакейская съ коллекціей трубокъ.—Галерея, людская—бабья.—
Садъ, огородъ, прудъ съ карасями.

ВЪ НОВОМЪ Петергофѣ, недалеко отъ вокзала, красовалась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія дача подъ номеромъ вторымъ, принадлежавшая дѣду моему, генераль-лейтенанту генераль-вагенмейстеру Аѳанасію Даниловичу Соломко ¹⁾.

Своей причудливой архитектурой, высокой башней, бельведеромъ съ цвѣтными стеклами, своей окраской въ шоколадный цвѣтъ она представлялась мнѣ всегда имѣющей много общаго съ тѣми маленькими дворцами-виллами, построенными на Царицыномъ, Ольгиномъ островѣ, Бабыи гонахъ—императоромъ Николаемъ Павловичемъ, предпочитавшимъ Петергофъ за его близость къ взморью всѣмъ другимъ окрестностямъ столицы.

Знавшій съ дѣтства Аѳанасія Даниловича, какъ человѣка, беззавѣтно преданнаго своему покойному брату императору Александру Благословенному, императоръ Николай I по вступленіи своемъ на престоль, оцѣнивъ его долготѣнную усердную службу при вы-

¹⁾ Родная сестра его Марія Даниловна Соломко была мать моего отца въ замужествѣ за статскимъ совѣтникомъ И. С. Бардаковымъ, педагогомъ, строителемъ уѣзднаго городского училища въ гор. Кролевецѣ Черниговской губерніи. Авт.

сочайшемъ дворѣ, пожаловалъ ему довольно большой участокъ земли на тогда еще пустынныхъ Новыхъ мѣстахъ—вблизи строившагося желѣзнодорожнаго вокзала.

Мнѣ передавали, что и планъ дачи былъ данъ самимъ государемъ, чѣмъ и объясняется ея сходство съ миниатюрными дворцами-виллами, созданными богатой, изящной фантазіей самого императора, интересовавшагося настолько дачей Соломко, что онъ не разъ заѣзжалъ посмотреть на работу плотниковъ и называлъ себя шутя ея «главнымъ архитекторомъ».

Дача была большая, высокая, съ балкономъ и террасой, съ относительно маленькими окнами второго этажа и четырехугольной башней, составлявшей ея красу. Въ ней была всего одна довольно просторная комната—свѣтлая, съ широкими окнами, съ частыми переплетами рамъ, въ верхней части которыхъ были вставлены цвѣтные стекла, придававшія ей, въ солнечные дни, причудливый видъ.

Комната эта, въ которую надо было подниматься по узкой, витой деревянной лѣстницѣ съ неудобными косыми ступенями, съ небольшою дверью съ тяжелымъ блокомъ, не имѣла спеціального назначенія. Отъ близости желѣзной крыши и обилія свѣта въ ней было душно въ знойные лѣтніе дни, вслѣдствіе чего она оставалась необитаемой.

Въ дѣтскомъ воображеніи нашемъ бельведеръ представлялся намъ то таинственной башней, населенной сказочными героями «Спящей Царевны», то неизмѣннымъ украшеніемъ феодальныхъ замковъ, съ высоты которыхъ гордые средневѣковыя дамы зорко присматривались къ облакамъ пыли, чтобы привѣтствовать возвращавшихся послѣ побѣдоносныхъ битвъ храбрыхъ, закованныхъ въ стальную броню рыцарей.

Никѣмъ не замѣченныя, любили мы съ сестрой, плотно хлопнувъ тяжелую нижнюю дверь, подниматься по неудобной темной лѣстницѣ, влѣзать на случайно вынесенный въ бельведеръ жесткій старый диванъ, обитый полинялымъ ситцемъ. Намъ такъ хотѣлось сквозь синія, красныя, зеленыя стекла взглянуть внизъ на дѣдушкину усадьбу, садъ, огородъ; но, даже поднявшись на подоконникъ на цыпочки, не могли мы дотянуться до цвѣтныхъ стеколъ. Далеко видѣть нельзя было, такъ какъ высокія деревья заслоняли горизонтъ.

Въ домѣ было двадцать пять комнатъ, изъ которыхъ особенно мнѣ памятна большая угольная, свѣтлая, принадлежавшая тещѣ Аванасія Даниловича (матери второй жены его Маріи Николаевны), никогда не расстававшейся со своей единственной дочерью.

Комната Агніи Львовны, извѣстная подъ именемъ «бабинькиной», изображала собой фамильный музей, въ которомъ собрано было такъ много семейныхъ реликвій, различныхъ памятниковъ старины,

начиная съ большихъ портретовъ и оканчивая мелкими бездѣлушками—разнообразными сувенирами. Лучшимъ украшеніемъ ея были красивыя ширмы краснаго дерева, съ множествомъ створокъ, въ которыхъ помѣщались дорогія съ фасетомъ, овальныя зеркала.

На стѣнахъ красовались большіе фамилные портреты въ широкихъ золоченыхъ рамахъ. Въ числѣ ихъ были портреты красныхъ внуковъ бабиньки (какъ звали почтенную старушку не только свои, близкіе, но и частые посѣтители радушнаго дома) въ нарядныхъ кавалерійскихъ мундирахъ шестидесятихъ годовъ, а также одной изъ хорошенькихъ внучекъ, въ красномъ сарафанѣ и кокошникѣ съ бѣлой фатой. Возлѣ него портретъ немолодой женщины въ черномъ платьѣ, фрейлины высочайшаго двора О. П. Шишкиной, пріятельницы бабиньки, воспріемщицы одной изъ внучекъ.

Кромѣ портретовъ масляными красками, была акварель, на которой впереди своего полка, на бѣломъ конѣ былъ изображенъ мужъ Агніи Львовны, Н. С. Колубакинъ. Были небольшія мніатюры, изображавшія дѣда бабиньки Карина и ея тетку Абдулину и другихъ лицъ.

Передъ угольнымъ окномъ, какъ наблюдательнымъ пунктомъ, стояло большое, удобное, глубокое кресло, а подъ нимъ на низкихъ мѣдныхъ колесикахъ искусно вышитая скамейка для ногъ. Тутъ же на столикѣ стояла большая плетеная, украшенная мелкой вышивкой по канвѣ рабочая корзина съ шерстями и вязаньемъ.

Не пересчитать всѣхъ поднесенныхъ бабинькѣ за ея долгую жизнь родственницами, сверстницами и благодѣтельствованными ею лицами различныхъ подарковъ и сувенировъ, въ видѣ всякаго рода рукодѣлій—подушекъ диванныхъ, экрановъ, расшитыхъ цвѣтными шелками и гарусомъ, длинныхъ сонетокъ блестящаго бисера съ бронзовыми кольцами, маленькихъ пестрымъ кошельковъ, рабочихъ шкатулокъ, на крышкахъ которыхъ подъ стекломъ красовались красивые букеты, искусно скомбинированные изъ зеренъ арбузовъ, огурцовъ, дынь и пр., абажуровъ съ засушенными на фонѣ тонкаго тарлатана полевыми цвѣтами; были и плато подъ лампу, подсвѣчники и колокольчикъ съ бордюромъ изъ зеленой шерстяной (въ подражаніе моху) бахромы, стѣнныя шитыя золотомъ туфли для карманныхъ часовъ и масса другихъ бездѣлушекъ, которыя съ поразительнымъ терпѣніемъ и тщательностью создавались искусными руками изящныхъ свѣтскихъ женщинъ прошлаго вѣка, домосѣдокъ, проводившихъ иногда цѣлые дни за пяльцами и рукодѣльемъ. Матеріалъ для этихъ работъ обходился въ то время относительно недорого и отличался доброкачествомъ и прочностью красокъ, что подтверждается сохранившимися до сего времени въ нашей семьѣ вышивками гарусомъ, шелкомъ и бисеромъ нашихъ бабушекъ.

Всѣ эти мелочи, бездѣлушки были дороги обладательницѣ ихъ по воспоминаніямъ прошлаго, съ которыми связаны были эти подношенія въ дни семейныхъ торжествъ.

Въ молодости бабинька и сама много работала шелками, бисеромъ, синелью, золотой канителью и подносила роднымъ и друзьямъ изящныя бездѣлушки своей работы, а въ послѣдніе годы своей жизни она пристрастилась къ вязанью одѣялъ изъ мягкой берлинской шерсти, которыми надѣляла не только дѣтей, внуковъ и правнуковъ, но и крестниковъ и друзей своихъ.

Дверь изъ комнаты бабиньки выходила въ столовую, какъ бы углубленную между двумя корпусами дачи въ видѣ покоя, при чемъ свободное пространство передъ окнами на дворъ было отдѣлено отъ него частой проволочной рѣшеткой и служило птичникомъ. Здѣсь изъ окна можно было видѣть красивыхъ, крупныхъ куръ, воинственныхъ пѣтуховъ и маленькихъ цыплятъ, которыхъ мы сами кормили, придумывая имъ различныя клички—были Крошка, Фея, Забѣяка, Красавчикъ, Крикунъ и пр., всегда стремительно набрасывавшіеся на рассыпаемыя имъ крошки хлѣба.

Другая дверь выходила въ просторную гостиную, въ которой было всегда темно и прохладно отъ густо разросшихся подъ ея окнами кустовъ душистаго, бѣлаго жасмина. Сбоку маленькая дверь выходила на узкую террасу съ рѣзными перилами и спускомъ въ самую тѣнистую часть сада. Кромѣ этой гостиной, была еще небольшая пріемная съ мягкой старинной мебелью подъ полосатыми тиковыми чехлами. На стѣнѣ висѣлъ портретъ государя Александра I, даръ дѣдушкѣ самого императора. Онъ изображенъ былъ во весь ростъ (въ небольшомъ размѣрѣ), его величественная поза и вдумчивое выраженіе лица чрезвычайно нравились мнѣ. Къ пріемной примыкала терраса съ нѣсколькими ступеньками на садовую передъ дачей площадку.

Во второмъ этажѣ, съ значительно меньшими окнами, низкимъ потолкомъ, было помѣщеніе незамужней дочери дѣдушки, тети Сони, и ея горничной, проворной, смуглой, черноволосой Мавруши. Оно представлялось намъ теремомъ. Изъ всей обстановки тетиной комнаты особенно памятенъ мнѣ ея старинный туалетный столъ. Довольно большое зеркало его помѣщалось какъ бы въ нишѣ; къ обѣимъ сторонамъ его примыкали шкапчики съ рельефными изображеніями двухъ музъ. Всѣ детали этихъ двухъ выпуклыхъ бронзовыхъ фигуръ: складки одежды, пышные волосы, обнаженныя руки и ноги—были выполнены необыкновенно искусно. Очень нравились намъ, дѣтямъ, и бездѣлушки на письменномъ столѣ, въ особенности большое, румяное, тяжелое яблоко-преспалье, совѣмъ, если бы не вѣсъ,—натуральное. Было, можетъ быть, много другихъ болѣе цѣнныхъ вещицъ. У меня съ дѣтства вмѣстѣ съ представленіемъ объ яблокѣ сохранилось воспоминаніе объ утощенѣ, ко-

Аеанасій Даниловичъ Соломко.

торое предлагалось намъ, мнѣ и сестрѣ моей младшей, въ послѣ-
обѣденное посѣщеніе тети. Оно состояло изъ миндаля въ шелухѣ,
каленыхъ орѣховъ, изюма и шепталы, поданныхъ Маврушей на
подносѣ, покрытомъ филейной салфеткой. Это угощеніе носило
названіе институтское—«сочопегіе» (свинство).

Въ теремъ тети надо было подниматься по узкой, крутой, спи-
ральной лѣстницѣ изъ проходной комнаты возлѣ лакейской, гдѣ
стояли вокругъ стѣнъ лари и помѣщались всѣ три денщика. На
обязанности одного изъ нихъ лежало завѣдываніе дѣдушкиными
трубками.

Въ деревянной стойкѣ возлѣ двери ихъ было не менѣе полдюжины. Всѣ онѣ были длинныя, изъ черешневаго дерева, съ большими и маленькими янтарными мундштуками и заканчивались узорчатыми, терракотовыми трубочками; къ нѣкоторымъ изъ нихъ были придѣланы маленькія металлическія крышечки. Обязанность за вѣдывающаго мнѣ заключалась въ аккуратной ежедневной прочисткѣ пагара въ мундштукѣ, выбиваніи золы изъ трубочки и набиваніи вплотную крѣпкимъ Жуковскимъ табакомъ, хранившимся тутъ же въ шкатулкѣ подѣ ключомъ и просушивавшимся на листахъ «Сына Отечества», популярнѣйшей изъ газетъ того времени. Тѣ же листы, съ еженедѣльнымъ приложеніемъ модъ и карикатуръ (издательства Старчевскаго), употреблялись денщиками на изготовленіе самодѣльныхъ «цыгарокъ», которыя выкуривались въ свободное отъ занятій время, въ особенности по вечерамъ, во время игры въ дураки, трынку, орла и рѣшетки пьяницы и пр. Отъ этихъ цыгарокъ и раскуриваемыхъ для дѣдушки и его гостей трубокъ въ лакейской, какъ густой осенній туманъ, стоялъ всегда дѣкій, сизый дымъ.

Господская кухня помѣщалась въ отдѣльномъ флигелѣ. Для удобства сообщенія въ дождливую, ненастную погоду она была соединена съ домомъ открытой галереей на столбахъ, подѣ желѣзной крышей. Въ томъ же зданіи находилась людская, къ которой примыкала баня—до нея, какъ мнѣ помнится, большимъ охотникомъ былъ дѣдушка.

Потому ли, что въ раннемъ дѣтствѣ всѣ предметы представляются въ масштабѣ, размѣромъ превосходящемъ дѣйствительность, петергофская дача № 2¹⁾ казалась мнѣ большой помѣщицѣй усадьбой, такъ какъ при ней, кромѣ сада съ большими кустами бѣлаго жасмина, душистой сирени, мелкаго шиповника, розъ, бузины, калины и большихъ деревьевъ, была цѣлая плантація кустовъ малины и смородины, огородъ съ грядками: клубники, огурцовъ, салата, моркови и пр., еще прудъ, въ которомъ не разводились, будто бы, караси.

Жизнь обитателей дачи походила на деревенскую еще и тѣмъ, что имѣлся большой штатъ прислуги и домашнія животныя: кромѣ коровы, двѣ лошади, кажется, тѣ самыя Сѣрко и Гнѣдко, которыхъ я помню уже престарѣлыми въ Петербургѣ, запряженными въ большую старинную четырехмѣстную карету. Въ ней бабушка М. Н. дѣлала визиты, имѣя на козлахъ денщика, облаченного въ ливрею—сѣрую шинель со множествомъ нашивокъ изъ краснаго сукна на пелеринѣ и съ воротникомъ изъ лебяжьаго пуха—въ видѣ жоржетки дамской на шеѣ.

¹⁾ № 1 принадлежала помѣщику Крюковскому и сдавалась на лѣто семейству сенатора Харитонова.

Кромѣ коровы и лошади, во дворѣ было много разной домашней птицы, ручныхъ голубей.

Отличительною особенностью дачи было необыкновенное радушіе и гостепрѣимство, благодаря которымъ ни лѣтомъ на дачѣ, ни зимой въ столицѣ хозяева не садились за столъ безъ нѣсколькихъ человекъ случайныхъ или приглашенныхъ гостей.

II.

Обитатели дачи.—Бабинька.—Глава семьи А. Д. Соломко.—Его жена бабушка Марія Николаевна.—Воспитанница Марія Алексѣевна.—Младшіе члены семьи.

Родоначальницей семьи Соломко и хозяйкой въ домѣ была родившаяся въ 1764 году теща Аѳанасія Даниловича Агнія Львовна Колюбакина ¹⁾, рожденная Карина. Обладая большими средствами, заключавшимися въ земельныхъ угодьяхъ и вотчинахъ, въ томъ числѣ и въ Тамбовской губерніи ²⁾, она совсѣмъ юной была выдана замужъ за представителяго кавалериста Николая Сергѣевича Колюбакина. Командовавъ въ Отечественную войну однимъ изъ гусарскихъ армейскихъ полковъ, онъ акварелью, писанной въ Парижѣ, изображенъ былъ на бѣломъ кофѣ верхомъ во главѣ полка на портретѣ, которымъ особенно дорожила бабинька.

Я помню ее, нѣкогда высокую, стройную, маленькую, опиравшеюся на палку, сгорбленной старушкой, отличавшеюся, несмотря на свой преклонный возрастъ, необыкновенной подвижностью и энергіей. Особенно помнятся мнѣ ея красивые, живые, необыкновенно выразительные, молодежавые, блестящіе глаза, какихъ никогда не видѣла я у пожилыхъ людей. Память у нея была необыкновенно ясная, свѣжая, она интересовалась всѣмъ: литературой, политикой, сельскимъ хозяйствомъ ³⁾, домоводствомъ; никогда не жаловалась она на свои старческія немощи, сохранила до послѣднихъ дней жизни свое превосходное зрѣніе и даже для работы до самой кончины не носила очковъ. Она живо представляется мнѣ всегда солидно, изысканно одѣтой, въ темномъ платьѣ, въ бархатной, шелковой, черной, съ отдѣлкой мантильѣ, въ бѣломъ тюлевомъ, съ пышной рюшкой чепцѣ. Богатая, свѣтская женщина, она любила общество, пріемы и игру въ ералашъ по маленькой со своими лю-

¹⁾ Мать его второй жены Маріи Николаевны.

²⁾ Село Моновицы Козловскаго уѣзда Тамбовской губ., нынѣ принадлежащее коннозаводчику и нефтепромышленнику Шибяеву.

³⁾ Она вела дѣятельную переписку со своими управляющими и бурмистрами, выписывала ихъ къ себѣ, поручала зятю покунку имѣній, которыя предназначались въ приданое внучкамъ.

бимыми партнерами изъ высокопоставленныхъ лицъ, друзей и товарищей зятя ¹⁾).

Аѳанасія Даниловича, уже почтенныхъ лѣтъ, она звала всегда «батенькой». Онъ послѣдно исполнялъ ея приказанія, слѣдовалъ ея совѣтамъ, почтительно цѣловалъ ея ручки и величалъ всегда «маменькой». Такъ какъ службѣ при дворѣ посвящалъ онъ много времени, то вся забота о семьѣ, женѣ и образованіи дѣтей лежала на бабинькѣ, которая не жалѣла средствъ на воспитаніе своихъ внуковъ.

Дѣдушка Аѳанасій Даниловичъ, родившійся въ 1788-мъ году, былъ уроженецъ Черниговской губерніи. Отецъ его Данило Яковлевичъ Соломко, женатый на Марѣ Семеновнѣ Яновнѣ, дочери полкового товарища, самъ принадлежалъ къ храброму, лихому малороссійскому казачеству, былъ въ 1772 году писаремъ генеральной артиллеріи, имѣлъ, кромѣ Аѳанасія Даниловича, нѣсколькихъ сыновей и дочерей и владѣлъ въ 1782 году въ хуторѣ Лапшинѣ (Кролевецкаго уѣзда Черниговской губерніи) четырьмя душами мужского и шестью—женскаго пола. Окончивъ въ Петербургѣ, въ военномъ училищѣ (нынѣ Михайловскомъ артиллерійскомъ) курсъ военныхъ наукъ первымъ ученикомъ, обративъ на себя милостивое вниманіе всесильнаго въ то время графа Аракчеева, А. Д. былъ откомандированъ имъ въ распоряженіе дюка де-Ришелье для сооруженія укрѣпленій въ Одессѣ. При случаѣ, упомянувъ государю о выдающемся способностями артиллерійскомъ офицерѣ, Аракчеевъ послалъ за нимъ фельдъегеря, быстро доставившаго его на перекладныхъ въ столицу, представилъ его государю, который назначилъ его своимъ личнымъ адъютантомъ. Съ того времени А. Д. состоялъ неотлучно при особѣ императора.

При вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ, чтобы показать союзникамъ численность русской арміи, ему поручено было, вмѣстѣ съ другими назначенными лицами, произвести дислокацію войскъ.

Онъ сопровождалъ императора и императрицу на Вѣнскій конгрессъ ²⁾ и сопутствовалъ въ качествѣ вагенмейстера (какъ бы завѣдывающаго главной квартирой, экипажами, лошадьми, гофъ-фурьерами и прочими служащими) во всѣхъ путешествіяхъ государя по Сибири ³⁾ и по всей Россіи.

¹⁾ Генералъ Шильдеръ (историкъ), Гербель (декабристъ), генералъ Обручевъ, сенаторъ Зуровъ, мой дядя тайный совѣтникъ Д. Ив. Бардаковъ, праздновавшій въ 1887 г. 50-лѣтній юбилей службы въ морскомъ вѣдомствѣ, и др.

²⁾ Описаніе Вѣны, съѣзда монарховъ, письма къ сестрѣ, моей бабушкѣ Маріи Даниловнѣ.

³⁾ Отзывчивый, добрый А. Д. принималъ большое участіе въ смыльныхъ. (Пасекъ, В. В.).

Въ числѣ самыхъ близкихъ людей онъ присутствовалъ въ Таганрогѣ при кончинѣ императора, послѣдовавшей 19-го декабря 1825 года.

Ему же, неизмѣнному спутнику государя во всѣхъ его путешествіяхъ, пришлось доставлять прахъ его въ недавно покинутую имъ столицу.

Трудный, утомительный былъ этотъ длинный обратный путь, благодаря плохой, ненастной погодѣ, неисправности дорогъ и частымъ, по расписанію церемоніала, остановкамъ ¹⁾.

При вступленіи своемъ на престолъ императоръ Николай Павловичъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, подарилъ ему усадьбу-дачу въ Петергофѣ и относился всегда особенно милостиво къ вѣрному, честному, скромному слугѣ своего брата. Въ царствованіе императора Александра II Аѳанасій Даниловичъ въ чинѣ генераль-лейтенанта былъ генераль-инспекторомъ арсеналовъ и парковъ, при званіи генераль-вагенмейстера. Должность эта, какъ бы созданная для него, была упразднена послѣ его кончины.

Дѣдушку, какъ и бабиньку, я помню въ очень преклонномъ возрастѣ; у него были сѣдые баки, онъ былъ высокъ, худощавъ и слегка горбился. Онъ любилъ Малороссію, не забывалъ ея нарѣчія, отличался необыкновеннымъ юморомъ, былъ очень общителенъ и радушенъ. Несмотря на близость къ двору, онъ былъ необыкновенно простъ и въ обращеніи съ просителями отличался особеннымъ добродушіемъ.

Первымъ бракомъ онъ женатъ былъ на своей землячкѣ, дочери землевладѣльца Кролевецкаго уѣзда (Черниговской губерніи) г. Забѣлло и получилъ въ приданое за женой село Реутинцы (въ десяти верстахъ отъ Кролевца). Онъ имѣлъ отъ этого брака одну только дочь Марію Аѳанасьевну ²⁾.

Второю женой дѣдушки была единственная дочь бабиньки Марія Николаевна Колюбакина, всю жизнь прожившая неразлучно съ матерью. Агнія Львовна, сама всесторонне образованная и начитанная, позаботилась о томъ, чтобы дать дочери и воспитанницѣ своей, ея сверстницѣ, дочери дворянина Маріи Алексѣевнѣ Боровой, основательное домашнее образованіе. Воспитательницей ихъ была опытная, образованная французженка, открывшая въ 20-хъ годахъ минувшаго вѣка одинъ изъ самыхъ фешенебельныхъ пансіо-

¹⁾ Ему, пользовавшемуся особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, шутливо называвшей его «нашей золотой соломочкой», скончавшейся 4-го мая 1826 года въ Бѣлевѣ и пережившей своего супруга на 4 мѣсяца 15 дней, пришлось доставить въ Петербургъ прахъ ея для погребенія, а также и скончавшагося въ Варшавѣ великаго князя Константина Павловича.

²⁾ Вышедшую замужъ впоследствии за камеръ-юнкера Спиридона Ѳеодоровича Татищева, отца историка Сергѣя Спиридоновича Татищева. Трудъ его «Императоръ Александръ II и его царствованіе» вышелъ недавно 2-мъ изданіемъ.

новъ для дѣвиць, принадлежавшихъ къ московскому beau monde Французскимъ языкомъ бабушка владѣла въ такомъ совершенствѣ, что письма ея къ роднымъ и друзьямъ, написанныя красивымъ, мелкимъ и ровнымъ, какъ бисеръ, почеркомъ, заслужили ей въ высшемъ петербургскомъ обществѣ лестный эпитетъ «русской m-me de Sévigné». На страницахъ для памяти маленькаго календаря (изящнаго изданія типографіи главнаго штаба) она записывала аккуратно выдающіяся событія какъ общественной, политической такъ и личной жизни, отъѣздъ и возвращеніе своего мужа, сопровождавшаго государя въ его путешествіяхъ по Россіи и за границу, и проч. Такъ, на одной изъ этихъ страницъ отмѣченъ пріѣздъ въ Тамбовъ императора, соблаговолившаго быть восприемникомъ дочери ея (Леонтины, умершей въ раннемъ дѣтствѣ). Государь вмѣстѣ съ ея матерью лично окрестилъ новорожденную, обласкалъ остальныхъ дѣтей и прислалъ какъ одной, такъ и другой своей кумѣ по цѣнному фермуару.

Умная, находчивая, вполне свѣтская женщина, она любила выѣзды, визиты, пріемы, вечера, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда находила время для серьезнаго чтенія и самообразованія. Въ обращеніи съ людьми она отличалась особенной привѣтливостью. Въ короткихъ глазахъ, въ привлекательной улыбкѣ этой миниатюрной, изящной женщины было такъ много доброты, участія, ласки. Даже недостатокъ ея—глухота, причинявшій ей огорченіе, не вызывалъ у нея того озлобленія, которое замѣчается обыкновенно у людей, лишенныхъ слуха, и не проявлялся даже въ самой обычной формѣ раздражительности.

Воспитанница Агніи Львовны, ея пріемная дочь Марія Алексѣевна, любила «маменьку-благодѣтельница», какъ свою родную мать, и, проживъ свой долгій вѣкъ подъ гостепріимнымъ кровомъ семьи Соломки, была ей беззавѣтно предана. Будучи сверстницей и лучшимъ другомъ бабушки, она питала самую нѣжную привязанность ко всемъ родившимся и выросшимъ на ея глазахъ дѣтямъ.

Я помню ее, высокую, худую, съ гладко зачесанными на уши волосами, заложеными клубкомъ на затылкѣ. Она носила всегда темныя платья, плотно облегавшія ея худощавую фигуру, держалась необыкновенно прямо, соблюдала строгій этикетъ и съ виду казалась черствой, чепорной, даже сварливой и суровой, такъ какъ любила читать строгія нотации дѣтямъ и прислугѣ. Въ сущности, она была хорошимъ человѣкомъ съ отзывчивой, доброй душой.

Наблюденіе за хозяйствомъ, прислугой и порядкомъ въ домѣ лежало на ея обязанности. Соблюдая интересы своихъ благодѣтелей, она была педантично аккуратна въ веденіи счетовъ и расходовъ, за то ее называли скупой и ворчливой.

Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, семья Аѳанасія Даниловича состояла изъ трехъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Получивъ осно-

вательное первоначальное домашнее образованіе, по окончаніи курса въ пажескомъ корпусѣ сыновья Аѳанасія Даниловича поступили на службу въ гвардейскіе кавалерійскіе полки. Старшій, Никита Аѳанасьевичъ ¹⁾, служилъ въ кирасирскомъ Ея Величества; средній, Иванъ Аѳанасьевичъ ²⁾, въ лейбъ-уланскомъ (нынѣ императрицы Александры Ѳеодоровны), а младшій, С. А. ³⁾, въ лейбъ-гусарскомъ.

Старшая изъ дочерей А. Д. отъ перваго брака, Марія Аѳанасьевна, была за Татищевымъ. Я совсѣмъ не знала ея, какъ и старшую изъ дочерей Маріи Николаевны, миниатюрную, изящную, по словамъ знавшихъ ее, Агнію Аѳанасьевну, въ замужествѣ за сыномъ министра народнаго просвѣщенія, камеръ-юнкеромъ княземъ В. П. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Я знала хорошо обитательницу петергофскаго терема Софію Аѳанасьевну, которая не была замужемъ и жила всегда при родителяхъ, и самую младшую, хорошенькую, живую, энергичную Наталью Аѳанасьевну Полозову ⁴⁾.

Лучшіе учителя того времени, преимущественно изъ лица, получавшіе отъ трехъ до пяти рублей за часъ, были приглашены для преподаванія внукамъ бабиньки, не жалѣвшей средствъ для ихъ воспитанія. Преподаватели были французъ Monsier Vougeau англичанинъ мистеръ Шо, итальянецъ (иѣнія) маэстро синьоръ Фачетти, балетмейстеръ Гольцъ, піанистъ Герке, по Закону Божию сакелларій Зимняго дворца Н. Я. Никольскій ⁵⁾ и др.

Воспитательницей дочерей была чопорная, высокообразованная наставница Берта Ѳеодоровна фонъ-Экгофъ. Она строго придерживалась этикета, отличалась выдержкой, красивыми манерами. Имѣвъ несчастье въ молодости лишиться ноги, она проворно, искусно пользовалась деревянной, была всегда тщательно одѣта и затѣйливо причесана. Мнѣ особенно помнятся ея густые, мелко сгоффрированные волосы. Живая, общительная, моложавая, она и по окончаніи курса воспитанницъ была своимъ, близкимъ членомъ въ любившей ее семьѣ Соломко.

Съ родителями въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія о петергофской дачѣ, жила только одна веселая, живая,

¹⁾ Женатъ былъ на Н. Н. Ребиндеръ, имѣлъ одну дочь, Ѳ. Н., замужемъ за Бекаревичемъ.

²⁾ Женатъ на Е. Г. Поповой, имѣлъ сына С. И., корнета Сумскаго полка, нынѣ умершаго.

³⁾ Женатъ былъ на О. Ф. Занадворовой, дочери богатаго золотопромышленника, имѣлъ двухъ сыновей, П. С. и С. С., извѣстнаго современнаго художника-акварелиста.

⁴⁾ Вдова полковника гвардейской конной артиллеріи; единственная изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей А. Д. Соломко. Потерявъ сына, земскаго начальника Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, она навсегда переселилась въ Ярославль на жительство.

⁵⁾ Духовникъ императора Александра II, сопровождавшій государя въ русско-турецкую кампанію.

словоохотливая, жизнерадостная дочь, наша тетьа Соня, которая увлекалась музыкой, пѣла итальянскія аріи и въ молодости чудно съ кастанъетами танцевала качучу, приводя въ восторгъ всѣхъ гостей своихъ отца и матери.

III.

Воскресные и праздничные приемы на дачѣ.—Фамилные обѣды.—Журфиксы.—Партнеры ералаша.—Друзья и пріѣзжіе изъ Малороссіи земляки.

На петергофской дачѣ № 2 дня не проходило безъ гостей. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ сыновья съ женами и дѣтьми, дочери съ мужьями, близкіе и дальніе родные, старые друзья и знакомые поѣздами и пароходами съѣзжались въ гостепріимный домъ, гдѣ всегда находили самый радушный пріемъ.

Марія Алексѣевна, никогда не разстававшаяся со связкой ключей, выдававшая повару провизію и завѣдывавшая чайной шкатулкой, была особенно озабочена въ эти дни. Она вставала ранѣе обыкновеннаго и съ самаго утра спѣшно доставала изъ комода скатерти и салфетки, наполняла доверху сахаромъ большую шкатулку, накладывала варенье въ хрустальныя вазочки, пересматривала и пересчитывала бутылки съ винами, наливками и настойками, примѣчая, сколько оставалось живительной влаги въ небольшомъ водочномъ графинѣ, такъ какъ денщикъ (большой поклонникъ Бахуса) находилъ всегда случай отхлебнуть изъ горлышка, сколько было возможно. Услѣдить за нимъ, провѣрить было очень трудно, такъ какъ онъ, улучивъ благопріятный моментъ, умудрялся долить водой недостающее количество, о чемъ не знала, кажется, только Марія Алексѣевна.

Бабинька въ праздникъ надѣвала очень нарядную, обшитую кружевами мапилью и парадный чепчикъ. Бабушка Марія Николаевна уже къ завтраку выходила въ цвѣтномъ платьѣ и элегантной наколкѣ съ длинными концами лентъ, падавшими на плечи. Дѣдушка, большой гастрономъ, интересовался всегда праздничнымъ меню и справлялся о немъ у повара, дѣлая свои указанія.

Въ большой столовой во всю ея длину раздвигался старинный неширокій столъ, за которымъ, несмотря на число присутствовавшихъ, находилось всегда на концѣ, возлѣ Маріи Алексѣевны, мѣсто и для насъ, дѣтей.

Обѣдъ, какъ казалось мнѣ, продолжался безконечно и представлялся намъ, дѣтямъ, смирно сидѣвшимъ, не принимавшимъ участія въ разговорахъ взрослыхъ, очень утомительнымъ и скучнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали сладкаго, чаще всего крема, мусса, желе (мороженое, пломбиръ полагались только въ именины, торжественные дни), чтобы по уходѣ старшихъ собрать со стола и со всѣхъ

тарелок оставшіеся куски, корки и крошки хлѣба и птиц сзывать и кормить куръ, цыплятъ и голубей.

Кофе подавался на террасѣ. Гости гуляли въ саду, гдѣ въ іюнѣ пышно цвѣли кусты сирени, жасмина и шиповника. Вечеромъ составлялась въ гостиной для бабиньки партія ерелаша. Она играла по маленькой, радовалась, какъ ребенокъ, выигрышу, къ проигрышу относилась индифферентно, за картами не дѣлала замѣчаній за неправильный ходъ и не выражала неудовольствія лицамъ, посаживавшимся къ карточному столу для разговоровъ и отвлекавшимъ отъ игры вниманіе ея партнеровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ братъ моего отца Д. И. Бардаковъ. Отецъ мой, не любившій картъ, человекъ серьезный и начитанный, находилъ особенное удовольствіе въ бесѣдахъ съ Маріей Николаевной. На дачѣ, а въ особенности въ Петербургѣ, семья Соломко жила широко и открыто. На танцевальныхъ вечерахъ бывалъ цвѣтъ петербургской молодежи, офицеры гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, товарищи сыновей ¹⁾, дамъ и барышень, принадлежавшихъ къ петербургскому beau monde ²⁾, старички-сановники и почтенныя дамы, придворные сослуживцы дѣдушки.

Многихъ изъ этихъ лицъ я знала только по наслышкѣ, такъ какъ не бывала въ Петербургѣ по малолѣтству на вечернихъ журфиксахъ и дневныхъ раутахъ.

На ряду съ фешенебельными лицами, принадлежавшими къ петербургскому high life, большимъ радушіемъ пользовались земляки дѣдушки, малороссы изъ Черниговской губерніи, дальніе родичи, старые знакомые, пріѣзжавшіе въ столицу по различнымъ дѣламъ, главнымъ же образомъ для помѣщенія дочерей въ институты, сыновей въ корпуса. Эти земляки, часто снабженные рекомендательными письмами, совсѣмъ иногда незнакомые, считали за честь явиться къ сановному превосходительству на поклонъ. Принявъ радушно каждаго изъ пріѣхавшихъ съ родины, дѣдушка спѣшилъ представить бабинькѣ, какъ хозяйкѣ дома, и расположить ее въ пользу земляка настолько, чтобы обезпечить его приглашеніемъ на завтракъ или обѣдъ, смотря по времени. Оставленнымъ въ столицѣ пріѣзжимъ дѣтямъ разрѣшено было дни отпуска проводить въ семьѣ А. Д., гдѣ они пользовались особеннымъ вниманіемъ Маріи Алексѣевны, усаживавшей ихъ около себя, возлѣ самовара, и снабжавшей ихъ передъ уходомъ въ учебное заведеніе лакомствами и какой-нибудь провизіей.

¹⁾ Лейбъ-гусары Плаутинъ и Львовъ, лейбъ-уланъ князь Кропоткинъ и др.

²⁾ Камеръ-фрейлина императрицы О. П. Шишкина, ея сестра графиня Блудова, статсъ-дама начальница Смольнаго института М. П. Леонтьева, семья генерала Обручева, министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова, сенатора Зурова, генералы Шесгаковъ, Шильдеръ и пр. Литераторъ Сухонинъ, авторъ извѣстной пьесы «Русская свадьба XVIII вѣка», и мн. др.

«истор. вѣстн.», августъ 1912 г., т. сѣхлх.

Въ декабрѣ 1868 году, на 104 году жизни, скончалась бабинька. Хоронили ее, какъ мнѣ помнится, въ рождественскій сочельникъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ такой сильный морозъ, какого давно не было въ Петербургѣ. Въ преклонныхъ годахъ, совершенно лишившійся зрѣнія, послѣ продолжительной болѣзни 12-го марта 1872 года скончался дѣдушка. Я помню выносъ тѣла его изъ квартиры ихъ, на Большой Московской, домъ Крундышева ¹⁾, гдѣ семья С. занимала весь бельэтажъ. Помню нарядъ артиллеріи и Семеновскаго полка передъ домомъ, большую толпу народа, тѣснившуюся на тротуарѣ и мостовой въ то время, когда музыка заиграла «Коль славень» и гробъ на рукахъ сыновей и близкихъ родственниковъ былъ установленъ на катафалкѣ. Помнится мнѣ, что погода въ этотъ день была плохая, пасмурная, и что я, въ числѣ прочихъ родственниковъ и друзей, подъ унылые звуки похороннаго марша проводила процессію, направлявшуюся на Смоленское кладбище, по Невскому до Гостинаго двора.

Еще при жизни дѣдушки одно за другимъ поступали въ продажу за долги имѣнія въ губерніяхъ: Смоленской, Калужской, Тульской, Ярославской, Владимирской, Черниговской ²⁾. Съ кончиной мужа матеріальное положеніе бабушки ухудшилось настолько, что она, любя столицу, вынуждена была со своимъ неизмѣннымъ другомъ Маріей Алексѣвной, незамужней, всегда жившей при ней дочерью Софіей Аванасьевной и малолѣтней внучкой переселиться навсегда въ родовое материнское имѣніе Моновицы, гдѣ она и скончалась 7-го ноября 1881-го года ³⁾.

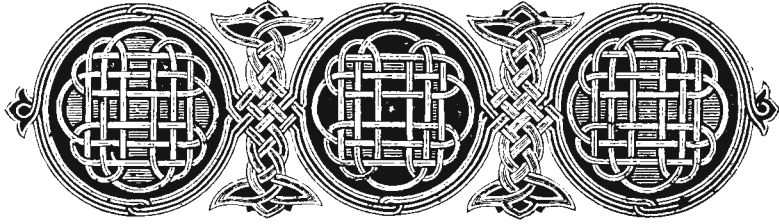
Прошло безъ малаго полвѣка... Если бы и случилось когда-нибудь еще побывать въ Петергофѣ, то я постаралась бы отыскать дачу, царскій даръ, дорогой по воспоминаніямъ дѣтства... Дача съ бельведеромъ, кухня съ примыкающей къ ней баней, садъ съ густо разросшимся кустами жасмина и калины, прудъ съ карасями—давно перешли по закладной въ чужія руки; на пространствѣ, составлявшемъ нѣкогда одну усадьбу, гдѣ въ настоящее время, вѣроятно, настроено нѣсколько нарядныхъ, красиваго, новаго стиля дачъ, можетъ быть, сохранилось хоть одно изъ старыхъ деревьевъ того времени.

М. Марина.

¹⁾ Возлѣ табачной фабрики Миллеръ.

²⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ были отданы въ приданое дочерямъ.

³⁾ Погребена возлѣ М. Алек. на кладбищѣ Козловскаго женскаго монастыря.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ.

XXII.

ОДНИМЪ изъ наиболѣе существенныхъ обвиненій, предъявленныхъ правительству со стороны оппозиционныхъ общественныхъ группъ, какъ направленія либеральнаго, такъ и радикально-революціоннаго, было забвеніе экономическихъ интересовъ населенія, преимущественно сельскаго, крестьянскаго. Забвеніе интересовъ и привилегированнаго сословія служило также источникомъ немалой фронды нѣкоторой части дворянства, которая усматривала въ актѣ 19-го февраля 1861 года элементъ экспропріаціи, далеко, по мнѣнію этого дворянства, не компенсированной выкупными платежами. Сформулированное мнѣніе поэта, что великая реформа ударила «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику» дѣйствительно къ исходу семидесятихъ годовъ оправдывалось экономическимъ упадкомъ сельскохозяйственной Россіи.

Разорялись и бѣднѣли какъ крестьянская деревня, такъ и «дворянскія гнѣзда», и изъ послѣднихъ все болѣе и болѣе замѣчалась

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХХІХ, стр. 271.

тяга и бѣгство въ столичные города. Какъ въ своемъ мѣстѣ мы уже говорили, правительство, осуществивъ социальную-экономическую реформу по освобожденію крестьянства отъ крѣпостной зависимости, не привело этой реформы въ общую связь съ потребностями административной и финансово-экономической жизни страны. Реформы административно-государственныя слѣдовали другъ за другомъ съ черепашею медленностью, проводились изолированно другъ отъ друга, такъ сказать, частично, причемъ въ этой созидательной работѣ мы наблюдаемъ одновременно начала и прогресса, и регресса, и нѣкоторыя начинанія, только что приведенныя въ исполненіе, черезъ очень короткое время видоизмѣняются, урѣзываются, благодаря чему во всей внутренней политикѣ отъ начала шестидесятыхъ до второй половины восьмидесятыхъ годовъ не наблюдается постоянства, единства и опредѣленности. Вторая половина восьмидесятыхъ годовъ какъ будто установила эту опредѣленность, но съ теченіемъ времени, какъ мы это увидимъ въ свое время, она снова нарушилась и привела насъ къ той государственной разрукѣ, которую мы чинимъ и исправляемъ—со второй половины девятидесятыхъ годовъ и понынѣ.

Финансовая политика за тотъ же періодъ времени не испытывала тѣхъ колебаній и той неопредѣленности, какъ политика административная; она, какъ имѣющая подъ собою, въ своемъ основаніи, начало научной послѣдовательности и постоянства, развивалась болѣе планомѣрно, но при этомъ мы замѣчаемъ, что въ первый пореформенный періодъ наша финансовая политика замыкается почти исключительно въ заботы о благополучіи государственной казны, экономическая же жизнь народа, развитіе сельской и фабрично-заводской промышленности остаются вѣдь попеченія правительственной власти и только въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ эти попеченія получаютъ значеніе реального факта. При министрѣ финансовъ С. Ю. Витте совершается переломъ въ финансовой политикѣ и рядомъ съ заботами о государственномъ казначействѣ рѣзко и опредѣленно ставятся вопросы и объ оживленіи производительныхъ силъ страны въ связи съ общимъ экономическимъ благосостояніемъ населенія. Въ этотъ періодъ пореформенная Россія за четверть вѣка существованія какъ бы встрѣчается лицомъ къ лицу съ Россіей новѣйшаго времени со всѣми ея жгучими и шумными социальными-экономическими запросами и вопросами.

Изучая всѣ этапы этой финансово-экономической политики въ связи съ характеристикой тогдашнихъ рулевыхъ ея, мы видимъ, что при первомъ министрѣ «эпохи великихъ реформъ» А. М. Княжевичѣ на главенствующее мѣсто былъ поставленъ вопросъ о ликвидаціи послѣдствій неудачной для насъ Крымской войны. При немъ выдвинуты были вопросы объ обновленіи нашего бюджетнаго дѣла, подушныхъ сборовъ, системы косвеннаго обложенія, опирав-

шейся на откупа, государственнаго кредита и т. п. Княжевичу же выпало на долю принять на себя и заботы о финансовомъ осуществленіи освободительной реформы. Въ его министерство уничтожены были знаменитые откупа и сдѣланъ переходъ къ акцизной системѣ питейныхъ сборовъ. Въ 1860 году былъ учрежденъ государственный банкъ на основаніяхъ значительно болѣе широкихъ, чѣмъ замѣненный имъ государственный коммерческій банкъ; къ новому банку присоединена экспедиція кредитныхъ билетовъ; одновременно съ этимъ прекратили свою дѣятельность государственный заемный банкъ, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія. Хотя потребность въ уничтоженіи послѣднихъ учреждений и была настоятельная, но слабая сторона этого уничтоженія заключалась въ томъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ наше землевладѣніе лишилось всякаго нужнаго ей государственнаго кредита, необходимость котораго была очень сильна въ связи съ утратою землевладѣльцами даровыхъ рабочихъ рукъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого явилось то, что наше частное землевладѣніе очень скоро оказалось обремененнымъ значительными долгами въ разныхъ частныхъ земельных банкахъ съ ихъ высокими процентами по выданнымъ ссудамъ. Только въ восьмидесятыхъ годахъ при Н. Х. Бунге правительствомъ было обращено на это серьезное вниманіе и были основаны государственные крестьянскій и дворянскій банки съ ихъ задачами восполненія какъ крестьянскому, такъ и дворянскому землевладѣнію.

Смѣнившій въ 1862 году Княжевича М. Х. Рейтернъ явился продолжателемъ политики своего предшественника; прежде всего ему пришлось положить не мало труда въ устройство выкупной операціи, въ проведеніе въ жизнь питейной реформы и акцизной системы по взиманію солянаго налога. Рука объ руку съ управляющимъ преобразованнаго въ то время государственнаго контроля, знаменитымъ В. А. Татариновымъ, имъ установлены коренныя начала преобразованія государственной отчетности. Уже Княжевичемъ былъ поднятъ, хотя и безуспѣшно, вопросъ объ опубликованіи во всеобщее свѣдѣніе росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ. При Рейтернѣ этотъ вопросъ получаетъ уже болѣе благополучное разрѣшеніе. Тогда же, приблизительно около 1867 года, открылась эра нашего частнаго желѣзнодорожнаго строительства съ его заграничными желѣзнодорожными займами и съ тѣми инженерными вакханаліями, которымъ въ нашей литературѣ посвящено столько обличительныхъ статей. На грани шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ на фонѣ русской жизни рѣзко обрисовались типичныя фигуры братьевъ Поляковыхъ, Губонина, Мекка и другихъ съ ихъ феерическими карьерами и колоссальными богатствами. При Рейтернѣ положено начало упорядоченію нашей тарифной системы.

Назначенный на постъ министра финансовъ въ 1878 году С. А. Грейгъ прежде всего долженъ былъ ликвидировать очень трудные счета русско-турецкой войны, потребовавшей отъ Россіи огромныхъ чрезвычайныхъ расходовъ. По свидѣтельству официальной исторіи министерства финансовъ ¹⁾, «въ виду необходимости считаться съ затрудненіями государственнаго хозяйства и изыскивать средства для возстановленія равновѣсія въ бюджетъ С. А. Грейгъ не имѣлъ возможности приступить къ созидательной работѣ, соединенной съ денежными затратами. Поэтому его важнѣйшія мѣры были направлены на усиленіе средствъ казны съ помощью государственнаго кредита». Займы, заключенные имъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, частью пошли на уменьшеніе количества выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ, частью на казенныя желѣзнодорожныя строительства. Въ области налоговъ имъ были усилено косвенное обложеніе: повышены акцизы со спиртныхъ издѣлій, пива и актовья вексельныя бумаги, установленъ налогъ на пассажирскіе билеты и перевозку грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ. Вообще налоговой системѣ имъ было удѣлено особенное вниманіе. Казна отсюда выигрывала, но жизнь обывателей и населенія становилась тяжелѣе, причемъ въ области созидательной и оживленія производительныхъ силъ страны видныхъ начинаній за тотъ періодъ не наблюдается, и хозяйство страны какъ въ области частнаго землевладѣнія, такъ и крестьянскаго обихода приходитъ въ значительный упадокъ».

Замѣститель С. А. Грейга А. А. Абаза не долго оставался на посту министра финансовъ и, будучи единомышленникомъ политической программы графа Лорисъ-Меликова, одновременно съ нимъ послѣ крушенія этой программы покинулъ свою должность. При немъ мы видимъ первый существенный шагъ на пути заботъ о благополучіи населенія. Отмѣна соляного налога была той ласточкою, которая явилась предвѣстникомъ ожидавшихся тогда крупныхъ реформъ въ нашей внутренней политикѣ. Въ тотъ же короткій періодъ было приступлено къ преобразованію душевыхъ сборовъ и отмѣнѣ ихъ. Кроме того, А. А. Абазой былъ выработанъ планъ энергичнаго погашенія кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ во время восточной войны, а также положено начало выкупу въ казну частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Назначенный членомъ государственнаго совѣта, Абаза явился здѣсь виднымъ представителемъ, «дворянской политики» и главнымъ образомъ ему мы обязаны осуществленіемъ отдѣльныхъ другъ отъ друга земельныхъ банковъ—крестьянскаго и дворянскаго вмѣсто общегосударственнаго земельного банка, что, по недавнему еще удостовѣренію графа С. Ю. Витте въ государственномъ совѣтѣ, имѣеть до сихъ поръ пагубное влія-

¹⁾ «Министерство финансовъ. 1802—1902 г.г.»

ніе на нашъ государственный кредитъ, лишая его устойчивости и прешаствуя ему почерпать изъ западно-европейскихъ денежныхъ резервуаровъ нужные ему и облегченные заграничные займы.

Резюмируя всѣ начинанія въ царствованіе Александра II въ строѣ финансоваго управленія, юбилейная исторія министерства финансовъ говоритъ: «Царствованіе императора Александра II ознаменовано рядомъ преобразовательныхъ начинаній, которыя имѣли непосредственное вліяніе и на весь строй финансоваго управленія. Начала этихъ преобразованій въ отношеніи финансовой администраціи заключались въ допущеніи гласности въ дѣлахъ, въ установленіи однообразнаго порядка въ составленіи государственной росписи, которая съ того времени представляетъ всѣ безъ изъятія государственныя средства и потребности, въ единствѣ кассы и въ организаціи самостоятельнаго контроля «по документамъ и на самомъ мѣстѣ всѣхъ операций и денежныхъ, и матеріальныхъ, всѣхъ, безъ изъятія, отраслей государственнаго управленія». На мѣстахъ же, въ связи съ привлеченіемъ общественныхъ силъ къ завѣдыванію цѣлымъ рядомъ задачъ мѣстнаго самоуправления и благоустройства, начала эти выразились въ порученіи этимъ органамъ самоуправления нѣкоторыхъ финансовыхъ обязанностей, но уже не въ видѣ прежняго тягла, а съ предоставленіемъ этимъ органамъ извѣстной доли самостоятельности. Наконецъ, едва ли не наиболѣе важное значеніе имѣлъ основной актъ царствованія Царя-Освободителя—упраздненіе крѣпостной зависимости, поставившій финансовую администрацію лицомъ къ лицу съ многомилліоннымъ населеніемъ плательщиковъ государственныхъ податей. Къ этимъ первостепенной важности событіямъ примыкають и ими объясняются почти всѣ измѣненія въ организаціи финансоваго управленія, происшедшія съ 1855 года по 1881 годъ».

XXIII.

Назначеніе въ 1881 г. на постъ министра финансовъ бывшаго кievскаго профессора и тамошняго ректора университета, извѣстнаго ученаго Н. Х. Бунге вызвало въ русскомъ обществѣ чувство большого удовлетворенія, пробудило значительныя надежды. Его личность вызывала всеобщее уваженіе и давала основаніе полагать, что въ составъ нашей высшей администраціи вступаетъ дѣятель, имя котораго, связанное самымъ тѣснымъ образомъ съ лучшими днями «эпохи великихъ реформъ», внесетъ въ новый государственный курсъ начала соціальной и экономической справедливости. Имя Николая Христіановича Бунге было давно уже знакомо широкимъ кругамъ русскаго общества и какъ выдающагося ученаго, какъ просвѣщеннаго и гуманнаго дѣятеля кievскаго университета, какъ виднаго участника въ редакціонныхъ комиссіяхъ при Ростовцовѣ

во время выработки плана выкупной операціи, какъ управляющаго кievскою конторою государственнаго банка, которую онъ успѣлъ поставить на высокую степень благоустройства, какъ основателя мѣстныхъ кредитныхъ учрежденій, какъ выдающагося дѣятеля въ области кievскаго городского самоуправленія. Въ его лицѣ наука и практика какъ будто сливались и всѣ его жизненные начинанія въ области кредитныхъ операцій находили себѣ точное обоснованіе въ выводахъ западно-европейской науки. Въ 1863 году, по выбору императора Александра II, онъ читалъ курсъ теоріи финансовъ наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу и такимъ образомъ имѣлъ и въ дворцовыхъ кругахъ связи и поддержку. Въ 1880 году ему предложено было занять мѣсто товарища министра финансовъ Грейга, каковое онъ занималъ и при Абазѣ, а по уходѣ послѣдняго, въ маѣ 1881 года былъ назначенъ сначала управляющимъ министерствомъ финансовъ, а черезъ полгода и министромъ.

Въ юбилейномъ изданіи министерства финансовъ дѣятельности Н. Х. Бунте охарактеризована такъ: «Поставивъ себѣ задачей улучшеніе экономическаго и финансоваго положенія государствъ: посредствомъ поднятія народнаго благосостоянія, Н. Х. Бунте обратилъ главное вниманіе на проведеніе въ налоговой системѣ началъ равномѣрности и справедливости и, въ частности, на облегченіе податнаго бремени крестьянскаго населенія. Уже въ концѣ 1881 года было рѣшено пониженіе выкупныхъ платежей, а съ 1883 г. установленъ окончательный выкупъ надѣловъ крестьянъ, оставшихся еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Тогда же принята важная мѣра, которая готовилась уже давно, но была проведена въ жизнь лишь благодаря рѣшимости Н. Х. Бунте не останавливаться даже передъ крупными пожертвованіями казны для поднятія благосостоянія крестьянъ: 18-го мая 1882 года послѣдовалъ высочайшій указъ о постепенной отмѣнѣ подушной подати. Вызванное этими мѣрами значительное уменьшеніе поступленій было возмѣщено повышеніемъ прежнихъ налоговъ и введеніемъ новыхъ, къ платежу которыхъ привлекались преимущественно болѣе зажиточные классы. Въ области косвенныхъ налоговъ перемѣны состояли въ возвышеніи акцизовъ на спиртъ, на сахаръ и на табакъ, при чемъ были улучшены способы обложенія этихъ продуктовъ: устранены преимущества, которыя имѣли крупные винокуренные заводы надъ мелкими въ высокомъ размѣрѣ отчисляемаго въ ихъ пользу перекура; продажа питей, съ цѣлью ограничить злоупотребленіе спиртными напитками, поставлена подъ надзоръ особыхъ питейныхъ присутствій; введена новая система взиманія сахарнаго акциза и переработанъ уставъ о табачномъ акцизѣ. Измѣненія коснулись также гербоваго сбора, повышеннаго въ 1882 году, и крѣпостныхъ пошлинъ, для взиманія которыхъ выработана табель цѣнъ поземельныхъ имуществъ по уѣздамъ.

Перемѣнамъ подверглось и прямое обложеніе: въ 1884 году былъ увеличенъ поземельный налогъ, а нѣсколько позже повышены сборы съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ; наконецъ, развитіе торговыхъ оборотовъ въ странѣ дало основаніе привлечь къ болѣе значительному и равномерному обложенію торгово-промышленные

Николай Христіановичъ Бунге.

классы, причемъ впервые проведено начало обложенія предпріятій по доходности. Новыми видами обложенія явились: налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами (1882 г.), и сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ (1885 г.). Кроме мѣропріятій, внесенныхъ въ нашу налоговую систему крупныя преобразованія и частью совершенно новыя начала, должны быть отмѣчены мѣры

Н. Х. Бунге, которыя были непосредственно направлены на улучшение экономического положенія государства. Какъ авторъ научныхъ изслѣдованій о нашей денежной системѣ и какъ практической дѣятель, ясно сознавая вредъ бумажно-денежнаго хозяйства, Николай Христіановичъ не могъ не стремиться къ восстановленію правильнаго денежнаго обращенія. Хотя планъ погашенія кредитныхъ билетовъ, установленный указомъ 1-го января 1881 года, былъ выполненъ только отчасти, а предположеніе разрѣшить пріемъ въ платежи золотой и серебряной монеты въ то время не осуществилось, тѣмъ не менѣе труды Н. Х. Бунге по упроченію денежнаго обращенія имѣли важныя послѣдствія: благодаря уплатамъ за временно выпущенные кредитные билеты, государственный банкъ сталъ располагать значительною наличностью и получилъ возможность большаго воздѣйствія на денежный рынокъ, намѣченный же планъ исправленія денежнаго обращенія оказалъ вліяніе на послѣдующую разработку этого вопроса. Немаловажное значеніе для экономической жизни страны имѣла дѣятельность Н. Х. Бунге въ области желѣзнодорожной политики, направленная на ограниченіе участія казны въ затратахъ желѣзнодорожныхъ обществъ и подготовившая почву для правительственной регламентаціи желѣзнодорожнаго дѣла. Въ области таможенной политики Николай Христіановичъ придерживался мнѣнія о необходимости укрѣпленія и поддержки отечественной промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было обращено вниманіе и на нужды сельскаго хозяйства: для помощи крестьянамъ въ приобрѣтеніи земель въ собственность учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ, а съ цѣлью облегчить положеніе помѣщиковъ и предоставить имъ болѣе льготный кредитъ послѣдовало учрежденіе дворянскаго земельного банка. Изъ числа мѣръ по улучшенію финансовой администраціи должны быть упомянуты образованіе податной инспекціи, задачей которой было поставлено не только наблюденіе за постушленіемъ казенныхъ сборовъ, но и изученіе экономического положенія населенія, а также учрежденіе фабричной инспекціи для надзора за примѣненіемъ законодательства о фабрикахъ и заводахъ и, въ частности, изданныхъ впервые у насъ правилъ о рабочемъ трудѣ.

Состоя министромъ, Бунге былъ приглашенъ къ чтенію лекцій по политической экономіи и финансамъ наслѣднику цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ академіи наукъ. По сложеніи съ себя хлопотливой и отвѣтственной должности министра, онъ получилъ въ свое распоряженіе значительно большее количество свободнаго времени, что дало ему возможность снова обратиться къ излюбленнымъ имъ научнымъ занятіямъ, результатомъ которыхъ было изданіе имъ капитальнаго труда по исторіи политической экономіи. Въ послѣдніе же годы своей жизни

имъ была составлена та записка по вопросамъ государственнаго управленія, которую въ извлеченіяхъ мы привели въ предыдущемъ нашемъ очеркѣ и которая должна быть разсматриваема какъ опредѣленное *profession de foi* въ назиданіе и руководство тѣмъ, кому судьба вручила руководство историческими судьбами Россіи. Отмѣтимъ еще, что, какъ свидѣтельствуетъ все та же официальная исторія министерства финансовъ, «нравственная личность Николая Христіановича представляла сочетаніе рѣдкой душевной чистоты, скромности съ широкимъ государственнымъ умомъ и непоколебимою преданностью долгу; эти высокія качества, ярко выступавшія, несмотря на нѣкоторую сдержанность и замкнутость характера, привлекали къ нему всѣхъ, кто его зналъ, или кому довелось учиться и работать надъ его просвѣщеннымъ руководствомъ». Изъ сопоставленія того, что нами было опубликовано въ предыдущей части настоящей работы, съ тѣмъ, что было сказано о мѣропріятіяхъ Бунте въ области нашей финансово-экономической политики, мы видимъ, что въ его лицѣ государственная власть получила къ началу восьмидесятыхъ годовъ выдающагося дѣятеля съ широкими политическими перспективами и сторонника обновленія Россіи на новыхъ прогрессивныхъ основаніяхъ, гдѣ интересамъ народа отводилась серьезное вниманіе и попеченіе. Можно сказать, что послѣ 20 лѣтъ застоя въ нашей народной экономической политикѣ впервые при немъ этому застою наносится нѣкоторый ударъ и заботы правительства направляются не только въ сторону укрѣпленія государственной казны и упорядоченія нашего денежнаго рынка, но и въ сторону удовлетворенія самыхъ насущныхъ нуждъ какъ сельскаго, такъ и фабрично-заводскаго населенія, при чемъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ министра финансовъ, съ согласія, конечно, монарха, проглядываетъ явная тенденція перенесенія тяжести налогового обложенія съ бѣднѣйшихъ классовъ на болѣе зажиточные. И эта политика ученаго министра финансовъ, «западника» по существу его ученыхъ вѣрованій и умѣреннаго «либерала», не могла прійтись по вкусу тѣмъ элементамъ, которыхъ эта политика ближайшимъ образомъ задѣвала, или представителямъ фантастическихъ доморожденныхъ финансовыхъ теорій, которымъ она противорѣчила. Институты податной и фабричной инспекціи ставили предѣлъ самовластью и безконтрольности дѣйствій торгово-промышленнаго класса, учрежденіе крестьянскаго банка напоминало объ ошибкахъ въ проведеніи крестьянской реформы 1861 года, операціи дворянскаго банка, носившія болѣе или менѣе правильный кредитный характеръ, раздражали дворянское сословіе, не могшее примириться съ дѣловой постановкой здѣсь вопроса о ссудахъ и мнѣвшее въ этомъ банкѣ найти себѣ государственную дойную козу, обязанную насыщать всѣ неимоверные аппетиты прогорѣвшаго уже къ тому времени и продолжавшаго прогорать сословія. Поэтому мы видимъ уже къ 1885 году скоплявшіяся вокругъ министра финансовъ тучи,

откуда вскорѣ начали посыпаться на его голову перуны той части нашей печати, которая взяла своею привилегіею защищать аппетиты дворянства и купечества, какъ ровно строго-полицейскій и дворянско-сословный укладъ нашей государственной жизни. Конечно, эти перуны сыпались на голову Бунге, не какъ человѣка, а какъ представителя извѣстныхъ доктринъ и принциповъ и главу того министерства, которое въ интересахъ плодотворности своей дѣятельности приняло въ свой составъ работниковъ трудолюбивыхъ, просвѣщенныхъ и полезныхъ, не справляясь съ ихъ формальнымъ неповѣданіемъ политической вѣры.

XXIV.

Въ данномъ случаѣ особеннымъ нападкамъ этой печати подвергся институтъ податныхъ инспекторовъ, въ которомъ по случайности оказались нѣкоторые лица, не пользовавшіяся довѣріемъ администраціи и по своимъ прежнимъ грѣхамъ посившія на себѣ клеймо политической неблагонадежности, какъ равно и нѣкоторые дѣятели крестьянскаго и дворянскаго банковъ, въ дѣятельности коихъ доморощенные блюстители отечественной безопасности усматривали посягательство на привилегіи дворянскаго сословія. Такъ, князь Мещерскій, всегда хлопотавшій о всяческихъ привилегіяхъ и субсидіяхъ какъ для себя, такъ и для сословія, интересы котораго онъ обслуживалъ въ своей газетѣ «Гражданинъ», съ особенной яростью ополчался противъ дѣятельности главы дворянскаго и крестьянскаго банковъ Е. Э. Картавцева, именуя его постоянно въ своихъ полемическихъ статьяхъ «краснымъ» и безсердечнымъ къ судьбѣ земельного дворянства. Въ своихъ только что вышедшихъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾ онъ пишетъ: «Въ 1885 году совершилось... важное событіе въ исторіи нашего земельного дворянства. Состоялось открытіе дворянскаго земельного банка, коего управляющимъ назначенъ былъ знаменитый Картавцевъ.

«Я называю Картавцева знаменитымъ потому, что это было своего рода роковое лицо, которое съ первой минуты открытія дѣятельности дворянскаго банка проявило взглядъ на его будущее дѣло, совсѣмъ противоположный тому, какой имѣлъ императоръ Александръ III на это учрежденіе въ минуту, когда онъ приказывалъ этотъ банкъ создать министру финансовъ Бунге.

«Въ этомъ выборѣ для управленія дворянскимъ банкомъ Картавцева, сдѣланномъ министромъ финансовъ, было именно что-то роковое, похожее на замыселъ противопоставить идеѣ государя—помогать земельному дворянству, съ цѣлью сберечь его земельную собственность—идею отрицанія всякаго особеннаго участія къ участи

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій «Мои воспоминанія». Часть третья. (1881—1884 г.).

отягощенныхъ долгами дворянъ-помѣщиковъ. Дворяне ждали съ надеждою и свѣтлымъ упованіемъ открытія дворянскаго банка, а Картавецъ какъ будто для того вступилъ въ управленіе банкомъ, чтобы съ перваго же шага на свѣтлыя надежды отвѣтить разочарованіемъ и безусловно безсердечнымъ отношеніемъ къ судьбѣ земельного дворянства. Лозунгомъ было объявлено строго и исключительно законное и дѣловое отношеніе къ положенію каждаго заемщика дворянскаго банка.

«Къ тому же, въ обращеніи съ дворянами, являвшимися въ банкъ искать спасенія своихъ имѣній, этотъ Картавецъ былъ подчасъ и грубъ и рѣзокъ, и на всякое ходатайство напоминалъ, что дворянскій банкъ не благотворительное учрежденіе, а, на общихъ основаніяхъ, земельный банкъ, никакихъ отступленій отъ своего устава не допускающій. Во всей своей полнотѣ и горечи началъ проявляться для бѣдныхъ заемщиковъ Картавецъ, когда начались сроки платежей и когда никакихъ, самыхъ уважительныхъ, причинъ къ отсрочкѣ платежа Картавецъ не допускалъ, хотя въ то же время самыя незаконныя послабленія тотъ же Картавецъ дѣлалъ по ходатайству высокопоставленныхъ лицъ. Бѣдные дворяне начали оглашать Петербургъ своими сѣтованіями на Картавцева, толпились въ пріемной холоднаго министра финансовъ Бунге, но такъ какъ все это были помѣщики безъ всякой протекціи, то вопли и стоны ихъ были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Хотя никакой благоразумный и здравомыслящій помѣщикъ не требовалъ, чтобы дворянскій банкъ былъ благотворительнымъ учрежденіемъ, но все же, зная цѣль, съ которою государь повелѣлъ учредить этотъ банкъ для дворянъ, всякій въ правѣ былъ ожидать чего-либо большаго отъ этого банка, чѣмъ уменьшеніе на полпроцента платежа сравнительно съ взаимнымъ поземельнымъ банкомъ, и это большее ему представлялось въ видѣ близкаго и разумнаго участія къ судьбѣ помѣщика, живущаго въ своей усадьбѣ и, по уважительнымъ причинамъ, поставленнаго въ необходимость просить отсрочки платежа. И вотъ, съ самаго начала дѣятельности дворянскаго банка началось то безобразіе, которое потомъ длилось годы и такъ повліяло на быстрое разореніе именно той части дворянства, которая всего болѣе требовала помощи и сохраненія,—дворянъ, сидѣвшихъ на землѣ и составлявшихъ на мѣстахъ и дворянскую и земскую силу. Безобразіе заключалось въ томъ, что дворяне, тратившіе деньги на праздную жизнь въ столицѣ и жившіе свыше своихъ средствъ и прибѣгавшіе къ разнымъ придворнымъ и сановнымъ протекціямъ, добивались всевозможныхъ льготъ, даже незаконныхъ, чтобы избѣгнуть молотка, а дворянамъ, жившимъ въ своихъ имѣніяхъ, дворянскій банкъ отказывалъ въ льготахъ, и они обрекались на продажу своихъ имѣній. И все это, когда подумаешь, только потому,

что Картавецъ былъ изъ «красныхъ» и не скрывалъ своихъ враждебныхъ чувствъ къ земельному дворянству.

«Помню мою бесѣду по этому поводу съ покойнымъ Бунге, вызванную попыткою ходатайствовать за одного беззащитнаго заемщика дворянскаго банка. Я очень наивно и прямо обратился къ Бунге съ недоумѣніемъ въ видѣ вопроса: какъ объяснить себѣ, что государь приказалъ учредить дворянскій земельный банкъ съ цѣлью прійти на помощь земельному дворянству и спасти его имѣнія отъ разоренія и продажи, а дворянскій банкъ въ рукахъ Картавцева, какъ будто наперекоръ волѣ государя, является только добрымъ къ придворнымъ князьямъ и графамъ, а помѣщикамъ, живущимъ безвыѣздно на своей землѣ, тотъ же Картавецъ отказываетъ въ помощи?»

«— Это не совсѣмъ такъ, — отвѣтилъ мнѣ Бунге: — все зависитъ отъ взгляда на вопросъ. Вы смотрите на дворянство, какъ на сословіе, которому можно вернуть его состоятельность и его самостоятельность имущественную и отчасти политическую, а я смотрю на дворянство, какъ на сословіе вымирающее. Рѣчь можетъ быть объ отдѣльныхъ дворянскихъ имѣніяхъ и объ отдѣльныхъ дворянахъ, но не о сословіи. Вотъ почему дворянскій банкъ помогаетъ не всякому, а тому, кто представляетъ своимъ имѣніемъ извѣстную надежду на возможность его сохраненія. Такому мы и помогаемъ. Но всякому мы помогать не можемъ. Никакой банкъ такой безграничной благотворительной кредитной операціи не выдержитъ».

Всѣмъ, кто когда-либо зналъ г. Картавцева, его дѣловитость и строгое выполненіе возложенныхъ на него его министромъ обязанностей, конечно, извѣстно, что въ словахъ сіятельнаго публициста заключается отклоненіе отъ истины въ смыслѣ характеристики этого банковскаго дѣятеля. И краснота, и ненависть къ дворянству г. Картавцева были тѣми цвѣтными флагами, которыми князь Мещерскій, пользуясь своимъ вліяніемъ въ восьмидесятыхъ годахъ при дворѣ, махалъ предъ глазами правительства, дабы оно убрало съ поля правительственной дѣятельности лицъ, не согласныхъ съ принципами дворянской эры, къ тому времени прочно установившейся, и дабы ихъ мѣста были предоставлены лицамъ болѣе податливымъ, съ которыми легче было бы столкнуться.

Объ руку съ руководителемъ «Гражданина» шли походомъ противъ Бунге, правда, не столь рѣзкимъ, представители нашей доморощенной политической экономіи и финансоваго права и поклонники знаменитаго кредитнаго рубля. Объ этомъ извѣстный писатель К. Головинъ повѣствуетъ такъ ¹⁾: «Осенью 1885 года, когда я вернулся въ Петербургъ изъ тверской деревни, нашъ курсъ, а съ нимъ и весь бюджетъ влачили печальное существованіе, подавленные тройнымъ бреме-

¹⁾ К. Головинъ. «Мои воспоминанія» т. II. (1881—1894 г.).

немъ—лажа, дефицита и бумажнаго обращенія. Пока Н. Х. Бунге оставался министромъ, не чувствовались благіе результаты его управленія. Они оказались тогда только, когда его въ 1887 году замѣнилъ И. А. Вышнеградскій. Неблагодарный Петербургъ, плохо разумѣвшій справедлива и разумныя мѣры Николая Христіановича, острилъ надъ нимъ, обзывая его «Bunge» и произнося его нѣмецкую фамилію по-французски. Не отдавали себѣ отчета, сколько нужно было мужества, чтобы облегчать налоги въ такую минуту, когда казначейство должно было удовлетворяться недостаточными поступлениями. У почтеннаго старичка, нѣсколько, можетъ быть, зараженнаго доктринерствомъ, шарлатанскихъ пріемовъ не было и тѣни. Его росписи обходились безъ малѣйшей попытки втереть публикѣ очки. Въ одномъ, конечно, онъ принесъ ненужную жертву на алтарь теорін: ежегодная уплата 50.000.000 государственному банку для погашенія бумажныхъ денегъ на такую же цифру была, очевидно, самообманомъ. Прибѣгать къ займамъ, дабы полученныя суммы лишь перекладывать изъ кармана въ карманъ, это попросту значило ради фиктивной уплаты увеличивать государственную задолженность. Но и эта ошибка исходила изъ слишкомъ щепетильной честности Николая Христіановича,—качества очень рѣдкаго, не всегда отличающаго руководителя финансоваго вѣдомства. Вѣчный плачь о нашихъ столь неблестящихъ денежныхъ дѣлахъ только слабой зыбью пробѣгалъ по гладкой поверхности нашего усокоеннаго общества».

Дабы покончить съ этою зловредною «зыбью», совокупными усиліями разныхъ общественныхъ силъ Бунге былъ устроенъ *coup d'état* и его убрали съ занимаемаго имъ поста. Но императоръ Александръ III не былъ монархомъ, который легко разставался съ тѣми своими сотрудниками, въ которыхъ онъ вѣрилъ и заслуги которыхъ передъ Россіей онъ признавалъ. Согласившись на увольненіе Бунге отъ должности министра финансовъ «по разстроенному здоровью», онъ назначилъ его на отвѣтственный постъ председателя комитета министровъ, причемъ замѣстителемъ его по руководству нашими финансами былъ призванъ крупный ученый «дѣлецъ» И. А. Вышнеградскій, незадолго передъ тѣмъ назначенный, вопреки всѣмъ бюрократическимъ традиціямъ, прямо изъ членовъ совѣта министра народнаго просвѣщенія въ члены государственнаго совѣта. По поводу этого назначенія князь Мещерскій говоритъ, что такое назначеніе произвело въ Петербургѣ сенсацію, точно разорвавшаяся бомба. «Всѣ преданія,—вопіяли бюрократы,—священной рутины нарушены: несчастный членишка совѣта министра народнаго просвѣщенія прямо назначается членомъ государственнаго совѣта!».

Но если бюрократы волновались по случаю этого назначенія, исходя изъ карьеристическаго угла зрѣнія, то партіи націоналисти-

ческая и консервативная ликовали, видя въ смѣнѣ Бунге Вышнеградскимъ торжество грядущей «народно-націоналистической политики» и наступленіе эры реальныхъ интересовъ, за кулисами которой заинтересованнымъ сословнымъ элементамъ не трудно будетъ добиться осуществленія эгоистическихъ вождедѣній, противъ чего такой случайный человѣкъ, какъ Вышнеградскій, не посмѣетъ стать въ оппозицію. Въ уходѣ Бунге усматривали конецъ либеральнымъ вѣяніямъ, шедшимъ до извѣстной степени въ разрѣзъ съ внутренней политикой, упроченной начинаніями графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева.

XXV.

По вопросу о назначеніи Вышнеградскаго членомъ государственнаго совѣта, а потомъ и министромъ финансовъ все тотъ же князь В. П. Мещерскій даетъ любопытныя свѣдѣнія:

«Что можетъ означать назначеніе Вышнеградскаго членомъ государственнаго совѣта?—вотъ вопросъ, который въ бюрократическихъ и во всѣхъ финансовыхъ сферахъ задавался много разъ на дню. И почти всѣ на этотъ вопросъ отвѣчали одно и то же: вѣроятно, это есть подготовительная ступень къ назначенію его министромъ финансовъ.

«Но вотъ что при этомъ было интересно. Какъ я узналъ отъ достовѣрныхъ лицъ, это толкованіе назначенія Вышнеградскаго потому случилось характеръ правдоподобія, что тѣмъ лицамъ, которыя задавали этотъ вопросъ о назначеніи Вышнеградскаго министру финансовъ, Н. Х. Бунге, онъ отвѣчалъ: «вѣроятно, онъ меня замѣнитъ». Н. Х. Бунге былъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ, по чистотѣ и честности, государственныхъ людей своего времени; онъ не зналъ ни интриги противъ кого бы то ни было, ни интриги противъ него самого; первое онъ отталкивалъ отъ себя какъ недостойное его, какъ честнаго человѣка, а второе вызывало въ немъ добродушно-презрительную улыбку. Къ этому отвѣту одному моему знакомому Бунге прибавилъ еще нѣсколько мыслей, ярко освѣтившихъ его высоко-честную личность. «Я уже состарился, новыя мысли мнѣ въ голову не идутъ, а старымъ пробавляться теперь нельзя, время требуетъ новыхъ идей. У Вышнеградскаго онѣ есть. Кромѣ большаго ума, у него есть сильныя инициатива и энергія». Я прожилъ семьдесятъ лѣтъ и скажу, что единственный разъ, когда пришлось встрѣтить человѣка, который такъ отзывался о называемомъ молвою своемъ преемникѣ, это было вотъ то, что я пишу о словахъ Н. Х. Бунге, коими онъ отвѣчалъ на вопросъ: правда ли, что Вышнеградскаго готовятъ ему въ преемники? Честность этого замѣчательнаго человѣка была такъ велика, что онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, не убоился въ отчетѣ своемъ по государственной росписи сказать, что онъ признаетъ всѣ ресурсы государства истощенными и не ви-

Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій.

дить источниковъ, гдѣ искать увеличенія доходовъ. Эти слова имѣли для него рѣшающее значеніе мотива къ его увольненію отъ должности министра финансовъ, но въ то же время они давали его уходу характеръ чего-то, окружавшаго его личность почетомъ и уваженіемъ.

«Но рядомъ съ этимъ характернымъ свѣтлымъ явленіемъ въ лицѣ Бунге и его отношеній къ внезапному возвышенію Вышнеградскаго, не менѣе характерно было, но только въ гадкомъ смыслѣ, дружное ополченіе органовъ печати противъ этого возвышенія. Отчасти это агрессивное отношеніе печати можно было объяснить тѣмъ, что два консервативныхъ органа—«Московскія Вѣдомости»

«истор. вѣстн.», августъ 1912 г., т. сxxx.

18

и «Гражданинъ»—привѣтствовали прямо и громко назначеніе И. А. Вышнеградскаго, но главнымъ образомъ нападки на него вызывались присущимъ нашему холопскому нраву обыкновеніемъ не терпѣть выдающихся личностей и непремѣнно закидывать грязью того, кто ярко обнаруживаетъ способности и возможность служить славы и благу своего государства. Только неспособные государственные люди пользовались или безмолвіемъ, или благорасположеніемъ большинства органовъ печати.

«И. А. Вышнеградскій вышелъ изъ духовнаго званія. Два брата въ пятидесятыхъ годахъ выступили на общественную сцену—Николай и Иванъ Алексѣевичи Вышнеградскіе. Первый на педагогическомъ поприщѣ, а второй сперва тоже на поприщѣ профессора, а потомъ на поприщѣ дѣятеля въ области экономической...

«И. А. Вышнеградскій похожъ былъ всею фигурою на профессора. Лицо его было необыкновенно умное, изъ-подъ очковъ выглядывали зоркіе и всегда внимательно-вопросительно направившіеся на собесѣдника глаза. Я помню три выраженія на его лицѣ: сердитое, задумчивое и озабоченное и веселое. Чаще всего появлялось настроеніе задумчивое, по той простой причинѣ, что почти всякій, кто къ нему обращался, заводилъ рѣчь о какомъ-нибудь дѣловомъ вопросѣ, требовавшемъ размышленія.

«Оба брата, какъ говорили тогда, пришли въ Петербургъ изъ захолустя учиться пѣшкомъ и проложили себѣ путь къ карьерѣ собственными трудами. Имя же себѣ составилъ Иванъ Алексѣевичъ сперва, какъ профессоръ, а потомъ устройствомъ и веденіемъ водопроводнаго дѣла въ Петербургѣ, какъ администраторъ и какъ финансистъ; затѣмъ ему пришлось быть во главѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ предсѣдатель правленія, и на этой должности онъ составилъ себѣ громкое имя дѣльнаго финансиста. Весьма любопытно вспомнить, что нѣсколько дней послѣ своего назначенія членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи, ему пришлось вступить въ споръ съ министромъ финансовъ по весьма острому и важному вопросу. Вопросъ этотъ былъ проектъ новаго обложенія желѣзныхъ дорогъ въ пользу казны. По соблюдавшемуся преданію, большинство членовъ соединеннаго присутствія, изъ уваженія къ Н. Х. Бунге, соглашалось съ его проектомъ. Но на бѣду это засѣданіе было первое, въ которомъ пришлось участвовать новому члену государственнаго совѣта. По словамъ одного изъ членовъ этого засѣданія, когда И. А. Вышнеградскій попросилъ слова, смѣшно было смотрѣть, какъ всѣ взгляды устремились на новаго сочлена, одни съ любопытствомъ, другіе съ удивленіемъ, выражавшимъ мысль: какъ, только что назначенъ и уже производитъ разногласіе! И вотъ своимъ обычнымъ, спокойнымъ, простымъ и дѣловымъ образомъ изложенія, безъ всякаго ораторскаго блеска, безъ малѣйшаго эффекта, новый членъ государ-

ственного совѣта дѣловою логикою принялся доказывать, что это обложеніе желѣзныхъ дорогъ будетъ изображать собою иллюзію, а не доходъ, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, на основаніи данныхъ (имъ приведенныхъ), все, что казна получить, какъ доходъ съ желѣзныхъ дорогъ, все то она выплатитъ имъ же въ видѣ доплаты гарантіи. Эта первая рѣчь Вышнеградскаго возымѣла магическое дѣйствіе. Большинство принуждено было признать его доводы правильными; и тутъ опять выказалъ себя во всей честности министръ финансовъ Бунге. Послѣ окончанія рѣчи Вышнеградскаго и въ заключеніе споровъ министръ финансовъ призналъ своимъ долгомъ согласиться съ мнѣніемъ Вышнеградскаго. Интересно, что послѣ этого засѣданія петербургскія кумушки стали разносить по гостинымъ Петербурга два слуха: одинъ—не только объ уходѣ Н. Х. Бунге, но объ отъѣздѣ его въ путешествіе въ Африку, а другой—о назначеніи Вышнеградскаго на его мѣсто».

Что говорили знаменитыя кумушки «Гражданина»; на самомъ дѣлѣ мы не знаемъ, но читали, какъ сіятельный публицистъ, ломаясь и кривляясь на страницахъ своей газеты, неприлично провозжалъ заслуженнаго министра финансовъ модной и пошлой пѣсенкой, распѣваемой тогда въ шато-кабакахъ:

«Nach Kamerum, nach Kamerum,
«Nach Africa».

Карьера и жизненная дѣятельность вновь назначеннаго министра финансовъ представляетъ значительный интересъ, какъ большая кипучая жизнь выдающагося русскаго талантливаго, энергичнаго человѣка.

И А. Вышнеградскій родился 20-го декабря 1830 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ тверской семинаріи, откуда перешелъ въ 1845 г. въ главный педагогическій институтъ въ Петербургъ. Во время занятій въ этомъ институтѣ, сначала на предварительномъ курсѣ, а затѣмъ на окончательномъ, по физико-математическому отдѣленію, Иванъ Алексѣевичъ проявилъ отличныя способности и рѣдкую настойчивость въ работѣ, благодаря которымъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго математика и профессора педагогическаго института М. В. Остроградскаго. Въ 1851 г. Иванъ Алексѣевичъ былъ выпущенъ изъ института, съ награжденіемъ серебряной медалью и съ званіемъ старшаго учителя. Посвятивъ первые годы своей дѣятельности преподаванію математики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (во-второмъ кадетскомъ корпусѣ и, позднѣе, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ), И. А. Вышнеградскій продолжалъ вмѣстѣ съ тѣмъ научныя занятія и въ 1854 г., послѣ защиты диссертациі «О движеніи системы матеріальныхъ точекъ, опредѣляемой полными дифференціальными уравненіями», былъ удостоенъ совѣтомъ петербургскаго

университета степени магистра математических наукъ. При послѣдующихъ занятіяхъ онъ обратилъ особенное вниманіе на изученіе практической механики и въ совершенствѣ ознакомился съ техникой артиллерійскаго дѣла. Въ 1856 году И. А. Вышнеградскій принялъ на себя преподаваніе механики въ артиллерійской академіи, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ членомъ временнаго артиллерійскаго комитета. Съ перваго же года службы въ академіи онъ сумѣлъ прочно поставить въ ней преподаваніе практической механики, издалъ для своихъ слушателей курсъ лекцій этого предмета и ввелъ изученіе теоріи сопротивленія матеріаловъ и разработаннаго имъ курса подъемныхъ машинъ. Къ тому же времени относится составленный И. А. Вышнеградскимъ замѣчательный учебникъ элементарной механики, который представилъ первый у насъ опытъ строго-научнаго изложенія основаній механики съ помощью исключительно начальной математики; большое вниманіе обратили также его работы по вопросамъ военной техники (напр., напечатанная въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» статья «О прочности цѣпей»). Рѣдкое соединеніе въ одномъ лицѣ глубокихъ научныхъ познаній со свѣдѣніями въ артиллерійскомъ дѣлѣ указало на И. А. Вышнеградскаго, какъ на будущаго профессора механики въ артиллерійской академіи, и побудило военное вѣдомство дать ему возможность практически ознакомиться съ техническими заведеніями. Уже въ 1858 г. онъ былъ командированъ для осмотра заводовъ въ Кіевѣ, Шостку и Брянскѣ, въ 1860 г. посланъ за границу. Во время заграничной поѣздки, продолжавшейся болѣе полугода, Иванъ Алексѣевичъ ознакомился съ постановкою практической механики въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Англии и специально изучалъ въ политехникумѣ въ Карлсруэ построеніе машинъ. По возвращеніи въ Петербургъ И. А. Вышнеградскій возобновилъ лекціи въ артиллерійской академіи (въ 1862—1863 гг. онъ читалъ въ этой академіи теорію упругаго сопротивленія цилиндровъ и шаровъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ профессоромъ механики въ технологическій институтъ. Къ этому періоду его дѣятельности относятся работы по оборудованію охтенскаго порохового завода и по устройству механическихъ мастерскихъ петербургскаго арсенала. Утвержденный въ 1865 г. въ должности профессора Михайловской артиллерійской академіи, Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ затѣмъ инженеръ-механикомъ главнаго артиллерійскаго управленія, съ сохраненіемъ прежнихъ обязанностей, и участвовалъ въ трудахъ временной комиссіи, разсматривавшей вопросъ о перевооруженіи арміи.

Съ начала семидесятыхъ годовъ дѣятельность И. А. Вышнеградскаго проявляется также въ области экономическихъ интересовъ: онъ принялъ участіе въ устройствѣ всероссійской мануфактурной выставки 1870 г., а затѣмъ, послѣ назначенія его въ 1872 году членомъ совѣта торговли и мануфактуръ, былъ командированъ мини-

стромъ финансовъ въ Вѣну для устройства русскаго машиннаго отдѣла вѣнской всемірной выставки. Въ 1879 году Иванъ Алексѣевичъ занялъ должность директора технологическаго института въ Петербургѣ, причемъ оставилъ чтеніе лекцій въ Михайловской артиллерійской академіи и, по ходатайству конференціи этой академіи, былъ назначенъ почетнымъ ея членомъ. Для технологическаго института имъ сдѣлано многое: улучшена постановка преподаванія разныхъ предметовъ, увеличены стипендіи для студентовъ, предпринято изданіе «Извѣстій» института и прочее. Завѣдывая технологическимъ институтомъ, И. А. Вышнеградскій продолжалъ свои научные труды и исполнялъ нѣкоторые отдѣльные порученія. Изъ его многочисленныхъ сочиненій по механикѣ, переведенныхъ болѣею частью на иностранные языки, получила широкую извѣстность «Механическая теорія теплоты»; на важность сдѣланныхъ въ этомъ трудѣ выводовъ указывалось, между прочимъ, парижской академіей наукъ. Въ 1876 году Иванъ Алексѣевичъ былъ командированъ на лондонскую выставку научныхъ принадлежностей, въ 1878 году исполнялъ обязанность вице-президента экспертовъ по машинному и инженерному дѣлу на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. Пожалованный въ томъ же году чиномъ тайнаго совѣтника, И. А. Вышнеградскій оставилъ мѣсто инженеръ-механика главнаго артиллерійскаго управленія и затѣмъ былъ уволенъ, по прошенію, отъ должности директора технологическаго института, сохранивъ, однако, обязанности профессора. На ряду съ трудами въ области науки и преподаванія Иванъ Алексѣевичъ посвятилъ многіе годы практической дѣятельности, занимая мѣсто члена правленія пегербургскаго общества водопроводовъ и нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ компаній (Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, Рыбинско-Бологовской дороги и др.). Въ качествѣ представителя этихъ обществъ онъ принялъ участіе въ трудахъ комиссіи графа Баранова по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Приобрѣтенная имъ опытность въ практическихъ дѣлахъ и близкое знакомство съ экономическими интересами страны выдвинули его въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ на поприще болѣе широкой государственной дѣятельности. Послѣ работъ по пересмотру устава реальныхъ училищъ и по устройству всероссійской промышленно-художественной выставки въ Москвѣ, И. А. Вышнеградскій былъ назначенъ въ 1884 году членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Занимая эту должность, онъ составилъ проектъ нормальнаго промышленнаго образованія и участвовалъ въ выработкѣ университетскаго устава 1885 года.

XXVI.

Таковы біографическія свѣдѣнія о новомъ министрѣ финансовъ, привѣтствованномъ одною частью русскаго общества радостно, а другою встрѣченнаго педовѣріемъ и съ опасеніемъ за нравственную чистоту его приѣмовъ по управленію ввѣренной ему отрасли государственной жизни. Яркими выразителями первой изъ этихъ частей были М. Н. Катковъ и князь В. П. Мещерскій; что же касается скептическаго взгляда, то отраженіе такового мы встрѣчаемъ въ цитированныхъ уже нами «Воспоминаніяхъ» К. Головина. Этотъ послѣдній говорить: «Назначеніе И. А. Вышнеградскаго министромъ финансовъ никого особенно не поразило: это назначеніе предвидѣли, когда шестью мѣсяцами раньше Иванъ Алексѣевичъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта. А удивляться было чему. Вышнеградскій совѣтъ не принадлежалъ къ чиновному сонму. Вся его прежняя дѣятельность протекла въ области частныхъ интересовъ и частной предприимчивости. Нельзя сказать, чтобы его репутація была изъ лучшихъ. На ряду съ высокимъ мнѣніемъ объ его выдающихся способностяхъ, мнѣніе объ его нравственномъ уровнѣ было гораздо менѣ высокимъ. Въ городской думѣ, гдѣ онъ былъ очень вліятеленъ, Иванъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ тѣсному кругу аферистовъ, отличившихся въ дѣлѣ городскихъ водопроводовъ и руководимыхъ гг. Санъ-Галли и Овандеромъ. Это были не только дѣловые люди, но прямо «дѣльцы» въ тѣсномъ смыслѣ слова, смотрѣвшіе на городское благоустройство съ точки зрѣнія своего личнаго благосостоянія... Нечего и говорить, что Иванъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ самой сердцевины думскихъ воротилъ. И назначенъ онъ былъ сперва въ совѣтъ, а потомъ въ министры именно въ качествѣ дѣльца, какъ человѣкъ въполнѣ практичный и не особенно увлекающійся принципами. Его особенно проводилъ М. Н. Катковъ именно въ качествѣ противоядія теоретическимъ взглядамъ Н. Х. Бунге, на котораго московскій оракуль глядѣлъ, какъ на вреднаго идеолога. Но Вышнеградскій былъ не попросту кандидатомъ правыхъ. Онъ являлся первымъ у насъ въполнѣ «бытовымъ» министромъ, приобрѣвшимъ значеніе совершенно независимо отъ канцелярскаго сукна. Въ этомъ отношеніи его карьера была знаменательна и, пожалуй, благотворна. Отъ крупнаго ума, чѣмъ угодно, только захолустьемъ не пахло. Бѣда въ томъ лишь, что онъ склоненъ былъ смотрѣть на государство, какъ на частное предпріятіе, какъ на компанію на акціяхъ, лишь бы дивидендъ выходилъ крупнымъ. Ему было все равно, богатѣль народъ, или нѣтъ. На ряду, однако, съ этой слабой и даже очень слабой стороной его дѣятельности было въ ней и нѣчто для того времени непривычное. Финансовая опытность Ивана Алексѣевича, во-пер-

выхъ, научила его, что публику морочить можно, но никогда не слѣдуетъ морочить самого себя, а, во-вторыхъ, научила смотрѣть на финансовый балансъ, какъ на нѣчто вполне реальное, гдѣ каждый рубль, записанный въ дебетъ или кредитъ, долженъ существовать въ дѣйствительности, а не только въ воображеніи... Основные правила Ивана Алексѣвича были: не допускать рѣшительно никакихъ отступленій отъ бюджета, пополнять государственное казначейство при помощи биржевой игры, которую можно было вести навѣрняка, имѣя всегда въ наличности не менѣе пятьсотъ милліоновъ, и построить финансовое благополучіе Россіи на развитіи косвенныхъ налоговъ. И то, и другое, и третье удалось Ивану Алексѣвичу блистательно. Въ первый же годъ управленія онъ устранилъ изъ бюджета дефицитъ. Биржа, не только наша, но и заграничная, увидала въ немъ своего человѣка и довѣріе свое къ нему выразила поднятіемъ курса. Дошло до того, что въ 1890 году Вышнеградскому пришлось понижать курсъ усиленною прикупкою золота за границею. Захоти онъ тогда, онъ вполне могъ выполнить завѣтную мечту Н. Х. Бунге и открыть размѣнъ въ моментъ достиженія бумажками стоимости золота. Но онъ предпочелъ этому естественному пути, грозившему сильнымъ вздоржаніемъ жизни, путь девальваціи... Девальвація, какую задумалъ Иванъ Алексѣвичъ, имѣла совершиться вокругъ бумажнаго рубля съ помощью фиксаціи его на извѣстномъ уровнѣ. Выгода такой девальваціи заключалась въ сохраненіи status quo, въ признаніи существующей дѣйствительности, благодаря которому можно было вовсе не колебать внутреннихъ цѣнъ... Назначеніе Вышнеградскаго, въ силу своей необычайности, возбудило въ обществѣ много толковъ, и толки эти были далеко не всѣ въ пользу Ивана Алексѣвича. Отставной государственный человѣкъ, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ сказалъ тогда государю: «Самого Вышнеградскаго я не боюсь, но боюсь тѣхъ, кого онъ за собой потащитъ».

Характеристика Вышнеградскаго въ общихъ чертахъ сдѣлана здѣсь довольно правильно. Дѣйствительно, это былъ первый министръ, поднявшійся на высокую ступень бюрократической іерархіи изъ міра «дѣльцовъ», познавшій жизнь въ ея реальныхъ запросахъ, тотъ типъ человѣка, на которомъ довольно густымъ слоемъ легла «пыль земли». Биржа со всѣми ея темными махинаціями была для него тѣмъ испытаннымъ и изученнымъ имъ моремъ, въ которомъ онъ чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ, легко справляющимся со всѣми бурями и непогодами. Да, Вышнеградскій былъ заправскимъ биржевикомъ и тѣмъ опытнымъ бухгалтеромъ, для котораго въ бюджетномъ счетоводствѣ все было ясно, понятно и просто. Какъ хорошій математикъ и человѣкъ колоссальной работоспособности, онъ самъ лично, не довѣряя своимъ помощникамъ, дѣлалъ всѣ нужныя вычисленія и выкладки, на которыя тратилъ, даже безъ доста-

точной необходимости, массу времени. Онъ дѣйствительно мало интересовался благоденствіемъ народа и въ этомъ отношеніи проявлялъ порою даже своего рода государственный цинизмъ. «Молодцы донскіе казаки,—говорилъ онъ, разсматривая акцизные поступления по области войска Донского.—Здорово въ текущемъ году выпили!» Его сердце радовало, что отъ выпивки казаковъ въ государственную казну поступили, сверхъ смѣтнаго ожиданія, лишніе доходы, но, а какъ отразилось это поступленіе на хозяйствѣ казаковъ, до этого ему никакого не было дѣла.

По удостовѣренію исторіи министерства финансовъ, во время завѣдыванія И. А. Вышнеградскимъ государственными финансами закончился періодъ долгой и трудной борьбы съ дефицитами въ нашемъ бюджетномъ хозяйствѣ. Достиженію устойчиваго равновѣсія между государственными доходами и расходами способствовали принятыя министромъ финансовыя и экономическія мѣры. Признавая бережливость основнымъ условіемъ въ дѣлахъ финансоваго управленія, онъ приложилъ всѣ старанія къ возможно большому сокращенію расходовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилъ порядокъ составленія государственныхъ росписей. Съ другой стороны, И. А. Вышнеградскимъ было обращено вниманіе на увеличеніе доходовъ государства; въ этихъ видахъ послѣдовало возвышеніе и распространеніе нѣкоторыхъ прежнихъ налоговъ, а также введеніе двухъ новыхъ (акцизовъ на спички и освѣтительное масло). Въ области прямого обложенія были увеличены оклады государственнаго поземельнаго налога и налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ и расширено обложеніе торговли и промысловъ. Значительнымъ измѣненіямъ подверглось взиманіе пошлинъ и сборовъ: повышены гербовый сборъ и введены нѣкоторыя дополненія въ уставъ объ этомъ сборѣ; опредѣленъ порядокъ уплаты судебной пошлины; увеличенъ размѣръ пробирной пошлины и установленъ сборъ въ пользу казны съ специальныхъ текущихъ счетовъ. Въ области косвенныхъ налоговъ, на ряду съ повышеніемъ питейнаго акциза, И. А. Вышнеградскій способствовалъ развитію фруктово-водочнаго производства и сельско-хозяйственнаго винокуренія, а также вывозу спирта за границу; кромѣ того, онъ принялъ мѣры для увеличенія поступления акцизовъ съ сахара и табака, облегчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя условія свекло-сахарной и табачной промышленности. Главныя мѣры экономической политики были направлены на поднятіе производительныхъ силъ страны, улучшеніе нашего торговаго и платежнаго баланса и упроченіе государственнаго кредита и денежнаго хозяйства. При Вышнеградскомъ завершился переходъ къ таможенно-тарифному покровительству нашей промышленности, нашедшему себѣ выраженіе въ новомъ тарифѣ 1891 года и укрѣпившему экономическую самостоятельность государства. Для развитія хозяйственной жизни страны имѣла огромное значеніе реформа

въ области желѣзнодорожнаго дѣла, состоявшая въ подчиненіи тарифнаго дѣла правительственному руководительству, въ коренномъ пересмотрѣ дѣйствовавшихъ тарифовъ и признаніи необходимости сосредоточенія большей части желѣзнодорожной сѣти въ рукахъ правительства. Въ области государственнаго кредита Вышнеградскій воспользовался общимъ пониженіемъ ссуднаго процента на денежныхъ рынкахъ для уменьшенія высокихъ платежей по прежнимъ займамъ и для заключенія новыхъ займовъ на выгодныхъ условіяхъ; въ интересахъ улучшенія денежнаго хозяйства страны ими принимались мѣры для упроченія курса и были накоплены большой запасъ золота.

Изъ всѣхъ начинаній Вышнеградскаго заслуживаютъ особеннаго вниманія переходъ къ покровительственной системѣ нашей промышленности взамѣнъ фритредерскихъ принциповъ въ этой политикѣ, утвердившихся съ особенною силою у насъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Націоналистическая политика императора Александра III съ девизомъ «Россія для русскихъ» получила въ настоящемъ случаѣ яркое свое выраженіе. Далѣе, при Вышнеградскомъ, въ связи съ общимъ настроеніемъ тогдашней виѣшней политики и съ заключеніемъ съ Франціей франко-русскаго союза, центръ тяжести нашихъ иностранныхъ займовъ былъ вырванъ изъ Германіи, и такимъ образомъ Россія освободилась отъ своего рода нѣмецкаго финансоваго ига, подъ тяжестью котораго она обрѣталась почти цѣлыхъ семьдесятъ пять лѣтъ.

Несомнѣнно, объ эти заслуги предъ нашей родиной Вышнеградскаго могли осуществиться только благодаря твердой инициативѣ въ этихъ областяхъ Царя-Миротворца, но на долю министра финансовъ выпала задача умѣло и съ большимъ знаніемъ финансоваго дѣла реализовать начинъ своего монарха, что ему и удалось въ полной мѣрѣ.

Что касается дѣятельности Ивана Алексѣевича въ общемъ ходѣ нашего административнаго круговорота, то тутъ онъ оказался какъ нельзя болѣе подъ стать настроенію остальныхъ вершителей нашей внутренней политики, основными административно-полицейскими и социальными принципами которой онъ въ сущности мало интересовался. Онъ, человекъ по происхожденію изъ духовнаго сословія, очень охотно пошелъ навстрѣчу «дворянскимъ вѣяніямъ» и, въ угоду выразителямъ этихъ вѣяній, скоро пожертвовалъ тѣмъ, противъ котораго послѣдніе почему-то съ особенною злостію ополчались, а именно Картавцевымъ. Этого дѣловитаго ученика и сподвижника Н. Х. Бунге онъ скоро убралъ, предоставивъ его мѣсто титулованному лицу, испытывавшему въ тѣ дни тягости житейской жизни и имѣвшему большія связи въ придворныхъ кругахъ и консервативномъ лагерѣ. Въ сущности, отъ замѣны одного лица другимъ характеръ дѣятельности обоихъ банковъ мало измѣнился,

но самая замѣна ставила точку яростнымъ нападкамъ на вѣдомство финансовъ, что Вышнеградскому только и требовалось. Съ того времени дворянскій банкъ началъ украшаться въ качествѣ его руководителей цѣлымъ рядомъ титулованныхъ лицъ, сталъ неимо-вѣрно расплзаться въ бюрократическую ширь и терять свой дѣловой характеръ, вплетая въ страницы своей исторіи немало анекдотовъ, о которыхъ со временемъ повѣдаютъ потомству лѣтописцы этого банка.

Удовлетворяя охотно царившимъ тогда политическимъ консервативнымъ тенденціямъ, Вышнеградскій, несмотря на свое бывшее профессорство и ректорство въ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ пользовался даже репутаціей *libre penseur*'а, плотно примкнулъ и къ партіи, ведшей борьбу съ свободою печати. Не имѣя права личнаго тутъ воздѣйствія, онъ сносился съ К. П. Побѣдоносцевымъ, и этотъ послѣдній ужъ отъ себя забрасывалъ Феофтистова записками съ предложеніемъ не допускать въ періодической печати свободного обсуждения тогдашнихъ очередныхъ финансовыхъ вопросовъ. Научная критика, неблагоприятная почему-либо тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ Вышнеградскаго, не была допускаема на страницы газетъ и журналовъ подъ предлогомъ, что такого рода выступленія могутъ помѣшать нашимъ конверсіямъ и займамъ. Можно было только констатировать факты, эксплицировать ихъ, славословить, но не осуждать или подвергать скетической критикѣ.

Такимъ образомъ, проведеніе И. А. Вышнеградскаго Катковымъ и Мещерскимъ въ составъ тогдашнихъ министровъ оправдало ихъ ожиданія. Свое ближайшее дѣло онъ дѣлалъ дѣйствительно хорошо и не препятствовалъ разномысліемъ дѣлать другимъ своимъ товарищамъ по администраціи то, что они считали *conditio sine qua non* русскаго политическаго благополучія. На тогдашнемъ совѣтѣ министровъ лежала печать общаго согласія и единомыслія, что и придавало «періоду твердой власти» характеръ дѣйствительнаго реального факта, а не только простыхъ вождельній.

XXVII.

Если, по удачному выраженію К. Головина, И. А. Вышнеградскій явился на нашемъ бюрократическомъ горизонтѣ первымъ «бытовымъ» министромъ, назначеніе котораго членомъ государственнаго совѣта вызвало переполохъ въ чиновномъ муравейникѣ, то не менѣе оригинально, скажемъ, даже удивительно, было движеніе по іерархической лѣстницѣ общественной и государственной службы другого «бытового» государственнаго дѣятеля, намѣстника Вышнеградскаго, Сергѣя Юльевича Витте. Своимъ возвышеніемъ съ срединныхъ ступеней желѣзнодорожной службы этотъ сановникъ, съ именемъ котораго непосредственно свя-

зано обновленіе нашего политическаго строя и оживленіе многихъ сторонъ русской жизни, исключительно обязанъ своимъ природнымъ дарованіямъ, своему большому уму, своей талантливости, желѣзной волѣ и вѣдренному въ него природою и воспитанному непрестанной работой надъ собою широкому размаху творчества. С. Ю. Витте (графъ съ 1905 г.) здравствуетъ и понынѣ, не прекращаетъ своей плодотворной работы на пользу Россіи, а потому мы считаемъ для себя неудобнымъ, во избѣжаніе подозрѣній въ пристрастіи, производить пока полную характеристику и оцѣнку этого необыкновеннаго человѣка, съ печатью на немъ революціоннаго творчества, подъ каковымъ понятіемъ мы разумѣемъ недѣятельность разрушительную, а ту именно созидательную, которая не боится никакихъ преградъ, идетъ напроломъ событіямъ и людямъ, приводитъ все окружающее ихъ въ броженіе и, не считаясь съ пережитками и традиціями старины, создаетъ новыя формулы соціального бытія. Ознакомимся прежде всего съ его *curriculum vitae*, обнимающимъ собою жизненный періодъ до начала текущаго столѣтія.

Сергѣй Юльевичъ Витте, потомственный дворянинъ Псковской губерніи, родился 17-го іюня 1849 года въ Тифлисѣ. Отецъ его, потомокъ голландскихъ выходцевъ, поселившихся въ Россіи, занималъ должность директора департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства при намѣстникѣ Кавказскомъ и былъ женатъ на дочери саратовскаго губернатора А. М. Фадѣева, сестрѣ извѣстнаго писателя и публициста Р. А. Фадѣева. По выдержаніи экзамена въ кишиневской гимназіи, С. Ю. Витте поступилъ въ 1866 году въ новороссійскій университетъ, въ которомъ прослушалъ курсъ физико-математическаго факультета по разряду математическихъ наукъ и, послѣ представленія диссертациі на тему «Выясненіе понятій о предѣлахъ», получилъ въ 1870 году степень кандидата физико-математическихъ наукъ. Поступивъ въ томъ же году, 1-го мая, на службу въ управленіе одесской желѣзной дороги, находившейся въ то время въ эксплуатаціи казны, С. Ю. Витте состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1-го іюля 1871 года по 1-е марта 1874 года, чиновникомъ канцеляріи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, а 9-го іюня 1874 года былъ причисленъ къ департаменту общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія. Черезъ три года Витте въ чинѣ титулярнаго совѣтника оставилъ коронную службу и всецѣло посвятилъ себя желѣзнодорожному дѣлу. Во время послѣдней русско-турецкой войны, завѣдуя движеніемъ на одесской дорогѣ, онъ выполнилъ усиленную перевозку войскъ и военныхъ грузовъ; тогда же онъ принялъ участіе въ дѣятельности Краснаго Креста, способствуя перевозкѣ больныхъ и раненыхъ. Въ 1879 году, избранный передъ тѣмъ почетнымъ мировымъ судьей по городу Одессѣ, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто завѣдывающаго эксплуатаціоннымъ отдѣленіемъ правленія общества

Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и начальника эксплуатаціи этихъ дорогъ. По его почину въ 1880 году впервые примѣнена на практикѣ Юго-Западными желѣзными дорогами выдача ссудъ подъ хлѣбные грузы. Около того же времени онъ былъ приглашенъ участвовать въ трудахъ комиссіи, подъ предѣдательствомъ графа Баранова, по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи; одинъ изъ томовъ «Трудовъ» комиссіи («Исторія и дѣятельность сѣздовъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ») составленъ С. Ю. Витте, и имъ же выработанъ общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, изданіемъ котораго завершились въ 1885 году работы комиссіи графа Баранова. Въ 1886 году С. Ю. сначала исправлялъ должность управляющаго Юго-Западными желѣзными дорогами и въ томъ же году былъ утвержденъ въ этой должности. Къ періоду его дѣятельности въ области желѣзнодорожнаго дѣла относятся напечатанныя имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи по спеціальнымъ вопросамъ, напримѣръ: «По поводу мнѣнія Léon Say о желѣзнодорожныхъ тарифахъ», «Die russischen Häfen und die Eisenbahntarif» и др., а также сочиненія его: «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ» (1883 годъ) и «Національная экономія и Фр. Листъ» (1889 годъ)¹⁾. При образованіи по закону 8-го марта 1889 года въ вѣдомствѣ министерства финансовъ учреждений по тарифнымъ дѣламъ С. Ю. Витте былъ назначенъ директоромъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 27-го января 1890 года—членомъ отъ министерства финансовъ въ совѣтъ министерства путей сообщенія. Осенью того же года онъ сопровождалъ Вышнеградскаго въ его поѣздкѣ въ Туркестанскій край. Послѣ участія въ работахъ по пересмотру общаго таможеннаго тарифа 1891 года и въ занятіяхъ нѣкоторыхъ комиссій, напримѣръ, учрежденной при министерствѣ государственныхъ имуществъ комиссіи для обсужденія вопроса о меліоративномъ кредитѣ, комиссіи о мѣрахъ поощренія торговаго судостроенія и мореходства и др., С. Ю. Витте 15-го февраля 1892 года былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, а 30-го августа того же года ему высочайше повелѣно быть управляющимъ министерствомъ финансовъ; 1-го января 1893 года послѣдовало утвержденіе его съ производствомъ въ тайные совѣтники. Въ день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-го мая 1896 года Сергѣй Юльевичъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ Его Величества и затѣмъ 1-го января 1899 года пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

О томъ, какимъ образомъ совершилась необычайная карьера С. Ю. Витте, мы узнаемъ, въ связи съ его характеристикой, все изъ

¹⁾ Недавно вышла вторымъ изданіемъ.

тѣхъ же, столь обильно нами цитированныхъ «Воспоминаній», князя Мещерскаго ¹⁾).

«Я познакомился съ этимъ государственнымъ человѣкомъ, надѣлавшимъ столько шума собою и около себя, въ то время, когда все вокругъ него было тихо,—говорить авторъ воспоминаній,—и помню, что въ этой мирной обстановкѣ нашего перваго знакомства ничто не могло предвѣщать той бури, про которую могу сказать, что на моей памяти, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, никто изъ государственныхъ людей собою не создавалъ. Я познакомился съ нимъ въ кабинетѣ министра финансовъ Вышнеградскаго въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Вышнеградскій, кромѣ большого творческаго ума, обладалъ способностью находить подходящихъ для его трудной и кѣпучей работы людей; по каждой части его сложнаго вѣдомства ему нуженъ былъ крѣпкій силами и способный работникъ, и дѣйствительно, Вышнеградскій, благодаря подбору лицъ, завелъ въ своемъ министерствѣ такую всегда горячую и всегда энергичную работу, которая не только длилась во все краткое время его управленія, но пережила его и продолжается до сего времени, ставши не только преданіемъ, но какъ бы потребностью этого вѣдомства. Витте былъ начальникомъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и жилъ въ Кіевѣ. На этой должности онъ составилъ себѣ имя выдающагося администратора, и Вышнеградскій на немъ остановился, чтобы ему поручить новое учрежденіе департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Витте съ огненною энергіею принялся за порученное ему дѣло и такъ исполнялъ свои обязанности, какъ всѣ начальники частей министерства и какъ самъ Вышнеградскій,—работая, какъ воль. Вышнеградскій напоминалъ мнѣ одною особенностью министра юстиціи давно минувшихъ дней, графа Панина, находившаго, что самая блестящая работа подчиненнаго есть только исполненіе служебнаго долга, и потому никогда не хвалившаго своего подчиненнаго. Вышнеградскій тоже былъ скупъ на хвалу своимъ подчиненнымъ, и только блестящія способности, проявленныя Витте, позволили ему въ разговорѣ со мною сказать про него: «да, это хорошая голова». Дальше этого похвала его не пошла. И вотъ съ этою «хорошею головою» мнѣ пришлось познакомиться въ кабинетѣ Вышнеградскаго. Я увидѣлъ передъ собою высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ умнымъ, живымъ и привѣтливымъ лицомъ человѣка, который всего сильнѣе впечатлилъ меня полнымъ отсутствіемъ всякаго подобія чиновническаго типа; это сказывалось наглядно въ отсутствіи двухъ чертъ, отличающихъ одного чиновника отъ другого: дѣланной приниженности и дѣланнаго самопоклоненія. Витте мнѣ сразу сталъ симпатиченъ своею естественностью, безыскусственностью въ проявленіи имъ своей личности. Въ черномъ сюртукѣ.

¹⁾ Кт. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія» (1881—1894 г.г.), част. III.

развязный и свободный въ своей рѣчи и въ каждомъ своемъ дѣйствіи, онъ мнѣ напомнилъ наружностью англійскаго государственнаго человѣка.

«Потомъ мы стали видѣться и бесѣдовать. Живо помню наши вечернія бесѣды лѣтомъ на Крестовскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ, и на которыхъ, знакомясь постепенно съ этимъ новымъ для меня по типу человѣкомъ, я испытывалъ большое удовольствіе. Умъ его былъ живой, оригинальный, порою глубокой, порою тонкой и въ то же время любознательный и пытливый. Кромѣ того, въ немъ нельзя было не цѣнить свойство, которое я очень рѣдко встрѣчалъ въ петербургскихъ умныхъ людяхъ: Витте умѣлъ слушать и внимательно слушать, причемъ главная прелесть бесѣды съ нимъ заключалась въ томъ, что онъ необыкновенно быстро схватывалъ высказываемую мысль и растягивать рѣчь для ея поясненія не было никогда надобности. Порою неожиданность и повизна мысли много придавали прелести бесѣдѣ съ нимъ. Во время бесѣды онъ всегда былъ скромнень, въ спорѣ всегда проявлялъ уваженіе къ возраженію или къ опроверженію, и никогда не выходилъ изъ спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ вопросу и къ собесѣднику. Мнѣ казалось, что онъ слушалъ, желая поучиться, особливо въ области государственной жизни и Петербурга, которая ему была мало знакома.

«Кругъ его знакомыхъ былъ небольшой, онъ создался для него въ гостиниѣ Вышнеградскаго, и я помню, какъ одинъ изъ моихъ близкихъ пріятелей, прелестный поэтъ Майковъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ высказывалъ свое очарованіе прелестями ума Витте. Но, какъ безпристрастный лѣтописецъ, я долженъ сказать, что эти умственные прелести Витте исходили отъ ума, въ которомъ слышался самородокъ. Онъ не былъ самородкомъ въ области его знанія желѣзнодорожнаго дѣла, ибо не для насъ, профановъ, а для людей знающихъ это дѣло онъ являлся въ полномъ смыслѣ слова ярко образованнымъ практикою, мышленіемъ и знаніемъ авторитетомъ, но въ то же время въ немъ слышался недостатокъ государственнаго образованія. Онъ очень слабо владѣлъ французскимъ языкомъ, совсѣмъ не зналъ нѣмецкаго и съ европейскимъ умственнымъ міромъ былъ знакомъ только посредствомъ нѣсколькихъ переводныхъ отрывковъ, а литература, кромѣ научной по его специальности, литература всего образованнаго міра и русская, міръ искусствъ, знаніе исторіи, все это было для него чужое и очень мало извѣстное; и если, не взирая на это, люди образованные и умные испытывали удовольствіе отъ бесѣды съ нимъ, то это доказывало, какъ даровитъ былъ природный умъ Витте.

«Но тѣмъ не менѣе, какъ бы даровитъ ни былъ его умъ, эти крупные пробѣлы въ его образованіи сказались послѣ, когда онъ занялъ высокое положеніе въ государственной іерархіи и долженъ былъ изъ специалиста-техника превратиться въ государственнаго человѣка.

Сергѣй Юльевичъ Витте.

Сознавая нужду въ государственномъ образованіи не только русскомъ, но и европейскомъ, онъ сталъ урывками заглядывать въ книги, но дѣло служебное лишало его времени для этого государственнаго образованія, даже русскаго...

«Такъ мирно и спокойно предавались мы бесѣдамъ до 1892 года. Въ началѣ этого года петербургскія сферы, въ которыхъ произносилось имя Витте, вдругъ расширились, благодаря тому, что стали ходить толки объ уходѣ съ должности министра путей сообщенія Гюббенета, и въ преемники его стали прочить Витте. Прежде всѣхъ объ этомъ заговаривать сталъ Вышнеградскій. Гюббенетъ былъ хорошій и честнѣйшій человѣкъ, но государь, какъ мнѣ пришлось

узнать изъ его устъ, находилъ его недостаточно энергичнымъ и твердымъ въ исполненіи той задачи, которую онъ хотѣлъ на него возложить,—очистить вѣдомство отъ нѣкоторыхъ дѣятелей, которыхъ онъ считалъ, на основаніи ему извѣстныхъ данныхъ, ненадежными. По этому поводу государь заговорилъ съ Вышнеградскимъ, и Вышнеградскій ему высказалъ мнѣніе, что Витте, несмотря на его сравнительно молодой возрастъ, могъ бы быть ему чрезвычайно полезнымъ, какъ знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла и какъ крупный административный умъ. Затѣмъ, послѣ разговора, государь спрашивалъ меня, знаю ли я Витте. Я ему высказалъ свои впечатлѣнія и прибавилъ, что, невзирая на то, что я искренно уважаю Гюббенета, мнѣ представляется, что ему уже не по силамъ предпринимать какія-либо коренныя измѣненія въ дѣлѣ и въ личномъ составѣ, а Витте, благодаря своей энергіи, своему знанію и своей молодости, представляется мнѣ способнымъ исполнить то, чего нельзя ожидать отъ Гюббенета. Вскорѣ я узналъ отъ Вышнеградскаго, что на докладѣ государь ему сказалъ о своемъ намѣреніи назначить Витте на мѣсто Гюббенета. И дѣйствительно, велѣдъ за тѣмъ появилось назначеніе Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, а съ Гюббенетомъ государь разстался съ самыми добрыми чувствами и назначилъ его членомъ государственнаго совѣта.

«Тутъ опять я долженъ сказать похвальное слово въ честь Витте. Мнѣ онъ очень пришелся по сердцу простотой и скромностью, съ которыми онъ сдѣлалъ этотъ громадный шагъ наверхъ по іерархической лѣстницѣ. Нельзя было принять это повышеніе смиреннѣе, но въ то же время съ удовольствіемъ пришлось замѣтить, что въ немъ сразу послышались энергія и твердая рѣшимость. Безъ преувеличенія можно сказать, что вѣдомство путей сообщенія, подъ вліяніемъ первыхъ же шаговъ новаго своего начальника, точно помолодѣло, подтянулось и вдохновилось живымъ усердіемъ къ работѣ. Получилось впечатлѣніе, что нашелся въ лицѣ Витте хозяинъ вѣдомства и дѣла. Завелось и новые порядки: явились простота и доступность отношеній подчиненныхъ къ главному начальнику, но не въ ущербъ принципамъ дисциплины. Новый начальникъ всѣхъ по дѣлу выслушивалъ, отъ всякаго требовалъ правды, но не давалъ никому переступить грани, далѣе которой сверчокъ перестаетъ знать свой шестокъ; въ то же время упразднилась одна изъ язвъ вѣдомства—подпольная интрига и разныя собственныя политики. Въ царствованіе Александра III это было третье назначеніе въ министры, которое такъ наглядно и такъ скоро оказывалось блестящимъ по своей удачѣ и по результатамъ: первое было назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, второе—назначеніе Вышнеградскаго министромъ финансовъ и третье—назначеніе Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, невзирая на то, что послѣдній въ бюрократическомъ мѣрѣ былъ па-

званъ министромъ новаго типа. Но не успѣлъ Витте пробыть нѣсколько мѣсяцевъ на своемъ посту, какъ случилось неожиданное событіе. Отъ усиленной работы Вышнеградскій заболѣлъ приливомъ крови въ голову, и хотя опасное состояніе миновало, но увы, доктора признали необходимымъ ему отойти отъ ежедневной работы, и къ концу лѣта пришлось государю искать преемника Вышнеградскому. На послѣднемъ докладѣ своемъ Вышнеградскій счелъ своимъ долгомъ сказать государю, что онъ другого преемника себѣ не можетъ рекомендовать, какъ Витте. Государь, успѣвшій познакомиться съ яснымъ и дѣльнымъ умомъ Витте, послушался совѣта Вышнеградскаго и назначилъ Витте управляющимъ министерствомъ финансовъ».

XXVII.

Съ личностью и дѣятельностью С. Ю. Витте намъ придется еще неоднократно встрѣчаться на протяженіи нашихъ очерковъ, которые обнимутъ собой послѣднія пятнадцать лѣтъ прошлаго столѣтія и начало нынѣшняго. Отмѣтимъ пока только, что все лучшее за послѣднее время въ области нашихъ финансовъ и въ области оживленія экономической жизни страны и ея производительныхъ силъ было осуществлено именно при немъ. На что не хватало энергіи и рѣшимости у Н. Х. Бунге, что оставлено было въ преступномъ забвеніи Вышнеградскимъ,—все это нашло въ дѣятельности С. Ю. Витте свое осуществленіе, соразмѣренное съ потребностями его времени. При немъ министерство финансовъ стало настоящимъ нервомъ русской жизни, обратилось въ ту кузницу, гдѣ съ засученными рукавами и съ могучимъ ударомъ государственнаго молота въ рукахъ выковывалъ министр-кузнецъ новое социально-экономическое будущее Россіи. На протяженіи девяностыхъ годовъ и первыхъ пяти настоящаго вѣка онъ какъ бы заслонилъ собою всю бюрократію и приковалъ къ себѣ трепетное вниманіе буквально всей Россіи. Введеніе золотой валюты, винная монополія, торгово-промышленное грюндерство, распространеніе и утвержденіе у насъ профессиональнаго техническаго и коммерческаго образованія, какъ средняго, такъ и высшаго, приведеніе въ движеніе дотолѣ мертвыхъ русскихъ капиталовъ, широкій потокъ изъ-за границы денегъ къ намъ въ Россію,—все эти стороны и явленія нашей жизни создались и развились именно при немъ. Умѣніе выдвигать людей и подбирать себѣ помощниковъ и исполнителей своихъ замысловъ, не справляясь съ ихъ прошлымъ формуляромъ, лишь бы въ нихъ проявлялась «искра Божія» талантливости, союзъ съ печатью и отсутствіе боязни критики даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она переходила грани умѣренности, вниманіе къ наукѣ и пользованіе ея выводами въ интересахъ текущей работы,—

такова была его политика дѣйствій. Экономическія начинанія Бунге и финансовыя Вышнеградскаго получили при немъ свое завершеніе и, хотя онъ правилъ министерствомъ финансовъ при императорѣ Александрѣ III всего только два года, вся картина подъема русской промышленности ни съ чѣмъ именемъ изъ предыдущихъ министровъ такъ не связана, какъ именно съ его именемъ. Поэтому, заканчивая настоящій очеркъ, посвященный экономическимъ заботамъ о русскомъ народѣ въ царствованіе Александра III, мы, имѣя въ виду личность его послѣдняго министра финансовъ, приведемъ здѣсь характеристику этихъ заботъ и результатовъ, отсюда полученныхъ, изъ статьи «Новаго Времени» ¹⁾. Здѣсь мы читаемъ:

«Равномѣрное огражденіе и оживленіе всѣхъ ея отраслей» ²⁾ стоятъ здѣсь на самомъ видномъ мѣстѣ. Пока столь большой и сильный русскій народъ, ставшій уже въ число передовыхъ, не будетъ имѣть своей собственной сильной промышленности, — не исполнится истинное завѣщаніе Петра Великаго, не будетъ объяснена настоящая причина, по которой рублились окна на западъ и на югъ, и не можетъ быть понятъ весь смыслъ послѣднихъ столѣтій нашей исторіи. Надо было громко, со всею русскою силою сказать: пора развиться русской промышленности, какъ залогъ экономической независимости и зрѣлости и какъ средству къ достиженію возможнаго народнаго благосостоянія, просвѣщенія и всякихъ видовъ прогресса; пора направить русскія силы на покореніе обильной природы страны, вывести ее изъ эпохи земледѣльческой въ болѣе сложную — промышленную, совершенно неизбѣжную по строю развитія всего образованнаго міра. Своевременно сказалъ это Александръ III въ своихъ мѣропріятіяхъ и предначертаніяхъ, и въ голосѣ Хранителя мира всѣ поняли завѣтную и твердую мысль народную, — коренное дѣло, занимающее отнынѣ Россію. Быть можетъ, и хотѣли бы иные все время и впредь видѣть въ Россіи только 120-милліонный рынокъ для сбыта своихъ издѣлій и только обширнѣйшую мѣстность, доставляющую избытки хлѣба и сырья для богатѣющихъ другихъ странъ, но сказанное Царемъ-Миротворцемъ было такъ естественно и просто, такъ чуждо какого-либо задора и такъ твердо поставлено, что нельзя было и подумать мѣшать Россіи выполнить волю своего державнаго вождя, всегда согласную съ затаенною мыслью народа.

«Съ самаго начала своего царствованія покойный императоръ ясно показалъ, что избралъ путь покровительственной промышленной политики, но только въ таможенномъ тарифѣ 1891 года вся его мысль сказала съ полною ясностью, а въ торговыхъ договорахъ

¹⁾ «Императоръ Александръ III». гл. «Развитіе русской промышленности». Спб. 1896 г.

²⁾ Слова именного Высочайшаго указа г. министру финансовъ отъ 16-го августа 1890 года.

съ другими странами она окончательно стала очевидною. Изъ этихъ актовъ видно, что для покровительства, а, слѣдовательно, и для скорѣйшаго внутренняго развитія, были избраны коренные виды промышленности, подобные разведенію своего хлопка, добычѣ и работкѣ своего желѣза и другихъ металловъ, каменнаго угля, соли и другихъ ископаемыхъ, работкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и тому подобныхъ, для которыхъ есть уже большой внутренній спросъ и всѣ условія для возможности на этихъ видахъ промышленности доставить новые заработки русскому народу, вмѣсто иноземнаго, отъ котораго до тѣхъ поръ такіе продукты получались. На нихъ назначены были таможенные пошлины настолько умѣренные, что ввозъ могъ еще продолжаться, но и достаточно охранительныя, чтобы внутреннее производство оградилось въ своемъ зародышѣ отъ иностраннаго соперничества. Русскій спросъ тотчасъ сталъ возрастать, когда внутри страны стали оставаться милліоны, расходующиеся производителями названныхъ товаровъ, и стало уже ясно видно, что когда внутреннее производство, начатое на неисчерпаемыхъ запасахъ русскаго сырья, перерастетъ домашній спросъ, начнется выгодный для всѣхъ вывозъ избытковъ, какъ это уже случилось на глазахъ съ продуктами нефти, которыхъ вывозъ достигъ до шестидесяти милліоновъ пудовъ, а къ началу царствованія былъ не болѣе одного милліона пудовъ въ годъ.

«Прошло не много лѣтъ, а русская дѣйствительность уже отвѣтила мысли царя не одною усиленною добычею каменнаго угля, чугуна, желѣза, стали, соды, хлопка и т. п., но и оживленіемъ всей производительности». Вотъ данныя хотя бы для періода первыхъ десяти лѣтъ царствованія. Сущность ихъ сводится къ тому, что годовая сумма попавшей въ отчеты внутренней заводско-фабричной и горной промышленности была въ 1880 году равна 1.220 милліонамъ рублей, а въ 1890 году равнялась 1.660 милліонамъ рублей, т. е. ежегодно возрастала примѣрно на сорокъ пять милліоновъ рублей. Нынѣ ее нельзя считать меньшею, чѣмъ 2.000 милліоновъ рублей. «Чтобы смыслъ этой цифры сталъ яснымъ, — говоритъ авторъ статьи. — полезно прибавить, что годовая сумма всякихъ зерновыхъ хлѣбовъ (т. е. ржи, пшеницы, овса, гречихи, кукурузы и т. п.), производимыхъ всею Россіею, едва превосходитъ въ среднемъ 2.000 милліоновъ пудовъ и вся ихъ цѣнность много ниже цѣнности даже современныхъ русскихъ фабрично-заводскихъ товаровъ, а продажная часть этихъ хлѣбныхъ произведеній Россіи, т. е. та часть, которою, главнымъ образомъ, долженъ удовлетворить земледѣлецъ свои иныя потребности, едва составляетъ въ годъ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, недостаточныхъ для покрытія неизбѣжнѣйшихъ государственныхъ расходовъ и не допускающихъ даже мысли о введеніи массы общихъ мѣръ, необходимыхъ для прогресса столь большой страны, какъ наша родина. Съ производствомъ одного

хлѣба, какъ бы много его ни родилось, не можетъ никакой народъ достигъ сколько-нибудь сносныхъ и прочныхъ общихъ экономическихъ условій, слагающихся при усиленіи труда и заработковъ на многоразличныхъ видахъ промышленныхъ производствъ, требующихъ истиннаго просвѣщенія, дѣйствительныхъ мѣръ къ обезпеченію свободы труда и настойчиво обсуждаемыхъ усилій всѣхъ участниковъ.

«Но, направляя внутреннія силы на разработку неисчерпаемыхъ природныхъ запасовъ страны, необходимо было позаботиться о томъ, чтобы дѣла этого рода прямо или косвенно не попали въ чужія руки, что легко могло бы случиться, если бы капиталы, всегда дорогіе въ земледѣльческихъ странахъ и совершенно необходимые для расширенія промышленныхъ производствъ, добывались изъ другихъ странъ, какъ происходитъ это не у насъ однихъ и какъ у насъ не разъ практиковалось въ широчайшихъ размѣрахъ. Конечно, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды, потому что при современномъ ходѣ промышленныхъ дѣлъ и при свободѣ внутренней конкуренціи капиталу достаются лишь небольшіе проценты, главная же часть промышленныхъ оборотовъ расходуется на рабочихъ, на сырье, на перевозку и т. п., т. е. остается дома. Тѣмъ не менѣе, страны, въ которыхъ промышленныя предпріятія ведутся на счетъ чужеземныхъ капиталовъ, не только лишаются возможности быстро богатѣть, но и не могутъ обладать полною экономическою свободою, а она для Россіи не менѣе нужна, чѣмъ охрана территоріи и свободные торговые пути. Для обезпеченія указанной стороны дѣла стало необходимымъ не только приложить заботы о пониженіи процентовъ на капиталы, но и облегчить возможность пользоваться ими въ промышленности. Покойный императоръ разрѣшилъ и эту труднѣйшую задачу, какъ видно уже изъ того, что, вмѣсто прежнихъ семи процентовъ на займы, ихъ стали получать за $3\frac{1}{2}\%$, что ссуды подъ товары всякаго рода сильно облегчились и что въ числѣ задачъ преобразованнаго государственнаго банка поставлено снабженіе промышленности необходимыми для нея капиталами.

«Если бы сверхъ указаннаго изложить весь послѣдовательный рядъ мѣропріятій и предначертаній, назначенныхъ Александромъ III для подъема русской промышленности, то пришлось бы изъ года въ годъ, почти по мѣсяцамъ, перечислять новые, небывалые у насъ и часто совершенно самобытные приемы, которые онъ находилъ, преслѣдуя основную цѣль—ростъ всѣхъ сторонъ русской промышленности, долженствующей доставить его народу новыя средства снискивать заработки и богатѣть, пользуясь тѣмъ, что есть въ необъятной странѣ. Словомъ, царствованіе императора Александра III навѣки будетъ блистать тѣмъ, что поставило интересы русской промышленности на самый первый планъ среди сложнѣйшихъ задачъ руководителя обширнѣйшей монархіи, какъ царствованіе

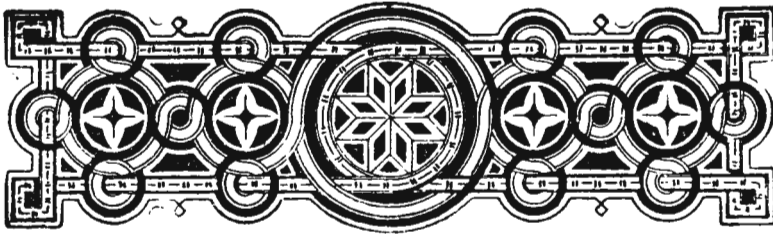
императора Александра II блещетъ освобожденіемъ крестьянъ. Хотя оба способа одинаково разсчитаны на плоды въ будущемъ для блага народнаго, но между ними, сверхъ другихъ очевидныхъ различій, есть много такихъ, которыя укрываются отъ перваго взгляда. Свобода крестьянъ давно и долго ждали не одни крестьяне, но и весь образованный міръ, а ея осуществленіе составило блестящій и всѣмъ сразу видимый историческій моментъ. Не таково, отъ многихъ еще сокрытое, развитіе русской промышленности. Она дѣло болѣе новое, она результатъ сложныхъ усилій прогресса, и во многихъ умахъ еще не уложилась мысль о томъ, что безъ нея нельзя двигаться впередъ, что съ нею связаны тѣснѣйшимъ образомъ и общій міръ, и вся будущность человѣчества,—словомъ, ея значеніе еще многіе не разумѣютъ въ должной мѣрѣ, и только здравый умъ крестьянина давно ждетъ приумноженія своихъ заработковъ на фабрикахъ и заводахъ, дающихъ новую жизнь цѣлой округности, и давно чувствуетъ, что избытокъ его силъ можетъ найти полезное приложеніе, не отрываясь отъ земли, только при повсемѣстномъ распространеніи всякихъ видовъ промышленности».

Имѣя въ виду еще вернуться, какъ уже сказано выше, къ дѣятельности С. Ю. Витте въ нашихъ послѣдующихъ очеркахъ, мы пока, въ ближайшей ихъ части, отмѣтимъ нѣкоторыя стороны русской государственной жизни за періодъ 1881—1894 гг., какъ онѣ проявились въ дѣятельности и начинаніяхъ нѣкоторыхъ другихъ нашихъ министерствъ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПУТЕВОГО АЛЬБОМА.

На германской границѣ.—Въ Берлипѣ.—Беседа съ А. П. Мальцевымъ.—Русскіе въ Германіи.—Гоголь и Тургеневъ въ Карлсбадѣ.—«Русскій домъ».—Петръ Великій въ Карлсбадѣ.—Русскіе гости въ Карлсбадѣ.—Славянство и чехи.—Русское дѣло въ Прагѣ.—Русская церковь въ Карлсбадѣ.—Жизнь въ Карлсбадѣ.

I.

На германской границѣ.

НАКОМЫЙ путь: поѣздъ мчится къ германской границѣ, разсыпая по пути мириады искръ отъ паровоза. Ночь тревожная: ни отдохнуть, ни поспать. Рано утромъ всёхъ ждетъ таможенный досмотръ. Въ Вержболовѣ, куда поѣздъ приходитъ въ шестомъ часу утра, васъ заблаговременно будятъ и отбираютъ у васъ заграничный паспортъ. Поѣздъ стоитъ долго, пока не закончится паспортная волокита. Едва онъ тронулся, какъ на васъ глядитъ уже пограничная рѣчка, вырисовываются нѣмецкія казармы таможенной стражи, и вотъ онъ, знакомый Эйдкунень, съ той же размѣнной кассой, съ заломъ для досмотра багажа и съ ожидающимъ васъ съ другой стороны вокзала шнель-пугомъ на Берлинъ, который отойдетъ ровно въ половинѣ восьмого по русскому времени и въ половинѣ седьмого по германскому.

Нѣмецкая таможня очень деликатная: ни излишнихъ формальностей, ни чрезмѣрной подозрительности, какъ во Франціи, въ Австріи и у насъ въ Россіи. Вамъ не причиняютъ особаго безо-

койства, ничего не испортятъ, не измнутъ, не изорвутъ... Чай, сахаръ, папиросы—вотъ главнѣйшій запрещенный плодъ, а въ этихъ-то припасахъ какъ разъ и ощущается особая надобность при каждой вашей поѣздкѣ въ Германію или въ Австрію. Тамъ на мѣстѣ чай и табакъ отвратительные, и чай стоитъ почти вдвое дороже нашего.

Со мной ѣдетъ петербургскій городской дѣятель, отправляющійся черезъ Берлинъ въ Гаагу на конференцію по вопросамъ статистики и городского благоустройства.

Нашъ небольшой багажъ досматриваютъ и быстро наклеиваютъ на чемоданы разрѣшительные ярлыки.

— Вотъ и готово,—замѣчаетъ мой спутникъ.—Но подождите: вамъ еще покажетъ себя австрійская таможня.

Подходимъ къ ожидающему насъ берлинскому поѣзду. Въ разныхъ концахъ перрона слышна еще русская рѣчь—это разсаживаются по вагонамъ наши спутники изъ Россіи. Большинство пассажировъ ѣдетъ въ германскомъ третьемъ классѣ, довольно чистомъ и благоустроенномъ, въ вагонахъ второго и перваго классовъ,—пустовато... впрочемъ, до первыхъ большихъ станцій.

Нѣмецкій поѣздъ мчится съ примѣрной скоростью, неустово раскачиваясь на обѣ стороны и встряхиваясь на скрещеніяхъ путей. Мы пролетаемъ безъ остановокъ одну за другой маленькія станціи, откуда на насъ смотрятъ островерхія лютеранскія кирки и опрятные домики, и останавливаемся только въ Позенѣ (польская Познань) и Торнѣ, гдѣ къ намъ подсаживается множество обывателей. День воскресный, а въ такіе дни движеніе здѣсь чрезвычайно велико. Многіе ѣдутъ въ попутные города и въ Берлинъ, куда шнельпуть прибываетъ въ восемь часовъ вечера.

Тѣснота въ вагонахъ скоро стала очень ощутительной. Въ небольшихъ купе сидятъ по восьми пассажировъ. Ни встать, ни пройти. Русская рѣчь уже окончательно теряется среди сплошного нѣмецкаго говора.

На станціяхъ вамъ предлагаютъ пиво, фрукты, а во Франкфуртѣ на Одерѣ—знаменитыя сосиски мѣстнаго приготовления по 30 пфенниговъ за пару.

День выдался жаркій, и въ тѣснотѣ, царящей въ вагонахъ, дорога крайне утомительна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія въ Берлинъ.

— Вечеромъ вы будете уже на покоѣ,—замѣчаетъ мой спутникъ:—а мнѣ предстоитъ утромъ пересадка на Гаагу. Едва успѣю пріѣхать—прямо на засѣданіе конгресса. Только бы успѣть переодѣться во фракъ и тотчасъ на парадное открытіе...

Вечерѣтъ... Кругомъ на поляхъ ложатся длинныя тѣни. Поѣздъ пролетаетъ вдоль зеленой стѣны, минуя послѣднія станціи. Еще нѣсколько минутъ, и нашъ паровозъ зычно грохочетъ подъ сво-

дами громаднаго вокзала Alexander Platz. Кругомъ снуютъ, залитые электричествомъ, другіе поѣзда, привозящіе берлинцевъ изъ загородныхъ прогулокъ. Громадный городъ съ его обширными предмѣстями развертывается кругомъ величественной панорамой. Немного погодя—главный берлинскій вокзалъ Фридрихштрассе, весь залитый электрическими солнцами и оглашаемый шумомъ поминутно входящихъ и улетающихъ поѣздовъ и говоромъ пестрой и нарядной толпы, которая заполняетъ всѣ скамейки дебаркадера.

Въ вокзальной суетѣ съ трудомъ отыщешь и дозовешься нужнаго вамъ трегера—носильщика вещей.

Наконецъ вы его нашли.

— Счастливаго пути!—кричу своему спутнику. Онъ отвѣчаетъ тѣмъ же.

Вы проходите черезъ контроль, отбирающій у васъ билеты, и вотъ вы въ подъѣздѣ вокзала, на ярко освѣщенной электричествомъ и оживленной движеніемъ улицъ Берлина.

II.

Въ Берлинѣ.

Прохладный, но ясный и пріятный вечеръ. На улицахъ по обыкновенію толпы гуляющихъ. Красивая Unter den Linden съ пролегающимъ по срединѣ липовымъ бульваромъ полна народа, который временами останавливается и смотреть вверхъ. Что это? Сказка изъ сказокъ. Въ высотѣ летитъ надъ городомъ эффектно освѣщенный огнями дирижабль, выбрасывающій свѣтвыя рекламы. Онъ пролетѣлъ надъ Unter den Linden одинъ разъ, повернулъ и летитъ вторично. Временами дирижабль спускается совсѣмъ низко къ землѣ, и, кажется, вотъ-вотъ онъ задѣнетъ верхушки липъ. Ясно видны сидяція на дирижаблѣ человѣческія фигуры. Опустившись, дирижабль вновь поднимается въ высоту, и его огни спорятъ своимъ свѣтомъ съ блескомъ звѣздъ. Эффектное зрѣлище. Въ первую минуту глазамъ не вѣришь... Германія уже въ значительной мѣрѣ разрѣшила вопросъ воздухоплаванія, и въ данное время между Дюссельдорфомъ и Бадень-Баденомъ открыты правильные воздушные рейсы. Пассажиры летаютъ въ теченіе 1¹/₂—2 часовъ за плату въ 200 марокъ и имѣютъ въ дорогѣ всѣ удобства и «первоклассный буфетъ». Полеты эти совершаются только въ лѣтніе мѣсяцы.

Берлинъ мало измѣнился въ послѣдніе годы. Онъ только выросъ. Въ немъ теперь 4 милліона жителей. Чрезвычайно растутъ и хорошеютъ его окрестности, куда дороговизна жизни гонитъ весь небогатый трудящійся людъ. Цѣлые городки: Шарлоттенбургъ, Тегель, Фридрихсфельде выросли около Берлина и почти слились съ

нимъ. Эти недавно еще деревенскіе углы теперь имѣютъ многоэтажные дома, мостовыя, электрическое освѣщеніе, массы магазиновъ и проч. Безконечная сѣть желѣзныхъ дорогъ, надземныхъ и подземныхъ, трамваевъ, омнибусовъ, автомобилей связываетъ Берлинъ съ его населенными окрестностями. Въ длинныхъ подземныхъ галереяхъ съ утра до глубокой ночи несутся вереницы залитыхъ электричествомъ и переполненныхъ публикой поѣздовъ, пробѣгающихъ значительныя разстоянія со скоростью парижскаго экспресса. И надъ землей и подъ землей одинаково кипитъ жизнь неутомимаго Берлина, спаивающаго въ одно цѣлое селенія и городки, разбросанные въ разстояніи 10—15 верстъ отъ него.

Мое пребываніе въ Берлинѣ совпало съ періодомъ сравнительнаго затишья въ городской жизни. Дворъ былъ въ отсутствіи. Императоръ Вильгельмъ находился на охотѣ, весь дипломатическій корпусъ пребывалъ еще въ мѣстахъ отдыха: въ европейскихъ курортахъ, на водахъ и купаньяхъ. Нашъ посланникъ покойный графъ Остенъ-Сакенъ, совсѣмъ больной, еще не вернулся изъ отпуска, и великолѣпный домъ русскаго посольства на *Unter den Linden* находился въ состояніи лѣтней спячки. Этотъ домъ имѣетъ свое замѣчательное прошлое. Онъ былъ пріобрѣтенъ для посольства императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1837 году и перестроенъ по указаніямъ государя, причемъ по его желанію зданіе предназначалось не только для миссіи и квартиры посланника, но и для остановокъ государя и членовъ императорской фамиліи при посѣщеніи ими Берлина. Съ Николаевскихъ временъ домъ этотъ сохранился почти въ томъ же видѣ до настоящаго времени. Во внутреннемъ флигелѣ посольскаго дома находится наша православная церковь. Въ ней я не разъ бывалъ въ прежніе годы. Теперь она была въ ремонтѣ, и богослуженія совершались во временной церкви въ одной изъ залъ верхняго этажа.

Въ субботу я былъ у всенощной. Служилъ нашъ именитый берлинскій протоіерей от. А. П. Мальцевъ. Въ церкви было чловѣкъ двадцать молящихся изъ числа русскихъ аборигеновъ Берлина. Русскія духовныя пѣснопѣнія исполнялъ нѣмецкій хоръ, хорошо выученный А. П. Мальцевымъ пѣть по нотамъ съ русско-славянскимъ текстомъ, написаннымъ нѣмецкими буквами. Хоръ исправно поетъ, не зная русскаго языка. Особенность мѣстнаго богослуженія: послѣ молитвы за русскаго Царя упоминаютъ императора Вильгельма.

Мы выходили изъ церкви около 8 часовъ вечера. На улицахъ было еще полное оживленіе. По *Unter den Linden* неслись волны экипажей и освѣщенныхъ ослѣпительными огнями автомобилей. Публика наполняла безчисленныя кафе, Пассаажъ, стремилась въ маленькіе берлинскіе театры. На высокихъ зданіяхъ домовъ вспыхивали огненные рекламы, но осенній вѣтеръ, дувшій порывами,

безпощадно срывалъ уже пожелтѣвшіе листья со стройныхъ липъ, украшающихъ улицу. Берлинцы, однако, не признавали наступленія осени и, несмотря на пронзительные порывы вѣтра, беззаботно разгуливали въ легкихъ пиджакахъ и лѣтнихъ костюмахъ. Берлинская публика любитъ холодъ и никогда не кутается. По шубамъ и теплымъ шапкамъ здѣсь безошибочно узнають пріѣзжихъ русскихъ.

III.

Бѣда съ о. А. П. Мальцевымъ.

Въ Берлинѣ я засталъ знаменательный и симпатичный русскій праздникъ. Наше посольство чествовало 25-лѣтній юбилей протоіерея Мальцева на посту настоятеля посольской церкви.

А. П. Мальцевъ—большой и неутомимый работникъ на пользу русскаго дѣла въ Германіи. Со служеніемъ церкви онъ соединилъ великую миссію разумной широкой благотворительности и работы на пользу ближняго. Кому не извѣстно, въ какое отчаянное положеніе попадаютъ наши эмигранты, возвращающіеся на родину послѣ неудачъ и разоренія на чужбинѣ. Они ѣдутъ за границу съ широкими заманчивыми планами, мечтаютъ о дорого оплачиваемой работѣ, о грядущемъ богатствѣ, а возвращаются подчасъ нищими и голодными. Отецъ Мальцевъ создалъ въ Германіи большое благотворительное учрежденіе, которое этимъ неудачникамъ-переселенцамъ протягиваетъ руку помощи и открываетъ имъ возможность вернуться на родину. Эти бѣдняки по пріѣздѣ въ Берлинъ поступаютъ на работы по садоводству и зарабатываютъ по двѣ марки въ день при готовомъ жилищѣ и пропитаніи.

Не думайте, что эти бѣдняки могутъ обойтись безъ помощи отца Мальцева. Союзъ германскихъ рабочихъ не допускаетъ пришлый элементъ на мѣстные фабрики и заводы, русскій эмигрантъ—всѣмъ чужой, и онъ умеръ бы голодной смертью, если бы не покровительство и помощь берлинскаго братства.

Отецъ Мальцевъ создалъ чудный русскій уголокъ около Берлина. Это такъ называемое убѣжище имени императора Александра III, или Kaiser Alexander Heim. Всего 45 минутъ ѣзды отъ Unter den Linden по электрическому трамваю, и вы пріѣзжаете къ широкому полю на окраинѣ Берлина, гдѣ съ одной стороны высятся круглые фабричные корпуса, а съ другой среди темной зелени елей и сосенъ видна пятиглавая русская церковь и расположенное около нея русское кладбище.

Kaiser Alexander Heim—двухъэтажный домъ съ полуподваломъ, окутанный сѣнью вѣчно зеленыхъ деревьевъ. Около дома цвѣтники и оранжереи братства, черезъ улицу за оградой—церковь и кладбище.

Протоіерей А. П. Мальцевъ,
настоятель русской посольской церкви въ Берлинѣ.

А. П. Мальцевъ живетъ во второмъ этажѣ дома, уплачивая за занимаемую имъ квартиру въ доходы братства. Я не видалъ А. П. около 5 лѣтъ и не нашель въ немъ перемѣны. Онъ все такой же живой и дѣятельный, подвижной и трудолюбивый.

— Вы ѣдете въ Карлсбадъ?—спросилъ онъ меня.—Взгляните тамъ на наши русскія начинанія. Вы увидите прекрасную русскую церковь. Настоятель ея отецъ Рыжковъ собирается основать «Русскій домъ». Я недавно вернулся оттуда. Лечился отъ сахарной болѣзни. Карлсбадъ самый главный курортъ для такихъ больныхъ. Русскихъ туда съѣзжается масса.

— Какъ растетъ ваше хозяйство,—замѣтилъ я А. П. Мальцеву, указывая на расширившіеся кругомъ дома цвѣтники и оранжереи.

— Да,—замѣтилъ А. П.,—дѣлаемъ, что возможно. Хозяйство стало теперь доходнымъ, наши оранжереи уже соперничаютъ съ нѣмецкими, и нѣмцы косятся на насъ, видя въ насъ конкурентовъ, отбивающихъ ихъ доходы. На выставкахъ мы получаемъ награды, и наши альпійскія фіалки пользуются уже извѣстностью у всѣхъ любителей и знатоковъ. Но трудно вести русское дѣло въ чужой сторонѣ. Много враговъ, много непріязни. Слава Богу, это намъ не страшно, такъ какъ братство находится въ хорошихъ условіяхъ. По уставу оно состоитъ подъ предсѣдательствомъ русскаго посла, а особа посла слишкомъ высока и неприкосновенна, чтобы насъ коснулись разные происки.

Отецъ Мальцевъ разсказаль мнѣ, какъ возникъ и сложился этотъ русскій уголь въ Германіи.

— Наше дѣло организовалось еще въ то время, когда посломъ въ Берлинъ былъ графъ Шуваловъ, личный другъ императора Вильгельма. Въ трудную минуту всегда можно найти защиту въ посольствѣ безъ этого была бы бѣда. Нѣмцы не любятъ иностранныхъ затѣй и придираются ко всякимъ пустякамъ. Разскажу вамъ забавный случай. У братства есть собственный домъ въ Гамбургѣ. Случилось такъ, что около этого дома не успѣли убрать выпавшій снѣгъ, и полиція оштрафовала меня на 3 марки или на день ареста. Разсердила меня такая придирчивость, и я написалъ, что штрафа платить не буду, предпочитая арестъ. Арестовать, однако, меня не могутъ, потому что я принадлежу къ составу посольства. Тогда они сунулись въ Берлинъ съ жалобой на меня, а тутъ имъ и говорятъ: «Что вы за глупости затѣяли! Станемъ мы изъ-за вашего снѣга ссориться съ російскимъ посольствомъ». Они же были сконфужены...

— Осуществляется ли ваша идея о русскомъ соборѣ въ Берлинѣ?—спросилъ я А. П. Мальцева.

— Надѣюсь довести дѣло до конца,—отвѣчалъ протоіерей.—На сооруженіе собора поступило уже 200 тысячъ германскихъ марокъ, Государь Императоръ пожертвоваль 54 тысячи марокъ, поступило много пожертвованій отъ частныхъ лицъ. Кромѣ того, мы проекти-

руемъ сооруженіе памятника русскимъ воинамъ, павшимъ въ Германіи во время войны 1813 года, это будутъ мраморныя доски съ именами воиновъ. Кромѣ того, въ Лейпцигѣ сооружается церковно-памятникъ въ честь русскихъ воиновъ, павшихъ 18 октября 1813 г.

IV.

Русскіе въ Германіи.

Берлинъ очень интересуется наѣздами русской публики, которая постоянно швыряетъ по магазинамъ Фридрихштрассе и дѣятельнѣйшимъ образомъ поддерживаетъ мѣстную торговлю. Благодаря

Тегель около Берлина.

русскимъ попукамъ, здѣсь расцвѣлъ цѣлый рядъ шикарныхъ еврейскихъ магазиновъ. Готовыя платья, мужскія и дамскія, галантерея, шляпы, дорожныя вещи—все здѣсь къ услугамъ русскихъ туристовъ, лучше которыхъ никто не платитъ. Но будьте осторожны съ этими галантными еврейскими торговцами. Въ самыхъ шикарныхъ магазинахъ вы не гарантированы отъ мошенничества и обмана. Вы выберете хорошія вещи, уплатите деньги, а на домъ вамъ присылаютъ дешевку и дрянъ. Если спохватитесь,—вамъ предстоятъ непріятныя разговоры и лишніе расходы. Въ Берлинѣ приходится строго придерживаться правила: никому не вѣрить и платить деньги только по провѣркѣ присланныхъ покупокъ.

Въ прежніе годы русская публика по приѣздѣ въ Берлинъ постоянно посѣщала знаменитый берлинскій «Акваріумъ» на *Unter den Linden*, заключавшій за зеркальными стѣнами въ нѣсколькихъ этажахъ блестящее собраніе рыбъ, крабовъ, всякихъ чудесъ подводнаго міра и пестрое собраніе змѣй и земноводныхъ. Масса публики и множество дѣтей наполняли коридоры берлинскаго «Акваріума», двигаясь оживленной толпой и останавливаясь передъ эффектно освѣщенными верхнимъ свѣтомъ картинами подводнаго царства.

Гдѣ теперь этотъ прекрасный берлинскій «Акваріумъ»? Онъ исчезъ изъ прежняго помѣщенія; говорятъ, онъ переведенъ въ берлинскій зоологическій садъ. Но для приѣзжей публики онъ какъ бы потерянь.

Въ Берлинѣ теперь въ модѣ развлеченія другого рода: безчисленные кафе-концерты, кафе-шантаны, кинематографы, гдѣ снисходительной берлинской публикѣ показываютъ всякій вздоръ. Берлинскіе кафе-концерты сравнительно съ парижскими—ничего не стоятъ. Даже прославленный *Wintergarten* съ его потолкомъ изъ электрическихъ звѣздъ сравнительно съ парижскими развлеченіями ничтоженъ. Берлинъ щеголяетъ въ театрахъ и шантанахъ дѣтскими забавами, простотой и неизмѣннымъ цѣломудріемъ правовъ, въ то же время на берлинскихъ улицахъ идетъ открытая распродажа нѣмецкихъ Гретхенъ въ самомъ умопомрачительномъ количествѣ.

Между Берлиномъ и Карлсбадомъ во время курортнаго сезона поддерживается оживленное желѣзнодорожное движеніе. Много публики ѣдетъ въ австрійскіе курорты изъ Россіи. Поѣзда въ Карлсбадъ уходятъ въ 9 часовъ утра съ *Anhalter Bahnhof*, расположеннаго въ сторонѣ отъ центра города, за лабиринтомъ бойкихъ улицъ, полныхъ непрерывнаго движенія. Зданіе вокзала—угрюмое, темное. На самомъ вокзалѣ при отходѣ поѣзда—невообразимая суматоха и толкотня. Вагоны переполнены: въ каждомъ крохотномъ купе сидятъ по восьми человекъ, полки для вещей завалены багажомъ—ни пройти, ни протиснуться. Вѣда, если вы не запаслись плацкартами заранѣе. На этомъ пути плацкарты въ предѣлахъ Германіи бесплатныя, а отъ австрійской границы взимается небольшая плата.

Путь отъ Берлина вначалѣ совсѣмъ не интересенъ. Поѣздъ однообразно грохочетъ среди полей и деревень и летитъ къ Дрездену. Во время моей поѣздки масса публики направлялась въ Дрезденъ, гдѣ въ то время была открыта международная гигиеническая выставка, въ которой принимала участіе и Россія. Благодаря умѣлому руководству и опытности профессора В. В. Подвысоцкаго, главнаго комиссара русскаго отдѣла, этотъ послѣдній былъ великолѣпно организованъ и представилъ въ интересной картинѣ все, что у насъ есть хорошаго по части городского и санитарнаго благоустройства въ столицахъ и большихъ городахъ.

Россія отпустила на эту выставку 100 тысячъ да много затратили города и частные экспоненты.

Длинной лентой растянулся Дрезденъ вдоль желѣзнодорожнаго пути, показывая намъ свои окраины. Тутъ вышло изъ вагоновъ много публики, но зато на освободившіяся мѣста тотчасъ хлынула другая толпа дрезденцевъ. Поѣздъ попрежнему былъ переполненъ.

Мы неслись еще по Германіи, но скоро прибыли въ пограничный пунктъ, гдѣ заботливая и рачительная австрійская таможня принялась перерывать наши чемоданы. Кого-то уличили въ контрабандѣ, кого-то оштрафовали. Одна интеллигентная еврейка громко негодовала на австрійскіе порядки, и ее повели на станцію раздѣваться для обнаруженія контрабанды подъ юбками. Но при теперешнихъ узкихъ юбкахъ немного провезешь контрабанды.

Богатая Германія смѣнилась болѣе бѣдными картинами Австріи. Здѣсь въ австрійскихъ предѣлахъ все выглядитъ грязнѣе и сѣрѣе. Высокія горы стоятъ на границѣ. Поѣздъ проходитъ черезъ туннели. Затѣмъ мы неслись вдоль рѣки Эльбы, берега которой мѣстами очень красивы. Горы, обрывы, кое-гдѣ загородные замки, селенія, сады и рощи.

Четвертый часъ... Скоро конечная цѣль нашей поѣздки...

V.

Гоголь и Тургеневъ въ Карлсбадѣ.— „Русскій домъ“.

Вотъ онъ всемірно извѣстный Карлсбадъ!

Кругомъ громоздятся горы, покрытыя зеленѣющимъ ковромъ рощъ и лѣсовъ, а внизу въ узкой ложбинѣ бѣлѣютъ дома, виллы, гостиницы, расположенныя въ садахъ и паркахъ. Карлсбадъ великъ: въ немъ около 70 тысячъ душъ населенія вмѣстѣ съ пріѣзжей публикой, посѣщающей его круглый годъ и особенно наполняющей его весной и лѣтомъ.

Въ Карлсбадѣ, славящемся своими цѣлебными источниками Шпруделемъ, Мюльбрунномъ и другими, въ числѣ разношерстной европейской публики, слетѣвшей со всѣхъ концовъ Европы и изъ Америки, всегда много русскихъ. Они съ давнихъ временъ проторили себѣ путь въ этотъ живописный уголокъ Богеміи. Прошлое Карлсбада исторически связано съ Россіей. Здѣсь жили Гоголь и Тургеневъ. Гоголь былъ въ Карлсбадѣ въ 1864 году. Онъ жилъ въ домѣ на набережной рѣки Тепль, гдѣ нынѣ помѣщается *Hôtel de Russie*. Это трехэтажный домъ старой постройки, стоящій въ цѣлой линіи курортныхъ гостиницъ. Вверху комнаты для пріѣзжихъ гостей, внизу ресторанъ. Особенныхъ подробностей о пребываніи Гоголя въ Карлсбадѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Тургеневъ писалъ въ Карлсбадѣ «Дворянское гнѣздо» и «Дымъ». Онъ жилъ здѣсь

въ теченіе двухъ сезонoвъ въ 1874 и 1875 гг. Прикованный тяжелымъ недугомъ къ постели, онъ лишь изрѣдка имѣлъ счастливыя пере-дышки отъ мучившей его подагры. Тутъ передъ Тургеневымъ ви-тали родные образы Лизы, Лаврецкаго, рѣяли картины русской жизни, и выливалась изъ-подъ его пера та стройная гармоничная поэма любви и нѣжной мечты, которой мы такъ зачитывались... Но тяжелый недугъ прерывалъ работу Тургенева, и онъ временами бездѣйствовалъ. Тургеневъ проживалъ въ домѣ «König von England» на Шлосбергѣ. У этого дома послѣ его смерти была прикрѣплена дощечка съ надписью: «Здѣсь жилъ Тургеневъ», а въ день двадца-тилѣтня смерти Тургенева среди русскихъ посѣтителей Карлсбада возникла мысль замѣнить эту незамѣтную дощечку мраморной до-скою на переднемъ фасадѣ дома съ горельефомъ писателя.

Подобнымъ же образомъ предполагается увѣковѣчить и память о пребываніи Гоголя въ Карлсбадѣ, въ домѣ «Hôtel de Russie».

Инициаторомъ всѣхъ русскихъ начинаній въ Карлсбадѣ является энергичный и дѣятельный настоятель мѣстной русской церкви протоіерей Николай Николаевичъ Рыжковъ, предпринимающій, между прочимъ, громадное дѣло сооруженія «Русскаго дома» въ Карлсбадѣ.

Я бесѣдовалъ объ этомъ съ Н. Н. Рыжковымъ, который сказалъ мнѣ:

— Число русскихъ посѣтителей въ Карлсбадѣ увеличивается съ каждымъ годомъ. Этотъ благоустроенный курортъ привлекаетъ теперь тысячи больныхъ со всей Россіи, ѣдутъ сюда не только изъ большихъ городовъ, но и изъ маленькихъ провинціальныхъ. Цѣлеб-ная сила карлсбадскихъ водъ незамѣнима, и это сознаніе все больше укрѣпляется у русскихъ, испытавшихъ на себѣ карлсбадское ле-ченіе. Но жизнь въ Карлсбадѣ весьма дорога, особенно въ горячее сезонное время, и людямъ, не располагающимъ большими сред-ствами, становится все труднѣе и труднѣе устраиваться здѣсь, осо-бенно при незнаніи нѣмецкаго языка и мѣстныхъ жизненныхъ условій. Сколько они испытываютъ непріятностей и душевныхъ волненій, тормозящихъ леченіе! Причтъ нашей церкви всегда ста-рался облегчить русскимъ пребываніе въ Карлсбадѣ своимъ содѣй-ствіемъ и совѣтомъ, но всѣмъ не можешь. Единственно, что устро-ить русскихъ въ Карлсбадѣ,—это созданіе «Русскаго дома» подъ покровительствомъ русской церкви, съ недорогими комнатами, со своей больницей, съ русскими служащими. На «Русскій домъ» уже имѣются пожертвованія: свыше 56 тысячъ кронъ, но этихъ средствъ недостаточно. Недавно начаты были переговоры съ карлс-бадскимъ городскимъ управленіемъ объ уступкѣ на льготныхъ усло-віяхъ земельного участка вблизи русской церкви на Эдуардъ-Кнолльштрассе, но назначенная городомъ цѣна (около 60 тысячъ кронъ) далеко превышаетъ наши средства. Мы, однако, не теряемъ

Общій видъ Карлсбада.

надежды. Если бы каждый русскій посѣтитель Карлсбада принесъ свой кирпичикъ на «Русскій домъ», то въ самомъ недалекомъ будущемъ выросъ бы этотъ нашъ родной на чужбинѣ пріютъ. Каждый народъ имѣеть въ Карлсбадѣ свой центръ и живетъ объединенной семьей. Богъ дастъ, это удастся и намъ.

Идея «Русскаго дома» находитъ себѣ поддержку среди русской большой публики и высокопоставленныхъ лицъ, посѣщающихъ Карлсбадъ. Еще въ 1907 году внесли свои жертвы на это дѣло великій князь Михайлъ Александровичъ и великая княгиня Ольга Александровна. Бывшій городской голова Одессы, нынѣ покойный, Г. Г. Маразли внесъ двѣ тысячи кронъ. Отозвались и другіе посѣтители Карлсбада изъ числа именитаго русскаго купечества... Теперь недостаетъ лишь небольшой суммы для завершения дѣла.

VI.

Петръ Великій въ Карлсбадѣ.

Карлсбадъ хранитъ цѣнныя воспоминанія о пребываніи здѣсь Петра Великаго. Петръ Великій былъ въ Карлсбадѣ два раза—въ 1711 и 1712 годахъ. Вершина Шлоссберга украшена памятникомъ Петру Великому.

Этотъ Шлоссбергъ—краеугольный камень Карлсбада, рисующій исторію возникновенія этого курортнаго городка.

Карлсбадъ, какъ курортъ, существуетъ съ 1358 года. Въ старину онъ носилъ названіе «Вары». Горячіе карлсбадскіе ключи (Шпрудель) были открыты чешскимъ королемъ Карломъ IV при случайныхъ обстоятельствахъ. Преданіе говоритъ, что Карль IV, охотясь на оленей въ здѣшнихъ лѣсахъ, былъ свидѣтелемъ такого явленія. Одинъ изъ оленей прыгнулъ со скалы внизъ, собаки бросились за нимъ и попали въ горячій источникъ. Ихъ вытащили почти обваренными. Вскорѣ обозначилась лечебная сила источниковъ, протекающихъ въ долинѣ рѣки Теплой; и здѣсь сталъ разрастаться городъ.

Легенда, однако, оспаривается документальными свидѣтельствами, по которымъ цѣлебная сила мѣстныхъ ключей была извѣстна еще въ XII вѣкѣ. Карль IV возвысилъ значеніе «Варь», преобразовавъ ихъ въ городъ, и даровалъ имъ вассальныя владѣнія. Въ 1358 году Карль IV построилъ здѣсь себѣ замокъ на крутомъ холмѣ у рѣки, замокъ, въ которомъ онъ часто проживалъ, пользуясь и самъ горячими минеральными источниками отъ мучившаго его ревматизма. Городъ вмѣсто прежняго названія «Вары» сталъ называться Карлсбадомъ.

Восхожденіе на Шлоссбергъ очень утомительно и не подь силу многимъ больнымъ пациентамъ Карлсбада. Но я совершилъ эту прогулку.

Гіршеншпрунг.—Пам'ятникъ возникновения Карлсбада.

На главной курортной улицѣ близъ источниковъ имѣется подъемная машина, поднимающая васъ (за плату въ десять хеллеровъ туда и обратно) въ верхнюю часть Карлсбада. Эта часть города наиболѣе старинная и патриархальная. Тутъ узкія улицы съ типичными домами старомодной архитектуры. Узкія окна, тѣсныя входы, но есть и нѣсколько отелей новѣйшаго типа. Поднявшись до верхней площадки, вы идете по такой узкой улицѣ и незамѣтно приближаетесь къ скалистымъ уступамъ, ведущимъ на вершину горы, откуда смотреть на васъ, выдѣляясь на ясномъ небѣ, большой крестъ. Горныя дорожки карабкаются по уступамъ мимо массивныхъ камней и трещинъ, сквозь которыя пробиваются, какъ змѣи, корни деревьевъ. Дорожки очень круты. Кое-гдѣ на поворотахъ поставлены скамейки для минутнаго отдыха поднимающихся путешественниковъ. На одномъ изъ поворотовъ вы видите укрѣпленное на скалѣ изображеніе оленя. Это тотъ олень, который привелъ охотниковъ Карла IV къ Шпруделю. И вотъ послѣ получасоваго восхожденія вы у верхней площадки. Здѣсь смотреть на васъ величественный бюстъ Петра Великаго, а на мраморныхъ доскахъ подъ нимъ вы читаете стихи князя Вяземскаго (тоже посѣщавшаго Карлсбадъ для леченія):

Вотъ эти стихи:

Великій Петръ, твой каждый слѣдъ
Для сердца русскаго есть памятникъ священный...
Здѣсь среди горныхъ скалъ Твой образъ незабвенный
Встаетъ въ лучахъ любви и славы и побѣдъ... и т. д.

На сосѣдней мраморной доскѣ перечислены имена русскихъ царственныхъ гостей, посѣщавшихъ Карлсбадъ.

Нѣсколько ступенекъ вверхъ по каменной лѣстницѣ, и вы на площадкѣ у креста, откуда открывается широкій видъ на окрестныя горы и долину рѣки Тепль, на противоположныя высоты съ башнею Стефаніи и Елененгофомъ. Зеленый коверъ садовъ и парковъ перемѣшивается вдали съ причудливыми очертаніями старыхъ и новыхъ построекъ. Въ закатѣ солнца сливаются и тонуть горныя дали, и весь этотъ необъятный просторъ представляется съ высоты плѣнительной панорамой. Здѣсь, на площадкѣ у креста, по преданію, Петръ Великій молился каждое утро, призывая благословеніе Божіе на себя и на Россію, временно имъ покинутую.

Въ 1902 году карлсбадское городское управленіе по ходатайству настоятеля нашей церкви протоіерея Н. Н. Рыжкова обновило памятникъ и крестъ, причемъ прежнюю деревянную лѣстницу къ кресту оно замѣнило каменной съ чугунными перилами. Городъ затратилъ на это четыре тысячи кронъ. Освѣщеніе обновленнаго памятника и креста было приурочено къ празднованію двухсотлѣтняго юбилея Петербурга.

До послѣднихъ лѣтъ въ Карлсбадѣ сохранялся старый домъ «Pfaу», въ постройкѣ котораго когда-то участвовалъ Петръ Великій, работавшій въ качествѣ простаго каменщика. Въ Карлсбадѣ Петръ Великій сблизился, между прочимъ, со знаменитымъ Лейбницею, приглашеннымъ имъ впоследствии въ Россію и участвовавшимъ въ созданіи російской академіи наукъ.

Ниже памятника Петру Великому на Гиршеншпрунгѣ находится бесѣдка, вся испещренная русскими и нѣмецкими надписями туристовъ... Надписей такъ много, что на стѣнахъ бесѣдки живого мѣста не осталось. Такъ старательно посѣтителі увѣковѣчивали свои имена. Изъ бесѣдки тотъ же восхитительный видъ на зеленныя дады.

VII.

Русскіе гости въ Карлсбадѣ.

Въ Карлсбадѣ съѣзжается много русскихъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ ихъ пріѣзжало всего пятьсотъ человѣкъ. Въ послѣдніе годы русскихъ собирается до трехъ тысячъ человѣкъ, а въ прошломъ 1911 году ихъ было свыше трехъ тысячъ семисотъ душъ. Не подумайте, что пріѣзжаютъ одни русскіе магнаты. Правда, здѣсь бываетъ много представителей и представительницъ аристократическаго общества столицъ, богатыхъ семействъ изъ большихъ городовъ, но въ зарубежный Карлсбадъ давно проторила себѣ путь и средняя небогатая публика, въ особенности много стекается евреевъ изъ южныхъ и юго-западныхъ губерній. Въ прошломъ 1911 году особенно способствовали наплыву публики въ Карлсбадъ неблагополучіе нашего Кавказа и процвѣтавшіе тамъ разбои. Даже въ минеральныхъ уголкахъ въ родѣ Эссентуковъ были нападенія на пріѣзжихъ и разные непріятные случаи. Играетъ роль и неприспособленность нашихъ кавказскихъ курортовъ къ большому наплыву публики. На Кавказѣ временами изсякаютъ источники, останавливая курсъ леченія больныхъ, еще чаще оказывался недостатокъ въ ваннахъ, особенно въ грязевыхъ, надо правду сказать, отвратительно устроенныхъ въ Эссентукахъ. На всѣхъ этихъ дефектахъ нашего курортнаго леченія неизмѣнно выигрываетъ нашъ опасный и могущественный соперникъ—Карлсбадъ, гдѣ къ тому же къ услугамъ русской публики имѣется и хорошій, все увеличивающійся контингентъ русскихъ врачей.

На улицахъ Карлсбада, въ аллеяхъ городского парка вы постоянно слышите русскій языкъ. Никто уже этому не удивляется, такъ какъ изъ южной и юго-западной Россіи ѣздятъ сюда точно въ Херсонъ или Одессу. Одинъ изъ помѣщиковъ нашего юга говорилъ мнѣ:

— Каждую осень прїѣзжаю сюда на сентябрь. Знаете, въ наши русскіе курорты надо ѣхать раньше, въ іюль, а какъ уѣдешь, когда хлѣбная кампанія въ полномъ ходу и цѣны на хлѣбъ растутъ... Въ нынѣшнемъ году онѣ выросли, на примѣръ, вдвое противъ прошлаго года. Уѣзжай я раньше—много потерялъ, бы а теперь я уѣхалъ, окончивъ дѣла какъ слѣдуетъ. На наши минеральныя воды въ сентябрь не поѣдешь, а въ Карлсбадъ—въ самый разъ, здѣсь главный сезонъ тянется до 15-го октября. Кончивъ леченье, отправляйся на Ривьеру, а на зиму можно и подальше—въ Италію, въ Египеть.

Мой собесѣдникъ продолжалъ:

— Прошли тѣ времена, когда помѣщики неподвижно сидѣли въ своихъ углахъ. Теперь состоятельные хозяева переплываютъ моря, посѣщаютъ заморскія страны Запада и Востока и только къ началу весенней страдной поры возвращаются въ свои помѣстья.

Эту путешествующую деревенскую Россію, владѣльцевъ крупныхъ имѣній, вы неизмѣнно встрѣчаете и въ Карлсбадѣ. Здѣсь они лечатся, запасаясь силами для предстоящихъ скитаній.

Русскихъ вы встрѣчаете на карлсбадскихъ улицахъ, у источниковъ водъ, въ паркѣ, но какого-нибудь постоянного русскаго центра—клуба, собранія или даже ресторана, гдѣ собирались бы русскіе, здѣсь не существуетъ. Нѣкоторымъ намекомъ на подобный центръ можетъ служить ресторанъ «Парадизъ» на набережной Тепли, гдѣ собирается вообще славянская публика: русскіе, поляки, чехи... Но это чисто случайное собраніе.

Однако солидарность и единеніе между русской публикой, заброшенной за границу, проявляются куда сильнѣе, чѣмъ у себя дома въ Россіи. Это я помню по 1905 году, когда русскій терроръ вызывалъ самые искренніе и чуткіе отклики во всѣхъ концахъ Европы среди маленькихъ русскихъ колоній.

Какимъ болѣзненнымъ откликомъ разнеслась въ прошломъ 1911 году кievская катастрофа по всему Карлсбаду, казалось бы, равнодушному и къ Россіи, и къ русскимъ дѣламъ.

Уже съ утра 2-го сентября вѣсть о покушеніи на П. А. Столыпина передавалась здѣсь изъ устъ въ уста. Около полудня группы публики останавливались передъ расклеенными на стѣнахъ кургауза депешами о катастрофѣ.

— Это случилось въ присутствіи Царя!—воскликали карлсбадцы въ тяжеломъ и скорбномъ изумленіи.

Можно сказать, весь городъ былъ подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ печальныхъ вѣстей изъ Россіи. Всѣми горячо обсуждалось кievское событіе.

— Къ чему эти празднества въ Кіевѣ?—раздавались протестующіе голоса: —лучше бы берегли покой Царя и Царицы. Развѣ мыслимы

празднества въ тревожное время, когда старый терроръ еще не успѣлъ улечься.

Общее соболѣзнованіе русскихъ, чеховъ и даже нѣмцевъ выразилось по поводу столь ужасно нарушеннаго спокойствія Царской семьи.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ обиды и огорченія за Россію засыпалъ въ эту ночь древній славянскій городокъ, ожидая на завтра новыхъ вѣстей о черномъ днѣ въ Кіевѣ.

VIII.

Русское дѣло въ Прагѣ.

Настоятель нашей карлебадской церкви протоіерей отецъ Николай Рыжковъ—не новый человекъ въ Австріи. Онъ окончилъ вѣнскій университетъ, служилъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ и былъ настоятелемъ вѣнской посольской церкви. Я однажды засталъ отца Рыжкова въ хлопотахъ. Онъ собирался ѣхать въ Россію для выполненія важной духовной миссіи. Въ то время (въ сентябрѣ 1911 г.) предстояло въ Бѣлгородѣ открытіе мощей святого Іоасафа, которое привлекло вниманіе и зарубежнаго славянства. Отецъ Рыжковъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Бѣлгородъ—моя родина. Я давно тамъ не былъ, и вотъ теперь мнѣ предстоитъ посѣтить родной городъ въ такую торжественную минуту и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить почетное порученіе, возложенное на меня православнымъ чешскимъ обществомъ въ Прагѣ.

Отецъ Рыжковъ передалъ мнѣ при этомъ листъ, подписанный представителями чешскаго общества. Они просили его, какъ представителя своего общества, прибыть въ Бѣлгородъ и «отъ лица всей чешской православной общины въ земляхъ короны святого Вячеслава» навѣсить, освятить и зажечь изготовленную ими драгоценную лампаду къ ракъ святителя Іоасафа.

— Этотъ даръ трогателенъ тѣмъ,—сказалъ мнѣ протоіерей Рыжковъ:—что въ созданіи его приняли горячее участіе всѣ представители чешскаго народа безъ различія ранговъ и положеній, даже бѣдняки. Пожертвованія собирались малыми крупицами, по грошамъ. Каждый чехъ удѣлялъ что могъ, чтобы только откликнуться на православное торжество къ родственной Россіи.

«Чешское православное общество въ Прагѣ» составляетъ одно изъ симпатичнѣйшихъ явленій славянской жизни въ Австріи. Оно учреждено въ 1905 году въ видахъ объединенія, просвѣщенія и нравственнаго совершенствованія чеховъ и, между прочимъ, для помощи болѣе нуждающимся сочленамъ. Въ обществѣ въ настоящее время около 150 членовъ, большинство изъ нихъ небогатые труженики: учителя, чиновники, общественные дѣятели, есть нѣсколько

депутатовъ парламента. Общество преслѣдуетъ и нѣкоторыя практическія задачи. Такъ, оно стремится къ созданію въ Прагѣ «Славянскаго дома», въ которомъ ощущается крайняя необходимость. Въ этомъ домѣ, помимо собраній общества, имѣется въ виду создать гостепріимный кровъ для всѣхъ пріѣзжающихъ въ Прагу славянъ, равнымъ образомъ проектируется устройство собственнаго православнаго училища, богадѣльни, больницы, дома призрѣнія сиротъ. Далѣе общество имѣетъ въ виду учрежденіе большой славянской библіотеки. На ряду съ обществомъ при пражской православной церкви возникло попечительство для заботы о вдовахъ и сиротахъ славянъ, о бѣдныхъ и больныхъ, о благоустройствѣ храма и кладбища и о религіозномъ воспитаніи учащейся православной молодежи.

Протоіерей отецъ Рыжковъ сообщилъ мнѣ интересныя данныя о положеніи русскаго дѣла въ Прагѣ и русскаго храма въ столицѣ Чехіи.

— Русскій храмъ въ Прагѣ,—сказаль онъ,—имѣетъ большое историческое прошлое. Этотъ громаднй соборъ въ старину былъ католическимъ монастыремъ. Въ 1783 году онъ вмѣстѣ съ другими монастырями былъ упраздненъ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II. Въ то время австрійцами проводилась политика отдѣленія церкви отъ государства и, кромѣ того, правительству нужны были деньги. Цѣнные памятники религіи и искусства продавались и попадали въ музеи. Чешскій соборъ былъ замѣчательнымъ архитектурнымъ памятникомъ XVIII столѣтія. Построенный чехомъ Динценгоферомъ, выдающимся строителемъ, онъ былъ лучшимъ украшеніемъ Праги. Городъ Прага купилъ это красивое зданіе, заплативъ за него правительству 16.000 гульденовъ. Первое время храмъ былъ обращенъ въ арсеналь, а въ 1870 году онъ сталъ православнымъ храмомъ, послѣ того какъ арендовали его представители Россіи. Строго говоря, храмъ этотъ намъ можно было тогда же купить, но вышла остановка за средствами. Дальнѣйшая судьба пражскаго собора такова. Во время славянскаго движенія предполагалось создать русскій центръ около пражской церкви, такъ какъ въ Прагу постоянно пріѣзжаютъ представители славянства, но австрійское правительство пошло въ разрѣзъ этимъ планамъ. Былъ такой моментъ, что отъ насъ даже требовалось совершеніе богослуженія при закрытыхъ дверяхъ и церковь временно закрывалась правительствомъ, такъ какъ она не имѣла опредѣленнаго прихода. Отъ причта требовали принятія австрійскаго подданства. Слава Богу, эти тяжелыя времена прошли и теперь намъ дышится свободнѣе. Церковь арендована нами на тридцать лѣтъ до 1931 года, и аренду за нее выплачиваетъ городу Прагѣ славянское общество въ Петербургѣ.

Этотъ арендный договоръ на церковь заключаль отецъ Рыжковъ, какъ ея настоятель. Отецъ Рыжковъ служить въ Прагѣ уже

десять лѣтъ и является вдохновителемъ многихъ славяно-русскихъ начинаній. При существующемъ теперь контрактѣ мы можемъ быть спокойны за судьбы пражской церкви, но только на остающійся срокъ.

Нашъ разговоръ съ отцомъ Рыжковымъ постепенно перешелъ на отношеніе нынѣшняго австрійскаго правительства и австрійскихъ общественныхъ группъ къ русскому дѣлу.

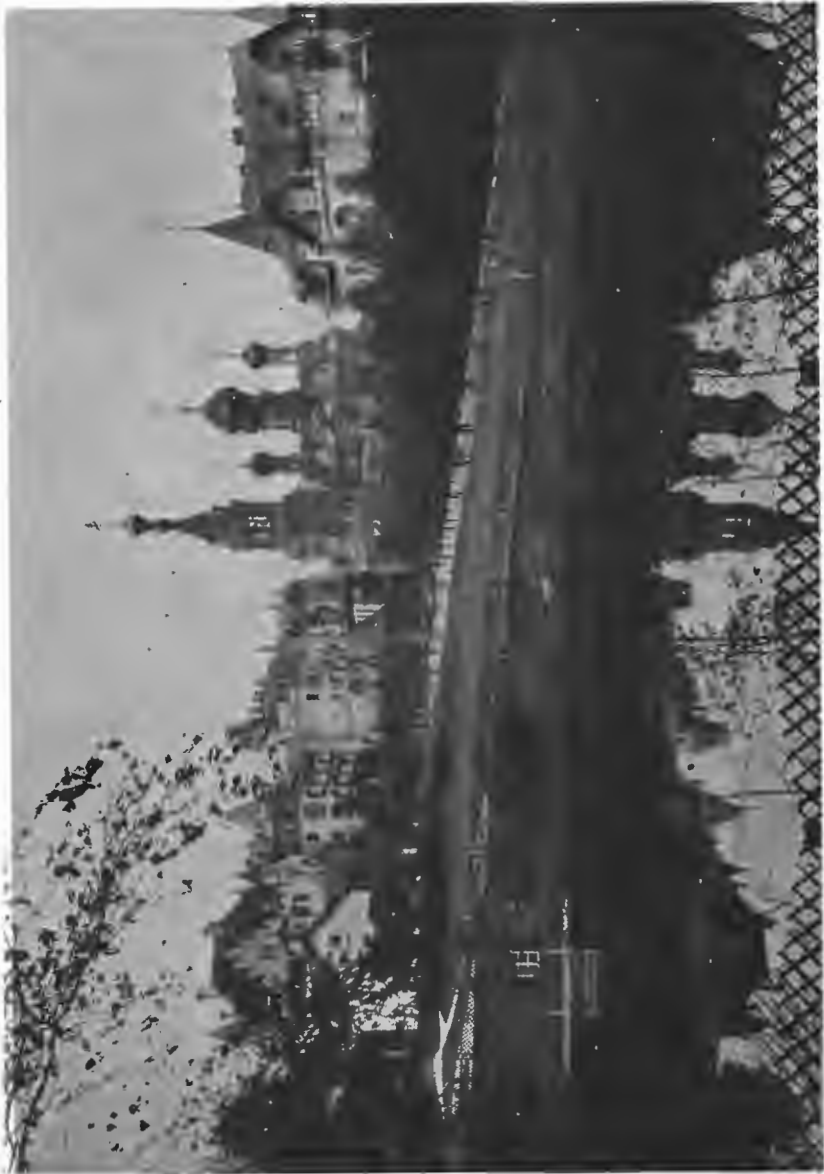
— Какъ въ Прагѣ, такъ и въ Карлсбадѣ,—сказалъ онъ,—наблюдается одно и то же явленіе. Отношеніе австрійскаго правительства сдержанное, осторожное, какъ бы недовѣрчивое. Оно опасается возникновенія славянскаго центра, могущаго представлять, на взглядъ Австріи, большую политическую опасность. Что касается мѣстныхъ городскихъ управленій, то какъ въ Прагѣ, такъ и въ Карлсбадѣ они проявляютъ къ намъ полную благожелательность. Карлсбадская городская управа относится къ русской церкви съ рѣдкимъ вниманіемъ и предупредительностью. Приведу вамъ такой фактъ. Въ нынѣшнемъ году я просилъ управу оказать содѣйствіе по убранству храма къ празднику святой Троицы, и что же бы вы думали? Они прислали изъ городскихъ питомниковъ и оранжерей тысячи на три кроны пальмъ, зелени, даже березокъ, хотя послѣднія достать здѣсь очень трудно. Мы получили массу цвѣтовъ и все бесплатно... Это образецъ рѣдкаго вниманія и предупредительности.

IX.

Русская церковь въ Карлсбадѣ.

Въ ближайшее воскресенье я былъ у обѣдни въ русской православной церкви Карлсбада. Карлсбадъ одинъ изъ счастливыхъ зарубежныхъ угловъ, гдѣ мы сумѣли фактически проявить свою созидательную работу и создали нѣчто прочное и цѣльное во славу русскаго имени. Положеніе русской церкви въ Карлсбадѣ было въ свое время обезпечено изданіемъ указа о вѣротерпимости въ Австрійской имперіи.

Начало карлсбадской церкви положено въ 1862 году. Такъ какъ всѣ вѣроисповѣданія имѣютъ свои церкви въ этомъ міровомъ курортѣ, то и русскимъ сезоннымъ гостямъ Карлсбада было предложено прійти на помощь своими жертвами на дѣло устройства храма. Въ 1862 году открылась подписка и было собрано до четырехъ тысячъ рублей. Тогда же было подано прошеніе австрійскому правительству о разрѣшеніи построить церковь. Получился благопріятный отвѣтъ. Въ 1863 году временная церковь была открыта въ такъ называемомъ «Богемскомъ залѣ», но по окончаніи лечебнаго сезона каждый разъ она разбиралась.

Русская церковь въ Карлсбадѣ.

Карлсбадъ.—Галерея Мюльбрунна.

Первая постоянная церковь существовала на Мариенбадской улицѣ (съ 1867 года). Для этой церкви былъ полученъ въ свое время цѣнный даръ—иконы прекраснаго письма и рѣзной дубовой иконостасъ отъ великой княгини Елены Павловны. Цѣнныя пожертвованія на церковь были сдѣланы также императоромъ Александромъ II, графомъ А. П. Шуваловымъ, княземъ С. М. Воронцовымъ и другими.

Первоначальная церковь была, однако, слишкомъ миниатюрна, а число русскихъ посѣтителей Карлсбада все увеличивалось. Кромѣ того, въ русскую церковь приходили молиться сербы, румыны, греки, и даже галичскіе и угро-русскіе униаты.

Нынѣшній русскій храмъ въ Карлсбадѣ создавался начиная съ 1872 года, когда появился притокъ новыхъ пожертвованій. Дѣломъ руководилъ въ то время протоіерей Н. П. Апраксинъ. Церковь выросла въ нагорной части Карлсбада — Вестъ-Эндѣ. Заложенная въ 1893 году, церковь 28-го мая 1897 года была торжественно освящена во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла первымъ настоятелемъ русскихъ церквей въ Прагѣ и Карлсбадѣ протоіереемъ А. А. Лебедевымъ въ сослуженіи священниковъ изъ другихъ нашихъ посольскихъ церквей за границей.

Церковь имѣетъ очень изящный и привѣтливый видъ. Она находится недалеко отъ главнаго жизненнаго центра Карлсбада—Stadtpark. Я поднимался въ гору по Parkstrasse мимо безчисленныхъ отелей и пансіоновъ, утопающихъ въ зелени садовъ, когда за поворотомъ въ другую улицу увидалъ на зеленомъ холмѣ высокій изящный храмъ въ древне-русскомъ стилѣ, напоминающій Александро-Невскій соборъ въ Ялтѣ.

Карлсбадская церковь выстроена, какъ и онъ, по типу московскихъ и ярославскихъ церквей XVII вѣка съ сѣнями и крыльцами и крытою галереей съ восточной стороны. Зданіе сооружено безвозмездно иностранцемъ архитекторомъ Густавомъ Видерманомъ изъ Франценсбада, построившимъ также русскіе храмы во Франценсбадѣ и Мариенбадѣ. Колокола для карлсбадской церкви, а также нѣкоторыя иконы были пожертвованы Государемъ Императоромъ и частью Императрицей Маріей Теодоровной. Православные чехи съ Волыни принесли въ даръ храму иконы святыхъ Вячеслава и Людмилы, князей чешскихъ, изготовленныя въ Инсбрукѣ въ Тиролѣ.

Постройка карлсбадскаго храма съ причтовыми помѣщеніями и домомъ священника обошлась съ землей въ 183.317 гульденовъ 22 кроны, въ томъ числѣ 26 тысячъ гульденовъ было выручено отъ продажи стараго церковнаго дома. Городское управленіе Карлсбада доставляло на льготныхъ условіяхъ кирпичъ со своихъ заводовъ и устроило вдоль церковной земли асфальтовый тротуаръ.

Когда по ступенямъ я поднялся въ церковь, тамъ было уже множество молящихся, съ трудомъ можно было пройти внутрь

храма. Первое впечатлѣніе прекрасное: церковь свѣтлая, высокая, очень изящной отдѣлки. Въ высокія окна обильно льется солнечный свѣтъ. Прекрасно поютъ пѣвчіе, хотя эти пѣвчіе здѣсь, какъ и въ Берлинѣ, нѣмцы, не знающіе русскаго языка.

Голоса звучные, свѣжіе. Особенностью службы является упоминаніе послѣ молитвы о русскомъ Царствующемъ домѣ императора австрійскаго Франца-Иосифа.

По окончаніи службы протоіерей отецъ Рыжковъ обыкновенно приглашаетъ пріѣзжихъ со всѣхъ концовъ Россіи русскихъ къ себѣ, гдѣ за чашкой чая они встрѣчаются и знакомятся другъ съ другомъ, и, такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ пребыванія русскаго въ Карлсбадѣ получается нѣкоторое единеніе съ соотечественниками. Я встрѣтилъ у настоятеля церкви нѣсколько семействъ изъ Петербурга, изъ Москвы, изъ Сибири.

X.

Жизнь въ Карлсбадѣ.

Карлсбадъ раздѣляется рѣчкой Тепль на двѣ части: съ одной стороны находится большинство источниковъ, длинная колоннада Мюльбруна, деревянная галерея Марктбрунна, городское управленіе Rathaus, громадныя и вычурныя зданія гостиниць Пуппа, отличающихся недоступно бѣшенными цѣнами, съ другой стороны расположена длинная линія отелей и домовъ еврейскихъ магнатовъ съ безконечной вереницей всевозможныхъ магазиновъ, дальше напротивъ галереи Марктбрунна высится высокій, изящный, весь стеклянный павильонъ Шпруделя съ бьющимъ фонтаномъ этого источника и съ выставкой мѣстныхъ минеральныхъ продуктовъ. Около «Пуппа»—знаменитая Alte Wiese—мѣсто прогулокъ курортной публики и вечернихъ собраній за столиками на открытомъ воздухѣ, среди веселой нѣжной зелени садовъ при звукахъ симфоническихъ оркестровъ, исполняющихъ излюбленныхъ нѣмецкихъ авторовъ. Какое оживленіе здѣсь во время сезона! Масса богатой элегантно публики наполняетъ гостиницы и рестораны, дамы щеголяютъ новѣйшими парижскими туалетами и громадными умопомрачающими шляпами. Это сплошная выставка брильянтовъ и новостей модъ. Со всѣхъ концовъ свѣта стеклись сюда курортные гости: изъ Англіи, изъ Америки, изъ Россіи и, надо отдать справедливость нашимъ россійскимъ аристократамъ, что они изъ первыхъ въ этой живой панорамѣ красавиць, богатствъ и брильянтовъ. Англичане и американцы держатся своимъ тѣснымъ солидарнымъ кружкомъ и во время сезона устраиваютъ вечеринки, собранія и даже балы, на которыхъ тоже отмѣнно блещетъ ихъ финансовая аристократія, выставя на удивленіе курортному міру заокеанскихъ дѣвиць

Карлсбадъ.—Галерея Шпруделя.

Alte Wiese—мѣсто прогулокъ въ Карлсбадѣ.

въ ореолѣ сказочныхъ драгоценностей, дающихъ понятіе о размѣрахъ американскаго приданаго и о силѣ американскихъ трестовъ.

Славянская публика держится болѣе скромно: ни упомощительныхъ баловъ, ни шумныхъ собраній. Австрійскіе пруссаки, вѣроятно, косо посмотрѣли бы на всякую попытку оживить и объединить славянское общество хотя бы и на курортѣ. Лишь въ отдаленной части Карлсбада около вокзала существуетъ нѣчто въ родѣ чешскаго клуба. Это «Бесѣда»—чешскій ресторанъ, гдѣ два раза въ недѣлю по четвергамъ и воскресеньямъ, собираются вечеромъ за кружкой пива славянскіе гости. Австрійская нетерпимость, однако, и тутъ сказалась: въ этой «Бесѣдѣ» были въ прошломъ году выбиты стекла послѣ демонстраціи пруссаковъ и евреевъ противъ славянъ.

Въ Карлсбадѣ масса евреевъ. Кромѣ туземныхъ евреевъ, домовладѣльцевъ и магазиновладѣльцевъ, сюда съѣзжается каждый сезонъ со всѣхъ концовъ Россіи, Австріи и Германіи множество небогатой еврейской мелкоты, жаждущей исцѣленія отъ карлсбадскихъ источниковъ. Этому еврейству не подѣ силу курортные налоги Карлсбада (десять—двадцать кронъ съ cadaго лица, т. е. четыре—восемь рублей), и, чтобы не платить этихъ налоговъ, они живутъ въ сторонѣ отъ шумнаго курорта, въ предмѣстьи Фишернъ, откуда ежедневно совершаютъ паломничество къ карлсбадскимъ источникамъ Фишернъ—пыльное, незавидное пригородное мѣстечко; евреи живутъ здѣсь тѣсно, цѣлыми группами по пяти-шести человѣкъ въ комнатѣ. Каждое утро вы видите у источниковъ типичныя группы патриархальныхъ евреевъ въ длинныхъ лапсердакахъ съ вьющимися пейсами по обѣ стороны лица.

Черезъ Фишернъ ведетъ дорога на излюбленную карлсбадскими туристами фарфоровую фабрику нѣкоего Карла Кнолля. Сюда мчатся экипажи и автомобили съ нарядными дамами и элегантными кавалерами. Это очень неумотительная и ближайшая загородная прогулка изъ Карлсбада. Но не увлекайтесь выставкой изящныхъ фарфоровыхъ вазъ и живописно разрисованныхъ чайныхъ и кофейныхъ приборовъ. Во-первыхъ, вещи очень дороги, а, во-вторыхъ, помните о суровомъ соглядатайствѣ недреманнаго ока ожидающей васъ впереди россійской таможни, которая за каждую чашку господина Кнолля подвергнетъ васъ допросу, штрафу, а въ крайнемъ случаѣ принудитъ васъ оставить эти чашки таможенному чину для увеличенія хозяйства и домоводства его рачительной супруги.

Зачѣмъ же туристу хлопотать о приращеніи чужого хозяйства?

Но что неподражаемо хорошо въ этомъ уголкѣ около фабрики—это прелестные берега и островокъ у тихаго пруда, кругомъ заросшіе орѣшникомъ и ивами, смотрящими въ зеркало водъ, тишину которыхъ бороздитъ только стая плавающихъ лебедей. Какая-то идиллія. Кругомъ нѣга и тишина, и только плескъ воды пріятно долетаетъ отовсюду. На островѣ среди зелени—живописный япон-

скій павильонъ, гдѣ въ фарфоровыхъ чашкахъ собственнаго издѣлія вамъ подаютъ ароматный кофе.

Жизнь въ Карлсбадѣ имѣетъ свои свѣтлыя и темныя стороны. Прелестное мѣстоположеніе города, изобиліе горныхъ и лѣсныхъ прогулокъ, живительный воздухъ на высотѣ 400 метровъ—все это безусловно прекрасно, если бы не разочарованія, которыя приходится испытывать наѣзжающимъ сюда русскимъ и славянскимъ гостямъ. Вездѣ въ Австріи тяжелы условія для славянъ, и нельзя скрыть, что въ извѣстной мѣрѣ это ощущается и въ Карлсбадѣ. Въ то время, какъ карлсбадское управленіе всячески стремится улучшить положеніе всѣхъ больныхъ на курортѣ, не разбирая національностей, вводитъ разныя усовершенствованія и поощряетъ частную предприимчивость, здѣшній синдикатъ домовладѣльцевъ, держателей гостиницъ и ресторановъ свободенъ отъ всякихъ гуманныхъ побужденій и только и выжимаетъ соки изъ курортной публики, эксплуатируя довольно грубымъ образомъ славянъ и русскихъ, къ которымъ вся эта свора курортныхъ хищниковъ питаетъ непріязнь, вскормленную политическими тенденціями. Со славянскими гостями обращаются грубо, лицамъ, не знающимъ нѣмецкаго языка, наносятся мелкія обиды и оскорбленія, а иногда дѣло доходитъ и до крупныхъ скандаловъ и столкновеній. Нельзя не возмущаться слышанными здѣсь разказами о томъ, какъ разжирѣвшіе нѣмцы изъ держателей отелей эксплуатировали довѣрчивыхъ русскихъ и какъ наглая челядь мѣстныхъ отелей грубила и дерзила посѣтителемъ, не знающимъ мѣстныхъ обычаевъ.

Самое досадное то, что за многолѣтнее существованіе въ чешской землѣ карлсбадскаго курорта въ немъ не создано ни русскаго, ни славянскаго центра, въ которомъ пріѣзжіе изъ Россіи и славянскихъ земель могли бы чувствовать себя какъ дома въ условіяхъ опеки и защиты отъ вражескаго элемента. Что тому мѣшаетъ? Предприимчивость у славянъ есть, есть и практическій навыкъ. Взгляните на прекрасныя чешскіе магазины въ томъ же Карлсбадѣ, они не уступаютъ нѣмцамъ. Но славянскаго угла пока нѣтъ, нѣтъ славянской гостиницы или пансіоната. Почему это такъ? Намъ это объяснили. Вся бѣда въ томъ, что группа нѣмцевъ, сплоченная и деспотичная, ни за что не пропуститъ въ свою среду славянскаго предпринимателя. Здѣсь, какъ и у насъ въ Россіи, городскія управленія лишь опредѣляютъ сумму обложенія гостиничныхъ и ресторанныхъ предпріятій, а эту сумму раскладываютъ между собою уже сами владѣльцы. Появись кто-нибудь неугодный этимъ нѣмцамъ—такъ они задушатъ его однимъ обложеніемъ. Жаловаться некому—апелляціонныхъ инстанцій нѣтъ. Но тѣ же нѣмцы окажутъ всякія льготы «родному человѣчку» изъ числа ихъ соплеменниковъ. Они полные хозяева и дѣлаютъ все, что имъ угодно.

Каждый славянинъ, прѣѣзжающій въ Австрію, всегда оказывается въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ то же время австрійскіе нѣмцы и евреи удивительно близоруки и бездарны. Старательно выжимая доходы, они не умѣютъ создать для прѣѣзжихъ ничего уютнаго и привлекательнаго. Посмотрите въ Берлинъ, жизнь тамъ болѣе дешева, чѣмъ въ Австріи, и нѣтъ недостатка въ хорошихъ гостиницахъ. А въ Австріи одинъ сплошной открытый грабежь, погоня за шальными кронами, неблагоустройство отелей и отвратительные рестораны съ хищниками-кельнерами, набрасывающимися на каждого гостя въ единственной заботѣ, чтобы сорвать побольше *trink geld*'овъ... Удивительно хищная и холодная страна!

Н. Лендеръ (Путникъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- П. Андриановъ. Преддверіе великой годовщины. Борьба Россіи съ Франціей до Отечественной войны. Одесса. 1912. Стр. 85. Ц. 35 коп.
- Петръ Ниве. Великая Отечественная война. 1812 годъ. М. 1912. Стр. 146 + II. Ц. 80 коп.
- Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ Отечественной войны съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ приложеніемъ картины И. Е. Рѣпина «Защитники Кремля». Спб. 1912. Стр. XVI + 201. Ц. 80 коп.
- «Двѣнадцатый годъ». Изд. товарищества «Образованіе». М. 1912. Стр. 150. Ц. 1 руб. 75 коп.
- К. А. Военскій. Годъ славы народной. Отечественная война 1812 года. Съ семью снимками съ гравюръ и картинъ. Изданіе улучшенія народнаго труда въ память императора Александра II. Спб. 1912. Стр. 48. Ц. 15 коп.

ОМПАКТНАЯ брошюра П. Андрианова обстоятельно знакомитъ насъ съ ходомъ военныхъ событій, предшествовавшихъ нашей борьбѣ за честь, славу и цѣлостность нашей родины. Авторъ преимущественно интересуется военною стороною дѣла, дѣйствіями арміи, состояніемъ ея, и центръ тяжести его работы поэтому главнымъ образомъ и покоится въ оцѣнкѣ боевыхъ силъ и столкновеній двухъ вооруженныхъ сторонъ, которыя міровой ходъ событій поставилъ въ положеніе кровавой борьбы. П. Андриановъ даетъ въ своей книжкѣ обзоръніе формированія русской арміи, начиная съ Петра Великаго, слѣдитъ за ея развитіемъ и жизнью въ эпоху Румянцова и Суворова, проводитъ ее черезъ реформы Павла I и наконецъ начинаетъ свое повѣствованіе съ первой кровавой встрѣчи русскихъ съ французами въ Сѣверной Италіи и доходитъ въ постепенности изложенія до Шенбрунскаго мира включительно. Послѣднія три главы его работы посвящены разбору причинъ войны

1812 г., силамъ и средствамъ сторонъ и настроенію русскаго народа и русской арміи передъ вторженіемъ Наполеона.

Брошюра, написанная сжатимъ, но образнымъ языкомъ, безъ шовинизма и кричащихъ эффектовъ, можетъ быть рекомендована, какъ недурное пособіе къ изученію представленныхъ въ ней событій, въ ротныя библіотеки, войсковыя части, кадетскіе корпуса и юнкерскія училища, для которыхъ именно особенно важно изученіе военной стороны событій 1812 г. Невысокая цѣна брошюры дѣлаетъ проникновеніе ея сюда легкимъ и заслуженнымъ.

Новая работа г. Ниве является значительнымъ сокращеніемъ и удешевленіемъ его книги въ изданіи В. Ильичика, отзывъ о которой нами помѣщается ниже, и отличается тѣми же достоинствами. Событія, въ ней изображенныя представлены въ живыхъ краскахъ, согрѣтыя теплымъ чувствомъ любви къ родинѣ, и поставлены передъ глазами читателей въ ихъ существенныхъ частяхъ, безъ отвлеченія вниманія въ сторону деталей и разныхъ субъективныхъ выводовъ. Многочисленныя иллюстраціи, карты и планы въ текстѣ даютъ легкую возможность ориентироваться въ ходѣ военныхъ дѣйствій и передвиженій арміи, знакомятъ съ портретами главныхъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ противныхъ сторонъ и съ нѣкоторыми моментами изъ походной жизни того времени. Для средне-учебныхъ заведеній, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, настоящая книга, пожалуй, лучшее изъ вышедшихъ пособій къ уразумѣнію хода событій 1812 г. въ его правильномъ научномъ освѣщеніи и популярномъ изложеніи.

Такими же достоинствами отличается и книга П. Г. Васенка, вышедшая нынѣ вторымъ изданіемъ съ предисловіемъ профессора С. Ѳ. Платонова. Здѣсь мы находимъ также немало экспликаціонныхъ картъ и рядъ портретовъ русскихъ военачальниковъ. Въ предисловіи нашъ ученый бросаетъ свѣтъ на общее историческое значеніе приснопамятной эпохи и дѣлаетъ отсюда опредѣленный выводъ. Онъ говоритъ: «Столкновеніе Россіи съ Франціей не было внезапною случайностью и... послѣдствія войнъ съ Наполеономъ отразились не только на политической жизни Европы, но и на внутренней жизни Россіи. На общей аренѣ европейской политики встрѣча Россіи съ Франціей была неизбежна, потому что къ началу XIX столѣтія обѣ стороны и каждая по своимъ особымъ причинамъ—обнаружили явную склонность къ вмѣшательству въ дѣла прочихъ европейскихъ странъ». Военная гроза 1812 г., по его словамъ, «разбила не Россію, а Французскую имперію. Но и Россія испытала на себѣ рядъ глубокихъ послѣдствій Отечественной войны. Не говоря уже о громадныхъ потеряхъ людьми и разореніи цѣлыхъ областей, о разстройствѣ государственныхъ финансовъ,—много лѣтъ русскіе помнили «француза» и «нашествіе двадцати языкъ» и не сразу могли оправиться отъ своихъ матеріальныхъ утратъ и потрясеній. Вліяніе событій «двѣнадцатаго года» и послѣдовавшихъ за нимъ «освободительныхъ» войнъ отразилось и на духовной жизни русскаго общества, возбудивъ въ немъ сильное внутреннее броженіе». Указавъ вкратцѣ, въ чемъ выразилось это броженіе, авторъ предисловія заключаетъ: «Чествуя столѣтіе Отечественной войны и вспоминая кровавый день Бородина и плѣнъ разрушенной Москвы, мы празднуемъ не только военную годовщину, но и народно-культурный праздникъ. Въ бѣдствіи родины народная душа почерпнула не

только жажду мести врагу, но и потребность духовнаго и гражданскаго совершенствованія. Военный поход отъ Москвы на Нѣманъ и отъ Нѣмана въ Парижъ привелъ русскій народъ не только къ окончательному пораженію народнаго врага, но и къ первымъ шагамъ на пути уничтоженія крѣпостнаго строя и усвоенія лучшихъ сторонъ европейской культуры. Въ этомъ значеніе «священной памяти двѣнадцатаго года!»

Къ книгѣ г. Васенка приложенъ краткій списокъ главнѣйшихъ оригинальныхъ сочиненій, посвященныхъ Отечественной войны. Сюда не вошли указанія на труды компилятивные и популярныя, какъ равно и на статьи журнальныя. Желающихъ ознакомиться съ этою литературою авторъ отсылаетъ къ превосходному труду К. А. Военскаго «Отечественная война въ русской журналистикѣ», до 1906 года (дополнительный выпускъ вышелъ недавно; въ послѣднемъ дано краткое содержаніе каждой статьи съ добавленіями библиографическаго характера и указаніями на литературу наиболѣе интересныхъ вопросовъ по исторіи Отечественной войны).

Въ дополненіе къ хронологическимъ календарнымъ и дневниковымъ свѣдѣніямъ о движеніи событій въ 1812 г., составленнымъ по русскимъ источникамъ и печатаемымъ нынѣ въ нѣкоторыхъ газетахъ, полезно для уразумѣнія хода борьбы народовъ въ томъ году ознакомиться съ любопытнымъ изданіемъ «Двѣнадцатый годъ», гдѣ мы находимъ, во-первыхъ, «Календаръ Наполеона 1812 г.», за симъ описаніе Бородинской битвы по воспоминаніямъ князя Вяземскаго и воспоминаніе о переходѣ французскихъ войскъ черезъ Березину, сдѣланное по воспоминаніямъ Лейлера. Въ настоящую книгу еще вошли нижеслѣдующіе матеріалы по Отечественной войнѣ: письмо Наполеона Александру I изъ Москвы, письмо Александра Павловича къ сестрѣ, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, копія манифеста, приказъ по арміямъ, дружеское посланіе отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея, извѣщеніе о Бородинскомъ сраженіи, письмо императора Александра I Н. И. Салтыкову, нѣкоторыя письма французамъ на родину, приказы и переписка французамъ при отступленіи и описаніе пребыванія русскихъ въ Парижѣ въ 1814 г. по дневнику свитскаго офицера С. Г. Хомутова.

Большинство этихъ документовъ извѣстно въ нашей литературѣ или въ полномъ видѣ, или въ тѣхъ или иныхъ извлеченіяхъ, но опубликованіе ихъ въ настоящее время въ той послѣдовательности, которую мы отмѣтили, помогаетъ намъ воскресить главнѣйшіе моменты той приснопамятной эпохи, при чемъ здѣсь на первомъ планѣ выдвинуты наши тогдашніе враги съ ихъ гениальнымъ вождемъ. Если сопоставить печатаемые въ газетахъ календари русскихъ дѣйствій и событій съ опубликованнымъ въ настоящемъ изданіи календаремъ французскимъ, то мы получимъ краткую, но очень послѣдовательную живую канву событій 1812 года, какъ она слагалась поденно въ лагерной жизни обѣихъ сторонъ.

Книга издана изящно, на хорошей бумагѣ и снабжена нѣсколькими фототипіями, рисующими нѣкоторыя бытовыя стороны тогдашней военной жизни изъ пребыванія французской арміи въ Россіи.

К. А. Военскій исключительно потрудился надъ исторіей 1812 года, разработавъ разныя стороны тогдашнихъ событій въ рядѣ капитальныхъ и популярныхъ трудовъ, о нѣкоторыхъ изъ которыхъ мы въ свое время дали отзывы. Небольшая брошюра, заглавіе которой приведено выше, относится къ послѣдней категоріи его работъ, гдѣ авторъ, примѣняясь къ широкой народной аудиторіи, даетъ живо составленное описаніе Отечественной войны. Въ заключеніе своей патріотической брошюры г. Военскій, въ виду предстоящаго въ будущемъ 1913 году трехсотлѣтняго юбилея царствующаго дома Романовыхъ, говоритъ: «Толѣтняя годовщина Отечественной войны совпадаетъ съ трехсотлѣтіемъ другого историческаго событія, имѣвшаго рѣшающее значеніе для Россіи—съ воспоминаніемъ о призывѣ русскимъ народомъ дома Романовыхъ на престолъ Мономаха. Трудно допустить здѣсь чисто случайное совпаденіе и невольно напрашивается на умъ мысль о высшемъ руководствѣ судебъ человѣческихъ: въ 1612 году Россія также стонала подъ гнетомъ пришельцевъ-насилъниковъ и будущее русскаго народа казалось безнадежнымъ. Но пробудился дремлющій богатырь, поднялась народная сила и съ неслыханнымъ самопожертвованіемъ и изумительной стойкостью встрѣтилъ народъ грудью врага и далъ ему отпоръ. Предоставленный самому себѣ, среди обломковъ государства, среди царившаго повсюду страха и унынія, народъ русскій совершилъ чудеса самозащиты, ибо онъ оборонялся за родину, за свою самостоятельность, за вѣру, за Царя! Достопамятный 1812 годъ представляетъ подобную же картину единенія царя съ народомъ, ту же нераздѣльность стремленій у императора Александра I и у послѣдняго крѣпостного крестьянина! И ни одинъ русскій не усомнился въ правдивости словъ царя, давшаго великую клятву не положить оружія, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ останется въ Россіи, не усомнился потому, что эта клятва была тѣмъ обѣтомъ, который давался «едиными усты и единымъ сердцемъ», мысленно и вслухъ, милліонами русскихъ людей. Великій смыслъ этого духовнаго единенія царя съ народомъ сказанъ въ 1612 году въ свободномъ самостоятельномъ призывѣ царя на царство и въ 1812 году въ восторженномъ откликѣ всей Россіи на призывъ царя къ народу. Въ этомъ единеніи вся мощь Россіи, все ея славное прошлое и, смѣемъ думать, залогъ не менѣе славнаго будущаго».

Историко-философское толкованіе значенія Отечественной войны съ надлежащими отсюда выводами, сдѣланное С. Θ. Платоновымъ, патріотическій полетъ мысли К. А. Военскаго, спокойное и обстоятельное изложеніе событій Отечественной войны, сдѣланное г.г. Андриановымъ, Ниве и Васенкомъ—прекрасные книжные руководители русскимъ читателямъ средняго уровня въ событіяхъ того времени, не имѣющимъ возможности соприкоснуться съ спеціальными и обширными изслѣдованіями той эпохи, а также учащимся поколѣніямъ, и мы отъ души желаемъ всѣмъ перечисленнымъ работамъ найти себѣ широкій доступъ именно въ эту среду.

В. Глянскій.

Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г. (Въ XXXVII томѣ актовъ, издаваемыхъ виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ). Вильна. 1912. Стр. XIII + L + 544. Цѣны не обозначена.

Всѣ 911 нумеровъ напечатанныхъ здѣсь актовъ, извлеченныхъ изъ рукописнаго отдѣленія виленской публичной бібліотеки и отчасти изъ виленскаго военнаго музея, распределены издателями на восемь группъ: 1) приказы по арміи; 2) рапорты, донесенія и распоряженія начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ русской арміи; 3) списки отличившихся и награжденныхъ знакомъ военнаго ордена; 4) распоряженія русскихъ властей по гражданской части; 5) свѣдѣнія о монастыряхъ, церквяхъ, священнослужителяхъ и причетникахъ минской епархіи, потерпѣвшихъ отъ непріятельскаго нашествія въ 1812 году; 6) распоряженія временнаго французскаго правительства; 7) собственноручныя официальныя письма французскихъ генераловъ и офицеровъ и 8) разные документы, относящіеся къ 1812 году.

При несомнѣнномъ научномъ значеніи всѣхъ вышеназванныхъ документовъ, наибольшій интересъ, однако, вызываютъ документы седьмой группы, относящіеся къ дѣятельности борисовской подпрефектуры, какъ по своему обилію—свыше 500 разныхъ актовъ,—такъ и по цѣльности и разносторонности заключающихся въ нихъ свѣдѣній о внутренней жизни Борисовскаго уѣзда,—общей со всей тогдашней жизнью Вѣлоруссіи,— во второй половинѣ знаменательнаго 1812 года. Въ нихъ подробно изложены всѣ тѣ мѣропріятія, которыми хотѣли польскія власти или такъ называемое «временное французское правительство» оказать услугу своему «великому избавителю отъ московскихъ цѣпей», и съ особой яркостью рисуется крайне печальная картина состоянія помѣстій и селъ, мѣстечекъ и городовъ, къ которому привели ихъ разбои и грабежи избавителей-французовъ.

Литовскія губернскія и уѣздныя комиссіи, обильно снабжаемая циркулярами и предписаніями изъ главнаго управленія великаго княжества Литовскаго, въ свою очередь, подписавшаго 14-го іюля 1812 года актъ присоединенія жителей всей Литвы къ варшавской конфедераціи, которая смотрѣла на Наполеона, какъ на своего избавителя отъ «московскихъ цѣпей» и ждала отъ него помощи для возстановленія отчизны въ предѣлахъ 1772 года,— были озабочены поставкою для Наполеона рекрутъ, до 10.000 человекъ, образованіемъ корпуса жандармовъ и особой милиціи, носившій громкое названіе національной гвардіи, доставкою провіанта и фуража для проходившей великой арміи, организаціей почтовыхъ учрежденій, пришедшихъ въ полный безпорядокъ послѣ ухода русскихъ властей, взысканіемъ недоимокъ и другихъ денежныхъ повинностей, къ которому было привлечено и духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, устройствомъ лазаретовъ, и проч., и проч.

Какъ ни тяжелы были всѣ эти повинности для жителей Литвы, въ случаѣ даже точнаго исполненія всѣхъ требованій временнаго правительства,— на самомъ дѣлѣ они исполнялись лишь въ самой малой долѣ,— они не могли бы причинить такого разоренія, какое причиняли грабежи французскихъ войскъ, въ этомъ отношеніи болѣе походившихъ на азіатскую орду, чѣмъ

на дисциплинированную европейскую армию, так как грабежи дѣлались не только по необходимости, но и уничтожали имущество безъ всякой для себя пользы...» Для иллюстраціи всѣхъ этихъ разбоевъ, чинимыхъ французскими войсками, приведемъ выдержки изъ донесенія борисовской подпрефектурѣ подкомиссара Березинскаго кантона отъ 1-го сентября: «Постоянный проходъ французскихъ войскъ черезъ Березинскій кантонъ, грабежи обывателей и крестьянъ, уничтоженіе посѣвовъ на поляхъ, захватъ у крестьянъ и обывателей лошадей и рогатаго скота, отбираніе серповъ и косъ у полевыхъ работниковъ и разогнаніе ихъ—довели до такого состоянія, что не только крестьяне, но и нѣкоторые помѣщики бросили дома свои и перебрались въ пуши, вслѣдствіе чего дуга до сего времени не скошены, поля не убраны и нѣтъ возможности никакими средствами возвратитъ крестьянъ въ ихъ дома, потому что лишь только который-либо возвратится и хочетъ заняться хозяйствомъ, какъ тотчасъ же нападаютъ, забираютъ у него хлѣбъ, скотъ и тѣмъ принуждаютъ опять скрываться изъ дома; всѣ села и имѣнія вблизи трактовъ доведены до печальнаго состоянія, а теперь и съ отдаленными то же дѣлается... Я старался, по мѣрѣ возможности, склонитъ крестьянъ къ послушанію, но безъ мѣрѣ болѣе суровыхъ ничего съ ними нельзя сдѣлать; сидя таборами въ пушахъ, творятъ недоброе, воруютъ, соединяются съ солдатами, дѣлаютъ съ ними награбленное...» (стр. XXXVII и XXXVIII).

Черезъ мѣсяць тотъ же подкомиссаръ писалъ: «во исполненіе предписанія о приведеніи къ послушанію березинскихъ крестьянъ исчерпаны мною всѣ средства, но безрезультатно; вмѣсто улучшенія, стало еще хуже; несмотря на то, что посланы были люди съ солдатами для принужденія, они не только на работу не вышли, но солдатъ и людей избили, меня грозили убить и на работу выйти отказались. Прошу комиссію обезпечить мою жизнь отъ крестьянъ и проходящихъ командъ» (стр. XXXIX).

Интересна также жалоба помѣщика Блажеевича: «1-го октября прибылъ въ мое имѣніе Лапуты командиръ бригады карабинеровъ Дювиль съ 140 солдатами и не менѣе какъ 500 лошадьми и какъ только прибылъ, сложенное въ большомъ сараѣ сѣно, до двухъ тысячъ пудовъ, частью скормилъ, частью на подстилку употребилъ, а остатки съ собою забралъ; то же самое сдѣлалъ и у крестьянъ; овесъ какъ въ имѣніи, такъ и у крестьянъ частью вымолотили, частью въ снопахъ скормили, такъ что не оставили ни одного снопа; нѣсколько крестьянъ немилосердно избили, одного вѣшали, всѣхъ изъ домовъ выгнали..., Меня самого и солдата, стоявшаго на охранѣ, чуть штыками не закололи...» (стр. XL).

А какъ расправлялись французскіе офицеры съ польскими властями, державшими имъ въ чемъ-либо возражать, характерно слѣдующее мѣсто изъ донесенія подкомиссара смолевичскаго магазина: «Вчера, когда я сталъ воспрепятствовать—писалъ онъ,—заборъ сѣна безъ квитанцій, то получилъ такую порцію, что еле живъ остался и теперь исполнять моихъ обязанностей не могу. Можно было бы кое-что добыть еще у обывателей, но меня уже достаточно проучили, и я буду помнить и освобожденіе и возрожденіе отечества» (стр. XLII).

Сильно пострадали отъ «освободителей» въ минской епархіи православныя

церкви, монастыри и въ особенности архіерейскій домъ въ Минскѣ: одиѣ изъ церквей были сожжены, другія же разграблены и повреждены; нѣкоторыя заняты подъ лазареты, подъ конюшни или разные склады, а инныя просто только разорены и повреждены.

Въ «Приложеніяхъ» къ документамъ находимъ двѣ карты войны 1812 г. (одна отъ Нѣмана до Москвы, а другая отъ Москвы до Нѣмана), автографы императора Александра Павловича и нѣкоторыхъ русскихъ генераловъ, автографы императора Наполеона I и его генераловъ: Барбанегра, Тэри, Беллекени, Сонье-Лякретеля, графа Беарна, Дешампа, Мишо и Даву и отдѣльно автографъ Дениса Давыдова (его письмо генераль-адъютанту Иларіону Васильевичу Васильчикову). Въ концѣ тома имѣется указатель личныхъ именъ.

Изданіе выполнено комиссіею съ обычными для нея научными достоинствами и-можетъ быть лишь привѣтствовано не только изслѣдователями Отечественной войны, но и всѣми интересующимися событіями этой эпохи, которые воздадутъ особую благодарность г. А. Вручевичу за его обширное «предисловіе», гдѣ болѣе или менѣе исчерпаны очень многіе польскіе документы борисовской подпиректуры.

В. Рудаковъ.

П. А. Ниве. Отечественная война. Изд. В. К. Ильинчика. Пять томовъ. Цѣна 18 рублей.

Среди юбилейной литературы въ выгодную сторону выдѣляется пятитомный трудъ П. А. Ниве, въ изданіи В. К. Ильинчика.

Книга очень легко читается, благодаря легкому, правильному слогу автора. Къ несомнѣнному плюсу нужно отнести обыкновеніе автора, не увлекаясь вычерчиваніемъ стратегическихъ вѣнзелей, останавливаться на общемъ разборѣ войны по періодамъ. Въ этихъ общихъ обзорахъ авторъ умѣло подводитъ итогъ всему случившемуся и ориентируетъ читателя въ обстоятельствахъ.

Книга, помимо хорошаго языка, имѣетъ еще большое достоинство: она проникнута благороднымъ русскимъ духомъ и признательною памятію къ доблестнымъ предкамъ, не пощадившимъ Москвы ради того, чтобы ея пожаромъ добиться конечнаго торжества надъ Наполеономъ. Это спокойствіе автора заставляетъ горячо рекомендовать книгу всѣмъ школьнымъ бібліотекамъ, военнымъ бібліотекамъ и тѣмъ русскимъ людямъ, въ которыхъ не изсякло еще русское чувство.

Мы любимъ унижать себя, и нынѣ даже на столбцахъ военныхъ газетъ встрѣчаются мнѣнія о томъ, что Бородинскій бой принесъ намъ пораженіе. Авторъ разбираемой книги, по счастью, держится другой точки зрѣнія, всецѣло мною раздѣляемой. По мнѣнію автора, подъ Бородинымъ потери въ рядъ хъ великой французской арміи растоптали устои, на которыхъ держалось ея дисциплина. Качественный составъ этой арміи ухудшился, и началось та распушенность, которая ведетъ къ пораженію даже и тогда, когда противникъ оставляетъ поле сраженія. Словомъ, въ этомъ случаѣ правъ гр. Л. Н. Толстой, признававшій, что подъ Бородинымъ французская армія получила страшную рану, которая, продолжая безпрестанно кровоточить, повела къ смертельному исходу.

Пріятно также отмѣтить въ авторѣ, что онъ не гонится за дешевыми лаврами и не доходитъ въ своихъ характеристикахъ нашихъ главнокомандующихъ до уродливыхъ заключеній объ ихъ сплошной бездарности. Авторъ умѣло рисуетъ трагедію Барклая, который могъ вынести всю ту травлю, которую подняли около него окружающіе, только благодаря своему желѣзному характеру. Слѣдовательно, онъ обладалъ именно тѣмъ, чего не доставало намъ въ послѣднюю войну съ Японіей. Хорошими, сердечными тонами очерченъ и обликъ прозорливаго Кутузова, котораго мы, къ сожалѣнію, слишкомъ часто выставляемъ какимъ-то придворнымъ полушутомъ и глядящимъ въ могилу рамолицеменомъ.

Если ко всѣмъ достоинствамъ книги присоединить еще весьма нарядную внѣшность, удачный шрифтъ, обиліе иллюстрацій, изъ которыхъ часть воспроизведена въ краскахъ, то станетъ понятнымъ то общее заключеніе, которое я желалъ бы дать о книгѣ г. Пиве: она—выдающееся изданіе въ нашей юбилейной литературѣ.

М. Соколовскій.

Военная галерея 1812 года. Издано по повелѣнію Государя Императора. Спб. 1912. Стр. 294. Цѣна не обозначена.

Читатели, вѣроятно, помнятъ глубокопрочувствованное стихотвореніе Пушкина «Полководецъ», посвященное Барклаю де-Толли:

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазь вѣнца хранится подъ стекломъ,
Но сверху донизу, во всю длину кругомъ
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ пѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фановъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи да шпаги
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Описанными поэтомъ сокровищами палаты нынѣ Государь Императоръ подѣлился со всѣмъ русскимъ обществомъ, повелѣвъ напечатать подъ редакціею великаго князя Николая Михайловича роскошное изданіе, куда вошла вся историческая галерея двѣнадцатаго года изъ Зимняго дворца. Изданіе это, цѣнное само по себѣ, пріобрѣтаетъ еще больше значеніе въ силу царскаго автографа, начертаннаго въ началѣ изданія, гдѣ мы читаемъ: «Достойнымъ потомкамъ доблестныхъ предковъ. Николай».

Громадная книга раздѣлена на два отдѣла. Въ первый вошли триста двадцать девять портретовъ (16×14 в.) въ алфавитномъ порядкѣ фамилій участниковъ знаменитой борьбы съ Наполеономъ; кромѣ того, здѣсь помѣщены четыре боль-

шихъ, во весь ростъ, портрета, находящихся въ той же галереѣ, а именно: императора Александра I, на конѣ, цесаревича и великаго князя Константина Павловича, князя М. В. Барклая-де-Толли и князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Последніе портреты воспроизведены гелиографіею по одному на листѣ (таблицы I—IV), остальные же триста двадцать девять портретовъ помѣщены по четыре на каждой таблицѣ и исполнены фототипіей. Чтобы дать полное представленіе о «Военной галереѣ 1812 года» въ Зимнемъ дворцѣ, въ изданіи воспроизведены два общіихъ вида этой галереи (таблицы V и VI). Всѣ портреты «Военной галереи 1812 года», кромѣ большаго портрета императора Александра I, принадлежащаго кисти Крюгера, написаны въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія специально вызваннымъ для этого въ 1819 году въ Петербургъ англійскимъ художникомъ, извѣстнымъ въ то время портретистомъ Георгомъ Дау, по волѣ императора Александра I. Многіе изъ портретовъ Дау писаны съ натуры, иные же—съ наиболѣе вѣрныхъ изображеній.

Во второй отдѣлъ этого замѣчательнаго и по замыслу и по выполнению изданія вошелъ справочный текстъ, дающій возможность ознакомиться съ служебною дѣятельностью, преимущественно въ войскахъ и въ особенности въ эпоху войнъ съ Наполеономъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя изображены на портретахъ. Эти свѣдѣнія не біографіи, а только сокращенные послужные списки, съ нѣкоторыми фактическими дополненіями; поэтому они могутъ быть только матеріалами для біографій, давая, между прочимъ, краткій перечень боевыхъ подвиговъ и наградъ каждаго дѣятеля той славной эпохи, портретъ котораго имѣется въ «Военной галереѣ 1812 года». По словамъ редактора всего изданія, великаго князя Николая Михайловича, этотъ матеріалъ, въ видѣ послужныхъ списковъ того времени, «не отличается ни одинаковою полнотою, ни достаточною точностью. Первое не могло не отразиться на внутреннемъ содержаніи, второе особенно замѣтно въ названіяхъ и датахъ событій». Чтобы воспроизвести въ печати эти «послужные списки», потребовалась большая кропотливая работа, которая по порученію редактора изданія и была исполнена секретаремъ императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Голомбѣвскимъ, являющимся всегда дѣятельнымъ помощникомъ своего высокопоставленнаго предсѣдателя сказаннаго общества.

Все изданіе, какъ въ части иллюстраціонной, такъ и текстуальной, отпечатано въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, а всякій, кто знаетъ совершенство работъ этого учрежденія, пойметъ, что въ настоящей книгѣ вся его совершенная типо-литографская техника проявила себя въ полномъ блескѣ. Появленіе настоящаго изданія является цѣннымъ вкладомъ въ нашу обильно разросшуюся нынѣ литературу о двѣнадцатомъ годѣ и можетъ быть по всей справедливости поставлено въ первый рядъ этой литературы. Въ немъ знаніе предмета, его редакціонная обработка и техника выполненія идутъ рука объ руку и являются истинною данью свѣтлой памяти «начальниковъ народныхъ нашихъ силъ, покрытыхъ славою чудеснаго похода».

Г.

Памятная книжка Олонецкой губерні на 1912 годъ. Изданіе олонецкаго губернскаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета И. И. Францишкевичъ-Яновскій. Петрозаводскъ. 1912 г. 136+44+88+XXXVI. Цѣна 1 р.

Въ вышеназванной памятной книжкѣ интересны помѣщенныя въ «приложеніяхъ» работы Н. С. Шайжина. Въ первой изъ нихъ онъ собралъ изъ печатной литературы всѣ данныя, критически ихъ провѣрилъ и представилъ, такимъ образомъ, подробный и живо написанный очеркъ, посвященный «Заонежско-й заточницѣ, великой государынѣ инокинѣ Марѣ Ивановѣ (въ мѣрѣ Ксении Ивановнѣ Романовой, матери царя Михаила Феодоровича)». Болѣе подробныя свѣдѣнія относятся ко времени пребыванія Мары Ивановны въ Толвуйскомъ погостѣ «Обонежской пятины», нынѣшней Олонецкой губерніи, съ 1601 до 1606 года; немало также любопытныхъ свѣдѣній о прошломъ Толвуйскаго погоста, въ связи съ современными этнографическими наблюденіями автора.

Вторая работа г. Шайжина—«Изъ жизни Олонецкаго края въ Отечественную войну» — знакомитъ насъ, во-первыхъ, съ тѣмъ, какую услугу оказали петербургскому ополченію олонецкіе стрѣлки, снаряженные отъ олонецкаго дворянства, своею мѣткою стрѣльбою; они состояли при графѣ Витгенштейнѣ и во время походовъ 1813 и 1814 годовъ и, побывавъ въ столицѣ Франціи, вернулись на родину всѣ почти съ георгиевскими крестами; во-вторыхъ, съ пребываніемъ въ Олонецкой губерніи французскихъ военнопленныхъ, число которыхъ къ 1-му января 1814 года простиралось до восьмидесяти трехъ человекъ (1 генералъ Даметръ, сорокъ три офицера и тридцать девять нижнихъ чиновъ); въ мартѣ 1814 г. къ нимъ прибавилась новая партія въ двѣсти пятьдесятъ человекъ нижнихъ чиновъ, и, въ-третьихъ, наконецъ, съ пребываніемъ петербургскаго педагогическаго института въ деревнѣ Услаикѣ и въ самомъ городѣ Петрозаводскѣ въ 1812—1813 годахъ, по запискамъ К. И. Арсеньева. Въ концѣ приложеній перепечатанъ некрологъ А. П. Воропова, составленный тѣмъ же Н. С. Шайжинымъ.

В. Р.—въ.

Александръ Родныхъ. Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ двѣнадцатомъ году при помощи воздухоплаванія. Изъ «исторіи воздухоплаванія и летанія въ Россіи». Съ 19 снимками со старинныхъ рисунковъ. Спб. 1912. Стр. 57. Ц. 70 к.

Авторъ настоящей брошюры, специализировавшій на исторіи русскаго воздухоплавательнаго дѣла, желая откликнуться на столѣтнюю годовщину Отечественной войны, представилъ читателямъ обстоятельную и интересную монографію о Лепшихъ и его летательныхъ приборахъ, которыми такъ интересовался Александръ I и на которые возлагались тогда очень опредѣленные надежды въ виду нашествія Наполеона. Г. Родныхъ знакомитъ насъ съ біографіей Лепшиха, этого неудачнаго изобрѣтателя летательной машины и аэростатовъ, повѣствуетъ, какъ получилъ онъ черезъ Алопеуса доступъ къ

парю, какъ послѣдній принялъ въ немъ участіе, при какихъ обстоятельствахъ производилъ онъ свои работы, какъ изъ всего этого ничего не вышло и каковъ былъ въ глазахъ Александра I смыслъ и значеніе его вниманія къ Лепиху. Изслѣдованіе г. Родныхъ, основанное на многихъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, очень любопытно, заслуживаетъ вниманія и въ общей литературѣ о двѣнадцатомъ годѣ занимаетъ совершенно особое мѣсто. Самъ по себѣ эпизодъ, имъ обработанный, небольшого историческаго порядка, но та обстановка, при которой возникла мысль объ утилизированіи изобрѣтенія Лепиха, тѣ отношенія, которыя напастовались около этого дѣла, чрезвычайно любопытны въ бытовомъ отношеніи и отлично обрисовываютъ личность Александра Павловича, Ростопчина, Аракчеева и другихъ представителей тогдашняго военнаго вѣдомства съ ихъ недо-вѣріемъ другъ къ другу и совершенно противоположными взглядами на сущность предложенія Лепиха. Въ то время, какъ Александръ Первый смотрѣлъ на самого Лепиха и на его приготовленія къ полету сначала съ довѣріемъ и увлеченіемъ, а затѣмъ, какъ на средство успокаивать легковѣрную толпу, хотя на малое время, «когда нѣтъ другихъ средствъ отвратить бѣду», по показаніямъ Аракчеева, народъ тогда толпами ходилъ изъ Москвы на разстояніи семи верстъ къ тому мѣсту, гдѣ готовился шаръ; это было на уединенной дачѣ, окруженной заборомъ, куда внутрь никого не пускали; но народъ, возвращаясь домой, рассказывалъ, что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врагу, и тѣмъ довольствовался. «Часто послѣ того императоръ со мной говорилъ объ этомъ случаѣ, удивляясь, что я въ первый разъ его не понялъ, и я сознавался, что точно «былъ глупъ», возражая намѣреніямъ, придуманнымъ для успокоенія толпы».

Итакъ, Александръ I, сначала повѣрившій въ возможность причинить уронъ врагу при помощи изобрѣтеннаго Лепихомъ аэроплана, затѣмъ согласившись на оборудованіе аэростата съ тѣмъ, чтобы онъ поднялся надъ Москвою, видѣлъ въ этомъ простой психологическій моментъ, долженствовавшій заигнотизировать толпу въ цѣляхъ придачія ей бодрости и мужества. Рядомъ съ этимъ прямолинейный Аракчеевъ ни одной минуты не довѣрялъ Лепиху, за что на всѣ возраженія по сему предмету Александру I достаивался непрерывнаго лаконическаго отвѣта: «Ты глупъ». Что касается пылкаго Ростопчина, то онъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ возится съ Лепихомъ, какъ съ писанной торбой, и, не входя въ разсмотрѣніе психологическаго момента, глубоко былъ увѣренъ, что дѣйствительно съ полетомъ Лепиха побѣдоносному шестивю Наполеона будетъ положенъ конецъ и великая армія «двадцати языкъ» погибнетъ отъ дѣйствія разрушительныхъ снарядовъ, бросаемыхъ сверху Лепихомъ.

Ничто не ново подъ луной, и тѣ идеи борьбы, которыя нынѣ съ каждымъ днемъ приближаются къ осуществленію въ качествѣ реальныхъ фактовъ, уже сто лѣтъ тому назадъ бродили въ сознаніи современниковъ и волновали ихъ умы.

О самомъ воздушномъ предпріятіи Лепиха г. Родныхъ сообщаетъ, что оно обошлось казисѣ, не считая лѣса, выдававшагося на устройство помѣщенія, отопленіе, выдѣлку прохладительныхъ чановъ, воронокъ и другихъ предметовъ, около 130 тысячъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ до 55 тысячъ рублей, т. е. въ общемъ около 185 тысячъ рублей. Размѣры летучей машины остались неизвѣстными; только по помѣщенію, устроенному въ Ораниенбаумѣ для сборки

частей малой машины, можно полагать, что лодка воздушного шара была около пятидесяти футовъ длины и двадцати двухъ футовъ ширины.

Г. Родныхъ далъ изображеніе сохранившагося чертежа летучей машины Лепшиха, какъ равно и рисунки конструкціи двухъ воздушныхъ шаровъ, изъ разсмотрѣнія которыхъ можно заключить, что идея управленія воздушнаго корабля была у Лепшиха связана съ представленіемъ о рыбоплаваніи съ помощью плавниковъ и хвоста. Автору брошюры не удалось выяснитъ причину неудачи Лепшиха и установить, заключалась ли ошибка въ основаніи идеи, или лишь только въ ея выполненіи. Касаясь вопроса о встрѣтившихся на пути Лепшиха (онъ же ради конспиративности именовался даже въ официальной перепискѣ «Шмитомъ») техническихъ затрудненійхъ, г. Родныхъ приводитъ здѣсь сообщеніе о томъ Ростопчина. «Когда Шмитъ объяснилъ мнѣ, — писалъ послѣдній, — теорію этого удивительнаго шара, то я ему возразилъ, что тяжесть переломитъ пружины, и я не ошибся, потому что опыты, которые онъ дѣлалъ два раза на маленькихъ шарахъ, ему не удалось; рессоры ломались при первыхъ ударахъ весель. Онъ сваливалъ вину на дурное качество желѣза; я доставалъ ему лучшаго, англійскаго, которое ломалось точно также. Наконецъ, онъ потребовалъ желѣза, изъ котораго дѣлаются математическіе инструменты; скуплены были всѣ такіе инструменты, какіе только можно было найти, и опытъ также былъ неудаченъ».

Заканчивая свою работу, г. Родныхъ справедливо говоритъ: «... исторія съ летучей машиной Лепшиха весьма занимательна и поучительна по тѣмъ даннымъ, которыя рисуютъ картину отношенія къ воздухоплаванію у насъ, въ Россіи, въ двѣнадцатомъ году и, кромѣ того, этотъ историческій рассказъ о Лепшихѣ, приходящая завѣсу на часть событій въ двѣнадцатомъ году, является особымъ дополненіемъ къ общей суммѣ знаній объ Отечественной войны со стороны предпринимаемой небывалой еще воздухоплавательной обороны».

Интересная брошюра г. Родныхъ иллюстрирована чертежами, нѣкоторыми портретами, автографами и, главнымъ образомъ, цѣлымъ рядомъ карикатуръ, посвященныхъ Наполеону, какъ въ связи съ вопросомъ о воздухоплаваніи, такъ и въ связи съ общимъ разгромомъ его арміи и его бѣгствомъ изъ Россіи.

В. В.

А. Е. Заринъ. 1812 годъ. Историческій очеркъ Отечественной войны. Съ 35 портретами и 25 рисунками. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912 г. Стр. 126. Цѣна 40 к.— Его же. Незабвенный годъ. Двѣнадцать рассказовъ о нашествіи Наполеона на Россію въ 1812 году. Съ 130 рисунками и портретами. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912. Стр. 206. Цѣна 75 к.

Въ небольшомъ сравнительно очеркѣ А. Е. Заринъ даетъ обзоръ наиболѣе крупныхъ эпизодовъ Отечественной войны, открывая его рассказомъ о томъ, «Кто былъ Наполеонъ и почему онъ затѣялъ войну съ Россіей». Въ послѣдующихъ главахъ онъ описываетъ вступленіе въ предѣлы Россіи наполеоновской арміи, дѣйствія нашихъ армій, попытки Наполеона вызвать послѣднія на генеральный бой, ополченіе Россіи и пробужденіе всеобщаго народнаго негодо-

ванія, Бородинское сраженіе, пребываніе великой французской арміи въ сердцѣ Россіи и ея позорное отступленіе и бѣгство самого великаго полководца. Безпримѣрная въ исторіи война, предпринятая съ цѣлью «уничтоженія» Россіи и подчиненія ея иноземному игу, окончилась полною побѣдою русскихъ надъ «двадцатью языками», но, какъ справедливо говоритъ авторъ въ предисловіи, «не войска съ генералами, не хитрые военные планы разбили полчища Наполеона и уничтожили его гордыню, а весь народъ, поднявшійся на защиту своего отечества. И царь, и генералы, и солдаты, и пахарь-мужикъ, и баринъ-помѣщикъ—всѣ слились въ одно цѣлое, непобѣдимое-могучее, одушевленное любовью къ Россіи и ненавистью къ кичливому врагу»... Весь этотъ очеркъ, изложенный весьма живымъ и доступнымъ самой широкой публикѣ языкомъ, прочтется всѣми съ большимъ интересомъ.

Еще болѣе живой интересъ вызовутъ отдѣльно изданные «разказы о нашествіи Наполеона на Россію въ 1812 году», составленные по запискамъ и воспоминаніямъ современниковъ; разказы эти: «Федька-звонарь», «Первый партизанъ», «Предатель», «Самъ», «Гусаръ Марусинъ», «Бѣгство изъ плѣна», «Шарикъ», «Прасковья кружевница», «Ужасъ войны», «Набѣгъ», «Мусью Шалтунъ», «Съ коня на балъ». Въ большинствѣ ихъ яркими красками рисуются подвиги нашихъ партизановъ и героевъ изъ простаго народа.

В. Р—въ.

Ефименко, А. Я., проф. «1812 годъ». Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школь. Спб. 1911.

Въ своемъ небольшомъ трудѣ авторъ задался цѣлью простымъ яснымъ языкомъ разказать какъ о самой войнѣ 1812 года, такъ и объ обстоятельствахъ, ей предшествовавшихъ, не выходя изъ рамокъ научно-исторической истины. Съ этой почтенной задачей Ефименко удалось справиться какъ нельзя лучше. Разказывая простымъ, доступнымъ языкомъ о народной войнѣ 1812 года, Ефименко очень искусно базируетъ свой трудъ на историческихъ фактахъ, способныхъ заинтересовать тотъ кругъ читателей, для котораго написана эта книга. Единственнымъ недостаткомъ книги, на нашъ взглядъ, является то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ авторъ, видимо, сильно увлекается въ своемъ стремленіи опростить свой языкъ и сдѣлать его популярнымъ, благодаря чему получается впечатлѣніе какого-то поддѣльванія подъ ту простоту и ясность, которыя нужны автору. Настоящее изданіе, какъ видно изъ предисловія, предназначено только для ознакомленія и въ немъ нѣтъ Рѣпинскихъ иллюстрацій, которыя въ значительной степени должны повысить достоинства этой книги. Но и въ настоящемъ видѣ появленіе этой книгизъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ среди другихъ трудовъ подобнаго рода.

Д. П. Богдановъ.

Альбертъ Вандаля. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. II. Переводъ съ шестого французскаго изданія В. Шиловой. Спб. 1911. Стр. 590. Цѣна 3 руб.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы своевременно отмѣтили появленіе въ русскомъ переводѣ перваго тома этого сочиненія, которое мы считаемъ однимъ изъ лучшихъ произведеній французской исторической литературы по богатству фактическаго матеріала, мастерской его обработкѣ и изяществу изложенія. Теперь появилась слѣдующая часть трехтомнаго сочиненія Вандаля, которая охватываетъ время отъ свиданія въ Эрфуртѣ до начала 1811 года, когда объ имперіи разошлись настолько, что конфликтъ сталъ неизбежнымъ. Бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой и избраніе его недруга маршала Бернадотта на шведскій престолъ—вотъ важнѣйшіе внѣшніе факты этого періода. Скрытый антагонизмъ, взаимная подозрительность, стремленіе перехитрить другъ друга—вотъ внутреннее содержаніе взаимныхъ отношеній между Франціей и Россіей за эти годы. Между Александромъ и Наполеономъ стояла Польша: одинъ требовалъ торжественнаго обѣщанія, что Варшавское герцогство никогда не будетъ восстановлено въ предѣлахъ прежней Польши, другой только увѣрялъ, что если Польша и будетъ восстановлена, то не его руками, а втайнѣ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на естественныхъ союзниковъ Франціи. Польша и поляки—вотъ стержень, на которомъ вращались всѣ дипломатическія ухищренія обѣихъ сторонъ, съ такой ясностью и съ такимъ чувствомъ мѣры изложенныя въ книгѣ Вандаля.

Русскій переводъ труда недавно скончавшагося академика сдѣланъ очень точно и вполне литературно. Можно лишь отмѣтить легкіе галлицизмы въ родѣ: «Я не знаю, какой»—вмѣсто «какой-го», но въ общемъ они не нарушаютъ смысла и не бросаются въ глаза.

А. В.

1812 годъ въ басняхъ Крылова. Силуэты Егора Нарбутъ. Съ приложеніемъ вступительной статьи и примѣчаній Н. О. Лернера. Изданіе общины св. Евгенія. Спб. 1912. Стр. 37. Ц. 2 р.

Очень изящнымъ, полезнымъ и интереснымъ изданіемъ отмѣчаетъ просвѣщенная община св. Евгенія наступившую годовщину Отечественнѣйшей войны. Назначеніе изданія показать, какъ въ басняхъ Крылова отразились событія 1812 г. и какъ на нихъ реагировалъ нашъ великій баснописецъ. Знатокъ русской литературы, «пушкинианецъ», сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» Н. О. Лернеръ въ своемъ предисловіи къ этому выдающемуся по своему изяществу изданію, давъ предварительное понятіе о значеніи басни вообще, поскольку она является отраженіемъ отрицательной человѣческой психики «подъ знаменемъ вѣчности», и отмѣтивъ, какъ явленія современности отражались въ басняхъ Крылова, го орить: «Неповоротливый и вялый съ виду, но чуткій духомъ Крыловъ, какъ гражданинъ и патріотъ, оцѣнилъ грозное значеніе нашествія иноплемениковъ на Россію, и въ написанныхъ имъ въ 1812 г. басняхъ заключаются

отклики на событія мрачной години... Спокойно, без раздраженія, поэт смѣлся и надъ безразсудной заносчивостью враговъ, и надъ ошибками своихъ и поддерживалъ въ русскомъ обществѣ спасительную бодрость. Крыловъ не только смотрѣлъ на Наполеона, какъ на дерзкаго авантюриста, волка въ образѣ чело-вѣческомъ, но въ самомъ національномъ характерѣ французовъ, въ направленіи ихъ историческихъ судебъ видѣлъ великую опасность для остального чело-вѣчества и особенно для Россіи. Консерваторъ по убѣжденіямъ, сама невозмутимость, сама степенность по темпераменту, Крыловъ ненавидѣлъ революціон-ный духъ, представителями котораго являлись въ его глазахъ французы. Гувернера-француза онъ сравнилъ съ ядовитой змѣей, которая просится къ крестьянину въ домъ нянчить дѣтей («Крестьянинъ и Змѣя»), и, конечно, о французахъ думалъ онъ, когда говорилъ о безпачетливомъ порядкѣ, руководи-момъ мнимыми мудрецами («Безбожники»). «Мало могу сказать добраго о фран-цузахъ», писалъ онъ однажды («Почта духовъ») и въ комедіи «Модная лавка» представилъ француза отъявленнымъ негодяемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кры-ловъ долженъ былъ желать родной странѣ побѣды надъ этимъ народомъ, не только какъ надъ ея прямымъ врагомъ, но и какъ надъ посетелемъ вредныхъ, глупыхъ идей.

«Кромѣ посвященныхъ двѣнадцатому году, тѣсно связанныхъ съ нимъ че-тырехъ басенъ, нѣкоторые слѣды этой эпохи видны и въ другихъ басняхъ Кры-лова. По мнѣнію одного комментатора, быть можетъ, не совсѣмъ безоснователь-ному, басня «Котъ и Поваръ» выражаетъ убѣжденіе патріотовъ въ необходи-мости болѣе крутыхъ мѣръ сперва по отношенію къ Наполеону, съ которымъ деликатничали до самаго его вторженія, а потомъ по отношенію къ малосо-собнымъ генераламъ, ведшимъ къ гибели армию и страну. Въ «Раздѣлѣ», какъ предполагаютъ, Крыловъ казнить жадныхъ и себялюбивыхъ дѣльцовъ, кото-рыхъ даже національное бѣдствіе не могло заставить забыть мелкіе расчеты и эгоистическіе, подчасъ преступные, планы. Война многихъ обездолила; на помощь несчастнымъ поспѣшила общественная благотворительность, а къ ней, какъ водится, присосались люди, обратившіе ее въ бездоходную, хотя и не безгрѣшную профессію; они-то и напомнили Крылову «Добрую Лисицу». Быть можетъ, «Собачья дружба» написана подъ впечатлѣніемъ Вѣнскаго конгресса, когда союзныя державы забыли и «совѣтъ и ладъ», и въ воздухѣ запахло новой войною, уже между тѣми, которыхъ такъ недавно объединяла общія опасность. «Часто чело-вѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ»... «Съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ снявши шкуру съ нихъ долой!»... «Кто за ремесло чужое братьяся любитъ, тотъ всегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй»... «Все кажется въ другомъ ошибкой намъ, а примешься за дѣло самъ, такъ напроказишь вдвое хуже...» Такова практическая мораль ближайшимъ образомъ связанныхъ съ двѣнадца-тымъ годомъ басенъ Крылова. Но этою общежитейскою мудростью не исчер-пывается ихъ значеніе для насъ. Мы слышимъ въ нихъ голосъ художника-патрі-ота, ободряющаго свой народъ въ ту тревожную годину, славную память кото-рой празднуемъ теперь».

Такова общественная позиція Крылова, нарисованная Н. Лернеромъ на фонѣ двѣнадцатаго года. Въ своихъ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ къ четыремъ

напечатаннымъ въ текстѣ баснямъ: «Волкъ на псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и Курица», «Щука и Котъ», онъ тонко и съ большимъ знаніемъ дѣла отмѣчаетъ, какъ Крыловъ откликался на тогдашнія событія, какъ онъ освѣщалъ поведение Наполеона и Кутузова, какъ онъ судилъ современниковъ и какъ онъ воплощалъ въ своемъ творчествѣ русскую душу, возмущенную вторженіемъ непріятеля. Примѣчанія г. Лернера основаны на многихъ литературныхъ источникахъ, показывающихъ его близкое знакомство съ трактуемой элохой. Можно порадоваться, что издательство общины св. Евгеніи въ данномъ случаѣ обратилось къ такому свѣдущему комментатору.

Текстъ басенъ Крылова снабженъ интересными виньетками и иллюстрированъ прекрасно и художественно сдѣланными г. Нарбутомъ силуэтами, свидѣтельствующими, что въ его лицѣ мы имѣемъ настоящаго художника, умѣющаго въ рельефныхъ контурахъ мѣтко схватывать изображаемый предметъ.

Приобрѣтеніе настоящаго изданія общины св. Евгеніи читателями не заставитъ ихъ раскаиваться. Они за дорогую плату получаютъ для своихъ кабинетовъ и гостиныхъ образецъ настоящаго искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ откликнутся на добрыя цѣли, которыя преслѣдуетъ въ своей общественной дѣятельности почтенная община. Преслѣдуя цѣль благотворенія, эта община, несомнѣнно, энергично работаетъ и на пользу культурнаго развитія Россіи, развитія ея художественнаго вкуса и ознакомленія ея съ историческимъ прошлымъ родной земли. Немногія наши общественныя учрежденія заслуживаютъ такой похвалы, ибо въ большинствѣ случаевъ въ ихъ издательской дѣятельности сказываются лавочные прѣмы, рассчитанные на невѣжество и низменное чувство потребителей. Община св. Евгеніи въ этомъ отношеніи свѣтлое исключеніе. Выступая въ нынѣшніе знаменательные дни съ отмѣченнымъ въ настоящей замѣткѣ изданіемъ, она приноситъ на историческій алтарь отечества прекрасный патріотическій даръ, за которой современники должны ей сказать горячее спасибо.

Г.

Н. Н. Трубицынъ. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Спб. 1912. Стр. XV + 593. Ц. 2 р. 50 к.

Трудъ Н. Н. Трубицына по своимъ цѣлямъ и интересамъ близко соприкасается съ работами профессора И. И. Замотина, касающимися развитія романтизма и народности въ русской литературѣ XVIII и начала XIX вѣковъ. Но Н. Н. Трубицынъ старался представить вопросъ о народности детальнѣе и глубже своего предшественника, выйдя за предѣлы исключительно литературныхъ образовъ въ самый бытъ общества. Плодомъ этого явилось большое накопленіе фактовъ, являющееся въ одно и то же время и сильною, и слабою сторонами работы Н. Н. Трубицына. Сила матеріала, безспорно, на сторонѣ автора, но выводы, которые онъ изъ него дѣлаетъ, грѣшатъ увлеченіемъ: численность фактовъ наталкиваетъ Н. Н. Трубицына на такія обобщенія, съ которыми никакъ нельзя согласиться.

Основнымъ положеніемъ изслѣдователя является мысль объ отсутствіи той пропасти между верхами и низами русскаго народа, на которую такъ настоя-

чиво всегда указывали славянофилы, и которую К. Аксаков воплотил въ окрикъ какого-то хожалаго: «Публика впередь, народъ назадь». Въ противность этому, Н. Н. Трубецкой признаетъ «связь верховъ съ народомъ, его бытомъ во многихъ отношеніяхъ, съ поэзіей въ XVIII вѣкѣ отнюдь не прерванной» (11 стр.). Въ доказательство приводится и то, что вельможи при Екатеринѣ II устраивали катанья на лодкахъ по Невѣ съ пѣсельниками, и то, что дочь Е. Р. Дашковой танцевала на балу цыганскую пляску, и то, что баре посѣщали народныя гулянья на Крестовскомъ островѣ. Авторъ упоминаетъ даже «широкое меценатство» графа Строганова, шумные праздники П. И. Юшкова, вводившіе въ искушеніе обитательницъ Новодѣвичьяго монастыря, и «бѣшенныя выходки грознаго генерала Измайлова, этого живого Троекурова», то есть такіе факты, которые никакого отношенія къ народности не имѣютъ, и изъ всего этого выводить заключеніе, что «власть инстинкта народности была велика» (24). Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ этимъ. Минувшіе факты, какъ не идущіе къ дѣлу, мы отрицаемъ значеніе и тѣхъ «выявленій» (любимѣйшее слово автора!) народности, которыя даютъ почву для его выводовъ, какъ интересъ къ пѣснѣ, пляскѣ и проч. Это совсѣмъ не инстинктъ народности, а извѣстная стилизація жизни подъ народность. Ни кэкъ-уокъ, не сходящій съ подмостковъ веселой сцены, ни распѣвавшаяся недавно тамъ же еврейская пѣсенка «Ой, хаве» не говорятъ ни о сочувствіи и связи посѣтителей Паласъ-театра ни съ чернокожими, ни съ евреями. Среди фарфоровыхъ бездѣлушекъ такъ много статуэтокъ трубочистовъ, нищихъ, калѣкъ, деревенскихъ парней и дѣвокъ, но неужели все это свидѣтельствуетъ о какой-либо связи съ «малыми сими» богатыхъ потребителей этихъ бездѣлушекъ? Соціально-психологическія отношенія «выявляются» не въ пѣсенкахъ и пляскахъ подъ веселую руку, а въ томъ комплексѣ соціальныхъ интересовъ и понятій, который даже въ большинствѣ случаевъ не сознается представителями того или иного класса общества. Л. Н. Толстой такъ хорошо изобразилъ это въ сценѣ, когда княжна Марія Болконская убѣждаетъ своихъ крестьянъ брать барскій хлѣбъ и уѣзжать изъ деревни спасаться отъ французовъ, а тѣ наотрѣзъ отказываются. И княжна не могла понять крестьянъ,—у нея были иные соціальныя понятія, чѣмъ у ея крестьянъ. Въ увлеченіяхъ, при томъ весьма относительныхъ, русскою народною пѣсней въ XVIII и началѣ XIX вѣкѣ надо видѣть иную психологію, чѣмъ инстинктъ народности. В. Т. Нарѣжнѣй, котораго, ксати сказать, авторъ обошелъ вниманіемъ въ своемъ трудѣ, изображая сельскую сценку около мельницы, называетъ ее «забавною». Въ этомъ вся суть интереса къ пѣснѣ, къ пляскѣ и проч. въ XVIII и началѣ XIX вѣковъ. Забавна русская пѣсня, забавны и картины Теньера, изображающія пьяныхъ голландцевъ,—глубже этого психологія общества не идетъ.

Въ другихъ случаяхъ, однако, на основѣ тѣхъ же данныхъ авторъ смотритъ на дѣло правильнѣе. Разсматривая положеніе народной пѣсни въ обиходѣ первой трети XIX вѣка, онъ замѣчаетъ, что «опредѣленно сознательнаго тяготѣнія къ пѣснѣ у публики, конечно, не было, и она держалась здѣсь либо установившимся традиціей навикомъ, либо той или другой своей мелодіей» (49). Мы ограничиваемъ въ данномъ случаѣ инстинктъ народности еще тѣмъ,

что слова пѣсни не имѣли здѣсь почти никакого значенія, а исключительно мелодія, которая часто была аранжирована такими «русскими», какъ Рупини, Вильбоа, Дюбюкъ, Кавось, Майеръ, Герстенбергъ, Гертумъ и т. д. Что же касается XVIII столѣтія, то партитуры такъ называемыхъ комическихъ опереттъ, гдѣ на каждомъ шагѣ встрѣчались народныя пѣсни (напримѣръ, у Екатерины II, Аблесимова и проч.), всегда были итальянскія, какъ и самая оперетта была результатомъ вліянія итальянскаго придворнаго театра. Даже большое количество пѣсенниковъ въ началѣ XIX столѣтія не означаетъ «возможности восчувствовать и понимать народъ» (24). Самыя зазывающія заглавія этихъ пѣсенниковъ опредѣленно указываютъ на тотъ классъ читателей, которыхъ Бѣлинскій характеризуетъ по костюму, представляющему «что-то среднее между купеческимъ длиннополымъ сюртукомъ и фризовой шинелью», для которыхъ писалъ свои романы прославленный Пушкинымъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ.

Подчиненное положеніе автора по отношенію къ собраннѣмъ имъ фактамъ привело также къ тому, что его работа превратилась въ концѣ концовъ въ библиографическую, читаемую съ трудомъ. Мы видимъ много заглавій, но образовъ, идей, настроеній, формъ не видимъ. На выписки, на цитаты Н. Н. Трубицынъ крайне скупъ, и такимъ образомъ его трудъ теряетъ самодовлѣющее научное значеніе, нисходя на степень служебнаго библиографическаго сочиненія.

Погоня за библиографической полнотой приводитъ иногда изслѣдователя къ ошибочнымъ указаніямъ. Такъ, говоря, что «кое-что по малорусской поэзіи имѣется и въ журналахъ второй половины XVIII вѣка», авторъ называетъ статьи въ «Живописцѣ» Новикова 1773 года, «Украинскія вѣдомости» и «Знатной украинской дѣвицѣ». Но всѣ эти статьи—сатирическія, высмѣивающія щегольское нарѣчіе пегиметровъ, любовную вольность, непостоянство въ выборѣ жениховъ, и все украинское въ нихъ ограничивается указаніемъ на малорусскіе города: Полтаву, Голтву и Харьковъ. Точно также совершенно напрасно въ область малорусской поэзіи попала поддѣлка великорусской колядки И. И. Срезневскаго: «За рѣкою за быстрою, ой колѣдка» (104 стр.). Это обнаруживаетъ нѣкоторую спѣшность работы, отражающуюся и въ языкѣ. Трудно, напримѣръ, разобрать въ такой фразѣ: «Вліяніе литературы рационалистическаго основанія, то есть европейскаго, такъ называемаго ложнаго, классицизма, на нашу литературу было большимъ, чѣмъ сколько оно пришлось бы полезнымъ» (136 стр.).

Но указывая замѣченные недостатки труда Н. Н. Трубицына, мы далеки отъ мысли отрицать его большое значеніе для историковъ литературы. Всякій интересующійся народностью въ нашей словесности найдетъ въ немъ богатый матеріалъ, нѣсколько путеводныхъ нитей для своихъ экскурсовъ въ область народности. Широта литературнаго захвата въ книгѣ Н. Н. Трубицына такова, что на его трудъ нельзя будетъ не ссылаться при изученіи народности въ литературѣ XVIII и начала XIX вѣка.

В. Даниловъ.

**Собраніе сочиненій въ стихахъ Елизаветы Шаховой. Спб. 1912. Стр. 664.
Цѣна 3 рубля.**

Поэтесса Елизавета Никитична Шахова родилась въ Петербургѣ 30-го марта 1822 года. Она выступила въ литературу со стихами, когда ей не было еще пятнадцати лѣтъ. Академія наукъ присудила ей золотую медаль, и критика предсказывала ей славную будущность, хотя эти похвалы совпали съ похвалами «Мечтамъ и звукамъ» Некрасова, которыхъ тотъ впоследствии стыдился.

Муза госпожи Шаховой была исполнена набожности и лирически-патріотическихъ чувствъ, но ея молодые годы подавали надежды на то, что дарованіе поэтессы отъ собственныхъ чувствованій и мелкихъ обстоятельствъ личной жизни со временемъ перейдетъ къ образамъ высокихъ думъ и чувствъ. Однако, блестяще начавши свое литературное поприще, молодая писательница вдругъ бросила свѣтъ и въ 1845 году удалилась въ Спасо-Бородинскій монастырь въ Москвѣ. Напрасно уговаривали ее отказаться отъ мысли постричься въ монахини; она твердо рѣшила посвятить свою жизнь Богу. Въ 1863 г. съ благословенія занимавшагося съ Елизаветой Никитичной благочиннаго Игнатія Брянчанинова, состоялось ея постриженіе, съ именемъ Маріи. Черезъ пять лѣтъ она была переведена въ Вильну на мѣсто наставницы виленскаго Маріинскаго монастыря. Быстро усвоивъ польскій языкъ, она сдѣлала здѣсь много переводовъ, учила дѣтей поляковъ русскому языку. По указу императрицы Маріи Александровны, она переѣхала въ Петербургъ, занявъ мѣсто начальницы Покровской общины сестеръ милосердія, но пребываніе въ шумномъ свѣтѣ тяготило ее, и вскорѣ она опять удалилась въ Старо-Ладожскій Успенскій монастырь, гдѣ поселилась въ собственномъ построенномъ ею домѣ и незадолго до смерти приняла схиму. Въ послѣдній годъ своей жизни она потеряла зрѣніе. Скончалась Шахова 5-го іюля 1899 года и погребена въ Старо-Ладожскомъ Успенскомъ монастырѣ.

Недавно наследниками ея изданы ея сочиненія, представляющія собою обширный томъ стиховъ, помѣщенныхъ ею ранѣе въ повременныхъ изданіяхъ «Россія», «Варшавскій Дневникъ», «Современникъ», «Сѣверная Пчела», «Библиотека для чтенія», «Сыгъ Отечества», «Одесскій Альманахъ», «Странникъ» и т. д.

Въ общей характеристикѣ о произведеніяхъ Шаховой слѣдуетъ отмѣтить то, что въ нихъ при удовлетворительной для современныхъ требованій техникѣ есть и глубина чувства, но, къ сожалѣнію, растянutosть охлаждаетъ читателя. Время, въ которое по преимуществу развивалась поэтесса, оставило глубокій слѣдъ на ея талантѣ. Въ ея поэтическихъ образахъ перѣдко попадаются устарѣлыя обороты языка, мысли о маленькихъ житейскихъ дѣлахъ, сожалѣнія о тщетѣ земной жизни и прелестяхъ загробнаго существованія, о цѣлебности вѣры въ Божій промыселъ, особенно, если сравнить себя съ «Бабочкой», случайно засушенной и похороненной въ листахъ книги и т. д. Множество встрѣчается также рѣчистой прозы—то друзьямъ, то матери, то «пріятельницѣ-мечтательницѣ» и т. п. По памяти, а не по вдохновенію, воспѣты ею «Ладожскіе рисунки», съ весенней распутицей, съ требами, съ крестными ходами, ледоходомъ и пр... Зато прекрасно переложень въ стихи весь насхальный канонъ. Интересна

«Аскетическая поэма» и «Иерусалимскіе евреи». Послѣдніе въ драматической формѣ. Обращаетъ на себя вниманіе и обиліе религиозныхъ гимновъ: «Гимнъ покаянія», «На день Вознесенія Господня», «Видѣніе добраго пастыря», «Сестрѣ-Пустынницѣ», «Паденіе Адама», гимны всевозможнымъ монастырямъ съ указа-ніями на то, что блаженство вѣдать на землѣ нельзя и что оно достояніе только неба. Все это перемежано съ описаніемъ красотъ природы, дружбы, любви невинныхъ дѣвъ и общаній умереть вмѣстѣ и быть похороненными въ одной могилѣ.

Такая муза въ наше время значительно устарѣла, какимъ бы литературнымъ дарованіемъ и чистотою помысловъ она ни блистала. Но, какъ рѣдкое явленіе въ русской литературѣ, съ очень оригинальной біографіей, Елизавета Шахова заслуживаетъ быть отмѣченной такъ же, какъ и ея произведенія, весьма характерныя для женскаго типа сороковыхъ годовъ.

А. Фаресовъ.

М. Г. Веселкова-Кильштетъ. Колычевская вотчина. Романъ въ двухъ частяхъ.
Спб. 1912. Стр. 632. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Настоящій романъ, вышедшій нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ, предварительно (въ 1911 г.) былъ напечатанъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а потому знакомить съ его содержаніемъ нашихъ читателей мы не будемъ. Здѣсь представлена эволюція дворянской усадьбы, сначала жившей въ заколдованномъ поэтическомъ снѣ, засимъ, въ связи съ наступившими политическими событіями въ Россіи (польское возстаніе 1863 года и революціонное броженіе конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ), ставшей ареной нѣкоторыхъ явленій изъ эпохи тѣхъ смутныхъ дней. Типы поляковъ-повстанцевъ очерчены авторомъ особенно рельефно, и, видимо, писательница имѣла въ жизни возможность ихъ наблюдать. Менѣе жизненны ея типы революціонеровъ, но зато очень хорошо ею изображена обстановка и то бытовое полотно, на которомъ они выступаютъ. Трагедія 1-го марта 1881 года отозвалась на настроеніи населенія, соприкасающагося съ вотчиной, и это настроеніе нашло живое воспроизведеніе на страницахъ романа. Симпатіи г-жи Кильштетъ отданы, конечно, не тѣмъ, кто такъ или иначе посягалъ на благополучіе и цѣлостность русской государственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ чуть художницы спасло ее отъ тенденціознаго шовинизма, и противники этой государственности (и поляки-повстанцы, и революціонеры-бомбисты) обрисованы ею совершенно объективно, какъ обыкновенные люди, безъ какихъ-либо чертъ и искусственнаго драматическаго звѣрства, но лишь какъ поглощенные опредѣленнымъ политическимъ исповѣданіемъ, въ которое они фанатически вѣрятъ и которому послѣдовательно служатъ.

Читатели, вѣроятно, обратили вниманіе, что въ повѣствованіи нашей романистки включены нѣкоторые эпизоды и типы, которые къ концу романа куда-то исчезаютъ и точно проваливаются въ неизвѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эти эпизоды и эти типы были ею тщательно подчеркнуты. Объясняется это тѣмъ, что, въ сущности, произведеніе «Колычевская вотчина» еще ждетъ своего конца, гдѣ нѣкоторые наши старые знакомые воскреснутъ и предстанутъ

передъ нами при новыхъ обстоятельствахъ отечественной жизни. И Евграфъ, сдѣлавшійся мѣстнымъ кулакомъ и заводчикомъ, и остатки рода Колычевыхъ должны встрѣтиться и прійти въ соприкосновеніе. Очевидно, вотчингъ еще предстоитъ выдержать новый эволюціонный періодъ, гдѣ новыя птицы запоютъ и новыя пѣсни. Считаемо долгомъ довести до свѣдѣнія читателей, что и этотъ новый эволюціонный періодъ, и эти новыя пѣсни они увидятъ и услышатъ въ слѣдующемъ 1913 г., когда на страницахъ «Историческаго Вѣстника» появится послѣдняя часть «Колычевской вотчины» въ видѣ самостоятельнаго романа, подъ заглавіемъ «Евграфовой слободки», выросшей на землѣ Колычевыхъ и являющейся и по складу своей жизни, и по цѣлямъ, преслѣдуемымъ ея владѣльцемъ, своего рода антитезою дворянскому землевладѣльческому укладу. Демократизировавшееся дворянство и обшнтелигентившееся былое крестьянство становятся лицомъ къ лицу, открывая тѣмъ новый періодъ въ жизни нашего отечества.

Такимъ образомъ, когда будетъ напечатанъ романъ «Евграфова слободка», русская читающая публика получитъ въ свое распоряженіе обширную хронику изъ жизни русскаго дворянства, гдѣ всѣ части и эпизоды найдутъ свое полное освѣщеніе и дадутъ возможность судить объ эволюціи въ жизни помѣстнаго дворянскаго сословія за цѣлое полустолѣтіе. Это будетъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы и полезнымъ чтеніемъ для подрастающихъ поколѣній, которыя на основаніи талантливаго изслѣдованія писательницы получаютъ возможность ознакомиться съ бытовою исторіею опредѣленнаго уголка Россіи.

—ій.

И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1912. Стр. XIV+235. Цѣна 1 рубль.

Третье изданіе извѣстнаго руководства по наборно-типографскому дѣлу И. О. Богданова очень выгодно отличается отъ двухъ предыдущихъ. Почти вдвое увеличено число рисунковъ, прибавлены многочисленныя таблицы съ примѣрами всевозможныхъ наборовъ, увеличено количество образцовъ различныхъ шрифтовъ, занимающее въ новомъ изданіи цѣлыхъ 8 страницъ; очень разумныя перемѣны сдѣланы въ самомъ расположеніи матеріала.

Курсъ начинается краткимъ очеркомъ о возникновеніи книгопечатанія, гдѣ авторъ на какихъ-нибудь 15 страницахъ сумѣлъ дать опредѣленныя свѣденія о письмѣ древнихъ, объ изобрѣтеніи І. Гутенберга и его судьбѣ, о дальнѣйшемъ развитіи и усовершенствованіи этого изобрѣтенія, о распространеніи книгопечатанія въ Россіи и объ основаніи у насъ императоромъ Петромъ Великимъ первой газеты—«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ самомъ курсѣ введены разнообразныя многочисленныя поправки, свидѣтельствующія о внимательномъ и вдумчивомъ отношеніи автора къ новому изданію своего труда; такія поправки по сравненію со вторымъ изданіемъ замѣчены нами на страницахъ 21, 32 и предыдущихъ, 35 (чертежъ «русской кассы»), 40, 73, 74, 80 и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ «Приложеніяхъ» авторомъ излагаются краткія

свѣдѣнія о томъ, какъ приготовляются и отливаются литеры (буквы), какъ набранныя литеры оттискиваются и печатаются при помощи печатныхъ машинъ, какъ приготовляются для печати и печатаются рисунки посредствомъ различныхъ способовъ и дается понятіе о гальванопластикѣ, фотографіи, фототипіи, цинкографіи, литографіи, ксилографіи, гравюрѣ, офортѣ и т. п.; затѣмъ рѣчь идетъ о печатныхъ станкахъ и машинахъ и, наконецъ, о послѣднемъ словѣ наборно-типографской техники—о наборныхъ машинахъ, въ настоящее время мало-по-малу вытѣсняющихъ медленный ручной наборъ.

Книга г. И. Богданова является цѣннымъ вкладомъ въ литературу по наборно-типографской специальности, область которой имѣетъ еще такъ мало подобныхъ трудовъ. Эта книга—цѣлая маленькая энциклопедія, гдѣ каждый, имѣющій какое-либо соприкосновеніе съ данной специальностью, быстро найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Особенно цѣннымъ въ этомъ отношеніи нужно признать отдѣлъ, посвященный корректурѣ.

Съ внѣшней стороны изданіе очень изящно, богато иллюстрировано и снабжено алфавитнымъ указателемъ типографскихъ предметовъ и терминовъ, встречающихся въ «Курсѣ».

Учеными комитетами: министерствъ народнаго просвѣщенія и торговли и промышленности книга г. И. Богданова допущена «въ качествѣ учебнаго пособія въ промышленныя и профессиональныя учебныя заведенія, въ курсы коихъ входитъ изученіе печатнаго дѣла».

М—о.

Новый энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Томы I + VII. Спб. 1910—1912.

До 1890 г., когда появился въ печати первый томъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона, мы довольствовались тремя энциклопедическими лексиконами или справочниками: двѣнадцатитомнымъ словаремъ А. В. Старчевскаго (изд. Крайя), вышедшимъ въ концѣ 1840 и въ началѣ 1850 годовъ, двѣнадцатитомнымъ словаремъ И. Н. Березина, изданнымъ въ 1870 годахъ, и двухтомнымъ «Настольнымъ словаремъ Толля», который, строго говоря, былъ пригоденъ для справокъ болѣе другихъ. Естественно, что нужда въ большой и новой энциклопедіи была кричащая, но откликъ на нее былъ данъ лишь въ 1890 году издательской фирмой Брокгаузъ-Ефронъ. Весьма удачно былъ приглашенъ ими въ редакторы И. Е. Андреевскій, три года передъ тѣмъ покинувшій ректорство и университетъ и оставившійся лишь директоромъ археологическаго института и профессоромъ училища правовѣдѣнія. Его чисто энциклопедическая научная эрудиція, рѣдкое умѣнье собирать сотрудниковъ и уживаться съ ними, его высокій критическій тактъ и необычайная работоспособность—все это въ полтора года сдѣлало то, что «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона сталъ на твердую почву и быстро завоевалъ широкое распространеніе.

Правда, на первыхъ порахъ,—мы это отлично помнимъ,—И. Е. Андреевскій былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Ему пришлось редактиро-

вать уже сверстанные листы первых двух полутомов. Издатели и онъ самъ полагали, что все изданіе займетъ не болѣе тридцати шести книгъ: восемнадцать переводныхъ томовъ нѣмецкаго словаря Брокгауза на всеобщую энциклопедію и восемнадцать вновь составленныхъ на русскую. При началѣ же работы оказалось, что руководиться спискомъ словъ въ прежнихъ словаряхъ не представляется никакой возможности: необходимо было совокупными силами многихъ специалистовъ составить новый списокъ словъ, имѣющихъ войти въ словарь; и И. Е. Андреевскій, успѣвшій уже ввести новый обычай подписывать статьи и сообщать списокъ сотрудниковъ, готовился приступить и къ составленію списка словъ и къ избранію редакторовъ отдѣловъ, но отъ крупознаго воспаления легкихъ, менѣе чѣмъ въ недѣлю, энергичнѣйшаго и ученѣйшаго редактора, еще полнаго силъ, не стало... Осталась лишь его мысль, и е-то широко осуществили издатели новою организациею редакціи. При двухъ главныхъ редакторахъ—К. К. Арсеньевъ и Ф. Ф. Петрушевскомъ—редакторы отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ быстро собрали около себя цѣлую плеяду сотрудниковъ изъ профессоровъ петербургскаго, московскаго и нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетовъ, писателей и ученыхъ специалистовъ. Довольно аккуратно, чрезъ два мѣсяца на третій стали появляться компактные и изящно изданные «полутомы» въ тридцать печатныхъ листовъ. Но и тогда очень долгое время не могли опредѣлить болѣе или менѣе точнаго номера послѣдняго полутома. Прошло двадцать четыре года со времени появленія въ печати перваго полутома «Энциклопедическаго Словаря» и только тогда показался въ свѣтъ послѣдній, восемьдесятъ второй полутомъ съ портретами редакторовъ, издателей и большинства сотрудниковъ. Но прошло еще года-два, и издатели печатають четыре новыхъ дополнительныхъ полутома.

По своей громадности эта энциклопедія не имѣетъ себѣ близнеца ни въ одномъ европейскомъ словарѣ. Благодаря точности и новизнѣ своихъ свѣдѣній, она стала необходимымъ и вполне надежнымъ пособіемъ какъ для специалистовъ и писателей, такъ и для всякаго зауряднаго обывателя, нищаго знаний. Мало того, успѣхъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона возбудилъ соревнованіе и у другихъ издателей. Появились, пользуясь проторенной дорогой, словарь Граната въ Москвѣ и «Вольшая Энциклопедія» въ Петербургѣ, и хотя достигли благополучнаго окончанія, но конкурировать съ нимъ не могли и не могутъ по многимъ причинамъ. Не довольствуясь изданіемъ большого восьмидесятшеститомнаго словаря, издатели выпустили въ свѣтъ, въ двухъ изданіяхъ, малый энциклопедическій словарь, далеко превосходящій «Словарь Граната», а года полтора тому назадъ приступили къ выпуску «Новаго Энциклопедическаго Словаря».

Совершенно справедливо говорятъ издатели въ предисловіи къ первому тому этого словаря, что «первое десятилѣтіе XX вѣка ознаменовалось величайшими открытіями во многихъ областяхъ человѣческаго знанія и крупными переломами въ политической жизни народовъ»... и что въ это время особенно сильно проявилась во всѣхъ слояхъ нашего народа «страстная жажда самообразованія и стремленіе къ прикладному, практическому знанію», по рѣшителю пойти навстрѣчу хотя и назрѣвшей общественной потребности съ новымъ большимъ

справочникомъ «по всеѣмъ отраслямъ теоретическаго и практическаго знанія», и всего черезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ послѣдняго полутома «Энциклопедическаго словаря»,—врядъ ли бы кто дерзнулъ... Мы знаемъ, что и старые сотрудники, услышавъ о намѣреніи издателей приступить къ составленію «Новаго Энциклопедическаго Словаря», покачивали головою. Но успѣхъ уже издавшихся первыхъ семи томовъ его разсѣиваетъ всякія сомнѣнія. (Кстати сказать, седьмой томъ заканчивается статьею «Врачное право»).

Главный редакторъ «Новаго Энциклопедическаго словаря»—попрежнему К. К. Арсеньевъ; редакторы отдѣловъ: 1) политическія и юридическія науки—М. М. Ковалевскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, В. М. Нечаевъ, М. Я. Пергаментъ; 2) экономическія науки—А. А. Машуиловъ, и А. С. Посниковъ; 3) историческія науки—И. М. Гревсъ, М. А. Дьяконовъ, Ф. Ф. Зѣлинскій, Н. И. Карѣевъ, С. В. Рождественскій и М. П. Ростовцевъ; 4) исторія литературы—С. А. Венгеровъ; 5) богословіе и исторія церкви—И. Д. Андреевъ; 6) философія—Э. Л. Радловъ; 7) изящныя искусства—С. А. Жебелевъ; 8) географія—Д. И. Рихтеръ; 9) точныя и прикладныя науки—В. Т. Шевяковъ; 10) технологія и фабрично-заводская промышленность—В. П. Литвиновъ-Фалинскій и 11) военныя науки—С. А. Цабель и, кромѣ того, шестнадцать редакторовъ подотдѣловъ (по четырнадцать различнымъ научнымъ отраслямъ).

Заключая въ себѣ весь матеріалъ прежняго восьмидесятишеститомнаго словаря въ значительно сокращенномъ видѣ, особенно по естественнымъ наукамъ, которымъ въ прежнемъ изданіи отводилось черезчуръ много мѣста, и всѣ новости послѣднихъ десятилѣтій, «Новый словарь», дѣйствительно, послужитъ прекраснымъ справочникомъ, въ точности и научности свѣдѣній котораго являются хорошими поручителями вышеприведенныя имена редакторовъ отдѣловъ.

Роскошно иллюстрируемый «Новый Энциклопедическій Словарь» имѣетъ и новые портреты: представителей дома Рюрика и Романовыхъ и русскихъ дѣятелей, печатаемые въ алфавитномъ порядкѣ.

Цѣна каждаго тома «Словаря» въ очень хорошемъ переплетѣ—4 рубля. Если принять во вниманіе, что въ тридцати его печатныхъ листахъ 4.150.000 буквъ, а въ издающемся теперь въ Москвѣ новомъ словарѣ «Граната»—1.122.000 буквъ въ томѣ, стоящемъ 3 рубля безъ пересылки, то эта цѣна должна быть признана очень невысокой, а самый словарь, рассчитанный на восемь томовъ болѣе «Гранатовскаго» (40 том.), значительно превосходящимъ послѣдній обиліемъ сообщаемыхъ свѣдѣній. Старый сотрудникъ «Словаря».

**Труды перваго съѣзда врачей Кубанской области. Екатеринодаръ. 1912.
Стр. 350+II.**

Труды съѣздовъ врачей по губерніямъ представляютъ глубочайшій интересъ: почти всѣ главнѣйшіе вопросы врачебно-санитарнаго дѣла въ губерніи земствами передавались на предварительное выясненіе съѣздамъ врачей. Съ другой стороны, научно разработанные на съѣздахъ положенія и проекты настойчиво и бы-

стро проводились въ жизнь органами земскихъ и городскихъ самоуправленій. Такъ развивалась и окрѣпла организація медицинской помощи населенію въ земскихъ губерніяхъ; врачи были ближайшими сотрудниками земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Въ Кубанской области и по настоящее время, къ сожалѣнію, нѣтъ земскихъ учрежденій, и инициативу созыва областного съѣзда врачей на себя приняло мѣстное медицинское общество, которому и удалось, въ концѣ концовъ, осуществить этотъ съѣздъ, состоявшійся въ апрѣлѣ истекшаго года въ гор. Екатеринодарѣ.

Просматривая лежащій передъ нами объемистый томъ «Трудовъ» этого съѣзда, невольно подводимъ итоги его кратковременной, но плодотворной работы, связанной не только съ разрѣшеніемъ чисто профессиональныхъ вопросовъ, но и съ освѣщеніемъ и уясненіемъ мѣстныхъ бытовыхъ условий.

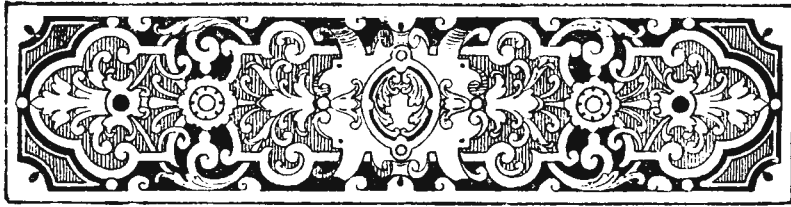
Съѣздъ стремился подчеркнуть тѣ историческіе факторы, при которыхъ складывалась социально-экономическая структура Кубанской области, условия, не развившія въ мѣстномъ населеніи ни самостоятельности, ни инициативы. На съѣздѣ въ силу этого говорилось прежде всего объ общихъ условияхъ возможной для врачей продуктивной дѣятельности, а не о деталяхъ, которыя могли бы носить узко-спеціальныи характеръ.

Большинство изъ прочитанныхъ на съѣздѣ и вошедшихъ въ «Труды» докладовъ констатируетъ въ богатѣйшей по своимъ естественнымъ богатствамъ Кубанской области крайнюю недостаточность общей медицинской помощи населенію, полное отсутствіе научной, планомерной организаціи борьбы съ эпидемическими болѣзнями и ничтожное количество врачей, вынуждающее огромную часть населенія пользоваться услугами фельдшеровъ, знахарей и бабокъ. Считаая, что всестороннее и цѣлостное осуществленіе намѣченныхъ въ докладахъ мѣропріятій возможно только при самомъ широкомъ привлеченіи къ работѣ всего населенія области, съѣздъ высказался за необходимость скорѣйшаго введенія въ Кубанской области земскаго самоуправления и всеобщаго обязательнаго народнаго образованія.

Въ «Трудахъ» помѣщено свыше двадцати докладовъ, значительная часть которыхъ, какъ мы отмѣтили выше, носить не узко-спеціальныи характеръ, а освѣщаетъ спеціальнo-экономическую жизнь края.

Вср. Городецкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ

ВОСПОМИНАНІЯ французовъ о 1812 годѣ.— Столѣтіе похода въ Россію французовъ и разгрома ихъ арміи, наступившее въ настоящемъ году, справляется и во Франціи. Конечно, хотя это печальное воспоминаніе, но для нихъ оно составляетъ своего рода славу по количеству молодыхъ жертвъ, геройски совершившихъ трудный, далекій походъ и нашедшихъ могилу въ сѣняхъ чужой, холодной Россіи. Въ память этихъ героевъ французскіе патріоты рѣшили воздвигнуть памятникъ. Фундаментомъ для него они избрали редутъ Шевардинъ, гдѣ 5-го сентября 1812 года произошла битва, рѣшившая судьбу Наполеона, престижъ котораго, несмотря на все постигшія армію несчастія, все-таки не умеръ съ его поражениемъ.

Это патріотическое увѣковѣченіе памяти героевъ вызвало воспоминаніе о самой битвѣ при Шевардинѣ, и въ «Hebdo Débats» находится объ этомъ статья Терно-Компана. Онъ избралъ темой этотъ моментъ, прологъ большого сраженія, въ которомъ поставлена была на карту судьба похода въ Россію, такъ сказать, императорская судьба.

Наполеонъ узналъ о назначеніи Кутузова, на котораго указала Александру I народная воля. Наполеонъ угадывалъ, что старый генералъ, преемникъ Багратиона и Барклая-де-Толли, былъ бы вынужденъ бросить ихъ тактику и предложить ему сраженіе. Со времени перехода черезъ Шманъ Наполеонъ страстно хотѣлъ этого сраженія, но онъ желалъ бы его не такъ поздно, пока его армія была еще не тронута. Но какъ бы ни уменьшилась его армія, онъ, однако, не сомнѣвался въ своей побѣдѣ. Едва онъ узналъ, что русскія войска

расположены къ наступленію, какъ ускорилъ движеніе. Оставивъ вѣвѣ Колоцкій монастырь, покинутый почти всѣми монахами, спасавшимися отъ вторженія непріятеля, онъ послѣдовалъ вдоль по теченію рѣки Колочи. Вскорѣ онъ очутился предъ обширной площадью, перерѣзанной лѣсами и оврагами, гдѣ дымились сожженные деревни, и которую русскіе принялись укрѣплять. Мюрата, командовавшаго авангардомъ, поддерживала дивизія генерала Компана, одна изъ лучшихъ въ первомъ корпусѣ. Даву, невидившій Мюрата за его манеры и не довѣрившій его военнымъ талантамъ, сначала хотя и съ горечью отказалъ ему въ этомъ. Однако вмѣшательство Наполеона заставило взбѣшеннаго Даву преклониться предъ волей императора.

Отряды перешли Колочу подъ сильнымъ огнемъ егерей Коновницына, командовавшаго арьергардомъ. «Наши войска,—говоритъ Терно-Компанъ,—выбили застрѣльщикова, скрывшихся въ кустарникахъ, и когда въ полдень пріѣхалъ Наполеонъ, мѣстность было очищена. Однимъ взглядомъ онъ окинулъ линіи раскинувшейся предъ нимъ панорамы. Направо продолжалась дорога къ Москвѣ, углублявшаяся въ лѣсъ. По этому направленію долженъ слѣдовать Понятовскій съ его поляками. Налѣво—Колоча, маленькая рѣчка, впадающая въ Москву-рѣчку. По ту сторону идетъ новая Московская дорога, проходившая передъ Бородинымъ и соединявшаяся со старой дорогой. Съ этой стороны приишь Евгений направить свое подкрѣпленіе. Въ центрѣ возвышается редутъ Швардино, господствующій подъ долиной, и который русскіе намѣревались серьезно защитить. Въ этомъ пунктѣ командовалъ князь Горчаковъ. Въ его распоряженіи находилось десять тысячъ человекъ второй арміи, Багратиона, съ шестнадцатью батареями и тридцатью восемью эскадронами. Позади редута, на разстояніи около двухъ верстъ находились стрѣлки Багратиона и разныя укрѣпленія. Наполеонъ считалъ необходимымъ тотчасъ же устранить это первое препятствіе. Онъ призвалъ Мюрата и Компана и отдалъ имъ словесное приказаніе. Операция предстояла трудная, требовавшая хладнокровія и сдержанности. Въ этихъ качествахъ не было недостатка у Компана, и Наполеонъ хорошо это зналъ. Ему была извѣстна репутація генерала, какъ «ловца редутовъ», которые онъ завоевывалъ въ итальянскую кампанію. Къ тому же въ его распоряженіи было четыре избранныхъ полка. Мюрата въ своемъ театральномъ костюмѣ, но великолѣпный по своей отвагѣ, бросился впередъ и очистилъ мѣстность. Компанъ развернулъ справа 57-й полкъ, которымъ командовалъ генералъ Тэтъ и полковникъ Бужъ. Онъ однимъ разомъ болѣе доказалъ, что достоинъ имени «Грознаго», даннаго ему Наполеономъ. 61-й выстроился возлѣ него; слѣва помѣстился 11-е и 25-й, которымъ командовалъ одинъ изъ бригадныхъ начальниковъ Компана генералъ Дюпленъ. Атака редута началась около половины третьяго, но скорѣ она была прервана необходимостью подать помощь первому батальону 57-го, захватившему деревню, что угрожало ему подавляющей силой. Сраженіе состоялось на этомъ пунктѣ; вся дивизія цѣликомъ двинулась впередъ. Противъ самаго редута находилось небольшое возвышеніе, и генералъ Компанъ помѣстилъ на немъ двѣнадцать артиллерійскихъ орудій и самыхъ способныхъ стрѣлковъ изъ своихъ вольтижеровъ, съ порученіемъ уничтожить русскихъ

артиллеристовъ. Мѣстность здѣсь понижалась, чтобы затѣмъ довольно круто подняться до самаго того мѣста, гдѣ помѣщался редутъ.

«По мѣрѣ того, какъ наши войска подвигались, выстрѣлы становились все учащеннѣе и смертоноснѣе,—говорить Терно-Компанъ.— Достигнувъ вершины, наши солдаты, несмотря на всѣ ихъ усилія, не могли болѣе подвигаться. Съ обѣихъ сторонъ обозначались потери. Устойчивость въ атакѣ была одинакова, и наличныя силы, казалось, нейтрализовались. Пальба становилась настолько оглушительной, что офицеры были не въ силахъ заставить солдатъ слышать команду, а между тѣмъ было крайне необходимо положить конецъ такому невыносимому положенію, продолжавшемуся безъ рѣшительнаго результата. Наконецъ генераль Компанъ кончилъ тѣмъ, что заставилъ понять себя. Онъ отдалъ приказъ зарядить картечью четыре орудія, которыя должны быть скрыты атакующей колонной, состоящей изъ двухъ запасныхъ батальоновъ. Приблизившись къ редуту, солдаты должны будутъ разступиться, и четыре орудія разомъ откроютъ огонь. Эффектъ получился убійственный: осаждающіе векакиваютъ на редутъ и штыками оканчиваютъ дѣло. Было около пяти часовъ утра, когда редутъ былъ взятъ французами. Несмотря на то, что русскіе хотѣли его вернуть,—говорить авторъ,—и производили нападеніе, французы его никогда не теряли».

На другой день на разсвѣтѣ Наполеонъ уже былъ на лошади, а между тѣмъ онъ провелъ скверную ночь. У него была лихорадка, и онъ чувствовалъ первые припадки болѣзни, парализовавшей его волю въ день большой битвы. Прежде всего онъ посѣтилъ захваченный наканунѣ редутъ. Последніе выстрѣлы были даны около одиннадцати часовъ вечера, и редутъ былъ переполненъ французскими и русскими трупами, перемѣшавшимися вмѣстѣ. Наполеонъ уже зналъ черезъ Коленкура, каково было жесточенное сопротивленіе. Плѣнниковъ совсѣмъ не было, и это обстоятельство удивило его и обмануло его ожиданія.

Весь день царило спокойствіе—предвѣстникъ бури. Позиція Шевардино была господствующей. Наполеонъ могъ дать съ нея болѣе точный отчетъ объ общей физіономіи страны. Генераль Леженъ, посланный на развѣдки, принесъ ему наброски, которые дополняли наблюденія, сдѣланныя имъ лично на передовой линіи.

Справа русскихъ защищала Колоча, центръ—большой редутъ, а слѣва три флеша Багратіона. Наполеонъ остановился на Шевардинѣ, для битвы въ слѣдующій день. Оттуда онъ видѣлъ факелы, освѣщавшіе крестный ходъ со Смоленской Божьей Матерью, который проходилъ по бивакамъ. «Старикъ Кутузовъ, знавшій русскую душу,—говорить авторъ,—сдѣлалъ себѣ союзницу изъ святой иконы. Онъ самъ, едва вѣрившій въ Бога, набожно сопровождалъ ее, зная хорошо, что чудо или нѣтъ, но икона внушить его солдатамъ волю побѣдить или умереть за родину».

Въ Шевардинѣ же Наполеонъ находился во время сраженія при Москвѣ-рѣкѣ. Состояніе его здоровья ухудшилось. Кто видѣлъ Наполеона, всѣ были поражены, насколько исказились его черты, какое равнодушіе слышалось въ его словахъ и безразличіе, когда возражалъ на просьбы Мюрата и Нея, тщетно требовавшихъ помощи со стороны гвардіи для окончательной побѣды,

которая была неполная, побѣда, не имѣющая своего завтра, но все-таки побѣда, такъ какъ русскія потери были вдвое болѣе французскихъ. Кутузовъ долженъ былъ покинуть мѣсто сраженія и отдать другому дорогу въ Москву.

Князь Николай Борисовичъ Голицынъ, который далъ автору этой статьи русскую версію о взятіи Швардина, передаетъ, что редутъ три раза переходилъ изъ рукъ французовъ въ руки русскихъ, которые кончили тѣмъ, что добровольно его оставили первымъ. Но, согласно докладамъ начальниковъ полковъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, русскимъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, не удалось вернуть потерянной ими позиціи. «Ихъ защита, — говоритъ авторъ, — была довольно героическая для обезпеченія имъ славы и безъ того, чтобъ была необходимость передѣлывать факты. Главные русскіе генералы были ранены, и много времени спустя появился рассказъ объ этомъ сраженіи. Другія событія, другія сраженія слѣдовали одно за другимъ, и интересъ, который оно представляло, уменьшился».

Теперь этотъ редутъ будетъ служить фундаментомъ гранитному памятнику въ память умершихъ великой арміи. Швардино французы выбрали потому, что тамъ бывалъ Наполеонъ. «Можетъ удивить, что памятникъ воздвигнутъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ бывалъ авторъ, отвѣтственный за пережитое зло, за всѣ несчастія, которымъ нѣтъ имени, въ которыхъ погасло столько человѣческихъ жизней — говоритъ въ заключеніе Терно-Компанъ. — Мы отвѣтимъ на это, что жертвы, умирали, призывали имя императора, а оставшіеся въ живыхъ послѣдовали за нимъ въ Саксонію, Германію и Францію, не колеблясь, жертвуя собою идеалу славы и родины, а въ ихъ глазахъ Наполеонъ олицетворялъ все это. Если бы мертвые могли подняться на полѣ сраженія при Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ разбѣяны ихъ кости, всѣ обернулись бы къ мѣсту ихъ послѣдняго видѣнія, всѣ указали бы мѣсто, гдѣ ихъ личная слава смѣшивалась со славой этого императора, который всегда велъ ихъ къ славѣ».

Другія воспоминанія о походѣ въ Россію 1812 г. написано хотя не героемъ, участвовавшимъ въ сраженіяхъ, но тѣмъ не менѣе пережившимъ всѣ злополучія несчастнаго похода. Они принадлежатъ Дюверже, бывшему казначею при дивизіи Компана, и помѣщены въ «La Revue» ¹⁾.

Во Франціи уже шли слухи о разрывѣ съ Россіей. Русскаго царя обвиняли въ недобросовѣстности, его упрекали за невѣрность континентальному блоку. Спѣшно набирались войска, и собранный въ Гамбургѣ первый армейскій корпусъ принялъ такіе обширные размѣры, какъ настоящая армія, и казался авангардомъ громадной экспедиціи. Молодежь стремилась попасть въ солдаты, сдѣлаться, по ихъ выраженію, «provision de gloire», провіантомъ славы. Среди этой молодежи былъ нѣкій Дюверже, только что окончившій ученіе въ лицѣ Наполеона. Желаніе повидать свѣтъ, людей было и у него, какъ у большинства его товарищей, уже попавшихъ въ армію. Раздобывъ рекомендательныя письма, онъ отправился въ Гамбургъ и добился мѣста казначея въ дивизіи Компана. Что его ожидало, объ этомъ онъ мало думалъ и въ первыхъ числахъ іюня вмѣстѣ съ великой арміей уже былъ на берегахъ Нѣмана.

¹⁾ Les Aventures d'un Payeur en 1812. Par Arthur Chuquet. «La Revue» 1 mai 1912.

Впечатлѣнія, пережитыя юнымъ Дюверже, передать на страницахъ «Le Reve» членъ парижскаго института А. Шюкэ, и хотя въ нихъ ничего нѣтъ новаго, но его безхитростный рассказъ производитъ впечатлѣніе свѣжести, тѣмъ болѣе, что Шюкэ передать его сжато, интересно.

Первое впечатлѣніе послѣ домашняго уюта было неутѣшительное, однако Дюверже покорился и послѣ мягкаго ложа въ родительскомъ домѣ ему пришлось спать то въ бивакахъ на открытомъ воздухѣ, то на соломѣ, то прямо на землѣ. Но ему не удалось пережить впечатлѣнія, произведенныя грозой при переходѣ чрезъ Нѣманъ, описанной Сегюръ. Онъ не слышалъ ни ударовъ грома, не видѣлъ разверзшагося неба. Онъ только помнитъ одно зрѣлище, какое ему представилось вечеромъ: конные гренадеры въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ плащахъ и мѣховыхъ панчахъ, державшіе подъ уздцы громадныхъ вороныхъ коней, и тишина, царившая въ рядахъ. И это зрѣлище пробудило въ немъ фантастическіе образы, созданныя поэзіей свѣрстныхъ бардовъ.

Это было для начала. На другой день у него было другое впечатлѣніе: впечатлѣніе тревоги и страха. Онъ сбился съ пути и заблудился въ обширномъ лѣсу. Цѣлыхъ два часа Дюверже блуждалъ, никого не встрѣчая, и мало-по-малу та небольшая доза воинственнаго и героическаго, какая была въ немъ, исчезла, а съ нею вмѣстѣ и страсть къ приключеніямъ. Каждый кустикъ, каждая вѣточка дерева казались ему казакомъ. Неужели онъ, невинный служака, сдѣлается первой жертвой войны?—спрашивалъ онъ себя и повернулъ назадъ, поспѣшивъ вернуться къ мосту чрезъ Нѣманъ.

Разочарованіе послѣдовало одно за другимъ. Во время движенія арміи къ Вильнѣ дождь лилъ какъ изъ ведра, и многія лошади погибли. Послѣ этого съ трудомъ можно было двигаться подъ палящими лучами солнца, не имѣя запасовъ ни свѣжей говядины, ни вина; отступившій непріятель унелъ съ собою скотъ и опустошилъ погребъ; пришлось пить соленоватую, вонючую воду и питаться небольшимъ количествомъ сухарей. Къ удивленію Дюверже, у него не было иной мысли, какъ объ обѣдѣ и питьѣ? Въ деревняхъ, городахъ онъ искалъ только провизіи. Въ Дорогобужѣ въ одномъ темномъ углу онъ напалъ на маленькій мѣшокъ съ фасолью. Обрадовавшись этой неожиданной находкѣ, онъ разогрѣлъ гусиное сало и насыпалъ фасоль. Но она такъ затвердѣла, что онъ съ досадой ее отбросилъ, восклицая, что лучше бы его научили элементарнымъ познаніямъ кулинарнаго искусства, чѣмъ греческому и латинскому языкамъ. А нѣсколько недѣль спустя, во время отступленія, когда онъ находился при кухнѣ, когда огонь, разожженный имъ сосновыми сучьями, подымалъ черное пламя, которое ему бѣло глаза, и приготовляя рагу изъ конины, онъ сжигалъ его и навлекалъ на себя упреки товарищей,—онъ произносилъ тѣ же сожалѣнія еще съ большимъ гнѣвомъ и горечью, зачѣмъ онъ не умѣлъ стряпать.

Армія отдыхала въ Витебскѣ и Смоленскѣ, но русскіе все избѣгали рѣшительной битвы. Предъ Смоленскомъ они защищаются съ ожесточеніемъ, чтобы замедлить движеніе побѣдителей, и сжигаютъ предместья. Они производятъ свое отступленіе правильно и съ методомъ, не оставляя позади себя ни людей, ни экипажей. «Мы встрѣчаемъ дома,—говоритъ Дюверже,—и ни одного русскаго: повсюду при нашемъ приближеніи жители удалялись».

Наконецъ 7-го сентября произошла ужасная борьба, и недѣлю спустя предъ изумленными глазами французовъ развернулась Москва. Они вступили въ городъ: онъ былъ спокоенъ, молчаливъ; никакого безпорядка; у оконъ нѣсколько людей, боязливо смотрѣвшихъ на вторгнувшихъ французовъ. Дюверже поднялся въ Кремль, оттуда разсматривалъ завоеванный городъ. Повсюду роковое молчаніе, прерываемое ржаніемъ лошадей и движеніемъ отрядовъ, проходившихъ черезъ Москву къ своимъ квартирамъ. Но вечеромъ, пока онъ спалъ, раздается крикъ: «пожаръ!» Онъ просыпается и спускается на улицу. Горизонтъ зардѣлся, и со всѣхъ сторонъ тянется пламя, подражая отдаленному шуму вырвавшегося потока.

Жители и солдаты бѣгутъ въ безпорядкѣ, и при свѣтѣ пожара Дюверже читаетъ на ихъ лицахъ изумленіе и отчаяніе. Впрочемъ, у него нѣтъ никакого сомнѣнія, никакой неопредѣленности относительно причины катастрофы. Онъ видѣлъ, кто несъ въ рукѣ роковой фитиль. Онъ видѣлъ этихъ людей, покрытыхъ лохмотьями, съ лицами разбойниковъ и рабовъ, «которыхъ армія схватила на мѣстѣ преступленія и повѣсила или разстрѣляла безъ проволочки и формальностей. Это были русскіе».

Спустя пять дней, когда пожаръ стихъ, всѣ возвратились изъ биваковъ, расположенныхъ въ полуверстѣ отъ города, и Дюверже описываетъ новое зрѣлище, какое Москва представляла тогда. это былъ официально организованный грабежъ, отсутствіе дисциплины. Солдаты и мужики извлекали изъ развалинъ золото, брильянты и провизію, собаки съ жалобнымъ воемъ преслѣдовали иностранцевъ, которые отстраняли ихъ ударомъ сабли, и время отъ времени появлялось пламя.

Мало-по-малу воцаряется довѣріе. Дюверже поселяется въ прекрасномъ дворцѣ, единственномъ уцѣлѣвшемъ на улицѣ. Онъ познакомился съ молодой русской дѣвушкой, говорившей по-нѣмецки и не боявшейся французовъ, принимаемыхъ народомъ за людоедовъ и пожирателей дѣтей. Подъ его окнами находится публичное гулянье и длинная аллея. Каждое утро онъ видитъ итальянскую королевскую гвардію, дефилирующую подъ звуки музыки. Иногда онъ присутствуетъ на представленіяхъ во французскомъ театрѣ. Его столъ скромный, но достаточный. Онъ нашелъ финики, макароны, солонину, кофе, ликеры. Однажды онъ даже далъ обѣдъ. Онъ раздобылъ вина и бѣлаго хлѣба и досталъ мяса и, благодаря слугѣ, грязному, нечесанному еврею, но умѣвшему стряпать, онъ подаль гостямъ—ихъ было двѣнадцать—щи, отварную говядину, жареная въ прованскомъ маслѣ клецки и нашпигованное филе. Во время десерта они пили за предстоящій походъ, за новую побѣду, за вступленіе французовъ въ Петербургъ.

19-го октября началось отступленіе, и Дюверже съ удивленіемъ смотрѣлъ на цѣлый караванъ всякаго рода телѣжекъ, колясокъ, дрожекъ, запряженныхъ маленькими лошадьми, «которыхъ называютъ конемъ» и трудолюбиво тащившихся по песчанымъ равнинамъ. У каждаго былъ свой экипажъ; каждый предполагалъ привезти во Францію свою долю добычи. Два товарища Дюверже захватили съ собою: одинъ громадный ящикъ хины, другой цѣлую бібліотеку изъ книгъ въ красивыхъ, краснаго сафьяна переплетахъ съ золо-

тыми обрѣзами. Самъ Дюверже забралъ брильянты, мѣха и картины великихъ мастеровъ, которыя свернулъ трубочкой для большого удобства. Но онъ не забылъ и о comfortѣ, прихвативъ кстатѣ рисъ, сахаръ, не считая трехъ большихъ банокъ варенья, изъ которыхъ двѣ изъ вишень, а третья изъ крыжовника.

Погода стояла отличная, и въ теченіе двухъ недѣль всѣ сохранили бодрость духа и увѣренность: сжигали деревни и смѣло двигались между двумя пылающими изгородями. Но туманы и моросившій дождь предвѣщали приближеніе суроваго сезона, и 6-го ноября выпалъ снѣгъ. Начинаясь новая жизнь, необыкновенная, жестокая, ужасная. Надо было одѣваться тепло, и Дюверже закутался въ женскую шубу, крытую желтой тафтой. Рукава были слишкомъ длинны, но остатокъ служилъ ему носовымъ платкомъ.

Продовольствіе истощилось, и ѣли конину. Когда лошадь падала отъ усталости или голода, ее раздѣляли на части и оспаривали другъ у друга каждый кусокъ. Дюверже находилъ конину крѣпкой и жилистой, однако здоровой. Но часто не хватало конины и чистой воды, и тогда Дюверже и его товарищи приготавливали, что они называли «спартанской похлебкой», изъ талаго снѣга съ мукою и жиромъ, а за неимѣніемъ жира со старой каретной мазью. Туда клали еще соль, а когда ея не было, то порошокъ. Подавали ее горячей, и когда были очень голодны. Утоливъ голодь, Дюверже и его товарищи ложились предъ бивачнымъ огнемъ, иногда на тонкомъ слоѣ соломы, но чаще прямо на сырой или мерзлой землѣ. По пробужденіи они съ трудомъ вставали и едва передвигали ноги, пока не разогрѣвались въ ходьбѣ. Многіе изъ нихъ не просыпались, и многіе, проснувшись, внезапно падали на дорогѣ, а разъ падали, то были ограблены догола своими же спутниками. Смерть, прибавляетъ Дюверже, предвѣщалась странными симптомами: тотъ приближается къ вамъ съ смѣющимися глазами, съ сіяющей физиономіей, онъ жметъ вамъ руку,—значить, тотъ человекъ пропасть. Другой смотритъ на васъ мрачно, его уста произносятъ негодующія и отчаянныя слова,—тотъ человекъ пропасть. Но эгоизмъ былъ въ порядкѣ вещей: не было болѣе ни друзей, ни родныхъ. Сердца были разбиты, души померкли: всѣ смотрѣли другъ на друга съ тупымъ равнодушіемъ, ногою отталкивали трупъ, занимавшій мѣсто у огня, съ гнѣвомъ отталкивали умирающаго, который воображалъ, что имѣлъ право на мѣсто.

Такова была картина предъ Дюверже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Вскорѣ онъ потерялъ свою лошадь, свою бѣдную Кокоттъ, приведенную имъ изъ Мекленбурга въ Москву и которая не могла привыкнуть къ ежедневному лишенію сѣна и овса. Но будь онъ на повозкѣ съ казною или чаще всего гнѣшкомъ—онъ шелъ, совершая по двѣсти верстъ чрезъ страну, не имѣя другого руководителя, какъ инстинктъ самосохраненія, не вѣдая, что онъ оставилъ направо или налево, и зная только одно, что непріятель былъ позади него, надѣясь лишь на одно, что онъ придетъ на родину, на эту родину, которая была тамъ далеко, очень далеко! Эта надежда поддерживала его; онъ твердо вѣрилъ, что часъ смерти еще не пробилъ для него. Впрочемъ, онъ былъ благоразуменъ и умѣлъ надолго сохранять свои запасы риса, муки, сахара и, несмотря на запрещеніе своихъ начальниковъ, онъ иногда спалъ въ повозкѣ и такимъ образомъ сберегалъ свои силы!

Армія снова увидѣла Гжатскъ, Вязьму, Дорогобужъ, и только нѣсколько движеній отдѣляло ее отъ Смоленска. Дюверже былъ посланъ впередъ съ приказаніемъ забрать въ Смоленскѣ лошадей и провіантъ для главной квартиры. Уже толпы тѣснились у стѣнъ города, и Дюверже пришлось руками и ногами пробивать себѣ путь. Въ пылу своихъ стараній онъ толкнулъ мужчину небольшого роста и довольно полного, въ зеленой шубѣ и зеленой шапкѣ. Человѣкъ обернулся: это былъ Наполеонъ. «Онъ очень неучтиво выбрали меня,—говорить Дюверже:—и я, какъ могъ, извинился передъ нимъ, прося его пустить меня впередъ, чтобы прочистить ему путь. Онъ немного отстранился, и я подвинулся впередъ. При имени императора каждый уступалъ мѣсто; это имя попрежнему производило свое магическое дѣйствіе. Среди несчастій, которыми онъ насъ осыпалъ, мы проклинали его, императора; мы обвиняли его въ нашихъ страданіяхъ, но если онъ появлялся—простижъ, этотъ родъ ореола, который окружаетъ великихъ людей, насъ ослѣплялъ: каждый снова ему довѣрялъ и повиновался малѣйшему знаку его воли.

Послѣ Смоленска было Красное. Тамъ, по словамъ Дюверже, произошла продолжительная кровопролитная борьба, но по окончаніи этой борьбы пришлось бросить всѣ безполезныя вещи, экипажи частныхъ лицъ, повозки, которыя не такъ были необходимы при перевозкѣ казенныхъ денегъ. При отступленіи его жизнь не разъ подвергалась опасности. Всего болѣе французы пугались казаковъ. Ихъ видѣли даже, когда они были далеко, и при малѣйшемъ шумѣ раздавались возгласы: «Казаки». Изголодавшіеся поляки иногда пользовались этимъ страхомъ: они появлялись съ криками грознаго «ура»—и французы спасались бѣгствомъ, а поляки усаживались передъ огнемъ, разведеннымъ французами, и пожирали ихъ скудную ѣду.

Однажды ночью казаки, однако, были любезны. Дюверже искалъ какого-нибудь убѣжища въ поляхъ, довольно далеко отъ большой дороги. Съ нимъ было много гвардейскихъ солдатъ. Они очутились предъ группою зданій. Стоявшій на часахъ казакъ сдѣлалъ имъ знакъ, чтобы они миновали ихъ, и указалъ на ригу, находившуюся въ нѣкоторомъ разстояніи. Ни у одного изъ французовъ не было мысли напасть на него. Они продолжали идти молча, вошли въ ригу, растянулись на свѣжей соломѣ и спокойно проспали до утра. На разсвѣтѣ, когда они пустились въ путь, то увидѣли, какъ казаки удалялись въ противоположную сторону, и одинъ изъ нихъ, говорившій по-французски, громко закричалъ имъ: «Adieu vous autres jusqu'à Orcha!»

Дюверже, дѣйствительно, снова встрѣтился съ казаками, но не на Оршѣ, а на берегахъ Березины. Тамъ, недалеко отъ Борисова предъ нимъ продефилировали остатки великой арміи. Императорская гвардія, около 9000 сражающихся, еще сохранила свое оружіе и остатки дисциплины. Остальные корпуса существовали только по имени. Это было какое-то смѣшеніе нелѣпо одѣтыхъ людей, то въ крестьянскихъ тулупахъ, то въ богатыхъ мѣхахъ, въ ободранныхъ шапкахъ, вмѣсто обуви обутыхъ въ лохмотья отъ бѣлья или обрывки кожи, привязанные къ ногамъ веревкой, и съ палками вмѣсто ружей. Всѣ они были покрыты вшами, которые, согрѣвшись у бивачнаго огня, бороздили тѣло и не переставая терзали ихъ. Дюверже долженъ былъ перейти мостъ черезъ Березину

легко и безъ препятствій: онъ находился при повозкахъ съ казной, и надежные жандармы получили приказъ оберегать ихъ и препятствовать другимъ экипажамъ переправляться въ то же время. Но у моста тѣснились всякаго рода экипажи съ цѣлю смѣшаться вмѣстѣ съ казенными повозками. Одна коляска первая двинулась и дерзко помѣстилась предъ повозкой Дюверже. Онъ подбѣжалъ, чтобы отогнать ее назадъ, но упалъ въ высохшій колодець и очутился подъ землей на глубинѣ тридцати футовъ. Онъ во всѣ легкія принялся кричать, умоляя товарищей о помощи, чтобы убѣдить ихъ, что его стоитъ спасти, что онъ цѣль и невредимъ. Нѣкоторые изъ нихъ были его школьными товарищами, и они бросили ему веревку и кое-какъ прикрѣпленную на концѣ большую палку. Дюверже сѣлъ верхомъ на палку, и товарищи подняли его наверхъ. Онъ благополучно поднялся и протянулъ руку, чтобы захватиться за колодець, но веревка оборвалась, и онъ снова упалъ, по счастью, опять не причинивъ себѣ вреда. Опять онъ принялся умолять товарищей не бросать его на произволь судьбы; обращался къ небу, давалъ клятвы, что если спасется, то женится на нелюбимой молодой дѣвушкѣ, которую ему предназначаютъ родители. Наконецъ, съ помощью новой веревки его извлекли изъ колодца, положили на повозку, и онъ заснулъ, еще не успокоившись отъ пережитыхъ волненій и лихорадки. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что мосты горятъ, а вдали происходитъ ужасное смятеніе; онъ слышалъ звукъ артиллерійскаго орудія: во время сна онъ переправился черезъ Березину.

Но переправиться черезъ рѣку было недостаточно: приходилось перейти громадное болото и каждые десять шаговъ укрѣплять путь съ помощью вѣтвей; приходилось за версту отъ Березины вступить на длинное и узкое шоссе, оканчивавшееся тремя длинными мостами изъ сосны, построенными одинъ вслѣдъ за другимъ черезъ ручьи и болота. Русскіе должны были бы сжечь эти мосты, и тогда французская армія, конечно, подверглась бы новой опасности, гораздо хуже первой, но они ихъ оставили такими, какъ они были много лѣтъ спустя, когда онъ писалъ эти воспоминанія. Онъ спрашивалъ себя: были ли глупцами, или измѣнниками русскіе генералы? Была ли это глупость, или продажность?

Что касается его, то, по его выраженію, Богъ его берегъ. Вскорѣ послѣ перехода черезъ Березину онъ встрѣтилъ курьера, отправлявшагося во Францію на саняхъ, запряженныхъ парой маленькихъ лошадокъ. Онъ уговорился съ нимъ и уже хотѣлъ сѣсть рядомъ, какъ вдругъ товарищъ курьера добился предпочтенія. На другой день Дюверже увидѣлъ на дорогѣ опрокинутыя сани и невдалекѣ отъ нихъ два бездыханныхъ трупа: это были почтальонъ и его товарищъ, убитые казаками. А то однажды вечеромъ онъ расположился спать въ ригѣ и едва сталъ засыпать, какъ почувствовалъ острую боль въ глазахъ: его вѣки распухли, и зрѣніе совершенно померкло; онъ очень страдалъ всю ночь напролетъ и думалъ, что ослѣпнетъ. На другое утро въ моментъ отъѣзда многіе изъ его друзей, считая его человѣкомъ совершенно потеряннымъ, хотѣли его оставить. Но одинъ изъ нихъ взялъ его за руку и посадилъ въ повозку. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Дюверже увидѣлъ, что опухоль на вѣкахъ опала и къ нему возвратилось зрѣніе.

Стали приближаться къ Вильнѣ—обѣтованной землѣ, гдѣ находились громадные запасы провіанта, гдѣ наконецъ армія должна была подкрѣпиться.

Девятого декабря въ полночь Дюверже въ своей повозкѣ, запряженной семью лошадьми, находился только въ двухъ верстахъ отъ города. Еще три часа, и у него будетъ хорошая пища и теплая комната. Но онъ встрѣчаетъ одного казначея, у котораго также повозка съ казною, и въ этой казнѣ 48-й заключалось два милліона золотомъ. Она завязла въ снѣгу, и тотъ попросилъ Дюверже остаться съ нимъ до утра. Главный казначей, слѣдовавшій за ними, также умолялъ Дюверже остаться до другого дня. Въ эту ночь морозъ доходилъ до двадцати восьми градусовъ. Оба казначея развели огонь въ домѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ и державшемся лишь на четырехъ балкахъ. Перекусить имъ было нечего. Но мимо проѣзжалъ поваръ главнаго казначея, держа предъ собою на лошади туго наполненный мѣшокъ. «Что это у тебя?» спрашиваютъ они. — «Кое-какая провизія», отвѣчаетъ поваръ. Однимъ совмѣстнымъ ударомъ они сбили мѣшокъ на землю. Поваръ протестовалъ, затѣмъ, опасаясь ударовъ и, быть можетъ, еще худшаго, пустился въ бѣгство. Оба казначея вернулись съ мѣшкомъ въ свой бивакъ. Тамъ они нашли стараго сапера, съ блѣднымъ исхудалымъ лицомъ, съ потускнѣвшими дикими глазами и бородой, усѣянной льдинками; на немъ была мѣховая шапка, потертая съ одной стороны отъ тренія о землю—его обычное изголовье. «А вотъ и поѣсть можно!» сказалъ ему Дюверже и открылъ мѣшокъ съ рисомъ, мукою, жиромъ и кастрюлей. Онъ отыскалъ дрова и развелъ огонь, а въ сосѣднемъ ручьѣ нашлась вода. Онъ положилъ въ кастрюлю рисъ вариться и приготоуился его отвѣдать. Но злополучіе!... въ рисъ подмѣшанъ песокъ. Зачерпывая воду въ источникѣ, Дюверже слишкомъ опустилъ кастрюлю и туда набрался песокъ. Онъ поправилъ зло, воспользовавшись кусочкомъ шубы вмѣсто сита, и, пропустивъ черезъ него воду, совершенно очистилъ. Затѣмъ по примѣру другого казначея онъ растянулся на мѣшкѣ изъ-подъ провизіи ногами къ огню, уже начинавшему гаснуть. Они заснули. Проснувшись, они увидѣли, что саперъ умеръ. Солдаты, бывшіе съ ними для охраны повозокъ, также умерли, а изъ тринадцати лошадей остались въ живыхъ шесть. Утромъ изъ Вильны пріѣхали люди, посланные главнымъ казначеемъ. Они вытащили изъ снѣга повозку съ казною, въ которой находилось два милліона, и увезли ее въ Вильну. Быть можетъ, это была единственная повозка, которая достигла Данцига. Повозка Дюверже осталась на мѣстѣ: французы и русскіе грабили ее, каждый въ свою очередь. Казначей, сопровождавшій этотъ отрядъ лошадей и людей, далъ Дюверже хлѣба и сосисокъ. Тотъ не ожидалъ этого и воскликнулъ: «Возможно ли, что насыщаются бѣлымъ хлѣбомъ и сосисками».

Онъ провелъ ночь съ 10-го декабря въ Вильнѣ у старой еврейки, которой онъ далъ двѣнадцать яицъ для яичницы, а она подала ему только шесть. 11-го онъ отправился въ Ковну, но тамъ не останавливался. Не теряя ни минуты, онъ перешелъ мостъ и сдѣлалъ двѣ версты по дорогѣ къ Тильзиту. На другой день его настигъ поваръ маршала Нея съ громадной кастрюлей. Онъ прожилъ вмѣстѣ съ Дюверже и его товарищами нѣсколько дней и пригоулялъ имъ прекрасные обѣды въ пятнадцать минутъ и почти изъ ничего.

До прибытія въ Инстербургъ на прусской территоріи Дюверже остановился въ крестьянскомъ домѣ. За нимъ слѣдовалъ одинъ неаполитанецъ въ вылиняв-

шемъ, ободранномъ мундирѣ. Онъ принадлежалъ къ дивизіи Луазона, которую холодъ истребилъ въ одну ночь почти цѣлкомъ. Хотя ему было только девятнадцатъ лѣтъ, но его лицо было исхудалое и все въ морщинахъ. Онъ тихимъ голосомъ сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ хозяинъ не понялъ. Дюверже перевелъ ему. Несчастный былъ совершенно обезсиленъ и, чувствуя приближеніе смерти, просилъ не выгонять его, а позволить умереть подъ кровомъ.

Въ Инстербургѣ Дюверже впервые послѣ девяти недѣль пообѣдалъ за столомъ на тарелкахъ и уснулъ въ постели. Онъ спѣшилъ достигъ Франціи и, когда снова очутился въ родительскомъ домѣ, онъ рѣшился воздерживаться отъ попытки добиваться славы и подалъ въ отставку

— Неизданныя письма Берліоза. — Хотя письма Берліоза печатались въ большомъ количествѣ, но его переписка еще далеко не вся извѣстна публикѣ. Теперь въ «Revue Bleue» недавно появились его двадцать четыре письма къ разнымъ лицамъ и въ различныя эпохи его жизни: изъ Италіи, Германіи, Россіи и Англіи. Оригиналы этихъ писемъ принадлежатъ по большей части къ богатой коллекціи автографовъ Шарля Малерба, которая вскорѣ будетъ передана въ бібліотеку національной музыкальной консерваторіи. Предполагалось издать всѣ его письма полностью при сотрудничествѣ Прудона и Франкенштейна, но Малербъ скончался, и его мысль еще не осуществилась.

Письма адресованы къ разнымъ лицамъ и между прочимъ къ Вернѣ, Виктору Гюго, Жюлю Жанену, Скрибу, но большая часть изъ нихъ адресована Огюсту Морелю, композитору и музыкальному критику. По содержанію, эти письма касаются главнымъ образомъ устройства концертовъ, репетицій и т. д., но между ними есть совершенно иного содержанія, и вообще они живо, остроумно написаны. Первое письмо адресовано Горасу Вернѣ, изъ Діано (Марина) 18-го апрѣля 1831 года: «Я сдѣлался жертвой безобразнаго преступленія, злоупотребленія довѣріемъ, и отъ самой Флоренціи до сихъ поръ я внѣ себя отъ гнѣва. Я полетѣлъ во Францію, чтобы отомстить самымъ справедливымъ, самымъ ужаснымъ образомъ. Въ Генуѣ произошло мимолетное головокруженіе, самая непостижимая слабость разбила мою волю; я предался ребяческому отчаянію; но, наконецъ, я отдѣлался отъ него, чтобы выпить соленой воды, попасть на крючокъ, какъ лосось, и остаться четверть часа, растянувшись, какъ мертвецъ, на солнцѣ, и въ теченіе часа имѣть жестокую рвоту. Не знаю, кто меня вытащилъ: думали, что я случайно упалъ съ городского вала. Но вотъ я живъ. Я долженъ жить для двухъ сестеръ, которымъ я принесъ бы смерть своею смертью. Хотя я еще дрожу, но честию своей обязуюсь предъ вами не покидать Италіи, это единственное средство помѣшать мнѣ привести въ исполненіе мой планъ. Надѣюсь, что вы еще не написали во Францію и я могу не лишиться моей пенсіи. Пишите, пожалуйста, мнѣ въ Ниццу, куда я скоро приѣду. Неотложная необходимость быстрого сношенія съ родителями въ подобный моментъ заставляетъ меня прожить здѣсь двумя недѣлями болѣе, а затѣмъ я возвращусь къ вамъ. Прощайте. Борьба между жизнью и смертью еще ужасна, но я устою, клянусь вамъ честию! Вашъ преданный другъ

¹⁾ Lettres inédites de Berlioz. «Revue Bleue» de 18 Mai 1912.

Берліозъ. Р. S. Пожалуйста, отвѣтите въ Нищцу только одно слово о судьбѣ моей пенсіи».

Второе письмо адресовано къ Виктору Гюго изъ Рима 10-го декабря 1831 года.

«О, вы гений, могучее существо, колоссъ, разомъ нѣжный и безжалостный, изящный, уродливый, грубый, мелодичный, вулканическій, ласкающій и презирающій,—пишетъ Берліозъ.—Это послѣднее качество генія, конечно, самое рѣдкое; ни у Шекспира, ни у Мольера его не было. Одинъ Бетховень среди великихъ въ самый разъ точно измѣрилъ величіе человѣческихъ насѣкомыхъ, окружавшихъ его, и съ нимъ я вижу только васъ. Подумайте же, если я вамъ пишу безмыслицу, если я говорю вздоръ, если я вамъ на минуту вскружу голову моими письмами, полными докучныхъ восхищеній, то подумайте только, что я въ Римѣ, изгнанный на два года изъ музыкальнаго міра по академическому аресту, совершенному необходимостью денегъ, пенсіи grand prix, что я, какъ птица, подъ стекляннымъ колпакомъ, умираю за недостаткомъ воздуха, лишенный музыки, поэзіи, театра, волненій—всего. Затѣмъ, представьте себѣ, что послѣ шестимѣсячнаго ожиданія я кончилъ тѣмъ, что добился «Notre dame de Paris», которую прочиталъ среди слезъ и скрежета зубовъ, и вы постигнете, что это я, котораго вы знаете не по одному имени, который у васъ ничего не проситъ, даже поэмы для оперы... Моя вина въ этомъ или ваша? Кто мнѣ переполнилъ сердце, кто сдѣлалъ изъ мсей головы горячую реторту, почти не переставая въ теченіе двухъ дней перегоняющую ѣдкія слезы? Кто увеличилъ мое презрѣніе и ненависть ко всему нашему міру глупостей и пошлостей? Кто заставилъ меня богохульствовать цѣлыя ночи? Кто? Кто, какъ не вы! А затѣмъ, что вамъ сдѣлается отъ моей нелѣпой выходки. Я не Лешеръ, нѣтъ. Пусть я буду Паччини или какой-нибудь Коччіа, если я когда-нибудь скажу противное тому, что я думаю. Я это скажу также вамъ прямо, несмотря на ваши орлиные глаза и доказательство, что въ послѣднее время моего пребыванія въ Парижѣ я продалъ бы на годъ мою душу дьяволу, если бы такую цѣною могъ видѣть васъ и откровенно поговорить съ вами съ часъ, я могъ быть вамъ представленнымъ или во что бы то ни стало самъ вамъ представиться. Но меня всегда останавливала боязнь прослыть пошлымъ куртизаномъ. Затѣмъ, кто знаетъ? Быть можетъ, мы не сойдемся. У поэтовъ-литераторовъ такія странныя идеи о музыкѣ: они такъ часто бываютъ расположены къ этому изящному искусству, какъ гризетки съ улицы Вивьенъ или пѣвцы изъ водевиля, понимаете, какъ это меня пугаетъ. Говорятъ, что вы аранжировали «Notre dame» въ оперу и веселый толстякъ (Россини) написалъ къ ней музыку. Толстякъ превеселый... Правда, что Веберъ умеръ. Ну, вотъ я выпустилъ всѣ заряды. Мнѣ лучше; я возвращаюсь обдумывать мою Эмеральду и клясть проклятое расположеніе, гдѣ онъ всѣ влюбляются въ ословъ. Бѣдный уродъ Квазимодо. Баста: addio signor, mille grazie, я началъ высыхать и увядать, какъ слива на солнцѣ; моя душа бѣдная снова стала нѣжной и сіяющей, моя кровь циркулируетъ, меня снова захватила жизнь художника. Viva l'ingenio tuo! Гекторъ Берліозъ»

Изъ писемъ къ Жюлю Жанену видно, какія услуги онъ оказывалъ Берліозу на его артистическомъ пути. Благодаря за одну статью Берліозъ говоритъ: «Вы первый откровенно и твердо меня поддержали: безъ васъ, хотя мнѣ остается

побѣдить еще много больше затрудненій, я не зналъ бы, что мнѣ дѣлать. Будьте довольны добытымъ сегодня результатомъ и будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ готовится другой. Что касается меня, то я никогда не забуду всего, что вы сдѣлали для меня во многихъ случаяхъ, чтобы очистить мнѣ путь. Еще разъ благодарю. Если я вамъ не написалъ ранѣе, что у меня на сердцѣ, то надѣялся найти минутку и прійти къ вамъ вчера днемъ: важные посѣтителю мнѣ въ этомъ помѣшали. Прощайте. Берлиозъ».

Въ письмѣ изъ Вѣны къ Фори, прежнему управляющему королевскими имбніями и таможей, Берлиозъ, между прочимъ, говоритъ, что питаетъ культъ къ Глюку, «страстный, хотя и благоразумный, и очень радъ, что и Фори питаетъ то же чувство». «Но я видѣлъ въ представленіи всѣ его произведенія, я видѣлъ ихъ на сценѣ, исключая «Эхо» и «Нарцисса», пятнадцать-двадцать разъ каждое. Деятнадцать лѣтъ, какъ я живу въ Парижѣ и никогда не пропускалъ ни одного изъ его представленій, такимъ образомъ, я ничего не угадалъ, какъ вы это думаете. Надѣюсь, что не надумаютъ поставить въ оперѣ одно изъ его образцовыхъ произведеній: состояніе, въ какомъ находятся средства для исполненія въ этомъ «базарѣ», взявшемъ себѣ имя «театръ», сдѣлаютъ изъ этой попытки наглую профанацію. Вы не имѣете идеи о тѣхъ подлыхъ дрязгахъ, какія тамъ примѣняются. Музыка и драматическое искусство тамъ жертва искушенія. Я съ большимъ интересомъ прочиталъ вашу парафразу въ «Pater» и «Ave Maria», которая, кажется, составлена какъ нельзя болѣе поэтично. Я не смѣю принять сдѣланное вами предложеніе прислать мнѣ отрывки музыки: если бы она была отгравирована, куда ни шло, но въ рукописи это очень опасно: я опасался бы какого-нибудь несчастья. Моя жена была очень тронута вашей оцѣнкой ея таланта. Къ сожалѣнію, она никогда не могла научиться достаточно хорошо французскому языку, чтобы говорить на немъ на сценѣ. Тальма, родившійся въ Англіи и знавшій англійскій языкъ, какъ свой родной, никогда не осмѣливался играть въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ по причинѣ своего выговора. Это затрудненіе непреодолимо. Что касается англійскихъ театровъ, то они всѣ разорены въ пухъ и прахъ!»

Обращаясь къ Скрибу съ просьбой найти сюжетъ для двух- или четырех-актной оперы, онъ прибавляетъ: «Я не позволю себѣ указывать вамъ на рядокъ драматическихъ идей, которыя мнѣ лучше подходятъ, вы это хорошо знаете. Однако, отыскивая сюжетъ, который годится для музыкальнаго, широкаго, страстнаго развитія и непредвидѣнныхъ эффектовъ, безъ сомнѣнія, нечего вамъ говорить, что нѣкоторые народы, какъ и нѣкоторыя личности, мнѣ глубоко антипатичны, какъ, на примѣръ, Лютеръ, христіане Византіи и Рима и эти грубые глупцы друиды. Мнѣ очень нравился бы античный сюжетъ, но я боюсь за костюмы для актеровъ, а также за позитивную прозаичность нашей публики. Быть можетъ, простая исторія любви, но любви порывистой, хорошо отгѣненной сценами ужаса, гдѣ дѣйствуютъ массы, происходящей или въ средніе вѣка, или въ послѣдній вѣкъ, было бы для меня самое благопріятное. Само собою разумѣется, дѣло идетъ не о томъ, чтобы постоянно хранить героическій или дивирамбическій стиль, напротивъ, я очень люблю контрасты. Вотъ вся моя исповѣдь. Кромѣ того, Дюпоншель прочиталъ мнѣ проповѣдь, чтобы убѣдить

меня написать музыку менѣ трудную для исполенія и болѣе легкую для пониманія смѣшанной аудиторіи оперы. Въ этомъ я вполне раздѣляю его мнѣніе.

Довольно интересенъ его отзывъ объ оперѣ Доницетти «Les Martyrs», выказанный въ письмѣ къ Лекуру. «Доницетти только что дать «Les Martyrs», я немного ихъ помучилъ, но именно сколько было необходимо, ибо эти мученики — настоящіе пьяные дворники и еще дворники 1840 года, которые принимаютъ Лафайетта за Юлія Цезаря». Описывая свой громаднѣйшій успѣхъ въ Германіи въ письмахъ къ своему другу Ортигу, онъ говоритъ, что Мендельсонъ былъ съ нимъ очарователенъ, превосходенъ, внимателенъ, однимъ словомъ, совсѣмъ, совсѣмъ добрый товарищъ, и они помѣнялись съ нимъ дирижерской палочкой въ знакъ дружбы. «Это grandissime маэстро, говорю вамъ, несмотря на его восторженныя похвалы моимъ «романсамъ», такъ какъ ни о симфоніяхъ, ни объ увертюрахъ, ни о «Requiem» онъ никогда не произнесъ ни слова. Онъ заставилъ исполнить здѣсь въ первый разъ «Nuit de Sabbat» на поэму Гете, и увѣряю тебя, что это самая прелестная оркестральная и хоральная композиція, какую можно услышать. Шуманъ, угрюмый Шуманъ совсѣмъ наэлектризованъ Sanctus моего «Requiem», на дняхъ онъ открылъ ротъ къ большому удивленію всѣхъ, кто его зналъ, и, взявъ меня за руку, произнесъ: «cet oratorium surpassa tout». Это вниманіе Шумана возымѣло свое дѣйствіе на нѣмецкую публику и лейпцигскія газеты, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ дней не переставали говорить о ней и требовать ея исполненія. Однако въ другихъ нѣмецкихъ городахъ жители обнаруживали различный вкусъ и требованія.

Въ одномъ изъ писемъ къ Морелю отъ 15-го ноября 1850 года Берліозъ пишетъ: «Г-жа Віардо по своему возвращеніи собрала мало денегъ и произвела мало впечатлѣнія; я не смѣю идти къ ней; я не знаю, что ей сказать... и что я напишу въ своемъ слѣдующемъ фельетонѣ?.. Собачье ремесло критика, ремесло собачье: всегда кусайся или лизги». Берліозъ, по его признанію, не умѣлъ править корректуры и партитуру Фауста ему помогали править Бодильонъ. «По-видимому, я отвратительный корректоръ. Употребивъ всѣ мои вечера въ теченіе послѣдняго мѣсяца моего пребыванія въ Германіи на поправку большой партитуры Фауста, мы имѣли осторожность дать ее для просмотра одному артисту изъ оперы, Дельдевезу, очень способному корректору, и онъ уже нашелъ болѣе ста ошибокъ, еще не пробѣжавъ третьяго акта. Я мечталъ о нѣмецкомъ изданіи, исполненномъ у Кистнера въ Лейпцигѣ, всѣхъ моихъ произведеній. Это будетъ стоить двадцать тысячъ франковъ. Если мнѣ удастся осуществить этотъ планъ, тогда я могу отравить дружественныя библіотеки, не стѣняясь, и ваша будетъ первой жертвой. Мнѣ предлагаютъ здѣсь массу вещей, съ виду блестящихъ, но на августъ и декабрь. Не знаю, достигнетъ ли это какихъ-нибудь результатовъ, и во всякомъ случаѣ у меня не будетъ никакого разочарованія, такъ какъ я привыкъ теперь вѣрить только тому, что уже сдѣлано».

Приведемъ его письма о Россіи, куда отъ отправился для поправленія своихъ дѣлъ, пошатнувшихся послѣ неудачныхъ двухъ изданій «Осужденія Фауста». Его друзья одолжили ему крупную сумму для этой поѣздки. Письма написаны къ Морелю и Лекуру—адвокату, любителю музыки и хорошему виолончелисту. Въ первомъ письмѣ, помѣченномъ 19-го (31) марта 1849 г., Берліозъ сооб-

щаетъ о своемъ громадномъ успѣхѣ въ Петербургѣ и сожалѣеть, что Морель не могъ быть свидѣтелемъ этого успѣха. Въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ тоже доволенъ: ему принесли болѣе тридцати тысячъ франковъ два концерта. Его заставили повторить три вещи изъ двухъ первыхъ актовъ «Фауста» и потребовали повторенія скерцо феи Мабъ, а затѣмъ вызовамъ не было конца. Оркестръ, состоявшій почти весь изъ нѣмцевъ, исключая одного француза и трехъ русскихъ, былъ отличный и сдѣлалъ ему овацію предъ публикой, о чемъ онъ не забудетъ. «Въ моей жизни я не видалъ подобнаго музыкальнаго восторга, — говоритъ онъ. — Хоръ, составленный изъ нѣмецкихъ артистовъ Большого театра, частью изъ придворныхъ пѣвчихъ и хористовъ четырехъ полковъ, дѣлалъ чудеса. Ручаюсь вамъ, — говоритъ Берліозъ: — что исполненіе «Фауста» въ этомъ отношеніи оставило далеко позади себя нашихъ французскихъ хористовъ. Такимъ образомъ, на двухъ концертахъ намъ приходилось повторять цѣликомъ хоръ силфовъ, производившій впечатлѣніе, далеко превосходившее то, какое дѣлали въ Парижѣ. Императрица велѣла меня позвать среди перваго концерта и наговорила много очаровательныхъ любезностей такъ же, какъ и ея сыновья: наслѣдникъ и великій князь Константинъ.

На второмъ концертѣ въ пользу инвалидовъ императоръ уже не присутствовалъ, а вмѣсто него были наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Константинъ. Представительницей двора была герцогиня Лейхтенбергская съ братьями. Императоръ былъ серьезно боленъ. «Я долженъ былъ опять пойти въ ея ложу, чтобы принять благодарность отъ нея и ея брата. Понятно, что этимъ не ограничилось. Императрица прислала мнѣ брильянтовое кольцо въ четыреста рублей (тысяча шестьсотъ франковъ), а герцогиня Лейхтенбергская булавку въ двѣсти рублей. Вся русская и нѣмецкая пресса Петербурга отнеслась ко мнѣ благосклонно въ двухъ отношеніяхъ: какъ къ композитору и какъ къ дирижеру оркестра, котораго не считали способнымъ на совершенный имъ подвигъ. Это будетъ имѣть потомъ важныя послѣдствія... я скажу вамъ все въ Парижѣ». Далѣе Берліозъ проситъ помѣстить въ газетахъ нѣсколько строкъ объ его успѣхѣ въ Петербургѣ и оканчиваетъ письмо слѣдующей фразой: «Наконецъ, если парижане наказали меня за то, что я написалъ мое послѣднее произведеніе, русскіе широко меня вознаградили, и надо надѣяться, что и Германія не очень на меня разсердится, что я перевелъ на музыку ея большую поэму».

При этомъ письмѣ Берліозъ послалъ Морелю содержаніе статьи для напечатанія въ «Gazette Musicale». Въ этомъ отчетѣ сообщается, что Берліозъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ его музыка возбудила самый живой восторгъ. «Это торжество было еще болѣе блестяще и грандіозно, чѣмъ тѣ, какія Берліозъ предъ тѣмъ устроилъ у насъ. Предстояло слушать «Ромео и Джульетту» цѣликомъ и двѣ первыя части «Гарольда». Громадный залъ былъ переполненъ и сверкалъ мундирами и драгоцѣнными камнями. Приемъ, оказанный французскому композитору при выходѣ, долженъ былъ послужить новымъ доказательствомъ, насколько онъ сдѣлался популяренъ въ Россіи. Во весь вечеръ оказывали самое лестное вниманіе къ исполненію его колоссальнаго произведенія, исполненіе котораго во всѣхъ отношеніяхъ было безупречно и встрѣчено бѣшенными рукоплесканіями, требованіемъ всего зала повторить. «Ромео

и Джульетта» была исполнена на нѣмецкомъ языкѣ и нѣмецкими пѣвцами. Особенно отличился хоръ, оркестръ, подъ управленіемъ Берліоза, уже пріучилъ насъ видѣть, какія онъ дѣлаетъ чудеса. Въ залѣ раздавались возгласы «превосходно! великолѣпно! чудесно!» Графъ Вельгорскій, генералъ Львовъ и князь Голицынъ, особенно этотъ глава русскаго диллетантизма, отличались горячимъ выраженіемъ восторга. Дирекція императорскихъ театровъ просила Берліоза повторить этотъ концертъ, и въ будущую среду мы услышимъ «Ромео и Юлію» и второй актъ «Фауста». Появленіе Берліоза у насъ большое музыкальное событіе, послѣдствія его будутъ имѣть важное значеніе для будущности искусства въ Россіи. Публика питаетъ къ нему большую симпатію, а артисты его обожаютъ. Вчера мы присутствовали на генеральной репетиціи «Фрейшютца», поставленнаго для тенора Франка; Берліозъ хотѣлъ пройти по сценѣ во время исполненія, но тотчасъ же былъ замѣченъ, и музыканты, пѣвцы и хористы, прервавъ репетицію, привѣтствовали его безконечными рукоплесканіями и «браво». Мы никогда не могли думать, чтобы такая сложная и серьезная музыка, какъ его, могла произвести въ такой короткій срокъ такое большое и общее впечатлѣніе».

— Смерть Рапизарди, Джіованни Пасколи, Лабушера, Стѣда.— Печальную серію литературныхъ поминокъ за первую половину текущаго года открыла Италия, лишившись крупнаго итальянскаго поэта Маріо Рапизарди, скончавшагося 4-го января въ своей родной Катаніи (въ Сициліи). Революціонеръ до глубины души, гарибальдеецъ и романтикъ, онъ былъ поэтъ демократіи и социализма и до послѣдней минуты жизни ненавидѣлъ аристократію, «знатныхъ каналовъ съ синей кровью», и духовенство. Рапизарди родился въ 1844 году въ Катаніи и очень мало усвоилъ, обучаясь въ сицилійской школѣ, а лично самъ себя сформировалъ. Когда онъ принялся за свое перевоспитаніе, то первымъ дѣломъ освободилъ себя отъ всего, что онъ называлъ суевѣріемъ—религіознымъ, философскимъ и социальнымъ, и сдѣлался «независимымъ». Онъ изучалъ древнихъ, но не создавалъ имъ культа, держался внѣ всякой академіи и дисциплины и, по его увѣренію, «взялъ себѣ въ руководители природу и свое сердце». Профессоръ римскаго университета Д. А. Борджесъ даетъ пространную критику и свѣдѣнія о немъ въ статьѣ на страницахъ «Nuova Antologia»¹⁾. Молодости Рапизарди не хватало чувственнаго фермента, трагедіи любви, и поэтому въ различныхъ его произведеніяхъ: эпопее, элегіи или сатирѣ, онъ прежде всего придавалъ поэзіи научное, социальное и современное содержаніе. Питаясь материалистской и эволюціонистской философійю, онъ былъ страстнымъ противникомъ христіанства. Это была мятежная душа изъ расы Шелли (онъ перевелъ его «Освобожденный Прометей») и Байрона, но, однако, не имѣлъ ихъ генія. Рапизарди задумалъ возобновить эпопею, замѣнивъ всѣ чудеса мифологическія и романтическія чудесами научными и природными. Въ «Palingenesi», состоящей изъ десяти пѣсенъ, вродѣ легенды вѣковъ, исторіи великой эпохи челоуѣчества, онъ мечтаетъ о социальномъ возрожденіи посредствомъ возвращенія къ языческимъ

¹⁾ Mario Rapisardi (1844—1912) «Nuova Antologia» 16 Febr.

идеямъ. Касаясь этой поэмы, Викторъ Гюго написалъ ему: «Вы—предтеча: у васъ въ рукахъ два факела: свѣточъ поэзіи и свѣточъ истины». Его апокалиптическія видѣнія даютъ мысль о Гюго послѣднихъ менѣе хорошихъ его дней, и слѣдующая поэма «Lucifero» изъ двадцати пѣсень (1879 г.) касается того же сюжета, что «Гимнъ сатаны» Кардуччи, но съ безконечно меньшей умѣренностью... У Рапизарди «Люциферъ» или «Свободная Мысль», обѣжавъ всю вселенную, оканчивается «уничтоженіемъ Бога лучами истины»—«Così moria l'eterno!» (Такъ умеръ вѣчный)—и Прометей отомщенъ. «Качествами своего стиля,—говоритъ Борджезъ:—онъ обязанъ, главнымъ образомъ, латинскимъ классикамъ, особенно Лукрецію, котораго онъ отлично перевелъ; легкостью своего воображенія онъ обязанъ Катуллу, котораго итальянизировалъ, а идеи ему вдохновляли Шелли, Гете и Гюго. Изъ произведеній Шелли его прельщали болѣе эпическія драмы, чѣмъ лирическія произведенія; изъ сочиненій Гете онъ находился подъ вліяніемъ исключительно «Фауста», а Гюго: «Chatiments» и «La Legende des siècles» производила впечатлѣніе сильнѣе, чѣмъ «Les Feuilles d'automne». Пятидесятивосьмилѣтній Рапизарди сталъ извѣстенъ особенно благодаря полемикѣ съ Кардуччи. Въ поэмѣ «Гимнъ Сатаны» Рапизарди задѣлъ Кардуччи, (пѣвца гидрофоба, поэта волковъ). На это Кардуччи отвѣтилъ «Rapisardiana» и «Confessionie Battalie», между ними завязалась ожесточенная битва, привлекавшая вниманіе и сѣвера и юга Италіи. Въ этой печальной борьбѣ Рапизарди въ глазахъ литературной публики былъ побѣжденъ. Враждебно относясь къ возрожденію античнаго, чего желалъ Кардуччи, и въ то же время одолѣваемый тѣми же вопросами, которые волновали Кардуччи до послѣдняго дня, Рапизарди былъ омраченъ славой своего противника, говоритъ другой библиографъ поэта Жанъ-Бонклеръ. Его трилогія «Jobbe» представляетъ описаніе вселенной и исторію человѣчества. Іовъ—человѣкъ—приходитъ въ концѣ концовъ къ поклоненію природѣ. Поэтъ и критикъ Олиндо Гуэррини (Лоренцо Стеккети) въ 1882 году напечаталъ подъ псевдонимомъ Марко Валоссарди забавную пародію подъ чисто сатирической формой «Atlantide» (1894 г.) Рапизарди, гдѣ онъ воспѣваетъ триумфъ социалистеской идеи. Гуманитарныя, демократическія апокалиптическія произведенія «liberta» Рапизарди подлежатъ широкой критикѣ,—говоритъ Бонклеръ.—Фугъ, искренности вдохновенія далеко не соответствуетъ оригинальность, благородство и чистота формы. Во всѣхъ этихъ длиннотахъ есть много подражанія Фосколо, Леонарди, много условностей и общихъ литературныхъ мѣстъ, много отжившаго классицизма, риторики и раздутости. У этого безпорядочнаго поэта негодованіе и запальчивость настолько слѣдуютъ одно за другимъ, что эффектъ быстро притушается. Особенно ему недостаетъ вкуса: странныя изобрѣтенія, нелѣпыя, иногда неприличныя, особенно въ нѣкоторыхъ сценахъ—главный недостатокъ этого реформатора-мыслителя и гуманитарнаго пророка. Но эти недостатки не мѣшаютъ признать за Рапизарди дѣйствительныя заслуги. Даже въ сумятицѣ его большихъ поэмъ есть очень красивыя мѣста, но главные красоты въ его лирической поэзіи. Въ собраніи его произведеній, озаглавленномъ «Ricordanze versi» 1872 г., «Poesie religiose» 1889—1895 гг., «Empedocle ed altri versi» 1892 г., «Asceta ed altri versi» 1902 г. находится его личный искренній тонъ, великодушіе, пламя, и вмѣстѣ съ тѣмъ

они по формѣ изящны, гармоничны, звучны и богаты. Его итальянскій критикъ Ворджезе говоритъ, что даже могила не заставила смолкнуть эхо его страстной борьбы съ Кардуччи. И тотъ и другой были неправы. Но, несмотря на это, Рапизарди тѣмъ не менѣ заслуживаетъ виднаго мѣсто въ литературной исторіи Италіи. Безъ сомнѣнія, его талантъ былъ неровный, но все-таки его современники, слишкомъ предубѣжденные противъ него, не настолько его оцѣнили, какъ онъ этого заслуживаетъ. Они относились пристрастно къ покойному поэту и его «Job», несмотря на сатирическую пародію Стеккети, настоящій, вдохновенное произведеніе, и его слишкомъ поспѣшили раскритиковать. Потомство, болѣе уравновѣшенное, чѣмъ въ настоящую эпоху, будетъ судить иначе этого философа-поэта, котораго сравнивали съ Сюлли Прюдомомъ. Когда найдутъ возможнымъ прочесть «Антологію» Рапизарди, гдѣ находится столько красотъ, то его полюбятъ и антагонистовъ у него будетъ меньше. Его земляки не скупились на выраженіе своего уваженія и въ 1868 году вознаградили золотой медалью его первую поэму «Palingenesi», написанную, когда ему было двадцать четыре года. Тридцать лѣтъ спустя, въ годовщину этого числа ему отпраздновали юбилей, а 22-го января 1899 году ему воздвигли памятникъ въ саду виллы Белдини.

Почти ровно черезъ три мѣсяца, Италія потеряла второго крупнаго поэта, Джіованни Пасколи, также гуманиста, поэта «братства и состраданія». Въ его поэзіи, какъ и у перваго, нѣтъ мѣста ни женщинѣ, ни страсти, ни любви. Его сердце трепетало, но не для этого. Онъ воспѣлъ женщину въ своей матери. Любовь къ родинѣ, состраданіе, жалость къ другимъ людямъ, даже преступникамъ—вотъ элементы его поэзіи. Въ его душѣ пѣлъ Виргилій и Францискъ Ассизскій. Причина этого настроенія была одинаковая, какъ у перваго: печальный восходъ утра жизни, сумрачный, безъ луча солнца: убійство отца и вскорѣ смерть сестеръ и брата, кромѣ того, матерьяльные недостатки. Поэтъ увидѣлъ свѣтъ 31-го декабря 1853 года въ Санъ-Моро въ Романи, и первоначальное образованіе получилъ въ урбинской гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ Болоньи. Уже съ дѣтства онъ любилъ мечтать, созерцать и обожалъ природу. Когда ученики совершали загородныя прогулки, юный Пасколи забирался на вершины горъ и все мечталъ, мечталъ до того, что забывалъ о возвращеніи домой. Прошли года, а Пасколи все оставался такимъ же мечтательнымъ. Отъ природы меланхолическій, застѣнчивый, онъ былъ созданъ вести мирную, спокойную жизнь въ деревнѣ, но судьба судила иначе. Въ одинъ несчастный день 12-го августа 1867 года его отца, Руджеро Пасколи, управлявшаго крупными имѣніями, убили, мстя за его преданность своему патрону. Это былъ страшный нравственный и матерьяльный ударъ для семьи, совершенно не обезпеченной. Въ довершеніе за отцомъ послѣдовала сначала одна сестра, затѣмъ два брата, и онъ остался на попеченіи сестры, тоже поэтессы, Маріи Пасколи. Эти душевныя переживанія отразились на его произведеніяхъ; его охватила глубокая меланхолія, и мысль о смерти овладѣла имъ, а потому въ его стихахъ такъ много спохороннаго: онъ сдѣлался пессимистомъ, какъ Леонарди, влияніе котораго ильно отразилось на немъ, хотя у него были другія тенденціи и выводы. Созерцающая ничтожество человѣка и неизвѣстное, что его окружаетъ, онъ болѣе и

болѣе познавалъ себя и чувствовалъ свою отчужденность и несчастье; но именно это самое горе основа всѣхъ его благородныхъ чувствъ, сближающихъ людей, — братства и сожалѣнія. Его вдохновеніе широкое и великодушное. Онъ, какъ и Рапизарди, не хотѣлъ заключать себя въ темницу какой-либо формулы, которая господствовала бы надъ его чувствами, и признавалъ лишь «libertu die rapiti del cuore» (свободно бьющееся сердце). Воспѣвая мирную жизнь, онъ умѣлъ воспѣть одинаково и патриотизмъ военныхъ и писать стихи въ честь побѣдителей Триполи. Пасколи поэтъ природы, деревни. По простотѣ и глубинѣ чувствъ при описаніи природы онъ приближается къ античнымъ поэтамъ, его учителямъ — Гезіоду и особенно Виргилію. Въ его описаніи пейзажи являются необыкновенно свѣжими. По формѣ Пасколи — чистый художникъ. Его стихъ полный, твердый, вычеканенный, и его единственный недостатокъ, что онъ доводитъ утонченность до александризма. Его риѣма чудно-гармонична и напоминаетъ Виргилію, поэтому недаромъ Габріэль д'Аннунціо въ письмѣ, напечатанномъ по поводу смерти Пасколи, не задумался поставить его имя послѣ Данте и Петrarки.

Оба скончавшіеся поэта были профессорами университета, сначала мессинскаго, потомъ Пизы, Ливорно и Болоньи, гдѣ Пасколи занялъ кафедру итальянской литературы послѣ Кардуччи. Первые его стихи были «Mugicse» (1891 г.), по большей части очень короткіе и лишены всякихъ претензій. Въмѣстѣ съ тѣмъ они дышатъ необыкновенной свѣжестью впечатлѣній, богатствомъ идей, прелестнымъ стилемъ и ритмомъ. Пасколи отрицаетъ всѣ церкви и на смертномъ одрѣ онъ отказался отъ напутствія священника, но въ сущности душою онъ былъ вполне христіанинъ, благословляющій даже своего врага. На закатѣ своей жизни Пасколи попытался заняться политической поэзіей, «Canzoni di Re Enzo», но они не имѣли того успѣха, какъ первыя, собранныя въ шести томахъ.

За Италіей послѣдовала Англія, лишившаяся въ короткій срокъ двухъ писателей, Г. Лабушера и короля журналистовъ Вильяма Стѣда. Первый скончался 15-го января во Флоренці, уже въ преклонномъ возрастѣ, поэтому эта потеря не являлась для Англіи неожиданностью, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ оставилъ литературное и политическое поприще. Многіе годы этотъ человекъ игралъ видную роль въ Англіи и считался опаснымъ полемистомъ. Г. Лабушеръ родился въ Лондонѣ въ 1831 году. Его предки были французскаго происхожденія, протестанты и бѣжали въ Англію послѣ Нантскаго эдикта. Окончивъ этонскій колледжъ, Лабушеръ нашелъ свою карьеру на дипломатическомъ поприщѣ и въ 23 году онъ уже былъ при посольствѣ, занимая различныя должности въ Петербургѣ и Дрезденѣ. Но чрезъ десять лѣтъ онъ покинулъ этотъ постъ, будучи секретаремъ англійскаго посольства въ Константинополѣ, не чувствуя влеченія къ дипломатической карьерѣ. За время своего служенія въ посольствѣ онъ прославился нѣсколькими авантюрами, въ которыхъ политика не играла никакой роли; хотя болѣе всего привлекалъ его журнализмъ и политика, но заниматься ими онъ еще не могъ. Осуществленію его мечты помогло полученное имъ крупное наслѣдство, и съ этого момента начинается его политическая карьера, тѣсно связанная съ журнальной. Краснорѣчивый ора-

торъ, порою язвительный, очень крупный участникъ въ радикальномъ «Daily News» и особенно въ сатирическомъ журналѣ, который онъ велъ съ удивительной смѣлостью, Лабушеръ сдѣлался въ 1873 году лидеромъ самой грозной изъ передовыхъ партій. Онъ наносилъ жестокіе удары торіямъ, пока тѣ находились у власти. Впрочемъ, въ послѣдствіи онъ съ такимъ же ожесточеніемъ наносилъ ихъ и своимъ друзьямъ изъ лагеря виговъ, когда видѣлъ, что они настроены дурно.

Такое поведеніе помѣшало ему занять мѣсто, какого заслуживалъ его талантъ, когда восторжествовала его партія. Но по свойству его характера онъ былъ созданъ скорѣе занимать мѣсто въ оппозиціи, чѣмъ у власти. Онъ вступалъ въ прямой конфликтъ не только съ Гладстономъ, но и съ самой королевой Викторіей, чего она никакъ не могла ему простить, и когда въ 1892 г. Гладстонъ намѣревался ввѣрить ему министерскій портфель, то королева лично этому воспрепятствовала. Гладстонъ долженъ былъ преклониться предъ ея волей, но Лабушеръ еще ожесточеннѣе повелъ свой походъ. Не опасаясь задѣть національное чувство англичанъ, онъ требовалъ очистить Египеть, произносилъ рѣзкія рѣчи противъ слабости Гладстона, противъ тройственности, а въ послѣдствіи противъ англійской политики въ Южной Африкѣ, которая, по его словамъ, должна была окончиться войной съ бурами. Когда эта война вспыхнула, онъ устраивалъ митинги противъ нея, рискуя своей популярностью, и на одномъ изъ нихъ его даже серьезно ранили въ 1900 г. Это былъ конецъ его политической роли. Къ тому же Лабушеръ утомился борьбой и въ 1903 г. удалился въ Италію, хотя еще три раза принималъ участіе въ политическихъ событіяхъ Англии—примиреніи ея съ Франціей въ 1902 г., воцареніи радикальной партіи въ министерствѣ и народномъ движеніи противъ палаты лордовъ.

Вторая потеря для Англии болѣе существенна, ибо трагически скончавшійся король журналистовъ Вильямъ Стэдъ до послѣдней минуты жизни находился на своемъ боевомъ посту. Гибель океанскаго парохода, гиганта «Titanique», повлекшая за собою много жертвъ, унесла среди нихъ и хорошо знакомаго петербуржцамъ издателя «Review of Reviews», въ послѣдній разъ посѣтившаго Петербургъ во время освободительнаго движенія. Почти по единодушному отзыву всей иностранной прессы, въ лицѣ В. Стэда исчезъ не только крупный писатель, извѣстный журналистъ, но также благородное сердце, удвоенное великимъ характеромъ, и лучший человѣкъ на землѣ, о которомъ Карлейль сказалъ: «The good man Stead!» Въ краткой біографіи «Nuova Antologia» говорится, что Вильямъ Стэдъ, сынъ протестантскаго пастора, въ молодости посвятилъ себя торговлѣ и выражалъ страсть къ спорту, которому отдавался съ увлеченіемъ. Но какъ-то онъ купилъ себѣ одинъ томъ Шекспира и, прочитавъ его, почувствовалъ влеченіе къ литературѣ. Быть можетъ, это обстоятельство внушило ему мысль о классической бібліотекѣ за одинъ пенни, и въ послѣдствіи онъ сдѣлался ея издателемъ.

Затѣмъ онъ прочиталъ «Жизнь Кромвелля» Карлейля, и это чтеніе такъ на него повліяло, что когда онъ сдѣлался редакторомъ «Pall-Mall-Gazette», кардиналъ Mapping, прочитавъ его статьи, сказалъ, что онъ думалъ, не находится ли онъ въ присутствіи воскресшаго Кромвелля!

Стэдъ хотѣлъ управлять своими соотечественниками властью написаннаго слова. Изъ глубины своего кабинета въ Нортумберландской улицѣ онъ управлялъ, по его собственному выраженію, Британской имперіей. Онъ никогда не скрывалъ отъ соотечественниковъ своихъ мыслей. Во время войны съ бурами произошелъ скандалъ, заставившій его потерять грамадную сумму денегъ. Его поѣздка въ Петербургъ въ 1898 г. вызвала порядочную шумиху. Онъ посѣтилъ русскаго императора и говорилъ съ нимъ, какъ апостоль мира, и на страницахъ своего періодическаго «War against war» онъ былъ чемпиономъ гаагскаго трибунала. Въ 1890 г. онъ оставилъ «Pall-Mall» и основалъ «Review of Reviews», затѣмъ «Australasian Review of Reviews». Это былъ настоящій агитаторъ идей и не разъ вкладывалъ въ свою полемику такую силу убѣжденія, что публикѣ приходилось волей-неволей принять его точку зрѣнія. Какъ человекъ, Стэдъ былъ сострадательнъ, великодушень и добръ. Онъ увлекался спиритизмомъ и основалъ бюро подъ названіемъ «Юлія», для сообщенія съ потустороннимъ міромъ. Такое названіе онъ далъ по имени одной умершей дамы, которая будто бы часто къ нему являлась. Странное совпаденіе, что именно въ день несчастія Стэдъ составлялъ статью для своего журнала, посвященную лорду Пирри, строителю «Титаника», гдѣ находится фраза, теперь всѣхъ поражающая. Его личность была окружена цѣлою сѣтью всевозможныхъ легендъ и басенъ, для которыхъ потребовалось бы слишкомъ много мѣста. Объ его послѣдней поѣздкѣ въ Петербургъ въ роли примирителя иностранные журналы говорятъ съ его словъ. Онъ говорилъ, что съ трудомъ добился устроить митингъ, на которомъ хотѣлъ обратиться къ народу со словомъ, но сначала разрѣшенный Треповымъ, митингъ былъ отмѣненъ.

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТІЕ памятника М. Д. Скобелеву. 24-го іюня въ присутствіи его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича съ большою торжественностью состоялось освященіе и открытіе памятника генераль-адъютанту Михаилу Дмитріевичу Скобелеву. Вопросъ о постановкѣ памятника «Бѣлому генералу» былъ возбужденъ пять лѣтъ назадъ по случаю двадцатипятилѣтія со дня его кончины. Въ 1908 году послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на постановку памятника М. Д. Скобелеву въ Москвѣ. Въ то же время разрѣшена и повсемѣстная подписка для образованія фонда на памятникъ. Всѣ труды по этому сбору, объявленію конкурса на проектъ памятника и его сооруженію были возложены на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ начальника императорской военной академіи генераль-лейтенанта Д. Г. Щербачева. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Мѣсто для памятника было избрано, по высочайшему указанію, на Тверской площади. Въ январѣ слѣдующаго года былъ объявленъ конкурсъ. Въ маѣ 1910 года были представлены проекты, а 10-го и 11-го іюля состоялось засѣданіе комиссіи судей подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта Д. Г. Щербачева для разсмотрѣнія проектовъ и присужденія премій. Изъ двадцати семи представленныхъ проектовъ четыре были премированы, причѣмъ первая премія была присуждена отставному подполковнику П. А. Сомонову. Премированные проекты были представлены Государю Императору, и Его Императорскому Величеству благоудно было избрать для постройки проектъ подполковника Сомонова. Комиссія по постройкѣ памятника немедленно закончила составленіе соответствующихъ условій,

поручивъ скульптурныя работы автору памятника П. А. Сомонову, а отливку памятника, производство всѣхъ бронзовыхъ работъ, фундамента, гранитныхъ и каменныхъ работъ бронзо-литейному заводу А. Моранъ, преемнику Гаккеръ, въ Петербургѣ. Благодаря энергичному веденію дѣла, всѣ работы, начатыя 1-го декабря 1910 года, въ половинѣ мая текущаго года были закончены, то есть лѣпка, отливка и возведеніе памятника исполнены въ одинъ годъ восемь мѣсяцевъ. Памятникъ представляетъ собою величественную и красивую группу. На пьедесталѣ изъ сѣраго матоваго финляндскаго гранита, высотой въ девять аршинъ, красуется конная фигура «Бѣлаго генерала» съ высоко-поднятою надъ головой шашкой. Могучая лошадь полна энергіи и движенія, а въ фигурѣ «Бѣлаго генерала» чувствуется тотъ порывъ, который заставлялъ наши славныя войска творить чудеса храбрости. Конная фигура высотой въ семь аршинъ. По бокамъ фигуры ниже находятся двѣ группы фигуръ пѣхотныхъ офицеровъ и солдатъ, высота фигуръ— три аршина два вершка. Съ лѣвой стороны Скобелева—группа изъ семи фигуръ, изображающая защиту знамени, изъ войны въ Средней Азій, а съ правой—изъ войны 1877 года: группа солдатъ и офицеровъ, ринувшихся въ атаку. Всѣ фигуры исполнены съ большою экспрессіей. Кругомъ пьедестала въ нишахъ вдѣлано одиннадцать бронзовыхъ барельефовъ, въ полтора аршина высотой и въ два аршина шириною. Барельефы изображаютъ эпизоды изъ русско-турецкой кампаніи и войны въ Средней Азій. Вокругъ памятника поставлены четыре стильныя огромныя канделябра съ пятью стильными электрическими фонарями каждый. Въ день открытія памятника, съ десяти часовъ утра улицы, прилегающія къ Тверской площади, стали заполняться народомъ, стремившимся стать поближе къ мѣсту торжества, оцѣпленнаго нарядами полиціи. Вдоль по тротуарамъ стали лица, получившія билеты на торжество, и воспитанники мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Всѣ зданія, окружающія площадь, и каланча Тверской части были убраны національными флагами. Вокругъ задрапированнаго полотномъ памятника стояли мачты съ георгіевскими лентами и желтыми стягами съ вышитыми на нихъ черными гербами. Предъ памятникомъ поставленъ былъ шатеръ, увѣнчанный флагами изъ георгіевскихъ лентъ. По бокамъ развѣвались императорскіе штандарты. Шатеръ былъ красиво декорированъ тропическими растеніями и живыми цвѣтами. Предъ памятникомъ устроенъ былъ для молебствія открытый помостъ, затянутый краснымъ сукномъ. Въ одиннадцать часовъ стала заполняться Тверская площадь. Одна за другой подходили части войскъ московскаго гарнизона и располагались «покоемъ», фронтомъ къ памятнику. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа къ мѣсту торжества прибыли родственники покойнаго «Бѣлаго генерала»: сестра—княгиня Надежда Дмитріевна Бѣлосельская-Бѣлозерская съ дочерью княгиней З. К. Орловою, племянникъ и племянница героя—гг. Шереметевы. Княгинѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской строительная комиссія поднесла букетъ изъ красныхъ розъ. Къ мѣсту торжества прибыли начальствующія лица. Здѣсь же находились и сподвижники «Бѣлаго генерала»: бывший адъютантъ героя генераль-лейтенантъ А. Н. Масловъ, подъ псевдонимомъ Бѣжецкій писавшій воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ, бывший адъютантъ и ординарецъ, впоследствии хоронившій героя, генераль-майоръ Д. Б. Абад-

зѣвъ, бывшій ординарецъ двухъ походовъ и начальникъ охотниковъ генераль-майоръ М. Е. Нуджевскій, бывшій адъютантъ генераль-майоръ М. И. Ушаковъ, бывшіе ординарцы—корнетъ М. Д. Киселевъ и прапорщикъ Г. П. Джангіевъ, Д. М. Маникаевъ и воспитанникъ героя Махмудъ-Бекъ-Шахрухановъ. Нѣсколько поодаль выстроились и другіе сподвижники М. Д. Скобелева, участники боевъ въ Туркестанѣ, Закаспійской области, на Зеленыхъ Горахъ и на Шипкѣ. Всѣ они украшены солдатскими георгіевскими крестами. Общее вниманіе обращалъ на себя старѣйшій изъ героевъ, ветеранъ русской арміи, отставной фельдфебель Селенгинскаго полка Иванъ Васильевичъ Зоринъ, 112 лѣтъ. Вокругъ памятника сгруппировались многочисленныя депутаціи; нѣкоторыя изъ нихъ пріѣхали издалека. Въ двѣнадцать съ половиною часовъ дня клики «ура» возвѣстили о пріѣздѣ великаго князя Михаила Александровича. Его императорское высочество, встрѣченный командующимъ войсками, принялъ рапортъ отъ командующаго парадомъ, начальника третьей гренадерской дивизіи генераль-лейтенанта В. Н. Горбатовскаго. Затѣмъ великій князь, обойдя фронтъ и поздравившись съ войсками, прослѣдовалъ въ храмъ св. Космы и Даміана. Къ памятнику изъ храма выступилъ крестный ходъ. За крестнымъ ходомъ слѣдовалъ великій князь Михаилъ Александровичъ со свитой и начальствующими. Раздалась команда: «на-караулъ». Музыка заиграла «Коль славень». Крестный ходъ остановился у памятника на помостѣ. Высокопреосвященный Владимиръ соборнѣ совершилъ молебствіе: пѣлъ хоръ капеллы Ѳ. А. Иванова. Послѣ провозглашенія многолѣтній Царствующему Дому была возглашена вѣчная память М. Д. Скобелеву. Всѣ опустились на колѣна. Въ этотъ моментъ пелена спала, и глазамъ всѣмъ предсталъ красивый памятникъ «Вѣлому генералу». Владыка митрополитъ окропилъ памятникъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ осмотра памятника великимъ княземъ состоялась передача памятника городскому управленію, затѣмъ послѣдовало возложеніе на памятникъ вѣнковъ многочисленными депутаціями.

Юбилей штаба гвардіи. 3-го іюня штабъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа торжественно праздновалъ свой столѣтній юбилей. Къ десяти часамъ утра въ дворцовомъ саду августѣйшаго главнокомандующаго въ Красносельскомъ лагерѣ собрались участники юбилея. Въ десять часовъ утра его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ изволилъ прибыть на мѣсто для богослуженія, у дворца, и былъ встрѣченъ при входѣ въ садъ помощниками августѣйшаго главнокомандующаго генералами-отъ-инфантеріи Газенкампомъ и барономъ фонъ-Ашебергомъ и начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа генераль-лейтенантомъ барономъ фонъ-денъ-Брикеномъ. По окончаніи молебствія провозглашено царское многолѣтіе, многолѣтіе августѣйшему главнокомандующему и всему христіанскому воинству и вѣчная память императорамъ Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III и бывшимъ главнокомандующимъ великимъ князьямъ Константину Павловичу, Михаилу Павловичу, Николаю Николаевичу (Старшему) и Владимиру Александровичу, а также всѣмъ воинамъ, на полѣ брани живогъ свой положившимъ. Приложившись къ кресту и принявъ окропленіе святой водой, великій князь въ предшествіи духовенства вторично обошелъ

фронтъ команды. Начальникъ штаба прочелъ передъ фронтомъ высочайшую грамоту, дарованную штабу въ день празднованія юбилея. Августѣйшій главнокомандующій поднялъ чарку за державнаго вождя русской арміи Его Величество Государя Императора. Музыка играла «Боже, Царя храни», здравица покрыта единодушнымъ «ура». Начальникъ штаба провозгласилъ здравицы Государынямъ Императрицамъ, Наслѣднику Цесаревичу и августѣйшему главнокомандующему, при звукахъ соответственныхъ маршей и продолжительномъ «ура». Великій князь провозгласилъ здравицу начальнику штаба, служащимъ и прежде служившимъ. У Красносельскаго театра въ саду состоялся пріемъ депутаций. Привѣтствовали юбиляра адресами и подарками: главный штабъ, главное управленіе генеральнаго штаба, редація «Русскаго Инвалида», главный морской штабъ, городъ Петербургъ, виленскій военный округъ, прежде служившіе въ штабъ, военно-окружный совѣтъ и другія окружныя управленія, гвардейскій корпусъ, 1-й и 18-й армейскіе корпуса, 22-й армейскій корпусъ съ крѣпостями Свеаборгъ и Выборгъ, с.-петербургское комендантское управленіе, крѣпость Кронштадтъ, Владимирское военное и Николаевское кавалерійское училища, с.-петербургскій военно-полицейскій телеграфъ, с.-петербургская и вологодская мѣстныя бригады. Прежде служившіе поднесли юбиляру серебряную братину и столовое и десертное серебро, 18-й армейскій корпусъ—серебряную вазу, 22-ой армейскій корпусъ—адресъ въ серебряномъ бюварѣ и серебряную братину съ чарками, с.-петербургское комендантское управленіе серебряную братину, с.-петербургская мѣстная бригада портреты Государя Императора, Александра I и августѣйшаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, въ общей дубовой рамѣ, вологодская мѣстная бригада—образъ святого Николая Чудотворца. Адреса въ серебряныхъ бюварахъ были отъ гор. Петербурга, съ гербомъ столицы, отъ Кронштадта съ планомъ о. Котлина и крѣпостнымъ флагомъ, отъ 1-го и 22-го армейскихъ корпусовъ, окружныхъ управленій и совѣта, отъ «Русскаго Инвалида», отъ виленскаго военнаго округа. Адресъ главнаго морскаго штаба вложенъ въ серебряный бюваръ въ видѣ Андреевскаго флага съ изображеніемъ акварелью зданія штаба округа и главнаго адмиралтейства. Начальникъ штаба благодарилъ за поздравленія. Всѣ участники торжества снялись въ общей фотографической группѣ. Въ палаткѣ въ саду состоялся завтракъ.

Похороны праха генераль-лейтенанта Д. П. Невѣровскаго. На Бородинскомъ полѣ, на лѣвой Багратионовской флеші былъ преданъ землѣ перевезенный по инициативѣ кружка ревнителѣй въ память Отечественной войны изъ Галле прахъ героя этой войны генераль-лейтенанта Д. П. Невѣровскаго, убитаго въ 1813 году подъ Лейпцигомъ. На станціи Бородино Московско-Брестской желѣзной дороги прахъ встрѣтили и сопровождали до могилы: пріѣхавшіе изъ Москвы командующій войсками московскаго военнаго округа генераль-отъ-кавалеріи П. А. Плеве, московскій губернаторъ генераль-майоръ В. Ѳ. Джунковскій, московскій губернский предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, членъ московской городской управы В. Н. Литвиновъ, гласный думы Н. А. Шаминъ, председатель кружка ревнителѣй въ память Отечественной войны генераль П. П. Яковлевъ съ членами, члены императорскаго военно-историческаго общества,

депутация отъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и другія. Для отданія воинскихъ почестей назначены были батальонъ 6-го гренадерскаго Таврическаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки и четыре орудія конно-артиллерійскаго дивизиона. Гробъ изъ вагона былъ перенесенъ генералитетомъ, установленъ на лафетъ, и при звукахъ похороннаго марша процессія прослѣдовала черезъ село Семеновское въ Спасо-Вородинскій монастырь, а отсюда послѣ панихиды на Багратионовскія флешы. Когда гробъ опустили въ склепъ, части войскъ произвели троекратный залпъ. Надъ могилой водруженъ временный деревянный крестъ. Полковникъ В. Н. Аванасьевъ по распоряженію командующаго войсками обратился къ частямъ войскъ съ рѣчью о заслугахъ Д. П. Невѣровскаго. Были возложены на могилу вѣнки: отъ императора Вильгельма II, гор. Галле, московскаго городского общественнаго управленія, полтавскаго дворянства, земства, смоленскаго городского управленія, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, варшавскаго военнаго округа, гор. Борисова, Симбирскаго и Черноморскаго полковъ и другихъ.

Полувѣковой юбилей статсъ-секретаря А. Н. Куломзина. 27-го іюня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ государственной службы одного изъ наиболѣе видныхъ сановниковъ, члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Куломзина. А. Н. принадлежитъ къ старинному дворянскому роду. Родился онъ въ 1838 г. Получивъ блестящее образованіе, А. Н. по окончаніи императорскаго московскаго университета отправился за границу продолжать образованіе и тамъ слушалъ лекціи въ лейпцигскомъ, гейдельбергскомъ и оксфордскомъ университетахъ, для усовершенствованія въ юриспруденціи. По возвращеніи въ Россію А. Н. занялъ должность мирового посредника Кинешемскаго уѣзда и вскорѣ причисленъ былъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1864 г. А. Н. переводится въ государственную канцелярію и быстро проходитъ всѣ младшія должности. Пять лѣтъ спустя онъ назначается начальникомъ отдѣленія комитета министровъ. Въ 1872 г. за отличіе по службѣ онъ былъ пожалованъ въ камергеры, въ слѣдующемъ году получилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и черезъ нѣкоторое время былъ назначенъ помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ съ пожалованіемъ въ статсъ-секретари. Далѣе А. Н. завѣдывалъ дѣлами соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи. Въ 1892 г. А. Н. состоитъ уже въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и въ 1893 г. на него возлагается управленіе дѣлами комитета Сибирской желѣзной дороги; немало трудовъ и заботъ отдалъ онъ этому дѣлу, участвуя въ самыхъ разнообразныхъ спеціальныхъ комиссіяхъ по вопросу о постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Замѣчательны личные труды А. Н. по изслѣдованію Забайкалья, по изученію тамошняго инородческаго быта и вопросовъ землеустройства. Членомъ государственнаго совѣта А. Н. состоитъ съ 1902 года. Кромѣ того, онъ—членъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ качествѣ члена государственнаго совѣта А. Н. играетъ видную роль въ нашей верхней палатѣ, выступая постоянно докладчикомъ по многимъ законопроектамъ. Большимъ авторитетомъ пользуется А. Н. въ вопросахъ народнаго образованія, послѣдній капитальный трудъ по которому, весьма цѣнный по

содержанію и выводамъ, недавно изданъ. Въ день пятидесятилѣтняго юбилея А. Н. былъ удостоенъ высочайшаго рескрипта и награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Археологическая находка. Недавно управленіемъ херсонскаго архіерейскаго дома производились земляныя работы на улицѣ Говарда: снимался откосомъ бугоръ, по которому идетъ стѣна, окружающая архіерейское подворье. Копая землю, рабочіе наткнулись на каменныя плиты и стали копать то мѣсто вглубь. Земля оказалась рыхлой. Въ ней нашли человѣческой скелеть, серьгу, кости животныхъ, обломки глиняной посуды, каменное корыто. Все это признано было невѣждами не имѣющимъ никакого значенія и тутъ же было уничтожено: корыто разбили и обломки его употребили на тротуаръ подъ откосомъ; такое же назначеніе получили и могильныя плиты; серьгу разломали и бросили; человѣческой черепъ унесъ какой-то архіерейскій пѣвчій, а остальные кости скелета и черепки снова бросили въ яму и засыпали землей. Благодаря содѣйствію инспектора коммерческаго училища І. В. Новицкаго, была наскоро сформирована группа добровольцевъ-археологовъ изъ учениковъ этого училища, и съ ихъ помощью г. Гошкевичъ приступилъ къ изслѣдованію могилы. Копать не пришлось, такъ какъ вся земля до дна могилы была уже перековыряна рабочими: оставалось только вновь вынуть эту землю и просѣять ее на грохотѣ, въ надеждѣ найти выброшенные рабочими мелкіе предметы, бывшіе при покойникѣ. Кромѣ костей человѣка и нѣсколькихъ животныхъ, на грохотѣ оказалось множество черепковъ, между которыми г. Гошкевичъ нашелъ не мало древнихъ, а также бронзовая застежка отъ одежды (такъ называемая фибула). Эти находки показываютъ, что покойникъ былъ погребенъ тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ, около времени Рождества Христова. Собранные обломки предметовъ изъ могилы взяты на храненіе въ музей, а о грабежѣ могилы имъ же доведено до свѣдѣнія императорской археологической комиссіи.

Миліонный кладъ. Текущимъ лѣтомъ въ селѣ Малая Перещепина Полтавской губерніи были найдены вещи на пескахъ двумя мальчиками, которые сейчасъ же побѣжали къ матери и рассказали о своей находкѣ. Мать, въ свою очередь, рассказала сосѣдямъ. Явились стражники, собрали вещи и отнесли къ приставу. Нѣсколько дней кладъ оставался безъ описи и охраны. Если бы о немъ не узналъ исправникъ и не сообщилъ по начальству, не много уцѣлѣло бы отъ этого клада. По происхожденію, вещи, составляющія кладъ, принадлежатъ Персіи и Византіи. Самымъ древнимъ предметомъ въ кладѣ надо считать серебряное блюдо съ рельефнымъ изображеніемъ сасанидскаго царя Сапора II (IV вѣка). Наиболѣе поздняго происхожденія—золотыя византійскія монеты (первая половина VII вѣка). Главная масса предметовъ относится къ V и началу VI вѣковъ. Всѣхъ золотыхъ предметовъ больше пуда, серебра больше полутора пуда. Золотыхъ предметовъ свыше четырехсотъ, серебряныхъ пятнадцать. Особенно выдѣляются: серебряное блюдо въ тринадцать вершковъ въ діаметрѣ, украшенное различными орнаментами, надписями и камнями; вызолоченная ваза въ полпуда вѣса; нѣсколько золотыхъ кувшиновъ, украшенныхъ масками и различными орнаментами; одиннадцать золотыхъ кубковъ, въ видѣ причастныхъ чашъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ украшенъ жемчугами и

камнями; два меча въ золотыхъ ножнахъ, украшенные камнями и орнаментами; золотой жезлъ и масса мелкихъ предметовъ: браслетовъ, ложекъ, пряжекъ и пр. Первоначально вещи были пересланы въ Полтаву и помѣщены на храненіе въ мѣстное отдѣленіе государственнаго банка. На прошлой недѣлѣ, по распоряженію председателя совѣта министровъ, кладъ былъ перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ онъ хранится въ особой комнатѣ въ кредитномъ отдѣленіи государственнаго банка. Происхожденіе клада, по гипотезѣ ученаго археолога г. Макаренка, вѣдывшаго по порученію императорской археологической комиссіи въ Полтавскую губернію для опредѣленія найденнаго клада, таково. Кочевыя народности, населявшія южную Русь не позже VIII вѣка, ограбили какую-нибудь сокровищницу и, перевоза награбленное, въ силу какихъ-то тревожныхъ обстоятельствъ были вынуждены зарыть.

Домикъ старца Θεодора Кузьмича. Наше простонародье считаетъ святыней тотъ небольшой домикъ, который находится въ гор. Томскѣ, по Нечаевской улицѣ, въ усадьбѣ г. Чистякова, въ которомъ жилъ во время оно знаменитый старецъ Θεодоръ Кузьмичъ. Въ прежнее время въ этомъ домикѣ каждое воскресенье служилась панихида—вечерами; особенно исправно это было при архимандритѣ Іонѣ, а по смерти его панихиды совершаются рѣдко. Домикъ отъ времени дѣлается ветхимъ, а устроенный надъ намъ навѣсъ плохо его защищаетъ отъ дождя и снѣга. Наконецъ обратила вниманіе на этотъ домикъ бывшая здѣсь жена сенатора, графиня Медемъ, которая собственнымъ участіемъ возбудила вопросъ о капитальномъ ремонтѣ навѣса надъ домикомъ Θεодора Кузьмича, въ лицѣ котораго народъ простодушно чтитъ въ Востѣ почившаго императора Александра I. Благословеннаго.

Покупка бывшаго имѣнія И. С. Тургенева. Бывшее имѣніе И. С. Тургенева въ Мценскомъ уѣздѣ, село Спасское-Лутовиново, гдѣ онъ жилъ, мыслилъ и много создалъ своихъ произведеній, въ настоящее время покупается министерствомъ государственныхъ имуществъ у настоящей его владѣлицы О. В. Галаховой. Имѣніе уже осмотрѣно представителемъ этого министерства въ Орлѣ г. Тейтелемъ и найдено хорошимъ. Въ имѣніи немного болѣе тысячи десятинъ земли. Роскошный паркъ и садъ занимаетъ болѣе двадцати пяти десятинъ. Въ паркѣ много замѣчательнаго, напоминающаго объ его бывшемъ владѣльцѣ, нашемъ знаменитомъ поэтѣ-писателѣ: есть липовая бесѣдка, гдѣ, какъ передаетъ его камердинеръ, старичокъ Михайловъ, живущій въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, И. С. писалъ свою повѣсть «Наканунъ»; есть аллея ссыльнаго, насаженная руками самого И. С. въ то время, когда онъ былъ высланъ изъ Петербурга на житье въ Спасское-Лутовиново; это самая лучшая, роскошная аллея во всемъ этомъ дивномъ паркѣ, названная И. С., какъ онъ выражался, его настоящимъ именемъ, такъ какъ онъ былъ въ ссылкѣ. Цѣлы и «Два друга», двѣ сросшіяся сосны, всѣ сверху донизу испещренныя надписями посѣтителей. Вѣроятно, министерство, купивъ Спасское-Лутовиново, устроить тамъ какое-либо просвѣтительное учрежденіе не для привилегированныхъ только лицъ, но и для крестьянъ. Иванъ Сергѣевичъ сердечно относился къ крестьянамъ, заботился о нихъ. По словамъ того же Михайлова, онъ всегда шелъ навстрѣчу имъ, помо-

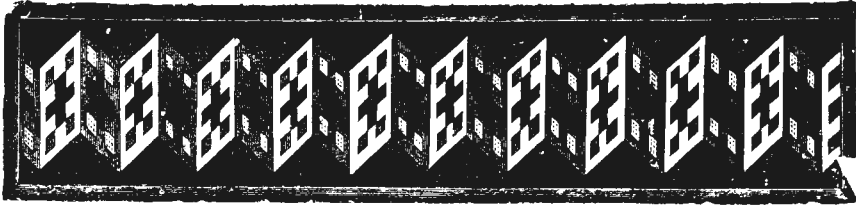
галъ имъ въ ихъ нуждахъ, выстроилъ училище, раздавалъ всегда, будучи въ деревнѣ, книжки и дѣтямъ, и взрослымъ, разумѣется, доступныя ихъ пониманію. Хотя большой домъ и сгорѣлъ, но большой флигель тамъ цѣлъ; въ немъ преимущественно и живалъ Иванъ Сергѣевичъ. Владѣлица Спасскаго-Лутовинова, О. В. Галахова, имѣетъ всѣ вещи, оставшіяся послѣ Ивана Сергѣевича, вплоть до рукописей, и, говорятъ, намѣрена устроить въ Спасскомъ Тургеневскій музей, отдавъ въ него всѣ находящіяся у нея вещи.

Отъ комиссіи по народной словесности. Въ концѣ прошлаго года при этнографическомъ отдѣлѣ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи образована подъ предсѣдательствомъ академика Вс. О. Миллера комиссія по народной словесности, предполагающая внести большую правильность и планомѣрность въ собраніе и изученіе произведеній народнаго творчества. У насъ, въ Россіи, выборъ мѣста или рода произведеній для записи опредѣляется обыкновенно личными симпатіями; не то въ другихъ странахъ, гдѣ собраніемъ руководятъ ученые общества, направляющія вниманіе на опредѣленный районъ. Неудивительно поэтому, что, напримѣръ, въ Финляндіи пѣтъ уже почти ни одного прихода, откуда въ архивъ финскаго литературнаго общества, шведскаго литературнаго общества и другихъ не было бы болѣе или менѣе значительнаго матеріала. Поставленная себѣ комиссіей задача можетъ быть осуществлена только при дружномъ содѣйствіи лицъ, соприкасающихся съ народнымъ бытомъ. Для облегченія собранія произведеній народнаго творчества комиссія выпустила программу, которая бесплатно разсылается всѣмъ желающимъ. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія предпринимаетъ также составленіе библиографическихъ указателей текущей литературы по народной словесности. Указатель за 1911 годъ уже подготовленъ къ печати. Комиссія хотѣла бы расширить указатели включеніемъ въ нихъ,—въ большей степени, чѣмъ это было сдѣлано въ прошломъ году,—матеріала, содержащагося въ провинціальныхъ газетахъ, и надѣется, что ей придутъ на помощь сами авторы сообщеніемъ точныхъ свѣдѣній, гдѣ, когда (въ какомъ номерѣ) и что они напечатали. Конечно, было бы еще пріятнѣе, если бы на мѣстѣ нашлись лица, которыя систематически просматривали бы для указателей, издаваемыхъ комиссіей, ту или иную газету. Всякій, кому случалось наводить справки въ старыхъ журналахъ или газетахъ, знаетъ, какую цѣнную услугу оказали бы они своими библиографическими отмѣтками будущимъ изслѣдователямъ. За программой и всякими вообще справками просить обращаться по адресу: Москва, политехническій музей, комиссія по народной словесности.

Темы на преміи имени К. Т. Солдатенкова. Академія наукъ выработала темы для соисканія наградъ имени К. Т. Солдатенкова. По наукамъ философскимъ объявлены слѣдующія темы: «Григорій Сковорода и его философія», «Нравственность», какъ экономическій факторъ въ производствѣ и распредѣленіи цѣнностей, «Вліяніе философіи Шеллинга и Гегеля на русскую мысль», «Вліяніе позитивизма на русскую философскую и научную мысль» и «Историческій очеркъ преподаванія философіи въ Россіи». Срокъ представленія сочиненій на конкурсъ по философскимъ наукамъ истекаетъ 1-го января 1916 года, прису-

жденеі же премій назначено на 29-го декабря того же года. По исторіи культуры историческихъ народовъ Востока академіей предложены темы: «Жизнь древнихъ персидскихъ мистиковъ» (требуется полное изображеніе житья-бытья персидскихъ мистиковъ на основаніи древнѣйшихъ персидскихъ источниковъ), «Мифологія древняго Египта», «Полный критическій обзоръ китайскихъ источниковъ по исторіи Тибета» и «Полный критическій обзоръ китайскихъ источниковъ по исторіи Китайскаго Туркестана». Сочиненія на заданныя темы можно представить до 1-го января 1919 г.

НЕКРОЛОГИ.

БЕЗОБРАЗОВЪ, Н. М. Въ мѣстечкѣ Montreux скончался послѣ продолжительной болѣзни извѣстный театраль, тайный совѣтникъ Николай Михайловичъ Безобразовъ. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Саратовской губерніи. Окончивъ кандидатомъ факультетъ восточныхъ языковъ въ петербургскомъ университетѣ, Н. М. былъ зачисленъ на службу въ министерство юстиціи въ 1869 году; 14-го января 1874 года переведенъ въ государственную канцелярію. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. по высочайшему повелѣнію командированъ въ дѣйствующую армію въ Румынію и Болгарію въ качествѣ уполномоченнаго общества Краснаго Креста и за отличіе при бомбардировкѣ турками города Журжева награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ мечами. 8-го января 1879 года покойный былъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества. Съ 29-го марта по 12-ое октября 1880 года состоялъ начальникомъ отдѣленія и управляющимъ канцеляріей начальника верховной распорядительной комиссіи и затѣмъ служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ до 15-го декабря 1882 года, затѣмъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ контролѣ. Въ 1891 году онъ перешелъ на службу въ горный департаментъ начальникомъ инспекторскаго отдѣленія и назначенъ членомъ отъ правительства въ правленіе общества каменноугольныхъ копей, рудниковъ и заводовъ въ Сосновицахъ и состоялъ въ этой должности до дня смерти. Кромѣ перечисленныхъ должностей, Н. М. Безобразовъ состоялъ съ 31-го января 1906 года по 28-ое апрѣля 1910 года членомъ совѣта министра торговли и промышленности, а въ концѣ 1907 года и въ началѣ 1908 года исполнялъ обязанности товарища министра вышеупомянутаго министерства. Покойный былъ кавалеромъ русскихъ орде-

новъ до св. Владимира 2 степени включительно, а также и многихъ иностранныхъ. Н. М. Безобразовъ похороненъ, согласно высказанному имъ желанію, въ мѣстечкѣ Slatens, въ Швейцаріи. Н. М. Безобразовъ былъ очень популяренъ въ театальной средѣ и считался знатокомъ балета, о которомъ писалъ множество статей и рецензій, и не пропускалъ ни одного выдающагося балетнаго спектакля. Начавъ свою журнальную дѣятельность въ восьмидесятихъ годахъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», покойный сотрудничалъ въ газетахъ «Новое Время», «Минута» и въ «Петербургской Газетѣ». Н. М. былъ связанъ дружбой съ покойнымъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ и многими другими литераторами-современниками и пользовался въ ихъ средѣ общей любовью. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13050).

† **Бильдерлингъ, А. А.** Въ Царскомъ Селѣ скончался 13-го іюля членъ военнаго совѣта, военный писатель генераль-отъ-кавалеріи баронъ Александръ Александровичъ Бильдерлингъ. Покойный принадлежалъ къ участникамъ двухъ послѣднихъ боевыхъ кампаній, съ турками и съ японцами. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. баронъ А. А. былъ командиромъ 12-го драгунскаго Стародубскаго полка. Война съ Японіей застала покойнаго во главѣ 17-го армейскаго корпуса. Онъ отправился съ корпусомъ въ составъ манчжурской арміи, командовалъ восточнымъ и западнымъ отрядами, затѣмъ третьей арміей и послѣ генерала барона Каульбарса второй манчжурской арміей. Участвовалъ во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ съ японцами. Его распорядительность и храбрость въ этой кампаніи отмѣчены золотымъ оружіемъ съ брильянтовыми украшениями и съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Александра Невскаго съ мечами. Покойный изъ дворянъ Курляндской губерніи, родился 23-го іюня 1846 года, окончилъ курсъ въ пажескомъ Его Величества корпусѣ однимъ изъ лучшихъ: имя его записано на мраморную доску корпуса. Начавъ службу въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку, А. А. поступилъ вскорѣ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ это время онъ особенно интересовался франко-прусской войной 1870—71 гг. и напечаталъ рядъ интересныхъ замѣтокъ о прусской арміи, о сравненіи силъ противниковъ. По окончаніи академическаго курса баронъ состоялъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками кievскаго военнаго округа, но черезъ годъ вернулся въ Петербургъ на должность дѣлопроизводителя военно-ученаго комитета главнаго штаба. Досуги службы покойный посвящалъ разработкѣ военныхъ вопросовъ вообще и кавалерійскихъ въ частности. Въ этотъ періодъ имъ опубликованъ рядъ статей: «Знаніе мѣстностей и чтеніе картъ», «Замѣтки о современномъ значеніи кавалеріи» и др. Передъ русско-турецкой войной 1877—78 гг. онъ былъ начальникомъ Тверскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища, послѣ войны назначенъ начальникомъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, которое находилось подъ его руководствомъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Заботясь о прусіянніи училища, баронъ А. А. обратилъ особенное вниманіе на практическую кавалерійскую подготовку. При немъ и по его инициативѣ Николаевское кавалерійское училище обогатилось Лермонтовскимъ музеемъ, открытымъ въ 1881 г. Покойный тщательно и любовно собиралъ все, что касалось жизни и дѣятельности поэта. Одновременно баронъ былъ привлеченъ къ работамъ въ комиссіи

по составленію положенія объ управленіи полкомъ и въ главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ. Съ 1890 года покойный былъ помощникомъ начальника главнаго штаба, въ 1898 году—членомъ военно-учебнаго комитета и принялъ виднѣйшее участіе въ организаціи «Вѣлаго Креста», съ 1899 года по 1905 годъ командовалъ 17-мъ армейскимъ карпусомъ и затѣмъ состоялъ членомъ военнаго совѣта и предсѣдателемъ комиссіи по устройству казармъ. Какъ военный писатель, покойный извѣстенъ теоретической разработкой цѣлаго ряда вопросовъ кавалерійскаго дѣла для ихъ практическаго примѣненія. Имъ составлены: «Пособіе для военныхъ развѣдокъ», «Справочныя свѣдѣнія для кавалерійскихъ офицеровъ при производствѣ рекогносцировокъ», «Гиппологическій атласъ для нагляднаго изученія», «Гиппология» и др. Послѣ войны 1877 года А. А. напечаталъ свои интересныя воспоминанія «Стародубскіе драгуны въ Руссукскомъ отрядѣ». Въ 1903 году произвелъ спеціальныя географическія и историческія изслѣдованія по вопросу о постановкѣ памятника Петру Великому въ Полтавѣ и напечаталъ свой проектъ памятника. (Некрологъ его: «Новое Время» 1912 г., № 13052).

† **Георгій, архіепископъ.** 10-го юня въ Ялтѣ на временномъ отдыхѣ неожиданно скончался преосвященный Георгій, архіепископъ астраханскій и енотаевскій. Почившій архипастырь, въ мѣрѣ Георгій Поликарповичъ Орловъ, сынъ діакона, родился въ Пензенской губерніи (1843 года), но воспитывался въ томской духовной семинаріи. По окончаніи курса по первому разряду (1860 годъ) онъ былъ рукоположенъ во священники (1861 годъ), но черезъ пять лѣтъ овдовѣлъ и рѣшилъ продолжать свое богословское образованіе, для чего съ 1870 года поступилъ въ студенты московской духовной академіи. Выпущенный со степенью кандидата богословія (1874 годъ), отецъ Георгій былъ назначенъ преподавателемъ въ томскую семинарію, гдѣ и находился до 1881-года, когда былъ переведенъ на должность инспектора благовѣщенской семинаріи; здѣсь онъ получилъ санъ протоіерея (1883 годъ), мѣсто ректора (съ 1885 года) и послѣ постриженія въ монахи возведенъ въ архимандриты (съ 1889 года). Свыше чѣмъ двадцатилѣтняя дѣятельность на духовно-учебномъ поприщѣ обратила на себя вниманіе св. синода, и архимандритъ Георгій, по высочайшему повелѣнію (отъ 24-го октября 1892 года), былъ хиротонисанъ 24-го января 1893 года во епископа селенгинскаго, перваго викарія иркутской епархіи. Затѣмъ его святительское служеніе протекало на трехъ архіерейскихъ кафедрахъ: забайкальской (съ 12-го марта 1894 года), тамбовской (съ 27-го сентября 1898 года) и астраханской (съ 27-го апрѣля 1902 года), гдѣ покойный, по случаю пятидесятилѣтія своего пастырскаго служенія (24-го апрѣля 1911 года), былъ возведенъ въ санъ архіепископа. Архіепископу Георгію принадлежали «Слово при нареченіи во епископа» («Церковныя Вѣдомости», 1893 г., № 11, стр. 438—440) и многія проповѣди, помѣщенные въ «Вѣдомостяхъ» тѣхъ епархій, гдѣ онъ проходилъ свое служеніе. (Некрологъ его: «Мѡск. Вѣд.», 1912 г., № 136).

† **Грекеръ, Р. А.** 9-го юля, въ часъ 30 минутъ дня во Французской больницѣ св. Маріи Магдалины на Васильевскомъ островѣ скончался младшій врачъ больницы св. Николая Чудотворца, докторъ медицины Романъ Яковлевичъ Грекеръ, раненый 2-го юля во время обхода палатъ въ больницѣ душевнобольнымъ Си-

зовымъ. Покойный окончилъ въ 1902 году медицинскій факультетъ кievскаго университета, куда онъ поступилъ послѣ окончанія гимназіи въ Двинскѣ. По окончаніи университета онъ посвятилъ себя исключительно первымъ больнымъ и считался въ этой области однимъ изъ авторитетныхъ и опытныхъ врачей. Вначалѣ онъ работалъ въ провинціи, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ работалъ въ клиникѣ профессора Вехтерева, затѣмъ съ профессоромъ докторомъ Пуссеномъ въ нервной клиникѣ при петербургскомъ психо-неврологическомъ институтѣ, въ первомъ отдѣленіи Французской больницы, а также состоялъ младшимъ врачомъ больницы св. Николая Чудотворца и, кромѣ того, имѣлъ обширную частную практику. Онъ былъ весьма отзывчивымъ и добрымъ товарищемъ, и его всѣ любили. Въ послѣднее время онъ много работалъ надъ своимъ первымъ научнымъ трудомъ, который онъ готовилъ для печати уже давно и теперь заканчивалъ его. Смерть помѣшала сдѣлать ему это. Умеръ докторъ Грекеръ 37-ми лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13048).

† **Дубасовъ, Ѳ. В.** Скончался членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ адмиралъ Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ. Покойный во время русско-турецкой войны 1877—78 г.г. въ чинѣ лейтенанта командовалъ отрядомъ мелкихъ судовъ, которому было поручено устройство минныхъ загражденій на Серетѣ и Дунаѣ. Вмѣстѣ съ лейтенантомъ Шестаковымъ ему удалось взорвать и потопить турецкій броненосный мониторъ «Сеифи». Мониторъ былъ атакованъ катерами, и первый удачный ударъ миною былъ нанесенъ покойнымъ съ катера «Цесаревичъ». Эта крупная удача русскаго флота въ началѣ войны вызвала общее удивленіе и восхищеніе и доставила молодымъ морякамъ мировую славу. Съ того времени имя Дубасова стало популярно. За геройскій подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени и пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта. Затѣмъ, когда на Дальнемъ Востокѣ русскія войска водворились на Квантунскомъ полуостровѣ, на долю покойнаго выпало занятіе Портъ-Артура и Дальняго (Талиевана) Во время русско-японской войны 1904 года Ѳ. В. былъ делегатомъ Россіи въ международной слѣдственной комиссіи по разбору Гульскаго инцидента. Въ 1905 году, когда такъ называемое освободительное движеніе вызвало аграрные беспорядки и вооруженныя возстанія, покойный, въ качествѣ генералъ-адъютанта, былъ Высочайше командированъ сперва въ Черниговскую, Курскую и Полтавскую губерніи для подавленія беспорядковъ, потомъ, въ ноябрѣ 1905 года, былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ. Вскорѣ по его назначеніи разразилось декабрьское вооруженное возстаніе. Ѳ. В. путемъ энергичныхъ мѣръ удачно справился съ московскимъ бунтомъ и потому сталъ ненавистенъ организаторамъ-революціонерамъ. Имя его попало въ ихъ синодикъ приговоренныхъ къ смерти. Два раза было устроено покушеніе на его жизнь, но оба раза, къ счастью, неудачно. Въ первый разъ была брошена бомба въ его коляску въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1906 года. Дно коляски провалилось, его адъютантъ графъ Коновницынъ былъ убитъ, у Ѳ. В. раздроблена ступня лѣвой ноги. Бунтарская бомба не убила покойнаго, но онъ все-таки былъ вынужденъ покинуть генералъ-губернаторскій постъ и отправиться за границу

для леченія. Въ годовщину московскаго бунта покушеніе на адмирала Дубасова повторилось въ Петербургѣ, въ Таврическомъ саду. Когда покойный дѣлалъ свою обычную прогулку по саду, два злоумышленника произвели въ него тринадцать неудачныхъ выстрѣловъ, двое же другихъ бросили бомбу, начиненную мелкими гвоздями. Бомба эта слегка ранила его въ лѣвую ногу. **Θ. В.** родился 21-го іюня 1845 года. Окончивъ курсъ морскаго училища, съ производствомъ въ корабельные гардемарины, онъ отправился вскорѣ въ кругосвѣтное плаваніе. Въ тихоокеанской эскадрѣ плавалъ на корветахъ «Варягъ» и «Богатырь». Вернувшись въ 1867 году, поступилъ въ морскую академію, курсъ которой окончилъ съ успѣхомъ въ 1870 году. Тогда же опредѣлился въ гвардейскій экипажъ и плавалъ на императорской яхтѣ «Держава». Въ должности командира 8-ой роты гвардейскаго экипажа и старшаго офицера яхты «Славянка» отправился въ 1877 году на театръ военныхъ дѣйствій съ турками. По окончаніи военныхъ операцій на Дунаѣ **Θ. В.** вернулся въ 1878 году въ Петербургъ, пожалованъ во флигель-адъютанты и назначенъ командиромъ крейсера добровольнаго флота «Россія». Затѣмъ послѣдовательно командовалъ практическимъ отрядомъ миноносцевъ Балтійскаго моря, крейсеромъ «Африка» (въ 1887 году былъ флагъ-капитаномъ походнаго штаба старшаго флагмана эскадры), фрегатомъ «Свѣтлана», фрегатомъ «Владимиръ Мономахъ». На этомъ фрегатѣ онъ сопровождалъ нынѣ царствующаго Государя Императора въ плаваніе на Дальній Востокъ. Послѣ недолгаго командованія броненосцемъ «Петръ Великій» покойный былъ съ 1892 года морскимъ агентомъ въ Берлинѣ, съ 1896 года младшимъ флагманомъ тихоокеанской эскадры. Черезъ годъ онъ былъ уже начальникомъ этой эскадры. Занятіе войсками Квантунскаго полуострова, Портъ-Артура и Талиенвана (Дальняго) было произведено имъ въ 1898 году. Зная Дальній Востокъ, **Θ. В.** не ждалъ ничего хорошаго отъ занятія китайской территоріи и еще тогда высказался, какъ убѣжденный противникъ ложнаго, по его мнѣнію, политическаго шага, нарушавшаго добрососѣдскія отношенія къ Китаю и особенно къ Японіи. Правильность оцѣнки его нашей дальневосточной политики подтвердилась послѣдующими событіями, вызвавшими неудачную для насъ войну съ Японіей, но тогда съ его мнѣніемъ не считались. Въ 1899 году **Θ. В.** былъ назначенъ старшимъ флагманомъ флотской дивизіи въ Кронштадтѣ. Въ 1901—1904 гг. онъ занималъ должность предсѣдателя морскаго техническаго комитета. Членомъ государственнаго совѣта покойный состоялъ съ 1906 года и одновременно принималъ участіе въ качествѣ члена въ особомъ комитетѣ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13028).

† **Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, баронъ, А. А.** Скончался членъ государственнаго совѣта баронъ А. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ. Покойный родился въ Петербургѣ въ 1840 году. Окончивъ въ 1860 году съ золотой медалью императорское училище правовѣдѣнія, баронъ А. А. поступилъ на службу въ министерство юстиціи, но вскорѣ же, оставивъ службу, уѣхалъ за границу усовершенствоваться въ юридическихъ наукахъ. По возвращеніи изъ-за границы баронъ А. А. вновь продолжалъ службу по министерству юстиціи, а затѣмъ перешелъ въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената и въ 1867 году

былъ назначенъ оберъ-секретаремъ перваго департамента. Въ 1868 году назначенъ членомъ петербургскаго окружнаго суда, но въ томъ же году вновь поступилъ въ сенатъ и былъ пожалованъ въ званіе камергера и назначенъ состоять при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которую сопровождалъ въ ея постоянныхъ путешествіяхъ за границу. Въ 1872 году баронъ А. А. поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и въ 1874 году былъ лифляндскимъ вице-губернаторомъ, съ 1874 по 1882 годъ—лифляндскимъ губернаторомъ. Покойный во время голода въ Казанской губерніи много принесъ пользы мѣстному населенію, благодаря своей энергіи. Затѣмъ А. А. былъ назначенъ сенаторомъ. Съ 1896 по 1899 годъ баронъ А. А. былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ въ бытность министромъ И. Л. Горемыкина. Въ 1900 году баронъ А. А. назначенъ членомъ государственнаго совѣта и въ этомъ званіи оставался до дня смерти. (Некрологъ его: «Петербургскія Вѣдомости», 1912 г., № 157).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Воспоминаніе о князѣ Голицынѣ.

Читая статью «Кавказская цензура», мнѣ вспомнился пріѣздъ князя Голицына въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ онъ навелъ страхъ не только на администрацію города, но и на педагогическій персоналъ. Я въ это время была ученицей женской гимназіи, слыша о пріѣздѣ намѣстника, никакъ не думала, чтобы князь могъ своимъ визитомъ причинить столько волненій нашему начальству. Это было въ концѣ октября 1903 года. Уже за нѣсколько дней до пріѣзда въ городѣ было замѣтно оживленіе: съ утра подметались улицы, ходили татары съ ножами, обрывая на дорогахъ траву. Въ обыкновенное время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ трудно увидѣть даже собаку, до того она мертва. На другой день послѣ торжественнаго въѣзда намѣстника въ нашъ городъ, утромъ, послѣ молитвы насъ оставили всѣхъ на мѣстѣ, вошли директоръ реальнаго училища и наша начальница, оба были очень смущенные и долго ничего не говорили. Наконецъ директоръ объявилъ, что его сіятельству желательно посѣтить нашу гимназію, а поэтому онъ проситъ насъ поддержать свою репутацію и оставить хорошее воспоминаніе въ такомъ важномъ гостѣ. Поговоривъ что-то тихо съ начальницей, онъ, еще больше смутясь, началъ: «Когда войдетъ ихъ сіятельство и поздоровается съ вами, то вы ему отвѣчайте: «здравія желаемъ, ваше сіятельство», и если онъ кого будетъ что-либо спрашивать, то отвѣчайте «такъ точно, или никакъ нѣтъ, ваше сіятельство». Эти слова очень насъ изумили, и невольны мы всѣ стали шептаться и ни за что не хотѣли изображать изъ себя военныхъ. Начальница и классныя дамы, которыхъ, къ слову сказать, было всего двѣ на всѣ семь классовъ, просили насъ разойтись. Въ классѣ зашумѣли еще больше, такъ какъ насъ стали заставлять хоромъ говорить «здравія желаемъ» и счаст-

ливо оставаться, ваше сіятельство». Младшія исполняли все послушно, но мы молчали, чѣмъ очень огорчали свое начальство. Около двѣнадцати часовъ, во время рисованія мы услышали стукъ колесъ. Двери гимназіи были раскрыты уже съ утра и охранялись городовымъ и нашимъ сторожемъ, а теперь къ нимъ присоединилось и наше начальство. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ князь Голицынъ въ бѣломъ кителѣ, благодаря которому его лицо казалось черезчуръ краснымъ и полнота еще солиднѣе. За нимъ шла его свита, но мы никого больше не видали, потому что не знали, что же намъ дѣлать и какими словами встрѣтить вошедшаго. Нашъ классъ былъ направо отъ входа, но князь пошелъ направо, къ младшимъ. Что онъ тамъ говорилъ, намъ слышно не было, но какой-то шумъ былъ ему отвѣтомъ. Наконецъ пришла очередь и намъ. «Здравствуйте, господа!» проговорилъ Голицынъ, дѣлая большое усиліе, чтобы не размѣяться, а свита его поджимала губы. Зато наше начальство стояло блѣдное и съ такимъ жалкимъ и умоляющимъ видомъ глядѣло на насъ, что мы невольно поддались его просьбѣ и громко, но не дружно отвѣчали: «здравія желаемъ, ваше сіятельство». Князь, смѣясь, наклонился надъ столомъ и сталъ смотрѣть рисунки ученицы П. Дѣвица была изъ военной семьи и очень бойко назвала свою фамилію и на вопросъ князя, не служить ли отецъ въ мѣстной бригадѣ, отвѣтила: «такъ точно, ваше сіятельство». Постоявъ еще нѣсколько минутъ, онъ попрощался. «Счастливо оставаться, ваше сіятельство», отвѣтили мы, но теперь уже дружнѣе. Князь еще разъ оглянулся и сказалъ громко своему адъютанту: «Говорятъ, что наши стрѣлки», и сталъ прощаться съ директоромъ и начальницей, поблагодарилъ ихъ и еще что-то прибавилъ, но это было сказано тихо, зато лицо начальницы прояснилось. Мы же всѣ, набравшись храбрости, подошли къ окнамъ и кричали: «Счастливаго пути, ваше сіятельство». Проводивъ гостя, всѣ пошли на мѣста. Сейчас же въ классъ вошла наша начальница и сказала, что князь далъ ей пятьдесятъ рублей на конфеты (насъ было двѣсти ученицъ). Въ ноябрѣ былъ нашъ ежегодный актъ, а вечеромъ танцы, и вотъ въ перерывѣ между танцами роздали мѣшки съ конфетами. Это и было угощеніе князя Голицына.

Л. Сипягина.

Адельгейда напрасно старалась побороть свое волненіе и скрыть отъ сестры то, что происходило въ ея сердцѣ при видѣ этого небольшого парохода.

Пароходъ приближался. Теперь его видно было ясно. Онъ назывался «Лебедь» и дѣйствительно имѣлъ форму лебедя. На носу красовалось позолоченное изображеніе этой любимой въ сказкахъ птицы.

— Онъ самъ стоитъ на пароходѣ, Матильда. Онъ держитъ курсъ сюда.

— Не можетъ быть! Онъ терпѣть не можетъ отца. Онъ опять выслалъ его изъ Кронбурга сюда. Не можетъ быть. И если Карлъ... то виноватъ будетъ онъ.

Одну минуту казалось, что пароходъ дѣйствительно беретъ курсъ на Лаубельфингенъ, но вдругъ онъ сдѣлалъ крутой поворотъ и остановился у островка.

— Объ этомъ островѣ рассказываютъ удивительныя вещи,— начала опять Адельгейда. — Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ замкѣ Турмъ въ полномъ одиночествѣ, словно какой-нибудь сказочный король, на островѣ, говорятъ, творятся удивительныя вещи.

— Сплетни лакеевъ!

— Ну, нѣтъ. Онъ превратилъ весь островъ въ настоящій букетъ розъ. Никто до него не былъ на этомъ островѣ. Онъ называетъ Турмъ и островъ Замкомъ Розъ. Кого-то онъ избересть въ королевы розъ, Матильда?

— Ты меня беспокоишь! Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ такъ ненавидитъ отца?

— Онъ примирится съ отцомъ. Онъ долженъ съ нимъ примириться. Отецъ приходится ему ближайшимъ родственникомъ. Это была вспышка гнѣва противъ Бауманна-фонъ-Брандта, а не противъ отца. Да ты не видѣла его моими глазами, и у тебя въ головѣ все этотъ принцъ Карлъ!

— Ты думаешь? Нѣтъ, я смотрѣла на него и твоими глазами. Онъ красивѣйшій мужчина въ мірѣ, но...

— Что но?

— Но такой ли онъ мужчина, какъ все прочіе?..

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Какая ты глупая! Развѣ я могу сказать это сама! Я испытываю такое чувство, какъ будто онъ отдѣленъ отъ насъ какой-то странной завѣсой. Это я испытывала въ Кронбургѣ, когда онъ въ театрѣ зашелъ къ намъ въ ложу, это я чувствую и теперь, здѣсь, когда его лебедь несетъ по озеру, словно корабль какого-то другого невѣдомаго міра. Я уважаю его, мои глаза невольно ищутъ его и, какъ очарованные, слѣдятъ за его прекрасной фигурой, но...

— Что но?

Маргарита понизила голосъ.

— Но что-то дѣлаетъ его для меня совсѣмъ другимъ, чѣмъ всѣ остальные мужчины. Я не желала бы имѣть его своимъ мужемъ, но и не испугалась бы такъ, какъ испугалась бы князя Лейхтенштейна. Онъ представляется мнѣ... смѣйся, пожалуй... онъ представляется мнѣ святымъ, непорочнымъ. Онъ какъ будто не изъ мяса и крови, какъ мы всѣ.

— Однако ты...

— Ты можешь называть меня смѣшной и тѣмъ не менѣе... Это рѣдкое свойство изъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ я знаю, есть у него одного. Тебѣ извѣстно, что онъ изгналъ прекрасную графиню Монтебелло?

— Нѣтъ.

— А я знаю.

— Такъ скажи мнѣ.

— За то, что она вздумала наложить на него свою руку, чего онъ никому не можетъ простить, ибо считаетъ себя богомъ.

— Но, Матильда, вѣдь Монтебелло не...

— Она сама княжеской крови. Да въ такіе предразсудки теперь уже не вѣрятъ... Всѣ мы люди-человѣки. Только его одного отдѣляетъ отъ насъ нѣчто такое, что трудно выразить словами, для чего я не могу придумать названія. И это будетъ его судьбой.

Адельгейда недовѣрчиво покачала головой. «Лебедь» шель уже къ Турму.

XIV.

Въ аллеѣ каштановъ, которая шла прямой линіей отъ дома къ берегу озера, появился лакей. Онъ быстро шель къ обѣимъ принцессамъ.

— Что вамъ нужно, Гольманнъ?—боязливо, почти испуганно крикнула Матильда.

— Его высочество проситъ васъ въ свои апартаменты.

— Меня одну, —прошептала Матильда и въ испугѣ схватила руку Адельгейды.

— Что бы это могло значить?—прошептала она на ухо графинѣ Шанцингъ, которая тѣмъ временемъ подошла къ нимъ.

— Не знаю сама, ваше высочество. Но вы должны поступать такъ же, какъ дѣлаютъ всѣ другія принцессы, и не очень раздумывать? Матильда разсмѣялась принужденно.

— Вы правы, графиня, не слѣдуетъ очень раздумывать о жизни, въ самомъ дѣлѣ это не стоитъ труда. Говорить немного по-французски, умѣть вести разговоръ и пристойно улыбаться—вотъ и довольно для принцессы, особенно для такой...

Она вдругъ смолкла. Лакей, стоя въ отдаленіи, почтительно ее дожидался. Она замѣтила, что онъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ: должно быть, князь Филиппъ очень торопится.

— Что приказалъ вамъ передать его высочество?—еще разъ переспросила она.

— Его высочество приказалъ мнѣ отыскать въ паркѣ принцессу Матильду и просить ея высочество безотлагательно пожаловать въ его апартаменты.

— Иду.

И, быстро рѣшившись, Матильда пошла къ дому. Адельгейда, качая головой, посматривала ей вслѣдъ. Сестра какая-то странная. Вѣчно погружена въ свои мысли. Наряды и балы не доставляютъ ей ни малѣйшаго удовольствія. Все только книги и книги. Потому бѣшенная скачка на охотѣ черезъ луга и лѣса. Это она, можетъ быть, унаслѣдовала отъ отца, который въ молодости отличался на офицерскихъ скачкахъ.

Пока Адельгейда все еще смотрѣла на маленькій бѣлый пароходъ, приставшій уже къ замку Турмъ, Матильда входила въ кабинетъ отца.

Князь Филиппъ, казалось, былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Вошедшая въ поговорку красота княжеской семьи сказалась и на немъ. Но его пребываніе съ Веллино въ Парижѣ и на Ривьерѣ, полное всякихъ приключеній, наложило свой отпечатокъ на его лицѣ. Жесткая складка около его красиваго рта, повидимому указывала, что онъ не умѣлъ беречь себя. Вѣчно бѣгавшіе глаза, казалось, постоянно о чемъ-то спрашивали, и это больше всего не нравилось Матильдѣ.

— Садись,—сказалъ князь дочери.—Я долженъ сказать тебѣ нѣчто въ высшей степени важное.

Принцесса повиновалась.

Она предпочла бы стоять, предчувствуя, что она услышитъ нѣчто такое, на что ей придется возражать.

— Что же вы хотите сказать мнѣ, ваше высочество?

Она нарочно выбрала это официальное названіе, которое обыкновенно не употреблялось при разговорахъ отца съ дочерьми. Но какое-то чувство подсказывало ей, что въ данномъ случаѣ съ ней рѣшился говорить не отецъ, а князь.

— Мое сообщеніе не должно удивлять тебя. Ты въ такомъ возрастѣ, что каждый день можешь услышать это. Чтобы покончить въ двухъ словахъ, я объявляю тебѣ, что князь фонъ-Лейхтенштейнъ просить у меня твоей руки.

Матильда молчала.

Такое предложеніе въ самомъ дѣлѣ не удивило ее.

Князь Филиппъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Ну, что же ты скажешь на это?

Матильда продолжала молчать. На ея лицѣ лежало ледяное спокойствіе.

— Князю Лейхтенштейну скоро будетъ шестьдесятъ лѣтъ,—сказала она наконецъ.,

— Ему пятьдесятъ семь лѣтъ, и онъ отлично сохранился. Мужчинина въ расцвѣтѣ силъ,—замѣтилъ князь.

— И притомъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ,—насмѣшливо прибавила Матильда.

— Это, конечно, не бѣда?

— Конечно, нѣтъ. Особенно, если онъ въ благодарность за получение моей руки приметъ на себя погашеніе долговъ вашей свѣтлости.

Князь Филиппъ вспыхнулъ.

— Пропну подобныхъ вещей мнѣ не говорить.

— Какъ вамъ угодно. Я тоже прошу не говорить мнѣ подобныхъ вещей.

— Что?

— Я не товаръ для стараго свѣтскаго жуира, хотя бы его имѣнія въ Россіи стоили въ десять разъ больше, чѣмъ они стоятъ.

Князь Филиппъ старался сохранить спокойствіе.

— Въ твоемъ возрастѣ и при твоемъ положеніи, дитя мое, люди не знаютъ настоящую цѣну денегъ. Поэтому я прощаю тебя. Годовой доходъ князя Лейхтенштейна втрое больше цивильнаго листа его высочества герцога. Что ты на это скажешь? Князь поручилъ мнѣ сказать, что сегодня днемъ онъ лично явится къ тебѣ, чтобы просить у тебя твоей руки. Что же мнѣ сказать ему?

— Скажите, что я не могу принять его предложеніе. Ты же зналъ, что ничего другого ты сказать ему не можешь.

Князю стоило большого труда сохранить свое спокойствіе. Почти кроткимъ тономъ,—онъ надѣялся этимъ легче всего склонить упрямыцу,—онъ заговорилъ опять:

— Я знаю, дитя мое, что твое согласіе на предложеніе князя Лейхтенштейна разрушило бы въ тебѣ большія надежды и прекрасныя мечты. Ты хотѣла бы вознестись выше, дитя мое. Князь не можетъ дать тебѣ корону, зато у него огромное состояніе, какого напрасно стали бы искать при европейскихъ дворахъ.

— Деньги, деньги и только деньги! Богъ знаетъ, для чего онѣ. И я должна быть ихъ добычей! Нѣтъ! Нѣтъ!

Она порывисто встала и, какъ своевольный ребенокъ, затопала ногами по гладкому паркетному полу княжескихъ апартаментовъ.

— Ты будешь внимательнѣе къ моимъ намѣреніямъ, если узнаешь дальнѣйшее,—послышался снова голосъ князя Филиппа. Ни для кого не тайна, что между герцогскимъ дворомъ въ Кронбургѣ и отцомъ кронпринца Карла шли переговоры, центромъ которыхъ была ты. Его королевское высочество даже удостоилъ своимъ по-

сѣщеніемъ замокъ Лаубельфингенъ. Его высочество пріѣзжалъ смотрѣть невѣсту. Ну, и благодаря твоему братцу Альфреду, ничего изъ этого не вышло. Въ этомъ я ужъ не виноватъ. Я вѣдь не царствую, я не герцогъ, я не въ состояніи пристроить свою дочь за королевскаго сына. И если его высочество король былъ такъ великодушень, что отказался отъ приданого, то твой двоюродный братъ оказался слишкомъ гордъ, чтобъ дать на это свое согласіе, а его министръ финансовъ слишкомъ жадень, чтобъ снабдить меня деньгами, которыя ты такъ презираешь. Вотъ какъ обстоитъ дѣло. Его высочество кронпринцъ не вернется сюда, ибо пикто не рѣшится предложить герцогу дать приданое его кузинѣ изъ своихъ собственныхъ средствъ. А я небогатъ, дитя мое, у меня только двѣ прекрасныя дочери, изъ которыхъ одна очень непослушна. Я живу здѣсь въ Лаубельфингенѣ милостями моего племянника Альфреда.

— Потому, что ты не умѣешь управлять собой, — послѣдоваль горькій отвѣтъ дочери. — Ты проматываешь за границей то, что обезпечило бы тебѣ безбѣдное существованіе на родинѣ. О, я знаю, что дѣти не должны говорить такимъ языкомъ съ своимъ отцомъ. Но мнѣ извѣстна причина, навлекшая на тебя неудовольствіе герцога Бернгарда. По этой же причинѣ недоволенъ тобой и герцогъ Альфредъ. Я, конечно, молчала бы объ этомъ, если бы въ данномъ случаѣ дѣло шло не о моей жизни и счастьѣ, если бъ меня здѣсь не продавали, какъ товаръ, какъ рабыню, бѣлое тѣло которой такъ цѣнится на рынкѣ.

— Ты слишкомъ начиталась!

— Оставь свои шутки. Что касается кронпринца Карла, то тутъ дѣло вышло совсѣмъ иначе. Это неправда, что онъ пріѣзжалъ въ Лаубельфингенъ съ цѣлью высмотрѣть невѣсту. Его привелъ сюда случай. Онъ ѣхалъ въ Турмъ, къ Альфреду. И вотъ онъ увидѣлъ меня... А твои переговоры появились на сценѣ значительно позднѣе! Соображенія, которыя ты мнѣ привелъ, могутъ, конечно, заставить согласиться съ тобой. Но вотъ мое послѣднее слово: я отказываюсь отъ предложенія князя Лейхтенштейна, ибо я не позволю продавать себя, какъ это дѣлается обыкновенно съ принцессами. Вотъ это кольцо я приняла отъ кронпринца и буду носить его въ воспоминаніе о немъ.

— Это было простымъ знакомъ вниманія, и это кольцо ни къ чему не обязываетъ. Но оставимъ это. Я далъ слово князю Лейхтенштейну и сумѣю его сдержать.

— Вамъ не удастся это сдѣлать.

— Увидимъ. Есть средства укрощать непослушныхъ дочерей.

— Да, монастырь, но я смѣюсь надъ этимъ. Тебѣ не удастся сдержать твое слово, отецъ. Возьми его назадъ, пока еще не поздно, пока ты самъ...

— Что, пока я самъ?

— Пока ты самъ не окажешься въ положеніи, еще болѣе неприятномъ, чѣмъ теперешнее. Ты самъ далъ мнѣ въ руки средство для того, чтобы разрушить всѣ твои замыслы.

— Тебѣ ихъ не разрушить.

Князь Филиппъ всталъ. Въ его словахъ слышался уже гнѣвъ, къ взрывамъ котораго его дочери уже успѣли привыкнуть.

— Гнѣвомъ ты сегодня не достигнешь ничего, — спокойно сказала Матильда. — Ничего. Альфредъ отказался дать свое согласіе на мое обрученіе съ кронпринцемъ Карломъ. Ни одинъ членъ царствующаго дома не можетъ ни жениться, ни выйти замужъ безъ согласія царствующаго герцога. Если я захочу, то Альфредъ откажется дать свое согласіе и на бракъ мой съ княземъ Лейхтенштейномъ!

Князь Филиппъ поблѣднѣлъ. Этого онъ не предвидѣлъ. Альфредъ, котораго нельзя уговорить, который изгналъ его изъ веселаго Кронбурга сюда въ Лаубельфингенъ и который живетъ теперь здѣсь въ непосредственной близости, всего черезъ озеро! Если онъ узнаетъ, что онъ можетъ сыграть съ ними штуку, отказавъ въ своемъ согласіи на бракъ Матильды съ княземъ Лейхтенштейномъ, то, конечно, онъ это сдѣлаетъ!

Что же будетъ съ нимъ? Кредиторы преслѣдуютъ его по пятамъ. А Лейхтенштейнъ соглашался уплатить его долги съ тѣмъ условіемъ, чтобы наградой ему была рука Матильды.

— Что ты хочешь отъ герцога, который ненавидитъ насъ всѣхъ, тебя и васъ, и который насъ преслѣдуетъ и выслалъ насъ изъ Кронбурга. Уже нѣсколько недѣль сидитъ онъ въ своемъ Турмѣ, на разстояніи получаса ѣзды на лодкѣ и нѣсколькихъ минутъ на пароходѣ, и до сихъ поръ не нашель времени пріѣхать сюда, сдѣлать визитъ намъ, родственникамъ. Да и мы не видали лакея, который пригласилъ бы насъ явиться въ Турмъ.

— Лакей еще успѣетъ явиться.

— Ты сильно ошибаешься.

— Если я его позову, онъ будетъ здѣсь.

— Ты думаешь, дитя мое? Ты это говоришь серьезно? А если бъ на насъ опять взошло солнце его милости, то мы не имѣли бы надобности въ Лейхтенштейнѣ и въ другихъ... Но я не вѣрю въ это, не вѣрю. Герцогъ Бернгардъ никогда не прощалъ мнѣ, потому что жена не позволяла ему примириться со мной, а вѣдь это была мать Альфреда. Отъ нея онъ унаслѣдовалъ старинную ненависть ко мнѣ, дитя мое!

— Отецъ, ты не знаешь Альфреда. Только одинъ человѣкъ знаетъ его, но онъ теперь далеко, за границей герцогства.

— Про кого ты говоришь?

— Я не могу назвать его тебѣ. Ты не знаешь Альфреда. Министры тоже не знаютъ его. Адельгейда тоже не знаетъ и не понимаетъ тѣ

его и никогда не пойметъ его. Но я его понимаю. Въ глубинѣ моей души я чувствую какое-то сродство съ нимъ. Онъ будетъ моимъ оплотомъ, и никто не посмѣетъ принудить меня выйти замужъ, если онъ того не захочетъ.

Она стояла во весь ростъ. Князь Филиппъ съ удивленіемъ глядѣлъ на ея величавую фигуру.

Какъ блестяли ея глаза, въ самомъ дѣлѣ напоминавшіе глаза Альфреда.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ она глубже, чѣмъ кто-либо другой при дворѣ въ Кронбургѣ, понимаетъ загадочное, по родственнымъ ей существо герцога?» пронеслось въ головѣ герцога. Они были двоюродные братъ и сестра. Въ ихъ жилахъ текла одна и та же герцогская кровь. И когда онъ смотрѣлъ на дочь, ему стало казаться, что передъ нимъ стоитъ въ женскомъ образѣ самъ Альфредъ.

— Позвать его, отецъ?

— Какимъ же образомъ ты можешь позвать его, если онъ запретъ передъ тобой дверь своего Турма?

— Этого онъ не сдѣлаетъ и придетъ самъ, если я его позову. Ты не можешь его призвать, не можетъ этого и Адельгейда, не могутъ и его министры, но я могу, я одна! Видишь это, отецъ?

Принцесса вынула изъ кармана маленькую золотую вещицу и показала ее отцу.

— Отъ него?

— Да. Эготъ золотой рогъ онъ подарилъ мнѣ однажды вечеромъ въ ложѣ послѣ представленія «Рыцаря съ лебедемъ». «Если я услышу звукъ этого рога, то я приду, Матильда, — сказалъ онъ мнѣ при этомъ. — Но онъ долженъ раздаться только тогда, когда та, которой я его дарю, будетъ въ нуждѣ и опасности». Такъ онъ сказалъ и отдалъ мнѣ рожокъ. Я позову его, если ты, отецъ, не оставишь меня въ покоѣ съ этимъ княземъ Лейхтенштейномъ!

И она спрятала въ карманъ золотой рожокъ.

— Все это ребячество, Матильда, глупости, оригинальничанье, на которое онъ такъ щедръ. Я не хочу ради его отказаться отъ своихъ плановъ, которые хорошо продумаль, — отвѣчалъ князь Филиппъ.

— Какъ хочешь. Онъ придетъ мнѣ на помощь, ибо онъ мнѣ обѣщаль это въ тотъ вечеръ.

И прежде, чѣмъ князь успѣлъ что-нибудь сказать, принцесса вышла изъ комнаты. Она слѣшила изъ дома въ глубину зеленого парка. Адельгейды и графини Шанцингъ и слѣдъ простыль. Быстро сошла Матильда къ озеру и, освѣщенная яркими лучами полуденнаго солнца, приложила къ губамъ золотой рожокъ.

Протяжный жалобный звукъ, словно призывъ, умоляющій о помощи, троекратно пронесся надъ синимъ озеромъ въ душномъ жаркомъ воздухѣ лѣтняго полдня.

Долгая пауза.

И опять этотъ протяжный троекратный зовъ понесся, словно вѣтерокъ, къ замку Турмъ.

А вотъ опять—въ третій разъ.

И вдругъ она ясно увидѣла, какъ тамъ у замка Турмъ отвя- зывали веревки у парохода и какъ черезъ нѣсколько минутъ «Ле- бедь» пришелъ въ движеніе.

Она осталась на берегу озера и ждала его.

XV..

Маленькій пароходъ быстро приближался. Матильда могла уже различить особенности устройства этого герцогскаго судна. Паро- ходъ служилъ только двигателемъ. Впереди у него былъ устройствъ особый челнокъ, который онъ подталкивалъ впередъ. Казалось, какъ будто его везли три бѣлые лебедя. Они были воспроизведены поразительно живо и казались живыми. Но удивительнаѣ всего былъ самый челнокъ. На носу его была укрѣплена обнаженная зо- лотая женщина, обвитая цѣпями изъ розъ, на шеѣ лебедей были золотыя цѣпи, которыя сходились въ рукѣ герцога-юноши.

Принцесса узнала его издали. Онъ стоялъ во весь ростъ въ своемъ челнокѣ. На головѣ его былъ шлемъ въ формѣ лебедя, на плечахъ се- ребряные доспѣхи, полуприкрытые свѣтлоголубымъ бархатнымъ плащомъ.

Молодая дѣвушка была смущена.словно изъ другого сказоч- наго міра явился къ ней спаситель въ образѣ герцога. Молча, въ нѣмомъ изумленіи и безпредѣльномъ восторгѣ смотрѣла на него Матильда.

Ближе и ближе подходилъ этотъ странный челнокъ. Принцесса стояла какъ вкопанная. Вотъ, наконецъ, челнокъ коснулся берега.

— Въ глубинѣ моего уединенія я услышалъ твой зовъ, Ма- тильда,—сказалъ герцогъ.—Подойди.

И онъ сдѣлалъ повелительный знакъ.

Принцесса, не успѣвъ опомниться и повинуваясь его волшебной силѣ, его волѣ, стала рядомъ съ нимъ на челнокъ. Пароходъ снова взялъ курсъ къ серединѣ озера.

Тутъ она вспомнила, что князь Филиппъ строго-настрога запре- тилъ ей покидать паркъ безъ графини Шанцингъ. Ей представилось, какъ отецъ будетъ сердиться. Но, вспомнивъ о противодѣйствиіи, ко- торое она только что оказала его планамъ, и о цѣли, которую она себѣ поставила, она прогнала отъ себя страхъ.

— Куда ты везешь меня, Альфредъ?—тихо спросила она.

Альфредъ молча указалъ ей на одно мѣсто голубого озера, туда, гдѣ въ голубомъ туманѣ и въ блескѣ полуденнаго солнца чернѣлъ маленький, густо обсаженный деревьями островокъ.

Она не рѣшалась спрашивать его больше. Въ его безмолвномъ величїи было что-то такое торжественное, что невольно втягивало ее магическою силой въ кругъ его идей и представлений.

Почти безшумно шелъ челнокъ, плавно и медленно подвигаясь впередъ. Прошло четверть часа, пока пароходъ коснулся берега островка.

Одуряющій запахъ тысячъ розъ пахнулъ навстрѣчу Матильдѣ. Она почти не могла дышать.

Альфредъ подаль ей руку.

Въ чащѣ прибрежныхъ кустовъ и цвѣтущихъ водяныхъ лилій Матильда увидала зеленую, почти незамѣтную пристань и, держась за руку Альфреда, вышла на нее.

Сдѣлавъ впередъ шагъ два, она вдругъ вскрикнула отъ изумленія. Весь островъ былъ покрытъ тысячами розъ, похожій на какой-то гигантскій букетъ изъ самыхъ дорогихъ цвѣтовъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ сіялъ пурпуромъ, въ другомъ яркой желтизной, въ третьемъ—мертвенно-блѣдной бѣлизной.

— Изумительно!—прошептала Матильда.

Альфредъ не промолвилъ ни слова: онъ видѣлъ по глазамъ своей спутницы, какъ изумлялась она дѣлу его рукъ и какъ она понимала это дѣло. Почти ласковымъ движеніемъ онъ показалъ на это цвѣточное царство и тихо прошепталъ:

— Садъ моихъ розъ.

Теперь только она поняла тотъ уединенный образъ жизни, который онъ велъ въ этомъ саду. Пестрыя бабочки порхали среди цвѣтовъ, между деревьями прохаживались важныя павлины. Цѣлое стадо ихъ составляло настоящее населеніе острова.

По верхушкамъ деревьевъ, которыя окружали островъ и ограждали его отъ всякаго любопытнаго взгляда, порхали цѣлыя стада бѣлыхъ голубей. То были крупныя голуби, ослѣпительно бѣлаго цвѣта, безъ малѣйшей примѣси какой-либо иной окраски. Альфредъ протянулъ руку, въ которой онъ незамѣтно держалъ маленькую корзинку съ маисовымъ зерномъ. Его окружила цѣлая туча бѣлыхъ голубей. Каждый изъ нихъ робко садился на его руку и клевалъ зерна.

По срединѣ острова стояла маленькая часовня; а возлѣ нея—простая бесѣдка. Передъ ней и остановился Альфредъ.

— Ты звала меня, Матильда,—спросилъ онъ.—Ты въ бѣдѣ и опасности?

— Мнѣ нужна твоя помощь, Альфредъ.

— Говори.

— Въ одной изъ моихъ книгъ я прочла странную исторію, которая мнѣ понравилась больше всего изъ того, что я прочла лѣтомъ. Можно рассказать ее?

Альфредъ утвердительно кивнулъ головою.

Онъ сѣлъ на стоявшую передъ бесѣдкой бѣлую скамейку и пригласилъ ее занять мѣсто рядомъ съ нимъ.

— Это исторія орла и голубя. Вѣроятно, ты тоже знаешь ее.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ позволь мнѣ рассказать ее тебѣ.

— Пожалуйста.

— Вотъ она. Высоко въ горахъ, на самыхъ вершинахъ жилъ королевскій орелъ. Всѣ живыя существа, особенно дикіе голуби, старались избѣгать его, ибо онъ преслѣдовалъ всѣхъ. Но вотъ въ одинъ прекрасный день его сразила пуля охотника. Рапа его была не смертельна: пуля только разбила ему крыло. Тихо сидѣлъ онъ въ одиночествѣ на вершинѣ скалы, и прошло для него время, когда онъ могъ совершать свои царственные полеты, превосходившіе полеты всѣхъ другихъ птицъ. Зяблики и дерзкіе воробьи теперь подходили безстрашно къ могучей птицѣ и смѣялись надъ ея величиной и надломленной силой. И только одинъ бѣлый дикій голубокъ чувствовалъ сожалѣніе къ раненому орлу. Онъ кружился въ своемъ полетѣ около уединенной скалы и мысленно несъ орла все выше и выше къ голубому небу. Его взглядъ слѣдилъ за голубемъ, и въ пылу фантазіи онъ воображалъ, что и самъ онъ летаетъ за нимъ. Но и у бѣлаго голубя были враги, которые подстерегали его. И вотъ, когда онъ въ одинъ прекрасный день, уставши отъ чрезмѣрнаго напряженія, спустился и сѣлъ на скалу рядомъ съ раненымъ орломъ, подкралась къ нему лисица. Голубь спалъ и не подозрѣвалъ объ опасности, которая ему грозила. Тогда орелъ бросился съ своими страшными когтями и клювомъ на хищника, убилъ его и спасъ бѣлаго голубя. Вотъ и все, Альфредъ. Твоей двоюродной сестрѣ грозитъ страшная опасность. Захочешь ли ты спасти голубя, Альфредъ?

— Я обѣщала тебѣ помощь и сдержу свое герцогское слово, Матильда.

— Лисица уже протянула за голубемъ свою лапу, Альфредъ. Мой отецъ хочетъ продать меня ненавистному для меня старику. Неужели ты, глава герцогской семьи, допустишь это?

— Тебя хотятъ продать?

— Да. А я люблю кроппринца Карла, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ въ Кронбургѣ и посѣтилъ насъ въ Лаубельфингенѣ. Онъ сватался за меня и подарилъ мнѣ это кольцо. Орелъ, освободи бѣлаго голубя изъ лапъ хищника! Всю жизнь я буду благодарить тебя. И если они когда-нибудь ранятъ тебя и захотятъ схватить, какъ того орла, тогда голубь освободитъ и спасетъ тебя, а если не спасетъ, то будетъ твоей утѣшительницею, будетъ помощницей замысловъ твоей фантазіи.

Альфредъ, растроганный, взглянулъ на прекрасное лицо молодой дѣвушки.

— Я знаю все, Альфредъ, — продолжала она. — Все зависитъ отъ тебя. Старикъ, хитрая лисица, протягивающая лапы къ бѣлому голубю, это богачъ, князь Лейхтенштейнъ. Онъ соглашается уплатить долги моего отца, а въ награду получить меня. Ты можешь и имѣешь право... счастье и любовь въ твоихъ рукахъ, Альфредъ, пусть опять возсіяетъ солнце твоей милости надъ твоимъ дядей, а моймъ отцомъ. Кронпринцъ Карлъ, я знаю, опять повторить свое предложеніе, ибо въ первый разъ оно разбилося о бѣдность моего отца и твою гордость.

— О мою гордость? Я не понимаю.

— Развѣ ты не знаешь, что ея высочество сама хотѣла дать приданое невѣстѣ своего сына, но что этотъ проектъ не рѣшились тебѣ представить, такъ какъ дать приданое долженъ былъ бы ты, но твой министръ финансовъ...

— Бауманъ фонъ-Брандтъ, — процѣдилъ Альфредъ сквозь зубы. — Но дни его господства уже прошли. Объ этомъ онъ мнѣ ничего не говорилъ.

Герцогъ быстро поднялся со скамьи и безпокойно принялся ходить по узкимъ дорожкамъ между кустами розъ.

— Объ этомъ онъ мнѣ не говорилъ. Онъ не сказалъ мнѣ, что здѣсь дѣло идетъ о тебѣ и о твоей любви. Рѣчь была только о неслыханныхъ притязаніяхъ твоего отца на герцогскую шкатулку для погашенія его долговъ. Вотъ какъ меня обманываютъ. Но Галлереръ поправитъ дѣло, положись на меня. Я самъ напишу кронпринцу Карлу и его родителямъ. Я возобновлю прерванные переговоры. Это я тебѣ обѣщаю, Матильда. Клянусь золотымъ рогомъ, который я тебѣ далъ и который я услышалъ.

— Благодарю, благодарю тебя.

Она схватила руку Альфреда, робко поднесла эту тонкую, блѣдную руку къ своимъ губамъ и поцѣловала ее съ такимъ чувствомъ, съ какимъ цѣлуютъ крестъ Спасителя.

Альфредъ почувствовалъ это.

— Итакъ, ты сдѣлаешь это? — спросила она.

— Сдѣлаю, клянусь моимъ герцогскимъ словомъ.

И вдругъ его охватилъ ужасъ.

Развѣ онъ не давалъ подобную же клятву маэстро? «Я построю этотъ храмъ», прозвучало въ его ушахъ, «хотя бы Кронбургъ»...

Но до семейныхъ дѣлъ герцогской семьи эти кронбургцы, къ счастью, не имѣютъ никакого отношенія.

— У меня есть еще одна просьба, — продолжала Матильда, ободренная его милостивымъ отношеніемъ.

— Еще просьба?

— Да, отъ имени моего отца, но не по его порученію.

— Твой отецъ, князь Филиппъ, оскорбилъ память сестры матери женитьбой на авантюристкѣ. Мой отецъ удалилъ его отъ

двора, а этотъ прогнанный мною министръ на свой страхъ, безъ моего согласія, вернулъ его въ Кронбургъ.

— Я знаю все это! Но ваша покойная мать не считала за униженіе воспитывать дѣтей своей сестры, которыя были какъ бы ея собственными, вмѣстѣ съ вашимъ высочествомъ. Мы всѣ были еще дѣтьми, когда скончалась твоя мать, которая была и нашей матерью, Альфредъ. Насъ разлучили, и теперь мы почти не сохранили воспоминаній объ этихъ дняхъ общаго дѣтства.

— Когда смолкъ въ Кронбургѣ серебристый смѣхъ моей матери, отецъ послалъ меня съ воспитателемъ въ уединенный Гогенбургъ, а васъ отдалъ обратно отцу.

— Да, помню.

— И мы рано познали тиски жизни, Альфредъ, пока не позволили наконецъ отцу жить въ Лаубельфингенѣ. Мнѣ было уже восемь лѣтъ, когда я снова увидѣла синее озеро и родину, а сестрѣ Адельгейдѣ было шесть. За время пребыванія на чужбинѣ отецъ сдѣлался ожесточеннымъ человѣкомъ. Онъ единственный изъ братьевъ твоего отца и почти на тридцать лѣтъ старше тебя. Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что ты живешь здѣсь въ замкѣ Турмъ и не удостоилъ до сихъ поръ даже взглянуть на обитателей Лаубельфингена. Понимаешь ли ты меня, Альфредъ?

— Онъ единокровный братъ моего отца, онъ отъ другой матери. Къ тому же я герцогъ!

— Именно потому-то и не должно быть мѣры твоей милости, какъ нѣтъ ея для милости Бога. Она должна быть неисчерпаема, какъ кровь святого Грааля, вѣчна, какъ долгъ рыцаря, который въ своемъ призваніи странствуетъ по всей странѣ и сражается за преслѣдуемую невинность.

— Какъ кровь святого Грааля,—повторялъ Альфредъ съ воодушевленіемъ.

Да, она понимала его, и была, вѣроятно, единственной изъ современниковъ, изъ всѣхъ смертныхъ, которой было доступно понять это!

— Ты права, Матильда,—сказалъ онъ.—Мнѣ нужно примириться съ твоимъ отцомъ, единственнымъ братомъ моего отца. Я приѣду.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Отъ радости она захлопала въ ладоши. Потомъ вдругъ заговорила тихо:

— Альфредъ, чистая дѣва смотритъ на лебедя, тоскуетъ и думаетъ.

Онъ улыбнулся, совершенно счастливый, но вдругъ его глаза затуманились, покрылись слезами.

— Я разбредила твою рану?

— Нѣтъ, нѣтъ! Она смотритъ на лебедя! Я знаю, о комъ ты говоришь, Матильда. Ты прекрасна, сестра твоя Адельгейда—кротка.

Ея голубые глаза похожи на эти озера, которыя я люблю больше сапфировъ въ моемъ перствѣ. Ты—газель, Маргарита, ты—лунный свѣтъ, который стелется ночью по парку и этимъ волнамъ. Ахъ, да!...

Онъ громко вздохнулъ.

— Лунный свѣтъ, который наполняетъ всѣ мои мечты и который никогда не схватить руками, которымъ никогда не будешь владѣть,—это Адельгейда.

Онъ какъ будто забылъ о присутствіи Маргариты и говорилъ самъ съ собой.

Принцесса встала.

— Ты пріѣдешь?

— Пріѣду, пріѣду. Обѣщаю тебѣ.

Онъ проводилъ ее до берега. Прежде, чѣмъ проститься съ нею, онъ открылъ дверь маленькаго домика и сказалъ:

— Здѣсь я провелъ немало дней въ работѣ и мечтахъ. Хочешь взглянуть сюда?

Она вошла.

То была простая небольшая комнатка, похожая на деревенскую гостиницу.

— Когда я бываю здѣсь, Матильда,—сказалъ герцогъ:—брema моего пурпуроваго плаща спадаетъ съ меня, и я чувствую себя свободнымъ и веселымъ.

У окна комнатки стоялъ небольшой письменный столъ изъ чернаго дерева, украшенный золотомъ въ стилѣ Empire.

— Здѣсь тебѣ удобно сохранять свои книги, Альфредъ. У меня точь-въ-точь такой же столъ, и въ ящикахъ его я прячу свои стихотворенія.

— Ты пишешь стихи? Я не разъ пробовалъ это, но не могу.

Онъ игралъ маленькимъ золотымъ ключикомъ, который лежалъ на столѣ.

— Пришли мнѣ какъ-нибудь одно изъ твоихъ стихотвореній, Матильда.

— Мнѣ стыдно за мои скромные стихи и мнѣ бы не хотѣлось вручать ихъ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ положи ихъ въ этотъ ящикъ, когда твоя лодка попадетъ къ этимъ берегамъ. И я найду ихъ здѣсь. Ни одна душа не узнаетъ о нихъ. Ты можешь класть въ этотъ ящикъ письма и всякія сообщенія, когда пожелаешь. Подобно раненому орлу и голубю, я буду мысленно съ тобой, Матильда. Возьми этотъ ключъ. Я прикажу сдѣлать для себя точно такой же.

Она взяла у него ключъ.

— Кромѣ того, возьми вотъ это еще.

И онъ подаль ей печать изъ оникса.

— Ею ты будешь запечатывать всякую вѣсточку отъ голубя, какая бы она ни была. Смотри, на ней изображенъ лебедь, который

ищеть голубицу святого Грааля. Никто не получалъ и даже не видѣлъ такъ и печати, кромѣ тебя. Письмо съ этою печатью я всегда прочту, клянусь тебѣ въ этомъ. Даже въ смертнѣй часъ!

Ключикъ и печать исчезли въ карманѣ ея платья.

— Пароходъ безъ челнока доставить тебя обратно въ Лаубельфингенъ. А я приѣду потомъ. Теперь я останусь еще на островѣ и буду кормить своихъ павлиновъ.

Онъ дошелъ съ нею до пристани. «Лебедь» взялъ курсъ на Лаубельфингенъ, а его рыцарь исчезъ среди розовыхъ кустовъ уединеннаго острова.

XVI.

Обывателямъ Лаубельфингена выдался бурный денекъ. Князь Филиппъ былъ внѣ себя. Матильда не явилась къ общему столу, который подавался въ третьемъ часу дня. Отецъ думалъ, что она сердится и нарочно скрылась въ своихъ комнатахъ, и послалъ къ ней графиню Шанцингъ съ приказаніемъ во что бы то ни стало привести въ столовую непокорную дочь. Но графиня не нашла Матильду. Зная страстную, вспыльчивую натуру принцессы, отецъ и сестры испугались и ожидали какой-нибудь бѣды. Бѣдную графиню засыпали упреками за то, что она ушла вмѣстѣ съ Адельгейдой и не позаботилась присмотрѣть за Матильдой послѣ ея размовки съ отцомъ.

Наконецъ князь Филиппъ узналъ отъ одного изъ конюховъ слѣдующее: принцесса около половины третьяго пришла съ берега озера и приказала сѣдлатъ для себя любимую свою лошадь «Эмира». Онъ, какъ всегда, исполнилъ этотъ приказъ, и принцесса поѣхала по направленію къ югу, къ горамъ.

При этихъ словахъ князь отбросилъ свой страхъ: принцесса ѣздила прекрасно. И если теперь въ этотъ чудный лѣтній день она летаетъ гдѣ-то тамъ, на раздольѣ, то, очевидно, не мрачныя мысли владѣютъ теперь ея душъ.

Но гроза продолжала собираться надъ замкомъ Лаубельфингеномъ, и не только на небѣ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ часамъ къ четверемъ стали громоздиться темныя тучи.

Къ чаю приѣхалъ старый князь Лейхтенштейнъ. Онъ очень удивился приему, который встрѣтилъ. Онъ вошелъ, держа въ рукахъ роскошный букетъ темно-красной гвоздики—любимыхъ цвѣтовъ принцессы Матильды.

Князь Филиппъ, который не считалъ еще, что его игра проиграна, сталъ давать уклончивые отвѣты, оправдывался тѣмъ, что князь прибылъ въ необычное время. Его старшая дочь чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо и потому ушла къ себѣ. Она простудилась, катаясь вчера вечеромъ по озеру.

Князь Лейхтенштейнъ разочарованно улыбался.

— Не будемъ играть комедію другъ передъ другомъ, — сказалъ онъ. — Я не могу поставить ся свѣтлости въ вину, что въ двадцать лѣтъ она отвергаетъ руку челоѣка, который годится ей въ дѣдушки. Пусть даже этотъ челоѣкъ — одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ. Вѣдь не можетъ же она нести отвѣтственность за долги своего отца. Но я терпѣть не могу всякихъ отговорокъ. Если въ столь юномъ возрастѣ представится возможность надѣть королевскую корону, то, конечно, такая гордая мечта извинительна. На мой вопросъ о принцессѣ Матильдѣ лакей сказалъ мнѣ, что она часа два тому назадъ ускакала изъ Лаубельфингена на своей любимой лошади.

Князь Филиппъ поникъ было головой, но вдругъ заявилъ:

— Я сумѣю образумить мою непослушную дочь.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ князь Лейхтенштейнъ: — въ этомъ случаѣ я самъ долженъ отказаться, ибо я не могу жениться на особѣ, которую принуждаютъ любить меня.

Филиппъ въ знакъ сожалѣнія пожалъ плечами. Ему нечего было сказать на этотъ категорическій отказъ.

Князь Лейхтенштейнъ всталъ.

— Мнѣ очень жаль, что вашей свѣтлости придется подумать о другихъ способахъ расплатиться съ вашими долгами.

И съ этими словами онъ поклонился и вышелъ.

Князь Филиппъ тупо посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Онъ сталъ у окна замка, назначеннаго ему герцогомъ для жительства, и еще разъ кинулъ мысленный взоръ на свою не удавшуюся жизнь. Все счастье съ колыбели выпало на долю его старшаго брата Бернгарда, а не на его. Тотъ наслѣдовалъ и герцогскую корону, и большую часть герцогскаго состоянія — ибо главнымъ родовымъ имуществомъ былъ Кронбургъ. А онъ теперь весь въ рукахъ юнаго неприступнаго Альфреда. Ему нечего назвать своимъ, кромѣ долговъ, кромѣ дочерей и кромѣ того немногаго, что изъ милости даетъ ему для жизни герцогъ. А этотъ юный племянникъ, его государь, единственный сынъ и наслѣдникъ его единокровнаго брата, этотъ глава герцогской семьи, сидѣлъ тамъ въ замкѣ Турмъ въ полномъ отчужденіи отъ него. Его обиженная гордость не могла допустить и мысли, чтобы протянуть руку за помощью къ этому пустышнику. Нѣтъ, скорѣе онъ продастъ своихъ дочерей, чѣмъ онъ сдѣлаетъ хоть шагъ навстрѣчу этому упрямцу, который мнитъ себя Богомъ на землѣ.

У его отца онъ былъ въ немилости. А теперь, благодаря драконовскимъ законамъ, установленнымъ для членовъ герцогскаго дома, и этотъ изгналъ его изъ Кронбурга только за то, что другъ его молодости Бауманнъ-фонъ-Брандтъ рѣшилъ вернуть его въ столицу. Теперь палъ и послѣдній министръ его покойнаго брата, и Альфредъ распорядился всѣмъ, какъ хотѣлъ. Приходится еще благодарить

Бога за то, что новое мѣсто его ссылки находится здѣсь, на берегу родного озера, а не гдѣ-нибудь за границую.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ поступилъ этотъ герцогъ, мянящій себя всемогущимъ, съ Бьянкой Монтебелло, дѣвушкой одной изъ самыхъ знатныхъ семей? Она сидитъ теперь въ Римѣ, и онъ каждую недѣлю получаетъ письма отъ этой несчастной, въ которыхъ она умоляетъ его добиться у Альфреда разрѣшенія пріѣхать обратно въ Кронбургъ. Несчастная, красота которой всегда привлекала его вниманіе, и не подозреваетъ, что онъ самъ впалъ въ немилость.

Вернется благорасположеніе Альфреда—и все опять пойдетъ хорошо. Да, Матильда, эта романическая, восторженная, во всемъ такъ похожая на его племянника Матильда была права. Королевская корона, которую держитъ въ рукахъ кронпринцъ Карлъ, еще не потеряна, если захочетъ вмѣшаться Альфредъ. Но какъ устроить это? Какъ, какъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ черезъ Матильду? Эта возможность блеснула для него лучомъ надежды на то, что герцогъ можетъ заинтересоваться судьбою его старшей дочери, что романтическая исторія съ золотымъ рогомъ, который Матильда ему показывала, можетъ оказаться тѣмъ капризомъ, который можетъ повлечь за собой огромныя послѣдствія для его семьи..

Между тѣмъ, надъ озеромъ скопились черныя тучи. Время отъ времени изъ нихъ вылетала огненная волнистая молнія. А Матильда унеслась на своемъ скакунѣ на югъ, къ темнѣвшимся горамъ. Страхъ снова овладѣлъ имъ. Ея все еще не было. Несомнѣнно, она теперь схватитъ какую-нибудь болѣзнь, если ей придется вернуться промоченной до мозга костей. Но, можетъ быть, она сдѣлаетъ такъ, какъ дѣлала уже неоднократно, несмотря на его строгій запретъ, и укроется въ какой-нибудь крестьянской хижинѣ, станетъ ѣсть супъ съ этими простыми людьми у ихъ домашняго очага и пѣть народныя пѣсни, аккомпанируя себѣ на цитрѣ.

Какъ подойдетъ онъ теперь къ этой странной дѣвушкѣ? Видно, что ея мать приходилась сестрой герцогу Бернгарду, а Альфредъ наглядно доказываетъ, что въ этой семьѣ всего можно ожидать.

На дворѣ бушевала уже буря. Волны озера, мирно дремавшія до сихъ поръ въ блескѣ полуденнаго солнца, теперь вспѣнились, какъ волны моря, противоположный берегъ котораго, гдѣ былъ замокъ Турмъ и уединенный островъ, теперь нельзя было узнать. Дождь лилъ ручьями.

Вдругъ дверь отворилась, и въ комнату вошла Матильда.

— Онъ пріѣдетъ,—радостно воскликнула она.

Князь Филиппъ заготовилъ было суровыя слова для непослушной дочери, но они замерли у него на языкѣ. Дивное созданіе, стоявшее передъ нимъ, которое онъ сегодня еще хотѣлъ было продать за красоту князю Лейхтенштейну, какъ будто преобразилось подъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго.

— Онъ протягиваетъ тебѣ руку примиренія, отецъ. Онъ пріѣдетъ сюда сегодня еще до захода солнца! Онъ торжественно обѣщаль мнѣ это.

— Неужели?—спросилъ наконецъ князь Филиппъ. — Не окажется ли это опять мимолетнымъ герцогскимъ капризомъ? Не обманываешься ли ты, дитя мое? Неужели онъ не попросилъ тебя черезъ своихъ лакеевъ оставить замокъ Турмъ.

Матильда молчала. Она не знала, въ правѣ ли она будетъ открыть тайну Острова Розъ, какое-то безконечно-блаженное романтическое чувство подсказало ей, что она раздѣляетъ съ герцогомъ эту сладкую тайну, что она одна видѣла то, что этотъ удивительный загадочный человѣкъ такъ заботливо скрываетъ отъ всѣхъ. Поэтому она просто сказала:

— Кузень Альфредъ внимательно выслушалъ меня, отецъ, и обѣщаль пріѣхать сегодня же.

Гроза надъ озеромъ стала успокаиваться. Ярко пробивались первые лучи солнца сквозь темныя тучи. Черезъ гладкую, далеко раскинувшуюся поверхность озера отъ горы до горы перетнулась самоцвѣтная радуга.

Матильда стояла рядомъ съ отцомъ у окна и восхищеннымъ взоромъ слѣдила за зрѣлищемъ, которымъ ей не разъ уже приходилось здѣсь любоваться, когда, бывало, гроза и непогода налетала съ озера на тихую долину или ущелье горъ.

— Моя родина—самая красивая страна въ мірѣ,—радостно вскричала принцесса.—Страна крутыхъ горъ, изумрудно-зеленыхъ и сапфирово-синихъ озеръ, которыя, какъ драгоценные камни, сіяютъ въ коронѣ или перстиѣ на бѣлой рукѣ Альфреда.

При этихъ словахъ князь Филиппъ вздрогнулъ.

— И ты, дочь моя!—сорвалось съ его губъ.—Я думалъ, кронпринцъ Карлъ...

— Не бойся, отецъ, ничего,—отвѣчала Матильда.—Я знаю Альфреда лучше, чѣмъ вы всѣ его знаете. Я протягиваю руки, но на этотъ разъ къ людямъ, а не къ богамъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я не могу объяснить тебѣ этого, отецъ. Я только чувствую это въ глубинѣ моей души, и это чувство даетъ мнѣ и безконечное блаженство, и острую скорбь. Блаженство—при мысли, что я узнала его сердце, скорбь—отъ страха, что другіе совершенно не знаютъ и не понимаютъ его и что въ концѣ концовъ и онъ самъ и они будутъ раздавлены судьбой. Онъ обѣщаль мнѣ примириться съ тобой, онъ готовъ возобновить переговоры съ его величествомъ отцомъ кронпринца. Его бывшій министръ-президентъ—твой другъ, отецъ,—обманывалъ его. И вотъ солнце опять сіяетъ надъ горами и озеромъ. О, какъ это великолѣпно, отецъ!

Она схватила князя за руку и вдругъ вскричала:

«истор. вѣстн.», августъ 1912 г., т. сxxix.

— Торонсъ, отецъ. А я хочу предупредить Адельгейду. Смотри туда, видишь «Лебедь» взялъ курсъ на Лаубельфингенъ.

Князь схватилъ подзорную трубу, лежавшую на его письменномъ столѣ. То былъ въ самомъ дѣлѣ маленькій пароходъ Альфреда. Онъ дѣйствительно пришелъ въ движеніе и держалъ курсъ на Лаубельфингенъ.

— Черезъ четверть часа, отецъ, онъ уже будетъ предъ нами.

Съ этими словами Матильда бросилась изъ комнаты.

Князь Филиппъ принялся безпокойно ходить по своей комнатѣ. Что-то будетъ! Съ какою цѣлью онъ ѣдетъ? Какъ онъ подойдетъ къ нему?

Князь спустился внизъ въ большую пріемную замка и рѣшилъ ожидать здѣсь племянника. Едва принцессы успѣли окончить свой туалетъ, какъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Его высочество и г. фонъ-Ласфельдъ.

Князь и обѣ его дочери встали.

Съ глубокимъ поклономъ Филиппъ тронулся навстрѣчу юному родственнику, а Матильда и Адельгейда застыли въ реверансѣ.

Альфредъ былъ въ голубомъ мундирѣ своей лейбъ-гвардіи. Въ этотъ моментъ въ немъ не было ничего фантастическаго. Онъ разстался даже съ любимымъ своимъ плащомъ изъ голубого бархата. Фонъ-Ласфельдъ почтительно остановился у дверей, черезъ которые прошелъ Альфредъ.

Герцогъ поспѣшилъ навстрѣчу князю Филиппу и поцѣловалъ его въ обѣ щеки, какъ тогда, на аудіенціи въ Кронбургѣ. Потомъ онъ протянулъ руку обѣимъ принцессамъ.

— Кузина Матильда, вѣроятно, уже сообщала тебѣ о цѣли моего прибытія.

Онъ далъ знакъ адъютанту, который быстро удалился.

— Намъ нужно заключить съ тобою миръ, дядя,—продолжалъ онъ.—Бауманнъ-фонъ-Брадтъ не стоитъ уже между мною и братомъ моего покойнаго отца. Я младшій, и протягиваю вашей свѣтлости руку примиренія.

— Я счастливъ вашей милостью, ваше высочество.

— Не надо говорить объ этомъ,—прервалъ его Альфредъ.—Мы потомъ подробно переговоримъ о планахъ Матильды и о твоёмъ положеніи. Могу я считать, что сегодня я приглашенъ къ вамъ на обѣдъ!

— Это будетъ большой милостью для меня, ваше высочество,—снова сорвалось у князя.

Но Альфредъ уже направился къ принцессамъ.

Онъ былъ очарователенъ и любезенъ, какимъ его никогда не видалъ князь Филиппъ. Въ Кронбургѣ его видѣли такимъ лишь немногіе, а въ Гогенарбургѣ одинъ Ласфельдъ.

Адьютантъ появился снова. Альфредъ пожелалъ сдѣлать прогулку по великолѣпному парку Лаубельфингена, въ которомъ онъ однажды гулялъ, держась за руку отца.

Дорожки были еще мокры отъ недавняго дождя. Но герцогъ не обращалъ вниманія на дорогіе туалеты своихъ кузинъ, которые береглись въ Лаубельфингенѣ и надѣвались только въ особо торжественныхъ случаяхъ. Князь Филиппъ просилъ освободить его отъ этой прогулки, такъ какъ ему необходимо было остаться въ замкѣ и распорядиться объ угощеніи своего гостя.

Принцесса Матильда сейчасъ же завела разговоръ съ Ласфельдомъ. Альфредъ съ Адельгейдой шли впереди.

Въ отдаленіи, требуемомъ этикетомъ, ихъ сопровождала графиня Шанцингъ, а за нею шель лакей, который несъ плащъ его высочества и шали дамъ.

Такъ шли они подъ могучими буками Лаубельфингена, съ которыхъ еще падали капли недавняго ливня.

Передъ чуднымъ кустомъ жасмина Альфредъ остановился и долго стоялъ. Въ бѣлыхъ его цвѣткахъ еще сверкали дождевыя капли, изъ всѣхъ ихъ чашечекъ несло одуряющее благоуханіе.

— Какъ чудесны эти капельки въ цвѣточныхъ чашечкахъ,— сказалъ онъ наконецъ.—Словно брильянты въ коронныхъ драгоценностяхъ въ Кронбургѣ, Адельгейда, которые я хотѣлъ бы возложить на твои бѣлокурые волосы.

Дѣвушка вздрогнула и тепло взглянула въ темные глаза Альфреда.

— Въ самомъ дѣлѣ ты бы хотѣлъ этого?

Нѣсколько времени онъ молчалъ. При этомъ вопросѣ Адельгейды на его бѣлое, прекрасное лицо легло облачко грусти.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ на мой вопросъ, Альфредъ.

— Я подыщу для тебя отвѣтъ.

За буковыми и дубовыми стволами Лаубельфингена солнце тихо отходило на покой. Высокія деревья отбрасывали длинныя тѣни на дорожку, по которой герцогъ и Адельгейда сегодня впервые шли вмѣстѣ. Пятна свѣта играли на бѣломъ мягкомъ мхѣ деревьевъ. Сквозь темную зелень парка просвѣчивало далекое вечернее небо, по которому носились отдѣльныя облачка, напоминавшія острова среди голубого озера.

— Эти пурпуровыя вечернія облака словно мысли любви и минуты счастья,—послышался усталый и тихій голосъ герцога.— Они промелькнутъ прежде, чѣмъ успеешь ихъ хорошенько рассмотреть, Адельгейда. Это вѣстникъ умирающаго дня, послѣдній его привѣтъ людямъ. Солнце давно уже скрылось за горами, а они все еще плаваютъ въ голубомъ морѣ ээира и не хотятъ потухнуть, какъ воспоминаніе о всемъ великомъ и прекрасномъ не хочетъ усту-

пить смерти, ночи, которая придетъ и настанетъ, непременно настанетъ внутри насъ.

— Вы такъ не похожи на другихъ, ваше высочество, — промолвила Адельгейда. — Такъ молоды и такъ одиноки.

Онъ остановился. Остановились и всѣ другіе. Адъютантъ и графиня Шанцингъ стояли въ почтительномъ отдаленіи.

Словно дрожь отъ какой-то внутренней боли прошла по стройной фигурѣ Альфреда.

— Объ этомъ ты ничего не знаешь, Адельгейда, а я...

И въ гнѣвъ онъ сжалъ кулаки.

— Я найду въ себѣ силу возложить брильянты Кронбурга на твою бѣлую шею.

И онъ далъ знакъ возвращаться обратно въ замокъ. Молча, полная серьезныхъ думъ, шла рядомъ съ нимъ Адельгейда.

XVII.

Въ лаубельфингенской гавани качался красивый старый челнокъ. Онъ сохранился еще съ того времени, когда принцессы были дѣтьми. Съ тѣхъ поръ онъ былъ безъ употребленія. По настойчивому желанію Матильды его теперь снова привели въ порядокъ, тайно отъ князя и вопреки его запрещенію. Придворный столяръ, которому она поручила эту работу, далъ ей торжественную клятву, что объ этомъ никогда не узнаетъ ни одинъ человѣкъ.

Въ отдаленномъ уголкѣ парка, гдѣ длинныя зеленыя вѣтви вязовъ и плакучихъ ивъ нависли надъ голубыми водами озера, стоялъ этотъ отремонтированный и заново покрашенный бѣлой краской челнокъ. Матильда дала ему названіе «Жасминовый Кустъ».

Ея изобрѣтательный умъ обдумывалъ въ теченіе этихъ недѣль, которыя протекли послѣ примиренія герцога съ ея отцомъ, новые пути и средства, при помощи которыхъ она могла бы избавиться отъ надзора графини Шанцингъ и общества Адельгейды. Всѣ думали, что въ тихіе вечерніе часы она занимается у себя въ комнатѣ чтеніемъ или работой, а на самомъ дѣлѣ въ это время открывались ворота замка Лаубельфингена и калитка въ рѣшеткѣ парка и Матильда извилистой тропинкой спѣшила подъ вязами вдоль берега.

Альфредъ называлъ ее газелью. И, дѣйствительно, съ легкостью газели прыгала она въ челнокъ, отвязывала веревки, которыми онъ былъ прикрѣпленъ къ берегу, и беззвучно плавала по ровной поверхности озера.

Мечтая о любви и дружбѣ, она скользила по озеру, едва слышно ударяя веслами, подвигаясь по тому самому мѣсту, гдѣ вода блестѣла отъ заходящаго солнца и поднимавшейся полной луны.

«Если твой челнокъ тайно пристаётъ къ моему острову...» она не могла забыть этихъ словъ Альфреда.

И, положивъ въ карманъ золотой ключикъ, который онъ ей вручилъ, она почти каждый вечеръ совершала эти романтическія поѣздки по озеру. Ей казалось, что оно хранитъ какую-то неразгаданную тайну въ своей сапфировой глубинѣ.

Ея большіе темные глаза мечтательно глядѣли на широкую поверхность озера, на горы на югѣ и холмы на сѣверѣ, на замокъ Турмъ и наконецъ на уединенный островъ съ едва выдающимися очертаніями. Ей представлялось, что вотъ-вотъ гдѣ-нибудь покажется «Лебедь» и надъ озеромъ раздастся усталый голосъ герцога.

Былъ тотъ часъ, когда день начинаетъ мало-по-малу переходить въ ночь. Это время Матильда особенно любила для своихъ поѣздокъ. Тогда обыкновенно кончался ужинъ въ замкѣ, и отецъ на долгое время удалялся въ свои комнаты, Адельгейда съ графиней Шандингъ совершали послѣднюю прогулку, а она притворялась, будто сидитъ у себя и читаетъ или пишетъ.

Сегодня ей посчастливилось. Со времени примиренія съ герцогомъ князь Филиппъ сталъ нерѣдко заглядывать въ Кронбургъ. Сегодня Адельгейда поѣхала вмѣстѣ съ отцомъ въ театръ. Графиня чувствовала себя нехорошо и въ полной увѣренности, что Матильда въ своей комнатѣ, отправилась на покой.

Тихо дремалъ замокъ среди темной листвы и аромата цвѣтовъ. На берегу озера громко квакали лягушки, а надъ цвѣтущими водяными лиліями, широко раскрывшими навстрѣчу солнечному блеску свои чашечки, въ послѣднихъ лучахъ кружились мошки.

Матильда сошла наконецъ въ челнокъ. Словно повинувшись судьбѣ, которая какъ будто правила рулемъ, она все ближе и ближе подходила къ таинственному острову, скрывавшему райскую прелесть восточной сказочной страны и фантастическія мечты царственнаго юнши. Странное дѣло—она не испытывала свойственнаго женщинамъ колебанія, не знала дѣвической робости. Ей было бы страшно встрѣтиться въ этотъ тихій вечеръ на этомъ заштильвшемъ озерѣ или на пышно поросшемъ цвѣтами островѣ съ кронпринцемъ или съ княземъ Лейхтенштейномъ.

Но по отношенію къ своему кузену она не испытывала подобнаго чувства. Почему? Этого она не могла объяснить себѣ сама. Она чувствовала только одно—что онъ не можетъ быть такимъ же челоукомъ, какъ всѣ другіе мужчины.

Взошла уже луна, когда челнокъ подошелъ къ острову. Отъ замка Турмъ тянулись по водѣ длинныя огненные полосы, но Островъ Розъ былъ погруженъ въ полнѣйшій мракъ. Только въ окнѣ садовой бесѣдки свѣтился тусклый огонекъ.

Матильдѣ вдругъ стало страшно. А что если она встрѣтится съ садовникомъ Альфреда? Что онъ подумаетъ о ней? Но она постаралась одолѣть свой страхъ.

Прошло уже нѣсколько недѣль, а въ замкѣ Лаубельфингенъ было не видно и не слышно объ Альфредѣ. Адельгейда сдѣлалась угрюмой и раздражительной, каждый день смотрѣла, не покажется ли «Лебедь», а когда наступалъ вечеръ, «Лебедь», дѣйствительно, появлялся, но бралъ курсъ по направленію къ острову или къ замку Турмъ, но никогда не къ Лаубельфингену. Ничего не было слышно и о возобновленіи переговоровъ съ кронпринцемъ Карломъ.

Челнокъ причалилъ къ берегу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошлый разъ Альфредъ подаль ей руку.

На островѣ залаяла собака.

Матильда въ испугѣ отскочила назадъ. Но въ эту минуту показался герцогскій садовникъ и сиплымъ непривѣтливымъ голосомъ крикнулъ: «кто тамъ?»

Онъ шелъ прямо на нее съ фонаремъ въ рукѣ и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Онъ привыкъ къ ночнымъ посѣщеніямъ герцога и былъ увѣренъ, что и на этотъ разъ пріѣхалъ изъ Турма лакей, чтобы предупредить о прибытіи герцога. И вдругъ онъ увидѣлъ передъ собой женщину.

Матильда вынула изъ кармана золотой ключикъ.

— Что угодно здѣсь вашей свѣтлости?—смуцненно забормоталъ узнавшій ее садовникъ.

— Его высочество герцогъ на островѣ?—спросила она въ смертельномъ смущеніи.

— «Лебедь» отплылъ отъ острова часа два тому назадъ.

— Отперта ли дверь въ комнату его высочества?

— Какъ всегда, ваша свѣтлость. Его высочество можетъ пожаловать на островъ во всякое время дня и ночи. Поэтому дверь всегда должна быть отпертой. Очень часто его высочество пріѣзжаетъ сюда въ глухую ночь, совершенно одинъ. Иногда онъ велитъ предупредить о себѣ. Иногда я узнаю объ его прибытіи только по лаю собаки. Прикажете передать отъ васъ какое-нибудь порученіе его высочеству?

— Нѣтъ,—отвѣчала Матильда.—Видите этотъ ключъ. Это золотой ключъ отъ письменнаго стола его высочества. По его приказанію я должна положить въ ящикъ стола пакетъ. Затѣмъ я возвращусь обратно. Посвѣтите мнѣ.

Садовникъ исполнилъ ея приказаніе, покачивая головой.

Матильда остановилась въ маленькой комнаткѣ передъ столомъ и открыла тотъ самый ящикъ, который ей показалъ Альфредъ, и положила въ него небольшое письмо. Она написала его не далѣе, какъ сегодня послѣ сѣда, и запечатала его печатью, на которой былъ изображенъ лебедь, плывущій за Граалемъ. Затѣмъ она по-

шла быстрыми шагами къ берегу и, не оглядываясь, прыгнула въ челнокъ.

Челнокъ отчалилъ отъ берега.

Матильда осмотрѣлась кругомъ. «Лебедя» нигдѣ не было видно. Ночь была чудная, теплая, какъ-то сказочно освѣщенная полной луной. Въ замкѣ Турмъ свѣтились огоньки. Мягкій воздухъ нѣжно разстился по серебряной поверхности озера и словно ласковой рукой гладил каштановые волосы молодой дѣвушки. Дальше и дальше гнала она свой челнокъ. «Лебедь» теперь у южной стороны озера, — мелькнуло у пей въ головѣ. Но вдругъ ей представилось, что графиня Шанцингъ уже проснулась и ищетъ ее, что князь Филиппъ съ Адельгейдой уже вернулись изъ Кронбурга. Быстро и рѣшительно стала она грести къ Лаубельфингену. Замокъ приближался, и скоро показался укромный уголокъ подъ ивами, гдѣ она можетъ причалить, не замѣченная ничьимъ глазомъ.

Когда она, выпрыгнувъ изъ лодки, тихо дошла по безмолвному парку до замка, въ Турмѣ одинъ за другимъ стали потасать огни.

— Онъ отправился теперь на покой, — тихо сказала она про себя.

Только полная луна и вѣчныя звѣзды молча сіяли надъ озеромъ. Матильда хотѣла тихонько прощмыгнуть въ домъ. Несмотря на то, что ночь была довольно теплая, ей было холодно, а щеки ея пылали. На душѣ у ней было печально. Что такъ тянуло ее съ неотразимой силой:

Ея взоръ еще разъ скользнулъ съ высоты дворца по поверхности воды. Въ серебристомъ свѣтѣ едва видны были очертанія острова, того загадочнаго острова, который какъ будто и не существовалъ въ дѣйствительности. Едва поднималось надъ волнами то мѣсто, гдѣ было море цвѣтовъ и маленькій домикъ, письменный столъ котораго составлялъ теперь тайну ея души.

А что такое теперь тамъ?

На югѣ вдругъ заблестѣлъ бѣловатый свѣтъ, совсѣмъ надъ поверхностью воды. Онъ все приближался и приближался, обогнулъ уголокъ острова, появился опять и направился къ острову. То былъ, конечно, «Лебедь».

Матильда простояла нѣсколько минутъ безъ движенія, вся превратившись въ зрѣніе. Пароходъ быстро шелъ впередъ не тѣмъ медленнымъ и какъ бы торжественнымъ ходомъ, какимъ онъ шелъ на дняхъ въ Лаубельфингенъ. Фантазія подеказывала ей, что она видитъ даже рыцаря, который стремится къ своему желанному острову мира.

Она бросилась въ домъ, и какъ разъ въ эту минуту одинокій герцогъ вступалъ на то мѣсто, гдѣ она была полчаса тому назадъ. Альфредъ былъ совершенно одинъ. Съ нимъ не было ни лакея, ни рулевого, ни Ласфельда. Сегодня была одна изъ тѣхъ ясныхъ но-

чей, когда фигура одинокаго, безпокойнаго, чѣмъ-то терзаемаго и гонимаго герцога видѣлась то на озерѣ, то въ замкѣ Турмѣ, то на островѣ. Такія noci повторылись все чаще и чаще съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ полномъ одиночествѣ поселился въ замкѣ Турмѣ и въ гнѣбѣ повернулся спиной къ Кронбургу. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Всякій разъ, какъ заходило солнце и спускалась ночь, ему казалось, что ему нужно бороться за жизнь и свѣтъ, которые собираются покинуть его. А когда побѣдоносное солнце снова поднималось надъ глубинами пропастей, онъ чувствовалъ себя усталымъ, измученнымъ отъ этихъ ночныхъ странствованій. Тяжелый сонъ спускался на его вѣки, и жизнь и солнечный свѣтъ исчезали отъ него.

Ужасна была его доля! Напрасно боролся онъ съ нею. Хуже всего были эти лѣтнія noci. Въ дождливые пасмурные дни его не такъ охватывало это боязливое чувство, этотъ необъяснимый страхъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, чему никто не смѣлъ дать названія и что онъ самъ съ ужасомъ называлъ правильнымъ названіемъ лишь въ часы душевнаго спокойствія.

Словно блуждающій огонекъ, носился по широкому озеру бѣлый свѣтъ «Лебеда» въ такія безпокойныя noci. Онъ то появлялся около Турма, чтобы сейчасъ же снова скрыться, то вспыхивалъ на югѣ, то около береговъ острова, гдѣ исчезалъ окончательно въ тѣ минуты, когда герцогъ не могъ выносить даже его сіянія и хотѣлъ имѣть общеніе лишь съ холоднымъ свѣтомъ луны.

Сегодня въ эту лунную ночь онъ вступилъ на дорожку, которая вела отъ пристани вглубь острова, къ домику, почти разбитый отъ усталости и печали. Около скамейки, на которой онъ еще недавно сидѣлъ съ Матильдой, онъ бросился на траву, закуталъ свое дрожащее тѣло въ голубой бархатный плащъ и закрылъ лицо руками. Онъ тихо рыдалъ. О чемъ? Едва ли онъ самъ могъ бы отдать въ этомъ отчетъ. Надъ нимъ были вѣчныя звѣзды, у его ногъ и вокругъ него безчисленные свѣтлячки вѣжной лѣтней noci. Онъ лежалъ въ морѣ розъ, которыя онъ такъ любилъ. Ихъ одуряющій аромать почти отнималъ у него возможность думать, даже дышать.

Что творилось съ нимъ?

Онъ не могъ и не хотѣлъ видѣть людей! Ему казалось, что его лакеи, его другъ Ласфельдтъ—все бросаютъ на него взоры, горящія любопытствомъ. Голосъ людей раздражалъ его. Ихъ грубый разговоръ былъ ему несносенъ, ихъ официальное почтеніе и титулы, которыми они величали его, были ему противны. Вѣдь онъ, герцогъ, чувствовалъ, что, быть можетъ, онъ самый несчастный изъ людей! Онъ воображалъ, что въ такія минуты онъ можетъ любить только своихъ павлиновъ, этихъ красивыхъ птицъ, важно расхаживающихъ между кустами розъ, лебедей, неслышно плавающихъ по волнамъ, бѣлыхъ голубей, которые, не зная усталости, летали за своими

предводителями, подобно его прекраснымъ мечтамъ. Только съ ихъ присутствіемъ мирился Альфредъ, но не съ людьми—любопытными, допытывающимися, спрашивающими! Что имъ надо отъ него?

Въ эти послѣдніе дни онъ пережилъ ужасную борьбу. Цѣлыми днями онъ неподвижно лежалъ на своемъ голубомъ ложѣ въ замкѣ Турмъ, мучимый странными болями въ затылкѣ. А по ночамъ «Лебедь» со своими бѣлыми огнями носилъ его въ полномъ одиночествѣ по волнамъ озера, псявляясь то вблизи горъ, то около острова, то высаживая его въ паркѣ замка Турмъ.

Ахъ, онъ зналъ это, Адельгейда! Онъ хотѣлъ этого! Одно слово изъ его усть и, можетъ быть, всему этому былъ бы конецъ! Онъ избавился бы отъ этихъ страшныхъ пытокъ, отъ этихъ ужасныхъ лунныхъ ночей какого-то половинчатого существованія, наступающаго умиранія, если бы Адельгейда покоилась въ его объятіяхъ.

Но тутъ вдругъ имъ овладѣвалъ ужасъ, какъ тогда, въ музыкальномъ салонѣ рядомъ съ зимнимъ садомъ, возлѣ великолѣпной герцогской постели. Неужели и Адельгейда была только женщиной?

Матильда была для него покоемъ, Адельгейда—мукой.

И все-таки! Матильда могла его утѣшить, но не исцѣлить! Она любила кронпринца! Но дѣло не въ принцѣ, онъ самъ герцогъ, и могъ бы бороться за нее, но...

Онъ не хотѣлъ ея. Она не была для него женщиной, къ которой его тянуло бы, относительно которой онъ былъ бы увѣренъ, что для него не можетъ быть лучшаго выбора. Она не будила въ немъ эти несбыточные желанія, не вызывала слезъ юности и томленія. Съ Монтебелло ему пришлось бороться и выдержать въ глубинѣ души жестокую борьбу, но съ Матильдой—ничего подобнаго! Онъ хотѣлъ владѣть Адельгейдой и не могъ!

Альфредъ вскочилъ съ мѣста. Онъ бросился въ тихую комнатку своего домика на островѣ. Она была освѣщена. Садовникъ, завидѣвъ съ острова приближающагося «Лебеда», заранѣе зажегъ огонь.

Въ эту ночь онъ прежде всего вынулъ золотой ключикъ изъ кармана и отперъ ящикъ письменнаго стола. Онъ такъ хотѣлъ найти здѣсь послышки Матильды, но каждый разъ испытывалъ горькое разочарованіе: ящикъ былъ пустъ!

Теперь онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ!

Въ ящикѣ виднѣлось свѣтло-голубое письмецо, запечатанное голубой печатью съ изображеніемъ лебеда.

Дрожащими руками раскрылъ онъ письмо и долго долго перечитывалъ его.

«Голубка орлу.

«Ты потеряешь Адельгейду, если будешь медлить. Развѣ ты забылъ меня и мою просьбу?»

Онъ вдругъ опомнился.

— Я хочу, хочу!—закричалъ онъ съ острой болью.

И необычайнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ онъ принудилъ себя исполнить обѣщаніе, которое онъ давно откладывалъ,—написать кронпринцу.

XVIII.

Въ часть, когда въ Лаубельфингенѣ подавали обѣдъ, явился по порученію герцога его адъютантъ Ласфельдъ и объявилъ, что его высочество пожалуетъ къ обѣду. Князь Филиппъ, снова утратившій все свои мечты и надежды и смотрѣвшій на примиреніе, состоявшееся нѣсколько недѣль тому назадъ, какъ на одинъ изъ капризовъ племянника, старался не обнаруживать передъ дочерью особой радости. Были приняты спѣшныя мѣры къ приему высокаго гостя, отъ милости котораго зависѣло благоденствіе обитателей Лаубельфингена.

Прежде, чѣмъ прибылъ самъ Альфредъ, въ Лаубельфингенъ привезли съ острова цѣлый транспортъ цвѣтовъ. Доставить ихъ было поручено двумъ лакеямъ. вмѣстѣ съ ними прибылъ курьеръ въ бѣло-голубомъ лейбъ-гвардейскомъ мундирѣ, который доставилъ письмо отъ герцога. Оно было написано Альфредомъ собственноручно, запечатано герцогскою короною и было адресовано принцессѣ Адельгеймѣ.

Дрожащими руками распечатала Адельгейма это письмо. Она предчувствовала, что въ немъ заключена судьба ея жизни, что въ немъ содержатся радость и горе ея дальнѣйшаго существованія.

Она прочла:

«Ваше высочество! Брильянты государственной сокровищницы нашего герцогства не даютъ покою одному безпокойному человѣку. Въ глубинѣ цвѣтовъ скрытъ мой герцогскій подарокъ. Ласфельдъ передастъ, что сегодня я буду къ обѣду. «Лебедь» носится вдоль берега у Лаубельфингена. Бѣло-голубой флагъ, выкинутый на пристани, будетъ указывать, долженъ ли онъ приставать, или нѣтъ».

«Альфредъ».

Принцесса была одна въ своихъ комнатахъ въ тотъ моментъ, когда курьеръ вручилъ ей письмо Альфреда, а оба лакея поставили передъ нею гигантскій букетъ изъ розъ острова.

Когда явились эти посланцы герцога и она прочла его письмо, сердце у нея ежалося отъ какого-то страннаго чувства.

Она погрузилась въ раздумье.

Письмо начиналось съ упоминанія о государственныхъ брильянтахъ, а не о ней, не о немъ и его любви. Какъ объяснить это? Неужели онъ прочелъ въ ея душѣ, что для нея на первомъ планѣ былъ блестящій золотой тронъ къ Кронбургѣ и герцогская украшенная брильянтами корона, а не онъ самъ, этотъ прекраснѣй

скорбный и возвышенный юноша, который предлагалъ ей вмѣстѣ съ своей любовью и всѣ эти драгоценности?

Онъ самъ называлъ себя «мучимымъ» и «безпокойнымъ». Это было не похоже на языкъ герцога. То говорилъ одинокій страждущій человѣкъ, котораго страсть лишала спокойствія. А затѣмъ это удивительно романтическое мѣсто: «Лебедь» носится около береговъ Лаубельфингена. Почему опять этотъ лебедь, какъ нерѣдко звали его и Матильда и она сама, переноситъ это названіе съ парохода на герцога?

Адельгейда вздохнула.

Когда она впервые увидала его въ Кронбургѣ, окруженнаго блестящей придворной свитой, увидѣла не какъ герцога, а какъ красиваго, величаваго и болѣе всѣхъ другихъ привлекательнаго юношу, ей показалось, что она любитъ его. И вотъ неожиданно наступилъ съ нетерпѣніемъ ожидавшійся моментъ, когда приходится рѣшиться. «Лебедь» носится около береговъ Лаубельфингена!

Принцесса заперла дверь за курьеромъ. Ей хотѣлось въ этотъ часъ серьезнаго испытанія остаться одной. Никто, ни отецъ, ни Матильда, ни графиня Шанцингъ не должны были знать, въ какой формѣ открылся онъ ей—онъ, всѣми боготворимый и желанный для всѣхъ придворныхъ дамъ!

Трижды перечитала она письмо. Только теперь ей бросилось въ глаза странное мѣсто, которое она долго не могла понять, какъ слѣдуетъ: «Въ глубинѣ цвѣтовъ покоится мой герцогскій подарокъ». Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Что значило это вычурное выраженіе? Что такое покоилось въ глубинѣ цвѣтовъ?

Она подошла къ букету и осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ. Она раздвигала всюду цвѣты, но нигдѣ ничего не находила. Внутри она замѣтила маленькую коробочку, которая была привязана къ стеблямъ розъ. Она отрѣзала ленту и открыла коробку одновременно съ любопытствомъ и съ предчувствіемъ чего-то тяжелаго.

На голубомъ бархатѣ лежала сверкающая брильянтами вещь. Съ перваго взгляда Адельгейда замѣтила, что она должна была стоить нѣсколько тысячъ. То была брошка въ видѣ лебедя. Тѣло птицы было сдѣлано изъ крупныхъ брильянтовъ, какихъ она еще никогда не видала въ своей жизни. Шея и крылья были сдѣланы изъ болѣе мелкихъ камней. Надъ лебедемъ была герцогская корона изъ сапфировъ и измарагдовъ. На ней была прикрѣплена буква А изъ жемчуга.

Чудный подарокъ привелъ было ее въ восторгъ, но присутствіе этого таинственнаго лебедя почти отняло у нея всякую радость.

Вдругъ въ коридорѣ послышался голосъ графини Шанцингъ.

Ее, очевидно, искали. Она отложила въ сторону письмо и подарокъ и поставила въ уголъ букетъ. Затѣмъ она открыла дверь.

Вошла графиня.

— Его высочество прислалъ предупредить вашего отца о своемъ посѣщеніи. Этотъ визитъ будетъ имѣть отношеніе къ вашей свѣтлости,—сказала она.

— Да, я знаю,—въ смущеніи отвѣчала принцесса—Нужно выѣхать у моста, гдѣ пристають лодки, свѣтло-голубой флагъ, графиня. «Лебедь» носится около береговъ Лаубельфингена.

При этихъ словахъ почти насмѣшливая улыбка пробѣжала у нея по губамъ.

— Я не совсѣмъ понимаю вашу свѣтлость.

— Это очень просто. Лебедь носится около береговъ Лаубельфингена, графиня. Это не трудно понять. Поэтому, какъ желаетъ герцогъ, необходимо поднять флагъ.

— Насколько я знаю, онъ всегда поднимается, когда ожидаютъ визита государя.

— Тѣмъ лучше, въ такомъ случаѣ.

Адельгейда подошла къ окну.

— Въ самомъ дѣлѣ, графиня, тамъ уже развѣвается флагъ. Меня объ этомъ и не спрашивали. Отлично!

— Его свѣтлость поручилъ мнѣ сообщить вамъ, что его высочество будетъ къ обѣду сегодня. Его высочество, принимая въ расчетъ всѣ обстоятельства, имѣетъ въ виду одну опредѣленную цѣль. Ваша свѣтлость изволите догадываться объ этомъ?

— Вполнѣ.

— Его высочество ожидаютъ къ тремъ часамъ.

— Если флагъ развѣвается, то онъ пріѣдетъ раньше. Я его знаю. Что говорить моя сестра Матильда?

— Ея высочество сегодня особенно молчалива. Почему — это я не могу себѣ объяснить. У нея былъ вчера еще мигрень, и сегодня она проснулась позже обыкновеннаго.

— Благодарю васъ. Я сейчасъ явлюсь, только сдѣлаю свой туалетъ.

— Прикажете прислать камеръ-фрау?

— Нѣтъ, не надо, графиня. Сегодня я буду одѣваться одна. Графиня Шанцингъ удалилась съ глубокимъ поклономъ.

Адельгейда направилась въ туалетную. Она чувствовала большую гордость, была несказанно горда этимъ знакомъ преклоненія передъ ней герцога.

Долго думала она, какъ ея одѣться, чтобы возбудить его восторгъ и любовь.

Наконецъ она выбрала платье изъ свѣтло-голубого атласа съ открытой шеей и короткими рукавами. Въ темные волосы она впледала розы изъ букета герцога. Ихъ же она приколола къ поясу. Огромные брильянты, изъ которыхъ былъ сдѣланъ лебедь, были единственнымъ украшеніемъ, которое, по ея мнѣнію, гармонировало съ этимъ платьемъ.

Въ эту минуту флаги взвились на всѣхъ башняхъ замка Лаубельфингентъ. «Лебедь» не причалилъ къ берегу. Придворный экипажъ герцога выѣхалъ изъ Турма по дорогѣ вдоль берега озера, направляясь къ Лаубельфингенту.

Одно изъ оконъ комнаты Адельгейды выходило на дворъ замка. Скрывшись за шторой, она видѣла, какъ онъ выходилъ изъ своего золоченаго параднаго экипажа, который онъ велѣлъ сдѣлать для параднаго въѣзда къ Кронбургъ. Какъ и въ первый разъ, его сопровождалъ только Ласфельдъ.

Въ ознаменованіе сего великаго дня онъ облачился въ фельд-маршальскій мундиръ. На головѣ у него была генеральская шляпа съ развѣвающимися перьями. Свѣтлоглазый мундиръ дѣлалъ его фигуру особенно легкой и привлекательной. Герцогскій брильянтовый орденъ сіялъ у него на груди. Его лицо, обыкновенно блѣдное, теперь какъ-то посвѣжѣло.

Пока онъ отдавалъ какія-то приказанія Ласфельду и камеръ-лакею, Адельгейда не спускала съ него глазъ. Онъ окинулъ взоромъ дворъ замка, вглядываясь въ окна, какъ будто ему хотѣлось кого-то увидѣть. Но Адельгейда нарочно держалась поодаль отъ окна. Его ростъ, лицо, взглядъ—все это запечатлѣвалось въ головѣ восемнадцатилѣтней принцессы, всецѣло погружившейся въ его созерцаніе. Этотъ высокій бѣлый лобъ, эти вьющіеся темные волосы, эти большіе, сегодня свѣтлые и твердые, а обычно загадочные, чѣмъ-то подернутые глаза, которыми такъ любовались женщины! Эти брови, словно проведенныя рукой художника. Онъ былъ высокаго роста: Ласфельдъ едва доходилъ ему до плеча, хотя и онъ былъ не низкаго роста.

Адельгейда видѣла, какъ онъ исчезъ въ подъѣздѣ замка. Альфредъ прямо направился къ князю Филиппу, который немедленно принялъ высокаго гостя.

— Милостивое вниманіе вашего высочества,—началъ былъ князь.

Альфредъ сразу перебилъ его.

— Мы сегодня дядя и племянникъ,—мягко сказалъ онъ.—Нѣсколько недѣль тому назадъ я заключилъ съ вами миръ. Теперь у меня есть къ вамъ одна просьба.

— Просьба?

— Могу я надѣяться получить изъ рукъ вашей свѣтлости счастье моеѣ жизни.

— Какъ прикажете понимать это, ваше высочество?

— Я прошу у тебя руки твоеѣ дочери Адельгейды.

— Солнце вашей милости...

— Оставьте этотъ тонъ. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ отцу, и прошу у васъ ея руки. Сегодня передъ вами, дядя, стоитъ не герцогъ, а племянникъ, юноша, который хочетъ получить отъ васъ свое счастье.

— А что скажетъ Адельгейда?

— Знакъ, который я просилъ ее сдѣлать, уже виденъ на пристани твоего замка, дядя. Я знаю, что Адельгейда ждетъ меня съ нетерпѣніемъ.

— Въ моемъ согласіи ты можешь быть вполне увѣренъ. Больше я не могу ничего тебѣ обѣщать. Мои дочери...

Онъ вдругъ смолкъ. Ему вспомнилось то энергичное сопротивленіе, которое ему оказала Матильда по поводу сватовства князя Лейхтенштейна.

— Могу ли я видѣть твою дочь?—быстро спросилъ герцогъ.

Князь хотѣлъ было нажать кнопку звонка, чтобы попросить сюда графиню Шанцингъ и черезъ нее предупредить дочь. Но въ эту минуту Адельгейда вошла сама.

Опыленные красотой глаза Альфреда съ восторгомъ остановились на ней. Его взглядъ упалъ на брильянтоваго лебедь, котораго онъ прислалъ ей и котораго она теперь носила на груди. Въ этомъ видѣннѣмъ знакѣ онъ усмотрѣлъ согласіе на его просьбу.

— Кузина, — проговорилъ онъ. — Коронные брильянты ждуть твоей бѣлой прекрасной шеи.

Онъ вдругъ забылъ и о присутствіи князя, и о своемъ официальномъ сватовствѣ, и о своемъ фельдмаршальскомъ мундирѣ. Онъ— герцогъ, передъ которымъ все склонялось, теперь, не стѣсняясь присутствіемъ князя, вдругъ бросился передъ нею на колѣни.

«Помоги мнѣ, спаси меня!»—готово было сорваться съ его губъ. Но онъ не осмѣлился произнести эти слова. Они застряли гдѣ-то въ самой глубинѣ его сердца.

— Адельгейда! Адельгейда!—только и повторялъ онъ.

Она подняла его

— Герцогъ, опомнитесь!

Она протянула ему руку. Онъ поднялся и сталъ рядомъ съ нею.

— Благодарю тебя, благодарю тебя! — смущенно повторялъ онъ.

Князь Филингъ удалился. Сватовство произошло не достаточно официально для него. Чтобы положить конецъ этой сценѣ, онъ велѣлъ позвать Матильду и графиню Шанцингъ.

Альфредъ уже овладѣлъ собою. Достоинство снова вернулось къ нему. Безумный позывъ, котораго стоило это сватовство его склонить къ одиночеству натурѣ, отчаяніе, охватившее его при видѣ этой дѣвушки, которою онъ не надѣялся владѣть, теперь исчезли безслѣдно.

Гордо и величаво принялъ онъ поздравленіе Матильды, Шанцингъ и Ласфелда. Его глаза какъ будто избѣгали многоговорящихъ и благодарныхъ взоровъ старшей принцессы. Ей, которая чувствовала почти такъ же, какъ и онъ, вдругъ стало грустно, и въ глубокой печали она опустила голову.

По приказанію Альфреда, Ласфельдъ подаль ему небольшую коробку. Тутъ были обручальныя кольца, которыя Альфредъ нѣсколько недѣль тому назадъ заказалъ въ Кронбургѣ. Они, какъ двѣ капли воды, походили одно на другое. Оба были украшены брильянтовой буквой А подъ герцогской короной—Альфредъ и Адельгейда.

Альфредъ торжественно надѣлъ одно изъ нихъ на палець Адельгейдѣ. Она наклонила свою прекрасную головку, и Альфредъ съ внезапной рѣшимостью запечатлѣлъ поцѣлуй на ея губахъ. Первые его уста поцѣловали женщину.

И Адельгейдѣ показалось, что отъ поцѣлуя этого царственнаго юноши вѣяло холодомъ одинокихъ горныхъ вершинъ.

Она содрогнулась, задрожала въ его объятіяхъ. Она дрожала за него и за себя. Свѣтлоглубые глаза принцессы хотѣли утонуть въ его взорахъ. Горячія слезы выступили на его большихъ глазахъ, они какъ будто подернулись флеромъ и были неподвижно устремлены въ даль. Что онъ видѣлъ тамъ?

Но онъ быстро очнулся.

— Адельгейда!—вскричалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучали слезы.—Вѣрь мнѣ, я люблю тебя.

— Я вѣрю, Альфредъ, вѣрю,—тихо отвѣчала она.

Но въ глубинѣ души она чувствовала, что и этотъ поцѣлуй, и эти увѣренія не имѣютъ никакой силы.

Онъ предложилъ ей руку и просилъ князя Филиппа разрѣшить объѣмъ дочерямъ совершить, въ сопровожденіи графини Шанцингъ, прогулку по озеру на «Лебедѣ», который успѣлъ уже причалить къ Лаубельфингену.

— Какъ вамъ будетъ угодно, ваше высочество,—отвѣчалъ князь.—Обѣдъ, на который вы оказали милость пожаловать, начнется, если вы не имѣете ничего противъ, въ три часа.

Альфредъ уже не возражалъ противъ такого тона покорности.

Онъ снова чувствовалъ себя герцогомъ!

Ласфельдъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь безъ четверти два, ваше высочество.

Матильда и Адельгейда первыми вѣшли на пароходъ. Альфредъ, Ласфельдъ и Шанцингъ послѣдовали за ними.

Само собою разумѣется, «Лебедь» взялъ курсъ къ Острову Розъ. Когда онъ причалилъ къ берегу, Ласфельдъ и Шанцингъ остались на немъ, а герцогъ съ объѣмными кузинами двинулся въ глубь острова. Ему хотѣлось показать эту жемчужину своихъ грѣзъ своей невѣстѣ, той, которая должна будетъ жить съ нимъ и утѣшать его.

— «Здѣсь одуряющій ароматъ»—вотъ первыя слова, которыя она сказала. «Павлины—отвратительныя птицы, я не люблю ихъ»—вотъ вторая фраза. «Они кричатъ и приносятъ дождь. Слишкомъ много птицъ, и онѣ загрязняютъ весь островъ»—вотъ ея третье мнѣніе

Альфредъ остановился. Затѣмъ опъ молча повернулся и пошелъ назадъ къ скрытой въ цвѣтахъ пристани.

Принцессы въ изумленіи двинулись за нимъ.

— Такимъ путемъ ты никогда не покоришь его,—испуганно шепнула Матильда сестрѣ.

Адельгейда пожала плечами. Альфредъ погрузился въ молчаніе, и «Лебедь» почти беззвучно плылъ обратно къ замку Лаубельфингену.

XIX.

Замокъ Лаубельфингенъ словно преобразился. Идиллическое спокойствіе княжеской резиденціи смѣнилось оживленнымъ движеніемъ, начинавшимся съ ранняго утра и продолжавшимся до поздней ночи. Герцогъ Альфредъ сдержалъ свое слово. Сношенія съ гофмаршаломъ короля, а затѣмъ и личная переписка между герцогомъ и королемъ дѣйствительно возобновились, и черезъ нѣсколько недѣль привела къ желанной цѣли. Кронпринцъ самъ прибылъ въ Кронбургъ и сдѣлалъ оттуда визитъ въ Лаубельфингенъ.

Альфредъ напрягалъ всѣ свои силы. Были устроены парадные спектакли въ придворномъ театрѣ, парадные обѣды, наконецъ празднество въ самомъ дворцѣ, закончившееся банкетомъ въ зимнемъ саду. Ради королевскаго сына герцогъ, казалось, забылъ свой гнѣвъ противъ столицы и ея упрямыхъ гражданъ.

Въ одно прекрасное утро въ официальной газетѣ было объявлено о помолвкахъ его королевскаго высочества кронпринца Карла съ ея свѣтлостью принцессой Матильдой и его герцогскаго высочества съ принцессой Адельгейдой.

Министерство, дворъ и народъ вздохнули наконецъ свободно. Словно черное облако удалилось наконецъ отъ герцога. Въ Кронбургѣ начали уже поговаривать, что юноша-герцогъ въ своемъ уединенномъ замкѣ Турмъ постепенно изнемогаетъ въ борьбѣ съ какой-то тоской, подтачивающей всѣ его духовныя и тѣлесныя силы. Никому не хотѣлось вѣрить этому.

Адельгейда попрежнему жила съ отцомъ въ замкѣ Лаубельфингенъ. Альфредъ покинулъ Турмъ такъ же внезапно, какъ внезапно когда-то пріѣхалъ въ него, когда потерпѣли крушеніе его планы о созданіи храма новаго искусства. Онъ вернулся въ Кронбургъ и весь ушелъ въ приготовленія къ своему бракосочетанію съ Адельгейдой.

Художники и ремесленники, которыхъ онъ велѣлъ позвать, познакомились теперь съ нимъ съ другой стороны. Какъ въ первые мѣсяцы своего царствованія, когда предстояла борьба съ Бауманномъ-Фонъ-Брандтомъ, такъ и теперь герцогъ быстро и искусно рѣшалъ всѣ вопросы, связанные съ устройствомъ апартаментовъ будущей

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮЛѢ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Богословіе.

ЗАРИНЪ, С. Недавно открытый апокрифическій памятникъ «лѣсни Соломона» и попытка А. Гарнака привлечь его къ вопросу о происхожденіи четвертаго каноническаго евангелія.

КАРСАВИНЪ, Л. Монашество въ средніе вѣка. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ТОЛКОВАНІЕ на книгу «Второзаконіе». Томъ 2-й. Спб. 1912. Ц. 70 к.

Философія, психологія, логика.

ГОМПерцъ, Г. Ученіе и міровоззрѣніе. Спб. 1912. Ц. 4 р.

МАКОВЕЛЬСКІЙ, А. Введеніе въ философію. В. I. Понятіе о философіи. Казань. 1912. Ц. 50 к.

НАТОРПЪ, П. Развитіе народа и развитіе личности. Спб. 1912. Ц. 60 к.

РОДОНАЧАЛЬНИКИ позитивизма. Вып. 4-й. Октябрь Контъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕКЛЬ, А. Исторія средневѣковой философіи. М. 1912. Ц. 1 р. 85 к.

ШУЛЬЦЕ, Р. Техника психологическаго и педагогическаго эксперимента. Спб. 1912. Ц. 3 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

БЕРТЬ-ФОНЪ, Э. Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава. 1912. Ц. 2 р.

БЪЛЬЧЕНКО, Г. ПАХІОПУЛО, Н. и др. Въ помощь изучающимъ романъ гр. Л. Толстого: «Война и миръ». Одесса. 1912. Ц. 50 к.

ГУРЕВИЧЪ, Л. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. М. 1912. Ц. 1 р. 75 к.

ПАМЯТИ Л. Н. Толстого. Сборникъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Харьковского Университета. Х. 1911. Ц. 40 к.

«Истор. вѣстн. августъ 1912 г. т. СХХІХ.

1/225

ПУШКИНСКІЙ семинарій при Слб. университетѣ, подъ руковод. С. Венгерова. Вып. 1-й. Программа составленія словаря поэтического языка Пушкина. Ц. 20 к.
ТО ЖЕ. Вып. 2-й. А. Л. БЕМЪ. Къ вопросу о вліяніи Шатобриана на Пушкина. Слб. 1911. Ц. 20 к.
СЛОВАРЬ литературныхъ типовъ. Выпускъ 7 и 8. Пушкинъ. Слб. 1912. Ц. 2 р.
СТЕБЛѢВЪ, А. Историческій обзоръ

русской литературы XVIII и первой четверти XIX вѣка. Пушкинъ и его предшественники. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ТРУБИЦЫНЪ, Н. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Слб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ШАГИНЯНЪ, М. О блаженствѣ имущества. Поэзія З. Н. Гиппюсъ. Ц. 40 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Паутина. Романъ. Слб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

АНДРЕЕВЪ, Л. Собраніе сочиненій. Т. 11-й. Анатѣма. Анфиса. Слб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

АННУНЦІО, Г. Собраніе сочиненій. Т. 12-й. Корабль. Ц. 1 р. 50 к.

БРУСЯНИНЪ, Ч. Часть смертный. Рассказы о солидныхъ людяхъ. Слб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕСЕЛКОВА-КИЛЬШТЕТЪ, М. Кольчевская вотчина. Романъ. Слб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ГАУШТМАНЪ, Г. Во власти океана. Романъ. Ц. 1 р. 75 к.

ГЕНКЕ, Е. Феерія «12-й годъ», въ 14 картинахъ. Луганскъ. 1912. Ц. 50 к.

ГРАЦІЯ ДЕЛЕДЦА. Одиночество. Новеллы. М. 1912. Ц. 60 к.

ДЕВИЗЪ, М. Подъ бѣлой косынкой. Повесть. 1912. Ц. 50 к.

ДМИТРІЕВЪ, Н. Богатыри 12 года. Историческая пьеса изъ эпохи Отечественной войны. Одесса. 1912. Ц. 60 к.

ДЪЯКОНОВА, ЕЛИЗ. Дневникъ. 1888—1902. Литературные этюды, стихотворенія, статьи и письма. М. 1912. Ц. 5 р.

ЕЛІАШЕВИЧЪ-ЖАНДРЪ, О. Перель волей. Драма въ 3 д. Вильна. Ц. 50 к.

ЗЛАТОВАРЪСКІЙ, Н. Собраніе сочиненій. Т. 6-й. Скиталець. Слб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

КАКЪ ЛЮБЯТЪ ЖЕНЩИНЫ. Рассказы. Слб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КАЛЬДЕРОНЪ, С. Сочиненія. Вып. 3-й. Врачъ своей чести. М. 1912. Ц. 1 р.

ЛИДАНОВА, Л. «На разсвѣтѣ» и другіе рассказы. М. 1912. Ц. 50 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ сборникъ въ пользу голодающихъ А. Амфитеатровъ, А. Бѣльскій, Н. Васильевъ, Н. Граціанскій, Вл. Ивановскій, В. Лапковъ и др. Казань. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

ЛОНДОНЪ, Д. Собраніе сочиненій. Томъ 6-й. Голосъ крови. Ц. 1 р.

ЛУЧИНИНЪ, Л. Настроенія. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Новая историческіе повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 50 к.

— Кумъ Иванъ. Историческая повѣсть. Ц. 15 коп.

— Ты побѣдилъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

— Тысяча лѣтъ назадъ. Ц. 10 к.

— Медвѣдицкій бурлакъ. Рассказъ. Цѣна 20 коп.

— Трифонъ Корофдовъ. Рассказъ. Цѣна 25 коп.

— Державная сваха. Быль. Ц. 25 к.

— Поиманы есте Богомъ и Великимъ Государемъ. Ц. 35 к.

ПАНАЕВЪ, И. Собраніе сочиненій. Т. 5-й. Очерки изъ петербургской жизни. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

РУНГЪ, О. Бѣлая яхта. Романъ. Ц. 85 к.

РЭСЛЕРЪ, К. Пять Франкфуртцевъ. Комедія въ 3 дѣйств. Одесса. 1912. Ц. 50 к.

СБОРНИКЪ «Стожары». Ц. 20 к.

СБОРНИКЪ Товарищества «ЗНАНИЕ» за 1912 годъ. Книга 39-я. Слб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

СОБОЛЕВСКІЙ, С. Эпиграммы и экспромты. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Изъ жизни моряковъ. Рассказы. Слб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ФЮРДЫ. Сборникъ 10-й. Торжество жизни. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АРХИВЪ П. Н. Симанскаго. Вып. 2-й. Письма Л. А. Симанскаго къ матери его и братьямъ по выступленію его въ походъ въ бывшую съ французами войну 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Слб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ. Томъ 4-й. Слб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

БѢЛОВЪ, Г. Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ВАСЮТИНСКІЙ, А., ДЖИВЕЛЕГОВЪ А. Французы въ Россіи. 1812 г. Нѣманъ. Смоленскъ. Бородино. Вступленіе въ Москву. М. 1912. Ц. 1 р.

ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЪСКІЙ, М. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ЖИТКОВЪ, К. Свѣтлой памяти Великаго Князя Константина Николаевича, генералъ-адмирала русскаго флота. Біографическій очеркъ. Слб. 1912. Ц. 1 р.

ЖИТКОВЪ, К. Свѣтлой памяти Григорія Ивановича Бутакова, адмирала русскаго флота. Къ 30-лѣтію со дня смерти. Ц. 80 к.

ЗАПИСКИ игуменьи Маріи, урожденной княжны Одоевской. Новгородъ. 1912. Ц. 2 р.

ЗЫБИНЪ. Исторія тульскаго императора Петра Великаго оружейнаго завода. Томъ 1-й. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ хронологія главѣйшихъ событий Отечественной войны. Слб. 1912. Ц. 15 к.

КАРАВАНОВЪ, Н. Отечественная война въ изображеніи русскихъ писателей. Историч. хрестоматія. М. 1912. Ц. 2 р.

КИРХЕЙЗЕНЪ, Г. Женщины вокругъ Наполеона. М. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

КУТЕПОВЪ, Н. Императорская охота на Руси, конецъ 18 и 19 вѣковъ. Томъ 4-й. Слб. 1911. Цѣна въ пер. 80 руб.

ЛОНГИНОВЪ, А. Русскій вопросъ о

- Холмщинѣ въ историческомъ освѣщеніи. Ц. 25 к.
- МАНТЕЛЬ, А. Д. Митрохинъ. Казань. 1912. Ц. 80 к.
- МАСОНЪ, Ф. Наполеонъ и женщины. М. 1912. Ц. 2 р.
- МЕЛИХОВЪ, В. Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. Х. 1912. Ц. 30 к.
- Л. Н. Загурскій, проф. Имп. Харьк. университета. Некрологъ. Ц. 15 к.
- МУРАТОВЪ, Н. 1812. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Тамбовъ. 1912. Ц. 50 к.
- ОЧЕРКИ по исторіи Византіи. Подъ ред. В. Бенешевича. Вып. 2-й. Цѣна по подпискѣ за три выпуска. 3 р. 50 к.
- ПАМЯТКА Отечественной войны для войскъ, школъ и народа. Ц. 15 к.
- РЕНАНЪ, Э. Исторія Израильскаго народа. Т. 2-й. Вып. 5-й. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.
- СИНГАЛЕВИЧЪ, С. Эпоха возрожденія. Культурно-политическая исторія итальянскаго и нѣмецкаго ренессанса. Казань. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- ТОЛКУШКИНЪ, В. Лѣтписи славы. Одесса. 1912. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- ВАЕТС, Н. Искусство судебной рѣчи. М. 1912. Ц. 50 к.
- БУЛАВЪ, М. Дѣловой справочникъ. Какъ обращаться къ судебной защитѣ и составлять дѣловые бумаги. Псковъ. 1912. Ц. 55 к.
- ВАРАДИНОВЪ, Н. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о порядкѣ печатанія объявленій. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ВИТТЕ, С. Ю., гр. По поводу націонализма. Национальная экономія и Фр. Листъ. Ц. 1 р.
- ДОБРОТВОРСКИЙ, Л. Морскія ошибки загубить насъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ДУРАСОВЪ, В. Дуэльный кодексъ. Изд. 4. Ц. 2 р.
- ЛУНЕВСКИЙ, С. Страхование отъ огня. Спб. 1912. Ц. 1 р. 75 к.
- МИРЛЕСЪ, А. Краткій курсъ русскаго уголовного процесса. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.
- Краткій курсъ церковнаго права. Ц. 1 руб.
- ОБЩЕЕ собраніе 9 февраля 1912 г. въ Спб. по дѣлу объ отмінѣ Соединенными Штатами Сѣверной Америки договора 1832 г. съ Россіей. Спб. 1912. Ц. 10 к.
- ОВЧИННИКОВЪ, А. Къ учению о соединенія труда. Казань. 1912. Ц. 3 р.
- ПАСМАНИКЪ, Д. Десятый сіонистскій конгрессъ. Спб. 1912. Ц. 20 к.
- ПЕРОВСКИЙ - ПЕТРОВО - СОЛОВОВО М. «Независимые консерваторы». Опытъ партійной программы. Діалоги. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- РОГОВИНЪ, Л. Путеводитель по своду законовъ. Руководство къ познанію законовъ и обзоръ дѣйствующихъ законодательствъ Россійской Имперіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- РОШЪ, А. Что сдѣлала Третья Государственная Дума для народнаго образованія? Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- СЕНДЕРКО, М. Государственная Дума и жизненные вопросы православнаго духовенства. Спб. 1912. Ц. 25 к.
- СКОРНЯКОВЪ, Е. Орошеніе и колонизація пустынныхъ государственныхъ земель Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Часть 2-я. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 коп.
- УТУГАЕВЪ, И. Наши наслѣдники. Къ современному вырожденію русской культуры. Ц. 10 к.
- ЧЕЛЫШЕВЪ, М. Положеніе Россіи на мировомъ хлѣбномъ рынкѣ и объ упорядоченіи нашей торговли хлѣбомъ за границей. Ц. 20 к.
- ШАФАРЕНКО, С. Практика Правительствующаго Сената по желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Избранн. рѣш. Гражд. Касс. Деп. Прав. Сената 1873—1905 гг. Кіевъ. 1912. Ц. 3 р.
- ШАХОВСКИЙ, А. Что нужно знать каждому въ Россіи. Ц. 1 р.
- ЭГЕРТЬ, В. Надо защищаться. Ц. 15 к.
- ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ, В. За что меня осудили? Нѣсколько словъ уволеннаго профессора Духовной Академіи въ защиту своего богословскаго направленія. Кіевъ. 1912. Ц. 30 к.
- ЯБЛОНСКИЙ, Н. Еврейскій вопросъ Антиеврейское движеніе на Западѣ. Еврей въ Смоленской губ. М. 1912. Ц. 1 р.

Искусство.

- МИХАЙЛОВЪ-СТОЯНЪ, К. Законы вокальности. Опытъ построения перваго обоснованнаго теоретически и практически метода пѣнія. М. 1912. Ц. 75 к.
- ПЕТРОВЪ, А. Устройство театральнаго сцени. Съ 136 рис. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- СУСЛОВЪ, В. Церковь Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Покровскій соборъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ФИНДЕЙЗЕНЪ, Н. Павловскій музыкальный вокзалъ. Историческій очеркъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.

Естествознаніе и математика.

- БУБЕКИНЪ, Б. Основы воздухоплаванія. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЕМЧИНСКИЙ, Н. Погода лѣта 1912. Ц. 10 к.
- ЛЕПЕШКИНЪ, В. Курсъ физиологіи растений. Казань. 1912. Ц. 1 р.
- МИ, Г. Курсъ электричества и магнетизма. Ч. 1. Электростатика. Одесса. 1912. Ц. 2 р.
- НЕКРАСОВЪ, П. Теорія вѣроятностей. Изд. 2-е, дополн. статистической теоріей взаимоотношеній и элементами номографии. Спб. 1912. Ц. 6 р.
- НОВЫЯ ИДЕИ въ физикѣ. Сборникъ № 1. Строеіе вещества. Ц. 80 к. Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровозрѣніе. Ц. 80 к.

ОСИПОВЪ, П. Лекціи неорганической химіи. X. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
— Введение въ изученіе органической химіи. Ц. 2 р. 75 к.
ПОЙНТИНГЪ, Д. Давленіе свѣта. Одесса. 1912. Цѣна 50 к.

СКАЛОЗУБОВЪ, Н. Пособіе для ботаническихъ экскурсій. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

УСПѢХИ ХИМИИ. Вып. 1-й. Сборникъ. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

КОЗЛОВЪ, П. Николай Михайловичъ Пржевальскій, первый изслѣдователь природы Центральной Азіи. Спб. 1912. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

КУРДОВЪ, К. Отечествовѣдѣніе. Россія сравнительно съ главн. государствами міра. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

КЮНЕРЪ, Н. Описание Тибета. 4 части. Владивостокъ. 1907. Ц. 6 р.

ЛИСИЦЫНЪ, М. Черты религіознаго

быта Тироля. Впечатлѣнія путешественника. Спб. 1912. Ц. 20 к.

ПАНТЮХОВЪ, О. Въ гостяхъ у Бойскаутовъ. Съ рис. Спб. 1912. Ц. 25 к.

ПЕРЦОВЪ, П. Венеція и венеціанская живопись. М. 1912. Ц. 75 к.

ШИДЛОВСКІЙ, А. Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Краткій историческій очеркъ русскихъ плаваний и промысловъ на Шпицбергенѣ. Спб. 1912. Ц. 75 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

АЛЕКСАНДРОВА - ИГНАТЬЕВА, П. Практическія основы кулинарнаго искусства. Руководство для кулинарныхъ школъ и для самообученія, съ 108 рис., съ прил. курса мясовѣдѣнія. Изд. 9-е. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

БАРБЕРОНЪ, Г. Сборъ винограда. Одесса. 1912. Ц. 25 к.

БАРТОЛОМЕИ, В. Очеркъ моего хозяйства. Съ прил. 14 рис. и плана. Спб. 1912. Ц. 80 к.

ГОЛУБИЦКІЙ, С. Приготовление кушаній изъ кроличьяго мяса. М. 1912. Ц. 20 к.

ГРЕБНИЦКІЙ, А. Уходъ за плодовымъ садомъ. Изд. 4-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ГУРИНЪ, Г. Сибирская язва. Саль и мытьё у животныхъ. Съ рис. М. 1912. Ц. 8 коп.

КРИВОШЕЯ, М. Культура персиковъ въ открытомъ грунтѣ. Спб. 1912. Ц. 20 к.

ПОЛОСУХИНА, А. Сборъ плодовъ. Спб. 1912. Ц. 12 к.

ПОТЪХИНЪ, Л. Естественная исторія пчелы. Руководство для пчеловодовъ-практиковъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

РАЙКОВСКІЙ, В. Устройство ульевъ. Спб. Ц. 75 к.

СИЛАНТЬЕВЪ, А. Винградная листовертка. Одесса. 1911. Ц. 25 к.

СЫЦЯНКО, В. Плодовое и ягодное винодѣліе. 1912. Ц. 70 к.

ЧЕКЕРУЛЬ-КУШЪ, Н. Опытъ разведенія плодового сада въ приднѣпровскомъ районѣ средней Бессарабіи, въ им. Стодолнѣ, Оргѣев. у. Ц. 1 р.

ШАРКОВЪ, В. Молочная корова. Ц. 15 к. — О пчеловодствѣ. Ц. 4 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

БЕНЦИНГЪ, С. Необходимость учета цѣнностей въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. Ц. 20 к.

ВОЛКЕНШТЕЙНЪ, О. Покупка, продажа процентныхъ бумагъ. Ц. 20 к.

МЕНДЕЛѢЕВЪ, И. Основы современной конторы. Быстрота письма. Наличие склада. Регистрація корреспонденціи. Волжеры и продавцы. Увеличеніе продажи и пр. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЛЕКСАНДРОВЪ, В. Таблицы для быстрого нахожденія и исправленія поврежденій въ электрич. установкахъ, машинахъ пост. и перем. токовъ, трансформаторахъ, аккумулят., дуговыхъ фонаряхъ и пр. Ц. 75 к.

БОГДАНОВЪ, П. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изд. 3, доп. и испр. Спб. 1912. Ц. въ перепл. 1 р.

БОДРИ ДЕ-СОНЬЕ. Практическіе советы шофферамъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕДЕРЪ, Больной двигатель внутреннего сгорания. Спб. 1912. Ц. 50 к.

ЖИТКЕВИЧЪ, Н. Бетонъ и бетонныя работы. Спб. 1912. Ц. 6 р.

КОЗЬМИНЪ, П. Мукомольное производство. Практическое и теоретическое ру-

ководство для крупчатниковъ, техниковъ и инженеровъ по мукомольному производству и устройству мельницъ. Кіевъ. 1912. Ц. 6 р.

МОРЖОВЪ, А. Разбивка желѣзнодорожныхъ взаимѣнъ Кренке. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ПАВЛОВЪ, Н. Расчеты въ техникѣ и ихъ вспомогательныя средства. Спб. Ц. 1 р.

ХОЛУЯНОВЪ, Ф. Испытанія динамомашинъ. Ч. 1-я. Спб. 1912. Ц. 2 р. 90 к.

ЧОЛКЛИ, А. Дизель-машинны и ихъ примененія на сушѣ и на судахъ. Спб. 1912. Ц. 3 р.

ЭВАЛЬДЪ, В. Строительные матеріалы, ихъ приготовленіе, свойства и испытанія. Спб. 1912. Ц. 3 р.

Медицина, гигиена, анатомія, фізіологія и хирургія. Ветеринарія.

- БАРТЪ, Э. Ушныя болѣзни. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- БОРИСОВЪ, О. Краткій курсъ гистологии со включеніемъ микроскопической техники. Одесса. 1912. Ц. 80 к.
- ВОПРОСЫ педагогической патологии въ семѣ и школѣ. Вып. 2-й. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ДІРРЕ, Н. Краткій учебникъ по частной патологии и терапіи внутреннихъ болѣзней для врачей и студентовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.
- ЛИНДЕМАНЪ, В. Краткій курсъ медицинской зоологии. Кіевъ. 1912. Ц. 2 р. 50 коп.
- Членистоногія, какъ распространители заразныхъ болѣзней. Кіевъ. 1911. Ц. 50 коп.
- МОССЕ, М. Болѣзни крови и обмѣна веществъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ПОЛЫЙ конспектъ по гистологии. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 20 к.
- СЛАВЯНСКІЯ минеральныя воды и грязи. Краткій обзоръ къ сезону 1912 г. Ц. 10 к.
- ХМѢЛЕВСКІЙ, П. Одесскіе лиманы. 1912. Ц. 50 к.
- ЭРАТО-СЛУЦКІЙ, Л. Культъ жизни. (Искусство не старѣть). Кіевъ. 1912. Ц. 1 руб.

Военное и морское дѣло.

- ПОПОВЪ, Н. Война и леть воиновъ. М. 1912. Ц. 30 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- ВЛАДИМИРСКІЙ, Н. Логика. Курсъ гимназическій. Казань. 1912. Ц. 1 р.
- ВОПРОСЫ дошкольнаго воспитанія. Сборникъ 1-й. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ГАЛАНИНЪ, Д. Образование и обученіе. М. 1912. Ц. 50 к.
- ДЕКОШЕТЪ, А. Проповѣди для дѣтей. Вып. 3-й. Ц. 1 р.
- ДОЛГУШИНЪ, П. Систематическій курсъ геометріи для среднихъ учебн. завед. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ДЪДУШКИНЪ ПОДАРОКЪ. Третья книга для классаго чтенія въ начал. школахъ. М. 1912. Ц. 70 к.
- ЗАБОЛОТСКІЙ, П. Учебное дѣло въ Болгаріи. Ц. 20 к.
- КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ, М. О постановкѣ преподаванія экономической географіи. Спб. 1912. Ц. 40 к.
- КРИТЪ, ФОНЪ, М. Къ вопросу о воспитаніи подростящаго поколѣнія. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- Физическое воспитаніе и образованіе, ихъ цѣли, факторы и средства. Ц. 50 к.
- МАРГОЛИНЪ, Д. Справочникъ по среднему образованію. Ч. II. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- МАРКОВИЧЪ, Б. Начальные логаріемы. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- ПОРТУГАЛОВЪ, А. Геометрія для экстерновъ и самообразованія. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ПЪШЕХОНОВА, А. Сборникъ вычисленій и простѣйшихъ задачъ. II ступень элементарнаго курса. Изд. 6-е, доп. Спб. 1912. Ц. 15 к. Чистый доходъ отъ изданія поступаетъ въ фондъ на постройку учительскаго дома въ Спб.
- SERMOUD. Abrégé de la grammaire française. Часть I. Ц. 45 к. Часть II. Ц. 55 к. Часть 3-я. Ц. 1 руб.
- СОЛОВЬЕВЪ, И. Хронологія по всеобщей исторіи. Средняя исторія. Одесса. 1912. Ц. 35 к.
- ТЕМНИКЪ. Сборникъ разработанныхъ темъ, плановъ и сочиненій. Ч. 1-я. Курсъ пятаго класса. Одесса, 1911. Ц. 1 р. 10 к.
- УСПЕНСКІЙ, С. Катехизисъ въ разсказахъ. Вып. 5-й. Заповѣди Закона Божія. М. 1912. Ц. 25 к.
- ФРЕЙ, В. Сельскія гимназіи. Изображеніе и критика современной новой школы. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ХАРМАЦЪ, А. Тетрадь для сопряженія латинскихъ глаголовъ. Одесса. 1912. Ц. 8 к.
- Таблицы важнѣйшихъ формулъ и теоремъ по алгебрѣ, тригонометріи, геометріи и ариметикѣ. Цѣна по 20 к.
- Таблица о знакахъ препинанія. Ц. 20 коп.
- Таблица правописанія по рускому языку. Ц. 20 к.
- Методы рѣшенія алгебраическ. задачъ. Ц. 1 р.
- ШВИДКОВЪ, Н. Таблицы процентовъ и сокращеннаго производа ариметическихъ дѣйствій. Кіевъ. 1912. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- БРИДЖЕСТЪ, В. Жизнь юныхъ развѣдчиковъ подъ открытымъ небомъ. Со вступит. замѣтной генерала Вадець-Поуэли. Ц. 60 к.
- ЕФИМЕНКО, А. 1812. Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Спб. 1912. Ц. 15 к.
- НАУЧНО-ЗАБАВНАЯ библиотека. Вып. 1-й. Магические квадраты. Ариметическіе нурьезы. Съ 17 черт. Ц. 20 к. Вып. 6-й. Игра «Nim». Ц. 15 к. Вып. 7-й. Игра «15». «Солитеръ». Ц. 20 к.

Спортъ охота и игры.

- ЕЖЕГОДНИКЪ Всероссийскаго Союза Лаунъ-Теннисъ Клубовъ. 1912. Ц. 1 р.
- ТАРАСОВЪ, Н. Нормальная гимнастика для сильныхъ и слабыхъ. Ц. 1 р. 25

Справочныя книги.

- АКАЕЛОВЪ, Н. Путеводитель по Варшавѣ. Ц. 60 к.
- ВОЛКОВЪ, Н. Полицейскій стражникъ. Руководство для стражниковъ. 1912. Ц. 40 к.
- ДОЛЮЩЕВЪ, В. Участіе полиціи въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Руководство для чиновъ полиціи. Изд. 3. Варшава. 1911. Ц. 1 р.
- ЗАГРАНИЧНЫЕ КУРОРТЫ. Иллюстрированный путеводитель по курортамъ и санаторіямъ. Ц. въ пер. 3 р. 50 к.
- КАЗАНСКІЙ, С. Справочная книга и руководство для волостныхъ правленій, старшинъ, сельскихъ старостъ и писарей. Т. 1—2. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- ПЛАНЫ (КАРТЫ) окрестностей Петербурга. Сестрорѣцк. Разливъ. Дюны. Тарховка. Стрѣльня. Сергіевская пустыня. Ораніенбаумъ. Мартышкино. Сиверская. Гатчина. Мариенбургъ. Удѣльная. Коломяги. Озерки. Шувалово. Парголово. Павловскъ. Бѣлоостровъ. Олдила. Куонккала. Теріюки. Келломяки. Царское Село. Петергофъ и Лигово. Цѣна по 10 к.
- РУССКІЙ БЕДЕКЕРЪ. Путеводитель по Парижу. Ц. 1 р. 60 к.
- Путеводитель по Швейцаріи. Ц. 2 р.
- СБОРНИКЪ инструкцій и программъ для участниковъ экскурсій въ Сибирь. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- СИГУРДЪ, О. Курорты Крыма. Ялта, Гурзуфъ, Суукъ-Су, Алупка, Симеизъ, Алушта и Судакъ. Спб. 1912. Ц. 50 коп.
- СИМАНСКІЙ, В. Спутникъ петербуржца Лѣто. 1912. Ц. 30 к.
- УКАЗАТЕЛЬ ускоренныхъ, кратчайшихъ желѣзнодорожныхъ маршрутовъ русскихъ и заграничныхъ жел. дорогъ. Лѣто. 1912. Ц. 10 к.
- УЧЕБНЫЯ программы и правила для специаль. испытаній на званіе учителя и учительницы народн. училищъ. Ц. 20 к.

Разныя книги.

- АББАТЪВИЛЬЯРЪ де-МОНТФОКОНЪ Графъ Габалисъ, или посвященіе въ тайную науку. Ц. 50 к.
- ПОЛНОЕ руководство къ гаданію на картахъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-й.

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журнал по образу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ и т. д. — Придворный и парламентскій бытъ. — Дипломатическій міръ. — Европейскіе университеты. — Женское движеніе. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествія, романы, повѣсти. — Міръ изящнаго. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистовъ и красавицъ, рисунки, сцены. — Веселые наброски, юмористика. — Театры и моды. — Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія. — Міръ духовъ. **картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.**

Галерея Картинъ «**ПАРИЖСКАГО САЛОНА**».

12 ежемѣсячныхъ **богато-иллюстрированныхъ выпусковъ** журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца—составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читателейъ.

2 преміи **ГODOVЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ** **2 преміи.**
(въ 1912 году.)

«ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ».

(Художественные рассказы и интимныя признанія свѣтской женщины).

«ЕВРОПЕЙСКІЕ КУРОРТЫ»

I. **Карлсбадъ.** Художественное описаніе И. Н. Потапенко съ изящными иллюстраціями и подробнымъ справочнымъ отдѣломъ для русской публики.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей **4 руб.**, на полгода **2 руб.** За границу **6 руб.** въ годъ (съ преміей).

Особенно роскошные (велевые) экземпляры **6 руб.** въ годъ (съ преміей).

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи „Европейской Жизни“: С.-Петербургъ, Невскій проец., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

М. Г. Веселковой Кильштетъ

„Пѣски
забытой усадьбы“

Сборникъ стихотвореній ц. 1 р.

Продается во вѣсѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Ея-же „Стихи и пьесы“ (изд. 1906 г.), ц. 2 р.

Въ книжныхъ магазинахъ,, Нового Времени,, поступила въ продажу новая книга.

И. Богдановъ.

**КРАТКІЙ КУРСЪ
ВЪ ВОПРОСАХЪ
И ОТВѢТАХЪ**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

исправленное
и
дополненное

Допущенъ Учебными Комитетами:
Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и Министерства Торговли и промышленности «въ качествѣ учебнаго пособия въ промышленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ курсъ коихъ входитъ изученіе печатнаго дѣла».

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Типографія А. С. Суворина. Спб. Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ
СЕНТЯБРЬ, 1912 Г.

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1912 г.

Памяти А. С. Суворина. С. Н. Шубинскаго	1—2
Иллюстрація: Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.	
А. С. Суворинъ. Биографическій очеркъ. Б. Б. Глинскаго	3—60
Иллюстраціи: 1) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. — 2) Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ въ своемъ кабинетѣ за работой.	

I. Жена министра. (Романъ). Часть первая. XII—XVI. (Продолженіе). Н. А. Лапшо-Данилевской	786
II. Двуногій звѣрь. (Изъ челоѳеческихъ документовъ). III—IV. (Продолженіе). В. В. Уманова-Наплуновскаго	825
III. Давніе эпизоды. Манускрипты композитора Глинки. Н. А. Энгельгардта	858
IV. Воспоминанія инсургента. С. С. Окрейца	880
V. Императрица-кума. А. П. Сѣдого	914
VI. Воспоминанія о В. П. Далматовѣ. К. Н. Михайлова	928
VII. Воспоминанія потѣшнаго павловца. (1871 года). Г. Метцнера	973
VIII. Чортова кукла. Н. Н. Сергѣевскаго	981
IX. Воспоминанія американца о портсмутской конференціи. В. ф.-Ш.	989
X. Памятники Н. П. Слѣпцову. (По случаю 60-лѣтія со дня его кончины). П. Л. Юдина	1009
Иллюстраціи: 1) Николай Павловичъ Слѣпцовъ. — 2) Памятникъ надъ могилой Слѣпцова въ станицѣ Слѣпцовой.	
XI. Памяти Н. Ѳ. Анненскаго. Б. Б. Глинскаго	1026
Иллюстрація: Николай Ѳеодоровичъ Анненскій.	
XII. Кавказскій музей. А. С. Матіасевича	1047
Иллюстраціи: 1) Кавказскій музей. — 2) Этнографическій отдѣлъ кавказскаго музея. — 3) «Прометей». Картина художника Зимма.	
XIII. Критика и библиографія.	1067

1) Корниловъ, А. Бурсъ исторіи Россіи XIX вѣка, ч. I и II. М. 1912. М. Ключова. — 2) Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ. Описаніе дѣлъ вѣдомства департамента, хранящихся въ архивѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Вып. II. Дѣла учреждений, вѣдавшихъ государственныхъ имуществъ до образованія департамента государственныхъ имуществъ. 1763—1811 гг. Спб. 1912. В. Рудакова. — 3) А. И. Боргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Ч. I. До Петра Великаго. Изд. «Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время». Спб. 1912. — Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Ч. I. До Петра Великаго. Изданіе «Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время». Спб. 1912. К. М.—ва. — 4) Спаарія, Н. Г. Описаніе первыя части вселеннаго, именуемой Азія, въ ней же состоитъ Китайское государство съ прочими городами и провинціями. Церковно-славянскій текстъ, по рукописи, принадлежащей

(См. слѣд. стран.).

Ф. Т. Васильеву, съ Биографіей Н. Г. Спаарія, написанной А. И. Яцимирским, съ описаніемъ рукописи, сдѣланнымъ А. А. и съ предисловіемъ и указателемъ Н. Ф. Катанова. Съ 4-мя таблицами. Казань. 1912. и. и. м.—5) Д. Лавровъ. Святый страстотерпецъ, благовѣрный князь угличскій царевичъ Дмитрій, московскій и всея Россіи чудотворецъ. Сергіевъ посадъ. 1912. в. р.—ва.—6) В. Ф. Трошанскій. Наброски о явутахъ Якутскаго округа. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарскаго. Казань. 1912.—Эх. Пекарскій и Вл. Цвѣтковъ. Пріятныя тунгусы. Спб. 1912. А. Фаресова.—7) Извѣстія сарапульскаго земскаго музея. Вып. I. Сарапулъ. 1911. Вып. II. Сарапулъ 1912. Д. Зеленина.—8) Труды черниговской ученой архивной комиссіи. Выпускъ восьмой. Черниговъ. 1911. В. Руданова.—9) Матеріалы по этнографіи Гродненской губерніи. По порученію управленія вилескаго учебнаго округа редактировалъ Е. Р. Романовъ. Вып. I. Вильна. 1911. Вып. II. Вильна. 1912. в. д.—10) О. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Томъ первый. Спб. 1912. В. Руданова.—11) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. X (съ 1738 г. по 24 ноября 1741 г.). Царствованіе государыни императрицы Анны Іоанновны. Правленіе бывшаго герцога бурляндскаго. Правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Спб. 1911.—Т. III (1746—1752 гг.). Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1912 г.—Т. I (1762—1772 гг.). Царствованіе государыни императрицы Екатерины II. Спб. 1910. м.—лова.—12) Исторія іезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ, отчасти не изданнымъ, документамъ абабтомъ Гетта. Т. I, книги 1—3. Переводъ О. А. Цяглинской. Москва. 1912. Пант.—13) Профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1912. в. р.—ва.—14) М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912. и.—15) Толстовскій музей. Т. I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Спб. 1911. л.—16) Профессоръ Н. И. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вѣковъ. Кіевская искусственная литература XVII—XVIII вѣковъ, преимущественно драматическая. Кіевъ. 1911. в. д.—17) В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. Ф. Рылѣва. Кіевъ. 1912. Андрея Сиротинина. 18) Сборникъ въ честь Пирогова, подъ редакцію профессора Е. А. Воброва. Варшава. 1912. Профессора М. Красножона.—19) А. Б. Вороздинъ, проф. Русская литература въ XIX в. (Сто лѣтъ литературнаго развитія). Спб. 1912. Я. Бирюмова.—20) Сборникъ памяти Л. М. Жацевича. (1 января 1877 г.—24 сентября 1910 г.). Биографическій очеркъ, воспоминанія, газетныя статьи, телеграммы и т. д. Спб. 1912. м.—но.—21) Lexikon Baltischer Künstler. Herausgegeben von Dr. Wilhelm Neumann. А. Э. Мальмгренъ.

- XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1105
 Неизданныя воспоминанія о походѣ французовъ въ Россію въ 1812 году.
- XV. Смѣсь. 1114
 1) Открытіе памятника великому князю Владимиру Александровичу.—
 2) Стипендія двѣнадцатаго года.—3) Письмо императора Александра I объ ополченіи.—4) Открытіе памятника проф. М. К. Турскому.—5) Интересная находка.—6) Гибель музея Шюшвина.—7) Находка.—8) Археологическія находки.—9) Домъ Лермонтова.—10) Подписка на учрежденіе стипендій имени В. О. Ключевского.
- XVI. Некрологи. 1121
 1) Варановскій, М. И.—2) Ващенко-Захарченко, М. Е.—3) Жемчужниковъ, Л. М.—4) Жуковскій, П. В.—5) Знаменская, Р. С.—6) Каратыгина, А. А.—7) Позняковъ, Г. А.—8) Станкевичъ, А. В.—9) Струве, О. А.—10) Сыртлановъ, А. А.—11) Тимирязевъ, В. А.—12) Хахановъ, А. С.
- XVII. Замѣтки и поправки. 1132
 1) Къ очерку «Святѣна вологодской тюрьмы». С. Новали.—2) Покушеніе на Наполеона передъ войной 1812 г. С. Фарфороснаго.

Приложеніе: Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера, Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. XIV—XIX. (Продолженіе).

Памяти А. С. Суворина.

Въ три часа ночи съ 10 на 11 августа скончался издатель «Историческаго Вѣстника» Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. Для тѣхъ, кто близко зналъ его, эта потеря тяжела и невознаградима. Въ теченіе 34 лѣтъ я находился въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ и могъ оцѣнить его умъ, благородство, доброжелательность и готовность помочь всѣмъ, обращающимся къ нему съ какой-либо просьбой. Тяжелая

болѣзнь лишаетъ меня возможности, въ данную минуту, подробно охарактеризовать покойнаго, и я, къ прискорбію, не могъ даже проститься съ прахомъ дорогаго и искренно любимаго мною человѣка, которому такъ много обязанъ. Только при его матеріальной и нравственной поддержкѣ могъ появиться «Историческій Вѣстникъ», а его всегда дружескіе, дѣльные совѣты и отсутствіе всякихъ денежныхъ расчетовъ содѣйствовали успѣху журнала. Глубоко потрясенный, хотя и ожидаемой, кончиной Алексѣя Сергѣевича, я въ силахъ написать только эти немногія строки. Въ сердцѣ моемъ навсегда сохранится благодарная память объ этомъ выдающемся общественномъ дѣятелѣ и добромъ, прекрасномъ человѣкѣ. Безъ сомнѣнія, онъ дождется безпристрастной оцѣнки, и я увѣренъ, что его могила не останется забытой.

С. Шубинскій.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ.

(Биографическій очеркъ).

I.

ВОНЧИНА А. С. Суворина, о которой выше оповѣщаетъ читателей «Историческаго Вѣстника» редакторъ журнала С. Н. Шубинскій, является горемъ не только тѣхъ литературныхъ предпріятій, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, не только всей журналистики, но и всей общественной и политической Россіи. Отзвуки этого горя проникли далеко за предѣлы нашей родины: славянство, вліятельные круги Западной Европы, даже не во всемъ и не всегда сочувственные Россіи, и тѣ признали, что наша родина потеряла выдающагося сына, что съ міровой сцены сошелъ очень крупный человѣкъ, игравшій въ ходѣ событій послѣднихъ 25—30 лѣтъ видную роль и подчасъ оказывавшій на ходъ этихъ событій извѣстное давленіе и вліяніе. Полная и восторонняя оцѣнка почившаго сейчасъ почти невозможна: для этого требуется опубликованіе массы историческихъ документовъ, его обширнѣйшей корреспонденціи, приведеніе въ извѣстность его сношеній съ разными видными дѣятелями. Несомнѣнно, до извѣстной степени это будетъ сдѣлано въ недалекомъ будущемъ въ особомъ специально посвященномъ Алексѣю Сергѣевичу трудѣ, гдѣ

фигура этого представителя своей родины вырисовывается на фонѣ общественно-исторической жизни Россіи въ пореформенной эпохѣ. Въ данной статьѣ я ограничу рамки своей задачи и дамъ то фактическое о почившемъ, что появилось въ нашей прессѣ въ дни, послѣдовавшіе за его кончиной.

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ родился 11-го сентября 1834 г. въ селѣ Коршевѣ, Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи.

Въ своихъ прелестныхъ посмертныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, увы! далеко не оконченныхъ и представляющихъ собою по простотѣ и искренности изложенія настоящій шедевръ литературнаго искусства, покойный публицистъ сообщаетъ трогательныя и интересныя подробности о своемъ дѣтствѣ и юности. Съ нѣкоторыми кушюрами, неизбежными въ журнальной работѣ, мы воспроизведемъ ихъ здѣсь въ ихъ главнѣйшихъ моментахъ.

Онъ повѣствуетъ: «Отецъ мой былъ изъ большой дворянской семьи, извѣстной въ Коршевѣ подъ прозвищемъ Путатовыхъ. Мы, бывало, такъ и говорили: «пойдемъ къ Путатовымъ», къ дядьямъ и племянникамъ моего отца. Они жили подъ горой, у самой рѣчки. Рассказывали, что въ Путатовыхъ произвели Суворинныхъ потому, что дѣдъ или прадѣдъ былъ въ какихъ-то депутатахъ. Ни отецъ, ни я не интересовались, что это за депутаты такіе были, не интересовались и тѣмъ, что за дворяне Путатовы: обѣдѣвши ли это дворяне, или одинокими дворами сѣли на берегу рѣчки, вблизи лѣса и рыбы. Знаю одно, что между дворянами и другими крестьянами не было никакого различія. Жили, какъ всѣ, одѣвались, какъ и всѣ, и считали себя крестьянами. Отецъ былъ, кажется, младшимъ въ семьѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ братьевъ, и былъ забритъ въ солдаты въ началѣ царствованія Александра, будучи уже женатъ. Солдатская служба была трудная, начальство строгое, и отецъ часто вспоминалъ объ этомъ.

«Попалъ онъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ. Съ благодарностью вспоминалъ о «дядкѣ», который относился къ нему хорошо и помогъ выучиться грамотѣ. Азбуку отецъ купилъ на толкучемъ. Въ 1812 г. онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ, а подъ Бородиномъ былъ раненъ въ руку и ногу. Отецъ дослужился до офицерства. Его любили, какъ хорошаго служаку и честнаго человека. Онъ былъ квартирмейстеромъ и казначеемъ въ Костромскомъ пѣхотномъ полку, дослужился до штабсъ-капитана и вышелъ капитаномъ въ отставку съ 600 руб. ассигнаціями пенсіи. Этотъ чинъ давалъ въ то время потомственное дворянство. Во время службы онъ съэкономилъ 1,000 руб. ассигнаціями, съ которыми и пріѣхалъ въ Коршево.

«Послѣ польской кампаніи отецъ вышелъ въ отставку. Жена его оставалась въ Коршевѣ, куда онъ ѣзжалъ на побывку; у него было двѣ дочери, изъ которыхъ Наталья была уже замужемъ за

коршевскимъ мужикомъ Семеномъ Голицынымъ, а другая, Дуняша, была лѣтъ десяти. Во время первой холеры жена отца умерла, а онъ женился на моей матери, дочери коршевскаго протопопа Льва Соколова, Александрѣ. Матери моей было 20 лѣтъ, а отцу 49 лѣтъ, но онъ былъ здоровымъ и крѣпкимъ мужчиной; мать выходила за него не по любви. Приказали да и только. «Какая тамъ любовь,— говорила она.—Мы этой вашей любви тогда не знали. Это теперь только любовь пошла. Я ревѣла, ревѣла передъ свадьбой, а ничего, прожила вѣкъ и дѣтей выходила».

«Насъ, дѣтей, было у нихъ девять человекъ, шесть дочерей и трое сыновей, и никто не умеръ раньше 20 лѣтъ. Я былъ первымъ. Родился я мертвымъ, въ банѣ, куда маменьку увели рожать. Бабушка шлепала, шлепала меня прежде, чѣмъ я оказалъ признаки жизни. Потомъ родимчикъ со мной случился. Мать сама меня кормила и черезъ четырнадцать мѣсяцевъ родила брата мнѣ, Петра, которому взяли кормилицу, а я высосалъ у маменьки и свое молоко и братино. Кормила меня мать больше двухъ лѣтъ.

«Какъ первенца, меня очень баловали, сравнительно съ братомъ. Мать, разумѣется, ни о какихъ системахъ воспитанія понятія не имѣла, отецъ же только шутя говорилъ ей, что надо быть строгой, и рассказывалъ о своемъ полковникѣ, который велѣлъ своимъ дѣтямъ, слѣдовавшимъ за полкомъ съ матерью въ брѣчкѣ, вылѣзати изъ нея и идти пѣшкомъ. Мать плакала, особенно когда это случилось въ дурную погоду. «Надо привыкать», говорилъ полковникъ, и мальчуганы шлепали по грязи до тѣхъ поръ, пока не заболѣли.— Слышавъ эта, мать моя возражала: «Ну, что тутъ хорошаго дѣтей морить?»—«А ты подожди, Саня, что случилось. Меньшой заболѣлъ и умеръ, за нимъ и старшій. Боже мой, въ какомъ состояніи была полковница, какъ плакала, а полковникъ глоталъ слезы и говорилъ: «дѣти солдата... дѣти солдата...» Ничего другого сказать не могъ. «Мучитель!» осуждала моя мать.

«Отъ груди меня отняли по третьему году. Жили мы похуже духовенства. Домъ нашъ состоялъ изъ двухъ избъ, сѣнецъ и «горницы», которая состояла изъ передней и двухъ комнатъ. Крытъ былъ домъ соломой, какъ всѣ деревенскія избы. У насъ былъ маленькій садъ, гумно и баня. Нанимали мы кухарку и работника, да жила у насъ еще дочь сестры Наталін, Анна, которую мы всѣ звали «няничкой». Это была веселая, добрая дѣвушка, которая многихъ изъ насъ нянчила до выхода замужъ. Мужъ ея попалъ въ солдаты и пропалъ гдѣ-то. Она продолжала ходить къ намъ и жила подолгу у маменьки до смерти. Уже старикомъ увидѣлъ ее въ послѣдній разъ. Она прихварывала, но была такая же веселая и спрашивала меня: правда, что послѣ смерти души сажаютъ въ мѣшокъ, завязываютъ и бросаютъ съ горы? За братомъ Петромъ слѣдовали пять сестеръ (Анна, Авдѣтя, Марья, Варвара и Александра), потомъ опять сынъ

Дмитрій, умершій двадцати одного года отъ чахотки, и сестра Анастасія. По мѣрѣ увеличенія семейки мы жили бѣднѣе и бѣднѣе. Отецъ построилъ вѣтряную мельницу, потомъ рушку (крупорушку), которую строили раскольники. Я помню, какъ они сходились съ нами за столъ, каждый со своей чашкой. Обѣдали мы обыкновенно въ кухнѣ, то есть въ избѣ, всѣ вмѣстѣ съ работниками. По воскресеньямъ обыкновенно обѣдали въ горницѣ, отдѣльно, гдѣ пили чай. Чай мы пили только по праздникамъ. Пили его въ прикуску. Послѣ бани чай былъ всегда. Наши товарищи съ братомъ были деревенскіе мальчишки, съ которыми мы играли, вили кнуты, пускали змѣя, ходили купаться въ Битюгъ, ловили руками головастиковъ, не подозревая въ нихъ будущихъ лягушекъ. Я воспитался, такъ сказать, на лонѣ природы, на живописной рѣкѣ, противоположный берегъ которой на десятки верстъ покрытъ былъ столѣтними дубами и соснами. Это «графскій» лѣсъ, какъ у насъ называли, лѣсъ графини Орловой-Чесменской, за которымъ лежало Хрѣновое, съ знаменитымъ конскимъ заводомъ. Съ горы, на которой расположено Коршево, Хрѣновое казалось помѣщеннымъ на вершинѣ лѣса, такъ какъ противоположный берегъ рѣки постепенно поднимался. Видъ на долину Битюга, при которой стоитъ и Бобровъ, очень красивый, и я всегда любилъ лѣсистыя рѣки, но ни одной такой красивой, какъ Битюгъ, я не зналъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Битюга мнѣ показывалъ отецъ остатки бобровыхъ построекъ. Самъ онъ еще помнилъ на Битюгѣ бобровъ, которые дали имя городу. Въ моей повѣсти «Черничка» я набросалъ свои дѣтскія и юшескія воспоминанія объ этой рѣкѣ.

«Знакомые наши были изъ духовенства, большею частью родственники маменьки, дьячокъ съ дьячихой и сестрой своей, веселой старой дѣвой, дьяконъ съ дьяконицей. Дьячка и дьякона я помню большею частью пьяными. Дьячокъ, Иванъ Николаевичъ, обыкновенно являлся къ намъ пьянымъ и кричалъ: «Сестра, капитанша, дай водки!»—«И, братецъ, какъ вамъ не стыдно».—«Что? Сергѣй Митричъ,—обращался онъ къ отцу:—уйми жену. Я старше ея, какъ она смѣетъ. Капитанша, загордилась!»—«Полно, молоть-то, братецъ, садитесь». Папенька обыкновенно улыбался и начиналъ подтрунивать. Онъ обыкновенно подтрунивалъ надъ пьяными и обладалъ въ значительной степени добродушнымъ юморомъ. Заходили къ намъ родные и знакомые отца, коршевскіе мужики. Отецъ пользовался уваженіемъ, и съ нимъ любили посовѣтоваться, поговорить. Никакого чванства у отца не было, онъ какъ-то со всѣми былъ равенъ. Онъ самъ бывалъ на мельницѣ, самъ готовилъ жернова, насыпалъ розжъ, запрягалъ лошадей, любилъ пчеловодство. Здоровье у него было крѣпкое. Впослѣдствіи мы значительно обѣдѣли, и отецъ немного опустился и становился мрачнымъ; цѣлыя ночи онъ мучительно кашлялъ, сидя на лежанкѣ. Но во время моего дѣт-

ства онъ сохранялъ бодрость и отличался большою дѣятельностью. Мать моя вѣчно хлопотала тоже, сама готовила кушанье, убирала скотину, разводила куръ и гусей. Она осталась вѣкъ неграмотной, но всѣхъ насъ вскормила, и никто изъ насъ не умиралъ у ней ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ. Она насъ бранила, говорила, что надо «перестрѣлять изъ поганого ружья», давала шлепки, но всѣхъ насъ умѣла любить, и мы ее любили. Ссоры у нея съ отцомъ бывали, но рѣдко. Вся наша жизнь проходила при всѣхъ. Обѣдали вмѣстѣ всѣ, и господа и прислуга, въ избѣ, хлебая щи деревянными ложками изъ одной общей деревянной чашки; отдѣльных приборовъ, салфетокъ не полагалось вовсе. Чай пили не часто, всегда въ прикуску, но по праздникамъ всегда пили утромъ. По праздникамъ же мы и обѣдали въ горницѣ, одни, безъ прислуги, но также изъ общей чашки. Когда строили у насъ рушку куранденскіе плотники, они обѣдали съ нами же въ избѣ, причѣмъ я впервые узналъ, что есть «старовѣры» или «столовѣры», какъ ихъ называли: они сидѣли за однимъ столомъ съ нами, но ѣли изъ своихъ чашекъ. Отецъ, по обыкновенію, подтрунивалъ надъ ними, но мирился съ этимъ обычаемъ. Спали всѣ мы въ одной комнатѣ. Сначала я спалъ съ матерью, потомъ я и братъ спали съ отцомъ. У маменьки была постель съ периною, у папеньки не было, но для постели составляли двѣ скамьи и на нихъ клали перину. Мебель была самодѣльная, ложки деревянные и большею частью издѣлія отца, который дѣлалъ ихъ изъ липы и очень изящно при помощи круглаго долота и ножика. Утромъ и вечеромъ отецъ становился на молитву и долго молился, читая вслухъ много молитвъ; иногда онъ заставлялъ и всѣхъ насъ молиться, что, понятно, было намъ не особенно приятно. На Страстной недѣлѣ онъ читывалъ евангеліе намъ всѣмъ, стоя передъ образами. Единственная книга, которая была у насъ,—это евангеліе на русскомъ языкѣ, изданіе библейскаго общества. Никакихъ другихъ книгъ я не видывалъ въ дѣтствѣ своемъ прежде, чѣмъ началъ учиться. Если отецъ не работалъ, то сидѣлъ въ очкахъ и читалъ евангеліе.

«Грамотѣ я сталъ учиться на седьмомъ году у понамаря Василія Ивановича. Это былъ молодой, здоровый челоуѣкъ, одиноко жившій въ своей избѣ. Кромѣ избы на дворѣ, заросшемъ бурьяномъ, ничего не было. Ходили къ нему мы съ братомъ и еще нѣсколько мальчишекъ. Учились по славянской азбукѣ, сначала буквы, потомъ склады, потомъ слова въ такомъ порядкѣ: азъ—ангелъ, ангельскій, архангельскій, буки—Богъ, божество, Богородица; вѣди—владыка, и т. д. Все это выучивалось наизусть. Потомъ читали псалтырь. Учились мы охотно, и Василій Ивановичъ насъ не мучилъ. Поучимся, потомъ онъ начинаетъ дѣлать крючки изъ иголокъ для рыбной ловли и обдѣляетъ ими насъ, мы вили лесы и ходили удить рыбу съ берега. Скоро мы съ братомъ перешли къ дьячку Павлу Петровичу Ермолаеву, который женился на моей сестрѣ (отъ первой жены отца).

Изъ той свадьбы я помню только, что шелъ съ образомъ въ церковь и что нашъ дьяконъ, вставивъ между зубами печеніе, отчего ротъ его страшно раскрылся, плясалъ въ присядку и рычалъ. Павелъ Петровичъ продолжалъ наше ученіе по той же методѣ, но прибавилъ ариѳметику. Все, разумѣется, долбили отсюда и досюда, объясненій никакихъ не дѣлалось, да Павелъ Петровичъ и рѣдко дома бывалъ по утрамъ; сестра обыкновенно была дома и наблюдала за тѣмъ, чтобы мы учились, то есть чтобы твердили урокъ вслухъ. На Рождество мы ходили славить Христа по духовенству и получали копейки. Объ одномъ Рождествѣ отецъ Александръ, одинъ изъ нашихъ священниковъ, взялъ меня съ собою по приходу и потомъ удѣлилъ мнѣ нѣсколько грошей, столько-то овса и ржи. Вѣроятно, мы тогда уже очень нуждались.

«Такъ продолжалось около двухъ лѣтъ. Насъ отдали потомъ въ уѣздное училище въ Бобровъ и помѣстили тамъ въ одной семьѣ Кирилловыхъ, въ домѣ котораго помѣщалось и училище. Преподаваніе велось тамъ не лучше. Задавали уроки, аудиторъ спрашивалъ ихъ и записывалъ, кто знаетъ и кто не знаетъ. Когда учитель приходилъ, аудиторъ доносилъ ему о не знающихъ, и ихъ сейчасъ же сѣкли. Но и тутъ я пробылъ всего мѣсяца два: насъ съ братомъ повезли на экзамень въ Михайловскій кадетскій корпусъ, который открывался въ Воронежѣ въ 1845 году. По ходатайству отца одного изъ насъ принимали пансіонеромъ Черткова, пожертвовавшаго на корпусъ, кажется, милліонъ рублей.

«Я очутился въ обстановкѣ совершенно для меня новой. Самое зданіе давило меня своей огромностью и блескомъ. Я не умѣлъ ходить по паркету, мнѣ ново было спать на такой кровати, съ такимъ чистымъ бѣльемъ, умываться въ такомъ умывальникѣ, видѣть такой ватерклозетъ, не ѣлъ такого обѣда, не видалъ такихъ офицеровъ, генераловъ, учителей, товарищей. Товарищи всѣ были воспитанія высшаго, чѣмъ я, многіе говорили по-французски. Я не умѣлъ ни встать, ни сѣсть, и въ моемъ гогорѣ было много чисто народныхъ выраженій. Однимъ словомъ, я мало чѣмъ отличался отъ крестьянскаго мальчика, такъ какъ и языкъ моей матери былъ простонародный. Я говорилъ, напримѣръ, чѣпъ вмѣсто цѣпъ, дюже вмѣсто очень, мово вмѣсто моево и т. д. Но, вѣроятно, я быстро освободился отъ этихъ недостатковъ, потому что особенныхъ насмѣшекъ товарищей надъ собою не помню, хотя меня дразнили мужикомъ.

«Способности у меня оказались хорошія, прилежаніе диктовалось просто самолюбіемъ. Я учился хорошо, не изъ самыхъ первыхъ, но близко къ нимъ. Я долженъ сказать, что корпусъ вообще оставилъ во мнѣ пріятныя воспоминанія, хотя въ Рождество, Святую и каникулы меня всегда страшно тянуло домой къ матери и отцу, къ нашей деревенской обстановкѣ, къ печкѣ въ избѣ, гдѣ я любилъ зимній что-нибудь стругать нежикомъ или охотиться за пру-

Алекси́й Серге́евич Сувори́нъ.

саками, которыхъ у насъ было множество—такъ золотомъ и блестяли они по потолку. Директоръ корпуса былъ старикъ, весь съдой, со строгимъ лицомъ. Онъ внимательно относился къ корпусу и почти ежедневно посѣщалъ его. Любя прилежныхъ, онъ безпощадно сѣкъ лѣнивыхъ. Проходя по классамъ, онъ бралъ журналы и выкликалъ тѣхъ, которые получили единицы или двойки (двѣнадцатибальная система). Выкликнутые уходили въ коридоръ и тамъ выстраивались. «Налѣво, маршъ», командовалъ онъ, шеренга шла въ комнату, гдѣ помѣщался цейхгаузъ и гдѣ сѣкли. Меня Богъ миловалъ, но большинство, можно сказать, вкусило розогъ. По праздникамъ Винтуловъ бралъ кадетъ къ себѣ, и они проводили съ его дѣтьми цѣлый день, обѣдали вмѣстѣ съ хозяевами и ихъ гостями. Меня онъ бралъ очень часто, и въ его домѣ я немножко привыкалъ къ обращенію съ людьми. У меня былъ хорошей альти, чистый и звонкій, и я въ кадетскомъ хорѣ былъ солистомъ.

«Водили насъ иногда и на балы, и въ корпусѣ бывали балы, но я былъ плохой танцоръ, ужасно конфузился и избѣгалъ танцевъ. Но гимнастику любилъ. Нѣкоторыхъ кадетъ, у которыхъ замѣчена была особенная музыкальность, въ томъ числѣ и меня, стали было учить на фортепiano, я уже разыгрывалъ «На зарѣ ты ея не буди», но потомъ почему-то прекратили эти занятія, о чемъ я всю жизнь сожалѣлъ.

«Знакомство мое съ литературой началось съ того, что В. А. Половцевъ передъ классами собиралъ насъ всѣхъ, кадетъ, въ рекреационномъ залѣ и читалъ «Юрія Милославскаго». Онъ мнѣ очень понравился, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ ежедневно продолженія этого романа. Это была первая свѣтская книжка, которая вводила меня въ область вымысла. До этого времени, т.-е. до двѣнадцати лѣтъ, я ничего не читалъ, ни сказокъ, ни повѣстей, ни романовъ. Я уже упоминалъ, что въ домѣ у отца была только одна книга—Евангеліе. Съ Пушкинымъ я познакомился лѣтъ четырнадцати и прочелъ нѣскольکو томовъ, прочелъ съ увлеченіемъ «Руслана и Людмилу», «Братьевъ Разбойниковъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» и другія поэмы.

«Пушкина мнѣ тайкомъ доставлялъ сынъ капитана Швихтера, посѣщавшій классы, но не бывший кадетомъ, такъ какъ онъ былъ хромъ на одну ногу и одна рука его выдѣлывала невыразимыя произвольныя движенія, такъ что онъ или держалъ ее сзади, или удерживалъ ее другою рукой.

«Изъ учителей я съ удовольствіемъ вспоминаю Малыгина, который потомъ въ концѣ 50-хъ годовъ редактировалъ «Воронежскій Сборникъ». Онъ былъ у насъ учителемъ словесности и знакомилъ съ литературой. Его уроки мы всѣ любили. Это былъ добродушный человекъ, высокій, полный, съ открытымъ лицомъ и съ положи-

тельнымъ преподавательскимъ талантомъ. Я бывалъ иногда въ его семьѣ и слушалъ, какъ онъ игралъ на скрипкѣ. Ему я обязанъ любовью къ литературѣ. Онъ только задавалъ сочиненія и переложенія стиховъ въ прозу и со вкусомъ выбиралъ стихи и прозу для выучки наизусть. Мы, между прочимъ, учили «Петръ Великій въ Острогжскѣ», думу Рылѣва. Но автора мы не знали. Это было такой тайной, что, когда на экзаменѣ я сказалъ наизусть эти стихи, директоръ Винтуловъ сталъ шептаться съ Малыгинымъ, и оба улыбались какъ-то таинственно. Учитель всеобщей и русской исторіи Славатинскій обладалъ прекраснымъ даромъ разсказа. Исторія Іоанна Безземельнаго такъ хорошо имъ была разсказана, что я увлекся ею и написалъ, прибавивъ своей фантазіи, и показалъ Славатинскому. Разсказъ мой понравился, его читали инспекторъ и Винтуловъ и очень меня хвалили. Это было, такъ сказать, мое первое литературное произведеніе, если не считать упражненій въ стихахъ. Съ театромъ я познакомился тоже поздно. Лѣтъ до четырнадцати я не имѣлъ никакого понятія о театрѣ. Среди моихъ товарищей-кадетъ былъ Колинъи, сынъ воронежскаго полицеймейстера и вмѣстѣ начальника богоугодныхъ заведеній. Отецъ его бралъ нѣкоторыхъ кадетъ въ отпускъ, въ томъ числѣ и меня. Благодаря ему я и ѣздилъ въ театръ, въ его ложу вмѣстѣ съ его семействомъ. «Новички въ любви»—это первое произведеніе, которое я увидѣлъ на сценѣ, и сейчасъ же сталъ самъ пробовать писать пьесы, но дѣло никогда не заходило дальше заглавія, дѣйствующихъ лицъ и описанія декораціи. Я видѣлъ много драмъ и мелодрамъ, видѣлъ «Велизарія», «Материнское благословеніе», «Скопнина-Шуйскаго», «Царство женщины» и проч. Театръ мнѣ чрезвычайно нравился. Между актерами и актрисами я помню Швана, Васильева, Лепскихъ, мужа и жену, Мочалову, Пряхину. У Колинъи я встрѣчался съ красной барышней, дочерью драматической актрисы Мочаловой, и влюбился въ нее. Любовь была такая робкая, что Машенька не знала. Вскорѣ послѣ этого капитанъ Шубинъ устроилъ домашній театръ въ корпусѣ, и я игралъ въ водевилѣ «Петербургскій дядюшка» (кажется, такъ), гдѣ этотъ дядюшка поетъ куплеты, бывшіе въ то время очень популярными и гдѣ есть такіе стихи:

По Гороховой я шель,
Но гороху не нашель,

а на Морской—капли нѣтъ воды морской и т. д. Я игралъ Питерскаго, который вмѣстѣ съ своей женой, которую игралъ кадетъ Карѣвъ, дурачилъ дядюшку, переодѣваясь между прочимъ въ жида. Въ другой пьесѣ «Вечеръ изъ жизни великаго государя» (Фридриха Великаго) я игралъ комическую роль ночного сторожа, пьянаго. И та, и другая роли были комическія и, очевидно, у меня

подозрѣвали комическій актерскій талантъ. Весь Воронежъ былъ на нашемъ спектаклѣ, и мы объѣдались конфетами, которыя намъ присылали. Вызывали насъ несмѣтное число разъ. Вообще воронежскій корпусъ по составу своихъ преподавателей и офицеровъ, не говоря уже о Винтуловѣ, представлялъ очень интеллигентную среду, и кадеты, хорошо учившіеся, обращали на себя общее вниманіе какъ директора, такъ и учителей. Я былъ въ числѣ этихъ избранниковъ. Учителя были изъ гимназій. Упомяну о Славатинскомъ, учителѣ исторіи, преподававшемъ ее очень интересно, Даугамѣ, учителѣ географіи, который писалъ этнографическіе очерки въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, о Тарычковѣ, преподавателѣ ботаники и зоологіи, о де-Пуле, учителѣ русскаго языка; я учился не у него, а у Малыгина. Малыгинъ преподавалъ прекрасно и давалъ учить стихотворенія Рылѣва («Петръ Великій въ Острогжскѣ», напр.), не называя, однако, его фамиліи. Впослѣдствіи я близко сошелся съ де-Пуле, этимъ прекраснымъ человѣкомъ, когда былъ въ Воронежѣ учителемъ.

«Математику преподавалъ капитанъ Готовъ. Я очень не любилъ эту науку, но, имѣя хорошую память, получалъ хорошіе баллы. Чистописаніе преподавалъ Хованскій, который впослѣдствіи приобрѣлъ извѣстность изданіемъ «Воронежскихъ Филологическихъ Записокъ», къ которымъ даже ученые академики относились съ большимъ уваженіемъ. О Винтуловѣ я всегда сохранялъ самое благодарное воспоминаніе. Этотъ суровый человѣкъ, старыхъ педагогическихъ правилъ, былъ человѣкомъ очень образованнымъ и старался о томъ, чтобы кадеты учились и развивались. Учебная часть была поставлена въ корпусѣ лучше, чѣмъ военная. Я сужу по тому, что насъ совсѣмъ не мучили фронтомъ. Кормили насъ очень хорошо. Утромъ сбивень съ булками. Въ одиннадцать часовъ булка съ масломъ, три блюда за обѣдомъ и два за ужинкомъ. Когда я постушилъ въ Дворянскій полкъ въ Петербургѣ, я могъ сравнить, и воронежскій корпусъ въ этомъ отношеніи и во всѣхъ другихъ почти и сравнить нельзя, такъ въ Воронежѣ все было лучше. Изъ офицеровъ я хорошо помню артиллериста Неѣлова, человѣка гуманнаго и образованнаго, который любилъ бесѣдовать съ кадетами на интересныя темы. Врачомъ въ корпусѣ былъ Чаруковскій, который оставилъ лечебникъ. Это былъ старикъ, женатый на жещинѣ сравнительно съ нимъ молодой и красивой. Къ больнымъ кадетамъ онъ былъ очень внимателенъ. Я довольно часто болѣлъ лихорадкой и горломъ. За шесть лѣтъ моего пребыванія въ корпусѣ былъ всего одинъ смертный случай.

«Незадолго до окончанія курса (у насъ было 2 приготовительныхъ и 4 общіихъ класса) со мной случилась неприятность, единственная во все время моего пребыванія въ корпусѣ. Учителемъ рисованія былъ у насъ Павловъ, человѣкъ добрый и порядочный

учитель. (У генерала Н. А. Винтулова я видѣлъ акварельный портретъ его отца, очень хорошо написанный). Классъ рисованія устроенъ былъ у насъ амфитеатромъ. Мы срисовывали разныя геометрическія фигуры. Павловъ что-то мнѣ замѣтилъ. «Дуракъ», крикнулъ я ему съ мѣста. Пронсшествіе это было изъ ряда вонъ въ корпусѣ. Какъ я могъ сказать это, понять не могу и доселѣ. Меня посадили въ карцеръ. Карцера у насъ не было и этого наказанія не существовало. Но въ концѣ большой залы съ хорами, гдѣ помѣщались физическіе инструменты, была маленькая комнатка, туда меня и заперли. Кромѣ учебниковъ, дали нѣсколько книжекъ «Звѣздочки», дѣтскаго журнала Ишмовой. Я сталъ перекладывать въ стихи рассказъ объ Игореваго нѣсѣ, который пашель въ «Звѣздочкѣ». Просидѣлъ я нѣсколько дней, довольно спокойно; кадеты передавали черезъ сторожей записочки о томъ, что говорилось. Наконецъ меня повели въ коридоръ, гдѣ былъ выстроенъ классъ нашъ. Мнѣ сказали, чтобъ я просилъ прощенія у Павлова, который стоялъ тутъ же вмѣстѣ съ офицерами. Тѣмъ дѣло и кончилось. Конечно, я обязанъ и тутъ больше всего Винтулову и тому, конечно, что я учился хорошо и велъ себя хорошо, былъ записанъ на красной доскѣ и былъ унтеръ-офицеромъ въ своей ротѣ.

«Лѣтомъ 1851 года мы поѣхали въ Петербургъ на телегахъ, на перекладныхъ, а изъ Москвы въ дилижансѣ. За время этого путешествія у меня остался въ памяти одинъ случай. Гдѣ-то насъ, во время остановки, часика на два, пригласили къ помѣщику, около усадьбы котораго мы остановились, и я гулялъ съ барышней въ саду, по аллеѣ. Эту барышню я и теперь вижу, какъ живу. Стройная, высокаго роста брюнетка, съ большими глазами. Мы съ ней горячо говорили и спорили. Разговоръ начался съ графини Ростовичной, книжку стиховъ которой она мнѣ показала еще въ комнатахъ. Объ этой поэтессѣ я не имѣлъ понятія, и барышня накинута на меня за это и читала стихи. Барышня мнѣ очень понравилась. Послѣ Машеньки Мочаловой, въ которую я былъ влюбленъ 14 лѣтъ, это была первая барышня, съ которой я говорилъ довольно долго, какъ говорятъ пріятели, не конфузаясь. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Машенька Мочалова и эта неизвѣстная барышня—вотъ и всѣ мои знакомства съ женщинами».

II.

По окончаніи кадетскаго корпуса Суворинъ опредѣлился въ 1851 г. въ Дворянскій полкъ, нынѣ Константиновское артиллерійское училище. Здѣсь любовь покойнаго къ литературнымъ занятіямъ сказалась въ составленіи словаря замѣчательныхъ людей по образцу французскаго историческаго словаря Bouillet. Для этой работы ему пришлось ознакомиться не только съ литературными произве-

деніями тогдашнихъ писателей, но и съ литературной критикой, что особенно выгодно отразилось на его самообразованіи. Однако словарь этотъ А. С. довель только до буквы Л. Представивъ свой трудъ директору Дворянскаго полка г.-л. В. Я. Воронцу, покойный встрѣтилъ въ немъ большое сочувствіе, но отъ вышшаго начальства Я. И. Ростовцева рукопись вернулась съ восклицательными и вопросительными знаками. Въ результатѣ генераль Воронецъ распустилъ молодого юнкера за неблагонамѣренность. Потомъ уже выяснилось, что вина покойнаго была въ томъ, что онъ цитировалъ Бѣлинскаго и отнесся сочувственно къ Байрону, Вольтеру и т. п. «вольнодумцамъ».

Въ 1853 г. А. С. былъ вынужденъ изъ Дворянскаго полка въ саперы, но не пожелалъ идти въ военную службу и былъ переименованъ въ первый гражданскій чинъ.

Такимъ образомъ, военная служба у Суворина не наладилась. Несмотря на царившую въ тѣ годы реакцію послѣднихъ лѣтъ Николаевскаго царствованія, въ воздухѣ все же рѣяли нѣкоторыя идеи, которыя сулили Россіи недалекую волю. Чаша общественнаго терпѣнія переполнялась, и глухой ропотъ такъ или иначе разстилался по лицу земли. Молодые, чуткія натуры рвались къ просвѣщенію, и университетъ казался имъ тѣмъ приближимемъ, гдѣ можно услышать хоть робкое, но все же вольное слово... Потянуло въ университетъ и Алексѣя Сергѣевича, но... средствъ не хватило, и онъ вмѣсто вышшаго разсадника просвѣщенія рѣшилъ отдать народу свои силы на поприщѣ учительства. Онъ слишкомъ хорошо помнилъ темную среду, изъ которой вышелъ, и ясно сознавалъ необходимость внести въ нее свѣточъ знанія. И вотъ мы видимъ его скромнымъ преподавателемъ исторіи и географіи въ воронежскомъ уѣздномъ училищѣ, въ двухъ мѣстныхъ жепскихъ пансіонахъ. Частные добавочные уроки у А. А. Стаховича и графа Ферзена въ общемъ давали ему семьдесятъ-восемьдесятъ рублей въ мѣсяць, что онъ считалъ для себя, уже къ тому времени женатаго, вполне достаточнымъ.

Въ своихъ «Очеркахъ современной жизни» подъ заглавіемъ «Всякіе» объ этомъ періодѣ своей жизни онъ рассказываетъ такъ:

«На частные уроки я былъ счастливъ и одно лѣто провелъ въ качествѣ репетитора въ деревнѣ А. А. Стаховича (дѣда Мих. Ал., члена государственнаго совѣта) вмѣстѣ съ моею женою и маленькою дочерью. Около М. Ѳ. де-Пуле группировался небольшой литературный кружокъ, въ которомъ участвовалъ поэтъ И. С. Никитинъ, съ которымъ я дружески сошелся и видѣлся почти ежедневно въ его магазинѣ, заходя туда съ уроковъ, а раза два въ недѣлю, когда уроки были до обѣда и послѣ обѣда, жена приносила мнѣ обѣдъ въ его книжный магазинъ, такъ какъ квартира моя была очень далеко отъ

центра города, гдѣ были уроки. Съ новыми книгами я знакомился тутъ же. Кромѣ того, я бралъ ихъ у В. Я. Тулинова, очень богатаго помѣщика, бобровскаго предводителя дворянства, съ которымъ я былъ знакомъ еще ранѣе, секретарствовалъ у него въ Бобровѣ, куда онъ пріѣзжалъ изъ Воронежа для предсѣдательства въ уѣздномъ комитетѣ «для улучшенія быта крестьянъ», и наслушался тамъ рѣчей помѣщиковъ; въ Воронежѣ я составилъ каталогъ его обширной библіотеки, русской и французской. У него я бралъ «Полярную Звѣзду» Герцена и «Колоколь». Самъ В. Я. Тулиновъ завѣдывалъ имѣніями князя Орлова и имѣлъ въ Петербургѣ связи, позволяющія ему эту роскошь—получать герценовскія изданія. Ими я дѣлился съ Никитинымъ. Одинъ изъ преподавателей воронежскаго Михайловскаго корпуса, гдѣ я учился шесть лѣтъ и гдѣ еще во время моего ученія М. Ѳ. де-Пуле преподавалъ русскій языкъ, именно Глотовъ, предложилъ свои средства для изданія литературнаго сборника, а М. Ѳ. де-Пуле взялъ на себя редакцію. Для этого сборника «Воронежская Бесѣда» написаны мною рассказы и повѣсть, а Никитинъ написалъ «Записки семинариста» и поэму «Тарасъ». Разъ я возвращался съ уроковъ мимо книжнаго магазина; Никитинъ стоялъ на его крылечкѣ. Поздоровавшись, онъ прочелъ мнѣ тутъ же, на улицѣ, стихотвореніе

Вырыта заступомъ яма глубокая,

которое онъ написалъ наканунѣ ночью и которое входило въ «Записки семинариста». Слезы градомъ потекли у него изъ глазъ, когда онъ его кончалъ. Это одно изъ самыхъ прочувствованныхъ его стихотвореній. Никитинъ уже тогда прихварывалъ, но былъ еще человѣкомъ бодрымъ, общительнымъ и жизнерадостнымъ. Торговалъ онъ очень хорошо, и жизнь ему начала улыбаться именно тогда, когда подходила чахотка. Въ хорошія минуты онъ былъ неистощимъ на смѣшныя анекдоты и мѣткія характеристики изъ своей мѣщанской жизни, полной грубости и самаго распущеннаго цинизма въ нравахъ.

«Пока «Воронежская Бесѣда» составлялась и печаталась въ Петербургѣ, я написалъ подъ псевдонимомъ В. Марковъ двѣ корреспонденціи въ еженедѣльную «Русскую Рѣчь», которая начала выходить съ января 1861 года въ Москвѣ.

«Графиня Салиасъ заинтересовалась ими и приглашала меня переѣхать въ Москву. Я рѣшился не сразу, не желая мѣнять извѣстное на неизвѣстное. Но жена, отличавшаяся сильнымъ характеромъ, стояла за переѣздъ, и я переѣхалъ въ концѣ іюля 1861 года. На меня возложили секретарство и сотрудничество по критической части въ «Русской Рѣчи». Это было началомъ моей журнальной дѣятельности и моихъ знакомствъ въ московскомъ литературномъ мѣрѣ.

Тутъ мнѣ вспоминается юмористическій рассказъ Алексѣя Сергѣевича про то, какъ онъ впервые предсталъ предъ великосвѣтскія

очи графини Салиасъ. Надо было экипироваться и озаботиться обувью, которая была въ довольно плачевномъ состояніи. Какъ-то сладили все. Въ назначенный часъ Суворинъ является къ графинѣ и съ трепетомъ ожидаетъ ея выхода. Вдругъ, о, ужасъ! изъ открытой клѣтки вылѣзаетъ попугай и направляется прямо на посѣтителя, устремляя свой взоръ на ярко вычищенные сапоги. Того и гляди клюнетъ и прорветъ сапогъ! И новыхъ сапогъ жалко, и въ неудобномъ видѣ представится графинѣ неловко. А отпихнуть попугая ногой — тоже боязно: повредишь ему чѣмъ-нибудь, вся твоя литературная карьера пропадетъ... По счастью, дверь отворилась, вошла графиня, и весь инцидентъ былъ исчерпанъ.

Разсказывая этотъ эпизодъ, Алексѣй Сергѣевичъ заливался своимъ обаятельнымъ, милымъ смѣхомъ, представляя въ лицахъ маневры свои и попугая въ тотъ критическій моментъ.

Вспоминая далѣе свою московскую жизнь, онъ продолжаетъ:

«Прежде всего молодежь, Н. С. Лѣсковъ, В. А. Слѣпцовъ, А. И. Левитовъ, все начинавшіе писатели. Москва въ это время была тихимъ, патриархальнымъ городомъ и бывало по ночамъ мы втроемъ, со Слѣпцовымъ и Левитовымъ, провожая другъ друга на квартиры, громко распѣвали на безлюдныхъ улицахъ:

Долго насъ помѣщики душили,
Становые били.

и проч., безъ всякаго препятствія со стороны будочниковъ, мирно спавшихъ въ своихъ будкахъ или стоявшихъ около нихъ. И Слѣпцовъ и Левитовъ участвовали въ «Русской Рѣчи». Готовился въ писатели сынъ графини графъ Е. А. Салиасъ, впоследствии извѣстный романистъ, тогда еще студентъ московскаго университета. Черезъ него мы знали, что происходитъ въ университетѣ. Извѣстная беллетристка Ольга Н. (Новосильцева, по мужу Энгельгардтъ) жила съ сестрами на одномъ дворѣ съ графиней Салиасъ. Она сама разсказывала, что убѣжала отъ мужа въ первую же брачную ночь, возмущенная тѣмъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться правами мужа, о которыхъ она не имѣла никакого представленія. У Ольги Н. я познакомился съ А. А. Краевскимъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» котораго обыкновенно появлялись ея талантливыя повѣсти. У А. Н. Плещеева я познакомился съ графомъ Л. Н. Толстымъ, А. Н. Островскимъ, М. Е. Салтыковымъ, Н. А. Некрасовымъ, А. М. Унковскимъ, П. М. Садовскимъ, который обыкновенно разсказывалъ свои разсказы, на примѣръ, о бѣгствѣ Людовика-Филиппа изъ Парижа въ 1848 году, и импровизаціи съ необыкновеннымъ искусствомъ и юморомъ. Неподражаемымъ его наслѣдникомъ въ этомъ отношеніи былъ И. О. Горбуновъ, тогда еще молодой человекъ. Л. Н. Толстой и тогда отличался отъ всѣхъ независимостью своихъ

Алексей Сергѣевич Суворинъ въ своемъ кабинетѣ за работой.

убѣжденій, которыя вовсе не подходили къ общему тону, и эта смѣлость въ немъ мнѣ чрезвычайно нравилась. У И. С. Аксакова я видѣлъ весь славянофильскій кружокъ и пріѣзжихъ изъ царства Польскаго и Литвы, которые вели споры съ славянофилами объ автономіи царства Польскаго и о Западномъ и Юго-Западномъ краѣ. Очень либеральные относительно Польши, славянофилы горячо отстаивали Западный и Юго-Западный край. Тургенева я видѣлъ въ первый разъ у графини Саліасъ, когда онъ рассказывалъ ей и красивой С. А. Теокистовой «Собаку» съ такимъ необыкновеннымъ увлеченіемъ и вѣрою въ сверхъестественное, что, когда этотъ рассказъ явился въ печати, онъ показался мнѣ очень блѣднымъ сравнительно съ его устною передачею. На дачѣ, въ Давыдовѣ, въ 1862 году я познакомился съ В. П. Буренинымъ и Н. А. Чаевымъ. Тутъ же въ Давыдовѣ жилъ и А. Н. Плещеевъ.

«Русская Рѣчь» кончилась съ первымъ номеромъ 1862 года, и этотъ годъ былъ для меня труднымъ. Я писалъ историческіе рассказы для общества распространенія полезныхъ книгъ, во главѣ котораго стояла очень симпатичная женщина, А. Н. Стрекалова, и сталъ писать повѣсть «Аленка», которая взята была Ф. М. Достоевскимъ для журнала «Время», была для него набрана, но тотъ номеръ, гдѣ она должна была появиться, не вышелъ, такъ какъ «Время» было запрещено за статью Страхова о польскомъ вопросѣ. Я передалъ ее въ «Отечественныя Записки», гдѣ она и появилась. Въ декабрѣ 1862 года я переѣхалъ въ Петербургъ, въ редакцію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. О. Корша, изданіе которыхъ онъ получилъ отъ академіи наукъ. Въ 1863 году и 1864 году я только секретарствовалъ и рѣдко что-нибудь писалъ. Газета была полна учеными и профессорскими именами, а я былъ только начинающимъ и скромнымъ журналистомъ. Я читалъ окончательную корректуру мелкихъ отдѣловъ и объявленій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», ѣздилъ въ типографію, къ цензорамъ, статскимъ и военнымъ, и къ самому начальнику печати, которая была въ то время при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Не могу не вспомнить съ особенною симпатіей В. А. Цеэ, который былъ тогда начальникомъ печати. Время было тяжелое—польское возстаніе. Кромѣ статскаго цензора, былъ и военный. Оба, особенно военный, марали много. И я отправлялся отстаивать запрещенное то къ цензорамъ, то къ В. А. Цеэ, когда цензора не уступали. И отъ В. А.—ча, бывало, уходишь почти всегда съ удовольствіемъ, т. е. онъ что-нибудь пропускалъ изъ запрещеннаго. Случалось тревожить его и по ночамъ. Разъ я поднялъ его даже съ постели, когда онъ легъ уже спать. Вообще цензура народнаго просвѣщенія была въ то время гораздо снисходительнѣе, чѣмъ она стала, когда перешла въ министерство внутреннихъ дѣлъ и когда газета стала издаваться яко бы безъ цензуры. Своя собственная цензура стала тяжелѣе казенной и крайне

мучительно дѣйствовала на редактора, который вынужденъ былъ вычеркивать или измѣнять то, что ему нравилось, чему онъ самъ сочувствовалъ, чѣмъ дорожилъ, какъ своимъ убѣжденіемъ.

«Работы было у меня столько, что времени свободнаго совсѣмъ не было, двѣ тысячи рублей, которыя я получалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», мнѣ не хватало и я сталъ писать обзорнѣе журналовъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и велъ это обзорнѣе нѣсколько лѣтъ. Одно изъ этихъ обзорнѣй надѣлало редакціи немало хлопотъ, но она не выдала мнѣ своего смѣлаго сотрудника».

Жизнь подъ Москвою въ кругу литературной молодежи, среди которой особенно выдѣлялся В. П. Буренинъ, уже тогда составлявшій себѣ въ тѣсныхъ кружкахъ, его хорошо знавшихъ, выдающееся имя поэта-сатирика, гдѣ А. Н. Плещеевъ, недавно вернувшійся изъ ссылки, сообщалъ окружающимъ свои воспоминанія о петрашевцахъ и казни ихъ на Семеновскомъ плацу, гдѣ съ жадностью читались номера «Колокола»,—все это, несомнѣнно, отражалось и на складѣ міросозерцанія А. С. Суворина и создавало изъ него понемногу того знаменитаго «Незнакомца», который впоследствии волновалъ такъ сильно читателей своими фельетонами. Вспоминая потомъ эту подмосковную жизнь въ своихъ «Очеркахъ и картинкахъ» («По поводу «Отцовъ и Дѣтей»), онъ говорилъ, что въ этомъ времени «было много хорошаго, увлекательнаго и много комическаго, юношески-незрѣлаго. То была весна нашего либерализма, какъ теперь зима его. Г. Катковъ въ то время не былъ еще «отцомъ отечества»—онъ даже едва ли и помышлялъ объ этой роли, ибо ореолъ англійскаго самоуправленія, которымъ онъ былъ окруженъ нѣкоторое время, началъ сильно блекнуть. Въ обществѣ замѣтно было броженіе; явились пионеры, призывавшіе къ самостоятельности, къ движенію впередъ мирнымъ путемъ; съ другой стороны, начали являться прокламаціи...

«Я жилъ въ то время въ Москвѣ, на дачѣ, въ Сокольникахъ, у извѣстной нашей писательницы г-жи Евгеніи Туръ, которая въ то время, отдѣлившись отъ «Русскаго Вѣстника», издавала «Русскую Рѣчь» вмѣстѣ съ Е. М. Феоктистовымъ. Между сотрудниками были я, только что пріѣхавшій изъ провинціи и робко вкушавшій сладость литературнаго бытія, и г. Лѣсковъ, впоследствии преобразовавшійся въ г. Стебницкаго даже не по правиламъ, изложеннымъ у Овидія. Этихъ двухъ лицъ (Овидія—въ сторону) не надо смѣшивать, хотя они, несомнѣнно, обозначаютъ одно и то же лицо. Г. Лѣсковъ пылалъ либерализмомъ и посвящалъ меня въ тайны петербургской журналистики. Онъ предлагалъ мнѣ даже изучать вмѣстѣ съ нимъ Фурье и Прудона по маленькой переводной политико-экономической книжечкѣ Гильдебрандта, явившейся лѣтомъ 1861 г. на русскомъ языкѣ, если не ошибаюсь, подъ редакціей В. П. Безобразова. Я былъ въ то время ужасно робокъ и скромнень и слушалъ г. Лѣскова, какъ оракула. Нѣкоторыя выраженія его до

сихъ поръ остались у меня въ головѣ, напримѣръ, «народъ—это чиновникъ».

«Помню, какъ теперь, чудесный, тихій вечеръ, чуть-чуть пропитанный запахомъ сосноваго бора. Мы сидѣли на террасѣ, выходящей въ садъ, и пили чай. Г. Евгенія Туръ что-то рассказывала; ручная бѣлка сидѣла у нея на плечѣ и грызла орѣхи, которые та давала ей время отъ времени. Вошедшій человѣкъ подаль ей на подносѣ письмо. Она медленно его распечатала и поблѣднѣла. «Что это такое?» съ обычной живостью сказала она, подавая листокъ г. Лѣскову.

«— Это... прокламація,—таинственно-тихо сказалъ г. Лѣсковъ, пробѣжавъ печатный листокъ, заключавшійся въ пшѣмѣ.

«Прокламація!.. Это слово было такъ ново въ то время, что у насъ вытянулись лица и явилось желаніе прочесть и обсудить это новое явленіе соборнѣ.

«— Подождите немного,—сказала хозяйка:—я отнесу бѣлку.

«Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, бѣлка не должна слушать такія вещи. Мы сдвинули стулья, и г. Лѣсковъ тихо прочиталъ прокламацію «Великоруссь». Хозяйка взяла ее у него, сложила въ нѣсколько разъ и разорвала на мелкіе кусочки. Нѣкоторое время мы молчали. Хозяйка вертѣла въ рукахъ конвертъ и полосками его разрывала, свертывая изъ нихъ трубочки; я усиленно вздыхалъ, самъ не знаю чего; г. Лѣсковъ глубокомысленно смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами. Такъ хорошъ былъ вечеръ, но въ душѣ... Мы стали говорить, но шопотомъ, точно заговорщики, хотя въ сущности всѣ мы были люди самые смиренные и удивлялись дерзости автора прокламаціи. Кто бы могъ написать ее? Мы терялись въ догадкахъ. Извѣстно, что эту прокламацію авторъ разослалъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнымъ лицамъ, самъ надписывая конверты. Одинъ изъ этихъ конвертовъ былъ посланъ изъ провинціи въ Петербургъ и по рукѣ его отыскали автора. Это было начало того тяжелаго конца, который переживаемъ мы теперь.

«Господи, сколько въ то время было переговорено, сколько смутныхъ мыслей бродило въ головахъ!.. Я сказалъ уже, что то была весна либерализма, когда стремленія были неопредѣленны, шатки, когда шли продолжительные и горячіе споры объ англійской конституціи, о социализмѣ, о фурьеризмѣ, вообще о «матерьяхъ важныхъ», когда всюду цвѣло, но каковъ былъ этотъ цвѣтъ, каковы деревья—ни одинъ мудрецъ опредѣлить бы не могъ, потому что и мудрецы увлекались несбыточными мечтаніями. И замѣчательно, что интересы насущные, напр., судъ присяжныхъ, стояли гораздо болѣе въ сторонѣ въ тогдашнихъ спорахъ, чѣмъ отдаленныя мечты о всеобщемъ благоденствіи. Я не могу безъ смѣха вспомнить, какъ спрашивали тогда другъ друга серьезно:

«— Вы конституціоналистъ, или республиканецъ?»

«— Я конституціоналистъ.

«— Допускаете ли вы двѣ палаты, или одну?

«— Я допускаю только одну.

«— Позвольте, почему же одну? и т. д. Если бы теперь обратиться къ кому-нибудь съ подобнымъ вопросомъ то, безъ сомнѣнія, можно бы получить отвѣтъ: «Убирайтесь къ чорту»... И резонно!..

«Г-жа Евгенія Туръ, несмотря на свою ссору съ г. Катковымъ, часто говаривала:

«— Если въ Англии есть лордъ Брумъ и лордъ Маколей, то почему жъ не быть въ Москвѣ—именно въ Москвѣ, замѣтите,—лорду Каткову и лорду Леонтьеву?

«Я наивно соглашался, ибо въ г. Катковѣ дѣйствительно сильно подозрѣвалъ лорда Брума, а въ г. Леонтьевѣ—лорда Маколея, тѣмъ болѣе, что съ «Процилеями» московскаго профессора я былъ знакомъ основательно. «Отчего жъ?» думалъ я: «и Маколей историкъ, и г. Леонтьевъ—историкъ. И, наконецъ, что за бѣда, если Леонтьевъ и Катковъ сдѣлаются лордами? Вѣдь дѣтей мнѣ съ ними не крестить—пусть ихъ дѣлаются чѣмъ хотятъ». Они лордами не сдѣлались, но зато стяжали себѣ славу другого рода. Тогда подобной славы никто не подозрѣвалъ, и Кисловку, гдѣ жили издатели «Русскаго Вѣстника» и «Современной Лѣтописи», считали нѣкоторою россійскою Великобританіей».

Хотѣлось бы видѣть въ печати воспоминанія объ этой подмосковной жизни литературной молодежи, которой со временемъ суждено было сыграть въ исторіи нашей журналистики крупную роль, послѣдняго, кажется, изъ оставшихся въ живыхъ участника той жизни—В. П. Буренина. Мы, вѣроятно, узнаемъ изъ этихъ воспоминаній, какъ возились оттуда корреспонденціи въ «Колоколь», какъ тревожно воспринимались здѣсь извѣстія о тогдашнихъ обыскахъ въ Петербургѣ и арестѣ Н. Г. Чернышевскаго, какъ задумчиво на берегу мѣстной рѣчонки съ удочкой въ рукахъ просиживалъ долгіе часы будущій «Незнакомецъ».

Переѣздъ въ Петербургъ скоро принесъ Суворину широкую извѣстность. Коршевскія «Петербургскія Вѣдомости» были той литературной нивой, на которой окрѣпъ и расцвѣлъ его талантъ. Сначала скромный секретарь и газетный работникъ, онъ уже къ 1865 году обращается въ того перваго по значенію русскаго фельетониста, который вмѣстѣ съ В. П. Буренинымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, создаетъ русскій злободневный фельетонъ и придаетъ отечественной газетѣ широкое общественное значеніе. Газетныя статьи до того времени такихъ выдающихся публицистовъ, какъ М. Н. Катковъ, И. С. Аксаковъ, и нѣкоторыхъ другихъ, были политической артиллерією, которая била тяжелыми ядрами и производила нужное общественное впечатлѣніе только въ нѣкоторые опредѣленные моменты нашей жизни. Легкія взвившіяся ракеты со

столбцовъ «академическихъ» «Вѣдомостей» были впервые пушены именно Суворинымъ и Буренинымъ, и газета наполнилась блестящими литературными турирами, привлекавшими къ себѣ вниманіе широкихъ слоевъ читателей. Сейчасъ, когда русскій типъ газеты выработался, намъ трудно оцѣнить историческое значеніе того момента. Только знакомясь съ тяжеловѣсными газетными фоліантами 60-хъ годовъ и встрѣчая въ нихъ имена «Бобровскаго», «Незнакомца», «Выборгскаго пустынноика», — понимаешь, какая газетная эволюція совершалась въ тотъ періодъ. Среди такихъ именъ, какъ К. Кавелинъ, К. Арсеньевъ, В. Крыловъ (Александровъ), А. Головачевъ, К. Скальковский, О. Воропоновъ, Л. Полонскій, Е. Ватсонъ, де-Роберти, имена Суворина и Буренина заблистали не менѣе яркими звѣздами. Какъ я уже говорилъ въ очеркѣ, посвященномъ В. П. Буренину, коршевская газета — блестящая страница въ исторіи пореформенной Россіи; къ ней, этой газетѣ, примкнули лучшія литературныя силы, и здѣсь заложены были задатки того обновленнаго ея типа, который установился у насъ и доднесь. Въ этомъ отношеніи именно гг. Суворинъ и Буренинъ понесли немало труда, разгрузивши газету отъ того тяжелаго, что мѣшало ей проникать въ широкіе круги читателей и дѣлаться ихъ руководителемъ и добрымъ литературнымъ другомъ. Оба названныхъ писателя перенесли центръ тяжести изъ неуклюжихъ тогдашнихъ передовицъ въ область живого, остроумнаго фельетона, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, передъ обывателями зашептели страницы отечественной жизни, имена, факты, печальная дѣйствительность, политика, обывательщина, гдѣ раздался веселый смѣхъ, будящій, бодрящій, зовущій отъ мрака къ свѣту, дразнящій перспективами лучшаго будущаго и отмечающій все, что пришло въ ветхость и негодность.

Въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о сотрудничествѣ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» А. С. Суворинъ касается, между прочимъ, очень интереснаго эпизода съ его книгою «Всякіе», эпизода, надѣлавшаго въ свое время очень много шума и имѣющаго историко-литературное значеніе. Онъ говоритъ:

«Всякіе» были первой моей литературной работой въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», сколько-нибудь видной. Повѣсть обратила на себя вниманіе. И мнѣ жалко было ее бросать, когда продолженіе въ газетѣ стало невозможнымъ. Тогда я рѣшился ее докончить и издать безъ цензуры. Надо было, чтобы въ книжкѣ заключалось 10 печатныхъ листовъ извѣстнаго законнаго размѣра. Н. А. Неклюдовъ, державшій тогда типографію Н. Тиблена на Васильевскомъ Островѣ, согласился напечатать въ кредитъ. И я сталъ писать окончаніе и печатать. Въ напечатанныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» первыхъ главахъ повѣсти я кое-что добавилъ и возобновилъ цензурныя помарки. Печатаніе окончилось въ концѣ марта 1865 г., и книжка представлена была въ цензуру въ началѣ Страт-

ной недѣли. Но черезъ день была возвращена обратно въ типографію, такъ какъ перепечатчикъ пропустилъ одинъ листъ. Пока исправлялся этотъ недочетъ, настали «непричастные дни» на Страстной и Святая, которая была въ этотъ годъ 27 марта. Въ исправленномъ видѣ книжка послана была только въ понедѣльникъ на Омпной, утромъ, а къ вечеру весь Петербургъ былъ глубоко потрясенъ извѣстіемъ о покушеніи на жизнь императора Александра II. Я привыкъ любить императора, когда онъ еще былъ наследникомъ цесаревичемъ и когда онъ заступался за воспитанниковъ Дворянскаго полка во время такъ называемыхъ кадетскихъ бунтовъ противъ экономовъ, которые насъ скверно кормили. Какъ и на всѣхъ, покушеніе на жизнь императора произвело на меня сильное впечатлѣніе. Рядомъ со взрывами искренняго патріотизма, въ которыхъ ярко сказывалась любовь къ государю-реформатору всѣхъ сословій, работала слѣдственная коммиссія подъ предѣдательствомъ графа М. Н. Муравьева; начались аресты и строгости относительно литературы и журналистики. Я хотѣлъ взять книжку назадъ и съ этою цѣлью написалъ письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. Между прочимъ я писалъ ему: «Повѣсть моя была представлена въ цензурный комитетъ утромъ 4-го апрѣля. Вечеромъ совершилось то событіе, которое повергло въ негодованіе и ужасъ всю Россію. Всѣ сословія слились въ одномъ чувствѣ преданности къ государю и радости его спасенію. Но при этомъ обнаружилось и нѣкоторое разединеніе, весьма естественное въ такія напряженныя минуты: никакому сословію, никакому кружку не хотѣлось, чтобы злодѣй принадлежалъ къ ихъ средѣ, и всѣ стали указывать другъ на друга; многіе говорили, что злодѣй помѣщикъ или подкупленъ помѣщиками. При этихъ толкахъ, которые были слышны уже вечеромъ 4-го апрѣля, мнѣ показалось совершенно несвоевременнымъ выпускать мою книгу, въ которой были рѣзкія осужденія помѣщиковъ извѣстной партіи». И далѣе: «я вполне рассчитываю на ваше безпристрастное рѣшеніе. Съ своей стороны я могу только повторить, что я былъ искрененъ, когда писалъ свою книгу, искренно говорю и въ настоящемъ письмѣ. Я не имѣю никакихъ причинъ бояться гласнаго суда, на которомъ дана мнѣ будетъ полная возможность къ защитѣ; я сохраняю совершенную увѣренность, что судъ этотъ будетъ правый, свободный отъ всякихъ узкихъ сословныхъ соображеній. Если я утруждаю ваше высокопревосходительство настоящимъ письмомъ, то дѣлаю это исключительно подъ вліяніемъ тѣхъ тревожныхъ минутъ, которыя мы переживаемъ въ настоящее время». Письмо осталось безъ отвѣта, и книжка была арестована.

«Цензурный комитетъ, подъ вліяніемъ 4-го апрѣля, составилъ очень суровый приговоръ о книгѣ Въ немъ же возникло сомнѣніе, не два ли это лица, А. Бобровскій и А. Суворинъ, и не были ли они замѣшаны въ какомъ-нибудь политическомъ

дѣлѣ. Вспомнили, что Бобровскій участвовалъ въ варшавскомъ революціонномъ комитетѣ. Но Третье Отдѣленіе, куда направлень былъ запросъ, отвѣтило, что это одно лицо и ни въ какомъ политическомъ дѣлѣ не было замѣшано, хотя книга его не что иное, какъ, анархическая пропаганда».

«У меня и у моей жены сдѣланъ былъ обыскъ, конечно, благодаря этой же книжкѣ. Пришли ночью, съ чернаго хода. Высокій молодой гвардейскій офицеръ П—нъ предъявилъ мнѣ бумагу, въ которой предписано ему было произвести у меня обыскъ. Я еще не спалъ. Было часа три утра. Жена быстро встала. Спальня, въ которой она спала съ дѣтьми, отдѣлялась отъ моего крошечнаго кабинета заломъ. Обысковъ тогда было очень много, обысковъ и арестовъ. Въ журнальномъ мѣрѣ была просто паника. Мы съ женой ждали того же у себя, думая объ арестованной книжкѣ. Поздно возвращаясь изъ редакціи, не ранѣе 3 часовъ утра, я смотрѣлъ обыкновенно на окна, не горитъ ли огонь, и если окна не были освѣщены, значить все благополучно. Услышавъ звонокъ, я спряталъ «Исторію Россіи» Германа, на нѣмецкомъ языкѣ, которую читалъ, всталъ въ дверяхъ кабинета и увидѣлъ жену въ дверяхъ спальни, противъ себя. Мы молча смотрѣли другъ на друга, когда г. П—нъ и приставъ входили въ залъ, а полицейскіе остались въ передней. Г. П—нъ сѣлъ за мой столъ и просматривалъ очень быстро бумаги, собирая съ него рѣшительно всѣ рукописи и письма и выбирая ихъ изъ ящика. На вопросъ пристава, который дѣлалъ обыскъ въ спальнѣ моей жены:

«— Не прикажете ли обыскать дѣтскія кровати?»—г. П—нъ отвѣчалъ:—«Не надо. Зачѣмъ тревожить дѣтей». Въ стѣнѣ въ моемъ кабинетѣ, довольно высоко, было открытое углубленіе, тоже наполненное бумагами. Г. П—нъ всталъ на стулъ и началъ вынимать бумаги и оттуда.

«— Это что у васъ?»—сказалъ онъ, беря въ руку большую литографированную тетрадь записокъ о литературѣ Ир. И. Введенскаго, который преподавалъ въ Дворянскомъ полку въ пятидесятые годы.

«А сказалъ, что это такое.

«— Вы окончили курсъ въ Дворянскомъ полку? Вы были кадетомъ?»

«Вся его серьезная холодность, съ которою онъ исполнялъ свою обязанность, разомъ пропала. Онъ быстро сложилъ всѣ бумаги въ кучу. Приставъ увязалъ ихъ при немъ, и онъ сказалъ ему, чтобъ онъ доставилъ ихъ въ Третье Отдѣленіе, а самъ сталъ говорить со мною и съ женой. Мы сѣли за столъ; подали самоваръ. Онъ показалъ намъ фотографическую карточку преступника, имя котораго, кажется, тогда еще не было извѣстно въ печати, рассказывалъ объ его допросѣ и проч. Бесѣда продолжалась долго уже о всякихъ пустякахъ. На вопросъ жены, почему онъ обыскиваетъ, а не жандармы, онъ со-

общилъ, что графъ Муравьевъ не вѣритъ жандармамъ и полиціи въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ настоящее, и что жандармы и полиція не заслуживаютъ довѣрія по тѣмъ фактамъ, которые извѣстны графу.

«Я рассказываю эти подробности, потому что онѣ имѣютъ связь съ моею маленькою книжкой.

«Въ нее попалъ Чернышевскій, а обыскъ опять коснулся этого дѣла. Когда мнѣ понадобился мой видъ на жительство, при перевозѣ семьи на дачу, я отправился за нимъ въ Третье Отдѣленіе. Тотъ же офицеръ, г. П—нъ, вынесъ мнѣ все мои бумаги, исключая письма А. Н. Плещеева, въ которомъ онъ описывалъ мнѣ свой допросъ въ сенатѣ по дѣлу Чернышевскаго. Его именно спрашивали о томъ письмѣ къ нему (онъ его не получалъ) якобы Чернышевскаго, которое было написано Всев. Костомаровымъ. Это письмо именно относилось къ 1862 г., когда Плещеевъ жилъ на дачѣ въ Давыдовѣ и когда мы съ Буренинымъ и Часвымъ постоянно къ нему заходили. Плещеевъ мнѣ писалъ, что почеркъ Чернышевскаго съ такимъ совершенствомъ былъ поддѣланъ, что въ первой половинѣ письма можно было принять письмо за подлинное, но вторая половина выдавала поддѣлку. Вотъ это письмо и осталось въ Третьемъ Отдѣленіи.

«Чуть не наканунѣ суда я ѣхалъ въ Царское Село вмѣстѣ съ прокуроромъ, который долженъ былъ обвинять меня. Мы были хорошо знакомы, и разговоръ шель о моей книжкѣ, и такой разговоръ, что я могъ вынести изъ него самое благопріятное для себя впечатлѣніе. Но когда на скамьѣ подсудимыхъ я услышалъ грозную рѣчь и требованіе заключить меня въ тюрьму на три мѣсяца, меня бросило въ жаръ. К. К. Арсеньевъ сказалъ въ мою защиту прекрасную рѣчь, и судъ сбавилъ мнѣ одинъ мѣсяцъ. К. К. Арсеньевъ подалъ апелляцію въ судебную палату, которая ограничила наказаніе трехнедѣльнымъ заключеніемъ на гауптвахтѣ. Мы рѣшились не итти дальше въ сенатъ, хотя мой защитникъ въ судѣ убѣдительно доказывалъ, что никакого преступленія я не совершилъ, а только приготовленіе къ нему, которое ненаказуемо. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что избѣжалъ тюрьмы. Слѣдующій литературный процессъ о книгѣ Вундта «Душа животныхъ и растений», доведенный до сената, установилъ ненаказуемость «покушенія на преступленіе», если книга была арестована до выхода въ свѣтъ. Книги сжигались, но авторы не наказывались.

«Процессъ мой тянулся долго. Книжка была арестована, кажется, 13-го апрѣля. Разбирательство въ окружномъ судѣ было 18-го августа 1866 года, въ судебной палатѣ 20-го декабря 1866 года. Книжка была препровождена приставомъ Васильевской части изъ типографіи въ главное управленіе по дѣламъ печати 22-го февраля 1867 г., причемъ приставъ оставилъ одинъ экземпляръ въ типографіи. Главное управленіе потребовало и этотъ экземпляръ и, получивъ его, просило г. оберъ-полицеймейстера, чтобъ при конфискаціи сочиненій въ типографіяхъ отбирались не только все отпечатанные

экземпляры таковыхъ сочиненій, но даже корректурные и дефектные листы, дабы тѣмъ «прекратить возможность всякаго распространія вышеупомянутыхъ сочиненій». Въ маѣ прокуроръ с.-петербургской судебной палаты запрашивалъ главное управленіе по дѣламъ печати, уничтожены ли 1462 экземпляра (арестовано было 1500) книги «Всякіе», и вмѣстѣ предлагалъ, чтобы отнынѣ уничтоженіе книгъ по приговорамъ суда производилось самою полиціею, а не доставлялись оныя для этого изъ типографій въ главное управленіе по дѣламъ печати. 17-го іюня 1867 г. главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомило прокурора, что книга «Всякіе» уничтожена, «за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, оставленныхъ для необходимыхъ справокъ, какъ въ этомъ управленіи, такъ и въ с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ», а что касается до уничтоженія ихъ самой полиціею, то главное управленіе ничего противъ этого не имѣетъ. 14-го августа 1867 г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ въ главное управленіе по дѣламъ печати свое распоряженіе въ этомъ смыслѣ.

«Я посаженъ былъ на гауптвахту въ Старомъ Арсеналѣ (около Окружнаго суда) 27-го февраля 1867 года и 20-го марта пріѣхалъ домой. Несмотря на этотъ короткій срокъ, я узналъ, какъ тяжело лишніе свободы.

«Если бѣ кто спросилъ меня, почему я перепечатаваю эту книжку, я бы просто отвѣтилъ, что мнѣ пріятно вспомнить прошлое и вспомнить его въ другое время, когда мы ожидаемъ государственной думы и когда печать пользуется такой свободой, о которой въ 1865 г. никто и мечтать не смѣлъ. Къ тому же «Всякіе», литературные недостатки которыхъ мнѣ не могутъ быть не ясны, отличаются значительной долей искренности и даже наивности не столько человѣка наблюдательнаго, сколько чувствовавшаго въ общей уже наэлектризованной атмосферѣ, что наступаетъ неладное время. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ книжка не лишена, такъ сказать, историко-литературнаго интереса, передавая въ извѣстной степени и тогдашнее настроеніе, какъ общества, такъ и правительства. Въ этомъ отношеніи процессъ въ окружномъ судѣ и въ особенности въ судебной палатѣ представляетъ много типическихъ и курьезныхъ подробностей, а потому я его печатаю въ приложеніи. Если бѣ дѣло было не о перепечаткѣ «документа», то нѣкоторыя грубости «Всякихъ», полемическія выходки и плохіе анекдоты я теперь съ удовольствіемъ бы выкинулъ, хотя и эти грубости были стенографической передачей дѣйствительныхъ разговоровъ. Извѣстно, что мы, русскіе люди, никогда не стѣсняемся въ выраженіяхъ».

Книга «Всякіе» увидѣла свѣтъ только въ 1909 году и быстро разошлась въ двухъ изданіяхъ. Читая это произведеніе пера А. С. Суворина даже въ наши дни, удивительно живо чувствуешь въя-

ніе всей этой эпохи, и очерки «Всякіе» до сихъ поръ могутъ служить прекраснымъ источникомъ для исторіи первыхъ годовъ пореформенной Россіи въ ея столичномъ отраженіи.

III.

Блестящіе фельетоны въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», эпизодъ со «Всякими», сотрудничество въ «Русскомъ Инвалидѣ» создали изъ недавняго скромнаго бобровскаго учителя очень крупную величину, къ которой стало льнуть все выдающееся въ нашей литературѣ. Его выразительный, умный обликъ невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе, и при одномъ взглядѣ на него чувствовалось, какая мощь вложена въ этого потомка сермяжной Россіи. Въ немъ сказывалось что-то мощное, широкое, что непосредственно говорило о самой безбрежной Россіи. И дальнѣйшая его жизнь явно показала, что дѣйствительно эта Россія нашла въ немъ дѣйствительное свое многогранное отраженіе.

Работая въ чужихъ повременныхъ изданіяхъ (кроме поименованныхъ, въ «Вѣстникѣ Европы», «Молвѣ» и др.), А. С. Суворинъ не специализировался на какомъ-нибудь особенномъ жанрѣ, и въ лицѣ его русская журналистика приобрѣла и выдающагося критика, и театральнаго рецензента, и газетнаго «передовика», и памфлетиста, беллетриста, а также и историка. Во всѣхъ этихъ родахъ литературы онъ обнаруживаетъ выдающееся дарованіе, оригинальность ума, наблюдательность, широту взглядовъ и блескъ пера, который по всей справедливости вручилъ ему званіе «короля фельетонистовъ». Его полемики тонки, остроумны, язвительны; одною какой-нибудь коротенькою фразою, мѣткимъ словомъ онъ бьетъ противника наповаль, выставляетъ его въ убійственномъ видѣ и не даетъ ему отступленія. Возьмите его книгу «Очерки и картинки», составляющую (до середины 70-хъ годовъ) только малую часть его фельетоновъ, и вы убѣдитесь въ справедливости сказаннаго. Ознакомьтесь съ его полемикой съ Катковымъ, Леонтьевымъ, Мещерскимъ, прочтите его разоблаченія дѣятельности столичныхъ думскихъ воротилъ, желѣзнодорожныхъ авантюристовъ и пр. и пр. Чего они стоятъ! Вотъ чѣмъ объясняется, что его пера боялись до крайности, и воскресный фельетонъ «Незнакомца» составлялъ для своего времени событіе, рождалъ ему бездну враговъ и рядомъ съ этимъ поклоненіе читающей толпы. Въ число явныхъ враговъ записались Катковъ и Мещерскій, а также тѣ представители власти, которые имѣли касательство къ дѣлу печати. Имя Суворина-«Незнакомца» вызываетъ косые взгляды, имѣвшіе, между прочимъ, печальнымъ результатомъ то, что Коршъ былъ устраненъ отъ редактированія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и газета подъ флагомъ гр. Салиаса была передана въ охранительныя руки.

Замолкли въ этой газетѣ смѣлыя рѣчи «Незнакомца», рѣчи для того времени многознаменательныя, особенно въ виду надвинувшейся на Россію послѣ выстрѣла Каракозова невеселой эпохи. Такъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, «Обѣдъ у В. А. Полетики», Суворинъ писалъ по поводу рѣчи Путилова, жаловавшагося, что Европа насъ «сосеть»: «Мнѣ кажется, что Европа будетъ насъ сосать не до тѣхъ поръ, какъ думаетъ г. Путиловъ, пока правительство не станетъ дѣлать для русскихъ заводчиковъ того же, что оно дѣлаетъ для иностранныхъ, а до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ той же свободы экономической и гражданской жизни, какая существуетъ въ Европѣ. Г. Путиловъ сказалъ, что Борзигъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ былъ простымъ рабочимъ, а теперь миллионеръ, и такимъ благосостояніемъ, по смыслу рѣчи г. Путилова, этотъ нѣмецъ обязанъ заказамъ русскаго правительства. Мы-де всѣхъ выводимъ въ люди, а они насъ сосутъ. Но въ Европѣ подобные примѣры можно считать десятками, и русское правительство въ нихъ нимало не виновато. Ужъ не мы ли въ самомъ дѣлѣ вывели въ люди Стифенсона и множество другихъ энергичныхъ людей, которые составили себѣ огромныя состоянія, начавъ съ грошей? Нѣтъ, г. Путиловъ, на дѣло надо смотрѣть нѣсколько глубже. Въ даровитости русскаго народа я никогда не сомнѣвался; я знаю, что Богъ не обдѣлилъ его способностями, но я знаю въ то же время, что этотъ даровитый и трудолюбивый народъ мало выиграетъ отъ того, что правительство сдѣлаетъ миллионныя заказы вашему заводу. Онъ выиграетъ гораздо болѣе, если, не дѣлая вамъ миллионныхъ заказовъ, государство освободитъ насъ отъ темнаго наслѣдства разныхъ стѣсненій въ экономической жизни. Когда мы будемъ поставлены въ такое положеніе, что успѣхъ всякаго дѣла будетъ зависѣть исключительно отъ нашей энергій, нашего трудолюбія, нашего просвѣщенія, когда не нужно будетъ прибѣгать къ поклонамъ и т. п.,—тогда все быстро измѣнится. Я убѣжденъ, что мы придемъ къ этому... рано или поздно, и только тогда Европа перестанетъ насъ сосать.

«Г. Путиловъ, убѣдившійся за границей, что Европа насъ сосеть, убѣдился ли въ томъ, что тамошняя экономическая жизнь несравненно выше нашей? Въ то время, когда у насъ только начинаютъ образовываться компаніи капиталистовъ, Европа покрыта уже ассоціаціями рабочихъ, въ Европѣ уже есть примѣры, что капиталистъ, владѣлецъ завода, не ограничивается поденною платой рабочему, а даетъ ему пай въ своемъ предпріятіи... Когда мы догонимъ Европу—я не знаю, но можно опасаться, что намъ придется догонять ее вѣчно, уподобляясь заднему колесу въ телѣгѣ, которое бѣжитъ такъ же быстро, какъ переднее, но остается отъ него на благородной дистанціи. Конечно, это грустно, но будемъ утѣ-

паться тѣмъ, что еще недавно наше положеніе было несравненно грустнѣе. Теперь мы можемъ свободнѣе говорить, свободнѣе дѣйствовать, теперь больше простора энергіи, но нуженъ полный просторъ».

Для того времени такія рѣчи были смѣлы и, понятно, смѣ не могли приходиться по нутру вершителямъ тогдашней власти. Съ переходомъ въ работу подъ редакторство Полетики, перо «Незнакомца» не то что тускнѣетъ, а какъ-то теряетъ свою увѣренность. Видно, что писатель, лишившись насиженнаго мѣста, не можетъ примѣниться къ плутократической обстановкѣ своего новаго патрона и какъ бы останавливается въ раздумьѣ передъ своимъ литературнымъ будущимъ, къ которому рвется его душа. А эта душа говоритъ ему: основывай собственный органъ, не будь зависимъ ни отъ какихъ издателей и понеси въ русское общество всю ширь своего русскаго ума. Но для такого дѣла нуженъ былъ не только умъ, не только матеріальныя средства, но и громадное счастье. И волшебная фея удачи подарила этому потомку бородинскаго героя покрывало этого счастья: онъ скоро сталъ своего рода властелиномъ русскаго издательскаго дѣла.

Мы знаемъ, что еще въ юныхъ годахъ онъ занимался издательствомъ книжекъ для народа, засимъ, въ 1872 году онъ замышляетъ очень смѣлое и оригинальное предпріятіе — издаетъ книжку «Русскій Календарь», своего рода справочную энциклопедію, которая несетъ въ массу читающей публики большое количество практическихъ знаній по разнымъ отраслямъ русской жизни. Этимъ онъ, такъ сказать, облагораживаетъ русское календарное дѣло, столь охаенное Грибоѣдовымъ, и дѣлаетъ свой календарь необходимымъ пособіемъ въ обиходной жизни русскаго обывателя. Но все это были до тѣхъ поръ пробы издательскаго счастья, настоящая звѣзда его восходитъ съ 1876 года, когда онъ въ сообществѣ съ В. Лихачевымъ пріобрѣтаетъ отъ К. В. Трубникова право на изданіе газеты «Новое Время» и 29-го февраля (Касьяновъ день) выпускаетъ первый номеръ этой газеты. Историческій моментъ для издательства былъ избранъ удивительно удачно. По небу Балканскаго полуострова плыли черныя тучи, небо прорѣзывали яркія молніи, издали до Россіи доходили крики ужаса и скорби славянъ. Русское общество охватывало трепетное чувство состраданія къ погибающимъ братьямъ, сознавался подъемъ общественнаго мнѣнія, который искалъ себѣ талантливаго выразителя и властнаго проводника опредѣленныхъ идей. «Голосъ» Краевскаго съ его умѣреннымъ либерализмомъ и скользкимъ западничествомъ не учелъ момента дня и, опираясь на книжное доктринерство, сталъ увѣрять, что вассальное славянство не имѣетъ права противодѣйствія своему сюзерену-падишаху. Въ противовѣсъ этому доктринерству Суворинъ заявилъ: «имѣетъ право на возстаніе», и поѣхалъ на Балканскій полуостровъ первымъ русскимъ корреспондентомъ на

арену кровавыхъ дѣйствій. Его корреспонденціи оттуда были блестящи, онъ какъ бы спаялъ своимъ словомъ русскій народъ съ южнымъ славянствомъ и какъ бы вывѣсилъ на своей газетѣ знамя, напоминающее былой завѣтъ А. С. Хомякова:

«Не гордись предъ Бѣлградомъ,
 «Прага, чешскихъ странъ глава!
 «Не гордись предъ Вышеградомъ,
 «Златоверхая Москва!
 «Вспомнимъ мы, родные братья,
 «Дѣти матери одной:
 «Братьямъ—братскія объятья,
 «Къ груди грудь, рука съ рукой!
 «Не гордися силой длани
 «Тотъ, кто въ битвѣ устоять!
 «Не скорби, кто въ долгой брани
 «Подъ грозой судьбины палъ!
 «Испытанья время строго;
 «Тотъ, кто палъ, возстанеть вновь:
 «Много милости у Бога,
 «Безъ границъ его любовь!
 «Пронесется мракъ ненастный.
 «И—ожиданный давно—
 «Возсіяетъ день прекрасный,
 «Братья станутъ заодно!
 «Всѣ велики, всѣ свободны—
 «На враговъ побѣдный строй,
 «Полны мысли благородной,
 «Крѣпки вѣрою одной!»

Посвящая памяти Алексѣя Сергѣевича во время его похоронъ нѣсколько теплыхъ словъ отъ имени южнаго славянства, И. П. Табурно такъ характеризовалъ отношеніе Суворина къ славянской идее:

«Въ лицѣ усопшаго Алексѣя Сергѣевича Суворина южные славяне оплакиваютъ потерю одного изъ великихъ своихъ друзей. Въ самомъ дѣлѣ, покойный Алексѣй Сергѣевичъ еще до освободительной войны сталъ въ противоположный лагерь той части печати, которая и тогда, какъ и теперь, считала работу Россіи на поприщѣ освобожденія славянъ работою антирусскою, а защитниковъ ея чуть ли не предателями идей свободы. Алексѣй Сергѣевичъ былъ искреннимъ русскимъ человѣкомъ, онъ не внялъ лжелиберальнымъ воплямъ и горячо сталъ на защиту томящихся въ оковахъ тяжелаго рабства славянъ. И не одни лишь гуманныя чувства имъ руководили, но и реальные интересы собственной родины, которой онъ искренно былъ преданъ. И вотъ его горячая проповѣдь въ большой долѣ способствовала подъему общественнаго мнѣнія, которое повліяло на правительственныя сферы въ пользу единовѣрныхъ и единокровныхъ славянъ: Россія выступила за ихъ освобожденіе и этимъ занесла на скрижали міровой исторіи одно изъ великихъ своихъ дѣлъ—освобожденіе милліоновъ славянъ отъ тяжелаго ига.

Если до сихъ поръ еще часть славянъ не освобождена, то этому причина не измѣнившееся настроеніе русскаго общества, а особенно сложившіяся политическія условія.

«Покойный Алексѣй Сергѣевичъ до послѣднихъ своихъ дней не измѣнилъ тѣмъ принципамъ и той идеѣ, которымъ онъ былъ вѣренъ и тридцать пять лѣтъ тому назадъ, связывая интересы славянъ съ интересами Россіи. Покойный мнѣ говорилъ: «Россія освободила славянъ, поставила ихъ на ноги, предоставивъ имъ самимъ развиваться. Благодарны ли они, или нѣтъ, безразлично: Россія, какъ любящая мать, радуется ихъ успѣху и прогрессу, и если они на своемъ пути встрѣтятъ такое препятствіе, которое не по силамъ имъ однимъ преодолѣть, Россія непременно придетъ имъ на помощь».

Яркія корреспонденціи Суворина съ Балканскаго полуострова, его теплое отношеніе въ Черняеву, Скобелеву, а главное къ Александру II нѣсколько смущали Лихачева, его создателя по газетѣ, и онъ однажды не рѣшился даже дать мѣсто письму съ войны своего сотоварища. Но соредакторствовавшій ему въ то время В. П. Буренинъ спасъ положеніе дѣла. Корреспонденціи печатались и производили сенсацию, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялось и вліяніе «Новаго Времени». Вліятельный «Голосъ» терялъ свое значеніе и отступалъ передъ своимъ соперникомъ, который къ исходу семидесятихъ годовъ занялъ позицію первой по своему вліянію и распространенію столичной газеты. Союзъ съ Лихачевымъ скоро распался, и А. С. Суворинъ сталъ единоличнымъ издателемъ «Новаго Времени». Съ того времени онъ становится передъ русскимъ обществомъ во весь свой могучій ростъ и съ удивительной энергіей, упорствомъ и просвѣтительною сознательностью развиваетъ все свои начинанія на пользу дорогой ему родины.

Мѣсто и время не позволяютъ мнѣ касаться на этихъ страницахъ исторіи «Новаго Времени», поскольку она мнѣ извѣстна, и дать общую характеристику этой газеты. Изъ многочисленныхъ некрологическихъ статей, посвященныхъ Алексѣю Сергѣевичу я приведу въ выдержкахъ лишь двѣ, которыя до извѣстной степени характеризуютъ этотъ органъ печати. Такъ, въ «Голосѣ Москвы» (№ 167) профессоръ Г. Локоть, отвѣчая на вопросъ: «въ чемъ сила и значеніе А. С. Суворина?» говоритъ:

«Изъ крестьянской хаты, черезъ журналистику, выйти на вершины общественной мысли и жизни великой страны, приобрести неоспоримое вліяніе не только на общественное сознаніе, но и на всю государственность этой страны,—это значить не только сыграть крупную историческую роль, но и быть выраженіемъ и отраженіемъ цѣлой исторической эпохи!

«Какой же именно эпохи въ исторіи Россіи быть продуктомъ, отраженіемъ и выраженіемъ А. С. Суворина? Безспорно, эпохи великихъ реформъ, эпохи возрожденія старой, крѣпостной Россіи къ жизни новой, свободной, зовущей къ пробужденію дремлющихъ или скованныхъ силъ народныхъ, выдвигающей изъ вѣдръ народныхъ все сильное, все живу-

чее, все творческое и въ то же время все близкое къ подлиннымъ тайникамъ народнаго духа!

«Не по чужой и не по готовой мѣрѣ и формѣ растутъ великіе и крупныя люди въ такіе періоды народнаго пробужденія. Печать самобытности личной и въ то же время глубокаго соответствія образу того народнаго цѣлаго, которое они отражаютъ, лежитъ на крупныхъ людяхъ крупныхъ историческихъ періодовъ. Подъемъ народной жизни, народнаго духа, народной энергіи и силы какъ бы суммируется и въ такомъ суммированномъ видѣ отражается на отдѣльныхъ единицахъ, выдвигая ихъ въ качествѣ крупныхъ представителей эпохи. Суммируются и отражаются и отдѣльныя черты народнаго духа и гения. И чѣмъ полнѣе эта суммація и это отраженіе, тѣмъ крупнѣе и всестороннѣе значеніе крупныхъ людей эпохи.

«Освобожденіе Россіи отъ оковъ крѣпостнаго строя вызвало тотъ великій подъемъ общественной и народной энергіи, который подвинулъ на дружное, энергичное служеніе общенародному духу все лучшее изъ русскаго помѣтнаго дворянства, какъ бы торопившагося этимъ служеніемъ благородно посчитаться съ русскимъ крѣпостнымъ народомъ за все прошлое. И мы видимъ расцвѣтъ поры русскаго дворянскаго либерализма, дворянскаго народничества, навсегда остающагося одной изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ жизни русскаго дворянства.

«Но освобожденіе крестьянской Россіи и пробужденіе ея къ новой жизни, конечно, должно было вызвать еще болѣе крупное, еще болѣе активное и живучее общественное явленіе, а именно—ростъ общественныхъ и государственныхъ силъ изъ самой народной, крестьянской среды. Во всѣхъ сферахъ не только народнаго труда, но и общественной и государственной жизни долженъ быть все шире и шире проявляться освобожденный народный, крестьянскій гений, неся съ собой всѣ характерныя черты низоваго народнаго духа: дѣловую энергію; крѣпкое, живучее, глубоко непосредственное общее міровоззрѣніе; чувство кровной любви къ народу, къ родинѣ, къ государству и вытекающую изъ этого чувства неизгладимую, безотчетную консервативность политическаго міровоззрѣнія, какими бы случайными палетами ни покрывалось и ни маскировалось это консервативное міровоззрѣніе, и въ то же время каждую общественнаго и политическаго творчества, созиданія, безъ котораго трудовые инстинкты народнаго духа никогда не чувствуютъ себя удовлетворенными...

«Оковы готовыхъ формъ общественной мысли и всякихъ переходящихъ условностей—не страшны для людей, на которыхъ лежитъ печать дѣйствительно народнаго духа и печать крупной эпохи. Эти формы и условности легко разрушаются ими съ той органической безотчетностью, безыскусственностью, которая характерна для народнаго духа. Сама живая жизнь, ея непререкаемые и неуловимые инстинкты, указывающіе наиболѣе вѣрные, ведущіе къ цѣли пути,—только эта реальная жизнь является истиннымъ руководителемъ людей, на долю которыхъ выпадаетъ счастье быть выразителями крупныхъ моментовъ и крупныхъ силъ исторіи.

«И если общественно-близорукіе или непримиримо-враждебные русскому народному духу люди всегда говорили и долго будутъ говорить, что А. С. Суворинъ съ его «Новымъ Временемъ» является только яркимъ представителемъ и выразителемъ «психологіи успѣха», то пусть не забываютъ они, что «успѣхъ» А. С. Суворина и «Новаго Времени» есть успѣхъ тѣхъ среднихъ и высшихъ слоевъ русскаго общества, которые по своему духу и частью по своему происхожденію кровно связаны съ русскимъ крестьянствомъ, съ русскими народными низами, т. е. съ самымъ живучимъ и вѣковѣчнымъ ядромъ русскаго народа!

«Успѣхъ» А. С. Суворина—успѣхъ народной, національно-русской «буржуазіи», быстро растущей съ эпохи великихъ реформъ, быстро приобретающей все болѣе и болѣе замѣтное мѣсто въ общественной и государственной жизни Россіи. Имя А. С. Суворина будетъ исторически связано съ ростомъ, съ общественнымъ и политическимъ вліяніемъ «средняго сословія» въ Россіи, а слѣдовательно и со всѣми крупнѣйшими реформами, созданными въ интересахъ среднихъ общественныхъ слоевъ Россіи, не исключая и послѣдней, величайшей въ исторіи Россіи реформы—народнаго представительства!

«Не подпольной работой на пользу революціи и сочувствіемъ этой революціи, не какими-либо либеральными «выступленіями» и не какими-нибудь закулисными вліяніями въ тѣхъ бюрократическихъ верхахъ, въ близости къ которымъ обычно обвиняли слѣва А. С. Суворина и его газету,—не этими механическими путями «успѣхъ» А. С. Суворина связанъ съ успѣхомъ идеи народнаго представительства въ Россіи, а только простымъ, но глубоко жизненнымъ и важнымъ фактомъ общественнаго объединенія тѣхъ среднихъ слоевъ Россіи, которые кровно связаны съ русскимъ народомъ и типичнѣйшимъ представителемъ которыхъ является самъ А. С. Суворинъ.

«Аристократъ русскаго народнаго ума, А. С. Суворинъ въ общественно-политическомъ своемъ значеніи является крупнѣйшимъ, истиннымъ представителемъ русской средней имущей демократіи—русскаго «средняго сословія», которому впереди предстоитъ все болѣе и болѣе крупная общественно-политическая роль. Въ этомъ—«успѣхъ» А. С. Суворина, и въ этомъ источникъ того небывалаго въ исторіи русской журналистики вниманія и вліянія въ политическихъ сферахъ не только Россіи, но и Европы, какое выпало на долю потомка бобровскаго крестьянина Воронежской губерніи!»

Въ томъ же «Голосѣ Москвы» (№ 186) г. М. Любимовъ, характеризую покойнаго Суворина, говорить:

«Имя Суворина принадлежитъ исторіи. Намъ, современникамъ, въ непосредственной къ нему близости, да еще подъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, трудно цѣликомъ охватить эту огромную самобытную фигуру, трудно оцѣнить все то, что онъ сдѣлалъ въ разнообразныхъ отрасляхъ жизни, литературы и искусства, въ которыхъ работалъ его неутомимый умъ... Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ первый создалъ въ Россіи большую «политическую газету», съ которой, какъ съ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, вскорѣ стали считаться не только въ Россіи, но и за границей.

«Онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ все яркое, все талантливое, и многіе изъ писателей, нынѣ подвизающихся въ оппозиціонномъ и даже революціонномъ лагерѣ и считающихъ своей обязанностью при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ругать «суворинскую газету», именно въ ней начали свою карьеру, были выдвинуты Сувориннымъ, обласканы имъ, часто обезпечены. Можетъ быть, не у одного «революціонера» искренней затаенной скорбью сожмется сердце при извѣстіи о смерти «старика Суворина». Нужны ли имена?»

«Талантливыя литературныя силы, привлеченныя въ «Новое Время»,—а больше всего, конечно, самъ Суворинъ,—неутомимый организаторъ, редакторъ и писатель,—создали газетѣ огромный кругъ читателей.

«И этотъ успѣхъ не былъ созданъ угодничествомъ, стремленіемъ подладиться подъ вкусы толпы. Наоборотъ, Суворинъ часто, очень часто шелъ противъ теченія, никогда не кривя душой, чтобы попасть въ тонъ

«моднымъ вѣяніямъ», каковы бы они ни были. Его «Маленькія письма» перѣдко шли вразрѣзъ съ тѣмъ, что въ ту минуту считалось непреложнымъ. Это создавало ему массу враговъ. Бывали случаи, когда на страницахъ враждебныхъ ему газетъ, не могшихъ простить ему блестящаго успѣха, раздавался откровенный призывъ къ «бойкоту» «Новаго Времени». Печатались «коллективные» письма будто бы нововременскихъ читателей, отрекавшихся отъ «Новаго Времени» и клявшихся отнынѣ читать только «Новости» Нотовича. Но «Новости» хирѣли и, зачахнувъ, тихо скончались, а «Новое Время» развивалось и крѣпло.

«Въ безумномъ 1905 году, когда, какъ грибы, нарождались откровенно революціонныя газеты, когда общество почти поголовно было охвачено революціоннымъ бредомъ, старикъ Суворинъ не потерялъ головы, и только со страницъ «Новаго Времени» раздался спокойный, трезвый голосъ. Въ лѣвомъ лагерѣ были увѣрены: теперь «Новому Времени»—конецъ! Кто будетъ читать «Новое Время», когда есть «Товарищъ», «Сынъ Отечества» и чуть не десятокъ другихъ изданій, выходящихъ съ печатавшимся крупными буквами девизомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» Но и изъ этого кошмарнаго времени суворинская газета вышла невредимой и еще болѣе укрѣпила свое положеніе.

«Секретъ этого постояннаго успѣха заключался не только въ силѣ вліянія литературнаго и организаторскаго таланта старика Суворина, но и, главнымъ образомъ, въ строго опредѣленной національной позиціи, съ которой никогда и ни при какихъ условіяхъ не сходила его газета.

«Суворинъ былъ просвѣщенный и терпимый человѣкъ. Не признавая узкихъ партійныхъ рамокъ, онъ называлъ свою газету «парламентомъ» и не стѣснялъ сотрудниковъ «направленіемъ». Свобода мнѣній—было его девизомъ, и, правда, нерѣдко на страницахъ «Новаго Времени» встрѣчались противоположныя мнѣнія, нерѣдко возгоралась ожесточенная полемика между постоянными сотрудниками газеты. Но зато въ національномъ вопросѣ тамъ никогда не было разногласій, и прежде всего всегда стояли интересы Россіи и русскихъ.

«Это самоотверженное служеніе русскому народу, его національнымъ интересамъ проводилось съ непреклонной прямолинейностью, и съ этой позиціи, какъ бесзмѣнный часовой, Суворинъ не отступалъ никогда. Въ дѣлѣ воспитанія русскаго національнаго самосознанія покойный Суворинъ сыгралъ выдающуюся роль,—и эту роль со временемъ по заслугамъ оцѣнить потомство.

«Малый театръ не зовутъ иначе, какъ «Суворинскій». И такъ это и есть въ дѣйствительности. Суворинъ вложилъ въ него массу личной энергіи и огромныя средства и почти единолично создалъ театръ, считающійся образцовымъ наравнѣ съ Императорскою сценою.

«Суворинскій театръ создалъ новую эру въ театральномъ дѣлѣ. Онъ широко открылъ свои двери драматургамъ и артистическимъ силамъ, затиравшимся монополюющей «казенной» дирекціей, у которой были свои любимчики, властвовавшіе въ театрѣ. Многіе драматурги, многіе артисты, пользующіеся теперь огромной извѣстностью, начинали свою карьеру у Суворина. Многіе артисты императорскихъ театровъ, не уживавшіеся въ ихъ душной казенной атмосферѣ, опять-таки уходили къ Суворину и въ его театрѣ находили просторъ для своего творчества. Въ параллельныхъ постановкахъ Александринскаго и Суворинскаго театровъ побѣда нерѣдко оставалась за послѣднимъ.

«А. С. Суворинъ и самъ былъ драматургомъ. Его «Татьяна Рѣпина» обошла всѣ театры и до сихъ поръ не сходить съ репертуара.

«Въ кипучей неустанной работѣ А. С. Суворинъ дожилъ до глубокой старости. Три года тому назадъ онъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своей

литературной дѣятельности и удостоился Высочайшей милости и признанія его заслугъ съ высоты Престола. Какъ ни старалась тогда лѣвая печать преуменьшить значеніе этого юбилея, онъ все-таки былъ крупнымъ общественнымъ фактомъ, и тысячи привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи показали, что не даромъ прожилъ Суворинъ свою жизнь, что работа его встрѣтила и сочувствіе и поддержку.

«Теперь—умеръ старикъ Суворинъ. Но не умерло дѣло, которому отдалъ онъ свою жизнь, и на закатѣ дней онъ могъ убѣдиться, что не пропали брошенные имъ сѣмена, что растутъ и крѣпнеть русское національное дѣло, и никакія усилія враговъ ему уже не страшны».

Всѣмъ сказаннымъ, конечно, не исчерпывается ни общее значеніе А. С. Суворина, какъ характерной исторической фигуры, ни его главнаго литературнаго начинанія—газеты «Новое Время». Онъ какъ бы стоялъ на стражѣ судьбы Россіи на собственный страхъ и рискъ, порой бичуя ее, подобно Гоголю и Хомякову, своимъ литературнымъ бичомъ, порою обливая слезами любви и радости. Читая его «Маленькія письма», нѣкоторые иногда улавливали какъ бы измѣчивость его принципиальныхъ воззрѣній. Но это только кажущееся: Суворинъ оставался тѣмъ же, какимъ вышелъ на свою литературную дорогу. Вопросъ сводился къ обстоятельствамъ времени, къ извѣстной нужной позиціи, стоя на которой возможно было добиться желаннаго, а желанное это было: свобода Россіи, ея просвѣщеніе, ея національное самосознаніе, ея міровое могущество.

Сознавая, что изданіемъ одной лишь газеты далеко не достигнешь намѣченныхъ цѣлей, Алексѣй Сергѣевичъ рядомъ съ нею открываетъ издательство общедоступныхъ дешевыхъ книгъ и, по словамъ покойнаго профессора Кириичникова, «становится Наполеономъ русскаго книжнаго дѣла». Въ то время, какъ академія наукъ, какъ министерство народнаго просвѣщенія и прочія просвѣтительныя учрежденія и установленія пребывали въ завидномъ покоѣ, онъ съ неутомимой энергіей двигаетъ въ русскую публику сначала «Дешевую Библіотеку», затѣмъ «Новую Библіотеку», гдѣ даетъ виднѣйшія произведенія русской и западной литературы, причемъ всѣ эти изданія намѣчаются имъ по собственному выбору и можно только удивляться, какъ хватало у этого человѣка, котораго буквально разрывала вся Россія, еще времени на созданіе этихъ библіотекъ. Если ознакомиться съ однимъ спискомъ этихъ изданій, то увидишь тутъ громадную безпристрастную и безпартійную обширную энциклопедію гуманитарныхъ наукъ, на которой воспитались ряды поколѣній. Чтобы двигать эти библіотеки, онъ создаетъ въ Петербургѣ одинъ изъ первыхъ въ столицѣ книжныхъ магазиновъ и открываетъ его отдѣленія въ разныхъ городахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создаетъ и типографію, гдѣ устанавливаетъ необычныя у насъ условія труда. Очерчивая эти условія, представитель журнала «Наборщикъ и Печатный Миръ» А. А. Филипповъ повѣдалъ по сему предмету на могилѣ Суворина слѣдующее:

«Если мы безпристрастно взглянемъ на исторію книгопечатанія въ Россіи, то увидимъ, что въ ней есть два имени, которыя особенно ярко обрисовываются. Это—первопечатникъ Иванъ Федоровъ и Алексѣй Суворинъ. Многострадальная исторія первопечатника извѣстна, но исторія продолжателя его еще начинается, и главнымъ образомъ, благодаря удивительной скромности покойнаго, видѣвшаго рекламу даже тамъ, гдѣ была только правда. И здѣсь, надъ раскрытой могилой, смѣло можно сказать, что Алексѣй Сергѣевичъ, устроивъ въ 1884 году первую частную школу въ Россіи, на широкихъ началахъ, первый, какъ типографъ, пошелъ навстрѣчу назрѣвшей необходимости поднять технику печатнаго дѣла.

«Имя въ виду свое же изреченіе: «Давайте больше доброты особенно тѣмъ, кто хочетъ жить и трудиться», Алексѣй Сергѣевичъ устроилъ для работающихъ въ типографіи и ихъ семей медицинскую помощь въ своемъ домѣ. Врачъ вызывался служащими даже на домъ, какъ это дѣлается въ вспомогательной кассѣ наборщиковъ. Затѣмъ при типографіи «Новаго Времени» была устроена сеудо-сберегательная касса, бібліотека и прочее. На рождественскую елку, которую Алексѣй Сергѣевичъ очень любилъ посѣщать, собиралось до 1000 дѣтей его служащихъ отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ. Если къ этому прибавить, что неспособные къ труду, а также вдовы и сироты работавшихъ въ «Новомъ Времени» никогда не оставались безъ матеріальной помощи, то получится, что ни одинъ владѣлецъ печатнаго заведенія въ Россіи не заботился о своихъ рабочихъ такъ, какъ Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, къ слову сказать, особенно радѣвшій о тѣхъ рабочихъ, которые вмѣстѣ съ нимъ начинали тяжелую и отвѣтственную газетную работу. Широкой волной разливалась доброта Алексѣя Сергѣевича, и доброта эта бодрила, одухотворяла рабочихъ. Несомнѣнно, имена Ивана Федорова и Алексѣя Суворина явятся въ исторіи Россіи самыми свѣтлыми, прекрасными, и не только современники, но и потомки никогда ихъ не забудутъ».

IV.

Въ 1880 году, послѣ того, какъ С. Н. Шубинскій потерпѣлъ своего рода крушеніе съ изданіемъ «Древней и Новой Россіи», онъ съ помощью Алексѣя Сергѣевича создалъ «Историческій Вѣстникъ». Вотъ что по сему предмету редакторъ нашего журнала повѣствуетъ въ имѣющейся у меня его автобіографической запискѣ:

«Какъ-то разъ, если не ошибаюсь, въ мартѣ мѣсяцѣ (1879 года), я зашелъ къ А. С. Суворину, всегда любезно относившемуся ко мнѣ лично и къ «Древней и Новой Россіи», для которой онъ даже написалъ года три назадъ, по моей просьбѣ, статью о Пушкинѣ. Въ откровенной бесѣдѣ я между прочимъ разказалъ ему поло-

женіе дѣль «Древней и Новой Россіи» и безъ всякой задней мысли, кстати, спросилъ, не укажетъ ли онъ мнѣ на кого-нибудь, къ кому я могъ бы обратиться съ предложеніемъ приобрести этотъ журналъ. Къ величайшему моему изумленію, онъ, не задумываясь, выразилъ готовность купить и продолжать изданіе. Предложеніе это было такъ для меня неожиданно, что я счелъ его не болѣе, какъ пустой фразой. Я просилъ Суворина посерьезнѣе подумать объ этомъ и сказалъ, что зайду черезъ недѣлю. Въ назначенное время я явился и услышалъ то же согласіе, но выраженное уже въ положительной формѣ, при чемъ онъ уполномочилъ меня войти въ согласіе съ Граціанскимъ. Желая разстаться съ моимъ издателемъ самымъ дружескимъ образомъ и заботясь искренно о томъ, чтобы облегчить ему, насколько возможно, понесенныя на журналѣ потери, я предложилъ Суворину уплатить Граціанскому за право изданія 5.000 рублей и безъ возраженія получилъ согласіе и на это.

«Обрадованный, я поспѣшилъ въ тотъ же день передать Граціанскому мой разговоръ съ Суворинимъ. Онъ выслушалъ мои объясненія съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и не далъ никакого рѣшительнаго отвѣта, общаясь подумать. Въ послѣдующіе дни я настаивалъ на какомъ-нибудь рѣшеніи, но, несмотря на все усилія, не могъ ничего добиться. Меня это ужасно волновало, и я тщетно ломалъ себѣ голову, стараясь разгадать причину такого образа дѣйствій Граціанскаго. Онъ самъ разъяснилъ мнѣ ее впоследствии. Постоянный сотрудникъ «Древней и Новой Россіи» П. А. Гильтебрандтъ, узнавъ о переговорахъ моихъ съ Граціанскимъ, убѣждалъ его не продавать изданія, увѣряя, что оно погибаетъ единственно отъ моей неумѣлости, и вызывался поднять его подъ своимъ редакторствомъ. Однако я продолжалъ требовать категорическаго рѣшенія и наконецъ поставилъ вопросъ ребромъ. Граціанскому уже нельзя было долѣе уклоняться, и онъ объявилъ свое «последнее слово». Онъ потребовалъ, чтобы Суворинъ, кромѣ уплаты 5,000 рублей за право изданія, додалъ бы на свой счетъ подписчикамъ остающіяся восемь книжекъ «Древней и Новой Россіи» за 1879 годъ, что, по меньшей мѣрѣ, равнялось еще 12,000 рубл. Условіе было невозможное, и я съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ отъ Граціанскаго, пожелавъ ему не раскаяться въ томъ, что онъ не воспользовался моимъ посредничествомъ, въ которомъ я руководился единственно сердечнымъ побужденіемъ оказать ему услугу.

«Тогда мы съ Суворинимъ рѣшили основать новый историческій журналъ. Я составилъ программу, въ которую, соображаясь съ вкусомъ публики, ввелъ историческій романъ и повѣсть и иностранную исторіографію, а Суворинъ придумалъ, нельзя сказать, чтобы очень удачно, названіе «Историческій Вѣстникъ». Я поѣхалъ къ тогдашнему предсѣдателю главнаго управленія по дѣламъ печати,

В. В. Григорьеву, объяснилъ ему все дѣло и получилъ увѣреніе, что новое изданіе не встрѣтитъ ни малѣйшихъ препятствій. На слѣдующій же день Суворинымъ было подано официальное прошеніе о разрѣшеніи издавать «Историческій Вѣстникъ», а я, согласно условію, заключенному со мною при основаніи «Древней и Новой Россіи» Граціанскимъ, заявилъ послѣдному, что съ 1-го октября оставляю редактированіе этого журнала ¹⁾. Съ энергіей и надеждою на хорошее будущее отдался я организаціи новаго предпріятія. Все шло очень успѣшно и радовало меня, какъ вдругъ разразился ударъ съ той стороны, откуда я всего менѣе могъ его ожидать. Однажды вечеромъ подають мнѣ пакетъ за казенной печатью. Развернувъ заключающуюся въ немъ бумагу, я остолбенѣлъ. Главное управленіе по дѣламъ печати увѣдомляло меня, что министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ не разрѣшилъ изданіе «Историческаго Вѣстника».

«Я провелъ очень скверную ночь и на другой день, рано утромъ, надѣвъ мундиръ, отправился къ Макову. Онъ принялъ меня довольно любезно и откровенно объяснилъ причину своего отказа.

«— Въ послѣднее время,—сказаль онъ,—въ печати стали появляться неблаговидные, пошлые намеки на то, что будто бы я и въ особенности В. В. Григорьевъ оказываемъ какое-то исключительное благоволеніе къ Суворину; во всемъ ему мирволимъ и предупредительно исполняемъ все его желанія. Разрѣшить ему еще новое изданіе, когда только недавно разрѣшено «Еженедѣльное Новое Время», значить дать его противникамъ поводъ къ новымъ инсинуаціямъ. Господа журналисты дошли до того, что въ полемикѣ между собой не стѣняясь обливають друга друга помоями, и я не хочу, чтобы брызги отъ этихъ помоевъ попадали въ меня и В. В. Григорьева, котораго я уважаю. Вамъ лично я разрѣшу изданіе, а Суворину нѣтъ.

«Отъ Макова я поѣхаль къ Суворину и сообщилъ ему о происшедшемъ, разумѣется, со всеми мелочами. Хотя онъ старался казаться совершенно равнодушнымъ, но я замѣтилъ, что рассказъ мой о неожиданномъ для него препятствіи, встрѣченномъ на первомъ же шагѣ «Историческимъ Вѣстникомъ», охладилъ его къ задуманному изданію. Онъ старался меня успокоить и сказаль, чтобы я просилъ о разрѣшеніи изданія на свое имя, а онъ не отказывается, какъ уже обѣщаль, давать все матеріальныя средства для его осуществленія и веденія. Это было благородно и не могло не тронуть меня. Я опять поѣхаль къ Макову и съ трудомъ убѣдилъ его позволить мнѣ напечатать въ объявленіяхъ объ изданіи «Историческаго

¹⁾ Послѣ меня Граціанскій выпустилъ нѣсколько книжекъ «Древней и Новой Россіи», подъ редакціей П. А. Гильтебрандта, а затѣмъ, въ мартѣ 1880 года, прекратилъ изданіе.

Вѣстника», что этотъ журналъ будетъ издаваться «при содѣйствіи А. С. Суворина», и что «отвѣтственность за исправный выходъ книжекъ и аккуратность всѣхъ расчетовъ принимаетъ на себя книжный магазинъ «Новаго Времени». Первый (1880-й) годъ «Историческій Вѣстникъ» выходилъ съ моей на немъ подписью, какъ «редактора-издателя», но черезъ годъ обстоятельства перемѣнились, и Суворину безъ всякихъ затрудненій разрѣшили подписываться издателемъ, которымъ онъ и былъ въ дѣйствительности».

Въ созданіи «Историческаго Вѣстника» сказались, какъ то я и отмѣтилъ въ своей рѣчи на могилѣ Алексѣя Сергѣевича, вся типичность, благородство и широта его природы. Будучи дѣятелемъ очень опредѣленнаго политическаго стяга, онъ предоставилъ редактору журнала, принадлежавшему скорѣе къ западной либеральной фракціи, полную свободу дѣйствія, полную независимость, охотно допуская, чтобы въ журналѣ, издаваемомъ подъ его флагомъ, работали не только люди ему единомышленныя, но и инако вѣрующіе и даже принципиальные противники. Если вспомнить исторію журнала, то мы увидимъ въ ряду его сотрудниковъ В. О. Михневича, Г. К. Градовскаго, Р. И. Сементковскаго, В. И. Модестова и др., которые, будучи постоянными работниками «Новостей» О. К. Нотовича, почти ежедневно вели принципиальную борьбу и съ «Новымъ Временемъ», и съ самимъ Суворинымъ, какъ авторомъ «Маленькихъ писемъ». Такого рода терпимостью издатель «Историческаго Вѣстника» какъ бы отмежевалъ газетное преходящее и повседневное отъ журнальнаго научно-литературнаго.

Онъ горячо любилъ этотъ издаваемый имъ журналъ, высоко цѣнили своего редактора и когда мнѣ приходилось по тѣмъ или другимъ редакціоннымъ поводамъ обращаться къ нему въ дни тяжкихъ болѣзней С. Н. Шубинскаго по дѣламъ журнала, все лицо Суворина расцвѣтало лаской и радостной улыбкой и ясно говорило о воодушевляющихъ его добрыхъ чувствахъ. За мѣсяць до кончины Суворина мнѣ пришлось навѣстить его по одному случаю. Исхудалый, осунувшійся, блѣдный, сидѣлъ онъ у окна своего кабинета, видимо, страшно страдая отъ неизлечимаго недуга. И нужно было видѣть это сіяніе добрыхъ глазъ, когда я сталъ ему говорить о журналѣ, о планахъ на будущее, о здоровьи его друга-редактора!..

Страстный любитель исторіи, Алексѣй Сергѣевичъ, кромѣ названныхъ періодическихъ изданій, охотно шелъ навстрѣчу и роскошнымъ издательствамъ въ интересахъ все того же русскаго просвѣщенія. Такъ, имъ изданы: «Иллюстрированная исторія Петра Великаго» и «Иллюстрированная исторія Екатерины II», «Картины Лондонской національной галереи», «Картины императорскаго Эрмитажа», «Историческая портретная галерея», «Дрезденская картинная галерея» съ текстомъ г. Люке, «Императоръ Павелъ I»,

«Императоръ Александръ I» и «Императоръ Николай I» Н. К. Шильдера, «Олеаріи, описаніе путешествія въ Московію», и другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи: Герберштейна, Флетчера, Плато Карпини, Корба, «Палестина» А. А. Суворина, «Историческіе очерки и рассказы» С. Н. Шубинскаго и мн. др.

Благодаря любезному вниманію Алексѣя Сергѣевича къ моей скромной литературной дѣятельности, онъ согласился и на изданіе моихъ очерковъ по исторіи русской революціи, которые въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ.

Напрасно было бы думать, что, издавая роскошныя книги, Суворинъ руководился какими-нибудь коммерческими расчетами; это была потребность его души, потребность сѣять въ Россіи «разумное и вѣчное», и въ этомъ отношеніи мнѣ ярко вспоминается одинъ характерный случай, обрисовывающій его какъ крупнаго издателя-мецената. Провинціальный нашъ сотрудникъ С. Н. Браиловскій дѣлаетъ предложеніе объ изданіи полнаго собранія сочиненій поэта Пушкинской плеяды Туманскаго. Предполагая, что это изданіе будетъ носить характеръ изданій «Дешевой Библиотеки», вродѣ Веневитинова, Дельвига, Баратынскаго, Одоевскаго, Цыганова и другихъ, С. Н. Шубинскій, по соглашенію съ Суворинымъ, даетъ предлагающему благоприятный отвѣтъ: «присылайте, молъ, собранное съ вашимъ предисловіемъ». Лѣтомъ прошлаго года С. Н. Шубинскій тяжело заболѣлъ, а въ это время отъ Браиловскаго получается тяжеловѣсная посылка—стихи, письма Туманскаго, его, Браиловскаго, обширное предисловіе. Суворинъ въ городѣ, и больной редакторъ «Историческаго Вѣстника» поручаетъ мнѣ съ нимъ повидаться и сказать отъ его имени, что такого громоздкаго изданія нельзя предпринимать, что оно явно убыточно, что вышло недоразумѣніе и что посылку нужно вернуть Браиловскому при объяснительномъ письмѣ. Исполняю возложенную на меня миссію и слышу отвѣтъ:

- Конечно, гдѣ теперь предпринимать такое изданіе...
- Такъ я такъ и напишу Браиловскому и верну ему рукопись?
- Нѣтъ, оставьте это все у меня. Я тутъ кое-что посмотрю.
- Сергѣй Николаевичъ боится, что вы куда-нибудь засунете эти бумаги и потомъ ихъ не найти.

— Что это за анекдоты! Ничего я не теряю. А вы вотъ что лучше сдѣлайте: повидайтесь на всякій случай съ Богдановымъ (управляющій типографіей) и Кормилицынымъ (управляющій магазиномъ), пусть сдѣлаютъ смѣту и выскажутся, стоитъ ли городъ городить.

Навожу всѣ справки, въ точности выясняю, что изданіе несомнѣнно убыточно. Докладываю объ этомъ Суворину.

- Конечно, конечно, убыточно... Не до того теперь.
- Такъ позвольте взять пакетъ?
- Что вы ко мнѣ пристали? Я еще тамъ не все просмотрѣлъ. Заходите черезъ три дня.

Прихожу въ назначенное время.

— Что скажете, голубчикъ?

— Да вотъ насчетъ Туманскаго опять...

— А что такое? Я ужъ все отправилъ въ типографію для набора. Я его издамъ. Третьяго дня почью миѣ не спалось, сталъ я все это перечитывать и такъ на меня пахнуло старинной тридцатыхъ годовъ, эпохой Пушкина и такъ стало хорошо... Что тутъ какіе-то рубли считать!

Затѣмъ съ точно виноватой улыбкой добавляетъ:

— Вы ужъ тамъ какъ-нибудь умилюстите Шубинскаго, чтобъ онъ не сердился, что я не послушался его совѣта. Надо же и миѣ побаловаться!

Уже тяжело больной и въ значительной степени сокращая издательскую дѣятельность мененатскаго порядка, онъ все же отъ времени до времени посылалъ свои неразборчиво написанныя записочки С. Н. Шубинскому съ запросами, нѣтъ ли въ его библиотекѣ чего-нибудь рѣдкаго по исторіи Россіи, что бы стоило издать. Приближенные часто должны были употреблять усилія, чтобы оберечь пылкаго издателя отъ его невыгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи замысловъ и остановить его рвеніе.

Кромѣ только что перечисленныхъ изданій историческаго характера, имъ выпущено въ свѣтъ не мало крупныхъ литературныхъ произведеній и сочиненій, какъ-то: Пушкина (подъ редакціей П. А. Ефремова), Лермонтова, Авеѣнга, Апухтина, Бѣжецкаго, П. П. Гнѣдича, Григоровича, Е. П. Карновича, А. О. Кони, В. Крестовскаго (псевдонимъ Хвоцинской), Вас. Немировича-Данченка, Фофанова, Щеглова и другихъ, а также и переводныя: Жюль-Верна, Данте, Фаррара, Фламмаріона, Шиллера, Шопенгауэра, классиковъ—Плутарха, Еврипида, Софокла, Эсхила, Эзопа и другихъ.

Кромѣ любви къ журналистикѣ и издательству, у Суворина была особенная страсть къ театру. Можно сказать, что исторія русскаго театра за послѣднія двадцать пять лѣтъ непосредственно связана съ его именемъ. Еще на страницахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» онъ выступилъ въ роли театральнаго рецензента и сразу обратилъ на себя вниманіе, какъ чуткій цѣнитель талантовъ и пониматель задачъ сценическаго искусства. Съ тѣхъ поръ въ теченіе сорока лѣтъ онъ не отходилъ отъ сцены, внимательно слѣдя за всѣми ея перипетіями, за нарожденіемъ новыхъ талантовъ и пробивая черезъ казенную рутину официальнаго театра новые пути. Не удовлетворенный въ концѣ концовъ состояніемъ и репертуаромъ казенной сцены, онъ съ 1895 года становится во главѣ театральнаго предпріятія Литературно-Художественнаго общества (Малый театр); онъ открываетъ борьбу съ театральной цензурой и добивается разрѣшенія постановки такихъ драматическихъ произведеній, которыя были подъ строгимъ запретомъ, какъ-то: трилогія графа А. Толстого,

«Власть тьмы» Л. Н. Толстого; ставить на сценѣ «своего» театра рядъ пьесъ изъ западно-европейской жизни и даетъ дорогу многимъ русскимъ талантамъ, которые безъ его содѣйствія съ своими драматическими произведеніями оставались бы не у дѣль. Я не имѣю возможности здѣсь говорить объ этой сторонѣ дѣятельности Алексѣя Сергѣевича; отмѣчу лишь, что въ своей кипучей театральной дѣятельности онъ не только проявлялъ свои силы, какъ организаторъ и новаторъ, но и какъ выдающійся драматургъ, произведенія котораго съ большимъ успѣхомъ обошли всѣ сцены русскихъ театровъ. Такъ, совместно съ В. П. Буренинымъ онъ написалъ драму «Медея», самостоятельно комедію «Татьяна Рѣпина», «Вопросъ», рядъ мелкихъ пьесъ и, наконецъ, пятиактную драму «Царь Дмитрій Самозванецъ и царица Ксенія».

Послѣдняя пьеса взяла свое происхожденіе изъ тѣхъ его трудовъ, которые были посвящены специально смутному времени; это время и таинственная личность Самозванца привлекали издавна его особое вниманіе. Онъ усматривалъ здѣсь своимъ критическимъ чутьемъ историка особенно рельефное проявленіе всѣхъ сторонъ русской жизни и силою глубокаго анализа по случайнымъ чертамъ возстановлялъ истину о трагически погибшемъ первомъ Самозванцѣ. Тождество послѣдняго съ царевичемъ Дмитріемъ было для него несомнѣнно, и въ цѣломъ рядѣ блестящихъ историческихъ статей со свойственной ему страстностью и талантомъ онъ доказывалъ свое излюбленное положеніе. Труды А. С. Суворина по смутному времени—богатый вкладъ въ нашу литературу и будутъ непристрастными историками поминаться, какъ прекрасный источникъ для изученія того загадочнаго времени.

Оставивъ по себѣ слѣдъ въ исторической наукѣ, онъ связалъ свое имя и съ исторіей литературы, какъ знатокъ Пушкина при разоблаченіи извѣстной поддѣлки «Русалки» въ «Русскомъ Архивѣ». Тонкость его критическихъ методовъ тутъ изумительна, и нужно только удивляться, что эта сторона его литературной дѣятельности осталась не оцѣненной нашимъ высшимъ разсадникомъ просвѣщенія въ день его пятидесятилѣтняго литературно-общественнаго юбилея. Печальная политическая партійность сыграла тутъ свою роль, и, конечно, во всякой другой странѣ, гдѣ культура стоитъ выше, имя Алексѣя Сергѣевича не было бы забыто аналогичными учрежденіями.

Не считая мелкихъ повѣстей, написанныхъ имъ въ началѣ его литературной дѣятельности, онъ написалъ и большой романъ «Въ концѣ вѣка. Любовь», гдѣ онъ тонко подмѣтилъ тяготѣніе нашего общества къ тому таинственному невѣдомому, спросъ на которое сейчасъ у насъ такъ великъ. Онъ въ этомъ отношеніи какъ бы опередилъ общественную мысль и еще много лѣтъ тому назадъ сказалъ то, чѣмъ нынѣ такъ заняты г.г. Розановъ, Философовъ и другіе.

Когда озираешь всю эту кипучую работу русскаго журналиста, этого организатора разныхъ предпріятій, этого представителя русской общественности и политической мысли, если попытаешься заглянуть за завѣсу его жизни, гдѣ шла непрестанная работа по сношенію съ видными дѣятелями русской и иностранной государственности, то приходишь положительно въ недоумѣніе, откуда этотъ колоссъ труда бралъ силы и времени для всего имъ дѣлаемаго. Я думаю, что въ нашей общественной жизни второго Суворина еще не было—по крайней мѣрѣ я въ исторіи нашей литературы такого не знаю. Журналистика, историческая и литературная работа, дѣятельность по театру, непрерывная политическая борьба, вѣчное кипѣніе вопросами дня, и все это въ крупномъ масштабѣ, въ яркомъ, подчасъ феерическомъ освѣщеніи! И при всемъ томъ удивительная простота личной жизни, полное отсутствіе тщеславія и нежеланіе выставлять впередъ своего имени для знаковъ признательности и благодарности. Онъ даже не хотѣлъ, чтобы справляли юбилей пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, грозясь уѣхать въ этотъ день изъ Петербурга и не появиться на торжествѣ, если его организуютъ, и только просьбы и уговоры близкихъ убѣдили его согласиться на этотъ праздникъ, къ которому радостно готовились многіе и многіе русскіе люди. И празднество 27-го февраля 1909 года вышло, дѣйствительно, на славу, какъ празднество общественное и политическое. Возстаповляемъ описаніе этого знаменательнаго въ жизни А. С. Суворина дня по статьѣ, которая была напечатана въ нашемъ журналѣ.

V.

Празднованіе началось съ утра 27-го февраля. Начала его типографія «Новаго Времени». Здѣсь въ классѣ школы при типографіи собрались, во главѣ съ управляющимъ г. Богдановымъ, всѣ служащіе типографіи, метранпажи и наборщики, служащіе въ главной конторѣ во главѣ съ управляющей ея, г-жой Леонтьевой, администрація и служащіе въ книжномъ магазинѣ, во главѣ съ управляющимъ г. Кормилицынымъ, администрація экспедиціи газеты, разсылные при редакціи и типографіи, рабочіе, ученики школы. Законоучитель школы протоіерей Любославскій совершилъ торжественное молебствіе, передъ которымъ обратился къ присутствовавшимъ съ краткимъ словомъ.

Послѣ молебствія отправилась на квартиру юбиляра депутація отъ всѣхъ учрежденій типографскихъ, газетныхъ, книжнаго магазина и школы привѣтствовать А. С., при чемъ самый младшій изъ учениковъ вручилъ юбиляру букетъ цвѣтовъ.

Рано утромъ А. С. Суворину былъ присланъ отъ Государя кабинетный фотографическій портретъ Его Величества въ драго-

цѣнной рамѣ съ собственноручною надписью: «*А. С. Суворину, чести проработавшему на литературномъ поприщѣ въ теченіе 50 лѣтъ на пользу родной страны*».

Однимъ изъ первыхъ поздравилъ А. С. сербскій посланникъ, затѣмъ онъ же пріѣхалъ вторично, потому что получилъ телеграмму отъ сербскаго министра-президента съ порученіемъ поздравить Алексея Сергѣевича отъ имени королевскаго сербскаго кабинета министровъ. Изъ русскихъ сановниковъ посѣтили юбиляра министры: военный—генераль Редигеръ, морской—свиты Его Величества контръ-адмираль Воеводскій, финансовъ—статсъ-секретарь Коконцовъ, юстиціи—тайный совѣтникъ Щетловитовъ, народнаго просвѣщенія—тайный совѣтникъ Шварцъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода тайный совѣтникъ Лукьяновъ, государственный контролеръ тайный совѣтникъ Харитоновъ, дворцовый комендантъ генераль-лейтенантъ Дедюлинъ, генераль-адъютантъ Куропаткинъ, министръ иностранныхъ дѣлъ гофмейстеръ Извольскій, министръ путей сообщенія тайный совѣтникъ Рухловъ, свиты Его Величества генераль-майоръ князь Оболенскій, графъ Витте, статсъ-секретарь Куломзинъ, директоръ императорскихъ театровъ г. Теляковскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Чарыковъ, членъ государственнаго совѣта графъ С. Д. Шереметевъ, русскій министръ-президентъ въ Черногоріи дѣйствительный статскій совѣтникъ Максимовъ, с.-петербургскій градоначальникъ генераль Драчевскій.

Дамы—жены сотрудниковъ, вмѣстѣ съ Е. И. Сувориной, женой редактора Мих. Ал. Суворина, привѣтствовали юбиляра въ часъ дня на квартирѣ и поднесли хрустальную въ художественной серебряной оправѣ вазу съ живыми цвѣтами; на вазѣ надѣта на цѣпочкѣ серебряная дощечка съ именами всѣхъ подносившихъ. Было много подношеній и подарковъ отъ частныхъ лицъ.

Въ Дворянскомъ собраніи торжественный юбилейный актъ начался молебствіемъ. Залъ былъ полонъ: въ немъ собралось свыше 4,000 человекъ, всѣ по именнымъ билетамъ. Даже были заняты всѣ хоры, опоясывающіе огромный залъ. Въ молебнѣ приняли участіе въ сослуженіи преосвященному Евлогію цензоръ архимандритъ Меѳодій, настоятель Казаискаго собора протоіерей Сосняковъ, настоятель Воскресенскаго женскаго монастыря протоіерей Буткевичъ, законоучитель школы при типографіи Суворина протоіерей Любославскій.

Въ глубинѣ зала, на эстрадѣ, обведенной бордюромъ тропическихъ деревьевъ, размѣстился оркестръ графа А. Д. Шереметева и пѣвцы соединенныхъ хоровъ Архангельскаго и Славянскій.

При появленіи А. С. Суворина залъ задрожалъ отъ рукоплесканій, и оркестръ присоединилъ къ нимъ «Славу» (композиція М. Владимірова).

А. С. Суворинъ сталъ внизу у эстрады. Съ лѣвой стороны въ золотыхъ облаченіяхъ вышло духовенство, въ преддесеніи свѣтильниковъ шелъ преосвященный Евлогій холмскій; на приготовленномъ передъ эстрадой мѣстѣ стоялъ молебный столикъ съ крестомъ и евангеліемъ и иконою Спасителя. Его окружило духовенство, и преосвященный совершилъ благодарственное молебствіе. Хоръ Архангельскаго прекрасно исполнилъ концертное «Тебе Бога хвалимъ». Послѣ того придворный протодіаконъ Громовъ возгласилъ царское многолѣтіе и многая лѣта Державъ Россійской.

Тогда преосвященный Евлогій, осѣнивъ крестомъ собраніе, обратился къ А. С. съ слѣдующей рѣчью:

«Глубокоуважаемый

«Алексѣй Сергѣевичъ!

«Мнѣ выпала высокая честь вашъ прекрасный юбилейный праздникъ, праздникъ печатнаго слова—освятить словомъ Божиимъ и молитвой.

«Сейчасъ въ ушахъ вашихъ прозвучали великія, святыя слова нашего Божественнаго Учителя: «Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ». Эти слова, мнѣ кажется, являются лучшимъ эпиграфомъ вашей трудовой жизни, которая была единымъ, непрерывнымъ подвигомъ служенія нашей родинѣ. На необозримыя родныя поля своимъ печатнымъ словомъ вы сѣяли обильно сѣмена правды и добра. Теперь долгій тяжелый рабочий день вашъ склонился къ вечеру, когда усталому труженику, быть можетъ, пора и отдохнуть. Да будетъ же тихъ и ясенъ этотъ вечеръ вашей жизни, озаряемый кроткими лучами любви и благословеніемъ Того, Кто есть свѣтъ, истина и жизнь, и въ Комъ всѣ тружающіеся и обремененные дѣйствительно находятъ отраду и покой душамъ своимъ».

Послѣ слова архіерея протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе Алексѣю Сергѣевичу Суворину. Преосвященный осѣнилъ юбиляра крестомъ. Кончилось молебствіе, публика въ залѣ сѣла на мѣста. Съ эстрады тогда сообщено было о царскомъ подаркѣ юбиляру.

Зарукоплескала залъ, хоры и оркестръ слились въ звукахъ народнаго гимна, повтореннаго трижды при громѣ рукоплесканій и крикахъ «ура».

А. С. Суворинъ занялъ мѣсто за почетнымъ столомъ на эстрадѣ, окруженный членами юбилейнаго комитета и сотрудниками своей газеты.

Начался длинный рядъ поздравленій. Вереницей, одна за другой, подходили къ столу депутаціи и подносили свои адреса, читали ихъ, говорили привѣтствія.

Первымъ читался адресъ отъ Литературно-Художественнаго общества, устранившаго юбилей; читалъ его директоръ театральной школы имени Суворина г. Далматовъ.

Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ адресъ.

Второй адресъ подносили сотрудники газеты. А. А. Столыпинъ заявилъ, что сотрудники газеты собрали 15,000 р. на премію имени Суворина при императорской академіи наукъ за лучшее литературное сочиненіе.

Одинъ изъ старыхъ сотрудниковъ прочиталъ самый адресъ, также вызвавшій рукоплесканія всего зала.

Послѣ того привѣтствовали юбиляра адресомъ фракціи государственной думы—союзъ 17 октября во главѣ съ А. И. Гучковымъ, фракція умѣренно-правыхъ во главѣ съ г. Балашовымъ, фракція націоналистовъ во главѣ съ епископомъ Евлогіемъ, клубъ общественныхъ дѣятелей во главѣ съ М. В. Красовскимъ, разные общества, журналы, изданія, словомъ—болѣе 80 депутацій. Дефилировали передъ юбиляромъ тутъ и ученые общества, и военные, и женщины, привѣтствовали артисты и артистки... Императорская русская опера поднесла золотой вѣнокъ. Другой вѣнокъ отъ русскихъ драматурговъ вручилъ г. Протопоповъ. Громадныхъ размѣровъ адресъ, едва вмѣстившійся на ширинѣ стола, прочиталъ и передалъ отъ москвичей г. Ежовъ, но еще большихъ размѣровъ вѣнокъ вручили драматическіе артисты. Старообрядцы поднесли икону.

Закончилось торжество въ шестомъ часу кантатой музыки М. М. Иванова на слѣдующія слова Шуфа:

Свѣтлой увѣчанной славой,
 Въ царствѣ безвѣстномъ дотоль,
 Правиль своею державой
 Старый и мудрый король.
 Грозень онъ рѣчью громовой,
 Всемлетъ той рѣчи земля.
 Властно правдивое слово—
 Блещущій мечъ короля.
 Мчатся послушныя стрѣлы,
 Слову весь міръ покорень,
 Царства все шире предѣлы,
 Гордо возвысился троць.
 Солнце взошло величаво,
 Будемте солнце встрѣчать!
 Славься, шестая держава,
 Слава Суворину, слава!
 Славься имъ наша печать!
 Сердцемъ свой край возлюбившій,
 Вѣрный отечества сынъ,
 Ты—полстолѣтъя служившій,
 Русской земли исполниль!
 Скипетръ желѣзный взявъ въ руки
 Творчествомъ ты вдохновлень.
 Ты для искусствъ и науки
 Свѣтлый открылъ Пантеонъ.
 Даръ твой высокій безспорень,
 Полонъ живой онъ любви,—
 Славься вовѣки, Суворинъ,

Долгіе годы живи!
Солнце взошло величаво,—
Будемте солнце встрѣчать!
Славься, шестая держава,
Слава Суворинцу, слава!
Славься имъ наша печать!

Къ концу акта почетный столъ былъ заваленъ: цѣлая гора дипломовъ, адресовъ и т. д. закрывала сидящихъ за столомъ.

Телеграммъ и писемъ получены тысячи во всѣхъ концахъ Россіи и изъ-за границы.

Здѣсь были привѣтствія печати, русской и иностранной, писателей, ученыхъ, художниковъ, музыкантовъ, артистовъ, городскихъ управленій, земскихъ учрежденій и т. д. Изъ-за границы съ особенной сердечностью откликнулись представители славянства. До поздней ночи продолжали поступать телеграммы съ разныхъ концовъ свѣта.

Литературно-Художественное общество поднесло дипломъ на званіе почетнаго члена. Дипломъ стильный, въ видѣ старой грамоты, въ футлярѣ изъ желтой свиной кожи. Дипломъ написанъ на пергаментѣ, весь орнаментъ и буквы—разныхъ красокъ, но блѣдныхъ цвѣтовъ, исполнены въ стилѣ эпохи Дмитрія Самозванца; его рисовалъ художникъ Курдиновскій по указаніямъ профессора Соболевскаго. Съ середины пергамента спускается привѣщенная на шнурѣ печать изъ краснаго воска Литературно-Художественнаго общества. Печать въ стилѣ той же эпохи. Адресъ читалъ г. Далматовъ. Взрывъ аплодисментовъ всего зала сопровождалъ чтеніе адреса.

Оригиналень затѣмъ адресъ сотрудниковъ «Новаго Времени»; онъ въ кожаномъ бюварѣ—стиля empire. Внутри первый листъ—точная копія перваго номера «Новаго Времени», какъ онъ вышелъ 29-го февраля 1876 г.; въ листъ вложенъ адресъ съ виньеткою художника Соломки и закрываетъ адресъ—копія съ послѣдняго юбилейнаго номера, портретъ юбиляра, какъ онъ отпечатанъ въ послѣднемъ номерѣ 27-го февраля. Послѣ заявленія предѣдателя юбилейнаго комитета А. А. Столыпина объ учрежденіи сотрудниками преміи (процентовъ съ собраннаго капитала въ 15 тысячъ) при академіи наукъ за лучшее литературное произведеніе, г. Прокофьевъ прочиталъ адресъ. Чтеніе покрыто рукоплесканіями.

Думская фракція союза 17 октября привѣтствовала адресомъ, прочитаннымъ А. И. Гучковымъ. Чтеніе адреса прерывалось бурными аплодисментами. Адресъ заключенъ въ раму и украшенъ группою портретовъ октябристовъ.

Отъ умѣренныхъ правыхъ адресъ читалъ г. Балашовъ.

Депутацію думскихъ націоналистовъ составили епископъ Евлогій, читавшій адресъ, князь Урусовъ и г. Бѣляевъ.

Клубъ общественныхъ дѣятелей выдѣлилъ депутацію изъ своего предсѣдателя, члена государственнаго совѣта г. Красовскаго, г. Дурнякина и Чистякова.

Воронежскій кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывался А. С. Суворинъ, и воронежское городское училище, гдѣ онъ училъ, поднесли свои адреса.

Депутатъ бобровскаго земства г. Звегинцевъ произнесъ прекрасную рѣчь:

Алексѣй Сергѣевичъ!

«Я посланъ къ вамъ отъ того уголка Русской земли, гдѣ вы родились, гдѣ протекли ваши дѣтскіе годы.

«Что тѣ или ниня захоlustья помять своихъ большихъ людей, чествуютъ ихъ—что въ томъ удивительнаго? Вѣдь часть блеска, часть извѣстности распространяется и на нихъ, недаромъ же въ путеводителяхъ въ числѣ достопримѣчательностей указывается: «здѣсь родился такой-то». Гораздо рѣже люди, выивніеся въ верхи общественнаго положенія, охотно вспоминаютъ тѣ мѣста, гдѣ имъ приходилось бороться на первыхъ порахъ ихъ работы. Но когда оно бываетъ, то это вѣрный признакъ истиннаго благородства души. Вы, Алексѣй Сергѣевичъ, никогда не забывали своего Коршева, а за нимъ и Бобровскаго уѣзда. Вы и въ печати объ нихъ не разъ вспоминали; вы всегда чутко отзывались на пужды народнаго просвѣщенія въ вашемъ родномъ краю. Отъ васъ шли деньги; наконецъ вы и садъ вашъ, и усадьбу, гдѣ родились, отдали земству, чтобы поставить школу, построенную на ваши же средства.

«Сегодня мы пользуемся днемъ вашей золотой литературной свадьбы, чтобы на людяхъ выразить нашу глубокую благодарность и привѣтствовать щедрого для насъ жертвователя, для родины—безкорыстнаго славнаго работника».

Адресъ отъ петербургской городской думы, поднесенный тремя гласными, былъ въ роскошномъ переплетѣ стилиа empire, съ громадными золотыми инициалами въ серединѣ верхней крышки и эмалевымъ гербомъ столицы.

Отъ старой Москвы—громаднѣйшій бюваръ съ многими сотнями подписей, среди нихъ—самыя блестящія имена москвичей.

Русское общество драматическихъ писателей поднесло золоченый лавровый вѣнокъ на бѣломъ бархатномъ щитѣ:

Отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба было сказано привѣтствіе, также отъ союза націоналистовъ.

Отъ «Историческаго Вѣстника»—адресъ въ серебряномъ бюварѣ, верхняя доска котораго, работы Треймана, художественно изображаетъ обложку журнала.

Отъ театра Литературно-Художественнаго общества адресъ прочла г-жа Миронова.

Отъ императорскаго Александринскаго театра адресъ читалъ г. Давыдовъ, тутъ же стояли г-жа Савина и г. Варламовъ. По-

слѣдній, поздравляя юбиляра, по-русски его обнялъ и поцѣловалъ.

Императорская русская опера поднесла золотой лавровый вѣнокъ на бархатномъ голубомъ щитѣ. Депутацию составляли гг. Ершовъ, Тартаковъ и Филипповъ.

Адресъ итальянской оперы читалъ г. Нардуччи, въ депутацию вошла г-жа Л. Кавальери, г. Наварини и г. Гвиди.

Далѣе шли:

Александровскій комитетъ о раненыхъ.

Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ.

Русское собраніе—въ составѣ предѣдателя князя Шаховскаго, товарища предѣдателя графа Гейдена и трехъ членовъ совѣта.

Газета «Голосъ Москвы» (профессоръ Грибовскій и Ф. П. Гучковъ).

Газета «Голосъ Правды» (г. Бобрищевъ-Пушкинъ).

Театральное общество (за вице-президента тайный совѣтникъ Плющевскій-Плющикъ).

Библиологическое общество (профессоръ Ловягинъ).

Славянское общество.

Галицко-Русское общество (предѣдатель графъ Бобринскій, профессоръ Кулаковскій).

Газета «Россія».

Газета «Свѣтъ» (редакторъ г. Комаровъ и княгиня Везутова).

«Московскія Вѣдомости».

Лига обновленія флота (генераломъ Беклемишевымъ сообщено постановленіе о присужденіи юбиляру золотой медали лиги).

Чешскій національный совѣтъ.

Монахъ-чехъ Вячеславъ, подойдя къ юбиляру съ большой просфорой, привѣтствовалъ его отъ всѣхъ чеховъ православныхъ стихотворнымъ экспромтомъ.

А затѣмъ, передавая чувства чеховъ къ русскимъ людямъ, высказалъ, что безъ Россіи не можетъ жить и бороться славянство, а пока жива Россія—будутъ и славяне. Это онъ произнесъ въ такомъ восторженномъ, энергичномъ тонѣ, что наэлектризовалъ весь залъ, и громъ рукоплесканій понесся къ оратору-славянину.

Общество востоковѣдѣнія—предѣдатель генераль-майоръ Шведовъ.

Типографія «Новаго Времени».

Театральная школа имени А. С. Суворина.

Русское окраинное общество.

Газета «Кіевлянинъ»—редакторъ г. Пихно.

Петровская колонія русскаго общества печатнаго дѣла.

Вспомогательная касса наборщиковъ.

Редакція «Zeitung».

«Петербургскій Листокъ»—редакторъ Скроботовъ, адресъ съ вишьеткою художника Владимірова.

«Русскій Инвалидъ».

Газета «Русская Правда».

Общество поощренія женскаго профессиональнаго образованія.

Газета «Вечеръ».

Общество «Русское Зерно».

Петровское общество вспоможенія бѣднымъ.

Военные журналы (изданія Березовскаго) «Развѣдчикъ», «Витязь» и «Вѣстовой» поднесли юбиляру хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ съ деревянною солонкой, покрытой полотенцемъ, въ которое вдѣланы поперечныя полосы атласа, на нихъ напечатанъ текстъ адреса, картинныя заголовки трехъ изданій и кусочекъ фелетона «Новаго Времени» 1885 г., имѣющей отношеніе къ журналу «Развѣдчикъ».

Изъ депутацій особенно надо выдѣлнить двѣ депутаціи: людей русской старой вѣры—старообрядцевъ петроградской Громовской общины и старообрядческаго братства св. ап. Петра и Павла.

Отъ академическаго союза слѣб. политехническаго института и отъ академической корпораціи при слѣб. университетѣ. Адресъ послѣдней былъ украшенъ университетскимъ знакомъ.

Далѣе шли: составъ служащихъ въ учрежденіяхъ А. С. Суворина, учредившихъ стипендію въ 2½ тысячи рублей въ одномъ изъ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеній имени юбиляра.

Отъ слѣб. комитета Краснаго Креста района Московской заставы.

Отъ графини Апраксиной, учредившей стипендію имени А. С. въ торговой школѣ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

Екатеринославское литературно-просвѣтительное общество въ память Гоголя.

Редакція «Литературнаго Обзорнія».

Учебный воздухоплавательный паркъ.

Общество служащихъ въ книжныхъ и музыкальныхъ торговыхъ и библіотекахъ.

Товарищество Сытина.

Журналь «Шутъ».

Журналь «Осколки».

Редакція журнала «Обзорніе психіатріи, невропатологіи и экспериментальной психологіи».

Хоръ Архангельскаго.

Театръ «Фарсъ».

Литейный театръ.

Народный журналъ «Дружескія Рѣчи».

Редакція «Свѣтлый Лучъ».

Словолитня Лемана.

- Переплетная и типографія Гаевского.
 Общество служащихъ въ печатныхъ заведеніяхъ.
 Общество взаимопомощи служащихъ въ музыкальныхъ магазинахъ и библіотекахъ.
 Артель газетчиковъ.
 Товарищество «Контрагентъ печати».

Вечеромъ въ Маломъ театрѣ, переполненномъ снизу доверху, состоялся блестящій спектакль, данный въ честь А. С. Суворина. Долго не смолкавшіе аплодисменты привѣтствовали появленіе юбиляра. Представленіе началось его одноактной пьесой «Онъ въ отставкѣ», мастерски разыгранной г-жой Рошиной-Инсаровой, гг. Давыдовымъ, Нерадовскимъ и Чубинскимъ. Давыдовъ въ роли отставного министра былъ великолѣпенъ. Авторъ былъ неоднократно вызванъ. Затѣмъ шелъ 3-й актъ «Татьяны Рѣшиной» въ исполненіи артистовъ Александринскаго театра во главѣ съ создательницей заглавной роли—М. Г. Савиной. Артистка сразу захватила вниманіе зрителей своей художественной, нервной игрой. Очень хороши были М. П. Домашева и г. Долиновъ-Зонненштейнъ. Новыя оваціи заставили А. С. Суворина снова выйти на сцену. Въ дивертисментѣ пѣли г. Ершовъ и г-жи Кузнецова-Бенуа и Лена Кавальери танцевали г-жи Кшесинская, Павлова 2-го и г. Кусовъ. Шумный успѣхъ сопровождалъ ихъ художественное исполненіе. Г-жѣ Кузнецовой пришлось повторить безъ конца; она прямо очаровала своимъ голосомъ, исполнивъ съ удивительной тонкостью вальсъ изъ «Ромео и Джульетты». Удивительно красиво вышла «Русская» въ исполненіи г-жи Кшесинской и ея кавалера. Г-жа Павлова въ своемъ танцѣ была самой поэзіей, едва уловимой мечтой.

Въ заключеніе была поставлена живая картина—поставлена такими мастерами искусства и техники, какъ Кувинджи, К. Маковский и Голике.

Второй занавѣсъ изображалъ Эртелевъ переулочекъ съ колоссальнымъ домомъ, гдѣ помѣщается «государство Суворина». На авансценѣ была представлена картина обычнаго трудового дня въ типографіи «Новаго Времена».

Вертѣлись цилиндры-ротационки, ходилъ печатный станокъ, фальсовщицы на первомъ планѣ торопливо складывали отпечатанные листы, наборщики набивали у станковъ, отъ рабочаго къ рабочему ходилъ настоящій метранпажъ, корректоръ судорожно выправлялъ корректуру.

Потомъ занавѣсъ съ Эртелевымъ переулкомъ поднялся, и чудесный апоэозъ—фантастическая группа красиво расположенныхъ актеровъ и статистовъ въ эффектныхъ костюмахъ—завершила зрѣлище.

Лица Кавальери съ пылающимъ факеломъ въ рукѣ увѣчивала эту капризно-красивую пирамиду изъ человѣческихъ тѣлъ—красавцевъ и красавицъ, какъ гений искусства и всепобѣждающаго знанія или—въ специальномъ примѣненіи къ случаю—символь таланта и энергій, освѣщающихъ путь другимъ.

Картина вызвала живые аплодисменты. Подъ громъ ихъ закончился спектакль почти ровно въ полночь.

Юбилейный день закончился ужиномъ въ ресторанѣ «Медвѣдь». Въ огромномъ залѣ было болѣе 500 человѣкъ. Длинные столы, усыпанные цвѣтами, тянулись по срединѣ, а по стѣнѣ были разставлены маленькіе—на десять человѣкъ каждый. Шумными, долгими аплодисментами встрѣтили А. С. Суворина. Около него, кромѣ членовъ семьи, за столомъ помѣстились: Н. А. Хомяковъ, А. И. Гучковъ, А. С. Ермоловъ, П. Н. Крупенскій, П. М. Балашовъ, гр. Вл. Бобринскій, М. Г. Савина, А. И. Бунджи, Н. Н. Фигнеръ, кн. Л. С. Голицынъ, Н. П. Шубинскій, М. М. Алексѣенко и другіе. За другими столами сидѣло до 80 членовъ государственной думы, многіе видные члены государственнаго совѣта—Черванскій, М. А. Стаховичъ, А. П. Никольскій, Неклюдовъ... Вышшіе сановники, выдающіеся военные, множество литераторовъ, журналистовъ, большинство участвовавшихъ днемъ въ депутаціяхъ.

Первый тостъ «по лестному для меня порученію юбиляра» за Государя Императора—провозгласилъ Н. А. Хомяковъ. Оркестръ отвѣчалъ гимномъ, который и былъ повторенъ трижды. Среди пѣвшихъ были г-жа Кузнецова, гг. Ершовъ, Фигнеръ, Филипповъ, Давыдовъ и другіе артисты. Образовался мощный и стройный хоръ. Начались рѣчи. Въ нихъ не было недостатка, но за шумомъ въ большомъ залѣ ораторовъ не всѣмъ было слышно. Членъ государственной думы Н. П. Шубинской произнесъ рѣчь, которую мы здѣсь и возстановляемъ:

«Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Мнѣ выпала честь въ этотъ вечерній часъ выразить вамъ отъ себя и моихъ политическихъ друзей нашъ искренній привѣтъ. Была минута, когда я хотѣлъ отказаться сдѣлать это. Послѣ тѣхъ безпримѣрныхъ овацій, какими сегодня днемъ увѣчивали васъ разнообразныя представители земли русской, мнѣ показалось, что человѣческое слово не въ состояніи чѣмъ-либо дополнить испытанная вами впечатлѣнія. Но мысль моя обратилась къ прошлому, къ вашей полувѣковой блестящей дѣятельности, напоминавшей мнѣ чрезвычайную безпредѣльность предстоящей темы. Съ другой стороны, многіе изъ насъ ушли бы не удовлетворенными, не сказавъ вамъ, почему и за какое время намъ особенно дорога ваша дѣятельность и вашъ образъ чуткаго, могучаго журналиста земли русской. Позвольте начать съ далекихъ воспоминаній моего перваго знакомства съ вами. Это было очень давно. Я былъ совсѣмъ юношей, вы—журналистомъ, уже покрытымъ славой. Это были первые шаги вашей самостоятельной издательской дѣятельности. Помню ту рѣдкую энергію, то исключительное мужество, какія тогда свѣтились въ вашихъ глазахъ. Не виѣ себя вы искали точекъ

опоры, какъ мыслить теперь огромное большинство, для задуманнаго вами дѣла. Только опираясь на свой блестящій публицистическій талантъ, на свою энергію, вы начинали рискованное дѣло издательства. Ожиданія ваши оправдались вполне. Хирѣвшая до васъ газета отъ одного прикосновенія вашего таланта, подобно жезлу Аарона, покрылась блестящей листвою. Успѣхъ опередилъ всѣ надежды. Скоро выступила и вторая черта вашихъ рѣдкихъ дарованій—умѣнье чутко угадывать таланты, притягивать ихъ къ себѣ, объединять въ одну мощную силу и тѣмъ сообщать несравненный блескъ предпринятому вами дѣлу. Недавно скромное газетное изданіе быстро завоевало господствующую роль въ русской журналистикѣ и получило широкое и почетное признаніе и распространеніе—таковы первыя заслуги ваши передъ страной. Упрочивъ изданіе вашей газеты, вы не замкнулись въ нее, вы обогатили русскую жизнь цѣлымъ рядомъ другихъ блестящихъ изданій. Рядомъ съ газетой вы предприняли изданіе историческаго журнала, имѣющаго широкое признаніе и большую извѣстность. Драгоценнѣйшіе историческіе памятники, изданные вами, восполнили страницы вашего вниманія къ русской исторіи. А общія задачи просвѣщенія получили отъ васъ величайшіе дары въ родѣ денежныхъ изданій, доступныхъ самымъ широкимъ слоямъ общества.

«Довольно бы и этого для имени славнѣйшаго русскаго журналиста, но ваша мысль неумолчно стремилась и къ инымъ областямъ человѣческаго творчества, къ сценическому искусству. Его вы обогатили многими страницами вашего вдохновенія, въ немъ вы создали славу лучшимъ его дѣятелямъ, въ немъ вы создали организацію, которая въ исторіи театра сохранить ваше имя. Здѣсь къ голосу моихъ привѣтствійъ позвольте присоединить голосъ близкаго мнѣ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь сценическому искусству, который чтитъ васъ, какъ славнаго служителя этого дѣла и друга сценическаго искусства и его жрецовъ.

«Конечно, рядомъ съ великими триумфами, какіе доставилъ вашъ полувѣковой подвигъ, были и великіе терніи, какіе переживала русская журналистика въ недавнее время русской жизни. Кто не помнитъ той неустойчивости, перемѣчивости и тѣхъ угрозъ, среди которыхъ весьма недавно протекала жизнь русскаго журналиста? Едва вспыхнувшая заря относительной свободы мгновенно смѣнилась долгою и непроглядною тьмой. Чья карающая рука не управляла мыслью, разумомъ, вдохновеніемъ журналиста, иногда полная гнѣва, опасныхъ угрозъ, и тутъ же чуждая нерѣдко пониманія тѣхъ великихъ проблемъ, какія журналистика вносила въ русскую жизнь. Но, слава Богу, это пережито. А сегодняшній день къ радости торжества только присоединяетъ мысль, какою цѣной досталось оно. Да, тяжелая была эпоха, когда полуслова, намеки, сказанные сегодня, завтра объявлялись преступленіемъ, и наоборотъ.

«Нужно было много осторожности, энергіи, чтобы пройти среди этихъ подводныхъ скалъ и удерживать любимое дѣло въ полосѣ относительной безопасности. Многія недосказанныя тогда слова стали теперь фактами, и мы склоняемъ передъ вами за эти прошлыя усилія нашу благодарную рѣчь.

«Особенно же дорого для насъ стало ваше имя въ тяжелые смутные дни русской жизни. Еще столь надалеки они. Чтобы разобраться въ нихъ, нужно возвратиться къ далекому прошлому.

«Всѣ мы съ раннихъ лѣтъ жизни воспитывались въ идеалахъ свободы. Свобода воспѣвалась въ прозѣ, въ стихахъ. На театральныхъ подмосткахъ герои, поучая насъ, боролись и умирали за нее. Свобода являлась завѣтной мечтой, конечной цѣлью нашихъ желаній, нашей обѣтованной землей. Мы ждали, что придетъ она, одѣтая въ бѣлыя пелены, съ лучезарнымъ вѣнцемъ на головѣ, и принесетъ въ нашу жизнь всѣ лучшія ду-

ховныя блага: дать намъ миръ, спокойствіе, общую любовь, братство, справедливость... И мы ужаснулись, когда она явилась передъ нами истерзанная, покрытая багряницею, отливавшей пожарами, кровью, когда она принесла намъ ужасы гнѣва, ненависти, насилія и убійствъ. Мы ужаснулись ея, и въ нашихъ глазахъ мракъ печали и ужасовъ окуталъ русскую жизнь. Эта тяжелая эпоха имѣла своихъ глашатаевъ, своихъ герольдовъ, своихъ проповѣдниковъ. Разгоряченныя страсти чуть не въ первую линію выносили ихъ на арену публичнаго вниманія. Вы не убоялись уступить имъ минутное торжество, минутное первенство—и стать вмѣстѣ въ нами въ ряды отсталыхъ. Вы не разукрасились ни красными флагами, ни зелеными кокардами; вы, какъ въковой утесъ, среди величайшей бури остались вѣрны себѣ. Буря пройдетъ, море уляжется, и утесъ попрежнему будетъ господствовать надъ нимъ. Вы не убоялись тогда сказать слова правды, призвать къ порядку, напомнить о великихъ національныхъ историческихъ основахъ государственной жизни. Вы были маякомъ въ тяжелую ночь, когда мракъ окуталъ русскую жизнь, когда не было ни святыхъ, ни человѣческихъ законовъ, которые не попирались бы дерзновенными кликами минутныхъ вдохновителей народныхъ массъ. Вы изъ первыхъ угадали, что, переставъ быть цѣлюю и сдѣлавшись средствомъ, свобода для блага страны должна стать достояніемъ народа, подготовленнаго понять ее,—понять не только въ смыслѣ огромныхъ правъ, какія она несетъ, но и еще большихъ обязательствъ въ отношеніи другихъ, какія налагаетъ она. Въ рукахъ подготовленнаго народа всюду свобода источникъ величайшихъ благополучій; въ рукахъ не подготовленныхъ—источникъ великихъ горестей и золь. Наши мысли направленыъ сейчасъ сдѣлать все доступное нашимъ силамъ для подготовки народа къ воспринятію всѣхъ свободъ для мирнаго благополучія и счастья всѣхъ людей. Мы чувствуемъ, что на этомъ пути вы идете рядомъ съ нами, иногда опережаете насъ. Но вы поучаете, а мы дѣлаемъ. Такъ и должно быть. И мы вѣримъ, что и на этомъ пути вы окажете новыя великія услуги нашей странѣ вашимъ несравненнымъ талантомъ, вашимъ полувѣковымъ опытомъ, вашимъ великимъ благоразуміемъ, вашей вдохнове нею мудростью. Да процвѣтутъ ваши силы еще на многіе годы для блага и славы родной земли».

А. С. Ермоловъ поднялъ бокалъ за жену юбиляра Анну Ивановну, членъ думы Кривцовъ сказалъ нѣсколько словъ отъ бывшихъ питомцевъ воронежскаго корпуса, М. Д. Чельшевъ предложилъ тостъ «за русскихъ матерей, рождающихъ такихъ богатырей», какъ Суворинъ. Среди рѣчей съ эстрады неожиданно раздалось пѣніе «Налейте, налейте бокалы полнѣе...» Пѣли Кузнецова-Вануа и Фигнеръ. Это было красиво и неожиданно.

Много еще было тостовъ, и большинство оставалось въ ресторанѣ долго послѣ отъѣзда юбиляра, который уѣхалъ въ три часа. Многіе оставались до утра, только въ восьмомъ часу опустѣлъ залъ.

Послѣ этого дня всѣ ждали, что въ газетахъ появится новое «Маленькое письмо» Алексѣя Сергѣевича, гдѣ онъ такъ или иначе отзовется на всѣ приписанныя ему привѣтствія и выраженія добрыхъ чувствъ. Но такового письма не послѣдовало. Перо могучаго публициста точно сломилось, и онъ литературно замолкъ. Теперь изъ

данныхъ о болѣзни почившаго писателя мы узнаемъ, что вѣроятною причиною тому была надвинувшаяся на него тяжкая болѣзнь. Какъ это теперь установлено, у Алексѣя Сергѣевича Суворина три года назадъ обнаружилось заболѣваніе голосовыхъ связокъ.

Первымъ врачомъ, осматривавшимъ больного, былъ проф. Симановскій, который не нашелъ въ недугѣ ничего опаснаго. Слѣдующимъ врачомъ былъ докторъ Поляковъ. Онъ совершенно разошелся съ мнѣніемъ проф. Симановскаго и опредѣлилъ начало злокачественнаго новообразованія. Послѣ консиліума петербургскихъ врачей А. С. уѣхалъ сначала въ Берлинъ къ тамошнему знаменитому профессору Френкелю, который констатировалъ у больного наличие рака гортани. Профессоръ предложилъ Алексѣю Сергѣевичу выщипываніе образовавшейся опухоли, на что тотъ не согласился и пожелалъ посоветоваться съ другими европейскими знаменитостями и прежде всего онъ поѣхалъ въ Гейдельбергъ, къ профессору Кальяну, и этотъ специалистъ горловыхъ болѣзней подтвердилъ диагнозъ профессора Френкеля и, съ своей стороны, сдѣлалъ предложеніе—удалить оперативнымъ путемъ большую гортань. И на это предложеніе не послѣдовало согласія Суворина, и онъ предпочелъ поѣхать въ Эмсъ къ доктору Мюллеру, который примѣнилъ въ леченіи терапевтическія средства и, между прочимъ, ингаляцію; но эти методы не давали ближайшихъ добрыхъ результатовъ, и потому въ Эмсъ былъ вызванъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ знаменитый докторъ Шписсъ. Подъ давленіемъ авторитета послѣдняго, Алексѣй Сергѣевичъ согласился, наконецъ, на выщипываніе злокачественной опухоли, что и начали ему дѣлать въ теченіе полутора мѣсяцевъ во Франкфуртѣ. Результаты оказались блестящими, и докторъ Шписсъ согласился на возвращеніе тосковавшаго по родинѣ Суворина въ Россію. На прощаніе Шписсъ заявилъ ему:

— Я вамъ сдѣлалъ какъ бы радикальную операцію. Я удалилъ всю опухоль, и, если бы прежде осматривавшіе васъ врачи снова посмотрѣли ваше горло, они нашли бы его совершенно чистымъ и не повѣрили бы, что у васъ была раковая опухоль. Но я не ручаюсь, чтобы удаленная нынѣ опухоль вновь не появилась, если вы не будете беречь себя. Поэтому прошу васъ непременно черезъ шесть недѣль вновь ко мнѣ пріѣхать и показаться. Это безусловно необходимо.

Суворинъ обѣщалъ выполнить наставленіе спасшаго его врача, но, вернувшись въ родную стихію и очутившись въ водоворотѣ своихъ дѣлъ, позабылъ о требуемой осторожности: много говорилъ, порою, волнуясь, кричалъ, простужался, засорялъ ѣздою по улицамъ пылью горло. Наконецъ, онъ пропустилъ назначенный срокъ явки во Франкфуртъ и, когда съ опозданіемъ на двѣ недѣли прібылъ туда, то оказалось уже поздно: опухоль снова появилась, и

былая болѣзнь сдѣлала рѣзкій прогрессирующий скачокъ. Опять примѣнено было выщипываніе, но на сей разъ этотъ методъ врачеванія не удался, такъ какъ горловыя ткани оказались сильно воспаленными. Больному грозило удушеніе и пришлось сдѣлать трахеотомию, лишившую Суворина рѣчи уже до послѣднихъ часовъ его жизни. Послѣ этой операціи общее, однако, состояніе его здоровья стало улучшаться.

Покойный вновь началъ интересоваться газетой, снова начали много читать, много гулять и подолгу бесѣдовать съ близкимъ ему людямъ.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ во Франкфуртѣ, Алексѣй Сергѣевичъ пожелалъ непременно возвратиться въ Петербургъ, куда и вернулся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Пользовавшіе Алексѣя Сергѣевича врачи говорили, что могучій организмъ успѣшно борется со страшнымъ недугомъ.

До конца іюня Алексѣй Сергѣевичъ жилъ въ Эртелевомъ переулкѣ въ своемъ домѣ. Онъ не хотѣлъ покидать Петербурга. Но недугъ развился, и, по настоянію близкихъ, Алексѣй Сергѣевичъ переехалъ въ Царское Село на дачу.

Здѣсь онъ почувствовалъ себя много лучше. Онъ много гулялъ, читалъ и принималъ близкихъ, но нѣсколько часовъ сряду катался въ автомобилѣ. 8-го августа Алексѣй Сергѣевичъ почувствовалъ приступъ слабости. Прибывшіе къ нему врачи признали осложненіе со стороны легкихъ. Къ 10 часамъ вечера Алексѣю Сергѣевичу стало значительно лучше, сознаніе, нѣсколько омрачившееся во время начала болѣзни, возвратилось, и онъ бесѣдовалъ съ окружающими.

Къ ночи, однако, находившійся при немъ врачъ заявилъ, что положеніе внушаетъ значительныя опасенія, такъ какъ появилась слабость сердечной дѣятельности.

Вскорѣ выяснилась безнадежность положенія, и въ ночь на 11-е августа знаменитаго публициста и общественнаго дѣятеля не стало.

Вѣсть объ этой кончинѣ, хотя и не явившаяся неожиданностью для широкихъ круговъ русскаго общества, произвела, однако, и на друзей, и на враговъ покойнаго глубокое впечатлѣніе. Всѣ поняли, что отошелъ въ вѣчность крупный историческій человекъ, съ именемъ котораго тѣсно связаны были многія и многія страницы отечественной жизни. Выраженія скорби семьѣ и редакціи «Новаго Времени» посылались со всѣхъ угловъ Россіи и за границы, и по сю пору, когда пишется эта срочная статья, продолжается опубликованіе соболѣзнующихъ телеграммъ; газеты продолжаютъ посвящать почившему рядъ статей, и общій голосъ печати, подводящій ей суммарный итогъ, тотъ, что Россія понесла тяжелую утрату.

Бренное тѣло Алексѣя Сергѣевича уже 11-е августа было перевезено изъ Царскаго на квартиру въ Эртелевомъ переулкѣ, и безпрерывныя панихиды по почившемъ «боляринѣ Алексѣи» стали наполнять своды бѣлаго зала. Толпы народа приходили поклониться праху усопшаго, свидѣтельствуя о томъ значеніи, которое онъ имѣлъ для этой толпы. Гробъ утопалъ въ цвѣтахъ и зелени, и безконечныя вереницы депутацій, одна смѣняя другую, возлагали къ подножью катафалка роскошныя вѣнки съ разнообразными трогательными надписями.

14-го августа состоялись торжественныя похороны, посившія, несмотря на глухое лѣтнее время, величественный характеръ. Согласно описанію «Вечерняго Времени» (№ 222), это печальное торжество протекло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Величественную картину представлялъ собой Эртелевъ переулокъ къ моменту выноса тѣла А. С. Суворина.

Тысячная толпа загрохотала тротуаръ, далеко выдвинувшись на мостовую.

Среди этихъ живыхъ стѣнъ стояли въ два ряда роскошныя бѣлыя колесницы, сплошь увѣшанныя вѣнками, среди которыхъ и скромныя металлическія вѣнки отъ служащихъ различныхъ учрежденій покойнаго и драгоценныя серебряныя вѣнки отъ разныхъ общественныхъ организацій и высокопоставленныхъ лицъ.

Столь же разнообразна и толпа, загрохотавшая улицы: тутъ и жены рабочихъ въ скромныхъ платочкахъ, и артистки разныхъ театровъ въ траурныхъ туалетахъ; малозамѣтная фигура разносчика газетъ съ бляхой на блузѣ рядомъ съ генераломъ, грудь котораго украшена орденами.

И никто не замѣчаетъ этой разницы положеній и состояній: все стоять, какъ равныя, одинаково желая почтить память почившаго.

Около девяти часовъ утра въ квартиру въ Эртелевомъ переулкѣ, гдѣ жилъ покойный Алексѣй Сергѣевичъ, стали съѣзжаться представители печати, театра, общественные дѣятели и многочисленные почитатели покойнаго.

Тутъ были старѣйшіе сотрудники «Новаго Времени», которые вмѣстѣ съ покойнымъ основали газету: В. П. Буренинъ, Б. В. Гей, Л. К. Поповъ (Эльпе) и нѣкоторые другіе.

Проводить покойнаго явились все артисты Литературно-Художественнаго общества (Малаго театра).

Артисты Александринскаго театра Юрьевъ, Корвинъ-Круковский и многіе другіе. Редакторъ «Свѣта» И. А. Важенковъ и издатель камеръ-юнкеръ Г. В. Комаровъ, редакторъ «Петербургскаго Листка» г. Мамоновъ, редакторъ «Обозрѣнія театровъ» г. Осиповъ, Л. Л. Толстой, извѣстная женщина-врачъ Волкова, помощникъ редактора «Историческаго Вѣстника» Б. Б. Глинскій, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати тайный совѣтникъ Муромцевъ, главный

режиссеръ Панаевского театра Е. П. Карновъ, бывший долгое время главнымъ режиссеромъ Малаго театра, писательница Жуковская, А. А. Плещеевъ, В. А. Прокофьевъ, А. А. Пиленко, С. И. Смирнова и корреспондентъ «Times» и «Matin» Вильтоиъ.

Тутъ также находился товарищъ министра торговли и промышленности тайный совѣтникъ Баркъ, командиръ сотни конвоя Его Величества Тускаевъ, профессоръ Кайгородовъ, главный режиссеръ Малаго театра Н. Н. Арбатовъ, директоръ «Палась-театра» и «Буффл» И. Н. Мозговъ и уполномоченный этихъ театровъ И. Г. Яронъ, драматургъ Островскій, извѣстный издатель Голике, сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» К. А. Военскій, представитель «Русскаго Слова» въ Петербургъ А. В. Румановъ, секретарь «Союза» драматическихъ писателей Б. И. Бенговинъ, лейбъ-медикъ двора Его Величества Л. Б. Бертенсонъ, поэтъ В. А. Шуфъ, корреспондентъ парижской газеты «Temps» Ривэ, писательница Загуляева, директоръ института гражданскихъ инженеровъ В. А. Косяковъ, камеръ-юнкеръ Высочайшаго двора Гарфельдъ, писательница Гриневская, управляющій книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени» Кормилицыиъ, редакторъ «Земщины» Глинка-Яичевскій и многіе другіе общественные дѣятели и представители литературы и публицистики.

Тутъ находились всѣ сотрудники «Новаго Времени», редакторъ М. Н. Мазаевъ и секретари редакціи Н. И. Афанасьевъ и Н. И. Жухиъ.

Распорядительная часть по похоронамъ была поручена сотрудникамъ «Новаго Времени» Ю. Д. Бѣляеву, А. И. Ксюшину, П. П. Конради, К. Я. Шумлевичу, сотрудникамъ «Вечерняго Времени» В. С. Зыбину и Ѳ. Н. Молодинскому, а также представителямъ типографіи: управляющему И. Ѳ. Богданову и его помощнику В. М. Терекому.

Около половины десятаго собралась такая масса народу, что было трудно протолкаться; вся лѣстница была занята лицами, явившимися отдать послѣдній долгъ усопшему Алексѣю Сергѣевичу.

У гроба усопшаго Алексѣя Сергѣевича собралась вся семья: вдова покойнаго Анна Ивановна Суворина, Михаилъ Алексѣевичъ, Алексѣй Алексѣевичъ, Борисъ Алексѣевичъ Суворины, Анастасія Алексѣевна Мясоѣдова-Иванова, внуки покойнаго и другіе члены семьи.

Началась литія, которую совершали протоіерей Сперанскій, Любославскій, Орнатскій и Антоновъ при протодіаконѣ Солляркомъ и двухъ діаконахъ.

Во время литіи пѣлъ хоръ Преображенскаго полка.

Безъ десяти часовъ утра литія окончилась.

Гробъ съ останками покойнаго Алексѣя Сергѣевича вынесли на рукахъ: Михаилъ Алексѣевичъ, Алексѣй Алексѣевичъ, Борисъ

Алексѣевичъ и Борисъ Михайловичъ Суворины и внукъ покойнаго капитанъ Д. А. Коломнинъ.

Толпа народа, расположившаяся по всему Эртелеву переулку, обнажила головы.

За гробомъ слѣдовали супруга покойнаго Анна Ивановна, дочь ея Мясоѣдова-Иванова и другіе близкіе.

Число лицъ, сопровождавшихъ прахъ покойнаго Алексѣя Сергѣевича, все увеличивалось.

Печальный кортежъ растянулся на огромное разстояніе.

Въ тотъ моментъ, когда голова процессіи съ Жуковской улицы сворачивала на Надеждинскую, хвостъ процессіи былъ еще у Басейной.

За гробомъ—одинадцать колесницъ съ вѣнками.

Въ самый послѣдній моментъ почитатели покойнаго Алексѣя Сергѣевича проносили вѣнки.

По дорогѣ къ процессіи присоединились многіе видные представители петербургской журналистики, литературы и артисты.

Выйдя на Знаменскую площадь, процессія широкимъ моремъ разлилась вокругъ памятника Александра III. Гробъ пронесли правой стороной мимо Николаевского вокзала. На ступеняхъ послѣдняго снизу доверху толпилась публика.

Тысячныя толпы народа стояли по обѣимъ сторонамъ Невского проспекта и въ пересѣкающихъ улицахъ, съ живымъ интересомъ слѣдя за шествіемъ. Окна домовъ также во всѣхъ этажахъ были усеяны зрителями. Въ одинадцать часовъ процессія наконецъ подошла къ воротамъ Александро-Невской лавры—мѣста вѣчнаго покоя усопшаго Алексѣя Сергѣевича. Количество публики было здѣсь такъ велико, что народъ проходилъ чрезъ узкія Благовѣщенскія ворота въ теченіе получаса.

Около лавры огромная толпа. Издали доносится трогательно-торжественный напѣвъ «Святый Боже», траурное шествіе все ближе и ближе.

Вотъ и въ лаврѣ.

Сыновья, сотрудники, друзья вносятъ гробъ въ церковь Святаго Духа и устанавливаютъ среди церкви на возвышеніи, утопающемъ въ зелени и цвѣтахъ, внизу и по бокамъ располагаютъ тѣ вѣнки, которые присланы прямо въ церковь. По толпѣ проносится говоръ: сейчасъ привезенъ на гробъ покойнаго роскошный вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ отъ Государя Императора.

У церкви образовалась громадная толпа, всѣмъ хочется попасть внутрь, но пропускаютъ только близкихъ, родныхъ и служащихъ. Начинается литургія, служатъ архимандритъ Макарій, благочинный столичныхъ монастырей, іеромонахи Вячеславъ и Александръ, при іеродіаконѣ Романѣ. Поетъ полный митрополитчій хоръ, подъ управленіемъ г. Тернова.

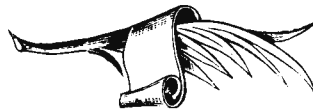
На отпѣваніи въ Александре-Невской лаврѣ присутствовали товарищъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ камергеръ Д. Н. Любимовъ.

Въ церковь постепенно прибываютъ писатели: В. П. Буренинъ, Н. П. Гибдичъ, Н. М. Потапенко, А. Т. Аверченко, Б. Б. Глинскій, В. А. Мазуркевичъ, А. Н. Чеховъ, С. Н. Сыромятниковъ, драматургъ Острожскій, Б. В. Гей, Ю. Д. Бѣляевъ, Г. Т. Сѣверцовъ-Полилевъ, А. А. Плещеевъ, В. Я. Свѣтловъ, И. А. Грипевская, Н. П. Кравченко, М. М. Ивановъ, Н. В. Сиѣсаревъ, В. Е. Рудаковъ и многіе другіе; артисты: Ю. М. Юрьевъ, Ю. В. Корвинъ-Круковскій, Нерадовскій, Стронскій, В. Ю. Вадимовъ, Э. А. Мпронова и Чижевская, товарищъ министра торговли и промышленности Баркъ; прѣехали: В. И. Ковалевскій, сенаторъ Бельгардъ, генераль Винуловъ, командиръ гвардейскаго экипажа свиты Его Величества контръ-адмиралъ графъ Толстой, капитанъ Подгурскій, полковникъ Елецъ, членъ городской управы Бодиско, сенаторъ Васильевъ и многіе другіе.

Только въ два часа кончилась отпѣваніе и надгробныя рѣчи духовенства. Сквозь тысячную толпу съ трудомъ пробивается процессія съ прахомъ почившаго, и тѣло опускается въ семейный склепъ. За рѣшетку могилы пропускаются только представители семьи и лица, собирающіяся почтить память усопшаго надгробнымъ словомъ. Говорятъ А. А. Пиленко, членъ государственной думы Н. П. Шубинской, Н. А. Энгельгардтъ, Б. Б. Глинскій, И. П. Табурно, Н. В. Никаноровъ (отъ думской фракціи союза 17-го октября), представитель редакціи «Times» Р. А. Вильтонъ, наборщикъ А. Тюхтяевъ, А. А. Филипповъ, сотрудникъ «Русскаго Чтенія» Г. Мисюревичъ; въ заключеніе произноситъ свое краткое слово протоіерей Орнатскій, приглашая окружающихъ продолжать дружно дѣло А. С. Суворина, на благо Россіи.

Въ началѣ четвертаго часа печальная церемонія кончилась и на фонѣ голубого неба, утопая въ зелени и цвѣтахъ, возвысился новый бѣлый могильный крестъ, на которомъ было начертано историческое имя: «Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ».

Б. Глинскій.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ 1).

ХІІ.

ОГДА Башиловъ уходилъ и Людомирова, обдавая его жеманными улыбками и вызывающими взглядами подведенныхъ глазъ, просила непременно быть у нея на балу, назначенномъ черезъ двѣ недѣли, онъ очень охотно соглашался дать свое согласіе и мысленно рѣшилъ не упустить удобнаго случая встрѣтиться еще разъ съ Еленой. Въ этотъ же вечеръ онъ разсказалъ Данцовой объ ихъ знакомствѣ.

— Ну, какъ ты ее нашель?

— Сознаюсь тебѣ, она меня просто поразила: удивительно интересная женщина. Ты мнѣ никогда не говорила, что она такъ умна. Красивыхъ женщинъ, душа моя, много, а этакія умницы прямо наперечетъ. И ловка должна быть; кого угодно за поясъ заткнетъ.

Молодецъ. Король-баба. Это я понимаю.

Башиловъ какъ будто бы забылъ, что излишняя похвала другой женщинѣ можетъ отозваться болью въ сердцѣ Евгеніи Михайловны, и, заложивъ, по обыкновенію, руки въ карманы и тяжело шагая взадъ и впередъ по кабинету, восхищался каждымъ жестомъ, каждымъ словомъ Карцевой.

— Скажи пожалуйста, Женичка, а ты очень дружна съ ней?

— Очень, она хорошая и добрая.

1) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 401.
«Истор. вѣстн.», сентябрь 1912 г., т. СХХІХ.

— Следовательно, наши отношенія для нея не секретъ?

— Я никогда ничего не скрывала отъ Елены, но это единственный случай, что я не только скрыла, но даже солгала ей и отрекалась отъ всего, что ей наговорила Людомирова. Я не въ силахъ была посвятить ее въ мою тайну; ты знаешь, Володя, какъ мнѣ дороги наши отношенія и какъ я оберегаю ихъ отъ людей.

Вашиловъ испыталъ почти радостное чувство, что Елена не посвящена въ его отношенія къ Данцовой. Почему?—онъ не задавался этой мыслью, но послѣдшилъ замаскировать передъ Евгеніей Михайловной это чувство удовольствія.

— Что жъ, это умно съ твоей стороны. Зачѣмъ посвящать людей въ свои дѣла, тѣмъ болѣе, что твоя Елена, какъ видно, достаточно умна и деликатна, чтобы не злоупотреблять своею дружбой; быть можетъ, она и догадывается, но изъ деликатности не вызываетъ тебя на откровенность; и умно!

Въ этотъ вечеръ Вашиловъ, незамѣтно для Данцовой, не разъ переводилъ разговоръ на Елену и мало-по-малу узналъ о ней многое, что его интересовало. Онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы все поклонники Елены были только ея друзьями, и, какъ Данцова ни увѣряла его, что жизнь Елены ей извѣстна до мельчайшихъ подробностей, онъ настаивалъ на своемъ:

— Ну, это она тебѣ очки втираетъ; я съ нею всего полчаса поговорила и скажу тебѣ, что она очень опытная и бывалая и если за ней хорошенько приударить, то...

— То и останешься съ носомъ, — засмѣялась Евгенія Михайловна.

— И ты въ этомъ такъ увѣрена?

— Увѣрена, потому что знаю Елену.

— А хочешь я попробую? Но предупреждаю тебя, что съ полдороги сворачивать не люблю.

— Если бы вопросъ былъ не объ Еленѣ, то я сказала бы: «не хочу», но въ этомъ случаѣ я совершенно спокойна; ты потерпишь полное фіаско; Елена живеть, не зная страстей.

— Что жъ она—святоша или уродъ?

— Ни то, ни другое. Познакомься съ ней и убѣдишься, что съ флирта перейдешь на товарищескія отношенія.

— Признаюсь, со мною этого не случилось

Когда они разставались, Вашиловъ спросилъ полушутя:

— Такъ что жъ, Женичка, разрѣшаешь приударить за твоею подругой? Я это на твоихъ глазахъ попробую, у Людомировой на балу. Только ужъ ты не выдавай меня, а то если предупредишь, то, конечно, она такую броню надѣнетъ, что и не подступишься.

Данцова напомнила ему, что Елена не предполагаетъ, что они могутъ вести подобные разговоры.

Вашиловъ, во всемъ пунктуальный и предусмотрительный, отмѣтилъ на передвижномъ календарѣ день бала у Людомировой;

возможность встрѣтить на томъ же балу Бергъ его не особенно смущала: рѣшивъ предупредить за Еленой, онъ имѣлъ въ виду доставить удовольствіе себѣ и обезпечить спокойствіе обѣихъ соперницъ, такъ какъ каждой изъ нихъ онъ объяснитъ этотъ поступокъ желаніемъ отвлечь вниманіе любопытныхъ глазъ и злыхъ языковъ отъ той, которая его дѣйствительно интересуется; къ тому же Евгенія Михайловна уже предупреждена, хотя и въ шутиливой формѣ, и съ ея стороны не только никакой обиды быть не можетъ, но она еще убѣдится, что по отношенію Бергъ у него нѣтъ никакихъ обязательствъ, и онъ свободенъ ухаживать за кѣмъ ему вздумается.

Вашиловъ имѣлъ громадный навыкъ въ отношеніяхъ съ женщинами и, какъ опытный рулевой, умѣлъ такъ осторожно вести свой корабль между подводныхъ скалъ и мелей, что никогда еще не терпѣлъ аварій. Зачастую его занимали трудность и рискъ положенія, и съ его осторожностью и присутствіемъ духа онъ всегда выходилъ сухъ изъ воды.

Данцова время отъ времени заѣзжала къ Кольцовой (для гадающей публани Степановой); гадалка въ концѣ концовъ сама повѣрила въ то, что гадала, такъ какъ Вашиловъ однажды, какъ въ былое время, былъ у нея, засидѣлся за чашкой чая и намекнулъ на свой проектъ женитьбы.

— Конечно, почему бы вамъ на ней не жениться? Очень она вамъ подходящая и ужъ любить васъ безъ ума. Начну раскладывать ей карты—она и блѣднѣетъ, и краснѣетъ... такъ и вопетъ въ меня глазами, какъ стану о червономъ королѣ говорить. Всю душу вамъ отдала... А и подлецы же вы всѣ мужчины! Стоите ли вы этакой любви? Ен-Югу, иной разъ языкъ такъ и чешется сказать ей, что такая любовь ровню ни къ чему; насмѣтесь, плюнете и все тутъ... Да ужъ, если бы не моя дружба къ вамъ, я бы ее поостерегла отъ этого червоного короля; онъ, пожалуй, еще почище многихъ.

— Ну, полно, полно... Это вы ужъ слишкомъ на меня напали, Марія Ивановна.

— Напала?—Марія Ивановна подперла ладошью подбородокъ и, покачивая головой, смотрѣла на него умными, пронзательными глазами.—Я-то напала? А хотите вамъ сейчасъ карты разложу, такъ и докажу вамъ, что моя правда. Эхъ, милый вы мой. Мало ли слезъ-то я изъ-за васъ пролила за тѣ три года, что ко мнѣ чай пить по вечерамъ жаловали? Мало ли ночей не спала въ то время, какъ вы ужинали то съ той, то съ другой? Многое я знала, хотя и не все говорила. Думаете, про вашу эту артистку чернобровую не знала? И посейчасъ съ ней иногда часы проводите... Все знаю. Всѣ вы на одинъ ладъ—подлецы; и дуры тѣ, которыя вамъ душу свою отдаютъ: только заплачутся. Откровенно скажу вамъ, что эту вашу даму мнѣ отъ души жаль; у нея, что называется, вся душа на ладони. Пора бы вамъ утомониться: женились бы на ней; бу-

деть добрая и хорошая жена и красива къ тому же, чего вамъ еще искать?

— Ишь вы какой адвокатъ... а руки все такія же бѣлыя и сдобныя... русская красавица...

Башиловъ по старой памяти принялся гладить и пожимать выше локтя обнаженные пухлыя, дебелыя руки, притянулъ ихъ къ себѣ, положилъ на плечи и, быстрымъ жестомъ обхвативъ шею Маріи Ивановны, жаднымъ поцѣлуемъ впился въ губы.

Оставалось нѣсколько дней до бала, и Людомирова была въ такихъ хлопотахъ, что едва успѣвала обѣдать и завтракать. Но зато эта суета давала ей возможность безконтрольно отдавать по нѣсколько часовъ въ день на свиданіе съ барономъ, которымъ она была увлечена очень серьезно. Его сдержанность, корректность, полная уравновѣшенность и отсутствіе пылкости хотя и вызывали досаду, тѣмъ не менѣе разжигали еще сильнѣйшее чувство къ нему настолько, что она становилась неосторожной, нелогичной, требовательной и подозрительной. Мужа своего она побаивалась, такъ какъ, невзирая на все свое добродушіе, онъ принадлежалъ къ тѣмъ типамъ, добродушіе которыхъ имѣло свою границу; если бы до него дошли какіе-нибудь слухи, онъ попросту отколотилъ бы ее, и даже преболно. Людомировой приходилось очень лавировать, а въ особенности въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ Бергъ, такъ какъ послѣдній былъ далеко отъ хладнокровнаго ухаживанія барона, избалованнаго успѣхами у женщинъ. Какъ ни хитрила Людомирова, однако баронъ уже начиналъ кое-что подмѣчать; съ присущей ему выдержкой, онъ только вскользь намекнулъ ей, что не привыкъ къ соперникамъ, не предложилъ ей ни одного нескромнаго вопроса и не измѣнилъ своихъ отношеній, но Людомирова знала отъ Елены, что если барону что-нибудь не нравилось въ отношеніяхъ съ женщинами или задѣвало его самолюбіе, онъ безъ упрековъ и сценъ уходилъ и дѣлалъ это такъ холодно и безповоротно, что вернуть его не было возможности. Людомирова, всегда крайне осторожная и скрытная, мало-по-малу, сама того не замѣчая, посвящала Елену въ свою тайну. Сперва она стоваривалась съ барономъ и, какъ бы невзначай, встрѣчалась съ нимъ у Елены; въ послѣднее время она въ минуты раздраженія жаловалась на него Еленѣ, даже спрашивала совѣтовъ, со слезами на глазахъ называла эгоистомъ, холоднымъ, неспособнымъ понять женское сердце... потомъ спохватывалась, что, быть можетъ, сказала лишнее.

— Ты понимаешь, Елена, что вѣдь не могу же я оставаться къ нему равнодушной послѣ всѣхъ его увѣреній любви и обожанія ко мнѣ. Признаюсь, что я могла бы и сама его полюбить, если бы дала себѣ волю, но я не хочу. Представь себѣ, вчера у меня отъ двѣнадцати до часу съ половиной утра, благодаря хлопотамъ о балѣ, была возможность удрать отъ домашняго завтрака; я ему те-

лефонирую, что ровно въ двѣнадцать буду у Лѣтняго сада, что поѣдемъ завтракать куда-нибудь, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что можетъ дать мнѣ всего полчаса, такъ какъ въ двѣнадцать съ половиной долженъ завтракать у матери. Разумѣется, я взбѣсилась, и мы поссорились. Такъ не отвѣчаютъ любимой женщинѣ; точно онъ не можетъ другой разъ позавтракать у матери? Это ничего болѣе, какъ холодный эгоизмъ, нежеланіе ни на іоту измѣнить своимъ привычкамъ.

— Нѣтъ, Мариша, ты не права. Штаденъ изъ ряду выдающійся пѣкный сынъ. Онъ обожаетъ мать и, зная ея обожаніе къ себѣ, скорѣе поссорится съ кѣмъ угодно, чѣмъ опоздаетъ хоть на минуту, если она его ждетъ. Тутъ, Мариша, совсѣмъ особенный и очень симпатичный міръ глубочайшей сыновней любви, уваженія и преданности. Его мать—очаровательная, умная старуха, и онъ правъ, что не нарушаетъ гармоніи своихъ отношеній съ ней ради каприза женщинъ, съ которыми флиртуетъ.

— Тутъ не флиртъ... ты не знаешь, что онъ мнѣ говоритъ!..

— Ни на какую безумную любовь Штаденъ не способенъ; я его знаю давно, и о многомъ мы съ нимъ говорили; я его очень люблю, но ты права, называя это эгоизмомъ; онъ страшно избалованъ и женщинъ любить для себя, для своего удовольствія, а не ради жертвъ.

— Ну, для этого онъ можетъ искать другую... ты ему, пожалуйста, это передай...

— И не воображаю. Съ чего это ты вздумала, Мариша. Собственно говоря, я не понимаю, для чего ты съ нимъ ссоришься, если онъ тебѣ нравится? Бери его, каковъ онъ есть, и не дѣлай изъ любви драмы.

— Я тебѣ повторяю, что это невыносимый эгоистъ.

Людомирова, взволнованная, подурнѣвшая отъ слезъ, обмахивала разгоряченное лицо платкомъ и пудрила покраснѣвшій кончикъ носа. Уходя, она просила Елену «отъ себя» поговорить съ барономъ. Такимъ образомъ, Елена не разъ налаживала ихъ отношенія, стараясь обѣ стороны выставить въ выгодномъ свѣтѣ. Дѣлала она это потому, что Мариша плакала, и она ее жалѣла, но въ душѣ роль посредницы ей не нравилась, и она неохотно выслушивала Штадена, когда онъ въ отвѣтъ на заступничество, негодуя, рассказывалъ о странныхъ отношеніяхъ Людмировой къ Бергу. Елена отмалчивалась, но однажды предупредила Людмирову, что если ей дороги отношенія къ барону, то чтобы она была осторожнѣе съ Бергомъ. Людмирова не сумѣла оцѣнить добраго отношенія къ себѣ Елены и затаила противъ нея мелкую злобу за то, что ей оказались извѣстными тѣ несимпатичныя стороны ея жизни, которыя она считала ловко скрытыми, и тѣ слабости женскаго сердца, которыя громогласно съ большимъ паѣосомъ называла «непорядочностью для честной женщины».

Она давала волю своему злословію и посвящала барона во всё детали, правдивыя и лживыя, которыя ей удавалось узнать насчетъ Евгеніи Михайловны, Башилова и Любови Ивановны. Такимъ образомъ, онъ былъ въ курсѣ сердечныхъ дѣлъ подруги Елены, но хранилъ глубокое молчаніе и ни однимъ жестомъ не выдалъ себя, когда однажды Елена заговорила съ нимъ о Башиловѣ и о той якобы сплетнѣ, которую пустили насчетъ его и Евгеніи Михайловны. Баронъ зналъ кое-что и помимо рассказовъ Людомировой, такъ какъ кто-то случайно видѣлъ раза два Евгенію Михайловну, когда она входила или выходила изъ служебнаго кабинета Башилова. Она была достаточно элегантна и красива, чтобы заинтересовать собой, и довольно скоро служащіе въ отдѣлѣ Башилова уже знали ея фамилію. Объ этихъ посѣщеніяхъ узналъ и Штаденъ и, вспоминая смущенный и радостный видъ Данцовой въ тотъ день, когда онъ впервые встрѣтилъ у нея Башилова, и сопоставивъ все слышанное отъ Людомировой, онъ уже не сомнѣвался въ своихъ догадкахъ; но онъ молчалъ и уже не поддразнивалъ Евгенію Михайловну, однако не могъ воздержаться отъ нѣкоторой критики, когда Елена отзывалась о Башиловѣ, какъ о человѣкѣ интересномъ и симпатичномъ.

— Удивляюсь вашему вкусу. Чѣмъ же онъ интересенъ? Вульгаренъ и не достаточно воспитанъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ. Онъ очень милый; пожалуй, немного слишкомъ смѣлъ, но это ничего.

— Онъ долженъ быть большой нахаль съ женщинами.

— Съ чего вы это взяли? Вамъ, кажется, не понравилось, что онъ у Людомировой довольно безцеремонно разматривалъ меня? Сознайтесь, вы приревновали? Оттого онъ вамъ и не нравится.

Баронъ не считалъ нужнымъ рассказывать Еленѣ, что такимъ же взглядомъ, возмущившимъ его, Башиловъ оглядывалъ и Евгенію Михайловну. Штаденъ всегда отличался громадной выдержкой и деликатностью по отношенію чужихъ дѣлъ; онъ зналъ многое, много ему довѣряли, но никогда никто не слышалъ, чтобъ онъ что-нибудь передавалъ или разспрашивалъ. Еленѣ хотѣлось, шутя, подразнить барона.

— Такъ какъ мой поклонникъ и кавалеръ, Михаилъ Михайловичъ Орловъ, отсутствуетъ, а вы мнѣ измѣнили и промѣняли меня на Маришу, то въ наказаніе вамъ я завербую Башилова себѣ въ поклонники и на балу у Мариши буду съ нимъ кокетничать и даже скажу ему, что онъ мнѣ очень нравится.

— Не совѣтую вамъ этого дѣлать,—серьезно проговорилъ баронъ, предвидя, какую боль можетъ нанести Елена сердцу Евгеніи Михайловны.

— Почему, позвольте узнать?..

— Мнѣ это будетъ непріятно, какъ другу, потому что Башиловъ мнѣ несимпатиченъ.

— Однакоже вы избаловались, мой добрый другъ, мало ли что вамъ непріятно... А, можетъ быть, и миѣ не правилась ваша влюбленность въ Маришу, а я, какъ добрый товарищъ, еще и помогала вамъ.

— Если вы думаете, что ваша помощь миѣ была пріятна, то вы глубоко ошиблись: этой помощью вы доказали полное безразличіе ко миѣ.

— Разъ я увидѣла, что вы увлеклись Маришей...

— А вы и обрадовались?

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, но теперь ваша чередъ помогать миѣ, если и я влюблюсь, а не протестовать и не мѣшать.

— Если въ Башилова, то буду и протестовать и мѣшать.

— Ахъ, вотъ какъ! Посмотримъ, кто сильнѣе...

Елена смѣялась и, думая, что дразнить барона, долго еще увѣряла его, что Башиловъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе и что она рада будетъ встрѣтиться съ нимъ на балу.

Уходя отъ Елены и нѣжно цѣлуя ея руку, баронъ еще разъ вернулся къ этому разговору.

— А все-таки, mon ange, прошу васъ оставить этого асстосчесоца въ покоѣ; предоставьте его кому-нибудь другому,—мало ли у васъ болѣе интересныхъ поклонниковъ.

XIII.

Двухъэтажный особнякъ Людомировыхъ былъ залитъ сверху донизу электричествомъ; кареты и автомобили тѣнными рядами стояли по обѣ стороны улицы. Къ подъѣзду, обтянутому полосатой парусиной, несмотря на поздній часъ, все еще подъѣзжали экипажи, распахивались дверцы, и изъ-подъ высоко подобранныхъ шелковыхъ волановъ быстро мелькали стройныя дамскія ножки въ свѣтлыхъ чулкахъ и туфелькахъ, или не менѣе элегантнаго покроя лакированныя и нелакированныя ботинки штатскихъ, моряковъ, гвардейскихъ офицеровъ, генераловъ, сановниковъ и министровъ. Въ просторномъ, крытомъ яркимъ сукномъ вестибюлѣ на руки ливрейныхъ лакеевъ сбрасывались отороченныя мѣхами нарядныя шубки, шелковыя, подбитыя плюшемъ и мѣхомъ манто, газовойя всѣхъ цвѣтовъ и тѣней шарфы и длинныя боа; мимоходомъ заглядывали въ громадныя простѣлочныя зеркала нарядныя женщины съ обнаженными плечами и руками, благоухающія и загадочныя въ своихъ воздушныхъ нарядахъ. Кругомъ все сверкало; зеркала отражали блескъ мундировъ, орденовъ и драгоцѣнностей; сверкали глаза, сверкали улыбки, сверкала бѣлизна открытыхъ плечъ; мраморная широкая лѣстница, покрытая алымъ ковромъ, сверкала холоднымъ блескомъ; плафонъ вычурной, изящной работы, сверкалъ безконечнымъ количествомъ огней, преломлявшихся въ хрусталѣ

люстрь. На верхней площадкѣ лѣстницы стояли два негра, неподвижные, точно окаменѣвшіе, безучастные къ проходящей мимо ихъ нарядной толпѣ. При взглядѣ на ихъ обожженные зноемъ лица рождалась мимолетная иллюзія далекихъ и горячихъ лучей тропическаго солнца. Громадныя гобелены матовыми полутонами смягчали переливы блеска и огней. Въ бѣломъ овальномъ залѣ, гдѣ на хорахъ игралъ оркестръ, плавно скользила пара за парой подъ темпъ мелодичнаго вальса. Людомирова, въ бѣломъ, затканномъ серебромъ роскошномъ платьѣ, вся блистающая брильянтами, сильно декольтированная, съ замѣтно подведенными линіями бровей и слишкомъ яркими губами, привѣтливо встрѣчала у входа въ залъ все еще прибывающую публику. Ея голубые и продолговатые глаза горѣли оживленнымъ блескомъ; она была довольна: балъ вполне удался. Ея домъ былъ извѣстенъ Петербургу; знали, что шампанское и веселье здѣсь льются рѣкой; дѣвицъ сюда не возили, но замужнія женщины и мужчины ѣздили на обѣды и на балы Людомировой съ большой охотой. Правда, нѣкоторыя изъ дамъ считали нужнымъ маскировать это удовольствіе, увѣряя, что ѣдутъ только изъ любопытства къ этому «*cabaret aristocratique*». Лакеи ловко лавировали между танцующими парами и стоящими группами, разнося на громадныхъ серебряныхъ подносахъ мороженое, крющонъ и конфеты. Вслѣдъ за танцевальнымъ заломъ шла анфилада комнатъ, каждая въ особомъ стилѣ. Всюду стоялъ гулъ голосовъ, вырывались отдѣльныя фразы, мѣшалась русская рѣчь съ французской, чувствовалось непринужденное оживленіе; не было и поминъ о той балльной чопорности, граничащей со скукой, которую петербургское общество испытываетъ почти на всѣхъ великосвѣтскихъ балахъ. Здѣсь все чувствовали себя весело, развязно, слышались раскаты звонкаго смѣха, шептались на ухо вольныя рѣчи, въ уютныхъ уголкахъ за тропическими растеніями мелькали [пары. Артистки, актрисы и даже цыганки, приглашенныя исполнять сольные номера, придавали какой-то особенный тонъ не то клубнаго, не то курзальнаго характера. Хозяинъ дома, радужный и оживленный, легкой, эластичной походкой поспѣвалъ во все комнаты, во все концы своего наряднаго праздничнаго дома. То онъ почтительно, съ чувствомъ собственного достоинства шелъ навстрѣчу сѣдому сановнику и, потирая бѣлыя, выхолонныя, пахнувшія одеколономъ руки, предлагалъ провести его къ карточнымъ столамъ, приготовленнымъ въ большомъ отдаленномъ залѣ бібліотеки, то дружелюбно угощалъ шампанскимъ щеголеватаго, подтянутаго лиценста и тутъ же, круто поворачиваясь, предлагалъ туръ вальса очутившейся безъ кавалера дамѣ; бросалъ нѣсколько словъ запыхавшемуся картавящему дирижеру и черезъ минуту былъ уже въ другой комнатѣ, подходя то къ одной, то къ другой группѣ гостей. Онъ чувствовалъ себя радушнымъ, богатымъ хозяиномъ, у кото-

раго гостямъ весело, и отъ этого сознанія ему самому становилось еще веселѣе и еще радушнѣе сіяла улыбка на его свѣжемъ, здоровомъ лицѣ съ яркимъ румянцемъ и исърилась въ карихъ, полныхъ жизни глазахъ. Женѣ онъ предоставлялъ вести дипломатію и расточать любезности нужнымъ людямъ, будучи совершенно увѣренъ, что она безраздѣльно принадлежитъ домашнему очагу, и всѣ ея улыбки, маленькія вольности и поклонники—не болѣе, какъ свѣтскій мундиръ. Самъ онъ относился добродушно-безразлично къ ея стремленіямъ завоевать ему видное положеніе и званіе камергера; онъ довольствовался сознаніемъ своей полной независимости, благодаря крупному состоянію, и пользовался жизнью широко, но не безразсудно; про него говорили, что пороку онъ не выдумаетъ, но добрый малый.

Было поздно, когда въ дверяхъ появилась Бергъ въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ яркими цвѣтами крупнаго мака въ рыжеватыхъ волосахъ. Людомирова увидала ее съ другого конца и, подойдя къ ней и зорко оглядывая ея туалетъ, взяла подъ руку и на минуту остановилась.

— Я ужъ думала, что съ тобой что-нибудь случилось. Ты хорошо одѣта и къ лицу... Башилова я видѣла мелькомъ; очень интересень сегодня... Подожди, я сейчасъ позову мужа, и ты съ нимъ пройди къ буфету, вѣроятно, онъ тамъ гдѣ-нибудь. Главное, пусть улыбка не сходитъ у тебя съ лица... Наша мадонна, я тебѣ скажу, просто очаровательна сегодня; она пріѣхала минутъ пять тому назадъ... кажется, не танцуетъ... такъ ты иди, я васъ найду.

Любовь Ивановна съ темнаго дѣланной улыбкой и ямочками на розовыхъ щекахъ, поддерживая одной рукой трень и опираясь другой на руку Людомирова, разбѣжно раскланываясь со знакомыми, проходила анфиладу пышныхъ комнатъ, отыскивая Башилова среди нарядной толпы; замѣтивъ Данцову въ небольшой группѣ мужчинъ, она вздрогнула, всмотрѣлась, но между ними не нашла его и прошла дальше.

— Куда же мы собственно идемъ?—спросилъ Людомировъ.

— Покажите мнѣ всѣ комнаты; я ихъ совершенно не узнаю; вы сдѣлали полную перетасовку. Прелестно! Великолѣбно!

— Въ такомъ случаѣ пройдемте еще, я вамъ покажу Маршинну затѣю, очень удачную.

Въ самомъ концѣ парадныхъ комнатъ былъ устроенъ настоящій *café concert*. Небольшіе столики, за которыми сидѣла нарядная и шумная публика, были ярко освѣщены электрическими лампами съ яркими разноцвѣтными абажурами; прекрасный цимбалистъ игралъ бьющую по нервамъ мелодію; публика стояла у дверей, такъ какъ внутри было полно. Людомировъ осторожно провелъ Бергъ впередъ, и она сразу узнала Башилова, стоящаго съ бокаломъ въ рукѣ въ противоположномъ концѣ комнаты. Подлѣ него

въ гладкомъ шелковомъ платъи золотого цвѣта сидѣла на высокомъ табуретѣ Елена; облокотясь одной рукой о прилавокъ, въ другой она держала живую розу и, медленно вдыхая ея аромат, слушала цимбалиста и то, что ей говорилъ Вашиловъ. Къ ея матовой кожѣ очень шель этотъ яркій золотой шелкъ обтянутаго, какъ перчатка, платья. Пышные каштановые волосы оттѣняли бѣлизну правильнаго лба; почти черные глаза, слегка прищуренные, горѣли ровнымъ и спокойнымъ блескомъ. Вашиловъ, не отрываясь, разсматривалъ ея гибкую фигуру, ея интересное, умное и энергичное лицо и чѣмъ больше всматривался, тѣмъ больше находилъ въ ней какую-то скрытую прелесть.

— Да-съ, въ жизни я признаю только одинъ трудъ, трудъ завоевателя; чтобъ каждый день былъ движеніемъ впередъ; только тогда я спокойно сплю и бодро просыпаюсь. Я, изволите ли видѣть, не люблю такъ называемыхъ широкихъ натуръ, которыя могутъ сдѣлать все, въ которыя вложены сѣмена всѣхъ талантовъ, но онѣ всю свою жизнь раскидываютъ на мелочи, сгораютъ въ огнѣ экстаза и въ итогѣ ничего не дѣлаютъ и остаются за штатомъ; я стою за систему. Я труженикъ и люблю трудъ ради самаго труда. Ни почести, ни богатства для меня не имѣютъ цѣны, если они не добыты собственнымъ трудомъ.

— Да, вы правы,—задумчиво проговорила Елена.

— Этой праздной жизни, этого хроническаго бездѣлья большей части людей я понять не могу. Въ трудѣ они видятъ обузу, а не радость, средство, а не цѣль; они изнашиваютъ и старѣютъ преждевременно, потому что праздный умъ изобрѣтаетъ излишества, отъ которыхъ гибнуть и тѣло и душа. Въ мои сорокъ пять лѣтъ, увѣряю васъ, я здоровѣе вопъ того юнца, тратящаго свои ночи на безснотное, уже надобнѣе ему веселье, а дни—на нездоровый и ненормальный сонъ... Такъ вотъ-съ, очаровательная Елена Павловна, какъ видите, вы ошиблись и совѣмъ меня не разгадали. Очень я далеко-съ отъ того тина, который вы во мнѣ предполагали.

— Я очень рада, что ошиблась. Цѣльныхъ натуръ такъ мало, такъ отрадно встрѣтить челоуѣка мыслящаго, со здоровой индивидуальностью.

— А я думаю, что васъ мнѣ удалось разгадать и думаю, что безошибочно съ перваго же раза.

— Что же вы обо мнѣ думаете?—Елена вскинула на него улыбающіеся глаза.

Только что Вашиловъ собирался заговорить, какъ Людомировъ подвелъ къ нимъ Бергъ, ожидавшую прочесть на лицѣ Вашилова удивленіе при видѣ ея, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ писемъ она вскользь упоминала, что ни ея мужъ, ни она, къ сожалѣнію, не могутъ пріѣхать на этотъ балъ. Вашиловъ очень радушно, безъ

тѣни удивленія, поцѣловаль протянутую руку, придвинулъ та-
буретъ и предложилъ бокаль шампанскаго.

— Mesdames, вы танцуете?—обратился хозяинъ дома къ Бергъ
и Карцевой.

— Я, кажется, не хочу танцовать,—вопросительно глядя на Ба-
шилова, отвѣтила Бергъ.

— А я танцую котильонъ съ Рихтеромъ; пожалуйста, направьте
его сюда, если увидите; иначе онъ, пожалуй, не отыщетъ меня,—
проговорила Елена.

Людомировъ перекинулся еще двумя-тремя словами и исчезъ.

— Вы удивлены, что видите меня здѣсь?—обратилась Бергъ
къ Башилову, желая въ отвѣтъ разгадать его настроеніе.

— Несколько. Было бы очень жаль пропустить такой интерес-
ный балъ. Хотя Оттонъ Александровичъ писалъ мнѣ, что ни онъ,
ни вы быть не можете, но я былъ увѣренъ, что вы побѣдите пре-
пятствія.

Ни въ словахъ, ни въ тонѣ голоса Бергъ не уловила ни намека
на раздраженіе, ни намека на радость. Онъ былъ такъ естественъ
и простъ, что Елена съ любопытствомъ и удовольствіемъ на-
блюдала за нимъ, припоминая все, что ей разсказывала Людому-
рова объ его давнишней связи съ Бергъ, въ которой она сейчасъ же
уловила что-то безпокойное, какое-то напряженіе въ не совѣмъ
искренней улыбкѣ и едва замѣтную дрожь въ уголкахъ нухлаго рта.

— Что же, Владимиръ Ивановичъ, я жду отъ васъ обѣщанной
характеристики, я очень заинтересована, насколько вы проница-
тельны.

— Итъ, ужъ увольте-съ. Я не люблю публичныхъ экзаменовъ;
если вы мнѣ разрѣшите, то я къ вамъ прѣйду и съ глазу на глазъ
буду исповѣдываться.

— Я буду очень рада видѣть васъ у себя.

— У васъ секреты... я помѣшала, кажется...

— Помилуйте, Любовь Ивановна... это я изъ чувства самосохра-
ненія. Боюсь, что Елена Павловна поставитъ мнѣ скверный баллъ
за психологію и въ ея глазахъ я не выиграю, и въ вашихъ, чего
добраго, проиграю; попадете на меня вдвоемъ, а я хоть съ характе-
ромъ, а если попадусь между двухъ интересныхъ женщинъ, то сильно
трушу и теряюсь... Вотъ вы меня, ваше превосходительство Любовь
Ивановна, не первый годъ знаете; скажите, развѣ я не тихій, не
миролюбивый человѣкъ? Здѣсь, передъ вашимъ приходомъ, Елена
Павловна наградила меня всѣми пороками... заступитесь за меня.

— Пожалуйста, Любовь Ивановна, не вѣрьте ему, онъ страшно
преувеличиваетъ.

— Кому же мнѣ вѣрить, вамъ или ему?

— Конечно, мнѣ. Могутъ ли быть сомнѣнія,—шутить Баши-
ловъ.

— Кто знает, не слишкомъ ли я много довѣряю вамъ...

— Ого!—подумала про себя Елена:—тутъ что-то есть.

Башиловъ сдѣлалъ видъ, что не понялъ намека, и непринужденно разсмѣялся.

Его Бергъ начинала раздражать. Онъ сразу почувствовалъ ея нервно-враждебное настроеніе и спрашивалъ себя, кому онъ обязанъ ея очевидному желанію сдѣлать ему «сцену». Эта мысль его бѣсила до того, что онъ почувствовалъ, что стоитъ Любови Ивановнѣ сказать ему первое неприятное слово, какъ онъ безъ жалости тутъ же сообщить ей о своемъ рѣшеніи ликвидировать ихъ отношенія и свое намѣреніе жениться. Онъ не выносилъ сценъ: становился безжалостнымъ, холоднымъ, почти грубымъ. Внезапное появленіе Любови Ивановны, на которое онъ не рассчитывалъ, его сильно раздосадовало, и чѣмъ онъ казался любезнѣе и привѣтливѣе, тѣмъ недружелюбнѣе вспыхивалъ минутами огонекъ въ его близорукихъ глазахъ. Въ то время, какъ къ Любови Ивановнѣ подошелъ маленькій сѣденькій генералъ и, цѣлуя ея руку, принялся подробно рассказывать о внезапной болѣзни своей дочери, Башиловъ предложилъ Еленѣ пройти къ танцевальному залу. Въ ту минуту, какъ они протискивались къ дверямъ сквозь толпу, Башилова обдало запахомъ тонкихъ Елениныхъ духовъ, ея плечо коснулось его плеча и ему неудержимо захотѣлось шепнуть ей на ухо что-нибудь ласковое, но онъ благоразумно воздержался и только положилъ на ея пальцы, опиравшіеся на его руку, свою широкую, всегда горячую ладонь, слегка сжалъ ихъ и проговорилъ добродушнымъ, дружескимъ тономъ, глядя ей прямо въ глаза:

— Удивительная вы женщина: съ вами поговоришь и не хочется отходить, кажется скучно съ другими женщинами. Признаться, я не охотникъ на балы ѣздить; не танцую, въ карты не играю и за женщинами ухаживать въ такой сутолокѣ не люблю. Если бы меня не смущала соблазнительная мысль встрѣтить васъ, я бы ни за что сюда не пріѣхалъ.

— Владимиръ Ивановичъ, если вамъ приходится въ голову говорить мнѣ комплименты, такъ это напрасно потраченное время: я имъ не вѣрю и не люблю ихъ.

— Я прекрасно вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло: вы слишкомъ умны, избалованны и требовательны, чтобы васъ могли занять пошлыя любезности; я очень далеко отъ желанія дискредитировать себя въ вашихъ глазахъ такими избитыми приемами, но я привыкъ говорить то, что думаю. Меня поразилъ и плѣнилъ вашъ блестящій, острый и удивительно тонкій умъ, и я ѣхалъ сюда съ исключительнымъ желаніемъ еще разъ поговорить съ вами и просить вашего разрѣшенія быть у васъ и...

— И зачислиться въ ряды моихъ поклонниковъ?—съ легкой ироніей dokonчила за него Елена.

— Никакъ нѣтъ-съ. Поклонниковъ у васъ, вѣрно, очень много, а я не люблю сливаться съ толпой, потому что не люблю ея. Толпу я признаю только какъ средство для достиженія...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я на нее смотрю глазами коршуна и жду того момента, когда она станетъ моей добычей, сперва повинуюсь мнѣ, какъ послушное стадо барановъ, а затѣмъ, обратясь въ стихійную силу, однимъ мощнымъ крикомъ вознесетъ меня на колесницу побѣдителя, и я, колѣнопреклоненный и умиленный, склоню предъ ней свое чело, чтобы ею же быть увѣнчаннымъ вѣнцомъ побѣдителя.

— Вы такъ честолюбивы?

— Безумно.

Елена посмотрѣла ему въ лицо; оно дышало силой, отвагой и энергійей.

— Право, мнѣ это нравится. Мысленно жму вашу руку.

— А я мысленно крѣпко цѣлую обѣ ваши.

— Женя, я тебя не узнала. Здравствуй.

Елена тронула вѣромъ обнаженное плечо Данцовой.

— Я тебя нѣсколько разъ искала, гдѣ ты была?

— Мы пили шампанское и слушали цимбалиста въ барѣ; Владимиръ Ивановичъ очень милый собесѣдникъ; я жалѣю, что онъ не танцуетъ, и я должна его скоро покинуть.

— Я сожалѣю вдвойнѣ, такъ какъ рискую не пайти васъ послѣ котильона.

— Да, слишкомъ много публики, я не люблю этого.

— Елена, постой, я хотѣла просить тебя подвезти меня домой послѣ ужина.

— Прекрасно, но для этого будемъ ужинать за однимъ столикомъ, а то потеряемся.

— Mesdames, разрѣшите мнѣ предложить вамъ свои услуги; у меня четырехмѣстный автомобиль.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ возьмите на себя трудъ не потерять насъ обѣихъ изъ виду и быть вмѣстѣ за ужиномъ... Александръ Александровичъ, остановитесь: я здѣсь и жду васъ. Вы знакомы? Башиловъ, Рихтеръ.

— Какъ же-съ. Въ одномъ министерствѣ служимъ,—отвѣтилъ Башиловъ, пожимая руку Рихтера.

— Позвольте васъ увлечь. Уже всѣ на мѣстахъ.

Завладѣвъ рукой Елены, Рихтеръ заговорилъ по-французски:

— А вы, Евгения Михайловна, развѣ не танцуете? Если разрѣшите, я вамъ сейчасъ кавалера найду... да вотъ Владимиръ Ивановичъ.

— Никакъ-съ нѣтъ, я не танцую,—отвѣтилъ Башиловъ по-русски.

«Онъ не знаетъ французскаго языка—это жаль», мелькнуло въ умѣ Елены.

— Мерси, Александръ Александровичъ, не хлопочите, я не расположена танцовать.

Данцовой хотѣлось побыть съ Башиловымъ, и она съ удовольствіемъ отказывалась отъ танцевъ, но, вспомнивъ его намѣреніе приударить за подругой, предложила пройти въ танцевальный залъ, гдѣ они усѣлись подлѣ стѣны, за стульями танцующихъ, причемъ каждый разъ, какъ Елена не хотѣлось участвовать въ какой-нибудь фигурѣ, они вели вчетверомъ оживленный разговоръ. Пробираясь между танцующими парами, раскраснѣвшаяся, оживленная, съ блестящими глазами, къ нимъ подошла Людомирова.

— Сидите, сидите, Владимиръ Ивановичъ, я на одну минуту. Сейчасъ будетъ полонезъ, и парами всѣ пройдутъ къ ужину; вы предложите руку Евгеніи Михайловнѣ, и мы небольшой компаніей займемъ столикъ, чтобы безъ церемоніи повеселиться и посмѣяться. Любовь Ивановну я уже предупредила—она съ нами; вы согласны, Евгенія Михайловна?

— Разумѣется. Я очень рада.

— Въ такомъ случаѣ наша компанія увеличивается,—замѣтилъ Башиловъ:—мы уже сговорились съ Еленой Павловной занять общій столикъ, а такъ какъ она танцуетъ съ Рихтеромъ, то, вѣроятно, и онъ...

— Ну, нѣтъ! Александръ Александровичъ очень милый человекъ, но сегодня онъ можетъ намъ помѣшать; вы сами видите, у насъ образовался свой тѣсный кружокъ, и мы не будемъ стѣсняться болтать всякій вздоръ.

— Но позвольте, Марья Константиновна, это выходитъ я одинъ на три дамы? Не берусь...

— Съ нами баронъ. Я отвѣчаю за то, что скучно не будетъ... Рихтера я уже пристроила, онъ мнѣ будетъ благодарень; тутъ есть его пассія, и онъ долженъ ужинать съ ней; пусть Елена это ему передастъ, она знаетъ, о комъ рѣчь. Такъ, господа, занимайте второй столикъ отъ окна, я распорядилась, и онъ оставленъ для насъ, а пока убѣгаю...

Сверкнувъ глазами въ сторону Башилова, Людомирова кивнула привѣтливо Евгеніи Михайловнѣ и, расчищая себѣ дорогу вѣеромъ, которымъ шаловливо хлопала по плечамъ и спинамъ кавалеровъ, сверкая брильянтами на слишкомъ обнаженной груди, высоко приподнявъ трень роскошнаго платья, она быстро направилась въ противоположный конецъ зала, гдѣ ее ожидалъ баронъ, которому было поручено разыскать Бергъ, чтобы вмѣстѣ сойтись къ ужину. Ему не нравилась затѣя Людомировой, такъ какъ онъ не симпатизировалъ Башилову, отношенія котораго къ Бергъ и Евгеніи Михайловнѣ зналъ отъ нея же, и находилъ неосторожнымъ соединять ихъ за общимъ столомъ; Людомирова, зная корректность и исключительную порядочность барона, конечно, остереглась объяснить ему подкладку этой затѣи.

— Елена ужинаетъ съ нами; оказывается, она уже раньше сговорилась съ Башиловымъ.

— Очень радъ. Въ случаѣ чего она и выручить.

— А ты ожидаешь конфликта?

Людомирова разсмѣялась.

— Будьте осторожны, не говорите «ты»... Со стороны Евгеніи Михайловны,—конечно, нѣтъ; у нея громадная выдержка, а Любовь Ивановну я вѣдь мало знаю. Во всякомъ случаѣ вы поступили неудобно... къ чему это?

— Не извольте ворчать. Я забочусь объ общемъ весельи: и одной и другой хочется быть съ Башиловымъ, и я его посажу между ними, мнѣ хочется быть и съ моими пріятельницами, имъ, вѣроятно, со мной, а вамъ хочется быть со мной и съ Еленой... ну, вотъ всѣ и будутъ довольны. Вѣдь я и о васъ позаботилась, такъ какъ посажу между собой и Еленой и не буду вамъ мѣшать шептаться.

— Неостроумно,—баронъ пожалъ плечами.

XIV.

Когда Елена послѣ продолжительнаго grand rond вернулась на свое мѣсто, и Евгенія Михайловна передала ей о новомъ составѣ компаніи для ужина, Елена на секунду недовольно наморщила брови.

— Мариша дурить. Я вижу, что она затѣяла. Пожалуйста, не безпокойся. Владимиръ Ивановичъ,—обратилась она къ Башилову,—ради Бога подзовите ко мнѣ вонъ того моряка, онъ мнѣ нуженъ, я забыла мое обѣщаніе взять его ужинать за нашимъ столикомъ.

Черезъ минуту Юрьевъ, почти красавецъ въ своемъ морскомъ мундирѣ, безопасно, по-мальчишески веселый, скользя по блестящему паркету лакированными ботинками, съ размаху подлетѣлъ къ Еленѣ, едва удерживаясь на ногахъ, и остановился, приложивъ руку какъ подъ козырекъ:

— Есть.

— Георгій Михайловичъ, вы ужинаете въ нашей компаніи; второй столъ отъ окна. Сейчасъ же послѣ полонеза мчитесь сюда, такъ какъ Александра Александровича будетъ ждать его дама, чтобъ вести ее къ ужину.

— Есть,—Юрьевъ дурачливо вытаращилъ глаза.

— *Cavaliers, à vos places!*—раздался картавый голосъ дирижера; Юрьевъ сорвался съ мѣста и черезъ весь залъ, скользя, какъ по льду, помчался къ своему мѣсту.

— Какой красавец! — громко произнесъ Башиловъ. «Молодецъ», подумалъ онъ про себя, смѣющимся глазами окидывая всю стройную фигуру Елены, которая, положивъ руку на плечо Рихтера, готова была начать туръ вальса. Башиловъ, конечно, понялъ, что у Людомировой была какая-то затаенная мысль въ желаніи свести его за однимъ столомъ съ двумя соперницами, и если бы не присутствіе Елены, онъ отказался бы отъ ужина и уѣхалъ, не изъ страха, а изъ желанія показать Людомировой, что онъ понялъ ее; но присутствіе Елены его настраиало на особый весело-миролюбивый ладъ, и вмѣсто гнѣва Людомирова возбудила въ немъ чувство задорнаго любопытства узнать, какъ же разыграется задуманный ею, а, можетъ быть, и Бергъ плащъ поставитъ его въ неловкое положеніе. За себя онъ былъ спокоенъ. Ему было весело, и чувствовалъ онъ себя очень увѣренно. Онъ сейчасъ же сообразилъ, что Елена тоже кое-что поняла и что Юрьева зоветъ на зло Людомировой и, вѣроятно, въ защиту Данцовой. «Молодецъ!» мысленно повторилъ онъ, слѣдя за ней и разсѣянно слушая Данцову, слова которой заглашались звуками оркестра. Ею онъ былъ вполне доволенъ: она была крайне осторожна и безъ малѣйшей натяжки держала себя съ нимъ какъ съ мало знакомымъ, сдѣлавшимъ ей одолженіе чело-вѣкомъ: просто и любезно.

Подъ звуки полонеза нарядныя пары красивой, волнообразной линіей направилась черезъ длинную анфиладу комнатъ къ ужину. Въ обширной столовой и сосѣдней комнатѣ были красиво сервированы небольшіе столы, украшенные букетами благоухающихъ цвѣтовъ. У одного изъ нихъ Людомирова, баронъ и Любовь Ивановна высматривали въ проходящихъ мимо парахъ остальную часть своей компаніи.

Елена, съ громаднымъ букетомъ роскошныхъ цвѣтовъ-премій котильона, подъ руку съ Башиловымъ оживленно присоединилась къ нимъ.

— А гдѣ же Евгенія Михайловна? — озабоченно спросила Людомирова.

— Сейчасъ придетъ съ Юрьевымъ; онъ ужинаетъ съ нами.

Башиловъ осторожно укладывалъ на подоконникѣ рядомъ со столомъ Еленины цвѣты.

— Что же мы стоимъ? Господа, садитесь. Люба, ты здѣсь, Владимиръ Ивановичъ ваше мѣсто подлѣ, съ другой стороны сядетъ Евгенія Михайловна.

— Pardon, chère amie, я протестую: возлѣ Владимира Ивановича сажусь я и никому моего мѣста не уступаю.

Елена взялась за стулъ, который Башиловъ почтительно ей отодвинулъ.

— Цѣтъ ужъ, Елена, ты не путай, пожалуйста...

— Я вѣдь сказала тебѣ, что никому моего сосѣда не уступлю. Объявляю во всеуслышаніе, что Владимиръ Ивановичъ мнѣ очень нравится, и на сегодняшній вечеръ я его завербовала въ свои кавалеры.

Съ этими словами Елена рѣшительно заняла мѣсто рядомъ съ Башиловымъ; поймавъ укоризненный взглядъ барона, она засмѣялась, быстрымъ жестомъ сдернула длинныя, какъ чулокъ, бѣлыя перчатки, свернула ихъ въ маленькій комочекъ и бросила въ бокалъ, стоявшій передъ приборомъ Башилова. Подошли Юрьевъ, Евгенія Михайловна, и всѣ разошлись. Въ столовой было шумно, ослѣпительно свѣтло и весело. Оркестръ, помѣщенный рядомъ, заглушалъ звонъ бокаловъ и серебра. Оживленіе нарастало. Одно за другимъ подавались утонченныя блюда, бокалы наполнялись шампанскимъ, которое своей холодной янтарной влагой начинало туманить умы, развязывать языки. Слышались взрывы смѣха, возгласы, смѣлыя фразы... За однимъ изъ столиковъ шумная компанія подхватила цыганскую мелодію, исполнявшуюся оркестромъ, сперва вполголоса, потомъ громче; выдѣлился чей-то контральтовый голосъ, кто-то крикнулъ «браво», кто-то провозгласилъ тостъ за хозяйку дома, мужчины поднялись со своихъ мѣстъ, шумно отодвигая стулья. Людомирова бросала направо и налево привѣтливыя улыбки, сверкала брилльантами, и глаза ея начинали горѣть возбужденнымъ огонькомъ съ каждымъ лишнимъ бокаломъ. Ей становилось неудержимо весело, хотѣлось хохотать и болтать всякій вздоръ, но она еще сдерживала себя, руководимая сознаніемъ, что завтра же объ ея балѣ будетъ много разговоровъ и не слѣдуетъ допускать никакихъ шероховатостей, тѣмъ болѣе со стороны ея самой, какъ хозяйки дома. Баронъ былъ мало разговорчивъ; онъ слѣдилъ за Еленой; она кокетливо и вызывающе все время о чемъ-то говорила съ Башиловымъ, вниманіе котораго исключительно было сосредоточено на ней. Данцова ласково и сдержанно отвѣчала на шутки Юрьева; тотъ такъ же, какъ и Людомирова, легко пьянѣлъ и становился шумно-веселымъ. Любовь Ивановна перебрасывалась отдѣльными фразами съ Людомировой и казалась совершенно сбитой съ толку. Она приготовилась дать отпоръ соперницѣ въ лицѣ Евгеніи Михайловны, которая спокойно смѣялась и шутила съ Юрьевымъ, совершенно безучастная къ ухаживанію Башилова. Любовь Ивановна отлично изучила Башилова за эти четыре года и по тону его голоса, по смѣху, по невольнo вырывающимся горячимъ ноткамъ, для нея было ясно, что онъ комедіи не играетъ и совершенно искренно увлекается разговоромъ съ Еленой. Всѣ приготовленныя въ мучительныя бессонныя ночи язвительныя полуслова, намеки, которыми она хотѣла сразить соперницу, оказались совершенно излишними. Кто же соперница? Да и существуетъ ли она? Отъ Людомировой Бергъ знала, что съ Карцевой онъ едва знакомъ. Пой-

мавъ взгляды подруги, она осторожно повела глазами въ сторону Башилова.

— Ровно ничего не понимаю...

— Нечего и понимать: комедія.

— Ошибаешься. Никакой.

— Посмотримъ... Баронъ, — вдругъ сразу обернулась Людмила къ Штадену: — какой вы невыносимый, право. Хоть бы разъ вы сбросили съ себя скучнѣйшую корректность... точно замороженный. Извольте пить шампанское и говорить глупости: надобно слушать одни умныя слова; что же вы не пьете? Я хочу, чтобы вы выпили залпомъ. Ну, я васъ прошу... ну, милый... ну, хорошій... ну, дорогой...

— Тише, тише, Марья Константиновна... извольте, я выпью, но съ условіемъ, что вы не сдѣласте больше ни одного глотка...

— Вотъ еще что за глупости! Господа, за веселье!... — Людмила высоко подняла свой бокаль и осушила его залпомъ. Баронъ пожалъ плечами и нехотя отпилъ глотокъ изъ своего бокала. — Господа, теперь каждый изъ васъ долженъ провозгласить тостъ. Георгій Михайловичъ, начинайте.

— Wein, Weib und Gesang! Ура! — Юрьевъ чокнулся съ Данцовой, залпомъ выпилъ шампанское и, быстро обернувшись, поймалъ за рукавъ мимо бѣгущаго лакея съ бутылкой, обернутой въ салфетку.

— Bravo, Юрочка. Я и не знала, что вы такъ хорошо владѣете нѣмецкимъ языкомъ, — разсмѣялась Елена.

— Баронъ, ждемъ вашего тоста, сейчасъ, сію минуту.

— Я за выдержку и за хладнокровіе, — спокойно проговорилъ баронъ.

— Фу, какая гадость! Не желаю пить.

— А я съ удовольствіемъ. Вы напрасно, Марію Константиновна, забраковали тостъ барона; позвольте чокнуться.

Башиловъ протянулъ свой бокаль Штадену, который холодно до него дотронулся.

— Вы что-то не въ духѣ, mon ange? — насмѣшливо глядя въ глаза, проговорила Елена.

— А вотъ пересядь сюда рядомъ, — еще разъ попыталась Людмила, но Елена отрицательно кивнула головой.

— Владимиръ Ивановичъ, ждемъ вашего тоста.

— За обаятельныхъ и умныхъ женщинъ. — Башиловъ выразительно и въ упоръ взглянулъ на Елену и протянулъ къ ней первой свой бокаль.

— Однако, Владимиръ Ивановичъ, я что-то замѣчаю. Ты его тостамъ не вѣрь, Елена: онъ коваренъ; способенъ протягивать бокаль одной, а думать о другой.

— Это правда?—глаза Елены смѣялись.

— Ей Богу-же нѣтъ. Во всеуслышаніе неповѣдуюсь, что, подымая бокаль, думалъ только о васъ.

— Ну, однако! Люба, что же ты молчишь? Я бы на твоёмъ мѣстѣ обидилась. Сидить между двухъ дамъ, а пьсть за одну.

— Это ужъ вина ваша-съ, я предупреждалъ, что меня можетъ достать только на одну даму, да и то голова съ непривычки кружится.

— Я пью за постоянство въ любви,—напряженно улыбаясь, громко проговорила Любовь Ивановна.

— Ура! Ура! Я постояннѣ въ любви къ Бахусу.—Юрьевъ хохоталъ до упаду и смѣшилъ Евгенію Михайловну, которая очень нескромно веселилась.

— Елена Павловна, почему вы игнорируете тость? Развѣ вы его не раздѣляете?—спросилъ Башиловъ.

— Если бы говорилось о постоянствѣ въ дружбѣ, конечно, и я присоединилась бы, но въ любви я ровно ничего не смыслю.

— Это что же—своего рода кокетство?

— Спросите Женю, она меня хорошо знаетъ.

— Помилуйте-съ, смѣю ли я провѣрять.

Становилось такъ шумно, что общій разговоръ вести было невозможно, и Людомирова, видя, что ея планъ, благодаря непредвидѣнной случайности рухнулъ, предалась бурному веселью, вовлекая въ него своихъ сосѣдей. Она такъ много пила вина, что баронъ шепнулъ ей, что если она еще разъ наполнитъ свой бокаль, то онъ сейчасъ же послѣ ужина уѣдетъ.

Было очень поздно. Елена взглянула въ окно. Надъ пустынной улицей чуть начинало свѣтлѣть блѣдно-голубое небо, и въ рѣдьющей тѣмѣ расплывающимися пятнами тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы линіи мерцающихъ фонарей. Громады безмолвныхъ, будто дремлющихъ, домовъ и небо были окутаны какимъ-то неопредѣленнымъ свѣтло-сиреневымъ тономъ, который заглядывалъ черезъ окно и, тутъ же сливаясь съ яркимъ блескомъ электричества, давалъ впечатлѣніе странной, декадентской картины. Фіалки, блѣдныя, пахучія розы, упругія, свѣжія лиліи и левкои, разсыпавшіяся на подоконникѣ, еще болѣе увлекали внезапно захваченную этой картиной фантазію Елены въ чуждый этого шума и смѣха міръ, погружали въ исканіе какой-то идеи, неслышно налетѣвшей и безмолвно ставшей на порогѣ шумнаго веселья и молчаливыхъ неувлимыхъ настроеній.

— Отчего вы замолкли? На что вы смотрите?—намѣренно слишкомъ близко наклоняясь къ плечу Елены, спросилъ Башиловъ.

— Взгляните на подоконникъ, на цвѣты... Какой на нихъ странный танцевенный колоритъ... Они лежатъ на грани двухъ міровъ:

безшабашного, всепоглощающего дурмана веселья и задумчиваго, неподвижнаго покоя. Яркій блескъ огней съ одной стороны и предутренняя голубоватая полутьма съ другой—слились, окутали ихъ и придали имъ тревожащій душу колоритъ.... Я не могу оторваться, глядя на нихъ... Вы знаете, это моя эмблема, это моя душа, стоящая на порогѣ двухъ граней...

— О, да вы поэтесса! Я открываю въ васъ все новыя и новыя достоинства. Какъ вы удивительно впечатлительны, какъ красива ваша фантазія! Какъ тѣ цвѣты тревожатъ вашу душу, такъ вся вы тревожите мою... Я хочу пить за ваше здоровье, за нашу первую встрѣчу... Елена Павловна, вы слышите?

— Слышу и не придаю особеннаго значенія вашимъ словамъ.

— Вѣрьте мнѣ, я искренень.

— Въ данную минуту, да. Это вопросъ настроенія и обстановки. Вы поглядите на Юрочку, онъ сейчасъ будетъ стоять на колѣняхъ передъ кѣмъ угодно... Юрочка, вы совсѣмъ опалѣли! Женя, угомони его!

— Это вашъ родственникъ?

— Кто? Юрочка? Нисколько.

— Почему же такая интимность?

— Задушевный онъ человѣкъ, вотъ почему.

— Ну, это не резонъ-съ.

Елена медленно повернулась всѣмъ корпусомъ въ сторону Башилова и широко открыла удивленные глаза.

— Что вы на меня такъ смотрите? Что осмѣлился мнѣніе высказать?

— Въ вашемъ мнѣніи звучитъ осужденіе.

— А если бы и такъ?

— Слишкомъ смѣло, Владимиръ Ивановичъ.

— Я всегда говорю, что думаю.

— Ну, такъ думайте до конца—это интересно.

— Если вамъ угодно! Когда съ молодымъ и красивымъ мужчиной не менѣе молодая и красивая женщина усваиваетъ шаловливо-интимный тонъ, то это даетъ всегда поводъ къ подозрѣнію...

— Чего? Ну, чего же?

— Какъ бы это выразиться... да... просто влюбленныхъ отношеній-съ.

— И что же изъ этого? Почему же это не «резонъ»?

— Да къ чему же афишировать?

— А отъ кого скрывать?

— Однако вы, Елена Павловна, смѣлая! Это вы такъ, для шутки, или по убѣжденію?

— А вы какъ думаете?

— Да я сбить съ толку. То говорите: въ любви ничего не смыслю, то вдругъ «Юрочка».

— А по-вашему, если «Юрочка», то, несомнѣнно, и любовь?

Въ это время Людомирова шумно отодвинула свой стулъ, оркестръ замолкъ, и гости въ приподнятомъ настроеніи, съ отуманенными слегка головами, медленно стали подвигаться къ танцевальному залу. Многіе уѣзжали. Въ залѣ было прохладно и пусто. Оркестръ заигралъ вальсъ. Valmons своей волнообразной походкой направилась къ Людомировой; очень изящный стильный туалетъ дѣлалъ ее похожей на декадентскія фигуры такихъ женщинъ, которыхъ рисуютъ съ длинными лиліями въ рукахъ или простирающими тонкія руки навстрѣчу блѣднымъ лучамъ луны.

— *Chère madame, votre bal a été ravissant!... 1)*

Она томно полузакрываетъ глаза и протянула Людомировой руку.

— Какъ! вы хотите уѣзжать? Ни за что! Я не пущу васъ. Мы еще повеселимся. Я непременно хочу, чтобы вы остались *dans le petit cercle intime*. Я еще не успѣла переговорить съ вами относительно вашего бенефиса. Нѣтъ, нѣтъ, *ma grande chérie*, я васъ не отпускаю. Вотъ и графъ Эвенъ. Графъ, прошу васъ тоже не уѣзжать, *j'ai à vous parler*. Наша очаровательная *madame Valmons* не захочетъ меня огорчить своимъ исчезновеніемъ.

Въ эту минуту передъ Людомировой склонился въ почтительной позѣ молодой, брызжущій здоровьемъ и весельемъ гвардеецъ, блондинъ съ голубыми глазами, приглашая ее на туръ вальса.

— *Vous êtes épatante ce soir 2)*.

Отъ него сильно пахло виномъ, голубые жизнерадостные глаза скользили по обнаженнымъ плечамъ Людомировой, и онъ, крѣпко обхвативъ ее станъ, изо всей силы прижималъ къ себѣ.

— Вы меня задушите... сумасшедшій!

Людомирова смѣялась и въ то же время пожимала его руку. Вальсируя, они поровнялись съ Людомировымъ, который нѣсколько минутъ тщетно отыскивалъ глазами жену.

Къ концу ужина до него не разъ долеталъ ея слишкомъ задорный смѣхъ, и онъ боялся, чтобы она не перешла границы въ своемъ весельи, какъ это случалось иногда съ ней, и тогда она срывалась, забывала должныя рамки, нарушала установленный въ своемъ салонѣ тонъ, обнажала свою необузданную и искусственно дисциплинированную натуру и давала поводъ говорить склоннымъ къ злословію людямъ о себѣ и о своемъ салонѣ съ отгѣнкомъ пренебреженія и недоброй критики.

1) Дорогая, вашъ балъ былъ великолѣпенъ.

2) Сегодня вы съ ночь спябательны.

Людомировъ зналъ, что два-три лишннхъ бокала шампанскаго туманили ей настолько голову, что она становилась способной на безтактныя и даже шокирующія выходки. Онъ искалъ возможности подойти къ ней и шепнуть свое предостереженіе.

Многіе уфхали, такъ какъ было очень поздно, но въ залѣ еще носились танцующія пары и чувствовалось послѣднее и самое сильное напряженіе всеобщаго веселья послѣ хорошаго ужина съ обильнымъ количествомъ вина. Составлялся кадрили, въ который вовлекались солидные, уже больше не танцующіе кавалеры. Въ немного опустѣломъ залѣ звуки оркестра казались болѣе полными. Рихтеру съ трудомъ удалось водворить порядокъ. Хозяйка дома просила его продирижировать, и онъ охотно согласился. Съ нимъ въ первой парѣ танцевала худощавая, стройная блондинка среднихъ лѣтъ. Ея волосы цвѣта льна и блѣдность лица составляли странную особенность и привлекали вниманіе. Пенснэ, которое она никогда не снимала, придавало нѣкоторую сухость, педантичность ея выраженію. Изящная въ туалетѣ и манерахъ, подвижная, очень умная и сердечная, она пользовалась всеобщей любовью, и самыя злые языки не находили возможности сказать о ней что-нибудь нехорошее или набросить на нее тѣнь. Она безпредѣльно любила своего мужа, красавца Борисова, въ угоду ему вела свѣтскій образъ жизни и въ обществѣ молодыхъ и стариковъ была желанной.

Рихтеръ, всегда осторожный въ выборѣ дамъ, оказывалъ много вниманія Борисовой, подмѣтивъ, что ея общества искали всѣ тѣ люди, передъ которыми ему слѣдовало улыбаться и расточать свои любезности. Его широкій умъ могъ мельчаться и раздробляться на какія угодно наблюденія и комбинаціи почти пошлаго характера. Ихъ *vis-à-vis* была Людомирова съ графомъ Эвеномъ, еще не старымъ, очень виднымъ, высокаго роста генераломъ, имѣющимъ большой вѣсъ при дворѣ и вѣчно озабоченнымъ поисками денегъ, которыя незамѣтно какъ-то испарялись изъ его бумажника, превращаясь въ собольн мѣха, ящики серебра, кольца и браслеты для Valmons и на прихоти вкѣренившихся въ немъ и въ семьѣ привычекъ къ широкой жизни. Графъ Эвентъ никогда не отличался умомъ, но умѣлъ во всѣхъ случаяхъ жизни быть корректнымъ, полнымъ чувства собственнаго достоинства и въ то же время удобнымъ для начальства. Въ молодости былъ красавцемъ и его иначе не называли, какъ «le beau comte». Но время коснулось своей неумолимой рукой его красоты. Отъ обаятельной, не покидавшей устъ улыбки осталась одна гримаса; вмѣсто густыхъ, пышно обрамлявшихъ лобъ, черныхъ волосъ—жидкія подкрашенныя прядки вокругъ значительно лысѣющаго черепа. Неизмѣнными остались привычка къ утонченной элегантности и любовь къ французенкамъ.

— Я непременно хочу, дорогой графъ, чтобы бенефисъ нашей очаровательной *madame Valmons* былъ выдающимся изъ всего

сезона...—говорила Людомирова графу въ промежуткахъ между фигурами кадрили.—Устройство всего этого требуетъ и большихъ хлопотъ, и главное—большого умѣнія. Я знаю, что никто лучше васъ не сумѣетъ организовать такой вечеръ...

— Я къ вашимъ услугамъ, Марія Константиновна, приказывайте.

— Элегантный подарокъ, ужинъ, цвѣты... все, все, дорогой графъ, возьмите на себя, а мы будемъ аплодировать и веселиться. Я съ восторгомъ передамъ въ ваше неограниченное распоряженіе нужную сумму и буду счастлива, если вы избавите меня отъ всѣхъ хлопотъ и счетовъ.

— *Charmé, madame, de vous être agréable* 1)!

— Ну, вотъ отлично... Значитъ, я могу быть покойна?—Людомирова остановила на его всегда улыбающемся лицѣ вопросительный, какъ будто что-то подразумевающийъ взглядъ.

— Марія Константиновна, я весь къ вашимъ услугамъ.

Эвентъ любезно склонился, цѣлуя ея руку.

«Надо написать поскорѣе Оттону Александровичу, чтобы пріѣзжалъ переговорить съ Valmons», думала про себя Людомирова, съ безпечной улыбкой дѣлая *chassé-croisé* со своимъ *vis-à-vis*.

Valmons, не покидая разъ навсегда усвоеннаго устало-томнаго вида, танцевала рядомъ и снисходительно выслушивала острые комплименты, которые подносилъ ей на прекрасномъ французскомъ языкѣ очень высокій титулованный камеръ-пажъ съ яркими, явно подкрашенными губами на замѣтно припудренномъ лицѣ. Въ этомъ кадрилѣ дамы высшаго свѣта и актрисы сменялись въ одну пеструю, безшабашно-веселую и парящую группу.

— *Que! mélange! On se croirait derrière les coulisses* 2)...—вполголоса протворилъ Рихтеръ, заканчивая фигуру и усаживаясь на мѣсто.

— *Oui, on s'amuse beaucoup* 3),—уклончиво отвѣтила Борисова, не любившая злословія.

Вашинловъ въ ожиданіи своихъ танцующихъ дамъ прошелъ въ роскошный кабинетъ хозяина, гдѣ нѣсколько мужчинъ пили ликеры и курили и съ интересомъ стали прислушиваться къ разговору высокопоставленнаго сановника и члена государственнаго совѣта Кршановскаго, высокаго старика съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, принадлежащаго къ партіи коло.

— Хоть ваша партія и стремится маскировать свои окольные пути, но политика ваша намъ ясна,—поныхивая сигарой, громко говорилъ генераль, сидя верхомъ на кожаномъ стулѣ и положивъ

1) Я счастливъ быть вамъ пріятнымъ.

2) Какое разнородное общество! Точно за кулисами!

3) Да, очень забавно.

оба локтя на его массивную рѣзнаго орѣха спинку:—цѣль вашей партіи добиться отвѣтственности министровъ; добиться вамъ этого дѣло нелегкое, такъ какъ мы не беззащитны, имѣя противъ васъ законъ, ограждающій насъ. Кромѣ того, у насъ есть твердое убѣжденіе, что введеніе вашего принципа у насъ въ Россіи абсолютно невысказано...

Кршановскій, стоя спиной къ тяжелому круглому столу, скрестивъ длинныя худыя ноги и опираясь ладонями объ его бортъ, отвѣчалъ мягкимъ, слегка вкрадчивымъ голосомъ, склонивъ голову на бокъ и дѣлая невѣрные ударенія.

— Но я говорю, мы знаемъ Францію, тамъ дѣлались отвѣтственности и ежели сдѣлано вотумъ съ недовѣріемъ къ министерству, то министерство моментально падало.

— Этого-то примѣра я и ждалъ отъ васъ, и болѣе яркаго вы не могли привести. Франція милая, но гибнущая, до мозга костей продажная страна. Не только ея министры подкупны, но и депутаты взяточники; ни для кого не тайна, что они погрязли въ лихоимствѣ и продажности на срамъ и позоръ своей родинѣ, а вы хотите того же и для Россіи. По счастью, мы далеки отъ этой заразы; у насъ не существуетъ этихъ позорныхъ подкуповъ при выборахъ, этихъ уплатъ за проведеніе дѣла. Мы чище по натурѣ и, если хотите, мы даже наивнѣе.

— Если разрѣшите быть откровеннымъ, ваше высокопревосходительство, то эту наивность я бы назвалъ некультурностью.

— Назовите, какъ хотите. Этотъ эпитетъ насъ не обижаетъ—мы къ нему давно успѣли привыкнуть, но мы себя считаемъ все же достаточно безупречными, чтобы относиться съ улыбкой снисхожденія ко всякаго рода эпитетамъ, и надѣемся и дальше удержаться на высотѣ этой безупречности. Мы идемъ по пути либеральнаго, *je maintiens l'expression*, либеральнаго прогресса, указаннаго нашимъ обожаемымъ монархомъ.

Едва окончился кадрили, какъ по настоятельной просьбѣ хозяйки, которая чуть не насильно его подвела, сѣлъ за рояль молодой итальянецъ, блондинъ съ необыкновенно симпатичной, располагающей къ себѣ наружностью. Нерѣшительно проводя пальцами по клавишамъ, слегка смущенный, онъ, видимо, не зналъ, какой музыкой можетъ угодить хозяйкѣ и гостямъ въ этотъ поздній часъ всеобщаго взвнченнаго настроенія.

— *Ma canta qualche canzona napoletana* ¹⁾,—посоветовалъ ему неподалеку стоящій итальянецъ, извѣстный мандолиннистъ.

Синьоръ Чеки взялъ нѣсколько красивыхъ тихихъ аккордовъ; его взглядъ устремился куда-то вдаль, и ласкающіе, чарующіе звуки полились изъ груди пѣвца: «*Oh sole, sole mio*», пѣлъ кому-то его

¹⁾ Пропой какую-нибудь неаполитанскую пѣсню.

страстный голосъ, и казалось, что вся тайна души, вся красота ея вылилась въ звукахъ, которые, треща и замирая, порождали въ фантазіи присутствующихъ неясныя грезы.

Большой серебряный жбанъ съ кривономъ и ликеры незамѣтно появились на небольшомъ столѣ и не давали угаснуть настроенію. Послѣ долгихъ упрасиваній Valmons согласилась декламировать. Ставъ въ пластичную позу и положивъ одну руку, унизанную кольцами, на спинку стула, она нѣсколько разъ вздохнула, обвела присутствующихъ томнымъ взглядомъ темныхъ миндалевидныхъ глазъ и очень изящно продекламировала два стихотворенія легкаго жанра. Ей аплодировали съ энтузіазмомъ; хозяйка дома пожимала ей обѣ руки, называла «*ma ravissante grande chérie*» ¹⁾, пили за ея здоровье. Въ это время подлѣ рояля уже сидѣлъ извѣстный мандолинистъ, полный брюнетъ съ живыми, слегка нахальными глазами, и перебиралъ струны своей мандолины.

— Bravo, bravo! Quelle surprise! Monsieur Мариучи, сперва вы будете играть solo, это восхитительно, а потомъ мы попросимъ нашу очаровательную Анну Михайловну спѣть намъ подѣ вашу мандолину цыганскіе романсы.

Небольшая компанія оставшихся гостей съ удовольствіемъ приготовилась слушать синьора Мариучи. Аккомпанировалъ Чекки, и оба итальянца своей страстной игрой еще болѣе пьянили ослабѣвшія головки дамъ. Людомирова тяжело дышала, ея глаза все время устремлялись въ сторону барона, сидѣвшаго поодаль въ спокойно-слушающей позѣ, и были такъ краснорѣчивы, что баронъ былъ шокированъ и осторожно нѣсколько разъ указалъ ей въ сторону мужа.

Анна Михайловна Дальская, артистка частнаго драматическаго театра, очень красивая, вызывающая въ манерахъ и рѣчахъ блондинка, эффектно одѣтая, съ бокаломъ въ рукахъ подошла къ роялю и послѣ короткихъ, вполголоса, переговоровъ съ Мариучи запѣла подѣ его аккомпаниментъ извѣстный и модный романсъ съ настоящимъ цыганскимъ пошибомъ. У Людомировой начинали трепетать всѣ нервы. Эти носовые звуки красиваго низкаго голоса пѣвицы, эта страстная, по нервамъ бьющая мелодія точно обжигала ея кровь и туманила голову, и безъ того ослабѣвшую отъ излишне выпитаго вина. Ей вдругъ захотѣлось дикаго, безшабашнаго, страстнаго веселья; хотѣлось разбить всѣ цѣпи соціальныхъ условностей и окунуться въ оргію звуковъ, ощущеній и чувствъ.

— Еще, еще! Умоляемъ васъ, еще! Восхитительно!—Она подошла къ роялю, ея губы невольнo шептали слова пѣсни, а глаза метали искры, которыхъ ея супругъ начиналъ страшиться, зная, что еще мгновеніе, и она сорвется, не сдержитъ себя и выкинетъ какую-нибудь штуку, о которой завтра же сама будетъ сожалѣть.

¹⁾ Моя очаровательная, любимая.

«Жизнь на радость намъ дана!»—выкрикнула пѣвица, и Людомирова, какъ эхо, повторяя за ней слова пѣсни, высоко подняла свой бокаль, передергивая обнаженными плечами.

— Браво, браво!

Кругомъ шумѣли и аплодировали. И вдругъ среди этого шума и возгласовъ изъ-подъ искусныхъ пальцевъ великолѣпнаго пианиста Чеки, полного рѣдкаго темперамента, вызывающе нахально вырвались звуки матчиша. Людомирова, не помня себя, поддаваясь порыву, сдѣлала первое движеніе танца, но, опомнясь, мгновенно остановилась; въ ту же секунду ее обступили нѣсколько мужчинъ и Valmons и стали умолять протанцевать матчишъ, который она «навѣрное такъ дивно танцуетъ». Чеки, задорно улыбаясь, точно подливалъ масла въ огонь, нарочно разжигая своей музыкой ея страстность, и она, граціозно подобравъ трэнъ и приподнявъ подолъ роскошнаго платья, передъ удивленными взорами своихъ гостей дала полную иллюзію опытной кафешантанной актрисы въ исполненіи скабрезнаго танца.

— Вотъ вамъ и политическій salon!—обратился къ своему сосѣду Кришановскій, высоко и многозначительно подымая брови. Многія дамы, стараясь скрыть за вѣромъ ядовитыя улыбки, насмѣшливо переглядывались. Борисова слышала, какъ Valmons за ей спиной обратилась къ графу Эвену:

— Elle danse grânement... on se croirait dans un cabaret de Paris ¹⁾.

Ей было и обидно и жаль Людомирову, такъ какъ она предвидѣла, сколько сплетенъ, сколько пересудовъ вызоветъ этотъ финаль бала и какъ зло и безжалостно будутъ язвить насчетъ Людомировой всѣ тѣ, которые сейчасъ аплодируютъ ей, пожимаютъ и цѣлуютъ руки, которые широко пользуются ея гостеприимствомъ, веселятся и будутъ еще веселиться и пить, и ѣсть въ ея домѣ.

Когда Людомирова, запыхавшаяся, раскраснѣвшаяся, со смѣхомъ бессильно упала на подставленный ей стулъ, ее окружила масса мужчинъ, ей аплодировали, говорили комплименты, восхищались ея граціей. Кос-кто изъ дамъ были настолько шокированы, что, незамѣтно сдѣлавъ знакъ мужьямъ, удалились. Людомировъ былъ внѣ себя: онъ нервно кусалъ губы, потиралъ руки и, боясь какой-нибудь новой выходки жены, упросилъ Чеки спѣть еще что-нибудь, надѣясь, быть можетъ, сгладить скверное впечатлѣніе. Борисова, наблюдавшая за всѣмъ, что вокругъ нея происходило, была слегка раздосадована двуличнымъ поведеніемъ многихъ изъ гостей. Отъ нея не ускользнули ни злыя замѣчанія, ни схищныя полуулыбки тѣхъ, которые сами же подбивали Людомирову и упрашивали про-

¹⁾ Она танцуетъ лихо... можно подумать, что находишься въ какомъ-нибудь парижскомъ кабаре.

тапцовать, а теперь разсыпались въ восторженнѣхъ похвалахъ. Подмѣтивъ волненіе и безпокойство хозяйна дома, она встала съ своего мѣста и вмѣсто того, чтобы ѣхать домой, подошла къ Людомировой, придвинула стулъ поближе къ ней и рѣшила отвлечь ее и, насколько возможно, охладить ее постороннимъ разговоромъ. Чеки пѣлъ еще, мацоллиннѣ игралъ, артистка мелодекламировала. Людомирова искала глазами барона, но это уже давно не было: шокированный ея выходкой, онъ незамѣтно скрылся, не пожелавъ даже проститься съ ней.

Было совсѣмъ утро и звонили къ ранней обѣднѣ, когда утомленные лакеи захлопнули за послѣдними гостями тяжелую дверь подъѣзда.

XV.

Вашилову очень хотѣлось застать Елену одну, и онъ пріѣхалъ въ три часа, зная, что свѣтское петербургское общество рѣдко начинаетъ свои визиты такъ рано. Но онъ ошибся. Когда онъ вошелъ въ ея гостиную, подлѣ большого круглаго стола, гдѣ былъ сервированъ чай, сидѣлъ, слегка отвалиясь въ креслѣ и заложивъ ногу на ногу, красивый сѣдой старикъ съ длинными, какъ серебро, бѣлыми бакенбардами, очень благороднымъ профилемъ матоваго лица и добрыми глазами.

— Справедливости нѣтъ, честности нѣтъ,—горячо продолжалъ онъ прерванный приходомъ Вашилова разговоръ.

— Переходное состояніе—броженіе умовъ, Анатолій Михайловичъ.

— Какое тамъ движеніе умовъ, Елена Павловна! Что вы миѣ говорите. Религія упала, въ Бога мало вѣрятъ, потому и жизнь человѣческая стала ни по чемъ. Не говорю о временныхъ смутахъ,—дыбомъ волосы становились, читая, съ одной стороны, террористическіе акты озлобленныхъ людей, а съ другой массовыя разстрѣливанія, повѣшенія... Братъ на брата... И до сихъ поръ то и дѣло попадаетъ въ газетахъ: того повѣсили, того разстрѣляли, тотъ самъ застрѣлился. Гдѣ же тутъ устои морали христіанской? Безбожіе и мерзость!

— А я полагаю, что причины этихъ крайнихъ карательныхъ мѣръ надо искать въ распущенности дисциплины и въ миндалянничаньи съ народомъ,—вставилъ Вашиловъ,

— Ищите причины въ темнотѣ и дикости, въ которой до сихъ поръ пребываетъ нашъ народъ. Высшія сферы нарочно поддерживали это состояніе тьмы, отлично понимая, что просвѣщеніе откроетъ народу глаза, и онъ возмутится состоянію своей подавленности... Что же касается миндалянничанья, какъ вы изволили выразиться, то не угодно ли вамъ просмотрѣть отчетъ тюремнаго управленія: за послѣднія пять лѣтъ населеніе тюремъ удвоилось и къ этому

году достигло огромной цифры въ 175.008 человекъ. Страшно взглянуть въ подсчеты всѣхъ несчастныхъ жертвъ нашего правосудія, лишенныхъ свѣта жизни. А вы обвинять изволите въ миндальничаньи!

— Намъ не должны запугивать цифры. Чтобы вылооть гряду и сохранить овощъ, неминуемо уничтожается большое количество сорной травы. Когда надо спасти идею государственнаго строя, правительство не имѣетъ права отступать изъ страха количества жертвъ. Смерть за смерть, терроръ за терроръ.

— По праву старика позвольте замѣтить, что рѣчь ваша недостойна истиннаго христіанина. Государство, основанное на исключительныхъ интересахъ высшаго сословія и управляемое антихристіанской идеей жестокости и мести, не можетъ достигнуть кульминаціонной точки благосостоянія и культуры. Культурной страной можно назвать лишь ту, гдѣ массой руководить средній уровень морали, а не угроза кары. Народъ, въ которомъ есть сознание чувства долга, можетъ вынести на своихъ плечахъ что угодно. Если невѣжество и низкія страсти дискредитируютъ народную мораль, то надо сознаться, что наше культурное общество страдаетъ болѣзью полного къ ней безразличія. Мы склонны итти къ упадку, потому что интеллектъ и совѣсть, аристократія ума и грубый народъ идутъ у насъ разными путями. Наша русская цивилизація изобилуетъ эпикурейцами, нигилистами, порнографистами, декадентами, террористами и, преумножая ихъ, ведетъ къ химическому разложенію общества на элементы. Все отрицающіе и извѣрившіеся умы, подъ видомъ утонченныхъ и глубокихъ мыслителей, не болѣе, какъ эгоисты и безбожники; они безучастны и безразличны къ постигающимъ страну смутамъ и несчастьямъ. Умныхъ людей въ Россіи не занимать стать, а вы укажите мнѣ на людей добрыхъ, на людей гуманныхъ, для которыхъ правосудіе, уваженіе къ личности и любовь къ ближнему не были бы понятіями, отошедшими въ преданіе.

— Разумѣется, я не берусь оспаривать высокую гуманность вашихъ идей, но кодексъ чистаго христіанства не всегда совмѣстимъ съ указаціями государственнаго строя и политической экономіи.

— Извините-съ, для разумнаго, добраго и честнаго человека они совмѣстимы, а для тѣхъ, кто и узаконенія государственнаго строя, и всевозможныя политическія экономіи стремится перетолковать въ сторону личныхъ, а не общественныхъ интересовъ, не интересовъ своей страны, для того, конечно, заповѣди Христа—узкая мораль. А я вамъ скажу, что репрессіями, беззаконіями и жестокостью мы оттачиваемъ оружіе, направленное на насъ. Карайте, но будьте милостивы и человеколюбивы. А у насъ что творится? Развѣ нѣтъ насилія? Развѣ нѣтъ злобной жестокости? Изволили слышать, что творится на Амурской желѣзной дорогѣ? О телеграммѣ въ Петербургѣ изволили слышать? Позоръ! Я, знаете, служилъ честно моему

царю, но и передь Богомъ и своею совѣстью былъ чистъ. Куда ни погляди—лѣзуть другъ на друга, готовы оклеветать самого Бога въ угоду властямъ и для полученія чина; кого угодно сотрутъ съ лица земли, если поперекъ дороги станеть. Алчность къ наживѣ, къ почестямъ, мелкая зависть... Чортъ съ ними со всѣми! Смотрѣть и слушать омерзительно.

— Анатолій Михайловичъ, дорогой мой, ну, полно волноваться; вѣдь не исправите людей. Всегда это было и будетъ... Для того и Моисей, и Магометъ, и Будда, и Спаситель приходили на землю, чтобы поднимать нравственность и напоминать о существованіи идей добра и правды. Конечно, грустно все это...

— Настолько грустно и противно, что, несмотря на желаніе не тревожить себя и не заводить разговоръ на эту тему, вотъ, какъ видите, нѣтъ-нѣтъ, а прорвется. Моя хата теперь съ краю. Не желаю служить въ шайкѣ господъ, грабящихъ Россію и позорящихъ имя благороднаго и добраго Государя. Однако... четыре часа... я засидѣлся.

— Ну, нѣтъ, въ кои вѣки пришли ко мнѣ и такъ скоро уходите.

— Я не виноватъ, что у васъ, когда ни придешь, все велико-свѣтскіе приемы, которыхъ я терпѣть не могу. Да и далеко мнѣ. Пока доберусь при помощи трамвая до дому, едва посиѣю къ обѣду.

— А вы на извозчикѣ.

— Благодарю покорно! Чтобъ онъ меня вывернулъ! Распустила полиція этихъ мерзавцевъ до того, что они очертя голову лѣзутъ подъ трамваи. Я не охотникъ себѣ шею ломать. Ну-съ, мое почтеніе. Не забывайте же меня, старика... вѣдь вотъ еще какой зналъ,—добродушно обратился онъ къ Вашилову:—подъ столомъ ходила, въ коротенькихъ юбочкахъ... шалунья была, а сердце доброе, такое и осталось; только вотъ плохо, что выѣзжаетъ много и замужъ не выходитъ! А? Не повѣрю, чтобы жениховъ не было; отчего замужъ не выходите?

— Довольно одного раза, Анатолій Михайловичъ, мнѣ и такъ хорошо.

— Вѣрно, вѣрно, умница! Я пошутилъ. И свободна, и спокойна. Молитесь Богу, не забывайте бѣдныхъ, и вѣкъ свой хорошо доживете. Всего хорошаго.

Старикъ распрощался. Елена вышла проводить его въ переднюю.

— Славный старикъ, не правда ли?—обратилась она къ Вашилову.—Старинный другъ моей семьи. Высокочестный и добрый, но слишкомъ прямолинейный, къ жизни мало приспособленъ.

— Да, видно, что убѣжденный, но служить съ нимъ не желалъ бы.

— Почему?

— Изволите ли видѣть,—съ такими типами трудно сговориться-съ. Вы ему будете приводить статью закона, а онъ вамъ о христіанской любви къ ближнему.

— Ничего не значит, умный человек все совместить. Поговорим теперь о другом. Расскажите мне ваши впечатлѣнія послѣ бала.

— Послѣ бала у меня на другой день голова болѣла, и я была золь, такъ какъ терпѣть не могу вмѣсто ночи ложиться утромъ. Самое радужное впечатлѣніе изъ всего этого вечера—разговоръ съ вами и самое несправдливое—финалъ въ видѣ танцевъ хозяйки дома. Я бы на мѣстѣ мужа по головкѣ за это не погладила.

— И вы тоже? Вѣдная Мариша! Вы не повѣрите, сколько ей достается за эту глупую и въ сущности невинную выходку. Только и разговоры теперь объ этомъ. Чешутъ, чешутъ языки, а сами же и подбивали. Я сколько разъ повторяла ей, чтобы она на своихъ пріемахъ воздерживалась отъ шампанскаго, которое ее страшно скоро пьянитъ, и тогда ей море по колѣно.

— То-то и бѣда, что выдержки нѣтъ; въ жизни безъ выдержки недалеко уѣдешь. А вы, Елена Павловна, съ выдержкой?

— Я вамъ ничего не скажу, такъ какъ жду отъ васъ своей характеристики, которую вы отложили на день вашего визита.

— Извольте-съ. Постараюсь быть краткимъ и точнымъ. Вы очень умны, наблюдательны, добры и снисходительны. Послѣднія три качества я имѣлъ случай подмѣтить на балу. Вы энергичны и, вѣроятно, честолюбивы. Думаю, въ жизни вы можете быть опаснымъ противникомъ. Какъ женщина, вы обаятельны и, конечно, сразили не мало жертвъ. Вѣроятно, вы очень страстны и много въ вашей жизни любили. Въ васъ есть что-то самобытное, очень оригинальное и притягивающее. Вы шіса, обаятельная шіса... Ну, вотъ-съ и кончили. Вѣрна моя характеристика?

— Есть пункты полного заблужденія, совершенно противоположные моей натурѣ.

— Какіе-съ?

— Этого я не скажу. Но есть и очень вѣрно подмѣченные черты.

— Вотъ видите-съ, а мне вы изволили преподнести такую характеристику, въ которой я совсѣмъ потерялся; и самое забавное, что я бабникъ. Въ чемъ, въ чемъ, а ужъ по этому пункту очень мало грѣшенъ. Сознаюсь, что общество женщинъ я очень люблю и зачастую предпочитаю его мужскому, но на увлеченія не падокъ, отчасти по натурѣ, отчасти въ силу того, что я человекъ очень занятой, сильно привязанный къ своему труду и некогда мне тратить драгоценное время на амуры. Имѣть умную, энергичную и красивую подругу-товарища для борьбы съ жизнью, конечно, желалъ бы и я, но долженъ признаться, что мне не повезло и до сихъ поръ я такой не встрѣчалъ. Извольте ли видѣть, я способенъ полюбить только ту женщину, съ которой меня соединила бы общность идей, общность стремленій, обоюдное завоеваніе жизни, общій трудъ, общая ежедневная борьба къ достиженію цѣли. Да, такой женщины-

товарищу я былъ бы способенъ открыть все тайники души моей. Быть заговорщиками, обсуждать все планы, провѣрять свои рѣшенія и вмѣстѣ торжествовать—это счастье. Но, очевидно, это не для меня; до сихъ поръ, повторяю, не встрѣчалъ, а если бы и встрѣтилъ, могъ ли бы надѣяться, что она захочетъ меня?

— Значить, вы никого не любили въ вашей жизни?

— Никого-съ.

— Никѣмъ не увлекались?

— Искренно... никѣмъ, — отвѣтилъ Башиловъ, не моргнувъ глазомъ, безъ тѣни колебанія.

— Ну, что вы рассказываете! Я вамъ не вѣрю... — Елена разсмѣялась.

— Позвольте спросить, почему? Развѣ я похожъ на человѣка, не внушающаго довѣрія?

— Нѣтъ, не потому. Напротивъ, вы должны быть очень положительны. Но... по—неужели у васъ никогда не было связи? Наконецъ, вѣдь вы же были женаты.

— Извольте, я буду откровененъ, мнѣ хочется имъ быть; съ вами говорится, какъ съ добрымъ товарищемъ. Женился я рано; ухаживалъ какъ будто бы за одной, а предложеніе сдѣлалъ совершенно неожиданно для самого себя другой. Вышло это какъ-то глупо и по-мальчишески. Однако жениться пришлось. Родился сынъ, котораго мы оба обожали, и онъ былъ между нами связующимъ звеномъ, такъ какъ, признаюсь, жену я любилъ мало, но жили мы прилично, основывая наши чувства на взаимномъ уваженіи. Прожили около десяти лѣтъ. Жена влюбилась, просила развода. Я ей его далъ и все, что при этомъ полагается. Я лично былъ противъ развода, жаль было гнѣздо разорять и разставаться съ сыномъ, который до четырнадцати лѣтъ долженъ былъ жить съ ней. Пріѣхалъ я въ Петербургъ, имѣя три рубля въ карманѣ и золотые часы, которые съ мѣста же и заложилъ. Кидался во все стороны и, когда получилъ мѣсто, засѣлъ за работу и пять лѣтъ трудился, какъ чернорабочій, не позволяя себѣ ни на іоту отступить отъ начертаннаго плана. Очень бывало тяжело. И одиночество меня давило, и жажда жизни предъявляла свои права; однако я вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы и горжусь теперь тѣмъ, что и средства, и генеральскій чинъ, и кое-какія связи добыты личнымъ трудомъ, безо всякихъ протекцій и вспомогательныхъ средствъ. Отъ женщины я тогда прямо-таки отвыкъ и вотъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи въ поѣздкѣ по ревизіи, встрѣтился съ одной дамой. Очень живая, миленькая, добрая женщина. По службѣ долженъ былъ около двухъ недѣль пробыть въ томъ городѣ; вечера проводилъ у нихъ; какъ это всегда бываетъ въ провинціи, меня немощко фетировали, какъ петербургскаго чиновника; театры, ужины, всякіе разговоры; я слегка приволокнулся, цѣловалъ ручки... Ничего,

все это очень хорошо было и чинно и весело. Вернулся въ Петербургъ и, какъ обѣщано было, написалъ письмо; увлекся настроеніемъ, не разсудилъ и попросту солгалъ: написалъ, что очень огорченъ разлукой и тоскою, а у самого дѣлъ было по горло; затѣвалъ, знаете, крупный рискъ—такъ былъ занять, что и вспомнить ее некогда было. И поплатился за ложь. Хотѣла меня утѣшить и недѣли черезъ двѣ сюда прикатила. А тамъ мѣсяца черезъ два опять пріѣхала. Зачѣмъ было ее огорчать?—она мнѣ не мѣшала. Такъ и затянулась связь. Съ ея стороны много любви и самопожертвованія, а...

— А съ вашей—много снисхожденія?—улыбнулась Елена.

— Пожалуй, что и такъ. Но этотъ случай заставилъ меня разъ навсегда дать себѣ слово не писать женщинамъ чувствительныхъ писемъ и никогда не говорить имъ о любви. Да я и не понимаю этого слова, но буду очень обязана той женщинѣ, которая заставитъ меня понять его смыслъ.

— А для чего вамъ это?

— Да какъ же-съ? Все-таки хотѣлось бы испытать чувство, присущее всѣмъ.

— Во-первыхъ, далеко не всѣмъ, а, во-вторыхъ, для чего искать того, безъ чего вы отлично прожили и что можетъ быть помѣхой. Мнѣ кажется, что по натурѣ вы неспособны на бурныя чувства, потому что вы человѣкъ разсудка, воли и неуклонно принятыхъ рѣшеній.

— Такъ-съ. Это вѣрно. Если любовь можетъ быть помѣхой, то, значитъ, я правъ, что не ищу ея, но, съ другой стороны, почему не предположить, что любимая женщина, подруга-вдохновительница, можетъ быть помощницей въ борьбѣ за жизнь, а не помѣхой?

— Потому что очень мало женщинъ съ мужскимъ складомъ ума и если такая попадется вамъ на пути, вы же первый начнете ея сторониться, изъ страха, чтобы она не развѣнчала ваши доблести, не подмѣтила бы всѣ ваши маленькія слабости и чтобы не стала смотрѣть на васъ, какъ на равнаго себѣ; вѣдь мужчины ужасно любятъ, чтобы женщины поклонялись ихъ уму и всякимъ тамъ качествамъ, хотя бы и не существующимъ. Всѣ эти разговоры о женщинѣ-товарищѣ только на словахъ, а на дѣлѣ выходитъ иное—все это ложь.

— А что же на дѣлѣ-съ? Женщина-раба, послушная и безотвѣтная раба?

— Разумѣется. Оно и удобнѣе и менѣ хлопотливо.

— Елена Павловна, искренно и восторженно преклоняюсь передъ вашимъ умомъ и потому буду льстить себя надеждой, что, быть можетъ, вы захотите узнать меня поближе и тогда выдѣлите изъ общей массы мужчинъ, которыхъ я глубоко всегда порицаю именно за эту черту характера, вкоренившуюся путемъ атавизма.

Вы правы, женщины съ мужским складомъ ума мало, можно прожить цѣлую жизнь и не встрѣтить, но онѣ все-таки есть и притомъ сохранившія всю прелесть женственности; предъ ними я склоняюсь до земли...

Башиловъ всталъ и низко склонился предъ Еленой, дотрогиваясь котелкомъ, который онѣ держалъ въ рукахъ, до самаго пола.

— Ого, Владимиръ Ивановичъ! Bravo, bravo!

Начали прибывать новые посѣтители, и Башиловъ, просидѣвъ изъ приличія еще нѣсколько минутъ, поднялся съ своего мѣста.

— Мнѣ говорила моя пріятельница Евгенія Михайловна, что вы приняли участіе въ ея дѣлахъ и много ей помогли... это очень мило съ вашей стороны,—сказала Елена, пожимая ему руку и отходя съ нимъ нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Помилуйте, о чемъ тутъ говорить! Я всегда готовъ быть полезнымъ, кто бы меня ни попросилъ, если это въ моихъ силахъ, а тѣмъ болѣе такая симпатичная личность, какъ Евгенія Михайловна. Очень радъ, если угодилъ ей.

— Вы сдѣлали все самое главное. Я ее очень люблю и потому очень благодарю васъ.

— Ваша благодарность дѣлаетъ меня счастливымъ. Прошу васъ передать Евгеніи Михайловнѣ мое глубокое почтеніе.

Башиловъ съ чувствомъ, но вполне корректно, поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

XVI.

Прошелъ постъ. Приближалась весна. Почти незамѣтно для участвующихъ лицъ обстоятельства начали видоизмѣняться. Башиловъ, со свойственной ему осторожностью, рѣшилъ, что ничего не измѣнится, если онѣ сдѣлаетъ Евгеніи Михайловнѣ предложеніе осенью, такъ какъ лѣтомъ ему предстоятъ служебныя поѣздки и все равно они видѣться не могутъ, да и разводъ долженъ былъ кончиться не ранѣе лѣта. Съ ней онѣ былъ попрежнему очень нѣженъ, но сдержанъ и крайне остороженъ; взвѣшивалъ каждое слово и избѣгалъ всякихъ разговоровъ о будущемъ. У Елены бывалъ онѣ время отъ времени, всегда былъ очень выдержанъ, но не скрывалъ своего восхищенія, когда оставались съ глазу на глазъ. Постепенно онѣ изучилъ ея характеръ, ея жизнь, ея умѣнье и ловкость въ общеніи съ людьми, и въ его умѣ начинала складываться какая-то туманная, еще не опредѣленная картина будущаго, надъ которой онѣ пока мало задумывался.

Генералъ Орловъ, вернувшійся послѣ Пасхи изъ своего путешествія за границу, въ первые же дни встрѣтилъ Елену, которая съ чувствомъ теплой ласки протянула ему руку, и онѣ опять не

выдержала борьбу и начал бывать у нея, затаивъ въ душѣ щемящее чувство обиды. Онъ пересталъ напоминать ей о своемъ чувствѣ, но оно свѣтилось въ глазахъ, прорывалось въ тонѣ голоса.

Отношенія барона начинали принимать тяжелую для Людомировой форму, такъ какъ, послѣ исторіи съ танцами на балу, она сразу потеряла въ его глазахъ свое обаяніе, и онъ, хоть и въ очень корректной формѣ, далъ ей это понять. Людомирова вспылила, наговорила массу колкостей, обвинила его же въ легкомысленномъ отношеніи къ женщинамъ и разсталась съ твердымъ желаніемъ покончить всякія отношенія, но не прошло и недѣли, какъ зазвонилъ телефонъ и посыпались записки. Примиреніе состоялось, но со стороны барона Людомирова чувствовала охлажденіе, съ которымъ не могла примириться, такъ какъ онъ правился ей все болѣе и болѣе. Какъ противовѣсь ея беспокойной, беспорядочной натурѣ, его строгая систематически сдержанность и цѣльность принципиальныхъ убѣжденій ее и плѣняла и сердила. Она никогда и никакими способами не могла добраться до его души, которую онъ зорко оберегалъ отъ вторженія дамъ, съ которыми часто имѣлъ дѣло, но относился къ нимъ всегда критически и въ глубинѣ души осуждалъ за легкомысліе. Людомирова чувствовала, что, несмотря на ихъ отношенія, онъ гораздо ближе и откровеннѣе съ Еленой. Постепенно нарастающее ревнивое чувство начинало достигать крайнихъ предѣловъ. У Людомировой затаилась глухая вражда противъ Елены; но она старалась до поры до времени ее тщательно скрывать. Баронъ замѣчалъ эти враждебныя отношенія, и они еще болѣе унижали ее въ его глазахъ и возвышали Елену, которая не разъ хотѣла вызвать Людомирову на откровенность, чтобы успокоить ея подозрѣнія и убѣдить, что, кромѣ дружбы, она ничего не питаетъ къ Штадену; но Людомирова избѣгала всякихъ объясненій, хитрила и была неестественно любезна. Зато съ Valmons ихъ связывала, казалось, тѣсная дружба. Людомирова много шумѣла и раздувала ея успѣхъ на сценѣ и среди мужчинъ, безпрестанно брала ложу на ея спектакли, предшествуемая графомъ Эвеномъ, бѣгала къ ней въ уборную, называла «*ma ravine chérie*», зазывала въ свою компанію на ужины, въ рестораны, выхлопотала ей кое-какія льготы у дирекціи театра и, наконецъ, принявъ дѣятельное участіе въ ея бенефисѣ, на празднованіе котораго она безконтрольно передала Эвену очень крупную сумму, она добилась того, что Valmons была отъ нея въ восторгѣ, а графъ цѣловалъ ей ручки и считалъ себя у нея въ долгу. Людомирова могла быть спокойна, что дѣло съ камергерствомъ мужа было ею улажено очень ловко и безповоротно.

Назначеніе Берга на постъ генераль-губернатора состоялось, и его слово въ глазахъ Valmons и того же Эвена имѣло уже нѣкоторый вѣсъ. Бергъ съ назначеніемъ мужа почувствовала себя на высотѣ такого величія. Вокругъ нея начали лебезить всѣ приближен-

ные мужа и у нея совсѣмъ закружилась голова; теперь она была увѣрена въ своей неотразимости, и сплетня Людомировой, когда-то такъ встревожившая ея сердце, давно потонула въ полномъ убѣжденіи, что Башиловъ не такъ глупъ, чтобы порвать съ ней теперь, когда она можетъ быть ему полезной. Новизна положенія, устройство по мѣсту новаго жительства пышной квартиры, визиты, пріемы и новыя обязанности генераль-губернаторши какъ будто слетка охладили ее къ Башилову; несмотря на то, что пріѣзды въ Петербургъ стали теперь для нея болѣе затруднительными, она рѣже писала ему и не такъ надоѣдала упреками въ отсутствіи вѣстей. Такое положеніе дѣлъ было ему очень на руку и давало возможность комбинировать свою жизнь съ наименьшимъ количествомъ лжи, которую онъ въ принципѣ не одобрялъ, какъ невыгодный компромиссъ, могущій дискредитировать обаяніе силы и смѣлости.

Данцова любила, мучилась, молчала и покорно ждала завѣтнаго дня, когда ей не надо будетъ надѣвать густую вуаль, краснѣть и прятать свое взволнованное лицо отъ пытливыхъ глазъ своей горничной или съ бьющимся сердцемъ незамѣтно проскальзывать мимо швейцара, не переводя дыханіе взбѣгать на третій этажъ и, нервно озираясь на лѣстницу, звонить условныхъ три звонка у двери Башилова. Ихъ отношенія все больше и больше увеличивали въ ней чувство обиды и оскорбленія женской гордости за эти жертвы самолюбія въ глазахъ челяди, но она любила и потому молчала и терпѣливо ждала.

Юрьевъ со свойственной ему пылкостью весь отдался чувству влюбленности къ юной дѣвушкѣ, которою онъ былъ уже увлеченъ года два тому назадъ, дѣлалъ ей предложеніе и получилъ отказъ; не такъ давно она вновь его призвала, и его любовь сильнѣе разгорѣлась; она, польщенная его постоянствомъ, ласково ему улыбалась, позволяла застегивать перчатки, душила своими духами, кокетничала и какъ будто бы держала его про запасъ. Юрьевъ же, глядя на нее, мечталъ о семейномъ гнѣздѣ, о тихой скромной и уютной квартиркѣ, о долгихъ зимнихъ вечерахъ, проводимыхъ съ глазу на глазъ съ любимой женой, мечталъ о всемъ томъ, о чемъ мечтаетъ не испорченный воображеніемъ человѣкъ, съ простодушнымъ сердцемъ, со скромными стремленіями къ тихой и конечной пристани. Едва онъ просыпался, какъ уже ждалъ завѣтнаго телефона, призывающаго его то на катокъ, то на скетингъ, на прогулку по набережной, на тройкѣ за городъ, на скачки, на авіацію, въ Павловскъ на музыку; шумной и веселой компаніей возвращались домой, поздно обѣдали, поздно ужинали... Дни мелькали, какъ радостные сны, вносящіе въ довѣрчивую, простую душу Юрьева яркіе лучи надежды на приближающееся счастье.

Къ Еленѣ онъ сталъ ѣздить очень рѣдко, урывками; всегда сіяющій, шумный и веселый, онъ вносилъ какую-то безпорядочность въ ея сосредоточенно-задумчивое настроеніе. Послѣ вечера, проведеннаго у него за чтеніемъ записокъ его брата, прибавилось что-то смутное въ переживаніи Елениной души. Эти «памятки» направили ея мысли къ критическому, болѣе сторговому и глубокому отношенію и къ самой себѣ и къ окружающимъ, и состояніе унылой тоски стало посѣщать ее чаще прежняго. Раза два она попробовала сходить ко всеобщей и молилась давно забытыми словами дѣтскихъ молитвъ, которыя она когда-то любила сама сочинять; онъ согрѣвали ея душу; успокаивали, слегка отодвигая отъ суетности окружающей среды. Юрьевъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ она могла подѣлиться состояніемъ своей души, но онъ такъ былъ захваченъ своимъ счастьемъ, что не могъ вмѣстить и понять теперь ничьихъ чужихъ настроеній. Яркой, выпуклой личностью, интересной своей смѣлой энергіей и удивительной жизнерадостностью, былъ Башиловъ, выдѣляющійся между всѣми ее окружающими людьми. Она видѣла въ немъ интересный и новый для нея типъ смѣло идущаго къ своей цѣли человѣка, увѣреннаго въ себѣ и своихъ способностяхъ и прокладывающаго дорогу самостоятельнымъ трудомъ и смѣлостью своей мысли.

— Я смѣлъ до наглости, — говаривалъ онъ не разъ Еленѣ, и, всматриваясь въ его глаза, она этому легко вѣрила. — Или я пушусь на крупнѣйшія аферы, чтобы приобрѣсть громадное состояніе и стать во главѣ всевозможныхъ нововведеній, сдѣлаться организаторомъ самыхъ смѣлыхъ предпріятій, вносить съ собой повсюду свѣтъ и движеніе, или же я долженъ достигнуть высшихъ ступеней служебной карьеры, чтобы чувствовать себя рычагомъ громадной машины, главной двигательной силой; во мнѣ живетъ душа борца и завоевателя.

Елена вглядывалась въ Башилова, прислушивалась къ его рѣчамъ и интересовалась имъ все больше и больше. Она видѣла, какъ была его жизнь полна захватывающаго интереса, сколько было въ немъ любви къ труду, сколько увѣренности въ пользѣ, которую этотъ трудъ приноситъ вокругъ себя. Не было сомнѣній, все было опредѣленно, ясно, и потому отъ этого человѣка вѣяло бодростью духа и отчетливостью мысли, которой Елена не встрѣчала въ окружающихъ. Встрѣчи съ нимъ ее бодрили, встряхивали, порождали въ ней желаніе знать подробнѣе его дѣла, его проекты, его удачи; она изучала его и, сама того не замѣчая, понемногу втягивалась въ его интересы служебныхъ и частныхъ дѣлъ.

Когда Башиловъ долго не заѣзжалъ къ ней, она иногда вызывала его къ себѣ по телефону.

— Заѣзжайте почаще поболтать со мной; вы съ вашей кипучей дѣятельностью вливаете струю бодрости и интереса въ мою ненужную жизнь, — сказала она ему какъ-то.

— Елена Павловна, вы даёте мнѣ гораздо больше, чѣмъ берете сами,—отвѣтили онъ и, ожидая съ ея стороны неминуемаго вопроса, приготовили смѣлый отвѣтъ, но Елена взглянула на него удивленными глазами и промолчала.

«Да, это не Евгенія Михайловна, подумалъ онъ про себя. Узнавъ, что Елена собирается уѣхать къ себѣ въ подмосковное имѣніе, Башиловъ пріѣхалъ къ ней проститься; онъ засталъ ее въ гостино й за укладкой книгъ, которыя она отбирала и готовила къ отправкѣ.

— Я вамъ помѣшалъ?

— Нисколько... я всегда вамъ рада. Садитесь, я сейчасъ окончу.

— Куда вамъ такая кипа книгъ?

— Надо же намъ что-нибудь читать въ деревнѣ.

— Кому это намъ? Развѣ вы не одна ѣдете?

— Ко мнѣ ѣдетъ гостить на все лѣто Евгенія Михайловна, я очень рада, что удалось уговорить ее.

— Вотъ какъ.

Башиловъ сдѣлалъ видъ, что впервые это слышитъ, тогда какъ Донцова совѣтовалась съ нимъ на этотъ счетъ, и онъ же уговорилъ ее ѣхать къ Еленѣ, а не оставаться подъ Петербургомъ, какъ она этого хотѣла изъ желанія не разставаться съ нимъ до начала іюля, то есть до его отъѣзда въ командировку.

— Вы любите Шопенгауэра?—спросила Елена, перелистывая томъ и укладывая его въ ящикъ, стоящій передъ нею на полу.

— Нѣтъ, не люблю. Ни Шопенгауэра, внушающаго пессимистическое отношеніе къ жизни, ни другихъ философовъ. Я люблю реальную жизнь, а не математическія выкладки о ней, идущія всегда вразрѣзъ съ практическими вопросами и здравымъ стремленіемъ впередъ. Философія есть неограниченная свобода разума и потому не совмѣщаемая съ идеями политическими, социальными и религиозными. Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что цѣль моя: завоеваніе жизни, а для этого необходима строгая система, отчетливое опредѣленіе своихъ вѣрованій, своихъ направленій, своей принадлежности къ тому или иному политическому лагерю. Философія же сбиваетъ насъ съ толку, какъ какъ по своему существу она не можетъ быть ни христіанской, ни языческой, ни демократической, ни монархической, ни либеральной, ни консервативной, ни социальной, ни индивидуальной. Чтобы увлекаться и раздѣлять философскія умозрѣнія, необходимо, по моему мнѣнію, отрѣшиться отъ своего «я» и смотрѣть на жизнь съ птичьяго полета, быть только зрителемъ, а не актеромъ.

— Да, актеромъ, и трагикомъ, и комедіантомъ...—серьезно глядя на Башилова, проговорила Елена.

— Да, именно вы правы: и трагикомъ, и комедіантомъ... Какъ это вы тонко опредѣлили.

— Послушайте. Владимиръ Ивановичъ, а вы увѣрены, что въ васъ сидитъ такой артистъ. Вы увѣрены, что такъ или иначе, а вы заставите склоняться передъ собой не толпу, — съ толпой дѣло имѣть легче! — а отдѣльныхъ лицъ?

Елена отложила книги, пересѣла въ кресло и, облокотясь о столъ, смотрѣла въ лицо Башилова такимъ испытующимъ, серьезнымъ взглядомъ, что ея лицо приняло новое для Башилова выраженіе сосредоточенной и упорной мысли.

— Вотъ-съ, Елена Павловна, вы коснулись моей больной струны, которая страшно всегда диссонируетъ и, я чувствую, мѣшаетъ мнѣ. Скажу вамъ такъ: если бы я не былъ порядочнымъ человѣкомъ, то я могъ бы желать, чтобы случилась крупная политическая катастрофа, чтобы всѣ растеряли головы и озвѣрѣвшая толпа разбушевалась бы; повѣрьте мнѣ, что такой моментъ былъ бы моимъ триумфомъ. Я чувствую въ себѣ силы укротителя и повелителя. Я вышелъ бы передъ толпой безъ тѣни страха или волненія и былъ бы артистомъ, достойнымъ своей роли; я бы внушилъ этой многоголовой гидрѣ свою волю, заставилъ бы ее силой моего слова повиноваться мнѣ и даже любить меня. Тамъ, гдѣ нужна рѣшимость и натискъ, тамъ я побѣдитель. Но у меня есть немало враговъ. Передъ толпой — я актеръ, для отдѣльныхъ же личностей я противникъ и, сознаюсь съ горечью, противникъ хоть и опасный, по малу искусный въ дѣлѣ интриги и притворства. Иной разъ вѣдь отлично знаю, что надо промолчать, пропустить мимо ушей, а меня будто бы кто дернетъ, ни за что не спущу, отщелкаю, по всѣмъ пунктамъ разобью и наживу врага-съ...

— Вѣроятно, вы вспыльчивы и заносчивы.

— Вы угадали; мнѣ это очень вредить.

— Да, съ людьми надо умѣть ладить. Можно и отщелкать иной разъ и вспылить, а все-таки не создавать себѣ враговъ, потому что зачастую давно забытый иногда ничтожный врагъ неожиданно становится намъ поперекъ дороги въ самый критическій моментъ.

— И самъ себѣ я это не разъ говорю, да вѣдь не передѣлать себя въ корень въ сорокъ пять лѣтъ, зато и ломаешь иной разъ голову надъ брошеннымъ жребіемъ, какъ говорится, до одури. Вотъ хоть бы и сейчасъ: надо поскорѣе рѣшить сложный вопросъ, у меня голова какъ въ туманѣ.

— Вы такъ озабочены?

— Да, очень.

— Я не въ силахъ вамъ помочь?

— Кто знаетъ... вѣдь вы умница.

— Ну, попробуйте, расскажите, въ чемъ дѣло, и вѣрьте, что и серьезные и несерьезные секреты я умѣю хранить.

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что циркулируетъ упорный слухъ, будто бы Рихтеръ назначается товарищемъ нашего министра. Для

меня его назначеніе—зарѣзъ, такъ какъ я ему крайне неудобенъ. Рихтера я знаю-съ; съ его назначеніемъ онъ мнѣ преградитъ всѣ пути къ большой карьерѣ. Одновременно съ этимъ назначеніемъ одно общество мнѣ предлагаетъ стать во главѣ очень крупнаго предпріятія, въ которомъ я могу нажить сотни тысячъ; если назначеніе Рихтера вопросъ рѣшенный, то благоразуміе подсказываетъ, что я не долженъ отказываться отъ предлагаемаго дѣла, которое съ годами разрастется настолько, что вся моя энергія будетъ исчерпываться туда, служба же займетъ второстепенное мѣсто, а можетъ быть окажется и помѣхой. Если назначеніе Рихтера не состоится, то я долженъ отказаться отъ предпріятія и ѣхать въ іюль на два мѣсяца въ командировку, которая даетъ мнѣ громадныя козыри въ руки, такъ какъ, объѣхавъ мало знакомый край, я буду имѣть всѣ свѣдѣнія... да, впрочемъ, вамъ и не интересны и мало понятны всѣ эти детали...

— Напрасно вы такъ думаете. Очень интересны и вполнѣ понятны. Такъ какъ я имѣю много друзей среди мужчинъ, то и знаю гораздо больше, чѣмъ вы предполагаете. Очевидно, вы говорите о Сибири. Ваша ревизія при назначеніи новаго генераль-губернатора, конечно, можетъ дать вамъ громадныя плюсы. Въ концѣ концовъ васъ, очевидно, смущаетъ только одинъ вопросъ о назначеніи Рихтера?

— Совершенно вѣрно-съ.

— Владимиръ Ивановичъ, отказывайтесь отъ вашего предпріятія и спокойно поѣзжайте въ командировку, потому что Александра Александровича назначеніе не состоится.

Откуда вы знаете? Я слышалъ, что объ этомъ уже было доложено.

— А вчера было передоложено.

— По какой причинѣ?

Елена засмѣялась и пожала плечами.

Вашиловъ съ трудомъ скрывалъ волненіе.

— Елена Павловна, вы увѣрены въ этомъ? Тутъ не можетъ быть ошибки?

— Мы обсуждаемъ слишкомъ серьезный для васъ вопросъ, чтобы я рѣшилась говорить то, въ чемъ не увѣрена. Повторяю вамъ: Рихтеру подставили ногу.

— Вашимъ сообщеніемъ вы оказали мнѣ громадную услугу; позвольте поцѣловать вашу ручку. Конечно, вы, прелестная «уника», можете быть спокойны, что я умѣю молчать и никогда не передаю того, что мнѣ говорятъ.

— Я вамъ вѣрю. Вы изъ тѣхъ положительныхъ личностей, которыя легко и, вѣроятно, небезосновательно внушаютъ къ себѣ глубокое довѣріе.

— Могу ли я быть нескромнымъ просить васъ объяснить мнѣ причину передоклада?

Елена на минуту задумалась. Она, какъ и баронъ Штаденъ, никогда не передавала того, что при ней о комъ-нибудь рассказы-вали, а тѣмъ болѣе ей не хотѣлось говорить о Рихтерѣ, къ которому Башиловъ относился какъ къ несимпатичному противнику.

— Я чувствую, что вамъ хочется провѣрить справедливость моихъ словъ; я васъ понимаю: вы слишкомъ заинтересованы. Хорошо, я вамъ расскажу, въ чемъ дѣло, но...

— Елена Павловна, вотъ вамъ моя рука. Заключимте союзъ взаимнаго довѣрія.

— Такъ вотъ вамъ въ короткихъ словахъ исторія Рихтера. Слухъ объ его назначеніи очень испугалъ одного господина, — имя я вамъ не стану называть, — которому Рихтеръ сѣдился на голову. Этотъ господинъ, будучи другомъ дома семьи, гдѣ находится одна преинтересная барышня, за которой Рихтеръ негласно ухаживалъ, узналъ, что если назначеніе состоится, то барышня не замедлитъ дать согласіе на бракъ. Объ этомъ обстоятельстве онъ сумѣлъ освѣдомить одну особу, находящуюся уже въ «опасномъ возрастѣ», какъ пишетъ Михаэлисъ. Сердце ея до сихъ поръ пылаетъ любовью къ Александру Александровичу и, несмотря на многолѣтнюю съ нимъ связь, остыть не можетъ. У нея громадныя связи. Ударъ былъ ей нанесенъ мѣтко. Она немедленно нажала всѣ нужныя пружины, которыми она удивительно всегда ловко владѣетъ, и очень быстро было доказано, что назначеніе Рихтера преждевременно, такъ какъ онъ нуженъ въ министерствѣ и на его дѣло нѣтъ подходящаго замѣстителя и такъ далѣе. Словомъ, Александръ Александровичъ останется на своемъ мѣстѣ; mademoiselle Z. не дастъ ему своего согласія, madame X. не будетъ страдать и проводить безсонныхъ ночей, а Владимиръ Ивановичъ Башиловъ спокойно поѣдетъ въ командировку и силой своей энергіи со временемъ добьется портфеля министра, чему Елена Павловна Карцева очень рада, такъ какъ она видитъ въ Башиловѣ честную, хорошую натуру, ясный умъ, доброе сердце и симпатизируетъ ему больше, чѣмъ Рихтеру.

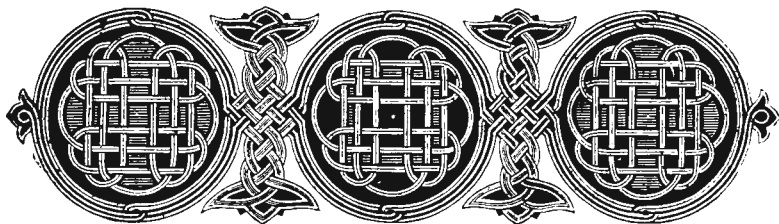
Уходя, Башиловъ съ признательностью нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку.

— Всего хорошая, прелестная «уника». Долго я васъ не увижу. Пожалуй, вы забудете меня, такъ ужъ разрѣшите осенью заѣхать къ вамъ, чтобы о себѣ напомнить.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

~~~~~

ДВУНОГИЙ ЗВѢРЬ.

(Изъ человѣческихъ документовъ ¹⁾).

III.

С п р у т ь.

ВЖЕ СЪ НЕДѢЛЮ было извѣстно, что «представленіе» состоится *тамъ-то*, въ *такомъ-то* часу.

Мѣсто сборищъ постоянно мѣнялось.

Выдавались билеты по строгому выбору и всѣ въ одну цѣну. Неизвѣстные или не пользующіеся довѣріемъ распорядителя не допускались.

Позволялось вводить желающихъ, но подь страхомъ навсегда лишиться права посѣщать рѣдкіе сеансы, если рекомендованный оказывался вдругъ лицомъ неблагонадежнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи.

Этимъ правомъ, однако, такъ дорожили, что никакихъ недоразумѣній, конечно, не происходило; все шло съ удивительной выдержкой.

Соединялись въ условленномъ пунктѣ люди разныхъ общественныхъ положеній и возрастовъ, но непременно такъ называемые «интеллигенты» и сравнительно зажиточные,—точно члены какого-то таинственнаго ордена, связанные страшной клятвой.

«Сѣрыхъ» не бывало.

Приблизительно дня за два устроитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Топорищевъ, или попросту «Фѣ-Фѣчъ», напоминалъ по телефону главнѣйшимъ завсегдатаямъ, что представленіе непременно будетъ, «несмотря на трудности». Тѣ, въ свою очередь, передавали другимъ.

Звено къ звену, и цѣпь замыкалась...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 475.

Такъ случилось и теперь.

Въ теплый июньскій вечеръ 19.. года на платформѣ пригородной желѣзной дороги повывлазили, повыходили и повыскакивали изъ всѣхъ трехъ классовъ дачнаго поѣзда пассажиры различныхъ темпераментовъ и направились къ буфету.

Нѣкоторые признали другъ друга и, въ видѣ пароля, осторожно произнесли «Фѣ-Фѣчь».

Двинулись длинной вереницей черезъ полотно по улицѣ, мимо дачъ, лавокъ и иныхъ полудеревенскихъ, полугородскихъ построекъ.

Сохраняли наружную серьезность, а если посмѣивались, то украдкой, чтобы не вызвать подозрѣній въ постороннихъ, которыхъ, правда, попадалось совсѣмъ немного.

Со стороны, пожалуй, можно было принять процессію за представителей научнаго съѣзда, шествующихъ на засѣданіе секціи.

Зданіе театра помѣщалось внутри густаго сада, а у входа предумотрительно висѣлъ выцвѣтшій, не разъ бывавшій въ употребленіи афишагъ: «Сегодня гулянья и спектакля нѣтъ вслѣдствіе сложной репетиціи».

Топорищевъ, высокій, худой, черный, съ широкимъ ртомъ, словно акуля пастъ, и большими навывкатъ глазами, встрѣчалъ публику съ улыбкой человѣка, собирающагося пріятно поразить сюрпризомъ.

Онъ важно отбиралъ билеты, нѣкоторыхъ изъ публики награждалъ рукопожатіемъ и кое-кому напѣввалъ вполоборота:

— Есть прекрасный номерокъ... чудеснѣйшій! Если согласятся накинуть еще по грешницѣ, иначе нельзя... Я потомъ обойду кліентовъ. Номерокъ—самый наипервѣйшій. Куда тамъ Парижъ и все прочее!—и качалъ курчавой головой.

Въ зрительномъ залѣ царили то полумракъ, то полная тѣмень.

Ощупью, спотыкаясь, выбирали стулья. Каждому хотѣлось сѣсть поудобнѣй. Зажигали спички и на минуту узнавали знакомыя лица. Иногда впотѣмахъ выдавалъ голосъ, и тогда обмѣнивались радостными привѣтствіями.

Мелькнуло нѣсколько безмолвныхъ женскихъ фигуръ въ маскахъ или подъ густыми вуалями и кружевами.

Это дерзновеніе заинтриговало.

А посѣтители все прибывали и прибывали.

Разговаривали сдержанно, шутили, потомъ кричали: «пора!.. время!..»

Пользуясь оживленностью и беззаботно-игривымъ настроеніемъ собравшихся, появился Топорищевъ, раскланялся и, поднявъ правую руку, какъ дѣлаютъ ораторы на митингахъ, произнесъ тоненькимъ, шикливымъ голоскомъ, мало соответствующимъ его внушительной громоздкости:

— Извиняюсь за пресмеленіе и проче... Лента порвалась.

Вотъ-вотъ привезутъ новую. Но зато и угощу же васъ сверхъ программы одной новинкой! Э-эхъ, отдай все да и мало! Гастролерши уже пріѣхали... Вѣрно!.. Попрошу предварительно у почтеннѣйшей публики по три рубля съ персоны дополнительнаго. Ей-ей, себѣ дороже стоитъ! На затраты не поскоплюсь, лишь бы угодить кліентамъ... Прямо въ убытокъ работаю, какъ честный человекъ...

Съ хорошо заученной дѣловитостью пошелъ собирать недостающія деньги.

Солносядовъ, недавно прибывшій изъ далекой окраины по дѣламъ какого-то новаго предпріятія, свѣжій, крѣпкій, съ значительной долей непосредственности, еще не тронутой соблазнами блестящаго развратнаго города, слѣдилъ за всѣмъ со стыдливомъ любопытствомъ провинціала.

Его затащилъ сюда школьный товарищъ, Кувырковскій, понавшійся ему въ ресторанѣ.

Онъ рѣшительно все зналъ, раскланивался направо и налево и пытался расшевелить друга «по-своему», какъ умѣлъ. Приближая пухлыя губы къ загорѣлому уху Солносядова, онъ давалъ полупотомъ разъясненія относительно присутствующихъ, подчасъ значительно одобренныя собственной пылкой фантазіей легкомысленнаго сплетника.

— Мнѣ сдается, что ты впуталъ меня въ грязную исторію,—отозвался тотъ, недовѣрчиво поглядывая по сторонамъ:—и здѣсь, въ храмѣ искусства, гдѣ витають тѣни шекспировскихъ героев...

— «Храмъ искусства!»... «Шекспировскіе герои!».. Очень высокопарно... Еще чего!.. Тутъ, братецъ мой, сливки, а не подонки, а онъ о грязной исторіи толкуеть! Храмъ останется храмомъ, а шекспировскіе герои—шекспировскими героями... Ихъ не убудеть... Экіе сантименты развелъ! Лучше присмотришь... Мы эпоху создаемъ, вотъ что! Наступила полоса, когда нужны острия впечатлѣнія. Все прѣсное давно надоѣло... Обычныхъ пяти чувствъ теперь недостаточно,—развиваемъ новое, шестое, такъ сказать—*сверхчувство*...

— Вотъ тебѣ и на!—не выдержалъ и перебилъ его Солносядовъ и засмѣялся, фыркнулъ, но такъ громко, что сосѣди оглянулись:—у собакъ (я, вѣдь, собачникъ, знаешь!) чутье—тоже своего рода шестое чувство; оно поднимаетъ животное въ уровень съ человекомъ, даже выше, а ваше сверхчувство обращаетъ васъ, повидимому, въ звѣриную породу хищниковъ... вѣдь, такъ?

Онъ не договорилъ покраснѣвшему и недовольному Кувырковскому, такъ какъ занавѣсъ покрылся морщинами, зашелестѣлъ и взвился.

На сценѣ уже стояли два борца-профессіонала, Стефанъ и Кашей, готовые къ схваткѣ.

Зрители недоумѣвали.

— Такъ это и есть—«наипервѣйшій номерокъ»?—иронически спрашивалъ кто-то вслухъ:—стоило ѣхать киселя хлебать... поддѣль Фѣ-Фѣчь!

Но Кувырковскій и тутъ былъ въ курсѣ дѣла.

— Успокойтесь! Для начала... необходимое условіе... вывѣска...

Между тѣмъ борцы, какъ сказалъ кто-то,—«старались на совесть».

Не обращая вниманья на явное равнодушіе толпы и посторонніе разговоры, они вели атаку, нападали и защищались, фокусничали, прибѣгали къ самымъ отчаяннымъ приемамъ и мало-по-малу приковали къ себѣ «избранную» толпу.

Одинъ—гибкій и стройный, какъ тигръ, другой—безобразный и неуклюжій, какъ горилла,—они оба, потные и красные, рычали, катались по полу, скрипѣли челюстями и проявляли настоящую ярость. Съ каждымъ шагомъ человѣческаго становилось все меньше и меньше, а звѣриное выростало и заполняло арену, скаля зубы, пока человѣкъ-тигръ, сжавшись въ упругій комокъ желѣзныхъ мышцъ, не сломилъ неподвижной упрямости длиннорукаго, обезьяноподобнаго человѣка, швырнувъ его на лопатки.

— Bravo, Стефанъ,—bravo!

Одобренья слышались отовсюду.

Свистѣли Кащею, и тотъ, съ выраженіемъ затаенной злобы и ненависти, не дышалъ, а рычалъ и щурился исподлобья подслѣповатыми, налитыми кровью глазами, будто собираясь кинуться на всѣхъ зрителей сразу.

Потъ лился съ него ручьями, какъ вода съ тающей ледяной глыбы.

Въ борьбѣ, длившейся не больше получаса, было что-то бьющее по нервамъ, возвращающее къ отжившимъ первобытнымъ вѣкамъ.

— Фѣ-Фѣчь—молодчина!—воскликнулъ Кувырковскій:—сумѣлъ-таки взять быка за рога... Всѣхъ привелъ къ общему знаменателю. Ну-съ, а теперь второе отдѣленіе, посущественнѣй... Вотъ и свѣтъ гаснетъ... Посмотримъ, посмотримъ, что онъ, бестія, покажетъ!

Выдѣлился бѣлый экранъ; завертѣлась, зажужжала лента кинематографа, какъ назойливая муха, попавшая въ западню.

И замелькали картины за картинами...

Это былъ особенный видъ «парижскаго жанра», гдѣ все запретное и тайное становилось дозволеннымъ и явнымъ. Жизнь и фантазія причудливо сплетались въ красивыхъ и чудовищныхъ образахъ. Дерзость и наивность братски помогали одна другой.

Сперва зрительный залъ словно замеръ, ошеломленный, отдавая жадному созерцанью, затѣмъ кто-то громко расхохотался и началъ высказывать замѣчанья по поводу нѣкоторыхъ подробностей видѣнныхъ картинъ.

— Замолчите вы!—раздался другой голосъ, скрипучій, какъ худое колесо:—вы портите настроеніе. Относитесь серьезнѣй къ искусству. Я требую уваженья!

Сдавленный смѣшокъ, сочувственные возгласы и снова—тишина, прерываемая развѣ жужжаньемъ вертящейся ленты да своеобразной музыкальной гаммой многихъ человѣческихъ дыханій...

Иногда выскакивали отдѣльныя восклицанья и пропадали.

— Каково!

— Фу ты, Господи!

— Однако!..

— Охъ-охъ-охъ!..

— Эт-то я понимаю!..

— Вотъ ужъ дѣйствительно не предполагалъ!—хрипло вырвалось у Солносядова, когда продолжительное отдѣленіе съ кинематографомъ закончилось и театръ опять наполнился свѣтомъ электрическихъ лампъ.

На лицахъ еще лежали тѣни недавнихъ впечатлѣній.

— Фѣ-Фѣчь знаетъ, гдѣ раки зимуютъ,—по-своему понялъ его слова Кувырковскій и мечтательно закатилъ глаза, удерживая на пухлыхъ губахъ неопредѣленную, застывшую усмѣшку.

Пользуясь перерывомъ, стали выходить въ коридоръ подышать свѣжимъ воздухомъ и потолкаться у буфета.

Мимоходомъ особенно внимательно засматривались на сидѣвшихъ дамъ, точно ѣдкое любопытство заставляло ихъ проникать взорами сквозь кружева и маски, и въ отвѣтныхъ взглядахъ не было ничего, что говорило бы о негодованьи или по крайней мѣрѣ о досадѣ.

Даже вступали въ бесѣду и не безъ успѣха.

Грани сближались, завязывались знакомства. Жажда неизвѣданнаго просыпалась въ глазахъ и загоралась улыбками. О только что видѣнномъ не упоминали, будто стоворились сохранять наружную сдержанность, но иногда, придравшись къ незначительной причинѣ, заливались вдругъ бѣшенымъ смѣхомъ и долго не могли успокоиться. И каждый отлично понималъ, что вызывало этотъ нервный, заразительный смѣхъ.

Послѣ продолжительныхъ приготовленій дошелъ чередъ и до третьяго отдѣленія программы.

За кулисами долго раздавались какіе-то шумные возгласы, сдавленный хохотъ, визгъ, стукъ передвигаемой мебели.

Топорищевъ безпрестанно перебѣгалъ изъ-за кулисъ къ буфету и обратно, озабоченно вривался въ зрительный залъ, испуганно смотрѣлъ куда-то въ ложу, гдѣ сидѣло какое-то инкогнито, поддакивалъ, если спрашивали, «скоро ли начнется», и снова ускользалъ.

И вотъ, когда еще занавѣсъ оставался опущеннымъ, а публика

разсѣлась уже по мѣстамъ, Солносядовъ, привыкшій къ молчаливымъ наблюденьямъ и обобщеньямъ, пристально всматривался въ толпу.

Ему почему-то вдругъ припомнился видѣнный гдѣ-то въ музеѣ живой осьминогъ, хищно-прожорливый, съ двумя рядами присосковъ, съ бородавчатымъ продолговато-округленнымъ тѣломъ и цвѣтомъ кожи, мѣняющимся отъ окрасокъ среды, съ неравномѣрно-длинными, безобразными руками, съ тремя придатками у глазъ...

Все отталкивающее, что только можетъ существовать, казалось, удѣлило свою часть этому чудищу.

Солносядовъ еще не находилъ объясненья, почему мысли вызвали образъ головоногаго, что общаго между нимъ и настоящей дѣйствительностью... да и некогда было задумываться, такъ какъ зазвенѣлъ колокольчикъ и открылась сцена.

Поражало убожество показной роскоши.

И безцвѣтные ковры, и мятыя драпировки, и безвкусныя украшенья комнаты съ полинявшей кушеткой по срединѣ, освѣщаемой пестрымъ японскимъ фонаремъ, и прорванныя декораціи,—все говорило о томъ безуспѣшномъ стараньи, которое приложилъ неутомимый Фѣ-Фѣчь, чтобы придать возможный блескъ «наипервѣйшему номеру».

Но многіе и безъ того, конечно, знали, что не въ обстановкѣ сила, и снисходительно пересмѣивались, перемигивались, перешептывались, потомъ, точно по единогласному уговору, стали сдвигаться поближе къ рамѣ, нарушая линію промежуточныхъ и боковыхъ проходовъ.

Кувырковскій потянулъ впередъ и Солносядова, который церемонился, а потомъ махнулъ рукой и тоже поддался стихійному теченью.

Изъ-за кулисъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ вышли мнеловидныя дѣвушки, бѣлокурая и смуглая, скромно одѣтыя, безъ грима, съ природными достоинствами и недостатками. Ихъ украшала молодость и не было только свѣжести, хотя въ линіяхъ лица той и другой таилась подкупающая игривость и ласковость, а глаза свѣтились то задоромъ, то покорностью.

Онѣ по-дружески нѣжно поцѣловались, неловно улынулись, встрѣтятся взглядами съ незнакомой, чужой толпой зрителей, точно роємъ шершней, жужжащихъ у вѣтвей едва распустившейся ясени, и пожалли плечами, словно думая: «Нелегкая вывезеть!»

И стали медленно раздѣваться...

Между ними не было произнесено ни одного звука.

Зарождалась и развивалась импровизированная пантомима, вмѣстѣ и дикая, и граціозная. Взамѣнъ нѣмой ленты кинематографа дѣйствовали живыя натурщицы.

Разстояніе между ними и зрителями постепенно какъ бы исчезало. Неуловимыя нити сближали тѣхъ и другихъ.

Иногда отдѣльныя восклицанья изъ публики вносили нѣкоторое несогласіе:

— Вранье! Онѣ притворяются... Знаемъ эти выдумки!..

— Вотъ какъ! Вамъ за вашу трешинцу, небось, надо душу настоящему вывернуть? Не дешево ли?

— Жаль, что не притащилъ подзорной трубы... Bravo!.. бисъ!..

— Тс... Что за безобразіе!.. Мѣшаете и намъ, и имъ... Гражданинъ, уваженіе къ женщинѣ!

Топорищевъ прислонился къ боковой колоннѣ въ партерѣ и самодовольно любовался съ выраженіемъ полного удовлетворенія. Рѣдко поставленные мелкіе зубы виднѣлись изъ-подъ жидкихъ черныхъ усовъ.

— Куда же ты?—неожиданно остановилъ товарища Кувырковский, лукаво слѣдившій за нимъ:—пойдемъ за кулисы. Мы познакомимся... бабенки—ничего себѣ... а?.. Насъ представитъ Фѣ-Фѣчъ.

— Нѣтъ, братъ, ваши сверхчувства, какъ ты выразился, что-то не того... не прививаются ко мнѣ...—и Солносядовъ вдругъ плюнулъ и выругался.

Кувырковский сначала выкатилъ бѣлки, потомъ залился мелкимъ, дребезжащимъ смѣшкомъ, приблизился и что-то шепнулъ ему на ухо, но тотъ такъ и отпрянулъ назадъ.

— А возвращеніе будетъ презабавное!.. Развѣ даль обѣтъ поддержанья!.. Постъ и молитва?..—все еще поддразнивалъ Кувырковский.

Но Солносядовъ, не слушая его больше и не прощаясь, уходилъ твердыми, широкими шагами, какъ громадный, неуклюжій медвѣдь, соскучившійся по своей берлогѣ.

«О, чортъ бы ихъ подралъ!—бранился онъ въ душѣ и взбивалъ косматые волосы:—а еще надъ нами потѣшаются!.. Ну ихъ въ болото... и города ихъ мнѣ не нужно!.. Ихъ городъ—что продажная женщина... въ богатомъ платьѣ, а юбки въ грязи... Кончатъ дѣла и айда домой...»

И, заслышавъ звонокъ, помчался къ станціи...

Было почти душно.

Пахло травами и цвѣтами.

Отъ рѣчки тянуло влажной теплотой.

Перекликались лягушки, выводя пѣвучія трели.

И въ каждомъ едва замѣтномъ существѣ, въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ незначительномъ зеленомъ росткѣ чувствовалась ея собственная, осмысленная жизнь, независимая отъ воли человека.

IV.

Деревенскій случай.

I.

Молодой учитель гимназій, словесникъ Стёшинъ, его ученикъ, восьмиклассникъ Ясатниковъ, и оставленный при университетѣ магистрантъ Ходактинскій втроемъ уже вторую недѣлю совершали экскурсію по соседнему уѣзду.

Учитель надѣялся записать какую-нибудь новую пѣсню или уловить оригинальный мѣстный оборотъ рѣчи, услышать мѣткое слово и этимъ обогатить «великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ», который онъ преподавалъ юношамъ и барышнямъ.

Гимназистъ, какъ пріятель своего учителя, не хотѣлъ отъ него отставать и смотрѣлъ на экскурсію, какъ на пріятное препровожденіе лѣтняго времени.

Магистрантъ, какъ ботаникъ, интересовался главнымъ образомъ экземплярами различныхъ злаковъ, которые и собиралъ съ удивительнымъ терпѣньемъ.

Учитель и гимназистъ ему помогали.

Они были одѣты въ самые упрощенные костюмы и только посмѣивались, когда встрѣчные озирали ихъ съ ногъ до головы.

— Пожалуй, принимаютъ насъ за бродягъ,—со смѣхомъ замѣтилъ Ясатниковъ:—это забавно!

— Хорошо, если за бродягъ, а вдругъ за бѣглыхъ каторжниковъ?—въ тонъ ему отвѣчалъ Стёшинъ.

— А мнѣ такъ совсѣмъ не нравится, что мы кого-то напоминаемъ. Лучше быть самимъ собою, безопаснѣй,—сказалъ магистрантъ и наклонился, чтобы срѣзать какой-то ростокъ, потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—каторга... да минетъ насъ чаша сія! Я въ тюрьмѣ никогда не сидѣлъ, но вѣянье ея близко пронеслось надъ мной, почти коснулось меня... да, да... ужасно, ужасно!

Онъ задумался. Товарищи его тоже притихли, словно вдругъ что-то невѣдомое тѣнью прошло мимо нихъ, и не рѣшались допрашивать; но онъ опять заговорилъ:

— Отецъ мой невинно пострадалъ... Я ѣздилъ къ нему въ ссылку. Въ моей памяти до сихъ поръ живетъ «гимнъ каторги»... маршъ такой... Вспомню, и щемитъ грудь, а уже сколько лѣтъ протекло! На гребешкахъ, подъ лязгъ кандаловъ, это тихое, зловѣщее пѣнье сквозь стиснутые зубы казалось мнѣ и стономъ, и проклятьемъ, и точно вызовомъ кому-то. Дальше отъ него, дальше!

И, чтобы разсѣять нахлынувшія такъ неожиданно невеселыя мысли, онъ затянулъ любимую украинскую пѣсню:

«Закувала та сива зозуля...»

Учитель и гимназистъ сначала робко, а затѣмъ смѣлѣе стали подтягивать, и старая пѣсня вновь становилась молодой, хватала за сердце, разливалась мощнымъ потокомъ и замирала въ далекой степи чуть слышными, скорбными звуками.

Было жарко. Принекало солнце. Благоухали сочные травы. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что чудилось порою, будто глазъ начинаеть различать его волнообразное движенье. Цѣлый хоръ видимыхъ и невидимыхъ существъ, прыгающихъ, порхающихъ, ползающихъ, окружалъ путниковъ, провожая ихъ по полямъ, мимо хлѣбковъ, по дорогѣ, ведущей къ богатой экономіи «Разлужье», принадлежащей помѣщику Шаушу.

Степникъ припомнилъ, какъ только что встрѣчали ихъ въ волостномъ правленіи, недовѣрчиво разглядывая открытый листъ съ гербами, выданный магистранту ученымъ обществомъ, и промолвилъ съ блѣдной улыбкой:

— Дѣйствительно, какъ будто аусниціи намъ не благопріятствуютъ. Мы уже далеко отошли; я обернулся и вижу: староста стоитъ и смотритъ намъ вѣдѣ... Значить, и гербы не помогли: усомнился! Не смѣеть не вѣрить и вѣрить не хотеть. Это все твои штаны, Вася, его смутили.

Гимназистъ зычно расхохотался.

Высокій не по годамъ и плотный, онъ удивительно заразительно смѣялся, раскрывая широкій ротъ съ большими, крѣпкими зубами, и обыкновенно всѣ вторили ему.

Степникъ говорилъ, что его смѣхъ напоминаетъ хохотъ Рузвельта по нѣмецкимъ карикатурамъ, и въ шутку называлъ его «президентскимъ смѣхомъ».

Потомъ забыли о впечатлѣніи, произведенномъ въ волости, и учитель заговорилъ съ Ясатиновымъ о каменномъ періодѣ протестуціи, когда жена-рабыня уступалась первобытнымъ человѣкомъ гостю.

Магистрантъ все собиралъ и собиралъ травы...

Когда издали мелькнула очертанья желѣзной ограды и пестрая украшенія дома, стиль котораго Степникъ назвалъ въ насмѣшку «пѣтушнымъ», они остановились обсудить, стоитъ ли зайти къ помѣщику, или не стоитъ.

Но ихъ уже замѣтилъ какой-то скачущій патруль: три казака и кто-то постарше въ громадной папахѣ.

Солдаты взяли вприцѣлъ ружья.

Бывшій въ папахѣ (урядникъ) подѣхалъ ближе и кричалъ хриплымъ, свирѣпымъ голосомъ, въ которомъ клекотала непонятная злоба:

— Стой! Равняйся! Ни съ мѣста! Руки вверхъ! а то велю стрѣлять.

Путешественники изумленно переглянулись, пожали плечами и остановились, но рукъ не подняли.

— Руки вверхъ я приказалъ!—продолжалъ горланить урядникъ, мчась галопомъ и внезапно переходя къ площадной ругани.

Солдаты не отставали отъ него, держа ружья наготовѣ.

— Я говорю—неблагопріятныя ауспщн!..—растерянно прошепталъ Стешинъ, стараясь не падать духомъ.

Гимназистъ сжималъ кулаки.

— Вы, Вася, ничего не выкидывайте,—уловивъ его движеніе, посоветовалъ болѣе спокойный магистрантъ:—нужно быть выше этого... Явное недоразумѣніе... деревенскій случай...

— А чортъ бы ихъ!—вырвалось у того.

2.

Урядникъ подскочилъ верхомъ съ револьверомъ въ рукѣ.

Вся его наружность свидѣтельствовала о томъ крайнемъ возбужденіи, въ которомъ онъ находился: нижняя губа тряслась, лицо перекашивалось на сторону отъ пробѣгавшей судороги, въ красныхъ, припухшихъ глазахъ горѣли ненависть и затаенный, прищущійся страхъ. Жидкіе усы какъ-то безпомощно повисли внизъ.

Онъ былъ худъ, жилистъ, сутуловатъ.

Спрыгнувъ съ лошади, бросивъ поводъ одному изъ казаковъ и, прихрамывая, подошелъ вплотную къ Стешину и Ходактинскому, прикрывавшимъ гимназиста, который оставался сзади.

Смѣрилъ ихъ безпокойнымъ, прыгающимъ взглядомъ и опять какъ вскрикнетъ:

— Сказалъ—руки вверхъ! Еще минута и буду стрѣлять. Какъ собакъ убью... Мерзавцы!..

Руки подняли нерѣшительно, въ недоумѣніи.

Три ружейныя дула и одно револьверное пезволью наводили на мысль о возможности слѣпой; безсмысленной смерти.

«Погибнемъ за здорово живешь», мелькнуло въ головѣ Васи и безумно захотѣлось еще хоть немного пожить,—вѣдь онъ еще такъ молодъ, не успѣлъ и счастья какъ слѣдуетъ узнать, больше одиѣ только горести были да разочарованья!..

— На какомъ основаніи?..—началъ спрашивать магистрантъ съ поднятыми руками.

Но урядникъ не терпѣлъ возраженій и вмѣшательства въ ту область, гдѣ онъ считалъ себя хозяиномъ.

— Молчать! По зубамъ, видно, давно не получалъ?.. Я тебѣ дамъ «основаніе»! Вотъ тебѣ «основаніе»!—и съ размаху ударилъ Ходактинскаго по губамъ.

Изо рта пошла кровь. Лицо поблѣднѣло. Затуманились глаза.

Вздрыгнувъ магистрантъ, вспыхнулъ желаніемъ отвѣтить ударомъ за ударъ, но тяжелый, металлическій взглядъ направленныхъ дулъ задержалъ порывъ.

Степшнъ дрожалъ отъ молчаливаго негодованья, какъ въ лихорадкѣ, и незамѣтно придавилъ каблучкомъ ногу гимназиста, чтобъ и ему дать понять, что теперь не время затѣвать споръ. «Лишь бы нелеткая вынесла!» мечталъ онъ.

Оскорбленіе, нанесенное «неизвѣстному», немного отрезвило урядника, и онъ началъ отдавать приказанія, противорѣчащія одно другому, и тутъ же допрашивать «пойманныхъ». Раздраженіе противъ «бродягъ» (какъ онъ въ умѣ рѣшилъ), видимо, отбило у него способность разсуждать.

— Что за люди? Молчатъ! Руки вверхъ! Давай бумаги!—такъ и сыпались отдѣльные слова, взаимно парализующія другъ друга.

Никто ничего не понималъ. Всѣ стояли въ нерѣшимости, съ обидой въ душѣ, съ презрѣніемъ въ глазахъ, безмолвные.

— Обыскать воровъ!—приказалъ, наконецъ, урядникъ, видя, что ничего не выходитъ изъ его распоряженій.

Слово «воры» странно прозвучало, вывело изъ оцѣненій и въ то время, когда грубыя дерзкія руки шарили по всему тѣлу, учитель заволновался и крикнулъ, срываясь съ голоса:

— Самъ воръ!..

И гимназистъ повторилъ:

— Ты—воръ!

А магистрантъ молча вылевывалъ кровавую слюну, и слеза медленно стекала у него по щекѣ.

Смѣлый отпоръ слегка охладилъ урядника. Онъ точно растерялся.

— Ну, вы тамъ!—только и пашелся сказать и опустил револьверъ, усиленно моргая.

Арестованные вздохнули свободнѣй.

Изъ кармановъ были вынуты: открытый листъ, записная книжка учителя, два портенгара, кошельки съ небольшими деньгами, трое часовъ; затѣмъ былъ открытъ баулъ со знаками для гербарія и фотографическій аппаратъ.

Явилась нѣкоторая возможность вступить въ словесныя объясненія.

А въ полѣ уже собирался народъ; пришелъ и учитель мѣстной школы. Раздавались громкіе голоса.

— Изъ какихъ вы? Отвѣчай по очереди, по командѣ. Ты кто?—приступилъ къ вопросу урядникъ, вновь наводя револьверъ:—живо-о!.. Какое-такое имѣешь полное право?

Магистрантъ, гимназистъ, учитель, — всѣ назвали себя, ссылались на открытый листъ, на свою извѣстность въ городѣ, просили вызвать помѣщика, предлагали послать телеграмму губернатору,

такъ какъ не имѣли при себѣ паспортовъ, спрашивали, въ чемъ ихъ обвиняють...

Урядникъ сердито пощипываль усы и хмурился.

— Ниверситеть? такъ!.. Тихоши какія! Вотъ прикажу-ка я поднять рубахи да всыпать по первое число, будетъ тогда на орѣхи. Дамъ я вамъ проходную, какъ же!.. пройдохи...

Вступился учитель мѣстной школы.

— Господниъ Гайкинъ,—обратился онъ къ уряднику:—такъ нельзя издѣваться надъ людьми... Они навѣрно правду говорятъ... Если вы разрѣшите, я...

— Ну, гѣди, гѣди!—огрызнулся урядникъ:—а то и васъ заберемъ... За безчинства да еще скопомъ...—и, не договоривъ, взялся за нагайку, висѣвшую у пояса, и погрозилъ, потомъ крикнулъ своимъ сподручнымъ:—хлопцы, а ну-ка, пугните, пока что!..

Не успѣли казаки повекакивать на лошадей, какъ толпа съ крикомъ шарахнулась въ сторону, и тѣ съ хохотомъ и свистомъ возвратились обратно.

Допрось продолжался.

— У насъ въ деревнѣ спросъ на тюрьму. Вотъ позавчера тутъ экономію едва не подожгли да не ограбили,—заговорилъ вдругъ урядникъ.—хорошо, что мы сторожимъ... Помѣщикъ, господниъ Шаушъ, за границей; управляющему, значить, быть передъ нимъ въ отвѣтъ... онъ и установилъ охрану... Да что тамъ съ вами, голытьбой, бобы разводите!... Нашармака разжитися вздумали? Отвѣчай, кто еще заодно съ вами? Ну?... По уговору? Зачинщикъ кто?...

— Мы сказали, кто—мы, а за то, что вы насъ къ экспроприаторамъ причисляете, мы будемъ жаловаться,—твердо отвѣчалъ магистрантъ, послѣ полученнаго оскорбленія только теперь рѣшившійся возвысить голосъ.

Солнце продолжало жечь, хотя и стояло довольно низко. Мучила нестерпимая жажда.

— Ага, вотъ какъ заговорилъ!.. жаловаться хочешь?.. да я изъ тебя до жалобы всякую пыль повыбиваю... Ну, отвѣчай, что это за трава за такая, а?

Гайкинъ сталъ вынимать изъ баула собранные злаки.

— Во-первыхъ, прошу говорить мнѣ «вы», а не «ты», а, во-вторыхъ, можете довѣрять или не довѣрять нашимъ словамъ, но съ этими экземплярами, пожалуйста, поосторожнѣй. Они предназначены для ученаго общества, которое меня уполномочило...—съ напускнымъ спокойствіемъ отозвался Ходактинскій, усиліемъ воли сдерживая нервы и все время слѣдя съ болѣзненнымъ вниманіемъ, какъ неуклюжія руки урядника и казака мяли и портили добытые съ такимъ трудомъ рѣдкіе образцы для гербарія.

— Ври, ври побольше! Такъ я тебѣ и повѣрилъ!—продолжайтъ попрежнему издѣваться Гайкинъ и сверкалъ пылающими глазами: — а это—бомба, что ли?...

Онъ указывалъ на кодакъ и боязливо посторонился, когда солдаты встряхнули его и отбросили сапогомъ.

— Развѣ фотографическихъ аппаратовъ никогда не видали?— съ пропѣей вскричалъ гимназистъ, протискиваясь впередъ: — трясети нельзя, — испортите снимки и швыряйте не къ чему.

— Поговори-ка у меня еще!—буркнулъ урядникъ: — мордаешка захотѣлъ? Отмыкай коробку, а то стрѣлять буду.

Степанинъ, скрѣпя сердце, сталъ открывать свой кодакъ, зарагѣе уже обрекая все снимки на гибель.

А сколько было пейзажей, жанровъ, красивыхъ группъ!.. Охватила досада; злость поднималась въ душѣ; клубокъ подкатывалъ къ горлу.

— Если бѣ вы чему-нибудь учились, то знали бы, что такъ поступать—неправильно, что вы портите вещь...—вырвалось у него въ видѣ упрёка.

— Языкъ привяжи, отренишь! Тоже лѣзетъ... Такъ не сознаетесь, ребята, что поджечь хотѣли и казну расхитить?...

Все трое молчали.

— Гоните ихъ до дому, хлопцы, да швыдче!

Шагомъ двинулись къ сраждѣ.

Казакъ ѣхалъ по бокамъ и сзади. Урядникъ замыкалъ шествіе, держа въ рукѣхъ револьверъ, каждую минуту, при малѣйшей попыткѣ къ бѣгству готовый пустить пулю.

3.

Управляющій ожидалъ у воротъ,—необыкновенно упитанный, съ клювообразнымъ носомъ.

— Велите насъ отпустить... Какое-то недоразумѣніе!—крикнулъ Ясатниковъ, когда проходили мимо, и его густой басъ раскатился въ полѣ:—ей-Богу, правда!

— Надъ нами учинено самоуправство,—прибавилъ магистрантъ мягкимъ, женственнымъ голосомъ:—убѣдитесь!

— Мы ни въ чемъ не виноваты,—взвизгнулъ учитель.

Урядникъ отдалъ честь управляющему и доложилъ съ почтительностью:

— Заподозрѣнные въ третьеводнишнемъ нападеніи на вашу экономію, Писаноръ Спиридоновичъ... Темный-съ народецъ!... подъ вліяніемъ пропаганды, очертя голову... Полагаю утречкомъ къ неправнику препроводить съ донесеніемъ.

— Спасибо за услугу! Заприте ихъ тамъ возлѣ кухни,—процѣдиль для управляющій, отворачиваясь.

— Вы отвѣтите, какъ соучастникъ!—вскрикнулъ магистрантъ, теряя, наконецъ, обычное хладнокровіе.

Управляющій ничего не возразилъ, только громко расхохотался, а за нимъ и урядникъ залился какимъ-то скрипучимъ, нелѣпымъ хихиканьемъ.

Казаки тоже смѣялись, но тихо, неувѣренно.

«Въ пору повѣситься», подумалъ съ отчаяньемъ Степаничъ, но, увидѣвъ стоическое выраженіе лица Ходактинскаго и гордую мину гимназиста, опять почувствовалъ, что къ нему возвращается самообладанье, которое онъ терялъ уже сегодня нѣсколько разъ.

Арестованнымъ хотѣлось пить и ѣсть.

— Надѣюсь, не уморите насъ съ голоду?—бросилъ вскользь гимназистъ, смотря на урядника.

— Ладно... по положенію... хлѣбъ и вода...—протянулъ управляющій и подмигнулъ Гайкину.

— Балуете ихъ, Никаноръ Спиридовичъ. Не таковскій народецъ,—милости не понимаетъ... Ну, гони ихъ, гони, Цѣпкинь!... Счастливо оставаться... Еще повидаемся. Ко хлѣву ихъ гони, ко хлѣву!... Цобъ-цобѣ!..—насмѣшливо понукалъ онъ, какъ малороссы погоняютъ коровъ.

Въ разговорахъ со своими казаками онъ любилъ вставлять малорусскія слова.

«Заподозрѣнные», какъ называлъ ихъ Гайкинъ, перестали возмущаться.

— Собака лаетъ—вѣтеръ носить,—вполголоса замѣтилъ гимназистъ, но такъ, что урядникъ волиѣ могъ услышать; однако тотъ промолчалъ, только крикнулъ.

Ихъ помѣстили въ пустомъ сараѣ съ землянымъ поломъ, возлѣ кухни.

Тутъ, вѣроятно, прежде держали скоть, и поэтому до сихъ поръ еще какъ будто пахло телятами, несмотря на открытую вверху форточку.

Товарищи долго не говорили между собой. Нашло на нихъ какое-то жуткое оцѣпенѣніе. Явилось равнодушіе и безразличіе ко всему окружающему, даже когда принесли имъ по краюхѣ черстваго хлѣба и ведро воды съ желѣзной кружкой.

Потомъ нехотя промямлилъ Степаничъ, точно языкъ у него вѣсилъ нѣсколько пудовъ:

— Недавно пришлось прочитать впечатлѣнія американца Мона, участника гражданской войны за освобожденіе негровъ. Его вѣшали, какъ шпиона, а черезъ четыре минуты помиловали и сняли съ веревки. Онъ отлично припоминаеть, какъ почва уходила изъ-подъ ногъ, какъ въ немъ словно закипалъ паровой котелъ, кровь переполняла артеріи и вены, затѣмъ начались уколы въ каждый нервъ и что-то сотрясалось внутри тѣла съ певѣроятной силой,

и вдругъ въ ухахъ зазвучала волшебная музыка, стало сладко во рту, и молочный свѣтъ залилъ зрачки, а когда сняли,—вновь возобновилось прежнее мученичество... Такъ вотъ я къ тому, что коли повѣсите меня, такъ не спасайте ужь... Нехай!..

Сдержанный магистрантъ разсердился.

— Не ожидалъ отъ васъ, Лаврентій Захарычъ, такихъ пустяковъ. Даже стыдно отвѣчать вамъ. Отдохните-ка, вы устали...

Но Стешинъ продолжалъ въ томъ же духѣ:

— А въ сущности, чѣмъ же намъ хуже, чѣмъ, напримѣръ, горемычнымъ собакамъ или кошкамъ съ перебитыми позвоночниками, съ которыхъ еще при жизни стаскиваютъ шкуру разные живодеры, чтобы, видите, не попортить матеріала и легче было снять! О, намъ гораздо лучше!.. Это служить мнѣ утѣшеніемъ.

Теперь гимназистъ возмутился.

— Нѣтъ, вы рѣшили насъ доконать. Пощадите!..

Ходактинскій сталъ подь носъ себѣ напѣвать любимую «снугозолю».

Учитель пилъ воду изъ ржавой кружки и еле сдерживалъ рыданья.

Онъ чувствительнѣе другихъ отнесся къ пропшествоію.

Ясатниковъ притворился спящимъ, чтобы не разговаривать.

4.

Лежали и безмолвствовали долго, предаваясь грустнымъ мечтамъ о печальной дѣйствительности.

Уже, повидимому, наступила ночь,—душная, лунная, когда рядомъ съ сараемъ, гдѣ они были заперты, въ деревянной пристройкѣ къ кухнѣ начались веселые, пьяные разговоры.

Визжали женскіе голоса; слышались грубыя заигрывающія казакѣ и скрипучій смѣхъ урядника.

Патруль, очевидно, кутилъ за счетъ управляющаго экономіей.

— Дѣвичникъ устраиваетъ,—вырвалось у магистранта:—днемъ воровъ ловить, ночью утѣшается вдосталь, курятину поѣдаетъ, водочкой заливаетъ.

— Лафа, а не жизнь!—подхватилъ гимназистъ и зѣвнулъ во весь ротъ:—чтобъ ему ни дна, ни покрывки...

Стешинъ не отозвался, должно быть, спалъ, утомленный тревоженьями неудачнаго дня.

Еще долго шумѣли въ пристройкѣ, бранились и пѣли непристойныя пѣсни.

Къ утру только разошлись.

«Однако житье-бытье въ этой сторонкѣ!» подумалъ проснувшійся Ходактинскій, разбитый отъ неудобнаго лежанья на землѣ:—чего добраго, господинъ урядникъ, съ соизволенія управляющаго, осуществляетъ и *ius primae noctis*».

— Ой, поженъки!--застоналъ, расправляясь, гимназистъ и протеръ глаза.

Проснулся Стешинъ, блѣдный, но въ лучшемъ настроеніи, даже улыбнулся на восклицаніе Васи.

— Съ добрымъ утромъ, господа,—сказалъ онъ и поднялся:— а который часъ? У меня въ мозгу все майковская вариация:

«Онъ въ шесть по-утру былъ казнень
И въ семь во рву похоронень...»

— Тшунъ вамъ на языкъ за такія вариации!--съ комической запальчивостью вскричалъ Вася.

Стали умываться и кое-какъ приводить себя въ порядокъ.

Векоръ застучалъ замокъ, и со скрипомъ распахнулась дверь сарая.

Ввалился урядникъ съ заспаннымъ, помятымъ лицомъ и двое десятскихъ; у входа стоялъ казакъ на часахъ.

— Что? взопрѣли, ребята? ага!.. Проходную хотѣли? Вотъ вамъ проходная—протоколъ за надлежащимъ подписомъ. Будете теперь знать, какъ честныхъ людей грабить... Связать ихъ, чы пѣть?—обратился тутъ же къ казаку съ какой-то растерянностью.

— Какъ ни вяжи, а рта не завяжешь,—съ вызовомъ крикнулъ гимназистъ, глядя на урядника.

— Годи, годи, а то по потылицѣ заразъ такъ и ляшу!--огрызнулся Гайкинъ, потрясая пагайкой, а потомъ громко выругался, далъ свистокъ и сплюнулъ:—гдѣ же пархатый жидъ, чтобъ его разворотило!..

Но еврей-фурманщикъ, снявъ картузь, уже подѣбзжалъ въ телѣгѣ.

Былъ отданъ строгій приказъ арестованнымъ—лежать «впоналку». Два казака сопровождали телѣгу. Урядникъ не поѣхалъ, вручивъ протоколъ одному изъ вожатыхъ.

Фурманщикъ понукалъ худую лошадку, и колеса подпрыгивали на выбоинахъ и ухабахъ.

Когда проѣзжали черезъ деревню, сбѣжались люди, кричали вслѣдъ, нѣкоторые швыряли камнями.

— Ай-ай, чы вы не здурили?—вдогонку имъ бросилъ еврей, тряся головой, и ударилъ вожжами оторопѣвшую клячу.

5.

Ѣхали долго, останавливались гдѣ-то на постояломъ дворѣ для корма, опять тащились рысцою, наконецъ прибыли въ уѣздный городъ, гдѣ жилъ исправникъ, подполковникъ Кутыръ.

Вѣхали прямо во дворъ полицейскаго управленія и подъ стражей были доставлены въ какое-то сырое помѣщеніе, напоминающее кладовую.

Магистрантъ пришелъ къ заключенію, что пора дѣйствовать рѣшительно.

— Потрудитесь сейчасъ же доложить господину исправнику, что насъ неправильно задержалъ полусумасшедшій урядникъ Гайкинъ, иначе большія непріятности будутъ. Губернаторъ знаетъ о нашей отлучкѣ изъ города и если завтра мы не вернемся, — пеняйте на свою неосмотрительность и бездѣйствіе власти. Намъ это все надоѣло! Самоуправцы какіе-то...

Скромнаго ботаника трудно было узнать.

«Молодець!» подумалъ Стешинь и пожалъ ему руку.

Гимназистъ отъ восторга сбѣгалъ изъ угла въ уголъ, какъ молодой левъ, почувавшій близкую свободу.

Не прошло и получаса, къ нимъ явился полицейскій надзиратель.

— Полковникъ проситъ васъ пожаловать, — пригласилъ онъ съ пріятной улыбкой на бритомъ, загорѣломъ лицѣ: — онъ до крайности встревоженъ... такъ сказать, прямо ошеломленъ извѣстіемъ...

Когда шли черезъ дворъ, уже не замѣчалось прежнихъ волчьихъ взглядовъ.

Самъ Кутыръ даже всталъ и протянулъ пухлую руку.

— Садитесь, господа, Бога ради. Что натворилъ этотъ несчастный Гайкинъ?.. Бѣда съ нимъ! Кетати, между нами, онъ дважды пострадалъ во время внутреннихъ безпорядковъ и зачастую увлекается... видитъ пожаръ, когда его нѣтъ. Итакъ?

Ходактинскій, не увлекаясь любезностью исправника, передалъ все, какъ было, и выразилъ желаніе немедленно телеграфировать губернатору и своему ученому обществу, а Стешинь — понечителю учебнаго округа.

— Услуга за услугу, господинъ профессоръ, — мягко замѣтилъ Кутыръ, и въ глазахъ его появился бархатный отблескъ: — я васъ домчу на своей тройкѣ до самой вашей квартиры, но не вы, а я допесу о случившемся начальнику губерціи... Урядникъ пострадаетъ!..

Магистрантъ подумалъ и согласился.

При выѣздѣ изъ уѣзднаго города на великолѣпной тройкѣ гимназистъ хохоталъ «президентскимъ смѣхомъ», но учитель и въ особенности ботаникъ имѣли сосредоточенно-грустный видъ.

— Ловко насъ обошелъ... — началъ было Стешинь, но Ходактинскій молча указалъ на ямщика и сталъ насвистывать «сиву зозулю», однако сейчасъ же остановился: мѣшала припухшая верхняя губа — послѣднее воспоминаніе объ урядникѣ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ.

Манускрипты композитора Глинки.

I.

ВЪ ЗАПИСКАХЪ и перепискѣхъ безсмертнаго нашего композитора Михаила Ивановича Глинки не разъ упомянутъ Василій Павловичъ Энгельгардтъ.

Разсказывая о зимѣ съ 1821 на 1822 гг. въ Петербургѣ, Глинка пишетъ:

«Жили мы въ домѣ генерала Василя Васильевича Энгельгардта (племянника фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго); онъ благоволилъ ко мнѣ, и въ послѣдствіи я сохранилъ дружескія отношенія къ его сыновьямъ и ихъ семействамъ. Внуку же генерала Василя Васильевича, Василій Павловичъ Энгельгардтъ, воспитанный въ училищѣ правовѣдѣнія, въ молодомъ возрастѣ страстно полюбилъ музыку. У него *теперь* хранятся все мои рукописи, которыя можно было отыскать; *въ концы* то, что въ рукописяхъ утратилось. *Въ послѣднее время* его дѣятельной и искренней дружбѣ я одолженъ большею частію моихъ музыкальныхъ наслажденій».

Записки свои М. И. Глинка окончилъ 1854 годомъ, когда и писалъ ихъ. Слѣдовательно, подчеркнутыя выше выраженія «теперь» и «въ послѣднее время» имѣютъ уже свыше полувѣковой давности.

Хранитель всехъ подлинныхъ рукописей великаго маэстро, а также своею рукою приготовившій и все концы съ нихъ, благодаря чему только и сохранилось утраченное въ подлинникахъ

Василій Павлович все это драгоценное собраніе сочиненій Глинки въ 1867 году принесть въ даръ Публичной библіотекѣ.

Описывая лѣто 1829 года, М. И. Глинка говоритъ, что тогда сочинилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ, «которыя находятся въ зеленой тетради у В. П. Энгельгардта. Написалъ романсъ «Голосъ съ того свѣта», слова В. А. Жуковскаго; наконецъ, въ началѣ весны 1830 года—F-dur квартетъ для струнныхъ инструментовъ. Благодаря В. П. Энгельгардту, я нѣсколько разъ слышалъ исполненіе этого ученическаго произведенія, и мнѣ кажется, что въ немъ отражается болѣзненное тогдашнее мое состояніе».

Въ бытность свою въ Вѣнѣ въ 1833 году М. И. Глинка хандрилъ, болѣлъ и для развлеченія читалъ Шиллера и слушалъ звуки Лангнера и Штрауса. Въ сентябрѣ проѣздомъ были въ Вѣнѣ Павелъ Васильевичъ Энгельгардтъ съ женою и кузина Глинки съ мужемъ. Съ ними композиторъ провелъ пріятно нѣсколько дней.

В. П. Энгельгардтъ сохранилъ и музыкальныя упражненія по танцствамъ науки гармоніи или генераль-баса и мелодіи или контранункта, которыя Глинка преподавалъ въ Берлинѣ тогда «первый музыкальный знахарь въ Европѣ» Зигфридъ Денъ, а также ту партитуру «Жизни за царя», которую всякое утро въ смоленской деревнѣ въ 1835 году маэстро писалъ по шести страницъ. Дружескія отношенія М. И. Глинки съ В. П. Энгельгардтомъ продолжались и всѣ сороковые годы, когда образовался знаменитый кружокъ російскихъ музъ, гдѣ живописецъ Карлъ Брюлловъ, поэтъ, драматургъ и романистъ Несторъ Кукольникъ и композиторъ Глинка составляли гениальную тріаду.

Въ 1851 году Глинка переѣхалъ на новую квартиру. «В. П. Энгельгардтъ часто навѣщалъ меня,—читаемъ въ «Запискахъ»,—и познакомилъ меня съ меньшимъ братомъ Вл. Стасова, Дмитриемъ Васильевичемъ Стасовымъ, очень образованнымъ молодымъ человекомъ и хорошимъ музыкантомъ. У меня на квартирѣ былъ хорошій фортепьяно, Энгельгардтъ прислуживался нотами, и скоро мы завели тамъ играніе въ четыре руки.

«Въ октябрѣ пріѣхала въ Петербургъ сестра Людмила... 17-го поября въ день рожденія своего, она сдѣлала у себя вечеръ; на немъ объявила мнѣ, что она остается всю зиму со мною и что уже квартира ею нанята для насъ. Это дружеское участіе сестры тронуло меня до глубины души.

«1-го декабря мы съ сестрой переѣхали въ домъ Жукова на углу Невскаго проспекта и Владимирской улицы. Квартира была довольно удобна, залъ большой. Вскорѣ мы наняли два рояля у Мельея; впоследствии Энгельгардтъ велѣлъ перенести къ намъ фортепьяно. Начали играть сперва въ восемь, а потомъ и въ двѣнадцать рукъ. Сколько помнится, въ пятницу вечеромъ собиравались участвовать въ этомъ дѣлѣ, а именно:

«Дмитрій Стасовъ	}	1 forte piano.
«А. Н. Сѣровъ		
«В. П. Энгельгардтъ	}	2 forte piano.
«К. П. Вильбоа		

«Для игры въ двѣнадцать рукъ Энгельгардтъ доставлялъ потребныхъ на это музыкантовъ и самъ прилежно переключивалъ на двѣнадцать рукъ, преимущественно изъ моихъ оперъ».

«Вообще жилось довольно мило и пріятно».

Видимъ, что съ 1821 года по самый годъ кончины, 1857-й, великаго композитора Василій Павловичъ Энгельгардтъ является постояннымъ его спутникомъ, участвуетъ въ музыкальныхъ исполненіяхъ, бережетъ и копируетъ рукописи безпечнаго генія русской музыки.

Въ воспоминавіяхъ о послѣднихъ годахъ жизни и кончинѣ М. И. Глинки сестра его Л. И. Шестакова говоритъ:

«Жилось намъ въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ въ 1854 году хорошо; братъ былъ здоровъ, доволенъ... или день за днемъ, тихо, покойно; исключенія были рѣдки. 21-го мая, въ день ангела брата, собралось у насъ большое общество, и братъ былъ веселъ. Чаще всѣхъ посѣщали насъ въ это время: А. О. Львовъ, В. П. Энгельгардтъ, И. А. Шестаковъ, А. Н. Сѣровъ, Д. В. Стасовъ, К. П. Вильбоа и П. П. Рындинъ съ женою».

«Василій Павловичъ Энгельгардтъ чрезвычайно любилъ брата, постоянно доставлялъ ему всевозможныя музыкальныя наслажденія, даже въ Царскомъ устроилъ музыкальный квартетный вечеръ съ Шиккелемъ и другими; между прочими пьесами исполняли одно изъ юношескихъ произведеній брата, и братъ не узналъ своего квартета. Помню, какъ будто бы теперь вижу, довольное лицо брата, когда онъ слушалъ прелестное исполненіе артистовъ. Онъ глубоко цѣнилъ расположеніе къ нему Энгельгардта, да и понятно: съ его душой не дорожить такою постоянною привязанностью было невозможно».

«Такъ шло время до августа; мы нигуда не ѣздили—братъ не любилъ; одинъ разъ всего были въ Павловскѣ на музыкѣ, и то по моему желанію. Въ началѣ августа Энгельгардтъ уѣхалъ за границу; я замѣтила, что отъѣздъ его грустно отозвался на братѣ; къ тому же приближалась осень: братъ началъ спѣшить переѣздомъ въ городъ. Квартира была отыскана и нанята мною въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томпловой».

М. И. Глинка скончался въ Берлинѣ 3-го февраля 1857 г. въ пять часовъ утра. Сестра его извѣщена была объ этомъ лишь 12-го февраля, и нѣмцы распорядились сами похоронить.

Первою мыслию Людмилы Ивановны было не оставить прахъ брата на чужбинѣ.

А музыкантъ Денъ уже соорудилъ и памятникъ изъ силезскаго мрамора съ нѣмецкою надписью:

«Michail von Glinka».

«Kaiserlicher russischer Kapellmeister».

« Въ это время, — пишетъ Людмила Ивановна, — уѣзжалъ за границу В. И. Энгельгардтъ; онъ взялся напечатать тамъ нѣсколько партитуръ увертюръ Глинки, которыя и посвящены мною Мейерберу, Листу, Берліозу и Дену; отъ себя же Энгельгардтъ распорядился переводомъ текста двадцати лучшихъ романсовъ брата на французскій, нѣмецкій и итальянскій языки; онъ напечатать и посвятилъ ихъ извѣстной нѣвицѣ Полшиѣ Віардо. Энгельгардтъ присутствовалъ въ Берлинѣ при отрытїи тѣла брата; когда начали вырывать гробъ, онъ распался; Энгельгардтъ прислалъ мнѣ въ письмѣ нѣсколько цвѣтковъ, бывшихъ въ гробу моего брата».

II.

Василїй Павловичъ Энгельгардтъ и по кончинѣ великаго композитора не переставалъ неизмѣнно чтить его память и постоянно заботиться о сохраненїи и собиранїи реликвій генія русской музыки. Провидѣніе послало ему свѣтлое долгоденствїе, и по сей день въ домѣ своемъ въ Дрезденѣ Василїй Павловичъ хранитъ портреты и вещи М. И. Глинки въ особой, посвященной ему комнатѣ. Наконецъ, озабочился онъ и о томъ, чтобы въ печати были помянуты исполнившїеся юбилей—семидесятнїятлѣтіе перваго представленїя «Жизни за царя».

Отъ 24-го іюля 1911 года изъ Дрездена Василїй Павловичъ писалъ автору этой статьи:

«Ваши писанїя мнѣ ужасно нравятся. У васъ свой, своеобразный, русскій, патріотическій (безъ кваса!) слогъ.

«Ноября 27-го сего года исполнится семидесятнїятлѣтіе гениальнѣйшей оперы «Жизнь за царя». Не напишете ли что-нибудь «бытовое» о вашемъ великомъ землякѣ, предоставивъ «музыкальное» специалистамъ. Никто этого такъ хорошо не сдѣластъ, какъ вы.

«Послѣ двѣнадцатаго представленїя Н. В. Кукольникъ написалъ: «Съ нимъ музыки русской зардѣлась заря! Безсмертенъ онъ будетъ, какъ «Жизнь за царя!» А опера начнется словами: «Миръ въ землѣ сырой. Честь въ странѣ родной! Слава мнѣ въ Руси святой!»

Въ письмѣ отъ 4-го августа 1911 года Василїй Павловичъ пишетъ:

«Были у меня разныя письма и бумаги, не лишеныя интереса, но, къ сожалѣнію, все это пропало, когда я уѣхалъ сюда (въ Германію, въ Дрезденъ). Пропалъ также и мой правовѣдскій дипломъ съ подписью нашего принца Ольденбургскаго (1847 г.). Написать теперь,

хотя бы отрывочно, свои воспоминанія, я уже не въ силахъ, да и память измѣняетъ.

«Письма ко мнѣ М. И. Глинки подарены были мною въ императорскую публичную библиотечку въ Петербургъ сейчасъ послѣ его смерти. Они напечатаны. Напечатаны также и его записки, *которыя онъ писалъ при мнѣ*, каждый день ровно одинъ листъ, и если листъ прерывался на полусловѣ, то онъ все-таки не начиналъ новаго. Онъ меня любилъ.

«Вамъ пришлютъ по моему порученію письма и записки Глинки его сестрѣ. Пожалуйста примите ихъ на память о Смоленщинѣ».

Заслуги Василю Павловича передъ Россіей по собранію и сохраненію драгоценныхъ манускриптовъ великаго композитора огромны; однако оцѣнить ихъ можно, лишь припомнивъ, какое отношеніе было къ генію Глинки у его современниковъ. И публика, и дирекція театровъ относилась къ Глинкѣ, его твореніямъ, его операмъ съ небрежнымъ легкомысліемъ, славу Россіи не понимали, не цѣнили. А Василю Павловичъ цѣнилъ и понималъ именно *тогда*. Зимой въ сезонъ 1854—1855 гг. Людмила Ивановна непремѣнно хотѣла вмѣстѣ съ братомъ видѣть «Жизнь за царя». Михаилъ Ивановичъ согласился. Но при поднятій занавѣса онъ былъ непріятно пораженъ, увидя, какъ небрежно давалась эта опера.

«Послѣ первыхъ представленій въ 1836 г.,—разсказываетъ Людмила Ивановна,—опъ не видалъ свою старуху, какъ онъ называлъ «Жизнь за царя», и въ девятнадцать лѣтъ не было подновлено ничего; тѣ же самые костюмы; тѣ же декорации и польскій балъ освѣщался четырьмя свѣчами; братъ на это замѣтилъ мнѣ, что скоро будутъ освѣщать его двумя сальными свѣчками. Но что выдѣлывалъ оркестръ, какіе брались темны, ужасъ! Я понимаю, кака была большая жертва для меня со стороны брата, что онъ немедленно не оставилъ театр... Болѣе я его никогда не звала въ театр и ужасно досадовала на себя, что и въ этотъ разъ попросила его быть со мною въ «Жизни за царя», потому что онъ на другой же день занемогъ сильнымъ разстройствомъ нервъ».

Такъ чтли генія русской музыки при жизни его! М. И. Глинка не любилъ шумихи, толпы, рекламы, не любилъ лавровъ «ни на головѣ, ни въ сунѣ»,—его собственныя слова,—но видѣть свое твореніе въ ужасномъ исполненіи, въ грязной, ветхой и пелѣной постановкѣ значило унижать свое достоинство художника и человека.

Въ послѣдніе годы жизни Михаила Ивановича «Русланъ» были совершенно изгнанъ изъ репертуара. Композиторъ говорилъ сестрѣ своей: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ».

Такъ и случилось. Поэтому пониманіе генія русской музыки при его жизни и всѣ заботы о рукописяхъ его, дѣйствительно, заслуга Василю Павловича Энгельгардта.

Удлившись за границу, онъ поселился въ Дрезденѣ и тамъ уже пристрастился къ астрономіи; ученые труды его были награждены степенью доктора. Но Василій Павловичъ не оставлялъ музыки, и любители съ восхищеніемъ слушали его исполненіе шедевровъ Глинки на дивномъ органѣ.

Этотъ органъ завѣщанъ Василіемъ Павловичемъ казанской консерваторіи.

III.

Если музыка Глинки нынѣ оцѣнена, то до сихъ поръ остается не понятымъ и не оцѣненнымъ тотъ кружокъ «добрый, милой и талантливой братіи», который образовался еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ. А между тѣмъ эта «братія» состояла изъ генія русской музыки Глинки и нѣсколькихъ во всякомъ случаѣ весьма крупныхъ и многогранныхъ талантовъ—поэта Кукольника, живописца Брюллова, пѣвцовъ Ляди и Петрова, трагика Каратыгина. Глинку и Петрова было трудно затмить, но Кукольникъ, Брюлловъ и Каратыгинъ и до сего дня погребены подъ презрительной оцѣнкой Бѣлинскаго и «школы натуральной», и самое направленіе кружка Глинки было вышучено, какъ «ложно-величаяя школа».

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Направленіе «братіи» было русское и патріотическое и вмѣстѣ съ тѣмъ романтическое, а поэтому еще со многими недочетами. Но все же этотъ петербургскій кружокъ конца тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ является предшественникомъ и «могучей кучки» въ русской музыкѣ, и направленія Крамского и «передвижниковъ» въ живописи, и хотя бы идей «руссистовъ» въ позднѣйшей литературѣ, если не въ осуществленіи, то въ стремленіяхъ. Подлинно, и Брюллову въ живописи, и Каратыгину въ его искусствѣ трагическаго актера, и Кукольнику въ его поэзіи еще недоставало вѣрности вкуса, еще во всѣхъ ихъ было нѣчто риторическое, подчасъ мишурное, но это все же были огромные таланты, и стремились они быть русскими, самобытными въ искусствѣ, при всеотзывчивости. Но если Кукольникъ, Каратыгинъ, Брюлловъ въ искусствѣ своемъ были только очень крупные таланты, то пѣвецъ Петровъ былъ геній, и солнце сей «братіи» Глинка въ русской музыкѣ то же, что Пушкинъ въ русской литературѣ.

Какъ же не изучить такой кружокъ съ такой «братіей!»

Василій Павловичъ Энгельгардтъ являлся желаннымъ гостемъ братчиковъ и хранителемъ, изрѣдка спасителемъ музыкальныхъ манускриптовъ младенчески-безнечнаго Глинки.

Всеотзывчивость, способность войти въ духъ всякаго народа и племени, всякой эпохи, всякой культуры съ одной стороны, а съ другой—прошикновеніе въ самобытную стихію русскаго народа,

приверженность къ пѣснямъ и творчеству народному — эти двѣ черты одинаково присущи гению звука—Глинкѣ и гению слова—Пушкину.

Но есть черты сходства въ характерѣ Глинки и Гоголя—въ ихъ болѣзненности, чувствительности повышенной, мучительной нервности, пѣжности ихъ организаціи, ихъ сердца, только у Гоголя все это малорусское, а у Глинки—бѣлорусское.

IV.

По восьмому году будущаго музыканта, когда семья Глинки спасалась изъ села Новоспасскаго (двадцать верстъ отъ города Ельни Смоленской губерніи) отъ нашествія французовъ въ Орель, будущій великій композиторъ съ жадностью вслушивался въ колокольный звонъ. Оркестръ диди былъ для него источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Во время ужина обыкновенно играли русскія пѣсни. «Можетъ быть, эти пѣсни,—говоритъ Михаилъ Ивановичъ Глинка въ запискахъ,—слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиною того, что впоследствии я сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

Въ началѣ зимы 1817 года Глинка привезенъ въ Петербургъ, въ новооткрытый благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ (упом. въ «Горѣ отъ ума»).

«Когда мы въѣхали въ нашу сѣверную столицу, видъ огромныхъ стройныхъ домовъ и улицъ произвелъ на меня волшебное дѣйствіе, и долго, долго сохранилось впечатлѣніе восторга и удивленія»,—пишетъ Глинка. Но деревня, русская, смоленско-бѣлорусская и малорусская, всегда являлась для него источникомъ вдохновенія.

«Около Орла повѣяло теплымъ дыханьемъ весны,—пишетъ онъ подъ 1823 годомъ,—а переѣхавъ Оку, очутился я уже въ другой, новой для меня, южной полосѣ. Дубовыя рощи замѣнили наши березовыя, по оврагамъ, вмѣсто лозы, начали появляться груши, яблони и вишни въ цвѣту; видъ полей и деревень съ бѣленькими мазанками, вмѣстѣ черныхъ бревенчатыхъ избъ... тѣшило взоръ...» Началась поэтическая впечатлѣнія Украины. Но и Кавказъ внесъ свое въ звуковыя сокровища композитора.

Въ Пятигорскѣ онъ видѣлъ пляску черкешенокъ, игру и скачки черкесовъ, слушалъ восточныя мелодіи, восточные инструменты.

Въ 1828 году какъ-то Михаилъ Ивановичъ провелъ цѣлый день съ Грибоѣдовымъ. Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ Глинкѣ тему грузинской пѣсни. Пушкинъ же написалъ слова: «Не пой, красавица, при мнѣ...» Потомъ Глинка побывалъ на Иматрѣ. «Дорогой чухонецъ-ямщикъ пѣлъ пѣсню... «Я заставилъ его неоднократно повторить и, затвердивъ ее, употребилъ потомъ главной темой баллады финна,—разсказываетъ маэстро.—Осенью тогда же

слышала персидскую пѣсню, пѣтую секретаремъ министра иностранныхъ дѣлъ Хозрева-Мирзы... Этотъ мотивъ послужилъ для хора «Ложитесь въ полѣ мракъ ночной» въ «Русланѣ». Такъ геній всюду собираетъ разсыпанныя сокровища.

Въ 1830 году Глинка въ Италіи видитъ «Domo di Milano» — миланскій соборъ. Видъ этого великолѣпнаго, изъ бѣлаго мрамора сооруженнаго храма и самаго города, прозрачность неба, черноокія миланки съ ихъ вуалами (mantillas), уцѣлѣвшими остатками испанскаго владычества, приводили Глинку въ неописанный восторгъ. Въ Миланѣ композиторъ пользовалъ *d-r de Filippi*, который служилъ въ итальянской арміи Наполеона и въ 1812 году былъ въ Смоленскѣ... Тутъ невольно припоминается дядька-итальянецъ поэта Баратынскаго въ его смоленской деревнѣ. Любимымъ театромъ Глинки въ Неаполѣ былъ маленькій театръ S. Carlino; въ немъ играли на неаполитанскомъ нарѣчій (*vago dialetto napoletano*). Всѣ извѣстныя трагедіи принимали неаполитанскій характеръ съ помощью Пульчинелло. Тутъ опять невольно вспоминается «Пульчинелль» — поэма Майкова и его «Неаполитанскій альбомъ».

Въ Неаполѣ Глинка встрѣтился съ Карломъ Брюлловымъ и вмѣстѣ съ нимъ изучалъ картины и мраморы.

Глинка пробовалъ писать музыку въ чувственно-бравурномъ и сладкомъ итальянскомъ стилѣ. «Немало труда стоило мнѣ поддѣлаться подъ итальянское *Sentamento brillante*, — пишетъ онъ, — какъ они называютъ ощущеніе благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма, счастливо устроеннаго подъ вліяніемъ благотѣльнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ или неистовая веселость, или горькія слезы. Любовь у насъ всегда соединена съ грустью. Цѣть сомнѣнія, что наша русская, заунывная пѣсня есть дитя сѣвера и, можетъ быть, нѣсколько передѣлана жителями Востока; ихъ пѣсни также заунывны, даже въ счастливой Андалузій». Музыкальный Востокъ, найденный Глинкой въ Андалузій, повѣялъ на него роднымъ, заунывнымъ.

Весною и первую половину лѣта 1833 года Глинка увлекался «итальянщиной», но самъ признается: «Всѣ написанныя мною, въ угожденіе жителямъ Милана, пьесы, издаанныя весьма опрятно *Giovanni Ricordi*, убѣдили меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ, и что я *искренно не могу быть итальянцемъ*. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно «на мысль писать по-русски».

«Итакъ, въ іюлѣ я оставилъ Италію». Вотъ знаменательный моментъ въ развитіи музыкальнаго вкуса и генія Глинки.

Затѣмъ двѣ великія даты:

27-го ноября 1836 года — первое представленіе оперы «Жизнь за царя».

27-го ноября 1842 года—первое представлѣніе «Руслана и Людмилы».

1-го января 1837 года Глинка былъ назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы—звание, вырѣзанное Деномъ на его могилѣ.

«Вечеромъ,—разсказываетъ Глинка,—за кулисами государь императоръ, увидя меня на сценѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны по всей Европѣ и, слѣдовательно, стоятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Вотъ истинно великія слова Николая Павловича!

Изумительно, откуда приходили темы къ Глинкѣ. Такъ, въ Вѣнѣ онъ, наслушавшись вальсовъ Лейнера и Штрауса, изобрѣлъ тему, послужившую для краковяка въ «Жизни за царя»—тему, въ которой воплощена вся польская душа.

Затѣмъ въ Берлинѣ ученица Тешнера, Марія, лѣтъ семнадцати дѣвнца, нѣсколько израильскаго происхожденія, походившая нѣсколько на Мадонну, вдохновляетъ Глинку, и онъ написалъ для нея этюды; изъ одного изъ нихъ впоследствии аранжироваль «Еврейскую пѣсню» для драмы Кукольника «Холмскій» на слова:

Загорить, заблестить лучъ десницы,
И серебро, и добро, и святыню
Понесемъ въ старый домъ, въ Палестину.

Въ Петербургѣ въ 1834—1836 годахъ М. И. Глинка постоянно посѣщаль вечера поэта В. А. Жуковскаго. Тотъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще изъ людей доступныхъ изыщному. Пушкинъ, князь Вяземскій, Гоголь, Плетневъ, князь Одоевскій, Вельгорскій были постоянными посѣтителами. Глинка какъ-то сказалъ о желаніи приняться за русскую оперу. Жуковскій одобрилъ и предложилъ сюжетъ Ивана Сусанина.

«Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи... мысль противопоставить русской музыкѣ—польскую... все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей», пишетъ Глинка.

Затѣмъ Одоевскому чрезвычайно понравилась тема, взятая Глинкой изъ пѣсни лужскаго извозчика «Что гадать о свадьбѣ...» Итакъ, если Пушкинъ далъ Гоголю тему «Мертвыхъ душъ», то Жуковскій указаль Глинкѣ сюжетъ для его безсмертной оперы.

V.

Именно тогда произошло сближеніе Глинки съ Кукольниковъ. Онъ пишетъ:

«Съ Несторомъ Кукольниковъ познакомили меня, когда?—не помню, *по случаю моей оперы* и отрекомендовали, какъ лучшаго

въ тогдашнее время нашего драматическаго писателя. Онъ готовъ былъ *писать для меня слова*. Однако баронъ Розенъ лучше подошелъ для либретто.

Въ 1839 году въ городѣ пристанище Глинка было уже у Кукольника въ домѣ Мерца, въ Фонарномъ переулкѣ. Широкое приволье было ему между доброй, милой и талантливой братіей; «такъ называли мы, — говоритъ Глинка, — общество, образовавшееся еще въ 1835 или 1836 году у Кукольника, слившееся потомъ въ одну искреннюю, добрую семью», которую составляли Несторъ Кукольникъ, Михаилъ Глинка, Карлъ Брюлловъ, Н. О. Немировичъ-Данченко, родственникъ Кукольника, пѣвецъ Люди, пѣвецъ Петровъ, Петръ Каратыгинъ.

Въ 1842 г. сходки «братівъ», въ домѣ Мерца прекратились; братія разбѣжалась. Начались «сходки» потомъ у карикатуриста Степанова, гдѣ бывали Филлимоновъ, Бенедиктовъ, Бернетъ.

Еще въ 1841 году Глинка переѣхалъ къ Степановымъ. «Петръ Степановъ уступилъ мнѣ комнату, расписанную карикатурами и чертовщиной. Когда, бывало, карета ночью своими фонарями постепенно мгновеннымъ свѣтомъ освѣщала мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другою, и казалось, что стоявшая на печкѣ мертвая голова насмѣшливо улыбалась; мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто казалось, что она смѣялась надъ моими страданіями; тогда я спалъ дурно и часто предавался печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ моей».

«Около 1840 или 1841 года Булгаринъ бывалъ часто у Нестора Кукольника и я былъ съ нимъ на дружеской ногѣ и даже на ты». Потомъ, однако, Булгаринъ выказалъ истинную суть свою и принялся Глинкѣ подло пакостить въ «Пчелѣ».

Будущій знаменитый маринистъ Айвазовскій (Гайвазовскій), посѣщавшій весьма часто Кукольника, сообщилъ Глинкѣ три татарскихъ пѣснѣ; въ послѣдствіи два изъ нихъ онъ употребилъ для лезгинки, а третій для *Andante* сцены Ратмира въ третьемъ актѣ оперы «Русланъ и Людмила».

Въ 1838 году Глинка посланъ въ Малороссію для набора пѣвчихъ, тамъ онъ жилъ у помѣщика Тарновскаго. Пѣли иногда малороссійскія пѣсни; иногда сосѣдь Тарновскаго, Петръ Скоропадскій затягивалъ какую-нибудь чумацкую пѣсню, искусно подражая простолюдинамъ. Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостилъ въ Каченовкѣ; двѣ его малороссійскія пѣсни: «Гуде вѣтеръ» и «Не щибече соловейко», Глинка положилъ тогда же на музыку.

Когда же зимою 1843 года пріѣхали въ Петербургъ Рубини, Тамбурини, Віардо-Гарсія, завелся итальянскій театръ, то Глинка возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвуновъ и модную итальянскую музыку

Первую мысль о «Русланѣ и Людмилѣ» подавъ Глинкѣ извѣстный комикъ князь Шаховской. Глинка надѣялся составить планъ оперы по указанію Пушкина; кончина гениальнаго поэта помѣшала этому. Въ 1837 или 1838 года зимою Глинка игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки «Руслана». Несторъ Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ произведеніяхъ Глинки, подстрекалъ его болѣе и болѣе. Когда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ, онъ взялся сдѣлать планъ оперы и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и опера сдѣлана по этому плану.

«Бахтуринъ вмѣсто Пушкина!—воскликаетъ Глинка:—какъ это случилось? самъ не понимаю». *Nabent sua fata... libretti..*

VI.

Въ 1845 году Глинка путешествовалъ по Испаніи.

Въ Вильядолидѣ опять нашелъ онъ музыкальную тему.

«По вечерамъ,—пишетъ Глинка,—собирались у насъ сосѣди, сосѣдки и знакомые; пѣли, плясали и бесѣдовали. Между знакомыми сынъ одного тамошняго негодянта, по имени *Felix Castilla*, бойко игралъ на гитарѣ, въ особенности арагонскую хоту, которую съ ея варіаціями я удерживалъ въ памяти, и потомъ въ Мадридѣ въ сентябрѣ или октябрѣ того же года сдѣлалъ изъ нихъ пьесу по имени *Sarricío brillante*, которую впоследствии, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ испанской увертюрой».

Въ Мадридѣ Глинка продолжалъ изучать испанскій языкъ и испанскую музыку, а именно напѣвы простолудиновъ.

«Хаживалъ,—пишетъ Глинка,—ко мнѣ одинъ *«zagal»* (погонщикъ муловъ при дилижансѣ), пѣлъ народныя пѣсни, которыя я старался уловить и положить на ноты». Эти замѣтки послужили для второй испанской увертюры. Проживая въ 1849 году въ Варшавѣ, Глинка ощущалъ глубокія музыкальныя наслажденія отъ игры на органѣ въ евангелической церкви, гдѣ органистъ Фрейеръ превосходно исполнялъ пьесы Баха.. Тогда Глинка написалъ романсъ на польскія слова Мицкевича «*Rasnowa*». Но особенно интересна замѣтка Глинки, относящаяся къ его пребыванію въ Парижѣ въ 1853 году.

«Зяму всю сидѣлъ дома и хандрить. Аделина (одна изъ «нянюшекъ», довольно часто смѣнявшихся) прочла мнѣ почти всего *Paul de Kock*, Тысяча одну ночь (жалъ, что я не читалъ этихъ сказокъ до сочиненія моей оперы «Русланъ») и *Desameron* Боккачіо».

Колокольный звонъ, русскія пѣсни, исполняемыя крѣпостнымъ оркестромъ, восточныя мелодіи, пляски и пѣсни черкешенокъ, грузинскій мотивъ, сыгранный Грибоѣдовымъ, пѣсня ямщика-чухонца, персидская пѣсня, пѣтая секретаремъ Хозрева-Мирзы, вальсы Ланнера и Штрауса, напѣвъ лужскаго извозчика, татар-

скій папѣвъ, сообщенный Айвазовскимъ, малороссійскіе хоры въ Каченовкѣ, гитара вильядолидскаго негодіанта и пѣсни погонщика муловъ въ Мадридѣ—вотъ разнообразныя источники вдохновеній Глинки. Геній музыки собиралъ разсыпанныя сокровища по всему свѣту, находя ихъ тамъ, гдѣ меньше всего ожидали ихъ встрѣтить. Всезычивной душой Глинка постигалъ въ звукахъ душу поляка, испанца, чухонца, лезгина и перса, татарина и хохла.

VII.

Первыя изъ сохранившихся писемъ М. И. Глинки къ В. П. Энгельгарду относятся ко времени пребыванія композитора въ Варшавѣ.

Отъ 17-го октября 1849 года Глинка пишетъ:

«Не сомнѣваясь въ искреннемъ и дружескомъ расположеніи вашемъ, любезнѣйшій Василій Павловичъ, считаю не лишнимъ напомнить о себѣ этими немногими строками. Четыре мѣсяца тому назадъ я прибылъ сюда благополучно и въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Но не прошло и двухъ недѣль по приѣздѣ, какъ первы мои (Богъ знаетъ отъ чего) начали болѣе и болѣе раздражаться, и мною овладѣла столь сильная и глубокая хандра, что мнѣ самому передъ собой было совѣстно. Я прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ и существующимъ въ Варшавѣ средствамъ къ развлеченію, доходилъ до ненетовыхъ оргій, и все понапрасну».

Оригинальный способъ придумалъ нашъ маэстро лечить раздраженіе нервовъ помощью ненетовыхъ оргій! Впрочемъ, должно сообразить время, вкусы, нравы и эпоху. Конечно, то, что казалось Глинкѣ уже «ненетовой оргіей», нашимъ современнымъ «оргиастамъ» показалось бы чѣмъ-то аркадски-невиннымъ. Когда-то вѣдь и романы Поль-де-Кока, гдѣ съ сущности приводится самая чопорная мораль, казались «безнравственными». «Оргіи» М. И. Глинки поэтому нужно понимать фигурально.

«Наконецъ,—продолжаетъ Глинка,—вполнѣ наскучивъ всѣми шумными и принужденными веселостями, я переѣхалъ въ уединенную часть города, рѣшившись жить дома и посѣщать весьма малое число искреннихъ знакомыхъ,—эта перемѣна жизни послужила мнѣ въ пользу, я чувствовалъ себя лучше, и, кажется, муза моя становится ко мнѣ милостивѣе.

«Общества въ Варшавѣ скучны и однообразны,—тутъ, однакоже, есть нѣсколько примѣчательныхъ музыкальныхъ талантовъ: дѣвнцы Гринбергъ, изъ коихъ старшая (ученица Гензельта) отлично играетъ на фортепьяно и даже классическую музыку, меньшая хорошо поетъ, въ особенности мои романсы.

«Но, по-моему, примѣчательнѣйшій артистъ въ Варшавѣ—органистъ Фрейеръ, у него руки и ноги равносильны, я безъ ужасно-восторженнаго напряженія нервъ не могъ слушать, когда онъ игралъ фуги и прелюды Баха, и увѣреть, что вы бы получили полную порцію удовольствія, если бы вамъ удалось услышать ихъ.

О такихъ же вечерахъ, милыхъ и разнообразныхъ, какіе были и, вѣроятно, бывають у васъ (въ Петербургѣ), здѣсь и понятія не имѣють.

Часто я мысленно переносусь въ ваше милое семейство, желалъ бы перелетѣть къ вамъ, хоть на короткое время, но зима на дворѣ, и должно покориться судьбѣ».

Изъ Варшавы къ Василию Павловичу Энгельгардту обращены еще три письма Михаила Ивановича, чрезвычайно интересныхъ для характеристики ихъ глубоко-сердечныхъ отношеній.

«Не лѣность, а упорный недугъ не допустилъ меня отвѣчать на письмо ваше,—пишетъ Глинка изъ Варшавы отъ 26-го марта 1850 г.—Искренно благодарю васъ, добрѣйшій Василій Павловичъ, за ваши заботы о моихъ музыкальныхъ дѣткахъ.

«Послѣднее письмо ваше отъ 18-го марта исполнило сердце мое радостью... Или наша публика, доселѣ ненавидѣвшая инструментальную музыку, вполнѣ измѣнилась, или дѣйствительно эти пьесы, писанныя *сop amore*, удалась свыше моего ожиданія,—какъ бы то ни было, но этотъ вовсе неожиданный успѣхъ чрезвычайно ободрилъ меня.

«Поблагодарите отъ меня господъ артистовъ за ихъ ласковое вниманіе и честное содѣйствіе—увертюру *Jota* и *Камаринскую* съ удовольствіемъ предоставляю для концертовъ филармоническаго общества и другихъ по вашему усмотрѣнію».

Видимъ, что въ 1850 году заботы Василя Павловича Энгельгардта о «музыкальныхъ дѣткахъ» Глинки выразились устройствомъ удачныхъ концертовъ, гдѣ исполнялись произведенія генія русской музыки.

Публика выказала при этомъ пробужденіе вкуса.

VIII.

«Въ теченіе нынѣшняго пятидесятаго года,—пишетъ Глинка дальше Василию Павловичу,—совершится двадцатипятилѣтіе моего послѣдняго служенія на поприщѣ народной русской музыки. Многіе упрекають меня въ лѣности,—пусть эти господа займутъ мое мѣсто на время,—тогда убѣдятся, что съ постояннымъ нервнымъ разстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ воззрѣніемъ на искусство, которое всегда мною руководствовало, нельзя много писать.

«Не повторяться такъ трудно, какъ вы и вообразить не можете,—я рѣшился съ нынѣшняго года прекратить фабрику русскихъ ре-

мансовъ, а остатокъ силъ и зрѣнія посвятить болѣе важнымъ трудамъ».

Конечно, двадцатипятилѣтіе служенія гениальнаго композитора не было ничѣмъ отмѣчено и даже замѣчено—а вѣдь то было двадцатипятилѣтіе рожденія народной самобытной русской музыки.

Съ лаконизмомъ, но совершенно точно М. И. Глинка опредѣляетъ основные принципы своего творчества:

- 1) Народная русская музыка.
- 2) Строгое воззрѣніе на искусство.
- 3) Не повторять себя.

Но что же предположенные въ юбилейный годъ «болѣе важные труды?».

Отъ 12-го мая 1851 года изъ Варшавы Михаилъ Ивановичъ пишетъ Василию Павловичу Энгельгардту:

«Искренно благодарю васъ за ваши ласковыя строки, ваши дружескія чувства и попеченія о моихъ бѣдныхъ произведеніяхъ.

«Вы спрашиваете, пишу ли я?—теперь вовсе нѣтъ. Послѣдній, написанный еще въ прошломъ году, романсъ «Финскій заливъ». Вы знаете, предъ нимъ я написалъ хоръ для Смольнаго монастыря.

«Кавосъ прислалъ мнѣ слова слишкомъ поздно—слова нелѣпно-глупыя, некогда было передѣлать, и, судя по письму, которое получилъ отъ Кавоса,—кажется, вещь не удалась. Впередъ буду умѣе и рѣшительно отъ всевозможныхъ заказовъ отказываюсь. Не замедлю прислать вамъ оригинальный манускриптъ этого хора.

«Страданія печени совершенно меня измѣнили—нигдѣ не бываю, никого не вижу—иногда только сосѣдки гризетки заходятъ повеселить меня танцами и рѣзвостью.

«Ежели, однакожь, вдохновеніе снова посѣтитъ меня, охотно напишу для васъ, что Богъ положитъ по сердцу,—увѣрею, что вы мое дѣтко побережете лучше пріятеля Кавоса».

Послѣднее письмо Глинки къ Василию Павловичу Энгельгардту изъ Варшавы, отъ 21-го іюля 1851 года, особенно ярко характеризуетъ заслуги послѣдняго передъ Россіей, какъ собирателя и хранителя музыкальныхъ манускриптовъ великаго творца «Руслана».

«На дняхъ выслана на имя ваше собственноручная партитура «Прощальной пѣсни», написанной мною въ прошломъ году для Смольнаго монастыря.

«Въ теченіе нынѣшняго года распорядюсь, чтобы для укомплектованія вашей музыкальной бібліотеки вамъ высланы были изъ деревни моей *всѣ мои неизвѣстныя пьесы, конченныя и неоконченныя, и этюды*. Васъ же прошу при свиданіи съ Даргомыжскимъ (которому усердно кланяюсь) допытаться отъ него о зеленой тетради, гдѣ находятся три фуги моего сочиненія для фортепьяно и нѣчто въ родѣ

кантаты, написанной мною въ началѣ 26-го года на кончину императора Александра I и восшествіе на престолъ императора Николая Павловича.

«Такъ какъ вы любите моихъ дѣтей, сирѣчь мои музыкальныя произведенія, то долгомъ считаю увѣдомить васъ, что теперь предстоитъ удобный случай оказать имъ покровительство, а именно: недавно получилъ я дружескій поклонъ отъ Мейербера, съ просьбой познать его съ моими операми—чего самъ исполнить не могу, ибо таковыхъ не имѣю—пошлю ему «Камаринскую». Вы же съ своей стороны потрудитесь доставить хотя на короткое время переведенную оперу «Жизнь за царя» на нѣмецкій языкъ—Мейерберу, проживающему въ Берлинѣ. Адресъ считаю излишнимъ, онъ лицо слишкомъ извѣстное».

Василій Павловичъ Энгельгардтъ сохранилъ для Россіи множество манускриптовъ Глинки, коллекція которыхъ все пополнялась, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ писемъ композитора.

IX.

Слѣдующее письмо Михаила Ивановича Глинки къ Василю Павловичу Энгельгардту относится къ трехлѣтнему пребыванію творца «Жизни за царя» въ Парижѣ.

«Что сказать вамъ о себѣ?—пишетъ онъ отъ 24-го декабря 1853 г.—Еще въ прошломъ году на пути въ Испанію у самыхъ Пиреней овладѣла мною злѣйшая ностальгія, сирѣчь попросту тоска по отчизнѣ, или лучше по своимъ людямъ. Въмѣсто Испаніи я снова вернулся въ Парижъ; осень и зима прошли довольно сносно, весною же пылѣшняго 53-го года оная ностальгія посѣтила меня еще упорнѣе. Теперь я нѣсколько спокойнѣе; мысль, что мое плѣненіе Вавилонское (не лишнія слова—Парижъ теперь то же, что былъ Вавилонъ во время оно—объясню при свиданіи), мысль, говорю, что скоро плѣненіе кончится и я снова буду въ вашемъ тепломъ дружескомъ кружкѣ, видимо, оживляетъ меня».

По возвращеніи въ Петербургъ, лѣтомъ 1854 г., проживая на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, М. И. Глинка составилъ весьма интересную «записку для путешествія» Василя Павловича Энгельгардта, собравшагося за границу.

«Умѣть пользоваться временемъ есть первое условіе благоразумнаго путешественника,—говоритъ въ своей запискѣ Михаилъ Ивановичъ,—и такъ какъ для произведеній искусства всякое время года годится, а для наблюденія чудесъ природы и прелестныхъ мѣстоположеній надобно сообразоваться съ климатомъ и его условіями, то совѣтую В. П. Энгельгардту нижеслѣдующее:

«1) Начать съ обзора природы, а искусство оставить на обратный путь».

«2) Постараться прибыть въ Геную не позже первой половины сентября и, оставшись тамъ не болѣе 2-хъ дней,

«3) отправиться въ Livorno, а оттуда сейчасъ по прибытіи по желѣзной дорогѣ отправиться во Флоренцію».

Далѣе слѣдуютъ подробныя наставленія, что осматривать въ Римѣ и Неаполѣ.

Для путешествія Василія Павловича Энгельгардта по Испаніи въ 1855 году М. И. Глинка тоже составилъ наставленіе, въ письмѣ отъ 22-го января.

«Премного благодарю васъ за подробное извѣщеніе изъ Сициліи и охотно исполняю ваше желаніе, и прилагаю при семъ подробную инструкцію объ путешествіи въ Испанію, желая отъ всей души, чтобы она вамъ послужила въ пользу.

«Постарайтесь быть въ Барселонѣ въ концѣ апрѣля или въ самыхъ первыхъ числахъ мая. Оттуда моремъ въ Венецію — гдѣ отличнѣйшіе зурбараны и красивыя женщины—эти послѣднія во множествѣ обрѣтаются въ Мадридѣ, въ лавочкахъ, гдѣ продаютъ оржады. Изъ Валенсіи въ Аликанте, откуда сейчасъ же въ Элче, городъ, окруженный пальмовыми рощами.

«Изъ Мурсіи въ Картагену, оттуда въ Малагу, знаменитую виномъ и милыми женщинами.

«Изъ Малаги въ Гранаду... Въ мое время былъ тамъ удивительный гитаристъ—имя его Murgiano; если онъ живъ, поклонитесь ему отъ меня...

«Лѣтомъ жители Севильи обыкновенно переходятъ въ нижній этажъ; картины, зеркала, однимъ словомъ, всю лучшую домашнюю утварь переносятъ въ patio—дворъ посреди дома,—который сверхъ того украшаютъ цвѣтами. Тамъ все семейство и друзья дома проводятъ большую часть ночи, и вы, ходя по улицамъ, можете сквозь рѣшетку воротъ видѣть эти живыя картины».

«Въ Мадридѣ прошу васъ отыскать учителя (pianiste) Don Juan Guelbenza, его пріятеля Zabalburu и ученицу его Sfia Vela; кланяйтесь имъ отъ меня.

«Познакомьтесь также съ фабрикантомъ перчатокъ Lafin, colle de l'carne № 16. Онъ хотя французъ, но отличнѣйшій человекъ и поселился въ Испаніи, кланяйтесь ему усердно отъ меня.

«Сѣверная Испанія напомнитъ вамъ наше отечество—ели, медвѣдей—все тамъ найдете, но это нужно не только для удовлетворенія вашего патріотическаго чувства, но и для контраста—въ сентябрѣ посѣтите Oporto и Lisboa (по-русски Лиссабонъ—довольно!).

«Рекомендую вамъ тоже завернуть въ городъ Тарифа (Tarifa)—это недалеко отъ Гибралтара—тамошнія женщины славятся красотой и носятъ mantilles особаго рода».

X.

Высокій интересъ для характеристики отношеній сердечной дружбы между Василюемъ Павловичемъ Энгельгардтомъ и Михаиломъ Ивановичемъ Глинкой представляютъ письма гения русской музыки къ оберегателю, собирателю и хранителю его манускриптовъ, писанныя въ предпоследній годъ его жизни, 1856-й, во время пребыванія въ Берлинѣ.

Глинка здѣсь сообщаетъ «любезнѣйшему барину Василю Павловичу», что въ Берлинъ его привлекло желаніе «изучить съ Деномъ церковную музыку глубоко и наострится въ канонахъ и другихъ музыкальныхъ кунштюкахъ, дабы впоследствии написать оныя (а не образецъ) литургіи Юанна Златоуста въ *русско-славянскомъ православномъ родѣ*».

Глинка сообщаетъ, что матерьялы для сего—собраніе разныхъ старинныхъ напѣвовъ—съ нимъ привезены.

Великая эта задача за безвременной кончиной композитора не осуществилась. Громадная утрата для русской духовной музыки, въ которой гений Глинки, конечно, проторилъ бы новые пути.

Въ письмѣ этомъ далѣе Глинка говорить:

«Хотя живу противъ Дена въ Marienstrasse, № 6, однакожь мы видимся не часто. Онъ очень занятъ (между прочимъ составляетъ каталогъ пьесъ, для васъ написанныхъ, и самъ будетъ писать вамъ и повторить общую нашу просьбу); несмотря на мое хвораніе, а его занятіе, мы намѣрены въ концѣ августа ѣхать въ классически-романтическія горы Гарцъ, куда умоляемъ и васъ сопутствовать. Мы надѣемся, что втроемъ намъ скучно быть не можетъ, а сверхъ того отчего бы вамъ, добру-молодцу, не потѣшить насъ старикашекъ: чтобы еще болѣе убѣдить васъ, повергаю на ваше благоусмотрѣніе слѣдующія соображенія:

«1) Вы вдвое моложе каждаго изъ насъ и снабжены большими средствами для перемѣщеній вашей милой особы, именно силою мышцъ и приличными фондами. Можете странствовать одни, а у меня дядька нѣмецъ, а средства не столь обильны.

«2) Мы васъ очень любимъ: сіе доказывается (*demonstratur*) тѣмъ, что Денъ вамъ избираетъ лучшее, говорю, изъ королевской библіотеки, а я, грѣшный, оставилъ вамъ въ Питерѣ у Исполнна Д. В. Стасова до шести монхъ различныхъ рукописей.... Даже и здѣсь уже инструментованъ мной для одной милой барыни «Соловей» Алябьева на маленькій оркестръ. Копію пошлю барынькѣ, а манускриптъ для васъ.

«3) Вы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вполне принадлежите избранной публикѣ (*monde élégant*), почему же вамъ и не придерживаться ихъ обычая, т. е. въ исходѣ лѣта (*saïson morte*) не ѣхать на неопре-

дѣленное время изъ Парижа; по возвращеніи впечатлѣнія будутъ еще свѣжѣе».

Черезъ мѣсяць, въ письмѣ отъ 26-го іюля 1856 года Глинка повторяетъ убѣдительную просьбу Василю Павловичу Энгельгардту пріѣхать въ Берлинъ:

«Мы съ Денемъ будемъ уже счастливы видѣть васъ хоть на нѣсколько часовъ, въ проѣздъ вашъ изъ Парижа въ Петербургъ.

«Когда же вы навѣстите насъ, возвращаясь изъ Петербурга въ Парижъ, вы смѣло можете подарить намъ нѣсколько недѣль—музыкальныя удовольствія здѣсь зѣло обильны и дѣльны. Между прочимъ три концерта, Sing-Verein, гдѣ будетъ между прочимъ исполнена Missa Баха!»

«Милый баринъ!!! Не обидьте капельмейстера (такъ меня здѣсь называютъ) и профессора (такъ называютъ Дена), сирѣчь порхните къ намъ

«Вѣрный вамъ какъ всегда

«Михаилъ Глинка (Мимоза)».

ХІ.

Внукъ племянника «великолѣпнаго князя Тавриды», Василій Павловичъ Энгельгардтъ наслѣдовалъ нѣкоторую долю «потемкинскихъ милліоновъ» и употребилъ ее на путешествія, на занятія музыкой и астрономіей—прекрасной наукой, по его собственному выраженію, къ которой онъ почувствовалъ влеченіе еще въ молодости, на великолѣпную музыкальную бібліотеку, наконецъ, на обсерваторію, воздвигнутую имъ въ Дрезденѣ.

Музыка и астрономія подлинно съ античныхъ временъ являлись сестрами. Гоголь, сопоставляя музыку съ живописью и скульптурой, посвятилъ ей эти пламенные строфы гармонической прозы:

«Она вся порывъ; она вдругъ за однимъ разомъ отрываетъ чело-вѣка отъ земли его; оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она властительно ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ трепеть. Онъ уже не наслаждается, онъ не страдаетъ; онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ; живетъ своею жизнью, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, развилась и дышитъ въ тысячѣ разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна; но могущественнѣе и восторженнѣе подѣ безконечными, темными сводами катедрала, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молещико-въ стремятъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и несетъ съ ними горѣ, оста-

вляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи остроконечной башни.

«О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ, музыка! Не оставляй насъ! Будь чаще наши меркантильныя души! Ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! Волнуй, разрывай ихъ и гони хотя на мгновение этотъ холодно-ужасный эгоизмъ, силащійся овладѣть нашимъ міромъ. Пусть, при могущественномъ ударѣ смычка твоего смятенная душа грабителя почувствуетъ хотя на мигъ угрызение совѣсти, спекуляторъ растеряетъ свои расчеты, безстыдство и наглость невольны выронятъ слезу предъ созданіемъ таланта. О, не оставляй насъ, божество наше!»

Это было написано Гоголемъ въ 1831 году и стоитъ какъ вводная статья «Арабесокъ».

Утилитарная цѣль—посредствомъ музыки заставить грабителя почувствовать угрызения совѣсти, а безстыдство и наглость—пролить слезу («*une larme*» поэзіи Ламартина) вносить диссонансъ въ поэтическій гимнъ Гоголя, обличая присущее его душѣ поучительно-пользительное направленіе, которое въ концѣ жизни совѣмъ его поработило. Но первыя строки изумительно сильны и вѣрны. Онѣ особенно вѣрны, какъ истолкованіе того, какъ чувствовалъ музыку Глинки. Онъ, именно, внимая, «превращался въ страданіе». Отсюда мучительная его нервозность, подобная нервозности Гоголя.

Восторженно изображая игру органа въ католическомъ соборѣ, «подъ безконечными, темными сводами, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молеельщиковъ», Гоголь въ своихъ переживаніяхъ сходится съ тѣмъ, что описываетъ въ посланіи къ Василию Павловичу Энгельгардту изъ Варшавы Глинки, который, «безъ ужасно-восторженнаго напряженія нервъ» не могъ слушать игру органиста Фрейера. «Ужасное» сливалось въ переживаніяхъ Глинки съ «восторженнымъ» и онъ, именно, «превращался въ страданіе».

Оставляя специалистамъ разсуждать о творествѣ Глинки и роли его въ исторіи и эволюціи музыки, именно подходя къ автору «Руслана и Людмилы» съ «бытовой» стороны, какъ посовѣтовать самъ живой современникъ и земной ближайшій сопутникъ Глинки, Василий Павловичъ Энгельгардтъ, мы скажемъ, что для пониманія творчества Глинки необходимо глубокое изученіе эпохи, когда онъ жилъ, и переоцѣнка всѣхъ явленій творчества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Кружокъ Жуковскаго, «братія» конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, театръ и живопись той эпохи, всеотзывчивый романтизмъ и въ то же время стремленіе найти въ искусствѣ пути къ самобытному, народному, все это не проходило мимо души, мимо сердца и разума гениальнаго музыканта. Генійъ есть резонаторъ своей эпохи.

Этого мало, мы видимъ Глинку въ Варшавѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Мадридѣ, въ Севильѣ, въ Римѣ, въ Миланѣ. Впечатлѣнія Запада тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ постоянно ложились на воспримчивое воображеніе композитора, и безъ изученія той эпохи искусства и на Западѣ правильно понять и оцѣнить творчество Глинки, кажется намъ, совершенно невозможно.

ХII.

Заслуга предъ Россіей Василя Павловича Энгельгардта, который собралъ и сохранилъ въ подлинникахъ и копіяхъ большинство музыкальныхъ манускриптовъ Михаила Ивановича Глинки, громадна.

Стоитъ только принять во вниманіе безпечный характеръ великаго музыканта, подобный характеру, приданному Пушкинымъ Моцарту, его постоянныя скитанья, его «ностальгій» и мрачныя мгновенія ужасающей хандры, когда легко съ рукописями могло произойти то, что постигло вторую часть «Мертвыхъ Душъ».

Это съ одной стороны.

А съ другой—непониманіе, лѣнивое пренебреженіе, равнодушіе современниковъ къ творцу «Руслана и Людмилы».

Многотомное собраніе рукописей Глинки было принесено В. П. Энгельгардтомъ въ даръ императорской публичной бібліотекѣ въ Петербургѣ. Кроме того, музеемъ Глинки при петербургской консерваторіи Василій Павловичъ передалъ богатое собраніе портретовъ и различныхъ вещей композитора. Такимъ образомъ, память творца «Руслана» имъ была почтена вдвойнѣ.

Мы не теряемъ надежды, что Василій Павловичъ въ своемъ дрезденскомъ архивѣ еще отыщетъ драгоценные документы, освѣщающіе самыя яркіе годы его жизни въ содружествѣ съ гениемъ русской музыки.

Въ настоящее время русская музыка, русскій балетъ, русское искусство и литература привлекаютъ глубокое вниманіе германороманскаго міра, и старый Западъ восторгается русскимъ творчествомъ. И это лишь начало. Русская музыка еще лишь открывается вкусу Запада, и наиболѣе мощный геній ея, Глинка, не оцѣненъ въ уровень его роста. Во всякомъ случаѣ теперь можно вспомнить и тѣхъ друзей русскаго, часто плохо понятаго или и совсѣмъ не понятаго, самобытнаго музыкальнаго творчества, которые облегчали несеніе креста по тернистой тропѣ русскимъ художникомъ звука. Среди нихъ соотечественники, конечно, должны воздать дань признательности маститому другу Глинки, Василю Павловичу Энгельгардту, который дожилъ до семидесятипятилѣтія безсмертной «Жизни за царя».

Заканчивая этотъ очеркъ, я нахожу полезнымъ провести еще нѣкоторую параллель между гениемъ германской музыки, Вагнеромъ, и гениемъ музыки русской, Глинкой, въ отношеніи основной идеи ихъ творчества.

Въ 1850 году исполнилось двадцатипятилѣтіе музыкальнаго творчества Михаила Ивановича Глинки, которое онъ самъ тогда, въ письмѣ къ Василию Павловичу Энгельгардту, опредѣлилъ «служеніемъ на поприщѣ народной русской музыки».

А въ 1851 г. Вагнеръ пишетъ свое знаменитое «обращеніе къ друзьямъ».

Вотъ что здѣсь писалъ авторъ цикла «Нибелунговъ»:

«Со времени возвращенія изъ Парижа въ Германію моимъ любимымъ занятіемъ стало изученіе нѣмецкой старины. Я уже раньше упоминалъ о томъ глубокомъ тяготѣніи къ родинѣ, которое охватило меня тогда. Но своею современною дѣйствительностью эта родина не могла меня удовлетворить, и я почувствовалъ, что въ основѣ этой тоски лежитъ иное, болѣе глубокое стремленіе, питаемое иною страстью, а не простое влеченіе къ родинѣ настоящаго историческаго момента. Какъ бы для того, чтобы измѣрить глубину этого стремленія, я погрузился въ родную стихію первобытной старины, какъ она выступаетъ изъ преданій прошлаго, увлекаая и волнуя насъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ враждебнѣе и холоднѣе отталкиваетъ современность. Всѣ наши желанія и горячія влеченія, дѣйствительно переносящія насъ въ будущее, мы стараемся воплотить въ чувственные образы при помощи картинъ прошлаго, чтобы такимъ путемъ найти для нихъ ту форму, которую современная дѣйствительность не въ состояніи имѣть дать. Стремленіе облечь художественною плотью грезы сердца и желаніе выяснить, что собственно такъ непреодолимо влечетъ меня къ первоисточнику родныхъ преданій, привели меня, шагъ за шагомъ, въ область сѣдой древности. Здѣсь, въ этой глубокой старинѣ, я—къ великому моему восторгу—открылъ человѣка, юношески-прекраснаго, въ полномъ расцвѣтѣ и свѣжести силъ. Мои занятія привели меня черезъ средневѣковья сказанія къ самому корню первобытнаго нѣмецкаго мифа. Я сбрасывалъ съ него одну одежду за другой, безобразно накинутыя позднѣйшей поэзіей, чтобы, наконецъ, увидѣть его во всей цѣломудренной его красотѣ. И то, что я увидѣлъ, была не традиціонная историческая фигура, въ которой драпировка интересуетъ насъ больше, чѣмъ ея дѣйствительныя формы,—это былъ, во всей своей наготѣ, настоящій живой человѣкъ, въ которомъ я различалъ не стѣсненное, свободное волпепіе крови, каждый рефлексъ сильныхъ мускуловъ: это былъ истинный человѣкъ вообще.

«Одновременно съ этимъ я сталъ искать человѣка и въ исторіи.

«Одновременно съ Зигфридомъ я остановился также на исторической фигурѣ Фридриха I: онъ показался мнѣ, какъ казался и

творящему мнѣи нѣмецкому народу, историческимъ возрожденіемъ древне-языческаго Зигфрида».

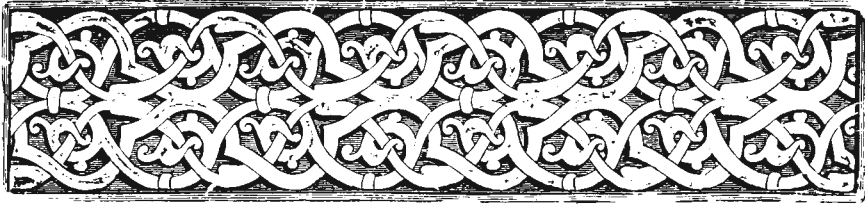
Вотъ философскій принципъ творчества Вагнера, имъ высказанный въ 1851 году, то есть за шесть лѣтъ до кончины Глинки.

Вагнеръ былъ не только великій нѣмецкій композиторъ, но и великій нѣмецкій мыслитель и писатель. Глинка не обладалъ послѣднимъ. Но именно приложивъ принципъ Вагнера къ творчеству русскаго генія музыки, мы уяснимъ себѣ его задачи, его не совершенныя, быть можетъ, за сравнительно ранней смертю Глинки, великія возможности. Какъ Вагнеръ искалъ Психею нѣмецкаго народа въ его богатырствѣ и въ его исторіи, такъ Психею русскаго народа искалъ Глинка. Зигфридъ и Фридрихъ явились героями Вагнера. Глинка создалъ музыкальный богатырскій ликъ Руслана и русскаго мученика за царя Сусанна.

Николай Энгельгардтъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИНСУРГЕНТА ¹⁾.

I.

ВЫЛА ВЕСНА печальной памяти 1863 г., на диво хорошая и теплая. Въ нашемъ углу Бѣлоруссін, М—ой губерніи, помѣщичье интеллигентное населеніе волновалось, прислушиваясь къ событіямъ въ Варшавѣ. Ходили по улицамъ чудовищные слухи о мнимыхъ пораженіяхъ русскихъ войскъ и о скоромъ вступленіи въ предѣлы царства Польскаго арміи Наполеона. Многие всему вѣрили, особенно женщины, а кто сомнѣвался—помалякивалъ, боясь вооружить противъ себя общественное мнѣніе.

Въ довѣрїи или недовѣрїи толпы есть нѣчто стнхійное. Логика, шансы вѣроятія тутъ обыкновенно ни при чемъ. Лавина катится и захватываетъ безъ разбора и желающихъ вѣрить и не желающихъ.

Я былъ въ описываемое время тридцатилѣтнимъ, солиднымъ молодымъ человѣкомъ, обладателемъ хорошенькой усадьбы и собирался жениться. Анжелика, моя нареченная, ярая патріотка, безусловно вѣрила, что поляки побѣдятъ, а Наполеонъ явится къ намъ на помощь, и когда я попросилъ ее назначить день нашей свадьбы, она окинула меня довольно холоднымъ взглядомъ и озадачила словами:

---

¹⁾ Настоящій рассказъ записанъ мною со словъ моего друга Яна Н., недавно умершаго. Приключенія его инсургентской жизни очень характерны, особенно тѣмъ, что рисуютъ настроеніе большинства людей, которыхъ въ то время увлекалъ революціонный потокъ.

— Вы спрашиваете, когда наша свадьба? Теперь не время думать о свадьбѣ: въ царствѣ Польскомъ уже льется кровь братьевъ—въ Литвѣ Сѣраковскій формируетъ легіоны...

— Неужели же наше счастье...—робко замѣтилъ я.

— Наше личное счастье подождетъ. Идите сперва туда, гдѣ льется кровь за свободу, и докажите, что вы достойный сынъ своего народа.

Я было заикнулся, что прежде сыграемъ свадьбу, а потомъ я пойду куда ей угодно; но Анжелика и слушать не хотѣла.

— Иди и иди сражаться за отечество,—твердила она съ упорствомъ женщины, которая не желаетъ слушать никакихъ доводовъ. Плакала, жалѣла меня, боялась за меня, но рѣшенія своего не перемѣняла. Пришлось покориться. Не скрою: эта покорность мнѣ, мирному и не очень храброму человѣку, далеко была не по сердцу.

Тѣмъ не менѣе, нѣсколько дней спустя, кажется, 10-го апрѣля, я въ чамаркѣ, длинныхъ сапогахъ, съ двухствольнымъ ружьемъ на плечѣ, очутился въ мѣстечкѣ К., М—ской губерніи, готовый приставъ къ бандѣ, гнѣздившейся, по слухамъ, въ сосѣднихъ лѣсахъ. У меня было рекомендательное письмо къ мѣстечковому пробсту (настоятелю). Онъ, хорошо обо всемъ освѣдомленный, долженъ былъ направить меня въ отрядъ.

Патеръ былъ маленькій, краснощекій толстякъ съ какими-то сонными глазами. Въ его квартирѣ, нимало не стѣсняясь, распорядилась хорошенькая черноглазая и чернобровая пани Текла... Патеръ не преминулъ сообщить мнѣ, что у пани Теклы есть и мужъ—шляхтичъ изъ сосѣдняго застѣнка. Осторожный до трусости, онъ мнѣ сейчасъ же досадливо выговорилъ, зачѣмъ я въ повстанческомъ костюмѣ и даже съ двухстволкою открыто днемъ пришелъ къ нему.

— Пошъ узнаетъ—донесетъ. Меня арестуютъ. Эти москали не уважаютъ ничего святого. Надо было подождать почи,—ворчалъ патеръ, поглядывая на меня далеко не ободряющимъ взглядомъ.

Пани Текла, присутствовавшая при нашихъ переговорахъ, подперла ладонью щеку и, кивая головою, причитала:

— Попа здѣшняго давно надо бы повѣсить... На всѣхъ доносить. Храни Богъ, арестуютъ таточку (ксендза), при чемъ я тогда, горемычная, останусь съ троичкою дѣтокъ?

— Откуда вы?—допрашивалъ меня патеръ.

Я сказалъ.

— А у васъ не формируются отряды? Не слышали?

— У насъ въ М—ской отрядовъ пока нѣтъ, но охотниковъ итти въ лѣса много.

— И всѣ съ такимъ же негоднымъ оружіемъ, какъ ваше?

Онъ презрительно ткнулъ пальцемъ въ дуло моей дубельтовки. За ружье свое я обидѣлся. Мнѣ оно казалось очень хорошимъ.

— Въ ста шагахъ я изъ него попадаю пулею въ карту,—объяснилъ я не безъ гордости патеру.

Онъ презрительно пожалъ плечами.

— У русскихъ солдатъ ружье бьетъ на пятьсотъ шаговъ. Хороши вы будете съ вашими дубельтовками. Васъ перестрѣляютъ прежде, чѣмъ вы откроете огонь. Надо добыть штуцеръ.

— А гдѣ бы его добыть?

— У жидовъ. За деньги и десятокъ штуцеровъ найдете въ мѣстечкѣ.

— Деньги у меня найдутся. Добудьте жидка съ штуцеромъ.

Ксендзь подумалъ минуту и обѣщаль прислать проводника, который укажетъ мнѣ, гдѣ польскій отрядъ, и жидка, торгующаго оружіемъ и порохомъ.

— Помните только одно: когда придетъ жидъ, не говорите ему ни о ружьяхъ, ни о порохѣ. Скажите просто, что желаете купить желѣзную палку и маку. Онъ ужъ догадается, что вамъ нужно.

— Осторожность, осторожность и еще разъ осторожность,—твердилъ ксендзь, провожая меня. Текла продолжала твердить свое:

— Коли татечку мово возьмутъ, что я, горемычная, дѣлать буду съ трончкою дѣтокъ.

— Чего вы такъ бонтесъ въ этомъ глухомъ мѣстечкѣ?—спрашиваю.—Жида вѣдь на нашей сторонѣ.

— На нашей, пока у насъ есть деньги, пока они думаютъ, что правительство испугается Наполеона и уступитъ и верхъ будетъ нашъ. И сейчасъ же продадутъ насъ, чуть только догадаются, что шансы наши плохи.

— Неужели же наши шансы плохи?

Патеръ нахмурился.

— Оружіе плохое, предводителей настоящихъ нѣтъ. Чего же хотите? Да вотъ сами убѣдитесь, какъ побываете въ отрядѣ.

Текла, запирая за мною двери, вдругъ расчувствовалась.

— Панчекъ мой! такой молоденькій. Жалко мнѣ тебя. Жена съ дѣточками или невѣста есть у тебя?

— Невѣста,—говорю.

— Ну, тогда уходи ты, откуда пришелъ. Не иди въ лѣса. Чего тамъ искать? Пронадешъ зря.

Впоследствии я не разъ пожалѣлъ, что не послушалъ предостереженія ксендзовской экономки.

II.

Въ еврейскомъ заѣзжемъ домѣ—неукложемъ старомъ зданіи съ большимъ крытымъ дворомъ—въ маленькой горенкѣ, передъ простывшимъ самоваромъ просидѣлъ я долгій вечеръ, одинокій, скучающій, обезкураженный. Каждую минуту меня могли аресто-

вать. Въмѣсто подвиговъ на ратномъ полѣ, которыхъ отъ меня, человѣка смирнаго и невоинственнаго, требовала Анеля, все могло окончиться арестомъ и сидѣніемъ въ тюрьмѣ.

Гдѣ былъ тотъ отрядъ польскихъ войскъ, къ которому мнѣ слѣдовало пристать, никто мнѣ указать не брался. Текла прямо принесла вѣтовала бросить все и уходить. Старая еврейка Гинда, на вопросъ: не слыхала ли чего о польскомъ отрядѣ?—затрясла головою:

— Ни, ни, вельможный! ничего не слыхала.

Я далъ ей рубль. Она улыбнулась, подошла поближе и, обдавъ меня запахомъ луку, чесноку и еще какой-то дряни, шепнула:

— Штановой въ мѣстечко пріѣхать и два казака съ нимъ. Сидите тихо и никуда не выходите. Такъ и Ханмъ наказывалъ.

— Кто этотъ Ханмъ?

— Кто Ханмъ? Ну, мой сынъ. Ксендзова Текла уже пріѣхала и говорила съ нимъ про васъ. Какъ только становой уѣдетъ изъ мѣстечка, онъ проведетъ васъ куда вамъ надо.

— Когда становой уѣдетъ?

— Ночью уѣдетъ. Выкормить лошадей и уѣдетъ. Что ему тутъ дѣлать? Да онъ и самъ боится.

— Кого онъ боится?

— Тѣхъ, что въ лѣсу.

Еврейка пошла было изъ комнаты, но вернулась и еще таинственнѣе шепнула:

— Ну, Ханму двадцать пять рублей надо дать.

— И штуцеръ онъ достанетъ?

— Никакихъ штуцеровъ, тьфу! тьфу! у него нѣтъ. Мы шмырные жидки, на ружья и глядѣть боимся. Ксендзь передать приказывалъ, что вамъ требуется палка, хорошая, атлицкая, и маку. Ну, это Ханмъ можетъ добыть.

Меня очень смѣшила лукавая трусость старой Гинды. Пришлось, однако, ее послушаться: сидѣть въ номерѣ и отъ скуки пить стаканъ за стаканомъ простывшій чай.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, послышался звонъ колокольчика и топотъ верховыхъ лошадей. Это уѣзжалъ становой. Входъ въ мою комнату былъ изъ коридора. Но только тонкая перегородка отдѣляла ее отъ обширной горницы, въ которой помѣщались евреи. Тамъ стояла бочка съ водкою и столы, за которыми посѣтители Ханмова шинка собирались бражничать. Казаки вошли въ шиннокъ и грозно спросили Гинду:

— Нѣтъ ли у тебя постороннихъ посѣтителей?

— Ну, есть гашпада казаки. Рядомъ туточки стоитъ,—послышался разбитый, дребезжащій голосъ старухи.

Я замеръ. Сейчасъ войдутъ и арестуютъ меня.

— Кто такой у тебя остановился?

— А кто его знаетъ. Говорить, дьячокъ онъ Бѣлевской церкви. Космы такія длинныя. Выпилъ кварту горилки и теперь шнить. Пойдите, гашнада кавалеры, поглядѣть?

Но казаки не пошли.

— Ну его къ чертямъ, дьячка,—кричалъ становой, не вылъ-завшій изъ нетычанки. Скорѣе, донцы! Запоздаемъ еще въ этомъ проклятомъ лѣсу. Наткнемся на какихъ-нибудь чертей.

Стаповой, очевидно, трусилъ. Колокольчикъ зазвенѣлъ; лошади казаковъ затопали, и опасные гости уѣхали.

— Гинда! да вѣдь ты хотѣла меня выдать!—напустился я на еврейку.

Она качала головою и смѣялась.

— Зачѣмъ выдать? Скажи я имъ: никого нѣтъ, пошли бы осматривать. Ужъ это такой народъ. Имъ какой-нибудь швиня-мужикъ сказалъ, что у Хаима кто-то остановился. Иначе зачѣмъ бы имъ сворачивать съ дороги и меня спрашивать? А я сказала: остановился бѣлевскій дьячокъ, напился и спить. Повѣрили дурни и уѣхали.

— А Хаимъ твой скоро явится?

— Къ ночи и Хаимъ будетъ. Все равно раньше утречка, передъ восходомъ солнышка, вамъ выйти нельзя. Ночью темно, и Хаимъ мой не найдетъ дороги. Еще наткнетесь на поляковъ: изъ-за кустовъ пристрѣлять. Русскіе повстрѣчаются—сейчасъ заберутъ. Всѣхъ, кто ночью ѣдетъ или идетъ куда, арестуютъ. Погасите свѣчу и ждите. Ну, спите. Какъ придетъ Хаимъ, разбудимъ васъ. Окна не открывайте.

— Станового нѣтъ. Чего бояться? Душно. Открою.

— Не можно. Мужики ходять. Попу донесутъ. Черти бы побрали этого попа.

III.

Ночь была вешняя, теплая. Но на небѣ скопились тучи и заслопили звѣзды. Луна то выплывала на лазурь, то снова пряталась. Гдѣ-то далеко лаяли собаки. Мѣстечко спало; огней нигдѣ не было видно. Изъ моего окна, выходящаго въ поле, виднѣлась вдаль темная, зубчатая полоса лѣса. «Они тамъ,—думалось мнѣ.—Но какъ я къ нимъ попаду? Что стану дѣлать? Неужели заставятъ убивать?..» Началъ накрапывать дождь. Вѣтеръ загудѣлъ между деревьями... Точно какая-то огромная, невидимая сила неслась надъ вершинами березъ.

«Ну, невесело имъ въ лѣсу подъ дождемъ,—продолжалъ я думать о повстанцахъ.—Голодные, мокрые. Зачѣмъ я-то лѣзу на такую опасность? Моя Анжелика этого требуетъ. Но если требуетъ, значитъ, не любитъ меня. Ее я не послалъ бы даже на самую небольшую опасность. И это потому, что люблю ее, дорога она мнѣ».

Мнѣ сдѣлалось досадно и горько отъ этихъ мыслей.

«Зачѣмъ я послушалъ ее и сунулся въ это возстаніе? Убить меня, изранить, возмутъ въ плѣнь. Хорошо, если сошлютъ, а какъ да разстрѣляютъ! Я былъ въ военной службѣ юнкеромъ, правда, не долго, но все же былъ. Выходить: измѣнилъ присягѣ, дезертиръ... Привяжутъ къ столбу и застрѣлятъ. Какой ужасъ! Все кончится для меня. А мнѣ жить еще хочется, я молодъ, здоровъ, полноу силъ, надеждъ и желаній». Припомнилась мнѣ моя хорошенькая усадьба. Домъ новый... Съ какимъ стараніемъ и любовью я его строилъ; старый, сердцу милый по юношескимъ воспоминаніямъ садъ, сбѣгавшій по косогору къ свѣтлому озеру. Тамъ я въ годы золотой юности на вакаціи рыбу ловилъ и купался, тамъ гулялъ съ нею—избранницей сердца. Много хорошаго обѣщала жизнь и... вдругъ иди, бродяжничай по дикимъ лѣсамъ и болотамъ; добивайся ранъ, захвата въ плѣнь, суда, заранѣе вырытой могилы. Брррр!!

Похолодѣло все во мнѣ отъ этихъ мыслей.

Муравьевъ, только что назначенный въ Вильну, по слухамъ, не любитъ шутить. Въ Динабургѣ уже разстрѣляли взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. И, главное, меня озадачивалъ вопросъ: изъ-за чего это мы, бѣлоруссы, полѣзли въ огонь? Ну, какіе мы поляки? Что намъ за особенная выгода, если Варшава и добьется свободы независимости? Лучше ли станетъ отъ этого живущимъ на берегахъ Двины? Да Москва никакой обновленной Польшѣ и не уступить всѣ земли до стѣнъ Смоленска! Глупо и разсчитывать на подобное! А вѣдь намъ, помѣщикамъ, за широкой сшиной москаля жилось педурно...

Въ умѣ моемъ мелькнула мысль: все бросить и уѣхать домой! А Анжелка? Что я ей скажу?

Я очень дорожилъ моею певѣстой. Она была добрая, умная дѣвушка и, кажется, даже любила меня. Но такая ужъ тогда атмосфера яраго патріотизма господствовала въ обществѣ. И она ей безусловно подчинялась... Мнѣ въ тѣ поры казалось: счастье въ жизни возможно только съ нею, и никакое благополучіе безъ нея немыслимо. При томъ же меня ославятъ трусомъ, измѣшникомъ... Фи! это, пожалуй, хуже ранъ, плѣна и самаго разстрѣла. Позоръ хуже смерти. Надо птти. Вино налито, выпить необходимо.

Дождь уселился. Я затворилъ окно и, не раздѣваясь, прилегъ на диванъ. Думалъ заснуть. Началъ уже забываться. И... что-то закусило меня. Черкнулъ сичку—и ужаснулся: повсюду ползали жирные еврейскіе клоны. Пришлось встать и ходить по комнатѣ. Такъ проходило время, медленно, тоскливо, часъ за часомъ. Ночи, казалось, и конца не будетъ. Цѣлый рой самыхъ нелѣпныхъ предположеній складывался въ моей головѣ. И чего только я не передумалъ. Расхаживая, я поминутно прислушивался: не пріѣхалъ ли Хапмъ? Дождь все уселивался и лилъ, какъ изъ ведра, барабана

въ стекла оконъ, вѣтеръ жалобно выль. Подъ навѣсомъ двора мычала корова, тоскливо, протяжно. На еврейской половинѣ не спали: Гинда перебранивалась съ кѣмъ-то, требовавшимъ водки.

— Смотри ты у меня, пархатая!—кричалъ сердитый, очевидно, пьяный голосъ.—Не дашь въ кредитъ?! Хорошо же! А кто у тебя спрятанъ тамъ, въ задней комнатѣ?

— Ну, никто не спрятанъ! Пьяные твои глаза! напилъ достаточно. Ханимъ приказывалъ не отпускать тебѣ.

— Стой. Пойду, возбужу попа, поднимемъ народъ и отыщемъ, кого ты спрятала.

— Швиня! тамъ бѣлецкій дячокъ спитъ.

— Хорошъ дячокъ! въ длинныхъ сапогахъ и съ фузіей (ружьемъ). Я, небось, видѣлъ...

— Что ты видѣлъ? Дуракъ! Панъ въ длинныхъ сапогахъ и съ фузіей вечеромъ еще ушелъ въ лѣсъ. Тутъ у меня былъ становой съ казаками и ничего не нашли. А въ заднемъ покойникѣ спитъ дячокъ. Поди, разбуди его. Онъ тебѣ шею наkostenяетъ.

— И пойду, и разбужу,—ворчалъ пьяница.

«Проклятая жидовка!—думалъ я.—Ну, что ей стоить дать пьяницѣ водки? Еще обозлится, пойдетъ и допесеть».

И тутъ я опять съ отчаяніемъ повторялъ: зачѣмъ я здѣсь?

Пьяный мужикъ ушелъ. Послѣ долгихъ перекоровъ Гинда дала-таки ему водки. Я сѣлъ къ столу, положилъ голову на руки и неожиданно миновенно уснулъ.

IV.

Вѣроятно, я спалъ долго. Сѣроватый полусвѣтъ проникалъ въ окно, когда чья-то рука разбудила меня. Передо мною стоялъ еврей, высокій, тощій, съ лицомъ, густо покрытымъ веснушками. Онъ былъ, какъ говорится, насквозь промоченъ дождемъ. Ручьями вода стекала съ его полосатаго халата. Волосы на головѣ и большой рыжей бороды были мокрые, слишіеся. Картузь, тоже мокрый, онъ держалъ въ рукѣ.

— Вставай, панъ!—сказалъ онъ мнѣ.—Пора! теперь на дорогѣ никого не встрѣтимъ и въ лѣсу найдемъ тѣхъ, которые пану нужны.

— А штуцеръ мнѣ и порохъ готовы?—спросилъ я.

Еврей затрясъ отрицательно головою.

— Ну! ну! пусть будетъ по-твоему: мнѣ надо желѣзную палку и маку?

— Сто рублей панъ дастъ?

— Дамъ.

— И ваша дубельтувка пойдетъ въ мою пользу?

— Согласенъ и на это.

Хаимъ взялъ сто рублей и показалъ положенные въ сѣняхъ хорошій штуцеръ, правда, не заграничной, а русской работы: вѣроятноѣ всего, солдатскій, украденный, и порядочный мѣшочекъ съ порохомъ и пулями.

Черезъ полчаса, благополучно выбравшись изъ мѣстечка, мы уже шагали по лѣсной дорогѣ—узкой, коленстой, обставленной по возвышеннымъ мѣстамъ высокими соснами, а по низменностямъ извивавшейся среди моря кустарниковъ и открытыхъ мокрецовъ. Солнце еще не взошло, но утро, свѣжее, вешнее утро съ бодрящимъ холодкомъ, уже начиналось. Небо синѣло, высокое, глубокое; по нему медленно ползли обрывки тучъ, остатки почной вчерашней бури. Весь лѣсъ, казалось, жилъ и говорилъ; сотни птичьихъ голосовъ перекликались; подъ налетомъ вѣтра, точно живыя, какъ я косматыми головами, старыя сосны перешептывались глухимъ, загадочнымъ шумомъ. На вѣтвяхъ блестѣли невысохшія капли—послѣ вчерашняго дождя. Легко было дышать. Отдохнувъ и выснавшись, я шель широкимъ шагомъ, бодрый и почти веселый. Мрачныя мысли неч зли. Новизна впечатлѣній и молодая беззаботность тянули меня въ таинственную глубь лѣсовъ, въ которой скрывались они—безстрашные бойцы за свободу и отечество.

«Авось не попадусь!—думалось мнѣ.— Недѣлю-другую поброжу по лѣсамъ и вернусь домой. Анжелика должна будетъ этимъ удовлетвориться. Никто не узнаетъ, что я отлучался изъ дому, гдѣ былъ и что дѣлалъ. Нашъ становой, старичокъ Пракейдихвость, и не подумаетъ доискиваться: онъ вполне и давно за насъ, помѣщиковъ, которые его вѣзмъ снабжаютъ, а у него пятерка дѣтей и цѣлый домъ своячинницъ. Что касается исправника, онъ, русскій, поповичъ Чулицкій, но и онъ любитъ деньги. Съ нимъ тоже не трудно будетъ поладить».

— Чего папъ такъ спѣшить?—озадачилъ меня слабосильный Хаимъ, едва поспѣвая за мною.

— Сейчасъ солнце взойдетъ. Торопиться надо.

— И пусть взойдетъ. Куда торопиться? Не на свадьбу идемъ. Поспѣемъ.

«Точно не на свадьбу, не на ширь», сообразилъ я и умѣрилъ шаги.

— Хаимъ, давно ты ихъ видѣлъ?

— Ну, видѣлъ. Вчера видѣлъ.

— Много нашихъ въ лѣсу?

— А кто ихъ считалъ.

— А русскіе не дознались еще, гдѣ скрываются наши?

— Ну, исправнику донесли. Послалъ станового съ казаками искать. Видѣли сами, какъ они некали. Выкормили лошадей въ мѣстечкѣ и уѣхали обратно.

— Нечего, выходитъ, намъ бояться.

— Какъ печого? Двѣ роты солдатъ изъ Минска пришли. Полковникъ такой сердитый—дерется. Видите?

У Ханма были подбиты глаза и голова повязана окровавленною тряпкою.

— За что тебя били?

— За что бьютъ бѣднаго жидка? Говорятъ развѣ они, за что бьютъ. Баць-баць и все тутъ. Грозилъ повѣсить.

— За какую вину?

Ханмъ засмѣялся.

— Даль мнѣ «пулковникъ» десять цѣлковыхъ, чтобы я разыскалъ и указалъ, гдѣ скрываются повстанцы. Какъ это я могу сдѣлать за десять цѣлковыхъ? Паны, что ушли въ лѣсъ, платятъ мнѣ за хлѣбъ и водку, которые я имъ поставляю; покупаютъ, вотъ какъ и вы кушили, желѣзные палки и макъ... И боюсь я ихъ. Покажи: разорять, поймаютъ и повѣсятъ. Мѣстечко наше не крѣпость, а мѣщанишки наши еще и рады будутъ, когда жиды повѣсятъ. Русскій полковникъ не можетъ безъ суда вѣшать, а повстанскій до вудца пришлетъ своихъ, и я повисну на воротахъ моей избы. Ой! ой! какое трудное положеніе. Не могу я за десять рублей указывать, гдѣ повстанцы.

— Тогда не надо было у полковника десяти рублей брать.

Ханмъ посмотрѣлъ на меня и опять засмѣялся.

— Ничего панъ не понимаетъ.

— Что тутъ понимать! Ты берешь съ обѣихъ сторонъ: шпионишь вашимъ и нашимъ. Скверно, нечестно ты поступаешь.

— Чѣмъ нечестно? Ну, взялъ я отъ «пулковника» десять рублей и вчера еще взялъ двадцать пять... Онъ думаетъ: я выслѣжу шайку въ лѣсу и укажу. Пусть его думаетъ. Паны тутъ близехонько, въ Чортовомъ болотѣ. Какъ только узнаю, что они уходятъ дальше, сейчасъ дамъ знать пулковнику. Пусть его пустое мѣсто накроетъ. Ну, это ужъ не моя вина. Надо было ему поспѣшать.

Ханмъ опять засмѣялся. Помолчавъ, онъ добавилъ, собственно не обращаясь ко мнѣ, а такъ, въ видѣ размышленія:

— Глупство паны дѣлаютъ. Хорошо имъ жилось. Чего еще имъ захотѣлось? Отобрали мужиковъ? Налевать, какъ говорить нашъ попъ. Мужикъ все же будетъ работать на тѣхъ, у кого земля и деньги. Намъ, жидкамъ, мужикъ никогда не принадлежалъ, а всегда на насъ работалъ и всегда будетъ работать. Умъ и деньги у насъ. У пановъ земля, ума, правда, немного... Надо было взяться за умъ, а не за ружье. Какъ мужику не работать на того, у кого земля и голова и умъ. Понимаешь, панъ, меня?

— Понимаю. А все же тебя, Ханмъ, не мѣшало бы повѣсить.

— Повѣсить! А за что меня вѣшать? Мы, еврей, сторона въ вашей сварѣ. Нѣтъ намъ дѣла до глупства, что паны затѣяли. Москали

намъ не родня. Берн ихъ чортъ. Чпновники насъ грабятъ. И вы, и они—намъ постороннiе. Папы хорошо платятъ, и мы имъ служимъ.

— А когда перестанутъ платить?

— Мы имъ перестанемъ служить. Меня пулковникъ крѣпко побилъ. За что я териллю? За Варшаву, что ли? Нѣтъ. И въ глаза я ее не видалъ. У меня трое дѣтокъ и сестру надо отдавать замужъ. И териллю. А до вашихъ дѣловъ, вельможные папы, умному еврейчику никакого дѣла нѣтъ. И за москаля мы не стоимъ. Что намъ москаль. Одно тѣфу!

— За кого же вы стоите?

— Ну, мы стоимъ за себя.

V.

На довольно большой полянкѣ, окруженной густымъ лѣсомъ, у болотистаго ручья, раскинулся бивуакъ, или, скорѣе, подобіе цыганскаго табора. Сотни три людей валялись на землѣ около потухшихъ костровъ. Виднѣлось десятка два шалашей, сложенныхъ изъ свѣже нарубленныхъ вѣтвей елей и сосенъ. Далѣе, у самой опушки лѣса стояло нѣсколько телѣтъ, и около нихъ шагала часовая въ чамаркѣ, съ ружьемъ на плечѣ. Это и была стоянка повстанскаго отряда, подъ предводительствомъ Сизизмунда К., къ которому я присоединился. Ханмъ, проводившій меня, потолковавъ съ предводителемъ, сейчасъ же печезъ. О чемъ они толковали? Вѣроятно, о томъ, что когда повстанцы уйдутъ изъ стоянки у Чортова болота, тогда самое время будетъ навести туда пулковника съ его двумя ротами. Предводитель, высокій, угрюмаго вида господинъ въ русскомъ военномъ кителѣ, мало разговорчивый, осмотрѣвъ мой штуцеръ, похвалилъ его, велѣлъ надѣть штыкъ и затѣмъ я былъ зачисленъ въ стрѣлковую роту, состоявшую изъ пятидесяти человекъ, вооруженныхъ хорошимъ ружьями, по все разныхъ системъ и калибровъ. Начальникъ стрѣлковъ былъ старшій отставной капитанъ-кавказецъ, съ преогромными усами и нависшими свѣдыми бровями. Ходилъ онъ въ грязной бѣлой папахѣ, при шашкѣ черезъ плечо и въ высокихъ сапогахъ.

— Умѣешь стрѣлять?—спросилъ онъ меня.

Я прицѣлился въ пролетающую надъ головою ворону и попалъ. Птица свалилась.

— Въ леть и попалъ. Это хорошо. Будешь у меня субалтернъ-офицеръ,—порѣшилъ капитанъ.—А теперь вышьемъ вудки... Адмиральскій часъ насталь. У насъ, на Кавказѣ, безъ вышивки никакого дѣла не дѣлаютъ.

Мы пошли къ шалашку.

Стрѣлки были все больше молодые дворяне, сыновья окрестныхъ помѣщиковъ. Капитанъ училъ ихъ, какъ строиться, насту-

пять цѣпью и отступать, рассыпаться и собираться по сигналу рожка. Но часто учить стрѣлять было опасно. Боялись: русскіе могли услышать пальбу и набѣжать. Въ шалашикѣ на выпивку старой водки собралось насъ, стрѣлковъ, много. Сыръ, кусокъ говядины—гусарское жаркое, составили весь нашъ обѣдъ и завтракъ. Но молодежь была беззаботна и даже весела. Я узналъ, что нашъ отрядъ стоитъ на одномъ мѣстѣ уже больше двухъ недѣль. Чего они тутъ стояли, въ этой лѣсной труппѣ, мокли и даже голодали, трудно было рѣшить. Капитанъ, командиръ нашей роты, или легіона, какъ онъ официально назывался, не зналъ причины.

— Довудца кого-то ждетъ,—объяснялъ онъ, кивая головою въ сторону, гдѣ былъ шалашикъ Сигизмунда К.—Но я крѣпко увѣренъ, что и довудца не остановился еще ни на какомъ опредѣленномъ мѣстѣ. Стоимъ—и все тутъ, пока москали выслѣдятъ и разгонять.

Капитанъ при этомъ хитро подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— На Кавказѣ не такъ воевали.

— А какъ же?

— Шли съ пушками, разоряли аулы, жгли хлѣба, грабили нищую худобу горцевъ и отступали, а на отступленіи насъ черкесы били изъ своихъ винтовокъ. Хорошо, канальи, стрѣляли. У солдатъ были плохія ружья, а офицеры и вовсе безоружные.

— Какъ же это такъ—безоружные?

— А такъ же: сабля тульская, пистолетина кремневый. Развѣ это оружіе? Теперь солдаты лучше вооружены, но храбрости такой нѣтъ въ нихъ. Далекъ имъ до кавказцевъ.

Капитанъ, «старый Михалъ», какъ его все звали, любилъ «вудку» и ученьемъ насъ не обременялъ. Утромъ онъ плотно завтракалъ, вышивалъ свою «бутельку», обходилъ бивакъ, строилъ своихъ стрѣлковъ въ шеренгу, водилъ ихъ впередъ и назадъ; училъ пользоваться мѣстностью, укрываться за камни и деревья; наказывалъ цѣлиться всегда въ полчеловѣка. «Если не убьешь—ранишь,—говорилъ.—Офицера подстрѣлить—первое дѣло. Солдаты попятятся».

— У насъ на Кавказѣ,—добавлялъ онъ къ каждому наставленію и распространялся, впрочемъ, довольно сбивчиво, какъ на Кавказѣ они брали завалы, совершали походы и взбирались на круги.

— Здѣсь что? Здѣсь дѣтская игра, а не война,—говаривалъ Михалъ, поправляя шапку.—Кто наши противники? Голодные рекруты и драться съ нами будутъ неохотно. Тяжела жизнь солдата. Только дисциплина и держитъ въ уздѣ этихъ царскихъ невольниковъ. Перебьемъ офицеровъ, а солдаты разбѣгутся. Мы за родину, за свободу воюемъ. А они за что! То-то же. Казаковъ не бойтесь. Имъ бы только пограбить. Попадутъ подъ огонь—и разбѣгутся.

Мы вѣрили этимъ рассказамъ, пока печальный опытъ не разубѣдилъ насъ.

Остальная часть отряда была очень плохо вооружена. Двѣ роты фузилеровъ съ охотничьими дубельтовками (инстинными ружьями), въ родѣ той, которую я отдалъ Ханму въ придачу къ его штуцеру. Еще было сотни полторы косиьеровъ—простыхъ шляхтичей и крестьянъ-католиковъ, вооруженныхъ косами. Каждый изъ отдѣловъ имѣлъ особаго начальника. Косиьеровъ учили махать ихъ страннымъ оружіемъ такъ, чтобы ударъ приходился по ногамъ врага. Но, разумѣется, для того, чтобы косиеры могли пустить въ ходъ свое арханческое оружіе, необходимо было сойтись съ противниками на очень близкую дистанцію и выдержать огонь солдатскихъ ружей, бившихъ на пятьсотъ шаговъ. Можно ли было этого требовать отъ простой шляхты, не бывшей никогда подъ огнемъ, не знавшей ни дисциплины, ни строя.

— Да эта сволочь съ перваго выстрѣла разбѣжится, — говорилъ панъ Михаль, когда мы закусывали послѣ ученья. — Косиеры — глупая выдумка. Да, было время для косиеровъ, когда ружья били на сто шаговъ, когда заряжали ихъ въ нѣсколько темповъ и командовали: скуси патронъ. Да и дрянъ же народъ. Идутъ по приказу своихъ пановъ-благодѣтелей. При первой серьезной встрѣчѣ побросаютъ они свои косы и разбѣгутся. На нашъ стрѣлковой легионъ вся надежда. Пей вудку! пей, братику, вудку, и все будетъ хорошо.

И онъ налилъ мнѣ почти полный чайный стаканъ какой-то жгучей смѣси, которая называлась у него желудочной.

— Благодарю, каштанъ. Я совѣмъ почти не пью.

— Глупо. Я когда вынюю, прямо на чорта полѣзу, а трезвому разное на умъ приходитъ. Пей!

— Какія мысли?

— Разныя. Безнадежно дѣло наше. Обѣщаль жондъ собрать тысячи людей и дать хорошее оружіе. А вы видите, что мы имѣемъ! Трезвымъ развѣ одинъ сумасшедшій рискнетъ таскаться по этимъ трупобамъ, гнить подъ дождемъ и даже зачастую голодать. Провизіи все меньше и меньше доставляютъ; солдаты не паѣдаются, а служба тяжелая. И чего это панъ довудца медлитъ выстухать?

— А куда ему итти?

— То-то же куда! Но все же лучше уйти куда-нибудь, на время распустить отрядъ, назначивъ мѣсто сбора. Насъ тутъ уже выслѣдили и накроютъ. Жиды сообщали, что изъ Минска двѣ роты пѣхоты пришли и казаки.

— И я слыхалъ про это отъ моего проводника. Довудца, вѣроятно, ождаетъ другой отрядъ, чтобы, соединясь, ударить на москалей.

— Такъ-то такъ,—согласился панъ Михаль и, лукаво улыбаясь, шопотомъ дабавилъ:—баба тутъ замѣшалась. Только ни гу-гу про это. Запальчивъ довудца и строгъ. Выпей, братику, «вудки».

И капитанъ таки заставилъ меня выпить налитый мнѣ стаканъ.

VI.

Ничего воинственнаго, никакого одушевленія между людьми я не замѣтилъ. Шляхта «сѣряки» и крестьяне угрюмо валялись около костровъ. Они были голодны и деморализованы. Хлѣба не было, водки тоже, только мяса было вдоволь. Доставка провіанта очень затрудняла довудцу. По шоссе, пролежавшему верстахъ въ двадцати отъ нашей стоянки, опасно было пускать большіе транспорты: москали навѣрное бы ихъ захватили. По лѣснымъ дорогамъ, на крестьянскихъ некованныхъ телѣгахъ не много можно было привезти. Бѣлорусскія клячи слабосильны, больше десяти пудовъ на возъ не нагрузить. Скотъ пригоняли изъ сосѣднихъ имѣній помѣщиковъ-патріотовъ. Говядина къ намъ, такимъ образомъ, сама шла, а хлѣбъ падо было возить и его было мало.

Черезъ кѣсколько дней послѣ моего поступленія въ отрядъ при-скакала красавица-амазонка въ черномъ длиннохвостомъ платьѣ, въ фетровой шляпѣ, съ бичомъ съ серебряной ручкою, который она держала въ рукѣ, обтянутой въ свѣтлую перчатку.

— А! графиня наша!—пояснилъ мнѣ командиръ косиньерской роты, молодой студентъ гори-горецкаго земледѣльческаго института.—Съ важными, вѣроятно, вѣстями прилетѣла. Лихая бабенка! Мужъ у нея старый. По слухамъ, нашъ довудца крѣпко къ ней равнодушенъ. Давно бы пора уйти отсюда, а онъ медлитъ, чтобы быть поближе къ своей графинѣ.

— И часто она ѣздитъ въ отрядъ?

— Да раза два и даже иногда три въ недѣлю.

— И какъ ее москали не арестуютъ?

— Ну, вотъ еще! Съ генераломъ въ Минскѣ хорошо знакома. Исправникъ, навѣрно, свое получилъ. Открыто скачетъ по лѣсамъ. Всѣ распоряженія жонда идутъ черезъ ея руки.

— Красавица и смѣлая женщина.

— Смѣлая потому, что немногое ей грозитъ. Самое большое вышлютъ въ Россію. Богатые люди эти графы Сокольскіе. Съ деньгами воздѣ хорошо. Вотъ мы другое дѣло: если насъ поймаютъ, самое меньшее—сошлютъ въ Сибирь.

Графиня скрылась въ шалашъ довудцы, пробыва тамъ съ часъ и вышла, чтобы сѣсть на своего золотистаго, англійской породы скакуна.

Тутъ я разсмотрѣлъ ее хорошо.

Настоящая красавица. Ливо овальное, свѣжее, пѣжное; волосы роскошные каштановые. Но лучше всего были глаза—большіе, черные, огненные. Сигизмундъ К. самъ помогъ ей сѣсть въ сѣдло и нѣсколько разъ поцѣловалъ маленькую, узенькую ручку въ свѣжей свѣтлой перчаткѣ. Красавица ускакала. Онъ долго задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ, и угрюмое лицо его смягчилось. Много, очевидно, много для него значила эта красивая женщина. Онъ позвалъ меня въ свой шалашикъ и сообщилъ:

— Я сейчасъ получилъ извѣстіе: насъ выслѣдили. Попъ бѣлницкой церкви или самъ поѣдетъ, или пошлетъ кого съ допосомъ, указывая, какъ лучше насъ захватить. Возьмите десять стрѣлковъ и устройте засаду на дорогѣ въ мѣстечко М., гдѣ стоитъ полковникъ съ двумя ротами. Попъ, или его посланный, сегодня ночью поѣдутъ въ М., и вы ихъ захватите.

Мнѣ очень не понравилось такое порученіе. Но надо было повиноваться.

Сигизмундъ подумалъ немного и добавилъ:

— Когда вы захватите того, кто повезетъ доносъ, тутъ же повѣсьте его и пришилъте къ груди записку: «за доносы казненъ по повелѣнію жонда». Надо дать острастку этимъ доносчикамъ и попамъ въ особенности.

— Какъ мнѣ его повѣсить? А если это будетъ священникъ?

— И попа повѣсьте! Въ особенности попамъ не слѣдуетъ мирволить. Они наши заклятые враги.

У меня на сердцѣ похолодѣло. Какъ это я буду вѣшать? И священника къ тому же?

— Позвольте мнѣ доставить захваченнаго въ лагерь. Вы сами и распорядитесь имъ. Что касается меня, палачомъ никогда не буду.

Глаза Сигизмунда загорѣлись недобримъ огнемъ.

— Прошу не разсуждать, а исполнять, что приказываю. Ступайте. Чтобы черезъ часъ вашъ отрядъ уже выступилъ. А доносчика повѣсьте непременно. Уклоненіе отъ точнаго исполненія моихъ приказаній можетъ стоить вамъ жизни. Я не шучу. Властью, данною мнѣ народнымъ правительствомъ, приказываю вамъ поступать, какъ я сказалъ. Ступайте.

Панъ Михаль, которому я передалъ приказаніе доводцы и свое отвращеніе вѣшать, убивать безоружнаго, разразился проклятіями и послалъ Сигизмунда ко всѣмъ чертямъ.

— Добро бы пьянъ былъ, а то вѣдь трезвый и приказываетъ зря людей вѣшать! У насъ на Кавказѣ татарву, правда, вѣшали, но прежде судили. Ну, судъ тамъ какой ужъ, а все же судъ. А то на поди: захватите, можетъ быть, и невиннаго, простого посланца, и сейчасъ его повѣсь.

— Что же посоветуете мнѣ теперь дѣлать?

— Исполнить то, что доведца приказаль. Онъ шутить не любить. Одного пьянаго шляхтича, нагрубившаго ему, собственноручно застрѣлилъ. И хотя бы разсердился. «З-фрыгъ въ лѣсу!» только и сказалъ, даже сигару не пересталъ курить. Поймалъ того, который побѣдетъ съ доносомъ,—пошь онъ, или не пошь, только бы не падыа,—и коли везеть точно доносъ—повѣсь его. И дѣлу конецъ.

— Какъ я убью человѣка? Какое я имѣю право осудить его на смерть?

— Пустое! пустое! Острастку дать необходимо. Такъ разсуждая, ты, пожалуй, и въ солдатъ стрѣлять откажешься. За какии же чортомъ ты къ намъ присталъ?

— Солдаты—другое дѣло. Это честный бой. Они будутъ стрѣлять въ меня, а я въ нихъ. Шансы равны. А вѣшать безоружнаго...

Но панъ Михалъ былъ по обыкновенію пьянъ. Вести съ нимъ пренія во всякомъ случаѣ не было резона. Приходилось вести отрядъ, и я повелъ.

VII.

До проселка, ведущаго въ мѣстечко М., по которому долженъ былъ ѣхать доносчикъ-пошь, чтобы поднять на насъ полковника съ его ротами и казаками, отъ мѣста нашей стоянки считалось около пяти верстъ. Напрямикъ, лѣсомъ, мы прошли это пространство очень скоро. Въ лѣсу было темно. Луна еще не взошла. Только мириады серебристыхъ звѣздочекъ мерцали на высокоиъ темно-синемъ небѣ. Тишина стояла полная. Ни одна вѣтка не зашеле-стѣла. Сосны тянулись безконечными рядами, точно колонны гекскаго храма. Земля, усѣянная опавшими прошлогодними сосновыми иглами, казалась мягкимъ ковромъ. Отрядъ двигался неслышно, вразбродъ. Точно тѣни, мелькали люди между деревьями, появлялись и исчезали. Ружья несли осторожно, боясь выдать себя стукомъ или звяканьемъ желѣза.

Но вотъ и дорога, по старинной методѣ обсаженная березами и окопанная глубокими канавами. Такія дороги почти повсемѣстно пскрещиваютъ вдоль и поперекъ Западный край. Хорошій былъ это обычай обсаживать дороги деревьями. Говорятъ: много земли при этомъ пропадаетъ. Пусть и такъ. Но въ нашемъ краѣ вьюги и снѣжныхъ заносовъ дорога, обсаженная деревьями, зимою спасала многихъ, заблудившихся въ ночномъ мракѣ въ бурю. Лѣтомъ очень красива аллея старыхъ березъ, далека-далеко протянувшаяся по доламъ и холмамъ. Добравшись до дороги, я приказалъ людямъ залечь въ канавѣ и ждать сигнала, а самъ сѣлъ на пенекъ и любовался пейзажемъ, насколько можно было разглядѣть окрестности при невѣрномъ сумракѣ весенней ночи.

Съ правой стороны надъ лѣсомъ стояло зарево. Это всходилъ мѣсяцъ. Вотъ онъ выкатился, огненно-красный, надъ зубчатой полосой

вѣковѣчнаго бора. Серебристые лучи свѣта протянулись полосами черезъ полянки и вершины холмовъ, по которымъ шла аллея придорожныхъ березъ. Хороша, поэтична была вся мѣстность, облитая яркимъ мѣсячнымъ сіяніемъ.

Теплый вѣтеръ вѣялъ мнѣ въ лицо.

На душѣ было покойно. Я отъ всего сердца желалъ, чтобы тотъ, кто везетъ доносъ, опоздалъ. Съ первымъ проблескомъ зари я могъ увести своихъ людей, никого не ловить, не судить и не вѣшать.

Такъ прошло часа полтора. Люди мои соскучились, вытѣзали изъ канавъ и, благодаря слабой дисциплинѣ, ушли на комфортабельно на траву и закурили папиросы.

— Господа!—замѣтилъ я.—По огонькамъ вашихъ папиросъ васъ за версту откроютъ.

— Ну, и пусть откроютъ.

— Но въ такомъ случаѣ не захватимъ доносчика.

Пожилый помѣщикъ, холостякъ Дивульскій, говорившій со мною, вдругъ разгорячился:

— А вы непременно желали бы шпиона захватить?

— Начальникъ это приказалъ.

— Ну, захватите, а что дальше?

Меня затруднилъ и смутилъ вопросъ, что сдѣлаю дальше.

Дивульскій продолжалъ:

— Будете судить и повѣсите? Такъ что ли? А я не палачъ и никого не хочу убивать.

— Но доудца приказалъ...

— Да, тысячи чертей!—закричалъ Дивульскій.—Ему легко приказывать: ноймайте и повѣсите. Почему же самъ не пошелъ и не взялся за это? Попадемъ мы въ руки москалей, они насъ за одно только участіе въ мятежѣ мало если сошлютъ въ Сибирь, а увеличивъ въ повѣшенъи кого-либо, особенно попа, непременно казнятъ. Знайте же: я не буду никого вѣшать.

Остальные мои люди молчали.

Вдали послышался мягкій стукъ колесъ и топотъ лошади. Кто-то ѣхалъ по травянистому грунту дороги. Не ожидая моего приказанія, весь отрядъ погасилъ папиросы и попрятался въ канавѣ и за деревьями. Я остался одинъ на пенькѣ.

Съ пригорка спускалась простая телѣга, запряженная въ одну лошадь, бойко бѣжавшую, помахивая головой и незвякаявая бубенчиками.

Когда телѣга поровнялась со мною, я увидѣлъ, что въ ней сидѣлъ, сгорбившись, въ широкополой шляпѣ, человекъ съ длинными волосами.

— Стой!—крикнулъ я ему и прицѣлился изъ ружья.

Телѣга остановилась.

— Кто и откуда?—спрашиваю.

— Изъ Бѣллицы, дьячокъ.

При лунномъ свѣтѣ и благодаря тому, что перепуганный дьячокъ спялъ шляпу, можно было разглядѣть говорившаго: это былъ уже старикъ; борода и волосы бѣлѣли; вѣтеръ трепалъ ихъ, и костлявая рука старика нѣсколько разъ пыталась отбросить докучливыя космы, упадавшія на лицо. Голосъ дрожалъ.

— Куда ѣдешь?

— Въ мѣстечко К—ъ.

— Везешь доносъ полковнику? Вылѣзай и подавай доносъ.

Но дьячокъ, на свою бѣду, вѣроятно, считая, что я одинъ, попытался ускакать. Замѣтивъ, что я, разговаривая, опустилъ ружье, онъ хлестнулъ лошадь, та рванулась, но ускакать дьячку все же не удалось: изъ канавы выскочили прятавшіеся тамъ и остановили лошадь. Кто-то сторяча выстрѣлилъ изъ пистолета, и шальная пуля попала несчастному старику въ голову. Онъ выпустилъ вожжи, привсталъ, вывалился изъ телѣги и грузно, снопомъ повалился на мураву дороги.

Всѣ мы столпились около убитаго. Подняли, попробовали водою изъ канавы привести его въ чувство, полагая: не раненъ ли онъ только? Но все было напрасно. Печальный фактъ былъ налицо: голову дьячка пробила пуля, пройдя наискосокъ отъ затылка къ виску.

Старикъ былъ мертвъ.

Какой ужасъ объялъ меня, когда я разсмотрѣлъ лицо этого несчастливца! Блѣдное, съ остановившимися, открытыми мертвыми глазами. Бѣлая борода была вся залита кровью.

— Кто выстрѣлилъ?

Изъ толпы отдѣлился молодой мальчикъ, гимназистъ лѣтъ шестнадцати, и плача признался, что хотѣлъ только поугатъ дьячка.

— Вотъ и поугаль, мальчишка!—сердито заворчалъ Дивульскій.—А, можетъ, убитый никакого доноса и не везъ.

Обыскали карманы убитаго дьячка, ветхую его хламиду, сапоги и даже поски, нигдѣ доноса не оказалось.

— Онъ могъ на словахъ передать полковнику, гдѣ мы стоимъ,—раздался чей-то неувѣренный голосъ.

— Могъ, конечно, но все же убивать его не слѣдовало.

— Неумышленно вѣдь выстрѣлилъ В.

— Чего воешь?—обратился я къ несчастному убійцѣ-гимназисту.

Гимназистъ началъ всхлипывать.

— Что теперь дѣлать, господа?

Господа рѣшили, что лучше всего вернуться въ лагерь.

— А съ дьячкомъ какъ быть? Что скажетъ довудца?

— Довудца ничего не скажетъ. Убійцу-гимназиста велить посадить подъ арестъ на сутки: не открывай огня безъ команды; а

смерть дьячка очевиднѣйшимъ образомъ его нимало не заинтересуетъ. Онъ только махнетъ рукою и обзоветъ всѣхъ насъ, ходившихъ въ экспедицію, целовыми болванами.

Посоветовались и порѣшили: тѣло дьячка взвалить на телѣгу и пустить лошадь по дорогѣ; она его прямехонько доведетъ до мѣстечка. И какая сенсация будетъ въ мѣстечкѣ! Побоятся мѣщанишки выселѣживать и доносить на насъ.

Такъ и сдѣлали.

Къ утру вернулись въ лагерь, и я отапортовалъ Сигизмунду о несчастномъ случаѣ.

— А ну его къ чорту, вашего дьячка!—былъ равнодушный отвѣтъ доводцы.

Во время нашего отсутствія, очевидно, получено было какое-то важное извѣстiе. Лагерь былъ въ волненiи. Вечеромъ доводца отдалъ приказъ собираться. Построились тремя колоннами и двинулись по направленiю къ западу.

VIII.

Погода снова испортилась, когда мы выступили въ походъ. Пошелъ проливной дождь; поминутно сверкала молнiя, и гулко раскатывался громъ надъ нами, горемыками, пленавшими по грязи узкаго, коленетаго проселка. Вѣтеръ неистово вылъ въ щель, нагибая и качая вѣковые сосны. Куда мы шли?—никто не зналъ. Уходили ли отъ врага, или шли атаковать—и это было для насъ тайною. Впереди двигались косишьеры со своимъ командиромъ, студентомъ горн-горецкаго института Плонекимъ. За косишьерами шли мы, стрѣлки, со своимъ паномъ Михаломъ, сильно выпившимъ на дорожку и дремавшимъ, сидя на смиренной клячкѣ. Шестiе замыкали фузилеры и обозъ, т. е. три парня телѣги съ кое-какой провизiей и одна фура съ зарядами, запряженная тройкой сильныхъ и сытыхъ лошадей—даръ графини Сокольской.

Доводца Сигизмундъ ѣхалъ позади обоза и фузилеровъ, подгоняя отсталыхъ. Страшная была это почъ. Голодные, вымоченные дождемъ, иззябшiе, мы сдѣлали безъ остановки верстъ двадцать; переправились вбродъ черезъ довольно глубокую рѣку, а вода была буквально ледяная; цѣпляясь за кусты и падаю, взобрались на обрывистый высокiй берегъ и очутились на полянѣ.

Сигизмундъ приказалъ всѣмъ раздать водку по два стакана и объявилъ отдыхъ. Утро только брезжило. Но дождь пересталъ. Никто не долженъ былъ отходить отъ своей команды и ни въ какомъ случаѣ не выпускать изъ рукъ оружiя. Нѣсколько человекъ, въ концѣ обезсиленные, тутъ же повалились и заснули мертвымъ сномъ на мокрой травѣ. Меня съ тремя другими стрѣлками доводца послалъ осмотрѣть сосѣднюю деревушку, узнать, что слышно о моска-

ляхъ, и добыть по возможности вола или барановъ. Предполагалось обѣдать на рѣчной кручѣ, на полянкѣ. Михаль, отправляя меня, посмѣиваясь говорилъ:

— А ловко мы провели пржеклентыхъ москалей. Ханьмъ поведеть полковника съ его ротами къ старой нашей стоянкѣ, а мы за ночь ушли далеко. Не догнать ему насъ.

— Это такъ! Это такъ,—говорю ему.—Сигезмундъ сдѣлалъ молодецкій маневръ. Но куда онъ насъ поведеть?

Панъ Михаль покрутилъ сдѣбюющіе отвислые усы и шеншулъ конфиденціально:

— Этого онъ и самъ не знаетъ. Да и никто не знаетъ, куда итти. Куда-нибудь надо же итти—и идеть. Авось и поколотимъ гдѣ-либо москалей. Тогда въ заграничныхъ газетахъ протрубить о нашей побѣдѣ.

Я съ тремя стрѣлками пошелъ осматривать деревню—жалкое собраніе убогихъ избъ, населенное жалкими, забитыми полѣшукками. Появленіе наше шмало ихъ не встревожило. Грабежа они не боялись, благодаря своей нищетѣ, а что касается политическихъ убѣжденій, принадлежности къ той или другой сторонѣ, для этого они были слишкомъ глупы и неразвиты. На вопросъ, итъ ли у нихъ чего изъ сѣбного, неизмѣнно слѣдоваль отвѣтъ:

— Нема, напочекъ. Сами голодаемъ.

И точно, судя по ихъ истощеннымъ лицамъ, наблюдая ихъ блѣдныхъ и обезсиленныхъ женщинъ и почти нагишомъ бѣгавшихъ ребятишекъ, можно было смѣло повѣрить ихъ голодаанью. Весною бѣлоруссы и въ особенности шичуки, всегда голодаютъ.

— А москали? Гдѣ москали?—допрашиваю я одного старика.

Кланяется въ землю и твердить:

— Не вѣдаю.

— А казаки? Были въ вашей деревнѣ казаки? Давно ли и куда ушли?

— Не вѣдаю!

— Вретъ старый песь. Притворяется,—перѣбиваетъ меня Дигульскій и прицѣливается въ старика изъ шшолета. Старикъ валитъ въ погн съ мольбою:

— Змилуйся (пощадн), напочекъ.

— Говори: когда видѣль москалей? А то застрѣлю.

Закрывая дряхлой дрожащей рукою лицо отъ выстрѣла, полѣшукъ, запинаясь, произнесъ:

— Вчера были конные и желнеры.

— У васъ въ деревнѣ?

— Не! На барскомъ дворѣ.

— Далеко это?

— Версты четыре, а то и меньше.

— Когда и куда ушли?

— Куда имъ уйти. Всѣ тамъ почувуютъ. И жидокъ Ханмка съ ними. Онъ ихъ и привелъ.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось, что полковникъ изъ М—а съ его ротами и казаками, котораго мы думали, что оставили позади за двадцать верстъ, благодаря измѣнѣ Ханма, вышелъ къ намъ навстрѣчу. Дивульскій предложилъ сейчасъ же дать знать объ опасности доводцѣ Сигизмунду.

— А старикъ, котораго допрашивали? Онъ побѣжитъ на барекіи дворъ и донесетъ, гдѣ мы находимся.

— Пристрѣлить его развѣ?

Но пристрѣлить я не согласился. Положили: взять старика съ собою, пусть Сигизмундъ распорядится съ нимъ, какъ знаетъ.

IX.

— А знаешь, братикъ, что посоветую, — обратился ко мнѣ Дивульскій, когда мы уже готовы были тронуться изъ деревни. — Пусть они, — онъ указалъ на двухъ нашихъ товарищей-стрѣлковъ, простыхъ шляхтичей, — идутъ съ полѣшукѣмъ и увѣдомятъ Сигизмунда о москаляхъ. Тамъ и допросятъ старика. А мы сдѣлаемъ небольшую рекогносцировку.

— Какую? Зачѣмъ? Да едва мы выйдемъ изъ лѣса, что за деревней, какъ сейчасъ же попадемъ въ руки москалей.

— И, нустое! Богъ дастъ, не попадемъ. А узнать, какія войска стоятъ на барскомъ дворѣ, намъ необходимо. Тѣ ли это роты, отъ которыхъ уходили, или другія. Понимаешь: если это тѣ самыя роты, значитъ ретирада обратно еще возможна, а если другія, тогда, выходитъ, отрядъ нашъ окруженъ. Сигизмунду необходимо это знать.

Я хотѣлъ спорить, но Дульскій хитро подмигнулъ мнѣ. Очевидно, у него была своя особая идея.

Мы разстались. Шляхтичи повели полѣшука со связанными руками къ рѣчкѣ, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ, а я съ Дивульскимъ — пошелъ черезъ лѣсъ къ усадьбѣ, въ которой стояли москали.

Что мы выигрывали этою опасною экскурсіею, я еще не вполне уяснилъ себѣ и, идя, попросилъ Дивульскаго высказаться яснѣе. Не могъ же я допустить, чтобы онъ, человекъ пожилой, далекій отъ всякаго энтузіазма, имѣющій на рукахъ старуху-мать и сестеръ, понавшій въ повстанческой отрядъ, какъ самъ говорилъ, по недоразумѣнію, изъ платоническаго желанія помочь Сигизмунду, — а онъ его терпѣть не могъ, — рисковалъ своею жизнью и лѣзъ прямо въ пасть льва — въ руки москалей.

Мы вышли на дорогу, обсаженную березами, оконанную канавами и довольно широкую. На ней было множество слѣдовъ отъ кованыхъ лошадиныхъ ногъ, и растоптанная грязь говорила, что очень недавно еще по дорогѣ прошло много пѣхоты.

Дивульскій разсмотрѣлъ направленіе слѣдовъ и объявилъ:

— Надо идти къ усадьбѣ. Москали тамъ.

— А я туда не пойду. Они насъ захватятъ.

— И пусть себѣ захватываютъ.

— Какъ такъ пусть себѣ захватываютъ?

— А такъ же. Я пду для того, чтобы они взяли меня въ плѣнъ.

Отъ этихъ словъ я, что называется, ошѣшилъ. Потѣшаясь надъ моимъ непониманіемъ и наивною, Дивульскій съ пропіей спросилъ:

— Такъ-то, пане Яне. Пойдемъ, чтобы насъ арестовали. Самп сдадимся.

— Насъ будутъ судить и сошлютъ.

— Пусть судятъ и ссылаютъ. Тебѣ, видно, не надоѣло еще та-скаться по лѣсамъ съ этимъ сумасшедшимъ Сигизмундомъ, голодать, проводить ночи подъ дождемъ и ожидать каждую минуту русской пули. Хорошо, коли сразу убьютъ, а коли только искалѣчатъ, возьмутъ въ плѣнъ и все-таки осудятъ и сошлютъ. Надежды на побѣду никакой: ни оружія, ни людей. А какъ вѣдь много жондъ весто наобѣщаль. Наполеонъ тоже не торопится помогать, а Муравьевъ душить, конфискуетъ, разоряетъ. Чего ждать? Нѣтъ, ужъ я лучше самъ сейчасъ сдамся. Нашему отряду все равно пришелъ конецъ. Не такъ простъ полковникъ, чтобы не послать за рѣку части своихъ солдатъ. Русскіе атакуютъ Сигизмунда съ фронта, припрутъ къ рѣкѣ, а когда онъ попытается переправиться и уйти въ боры за рѣку, тамъ наткнется на засаду. Лучшихъ стрѣлковъ перебьютъ, а косиньеры и шляхтичи разбѣгутся. Идемъ, что ли, сдаваться? А если не хочешь, вернись къ Сигизмунду, а я не вернусь.

Подумавъ, и я рѣшилъ: не возвращаться къ Сигизмунду, а идти и сдаться.

Мы пошли открыто по дорогѣ, навязавъ бѣлые платки на ружья, какъ знакъ, что сдаемся. Въ веретѣ отъ барской усадьбы повстрѣчался отрядъ казаковъ. Донцы окружили насъ съ бранью. Оружія, правда, не употребляли, но нагайки сейчасъ же познакомились съ нашими спинами.

— Гдѣ банда ваша?—допрашивали насъ.

Неохотно, но подъ вліяніемъ нагачныхъ убѣжденій, мы отвѣтили:

— У рѣки отдыхаетъ.

— Зачѣмъ и куда вы шли?

— Желаетъ сдать оружіе и покориться.

— Ахъ, каналы! Какъ попали въ мѣшокъ между двумя отрядами, сейчасъ стали разбѣгаться. Теперь вы сдаваться задумали,—кричалъ сердитый старый сотникъ. — Повѣшу васъ сейчасъ же на березѣ и конецъ тутъ всему.

Дивульскій пожалъ плечами и, косясь на нагайку сотника, сказалъ:

— Регулярныя войска цивилизованныхъ народовъ не убиваютъ добровольно сдающихся въ плѣнъ.

— Регулярныя войска! цивилизованные народы!—горячился казакъ.—Выдумали. А я вотъ возьму и пристрѣлю васъ, какъ вы пристрѣлили, разбойники, бѣлицкаго дьячка, безобиднаго старика. И за что пристрѣлили?

Дивульскій поблѣднѣлъ, а я почувствовалъ, какъ будто земля ушла изъ-подъ моихъ ногъ. Страшное дѣло съ дьячкомъ всплывало. Мы съ Дивульскимъ, выходить, были не простые повстанцы, а обвинялись въ убійствѣ безоружнаго. И я былъ именно начальникомъ отряда, въ которомъ было допущено убійство старика. О, Господи, кровь застыла въ моихъ жилахъ... Стоитъ указать кому-либо, что я былъ начальникомъ отряда, засѣвшаго въ засаду на Н—ской дорогѣ, и меня безъ дальнѣйшихъ церемоній сейчасъ же повѣсятъ.

Если бы представилась возможность бѣжать, я бы убѣжалъ. Но бѣжать было немислимо. Два казака верхомъ конвоировали насъ, пѣшихъ и безоружныхъ, Дивульскаго и меня, и скоро доставили въ усадьбу. На дворѣ мы, утомленные прошлаго безсонною ночью, повалились на землю. Полковника не было. Онъ уже двинулъ свои роты противъ отряда Сигизмунда, такъ напрасно мечтавшаго, что онъ великій стратегъ и проведетъ русскихъ.

Вдали слышались выстрѣлы, сперва очень оживленные: наши стрѣлки, очевидно, отвѣчали. Но скоро и съ другой стороны послышалась стрѣльба. Посланный въ тылъ отрядъ тоже атаковалъ несчастныхъ, утомленнымъ походомъ людей Сигизмунда.

Перестрѣлка мало-по-малу замерла.

— Ихъ теперь крошатъ наши донцы,—смѣясь замѣтилъ казакъ, сторожившій насъ, своему товарищу.

— Такъ имъ и надо, бисовы дѣти!—отвѣтилъ тотъ и плюнулъ въ нашу сторону.—За что они дьячка застрѣлили? И совѣмъ не дьячокъ ихъ высѣдиль и подвелъ подъ обухъ, а Ханмъ.

«Ханмъ! — подумалъ я.—О предатель! Вотъ кого бы я повѣсилъ, если бы могъ. И какъ этотъ дуракъ Сигизмундъ могъ довѣряться Ханму?»

Какъ могъ довѣряться? А такъ же и на такихъ же основаніяхъ, на какихъ всё мы довѣряли живымъ разсказамъ о побѣдахъ «нашихъ» почти безоружныхъ и дисциплинированныхъ бандъ надъ москалями, о томъ, что въ Польшѣ стоятъ уже хорошо организованные и вооруженные дивизіи и корпуса польскихъ войскъ, жондъ всёмъ распоряжается и имѣетъ огромныя матеріальныя средства, а москали бѣгутъ зайцами.

Какіе мы были наивные дураки!

X.

Часамъ къ четыремъ пополудни начали возвращаться русскіе отряды, гоня толны жалкихъ плѣнныхъ. Косишьеры и вовсе не дрались; бросали свое оружіе, сдавались, или убѣгали въ лѣсъ. Но мало кому удавалось бѣжать и укрыться: казаки нагоняли и рубили безъ пощады, не обращая вниманія на вопли: «пардонъ! сдаюсь!»

Стрѣлки наши отстрѣливались, пока солдаты не зашли имъ въ тылъ.

Тогда они сдались. По ихъ разсказамъ, командиръ ихъ, панъ Михаль, поступилъ геройски: когда увидѣлъ, что драться невозможно, а бѣжать некуда, онъ выстрѣлилъ самъ себя въ лобъ. Конечно, какъ бывшій русскій офицеръ, онъ не могъ ожидать пощады.

Начальника отряда, Сигизмунда, захватить не удалось: онъ бѣжалъ. Побѣда была полная; банда наша оказалась не только разсѣянною, но въ концѣ истребленною. Полковникъ вернулся торжествующій и радостный. Въ усадьбѣ начался пиръ.

Въ большой залѣ барскаго дома накрыли столы для обѣда господъ офицеровъ. На дворѣ приготовились кормить солдатъ. Выкатили бочки съ водкою, и фельдфебеля получали каждый на свою роту. Надъ кострами кипѣли котлы, отъ которыхъ вкусный запахъ распространился по всему двору, дразня аппетитъ нашъ— голодныхъ плѣнниковъ, почти сутки ничего не ѣвшихъ. На крыльцо, встрѣчая побѣдителей, съ привѣтствіемъ вышелъ старикъ-помѣщикъ. Онъ былъ мертвенно-блѣденъ; руки и голова его тряслись; бѣдняга кланялся и просилъ удостоить принять его обѣдъ. Полковникъ небрежно кивнулъ ему головою, а офицерство не обратило никакого вниманія на старика.

— Это графъ Сокольскій,—объяснилъ мнѣ Дивульскій.—Вы жену его, красавицу-амазонку, уже видѣли въ нашемъ лагерѣ. Теперь все ясно: доводца нашъ прямо повелъ своихъ людей въ усадьбу графа, убѣжденный, что если бы русскіе зашли съ этой стороны, его во время увѣдомятъ. Однако, видите, не увѣдомили.

— Неужели графъ и графиня измѣнили?

— Графиня не могла измѣнить. Но графъ, боясь конфискаціи своихъ имѣній, могъ покривить душою. Чортъ разберетъ, что за совѣсть у магнатовъ,—разсердился Дивульскій.—Вѣрно одно: весь богатый ширъ, который графъ Сокольскій предлагаетъ москалямъ, былъ заготовленъ для насъ, Сигизмундъ попалъ впросакъ, москали съѣдятъ заготовленное, а мы, пожалуй, еще сутки поголодаемъ.

— Это бы еще ничего. Но вотъ если затѣютъ слѣдствіе объ убитомъ дьячкѣ, худо намъ будетъ.

Дивульскій ничего не отвѣтилъ. По его лицу я убѣдился, что онъ на дѣло дьячка смотритъ иначе: худо будетъ одному мнѣ, командо-

вавшему засадою на М—ской дорогѣ, а онъ останется въ сторонѣ. Проклятое положеніе! Меня и Дивульскаго перевели въ барскій домъ и заставили ждать въ первой комнатѣ. Изъ-за плохо притворенныхъ дверей въ столовую мы слышали звонъ посуды, хлопанье пробокъ и даже обоняли запахъ кушаній. Для голодныхъ, измученныхъ походомъ и волненіями, сидѣть, ожидая грознаго допроса, и слышать, какъ рядомъ сытно и вкусно ѣдятъ,—мученіе не послѣдняго сорта. Дивульскій добылъ папиросу и закурилъ.

Изъ сѣней торопливо вышелъ опоздавшій на ниръ очень молодой подпоручикъ и, увидя папиросу у плѣннаго, грозно крикнулъ:

— Это еще что? Не видишь развѣ, болванъ?—обратился онъ къ казаку, насъ сторожившему.—Кто разрѣшилъ курить?

Казакъ вытянулся. Мы не знали, что дѣлать.

— Ветать, когда я говорю, — затремѣлъ подпоручикъ и вышибъ изъ рукъ Дивульскаго злосчастную папиросу.

Изъ комнаты, гдѣ обѣдали офицера, выглянулъ толстый капитанъ.

— Что случилось?

— А вотъ поглядите: какова дерзость у этихъ полячишекъ-уцекшеровъ! Сидитъ себѣ преспокойно, когда съ нимъ говоришь, не потрудится ветать и еще дымъ въ глаза пускаетъ мнѣ вмѣсто отвѣта.

— Ну! ну! не кипятись,—успокаивалъ капитанъ расходившагося юношу.—Этихъ господъ,—онъ указалъ пальцемъ на насъ,—все равно, учтиво они ведутъ себя, или запосичиво, завтра разстрѣляютъ, или повѣсятъ.

— Я бы всѣхъ плѣнныхъ разстрѣлялъ.

— Всѣхъ много. Тамъ вѣдь много мужичья. Что они понимаютъ? А вотъ эти двое, какъ причастные къ убійству бѣллицкаго дьячка, будутъ судимы военно-полевымъ судомъ и повѣшены.

Офицеры ушли обѣдать, а мы переглянулись. Кто могъ увѣдомить полковника, что именно мы были въ отрядѣ, когда гимназистъ застрѣлил дьячка? Дивульскій плюнулъ съ досады.

— Кто увѣдомилъ? Да, вѣроятно, тотъ же паршивый мальчишка-гимназистъ, который выстрѣлилъ. Я, кажется, именно его и видѣлъ въ числѣ плѣнныхъ.

— Тогда за что же насъ будутъ вѣшать, когда убійца налицо?

— Тебя за то, что ты командовалъ отрядомъ, а меня, вѣроятно, для компаніи.

— Не вѣрю я, чтобы насъ повѣсили.

— Не вѣрь, а что повѣсятъ, такъ это вѣрно. У меня мать, сестры, фольваркъ мой конфискують, а гдѣ моя вина? Чортъ меня несъ въ это возстаніе!

Дивульскій опустилъ голову и закрылъ лицо руками. Что у меня было на душѣ, трудно и передать. Обѣдъ продолжался очень долго. Тамъ пили и ѣли, говорили рѣчи, разбивали посуду и предлагали

тосты за окончательное подавленіе мятежа. Наконецъ загремѣли стулья. Нѣсколько офицеровъ вышли съ раскраснѣвшими лицами. Толстый капитанъ приказалъ насъ отвести въ канцелярію.

— Тамъ адъютантъ сниметъ съ васъ допросъ,—добавилъ онъ.

— Господниъ капитанъ,—обратился я къ нему.—Велите насъ накормить. Я умираю съ голоду.

Капитану сперва мои слова показались дерзостью, но онъ сейчасъ же одумался и небрежно отвѣтилъ:

— А вотъ какъ допрашивать и кормить потомъ. Потерпите.

XI.

На допросѣ выяснилось. Несчастннй гимназистъ, застрѣлвшій дьячка, съ перепугу показалъ, что велѣно было стрѣлять, и онъ выстрѣлилъ.

— Кто стрѣлять велѣлъ?—спросили его.

Глухой мальчикъ указалъ на меня, какъ на начальника отряда. И выходило, что я—главный виновникъ и меня слѣдуетъ повѣсить. Настоящій убійца дьячка, какъ несовершеннолѣтній, какъ непонявшій приказаніе и чистосердечно сознавшійся, могъ ожидать смягченія наказанія.

— Но вы—вы подвергнетесь казни,—просто заявилъ мнѣ адъютантъ.—Сегодня же соберется военный судъ и васъ навѣрное приговорять. Затѣмъ полковникъ пошлетъ приговоръ на конфирмацію къ генералу въ М—къ, а вамъ я совѣтую приготовиться.

— Это умирать-то приготовиться? Легко совѣтовать...

Такъ ли все должно было случиться, какъ говорилъ адъютантъ, или они меня хотѣли только поугатъ, но мысль, что черезъ два-три дня попаду въ петлю, ошеломила меня. Дивульскій назвался простымъ солдатомъ, и его, очевидно, не казнятъ. Но я—я былъ въ другомъ положеніи. Не взирая на голодъ, кусокъ не шелъ мнѣ въ ротъ, когда наконецъ намъ дали поѣсть остатки отъ обильной трапезы побѣдителей. Въ комнату, гдѣ мы съ Дивульскимъ сидѣли, зашелъ священникъ, нестарый еще человѣкъ, съ рыжеватой коротенькой бородкою и большими, выпученными, безъ выраженія глазами. На немъ была свѣтло-лиловая ряса, и кудри его были обильно умащены лампаднымъ масломъ.

— За что вы убили моего дьячка?—обратился онъ ко мнѣ.—Невиннаго убили. Никакого доноса онъ не везъ. Еврей увѣдомили обо всемъ полковника, и вашъ же Хаимъ обманулъ васъ и навелъ прямо на засаду. Послѣ убитаго осталась семья, которую онъ кормилъ. Нищая семья теперь. Грѣхъ вамъ, господа, такъ поступать.

Еще очень много говорилъ батюшка, но мнѣ было не до его краснорѣчія, которымъ онъ, очевидно, щеголялъ. Не я велѣлъ стрѣлять, а между тѣмъ меня повѣсятъ...

Батюшкину проповѣдь внимательно слушаль одинъ Дивульскій, очевидно, хитро рассчитывая пріобрѣсти себѣ сторонника въ болтливомъ батюшкѣ. Онъ зналъ, что его не повѣсятъ, но я... я былъ, какъ въ туманѣ. Опустивъ голову, сидѣлъ я у стола и малодушно готовъ былъ заплакать. Дверь изъ залы, гдѣ обѣдалъ штабъ, медленно пріоткрылась, и женскій, какъ будто знакомый мнѣ голосъ окликнулъ священника:

— Отецъ Викторъ, пора домой. Наговорился. Ёдемъ!

Въ комнату вошла... Я сейчасъ ее узналъ. Это была дочь священника въ селѣ моего дяди, у котораго я выросъ и воспитался, подруга моихъ дѣтскихъ игръ и первыхъ юношескихъ увлеченій. Я давно потерялъ ее изъ виду, переѣхавъ на житье въ свое имѣніе въ М—скую губернію. Мы нѣсколько минутъ молча смотрѣли другъ на друга. Да, это была она, Мащенька, кокетничавшая со мною, тогда веселымъ беззаботнымъ юношей. Но въ то же время это была и неона, не прежняя хохотушка-поповна. Тогда это была дѣвочка-подростокъ: голубоглазая, бѣлокурая, съ пухлыми щечками и, какъ карминъ, красными губами, стройненькая, худенькая, съ маленькими, почти дѣтскими ручками. Теперь я увидѣлъ полную тридцатилѣтнюю, вполне развитую, красивую женщину. Волосы потемнѣли. Въ выраженіи лица не было уже замѣтно растерянности молодой поповны, бесѣдующей съ богатымъ барчукомъ, будущимъ владѣльцемъ многихъ сотъ крѣпостныхъ душъ. На меня попрежнему смотрѣли знакомые голубые глаза, но смотрѣли твердо. Мнѣ даже показалось, что въ первую минуту точно тѣнь какая промелькнула по ея лицу. Удивленіе приковало Марью Петровну на секунду къ порогу двери, чрезъ который она только что ступила.

Отецъ Викторъ, мужъ Марьи Петровны, какъ я сейчасъ же догадался, замѣтилъ, что я и его жена смотримъ другъ на друга совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно смотрятъ люди, въ первый разъ въ жизни встрѣтившіеся.

— Знакомы, значить?—обратился онъ къ женѣ, прерывая свою проповѣдь.

— Да знакомы и давно хорошо знакомы, — прозвучалъ хорошо знакомый мнѣ голосъ.

Она протянула мнѣ руку, крѣпко пожала и сѣла рядомъ.

— Вотъ какъ. Такъ это вы попались. Никогда бы этому не повѣрила.

Я молчалъ. Марья Петровна продолжала:

— Да неужели вы, такой добрый и великодушный, велѣли застрѣлить ни за что, ни про что нашего бѣднаго, стараго дьячка Агаѣиыча?

— И не думалъ приказывать. Его по ошибкѣ застрѣлилъ глупый гимназистъ.

— Знаю. Но онъ на допросѣ показалъ, что вы, какъ начальникъ отряда, когда Агаѳонычъ ударилъ по лошади, велѣли стрѣлять въ измѣнника, везшаго доносъ. Да говорю же вамъ: Агаѳонычъ и не думалъ доносить и никакого доноса не везъ.

Меня очень взволновали эти слова. Очевидно, Марья Петровна убѣждена была въ моей виновности.

— Отецъ Викторъ!—обратился я къ священнику:—повѣрите ли вы, если я поклянусь именемъ Христа и Его Пречистой Матери въ томъ, что ни я, да и никто не давалъ приказанія стрѣлять. Мальчишка перепугался, заторопился и выстрѣлилъ.

— Разумѣется, я вамъ повѣрю. Но только пользы вамъ отъ этого будетъ мало: полковникъ все равно не повѣритъ, и судъ присудитъ васъ къ смерти.

— Пане Яне!—она назвала меня прежнимъ именемъ.—Знайте, что я никогда не повѣрю, чтобы вы велѣли стрѣлять въ безобиднаго старика.

— Вѣрь, не вѣрь, но отъ твоего невѣрія казнь надъ паномъ Яномъ не будетъ не только отсрочена, но даже отсрочена ни на одинъ день.

Попъ при этомъ вздохнулъ. Ему тоже было жаль меня.

Жена придвинулась къ нему и заговорила:

— Викторюшка! похлопочи, попроси, полковника. Объясни ты ему все, какъ было. Наконецъ поручись, возьми пана Яна на поруки.

— Баба ты,—и все тутъ,—прервалъ нетерпѣливо священникъ свою жену. — Коли судъ присудитъ, помиловать можетъ одинъ Муравьевъ, а къ нему приговора и не пошлютъ. И кто осмѣлится ходатайствовать о помилованіи предъ грознымъ генераль-губернаторомъ?

Марья Петровна какъ-то смѣшно при этомъ сморщилась и вдругъ зарыдала. Попъ въ волненіи поднялся, торопливо обѣщаль хлопотать за меня и, взявъ жену подъ руку, увелъ изъ комнаты.

— Ничего не будетъ,—сказалъ Дивульскій.—Батка только для очистки совѣсти обѣщаль хлопотать. Ну, онъ скажетъ полковнику, что ты не приказывалъ стрѣлять. Ему отвѣтятъ: не его дѣло вмѣшиваться. Судъ разберетъ. А кто судьи? Видѣлъ дикаго мальчишку-подпоручика, который вышибъ у меня, беззащитнаго плѣнника, папироску? Онъ будетъ судьей, и другіе не лучше... На то военно-полевой судъ. А главное: имъ надобенъ примѣръ. Не будь, Янь, трусомъ и приготовься къ смерти.

— Хорошо тебѣ говорить,—оборвалъ я резонера.—Тебѣ пеньковый галстукъ не грозитъ. Ты вотъ и попа улещилъ. Въ православіе, пожалуй, готовъ перейти.

— Перейти въ православіе пока не думаю. Но знаешь: умный Генрихъ IV сказалъ: Парижъ стоитъ обѣдни, а жизнь—понимаешь: право жить, дышать еще болѣе стоитъ обѣдни. Впрочемъ, какъ знать! Могутъ и меня повѣсить. Имъ нуженъ примѣръ. Про-

клятый гимназистъ погубилъ насъ, а его, какъ несовершеннолѣтняго, и безъ того не могли приговорить къ смерти. Струсилъ, шелопаи. И чортъ насъ понесъ въ это возстаніе!

— Именно чортъ.

ХІІ.

Дивульскаго оставили въ той же комнатѣ, гдѣ мы обѣдали, а меня, послѣ допроса въ комиссіи, состоявшей изъ четырехъ офицеровъ, отвели и заперли въ пустомъ погребѣ. Участь моя была рѣшена; не говоря про юнаго подпоручика, ярого неапативника поляковъ, и остальные судьи послѣ сытнаго обѣда и выпивки не склонны были къ милосердію. Не осудить меня на смерть значило разсердить грознаго Муравьева, а кто же могъ на это въ тѣ поры рискнуть. Приговоръ на конфирмацію слѣдовало послать къ командующему войсками въ М—скъ.

— Просите о помилованьи, — научилъ меня адъютантъ, нѣсколько человѣчище относившійся ко мнѣ.

— Но вѣдь не помилуютъ.

— Почти навѣрное можно сказать, что не помилуютъ. Однако попробуйте.

— Примѣръ нуженъ?

— Да, нуженъ примѣръ. Вы, къ сожалѣнію, первый попалесь по обвиненію въ убійствѣ, да еще и церковника. На васъ и покажутъ примѣръ. Муравьевъ не любитъ мирволить.

— Да не убивалъ же я. Вреть гимназистъ, будто я отдалъ приказъ стрѣлять. Спросите у плѣнныхъ: кто-нибудь да найдется же изъ тѣхъ, что были съ мною на дорогѣ въ М—ъ, когда поджидали дьячка.

— То-то и бѣда, что между плѣнными нѣтъ ни одного изъ тѣхъ, что были съ вами. А если и есть—не смѣетъ въ этомъ сознаться. Одинъ гимназистъ, а онъ стоитъ на своемъ: вы приказали ему стрѣлять.

— Подлый мальчишка!—могъ только я сказать и замолчалъ. На всякій случай прошеніе о помилованьи я написалъ.

Въ погребѣ, куда меня заперли, въ темнотѣ, я долго не могъ успокоиться, малодушно ломалъ руки, даже плакалъ. Нѣсколько разъ начиналъ молиться и не находилъ словъ. Богъ не можетъ меня спасти. Чудо нужно, а въ наши дни не бываетъ чудесъ.

Неужели же я завтра, послѣзавтра самое позднее, умру? Позорно, съ петлею на шеѣ умру. И никого около меня не будетъ изъ близкихъ? Никого! Одинъ холодныя, суровыя лица моихъ судей.

Я сѣлъ на лежавшую пустую бочку и задумался.

Былъ я молодъ, здоровъ, почти богатъ; у меня была красавица-невѣста, много родни и друзей—милыхъ, близкихъ, хорошихъ

людей. Жизнь ровною свѣтлою полосою развертывалась... И вдругъ: висѣлица, позорная смерть...

За что повѣсили? спросать.

Онъ велѣлъ убить неповиннаго старика-дѣячка, отвѣтить. И по дѣломъ повѣсили...

Отъ этихъ мыслей все помутилось въ моей головѣ.

Да не велѣлъ же я его убивать! не велѣлъ! не велѣлъ!—кричалъ я въ изступленіи, долго и громко. Потомъ мнѣ стало совѣстно моею запальчивостію. И кто могъ меня услышать? За дверью, правда, ходилъ часовой. Но онъ былъ безотвѣтенъ на все мои попытки заговорить съ нимъ черезъ дверь. Я обошелъ подвалъ и убѣдился, что нѣтъ никакой надежды бѣжать: толстыя кирпичныя стѣны, одно низенькое окошко высоко подъ сводомъ и дубовая дверь, а за нею— часовой съ заряженнымъ ружьемъ. Къ удивленію, когда я опять ушелъ на мою бочку, сонъ одолѣлъ меня. Глаза сами собою закрылись. Отъ утомленія и волненій я заснулъ внезапно и крѣпко, безъ сновидѣній.

Проснулся я, когда еще царила глубокая ночь. Луна ярко сіяла на очистившемся отъ тучъ верхнемъ небѣ. Захотѣлось выглянуть на Божій свѣтъ. Чтобы достигнуть окна, я подкатилъ свою бочку, поставилъ ее стоймя и выглянулъ.

Нельзя ли этимъ путемъ бѣжать? пришло мнѣ въ голову. Только нѣтъ. Окно—щель, слишкомъ узкая. И ребенку не пролѣзть, а расширить пролетъ не хватитъ времени, и солдатъ-часовой можетъ услышать. Попробую, однако...

И я принялся отрывать кирпичи.

Напрасный трудъ. Постройка, очевидно, была очень давняя, кирпичи были тощю желѣзные, известка скипѣлась въ камень. Кровь показалась изъ-подъ ногтей, и на рукахъ мѣстами отстала кожа. Отъ усилій я вспотѣлъ, но даже одного кирпича не въ силахъ былъ оторвать.

Умереть надо. О, проклятье! Я не хочу умирать. За что я умру? Я не виновать.

На дворѣ лаяли собаки. Вдали видѣлось зарево: это солдаты на бивакѣ разложили костры. Гдѣ-то шумѣли; доносились звуки вальса.

Вѣроятно, господа офицеры продолжали свой пиръ, нимало не заботясь, что почти рядомъ съ ними несчастный, осужденный на висѣлицу, проводитъ въ мукахъ, можетъ быть, свою послѣднюю ночь. Онъ мятежникъ, бунтовщикъ, полякъ... Странный уголь зрѣнія! Русскій, защищающій свое отечество,—герой; полякъ въ роли защитника своего отечества—бунтовщикъ, не стоящій жалости. Такова логика людей.

Послышались тяжелые мѣрные шаги. Это шелъ рундъ смѣнить у моей двери часового. Пришлось отодвинуться отъ окна. Унтеръ-

офицеръ могъ меня увидѣть и, опасаясь попытки къ бѣгству, вѣроятно, приказалъ бы заложить окно.

Никто, къ счастью, ни меня, ни моего окна не замѣтилъ. Новыи часовой зашагалъ около моей двери. Прошло полчаса. Я продолжалъ наблюдать въ окно. Дуноу закрыли тучи. Въ подвалѣ стало темно, только звѣздочки мерцали въ узкомъ просвѣтѣ.

Послѣдній разъ люблюсь ими, подумалъ я. И сейчасъ началъ соображать:

До М—ска версть тридцать. Пока генералъ утвердить приговоръ, пройдетъ полдня. Раньше завтрашняго вечера казакъ не вернется. Значитъ, ранѣе, чѣмъ послѣзавтра, меня не повѣсятъ.

Цѣлыхъ полтора дня впереди. Я буду жить еще тридцать часовъ, а ѣ то—и все сорокъ.

Какъ я дорожилъ этими часами!

Погребъ-тюрьма, одиночество, врагъ крутомъ—все это ничего не значило въ сравненіи съ утѣшительной увѣренностію: я буду жить цѣлыхъ сорокъ часовъ. Жить, жить во что бы то ни стало, только бы жить.

Пусть меня ссылаютъ въ безерочную каторгу, только бы не задушили веревкою. Какой ужасъ: здоровымъ, обладая всеми чувствами, съ головою въ мѣшкѣ, ожидать, какъ вылетитъ изъ-подъ ногъ подставка, затянетъ горло и начнешь задыхаться. Тотъ, кто изобрѣлъ висѣльницу, былъ не только варваръ, но и мерзавецъ...

Внезапно что-то заслонило окно. Мнѣ пришло въ голову, что это часовой заглянулъ ко мнѣ. Нѣтъ, это не часовой.

— Пане Яне,—послышался робкій женскій голосъ, въ которомъ я сейчасъ же узналъ голосъ Марьи Петровны.—Вы спите?

Удивленный и обрадованный появленіемъ Машеньки, я сейчасъ же отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не сплю. Трудно спать въ моемъ положеніи. О, какъ я благодаренъ вамъ и радъ, что вы рѣшились навѣстить меня.

— Говорите потише. Часовому заплачено, но все же надо соблюдать осторожность. Другіе солдаты на дворѣ могутъ услышать, а мнѣ многое надо вамъ передать.

Торопливо подкативъ бочку и вставъ на нее, я увидѣлъ въ невѣрномъ сумракѣ вѣшней ночи милыя, мягкія черты доброй женщины; взялъ ее за руку и крѣпко пожалъ.

— Теперь вѣрю, что вы мой другъ.

— А развѣ можно было въ этомъ сомнѣваться?

Я опять овладѣлъ ея рукою, на этотъ разъ, чтобы крѣпко поцѣловать и пожать вторично. Это не было банальное ухаживанье. И какъ я былъ далекъ отъ чего-либо подобнаго. Дорогого и безкорыстно преданнаго друга я видѣлъ въ ней. Среди озлобленныхъ и чужихъ нашлась родная душа.

Она вздохнула и освободила свои руки.

— Пане Яне! будьте тверды и по-христіански выслушайте то, что я скажу вамъ.

— Догадываюсь: военный судъ, присудившій меня къ смерти, уже послалъ приговоръ на конфирмацію.

— Да. Но вы не должны умереть.

Въ свою очередь, я вздохнулъ.

— Вы думаете, меня помилуетъ командующій генераль?

— Нѣтъ. Знаю его. Не такой человѣкъ. Но есть способъ спастись.

— Не вижу. Какой это способъ?

— Надо бѣжать.

Вмѣсто отвѣта я указалъ ей на узкое отверстіе окна и на мои руки съ искалѣченными пальцами и ногтями отъ тщетныхъ усилій выломать хотя бы одинъ кирпичъ изъ стѣны.

— Руками этихъ старыхъ построекъ не разломаете. Отцы іезуиты строили, прочно строили. Это имѣніе подуховное. Но я добыла и принесла вамъ кое-что, чѣмъ вы легко расширите окно.

И Марья Петровна подала мнѣ небольшой ломъ и долото.

Руки мои дрожали, когда я бралъ инструменты-спасители. Надежда спастись, хотя и слабая, все же блеснула.

Спасительница моя продолжала:

— Срѣжьте долотомъ гнѣздо, засадите ломъ и отваливайте кирпичи. Часовой ничего не будетъ видѣть и слышать. Но вы не должны бѣжать, пока не будетъ смѣны. И знаете что: мы не должны подвести добраго солдата, способствующаго вашему спасенію. Когда уитеръ приведетъ смѣну, вы попросите напиться, чтобы онъ зналъ, что вы еще въ тюрьмѣ.

— А если новый часовой будетъ зорко смотрѣть?

— Ну, я ужъ не знаю.

У меня сердце упало отъ этихъ словъ.

— Попытаюсь все выполнить, какъ вы совѣтуете. Но вотъ бѣда: куда дѣнусь, убѣжавъ отсюда. Меня могутъ поймать.

— Боже сохрани. Тогда вамъ ничто ужъ не поможетъ.

— Знаю. Меня сейчасъ же повѣсятъ. Не лучше ли не рисковать и не дѣлать попытокъ къ побѣгу? Авось смягчатъ приговоръ.

Она покачала головой.

— Мой совѣтъ вамъ бѣжать и въ эту же ночь. Часовые не очень смотрять, надѣются, что подвалъ крѣпокъ, и послѣ побѣды побѣдители хорошо выпили. Даже патрулей нѣтъ.

— Но куда скроюсь, убѣжавъ. Мужики по деревнямъ противу насъ. Если я найду купить хлѣба, перепочевать, меня выдадутъ.

Марья Петровна принялась сообщать, что ея мужъ, отецъ Викторъ, самъ читалъ донесеніе жандармовъ о появленіи новой банды въ при—скомъ бору.

— Это та самая банда, — пояснила мнѣ Марья Петровна, — на соединеніе съ которою слѣшилъ вашъ доводца и погалъ въ засаду,

благодаря предательству Ханма. Вы можете добраться до стоянки банды и будете относительно въ безопасности. Но вотъ что нехорошо...

— Что такое?

— Ваше имѣніе конфискують.

— Богъ съ нимъ. Только бы жизнь сохранить.

Еще не долго мы поговорили, и наконецъ Марья Петровна ушла, крѣпко пожавъ мою руку. Она передала мнѣ мѣшочекъ съ провизіей на дорогу. Добрая, хорошая женщина.

ХІІІ.

Я остался одинъ и принялся выковыривать кирпичи. Скоро отверстие окна расширилось и легко было пролѣзть въ него. Изъ предосторожности кирпичи были уложены на прежнее мѣсто, окно опять казалось узкимъ и возможнымъ для прохода развѣ котенку.

Въ два часа ночи часового смѣнили. Я застучалъ въ дверь и попросилъ пить.

— Подождешь до утра,—грубо отвѣтилъ унтеръ.—Ключи отъ подвала у адъютанта. Не будить же для тебя ихъ высокоблагородіе. Завтра тебя повѣсимъ—и пить не потребуется.

Солдаты засмѣялись.

Все затихло. Нигдѣ ни звука. Ночь свѣтла и ясна. Небо усыяно мириадами звѣздъ. Изрѣдка вѣтеръ налетитъ и колыхнетъ вершинами старыхъ ивъ, обступившихъ темный прудъ, разлившійся широкимъ зеркаломъ немного правѣ моего подвала. Даже собаки перестали лаять. Костры на бивакѣ солдатъ давно погасли. Часовой пересталъ прохаживаться; вѣроятно, надоѣло. Прислонившись къ косяку, онъ задумался—дремлетъ. Отъ меня онъ шагахъ въ пятнадцать, и уголь подвала, къ счастью, мѣшаетъ ему прямо видѣть мое окно.

Теперь самая пора бѣжать.

Я отбросилъ кирпичи и до половины выдвинулся изъ окна.

Тишина. Ни малѣйшей тревоги. Прикрѣпляю къ окну валяющуюся въ углу веревку и, перекрутившись, благополучно спускаюсь изъ проклятаго подвала. Передо мною канава, ложусь въ нее и ползу подалеже отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовая. Что если залаютъ собаки? Ползу дальше, обжигая руки крапивою. Влѣво прудъ, вправо—дорога. Она бѣлѣетъ отъ луннаго свѣта. Хочу подняться и идти по дорогѣ до спасительнаго лѣса, чернѣющаго за прудомъ. Ну, а если замѣтятъ. Въ нерѣшимости, колеблюсь... Безопаснѣе будетъ ползти, и я снова ползу канавкою, затѣмъ вдоль пруда въ тѣни старыхъ ивъ. Но вотъ прудъ кончился; за нимъ начинаются огороды. Много сухой травы и репейника между грядами. О, какъ я благословлялъ эти сухіе паноротники и высокій бурьянъ!

Пронюхавши весь огорождь, я вторично съ трепетомъ оглянулся. Надо было ориентироваться.

Постройки хутора были далеко. Съ холма, на которомъ стоялъ хуторъ, была крутой склонъ къ луку. За этимъ довольно большимъ лугомъ—спасительный для меня лѣсъ. Съ рѣшимостью, которой не пойметъ человѣкъ, не бывшій въ моемъ положеніи, съ сильно бьющимся сердцемъ, я скатился съ холма, перебѣжалъ лугъ и упалъ въ кусты.

Вдали на хуторѣ залаяли собаки.

Что если меня замѣтили? Часовой выстрѣлитъ; бросятся къ лѣсу, охватятъ, и я погибъ?

Неподвижно, какъ мертвый, долго я лежалъ въ кустахъ, чутко прислушиваясь. Миѣ казалось, что я пролежалъ съ часъ, а вѣрнѣе не болѣе десяти минутъ.

Нигдѣ никакой тревоги. Хуторъ спитъ въ голубоватой почной мглѣ. За хуторомъ лагерь, войско. Оттуда доносятся протяжные окрики часовыхъ и ржаніе лошадей. Слава Богу! бѣгство мое еще не открыто.

Поднявшись осторожно, я пошелъ въ глубь лѣса. Сперва приходилось пробираться зарослью, кустами. Вездѣ царила тишина, глубокая, но не мертвая. Молчаливая глубина лѣса жила, хотя вѣтру не было, и вершины громадныхъ сосенъ стояли прямо, не колеблясь, какъ столбы титанскаго храма. Хорошо было внешнее предутріе, теплое, ароматное, ласкающее. Заросли кончились, и во все стороны потянулся безконечный боръ. Красноватые стволы сосенъ стояли на мягкой подстилкѣ изъ мховъ и опавшей сырой хвои; кое-гдѣ только торпачились пятнистые папоротники. Кое-гдѣ видѣлись березники на пизинкахъ, означая пониженіе почвы, болотца. Куда я шелъ?

Этотъ вопросъ пока не тревожилъ меня. Шелъ я, имѣя цѣлью одно: уйти какъ можно дальше отъ моихъ судей и будущихъ палачей. Ускоряя шаги, не лавируя, не выбирая, я шелъ впередъ, все впередъ. Сердце мое сильно билось. Избавленіе отъ смертельной опасности было еще такъ свѣжо. И, не останавливаясь, я сталъ креститься и читать молитву, благодаря Господа, даровавшаго миѣ возможность еще жить.

Жить! только бы жить... блуждать по лѣсу, уставать, голодать, но жить. Право жить: думать, желать, видѣть—о какое это великое, святое право. И кто, во имя чего далъ людямъ—чужимъ и непріязненнымъ—право лишать меня того, что всякому человѣку дороже всего,—жизни?

Въ бору сдѣлалось свѣтло. По краснымъ стволамъ сосенъ пробѣжалъ золотой лучъ. Сперва озолотились зеленныя короны деревьевъ, потомъ лучи медленно начали опускаться ниже, ниже—позолотили длинными полосами бурые мхи, и, наконецъ, вспыхнулъ

яркій, майскій день. Я приостановился и вдохнулъ воздухъ полною грудью. Сколько я прошелъ? Шель я болѣе двухъ часовъ и, по примѣрному расчету, считая по пяти верстѣ въ часъ, выходило, что я прошелъ верстѣ десять, а то и больше. Пора было сѣсть и отдохнуть. Мнѣ захотѣлось ѣсть. Въ моихъ рукахъ былъ мѣшокъ съ провизіей, данный мнѣ Марьей Петровной. Тамъ были ветчина, колбаса, краюха хлѣба и бутылка водки. Хорошая, хорошая женщина. Безъ этой провизіи я бы напрасно бѣжалъ. Черезъ день, много два, истощенному голодомъ, пришлось бы итти и сдаться.

Послѣ мысли, что я спасенъ, была въ сердцѣ моемъ еще другая мысль: боязнь, какъ бы моя благодѣтельница не пострадала изъ-за меня. А что будетъ бѣдному часовому, когда узнають, что арестантъ бѣжалъ? Будутъ, конечно, судить, строго накажутъ—военные законы безпощадны. Жалко. Невинный пострадаетъ. Но какъ быть? Его только, можетъ быть, запишутъ въ разрядъ штрафованныхъ, а меня повѣсили бы. Брр! Даже дрожь прошла по моимъ членамъ и затѣснило, когда я вспомнилъ о грозившемъ мнѣ пеньковомъ галстукѣ. А утро было на диво хорошо. Вверху разстлалось голубое небо; бѣловатая, прозрачная облака, слегка окрашенная солнечными лучами, медленно ползли въ вышнѣ. Утренній вѣтерокъ пробѣжалъ по вершинамъ; щебетали птицы; гдѣ-то шумѣла вода. Я снова возблагодарилъ Бога за спасеніе и принялся за завтракъ.

С. С. Окрейцъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТРИЦА-КУМА.

I.

ИЩЕ когда только ходили слухи о томъ, что государь Александръ Павловичъ прѣдетъ на постоянное жительство въ Таганрогъ вмѣстѣ съ государыней Елизаветой Алексѣевной, то уже вся, какъ есть, бѣднота въ этомъ городѣ ликовала: все знали, что императрица—женщина удивительно доброй души и для того только живетъ на свѣтѣ, чтобы помогать бѣднымъ, увѣчнымъ и сиротамъ. Въ Таганрогѣ было уже заранѣе извѣстно, что Елизавета Алексѣевна, живя въ Петербургѣ, завѣдывала многими дѣтскими приютами, отличалась широкою благотворительностью и, несмотря на свое слабое здоровье, находила возможнымъ посѣщать бѣдныхъ на дому. Поэтому въ Таганрогѣ и ждали ее, какъ ангела-хранителя, съ особеннымъ уваженіемъ и съ большими надеждами. Городскія же дамы изъ мѣстной знати вдругъ захлопотали и занялись добрыми дѣлами, которыхъ до этого и не знали, и не творили.

Вышло же это такъ. Таганрогъ въ тѣ времена, особенно же послѣ того, какъ князь Воронцовъ устроилъ гавань, былъ городомъ коммерческимъ, велъ торговлю съ заграницею, и въ немъ жило много иностранныхъ купцовъ разныхъ націй. Поэтому въ Таганрогѣ проживали и консулы разныхъ государствъ—турецкій, греческій, итальянскій, испанскій и англійскій. Греческимъ консуломъ служилъ грекъ Дракопуло, и обязанностью его было защищать интересы греческихъ купцовъ, торговавшихъ въ городѣ, и не давать въ обиду греческихъ скиперовъ и матросовъ, привозившихъ на парусныхъ судахъ сантуринское вино, деревянное масло, орѣхи, лимоны

и апельсини и увозивших за границу нашу зерновой хлѣбъ. Этотъ Драконуло постоянно переписывался съ проживавшимъ въ Петербургѣ грекомъ Ипсиланти. А Ипсиланти былъ большой другъ императора Александра и все подбивалъ его освободить Грецію изъ-подъ турецкаго ига. Подбить не удалось, но Ипсиланти все-таки достигъ того, что государь не на шутку мечталъ объ освобожденіи Греціи и вообще къ грекамъ благоволилъ.

Этотъ-то Ипсиланти и извѣстилъ въ письмѣ своего пріятеля, консула Драконуло, о томъ, что государыня Елизавета Алексѣевна любитъ заниматься дѣлами благотворенія. Вообще Ипсиланти въ своихъ письмахъ такъ подробно описалъ характеры, привычки и наклонности государя и государыни, что все греческое общество въ Таганротѣ заранѣе знало императорскую чету такъ хорошо, какъ будто бы прожило съ нею уже нѣсколько лѣтъ. Отъ грековъ узнали обо всемъ и русскіе и многое, конечно, узнали въ превратномъ и преувеличенномъ видѣ.

Во всякомъ случаѣ греческій консулъ не сидѣлъ, сложа руки, и тотчасъ послѣ первыхъ же писемъ изъ Петербурга созвалъ къ себѣ всѣхъ богатыхъ греческихъ купцовъ и внушилъ имъ, чтобы они къ пріѣзду государыни зарекомендовали себя передъ нею съ хорошей стороны, а именно: чтобы жены ихъ занялись добрыми дѣлами и сдѣлали что-нибудь для бѣдныхъ. Это, дескать, очень порадуетъ расположенную къ благотворительности императрицу Елизавету Алексѣевну, доставитъ ей удовольствіе и, пожалуй, косвеннымъ образомъ повліяетъ на скорѣйшее освобожденіе дорогой Греціи.

Гречанки, жены коммерсантовъ, тотчасъ же законопились, захопотали и, на граничный ладъ, устроили нѣчто въ родѣ дамскаго комитета и стали разѣзжаться по городу, разыскивая бѣдныхъ и убогихъ соотечественниковъ. Купецъ Софіануло, жившій въ собственномъ домѣ на Греческой улицѣ, отвелъ въ своемъ дворѣ пустовавшій флигель и меблировалъ его нѣсколькими старыми кроватями съ тюфиками. Гречанки патаскали туда же старыхъ одѣялъ и ненужной мебели—и у нихъ вышло что-то, похожее на лазаретъ. На воротахъ повѣсили вывѣску. Правда, больныхъ туда не пускали, но уже имѣли ихъ на примѣтѣ, чтобы было чѣмъ похвастать передъ Елизаветой Алексѣевной. Ипсиланти же послали въ Петербургъ частный запросъ о томъ, какіе туалеты носятъ дамы, окружающія императрицу. Въ то же время изъ Париза были вынесены два модныхъ журнала, а изъ Аѳинъ—нѣсколько дамскихъ національныхъ костюмовъ. Словомъ, подготовка пошла самая дѣятельная.

Само собою разумѣется, что горячка, которую запороли греки съ легкой руки консула Драконуло, не ускользнула и отъ русскаго населенія. Узнавъ, въ чемъ дѣло, и оно законопилося. Чиновницы и проживавшія въ городѣ богатые помѣщницы изъ окрестныхъ

помѣстій задумали было тоже организовать дамскій комитетъ, но полицеймейстеръ не позволилъ, благотворить же вообще разрѣшилъ. Мѣстное же купечество оказалось гораздо счастливѣе. Ему было разрѣшено открыть въ старой, упраздненной казармѣ «странно-принимный домъ», въ которомъ предполагалось кормить даромъ, но въ который, однакоже, до поры, до времени никого изъ странствующихъ не принимали.

Такъ какъ русскія барыни—чиновницы и помѣщицы—стали, по примѣру гречанокъ, обходить и объѣзжать окраины города и подавать гроши и старое тряпье нищеть, то и вышло, что вѣра въ благотворительность и доброту Елизаветы Алексѣевны засѣла въ народѣ крѣпко. Личность еще невѣдомой императрицы уже была окружена свѣтлымъ ореоломъ.

II.

Высоко на степной горкѣ раскинулось утопавшее въ зелени кладбище, на которомъ находили вѣчное упокоеніе переселившіеся въ лучшій міръ таганрогскіе обыватели всѣхъ вѣроисповѣданій за исключеніемъ іудейскаго. Лучшее мѣсто, поближе къ церкви, захватили на кладбищѣ богатые греки и воздвигали надъ своими усопшими богатые мраморные мавзолеи и художественные памятники, выписанные прямо изъ Италіи. Этотъ уголокъ греческой колоніи былъ однимъ изъ самыхъ красивыхъ.

Рѣдкій контрастъ съ этимъ уголкомъ представлялъ собою придвинутый почти къ самому кладбищу рядъ закопченныхъ кузницъ со стойлами для подковки обывательскихъ лошадей и чумацкихъ воловъ. Въ кузницахъ раздавался постоянно стукъ молотковъ о наковальни и прекращался на короткое время лишь тогда, когда мимо несли покойника. Кузнецы въ такихъ случаяхъ обыкновенно бросали работу, высыпали на улицу и спрашивали, кого это хоронятъ. Удовлетворивъ свое любопытство и пожелавъ царства небеснаго, они снова принимались за работу.

Не любопытствовалъ и не выходилъ изъ своей кузницы смотрѣть на печальныя процессіи одинъ лишь кузнецъ Дементій Ковальчукъ—еще молодой, здоровый и мускулистый парень. На него чьи бы то ни было похороны навѣвали грусть и всякій разъ будили въ душѣ тяжелыя воспоминанія. Природа вложила въ его грудь самое чадолюбивое сердце, но въ то же время и зло подшутила надъ нимъ. Онъ страстно любилъ и желалъ имѣть дѣтей, но ни одинъ изъ его младенцевъ не жилъ долѣе недѣли и переселялся на кладбище. Кто-то изъ добрыхъ людей внушилъ ему, что его молодую жену Маланью сглазили и что ему не придется ласкать своихъ чадъ до тѣхъ поръ, пока онъ какими-либо путями не разстроитъ напущенныя на его семейное счастье злыя чары. Ковальчукъ простодушно

повѣрилъ этому внушенію, искренно горевалъ и обращался ко всѣмъ и ко всякому, кого только считалъ умнѣе себя, за совѣтомъ, какъ помочь бѣдѣ. Совѣты давались охотно, но толку изъ нихъ выходило мало. Теперь же Дементій переживалъ особенно тревожное время, потому что скоро Маланья должна была подарить его новымъ младенцемъ. Онъ и радовался, и надѣялся, и въ то же время приходилъ и въ отчаяніе, потому что—что же за радость ожидать появленія новаго человѣка, если и его неминуемо придется вскорѣ послѣ рожденія отнести въ маленькомъ гробикѣ туда же, гдѣ рядкомъ лежать его братцы?...

Съ этими мыслями Ковальчукъ ложился спать и вставалъ. Сонъ былъ до того полонъ душевной тревоги, что онъ по нѣсколько разъ за ночь просыпался и, чѣмъ ближе дѣло подходило къ развязкѣ, тѣмъ онъ становился безпокойнѣе. За послѣднее время онъ сталъ приходить въ свою кузницу раньше всѣхъ, потому что дома ему было душно. А послѣ одной ночи, когда Маланья, какъ ему показалось, очень металась во снѣ, онъ ушелъ изъ дома еще до разсвѣта.

На дворѣ стояли первыя числа сентября. Свѣтатъ начинало уже довольно поздно. Погода была превосходная и теплая, какою она бываетъ осенью только на югѣ. Лишь только Дементій перешагнулъ черезъ порогъ своей маленькой хатки на одной изъ отдаленныхъ улицъ города и осторожно притворилъ за собою дверь, какъ его охватило пріятной утренней свѣжестью, и онъ, перекрестившись на востокъ, слегка повеселѣлъ и бодро зашагалъ по направленію къ своей кузницѣ. Дорога шла мимо кладбища. Вспомнивъ о младенцахъ, онъ вздохнулъ и пожелалъ имъ царства небснаго. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, просыпалась и природа. Стало подниматься солнышко и разсыпалось безчисленными искрами по росѣ, покрывавшей уже начинавшую блекнуть степь. На деревьяхъ кладбища уже чирикали птички, а на его кузницѣ задорно стрекотала сорока. Когда онъ отпиралъ тяжелый замокъ на дверяхъ своей законченной и непривѣтливой мастерской, все еще спало и кругомъ не было ни одной живой души. Въ кузницѣ его встрѣтили знакомые горнъ, мѣхъ и наковальня, но эта привычная обстановка не порадовала его. Не было охоты приниматься за дѣло, да и дѣла особенно спѣшнаго не было. Онъ сѣлъ на порогъ и, задумавшись, сталъ глядѣть на дорогу, убѣгающую въ степь.

На дорогѣ тоже было не людно. Проѣхалъ на парѣ воловъ хохоль съ огромною клѣткою куръ, которыхъ везъ въ городъ на базаръ, пробѣжала покрытая ренейникомъ собака, и еще черезъ нѣсколько времени прошелъ отставной солдатъ. И только. Черезъ полчаса, однакоже, со стороны степи показался возъ не совсѣмъ обычнаго типа. Это была запряженная парюю тощихъ лошадей длинная телѣга съ рванымъ парусиннымъ верхомъ, натянутымъ на деревянныхъ обручахъ. Къ задѣ этого своеобразнаго фургона

были привязаны четыре лошади разных мастей. Дементій приложилъ къ глазамъ руку наподобіе козырька и сталъ пристально всматриваться. Минуты черезъ полторы онъ недовольнымъ голосомъ проворчалъ:

— Цыганы проклятые... Пойдетъ теиерь по городу воровство...

Ковальчукъ не ошибся. Скоро фургонъ поровнялся съ кузницей, и сидѣвшій на передкѣ черномазый, босой и безъ шапки цыганъ остановилъ клячь, спрыгнулъ на землю и пошелъ къ лошадямъ, привязаннымъ сзади, крикнувъ Ковальчуку:

— Подковать надо.

Ковальчукъ неохотно поднялся съ порога и пошелъ туда же. У одной изъ лошадей въ самомъ дѣлѣ не оказалось на задней ногѣ подковы.

— Изъ-за одной подковы не стоить такъ рано разводить огонь въ горнѣ,—сказалъ кузнецъ послѣ осмотра.—Съ тебя заработаешь пятакъ, а углей сожжешь на гривенникъ. Приводи лошадь черезъ часъ, когда работа начнется.

— Нельзя. На конный базаръ опоздаю.

— Какъ хочешь, а я для тебя одного огня зажигать не стану.

Цыганъ сталъ упрашивать. Начался торгъ. Изъ фургона тѣмъ временемъ вылѣзло цѣлое черномазое семейство, состоявшее изъ нѣсколькихъ совсѣмъ голыхъ и почти бронзовыхъ ребятишекъ и изъ двухъ женщинъ—одной помоложе и другой—старой, сѣдой, съ крючковатымъ носомъ и очень похожей на вѣдьму. Всѣ они съ живѣйшимъ интересомъ стали прислушиваться къ разговору. Цыганъ урезонивалъ и сердился. Ковальчукъ упрямился.

— Запали огонь, сдѣлай подкову—я тебѣ погадаю: какой тебѣ таланъ въ жизни будетъ,—вмѣшалась старуха.

Кузнецъ, не глядя на нее и не отвѣтивъ ни слова, повернулся и пошелъ къ своей кузницѣ. Цыганъ злобно засверкалъ ему вслѣдъ бѣлками глазъ, но старуха не отстала, а побѣжала за нимъ.

— Дай ручку... Всю правду скажу... Деньги не надо: я тебѣ такъ скажу—какой тебѣ жена, какой тебѣ дѣти будутъ...

При словѣ «дѣти» Дементій остановился. Старуха воспользовалась этимъ моментомъ и схватила его за руку.

— Дай ручку, дай ручку,—затараторила она.—Ты только подкову сдѣлай, а я тебѣ все скажу... Большой тебѣ таланъ будетъ—счастливый будешь... Тебѣ много дѣти будутъ... Кормить тебя будутъ.

— Бреешь, старая вѣдьма,—огрызнулся Ковальчукъ.—Не будетъ у меня дѣтей... Мои дѣти умирають.

Въ глазахъ цыганки блеснулъ огонекъ хищнаго звѣря, уловившаго добычу.

— Такое слово тебѣ скажу, что дѣти живы будутъ, здоровы будутъ, тебя стараго кормить будутъ... Сдѣлай подкову.

Кузнецъ поколебался. Подошелъ цыганъ, и опять начался торгъ. Дементій началъ сдаваться и потребовалъ, чтобы старая вѣдьма сказала сначала свое слово, а потомъ онъ сдѣластъ подкову, а цыганъ требовалъ сначала подкову. Послѣ долгихъ препирательствъ порѣшили, наконецъ, на серединѣ: пусть кузнецъ побожится, что сдѣластъ, тогда слово будетъ сказано. Кузнецъ согласился.

— Дай руку,—заговорила старуха и стала вематриваться въ ладонь.—Оттого у тебя дѣтки живы не бываютъ,—тономъ колдуньи забормотала она:—что батько съ матерью крестные нехороши были. Когда у тебя еще дитѣ будетъ, возьми ты въ крестные батьки самаго бѣднаго человѣка, а въ крестныя матери—самую первую женщину въ городѣ. Чтобы самая важная была, чтобы лучше ся не было... Тогда тебѣ дитѣ живой будетъ и большой растеть и тебя кормить будетъ.

— Ишь ты,—покачалъ головою кузнецъ.—А кто у насъ самая важная барыня?

— Ищи самъ. Ежели я скажу,—талану не будетъ... Теперь дѣлай подкову...

«А можетъ—и правда», подумалъ Дементій, раздулъ огонь, подковалъ цыганскую лошадь, заперъ кузницу и торопливо побѣжалъ домой сообщить женѣ только что услышанную новость, въ которую онъ почти уже увѣровалъ. Теперь настроеніе его было уже совсѣмъ иное:—и солнце свѣтило ярче, и птички пѣли веселѣе, и утро было прекраснѣе.

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ все отъ кумовьевъ зависеть,—бормоталъ онъ дорогою.

III.

Государь Александръ Павловичъ и государыня Елизавета Алексѣевна прямо съ дороги помѣтилишь въ огромномъ домѣ генерала Пашкова, отведенномъ подъ дворецъ и заранѣе меблированномъ. Домъ этотъ—угловой и одноэтажный. Построенъ онъ по типу старыхъ барскихъ домовъ, съ огромной залой въ два свѣта и съ длиннѣйшей анфиладою комнатъ, которая начиналась въ залѣ и, обойдя весь домъ, выходила опять въ ту же залу. Домъ и до сихъ поръ называется дворцомъ. Къ нему по переулку примыкалъ большой флигель, а затѣмъ шелъ тѣнистый большой садъ, выходившій на другую улицу. Простора и приволья было много. Къ тому же изъ нѣкоторыхъ оконъ дома открывался красивый видъ на заливъ Азовскаго моря. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что царская чета въ первые дни по прибытіи не выходила изъ дому никуда. Во-первыхъ, государь и государыня отдыхали отъ долгаго и утомительнаго пути, а, во-вторыхъ, и садъ былъ такъ хорошъ со

своими старыми деревьями и задумчивыми дорожками и уголками, что изъ него не тянуло никуда.

Придворные дамы, кавалеры и свита вскорѣ сдѣлали кому слѣдуетъ визиты, побывали въ лавкахъ и въ магазинахъ и вездѣ мимоходомъ сообщали, что государь и государыня пріѣхали въ Таганрогъ лечиться на вольномъ воздухѣ и въ полномъ спокойствіи и потому никакихъ ни пріемовъ, ни баловъ не будетъ. Желаютъ они жить просто, какъ частные люди.

Богатыхъ грековъ и гречанокъ сильно разочаровало также и сообщеніе, что государыня не совсѣмъ здорова и предпочитаетъ поэтому сидѣть у себя дома. Парижскіе туалеты и національные греческіе костюмы, выписанные изъ Аѳинъ, оказались, такимъ образомъ, ненужными. Но потомъ консулъ Дракопуло подаль мысль, что не стануть же царь и царица сидѣть вѣчно у себя дома, какъ въ монастырѣ: захочется имъ когда-нибудь и развлечься. Тогда и можно будетъ пустить въ ходъ и благотворительность, и дипломатію, и, если понадобится, то и деньги для освобожденія родины.

Дѣйствительно, консулъ Дракопуло оказался какъ будто бы и правъ. Государь и государыня не долго оставались въ заточеніи и скоро показались на Большой улицѣ и даже прошли пѣшкомъ въ разбитый на самомъ концѣ ея княземъ Воронцовымъ казенный садъ. Шли они подъ ручку безъ всякой помпы и безъ свиты—точь-въ-точь простой офицеръ съ супругою. Оба они привѣтливо отвѣчали на поклоны и вполголоса разговаривали между собою по-французски. При этомъ всѣ таганрогскіе обыватели, которымъ удалось рассмотреть царственныхъ супруговъ поближе, замѣтили, что у Александра Павловича особенно хороша добрая и привѣтливая улыбка, а у Елизаветы Алексѣевны хороши глаза, но все доброе и милое лицо ея подернуто какою-то дымкою грусти. Происходило ли это оттого, что она и въ самомъ дѣлѣ была не совсѣмъ здорова, или же ее дѣйствительно подтачивала тайная печаль,—рѣшить не могъ никто, но всѣ единогласно пришли къ тому заключенію, что такія-то именно женщины и любятъ творить добро бѣднымъ, сирымъ и немущимъ.

Однакоже послѣ этой первой прогулки Елизавета Алексѣевна долго не показывалась. Государя часто видѣли на улицахъ и на базарѣ въ простомъ офицерскомъ и даже иногда солдатскомъ платьѣ, но ходилъ онъ большею частью одинъ, безъ супруги. Ходилъ онъ чаще всего въ такія мѣста, откуда было видно море, останавливался на такихъ пунктахъ и крѣпко о чемъ-то задумывался. Подобныя прогулки царя были такъ часты, что обыватели скоро привыкли къ нимъ. Онъ нерѣдко заходилъ въ магазины и въ лавки, справлялся о цѣнахъ на товары и всегда покупалъ какую-нибудь, часто даже ни на что ненужную вещь или бездѣлушку. Елизавета же Алексѣевна только одинъ разъ, катаясь по городу въ экипажѣ, зашла въ лучшій

галантерейный магазинъ и купила тамъ перчатки и тонкій батистовый носовой платокъ, послѣ чего опять на нѣсколько дней замкнулась во дворцѣ. Обывателей и въ особенности мѣстныхъ аристократовъ сильно заинтересовало такое поведеніе императрицы, и они всячески старались добиться объясненія. Какими-то путями имъ стало извѣстно, что Елизавета Алексѣевна—большая домосѣдка, любить по цѣлымъ часамъ просиживать одна за книжкою въ саду и очень много ежедневно записываетъ что-то въ толстую тетрадь,—должно быть, дневникъ. Узнали также, что она дѣйствительно занимается благотворительностью, но дѣлаетъ это тайно, черезъ посредство одной изъ своихъ придворныхъ дамъ.

IV.

Весь тотъ день, когда старая цыганка предреказала по рукѣ участь и жизнеспособность будущихъ дѣтей, Деметій Ковальчукъ не работалъ, и кузница его, къ удивленію сосѣдей, пробыла до вечера на замкѣ. Не работалъ же онъ потому, что, прибѣжавъ тотчасъ же послѣ ворожбы домой, сталъ передавать женѣ секретъ, полученный отъ цыганки.

— Брешутъ твои цыганы,—отвѣтила Маланья.—Ты самъ разсуди, чѣмъ наши кумовья нехороши? Яковъ Герасимычъ—твой же хорошій пріятель, а Анну Ивановну я съ малыхъ лѣтъ знаю. Про нихъ никто ничего нехорошаго не скажетъ: люди, какъ люди; какъ и мы грѣшныя. Гдѣ намъ взять кумовьевъ такихъ, какъ ты говоришь? Ну, положимъ, возьмемъ самаго послѣдняго нищаго, дурачка Вову,—а вдругъ потомъ кто-нибудь другой еще бѣднѣе найдется?! Вотъ и пропало все... А насчетъ кумы и толковать нечего: важная барыня—гречанка какая-нибудь или же наша русская купчиха—къ намъ крестить не пойдутъ.

— Нужна не важная, а самая важная и самая первая въ городѣ,—поправилъ Деметій.

— Вотъ видишь: и выходитъ по-моему,—усмѣхнулась Маланья.—Цыганка тебѣ набрехала. Знаешь, кто у насъ теперь самая первая въ городѣ барыня? Ну-ка, подумай-ка?

И, не дожидаясь отвѣта, она прибавила:

— Царица Елизавета Алексѣевна...

Деметій даже привскочилъ на своемъ мѣстѣ. Теперь ему стало ясно, что старая вѣдьма-цыганка безбожно обманула его. О томъ, чтобы звать царицу крестить,—нечего и думать. Для этого надо окончательно съ ума сойти... Стало быть, и этому младенцу помирать придется...

Ковальчукъ совсѣмъ повѣсилъ голову. На мигъ улыбнулось счастье—и тутъ же разсѣялось, какъ дымъ... Онъ вздохнулъ нѣсколько разъ, нащупалъ въ карманѣ ключи и собрался идти отпирать

кузницу, но въ этотъ моментъ Маланья какъ-то странно выпрямилась и на нѣсколько секундъ стиснула зубы, а затѣмъ не своимъ голосомъ произнесла:

— Бѣги за бабкой Пантелеевной... А покамѣсть позови сосѣдку Горпину...

Дементій зналъ по прежнему опыту, что это значитъ, поблѣднѣлъ и выбѣжалъ изъ хаты. Онъ каждый разъ въ такихъ случаяхъ убѣгалъ изъ дому и возвращался уже только послѣ развязки. Онъ не могъ видѣть страданій жены и метался по городу угнетенный, съ дрожащими колѣнями и выбитый изъ колеи. Маланья была баба здоровая, и все у нея обходилось благополучно, но онъ все-таки безотчетно боялся за нее и убѣгалъ изъ дому.

И теперь, выйдя изъ хаты, онъ потерялъ и голову, и самообладаніе. Онъ не помнилъ, какъ сбѣгалъ къ сосѣдкѣ Горпинѣ, какъ отыскалъ бабу-повитуху Пантелеевну, и не отдавалъ себѣ отчета, какъ очутился на кладбищѣ, на ступенькахъ мраморнаго мавзолея, воздвигнутаго надъ прахомъ какого-то богатаго грека. Онъ сидѣлъ, понуривъ голову, ни о чемъ не думалъ и ничего передъ собою не видѣлъ. Одиѣ только губы его безсвязно шептали:

— Спаси, Господи!... Пронеси, Господи... Чтобы все благополучно...

Онъ и не замѣтилъ, какъ къ мавзолею подошли двѣ хорошо одѣтыя дамы, за которыми въ нѣкоторомъ отдаленіи почтительно слѣдовалъ военный. Онъ очнулся и нѣсколько пришелъ въ себя только тогда, когда услышалъ голоса. Дамы разговаривали между собою не по-русски, а на какомъ-то чужомъ языкѣ и обѣ разсматривали мавзолей. Одна изъ нихъ, постарше и съ небольшою просѣдкою на вискахъ, смотрѣла сквозь очки, а другая, помоложе и съ удивительно добрымъ, продолговатымъ лицомъ, часто подносила къ глазамъ золотую лорнетку съ черепаховой ручкой.

Увидѣвъ ихъ, кузнецъ поднялся, чтобы перейти на другое мѣсто, но младшая барыня ласково остановила его по-русски:

— Сидите пожалуйста. Мы вамъ не будемъ мѣшать. Мы только осмотримъ этотъ памятникъ и сейчасъ же уйдемъ.

И вслѣдъ за этимъ она прибавила нѣсколько словъ своей спутницѣ на иностранномъ языкѣ. Дама съ просѣдкою внимательно поглядѣла сквозь очки на разстроенное лицо Дементія и тоже мягко спросила:

— Вы нездоровы, или, можетъ быть, чѣмъ-нибудь разстроены?

Дементій отвѣтилъ не сразу. Съ безцеремонностью необразованнаго, но добродушнаго мѣщанина онъ сначала осматрѣлъ обѣихъ дамъ съ ногъ до головы и потомъ уже отвѣтилъ:

— Будешь разстроены, когда кругомъ такое дѣлается, что ума не приложишь...

— Что же у васъ такое дѣлается?

— Вы мнѣ не поможете,—съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ кузнецъ.—Тутъ такая бѣда, что и не дай Богъ.

— А, можетъ быть, намъ и удастся хоть чѣмъ-нибудь помочь... Расскажите,—еще мягче проговорила младшая.

— Чего тутъ рассказывать?... Такая бѣда, что вся душа изныла. Всего и рассказать нельзя.

Однакоже Дементій кое-какъ рассказалъ о своемъ горѣ. Въ его рассказѣ путались и слезы, и умирающія дѣти, и Маланья, и бабка Паптелеевна, и цыганка, и будущій ребенокъ. Особенно же подробно остановился онъ на томъ, что для того, чтобы ожидаемый, а, можетъ быть, уже и родившійся младенецъ былъ живъ, нужно, чтобы его крестила непременно царица Елизавета Алексѣевна и самый бѣдный человѣкъ.

— А гдѣ ихъ взять?—закончилъ онъ простодушно.—Къ царицѣ не сунешься. Говорятъ, будто бы она—добрая, какъ ангелъ, да вѣдь она намъ не пара: мы—люди простые.

— Вы видѣли когда-нибудь государыню?—спросила старшая.

— Гдѣ намъ видѣть?! Цѣлый день съ утра до ночи около огня и сажки вертись... А другіе нѣкоторые видали и говорятъ, что она—моложавая, красивая, и самое главное—добрая.

— Кто это говорить?—спросила младшая.

— Народъ говорить... Всѣ говорятъ...

— Такъ вамъ хотѣлось бы, чтобы государыня Елизавета Алексѣевна крестила у васъ будущаго ребенка?—продолжала спрашивать младшая.

Глаза Дементія заблестали.

— Въ ножки бы ей поклонился... Разорвать себя на части даль бы... Тогда, по крайности, дитѣ живо было бы...

— Знаете вы, гдѣ живетъ государыня Елизавета Алексѣевна? Дворецъ знаете?

— Какъ не знать... Это всякій знаетъ...

— Такъ слушайте. Когда у васъ родится ребенокъ, приходите во дворецъ и скажите, чтобы о васъ доложили государынѣ.

Дементій широко раскрылъ глаза. Ему показалось, что молодая дама шутить.

— Будетъ вамъ, барыня, изъ меня дурака дѣлать,—обиженно сказалъ онъ.—Тутъ и такъ горько, а вы еще съ шутками...

Дамы опять заговорили между собою на непонятномъ языкѣ.

— Не вѣрите? Впрочемъ, это и понятно. Вы меня видите въ первый разъ,— снова заговорила молодая.—Въ такомъ случаѣ вы просто подойдите къ дежурному солдату, что стоитъ у воротъ дворца, и скажите ему, кто у васъ родился: мальчикъ или дѣвочка. Только всего...

— Да вы кто же такія будете?—спросилъ кузнецъ въ крайнемъ изумленіи.

— Я... я состою при государынѣ, — нѣсколько затруднилась молодая женщина. — Я — ея камерфрау... Ея горничная... Я скажу государынѣ... Такъ помните: подойдите къ дежурному и скажите ему... Прощайте...

Обѣ женщины снова заговорили между собою на своемъ языкѣ и направились къ выходу изъ кладбища. Младшая, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, еще разъ обернулась и ласково кивнула головою.

— Смотрите же, приходите... Не бойтесь ничего...

Дамы скрылись въ воротахъ. Вскорѣ за ними послѣдовалъ въ почтительномъ же отдаленіи и военный, стоявшій все время въ сторонѣ. Проходя мимо остолбенѣвшаго кузнеца, онъ внимательно и даже пытливо осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, но не сказалъ ни слова и затѣмъ и самъ скрылся въ тѣхъ же воротахъ.

V.

Черезъ два дня Дементій шелъ около полудня по улицамъ и переулкамъ, которые вели ко дворцу, и, повидимому, сильно волновался. Онъ то останавливался, какъ бы рѣшая вопросъ: итти дальше, или не итти, то нервно, чуть ли не бѣгомъ пускался впередъ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ цѣли, храбрость все болѣе и болѣе покидала его. Наконецъ, завидѣвъ дворецъ и дежурнаго солдата у воротъ, онъ такъ струсиль и упалъ духомъ, что даже повернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ. Но потомъ одумался, сдѣлалъ рукою жестъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Была — не была!..» и робко подошелъ къ дворцовымъ воротамъ...

— Служивый... Мнѣ тово... — заговорилъ онъ, чувствуя, что языкъ прилипаеъ къ гортани. — Маланьѣ, то есть... сына Богъ послалъ... Сказать велѣно...

Дежурный молча дернулъ за веревку отъ звонка, проведеннаго въ караулку. Изъ караулки тотчасъ же выпелъ старшой и, увидѣвъ Дементія, коротко спросилъ:

— Ты тотъ самый кузнецъ, что былъ на кладбищѣ?

— Я самый... Велѣно сюда прійти... — отвѣтилъ кузнецъ, чувствуя, что у него душа уходитъ въ пятки.

— Обѣ тебѣ приказано доложить. Ступай за мною.

Старшой ввелъ еле живого Дементія въ переднюю дворца и сказалъ что-то сидѣвшему здѣсь камеръ-лакею. Тотъ ушелъ съ докладомъ и черезъ двѣ или три минуты, въ теченіе которыхъ Дементій молился о томъ, чтобы разверзлась земля и поглотила его, вышла знакомая дама съ просѣдью.

— Ну, что? Какъ у васъ дома? Все ли благополучно? — спросила она.

У кузнеца немного отлегло съ души. Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Женѣ мальчонку Богъ далъ... Исаакиемъ назвали... Прислуга царицына приказала, чтобы я пришелъ сказать...

— Пойдемте, я васъ провожу къ этой самой прислугѣ,—улыбнулась дама.—Идите за мною.

Дементій прошелъ нѣсколько комнатъ съ трепетомъ и съ благоговѣніемъ, стараясь ступать на цыпочки. Въ пятой или въ шестой комнатѣ онъ увидѣлъ въ креслѣ ту самую молодую даму, которая назвалась на кладбищѣ горничной царицы и которая теперь что-то вязала тамбурнымъ крючкомъ.

— Здравствуйте, старый знакомый,—привѣтливо сказала она.— Вы хотите просить царицу, чтобы она крестила у васъ новорожденнаго?

— Именно, хочу, сударыня, да не смѣю... Мнѣ не для себя, а для младенчика... Чтобы живъ остался...

— Хорошо. Государыня изъявила согласіе стать вашей кумой.

— Ну?!—чуть не подпрыгнулъ отъ радости Дементій.—Да неужто же? Дай ей, матушкѣ, Богъ здоровья, ежели только вы правду говорите... А гдѣ же она сама, благодѣтельница, царица Лизавета Алексѣевна?

— Съ вами говорить сама государыня императрица,—отвѣтила дама съ просьбою.

Дементій, разинувъ ротъ, поглядѣлъ сначала на говорившую, потомъ на государыню, нѣсколько секундъ постоялъ въ остолбенѣніи, весь красный, какъ ракъ, и затѣмъ упалъ на колѣни.

— Матушка государыня, прости меня, человѣка темнаго... Можетъ быть, я что-нибудь не такъ сказалъ... А вѣдь я, глупый, и въ правду повѣрилъ, что ты—горничная... Вотъ грѣхъ-го... Не гнѣвайся, государыня матушка... Прости Христа ради, ежели...

— Встаньте,—сказала ласково императрица.—Когда крестины?

— Крестины? Какъ только кума отыщутъ,—отвѣтилъ кузнецъ.— Нужно такого найти, чтобы самобѣднѣйшій былъ. У меня есть одинъ такой на примѣтѣ—дурачокъ Вова.

— Недурная пара для императрицы,—вполголоса замѣтила старшая дама.

Елизавета Алексѣевна задумалась на минуту, но все-таки рѣшила, указавъ на свою собесѣдницу:

— Разскажите этой дамѣ, какъ васъ зовутъ, гдѣ вы живете и что нужно для крестинъ. Я не совсѣмъ здорова и вмѣсто меня крестить будетъ она... Въ метрическую книгу пусть запишутъ меня... Идите въ сосѣднюю комнату и сговоритесь...

VI.

Крестины состоялись. Въ тѣсной хаткѣ кузнеца Ковальчука на окраинѣ города набилось столько народу, что кладбищенскому попу и воспріемникамъ трудно было двигаться вокругъ купели. Огромная толпа наполняла небольшой дворикъ и стояла даже на улицѣ. Сосѣди и пріятели Дементія—кузнецы—окружили карету, въ которой пріѣхала изъ дворца пожилая дама, осматривали съ любопытствомъ шины на колесахъ и авторитетно рѣшали, что это—работа заграничная и что наши кузнецы «ни въ жисть» такъ колесъ не обтянуть.

Во время совершенія крестинъ у дьячка и у попа слегка дрожали голоса, такъ какъ они оба были увѣрены, что придворная дама доложитъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ каждую подробность ихъ богослуженія. Воспріемникомъ былъ невзрачный молодой малый съ туповатымъ лицомъ, но онъ велъ себя прилично и дѣлалъ все, что ему указывали. Кума подарила роженицѣ Маланѣ отъ имени императрицы два золотыхъ—одинъ ей самой, а другой—новорожденному. Ризки были богатыя и крестикъ—изъ чистаго золота съ надписью: «Спаси и сохрани». Сосѣди долго взвѣшивали его, подбрасывая на ладоняхъ, и не безъ доброжелательной зависти говорили:

— Пошлетъ же Богъ такое счастье...

Послѣ крестинъ, по обыкновенію, была вышивка и закуска. Кума, несмотря на усердныя упрашиванія, отказалась отъ угощенія и уѣхала, но священникъ, дьячокъ и дурачокъ-кумъ остались. Послѣ третьей рюмки священникъ сознался, что у него сильно дрожала «отъ духовнаго трепета» рука, когда онъ записывалъ въ метрическую книгу, что воспріемницею была сама ея величество благочестивѣйшая и всемилостивѣйшая государыня императрица Елизавета Алексѣевна...

— Первый разъ въ жизни такой необычайный случай,—говорилъ онъ.

Счастливый Дементій не чувствовалъ подъ собою ногъ, ходилъ тоголемъ и почтилъ своихъ пріятелей-кузнецовъ тѣмъ, что вынесъ имъ во дворъ графинъ водки. Ликованіе пошло неописанное, и въ толпѣ сотни разъ повторялось:

— Царица... Государыня-кума... Елизавета Алексѣевна крестила.

— Теперь младенецъ живъ будетъ, братцы мои,—ликовалъ счастливый отецъ.

За закуской послѣдовалъ обѣдъ съ дешевымъ сантуринскимъ виномъ. Развязались слегка языки, и священникъ спросилъ.

— Вотъ государыня тебя, Дементій, осчастливила; а чѣмъ ты отблагодаришь ее за оказанную тебѣ высочайшую милость?

— Это уже наше дѣло,—гордо отвѣтилъ кузнецъ.—Мы съ жинкой уже посовѣтовались и обдумали... Только бы дитѣ было здорово, а въ грязь лицомъ мы не ударимъ...

Черезъ недѣлю Дементій и оправившаяся Маланья въ праздничныхъ нарядахъ подошли къ воротамъ дворца. У кузнеца въ рукахъ былъ рожженный кулекъ, а у его жены на груди—новорожденный.

— Дай-ка, братъ, знать царцѣ-матущкѣ, что кумь пришелъ ее провѣдать,—храбро обратился онъ къ дежурному.

Супруговъ пропустили и ввели въ залу. Туда же вышли къ нимъ и государыня Елизавета Алексѣевна съ пожилой дамой.

— Дитѣ показать принесли, матушка-кума, твоего крестника,—обратился Дементій къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.—А это, не побрезгай, прими отъ насъ голову сахару и фунтъ чаю. Товаръ—первый сортъ... А это бутылочка сантуринаскаго—для здоровья... Ужъ такъ-то мы тебѣ благодарны, такъ-то благодарны...

Подарокъ былъ принятъ съ благосклонною улыбкою, и обласканная и счастливая чета весело пошла домой, унося въ карманѣ по червонцу...

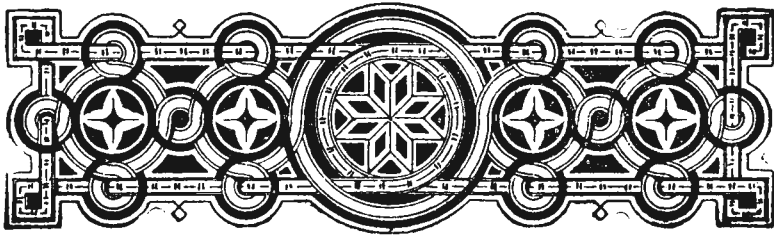
Событіе это еще болѣе укрѣпило вѣру въ доброту и доступность государыни и вызвало еще большія надежды и упованіе какъ среди русскаго, такъ и среди греческаго населенія Тагапрога. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Къ общему огорченію, государь Александръ Павловичъ скончался, и императрица Елизавета Алексѣевна покинула городъ, не узнавъ ровно ничего ни о «страннопріимномъ домѣ», ни о греческой больничкѣ, ни о благотворительной вспышкѣ аристократіи.

Исполнилось ли предсказаніе цыганки и остался ли въ живыхъ крестникъ императрицы,—преданіе умалчиваетъ.

А. Сѣдой.

ВОСПОМИНАНІЯ О В. П. ДАЛМАТОВѢ.

ВЪ СЕНТЯБРЬ текущаго года, по инициативѣ товарищей покойнаго Василя Пантелеймоновича Далматова по Александринской сценѣ М. Г. Савиной и особенно Вл. Ник. Давыдова предполагается чествованіе его памяти.

Желая поплнѣе нарисовать выдающуюся фигуру бывшаго премьера Александринскаго театра, я рѣшаюсь воспроизвести его образъ съ той именно стороны, которая особенно въ немъ цѣнилась,—именно со стороны его юмора, шутокъ и острословія. Въ этой способности Далматова рельефно выразилась его живая, энергичная натура.

Въ лицѣ Василя Пантелеймоновича Далматова (Лучичъ въ обществѣ) умеръ не только одинъ изъ весьма талантливыхъ русскихъ артистовъ-художниковъ, но и благороднѣйшихъ дѣятелей сцены, имя котораго не можетъ не занять почетнаго мѣста въ ряду другихъ славныхъ именъ. Онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу корифеевъ русской сцены.

Талантъ его былъ разнообразный, яркій, сочный, красочный, весь сотканный изъ блестковъ и вдохновеній. Внѣшность его была весьма представительная: крупный, плотный, коренастый, съ хорошо развитой грудью, онъ обладалъ богатыми голосовыми средствами и одно время даже пѣлъ въ опереткѣ.

Репертуаръ его былъ разнообразенъ. Онъ игралъ Гамлета, Фердинанда («Коварство и Любовь»), Карла Моора, Грознаго, Чацкаго,

Репетилова, Хлестакова, Кречинскаго, Несчастливцева, корнета Отлетаева, Мармеладова, Нерона, герцога Альбу, Наблоцкаго, Тарелкина («Смерть Тарелкина»), Петруччіо («Усмирение строптивой») и многія другія роли.

Мало того, онъ былъ великолѣпенъ въ чисто комедійныхъ пьесахъ, тамъ, гдѣ требовался юморъ.

Огромный талантъ, изумительная гибкость и удивительная работоспособность позволяли ему легко переходить отъ одной роли къ другой, несмотря на то, что онѣ бывали взаимно противоположны и весьма разнохарактерны.

Человѣкъ благородныхъ переживаній, изящный, джентльменъ въ душѣ и аристократъ по манерамъ, онъ былъ на русской сценѣ лучшимъ исполнителемъ «салонныхъ ролей».

Помимо этихъ способностей, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ былъ въ высокой степени находчивый и остроумный застольный ораторъ, великолѣпный собесѣдникъ, всегда и ко всѣмъ благожелательный. Его юморъ славился, но юморъ у него былъ излюбивый, задумчивый, дружескій, точно скорбящій о несовершенствахъ человѣческой природы.

Какъ товарищъ, онъ былъ предупредительнымъ и чуткимъ; точно также и учителемъ. Онъ былъ всегда другомъ молодежи—театральной и литературной. Гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ талантливаго молодого человѣка, онъ сейчасъ обогрѣвалъ его, ободрялъ и старался угадать, на что онъ способенъ.

Про одного молодого драматурга и теоретика сцены, печатавшаго свои статьи въ «Ежегодникѣ» императорскихъ театровъ, онъ говорилъ:

— Его представленія о монотеатрѣ, быть можетъ, и справедливы, но выражены-то они такъ туманно и неясно, что сердцевины не видишь и не знаешь, гдѣ ее искать. Не чувствуешь, чтобы онъ самъ ясно представлялъ себѣ свой монотеатръ, не чувствуешь, чтобы между его душой и его монотеатромъ было единство.

Вотъ что писалъ одинъ хроникеръ (А. Измайловъ) о Василіи Пантелеймоновичѣ Далматовѣ:

«Иногда нѣтъ ничего противнѣ актерства въ человѣкѣ, вѣчной позы, подъ которой не разсмотрѣть настоящей души и настоящего лица. Въ Далматовѣ это было наивно-мило, вѣяло отъ этого какой-то умирающей стариной, актерствомъ добраго стараго времени, романтикой и идеализмомъ забытыхъ сороковыхъ годовъ.

«Это было положительно стильно и прямо хорошо въ немъ, ибо это стало второй его натурой. И старый идеализмъ, юношескій энтузіазмъ, повышенность жеста, тона и мимики, трагическій смѣхъ или патетическое восклицаніе—все это стало подлиннымъ проявленіемъ его психики.

«Только совсѣмъ не знающему его человѣку, встрѣчающему его въ первый разъ, онъ могъ дать впечатлѣніе «зазнавшагося». О, этому человѣку было бы отъ чего заняться! Онъ вкусили отъ настоящей извѣстности и успѣха, и его голова могла иногда закружиться.

«Но Далматовъ не застался; въ компаніи ближайшихъ друзей, наединѣ, за столикомъ ресторана, въ его собственномъ уголкѣ — мы видѣли его совершенно такимъ же, разгорающимся, впадающимъ въ пафосъ, цитирующимъ Шекспира, покивающимъ головой и бющимъ себя въ грудь.

«Это была традиція, которую нести Далматовъ считалъ святымъ долгомъ актера, ибо слово «актеръ» для него звучало «гордо»: онъ былъ для него такой человѣкъ, какъ всѣ, и онъ {долженъ былъ доблестно и отлично отъ другихъ блюсти свое званіе.

«Кто зналъ Далматова, какъ артиста, лишь послѣдній десятокъ лѣтъ, кто не видѣлъ его лѣтъ пятнадцать назадъ, — тотъ не зналъ Далматова. Какой это былъ сочный, прелестный талантъ, буйный, здоровый, широко расплеснувшійся. Онъ жилъ на сценѣ, и надо было его видѣть среди стариковъ — Свободина, Сазонова, Левкѣвой и нынѣ здравствующихъ къ радости нашей — Давыдова, Варламова, Савиной, Стрѣльской.

«Веселье клокотало въ немъ и рвалось, кажется, даже помимо его воли. Поистинѣ онъ творилъ здѣсь же на сценѣ, можетъ быть, еще за минуту самъ не зная, какими огнями сейчасъ вспыхнетъ его молодой полнокровный талантъ.

«Въ роляхъ молодыхъ соблазнительей типа русскаго былиннаго Чурилы Пленковича онъ былъ прямо неподражаемъ. Это было, дѣйствительно, то воплощеніе красоты, молодости, силы, удалы, отъ котораго, по былинѣ, мужья умирали отъ ревности, подъ молотками дрожали заборы, а старыя старухи грызли костыли.

«Такимъ молодымъ, задорнымъ, смѣющимся самымъ искреннимъ смѣхомъ, — потому что ему самому было тогда весело, — я помню его въ «Укрощеніи строптивой», гдѣ онъ создалъ неподражаемой образъ красиваго и обаятельнаго укротителя Катарини.

«Какой же это былъ Хлестаковъ, какой Кречинскій, какой Агшинъ (въ «Женитьбѣ Бѣлугина»).

«Что-то случилось съ Далматовымъ въ послѣдніе годы.

«Уже чаще онъ не удовлетворялъ даже не очень строгимъ требованіямъ. Не было вдохновенія, исчезла простота. Какъ-то трагически выступали тона старой школы. Игра была продуманная, но иллюзія реализма таинственно отлетѣла отъ него навсегда.

«Судьба Писарева вставала въ памяти.

«Сильный, талантливый актеръ второй разъ переживалъ себя и свой талантъ.

«Годы революціи, крахъ идеализма, безотрадные идеалы новыхъ поколѣній, личные огорченія,—все это, видимо, ударило огненнымъ штемпелемъ прямо въ сердце Далматова. Просто какъ чело-вѣкъ, онъ какъ-то вдругъ растерялся, осѣлъ, состарился и погасъ.

«Послѣ возвращенія своего изъ послѣдней сибирской поѣздки, которая принесла ему бездну разочарованій, скорбѣлъ онъ не столько за себя, сколько вообще за актерскую судьбу, за актерскую кабалу у антрепренера, за поруганіе и оплеваніе искусства, которое для него было, дѣйствительно, святымъ, а кругомъ становилось лавочнымъ товаромъ.

«Въ этой тяжелой атмосферѣ новаго вѣка жить старому актеру становилось все труднѣе и труднѣе» («Биржевыя Вѣдомости», 15-го февраля 1912 года).

А еще ранѣе тотъ же авторъ говоритъ:

«Умеръ хороший, старый актеръ и славный, добрый, веселый чело-вѣкъ «Вася Далматовъ», какъ его звали всѣ, старъ и малъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе и зналъ его. А зналъ его буквально весь Петербургъ.

«Типичный актеръ стараго закала ушелъ съ добрымъ и вѣчно-памятнымъ Василиемъ Пантелеймоновичемъ,—старый актеръ, влюбленный въ сцену, влюбленный въ старыя преданія и старый театраль-ный обрядъ, хранившій ихъ такъ, какъ хранить старообря-децъ священный прапрадѣдовскій обрядъ вѣры.

«Ничего больше въ жизни не было для него выше этой великой любви, никакихъ иныхъ влеченій, никакихъ иныхъ воспоминаній. Театръ, актеръ и—больше ничего».

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ (Лучичъ) началъ свою артистическую дѣятельность въ Одессѣ, какъ любитель. Потомъ онъ мало-по-малу втянулся и сдѣлался профессиональнымъ акте-ромъ.

Затѣмъ онъ перекочевываетъ въ Москву, гдѣ входитъ въ «Част-ный Пушкинскій театръ», иниціаторшей котораго была г-жа Бренко. Затѣмъ переходитъ въ «Русскій театръ», впоследствии театръ Кор-ша, построенный Степановымъ и Липанозовымъ.

Здѣсь онъ пользовался исключительнымъ успѣхомъ у москви-чей до 1884 года. Появились «далматисты» и «далматистки» или «далматинки».

Знаменитый антрепренеръ Лентовскій хотѣлъ для него постро-ить театръ. Съ нимъ всѣ носились, даже самъ А. Н. Островскій.

Въ 1884 году онъ поступилъ, по приглашенію завѣдующаго ре-пертуаромъ А. А. Потѣхина, въ составъ Александринскаго театра.

Здѣсь онъ игралъ всѣ отвѣтственныя роли классическаго ре-пертуара: Гамлета, Эгмонта, Вильгельма Телля и другія, и роли со-временнаго репертуара. На казенной сценѣ Василій Пантелеймо-

новичъ не нашелъ должной оцѣнки со стороны непосредственнаго чиновнаго начальства.

Въ 1894 году при драматургѣ В. А. Крыловѣ, завѣдывавшемъ репертуаромъ Александринскаго театра, онъ покинулъ казенный театръ.

Драматическія пьесы В. А. Крылова, которыя, по преимуществу, и ставились, Василій Пантелеймоновичъ не цѣнилъ, не находилъ въ нихъ литературныхъ и сценическихъ достоинствъ и играть въ нихъ не считалъ для себя, какъ актера классическаго репертуара и традицій, возможнымъ. Отношенія лично съ В. А. Крыловымъ обострились. Въ результатѣ онъ не выдержалъ и ушелъ въ отставку. Поѣхалъ на гастроли въ Москву.

Черезъ годъ вернулся въ Петербургъ. Принялъ ближайшее участіе въ организаціи литературно-художественнаго кружка, впоследствии переименованнаго въ «литературно-художественное общество», и былъ выбранъ директоромъ «кружка». Театръ «кружка» началъ свои дѣйствія при содѣйствіи Василія Пантелеймоновича въ залѣ Кононова на Мойкѣ.

Когда въ 1895 году былъ основанъ, при главномъ содѣйствіи А. С. Суворина, свой театръ (Малый театръ), Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ сдѣлался въ немъ премьеромъ, выступивъ въ первый разъ въ своей лучшей роли трагическаго репертуара—Иоаннѣ Грозномъ («Смерть Иоанна Грознаго» Ал. Толстого), въ «Королѣ Лирѣ», въ «Макбетѣ», «Усмиреніи строптивой» Шекспира и т. д.

Въ 1901 году онъ опять былъ приглашенъ на императорскую сцену, выступивъ въ пьесѣ А. Н. Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ», въ роли Миловидова.

Съ тѣхъ поръ Василій Пантелеймоновичъ пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ у публики.

Помимо чисто артистической дѣятельности, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ не чуждъ былъ и писательства. Онъ написалъ, когда былъ помоложе, нѣсколько оригинальныхъ пьесъ: «Трудъ и капиталъ», «Бѣсъ корысти попуталъ», «Облава» и много другихъ, цѣлыхъ два тома. «Облава» ставилась на императорскихъ сценахъ, въ театрахъ Корша, Горевой, Федотова.

Наиболѣе интересная его книга, посвященная актерству и театральнымъ воспоминаніямъ, «По ту сторону кулисъ», была выпущена въ 1908 году и достойна большого вниманія.

Его перу принадлежитъ много фельетоновъ, рассказовъ и повѣстей изъ театральной жизни въ «Новомъ Времени», въ «Театрѣ и Искусствѣ», «Нивѣ», «Новомъ Мірѣ» и другихъ изданіяхъ.

Чтобы сказать, какъ велика была скорбь по этомъ человѣкѣ, когда только разнеслась вѣсть объ его смерти, достаточно помянуть, что многіе сильно плакали.

Въ этомъ отношеніи надписи на лентахъ вѣнковъ, присланныхъ на его гробъ, свидѣтельствуютъ о безграничной любви къ нему людей самыхъ различныхъ слоевъ.

Какъ нарочно, самой судьбой было назначено приютить его прахъ на Волковомъ кладбищѣ возлѣ его друзей—Григоровича и Тургенева.

Быль грустный, хмурый, холодный день. Падалъ снѣгъ, шелъ дождь... Пронеслся рѣзавшій лицо вѣтерокъ. Мы хоронили Василю Пантелеймоновича. Было очень грустно. Но когда свое слово сказалъ В. Н. Давыдовъ, то многіе заплакали.

Окачивая общій очеркъ о Василю Пантелеймоновичѣ Далматовѣ, мы хотимъ отмѣтить въ немъ, помимо рыцарства, джентльменства, доброты и аристократичности духа, еще одну черту, не отмѣченную его биографами.

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, въ своемъ преклоненіи передъ женщинами, былъ вполне европеецъ, былъ воплощеніемъ благородныхъ традицій испанскаго гранда донъ-Жуана и былъ имъ вполне безсознательно, инстинктивно. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ былъ донъ-Жуаномъ въ высшемъ, прекрасномъ значеніи этого слова. Его умѣнье одѣваться, укрѣплять свой организмъ, свои артеріи и мускулы, быть всегда физически здоровымъ, до щепетильности опрятнымъ, со всеми обмываніями и обтираніями, было потребностью вложеннаго въ него пачала—европейца донъ-Жуана, смотрящаго на себя, какъ на рыцаря, и на женщину, какъ на даму, а не какъ на предметъ только своихъ буйныхъ страстей. Въ этой-то его чертѣ и нужно искать основанія, почему онъ отдавалъ женщинѣ «все лучшее соки» своего сердца.

Во многихъ роляхъ, гдѣ нужно было играть барина, эта его черта чрезвычайно отѣнена. Онъ въ самомъ себѣ, путемъ длительного процесса, путемъ долгой работы надъ собой выработалъ, вычеканилъ, какъ чеканять и шлифуютъ алмазъ, превращая въ бриллиантъ, эти черты донжуанства, рыцарства и джентльменства.

Чтобы еще болѣе понять, какъ онъ былъ дорогъ своимъ друзьямъ, можно привести два факта.

По какому-то случаю, желая отмѣтить какой-то счастливый день жизни Василю Пантелеймоновича, его друзья въ складчину поставили ему въ квартиру телефонъ. Онъ объ этомъ не зналъ и былъ очень пораженъ, когда услышалъ въ своей квартирѣ звонокъ телефона.

Второй случай совершился послѣ его смерти.

Неизвѣстный другъ выкунилъ все векселя Василю Пантелеймоновича, оставшіеся послѣ него, на сумму около семи тысячъ рублей.

Эти два маленькихъ, на первый взглядъ, штриха могутъ свидѣтельствовать, что Василю Пантелеймоновичъ былъ способенъ внушать къ себѣ глубокую и искреннюю любовь.

Заканчивая предисловіе, я не могу не сказать, что многіе, въ томъ числѣ и драматургъ А. Н. Островскій, пріятель Василя Пантелеймоновича, говорили, что Василій Пантелеймоновичъ—Несчастливцевъ, и что будто бы онъ съ него писалъ своего Несчастливцева. Однако смерть его не была смертью Несчастливцева. Онъ умеръ хорошо, въ шесть дней. Умеръ, точно подрубило стебель, точно срѣзана вѣтка. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ сломался, какъ ломаются сучья, здоровые, крѣпкіе, никогда не болѣвшіе сучья, безъ предварительнаго процесса стниванія. Въ нѣсколько дней. Развѣ такъ умираютъ Несчастливцевы?

Помимо этого, Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ умеръ во-время, умеръ въ репертуарѣ, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Я не могу себѣ представить Василя Пантелеймоновича безъ роли, безъ игры, безъ театра. Я не могу представить себѣ его «бывшимъ» актеромъ, гдѣ-нибудь въ богадѣльнѣ, въ больницѣ или на пенсіи. Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ и театръ были слиты воедино. Онъ умеръ гордо, на своемъ актерскомъ посту, умеръ, интересуясь актеромъ, репертуаромъ Александринскаго театра, и, передъ уходомъ въ неизвѣстную вѣчность, призывалъ къ себѣ протиться одно изъ плѣнительныхъ именъ русской сцены и его старыхъ товарищѣй—Марію Гавриловну Савину.

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ умеръ во-время, умеръ не старый духомъ, сильный и бодрый, умеръ на посту, какъ умираетъ часовой.

Мое знакомство съ Василюмъ Пантелеймоновичемъ Далматовымъ случилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Десять лѣтъ тому назадъ я получилъ однажды письмо. По почерку я никакъ не могъ узнать, кто мнѣ пишетъ. Почеркъ ровный, красивый, съ симметричными возвышеніями и пониженіями и твердымъ нажимомъ пера въ заглавныхъ буквахъ и въ росчеркѣ. Среди многочисленныхъ моихъ корреспондентовъ—литературныхъ и научныхъ—никто не имѣлъ такого своеобразнаго почерка. Я вскрылъ. На визитной карточкѣ значилось:

«Василій Пантелеймоновичъ

Далматовъ

привѣтствуетъ юнаго друга старой науки юриспруденціи, желаетъ съ нимъ познакомиться и видѣть его не въ торжественной обстановкѣ визита, а въ скромной обстановкѣ обѣда завтра у него дома».

Прочитавъ это приглашеніе, я улыбнулся. Меня озадачилъ стиль. Но затѣмъ чувство глубокой радости мною овладѣло. Я никакъ не могъ уяснить, почему Далматовъ, самъ Далматовъ, пишетъ мнѣ первый, зоветъ къ себѣ. Приходя въ Александринскій театръ, среди великихъ стариковъ современной русской сцены—Савиной,

Давыдова, Варламова, я восхищался монументальностью Далматова, его глубокой проникновенностью, баритональными тонами его голоса, его ясной четкой и дикцией, его удивительным гримомъ, его способностью создавать роль на сценѣ.

В. П. Далматова я видѣлъ неоднократно въ Маломъ театрѣ (театрѣ литературно-художественнаго общества, въ Новомъ театрѣ Лидіи Борисовны Яворской (княгини Барятинской), въ пьесахъ мужа которой князя Владимира Владимировича Барятинскаго, особенно въ «Карьерѣ Наблюдкаго», такъ хорошъ былъ Василій Пантелеймоновичъ, а затѣмъ въ Александринкѣ.

Сценическій образъ былъ достаточно опредѣленный и ясный,—образъ большого актера, полного глубокихъ художественныхъ переживаній, живущаго театромъ и сценой и думающаго думами театра и сцены. Театръ и сцена были слиты въ моемъ представленіи въ одно цѣлое съ Далматовымъ. Это было бронзовое скульптурное изваяніе, гдѣ стоялъ В. П. Далматовъ среди своихъ сценическихъ друзей, возвышаясь между ними, на подмосткахъ, внизу женщины и люди, справа Александринка въ колоннахъ, такая тусклая, не окрашенная и скучающая, а надъ Далматовымъ безоблачное, чистое небо—небо незатемненное, небо русскаго драматическаго искусства. Для меня онъ былъ высокъ и недосыгаемъ и въ дымокъ романтической дали онъ моему юному воображенію не представлялся человѣкомъ обиденнымъ, человѣкомъ каждодневной человѣческой пошлости, а человѣкомъ, поднимающимся надъ этой пошлостью въ высоту незатемненнаго русскаго драматическаго искусства, гдѣ онъ что-то постоянно созидалъ въ душѣ. Онъ былъ для меня большой человѣкъ, какъ весьма большіе люди для меня Савина, Варламовъ и Давыдовъ. У меня передъ ними преклоненіе въ духѣ, и когда я ихъ увижу на сценѣ, я освѣжаюсь, очищаюсь, на душѣ становится яснѣе. Такова уже моя психологія. Таково дѣйствіе настоящаго искусства.

И вдругъ этотъ большой человѣкъ мнѣ пишетъ.

Вечеромъ того же дня все разъяснилось.

Я получилъ письмо отъ моего брата, друга покойнаго Модеста Ивановича Писарева, у котораго въ 1886—1887 гг. живалъ подолгу Василій Пантелеймоновичъ. Братъ мнѣ писалъ, что онъ на этихъ дняхъ написалъ В. П. Далматову обо мнѣ, съ указаніемъ всѣхъ моихъ научныхъ студенческихъ заслугъ, и просилъ его облазкаты меня и что, по всей вѣроятности, онъ, въ силу ихъ давнишнихъ пріятельскихъ отношеній, позоветъ меня къ себѣ.

Приглашеніе Василя Пантелеймоновича предупредило извѣщеніе меня братомъ. Это было деликатно и тонко.

Я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе въ область отношеній моего старшаго брата съ М. И. Писаревымъ и В. П. Далматовымъ.

М. И. Писаревъ очень цѣнилъ молодого артиста-фата, донъ-Жуана и въ то же время, по капризу дарованія, настоящаго москвича-бытовика, исполнителя репертуара Островскаго. М. И. Писаревъ очень дружилъ съ старыми и молодыми писателями и поэтами, любилъ бывать въ ихъ кругу и звалъ ихъ къ себѣ. Неоднократно онъ зааживалъ къ старому и строгому литературному критику, другу самобытника-славянофила Аполлона Григорьева, философу Н. Н. Страхову, съ которымъ частенько у него бывали «умственные» споры. Н. Н. Страховъ весьма цѣнилъ М. И. Писарева, какъ умнаго и вдумчиваго артиста, проницательнаго и проникновеннаго исполнителя ролей и остроумнаго человѣка. Н. Н. Страховъ цѣнилъ въ М. И. Писаревѣ артиста, свято хранящаго классическія традиціи русскаго театра, не измѣняющаго имъ никогда и внушающаго всѣмъ, его окружающимъ, любовное, бережное отношеніе къ святынямъ русскаго драматическаго искусства.

Еще былъ одинъ человѣкъ, къ которому весьма тяготѣлъ М. И. Писаревъ, это—профессоръ петербургскаго университета по кафедрѣ русской литературы, знаменитый Орестъ Федоровичъ Миллеръ. Тутъ многое почерпалъ для себя Модестъ Ивановичъ.

И у Н. Н. Страхова, и у О. О. Миллера бывала молодежь, какъ университетская, такъ и литературная. Мой братъ былъ весьма близокъ къ обоимъ и особенно къ Н. Н. Страхову.

Тутъ онъ познакомился съ М. И. Писаревымъ, который весьма благорасположился къ моему брату и просилъ его «бывать, наставлять и вести умственные споры и разговоры». Братъ тотчасъ же пошелъ на зовъ. Тутъ-то онъ и встрѣтилъ В. П. Далматова.

Вскорѣ всѣ трое подружились.

Мой братъ, кромѣ того, что кончалъ въ то время университетъ, успѣшно заканчивалъ консерваторію по классу рояля. Его игру слышалъ Антонъ Рубинштейнъ, который весьма одобрялъ его технику и его туше. Въ часы томленій и душевныхъ волненій Н. Н. Страхова мой братъ игралъ ему, садясь за рояль безъ приглашеній, и старикъ цѣловалъ его въ благодарность за то, что онъ разсѣвалъ его грусть.

Писаревъ же просто говаривалъ:

— Садись, братъ Дмитрій, за эту самую рояль и хвати намъ одну порцію Бетховенской сонаты съ громомъ, съ молніей, съ испугомъ маленькаго немошнаго человѣка передъ дикими, могучими, великими красотами міра. Ударъ перстами, ударъ и извлеки изъ звуковъ великія силы.

Мой братъ садился и игралъ. Вѣроятно, игралъ такъ, какъ нужно было душѣ Модеста Ивановича, потому что послѣ этого онъ говаривалъ:

— Ну, вотъ и благодарю... Спала съ души тяжесть, возродился, очистилась душа. Я—есмы теперь человѣкъ. Что думаешь ты, братъ Василій?..

— Нынѣ отпускаеши раба твоего съ миромъ...—отвѣчалъ Василій Пантелеймоновичъ,—нынѣ же безотлагательно приступающаго къ водкѣ и закускамъ.

Встрѣчи моего брата съ М. И. Писаревымъ и В. П. Далматовымъ за время 1886—1887 гг. были весьма часты. Кажется, въ 1887 г. у Василя Пантелеймоновича была уже своя небольшая квартира (П. П. Гнѣдичъ говорилъ мнѣ, что она была на Надеждинской ул.), въ которой она устраивалъ холостецкіе обѣды и завтраки съ «красивѣйшими женщинами окружающаго (его) міра, чистыми и непорочными». До 1887 г., т-е. почти три года, съ 1884 г., Василю Пантелеймоновичу очень много работалъ надъ ролями, весьма цѣня свое положеніе артиста Александринской сцены.

Мой братъ былъ привлекаемъ на эти пирушки, по рекомендаціи Василя Пантелеймоновича, какъ «ученикъ честнаго славянофила Н. Н. Страхова и великаго учителя русской литературы Ореста Федоровича Миллера».

— Вы съ нимъ поговорите!—рекомендовалъ онъ.—Умная голова, обучить, разъяснить, направить и противорѣчія любить. При этомъ ярко и сочно.

А «красивѣйшимъ женщинамъ окружающаго міра» онъ говорилъ:

— Вы его обласкайте, онъ очень скромнъ и съ женщинами боязливъ. Всѣ ученые таковы. Но онъ тонко чувствуетъ пластическую красоту женщинъ, преклоняется передъ ними, любитъ преимущественно чистыхъ и непорочныхъ, но боится ихъ, такъ какъ ученые не умѣютъ обращаться съ такимъ хрупкимъ и нѣжнымъ матеріаломъ, какъ женщины. О, женщины! сколько нужно тонкости и хитрости, мягкости и нѣжности, дальновидности и ласки, чтобы овладѣть вашимъ многообъщающимъ и многообманывающимъ сердцемъ. О, Донъ-Жуанъ, какъ я завидую твоимъ лаврамъ!

На такихъ пирушкахъ мой братъ игралъ частенько на рояли, аккомпанируя молодымъ «красивѣйшимъ женщинамъ окружающаго міра».

Затѣмъ мой братъ уѣхалъ изъ Петербурга на службу въ Варшаву, затѣмъ на Кавказъ, въ Тифлисъ, М. И. Писаревъ остался въ Петербургѣ, переписываясь съ братомъ, В. П. Далматовъ уѣзжалъ съ трупами во внутреннія губерніи Россіи и тамъ игралъ.

Тѣмъ не менѣе отношенія не прерывались.

Когда В. П. Далматовъ пріѣзжалъ на гастроли въ Тифлисъ, то ему была подготовлена мѣстнымъ обществомъ восторженная встрѣча по инициативѣ брата. Тѣ дни они не разлучались.

Въ воскресеніе я былъ у Василя Пантелеймоновича въ его квартирѣ. Было начало пятаго. Пришелъ драматургъ, полковникъ Туношенскій.

Въ семейной обстановкѣ сѣли обѣдать. Удивительное гостепріимство. Со мной велась бесѣда на литературныя темы, съ Туношенскимъ—на театральныя. Домашній хлѣбъ, который онъ такъ любилъ, его не удовлетворилъ; точно также недостаточно поджаристый поросенокъ... Онъ немного ворчалъ...

Съ этого дня мы видѣлись съ Василюмъ Пантелеймоновичемъ весьма часто. Онъ повѣрялъ мнѣ свои дѣла, свои планы, свои сомнѣнія и разочарованія. Разница лѣтъ не давала себя чувствовать. Духъ у него былъ всегда молодой. Могучій, бурный темпераментъ иной разъ прорывался, и онъ едва сдерживалъ себя отъ негодованія противъ людей, «попирающихъ ногами грубо, безразсудно свѣтлые идеалы любви, братства и добраго единенія». Онъ всегда имѣлъ въ виду конкретныхъ людей и конкретныя событія, антрепренеровъ и дѣльцовъ, артистовъ и режиссеровъ. Всѣ эти бурные филиппики не выносились далѣе нашихъ комнатъ... Я молча ихъ встрѣчалъ. Я зналъ, что Василю Пантелеймоновичу надо выкрикаться, высказаться, выгнать въ бурныхъ тонахъ свой гнѣвъ, свое негодованіе, отойти и черезъ минуту онъ снова будетъ остроуменъ и деликатенъ. Онъ станетъ снова произносить свои рѣчи, вдумчивыя, примиряющія и ободряющія. Онъ станетъ вновь оглядываться по комнатѣ и спросить:

— Вѣдь, никто не слышалъ, какъ я сердился. Не столько сердился, сколько голосъ, баритональные тона... даешь тонъ. Сердце-то нисколько не трогается, сердце не сердится: оно вполне спокойно... А вотъ голосъ, тотъ показываетъ свою силу, свою мощь. А сердце спокойно. Оно глядитъ на правыхъ и безправныхъ съ высоты своей мудрости.

— А когда играешь, когда творишь роль?—спросилъ я.

— Э, чего захотѣлъ! роль—великое дѣйствіе актера, постоянное и сосредоточенное думаніе... Если сердце не сольется съ ролью, умъ не откроетъ логическаго содержанія роли, и воображеніе, фантазія не представитъ самому актеру образъ, въ которомъ должна быть вычеканена роль, и все-это не будетъ согрѣто любовью актера къ роли и къ автору, то актеръ не артистъ, не художникъ, а ремесленникъ. Ему надо бѣжать со сцены и признаться самому себѣ, что онъ ошибся въ избранной профессіи. О, сколькимъ слѣдовало бы уйти съ подмостковъ русской сцены! О, какъ бы слѣдовало расчислить ниву русской сцены! Какъ надо работать много и сосредоточенно работать надъ собой и въ самомъ себѣ, чтобы сдѣлаться артистомъ, художникомъ! Трудное дѣло.

— Это неправильно,—возразилъ я:—неправильно потому, что и среди ремесленниковъ, положимъ, самаго механическаго цеха—портныхъ и сапожниковъ, есть художники, умѣющіе выкроить такъ, что вашъ сюртукъ или ботинокъ легки, красивы и изящны, и если бы не было въ ходу неуклюжихъ, плохо сшитыхъ сюртуковъ

и ботинокъ и всё бы хорошо кроили и шили, такъ не было бы возможности, по закону контрастовъ, дѣлить ихъ на дорогихъ и дешевыхъ, на художниковъ и ремесленниковъ. Законъ контрастовъ, свѣтъ и тѣнь природы есть стимулъ къ совершенствованію. Безъ этого искусство погнбло бы.

— Не понимаю ремесленниковъ въ искусствѣ, — говорилъ В. П. — Искусство — святая пристань, къ ней нельзя причаливать каждому, какъ и входить въ рай. Я не требую, чтобы всё, играющіе на сценѣ, были великими создателями ролей, но требую, чтобы актеръ превращался въ артиста, въ художника, въ толкователя роли, кто, какъ и сколько можетъ, сообразно своей индивидуальности. Я требую слиянія души актера съ ролью, я требую единства. Всякій актеръ обязанъ, если онъ хочетъ быть артистомъ, художникомъ, бережно прикасаться къ созданію писателя, не оскорблять его, не умалять и не унижать... Я говорю, конечно, только о такихъ сценахъ, гдѣ нѣтъ сцѣпки и суетни, гдѣ каждому обозначено его мѣсто въ труппѣ и въ репертуарѣ, гдѣ каждому предоставлено время творить, а не покрывать хищническіе аппетиты антрепренеровъ быстрой смѣной пьесъ... О, еще много дѣла для упорядоченія русской сцены и устройства русской театральной братіи... Много дѣла... непочатый кругъ... — и Василій Пантелеймоновичъ куда-то ушелъ мыслями въ даль, и глаза его загорѣлись блескомъ мудрости...

Подобные разговоры велись часто. Высказанныя имъ мысли являлись его задушевными, затаенными мыслями. О нихъ онъ говорилъ серьезно, и при этомъ его глаза, эти пронизывающіе, проникающіе въ человѣка глаза не мерцали, какъ это было у него всегда, когда онъ одушевлялся, а горѣли блескомъ и смотрѣли куда-то далеко, туда, гдѣ будетъ созданъ идеальный русскій театръ.

Послѣдніе три года Василій Пантелеймоновичъ весь былъ проникнутъ желаніемъ создать настоящій народный театръ въ Петербургѣ. Съ этой цѣлью, со свойственной ему осторожностью, зондируя почву у отдѣльныхъ гласныхъ петербургской городской думы, съ которыми онъ встрѣчался въ литературно-художественномъ обществѣ и въ другихъ мѣстахъ, онъ мечталъ о постройкѣ большого «народнаго городского театра», гдѣ шла бы только драма, гдѣ было бы все образцово и дешево, на мѣстѣ цирка Чинизелли, который долженъ перейти къ городу за истеченіемъ контракта.

Тутъ предполагалось весьма сложная коммерческая комбинація.

Городъ едва ли далъ бы денегъ для народнаго театра, а если бы и далъ, то въ недостаточномъ количествѣ, и Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, въ своихъ планахъ, это обстоятельство учитывалъ. Онъ имѣлъ въ виду получить только стѣны и мѣсто цирка Чинизелли, а капиталы онъ думалъ найти въ Москвѣ.

И дѣйствительно! Когда весной 1910 года онъ возилъ въ Москву «Шантеклера» съ труппой Малаго театра (литературно-художествен-

ственного общества), то въ моемъ присутствіи Василию Пантелеймоновичу предлагали на это дѣло предварительно 600.000 рублей. Такъ какъ мы жили съ Василиемъ Пантелеймоновичемъ въ одномъ номерѣ, поодаль отъ насъ жилъ Б. С. Глаголинъ съ женой, а еще далѣе Кондратъ Николаевичъ Яковлевъ, и я состоялъ у Василя Пантелеймоновича не только на амплуа «юнаго друга», но и секретаря, и юрисконсульта, а, главное, совѣтчика, то естественно, что Василій Пантелеймоновичъ не счелъ для себя возможнымъ не освѣдомить меня о предстоящемъ визитѣ «дѣловыхъ людей».

Фамиліи «дѣловыхъ людей» я не уполномоченъ открывать, они москвичи. Ихъ было двое. Одинъ изъ нихъ и говорить:

— Слышали мы, Василій Пантелеймоновичъ, что думаете вы создать народный театръ. Мы пойдемъ на это дѣло. Сколько нужно?

Я посмотрѣлъ на Василя Пантелеймоновича и увидѣлъ, что онъ уже вооружается юморомъ: глаза пріобрѣтаютъ веселый блескъ и заостриваются на собесѣдникахъ, губы немного скосились и сжались.

— Денегъ нужна большая куча,—сказалъ Василій Пантелеймоновичъ.—Руками не обхватишь...

— Москва васъ любить,—сказали «дѣловые люди»:—достанемъ, сколько можемъ, только бы вы не отрекались отъ дѣла. Стойте твердо и ведите его. Мы имѣемъ 600.000 на это дѣло.

Василій Пантелеймоновичъ уже совсѣмъ весело посмотрѣлъ на собесѣдниковъ и сказалъ:

— Ничего не сдѣлать. Мой планъ—большой. Театръ долженъ быть оборудованъ по послѣднему слову сценической механики, съ разными техническими приспособленіями, и при томъ это будетъ театръ, преслѣдующій не только высшія сценическія и литературныя цѣли въ драмѣ, но и учебное, педагогическое учрежденіе. Мой театръ долженъ учить правдѣ, добру, жизни, вѣрѣ въ Россію, любви къ ней, долженъ пробуждать лучшія чувства и благороднѣйшія инстинкты. Мой театръ долженъ быть доступенъ всѣмъ... По нашимъ подсчетамъ, на это дѣло надо не менѣе полутора миліона... Собственно говоря, это дѣло города, а не частнаго лица, но, вѣдь, вы сами, чай, слышали, изъ кого состоитъ самоуправленіе города Петербурга. Для искусства у него ничего не добыть.

«Дѣловые люди» призадумались. Во всякомъ случаѣ Василій Пантелеймоновичъ не отказался отъ ихъ предложенія, и визитъ закончился завтракомъ въ «Метрополѣ».

Такимъ образомъ, Василій Пантелеймоновичъ уже имѣлъ базу для этого дѣла.

Основаніемъ стремленія Василя Пантелеймоновича создать въ Петербургѣ народный театръ было то, что «Народный домъ» съ его «нехудожественной уличной обстановкой» его не удовлетворялъ.

— Театръ—храмъ,—говаривалъ Василій Пантелеймоновичъ.—Въ немъ надо сохранять благоговѣніе и тишину. У насъ и храмы не

умѣютъ строить... Въ нихъ холодно и неуютно, въ нихъ все громоздко. Въ храмѣ должно быть уютно и тепло. Храмъ—единственное мѣсто, гдѣ бездомному и оскорбленному человѣку оказываются радушіе и гостепримство, не спрашивая платы за пропускъ. То же и театръ. Разница лишь та, что въ театрѣ за пропускъ надо платить, нельзя входить въ него въ грязныхъ сапогахъ, съ невымытыми руками и лицомъ. Можете войти въ короткихъ залатанныхъ брюкахъ, въ бѣдномъ пиджакѣ, но предварительно счистите пыль, освободитесь отъ грязи.

Вторымъ желаніемъ Василя Пантелеймоновича было уйти съ Александринской сцены. Онъ усталъ.

— Нѣтъ репертуара,—говорилъ Василій Пантелеймоновичъ:— старое... Да и потомъ хочется оставить послѣ себя память чѣмъ-нибудь. Театральная школа, которая создана въ честь одного изъ выдающихся самобытныхъ гениевъ русской журналистики и драмы—Алексѣя Сергѣевича Суворина, будетъ первой ступенью практической школы, а второй—долженъ быть «народный городской театръ», а третьей и послѣдней будетъ императорскій театръ. Но для моей труппы не будетъ необходимости уходить на императорскую сцену, такъ какъ мы создадимъ не только для труппы, но и для всѣхъ служащихъ ссудо-сберегательныя кассы, страхованіе жизни отъ болѣзней, пенсіи и т. д., то именно, чего нѣтъ на казенной сценѣ и что единственно только и обезпечиваетъ дѣятелей сцены, а моральное удовлетвореніе артистѣ получить у насъ, такъ какъ публика одна и та же. Такъ какъ городъ есть учрежденіе правительственное, то для служащихъ въ «народномъ городскомъ театрѣ» будутъ выхлопотаны права службы, какъ и на императорской сценѣ. При бюро нашего театра будутъ состоять писатели—старые и молодые, особенно молодые, которые должны будутъ изучать сценическія свойства артистовъ, ихъ манеру играть и ихъ внутреннія качества, ихъ психологію. Благодаря такому пониманію актеровъ, писателямъ, талантливымъ и вдумчивымъ, будетъ легко создавать свои произведенія. Не надо подгонять свое писательство подъ талантъ, не надо преклоняться предъ талантомъ артиста, не надо его идеализировать, но надо понять артиста, надо угадать, на какія возможности онъ способенъ, и въ дружной, совмѣстной работѣ надо вести искусство до грани совершенствованія.

При этомъ все лицо Василя Пантелеймоновича, бритое, бронзовое, съ толстыми чувственными губами, съ большимъ характернымъ лбомъ, озарялось свѣтлыми лучами, точно онъ, въ дѣйствительности, видѣлъ предъ собой эту грань совершенствованія. Идеальное будущее рисовалось его воображенію, какъ фактъ.

Насколько онъ жилъ судьбами дѣятелей русской сцены, особенно провинціальныхъ, часто голодающихъ и обездоленныхъ, могутъ рассказать тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ долгіе годы засѣдалъ въ импе-

раторскомъ театральномъ обществѣ. Чаще всего къ нему обращались лично. Однажды, когда мы возвратились къ нему на квартиру, то мы увидѣли, что корреспонденція едва протискивается въ его почтовый ящикъ.

Я говорю:

— Изобиліе плодовъ...

— Ну, нѣтъ, изобиліе просителей, думающихъ, что у меня много плодовъ...

Передъ обѣдомъ онъ началъ раскрывать письма—изъ Томска, изъ Юрѣва, изъ Новочеркасска, изъ Николаева, изъ Одессы артисты просятъ помощи.

— Что я могу сдѣлать?.. Нужда велика, я знаю, но не могу же я всѣхъ содержать, силъ не хватитъ... Эти бѣдняки думаютъ, что если ты добрался до дверей Александринскаго театра, то ты уже облагодѣтельствованъ судьбой, ты купаешься въ золотѣ. Наивные! Они не поймутъ, что казенная сцена эксплуатируетъ артиста-художника.

— Что дастъ мнѣ казенная сцена? Ровно ничего... Развѣ она оцѣниваетъ людей? Каковы ея отношенія къ благороднымъ труженикамъ образцовой сцены? Какимъ словомъ назвать? Сплошной грабежъ... Провинціальная сцена, турнэ по провинціи дадутъ мнѣ въ десять разъ больше... И еще смѣются! говорятъ:—послужишь, подлець, вѣдь никто такъ аккуратно не платитъ, какъ казенный театръ, хороший честный плательщикъ, да потомъ, ежели ты особенно захочешь отличій, такъ мы тебѣ выхлопочемъ почетное гражданство, если ты изъ крѣпостной зависимости, а ежели дворянинъ, то ничего не выхлопочемъ. А золотые часы съ орломъ хочешь или запонки съ маленькимъ бриллиантомъ и маленькими саффирами?! Не хочешь?.. Ну, такъ все равно дадимъ... Все-таки заложить можно. Пожалуй, дадутъ тебѣ заслуженнаго... Заслуженный, это что же, старикъ, что ли?! Мнѣ лучше умереть, чѣмъ заслуженный... Казенная сцена не возвысилась до сихъ поръ до пониманія, что артисты казенной сцены не актеры, а творцы, созидатели сцены, ея культурные работники, что они—дѣятели сцены, какъ бываютъ дѣятели городскіе, общественные, политическіе, и что не будь этихъ дѣятелей сцены, не было бы такого качества, какъ теперь, казенной сцены. Что суть вся въ нихъ, въ этихъ дѣятеляхъ сцены, а совѣтъ не въ тѣхъ, кто управляетъ этими дѣятелями сцены. И, тѣмъ не менѣе, меня грабятъ, вотъ уже лѣтъ двадцать.

— Такъ, Василій Пантелеймоновичъ, я не пойму, зачѣмъ было стремиться на казенную сцену, особенно такимъ большимъ, крупнымъ сценическимъ дарованіемъ, какъ вы?! Вѣдь погибаютъ маленькіе таланты, а большихъ не преборешь. Даже жизнь, со всѣми радостями, лишеніями предъ ними не властна.

— Вѣрно... Но не слѣдуетъ забывать: фирма хороша. Затѣмъ Петербургъ, видимая культурность, женщины, книги, писатели, какое-то необъяснимое очарованіе большого, постоянно кипящаго города. Истомился я по культурѣ; по образованности и свыкъся съ ней. Не могу же я, какъ въ былые годы, сегодня быть въ Кашинѣ, завтра въ Пензѣ, черезъ недѣлю въ Бердянскѣ, гдѣ будетъ на афишѣ выведено полуаршинными буквами: «пріѣхалъ на гастроли всеобщій любимецъ знаменитый драматическій актеръ NN, удостоенъ былъ пріема румынскимъ королемъ и занзибарскимъ султаномъ». Прежде это вранье было даже забавно, хотя и заставляло меня краснѣть, но теперь это противно, органически противно это шарлатанство, мелкое жульничество съ довѣріемъ публики. Однажды, впрочемъ, я сильно разсердился; это было лѣтъ тридцать назадъ. Я разсердился на антрепренера за то, что онъ превратилъ меня въ кавалера какихъ-то орденовъ и въ друга какихъ-то королей. Наканунѣ только я пріѣхалъ въ этотъ городъ. Поѣхалъ въ театръ. Читаю афишу и глазамъ не вѣрю. Позвалъ къ себѣ антрепренера и говорю:

— Пришли ко мнѣ, братецъ мой, отпечатанныя афишки.

— Затѣмъ?

— Да пришли, говорю! Узнаешь!

— Весь запасъ?

— Весь запасъ.

— Ничего не понимаю!—и пожалъ плечами.

Прислалъ 1000 штукъ. Я далъ себѣ трудъ и разорвалъ ихъ пополамъ. Послалъ ему ихъ съ посыльнымъ на другой день, рано утромъ.

Онъ прилетѣлъ ко мнѣ блѣдный, смущенный.

— Что ты сдѣлалъ со мной? У меня нѣтъ афишъ для расклейки. Зарѣзалъ безъ ножа.

— Закажи. Напечатають.

— Я закажу за твой счетъ...

— Что-о! да ты, братецъ, съ ума сошелъ!—и я такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что всѣ чашки и стаканы полетѣли:—я тебѣ, братецъ, не фокусникъ, не Робертъ Ленцъ, а русскій драматическій артистъ, волей Божьей артистъ и съ королями въ дружбѣ не состою. Я, братецъ, голодалъ, по шпаламъ ходилъ, послѣднія брюки закладывалъ, но фокусникомъ не былъ и въ дружбу ни къ кому не лѣзь. Я—русскій артистъ, и больше ничего. Большимъ трудомъ я достигъ этого званія, постоянной напряженною работою надъ собой, постояннымъ, напряженнымъ думаніемъ надъ тѣмъ, затѣмъ я рожденъ и призванъ въ міръ. Я, братецъ мой, артистъ, а не шутъ, и играть съ довѣрчивостью милой, наивной русской публики тебѣ не совѣтую. Не слѣдуетъ обманывать дѣтей. Ихъ надо приласкать, погрѣть. Погрѣй ихъ, братецъ, талантомъ, теплотой и лаской твоего вдохновенія, а не шангажомъ, не пустой рекламой. Я не желаю

участвовать въ шантажѣ и тебѣ, братецъ, не совѣтую. Спроси Семенова-Самарскаго, онъ мой нравъ знаетъ. Я непреклоненъ и твердъ. А теперь я тебя, братецъ, не задерживаю, ты можешь дѣйствовать.

— И что же, ушелъ?—спросилъ я.

— А что ему было дѣлать? Ушелъ... Вѣроятно, мой видъ ему не понравился и мало внушалъ довѣрія за мирный исходъ нашей пріятельской бесѣды.

Пошли обѣдать... Какъ всегда, Василій Пантелеймоновичъ подливаетъ водки, краснаго вина, угощаетъ и о чемъ-то, видимо, думаетъ. Бесѣда идетъ лѣнливо. Видя его состояніе духа, я не хочу его тревожить.

Наконецъ Василій Пантелеймоновичъ спрашиваетъ:

— А сколько мы съ вами насчитали писемъ?

— Восемь штукъ.

— И точно по уговору,—сказалъ онъ задумчиво,—дѣлой пачкой...

— Да вы отошлите ихъ въ императорское театральное общество при письмѣ, а въ четвергъ будете на засѣданіи и защитите ихъ.

— Да что вы?! Увѣряю васъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Медлить нельзя, маленькій провинціальный актеръ не можетъ ждать. Его надо выручать тотчасъ же... Мы сдѣлаемъ такъ: двумъ старымъ актерамъ мы пошлемъ по десяти рублей, а остальнымъ по пяти и напишемъ соотвѣтствующія письма.

— Да у васъ, вѣдь, денегъ нѣтъ сейчасъ. Какъ же вы это сдѣлаете?

— Надо достать завтра. А въ четвергъ я имъ достану изъ театрального общества дополнительно... Такъ будетъ лучше.

На другой день Василій Пантелеймоновичъ собственноручно разослалъ всѣмъ письма и деньги.

Такихъ случаевъ на моей памяти чрезвычайно много. Чуткій къ горю провинціального актера, Василій Пантелеймоновичъ всегда старался найти коррективы между актерами и антрепренеромъ, всегда старался быть примиряющей инстанціей. Къ нему неоднократно обращались какъ къ третейскому судѣ по частнымъ театральнымъ дѣламъ и по дѣламъ о дуэли, кодексъ которой онъ зналъ на зубокъ, и мнѣніе его принималось непреложно.

Однажды, лѣтъ шесть тому назадъ, къ Василю Пантелеймоновичу ввалился старый актеръ. Въ очень пестромъ, засаленномъ сюртукѣ, съ небритыми щеками и съ растерянными карими глазами, онъ былъ очень жалокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокій ростъ, статность, превосходныя манеры и правильныя черты лица свидѣтельствовали о красотѣ.

Василій Пантелеймоновичъ живо привѣтствовалъ гостя:

— Старый дружище! какими вѣтрами тебя занесло сюда?

— Не вѣтрами, а холодомъ и голодомъ.

— Плохо живется?

— Самъ видишь...

Бесѣдовали много... Вспоминали старое, провинцію. Гость былъ моложе Василия Пантелеймоновича. Каждое движеніе Василия Пантелеймоновича было художественно-красивымъ, въ тонѣ было много искренности и добросердечія... Гость выглядывалъ на много старше Василия Пантелеймоновича.

Наконецъ гость обращается въ Василию Пантелеймоновичу и говорить:

— Дай мнѣ, Вася, какое-нибудь пальто, я съ холоду дохну, какъ собака...

— Изволь, братецъ, только оно у меня послѣднее, виситъ въ передней. Самому будетъ не въ чемъ ходить.

— Значить, нельзя?

— Да какъ тебѣ сказать, оно бы и можно, только какъ же я пойду въ Александринку. Мнѣ неловко по Невскому въ такомъ нарядѣ, какъ у тебя. Увидятъ, осмѣютъ...

Гость задумался... Пауза длилась нѣсколько минутъ. Василий Пантелеймоновичъ поглядывалъ на гостя черезъ пенснэ. Глаза его мерцали. Ясно было, что онъ вдумывался въ душу гостя и хотѣлъ угадать, что онъ предприметъ...

Гость прошелся по мягкому полу гостиной и нервно дергалъ борть сюртука... Наконецъ онъ сказалъ:

— А ты знаешь, Вася, я все-таки возьму.

— Не рѣшишься!—отвѣтилъ Василий Пантелеймоновичъ.

Тотъ опустилъ голову, и, видимо, ему было весьма тяжело вести этотъ разговоръ. Гость попрощался и ушелъ...

Когда мы шли обѣдать, Василий Пантелеймоновичъ подошелъ къ вѣшалкѣ и съ нескрываемой веселостью сказалъ:

— Вѣдь, представьте себѣ, рѣшился! Унесъ пальто!

Это было, дѣйствительно, весело по обстановкѣ.

Къ вечеру Василий Пантелеймоновичъ извлекъ изъ своего гардероба свою старую шинель съ потертымъ мѣхомъ и облачился въ нее, чтобы «не быть смѣшнымъ, не быть уязвленнымъ въ своей гордости».

На другой день по почтѣ получилось письмо и въ немъ ломбардная квитанція на заложенное за пятьдесятъ рублей пальто.

Вчерашній гость писалъ:

«Другъ Вася! рѣшился взять пальто, заложить. Тотчасъ же пообѣдалъ, пилъ много и при всякой рюмкѣ поминалъ приснопамятнаго друга боярина Василия. На дняхъ уѣзжаю въ Пензу, на гастроли, и оттуда пришлю тебѣ на выкупъ пятьдесятъ рублей».

— Вреть, не прилететь!—сказалъ Василий Пантелеймоновичъ, улыбаясь, когда рассказывалъ мнѣ финалъ этого визита.—Онъ мнѣ долженъ рублей пятьсотъ. Молчу я, молчитъ и онъ.

— Какова его сценическая біографія?—спросилъ я.

— Большой актеръ. Фать, красавецъ, съ безукоризненными манерами, съ хорошимъ образованіемъ, почти князь, онъ отдалъ женщинамъ всѣ лучшіе соки своего тѣла. Онъ умѣлъ ихъ обожать, умѣлъ извлекать изъ ихъ души скрытые, затаенные звуки. Я помню его львомъ, побѣдителемъ женщинъ, красавцемъ... А теперь... вы сами видите.

— Все это очень поразительно!—сказалъ я.

— Что поразительно?

— Да поразительно то, что левъ, красавецъ, обожатель женщинъ, большой актеръ, а подъ конецъ мелкій грабитель. Вѣдь это же все ненормально и такъ легко искоренить!

— А какъ?

— Да просто. Императорское театральное общество, какъ высшій органъ, должно объявить всѣмъ людямъ, желающимъ быть актерами, что всякій, вступающій впервые въ среду актеровъ, т. е. получившій гдѣ бы то ни было и какой бы то ни было ангажементъ, обязанъ внести въ пенсіонный фондъ императорскаго театральнаго общества отъ ста до пятидесяти, но не менѣе пятидесяти рублей, безвозвратнаго взноса, быть участникомъ всяческихъ кассъ, учреждаемыхъ при театральномъ обществѣ, пенсіонныхъ, на случай смерти, болѣзней, забастовки, голодовки, антрепренерской неурядицы и т. д. На этотъ предметъ антрепренеры обязаны вычитать изъ авансовъ жалованья и всякаго рода выдачь, подъ ихъ отвѣтственностью, по особымъ вѣдомостямъ, присылаемымъ въ императорское театральное общество, опредѣленный процентъ и препровождать эти деньги въ правленіе общества. Это будетъ принудительный налогъ на желаніе быть актеромъ, но налогъ производительный, идущій на пользу самой же актерской братіи, часто легкомысленной. Русскаго актера надо держать въ этомъ смыслѣ въ рукахъ, надо, чтобы кто-нибудь о немъ заботился. Вѣдь, согласитесь, что-то недалковидное, нелѣпое и бессмысленное въ томъ, что человѣкъ получалъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ большое содержаніе и вдругъ въ одинъ прекрасный моментъ оказывается выброшеннымъ на панель, безъ крова. Актеры будутъ, конечно, роптать, но на это не слѣдуетъ обращать вниманія. Русскій человѣкъ всегда на все ропщетъ. Они потомъ сами оцѣнятъ значеніе этой героической мѣры. Хочешь имѣть права актера, выполняй и обязанности.

Василій Пантелеймоновичъ слушалъ мою горячую тираду съ какимъ-то воодушевленіемъ и восторгомъ и говоритъ:

— Это—правда, истинная правда! Сколько пропито и безъ толку проѣдено русскимъ актеромъ денегъ, а потомъ онъ умираетъ подъ заборомъ. Пора, давно пора измѣнить этотъ порядокъ. Да, это вѣрно! Маленькій нажимъ воли на бюджетъ актера, введеніе кооперативныхъ и страховыхъ организацій въ ихъ среду, и они спасены отъ нищенства, особенно ихъ семьи. Разработайте-ка вы

эту мысль, сочините проект и уставъ, а я внесу въ императорское театральное общество и общаю вамъ его провести.

— Превосходно. Я стану надъ нимъ работать.

Манера Василя Пантелеймоновича заключалась въ томъ, что во всякій часъ дня и ночи онъ о чемъ-нибудь думалъ. У него былъ всегда внутренно-сосредоточенный видъ. Получалось впечатлѣніе, что онъ самъ создавалъ себѣ эти думы и самъ же ихъ перерабатывалъ въ лабораторіи своего духа. Иной разъ не знаешь, что озабочиваетъ его, что тревожить его, какой дать ему совѣтъ или остроумный выходъ изъ создавшагося томительнаго положенія, смотришь на него, стараешься угадать, но напрасно. Онъ сосредоточенно ходитъ, по своей манерѣ, изъ одного угла кабинета въ другой съ заложенными въ карманъ руками и думаетъ, думаетъ его пенснэ, его почти бронзовое бритое лицо, его носъ, его подбородокъ, его жилетъ, его шиджакъ, всѣ они—воплощеніе далматовской думы.

— Не скажете, что васъ мучить?—иной разъ спросишь его.

Онъ очнется.

— Да пустое!

— Однакоже!

— Людское недоброжелательство, козни враговъ, мелкая зависть, низменность души... Недружелюбіе разлито въ природѣ...

— И охота вамъ надъ этимъ думать, Василій Пантелеймоновичъ. Люди, какъ валъ морской, сегодня ласкаютъ и нѣжатъ, а завтра хлещутъ. Вы, вѣдь, людей лучше моего знаете, такъ почему вамъ задумываться такъ скорбно и глубоко. Я думаю, что маленькій хорошенькій обѣдъ съ хорошей закуской и съ тепленькимъ краснымъ виномъ долженъ вызвать въ васъ обычное величіе духа... Оставьте мелкимъ людямъ мелкія заботы дня! Мы же отправимся съ вами въ трактиръ и воздадимъ каждому питію должное. Поставьте резолюцію на моемъ предложеніи, ваше превосходительство отъ Александрики.

— Ставлю. Правильно! Немедленно исполнить!—весело поглядывая, отвѣчалъ Василій Пантелеймоновичъ.

Однажды мы съ Василюмъ Пантелеймоновичемъ разболтались по какому-то вопросу. Я рѣшилъ, что онъ меня обидѣлъ и что намъ не слѣдуетъ видѣться. Прошло мѣсяца два. Я не пытался его видѣть... Была весна. Солнечно. Жарко. Я шелъ противъ солнца, весь отдавшись лучамъ перваго весенняго дня. Въ это время на панели Невскаго проспекта, пересѣкая его отъ Екатерининскаго скверика, появился Василій Пантелеймоновичъ и, оглядывая меня, сказалъ:

— Наконецъ-то я васъ поймалъ!

— Зачѣмъ же было меня ловить?—спросилъ я.

— За чѣмъ? за ловлей весеннихъ бабочекъ.

Но меня удивило то, что послѣ происшедшаго между нами разговора, въ которомъ я горячился, кричалъ и стучалъ кулаками по столу, а Василій Пантелеймоновичъ, наоборотъ, молчалъ, Василій Пантелеймоновичъ, какъ-бы забывая происшедшее, самъ подошелъ и простилъ меня. Я его и спрашиваю потомъ:

— Что васъ примирило со мной?

— Хорошо сшитый жакетъ, лакированные ботинки, англійское весеннее пальто на лѣвой рукѣ и свѣжій котелокъ. Хорошій видъ. Эстетика... Умѣние носить костюмъ.

Съ тѣхъ поръ мы уже ни разу не ссорились.

Однажды, когда одинъ изъ его молодыхъ друзей въ литературно-художественномъ обществѣ очень разсердился на одного драматурга за его козни противъ Далматова и противъ него и въ разговорѣ съ нимъ далъ волю своему гнѣву, Василій Пантелеймоновичъ остановилъ его и сказалъ:

— Совсѣмъ, какъ Далматовъ, въ гнѣвѣ неудержимъ и великъ! Вотъ только Далматовъ началъ карьеру своего гнѣва въ Петербургѣ съ извозчиковъ и кончилъ драматургами, а вы начинаете съ драматурговъ, такъ кѣмъ же вы кончите? Не надо сердиться, надо сдерживать себя. Гнѣвъ не аргументъ.

Объединяя воспоминанія о Васи́лїи Пантелеймоновичѣ, я долженъ сказать о трехъ крупныхъ моментахъ: 1) о театральнѣй школѣ имени А. С. Суворина, 2) о поѣздкѣ моей въ Гельсингфорсъ въ качествѣ его юрисконсульта для спасенія моторной лодки, 3) о поѣздкѣ Васи́лїа Пантелеймоновича въ Москву съ «Шантеклеромъ» Эдмонда Ростана.

Театральную школу онъ мечталъ давно открыть по двумъ причинамъ: 1) онъ уже уставалъ отъ постоянной напряженной дѣятельности артиста, несущаго репертуаръ, а 2) его желаніе передать свой опытъ, долготѣнній, сценическій опытъ и связанныя съ нимъ театральныя традиціи юному поколѣнію артистовъ. Когда же А. С. Суворинъ предложилъ ему быть директоромъ школы его имени, то Васи́лїи Пантелеймоновичъ, естественно, тотчасъ же согласился.

Коммерческая сторона предпріятія ему представлялась неясной и сопряженной съ большими мелкими непріятностями. Такъ впоследствии и вышло. Въ число преподавателей пригласилъ онъ и меня: я долженъ былъ читать исторію русскаго театра. Къ новой дѣятельности я сталъ готовиться съ большимъ усердіемъ, сидя подолгу въ публичной библиотекѣ и въ библиотекѣ академіи наукъ.

Естественно, прирожденнымъ директоромъ былъ, конечно, Василій Пантелеймоновичъ, предсѣдателемъ А. С. Суворинъ, почетными членами художественнаго совѣта—заслуженные артисты императорскихъ театровъ М. Г. Савина и В. Н. Давыдовъ, секретаремъ совѣта Б. С. Глаголинъ, а «главнымъ преподавателемъ сценическаго искусства»—г. Арбатовъ, человѣкъ, которому Василій Пантелеймоновичъ оказалъ много услугъ. Предсѣдателемъ школы былъ А. С. Суворинъ, а товарищами предсѣдателя—В. П. Буренинъ и генераль А. Н. Масловъ (Бѣжецкій). Въ числѣ преподавателей и лекторовъ былъ поименованъ и я.

Основная идея Василія Пантелеймоновича при образованіи школы заключалась въ томъ, чтобы въ школѣ преподавалось поменьше теоретическихъ предметовъ, а было побольше практики. Онъ хотѣлъ, чтобы его школа была, по преимуществу, экспериментальной, опытной, замѣняющей долгій и длинный процессъ игранія ролей разнообразнаго репертуара въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, въ невозможныхъ труппахъ и условіяхъ русскаго театральнаго быта, чтобы его школа дала начинающимъ артистамъ сконцентрированный сценическій опытъ. Конечно, онъ не отрицалъ пользы теоріи, но считалъ, что практическая сторона на первомъ планѣ, а теорія должна быть въ задѣ.

Въ то время, когда устраивалась школа, было у него много заботъ и волненій не только по вопросу объ отпускѣ денегъ изъ средствъ литературно-художественнаго общества, но и вслѣдствіе мелкихъ интригъ директоровъ литературно-художественнаго общества и членовъ правленія школы. Василій Пантелеймоновичъ все это ясно видѣлъ и съ большой горечью говаривалъ:

— Кругомъ непониманіе... холодъ... мелкія козни враговъ. Страшно за человѣка... Нѣтъ опоры.... Лишь въ себѣ, въ своей гордости, въ своей настойчивости вижу я оплотъ... Меня не сокрушишь мелкими интригами...

Больше всѣхъ ему докучалъ одинъ тогдашній директоръ и драматургъ г. П. Онъ позволялъ себѣ вмѣшиваться въ распоряженія Василія Пантелеймоновича, отмѣнять ихъ и выбиралъ для своихъ дѣйствій только тѣ моменты, когда Василій Пантелеймоновичъ не могъ присутствовать на засѣданіяхъ совѣта театральной школы, занятый въ Александринкѣ. Дважды только стерпѣлъ это Василій Пантелеймоновичъ, но въ третій разъ онъ выяснилъ рьяному директору свое отношеніе къ его вмѣшательству въ область его правъ.

Мнѣ многіе говорили, что Василій Пантелеймоновичъ былъ человѣкъ большой физической силы и что въ гнѣвѣ онъ былъ ужасенъ. Зная за собой это, Василій Пантелеймоновичъ за десять послѣднихъ лѣтъ моего съ нимъ знакомства истинно разсердился, быть можетъ, раза два, но, въ общемъ, съ большимъ усиліемъ сдерживалъ себя.

Видя въ другихъ такое же проявленіе страстей, онъ старался успокоить, утишить страсть у нихъ.

О своей силѣ Василій Пантелеймоновичъ рассказывалъ:

— Однажды мы играли во дворцѣ. Покойный государь пришелъ къ намъ за кулисы и увидѣлъ меня. Я игралъ военнаго. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Отчего ты не военный? Ты, вѣдь, весь созданъ для военной строевой службы. Вотъ то-то былъ бы гренадеръ!»

«— Обманчивый видъ! — отвѣтилъ я государю:—только кажусь такимъ ваше, величество, а внутри я — артистъ, ваше величество, Божіей милостью артистъ».

«Государь похлопалъ меня по плечу и сказалъ: «Благодарю, спасибо!» и подарилъ мнѣ вотъ эти золотые часы».

Когда до Василя Пантелеймоновича дошло, что г. П. противодействуетъ ему, то я былъ свидѣтелемъ такой сцены. Было три часа дня, въ помѣщеніи литературно-художественнаго общества (Невскій, 16). Конференція совѣта не начиналась. Я съ нимъ гулялъ изъ одного угла въ другой. Поодаль сидѣли нѣкоторые члены совѣта. Входитъ г. П., подходитъ къ Василю Пантелеймоновичу. Василій Пантелеймоновичъ руки ему не подалъ, весь сдѣлался густо-краснымъ, глаза загорѣлись, заерзали, правая рука гнѣвно забѣгала въ воздухъ.

— Г. П., какъ же ты смѣешь вмѣшиваться въ мои распоряженія? Директоръ я, или не директоръ?—и голосъ его сдѣлался ужаснымъ по металличности, П. сдѣлался бѣлымъ, какъ полотно. — Кто ты такой, г. П.? По какому праву ты проползъ къ намъ? Мои друзья всѣ генералы, люди извѣстные: А. С. Суворинъ, генераль М., генераль В. А кто твои друзья? и чего ты промежь насъ шляешься, чего хочешь добыть отъ насъ? Не совѣтую тебѣ ходить этой сторонкой... ой, другъ, постерегись!...

Много онъ говорилъ въ такомъ повышенномъ тонѣ, и былъ моментъ, что онъ готовъ былъ сдѣлать весьма рѣзкое движеніе рукой въ сторону лица собесѣдника, но я его удержалъ. Въ этотъ моментъ его оставило обычно свойственное ему спокойствіе и методичность манеръ, аристократичность и особенное внѣшнее благородство движеній. Онъ весь былъ, какъ огонь, вспыхивая и потрескивая, какъ порохъ.

Недавно, передъ смертью только, онъ сообщилъ мнѣ, что г. П. теперь превратился въ друга его и школы и даже помогаетъ ему.

— Теперь онъ хорошо понялъ, кто я и чего хочу со своей школой. Помогаетъ мнѣ. А я жалѣю, что погорячился съ нимъ.

На конференціи по приему былъ эпизодъ, который превосходно характеризуетъ Василя Пантелеймоновича, какъ чуткаго, отзывчиваго человѣка.

Когда ученицы, подлежащія приему, были выбаллотированы и конференція заканчивала засѣданіе, Василій Пантелеймоновичъ всталъ и обратился къ членамъ со слѣдующимъ:

— Прежде, чѣмъ мы разойдемся, я хотѣлъ бы предложить вашему вниманію одну личность. Она нѣсколько разъ была у меня, и такъ какъ я ее не могъ принять, то она оставила мнѣ вотъ это письмо и тетрадь своихъ стиховъ. Она бѣдна, милостивые государины и государи, дошла до нищенства и до ночевки на баркахъ...

— Ну, еще бы!—вдругъ раздалась реплика одной извѣстной артистки и повисла въ воздухѣ.

Василій Пантелеймоновичъ, не обращая вниманія на возгласъ и даже не взглянувъ на ту, кто говорилъ, продолжалъ:

— Я читалъ стихи. Въ нихъ вопль надломленнаго сердца, въ нихъ искреннія страданія... Отъ хорошей жизни онъ дошла до босаячества и теперь она, чувствуя въ себѣ силы для служенія сценѣ, проситъ васъ, черезъ меня, принять ее въ театральную школу.

— Ну, конечно, еще этого не доставало,—опять пронеслось въ воздухѣ.

— Но чтобы быть еще болѣе осмотрительнымъ, прошу эту тетрадь стиховъ передать кому-нибудь безпристрастному, ну, генералу А. Н. Маслову или кому нибудь-другому. Они оцѣнятъ и скажутъ вамъ, стоятъ они вниманія, или не стоятъ.

Тетрадь стиховъ была передана по назначенію. Означенная особа не была принята въ театральную школу, и въ видѣ возраженія Василию Пантелеймоновичу говорили:

— Ну, помилуйте, какъ же можно впустить ее въ школу, гдѣ будутъ барышни изъ хорошихъ семей, вѣдь, она для нихъ зараза.

Василій Пантелеймоновичъ призадумался. Потомъ сказалъ:

— Жаль мнѣ Божье созданье, человѣка въ грязи и пыли!

Однако, чтобы не умалять моральнаго престижа Василия Пантелеймоновича, было рѣшено пригласить ее въ конференцію и выслушать.

Я нарочно привелъ этотъ случай для того, чтобы отмѣтить искреннее желаніе Василия Пантелеймоновича Далматова найти дарованіе, обогрѣть и обласкать его, дать ему выходъ на дорогу. При этомъ онъ никогда, по свойственной ему скромности, никому не говорилъ, что онъ такого-то ободрилъ, какого-то спасъ, такому-то помогъ. Объ этомъ онъ всегда молчалъ.

Театральная школа имени А. С. Суворина была его любимымъ дѣтищемъ. Въ нее онъ вкладывалъ всѣ свои силы. Какъ директоръ и руководитель ея, онъ отдавалъ этому учрежденію всѣ утра до четырехъ часовъ дня, если онъ бывалъ свободенъ отъ репетиціи, и вечера на ученическихъ спектакляхъ, на засѣданіяхъ различныхъ комитетовъ. Онъ жилъ школой, боролся за нее со страстностью любящаго человѣка и всегда отстаивалъ всѣ свои позиціи, несмотря на противодѣйствіе нѣкоторой группы членовъ литературно-художественнаго общества.

Въ самомъ составѣ школы шло глухое противодѣйствіе педагогическимъ начинаніямъ Василия Пантелеймоновича. Результатомъ этого былъ уходъ изъ театральной школы одного «главнаго руководителя сценическаго искусства» и основаніе имъ своей собственной школы. Этотъ «главный руководитель» былъ многимъ обязанъ Василию Пантелеймоновичу и особенно въ дирекціи театра литературно-художественнаго общества. Этотъ уходъ разбивалъ силы школы и единство педагогическаго плана. Василия Пантелеймоновича такая неблагодарность ошеломила. Онъ, что называется, глухо рычалъ. Однако расчетъ «главнаго руководителя» ослабить составъ школы былъ ошибоченъ, такъ какъ моральный авторитетъ Василия Пантелеймоновича Далматова былъ всегда высокъ, и люди шли къ нему со всѣхъ сторонъ.

Для характеристики Василия Пантелеймоновича этого періода должно отмѣтить еще одинъ фактъ, что одинъ молодой адвокатъ, весьма любившій Василия Пантелеймоновича, сказалъ ему:

— У меня имѣются векселя (на главнаго руководителя) на 1,000 рублей, переданные мнѣ для взысканія. Въ виду его неблагодарности въ отношеніи васъ, я предъявлю эти векселя, возьму исполнительные листы, и когда онъ мнѣ ихъ не заплатитъ, буду таскать его въ судъ для указанія средствъ каждыя двѣ недѣли, возьму подписку о невыздѣ изъ Петербурга и т. д.

Василій Пантелеймоновичъ былъ въ разгарѣ ссоры съ нимъ. Выслушавъ молодаго человѣка, Василій Пантелеймоновичъ задумчиво, тихо сказалъ, покуривая сигаретку:

—Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ, не надо этого! Я понимаю ваши чувства... вы хотите отомстить за меня, за оскорбленіе моего чувства любви и довѣрчивости къ человѣку. Я понимаю ваши высокія побужденія... ваши истинно-дружескія чувства... я ихъ цѣню. Но не надо, этого только не надо, не надо мести, не надо вражды и злобы! Разливайте радость, тепло и любовь вокругъ. Не мстите, сама жизнь отомститъ ему за вражду ко мнѣ. Только бы это шло не отъ меня и не отъ моихъ друзей. Верните довѣрителямъ ихъ векселя и скажите, что вы ничего не можете по нимъ получить.

— А гонораръ кто будетъ мнѣ платить, Василій Пантелеймоновичъ?

— Кто-нибудь да заплатитъ другой. Онъ и самъ еще не знаетъ, за кого онъ платитъ, онъ еще, быть можетъ, травку жуеетъ, жирѣетъ. Не сокрушайтесь о пропавшемъ гонорарѣ. Онъ вернется откуда-нибудь, въ новой формѣ.

Согласно желанія Василия Пантелеймоновича, векселя были возвращены довѣрителю.

Василия Пантелеймоновича особенно удручалъ одинъ членъ правленія театральной школы. Человѣкъ, не окончившій даже гимназіи, безо всякой теоретической и тѣмъ болѣе научной подго-

товки, театральнѣй рецензентъ, обладающій бойкимъ перомъ и большою долей газетной смѣлости, человекъ, вполне лишенный сценическаго вкуса и пониманія, нравящійся той части публики, которая образованіе заканчиваетъ въ газетѣ и въ хлесткомъ слогѣ видитъ послѣднее слово таланта и просвѣщенія, взялъ на себя задачу прочесть лекціи по исторіи русскаго театра древняго періода.

Для этого онъ придумалъ весьма что-то сложное. Выписалъ какія-то домры, стрекотушки, гусли, балалайки и т. д. и на нихъ сталъ демонстрировать развитіе у русскаго народа сценическаго чувства... Это было что-то небывалое по формѣ и содержанію. Дѣвицы, любящія бѣлое бритое лицо съ черными хитрыми глазами и съ бачками à la Пушкинъ, были весьма довольны, но директоръ учрежденія... глухо рычалъ:

— Губятъ, подлецы, дѣло губятъ... насильно валяютъ, со всѣхъ сторонъ такъ и насѣдаютъ. Способный человекъ, молодой, а сколько небрежности и фанфаронства. Нѣтъ работы надъ собой.

На вторую лекцію «членъ» опоздалъ, на третью не явился, но подъ свои лекціи онъ взялъ авансомъ около двухъ тысячъ рублей изъ кассы театральнѣй школы. Это искренно возмуцало Василія Пантелеймоновича, и онъ глубоко негодовалъ:

— Человекъ молодой... способный, а авансы беретъ, какъ старикъ...—говаривалъ Василій Пантелеймоновичъ про него.

— Что же, это и качество!

— Да еще какое! Далеко пойдеть... такіе далеко шагаютъ... и по тамбовкѣ, и по владимировкѣ.

Я не передаю цѣлаго ряда мелкихъ эпизодовъ изъ періода театральнѣй школы, потому что это несвоевременно, но былъ моментъ, когда онъ боялся, что школу придется закрыть.

— Я хотѣлъ бы, чтобы имя А. С. Суворина, этого русскаго геніальнаго самородка, было сохранено въ потомствѣ, какъ связанное съ разсадникомъ сценическаго образованія, и хотѣлъ бы, чтобы въ то время, когда враги образованія ополчатся противъ моей школы, преподаватели и лица, сочувствующія мнѣ и моей школѣ, ушли изъ литературно-художественнаго общества и объединились въ товарищество, на мелкихъ паяхъ, и повели его дальше. Чѣмъ больше денегъ, тѣмъ лучше и крѣпче дѣло. Явится вѣра въ дѣло. Объединятся различные элементы. Явятся новые методы, свѣжіе люди. Школа будетъ жить...

Театральная школа отнимала у него много времени и давала цѣлый рядъ непредвидѣнныхъ заботъ. Онъ любилъ школу такъ, какъ любятъ только старики: беззавѣтной потухающей любовью. Отнять отъ Василія Пантелеймоновича Далматова театральную школу значило убить его. Не директорство, не внѣшній престижъ интересовалъ его, а сознаніе, что онъ дѣлаетъ хорошее дѣло, которому онъ можетъ быть полезенъ. Помимо того, въ послѣдніе два года своего директор-

ства Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, оставаясь попрежнему обаятельнымъ и предупредительнымъ съ ученицами и ихъ родителями, превращался въ дѣйствительнаго директора учрежденія. До этого времени онъ былъ Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ, тотъ европеецъ-донъ-Жуанъ, который вноситъ въ обращеніе съ женщинами образъ благородной дамы, «чистой и непорочной» женщины, прототипъ Дѣвы Маріи, тотъ В. П. Далматовъ, у котораго при видѣ красиваго лица, изящной, хорошо одѣтой женской фигуры загорались глаза, выпрямлялась грудь, бритое лицо превращалось въ лицо гордаго патриція и дѣлалось прекраснымъ, но въ послѣдніе года онъ былъ настоящій директоръ учебнаго заведенія, благожелательный, но строгій и требовательный.

Вмѣстѣ съ ростомъ его внутренняго сознанія отвѣтственности, какъ руководителя учебнаго учрежденія, росли и непріятности.

Враговъ было много, и онъ противъ нихъ боролся стойко, но вся эта борьба отлагалась на сердцѣ. Онъ очень много и незамѣтно страдалъ. Онъ, этотъ гордый Далматовъ, патрицій, говоря о козняхъ враговъ, нерѣдко плакалъ. Но, кромѣ друзей, объ этомъ никто не зналъ.

Создавая школу по своимъ планамъ, В. П. Далматовъ совѣтъ не имѣлъ въ виду расплывать, какъ онъ говорилъ, «театральныя пролетаріаты». Онъ требовалъ, чтобы школа выпускала только такихъ, кто можетъ быть, дѣйствительно, полезенъ сценѣ и кто самъ будетъ въ состояніи обезпечить себя избранной профессіей, а разъ школа выпустила, то она должна была слѣдить и поддерживать своего питомца, вообще онъ долженъ былъ быть связанъ со школой, его воспитавшей, навсегда. При этомъ школа должна была дѣлиться на разные отдѣлы, на собственно 1) театральныя, репертуарныя, 2) бутафорскія, 3) режиссерскія, 4) суфлерскія и т. д. Онъ говорилъ:

— Если учащійся не хорошъ, какъ актеръ, то онъ можетъ быть хорошъ, какъ режиссеръ, какъ суфлеръ и т. д. Надо опредѣлить его способности и развивать ихъ.

Пятилѣтіе существованія театральной школы имени А. С. Суворина нужно опредѣлить, какъ періодъ отстаиванія Далматовымъ школы отъ выпадовъ противъ нея и лично противъ него.

Когда однажды его спросили, почему онъ не уничтожить своихъ враговъ своимъ юморомъ или другимъ способомъ, онъ отвѣчалъ:

— Я не могу бороться со всѣми людьми и при томъ способами, свойственными данной категоріи людей. Я—человѣкъ общественный, извѣстный. На меня многіе смотрятъ, отъ меня требуютъ поступковъ красивыхъ и могущественныхъ. Я могу быть въ молчаливомъ презрѣніи къ людямъ великимъ... Я всегда могу показать имъ свою силу, но развѣ въ этомъ дѣло.

Однако, сколько «коалицій» ни составлялось въ нѣдрахъ литературно-художественнаго общества, но свалить Василю Пантелей-

моновича было нельзя. Онъ умеръ директоромъ театральной школы.

Если театральная школа была дѣломъ его постоянныхъ думъ и заботъ, то моторная лодка была его капризомъ.

Онъ рѣшилъ, что онъ долженъ завести моторную лодку съ тѣмъ, чтобы она стояла на пристани на Англійской набережной и возила его весной и лѣтомъ, когда онъ будетъ приѣзжать, въ городъ и въ его имѣніе на Невѣ Отрадное.

Задумано—сдѣлано. Онъ вычиталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», что въ Гельсингфорсѣ на Флигсгольмской верфи продаютъ случайно чрезвычайно дешево моторныя лодки. Нужно было прислать задатокъ въ 300 рублей, а остальные при выкупѣ лодки на станціи Финляндской жел. дор. Не свѣрившись со степенью солидности фирмы и довѣряясь рекламѣ, онъ требуемые 300 рублей выслалъ. Владѣлецъ верфи благодарилъ Василія Пантелеймоновича за довѣріе и обѣщаль выслать лодку не позже конца апрѣля мѣсяца. Однако, прошло семь мѣсяцовъ, но лодки не было.

Однажды, во время антракта вечерняго ученическаго спектакля въ школѣ, Василій Пантелеймоновичъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и весьма таинственно сталъ говорить о неблагодарности людей, о неумѣніи держать слово и т. д. Я не перебивалъ, но ничего не понималъ...

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.

— Вамъ придется ѣхать въ Гельсингфорсъ спасать мою лодку,—сказалъ Василій Пантелеймоновичъ.

— Какую лодку?—уже совсѣмъ ничего не понимая, спросилъ я.

— Моторную лодку... я имѣлъ неосторожность заказать въ Гельсингфорсѣ. Я рассчитывалъ, что честные финляндцы не посрамятъ себя передъ челоуѣчествомъ, сдержатъ слово, но я и въ нихъ ошибся. Такъ поѣзжайте въ Гельсингфорсъ, разыщите эту верфь и спасите мою лодку.

Весь этотъ разговоръ происходилъ при извѣстномъ поэтѣ—В. В. Умановѣ-Каплуновскомъ.

— Хорошо, я поѣду! Когда?

— Завтра же.

— Дня на два!—только.

Я уѣхалъ. Трудно было добывать эту лодку, такъ какъ у товарищества никакого имущества не оказалось. Мое положеніе, какъ повѣреннаго, становилось смѣшнымъ. Приѣхать и ничего не сдѣлать. Наконецъ я рѣшился отправиться къ губернатору, полковнику Альфтану, и просить у него суда надъ хозяевами этой верфи на основаніи финляндскаго уложенія 1774 года.

Безъ всякой помпы, просто при одной только посылкѣ моей карточки, я былъ принятъ губернаторомъ и очень милостиво вы-

слушанъ. Полковникъ Альфтанъ, услышавъ, что мой довѣритель В. П. Далматовъ, обрадовался и говорить:

— Я былъ бы очень радъ служить такому большому артисту, какъ г. Далматовъ и приму, мѣры.

Словомъ, при помощи полковника Альфтана я познакомился съ полицеймейстеромъ гор. Гельсингфорса, полковникомъ генеральнаго штаба г. Бергомъ, который тотчасъ же навелъ справки у опытнаго полицейскаго комиссара, что представляетъ собой эта фирма. Оказалось, что она совсѣмъ прогораетъ и что вслѣдствіе этого администрація гор. Гельсингфорса ничего не можетъ сдѣлать.

Я поѣхалъ на Флиггольмскую верфь. Любезно былъ встрѣченъ однимъ изъ товарищей по владѣнію верфью. Мнѣ была показана лодка, названная «лодкой Далматова». Видя, что Василій Пантелеймоновичъ потерялъ 300 руб., и усматривая во всемъ этомъ шантажъ, я предупредилъ владѣльца верфи, что сейчасъ я былъ у губернатора и у полицеймейстера, что я навелъ справки объ его кредитоспособности и въ виду этихъ справокъ прошу его немедленно послать г. Далматову при мнѣ же хотя бы эту лодку, въ противномъ же случаѣ я долженъ буду прибѣгнуть къ содѣйствію уголовныхъ финляндскихъ законовъ...

Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ и длинныхъ переговоровъ, лодка была доставлена, не снаряженная и не устроенная, къ представителю фирмы въ Петербургѣ, который не хотѣлъ отпустить ее Далматову, но при моемъ вмѣшательствѣ лодка была причалена къ пристани у Лѣтняго сада. На другой день было рѣшено совершить первый рейсъ изъ Петербурга въ Отрадное.

Вернувшись изъ Гельсингфорса, я ночью былъ у Василя Пантелеймоновича въ уборной Александринки. Онъ много смѣялся надъ моимъ рассказомъ и просилъ меня отправиться въ одинъ скромный, но дорогой ресторанъ, гдѣ я долженъ былъ его ждать съ ужиномъ, пока не окончится представленіе, въ которомъ онъ былъ занятъ.

Онъ пришелъ, радостный, веселый, что ему спасена лодка.

Для закуски онъ подошелъ къ стойкѣ, потребовалъ водки, пикона и началъ разговаривать съ хорошенькою продавщицей на какомъ-то иностранномъ языкѣ. Наконецъ она разсмѣялась и начала ему отвѣчать по-французски.

Я сидѣлъ за столомъ и слушалъ. Василій Пантелеймоновичъ подошелъ ко мнѣ. Я его и спрашиваю:

— На какомъ языкѣ вы объяснялись съ прекрасною женщиной?

— А что?

— Да неужто на французскомъ?

— А что, не узнали.

— Да какой-то, вѣроятно, особо-классическій французскій языкъ, не пойму его.

- Да, мой другъ, я говорилъ съ ней на языкѣ любви...
- На далматовскомъ языкѣ... то-то она такъ обрадовалась.
- А вы замѣтили,—и Василій Пантелеймоновичъ выразительно повелъ глазами.

Рѣшено было, что мы обновимъ лодку и въ ближайшую субботу совершимъ первый рейсъ въ Отрадное.

Путешествіе совершилось благополучно. Въ лодкѣ сидѣли три человѣка: «адмиралъ», В. П. Далматовъ, у руля, монтеръ, который смотрѣлъ за машиной, и я въ качествѣ пассажира. На носу болтался по вѣтру флагъ несуществующаго флота

Шли мы медленно, противъ теченія. «Адмиралъ» побѣдоносно оглядывалъ окрестности и осматривалъ такъ, точно, какъ будто долженъ былъ грянуть громъ боя съ непріателемъ. Въ новой роли онъ былъ «могущественъ и великъ». Морская шапка на головѣ какъ бы говорила о томъ, что онъ—природный морякъ. Отъ монотонной встряски машины я уснулъ и проснулся только отъ страшнаго толчка. Оказалось, что мы вошли въ страшные нескіе пороги у села Ивановскаго и, вслѣдствіе слабости, машина застопорила, итти противъ теченія не могла и насъ относитъ внизъ по Невѣ.

«Адмиралъ» выпрямился во весь ростъ и былъ достаточно блѣденъ. Моментъ былъ чрезвычайно трагическій. Руль былъ направлень ближе къ берегу. Пристали къ какой-то прибрежной лодкѣ.

Вообще Ивановскіе пороги представляютъ собою чрезвычайно широкій проходъ, съ какими-то водоворотами, закругленіями текущей воды и съ лодки кажутся чрезвычайно страшными, затягивающими.

Съ большимъ трудомъ мы добрались до «Отраднаго» къ вечеру. «Адмиралъ» былъ бодръ и очень доволенъ своимъ путешествіемъ. Лодка прибыла въ исправности.

На другое утро мы въ той же лодкѣ поѣхали въ Ижору покупать провизию. Ходили по мяснымъ и зеленымъ лавкамъ. Закупили. Взяли съ собой. Когда спускались къ берегу, встрѣчается группа людей, человѣка въ четыре. Одинъ краснощекій, вихрастый, съ большимъ лбомъ, но довольно приличный, выдѣляется и говорить пьянымъ голосомъ:

— А, г. Далматовъ, прогуливаетесь...! Позвольте представиться,— и замахалъ шапкой въ воздухъ.—Я инженеръ-технологъ, кирпичный заводчикъ, а вы—Далматовъ, артистъ Далматовъ.

Василій Пантелеймоновичъ смотритъ на него и блаженно улыбается.

— Выпьемте, г. Далматовъ. Хотите брудершафтъ. Я—киричный заводчикъ, инженеръ-технологъ, а вы—домовладѣлецъ. Идетъ... на брудершафтъ.

— Да я не пью...—говоритъ Василій Пантелеймоновичъ.—Давно не пью. А радъ за честь, за память... благодарю... узнали... обласкали... не пью я...

— Не пью: корнетъ Отлетаевъ не пьетъ, Мармеладовъ не пьетъ, а какъ же пьянаго человѣка понялъ, душу его понялъ. А? Господа, не вѣрьте ему, все—враки, пустое. А? какъ?

— «Отвѣтствуй мнѣ, прекрасное свѣтило?»—запѣлъ кирпичный заводчикъ на весь ижорскій берегъ. Въ васъ, г. Далматовъ, можно бочку шампанскаго вылить и ничего. Поглядите на себя: монументъ, обелискъ египетскій...

Василій Пантелеймоновичъ очень конфузливъ, очень мягко попросился съ нимъ, а мы спустились къ лодкѣ. А кирпичный заводчикъ вмѣстѣ со своими спутниками вошелъ въ прибрежный трактиръ и оттуда кричалъ намъ:

— Счастливаго пути, г. Далматовъ! Живите долго на радость русскаго искусства.

Василій Пантелеймоновичъ сдѣлалъ величественный широкій жестъ рукой въ знакъ благодарности и приказалъ отчаливать, взявъ курсъ на Отрадное.

Вообще моторная лодка доставила ему много радости. Онъ ею много пользовался. Онъ все лѣто съ утра ѣздилъ на ней по Невѣ и по владающимъ въ Неву маленькимъ рѣчкамъ, гдѣ только она могла пройти.

Поэтому въ теченіе двухъ лѣтъ въ петербургской печати онъ былъ аттестованъ, какъ «адмиралъ невскаго флота».

Его поѣздки въ Москву съ «Шантеклеромъ» Эд. Ростана весной 1910 года нужно считать его послѣдней антрепренерской затѣей. В. П. Далматовъ, имѣвшій большой антрепренерскій опытъ, тѣмъ не менѣе съ Москвой попался. Въ антрепризѣ участвовало трое лицъ: А. С. Суворинъ, В. П. Далматовъ и Б. С. Глаголинъ (Гусевъ). Въ Москвѣ былъ взятъ на Большой Садовой улицѣ театръ «Акваріумъ». Контрактъ заключался съ нынѣ покойнымъ извѣстнымъ артистомъ А. Э. Блюменталь-Тамаринымъ, владѣльцемъ театра, черезъ его уполномоченнаго г. Шатова.

В. П. Далматовъ, часто бывавшій у меня и часто приходившій ко мнѣ «подѣлиться мыслями» даже поздно ночью, особенно послѣ засѣданій литературно-художественнаго общества, изъ своей поѣздки дѣлалъ для меня тайну и о содержаніи заключаемаго контракта ничего не говорилъ.

Когда контрактъ былъ уже составленъ и подписанъ, Василій Пантелеймоновичъ заявляетъ мнѣ, что я сегодня, въ субботу, долженъ уѣхать въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго Малаго театра и подготовить все къ пріѣзду труппы. Передо мной ѣздилъ въ Москву, по порученію дирекціи, главный режиссеръ Малаго театра, Г. В. Гловацкій и сдѣлалъ все, что нужно было. Докончить остальное предлагалось мнѣ. Сфера дѣятельности для меня была новая.

Когда я увидѣлъ контрактъ, то онъ меня поразилъ своимъ содержаніемъ: все было на пользу А. Э. Блюменталь-Тамарину и ничего антрепренерамъ. Я обратилъ вниманіе Василя Пантелеймоновича на эту сторону контракта. Онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Всѣ будемъ виноваты, а А. С. Суворинъ больше всѣхъ.

— Да, съ другой стороны, развѣ теперь сезонъ для Москвы?— спросилъ я.—Люди уѣзжаютъ изъ нея. Театральной Москвы въ городѣ нѣтъ. Вѣдь вы Москву знаете хорошо... такъ зачѣмъ ѣхать?

— Надо показать Глаголина Москвѣ.

— Развѣ что? Ну, тутъ я не причиненъ... дѣло хозяйское.

Поездка въ Москву была неудачна. Чтобы расплатиться съ группой, Василій Пантелеймоновичъ долженъ былъ заложить свою дачу въ Отрадномъ въ губернскомъ кредитномъ обществѣ. Рассчитаться со всѣми онъ считалъ своимъ долгомъ.

Чтобы хоть какъ-нибудь подправить дѣла въ Москвѣ, рѣшено было поставить «Генриха Наварскаго» съ Б. С. Глаголинымъ въ роли Генриха и В. П. Далматова въ роли Карла IX.

Василій Пантелеймоновичъ началъ готовиться къ новой роли. Подготовка шла спѣшно. Не желая ему мѣшать, я уходилъ тотчасъ же послѣ обѣда или къ знакомымъ, или въ театръ, и возвращался домой, въ номеръ, лишь въ одиннадцать часовъ вечера, когда мы пили чай.

Василій Пантелеймоновичъ въ одной рубашкѣ, съ открытой грудью, въ пенснэ, про себя училъ роль, обдумывая каждое слово, каждое положеніе и съ горечью говорилъ:

— Какъ трудно учить роль?—чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Не можешь уловить общій смыслъ фразъ, общее желаніе автора, не запоминаешь репликъ. Актеръ никогда не смѣетъ рассчитывать на сцѣлера, онъ долженъ знать свою роль на зубокъ, со всѣми репликами. Въ противномъ случаѣ, онъ всегда попадетъ впросакъ. Актеръ на сценѣ не смѣетъ ни на кого рассчитывать, онъ самъ себѣ хозяинъ и даже судья. Но тяжело сознавать, что трудно запоминать роль?

Однако онъ роль Карла IX одолѣлъ и далъ яркій, непередаваемый образъ слабовольнаго, не жестокаго, но дѣлающаго жестокости короля. Для него публики въ театръ собралось очень много.

Покончивъ дѣла въ Москвѣ, онъ выѣхалъ въ Отрадное и сталъ готовиться къ роли Несчастливцева.

Мы бесѣдовали съ Василюмъ Пантелеймоновичемъ по разнымъ вопросамъ искусства, но однажды я спросилъ его во время обѣда:

— Скажите, наконецъ, Василій Пантелеймоновичъ, сколько вамъ лѣтъ?

Василій Пантелеймоновичъ всталъ, весь выпрямился и сказалъ;

— Какъ, ты вмѣстѣ со мной хлѣбъ-соль кушаешь, со мной дружбу ведешь и еще про года спрашиваешь?—и все его лицо освѣтилось юморомъ.

Я не зналъ, что Василія Пантелеймоновича нельзя было спрашивать о годахъ, что это былъ больной вопросъ, что онъ тщательно скрывалъ свои года.

Тутъ же Василій Пантелеймоновичъ давалъ мнѣ совѣтъ, какъ нравиться хозяевамъ.

— Подаютъ вамъ вино... вы его попробуйте, слегка. Видите, что естественная дрянъ, вино грошевое, но вы и вида не подавайте. Наоборотъ, сдѣлайте глубокомысленный видъ, скосите ваши глаза съ видомъ знатока, прихлебните и слегка, со вкусомъ причмокните губами и произнесите: какое славное вино? откуда вы его достали? А въ душѣ въ это время думайте: «Чортъ бы васъ побралъ съ вашимъ виномъ?»

Среди многихъ его пожеланій этого времени было одно:

— Когда я умру, вы закройте мое лицо густою фатой, чтобы не было видно.

— А это зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы въ воспоминаніяхъ женщинъ и любившихъ меня я остался тѣмъ, что я есмь сейчасъ, но не со слѣдами разрушенія. Я не хотѣлъ бы, чтобы люди видѣли мой развалъ. Я всегда боролся со смертью. Я никогда не болѣлъ. Мой организмъ крѣпокъ, какъ сталь. Я гордъ своимъ организмомъ. Я не пропускалъ ни одной репетиціи, ни одного спектакля. Я былъ всегда аккуратень. Поэтому я не хотѣлъ бы, чтобы смерть обезобразила меня.

Лѣтомъ я неоднократно навѣщалъ Василій Пантелеймоновича въ Отрадномъ и жилъ у него по нѣсколько дней. Въ это время онъ готовилъ роль Несчастливцева для Александринскаго театра.

Методъ старый: весь въ бѣломъ, въ бѣлой лѣтней, долгополой шляпѣ онъ садился на бѣлую скамью въ своемъ палисадникѣ и, раскрывъ грудь горячимъ солнечнымъ лучамъ, тутъ же на припекѣ, весь обливаясь потомъ, сосредоточенно, молча, про себя готовилъ роль Несчастливцева.

— Я чувствую, что трудно, — повторялъ онъ нѣсколько разъ. — Не можешь представить себѣ ярко образа, не можешь внести въ роль новаго толкованія... Безъ этого нѣтъ готовки роли, а одно лишь ремесло... Если бы я не имѣлъ примѣра въ лицѣ М. И. Писарева, я не могъ бы играть роли Несчастливцева. Самъ не знаю, что-то меня тянетъ къ этой роли, что-то роднитъ съ ней? Бѣда въ томъ, что всѣ мы, имѣющіе въ душѣ запасъ большихъ душевныхъ силъ, немного Несчастливцевы, и вы, и я, и другіе, и потому эту роль нельзя играть какъ-нибудь. Нельзя быть неестественнымъ, показнымъ, нельзя играть лживо самого себя.

Тѣмъ же лѣтомъ онъ сыгралъ роль Наблюдкаго въ «Карьерѣ Наблюдкаго» въ лѣтнемъ театрѣ въ Ораніенбаумѣ.

Въ декабрѣ прошлаго года утромъ у меня раздался телефонный звонокъ. Звонилъ Василій Пантелеймоновичъ и просилъ немедленно къ нему прѣхать въ театральную школу. Голосъ тревожный, нетвердый. Я спросилъ, въ чемъ дѣло. Василій Пантелеймоновичъ отвѣтилъ: «Не откажите въ дружеской услугѣ? Прѣзжайте». Я поспѣшилъ. Мы были вдвоемъ. Онъ очень живо привѣтствовалъ меня, но молчалъ. Наконецъ говорить:

— Я васъ очень прошу написать духовное завѣщаніе.

— Какъ духовное завѣщаніе?

— Пусть это васъ не смущаетъ.

Бритое бронзовое лицо Василія Пантелеймоновича стало блѣднымъ. Такого лица я не видѣлъ у него.

— Да, но это очень странно, — и я невольно разсмѣялся. — Опять денежныя затрудненія, заботы по школѣ, интриги директоровъ, а вы сейчасъ отвѣчаете на это завѣщаніемъ. Да плюньте на все! При вашемъ организмѣ вы переживете ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Сосеть, тутъ, подъ ложечкой сосеть. Больше не могу. Иной разъ задыхаюсь. Тяжко... Никому не скажешь объ этому. Кругомъ пустыня.

Я постарался отвлечь вниманіе Василія Пантелеймоновича отъ тяжелыхъ мыслей, и въ тотъ же день мы обѣдали въ одномъ изъ ресторановъ. Никакіе мои рассказы на него не дѣйствовали.

— Иной разъ становится холодно, жутко какъ-то? Точно въ тебѣ что-то оборвалось, точно бы обрывается нитка за ниткой сердце — и даль будущаго темнѣть... — говорилъ онъ размѣреннымъ тономъ.

— У васъ какія-то новыя переживанія.

— Я и самъ за ними наблюдаю, сосредоточенно слѣжу.

Числа четвертаго января онъ опять напомнилъ мнѣ о необходимости написать ему завѣщаніе. Но такъ какъ его не столько интересовало самое завѣщаніе, сколько одинъ пунктъ относительно его наслѣдниковъ, то онъ особенно просилъ меня разработать юридически этотъ пунктъ и сообщить ему. Я это сдѣлалъ.

Цѣлый январь мы видѣлись, но лицо его мнѣ начинало все менѣе нравиться, какое-то блѣдное, глаза безъ вдохновенія и искръ, руки холодныя. Все думаетъ о чемъ-то одинъ. Въ началѣ февраля онъ былъ уже явно боленъ, но въ школу ходилъ аккуратно. 14-го февраля 1912 года — онъ умеръ.

Чрезвычайно много шутокъ, анекдотовъ, острословій В. П. Далматова распространено среди знавшихъ его и въ широкой публикѣ. Онъ былъ остроуменъ отъ природы. Юморъ его былъ извѣстенъ всѣмъ. Василій Пантелеймоновичъ былъ превосходный собесѣдникъ, удобный собутыльникъ и джентльменъ въ обращеніи.

Художникъ съ ногъ до головы, онъ всячески старался подойти къ каждому явленію жизни съ художественной стороны. Юморъ его былъ незлобивъ, больно не дѣлалъ и сердца не рѣзалъ. Юморъ его былъ однимъ изъ проявленій его живой, жизнерадостной натуры, его крѣпкаго, не истомленного болѣзнями организма. Юморъ В. П. Далматова былъ юморъ честнаго человѣка и, по своимъ свойствамъ, вполне юморъ И. О. Горбунова и М. И. Писарева.

Съ И. О. Горбуновымъ Василиій Пантелеймоновичъ дружилъ, и нѣкоторые, видѣвшіе ихъ вмѣстѣ, рассказывали, что не было лучшаго зрѣлища, какъ видѣть обоихъ артистовъ вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ щеголялъ другъ передъ другомъ перлами своего остроумія.

Насколько В. П. Далматовъ любилъ художественность, свидѣтельствуютъ два случая. Онъ самъ объ нихъ рассказывалъ.

— Однажды, въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, на углу, я засмотрѣлся на прелестную представительницу женскаго пола. Разсматривалъ гравюры, а самъ перекидывался съ ней глазами. Она была не прочь познакомиться со мной. Но вотъ что я увидѣлъ. Подходить къ ней сзади маленькій, юркій апапшъ и сталъ красть у нея изъ кармана платокъ. Я заинтересовался самимъ процессомъ, какъ онъ красть: осторожность, выдержка, ловкость были изумительны. Это было художественно. Меня заинтересовала художественная сторона, то есть то, какъ онъ красть. Я даже позабылъ о прелестной женщинѣ. Но онъ, маленький апапшъ, встрѣтился со мной глазами, сразу остолбенѣлъ и черезъ минуту пустился бѣжать. Я смѣло подошелъ къ дамѣ и просилъ осмотрѣть свои карманы, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ она обокрадена.

«Другой случай былъ со мной на Волгѣ. Я ѣхалъ въ Саратовъ на гастроли. Получилъ въ Москвѣ большой авансъ. Буду всюду въ первомъ классѣ. На пароходѣ за табльдотомъ приличные люди: отставные военные, и ни одного, по наблюденіямъ, корнета Отлетаева, чиновники, какіе-то джентльмены и аристократы безъ опредѣленныхъ занятій. Пили много шампанскаго. Составился польскій банчокъ. Металь какой-то военный. Я все проигрывалъ. Даже стало страшно. Не доѣду, думаю... Только я замѣтилъ одну подробность: удивительное художество. Гляжу это на руки, а онъ у него какъ волчокъ. Быстрота удивительная? Проигралъ я все. А потомъ всталъ, прошелся вокругъ стола, да и говорю военному:

«— Пойдемъ, братецъ, ко мнѣ въ каюту. Тамъ поиграемъ.

«Отправились. Я заперъ каюту за собой и говорю:

«— Ловкій ты, братъ, художникъ... Движенья красивыя, увѣренныя... большая практика! Я любовался, какъ ты хорошо это дѣлаешь. Вотъ что только, братецъ, верни ты мои деньги. Вѣдь, послѣднія.

«Онъ началъ было волноваться: какія, за что, да почему?

«— Да ужъ не волнуйся, братецъ, говорю? Будь честенъ, верни мнѣ мои деньги. Даже воръ и тотъ долженъ быть честенъ, ежели онъ изобличенъ... Нехорошо. Будь себѣ, пожалуй, художникомъ, всякій по-своему зарабатываетъ свой хлѣбъ, но будь честенъ, братецъ. Я требую, чтобы каждый художникъ былъ честенъ?...—да какъ взглянулъ на него, такъ онъ тотчасъ же и вернулъ мнѣ всѣ деньги и еще говорить: «Одно слово, артистъ!» Это про меня-то!»

Въ Ростовѣ-на-Дону было съ Василиемъ Пантелеймоновичемъ иначе. Онъ жилъ вдвоемъ съ М. И. Писаревымъ. За что-то его описывали. Въ моментъ описи ихъ въ номерѣ не было. Номеръ открыли, и судебный приставъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ самый разгаръ входитъ В. П. Далматовъ и видитъ судебного пристава, кредитора, гостиничную администрацію, понятыхъ.

— Здравствуйте, господа, что вы тутъ дѣлаете?

— Описываемъ г. Далматова. А вамъ что угодно?—спрашиваетъ судебный приставъ.

— А я тоже пришелъ его описывать. А великъ ли долгъ г. Далматова?

— Всего 200 рублей.

— О, Боже, о, Боже! какой позоръ! Но не судите его такъ строго: артистъ, безпечность, женщины, векселя. О, не судите его строго. Кто-нибудь изъ друзей, вѣроятно, заплатитъ за него,—и В. П. Далматовъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ.—Никто не желаетъ. Ну, такъ я за него заплачу,—и онъ выложилъ на столъ слѣдующія деньги.—А теперь прошу выпить и закусить,—и чело-вѣкъ внесъ въ номеръ закуски и вина.

У Василія Пантелеймоновича былъ большой пріятель и старый товарищъ, драматургъ А. Т. Трофимовъ.

Онъ ставилъ на Александринскомъ театрѣ пьесу «Проливой воды не воротишь».

В. П. Далматовъ игралъ главную роль—старого гусара—и былъ чрезвычайно хорошъ.

Когда спектакль окончился, растроганный авторъ пришелъ въ уборную къ В. П. Далматову.

— Вася, чѣмъ ты отплатишь мнѣ за роль? Вѣдь лучше тебѣ въ жизни не найти?—сказалъ онъ.

— Да ужъ, право, не знаю чѣмъ. Но вотъ что: общаю тебѣ сказать первымъ блестящую рѣчь на твоей могилѣ.

— Даешь слово?

— Клянусь тебѣ?

Черезъ нѣсколько дней А. Т. Трофимовъ умеръ отъ удара, и В. П. Далматову, дѣйствительно, пришлось говорить первымъ на его могилѣ надгробную рѣчь.

Въ связи съ этимъ случаемъ Василій Пантелеймоновичъ всегда говорилъ:

— Не надо шутить со смертью. Надо всегда думать, что сегодняшній день—твой послѣдній день. Надо помнить всегда, что внезапно, неожиданно наступитъ день высшаго суда. Всю жизнь надо готовиться къ этому дню. Онъ внезапно, увѣряю васъ, какъ ураганъ. Люди веселятся и всякій день хотятъ отодвинуться отъ своего высшаго суда, но явится высшій судъ и властно говоритъ:

— Остановись! Я пришелъ за тобой. Дай отчетъ.

Василій Пантелеймоновичъ всегда увѣрялъ, что нельзя внушить актеру, выходящему на сценѣ, какую-либо нелѣпость.

Но В. П. убѣдился на самомъ себѣ, что это возможно.

Въ одномъ старинномъ водевилѣ онъ долженъ былъ сказать:

— Подай перо и чернила.

Передъ выходомъ, за кулисами, актеры рассказывали различные анекдоты и, между прочимъ, театральные курьезы, какъ иной разъ противъ воли перевираетъ актеръ фразы. Василій Пантелеймоновичъ прислушивался къ этимъ рассказамъ. Наконецъ, онъ долженъ былъ выходить и вдругъ провозглашаетъ:

— Пера и черна!

Суфлеръ недоумѣнно на него посмотрѣлъ.

— Тыфу ты!—поправился Василій Пантелеймоновичъ и сказалъ:

— Чернила и пернила.

Видя, что всѣ вокругъ смѣются, Василій Пантелеймоновичъ растерялся и сказалъ:

— Черно и перно! То есть перно и черно!

Наконецъ, окончательно выйдя изъ себя, онъ ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Чортъ бы васъ побралъ всѣхъ! Дайте мнѣ, наконецъ, то, чѣмъ пишутъ.

Былъ долгій промежутокъ времени, лѣтъ шесть или семь, В. П. Далматовъ держалъ въ Пензѣ свой театръ.

Суфлеромъ у него былъ горькій пьяница, часто ставившій Василю Пантелеймоновича въ весьма критическое положеніе, но однажды онъ настолько оказался пьянымъ, что его нельзя было втащить въ театръ. Тогда самъ Василій Пантелеймоновичъ полѣзъ въ суфлерскую будку и сталъ суфлировать.

В. П. Далматовъ былъ не въ духѣ. Едва началось представленіе, Василій Пантелеймоновичъ сталъ сердиться.

Актеры перетрусили, путались и ввали.

— Эге, да ты, голубчикъ, роли не знаешь,—вмѣсто реплики прошепталъ Василій Пантелеймоновичъ актеру.—Штрафую тебя на двадцать пять рублей!

Выходитъ актриса. Начинаетъ мямлить, а при видѣ антрепренера въ будкѣ совсѣмъ забыла свою роль.

— А! и ты роли не выучила! И тебя штрафую на двадцать пять рублей,—шепчетъ Василій Пантелеймоновичъ.

Онъ навелъ такую панику на актеровъ, что, наконецъ, одинъ выходной актеръ, забывъ, что онъ дѣйствуетъ на сценѣ, и глядя только на Василя Пантелеймоновича, вплотную подошелъ къ суфлерской будкѣ и умоляюще сталъ просить В. П. Далматова:

— Василій Пантелеймоновичъ, пощадите! Я, ей-Богу, знаю роль.

У Василя Пантелеймоновича былъ другъ, провинціальный трагикъ Рахимовъ. Зашелъ онъ къ нему за кулисы Малаго театра. Посидѣлъ, а потомъ и говорить:

— Плохи дѣла мои.

— Ну-у!—насторожился Василій Пантелеймоновичъ.

— Но скверно при этомъ то, что я—грекъ. А греки, ты знаешь, горды.

Василій Пантелеймоновичъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ну-у! Это ты-то грекъ?

— Да, я и при томъ настоящій эллинъ. Не будь я гордымъ грекомъ, я бы прямо сказалъ тебѣ: старый товарищъ, дай въ долгъ десятку. Но я гордый грекъ и потому у тебя не прошу.

Далматовъ расхохотался.

— Я бы никогда и не заставилъ тебя, гордаго грека, просить у меня взаймы. Я самъ бы предложилъ тебя. Вѣдь я и самъ гордый далматинецъ. Но у меня всего три рубля. Я тоже гордъ и никакъ не могу рѣшиться предложить тебѣ такой пустякъ.

Но «гордый» грекъ сказалъ:

— Хорошо. Я возьму у тебя три рубля,—и гордо положилъ ихъ въ карманъ, а на другое утро прислалъ ему письмо такого содержания:

«Гордый далматинецъ! Не откажи прислать мнѣ дополнительно съ подателемъ сей записки оставшіеся за тобой семь рублей».

Какъ-то Василій Пантелеймоновичъ игралъ въ Юрьевѣ.

Шла «Семья преступника».

Труппа по составу одинъ ужасъ. Ролей никто не знаетъ. Суфлеръ кричитъ маленькому актеру:

— На немъ калабрійская шапка... Волосы длинные, борода всклокоченная.

Актеръ переводитъ:

— На немъ англійская шапка... Одна борода длинная, другая всклокоченная.

Публика смѣется. Выходъ Далматова, и его выходъ—моментъ трагическій.

— Можетъ быть, это бандитъ?—спрашиваетъ монсиньоръ актера.

— Нѣтъ, не архимандритъ,—отвѣчаетъ тотъ:—но личность подозрительная.

Выходитъ Далматовъ. Публика встрѣчаетъ Коррадо смѣхомъ.

Послѣ окончанія сцены онъ за кулисами чуть не избилъ антрепренера.

Василій Пантелеймоновичъ очень любилъ рассказывать о своихъ побѣдахъ надъ женщинами. Однажды сидитъ онъ въ кассѣ одного провинціального театра и рассказываетъ кучкѣ актеровъ о своихъ побѣдахъ.

Подходитъ къ кассѣ мѣстный нотаріусъ брать ложу.

— Жена—красавица!—таинственно говоритъ Василій Пантелеймоновичъ про нотаріуса.—Самъ онъ—мой горячій поклонникъ.

— А что,—спрашиваетъ нотаріусъ кассиршу, не зная, что артисты сидятъ въ кассѣ.—Далматовъ завтра играетъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Ну, и слава Богу. Терпѣть не могу этой богопротивной рожи.

Въ кассѣ нѣмая сцена.

Въ Могилевѣ Василій Пантелеймоновичъ игралъ «Гамлета» въ невыносимую жару. Съ актеровъ лилъ потъ.

Василій Пантелеймоновичъ подходитъ къ Горацію-Высоцкому и, будто продолжая реплику, говоритъ ему:

— Фу, другъ Гораціо! Наше занятіе болѣе зимнее, чѣмъ лѣтнее. Пойдемъ отсюда вонъ, да поскорѣе, дорогой Гораціо.

Когда, однажды, Василій Пантелеймоновичъ игралъ въ Харьковѣ «Іоанна Грознаго», то произошла такая сцена.

На сценѣ не было никого, ждали Грознаго. Вошелъ столъникъ, какой-то молодой актеръ. Видя, что на сценѣ никого нѣтъ и что царь не скоро выйдетъ, онъ въ задумчивости прислонился къ тронному креслу Грознаго и не отодвинулся даже тогда, когда вошелъ царь (В. П. Далматовъ). Увидя это, Василій Пантелеймоновичъ весь загорѣлся и, проходя мимо, зловѣщимъ шопотомъ, слышнымъ только актеру, сказалъ:

— Отодвинься, болванъ, стань поодаль, видишь, царь пришелъ.

Актеръ шарахнулся въ сторону и скрылся въ толпѣ бояръ.

Артистъ императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовъ (Горѣловъ), другъ Василія Пантелеймоновича, однажды превосходно сострилъ надъ нимъ.

Однажды весной, разряженный въ новый весенній костюмъ, въ новомъ цилиндрѣ, съ великолѣпной съ золотомъ тростью въ ру-

какъ садился Василій Пантелеймоновичъ на Невскомъ, у Казанскаго собора, въ ландо. Въ ландо сидѣли двѣ красныя дамы, а двѣ другія стояли съ нимъ на тротуарѣ и готовы были сѣсть въ экипажъ.

Вдругъ къ Василію Пантелеймоновичу подходитъ тучный, раздраженный человѣкъ, въ отвислыми дрожащими щеками, въ скромненькомъ пальто и въ скромной шапкѣ.

— Не хорошо-съ, г. Далматовъ! Не хорошо-съ! Въ ландо катаетесь, прелестныхъ дамъ угощаете-съ, цилиндръ и перчатки и все, что требуется, съ иглочки, а бѣдному портному, у котораго четверо человѣкъ дѣтей, двадцати рублей заплатить не можете! Хожу, хожу, всѣ сапоги износили—дома застать не могу. Одно остается, на улицѣ лови!

На лицахъ у дамъ полное замѣшательство. Василій Пантелеймоновичъ сначала слушалъ Владимира Николаевича съ большой серьезностью, а потомъ улыбнулся и говорить:

— И, полно, Володя! Двадцать рублей—не велики деньги! Подождешь. Не желаешь ли съ нами поѣхать?..

— Ну, нѣтъ, г. Далматовъ! денежки-съ, подайте мои денежки!— и Владимиръ Николаевичъ чуть-чуть не всхлипывалъ.

Замѣшательство выяснилось. Василій Пантелеймоновичъ представилъ своимъ дамамъ своего давнишняго друга и товарища по Александринской сценѣ.

Василій Пантелеймоновичъ уже извѣстнымъ актеромъ поѣхалъ на гастроли въ Сербію. Въ Бѣлградъ онъ пріѣхалъ въ дни убійства сербскаго короля Александра и королевы Драги.

Василій Пантелеймоновичъ былъ встрѣченъ въ Бѣлградѣ съ большими почестями и оваціями, но любвеобильную и не любящую крови душу великаго артиста это событіе особенно поразило.

Когда онъ ужиналъ въ кругу своихъ политическихъ друзей, артистовъ и журналистовъ, онъ сказалъ:

— Оваціи оваціями... Все это хорошо... благодарю... обла- скали... все это въ порядкѣ вещей, хорошее обращеніе съ гостемъ, но зачѣмъ же короля и королеву убивать, вотъ это уже слшш- комъ.

Въ 1906 году съ Василіемъ Пантелеймоновичемъ было чрезвычайно курьезное, въ духѣ русскаго быта, но непріятное происшествіе. Время было тревожное, нервное. Революція была въ разгарѣ. Онъ ѣхалъ въ Баку на гастроли и, проѣзжая черезъ станцію Дербентъ, былъ арестованъ вмѣстѣ со своимъ багажомъ.

Особенное вниманіе жандармы обратили на нераспечатанную коробку заграничныхъ духовъ.

Долго вертѣли ее въ рукахъ, разсматривали.

— Что же это такое?—спрашивали они.

— А тутъ написано...

— А кто ихъ знаетъ, что тутъ написано.

Они, вѣроятно, думали, что это какая-нибудь жидкость для химической обструкціи.

Видя ихъ недоумѣніе, Далматовъ имъ пояснилъ:

— Это—духи.

Добравшись до посоха Іоанна Грознаго, они окончательно не знали, что это такое, для чего нужно и зачѣмъ онъ его везеть.

— Что за штука?..—спрашивали они.

— Это—клюка Грознаго!—пояснилъ Далматовъ.

Но это объясненіе ихъ не удовлетворило, и они еще строже стали досматривать вещи.

Обыскъ продолжался довольно долго. Тѣмъ временемъ Далматовъ успѣлъ извѣстить своихъ товарищей телеграммой о случившемся. Изъ Баку былъ полученъ отвѣтъ:

«Дербентъ, жандарму. Передать задержанному Далматову.

«Товарищ! будь покоенъ, дѣло доведемъ до конца. Давыдовъ, Ходотовъ, Владимировъ».

Послѣ этого жандармы окончательно рѣшили арестовать Василю Пантелеймоновича.

Выручилъ его пріѣхавшій изъ Бендеръ хорошей знакомый Василю Пантелеймоновича, директоръ Сѣвернаго банка Л. Г. Зельцеръ, пояснившій жандармамъ, кто онъ.

Аналогичный случай былъ съ нимъ пять лѣтъ спустя, въ 1911 г., въ Сибири.

Онъ уѣзжалъ на гастроли въ Сибирь по двумъ соображеніямъ: 1) были выгодны матеріальныя условія, и 2) сыгравъ во Владивостокѣ и въ Харбинѣ, онъ хотѣлъ съѣздить въ Пекинъ, гдѣ при нашемъ посольствѣ служить его сынъ, Корнелій.

Однако эта поѣздка была неудачна во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ, собравъ у себя незадолго до смерти учениковъ театральной школы имени А. С. Суворина, онъ давалъ имъ нѣкоторые совѣты и горячо ихъ предостерегалъ отъ поѣздокъ въ Сибирь. Онъ говорилъ:

— Собрался на гастроли въ Сибирь. Поѣхалъ. Новый край, интересные виды, пріятныя знакомства, мягкій пульмановскій вагонъ убаюкиваетъ. Перевалилъ Уралъ. Какіе ландшафты! Какіе виды! Казалось бы, такъ и ѣхалъ бы, такъ и ѣхалъ бы безъ остановки.

«Но не тутъ-то было. По всей Сибирской линіи, оказывается, разыскивали какого-то важнаго политическаго преступника, который, по свѣдѣніямъ полиціи, сѣлъ въ одинъ изъ экспрессовъ въ одномъ изъ приуральскихъ городовъ и удиралъ на Востокъ.

«По всей линіи были даны телеграммы задержать преступника, арестовать его и подъ усиленнымъ конвоемъ доставить въ ближайшій городъ.

«Выборъ жандармовъ палъ на меня. Ко мнѣ въ купе явились два жандарма и вѣжливо попросили пройти въ жандармское управленіе. Затребовали мой багажъ, который тутъ же открыли. Даже не спрашиваютъ, кто я такой.

«Въ глаза жандармовъ бросились прежде всего бутафорскіе мечи, книжки, множество костюмовъ, приборы для грима, пачка писемъ.

«Я молча смотрѣлъ, упорно не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ жандармовъ.

«Жандармскіе офицеры были твердо убѣждены, что они захватили настоящаго преступника. Процедура обыска продолжалась около часу. Въ это время мой поѣздъ ушелъ. Тогда я, въ сильномъ гнѣвѣ, сталъ пушить жандармовъ и требовалъ, чтобы немедленно было произведено сношеніе съ Петербургомъ и установлена моя личность. Дирекція императорскихъ театровъ снеслась съ властями срочными телеграммами. Я отправился въ гостиницу и сталъ ждать слѣдующаго поѣзда. Въ это время ко мнѣ явился адъютантъ генераль-губернатора и передалъ мнѣ извиненія за причиненныя не-пріятности.

«Власти были сконфужены, а я былъ вынужденъ излишне потратиться и измѣнить программу гастролей.

«Нѣтъ, нѣтъ, не поѣзжайте въ Сибирь! Она холодна, она васъ заберетъ, затянетъ и ограбитъ».

Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ превосходно сохранился для своихъ лѣтъ и было невозможно сказать, что ему больше шести-десяти лѣтъ. Неувядаемый типъ донъ-Жуана въ европейскомъ, благородномъ значеніи этого слова. Онъ былъ молодъ духомъ, движеніями, организмомъ, силой. Онъ не любилъ, когда его спрашивали о годахъ. Нѣкоторые считали это странностью, а мнѣ казалось, что эта его черта продиктована ему инстинктомъ самосохраненія. Женщины и ихъ любовь къ нему были для него синонимами счастья и жизни. Женщины же любятъ молодость, силу, остроуміе, стариковъ же любятъ за щедрость и богатство. Онъ не хотѣлъ быть старикомъ. Онъ всегда былъ молодъ и молодымъ, по духу, по переживаніямъ, онъ сошелъ въ могилу.

Онъ всегда говорилъ:

— Я считаю, что для актера всего важнѣе и нужнѣе быть физически здоровымъ, обладать удвоеннымъ количествомъ мускуловъ и хорошей артеріальной системой. вмѣстѣ со мной начало карьеру немало даровитыхъ людей, многіе изъ нихъ повзлетали высоко, но почти всѣ они на томъ свѣтѣ. Остался въ живыхъ лишь я. А почему? Да здоровъ я, и мнѣ многіе завидуютъ на Александринкѣ.

Потому-то онъ и не стремился, чтобы ему давали «заслуженнаго».

Онъ настолько былъ чувствителенъ къ вопросамъ объ его годахъ, что при неудачномъ вопросѣ могъ съ человѣкомъ разойтись изъ-за этого.

Во время юбилея М. Г. Савиной на сценѣ Александринскаго театра было устроено нѣчто вродѣ банкета. Кто-то изъ артистовъ поднялъ бокалъ за здоровье «старѣйшаго» артиста театра В. П. Далматова.

Василій Пантелеймоновичъ счелъ себя оскорбленнымъ и, обиженный, не только не отвѣтилъ на тостъ, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать, но и просто ушелъ съ банкета.

Однажды въ Отрадномъ, гдѣ онъ вставалъ, какъ, впрочемъ, всегда, довольно рано, я замѣтилъ у него на головѣ слегка бѣлѣвшуюся каемочку.

Я и говорю:

— У васъ внизу легонькая каемочка, бѣленькая, какъ у хорошаго выдержаннаго бобра.

Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно.

— А гдѣ?

— Внизу, сзади.

Онъ тотчасъ же посмотрѣлъ на меня и таинственно сказалъ мнѣ:

— Эту тайну должны знать только мы двое. Не надо объ этомъ говорить. Надо забыть.

В. П. Далматовъ былъ всегда весьма самолюбивъ и смотрѣлъ на себя, какъ на крупнаго общественнаго дѣятеля. Поэтому онъ дружилъ съ людьми извѣстными—съ генералами, съ учеными, писателями, драматургами, журналистами, общественными и политическими дѣятелями, съ поэтами, адвокатами т. д. Любилъ онъ молодежь, стремился къ ней, и если видѣлъ, что гдѣ-нибудь свѣтитъ дарованіе или умъ, то тотчасъ же привязывался и оказывалъ всяческія услуги.

Объ его чертѣ быть только на первомъ планѣ знали многіе. На сценѣ, въ своемъ репертуарѣ онъ не могъ допустить соперничества. Онъ всегда сильно боролся за себя.

Про одного артиста Александринскаго театра онъ говорилъ:

— Напрасно ты, братецъ, крадешь далматовскіе тона... У Далматова настоящій, чистый баритонъ. Мягкоъ его баритонъ, нѣженъ, западаетъ въ сердце, слышенъ всюду... Не кради далматовскій тонъ, создай свой. Не надо кражи, Богъ съ ней, съ кражей!

Одна знаменитая драматическая актриса (М. Г. Савина), обладающая весьма ядовитымъ остроуміемъ, отмѣчая страсть Василя Пантелеймоновича быть «премьеромъ», однажды сказала:

— Вѣдь, вотъ Далматовъ... онъ любитъ играть въ пьесахъ заглавные роли. Идетъ, напримѣръ, «Наслѣдство золотопромышленника», такъ ему подавай роль «наслѣдства».

Впрочемъ, Василій Пантелеймоновичъ имѣлъ полное моральное право стремиться къ премьерству, такъ какъ онъ долгимъ, бдительнымъ процессомъ дошелъ до первыхъ ролей. Онъ много лѣтъ игралъ третьи роли, наконецъ вторыя, и только на Александринкѣ онъ сдѣлался премьеромъ.

— Учить я роли трудно,—говорилъ онъ:—но учить на зубокъ, не собьешь меня. Сыгралъ я однажды роль Лейстера. Шумъ, овации... Понравился... Но въ душѣ-то я не былъ доволенъ собой. Пришелъ домой, раскрылъ роль и сталъ снова учить и увидѣлъ, что не то, совсѣмъ не то я игралъ, а вотъ какъ надо было играть. И такъ я часто мучался. Сыгранная роль меня не удовлетворяла. Вѣчная работа... Вѣчное недовольство собой.

Однажды мы съ Василюмъ Пантелеймоновичемъ обѣдали въ клубѣ литературно-художественнаго общества. Къ нему подошелъ весьма почтительно и подобострастно поздоровался какой-то господинъ.

Я спросилъ его:

— Кто это?

— Весьма замѣчательный человѣкъ, біографію котораго мы, вѣроятно, услышимъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ.

Несмотря на нѣкоторые мелкіе недостатки его натуры, Василій Пантелеймоновичъ все же былъ чистый, чуткій, наивный человѣкъ, мечтатель, идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, любившій искусство и людей съ честностью и прямою ребенка, и если мстил кому-нибудь, какъ онъ говорилъ, то мстил только женщинамъ.

— За что?—спрашиваю.

— За жестокость, за непониманіе высокихъ задачъ искусства и за неумѣніе понять бурные и вдохновенные порывы великой и смятенной души мужчины. Ты ей говоришь что-то глубокое, чувствительное, нѣжное, рвущееся изъ глубинъ и изъ тайнъ твоей восхищенной души, а она тебя... равнодушіемъ.

— Такъ въ такомъ случаѣ надо выступить противъ женщинъ скопомъ, всѣмъ вмѣстѣ... попереть противъ нихъ, какъ говаривалъ Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.

— Нѣтъ, противъ нихъ не попрешь...—задумчиво говаривалъ онъ. — Цитадель... нерушимая крѣпость очарованій... Женщины, братъ, на то и даны Богомъ, чтобы понимать, гдѣ ты жалокъ и гдѣ великъ. И все-таки женщину люби, страдай, бейся за нее и люби... Всею душой, всѣмъ пониманіемъ любви. Въ нихъ есть и Божье начало, отыщи его и пойми. Безъ женщины, братъ, нѣтъ культуры, нѣтъ просвѣщенія, нѣтъ искусства. Страдай и бейся за женщину и люби ее.

Однажды Василю Пантелеймоновичу одинъ молодой писатель рассказывалъ, что, изучая мемуары тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, онъ пришелъ къ заключенію, что Пушкинъ имѣлъ исключительное вліяніе на Гоголя во второй половинѣ его литературной дѣятельности, что не будь Пушкина, вѣроятно,

не было бы и Гоголя и что «Мертвыя души» и «Ревизоръ», какъ произведенія, раскрывшія русскій бытъ въ синтезѣ, были въ темѣ даны Пушкинымъ Гоголю по внутреннимъ, скрытымъ основаніямъ политическаго порядка.

— Я тоже объ этомъ много думалъ, когда училъ роль Хлестакова!—сказалъ Василій Пантелеймоновичъ.—Недаромъ такой умный человѣкъ, бывшій декабристъ по своимъ политическимъ идеаламъ, какъ Пушкинъ, далъ Гоголю эти темы... Недаромъ... Онъ имѣлъ что-то въ виду.

— При этомъ важно отмѣтить, что Пушкинъ никого не нашелъ болѣе способнымъ исполнить его задачу... и нашелъ надлежащаго человѣка

— Да, въ этомъ-то вся суть... Помню, такой случай. Умеръ Провъ Садовскій... Большой артистъ! На извозчикѣ ѣдетъ баринъ. Ему извозчикъ и говоритъ: «А слышали, баринъ, Провъ-то, Провъ Садовскій померъ...»—«Померъ. Не велика бѣда! Другіе остались, видѣли, какъ онъ игралъ...» «Оно-то такъ, да вотъ какое дѣло: былъ я намеднись у скакового поля, остановился у дырочки въ заборѣ, да и говорю мерину: гляди-тко, какъ рѣзвятся другіе, бѣгаютъ, учись, братецъ, авось забѣгаешь. А онъ и доселѣ не двигается. Не, можетъ. Не та кровь...» Такъ и съ Гоголемъ... Пушкинъ зналъ, кому давалъ темы.

К. Н. Михайловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОТЪШНАГО ПАВЛОВЦА.

(1871 года).

ВЪ НОЯБРЬСКОЙ книжкѣ 1910 года «Историческаго Вѣстника» я прочелъ замѣтку г-жи Л. Оглоблиной о павловскихъ потѣшныхъ полкахъ, и воспомина- нія о дняхъ давно минувшихъ,—вѣдь это было сорокъ лѣтъ слишкомъ тому назадъ,—такъ нахлынули на меня, какъ участника, что захотѣлось подѣлиться этими воспоминаніями. Главнымъ образомъ, что на- толкнуло меня на мысль эту,—нѣкоторыя неточ- ности въ замѣткѣ г-жи Л. Оглоблиной, и эти неточ- ности въ виду восстановленія, такъ сказать, истори- ческой истины, мнѣ бы и хотѣлось исправить.

Разскажу все по порядку, какъ я попалъ въ число потѣшныхъ и какъ служилъ.

Всегда и всюду это было любимое времяпрепро- вожденіе мальчиковъ — игра въ солдаты, и мы съ моими сверстниками исключенія не составляли. Жила наша семья въ 1871 году на дачѣ въ окрестностяхъ Павловска, въ деревнѣ Ли- ницы, въ четверти версты отъ которой расположена деревня Ново-Весь, далѣе въ четверть версты по направленію къ Пав- ловску—деревня Глазово и еще ближе къ нему Тярлево. Гла- зово и Тярлево были отъ насъ, по нашимъ дѣтскимъ понятіямъ, далеко, а съ Ново-Весью, или, вѣрнѣе, съ мальчиками ея—я ра- зумью дачниковъ только—у насъ была постоянная вражда. Войско было и у нихъ и у насъ, были свои знамена, свои офицеры—по одному—и нижніе чины со значками—палочка

съ маленькимъ бѣлымъ флагомъ. Численностью ново-весинское войско, благодаря тому, что тамъ было гораздо больше дачниковъ, во много разъ превосходило наше, липецкое, но мы не унывали. И у нихъ и у насъ былъ свой лагерь, гдѣ стояли наши знамена, и вотъ однажды мы задумали напасть врасплохъ на ихъ лагерь и выкрасть знамя. Выбрали жаркій день и по одиночкѣ направились со всеми предосторожностями къ Ново-Веси по задворкамъ къ дому, гдѣ стояло знамя у балкона. Одному изъ насъ удалось подкрасться къ знамени, онъ схватилъ его и бросился наутекъ; мы все составляли его конвой и бѣжали съ нимъ. Двое изъ нашихъ враговъ обѣдали въ это время на балконѣ, замѣтили пропажу и бросились за нами, но такъ какъ числомъ мы превосходили на этотъ разъ, то знамя осталось у насъ и хранилось въ нашемъ лагерѣ. Нечего и говорить, что мы считали себя героями.

Черезъ нѣсколько дней, однако, ново-весинскіе вернули свое знамя точно такимъ же образомъ. Помню, у насъ было даже одно большое сраженіе у моста черезъ рѣку Славянку. Правда, сраженіе это окончилось не въ нашу пользу, насъ прогнали съ позиціи, но никто серьезно не пострадалъ, такъ какъ организовано оно было съ разрѣшенія и происходило въ присутствіи родителей, которые, понятно, слѣдили за тѣмъ, чтобы все ограничивалось борьбой, а не дракой.

Такія же войска были и въ деревняхъ Глазово и Тярлево.

Какъ-то разъ, во время ученія, тогда тырлевское войско маршировало по главной улицѣ деревни, проѣзжалъ верхомъ на лошади великій князь Николай Константиновичъ. Офицеръ потѣшнаго войска зналъ въ лицо великаго князя и скомандовалъ: «смирно». Великій князь поздоровался съ ними, тѣ отвѣтили: «здравія желаемъ ваше императорское высочество». Великій князь разговорился съ ними, результатомъ чего было то, что онъ приказалъ набрать солдатъ побольше и что онъ самъ согласился быть ихъ командиромъ. Этотъ эпизодъ я отлично помню со словъ бывшего однополчанина-тырлевца. Какъ шла дальнѣйшая организація войска я не помню и перехожу теперь уже къ тому времени существованія его, когда я принималъ въ немъ личное участіе.

Не помню, въ какомъ мѣсяцѣ точно, въ концѣ мая или въ началѣ іюня, увидѣли мы, что со стороны деревни Ново-Веси движется по шоссе правильными рядами дѣтское войско со значками, и впереди его ѣдетъ настоящій офицеръ въ формѣ, верхомъ на лошади. Съ понятнымъ любопытствомъ мы все смотрѣли на это войско съ завистью. Вотъ оно перешло мостъ, идетъ по шоссе передъ деревней и вдругъ по командѣ офицера остановилось. Нужно сказать, что между шоссе и деревней Липицы есть еще лужайка саженъ въ двадцать—двадцать пять шириной. Черезъ нѣкоторое время, смотримъ, войско по командѣ какъ-то перестроилось, опять какая-то команда,

и вдругъ всѣ солдаты бросились черезъ лужайку бѣгомъ на деревню.

Мальчики наши помладше бросились прятаться въ дачи, но это ихъ не спасло: нападавшіе на деревню солдаты безцеремонно преслѣдовали ихъ и въ домахъ, хватали и, если было нужно, то и силою тащили къ офицеру на лошади, который оставался на шоссе. Схватили и меня и повели къ офицеру. «Сколько тебѣ, мальчикъ, лѣтъ?» спросилъ меня офицеръ.—Я отвѣтилъ, что девять.—«Маль, не годится, отпустить», услышалъ я, и меня отпустили. Я остался стоять тутъ же и былъ свидѣтелемъ того, какъ нѣкоторые родители приходили къ офицеру и просили за своихъ сыновей, чтобы ихъ тоже отпустили, хотя они по возрасту и подходили къ требованіямъ офицера. Но такихъ случаевъ было немного, большинство мальчиковъ оказалось въ плѣну. Скоро все войско вернулось изъ набѣга на деревню и тронулось обратно, ведя за собой и плѣнныхъ подъ конвоемъ. Съ какою завистью я смотрѣлъ на уводимыхъ товарищей постарше! Эта зависть еще возросла, когда часа черезъ два вернулись плѣнные обратно и рассказали, что они приняты въ тырлевское войско, что командуетъ этимъ войскомъ великій князь, что у нихъ будутъ настоящія ружья, будетъ и форма, что они завтра утромъ пойдутъ служить въ Тырлево. Помню, я даже заплакалъ отъ зависти. Тогда одинъ изъ счастливецевъ предложилъ мнѣ итти вмѣстѣ съ ними завтра въ Тырлево: «Ты стань въ ряды, ничего, не замѣтятъ, дадутъ значокъ, ты и будешь тоже солдатомъ».

Помнитея мнѣ, что отъ волненія, удастся ли нашъ замыселъ, я почти не спалъ ночью, всталъ ни свѣтъ, ни заря, что называется, и въ семь часовъ утра уже отправился съ новобранцами въ Тырлево осуществлять затѣянный обманъ. Все обошлось благополучно. Сталъ въ ряды съ мальчиками одного со мной роста, скоро пришли офицеры изъ мальчиковъ же и стали раздавать намъ значки. Получилъ и я значокъ. Какъ я былъ счастливъ въ этотъ моментъ!

Вскорѣ пріѣхалъ и вчерашній офицеръ, оказавшійся великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ. Построили насъ въ ряды, и мы пошли на прогулку. Нѣсколько дней мы ходили недалеко: у Тырлева была полянка, которая съ трехъ сторонъ окружена березовой аллеей, четвертой примыкала къ деревнѣ; на этой полянкѣ и шли строевыя ученія, продолжавшіяся съ девяти часовъ утра до одиннадцати, когда раздавался сигналъ къ обѣду. Первое время, пока насъ, солдатъ, было немного, кормили насъ слишкомъ хорошо, случалось, давали намъ даже мороженое, но позднѣе, когда войско выросло что-то до трехсотъ слишкомъ человекъ, дѣло упростили. За нами всегда слѣдовалъ обозъ съ какими-то большими котлами на колесахъ и въ этихъ котлахъ варили то щи, то кашу, которую мы и получали въ маленькихъ котелкахъ на двоихъ съ ломтями солдатскаго хлѣба. Кромѣ того, были большіе баки или бочки, не

помню, съ квасомъ. Давали того и другого, сколько кто хотѣлъ. Послѣ обѣда маленькій отдыхъ, во время котораго часто великій князь собиралъ насъ вокругъ себя, и мы пѣли хоромъ: «Было дѣло подѣ Полтавой», «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и другія, при чемъ запѣвалой былъ всегда великій князь. А затѣмъ или насъ отпускали домой, или шли ученія и гимнастика до часу или двухъ, тогда мы возвращались въ Тярлево, сдавали свои значки и шли по домамъ. Сколько разговоровъ, сколько впечатлѣній приходилось выслушивать домашнимъ нашимъ отъ восторженныхъ солдатъ-мальчиговъ. Вѣдь мы же были настоящими солдатами! Такъ продолжалось, должно быть, съ недѣлю, и вотъ намъ объявили, что на завтра назначено взятіе деревни Глазово, съ цѣлью набрать еще плѣнныхъ. Помню, собрались, какъ всегда, между восьмью-девятью часами утра, разобрали значки, построились и тронулись въ путь по направленію къ Глазову.

Деревня Глазово расположена на лѣвомъ берегу рѣки Славянки, на возвышенности, причеиъ дома построены почти что правильнымъ кругомъ, откуда, думается мнѣ, и самое названіе отъ слова «глазъ». Мы перешли на правый берегъ рѣки по мосту и до одиннадцати часовъ, какъ всегда, занимались ученіемъ и гимнастикой. Послѣ этого намъ дали обѣдъ. Разбрелись мы со своими котелками кто куда, пообѣдали, пошли за квасомъ къ бочкамъ, стоявшимъ у рѣки, и замѣтили, что вода въ рѣкѣ, которую въ обыкновенное время можно перейти вбродъ, значительно прибыла, а скоро почти сравнялась съ берегами. Мы поняли, что, вѣроятно, по чьему-нибудь приказанію спустили воду изъ павловскихъ прудовъ, которые собственно и образованы помощью плотинъ на той же рѣкѣ Славянкѣ.

Послѣ короткаго отдыха намъ было приказано навести мосты черезъ рѣку, для перехода на лѣвый берегъ къ деревнѣ Глазово. Раздобыли досокъ, жердей, нѣкоторымъ приходилось работать въ водѣ, и черезъ короткое время два моста были готовы, тогда сыграли сборъ, мы построились и по сигналу стали переходить по мостамъ на другой берегъ. Одинъ изъ мостовъ подѣ самый конецъ переправы не выдержалъ, и часть солдатъ-мальшей, которые переправлялись по нему, попадали въ воду, но въ общемъ, конечно, все кончилось благополучно и, переправившись, опять всѣ построились. Раздался сигналъ «въ атаку», и бросилось храброе воинство завоевывать себѣ новыхъ товарищей изъ дачниковъ деревни Глазова. Запыхавшись, добѣжали мы, поднявшись на горку, до деревни и погнались за мальчиками. Помню, одинъ изъ нихъ, подходящій для моего возраста и роста мальчикъ, убѣгая отъ меня, скрылся въ какую-то дачу и заперъ за собой дверь. Я, нисколько не задумываясь, влѣзъ въ открытое окно и настигъ-таки его въ свѣтелкѣ. Сталъ уговаривать его итти со мною, но онъ не соглашался.

Не желая вступать съ нимъ въ борьбу, я позвалъ къ себѣ на помощь товарища, и мы силой потащили своего плѣнника къ великому князю.

Наша добыча за этотъ день доходила, помнится, до сорока-пятидесяти мальчиковъ-плѣнниковъ, которыхъ мы подъ конвоемъ и отвели въ нашу штабъ-квартиру, въ Тярлево. Добрались мы туда часамъ къ пяти порядочно-таки усталые, но чрезвычайно довольные и счастливые, и отправились по домамъ. Очень скоро послѣ этого послѣдняго набора новобранцевъ, когда всѣ были немного обучены строю, намъ объявили, что все наше храброе воинство будетъ раздѣлено на три отдѣльных полка, смотря по возрасту. Кълется, дѣло было такъ: отъ шестнадцати-четырнадцати лѣтъ—Липецкій полкъ, отъ четырнадцати-двѣнадцати—Тярлевскій и младше двѣнадцати—Глазовскій. Въ каждомъ полку было по командиру, конечно, изъ мальчиковъ постарше, т. е. шестнадцати-пятнадцати лѣтъ, было по знамени и заведена была обмундировка. Липецкому полку роздали конфедератки, что носятъ стрѣлки Его Величества, бѣлыя съ синими полосками рубахи съ синими же шнурковыми съ кистями кушаками, и вооруженъ онъ былъ кадетскими ружьями; Тярлевскій полкъ—такія же конфедератки, такія же рубахи только съ красными полосами, и кушаки красные, съ кистями; вооруженіе ихъ было—казацкія пики укороченнаго образца, и Глазовскій полкъ—бѣлыя рубахи и черныя кушаки ремневые, конфедератки и вооруженіе—бѣлые значки. У офицеровъ была своя форма, у всѣхъ однообразная: конфедератка, красная рубаха и золотые съ кистями кушаки; рекомендовалось имѣть высокіе сапоги и шаровары, они у всѣхъ почти и были, и вооруженіе—сабли на кожаной португелѣ. Полковые командиры носили еще шпоры, такъ какъ у каждаго было по пони-лошадкѣ. Помню нашъ дикій дѣтскій восторгъ, когда насъ обрядили въ новую форму, какими гордецами мы явились домой. А когда ходили на «музыку» въ Павловскій вокзалъ, то были твердо убѣждены, что щеголеватѣе насъ нѣтъ людей во всемъ свѣтѣ и гордо прохаживались среди разряженной дачной публики. Иногда у насъ появлялся и оркестръ. Должно быть, великій князь выпросилъ у своего отца, генераль-адмирала Константина Николаевича, оркестръ одного изъ экипажей. Теперь уже мы часто учились подъ музыку. Чтобы еще больше разнообразить наши занятія, было приказано строить свой собственный укрѣпленный лагерь. При вѣздѣ въ Тярлево со стороны деревни Глазово, на правой сторонѣ было небольшое, сажень въ тридцать-сорокъ въ квадратѣ, пустое не застроенное мѣсто,—здѣсь-то и рѣшили устроить укрѣпленіе. Трудно описать, съ какимъ рвеніемъ мы работали надъ возведеніемъ своей твердыни: таскали землю, песокъ, рѣзали дерень, устраивали рвы и траншеи, построили сторожевую землянку и, какъ вѣнецъ всего, установили мѣдную пушку, при-

везенную изъ Павловска, по распоряженію великаго князя. Къ этой пушкѣ было положено и извѣстное количество зарядовъ, и при- ставленный къ ней матросъ-комендоръ каждый день производилъ полуденный выстрѣлъ. Теперь все оружіе и знамена хранились въ нашемъ укрѣпленномъ лагерѣ; установлена была строгая караульная служба, причемъ по ночамъ дежурили только солдаты Липецкаго полка, какъ болѣе старшіе по возрасту. Дѣло шло такъ успѣшно, что въ началѣ іюля можно было даже сдѣлать всему войску смотръ, который и былъ назначенъ на канунъ Ольгина дня — 10-го іюля. Смотръ прошелъ при громадномъ стеченіи народа и прошелъ, по общему мнѣнію, очень хорошо: мы такъ отчетливо производили всѣ упражненія со своими ружьями, пиками и значками и такъ стройно маршировали съ перестроеніями, что не разъ раздавались аплодисменты зрителей.

Послѣ смотра мы были отпущены по домамъ съ тѣмъ, чтобы къ шести часамъ собраться вновь: великій князь объявилъ намъ, что сегодня вечеромъ будетъ въ честь насъ большой фейерверкъ на Павловскомъ озерѣ, что послѣ этого мы будемъ тамъ же у озера и почевать въ палаткахъ и на слѣдующій день назначенъ штурмъ павловской крѣпости. Великій князь прибавилъ, что желающихъ посмотрѣть на этотъ двойной праздникъ родителей и родственниковъ солдатъ-потѣшныхъ онъ приглашаетъ тоже. Къ шести часамъ мы были уже всѣ на мѣстахъ, построились и подъ звуки оркестра от- правились стройными рядами на Павловское озеро. Тамъ мы уви- дѣли массу палатокъ, раскинутыхъ для насъ, и трибуны для посто- роннихъ зрителей. Былъ чудный лѣтній вечеръ, небо совершенно безоблачно и тишина такая, что озеро стояло передъ нами, какъ громадное зеркало. Слѣва, со стороны дворца виденъ былъ рядъ лодокъ, на которыхъ желающіе могли въ обыкновенное время без- возмездно кататься по озеру, теперь же въ ожиданіи фейерверка онѣ тоже спокойно стояли на привязи. Посреди озера стоялъ больш- ой, по нашимъ дѣтскимъ понятіямъ, корабль, съ мачтами.

Въ девять часовъ заигради зорю, одинъ изъ Липецкаго полка прочелъ молитву, и только что онъ кончилъ, какъ взвилась ра- кета, зашипѣла, разорвалась, и цѣлый пакетъ разноцвѣтныхъ ша- риковъ тихо поплылъ къ землѣ обратно. Мы не успѣвали слѣдить за той массой разнообразнѣйшихъ огней и фигуръ, которыя по- слѣдовали за этой сигнальной ракетой. Часа полтора простояли мы съ разинутыми ртами и безотчетно аплодировали вмѣстѣ съ публикой рѣшительно всѣмъ номерамъ на диво удавагося ве- чера. Но апоѳеозъ его поразилъ насъ совершенно, когда корабль, стоявшій посреди озера, вдругъ весь, по всему корпусу и мачтамъ, освѣтился разноцвѣтными огнями. Казалось, онъ весь сложенъ изъ огней, и вдругъ раздался оглушительный трескъ, и волшебный огненный корабль взлетѣлъ на воздухъ и погрузился въ темныя

воды озера. Вечеръ кончился, публика стала расходиться, а мы съ удовольствіемъ разошлись по своимъ палаткамъ и быстро заснули на сѣнѣ, снявши только сапоги. Нужно было выснаться хорошенько, за день мы порядочно утомились и на смотру, и походъ сдѣлали въ Павловскъ, и фейерверкъ смотрѣли, а на завтра еще предстоялъ штурмъ.

На утро просыпались мы кто когда хотѣлъ, насъ не будили, но къ восьми съ половиной часамъ всѣ уже встали, умылись и потянулись къ чанамъ съ чаемъ; каждый получилъ по трехкопеечной булкѣ. Въ девять съ половиной часовъ пріѣхалъ великій князь, насъ построили и повели къ лодкамъ. Предстояло переплыть къ крѣпости черезъ озеро и, выстроившись уже на островѣ, итти на штурмъ. Помню, что въ лодкѣ, на которой я ѣхалъ, было очень много насъ, солдатъ, и мы боялись, какъ бы она не черпнула бортами. Какъ только пристали къ острову, изъ крѣпости стали стрѣлять. Подождавши, пока всѣ полки переправятся, мы полѣзли на гору. Было жарко и лѣзть на гору, перебираясь черезъ рвы и взбираясь на откосы, было не легко. А тутъ еще эти страшные выстрѣлы. Какъ сейчасъ помню, рядомъ со мной карабкался какой-то толстый-толстый мальчикъ, пыхтѣлъ онъ, какъ паровозъ, но не отставалъ отъ товарищей своихъ. Добрались мы уже совсѣмъ до самыхъ пушекъ, какъ вдругъ «ба-бахъ», смотрю мой сосѣдь-толстякъ кубаремъ летитъ внизъ подъ гору,—оказалась, это газами отъ выстрѣла его сбросило внизъ. Мы сейчасъ же попали на матросовъ, стрѣлявшихъ изъ этой пушки, и связали имъ руки. Крѣпость была взята, и на какой-то подушкѣ намъ вынесли старый большой ключъ. Мы побѣдителями расхѣлялись по двору и постройкамъ крѣпости. Скоро заиграли сборъ, намъ дали обѣдъ, отдохнули, великій князь поблагодарилъ насъ за отличную службу, и мы пошли опять строемъ съ музыкой черезъ городъ Павловскъ къ себѣ въ лагерь въ Тярлево. Было воскресенье, погода—чудная, публики масса, а мы гордо, побѣдителями проходили по улицамъ и намъ казалось, что счастливые насъ иѣтъ людей на бѣломъ свѣтѣ. Долго еще толковали и перетолковывали объ этихъ двухъ чреватыхъ событіяхъ дняхъ.

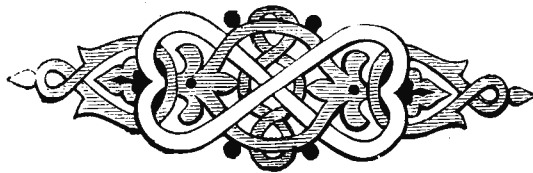
Послѣ этого смотра ученія у насъ происходили уже не каждый день, и мы аккуратно ходили только на караульную службу, да и это продолжалось недолго, и въ концѣ іюля насъ совсѣмъ распустили, оставивъ намъ обмундировку на память.

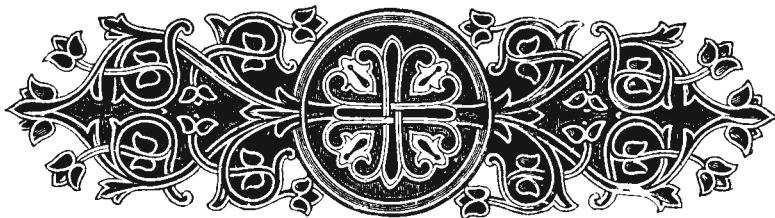
Оружіе все было отобрано. Изъ-за чего это произошло, точно не могу сказать.

Дѣло было такъ. Былъ я какъ-то на «музыкѣ» въ Павловскомъ вокзалѣ, какъ вдругъ среди публики распространился слухъ, что у насъ въ лагерь не все благополучно: идетъ какая-то стрѣльба изъ нашего орудія. Я замѣтилъ, что наши офицеры, очень замѣтные среди публики, благодаря своимъ краснымъ рубахамъ, съ музыки

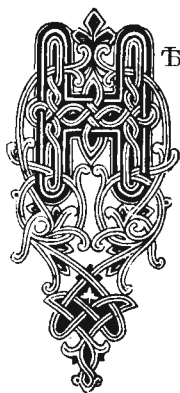
ушли всё. Въ этотъ вечеръ я такъ и не узналъ, въ чемъ дѣло, а когда на слѣдующее утро явился въ лагерь—вижу, что нашей пушки уже нѣтъ, нашъ лагерный значокъ или, вѣрнѣе, —крѣпостной флагъ уже не поднятъ, и тярлевскіе товарищи заявили, что вчера ночью съ музыки пріѣзжалъ въ лагерь великій князь и приказалъ объявить, что больше въ это лѣто онъ съ нами заниматься не будетъ. Грустно было наше возвращеніе домой. Не хотѣлось больше играть въ солдаты у себя въ деревнѣ, какъ-то мизерна казалась всякая наша затѣя послѣ такого большого войска изъ трехъ цѣлыхъ полковъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого пришлось отправиться въ гимназію, я тогда только что перешелъ въ первый классъ. Крѣпко надѣялись, что въ будущее лѣто мы опять будемъ солдатами, да не суждено было повториться волшебному для насъ 1871 году, такъ онъ единственнымъ и остался. Но какъ живо все всплыло въ памяти, какъ я понимаю душевное чудное состояніе дѣтишекъ-участниковъ теперешнихъ потѣшныхъ войскъ, идея о которыхъ зародилась въ головѣ великаго князя Николая Константиновича цѣлыхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Кто знаетъ, къ чему бы привела насъ эта идея, если бы она была подхвачена съ такимъ же энтузіазмомъ тогда, въ 1871 году, а не почти что сорокъ лѣтъ спустя.

Г. Метцнеръ.

ЧОРТОВА КУКЛА.

НЕСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ прожить зиму въ губернскомъ городѣ N., въ то время еще захолустномъ и не соединенномъ непосредственно съ Петербургомъ желѣзной дорогой. По свойству моихъ дѣлъ, привлечшихъ меня въ N., пришлось мнѣ достаточно близко познакомиться съ мѣстной администраціей, какъ губернской, такъ и уѣздной, съ ея нравами и обычаями, довольно своеобразными и любопытными. Не даромъ мѣстные старожилы-шутники острили, что въ губернскомъ гербѣ слѣдовало бы изобразить въ видѣ эмблемы «руку загребушую» и къ ней пояснительный девизъ— перефразированный евангельскій афоризмъ: «рука берушаго не оскудѣваетъ».

И, дѣйствительно, достатокъ мѣстныхъ заправиль, въ особенности изъ числа второстепенныхъ, получавшихъ по штату сравнительно мизерное жалованье, не только не окудѣвалъ, но годъ отъ году приумножался. Въ губерніи царилъ вакханалія взяточничества. Въ трехъ вѣдомствахъ служили три родныхъ брата—три кита, на которыхъ покоилось благополучіе губерніи. Кто умѣлъ жить съ ними въ ладу,—преуспѣвалъ; строптивцамъ, т. е. людямъ порядочнымъ, не давали дышать.

— Удивительно,—возмущался я, попавъ какъ-то въ масленичное время къ давнишнему пріятелю-знакомцу, не крупному мѣстному помѣщику Ипату Ивановичу:—удивительно все же, что въ наше время подобныя дѣла творятся почти въ открытую и остаются втуне.

— А мы, стародавніе обыватели, и удивляться давно позабыли,—флегматично возразилъ Ипать Ивановичь.—Порядки наши традиціонныя, издавна они уже ведутся, привыкли мы къ нимъ. То ли еще бывало.

Онъ подумалъ, ухмыльнулся въ пушистыя сѣдые усы и сказалъ:

— Да вотъ, къ слову, припомнилась одна исторійка. Прелюбопытный, доложу я вамъ, анекдотъ. Такъ сказать, бытовая трагикомедія во многихъ картинахъ изъ нашей давнишней жизни. И коли вамъ охота послушать...

Я выразилъ живѣйшій интересъ услышать «трагикомедію». Окружающая насъ обстановка располагала къ кейфу, къ послѣобѣденной лѣнливой болтовнѣ. Насъ уютно покоилъ въ своихъ объёмистыхъ нѣдрахъ обширный семейный уголовой диванъ. Кругомъ раскинулась старинная пузатая мебель краснаго дерева, навѣвавшая ласковыя, тихія мысли о добромъ прошломъ. Сквозь раскрытыя двери виднѣлся рядъ крохотныхъ комнатокъ этого преземстаго, вросшаго въ землю, уютнаго теплаго помѣщичьяго флигелька, съ старательно натертыми воскомъ крашеными полами и съ аккуратноратно убѣжавшей по нимъ вдоль домотканной дорожкой, которая терялась у порога спальни, откуда ласково свѣтился огонекъ въ красной лампадѣ передъ кіотомъ.

— Да, вотъ,—угадалъ мои мысли хозяинъ,—живу я давно уже въ этомъ тихомъ покоѣ, какъ въ царствіи небесномъ. Удалился я сюда лѣтъ двадцать тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ случилась исторійка, о которой я хочу вамъ рассказать. Служилъ я въ то время совѣтникомъ губернскаго правленія, куда попалъ изъ мировыхъ посредниковъ и откуда вскорѣ же ушелъ въ отставку. Случилось это въ славныя времена правленія нашей губерніей сіятельнаго чудотворца, грознаго генерала —ова. Собственно, управлялъ губерніей не столько самъ генералъ, сколько правитель его канцеляріи, нѣкій,—назовемъ его сходственно—Ома Усѣкновскій, проныристый хапуга изъ поповичей, вмѣстѣ со своей волоокой и сладкотѣлой супругой, рѣшившейся, какъ полагали, на мезальянсъ съ нимъ въ виду грѣшковъ молодости и въ чаяніи обильныхъ житейскихъ благъ, обѣщанныхъ супругомъ. Сіятельный же генералъ, вкушая радости жизни съ супругой правителя, допуская послѣднимъ къ проявленію власти лишь въ качествѣ пугала на страхъ его, правителя, врагамъ. Губерія наша и въ тѣ времена считалась и Богомъ, и начальствомъ забытой. Дѣла творились у насъ прямо невѣроятныя, не теперешнимъ чета. Взятничество процвѣтало во всю. На мѣста, какъ по крестьянскому управленію, такъ и въ особенности по полиціи, существовала установленная правителемъ Усѣкновскимъ такса. Разумѣется, личныя качества кандидатовъ на эти мѣста въ расчетъ не принимались, и вся губернія, кишѣвшая ничтожными сатрапами, находилась во власти на-

садившаго ихъ Усѣкновенскаго. Такъ тянулось много лѣтъ. Наконецъ слухи о царившихъ у насъ порядкахъ дошли и до Петербурга. Столица обратила на насъ свое благосклонное вниманіе, и назначеніе къ намъ сенаторской ревизіи считалось вопросомъ рѣшеннымъ. Усѣкновенскій поджалъ хвостъ. Чувствуя за своей спиной каверзы правителя, палъ духомъ и нашъ генераль. Приуныла и вся канцелярская братія, кромѣ обособленнаго кружка нелюбимцевъ правителя,—къ числу ихъ и я принадлежалъ,—воспрянувшихъ духомъ при вѣсти о готовой разразиться очистительной грозѣ. Но проходили предположенные сроки, а ревизія все не жаловала. Наконецъ слухи о ней окончательно замолкли, и жизнь нашихъ правителей вошла въ обычную колею. Между тѣмъ, въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день въ канцеляріи нашего сѣятельнаго появилась прехорошенькая дѣвица. Было это къ концу лѣта. Откуда она взялась—никто не зналъ. Звали ее Маріей Ивановной. Была она прехорошенькая собой: рожца этакая интеллигентная, завлекательная, фигурка пухленькая, пикантная. Ходить—будто на пружинкахъ танцуетъ. На крутой груди носила золотой значокъ одного изъ петербургскихъ институтовъ. Словомъ, по всѣмъ статьямъ видать—барышня изъ хорошаго общества. А главное—было въ ней что-то особенное, чего словами не передать. Жуткая, манящая глубина какая-то. Такъ къ ней и тянуло. Ну-съ, прибыла къ намъ Марія Ивановна и непосредственно къ грозному Өомѣ Усѣкновенскому обратилась:

— Такъ, моль, и такъ, имѣю желаніе постигнуть служебную премудрость подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ. Мѣста, говорить, не прошу, а просто хотѣлось бы научиться службѣ.

А долженъ вамъ замѣтить, у Өомы нашего, несмотря на его плюгавый видъ, насчетъ женскаго пола губа, что называется, была не дура.

— А для какой же, собственно, надобности?—спрашиваетъ.

— Да просто такъ,—говорить.—Я одинока. Надо же чѣмъ-нибудь заняться. Приѣхала я въ сосѣднюю губернію получать наслѣдство послѣ умершей тетки, въ Петербургъ возвращаться не хочется, дѣлать мнѣ тамъ нечего, да и больше по душѣ провинція. Обращалась я въ присутственныя мѣста въ сосѣдней губерніи. Оказывается, тамъ женщинъ на службу не принимаютъ. Про васъ же я слышала много хорошаго, какъ объ опытномъ администраторѣ, вотъ и рѣшилась попытать счастья.

— А какое изволили получить образованіе?—спрашиваетъ.

— Институтъ,—говорить,—въ Петербургѣ кончила.

— И на машинѣ писать умѣете?

— Умѣю,—говорить.—А еще стенографію знаю и три новыхъ языка.

Ну, какъ отъ такого клада отказаться!

— Ладно,—облизнулся Оома.—Приходите, дамъ работу, а тамъ посмотримъ.

И стала у насъ Марія Ивановна служить. Не прошло двухъ недѣль, со всѣми перезнакомилась, всѣхъ очаровала и подкупила своей прелестной жизнерадостной молодостью. Байбаки-чиновники подтянулись, другъ предъ дружкой ухаживать за Марьей Ивановной стали. А она всѣмъ ровно вниманіе оказываетъ. Бывало, придуть на службу, а на столахъ сюрпризы ихъ ждуть: у кого ягоды на тарелочкѣ, у кого печенье или пирожное собственнаго барышнинаго издѣлія. Работала же Марія Ивановна удивительно. На машинкѣ барабанила—такъ и трещала. Даже бумаги толково составлять умѣла. Оома передъ ней такъ и таялъ. Сталъ давать Маріи Ивановнѣ отвѣтственныя работы, а тамъ дальше, въ виду ея аккуратности, секретный отдѣлъ ей поручилъ. Къ себѣ въ кабинетъ и заниматься ее посадилъ, ревнуя въ другимъ чиновникамъ. А тѣ отъ мала до велика предъ ней такъ и увивались. Даже старнику-полицеймейстеру голову вскружила и вѣчно, бывало, съ нимъ шушукается. Писарекъ же у насъ былъ одинъ убогій, безталанный, Жаворонковъ по фамиліи, такъ тотъ отъ избытка чувствъ даже стихи началъ сочинять, какимъ-то окаяннымъ опопонакомъ канцелярію продушилъ и все свое жалованье на розовые галстучки тратилъ. Частенько, бывало, и ко мнѣ забѣжитъ Марія Ивановна. Губернское правленіе наше въ томъ же домѣ помѣщалось. Большая у насъ съ ней дружба повелась. Прибѣжитъ на минутку—краснымъ солнышкомъ скуку канцелярскую освѣтитъ, смѣхомъ серебристымъ такъ и заливаётся,—а смѣхъ у нея какой-то особенный, задорный, веселый былъ. Начнешь, бывало, съ ней душу отводить, а она вдругъ бесѣду на какое-нибудь дѣло сведеть. Очень дѣлами нашими интересовалась.

— Да бросьте вы, Марія Ивановна, мертвечину эту нашу,—скажешь ей, бывало.—Столько въ васъ весенней чистой молодости и красоты, къ чему вамъ ее нашими сѣрыми будничными дрызгами грязнить.

— У меня,—смѣется,—такое призваніе.

— Какое же это призваніе?—скажешь.—Ваше призваніе—жизнь красить, а не въ глуши нашей прозябать. И семьи-то вы хорошей, и образованіе получили, и въ средствахъ, повидимому, не нуждаетесь. На что вамъ наша чиновничья лямка? Вамъ дорога широкая пужна, а не наши непролазные провинціальныя проселки.

Улыбнется, а все о дѣлѣ снова рѣчь заведетъ.

— Да бросьте, право,—скажешь.—Давайте лучше о живой жизни, о литературѣ, о столичныхъ театрахъ поговоримъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заторопится.—Мнѣ некогда. Дѣло есть. Надо еще въ нѣсколько отдѣленій забѣжать.

Зальеть всю комнату свѣтлой улыбкой и звонкимъ раскатомъ смѣха и упорхнеть. Вотъ, бывало, думаешь,—жена. Дѣловитая, умная, прелестная своей женственностью и лучезарной молодостью. Такой жены въ нашемъ провинціальному затхлому болотѣ не сыскать. Живой человѣкъ. Новая женщина. Съ пей не соскучишься жизньъ рука объ руку пройти. Тревоги, пожалуй, много дастъ, зато и опуститься не позволить. Серьезно мысли эти одолѣвать начали... Ну-съ, однимъ словомъ, ожила съ прїѣздомъ Маріи Ивановны наша губернская канцелярія. Обратилъ наконецъ на нее вниманіе и самъ нашъ сіятельный генераль. Была у него страстишка мемуары писать и проекты сочинять на маниловскій образецъ. И тутъ стенографія Маріи Ивановны особенно пригодилась. Стала къ нему запросто вхожа. Бывало, по дѣлымъ вечерамъ въ своемъ кабинетѣ диктуеть ей мемуарныя ахины. Даже къ помпадуршѣ охладѣвать началъ. Полицеймейстеръ свободнѣе вздохнулъ: «большіе выходы почти прекратились». А назывались у насъ «большими выходами» ночныя прогулки сіятельнаго къ супругѣ Оомы. Выйдетъ, бывало, инкогнито вечеромъ погулять, а самъ зайцемъ къ дамѣ сердца. За нимъ по пятамъ на почтительномъ разстояніи полицеймейстеръ, за этимъ приставъ, дальше околоточный, а въ завершеніе шествія пара городскихъ. Оома, упрежденный о радостномъ визитѣ,—шанку въ охапку и въ клубъ. Такъ, бывало, и въ приказѣ секретно нарядъ назначался: «на случай ночного выхода его сіятельства...» А тутъ, съ началомъ стенографическихъ сеансовъ «большіе выходы» вдругъ прекратились. Злые языки стали даже прочить Марію Ивановну въ новыя помпадурши, и чиновники изъ слабодушныхъ прозорливцевъ угодливо предъ ней залебезили. Я въ эти злые толки не вѣрилъ, а все же пытался Марію Ивановну предупредить. Но та и бровью не вела.

— Вздоръ!—говорить.—Я стою выше сплетенъ. Старичокъ вашъ, право, очень милый. Отчего же мнѣ ему не помочь!

Улыбнется своими ямочками—и въ самомъ дѣлѣ, думаешь, вздоръ.

— Ну-съ, долго ли, коротко ли, подпалъ нашъ генераль окончательно подъ власть чаръ Маріи Ивановны, а за нимъ слѣдомъ полетѣла кувырккомъ и вся наша канцелярская братія во главѣ съ Оомой Усѣкновенскимъ. Не устоялъ подъ наплывомъ молодыхъ мечтаній и вашъ покорнѣйшій слуга и, весьма недвусмысленно объяснившись съ прекрасной дѣвицей, даже нѣкое уклончивое общаніе получилъ. Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день наша очаровательница такъ же неожиданно стинула, какъ и появилась на нашемъ горизонтѣ. Прошла недѣля, другая,—о ней ни слуху, ни духу. Сіятельный изъ себя выходилъ, полицію на ноги во всей губерніи поставилъ. Но выяснить, откуда взялась и куда упорхнула наша Марія Ивановна, оказалось невозможнымъ. Снова во-

царилась въ нашей канцеляріи непроглядная будничная провинціальная скука, нарушаемая уныломъ скрипомъ перьевъ и сбивчивымъ перестукиваніемъ «Ремингтона» подъ неумѣлой рукой замѣнившей Марію Ивановну неопытной бѣлесоватой машинистки. Снова потянулись по ночамъ церемоніи «большихъ выходовъ». И снова гордо воспрянула головой униженная было въ своемъ помпадурскомъ достоинствѣ волоокая *madame* Усѣкновенская. Однако вскорѣ нагрянувшія неожиданныя событія особой важности, всколыхнувъ начавшее было плѣсневѣть болото нашей канцелярской жизни, заставили насъ отвлечься отъ горестной мысли объ утратѣ Маріи Ивановны. Неожиданно нашъ славный сіятельный генераль былъ вызванъ въ Петербургъ, откуда вернулся мрачнѣе осенней ночи, и, пригласивъ Оому Усѣкновенскаго, объявилъ ему, что, согласно приказанію свѣше, онъ вынужденъ возбудить предъ прокурорскимъ надзоромъ дѣло объ его—Усѣкновенскаго—служебныхъ похожденіяхъ. Говорять, бѣдному генералу пришлось пережить нелегкую минуту душевной пытки объясненія съ дамой сердца, упрекавшей его въ предательствѣ и черной неблагодарности. Дальнѣйшія событія пошли учащеннымъ темпомъ, и предъ нами въ фантастическомъ калейдоскопѣ мелькнули невѣроятныя картины жестокой дѣйствительности.

Началось слѣдствіе о злодѣяніяхъ Оомы Усѣкновенскаго, и нашъ грозный, мудрый правитель, отданный подъ судъ, былъ ввергнутъ въ узилыще предварилки. Закопошились страшные, подтвердившіеся потомъ слухи объ его похожденіяхъ. Говорили, къ ужасу щепетильныхъ дамъ мѣстнаго бомонда, что помпадурша, передъ которой своевременно этими дамами было выкурено достаточно еиміама, оказалась не законной супругой Оомы Усѣкновенскаго, а случайной подругой жизни изъ захолустныхъ опереточныхъ примадоннъ. Узнали, что самъ Оома Усѣкновенскій, сынъ причетника, наградившій себя за время службы знаками отличія и изрядными чинами, въ сосѣднихъ губерніяхъ не одно доходное имѣніе приобрѣлъ. А въ завершеніе всѣхъ этихъ невѣроятныхъ слуховъ узнали мы къ общей горести послѣднюю, поразившую наши смущенныя души новость, что славный генераль нашъ покидаетъ свой постъ, да уходитъ не въ почетный архивъ, а въ чистую отставку. Дѣсь, закручинилась наша губернія. Я же, чтобы развѣять тоску души моей, смущенной всѣми этими невѣроятными событіями, взялъ двухмѣсячный отпускъ и покатилъ въ Петербургъ.

Какъ-то на святкахъ пріятель повелъ меня въ Александринку. Въ антрактѣ стоимъ, глазѣмъ и разглядываемъ публику. Вдругъ, представьте себѣ мой восторгъ и удивленіе,—вижу, входитъ въ партеръ наша милая Марія Ивановна. Шла она, бесѣдуя съ полицейскимъ офицеромъ, какъ мнѣ показалось, зорко и какъ-то дѣловито всматриваясь въ тѣснившуюся возлѣ прохода толпу. На мгно-

веніе глаза наши встрѣтились, и я, не помня себя отъ радости, дружески закивалъ ей головой и готовъ былъ устремиться къ ней навстрѣчу. Но пріятель, вѣроятно прослѣдивъ направленіе моего взгляда, торопливо удержалъ меня за руку.

— Послушай, ты съ ума сошелъ!—осадили онъ мой порывъ.— Съ кѣмъ ты такъ умильно раскланиваешься?

— Ахъ, да ты представить себѣ не можешь, какая пріятная встрѣча: вѣдь это наша милая Марія Ивановна. Пусти...

И я энергически попытался освободить свою руку.

— Ну, знаешь, не ожидалъ, что у тебя такія миленькія знакомства,—холодно процѣдилъ пріятель.

— Какія миленькія знакомства?—озадаченно и обиженно спросилъ я.

— Да вѣдь это же... это извѣстная Машка-сыщикъ,—обухомъ по головѣ хватилъ меня все вѣдавшій въ Питерѣ пріятель.

Я, что называется, ахнулъ. И быстрой вереницей мелькнули въ головѣ наши недавнія губернскія событія: вспомнился неожиданный пріѣздъ будто съ неба свалившейся Маріи Ивановны, ягодки и печенья на столахъ у чиновниковъ, удивительная склонность Маріи Ивановны къ нашимъ скучнымъ канцелярскимъ дѣламъ, занятія ея въ секретномъ отдѣленіи, злая судьба, постигшая Оому Усѣкновецкаго, и внезапный уходъ коварно очарованнаго Далилой нашего сіятельнаго Самсона—уходъ, почти совпавшій съ таинственнымъ исчезновеніемъ очаровательницы. Вспомнилъ я всю эту нашу губернскую эпопею и подумалъ, что болѣе ловкую ревизію мудрено было бы произвести. Дѣло-то въ томъ, что очень ужъ запутанный лабиринтъ получился изъ дѣяній нашего хитроумнаго Оомы, распутываясь въ которыхъ самъ чортъ, какъ говорится, ногу сломалъ бы. Нужны были чрезвычайные способы, чтобы выйти изъ этого лабиринта, способы къ тому же весьма деликатные, чтобы не затянуть чрезмѣрно тугой петли на шеѣ сіятельнаго генерала, понавшего впросакъ по легкомыслію, благодаря страсти повелѣвать, но немѣнно зрѣло административно мыслить. Недаромъ,—заключилъ Ипать Ивановичъ,—существуетъ поговорка: гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ. Вспомнили и у насъ эту поговорку, когда я, вернувшись изъ Питера, повѣдалъ о любопытной встрѣчѣ съ Маріей Ивановной. Такъ ее по поговоркѣ и прозвали: «чортовой бабой», или, какъ въ сердцахъ окрестилъ ее одинъ остроловь, сильно въ свое время уязвленный Маріей Ивановной,—«чортовой куклой».

— Пожалуй, и теперь не лишнее было бы пустить въ нашу губернію подобную чортову куклу,—замѣтилъ я Ипату Ивановичу.

— Зачѣмъ!—махнулъ тотъ рукой.—Усѣкновецкій дѣйствительно былъ дока по части плутовства, художникъ-плутъ, такъ сказать. Теперешніе въ сравненіи съ нимъ младенцы. Пынце и плутъ мелкій пошелъ. Его безъ хитрости взять можно.

Но Ипать Ивановичъ ошибся. Вскорѣ я, правда, узналъ, что современный мнѣ «Усѣкновскій» попалъ подъ судъ, былъ даже по примѣру своего давняго предшественника «ввергнутъ въ узилище предварилки», а на пріобрѣтенное имъ на чужое имя въ той же губерніи обширное имѣніе и на капиталы, переведенные на имя жены въ одинъ изъ банковъ сосѣдней губерніи, былъ наложенъ арестъ, но въ концѣ концовъ онъ оказался далеко не «младенцемъ», сумѣлъ выйти сухимъ изъ воды и тѣмъ только и отдѣлался, что отсидѣлъ въ предварилкѣ. Впрочемъ, вскорѣ послѣ этой исторіи были разоблачены нѣкоторыя другія, полетѣли съ давно насиженныхъ мѣстъ братья «киты», и для многострадальной губерніи началась, говорятъ, новая, свѣтлая полоса жизни.

Н. Н. Сергіевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ АМЕРИКАНЦА О ПОРТСМУТСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

ДЖОРДЖЪ У. Смаллей, по происхожденію американецъ, долгіе годы состоялъ корреспондентомъ «Times» и, по завязаннымъ съ высшими общественными и правительственными кругами связямъ, являлся цѣннымъ сотрудникомъ и поставщикомъ въ англійскую газету авторитетныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній.

Результаты своихъ многочисленныхъ наблюденій и знакомства съ англійскими и американскими государственными дѣятелями, Смаллей подводитъ въ «Англо-американскихъ мемуарахъ», второй томъ коихъ недавно появился въ Лондонѣ ¹⁾.

Въ этомъ томѣ имѣются двѣ главы, посвященныя дѣятельности Рузвельта и знакомству автора съ графомъ С. Ю. Витте, сдѣланному во время путешествія графа въ Америку и продолжавшемуся во время портсмутскихъ переговоровъ и при возвращеніи въ Европу.

Объ этомъ интересномъ эпизодѣ въ русской литературѣ имѣется брошюра А. Морского «Разочарованія въ честномъ маклерствѣ. Т. Рузвельтъ и портсмутскія совѣщанія» (Москва. Изд. Сытина. 1911). Брошюра эта, несомнѣнно, представляетъ интересъ, такъ какъ по болѣе или менѣе достовѣрнымъ слухамъ, ходившимъ въ петербургскомъ обществѣ, да и по самому содержанию своему, брошюра эта, если не инспирирована самимъ графомъ, то заключаетъ такія подробности, какія могло имѣть лишь лицо, ознакомленное съ пе-

¹⁾ George W. Smalley M. A. Anglo-american Memories, second series, London. Duckworth a. C^o ed. 1912.

решкою графа; но самый фактъ прикосновенности автора брошюры (какъ говорятъ, одного изъ многочисленныхъ секретарей графа С. Ю. Витте) къ его патрону побуждалъ его къ осторожности и воздержанности въ изложеніи трактуемой темы ¹⁾).

Иное положеніе американскаго корреспондента м-ра Смаллея: онъ могъ высказать опредѣлительно и ясно то, на что А. Морской только намекалъ.

Ниже мы и приводимъ выдержки любопытныхъ сообщеній Смаллея, пополняя ихъ кое-гдѣ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ фактами и соображеніями, почерпнуемыми изъ брошюры А. Морского.

«Я не знаю,—говоритъ Смаллей,—подумываетъ ли Т. Рузвельтъ написать свои мемуары и очертить исторію своего управленія или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ политическихъ актовъ, которые разыгрались за его президентство, но будь я на мѣстѣ вліятельнаго издателя, я до тѣхъ поръ не оставилъ бы въ покоѣ г. Рузвельта, обратившагося, по возвращеніи въ частную жизнь, къ публицистической дѣятельности, пока бы онъ не набросалъ на бумагѣ своихъ воспоминаній».

Человѣкъ хорошо образованный, энергичный и импульсивный, г. Рузвельтъ не случайно сблизился съ императоромъ Вильгельмомъ, обмѣниваясь съ нимъ письмами, телеграммами и взаимными знаками вниманія и пересылаясь цѣнными подарками.

Американскій президентъ и германскій императоръ, несомнѣнно, являются родственными натурами по непосредственности воспріятія впечатлѣній, быстротѣ реагирования на нихъ и по той авторитетности и непогрѣшимости, которую они оба придаютъ своимъ выступлениямъ, подчасъ мало взвѣшеннымъ.

Въ бытность свою президентомъ Т. Рузвельтъ зачастую не хотѣлъ вовсе считаться съ видами и намѣреніями сената; руководствуясь принципомъ *L'état c'est moi*, онъ обычно употреблялъ въ своей рѣчи неслыханные въ устахъ республиканскаго президента обороты рѣчи, какъ «мое правительство», «моя воля» и съ такою же непринужденностью трактовалъ дипломатическихъ представителей, аккредитованныхъ при вашингтонскомъ «Бѣломъ Домѣ»

Одинъ изъ дипломатовъ жаловался Смаллею: «Рузвельтъ нисколько не стѣсняется требовать насъ къ себѣ въ любое время, онъ не стѣсняясь «посылаетъ» за нами, и разъ мы являемся на его зовъ, онъ намъ говоритъ все, что ни взбредетъ ему въ голову. Намъ зачастую преподносятся нагоняи и внушенія, насъ коряютъ за содѣянные промахи и ошибки, рекомендуютъ исправиться и мило-

¹⁾ Документальное и неоспоримое изобличеніе Т. Рузвельта въ некрасивой двойственной роли, разыгранной въ дѣлѣ замиренія Россіи и Японіи, что подтверждаетъ и Смаллей, вызвало жалобы Т. Рузвельта, и гр. Витте въ печати заявили, что не считаютъ себя отвѣтственнымъ за содержаніе брошюры.

ство затѣмъ отпускають по домамъ. Мы, впрочемъ, не обижаемся на такія нарушенія дипломатическихъ формъ, зная, что президентъ воодушевляется благими намѣреніями, не можетъ подчасъ сдержать своей импульсивности и ограничить сферою внутренней политики ту апостольскую миссію, къ которой считаетъ себя призваннымъ, но едва ли веденіе сношеній въ такомъ своеобразномъ духѣ могло бы сгладить дипломатическія тренія, если бы таковыя возникли по серьезному поводу».

Многое уже говорено было въ печати о посредничествѣ Рузвельта въ эпоху русско-японской войны и объ его успѣшной дѣятельности для доведенія до конца портсмутскаго соглашения ¹⁾. Несомнѣнно, онъ заслужилъ всеобщую признательность за неутомимыя усилія и ревностное служеніе интересамъ замиренія воюющихъ ²⁾. Его роль въ ходѣ портсмутскихъ переговоровъ, однакоже,

¹⁾ Въ эпоху русско-японской войны Соединенные Американскіе Штаты въ интересахъ отечественной промышленности, торговли и денежнаго рынка, главнымъ образомъ въ Америкѣ размѣстившаго послѣдніе военные займы Японіи, проявляли тяготившіе скорѣе къ Японіи, чѣмъ къ Россіи. Что же касается въ частности президента Рузвельта, то онъ никогда не скрывалъ своего японофильства; несмотря на традиціи начала 60-хъ годовъ, вѣщавшія о неизмѣнномъ благорасположеніи Америки къ Россіи за услуги, оказанныя сѣверянамъ во время войны за освобожденіе, и о той идеалистической дружбѣ, которая прочно связала Америку съ Россіею, лично самъ Рузвельтъ по отношенію къ Россіи и ея политикѣ обнаруживалъ холодную сдержанность. Это охлажденіе къ Россіи вызывалось нареканіями на Россію за то, будто, съ проведеніемъ Манчжурской желѣзной дороги, она, утвердившись въ Манчжуріи, ставитъ преграды прочимъ державамъ, а особенно Америкѣ въ ихъ стремленіи возможно шире развить свои промышленно-торговые обороты съ Сѣвернымъ Китаемъ, Манчжуріею и Монголою, такъ какъ Россія не достаточно широко и либерально соблюдаетъ политику открытыхъ дверей.

Пресловутое выступленіе Рузвельта, въ качествѣ миротворца, подробно описанное въ брошюрѣ Морского на стр. 8—9, было ему продиктовано, конечно, не гуманными соображеніями, а тѣмъ, что американскій денежный рынокъ былъ насыщенъ японскими цѣнностями и американскіе держатели японскихъ бумагъ желали имѣть увѣренность, что афера ихъ окажется выгодной и не будетъ испорчена дальнѣйшими военными авантюрами. Отсюда и явилось предложеніе замиренія. Доброхотствуя Японіи при дальнѣйшихъ переговорахъ, Рузвельтъ полагалъ этимъ самымъ оказать услугу и американцамъ-кредиторамъ Японіи, которые смогли бы тотчасъ же реализовать свои бумаги за счетъ военной контрибуціи, при взысканіи ея съ Россіи.

²⁾ «Вѣстникъ Европы», напр., (иностранное обозрѣніе за сентябрь 1905 г.), утверждалъ, что, засѣдай конференція гдѣ-нибудь въ Европѣ, она никоимъ образомъ не подлежала бы благотворному воздѣйствію мѣстныхъ правителей—они, въ силу необходимости, были бы озабочены соблюденіемъ надлежащей дипломатической корректности и ограничались бы только благими официальными заявленіями въ духѣ миролюбія вообще, а въ результатѣ такая конференція и закончила бы свое существованіе послѣ первой же неудачной попытки уладить спорные вопросы.

Воздавая должное президенту Рузвельту, въ качествѣ вдохновителя портсмутской конференціи, г. Морской отмѣчаетъ, что, нисколько не стѣняясь дипломатическими традиціями и дѣйствуя въ духѣ американской «desinvoltura», президентъ неоднократно лично побуждалъ обѣ стороны изыскивать почву для компромиссовъ, самолично предлагалъ для этого разныя комбинаціи и, не стѣняясь, всѣми доступными ему способами старался содѣйствовать благополучному исходу мирныхъ конференцій, вплоть до личныхъ обращеній къ монархамъ въ случаяхъ, въ которыхъ это не принято даже и дѣлать

совершенно блѣднѣеть передъ позиціею, которую сумѣлъ занять графъ Витте въ оборудованіи мира на такихъ условіяхъ и при такихъ обстоятельствахъ, какія невѣдомы въ исторіи дипломатіи.

Съ 1905 г., рассказываетъ Смаллей, графъ Витте отошелъ отъ публичной жизни въ тѣнь, и имя его въ печати оглашается не часто. Но въ забвеніе его имя никогда не впадетъ, и исторія не замолчитъ этого удивительнаго человѣка, который сумѣлъ въ Портсмутѣ выиграть блестящую побѣду для своего отечества, понесшаго неслыханныя пораженія на манчжурскихъ поляхъ битвъ.

Графъ Витте и былъ истиннымъ героемъ портсмутской конференціи. Только благодаря ловкости его пріемовъ, конференцію не постигла та участь, которая ей намѣчалась по безнадежной несогласности требованій договаривающихся. Благодаря отважности, непреклонной рѣшимости и неожиданно объявившимся у графа Витте мастерскимъ дипломатическимъ способностямъ, за Россіею оказалась обезпеченною побѣда тамъ, гдѣ никто ея не ожидалъ.

Заслуги графа въ этомъ отношеніи были мало оцѣнены по достоинству. А между тѣмъ графъ Витте и сдѣлалъ самое осуществленіе портсмутской конференціи возможнымъ, когда еще въ Петербургѣ доложилъ Государю, что ставить условіемъ своей поѣздки въ Америку и полномочій отнюдь не соглашаться при переговорахъ на уплату контрибуціи. Японцы долго считали такія заявленія перваго русскаго уполномоченнаго только за хвастливую самонадѣянность, но все дальнѣйшее развитіе и теченіе переговоровъ лишь подтвердило, что отказъ отъ контрибуціи, которую тщетно японцы силились навязать Россіи, представлялъ единственную альтернативу для предотвращенія возобновленія военныхъ дѣйствій.

«Да позволено же будетъ мнѣ,—говоритъ м-ръ Смаллей,—хотя бы теперь рассказать правдиво и нелицеприятно то, что мнѣ лично довелось въ свое время узнать.

«Покидалъ я Лондонъ съ порученіемъ корреспондировать въ «Times» изъ Портсмута довольно неохотно, не предвидя отъ переговоровъ никакого толка.

«Билетомъ для поѣзда въ Америку я запасся на нѣмецкомъ пароходѣ «Kaiser Wilhelm der Grosse», дознавшись, что на немъ поѣдетъ и графъ Витте.

«Только въ Шербургѣ на пароходъ вступилъ графъ Витте, котораго туда проводила его супруга. Графа у схода торжественно встрѣтилъ капитанъ и все пароходное начальство. Сэръ Дональдъ Мэккензи Уоллесъ, мой коллега по «Times», ѣхавшій со мною въ Портс-

---

¹⁾ Руссофилъ и путешественникъ по Россіи С. Д. Мэккензи Уоллесъ занималъ довѣренный постъ при особѣ короля Эдуарда VII и въ то же время состоялъ главнымъ редакторомъ иностраннаго отдѣла въ газетѣ «Times».

муть, предложилъ мнѣ представить меня графу. Но симпатіи Уоллеса къ Россіи были общеизвѣстны, онъ и ранѣе былъ знакомъ съ графомъ и предположительно долженъ былъ явиться для него *persona grata*; что же касается меня, я тогда считалъ себя японофиломъ, зналъ, что графъ Витте объ этомъ уже освѣдомленъ, и предпочелъ выяснить, пожелаетъ ли графъ Витте моего знакомства.

«На третье утро Уоллесъ подозвалъ меня для представленія. Графъ сидѣлъ, глубоко вдвинувшись въ кресло, медленно привсталъ на ноги и нерѣшительно протянулъ мнѣ руку. Его глаза недовѣрчиво, почти враждебно пронизали мои. Проницательный его взоръ, кто ему подвергался, едва ли забывается. Вся мощь этого удивительнаго человѣка сосредоточивается въ его пристальныхъ глазахъ и круто вздымающемся надъ ними челѣ. Остальныя черты его лица неправильны, орлиный носъ изогнутъ въ обратную сторону, ротъ съ широкими губами; все это скорѣе напоминаетъ татаро-славянское, чѣмъ германское происхожденіе; несмотря на крупный ростъ, фигура скроена нескладно, съ длинными руками, но стоялъ ли, прохаживался ли онъ, всегда держался онъ непринужденно.

«Мнѣ пришлось видаться съ графомъ изо дня въ день шесть недѣль, и первое впечатлѣніе оставалось неизмѣннымъ; несомнѣнно, личность это была незаурядная. Съ одной стороны дѣтски-откровенное обращеніе, а съ другой непроницаемая замкнутость. Татарская или славянская это черта, я не знаю,—но, несомнѣнно, это чисто восточное лукавство и отличаетъ русскихъ людей отъ западно-европейцевъ.

«— Вы представитель «Times» въ Вашингтонѣ?—спросилъ меня графъ.

«— Точно такъ.

«— Ваши корреспонденціи или нѣкоторыя изъ нихъ не особенно пріязненны Россіи?

«— Если вы скажете, что онѣ были дружественны Японіи, я съ вами скорѣе соглашусь. Что касается американской пріязни къ Россіи, то она вѣдь у насъ традиціонна и значительно старше японофильства.

«Эту оливковую вѣтвь графъ принялъ и, оглянувшись на окружающихъ насъ пассажировъ, промолвилъ:

«— Что вы думаете о томъ, чтобы прогуляться по палубѣ?

«Такъ началась первая изъ многочисленныхъ нашихъ бесѣдъ;— вначалѣ графъ ко мнѣ недовѣрчиво приглядывался и нащупывалъ меня на пейтральной почвѣ, но чрезъ какой-нибудь день онъ прямо мнѣ сказалъ: «Вы ѣдете въ Портсмутъ и, конечно, захотите знать, что происходитъ. Если вы понавѣдаетесь ко мнѣ, я откровенно вамъ скажу, что можно».

«И онъ сдержалъ свое слово.

«Его тогда уже очень интересовало общественное мнѣніе Америки и то, какъ у насъ смотрять на русско-японскія отношенія. Интересовался онъ и личностью Рузевельта и, узнавъ, что я давно и близко его знаю, оговорился: «Я не хочу выспрашивать у васъ того, что вы не хотѣли бы мнѣ сказать, но такъ какъ вашъ президентъ—протагонистъ предстоящей конференціи, то все, что вы объ немъ мнѣ сообщите, представить для меня интересъ».

«Видно было, что графъ сильно озабоченъ. Да иначе и быть не могло. Онъ на судьбу не жаловался; то, что случилось, было неизбежно.

«Рѣшеніе вопроса о томъ, быть ли дальше войнѣ или миру, лежало въ его рукахъ, и отъ его дѣйствій, можно сказать, зависѣла вся дальнѣйшая судьба имперіи, а при такихъ условіяхъ, пожалуй, можно было вонистину удивляться тому душевному равновѣсію и самообладанію, съ которыми онъ входилъ въ обсужденіе разнородныхъ вопросовъ, на которые перескакивала бесѣда.

«Разъ *ex tacito consensu* между нами рѣшено было не затрогивать щекотливой темы предстоящихъ переговоровъ, всѣ остальные разговоры потекли плавно. Велись они легко, но за однимъ осложненіемъ: графъ не достаточно владѣлъ англійскимъ языкомъ, я же не понималъ по-русски. Поэтому разговоры пришлось вести по-французски. По-французски графъ говорилъ бѣгло, довольно неправильно, съ полнымъ презрѣніемъ въ грамматикѣ, родамъ и временамъ. Но слова слетали съ его устъ съ такою быстротою, которой бы могъ позавидовать и французъ. Невразумительности его рѣчи подчасъ способствовало то, что тогда онъ много курилъ, почти не выпуская папиросы изъ рта. Вначалѣ, пока я не освоился съ его говоромъ, мнѣ приходилось иногда просить его повторить сказанное. Онъ это дѣлалъ нѣсколько опасно, заподозрѣвая, что я тутъ преслѣдую особую цѣль, но когда я признался, что не всегда его понимаю, онъ усмѣхнулся и замѣтилъ:

«Это вполне понятно: мы вѣдь говоримъ на языкѣ, одинаково чуждомъ и вамъ и мнѣ».

«Порою онъ не прочь былъ прибѣгать къ дипломатичности общихъ мѣстъ и, касаясь щекотливыхъ темъ, становился туманенъ. Но для своихъ цѣлей онъ владѣлъ чужимъ языкомъ совершенно достаточно, а мысль его, когда онъ хотѣлъ, была настолько ясна и сильно выражена, что, заговори онъ хоть на чоктавскомъ индійскомъ нарѣчій, она пробила бы себѣ дорогу въ умъ собесѣдника.

«Что меня съ самаго начала поразило въ бесѣдахъ съ графомъ Витте во время совмѣстнаго путешествія, это его благодушіе. Онъ ѣхалъ заключать миръ съ державою, которая послѣ многократныхъ пораженій Россіи понудила ее уже къ заключенію перемирія

и, какъ тогда почти все думали, къ принятію такихъ условій мира, какія Японія только захочетъ ей навязать. Но графъ Витте всеми своими повадками отнюдь не производилъ впечатлѣніе чело-вѣка, удрученнаго и сраженнаго бѣдою. Я имѣю основаніе утверждать, что и Рузевельтъ при свиданіи съ графомъ въ Ойстеръ-Баѣ былъ немало пораженъ его видимою невозмутимостью и самоувѣренностью ¹⁾).

«Американская наша публика, по обыкновенію скорая на рѣшенія, склонна была вѣрить тому, что воля президента восторжествуетъ, и миръ въ Портсмутѣ будетъ заключенъ во всякомъ случаѣ; можетъ быть, ради соблюденія приличія, русскіе покапризничаютъ, поторгуются, Японія, пожалуй, въ пустякахъ пойдетъ на уступки, но сущность развязки уже предрѣшена на поляхъ брани и въ Портсмутѣ остается только зарегистрировать и закрѣпить достигну-тые побѣдоноснымъ японскимъ оружіемъ результаты.

«Когда мы прибыли въ Портсмутъ, я изъ обмѣна мыслей со съѣхавшимися тамъ собратіями по перу могъ убѣдиться, что тако-го же мнѣнія придерживались и 120 журналистовъ всевозмож-ныхъ отѣнковъ. Если не по языку, то по духу все мы японство-вали, но чрезъ нѣсколько уже дней наступила реакція и портсмут-ская атмосфера стала мѣняться настолько, что даже американская печать поблѣднѣла въ своемъ японофильствѣ.

«Я не стану утверждать, чтобы графъ Витте ѣхалъ съ опредѣлен-нымъ и яснымъ замысломъ переманить журналистовъ и прессу на свою сторону. Но онъ обладаетъ необычайною быстротою и под-вижностью ума,—онъ схватилъ истинное положеніе вещей ранѣе, чѣмъ кто-либо, сообразилъ его и какъ бы по волшебству постигъ американскую натуру и тотъ способъ, какимъ всего легче было на нее повліять²⁾).

«Когда графъ Витте былъ назначенъ главнымъ уполномоченнымъ отъ Россіи, о немъ отзывались: «Да, это, неоспоримо, очень способ-ный чело-вѣкъ, но онъ не дипломатъ и въ данной области не имѣетъ опытности».

«Наоборотъ, о японскомъ уполномоченномъ графъ Комурѣ от-зывались: «Вотъ это—крупный дипломатъ, имѣющій позади себя

¹⁾ О свиданіи графа С. Ю. Витте съ Т. Рузевельтомъ г. А. Морской рассказываетъ довольно подробно (стр. 23—25).

²⁾ Пожалуй, Смаллей тутъ преуменьшаетъ дальновидность графа С. Ю. Витте. Что С. Ю. прекрасно сознавалъ силу воздѣйствія печати на сложеніе обществен-наго мнѣнія, доказывается тѣмъ, что еще до отъѣзда изъ Петербурга онъ предпринялъ первый опытъ образовать теченіе, благопріятное русскимъ интересамъ, въ своей бесѣдѣ съ Говардомъ Томсономъ, представителемъ американской «Associated press». Это ловкое выступленіе графа Витте изложено у А. Морского на стр. 19—22.

уже большой дипломатической опыт. Опыт графа Витте, как ребенка, проведет и обернет вокруг своего пальца ¹⁾).

«Эти отзывы подверглись в Портсмуте проверке и оказались ошибочными уже потому, что русские уполномоченные постарались склонить в пользу России общественное мнение, поскольку лежало в их власти, а японцы об этом несколько не позаботились. Журналисты встречали от русских уполномоченных самый радужный прием, а японцы захлопывали им перед носом двери. Хотя ход переговоров и держался в секрете и конференция и ее тайны никому из журналистов не были доступны, но уже по выполнении первых формальностей открытия конференции выяснилось, что русские уполномоченные далеко не склонны к податливости и изображению из себя жертв, влекомых на заклание.

«По нынешним временам журнальная братия в погоню за новостями только и добивается свежего материала, и по собственной человечеству слабости мы все проникаем расположением к тому, кто дает нам что-нибудь новинки, как бы может, предпочтительнее перед тем, кто нас отваживает и упорно скрывает даже то, что и секрета не составляет.

«Условия соблюдения переговоров втайне однако безусловно соблюдались русскими уполномоченными наравне с японскими, но через какую-нибудь недюлю русская точка зрения на переговоры была оповещена на весь мир и при таких условиях, которые испровергали американские симпатии к Японии.

«Граф Витте не мог, конечно, перед посторонними распространяться о ходе занятой конференции и фактически по этой части

¹⁾ Этот отзыв Смаллея не совсем точен.

С. Ю. Витте был назначен 29-го июня первым уполномоченным в переговоры с японскими делегатами, рассказывает г. А. Морской, за отказом А. И. Нелидова и Н. В. Муравьева по мотивам болѣзни от предложенной им благодарной и тягостной миссии.

Назначение это на первый взгляд казалось странным и необычным, ибо С. Ю. Витте, как будто бы никакого соприкосновения ни к дипломатии, ни к иностранной политике, по прежним профессиональным занятиям и не имѣлъ вовсе. Освѣдомленные в дипломатических дѣлах люди, однако, тогда же утверждали, что выбор вполне удачен, так как С. Ю. Витте обнаружил незаурядную осторожность, дальновидность и находчивость и проявил себя дипломатом *di primo cartello*, когда ему пришлось, по званію министра финансов, вести переговоры в 1893 г. через графа Шувалова с канцлером Каприви, а в 1904 г. и самому непосредственно договариваться (на о. Нордерне) с канцлером ф.-Бюловым о заключении первого и второго торгового договора с Германиею, так как, несмотря на специальный характер соглашений этого рода, развѣ только $\frac{1}{4}$ часть содержания их диктуется чисто торгово-промышленными соображеніями, тогда как $\frac{3}{4}$ постановлений и этих договоров обосновываются мотивами обще-политическими. Эту послѣднюю сторону соглашений, в связи с требованиями злободневной политики, С. Ю. Витте схватил в свое время, с присущей ему быстротою сообразительности, во всем ее значеніи и сумѣлъ настоять на введеніи в договоры таких общих статей, которые отвѣчали политическим интересам минуты.

былъ вѣтъ, какъ рыба. Но онъ непринужденно велъ разговоры на темы болѣе общаго характера и освѣщаль фактами положеніе Россіи. Журналисты, которые безъ различія отгѣнковъ направленія ихъ органовъ находили свободно доступъ къ графу Витте и знакомились съ его взглядами, конечно, поспѣшали *faute de mieux* оповѣщать хоть объ этомъ своихъ читателей,—распространяться только о виѣшней жизни уполномоченныхъ и о прелестяхъ уединеннаго Портсмута было бы однообразно, а другого матеріала почти и не имѣлось въ распоряженіи репортажа.

«Графъ Витте былъ слишкомъ уменъ, чтобы порочить противное мнѣніе или дать ясно примѣтить, что онъ апеллируетъ къ общественному мнѣнію Америки и всего міра, но изъ его устъ все мы слышали сентенціи, которыя какъ бы ненарокомъ высказывались въ обобщеніе завѣдомыхъ фактовъ и догадокъ. Эти сентенціи могли сойти за намекъ на то, что обсуждалось и смущало конференцію, но походило и на невольныя обращенія къ пережитому въ теченіе войны.

«Такъ, на примѣръ, по вопросу о военной контрибуціи само собою на сцену выплывали общія соображенія—вѣдь въ наукѣ международнаго права требованіе военной контрибуціи обусловливается военнымъ занятіемъ вражеской территоріи. Въ 1814 г. войска Священнаго Союза, разгромивъ и низложивъ Наполеона, а въ 1871 г. пѣмцы, осадивъ и занявъ Парижъ, могли наложить на Францію контрибуцію, и французамъ въ обоихъ случаяхъ только и оставалось, въ качествѣ побѣжденныхъ, что примириться съ такою печальною развязкою, лишь бы избавить отечество отъ дальнѣйшей оккупации его непріятельскими войсками. Но, чтобы побудить противника къ уплатѣ военного вознагражденія, надо было имѣть напередъ въ рукахъ возможность хозяйничать въ предѣлахъ его владѣній, занять войсками часть вражеской территоріи или угрожать его столицѣ. А изъ такихъ фактовъ сами слушатели легко могли сообразить, что ничего подобнаго налицо въ русско-японскомъ случаѣ не имѣлось, такъ какъ вся война разыгрывалась на китайской территоріи.

«Точно также по другому вопросу о выдачѣ Японіи русскихъ судовъ, нашедшихъ убѣжище въ нейтральныхъ портахъ, легко было кстати распространиться объ общепризнанномъ военномъ правѣ, по которому не принято сдавать непріятелю не взятые и не осажденныя имъ крѣпости, къ коимъ приравняются и военныя суда, ни выдавать боевыя части и орудія, спасшіяся въ предѣлы нейтральной территоріи, такъ какъ такая выдача была бы противна традиціямъ военной чести.

«Равнымъ образомъ по вопросу объ обязательномъ ограниченіи русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, что могло помѣшать распространиться о прошломъ, когда послѣ Крымской войны, паденія Севастополя и затопленія черноморскаго паруснаго флота

коалиція западныхъ державъ по парижскому трактату обязала Россію не обзаводиться паровымъ флотомъ въ водахъ Чернаго моря: въ этомъ случаѣ противъ Россіи высказалась почти вся Европа и въ подчиненіи такому ограниченію позора не было, а слушателямъ и самимъ уже не трудно было вывести, что въ данномъ случаѣ Японія не имѣла даже способовъ вынудить Россію на такое ограниченіе или оказать принудительное воздѣйствіе на рѣшеніе Россіи и т. д.

«Графъ Витте безпритязательно и непринужденно съ нами болталъ, какъ бы въ извншеніе того, что долгъ соблюденія тайны лишалъ его возможности высказаться относительно того, что въ данный день разсматривалось и обсуждалось на конференціи; журналистъ или группа журналистовъ, съ которыми велась бесѣда, ловили слова графа на лету, спѣшили ихъ передать по телеграфной проволоцѣ, конечно, въ болѣе полной формѣ и съ тѣми амплификаціями, которыя приходили въ голову и просились подъ перо въ развитіе брошенной мысли, а на слѣдующее утро уже нѣсколько милліоновъ людей читали эти сообщенія на обоихъ полушаріяхъ.

«Пущенныя нами же новости возвращались вкорѣ къ намъ напечатанными такъ, какъ сообщались въ дубликатѣ и въ европейскія, и въ американскія изданія, и рисовались намъ гораздо многозначительнѣе и содержательнѣе того, что впоныхахъ, на скорую руку, нами телеграфировалось.

«По минованіи недѣли, когда я собралъ отправленныя телеграфныя сообщенія и внимательно перечиталъ ихъ, я былъ совершенно пораженъ, какъ полно, ясно и стройно выставлены были и разработаны разныя стороны возможныхъ и вѣроятныхъ русскихъ домогательствъ. Тутъ только началъ я понимать, какимъ великимъ артистомъ выступалъ передъ нами графъ Витте и съ какимъ изощреннымъ мастерствомъ отдѣльные небрежные мазки его кисти даже и на этой начальной стадіи переговоровъ группировались и объединялись въ цѣльную картину. Использовался всеѣмъ доступный и не составлявшій тайны матеріалъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Затѣмъ сталъ я призадумываться надъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое наши сообщенія должны были производить на американскіе умы. Я сравнилъ мои собственныя впечатлѣнія, почерпнутыя изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ графомъ Витте, съ общою совокупностью впечатлѣній, вынесенныхъ изъ того же источника моими собратіями, и тутъ только постигъ, какъ далеко мы ушли почти безсознательно по тому пути, который любезно и предупредительно открывали передъ нами русскіе уполномоченные. То не было ни моимъ промахомъ и ничѣмъ, но, несомнѣнно, путь этотъ по извилистымъ тропамъ и порою мимо красивыхъ картинъ направлялъ насъ всехъ въ русскій лагерь, за исключеніемъ японскихъ, конечно, корреспондентовъ, — хотя для меня совершенно непонятно, что тѣ могли расписывать

въ своихъ сообщеніяхъ японскимъ газетамъ при скудости доступнаго имъ матеріала. Я повторяю, никакой иной дороги передъ нами не открывалось, никакой иной путеводной карты въ нашемъ распоряженіи не имѣлось, кромѣ той, которую шагъ за шагомъ передъ нами развертывалъ графъ Витте, но результатъ получался неотразимый и неожиданный: всѣ мы нашихъ читателей направляли въ русскій фарватеръ.

«Поразмысливъ, я рѣшилъ подѣлиться своими выводами съ барономъ Такагирою (вторымъ японскимъ уполномоченнымъ). О томъ же, чтобы испросить аудіенцію у самого графа Комуры нечего было и думать: и мнѣ, и другимъ корреспондентамъ дано было ясно понять, что тѣ сообщенія, какія первый японскій уполномоченный считаетъ умѣстнымъ пускать въ публику, будутъ намъ сообщаться чрезъ барона Такагиру. Ежедневно выпускаемые японцами бюллетени дѣйствительно намъ громко прочитывались въ залѣ гостиницы, гдѣ жительствоваало японское посольство, но бюллетени эти оказывались ничтожными и безсодержательными. Пробовалъ я нѣсколько разъ интервьюировать лично, частнымъ образомъ, барона, но ничего назидательнаго изъ бесѣды не вынесъ. На моемъ вѣку журналиста мнѣ не разъ, и въ критическія минуты, приходилось входить въ соприкосновеніе съ разнообразнѣйшими посланниками и министрами иностранныхъ дѣлъ разныхъ державъ, но я не запомню, чтобы кто-либо изъ нихъ былъ такъ застѣнутъ на всѣ пуговицы, какъ эти азіаты. Японцы, по причинамъ достаточно вѣскимъ на ихъ взглядъ, приняли за руководство политику молчанія и отъ нея не отступались. Но мнѣ казалось, по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ собственнаго опыта, что наступилъ моментъ вразумить японцевъ, и я намѣреніе свое выполнилъ.

«Баронъ Такагира принялъ меня съ обычною холодною вѣжливостью и тотчасъ же заявилъ:

«— Я боюсь, что ничего или очень мало могу прибавить къ прочитанному уже мною передъ вами бюллетеню.

«— Я, конечно, являюсь къ вамъ, ваше превосходительство, въ качествѣ журналиста, — началъ я:— но на сей разъ пришелъ отнюдь не на поиски за новостями. Я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на то, что японскіе интересы за минувшую недѣлю серьезно скомпрометированы и—это благодаря вамъ и графу Комуру.

«На сей разъ мнѣ удалось вывести изъ равнодушія даже деревяннаго азіата и повергнуть его на минуту въ изумленіе. Я началъ рассказывать то, что уже изложено выше.

«Такагира слушалъ внимательно. Я перечислялъ ему факты, цитировалъ телеграммы, выложилъ передъ нимъ извлеченія изъ редакціонныхъ передовыхъ статей,—вся совокупность этихъ данныхъ явно свидѣтельствовала о томъ, что японская замкнутость и редить дѣлу самой же Японіи. На мой непредубѣжденный взглядъ

выступало совершенно очевидно: въ американскомъ общественномъ мнѣніи совершался поворотъ въ пользу Россіи, поворотъ этотъ былъ вызванъ, съ одной стороны, частымъ и безпритязательнымъ общеніемъ графа Витте съ представителями печати, а съ другой—рѣшительнымъ отказомъ японцевъ въ ихъ же интересахъ использовать законнымъ образомъ открываемые къ ихъ услугамъ газетные столбцы.

«Когда я окончилъ свое сообщеніе, Такагира заявилъ мнѣ:

«— Я очень вамъ, конечно, признателенъ. Я всегда зналъ, что вы дружественно расположены къ моему отечеству, но въ данномъ дѣлѣ наша политика строго взвѣшена.

«Тутъ онъ широко развелъ руками и внушительно изрекъ:

«— Мы—японцы. Мы вѣдь японцы!—словно хотѣлъ этимъ сказать: «Какое намъ дѣло до вашихъ мнѣній, разъ наше собственное мнѣніе прочно составлено».

«Въ металлическомъ тонѣ маленькаго желтенькаго человѣчка звучала непоколебимая самоувѣренность и съ трудомъ скрываемое презрѣніе къ прочему міру.

«Къ этому баронъ прибавилъ:

«— Если вы найдете полезнымъ то, что вы мнѣ изложили, огласить въ печати, я надѣюсь, вы наметнете и на то, что мы поставлены въ необходимость продолжать дѣйствовать, какъ считаемъ за благо, по нашему разумѣнію.

«Такагира тутъ уже проявлялъ не только высокомеріе, но и желаніе оповѣстить весь міръ о японской надменности.

«Я получилъ грубый щелчокъ по носу и хотя продолжалъ дальше видаться съ барономъ, ужъ, конечно, къ этой темѣ не возвращался.

«Спустя же еще недѣлю Рузвельтъ конфиденціально оповѣстилъ японскихъ уполномоченныхъ, что американское общественное мнѣніе не позволяетъ ему, президенту, долѣе наставлять передъ Россіею на уплатѣ военнаго вознагражденія, и онъ поэтому рекомендуетъ японцамъ отказаться отъ этого требованія.

«Графъ Витте прекрасно зналъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ японцы. Каждый день приносилъ ему новыя подтвержденія тому, что онъ перехитрилъ лукавыхъ азіатовъ, которыхъ понималъ гораздо лучше, чѣмъ мы.

«Однажды онъ даже мнѣ замѣтилъ: «Ваши японскіе друзья, повидимому, даже американскую публику не желаютъ посвящать въ свои дѣла».

«Въ другой разъ мнѣ было сказано:

«Я сомнѣваюсь въ томъ, сознаетъ ли графъ Комура присутствіе журналистовъ въ Портсмутѣ и допускаетъ ли онъ самую мысль о томъ, что наши переговоры представляютъ нѣкоторый интересъ и для Европы и для Америки».

«Онъ зорко наблюдалъ за каждымъ ходомъ въ начатой игрѣ. Поскольку то касалось конференціи, онъ, повидимому, былъ склоненъ думать, что на окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, быть ли миру или войнѣ, постараются повліять извнѣ, чтобы произвести давленіе на конференцію.

«Сохраняя по внѣшности безпристрастіе и не вмѣшиваясь въ подробности хода портсмутскихъ переговоровъ, президентъ дѣйствительно счелъ умѣстнымъ приложить и лично руку къ разыгрывавшейся дипломатической игрѣ. Рѣшительный японофилъ по своимъ симпатіямъ, Рузевельтъ поддерживалъ тѣсныя сношенія съ японскими уполномоченными и когда графъ Комура выставилъ притязанія на понужденіе Россіи къ уплатѣ шестисотмилліонной контрибуціи, Рузевельтъ нашелъ это только вполнѣ резоннымъ.

«Когда Россія рѣшительно отклонила это домогательство, президентъ оцѣнилъ это, какъ ловкій дипломатическій маневръ, и вообразилъ себѣ, что графъ Витте этимъ только замедляетъ развязку переговоровъ, лишь бы выговорить сколько-нибудь почетныя для Россіи уступки со стороны Японіи.

«Рузевельтъ и не подозрѣвалъ, что вопросъ о военномъ вознагражденіи былъ безповоротно предрѣшенъ въ Петербургѣ и что графъ Витте поставилъ непремѣннымъ условіемъ выполненія возложенной на него роли главнаго уполномоченнаго на уплату военной контрибуціи отнюдь не соглашаться.

«Не зная объ этомъ ничего, Рузевельтъ вздумалъ въ этомъ отношеніи оказать давленіе на графа Витте и его товарищей.

«Когда непосредственное обращеніе Рузевельта къ графу Витте не возымѣло дѣйствія и къ уступчивости его не побудило, Рузевельтъ счелъ умѣстнымъ обратиться со своими увѣщаніями и совѣтами непосредственно къ Государю Императору.

«Въ своемъ рвеніи сыграть Японіи въ руку президентъ дошелъ до полнаго забвенія международныхъ приличій; онъ далъ инструкцію «своему» посланнику при петербургскомъ дворѣ Ленгерке-Мейеру испросить у государя аудіенцію и изложить доводы президента, переданные послу по телеграфу, въ пользу безусловнаго принятія требованій Японіи. Государь терпѣливо выслушалъ посланника и въ заключеніе аудіенціи сказалъ, что отвѣтъ Рузевельту послѣдуетъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ.

«Отвѣтная телеграмма Рузевельту состояла изъ 500 словъ, но сущность ея могла быть сведена къ односложному «нѣтъ»!

«Это Рузевельта не удовлетворило, и онъ предписалъ Ленгерке-Мейеру вторично добиться Высочайшей аудіенціи и представить Государю новые доводы, измышленные изворотливостью президента въ пользу большой уступчивости Японіи. На это послѣдовалъ вторично лаконической отрицательный отвѣтъ.

«Какъ это ни мало вѣроподобно, Рузевельтъ и тутъ не унялся и предложилъ Ленгерке Мейеру въ третій разъ объясниться съ Государемъ. На это послѣдовалъ третій краткій и настолько сухой отвѣтъ, что наконецъ и президентъ убѣдился въ тщетѣ расчетовъ на уступчивость Россіи ¹⁾).

«Передавая мнѣ этотъ неслыханный въ дипломатическихъ лѣтописяхъ курьезъ, графъ Витте прибавилъ: «Я не думаю, чтобы Его Императорское Величество, мой повелитель, былъ приученъ къ тому, чтобы его трижды переспрашивали, дѣйствительно ли онъ думалъ то, что высказываетъ.

«Какъ кардинальный вопросъ объ уплатѣ военного вознагражденія, такъ и другіе поставляемые на очередь вопросы обсуждались на конференціи мало. Пренія были безцѣльны по той причинѣ, что уполномоченные обѣихъ сторонъ говорили не на одномъ языкѣ. Я прослышалъ—не черезъ графа Витте, впрочемъ,—что въ первыхъ засѣданіяхъ японцы держали себя высококомѣрно—они, повидимому, не понимали, чтобы участники конференціи могли выступать на началѣ полного равноправія, хотя это является элементарнымъ и кореннымъ положеніемъ въ дипломатикѣ. Но японцы въ сущности остаются новичками въ методахъ, усвоенныхъ западною наукою и практикою. Въ теоріи они восприняли преданія и обычаи Запада, но использовали ихъ такъ же недовѣрчиво, какъ неохотно надѣваются на себя панталоны и фракъ. Они были совершенно поражены тономъ и образомъ дѣйствій русскихъ уполномоченныхъ и разбитною безпритязательною манерою себя держать графа Витте—тутъ и слѣда не было смиренія, униженія и почтительности передъ побѣдителями, какія мерещились заранѣе японцамъ.

«Да и вообще трудно себѣ вообразить большій контрастъ, чѣмъ какой наблюдался между графомъ Витте и графомъ Комурою. Русскій великанъ могъ почти запрятать въ карманъ японскаго карлика, да въ концѣ концовъ, говоря фигурально, Витте этого и достигъ. Трудно себѣ представить, насколько крупнымъ и могучимъ казался первый русскій уполномоченный по сравненію со своимъ низкорослымъ, жиденькимъ желтолицымъ противникомъ, когда они появлялись въ публикѣ за табльдотомъ. Одинъ ростомъ выше 6 футовъ, могуче сложенный, широкій въ плечахъ, свободный въ движеніяхъ, хотя и не изящный, добродушный, смѣющийся гигантъ, все видящій, все наблюдающій маленькими глазками изъ-подъ мощнаго лба, всегда подвижный, графъ Витте казался ребенкомъ по простотѣ обращенія, непосредственности и отсутствію битья на эффектъ. Въ инныя времена я знавалъ Тургенева, великаго и единственнаго въ

¹⁾ Эта безпримѣрная по переписка Рузевельта съ Государемъ *in extenso* напечатана у А. Морского на стр. 33—36 и 42—45.

своемъ родѣ художника въ русской литературѣ, и я невольно вспоминалъ о покойномъ, попадая въ общество графа Витте.

«Тотъ же всегда готовый смѣхъ, блестящій незаурядный умъ, та же непринужденная естественность, то же умѣніе держать себя на равной ногѣ при встрѣчахъ съ людьми разнообразнѣйшихъ общественныхъ положеній. И того и другого нельзя было не полюбить, и обоихъ по одинаковымъ причинамъ.

«Что касается графа Комуры, то онъ далеко не выглядѣлъ талантливымъ человѣкомъ. Хотя и умное, но безстрастное лицо, изрѣзанное морщинами, напоминавшее пергаментъ, покрытый непонятными іероглифами, механическія движенія маріонетки, худоба на манеръ лезвія ножа, важность обращенія, граничащая съ позерствомъ, все это превращало его въ какую-то мумію.

«У европейца, впрочемъ, ни единая мѣрка не обща съ японцемъ, и то, что въ нашихъ глазахъ обезцѣниваетъ личность, по азіатскимъ воззрѣніямъ ее возвышаетъ,—поэтому они, можетъ быть, столь же искренне восхищаются виѣшнимъ *habitus*’омъ графа Комуры, какъ и его дарованіями.

«Только когда конференція завершилась, узналъ я кое-что изъ нынѣ рассказываемаго.

«Подъ конецъ уже переговоровъ графъ Витте мнѣ кинулъ многозначительное обѣщаніе;

«— Если мы опять вмѣстѣ будемъ возвращаться на пароходъ, я многое въ состояніи буду вамъ рассказать, чего теперь касаться нельзя».

«Мы дѣйствительно вмѣстѣ и отправились въ Европу.

«Яркую картину засѣданій конференціи графъ мнѣ нарисовалъ, описывая наиболѣе критическій моментъ переговоровъ.

«Засѣданіе открылось въ мертвенной тишинѣ. Графъ Комура выложилъ на столъ письменное изложеніе того, что, по нашимъ понятіямъ, являлось окончательными его требованіями, включая сюда и военное вознагражденіе. Мы тоже изложили нашъ окончательный отвѣтъ: предлагаемыя условія оказывались неприемлемы. Не было сдѣлано ни попытки къ компромиссу, ни къ обсужденію взаимной розни. Мы сознавали полную бесплодность всякихъ дальнѣйшихъ дебатовъ. Ни единого слова не было даже произнесено,— я говорю это буквально: ни съ той, ни съ другой стороны не было брошено ни единой фразы. Всѣ мы про себя думали, что дошли до тупика, конференціи, очевидно, пришелъ конецъ и война вступить въ свои права. Среди гробового молчанія я вынулъ портсигаръ, досталъ папиросу, зажегъ ее и сталъ курить. Затѣмъ и графъ Комура вынулъ портсигаръ, зажегъ папиросу и принялся курить. Курилъ я быстро и, докуривъ папиросу, взялся за другую; то же продѣлалъ Комура. Молчаніе не нарушалось. Если долженъ былъ быть сдѣланъ

новый ходъ, то онъ могъ исходить только отъ японцевъ,—они сдѣлали свои предложенія, мы ихъ отвергли и никакихъ контръ-предложеній сдѣлать не могли. Все сосредоточивалось на вопросѣ о военномъ вознагражденіи, а мы ясно дали понять, что нашъ отказъ его платить не подлежитъ пересмотру. Японцамъ, которые открывали переговоры не какъ негоціаторы, а какъ побѣдители, потребовалось долгое время для уразумѣнія того, что на этомъ пунктѣ настѣ позиция не собьешь и что съ самаго начала мы на ней утвердились безповоротно.

«Наконецъ очень тихо и неохотно, цѣдя слово за словомъ, Комура предложилъ: «предположимъ, что мы рѣшеніе отложимъ на три дня, т. е. до четверга», на это я согласился. Полагая, что мы подошли къ разрыву переговоровъ, я, зажигая первую папиросу, взглянулъ на часы. Когда Комура внесъ предложеніе отсрочки, я взглянулъ на часы опять. Въ молчаніи протекло восемь минутъ, въ теченіе восьми минутъ, значить, конференція подвергалась угрозѣ крушенія. Мы всѣ поняли, что предложеніе графа Комуры отсрочить рѣшеніе до четверга означало дать обѣимъ сторонамъ возможность снестись съ Токио и съ Петербургомъ».

«Тутъ графъ на минуту пріостановился въ повѣствованіи. Мы во время этого разговора прохаживались взадъ и впередъ по палубѣ «Kaiser Wilhelm». Тутъ же мы пріостановились. Я былъ увѣренъ, что послѣдуетъ нѣчто любопытное, и не ошибся.

«Графъ продолжалъ:

«— Это былъ тотъ моментъ когда вашъ президентъ счелъ нужнымъ вмѣшаться—вмѣшаться не такъ, какъ ранѣе, когда онъ убѣждалъ моего повелителя согласиться на уплату Японіи 600.000,000 долларовъ военной контрибуціи, но теперь затѣмъ, чтобы внушить Японіи отказъ отъ ея требованія ¹⁾. Когда мы сошлись въ четвергъ, графъ Комура тотчасъ же заявилъ: «Я отказываюсь отъ требованія вознагражденія.» На это я отвѣчалъ: «Я согласенъ на это». Какъ вы знаете, оставались еще мелкіе пункты разногласій, но этими двумя фразами миръ былъ обезпеченъ.

«— Ну, а если бы пришлось продолжать войну?—спросилъ я.

¹⁾ Въ качествѣ бойкаго ходатая по дѣламъ, по американскимъ правамъ большаго еще прелюбодѣя и софиста мысли, чѣмъ гдѣ-либо, Рузвельтъ съ одинаковою убѣдительною выступилъ за неумѣстность японскихъ притязаній на военную контрибуцію, обставляя свои обсужденія этическими и практическими доводами.

Это любопытное письмо Т. Рузвельта къ барону Канеко помѣщено въ брошюрѣ А. Морского на стр. 37—41.

Смаллей, вообще передавая факты вполне вѣрно, допускаетъ лишь маленькую хронологическую неточность: событія развивались быстрымъ темпомъ, и послѣдовательные переговоры Рузвельта съ Государемъ Императоромъ и микадо, которые Смаллей раздвигаетъ на промежутокъ нѣсколькихъ дней, въ дѣйствительности происходили почти одновременно въ теченіе чуть ли не трехъ дней, на которые графъ Комура предложилъ отсрочить засѣданіе конференціи.

«— Это все нами было взвѣшено. Какъ вы знаете, въ Россіи была сильная партія, которая высказывалась за войну. Иные и старались повліять въ этомъ смыслѣ на Его Величество Государя Императора. Я въ числѣ ихъ не былъ¹⁾. Мое дѣло было добиться мира, если сумѣю. Но я никогда не думалъ, чтобы военная мощь Россіи была сломлена и чтобы Японія осталась непобѣдимой въ случаѣ затяжной войны. Мы знали, что Японія обладаетъ деньгами и военными запасами для продленія войны до весны. Но ей пришлось бы вынести новую зимнюю кампанію, передвигаясь чрезъ пустыни и обширныя пространства, по мѣрѣ нашего отступленія. При наступленіи Японія ослабѣвала бы, а мы, наоборотъ, усиливались бы, отступая къ нашей базѣ. Да и откуда бы Японія для дальнѣйшаго продолженія войны запаслась деньгами? У Японіи тогда все уже было перезаложено, кромѣ жень. У насъ же въ Россіи ничего не было дано въ закладъ. Довѣріе къ успѣхамъ Японіи, правда, намъ вредило бы до нѣкоторой степени, но это значило только, что мы принуждены были бы на болѣе невыгодныхъ условіяхъ сдѣлать заемъ, эмиссіонная стоимость бумагъ была бы нѣсколько понижена, но деньги бы мы все-таки получили. Мнѣ, конечно, мысль о возобновленіи войны нисколько не улыбалась, но я несравненно легче предпочелъ бы уплатѣ контрибуціи—войну и кто знаетъ, съ какимъ успѣхомъ? *A la guerre comme à la guerre!*»

«Я подвожу итогъ всему эпизоду: единственно графъ Витте, благодаря счастливому хитроумію, провозглашенному еще Маккиавелли за идеаль государственной мудрости, повернулъ общественное мнѣніе въ пользу Россіи, что и заставило президента Рузвельта оказать давленіе на Японію, въ смыслѣ прекращенія домогательства на контрибуцію.

«Въ это время президентъ былъ серьезно встревоженъ. Въ моментъ прибытія уполномоченныхъ отъ обѣихъ державъ общественное мнѣніе Америки, несомнѣнно, было всецѣло на сторонѣ Японіи. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли графъ Витте сумѣлъ общественное мнѣніе повернуть въ пользу Россіи; откровенно и изо дня въ день знакомя журналистовъ съ русской точкою зрѣнія на соглашеніе съ Японією, графъ Витте достигъ того, что американская публика въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль подробно ознакомилась съ фактами и обстоятельствами развязки русско-японской распри въ русскомъ освѣщеніи и невольно прониклась правильностью этой аргументаціи²⁾. Никто столь быстро и ясно не постигалъ смѣнѣ

¹⁾ О точкѣ зрѣнія графа Витте на отношенія къ Японіи и на самую войну А. Морской приводитъ не мало любопытныхъ извлеченій изъ докладовъ и интимной переписки графа Витте. Напечатаны они на стр. 12—22 брошюры.

²⁾ Этотъ моментъ А. Морской очерчиваетъ такъ:

«Дѣло японскихъ уполномоченныхъ было окончательно проиграно. Общественное мнѣніе всего міра, какъ оно ни было предубѣждено въ пользу Японіи, не могло

американских настроеній, какъ Рузвельтъ: поворотъ общественнаго мнѣнія поставилъ даже и Рузвельта въ необходимость сдѣлать рѣшительный *volte face* и возвѣститъ оплѣшившимъ японцамъ, что они должны отказаться отъ своихъ домогательствъ. Онъ принялся засыпать Токио телеграммами, какъ раньше Петербургъ. Онъ предостерегалъ токійское правительство и японскихъ уполномоченныхъ, что они въ значительной степени утратили благорасположеніе американской націи и что единственный способъ возстановить утраченную популярность—это отступиться отъ требованія военной контрибуціи, такъ какъ Россія рѣшительно отказывается ее платить.

«Какъ ни упорны и ни настойчивы японцы по свойствамъ національнаго характера, они принуждены были считаться съ общественнымъ мнѣніемъ Америки, выразителемъ котораго теперь выступилъ Рузвельтъ,—съ Америкою приходилось считаться по тому уже одному, что Японія была тѣсно съ нею связана долговыми обязательствами, и такъ должникъ въ угоду кредитору принужденъ былъ смириться со скрежетомъ зубовнымъ!

«Съ какими чувствами къ Рузвельту покидали японскіе уполномоченные Портсмуть, легко можно себѣ представить.

«Рузвельтъ насильно заставилъ японцевъ проявить мудрость—въ уступчивости русскому непоколебимому упорству. А извѣстно, что никто охотно не примиряется хотя бы и съ мудростью, если она навязывается со стороны насильственно.

сочувствовать просто изъ элементарнаго чувства приличія державѣ, готовившейся продолжать ужасную войну, нарушавшую торгово-промышленные интересы всего міра, только ради полученія чужихъ денегъ, платить которыя никто ей повиненъ не былъ: Сахалинъ и безъ того находился уже въ японскихъ рукахъ и нежеланіе противника формально переуступить японцамъ владѣніе островомъ, конечно, особаго практическаго значенія въ глазахъ японцевъ имѣть бы не могло—вѣдь рѣшающимъ тутъ моментомъ явилось только положеніе: *beati possidentes*. Иное дѣло—военная контрибуція; ту надо было вырвать, а разъ ее добровольно не давали, то приходилось бы вымогать ее силою оружія, но откровенно и цинично предъ лицомъ всего міра рѣшиться на разрывъ дипломатическихъ переговоровъ и возвращеніе опять къ безпощадной бойнѣ исключительно изъ-за презрѣннаго металла было не въ пору даже и японцамъ, несмотря на все своеобразіе ихъ этики...

«...Положеніе въ чреватую ничемными переговорами недѣлю, съ 9 по 16 августа, запуталось и общественное мнѣніе стало изобличать Японию въ конечномъ разореніи и желаніи выколотить нужные ей до зарѣзу деньги непослужительными средствами. Во избѣжаніе кровопролитія, одна изъ парижскихъ газетъ даже обращалась къ миллиардеру Рокфеллеру съ оригинальнымъ въ своей папвности, но злымъ предложеніемъ облагодѣтельствовать во имя человѣколюбія Японию за счетъ всеильнаго керосиповаго треста денежною подачкою, ужъ если она такъ нуждается въ деньгахъ, что готова изъ-за нихъ проливать свою и чужую кровь.

Чтобы выйти изъ этого комическаго и унизительнаго положенія, японцамъ, несмотря на отечественные вопли, пришлось принять русскія условія, носившія характеръ ультиматума, т.-е. удовольствоваться южною частью Сахалина безо всякаго скрытаго или открытаго возмѣщенія военныхъ издержекъ.

«Японцы, если сказать правду, явились въ Портсмуть и по началу выступали съ большою надменностью, а покинули Портсмуть съ сильно сбитою спесью. Непререкаемые побѣдители въ продолжительной и тягостной войнѣ, они на зеленомъ сукинѣ портсмутскаго совѣщанія графомъ Витте были разбиты на голову, лишившись той контрибуціи, которую уже нащупывали въ своихъ карманахъ. Японскій престижъ потерпѣлъ большой уронъ, популярность Японіи въ Америкѣ значительно поблекла, и за всѣ понесенныя униженія японцы отвѣтственность возлагали на Рузевельта: онъ затѣялъ портсмутское совѣщаніе, онъ увѣрилъ японцевъ въ поддержкѣ, и онъ же заставилъ ихъ смириться.

«Благодаря разочарованію японцевъ въ своемъ покровителѣ, и Рузевельтъ фатально лишился возможности осуществить свои дальновидные и корыстные планы.

«Искусственно отдаляя общественное мнѣніе Америки отъ сочувствія къ Россіи и работая для сближенія Америки съ Японією, Рузевельтъ, вѣроятно, рассчитывалъ построить на признательности Японіи расширение торгово-промышленныхъ оборотовъ Америки съ Манчжурією и Монголією, но при охлажденіи японскихъ симпатій къ Америкѣ—за ея, съ японской точки зрѣнія, вѣроломство—дальнѣйшіе расчеты Рузевельта не оправдались вовсе на дѣлѣ, и англійскія и американскія газеты за послѣдніе годы довольно откровенно высказываютъ негодованіе противъ Японіи и теперь уже доказываютъ, что, доколѣ японскіе гарнизоны будутъ стоять постоемъ въ Манчжуріи, пресловутая политика «открытыхъ дверей» будетъ только дурною и двусмысленною шуткою.

«Недавно еще газета «Sun», опираясь на авторитетныя заявленія англо-американскаго купечества, высказалась неумолчно по адресу недавнихъ друзей: «Японцы широко используютъ положеніе, созданное послѣднею войною. Они забрались въ область, имъ не принадлежащую и, въ качествѣ завоевателей, завладѣли всею мѣстною торговлею. Совершенно безразлично, какіе бы дипломатическіе шаги противъ этого ни предпринимались въ Токио, японцы, не взирая ни на что, даютъ торговлю другихъ державъ въ Манчжуріи и будутъ угнетать все и всѣхъ, доколѣ самихъ японцевъ не заставятъ убраться домой. Вопросъ только въ томъ, кто понудитъ ихъ къ очищенію Манчжуріи? Въ настоящее время положеніе оказывается куда невыносимѣе, чѣмъ до открытія войны Японіи съ Россією».

«Тогда вслѣдствіе оккупации русскіе хозяйничали въ Манчжуріи и хотя особенно не угнетали чужестранной торговли, японцы всѣхъ сильнѣе претендовали на утѣсненіе ихъ и ограниченіе въ свободѣ дѣйствій. Теперь японцы смѣнили русскихъ и вступили въ ихъ роль, беспощадно затрудняя и устраняя невыгодную для нихъ конкуренцію. Державы принуждены ограничиваться безплодными про-

тестами, а двери въ Манчжурію оказываются припертыми куда плотнѣе, чѣмъ до войны».

«Приведенные мною разговоры графа Витте,—подчеркиваетъ Смаллей,—не болѣе, какъ образчики. И въ Портсмутѣ, и въ пути по океану порою онъ въ бесѣдахъ проявлялъ примѣчательный талантъ быть очень говорливымъ, забросать собесѣдника потокомъ фразъ и ничего яснаго и существеннаго не сказать и точно также, когда онъ хотѣлъ, онъ умѣлъ одною мѣткою фразою въ точности опредѣлить данное положеніе и охарактеризовать личность».

«Онъ много рассказывалъ о Россіи, порою касаясь и своей личности. Разъ какъ-то я высказалъ увѣренность, что послѣ одержанной имъ столь неожиданно въ Портсмутѣ побѣды его, конечно, въ отечествѣ ожидаютъ не только почетъ и награды, но всеобщее признаніе заслугъ,—на это графъ спокойно возразилъ: «Вы не можете себѣ и вообразить, какъ много предубѣжденій и враждебныхъ вліяній скопилось противъ меня и какъ близко они проникаютъ къ престолу! Да, какое-нибудь вѣншнее отличіе я, конечно, получу, но едва ли миѣ придется вернуться къ широкой общественной дѣятельности».

«Такое меланхолическое настроеніе меня поразило, но, поразмысливъ, я понялъ, что дворскія милости—вещь вообще шаткая и цвѣрная. Да и нужны ли графу Витте вѣншній почетъ и отлички?»

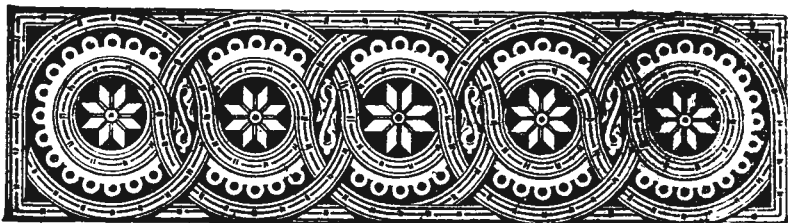
«Одинъ уже исходъ портсмутскихъ переговоровъ обезпечилъ С. Ю. Витте не только графскій титулъ, но прочное мѣсто въ исторіи. Рапѣе,—говоритъ Смаллей,—С. Ю. Витте былъ извѣстенъ только въ тѣсныхъ дѣловыхъ кругахъ за искуснаго финансиста, но въ великомъ кризисѣ, постигшемъ Россію, онъ развернулъ великіе таланты: неопытный новобранецъ дипломатіи, Витте съ мастерствомъ Меттерниха и Бисмарка перевернулъ общественное мнѣніе всего міра въ пользу Россіи и отнялъ у Японіи реальные плоды ея боевыхъ побѣдъ, а потомъ удалился на покой».

«Призванный затѣмъ къ борьбѣ съ революціей, графъ Витте сумѣлъ поборотъ и ее и подавилъ вмѣстѣ съ тѣмъ вспышку социальнаго переворота безкровными искусными приѣмами, но, выполнивъ эту огромную задачу, онъ опять вернулся въ частную жизнь».

«При той бодрости и полнотѣ умственныхъ силъ, какія отличаютъ эту удивительную личность, несомнѣнно, если Россіи опять доведется переживать роковыя годы, несравненныя дарованія графа Витте и дальновидная мудрость этого истинно-государственнаго чловѣка найдутъ себѣ опять примѣненіе для служенія интересамъ родины».

Такимъ панегирикомъ заканчиваетъ Д. У. Смаллей свои содержательныя воспоминанія о знакомствѣ съ графомъ С. Ю. Витте.

В. ф.-Ш.

ПАМЯТНИКИ Н. П. СЛѢЩОВУ.

(По случаю 60-лѣтія со дня его кончины).

I.

ЯНУВШАЯСЯ почти на продолженіи двухъ вѣковъ тяжелая кровавая борьба Россіи съ непокорными туземными племенами Кавказа выдвинула много славныхъ именъ, положившихъ животь свой за честь, за родину свою и оставившихъ послѣ себя дорогія воспоминанія о боевой лихости, воинской доблести и рыцарской отвагѣ. Въ ряду ихъ едва ли не выдающееся мѣсто, по своимъ заслугамъ и значенію, занимаетъ первый командиръ Сунженскаго казачьяго полка и начальникъ Верхне-Сунженской линіи генераль-майоръ Николай Павловичъ Слѣщовъ, въ очень молодыхъ годахъ прославившій свое имя и достигшій степеней извѣстныхъ. Могила объ его храбрости, неустрашимости, безоглядной отвагѣ, объ его мудрости, неподкупной честности и справедливости разнеслась далеко за предѣлы Кавказскаго края. Беззавѣтная щедрость стяжала ему славу добрѣйшей души человѣка и заботливаго военачальника, который все свое довольно значительное состояніе, доставшееся ему по раздѣлу съ братьями въ 1848 году, потратилъ на обезпеченіе вдовъ и сиротъ любимыхъ имъ сунженцевъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ горцами. А рыцарское великодушіе Слѣщова еще при жизни его такъ

привлекало къ нему сердца непокорныхъ чеченцевъ, что даже въ тяжбахъ своихъ они часто прибѣгали къ его совѣту, свято уважая приговоръ враждебнаго имъ русскаго намба ¹⁾). И до сей поры Малая и Большая Чечня вспоминаютъ съ благоговѣніемъ его имя въ красивыхъ легендахъ. Туземцы были увѣрены, что въ лицѣ Н. П. Слѣпцова воскресъ тотъ народный герой Керъ-Огланъ (то есть «сынъ слѣплого»), который, по преданію, совершилъ много великихъ подвиговъ, являясь идеаломъ честности, великодушія, самоотверженія, защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ и бичомъ богатыхъ и сильныхъ.

Много разказовъ ходитъ и теперь о Слѣпцовѣ; много пѣсень сложено о немъ казаками и немало бывшихъ соратниковъ его посвятили ему лучшія воспоминанія, разбросанныя, по длинѣ шестидесяти лѣтъ со дня его кончины, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Но едва ли существующіе очерки, разказы и легенды могутъ достойно очертить свѣтлый обликъ этого пылкаго, увлекающагося воина безъ страха и упрека, какъ рѣдкаго христіанина, преданнаго слуги своей родины и покорнаго сына своей семьи. «Всѣ данныя ему отъ Бога таланты и силы,—говоритъ священникъ Образцовъ ²⁾),—онъ воскресилъ и принесъ отъ нихъ щедрые плоды. Всего себя онъ отдалъ своей отчизнѣ».

Могутъ ли умереть такіе люди?

Нѣтъ, мудро гласитъ древнее христіанское изреченіе: «Онъ живъ, хотя и умеръ, умеръ и живъ—все равно».

Появился Н. П. на Кавказѣ въ 1840 году, будучи переведенъ, высочайшимъ приказомъ 16-го іюня, изъ лейбъ-гвардіи Литовскаго пѣхотнаго полка въ боевой Нижегородскій драгунскій полкъ штабсъ-капитаномъ. Едва 10-го сентября прибылъ онъ на линію, какъ получилъ назначеніе въ экспедицію генерала Граббе, предпринятую въ ту самую Чечню, гдѣ ему впослѣдствіи пришлось устраивать новую Сунженскую линію и водить любимый имъ Сунженскій полкъ къ блестящимъ побѣдамъ.

За пять лѣтъ участвуетъ онъ въ тридцати бояхъ съ горцами, приобрѣтя имя храбраго и энергичнаго офицера, что дало возможность значительно выдвинуться ему изъ среды своихъ полковыхъ товарищей. Какъ человѣка опытнаго, его прикомандировываютъ къ Кавказскому линейному казачьему войску, гдѣ, произведенный 19-го января 1845 г. за отличіе въ майоры, тридцатилѣтній Слѣпцовъ ³⁾ получаетъ отвѣтственный постъ командира вновь органи-

¹⁾ Наибъ—по-чеченски начальникъ.

²⁾ Въ рѣчи, произнесенной 10-го декабря 1911 года на могилѣ Н. П. въ станицѣ Слѣпцовой.

³⁾ Родился онъ 6-го декабря 1815 года въ селѣ Кологривовкѣ, Аткарскаго уѣзда Саратовской губерніи, гдѣ, судя по послужному списку, числилось за нимъ восемьдесятъ душъ крестьянъ.

зубаго 1-го Сунженскаго казачьяго полка, который онъ же долженъ былъ сформировать изъ переселенцевъ съ Терека и Дона.

Принявъ въ маѣ этого года на свое попеченіе 2910 казачьихъ семей, Н. П. энергично взялся за порученное ему дѣло. Но на первыхъ же порахъ принужденъ былъ столкнуться съ могущественнымъ Шамилемъ, который, провозгласивъ себя въ 1840 г. имамомъ, при посредствѣ преданныхъ ему набоговъ, держалъ въ полномъ подчиненіи всѣ горскія племена, населявшія въ то время Малую и Большую Чечни и Сѣверный Дагестанъ. Съ вновь сформированнымъ къ 1-му іюня Сунженскимъ полкомъ Слѣпцову пришлось много потрудиться для отраженія непріятельскихъ набѣговъ, препятствовавшихъ колонизаціи новаго края. Тѣмъ не менѣе въ іюнѣ же успѣлъ онъ основать въ средней части рѣки Сунжи, близъ бывшаго укрѣпленія Волынскаго, три первыхъ станицы: Троицкую, Михайловскую и Сунженскую (что нынѣ Слѣпцовская), давъ имъ прочное устройство и положивъ тѣмъ начало къ дальнѣйшему заселенію русскими людьми Чечни отъ Владикавказа до предѣловъ Дагестанской области. Черезъ два года онъ построилъ еще двѣ станицы: Ассинскую и Магометъ-Юртовскую (теперь Вознесенская). Но капризная судьба не позволила ему докончить продолженіе линіи закладкой намѣченныхъ имъ въ 1851 г. станицъ Самашкинской и Алханъ-Юртовской (нынѣшняя Ермоловская), когда вражья пуля уложила его спать сномъ непробуднымъ.

Не въ томъ, однако, важная заслуга его родинѣ. Слѣпцовъ сталъ дорогимъ сердцу каждаго русскаго воина потому, что онъ сумѣлъ вселить въ окружающихъ увѣренность въ своей непобѣдимости и достигъ того, что одно имя его наводило суевѣрный страхъ на непріятеля. Достаточно сказать о томъ, какъ чеченки пугали блаженныхъ дѣтей своихъ словами: «Слѣпцовъ идетъ», чтобы заставить ихъ успокоиться. Въ памяти сунженцевъ сохранился еще такой курьезный эпизодъ.

Какъ-то разъ, зимой, отрядъ Слѣпцова возвращался съ набѣга изъ дальнихъ ауловъ; люди притомились, продрогли. Заботливый до мелочей, Н. П. приказалъ уряднику съ шестью казаками добыть изъ ближайшей станицы водки. Посланные понесли въ карьеръ. Вдругъ предъ ними, точно изъ земли, выросла значительная партія горцевъ. Урядникъ не растерялся. «Прочь! — крикнулъ онъ на всемъ скаку по-чеченски: — прочь съ дороги! Слѣпцовъ идетъ!» Враги разступились и опомнились тогда, когда казаки скрылись изъ вида. Водка, благодаря этому, была доставлена благополучно къ мѣсту назначеннаго ночлега, и удалцы получили за свою выдумку отъ Слѣпцова десять полуимперіаловъ.

Такъ щедро награждалъ добрый командиръ своихъ подчиненныхъ, которые безпрекословно, не взирая ни на какія препятствія, исполняли его приказанія. Онъ ставилъ выше всего послушаніе,

покорность и точное исполненіе начальнической воли. Но караль, и подчасъ очень жестоко, тѣхъ, кто рѣшался ослушаться его распоряженій. По этому поводу сотникъ Терскаго войска А. П. Фроловъ, приводитъ такой интересный случай ¹⁾.

Какъ-то лѣтомъ 1850 г. въ станицу Сунженскую пріѣхалъ главнокомандующій Кавказа князь Воронцовъ съ супругой и остановился у Слѣпцова, котораго очень любилъ и относился къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Конечно, Н. П. задалъ пиръ на всю станицу. Была устроена иллюминація; на площади горѣли костры, трещали фейерверки, ракеты ²⁾. Для угощенія казаковъ онъ приказалъ выдать станичному начальнику, сотнику О—ко, сто рублей, чтобы всю ночь гремѣли пѣсни. Но народъ, толпившійся на площади, почему-то сталъ расходиться прежде времени. Слѣпцова это взбѣсило:

— Ларька ³⁾, трубку!

Затянувшись раза два изъ двухаршиннаго чубука жуковскимъ табакомъ, онъ, не обращая вниманія на сидѣвшихъ въ гостиной князя Воронцова съ женой и собравшихся на вечеръ офицеровъ, крикнулъ дежурному уряднику:

— Полубояровъ, сходи узнай, гдѣ сотникъ О—ко?

Оказалось, что станичный начальникъ ушелъ домой. Это еще больше раздражило пылкаго командира.

— Позвать мнѣ его...—внѣ себя отъ гнѣва приказалъ онъ.

Сотника разыскали. Стремглавъ прибѣжалъ онъ, запыхавшійся, въ командирскій домъ и только что успѣлъ перешагнуть порогъ комнаты, какъ Слѣпцовъ набросился на него.

— Это что такое!— и пошелъ и пошелъ «калить» отборными словами. Въ воздухѣ мелькнулъ длинный чубукъ и началъ гулять по спинѣ оторопѣвшаго офицера.

Видя такую некрасивую сцену, главнокомандующій и его супруга покинули гостиную и ушли въ кабинетъ, выславъ оттуда адъютанта сказать Слѣпцову, чтобы послѣдній распорядился нарядить въ конвой сотню казаковъ и дать имъ коляску, такъ какъ они сейчасъ уѣзжаютъ.

Бѣдный адъютантъ никакъ не могъ подступиться къ разъяренному командиру полка, который бѣшено метался по комнатѣ.

¹⁾ Въ составленномъ имъ ко дню пятидесятилѣтней годовщины смерти Слѣпцова (10-го декабря 1901 года) очеркъ, подъ заглавіемъ: «Генераль-майоръ Н. П. Слѣпцовъ», стр. 31.

²⁾ При Сунженскомъ полку имѣлась особая ракетная команда подъ начальствомъ офицера. Слѣпцовъ придавалъ ей большое значеніе, такъ какъ ракеты часто имѣли рѣшающее при стычкахъ съ горцами дѣйствіе. Пущенная въ толпу непріятели, онѣ напугивали коней, разстраивая строй, и приводили врага въ замѣшательство, чѣмъ и пользовался Н. П. въ своихъ стремительныхъ атакахъ.

³⁾ Ларька—слуга и наперникъ Слѣпцова.

Николай Павлович Слѣщовъ.

Присутствующіе затаили дыханіе, настала гробовая тишина. Всѣ боялись потревожить Слѣпцова во избѣжаніе повторенія скандала. Только когда онъ немного успокоился, адъютантъ доложилъ ему приказаніе князя.

— Да кто же его пуститъ ночью!—раздраженно проговорилъ Слѣпцовъ и порывистымъ движеніемъ бросился въ кабинетъ, откуда вѣкорѣ слышались громкіе выкрики главнокомандующаго. Однако Н. П. сумѣлъ убѣдить дорогихъ гостей и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную, ведя подъ руку съ одной стороны княгиню, а съ другой—князя. Пиръ продолжался, какъ ни въ чемъ не бывало.

Проснувшись на другой день утромъ, Слѣпцовъ послалъ за О—ко.

— Прости меня, дорогой!—сказалъ онъ, когда тотъ вошелъ, и обнялъ его.

Конечно, на Сунжѣ всѣ знали Слѣпцова и снисходительно относились къ такимъ его вспышкамъ, которыя особенно нравились казакамъ, до сихъ поръ вспоминающимъ своего отца-командира въ пѣснѣ о немъ, что «хотя онъ насъ и бьетъ, да подъ судъ не отдаетъ».

Но внѣ сферы его вліянія эта раздражительность причиняла ему немало хлопотъ и огорченій. Можно даже съ увѣренностью сказать, что, благодаря невоздержному характеру, Слѣпцовъ рано сложилъ на полѣ брани свою буйную голову.

Мнѣ рассказывалъ статскій совѣтникъ А. Н. Минхъ ¹⁾, съ какой помпой пріѣзжалъ Слѣпцовъ въ Саратовъ «для устройства домашнихъ дѣлъ», послѣ смерти своего отца Павла Степановича (скончавшагося въ іюнѣ 1848 года). Ему сопутствовалъ туда его неизмѣнный Ларька. По прибытіи въ столицу Поволжья онъ остановился въ родительскомъ домѣ, кажется, на Гимназической улицѣ. Надо ли говорить, что появленіе въ родномъ городѣ молодого, красиваго и затянутаго въ дотолѣ невиданный черкесскій костюмъ блестящаго офицера, о боевыхъ подвигахъ котораго уже тогда гремѣла слава по Россіи,—произвело фуроръ среди мѣстныхъ дворянъ. Его всюду приглашали, какъ дорогаго, желаннаго гостя, особенно туда, гдѣ были взрослые дѣвицы, такъ какъ Н. П., по своему положенію, казался женихомъ очень завиднымъ.

Какъ-то поѣхалъ онъ на вечеръ въ дворянское собраніе. Ларьку оставилъ дома. Послѣдній, воспользовавшись предоставленной ему свободой, также отъ нечего дѣлать отправился бродить по городу, зашелъ въ трактиръ, встрѣтился тамъ съ какимъ-то пріятелемъ, напился до зеленаго змія и подрался. Явилась полиція. Несмотря на протесты, что онъ денщикъ полковника Слѣпцова, его все-таки забрали въ участокъ и посадили въ холодную. Когда Н. П. воро-

¹⁾ Извѣстный составитель историко-географическаго словаря Камышинскаго и Царцинскаго уѣздовъ.

тился поздно ночью съ бала, домашніе рассказали ему объ этомъ случаѣ. Онъ вспылить.

— Какъ? Почему? Да развѣ можно Ларыкѣ почевать въ кутузкѣ? Онъ заразить меня клопами ¹⁾.

И, не раздѣваясь, въ той же народной черкескѣ помчался въ участокъ, растормошилъ тамъ всѣхъ, нашумѣлъ, накричалъ и освободилъ Ларьку.

Конечно, это событіе быстро разнеслось по городу. Узналъ о немъ и губернаторъ. Слѣпцову грозила большая неприятность, если бы за него не вступились мѣстные вліятельные дворяне. Дѣло удалось замять, хотя, какъ говорить, оно стоило ему немало денегъ ²⁾.

II.

Слѣпцовъ соединялъ въ себѣ всѣ типичныя черты истаго русскаго барина старыхъ временъ. Онъ былъ хлѣбосолень, гостеприимень, радушень. Домъ его былъ открытъ всегда для всѣхъ. Въ кармаиѣ послѣ смерти у него нашли одинъ гривенникъ. Н. П. беззотчетно разбрасывалъ деньги направо и налево, не отказывая никому, даже тѣмъ, кто не просилъ ихъ. Онъ дѣйствовалъ непреложно по евангельскому завѣту: «справа рука не вѣдала, что дѣлала лѣвая».

Какъ ни увлекался онъ боемъ, какъ ни упивался торжествомъ побѣды, прежде всего мысли его обращались къ сѣренькому солдатику и казаку. Неисчислимыя муки испытывалъ онъ послѣ каждаго сраженія, въ которомъ были съ нашей стороны мертвые. Не разъ видѣли казаки, какъ по его загорѣлому, пылкому лицу стру-

¹⁾ Храбрый и неустрашимый въ битвѣ, Слѣпцовъ страшно боялся пауковъ, сверчковъ и разныхъ насѣкомыхъ. Онъ особенно не выносилъ запаха отъ клоповъ.

²⁾ Между тѣмъ сотникъ Фроловъ въ своей книгѣ (стр. 33) рассказываетъ о пребываніи Слѣпцова въ Саратовѣ другой и довольно-таки сомнительный анекдотъ. По его словамъ, «на одномъ изъ вечеровъ дворянскаго собранія какой-то чиновникъ позволилъ себѣ, въ присутствіи Слѣпцова, коснуться неодобрительно о кавказскихъ казакахъ, называя ихъ народомъ дикимъ, которые мародерствуютъ на войнѣ, не уважаютъ международныхъ правъ и проч. Слѣпцова это взбѣсило. Онъ наговорилъ «шпаку» много дерзостей и въ концѣ концовъ, не помня себя, выхватилъ пашку. Дѣло бы могло кончиться печально, если бы друзья Слѣпцова не убрали во время перетрусившаго чинушку. Замять исторію было трудно, такъ какъ происшедшее дошло до свѣдѣнія государя, и Слѣпцову грозило разжалованіе въ рядовые. Но главнокомандующій князь Воронцовъ (?) убѣдилъ Слѣпцова примириться съ обиженнымъ. Мирова я стоила Н. П. пятнадцать тысячъ рублей».

Прежде всего у Слѣпцова, имѣвшаго всего восемьдесятъ душъ крестьянъ, не могло быть такихъ денегъ. Кромѣ того, какъ князь Воронцовъ, такъ и императоръ Николай Павловичъ очень любили Слѣпцова, чтобы не простить ему этой вспышки изъ-за какого-то чиновника, сословіе коихъ въ тѣ времена обрѣталось далеко не въ авантажѣ среди придворныхъ сферъ. Странно еще, какимъ образомъ князь Воронцовъ, жившій въ Тифлисѣ, могъ быть посредникомъ въ случаѣ, происшедшемъ въ Саратовѣ.

Авт.

ились слезы, обнажалась голова, и грудь осѣнялась размашистымъ крестомъ, а уста шептали за убійныхъ молитву. Послѣ каждаго набѣга изъ своихъ средствъ обезпечивалъ онъ осиротѣвшія казачьи семьи, выдавая на каждую сто—полтораста рублей.

Но на ряду съ этими прекрасными качествами доблестнаго воина и благородной души начальника въ немъ уживались несимпатичныя черты мало воспитаннаго человѣка, доходившаго (какъ приведено выше) въ вспышкахъ и проявленіи непреклонной воли до необузданнаго самодурства завзятаго крѣпостника, что вмѣстѣ съ непомѣрнымъ честолюбіемъ доставляло ему немало огорченіе и много враговъ. Съ увѣренностью даже можно сказать, что, благодаря столь чуткому, до болѣзненности, до сумасбродства невоздержанному характеру своему, не переносившему ничьихъ мнѣній, возраженій и оцѣнокъ, онъ такъ рано сошелъ съ арены боевой кавказской жизни, безразсудно наскочивъ на смертельную пулю.

Причину его гибели ставятъ въ связь съ происшедшей сеорой между нимъ и командиромъ батареи полковникомъ Веревкинымъ (впослѣдствіи, если не ошибаемся, наказный атаманъ уральскаго войска и герой хивинскій), также считавшимся между кавказцами храбрымъ офицеромъ.

Какъ-то въ началѣ декабря роковаго 1851 года Слѣпцовъ былъ во Владикавказѣ на вечерѣ у семьи Опочининыхъ, которую очень любилъ за гостепримство. Туда былъ приглашенъ и Веревкинъ. Послѣ ужина, проходя мимо сидѣвшаго съ хозяйкой дома Слѣпцова, послѣдній сказалъ по адресу его нѣсколько ѣдкихъ словъ. Н. П. векочилъ, какъ ужаленный, и побѣжалъ за Веревкинымъ въ другую комнату. Друзья не успѣли предупредить столкновенія: Слѣпцовъ нанесъ Веревкину оскорбленіе. Возбужденіе его дошло до крайнихъ предѣловъ: онъ заикался, говорилъ несвязныя рѣчи, плакалъ. Насилу его успокоили.

Будучи не правъ, онъ послалъ противнику вызовъ. Но секунданты, чтобы избѣжать несчастія, не исполнили высказаннаго въ минуту раздраженія его желанія. Да, говорятъ, и Веревкину, сознавшему свою ошибку, не хотѣлось драться.

Не дождавшись отвѣта, разстроенный, уѣхалъ Слѣпцовъ неудовлетвореннымъ въ свой Сунженскій полкъ. Обстоятельство это такъ подѣйствовало на его честолюбивую натуру, что онъ совсѣмъ переродился, изъ энергичнаго, подвижнаго сдѣлался угрюмымъ; взоръ его угасъ, окружавшіе видѣли его ненормальное, удрученное состояніе. «Не переживу я этого, умру, не хочу жить больше», твердилъ Н. П. офицерамъ. Онъ искалъ смерти: лѣзъ на явную гибель очертя голову и не слушался совѣтовъ своихъ друзей.

Здѣсь нѣтъ особенной надобности останавливаться на подробностяхъ роковаго боя 10-го декабря, ибо о томъ печаталось и писалось не разъ. По словамъ очевидцевъ, генераль съ нетерпѣніемъ

Памятникъ надъ могилой Слѣпцова въ станицѣ Слѣпцовой.

ждалъ его и, какъ наканунѣ, такъ, особенно, въ день стычки былъ чрезвычайно возбужденъ. Едва только раздался зловѣщій выстрѣлъ изъ чеченской пушки, Слѣпцовъ выскочилъ на старомъ кабардинцѣ изъ-за прикрытія и съ своимъ дежурствомъ бросился за рѣку Гехи, опережая казачьи сотни и солдатскія роты. Онъ рвался въ самую сердцевину ожесточенной рукопашной схватки, гдѣ враги перемѣшались до того, что трудно было по костюмамъ ¹⁾ отличить

¹⁾ Какъ и до сихъ поръ, терскіе и кубанскіе казаки носятъ вооруженіе, снаряженіе и одежду черкесскія.

своихъ отъ чужихъ. Вдругъ урядникъ Мелиховъ замѣтилъ, что конь Слѣпцова рванулся въ сторону и генераль покачнулся. Быстро подскочилъ бравый ординарецъ къ любимому командиру, лицо котораго покрылось смертельной блѣдностью, глаза закрылись, опустились неподвижныя руки. Чья-то шальная пуля скосила генерала ¹⁾.

Согласно волѣ покойнаго, прахъ его былъ перевезенъ въ станицу Сунженскую и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой убитаго горцами племянника его, прапорщика Веретенникова, который былъ прикомандированъ къ Сунженскому полку ²⁾. «При всякомъ набѣгѣ на чеченцевъ,—пишетъ генераль Складуровъ ³⁾,—Н. П. завѣщалъ своимъ ординарцамъ: «Если я буду убитъ, тѣло мое на родину не отправлять, а похоронить на общемъ кладбищѣ здѣсь, среди моихъ казаковъ. Я водилъ ихъ въ бой, на моихъ глазахъ они беззавѣтно храбро умирали, и мѣсто моему праху тамъ, гдѣ покоятся мои лихіе сунженцы. Могилы наши лучше оберегутся и надолго останутся живымъ напоминаніемъ потомству о славныхъ дѣлахъ ихъ предковъ».

Послѣ смерти героя станица эта, гдѣ находилась штабъ-квартира Сунженскаго полка, по высочайшему повелѣнію 28-го декабря того же 1851 года, была переименована въ Слѣпцовскую.

При этомъ императоръ выразилъ желаніе воздвигнуть ему тамъ памятникъ ⁴⁾.

Сначала, по проекту полковника князя Гагарина, предполагалось построить его изъ тесанаго камня, для чего разрѣшено было отпустить изъ казны 6306 рублей. Но потомъ военный министръ, генераль-адъютантъ князь Долгоруковъ (20-го февраля 1854 года за № 2699) сообщилъ наказному атаману Кавказскаго линейнаго войска, что государь повелѣлъ соорудить этотъ памятникъ, согласно предположенію намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, изъ цѣльнаго камня, въ видѣ куска натуральной скалы, безъ всякой искусственной отдѣлки, съ обозначеніемъ на немъ только года

¹⁾ По словамъ Якова Ивановича Мелихова, и нынѣ здравствующаго въ Слѣпцовой станицѣ, Слѣпцовъ убитъ своими... солдатами за то будто бы, что онъ велъ ихъ на явную гибель. Мнѣніе это упорно держится и между другими интеллигентными лицами Терскаго войска. Но, какъ ни странно, нѣкоторые изъ казачьихъ генераловъ и офицеровъ просили меня не упоминать о томъ въ печати. «Не безразлично ли,—говорили они,—къмъ убитъ? Онъ умеръ—не все ли равно! Но, по моему глубокому убѣжденію, въ данномъ случаѣ,—къмъ убитъ и какъ умеръ—не все равно! Напротивъ, чтобы положить конецъ пересудамъ, людямъ, близко стоявшимъ къ дѣятельности Слѣпцова, и живымъ соратникамъ его слѣдуетъ скорѣе освѣтить этотъ грустный случай съ возможной подробностью. «Исторія должна быть точна и правдива!..»

²⁾ Дѣло Терскаго областного правленія 1895 года, № 29, л. 106.

³⁾ Въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ» 1911 года, № 232.

⁴⁾ Изъ сообщенія начальника главнаго штаба Кавказской арміи генераль-адъютанту Коцебу отъ 26-го января 1852 года, № 108.

смерти покойнаго и его фамиліи. А остатокъ отъ 6306 рублей, назначенныхъ по интендантской смѣтѣ на его сооруженіе, обратить въ капиталъ, изъ процентовъ котораго «вспомоществовать ежегодно, въ память сего генерала, вдовамъ сунженскихъ казаковъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ горцами».

Мѣстное начальство поняло это распоряженіе въ томъ смыслѣ, что прахъ генерала должно перенести на станичную площадь (въ церковную ограду или на мѣсто разобраннаго молитвеннаго дома ¹⁾), гдѣ и поставить указанный памятникъ. Но пока шла переписка о размѣрѣ требуемаго для него камня и о томъ, гдѣ добыть его, — мѣсто погребенія Слѣпцова обратилось въ братскую могилу. По одну сторону его сложили свои кости убитый горцами преемникъ Н. П. по должности командира полка, войсковой старшина Предмировъ. Въ ногахъ любимаго вождя нашелъ себѣ конечный покой погибшій одновременно съ нимъ въ дѣлѣ 10-го декабря урядникъ Симоновъ, состоявшій безсмѣннымъ ординарцемъ при Слѣпцовѣ. Кругомъ спали сномъ непробуднымъ его соратники. Каждый изъ нихъ, снаряжаясь въ набѣгъ или на тревогу, просилъ товарищей и родныхъ положить его, въ случаѣ смерти, поближе къ могилѣ командира, сдѣлавшейся сзаченной для мѣстнаго населенія. Поэтому мысль о постановкѣ ему памятника на станичной площади была оставлена, дабы не возбуждать неудовольствія среди казаковъ переноской праха покойнаго.

Для памятника Слѣпцовскаго сначала предполагалось перевезти гранитную скалу изъ Дарьяльскаго ущелья, но это сдѣлать оказалось невозможнымъ, вслѣдствіе узости Военно-Грузинской дороги между Дарьяломъ и Ларсомъ, гдѣ ширина ея не превышаетъ шести аршинъ. Поэтому въ октябрѣ 1858 года, съ разрѣшенія главнокомандующаго Кавказской арміей, князя Барятинскаго, былъ доставленъ въ станицу Слѣпцовскую найденный недалеко отъ бывшаго Эльдырхановскаго поста большой камень, который въ іюнѣ слѣдующаго года былъ поставленъ съ соотвѣтствующею надписью на могилѣ кавказскаго героя.

Доставка была произведена войсками и мѣстными жителями бесплатно. Только на постановку памятника и устройство кругомъ него чугунной ограды израсходовали 706 рублей ²⁾.

---

¹⁾ Во времена Слѣпцова въ Сунженской (теперь Слѣпцовской) станицѣ существовала часовня съ алтаремъ. Послѣ его смерти, согласно составленнаго имъ проекта, была заложена на площади церковь, камень для сооруженія которой указалъ онъ же и пожертвовалъ полторы тысячи рублей.

²⁾ Дѣло Терскаго областного правленія за 1895 годъ, № 29. Образовавшійся изъ ассигнованной на памятникъ суммы остатокъ былъ обращенъ въ капиталъ для пособія, согласно вышеуказаннаго распоряженія, вдовамъ убитыхъ съ горцами казаковъ. Когда же, послѣ усмиренія горнаго Кавказа, надобность въ этомъ назначеніи миновала, высочайше повелѣно 11-го января 1871 года проценты съ капитала обратить на со-

Памятникъ этотъ сохранился и поднесъ въ станицѣ Слѣпцовской. Онъ находится въ сѣверо-западномъ углу Казачьяго кладбища, на небольшомъ, нарочито сдѣланномъ возвышеніи, поверхъ котораго сложенъ изъ кирпичей неопредѣленной формы, въ видѣ пирамиды, пьедесталь сажени три въ окружности и аршина три вышины. Сверху его водруженъ громадный камень-галька изъ кавказскаго гранита темносѣраго цвѣта. На немъ, по преданію, часто сиживали Слѣпцовъ на горѣ у крѣпости Назранской и осматривали чудныя окрестности Сунжи. Въ срединѣ камня, съ юго-западной стороны, едва замѣтно вдѣлана простая желѣзная дощечка, съ потускнѣвшей отъ времени надписью черными буквами: «Николай Слѣпцовъ». Вершину камня вѣнчаетъ простой четырехконечный чугунный крестъ безъ всякихъ надписей и украшеній.

Нѣтъ ни вида, ни красоты, ни величественности, достойной славы покойнаго. Памятникъ указываетъ лишь мѣсто погребенія героя Сунжи и Кавказа, но далеко «не знаменуетъ доблестную память генерала въ томъ храбромъ полку, который онъ образовалъ и постоянно водилъ къ побѣдамъ» ¹⁾.

Поэтому тогда же среди войсковыхъ чиновъ высказывалось неудовольствіе по поводу постановки такого безобразнаго монумента ихъ лихому командиру. Еще въ 1853 году выражалось желаніе замѣнить его болѣе приличнымъ. Вслѣдствіе этого главнокомандующему Кавказской арміей князю Воронцову было представлено два проекта памятника: одинъ изображалъ собою усѣченную трехгранную пирамиду, на верхней площадкѣ котораго предполагалось помѣстить двухглаваго орла, увѣнчанаго крестомъ; другой былъ представленъ въ видѣ открытой часовни съ куполомъ въ восточномъ вкусѣ. На устройство перваго по смѣтѣ было исчислено 5604 рублей, постановка втораго должна была поглотить около десяти тысячъ рублей. Но намѣстникъ не одобрилъ эти проекты, поручивъ флигель-адъютанту князю Гагарину составить новый. Послѣдній доставилъ чертежъ закрытой часовни простой конструкціи, безъ всякихъ украшеній. Но и этотъ проектъ не получилъ надлежащей санкціи. Князь Гагаринъ замѣнилъ его другимъ, но послѣдній куда-то исчезъ. Дѣло такимъ образомъ затянулось.

Не получая долго изъ штаба округа отвѣта, терское областное правленіе само рѣшило осуществить давнишнюю казачью мечту. Не разрушая монумента на могилѣ Слѣпцова, оно намѣревалось соорудить на слѣпцовской станичной площади другой, по проекту сотника Фролова, въ видѣ каменной усѣченной четырехгранной

держаніе въ станицѣ Слѣпцовской женскаго училища имени генерала (существующаго и понынѣ), которое помѣщалось сначала въ полковомъ домѣ, служившемъ квартирой Слѣпцову.

¹⁾ Дѣло Терскаго областного правленія 1895 года, № 29, л. 106.

пирамиды, съ укрѣпленіемъ на верхней площадкѣ съ старыхъ чугунныхъ пушекъ, лежавшихъ въ станицахъ безъ употребленія со времени кавказской войны; надъ пушками поставить пирамиду изъ чугунныхъ ядеръ, заканчивающуюся чугуннымъ же крестомъ ¹⁾. Въ срединѣ каменной пирамиды—ниша съ иконой Николая Чудотворца, съ лампадой передъ ней; другія стороны предназначались для надписей.

Но противъ этого проекта, не снабженнаго смѣтнымъ исчисленіемъ на его устройство, возсталъ строительное отдѣленіе областного правленія, доставивъ наказному атаману составленный инженеромъ Рябиннымъ чертежъ другого монумента, стоимостью въ 2770 рублей. По нему, сооруженіе проектировалось въ формѣ мѣстной туземной башни (или могильника), съ горизонтальной каменной кладкой цвѣтными рядами и тремя боковыми досками, въ видѣ горскихъ надгробныхъ камней. Все это завершалось глыбой горной породы кварцеваго кристалла, украшеннаго государственнымъ гербомъ и обращеннаго на три фасада, съ тремя щитами на груди, изображавшими гербы Московской, Саратовской губерніи (какъ мѣсто родины Слѣпцова) и Терекской области. На боковыхъ доскахъ, для увѣковѣченія памяти о личности и дѣлахъ Слѣпцова,—рельефныя надписи золотыми буквами: на одной цѣлкомъ приказъ отъ 19-го февраля 1845 года о назначеніи его командиромъ Сунженскаго полка, на другой—высочайшее благоволеніе 19-го декабря 1850 года «за отличный порядокъ и примѣрное устройство этого полка», а третья—съ текстомъ повелѣнія 29-го декабря 1851 года о переименованіи станицы Сунженской въ Слѣпцовскую. Кромѣ того, на тѣхъ же щитахъ предполагалось вставить бронзовыя изображенія, въ видѣ медальоновъ, профили Слѣпцова, иконы Николая Чудотворца и ордена—креста за службу на Кавказѣ. Подъ щитами на чугунныхъ отливкахъ—изображенія казачьихъ шашки, кинжала и ружья. На обкладку остова монумента, чтобы придать ему розовый оттѣнокъ, предполагалось взять красный кабіейскій камень, для цоколя и карниза—сѣрый дарьяльскій гранитъ, кристаллъ изъ шатовскаго алебастра, а на внутреннюю кладку—мѣстный песчаникъ.

Судя по рисунку, памятникъ съ такими сочетаніями представлялъ собой красное и внушительное сооруженіе, достойное памяти Слѣпцова. Проектъ былъ утвержденъ наказнымъ атаманомъ. Но до сихъ поръ почему-то не удалось привести его въ исполненіе,

¹⁾ Какъ видно изъ донесенія атамана Сунженскаго отдѣла отъ 23-го октября 1896 года, въ восьми казачьихъ поселеніяхъ этого отдѣла сохранилось двѣнадцать пушекъ, семьдесятъ два ядра и шестьсотъ пятьдесятъ три картечи. Въ Слѣпцовской станицѣ напоминаютъ о сунженскомъ командирѣ двѣ пушки Туринскаго завода 1813 года, которыя стояли ранѣе у дома его и теперь помѣщаются у станичнаго правленія (въ домѣ бывшей полковой канцеляріи).

хотя казачье население Сунженской линіи съ большимъ удовольствіемъ откликнулось на эту радостную вѣсть, внося въ мѣстныя казначейства трудовые гроши, которыхъ къ концу 1896 года набралось 46 рублей 51 копейка, а Терское войско охотно отпускало требуемую на сооруженіе памятника сумму.

Только согласно журнальнаго постановленія областного правленія, отъ 5—30 августа 1899 года, на мѣстѣ кончины Н. П.¹⁾ въ тотъ годъ воздвигнутъ былъ чугунный крестъ высотой въ двѣ съ половиной аршина на каменномъ пьедесталѣ, одинъ аршинъ съ половиной вышины съ надписью: «*На семь мѣсть 10-го декабря 1851 года смертельно раненъ генераль-майоръ Николай Павловичъ Слѣпцовъ*». Да 15-го августа 1897 года, по инициативѣ соратника героя полковника Проколова и на средства, собранныя сунженцами, была освящена на площади въ Троицкой станицѣ, у церковной ограды, четырехгранная пирамида съ позолоченнымъ крестомъ, сложенная изъ шлифованнаго кабардинскаго камня и покоящаяся на четырехъ каменныхъ ступеняхъ. Кругомъ памятника желѣзная рѣшетка. Тутъ же поставлена «вѣстовая» пушка времени Слѣпцова.

Ко дню пятидесятилѣтія кончины Н. П.²⁾ терское войсковое начальство успѣло лишь издать, въ количествѣ шестисотъ экземпляровъ, брошюру сотника А. П. Фролова о жизни и дѣятельности Слѣпцова (на что истрачено 650 рублей).

Годовщину отпраздновали съ большой торжественностью. Наканунѣ была отслужена у памятника на Гехинской полянѣ панихида, въ присутствіи наказнаго атамана генераль-лейтенанта Толстова съ войсковымъ штабомъ, хоромъ войсковыхъ музыкантовъ и парадомъ отъ основанныхъ покойнымъ командиромъ станицъ Троицкой, Михайловской, Слѣпцовой, Ассинской и Вознесенской. А въ самую годовщину была совершена такая же панихида на могилѣ Н. П. въ Слѣпцовкѣ, куда прибыла племянница его Варвара Петровна Юренева (дочь генерала-майора П. В. Немировича-Данченка).

Не забыли почтить общей молитвой память любимаго вождя и стоящіе въ урочищѣ Хенъ-Кенды сунженцы, удостоившіеся получить въ этотъ день телеграмму военнаго министра генераль-адъютанта Куропаткина на имя полковника Баратова: «Государь Императоръ высочайше соизволилъ первому Сунженско-Владикавказскому полку Терскаго казачьяго войска въ вѣчное сохраненіе и напоминаніе доблестнаго имени генераль-майора Слѣпцова, сформировавшаго Сунженскій полкъ и водившаго его къ побѣдамъ,

¹⁾ Близъ села Шелаши, на юртовомъ надѣлѣ села Урусъ-Мортанъ, Грозненскаго округа, на правомъ берегу рѣки Гехи, въ сорока пяти верстахъ отъ станицы Слѣпцовой.

²⁾ 10-го декабря 1901 года.

именовать впредь первымъ Сунженско-Владикавказскимъ генерала Слѣпцова полкомъ» ¹⁾).

10-го декабря 1911 года терцы опять собрались у дорогой могилы, чтобы, во главѣ со своимъ начальствомъ, помолиться въ шестидесятую годовщину своего любимца. Къ этому дню была издана войскомъ (въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ) для школъ и казаковъ небольшая брошюрка подъ названіемъ: «Генераль-майоръ Н. П. Слѣпцовъ, какъ организаторъ Сунженской линіи». Панихида собрала массу народа изъ окружныхъ станицъ. Гостямъ былъ предложенъ отъ войска поминальный обѣдъ. Школьникамъ розданы лакомства. Дѣвочки училища имени генерала стройно исполнили составленную священникомъ Образцовымъ на этотъ случай кантату:

Не забыть намъ героя Слѣпцова,
 Никогда не забыть намъ того,
 Кто для блага и края родного
 Не щадилъ ничего своего.
     Не щадилъ своего достоянья—
     Все убогимъ и сирымъ раздалъ,
     Чтобъ, любя, облегчить имъ страданья,
     Какъ Спаситель Христосъ завѣщаль.
 Не щадилъ ни здоровья, ни силы,
 Не зарылъ данный Богомъ талантъ,
 Но боролся до самой могилы,
 Какъ отмѣченный Богомъ гигантъ.
     Онъ, къ отчизнѣ пылая любовью,
     Даже жизни своей не щадилъ
     И своей благородною кровью
     Этотъ край нашъ въ бою оросилъ.
 Спи же съ миромъ, герой нашъ любимый,
 Нашъ великій, безсмертный Слѣпцовъ,
 И прими своей тѣнью незримой
 Эту пѣсню дѣтей и отцовъ.

Удалось и мнѣ побывать на этомъ торжествѣ, хотя, по правдѣ говоря, вынесъ я оттуда тяжелое впечатлѣніе. Не сбереглось того, что возбуждаетъ сердце, что поднимаетъ духъ. Правда, память о

¹⁾ Дѣло Терскаго областного архива 1895 года, № 29. Кромѣ того, о Слѣпцовѣ сохранились слѣдующія напоминанія. Въ церкви Николаевского кавалерійскаго училища имя его занесено на черную мраморную доску; въ Зимнемъ дворцѣ находится подлинная картина князя Максудова «Смерть генераль-майора Слѣпцова». Копія съ нея имѣются въ саратовскомъ дворянскомъ собраніи (кстати сказать, поставленная въ темной нишѣ такъ, что ее совсѣмъ невозможно рассмотреть), въ тифлисскомъ музее и въ офицерскомъ собраніи Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ послѣднихъ двухъ вывѣшены и портреты его. Есть портретъ въ залѣ атаманскаго дворца во Владикавказѣ. Въ девяти верстахъ отъ станицы Слѣпцовой и въ двухъ верстахъ отъ Михайловской находятся Слѣпцовскія сѣрно-щелочныя воды съ температурой въ двадцать градусовъ Реомюра. Въ колодецѣ, на землѣ Юртовъ надѣлъ Н. П. лечилъ рану, полученную имъ 15-го іюня 1851 года въ дѣлѣ на рѣкѣ Валерикъ. Станичники называли ихъ поэтому Слѣпцовскими, поставили надъ колодецемъ срубъ, а надъ дверью водрузили образъ св. Николая Чудотворца.

Слѣпцовѣ съ восторгомъ передается отъ дѣдовъ и отцовъ дѣтямъ и внукамъ и въ пѣсняхъ, и въ разказахъ. Но не видно среди послѣднихъ того боевого пыла, которымъ были проникнуты соратники сунженскаго героя. Сама станица Слѣпцовская стала не той, что славилась при жизни своего командира. За исключеніемъ указанныхъ выше двухъ пушекъ вѣстовыхъ да кинжала съ пашкой генерала, хранящихся въ четырехклассномъ станичномъ училищѣ, ничто болѣе не говоритъ о боевой и административной дѣятельности Слѣпцова въ гнѣздѣ Сунженской линіи. Нѣтъ той часовни, гдѣ онъ молился съ своими казаками, не пропуская ни одной церковной службы, и изъ которой сунженцы проводили его на вѣчный покой. Она до основанія разрушена; только два позеленѣвшіе отъ времени камня указываютъ се мѣсто среди застроенныхъ дворовъ: даже сломанъ деревянный крестъ на мѣстѣ алтаря.

Домъ, въ которомъ жилъ и веселился Слѣпцовъ, гдѣ онъ вершилъ дѣла и ласкалъ своихъ любимыхъ сунженцевъ, давно сломанъ. Общество Слѣпцовской станицы продало его за триста рублей казаку Маковникову, чтобы очистить мѣсто для четырехкласснаго училища. Послѣдній перевезъ его къ станціи желѣзной дороги и сдалъ въ аренду мѣщанину Александрову, который въ одной половинѣ устроилъ два амбара для ссыпки хлѣба, а другую, въ шесть комнатъ—отдаетъ подъ квартиры.

Но самыя грустныя думы навѣваетъ видъ каменнаго храма, построеннаго по проекту Слѣпцова. Болѣе пятнадцати лѣтъ стоитъ онъ заброшеннымъ, и богослуженіе совершается въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, рядомъ съ бывшей часовней, который не можетъ вмѣстить и десятой доли молящихся изъ 6157 жителей Слѣпцовки. Толстыя стѣны его изъ тесанаго известняка, поставленныя на дубовомъ фундаментѣ¹⁾, дали глубокія трещины. Не сегодня—завтра зданіе развалится.

Давно хочется казакамъ поправить этотъ дорогой для нихъ о любимомъ командирѣ памятникъ, съ высоты колокольной котораго впервые раздался на чеченской землѣ призывный благовѣстъ Христовой вѣры. Но средствъ нѣтъ, за исключеніемъ собранныхъ ранѣе трехсотъ рублей и пожертвованныхъ пріѣзжими на торжество 10-го декабря 1911 года гостями 92 рублей 32 копейки. На поправку же требуется тридцать пять тысячъ рублей. Пробовали было они обращаться за помощью къ войску, но послѣднее оказалось глухимъ къ ихъ тяжелой нуждѣ, при своемъ двухмилліонномъ доходѣ...

¹⁾ Мѣстность Слѣпцовской станицы, какъ говорятъ, подвергается «оползнямъ». Чтобы дать фундаменту болѣе прочности и защитить его отъ подвижки грунта, предварительно заложили въ выемку срубъ изъ толстыхъ дубовъ мѣстной породы. Но отъ времени послѣдніе сгнили, благодаря чему зданіе покачнулся.

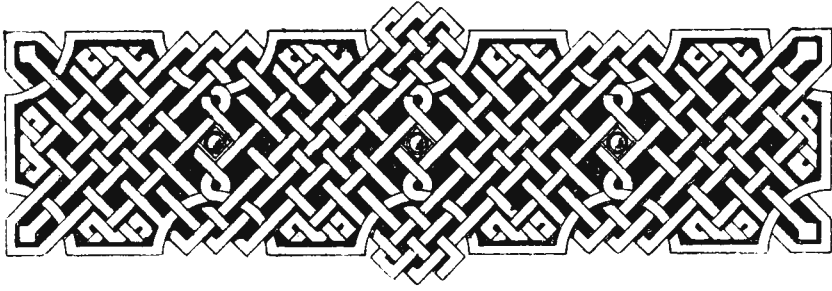
Мы сѣтуемъ часто, что православіе начинаетъ колебаться на Руси, уступая мѣсто безвѣрію. Принимаются для того различныя мѣры, на которыя въ сердцѣ Россіи не жалѣютъ ни денегъ, ни трудовъ. Между тѣмъ на далекой окраинѣ затерялись люди, жаждущіе свѣта христіанскаго, но о нихъ даже не вспоминаетъ никто. Бывшіе десять лѣтъ назадъ на пятидесятилѣтнихъ поминкахъ кавказскаго героя въ Слѣпцовкѣ петербургскіе и московскіе гости видѣли, конечно, духовную нищету сунженцевъ. Однако ни одинъ изъ нихъ не обмолвился печатнымъ словомъ о помощи изнывающимъ подъ тяжестью религіозныхъ заботъ искренно вѣрующимъ казакамъ... Грустно, досадно и обидно!..

Можетъ быть, теперь мой слабый призывъ возбудитъ къ нимъ жалость отцовъ церкви и ревнителей православнаго просвѣщенія, чтобы оказать имъ посильную помощь для возстановленія въ прежнемъ величій Слѣпцовскаго храма...

П. Л. Юдинъ.

Отъ редакціи. Статья эта была доставлена въ редакцію еще въ концѣ прошлаго года. Въ письмѣ отъ 22-го января П. Л. Юдинъ проситъ добавить къ ней, что 12-го января на засѣданіи терскаго общества любителей казачьей старины рѣшено соорудить Н. П. Слѣпцову новый памятникъ, поставивъ его во Владикавказѣ, въ саду на Михайловской площади, позади зданія второй женской гимназіи, лицомъ на рѣку Терекъ.

ПАМЯТИ Н. О. АННЕНСКАГО.

КОНЧАВШИЙСЯ 26-го іюля сего года въ дачной мѣстности Финляндіи Куокалла писатель-публицистъ и извѣстный статистикъ и общественный дѣятель Николай Федоровичъ Анненскій былъ личностью интересной, чрезвычайно популярной и любимой въ широкихъ литературныхъ и общественныхъ кругахъ; почему и смерть его вызвала у многихъ чувство горя и глубокаго сожалѣнія. Въ его лицѣ многія общественныя организаціи потеряли безсмѣннаго предсѣдателя общихъ собраній, оратора, умѣвшаго сглаживать возникавшія на этихъ собраніяхъ рѣзкости, шероховатости, точно и умѣло формулировать выносимыя резолюціи и вливать въ присутствующихъ подъемъ настроенія и бодрость духа.

Всегда веселый, жизнерадостный, привѣтливый онъ умѣлъ объединять около себя широкіе литературные круги и, какъ общественный дѣятель большого авторитета, основательныхъ научныхъ познаній и глубокаго житейскаго опыта, Анненскій являлся тѣмъ центромъ, вокругъ котораго всегда кипѣла жизнь, переливаясь прихотливыми отцвѣтами, съ ихъ разнообразными и реально поставленными вопросами насущнаго дня. Будучи виднымъ представителемъ лѣвой и радикальной фракціи нашей общественности, онъ, благодаря вѣдренной въ него природою широкой гуманности, добротѣ и мягкости характера, не отличался, однако, сектантской непримиримостью, подобно большинству представителей этой фракціи, и всегда нахо-

диль въ себѣ достаточно умѣнья, чтобы отдать должное противнику по взглядамъ, если только усматривалъ въ немъ запасъ принципиальности и проявленіе искренности. Отсюда его популярность и авторитетность. Вся его жизнь отъ молодого сознательнаго возраста до послѣдняго вздоха была собственно благоговѣйное отправленіе революціонной литургіи, которую онъ открыто правилъ, неся изъ этого служенія всѣ вытекавшія отсюда радости и горести. Его жизнеописаніе самымъ тѣснымъ образомъ переплетается со всѣми явленіями оппозиціоннаго порядка, которыми полна отечественная жизнь за послѣдніе полвѣка и которымъ посвящены мои текущіе историко-политическіе очерки. Поэтому, помимо литературной дани памяти усопшаго, я охотно включаю его *некрологъ* въ серію этихъ очерковъ, какъ некрологъ бывшаго народовольца и въ послѣдніе годы основателя небольшой сравнительно политической группы «народныхъ социалистовъ». Въ литературѣ пока неизвѣстны практическіе шаги его выступленія на тернистомъ поприщѣ революціонной дѣятельности. Поскольку онъ былъ лично извѣстенъ автору настоящей статьи, поскольку знакома литература о немъ и его собственное «легальное» писательство, онъ рисуется скорѣе человекомъ культурнаго служенія русскому обществу, конечно, определенной марки, служенія, имѣющаго непосредственной задачей благо народное, поскольку онъ могъ здѣсь что-нибудь сдѣлать своимъ литературнымъ перомъ, своей дѣятельностью въ роли выдающагося статистика и предсѣдателя и члена общественныхъ организацій, имѣвшихъ предметомъ своихъ дебатовъ и сужденій интересы народныхъ массъ. Отсюда преобладаніе въ интересѣ ознакомленія съ его жизнеописаніемъ того историческаго фона, на которомъ вырисовывается его личность и та среда, которой онъ былъ виднымъ представителемъ и которая всегда выдвигала его въ передніе ряды и на главенствующее мѣсто въ моменты, когда эта среда заявляла себя практическою дѣятельностью и считала долгомъ подать свой голосъ по вопросамъ политическаго и общественнаго дня.

Какъ свидѣтельствуешь энциклопедическій словарь Ефрона и Брокгауза (нов. изданіе) Николай Федоровичъ Анненскій родился въ 1843 году. Учился онъ въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ; позднѣе сдалъ экзамены при петербургскомъ университетѣ на кандидата правъ и при кievскомъ университетѣ на кандидата историко-филологическихъ наукъ. Съ 1867 года по 1873 годъ служилъ въ государственномъ контролѣ при Татариновѣ, съ 1873 г. по 1880 г. въ статистическомъ отдѣленіи министерства путей сообщенія; въ 1876 и 1877 гг. участвовалъ на статистическихъ съѣздахъ въ Пештѣ и Римѣ. Въ 1880 г. былъ высланъ въ Тару (Тобольской губерніи). Съ 1883 по 1887 гг. руководилъ статистическими работами казанскаго губернскаго земства; съ 1887 по 1895 гг. завѣдывалъ статистическимъ

стическимъ отдѣленіемъ нижегородскаго губернскаго земства. Въ Казанской губерніи въ 1883 г. имъ была устроена экспедиція для изслѣдованія мѣстностей, особенно пострадавшихъ отъ неурожаяевъ; затѣмъ было произведено оцѣночное изслѣдованіе 4 уѣздовъ. Въ Нижегородской губерніи Анненскому удалось довести постановку статистическихъ работъ до высокаго уровня и исполнить мѣстное изслѣдованіе всѣхъ уѣздовъ губерніи, причемъ для оцѣночныхъ цѣлей въ значительной степени была использована подворная перепись. Анненскому въ наиболѣе полной мѣрѣ удалось соединить такъ называемые московскій и черниговскій типы земской статистики. Въ оцѣночныхъ работахъ особенно выдавались детальный учетъ землевладѣнія и тщательное опредѣленіе урожайности, въ связи съ почвами и удобреніемъ. Успѣху вторичнаго почвеннаго изслѣдованія помогла дружная совмѣстная работа Анненскаго и выдающагося почвовѣда Н. М. Сибирцева. Нижегородское бюро было при Анненскомъ настоящею школою земской статистики. Въ Нижнемъ же, по порученію Л. І. Грасса, Анненскій (совмѣстно съ Н. М. Кисляковымъ) разработалъ громадный урожайный матеріалъ, собранный Грассомъ для книги «Страхованіе посѣвовъ» (1892). Для нижегородской интеллигенціи Анненскій, вмѣстѣ съ В. Г. Короленкомъ, служилъ объединяющимъ просвѣтительнымъ центромъ. Въ 1895 г. Анненскій переѣхалъ въ Петербургъ. Съ 1896 по 1900 гг. завѣдывалъ статистическимъ отдѣломъ петербургской городской управы. Въ 1901 г. долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Финляндію; въ 1902 г. возвратился, но въ 1904 г. опять былъ принужденъ покинуть Петербургъ и жилъ въ Ревелѣ до осени 1904 г. Былъ въ числѣ лицъ, отправившихся наканунѣ 9 января 1905 г. къ князю Святополкъ-Мирскому и за это попалъ въ Петропавловскую крѣпость. Анненскій печаталъ статьи въ журналахъ «Дѣло» («Новыя теченія въ экономической наукѣ» и пр.) и «Отечественныя Записки» («Экскурсіи дѣльцовъ въ область научныхъ интересовъ» и др., разборы росписей, много замѣтокъ о новыхъ книгахъ), въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», въ сборникѣ «Вліяніе урожаяевъ» (1897) и въ другихъ изданіяхъ. Съ 1894 г. Анненскій помѣщалъ статьи въ «Русскомъ Богатствѣ» и являлся дѣятельнымъ членомъ редакціи этого журнала. Обладая живою, отзывчивою натурою и выдающимся краснорѣчіемъ, Анненскій оказывалъ большое вліяніе на многочисленные круги лицъ, обращающихся къ его содѣйствію въ области статистики и литературы. Очень много работалъ для литературнаго фонда, для союза писателей (1897—1901 гг.), для с.-петербургскаго литературнаго общества, предсѣдателемъ котораго состоялъ, для вольнаго экономическаго общества, почетнымъ членомъ котораго онъ состоялъ, а также въ третейскихъ судахъ и судѣ чести по литературнымъ дѣламъ. Въ 1906 г., вмѣстѣ съ В. А. Мякотинимъ, В. В. Пѣшеховымъ и др.,

основаль партію народныхъ социалистовъ. Въ «дни свободы» и во время выборныхъ кампаній выступаль съ огромнымъ успѣхомъ на митингахъ.

Таковъ краткій литературно-общественный послужной списокъ почившаго писателя. Уже изъ обзорѣнія его одного видно,

Николай Федорович Анненскій

сколько любопытныхъ жизненныхъ моментовъ широкаго общественнаго значенія онъ собою обнимаетъ и сколько интересныхъ страницъ отечественной жизни сюда включено. Тутъ нѣтъ покоя, а наличие постояннаго движенія, смѣна острыхъ моментовъ, съ каждымъ изъ которыхъ тѣсно связаны тѣ или иныя знаменатель-

ныя страницы русской жизни и которыя въ сжатой передачѣ фактовъ словаря слабо обнаруживаютъ ихъ внутренній смыслъ.

Будучи студентомъ университетовъ въ шестидесятыхъ годахъ, Анненскій прошелъ искусь тогдашней тревожной жизни; участвовалъ въ протестѣ противъ введенія матрикуль, ходилъ по Невскому со всею толпою къ попечителю Филиппову, былъ арестованъ и подвергся нѣкоторымъ послѣдствіямъ, вытекшимъ изъ тогдашнихъ демонстрацій. Затѣмъ былъ дѣятельнымъ членомъ всяческихъ кружковъ самообразованія съ ихъ несомнѣнной политической окраской и вообще, повидимому, широкою грудью вдыхалъ въ себя воздухъ, которымъ тогда дышала молодежь и которой наполнялъ ее сердца протестомъ. Родственные узы связали его съ извѣстнымъ революціонеромъ Ткачевымъ, о которомъ въ свое время я говорилъ: онъ примкнулъ къ ученію послѣдняго и такимъ образомъ на зарѣ своей жизни уже примкнулъ къ движенію, явившемуся противовѣсомъ бакунинскимъ теоріямъ, и сталъ сторонникомъ идеи о необходимости политическаго обновленія Россіи, безъ какового обновленія не видѣлъ возможности пересозданія строя на началахъ социалстическаго ученія.

Впослѣдствіи въ статьѣ «Сорокъ лѣтъ назадъ», напечатанной въ сборникѣ «На славномъ посту», посвященномъ Н. К. Михайловскому, Анненскій, рисуя значеніе эпохи шестидесятыхъ годовъ для современнаго тогдашняго поколѣнія людей, такъ формулируетъ исповѣданіе, отсюда почерпнутое. Онъ говоритъ: «Демократической мысли предстояло выдержать трудное испытаніе. Работа должна была пойти вглубь и разобратъ во всей сложности новыхъ отношеній и новыхъ формъ жизни. Съ особенной жгучестью задача эта выступила впередъ въ періодъ «семидесятыхъ» годовъ. И до сихъ поръ она не можетъ еще считаться вполне исчерпанною. Затѣмъ нашъ ранній демократизмъ былъ нѣсколько односторонень и въ другомъ отношеніи. Въ немъ слишкомъ преобладалъ экономическій элементъ предъ всѣми остальными. И въ этомъ, несомнѣнно, сказывалось воздѣйствіе условій и обстановки того историческаго момента, когда складывались воззрѣнія представителей этого демократизма. Слишкомъ властно тогда захватывали вниманіе именно экономическіе интересы народа, и предъ ними блѣднѣли всѣ прочіе. Позднѣйшій ходъ жизни показалъ намъ очень ясно и очень больно, что въ ранней формулировкѣ демократической программы было нѣчто недосказанное. Мы не можемъ уже относиться къ «формальной» сторонѣ общественныхъ отношеній съ такимъ же равнодушіемъ, какъ люди шестидесятыхъ годовъ. Развитие демократической программы въ этомъ направленіи является одною изъ существенныхъ задачъ настоящаго».

Вдумываясь въ смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ по условіямъ времени «эзоповскимъ языкомъ», мы видимъ, что онъ именно, въ

противность многимъ своимъ современникамъ періода шестидеся-
 тыхъ—семидесятыхъ годовъ, становится на первоочередную сторону
 «политики», безъ наличія которой, какъ опредѣленной формулы
 государственнаго бытія, не видитъ возможности осуществленія
 прочихъ соціально-экономическихъ идеаловъ.

По окончаніи двухъ факультетовъ онъ обосновывается въ Пе-
 тербургѣ, гдѣ сначала проходитъ службу въ государственномъ
 контролѣ и затѣмъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія и специализи-
 руется по той отрасли работы, значеніе которой въ виду недоѣ-
 ланности экономическихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ стало
 ясно сознаваться къ тому времени. На этой работѣ онъ про-
 шелъ школу, изъ которой вынесъ своеобразные методы, помогшіе
 ему нѣсколько времени спустя стать въ первые ряды русскихъ
 земскихъ и городскихъ статистиковъ, стать авторитетомъ въ этой
 области и немало поработать практически, въ связи съ общимъ
 теоретическимъ своимъ міросозерцаніемъ во имя блага широкихъ
 сельскихъ массъ, обездоленныхъ земельными надѣлами.

Состоя на государственной службѣ, Николай Өedorовичъ вмѣстѣ
 съ тѣмъ принимаетъ и участіе въ журналистикѣ той лѣвой ея части,
 которая, какъ «Отечественныя Записки», «Дѣло» и др., обслуживали
 оппозиціонныя тенденціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвуетъ и во
 всемъ движеніи семидесятыхъ годовъ, именуемомъ «народниче-
 скимъ», имѣвшемъ своихъ идеологовъ въ нашей литературѣ, въ лицѣ
 Михайловскаго, Глѣба Успенскаго и др. Но участіе въ движеніи
 народолюбцевъ до наступленія «диктатуры сердца» не приносило ему
 особеннаго ущерба, и его поведение не привлекало къ себѣ косыхъ
 взглядовъ администраціи. Лишь съ наступленіемъ обильныхъ
 обысковъ и высылковъ наканунѣ 1-го марта 1881 г. онъ сталъ жертвою
 и этихъ высылковъ и былъ гр. Лорисомъ-Меликовымъ административно
 высланъ въ гор. Тару Тобольской губерніи. Въ этотъ періодъ
 своей жизни онъ познакомился и сошелся съ нашимъ извѣстнымъ
 беллетристомъ В. Г. Короленкомъ, объ руку съ которымъ и протекла
 послѣдующая его общественная и политическая дѣятельность въ ея
 главнѣйшихъ моментахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ періодѣ
 нашъ беллетристъ въ своихъ предварительныхъ воспоминаніяхъ о
 своемъ почившемъ другѣ на страницахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»
 (№ 13,064):

«Познакомился я съ Анненскимъ въ Вышнемъ-Волочкѣ въ
 тюрьмѣ, когда насъ съ нимъ высылали въ Сибирь. Анненскаго
 отправляли въ гор. Тару, Тобольской губерніи.

«Вскорѣ оттуда онъ былъ возвращенъ въ Казань. Губернское
 земство пригласило его завѣдывать статистическимъ бюро. Аннен-
 скій усердно принялся за работу. Онъ былъ прирожденный статисти-
 къ. Работа пошла удачно, но вотъ губернаторъ потребовалъ отъ
 него подписку, чтобы онъ не входилъ въ сношенія съ политиче-

скими ссыльными. Анненскій отказался. Губернаторъ выслалъ его въ Свіяжскъ, но и оттуда Н. Θ. продолжалъ руководить работами бюро. Въ Нижегородской губерніи Анненскому пришлось работать въ голодный годъ, и вотъ тутъ-то проявилась вся способность этого человѣка примѣнять къ жизни свои богатые теоретическія познанія. Нижегородское статистическое отдѣленіе разслѣдовало всю голодную нужду, дѣлало закупки хлѣба и завѣдывало правильной раздачей провіанта.

«Надъ Анненскимъ тогда смѣялись, говорили:

«— Какія же закупки можетъ дѣлать статистикъ. Онъ способенъ только на теоретическія выкладки.

«Однако вскорѣ все убѣдились, что значить, когда въ такомъ дѣлѣ принимаетъ участіе добрый человѣкъ и прекрасный работникъ. Объ этомъ я писалъ въ своей книгѣ «Въ голодный годъ». Только, конечно, я тамъ не говорю объ Н. Θ., чтобы не заподозрѣли меня въ пристрастїи къ другу.

«Обаятельный это былъ человѣкъ. За какое бы дѣло онъ ни взялся, всюду онъ приносилъ съ собой свѣтъ и любовь. Кто разъ имѣлъ какое-либо дѣло съ Анненскимъ, никогда не могъ его забыть».

Въ своихъ обѣщанныхъ воспоминаніяхъ объ Анненскомъ, которыя, вѣроятно, не замедлятъ появиться на страницахъ «Русскаго Богатства», В. Г. Короленко повѣдаетъ многія любопытныя страницы изъ жизни Николая Ѳедоровича, относящіяся во времена его ссылки и къ работѣ на почвѣ земской статистики. Пока же можно только отмѣтить, что именно земская статистика была тою культурною стихіею, въ которой наиболѣе рельефно долженъ былъ обрисоваться и расцвѣсть нравственный обликъ Анненскаго. Для уразумѣнія этого нужно дать себѣ отчетъ, какую роль земскіе статистики сыграли въ русской жизни пореформеннаго періода, въ періодъ политической реакціи восьмидесятихъ годовъ и въ періодъ преддверія къ «освободительнымъ» днямъ девятисотыхъ годовъ. Въ своихъ любопытныхъ статьяхъ по настоящему предмету, подъ заглавіемъ: «Къ исторїи земскаго движенія въ Россїи», напечатанныхъ на страницахъ «Былого» въ 1907 г. и въ историческомъ сборникѣ «Наша Страна», земецъ И. П. Бѣлоконскій такъ обрисовываетъ дѣло. Онъ говоритъ: «Русская интеллигенція представляетъ въ своемъ родѣ исключительное явленіе въ міровой исторїи. Выдѣленная на первой фазѣ своего развитія, главнымъ образомъ, изъ среды землевладѣльческихъ и чиновныхъ классовъ, частью изъ купечества, духовенства и другихъ сословій, она, вырываясь изъ семьи и попадая въ учебное заведеніе, не только теряла всякую связь со своею средою, но вступала съ нею въ борьбу, во имя демократическихъ идеаловъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Долгое время не встрѣчая поддержки въ населенїи, русская интелли-

генція, дѣйствительно, была «безпочвенна», какъ ее характеризовали реакціонные элементы, но это не мѣшало ей мужественно и самоотверженно стремиться къ лучшему будущему, будить общество и при всякомъ удобномъ слѣчаѣ отвоевывать шагъ за шагомъ права человѣка и гражданина.

«Первое учрежденіе, которое дало пріютъ этой разночинной интеллигенціи, а впослѣдствіи, въ лицѣ выдающихся дѣятелей, вступило съ нею въ тѣсную связь—это было земство. Наибольше оппозиционнымъ и энергичнымъ элементомъ изъ земской интеллигенціи долгое время были земскіе статистики. Первыми статистиками были, въ сущности говоря, народники-пропагандисты. Основнымъ требованіемъ земской статистики было мѣстное подворное изслѣдованіе, т.-е. собираніе свѣдѣній непремѣнно отъ самаго населенія, въ мѣстѣ его жительства, въ присущей ему обстановкѣ. Нужно ли говорить, что такое занятіе, дозволявшее имѣть непосредственную связь съ народомъ, легально изучать его нужды и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять эти нужды самостоятельно или при посредствѣ земства, такое, повторяемъ, занятіе привлекало къ статистикѣ большой процентъ лучшей мыслящей интеллигенціи. При наступленіи реакціи въ какомъ-либо земствѣ она прежде всего отражалась, конечно, на статистикахъ, на которыхъ тогда же начиналось гоненіе. Тогда статистики перекочевывали въ другія земства, гдѣ условія были имъ благопріятны, а затѣмъ нерѣдко обратно возвращались на мѣсто перваго служенія, когда реакція прекращалась. Словомъ это былъ настолько приспособленный къ тяжелымъ условіямъ русской жизни элементъ, настолько «обстрѣлянный», самоотверженный и неприхотливый въ своихъ требованіяхъ, что съ нимъ трудно было бороться. Его гоняли съ мѣста на мѣсто, но уничтожить не могли. Не мало было земскихъ статистиковъ, которые не разъ исколесили земскую Россію, перебивали чуть не во всѣхъ земствахъ, хладнокровно относясь къ ударамъ судьбы, чувствуя себя какъ дома въ каждомъ земствѣ.

«Помимо описанныхъ качествъ, громадный процентъ статистиковъ, особенно въ первое время существованія земской статистики, обладали широкимъ образованіемъ, всестороннимъ развитіемъ и превосходнымъ знаніемъ земскаго дѣла и жизни населенія. Они являлись правою рукою земскихъ управъ, безъ которыхъ послѣднія просто иногда не могли обойтись. Въ виду этого лучшія земства, въ большинствѣ случаевъ, горю стояли за статистику и статистиковъ, мужественно защищая отъ администраціи, которая не выносила земскую статистику, терпя ее какъ допущенное зло и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ него.

«Съ развитіемъ земскаго дѣла увеличивается въ земствѣ и другой контингентъ интеллигенціи. Расширеніе медицины повлекло за собой увеличеніе числа врачей, заботы объ улучшеніи сельскаго хо-

зайства заставили привлечь агрономовъ и ветеринаровъ, наконецъ, развитіе школьнаго дѣла потребовало цѣлой арміи учителей и учительницъ. А такъ какъ земская служба не представляла ни особенныхъ матеріальныхъ выгодъ, ни, тѣмъ болѣе, привилегій въ смыслѣ карьеры, а, наоборотъ, губила эту карьеру,—такъ какъ власти болѣе чѣмъ подозрительно смотрѣли на земскую службу,—то на послѣднюю шли, въ большинствѣ случаевъ, лица, демократически настроенныя и проникнутыя искреннимъ стремленіемъ принести пользу населенію.

«Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ» постоянно сталкивался на поприщѣ земскаго дѣла, вслѣдствіе чего мало-по-малу образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кроме того, при посредствѣ земской интеллигенціи земство сближалось съ лучшими представителями науки и литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готовно оказывали всяческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нерѣдко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Въ этомъ отношеніи,—скажемъ здѣсь къ слову,—особенную, можно сказать—историческую, роль сыграли «Русскія Вѣдомости», сослужившія великую незабвенную службу земскому дѣлу ¹⁾).

«Такимъ образомъ, вокругъ земства сгруппировалась почти вся лучшая, наиболѣе энергичная, демократически настроенная интеллигенція, которая, съ одной стороны, въ лицѣ, на примѣръ, сельскихъ учителей и врачей и такъ далѣе, связывала земство непосредственно съ народомъ, а съ другой—съ высшими интеллектуальными сферами, съ наукой и литературой, съ различными обществами, какъ, на примѣръ, московское юридическое или императорское вольное экономическое общество. Получилась громадная сила, прочная организація, если не связанная никакою программой, то проникнутая единымъ стремленіемъ—вывести народъ изъ тьмы невѣжества, бѣдности и произвола къ свѣту, свободѣ и матеріальному обезпеченію».

Когда читаешь эти строки, то какъ-то невольно начинаетъ казаться, будто именно фигура Анненскаго вырисовывается въ качествѣ представителя описываемаго «третьяго элемента» въ его борьбѣ съ мѣстной администраціею и въ стремленіи сохранить за земствомъ тѣ элементы политическаго начала, которые въ него были до извѣстной степени вложены реформой мѣстнаго самоуправленія и откуда уже въ наши дни взяли главнымъ образомъ свое происхо-

¹⁾ Это былъ, можно сказать, по преимуществу земскій органъ, но въ общемъ и вся прогрессивная печать поддерживала земскую интеллигенцію. Нельзя, на примѣръ, не отмѣтить такихъ органовъ, какъ «Право», «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и нѣкоторые другіе. Авт.

жденіе политическія партіи, засѣдающія въ государственной думѣ, прошедшія предварительно политическій искусь въ обширной организаціи, именуемой «союзомъ освобожденія». Анненскій былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей этого союза, участвовалъ въ немъ съ самаго его основанія и вмѣстѣ съ нимъ пережилъ все эволюціи бытія «союза» до обнародованія манифеста 17-го октября 1905 года.

Работая въ провинціи на земской пивѣ разныхъ губерній, поддерживая связи съ своими столичными единомышленниками, Николай Федоровичъ не былъ, однако, извѣстенъ широкимъ кругамъ русской интеллигенціи до начала девяностыхъ годовъ. Извѣстность его замыкалась до тѣхъ поръ въ предѣлахъ партійныхъ дѣловыхъ организацій или въ рамкахъ научно-общественныхъ работъ, знакомыхъ преимущественно специалистамъ. Для послѣднихъ его имя получаетъ крупное значеніе со времени его статистической работы въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, особенно въ послѣдней, и наши земскіе статистики, усматривая по всей справедливости у него новизну методовъ, гдѣ онъ удачно соединилъ такъ называемые методы московской и черниговской земской статистики, признали въ немъ главу новой школы, въ послѣдователи которой они и зачислили себя, провозгласивъ его главою этой школы. Въ вышеперечисленныхъ его работахъ, вошедшихъ въ книгу Грасса «Страхованіе посѣвовъ», въ сборникѣ «Вліяніе урожая» и др. цювая земско-статистическая школа нашла свое наглядное выраженіе. Но если извѣстность Анненскаго въ указанныхъ кругахъ специалистовъ уже упрочилось съ восьмидесятыхъ годовъ, то болѣе громко его имя прозвучало въ первой половинѣ девятисятыхъ годовъ, во время московскаго съѣзда естествоиспытателей, въ значительной степени сумѣвшаго объединить на своихъ секціонныхъ засѣданіяхъ тогдашніе прогрессивные и оппозиціонные общественные элементы.

«1893 годъ принесъ новый законъ о земскихъ оцѣнкахъ — говорить въ своей некрологической замѣткѣ объ Анненскомъ въ «Рѣчи» (№ 203) князь Д. И. Шаховской, самый видный земець, представитель кадетской партіи и секретарь первой государственной думы. — Самодѣятельности земства въ этой области ставились рамки, работа грозилъ принять шаблонный, казенный характеръ. Анненскому принадлежитъ главная заслуга въ томъ, что дѣло осталось еще долго на настоящемъ пути и не изсякло одушевленіе работающихъ на немъ. Все участники незабвеннаго съѣзда статистиковъ въ Москвѣ, составившаго подсекцію съѣзда естествоиспытателей 1893 г., конечно, хранятъ въ благодарной памяти выступленія Анненскаго, его замѣчательный докладъ, давшій направленіе земской оцѣночной работѣ, поставившій дѣло на вполне научную почву и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутый такой практической силой, что съ указаніями доклада пришлось считаться и министерству финансовъ въ дальнѣйшихъ его разъясненіяхъ. Не менѣе важно и то нравственное вліяніе,

которымъ умѣлъ одушевить всѣхъ товарищей-статистиковъ Николай Ѳедоровичъ. Обаяніе его было прямо удивительнымъ. При полнѣйшемъ уваженіи къ личности каждаго онъ умѣлъ высоко подымать ту среду, въ которой находился. И, наблюдая его на засѣданіяхъ съѣзда и въ дружеской товарищеской средѣ, становилось понятно то огромное вліяніе, которое онъ оказывалъ и на земскія собранія, и на управы, въ которыхъ ему приходилось работать безъ формальнаго права рѣшающаго голоса».

Вліяніе Анненскаго въ губернскихъ центрахъ было выдающееся. Около него и В. Г. Короленка сосредоточивались обычно всѣ мѣстныя интеллигентныя силы прогрессивнаго направленія, и такимъ образомъ сообщество этихъ двухъ писателей являлось постоянно тѣмъ культурнымъ центромъ, откуда на окружающихъ распространялось непрерывно воздѣйствіе передовыхъ идей шестидесятыхъ годовъ. Объ этомъ обстоятельствѣ свидѣтельствуетъ и П. Н. Миллюковъ въ своей статьѣ, посвященной Анненскому («Рѣчь», № 203), говоря:

«Въ Нижнемъ я и познакомился съ Анненскимъ ближе, пріѣхавъ читать туда публичныя лекціи, съ которыхъ начались мои собственныя, типично-русскія *Wanderjahre*. Какъ сейчасъ помню: я закончилъ свой курсъ о русскихъ общественныхъ движеніяхъ указаніемъ на тѣ провинціальныя резервуары и оазисы, куда отливаетъ культурная жизнь, когда понижается ея уровень въ періоды политической реакціи. И я предсказывалъ, что жизнь вновь прильетъ къ опустѣлымъ центрамъ изъ этихъ резервуаровъ съ началомъ политическаго оживленія. Одинъ такой оазисъ, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ яркихъ, былъ передо мной,—и центромъ его, вмѣстѣ съ В. Г. Короленкомъ, былъ Н. Ѳ. Анненскій. Его видными членами были только что «разъясненные» мои товарищи по фракціи народной свободы... Кругомъ поддерживалъ своими усиліями еле мерцавшую тогда мѣстную прессу, и чѣмъ почъ была темнѣй, тѣмъ звѣзды блестѣли ярче. Здѣсь созрѣвало политическое содержаніе будущаго русскаго «обновленія».

О томъ же свидѣтельствуетъ и А. Савельевъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 177)».

«Благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ и этимъ симпатичнымъ сторонамъ своего характера, Николай Ѳедоровичъ имѣлъ большое вліяніе и въ земской средѣ и въ той сферѣ своихъ занятій, которая была для него господствующей,—свидѣтельствуетъ онъ.—Въ сферѣ статистико-экономическихъ изслѣдованій онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ не только въ средѣ своихъ сослуживцевъ, но и далеко за предѣлами нашей губерніи. Я закончу свое краткое сообщеніе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ именно примѣромъ этого вліянія. Въ началѣ 900-хъ годовъ, когда его уже не было въ Нижнемъ, въ средѣ нижегородскихъ статистиковъ

возникали разномыслія, частью даже принципіальнаго характера. Разногласія разрастались и грозили различными осложненіями и до извѣстной степени даже распадомъ самой организациі. Тогда сочли за лучшее прибѣгнуть къ авторитету Николая Оедоровича, прося его заѣхать въ Нижній и помочь разобраться въ возникшихъ недоразумѣніяхъ. Достаточно было одной его бесѣды, чтобы все уладилось, всѣ спорные вопросы выяснились и весь инцидентъ былъ законченъ».

Въ 1895 году Анненскій послѣ долгаго вынужденнаго отсутствія появляется снова въ Петербургѣ, гдѣ къ тому времени Н. К. Михайловскій, стародавній другъ Николая Оедоровича, успѣлъ уже поставить прочно при содѣйствіи А. Н. Иванчина-Писарева и Н. Г. Гарина-Михайловскаго журналъ «Русское Богатство», приобретенный отъ Е. Гаршина и К. Станюковича. И Анненскій и Короленко вступили въ ближайшій составъ редакціи этого журнала и въ значительной степени посодѣйствовали подбору новыхъ сотрудниковъ къ этому органу печати и приливу сюда литературнаго матеріала изъ провинціи.

Я хорошо помню это время, когда нѣкоторые дѣятели литературы даже какъ будто были недовольны, что около Михайловскаго занимаютъ позицію вышеназванные представители провинціальной Россіи. Новые «Мининъ и Пожарскій» изъ Нижняго, — острили они, и въ отвѣтъ на эти остроги, раздававшіяся на дачѣ въ Лѣсномъ у издательницы «Міра Божьяго» Александры Аркадіевны Давыдовой, послѣдняя, бывшая въ курсѣ совершающагося, давала такое разъясненіе:

«Анненскій удивительный редакторъ и правщикъ статей. Если только онъ усмотритъ въ новомъ авторѣ искру таланта или нужную «направленность», онъ сумѣетъ даже слабому неумѣлому произведенію придать нужную форму и обработку. Кромѣ того, Николай Константиновичъ въ сущности послѣ разрыва съ С. Н. Кривенкомъ одинокъ и самъ лично трудно идетъ навстрѣчу новымъ знакомствамъ и связямъ. Старое изъ «Отечественныхъ Записокъ» вымираетъ или выбываетъ изъ строя (напримѣръ, Гл. Успенскій), нуженъ приливъ новыхъ силъ. Вотъ тутъ-то Анненскій, благодаря общительности своего характера, уживчивости и умѣлости ладить съ людьми, долженъ сыграть рѣшающую роль. Онъ свяжетъ «новыхъ людей» и съ редакціей и редакторомъ «Русскаго Богатства».

Несомнѣнно, Анненскій оправдалъ въ полной мѣрѣ эти надежды, и на протяженіи послѣдующихъ лѣтъ мы встрѣчаемъ его постоянно виднымъ дѣятелемъ столичной общественности, рядомъ съ Н. К. Михайловскимъ, и яркимъ представителемъ той громко высказанной оппозиціонной мысли, которая создавала извѣстное настроеніе въ широкихъ кругахъ столичной интеллигенціи, шедшее въ разрѣзъ съ волненіями тогдашней внутренней политики и подготавливавшее

то движеніе въ сторону освобожденія отъ полицейскаго бюрократическаго режима, начало конца которому положено манифестомъ 17-го октября 1905 года. Очерчивая роль Анненскаго за тотъ періодъ, П. Милуковъ говоритъ:

«Въ 1899 году и слѣдующихъ я уже наблюдалъ дѣятельность Анненскаго въ Петербургѣ, въ «Русскомъ Богатствѣ», въ литературномъ фондѣ, въ тогдашнемъ союзѣ писателей, въ вольномъ экономическомъ обществѣ... Послѣдовали годы инкубаціи русскаго «освобожденія». Для Анненскаго они сопровождались новыми житейскими неудобствами. Ссылка въ Финляндію, ссылка въ Ревель, избіеніе на Казанской площади, жертвой котораго сдѣлался сперва онъ, а потомъ и протестовавшій противъ избіенія союзъ писателей... Событія шли быстро въ тѣ годы. Анненскій принялъ живѣйшее участіе въ организаціи и дѣятельности «союза освобожденія». При его дѣятельномъ участіи прошла кампанія знаменитыхъ банкетовъ декабря 1904 года, на которыхъ чеканились и популяризовались лозунги, сыгравшіе видную роль въ оба слѣдующіе года. Роль Анненскаго во всѣхъ этихъ событіяхъ была незамѣнима. Никто другой не могъ такъ тактично сгладить углы, найти общее среди кипѣвшихъ противорѣчіями споровъ, дать этому общему удовлетворявшее и мирившее всѣхъ выраженіе. Такую же роль игралъ онъ и въ возникшемъ вновь «союзѣ писателей», вошедшемъ въ извѣстный «союзъ союзовъ». Житейскій тактъ, сдержанность и умѣнье объединять и туть, какъ и на общественныхъ собраніяхъ, и въ ученomъ обществѣ, и въ редакціонныхъ дѣлахъ сказывались, преодолевая подчасъ препятствія, казавшіяся другимъ неодолимыми».

Особенно подчеркиваютъ всѣ знавшіе Анненскаго и писавшіе о немъ послѣ его смерти его дѣятельность въ «союзѣ освобожденія». Объ этомъ «союзѣ», возникшемъ къ началу девятисотыхъ годовъ, я въ своемъ историко-политическомъ очеркѣ въ связи съ обще-земскимъ движеніемъ въ Россіи за періодъ 90—900 годовъ буду подробно говорить. Здѣсь же ограничусь на основаніи показаній другихъ писателей лишь указаніемъ на ту роль, которую въ этомъ «союзѣ» сыгралъ Николай Ѳедоровичъ. Свидѣтельница тогдашнихъ политическихъ событій г-жа Е. Кускова говоритъ по настоящему вопросу въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 175):

«Я живо помню Н. Ѳ. почти беземѣннымъ предсѣдателемъ такъ называемой «большой» группы «союза освобожденія». Соціалистъ и народникъ по убѣжденію, Николай Ѳедоровичъ отлично понималъ, что безъ реформы политической,—этой реформы всѣхъ реформ,—не можетъ быть ни здороваго соціалистическаго воспитанія массъ, ни широкой и успѣшной борьбы за экономическіе ихъ интересы. Понималъ онъ также и роль демократіи во всякомъ общественномъ движеніи: понималъ значеніе ея, какъ наивысшаго бродильнаго начала... Поэтому, вѣроятно, онъ безъ колебаній примкнулъ къ

«союзу», на знамени котораго было написано: «Реформа политическая». Что Николай Өеодоровичъ разграничивалъ эти двѣ области,— движенье социалистическое и движенье общественно-политическое,— показываетъ его поведеніе какъ члена группы и члена совѣта «союза», претендовавшаго на руководство всѣмъ движеніемъ: онъ всегда былъ яримъ противникомъ тѣхъ, кто предлагалъ союзу выработку точной экономической программы. «Господа, господа!—волнуясь и дѣлая свой характерный жестъ руками, кричалъ онъ.—Поймите же, что не можемъ мы, такіе разные, такіе съ разныхъ планетъ собравшіеся люди формулировать экономическіе пункты программы. Къ чему бы ни притрунулись мы,—къ вопросу аграрному, рабочему,—вѣдь это же будетъ первымъ шагомъ къ расколу: какъ можетъ либераль-земець согласиться съ социалистомъ? А между тѣмъ сейчасъ, въ этотъ моментъ, политическая задача у нихъ одна... Совсѣмъ не дѣло «союза освобожденія», организаціи, именно на это временное единство задачъ и расчитанной, заниматься бесплоднымъ, но труднымъ составленіемъ экономическихъ декларацій. Наше дѣло—заставить общество сдвинуться съ мертвой точки, заявить открыто о своихъ нуждахъ, а послѣ оно и само сумѣетъ разслоиться и защитить свои интересы». Какъ только кончилась миссія «союза освобожденія» и открылось поле для открытаго дѣйствія болѣе однородныхъ политическихъ единицъ—партіи,—Н. Ө. примкнулъ къ партіи «народныхъ социалистовъ», тотчасъ же обнародовавшей и свою экономическую программу. Пока же «союзъ» былъ нуженъ, Н. Ө. поразительно ловко и тонко, съ прирожденнымъ тактомъ настоящаго политика, умѣлъ сглаживать разногласія и направлять самыя разнородныя силы по одной линіи. Эта способность его была особенно цѣнна въ эти годы борьбы; она парализовала другую склонность: страсть русскихъ интеллигентовъ къ раздуванію такихъ разногласій, которыя не имѣютъ ни малѣйшей практической или идейной цѣны. Его участіемъ и его авторитету «союзъ освобожденія» въ значительной мѣрѣ обязанъ тѣмъ, что самыя разнородные элементы «союза», борясь идейно внутри его, всегда стройно выступали въ дѣйствіи».

Точно также и князь Д. И. Шаховской въ уже цитированной замѣткѣ свидѣтельствуетъ:

«Черезъ десять лѣтъ пришлось столкнуться съ Анненскимъ въ работѣ по обслуживанію заграничнаго «Освобожденія», по созданію «союза освобожденія» и по работѣ въ немъ. Все время существованія «союза» Анненскій былъ членомъ его совѣта. Его громадному авторитету въ писательской средѣ и средѣ третьяго земскаго элемента въ значительной мѣрѣ обязанъ «союзъ» своимъ значеніемъ. Разъ взявшись за это дѣло, Николай Өеодоровичъ относился къ нему съ удивительной добросовѣстностью. Только высылка изъ Петербурга лишила насъ его присутствія въ работахъ совѣта. А участіе

въ засѣданіяхъ этого человѣка съ такимъ богатымъ жизненнымъ опытомъ, громаднымъ практическимъ умомъ и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ вносило во всю дѣятельность нашу какую-то особенную спокойную увѣренность и силу. Удивительная скромность Николая Ѳедоровича и стремленіе ступеваться вездѣ, гдѣ дѣло не требовало выступленій, готовность его съ головой уйти въ невыгодную, но необходимую работу—всѣ эти особенности его характера для многихъ, можетъ быть, отодвинули его фигуру на задній планъ. Но всякій, кому приходилось ближе сталкиваться съ нимъ на живой работѣ, знаетъ, какую первостепенной важности роль сыгралъ этотъ человѣкъ въ судьбахъ русской общественности за послѣдніа двадцать лѣтъ».

1904—1905 годы были зенитомъ общественной дѣятельности Анненскаго, кульминаціоннымъ пунктомъ роста его имени, какъ представителя политической оппозиціи, гдѣ всѣ фракціи находили возможнымъ въ извѣстные моменты объединяться около его личности и охотно избирали его предсѣдателемъ своихъ общихъ собраній и делегатомъ при посѣщеніи лицъ, стоявшихъ тогда у власти. Вспоминая о Николаѣ Ѳедоровичѣ за тотъ періодъ, Д. Философовъ въ тепло написанной имъ статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» (№ 176), такъ обрисовываетъ его роль и позицію за тѣ годы:

«Расцвѣтъ его общественнаго вліянія въ широкихъ массахъ интеллигенціи совпадаетъ какъ разъ съ эпохой общихъ надеждъ и упованій, съ осенью 1904 года. Только что прошелъ съѣздъ земскихъ дѣятелей. Началась серія банкетовъ. Отлично помню большой банкетъ, приуроченный къ сорокалѣтію судебныхъ уставовъ. Организовалъ эти банкеты «союзъ освобожденія», и Николай Ѳедоровичъ, въ качествѣ одного изъ видныхъ членовъ союза, игралъ на банкетѣ, вмѣстѣ съ В. Г. Короленкомъ, первенствующую роль. Народу было много. Нѣсколько сотъ человѣкъ. И Николай Ѳедоровичъ очень вѣрно выражалъ общее настроеніе. Тогда мы всѣ были настроены радужно. Слышать свободное слово было необыкновенно отрадно. Партиійныа разногласія ступевывались, всѣ чувствовали свое единство, и Николай Ѳедоровичъ Анненскій воплощалъ это единство.

«Затѣмъ наступили гапоновскіе дни. Николая Ѳедоровича мнѣ пришлось видѣть уже въ болѣе трагичной обстановкѣ. Это была ночь на 9-е января. Съ субботы на памятное воскресенье. Въ редакціи «Сына Отечества» набилось до ста человѣкъ. Настроеніе было тревожное. Всѣ знали, что на завтра предстоитъ кровавое столкновение. Задача состояла въ томъ, чтобы это столкновение предотвратить. Трудная задача, невыполнимая. Слишкомъ хорошо знали собравшіеся настроеніе обѣихъ сторонъ, знали, что компромиссъ между ними невозможенъ. Вся ночь прошла въ переговорахъ со сторонами. Одни ѣздили къ Гапону, другіе—къ князю Святополкъ-Мирскому. Въ числѣ депутатовъ, посланныхъ къ министру въ внутрен-

нихъ дѣль, былъ и Николай Федоровичъ. Помню, съ какимъ терпѣніемъ всѣ ждали возвращенія депутаціи. Часъ былъ поздній. Чуть ли не полночь. Министръ могъ депутаціи не принять.

«И вотъ депутаты, наконецъ, вернулись. Арсеньевъ, Карѣевъ, Гессевъ, Набоковъ, Анненскій,—не помню, кто еще. Надо было видѣть волненіе добрѣйшаго Николая Федоровича. Не знаю, спалъ ли кто въ эту ночь. Рано утромъ назначили свиданіе въ Тенишевскомъ училищѣ. Туда приносились печальныя, ужасныя вѣсти. Днемъ состоялся импровизированный митингъ въ публичной библиотекѣ. Николай Федоровичъ взобрался на столъ и, потрясая руками, говорилъ гнѣвную рѣчь. Слезы лились по его лицу. Было больно на него смотрѣть. Вечеромъ неутомимый старикъ говорилъ на грандіозномъ собраніи въ экономическомъ обществѣ, гдѣ остриженный и обритый Гапонъ извергалъ съ хоръ стариннаго зала свои хриплыя проклятія, гдѣ Максимъ Горькій призывалъ къ борьбѣ.

«Послѣ январскихъ наступили октябрьскіе дни. Николай Федоровичъ былъ попрежнему неутомимъ. Но иногда въ его глазахъ пробѣгала уже какая-то растерянность, неуловимая печаль. Помню, въ дни господства совѣта рабочихъ депутатовъ, собраніе союза писателей въ большомъ Тенишевскомъ залѣ. Темнота кромѣшная. Залъ освѣщался двумя свѣчами. Дѣло шло о томъ, чтобы вынести какую-то никому ненужную резолюцію. Николай Федоровичъ ее формулировалъ со своей привычной опытностью, и всѣ этой резолюціи сразу подчинились. Онъ сошелъ съ кафедры,—не помню, кто еще говорилъ,—и, какъ-то согнувшись, сѣлъ на скамью. «Да, движеніе ушло изъ нашихъ рукъ,—сказалъ онъ.—Нашъ долгъ, по крайней мѣрѣ, отъ него не отставать».

«Въ февралѣ 1906 года я уѣхалъ на три года за границу. Вернулся уже при третьей думѣ. Николай Федоровичъ сильно постарѣлъ. Сердечный недугъ уже мучилъ его. Но онъ остался тѣмъ же. Жизнь потекла сѣрая. Начались партійныя дразги, ссоры въ литературномъ обществѣ. Часто было не разобрать, партійные ли это споры, или личныя ссоры. И каждый разъ являлся Николай Федоровичъ, лилъ «примирительный елей»,—и враждующимъ становилось стыдно. Въ концѣ концовъ Николай Федоровичъ снялъ съ себя званіе предсѣдателя общества, которое вскорѣ было закрыто.

«Потомъ русское общество встрепенулось въ Толстовскіе дни. Въ квартирѣ М. М. Ковалевскаго состоялось собраніе всевозможныхъ интеллигентскихъ обществъ для обсужденія вопроса о томъ, какъ устроить торжественное засѣданіе въ память Толстого. Паѳоса ни у кого не было. Всѣ какъ-то не вѣрили въ успѣхъ начинанія. И опять выступилъ Николай Федоровичъ. Опять внесъ какое-то благообразіе въ вялые разговоры усталыхъ людей».

Я не стану за недостаткомъ мѣста вкрапливать въ эти воспоминанія нѣкоторыя свои личныя воспоминанія и впечатлѣнія отъ дѣятельно-

сти Анненскаго за тѣ же годы. И сказаннаго, кажется, довольно, чтобы дать себѣ ясный отчетъ объ его роли въ тогдашнихъ бурныхъ событіяхъ. Онъ горѣлъ тогда настоящимъ политическимъ огнемъ и то, что смутно грезилось старому шестидесятнику на зарѣ его молодой жизни, тогда до извѣстной степени переживалось и видѣлось имъ воочию. Въ этомъ отношеніи онъ оказался счастливѣе своего друга, Николая Константиновича Михайловскаго, котораго смерть похитила раньше, при самомъ лишь началѣ ломки стараго строя, на борьбу съ которымъ они оба положили столько силъ и стараній. Но если Анненскій тутъ оказался счастливѣе, зато принять активное личное участіе въ законодательныхъ функціяхъ возродившихся общественныхъ круговъ ему не было суждено. П. Н. Милуковъ по сему предмету свидѣтельствуеть:

«Къ осени 1905 года, по мѣрѣ выясненія характера будущей государственной думы и будущаго избирательнаго закона, пути наши разошлись. Анненскій принадлежалъ къ той группѣ «освобожденцевъ», которая не захотѣла участвовать въ организаціи политической партіи. Кружокъ ближайшихъ друзей Анненскаго началъ энергичную проповѣдь бойкота. Мнѣ казалось, что Анненскій подчиняется этой проповѣди нехотя и съ сожалѣніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, помню его первоначальныя колебанія. Вѣрный всему своему прошлому, вѣрный той разновидности «народничества», какая представлялась «Русскимъ Богатствомъ», Анненскій все же призналъ необходимость созданія политическихъ партій и участвовалъ со своими друзьями въ организаціи кадровъ для будущей партіи «народныхъ социалистовъ». Но благоприятный моментъ для активнаго выступленія уже тѣмъ временемъ прошелъ. Богатыя дарованія и огромный политическій тактъ Анненскаго такъ и не нашли себѣ примѣненія въ той сферѣ народнаго представительства, появленію которой на Руси онъ такъ много содѣйствовалъ всѣмъ дѣломъ своей жизни».

Дальнѣйшая, въ послѣдніе текушіе годы, дѣятельность Н. О. Анненскаго, въ связи съ общими событіями отечественной жизни, нѣсколько потускнѣла. Старому «политику» и практику жизни не нашлось мѣста въ законодательныхъ верхахъ обновленнаго государственнаго строя. Партійная дисциплина, повидимому, тутъ сыграла выдающуюся роль и сохранила для него до конца дней его всего лишь почетную общественную позицію, на которой онъ, однако, продолжалъ свою дѣятельность въ роли представителя оппозиціи именно въ томъ направленіи, которое когда-то исповѣдывалъ и какъ соучастникъ народовольческаго движенія и которому прокладывалъ троцу какъ участникъ «союза освобожденія». Я помню его слова въ одной изъ университетскихъ аудиторій въ дни митинговъ 1905 года. Онъ говорилъ: «Мы не обольщаемъ себя надеждою, что революція отпразднуетъ полную свою побѣду. Вѣ-

роятно, она будеть сломлена, и весь вопросъ въ томъ, гдѣ и когда она снова воскреснетъ». Съ этою вѣрою въ будущее воскресеніе этой «революціи» старый народоволецъ и крайній «освобожденецъ» и отошелъ въ вѣчность.

Въ заключеніе настоящаго краткаго очерка о Н. О. Анненскомъ приведемъ двѣ его характеристики, какъ человѣка и какъ культурнаго дѣятеля. Одна сдѣлана Д. Философовымъ, другая О. Батюшковымъ, и, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно рельефно его обрисовываютъ. Первый изъ названныхъ писателей въ цитированной уже выше статьѣ говорить:

«Рѣдко кому выпадаетъ на долю прожить такую чистую жизнь, освѣщенную какимъ-то постояннымъ и упорнымъ «благоволеніемъ».

«Когда враги интеллигенціи,—а ихъ много, очень много,—говорятъ объ интеллигентской узости, о нетерпимости и фанатизмѣ нашихъ общественныхъ дѣятелей, я всегда вспоминаю Николая Оедоровича.

«Вотъ типъ человѣка терпимаго, умѣвшаго своимъ благоволеніемъ къ людямъ покрывать, во имя общей цѣли, партійныя разногласія. Всю жизнь свою этотъ мягкій человѣкъ былъ безпощаденъ къ врагамъ свободы. Но въ своемъ, интеллигентскомъ лагерѣ, который постоянно раздраемъ спорами о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, гдѣ теоретическія разногласія часто переходятъ въ личную вражду, Николай Оедоровичъ былъ постояннымъ умиротворителемъ. Онъ стоялъ на такой моральной высотѣ, онъ относился съ такой любовью къ враждующимъ, что передъ нимъ умолкалъ голосъ страстей и самолюбія. Связанный идейными и личными отношеніями съ кружкомъ «Русскаго Богатства», по міросозерцанію своему типичный позитивистъ, Анненскій былъ по натурѣ своей шире «Русскаго Богатства», шире позивитизма. Душа его была полна того милаго, честнаго, простодушнаго идеализма, которому тѣсно въ кружковщинѣ, въ «реальной» политикѣ. Всѣ, имѣвшіе хоть какое-нибудь соприкосновеніе съ Николаемъ Оедоровичемъ, отлично это знали. Поэтому рѣдко кто изъ общественныхъ дѣятелей пользовался такимъ моральнымъ авторитетомъ, какъ покойный. Это былъ природенный третейскій судья, мнѣніе котораго становилось закономъ. И когда надо было объединить разношерстную интеллигенцію, когда надо было пробудить въ ней идею служенія общему дѣлу,—на сцену выступалъ Анненскій. Его простая, задушевная рѣчь, его искренній паѳосъ подкупали всѣхъ. Теперь люди стали черствѣе. Послѣ разгрома упованій и надеждъ интеллигенты стали угрюмы и какъ-то озлоблены.

«Николай Оедоровичъ до конца дней своихъ сохранилъ то прекраснодушіе, ту хорошую сентиментальность, секретъ чего совершенно утерянъ людьми нашего поколѣнія».

Профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ, немало поработавшій съ Н. Ѳ. Анненскимъ въ разныхъ литературныхъ организаціяхъ и на общественномъ поприщѣ, такъ его обрисовываетъ («Запросы Жизни», 1912 г. № 31):

«Обладая изумительной памятью и чрезвычайной отчетливостью воспоминаній, Николай Ѳедоровичъ говорилъ о событіяхъ и лицахъ былыхъ временъ, иногда за сорокъ лѣтъ назадъ, какъ о вчерашнихъ происшествіяхъ, приводилъ на память цитаты и отдѣльныя словечки, сѣтоваль неоднократно, что вообще у русской интеллигенціи «память коротка», и возстановлялъ или разрушалъ репутаціи кстати приведеннымъ сообщеніемъ, умѣстнымъ напоминаніемъ о дѣйствительно забытомъ или о неизвѣстномъ новомъ поколѣніямъ. Къ нему обращались за справками и свѣдѣніями по всякимъ вопросамъ нашей общественной жизни, по крайней мѣрѣ за полвѣка, и Николай Ѳедоровичъ никогда не оставался à court, съ удивительной легкостью возстановляя въ памяти даже мелкія черты прошлаго. Его широко знали въ провинціи, и масса пріѣзжихъ мѣстныхъ дѣятелей или сотрудниковъ провинціальной прессы обращались къ нему, увѣренные въ неизмѣнномъ радушіи и готовности помочь, чѣмъ можно. Доброта его, часто при весьма нелегкихъ личныхъ обстоятельствахъ, могла выдержать любое испытаніе и, вообще, черта, которою Николай Ѳедоровичъ особо выдѣлялся, это—способность сильно чувствовать, проникаться всецѣло чувствомъ, что придавало особую красоту его облику.

«Это—свойство натуры человѣка, и проявлялось оно въ разной формѣ, неизмѣнно отбѣняя его благородныя черты. Чувство дѣлало его постояннымъ ходатаемъ и за «малыхъ сихъ» при разборѣ прошеній въ литературномъ фондѣ, причемъ Николай Ѳедоровичъ отстаивалъ принципъ дробныхъ выдачъ, въ виду происшедшей демократизаціи дѣятелей литературы. Чувство побудило его вмѣшаться въ исторію избіенія студентовъ на Казанской площади, за что онъ и самъ оказался избитымъ. Чувство внушило ему идею организовать особую депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ наканунѣ ожидаемаго выступленія рабочихъ, подъ предводительствомъ Гапона, въ надеждѣ предотвратить кровопролитіе; но миссія не удалась, и въ искреннихъ ходатаяхъ съ цѣлью предупредить несчастье заподозрѣли представителей небывалаго «временнаго правительства». Чувство одушевляло лучшія рѣчи Николая Ѳедоровича на разныхъ собраніяхъ, ибо его краснорѣчіе не отличалось формальными качествами; его рѣчь не была плавной, онъ часто искалъ словъ, не договаривалъ фразъ, слишкомъ жестикулировалъ, не задавался цѣлостной конструкціей рѣчей, которыя обыкновенно носили характеръ импровизацій, но подкупали и заражали подъемомъ настроенія, паэосомъ, горячностью и искренностью одушевленія. Чувство увлекало его иногда и къ рѣзкому отпору, когда онъ запо-

дозрѣваль искренность дѣлаемыхъ ему возраженій, но чувство же приводило его и къ примиренію, когда недоразумѣніе разъяснялось и «партийныя разногласія» входили въ обычное русло принципиальной полемики. Ибо Николай Федоровичъ, сглаживая остроту отношеній присущимъ ему доброжелательствомъ ко всѣмъ честно, хотя бы и инако мыслящимъ, чѣмъ та группа русской интеллигенціи, къ которой онъ принадлежалъ, отнюдь не доводилъ благодушія до безразличія и самъ занималъ вполне опредѣленную позицію по завѣтамъ «народниковъ», къ которымъ онъ въ свое время принадлежалъ. Но выше партийныхъ разногласій онъ ставилъ общность въ стремленіи къ одному идеалу. Полемику онъ признавалъ и даже радовался возможности устраивать какъ бы своего рода диспуты между представителями разныхъ фракцій прогрессивныхъ круговъ нашей литературы; онъ умѣлъ симпатизировать духу даже при расхожденіи въ формѣ и формулахъ. Этимъ опредѣляется его «междупартийность», допускавшая принадлежность къ опредѣленной партіи. Вся его дѣятельность была согрѣта и какъ бы санкціонирована гуманизмомъ чувства, сообщавшаго главное обаяніе его личности. И оттого такъ тяжела его утрата и такая большая пустота образуется послѣ его ухода отъ насъ. И нѣтъ ему преемника, ибо отходить все поколѣніе, получившее свое общественное крещеніе въ святую эпоху шестидесятыхъ годовъ, однимъ изъ послѣднихъ представителей которой былъ Николай Федоровичъ Анненскій. Самъ онъ почилъ на 70-мъ году жизни,—«почилъ» въ буквальномъ смыслѣ, какъ, по легендамъ, умираютъ «безболѣзненно и мирно» праведники, люди съ чистой совѣстью и безупречной чести, каковымъ былъ и Николай Федоровичъ: онъ уснулъ съ вечера, весело и бодро, разставшись съ членами своей семьи, съ лучшимъ своимъ другомъ и сотоварищемъ по дѣятельности, Владиміромъ Галактионовичемъ Короленко, уснулъ—и уже больше не просыпался передъ переходомъ въ вѣчность».

Несмотря на глухое лѣтнее время, невыгодное для показной стороны литературныхъ похоронъ, послѣднія протекли при торжественной обстановкѣ согласно даннымъ репортажа «Русскихъ Вѣдомостей» и «Биржевыхъ Вѣдомостей». На вокзалѣ встрѣтить прибывшій изъ Финляндіи гробъ съ прахомъ почившаго собрались представители литературы, журналистики, общественныхъ организацій, В. Г. Короленко, С. А. Венгеровъ, П. Н. Милюковъ, В. Д. Набоковъ, Г. А. Фальборкъ, В. И. Семевскій, О. И. Родичевъ, В. В. Водовозовъ, Н. В. Чайковскій, И. Н. Потапенко, Н. С. Русановъ, князь Шаховской, Л. Ф. Пантелѣевъ, О. Д. Батюшковъ, Ф. Воропоновъ, Зарудный, Шнитниковъ, Рихтеръ. Тысячная толпа провожала печальный кортежъ до Волкова кладбища. Возложены вѣнки отъ вольнаго экономического общества—«своему незабвенному почетному члену», отъ «Русскаго Богатства»—«дорогому, незабвенному Николаю Фе-

доровичу», отъ «Русскихъ Вѣдомостей»—«борцу за правду и право», отъ «Запросовъ Жизни»—«хранителю лучшихъ завѣтовъ русской литературы», отъ журналовъ «Городское и Земское Дѣло»—«поборнику народнаго самоуправленія», отъ группы статистиковъ городской управы и много другихъ. Послѣ отпѣванія состоялось погребеніе на Волковомъ кладбищѣ. Могила Анненскаго находится между могилами Якубовича-Мельшина, Южакова и Скабичевскаго. Говорили Короленко, Семевскій, Фальборкъ, Набоковъ, Русановъ и другіе.

«Мы похоронили Николая Ѳедоровича,—сказаль Короленко.— Кто-нибудь другой расскажетъ вамъ, вѣроятно, какой онъ былъ писатель и общественный дѣятель, я же хочу сказать только о томъ, какой онъ былъ человѣкъ. Византійцы изображали около головы святыхъ свѣтлые кружки, какъ символъ святости. Когда я вспоминаю Николая Ѳедоровича у этой могилы, я чувствую, что онъ былъ свѣтящійся человѣкъ; во всей его дѣятельности ощущалось присутствіе свѣта, нѣчто нравственное и обаятельное; его величіе было какое-то особенное, оно шло изнутри, согрѣтое особымъ свѣтомъ. Сердце устало отъ кипучей работы. Это его утомляло, но это же было его жизнью. Большое счастье умереть за работой. Николай Ѳедоровичъ не зналъ агоніи старости, онъ ушелъ, оставивъ у насъ воспоминаніе свѣтлаго чуднаго дня, который мы провели съ нимъ наканунѣ его смерти. Утромъ мы застали его навѣки уснувшимъ. Николай Ѳедоровичъ говорилъ всегда ярко, онъ любилъ стихи и часто приводилъ двустипіе: «Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ». Онъ оставилъ свѣтлую память и глубокую благодарность за то великое, что онъ творилъ въ жизни. Съ тоской о томъ, что его нѣтъ, чувствуешь и облегченіе при мысли, что въ жизни бываютъ такіе свѣтлые люди». Набоковъ говорилъ отъ имени литературнаго фонда. Онъ сказалъ, что Николай Ѳедоровичъ Анненскій всегда стоялъ на стражѣ чести и достоинства русской литературы. Фальборкъ сказалъ: «Пока русская земля рождаетъ такихъ людей, мы можемъ надѣяться на свѣтлое будущее». Семевскій охарактеризировалъ покойнаго, какъ выдающагося общественнаго дѣятеля.

Телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю кончины Николая Ѳедоровича еще долго и послѣ похоронъ продолжали поступать въ редакцію «Русскаго Богатства», свидѣтельствуя о популярности почившаго общественнаго дѣятеля среди широкихъ круговъ русской интеллигенціи.

Б. Глинскій

КАВКАЗСКІЙ МУЗЕЙ.

КАВКАЗСКІЙ музей—это музей огромной страны, обладающей колоссальными естественными богатствами, населенной многочисленными племенами, которыя, замкнувшись въ своихъ горныхъ тѣснинахъ, въ теченіе тысячелѣтій вырабатывали своеобразныя условія быта.

Кавказъ притягивалъ къ себѣ всѣ народы древняго міра, которые связаны съ нимъ преданіями, мѣрами и сказаніями и которые оставили слѣды своего пребыванія. Уже Библия указываетъ на Араратскія горы, какъ на мѣсто остановки Ноева ковчега. Затѣмъ клинообразныя надписи говорятъ о побѣдахъ ассирійскихъ царей надъ народомъ урарту. Послѣ ассиріянъ на Кавказѣ побывали вавилоняне и мидяне, потомъ персы, наконецъ греки, которые имѣли свои колоніи на кавказскомъ побережьи Чернаго моря. Далѣе Кавказъ находился подъ вліяніемъ Византіи, потомъ подъ владычествомъ арабовъ. Послѣ возвышенія Грузіи въ X и XI столѣтіяхъ на Кавказѣ появляются: татары, генуэзцы, турки и персы.

Такимъ образомъ, Кавказъ представляетъ огромнѣйшее и интереснѣйшее поле для изслѣдованій геолога, ботаника, зоолога, этнографа и археолога, работа которыхъ должна создать обширнѣйшій и любопытнѣйшій естественно-историческій музей. Мысль о созданіи такого музея впервые была высказана въ 1852 году въ заведеніи кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества графомъ В. А. Соллогубомъ и въ томъ же году было положено начало собиранію коллекціи. Затѣмъ постепенно коллекціи эти увеличивались, было выстроено зданіе и образовался

обширный музей, пользующійся извѣстностью въ цѣломъ мірѣ и привлекающій вниманіе какъ мѣстныхъ жителей, такъ и многочисленныхъ путешественниковъ, посѣщающихъ Тифлисъ.

Послѣдніе три года интересующіеся музеемъ и пытающіеся въ него проникнуть читаютъ на его дверяхъ надпись: «музей закрытъ». Закрытъ онъ вслѣдствіе того, что зданіе, занимаемое имъ, пришло въ полную ветхость, дало трещины, часть его пришлось разобрать, и это произвело полный беспорядокъ въ размѣщеніи коллекцій, при которомъ не представляется возможнымъ допустить публику для осмотра.

Продолжительное закрытіе музея вмѣстѣ со слухами о ветхости зданія вызвало у многихъ опасенія за сохранность богатыхъ коллекцій. Насколько опасенія эти основательны, можно судить уже по тому, что два раза отъ неисправности дымоходовъ возникалъ пожаръ и только благодаря счастливымъ случайностямъ драгоценный музей не сдѣлался жертвою огня.

Благодаря любезности директора А. Н. Казнакова, я ознакомился съ положеніемъ дѣлъ кавказскаго музея и подѣлюсь полученными свѣдѣніями съ тѣми, кто интересуется его судьбой.

Въ настоящее время состоялся законъ объ отпускѣ на постройку новаго зданія музея 387 тысячъ рублей. Проектъ будущаго зданія музея составленъ архитекторомъ Татишевымъ. Старыя зданія музея и публичной бібліотеки, а также выступающая во дворъ часть женской гимназіи будутъ сломаны и новая постройка займетъ все это мѣсто. Новое зданіе будетъ въ персидскомъ стилѣ. Проектъ его производитъ очень хорошее впечатлѣніе стройностью и изяществомъ. Детали будутъ еще тщательно разработаны и можно вполне надѣяться, что зданіе будетъ достойно сдѣлаться хранилищемъ богатствъ кавказскаго музея и будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній Тифлиса.

Сначала предполагается возвести часть новаго зданія на мѣстѣ садика и туда будетъ помѣщено все имущество музея до окончанія всего зданія. Затѣмъ можно будетъ приступить къ сломкѣ старыхъ построекъ и окончанію на ихъ мѣстѣ новаго зданія.

Такимъ образомъ, кавказскій музей вступаетъ въ новую фазу своего существованія и сейчасъ умѣстно бросить взглядъ на исторію его возникновенія и постепеннаго развитія ¹⁾.

---

¹⁾ Матеріалами для историческаго очерка послужили слѣдующіе источники: 1) Краткій очеркъ исторіи развитія кавказскаго музея въ первыя двадцать пять лѣтъ существованія. Составилъ докторъ Радде. 2) Краткій путеводитель по кавказскому музею. 3) Годовые отчеты музея съ 1892 г. по 1908 г. 4) Описаніе коллекцій кавказскаго музея, т. т. I, II, III, и V. 5) Докладъ утвержденной намѣстникомъ Его Императорскаго Величества на Кавказѣ комиссіи по сооружеію новаго зданія для кавказскаго музея и тифлисскаго публичной бібліотеки.

Въ 1852 году графъ Владимиръ Александровичъ Соллогубъ возбудилъ вопросъ объ учрежденіи музея. Въ засѣданіи кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества было рѣшено найти подходящее помѣщеніе для будущаго музея и составить инструкціи и программы для тѣхъ лицъ, которыя могли бы принять участіе въ составленіи коллекцій. Образовавшійся комитетъ приобрѣлъ отъ австрійскаго подданнаго Фридриха Байерна за 325 рублей естественно-историческія коллекціи (неизвѣстно, какія именно), а бывший намѣстникъ князь М. С. Воронцовъ передалъ въ музей прекрасную коллекцію альпійскихъ растений. Общее собраніе членовъ географическаго общества по предложенію графа Соллогуба избрало дирекцію для завѣдыванія дѣлами музея. Въ составъ дирекціи вошли: Е. С. Андріевскій, графъ Соллогубъ и Чермакъ.

Ф. Байернъ былъ приглашенъ консерваторомъ музея и ему было назначено на покрытіе мелкихъ текущихъ расходовъ триста рублей ежегодно. Въ первые годы существованія музея въ обществѣ обнаружился особенно живой интересъ къ этнографіи. Была образована комиссія специально для этнографіи Кавказа. Этнографическое отдѣленіе обогащается нѣсколькими цѣнными подарками, между которыми особенно выдѣляются вещи, подаренныя княземъ Р. Эристовымъ, Токаревымъ, Макинцевымъ, Берже, Романовымъ, Харитоновымъ, Граматинымъ и графомъ Соллогубомъ. Обогатился и отдѣлъ древностей собраніемъ драгоцѣнныхъ вещей изъ окрестностей Керчи, которое было передано по приказанію князя М. С. Воронцова. Въ 1854 году умеръ Токаревъ, много потрудившійся для музея въ первые годы его существованія и исполнявшій должность секретаря комиссіи, занимавшейся этнографіей Кавказа. Его мѣсто занялъ А. П. Берже. Въ этомъ же году баронъ Врангель принесъ въ даръ музею 774 экземпляра кавказскихъ насѣкомыхъ.

Съ 1856 года собранные предметы показывались публикѣ отъ двѣнадцати до двухъ часовъ дня по воскреснымъ днямъ. Въ этомъ году баронъ Вревскій подарилъ интересную коллекцію древностей, найденныхъ у истоковъ рѣки Валерика (въ Чечнѣ). Находка эта вызвала желаніе производить раскопки на Кавказѣ въ значительныхъ размѣрахъ, но это оказалось невозможнымъ за отсутствіемъ средствъ. Князь Бебутовъ подарилъ коллекцію вещей изъ бронзы, найденныхъ по рѣкѣ Лабѣ, а Макинцевъ этнографическую коллекцію персидскихъ вещей, которыя были отчасти китайскаго и индійскаго происхожденія. Баронъ Вревскій представилъ въ музей полное собраніе орденскихъ знаковъ Шамиля.

Съ 1857 года интересъ къ музею сталъ падать. Вещей почти никакихъ не поступало. Музей обогатился лишь аэролитомъ, упавшимъ близъ Ставрополя и найденнымъ крестьяниномъ. Въ маѣ

1861 года дирекція упраздняется и коллекціи остаются безъ всякой почти заботы о нихъ. Только въ 1866 году вновь возникаетъ вопросъ о созданіи музея, и на этотъ разъ при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. Къ этому времени докторъ Радде закончилъ свою первую поѣздку съ цѣлью біолого-географическихъ изслѣдованій Кавказа, порученныхъ ему еще въ 1864 году, и выяснилось, что матеріалы, добытые уже и которые будутъ поступать еще, столь обширны, что сохраненіе ихъ и систематическая обработка не подь силу одному человѣку. Къ этому времени обстоятельства, въ которыхъ находился край, благопріятствовали осуществленію мысли о музѣ: окончилось покореніе Западнаго Кавказа, и страна вступила на путь мирнаго развитія. 2-го іюня 1866 года намѣстникъ кавказскій великій князь Михайль Николаевичъ утвердилъ штатъ кавказскаго музея. Въ октябрѣ докторъ Радде размѣстилъ принятія имъ отъ кавказскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества коллекціи въ нанятомъ временно помѣщеніи, такъ какъ постройка зданія для музея затянулась. Въ концѣ октября прибылъ изъ Штутгарта Мюллеръ, котораго докторъ Радде пригласилъ для занятія должности препаратора, и было приступлено къ разработкѣ зоологическихъ коллекцій. Для будущаго зданія музея казна купила мѣсто противъ дворца, на которомъ была начата постройка дома князя Гагарина и были развалины дома Зальцмана. По утверженіи плановъ и разрѣшеніи отпуска необходимыхъ для постройки суммъ его императорскимъ высочествомъ намѣстникомъ кавказскимъ начались строительныя работы, и черезъ годъ зданіе было закончено.

Въ вѣдѣніе музея перешла публичная библіотека и предполагалось соединить зданіе музея и библіотеки колоннаднымъ ходомъ, который, вслѣдствіе измѣненія первоначальнаго проекта, построенъ не былъ.

2-го января 1867 года музей былъ официально открытъ великимъ княземъ Михайломъ Николаевичемъ, и этотъ день считается днемъ рожденія нынѣшняго кавказскаго музея.

Въ первые годы послѣ официального открытія музей обогащается коллекціей Байерна, за которую ему была назначена пожизненная пенсія въ шестьсотъ рублей. Коллекція эта содержала множество предметовъ геологическихъ, палеонтологическихъ, собраніе насѣкомыхъ и гербарій. Всѣ эти предметы были опредѣлены профессоромъ Арцруни, докторомъ Валентиномъ, академикомъ Рупрехтомъ и Ниманомъ. Среди переданныхъ Байерномъ предметовъ много было не представлявшихъ никакой цѣнности. Байернъ собиралъ свои коллекціи съ большимъ рвеніемъ, но ему не доставало научной критики, которая должна помогать разбираться въ значеніи собираемыхъ предметовъ.

Въ 1871 году былъ увеличенъ ежегодный отпускъ денегъ на нужды музея на 1.488 рублей. Къ этому времени еще не былъ до-

строенъ залъ для концертовъ и лекцій при музеѣ и арки, которыми по проекту должно было быть соединено зданіе музея съ публичной библіотекой. Средства для окончанія всѣхъ построекъ не имѣлось, и въ 1874 году было приказано сломать недостроенныя арки и залу, и часть мѣста, отведеннаго для музея, была предназначена для возведенія зданія женской гимназіи. Это лишило возможности привести въ исполненіе задуманный докторомъ Радде планъ устройства при музеѣ небольшого зоологическаго и ботаническаго сада, въ которомъ можно было бы видѣть представителей мѣстной флоры и фауны. До 1878 года музей постепенно развивался, собранныя коллекціи опредѣлялись и приводились въ порядокъ. Въ 1877 году было отпущено 1173 рублей на устройство вѣчно-зеленаго садика и вольеровъ. Въ садикѣ докторъ Радде культивировалъ нѣкоторыя кавказскія растенія и чужестранныя вѣчно-зеленыя кустарники. Къ болѣе рѣдкимъ посаженнымъ растеніямъ относились: открытая въ Лагодехскихъ лѣсахъ *Leontice Smirnowi*, *Colchicum speciosum*, *Lilium Scovitzianum*, закаспійскій видъ *Ferula* sp., весной *Iris rumila*, *iberica reticulata*, различные *Muscari* sp., *Merendera caucasica*, часто бывающая въ цвѣту еще въ декабрѣ.

Въ 1878 году докторъ Радде сталъ хлопотать о надстройкѣ второго этажа надъ зданіемъ музея, вступивъ въ сношенія съ процвѣтавшимъ тогда въ Тифлисѣ археологическимъ обществомъ относительно передачи его коллекцій въ музей. Для возведенія второго этажа, благодаря стараніямъ доктора Радде, было отпущено сорокъ шесть тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы къ 1881 году, въ которомъ предполагался пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ, была готова надстройка и чтобы коллекціи музея къ этому времени были размѣщены въ новомъ помѣщеніи. Въ 1879 году докторъ Радде предпринялъ поѣздку въ Ленкоранъ и привезъ оттуда богатый матеріалъ для орнитологической фауны Кавказа. Въ одной только коллекціи птицъ насчитывалось до трехъ тысячъ экземпляровъ.

Получивъ разрѣшеніе необходимыхъ средствъ для украшенія лѣстницы музея фресками, Радде пригласилъ изъ-за границы художника Франца Зимма, который въ теченіе трехъ мѣсяцевъ написалъ великолѣпныя фрески. Къ сожалѣнію, эта прекрасная работа Зимма должна теперь погибнуть, такъ какъ старое зданіе музея предназначено къ сломкѣ, а картины написаны прямо на стѣнахъ и перенести ихъ въ новое зданіе едва ли представится возможнымъ.

На поперечной стѣнѣ изображенъ Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа, оплакиваемый океанидами.

Скала освѣщена раннимъ свѣтомъ загорающейся утренней зари. Прометей въ безсильномъ гнѣвѣ старается поднять сжатые кулаки на прилетающаго коршуна и не въ состояніи скрыть страха и боли. Внизу изъ морскихъ волнъ выплываютъ четыре океаниды, волосы ихъ украшены кораллами, лица выражаютъ горе и страданіе.

На продольной стѣнѣ огромная картина— «Прибытіе аргонавтовъ въ Колхиду». Представленъ тотъ моментъ, когда аргонавты вступаютъ на берегъ. Одинъ изъ гребцовъ старается остановить быстрый ходъ Арго по волнамъ Фазиса и привязываетъ ее къ береговому стълбу. Высоко на кормѣ стоитъ самъ Язонъ (портретъ великаго князя Николая Михайловича), указывающій вооруженною щитомъ рукою въ ту сторону, откуда онъ прибылъ. Навстрѣчу чужеземцамъ ѣдетъ Аэтъ въ сопровожденіи двухъ дочерей своихъ, въ колесницѣ, запряженной двумя бѣшеными вороними конями, которыхъ возничій съ трудомъ удерживаетъ. Выраженіе у Аэта злобное, вопрошающее, недовѣрчивое. Влѣво отъ него сидитъ прекрасная Медея (портретъ грузинской княжны). На Арго у ногъ Язона— Орфей (портретъ бывшаго директора музея доктора Радде) и позади— греческій воинъ (портретъ генерала Петерса, состоявшаго при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ). У мачты— Касторъ и Поллуксъ.

Вправо отъ входа въ этнографическое отдѣленіе изображены Язонъ и Медея. Они стоятъ между жертвенными сосудами, изъ которыхъ поднимается пламя къ трехголовой Гекатѣ. Правую руку свою Медея перекинула черезъ плечо Язона и держитъ въ ней роковую ядовитую волшебную траву. Правую рукою Язонъ указываетъ на статую Гекаты и даетъ Медеѣ клятву вѣрности.

На четвертой картинѣ— Ной, сажающій виноградную лозу. По старѣющей маслиѣ вьется лоза, отъ нея праотець человечества отрѣзалъ отводокъ, который передаетъ стоящему на колѣняхъ работнику для посадки. Пейзажъ изображаетъ видъ черезъ долину Аракса къ двумъ конусамъ обоихъ Аратовъ.

На продольной стѣнкѣ между окнами—амазонки. На дикихъ, неосѣдланныхъ коняхъ летятъ двѣ амазонки, готовыя вступить въ бой. Вправо отъ этой картины—царь Давидъ-Возрожденіе, влѣво — царица Тамара. Обѣ картины представляютъ точныя копіи съ рисунковъ князя Гагарина, по оригиналамъ, находившимся въ Гелатскомъ и Бетанскомъ монастыряхъ.

Картины Зимма по замыслу и живописи столь интересны, что положительно необходимо снять съ нихъ копіи и украсить ими новое зданіе музея. Директоръ музея А. Н. Казнаковъ обѣщаетъ сдѣлать все возможное, чтобы снять копіи, но можетъ случиться, что не хватить средствъ,—это было бы чрезвычайно обидно.

Къ началу засѣданія пятаго археологическаго съѣзда всѣ работы по перестройкѣ музея были закончены, и въ день открытія засѣданій съѣзда былъ торжественно открытъ и музей послѣ совершенія богослуженія. За пятнадцать лѣтъ своего существованія музей расширился по меньшей мѣрѣ въ двадцать разъ въ отношеніи содержанія и размѣровъ.

Предсѣдатель съѣзда графъ Уваровъ и его супруга много потрудились для обогащенія археологическаго отдѣла музея и при-

Кавказский музей.

веденія его въ порядокъ. По имѣвшимся письменнымъ даннымъ, они сдѣлали много замѣтокъ относительно кубанскихъ древностей и, въ особенности относительно остатковъ мамонта, найденныхъ по сѣверному склону Кавказа.

Успѣхъ музея у публики и признаніе его достоинствъ членами археологическаго съѣзда побудили доктора Радде ходатайствовать объ утвержденіи новаго штата музея, который и былъ утвержденъ 8-го мая 1884 года, а передъ этимъ по высочайшему повелѣнію кавказскій музей и публичная бібліотека были переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. По новому штату рабочія силы музея увеличились назначеніемъ консерватора, суммы же музея не только не увеличились, но даже уменьшились. Въмѣсто пятидесяти рублей на приобрѣтеніе предметовъ для музея была назначена тысяча рублей, но двадцатикопеечный доходъ съ посѣтителей, дававшій ежегодно тысячу рублей, положено было сдавать въ казну и, такимъ образомъ, музей сталъ получать ежегодно менѣе на пятьсотъ рублей. Только въ 1890 году снова было разрѣшено доходъ съ посѣтителей обращать на нужды музея.

29-го октября 1888 года музей осчастливили своимъ посѣщеніемъ государь императоръ Александръ III, государыня императрица Марія Ѳеодоровна въ сопровожденіи тогда наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича и великаго князя Георгія Александровича.

Въ 1889 году въ Тифлисѣ была устроена выставка предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности, на которой былъ очень богато обставленъ отдѣлъ кустарной промышленности на Кавказѣ. По просьбѣ директора музея доктора Радде всѣ предметы этого отдѣла послѣ закрытія выставки были переданы кавказскому музею, который такимъ образомъ очень обогатилъ свое этнографическое отдѣленіе.

Въ 1892 году исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня официальнаго открытія кавказскаго музея великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Докторъ Радде выпустилъ очеркъ развитія музея за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія. Онъ могъ съ чувствомъ законной гордости бросить взглядъ на длинный путь своего труда въ теченіе четверти вѣка. Съ затратой незначительныхъ средствъ имъ было создано выдающееся научное учрежденіе. Онъ сумѣлъ привлечь къ музею вниманіе ученыхъ и публики, и, благодаря этому, въ трудахъ по развитію музея участвовало множество лицъ. Въ этомъ огромная заслуга доктора Радде, такъ какъ безъ сочувствія общества, безъ живого его участія невозможно было бы достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ; какіе были достигнуты. Можно было бы составить цѣлую книгу изъ одного перечня лицъ, жертвовавшихъ въ музей различныя предметы и цѣлыя коллекціи, участвовавшихъ въ научныхъ опредѣленіяхъ и присылавшихъ различныя нужныя музею свѣдѣнія.

Докторъ Радде вель колоссальную переписку съ заграничными учеными и обществами, которые присылали ему свои изданія и переписывались съ нимъ по всевозможнымъ вопросамъ, касающимся научнаго изслѣдованія Кавказа и прилегающихъ къ нему странъ. Въ своемъ отчетѣ докторъ Радде отмѣчаетъ и постоянное благоволеніе къ музею со стороны высшаго начальства края. Особенно дорого было вниманіе, которое всегда оказывалъ его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ въ бытность его намѣстникомъ кавказскимъ.

Въ пятидесятихъ годахъ замѣчается уменьшеніе разрастанія коллекціи. Не было смысла особенно увеличивать коллекціи, такъ какъ и имѣющіяся уже невозможно было за недостаткомъ помѣщенія распредѣлить удобно.

Къ наиболѣе интереснымъ приобрѣтеніямъ съ 1892 года по 1902 годъ относятся слѣдующія: большая ботаническая коллекція, привезенная докторомъ Радде изъ поѣздки по восточному побережью Чернаго моря. Четыре тысячи экземпляровъ прекрасныхъ окаменѣлостей всѣхъ формацій, подаренныхъ Н. Морганомъ, который былъ управляющимъ Ахталинскихъ мѣдныхъ рудниковъ; камень съ клинообразной надписью, найденный около Сарыкамыша (надпись была разобрана профессоромъ Белькомъ). Огромная коллекція ботаническая и много предметовъ для зоологическаго отдѣла, привезенные докторомъ Радде и Кенигомъ, консерваторомъ музея, изъ поѣздки ихъ по Дагестану.

Трудясь надъ увеличеніемъ коллекцій музея и приведеніемъ ихъ въ порядокъ, докторъ Радде вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и изданіемъ научныхъ сочиненій. Благодаря высокому интересу и матеріальной поддержкѣ великаго князя Георгія Александровича, былъ изданъ трудъ Э. Э. Каврайскаго по ихтиологіи Кавказа.

По предложенію профессоровъ Энглера изъ Берлина и Друда изъ Дрездена докторъ Радде принялъ участіе въ обширномъ сборномъ сочиненіи подъ названіемъ «Растительный міръ земнаго шара». Онъ составилъ для этого сочиненія кавказскій отдѣлъ.

Въ 1896 году музей получилъ средства для печатанія издаваемыхъ при немъ трудовъ. По почину великаго князя Георгія Александровича и согласно представленія министровъ финансовъ и народнаго просвѣщенія послѣдовало высочайшее повелѣніе о ежегодномъ отпускѣ по 2.500 рублей для изданія работъ директора музея срокомъ на пять лѣтъ.

До этого времени музей не имѣлъ никакихъ штатныхъ средствъ для печатанія своихъ изданій. Большая часть спеціальнаго фонда, получавшагося изъ двадцатикопеечнаго сбора съ посѣтителей, ежегодно расходовалась на ремонтъ и поддержаніе зданія музея и публичной бібліотеки, на что по штату отпускалось только триста рублей.

Теперь явилась возможность печатать полные, толковые каталоги коллекцій музея въ видѣ роскошнаго изданія съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Въ 1898 году была составлена программа этого изданія, и началось печатаніе его. До 1902 года было издано четыре тома. Весь трудъ докторъ Радде посвятилъ великому князю Михаилу Николаевичу, а отдѣльныя части великимъ князьямъ: Георгію Александровичу—отдѣлъ рыбъ, Николаю Михайловичу—отдѣлъ чешуекрылыхъ и Георгію Михайловичу—статьи о кавказскомъ зубрѣ; графу Уварову и графинѣ Уваровой посвященъ V томъ о древностяхъ, который былъ составленъ графиней Уваровой. Изданіе не было доведено до конца докторомъ Радде, скончавшимся въ 1903 году.

Остались не изданными четвертый томъ, въ которомъ должно быть описаніе этнографическаго отдѣла, и шестой томъ съ подробной исторіей развитія кавказскаго музея, описаніемъ его помѣщенія и проектомъ устройства «Храма Славы», который долженъ былъ бы «представить и сохранить въ памяти будущихъ поколѣній всѣ главнѣйшіе моменты исторіи войны и побѣды русскихъ на Кавказѣ въ батальныхъ картинахъ и портретной галереѣ полководцевъ и героев».

Четвертый томъ въ настоящее время печатается и скоро будетъ выпущенъ.

Публичная библіотека увеличивалась въ 1892 году пріобрѣтеніями и пожертвованіями.

Основаніе библіотекъ было положено намѣстникомъ княземъ Воронцовымъ въ 1874 году. Первоначально она состояла при канцеляріи намѣстника, и первыя книги были пріобрѣтены по списку Дюбуа-де-Монтпере, автора извѣстнаго классическаго сочиненія «Путешествіе по Кавказу». Будучи въ то время единственнымъ въ Тифлисѣ книгохранилищемъ, предоставленнымъ для общественнаго пользованія, библіотека не могла всецѣло преслѣдовать лишь научныя цѣли и сосредоточивать въ себѣ исключительно литературу о Кавказѣ и сопредѣльныхъ съ нимъ странахъ, но должна была заключать и произведенія лучшихъ русскихъ писателей; къ послѣднему ее обязывало и то обстоятельство, что городъ Тифлисъ вносилъ ежегодно на ея содержаніе въ казну 1030 рублей. Впослѣдствіи библіотека приняла характеръ хранилища книгъ преимущественно о Кавказѣ и прилегающихъ къ нему странахъ.

Въ отчетѣ за 1894 годъ докторъ Радде опредѣлилъ главнѣйшія цѣли, которымъ она должна служить. Въ мѣстной печати появлялись жалобы на то, что публичная библіотека не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ населенія, и указывалось, что она должна имѣть беллетристику, всевозможные журналы и газеты для «ознакомленія общества съ характеромъ и тенденціями всероссійской прессы» и специальную ученую литературу, чтобы каждый могъ найти всѣ

Этнографический отдѣлъ Кавказскаго музея.

справки, какія могутъ потребоваться при разработкѣ какого-нибудь спеціальнаго вопроса.

Но для созданія такой универсальной библіотеки не имѣлось средствъ. Поэтому тифлисская публичная библіотека вынуждена ограничиться болѣе скромной цѣлью: она должна собирать все относящееся къ кавказовѣдѣнію и вмѣстѣ съ этимъ по возможности пополняется общими сочиненіями по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Такой взглядъ на характеръ библіотеки былъ выраженъ и намѣстникомъ княземъ А. И. Барятинскимъ. Д-ръ Радде справедливо замѣчаетъ въ отчетѣ за 1900 годъ, что проведеніе этого взгляда придадо библіотекѣ такое значеніе, какого не имѣютъ однопородныя учрежденія, такъ какъ она имѣетъ передъ ними преимущество, какъ выдающееся спеціальное книгохранилище, тогда какъ при общемъ энциклопедическомъ или по преимуществу беллетристическомъ содержаніи она оставалась бы одною изъ очень посредственныхъ библіотекъ.

Въ 1899 году директоръ музея былъ назначенъ начальникомъ кавказской секціи русскихъ экспонатовъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1900 года, въ которой принялъ участіе и кавказскій музей. Избранные предметы музея были присоединены къ весьма значительному числу экспонатовъ, собранныхъ тремя комиссіями, и весь разнообразный и богатый матеріалъ былъ отправленъ въ Багумъ и оттуда на пароходѣ французской компании Messageries maritimes черезъ Марсель въ Парижъ. 18-го февраля д-ръ Радде прибылъ въ Парижъ, а 14-го апрѣля президентъ Французской республики въ сопровожденіи князя Тенишева и д. т. с. П. П. Семенова посѣтилъ кавказскій отдѣлъ и выразилъ свое одобреніе. Кавказская секція имѣла большой успѣхъ и ей присуждено до 60 премій. Кавказскій музей и директоръ его удостоены были награжденія золотыми медалями.

Въ 1903 году музей лишился своего директора Г. И. Радде, который скончался, прослуживъ на пользу музея въ теченіе 39 лѣтъ. Смерть застала его за работой надъ VI томомъ описаній коллекцій кавказскаго музея.

Благодаря любви къ дѣлу, трудолюбію и энергіи, Г. И. Радде удалось создать крупный очагъ науки, въ которомъ могутъ много почерпнуть интереснаго, какъ ученые спеціалисты для спеціальныхъ изслѣдованій, такъ и публика для своего общаго образованія. Д-ръ Радде не успѣлъ закончить свою автобіографію. Теперь она закончена К. Ф. Ганомъ и войдетъ въ VI томъ описанія коллекцій, который въ настоящее время скоро выйдетъ изъ печати.

Должность директора музея занялъ полковникъ Александръ Николаевичъ Казнаковъ, который ее и занимаетъ до сихъ поръ, дѣятельно работая надъ развитіемъ музея и приведеніемъ коллекцій его въ порядокъ.

Въ 1904 году нѣсколько комнатъ, находившихся въ подвальномъ помѣщеніи музея, были приспособлены для работъ музейскаго персонала и для лицъ, желающихъ заниматься въ музеѣ спеціальными изслѣдованіями. Это отразилось на ходѣ работъ музея, которыя пошли значительно быстрѣе и энергичнѣе.

Въ этомъ году были и цѣнныя поступленія въ музей. Его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ пожертвовалъ музею богатѣйшую коллекцію бабочекъ, собранную его высочествомъ въ Боржомѣ и состоящую изъ 2,276 экземпляровъ.

Съ разрѣшенія министра финансовъ В. Н. Коковцова, департаментъ торговли передалъ музею чрезвычайно интересную и цѣнную коллекцію кавказскихъ кустарныхъ издѣлій, составленную на средства министерства финансовъ кавказскимъ комитетомъ для образованія кавказскаго отдѣла на всемірной выставкѣ въ St. Louis. Коллекція эта состоитъ изъ 82 ковровыхъ издѣлій, 177 серебряныхъ и многихъ образцовъ кавказскихъ суконъ, шелковыхъ матерій, деревянныхъ и гончарныхъ издѣлій. Передача этихъ коллекцій тѣмъ болѣе важна для музея, что большинство предметовъ, какъ, напримѣръ, ковры и серебряныя издѣлія, представляютъ большую матеріальную цѣнность и музей на свои средства не могъ бы ихъ приобрести.

Ботаническое и особенно зоологическое отдѣленія обогатились значительнымъ количествомъ новыхъ экземпляровъ, привезенныхъ изъ экскурсіи въ Ленкоранскій уѣздъ директора А. Н. Казнакова и А. Б. Шелковникова. Изъ раскопокъ, произведенныхъ въ Баку, А. Н. Казнаковъ привезъ 27 надгробныхъ камней съ куфическими надписями и разные мелкіе предметы.

Въ этомъ же году между кавказскимъ музеемъ и кавказскимъ отдѣленіемъ императорскаго московскаго археологическаго общества состоялось соглашеніе, по которому музей ежегодно выдаетъ субсидію въ 250 руб. на изданія кавказскому отдѣленію археологическаго общества, а послѣднее передаетъ въ собственность музея всѣ имѣющія у него археологическія коллекціи, обязуясь впредь передавать музею всѣ вновь поступающіе предметы, и передаетъ свою бібліотеку въ бібліотеку музея.

Уже съ 1885 года администрація хлопотала о расширеніи помѣщенія бібліотеки, но всѣ хлопоты не приводили ни къ чему. Теперь былъ выработанъ проектъ надстройки второго этажа надъ передней фасадной частью бібліотеки. Но проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и рѣшено было устроить желѣзные книжные шкапы и полки. Директоръ музея поручилъ одной фирмѣ въ Петербургѣ составить проектъ желѣзныхъ полокъ. Проектъ былъ составленъ, но за отсутствіемъ средствъ тоже не былъ осуществленъ.

Съ 1905 по 1908 годъ коллекціи музеевъ ежегодно увеличивались, новые матеріалы рассылались на опредѣленіе, обрабатывались,

распредѣлялись по мѣстамъ. Общее состояніе музея окончательно сдѣлалось критическимъ: новыя коллекціи за недостаткомъ мѣстъ не могли быть выставлены, и зданіе музея пришло въ такую ветхость, что дало трещины въ нижнемъ этажѣ, въ которомъ помѣщается лабораторія.

Музей не только не могъ расширяться и жить нормальной жизнью, но и подвергался опасности полного разрушенія. Зданіе могло рухнуть отъ подземнаго толчка даже при незначительномъ землетрясеніи и могло быть уничтожено пожаромъ, такъ какъ оно чрезвычайно опасно въ пожарномъ отношеніи. Средства музея оставались тѣми же, какія были ему ассигнованы много лѣтъ назадъ, но никакія старанія добиться ихъ увеличенія, которое являлось необходимымъ, не приводили ни къ какому результату.

Возбужденный въ 1904 году вопросъ объ утвержденіи положенія о кавказскомъ музеѣ и тифлисской публичной библіотекѣ также ничуть не подвинулся. Библіотекѣ приходилось работать при еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ раньше, такъ какъ количество книгъ все увеличивалось ежегодно тысячами томовъ, а размѣщать ихъ было негдѣ.

Въ 1906 году директоромъ музея было возбуждено передъ намѣстникомъ Его Величества на Кавказѣ ходатайство о постройкѣ новаго зданія для музея. Намѣстникъ назначилъ спеціальную комиссію для всесторонняго обсужденія этого вопроса, и къ концу года предсѣдатель комиссіи тайный совѣтникъ М. П. Гаккель представилъ докладъ, въ которомъ было изложено мнѣніе комиссіи о дѣйствительной необходимости постройки новаго зданія и предложенъ способъ изысканія необходимыхъ средствъ. Комиссія предложила исходатайствовать разрѣшеніе на продажу зданій музея и библіотеки, а впредь до продажи испросить временную ссуду изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости недвижимости. Этотъ проектъ комиссіи по представленію намѣстника Его Величества на Кавказѣ былъ разсмотрѣнъ въ совѣтѣ министровъ, который постановилъ отклонить ходатайство о ссудѣ и разрѣшить продажу земли съ тѣмъ, чтобы равная вырученной отъ продажи сумма была внесена въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія въ слѣдующій за продажей годъ и обращена цѣликомъ на приобрѣтеніе новаго участка земли и постройки на немъ зданія.

Постановленіе совѣта министровъ было высочайше утверждено 7-го декабря 1907 года и было приступлено къ продажѣ недвижимости музея. Спеціальная комиссія изъ присяжныхъ городскихъ оцѣнщиковъ и инженеровъ оцѣнила стоимость недвижимости въ 414,000 руб. Были назначены торги при тифлисской казенной палатѣ, но не состоялись за неявкою лицъ, желающихъ торговаться. Въ виду отказа въ ссудѣ въ размѣрѣ оцѣнки, пришлось поставить для покупателя условіе, заключавшееся въ томъ, что онъ могъ вступить

«Прометей». Картина художника Зимма.

во владѣніе имуществомъ не ранѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ внесенія полной суммы. Комиссія пришла къ заключенію, что при такомъ положеніи дѣла назначеніе новыхъ торговъ безцѣльно, и признала, что предположенный способъ разрѣшенія поставленной ей задачи неосуществимъ. Поэтому было рѣшено приступить немедленно и самымъ энергичнымъ образомъ къ изысканію иныхъ средствъ и способовъ къ возведенію новаго зданія.

Въ 1909 году, въ день мессинскаго землетрясенія, въ Тифлисѣ ощущалось также колебаніе почвы, отъ котораго обвалилась часть каменной облицовки стѣны музея и появились внутри зданія новыя трещины. Состояніе зданія музея послѣ этого настолько ухудшилось, что требовалось принятіе самыхъ энергичныхъ мѣръ къ охранѣ не только зданія музея и находящихся въ немъ цѣнностей отъ гибели, но также и проходящей мимо публики отъ грозящей ей опасности. На другой день повторилось довольно сильное колебаніе почвы, и трещины зданія музея увеличились. Пришлось совершенно закрыть музей для публики и разобрать сейчасъ же часть зданія, которая могла каждую минуту рухнуть. Часть коллекцій и все особенно цѣнное было перенесено въ безопасныя помѣщенія, все тяжелое было снесено съ верхняго этажа въ нижній. Обезопасивъ такимъ образомъ, хотя бы на время, отъ возможности полного разрушенія зданія и гибели всѣхъ богатствъ музея, собранныхъ въ теченіе 57 лѣтъ трудами множества лицъ, комиссія, назначенная еще въ 1906 году для обсужденія вопроса о постройкѣ новаго зданія, постановила возбудить ходатайство объ отпускѣ изъ казны необходимыхъ средствъ для возстановленія разрушающагося музея, видя въ этомъ единственный исходъ изъ затруднительнаго положенія, создаваемаго послѣ несостоявшихся торговъ по продажѣ стараго зданія. Ходатайство это, какъ я уже сказалъ въ началѣ настоящаго очерка, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Состоялся законъ объ ассигнованіи суммы, потребной для возведенія новаго зданія, и теперь можно уже приступить къ постройкѣ. Пожелаемъ отъ всей души успѣха строительной комиссіи. Пожелаемъ, чтобы зданіе, котораго будетъ ею создано, вполне было бы достойно стать хранилищемъ драгоценныхъ коллекцій по этнографіи, исторіи, естествознанію прекраснаго Кавказскаго края.

Къ наиболѣе интереснымъ приобрѣтеніямъ музея, сдѣланнымъ въ періодъ между 1904 и 1908 годами, относятся слѣдующія.

Коллекція вещей, добытыхъ на раскопкахъ, произведенныхъ Е. А. Лалаянцемъ лѣтомъ 1905 года въ Эриванской губерніи въ бассейнѣ озера Гокча. Эта коллекція была передана музею кавказскимъ отдѣленіемъ императорскаго московскаго археологическаго общества на основаніи соглашенія, заключеннаго музеемъ и отдѣленіемъ въ 1904 году. Были переданы музею также коллекціи отдѣленія, собранныя до 1905 года. Обѣ коллекціи содержали: бронзо-

выхъ предметовъ 334, желѣзныхъ—45, серебряныхъ—2, каменныхъ 46 и много изъ смальты, сердолика, кости и пр.

Коллекціи А. Б. Шелковникова, собиравшіяся имъ въ теченіе 15 лѣтъ и представляющія богатѣйшій матеріалъ по фаунѣ и флорѣ Кавказа, главнымъ образомъ Арешскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи. Коллекціи эти въ общей сложности состоятъ изъ 14,759 экземпляровъ, не считая огромнаго числа дублетовъ, по зоологін и 3,838 экземпляровъ по ботаникѣ.

Большая этнографическая коллекція, собранная директоромъ А. Н. Казнаковымъ въ Кубинскомъ и Шемахинскомъ уѣздахъ и состоящая изъ 249 предметовъ и 30 рисунковъ. Въ ней заключаются одежда и разные предметы домашняго хозяйства горскихъ евреевъ, татаръ, татовъ и лезгинъ.

Библіотека по альпинизму, пожертвованная А. Сипягинымъ, состоящая изъ 123 сочиненій въ 140 томахъ и содержащая очень много сочиненій по альпинизму на Кавказѣ. Эта бібліотека со временемъ будетъ имѣть большое значеніе, когда русское общество обратитъ больше вниманія на Кавказъ и разовьется вкусъ къ альпинизму.

Библіотека, принесенная въ даръ музею наследниками Б. И. Косцѣша-Статковскаго, богатая книгами техническаго содержанія и по кавказовѣдѣнію. Даръ этотъ представляется особенно цѣннымъ для бібліотеки тѣмъ болѣе, что она до сихъ поръ книгами техническаго содержанія не была богата.

Пожертвованы его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ 240 сочиненій въ 256 томахъ и Е. Г. Вейденбаумомъ 234 сочиненія въ 372 томахъ. Оба эти поступленія содержатъ много цѣнныхъ и интересныхъ книгъ.

Коллекціи музея пополнялись, главнымъ образомъ, трудами его персонала, который постоянно предпринималъ экскурсіи и привозилъ много предметовъ. Съ каждымъ годомъ возрастало и число жертвователей и вмѣстѣ съ этимъ число поступленій.

Большую и постоянную помощь музею оказывалъ его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ. Почти ежегодно его высочество жертвовалъ цѣнныя коллекціи и отдѣльные предметы и помогъ поставить бюстъ бывшему директору и основателю музея доктору Радде. На постановку этого бюста пожертвовали 545 рублей слѣдующія лица: великіе князья Михаилъ Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ, Александръ Михайловичъ, Георгій Михайловичъ, князь Г. С. Голицынъ, графиня П. С. Уварова, П. П. Кульбергъ, М. П. Гаккель, П. Э. Меллеръ, С. В. Глассекъ и Г. Дитрихъ. Для постановки бюста суммы этой было недостаточно. Всю недостающую сумму—500 рублей—пожертвовалъ великій князь Николай Михайловичъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, я хотѣлъ бы отмѣтить тѣхъ лицъ, которыя своими трудами наиболѣе способствовали созданію такого

крупнаго, представляющаго огромный интерес и единственнаго на Кавказѣ очага науки, какимъ является теперь кавказскій музей. Но сдѣлать это сейчасъ можно только приблизительно. Еще не изданъ VI томъ «Описанія коллекцій кавказскаго музея», въ которомъ должна быть исторія развитія музея, полный списокъ всѣхъ сотрудниковъ и автобіографія д-ра Радде.

И не мнѣ воздавать хвалу тѣмъ, чьи труды признаны академіями наукъ и учеными обществами.

Труды д-ра Радде, отдавашаго всю свою долгую жизнь на созданіе музея, оцѣнены были всѣми европейскими учеными. Онъ былъ избранъ въ почетные члены географическихъ обществъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Будапештѣ, Дрезденѣ, лондонскаго альпійскаго клуба и въ члены географическихъ обществъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ. Въ 1889 году въ Лондонѣ въ годичномъ собраніи королевскаго географическаго общества д-ру Радде была вручена золотая медаль королевы Викторіи. Совѣтъ королевскаго географическаго общества мотивировалъ свое рѣшеніе относительно присужденія медали въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «За долготѣнную дѣятельность въ области географической науки, въ качествѣ путешественника, наблюдателя и писателя и, въ особенности, за пятилѣтнее его путешествіе по Восточной Сибири (1885—1860), за его обстоятельныя изслѣдованія Кавказскаго главнаго хребта (1864—65, 1876—85), Мингрели, Абхазіи, Карачая, Дагестана и Высокой Арменіи, далѣе за все, что имъ сдѣлано въ качествѣ начальника закаспійской ученой экспедиціи (1885), также и за его сочиненія, а именно: 1) «Путешествіе на югъ Восточной Сибири», 1862—1864, 2) «Три продольныя долины Имеретіи», 1866, 3) «Четыре лекціи о Кавказѣ», 1874, 4) «Изъ Дагестанскаго высокогорья», 1886, 5) «Хевсурь и Хевсурія», 1878, 6) «Путешествіе по русско-персидской границѣ», 7) «Предварительный отчетъ объ экспедиціи въ Закаспійскій край и Сѣверный Хорасанъ», 1887,—далѣе, въ особенности, за способность, съ которою авторъ сумѣлъ сопоставить спеціальныя факты этнографическаго, ботаническаго и зоологическаго матеріала съ общегеографическими понятіями, и, наконецъ, за энергію и художественный вкусъ, обнаруженный имъ въ устройствѣ на географическихъ основаніяхъ кавказскаго музея». Въ торжественномъ собраніи, на которомъ д-ръ Радде принялъ медаль, президентъ Р. Стречей обратился къ нему со слѣдующими словами: «Вамъ извѣстно, что совѣтъ королевскаго географическаго общества въ присужденіи медалей традиціонно руководствуется только заслугами географическихъ изслѣдователей и открывателей, безъ различія области ихъ дѣятельности и происхожденія. Хотя мы могли бы найти достойныхъ кандидатовъ для этого отличія между нашими соотечественниками, но мы не забыли, что всѣ мы подданные одного великаго царства науки, въ служеніи которому вы обнаружили столько рвенія. Желая вы-

разить глубокое наше признаніе вашихъ долголѣтнихъ трудовъ на поприщѣ научныхъ изслѣдованій, мы присудили вамъ медаль нашей покровительницы.

«Пусть соперничество великаго народа, подданнымъ котораго вы состоите, съ нашимъ народомъ и на будущее время проявляется въ распространеніи мирныхъ наукъ и искусствъ. Съ радостью мы признаемъ за вами успѣхъ въ этой борьбѣ, гдѣ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, въ борьбѣ, гдѣ всѣ участники одинаково награждаются».

О работѣ, которую выполнилъ новый директоръ А. Н. Казнаковъ со своими сотрудниками, можно судить по слѣдующей таблицѣ прироста коллекцій по годамъ и количества поступившихъ экземпляровъ по отдѣламъ:

О т д ѣ л ы	1904	Г 1905	О 1906	Д 1907	А 1908	Вмѣстѣ.
Зоологія	5523	4616	31464	24195	16077	65798
Ботаника	256	1213	7169	4067	5044	12705
Геологія	261	67	200	419	21	947
Этнографія	624	235	278	263	585	1400
Археологія	138	976	1045	492	302	2651
Всего	6083	7107	40156	29436	22029	105530

Число книгъ публичной бібліотеки увеличилось за этотъ же періодъ времени на 17,867 томовъ.

Д-ръ Радде удѣлялъ больше вниманія зоологіи и ботаникѣ, и потому зоологической и ботанической отдѣлы при немъ развивались успѣшно, отдѣлы же археологіи и особенно этнографіи пополнялись медленно. А. Н. Казнаковъ старался пополнить этотъ пробѣлъ, приобрѣлъ большое количество предметовъ и приступилъ къ трудной и сложной работѣ—изготовленію художественныхъ манекеновъ. Раньше въ музеѣ было лишь нѣсколько манекеновъ, исполненныхъ очень примитивно. И, несмотря на всѣ затраченныя труды за послѣднее время, этнографическій отдѣлъ и теперь еще далеко не можетъ считаться законченнымъ, такъ какъ въ немъ совсѣмъ не представлены нѣкоторые народы Кавказа и всѣ коллекціи нуждаются въ самомъ широкомъ пополненіи, какъ это отмѣтилъ А. Н. Казнаковъ въ докладѣ по поводу постройки новаго зданія.

Будутъ, конечно, увеличиваться коллекціи и другихъ отдѣловъ музея, и А. Н. Казнакову и его сотрудникамъ предстоитъ еще большая и разнообразная работа. Пожелаемъ успѣха новому директору въ его трудахъ, столь успѣшно начатыхъ. Сейчасъ ему предстоитъ выполнить отвѣтственный и большой трудъ по приведенію въ порядокъ и размѣщенію коллекцій въ будущемъ новомъ зданіи музея. При его любви къ дѣлу, большой опытности въ собираніи коллекцій и при художественномъ вкусѣ, обнаруженномъ въ пополненіи этногра-

фическаго отдѣла, можно надѣяться, что трудъ этотъ увѣнчается полнѣйшимъ успѣхомъ.

А. Н. Казнакову музей обязанъ въ значительной степени тѣмъ, что многолѣтнія хлопоты о сооружеіи новаго зданія кончились наконецъ ассигнованіемъ необходимыхъ для постройки суммъ. Кромѣ служащаго персонала музея, въ развитіи его принимали дѣятельное участіе множество разнообразныхъ лицъ, отмѣтить которыхъ сейчасъ затруднительно. Я укажу только на лицъ царской фамиліи, много сдѣлавшихъ для музея. Высокое покровительство оказывалъ музею намѣстникъ кавказскій великій князь Михайль Николаевичъ. Его августѣйшія дѣти великіе князья Николай Михайловичъ и Георгій Михайловичъ постоянно принимали самое живое участіе въ дѣлахъ музея и щедро жертвовали различные предметы, цѣлыя коллекціи, книги и помогали деньгами. Особенно бросается въ глаза постоянная помощь великаго князя Николая Михайловича. Не проходитъ года, чтобы его императорское высочество не изволило жертвовать что-нибудь для того или иного отдѣла кавказскаго музея. Мнѣ кажется, въ новомъ зданіи музея слѣдовало бы поставить портретъ или бюстъ великаго князя, такъ много сдѣлавшаго для музея и такъ горячо принимавшаго къ сердцу его нужды.

Покойный великій князь Георгій Александровичъ давалъ средства кавказскому музею на изданіе трудовъ по ихтіологіи, и послѣ его кончины изданіе продолжалось на средства великаго князя Михаила Александровича, который пожаловалъ также суммы для изданія готовящейся теперь къ печати капитальной работы Сатунина о млекопитающихъ Кавказа.

Не имѣя возможности перечислить всѣхъ содѣйствовавшихъ развитію музея, я отмѣчу все-таки одно лицо, фамилія котораго часто встрѣчается въ отчетахъ музея. Лицо это—А. Б. Шелковниковъ, постоянно принимающій участіе въ научныхъ экскурсіяхъ, предпринимаемыхъ дирекціей, и ежегодно пополняющій своими пожертвованіями коллекціи музея. Въ 1906 году, какъ я сказалъ уже, онъ принесъ въ даръ музею богатыя ботаническія и зоологическія коллекціи, собиравшіяся имъ въ теченіе 15 лѣтъ. Хорошо было бы въ знакъ благодарности за полезную для музея дѣятельность помѣстить въ новомъ зданіи портреты, хотя бы фотографическіе, А. Б. Шелковникова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, заслуги которыхъ признаны дирекціей.

Желательно, чтобы кавказскій музей, не погибшій, къ счастью, отъ землетрясенія и пожара, дождался бы благополучно новаго просторнаго, безопаснаго и красиваго помѣщенія и продолжалъ бы развиваться и процвѣтать, служа ученымъ и публикѣ для изученія естественныхъ богатствъ, исторіи и этнографіи прекраснаго Кавказа.

А. Матіясевичъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Ч. I, 279 стр., ч. II, 272 стр. М. 1912 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. за каждую часть.

УССКАЯ историческая наука, начиная со времени первого русского историка Татищева, не может сосчитать и двухъ вѣковъ своего существованія. Но и за это время путь, пройденный ею, грандіозенъ: отъ простаго лѣтописнаго повѣствованія о событіяхъ прошлаго наша наука дошла до сложныхъ построений о ходѣ социально-историческаго процесса развитія Россіи; кромѣ того, интересъ изслѣдователей перемѣстился на цѣлый десятокъ вѣковъ и даже болѣе. Историки XVIII вѣка, Татищевъ, Миллеръ, Щербатовъ, Байеръ, Болтинъ, Шлецеръ интересовались прежде всего начальнымъ періодомъ русской исторіи: они волновались и ломали копья при рѣшеніи вопросовъ о киммерійцахъ, роксоланахъ, скиѣхъ, сарматахъ, варягахъ, россахъ и проч.; ихъ вниманіе рѣдко шло далѣе событій кіевскаго періода. Карамзинъ въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» уже доводитъ изложеніе до смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ (XII томъ его исторіи кончается разсказомъ о фактахъ 1611 года). Въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ XIX вѣка интересъ изслѣдователей хотя и не изсякъ по отношенію къ кіевскому и удѣльному періодамъ, но болѣе всего распространялся на Русь Московскую, которая усердно и съ разныхъ сторонъ продолжала изучаться и въ послѣдующія десятилѣтія. Лишь съ девяностыхъ годовъ среди историковъ стали говорить о томъ, что пора отъ Московской Руси перейти къ XVIII вѣку; послѣдній и сталъ разрабатываться въ изслѣдованіяхъ многихъ современныхъ историковъ.

За XVIII вѣкомъ на очереди и канувшій въ Лету XIX вѣкъ. Правда, научное изученіе его, какъ близко стоящаго къ современности, во всемъ объемѣ невозможно. Но слѣдуетъ считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ послѣдніе годы среди русскаго общества поднялся интересъ къ прошлому своей страны, а для большинства любопытнѣе и полезнѣе знать ходъ исторической жизни ближайшаго столѣтія, а не вѣковъ, давно минувшихъ. Вотъ какъ разъ навстрѣчу этой потребности идетъ г. Корниловъ, авторъ курса исторіи Россіи XIX вѣка.

Его курсъ сложился изъ лекцій, читанныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ петербургскомъ политехническомъ институтѣ. Въ настоящее время онъ выходитъ въ видѣ двухъ частей, изъ которыхъ первая посвящена общему очерку о ходѣ развитія русскаго народа и государства до XIX вѣка и болѣе подробному изложенію событій царствованія Александра I; вторая содержитъ очеркъ внутренней исторіи Россіи съ 1825 по 1866 годъ, т. е. время Николая I и первый преобразовательный періодъ царствованія Александра II. Третья часть, приготовляемая г. Корниловымъ къ печати, охватитъ собой исторію Россіи за послѣднія тридцать пять лѣтъ XIX вѣка.

Въ первой части, послѣ краткой характеристики строя Россіи въ XVIII вѣкѣ, г. Корниловъ останавливается на времени Павла I. Въ это царствованіе, по мнѣнію автора, съ которымъ можно и не согласиться, все было «перевернуто вверхъ дномъ», нанесены государственному организму, хотя «не глубокія», но все же «болѣзненные пораненія» (стр. 59); тѣмъ не менѣе «неожиданный шквалъ» «не могъ надолго прервать или глубоко измѣнить естественный ходъ совершающагося историческаго процесса». Александру I, по автору, «ничего другого не оставалось, какъ зачеркнуть все сдѣланное его отцомъ».

Переходя ко времени Александра I, г. Корниловъ замѣчаетъ: «царствованіе Александра было исполнено великихъ событій,—и прогрессъ русской жизни, испытывая въ это время сильнѣйшіе внѣшніе толчки и потрясенія, шелъ бурно и быстро, но съ рѣзкими колебаніями, дѣлая, такъ сказать, значительные зигзаги». По этимъ зигзагамъ авторъ и дѣлитъ царствованіе Александра I на шесть періодовъ: первый съ 1801 года по 1805 характеризуется «горячимъ и искреннимъ приступомъ къ реформамъ по инициативѣ самого императора» и появленіемъ «самыхъ розовыхъ, хотя и неопредѣленныхъ, надеждъ и ожиданій со стороны общества»; второй (1805—1807)—ознаменовался годами первыхъ войнъ съ Наполеономъ и временнымъ забвеніемъ мысли о какихъ бы то ни было реформахъ; третій (1808—1811)—сопровождался союзомъ съ Наполеономъ, при участіи въ континентальной системѣ, недовольствомъ русскаго общества, которое стало критически относиться къ политикѣ правительства, и новымъ, уже «менѣ пылкимъ», «приступомъ къ реформамъ»; четвертый—періодъ борьбы съ Наполеономъ (1812—1815), время «участія Россіи въ великихъ мировыхъ событіяхъ того времени»; пятый (1816—1820)—характеризуется участіемъ Александра I въ международныхъ конгрессахъ, появленіемъ новыхъ ожиданій со стороны общества о реформахъ и преобразованіяхъ, оживленіемъ еще не угасшихъ надеждъ на правительственную (въ дѣлѣ преобразованій) инициативу; шестой періодъ (1821—1825) является временемъ «вполнѣ опредѣлившейся реакціи въ правящихъ сферахъ», «періодомъ отчаянія общества»

и вмѣстѣ съ тѣмъ «начавшагося революціоннаго движенія, довольно остраго, хотя и подпольнаго», съ опредѣленными политическими идеалами.

Въ указанныхъ рамкахъ г. Корниловъ и излагаетъ дальше событія царствованія Александра I, предпославъ имъ краткую характеристику личности самого императора. Подводя итоги, авторъ замѣчаетъ, что на первый поверхностный взглядъ можетъ поразить незначительность результатовъ царствованія Александра I при огромныхъ затратахъ и жертвахъ всего народа. Но такое заключеніе «было бы справедливо только съ внѣшней, формальной стороны». При болѣе глубокомъ разборѣ этого времени, въ особенности, если соблюдать историческую перспективу, окажется, что путь, пройденный Россіей за первую четверть XIX вѣка, весьма значителенъ и содержателенъ. Помимо того, что территоріальныя приобрѣтенія Россіи были огромны, приростъ населенія выразился болѣе, чѣмъ въ 1²/₂ милліоновъ душъ обоего пола, промышленность развилась довольно значительно, въ общественной жизни произошли важныя перемѣны: «тѣ потрясенія, — говоритъ авторъ: — которыя послѣдовали за войнами 1805—1807 г.г. и которыя вывели общество изъ пассивно-оптимистическаго настроенія», «тѣ экономическія и матерьяльныя потрясенія, которыя обусловились Тильзитскимъ миромъ и Отечественной войной (разореніе и страшная задолженность помѣщичьихъ хозяйствъ, благодаря которымъ многіе помѣщики позднѣе сами стремились къ ликвидаціи крѣпостного права), тѣ огромныя нравственныя приобрѣтенія, которыя сдѣлало русское общество въ бурную эпоху наполеоновскихъ войнъ, послужили» «сильными факторами въ социальнополитическомъ процессѣ» XIX в. (стр. 267).

Вторая часть курса начинается изложеніемъ возстанія декабристовъ и первыхъ лѣтъ царствованія Николая I. Время Николая I г. Корниловъ дѣлитъ на три періода: 1) съ 1826 г. по 1831 г., когда въ правительствѣ замѣтно было стремленіе произвести нѣкоторыя преобразованія; 2) съ 1831 г. по 1840 г., когда мысль о преобразованіяхъ послѣ июльской революціи во Франціи была оставлена и взятъ былъ «строго-консервативный курсъ»; 3) съ 1848 г. по 1855 г., когда реакція усилилась и началось всюду гоненіе на всякую живую мысль въ обществѣ. Въ заключеніе авторъ пишетъ, что правительственная система императора Николая (вдохновеннаго идеями Карамзина) была одной изъ самыхъ послѣдовательныхъ попытокъ осуществленія идеи просвѣщеннаго абсолютизма» (ч. II, 113), но примѣненіе этой системы къ Россіи оказалось совершенно неудачнымъ. Послѣ Крымской кампаніи потребность реформъ была настолько сильна, что само правительство стало во главѣ преобразованій. Обзоромъ внутреннихъ реформъ Александра II, изъ которыхъ наиболѣе полно обслѣдована крестьянская реформа 1861 г., и заканчиваетъ свою книгу г. Корниловъ.

Таковъ остовъ двухъ частей курса исторіи Россіи XIX в. Приступая къ разбору ихъ, я долженъ прежде всего сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Авторъ въ курсѣ по XIX вѣку поставилъ своей задачей изученіе культурныхъ и социальныхъ сторонъ жизни, предполагая, что борьба за территорію для Россіи въ концѣ XVIII в. была закончена. Такой постановкой дѣла онъ, обойдя внѣшнюю политику, сузилъ кругъ своихъ наблюденій въ ущербъ пониманія многихъ сторонъ своего предмета: внѣшняя политика Россіи въ XIX в.

была, какъ это понимаетъ и самъ г. Корниловъ, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ внутренней, и колебанія въ первой отражались во второй. А потому изложеніе событій XIX в. безъ внимательнаго обзора, напримѣръ, Отечественной войны, балканской политики, Крымской кампаніи и проч., не только страдаетъ неполнотой, но и не выясняетъ тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя въ моменты внѣшнихъ осложненій вскрываются ярче, и не опредѣляетъ съ достаточной наглядностью тѣхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой внѣшняя политика.

Что касается изложенія, то въ немъ встрѣчаемъ одну характерную черту, проходящую по всему курсу: у автора замѣтенъ сильный наклонъ въ сторону либерализма, и съ точки зрѣнія послѣдняго обычно расцѣпываются историческіе факты, причемъ иногда манера изложенія переходитъ границу дозволеннаго (въ историческихъ работахъ); такъ, г. Корниловъ пишетъ «о нелѣпыхъ тираническихъ распоряженіяхъ» Павла I (I, 96), о «грубости и пошлости честолюбія» Наполеона (143), о «собачьей преданности» Аракчеева (210). Думается, подобныя выраженія въ объективномъ изложеніи, какимъ долженъ быть всякій историческій трудъ, неумѣстны.

Переходя къ болѣе мелкимъ замѣчаніямъ, я долженъ сказать, что курсъ г. Корнилова, какъ и всякая историческая работа, не свободенъ отъ неточностей и погрѣшностей. Укажу въ качествѣ примѣра нѣсколько. Первый наборъ рекрутъ былъ произведенъ не въ 1701, а въ 1705 году, и рекруты обычно не опредѣлялись на государственныя работы (стр. 17), для того производились особые наборы работниковъ и мастеровыхъ людей (П. С. З., № 3036; Устряловъ, «Исторія Петра В.», IV, ч. II, 479—486; М. Ключковъ, «Населеніе Россіи», т. I, 91 и сл.). Той убыли населенія при Петрѣ В., о которомъ говорить, со словъ П. Н. Милюкова, авторъ, не было, и населеніе «начинаетъ расти» не только «послѣ ревизіи», т. е. съ 1724 года (стр. 25), но и до нея, именно съ начала десятыхъ годовъ XVIII в. Къ утверженію автора, что «вся власть» въ губернскихъ учрежденіяхъ, созданныхъ Екатериной II, «сосредоточивалась» «въ рукахъ провинціального дворянства» (48), слѣдуетъ поставить коррективъ: провинціальныя дворяне лишь заполняли подчиненныя мѣста въ губернскихъ учрежденіяхъ, а власть принадлежала назначеннымъ отъ правительства чиновникамъ (Кизеветтеръ, «Историческіе очерки», 279; Григорьевъ, «Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II»). «Началась» партизанская война въ 1812 г. не въ октябрѣ, послѣ отступленія французовъ изъ Москвы (стр. 189), а еще въ іюль мѣсяцѣ («Нов. Жизнь», 1911 г., кн. VIII, стр. 133).

Указавъ въ курсѣ г. Корнилова нѣкоторые недостатки, я теперь перейду къ характеристикѣ его положительныхъ сторонъ.

Прежде всего въ рамкахъ, намѣченныхъ авторомъ, его курсъ даетъ отчетливое представленіе о всѣхъ главнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ государственной и общественной жизни. Что касается послѣдней, то г. Корниловъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на всякомъ болѣе или менѣе значительномъ моментѣ общественнаго движенія и разносторонне характеризуетъ жизнь общества. Въ курсѣ исторіи XIX в. читатель найдетъ множество страницъ о происхожденіи и развитіи русской интеллигенціи, объ ея идейныхъ увлеченіяхъ, о

тайныхъ обществахъ при Александрѣ I, о шеллингистахъ, славянофилахъ и западникахъ, о социализмѣ и петрашевцахъ, о либералахъ и радикалахъ 60-хъ годовъ; въ связи съ этимъ отмѣчаются главнѣйшія теченія въ русской журналистикѣ и публицистикѣ и выясняется роль тогдашней печати въ общественной жизни.

Г. Корниловъ внимательно слѣдитъ за настроеніемъ главнѣйшихъ группъ населенія. Изъ области социальныхъ отношеній онъ наиболѣе тщательно слѣдитъ за величайшимъ событіемъ середины XIX вѣка, за сложнымъ процессомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ вопросѣ авторъ, какъ специалистъ, даетъ весьма содержательное изложеніе предмета.

Затѣмъ нужно отмѣтить, что авторъ, начавши съ простой компиляціи (при характеристикѣ XVIII в.), чѣмъ дальше, тѣмъ становится самостоятельнѣе и содержательнѣе; въ особенности ему удалось время Александра II, гдѣ со страницъ его книги вѣетъ свѣжестью и новизной. Тамъ же, гдѣ авторъ самъ не проработалъ вопроса, онъ широко пользуется литературой, приводя иногда новинки самаго послѣдняго времени. Нужно признать весьма полезнымъ и то, что въ концѣ каждаго отдѣла г. Корниловъ для своихъ читателей даетъ довольно полный списокъ книгъ и статей, трактующихъ объ этомъ отдѣлѣ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что курсъ исторіи Россіи XIX в. написанъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, читается легко и стоитъ недорого; его смѣло можно рекомендовать широкому кругу читателей, интересы которыхъ этотъ курсъ съ успѣхомъ будетъ обслуживать.

М. Ключковъ.

Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ. Описаніе дѣлъ вѣдомства департамента, хранящихся въ архивѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Выпускъ II. Дѣла учреждений, вѣдавшихъ государственныйя имущества до образованія департамента государственныхъ имуществъ. 1763—1811 гг. Спб. 1912. Стр. XV11+391+4 нен. Цѣна 2 р.

Всѣ интересующіеся вопросомъ нашей колонизаціи во второй половинѣ XVIII ст. и въ первое десятилѣтіе XIX, а также исторіей нашего земельного государственнаго хозяйства за этотъ же періодъ въ кропотливомъ трудѣ П. А. Шафранова ¹⁾ подъ скромнымъ заглавіемъ «Описаніе дѣлъ» найдутъ множество цѣннаго и малоизвѣстнаго матеріала, а по второму вопросу и совершенно новаго. «Описаніе» это въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ приведенія «полныхъ и точныхъ» заголовковъ дѣлъ, но послѣдніе составлены на основаніи тщательнаго просмотра самыхъ дѣлъ. Послѣ заголовковъ во многихъ случаяхъ дѣлаются примѣчанія, гдѣ выясняется сущность дѣла и перечисляются важнѣйшіе документы и бумаги. Въ концѣ книги приложены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный.

¹⁾ П. А. Шафранову помогалъ въ просмотрѣ дѣлъ его помощникъ Н. П. Запольскій.

За предисловіемъ, въ которомъ составитель «Описанія» даетъ между прочимъ перечень всѣхъ 10 учрежденій, дѣла которыхъ имъ описаны, слѣдуетъ обширное введеніе, подъ заглавіемъ «Общій очеркъ содержанія дѣлъ». Имъ-то мы и воспользуемся, чтобы дать понятіе о цѣннѣйшемъ матеріалѣ, находящемся въ архивѣ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

«Наиболѣе интересными и важными предметами въ содержаніи дѣлъ,—говоритъ авторъ «Очерка»,—являются колонизація и переселеніе», которыми завѣдывали—канцелярія опекунства иностранныхъ, экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства и департаментъ министра внутреннихъ дѣлъ». За періодъ съ 1763 по 1782 гг., когда дѣйствовала канцелярія опекунства иностранныхъ, русское правительство, озабоченное вопросомъ заселенія Поволжья и Новороссійскаго края, при помощи своихъ пословъ и особыхъ «вызывателей изъ иностранцевъ», поселило около одного Саратова 5,624 семьи или 30,930 душъ обоюга пола, отвѣдая на каждую семью до 60 десятинъ земли. Вывозъ и водвореніе ихъ стоили болѣе четырехъ милліоновъ рублей. При императорѣ Павлѣ I вызвано было очень немного колонистовъ, но зато много было сдѣлано для улучшенія ихъ положенія, путемъ увеличенія земельныхъ надѣловъ, переселеніемъ на лучшія и болѣе удобныя земли и дарованіемъ новыхъ выгодъ и привилегій. Въ началѣ XIX в. правительство возобновило пріемъ иностранныхъ колонистовъ изъ разныхъ странъ Европы, а тревожныя событія тогдашняго времени и особенно войны Наполеона побудили многихъ переселяться въ предѣлы Россіи, какъ страны болѣе удаленной отъ театра войны и болѣе безопасной въ то время. Явились переселенцы изъ Саксоніи, Пруссіи, Швабіи, Эльбинга и Маріенбурга, Швейцаріи, Шотландіи (миссіонеры), Черногоріи, Герцеговины, Греціи, Болгаріи, Румыніи и др., всего, по свѣдѣніямъ департамента внутреннихъ дѣлъ, въ періодъ времени съ 1802 по 1809 гг. въ количествѣ 25 тысячъ человекъ. Такъ какъ эти иностранцы пріѣзжали въ значительномъ количествѣ добровольно, безъ вызова со стороны русскаго правительства, то послѣднее субсидировало при переѣздѣ и водвореніи на мѣсто только мастеровъ и ремесленниковъ, принимая изъ земледѣльцевъ лишь тѣхъ, которые могли селиться на собственный счетъ. Въ это же время наше правительство, въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, начинаетъ водворять въ Новороссійскомъ краѣ крестьянъ, казаковъ, однодворцевъ, раскольниковъ и свреевъ на правахъ земледѣльцевъ, въ цѣляхъ заселенія скупасть на окраинахъ земли крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; такъ, были куплены у польскихъ помѣщиковъ цѣлые города: Могилевъ, Ямполь, Бѣлостокъ, Богуславъ и др., и колонизуегъ Кавказъ, Прикаспійскую область и Сибирь съ Приморскимъ краемъ.

Переселяя на окраины и внутри государства колонистовъ, правительство въ широкихъ размѣрахъ производило надѣленіе и уравненіе землями казенныхъ крестьянъ и городовъ, а также церквей, монастырей и архіерейскихъ домовъ; оно отводило земли подъ заселеніе, подъ овцеводство, садоводство, шелководство и подъ разведеніе разныхъ полезныхъ растений; сдавало земли и разныя хозяйственныя статьи въ оброкъ и, въ свою очередь, само покупало и продавало

земли и оброчныя статьи. При этомъ необходимо было производить обширныя работы по межеванію земель, особенно въ Поволжѣ и въ Новороссіи. Во многихъ дѣлахъ, восходившихъ по разнымъ «казусамъ» при межеваніи до сената, имѣются точныя статистическія данныя о городахъ. Изъ одного такого дѣла мы узнаемъ, что въ 1797 г. въ Одессѣ было всего 2.052 души мужского пола жителей: 229 купцовъ, 1,146 мѣщанъ, 365 поселянъ, 829 грековъ, 33 болгарина и 156 евреевъ. Въ заботы тогдашняго правительства входили также: распредѣленіе земель между сословіями (съ 1794 по 1796 гг. и затѣмъ съ 1802 г. разрѣшалось пріобрѣтать земли безъ крестьянъ лицамъ разнаго званія), раздача, отводъ и пожалованіе земель въ вѣчное потомственное владѣніе и во временное. Временныя пожалованія имѣній и оброчныхъ статей носили названіе арендъ и жаловались преимущественно въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Вскорѣ, однако, аренды стали замѣняться денежными пособиями.

Довольно много дѣлъ, изъ которыхъ видно, какъ заботливо относилось правительство къ развитію шелководства и какія вообще мѣры оно принимало для улучшенія земледѣлія. Значительную группу дѣлъ, наконецъ, составляютъ разнаго рода проекты, представлявшіеся какъ правительственными чиновниками, такъ и частными лицами; проекты эти, интересные и какъ голосъ общества, касались, болѣе всего, умноженія государственныхъ доходовъ,—затѣмъ улучшенія земледѣлія, скотоводства, заведенія въ Россіи новыхъ отраслей сельскаго хозяйства, изобрѣтенія разныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, истребленія вредныхъ для земледѣлія насѣкомыхъ, уничтоженія череполопности владѣнія землей частныхъ лицъ и т. п.

Помимо высокаго историческаго значенія описанныхъ дѣлъ архива главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, а также и справочнаго по современнымъ вопросамъ землеустройства и землепользованія, въ случаѣ надобности въ исторической справкѣ, они заключаютъ богатый матеріалъ для исторіи тѣхъ учреждений, которыя вѣдали государственное земельное хозяйство; мало того, чрезъ нихъ обнаружилия такія малоизвѣстныя учрежденія, какъ экспедиція вѣдомства государственнаго казначея, департаменты министра финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, канцелярія опекунства иностранныхъ и экспедиція государственнаго хозяйства.

Съ вѣшной стороны изданіе выполнено безукоризненно и можетъ послужить образцомъ для архивныхъ описаній вообще. **В. Рудаковъ.**

А. И. Боргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть I. До Петра Великаго. Изд. «Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912. Стр. 270. Цѣна 1 руб.

Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Часть I. До Петра Великаго. Изд. «Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912. Стр. 467. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Обѣ книги должны разсматриваться вмѣстѣ, такъ какъ написаны онѣ по одному и тому же плану и первая есть лишь сокращенное (почти вдвое) изданіе второй. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на разборѣ «Учебной книги».

Съ выходомъ послѣдней въ свѣтъ прибавилось еще однимъ хорошимъ, научно написаннымъ учебникомъ по русской исторіи. Въ своемъ руководствѣ, носящемъ слѣды серьезной работы и печать извѣстной оригинальности въ приемахъ обработки, авторъ задался цѣлью использовать тотъ «новый богатый матеріалъ, который добытъ быстро развивающейся русской исторической наукой», стремясь притомъ: «1) къ сжатости и простотѣ изложенія, 2) къ установленію тѣсной логической связи между отдѣльными частями, главами и параграфами». Для этого «черки, на которые распадается выпускаемая книга, составлены не по однообразному плану, а для каждаго изъ нихъ выработанъ особый планъ, при которомъ матеріалъ можетъ быть изложенъ, по мнѣнію автора, наиболѣе сжато и связно».

Первая часть учебника доводитъ изложеніе русской исторіи до Петра Великаго и состоитъ изъ четырехъ очерковъ. Первый—даетъ краткій «обзоръ исторіи восточно-европейской равнины въ до-русскій періодъ»; здѣсь говорится о древнѣйшемъ первобытномъ населеніи восточно-европейской равнины, о расселеніи славянъ, о свойствахъ природы русской равнины и т. д. Второй очеркъ посвященъ кievскому періоду русской исторіи; въ немъ разсматривается бытъ восточныхъ славянъ до начала ихъ объединенія подъ властью русскаго княжескаго рода, происхождение и развитие Кіевскаго княжества, до княженія Ярослава I включительно; затѣмъ, послѣ выясненія причинъ дробленія и упадка Кіевской Руси, авторъ даетъ «очеркъ исторіи Кіевскаго княжества послѣ Ярослава»; въ самостоятельную главу выдѣленъ обзоръ политическаго, общественнаго и культурнаго быта Руси въ кievскій періодъ. Третій очеркъ, охватывающій удѣльный періодъ, касается исторіи сѣверо-восточной и юго-западной Руси, Московскаго княжества; сюда же цѣликомъ отнесена исторія Новгородской земли. Четвертый и самый большой очеркъ разсматриваетъ московскій періодъ русской исторіи—«Время національнаго объединенія русской народности».

Къ числу достоинствъ учебника слѣдуетъ прежде всего отнести полноту его содержанія: въ него введены такіе отдѣлы, которые, несмотря на ихъ существенное значеніе, не имѣются въ другихъ, даже наиболѣе распространенныхъ руководствахъ. Простой и ясный языкъ, которымъ ведется изложеніе, несомнѣнно, замѣтно облегчить учащимся усвоеніе изучаемаго предмета. Что касается внѣшней архитектоники, стройности плана и т. п., то съ этой стороны учебникъ производитъ весьма хорошее впечатлѣніе. Въ общемъ, цѣли, поставленныя себѣ авторомъ, можно считать достигнутыми, хотя, какъ и во всякой новой большой работѣ, не обошлось безъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ погрѣшностей. Укажемъ изъ нихъ нѣкоторыя.

Говоря о вліяніи природы мѣстности на бытъ восточныхъ славянъ, авторъ преувеличиваетъ нѣсколько значеніе этого историческаго фактора (стр. 11). При перечисленіи того, что именно объединяло между собою сородичей, не упомянуто объ общемъ родовомъ культѣ (стр. 13), о русскихъ лѣтописяхъ, ихъ происхожденіи и значеніи. О первыхъ русскихъ лѣтописцахъ необходимо разсказать, хотя бы въ сжатомъ изложеніи. Зато останавливаться такъ подробно на выясненіи взглядовъ современныхъ ученыхъ на лѣтописный разсказъ о

крещеніи Руси (стр. 31) излишне,—это параграфъ, который въ учебникѣ безъ ущерба для дѣла можно бы совсѣмъ выпустить. Точно также и «варяжскій вопросъ» въ цѣляхъ преподаванія удобнѣе было бы изложить короче, но опредѣленнѣе (стр. 22). Еще одно замѣчаніе подобнаго же рода. Касаясь личности Лжедмитрія (стр. 197) и приводя разнорѣчивыя мнѣнія на этотъ счетъ, авторъ напрасно въ учебникѣ (въ «Русской Исторіи» объ этомъ упомянуто) умолчалъ о весьма существенномъ обстоятельстве—о томъ, что Самозванецъ, какъ это можно считать установленнымъ, былъ московскаго происхожденія...

Позволительно высказать пожеланіе о болѣе строгомъ отношеніи автора къ стилю. Въ учебникѣ удобнѣе избѣгать такихъ, напримѣръ, оборотовъ: «Его (Бориса Годунова) старанія по большей части были безуспѣшны, вслѣдствіе злоупотребленій должностныхъ лицъ и нѣсколькихъ негодяевъ-хлѣботорговцевъ»... (стр. 194). Иоаннъ IV «любилъ рисоваться, научился театральности, высокопарному битью на эффектъ»... (стр. 169). Борисъ Годуновъ «поломавшись, согласился вступить на престолъ» (стр. 192). Учебникъ только выиграетъ, если будетъ отъ такихъ недочетовъ освобожденъ. Распределеніе матеріала, какъ уже нами отмѣчено, произведено авторомъ удачно, и съ этой стороны остается лишь пожелать одного: чтобы для всѣхъ параграфовъ учебника, ради удобства преподаванія, была выдержана общая нумерація.

Что касается другого труда того же автора, подъ заглавіемъ «Русская Исторія», то названная книга можетъ служить прекраснымъ пособіемъ и для самообразованія, и для тѣхъ изъ учащихся, интересы которыхъ къ исторіи выходятъ за тѣсныя предѣлы учебной книги. Въ то же время «Русская Исторія» можетъ сыграть и роль недурного справочника для всякаго, интересующагося исторіей, въ особенности, если будетъ снабжена хорошимъ указателемъ; преподавателю она также будетъ далеко небезполезна.

Объ книги изданы хорошо. Къ разбору ихъ мы еще вновь вернемся, когда выйдетъ вторая часть, пока же рекомендуемъ ихъ серьезному вниманію читателей.

К. К.—въ.

Спаварій, Н. Г. Описаніе первыя части вселенныя именуемой Азіи, въ ней же состоитъ Китайское государство съ прочими городами и провинціями. Церковно-славянскій текстъ, по рукописи, принадлежащей Ѳ. Т. Васильеву, съ біографіей Н. Г. Спаварія, написанной А. И. Яцимирскимъ, съ описаніемъ рукописи, сдѣланнымъ А. А. и съ предисловіемъ и указателемъ Н. Ѳ. Катанова. Съ 4-мя таблицами. Казань. 1912. Стр. LVI+271. Цѣна 2 р. 50 к.

Описанія Китая, составленное скорѣе на основаніи латинскихъ источниковъ иезуитовъ, чѣмъ по личнымъ наблюденіямъ, въ русскихъ рукописяхъ приписывается Николаю Спаварію, ученому греку, полиглоту, одному изъ гуманистовъ, работавшихъ въ Московской Руси въ концѣ XVII вѣка. Теперь оно издано по рукописи, принадлежащей Ѳ. Т. Васильеву, члену-соревнователю казанскаго общества археологій, исторіи и этнографіи. Въ каталогѣ его бібліотеки рукопись помѣщена подъ № 86 и озаглавлена: «Описаніе первыя части вселенныя именуемой Азіи, въ ней же состоитъ Китайское государство съ прочими его

города и провинцій». «Кто сочинил сіе «Описание»,—говоритъ профессоръ Н. Θ. Катановъ,—изъ самой рукописи того не видно, а когда оно окончено, видно изъ послѣднихъ его строкъ, гдѣ сказано: «Совершенно сіе описание лѣта 7186-го ноября въ 13 день». Рукописей, заключающихъ въ себѣ «Описание Китайскаго государства» и по содержанию своему сходящихся съ рукописью, издаваемою теперь, мнѣ лично извѣстно только шесть штукъ, хотя, по словамъ И. Н. Михайловскаго («Важнѣйшіе труды Николая Спаарія», въ т. II «Сборника историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ»), списковъ извѣстно довольно много. Изъ извѣстныхъ мнѣ шести рукописей пять находятся въ императорской публичной библиотекѣ въ Петербургѣ и значатся въ «Каталогѣ церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей, отд. IV»; кромѣ того, одна рукопись находится въ Казани, въ библиотекѣ профессора М. П. Петровскаго.

Сомнѣнія въ принадлежности книги Спаарію высказывались не разъ. Существуетъ предположеніе, что по заказу Спаарія ее приготовилъ извѣстный Юрій Крижаничъ, въ это самое время жившій въ ссылкѣ въ Тобольскѣ. Къ сожалѣнію, въ предисловіи къ казанскому изданію не находимъ разъясненія этого сомнѣнія, и профессоръ Н. Θ. Катановъ больше довѣряетъ въ данномъ случаѣ авторитету рукописей. Въ 1778 году А. Рагозинскимъ приложенъ къ рукописи императорской публичной библиотeki болѣе новый заглавный листъ съ надписью: «Николая Спаарія Влаха; посольскаго приказа переводчика; бывшаго посломъ въ Китае, Описание Китайской имперіи и сопредѣльныхъ со оною странъ, въ 1678 году сочиненное». «Что эта рукопись есть трудъ Спаарія,—читаемъ въ предисловіи,—убѣждено и то лицо, которое описывало ее на 142 и 143 стр. «Отчета императорской публичной библиотeki за 1897 годъ» (Спб. 1900). На рукописи, принадлежащей М. П. Петровскому, сказано, что ее составилъ «его царскаго величества ельлинскаго и латинскаго языка переводчикъ николай спаарія волошанинъ». На другихъ спискахъ сочиненія о Китаѣ, имѣющихся въ вышеназванной публичной библиотекѣ, имя автора не обозначено. Хотя всѣ эти списки носятъ разныя заглавія, имѣютъ неодинаковое число главъ и самыя главы не всегда одинаково называются, однако сличеніе текста всѣхъ списковъ этого сочиненія доказываетъ, что авторъ его не кто иной, какъ небезызвѣстный въ исторіи Московской Руси Николай Милеску Спаарій, происходившій отъ молдавскихъ грековъ и жившій, по однимъ, съ 1625 по 1708-ой годъ, а по другимъ, съ 1635 по 1708-ой».

О списокѣ, по которому «описание» издано, со стороны палеографической говоритъ профессоръ А. А. Александровъ. Затѣмъ приводится подробный обзоръ всей рукописи, по главамъ, и дѣлается выводъ, что «Китай въ отношеніи административнаго дѣленія и внутренней жизни остался донинѣ почти такимъ же, какимъ онъ былъ и во времена Спаарія. Свѣдѣнія свои о Китаѣ Спаарій почерпалъ, повидимому, изъ источниковъ двухъ родовъ: во-первыхъ, для Пекина и дороги отъ Сибири до Пекина изъ собственныхъ наблюдений и разспросовъ) и, во-вторыхъ, для остальныхъ частей Китая по преимуществу изъ сочиненій печатныхъ, западно-европейскихъ путешественниковъ и иезуитовъ. Различіе источниковъ сказалось и въ различіи передачи собственныхъ именъ: имена,

слышанныя самимъ Спааріемъ въ Пекинѣ и на сѣверѣ отъ него, переданы по сѣверно-китайскому произношенію, а имена, почерпнутыя изъ сочиненій іезуитскихъ, переданы по произношенію южно-китайскому, часто даже рабски, по буквамъ, а не по звукамъ. Эти буквы въ нашей рукописи, явившейся на свѣтъ Божій столѣтіемъ позже оригинала, благодаря опискамъ кописта, искажаются часто до неузнаваемости. Въ прилагаемомъ къ настоящему изданію сочиненія Спаарія указателѣ различныя написанія именъ сопоставлены, гдѣ было можно, съ именами по сѣверному произношенію, какъ они транскрибируются, напримѣръ, у русскихъ синологовъ XIX вѣка, кромѣ о. Такиноа, слѣдующаго говору южному». Сравненіе извѣстныхъ списковъ сочиненія Спаарія о Китаѣ приводитъ профессора Катанова къ интересному выводу, именно, что, «сходясь между собою по содержанію, они отличаются другъ отъ друга иногда, кромѣ правописанія, или заглавіями самаго сочиненія, или заглавіями отдѣльныхъ главъ его; кромѣ того, къ нѣкоторымъ спискамъ прилагается русскій переводъ нѣкогда весьма извѣстнаго на Западѣ латинскаго сочиненія іезуита Мартина Мартинія «*De bello tartarico historia etc.*». Сочиненіе это появлялось въ переводѣ на разныхъ языкахъ и снабжалось одной и той же картой Китая, которую воспроизводимъ при настоящемъ изданіи и мы. Въ этомъ сочиненіи М. Мартинія, не имѣющемъ при спискѣ, принадлежащемъ Ѳ. Т. Васильеву, разсказывается о войнѣ между китайцами и манчжурами, окончившейся побѣдой послѣднихъ. На сочиненіе Мартинія много разъ въ своемъ трудѣ ссылается и Спаарій, называя его «особной книжицей о татарской войнѣ» или просто «татарской книжицей».

Въ очеркѣ А. И. Яцимирскаго сообщаются, на основаніи румынскихъ и русскихъ источниковъ, біографическія свѣдѣнія о Николаѣ Спааріи. Спаарій человѣкъ «бывалый», много перенесъ въ жизни, участвовалъ на родинѣ въ сложныхъ политическихъ переворотахъ, поэтому біографія его интересна и сама по себѣ. Особенно интересны свѣдѣнія, касающіяся пріѣзда Спаарія въ Россію. Пріѣздъ относится къ началу 80 годовъ и ставится авторомъ очерка въ связь съ новымъ фазисомъ въ исторіи восточнаго вопроса. «Въ это время въ Москвѣ произошли крупныя перемѣны въ дипломатическихъ сферахъ. Мѣсто Ордина-Нащокина на поприщѣ политики занялъ бояринъ Матвѣевъ, при которомъ снова оживились сношенія Москвы съ румынскими господарствами въ цѣляхъ болѣе тѣснаго сближенія противъ общаго врага—Турціи. Для выполненія новыхъ цѣлей Матвѣеву потребовались и новые люди, которые хорошо знали бы положеніе восточнаго вопроса. Такихъ лицъ, естественно, слѣдовало искать на православномъ Востокѣ, что русское правительство и сдѣлало. Его главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ явился іерусалимскій патріархъ Досіеѣй. Имъ и былъ рекомендованъ русскому правительству Спаарій, какъ человѣкъ, «премудрый въ латинствѣмъ и словенскомъ, а наипаче въ еллинскомъ языцехъ, и русской можетъ скоро выучить и готовъ есть переводить» и, что было особенно важно,—«благочестивый христіанинъ и прямъ въ повелѣніи и тайнѣ и въ послушаніи святой каѳолической апостольской восточной церкви». Другая столь же лестная рекомендація была дана Спаарію переводчикомъ Высокой Порты грекомъ Никүсіемъ Панагіотомъ, человѣкомъ такъ же, какъ и Досіеѣй,

преданнымъ Москвѣ и охотно исполнявшимъ ея порученія. 1-го марта 1671 г. Спаарій отправляется изъ Адрианополя въ Россію черезъ Венгрію и Польшу. 28-го мая онъ былъ уже на рубежѣ Россіи, какъ видно изъ отписки воеводы Ив. Хованскаго съ товарищи, въ которой говорится, что «пріѣхалъ къ Смоленску волоские земли шляхтичъ греченинъ Миколай Спатариусъ, съ нимъ 3 челядника», а 1-го марта прибылъ въ Смоленскъ, гдѣ подвергся обычному разспросу, послѣ чего его пропустили къ Москвѣ. Въ Москву Спаарій пріѣхалъ 3-го іюня. Здѣсь въ третій разъ его подвергли допросу въ посольскомъ приказѣ, на которомъ онъ объяснилъ, что прибылъ въ Москву по просьбѣ патріарха Досіея и переводчика Панагіота; послѣдній, между прочимъ, велѣлъ передать великому государю, чтобы гетмана Многогрѣшнаго держалъ онъ «въ великой осторожности», а также рассказать о малороссійскихъ и крымскихъ дѣлахъ, передать, что онъ, Панагіотъ, будетъ навсегда вѣрнымъ слугою Москвы, и испросить, «да чтобъ позволилъ ему царское величество въ московскомъ государстве поставить свою казною для поминовения вѣчнаго монастырь или школу учительскую малымъ дѣтемъ и сиротамъ убогимъ». При этомъ Спаарій описалъ свой путь въ Москву изъ Адрианополя, и также сообщилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи къ великому государю польскаго посольства съ предложеніемъ союза противъ Турціи, о чемъ онъ узналъ во время своего трехнедѣльнаго пребыванія въ Варшавѣ». Впрочемъ, урокъ, полученный имъ на родинѣ (Спаарію вырвали ноздри), прошелъ какъ будто незамѣтно, такъ какъ и въ Россіи онъ продолжалъ интриги, по части которыхъ пришелъ такую завидную школу еще до пріѣзда въ Москву.

Такимъ образомъ, будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ серьезная критическая работа прежде всего для выясненія вопроса о личности автора «Описанія первыя части вселенныя, именуемой Азіи», и теперь эта работа облегчена прекраснымъ изданіемъ текста, съ очень подробнымъ объяснительнымъ географическимъ и реальнымъ указателями, составленными профессоромъ Катановымъ.

Н. И. К.

Д. Лавровъ. Святой страстотерпецъ, благовѣрный князь угличскій царевичъ Дмитрій, московскій и всея Россіи чудотворецъ. Сергіевъ посадъ. 1912. Стр. 193. Цѣна 75 коп.

По вопросу о томъ, кто былъ первый Лжедмитрій и дѣйствительно ли убить въ Угличѣ царевичъ Дмитрій Іоанновичъ, существуетъ обширнѣйшая литература. Наиболѣе крупные наши историки очень сдержанны въ своихъ рѣшительныхъ отвѣтахъ, хотя и сходныхъ во многомъ между собою. Отдѣльные изслѣдователи, напримѣръ, В. А. Бильбасовъ, П. С. Казанскій и др. высказались болѣе рѣшительно въ пользу того, что Лжедмитрій былъ дѣйствительно самозванецъ и скорѣе всего «русскій», монахъ Отрепьевъ. Но въ то же время появились въ печати довольно убѣжденные мнѣнія въ томъ, что въ Угличѣ убить не царевичъ Дмитрій, а какой-то другой отрокъ, и что царствовалъ на Москвѣ подлинный наслѣдникъ царя эпилептика и Маріи Нагой. Мнѣнія эти болѣе твердо поддерживали графъ С. Д. Шереметевъ и А. С. Суворинъ.

Вновь пересмотрѣть всю эту обширную и спорную литературу рѣшился Д. С. Лавровъ и въ цѣломъ рядѣ статей, печатавшихся въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1911 и 1912 г., если не окончательно, то съ значительною убѣдительною устанавливаетъ фактъ убіенія въ Угличѣ именно царевича Дмитрія Іоанновича, сильно опираясь въ то же время и на почитаніе его чудотворныхъ мощей, открытыхъ черезъ 15 лѣтъ послѣ убіенія.

Авторъ—несомнѣнный угличанинъ: онъ подробно описываетъ древній Угличъ, который во время пребыванія въ немъ царевича Дмитрія былъ «великъ и многонароденъ, пространенъ же и славенъ и всѣми благами изобилова паче иныхъ градовъ въ державѣ Русской», «имѣлъ 150 церквей, 12 монастырей и до 40,000 жителей»; съ нѣкоторою болью въ сердцахъ повѣствуетъ о постигшей послѣ московскаго слѣдствія угличанъ той «жестокой казни», которой подвергъ ихъ Борисъ Годуновъ, и которая, по убѣжденію автора, «доказываетъ, какъ испугался Борисъ обвиненія въ убійствѣ царевича: онъ не могъ не понимать, что подобное дѣло, совершенное слишкомъ гласно, грозитъ ему страшной опасностью» (стр. 49); затѣмъ прямо называетъ Годунова виновникомъ «злодѣяства, звонъ о которомъ казеннаго колокола продолжалъ гудѣть въ ушахъ на всѣхъ концахъ земли нашей» (стр. 50), и какъ бы съ любовью описываетъ то почитаніе, которое оказывали угличане памяти царевича и его мощамъ.

Несмотря на все это, нельзя не признать, что приведенныя имъ мнѣнія изслѣдователей больше всего говорятъ за убіеніе дѣйствительнаго царевича Дмитрія, мощи котораго очень рано получили признаніе во всей Россіи.

Въ приложеніи къ своей работѣ авторъ помѣстилъ: «Чудо отъ мощей царевича Дмитрія», стихотвореніе А. С. Пушкина; «Сказанія о чудесахъ царевича Дмитрія по рукописнымъ сборникамъ XVII и XVIII вѣковъ», «Нѣкоторыя изъ чудесъ при перенесеніи мощей», «Повѣсть о убіеніи царевича» и «Молитвы въ честь его».

В. Р.—въ.

В. Ф. Троцанскій. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарскаго. Казань. 1912. Стр. 144. Цѣна 1 рубль. Эд. Пекарскій и Вл. Цвѣтковъ. Пріаянскіе тунгусы. Спб. 1912. Стр. 48. Цѣна 50 коп.

«Наброски» о далекой окраинѣ покойнаго В. Ф. Троцанскаго представляютъ собою весьма солидное изслѣдованіе, къ тому же они редактированы Э. К. Пекарскимъ, знатокомъ якутскаго быта и авторомъ многихъ о немъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Скотоводческо-земледѣльческій бытъ якутовъ чрезвычайно жалокъ, съ весьма низкимъ уровнемъ хозяйства, съ кабалой у мѣстныхъ міроѣдовъ, благодаря такъ называемой «подрядной» системѣ. Якутскій «подрядъ»—это денежный заемъ у богатаго якута подъ работу или подъ сѣно. Якутъ-должникъ раньше коситъ «подрядное» сѣно, а затѣмъ уже на себя. Кредиторъ, одолжившій ссуду, получаетъ за нее сѣномъ въ четверо-пятеро болѣе. По мнѣнію автора, благосостояніе массы населенія не поднимется до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать эта система въ настоящемъ видѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе на сравнительный успѣхъ земле-

дѣлія у якутовъ и неуспѣхъ огородничества, благодаря убѣжденію якутовъ, «что овощи не пища, а труда требуютъ».

Матеріальное положеніе якутовъ г. Троцанскій иллюстрируетъ цифрами, указывая сравнительно небольшое количество у нихъ скота. Сорокъ—пятьдесятъ головъ рогатаго скота и 10—20 лошадей у состоятельнаго якута; 3—5 коровъ у небогатаго, какихъ большинство. Количество высѣваемого хлѣба отъ одного до пяти пудовъ на семью въ большинствѣ случаевъ. Иныхъ заработковъ почти нѣтъ: кузнечество, производство деревянной посуды, саней или мебели—не даетъ дохода за трудностью сбыта. По примѣрному подсчету Троцанскаго, расходъ якутской семьи равняется около 70 рублей въ годъ, а доходъ съ натяжкой 40—45 рублей. Отсюда необходимость прибѣгать къ самымъ мошенническимъ приемамъ торгашества и цѣлой системѣ долговъ, по возможности безъ отдачи. Эту сторону жизни якутовъ, этихъ «прирожденныхъ торгашей, сибирскихъ евреевъ», авторъ разсматриваетъ подробно, иллюстрируя примѣрами.

Домашній бытъ якутовъ—темное и безконечно-грязное житье «вмѣстѣ со скотомъ». Нравственность якутовъ и ихъ обычаи вполне соотвѣтствуютъ «зоологической стадіи развитія». «На языкѣ якутовъ нѣтъ словъ для обозначенія понятій чести, долга, добродѣтели и т. д.». Богатый—хорошій, бѣдный—скверный человѣкъ. Обмануть—умно и пріятно. Хотя всѣ «подряды» и сдѣлки основаны у якутовъ на довѣрїи, но это вѣра не въ честность бѣдняка, а въ свою, богача, силу.

Школъ мало и онѣ совершенно бесполезны. Разбросанность якутскихъ поселеній даетъ возможность учиться не приходящимъ дѣтямъ, а лишь пансіонерамъ. Самая школа не даетъ отвѣта на самые насущные запросы якутской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза можетъ быть якутамъ отъ существующей школы? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: «Я не могу сказать, что существующая школа научить якутовъ, какъ обращаться со скотомъ, чтобы онъ былъ здоровъ и давалъ болѣе дохода, какъ нужно его кормить, лечить, какъ вести молочное хозяйство, чтобы оно было выгоднѣе, какъ завести травосѣяніе и болѣе или менѣе рациональное сельское хозяйство, какъ научить дѣлать простыя сельско-хозяйственныя машины, научить быть хорошими кузнецами, слесарями, плотниками, бондарями,—научить всему тому, что облегчаетъ борьбу съ природой, которая является благодѣтельницей только тогда, когда ее покорить. Ничего этого школа не даетъ, а то, что даетъ, якуты сразу же приспособили къ эксплуатаціи. Для богачей грамота имѣетъ значеніе только потому, что даетъ возможность вести правильныя записи долговъ, оборотовъ, написать кабалу, расписку, письмо».

Благотворнаго вліянія якутскаго духовенства на паству также не замѣчается. Огромная величина приходовъ заставляетъ священника отлучаться верстъ за 200—250 и на долгіе сроки. Изъ числа другихъ культуртрегеровъ Якутскаго края Троцанскій указываетъ на сектантовъ (скопцовъ и старовѣровъ) и уголовныхъ поселенцевъ. Не внося ничего лучшаго въ мораль и нравы якутовъ, скопцы пріучаютъ ихъ къ лучшей системѣ хозяйства (пашутъ лошадьми и т. д.). Уголовныхъ поселенцевъ авторъ находитъ, разумѣется, весьма пригод-

ными для насажденія культуры, но думаетъ, что и они могли бы быть полезны, если бы ихъ селили, какъ сектантовъ, деревнями, а не въ разбросъ, по одиночкѣ. Остановливаясь на религиозныхъ воззрѣнiяхъ якутовъ, авторъ приводитъ факты, свидѣтельствующе о сохранившихся у нихъ языческихъ вѣрованiяхъ, суевѣрiяхъ и обрядахъ. Таковы жертвы богинямъ сѣнокоса, рожденiя, очага, духамъ скотнаго двора и т. п. Христiаниномъ якутъ является лишь номинально. Священника, впрочемъ, призываетъ къ себѣ, когда заболѣетъ, для соборованiя, смотря на соборованiе, какъ на колдовство болѣзни. Такимъ же номинальнымъ является и христiанскiй бракъ. Женихъ допускается къ невѣстѣ, когда выплачена половина калыма. А калымъ начинаютъ выплачивать чуть не съ рожденiя невѣсты. Въ бракъ вступаютъ иногда очень рано, часто 14—15 лѣтъ. Рѣдко, но бываетъ супружеское сожительство 7—8-лѣтнихъ дѣтей. А вѣчаются когда-нибудь послѣ.

Въ общемъ «Наброски» Трошанскаго даютъ интересный и разнообразный материалъ для знакомства съ жизнью якутовъ. Книга написана легкимъ языкомъ, и автора можно упрекнуть только въ томъ, что имъ допущены мало понятныя мѣстныя названiя въ текстѣ прежде ихъ объясненiя (наслегъ, кортома и т. п.).

Наблюденiя гг. Пекарскаго и Цвѣткова посвящены тунгусамъ, населяющимъ Приморскую область, вблизи города Аяна на Охотскомъ побережьѣ. Обоими авторами тщательно разработанъ вопросъ о приращенiи инородцевъ, о семейномъ и материальномъ ихъ бытѣ, о вѣрованiяхъ и нравахъ.

По религиозному вопросу авторы считаютъ тунгусовъ христiанами только по названiю, потому что обращенiе инородцевъ въ православiе было принудительнымъ; распространителями православiя были не столько священники, сколько воинскiя команды. Ловля тунгусовъ, загонъ ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на мѣсто крещенiя были обычнымъ явленiемъ. Разбросанность жителей, ихъ бродячая жизнь, недостатокъ духовенства, не всегда безкорыстная дѣятельность его должны были создать и укрѣпить взглядъ тунгусовъ на принадлежность къ православiю, какъ на повинность, наложенную побѣдителями. Священникъ, имѣя въ рукахъ громадный приходъ, и до настоящаго времени, при рѣдкихъ встрѣчахъ со своей паствой, долженъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваться совершенiемъ оптовыхъ браковъ, крещенiй и проч. Православные праздники извѣстны тунгусамъ лишь какъ время найма на работу и окончанiя договорнаго срока или какъ начало и конецъ промыслового сезона.

Гораздо глубже влiянiе на тунгусовъ шаманства, хотя и оно за послѣднее время слабѣетъ. Непонятныя перемѣны въ промысловой жизни, плохой годъ для охоты или рыболовства, таинственныя болѣзни оленей, уносящiя цѣлыя стада, суровая, дикая, могучая природа, полная зависимость отъ нея первобытнаго племени—породили въ немъ вѣру въ многочисленныхъ большихъ и малыхъ, добрыхъ и злыхъ духовъ: лѣса, воды, царствъ природы, охоты и другихъ, управляющихъ окружающею жизнью. Неразвитый, безпомощный тунгус могъ только умолять тѣ таинственныя существа, которыя то обильно дарили его, то лишили самаго необходимаго.

Вбра въ покровителей промысловъ и враговъ ихъ, стремленіе отблагодарить и смягчить ихъ, а также опасеніе навлечь чѣмъ-либо ихъ гнѣвъ—создали массу обрядовъ, сопровождающихъ промысловую и хозяйственную жизнь тунгусовъ.

Въ то же время,—замѣчаютъ авторы,—если нельзя говорить о сколько-нибудь глубокомъ вліяніи христіанства, то теперь нельзя признать глубокимъ и вліяніе шаманства. Къ шаманамъ тунгусы обращаются теперь чаще всего, не какъ къ посредникамъ между небомъ и землей, а какъ къ знахарямъ.

Измѣненіе религіознаго склада тунгусовъ авторы, точно по ученію К. Маркса, ставятъ въ прямую связь съ ихъ экономической жизнью. Они говорятъ, что, занимаясь раньше исключительно звѣроловствомъ, рыболовствомъ, морскимъ промысломъ, оленеводствомъ, тунгусы испытывали на себѣ непонятныя колебанія въ количествѣ добычи. Отъ этихъ колебаній зависѣло ихъ благополучіе въ теченіе цѣлаго года, а иногда и больше. Объясняя удачу и недостатки промысловъ вліяніемъ «духовъ», тунгусы непрерывно должны были чувствовать полную зависимость отъ нихъ. Теперь—не то. На смѣну стариннымъ промысламъ выступилъ на первый планъ новый промыселъ—перевозка чая изъ Аяна въ Нельканъ, а затѣмъ въ Якутскъ. Зависимость отъ прежнихъ промысловъ и даже сопрیکосновеніе съ ихъ продуктами, при господствѣ перевозочнаго промысла и развитіи торговли, сократились. Прежняя неопредѣленность и неувѣренность въ результатахъ промысловой дѣятельности смѣнились простымъ ариѳметическимъ расчетомъ о количествѣ вывезенныхъ мѣстъ чая, а также—товаровъ и припасовъ, которые возчикъ получить за свой трудъ и которыми онъ обезпечитъ себя и семью. Господиномъ жизни становится уже не таинственный «духъ», покровитель промысла, духъ неуловимый и капризный, а всѣмъ доступный, вполне понятный, никому не страшный подрядчикъ-торговецъ. Съ паденіемъ старинныхъ промысловъ, несомнѣнно, должны были мало-помалу меркнуть и старые кумиры.

А. Фаресовъ.

Извѣстія сарапульскаго земскаго музея. Выпускъ I. Сарапулъ. 1911. Стр. 42. Выпускъ II. Сарапулъ. 1912. Стр. 46. Изданіе сарапульскаго уѣзднаго земства.

Оживленіе общественной жизни въ нашей провинціи сказалось, между прочимъ, въ обидіи вновь возникающихъ кружковъ, обществъ и другихъ организацій политическаго, научнаго и иного характера. Такія организаціи возникаютъ теперь не только въ губернскихъ и уѣздныхъ центрахъ, но даже и въ захолустныхъ мѣстечкахъ. Напримѣръ, въ слободѣ Кукаркѣ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи возникло недавно «образовательное общество», которое въ два-три года успѣло уже собрать богатый и цѣнный музей и порядочную бібліотеку. Въ той же губерніи, въ городѣ Сарапулѣ, вырастаетъ «изъ ничего» музей, открывшійся въ апрѣлѣ 1909 года и уже успѣвшій выпустить въ печати два томика своихъ работъ. А между тѣмъ и Кукарка и Сарапулъ удалены на сотню верстъ отъ желѣзнодорожныхъ линій, и еще недавно тамъ и здѣсь царила обычная уѣздная спячка.

Сарапульскій музей возникъ при мѣстномъ уѣздномъ земствѣ, такъ какъ учредителемъ его явился мѣстный земскій дѣятель М. С. Тюнинъ. Располагая весьма скромнымъ бюджетомъ въ 350 рублей годовыхъ, музей, благодаря поддержкѣ общества, производитъ археологическія раскопки, собралъ богатые коллекціи по разнымъ отраслямъ науки и нашелъ даже возможнымъ подарить зоологическому музею императорской академіи наукъ недостававшій здѣсь черепъ ископаемаго носорога.

Въ періодическомъ изданіи музея, заглавіе коего мы выписали выше, приняли участіе мѣстные дѣятели: свящ. Н. Н. Блиновъ, Г. Г. Верещагинъ, В. Θ. Бердниковъ и Л. К. Кругликовскій. Г. Бердникову принадлежать двѣ статьи по исторіи Камско-Воткинскаго завода; одна изъ нихъ: «Старообрядчество и сектантство въ началѣ ихъ появленія въ Воткинскомъ заводѣ», представляетъ значительный историко-этнографическій интересъ. Изъ двухъ статей о. Верещагина вторую: «Къ этнографіи вотяковъ Прикамскаго края», прочтеть съ большимъ интересомъ всякій, кто интересуется жизнью нашихъ инородцевъ. Н. Н. Блиновъ подъ заглавіемъ: «Халдеи въ Сарапулѣ», напечаталъ, съ комментаріями, указъ конца XVIII вѣка изъ всероссийской главной дворцовой канцеляріи о разноплеменныхъ азіатскихъ выходцахъ, бѣжавшихъ въ Россію изъ киргизскаго рабства; выходцы эти звались тогда общимъ именемъ «азіатцы». Русское правительство весьма радушно принимало ихъ, давало имъ землю въ дворцовыхъ дачахъ и нужныя средства на обзаведеніе, пока тѣ не натурализировались на новыхъ мѣстахъ въ качествѣ сельскихъ земледѣльцевъ. Въ Сарапулѣ было такихъ «азіатцевъ» свыше трехсотъ человекъ.

Въ концѣ второго выпуска «Извѣстій» находимъ некрологъ долго жившаго въ Сарапулѣ писателя С. Н. Миловскаго, болѣе извѣстнаго подъ литературнымъ псевдонимомъ Елеонскаго. Къ некрологу приложенъ библиографическій указатель сочиненій покойнаго, разсѣянныхъ въ разныхъ, главнымъ образомъ провинціальныхъ, изданіяхъ.

Д. Зеленинъ.

Труды черниговской ученой архивной комиссіи. Выпускъ восьмой. Черниговъ. 1911. Стр. 204. Цѣна 1 р.

Настоящій восьмой выпускъ «Трудовъ» черниговской архивной комиссіи появляется черезъ три года послѣ выхода въ свѣтъ седьмого выпуска. Въ этомъ, несомнѣнно, сказалась продолжительная болѣзнь, а затѣмъ и смерть (21-го августа 1910 г.) одного изъ главнѣйшихъ и симпатичныхъ работниковъ комиссіи, Петра Михайловича Добровольскаго, которому А. В. Верзиловъ, въ концѣ разсматриваемаго выпуска, посвятилъ подробный и тепло написанный біографическій очеркъ.

Содержаніе восьмого выпуска открывается рѣчами: В. І. Круковскаго, А. В. Верзилова, П. Я. Дорошенка, М. А. Доброгаева и священника А. Ефимова, сказанными по поводу исполнившагося 28-го октября 1909 года двухсотлѣтія со дня кончины святого Димитрія, митрополита ростовскаго, который, какъ извѣстно, значительную часть своей жизни посвятилъ служенію въ Черниговской области. Не останавливаясь на этихъ юбилейныхъ рѣчахъ, я подробнѣе

коснусь тѣхъ довольно цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, которые увидѣли впервые свѣтъ въ настоящемъ выпускѣ.

На первомъ мѣстѣ находимъ «Отрывки изъ Стародубовской мѣской книги за 1664—1673 гг.». Сообщившій ихъ Вад. Л. Модзалевскій въ предисловіи пишетъ: «Печатаемые ниже документы извлечены мною изъ Стародубовской мѣской книги, хранящейся въ московскомъ публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ подъ нумеромъ семьдесятъ шестымъ. Къ сожалѣнію, рукопись эта, представляющая черновой экземпляръ актовъ городской книги, плохо сохранилась, да и неисправно велась мѣскимъ писаремъ, который заносилъ въ нее акты въ безпорядкѣ, не обладая при этомъ и разборчивымъ почеркомъ». Несмотря, однако, на все это, В. Л. Модзалевскій разобралъ и привелъ въ хронологическомъ порядкѣ до 70 документовъ, которые даютъ довольно яркую картину юридическаго быта, нравовъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій народной жизни 1660 годовъ сѣвернаго угла Малороссіи—Стародубщины. При этомъ онъ называетъ и наиболѣе интересные акты, выдѣляющіеся своимъ содержаніемъ изъ общей массы. Таковы: № 16, гдѣ сообщаются «новыя подробности о городскомъ хозяйствѣ Стародуба, о размѣрахъ «ральяца», который приносился въ это время гетману, и о размѣрахъ «поклона кіевскому воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву». № 52 представляетъ собой «интересный протоколъ выборовъ въ 1666 г. чиновниковъ стародубскаго магистрата». № 54 содержитъ «любопытное въ бытовомъ отношеніи слѣдствіе и рѣшеніе по дѣлу о волшебствѣ». №№ 61 и 66 сообщаютъ данныя о такъ называемомъ «копномъ судѣ». №№ 52 и 68 «даютъ ясныя указанія на тѣсную зависимость мѣстной власти отъ стародубскаго воеводы князя Андрея Григорьевича Волконскаго». Въ концѣ своего предисловія В. Л. Модзалевскій сообщаетъ цѣнные указанія, на уже изданныя и еще хранящіяся въ рукописяхъ городскія книги лѣвобережной Малороссіи.

Далѣе помѣщены извлеченныя изъ архива князя В. Д. Голицына «письма разныхъ духовныхъ лицъ ко вдовѣ стародубскаго полковника Маріи Самойловичевой, урожденной Сулимовой, къ ея зятю Михаилу Корсаку и сыну послѣдняго Максиму, за 1691—1773 гг.». Приготовившій къ печати эти письма, числомъ 46 (кромѣ двухъ греческаго архіепископа Мелетія, сообщенныхъ профессоромъ М. Н. Березковымъ, который кстати даетъ и нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о писавшемъ), Е. А. Корноуховъ, между прочимъ, въ предисловіи говоритъ: «они лишній разъ характеризуютъ ту угодливость, въ которой находилось предъ богатымъ и вліятельнымъ представителемъ малорусской старшины высшее епархіальное духовенство, во главѣ съ архіереями».

Въ заключеніе укажемъ еще на «*Семейную хронику рода Искрицкихъ*», которую составилъ полковникъ артиллеріи Ѳедоръ Михайловичъ Искрицкій въ 1844 г., на основаніи семейныхъ преданій и документовъ. Хотя эта «хроника» и начинается всего съ дѣда составителя ея—Петра Григорьевича Искрицкаго (род. 1704 г., умершаго 1771 г.), но заключаетъ въ себѣ немало любопытныхъ подробностей біографическаго и бытового характера. Сообщилъ «хронику» и предпослалъ ей предисловіе о малорусскихъ семейныхъ архивахъ и объ ихъ изданіяхъ П. Я. Дорошенко, почему-то не упомянувшій второго тома «Малороссійскаго Родословника» В. Л. Модзалевскаго, изданнаго въ 1910 г., и не

воспользовавшийся его свѣдѣніями объ Искрицкихъ. Здѣсь онъ нашелъ бы, что родоначальникъ рода Искрицкихъ, Михаилъ, былъ женатъ не на «дочери гетмана Павла Тетери», какъ онъ пишетъ на стр. 156, а на «Евѣ Акимовнѣ Моржковской, *родной сестрѣ* гетмана Павла Акимовича, Тетери-Моржковского» (стр. 239 «Малороссійскаго Родословника»), и что самымъ «первымъ общественнымъ дѣятелемъ въ Черниговской губерніи и новгородъ-сѣверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства» былъ не «одинъ» изъ Искрицкихъ, а именно *Григорій Петровичъ* Искрицкій, родившійся въ 1741 г. и умершій въ 1820 г.

Съ внѣшней стороны настоящая книжка издана вполне удовлетворительно, по сравненію съ предыдущими выпусками и нѣкоторыми другими изданіями архивныхъ комиссій, и снабжена пятью фотографическими снимками, изъ которыхъ наиболѣе интересны: «листокъ изъ Елецкаго синодика съ родомъ св. Димитрія Ростовскаго» и «начало первой страницы черновыхъ хозяйственныхъ рукописей св. Димитрія Ростовскаго» (факсимиле).

В. Рудаковъ.

Матеріалы по этнографіи Гродненской губерніи. По порученію управленія виленскаго учебнаго округа редактировалъ Е. Р. Романовъ. Изданіе управленія виленскаго учебнаго округа. Вып. I. Вильна. 1911. Стр. 239. Вып. II. Вильна. 1912. Стр. 396.

Богатые этнографическіе матеріалы, касающіеся народной поэзіи и обряда населяющихъ Гродненскую губернію бѣлоруссовъ и отчасти малоруссовъ, собраны учителями народныхъ училищъ, воспитанниками литовской духовной семинаріи и учениками свислочской учительской семинаріи. Матеріалъ проредактированъ извѣстнымъ бѣлорусскимъ этнографомъ Е. Р. Романовымъ, давшимъ русской наукѣ нѣсколько томовъ въ высшей степени цѣнныхъ матеріаловъ по Бѣлоруссіи, что является порукой научной цѣнности и даннаго сборника.

Отмѣчая его, мы привѣтствуемъ научное издательство по изученію края виленскаго учебнаго округа, который вмѣстѣ съ кавказскимъ учебнымъ округомъ являются единственными округами, содѣйствовавшими научному изученію подлежащихъ имъ мѣстностей. Желательно было бы, чтобы ихъ примѣръ заразилъ и другіе учебные округа: въ Россіи еще такъ много мѣстностей, достойныхъ этнографическаго вниманія.

В. Д.

С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Томъ первый. Спб. 1912. Стр. VII+679+48. Цѣна 3 р. 50 к.

Вышеназванная книга С. В. Рождественскаго, представленная имъ на соисканіе ученой степени доктора русской исторіи, есть прямое продолженіе и какъ бы окончательный выводъ его болѣе раннихъ трудовъ по тому же вопросу, а именно: «Историческаго обзора дѣятельности министерства народнаго

просвѣщенія» (Спб. 1902 г.) и «Матеріаловъ для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ» (Спб. 1910 г.). Въ ней онъ даетъ исторію учебнаго дѣла въ Россіи только за XVIII вѣкъ, въ трехъ отдѣльныхъ очеркахъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, изобразить возникновеніе и постепенное развитіе въ теченіе XVIII вѣка вопроса о созданіи системы просвѣщенія, какъ планомѣрной, органической совокупности средствъ образованія общаго и профессиональнаго, низшаго, средняго и высшаго, путемъ изученія проектовъ и мѣропріятій на поприщѣ народнаго просвѣщенія, преимущественно правительственныхъ, изъ которыхъ многіе имъ же впервые опубликованы. Въ первомъ очеркѣ, служащемъ какъ бы вступленіемъ къ «центральной части» труда—второму очерку, посвященному «изслѣдованію исторіи проектовъ учебныхъ реформъ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II», трактуются «вопросы народнаго просвѣщенія въ XVIII столѣтіи до времени Екатерины II», въ такой послѣдовательности: въ первой главѣ рѣчь идетъ о возникновеніи при Петрѣ Великомъ и развитіи при его ближайшихъ преемникахъ профессиональнаго образованія, тѣсно связаннаго съ сословной организаціей общества». Далѣе рассматриваются «вопросы общаго образованія въ публицистикѣ» (глава вторая) и «въ законодательствѣ» (глава третья). Въ послѣдней четвертой главѣ очерка находимъ «Учрежденіе московскаго университета и планы И. И. Шувалова». Здѣсь ясенъ поворотъ въ политикѣ народнаго просвѣщенія: вмѣсто созданія единичныхъ школъ ставится вопросъ объ осуществленіи идеи общаго образованія, въ формѣ цѣльной системы просвѣщенія. По личному признанію автора, въ этомъ очеркѣ онъ болѣе слѣдовалъ выводамъ и заключеніямъ профессора М. Ф. Владимирскаго-Буданова въ его извѣстномъ трудѣ «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка» (1874 г.).

Второй очеркъ, въ которомъ рассматриваются «проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе Екатерины II до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ» (1782 г.), также распадается на четыре главы: въ первой изъ нихъ излагается «исторія проектовъ 1760—1770-хъ годовъ» и ихъ связь «съ тѣми или другими начинаніями въ области государственныхъ реформъ и внѣшнія причины ихъ неудачи». «Слѣдующія три главы посвящены систематическому изслѣдованію проблемы, поставленной совокупностью изучаемыхъ проектовъ; во второй главѣ рассматриваются принципы, на которыхъ должна была зиждиться новая учебная система; въ третьей главѣ—основные элементы этой системы, т. е. типы школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ; въ четвертой—намѣченныя проектами средства практическаго осуществленія системы, а именно: обезпеченіе ея преподавательскимъ составомъ, финансовыя средства, учебная администрація» (стр. 251).

Дѣятельность «комиссіи о учрежденіи народныхъ училищъ» въ 1782—1787 гг. авторъ рассматриваетъ въ особомъ, третьемъ очеркѣ, приводя въ объясненіе слѣдующее: «Царствованіе Екатерины II принесло съ собою новыя побужденія къ широкой постановкѣ проблемы народнаго просвѣщенія и новыя средства къ ея разрѣшенію. Исторія политики просвѣщенія за это царствованіе явственно раздѣляется на двѣ эпохи: первая эпоха, обнимающая 1760—1770 годы, была временемъ исканія новыхъ путей, въ свѣтѣ новыхъ государственныхъ и педа-

гогическихъ идеаловъ, для разрѣшенія очередныхъ задачъ, сложившихся въ теченіе первой половины XVIII вѣка. Въ указанные годы появляется рядъ проектовъ, подходящихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и съ разныхъ сторонъ къ центральному вопросу политики просвѣщенія—о созданіи цѣльной учебной системы. Всѣ эти проекты, явившіеся болѣе или менѣе яснымъ отраженіемъ великаго западно-европейскаго педагогическаго движенія, не получили практическаго осуществленія, но остались цѣнными памятниками русской педагогической мысли и связи ея съ государственными реформами второй половины XVIII столѣтія».

«Ознакомленіе съ австрійской системой народныхъ училищъ дало, наконецъ, императрицѣ Екатеринѣ надежную точку опоры для ея просвѣтительныхъ замысловъ, 1780—1790 годы составляютъ вторую эпоху, время практическаго осуществленія новой учебной системы» (стр. 250).

Въ заключительныхъ словахъ о дѣятельности учрежденной въ 1782 г. комиссіи о народныхъ училищахъ, которая къ 1787 г. выработала планъ университетовъ, С. В. Рождественскій говоритъ: «Планъ университетовъ 1787 г. утвержденія не получилъ и былъ такъ же скоро забытъ, какъ и проекты предыдущей эпохи. Исполненіе возложенной на комиссію о народныхъ училищахъ задачи созданія цѣльной системы народнаго просвѣщенія остановилось на полпути. Устранивъ изъ полной системы просвѣщенія центральное ея звено, гимназію, какъ традиціонный типъ средней школы, не приспособивъ главнаго народнаго училища къ новому, указанному планомъ 1787 г., положенію приготовительной къ университету школы, комиссія не успѣла сомкнуть устава народныхъ училищъ и планъ университетовъ въ одно органически цѣльное законодательство, способное разрѣшить основную задачу нашей политики просвѣщенія XVIII вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія не сумѣла упрочить и своего собственнаго положенія, «какъ главнаго училищъ правительства», и творческая ея дѣятельность быстро замерла. Прерванная неудачей университетскаго проекта 1787 г. нить учебныхъ реформъ была восстановлена въ началѣ слѣдующаго столѣтія. Учрежденная указомъ 8-го сентября 1802 года новая «комиссія объ училищахъ», переименованная вскорѣ въ «главное правленіе училищъ», связала старую «комиссію о народныхъ училищахъ» съ министерствомъ народнаго просвѣщенія» (стр. 675—676).

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе докторской диссертации С. В. Рождественскаго, о которой уже на диспутѣ специалисты сказали свое компетентное слово, и намъ остается только подтвердить, что это—трудъ, основанный на продолжительномъ изученіи архивнаго матеріала и печатныхъ пособій, отличающійся крайней объективностью и, можно сказать, исчерпывающій и освѣщающій съ новыхъ точекъ зрѣнія всѣ данныя по народному образованію въ XVIII вѣкѣ, какія представляли тогдашніе мѣропріятія и проекты, созидаемые или разсматриваемые правительствомъ.

В. Рудаковъ.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ X (съ 1738 г. по 24 ноября 1741 г.). Царствованіе государыни императрицы Анны Іоанновны. Правленіе бывшаго герцога курляндскаго. Правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Спб. 1911. V+692+46 стран. Цѣна 4 рубля.—Томъ III (1746—1752 гг.). Царствованіе государыни императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1912. VI+542+14 стран. Цѣна 3 рубля.—Томъ I (1762—1772 гг.). Царствованіе государыни императрицы Екатерины II. Спб. 1910 VII+831+62 стран. Цѣна 4 руб. 50 коп.

Изданіе высочайше учрежденной комиссіи по описанію синодальнаго архива съ вышеприведеннымъ заглавіемъ содержитъ въ себѣ документы дѣятельности святѣйшаго синода—просвѣтительной, церковно-юридической, миссіонерской, издательской и т. д. Этого изданія въ настоящее время вышло изъ печати 14 томовъ, обнимающихъ собою время отъ учрежденія святѣйшаго синода до 1752 года включительно и первое десятилѣтіе царствованія императрицы Екатерины II; готовится къ печатанію «Собраніе постановленій» за послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны (печатается) и Екатерины II и царствованія императоровъ Павла I, Александра I и Николая I. Изданія комиссіи—«Собраніе постановленій» и «Описаніе документовъ»—взаимно пополняютъ другъ друга; первое изъ нихъ, печатая текстъ различныхъ постановленій и распоряженій святѣйшаго синода, облегчаетъ составленіе «Описанія» соответствующаго тому или иному постановленію дѣлопроизводства, давая возможность не приводить содержанія постановленія, а лишь указать на номеръ его въ такомъ-то томѣ «Полнаго собранія». Обращаясь къ содержанію указанныхъ трехъ томовъ этого изданія, относящихся къ тремъ различнымъ царствованіямъ, мы видимъ, какъ мѣнялись тонъ, характеръ и содержаніе постановленій соответственно тому, кто стоялъ во главѣ правительства. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ во главѣ власти стоялъ кабинетъ ея величества съ безсмѣннымъ его членомъ графомъ Остерманомъ; кабинетскія распоряженія имѣли силу именныхъ высочайшихъ повелѣній; въ основѣ весьма многихъ постановленій и распоряженій того времени лежалъ взглядъ правительства на духовное сословіе, навѣянный тенденціозными докладами о небытіи у вѣрноподданническихъ присягъ нѣсколькихъ тысячъ изъ среды этого сословія,—отсюда строгія взысканія за небытіе у присяги, жестокіе разборы дѣтей духовенства и монастырскихъ слугъ, отдача ихъ въ военную службу, запись въ цехи и въ подушный окладъ, запрещеніе пострига въ монашество, обложеніе монастырей, церковей и архіерейскихъ домовъ повинностью по поставкѣ лошадей въ полки, секуляризація церковныхъ имуществъ и проч. Послѣ кончины императрицы суровость значительно смягчается: церковники, монастырскіе слуги и дѣти духовенства возвращаются къ церквамъ, отмѣняется проектъ конскихъ заводовъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, разрѣшается постригъ въ монашество всѣхъ желающихъ и того достойныхъ, возвращается санъ духовнымъ лицамъ, впавшимъ въ вины, освобождается духовенство отъ хожденія къ рогаткамъ на караулы и на пожары, дѣти духовенства исключаются изъ подушнаго оклада,

цеховъ и разсыльщиковъ, дома духовенства освобождаются отъ военного постоя, монастырямъ и архіерейскимъ домамъ возвращаются вотчины. Въ спокойное царствованіе императрицы Елизаветы Петровны учреждаются духовныя школы и семинаріи, двигается и доводится до конца начатое въ 1712 году дѣло исправленія и печатанія славянской библіи (ему принадлежитъ болѣе $\frac{1}{4}$ тома—около 100 постановленій); издаются важныя постановленія по вопросу о рѣшеніи брачныхъ дѣлъ, о перемѣщеніи и назначеніи на каѳедры архіереевъ, о внутреннемъ устройствѣ церковной жизни и по дѣламъ миссіи. Въ царствованіе императрицы Екатерины II съ совершенною опредѣленностью въ отношеніяхъ церкви и государства выдвигается начало самой широкой зависимости первой отъ второго. Высшій органъ церковнаго управленія—святѣйшій синодъ—былъ ограниченъ въ своей дѣятельности исключительно сферою духовныхъ дѣлъ, не имѣлъ значенія самостоятельной руководящей силы и былъ простымъ служебнымъ орудіемъ, необходимымъ государству въ дѣлѣ управленія народомъ. Громкое дѣло окончательной и полной секуляризаціи монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ составило эпоху въ церковной жизни. Чрезвычайнымъ законодательнымъ актомъ было и составленіе новаго уложенія; большое значеніе имѣло и установленіе порядка сношеній верховной власти съ святѣйшимъ синодомъ не только чрезъ оберъ-прокурора, но и чрезъ синодалныхъ членовъ; необходимо отмѣтить также постановленія о правильной постановкѣ иконописанія и о возвышеніи образованія духовнаго юношества до посылки семинаристовъ въ заграничныя оксфордскій и кембриджскій университеты.

Помимо того, что по общему характеру постановленій того или иного времени можно судить о мѣстѣ и роли святѣйшаго синода въ извѣстное царствованіе среди другихъ государственныхъ учреждений,—помѣщенные въ разсматриваемыхъ трехъ томахъ 1644 постановленія обнимаютъ собою въ общей сложности періодъ церковной жизни за 20 лѣтъ (1738—1741, 1746—1752 и 1762—1772 гг.) и даютъ богатый матеріалъ для церковно-историческихъ и каноническихъ научныхъ работъ.

М—ловъ.

Исторія іезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ, отчасти не изданнымъ, документамъ аббатомъ Геттэ. Томъ I, книги 1—3. Переводъ О. А. Циклинской. Москва. 1912. Стр. 194.

Хотя въ изслѣдованіи аббата Геттэ очень много недостатковъ, но любители историческаго чтенія, конечно, съ большимъ интересомъ прочтутъ его книгу. Прежде всего надо отдать автору должное: несмотря на всю свою рѣзкую антипатію къ іезуитамъ, онъ старается никогда не забывать, что пишетъ историческое изслѣдованіе. Правда, написанное болѣе полувѣка тому назадъ, оно ниже уровня современной исторической науки, не всегда объективно, но никогда не сбивается на антиіезуитскій памфлетъ. Отъ духовнаго историка большаго мы требовать не въ правѣ. Хотя аббатъ Геттэ не дилетантъ, а опытный и ученый историкъ, но его духовный санъ и историзмъ плохо уживаются другъ съ другомъ. Какъ аббатъ, авторъ привыкъ бережно и безъ критики относиться къ текстамъ священныхъ книгъ. Эту привычку Геттэ внесъ и въ свою исторію

іезуитовъ, удивляя читателей довѣрчивостью, съ какой онъ пользуется историческими свидѣтельствами самой разнообразной цѣнности, не подвергая ихъ никакой критической обработкѣ. Свои матеріалы авторъ обыкновенно приводитъ въ длинныхъ цитатахъ. Получая вмѣсто традиціоннаго пересказа отрывки изъ подлинныхъ документовъ, читатель глубже вникаетъ въ своеобразный складъ мышленія людей XVI вѣка. Переведенные по-русски грубоватымъ, лишеннымъ всякаго литературнаго лоска языкомъ, всѣ приводимые Геттэ матеріалы отлично передаютъ духъ и стиль эпохи. Такіе стильные документы, какъ приговоръ суда надъ Жаномъ Шателемъ, папскія посланія, рѣчи въ парижскомъ университетѣ даже безъ всякихъ комментаріевъ отлично освѣщаютъ описываемыя Геттэ времена. Въ переведенномъ пока первомъ томѣ его труда дана исторія іезуитовъ въ теченіе перваго вѣка ихъ существованія (1491—1598 гг.). Для католицизма, такъ разстроенаго и обезкураженаго всеобщимъ реформаторскимъ движеніемъ, основанный Игнатіемъ Лойолой орденъ былъ настоящимъ якоремъ спасенія. Объединивъ подъ своимъ знаменемъ всѣ живыя силы ортодоксальнаго католицизма, іезуиты стали настоящей папской гвардіей и смѣло ринулись въ бой съ побѣдоносной реформаціей. Эта антиреформаторская идеология ордена и связанная съ нею дѣятельность довольно блѣдно очерчены Геттэ. Удачнымъ подборомъ фактовъ ярче и основательнѣе обрисована имъ удивительная миссіонерская дѣятельность іезуитовъ. Наиболѣе же подробно изложены авторомъ борьба ордена съ университетами за право свободнаго преподаванія и эпоха лиги. Въ общемъ, около половины изслѣдованія посвящено дѣятельности іезуитовъ во Франціи. Съ внѣшней стороны это самыя занимательныя страницы книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же оказываются теперь наиболѣе устарѣвшими и наименѣ научными. Конечно, историку нашего времени такъ же, какъ и Геттэ, роль іезуитовъ во Франціи и въ концѣ XVI вѣка рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Но теперь историкъ напишетъ объ этомъ совершенно иначе, глубже погружаясь въ теченіе событій и правильнѣе схватывая цѣпь исторической причинности.

Цвѣт.

Профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1912. Стран. VII—427. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Обширный томъ «Обзора новѣйшей русской исторіи», обнимающій только первую четверть XIX столѣтія, представляетъ собою курсъ лекцій, которыя профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій читалъ въ кіевскомъ коммерческомъ институтѣ. Искать здѣсь чего-либо новаго, въ смыслѣ матеріаловъ или освѣщенія фактовъ, нѣтъ основанія. Какъ и большинство лекціонныхъ курсовъ, это—трудъ комплятивный, кой-гдѣ основанный на личномъ изученіи источниковъ, но во многомъ самостоятельно обработанный и изобилующій своеобразными, но мѣткими и правдивыми характеристиками главныхъ дѣятелей.

Для ознакомленія съ нимъ приведемъ вкратцѣ названія тѣхъ главъ (XXI), на которыя разбита вся книга. Послѣ первой главы—«Наканунъ XIX вѣка» (гдѣ трактуется о «ростѣ сословныхъ началъ и ростѣ политическаго самосознанія въ обществѣ въ XVIII в. и сообщаются краткія характеристики Екатерины II,

князя М. М. Щербатова, А. Н. Радицева и других публицистовъ эпохи),— слѣдуютъ довольно удачныя характеристики императоровъ Павла I и Александра I. Разсказывая далѣе о «первыхъ шагахъ новаго правленія» (Александра I), авторъ подробно говоритъ о дѣятельности М. М. Сперанскаго въ царствованіе императора Александра I и вслѣдъ за этимъ трактуетъ въ трехъ главахъ объ Отечественной войнѣ, имѣющихъ характерное названіе: «Логика войны двѣнадцатаго года», «Отечественная война» и «Императоръ Александръ и война». Дальнѣйшее изложеніе посвящено «Эпохѣ реакціи» въ главахъ: «Публицистика» (томъ IX), «Исканіе религіи» (томъ X) и «Князь А. Н. Голицынъ и торжество правовѣрія» (глава XI). Состоянію народнаго просвѣщенія и отношенію къ нему правительства посвящены слѣдующія три главы, въ которыхъ болѣе всего говорится о Магницкомъ и цензурѣ. Начавъ, далѣе, рѣчь «о положеніи военнаго дѣла и о внѣшней политикѣ», авторъ переходитъ къ Аракчееву и военнымъ поселеніямъ. Состоянію внутренняго управленія посвящены три главы подъ общимъ заглавіемъ «Господство бюрократіи». Заключительными главами являются—«Итоги предыдущаго изученія и экономическая политика правительства» (глава XX) и «Декабристы» (глава XXI).

Все это изложено легкимъ литературнымъ языкомъ и прочтется съ большимъ интересомъ всѣми учащимися, для которыхъ въ концѣ книги приложены и «Библиографическія указанія» на болѣе крупныя печатныя работы по затронутымъ вопросамъ, расположенныя по отдѣламъ (16).

В. Р—въ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912. Цѣна по 3 рубля.

Долгая жизнь М. М. Стасюлевича была жизнью неустаннаго труженика и примѣрнаго гражданина. Научныя работы, преподавательская дѣятельность, тридцатилѣтняя служба городскому самоуправленію, сорокалѣтнее редактированіе «Вѣстника Европы»—всѣ эти труды отвели Стасюлевичу одно изъ центральныхъ и почетныхъ мѣстъ въ русской общественной жизни, а такъ какъ онъ былъ по своему благодушному характеру и спокойному темпераменту человѣкъ, что называется, легкой, пріятный, и его уважали и любили люди самыхъ различныхъ соціальныхъ положеній и политическихъ воззрѣній, то мѣсто, которое занималъ онъ въ обществѣ, было еще выше и значительнѣе. Умѣренный либераль, но либераль не на однихъ словахъ, онъ твердо стоялъ на своемъ посту въ русской журналистикѣ, до сихъ поръ татарски-грубой и невоспитанной; онъ всегда являлъ собою образецъ публициста-джентльмена, и не было у него политическаго противника,—личныхъ враговъ Стасюлевичъ не зналъ,—который не чтилъ бы благородный характеръ Стасюлевича и его ясный умъ. Царившій въ этой благоустроенной душѣ порядокъ отражался на всемъ, что дѣлалъ Стасюлевичъ,—отразился и на его бумагахъ, которыя онъ всегда прилежно берегъ. Отчасти цѣна историческое значеніе нѣкоторыхъ документовъ, отчасти дорожа автографами замѣчательныхъ людей и памятью близкихъ друзей, от-

части просто по привычкѣ къ аккуратности, Стасюлевичъ собралъ огромный архивъ, въ которомъ оказалось болѣе 12.000 писемъ отъ 1382 корреспондентовъ. Вдова покойнаго, Л. И. Стасюлевичъ, рѣшила издать болѣе цѣнную часть этого архива, въ который должны войти около 6000 писемъ къ Стасюлевичу, его собственныя письма, добытыя у его корреспондентовъ, нѣкоторые литературныя и дѣловые документы. Это не весь архивъ Стасюлевича въ точномъ смыслѣ слова, но и въ этихъ предѣлахъ исторія русской общественности получаетъ монументальное собраніе памятниковъ, значеніе которыхъ для изученія второй половины XIX вѣка—первостепенное. Всего намѣчено одиннадцать томовъ. Два первые вышли аккуратно въ назначенный редакціей срокъ, и надо надѣяться, что съ той же исправностью изданіе будетъ доведено до конца. Въ первыхъ двухъ томахъ помѣщены матерьялы, иллюстрирующіе жизнь Стасюлевича до начала 1869 года, когда «Вѣстникъ Европы» упрочился и окрѣпъ. Матерьялы остальныхъ томовъ будутъ расположены не хронологически, и по цикламъ, опредѣляемымъ значеніемъ того или иного корреспондента. Такъ, въ третій, «тургеневскій», томъ, кромѣ писемъ И. С. Тургенева, войдутъ письма Полины Віардо, Ауэрбаха, Золя, Григоровича, Шпильгагена, Полонскаго, Николая Тургенева; въ четвертый—Гончарова, Г. П. Данилевскаго, А. Θ. Кони, В. А. Арцимовича; въ пятый—Салтыкова, Некрасова, Глѣба Успенскаго, Левитова, М. П. Драгоманова, Г. З. Влиссѣва; въ шестой—Пыпина, К. Н. Арсеньева, Л. А. Полонскаго и Л. З. Слонимскаго; въ седьмой—прочихъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы» и газеты «Порядокъ»; въ восьмой—братьевъ Утиныхъ. Девятый томъ будетъ посвященъ общественной дѣятельности Стасюлевича; десятый—займутъ его малоизвѣстныя статьи, сочиненія и мелкія замѣтки, а въ одиннадцатый войдутъ неизбѣжныя «дополненія» и матерьялы, относящіеся до послѣднихъ годовъ жизни Стасюлевича. Алфавитныя указатели помогутъ читателю ориентироваться въ изданіи, такъ какъ изложенный планъ слишкомъ общъ и даже небреженъ.

Вообще, редакторская роль господина Лемке весьма скромна. Она свелась къ приданію матерьялу хронологическаго расположенія да къ весьма скуднымъ примѣчаніямъ, такъ сказать, «домашняго характера» и развязнымъ по тону, въ которыхъ господинъ Лемке вволю либеральничаетъ заднимъ числомъ, напримѣръ, со словъ (?) покойнаго (!) Стасюлевича обличаетъ другою покойника (!) въ ловкомъ устраиваніи денежныхъ дѣлишекъ (томъ I, стр. 239). Въ 1862 году Стасюлевичъ пишетъ женѣ: «въ общественномъ мнѣніи произошелъ крутой поворотъ; что недавно осуждалось, то одобряется, и наоборотъ». Тутъ господинъ Лемке «примѣчаетъ», считая это, должно быть, необходимымъ: «почти мгновенный (??) поворотъ въ обществѣ дѣйствительно произошелъ и понятенъ теперь всѣмъ, кто пережилъ другой такой поворотъ въ 1905 году». Не касаясь существа глубокомысленной теоріи господина Лемке о мгновенныхъ историческихъ поворотахъ, можемъ напомнить болѣе близкій господину Лемке примѣръ дѣйствительно мгновеннаго поворота, къ тому же связанный съ именемъ Стасюлевича. Покойный либераль-постепеновецъ былъ другомъ своихъ типографскихъ рабочихъ, которымъ предоставилъ нѣкоторыя права въ дѣлѣ и довольно широкія льготы, но по смерти Стасюлевича произошелъ «мгновен-

ныя поворотъ», и прежнія вольности были у рабочихъ отняты, чѣмъ, надо полагать, не особенно была почтена память добраго Михаила Матвѣевича. Такъ какъ печатаются не всѣ бумаги, то слѣдовало бы щадить время читателя и не помѣщать матерьяловъ до смѣшного ненужныхъ, въ родѣ программы торжественнаго акта пятидесятилѣтія Ларинской гимназіи, какихъ-то тупоумныхъ обѣденныхъ меню, «полнаго текста Gaudeamus», печатныхъ приглашеній посѣтить какое-то торжество или поздравительныхъ телеграммъ. Хотя господинъ Лемке немного ошибается, думая, что «ореографія свидѣтельствуетъ о настроеніи (!) писавшаго», но хорошо дѣлаетъ, что не вноситъ въ эту область своего собственнаго «настроенія» и передаетъ письма съ буквальной точностью.

Содержаніе двухъ вышедшихъ томовъ чрезвычайно богато. Кромѣ (разбросанныхъ тамъ и сямъ) официальныхъ документовъ, касающихся біографіи Стасюлевича и основанія «Вѣстника Европы», а также перепечатокъ статей, вырѣзанныхъ цензурою изъ «Вѣстника Европы» позднѣйшихъ годовъ, здѣсь помѣщены письма самого Стасюлевича къ женѣ и нѣкоторымъ друзьямъ и сотрудникамъ (П. А. Плетневу, К. Д. Кавелину, М. С. Куторгѣ, А. В. Головнину, И. О. Кноррингу и другимъ) и письма къ Стасюлевичу цѣлаго ряда болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей—П. А. Плетнева, графа Д. М. Сольскаго, Делянова, М. Сухомлинова, В. А. Бильбасова, графа С. Г. Строганова, О. В. Рихтера, Э. А. Оома, Буслаева, Н. Х. Бунге, Драгомирова, графа П. А. Валужева, Побѣдоносцева, Тютчева, А. В. Головнина, Н. И. Костомарова, Мордовцева, Ор. Миллера, Н. Э. фонъ-Крузе, Спасовича, Стасова, Погодина, Н. П. Барсукова, К. Д. Кавелина, Александра Н. Веселовскаго, А. Н. Островскаго, И. Е. Забѣлина, барона Н. А. Корфа, В. П. Буренина, графа А. К. Толстого и его жены. Въ краткой библиографической замѣткѣ невозможно отмѣтить даже ничтожную часть всего этого историко-культурнаго богатства. Повторимъ только, что для изученія общественной психологіи и прогрессивныхъ теченій русской общественной жизни отъ пятидесятихъ до девятисотыхъ годовъ, для біографій многихъ выдающихся русскихъ людей этой эпохи здѣсь даны матерьялы первокласснаго значенія.

Н.

Толстовскій музей. Томъ I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Изданіе общества Толстовскаго музея. Спб. 1911. Стр. XIII+394. Цѣна 2 руб.

Дружба, украшенная и усиленная пониманіемъ и сочувствіемъ, не часто выпадаетъ на долю и обыкновеннымъ смертнымъ, а великому человѣку найти друга въ современномъ поколѣніи—это такое счастье, о которомъ крайне рѣдко рассказываетъ біографическая литература. Но, неизмѣнный счастливецъ во всемъ отъ колыбели до могилы, Толстой и въ этомъ отношеніи вѣдалъ удачу. На всѣхъ путяхъ его жизни, почти до самаго конца, его не покидала прочная, вѣрная, участливая, понимающая, нелъстивая дружба, и памятникомъ ея осталась замѣчательная книга писемъ, хранящая золотыя страницы не «сочиненій» (о, какъ много Толстой создалъ временнаго, служебнаго балласта!), а изліяній его глубокой, прекрасной души. Кто хочетъ знать настоящаго

Толстого, не вегетаріанскаго, не «непротивящагося злу», вообще не «догматическаго», а страстно ищущаго и борющагося, кто хочет глубоко проникнуть въ исторію роста его души, пусть читаетъ и перечитываетъ эту книгу. Здѣсь Толстой—весь, во всю мѣру своего богатырскаго роста, не гнувшійся къ окружающимъ его, особенно въ послѣдніе годы, духовнымъ пигмеямъ, которыхъ его любящая львица-жена съ справедливымъ презрѣніемъ называла «сбордомъ». А вѣдь онъ дѣйствительно принижался передъ ними, какъ-то побаивался ихъ и, работая надъ «Хаджи-Муратомъ», которому восемь лѣтъ отдавалъ свои завѣтныя художественныя думы, робко писалъ одному изъ нихъ (г. Вуланже), что «совершенно неожиданно обдумываетъ самую неинтересную вещь», а другому (г. Черткову): «все пишу Хаджи-Мурата—балуясь». Онъ въ самомъ дѣлѣ боялся, какъ бы всѣ эти boulangers не осудили его за то, что онъ занимается недостойнымъ евангельскаго христіанина баловствомъ, а не печеніемъ вмѣстѣ съ ними опрѣсноковъ непротивленства. Не таковъ Толстой въ перепискѣ съ графиней А. А. Толстой.

Александра Андреевна была старше Льва Николаевича на одиннадцать лѣтъ и приходилась ему двоюродной теткой. Съ 1846 г. (род. въ 1817 г.) почти до самой смерти (1904 г.) она жила при дворѣ, была воспитательницей дочерей великой княгини Маріи Николаевны, великой княжны Маріи Александровны и была любима и уважаема и царской семьей, и всѣми знавшими эту почтенную женщину. Съ Л. Н. она познакомилась въ 1855 г., и скоро ихъ сношенія превратились въ «неукладистую дружбищу», и «чудесная бабушка», какъ сталъ онъ называть ее, сдѣлалась однимъ изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ ему людей. Дружба ихъ была такъ крѣпка, что ея не нарушало даже глубокое разногласіе религіозныхъ убѣжденій. Графиня, которая всегда была вѣрной дочерью православной церкви, огорчалась «лжеученіемъ» своего друга, подчасъ негодовала, но никогда не переставала любить его. Самъ Толстой вѣрно опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ къ Александрѣ Андреевнѣ: «вѣроятно, мы уже больше въ этомъ мірѣ не увидимся... Не думаю тоже, чтобы мы увидались тамъ такъ, какъ мы разумѣемъ свиданіе. Но думаю и вполне увѣренъ, что и въ той жизни все то доброе, любовное и хорошее, которое вы дали мнѣ въ этой жизни, останется со мною; можетъ быть, такія же крохи отъ меня останутся и у васъ». «При каждомъ свиданіи,—разсказывала графиня,—мы продолжали изучать другъ друга съ хирургическимъ ножомъ въ рукѣ, какъ выразился кто-то, но дѣлалось это съ любовью... Могу сказать совершенно правдиво, мы заботились главное о томъ, что можетъ облагородить жизнь,—конечно, каждый со своей точки зрѣнія».

Толстой дѣлился съ Александрой Андреевной своими радостями и печалями, своими сомнѣніями и бореніями, своими творческими замыслами и планами; ни съ кѣмъ не былъ онъ такъ ясно и безудержно откровененъ, какъ съ нею. Она была «охотница до сумбура», которымъ Толстой порывисто исписывалъ для нея цѣлыя страницы, и сама писала ему такія же длинныя задушевныя письма: «Когда я вижу васъ, мнѣ всегда хочется стать лучше, и мысль о вашей дружбѣ производитъ на меня то же дѣйствіе», писала она ему въ самомъ началѣ ихъ сношеній, а Толстой съ искреннимъ удивленіемъ къ ея душевной красотѣ

говорила: «откуда у вас берется эта теплота сердечная, которая другимъ даетъ счастье и поднимаетъ ихъ выше? Какой вы счастливый человекъ, что можете такъ легко и свободно давать другимъ счастье! Затѣмъ и пишу вамъ, что мнѣ завидно и хочется подышать немножко вашимъ воздухомъ». Эти краткія выписки—такихъ можно было бы привести множество—даютъ достаточное понятіе о той нравственной атмосферѣ, которою вѣяли другъ на друга и посмертно вѣютъ на читателя переписки эти удивительные люди, долгая жизнь которыхъ была неустанной духовной борьбою, вѣчной работой надъ собою. Таковъ духъ этой книги, содержаніе которой по истинѣ неисчерпаемо, которую можно читать и читать и оставлять для новаго возвращенія къ ней—и никогда не читаться.

Издатели удостовѣряютъ, что письма напечатаны съ совершенной точностью, безъ всякихъ сокращеній, если не считать шести отмѣченныхъ точками мѣстъ. Достойнымъ введеніемъ служатъ воспоминанія Александры Андреевны о Толстомъ. Для нея они служили «ковчегомъ», въ которомъ она хранила «былое счастье и былое горе», а намъ, читающимъ и любящимъ Толстого, они облегчаютъ знакомство съ богатымъ міромъ этой великой души, съ исторіей жизни Толстого, съ окружавшей его обстановкой. Послѣднюю графиня А. А. Толстая описала не безъ юмора. Г. Чертковъ, который «не любитъ искупленія» (какъ нѣкоторые Чертковы не любятъ поросенка подъ хрѣномъ, а предпочитаютъ ботвинью) и радикально толкуетъ мужику ученіе о Логосѣ («въ первыхъ словахъ евангелія отъ Іоанна нѣтъ ник-какого смысла»), просто великолѣпнень. Интересно, что самъ Толстой, читавшій въ рукописи воспоминанія Александры Андреевны и просившій кое-что не оглашать и кое-что измѣнить, не возражалъ противъ печатанія этихъ удивительныхъ мѣстъ. (Надо думать, г. Чертковъ зналъ, что дѣлалъ, когда пытался завладѣть хранящимся въ московскомъ историческомъ музеѣ дневникомъ Толстого). Л.

Профессоръ Н. И. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII и XVIII вѣковъ. Кіевская искусственная литература XVII—XVIII вѣковъ, преимущественно драматическая. Кіевъ. 1911.

Когда-то небезызвѣстный О. Михневичъ высмѣивалъ профессора Н. И. Петрова, называя его новымъ Колумбомъ, открывшимъ неизвѣстную малорусскую литературу, очерки которой печатались одно время авторомъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Ироническое замѣчаніе покойнаго Михневича, однако, близко къ истинѣ. Исторія литературы обязана профессору Н. И. Петрову если не открытіемъ южно-русской литературы, то обогащеніемъ ея неизвѣстными фактами письменности и первой систематизаціей матеріала. Настоящій трудъ, печатавшійся первоначально на страницахъ «Трудовъ кіевской духовной академіи» (1909—1911), является переработкой одного изъ прежнихъ работъ профессора Н. И. Петрова. Обзорнню драматической кіевской литературы авторъ предпосылаетъ обстоятельную исторію развитія малорусскаго

племени, языка, письменности, общественной жизни, науки и рассматривает разнообразные виды малорусской письменной и устной литературы.

Самую историю киевской драмы профессор Н. И. Петровъ рассматривает въ хронологическомъ порядкѣ, дѣля ее на три періода: отъ начала до появленія въ качествѣ драматурга Теофана Прокоповича, отъ послѣдняго до 1762 и третій—съ 1762 года, когда школьная драма приходитъ въ упадокъ.

Отличительныя черты труда профессора Н. И. Петрова—богатство матеріала и отсутствіе той специфической сухости, которая дѣлаетъ работы по древнерусской литературѣ недоступными широкой публикѣ. В. Д.

**В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣва. Кіевъ. 1912.
Стр. V+372+141. Цѣна 3 руб.**

Большая, со вниманіемъ и любовью составленная книга. На обложкѣ вишнетка изъ «Думы» Рылѣва. Въ книгѣ, кромѣ портрета Рылѣва и воспроизведенія заглавной страницы альманаха «Полярная Звѣзда», рядъ любопытныхъ снимковъ съ автографовъ поэта, между прочимъ первая страница его предсмертнаго изъ крѣпости письма. Къ сожалѣнію, цѣна книги довольно высокая, что, конечно, будетъ препятствовать ея болѣе широкому распространенію.

Книга распадается на три части. Въ главѣ первой дается обзоръ источниковъ и всего написаннаго о Рылѣвѣ; въ остальныхъ главахъ разбирается литературная дѣятельность поэта, въ связи съ его жизнью, а затѣмъ слѣдуютъ цѣнные приложения не изданныхъ доселѣ сочиненій Рылѣва.

Перелистывая обстоятельно и добросовѣстно составленную библиографію всего написаннаго о Рылѣвѣ, удивляешься, какъ далеко двинулось впередъ за послѣднее время изученіе роковой исторіи декабрьскаго возмущенія и его участниковъ. Когда много лѣтъ тому назадъ пишущій эти строки еще на гимназической скамьѣ составлялъ первую у насъ по времени біографію Рылѣва, потомъ напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» 1890 г., приходилось возстановлять событія по отрывочнымъ и короткимъ замѣткамъ отдѣльныхъ воспоминаній. Теперь одинъ обзоръ литературы о Рылѣвѣ занимаетъ пятьдесятъ пять страницъ большого формата. Прежде сколько-нибудь сочувственный о Рылѣвѣ отзывъ могъ явиться только подъ разнаго рода прикрытіями. «Необходимо,—писалъ намъ редакторъ,—въ самомъ началѣ предупредить читателя; что, хотя Рылѣвъ вызываетъ сочувствіе по человѣчеству, но что онъ все-таки государственный преступникъ, не исполнившій словъ Карамзина: «il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu», и оправдавшій собою стихъ Тютчева о декабристахъ: «вась развратило самовласть». Надо, чтобы обстановка не оправдывала, а только объясняла дѣятельность Рылѣва, иначе цензура прихлопнетъ непремѣнно». Первой біографіи Рылѣва удалось увидѣть свѣтъ лишь не безъ нѣкотораго содѣйствія покойнаго Побѣдоносцева, который любилъ читать и цѣнилъ «Думы» Рылѣва. Въ настоящее время Рылѣвъ можетъ

быть изучаемъ во весь свой ростъ, уже не какъ преступникъ только, а какъ общественный дѣятель.

Г. Масловъ, какъ показываетъ самое названіе его книги, выдѣлилъ для себя изъ этой дѣятельности одну только область, литературное творчество Рылѣва, но зато онъ сдѣлалъ въ этой области такъ много, что книга его навсегда останется однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для изученія поэзіи Рылѣва. Дѣло не въ какихъ-нибудь новыхъ выводахъ или взглядахъ. Рылѣвъ, какъ поэтъ, да, пожалуй, какъ и человѣкъ, былъ натурой несложной и вполне ясной. Общая характеристика его творчества дана уже предыдущими изслѣдователями, но подъ ихъ общія сужденія только теперь г. Масловымъ подведенъ строгій научный фундаментъ. Каждая дума, каждое сколько-нибудь значительное стихотвореніе разсмотрѣно авторомъ въ подробности, изслѣдовано его происхожденіе, выяснены заимствованія у Карамзина, влияніе на поэзію Рылѣва украинскихъ народныхъ пѣсень, Байрона, сдѣланы сличенія, наконецъ указаны критическіе отзывы и впечатлѣнія, произведенное каждымъ стихотвореніемъ на современниковъ. Не ищите у автора синтеза и широкихъ обобщеній, но зато, какъ кропотливый и внимательный изслѣдователь, отлично знакомый съ литературой предмета, онъ дастъ вамъ столько матеріала, что изъ него вамъ самимъ легко будетъ сдѣлать выводы.

Особенное значеніе имѣютъ изысканія г. Маслова въ архивахъ общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія, академіи наукъ и въ императорской публичной библиотекѣ. Здѣсь открыто имъ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ для изученія творчества Рылѣва. Очень интересны также свѣдѣнія объ иностранныхъ переводахъ Рылѣва, особенно польскихъ. Авторъ даетъ здѣсь нѣсколько новыхъ подробностей о польскихъ отношеніяхъ Рылѣва. Наконецъ, г. Масловымъ напечатаны хранившіяся въ архивѣ дочери поэта, А. К. Пущиной, новыя доселѣ произведенія Рылѣва, стихи, переписка поэта и письма къ Рылѣву разныхъ лицъ. Читая эти отзвуки давно минувшихъ лѣтъ, вновь представляешь себѣ знакомый образъ поэта и обстановку, въ которой онъ жилъ.

Наиболѣе важными представляются намъ «Отрывки, писанные Рылѣвымъ въ крѣпости». Этого своего рода философія жизни. Изложеніе отрывочное и мѣстами туманное, но общій характеръ отрывковъ находится въ связи со всѣмъ, что писалось Рылѣвымъ въ крѣпости. Онъ—религіозный. Г. Масловъ думаетъ, что религіозность всегда была характерной чертой Рылѣва. Съ этимъ, однако, едва ли можно согласиться. «Когда я спрашивалъ Рылѣва,—пишетъ одинъ изъ его товарищей,—неужели онъ вѣритъ, что дѣйствительная свобода можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ не проявленіемъ нравственной силы, а эта можетъ быть прочна безъ религіи, онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно высшаго существа онъ мало размышлялъ, хотя и думаетъ, что есть что-то такое». Вѣрность этихъ словъ подтверждаетъ и вся литературная дѣятельность Рылѣва, а между прочимъ и напечатанные г. Масловымъ новые стихи. Мы видимъ здѣсь поэта то участникомъ великаго похода, молодымъ офицеромъ, въ которомъ еще не перекипѣла сила молодости, то подпоручикомъ, пишущимъ сантиментальные стихи и мадригалы въ альбомы провинціальныхъ барышень, то нако-

нецъ поэтомъ-гражданиномъ въ Петербургѣ, когда плѣнило его «своеволие воображенія» и унесло въ даль мечтаній, неожиданно заставившихъ его очнуться въ Петропавловской крѣпости. И только здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ каземата, оставшись самъ съ собою, онъ оглянулся на всю жизнь свою, почувствовалъ, что есть вѣчнаго въ томъ настоящемъ, о которомъ прежде и думать ему не было времени, и написалъ свои знаменитые стихи: «Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ, да полечу и почию». И, когда освободился онъ отъ мечтаній мысли плѣнной и увидѣлъ лицомъ къ лицу Истину, смерть пришла и закрыла ему вѣжды.

Андрей Сиротининъ.

Сборникъ въ честь Пирогова, подъ редакцію профессора Е. А. Боброва. Варшава. 1912. Стр. 118.

Настоящій сборникъ, изданный подъ редакцію пользующагося почетнымъ именемъ въ русской литературѣ профессора философіи въ варшавскомъ университетѣ Е. А. Боброва, заключаетъ въ себя пять рѣчей, произнесенныхъ въ четвертомъ засѣданіи (28-го ноября 1910 года) педагогическаго кружка студентовъ при императорскомъ варшавскомъ университетѣ.

Первая рѣчь, принадлежащая студенту III курса историко-филологическаго факультета В. А. Виноградову, касается жизни и трудовъ Н. И. Пирогова (стр. 4—13), поставившаго себѣ девизомъ при занятіи профессорской катедры слѣдующее: «пусть учится только тотъ, кто хочетъ учиться, это его дѣло. Но кто хочетъ у меня учиться, тотъ долженъ чему-нибудь научиться,—это мое дѣло; такъ долженъ думать каждый совѣстливый преподаватель» (стр. 7).

Вторая рѣчь студента II курса того же факультета А. А. Яворскаго (стр. 14—25) на тему: «Н. И. Пироговъ и русское общество», касается, между прочимъ, извѣстной педагогической статьи Н. И. Пирогова, подъ заглавіемъ: «Вопросы жизни», съ эпиграфомъ:

«Къ чему вы готовите вашего сына?—спросилъ меня кто-то.

«Быть человѣкомъ,—отвѣчалъ я».

Впечатлѣніе, произведенное этою статьею на русское читающее общество, было исключительное. «Они (т. е. «Вопросы жизни»), писалъ Н. А. Добролюбовъ, поразили всѣхъ и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной живою діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ читавшіе статью Пирогова были отъ нея въ восторгѣ, всѣ объ ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы» (стр. 14).

Старшій ординаторъ факультетской клиники докторъ И. М. Креницкій въ своей статьѣ остановился на научно-врачебныхъ заслугахъ Н. И. Пирогова (стр. 26—32). Эти заслуги такъ крупны, что о нихъ не только могутъ, но и должны знать всѣ интересующіеся его личностью и его жизнью,—тѣмъ болѣе, что многое, сдѣланное имъ въ этой области, далеко переходитъ за предѣлы интересовъ врача-специалиста и принимаетъ уже общественный характеръ.

Четвертая рѣчь преподавателя русскаго языка 4-й варшавской мужской гимназіи В. Г. Комарницкаго, съ эпиграфомъ: «воспитаніе ребенка есть очень

сложный, нравственно-физическій экспериментъ», даетъ отвѣтъ на поставленный ея авторомъ вопросъ: «Что сказали Н. И. Пироговъ своимъ соотечественникамъ?» (стр. 40—69). Н. И. не оставилъ послѣ себя спеціального научнаго трактата по педагогикѣ; онъ оставилъ только отрывочныя публицистическія статьи, рѣчи, циркуляры и отчеты. Но въ этихъ статьяхъ и циркулярахъ разсѣяно много выдающихся и оригинальныхъ мыслей и положеній.

«Надо изучить духовный міръ нашихъ дѣтей во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ»—вотъ его первый знаменитый выводъ. Надо воспитывать прежде всего людей—вотъ второй его выводъ. Пироговъ заявилъ своимъ соотечественникамъ, что въ школѣ обыкновенно учатъ, но, къ глубокому прискорбію, не воспитываютъ. Несостоятельность нашихъ школъ, по опредѣленію Пирогова, состояла въ томъ, что, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, онѣ не могли въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впоследствии при вступленіи въ свѣтъ. Ученіе не можетъ быть только образовательною, но должно быть въ значительной степени воспитательною—такъ третій выводъ Н. И. Пирогова. Въ-четвертыхъ, Пироговъ указывалъ своимъ соотечественникамъ на то, что въ ихъ средѣ очень мало развито чувство законности. Это прискорбное явленіе онъ объяснялъ тѣмъ, что у насъ не заботятся о воспитаніи этого чувства законности именно въ школѣ. Въ-пятыхъ, Пироговъ рекомендовалъ оказывать воздѣйствіе на молодежь не столько приказаніемъ, сколько убѣжденіемъ. Въ-шестыхъ, онъ высказалъ совершенно вѣрную мысль, что молодежь надо исподволь приучать къ самостоятельному труду. Въ-седьмыхъ, Пироговъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, что воспитаніе и самовоспитаніе никогда не прекращаются.

По мнѣнію Н. И. Пирогова, первымъ и непремѣннымъ условіемъ воспитанія должно быть безусловное прямодушіе и совершенная откровенность; вторымъ необходимымъ условіемъ для воздѣйствія на молодежь онъ считаетъ умѣнье уважать молодежь—«не всѣ, говоритъ онъ, знаютъ, что и молодежь должно уважать», наконецъ, для благотворнаго воздѣйствія на молодежь Н. И. считаетъ необходимость преданности наукѣ и необходимость внутренняго убѣжденія. Благоговѣніе преподавателя предъ наукой и сила внутренняго убѣжденія придаютъ ему и самому вліянію его на молодежь.

«Педагогическое наслѣдство, завѣщанное намъ Пироговымъ, велико. Давно пора въ немъ серьезно разобраться! Давно пора энергичнѣе использовать это богатство! Хочется вѣрить, что, когда въ русскую школу войдутъ завѣты Пирогова, нашего замѣчательнѣйшаго педагога-мыслителя и педагога-психолога, въ русской школѣ станеть свѣтло и радостно!..» Такими словами закончилъ г. Комарницкій свою интересную рѣчь въ честь Н. И. Пирогова.

Самою обстоятельно является пятая изъ рѣчей въ честь великаго русскаго ученаго и педагога, произнесенная преподавателемъ русскаго языка 2-й варшавской мужской гимназіи г. Витошинскимъ на тему: «Педагогическія идеи Н. И. Пирогова» (стр. 70—110).

Авторъ раздѣляетъ изученіе всего педагогическаго міросозерцанія Пирогова на три главныя части: 1) университетскій вопросъ; 2) мысли Пирогова о задачахъ средней школы, и 3)—о необходимости созданія низшей народной школы.

Взгляды Пирогова на университетскій вопрос изложены въ его статьяхъ: 1) «Университетскій вопросъ»; 2) «Чего мы желаемъ?»; 3) «Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ»; 4) «По поводу занятій русскихъ ученыхъ за границей».

Говоря о предстоявшей тогда реформѣ русскихъ университетовъ, Пироговъ не скрываетъ того, что эта реформа дѣло очень трудное и очень сложное. Она должна удовлетворить три стороны: университетъ, въ лицѣ профессуры и студенчества, правительство и нарождающіяся культурныя потребности общества.

Высказываемыя имъ мысли представляютъ огромный современный интересъ.

Такъ, напримѣръ, Пироговъ совершенно справедливо полагаетъ, что реформа эта потребуетъ прежде всего значительныхъ силъ отъ коллегіи профессоровъ. Но есть ли у нея достаточныя для реформы силы? Пироговъ сомнѣвается въ ихъ наличности. Профессорская коллегія русскаго университета страдаетъ адинаміею, слабостью жизненныхъ силъ и не можетъ поднять науку въ университетѣ на ту степень жизненности и творческой мощи, которая дѣлала бы университетъ жизненно-стойкимъ въ борьбѣ съ разнаго рода разрушительными вліяніями... Отсутствіе надлежаще подготовленныхъ профессоровъ грозитъ по временамъ прервать правильный ходъ университетскихъ занятій. Въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ экстреннымъ мѣрамъ. Правительство высылало въ заграничныя университеты молодыхъ волонтеровъ, болѣе или менѣе соответствовавшихъ ихъ будущему призванію, и затѣмъ предоставляло имъ профессорскія каѳедры. Сначала полагали, что такой мѣры вполне достаточно для поддержанія въ университетѣ правильного прилива въ профессуру ученыхъ силъ... Пироговъ вооружился противъ такой системы готовить профессоровъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ матеріальную сторону дѣла—необезпеченное существованіе лицъ, посвящающихъ себя научной дѣятельности (стр. 80—81).

Замѣченное Пироговымъ явленіе происходитъ въ нашихъ университетахъ и въ настоящее время: большое число каѳедръ, особенно въ провинціальныхъ университетахъ, пустоеть, такъ какъ трудно имѣть профессора, да еще съ докторскою, какъ этого требуетъ университетскій уставъ, степенью за вознагражденіе въ три-четыре тысячи въ годъ; посылка молодыхъ людей для подготовки къ профессорской дѣятельности въ чужіе края, предпринятая нынѣшнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, не одобряется даже нашею императорскою академіею наукъ.

Пироговъ особенно настаиваетъ на преимуществахъ замѣщенія профессорскихъ каѳедръ путемъ конкурса, а не баллотировки безъ конкурса, такъ какъ гласность во всякомъ дѣлѣ болѣе гарантируетъ безпристрастіе, чѣмъ келейность. Конкурсъ является могучимъ средствомъ въ борьбѣ съ nepотизмомъ, съ системою покровительства своимъ, являющейся большимъ зломъ и большимъ мѣстомъ нашихъ университетскихъ коллегій.

Что касается студенчества, то, несмотря на горячую любовь къ русской молодежи (объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. И. Пироговѣ докторъ С. Н. Зененко), Пироговъ далекъ отъ мысли идеализировать ея духовную сущность. Сурово и безпощадно онъ разбиваетъ иллюзіи тѣхъ лицъ, которыя любятъ красивыми словами прикрывать убогую сущность. Болѣе всего

онъ упрекаетъ наше студенчество въ отсутствіи настойчивости и упорства въ научныхъ занятіяхъ. Учащіеся очень легко мирятся съ полужнаниемъ. Въ ихъ душѣ какъ будто отсутствуетъ тотъ священный огонь, который заставляетъ человѣка не жалѣть упорныхъ, мелкихъ и кропотливыхъ занятій, лишь бы въ результатѣ ихъ добиться увѣренности, что добыта хоть маленькая частица научной истины.

Весьма любопытны у Пирогова его замѣчанія объ отношеніи университета къ гимназіи. По мнѣнію Пирогова, нужно увеличить вліяніе университетовъ на гимназіи; это усилитъ ихъ связь съ обществомъ. Пироговъ находитъ весьма полезнымъ преподаваніе профессоровъ университета въ гимназіяхъ. Участіе профессора университета, какъ человѣка, шире и глубже смотрящаго на задачи школы и средства ихъ достиженія, въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи должно оказывать на его постановленія весьма благотворное вліяніе. Въ весьма оживленномъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка спорѣ о преимуществахъ классицизма и реализма Пироговъ признаетъ за классическимъ образованіемъ преимущество какъ въ смыслѣ общаго развитія, такъ и въ смыслѣ исключительнаго права на поступленіе въ университетъ. О народной школѣ Пироговъ написалъ немного. Народная школа въ то время только еще зарождалась и дѣлала первые робкіе шаги.

Въ заключеніи своей содержательной и весьма интересной рѣчи г. Витошинскій говоритъ: «Въ полномъ объемѣ не осуществлена еще ни одна изъ идей Пирогова: нѣкоторыя протекаютъ въ жизнь школы робкими и неувѣренными шагами, другія будутъ ждать своей очереди еще цѣлыя десятилѣтія. Но русская школа горячо вѣритъ, что рано или поздно, если не всё, то важнѣйшія идеи Пирогова найдутъ въ ней примѣненіе и сдѣлаютъ ее сильною, бодрою и цвѣтущею. И тогда тѣ дѣятели школы, болѣе счастливые, чѣмъ мы сейчасъ, будутъ имѣть основаніе сказать своему духовному вождю: «Да, великій учитель! Не напрасно ты училъ, и страдалъ ты не напрасно!.. (стр. 110).

Настоящій сборникъ въ честь Н. И. Пирогова заканчивается статьею доктора С. Н. Зененка: «Изъ воспоминаній о Н. И. Пироговѣ» (стр. 111—118). Воспоминанія эти, относящіяся къ тому времени, когда Н. И. состоялъ попечителемъ кievскаго округа, а авторъ ихъ былъ воспитанникомъ 4-го класса 2-й кievской гимназіи, рисуютъ Н. И. Пирогова высокогуманнымъ и сердечнымъ человѣкомъ. Какъ живое слово современника, статья г. Зененка представляетъ несомнѣнный интересъ.

Въ «Сборникѣ» помѣщены три весьма удачные портрета, изображающіе знаменитаго русскаго врача, ученаго и педагога въ три эпохи его жизни: въ расцвѣтѣ силъ (профессоромъ), на склонѣ лѣтъ (попечителемъ учебнаго округа) и старикомъ (на покойѣ).

Желаемъ руководимому талантливимъ нашимъ ученымъ профессоромъ Е. А. Бобровымъ педагогическому кружку при императорскомъ варшавскомъ университетѣ дальнѣйшей плодотворной дѣятельности, а изданному имъ и напечатанному, подъ редакцію его предсѣдателя, сборнику широкаго распространенія.

Профессоръ М. Красножель.

А. К. Бороздинъ, проф. Русская литература въ XIX вѣкѣ. (Сто лѣтъ литературнаго развитія). Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1912. Стр. 132. Цѣна 20 коп.

Книга проф. Бороздина въ первомъ изданіи носила заголовокъ «Сто лѣтъ литературнаго развитія». Второе изданіе отъ перваго отличается въ общемъ немногимъ: 1) измѣненъ заголовокъ для точности и 2) въ изложеніе «внесены *нѣкоторыя поправки и дополненія*, особенно въ послѣдней главѣ, представляющей характеристику конца XIX вѣка».

Слова, поставленныя въ кавычки, принадлежатъ автору, и мною они приведены здѣсь въ полномъ видѣ намѣренно, причѣмъ я особенно обращаю вниманіе читателя на курсивъ, который принадлежитъ мнѣ. Выдѣляя курсивомъ слова автора, я хотѣлъ такимъ образомъ указать ему, что разъ понадобилось ему переизданіе своего небольшого труда, то, очевидно, сдѣлано это потому, что на него есть спросъ. А если это такъ, то, думается, ограничиваться лишь «нѣкоторыми поправками и дополненіями» нельзя. Нельзя уже хотя бы потому, что, если не ошибаюсь, впервые его «Сто лѣтъ литературнаго развитія» увидѣло свѣтъ въ одномъ изъ журналовъ лѣтъ 10—12 тому назадъ, а за 10 лѣтъ много воды утекло. Особенно досадно, что авторъ, лицо довольно извѣстное въ литературѣ, повторяетъ «старинки» въ родѣ, напримѣръ, того, будто Державинъ сравнилъ поэзію съ «вкуснымъ лимонадомъ» или будто «поэтъ—по взгляду Пушкина—есть пророкъ, возвѣщающій людямъ волю Божію». Мнѣніе это, высказанное еще Анненковымъ, теперь должно быть оставлено (см. Сиповскій—Истор. русск. литер., ч. III, и Эйхенбаумъ—«Пушкинъ—поэтъ и бунтъ 1825 года» въ «Вѣсти. Знанія» за 1907 г., № 1). Затѣмъ, избитымъ намъ кажется и мнѣніе, будто «Вечера на хуторѣ» Гоголя—произведеніе юмористическое. По опредѣленію Гоголя, юморъ есть видимый смѣхъ сквозь незримыя міру слезы,—другими словами—юмористъ въ одно и то же время и смѣется надъ своими героями, мелкими и порочными людьми, и сожалеетъ ихъ. Отсюда выводъ—веселаго юмора нѣтъ. Вотъ почему нѣкоторыя новѣйшіе историки литературы говорятъ, что юморъ у Гоголя впервые замѣтенъ лишь въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ»

Нельзя не похвалить на автора и за его тяжеловатый слогъ, громоздкія и неуклюжія фразы по 10—13 строкъ (См., напримѣръ, стр. 32, 34, 42, 47 и пр.). Книжечка издана книгоиздательствомъ «Прометей» опрятно, но цѣна высока.

Я. Виржковъ.

Сборникъ памяти Л. М. Маціевича. (1 января 1877 г.—24 сентября 1910 г.). Біографическій очеркъ, воспоминанія, газетныя статьи, телеграммы и т. д. Спб. 1912. Стр. 172. Цѣна 1 рубль.

Эта книга о первой жертвѣ русскаго воздухоплаванія и о первой побѣдѣ нашей. «Онъ умеръ славной смертью,—говорилось о Маціевичѣ въ одномъ некрологѣ:—небывалой смертью и кровью своего разможенного тѣла отмѣтилъ первую послѣ ряда горькихъ униженій побѣду Россіи». Эта книга—вѣнокъ на его могилу отъ друзей и товарищей—заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскаго общества, и оно должно сказать искреннее, большое спасибо составителямъ и авторамъ ея.

«И плакало небо горькими слезами и просило прошенія у человѣка»...— эти красивыя, печальныя слова изъ одного фельетона памяти Л. М. Маціевича какъ нельзя болѣе подходятъ эпитафіомъ о такъ рано прервавшейся, такъ трагически окончившейся молодой жизни.

Изъ біографическаго очерка мы узнаемъ, что еще съ самаго дѣтства Маціевича, выросшаго среди большого завода, среди вѣчно дымящихся, высокихъ трубъ и различныхъ машинъ, неудержимо влекли къ себѣ эти огромныя, громяющія колеса, блестящіе, таинственные механизмы, шестерни, рычаги, техника. Любимой забавой маленькаго, любознательнаго Левка было соорудить своими неумѣлыми ручонками модели видѣнныхъ машинъ. Наступаютъ гимназическіе годы. И Маціевичъ, воспитанникъ классической гимназіи, страшно увлекается естествознаніемъ, математикой и прикладными науками. Его комната обращается въ маленькую лабораторію со множествомъ всякихъ колбочекъ, ретортъ, различныхъ приборовъ, сосудовъ съ какими-то жидкостями для опытовъ. А на ряду съ этимъ Майнъ-Ридъ, Куперъ, Жюль-Вернь. «Даже въ болѣе позднее время,—читаемъ мы въ біографіи,— Л. М. не переставали интересоваться подобныя произведенія. По свидѣтельству его друзей, еще въ 1908 году Л. М. увлекался утопіей А. Богданова «Красная звѣзда» и самымъ серьезнымъ образомъ входилъ въ обсужденіе технической стороны предположеній Богданова, выясняя конструкцію того аппарата, на которомъ должны были летать марсіане». Послѣ гимназіи, съ большимъ запасомъ самостоятельно прибрѣтенныхъ знаній и страстной жаждой труда онъ поступаетъ въ харьковскій политехническій институтъ, потомъ въ морскую академію. И тутъ начинается кипучая, полная неисчерпаемыхъ силъ и энергіи, трудовая жизнь молодого техника. Онъ пишетъ и защищаетъ проектъ сѣтки, ограждающей флотъ отъ непріятельскихъ минъ, проектъ броненоснаго крейсера, 14 проектовъ подводныхъ лодокъ, работаетъ при сооруженіи крейсера «Очаковъ», броненосца «Іоаннъ Златоустъ», ѣдетъ въ Германію для наблюденія за постройкой тамъ русскихъ подводныхъ лодокъ и, наконецъ, съ 1908 года всецѣло отдается воздухоплаванію, принимая одновременно дѣятельное участіе и въ работѣ украинскаго общества «Громада». За 5¹/₂ мѣсяцевъ своей командировки во Францію онъ подробно ознакомился съ 7 тамошними аэродромами, детально изучилъ устройство 4 биплановъ, 8 моноплановъ, 2 дирижаблей, успѣвъ въ то же время побывать въ Англии, гдѣ осматрѣлъ около 20 аэроплановъ различныхъ конструкцій, и посѣтить съ тою же цѣлью выставку въ Брюсселѣ.

Мы не станемъ перечислять всего, что успѣлъ сдѣлать капитанъ Маціевичъ,— это заняло бы слишкомъ много мѣста и времени. Но что дѣйствительно поражаетъ при знакомствѣ съ этой выдающейся личностью, это рѣдкая трудоспособность, энергія и любовь къ работѣ.

Изъ отдѣльныхъ статей «Сборника» особенно любопытна статья г. М. И. О. «Маціевичъ, какъ инженеръ», такъ какъ въ періодической прессѣ, въ свое время посвятившей много прочувствованныхъ и интересныхъ строкъ Маціевичу, какъ человѣку, воздухоплавателю и общественному дѣятелю, эта сторона, его научное значеніе въ качествѣ выдающагося инженера-специалиста, была затронута весьма недостаточно и оставалась въ тѣни, извѣстная лишь неболь-

шому сравнительно кругу специалистовъ, сослуживцевъ и товарищей Маціевича. Названная статья прибавляетъ много новаго и съ этой стороны представляетъ замѣтный интересъ.

Затѣмъ выдаются статьи К. И. Арабажина «Джентльмень-громадянинъ» и извѣстнаго беллетриста Бориса Лазаревскаго «Левко Маціевичъ», обрисовывающія покойнаго, какъ человѣка, общественнаго дѣятеля и выдающагося члена «Громады».

Далѣе слѣдуетъ «Заключеніе слѣдственной комиссіи о причинахъ гибели Л. М. Маціевича» и «Печать о смерти Маціевича», гдѣ собрано, по возможности, все наиболѣе яркое и выдающееся, что было напечатано о немъ послѣ смерти; приложенъ списокъ телеграммъ, полученныхъ женой покойнаго, вѣнковъ, возложенныхъ на его гробъ.

Изъ стихотвореній особенно сильное впечатлѣніе оставляетъ красивое стихотвореніе извѣстнаго шлессельбуржца Н. А. Морозова, прочитанное въ день похоронъ на могилѣ Л. М.

Издана книга хорошо, украшена множествомъ видовъ, рисунковъ и портретовъ Маціевича и представляетъ собою дѣйствительно цѣнный «литературный вѣнокъ на его могилу отъ друзей и товарищей».

М—ко.

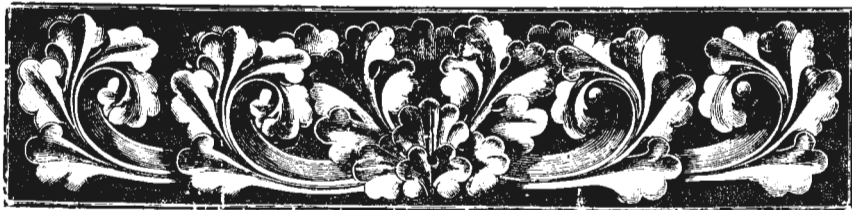

**Lexikon Baltischer Künstler. Herausgegeben von Dr. Wilhelm Neumann.
Рига. 1908.**

Въ основу этой небольшой (179 стр.) книжки легли работы покойнаго мѣстнаго художника Юліуса Деринга († 1898 г.), бывшаго продолжительное время секретаремъ курляндскаго Gesellschaft für Litteratur und Kunst и широко пользовавшагося богатымъ архивомъ этого общества. Г. Нейману пришлось только дополнить работу Деринга просмотромъ специальныхъ журналовъ (на русскомъ языкѣ, напримѣръ, «Зодчій») и изданій (каковы, напримѣръ, на русскомъ языкѣ труды Ровинскаго, Собко, Булгакова, Сборникъ матеріаловъ для исторіи имп. академіи художествъ), насколько они касаются прямой цѣли г. Неймана. Всего помѣщено 517 біографій живописцевъ, литографовъ, гравировъ, архитекторовъ и т. д., начиная съ XV вѣка до нашихъ дней, при чемъ въ словарь нашли себѣ мѣсто не только уроженцы Прибалтійскаго края, но и иностранцы, переселившіеся въ Остзейскій край, работавшіе здѣсь, нашедшіе здѣсь, такъ сказать, свою вторую родину.

Къ сожалѣнію, словарь поставилъ своей задачей дать только канву для біографій, т. е. рядъ голыхъ хронологическихъ данныхъ, да еще только въ рѣдкихъ случаяхъ присоединяетъ перечень главнѣйшихъ работъ (у болѣе старыхъ художниковъ—XVIII вѣка и ранѣе—эти списки составлены съ наибольшей полнотой).

А. Э. Мальмгрень.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИЗДАННЫЯ воспоминанія о походѣ французовъ въ Россію въ 1812 году. Французскіе журналы продолжаютъ помѣщать различныя статьи о роковомъ для французовъ походѣ 1812 года, и въ нѣсколькихъ нумерахъ «Revue Bleue» находятся отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній одного изъ участниковъ этого похода графа, а впоследствии маркиза Пасторэ¹⁾. Редакція журнала «Revue Bleue» съ нѣкоторой горечью отмѣчаетъ, что французская республика великодушно, быть можетъ, даже слишкомъ великодушно присоединяется къ чествованію этого вѣкового воспоминанія. Конечно, хорошо, что ссоры не вѣчно длятся между народами и послѣдніе находятъ даже въ воспоминаніяхъ ихъ соперничества причины для совмѣстнаго братованія. Но для использования урока исторіи имъ слѣдуетъ прославить всѣхъ отважныхъ воиновъ, восторгаться одинаково побѣдителями и побѣжденными и смѣшать вмѣстѣ ихъ героизмъ для извлеченія изъ него единственнаго примѣра доблести и самоотреченія. Предать забвенію столѣтъ спустя дѣятельность тѣхъ, къ кому судьба оказалась неблагопріятна, было бы преступной забывчивостью, чѣмъ-то въ родѣ святотатства, какого не могла бы допустить ни одна нація, поэтому въ «Revue Bleue» начались печататься воспоминанія одного изъ очевидцевъ событій и участниковъ въ борьбѣ 1812 года.

Авторъ этихъ воспоминаній Амедей Давидъ Пасторэ, сынъ Эмануэля Пасторэ, убѣжденнаго революціонера, сдѣлавшагося имперіалистомъ и во время реставраціи членомъ тайнаго совѣта и канцлеромъ Франціи, а затѣмъ отказав-

¹⁾ Amedé de Pastoret. Souvenirs inédits de la campagne de 1812 г. «Revue Bleue» 27 Juillet, 3 Aout.

«истор. вѣстн.», сентябрь 1912 г., т. сxxix,

шагося соединиться съ правительствомъ Людовика-Филиппа. Карьера сына во многомъ походила на карьеру отца, но только послѣдній не добился того почетнаго положенія, какого достигъ сынъ.

Амедей Давидъ родился въ Парижѣ 2-го января 1791 года. Едва окончивъ лицей, восемнадцатилѣтній Пасторэ былъ назначенъ главнымъ секретаремъ временнаго правительства римскихъ штатовъ и почти въ то же время онъ поступилъ въ государственный совѣтъ и ему поручали различныя мисси за границу. 6-го апрѣля 1812 года Наполеонъ назначилъ его управителемъ Витебской губернии, и такимъ образомъ онъ былъ довольно непосредственно замѣшанъ въ событія похода 1812 года.

Молодой человекъ сумѣлъ плѣнить Наполеона, хотя, по отзыву маркграфа Баденскаго, «гражданская администрація была поручена совершенно неопытному юншъ и, когда онъ потребовалъ изъ витебскихъ магазиновъ сукна и обуви для своихъ солдатъ,—Пасторэ ему отказалъ; а при отступленіи, вскорѣ послѣдовавшемъ, всѣ запасы были потеряны. Когда при отступленіи маркграфъ Баденскій его снова увидѣлъ уже среди бѣглецовъ на берегу Березины, то попенялъ ему, что онъ отказалъ дать требуемыя имъ для солдатъ предметы, а теперь все бросили въ руки непріятеля. Два года спустя, этотъ юный администраторъ обратился къ маркграфу съ просьбой помочь ему добиться баденскаго ордена, но маркграфъ нашелъ эту просьбу слишкомъ наивной: дурная администрація завоеванныхъ территорий много способствовала гибели арміи, ибо большинство чиновниковъ старались только разбогатѣть за счетъ своей страны. Это замѣчаніе не относилось къ Пасторэ, который, правда, обладая прямымъ характеромъ и довѣрчивостью, былъ лишенъ личнаго авторитета. Но тѣмъ не менѣе Наполеонъ былъ имъ настолько доволенъ, что чрезъ годъ сдѣлалъ его помощникомъ префекта въ Корбейлѣ, а чрезъ нѣсколько дней—22-го того же мѣсяца—управляющимъ нѣмецкими странами по ту сторону Эльбы. Пасторэ, подражая отцу, занимался риэмонлетствомъ и даже написалъ элегію, но его произведенія, претенціозныя и напыщенныя, вызывали только улыбки современниковъ. Лучшими изъ написанныхъ имъ страницъ считаются его воспоминанія о походѣ 1812 года. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи къ главѣ «До Березины»: «желательно, чтобы я, какъ свидѣтель великихъ событій, сохранилъ о нихъ память. Попробую это сдѣлать. Иногда, быть можетъ, меня могутъ обвинить въ предубѣжденіи или ошибкахъ, и иногда, быть можетъ, я заслуживаю одного изъ этихъ упрековъ». Но этотъ грѣхъ онъ объясняетъ тѣмъ, что часто существуетъ большая разница между манерой, какъ все происходитъ, и той, какъ это передается; онъ же намѣренъ сказать то, что онъ видѣлъ, какъ онъ видѣлъ, не внося ни малѣйшаго искаженія истины.

¹² Въ маѣ мѣсяцѣ Пасторэ выѣхалъ изъ Парижа въ главную квартиру, остановившюся на нѣсколько дней въ нѣмецкомъ городкѣ Гумбинненѣ. Отсюда отправился Нарбоннъ къ Александру I сдѣлать послѣднія усилія въ попыткѣ уладить дѣло, тогда какъ Прево, секретарь посольства въ Россіи, сначала явившійся въ Дрезденъ дать отчетъ о положеніи дѣлъ и отосланный немедленно въ Петербургъ съ новыми приказаніями, ожидалъ результатовъ все еще тянувшихся переговоровъ. Всѣ надежды на миръ были потеряны. Тщетно Нар-

боннѣ пытался попасть къ императору Александру, его попытки оказались бесплодны, и въ концѣ концовъ ему объявили, что онъ не увидитъ императора и что самъ императоръ не знаетъ объ его миссіи и объ его повѣздкѣ. Вотъ единственный отвѣтъ, съ какимъ онъ вернулся къ Наполеону. Въ то же время въ Гумбинненѣ прибылъ Прево съ отказомъ подписать условія, предложенныя Франціей, и война была объявлена.

Армія двинулась. Наполеонъ выѣхалъ изъ Гумбиннена и 13-го іюня достигъ береговъ Нѣмана. Авторъ не повторяетъ, какъ Наполеонъ лично ознакомился съ мѣстностью и какъ послѣ бесплодныхъ попытокъ уладить дѣло вся армія перешла рѣку и вступила на непріятельскую территорію. Авторъ прямо начинаетъ съ того момента, какъ Александръ былъ пораженъ быстрымъ передвиженіемъ французовъ, когда на балу въ Вильнѣ ему доложили объ ихъ приближеніи. «У окружавшихъ его, — говоритъ онъ, — не было достаточно твердости, чтобы придать императору недостававшей ему, и онъ уѣхалъ ночью съ одной полькой, которая была его любовницей».

Въ Ковнѣ Пасторъ уже сдѣлалъ наблюденія надъ поляками, и не въ ихъ пользу. Онъ начерталъ ихъ нравственный портретъ иной, чѣмъ далъ Рюльеръ: они показались ему совершенно другими. «Слабохарактерные и преданные всевозможному злу, на какое увлекаетъ слабость, алчные до блеска и ничего недѣланья, поляки изъ гордости выходятъ изъ спокойнаго состоянія, чтобы по необходимости вернуться въ рабство, и ихъ воля, никогда не предвидѣвшая препятствій, приходитъ въ упадокъ, когда предъ ихъ глазами появляется препятствіе. Такимъ образомъ они провозгласили, а затѣмъ оттолкнули Станислава, слѣдовали, а потомъ покинули конфедератовъ Бара, признали Костюшко и измѣнили намъ при нашихъ несчастіяхъ. Такимъ образомъ ихъ видѣли также легко порвавшими обязательства, которыя когда-то они взяли на себя съ такой восторженностью. Презрѣнный народъ, двѣ трети котораго состоятъ изъ рабовъ, по развитію ниже нашихъ цивилизованныхъ животныхъ, и изъ которыхъ остальные тщеславятся своимъ богатствомъ, чтобы вырвать помощь, говорятъ о чести, чтобы добиться орденовъ, и украшаются своей древней свободой лишь, чтобы лучше продать ее».

Пасторъ бросаетъ бѣглый взглядъ на обстоятельства, при какихъ находилась Европа въ то время, какъ французы переходили Нѣманъ и какія у послѣднихъ были средства и ресурсы сравнительно съ Россіей.

Англія только что отказалась отъ мира, и ея интриги, продолжавшіяся даже во время переговоровъ, уже взволновали нѣкоторые европейскіе дворы. Однако все было спокойно. Австрія, соединившаяся съ Франціей недавними узами, была расположена вторить ей. Пруссія, руководимая, быть можетъ, другимъ чувствомъ, но, кромѣ того, скованная новымъ трактатомъ, соединилась съ Франціей; рейнская конфедерація, управляемая своимъ покровителемъ, послала подъ французскія знамена всю опредѣленную часть солдатъ, потребованную отъ нея, и уже великое герцогство Варшавское, безъ труда уступая предъ могучимъ импульсомъ, выбирало пословъ, избирало маршаловъ и приготавливало федеративный сеймъ. Данія и ея государь желали союза съ Франціей и поклялись ненавидѣть Англію. Врожденные враги Россіи, прежніе сѣверные союзники

Франціи, шведы уже своимъ выборомъ Вернадотта выражали желаніе охотно подпасть подъ французское вліяніе, а Турція, управляемая государемъ, еще плохо утвердившимся, безпокоимая Россіей, казалось, имѣла опору только во французахъ, интересовалась только войной и средствомъ ускользнуть отъ своего разоренія, лишь помогая ихъ побѣдамъ. Съ другой стороны, Италия, давно потрясаемая неистовствомъ партій, наконецъ наслаждалась покоемъ, необходимымъ для нея, изъ котораго Франція извлекала пользу, и сама Испанія цѣликомъ подпадала подъ власть Франціи, благодаря плану, придуманному, какъ говорятъ, самимъ королемъ.

При такихъ обстоятельствахъ французскія войска переходили рѣку, отдѣлявшую страны, подчиненныя Россіи, отъ странъ, признававшихъ французское вліяніе. Никогда еще французскія войска, хотя и привычныя къ побѣдѣ, не шли на бой съ большей довѣрчивостью и отвагой. Только нѣкоторые маршалы и генералы, слишкомъ покрытые почестями, благодѣянiami, чтобы у нихъ осталось еще какое-нибудь желаніе для удовлетворенія, казалось, отказывались исполнять свой долгъ и требовали отдыха. Остальные всѣ были воодушевлены одинаковымъ пламенемъ и всѣ ходатайствовали о разрѣшеніи раздѣлить тяжесть похода, или, вѣрнѣе, награду похода.

Военная администрація уже подсчитывала жертвы побѣжденныхъ, а гражданская обдумывала, какъ организовать завоеванную территорію. Офицеры двигались, окруженные внѣшней роскошью, результаты которой сказались впоследствии. Двадцать тысячъ слугъ, двѣ или три тысячи экипажей, тридцать или сорокъ тысячъ лошадей — составляли бесполезный кортежъ армии, уже безъ того задерживаемой въ ея движеніи восьмьюстами пушекъ и толпой людей безъ всякаго занятія, слѣдовавшими за нею въ надеждѣ воспользоваться разомъ и небрежностью побѣдителей и несчастьемъ побѣжденныхъ.

Такимъ образомъ, запасы продовольствія, приготовленные для армии, уничтожались съ быстротой уже ужасающей и съ еще болѣе грознымъ безпорядкомъ. Это обстоятельство задерживало часто движеніе отрядовъ, и главный интересъ, безпрестанно сталкиваясь съ отдѣльными интересами, становился нелѣпымъ предлогомъ, пустымъ звукомъ. Однимъ словомъ, во французской армии происходила та же игра интересовъ, тѣ же интриги, какъ и во всякой другой, но это было тѣмъ ужаснѣе, что въ ней участвовали иностранцы.

Изъ Ковны до Вильны французская армія передвигалась съ большимъ трудомъ, хотя разстояніе между обоими городами по расчету французовъ было всего двадцать восемь миль. Неровная мѣстность, глубокій песокъ, къ тому же страшная жара — дѣлали путь чрезвычайно тяжелымъ. Ихъ лошади, непривычныя къ такимъ труднымъ дорогамъ, погибали въ большомъ количествѣ, и армія насчитывала ихъ убыль въ семь-восемь тысячъ. Когда четыре дня спустя Пасторъ проѣзжалъ черезъ эту мѣстность, чтобы присоединиться къ Наполеону, то ихъ трупы далеко распространяли опасное зловоніе.

Пасторе перешелъ Нѣманъ въ іюль мѣсяцѣ: восточная Пруссія была наводнена мародерами, грабившими деревни, и только нѣкоторое время спустя летучіе отряды нѣсколько уменьшили эти разбои.

«Между тѣмъ русскіе отступали предъ нами, — говоритъ онъ, — и дали намъ

перейти Нѣманъ. Они допустили насъ водвориться въ Вильнѣ, не пробуя дѣлать никакихъ препятствій, кромѣ легкихъ перестрѣлокъ. Императоръ вступилъ въ Вильну первый; онъ поселился тамъ въ узкой улицѣ позади университета и потребовалъ въ городъ свою гвардію, главный штабъ и нѣкоторые изъ отрядовъ».

Вильна была совсѣмъ не ограблена, городскія власти продолжали исполнять свои обязанности, и все оставалось въ обычномъ порядкѣ. Герцогъ Бассано, принявъ приказъ Наполеона, первымъ долгомъ принялся за организацію Литвы, которая, повидимому, была уже въ нашемъ распоряженіи,—говоритъ Пасторэ.— Король Вестфалии, въ сопровожденіи генерала Ренъе, двинулся на Гродну, а герцогъ Тарантъ—на Мемель, въ то время какъ центральная армія направилась на Вильну. Мы были господами почти всего теченія Нѣмана. Императоръ призывалъ литовцевъ на общую конфедерацію; онъ предоставилъ имъ самимъ рѣшать, вооружаться и дѣйствовать и сохранилъ въ ихъ временномъ правительствѣ всѣ формы свободы. Были созданы четыре управителя, и эти четыре управленія администрировались совершенно польскимъ совѣтомъ, гдѣ находился только одинъ французъ-президентъ. Они подчинялись правительственной комиссіи изъ литовскихъ дворянъ, къ нимъ былъ приставленъ также одинъ комиссаръ Наполеона, на обязанности котораго было соблюдать интересы французовъ и быть органомъ для различныхъ просьбъ и созывать комиссію.

14-го іюля Литва присоединилась къ конфедераціи великаго герцогства Варшавскаго. Депутаты принесли актъ, король Саксоніи его утвердилъ, императоръ его призналъ, и церемонія состоялась въ соборѣ. Пасторэ приводитъ свое впечатлѣніе во время этой церемоніи, извлеченное изъ письма, написаннаго имъ на другой день этой церемоніи. «Мнѣ было любопытно,—говоритъ онъ,—посмотрѣть, какъ одинъ и тотъ же народъ, который двѣ недѣли тому назадъ чувствовалъ императора Александра, приметъ извѣстіе о своемъ освобожденіи». Описывая эту церемонію, Пасторэ относится къ полякамъ съ какимъ-то предубѣжденіемъ и говоритъ: «Народъ, который всегда любитъ новыя впечатлѣнія и который, не понимая слова «свобода», зналъ по крайней мѣрѣ, что дѣло идетъ о перемѣнѣ; женщины находили случай говорить о родинѣ, чести и преданности; дворяне, которымъ заранѣе льстила надежда, что интриги на выборахъ вновь открываютъ карьеру, перспективу независимости и прежней феодальной власти, всѣ рукоплескали съ какимъ-то воодушевленіемъ и всѣ послѣ рѣчи графа Сѣраковскаго бросились на скамью депутатовъ, чтобы записать свое имя, и когда послѣ благодарственнаго пѣнія они въ порядкѣ вышли изъ залы, чтобы отнести герцогу Бассано актъ, то каково бы ни было ихъ внутреннее чувство, опяняющее ихъ, всѣ они, казалось, говорили, скорѣе съ тщеславіемъ, чѣмъ съ волненіемъ: «и у насъ тоже есть родина».

Тѣмъ временемъ французскія войска осторожно и втихомолку подвигались. Изъ Вильны можно было направиться и въ Петербургъ и въ Москву, и никто не зналъ, какое направленіе нужно взять. Изъ Вильны въ Витебскъ вели два пути, и также никто не былъ освѣдомленъ, по какому изъ нихъ слѣдовать. «Авангардъ, еще находившійся невдалекѣ отъ Вильны, наконецъ двинулся во вторникъ, но отъ насъ хранили все въ секретѣ,—говоритъ Пасторэ.—Въ городѣ не было ника-

кого извѣстія, и даже когда произошло легкое столкновеніе на передовыхъ постахъ, всѣ были на балу у графа Паца, справлявшаго присоединеніе Литвы къ общей федераціи. Наполеонъ тоже хотѣлъ присутствовать и долго оставался съ женщинами. Онъ говорилъ имъ о патріотизмѣ, о томъ, что любовь, возбуждаемая ими, должна возбудить честь, говорилъ имъ любезности по поводу выбора національныхъ цвѣтовъ, которыми онѣ украсили себя, польскихъ танцевъ, однихъ заполнявшихъ весь вечеръ, — и совершенно ихъ очаровалъ.

На слѣдующій день Паць былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ, Наполеонъ хотѣлъ дать литовцамъ доказательство своего уваженія и выбралъ генерала изъ ихъ соотечественниковъ.

Почью съ 15-го на 16-е Наполеонъ покинулъ Вильну, и на слѣдующій день главный штабъ получилъ приказъ тоже двинуться.

— Куда мы идемъ, — спрашивали мы всѣ ночью?

— Слѣдуйте, господа, — отвѣчали намъ: — по этой дорогѣ послѣдовалъ императоръ.

— Но что же, идемъ мы на Петербургъ или на Москву, отправляемся мы въ Витебскъ или въ Полоцкъ, по сѣверной или южной дорогѣ?

— Слѣдуйте, господа, — былъ единственный отвѣтъ, какого мы могли добиться.

Наступилъ день, а мы ничего не узнали. Пройдя пять-шесть верстъ, мы наконецъ узнали черезъ нѣсколькихъ инженеровъ, что мы направляемся въ Витебскъ: это была тайна, которую строго хранили. Бригада Кольбера въ то же время взяла путь на Минскъ, Бобрь и Оршу, который она совершила не безъ труда и опасностей. А чтобы лучше обмануть русскихъ, другой отрядъ взялъ южный путь на Витебскъ чрезъ Лаваришки и Лозовку, тогда какъ Пасторэ слѣдовалъ черезъ Свѣнцяны и Поставы.

Изъ этихъ двухъ путей южный былъ несравненно лучше и чаще использованъ, но зато излюбленный врагомъ. Сначала русскихъ избѣгали, но все-таки не могли избѣжать тѣхъ бѣдъ, которыя они подготовили, заранѣе сжигая и уничтожая все, и съ этихъ поръ они начали немного страдать. Пути были размыты дождемъ или уничтожены русскими. Артиллерія разбила биваки въ водѣ, у кавалеріи не было фуража. При такихъ обстоятельствахъ французы въ двѣнадцать дней совершили путь изъ Вильны въ Витебскъ.

Непріятель догналъ насъ недалеко отъ Глубокаго, гдѣ императоръ провелъ два дня. Онъ отступалъ предъ нами, но медленно. Императоръ Александръ обнарудовалъ манифестъ съ объявленіемъ объ отпаденіи Литвы и обѣщалъ, что французы не перейдутъ Двины. «Дѣйствительно, едва генералъ Себастьяни, слѣдовавшій за передовымъ отрядомъ непріятеля, прибылъ въ Дриссу, — говорить Пасторэ, — какъ подвергся ночной атакѣ. Онъ дурно держался, но ему помогли прибывшіе отряды, и мы остались хозяевами мѣстности».

Неаполитанскій король перешелъ Дриссу и занялъ правый берегъ со своей кавалеріей. Герцогъ Тревезъ и герцогъ Истрійскій — центръ въ Учатзакъ, вице-король оперся на Камень и послалъ впередъ графа Груши.

Императоръ пришелъ въ Беменовскій, маленькій городокъ на Двинѣ, и русскіе, эвакуируя разомъ и лагерь, укрѣпленный рвомъ Дриссы, и позицію

Беменовенскую, обратились в бѣгство, впервые послѣ Острова, и отправились за полверсты позади въ эту же деревню Островно. Они бросили свою артиллерію правую и лѣвую въ лѣсу, окаймляющемъ дорогу, установивъ батареи на маленькомъ холмѣ, гдѣ проходила дорога. Положеніе было удобное, но не вполне, и вице-король Италіи атаковалъ русскихъ своимъ корпусомъ. Непритель отступилъ въ долину, гдѣ онъ опирался съ одной стороны на Двину, съ другой на сосѣдній лѣсъ. Здѣсь русскіе снова были вытѣснены и, все отступая, бросились впередъ, а потомъ позади Витебска, который они очистили съ 27-го на 28-е на разсвѣтѣ. Въ этомъ дѣлѣ много способствовали успѣху двѣсти вольтижеровъ, изъ которыхъ три четверти были «дѣти Парижа», какъ они назвали себя Наполеону.

Русскіе, все отступая, не переставали тревожить французовъ. «Наканунѣ нашего вступленія въ Витебскъ, — говоритъ Патернэ, — мы расположились бивакомъ на берегу Двины, и казаки, достигнувъ середины рѣки, безнаказанно оскорбляли насъ». Болѣе того: ночью они похитили одного или двухъ солдатъ, находившихся у сарая, гдѣ ночевали Дарю и самъ авторъ воспоминаній съ нѣсколькими офицерами изъ свиты Наполеона.

При наступленіи дня они тронулись въ путь. По мѣрѣ приближенія къ Витебску пальба раздавалась громче, особенно ружейная. Въ полверстѣ отъ Витебска они увидѣли Наполеона. Онъ сидѣлъ во рву и завтракалъ, такъ же спокойно, какъ гдѣ бы то ни было, въ то время, какъ нѣсколько казаковъ изъ смѣлости или любопытства подходили къ нему на разстояніе пушечнаго выстрѣла и разсматривали его. «Это былъ первый разъ, что мы имѣли случай видѣть ихъ. Между тѣмъ въ Витебскѣ было сильное смятеніе. Генералъ-губернаторъ пустился въ бѣгство верхомъ, и немногочисленные офицеры, оставшіеся еще тамъ, послѣдовали за нимъ. Жители, не слышавшіе въ теченіе двухъ дней ничего, кромѣ звуковъ орудія, и тщетно падѣявшіеся на защиту тѣми, которые ихъ покинули, переживали смертельную тревогу и собрались всѣ въ одномъ домѣ, какъ будто, собравшись вмѣстѣ, они должны быть въ большей безопасности. Генералъ Коленкуръ, войдя въ городъ, велѣлъ созвать дворянство и спросилъ, кому поручено управлять городомъ, и назначилъ депутацію, которая подала бы ключи отъ города императору въ моментъ его прибытія.

Авторъ передаетъ, что графъ Храповицкій или, по его орфографіи, Шаровіскі, прежній бригадиръ и любовникъ Екатерины, въ то время уже оставившій службу, находился во главѣ этой депутаціи. Онъ пережилъ такой страхъ, на него произвелъ такое впечатлѣніе Наполеонъ среди его войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испыталъ различныя затрудненія по управленію городомъ, что черезъ три дня сошелъ съ ума. Его жена, особа любезная и остроумная, со своей стороны настолько была охвачена боязнью, что провела день на порогѣ своего дома, предлагая вина каждому прибывшему солдату, и думала такимъ образомъ избѣгнуть ограбленія своего дома, рассчитывая его спасти.

Витебскъ почти не былъ ограбленъ. Въ немъ оказались значительные запасы, и французы этимъ воспользовались для освѣженія арміи. Положеніе Витебска, находившагося на равномъ разстояніи отъ Петербурга и Москвы, дѣлало этотъ городъ важнымъ пунктомъ.

Пока армія освѣждалась и двинулась далѣе, Наполеонъ занялся вопросомъ, кому передать управленіе Витебскомъ и Могилевомъ. Наполеонъ хотѣлъ придать возрожденію Польши блескъ и съ этой цѣлью прибѣгнулъ къ громкимъ именамъ польскихъ аристократовъ для составленія комиссіи правительства. Самъ авторъ воспоминаній былъ назначенъ управлять провинціей, а князь Невшательскій поставилъ тамъ губернаторомъ графа Шарпантье. Но предъ Наполеономъ возникли два довольно крупныя препятствія для осуществленія его желаній: крайній беспорядокъ по деревнямъ и возстаніе среди крестьянъ, которымъ секретные агенты революціи внушили, что свобода, о которой имъ говорятъ, не что иное, какъ самая невоздержанная распущенность, а, во-вторыхъ, безусловный недостатокъ въ деньгахъ и трудность ихъ достать. Съ первымъ Наполеонъ справился. Витебское дворянство само обратилось къ нему, чтобы добиться репрессіи этимъ беспорядкамъ, посягавшимъ на ихъ права. Императоръ принялъ ихъ просьбу и далъ приказъ автору воспоминаній напечатать съ комиссіей и отъ его имени манифестъ, который самъ поправлялъ и продиктовалъ нѣсколько строчекъ, а губернатору поручилъ послать въ провинціи летучіе отряды, предназначенные остановить движеніе крестьянъ и захватить мародеровъ. Эти отряды нагнали повсюду такой страхъ, а нѣкоторые дворяне примѣняли такіа суровыя мѣры, что вскорѣ прервали это движеніе, которымъ непріятель не сумѣлъ воспользоваться, породивъ его. Что же касается финансоваго затрудненія, то въ этомъ отношеніи французы съ ними были не такъ счастливы, благодаря финансовой системѣ русскаго правительства. Пасторэ предложилъ Наполеону замѣнить ее системой Лоу съ нѣкоторыми измѣненіями, но Наполеонъ не принялъ ея, да и самъ авторъ признается, что она грѣшила въ самомъ своемъ основаніи.

Наполеонъ намѣревался зимовать въ Витебскѣ, освѣжить армію, устроить склады провіанта, сосредоточить на Двинѣ линію операцій и заняться тамъ или въ Вильнѣ составленіемъ конституціи для царства Польскаго. «Цѣлые десять дней, говоритъ—Пасторэ,—отдавались соотвѣтствующія распоряженія, и мы могли думать, что этотъ походъ одного мѣсяца поведетъ къ большимъ настоящимъ результатамъ, но наша злая судьба отняла ихъ. Самохвальство неаполитанскаго короля восторжествовало надъ волей императора и надъ совѣтами, благоразуміе которыхъ было внѣ сомнѣній,—говоритъ Пасторэ.—Витебекъ покинули, армія двинулась и направилась къ Смоленску. Императоръ покинулъ Витебекъ 12-го августа и пустился въ путь, который самъ указалъ. Главный штабъ послѣдовалъ за нимъ на другой день.

Съ этого момента до вторичнаго возвращенія арміи въ Смоленскъ при ея вторичномъ проходѣ Пасторэ ничего не можетъ сказать объ ея операціяхъ, не видя ихъ собственными глазами; онъ пересталъ слѣдовать за Наполеономъ. Теперь онъ передаетъ свои впечатлѣнія лишь о событіяхъ и людяхъ, которыхъ ему пришлось увидать.

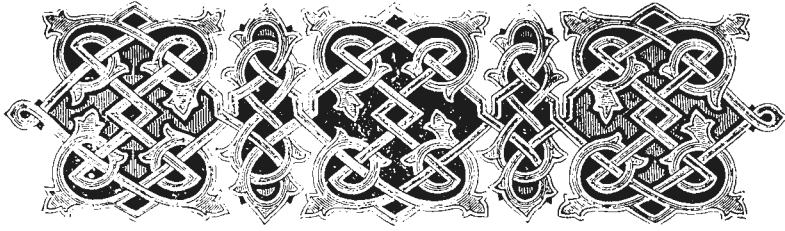
Казаки держали его въ Витебскѣ почти въ осадномъ положеніи. Въ это время Витебекъ былъ подъ прикрытіемъ перваго и шестого корпусовъ, находившихся на Двинѣ. Командовавшій ими герцогъ Реджіо шестнадцать или семнадцать разъ долженъ былъ передать командованіе графу Гувьону. 18-го августа онъ атако-

валь неприятеля сразу на нѣсколькихъ пунктахъ, сбиль съ его позиціи и отнялъ у него двадцать пушекъ. Эта побѣда рѣшила судьбу Полоцка и части провинцій, находившихся въ этомъ моментъ свободными. Гувьонъ за это получилъ маршальскій жезлъ. Только тогда Пасторэ освободился отъ казаковъ и могъ болѣе правильно заняться устройствомъ администраціи въ довѣренной ему странѣ.

Но это спокойствіе длилось недолго: то казаки Витгенштейна не давали покоя въ сѣверномъ округѣ, то казаки появлялись въ окрестностяхъ и прерывали сообщеніе между Витебскомъ и Смоленскомъ. Послѣдніе мало-по-малу исчезли по мѣрѣ того, какъ французская армія, двигаясь впередъ, заставила русскихъ болѣе удалиться. Но почти въ то же время армія Витгенштейна, освѣженная и увеличенная новыми подкрѣпленіями, возобновила операціи. Болѣе мѣсяца она не давала о себѣ знать и какъ будто совершенно прекратила свои дѣйствія, но черезъ нѣкоторое время съ прогрессивнымъ возрастаніемъ ея силъ и уменьшеніемъ французскихъ она снова оживилась. Это уменьшеніе произошло благодаря небрежности и прихоти герцога Беллюня, отказавшагося двигаться на помощь второму корпусу, и послѣшности Гувьона, который въ тотъ моментъ, когда Беллюнь прибылъ, не хотѣлъ его ожидать. Наконецъ русская армія одержала вверхъ благодаря ловкости ея генерала, заняла нѣсколько городовъ и между прочимъ Динабургъ и Дребу, возвратилась въ Полоцкъ, заставила французскую армію отступить на Сѣнно, наконецъ, овладѣла Витебскомъ въ началѣ (7-го) ноября.

Въ это бурное время управленіе страной было крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что французы не знали ни языка, ни обычаевъ. Нарождались все новыя препятствія и затрудненія. На обязанности Пасторэ лежало поддерживать существованіе 12.000 человекъ гарнизона и 3.000 больныхъ въ городѣ, выходъ изъ котораго былъ невозможенъ, дурно обслуживаемаго жителями, когда старая жатва вся вышла, а новая еще не собрана. Но самымъ большимъ препятствіемъ для Пасторэ было недоброжелательство поляковъ. Подробно этого вопроса мы коснемся въ слѣдующемъ обзорѣ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТІЕ памятника великому князю Владимиру Александровичу.

19-го іюля въ расположеніи красносельскаго лагеря, противъ юнкерскаго собранія Владимирскаго военнаго училища состоялось открытіе бюста-памятника, сооруженнаго училищемъ въ Возѣ почивающему великому князю Владимиру Александровичу, бывшему августѣйшему главнокомандующему войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, въ память котораго училище получило свое наименованіе. Въ саду у юнкерскаго собранія, противъ памятника, было приготовлено мѣсто для богослуженія; здѣсь же была построена палатка для августѣйшихъ особъ. На шоссе у средней линейки лагеря, въ ожиданіи прибытія великой княгини Маріи Павловны, были построены, при офицерахъ, юнкера училища со знаменемъ и хоромъ музыки. Незадолго до пріѣзда великой княгини на торжество открытія памятника прибылъ его императорское высочество августѣйшій главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа великій князь Николай Николаевичъ, въ сопровожденіи начальника штаба войскъ гвардіи генерала-лейтенанта барона фонъ-денъ-Бринкена, и былъ встрѣченъ рапортомъ начальника училища генерала-майора Антиопова. На торжество также собрались: великій князь Андрей Владимировичъ, начальникъ авангарднаго лагеря начальникъ 37-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Флугъ, командиръ драгунскаго полка свиты Его Величества генералъ-майоръ Эрдели, начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища генералъ-майоръ Миллеръ, представитель Павловскаго военнаго училища командиръ батальона училища полковникъ Бутыркинъ съ адъютантомъ, педагогическій персоналъ, бывшіе воспитанники училища и

другіе. Въ половинѣ четвертаго часа дня изъ Царскаго Села на открытіе памятника изволили прибыть ихъ императорскія высочества великія княгини: Марія-Павловна, Елена Владимировна и Викторія Теодоровна, ея высочество принцесса Марія-Антуанетта Мекленбургъ-Шверинская и великій князь Борисъ Владимировичъ. Августѣйшія особы, встрѣченныя начальникомъ училища, подъ звуки встрѣчнаго марша обошли фронтъ, причемъ великая княгиня Марія Павловна изволила здороваться съ юнкерами. Начальникъ училища имѣлъ счастье поднести августѣйшимъ дамамъ букеты бѣлыхъ розъ, перевитые лентами цвѣтовъ училища. Поздоровавшись съ родственниками и собравшимися лицами, особы императорской фамиліи прослѣдовали въ палатку. Къ мѣсту богослуженія было вынесено знамя училища и началось молебствіе, совершенное протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства о. Шавельскимъ при пѣніи юнкеровъ. Молебствіе закончилось царскимъ многолѣтіемъ и многолѣтіемъ великой княгини Маріи Павловны и христіанскому всероссійскому воинству. При возглашеніи вѣчной памяти въ Богъ почивающему великому князю Владимиру Александровичу завѣса, закрывавшая памятникъ, спала, и взорамъ всѣхъ открылся бронзовый бюстъ-памятникъ, изображающій великаго князя въ свитской генераль-адъютантской формѣ и въ фуражкѣ. Было скомандовано «на караулъ», и при звукахъ марша лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, шефомъ котораго состоялъ почившій великій князь, юнкера отдали памятнику установленную честь. Во время пѣнія «Вѣчная память» особы императорской фамиліи и присутствовавшія на торжествѣ лица опустили на колѣни. По совершеніи молебствія августѣйшія особы приложились ко кресту, послѣ чего протопресвитеръ окропилъ памятникъ святой водой. Затѣмъ начальникъ училища съ фельдфебелемъ Виноградовымъ возложили къ подножію памятника вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью: «Офицеры и юнкера Владимирскаго военнаго училища—великому князю Владимиру Александровичу», послѣ чего у памятника стали парные часовые изъ портупей-юнкеровъ училища. Юнкера, перестроившись, прошли въ колоннѣ, по отдѣленіямъ, церемониальнымъ маршемъ, салютуя памятнику. Осмотрѣвши памятникъ, особы императорской фамиліи прослѣдовали въ декорированное юнкерское собраніе, гдѣ былъ предложенъ чай. Здѣсь августѣйшія особы обратили вниманіе на разбитый стараніями начальника училища садъ съ гранитными террасами. Снявшись въ общей группѣ съ офицерами училища и занеся свои имена въ книгу почетныхъ посѣтителей, особы императорской фамиліи, при восторженномъ «ура» собравшихся и юнкеровъ училища, выстроенныхъ шпалерами по пути слѣдованія, въ исходѣ пятаго часа дня отбыли изъ лагернаго расположенія училища. Вновь открытый бюстъ-памятникъ работы скульптора-академика Беклемишева, изъ темной бронзы, установленный на четырехгранной колоннѣ изъ краснаго полированного гранита. На наружной сторонѣ памятника надпись: «великому князю Владимиру Александровичу», а на противоположной: «Владимирское военное училище 1910 г.».

Стипендіи двѣнадцатаго года. Официально сообщается, что въ воздаяніе подвиговъ, оказанныхъ русской арміей и ополченіемъ въ 1812 году, открывается по одной бесплатной вакансіи въ императорскомъ воспитательномъ

обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ петербургскомъ московскомъ училищахъ ордена св. Екатерины и институтахъ: Патріотическомъ, Павловскомъ, петербургскомъ и московскомъ Александровскихъ, Ксеніинскомъ, петербургскомъ и московскомъ Елизаветинскихъ, императрицы Маріи, св. Елены, въ харьковскомъ и одесскомъ императора Николая I, казанскомъ Родіоновскомъ, кievскомъ императора Николая I, бѣлостокскомъ императора Николая I, въ варшавскомъ Александровско-Маріинскомъ, закавказскомъ императора Николая I, тамбовскомъ Александринскомъ, полтавскомъ, нижегородскомъ Маріинскомъ, донскомъ Маріинскомъ, саратовскомъ Маріинскомъ, иркутскомъ императора Николая I, керченскомъ, оренбургскомъ, орловскомъ, а также въ сиротскихъ институтахъ императора Николая I въ Петербургѣ, Москвѣ и Гатчинѣ. Вакансіи эти замѣщаются потомками участникомъ войны 1812 года по прямой мужской линіи. Потомки же по женской линіи допускаются лишь при отсутствіи кандидатовъ, происходящихъ по мужской линіи. Въ императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, оба училища ордена св. Екатерины и въ институты: патріотическій, харьковский, одесскій, казанскій, кievскій, бѣлостокскій, тамбовскій, полтавскій, нижегородскій, донской, саратовскій, орловскій, варшавскій, закавказскій и иркутскій принимаются на вакансіи 1812 года только потомки лицъ, состоявшихъ въ означенномъ году въ дѣйствующей арміи въ офицерскихъ чинахъ, и ополченцевъ изъ потомственныхъ дворянъ. Въ прочіе же институты—также и потомки нижнихъ чиновъ, а равно военныхъ медиковъ и духовенства. Прошенія о зачисленіи на вакансіи 1812 года съ приложеніемъ документовъ, удостоверяющихъ права на помѣщеніе въ подлежащее заведеніе, представляются мѣстнымъ начальствамъ заведеній; для дворянъ, внесенныхъ въ родословныя книги губерній, допускается представленіе вмѣсто означенныхъ документовъ удостовѣренія отъ подлежащаго депутатскаго собранія. Начальства заведеній при разборѣ представленныхъ прошеній намѣчаютъ, съ соблюденіемъ означеннаго правила (принадлежность къ потомству участникомъ войны 1812 года до прямой мужской линіи), кандидатоку къ занятію вакансій, при чемъ круглымъ сиротамъ дается предпочтеніе передъ полусиротами, притомъ полусиротамъ при матери передъ таковыми же при отцѣ; наконецъ, симъ послѣднимъ передъ лицами, имѣющими въ живыхъ обоихъ родителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ случаяхъ дѣтямъ многосемейныхъ лицъ должно быть даваемо преимущество передъ дѣтьми малосемейныхъ. Въ институтахъ, гдѣ особыми условіями пріема на бесплатное содержаніе дается преимущество опредѣленнымъ категоріямъ лицъ, лица эти, при прочихъ одинаковыхъ правахъ на вакансіи 1812 г., пользуются предпочтеніемъ при замѣщеніи означенныхъ вакансій. Всѣ признанныя мѣстнымъ начальствомъ подлежащими удовлетворенію ходатайства представляются вмѣстѣ съ документами въ собственную Его Императорскаго Величества канцелярію по учрежденіямъ императрицы Маріи для доклада августѣйшей покровительницѣ вѣдомства. Право на поступленіе въ тотъ или другой институтъ на одну изъ вакансій, учреждаемыхъ въ память 1812 г., опредѣляется слѣдующими условіями: для поступленія въ императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, петербургское и московское училища ордена св. Екатерины и патріотическій институтъ предокъ, состоявшій

участникомъ войны 1812 года въ рядахъ арміи или ополченія, долженъ былъ быть дворянскаго происхожденія или имѣть офицерскій чинъ; нисходящіе потомки этого предка должны принадлежать къ потомственному дворянству, а для патріотическаго института, кромѣ того, находится на военной службѣ въ офицерскихъ чинахъ. Отъ отцовъ кандидатокъ требуется: для перваго института—чинъ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника или полковника дѣйствительной службы; для втораго и третьяго институтовъ—чинъ не ниже капитана, ротмистра и надворнаго совѣтника или штг.-капитана и штг.-ротмистра гвардіи; для четвертаго—военная служба въ офицерскихъ чинахъ. Для институтовъ: харьковскаго, одесскаго, казанскаго, бѣлостокскаго, кievскаго, тамбовскаго, полтавскаго, нижегородскаго, донскаго, саратовскаго, орловскаго, варшавскаго, закавказскаго и иркутскаго предокъ, участвовавшій въ Отечественной войны, долженъ былъ быть въ офицерскихъ чинахъ или дворянскаго происхожденія, а потомки—принадлежать къ потомственному дворянству. Отъ отцовъ кандидатокъ требуется принадлежность къ потомственному дворянству. Для институтовъ Павловскаго, петербургскаго и московскаго Александровскихъ, Ксеніинскаго (лишь для полусиротъ), петербургскаго и московскаго Елизаветинскихъ, института императрицы Маріи, института св. Елены, керченскаго, оренбургскаго, петербургскаго, московскаго и гатчинскаго сиротскихъ (только для круглыхъ сиротъ) для предка, участника войны 1812 года, обязателенъ воинскій офицерскій или нижній чинъ, или должность военнаго медика, священника или дьякона, а для нисходящихъ потомковъ—состояніе въ русскомъ подданствѣ. Отъ отцовъ кандидатокъ требуется: для перваго института—военный чинъ не выше подполковника или капитана гвардіи; для втораго и третьяго институтовъ—чины отъ подполковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, санъ протоіерея, священника и пастора; для четвертаго института—классный чинъ и личное дворянство; для пятаго и шестаго—оберъ-офицерскій чинъ военной и гражданской службы; для седьмого—принадлежность къ духовному званію (санъ священника или дьякона) или къ купечеству и почетному гражданству; для восьмого, девятаго и десятаго—русское подданство; для одиннадцатаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго—классный чинъ по военной или гражданской службѣ.

Письмо императора Александра I объ ополченіи. Членъ археологическаго общества А. Я. Лихтерманъ, занимающійся специальнымъ изученіемъ псковскихъ архивовъ, нашелъ здѣсь въ числѣ другихъ чрезвычайно любопытный документъ изъ эпохи Отечественной войны. Этотъ документъ представляетъ собою письмо императора Александра I на имя тогдашняго псковскаго губернатора Ламсдорфа съ очень интересными указаніями общаго характера по вопросу объ организациіи народнаго ополченія. Приводимъ содержаніе этого документа въ наиболѣе существенной его части. «Секретно. Господину тайному совѣтнику псковскому гражданскому губернатору Якову Ивановичу Ламсдорфу. ...Къ успѣшному образованію милиціи прежде всего нужно, чтобы всѣ имѣли истинное понятіе о цѣли и существѣ ея. Цѣль сего вооруженія есть имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ такого непріятеля, который, пользуясь своимъ счастьемъ, дѣйствовалъ не одною силою оружія, но и всѣми способами обольщенія

черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старался прежде всего ниспровергать всякое повиновеніе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ ихъ законныхъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государства, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ, возводить на мѣста ихъ людей, ему преданныхъ, и такимъ образомъ, перемѣняя весь видъ правительства, на развалинахъ прежняго порядка утверждать свое жестокое самовластіе. Изъ сего видно, что война съ таковымъ непріателемъ не есть война обыкновенная, гдѣ одна держава спорить съ другой о правѣ или пространствѣ владѣній. Въ настоящей войнѣ каждый помѣщикъ, каждый владѣлецъ долженъ признать себя лично и непосредственно участвующимъ: ибо цѣль непріятеля есть ниспровергать всякое личное имущество, всякое право собственности, въ государствѣ существующее. Ваше превосходительство поставите себѣ въ обязанность внушать помѣщикамъ сіи истины. Онѣ покажутъ имъ съ очевидностью, что каждый изъ нихъ, содѣйствуя сему ополченію, будетъ содѣйствовать не только общей пользѣ, но и благу своему личному»...

Открытіе памятника профессору М. К. Турскому. 29-го іюля въ Петровско-Разумовскомъ, въ институтскомъ саду, состоялось открытіе памятника русскому ученому-лѣсоводу, покойному профессору М. К. Турскому. Торжеству предшествовало заупокойное богослуженіе въ институтской церкви. Къ первому часу дня къ мѣсту памятника собрались многочисленные представители разныхъ ученыхъ обществъ и лѣсныхъ учебныхъ заведеній. Изъ родственниковъ покойнаго М. К. Турскаго находились вдова Е. И. Турская и сыновья—Г. М. и К. М. Турскіе. Здѣсь же находились: вице-директоръ департамента земледѣлія С. П. Троицкій, члены совѣта лѣсного общества, съ предсѣдателемъ профессоромъ Н. С. Нестеровымъ во главѣ, директоръ сельскохозяйственнаго института И. А. Ивероновъ, профессора А. Ф. Фортунатовъ и Н. М. Кулагинъ, представитель московскаго удѣльнаго округа лѣсничій В. П. Сильверстровъ, гласный городской думы Н. А. Шаминъ, много учащейся молодежи и другіе. Торжество началось молебствіемъ передъ памятникомъ. Послѣ молебствія оркестръ Александровскаго военнаго училища заигралъ гимнъ. Профессоръ Н. С. Нестеровъ сдернулъ завѣсу, закрывавшую памятникъ. Взорамъ присутствовавшихъ представился простой, изящный памятникъ. М. К. Турскій изображенъ на каедрѣ, читающимъ лекцію. Профессоръ Н. С. Нестеровъ произнесъ рѣчь, въ которой отмѣтилъ крупныя заслуги покойнаго профессора передъ русской наукой и русскимъ лѣсоводствомъ. Потомъ были сказаны рѣчи представителями удѣльнаго вѣдомства и другихъ учреждений. Ряды депутацій продефилировали мимо памятника, принося вѣнки къ подножію его. Первымъ возложило вѣнокъ московское лѣсное общество, какъ инициаторъ постановки памятника. Затѣмъ—лѣсное вѣдомство, главное управленіе удѣловъ, петербургское лѣсное общество, московское общество сельскаго хозяйства, московскій сельскохозяйственный институтъ, Константиновскій межевой институтъ, московская земледѣльческая школа, погонно-лосиноостровская и лисинская лѣсныя школы, московско-тверское управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ, московское и тверское лѣсничества, студенчество сельскохозяйственнаго ин-

ститута и много другихъ учреждений и обществъ. Послѣ возложенія вѣнковъ состоялся актъ передачи памятника сельскохозяйственному институту. Въ краткой рѣчи директоръ института профессоръ И. А. Ивероповъ привѣтствовалъ инициативу льбнаго общества и выразилъ увѣренность, что институтъ сохранить въ цѣлости памятникъ своему дорогому преподавателю. Былъ прочитанъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ льбнымъ обществомъ со всѣхъ концовъ Россіи. Этимъ и кончилось официальное торжество. Подъ звуки студенческаго «Gaudemus» публика стала расходиться съ мѣста торжества. Вечеромъ въ ресторанѣ «Прага» состоялся обѣдъ членовъ льбнаго общества и многочисленныхъ депутацій. Обѣдъ прошелъ очень оживленно.

Интересная находка. На производимыхъ въ поселкѣ Антоновкѣ, Семирѣченской области, гидротехническихъ работахъ неожиданно найдены рядъ болѣе или менѣе цѣнныхъ предметовъ древняго происхожденія. Двѣ громадныя урны въ полтора аршина высотой, изъ которыхъ одна оказалась съ трещиной и тотчасъ же развалилась пополамъ, а другая совершенно цѣлая. Въ трехъ мѣстахъ рабочіе наткнулись на гончарныя водопроводныя трубы, діаметромъ до четырехъ вершковъ. Далѣе былъ обнаруженъ цѣлый складъ (штукъ до двухсотъ) бараньихъ ладышекъ — «асыковъ», которыя и теперь замѣняютъ дѣтямъ туземцевъ наши русскія бабки. Наконецъ, одинъ изъ рабочихъ выкопалъ небольшой глиняный горшокъ, почти доверху наполненный серебряными и золотыми монетами. Рабочіе, охваченные любопытствомъ и жадностью при видѣ цѣлой кучи серебра, давая другъ друга и не слушая окриковъ десятниковъ, набросились на разсыпанныя по арыку монеты и въ нѣсколько секундъ ихъ расхватили. У самого нашедшаго осталось лишь около трети горшка. О находкѣ завѣдующій работами тотчасъ же извѣстилъ завѣдывающаго водвореніемъ переселенцевъ Д. В. Антопова, который принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы конфисковать найденныя монеты и вещи. Большинство серебряныхъ и золотыхъ монетъ совершенно не потерты, чеканка съ мусульманскимъ (арабскимъ) шрифтомъ довольно отчетлива. На одной изъ золотыхъ монетъ выштамповано изображеніе христіанскихъ святыхъ.

Гибель музея Плюшкина. На дняхъ псковичи были поражены слѣдующимъ газетнымъ объявленіемъ: «Продается музей Ф. М. Плюшкина въ городѣ Псковѣ. Если до перваго сентября музей не будетъ купленъ кѣмъ-либо полностью, онъ будетъ распроданъ по отдѣламъ». Кому изъ любителей старины не извѣстна эта рѣдкая по своей цѣнности коллекція, заключающая въ одномъ нумизматическомъ отдѣлѣ болѣе 50,000 экземпляровъ монетъ, а также огромное собраніе череповъ, древней церковной утвари и картинъ работы стариннѣйшихъ мастеровъ. Послѣ того, какъ командированная петербургскимъ Эрмитажемъ комиссія разошлась въ цѣнѣ съ наслѣдниками Ф. М. Плюшкина, псковичи льстили себя надеждой, что музей станетъ ихъ гордостью, но, увы, мечты рушатся, и ни городское самоуправленіе, ни мѣстные капиталисты не выражаютъ намѣренія сохранить этотъ рѣдкій музей древностей.

Находка. Завѣдующій херсонскимъ музеемъ древностей В. Н. Гонкевичъ на дняхъ ѣздилъ на островъ Березань (близъ Очакова), чтобы тамъ получить археологическія находки при вооруженіи форта. При производящихся тамъ для фортификаціонныхъ цѣлей земляныхъ работахъ найдено было нѣсколько древ-

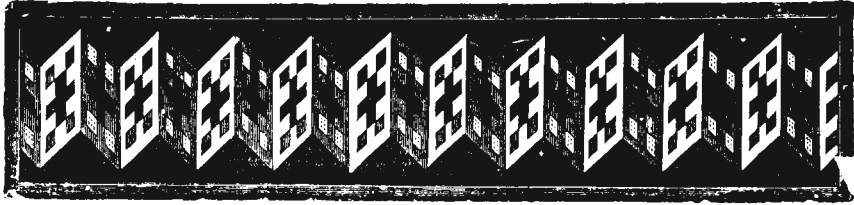

нихъ могилъ и большое количество керамическихъ фрагментовъ. Находки эти расходились по разнымъ рукамъ. Получивъ официальное сообщеніе о необходимости сохраненія всего археологическаго матеріала производимыхъ крѣпостныхъ работъ, профессоръ Житковичъ объяснилъ объ этомъ рабочимъ и выдавалъ имъ небольшія денежные преміи за доставляемые предметы. Такимъ образомъ, составила небольшая коллекція античныхъ древностей, которая была передана г. Гонкевичу и уже доставлена въ херсонскій музей. Всѣ найденные предметы античнаго искусства относятся къ VII—V столѣтію до Рождества Христова. Помимо того, при содѣйствіи трехъ саперныхъ солдатъ, г. Гонкевичу удалось раскопать на островѣ еще нѣсколько бугровъ и выбрать изъ нихъ фрагменты античныхъ сосудовъ.

Археологическія находки. Лѣтомъ текущаго года въ селѣ Спасскомъ найдена мѣстнымъ крестьяниномъ Чурбановымъ въ землѣ на глубинѣ одной сажени «полица», составлявшая часть старинной русской сохи. Около деревни Медяны, въ рѣчкѣ Медянѣ, случайно найдены кости большого ископаемаго животнаго, но какого именно—нашедшіе крестьяне не могутъ опредѣлить. Найдена верхняя часть черепа съ сохранившимися въ верхней челюсти десятью коренными зубами, частью цѣлыми и частью попорченными. Затѣмъ найденъ еще обломокъ лопатки того же животнаго. Въ этой же землѣ крестьянка Наталья Новикова нашла въ своей усадьбѣ, въ землѣ разбитый горшокъ съ 20 серебряными монетами. Монеты оказались рублевиками и относятся къ періоду времени съ 1726 по 1761 г. Симбирская губернская архивная коммиссія, желая приобрести всѣ названныя находки для своего музея, возбудила соответствующее ходатайство передъ мѣстною администраціей.

Домъ Лермонтова. Въ этомъ году Пятигорскъ приобрѣлъ домъ, гдѣ жилъ и скончался М. Ю. Лермонтовъ. Зданіе старое и потребовало немедленнаго ремонта. Весь флигель запово обложенъ кирпичомъ. Внутри тоже кое-что приведено въ порядокъ. Домикъ небольшой—въ немъ всего пять маленькихъ комнатъ. Мебели почти никакой. Стоять столъ и диванъ, привезенные изъ Кисловодска, изъ квартиры, гдѣ жила княжна Мери. Кромѣ того, въ комнатахъ по стѣнамъ развѣшено довольно много вѣнковъ, присланныхъ въ день юбилея: отъ города, отъ мѣстныхъ училищъ, отъ художественнаго театра, отъ группы артистовъ и пр. Здѣсь же много фотографій, относящихся ко времени прожизнанія Лермонтова на Кавказѣ. Надворныя постройки и конюшни, гдѣ Лермонтовъ держалъ своихъ лошадей, сохранились плохо. Въ садикѣ при домѣ уютно и теперь. Здѣсь же помѣщается музей горнаго общества. Посѣщаютъ эти мѣста только курсовые.

Подписка на учрежденіе стипендій имени В. О. Ключевского. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 16 день сего іюля высочайше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки на образованіе капитала для учрежденія стипендіи имени покойнаго заслуженнаго профессора, тайнаго совѣтника В. О. Ключевского для лицъ, оставленныхъ при императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каедрѣ русской исторіи, а также преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и исторіи русской церкви.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРАНОВСКИЙ, М. Н. 15-го августа скончался бывший профессор Михайловской артиллерийской академии генераль-отъ-артиллерии Михайль Николаевич Барановский. Покойный родился в 1874 году. По окончании курса во Владимиро-киевскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ поступилъ въ павловское военное училище, изъ него перешелъ въ Михайловское артиллерийское, а за-дѣтъ окончилъ курсъ Михайловской артиллерийской академіи. Службу покойный началъ въ составѣ николаевской крѣпостной артиллеріи. Какъ одинъ изъ лучшихъ, окончившихъ академическій курсъ, М. Н. былъ оставленъ репетиторомъ при академіи и вскорѣ назначенъ штатнымъ преподавателемъ прикладной механики. Русско-турецкая война 1877—1878 годовъ оторвала его отъ академіи. Онъ отправился на малоазіатскій театръ военныхъ дѣйствій и, находясь въ распоряженіи начальника артиллеріи кавказскаго военного округа, участвовалъ во многихъ бояхъ съ турками: въ осадѣ и взятіи Карса и другихъ. За боевое отличіе получилъ орденъ святаго Станислава второй степени съ мечами. Послѣ войны покойный вернулся въ Михайловскую артиллерійскую академію и читалъ курсъ механики сперва въ качествѣ преподавателя и съ 1891 года въ качествѣ профессора. Одновременно состоялъ членомъ артиллерійскаго комитета главнаго артиллерійскаго управления. Въ 1906 году покойный покинулъ профессуру и вышелъ въ отставку съ производствомъ въ генералы-отъ-артиллеріи. (Некрологъ его: «Новое Время», № 13086).

† **Ващенко-Захарченко, М. Е.** Въ Кіевѣ скончался 14-го августа профессоръ математики Михайль Егоровичъ Ващенко-Захарченко. Покойному принадлежить цѣлый рядъ математическихъ изслѣдованій, особенно по теоріи опредѣлителей, формъ и функций, а также по исторіи развитія математическихъ наукъ.

Составленная и изданная имъ «Исторія математики» до сихъ поръ пользуется большою извѣстностью. Кромѣ того, имъ составлены «Элементарная геометрія» въ объемѣ гимназическаго курса, «Краткій курсъ теоріи опредѣлителей», «Аналитическая геометрія двухъ и трехъ измѣреній», «Алгебраическій анализъ» и другія. Покойный родился въ 1825 году. Окончивъ курсъ во второй кievской гимназій, онъ поступилъ въ кievскій университетъ. Въ 1874 году отправился за границу и слушалъ въ Collège de France и въ Сорбоннѣ лекціи Коши, Серре и Ліувилля. По окончаніи университетскаго курса и по выдержаніи экзамена въ казанскомъ университетѣ на кандидата математическихъ наукъ, онъ опредѣлился учителемъ математики въ кievскій кадетскій корпусъ и сталъ дѣятельно готовиться къ профессорскому званію. Послѣ защиты въ казанскомъ Университетѣ диссертации «Символическое исчисленіе и приложеніе его къ интегрированію линейныхъ дифференціальныхъ уравненій» на степень магистра математики, М. Е. сталъ читать въ кievскомъ университетѣ лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Это было въ 1863 году. Съ того времени по 1902 годъ покойный не разставался съ университетомъ, будучи съ 1869 году ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ чистой математики. Въ 1866 году онъ защитилъ тоже въ казанскомъ университетѣ диссертацию: «Риманова теорія функцій составного переменнаго» на степень доктора чистой математики. Въ теченіе своей долгой ученой дѣятельности покойный сдѣлалъ много для развитія математическихъ наукъ и для научной подготовки математиковъ. Его женою была основана въ Кіевѣ женская гимназія. Покойный принялъ въ ней дѣятельное участие не только какъ преподаватель, но и какъ руководитель, заботясь обставить преподавательское дѣло этой гимназіи лучшими силами. Умеръ онъ въ глубокой старости, восьмидесяти семи лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», № 13087).

† **Жемчужниковъ, Л. М.** На Пятницкомъ кладбищѣ похоронили скончавшагося 24-го іюля въ Царскомъ Селѣ Льва Михайловича Жемчужникова, памятнаго Москвѣ по его служебной и художественной дѣятельности. Покойный родился 22-го ноября 1828 года въ отцовскомъ имѣніи Павловкѣ (Орловской губерніи) и по своей матери, рожденной Перовской, приходился родственникомъ извѣстному поэту графу А. К. Толстому. Онъ воспитывался въ царскосельскомъ (1835—1839 гг.), первомъ кадетскомъ (1839—1845 гг.) и пажескомъ (1845—1848 гг.) корпусахъ. По окончаніи учебнаго курса Л. М. познакомился съ извѣстнымъ художникомъ Брюлловымъ, и по его совѣту поступилъ въ академію художествъ, тамъ, по его словамъ, онъ «началъ писать масляными красками, подъ руководствомъ А. Е. Егорова, копируя этюды его головокъ съ полнатуры». Съ 1852 года Л. М. началъ часто посѣщать Малороссію (въ Полтавской, Черниговской и Кіевской губерніяхъ). «Я,—пишетъ онъ,—старался изучить бытъ малороссовъ, зачерчивалъ въ свои альбомы и записныя книжки пейзажи, типы, строенія, утварь, записывалъ пѣсни, сказки и все меня интересующее». Часть этого собраннаго этнографическаго матеріала была напечатана во второмъ томѣ «Записокъ объ южной Руси» Кулиша (1857 годъ) и въ журналѣ «Основа» (1862 годъ), а рисунки изданы особымъ альбомомъ подъ названіемъ «Живописная Украйна» (Спб., 1861 и 1862 годовъ). Въ этотъ же періодъ дѣятельности имъ были написаны извѣстныя картины: «Рождество Хри-

ство» (нынѣ въ Порѣчской галереѣ графа Уварова), «Стадо овецъ» (1855 г.) и «Чумаки» (1856 г.). Осенью 1855 года Л. М., какъ наблюдатель-художникъ, находился въ Севастополѣ, во время послѣднихъ военныхъ дѣйствій, а по возвращеніи на родину снова жилъ въ Малороссіи. Въ концѣ же пятидесятихъ годовъ, благодаря матери поэта, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Толстой, давшей тысячу рублей, онъ могъ отправиться съ художественною цѣлью за границу. Послѣ того Л. М. долго жилъ въ Пензенской губерніи, продолжая заниматься живописью, а съ 1875 до начала девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія служилъ при московскомъ художественномъ обществѣ. Въ послѣдніе годы жизни Л. М. передалъ свое большое художественное собраніе П. И. Терещенко, а самъ, руководясь своимъ девизомъ: «молодость живетъ надеждами, а старость воспоминаніями», напечаталъ рядъ слѣдующихъ мемуаровъ: «Воспоминанія о П. А. Федотовѣ» («Артистъ» 1893 г., кн. 28), «Отрывки изъ моихъ воспоминаній о пятидесятихъ годахъ» («Вѣстникъ Европы» 1899 г., кн. 11), «Мои воспоминанія изъ прошлаго» (1900 г., кн. 11—12) и «Александръ Егоровичъ Бейдеманъ», біографическій очеркъ (1906 г., кн. 2). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», № 175).

† **Жуковскій, П. В.** Телеграфъ принесъ извѣстіе, что 17-го августа въ Веймарѣ скончался архитекторъ-художникъ Павелъ Васильевичъ Жуковскій. Покойный былъ сыномъ знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго и внукомъ живописца Гергарда Рейтерна. Родился онъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1845 году, въ то время, когда отецъ его, В. А. Жуковскій, вслѣдствіе болѣзни его жены, жилъ безвыѣздно за границей. Оставшись семилѣтнимъ ребенкомъ послѣ смерти отца, скончавшагося въ 1852 году, П. А. былъ отданъ на воспитаніе дядѣ, флигель-адъютанту Рейтерну. До 1861 года онъ учился въ третьей петербургской гимназій, а затѣмъ, по слабости здоровья, былъ отправленъ за границу для леченія. Искусству покойный посвятилъ себя съ 1865 года, живя въ Италіи и самоучкой занимаясь живописью. Знакомство тамъ съ извѣстнымъ мюнхенскимъ художникомъ Францемъ Ленбахомъ, а позднѣе, въ семидесятихъ годахъ, съ Беклиномъ, имѣло большое вліяніе на даровитаго П. В. Жуковскаго; онъ, попутно съ писаніемъ портретовъ, пейзажей и картинъ на религиозные сюжеты, сталъ изучать архитектуру и достигъ въ этой области значительныхъ успѣховъ. Рихардъ Вагнеръ, ставившій въ началѣ восьмидесятихъ годовъ въ Байретѣ своего «Парсифаля», пригласилъ къ сотрудничеству П. В. Жуковскаго, по эскизамъ котораго и исполнены были всѣ декораціи и костюмы къ «Парсифалю». Съ 1884 по 1890 годъ покойный жилъ и работалъ въ Веймарѣ, куда былъ приглашенъ великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Въ 1890 году П. В. Жуковскій, совмѣстно съ гражданскимъ инженеромъ Н. В. Султановымъ, представилъ на воззрѣніе въ Бозѣ почившаго императора Александра Александровича исполненную имъ проектную модель воздвигавшагося въ московскомъ Кремлѣ памятника императору Александру II. За исключеніемъ фигуры царя-Освободителя, вылѣпленной академикомъ Опекушинымъ, и техническимъ расчетовъ, произведенныхъ Н. В. Султановымъ, все остальное въ проектѣ памятника исполнено было по рисункамъ П. В. Жуковскаго. Проектъ былъ одобренъ; 14-го мая 1893 года происходила торжественная закладка памятника, и П. В. Жуковскій

за заслуги пожалованъ былъ въ должность шталмейстера Высочайшаго двора. Изъ живописныхъ работъ покойнаго художника большими достоинствами отличается картина «Богоматерь надъ тѣломъ Спасителя». Картина эта въ 1878 г. была выставлена въ парижскомъ салонѣ, а затѣмъ куплена Государемъ Императоромъ и передана въ даръ музею Александра III въ Петербургѣ. Извѣстны еще портреты кисти П. В. Жуковскаго, писанные имъ въ Байретѣ,—г-жи Вагнеръ и Франца Листа. Постоянно вращаясь въ придворныхъ сферахъ, П. В. исполнялъ много получаемыхъ ему заказовъ, и картины его имѣются во дворцахъ Петербурга и Гатчины. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», № 191).

† **Знаменская, Р. С.** 19-го июля въ Евпаторіи скончалась почетная председательница общества для устройства убѣжища лицамъ женскаго медицинскаго званія Р. С. Знаменская. Покойная принадлежитъ къ числу первыхъ русскихъ женщинъ, получившихъ высшее образованіе. Покойная въ началѣ 70-хъ годовъ кончила медицинскій факультетъ одного изъ заграничныхъ университетовъ и отправилась на русско-турецкую войну, гдѣ работала подъ тогдашней своей фамиліей по первому браку, Святловской, со всею пылостью молодой энергичной натуры. Въ Россіи она не практиковала. Большой заслугой покойной является учрежденіе общества для устройства убѣжища лицамъ женскаго медицинскаго званія. Благодаря энергіи Р. С., умѣвшей привлечь жертвователей, общество выстроило убѣжище (при ст. «Лосино-островская») и содержитъ его. Это—единственное въ Россіи учрежденіе такого рода. Покойной было около 70-ти лѣтъ. (Некрологъ ея: «Русское Слово», № 167).

† **Каратыгина, А. А.** Близъ Петербурга, въ Перкъярви (по Финляндской жел. дор.) скончалась бывшая артистка императорскихъ театровъ А. А. Каратыгина, родившаяся въ 1831 г. Покойная—родная племянница извѣстныхъ В. А. и П. А. Каратыгиныхъ. Получивъ образованіе въ Смольномъ институтѣ, А. А. вступила въ 1851 г. въ составъ труппы Александринскаго театра, но прослужила недолго, хотя и пользовалась у публики успѣхомъ. Послѣдніе годы она жила на небольшую пенсію и скончалась въ бѣдности. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости», № 181).

† **Позняковъ, Г. А.** 19-го августа въ Друскеникахъ отъ грудной жабы скончался Георгій Александровичъ Позняковъ, много поработавшій для московской городской статистики. Г. А. родился въ 1849 году. По московской четвертой гимназіи онъ былъ товарищемъ Н. А. Каблукова. Въ студенческіе годы Г. А. занимался математикой и естествознаніемъ, окончилъ курсъ по естественному отдѣленію московскаго университета. Къ числу раннихъ печатныхъ работъ Познякова принадлежитъ указатель къ «Отечественнымъ Запискамъ» за десятилѣтіе некрасовско-салтыковской редакціи. Въ статистическомъ отдѣленіи московской городской управы Г. А. прослужилъ двадцать пять лѣтъ; сначала былъ онъ помощникомъ В. Н. Григорьева, а съ 1896 года завѣдывалъ отдѣленіемъ. Главная работа Г. А. «Смертность населенія Москвы 1872—1889 годовъ» (М. 1891). Здѣсь особое вниманіе отведено такъ называемымъ «исправленнымъ» коэффициентамъ смертности при допущеніи одинаковаго возрастнаго состава (по Фарру) и предложеннымъ со стороны самого Г. А. Поз-

някова «условнымъ» коэффициентамъ, которые вычислены въ предположеніи, что населеніе всѣхъ мѣстностей состоитъ изъ равнаго числа мужчинъ и женщинъ каждой возрастной группы. Изъ другихъ работъ назовемъ своды свѣдѣній объ умершихъ за 1892—1894 годы, этюды о московскихъ хлѣбопекарняхъ, о коечно-каморочномъ населеніи. Издавна Г. А. былъ хроникеромъ въ трудной области статистики самоубійствъ. Первая работа, про которую пишущій эти строки слышалъ изъ устъ Г. А. Позняка въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества, относилась къ ссудной кассѣ Парижа; она была связана съ устройствомъ городского ломбарда въ Москвѣ. Почти вплоть до кончины Г. А. регулярно велъ ежемѣсячные бюллетени текущей статистики. Много силъ посвятилъ Позняковъ устройству библиотеки городского статистическаго отдѣленія и завелъ обширныя сношенія съ иностранными статистическими учрежденіями по обмѣну изданій. Свѣдѣніями о постановкѣ иностранной статистики Г. А. охотно дѣлился съ обращающимися къ нему лицами. Преподаватели высшихъ заведеній встрѣчали въ лицѣ Г. А. существенную помощь по руководству студенческими занятіями. Всѣ знавшіе Г. А. Позняка лично единодушно отмѣчали его мягкость, деликатность и пріятливость въ общеніи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», № 192).

† **Станкевичъ, А. В.** 27-го іюля, около 4-хъ часовъ утра, въ родовомъ своемъ имѣніи Новый Курлакъ (Воронежской губ.) скончался на 91-мъ году жизни А. В. Станкевичъ, братъ извѣстнаго въ историі развитія русскаго общества Н. В. Станкевича, основателя и главнаго вдохновителя того кружка, изъ котораго вышло немало научныхъ, художественныхъ и общественныхъ дѣятелей эпохи 1840—1850 гг. Родившись въ 1821 г. и получивъ первоначальное, для того времени довольно основательное, образованіе дома, А. В. поступилъ вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ (род. въ 1820 г., умеръ въ 1907 г.) сперва въ частный пансіонъ Ѳедорова въ Воронежѣ, а оттуда въ извѣстный въ то время пансіонъ профессора Павлова въ Москвѣ, гдѣ они занимались подъ наблюденіемъ старшаго своего брата Ник. Влад., а оттуда въ харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, на которомъ тогда славились профессоръ Лунинъ (историкъ), профессоръ Валицкій (лат. слов.) и другіе. Выйдя изъ университета до окончанія курса вслѣдствіе обнаружившихся у него признаковъ чахотки, сведшей въ 1840 г. въ преждевременную могилу его старшаго брата, А. В. отправился по предписанію врачей на югъ, въ Одессу, гдѣ теплый климатъ и морскія купанья возстановили его здоровье. Нѣкоторое время послѣ сего А. В. провель въ Петербургѣ, гдѣ близко сошелся съ Н. А. Некрасовымъ, тогда еще только что начинающимъ литераторомъ, жилъ съ нимъ въ одной квартирѣ и по его настоянію сталъ также испытывать свои силы на литературномъ поприщѣ. Въ этотъ періодъ жизни имъ были написаны повѣсти «Ѳоमुшка», «Изъ переписки двухъ барышень», «Вечерніе визиты» и «Ипохондрикъ», къ которымъ впослѣдствіи присоединился еще рассказъ «Идеалистъ». Ко всѣмъ этимъ произведеніямъ А. В. впослѣдствіи относился какъ къ «грѣхамъ юности», не заслуживающимъ никакого вниманія и на которые подвинулъ его Некрасовъ, хотя этимъ рассказамъ никакъ нельзя отказать въ оригинальности, мѣткости наблюденій и изяществѣ языка, что и было

отмѣчено Бѣлинскимъ. Чтобы закончить здѣсь перечисленіе беллетристическихъ произведеній А. В., упомянемъ еще объ одномъ написанномъ имъ значительно позже очеркѣ «Евсѣевъ и Штрихъ» подъ псевдонимомъ Приходьковъ. Приблизительно къ этому же времени относятся и его статьи критическаго содержанія въ журналѣ «Атепей», изъ которыхъ особенно заслуживаетъ вниманія рецензія на первое критическое собраніе сочиненій Пушкина, принятое П. В. Анненковымъ. Выше мы сказали, что А. В. не кончилъ курса въ университетѣ по случаю необходимости заняться своимъ здоровьемъ. Этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи онъ усердно старался пополнить во время своего пребыванія въ Москвѣ въ 1840 г. путемъ разнообразнаго чтенія и тѣснаго общенія съ выдающимися людьми того времени, особенно съ Т. Н. Грановскимъ, съ которымъ онъ былъ связанъ горячей дружбой. Другимъ существеннымъ средствомъ къ расширенію и углубленію его познаній послужили ему поѣздки за границу, во время которыхъ онъ не только знакомился съ тамошними учеными и литераторами, но и посѣщалъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ Германіи и Франціи, изучая преимущественно философію и теорію искусствъ и осматривая замѣчательныя собранія художественныхъ произведеній. Эпоха 60-хъ годовъ не могла, конечно, не произвести сильнаго впечатлѣнія на А. В., и онъ отдался всей душой дѣлу осуществленія реформы освобожденія крестьянъ въ качествѣ непремѣннаго члена воронежскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, будучи призванъ къ этой дѣятельности главнымъ сотрудникомъ Царя-Освободителя, извѣстнымъ Н. А. Милютинымъ. Многіе воронежскіе старожилы, конечно, еще помнятъ ту упорную борьбу, которую ему пришлось выдерживать съ реакціонными элементами собранія, и ту юридическую находчивость, которую онъ проявилъ, несмотря на то, что совершенно не былъ по своему образованію къ этому подготовленъ. Въ 1851 г., вступивъ въ бракъ съ Е. К. Бодиско, двоюродной сестрой своего друга Т. Н. Грановскаго, дѣвушкой развитой и вполне раздѣляющей съ нимъ всѣ его убѣжденія, вкусы, воззрѣнія и чувства, А. В. сталъ проводить лѣто въ имѣніи Новый Курлакъ, а зиму—въ Москвѣ, часто, однако, совершая поѣздки за границу. Скоро, благодаря его и жены его общительному характеру, у него составилъ дружескій кружокъ изъ выдающихся научныхъ, художественныхъ и общественныхъ дѣятелей, между которыми находились: Б. Н. Чичеринъ, И. Е. Забѣлинъ, В. И. Герье, Е. О. Коршъ, П. Л. Пикулинъ, О. М. Дмитріевъ, С. М. Соловьевъ, Н. А. Поповъ, Н. Х. Кетчеръ, художникъ В. І. Шервудъ, артистъ М. С. Щенкинъ и другіе. Интересъ А. В. къ художеству выразился между прочимъ въ томъ, что онъ много лѣтъ состоялъ инспекторомъ московскаго училища живописи и ваянія и дѣятельнымъ членомъ общества постоянной выставки картинъ, а интересъ къ общественнымъ дѣламъ—въ томъ, что онъ долго состоялъ попечителемъ Арнольдовскаго училища для глухонѣмыхъ, и особенно въ его дѣятельности въ качествѣ гласнаго московской городской думы. По смерти Т. Н. Грановскаго, въ 1855 г., составленіе его біографіи взялъ на себя его товарищъ по каѳедрѣ и другъ П. Н. Кудрявцевъ и успѣлъ написать ея начало. Вдова Грановскаго, зная ненадежность здоровья Кудрявцева, выразила передъ своей кончиной письменно желаніе, чтобы этотъ трудъ въ

случаѣ болѣзни или смерти біографа принялъ на себя А. В. Она не ошиблась ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи: Кудрявцевъ вскорѣ умеръ, а А. В., взявшись за порученную ему работу, выполнилъ ее блестящимъ образомъ. Какъ извѣстно, эта книга вышла въ 1896 г. вторымъ изданіемъ въ дополненномъ видѣ, съ приложеніемъ переписки Грановскаго. Благоговѣя передъ памятью друга, А. В. заботился о возможно большемъ распространеніи его сочиненій, выпустивъ ихъ въ двухъ новыхъ полныхъ изданіяхъ. Памятникомъ того же чувства служить и превосходный мраморный бюстъ Грановскаго, исполненный по заказу и указаніямъ А. В. знаменитымъ скульпторомъ Ричлемъ, которому по его смерти А. В. посвятилъ обстоятельную газетную статью. Горячо отзываясь на всѣ рѣшительно явленія современной жизни, А. В. не могъ оставить безъ вниманія такія крупныя литературныя явленія, какъ новые романы Л. Н. Толстого, и посвятилъ одному изъ нихъ большой критическій этюдъ «Каренина и Левинъ»; появленіе книги Вл. Соловьева «Три силы» вызвало со стороны А. В. остроумную рецензію «Три безсилія», а кончина одного изъ постоянныхъ членовъ его кружка, Н. Х. Кетчера, побудила А. В. написать глубоко прочувствованную характеристику покойнаго въ видѣ краткаго біографическаго очерка. Съ 90-хъ годовъ А. В. послѣ тяжкаго недуга жены, окончившагося ея смертью, нигде не выѣзжалъ изъ Москвы, кромѣ Курдака, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Здѣсь онъ жилъ тихо, окруженный семействомъ доктора Г. Н. Габричевскаго, женатаго на племянницѣ его жены, предаваясь чтенію книгъ и газетъ. Хотя старость все сильнѣе предьявляла свои права на его замѣчательно крѣпкій организмъ, онъ еще на девятомъ десяткѣ лѣтъ принималъ участіе въ охотахъ съ гончими. Только въ самые послѣдніе годы жизни ему стали измѣнять ноги. Самая болѣзнь, которая свела его въ могилу, — брюшной тифъ, — свидѣтельствуетъ о необыкновенной для такого преклоннаго возраста сохранности тѣлесныхъ силъ. За все время предсмертнаго недуга сознаніе не покидало его, и онъ, уже не будучи въ силахъ читать, разспрашивалъ окружающихъ о политическихъ новостяхъ. Въ лицѣ А. В. отошелъ отъ насъ человѣкъ, служившій живой связью новѣйшихъ поколѣній съ людьми славной эпохи 40-хъ годовъ. Онъ былъ лѣтъ на 8—10 моложе большинства этихъ доблестныхъ піонеровъ русскаго просвѣщенія позднѣйшаго періода, но, достигнувъ полнаго духовнаго развитія въ ихъ средѣ, онъ вѣрно перенесъ ихъ лучшіе завѣты въ XX столѣтіе. Но это отнюдь не значитъ, чтобы онъ являлся слѣпымъ послѣдователемъ своихъ учителей: для такой пассивной роли онъ былъ слишкомъ уменъ и самостоятеленъ. Онъ показалъ себя тонкимъ критикомъ не въ одной литературѣ: не менѣе тонко цѣнилъ онъ людей, мнѣнія и событія. Критически относился онъ ко всему и ко всѣмъ, не исключая самого себя. Но въ этой критикѣ не было ничего похожего на праздное или зложелательное осужденіе. Напротивъ: рядомъ съ мѣткой и остроумной насмѣшкой въ немъ чувствовалось и глубокое пониманіе причины того, къ чему относилась его шутка, и часто искреннее участіе. Вообще наилучшей характеристикой его можетъ служить слово «гуманность». Въ его общественной дѣятельности это свойство выразилось особенно ярко его отношеніями къ крестьянамъ. Что же сказать объ его отношеніяхъ къ родственникамъ и друзьямъ?.. Но невозможно дать всесторон-

ною характеристику этого замѣчательнаго и на рѣдкость симпатичнаго человѣка непосредственно послѣ его кончины, при еще открытомъ его гробѣ. Одно можно сказать и теперь съ полной увѣренностью: онъ жилъ не даромъ, и его имя не будетъ забыто въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія и русской общественности. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», № 179).

† **Струве, О. А.** Скончавшійся послѣ непродолжительной болѣзни 18-го іюля инженеръ путей сообщенія Оттонъ Андреевичъ Струве пользовался заслуженной извѣстностью въ желѣзнодорожномъ мѣрѣ. По окончаніи курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, покойный началъ свою дѣятельность на Кавказѣ, гдѣ ему пришлось участвовать въ постройкѣ желѣзной дороги. Въ 90-хъ годахъ онъ перешелъ въ управленіе по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ былъ инспекторомъ второго пути Варшавской желѣзной дороги и съ 1898 года главнымъ инспекторомъ Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги. Послѣдняя должность покойнаго совпала съ періодомъ большихъ строительныхъ работъ. Подъ его руководствомъ сооружено нѣсколько путей: Москва—Виндава, Петербургъ—Витебскъ и Императорскій путь. Послѣ непродолжительной службы инспекторомъ при управленіи по сооруженію желѣзныхъ дорогъ О. А. былъ назначенъ въ прошломъ году членомъ инженернаго совѣта министерства путей сообщенія. Въ качествѣ знатока желѣзнодорожнаго строительства покойный приглашался въ разнаго рода комиссіи. Онъ былъ членомъ комиссіи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ при министерствѣ финансовъ, предсѣдательствовалъ въ междувѣдомственномъ совѣщаніи по выработкѣ плана развитія желѣзнодорожной сѣти и въ междувѣдомственной комиссіи по соединенію желѣзной дорогой Туркестана съ Сибирью (Ташкентъ—Омскъ). Одновременно принималъ живѣйшее участіе въ дѣятельности техническаго общества, будучи послѣдніе годы товарищемъ предсѣдателя желѣзнодорожнаго отдѣла этого общества и редакторомъ журнала «Желѣзнодорожное Дѣло». Покойный былъ также членомъ совѣта желѣзнодорожныхъ курсовъ и товарищемъ предсѣдателя комиссіи по холодильному дѣлу. Въ послѣдніе годы онъ, избранный гласнымъ петербургской думы по списку обновленческой группы, участвовалъ въ обсужденіи городскихъ нуждъ и, между прочимъ, явился горячимъ сторонникомъ трамвайнаго строительства. При прокладкѣ трамвайныхъ путей первой очереди онъ былъ дѣятельнымъ товарищемъ предсѣдателя городской трамвайной комиссіи. Умеръ О. А. 60 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ цѣнившихъ его дѣятельность и уважавшихъ его человѣческія достоинства. (Некрологъ его: «Новое Время», № 13058).

† **Сыртлановъ, А. А.** 7-го августа въ Уфѣ убитъ, какъ сообщилъ телеграфъ членъ государственной думы Али-Оскаръ-шахъ-Айдаровичъ Сыртлановъ. Покойный—башкиръ-мусульманинъ—былъ избранъ въ третью государственную думу отъ общаго состава выборщиковъ Уфимской губерніи. Онъ родился въ 1875 году, окончилъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ и военномъ училищѣ и, какъ лучший по успѣхамъ, былъ выпущенъ въ гвардію, именно въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Вскорѣ поступилъ въ Александровскую военно-юридическую академію, курсъ которой окончилъ въ 1903 году по первому разряду, съ награжденіемъ медалью и съ занесеніемъ его имени на мраморную доску. По оконча-

ніи академіи покойный служилъ въ законодательномъ отдѣленіи главнаго военно-суднаго управленія и исполнялъ обязанности защитника въ петербургскомъ военномъ судѣ. Въ 1906 году онъ былъ назначенъ помощникомъ военнаго прокурора въ Кіевѣ, но не пожелалъ отправиться туда, вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и вступилъ въ петербургскую адвокатуру помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, затѣмъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ. Какъ защитнику, ему пришлось принять участіе въ нѣсколькихъ крупныхъ процессахъ (дѣло адмирала Рождественскаго, адмирала Небогатова, генерала Стесселя и др.). Въ послѣдніе годы онъ посвятилъ себя гражданскимъ дѣламъ. Какъ членъ государственной думы, онъ принималъ живѣйшее участіе не только въ общихъ собраніяхъ, но и въ нѣсколькихъ комиссіяхъ: финансовой, по государственной оборонѣ, по переселенческому дѣлу, о неприкосновенности личности и др. Неоднократно выступалъ ораторомъ. Въ государственной думѣ онъ явился однимъ изъ основателей мусульманской группы. Одновременно покойный предсѣдательствовалъ въ правленіи мусульманскаго благотворительнаго общества и состоялъ членомъ комитета соборной мечети въ Петербургѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», № 13077).

† **Тимирязевъ, В. А.** 14 августа скончался старый литературный работникъ Василій Аркадьевичъ Тимирязевъ, происходившій изъ стариннаго дворянскаго рода и родившійся около 1840 года. Читающая публика мало знала его имя: онъ не подписывалъ своихъ журнальныхъ и газетныхъ статей, и имя его какъ бы блекло предъ именемъ его брата, извѣстнаго ученаго-естествоиспытателя и профессора московскаго университета, Климентія Аркадьевича. А вмѣстѣ съ тѣмъ за покойникомъ имѣлись большія литературныя заслуги, какъ переводчика и компилятора работъ изъ жизни европейскихъ народовъ. Окончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, В. А. вмѣстѣ съ своимъ братомъ очутился въ кругу той блестящей плеяды молодежи, которая выступила на жизненный путь подъ сѣнью либеральныхъ идей того времени. Носителемъ этихъ идей онъ и остался до конца своихъ дней, являя собою любопытный типъ либерала-«шестидесятника». Уже въ самомъ началѣ своей жизненной дѣятельности онъ попалъ въ редакціонную семью «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ Салтыковъ-Щедринъ какъ бы предопредѣлилъ его profession de foi. Онъ отдалъ ему въ распоряженіе переводы этого журнала, требовавшіе, по условіямъ того времени, «идейности». Въ томъ же журналѣ ему поручались и компилятивныя работы. Человѣкъ отличнаго образованія, владѣя въ совершенствѣ европейскими языками, онъ былъ выдающимся работникомъ, что и оцѣнилъ со свойственной ему редакторской чуткостью С. Н. Шубинскій, пригласивши его послѣ смерти ветерана нашей журналистики В. Р. Зотова вести отдѣлъ «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей» въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Вступленіе В. А. въ редакціонную семью журнала внесло въ послѣдній отдѣлъ большое оживленіе, и покойный А. С. Суворинъ считалъ этотъ отдѣлъ наиболѣе интереснымъ во всей нашей журналистикѣ. «Отдѣлъ библіографіи и мелочей я читаю прежде всего, — говорилъ покойный Суворинъ. — Пусть иногда Тимирязевъ и радикальничаетъ. Это преходяще. Но какъ онъ хорошо схватываетъ теченіе европейской мысли». Вѣчно какой-то растерянный и неряшливо одѣтый, куда-то торопящійся,

В. А. был великолѣпенъ и на либеральныхъ обѣдахъ Стасюлевича у Донона, и въ кабинетѣ С. Н. Шубинскаго. Особенно у послѣдняго. Корректный, сдержанный С. Н. сидитъ въ халатѣ у письменнаго стола, а по кабинету бѣгаетъ, размахивая руками, Тимирязевъ, стараясь привести редактора «Историческаго Вѣстника» въ свою радикальную вѣру. Шубинскій иронически поглядываетъ на своего сотрудника, наконецъ перебиваетъ его: «Я сейчасъ позвоню и приглашу дворника. Пускай васъ возьмутъ въ часть и отвѣдутъ въ тюрьму. Изъ-за васъ я еще пострадаю». В. А. въ первую минуту опѣшивается, а затѣмъ заливается добродушнымъ смѣхомъ, бросаясь обнимать своего весело настроеннаго редактора. Вѣчно запутанный въ денежныхъ дѣлахъ, В. А. доставлялъ редакціи въ этомъ отношеніи немало хлопотъ, и аккуратный Сергѣй Николаевичъ приходилъ въ полное отъ этого отчаяніе. Тутъ просится на память рядъ картинъ, вызывающихъ и улыбку и... слезы воспоминаній о близкомъ человѣкѣ. Когда С. Н. Кривенко приобрѣлъ отъ Добродѣева въ компаніи съ С. К. Стапюковичемъ «Сынъ Отечества», онъ пригласилъ Тимирязева для веденія отдѣла иностранной политики. Какъ извѣстно, газета просуществовала недолго, и В. А. остался при одномъ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ исходѣ девяностыхъ годовъ мы получили извѣстіе: жена Тимирязева, очень долго болѣвшая, скончалась; онъ женился на молодой женщинѣ и исчезъ. Недоумѣніе наше скоро разрѣшилось: цѣнный сотрудникъ не пропалъ и къ извѣстному сроку доставилъ рукопись. Откуда? Мы терялись въ догадкахъ и создавали рядъ предположеній. И вотъ съ тѣхъ поръ какая-то квартирная хозяйка періодически стала въ теченіе многихъ лѣтъ насъ посѣщать; заберетъ иностранныя газеты и журналы, привезетъ рукопись и снова таинственно исчезнетъ. Получалось положеніе удивительное, курьезное: неизвѣстно находящійся гдѣ постоянный и отвѣтственный сотрудникъ! На этой почвѣ рождался въ жизни редакціи рядъ анекдотовъ, и покойный А. С. Суворинъ до упаду хохоталъ, когда я въ лицахъ изображалъ ему положеніе редакціоннаго дѣла. «Ахъ, какъ рельефно и хорошо: сотрудникъ въ пространствѣ!» Наконецъ года два назадъ мы добились послѣ многихъ лѣтъ неизвѣстности истины: Тимирязевъ, разбитый параличомъ, живетъ въ Мустамьякахъ, и отдѣлъ ведетъ его новая супруга. «И прекрасно ведетъ,—говорилъ мнѣ А. С. Суворинъ.—Значитъ, воспиталъ себя преемника. Это самое лучшее въ литературномъ дѣлѣ». 15 августа явилась ко мнѣ вдова покойнаго В. А. съ извѣстіемъ: Василія Аркадьевича не стало. Смерть А. С. Суворина его страшно потрясла, и онъ, прочитавъ въ газетахъ извѣстіе объ этой кончинѣ, прохрипѣлъ: «Какое горе, какая утрата!» Затѣмъ началась агонія, которая продолжалась цѣлыя сутки. Тимирязева не стало. Наиболѣе крупныя работы, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ», слѣдующія: 1) «Прологъ Александровской эпохи», 2) «Александръ I, какъ международный судья», 3) «Герцогъ Ришелье и одесская чума 1812 года», 4) «Французская королева Анна Ярославна», 5) «Императоръ Павелъ», 6) «Дочь Петра Великаго (Елизавета Петровна)», 7) «Шестимѣсячное царствованіе Петра III», 8) «Александръ I и его эпоха», 9) «Пионеры просвѣщенія въ Западной Сибири», 10) «Моя прабабушка (Изъ семейной хроники)», 11) «Женщина-дипломатка», 12) «Французскій дипломатъ при дворѣ Екатерины II», 13) «Авантюристъ стараго и новаго свѣта» и мн. др.

В. Глинскій.

† **Хахановъ, А. С.** Въ лицѣ скончавшагося въ Самарѣ А. С. Хаханова этнографія и грузинская интеллигенція понесли серьезную потерю. Уроженецъ Кавказа, онъ остался ему вѣренъ до конца жизни, хотя большую часть своего времени проводилъ въ Москвѣ. Онъ родился въ 1866 году, воспитывался въ тифлисской гимназіи, затѣмъ кончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ московскаго университета, былъ профессоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, приватъ-доцентомъ московскаго университета и преподавателемъ первой московской женской гимназіи. Еще молодымъ студентомъ онъ началъ работать по этнографіи, и его содержательные очерки, посвященные отдѣльнымъ отраслямъ грузинскаго племени («О мохевцахъ», «О шпавахъ», «Тушины», «Месхи»), напечатанные въ «Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ музеѣ», и въ «Этнографическомъ Обзорніи», представляютъ цѣнный вкладъ въ этнографію Кавказа. За этими статьями послѣдовали другія работы по кавказской этнографіи, печатавшіяся въ «Этнографическомъ Обзорніи», «Запискахъ кавказскаго отдѣла географическаго общества» и въ другихъ изданіяхъ. Большинство этихъ работъ имѣетъ дѣло съ грузинами, но есть среди нихъ и статьи, посвященные армянамъ и русскимъ сектантамъ въ Закавказьѣ. Помимо этнографіи, А. С. много работалъ по исторіи Грузіи, ея археологии и исторіи ея словесности. Здѣсь необходимо отмѣтить его содержательный этюдъ «Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по Малой Азій» (въ «Запискахъ кавказскаго отдѣла»), «Крѣпостное право въ Грузіи», «Источники по введенію христіанства въ Грузію» и обширные «Очерки по исторіи грузинской словесности» (4 выпуска), дающіе полную исторію грузинской народной словесности и книжной литературы вплоть до самаго послѣдняго времени и представляющіе по полнотѣ и объективности изложенія совершенно незамѣнимое пособіе. Не сторонился А. С. и отъ активной политики. Приближаясь по своимъ взглядамъ къ конституціонно-демократической партіи, онъ въ 1905 г. принималъ участіе во многихъ совѣщаніяхъ, посвященныхъ Кавказу. На выборахъ въ первую государственную думу онъ былъ избранъ выборщикомъ отъ Горійскаго уѣзда и былъ однимъ изъ кандидатовъ въ члены думы, но при перекладываніи ему не хватило двухъ голосовъ для того, чтобы стать депутатомъ. Онъ много писалъ на публицистическія темы, преимущественно, конечно, по кавказскимъ вопросамъ, какъ въ грузинскихъ изданіяхъ, такъ и въ русской печати, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Историческомъ Вѣстникѣ» и т. д. Вообще онъ былъ какъ бы посредникомъ между русскимъ обществомъ и грузинскимъ и много сдѣлалъ для ихъ взаимнаго ознакомленія и сближенія. Это крупная заслуга съ его стороны, и память покойнаго помянуть добрымъ словомъ многіе изъ тѣхъ людей, которымъ были чужды его спеціальныя научныя интересы. Директоръ Лазаревскаго института П. В. Гидуляновъ получилъ 24-го іюля изъ Самары отъ доктора Гамбарова вмѣстѣ съ телеграфнымъ оповѣщеніемъ о смерти А. С. извѣщеніе, что по духовному завѣщанію покойный принесъ свою бібліотеку въ даръ институту. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», № 173).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ очерку «Святыня вологодской тюрьмы».

Единственно въ видахъ установленія истины считаю долгомъ привести нѣкоторыя дополненія и разъясненія по существу помѣщенного въ т. СХХІХ «Историческаго Вѣстника» (юль 1912 г.) труда Г. У. Васишко. Приводимыя данныя основаны какъ на статьѣ священника Н. Кедровскаго: «Свѣдѣнія объ иконѣ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости, находящейся въ церкви тюремнаго замка, и о самой сей церкви» («Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости», 1864 г., № 5), такъ и на другихъ достовѣрныхъ мѣстныхъ источникахъ.

Почитаніе святой иконы началось вскорѣ послѣ преставленія преподобнаго Игнатія, т. е. въ первой четверти XVI вѣка. Въ житіи преподобнаго записано нѣсколько чудесъ, совершившихся отъ мощей его. Притекая ко гробу чудотворца, благочестивые поклонники, естественно, стали чтить и икону, которой поклонялся и которую чтилъ онъ во всю свою жизнь.

Новый вологодскій гражданскій губернаторъ Николай Петровичъ Брусиловъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что часовня, въ которой помѣщается икона, не имѣетъ прямого сообщенія съ зданіемъ тюрьмы, а потому заключенные лишены непосредственнаго общенія съ драгоценнымъ наслѣдіемъ узниковъ, какимъ является икона Божіей Матери. Построенная Брусиловымъ домовая церковь, устраняя это лишеніе, принесла еще и то религиозно-нравственное утѣшеніе, что богослуженія и исполненіе пастырскихъ обязанностей въ отношеніи заключенныхъ было поручено причту ближайшей городской Аванасьевской церкви (указъ синода отъ 11-го ноября 1821 г., № 4451). Надо сказать, что тюрьма находилась тогда въ центрѣ города, гдѣ теперь стоитъ зданіе 1-й полицейской части.

Но это не та церковь, которая «расширена вдвое и теперь представляетъ собою обширный и богато украшенный храмъ...»—какъ говоритъ Г. У. Васишко (стр. 260). Къ прибытію въ Вологду императора Александра I Благословеннаго было выстроено, взамѣнъ ветхаго «острога», новое каменное зданіе, на южной окраинѣ города по московскому тракту, и въ немъ—домовая церковь, площадью 36 кв. саж., при которой вполнѣдствіи (1851 г.) утверждень самостоятельный причтъ. Вскорѣ же выяснилось, что новая церковь не вмѣщаетъ въ себя всей той массы богомольцевъ, которая является на поклоненіе святой иконѣ.

По инициативѣ епископа Христофора (Эммаускій, бывшій викарій петербургскій) и при дѣятельномъ участіи церковнаго старосты А. А. Девяткова, храмъ былъ расширенъ—длиною 12 сажень, шириною 6, высотой 3½ сажени—и освященъ 27-го октября 1860 года тѣмъ же архіеремъ.

Зтѣмъ произошло нѣчто непонятное. Храмъ расширенъ для поклонниковъ, между тѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, доступъ въ храмъ стороннимъ лицамъ разрѣшался не иначе, какъ по билетамъ, которые выдавались канцеляріей губернатора.

«Тогда,—говоритъ священникъ Н. Кедровскій,—во всей силѣ открылась, какъ глубока была сила вологжанъ въ благодатную силу святой иконы и какъ велико ихъ усердіе къ ней. Надобно было слышать непритворныя, прямо отъ сердца исходящія жалобы ихъ, чтобы убѣдиться, какъ сильна всеобщая привязанность жителей къ святой иконѣ и какъ живо они чувствовали тогда свое сиротство. Но здѣсь бодрствовала сама Божія Матерь; не для того прославила она свою икону, чтобы быть ей недоступною для поклоненія»...

Попечительный о тюрьмахъ комитетъ, по предложенію епископа Христофора и при содѣйствіи губернатора генераль-майора Станислава Оаѣдѣвича Хоминскаго, возбудилъ ходатайство передъ президентомъ попечительнаго о тюрьмахъ общества (предст. отъ 23-го декабря 1862 г., № 738) о свободномъ доступѣ въ храмъ для всѣхъ желающихъ. Разрѣшенъ въпускъ богомольцевъ по воскресеньямъ и высокаторжественнымъ днямъ до 12 часовъ дня; въ послѣдствіи открыты еще два дня въ недѣлѣ: среда и пятница. Въ послѣднее время, когда тюремное населеніе уже не вмѣщается на отведенныхъ для него хорахъ, тюремная инспекція закрыла для публики воскресный день, предоставивъ храмъ всецѣло заключеннымъ.

«Въ день кончины князя Иоанна крестный ходъ съ нею (иконой) во главѣ шествуетъ въ Прилукскій монастырь, къ покоящимся мощамъ князей-узниковъ», говоритъ Г. У. Васишко (стр. 261).

Это сообщеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Преподобный Игнатій (князь Иоаннъ) преставился 19-го мая 1522 года. Подъ этимъ числомъ значится во всѣхъ мѣсяцесловахъ православной церкви память преподобнаго, такъ какъ онъ канонизованъ, т. е. признанъ древними соборами и святѣйшимъ синодомъ, а не народной молвой причисленъ къ лику святыхъ, какъ говоритъ Г. У. Васишко (стр. 260). Крестный же ходъ въ Прилукскій монастырь совершается 3-го іюня, и вотъ по какому случаю.

Великій князь Иоаннъ Васильевичъ III, предпринявъ походъ въ Казань, по особому откровенію свыше, вытребовавъ изъ Прилукскаго монастыря икону преподобнаго Димитрія, писанную современникомъ его преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ (вологжанинъ). Въ благодарность за побѣду, одержанную надъ Казанью, которую великій князь приписывалъ молитвамъ и заступленію преподобнаго Димитрія, Иоаннъ Васильевичъ, по возвращеніи въ Москву, украсилъ святую икону золотомъ и серебромъ, возвратилъ ее въ Вологду и повелѣлъ ежегодно праздновать день срѣтенія иконы «навсегда». Икона прибыла въ Вологду 3-го іюня 1503 года и въ тотъ же день крестнымъ ходомъ препровождена въ Прилуцкій монастырь, отстоящій отъ города въ пяти верстахъ на сѣверо-западъ ¹⁾. Этотъ торжественный крестный ходъ совершается въ Вологдѣ уже

¹⁾ «Вологод. Старина». И. Степановскій, Вологда, 1900 г., стр. 286.

болѣе 400 лѣтъ. Икона Божіей Матери изъ тюремнаго замка, какъ особо чтимая воложанами, участвуетъ во всѣхъ вологодскихъ крестныхъ ходахъ.

Почтеннаго автора, очевидно, ввело въ заблужденіе совпаденіе имени Дмитрія, брата преподобнаго Игнатія, и Дмитрія основателя Прилукскаго монастыря. Послѣдній былъ уроженецъ города Переяслава Залѣскаго, купеческаго званія; основалъ Спасо-Прилукскій монастырь въ 1371 году и преставился въ 1392 году, февраля 11-го, т. е. задолго до кончины князей. Время кончины Дмитрія Угличскаго неизвѣстно, и ни въ общихъ, ни въ мѣстныхъ мѣсяцесловахъ память его не значится.

Необходимо также дополнить слова Г. У. Васишко объ изображеніяхъ на святой иконѣ (стр. 258). Изображенія сопровождаются надписями, но онѣ, къ сожалѣнію, не вышли на помѣщенномъ на стр. 259 снимкѣ съ иконы. Съ правой стороны:

1. Темница съ узниками, закованными въ цѣпи.

«Все, иже въ гоненіихъ и заточеніихъ, услыши, Милостивая».

2, 3 и 4. Разные несчастные и при нихъ ангель, подающій требующимъ нужное.

«Обидимымъ Заступнице, услыши, Милостивая. Алчущихъ Питательнице. Жаждущихъ напаяши».

Съ лѣвой стороны:

1. Корабль, обуреваемый волнами, и на немъ взывающіе о помощи къ Божіей Матери.

«Обуреваемымъ тихое пристанище даруй Дѣво Богородице».

2, 3 и 4. Разные несчастные и при нихъ три ангела.

«Станнымъ утѣшеніе даруй Богородице Дѣво. Нищимъ одѣяніе. Больнымъ изцѣленіе».

Подъ стопами Богоматери, въ кругѣ, изображеніе человѣка, поднимающаго изнемогающаго отъ недуга.

«Смирившагося изъ нездравія въ здравіе претворяеши».

По обѣимъ сторонамъ главы Богоматери находится двустипіе:

«Мати съ сыномъ о томъ бесѣдуютъ,
Да всякій въ небѣ царствіе наследуетъ».

Надписи сдѣланы полууставомъ; нѣкоторыя слова подъ титлами.

Святая икона размѣромъ 1 аршинъ 4 вершка длины и 15¹/₂ вершковъ ширины. Стилль письма весьма древній, но краски еще довольно хорошо сохранились. Риза серебряная, позолоченая, 84 пробы, вѣсомъ 8 фунтовъ 12 золотниковъ. Корона украшена стразами и аметистами. Время устройства ея неизвѣстно; значится въ церковной описи 1827 года ¹⁾.

Еще одно послѣднее сказаніе о чтимости иконы. Ежегодно съ древнихъ временъ икона переносится въ Вознесенскую церковь, находящуюся въ центральной части города, гдѣ она пребываетъ съ кануна дня Вознесенія до Троицы. Во всѣ эти десять дней она переносится изъ дома въ домъ, подобно иконѣ Божіей Матери «Иверскія» въ Москвѣ.

С. Коваль.

¹⁾ «Волог. Епарх. Вѣд.» 1864 г., стр. 133.

II.

Покушеніе на Наполеона передъ войной 1812 г.

Собираясь на великую войну, Наполеонъ особенно внимательно относился ко внѣшнимъ сношеніямъ, всемъ руководилъ самъ, и все министры писали хотя отчасти подъ его диктовку. Несмотря на голодъ въ странѣ, Наполеонъ въ зиму 1811—1812 г. давалъ особенно многочисленные балы, придворные спектакли и великолѣпные праздники, что онъ считалъ обязательнымъ для высшей власти. Изъ праздниковъ Наполеонъ особенно любилъ маскарады и всего болѣе веселился на нихъ. Онъ любилъ маскарады потому болѣе, что имѣлъ нѣкоторый родъ отвати или безразсудства итти навстрѣчу приключеніямъ и даже опасностямъ. Былъ конецъ масленицы; предстоялъ послѣдній въ сезонѣ маскарадъ у Марескальки, итальянскаго министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ построилъ изъ дерева и полотна огромную залу въ своемъ саду на авеню Елисейскихъ полей. Боялись опасности отъ огня и были приняты большія предосторожности, но тутъ явилась другая опасность. Молодежь сѣверной Германіи съ негодованіемъ переносила то ярмо, какое надѣлъ Наполеонъ на ихъ родину, страдала отъ униженій, какія терпѣла ихъ страна, и въ тайныхъ собраніяхъ изыскивала способы освобожденія своей родины. Въ концѣ 1809 года одинъ изъ нихъ чуть было не убилъ Наполеона на парадѣ въ Шенбруннѣ, когда онъ былъ окруженъ своей гвардіей. Смѣлость признанія его, презрѣніе, какое онъ питалъ къ смерти, его заявленіе, что, если его простятъ, онъ повторитъ покушеніе,—все это было такъ необычно, что покушеніе сочли за единичный фактъ, какъ слѣдствіе увлеченій нездороваго ума. Но эта болѣзнь могла быть заразительной. Двое молодыхъ людей изъ лучшихъ семей Саксоніи отправились въ началѣ 1812 года изъ Лейпцига съ твердо предпринятой цѣлью исполнить въ Парижѣ то, что не удалось въ Шенбруннѣ. Одинъ изъ нихъ раскаялся и вернулся. Другой, де-Ласала, въ Страсбургѣ сошелся съ какимъ-то военнымъ комиссаромъ, который довезъ его до Парижа. Въ Страсбургѣ Ласала замѣшкался немного, а его бывший соучастникъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти и донесъ министру иностранныхъ дѣлъ при королѣ саксонскомъ де-Шнефу о задуманномъ ими планѣ. Де-Шнефъ сейчасъ же отправилъ въ Парижъ курьера. Герцогъ Вассано получилъ депешу въ полночь и сообщилъ ее префекту полиціи. Очень ловкій агентъ Фудра на другой день нашелъ Ласала въ отелѣ и арестовалъ его. При немъ нашли пистолеты и кинжалъ. Онъ во всемъ сознался. Ласала жалѣлъ, что опоздалъ на маскарадъ у Марескальки, гдѣ могъ бы убить Наполеона. Въ дѣлѣ объ этомъ есть приказъ Наполеона не разглашать о покушеніи, чтобы не расстранять слуховъ о легкости подобныхъ предпріятій. Злоумышленника объявили ненормальнымъ и заключили въ Венсеннъ. Вскорѣ послѣ этого надъ русскимъ

¹⁾ Составлено по мемуарамъ Пакье, Марбо и дѣламъ 1811 г. парижскаго національнаго архива.

посольствомъ былъ учрежденъ надзоръ. У арестованнаго русскаго курьера нашли пакетъ государю отъ Чернышева съ подробными свѣдѣніями о расположеніи и численности французскихъ войскъ въ Германіи. Эти планы составлялись въ кабинетѣ Наполеона. Въ день отъѣзда Чернышева агентъ полиціи осмотрѣлъ комнаты и въ каминѣ среди пепла нашли полусгорѣвшее письмо съ почеркомъ виднаго чиновника военнаго министерства. Послѣдній сознался, что продаетъ эти тайны уже девять лѣтъ Россіи. Это происходило еще въ моментъ великой дружбы Наполеона съ Александромъ, и, по мнѣнію Пакье, этотъ фактъ окончательно повліялъ на Наполеона въ смыслѣ объявленія войны Россіи.

С. Фарфоровскій.

герцогини и съ свадебными празднествами, которыя были отложены на осень. Его до сихъ поръ считали мечтателемъ, любящимъ одиночество романтикомъ. Теперь проявилось новое свойство его природы: онъ былъ настоящимъ мастеромъ всякихъ церемоній и ритуаловъ. Странно было только то, что въ этихъ вопросахъ онъ не спрашивалъ никого, даже свою невѣсту. Словно сказочный волшебникъ, онъ создавалъ все до послѣдней мелочи .

День и ночь шли работы въ парадныхъ апартаментахъ будущей герцогини, причемъ никто, кромѣ самого герцога и лицъ, которымъ была поручена отдѣлка, не могли ихъ видѣть. Они должны были, словно созданные по волшебству, предстать въ назначенный день передъ ея глазами вполне готовыми. Его жена должна была принять ихъ изъ его рукъ, какъ новое чудо.

Адельгейда настрожилась. Она была слишкомъ умна и понимала, что вырвавшимся у нея замѣчаніями насчетъ Острова Розъ она задѣла его впечатлительное и легко уязвимое чувство. Съ этого времени принцесса была такъ прѣжна къ нему, такъ очаровательно-любезна и предупредительна, что первыя недѣли, слѣдовавшія за обрученіемъ, все считали ее самой счастливой не только изъ всехъ дѣвушекъ, но и изъ всехъ смертныхъ.

Альфредъ пріѣзжалъ въ Лаубельфингенъ каждый день. Его чудныя лошади молочно-бѣлой масти въ нѣсколько часовъ дѣлали довольно значительный путь отъ Кронбурга до озера только для того, чтобы герцогъ могъ привѣтствовать свою невѣсту или цѣловать руку Матильдѣ, или лично передать ей какую-нибудь понравившуюся ему художественную вещьцу.

Благодаря этимъ «герцогскимъ наѣздамъ», какъ въ шутку называлъ князь Финингъ визиты своего племянника, въ Лаубельфингенѣ всегда приходилось держаться наготовѣ. Пріѣзжалъ не только Альфредъ. Очень часто появлялся по порученію герцога его адъютантъ Ласфельдъ — осведомиться о здоровьи обѣихъ сестеръ, придворные курьеры и лакеи съ подарками и съ письмами, причемъ герцогъ просилъ немедленно на нихъ отвѣта. Однажды Адельгейда, смертельно уставшая къ вечеру, рѣшилась отложить до слѣдующаго утра отвѣтъ на привѣтствіе герцога, которое сопровождалось букетомъ чудныхъ орхидей.

Въ ту же ночь стучалъ въ ворота заснуваго замка спеціальнй лейбъ-куррьеръ отъ его высочества. По приказанію герцога, онъ просилъ впустить его и передалъ, что герцогъ спрашиваетъ, получила ли принцесса Адельгейда посланные имъ цвѣты.

Такъ шло дѣло со дня на день. Адельгейда едва могла перенести эту необыкновенную любезность и преклоненіе. Каждое утро, въ ранній часъ, когда молодыя дѣвушки поклонились еще во снѣ, являлся гонецъ отъ герцога съ какой-нибудь вещьцей, изготовленной по собственноручному рисунку герцога. Каждую ночь—гонецъ

отъ герцога съ вопросомъ: благополучно ли доѣхали домой ихъ сѣтлости?

Адельгейда едѣлалась нервной: ее озабочивало это свойство ея жениха. Но она храбро переносила все это. Слова Матильды: «какимъ путемъ ты никогда не привлечешь его къ себѣ», запечатлѣлись крѣпко въ ея сердцѣ. Она хотѣла и должна была привлечь его къ себѣ, ибо она крѣпко рѣшилась стать герцогиней.

Триумфы, которые ей пришлось испытать при появленіи въ публикѣ рядомъ съ нимъ, опьянили молодую дѣвушку. Воспитанная въ глубинѣ горъ и въ уединеніи Лаубельфингенскаго озера, какъ дочь простаго сельскаго дворянина, не видѣвшая блеска кронбургскаго дворца и не мечтавшая никогда о герцогскомъ тронѣ и блестящей коронѣ, которую Альфредъ долженъ былъ возложить на ея бѣлокурые волосы, Адельгейда, несмотря на глухой сезонъ въ Кронбургѣ, не могла достаточно парадоваться.

Въ тотъ самый день, когда гофмаршальская часть объявила о двойной помолвкѣ, она, сидя рядомъ съ герцогомъ въ золоченомъ парадномъ экипажѣ, проѣхала черезъ свою будущую столицу.

Тысячи людей усыпали улицы. Ей неслись навстрѣчу громкіе привѣтственные крики, какихъ она никогда въ жизни еще не слышала. Въ воздухѣ мелькали платки. Казалось, весь Кронбургъ, все герцогство сосредоточили на ней все вниманіе. Это очаровало ее, дѣлало еще болѣе счастливой.

Она бросила взоръ на сидѣвшаго рядомъ съ нею юношу, которому мужчины, казалось, завидуютъ, а женщины поклоняются, глядя на него широко раскрытыми глазами,—она помнила, что онъ принадлежитъ только ей, ей одной.

Въ это же время совершала свой вѣздъ принцесса Матильда съ кронпринцемъ Карломъ. Но что такое былъ этотъ кронпринцъ, несмотря на свою королевскую корону, въ сравненіи съ нимъ, который, казалось, превзошелъ мужскую красоту, который, будучи почти мальчикомъ, смѣло взялъ въ свои руки бразды правленія герцогства? Казалось, что надъ Кронбургомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль пасмурной, дождливой погоды, снова засіяло солнце. Куда бы онъ ни повернулся, всюду курился передъ нимъ өиміамъ. Казалось, народъ готовъ бросать ему пальмы подѣ ноги.

На балахъ, въ придворномъ театрѣ, въ столицѣ—всюду она появлялась рядомъ съ нимъ. Ему больше всего нравилось, когда она бывала въ платьѣ серебрянаго цвѣта, которое облегалo ея стройную юную фигуру, словно панцырь. Оно было съ большимъ вырѣзомъ, и на шеѣ она всегда носила великолѣпное кольцо своей покойной матери, которое ей подарилъ герцогъ Бернгардъ въ день свадьбы своей единственной сестры.

Когда отворялась дверь придворной ложки или залы во дворцѣ и онъ велъ ее подѣ руку, тогда всѣ взоры обращались на нее,

какъ на улицахъ Кронбурга, тогда она чувствовала себя герцогиней!

— Настоящая невѣста герцога!—сказаль ей самъ Альфредъ.

— Королева, императрица,—шентали угодливые языки придворныхъ дамъ и камеристокъ.

Она слышала эти голоса и вѣрила имъ, и въ самомъ дѣлѣ вообразила, что она самая красивая, самая величавая во всемъ королевствѣ. Счастье ея сестры Матильды превратилось ни во что, въ сравненіи съ ея счастьемъ: кронпринцу еще долго приходилось ждать короны, такъ какъ его отцу едва минуло сорокъ лѣтъ. Прелесть сестры могла увянуть, чудные темные локоны посѣдѣть прежде, чѣмъ на ея голову будетъ возложена блестящая королевская корона.

Но она! Герцогиня, государыня цѣлой страны, обожаемая тысячами, невѣста герцога, чей образъ, словно талисманъ, носили въ своемъ сердцѣ всѣ женщины, начиная отъ служанки и кончая ею, обладательницею трона.

Пурпуръ, павшій такой тяжестью на плечи Альфреда, показался Адельгейдѣ, когда она впервые слегка прикоснулась къ нему, волшебнымъ плащомъ, который при помощи безграничнаго могущества вознесетъ ее, избранную изъ всѣхъ женщинъ, превыше всѣхъ земныхъ заботъ и тревогъ, черезъ моря и доли. Вѣдь эту корону онъ самъ держаль въ своихъ рукахъ, этотъ пурпуръ лежалъ на его плечахъ—и все это онъ клалъ къ ея ногамъ.

Баснословные слухи о приготовленіяхъ, таинственно сдѣланныхъ Альфредомъ къ свадьбѣ и къ торжеству, какого не видали еще ни на одной свадьбѣ короля и даже императора, изумительные рассказы объ отдѣлкѣ апартаментовъ для юной герцогини, въ которые никому еще не удалось заглянуть, достигали и уединеннаго тихаго Лаубельфингена и жадно подхватывались Адельгейдой. Ни одна женщина не пользовалась такою любовью, какъ она, ни одна не стояла рядомъ съ тѣмъ, кто чувствовалъ себя земнымъ богомъ. На всѣхъ выставкахъ Кронбурга красовался ея портретъ, его можно было найти во всѣхъ газетахъ и журналахъ. Не было ни одного листка, въ которомъ, въ эти дни благословія, спустившагося на Лаубельфингенъ и герцогство, не было бы рѣчи о ней!

А онъ... Изрѣдка пріѣзжалъ онъ въ Турмъ и останавливался здѣсь на короткое время. Зато каждый вечеръ, а иногда и ночью останавливался его экипажъ передъ Лаубельфингеномъ. Казалось, онъ забылъ и «Лебеда», и островъ розъ, и голубое озеро, и жилъ опять въ Кронбургѣ, занимался съ министрами государственными дѣлами, но большая часть его времени была посвящена ей, одной ей. Его занимала не только отдѣлка апартаментовъ для будущей герцогини въ эти дни дивнаго благоуханія, когда ему удалось загнать въ самые тайники своей души черный, неопредѣленный страхъ передъ самимъ собой, передъ своей слабостью. Свадебныя

торжества, ради которыхъ были вытаснены на свѣтъ Божій старинный, почти вышедшій изъ употребленія церемоніаль, были, по его приказанію, выработаны во всѣхъ подробностяхъ, и художники, безпрестанно входившіе и выходившіе изъ его рабочаго кабинета возлѣ зимняго сада, были завалены всякими мелочами и могучимъ размахомъ его фантазіи. Граверу, напримѣръ, было поручено воспроизвести портретъ Адельгейды съ небывалой еще точностью, литографія должна была воспроизвести это изображеніе въ тысячахъ экземплярахъ, которые должны были раздаваться въ день свадьбы по всѣмъ городамъ и деревнямъ герцогства.

Въ небольшой мастерской, устроенной недалеко отъ зимняго сада, подъ руководствомъ самого герцога работали надъ дивнымъ произведеніемъ скульпторъ. То былъ бюстъ Адельгейды, постоянное чудо искусства изъ каррарскаго мрамора, предназначавшійся для князя Филиппа. Работа продолжалась нѣсколько недѣль, пока наконецъ Альфредъ не призналъ, что модель удалась и стала самѣятельно похожа на оригиналъ. Какъ живое выступило изъ дѣвственной бѣлизны камня прекрасное лицо принцессы и ея лебединая шея. Этотъ камень художникъ, по приказанію герцога, самъ выбралъ на мраморныхъ ломкахъ Каррары.

Этотъ бюстъ сталъ идоломъ герцога. Онъ былъ начатъ и оконченъ во дворцѣ на его глазахъ. Никто, кромѣ него и художника, даже сама Адельгейда не видала его. Принцесса раза два позировала въ Лаубельфингенѣ для этюда, а далѣе художникъ работалъ уже по гравированному портрету.

Ключъ отъ мастерской или святилища, какъ называлъ его Альфредъ, онъ носилъ всегда съ собою. Онъ самъ открывалъ дверь скульптору, самъ впускалъ и выпускалъ его оттуда. Мало-по-малу появлялась здѣсь Адельгейда, этотъ идеалъ его чудныхъ грезъ о женской красотѣ и неземной женской добротѣ и чистотѣ.

Мраморъ все болѣе и болѣе притягивалъ Альфреда. Почему — этого онъ и самъ не зналъ. «Колыбель моихъ скорбей, могила моего покоя», проносилось иногда у него въ головѣ, когда онъ прижималъ свой горячій лобъ къ этому мертвому мрамору, не чувствуя себя въ силахъ прижать къ себѣ оригиналъ этого бюста. Днемъ и ночью въ тѣгостныя часы онъ боялся этой цвѣтущей жизни, зная, что Адельгейда имѣетъ право потребовать настоящей любви мужнины къ женщинѣ.

Безпокойно ходилъ онъ по комнатамъ дворца, — по старымъ, уже отдѣланнымъ, и по тѣмъ, которыя еще приготовлялись для герцогини. На своихъ конюшняхъ онъ выбралъ шесть бѣлоснѣжныхъ лошадей, которыя приучались носить тяжелое украшеніе, которое имъ предстояло нести на себѣ въ тотъ день, когда ихъ запрягутъ въ свадебный экипажъ. Каждый день ихъ медленно водили отъ дворца до церкви, такъ какъ, по словамъ шталмейстера, нужны

были недѣли для того, чтобы пріучить этихъ горячихъ жк вѣтнихъ двигаться такъ, какъ приказалъ Альфредъ. То были шесть настоящихъ арабскихъ лошадей. Ихъ-то и назначилъ онъ для свадебнаго экипажа Адельгейды. Вѣлыя, словно спѣтъ на его любимыхъ горахъ, онѣ шли съ гордо поднятой шеей на свѣтло-голубыхъ поводахъ, въ золотой сбруѣ.

Вотъ чѣмъ онъ развлекался и въ чемъ проводилъ большую часть дня. Вечеромъ онъ несся къ Лаубельфшгену, — и съ каждымъ днемъ все быстрѣе и быстрѣе — привѣтствовать Адельгейду, а затѣмъ наступала ночь, которую онъ обыкновенно проводилъ въ ярко, какъ днемъ, освѣщенной мастерской возлѣ почти законченнаго мраморнаго бюста. Въ такія страшныя ночи онъ осыпалъ этотъ бюстъ горячими поцѣлуями, которыми онъ не смѣлъ цѣловать свою невѣсту, боясь вызвать въ ней страсть. Его дрожація руки лобызали мраморную шею и грудь. Цѣлыми часами въ возжелѣніи и съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ онъ на эту удивительную красоту, а затѣмъ забирался въ часовню, пристроенную къ его спальнѣ, и горячо молился передъ изображеніемъ распятаго Спасителя. Мраморъ не давалъ ему силъ мужчины, а цвѣтущее тѣло невѣсты наводило на него ужасъ, который онъ не могъ преодолѣть, несмотря на все свои успія!

Какъ все это произойдетъ? Какъ? слышалъ онъ стоющую вопросъ гдѣ-то внутри себя. Кто могъ наградить его на его жизненномъ пути такой слабостью, его, почти всемогущаго герцога?

Съ молодости онъ былъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ и въ уваженіи своей церкви. Уже будучи герцогомъ, онъ склонился передъ властью своего духовника Пфистерманна, справлялъ все посты и праздники. Въ его спальнѣ стоялъ русскій складень византійскаго стиля — подарокъ русской императрицы его покойному отцу. Этотъ складень онъ любилъ болѣе другихъ. Онъ былъ съ нимъ въ Гогенарбургѣ и видѣлъ борьбу и страданія его дѣтскихъ лѣтъ. Вступивъ на престолъ, Альфредъ привезъ его въ Кронбургъ съ собой въ каретѣ.

Эти иконы изображали на золотомъ фонѣ побѣду плоти. На средней изъ нихъ былъ изображенъ Спаситель на крестѣ, рана отъ удара копьемъ приковывала къ себѣ вниманіе зрителя, на боковыхъ створкахъ было изображено побіеніе камнями св. Стефана и мученіе св. Севастіана. Когда онъ былъ еще мальчикомъ, ему было жутко смотрѣть на этотъ складень. Жутко было ему и теперь, когда онъ поставилъ этотъ складень рядомъ съ великолѣпной герцогской кроватью и лежалъ передъ нимъ на колѣняхъ.

— Что же это? — громко вскрикивалъ Альфредъ. — Спаси меня. Дай мнѣ найти въ Адельгейдѣ силу Твоего искупленія! Огради меня отъ страха. Отецъ мой Небесный, вѣдь Ты видишь, что я хочу его побороть!

Но никто не отвѣчалъ ему сверху. Эта горячая молитва передъ складнемъ не давала ему ни мира, ни спокойствія. Развѣ не учила церковь, къ которой онъ принадлежалъ, о томъ, что нужно умерщвлять плоть свою для того, чтобы достигнуть высшей цѣли—чистоты? Не звалъ ли Грааль своего рыцаря прежде, чѣмъ онъ падеть въ объятія женщины, въ залы его высокаго замка?

Сомнѣнія терзали его, и онъ молился и молился передъ маленькимъ складнемъ, молился о томъ, о чемъ, по ученію его церкви, нельзя было молиться, что, по словамъ ея священниковъ, было плотскимъ грѣхомъ и возделѣніемъ!

О, для чего его учили всему этому. Его хотѣли воспитать тамъ въ Гогенарбургѣ въ смиреніи, а теперь изъ этого вышла слабость!

Гогенарбургъ! О, если бы у него пашлось мужество бѣжать туда отъ всего того, что его здѣсь удручало, отъ шума Кронбурга, блеска двора, отъ любви, страсти, которой у него не было, отъ самой Адельгейды? Нѣтъ, ему не дали времени, и въ концѣ концовъ онъ не успѣлъ правильно познать себя, переоцѣнилъ себя!

Съ какимъ сладострастнымъ страданіемъ игралъ онъ этими мучительными мыслями. Исчезнуть въ горахъ, никѣмъ не замѣченному, подобно рыцарю св. Грааля, который совершаетъ свою миссію и котораго бѣлая голубка зоветъ въ отечество!

Совершаетъ свою миссію!—раздавалось у него гдѣ-то внутри. Развѣ у него была миссія. Что скажетъ на это Адельгейда, князь Филиппъ, Матильда, кронпринцъ, котораго онъ ожидаетъ къ свадебнымъ торжествамъ на нѣсколько недѣль въ Турмъ? Онъ долженъ оставаться, онъ долженъ выдержать все, несмотря ни на что.

Гогенарбургъ скрылся изъ его духовныхъ очей. Въмѣсто него вдругъ вынырнули Кронбургъ и Турмъ, Лаубельфингенъ и озеро.

Онъ оттолкнулъ отъ себя складень. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало, онъ долженъ былъ найти силу, въ которой ему было отказано темной судьбой, загадкой неба.

Ему недоставало воздуха въ раззолоченной спальнѣ. Онъ распахнулъ ставни.

По верхушкамъ дворцоваго сада кралась всныхнувшая на востокъ заря.

Онъ побѣдоносно поднялся. Какъ заря, и онъ хотѣлъ восторжествовать въ своемъ сердцѣ надъ темными силами ночи. Да, онъ хотѣлъ этого всѣми силами своей воли и своей души.

XX.

Наступила великолѣпная осень—чудный сентябрь, когда въ полдень еще тепло, какъ лѣтомъ, а рано наступающимъ вечеромъ и засвѣжѣвшими ночами чувствуется мягкое дыханіе уходящаго лѣта. Великолѣпный паркъ замка Турмъ красовался тысячами отгѣп-

ковъ и красокъ. Неподвижно, словно хорошо отшлифованный сапфиръ, лежало у его подножія Лаубельфингенское озеро. На югѣ глядѣлись въ него огромныя любимыя герцогомъ горы. По утрамъ и вечерамъ ихъ взлетѣвшія къ небу вершины были окутаны душистымъ покрываломъ изъ голубоватаго тумана и золотистаго блеска.

По приказанію Альфреда, для празднованія бракосочетанія обѣихъ паръ дворъ снова переѣхалъ изъ Кронбурга въ Турмъ. Придворные садовники, присланные изъ дворца, уже нѣсколько недѣль работали надъ украшеніемъ парка для предстоящихъ торжествъ.

Пальмовыя оранжереи герцогскаго садоводства въ Кронбургѣ и даже замолкшій и никѣмъ не посѣщаемый зимній садъ въ кронбургскомъ дворцѣ выслали сюда лучшіе экземпляры экзотическихъ своихъ культуръ. Теперь они красовались съ своей темной зеленью въ передней части парка, недалеко отъ дворца, который имѣлъ прямо волшебный видъ. Пышныя южныя растенія, казалось, переплелись на пару дней съ сѣверными въ общей красочной массѣ. Альфредъ каждый день обходилъ самъ этотъ райскій уголокъ. Дикій виноградъ, поднимавшійся до самой крыши замка между плющемъ, казался темно-краснымъ. Любимые цвѣты герцога— японскія орхидеи—еще не совсѣмъ распустились. На башенкахъ замка развѣвались свѣтло-голубые флаги, сія въ лучахъ осенняго солнца своей свѣтлой, привѣтливой окраской. На лужайкахъ были разставлены группами пальмы и цвѣты,—тысячи цвѣтущихъ деревьевъ.

Альфредъ не пощадилъ даже розъ своего опустѣвшаго острова. Огромный букетъ въ нѣсколько тысячъ розъ всѣхъ оттѣнковъ былъ поставленъ на срединѣ площадки, которая шла отъ террасы замка къ берегу голубого озера. Задній фюнь для этой великолѣпной картины, созданной природой и искусствомъ, образовалъ родной лѣсъ, блиставшій всѣми осенними цвѣтами. Темный цвѣтъ сосенъ, сквозь которыя мѣстами просвѣчивало яркое золото березъ, зелень дубовъ и буковъ, постепенно переходящая въ цвѣтъ красной мѣди, ярко-красная окраска вязовъ и кленовъ, чахлая блѣдность чужестранныхъ декоративныхъ растеній,—все это тѣсно переплелось между собою, образовало картинку жизни, протягивавшей руки смерти.

Цѣлыми днями работали садовники подъ личнымъ руководствомъ Альфреда. Внутри замка, на озерѣ, на вершинахъ горъ и на опустѣвшихъ дорожкахъ его Острова Розъ дѣлались послѣднія приготовления къ великому дню.

На террасѣ замка герцогъ давалъ обѣдъ въ честь своей невѣсты, кронпринца, Матильды и всей герцогской семьи. Обѣдъ закончился невиданнымъ по великолѣпію праздникомъ на озерѣ. Вершины и долины этого чуднаго мѣста должны были съ наступленіемъ ночи

вспыхнуть тысячами огней. Объ этомъ днѣ долженъ былъ заговорить весь Кронбургъ, все герцогство.

Благодаря энергій Альфреда, все было наконецъ готово. Приданое Матильды онъ великодушно принялъ на свой личный счетъ. Празднества и пріемъ кронпринца также были отнесены на его счетъ. Женихъ его кузины, которую онъ уважалъ болѣе всѣхъ, былъ для него дорогимъ гостемъ въ его герцогскихъ апартаментхъ замка Турмъ.

Тысячами стекалось на берегъ озера окрестное населеніе, сотнями приходили сюда изъ Кронбурга и изъ другихъ частей герцогства. Всѣ деревни вдоль берега, всѣ отели и гостиницы были переполнены, и, когда, наконецъ, наступилъ торжественный день, весь берегъ Лаубельфингена былъ усеянъ тысячами зрителей, глядѣвшихъ на замокъ Турмъ, на башнѣ котораго развѣвались вмѣстѣ штандарты герцога и кронпринца. «Лебедь» стоялъ неподвижно у пристани и ждалъ того момента, когда герцогъ и его гости выйдутъ изъ комнаты, сядутъ на пароходъ и доставятъ изъ Лаубельфингена въ Турмъ князя Филиппа и его двухъ дочерей.

Было около шести часовъ вечера. Солнце заходило на покой за темно-зелеными, покрытыми соснами горами. Огненнымъ, раскаленнымъ шаромъ катилось оно по безоблачному вечернему небу и брело послѣдніе пурпурные лучи на голубое озеро.

Тысячи глазъ искали того мѣста, откуда долженъ былъ отправиться «Лебедь». Вооружившись биноклями и подзорными трубами, люди стояли у всѣхъ оконъ окрестныхъ домовъ, сидѣли на всѣхъ крышахъ и балконахъ. Дома и избы окрестныхъ селеній разукрашались гирляндами цвѣтовъ, на стройныхъ сельскихъ колокольняхъ развѣвались свѣтло-голубые герцогскіе флаги.

Громко раздавались привѣтственные крики толпы. Передъ балюстрадой замка Турмъ грянулъ громовой салютъ, а на юго-западной угловой башнѣ замка, какъ разъ напротивъ Лаубельфингена взвился княжескій штандартъ невѣсты.

По берегу озера разомъ зазвонили колокола всѣхъ церквей. Вѣтеръ относилъ ихъ звонъ въ Турмъ, и онъ достигалъ до слуха Альфреда, какъ умоляющій зовъ его народа.

Вотъ, наконецъ, появился и онъ въ сопровожденіи кронпринца и великолѣпной свиты. За «Лебедемъ» стоялъ другой большой пароходъ, на которомъ помѣстилась свита. Альфредъ занялъ мѣсто на «Лебедѣ» только съ кронпринцемъ и Ласфельдомъ.

Кронпринцъ былъ въ свѣтло-голубомъ мундирѣ полка, шэфомъ котораго онъ былъ сегодня назначенъ. Альфредъ, въ честь своего гостя, былъ въ общегенеральской формѣ его государства. Непривычно было видѣть его въ этой незнакомой ни народу, ни окружающимъ его формѣ. Но и въ ней онъ держался гордо, какъ герцогъ, какъ юноша, красотѣ котораго не могло повредить никакое одѣяніе.

«Лебедь» вышелъ въ озеро. Слѣдомъ за нимъ шель другой пароходъ. Черезъ четверть часа оба были уже у Лаубельфингена. Минуть черезъ десять оба парохода, имѣя на «Лебедѣ» князя Филиппа и обѣихъ принцессъ, двинулись обратно въ Турмъ.

Толпа, стоявшая по берегу, разразилась привѣтственными криками, увидѣвъ Альфреда и принцессу Адельгейду, которая стояла рядомъ съ нимъ. Принцессу Матильду и крошпринца, въ честь которыхъ собственно и былъ устроенъ весь этотъ праздникъ, казалось, совсѣмъ забыли.

Пароходы подошли къ Турму, когда стало уже смеркаться. Предстоялъ парадный обѣдъ въ большой залѣ замка. Когда совсѣмъ смерклось, начался праздникъ на озерѣ. Толпа терпѣливо ждала часа полтора. Южныя вершины горъ уже засеребрились луннымъ свѣтомъ. Полная луна поднялась въ небѣ и обливала свѣтомъ снѣжныя моря гигантскихъ массивовъ.

Возгласы восторга становились все громче и громче. Загорѣлась иллюминація замка Турмъ. Контуръ герцогскаго замка вдругъ выступили огненными линиями, и передъ очами зрителей выступило все зданіе, какъ будто разомъ вырванное изъ мрака дворцоваго парка. По дорожкамъ Альфредъ приказалъ зажечь цѣлый рядъ маленькихъ огней, которые свѣтились, какъ свѣтлячки въ Иванову ночь. Изъ раскрытыхъ оконъ Турма послышались дивные звуки свадебнаго марша изъ «Рыцаря съ лебедемъ». Игралъ оркестръ лейбъ-гвардейскаго полка. Затѣмъ пѣлъ труппа придворнаго театра.

Народъ затаилъ дыханіе. Сердца многихъ тысячъ людей сегодня въ самомъ дѣлѣ послышались къ ногамъ царственнаго юноши, желая счастья ему и его сіяющей невѣстѣ.

Ночь спустилась на горы и озеро. Только блѣдная луна лила море серебрянаго свѣта на тихо плескавшіяся волны, придавая Острову Розъ, горамъ, замку какой-то видъ сказочныхъ привидѣній.

Вдругъ съ вершинъ горъ пахнулъ холодный вѣтерокъ — первое дыханіе осени, легкой, едва уловимый поцѣлуй смерти.

На озерѣ царило большое оживленіе. Сотни лодокъ, украшенныхъ цвѣточными гирляндами и освѣщенныхъ фонариками, сновали по всѣмъ его уголкамъ. Озеро стало похоже на какой-то залъ, гдѣ танцовали сирены. Вокругъ замка Лаубельфингенъ образовался цѣлый огненный поясъ. Этотъ замокъ царилъ высоко надъ жилымъ дворцомъ на крутомъ обрывѣ. Развалины времъ мншезингеровъ теперь были лишь отголоскомъ былой поэзіи, минувшаго великолѣпія и величія.

На Островѣ Розъ вдругъ выпыхнуло огромное электрическое солнце и, споря съ мѣсяцемъ, стало бросать снопы свѣта на Лаубельфингенъ и Турмъ. Съ трескомъ взлетѣла къ небу ракета, давая знакъ къ началу блестящаго праздника.

На высокомъ балконѣ Турма появились обѣ помолвленныхъ пары. Ихъ сейчасъ же замѣтили, начались бурные привѣтственные крики. Альфредъ разъ двадцать подходилъ къ балюстрадаѣ балкона и махалъ платкомъ въ отвѣтъ на привѣтствія. Адельгейда была въ восторгѣ. Забывая свое высокое положеніе, она обѣими руками посылала народу поцѣлуи.

Въ отвѣтъ неслись громкія привѣтствія.

Альфредъ легкимъ движеніемъ неудовольствія заставилъ ее опомниться. Его гордость не мирилась съ этимъ.

Загремяли пушки съ башни Золлеръ, Турмъ его паркъ и замокъ освѣтились моремъ бенгальскаго огня. Все сіяло то краснымъ, то густозеленымъ огнемъ. Казалось, что герцогъ, его невѣста, замокъ и дворъ, озеро и горы не существуютъ въ дѣйствительности, что все это прекрасный волшебный сонъ, вызванный изъ глубины темной ночи на десять какихъ-нибудь мгновеній и потухающій, какъ эти огни, казавшіеся сказочнымъ царствомъ.

Тысячи глазъ видѣли его рядомъ съ нею. Онъ стоялъ на большомъ балконѣ своего герцогскаго замка Турмъ. Эта картина была слишкомъ красива для грубой дѣйствительности.

Фейерверкъ кончился. Тысячи глазъ ждали только его. И дѣйствительно, никто не видѣлъ ничего подобнаго ни въ Кронбургѣ, ни въ Турмѣ. Онъ напоминалъ о старинныхъ дняхъ прошлаго вѣка. Ради великолѣпія Альфредъ приказалъ зажечь цѣлый городъ, какъ онъ выражался. Ракеты, римскія свѣчи, огненные колеса, бураки разлетались по черному, какъ смоль, небу. Луна давно уже зашла за горы, какъ бы спрятавшись отъ фантастическаго міра Альфреда. Озеро и холмы были покрыты темнотою. По гладкой поверхности воды скользили лишь лодки, иллюминированныя фонариками. Издали неслись жалобные слухи одинокаго рожка. То игралъ серенаду въ честь Адельгейды извѣстный солдистъ на корнетъ-пистонѣ, служившій въ оркестрѣ гвардейскаго полка Альфреда. Оркестръ, скрытый въ кустахъ парка, отвѣчалъ ему, какъ будто издали.

Вдругъ изъ озера забилъ чудный фонтанъ, освѣщенный бенгальскимъ огнемъ всѣхъ цвѣтовъ радуги. Сначала онъ былъ ослѣпительно-бѣлый, какъ расплавленное серебро, потомъ сталъ огненно-золотымъ, ярко-краснымъ и наконецъ синимъ и фіолетовымъ. Казалось, онъ забилъ изъ подземныхъ глубинъ, изъ замершихъ глубинъ какого-то уже вымершаго міра.

Альфредъ стоялъ теперь одинъ съ Адельгейдой на среднемъ балконѣ своего замка. Князь Филиппъ, Матильда съ кронпринцемъ и ихъ свита, боясь ночного холода, удалились въ замокъ и смотрѣли изъ оконъ. Остался только онъ. Онъ держалъ руку дѣвушки и смотрѣлъ на это море свѣта и красокъ, которыя онъ, казалъ съ, хотѣлъ впнтать въ себя своими восхищенными глазами.

Изъ бьющихъ водъ фонтана вдругъ посыпался огненный дождь. Свѣтящіеся фонтаны были остановлены, и съ палубы судна, которое беззвучно ширыяло по озеру, взлетѣлъ великолѣпнѣйшій фейерверкъ. Это была заключительная картина праздника.

Десять тысячъ ракетъ разомъ взлетѣли въ воздухъ. Цѣлый дождь разноцвѣтныхъ шаровъ и блестящихъ звѣздъ упалъ въ озеро, изъ этихъ огней и красокъ образовались огромныя буквы имени, которое, какъ видѣніе, стояло надъ замкомъ, озеромъ, горами, надъ жизнью и судьбою самого Альфреда. То было имя его невѣсты, словно демонами написанное огненными буквами въ воздухѣ: «Адельгейда».

Имя принцессы было изображено удивительно сходно съ той подписью, которою заканчивалось ея благодарственное письмо къ герцогу.

Альфредъ весь превратился въ зрѣніе. Невѣста хотѣла было благодарить его, но не могла произнести ни слова.

Въ эту ночь наступающей осени онъ прочелъ огненный знакъ своей судьбы и своего будущаго. Его взглядъ былъ прикованъ къ потухающимъ искоркамъ, изъ которыхъ слагалось это имя. Теперь онѣ тухли, свѣтились тускло, вспыхивали все рѣже и рѣже, становились блѣднѣе и блѣднѣе до тѣхъ поръ, какъ имя, еще недавно такъ блестящее, было развѣяно жалобно звучащимъ вѣтромъ и разлетѣлось пылью и золой надъ волнами озера, словно какое-то привидѣніе, словно свѣтъ луны, обливающей серебромъ озеро и которымъ такъ хочется овладѣть и который никогда, никогда не удержать.

Адельгейда вздрогнула.

Герцогъ рыдалъ рядомъ съ ней.

Дрожь пробѣжала по его высокой фигурѣ. Она испугалась его.

— Что съ тобой Альфредъ?—прошптала она.

— Погашено, погашено мракомъ ночи,—раздался около ея уха его голосъ, едва слышный отъ рыданій.—Въ эту черную ночь угасло то, что я представлялъ себѣ такимъ великимъ и прекраснымъ.

— Но вѣдь все было такъ великолѣпно, — пыталась она его утѣшить.

— Да, это было великолѣпно, Адельгейда,—сказалъ онъ печальнымъ тономъ.—Это былъ чудный сонъ! Этотъ замокъ, это озеро, эти мои горы, ты и этотъ праздникъ—какъ я всему этому радовался въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. То былъ послѣдній чудный сонъ на моемъ розовомъ островѣ!..

— Альфредъ, послушай...

Она приблизилась къ нему съ нѣжностью и лаской. Онъ взялъ ее за руку. Его рука была холодна, какъ ледъ. Его большіе, широко раскрытые глаза, казалось, искали его огненнаго, уже потухшаго счастья.

Вмѣстѣ съ Адельгейдой онъ вошелъ въ парадный залъ. Тысячи зрителей, которые терпѣливо ждали конца фейерверка, видѣли, какъ герцогская чета исчезла въ морѣ свѣта, хлынувшего изъ зала въ темноту парка.

Черезъ четверть часа лодки и пароходъ съ гостями герцога отправились обратно изъ Турма въ Лаубельфингенъ. Въ Турмѣ огни стали медленно гаснуть. Тысячи зрителей, толпившихся на берегу озера, стали расходиться, возвращаясь въ свои гостиницы и въ свои жилища въ Кронбургъ.

Кронпринцъ отбылъ въ отведенные ему апартаменты.

Только у одного окна замка стояла одинокая фигура. Она глядѣла черезъ озеро на далекія горы на югѣ, черезъ темный лѣсъ елей и сосенъ, росшихъ на скалахъ, а не черезъ Лаубельфингенъ, гдѣ была его невѣста.

— Было чудно хорошо, — тихо промолвилъ про себя герцогъ. — А все-таки... не такъ хорошо, не такъ чисто, не такъ величаво, какъ величавы вы, далекія горы моего дѣтства и юности. Ваши уединенныя ущелья и долины, глубокія синія озера... Не то... не то...

Долго стоялъ онъ глубокой ночью около этого уединеннаго окна. Его больше не знобило, казалось, онъ совершенно потерялъ ощущеніе начинающей холодить осенней ночи. Ему вдругъ стало тепло и пріятно. Стоя около всегда веселой Адельгейды, онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Теперь же это чувство въ немъ исчезло.

Нѣжно блуждалъ его взглядъ по поверхности озера, по холмамъ, останавливаясь на высокихъ горахъ на югѣ, гдѣ на крутой скалѣ гнѣздится орелъ, а по отвѣснымъ крутизнамъ карабкаются серны и пастухи.

— Вы зовете меня, зовете! — сорвалось вдругъ съ его губъ. — Зачѣмъ же зовете вы меня теперь, вы, чистыя высоты, возвышающіяся надъ плоскостью городовъ, надъ всеми людьми и надо мной самимъ.

Взглядъ его могучей фантазіи пронизывалъ даль и темноту, и вдругъ передъ его взорами возсталъ горный хребетъ, густо усаженный первобытными соснами, который онъ столько разъ проѣзжалъ въ дѣтствѣ на своемъ пони. Онъ какъ будто мапилъ его къ себѣ, соблазнялъ голосами, доступными лишь внутреннему слуху.

Печально взглянулъ Альфредъ на Лаубельфингенъ.

— Не вѣрю, не вѣрю, — зарыдалъ онъ. — Имя погасло, исчезло. Мой розовый садъ и павлины, которые ей не понравились, «Лебедь», надъ которымъ она смѣялась, розы, аромат которыхъ ее раздражалъ... Не вѣрю, не вѣрю... Горы моей юности Гогенарбургъ, резиденція монаховъ прадедовъ, озеро въ глубинѣ ихъ... Тамъ... и тутъ!

И онъ показалъ рукою къ сѣверу, гдѣ находился Кронбургъ. столица его страны, въ которой онъ только страдалъ и боролся.

Тихо покачалъ онъ головою.

Еще разъ посмотрѣлъ онъ на Лаубельфингенское озеро и на замокъ князя Филиппа, гдѣ лежали въ грезахъ обѣ невѣсты, спасительный островъ, созданный его фантазіей, родина бѣлой голубки и серебрястаго фазана.

Не людямъ, карликамъ равнишь, не обывателямъ Кронбурга, привѣтствовавшимъ сегодня его криками только потому, что онъ, подобно другимъ, рѣшилъ вступить въ бракъ, не имъ понять его. Царство его не отъ міра сего!

Онъ почувствовалъ, какъ въ немъ встало что-то сильное, его духовный взоръ увидаль пѣчто такое, что онъ до сего времени не замѣчалъ и что замѣтилъ впервые только въ эту чудную осеннюю ночь, стоя одинъ-одинешенекъ у окна замка Турма.

Это празднество и эта ночь показались ему прощаніемъ съ всѣмъ прошлымъ.

Почему?—онъ этого не зналъ и самъ.

На востокѣ занимался уже день, когда онъ легъ въ постель.

XXI.

На слѣдующій день кронпринцъ возвратился къ своему отцу. Король слѣшно готовился къ свадебнымъ торжествамъ; эта свадьба была давнишнимъ сердечнымъ желаніемъ его сына.

Бѣдность князя Филиппа и затрудненія, которыя создавало кронбургскому двору министерство Бауманна-фонъ-Брандта, затаили это дѣло, и молодому жениху могло наскучить безконечное ожиданіе. Матильда прощалась со свримъ прежнимъ любимымъ отечествомъ, съ голубымъ Лаубельфингенскимъ озеромъ и горами, съ домомъ и любимой своей лошадью Эмиромъ, съ крестьянскими хижинами, въ которыхъ она любила отдыхать, съ своей сестрой—отрадой ея короткой молодости.

Осенніе туманы уже клубились на вершинахъ и въ равнинахъ, когда она въ сопровожденіи небольшой свиты сѣла въ герцогскій вагонъ на маленькой станціи Лаубельфингенъ. Поѣздъ долженъ былъ доставить ее до границы герцогства, гдѣ ее уже ждалъ придворный поѣздъ ея будущаго тестя. Она должна была выйти въ большомъ городѣ, лежавшемъ въ низовьѣ богатой рѣки и превосходящемъ Кронбургъ какъ по величинѣ, такъ и по своему значенію. Ей предстояло осчастливить могущественный народъ, раскинувшійся на огромномъ пространствѣ.

Какъ-то тяжело было у нея на душѣ, какъ у человѣка, который изъ мягкой тѣни темнозеленаго лѣса вдругъ попадаетъ на ярко освѣщенную солнцемъ улицу.

Князь Филиппъ и графиня Шандингъ сопровождали ее. Она потребовала этого, такъ какъ это облегчало ей разставаніе съ родиной. Адельгейда осталась дома. Никто не рѣшался предложить герцогу отпустить невѣсту хотя бы на короткое время—пока не кончатся свадебныя торжества ея сестры. Какъ и прежде, въ Лаубельфингенѣ то и дѣло, днемъ и ночью, появлялись придворные лакеи съ какими-нибудь порученіями отъ герцога.

Пока поѣздъ не тронулся, Матильда стояла на перронѣ станціи Лаубельфингена. Отсюда открывался дивный видъ на голубое озеро и горы, на замокъ Турмъ и на уединенный островъ, къ берегамъ котораго ея челнокъ беззвучно причалилъ однажды ночью. Она любила кронпринца, бракъ съ нимъ—былъ ея горячимъ желаніемъ, и однако... при разставаніи съ этой тихой долиной, которую романтическій герцогъ въ это, теперь уже прошедшее, время превратилъ въ какую-то сказочную страну, у нея невольно сжалось сердце.

«Когда, какъ и въ какомъ-то настроеніи увижу я васъ опять?—пронеслось у нея въ головѣ.—Залы Турма, павлины, островъ, пароходъ—когда-то я увижу опять все это?»

Наконецъ она оторвалась отъ этой картинны и страстно, порывисто обняла Адельгейду.

— Желаю тебѣ вышшаго счастья на землѣ,—сказала она.—Заставь его понимать себя, слышишь!? Онъ заслуживаетъ, чтобы его поняли. Я почти завидую тебѣ.

— Я желаю тебѣ, Матильда, королевской короны. Будь счастлива.

Едва могли оторваться другъ отъ друга обѣ сестры.

Князя Филиппа не было.

Оберъ-кондукторъ уже два раза спрашивалъ, можно ли ѣхать, чтобы не опоздать прибытіемъ на границу.

Поѣздъ тронулся. Матильда долго смотрѣла изъ окна вагона. Адельгейда махала ей платкомъ. Ей было досадно, что упрямство герцога лишило ее возможности присутствовать на блестящей свадьбѣ сестры.

Свою свадьбу Альфредъ назначилъ въ половинѣ октября, въ тотъ самый день, когда вступили въ бракъ его отецъ и дѣдъ.

Въ Кронбургѣ онъ простился съ Матильдой. Онъ пріѣхалъ на вокзалъ въ сопровожденіи своего адъютанта Ласфельда и поднесъ своей собесѣдницѣ на розовомъ островѣ букетъ голубыхъ незабудокъ.

— Дѣти твоей родины, Матильда,—сказалъ онъ какимъ-то страннымъ, дрожащимъ голосомъ,—говорятъ тебѣ послѣднее прости!

И съ внезапно нахлынувшимъ чувствомъ онъ тихо поцѣловалъ ее въ высокій лобъ. Словно дыханіе вѣтерка скользнулъ этотъ поцѣ-

луй по Матильдѣ, словно лушій свѣтъ, дрожащій на волнахъ Лаубельфингенскаго озера.

— Не забывай, Матильда, о горномъ орлѣ,—тихо прибавилъ онъ.

— А ты не забывай голубки въ равнинѣ,—отвѣчала она.

Матильда вошла въ вагонъ. Альфредъ самъ далъ знакъ къ отправленію поѣзда.

Въ немъ было такое чувство, какъ будто онъ самъ отрѣзалъ острымъ ножомъ кусокъ собственнаго тѣла, какъ будто онъ самъ отдѣлилъ отъ себя нѣчто такое, что какъ бы срослось съ нимъ неразрывными нитями. Долго смотрѣлъ онъ съ огромнаго кронбургскаго вокзала вслѣдъ удаляющемуся поѣзду. Затѣмъ онъ сѣлъ въ сопровожденіи Ласфельда въ придворный вагонъ и вернулся въ Кронбургъ,

Въ этотъ день, когда онъ простился съ Матильдой, никто не могъ его видѣть. Галлереръ, придворные чины, начальникъ кабинета, даже мастеровые, заканчивавшіе отдѣлку апартаментовъ будущей герцогини, даже художникъ, заканчивавшій мраморный бюстъ, всѣ они напрасно ждали его аудіенціи.

Альфредъ сначала заперся въ зимнемъ саду и тихо плакалъ про себя. Самыхъ лучшихъ изъ его пальмъ не было. Со времени празднества въ Турмѣ они все еще стояли въ прачечной замка. Ему стоило большого труда рѣшиться послать ихъ туда. Этимъ онъ какъ бы принесъ жертву Адельгейдѣ. А между тѣмъ его певѣста не сказала ему ни слова благодарности за то, что онъ превратилъ паркъ замка въ тропическій лѣсъ. А вотъ Матильда крѣпко стиснула его руку и громко выражала свой восторгъ.

Ему не хотѣлось оставаться въ разгромленномъ зимнемъ саду, гдѣ зачалась его царственная мечта возлѣ маэстро и Монтебелло, которая такъ быстро и грубо разрушилась. Челнокъ съ лебедемъ стоялъ у его ногъ. Цѣлое лѣто никто не пользовался имъ.

Въ стеклянномъ залѣ царилъ душный спертый воздухъ. Зимній садъ теперь уже не нравился ему. Уже нѣсколько недѣль не закигалось здѣсь солнце. Отъ искусственнаго озера несло плѣсенью, гнилью. Розы и лотосы его мечтательныхъ затѣй завяли; пока онъ былъ въ отсутствіи, его зимній садъ былъ, очевидно, въ полномъ пренебреженіи, и водяныя растенія, которыя онъ такъ любилъ, мимо которыхъ скользилъ въ тихія ночи его челнокъ-лебедь, понемногу начали загнивать.

Гнѣвъ охватилъ его. Онъ хотѣлъ было вызвать придворнаго садовника, указать ему на всѣ упущенія, объявить ему свою немилость и немедленно уволить его. Но потомъ онъ раздумалъ.

Ему стало страшно. Его голубка, Матильда, которая умѣла такъ хорошо понимать его чувства, съ каждымъ часомъ удаляется отъ него все дальше и дальше! Миновали лѣтніе дни, въ послѣдній

изъ нихъ, самый яркій и незабвенный, огненными буквами возстало имя Адельгейды. На равнину его жизни палъ туманъ, закутавшій и великолѣпное Лаубельфингенское озеро и Турмъ съ Островомъ Розъ. Прошло лѣто, ушло, пока слѣдующая весна не ступитъ снова на зеленые холмы и не засыплетъ ихъ цвѣтами...

Весна послѣ долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Кто знаетъ, что къ тому времени будетъ съ нимъ?

Альфредъ подошелъ къ краю своего озера и попробовалъ вытащить изъ него завядшіе листья лотоса и розъ, но напрасно: ихъ было слишкомъ много, ихъ стало слишкомъ много за тѣ мѣсяцы, когда онъ не переступалъ порога своего зимняго дворца. Много цвѣтовъ погибло, много опало съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ гнѣвѣ повернулся спиной къ Кронбургу и напрасно умолялъ маэстро о возвращеніи. Но отмершіе листья нельзя уже было вернуть къ жизни, похороненныя надежды нельзя воскресить, заглушенныя желанія нельзя оживить.

Подъ немногими пальмами, которыя еще оставались здѣсь, онъ перешелъ на другую сторону озера и, какъ бы лаская, положилъ руку на шею лебедя... и быстро отнял ее: это дитя его фантазіи также было чуждо жизни.

Краски, дерево, театръ, словомъ, все, что онъ могъ вызвать къ жизни въ эту минуту съ отчаяніемъ, представилось ему не чѣмъ инымъ, какъ коснымъ отраженіемъ его могучихъ мыслей, его пылкаго фантастическаго творчества.

Лебедь, которому онъ первое время радовался, какъ ребенокъ, теперь былъ холоденъ и мертвъ. Онъ снялъ съ него свою руку, онъ уже не любилъ его. Теперь онъ былъ для него мальчишеской игрушкой, а не художественнымъ произведеніемъ зрѣлаго мужа, которое въ своемъ мертвомъ матеріалѣ скрываетъ жизнь.

А маэстро! Сколько недѣль, сколько мѣсяцевъ онъ не слышалъ о немъ ничего! Можетъ быть, онъ разочаровался въ томъ уединеніи, въ которое онъ поставилъ себя за границей, можетъ быть, онъ пошелъ другихъ, болѣе здоровыхъ людей, на которыхъ онъ оперся, можетъ быть, онъ завосвалъ побѣду для себя и для своего дѣла одинъ, безъ него, чье герцогское слово здѣсь такъ презрѣли?

Болѣе здоровые люди! Почему они пришли ему на умъ? Развѣ онъ самъ не здоровъ? Онъ самъ не зналъ этого. Страшныя боли, которыя онъ иногда чувствовалъ въ затылкѣ,—первые предвѣстники того, что должно было наступить потомъ,—едва ли можно было назвать болѣзнию. Онѣ приходили и прекращались, и онъ забывалъ о нихъ.

Наконецъ онъ оторвался отъ созерцанія своего зимняго сада, который теперь рѣшительно не нравился ему. Ему хотѣлось взять себя въ руки: вѣдь у него были обязанности, герцогскія обязанности относительно этого города, относительно его страны и народа.

Онъ уже подошелъ было къ двери, которая вела въ его кабинетъ, уже хотѣлъ было позвать секретаря и распорядиться начать аудіенцію, какъ вдругъ его съ какой-то волшебной силой потянуло въ мастерскую, гдѣ стоялъ еще не законченный бюстъ принцессы Адельгейды.

Любилъ ли онъ ее? Этого онъ и самъ не зналъ. Что же такъ тянуло его къ этому бюсту, несмотря ни на что, несмотря даже на то, что она явно не могла ни понять его, ни оцѣнить? Ея существо было чуждо ему. Она была день, свѣтлое солнышко! На ея устахъ играла торжествующая улыбка молодости, а въ голубыхъ глазахъ отражалось небо сіяющаго счастья. А онъ былъ ночь, унылая ночь, которая бѣжитъ этого дня, которая не въ состояніи ужиться со свѣтомъ и солнцемъ и ищетъ глубокой тѣни и блѣднаго сіянія луны. Одно исключало другое, одно несло смерть другому. И однако онъ стремился къ ней. Почему, зачѣмъ, какимъ образомъ? Онъ искалъ всѣми фибрами своей воли того, передъ чѣмъ съ тоскою и ужасомъ бѣжало все его существо. Онъ дрожалъ, если она была близко. Подъ ея взоромъ онъ чувствовалъ себя звѣркомъ, котораго бросаютъ на съяденіе въ клѣтку змѣи, кроликомъ, котораго даютъ на растерзаніе орлу.

И все-таки! Подъ ея взоромъ онъ былъ какъ очарованный и чувствовалъ себя охваченнымъ силою ея красоты и побѣдоносной молодости, которая стремилась уничтожить его, такого слабого!

Онъ оставался при своемъ, ибо его поддерживала надежда— обманчивая, золотая надежда на то, что его глаза, которые заволакивала ночь, печаль грядущаго, привыкнуть въ концѣ концовъ къ блеску солнца, что она принесетъ ему съ собой избавленіе отъ страданій теперешнихъ дней и отъ грезъ теперешнихъ ночей, въ которыя являлись къ нему горныя привидѣнія и величавые гордые, одинокіе духи изъ царства, надъ которымъ онъ потерялъ уже власть.

При помощи ея и рядомъ съ ней онъ хотѣлъ бороться, биться, побѣждать! Онъ ждалъ луча ея солнца въ своей бѣдной, сумрачной жизни.

И вотъ онъ опять стоитъ передъ мраморнымъ бюстомъ, обнимаетъ его, чего никогда не посмѣлъ бы сдѣлать съ живымъ его оригиналомъ, ниспосланнымъ ему, и молится на него, молится такъ, какъ когда-то молился передъ своимъ складнемъ.

— Адельгейда, спаси меня!

Но мраморъ не даетъ ему отвѣта, не снисходитъ къ его горячей мольбѣ, а у него не хватаетъ духу съ живой Адельгейдой. Онъ боялся дать ей заглянуть въ глубь того, что дѣлалось у него на душѣ, гдѣ сидѣли, раздирая ее, демоны! Нѣтъ! Нѣтъ!

Она, вѣроятно, отшатнется отъ него въ ужасѣ, отвратитъ свои взоры отъ области ночи навстрѣчу сіяющему дню юности!

Его дрожащія руки охватывали холодный мраморъ—воплощеніе его единственной кратковременной мечты о счастьѣ, молодости, любви!

— Оставайся, оставайся со мною,—шепталь онъ.—Побудь около меня, моя утѣшительница, искра свѣта въ пучинѣ мрака, оставайся! Позволь мнѣ смотрѣть на тебя хоть издали!

И онъ горячо поцѣловаль холодныя уста статуи. Потомъ нѣжно покрывль ее покрываломъ, которое обыкновенно накидываль для защиты своего незаконченнаго творенія художникъ.

Наконецъ онъ пошелъ дальше. Въ кабинетѣ секретарь доложилъ ему, что человекъ двѣнадцать ожидаютъ его распоряженій. Теперь онъ уже окончательно овладѣль собою. Онъ далъ аудіенцію, разрѣшилъ вмѣстѣ съ Галлереромъ и другими высшими чинами текущія государственныя дѣла, сдѣлаль указанія рабочимъ и работаль, пока черезъ высокое окно его кабинета не спустились къ нему сумерки.

Свадебныя торжества должны были продолжаться двѣ недѣли. Потомъ князь Филиппъ возвращался обратно къ себѣ.

Между тѣмъ наступала уже половина октября. Программа его бракосочетанія была уже выработана, апартаменты Адельгейды готовы. Нужно было сдѣлать выборъ между днемъ и ночью.

XXII.

Князь Филиппъ вернулся со свадьбы Матильды. Теперь онъ поселился на зиму съ младшей дочерью Адельгейдой въ старинномъ дворцѣ Филиппсбургѣ, въ которомъ жилъ его отецъ и въ которомъ онъ жилъ самъ до своей размолвки съ его царствовавшимъ братомъ.

Столица готовилась къ еще невиданному празднеству. Почти въ теченіе цѣлаго столѣтія не было случая, чтобы вступаль въ бракъ уже царствующій герцогъ, обладатель короны и носитель короны. Ни одному изъ предковъ Адельфа не приходилось принимать бразды правленія въ столь юномъ возрастѣ. Всѣ они были уже давно женаты, стацовились отцами семействъ прежде, чѣмъ на ихъ плечи падала тяжесть пурпуровой мантии.

Что же удивительнаго, что не только Кропбургъ, но и все герцогство съ огромнымъ интересомъ ждали знаменательнаго дня? По случаю объявленнаго бракосочетанія Альфреда и Адельгейды министръ юстиціи уже заготовилъ указъ объ амнистіи и поднесъ его къ подписи герцога. Двѣнадцать паръ, бѣднѣйшихъ въ герцогствѣ, должны были соединиться въ одинъ день съ герцогомъ, причемъ невѣсты получали роскошное приданое на счетъ личныхъ средствъ герцога. Таково было распоряженіе Альфреда.

Средина октября уже приближалась. Изъ всѣхъ частей герцогства, изъ высокихъ гористыхъ мѣстностей и изъ городовъ плодо-

родной равнины—отовсюду присылались подарки герцогской четѣ, всюду чиновники и горожане спѣшили выразить свои вѣрноподданическія чувства. Государи другихъ европейскихъ странъ присылали пожеланія счастья и дары; послы и представители иностранныхъ дворовъ уже съѣхались въ Кронбургъ. Архіепископъ столицы набрасывалъ свою рѣчь, которую долженъ былъ сказать на бракосочетаніи. По пути слѣдованія брачной процессіи отъ дворца до старинной церкви св. Гавріила сооружались мачты. Онѣ были обвиты гирляндами розъ, а подножіе было закрыто свѣжими вѣтвями горныхъ сосенъ.

Альфредъ былъ ежедневнымъ гостемъ во дворцѣ князя Филиппа. Казалось, онъ совсѣмъ забылъ и темноголубое озеро, и прощаніе съ Матильдой, и Островъ Розъ, и замокъ Турмъ. Никто не могъ и подумать, что дѣлалось въ это время у него на душѣ, даже самъ князь Филиппъ, а еще менѣе Адельгейда, которая вся ушла въ свое счастье и гордые надежды стать черезъ нѣсколько дней рядомъ съ нимъ, въ качествѣ государыни этой страны.

Во дворцѣ все было готово къ назначенному часу, какъ приказалъ герцогъ. Мраморный бюстъ Адельгейды былъ законченъ, гравированная съ него доска отдана для воспроизведенія, бѣлые, какъ снѣгъ, кони параднаго экипажа невесты теперь уже терпѣливо несли свой тяжелый головной уборъ и безукоризненно двигались размѣреннымъ шагомъ.

Церковь св. Гавріила превратилась въ цвѣточный лѣсъ. Букеты цвѣтовъ, специально выгнанныхъ къ этому дню въ герцогскихъ оранжереяхъ, стояли вокругъ алтаря, передъ которымъ должна была стоять на колѣняхъ герцогская чета и получить благословеніе на союзъ, который по ученію ея церкви считается нерасторжимымъ на всю жизнь.

Въ какомъ-то особенномъ настроеніи, словно во снѣ, проходилъ Альфредъ въ эти послѣдніе передъ бракосочетаніемъ дни по аппаратамъ, отведеннымъ во дворцѣ его будущей супругѣ. Они примыкали къ его комнатамъ. Въ задней стѣнѣ своего рабочаго кабинета онъ велѣлъ пробить дверь, которая установила сообщеніе съ такъ называемымъ флигелемъ принцессы, предназначеннымъ теперь будущей герцогинѣ. Не охьяненный счастьемъ, а скорѣе съ безпокойствомъ и тревогою бродилъ онъ среди этой неслышанной роскоши. Каждый предметъ былъ помѣщенъ на свое мѣсто по его указанію, каждый день онъ дѣлалъ все новыя и новыя распоряженія, то, что онъ приказалъ сдѣлать вчера, сегодня уже не нравилось ему. Двѣнадцать комнатъ были отдѣланы его любимыми цвѣтами—бѣлымъ, голубымъ и золотомъ. Только спальня была матоваго темнокраснаго цвѣта. Сосѣдняя туалетная была розоваго цвѣта, такого же, какъ розы съ его любимаго острова.

Рядъ аппаратовъ герцогини начинался съ комнаты лейбъ-

гвардейскаго корпуса. Затѣмъ шла парадная зала, гдѣ дожидались придворные чины и свѣтскія дамы, затѣмъ комната для аудіенцій ея герцогскаго высочества, кабинетъ, гостинная, закусовая и роскошная столовая. Синій и зеленый будуаръ отдѣляли ее отъ туалетной и спальни.

Альфредъ доходилъ обыкновенно до этихъ будуаровъ. Здѣсь онъ остаивался и стоялъ иногда четверть, иногда полчаса; его охватывала робость, и онъ быстрыми шагами спѣшилъ возвратиться въ собственные апартаменты.

Боковая дверь въ зеленомъ будуарѣ вела въ спальню будущей герцогини. Здѣсь стояла парадная кровать, устроенная на французскій манеръ, какъ дѣлали въ XVII столѣтіи, съ темнокраснымъ балдахиномъ изъ тяжелаго шелку, богато вышитая золотомъ, съ кистями и шнурами такого же цвѣта! Кровать была сплошь позолочена. Великолѣпный гобеленъ, рисунокъ котораго былъ взятъ съ одной помпейской стѣнной фрески, тянулся подъ балдахиномъ въ изголовьѣ кровати. Онъ изображалъ раненаго Адониса, падающаго на руки Венеры.

Вотъ этой-то кровати, которая была изготовлена по его чертежамъ и указаніямъ, больше всего боялся Альфредъ.

Уже нѣсколько дней онъ не могъ переступить порога этой комнаты. А вѣдь очень небольшой срокъ отдѣлялъ его отъ того момента, когда герцогскій камердинеръ передастъ подушку его высочества камерфрау, что будетъ знаменовать предстоящій первый визитъ его высочества въ спальню его августѣйшей супруги.

Альфредъ старался заглушить въ себѣ страхъ. Цѣлыми днями онъ работалъ безъ перерыва съ начальникомъ своего кабинета, съ гофмаршаломъ, который долженъ былъ снова повторять и перечитывать ему со всѣми подробностями программу свадебныхъ торжествъ, съ министрами и другими высшими сановниками.

Мелочи сильно занимали его. Однажды онъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ бесѣдовалъ съ начальникомъ кухни по поводу меню ужина, который долженъ былъ быть поданъ свѣтскимъ дамамъ и кавалерамъ наканунѣ для бракосочетанія. Въ другой разъ столько же времени потратилъ онъ на разговоры съ шталмейстеромъ относительно лошадей для его экипажа, въ которомъ онъ, согласно старинному церемоніалу, долженъ былъ сопровождать принцессу-невѣсту до замка Эльфенхейма, откуда она должна была совершить свой официальный вѣздъ въ столицу.

Страшнѣе всего были для него эти длинные вечера начинающейся осени, которые онъ проводилъ съ своей невѣстой въ Филиппсбургѣ. Адельгейда въ концѣ концовъ привыкла къ тому, что отъ него нечего ждать нѣжности, что онъ только любезный и предупредительный женихъ. Она думала, что послѣ свадьбы онъ побѣдитъ свою застѣнчивость, спустится съ своихъ неприступныхъ высотъ.

Она предоставила ему дѣйствовать, какъ онъ знаетъ, и за его вѣжливую дружественность платила ему тѣмъ же. Она давно уже отвыкла задерживать его руку въ своей рукѣ дольше, чѣмъ это позволялось придворнымъ этикетомъ, послѣ того, какъ однажды онъ рѣзкимъ движеніемъ вырвалъ у ней свою руку. Низкіе придворные книксены, которыми она встрѣчала его тусклый поцѣлуй, которымъ онъ цѣловалъ ее въ лобъ, неизбѣжное «ваша свѣтлость», которое онъ постоянно вплеталъ въ разговоръ,—все это было свойственно его герцогскому положенію и дѣлало для него неспособной обязанностью его пребываніе на высотахъ одинокаго трона.

Князю Филиппу все это очень не нравилось. Онъ, вполне насладившійся своей жизнью, смѣялся подъ причудами своего племянника, которому судьба давала въ образѣ поразительно-красивой, веселой восемнадцатилѣтней Адельгейды такую жену, которой позавидовали бы тысячи, чего онъ съ высоты своего герцогскаго величества, казалось, и не замѣчалъ.

Тѣмъ не менѣе князь Филиппъ былъ спокоенъ. Все, казалось, входило въ свою колею. Матильда сдѣлала блестящую партію. Вечера въ княжескомъ дворцѣ почти не отличались отъ вечеровъ въ какомъ-нибудь богатомъ бюргерскомъ домѣ. Обѣдъ здѣсь проходилъ лишь въ присутствіи графини Шанцингъ и адъютанта Ласфельда, котораго Альфредъ обыкновенно бралъ съ собой. Прислуживалъ всего на всего одинъ лакей, затѣмъ князь, испросивъ разрѣшеніе своего племянника, удалялся въ свои апартаменты, предоставивъ надзоръ за помолвленными Шанцингъ, въ томъ убѣжденіи, что сдержанность, которую герцогъ проявлялъ въ его присутствіи, должна была имѣть свои основанія.

Приближался день свадьбы.

Однажды Альфредъ прислалъ въ Филиппсбургъ Ласфельда сказать, что онъ будетъ къ обѣду.

Обѣдъ происходилъ въ столовой. Альфредъ въ этотъ день былъ разговорчивѣе. Онъ казался въ хорошемъ настроеніи и даже пустился шутить съ своей невѣстой, чего онъ обыкновенно избѣгалъ изъ страха нанести какой-нибудь уронъ своему герцогскому достоинству.

Князь Филиппъ, по обыкновенію, хотѣлъ оставить парочку, какъ вдругъ Альфредъ обратился къ нему съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Вы такъ много добра дѣлаете для меня, дядя, что я напрасно нищу, чѣмъ васъ отблагодарить. Я ломаю себѣ голову и не могу ничего придумать. Скажите мнѣ, чѣмъ бы я могъ васъ порадовать?

— Дайте счастье моей дочери, ваше высочество. Вотъ единственное желаніе моего отцовскаго сердца,—быстро отвѣчалъ князь Филиппъ.

Лицо Альфреда омрачилось

— Развѣ вы сомнѣваетесь въ этомъ, дядя? спросилъ онъ почти раздраженнымъ тономъ. — Я надѣялся услышать отъ васъ какую-нибудь просьбу, исполненіемъ которой я могъ бы доставить вамъ удовольствіе.

— Вы въ самомъ дѣлѣ желаете этого?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ помогите торжеству правосудія въ вашей странѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я сейчасъ объясню вамъ. Въ царствованіе моего покойнаго брата, а вашего высочества—отца, по постоянію вашей матери, иной разъ дѣлалось не то, что надо...

— И вотъ?

Эти слова звучали въ устахъ Альфреда, какъ крикъ ярости и гнѣва.

— Вы изволили приказать мнѣ обратиться къ вамъ съ какой-нибудь просьбой, исполненіе которой можетъ доставить мнѣ радость, и я долженъ повиноваться этому приказанію. Неужели вы думаете, что вы можете исполнить мое сердечное желаніе, подаривъ мнѣ какую-нибудь лошадь или лебедя?

Адельгейда, Шанцигъ и Ласфельдъ бросали тревожные взгляды, видя, какъ лицо герцога густо покраснѣло.

Но онъ быстро овладѣлъ собою.

— Вы смѣтаете надо мной, дядя, — съ трудомъ промолвилъ онъ.

— Я совершенно далекъ отъ мысли смѣяться надъ вашимъ высочествомъ: вѣдь въ ваши руки я отдаю будущее и судьбу моей дочери. Я испыталъ уже, что значила немилость вашего покойнаго отца, и долженъ былъ проводить горестные годы вдали отъ Кронбурга, въ изгнаніи изъ родной страны. Я хотѣлъ только предостеречь молодость вашего высочества и рѣшился сказать вамъ то, чего не посмѣлъ бы вамъ сказать ни одинъ смертный. Вѣдь черезъ нѣсколько дней съ вашей судьбой будетъ связана судьба моей дочери и моя собственная.

И свѣтло-голубые глаза Альфреда бросили на дочь долгій нѣжный взглядъ, отъ которыхъ она давно уже отвыкла.

— Что же вы хотите сказать мнѣ? — спросилъ Альфредъ, на этотъ разъ повелительнымъ тономъ.

— То, на что не рѣшится ни одинъ смертный, ни одинъ изъ министровъ и подданныхъ вашего высочества. Никто вѣдь изъ смертныхъ не поднимался такъ высоко, чтобы нельзя было пасть еще ниже. Запомните мои слова, герцогъ, которыя рѣшаюсь сказать я, отецъ вашей невѣсты, за нѣсколько дней до свадьбы. Такимъ языкомъ еще никто не говорилъ съ вашимъ высочествомъ.

«Это о маэстро, о маэстро, — звучало внутри Альфреда. — Когда-то онъ сказалъ, что не смертному построить замокъ святого Грааля».

— Довольно, дядя, довольно!—съ величайшимъ спокойствіемъ сказалъ Альфредъ, охваченный воспоминаніями.—Вы неправильно думаете обо мнѣ. Я могу и хочу услышать ваше слово, вашъ совѣтъ, ваше мнѣніе.

— Я начну со времени отставки министерства вашего покойнаго отца.

— Плуты,—загремѣлъ опять Альфредъ.—Что имъ нужно? Они...

— Они не виноваты. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ заранѣе предвидѣлъ то, что дѣйствительно и случилось. Представители города не дали своего согласія на осуществленіе вашего плана. Ты уберегъ бы себя отъ многихъ непріятныхъ часовъ, если бъ уступилъ этому опытному человѣку, который знаетъ народъ! А ты! Повернулся спиной къ Кронбургу и нѣсколько мѣсяцевъ жилъ, какъ въ заточеніи, въ Турмѣ и на Островѣ Розъ. Для того, чтобы народъ любилъ своего государя, онъ долженъ его видѣть. Носитель короны не долженъ быть игрушкой своего настроенія или какимъ-то заоблачнымъ богомъ. У него есть свои обязанности, гораздо больше обязанностей, чѣмъ у частнаго человѣка, даже самаго маленькаго, живущаго на свою ренту. Вотъ что долженъ ты запомнить.

— Дальше. А что же насчетъ справедливости, которая улетучилась изъ моей страны?

— На ея мѣсто водворился произволъ. Нельзя выслать изъ герцогства людей только потому, что они стали намъ лично непріятны.

— Ты хочешь сказать, что этого не можетъ сдѣлать даже герцогъ.

— Даже и герцогъ. На немъ это сильнѣе отзывается. Сильно отозвалось и на вашемъ покойномъ отцѣ, отзовется и на васъ. Вспомните о докторѣ Штейнѣ, противъ котораго подняли дѣло объ оскорбленіи вашего высочества, вспомните о графинѣ Монтебелло.

Альфредъ поблѣднѣлъ.

— Вы ужъ черезчуръ смѣлы, дядя, черезчуръ...

— Вы сами приказали мнѣ. Отмѣните приказъ объ изгнаніи Монтебелло. Вѣдь это была вопіющая къ небу несправедливость.

— А вы, должно быть, заинтересованы въ этомъ, —промолвилъ Альфредъ.

— Да, заинтересованъ, какъ патріотъ, которому не правится, что его отечество спустилось до уровня страны, гдѣ царитъ произволъ, именно спускается, падаетъ, ваше высочество, ибо столпами государствъ, въ томъ числѣ и этого герцогства, являются справедливость и свобода, и тотъ, кто ихъ расшатываетъ, наноситъ государству непоправимый вредъ. Подумайте, ваше высочество, вы еще молоды, вы еще имѣете возможность все исправить, если послушаетесь моего голоса. И первымъ доказательствомъ того, что вы хотите это сдѣлать, что вы дѣйствительно хотите исполнить просьбу

того, отъ кого, по вашимъ словамъ, вы получаете столько счастья, будетъ возвращеніе графини Монтебелло.

— Вы въ заговорѣ съ моими врагами, дядя, вы не знаете, чего вы просите, что вы дѣлаете. За вашей просьбой скрывается сама Монтебелло... Вы знакомы съ ней?... Вы видались съ нею за послѣднее время?

— Да, она была у меня въ столицѣ вашего свояка, она бросилась мнѣ въ ноги и умоляла о разрѣшеніи вернуться на родину. Вы сами въ этомъ виноваты, герцогъ. Вы приказали мнѣ сказать вамъ просьбу, исполненіе которой меня дѣйствительно можетъ порадовать. Прошу разрѣшить Монтебелло вернуться обратно. Этотъ знакъ справедливости будетъ обозначать начало новой эры вашего царствованія, которое теперь, послѣ обрученія съ Адельгейдой, вступаетъ въ новую стадію. Дни капризныхъ настроеній прошли, приблизились дни справедливости и свободы!

Альфредъ мрачно глядѣлъ передъ собой.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ онъ наконецъ: — это ваша просьба, а я далъ вамъ мое герцогское слово, что исполню ее. Пусть Монтебелло возвратится изъ-за границы. Хорошо ли вы поступили, дядя, этого я не знаю. Но я сдержу свое слово. Сегодня же ночью начальникъ полиціи въ Кронбургѣ получить соответствующее распоряженіе. Мы поговоримъ съ вами завтра, завтра! Я прошу подойти сюда ея свѣтлость и Ласфельда.

Принцесса, графиня Шанцингъ и адъютантъ, отошедшіе во время разговора дядя съ племянникомъ, поспѣшили исполнить распоряженіе герцога.

— Ваша свѣтлость, — ледянымъ тономъ сказалъ Альфредъ, обращаясь къ Адельгейдѣ: — позвольте пожелать вамъ спокойной ночи.

Онъ поцѣловалъ ей руку, а она застыла передъ нимъ въ глубокомъ реверансѣ.

— Идемъ, Ласфельдъ.

— Ваше высочество... — заговорилъ князь Филиппъ.

— Ваше желаніе будетъ исполнено, князь, не сомнѣвайтесь. Съ этими словами Альфредъ вышелъ.

Передъ дворцомъ князя Филиппа его ждалъ дворцовый экипажъ. Графиня Шанцингъ и Адельгейда стояли, качая головой, у окна, и слышали, какъ онъ уѣхалъ.

Вошелъ князь Филиппъ.

— Что у тебя было съ нимъ? — спросила озабоченная Адельгейда.

— Я и самъ ничего не понимаю, — отвѣчалъ тотъ.

Онъ чувствовалъ, что онъ опять попалъ въ немилость у Альфреда. Послѣ событій послѣдней недѣли, послѣ того, какъ ему удалось заглянуть въ душу племянника, этотъ разъ и то, что неизбѣжно должно было послѣдовать за нимъ, было освобожденіемъ для него и для Адельгейды.

XXIII.

На слѣдующій день рано утромъ адъютантъ герцога фонъ-Ласфельдъ уже стоялъ передъ княземъ Филиппомъ. Ему было приказано лично передать князю собственноручное письмо герцога и немедленно привезти его отвѣтъ.

Князь Филиппъ раскрылъ запечатанное герцогской печатью письмо и прочелъ:

«Ваша свѣтлость любезный дядя!

«Торжества, назначенныя по случаю моего бракосочетанія съ дочерью вашей свѣтлости принцессой Адельгейдой, сегодня ночью мною отмѣнены черезъ моего гофмаршала. Прошу разрѣшенія вашей свѣтлости отложить эти торжества на два года и ожидаю отъ васъ соотвѣтствующихъ распоряженій.

«Приказъ о разрѣшеніи Монтебелло вернуться сегодня ночью посланъ мною въ главное полицейское управленіе Кронбурга.

«Пребываю къ вамъ благосклонный. Альфредъ».

Когда князь прочелъ это письмо, нѣсколько минутъ прошло въ полномъ молчаніи.

Наконецъ фонъ-Ласфельдъ сказалъ:

— Его высочество приказалъ немедленно привезти вашъ отвѣтъ.

— Вы сейчасъ получите, — отвѣчалъ князь. — Могу я попросить васъ подождать нѣсколько минутъ въ сосѣдней комнатѣ?

Онъ самъ открылъ дверь, ведущую въ пріемную, и просилъ адъютанта обождать его здѣсь.

Затѣмъ онъ вошелъ въ свой кабинетъ и позвонилъ камердинера.

— Попроситѣ сюда ея свѣтлость принцессу Адельгейду вмѣстѣ съ графиней Шанцингъ.

Камердинеръ исчезъ. Князь Филиппъ принялся ходить большими шагами изъ одного угла комнаты въ другой. Кулаки его были сжаты. Этого онъ не спустить. Этотъ племянникъ-герцогъ въ своемъ безудержномъ капризѣ издѣвается не только надъ министерствомъ и цѣлой страной, но и надъ нимъ и его семействомъ. Слава Богу, что устроилось хоть съ Матильдой. Онъ только этого и дожидался, чтобы дѣйствовать безъ помѣхи. Онъ никогда не относился серьезно къ этому обрученію съ его дочерью. Слава Богу, что вчерашняя выходка и его нарочно придуманная просьба о возвращеніи Монтебелло своевременно выяснили положеніе.

Однако, что скажетъ Адельгейда, которая блаженствовала при мысли сдѣлаться скоро герцогиней этой страны? Герцогиней этой страны и вмѣстѣ съ тѣмъ супругой этого невмѣняемаго сумасброда, у котораго, повидимому, нѣтъ ничего общаго съ остальными смертными, населяющими эту землю.

О, Бауманнъ-фонъ-Брандтъ былъ слишкомъ правъ! Онъ, бывавшій ежедневнымъ гостемъ въ Лаубельфингенѣ, пока не вернулась туда герцогская благосклонность, всегда предсказывалъ ему это. Онъ всегда поддерживалъ взглядъ, что Альфредъ при своемъ болѣзненномъ настроеніи когда-нибудь кончитъ очень худо. Теперь это какъ будто начинаетъ сбываться. Какой позоръ, какой скандалъ передъ всей страной, передъ всей Европой! За нѣсколько дней до бракосочетанія герцогъ вдругъ откладываетъ его на два года! Что это значить? Конечно, это начало неизбежнаго разрыва. Это была дѣлая система. Постепенно отшатываться, прикрываться всякими предлогами, а затѣмъ неизмѣнно свергать своихъ любимцевъ, которые уже не должны когда-либо попадать ему на глаза.

Такъ онъ поступилъ съ Бауманномъ-фонъ-Брандтомъ, съ Монтебелло, съ своимъ духовникомъ, съ начальникомъ театровъ Глаубахомъ! Такъ же онъ поступить, очевидно, и съ нимъ и съ его дочерью. Пройдутъ два года, никто и не услышитъ потомъ о свадьбѣ его съ его дочерью.

Нѣтъ, онъ долженъ предупредить его. Онъ долженъ будетъ узнать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, кого онъ хотѣлъ одурочить такъ же, какъ дурачилъ другихъ.

Вошла Адельгейда въ сопровожденіи графини Шанцингъ.

Судя по вчерашнимъ событіямъ, она не ждала ничего хорошаго. Она не спала всю ночь, и теперь имѣла усталый и болѣзненный видъ.

— Грезы кончились, дорогая моя, — началъ князь. — Прочти это письмо.

Адельгейда вздрогнула.

Шанцингъ должна была поддержать ее.

— Позвольте мнѣ сѣсть, папа.

И она опустилась на диванъ.

Буквы письма герцога прыгали у ней передъ глазами. Наконецъ она поняла.

— На что же вы рѣшились?

— Вернуть отъ моего имени твое слово.

Адельгейда испуганно взглянула на него.

— И...

— Неужели ты думаешь, что въ моихъ жилахъ не течетъ гордая кровь нашего общаго царственнаго родоначальника? Что это такое — отерочка на два года? Это начало разрыва, который онъ, по своему обыкновенію, облакаетъ въ болѣе мягкія формы.

— Неужели это такъ?

— Конечно.

— А страна, народъ, столица, общественное мнѣніе — весь міръ будетъ винить меня одну. Это невозможно, въ послѣдній часъ!

— Выбрось изъ головы и его и его причуды, — горько возразилъ

князь. — У него все возможно, онъ ставитъ себя выше всѣхъ и всего — выше обязанностей, любви, дружбы, уваженія, чести, наконецъ, герцогской присяги. Онъ идетъ черезъ всѣхъ смертныхъ. Никто не въ состояннн удержать его, ни дядя, ни невѣста. Даже и ты не можешь этого, Адельгейда.

Дѣвушка громко зарыдала.

— Матильда, Матильда, что ты мнѣ говорила!

Князь не обратилъ на это вниманія.

— Господинъ фонъ-Ласфельдъ ждетъ вашего отвѣта. Надѣюсь, что моя дочь будетъ горда и дастъ его высочеству единственный возможный отвѣтъ на его письмо. Надѣюсь, что моя дочь можетъ въ этомъ случаѣ уполномочить меня дѣйствовать. Герцогъ желаетъ имѣть немедленный отвѣтъ.

Адельгейда овладѣла собою.

Выпрямившись во весь ростъ, она стала около отца.

Гордость ея проснулась.

Въ теченіе этой недѣли она надѣялась терпѣливо перенести отъ него все—его капризы, его неприступность, постоянное безпокойство, когда его лакеи, не обращая на нее вниманія, стучали у дверей Лаубельфингена и Филиппсбурга въ любой часъ дня и ночи.

Отецъ правъ. Только рѣзкій разрывъ, послѣ котораго уже ничего нельзя будетъ поправить, могъ сказать міру то, что она хотѣла, только онъ одинъ могъ еще ее спасти! И на этотъ-то путь и падо было теперь ступить.

Князь Филиппъ замѣтилъ перемѣну въ настроеніи дочери, которую произвела возмущившаяся въ ней гордость, и поспѣшилъ ей на помощь.

— Повѣрь мнѣ, даже съ самымъ прѣстымъ дворяниномъ ты будешь счастливѣе, чѣмъ на тронѣ съ герцогомъ, который не признаетъ другого солнца, кромѣ солнца своей милости. Прими быстрое рѣшеніе, оно принесетъ тебѣ спасеніе. Нѣкоторое время рана будетъ болѣть, потомъ она закроется и зарубцуется. А затѣмъ время покажетъ, что этотъ разрывъ былъ на твое счастье.

Ни слова не сказала Адельгейда.

Нѣсколько недѣль минувшаго лѣта, недѣль ея юной любви, которыя теперь навсегда миновали, быстро мелькнули передъ ея духовнымъ взоромъ. Ея романтическое стремленіе къ «Лебедю», который кружится около Лаубельфингена, посѣщеніе Острова Розъ, помолвка, его удивительный подарокъ, праздникъ на озерѣ въ Турмѣ, съ горящими на воздухѣ инициалами ея имени, его поведеніе въ Кронбургѣ, наконецъ, таинственность, съ которой онъ дѣлалъ приготовленія къ свадьбѣ, устранивая ея апартаменты, и которой онъ окружилъ изготвленіе бюста. Неужели Матильда была права, и въ концѣ концовъ она, дѣйствительно, стала жерт-

вой? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ не такой же мужчина, какъ все остальные, онъ, который, по словамъ сестры, считаетъ себя Богомъ, онъ, на котораго можно только взирать, но не вождѣлѣть. Неужели она поплатилась теперь за то, что имѣла вождѣлѣніе къ нему.

Ее опять охватилъ страхъ, который она въ послѣднее время все болѣе и болѣе испытывала передъ нимъ. Да, отецъ былъ правъ, тысячу разъ правъ.

— Я жду твоего отвѣта, Адельгейда. Его высочество требуетъ немедленнаго отвѣта на свое письмо, и баронъ Ласфельдъ ждетъ его.

Адельгейда сняла съ пальца украшенное брилльянтами кольцо съ герцогской короной и съ буквой А, сдѣланной изъ жемчуга, и, не говоря ни слова, положила его на письменный столъ отца.

— Еще одну минуту, — прошептала она.

Она была блѣдна, какъ смерть. Но въ ея прекрасныхъ голубыхъ глазахъ не было слезъ. По ея плотно сжатымъ губамъ пробѣжала судорога.

— Подожди еще минуту, отецъ, а потомъ конецъ всему. Все падетъ на меня, я знаю это. Тотъ, кто стоялъ на солнцѣ ослѣпительнаго дня, какъ я, тотъ не долженъ удивляться, что міръ будетъ еще смотрѣть на него недѣли двѣ. И міръ отомститъ мнѣ. Онъ смѣшается съ грязью мое имя и мою честь, да, да. А я не въ состояніи даже буду защищаться. Но его ярость будетъ безконечна. Да, отецъ, ты правъ. Лучше поступить такъ. Терпѣть больше нѣтъ силъ.

Она направилась къ двери.

— Куда ты идешь?

— Я уже сказала, подожди одну минуту.

Князь сталъ терпѣливо ждать.

Черезъ нѣсколько минутъ Адельгейда вернулась съ небольшимъ футляромъ въ рукахъ. Въ немъ лежалъ «Лебедь». Адельгейда еще разъ посмотрѣла на эту изумительную ювелирную работу, потомъ положила его въ футляръ и также оставила его на столѣ.

— Это гордость моего дѣвичьяго сердца, великая надежда въ жизни, вотъ, что я отдаю теперь обратно въ его руки. То былъ единственный день въ Лаубельфингенѣ, который никогда уже не повторится въ моей бѣдной жизни. Солнце свѣтило въ мою честь, въ честь меня высоко развѣвался штандартъ на его дворцѣ. То былъ сонъ, который еще не снился ни одной дочери какого-нибудь князя. Въ мечтахъ всехъ женщинъ этой страны онъ былъ чѣмъ-то большимъ, чѣмъ все другіе смертныя. По своей красотѣ и возвышенности онъ стоялъ высоко надъ всеми, не даромъ же Матильда называла его богомъ. Обливаясь кровью, я спускаюсь сегодня съ высоты, высь которой, можетъ быть, знаю одна я. Но я не жалуюсь.

— Неужели ты такъ высоко цѣнишь его, такъ высоко ставишь его надъ другими? — спросилъ князь Филиппъ, чрезвычайно удивленный.

— Да, отецъ. И я поняла его, хотя я другого закала, чѣмъ онъ, хотя я и не обладаю способностью Матильды, смотрѣть на него, какъ на бога. Я надѣялась, что имъ можно будетъ руководить. Но теперь ужь поздно объ этомъ говорить. То, что вы въ гнѣвѣ назвали герцогскими капризами,—это не то, это нѣчто другое. Подумайте сами! Восемнадцатилѣтнимъ сказочнымъ принцемъ онъ спустился съ чистыхъ высотъ Гогенарбурга, гдѣ его держала въ одиночествѣ суровая воля его отца, въ эту столицу. Царство красоты сіяло во всемъ томъ, что за короткій срокъ—нѣсколько недѣль нашего счастья—онъ успѣлъ сказать мнѣ и, быть можетъ, только одной мнѣ. Его душа—это царство красоты, которая никогда не можетъ понять нашего міра съ его грубой чувственностью и расчетливымъ разумомъ.

Адельгейда вдругъ ослабла и склонилась на руки графини Шллицингъ.

Раздался тихій стукъ въ дверь.

— Извините, ваша свѣтлость. Но я рискую навлечь гнѣвъ герцога. «Немедленный отвѣтъ»—таковъ былъ его категорическій приказъ.

Князь Филиппъ сѣлъ за письменный столъ, и, по желанію Адельгейды, написалъ герцогу слѣдующее рѣшительное письмо.

«Ваше высочество, любезный племянникъ! Ея свѣтлость принцесса Адельгейда и я полагаемъ, что хорошо поняли желаніе вашего высочества. Какъ глаза моего княжескаго рода и какъ отецъ невѣсты, я всеподданнѣйше позволяю вернуть вашему высочеству слово, которое вамъ дала ея свѣтлость.

«Пребывая всегда готовымъ исполнить приказанія вашего высочества, остаюсь вашего высочества любящій дядя

«Филиппъ».

Князь запечаталъ это письмо княжеской печатью и передалъ его фонъ-Лисфельду, который долженъ былъ доставить его въ собственныя руки герцога.

XXIV.

Словно майскій морозъ, который губитъ всѣ цвѣты и надежды, прошелъ по всему герцогству. Флаги на мачтахъ по *via triumphalis* были сняты, триумфальныя арки разобраны. Гирлянды съ Острова Розъ и темная зелень горныхъ сосенъ исчезли.

Кронбургъ, наполнившійся было, въ ожиданіи радостнаго событія, гостями, опустѣлъ и затихъ.

Въ официальной газетѣ герцогства на видномъ мѣстѣ появилось лаконическое извѣстіе:

«Бракосочетаніе его высочества царствующаго герцога Альфреда

съ ея свѣтлостію принцессой Адельгейдой по взаимному соглашенію отмѣняется».

Указъ объ амнистіи тѣмъ не менѣе остался въ силѣ, двѣнадцать паръ, которымъ Альфредъ обѣщаль выдать приданое въ день своего бракосочетанія, получили богатые дары изъ личныхъ средствъ герцога.

Удушливый туманъ, разсѣявшійся было прошлымъ лѣтомъ на двѣ недѣли, опять спустился на герцога, городъ и страну. Какъ и предсказала Адельгейда, по городу носились самыя невѣроятныя слухи по поводу разрыва высоконазначенной пары и передавались изъ устъ въ уста.

Герцогскій штандартъ еще разсѣвался на флагштокъ дворца. Альфредъ еще оставался въ Кронбургѣ, но его не было уже видно. Апартаменты, назначавшіеся для Адельгейды, онъ велѣлъ запереть, ключъ, который онъ раньше носилъ съ собой, теперь былъ переданъ гофмаршалу.

Тяжелый отпечатокъ тайной скорби лежалъ на дворѣ и столицѣ. Чувствовалось, что ближайшіе дни принесутъ новый сюрпризъ.

Альфредъ сидѣлъ передъ позолоченнымъ письменнымъ столомъ своего кабинета. Въ его большихъ черныхъ глазахъ горѣлъ какой-то непривѣтливый огонекъ. Каждое движеніе, каждый звукъ, доносившійся до него снаружи, заставляли его вздрагивать. Онъ положилъ на руку свою голову съ темной шевелюрой. Страшныя боли, которыхъ онъ такъ боялся и которыя не посѣщали его уже нѣсколько недѣль, сегодня опять сверлили ему затылокъ.

Въ кабинетъ робко вошелъ камердинеръ.

— Художникъ, котораго ваше высочество изволили требовать.

Альфредъ очнулся какъ будто отъ тяжкаго сна.

— Пусть войдетъ,—сказалъ онъ отрывисто.

Вошелъ пожилой человекъ съ длинными бѣлыми волосами, съ нѣсколько распушенной бородой, и низко поклонился.

— Ваше высочество изволили меня требовать?

— Подойдите сюда поближе.

Альфредъ кивнулъ лакею въ знакъ того, что онъ можетъ удалиться.

— Вы принесли съ собою доску?—спросилъ Альфредъ.

— Она здѣсь, ваше высочество.

Дрожащими руками старикъ неуклюже вытащилъ изъ бархатнаго мѣшка мѣдную доску и положилъ ее передъ его высочествомъ на большой столъ, стоявшій возлѣ его письменнаго стола.

Альфредъ всталъ.

Онъ устало подошелъ къ столу и сталъ разсматривать произведеніе художника, перенесшаго на мѣдную доску красивыя благородныя черты принцессы Адельгейды.

— Еще не дѣлали съ нея оттисковъ?—продолжалъ разспрашивать Альфредъ.

— По приказанію вашего высочества изготовленіе оттисковъ было отложено на послѣднюю минуту.

— Отлично.

Послѣдовала продолжительная пауза.

— Если уничтожить эту доску, то уже никогда нельзя будетъ получить оттискъ съ этого изображенія. Поклянитесь, что вы не изготовили копій съ этого изображенія. Даете ли вы честное слово, что въ вашемъ распоряженіи нѣтъ какой-нибудь копій съ этого изображенія?

— Въ этомъ я могу дать клятву вашему высочеству.

— Отлично. Завѣдующій моей конторой далъ вамъ достаточное вознагражденіе за вашу работу?

— Королевское вознагражденіе, ваше высочество,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Вы довольны?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ отлично.

Граверъ удалился.

Когда онъ вышелъ, Альфредъ заперъ дверь и сталъ глазами знатока разсматривать блестящую доску.

Портретъ Адельгейды, когда-то вызывавшій его восторгъ, смотрѣлъ на него съ гравированной мѣди. Его живая фантазія перенесла эти черты съ клише на оттискъ, на которомъ только и можно было видѣть, какъ слѣдуетъ, сочетаніе свѣта и тѣни въ ихъ гармоническомъ взаимодействіи...

Долго стоялъ Альфредъ передъ этимъ портретомъ. Потомъ онъ медленно подошелъ къ своему письменному столу, открылъ въ немъ маленькій шкапчикъ и взялъ оттуда пузырекъ съ какой-то мутной жидкостью.

Капля за каплей падала ѣдкая кислота на мѣдную пластинку до тѣхъ поръ, пока не исчезли нѣжныя линіи, пока ѣдкій растворъ, при помощи котораго художникъ создалъ свое твореніе, теперь, наоборотъ, не окончилъ своей разрушительной работы.

Только тогда, когда уже нельзя было различить ни одной линіи, когда все было гладко и блестяще, Альфредъ поставилъ пузырекъ обратно.

— Вытравлено, стерто,—тихо сказалъ онъ про себя и черезъ внутренній покой направился ко входу въ зимній садъ. Онъ не удостоилъ его даже взгляда. Въ его рукахъ былъ ключъ. Онъ отворилъ имъ маленькую дверь, которая вела въ мастерскую скульптора. Здѣсь стоялъ дивный бюстъ каррарскаго мрамора, на который онъ не позволялъ взглянуть ни одному человѣку! Онъ оставался въ томъ видѣ, какъ его оставилъ художникъ послѣ окончательнаго

удара рѣзцомъ. Мѣсто, которое онъ предназначилъ ему на каминѣ своего кабинета, было ничѣмъ не занято. Какъ часто смотрѣли бы тамъ на него министры, придворные, лакеи. Альфредъ ревниво сжался при мысли, что это великолѣпное изображеніе истинно-герцогской невѣсты,—его единственное достояніе.

На бюстъ было брошено сукно. Альфредъ спялъ его дрожащими руками и впился глазами въ милое лицо и въ великолѣпную грудь, которая столько недѣль была причиной его мученій и терзаній! Теперь все кончено! Все прошло и не вернется болѣе! Оборвана послѣдняя ниточка надежды, которая еще привязывала его къ людямъ, къ ихъ радостямъ и взглядамъ на жизнь!

Горько раземѣялся онъ про себя.

Онъ воображалъ, что онъ способенъ побѣдить, онъ, слабое существо, въ глубинѣ котораго гнѣзятся страшные демоны, болѣе сильные, чѣмъ вся его воля и энергія, чѣмъ вся его любовь къ солнцу и свѣту...

А она!.. Она только мучила его! Что только онъ пережилъ въ этой борьбѣ послѣднихъ недѣль, которой нѣтъ названія, думая, что онъ обладаетъ силой сочетать блескъ солнца съ сумерками своей души, связать веселый смѣхъ дня съ жалобами вечера.

Она виновата во всѣхъ его страданіяхъ, во всѣхъ его мукахъ. Онъ ненавидѣлъ ее. Его лицо исказилось. Его благородныя черты вдругъ приняли некрасивое выраженіе, и изъ глубины этихъ удивительныхъ глазъ дьявольски сверкнуло что-то похожее на жестокость Нерона.

О, онъ могъ отомстить за себя! Безпаказанно его нельзя мучить, нельзя смѣяться надъ нимъ, нельзя попирать ногой его желанія. Ему нельзя присылать обратно его герцогское слово!

Его руки ошупывали мраморъ. Онъ былъ удивительно хорошъ, это было произведеніе искусства и вдохновенія, какое рѣдко удавалось художнику.

«Но и прекрасное, все то, что восхищаетъ боговъ и людей, должно умереть, — глухо сказалъ про себя герцогъ.— Красота, надежды, любовь, Адельгейда и ея изображеніе—все, все!»

Онъ хотѣлъ поднять бюстъ, но онъ былъ тяжелъ. Герцогъ былъ молодъ и силенъ. Въ своей физической мощи онъ будетъ господиномъ мертваго изображенія, хотя въ своей душевной слабости онъ никогда уже не сдѣлается господиномъ живого его оригинала!

Ему стало жарко и душно. Онъ распахнулъ окно, выходившее во дворъ его дворца. Тамъ у подъѣзда гофмаршалскаго флигеля вездѣ и впередъ ходилъ часовой его гвардейскаго полка. Что скажетъ солдатъ? Слово огненный потокъ, пробѣжить это по всей столицѣ и по всей странѣ! Но его дьявольская жажда все уничтожить въ этотъ моментъ была въ немъ сильнѣе всякихъ соображеній. Онъ поднималъ бюстъ съ подставки и еще разъ посмотрѣлъ на него. Она

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТЪ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Богословіе.

ВАРЛААМЪ, архим. Вѣра и причины нечѣрія. Полтава. 1912. Ц. 50 коп.	ТРОИЦКІЙ, С. Борьба противъ вѣры во французской школь. Спб. 1912. Цѣна 30 коп.
— О христіанскомъ воспитаніи дѣтей. Полтава. 1911. Ц. 20 коп.	— Діакониссы въ православной церкви. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
— Теософія предъ судомъ христіанства. Цѣна 25 коп.	

Философія, психологія, логика.

СМАЙЛЬСЪ, С. Умъ и энергія (жизнь и трудъ), характеристики изъ жизни великихъ людей. Перев. съ англ., подъ ред.	Д. Корощевского. Изд. 3-е. Спб. Цѣна 1 рубль.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БОКАДОРОВЪ, И. Исторія западно-европейской литературы эпохи возрожденія. 14 и 15 вв. Кіевъ. 1912. Ц. 2 руб.	МАРТИНИ, Э. Исторія римской литературы. Ч. I-я. Литература республики. Спб. Ц. 2 р. 50 коп.
ЗАМОТИНЪ, И. Изъ исторіи русской журналистики сороковыхъ годовъ. «Маякъ» и его общественная и литературная программа. Варшава. 1912. Ц. 30 коп.	ПЕРЕТЦЪ, В. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Кіевъ. 1912. Ц. 3 р. 70 коп.
ЛОВОДА, А. Лекція по исторіи новой русской литературы. Ч. 1-я. 18-й вѣкъ. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.	ФАГО, Э. Какъ читать. М. 1912. Ц. 50 коп.

«ИСТОР. ВѢСТН.», СЕНТЯБРЬ 1912 г., т. СХХІХ.

1/226

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

ВОЛКОВЪ, А. Рассказы и бытовые картинки изъ военной и народной жизни. Кострома. 1912. Ц. 1 р. 20 коп.

ЗУДЕРМАНЪ, Г. Дѣти моря. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 35 к.

КАЗОТЪ, Ж. Влюбленный дьяволъ. Новелла. Ц. 30 коп.

КР. ЖАНОВСКАЯ, В. И. (Рочестеръ). Паутина. Романъ въ 4 ч. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

КРЫМОВЪ, Вл. О рулеткѣ, Монте-Карло, Южной Америки, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Спб. 1912. Ц. 1 руб. 25 коп.

ЛАНГЕ, С. Древо познанія. Новелла. Цѣна 30 коп.

ЛЕЙКИНЪ, Н. Сватовство профессора. Романъ. Ефимъ и Катерина. Повѣсть. Изд. 5-е. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ЛЕНСКИЙ, Вл. Цѣна крови. Романъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

ЛЕОНТЬЕВЪ, К. Собраніе сочиненій. Т. 2-й и 3-й. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Повѣсти и рассказы. М. 1912. Цѣна по 1 р. 75 коп.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Сочиненія съ объяснительными статьями Конст. Бархина. Вып. 1-й. Съ подробными историко-литерат. комментаріями. Одесса. 1912. Цѣна 80 коп.

ЛОНДОНЪ, Д. Собраніе сочиненій.

Т. 9. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. Спб. 1912. Цѣна 1 руб.

— Тоже. Т. 10-й. Мартинъ Идонъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 коп.

МИХАЭЛИСЪ, С. 1812 вѣчный сонъ. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. Исторія брошеннаго мальчика. М. 1912. Цѣна 1 руб.

ПУРИШКЕВИЧЪ, В. Въ дни бранныхъ бурь и непогоды. Сборникъ стихотвореній. Томъ 1-й. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

СМОЛЪЯНИНОВЪ, И. Сабелі. Книжка стиховъ. Ц. 75 коп.

ТЭФФИ, И. Стало такъ... Юмористическіе рассказы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 коп.

УАЙЛЬДЪ, О. Сфинксъ. Поэма. Цѣна 30 коп.

ОРЖЕШКО, Э. Генуба. Повѣсть. Цѣна 40 коп.

ФАРРЕРЪ, К. Домъ людей живыхъ. Романъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ФЛЕЙШМАНЪ, Г. Любимый похождения Наполеона. Ц. 40 коп.

ФИЛИППЪ, Ш. На двѣ Парижа. Бюбю съ Монпарнаса. Шарль Бланшаръ. Спб. 1912. Цѣна 1 руб.

ХАУТОРНЪ, Н. Багровый знакъ. Романъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЧУЛКОВЪ, Г. Сочиненія. Т. 5-й. Спб. 1912. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Исторія, біографія и археологія.

БОРОДКИНЪ, М. Графъ Д. А. Милотинъ, въ отзывѣхъ его современниковъ. Спб. 1912. Ц. 25 коп.

БРЕЧКЕВИЧЪ, М. Рѣчь, произнесенная 2 мая 1912 г. въ публичномъ засѣданіи историко-филологич. факульт. Имп. Юрьевского Универс. предъ защитою магистерской диссертации: «Введеніе въ социальную исторію княжества Славія или Западнаго Поморья». Юрьевъ. 1911. Цѣна 15 коп.

ВОЕНСКИЙ, К. Годъ славы народной. Цѣна 20 коп.

ДОБРЫНИНЪ, К. Памятный годъ 1812. Съ рис. и портр. М. 1912. Ц. 2 руб.

ЕРМОЛОВЪ, А. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861. Біографическій очеркъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.

ЗАПИСКИ, оставшіяся по смерти княгини Натальи Борисовны Долгоруковой. Спб. 1912. Ц. 50 коп.

КАРБЕВЪ, Н. Собраніе сочиненій Т. 2-й. Философія исторіи въ русской литературѣ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

КЛЕЙНЪ, В. Памятники древне-русского искусства въ дворцовомъ селѣ Тайнинскомъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ война и ея причины

и слѣдствія. Иллюстрированный сборникъ. М. 1912. Ц. 1 р.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НЕКРОПОЛЬ, т. 2-й (Д—Л). Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 коп.

РОДНЫХЪ, А. Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ 12 году при помощи воздухоплавания. Ц. 70 к.

— Исторія воздухоплавания и летанія въ Россіи. Книга 2-я. Ц. 70 к.

СОКОЛОВЪ, Н. Великая эпопея. Къ столѣтію Отечественной войны 1812 года. Спб. 1912. Ц. 30 коп.

СТАШЕВСКИЙ, Е. Служилое сословіе. Кіевъ. 1912. Ц. 30 коп.

STEAD, W. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Томъ 1-й. Спб. 1912. Цѣна 1 р. 25 коп.

ШПАКОВЪ, А. Государство и церковь, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Геодора Ивановича. Учрежденіе патриаршества въ Россіи. Одесса. 1912. Ц. 3 руб.

— Ч. 2-я. Приложеніе. Одесса. 1912. Цѣна 2 рубля.

ЯХОНТОВЪ и Е. ТОЛЫЧЕВА. Народная война. За вѣру, царя и отечество, рассказъ старушки и старика о войнѣ 1812 г. Спб. 1912. Ц. 20 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

БАЛКАНОВЪ, Н., ВОЙТЪ, С. Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Книга 2-я. Томы I—III. Ч. 1-я. Подъ ред. И. Д. Мордухай-Болтовскаго. Цѣна въ пер. 6 руб. 50 коп.

БРЮНЕЛЛИ, П. «Крестынский адвокатъ». Настольная справочная книга для присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощни-

ковъ и лицъ, ведущихъ крестьянскія дѣла: судебныя, административныя, земельныя и проч. Спб. 1912. Цѣна 2 руб. 85 коп.

ВАСИЛЬЕВЪ, Н. Наши социалисты. Спб. 1912. Ц. 10 коп.

— Правда о кадетяхъ. Спб. 1912. Цѣна 10 коп.

В—ОНЪ, Л. Всероссийскій кооперативный съездъ въ С.-Петербургѣ. Кіевъ 1912. Цѣна 35 коп.

ВОШИНИНЪ, В. Переселенскій вопросъ въ Государственной Думѣ III созыва. Итоги и перспективы. Сиб. 1912. Цѣна 2 рубля.

ГРЕКОВЪ, А. Приазовье и Донъ. Очерки общественной и экономической жизни края. Сиб. 1912. Ц. 1 руб.

ДЕНИСОВЪ, В. О желательномъ направлении финансовой и экономической политики въ Россіи. Сиб. 1912. Цѣна 60 коп.

ДЪБИО объ изслѣдованіи причинъ смерти Павла Куроша. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

ДЪБТИ-ПРЕСТУПНИКИ. Сборникъ статей подъ ред. М. Гернега, съ 15 фотогр. М. 1912. Ц. 4 р.

ЗАЙЦЕВЪ, К. Очерки исторіи самоуправления государственныхъ крестьянъ. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

КАЗАКОВЪ, М. Адвокатъ. Искъ и защита. Пособіе для веденія гражданск дѣлъ и уголовныхъ защитъ и для подготовки къ экзамену на званіе частнаго повѣреннаго. М. 1912. Ц. 2 р.

КАНТОРОВИЧЪ, Я. Конвенція между Россією и Францією для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Сиб. 1912. Цѣна 50 коп.

КАУФМАНЪ, А. Теорія и методы статистики. М. 1912. Ц. 3 руб.

КОЛЫЧЕВЪ, А. Положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ 13 янв. 1912 года. Ц. въ пер. 1 руб. 50 коп.

— Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Сиб. 1912. Цѣна 5 рублей.

КУЗМИНСКІЙ, П. Всероссийская трагедія. Открытое письмо членамъ четвертой Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Сиб. 1912. Ц. 75 коп.

КУЗНЕЦОВЪ, Н. Забытая сторона дѣла епископа Гермогена и вопроса о патриаршествѣ. Сиб. 1912. Ц. 35 коп.

КУКАНОВЪ, А. и ЛУКИНЪ, Б. Руководство по гербовому уставу съ приложеніемъ алфавитнаго перечня бумагъ, актовъ, документовъ, подлежащихъ гербовому сбору. М. 1912. Цѣна 1 руб. 50 к.

КУЛОМЗИНЪ, А. Опытный подсчетъ современнаго состоянія нашего народнаго образованія. Сиб. 1912. Ц. 30 к.

ЛЯЩЕНКО, П. Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. 1-й. Разложеніе натурального строя и условия образованія сельскохоз. рынка. Ц. 3 руб.

МУРАТОВЪ, Г. Законы объ открытіи аптекъ. Законъ 12 февраля 1912 г. Правила объ открытіи. Учрежденіе сельскихъ аптекъ. Открытіе гомеопатическихъ аптекъ, и пр. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

НЮРЕНБЕРГЪ, А. Уставы объ акцизныхъ сборахъ. М. 1912. Цѣна въ перепл. 7 руб.

ПЕТРОВСКІЙ, С. О повинности въ сѣтяхъ, о присягѣ и обязанности податей по учению Иисуса Христа и Св. Апостоловъ. Одесса. 1912. Ц. 20 коп.

ПЕТРОВЪ, А. Финансово-экономическое положеніе современной Японіи. Статистическій очеркъ. Сиб. 1912. Цѣна 1 р. 50 коп.

ПОЛЕЖАЕВЪ, П. За шесть лѣтъ. 1906—1912 гг. Ц. 25 к.

РОСТЪ кооперативныхъ учреждений въ Россіи. Сиб. 1912. Ц. 15 коп.

САМОУБИЙСТВА среди учащихся. Одесса. 1912. Ц. 50 коп.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ Россійской Имперіи. Т. 6. Уставъ таможенный. Цѣна 50 коп.

— Томъ 7-й. Св. учреждений и уставовъ горныхъ. Ц. 50 коп.

СИНАЙСКІЙ, В. Русское гражданское право. Пособіе къ изученію т. 10, ч. 1, сенатской практики. Кіевъ. 1912. Цѣна 3 рубля.

СМИРНОВЪ, А. Подоходный налогъ во Франціи. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

СОКОЛОВЪ, Л. Сборникъ законовъ о трактирномъ промыслѣ и правила о торговлѣ крепкими напитками. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

СПУТНИКЪ избирателя. Нашъ избирательный законъ. Ц. 15 коп.

СЫРОМЯТНИКОВЪ, С. и ЮРЬЕВСКІЙ, В. Землеустроительный смотръ. Сиб. 1912. Ц. 30 к.

ХОДОРОВСКІЙ, К. О нормальныхъ размѣрахъ оборотныхъ капиталовъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Сиб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ЦІХАЧЕВЪ, Д. Къ образованію Холмской губерніи. Сиб. 1912. Ц. 1 р.

Искусство.

БЕНУА, А. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. 1-я. Вып. 2-й. Пейзажная живопись. Подписная цѣна за 30 вып. 54 рубля.

ВОЛЬФИНГЪ, Модернизмъ и музыка. Статьи критическія и полемическія. М. 1912. Ц. 2 руб.

Естествознаніе и математика.

БРЕМЪ. Жизнь животныхъ. Т. 7. Птицы. Ч. 2-я. Ц. 6 руб.

ГЮРТЛЕРЪ, В. Электрорпроводность сплавовъ. Сиб. 1912. Ц. 75 коп.

НОВЫЯ ИДЕИ въ физикѣ, сборникъ № 5. Природа свѣта. Сиб. 1912. Ц. 80 к.

ЧЕЛИНЦЕВЪ, В. Основныя химическія понятія, законы и теоріи, въ популярномъ изложеніи. М. 1912. Цѣна 35 к.

ХВОЛЬСОНТЪ, О. Курсъ физики. Т. 3-й. Ученіе о теплотѣ. Сиб. 1912. Цѣна 5 руб.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

АНДРЕЕВЪ, Н. Иллюстрированный путеводитель по Кавказу. Ц. 1 р.

ДЕМЬЯНОВА, Г. Путеводитель по Волгѣ и Камѣ. Съ прил. карты Волги. Н.-Новгородъ. 1912. Ц. 1 р.

ЛАШКОВЪ, Н. Бессарабія. Къ столѣтію присоединенія къ Россіи. Географ. и историко-статистич. обзоръ края. Кишиневъ. 1912. Цѣна 1 р. 50 к.

МИГАЙ, М. По роднымъ краямъ. Въ Ледовитомъ океанѣ. По Полъсью. По Уралу. Съ рис. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ОРЛОВЪ, А. Климатъ Алтая. Спб. 1912. Цѣна 30 коп.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Туркестану и желѣзнымъ дорогамъ Средне-Азиатской и Ташкентской. Подъ ред. А. Дмитриева-Маманова. Спб. 1912. Ц. 2 р.

САПОЖНИКОВЪ, В. Пути по русскому Алтаю. Томскъ. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

Языковѣдніе.

БОДУЭНЪ-ДЕ-КУРТЕНЭ, И. Обь отношеніи русскаго письма къ русскому языку. Спб. 1912. Цѣна 70 коп.

КУДРЯВСКИЙ, Д. Введеніе въ языкознаніе. Юрьевъ. 1912. Ц. 1 руб.

Сельское хозяйство и домоводство.

РОГОВЪ, Д. Землемѣріе въ сельскомъ хозяйствѣ. М. 1912. Ц. 25 коп.

СТЕПАНОВСКИЙ, И. Маслодѣліе—богатство сѣвера. Исторія молочнаго хозяйства и данныя для развитія его въ сѣверной части Россіи, преим. въ Вологодской губ. Вологда. 1912. Цѣна 1 р. 80 коп.

УШИНСКАЯ, Н. Способы убоя скота. Убойные аппараты. Ц. 20 коп.

ШАВРОВЪ, Н. Пчеловодство въ Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области. Съ прил. карты и 24 рис. Цѣна 80 коп.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ГОППЪ, П. Аптекарскіе магазины, ихъ права и обязанности, съ добавл. разъясс. Прав. Сената и Цирк. Мед. Сов. Цѣна 75 коп.

ЛЯЩЕНКО, П. Хлѣбная торговля на внутреннихъ рынкахъ Европейской Россіи. Описательно-статистическое изслѣдованіе. Спб. 1912. Ц. 4 руб.

ОПАЦКИЙ, А. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губерніи и положеніе рабочихъ. Х. 1912. Ц. 2 руб.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и торговля въ законодательныхъ учрежденіяхъ 1907—1912 гг. Спб. Ц. 3 руб.

СБОРНИКЪ свѣдѣній о дѣствующихъ въ Россіи торговыхъ домахъ (товарище-

ствахъ полныхъ и на вѣрѣ). Спб. 1912. Цѣна 3 руб.

СБОРНИКЪ указатель для коммерческихъ предпріятій. Коммерческ. вычисленія, бухгалтерія, корреспонденц., вексельный уставъ, промысл. налогъ, гербовый сборъ и проч. Спб. 1912. Ц. 60 коп.

СЕЛИХОВЪ, М. Русское мукомолье въ борьбѣ съ германскою конкуренціею на международномъ рынкѣ. Ц. 1 руб.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА по торгово-промышленной части для Императорскихъ Россійскихъ консуловъ. Спб. 1912. Цѣна 3 рубля.

УШАКОВЪ, М. Нефтяная промышленность въ Россіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АБРАМСОНЪ, Я. Сообщение о насосѣ Humphrey. Докладъ, читанный въ обществѣ для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности. М. 1912. Цѣна 40 коп.

ВРУБЛЕВСКИЙ, С. Купальныя и ванныя зданія. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

КОЗЬМИНЪ, П. Мукомольное производство. Кіевъ. 1912. Ц. 8 руб.

КОЛПАКОВЪ, П. Типовые планы начальныхъ школъ. Вып. 1-й. Деревянныя одноэтажныя зданія. Спб. 1912. Цѣна 1 рубл.

КУЗНЕЦОВЪ, М. Производство кокса, его свойства и изслѣдованіе. Утилизациа побочныхъ продуктовъ коксоваго производства. Х. 1912. Ц. 2 р.

ОРТИНЪ, М. Плавка золота и серебро-содержащихъ мѣдныхъ рудъ на Благородныхъ рудникахъ. Спб. 1912. Цѣна 1 руб.

ПАВЛОВИЧЪ, М. Ретушированіе фотографическихъ негативовъ и позитивовъ. Спб. 1912. Цѣна 50 коп.

ПАВЛОВЪ, М. Металлургія чугуна. Спб. Ц. въ перепл. 2 руб. 60 коп.

ПЕРЕЛЬМАНЪ, И. Современныя условія развитія центральныхъ электрическихъ станцій. М. 1912. Ц. 50 коп.

ПРОКОФЬЕВЪ, С. Теорія расчета сплошныхъ упругихъ арокъ и примѣненія ея къ расчету арокъ параболическихъ. Кіевъ. 1912. Ц. 2 руб.

РАТНОВСКИЙ, Л. Подъемные краны, лебедки, шпильи, домкраты и т. п. Т. 1. В. 3-й. Блоки и барабаны. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

РОДЗЕВИЧЪ-ВЪЛЕВИЧЪ, А. Детали прокатныхъ устройствъ, съ атласомъ изъ 19 таблицъ. Цѣна съ атласъ 5 руб.

СМИРНОВЪ, М. Справочная книжка по строительной части на 1912 г. Цѣна въ перепл. 1 р. 50 коп.

СОКОЛЬСКИЙ, В. Проектированіе зданій, преимущественно небольшихъ воинскихъ. Спб. 1912. Ц. 3 руб.

ЮРГЕВИЧЪ, Л. Перемычки съ песчанною загрузкою и подводныя взрывныя работы. Съ 28 черт. и 17 листами фотогр. снимковъ. Кіевъ. 1912. Цѣна съ атл. 10 руб.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- АБРАМОВЪ, С. Краткій учебникъ глазныхъ болѣзней. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- BIKKAUSER, Практическія свѣдѣнія по глазнымъ болѣзнямъ для врачей не-спеціалистовъ. М. 1912. Ц. 1 р. 20 к.
- БРОНШТГЕЙНЪ, О. Заразные болѣзни и борьба съ ними. М. 1912. Ц. 50 к.
- ГРАВИЦЪ, проф. Искусство быть здоровымъ. Ч. 1-я. Что слѣдуетъ ѣсть и почему? Спб. 1912. Ц. 50 к.
- DUBOIS, DR. Психоневрозы и ихъ психическое леченіе. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- МАКСИМОВЪ, Е. Краткое руководство по хирургической патологіи. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.
- МАРИ, Н. Руководство къ осмотру мяса для врачей и студентовъ. Съ 262 рис. Спб. 1912. Ц. 4 р. 50 к.
- ОБРАЗЦОВЪ, В. Къ физическому изслѣдованію желудочно-кишечнаго канала и сердца. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.
- ФОРЕЛЬ, А. Гипнотизмъ и леченіе внушеніемъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

- НЕЗНАМОВЪ, А. Современная война. Дѣйствія полевой арміи. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.
- СТИЛЛЕ, А. Карлъ XII, какъ стратегъ и тактикъ въ 1707—1709 гг. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АЛЛЕНДОРФЪ, И. Ключъ ко второй части учебника нѣмецкаго языка. Одесса. 1912. Ц. 30 к.
- БАГРАМОВЪ, А. и ХАРМАЦЪ, И. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ алгебраическихъ задачъ. Двѣ части сборника Н. Шапошникова и Н. Вальцова. Вып. 3-й. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 80 к.
- Вып. 1-й. Отд. 7, 8, 9. Ц. 1 р. 20 к.
- БАЗАНОВЪ, П. Къ экзамену арѣлости. Задачи съ рѣшеніями по алгебрѣ и тригонометрии, предлагавшіяся при Спб. учебномъ округѣ и гимназіяхъ. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- Логариомическія и показательныя уравненія и способы ихъ рѣшенія. Ц. 30 к.
- БАСТЕНА, I. Ключъ къ французской хрестоматіи. Ц. 60 к.
- БИММАНЪ, А. Какъ получить образованіе, не имѣя вблизи учителя? Спб. Ц. 20 к.
- ВЕРГИЛІЙ ЭНЕИДА. Пѣсьи 1-я и 2-я. Латинскій текстъ, размѣч. по цезурамъ и удареніямъ, дословн. и литер. переводы, съ словар., коммент., подробн. синтаксич. разборомъ и пр., по изданію С. Манштейна. Сост. М. Гринфельдъ. Ц. по 50 к.
- Тонк. Пѣсьи 6-я. Ц. 15 к.
- ВЛАДИМИРСКІЙ, Н. Логика. Курсъ гимназическій. Казань, 1912. Ц. 1 р.
- ГАЙ САЛЛЮСТІЙ КРИСПЪ. Югуртинская война. Дословный и литер. переводы, съ словар. по изд. Манштейна. Сост. Гринфельдъ. Ц. 60 к.
- ГАУФФЪ, В. Лихтенштейнъ. Дословный переводъ. Одесса. 1912. Ц. 50 к.
- ГЛАЗЕНАПЪ, С. Прямолинейная тригонометрія. Часть 2-я. Гоніометрія. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ГЛЕЗЕРЪ, П. Ключъ къ нѣмецкой хрестоматіи. Одесса. 1912. Ц. 60 к.
- ГОРОДЦЕВЪ, П. Начальные уроки по Закону Божію. Ц. 30 к.
- Начальное наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Спб. 1912. Ц. 15 к.
- ДИВНОГОРСКІЙ, А. Методы обученія чтенію. Кіевъ, 1911. Ц. 50 к.
- ЗАНДБЕРГЪ, Д. Историческая беллетристика въ школѣ. Ч. 1-я. Всеобщая исторія. М. 1912. Ц. 50 к.
- ЗАЧИНЯЕВЪ, А. Златоцвѣтъ. Психологическая система обученія. Часть 3-я. Книга 1-я. Спб. 1912. Ц. 95 к.
- КЕМНИЦЪ, С. Математика въ дѣтскомъ саду. Бесѣды и занятія съ дѣтьми дошкольнаго возраста. Съ прилож. 43 таблицъ. Ц. 75 к.
- КЛЮЧЪ къ приготовит. куроу нагляднаго обученія Октава Класса. Одесса. 1912. Ц. 25 к.
- КОВАЛЕНСКІЙ, М. Учебникъ русской исторіи для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Ч. 1-я. Курсъ пятаго класса. М. 1912. Ц. 60 к.
- КОВАНЬКО, П. Курсъ торговыхъ знаній для торговыхъ школъ. Учебникъ коммерціи. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.
- КОРЗУНОВЪ, П. Родная нива. Букварь для обученія чтенію и письму. М. 1912. Ц. 20 к.
- КУЗЬМЕНКО, Д. Сборникъ поставленныхъ и распоряженій по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ за 1870—1912 годы. М. 1912. Ц. въ пер. 6 р.
- КЮРЗЕНЪ, М. Систематическій курсъ ари метики для средн. учебн. завед. мужск. и женскихъ. Изд. 3-е. Ц. 80 к.
- МАЙДАНОВЪ, Д. Повторительный курсъ русской исторіи, по учебнику К. Иванова. Ц. 30 к.
- МЕТЕЛЬСКІЙ, В. Отечественная исторія. Элементарный курсъ для I и II кл. мужск. гимн. и реальн. учил. Одесса. 1912. Ц. 80 к.
- Русская исторія. Элемент. курсъ для 3-го класса женскихъ гимназій и прогимн. Ц. 80 к.

- МИРТОВЪ, А. Какъ научить и научиться грамотно писать? Общедоступная методика орфографии. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- НЕЧАЕВЪ, А., ЗАЛЕНСКІЙ, В. Краткій курсъ естественной исторіи для городскихъ училищъ. 1 и 2 годъ обученія. Минералогія, Ботаника, Зоологія. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 20 к. Часть 3-я. Геологія, анатомія и физиологія растений. Ц. 60 к.
- НОВОРУССКІЙ, М. Устройство и оборудование школы. Спб. 1912. Ц. 35 к.
- НОВОСЕЛЬСКІЙ, С. Азбука для обученія письму и чтенію. Спб. 1911. Ц. 2 к.
- НОВЫЯ ИДЕИ въ педагогикѣ, сборникъ № 1. Самоуправленіе въ школахъ. Спб. 1912. Ц. 80 к.
- ПАВЛОВЪ, В. И. А. Гончаровъ. Вып. 1-й. Разборъ прозвъ, характеръ дѣйствъ. Содержаніе и подробн. планъ. Одесса. 1912. Ц. 25 к. Вып. 2-й. Ц. 25 к.
- А. Д. Кантемиръ. Ц. 25 к. А. Н. Островскій. Ц. 25 к.
- Писатели эпохи Елизаветы I и Екатерины II. Ц. 25 к.
- Подробное изложеніе произведеній Н. В. Гоголя. Ц. 25 к.
- Подробное изложеніе произведеній А. С. Пушкина. Ц. 25 к.
- Подробное изложеніе произведеній И. С. Тургенева. Ц. 25 к.
- Подробное изложеніе произведеній Л. Н. Толстого. 3 вып. Ц. по 35 к.
- ПОКРОВСКІЙ, В. С. *Julii Caesaris commentariorum de bello Gallico, liber III.* Латинскій текстъ съ введеніемъ и словаремъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- ПОСТОВСКІЙ, Н., БЕРГМАНЪ, Е. Вспомогательныя школы за границей. Развитие, современное положеніе и организація ихъ. М. 1912. Ц. 1 р. 40 к.
- РУДИНЪ, В. О томъ, какъ сохранить здоровье. Книжка для чтенія въ школахъ и деревняхъ. Спб. 1912. Ц. 25 к.
- САВВИНЪ, Н. Систематическій орфографическій задачникъ. Руководство къ изученію русскаго правописанія. М. 1912. Ц. 35 к.
- СВОРНИКЪ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариметикѣ въ сельской школѣ. Вып. 1-й. М. 1912. Ц. 15 к.
- ТЕРЬ-СТЕПАНОВЪ, И. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе, для среднихъ учебныхъ зав. Ч. 1-я. Планиметрия. Спб. 1912. Ц. 80 к.
- Часть II. Стереометрія. Ц. 70 к.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ, курсъ 3-го класса средн. уч. зав. Ц. 40 к.
- ТУМИНЪ, Г. Обученіе грамотѣ. Въ 20 таблицахъ. М. 1912. Ц. 30 к.
- ШАРКОВЪ, В. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Одесса. 1912. Ц. 75 к.
- ЮНИЦКІЙ, П. Справочникъ по организаціи низшаго промышленнаго образованія въ Россіи. М. 1912. Ц. 75 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- БУШЪ, В. Походженія шаловливой обезьянки и другія смѣшныя приключенія. Переводъ въ стихахъ Н. Ратомскаго, съ 220 рисунками. Спб. 1912. Ц. въ папкѣ 60 к.
- ЗАРИНЪ, А. Незабвенный годъ. Двѣнадцать разсказовъ о нашествѣ Наполеона на Россію въ 1812 году. Съ 130 портретами и рисунками. Спб. Изданіе В. И. Губинскаго. 1912. Ц. 75 к.
- МИЦЪ, Л. Школьничъ. Перев. съ англ. Е. М. Чистяковой-Варъ, съ рисунками англійскаго художника. Спб. Изд. В. И. Губинскаго. 1912. Ц. въ папкѣ 1 р. 20 к.
- ОССОЛАНЪ, А. Необыкновенныя приключенія китайскаго вельможи. Жизнь нравы и обычаи китайцевъ, написанныя магомъ Альюфрибасомъ. Съ 100 рис. художн. Ванъ-Даржана. Спб. 1912. Ц. въ папкѣ 1 р.
- РКЛИЦКІЙ, С. Отечественная война въ звукахъ родной лиры. Избранныя стихотворенія для средней школы и городскихъ училищъ. М. 1912. Ц. 20 к.
- СТАЛЬ, П. Приключеніе ослика и двухъ маленькихъ дѣвочекъ. Съ 83 рисунками Т. Шухъ, Спб. 1912. Ц. въ папкѣ 1 р.
- ЧАРСКАЯ, ЛИДІЯ. Особенная. Повѣсть для молодыхъ дѣвушекъ. Съ рисунками художника М. А. Андреева. Спб. 1912. Изданіе В. И. Губинскаго. Ц. въ папкѣ 1 р. 35 к.
- ЧЕГЛОКЪ, А. Мои приключенія въ Сахарѣ и Сѣверной Африкѣ. Вып. 2-й. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 90 к.

Спортъ охота и игры.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ о тетеревиномъ токѣ. К. С. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Справочныя книги.

- ГОВАРДЪ, д-ръ и КЕННАРДЪ, П. Международнй посредникъ и справочникъ по Россіи на 1912 годъ. М. Ц. 3 р.
- ДОРОШЕНКО, Г. Таблицы вычисленія интересовъ (процентовъ). Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.
- КАЗАНСКІЙ, С. Справочная книга и руководство для волостныхъ правленій, старшинъ, сельскихъ старостъ и писарей. Т. 1—2. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- КАРЛСБАДЪ. Очерки и справочный указатель. Спб. 1912. Ц. 20 к.
- ПЛАНЫ (КАРТЫ) окрестностей Петербурга: Сестрорѣцкѣ, Разливъ, Доны, Тарховка съ окрестностями, Стрѣльня, Сергѣевская пустыня, Ораниенбаумъ, Мартышкино, Сиверская, Гатчино, Мариенбургъ, Удѣльная, Коломяги, Озерки, Шувалово, Парголово, Павловскъ, Белоостровъ, Олдила, Куокала, Терюки, Келломяки, Царь-

ское Село, Петергофъ, Лигово и Дачное съ окрестностями. Новый и Старый Петергофъ съ окрестностями. Условные знаки. Ц. по 10 к.

ПОДРОБНЫЙ сборникъ свѣдѣній объ учебныхъ заведеніяхъ и курсахъ, подготовляющихъ къ практич. дѣятельности. Сиб. 1911. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ правилъ со всѣми разъясненіями и дополн. объ опредѣленіи на службу на желѣзныхъ дорогахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ арміи, флота и пограничной

стражи. Права и преимущества. Спб. 1912 Ц. 30 к.

СТОЯНЪ, П. Карманый русско-эсперанто словарикъ. Сиб. 1912. Ц. 15 к.

ФЕДОТОВЪ, И. Краткій толкователь общепотребительныхъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Ц. 15 к.

ЯКОВЛЕВЪ, М. Справочная книга для аульныхъ старшинъ, волостныхъ управителей и пародныхъ судей шородческаго управл. обл. Акмолинск. и др. Ц. 1 р.

Разныя книги.

САМОУЧИТЕЛЬ гипнотизма. Какъ стать гипнотизеромъ. Сост. по Флауэру и Тарханову. Спб. 1912. Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе **Н. Б. ШИЛЬДЕРА**

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе **А. С. Суворина**).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за **четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей**. Въ переплетѣ **36 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ.

1) ПАВЛОВСКЪ.

Художественно-историческій очеркъ и путеводитель въ связи съ исторіей русскаго искусства конца XVIII в. Состав. В. Я. Курбатовъ (второе изданіе, значительно исправленное и дополненное); 150 иллюстрацій съ видами Дворца, Парка, Павильоновъ, а также оригинальныхъ чертежей великихъ зодчихъ, создавшихъ Павловскъ. Приложенія: планъ Павловска и пр.

Цѣна въ тисн. зол. переплетѣ 2 руб.

Въ роскошномъ кожан. перепл. на особой бумагѣ изданы 50 номеров. экз. по 10 руб.

Осталось ограниченное число экземпляровъ перваго изданія. Цѣна 85 коп.

2) ЭРМИТАЖЪ.

Путеводитель по картинной галлерей въ связи съ исторіей Европейской живописи съ XV по XVIII в. Трудъ Александра Н. Бенуа. Около 150 воспроизведеній картинъ Эрмитажа; болѣе 600 стр. текста.

Цѣна въ худож. тиснен. золотомъ перепл. 2 руб.

3) ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА:

съ видами Павловска, Дворца и Парка (перечень откр. пис. Общины Св. Евгеніи, посвященныхъ Павловску, можно получить бесплатно въ Павловскомъ кіоскѣ Краснаго Креста). Выпуски, посвященные Отечественной войнѣ 1812 г.: снимки съ гравюръ участника войны Фаберже-дю-Фора; снимки съ гравюръ Кардели; портреты участниковъ войны; воспроизведенія старинныхъ раскрашенныхъ гравюръ: портретъ Александра I. Только что вышла сюита въ краскахъ: Русская Армія въ 1812 г. (формы арміи, по рисункамъ художн. Н. В. Зарѣцкаго. Карты и планы Петербурга, Павловска, Петергофа и Царскаго Села; детали улицъ Петербурга съ рисунками архитектурныхъ памятниковъ.

Вскорѣ выйдетъ: Русскій бытъ въ эпоху Отечеств. войны съ гравюръ выставки «Кружка любителей изящн. русскихъ изданій».

4) 1812 ГОДЪ

ВЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Рисунки Егора Нарбута; вступительн. статья и примѣчанія Н. О. Лернера. Изящное изданіе, цѣна 2 руб.

5) ПОЧТОВАЯ БУМАГА.

1) Виды Петербурга въ деревянныхъ гравюрахъ (ксилография) А. П. Остроумовой-Лебедевой.

2) Рисунки Л. С. Бакста, Александра Н. Бенуа, М. В. Добужинскаго, К. Л. Сомова и С. П. Яремича.

Склады изданій: Главный и для иногородныхъ:—Спб., Старорусская, 3; городской—Морская, 38; въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Тверскаго подворья,

Имѣются иллюстрированные каталоги.

Только что вышло прибавленіе къ каталогу.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-й.

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій**

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ и т. д.— Придворный и парламентскій бытъ.— Дипломатическій миръ.— Европейскіе университеты.— Женское движеніе.— Литература, искусство, ученые, артисты.— Уголки русской жизни за границей.— Путешествія, романы, повѣсти.— Миръ изящнаго.— Красота на сценѣ и въ жизни.— Портреты артистокъ и красавицъ, рисунки, сцены.— Веселые наброски, юмористика.— Театры и моды.— Особый отдѣлъ: изъ міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія.— Миръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Галерея Картинъ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца—составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читаленъ.

2 преміи ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ **2 преміи**
въ 1912 году.

„ПРОБЛЕМЫ ЛЮБВИ“.

(Художественные рассказы и интимныя признанія свѣтской женщины).

«ЕВРОПЕЙСКІЕ КУРОРТЫ»

I. Карлебадъ. Художественное описаніе И. Н. Потапенко съ изящными иллюстраціями и подробнымъ справочнымъ отдѣломъ для русской публики.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., на полгода 2 руб. За границу 6 руб. въ годъ (съ преміей).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры 6 руб. въ годъ (съ преміей).

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-Петербургъ, Невскій просп., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ поступила въ продажу новая книга

И. Богдановъ.

**КРАТКІЙ КУРСЪ
ВЪ ВОПРОСАХЪ
И ОТВѢТАХЪ**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

исправленное
и
дополненное

Допущенъ Ученными Комитетами:
Министерства Народнаго Просвѣщенія и
Министерства Торговли и промышленности «въ
качествѣ учебнаго пособия въ промышленныхъ
и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ
въ курсъ коихъ входитъ изученіе печатнаго
дѣла».

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Типографія «Товарищества А. С. Суворина.—Новое Время». Сиб., Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

